

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ТОМЪ СХVІІІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХVІІІ.

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1909

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ОКТАБРЬ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАБРЬ, 1909 г.

СТРАН.

I. Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). Часть четвертая. LXXII—LXXVI. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	5
II. Изъ воспоминаній измайловца. Е. В. Сухонина	22
III. Лоцманъ. (Разсказъ «второго помощника»). Н. Д. Федорова	46
IV. Записки графа Моріюля. (Окончаніе).	60
V. Записки москвича. (Картинки, встрѣчи, впечатлѣнія). И. Н. М. Ежова	80
VI. Страшная ночь. (Разсказъ стараго артиллериста). Вл. Прогульбицкаго	94
VII. А. В. Кольцовъ и его поэзія. (Къ столѣтію со дня рожденія). Н. А. Державина	113
иллюстрація: Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.	
VIII. Государь императоръ Александръ III и М. Г. Черняевъ . А. М. Черняевой	152
IX. Русскіе скопцы въ Румыніи. В. Мошкова	158
X. Журнальное страстотерпство. (Изъ воспоминаній о провинціальной цензурѣ). А. Е. Евгеньева	177
XI. Исторія насажденія трезвости. М. В. Шевлякова	189
XII. Могила Гапона. П. П. Ювачева	206
иллюстрація: Панихида на могилѣ Георгія Гапона.	
XIII. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). VI. Въ народъ! (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	211
иллюстраціи: 1) Николай Константиновичъ Михайловскій.—2) Николай Васильевичъ Чайковскій.—3) Князь Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ.	
XIV. По Зондскимъ островамъ. I—III. А. В. Рагозина	244
иллюстраціи: 1) Суэцкій каналъ.—2) Улица въ старой Ватавін.—3) Аллея пальмъ въ ботаническомъ саду.—4) Группа панданусовъ.—5) Вѣрная пальма.—6) Водяныя растенія въ ботаническомъ саду.—7) Видъ на озеро въ ботаническомъ саду.—8) Яванецъ и яванка.—9) Сунданезецъ.—10) Статуя Будды въ Центральной Явѣ.—11) Воробудуръ.—12) Хижина туземца.—13) Лѣсная дорога на вулканъ Папандаянъ.—14) Видъ на кратеръ Папандаян издали.	

(См. слѣд. стран.).

XV. Критика и библиографія. 295

- 1) Korbs. Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moscovitisch-russischen, österreichisch-kaiserslichen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen. Von Friedrich Dukmeyer. Erster Band. Berlin. 1909. Verlag von Emil Ebering (Historische Studien, Heft LXX). А. Малеина.—2) Известія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1908 г. Тома XIII-го книжка 4-я. Спб. 1909. В. Руданова.—3) В. Н. Перетцъ. Новые труды о «жидовствующих» XV вѣка и ихъ литературѣ. Критико-библиографическій очеркъ. Съ приложеніемъ «Плача Іереміи» въ переводѣ съ еврейскаго языка по обло-русской рукописи конца XV в. Кіевъ. 1908. И. А.—4) А. А. Кизветтеръ. Городовое положеніе Екатерины II 1785 г. Опытъ историческаго комментарія. Москва. 1909 г. П. В. В.—5) Г. Т. Сѣверцевъ-Полидовъ. Подъ угълною властью. Итгорическая повѣсть для юношества. Изд. магазина «Новаго Времена». (Суворина). г.—6) Olga Kramareva. Alexandre Serguéévitch Gribiéduv. Sa vie—ses oeuvres.—Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de l'Université de Paris. Paris. Bonvalot-Jouve. 1909. S. C.—7) А. Вышняковъ. Императоръ Юліанъ Отступникъ и литературная полемика съ нимъ св. Кирилла, архіепископа александрійскаго. Сибирскъ. 1908. М. С.—8) В. Бузескулъ. Исторія аѳинской демократіи. Спб. 1909. А. Б.—9) О Толстомъ. Междунаціональный Толстовскій альманахъ, составленный П. Сергѣенко. М. 1909. н. л.—10) В. В. Сидовскій. Очерки изъ истории русскаго романа. Т. I., выд. 1-ый (XVIII вѣкъ). Спб. 1909. В. Т.—аго.—11) Валерій Брюсовъ. Исплеенный. Къ характеристикѣ Гоголя. М. 1909. н. л.—12) Долочевъ. В. Опытъ словаря несправильностей въ русской разговорной рѣчи. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Варшава. 1909. Я. Бирюкова.—13) Н. Н. Платонова. Кожановская (Н. С. Соханская) 1823—1884 гг. Биографическій очеркъ (съ портретомъ). Спб. 1909. В. Т.—аго.—14) «Колосъ». Литературный альманахъ. Изд. «Театръ и Искусство». Спб. 1909. «Прибой». Литературно-художественные альманахи. Книга первая. Спб. 1909 г. Изд. «Прибой». «Альманахъ 17». Изд. «Прогрессъ». Спб. 1909 г. «Критическій альманахъ». Книга первая. Изд. «Заря». Москва. 1909 г. «Вихрь». Литературно-художественный альманахъ. Изд. книжн. скл. Д. Ефимова. Москва 1909 г. Оскара Нормежана.—15) А. С. Пругавинъ. Расколъ вверху. Очерки религиозныхъ исканій въ привилегированной средѣ. Спб. 1909. В. Троцнаго.—16) Вольтеръ. Кандидъ или оптимизмъ. Переводъ Федора Сологуба. Спб. 1909. н. л.—17) Вечерние общеобразовательные курсы вл г. Митавѣ. Отчетъ за 1907/8 учебный годъ. Митава. 1908. А. Э. Мальмгрена.—18) Ванда Захеръ-Мазохъ. Исповѣдь моей жизни. Переводъ М. А. Потапенко. Спб. 1909. Б. Г.—19) Старинные волости и статьи въ Костромской губерніи. Матеріалы для историко-географическаго словаря Костромской губерніи. Съ предисловіемъ Ав. Титова. М. 1909. А. н.—оно.—20) Известіе таврической ученой архивной комиссіи №№ 42—43. Подъ редакціей А. И. Маркевича. Симферополь. 1908—1909. в. Р—ва.—21) Jahrbuch für bildende Kunst im den Ostseeprovinzen. II годъ. Рига. 1908. А. Э. Мальмгрена.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 325

- 1) Спорное происхожденіе Наполеона.—2) Поэтическое сотрудничество Гете и г-жи Вильмеръ.—3) Лола Монтедь.—4) Рашель и Дюма.—5) Письма Верди.—6) Прогрессируетъ личеловѣчество?—7) Вертело какъ философъ и воспитатель.—8) Военный, политическій и психологическій взглядъ на нѣмецкую армію.—9) Права женщинъ въ Исламѣ.—10) Столѣтіе возстанія Тироля.

XVII. Смѣсь. 351

- 1) Столѣтіе покоренія Финляндіи.—2) Подвѣка обновленныхъ Романовскихъ палатъ.—3) Тверская архивная комиссія.—4) Открытіе памятника офицерамъ генеральнаго штаба.—5) Памятникъ русскимъ композиторамъ.—6) Реставрація памятника Петру I въ Петербургѣ.—7) Выставка «Исторіи граверовъ въ Россіи».—8) Возвращеніе П. К. Козлова и его находки въ Центральной Азій.—9) Раскопки на городищѣ с. Вѣлгородки, древняго Вѣлгорода.—10) Юбилей М. М. Стасюлевича.—11) Цѣнный даръ музею императора Александра III.—12) Цѣтованіе В. М. Свворцова.

XVIII. Некрологи. 362

- 1) Заремба, А. В.—2) Комаровскій, Н. Н., графъ.—3) Кусковъ, П. А.—4) Охочинскій, П. В.—5) Саловъ, В. В.—6) Чюмина (Михайлова), О. Н.

XIX. Замѣтки и поправки. 367

- 1) И. М. Васильева.—2) П. А. Малеина.

ПАВЕЛЬ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЛЕКСАНДРОВЪ.

Съ портрета, находящагося въ изданіи великаго князя Николая Михайловича
„Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій.“

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

LXXII.

S i l a n u m.

ЗИРАЯСЬ изъ-подъ круглыхъ бровей своихъ испуганно-озлобленнымъ взоромъ, потерявшійся магикъ, казалось, въ первое мгновеніе не могъ понять всего значенія неожиданнаго обстоятельства, которое пришло ему на помощь, и почему разъяренные члены капитула внезапно отступили отъ него. Между тѣмъ курьеръ въ гатчинской старо-прусской формѣ «малаго двора», столь отличнаго во всемъ обиходѣ отъ столицы и Царскаго Села, быстро вошелъ въ покой и, по безмолвному указанію Ивана Перфильевича Елагина, подалъ пакетъ растерзанному Калиостро и затѣмъ столь же быстро удалился. Дрожащіе пальцы магика не повиновались ему.

— Позвольте, любезный графъ,—мягко сказалъ Иванъ Перфильевичъ:—помочь вамъ нѣсколько.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXVII, стр. 737.

Онъ взялъ пакетъ, вскрылъ его и вслухъ прочелъ повѣстку отъ «малаго двора», что его высочеству государю цесаревичу благоугодно дать аудіенцію иностранцу графу Александру де-Калиостро въ Гатчинѣ, въ Мальтійскомъ павильонѣ.

Мгновенно осчастливленный россійскимъ цесаревичемъ итальянецъ былъ окруженъ вельможами, которые съ очаровательными улыбками, сердечно жали ему руку, благодушно поздравляя съ высокою милостью. Ни малѣйшаго воспоминанія о недавней бурной сценѣ озлобленія противъ него теперь не осталось. Придворные протей показали магику дивное искусство мгновенныхъ превращеній, превосходящихъ Овидіевы.

Когда Калиостро сообразилъ происшедшую съ нимъ перемѣну, обычная самоувѣренная важность возвратилась къ нему. Онъ благодарилъ поздравлявшихъ его вельможъ на своемъ своеобразномъ итальяно-французскомъ языкѣ.

Съ глубокимъ реверансомъ Иванъ Перфильевичъ подалъ магику гросмейстерскую цѣпь египетскаго масонства, снятую имъ съ себя въ минуту отчаянія.

Калиостро возложилъ ее на себя и вновь превратился въ Великаго Кофту.

— Достопочтенные мастера и прелюбезнѣйшіе братья,—сказалъ Калиостро:—гласъ вышній раздался, и мрачныя искушенія разсѣялись! Облегшая всѣхъ насъ, благодаря моеѣ мгновенной слабости и вашему недоувѣрію, мгла миновала, и чистѣйшій свѣтъ надежды осіялъ насъ. Великій князь Поль призываетъ меня къ себѣ. Конечно, онъ пожелалъ услышать великія истины, столь близкія его возвышенной душѣ. Если здѣсь сокровище скрылось отъ насъ, то мы обрѣтемъ его, быть можетъ, тамъ, въ Гатчинѣ. Да благословить же Великій Строитель вселенной мое отшествіе къ принцу, столь благорасположенному вынять голосу мудрости! Да поможетъ Великій Строитель сѣти слабыхъ словъ моихъ уловить сердце великаго россійскаго принца, и тогда я охотно сниму съ себя вновь, и уже ликую и торжествуя, сію священную цѣпь и возложу на выю принца Поля и низведу елей избранія на главу его, да учинится гросмейстеромъ и Величайшимъ Кофтою Запада и Востока. Такъ, братья, ему должно расти, а мнѣ умяляться! А для прогнанія всякаго слѣда мрачности и очищенія нашихъ сердець предлагаю пропѣть священный псаломъ ордена.

И, не дожидаясь выраженія согласія, Калиостро, устремивъ взоры въ высшія сферы, громко и торжественно запѣлъ. Члены капитула присоединили свои голоса:

Какъ велики дѣла Твои, Господи! Дивно глубоки помышленія Твои!
Дому Твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дней!
Престоль Твой утверждень искони.
Откровенія Твои несомнѣнно вѣрны.

Дому Твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дней!
 Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя!
 Возстань, Судія земли, воздай возмездіе гордымъ.
 Они попирають народъ Твой, Господи, угнетаютъ наслѣдіе Твое.
 Дому Твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дней.

— А теперь, достопочтенные братья,—возгласилъ Калиостро по окончаніи псалма,—предлагаю я вамъ объявить временное прекращеніе всѣхъ работъ ложъ, подвластныхъ капитулу, съ тѣмъ, чтобы вести ихъ далѣе уже по единодушнымъ и правильнымъ чертежамъ, которые я имѣю вамъ преподать отъ вышнихъ особъ ордена послѣ свиданія моего съ принцемъ Полемъ.

— Silanum! Silanum!—поддержали члены капитула.

— Подлинно намъ осмотрѣться и почиститься должно!—сказалъ Куракинъ.

— Яко намѣстный мастеръ, объявляю silanum!—возвысилъ голосъ Иванъ Перфильевичъ.

— Теперь къ вамъ моя рѣчь, князь!—обратился Калиостро къ Голицыну.—Страданія родительскаго вашего сердца мнѣ слишкомъ понятны. Но ободритесь и познайте сладость возвращенія надежды. Выздоровленіе младенца вашего началось. Опасность миновала. Я побѣдилъ темныя вліянія зловѣщихъ духовъ, возставшихъ на младенца съ цѣлью погубленія его, такъ какъ прекрасное грядущее ожидаетъ сего избраннаго. До сихъ поръ ни вамъ, ни княгини-родительниці видѣть первенца было невозможно. Но на этой же недѣлѣ вы увидите ваше дитя. Хотя и на малый пока срокъ, однако достаточный, чтобы вы могли убѣдиться въ вашей радости. Дитя еще чрезвычайно слабо, но уже внѣ всякой опасности.

— Какъ благодарить мнѣ васъ, графъ!—воскликнулъ, исполненный вновь довѣрія къ магику, обрадованный князь.—И какъ достойно изъяснить сожалѣніе и раскаяніе, которое теперь испытываю въ томъ, что далъ недовѣрію овладѣть собою!

— То было искушеніе и мгновенное осѣненіе насъ всѣхъ темными флюидами зла, не болѣе! Весь путь адепта священной магіи усѣянъ такими и подобными искушеніями. Но, какъ зеркало, потемненное нечистымъ дыханіемъ, затѣмъ сіяетъ еще съ большей ясностью, такъ и мужъ доброй воли, претерпѣвъ даже временное паденіе, тѣмъ выше будетъ вознесенъ! Но должно мнѣ молитвой и уединенными размышленіями приготовить себя къ свиданію съ высокимъ лицомъ, въ которомъ покоятся нынѣ всѣ наши надежды! Простите!

Калиостро поклонился и ушелъ.

Члены капитула сошлись тогда въ тѣсный кружокъ посреди покоя и долго шептались, совѣщаясь.

LXXIII.

Потерянный рай.

Солнце уже поднялось надъ Невою, и хоры птичьи одушевленно щебетали въ голландскомъ саду гостепріимной старушки, когда князь Коріатъ очнулся отъ безумнаго обморока любви.

Пламя лампы предъ статуей Мадонны померкло въ дневномъ сіяніи, которое струилось чрезъ бѣлыя занавѣски оконъ бѣлой спальни.

Ложе таинственной «внучки» было смято и профанировано, но князь Коріатъ не могъ вспомнить, какъ попалъ на это ложе.

Около него спала чужая и незнакомая женщина, и теперь близость ея разгоряченнаго тѣла вызывала дрожь отвращенія въ храмовникѣ, осквернившемъ съ нею свои священные обѣты. Съ нею! Ужели эта женщина—та Серафима, таинственная жрица его мечтаній и видѣній? Ужели ее впервые узрѣлъ онъ въ клубахъ куреній, покорную заклинаніямъ некроманта? Ужели это она предстала ему въ образѣ покровенной богини земли и неба и въ удостовѣреніе своего явленія и дивнаго разсказа оставила таинственную черную розу, хранимую имъ съ тѣхъ поръ на груди? Ужели это она столь недавно, подъ прозрачнымъ покрываломъ, въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ розъ явилась у древняго мрамора античнаго саркофага, въ часъ заката, подъ мощными дубами, овѣянная таинствомъ чистѣйшей поэзіи и прелести?

Нѣтъ, это не она! Это не она.

Гдѣ же та, которую онъ любилъ, боготворилъ? Зачѣмъ лежитъ онъ рядомъ съ несчастной блудницей, завлекшей его въ этотъ пріютъ для свѣтскихъ развратниковъ и развратницъ, гдѣ фальшивая бѣлизна стѣнъ скрываетъ наготу тайнаго порока? И какъ могъ онъ покорно итти по слѣдамъ и на призывы низменной авантюристки и въ изнуренныхъ объятіяхъ ея пролить фіаль своей чистоты! О, горе!

Раскаяніе, великая скорбь, отвращеніе терзали его.

Какъ древній Адамъ у вратъ потеряннаго рая, ломалъ онъ руки и вздыхалъ предъ разрушеннымъ свѣтлымъ міромъ своихъ юношескихъ мечтаній. И онъ даже не могъ обрѣсти того утѣшенія, которое имѣлъ Адамъ въ сознаніи, что несчастная сообщница его паденія все же врученная ему Строителемъ міра женщина-жена!

Жалкая блудница покоилась рядомъ съ нимъ. И, прислушиваясь къ дыханію сонной, къ трепету ея воспаленныхъ губъ, ея измятой груди, разгадывалъ онъ въ сонныхъ шопотахъ ея дыханія повѣсть долгихъ искушеній, беспорядочныхъ страстей.

— И въ твоихъ-то изнуренныхъ объятіяхъ,—скорбно обращался мыслію своей храмовникъ къ спящей,—я въ немного мгно-

веній расточилъ сокровище моей чистоты, которое далъ обѣтъ хранить для возвышеннаго подвига? Все то, что грезилось мнѣ, что манило прелестью, было ложью, прельщеніемъ коварнаго дракона низменной, страстной природы!

Женщина спала, и онъ могъ при утреннемъ сіяніи хорошо разсмотрѣть лицо ея, ранѣ таившееся въ сумракѣ покрывала. Тутъ выступили всѣ изъяны, наложенные годами, страстями и послѣднимъ буйнымъ пиршествомъ любви, которымъ въ эту ночь она упоjala дѣвственнаго, не утомленнаго, полножизненнаго юношу. Теперь она лежала, какъ смятый, увядшій цвѣтокъ. Да, она подобна была розамъ своего вѣнка, все еще лежавшимъ на ея кудряхъ, но потерявшимъ аромать, свѣжесть, краски, жизнь. Ея черные кудри! Но что это? Серебристая нить предательски извивается въ локонахъ и свидѣтельствуетъ обветшалость ея подержанной красоты! Злая насмѣшка судьбы! Пудра, равномерно серебрившая синеvато-агатовые отливы кудрей ея вчера, осыпалась. Иней надвигающихся лѣтъ увяданія выступилъ. Тутъ замѣтилъ онъ роковыя черты около сомкнутыхъ вѣждъ и нарушенную гармонию формъ. И наконецъ вся красота ея разрушилась предъ нимъ, и одна увядшая, профанированная плоть предстала ему!

И тогда несказуемое, что узрѣлъ онъ въ таинствѣ видѣнія, когда дерзновенной рукой отвелъ зеркало отъ тысячелѣтняго лица явившейся ему древней гетеры, то несказуемое явилось ему и наполнило отвращеніемъ и ужасомъ смерти...

Юноша поспѣшно, но осторожно, чтобы не разбудить спящую блудницу, оставилъ ложе, на которомъ погибли его обѣты, и, накинувъ одежды, выкрался изъ позорной въ бѣлизнѣ своей спальни.

Въ сосѣдномъ покоѣ замѣтилъ онъ бюро съ письменными принадлежностями и бумагой.

Онъ сѣлъ и написалъ вексельную расписку. Въ ней онъ проставилъ сумму всего своего состоянія, не оставивъ ни единого рубля себѣ.

Эту расписку онъ вложилъ въ конвертъ, надписавъ: «Серафимѣ Калиостро», и оставилъ на столѣ, возлѣ положенныхъ ею драгоценностей. Потомъ вышелъ изъ домишка, гдѣ всѣ предметы выказали ему теперь свою ветхость и поношенность показной роскоши. На верандѣ выскочила къ нему гостепріимная старушка. Но блондоваго чепца и сырцовыхъ буклей не было, и одѣта она была въ грязную кофту и выцвѣтшую юбку. При дневномъ свѣтѣ и безъ уборовъ казалась она совершенной вѣдьмой, тѣмъ болѣе, что запавшіе глазки ея свѣтились алчностью и дрожащая рука жадно протягивалась къ уходящему ночному гостю.

Онъ швырнулъ кошелекъ отвратительной мегерѣ. Она подхватила звякнувшіе червонцы съ большой ловкостью и, улыбаясь гробовой гримасой беззубаго рта, принялась присѣдать удаляющемуся юношѣ.

LXXIV.

Казимиръ нагрубилъ.

Торжествующій удалялся графъ Калиостро, направляя важные шаги свои черезъ парки, цвѣтники и боскеты острова къ пристани. Нѣсколько разъ съ наслажденіемъ трепетной рукой касался онъ скрытаго на груди въ кафтанѣ извѣщенія гофмаршальской части Гатчинскаго «малаго двора», какъ бы талисмана. Въ самомъ дѣлѣ, широчайшія перспективы открывались магику. Онъ не сомнѣвался, что разстроенное, какъ онъ полагалъ по слухамъ, воображеніе цесаревича Павла Петровича легко уступить его внушеніямъ, что онъ быстро пріобрѣтетъ значеніе въ Гатчинѣ и тогда только останется привести въ связь и дѣйствіе ту магическую цѣпь иницірованныхъ Месмеромъ особъ двора и свѣта, которая тоже будетъ въ рукахъ его черезъ восторженную духовную сестру и дочь—Ковалинскую.

На пристани магика встрѣтилъ Казимиръ. Черная гондола уже стояла наготовѣ, съ гребцами и престарѣлымъ кормчимъ.

— Гдѣ графиня?—спросилъ тихо слугу некромантъ.

Казимиръ лукаво улыбнулся и указалъ на сверкавшій плесъ Невы и зеленый берегъ сосѣдняго острова.

— Вы все исполнили, любезный Казимиръ, какъ я приказалъ?—внушительно спросилъ магикъ, недовольный веселостью и свободой жеста поляка.

— Въ совершенствѣ!—продолжая быть развязнымъ и улыбаться странно, отвѣчалъ Казимиръ.

— Вы ждали ихъ здѣсь на пристани?—хмурясь, спросилъ магикъ.

— Да, на пристани.

— И свезли къ старушкѣ?

— Да, да. Къ старушкѣ.

— Князь съ графиней?

— О, нѣтъ. Его уже нѣтъ съ графиней. И знаете, князь удалился, пока графиня мокоилась утреннимъ сладкимъ сномъ.

— Но графиня уже проснулась?

— О, конечно, проснулась! И, не найдя князя, предалась отчаянію! Да! да! Графиня неутѣшна. Я оставилъ ее проливающей потоки слезъ,—съ самымъ веселымъ и довольнымъ лицомъ рассказывалъ Казимиръ, какъ будто о чемъ-то весьма пріятномъ.

— Я не понимая, любезный Казимиръ, вашей веселости,—съ досадой сказалъ некромантъ.—Эти слезы вашей госпожи должны бы тронуть васъ. Вижу, что создались какія-то затрудненія и должно мнѣ сейчасъ же увидѣть графиню.

— Если вѣрить тѣмъ обѣщаніямъ, которыя графиня давала относительно васъ,—веселясь, съ развязными жестами, несмотря на

замѣчаніе Каліостро, возразилъ полякъ:—то свиданіе съ графиней можетъ окончиться весьма грустно для вашего сіятельства.

Тутъ внезапная спиртуозная эманация устъ Казимира объяснила некроманту развязность слуги, очевидно, уже успѣвшаго опохмелиться въ поварняхъ Елагина.

— Чортъ васъ побери, Казимиръ!—сказалъ съ досадою некромантъ.—Вы съ утра навеселѣ.

— О, ничего не значить, ничего! Чемоданъ вашего сіятельства уже нагруженъ въ гондолу, Иммануиль тоже въ ней. Не знаю, какое распоряженіе вашего сіятельства будетъ насчетъ госпожи Ковалинской? Захватимъ ее съ собою или оставимъ здѣсь?

— Я вамъ повторяю, что вы съ утра пьяны, Казимиръ, и предупреждаю, что если это повторится еще разъ, то принужденъ буду отказать вамъ!

— Чортъ возьми, какъ я буду огорченъ! Да я сейчасъ же найду себѣ мѣсто почище, пежели у странствующаго магика! Предложеній сколько угодно! Лучшіе дома столицы, княжескіе и графскіе, мнѣ открыты! А если уѣду въ Варшаву, то могу быть камеръ-ла, кеемъ при самомъ королѣ Станиславѣ-Августѣ!

— Очень хорошо. Въ такомъ случаѣ я не удерживаю васъ,—холодно сказалъ магикъ.

— То-есть какъ это?—вызывающе поднимая носъ и кося лѣвымъ глазомъ, спросилъ Казимиръ.—Какъ я долженъ понять слова вашей милости?

— Такъ, что я отказываю вамъ, Казимиръ. Вы грубите мнѣ. А я не желаю имѣть дѣла съ грубіяномъ. Мнѣ нуженъ деликатный, скромный и надежный слуга. Да, и не одинъ. Вѣдь я получилъ приглашеніе въ Гатчину къ наслѣдному принцу!

И Каліостро достала извѣщеніе «малаго двора» и показала Казимиру.

Однако это не произвело никакого особливаго впечатлѣнія на поляка.

— Въ Гатчину! Ваше сіятельство зовутъ въ Гатчину! Э, какъ же вы тамъ обойдетесь безъ моей помощи и безъ Иммануила?

— Совершенно легко. Но вы, Казимиръ, отойдя отъ меня именно теперь, когда звѣзда моя восходитъ, потеряете весьма много, можетъ быть, все!

— Кто изъ насъ больше потеряетъ, это еще вопросъ!—нагло возразилъ все больше пьянѣвшій и набравшійся куражу полякъ.—Вѣдь я о вашемъ сіятельствѣ знаю слишкомъ достаточно такого, такого... Ну, что огласить, такъ вамъ, пожалуй, и оставаться въ Петербургѣ будетъ невозможно!

Лицо Каліостро потемнѣло отъ гнѣва.

— Пьяный нахаль! Ты смѣешь мнѣ угрожать!—проговорилъ онъ сквозь зубы.—Уже за одну эту угрозу ты заплатишься жестоко!

— Я васъ не боюсь. А вы лучше жалованье мнѣ отдайте! Много ли я видѣлъ отъ васъ? Толкуете о кладахъ, а сами считаете каждый грошъ!

— Ты жестоко поплатишься. А теперь убирайся.

И Калиостро направился къ гондолѣ.

— Я самъ отъ васъ отхожу!.. Я не нуждаюсь. Я—прирожденный литовскій шляхтичъ, а вы кто и откуда, никому неизвѣстно!—кричалъ ему пьяный Казимиръ.—Иммануиль! иди сюда! Этотъ магикъ развратить твое дѣтское сердце! Вы черноокнижемъ занимаетесь! Жалованье мое отдайте, графъ побродячій!

LXXV.

Горе женщины.

Калиостро уже сидѣлъ въ гондолѣ и приказалъ плыть къ домику таинственной соотечественницы. Престарѣлый кормчій оттолкнулся багромъ отъ пристани. Гребцы ударили веслами. Наглость слуги, конечно, должна была смѣниться униженностью по вытрезвленіи, а противъ угрозъ его магикъ рѣшилъ принять сейчасъ же мѣры. Итакъ, не могъ онъ обезпечиться такимъ пустымъ случаемъ. Но сообщеніе поляка о происшедшемъ подъ гостепримнымъ кровомъ старушки его значительно встревожило. Когда гондола поднялась къ голландскому саду, на плотикѣ Калиостро встрѣтила сама хозяйка. Она опять приодѣлась и украсила голову буклями и чепцомъ. Низко присѣвъ, она привѣтствовала заискивающей итальянской фразой магика. Но Калиостро даже не кивнулъ ей и съ совершеннымъ пренебреженіемъ, быстро пройдя въ калитку, спросилъ:

— Что съ Лоренцой?

— Ахъ, синбора въ отчаяніи, въ совершенномъ отчаяніи!—всплеснувъ руками, мелодраматически сказала старуха.

— Безъ кривлянья, старая чертовка, безъ кривлянья!—грубо оборвалъ старуху Калиостро.—Говорите дѣло.

— Ахъ, Бальзамо, вы не можете безъ оскорбленій! А вѣдь я вамъ, хотя и дальняя, а все же родственница!—пытаясь выразить оскорбленное достоинство, сказала старуха.

— Я вамъ говорилъ, чтобы вы не смѣли напоминать объ этомъ проклятомъ родствѣ!—огрызнулся Бальзамо.

— Какъ вы жестоки съ бѣдной старушкой!—прошамкала слезливо таинственная родственница.

— Говорите же дѣло!—приказалъ Бальзамо.

Старуха вдругъ сняла блондовый чепецъ вмѣстѣ съ приколотыми къ нему сырцовыми буклями и, превратившись въ истую вѣдму, ослабила беззубый ротъ. Крючковатый носъ ея при этомъ понюхалъ украшенный волосатыми бородавками острый подбородокъ.

— Пока Лоренца спала, ея молодой обожатель ушелъ,—скрипучимъ, непріятнымъ голосомъ сказала старуха:—и она теперь реветъ, что онъ видѣлъ ея—какая она есть при дневномъ свѣтѣ, разлюбилъ и ей не бывать русской княгиней!

Не сказавъ ни слова, Бальзамо повернулся спиной къ старой своднѣ и быстро пошелъ къ домику.

Дѣйствительно, онъ нашель Лоренцу въ бѣлой спальнѣ. Стоя на колѣняхъ передъ статуей Мадонны, она рыдала и ломала руки.

— Что случилось? Успокойся, Лоренца,—сказаль Бальзамо, осторожно прикоснувшись къ обнаженному плечу красавицы.

Голосъ и прикосновеніе магика заставили женщину вздрогнуть всѣмъ тѣломъ. Она вскочила и, оттолкнувъ его, крикнула:

— Прочь! Прочь! Не касайся меня! Я не хочу знать тебя, низкій проходимецъ! Я хочу посвятить остальные дни мои Мадоннѣ. Прочь съ моихъ глазъ, проклятый совратитель!

— Лоренца, ты сумасшествуешь! Ты еще слишкомъ молода и хороша собой, чтобы предаться ханжеству,—сказаль магикъ.

— Молодость моя прошла. Я—старуха. Все кончено для меня, — съ отчаяніемъ говорила Лоренца.

— Я знаю многихъ обольстительницъ, раскидывающихъ сѣти свои съ подмостковъ театральныхъ. Если сравнить ихъ при дневномъ свѣтѣ съ тобою, Лоренца, право, ты покажешься невинной дѣвушкой.

— О, какъ ты ненавистенъ мнѣ, Бальзамо!—простонала Лоренца.—Твои ухватки, твоя наглость, грязное ремесло твое—все все мнѣ ненавистно!

— Кажется, это утро всѣхъ сводить съ ума,—спокойно возразилъ магикъ.—Только что мнѣ нагрубилъ Казимиръ, такъ что я принужденъ былъ прогнать его. Но онъ былъ пьянъ. Почему ты бѣспуешься? Вспомни, что, если бы не я, ты состарѣлась бы служанкой остеріи, раздѣляя ласки съ пьяницами. Я вывелъ тебя въ свѣтъ.

— И торговаль мною, презрѣнный!

— Эта торговля была часто для тебя столь же пріятна, сколь и прибыльна!

— Уйди! О, чистѣйшая Дѣва, спаси меня изъ когтей сатаны!

— Я говорю тебѣ, Лоренца, что ты напрасно приходишь въ отчаяніе. Что такое случилось у тебя съ княземъ?

— Ахъ, онъ увидѣлъ, что я—старуха, и ушелъ!

— Какъ же онъ увидѣлъ тебя, бѣдная Лоренца?

— Бальзамо, я заснула къ утру. Солнце ярко освѣтило меня. Онъ меня видѣлъ сонную, неубрашную, отвратительную и разлюбилъ, и ушелъ. Мой князь, мой русскій князь разлюбилъ меня!—ломая руки, повторяла Лоренца.

— Бѣдная Лоренца, не плачь,—сказаль Калиостро, и на его толстомъ лицѣ выразилось подобіе истиннаго сожалѣнія.—Князь

еще вернется къ тебѣ. Первое упоеніе страстей и утрата чистоты какъ у дѣвушекъ, такъ и у юношей сопровождается чувствомъ великой скорби и раскаянія. Вѣдь это первое паденіе, подобное Адамову. Ты же была столь неосторожна, что осталась съ нимъ до солнечнаго восхода, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же въ сумеркахъ ночи скрыться обольстительнымъ видѣніемъ. Съ юношей ты распалась, какъ со старымъ мужемъ! Что же удивительнаго, если къ раскаянію въ немъ присоединилось отвращеніе. Но вѣдь это на время. Онъ еще вернется къ тебѣ.

— Онъ не вернется; Бальзамо! Посмотри!

И, быстро отдернувъ бѣлую занавѣску окна, Лоренца стала около него, вся заливаемая яркими солнечными лучами.

— Смотри, Бальзамо! Я—старуха. Въ объятіяхъ моего милаго красавца, моего русскаго князя я истощила мои прелести и никуда больше не годна!

Трогательна была наивная горестъ словъ бѣдной женщины.

Калиостро внимательно, испытующимъ взоромъ осмотрѣлъ свою подругу и помощницу.

— Чортъ возьми, Лоренца!—сказалъ онъ наконецъ:—ты въ самомъ дѣлѣ состарѣлась въ одну ночь. Твоя кожа огрубѣла, ноздревата, воспалена! Откуда эти морщины разбѣжались вокругъ глазъ? А эти складки на шеѣ? Ихъ вѣдь не было вчера! Твои глаза померкли. Въ волосахъ твоихъ сѣдина. И вся ты вдругъ отяжелѣла и опухла! Да, это чудесное превращеніе! Или объятія русскаго князя были столь пламенны, а дѣвственныя желанія его столь ненасытны, что онъ въ самомъ дѣлѣ въ одну ночь поглотилъ еще столь плѣнительный наканунѣ остатокъ твоей молодости, какъ жаждущій верблюдъ въ пустынѣ выпиваетъ весь найденный источникъ и оставляетъ только влажный илъ на днѣ его?

— Это дѣйствіе твоей проклятой молодильной мази, Калиостро!—закрывая лицо руками жестомъ безконечнаго отчаянія, сказала Лоренца.—Она такъ же лжива, какъ и все твое жалкое магическое искусство!

— Дѣйствіе молодильной мази? Какъ! Да вѣдь я велѣлъ тебѣ ее продавать, но строго запретилъ самой употреблять въ дѣло!—вскричалъ Калиостро.

— Красота моя увядала столь быстро, что я прибѣгла къ твоей проклятой мази и натиралась ею съ ногъ до головы!—глухо призналась женщина, опустивъ голову и скрывая лицо свое въ ладоняхъ.

— Вся натиралась! Да ты съ ума сошла! Вѣдь только вѣдьмы, отправляясь на шабашъ, натираются этой мазью съ ногъ до головы. Вѣдь эта мазь въ большомъ количествѣ—ядовита, пробуждаетъ ненасытимыя желанія и опьяняетъ видѣніями!

— Я и летала на шабашъ, Балзамо! Я погубила мою безсмертную душу. Я проклята навѣки,—раздался глухой голосъ Лоренцы, все закрывавшейся ладонями.

Казалось, неожиданное признаніе Лоренцы поставило втупикъ вообще ничѣмъ не смущавшагося некроманта. Тутъ онъ имѣлъ дѣло съ чѣмъ-то посильнѣе «крыльевъ духа» месмеріанки и конвульсіонерки Ковалинской.

— Ты летала на шабашъ?! Ты бредишь, Лоренца! Вѣдь это басни старыхъ бабъ,—сказаль наконецъ Калиостро растерянно.

— Нѣтъ, это не басни. Я была сама и знаю. Messir Leonard дѣлалъ не разъ меня своей избранницей! О, какъ ужасны его ласки! Объятія его—огонь и кипятокъ!

— Безуміе! Бредъ! Въ молодильную мазь положена бѣлена, болиголовъ, дурманъ и въ большомъ количествѣ она вызываетъ видѣнія, въ которыхъ нѣтъ сущности, дѣйствительности!

— Ты—некромантъ и не знаешь своей науки! Или ты скрываешь? Признайся, что ты бывалъ на шабашѣ!

— Повторяю тебѣ, что всѣ эти басни придуманы для того, чтобы обманывать глупцовъ. Но можетъ ли просвѣщенный человѣкъ имъ вѣрить?

— Жалкій магикъ! Итакъ, производя чудеса, вызывая мертвецовъ и безплотныхъ, ты самъ не вѣришь и не знаешь тѣхъ сокровенныхъ тайнъ, которыя столь ужасны, что, познавая ихъ, кажется, будто небо и земля рушатся! Но я знаю. Я видѣла своими глазами, осязала своими руками. Я отдалась дьяволу и отдала ему безсмертную мою душу, и онъ обѣщаль, что русскій князь будетъ моимъ. И онъ сдержаль свое обѣщаніе. Князь былъ моимъ, но... всего одну лишь ночь!

— Нѣтъ, ты больна, Лоренца, ты бредишь,—сказаль съ безпокойствомъ Калиостро.—Ты въ самомъ дѣлѣ отравлена молодильной мазью. Но я излечу тебя. И ты все еще можешь быть прекрасной... въ покрывалѣ и въ почномъ сумракѣ. Не горюй, женщина! Ободрись. Дѣла мои скоро процвѣтутъ. Я достигну цѣли всѣхъ моихъ желаній. Великій князь приглашаетъ меня въ Гатчину. Но подожди. Надо еще посмотрѣть. Ужели русскій князь такъ и скрылся, не оставивъ послѣ себя никакого сувенира? Это было бы не совсѣмъ учтиво.

Говоря это, Балзамо вышелъ въ сосѣдную комнату.

Скоро раздался тамъ его веселый голосъ:

— Нашель! Письмецо Серафимѣ Калиостро! Ободрись, женщина! Что-нибудь здѣсь есть пріятное.

— Письмо отъ князя!—вскричала обрадованная Лоренца, бросаясь къ входившему съ кувертомъ Калиостро.—Дай! Дай!

— Оно вѣдь писано по-русски. Ты все равно не поймешь,—доставъ исписанный листокъ изъ куверта, говорилъ Калиостро.—

Я же нѣсколько знакомъ съ этимъ варварскимъ нарѣчіемъ, сколь оно ни трудно для итальянца.

Внимательно разсмотрѣвъ написанное, Калиостро вдругъ издалъ радостное восклицаніе и, подпрыгнувъ, сдѣлалъ весьма искусный пируэтъ въ воздухѣ.

— Возрадуйся, женщина!—вскричалъ онъ.—Знаешь ли, что это такое?

— Слова нѣжныхъ чувствъ? Слова любви? Онъ назначаетъ новое свиданіе? Дай! Дай!—замирающимъ отъ надежды и страсти голосомъ говорила Лоренца и протягивала жаждущія руки къ посланію возлюбленнаго.

— Слова любви! Ха-ха-ха! Князь порядочный человѣкъ. Онъ оставилъ нѣчто болѣе существенное. Это вексель, Лоренца, вексель! По всей формѣ, на предъявителя! Да! да! Вексель или кредитивное письмо, по которому ты хоть сейчасъ можешь получить у банкира Сутерленда семьдесятъ пять тысячъ русскихъ рублей. Семьдесятъ пять тысячъ за одну ночь! Это по-княжески! Это по-русски! Вотъ смотри, цифрами прописано!

И магикъ протянулъ кредитивъ женщинѣ.

Она взяла листокъ, но не посмотрѣла въ него.

— Семьдесятъ пять тысячъ за мою ночь,—повторила она, дико вращая мрачными очами:—за послѣднюю ночь погибшей моей красоты и юности! И за душу мою, за безсмертную душу, погибшую навѣки! И ты обрадовался, жадный нищій! Но я хочу безкорыстно отдать и душу, и тѣло моему милому русскому князю! Смотри, проклятый сводникъ, гдѣ эти семьдесятъ пять тысячъ!

И она быстро поднесла листокъ къ пламени лампы, все еще теплившейся предъ статуей Мадонны.

Кредитивъ загорѣлся.

— Что дѣлаешь ты, безумная!—кидаясь къ ней, закричалъ некромантъ.—Да вѣдь у насъ нѣтъ больше денегъ. А теперь-то и пойдутъ расходы!

Лоренца съ силой львицы вырвалась отъ магика, толкнувъ его въ грудь локтемъ такъ, что онъ отлетѣлъ, и высоко подняла руку съ горящимъ кредитивомъ. Черезъ мгновеніе лишь черный пепель остался отъ семидесяти пяти тысячъ. Лоренца простерла къ магику руку, держа на ладони пепель, и, сдунувъ его въ лицо онѣмѣвшаго отъ злобы и отчаянія некроманта, съ адской усмѣшкой сказала:

— Ну, призови свое искусство, проклятый жидъ! Преврати этотъ пепель вновь въ семьдесятъ пять тысячъ русскихъ рублей!..

LXXVI.

Въ Гатчинѣ.

Полосатый черно-желто-красный шлагбаумъ, такая же полосатая будка и стоящій возлѣ въ старо-прусскомъ зеленомъ мундирѣ, съ буклями, косою и въ золоченомъ киверѣ рядовой гатчинскихъ «модельныхъ войскъ» цесаревича Павла Петровича возвѣщали, что безграничное царство мудрой сѣверной Астрей кончилось и начинается крошечное, все «модельное» владѣніе ея фантастическаго сына. Въ самомъ дѣлѣ, въ Гатчинѣ имѣлись свой «малый дворъ», свои камергеры, свои войска, своя артиллерія, на озерахъ и рѣчкахъ маленькій флотъ, въ паркахъ имѣлись крѣпостцы, производились разводы, вахтпарады, смотры по Фридриховскому старому уставу; приписанныя къ Гатчинѣ села и деревни получили особое устройство, долженствовавшее создать благоденствіе подданныхъ маленькаго царства, среди котораго въ неуспѣшной дѣятельности, изо дня въ день, съ пяти часовъ утра пребывалъ великій князь Павелъ Петровичъ, сумрачный, насмѣшливый, вспыльчивый и великодушный чудакъ. Екатерина не мѣшала дѣятельности, мечтамъ и забавамъ принца Гатчинскаго и только слѣдила, чтобы эта дѣятельность не переходила границъ отведеннаго цесаревичу крошечнаго царства.

Раздѣляя уединеніе августѣйшаго супруга, прекрасная, какъ весеннее безоблачное утро, великая княгиня Марія Ѳеодоровна была не менѣе дѣятельна и вносила свой вкусъ въ сады и парки Гатчины, неуспѣшно изыскивая средства, въ которыхъ вообще «малый дворъ» сильно нуждался, на возведеніе бесѣдокъ, мостиковъ, рошцъ и гротовъ, по образцу замка владѣтельныхъ предковъ цесаревны, Монтбелъера, а также Версаля и Санъ-Суси; къ сему прибавлялись еще художественныя работы, акварель и медальерное искусство, занятія которыми даже нѣсколько повредили зрѣніе Маріи Ѳеодоровны.

Въ это особое царство на присланномъ отъ «малаго двора» кабріолетѣ съ кучеромъ въ пудрѣ и чиновникомъ съ косою вѣбжалъ Калиостро въ свѣтлое, чудное утро.

Кабріолетъ доставилъ магика прямо въ Мальтійскій павильонъ,—средневѣковаго стilia зданіе съ зубцами, бойницами, башенками и статуями рыцарей въ нишахъ,—который стоялъ въ довольно глухой части парка среди мощныхъ елей и сосенъ. Но внутреннее убранство павильона не соответствовало мрачной и величественной его внѣшности. Тутъ имѣлась свѣтлая небольшая зала съ паркетнымъ поломъ и бѣлыми палисандровыми фанерами по стѣнамъ. Рогатыя головы лосей и оленей служили единственнымъ ея украшеніемъ. Легкіе диванчики и столики составляли все убранство.

Введя въ это уединенное помѣщеніе магика, придворный чиновникъ на нѣмецкомъ языкѣ объявилъ Каліостро, что тотъ имѣеть дожидаться здѣсь. Его высочество, возвращаясь съ верховой прогулки, пожалуютъ въ павильонъ для отдохновенія и удостоютъ при семь бесѣдой нѣкоторыхъ лицъ. Засимъ чиновникъ удалился, и Каліостро остался одинъ въ пустомъ павильонѣ, въ высокія стрѣльчатыя окна котораго хмуро заглядывали огромныя сѣверныя, развѣсившія хвои вѣтвей ели. Каліостро ожидалъ, что будетъ принятъ во дворецъ цесаревича, и такое начало ему сильно не понравилось. Однако, онъ не терялъ надежды настолько заинтересовать наследника русскаго престола, чтобы въ слѣдующее посѣщеніе уже бесѣдовать съ нимъ въ кабинетъ или даже за чайнымъ столомъ интимнаго кружка Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Одѣтый въ черное, съ большимъ, бѣлоснѣжнымъ кружевнымъ жабо и въ пудреномъ высокомъ парикѣ, при золотой цѣпи египетскаго масонства и шпагѣ, магикъ, держа шляпу подъ мышкой, терпѣливо прохаживался въ пустомъ павильонѣ, прислушиваясь къ немолчному глухому шуму, перекатывавшемуся въ вершинахъ парка.

Раздался топотъ, трескъ колесъ и хлопанье бича. Еще кабриолеть подъѣхалъ къ Мальтійскому павильону. Въ немъ сидѣлъ другой чиновникъ и съ нимъ невысокій человѣчекъ въ треуголкѣ, грудь котораго была увѣшена орденами разныхъ государствъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ бичъ, а въ другой длинный поводъ, на которомъ бѣжалъ сзади кабриолета маленькій, странной, розовой масти осликъ съ золочеными копытами и съ большимъ бантомъ изъ широкихъ лентъ прусскихъ цвѣтовъ у корня хвоста. Едва кабриолеть остановился, владѣлецъ ослика соскочилъ, досталъ изъ мѣшка, лежавшаго въ ногахъ въ экипажѣ, полотенце, щетки, мѣдный тазикъ и мыло, скинулъ кафтанъ, украшенный орденами, подвязалъ передникъ и, зачерпнувъ воды въ ближайшей канавкѣ, принялся ловко чистить, мылить и вытирать ослика, смывая слѣды дорожной пыли и испарины. Осликъ, развѣсивъ уши, стоялъ недвижно. Окончивъ туалетъ маленькаго четвероногаго, хозяинъ вновь облекся въ кафтанъ съ орденами, почистился и самъ и затѣмъ прямо вошелъ въ залу павильона, ведя за собой и ослика на поводу.

Замѣтивъ Каліостро, онъ вѣжливо снялъ треуголку и поклонился. Лицо его сіяло благодуншѣйшей улыбкой и безконечнымъ самодовольствомъ. По знаку хозяина, и осликъ поклонился, сгибая переднія ноги. Магикъ холодно кивнулъ этимъ новымъ персонажамъ. Но господинъ въ орденахъ, очевидно, желалъ вступить въ бесѣду съ магикомъ.

— Эге, камрадъ!—сказалъ онъ по-нѣмецки:—вы тоже явились что-нибудь хорошенькое показать его высочеству?

Каліостро не отвѣчалъ ни слова, но хозяинъ ослика нѣсколько тѣмъ не смутился и сталъ расхваливать необыкновенный умъ своего

длиноухаго питомца, утверждая, что это маленькое животное мудрѣе знаменитаго Апулеева золотого осла.

— Всѣ монархи и принцы Европы были отмѣнно нами довольны!—говорилъ хозяинъ ослика.—Доказательство—эти ордена и эти патенты!

Тутъ онъ досталъ толстый бумажникъ и сталъ вынимать оттуда патенты на разныхъ языкахъ съ печатями и подписями, удостовѣрившіе умъ осла и благоволеніе высокихъ особъ цѣлой Европы къ его хозяину.

Но вдругъ въ аллеѣ послышался топотъ копытъ, и показалась кавалькада изящныхъ всадницъ и всадниковъ. То возвращались съ ежедневной верховой прогулки цесаревичъ Павелъ Петровичъ, лучший наѣздникъ въ Россіи, цесаревна Марія Ѳеодоровна и особы ихъ свиты.

Поровнявшись съ павильономъ, кавалькада остановилась. Берейторы соскочили поддержать уздцы и стремя августѣйшимъ ѣздокамъ. Черезъ минуту въ павильонъ быстро вошелъ великій князь Павелъ Петровичъ, ведя подъ руку супругу, свѣтлыя черты которой блистали прелестью и одушевленіемъ удовольствія ѣзды въ чудныхъ паркахъ въ это свѣжее и плѣнительное утро.

Калиостро и владѣлецъ ослика привѣтствовали августѣйшую чету низкими реверансами. Поклонился и осликъ, сгибая ножки съ золочеными копытами.

Павелъ Петровичъ насмѣшливымъ проницательнымъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ окинулъ всю эту своеобразную группу и сказалъ, кивнувъ на ослика, Маріи Ѳеодоровнѣ:

— А онъ очень милъ и хорошо воспитанъ! Ну, ну! милѣйшій, покажите намъ его искусство,—продолжалъ весело цесаревичъ, и при этомъ морщилъ носъ и потиралъ руки—признакъ благодушнаго настроенія.

Хозяинъ ослика расцвѣлъ восторженной улыбкой отъ милостивыхъ словъ наслѣдника російскаго престола и, отвѣсивъ еще поклонъ, сталъ щелкать бичомъ. Осликъ ходилъ на заднихъ копытахъ, танцевалъ менуэтъ, прыгалъ черезъ стулья. Затѣмъ отбивалъ золоченымъ копытцемъ отвѣты на заданные вопросы о числѣ присутствующихъ, часовѣ, оконѣ въ павильонѣ.

— Bravo! bravo! C'est excellent! Да вашъ оселъ такъ обученъ, что едва не говоритъ! И прелесть какъ учтивъ!

— Мы безконечно счастливы, что спискали благоволеніе вашего императорскаго высочества!—весь распускаясь въ блаженную улыбку и кланяясь, говорилъ осчастливленный хозяинъ ученаго осла.

— Marie! Вѣдь это прелесть что за осликъ!—говорилъ Павелъ Петровичъ, обращаясь къ супругѣ.

— Премилый осликъ!—сказала Марія Θεодоровна.—Не правда ли, Катерина Ивановна!

Стоявшая тутъ же въ свитѣ фрейлина малаго двора Катерина Ивановна Нелидова постѣшила выразить удивленіе способностямъ ослика. Но вдругъ только что списавшій августѣйшую похвалу за учтивость осликъ подозрительно поднялъ хвостъ и надулся...

Павель Петровичъ притворно-грозно взглянулъ на хозяина длинноухаго, и нѣмецъ сконфуженно бросился къ воспитаннику и, подставивъ свою новую треугольную шляпу, симъ геронческимъ средствомъ сберечь паркетъ Мальтійскаго павильона.

Марія Θεодоровна и ея фрейлины закрылись вѣрамы, цесаревичъ расхохотался, за нимъ и всѣ засмѣялись.

Обрадованный нѣмецъ, самъ улыбаясь во весь ротъ и укоризненно покачивая головой, какъ бы пеняя ослику, столь плохо поддержавшему выданную цесаревичемъ объ его учтивости аттестацію, хотѣлъ вынести треуголку изъ павильона, но Павелъ Петровичъ далъ знакъ ему остановиться.

— Постойте, любезнѣйшій! Ваша шляпа намъ пригодится для герметическихъ опытовъ. Что же не представить мнѣ этого... какъ его... господина... господина Героглифа!

— Графъ Александръ де-Калиостро!—выступая, доложилъ кавалеръ свиты.

— Да! да! Господинъ Героглифъ!—разсѣянно говорилъ цесаревичъ.—Подойдите ближе, господинъ Героглифъ! Какъ ваше здоровье, господинъ Героглифъ!..

Во время опытовъ съ осликомъ Калиостро, глубоко обиженный тѣмъ, что его какъ бы ставятъ на одну доску съ ослинымъ дрессировщикомъ, оставался въ сторонѣ и никакъ не могъ принять надлежащую осанку. Онъ то съ важнымъ глубокомысліемъ и сосредоточенностью разсматривалъ потолокъ, то позволялъ себѣ легкую снисходительную улыбку мудреца, присутствующаго при дурачествахъ мірозапутаннаго, легкомысленнаго принца.

Казалось, Павелъ Петровичъ ни разу не взглянулъ даже въ ея сторону. Однако онъ отлично видѣлъ всѣ ея ухватки. Позванны теперь, Калиостро подошелъ съ поклономъ.

— Я много слышалъ о вашемъ искусствѣ,—сказалъ цесаревичъ.—Вы, говорятъ, чудеса дѣлаете?

— Что такое чудо, ваше высочество!—отвѣчалъ магикъ.—Непонятное кажется толпѣ чудеснымъ.

— Вы, говорятъ, открыли какой-то кладъ на островѣ Ивана Перфильевича Елагина!—продолжалъ, отдуваясь, фыркая и откидывая голову назадъ, цесаревичъ. По этимъ признакамъ можно было заключить, что магикъ ему сразу не поправился.

— Кладъ на семь островѣ, ваше высочество, подлинно таится, но дѣйствіями темныхъ некромантовъ обрѣтеніе его сынами свѣта, истины и свободы отдалено на сто двадцать пять лѣтъ!

— Какая жалость! А я хотѣлъ позаимствоваться изъ клада нашего милаго Ивана Перфильевича! Вѣдь вы знаете, господинъ Героглифъ, мы, принцы, вѣчно нуждаемся въ золотѣ.

— Если я—героглифъ для вашего высочества,—заискивающе сказалъ Калиостро:—то болѣе обстоятельная и при иной обстановкѣ бесѣда ваша со мною легко дастъ вамъ ключъ къ героглифу моей личности.

— О, не безпокойтесь, любезнѣйшій! Ключъ у меня уже въ рукахъ. Но вотъ что. Вы, говорятъ, сильны въ герметическомъ искусствѣ и обладаете тайной превращенія веществъ?

— Конечно, ваше высочество, многія тайны великаго дѣла мнѣ открыты,—съ важностью отвѣчалъ Калиостро.

— Подайте сюда шляпу!—приказалъ великій князь. Одинъ изъ кавалеровъ свиты взялъ у хозяина ослика его шляпу и, кусая губы, чтобы удержать улыбку, поднесъ магнку.

Но цесаревичъ принялъ совершенную серьезность.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—покажите намъ образецъ своего искусства, превратите это вещество въ золото, и тогда я скажу, что, подлинно, ваше великое дѣло—въ шляпѣ!

— Вы шутите, ваше высочество!—сказалъ растерявшійся Калиостро.

— Нисколько. Я даю вамъ возможность доказать свои знанія. Мы запремъ васъ сейчасъ въ этомъ павильонѣ и будемъ держать до тѣхъ поръ, пока вы не превратите въ слитки высокопробнаго золота все это. Если вамъ потребуются инструменты, пособія, мы ихъ вамъ дадимъ. Повторяю, я не шучу. Вы знаете, что восточные принцы привыкли къ безусловному повиновенію и немедленному исполненію ихъ приказаній.

— Ваше высочество забываете, что я—иностранецъ, а не вашъ подданный!—не безъ наглости устремивъ въ лицо цесаревича вынырнушіе изъ-подъ бровей мыши свои глаза, сказалъ Калиостро.

Павель Петровичъ не отвѣчалъ ни слова, фыркнулъ, подаль руку Маріи Θεодоровнѣ, круто повернулся и пошелъ изъ павильона.

Велѣдъ за нимъ пошли особы свиты, обходя магика съ такимъ видомъ, словно это онъ, а не осликъ, испортилъ треугольную шляпу.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ИЗМАЙЛОВЦА ¹⁾.

Въ 1850 году я былъ произведенъ въ прапорщики въ лейбъ - гвардіи Измайловскій полкъ. Десять лѣтъ протекло моей службы въ этомъ полку, и о ней у меня по настоящее время сохранились свѣтлыя воспоминанія.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я тотчасъ началъ знакомиться съ офицерами своего полка и получилъ хорошій урокъ о томъ, какъ иногда можно по первому впечатлѣнію ошибаться въ людяхъ. Офицеровъ тогда насчитывалось болѣе 70. Все были люди богатые, помѣщики, за исключеніемъ 6—7 человекъ. Квартиру я снялъ довольно приличную и недешевую. Нельзя же на первыхъ порахъ. Будутъ отдавать визиты, такъ чтобы не ударить себя въ грязь лицомъ. Всѣ перебывали у меня; всѣхъ я, конечно, примѣтилъ. Подошло какое-то собраніе. Мы были въ полномъ составѣ. Вдругъ вижу офицера, совершенно мнѣ незнакомаго; тѣмъ не менѣе форма на немъ нашего полка, элегантно спита, красиво пригнана; самъ онъ держитъ себя, какъ аристократъ, говоритъ съ товарищами по-французски. Я крайне заинтересовался и спросилъ у кого-то изъ офицеровъ о незнакомцѣ. На меня даже посмотрѣли удивленно и сообщили, что это—старый измайловскій офицеръ, поручикъ Болдыревъ. Мнѣ стало ужасно неловко, я чувствовалъ, что на лицѣ выступила краска и предательски выдала мое смущеніе. «Боже мой,—мелькнуло

¹⁾ Приводимые здѣсь рассказы записаны мною со словъ бывшаго офицера лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Ефима Васильевича Сухонина. Александръ Слезкинскій.

у меня въ головѣ,—я пропустилъ его визитомъ». Улучивъ минуту, я подошелъ къ Болдыреву, отрекомендовался и заговорилъ:

— Извините, поручикъ, за хлопотами, не могъ быть у васъ съ визитомъ.

— Не безпокойтесь,—сухо отвѣтилъ онъ.

«Ну, думаю, обидѣлся». Потомъ, желая вызвать его на разговоръ, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, часто приходится занимать караулъ по полку?

— А справьтесь въ полковой канцеляріи,—былъ рѣзкій отвѣтъ.

«Въ конецъ обидѣлся», рѣшилъ я и отошелъ.

На другой день я все-таки счелъ нужнымъ сдѣлать ему визитъ, чтобы не было лишняго повода для дальнѣйшихъ недоразумѣній. Болдыревъ встрѣтилъ меня гораздо любезнѣе, чѣмъ въ собраніи. Его житье-бытье рѣзко бросилось мнѣ въ глаза. Обстановка единственной комнаты была бѣдная, убогая. Самъ онъ, одѣтый въ простой бухарскій халатъ, шлепалъ стоптанными туфлями. Мой наѣздъ, видимо, засталъ его врасплохъ. Онъ забезпокоился о какомъ-то угощеніи, за чѣмъ-то хотѣлъ послать, но ничего не вышло. Идя отъ него, я размышлялъ: «голь, а туда же носъ задираетъ—хлыщъ».

Прошло нѣсколько дней, какъ мы были на официальныхъ поклонахъ. Я какъ-то заболѣлъ лихорадкой и пригласилъ полкового доктора Афанасьева. Докторъ явился; поговорили о болѣзни, а потомъ перешли на общественныя дѣла.

— А у меня сейчасъ былъ Болдыревъ,—сказалъ докторъ.

— Это хлыщъ-то?

— Что вы—хлыщъ! Прекрасный господинъ.

— Конечно, хлыщъ. Въ обществѣ гордъ, высокомѣренъ, а дома бѣдность, подъ бухарскимъ халатомъ спитъ.

— О бѣдности не спорю, но другое—ложь. Хотите, я его сюда приведу.

— Не надо, зачѣмъ. Я съ такими людьми не хочу сближаться.

— Вы сейчасъ убѣдитесь въ противномъ и возьмете свои слова назадъ,—авторитетно сказалъ докторъ и направился къ шинели.

— Не ходите, докторъ. Я васъ прошу.

— Нѣтъ, приведу,—настойчиво отвѣтилъ онъ и исчезъ задверью. Дѣйствительно, вернулись вдвоемъ.

— Такъ я—хлыщъ,—съ упрекомъ обратился ко мнѣ Болдыревъ.—Жестоко ошибаетесь. Пора намъ открыть карты и стать на товарищескую ногу.

Тутъ Болдыревъ много рассказывалъ о своей судьбѣ. Онъ старался одѣваться чисто, хорошо, потому что службу считалъ выше всего, но маленькія средства повергали его въ бѣдность. Сухой отвѣтъ былъ сдѣланъ имъ съ тою цѣлью, чтобы я не пріѣзжалъ

на его убогую квартиру. Въ вопросѣ же о дежурствѣ я самъ былъ виноватъ; онъ показался Болдыреву очень наивнымъ. Впослѣдствіи я коротко узналъ Болдырева. Это былъ умный, образованный офицеръ и прекрасной души человѣкъ.

Я пріѣхалъ въ полкъ осенью, а ранѣе, лѣтомъ, былъ грандіозный праздникъ—50-лѣтній юбилей императора Николая Павловича¹⁾. По разсказамъ товарищей, государь пригласилъ всѣхъ офицеровъ во дворецъ на обѣдъ, много шугилъ, острилъ и вообще находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа, а въ концѣ праздника объявилъ, что двери для измайловцевъ у него всегда открыты, днемъ и ночью, всякая надобность и нужда могутъ быть свободно предъявляемы ему лично. Вотъ этою милостію и воспользовался поручикъ Марковъ. Это цѣлая исторія, настоящій романъ. Марковъ былъ сынъ командира лейбъ-гвардіи уланскаго полка, героя Отечественной войны. Какъ молодой еще человѣкъ, Марковъ ухаживалъ за одной дѣвушкой, значительно богатой и образованной; она была блондинка, симпатичная, по имени Анна Семеновна Скрябина. Я ее лично послѣ зналъ и бывалъ въ семьѣ. Дѣвушка имѣла отца и бабуку. Семья жила въ Петербургѣ. Отецъ вель обширную торговлю и обладалъ крупнымъ состояніемъ. Надо сказать, что это семейство принадлежало къ расколу, особенно ярая раскольница была старуха. Марковъ, не взирая на разное общественное положеніе, часто посѣщалъ это семейство и нравился купцу, который даже говорилъ на сторонѣ, что если бы Марковъ оставилъ военную службу и перешелъ бы въ ихъ бытъ, то лучшаго мужа для своей дочери онъ не желалъ бы. Молодые люди все болѣе и болѣе сближались, полюбили другъ друга и готовы были вступить въ бракъ, но расколъ и происхожденіе мѣшали всему дѣлу. Время шло, а любовь поручика и купеческой дочки крѣпла. Умеръ отецъ, и дочь осталась на попеченіи бабки. Мысль пристроить внучку стала мучить старуху; она торопилась выдать внучку замужъ, потому что сама была стара и прожить долго не надѣялась; старуха опасалась, что послѣ ея смерти внучка, по молодости лѣтъ, соблазнится иной средой, отпадетъ отъ раскола и нарушитъ завѣты своихъ предковъ. Но дѣвушка еще при жизни отца тяготилась своимъ положеніемъ, на расколъ смотрѣла равнодушно и подчинялась ему внѣшне, да и то потому, чтобы не обидѣть стариковъ. Послѣ же смерти отца она получила больше правъ на самостоятельность и могла дѣйствовать рѣшительно. Въ виду всего этого бабка спѣшила замужествомъ своей внучки и пріискала ей уже жениха, купческаго сына и своей же секты, такъ что дѣвушкѣ угрожалъ бракъ съ раскольниковомъ, да еще съ нелюбимымъ человѣкомъ. Дѣло приближалось къ развязкѣ, насту-

¹⁾ Императоръ Николай I былъ отъ рожденія шефомъ Измайловскаго полка.

пилъ и канунъ свадьбы. Невѣста была въ отчаяннiи. Какъ быть? Что дѣлать? Она написала письмо Маркову, ну, конечно, тамъ... другъ, ангель, прошу, умоляю... однимъ словомъ, просила его сегодня же прійти на помощь, чтобы онъ явился и тайно ее увезъ. Письмо пришло вечеромъ. Марковъ положительно сталъ втупикъ и не зналъ, на что рѣшиться, а минута каждая была дорога. Можно представить себѣ его положенiе. Ничто, говорилъ онъ, не ошеломляло его такъ въ жизни, какъ это письмо. Вдругъ въ головѣ его мелькнула счастливая мысль—прибѣгнуть къ милости государя. Ухватившись за эту мысль, Марковъ полетѣлъ во дворецъ.

— Вамъ что угодно?—удивленно спросилъ его дежурный флигель-адъютантъ.

— Я къ государю съ просьбой,—отвѣтилъ взволнованнымъ голосомъ офицеръ.

— Такъ поздно!

— Мнѣ надо лично видѣть государя.

— Что вы, молодой человекъ. Въ такой часъ вы наживете бѣду. Кто же является съ ходатайствомъ въ позднее время во дворецъ.

— Государь разрѣшилъ офицерамъ нашего полка являться во всякое время.

— Прекрасно, но вѣдь этого нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ.

— А по-моему, наоборотъ,—съ нѣкоторой рѣзкостью возразилъ Марковъ.—Слова государя именно и надо понимать точно. Вотъ я понялъ такъ и пришелъ, тѣмъ болѣе, что судьба моя виситъ на волоскѣ. Доложите, пожалуйста, государю.

— Развѣ важное дѣло?

— Чрезвычайной важности.

— Ну, такъ вотъ что: государь теперь въ театрѣ, а когда прѣдетъ, я доложу. Только предупреждаю васъ, молитесь Бога, чтобы его величество былъ въ самомъ наилучшемъ расположенiи духа, иначе дѣло будетъ скверное.

Марковъ остался ждать, считая минуты. Наконецъ, государь вернулся и былъ веселый. Марковъ издалека еще слышалъ, какъ Николай Павловичъ шелъ со свитой, смѣялся и хвалилъ игру артиста Мартынова. Это Маркова значительно ободрило. О немъ доложили и позвали къ государю.

— Тызачѣмъ пришелъ, Марковъ?—спросилъ Николай Павловичъ.

— Ваше величество, осмѣливаюсь и страшусь беспокоить вашу особу,—съ легкой дрожью въ голосѣ заговорилъ поручикъ.

— Говори, что такое случилось?

— Помня вашу милость, оказанную на юбилейномъ тержествѣ, я явился предъ вашимъ величествомъ и дерзаю просить. Полюбилъ я одну дѣвушку, и она меня тоже полюбила. Мы хотѣли повѣн-

чаться, но бабка ея, завзятая раскольница, попрепятствовала нашему браку, нашла ей другого жениха, такого же раскольника, и завтра по ихъ обрядамъ назначена свадьба.

— Ты навѣрно знаешь, что невѣста тебя любитъ?

— Несомнѣнно. Она писала мнѣ, что готова даже бѣжать со мною.

— А гдѣ же это письмо?

Марковъ моментально выдернулъ изъ кармана писанный листокъ и подалъ государю. Николай Павловичъ прочелъ письмо, подумалъ и ободряющимъ голосомъ сказалъ:

— Не безпокойся, Марковъ. Я буду у тебя посаженнымъ отцомъ.

— Ваше величество!—воскликнулъ отъ радости офицеръ:—возможно ли?! Не вѣрю своимъ ушамъ.

— Что мною сказано, то вѣрно.

Въ неопisanномъ восторгѣ вышелъ изъ дворца Марковъ.

Но у Скрябиныхъ дѣло шло своимъ порядкомъ. Въ день свадьбы собрались родственники и знакомые для совершенія свадебнаго обряда. Невѣста сидѣла за столомъ въ вѣнчалномъ нарядѣ и, конечно, вся въ слезахъ, сильно убитая. Вдругъ является жандармскій полковникъ. Всѣ присутствующіе удивились и недоумѣвали, зачѣмъ онъ пожаловалъ. «Здѣсь свадьба купеческой дочери Анны Скрябиной?»—спросилъ полковникъ. Ему отвѣтили утвердительно. «Покажите мнѣ невѣсту». Ему показали. Полковникъ вызвалъ ее въ отдѣльную комнату и сдѣлалъ допросъ. На допросѣ она подтвердила всѣ слова, высказанныя Марковымъ государю. Тогда полковникъ вышелъ къ собравшимся и объявилъ, что императору нежелателенъ бракъ этой дѣвушки съ раскольникомъ, а она выходитъ замужъ за поручика гвардіи Маркова.

Воображаю, какъ это озадачило всѣхъ. Государь не былъ лично отцомъ, а прислалъ за себя генераль-адъютанта Граббе.

Кого не удивитъ такое участіе государя.

Но мнѣ рассказывали фактъ, какъ Николай Павловичъ былъ кумомъ нѣсколько разъ у однихъ и тѣхъ же родителей. Нѣкто С., человекъ уже преклонныхъ лѣтъ, женился на молодой красивой особѣ. Родился у нихъ ребенокъ. С. былъ въ восторгѣ и просилъ быть крестнымъ отцомъ Николая Павловича. Государь согласился и прислалъ цѣнный подарокъ. Женѣ С. это было чрезвычайно лестно. Родился другой ребенокъ, опять пригласили императора—и такъ дальше. Но когда доложили о пятомъ и спросили, угодно ли будетъ его величеству окрестить и этого, то Николай Павловичъ сказалъ: «передайте, готовъ крестить до двѣнадцати, а послѣ предоставляю наследнику цесаревичу».

Служба въ полку была нетрудная, проходила какъ-то незамѣтно. Въ частной жизни театры, концерты, вечера у знакомыхъ, товарищескія пирушки; жилось весело и беззаботно. Вдругъ объявили о сборѣ запасныхъ нижнихъ чиновъ.

Стали спѣшить обученіемъ новобранцевъ. Въ воздухѣ запахло войной. Нашимъ командиромъ былъ тогда генераль Козловъ, мужчина полный, высокій, красивый, съ порядочной просѣдью, но усы носилъ совѣтъ черные,—надо полагать, фабриль. Призываетъ онъ къ себѣ полковника Шабешева, молодыхъ офицеровъ—меня, Исакова, Васильковского—и говорить, что мы командиремся въ Царское Село обучать рекрутъ, на каждого изъ насъ троихъ дается по 100 человѣкъ, а полковникъ будетъ завѣдывать обученіемъ. При этомъ генераль посовѣтовалъ не поступать такъ, какъ поступаютъ въ другихъ полкахъ: рекруты живутъ въ деревнѣ, а обучающіе офицеры въ Царскомъ. Значитъ, надо было ѣхать въ деревню. Хотя послѣ столицы деревня обѣщала намъ ужасную скуку, но нечего дѣлать, прикусили губу и поблагодарили командира. Мы принялись за дѣло энергично. Рекруты подъ постояннымъ надзоромъ и наблюденіемъ нашимъ успѣшно подвигались впередъ.

По веснѣ разнесся слухъ, что государь пріѣхалъ подъ Царское смотрѣть новобранцевъ. Сначала побывалъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ обучались рекруты Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. До насъ дошли вѣсти, что Николай Павловичъ остался крайне недоволенъ обученіемъ въ тѣхъ полкахъ, и попало и рекрутамъ и офицерамъ порядочно.

Мы ждали и дрожали отъ страха. Былъ объявленъ день смотра. Рекрутовъ поставили въ три шеренги: въ передней и задней крупныхъ, лучшихъ, а въ средней похуже. Выглядѣлъ этотъ свѣжій, молодой отрядъ ничего; одѣтые въ измайловскую форму рекруты стояли молодцовато, бодро, только портили общій видъ собственныя шанки. Томительно тянулось время, разговоръ не вязался, перекидывались словами и нетерпѣливо переминались съ ноги на ногу. Командиръ, судя по хмурому его лицу, былъ тоже озабоченъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и смотрѣлъ все вдаль, прикладывая ладонь ко лбу, не спускалъ глазъ съ того горизонта, на которомъ долженъ былъ показаться государь.

Раздались голоса сигналистовъ: «Его величество изволить ѣхать».

— Смирно!—скомандовалъ Шабиневъ.

Мы поспѣшили занять мѣста—каждый у своей сотни.

Я увѣренъ, что едва ли когда-нибудь такъ бились наши сердца, какъ тотъ разъ.

Государь пріѣхалъ съ наслѣдникомъ въ открытой коляскѣ. Отдавая привѣтъ командиру, Николай Павловичъ быстрыми шагами подошелъ къ новобранцамъ.

— Здорово, некрутики!—крикнулъ онъ.

Пронеслось дружное: «здравіе желаемъ, ваше императорское величество!»

Государь прошелъ по первой шеренгѣ и похвалилъ, вторую и третью тоже похвалилъ. Начались кое-какія военныя эволюціи.

Николай Павловичъ съ каждою минутою веселѣлъ и постоянно вставлялъ «славно», «хорошо».

Надо представить нашу радость послѣ такихъ результатовъ осмотра. Впрочемъ, радость эта скоро омрачилась, но, къ счастью, на короткое время и притомъ совершенно напрасно.

Когда новобранцы были поставлены въ прежнюю позицію, государь вдругъ перемѣнился, насупилъ брови и, указывая на новыхъ солдатъ, сердито спросилъ:

— Это что, Козловъ?

Командиръ смутился, испуганно моргалъ глазами и недоумѣвалъ, о чемъ его спрашиваетъ государь.

— Старыхъ солдатъ поставилъ, — продолжалъ Николай Павловичъ.

Тутъ только понялъ Козловъ царскую шутку.

— Возможно ли, осмѣлюсь ли, ваше величество.

— То-то, смотри, — разсмѣялся Николай Павловичъ. — Благодарю тебя, Козловъ. Полковника Шабешева и гг. офицеровъ тоже благодарю. За такую службу обучающихъ офицеровъ представить къ награждѣ, унтеръ-офицерамъ по 5, а некрутикамъ по 2 рубля. Ну, а теперь домой.

Скомандовали: «пѣсенники впередъ». У насъ кто умѣлъ раскрывать ротъ, тотъ и пѣлъ.

Поэтому добрую треть новобранцевъ составляли пѣсенники. Николай Павловичъ смотрѣлъ, какъ проходили рекруты. Пѣсенники вереницей бѣжали мимо него, выкатывали глаза и отдавали честь.

— Ты кто? — спрашиваетъ одного государь.

— Пѣсенникъ, ваше императорское величество.

Николай Павловичъ спрашиваетъ другого, третьяго — все были пѣсенники.

— Да когда же будетъ конецъ? — громко смѣялся государь. — Вотъ такъ веселый полкъ.

Понятно, въ какомъ радужномъ настроеніи вернулись мы домой. Думали о немилости, а тутъ еще похвала и награда. Совѣмъ не ожидали.

На другой день насъ позвалъ командиръ.

— Очень благодаренъ вамъ. Все сошло отлично, лучшаго требовать нельзя. Какую же вы себѣ награду желаете, господа?

— Слѣдующій чинъ, — заявилъ я.

— Это, конечно, — согласился генераль. — Вы прапорщикъ; вамъ есть расчетъ получить чинъ. Хорошо.

Исаковъ и Васильковскій пожелали ордена.

— А вы, полковникъ? — спросилъ командиръ Шабешева.

— Мнѣ деньги, деньги, — твердо отвѣтилъ полковникъ, постоянно нуждавшійся въ нихъ.

— Я такъ и зналъ, — улыбнулся генераль. — Все будетъ исполнено, господа.

Ясно, что надежды были непоколебимы; оставалось только радоваться и выжидать, но иногда бываетъ такъ, что судьба распорядится совершенно иначе.

Черезъ нѣсколько дней снова приглашаетъ насъ командирь.

Когда мы явились, Козловъ сидѣлъ задумчивый; на челѣ его повисла мрачная туча.

— Вотъ, господа, — началъ онъ какимъ-то загробнымъ голосомъ:—случилась такая непрятная вещь, такая, что я самъ ума не приложу. Государь не утвердилъ награды.

— Неужели!?!—воскликнули мы.

— Да, не утвердилъ, и знаете, при какихъ обстоятельствахъ. Мнѣ сообщилъ генераль-адъютантъ. Были поданы наградные списки разныхъ полковъ и частей. Государь прочитывалъ и подписывалъ, а когда дошелъ до нашего полка, взялъ списокъ—трахъ пополамъ и подъ столъ.

Мы смотрѣли другъ на друга такими глазами, что только не говорили: «это ложь, голая ложь». Тѣмъ не менѣ говорилъ нашъ начальникъ и притомъ о государѣ; слѣдовательно, не вѣрить было нельзя.

Однако ларчикъ просто открывался.

На другой или третій день послѣ смотра новобранцевъ, въ Царскомъ Селѣ происходилъ высочайшій смотръ всему Измайловскому полку. Мы присутствовали на смотре, но безъ участія, частнымъ образомъ, такъ какъ наканунѣ только прибыли съ обученія. Полкъ выстроился на Софійскомъ плацу. Государь пріѣхалъ, и тотчасъ же раздалась его громкая команда о ружейныхъ приѣмахъ.

Тысячи ружей должны были произвести единодушный лязгъ, но получился перебой.

— Отставить!—крикнулъ Николай Павловичъ.

— Рады стараться, ваше императорское величество!—отвѣтилъ полкъ.

Снова послѣдовала команда о приѣмахъ—и такой же перебой.

— Уши! уши!—громче выкрикивалъ государь.

— Рады стараться, ваше императорское величество!

— Болваны!

Тотъ же отвѣтъ.

Адъютанты поскакали по линиямъ и упрашивали солдатъ быть внимательнѣе, слушать хорошенько, говоря, что государь гнѣвается на нихъ.

Началась команда разныхъ передвиженій. И тутъ полкъ сконфузился: ошибался, мѣшался, сбивался. Это положительно разсердило Николая Павловича.

— Вонъ съ плаца!—приказалъ онъ громогласно.

Кажется, легче было бы перенести упреки въ бѣгствѣ отъ непріятели, чѣмъ получить такой приказъ государя. Вѣдь полкъ

сгорѣлъ со стыда. Послѣ этой исторіи командиръ представлялъ офицеровъ къ очередной наградѣ, включивъ въ общій списокъ и насъ, какъ сказано выше, но никто не удостоился награды. Я виню Козлова, зачѣмъ онъ не представилъ насъ отдѣльно, наше отличіе было не по полку, тогда бы мы, несомнѣнно, получили. Просили командира исправить ошибку, возбудить вторичное ходатайство, но онъ побоялся государева гнѣва. Такъ наша награда и заглохла навсегда.

Неудачный смотръ привелъ всѣхъ въ уныніе. Офицеры не знали, чѣмъ помочь горю, какъ умиротворить царя, чтобы вернуть прежнія его расположеніе и любовь къ полку.

Наступилъ весенній праздникъ св. Троицы — нашъ полковой праздникъ — и государь, какъ шефъ полка, всегда присутствовалъ на немъ, но на этотъ разъ не пріѣхалъ. Это была кровная обида, нанесенная полку. Выходило то, что государь отвернулся спиною и на будущее время почелъ считаться шефомъ только въ спискахъ. Казалось, поправить дѣло было нелегко, однако представился одинъ счастливый случай. У насъ въ дежурной комнатѣ была картина, изображающая Бородинское сраженіе. На нее никто не обращалъ вниманія, происхожденіемъ ея никто не интересовался, висѣла она просто такъ, чтобы стѣна не пустовала. По пріѣздѣ въ полкъ Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе передѣваться въ измайловскій мундиръ въ дежурной комнатѣ. Однажды онъ взглянулъ на эту картину, сталъ разсматривать ближе, долго любовался и въ заключеніе приказалъ отнести ее къ себѣ, а потомъ помѣстилъ въ Эрмитажъ. Офицеры вспомнили это обстоятельство и въ угоду государю, что и имъ картина нравится, рѣшили повѣсить копію съ нея. Въ полку прекрасно писалъ масляными красками князь Максудовъ. Онъ цѣлый мѣсяцъ ходилъ въ Эрмитажъ и скопировалъ картину точь-въ-точь. Это было сдѣлано для того, что вотъ, молъ, какъ полкъ дорожитъ историческимъ изображеніемъ, свой офицеръ написалъ копію.

Прибылъ государь по какой-то необходимости въ полкъ, невеселый, мрачный и прямо въ дежурную комнату. Вдругъ онъ замѣчаетъ картину и удивленно спрашиваетъ:

— Это откуда?

Государю доложили, что взятую имъ картину офицеры цѣнили не менѣе, поэтому попросили князя Максудова снять копію, каковую и повѣсили на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ оригиналъ. Николай Павловичъ пожалѣлъ, что лишилъ полкъ такой драгоценности, похвалилъ за находчивость, просилъ передать князю благодарность и сразу какъ-то переѣнился. Офицеры достигли своей цѣли.

Послѣ обученія новобранцевъ было получено распоряженіе объ укомплектованіи полка.

Было прибавлено три батальона, такъ что съ прежними составилось шесть. Ихъ раздѣлили на двѣ самостоятельныя части,

по три батальона въ каждой, только въ хозяйственномъ отноше-
ннн одна подчинялась другой. Старые батальоны получили имя
резервнаго полка, а новые дѣйствующаго. Меня приписали въ пер-
вый. Я крайне обидѣлся такимъ назначеніемъ, потому что хотѣ-
лось понюхать пороху. Было молодо, кровь кипѣла, къ тому же
льстили отличія, а гдѣ ихъ можно легче нахватать, какъ не на
войнѣ. Пошелъ проситься къ командиру о переводѣ въ дѣйстви-
ющій полкъ.

— За что вы меня обижаете, ваше превосходительство?— съ
упрекомъ сказалъ я, явившись къ Козлову.

— Въ чемъ дѣло? не понимаю.

— Мнѣ въ Петербургѣ приходится быть въ резервномъ.

— Ахъ, да,—догадался генераль.—Я васъ оставляю при себѣ.

— Очень лестно, но мнѣ желательно повидать виды.

— У васъ большое желаніе?

— Убѣдительно прошу перевести.

— Въ такомъ случаѣ очень пріятно имѣть въ полку такого
офицера,—какъ-то радостно спохватился генераль.—Видна отваж-
ность, энергія. Это похвально, молодой человекъ. Я васъ немед-
ленно назначаю въ дѣйствующій.

Я поклонился и пошелъ, но генераль такъ восчувствовался
моей просьбой, что вернулъ меня, взялъ со стола два портрета—
свой и жены—подалъ ихъ мнѣ и трогательно сказалъ:

— Отъ меня на память.

Вскорѣ нашъ полкъ назначили на прусскую границу. Когда
мы выступили, въ Крыму уже дрались. Мы шли подъ командой
полковника А. И. Делингаузена. Тогда у насъ были старья,
скверныя ружья, съ боемъ на четыреста шаговъ. Въ походъ полкъ
снабдили штуцерами, но дали ихъ немного, всего 80 штукъ, по-
этому штуцерники распредѣлялись только по концамъ взводовъ.
Штуцера ружья дальнобойныя, съ коническими пулями, но бѣда
была въ томъ, что солдаты не знали, какъ съ ними обращаться,
и не умѣли изъ нихъ стрѣлять. Приходилось учить; составили такъ
называемую штуцерную команду, подъ руководствомъ одного офи-
цера. Обучались въ дорогѣ, стрѣляя въ складную мишень. Полкъ
пройдетъ два дня, на третій отдыхаетъ. Во время отдыха штуцер-
ники и ходили на ученье.

Разъ штуцерная команда возвращалась со стрѣльбы. Солдаты
шли веселые, съ пѣснями, но пѣли сначала все знакомое, а тутъ
вдругъ затянули какую-то новую пѣсню. Офицеръ заинтересовал-
ся и сталъ прислушиваться. Солдаты пѣли:

Ну-ка, братцы-штуцера,
Грянемъ пѣсню для царя,
Какъ мы любимъ всѣ его,
Какъ умремъ мы за него.

Мы жъ въ Измайловскомъ полку
 Не лежали на боку,
 А стрѣляли каждый день,
 Не шла въ голову намъ лѣнь,
 А теперича на дневкахъ
 Изловчились мы въ уловкахъ,
 Какъ невѣрныхъ колотить,
 Чтобы шефу угодить.
 Басурманъ же каждый знай,
 У насъ шефомъ Николай,
 И для батюшки его
 Намъ не страшно ничего.
 Англичанъ мы не боимся,
 Пулей вострой отразимся,
 А для турки дурака
 Мы такого трепака
 Въ пѣсняхъ нашихъ пропоемъ,
 Что не сладить онъ втроемъ,
 Пуля острая у насъ
 Поразить врага не разъ,
 И для батюшки царя
 Загремить у насъ «ура!»

- Стой!—скомандовалъ офицеръ.— Чья пѣсня?
 Изъ пѣсенниковъ выдѣлился унтеръ Афанасьевъ.
 — Это ты составилъ?
 — Такъ точно, ваше благородіе.
 — Молодецъ. Остроумно.

Офицеръ доложилъ командиру, тотъ одобрилъ сочиненіе солдатика и довелъ до свѣдѣнія государя. Афанасьевъ получилъ въ награду десять рублей, и пѣсня долго держалась въ полку, какъ одна изъ любимыхъ.

По дорогѣ съ полкомъ все было благополучно, ни сучка ни задоринки, только въ городѣ Рѣжицѣ, благодаря увлеченію офицеровъ, приключилась непріятная исторія. Еще въ Венгерскую кампанію полкъ шелъ черезъ Рѣжицу и потерялъ при печальныхъ обстоятельствахъ одного офицера. Несчастный утонулъ въ маленькой рѣчонкѣ и былъ похороненъ на рѣжицкомъ кладбищѣ. Братъ его въ мое время тоже служилъ въ Измайловскомъ полку и слѣдовалъ съ нами. Желая почтить память усопшаго брата, офицеръ отслужилъ литію и пригласилъ насъ помянуть. Выпили и закусили исправно, такъ что вышли послѣ тризны довольно навеселѣ. День былъ пятница, а въ городѣ вся торговля сосредоточивалась въ рукахъ жиновъ и достать въ субботу чего-нибудь было трудно. Поэтому надлежало запастись за день впередъ. Мы отправились по городу за свѣтными продуктами. Кто-то замѣтилъ на заборѣ безграмотную афишу и подалъ мысль для разнообразія сходить въ театръ. Рѣшили и пошли. Адресъ на афишѣ привелъ насъ къ какому-то сараю. Судя уже по этому, было ясно, какой пробы по-

двизалась тутъ труппа актеровъ, да кто, впрочемъ, порядочный поѣдетъ въ такую глушь. Офицеры вошли шумно и заняли первыя мѣста. Театръ представлялъ собою бревенчатыя стѣны, полъ земляной, впереди ряда два разнокалиберныхъ стульевъ, а сзади скамьи изъ досокъ. Висѣлъ желтый занавѣсъ съ сѣренькой лирой. У рампы сидѣли музыканты, старые, кривые. Разумѣется, послѣ петербургскихъ зрѣлищъ, такой театръ казался намъ дикимъ и доставлялъ обильный матеріалъ для насмѣшекъ. До представленія еще офицеры предложили музыкантамъ вина, тѣ съ удовольствіемъ пили, и, такимъ образомъ, на глазахъ публики, получился буфетъ. Какой-то мальчикъ принесъ букеты цвѣтовъ, которые у него тотчасъ же и раскупили. Но вотъ заколыхался занавѣсъ, сталъ подниматься, но на полдорогѣ застрялъ. «Господа-актеры, наклонитесь, ничего не видать!» кричали офицеры. Наконецъ занавѣсъ подняли. На сцену вышелъ мужчина и не успѣлъ сказать двухъ словъ, какъ офицеры разразились рукоплесканіями. Потомъ показалась женщина, толстая, въ поношенномъ костюмѣ, и начала выдѣлывать невозможные, скабрзные жесты; ее забросали букетами. Она ушла, но ее стали дружно вызывать. «Она уже раздѣлась, не можетъ выйти», былъ отвѣтъ со сцены. «Хоть въ юбочкѣ», просили офицеры. Вообще поведеніе полковой молодежи было крайне неприличное, вызвало негодованіе какъ публики, такъ и актеровъ. Мы, конечно, не выждали конца представленія и оставили театръ, также смѣясь и громко разговаривая. На другой день было выступать и предварительно получить отъ мѣстнаго городничаго билетъ о томъ, что полкъ велъ себя въ городѣ безупречно.

Пришелъ городничій къ полковому командиру и заявляетъ:

— Не могу дать билета. Вчера офицеры были въ театрѣ и надобоширили.

— Неужели?

— Правда. Всему городу извѣстно.

— Не можетъ быть.

— Увѣряю васъ, г. полковникъ.

— Какъ бы помочь этому?

Затрудняюсь. Приходили горожане съ жалобой, актеры тоже. Горожане-то еще ничего, а вотъ актеры — народъ отчаянный, губернатору донесутъ.

«Дѣло скверное», подумалъ командиръ и сказалъ вслухъ:

— Нельзя ли какъ-нибудь помириться.

— Не знаю, право.

— Предложить имъ денегъ, что ли, въ удовлетвореніе. Похлопочите. Полкъ идетъ на военномъ положеніи, задерживать его опасно.

— Попробую,—озабоченно сказалъ городничій и вышелъ.

Актеры согласились на мировую въ 300 рублей. Командиръ немедленно выдалъ деньги, полкъ получилъ «безупречный» билетъ

и двинулся впередъ. На 10-й—15-й верстѣ сдѣлали привалъ. Офицеры собрались группою и вели рѣчь о вчерашнемъ театрѣ.

Тихо подошелъ командиръ и вмѣшался въ разговоръ.

— Вы, господа, о театрѣ. Ну, какъ, хорошо?

Никто не подозрѣвалъ о денежномъ примиреніи, думали, что Делинстаузенъ невольно подслушалъ.

— Балаганъ по грошовымъ цѣнамъ,—отвѣтилъ кто-то.

— А, по-моему, вы смотрѣли знаменитую Ращель, которая стоила вамъ недешево. Я заплатилъ актерамъ 300 рублей, чтобы смыть съ нихъ вашу обиду, а то городничій не давалъ пропускного билета. Такъ разложите къ уплатѣ эти деньги на тѣхъ, кто изъ васъ былъ въ грошовомъ балаганѣ. Прошу скорѣе,—возвысилъ голосъ командиръ и добавилъ:—нехорошо, господа, пятнаете честь гвардейскаго мундира.

Затѣмъ онъ сталъ рассказывать, какъ у него былъ городничій и какъ уладилось дѣло.

Мы держали руки подъ козырекъ, стыдились и краснѣли до ушей.

Въ Бѣльскѣ полкъ занималъ зимнія квартиры, тамъ Делинстаузенъ заболѣлъ тифомъ и умеръ, не дождавшись производства въ генералы.

Послѣ него полкомъ командовалъ князь Урусовъ. Онъ пріѣхалъ прямо изъ-подъ Силистріи; былъ генералъ боевой, а мы вѣдь находились безъ дѣла. Скучно ему показалось у насъ, поэтому онъ пробылъ командиромъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ и снова уѣхалъ на войну. Его мѣсто заступилъ С. Е. Кушелевъ, который оставался слишкомъ семь лѣтъ и заслужилъ безграничную любовь полка.

Кушелевъ былъ генералъ красивый, ловкій, образованный и прекрасно воспитанный. Онъ кончилъ Пажескій корпусъ и поступилъ въ Преображенскій полкъ. Здѣсь молодой гвардеецъ сразу обратилъ на себя вниманіе Николая Павловича, понравился и сталъ въ фаворѣ у государя. Съ этихъ поръ Кушелевъ быстро поднимался въ гору, такъ что въ первыхъ чинахъ онъ былъ уже флигель-адъютантомъ. Отличія и повышенія его многимъ не давали спать, возбуждали зависть, злость. Разъ ему устроили гадкую ловушку на большихъ маневрахъ близъ Нижняго Новгорода. Это былъ первый камень въ его карьерѣ, какъ намъ рассказывалъ самъ С. Е. Свита, въ который онъ находился, со дня на день ждала государя на мѣстѣ маневровъ. Кушелевъ считался тогда женихомъ дочери нижегородскаго губернатора Марьи Ивановны Анненковой, впоследствии его жены, уважаемой нами до глубины души. Свитскіе подсмѣивались надъ женихомъ и говорили, что онъ сухой, безсердечный, торчитъ на маневрахъ уже который день и не повидается съ невѣстой, называли его трусомъ: боится, молъ,

удалиться на нѣсколько часовъ. Чтобы доказать противное, женихъ уѣхалъ съ маневровъ въ Нижній.

Какъ на грѣхъ прибылъ государь, поздоровался со свитой и замѣтилъ отсутствіе Кушелева.

— А Кушелевъ гдѣ?—спросилъ Николай Павловичъ.

— Заболѣлъ, лежитъ въ палаткѣ,—отвѣтилъ кто-то.

— Жаль, очень жаль,—соболезновалъ государь.—Надо навѣстить больного.

Николай Павловичъ отправился въ палатку. При входѣ встрѣчаетъ денщикъ. Солдатикъ поблѣднѣлъ и затрясся, увидя царя. Онъ сообразилъ, что бѣда висѣла на волоскѣ: приходилось лгать предъ государемъ.

— Что съ твоимъ бариномъ?—спросилъ Николай Павловичъ.— Я слышалъ, онъ боленъ?

— Точно такъ, ваше величество.

— Не опасная ли у него болѣзнь?

— Не могу знать. Должно, простудная.

— Ну-ка, посмотримъ,—рѣшительно сказалъ государь и сдѣлалъ шагъ впередъ. Тутъ денщикъ упалъ на колѣни и загородилъ царю дорогу.

— Ваше величество! батюшка! не губите!—взмолился солдатикъ.

— Что такое?

— Отецъ родной, смилуйтесь! Баринъ-то не больной. Соскучился по невѣстухкѣ и уѣхалъ.

— Вотъ какъ, безъ моего разрѣшенія!—удивился Николай Павловичъ, затѣмъ, тронутый поступкомъ денщика, ласково обратился къ нему:

— Встань, любезный. Ты службѣ вѣренъ болѣе, чѣмъ твой баринъ, потому что его укрываешь, а меня не обманываешь.

Кончилась эта исторія тѣмъ, что Кушелевъ уѣхалъ на Кавказъ. Но и тамъ онъ не остался втуне, былъ на виду и вернулся въ чинѣ штабсъ-капитана.

Когда Кушелева назначили нашимъ командиромъ, ему было немного болѣе тридцати лѣтъ.

Принялъ онъ полкъ въ Бѣльскѣ и говорилъ намъ привѣтственное слово, которое оканчивалось такъ: «Вы, господа, не подчиненные мнѣ, а товарищи и помощники. Весь успѣхъ нашихъ трудовъ заключается въ любви къ начальству. Такъ полюбите меня».

Въ Бѣльскѣ мы стояли очень долго, страшно скучали и не знали, куда время убить, но пріѣхалъ Кушелевъ, познакомился съ мѣстнымъ обществомъ, потащилъ насъ за собою, и пошло веселье кругомъ. А знакомство у него завязывалось живо.

Приходимъ разъ къ нему компаніей человекъ въ шесть, а онъ куда-то собрался и держитъ фуражку.

— Вы ко мнѣ, господа, а я ухожу,—говорить командиръ и развелъ руками.—Да мы поправимъ дѣло. Вы незнакомы съ городничимъ Квицинскимъ?

— Не имѣемъ удовольствія.

— Напрасно, отличный человѣкъ, и семья прекрасная. Кстати, пойдите, я васъ представлю.

Мы стали отказываться, говоря, что итти такою компаніей и въ первый разъ неловко.

— Ничего, это семейство очень простое,—настаивалъ генераль.— Сегодня повеселитесь, а завтра мундирчики на плечи и съ визитомъ.

Пошли и дѣйствительно провели время весело. Послѣ ходили въ домъ Квицинскаго часто, встрѣчали всегда радушный пріемъ, но продолжалось это, къ сожалѣнію, недолго: семью городнича постигло ужасное горе, опечалившее и общество, и офицеровъ.

Стояло жаркое лѣто. Въ народѣ ходила и пощипывала холера. Не уберется отъ нея нашъ любезный городничій, заболѣлъ и почти внезапно умеръ. Тѣмъ временемъ жена его была въ Варшавѣ. Ничего не зная о смерти мужа, она возвращалась домой. Въѣзжаетъ въ городъ и видитъ похоронную процессію. Когда сказали ей о личности покойника, съ ней случилось такое нервное потрясеніе, что она упала въ обморокъ, не пришла въ чувство, и на второй день тоже умерла. Такъ скоро и неожиданно дѣти Квицинскаго сдѣлались круглыми сиротами. Первымъ въ ихъ судьбѣ принялъ живое участіе Куселевъ. Онъ устроилъ въ пользу бѣдныхъ дѣтей подписку, самъ ѣздилъ по городу, собиралъ деньги. Всѣ отнеслись сочувственно, и было собрано болѣе двухъ тысячъ. Но этимъ Куселевъ не ограничился; онъ задумалъ помѣстить дѣтей куда-нибудь на казенный счетъ. Изъ насъ, кто имѣлъ связи въ Петербургѣ, поддержали мысль командира, хлопотали вмѣстѣ съ нимъ, и бѣдныя дѣти были устроены въ учебныхъ заведеніяхъ бесплатно.

Мы вышли изъ Бѣльска и были на пути къ Вильковишкамъ, къ тому мѣстечкѣ, дальше котораго итти намъ не полагалось. Тутъ насъ какъ громомъ поразила вѣсть о кончинѣ Николая Павловича.

Я сидѣлъ дома. Приходитъ вѣстовой и подаетъ мнѣ повѣстку на панихиду. Я прочиталъ и только могъ воскликнуть:

— Неужели!?

— Правда, ваше благородіе,—утверждалъ солдатикъ, вытирая рукавомъ слезы.—Умеръ, нашъ батюшка, умеръ.

Полкъ дневалъ въ какомъ-то селѣ. Мы собрались въ назначенное мѣсто, ожидали панихиды, заблѣли подъ открытымъ небомъ и ходили обогрѣваться въ грязный, вонючій трактиръ, содержимый еврейкой Шамкель.

Печально и уныло прохаживались офицеры по комнатамъ трактира. Меня остановила хозяйка.

— Скажите, какъ неожиданно.

— Удивительно.

— Ахъ, какое горе для Россіи! — напряженно вздыхала еврейка. — Вамъ вѣдь потребуется много траура, — вдругъ повернула она.

— Да, немало.

— У меня случайно нашлось нѣсколько аршинъ, такъ не предложите ли товарищамъ.

— Хорошо, — небрежно отвѣтилъ я и подумалъ: «нечего сказать, предупредительно». Впослѣдствіи оказалось, что евреи ранѣе узнали о смерти государя, запаслись флеромъ и, пользуясь стѣсненіемъ по добыванію его, продавали офицерамъ баснословно высоко.

Панихида была торжественная и трогательная. Офицеры и солдаты молились на колѣняхъ и громко плакали. Нашъ священникъ, семидесятилѣтній старикъ Назаровъ, такъ усердно, почувствованно совершалъ службу, что на колѣнопреклоненіи не могъ встать и былъ поднятъ офицерами. Совсѣмъ не такъ встрѣтили смерть монарха поляки тамошняго края. Мы ходили какъ въ воду опущенные, а они веселились, кутили, задавали пирушки и вообще радовались русскому горю.

Въ Вильковишкахъ насъ встрѣтили неважно, даже губернаторъ фонъ-Тикель, судя по его распоряженіямъ, принялъ сухо. Отвели квартиры худыя, стѣснительныя, безъ всякихъ удобствъ и снабженій. Куселевъ вспылилъ и написалъ губернатору письмо съ ходатайствомъ объ отводѣ болѣе сносныхъ помѣщеній. Получился отвѣтъ, что лучше не имѣется. Тогда командиръ поѣхалъ лично объясняться. Фонъ-Тикель былъ маленькій, сѣденькій старичокъ, по виду смиренный, но держалъ себя высококомѣрно, потому что находился подъ крылышкомъ у Паскевича.

Губернаторъ, какъ рассказывалъ потомъ Куселевъ, принялъ нашего командира съ прочими просителями, самъ стоялъ и его не посадилъ.

— Ваше превосходительство, будьте такъ добры, устройте насъ получше, — заговорилъ Куселевъ.

— Съ удовольствіемъ, но негдѣ взять квартиръ.

— Вѣдь больные стѣснены. Я принужденъ отдать имъ свою квартиру.

— Не могу, невозможно, — отказывался губернаторъ, дѣлая движеніе къ слѣдующему просителю и давая этимъ понять, что вопросъ о квартирахъ исчерпанъ.

— Убѣдительно прошу, — продолжалъ командиръ.

— Да, что же, нарочно мнѣ строить дома для васъ? — возвысилъ голосъ фонъ-Тикель.

Куселевъ совершенно спокойно подаль одинъ стулъ губернатору, другой взялъ себѣ, сѣлъ и сказалъ:

— Прошу ваше превосходительство садиться.

Садясь, еще болѣе озлобленный тонкой насмѣшкой, фонъ-Тикель стоялъ на своемъ.

— Повторяю, ваша просьба напрасна. Я разъ сказалъ, не могу,—и кончено.

Кушелевъ всталъ, почти вскочилъ.

— Такъ вотъ что!—сказалъ онъ твердымъ, не допускающимъ возраженій голосомъ:—на дняхъ я буду имѣть счастье являться молодому государю и вмѣстѣ съ тѣмъ постараюсь доложить о вашихъ дѣйствіяхъ подробно.

Фонъ-Тикель сразу перемѣнился, сталъ оглядываться на стороннихъ людей и въ вѣжливыхъ словахъ предложилъ командиру окончить дѣло въ кабинетѣ. Тамъ губернаторъ вывернулся, хотя прозрачно. Будто бы при другихъ лицахъ онъ не могъ иначе поступить, и наединѣ готовъ удовлетворить просителя.

Изъ кабинета оба генерала вышли веселые, смѣялись и разстались друзьями. Дѣйствительно, отвели квартиры прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ, администрація сдѣлалась предупредительна, участлива. И хорошо, что такъ вышло, потому что фонъ-Тикель вскорѣ убѣдился лично, какое положеніе Кушелевъ занимаетъ въ высшемъ обществѣ.

Тогда на границу прибыла нидерландская королева Александра Павловна, ѣхавшая въ Россію, изгнанная сыномъ. Въ числѣ мѣстныхъ властей представлялся королевѣ и Кушелевъ, какъ извѣстный ей еще мальчикомъ-пажомъ. Увидя его, Александра Павловна съ восторгомъ сказала: «Какъ я рада, что ступила на родную землю и впервые увидѣла знакомое лицо, Сережу Кушелева». Это слышалъ тутъ же присутствовавшій фонъ-Тикель; слышали всѣ. Въ день пріѣзда состоялся завтракъ у командира. Были приглашены всѣ офицеры и губернаторъ съ чиновниками. Королева сидѣла между фонъ-Тикелемъ и Кушелевымъ. Она была весело настроена, много говорила съ бывшимъ пажомъ о прошломъ, а къ губернатору обращалась лишь съ сухими, обязательными вопросами.

Такимъ образомъ, благодаря особенной заботливости командира, полкъ устроился въ Вильковишкахъ порядочно. Сидѣли мы въ этомъ глухомъ мѣстечкѣ и чего-то ждали. Наконецъ, дождались высочайшаго приказа, которымъ повелѣвалось, чтобы каждый гвардейскій полкъ отослалъ въ дѣйствующія войска трехъ лучшихъ офицеровъ. Кушелевъ въ то время былъ въ Петербургѣ, а полкомъ временно командовалъ полковникъ Шабишевъ. Собралъ насъ полковникъ у себя на квартирѣ и говорить:

— Вотъ, господа, требуются на войну лучшіе офицеры. Помоему, всѣ вы хороши, а надо только троихъ. Какъ быть?

— Жеребьевку устроить,—подалъ кто-то совѣтъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, — ухватился за этотъ совѣтъ полковникъ. — Прекрасная мысль, безспорное дѣло.

Взяли три фуражки, положили по числу офицеровъ пустые билеты и одинъ съ надписью «Крымъ». Вынули два раза: жребій упалъ на Гейденберга и Хмырова. Наступила третья очередь. Товарищи брали все пустые, опустилъ и я съ трепетнымъ сердцемъ руку, а въ этотъ моментъ, какъ предвѣстникъ, домашній голубь полковника сѣлъ мнѣ на руку и такъ щипнулъ сильно, что я отъ боли едва не вскрикнулъ и выдернулъ билетъ, въ немъ я прочиталъ свой жребій и остолбенѣлъ. Товарищескіе крики «ура!» пробудили меня; я очнулся; меня поздравляли, дѣловали. Начались приготовленія въ дорогу и притомъ сѣшныя, потому что надо было отправляться скоро. На прощанье офицерское общество давало намъ обѣдъ, рѣдкій, грандіозный обѣдъ. Лихо мы угостились, попиروвали, а потомъ многіе сѣли на тройки и провожали до Маріамполя. Тяжелое, со слезами тутъ было прощаніе. Вѣдь, Богъ знаетъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ видѣлись. Хмыровъ поѣхалъ на Москву, а я и Гейденбергъ въ Петербургъ. Въ Лугѣ я отсталъ, желая навѣстить родителей и попросить ихъ благословенія. Родители жили въ имѣніи Сабельскій погостъ, на разстояніи 30 верстъ отъ Луги.

Домой я пріѣхалъ ночью, на мнѣ была солдатская шинель и золотые погоны. Конечно, домашніе меня не ожидали, потому что я не посылалъ имъ увѣдомленія, да и послалъ бы, такъ по тогдашнимъ почтовымъ порядкамъ пріѣхалъ бы раньше извѣстія.

Поэтому не мудрено, что дворовый человѣкъ меня не пускалъ, пока я не назвалъся.

— Ахъ, молодой баринъ! — засуетился слуга. — Дорогой гость. Пожалуйте.

-- Не узналъ!

— Гдѣ признаешь. Никакой вѣсточки. Пріѣхали ночью въ такомъ одѣяньѣ.

— Всѣ здоровы?

— Слава тебѣ, Господи.

Отецъ встрѣтилъ меня въ первой комнатѣ и отшатнулся.

-- Тебѣ что?! — испуганно крикнулъ старикъ.

-- Что, не узнали?

— Ефимъ, да это ты!

— Я, папаша.

— Никакъ въ солдатской шинели.

-- Не пугайтесь. Видите, погоны-то. Теперь самъ государь носить такую шинель.

— Ужъ не въ Крымъ ли собрался?

Я хотѣлъ отвѣтить правду, но въ этотъ моментъ вошла матушка, стали лобызаться и пришлось солгать, чтобы не растрогать материнскаго сердца.

— Нѣтъ, я командированъ въ Петербургъ по дѣламъ полка.

— Значитъ, у начальства на виду,—довѣрялъ мнѣ на словахъ отецъ, но глаза говорили иное.

— Фимушка, ты мой, Фимушка,—твердила матушка, смотря на меня слезливо, умильно.

Когда матушка вышла на минуту, я открылъ отцу правду и рассказалъ, какой случай толкнулъ меня на войну. Отецъ не удивился.

— Что жъ,—соглашался онъ,—упалъ жребій, воля Божья. Благословляю тебя; будь живъ и здоровъ. Когда же ѣдешь?

— Спѣшу. Завтра утромъ, въ 12 часовъ, нельзя ли лошадей?

— Ладно, будутъ. Время короткое; надо все-таки предупредить мать. Молитва матери угоднѣе нашихъ.

Сказали матушкѣ; она, конечно, ударилась въ слезы.

— Что тутъ плакать,—утѣшала ее отецъ:—я самъ сражался съ твоимъ братомъ при Бородинѣ. Были въ отрядѣ Раевского. Девять разъ переходилъ редутъ изъ рукъ въ руки. Всѣхъ офицеровъ, всю прислугу перебили, а вотъ остался живъ. Ужъ суждено умереть, такъ не минуешь смерти: на войнѣ не погибнешь,—въ ложкѣ потонешь.

Дальше разговоръ держался больше на утѣшеніяхъ матушки. На другой день я ужасно торопился, боялся не застать въ Петербургѣ товарища.

Наконецъ благословили меня образкомъ Спасителя, засунули за бархатъ жребій, дали этотъ образокъ въ дорогу и проводили съ горькими слезами.

Пріѣзжаю въ Петербургъ и прямо къ Гейденбергу.

Спрашиваю денщика о баринѣ.

— А ихъ нѣтъ дома.

— Какъ?! Онъ уже уѣхалъ?

— Надѣли мундиръ и уѣхали въ гости.

— Ему надо положить мундиръ въ чемоданъ,—горячился я:—а не по гостямъ шляться.

— Это вы насчетъ Крыма изволите,—спокойно замѣтилъ денщикъ.

— Конечно.

— Да, кажется, не поѣдутъ. Тамъ что-то вышло; говорятъ, перемиріе началось.

— Не можетъ быть. Я тоже ѣду туда.

— Вѣрно. Баринъ вчера узнали.

«Что за чушь онъ городить», подумалъ я, уходя.

Я вспомнилъ о пребываніи въ Петербургѣ командира Кушелева и отправился къ нему.

— А, херъ фонъ-Эсъ,—шуткой встрѣтилъ меня генераль.—Въ Крымъ собрались?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

Командиръ повернулъ меня спиною, толкнулъ колѣнкомъ и сказалъ:

— Назадъ.

Я не понялъ этой комической штуки и покраснѣлъ отъ неловкости.

— Впрочемъ, садитесь,—смѣясь, заговорилъ генералъ:—я вамъ сейчасъ доложу: все кончилось, и ни вы, никто въ дѣйствующую армію не поѣдутъ.

Тутъ же Куселевъ далъ мнѣ маленькій отпускъ, и я снова побывалъ дома, чтобы обрадовать матушку.

Чувствовало мое сердце, что въ полку буду встрѣченъ градомъ насмѣшекъ. Такъ и вышло. Вернулся въ Вильковишки.

— Ну, что, не ранили? Живъ остался?—спрашивали товарищи.

— А мы-то провожали,—говорилъ поручикъ К.:—тратились на обѣдъ. Завидовалъ я тебѣ съ Гейденбергомъ. Онъ вѣдь любитъ выпить, а ты обладаешь хорошимъ аппетитомъ. Вотъ, думаю, жизнь имъ по дорогѣ. Гейденбергъ выпиваетъ, а ты закусываешь.

Нѣсколько дней мнѣ не давали проходу съ этой жеребьевкой. Хотя смѣялись въ шутиломъ и наивномъ тонѣ, но было все-таки непріятно.

Изъ Вильковишекъ полкъ пошелъ прямымъ трактомъ въ Москву на коронацію, а оттуда вернулись на постоянныя квартиры.

Въ Петербургѣ генералъ Куселевъ живо заявилъ себя передъ молодымъ государемъ не только по своему полку, но и вообще по гвардіи. Онъ и командиръ Конногвардейскаго полка графъ Ламбертъ выпустили въ газетѣ статейку о томъ, что при существующихъ порядкахъ каждый гвардейскій командиръ можетъ положить въ свой карманъ изъ хозяйственныхъ денегъ до 30 тысячъ, и все будетъ шито-крыто. Высчитывались и приводились цифры дѣйствительныхъ расходовъ и тѣхъ суммъ, которыя можно показать въ отчетахъ, а на самомъ дѣлѣ ихъ не расходовать. Поэтому, въ видахъ сбереженія казны и въ устраненіе злоупотребленій, въ статейкѣ предлагалось прибавить командиру 4 тысячи и учредить хозяйственный комитетъ при выборныхъ управителяхъ, которымъ опредѣлить жалованья по 1.000—2.000 р. Тогда въ содержаніи гвардіи получится экономія и цѣлесообразность. Статейка появилась какъ разъ предъ нашимъ праздникомъ и надѣлала въ гвардейскихъ войскахъ немало шума. Многіе порицали Куселева и Ламберта, называли ихъ выскочками, благородную идею клеймили фантазіей, вздоромъ, но, однако, на словахъ, а никто не рѣшился выступить въ печати. А когда въ Измайловскій полкъ на праздникъ пріѣхалъ государь, то и словамъ былъ положенъ конецъ. Александръ Николаевичъ сразу оказалъ расположеніе Куселеву тѣмъ, что, вопреки обычаю подавать руку командиру послѣ смотра,

подалъ ему, когда принималъ рапортъ. Протягивая руку, государь сказалъ: «Благодарю тебя и Ламберта за статейку; она мнѣ очень понравилась; такъ и будетъ это починомъ съ вашихъ полковъ». Полкъ былъ найденъ въ отличномъ состояніи, и смотръ кончился блестяще.

Въ этотъ день чрезвычайно обрадованный Куселевъ давалъ роскошный обѣдъ, на который имѣлъ удовольствіе пригласить государя, но послѣдній отказался, сказавъ: «Жалѣю, надо ѣхать сейчасъ въ Царское, больна государыня, а вмѣсто себя оставляю братьевъ» ¹⁾. Обѣдъ затянулся, и хозяинъ все время былъ въ высшей степени веселъ и любезенъ. Тостамъ не предвидѣлось конца. Всѣ подкутили и безконечно пили за здоровье Куселева. Одинъ изъ великихъ князей пришелъ въ такой восторгъ, что поднялъ бокалъ и воскликнулъ: «Сережа, за твое здоровье!» Немало насмѣшила и доставила удовольствія шутка солдатиковъ. Въ залъ вдругъ вѣхалъ всадникъ на конѣ, сдѣланномъ изъ двухъ людей, съ лошадиной головой, покрытыхъ попоной. Всадникъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ при соломенныхъ эполетахъ. Онъ подъѣхалъ къ князьямъ и доложилъ, сдѣлавъ руку подъ козырекъ, что въ Измайловскомъ полку обстоитъ все благополучно. Князья смѣялись и наградили находчивыхъ солдатиковъ. Въ концѣ концовъ офицеры подхватили своего командира на руки и несли отъ Измайловскаго собора до его квартиры. Такая процессія, конечно, изумляла уличную публику и ставила полицію въ неловкое положеніе. На другой день Куселевъ былъ приглашенъ на царскій обѣдъ, гдѣ государь не преминулъ замѣтить ему: «Поздравляю, у тебя вчера триумфъ былъ».

Учредились въ гвардіи, по проекту Куселева и Ламберта, комитеты. Комитетъ Измайловскаго полка оказался не на радость Куселеву. Предсѣдательствовалъ въ немъ полковникъ Критъ. Какъ-то капитанъ Черкасовъ замедлил отчетомъ по ротѣ; ему напомнилъ Критъ, ссылаясь на доставленіе отчетовъ другими ротными.

— Я хочу доставить отчетъ не какъ-нибудь,—сказалъ капитанъ. Однако словъ своихъ не исполнилъ.

Тогда въ засѣданіи Критъ пристыдилъ Черкасова, на что тотъ отвѣтилъ дерзостью. «Такъ выйдите вонъ!» вспылилъ полковникъ. Капитанъ вышелъ. Офицеры вступились за Черкасова и высказали предсѣдателю, что онъ не имѣлъ права такъ дѣлать, такъ какъ поступокъ его порочитъ честь мундира и кладетъ пятно на весь полкъ. «Что же, и мнѣ вонъ?» обратился къ присутствующимъ полковникъ. Всѣ молчали. Критъ подалъ въ отставку; ушелъ и капитанъ Черкасовъ.

¹⁾ Великіе князья Михаилъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ.

Вскорѣ государь Александръ Николаевичъ находился въ какомъ-то концертѣ у сановнаго лица и встрѣтилъ тамъ Кушелева. Первые слова государя были таковы: «Что у тебя, Кушелевъ, случилось? Надо поостроже». Сильно забилося сердце самолюбиваго генерала. Спустя немного, Кушелевъ выхлопоталъ себѣ продолжительную поѣздку за границу и исчезъ съ горизонта военнаго міра.

По возвращеніи ему дали въ Москвѣ гренадерскую дивизію, а потомъ онъ находился при дворѣ генералъ-адъютантомъ.

Дивизіоннымъ при мнѣ былъ Моллеръ, добродушный, простой, мягкій старикъ, но обладавшій незавидной памятью. Онъ меня не называлъ иначе, какъ исправный офицеръ, зналъ хорошо въ лицо, но фамилію постоянно забывалъ. Лестное обо мнѣ мнѣніе составилъ генералъ съ того времени, когда полкъ стоялъ лагеремъ въ Красномъ Селѣ. Сообщили, что сейчасъ будетъ дивизіонный, а мы только что вернулись съ ученья; солдаты и офицеры поправлялись, отдыхали. Я, будучи дежурнымъ, первый увидалъ, какъ Моллеръ на лошадяхъ спускается съ горы, и послѣшно далъ знать въ полкъ. Солдаты наскоро, кос-какъ, выстроились, а офицеры не успѣли; я одинъ стоялъ впереди фронта. Генералъ объѣхалъ передовую линію.

— Гдѣ же офицеры?—удивился онъ.—Вы—одинъ.

— Не справились послѣ ученья,—отвѣчалъ я.—Переодѣваются, ваше превосходительство.

— Ваша фамилія?

— Эсъ.

— Спасибо; исправный офицеръ,—потрепалъ меня по плечу генералъ и пошелъ съ тыла.

Офицеровъ все еще не было. Я опять выступилъ впередъ.

— Вы и здѣсь послѣшили. Фамилію вашу забылъ.

— Эсъ.

— Ага, Эсъ. Прекрасно. Вы исправный офицеръ.

Такимъ я и запечатлѣлся у генерала.

Когда мы стояли въ Вильковншкахъ, Моллеръ квартировалъ въ Ъльскѣ. Меня послали къ нему съ какимъ-то порученіемъ отъ полка, дивизіонный принялъ меня очень ласково.

— А, милости прошу, пожалуйста, исправнѣйшій офицеръ. А какъ ваша фамилія?

— Эсъ, ваше превосходительство.

— Да, Эсъ. Простая фамилія, а забываю; будьте, какъ дома, попросту.

Поговоривъ о дѣлѣ и разспросивъ о многомъ, генералъ пригласилъ меня отобѣдать.

Къ обѣду вышла его жена. Генералъ, рекомендуя меня, запнулся.

— Вотъ, рекомендую тебѣ, супруга, прекрасный офицеръ... офицеръ...

— Эсъ,—подсказалъ я.

— Офицеръ Эсъ.

Потомъ Моллеръ былъ уже въ отставкѣ и я тоже.

Мы встрѣтились въ Петербургѣ на Невскомъ. Онъ узналъ меня и обрадовался.

— А, мой любезный, исправнѣйшій офицеръ,—привѣтствовалъ генераль.—Вы никакъ въ отставкѣ, и я вышелъ. Извините, фамилію-то вашу все забываю.

— Эсъ, ваше превосходительство.

— Да, да, да, Эсъ. Были исправнѣйшимъ, образцовымъ офицеромъ. Теперь буду помнить.

Обмѣнявшись нѣсколькими словами о прошломъ, мы разстались. При прощаніи Моллеръ назвалъ меня «господиномъ», фамилію все-таки забылъ, но спросить на этотъ разъ, видимо, постѣснялся.

Кстати о моей отставкѣ. Кушелева уже не было, полкомъ командовалъ Дрентельнъ.

Въ Петербургѣ является ко мнѣ тетушка.

Я удивился и заподозрѣлъ что-то необычайное, потому что она никогда у меня не бывала.

— Тетушка! Вотъ не ожидалъ! — воскликнулъ я и облобызались.

— Охъ, съ недоброй вѣстью пріѣхала къ тебѣ.

— А что случилось?

— Отецъ твой...

Она не договорила, и на глазахъ ея навернулись слезы.

— Говорите, ради Бога, что съ папашей?—испугался я.

— Боленъ очень. Тебѣ надо ѣхать въ имѣніе завтра же.

«Скрываетъ, вѣрно, умеръ», подумалъ я и сказалъ:

— Скажите прямѣе—умеръ отецъ?

— Да,—заллакала тетка.—Не стало Васеньки.

Я на минуту остолбенѣлъ, потомъ пришелъ въ себя и отправился къ командиру за отпускомъ.

На другой день мы спѣшили уже въ имѣніе. Родственники были всѣ въ сборѣ. Отца похоронили.

Насъ осталось въ семьѣ мать-старушка и три сына, всѣ офицеры. Я былъ старшій братъ. Когда немного успокоились, матушка собрала насъ вокругъ себя и говорить:

— Ну, милыя дѣти, я теперь въ имѣніи одна. Не входила я ни въ какія хозяйственныя дѣла, не знаю ихъ, а учиться мнѣ уже поздно. Надѣюсь, что вы меня не бросите и кто-нибудь изъ васъ останется при мнѣ, будетъ жить со мною и управлять имѣніемъ. Тѣмъ болѣе приближается «воля», дѣлъ предстоитъ много, а мнѣ, женщинѣ старой, неопытной, куда ужъ справляться.

Мы молчали, переглядывались и не смѣли не согласиться съ любимой матерью, но кому первому вымолвить слово согласія—вотъ былъ вопросъ.

— По моему мнѣнію,—снова заговорила матушка, смотря на меня,—ты, Фимушка, постарше, такъ и оставайся.

— Да, Ефимъ, тебѣ оставаться,—подхватили братья.—Ты довольно послужилъ, такъ дай и намъ возможность.

Я рѣшительнаго ничего не отвѣтилъ, сказалъ, что возьму продолжительный отпускъ, приѣду въ имѣніе и тогда обсудимъ все положительно.

Вернулся въ Петербургъ и явился къ командиру.

— Похоронили батюшку,—сказалъ онъ ласково.

— Да, упокоился, и внезапно, неожиданно.

— А чѣмъ онъ болѣлъ?

— Ударъ. Полный былъ.

На лицѣ командира мгновенно выступила краска. Онъ былъ самъ тучный и трусилъ за такія же послѣдствія, какъ это дѣйствительно и случилось съ нимъ потомъ, во время смотра.

— Полный, толстый,—бормоталъ онъ.—Скверное дѣло.

Вскорѣ я снова взялъ отпускъ на мѣсяць. Жалко было бросать службу въ томъ полку, гдѣ я привыкъ, сроднился, гдѣ меня любили и товарищи, и начальство. Въ то же время приходили въ голову и другія мысли. Послѣ Крымской кампаніи полкъ сократили, офицеровъ осталось много, такъ что о скоромъ производствѣ и думать было нечего. Главное, безпокоила матушка, которая прямо указала на меня, какъ на будущаго хозяина, и въ этомъ не выказывала ни малѣйшаго сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ разрывать совершенно связь съ полкомъ мнѣ крайне не хотѣлось. Вотъ я и придумалъ такую комбинацію: откомандируюсь къ аракчеевскому корпусу, къ своей alma mater, буду числиться въ гвардіи, пользоваться свободой и управлять имѣніемъ.

Съ такимъ планомъ я приѣхалъ къ матушкѣ на окончательное рѣшеніе, сталъ приводить въ порядокъ хозяйство, дѣла было много; я взялъ отсрочку отпуска, да въ хлопотахъ-то ходатайствовать объ откомандированіи и замѣшкался, а тутъ подошла отмѣна крѣпостного права, и корпусъ перевели въ Нижній. Я очутился какъ ракъ на мели. Со слезами на глазахъ я написалъ отставку и послалъ въ полкъ.

Е. В. Сухонинъ.

ЛОЦМАНЪ.

(Разсказъ «второго помощника»).

I.

В ВЕЧЕРА небо помутнѣло, и ночь была темная и душная. Нѣсколько разъ я выходилъ изъ своей каюты на палубу, жадно лоя грудью воздухъ. Онъ былъ совершенно неподвиженъ. Длинными, чуть зыбившимися отъ приливнаго теченія полосами ложились отраженія огней на темную воду. Звѣздъ не было видно, нельзя было разсмотрѣть и очертаній облаковъ, и только чувствовалось, что огромныя и тяжелыя груды ихъ непрерывно и упорно ползутъ куда-то, сдавливая воздухъ...

Ждали тайфуна.

Утромъ донеслись его первые горячіе порывы, дробя и волнуя молочно-кофейную воду рѣки. Рейсъ нашъ былъ срочный и, несмотря ни на что, мы должны были сняться. Кое-кто изъ наиболѣе опасливыхъ пассажировъ съѣхалъ на берегъ, и оставшіеся провожали ихъ взглядами, полными затаеннаго желанія послѣдовать ихъ примѣру. Даже мы, моряки, чувствовали легкое нервное безпокойство, которое тщательно, однако, скрывали и отъ товарищей, и отъ пассажировъ, то и дѣло задававшихъ одинъ и тотъ же вопросъ:

— Тайфунъ будетъ?...

Только третій механикъ, уже пожилой длинноусый хохоль, ворчалъ, ни къ кому не обращаясь и разминая въ рукахъ по своему обыкновенію кусокъ грязной обтирки.

— Несетъ нелегкая...

Успокаивая пассажировъ, я нѣтъ, нѣтъ да и взглядывалъ на юго-востокъ, покрытый тяжелыми тучами и ничего хорошаго не обѣщавшій.

— Кто лоцманъ? — спросилъ я старшаго, смотрѣвшаго по одному со мною направленію.

— Йогансенъ,—отвѣтилъ онъ.

Небо оставалось такимъ же темнымъ, вѣтеръ такъ же напрягалъ снасти и рвалъ клочки бѣлаго горячаго пара, такъ же жалобно и безпокойно кричали чайки, шныряя вокругъ парохода, но я сразу облегченно и радостно вздохнулъ, и вопросы пассажировъ стали казаться мнѣ забавными, а хохлу-механику я бросилъ шутиливо:

— Не ворчите, дѣдъ, не пугайте людей понапрасну...

— Якій я тобі дідъ дався? Не состарився ще...—отвѣтилъ онъ, расправляя вымазанными въ копоти и машинномъ маслѣ пальцами сѣдѣющій усть.

Йогансенъ... Ему всѣ вѣрили.. Когда онъ входилъ, бывало, на мостикъ, краснолицый, плотный, съ бѣлыми бровями и свѣтлыми, какъ блѣдное небо его родины, Норвегіи, глазами,—и, положивъ лицо и тяжело свою жилистую, узловатую руку съ плоскими и толстыми ногтями на поручни, взглядывалъ впередъ изъ-подъ козырька надвинутой плотно на самый лобъ синей фуражки, мнѣ казалось каждый разъ, что машина начинаетъ тише работать, не такъ гудятъ снасти, и что весь пароходъ напряженно ждетъ его слова...

— Право руля...—говоритъ онъ, бывало, не громко, но властно; и опять кажется, что не матросъ поворачиваетъ ручки колеса, не цѣпи передаютъ это движеніе рулю, а самъ пароходъ покорно поворачивается и идетъ туда, куда велитъ ему итти человекъ съ краснымъ лицомъ и бѣлыми бровями.

Онъ никогда не шутилъ и не говорилъ ни о чемъ постороннемъ на мостикѣ, и всѣ, начиная съ крикливаго и шумливаго капитана, рыжіе усы котораго обычно мелькали одновременно въ пяти мѣстахъ, и кончая жеманной и нѣжной кошкой Бѣлянкой, выходившей иногда, мягко ступая своими гибкими лапками, погрѣться на палубу, проникались серьезностью и спокойствіемъ Йогансена и, главное, вѣрили ему, вѣрили безгранично.

Въ самыя опасныя минуты, когда у него долженъ былъ напрягаться каждый нервъ, онъ ничѣмъ не выдавалъ своего волненія, и только, быть можетъ, пальцы его руки крѣпче налегали на поручни, да губы плотнѣе сжимались.

II.

Югансенъ всегда отличался удивительной точностью; и на этотъ разъ онъ явился на пароходъ съ маленькимъ красной кожи чемоданомъ въ лѣвой рукѣ ровно за пять минутъ до отхода и, коротко пожавъ нѣсколько рукъ и забросивъ свой чемоданъ въ каюту, прошелъ на мостикъ.

Не успѣли мы выйти въ море, какъ волны, словно поджидавшія насъ, набросились со всѣхъ сторонъ, то вскидывая нашу «Томъ» на хребты, то обрушивая ее въ жидкія кипучія бездны... Палубу поминутно обдавало водой, розмахи судна доходили до сорока градусовъ, и не разъ казалось, что еще мгновение—и «Томъ» перевернется и увлечетъ насъ въ таинственную и страшную глубь океана.

Хотя это и не входило въ его обязанности, Югансенъ все время стоялъ на мостикѣ, и одна его фигура казалась неподвижной, когда все кругомъ прыгало, дрожало и раскачивалось.

Мы благополучно выбрались изъ тайфуна, отдѣлавшись потерей одной шлюпки.

Югансенъ сошелъ съ мостика, и тотчасъ же съ нимъ произошла обычная перемѣна. Насколько тамъ, на мостикѣ, онъ бывалъ твердъ, властенъ, увѣренъ въ себѣ, настолько нерѣшителенъ, робокъ и почти застѣнчивъ онъ бывалъ между пассажирами, въ салонѣ и на палубѣ; онъ весь какъ-то съеживался, сжимался, словно стыдился и своего краснаго лица, и бѣлыхъ бровей, и огромной, нескладной фигуры, и американскихъ башмаковъ съ толстыми подошвами.

Въ хорошую погоду онъ обыкновенно сидѣлъ у борта лицомъ къ морю и, не поворачивая головы, смотрѣлъ на шумѣвшія и брызгавшія пѣной волны. Когда же погода бывала такъ дурна, что не было никакой возможности оставаться на палубѣ, онъ или уходилъ въ свою каюту, или садился въ самый дальній и темный уголъ салона, положивъ ногу на ногу, сложивъ руки пальцами въ пальцы, и неподвижно смотрѣлъ передъ собою, не вступая въ разговоръ, рѣдко улыбаясь шуткамъ, не вмѣшиваясь въ игры.

Онъ всегда отказывался, когда его угощали, и самъ никого не угощалъ.

Разъ въ день, около девяти часовъ вечера, онъ спрашивалъ себѣ бутылку чернаго пива и медленно выпивалъ ее, обсасывая усы и смотря въ кружку, словно ища чего-то въ блестящихъ и легкихъ пузырькахъ пѣны.

III.

Мы подходили къ порту. Валу мертвой зыби незамѣтно вснухали и падали; все темно-синее море тихо и ровно дышало, искрясь въ лучахъ полуденнаго солнца. По горизонту стлалась легкая мгла. Берега еще не было видно, но онъ долженъ былъ открыться съ минуты на минуту.

Прислонившись плечомъ къ стойкѣ, я смотрѣлъ, не отрывая глазъ, въ лиловатую даль. Тамъ, на этомъ берегу, я зналъ, меня ждали. И я рисовалъ себѣ, какъ подойдетъ къ пароходу, раскочиваясь на прозрачной водѣ, легкая шлюпка, какъ подыметя ко мнѣ розовое отъ загара лицо, какъ звонкій и веселый голосъ прорвется сквозь шумъ и гамъ лодочниковъ, сквозь грохотъ якорнаго каната:

— Здравствуй, Владя.

Вдругъ тяжелая рука легла на мое плечо. Я вздрогнулъ и обернулся.

— Замечались?—спросилъ меня Югансенъ, взглядывая на меня изъ-подъ бѣлыхъ бровей.

— Да, замечтался,—отвѣтилъ я, улыбаясь.

Въ глазахъ Югансена на этотъ разъ свѣтилось что-то нѣжное и ласковое, какъ первые теплые лучи весенняго солнца.

— Васъ ждутъ тамъ, на берегу? — спросилъ онъ снова, медленно снимая съ моего плеча руку.

— Ждутъ...

Онъ едва замѣтно вздохнулъ и сталъ смотрѣть мимо меня въ лиловую даль....

— Берегъ... — сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ и такъ же незамѣтно и стыдливо, прячась отъ меня, вздохнулъ еще разъ..

IV.

Югансенъ рѣдко съ кѣмъ разговаривалъ, поэтому я былъ очень удивленъ, когда въ обратный рейсъ онъ снова заговорилъ со мною.

Мнѣ было скучно. Шелъ дождь, и потоки воды бѣжали по мокрой палубѣ; даль была затянута сѣрымъ мутнымъ пологомъ, сѣрое море надоѣдливо шумѣло у бортовъ.

Я прошелъ въ офицерскую столовую и сѣлъ тамъ, начавъ машинально перебирать струны разстроенной гитары. Думалъ я о тѣхъ, кто остался на берегу, думалъ о счастливыхъ людяхъ, которые могутъ никогда не разлучаться со своими близкими.

Одна надоѣдливая мысль липла, какъ муха въ жаркій лѣтній день, и сколько ни старался отогнать ее, она возвращалась упорно и настойчиво.

Прощаясь въ этотъ разъ со мною на пароходѣ и подставляя губы для поцѣлуя, жена какъ-то странно, какъ-то совѣмъ особенно взглянула на Будберга— иѣмца, служившаго въ агентствѣ,— бываютъ такіе вотъ взгляды, какъ будто и незначительные, какъ будто и мимолетные, но поселяющіе мгновенно тревогу въ душѣ, какъ едва слышный пискъ ночной птицы въ глухую и темную ночь. Мелькнулъ взглядъ — и вотъ тянутся за нимъ, связанные тонкой, но крѣпкой, но неразрывной нитью смутныя воспоминанья, полунамеки, предчувствія...

Я дергалъ со злостью струны гитары, и онѣ жалобно вскрикивали, и долго дрожали въ ухахъ оборванные, недоговоренные звуки.

Я перебиралъ, пересыпалъ въ головѣ надоѣвшія уже, но мучительно-неотвязныя, мысли, я пробовалъ утѣшать самъ себя, говорить себѣ, что все—вздоръ, все—какой-то туманъ, который на мигъ окуталъ мою душу и подъ первой же ласковой улыбкой жены расплывется, разѣтется безъ слѣда.

Но, раздвигая мои разсужденія, какъ занавѣси, выглядывало розовое, въ высокомъ воротничкѣ лицо Будберга, и особенно ясно была мнѣ видна прядка свѣтлыхъ волосъ, всегда падавшая на его высокій и выпуклый лобъ.

Въ столовой, кромѣ меня, никого не было; дождь сбѣгалъ прозрачными, ровными струйками по стекламъ иллюминаторовъ; волны шумѣли по борту, и отъ ударовъ винта однообразно позвякивали подвѣшенные надъ столомъ рюмки.

— Вы одинъ?—спросилъ меня, неожиданно появляясь въ дверяхъ и загораживая ихъ своимъ тѣломъ, Югансенъ.

— Одинъ,—отвѣтилъ я.

— Скучаете?—продолжалъ онъ, переступая порогъ и подходя ко мнѣ.

— Скучаю.

— Берегъ тамъ? Далеко?

Югансенъ махнулъ рукой по направленію оставленнаго берега.

— Да.

— Да, да... Я знаю... Это—тяжело. Но вамъ лучше, чѣмъ мнѣ... Пройдетъ десять дней, и вы опять будете дома, опять увидите тѣхъ, кого любите; а когда я увижу мой берегъ?

Югансенъ задумался, поднялъ руки и началъ чесать своими крѣпкими пальцами въ желтоватыхъ, коротко остриженныхъ волосахъ.

— Можно сѣсть около васъ?—спросилъ онъ.

— Конечно, садитесь, пожалуйста.

Въ присутствіи Югансена я чувствовалъ какую-то неловкость и не находилъ словъ, чтобы поддерживать бесѣду.

Онъ сѣлъ, помолчалъ, почесалъ еще въ волосахъ, потомъ сказалъ:

— Мнѣ хочется говорить сегодня... Дождь идетъ, море сѣрое и небо сѣрое... да... оттого и скучно...

Я ничего не отвѣтилъ, и мы сидѣли такъ, слушая шумъ моря и звяканье рюмокъ.

— Знаете, я вѣдь собираюсь тоже жениться,—не глядя на меня, тихо промолвилъ Иогансенъ.—Это дѣло рѣшенное. Меня ждетъ тамъ, на родинѣ, въ Норвегiи, одна дѣвушка. Мы съ ней обручены уже давно. Только я рѣшилъ, и она согласилась со мною, потому что она благоразумная дѣвушка, что, пока у меня не будетъ двадцати пяти тысячъ долларовъ, нельзя заводить семью: мало ли что можетъ случиться... Она ждетъ меня... Она тоже работаетъ, служитъ учительницей, переводы для газетъ и журналовъ дѣлаетъ съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Эти языки она хорошо знаетъ. Уже девять лѣтъ, какъ я ее не видѣлъ, а помню ее такъ, какъ будто она вчера была передо мной. Такихъ свѣтлыхъ и чистыхъ голубыхъ глазъ, какъ у нея, я никогда не видѣлъ ни у одной женщины; и вся она необыкновенная. Если бы вы увидѣли ее, вы влюбились бы. Я, когда сижу молча и думаю,—думаю все объ ней, воображаю ее себѣ, разговариваю съ нею въ умѣ...

Иогансенъ говорилъ медленно и съ трудомъ подыскивая слова.

Говорили мы по-англійски; онъ хорошо зналъ этотъ языкъ, и затрудненія его происходили не отъ недостатка словъ,—онъ просто отвыкъ говорить.

— Недавно со мной случилось большое несчастье,—продолжалъ онъ:—я вздумалъ сыграть на биржѣ и потерялъ около двухъ тысячъ долларовъ. Такъ было мнѣ досадно, такъ тяжело, что я, какъ маленькій мальчикъ, чуть не плакалъ. Я вынималъ портретъ Ильды,—ее зовутъ Ильдой,—смотрѣлъ на него и просилъ у нея въ мысляхъ прощенія. Ей самой я не рѣшился написать, хотя зналъ, что она проститъ меня; но зачѣмъ огорчать ее? Пусть она лучше не знаетъ, что я такъ глупъ. Теперь я больше не буду играть... Нѣтъ, конечно! Я буду работать и копить деньги. Каждая сотня долларовъ, которую я отношу въ банкъ, говоритъ мнѣ: «Ильда близко, Ильда близко», и сердце мое радуется. Я мало трачу на себя. Вотъ только не могу отказаться,—каждый день пью бутылку пива; а оно здѣсь ужасно дорогое: сорокъ центовъ бутылка...

Онъ замолкъ и опять сталъ чесать голову. Во все время, пока онъ говорилъ, онъ ни разу не взглянулъ на меня.

— У меня есть маленькое развлеченье, — началъ онъ снова совѣмъ тихо, почти шопотомъ, и мнѣ показалось, что онъ слегка покраснѣлъ:—мы съ Ильдой переписываемся; она пишетъ красиво и очень поэтично описываетъ чувства и виды. Я складываю ея письма и, когда ихъ набирается много, переплетаю въ книжку. Вечеромъ, оставшись одинъ, я перечитываю медленно эти письма

страницу за страницей, и тогда мнѣ кажется, что сама Ильда потихоньку приходитъ въ мою комнату и садится около меня, и,— стоитъ мнѣ поднять глаза, — я увижу ее... Я нарочно долго не оглядываюсь, чтобы не почувствовать, что это только обманъ...

Югансенъ сложилъ вмѣстѣ руки и сталъ крутить большіе красные пальцы одинъ около другого...

V.

Я никому не рассказывалъ о невѣстѣ Югансена, но объ ней, и кромѣ меня, многіе знали. Должно быть, въ минуты тоски Югансенъ не со мной однимъ дѣлился своими думами.

Въ нашей каютѣ-компаніи нерѣдко заговаривали о нихъ.

Чаще другихъ заговаривалъ Орнутскій—третій помощникъ. Онъ былъ фатъ, страшно занимался своей наружностью, вѣчно крутилъ усы, душился самыми дорогими англійскими духами и старался говорить по-барски, растягивая слова.

— Она, должно быть, уже высохла, дѣвица эта, — говорилъ онъ:—какъ самый сухой сухарь, носитъ синія очки, горбится и пьетъ ромашку... Не понимаю этихъ нѣмцевъ, норвежцевъ и прочихъ. У нихъ вѣдь это въ обычаѣ—по десять лѣтъ свадьбы дожидаться...

— Дурни они—оттого,—тотчасъ же вступался, по обыкновенію не разставаясь съ обтиркой, третій механикъ:—дурни самые настоящіе. Время золотое теряютъ. Ну, какой въ ней смакъ въ сорокъ лѣтъ будетъ?—Вотъ бы мнѣ! Показалъ бы я ему, гдѣ раки зимуютъ!..

Второй механикъ у насъ былъ поэтъ. Онъ носилъ длинные волосы, рубашку съ отложными воротничками, игралъ по слуху одинъ вальсъ и одну польку и писалъ тайкомъ стихи. Последнее время у него вышло два-три новыхъ сонета, посвященныхъ «блѣдной дѣвѣ сѣвера, ея свѣтлымъ очамъ и золотистымъ кудрямъ».

Всѣ стихотворенія онъ переписывалъ въ отдѣльную тетрадку въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ и только мнѣ да судовому доктору онъ рѣшался ихъ читать иногда дрожащимъ и полнымъ чувства голосомъ, прося «безпощадной и искренней» критики.

VI.

Наконецъ Югансенъ уѣхалъ жениться. Прощаясь, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Теперь близко и мой берегъ... И, знаете, я боюсь, боюсь этого перехода, боюсь моря, боюсь сорока длинныхъ и скучныхъ дней.

Около этого же времени и я взялъ отпускъ.

Стоялъ августъ мѣсяцъ, было жарко. По ночамъ въ небѣ вспыхивали горячія, розоватыя зарницы. Днемъ скоплялись, полупрозрачныя отъ зноя, огромныя облака, нѣжно круглившіяся въ синевѣ, и къ вечеру тихо и незамѣтно таяли...

Цѣлыми днями я полулежалъ въ креслѣ-качалкѣ въ нашемъ маленькомъ, но густомъ садикѣ. Надъ моей головой причудливо сплетались огромныя листья фигъ, тонкое кружево акаціи, черная и жирная зелень вѣчно зеленыхъ деревьевъ, отражавшая снопы яркихъ лучей. Обыкновенно я держалъ въ рукахъ книгу, но не читалъ ее. Подъ звонкій трескъ цикады, подъ дремотный плескъ ключа, выбивавшагося изъ отвѣсной, покрытой тонкимъ зеленымъ мохомъ скалы, подъ едва слышный шумъ города, лежавшаго далеко въ сторонѣ, я любилъ слѣдить взглядомъ за тонкой фигурой Лиды въ бѣломъ капотѣ, мелькавшей въ окнахъ домика, любилъ прислушиваться къ ея звонкому и чистому голосу, къ тихимъ пѣсенкамъ, которыя она цѣлый день мурлыкала чуть слышно, хлопоча по дому. Иногда она выбѣгала ко мнѣ, садилась на ручку кресла и, откинувъ широкіе рукава капота, обвивала мнѣ шею тонкими, горячими руками и, быстро прижавшись къ моимъ губамъ, выскальзывала и убѣгала прочь, смѣясь, показывая бѣлые зубы и крича мнѣ издали:

— Лови, Владя...

Время пролетало страшно быстро; я съ ужасомъ уже думалъ о возвращеніи на пароходъ. Я очень неохотно уходилъ изъ дому и, когда мнѣ однажды вечеромъ пришлось по служебному дѣлу итти на нѣсколько часовъ къ агенту, я готовъ былъ проклинать и агента, и службу, и чуть ли не весь Божій миръ.

Этотъ день былъ особенно жаркій и душный.

Покончивъ раньше, чѣмъ я думалъ, у агента, я вернулся домой. Прислуга сообщила, что Лида ушла въ одно знакомое намъ семейство. Итти туда мнѣ не хотѣлось; я сѣлъ на качалку и, слегка прикрывъ глаза, пустилъ свои мысли брести по волѣ.

Солнце уже скрылось за горами, и послѣдніе лучи его скользили по лѣсистымъ горбинамъ, словно прощаясь съ темными, пахучими соснами, съ нѣжнымъ шелковистымъ бамбукомъ, съ горѣвшими розоватымъ свѣтомъ камнями.

Понемногу стемнѣло; звѣзды проступили въ густой, горячей синевѣ, заиграли зарницы, и тамъ и здѣсь въ душномъ и неподвижномъ воздухѣ замелькали блѣдныя огоньки свѣтящихся мухъ...

Я вышелъ къ калиткѣ и, облокотившись на перила, сталъ смотрѣть сквозь прорѣзы между огромными фиговыми листьями на темную воду бухты, отразившую темныя горы, на огни пароходовъ, на легкія борозды фосфористаго сіянія, остававшіяся позади двигавшихся лодокъ. Было тихо; только изрѣдка взвизывался свистокъ катера, быстро бѣжавшаго, разгребая теплую воду, и эхо испу-

ганно торопилось откликнуться со всѣхъ сторонъ и, когда доходилъ послѣдній, едва слышный, откликъ изъ глубины дымнаго ущелья, тишина снова властно охватывала небо и землю.

Что-то темное и жуткое вползало въ мою душу, что-то начинало томить меня. Я ломалъ пальцы, переступалъ съ ноги на ногу... Совсѣмъ близко, подъ скалою, какъ какая-то тяжелая птица, медленно и неслышно прошла огромная шкуна подъ всѣми парусами...

Предчувствіе,—это было предчувствіе—то, что томило меня,—росло и сдавливало тяжелыми и цѣпкими тисками мою душу...

Время приближалось къ полуночи, когда послышались тихіе шаги по каменной лѣстницѣ. Ихъ было двое. Одна была моя жена. Кто былъ другой?

Я чувствовалъ, какъ волна крови прилила отъ сердца къ головѣ, и само сердце быстро застучало...

— Ну, иди, теперь я одна...—услышалъ я голосъ моей жены:—иди же скорѣй...

— А поцѣлуй?—прогудѣлъ, несмотря на желаніе говорить шопотомъ, голосъ мужчины, и я узналъ его: это былъ Будбергъ.

— Довольно уже...—сказала жена, и все-таки она остановилась, и, напрягши до боли въ мускулахъ рукъ свой слухъ, я уловилъ тонкій и острый, какъ шипѣніе змѣи, звукъ поцѣлуя...

— Иди,—еще разъ прошептала жена и, оторвавшись, она быстро и легко побѣжала вверхъ по ступенькамъ.

Я молча пропустилъ ее мимо себя...

VII.

Что я пережилъ, что я перечувствовалъ и передумалъ въ слѣдующіе дни и недѣли, и мѣсяцы. Развѣ можно это рассказать, можно это передать словами. Теперь уже затихло, успокоилось, перегорѣло все. Теперь-то я вижу, что и горѣть и терзаться не изъ-за чего было... Но тогда...

Подошелъ ноябрь мѣсяць. По утрамъ становилось холодно.

Ежась отъ свѣжаго сѣвернаго вѣтерка и вбирая подбородокъ въ воротникъ тужурки, я стоялъ однажды за нѣсколько минутъ до отхода парохода у трапа. Одинъ за другимъ подымались съ чемоданами и саквояжами въ рукахъ пассажиры и пассажирки; тащили тяжелый багажъ; китайцы-лодочники просили прибавки и горячились, сверкая черными выразительными глазами на худыхъ скуластыхъ лицахъ... Все это было привычно, все надоѣло и только мучительно раздражало нервы. Мнѣ хотѣлось уйти къ себѣ въ каюту, лечь тамъ лицомъ къ стѣнѣ, закрыть глаза и не видѣть и не слышать ничего... А лица все мелькали предъ глазами; звонко раздавались въ холодномъ воздухѣ крикливые голоса китайцевъ.

И вдругъ, я не замѣтилъ откуда, выросъ передо мною на верхней ступенькѣ трапа Иогансенъ. Такой же плотный, высокій, такой же красный, съ такими же бѣлыми бровями... Онъ взглянулъ на меня, пожалъ мнѣ руку и молча прошелъ на мостикъ; и черезъ нѣсколько минутъ уже послышался оттуда его ровный и спокойный голосъ:

— Малый ходъ впередъ...

— Право руля...

И пароходъ, повинувшись этому голосу, слегка вздрогнулъ, двинулся и медленно началъ заворачивать носомъ въ открытое море.

Все свободное время этотъ разъ Иогансенъ провелъ у себя въ каютѣ и, только сходя съ парохода, онъ снова молча пожалъ мнѣ руку.

Позвонили къ обѣду, и я отправился въ нашу столовую.

— И везетъ же этимъ лоцманамъ!—сказалъ Орнутскій, потирая руки и поглядывая на боя-китайца, ставившаго въ ту минуту на столъ блюдо креветокъ...

— Въ чемъ это?—спросилъ второй механикъ.

— Ты не слышалъ? Вы не слышали, госнода?

Видно было, что у Орнутскаго есть какая-то новость, которая не даетъ ему покоя.

— Нѣтъ, нѣтъ... Въ чемъ дѣло?..

— У Иогансена-то...

— Ну...

— Дочка уже; шестой годокъ ей пошелъ...

— Его?

— Не совсѣмъ—невѣста въ приданое принесла.

— Какимъ образомъ?—воскликнулъ я.

— Весьма даже просто. Онъ пріѣхалъ жениться, а навстрѣчу ему будущая дочка выбѣгаетъ и «никсу» дѣлаетъ...

— Ну, ну, дальше...

— Ну, ничего дальше... Женился и сюда пріѣхалъ самъ-третей.

VIII.

Какъ-то въ воскресенье мы стояли въ порту. Грузовыхъ работъ не производилось; я былъ свободенъ и, съѣхавъ на берегъ, безцѣльно бродилъ по празднично-тихому городку. Всѣ европейскіе магазины были закрыты, прохожихъ было немного, и обычная за послѣднее время тоска давила меня неотступно. Пообѣдавъ въ англійскомъ ресторанѣ, я снова вышелъ на улицу. Послѣ трехъ часовъ появились экипажи катающихся, велосипедисты, всадники, амазонки. Было много красиво одѣтыхъ дѣвушекъ и женщинъ, много веселыхъ дѣтей, много улыбокъ и звонкаго смѣха...

Я мучительно завидовалъ ихъ радости и смѣху, ихъ оживленными лицамъ. Мнѣ некуда было бѣжать отъ нихъ, какъ некуда было бѣжать отъ своей тоски: она всюду шла за мной, она выходила со мной на ночную вахту, ея голосъ я слышалъ въ шумѣ волнъ, ея глаза я видѣлъ въ огняхъ встрѣчнаго парохода, она раньше меня заходила въ мою каюту и ждала тамъ, притаившись около подушки, чтобы начать шептать мнѣ, какъ только я закрою глаза, свои злыя и безжалостныя рѣчи.

Остановившись на углу двухъ большихъ улицъ, я смотрѣлъ на веселыхъ людей, я слушалъ ихъ голоса и мялъ въ рукахъ сорванную мною вѣтку акаціи. Вниманіе мое привлекъ чистенькій, такъ и сверкавшій свѣжими лакомъ и краской въ лучахъ солнца шарабанъ, запряженный кругленькой и бойкой лошадкой. На козлахъ сидѣлъ, крѣпко зажавъ въ жилистыхъ рукахъ вожжи, лоцманъ Югансень. Фуражка его была надвинута на самые глаза, красное лицо было строго и серьезно, и взглядъ изъ-подъ бѣлыхъ бровей былъ неподвижно направленъ впередъ. Казалось, что онъ не на козлахъ сидитъ, не лошадей правитъ, а стоитъ на капитанскомъ мостикѣ, положивъ руку на поручни, и съ губъ его готово сорваться:

— Право руля...

Рядомъ съ нимъ сидѣла уже не первой молодости дама, тоже съ краснымъ лицомъ и свѣтлыми волосами, держа на колѣняхъ хорошенькую дѣвочку. Обѣ— и старшая и младшая— были разодѣты въ пухъ и прахъ, и у обѣихъ на лицахъ сіяло безоблачное счастье.

Шарабанъ Югансена давно скрылся въ массѣ другихъ экипажей, а я все еще искалъ глазами его синюю фуражку и бѣлыя платья его жены и... дочери. Потомъ я побрелъ въ городской садъ. По случаю воскресенья музыки не было, и на полуоубнаженныхъ осенью аллеяхъ сада было пустынно. Я дошелъ до рѣки и сѣлъ тамъ на лавочку, ярко освѣщенную послѣдними лучами.

IX.

Солнце зашло, позолотивъ на прощаніе лѣсъ джоночныхъ мачтъ и ихъ рыжеватые грязные паруса; стемнѣло; пронизывающимъ холодомъ потянуло съ затихшей рѣки. Я уже собирался отправляться на пароходъ, когда невдалекѣ отъ меня показалась высокая фигура. Человѣкъ шелъ медленно, опутивъ голову и приволакивая ноги. Похоже было, что онъ о чемъ-то глубоко задумался.

— Югансень! — удивленно окликнулъ я, когда человѣкъ приблизился ко мнѣ.

— А-а... это вы, — сказалъ Югансень, подымая голову и подходя ко мнѣ,—это вы... Что вы здѣсь одинъ въ такой часъ дѣлаете?

— Такъ... сижу... думаю...

— Да, да... я слышалъ. Знаю... У васъ большое горе.

Онъ сѣлъ около меня на скамейку, поставилъ между колѣнъ палку — толстую черную палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, которой я у него раньше не видѣлъ, — положилъ на нее одну на другую руки и сталъ смотрѣть на рѣку.

— Да, мой другъ, жизнь странная вещь, — заговорилъ онъ снова, — очень странная. Никогда не знаешь, что и какъ будетъ... Въ жизни много неожиданностей... больше, чѣмъ на морѣ... и страшнѣе... да... гораздо страшнѣе... Угадать того, что случится, никакъ невозможно. Я хочу рассказать вамъ, что случилось со мною.

Пять мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ было тридцать шесть лѣтъ, и теперь мнѣ тридцать шесть лѣтъ, прибавилось только 5 мѣсяцевъ... Но, когда я посмотрю назадъ, мнѣ кажется, что это было страшно давно, и я былъ тогда совсѣмъ глупый, простой и ничего не зналъ... какъ ценю... Свѣтило солнце — я радовался, шелъ дождь — мнѣ было скучно... Да... Хорошо мнѣ было тогда жить.

Я поѣхалъ туда, на родину; вы знаете, зачѣмъ... По ночамъ мнѣ не спалось; я все сидѣлъ, бывало, на носу парохода на якорной цѣпи и смотрѣлъ впередъ: такъ было ближе. Я думалъ о томъ, какъ я тихонько подойду къ дому Ильды, постучусь... Прислуга откроетъ и спроситъ меня, что мнѣ нужно. Я ничего не скажу ей и войду въ прихожую, а оттуда загляну въ гостиную... Ильда будетъ сидѣть у окна и что-нибудь шить, и я позову ее: «Ильда»... Она вздрогнетъ, подниметъ голову, потомъ бросится ко мнѣ, какъ сумасшедшая, заплачетъ и засмѣется и станетъ прижимать меня къ себѣ и смотрѣть въ мои глаза, и гладить мои волосы, и цѣловать меня, и называть меня всѣми ласковыми именами... Она спроситъ меня, не хочу ли я ѣсть и пить, не усталъ ли я... Потомъ, когда мы останемся одни, мы сядемъ рядомъ, и она будетъ говорить мнѣ своимъ нѣжнымъ голосомъ обо всемъ, что она видѣла и слышала, что она думала безъ меня, станетъ спрашивать меня о моей жизни... такъ я думалъ, сидя на якорной цѣпи и глядя впередъ. Мнѣ казалось, что пароходъ слишкомъ тихо идетъ, что вода слишкомъ густа и задерживаетъ его, что время тянется невыносимо медленно...

Я не писалъ Ильдѣ о своемъ отъѣздѣ, не писалъ и съ дороги; я хотѣлъ устроить Ильдѣ сюрпризъ.

Приѣхалъ я вечеромъ... Позвонился... Дверь отперла сама Ильда... Она смотрѣла на меня и не узнавала: въ прихожей было темно.

— Ильда, это я, — сказалъ я.

Она не шевелилась, и мы стояли такъ молча, только сердце у меня сильно забилося и дышать мнѣ было трудно.

— Это я, Ильда, — повторилъ я.

Она повернулась и пошла въ комнату, не говоря мнѣ ничего; я пошелъ за нею, забывъ запереть дверь.

Въ первой комнатѣ не было огня, и только широкая полоса свѣта ложилась изъ дверей другой комнаты на полъ и подымалась по стѣнѣ, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ложился свѣтъ, я увидѣлъ, украшенный вѣнкомъ изъ сухихъ цвѣтовъ, мой портретъ. Ильда сѣла на диванъ, отвернулась отъ меня и закрыла лицо руками. Я не зналъ, что думать. Мнѣ сдѣлалось страшно и холодно, и я сказалъ себѣ: «надо закрыть дверь», но не пошелъ закрывать, а сѣлъ тихонько на стуль... И было слышно только, какъ вѣтеръ шумѣлъ за дверями въ соснахъ.

Я боялся спросить Ильду, отчего она такая. Перестала ли она меня любить, или я такъ измѣнился, что испугалъ ее?

— Мама, кто тамъ?

Я оглянулся: въ дверяхъ освѣщенной комнаты стояла дѣвочка лѣтъ пяти въ одной рубашкѣ, и я увидѣлъ, какъ дрожали отъ холода ея ноги... Я все хорошо замѣчалъ, каждую мелочь.

— Мама, я боюсь... кто тамъ?—спросила еще разъ дѣвочка:— гдѣ ты, мама?

Ильда вскочила и, не глядя на меня, побѣжала къ ребенку, схватила его на руки, пошла въ дверь освѣщенной комнаты и закрыла ее за собой. Я остался одинъ. Вѣтеръ шумѣлъ соснами и врвался въ домъ, холодный и страшный, заставляя меня дрожать такъ, какъ я не дрожалъ еще никогда въ жизни. Минуть черезъ десять снова вышла Ильда.

— Уходи, Петръ,—сказала она:—я больше не достойна тебя, я нечистая.

— Это чей ребенокъ?—спросилъ я.

— Мой.

— Ты уже замужемъ?

— Нѣтъ...

— Значить, такъ?

— Да...

— Гдѣ этотъ человекъ?

— Его больше нѣтъ, онъ уѣхалъ.

— Ты любишь его?

— Нѣтъ.

Каждое ея слово я ждалъ со страхомъ, какъ ждутъ удара молнии въ ужасную грозу. Ильда замолчала, мы долго стояли другъ противъ друга и опять слышно было только, какъ шумѣлъ вѣтеръ.

— Я расскажу тебѣ все раньше, чѣмъ ты уйдешь отсюда,—сказала Ильда:—я боялась писать, я откладывала отъ письма до письма и все лгала... Я встрѣтилась съ этимъ человекомъ въ срединѣ лѣта, было жарко, я была какъ въ лихорадкѣ... И какъ только «это» случилось, я опомнилась и ужаснулась, я убѣжала

отъ него и больше ни разу съ нимъ не встрѣчалась. Онъ писалъ мнѣ письма—я рвала ихъ; онъ посылалъ ко мнѣ людей—я отказывалась съ ними говорить... Онъ женатый человѣкъ.

— Ты его больше не любишь?

— Я его никогда не любила, ни на одну минуту... Какой-то туманъ охватилъ меня тогда.

Наконецъ я задалъ самый страшный вопросъ:

— А меня ты любишь?

— Да.

Тогда я всталъ и сказалъ:

— Ильда, теперь я пойду... У меня все мѣшается въ головѣ, и я не могу думать... Я приду потомъ... позже. Тогда мы будемъ говорить...

Я протянулъ ей руку, она дала мнѣ свою—холодная это была рука.

Я пошелъ на берегъ моря, далеко отъ нашего городка, сѣлъ тамъ на камень и сталъ смотрѣть внизъ, туда, гдѣ плескалась черная холодная вода. Сердце у меня разрывалось, думать я ничего не могъ. Я долго сидѣлъ такъ. Прошла ночь, туманомъ затянуло море, занялась заря, и солнце поднялось наконецъ,—яркое и свѣтлое.

Я вспомнилъ тогда, что вѣдь и я не былъ святымъ эти десять лѣтъ, много, много грѣшилъ я... подумалъ я, что трудно уже мнѣ будетъ теперь найти другую женщину и пошелъ назадъ къ ней, къ Ильдѣ, и сказалъ ей:

— Если ты меня любишь, Ильда, забудемъ то, что случилось.

— Я люблю тебя,—сказала она.

— Ну, вотъ, забудемъ все. Новой женщины я найти не могу, а одному жить страшно.

Вотъ и все...

Югансенъ замолчалъ и смотрѣлъ, не подымая головы, на песокъ дорожки.

— Все хорошо, — снова сказалъ онъ: — но только бываютъ страшныя минуты, когда я думаю объ ней и о томъ человѣкѣ, и объ одной только ночи, о нѣсколькихъ часахъ... тогда я готовъ отдать свою голову, свои глаза, все, что у меня есть, всѣ свои радости, можетъ быть, самую жизнь, чтобъ только этого не было...

Онъ снова замолкъ. Спина его согнулась, все тѣло приняло, опустилось...

— Знаете,—заговорилъ онъ послѣ долгаго молчанья:—я теперь пью двѣ бутылки пива въ день: одну вечеромъ, другую утромъ... Можно уже не такъ экономить...

И я не видѣлъ, но чувствовалъ, что онъ улыбается грустно и покорно...

Николай Федоровъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА МОРИЮЛЛЯ ¹⁾.

VII.

Возвращеніе въ Варшаву. — Нападеніе на Любовицкаго. — Революціонное броженіе, прокламаціи, массовые аресты. — Неосторожность великаго князя. — Мятежъ. — Нападеніе на Бельведеръ. — Убійство генерала Жандра. — Спасеніе великаго князя. — Его нерѣшительность и бездѣтельность. — Диктаторъ Хлопицкій. — Мѣры, принятыя имъ для обезпеченія порядка.

УГДА я вернулся, въ Варшавѣ попрежнему все было тихо. Великій князь жилъ еще болѣе уединенно, чѣмъ прежде, въ своемъ Бельведерѣ, куда я обыкновенно ходилъ обѣдать раза два въ недѣлю.

Но вскорѣ послѣ моего пріѣзда произошло событіе, которое сильно взволновало публику: однажды среди бѣла дня какой-то штатскій остановилъ на улицѣ президента города и нанесъ ему нѣсколько ударовъ палкой. Такое насиліе надъ первымъ лицомъ въ городскомъ управленіи страшно раздражило великаго князя, и онъ велѣлъ схватить виновнаго. Онъ оказался отставнымъ офицеромъ, прошлое котораго было безупречно. Когда-то онъ обращался къ великому князю съ просьбой опредѣлить его въ гражданскую службу, и получилъ отъ него шсъмо къ президенту, который обѣщаль устроить его. Послѣ трехъ мѣсяцевъ хлопотъ и всяческихъ просьбъ тотъ опять обратился къ великому князю, который вторично снабдилъ его шсъмомъ, указавъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVII, стр. 832.

въ немъ на одно освободившееся мѣсто. Когда проситель передалъ это письмо президенту, тотъ приказалъ его вытолкать за дверь и опредѣлить на это мѣсто кого-то изъ своихъ родственниковъ.

Доведенный такимъ образомъ дѣйствій и нищетою до отчаянія, несчастный офицеръ и рѣшилъ отплатить президенту.

По польскимъ законамъ, онъ былъ приговоренъ къ нѣсколькимъ днямъ ареста и небольшому штрафу въ пользу оскорбленнаго. Но великій князь остался недоволенъ столь мягкимъ наказаніемъ и приказалъ передать дѣло на разсмотрѣніе новаго суда. Но и этотъ судъ утвердилъ рѣшеніе прежняго. Такъ окончилось это дѣло, доставившее немало удовольствія любителямъ всякихъ скапдаловъ. Они обласкали буйна и дали ему щедрыя вспомошествованія. А избитый президентъ отъ срама долженъ былъ уѣхать въ свое имѣніе.

Стали появляться объявленія, призывавшія къ возмущенію. Ночью ихъ расклеивали по главнымъ улицамъ города и въ особенности около казармъ польскихъ войскъ. Въ самыхъ оскорбительныхъ для правительства выраженіяхъ войска пригласались, во имя патріотизма, поднять знамя бунта. Нѣсколько такихъ объявленій появилось даже на стѣнахъ Бельведера, причемъ въ нихъ грозили убить и самого великаго князя. Каждое утро полиція занималась уничтоженіемъ этихъ гнусныхъ прокламацій, но не могла открыть лицъ, которые ихъ распространяли.

Въ началѣ ноября было арестовано нѣсколько студентовъ академіи по подозрѣнію въ поджогахъ. Обнаружены были весьма подозрительныя сношенія между ними и подпрапорщиками, съ которыми у нихъ были тайныя сборища. Великій князь, усмотрѣвъ въ дѣлѣ студентовъ лишь проступки противъ учебной дисциплины, отослалъ дознаніе по этому дѣлу профессорамъ, которые были назначены для этого случая. Произведя слѣдствіе и убѣдившись, что дѣло слишкомъ серьезно, профессора объявили себя некомпетентными, и дѣло снова было передано въ судъ. Подпрапорщики, раздраженные арестомъ ихъ соучастниковъ, разразились ругательствами и угрозами, такъ что великій князь счелъ нужнымъ арестовать около двадцати человекъ, наиболѣе виновныхъ, и предать ихъ военному суду. Тѣмъ не менѣе начавшееся броженіе не было очень опасно, въ виду незначительнаго числа лицъ, вовлеченныхъ въ него. Великій князь могъ выслать учащихся подъ надзоръ ихъ родителей и имѣлъ полномочіе закрыть совѣмъ школу подпрапорщиковъ. Это распоряженіе водворило бы спокойствіе и стоило бы всего одной бумаги, которую можно было бы исполнить въ одну минуту.

Но деспотизмъ великаго князя сталъ колебаться: онъ боялся пускать его въ ходъ и ограничивался только полумѣрами противъ выходокъ, о которыхъ, повидимому, былъ плохо освѣдомленъ или просто не придавалъ имъ особаго значенія.

Однако, несмотря на свою напускную веселость, онъ сильно беспокоился въ это время. Я слишкомъ хорошо зналъ его и не вѣрилъ личинѣ, которую онъ на себя надѣлъ, чтобы скрыть свое безпокойство. Мнѣ было извѣстно, что почти каждую ночь онъ отправлялся одинъ въ коляскѣ провѣрять посты, рискуя тысячу разъ быть убитымъ, и что онъ спалъ не раздѣваясь, а иногда даже и въ сапогахъ. Вотъ какъ полагался несчастный великій князь на дѣтскія мѣры своей полиціи, составъ которой въ ту пору былъ сильно увеличенъ. Сколько разъ я просилъ его воздержаться отъ этихъ почтыхъ поѣздокъ или, по крайней мѣрѣ, брать съ собою кого-нибудь! Но тщетны были все мои предостереженія. Я не разъ говорилъ объ этомъ съ княгиней, которая созналась мнѣ, что и ея совѣты не имѣютъ никакого значенія и принимаются плохо. Такимъ-то образомъ и дожили мы до рокового 24 ноября.

Назначая этотъ день, заговорщики хотѣли ускорить осуществленіе своихъ плановъ, для чего у нихъ сначала не было назначено срока. Такъ какъ слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ, то ими овладѣло опасеніе, что въ концѣ концовъ у нихъ отнимутъ возможность дѣйствовать, а, съ другой стороны, ихъ пугали нѣкоторыя признанія, сдѣланныя ихъ арестованными соучастниками. Изъ военныхъ заговорщиковъ было всего около дюжины, и все это были офицеры низшихъ чиновъ, не имѣвшіе особаго вліянія на солдатъ. Затѣмъ около сотни безусой учащейся молодежи и сотни полторы изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, которые вздумали низвергнуть правительство съ царемъ во главѣ. Надо замѣтить, что въ первомъ движеніи не участвовало ни одного капитана, не говоря уже о высшихъ чинахъ. Нѣсколько солдатъ, увлеченныхъ восстаніемъ, сами не знали, чего отъ нихъ хотятъ, ибо унтеръ-офицеры просто приказали имъ взять оружіе и выходить изъ казармъ. Предварительно имъ роздали патроны, стараясь при этомъ увѣрить, что вся армія охвачена революціей. У заговорщиковъ не было сообщниковъ ни въ зажиточномъ классѣ, ни въ буржуазіи, которая хотѣла спокойствія. У нихъ не было ни денегъ, ни обѣщаній поддержки, ни даже главы, который руководилъ бы всемъ движеніемъ. Они рассчитывали единственно на счастливый случай.

Въ упомянутый злосчастный день я отправился обѣдать въ Бельведеръ. За столomъ мы были втроемъ: великій князь, княгиня и я. Павелъ былъ на службѣ, въ казармахъ своего полка, которыя находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца. Обѣдъ прошелъ оживленно. Великій князь былъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи и много шутилъ насчетъ происходящихъ въ городѣ «свинствъ»— слово, которое онъ употреблялъ очень часто, когда что-нибудь вызывало его неудовольствіе. Послѣ обѣда онъ еще нѣкоторое время разговаривалъ съ нами, а затѣмъ удалился къ себѣ, говоря, что онъ очень усталъ и хочетъ отдохнуть въ ожиданіи президента

города и генерала Жандра, которые должны явиться къ нему въ семь часовъ. Уходя, онъ подаль мнѣ руку и пригласилъ меня въ Бельведеръ въ возможно непродолжительномъ времени. Увы! я и не подозрѣвалъ, что готовилось.

Клягиня пригласила меня остаться съ нею, и нашъ разговоръ продолжался до шести часовъ. Тутъ я простился съ нею и сѣлъ въ карету, чтобы ѣхать домой,—черезъ полчаса это было бы уже невозможно. Путь былъ довольно пустынный, все было по обыкновенію спокойно, и я вернулся къ себѣ, ни о чемъ не догадываясь. Вечеромъ я былъ приглашенъ въ гости къ одному моему знакомому, полковнику, который командовалъ эскадрономъ кирасиръ и жилъ по дорогѣ въ Бельведеръ. Я отправился къ нему по обыкновенію пораньше. Едва я успѣлъ пріѣхать къ нему, какъ приближалъ его человекъ, страшно перепуганный, и сказалъ, что его немедленно требуютъ въ казармы. Одѣться, вскочить на лошадь и умчаться въ галопъ—было для него дѣломъ одной минуты. Пораженный такой торопливостью, я старался успокоить его жену, съ которой случился нервный припадокъ, и старался ее увѣрить, какъ и самъ, впрочемъ, думалъ, что въ казармахъ вспыхнулъ пожаръ. Затѣмъ я послалъ въ верхній этажъ посмотреть, не видно ли гдѣ-нибудь пожара. Оказалось, что пожара не видно, но слышны ружейные выстрѣлы, причемъ огоньки отъ нихъ вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ. Сильная тревога овладѣла мною.

Я бросился къ окну, выходившему на улицу, чтобы взглянуть, что такое тамъ происходитъ. На противоположной отъ Бельведера сторонѣ виднѣлось сильное зарево, охватывавшее большую часть горизонта и озарявшее все крыши. Это былъ огромный пожаръ на окраинѣ города, которымъ давался сигналъ возстанія и на который хотѣли отвлечь все вниманіе. Черезъ нѣсколько минутъ прошло полтораста-двѣсти солдатъ, стремившихся по дорогѣ къ Бельведеру. Яркій лунный свѣтъ позволилъ мнѣ различить, что они принадлежали къ 4-му линейному полку, который великій князь особенно любилъ. Эти люди кричали что-то о революціи, но бѣжали ли они помогать ей, или укрощать ее, было неизвѣстно.

Между тѣмъ въ нашей мѣстности все было совершенно спокойно и не у кого было разузнать о томъ, что творится. Явившійся къ намъ французскій консулъ также ничего не зналъ. Со стороны арсенала и стараго города слышна была непрерывная пальба изъ ружей, и раздавалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Не получая никакихъ извѣстій, я послѣ нѣкотораго ожиданія рѣшилъ ѣхать домой и вернулся къ себѣ въ девять часовъ, не встрѣтивъ по дорогѣ ни одной души. Хотя и въ этой, нѣсколько отдаленной части города все еще слышны были выстрѣлы изъ ружей и пушекъ, тѣмъ не менѣе глубокое спокойствіе здѣсь не было нарушено, и ночь прошла совершенно спокойно. Только на другой день развернулись передо мной ужасы революціонныхъ сценъ.

Въ семь часовъ подпрапорщики изъ поляковъ, обезоруживъ своихъ русскихъ товарищей, которымъ они остерегались довѣряться, бросились въ казармы гвардейскихъ уланъ и кирасиръ. Они сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по конюшнямъ, убили и ранили нѣсколько человѣкъ и лошадей и пытались поджечь казармы. Это внезапное нападеніе вызвало страшную суматоху въ войскахъ, не ожидавшихъ ничего подобнаго. Дежурные офицеры успѣли, однако, водворить порядокъ и скомандовали садиться на лошадей, но не знали, чему приписать это нападеніе и какъ велико число нападавшихъ. Можно ли было подумать, что человѣкъ двадцать рѣшились напасть на три полка кавалеріи, въ которыхъ было около 3,600 человѣкъ.

Все начальство жило, впрочемъ, въ городѣ: одни были въ театрѣ, другіе въ гостяхъ. Когда посланъ былъ приказъ явиться, немногіе оказались дома. Суматоха продолжалась, и никто не зналъ, что дѣлать.

Въ то время, пока все это происходило въ казармахъ, дюжина самыхъ энергичныхъ и смѣлыхъ заговорщиковъ бросилась въ Бельведерь, чтобы убить великаго князя. Его привычки и мѣстонахожденіе имъ были отлично извѣстны. Злодѣи были въ маскахъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько студентовъ. Прибывъ къ входной рѣшеткѣ, которую охраняли только два ветерана, вооруженные одними тесаками, они быстро обратили ихъ въ бѣгство и безпрепятственно добѣжали до подъѣзда дворца, который всегда былъ открытъ. Въ передней изъ двухъ бывшихъ тутъ лакеевъ одинъ былъ зарѣзанъ, другой смертельно раненъ. Великій князь жилъ во второмъ этажѣ, и въ глубинѣ вестибюля находилась большая лѣстница, которая вела въ первую большую переднюю, гдѣ по вечерамъ не было ни души. Къ этой передней примыкала пріемная поменьше, гдѣ обыкновенно дожидались всѣ, кто хотѣлъ говорить съ великимъ княземъ. Эта комната отдѣлялась отъ спальни великаго князя только небольшимъ коридоромъ, гдѣ всегда находился лакей на случай, если его позоветъ великій князь.

Заговорщики поднялись по лѣстницѣ и открыли дверь въ первую переднюю; во второй находились президентъ города Любовицкій и генераль Жандръ, ожидавшіе пробужденія великаго князя. Необычайный шумъ поразилъ ихъ, и генераль Жандръ вышелъ изъ передней и очутился передъ заговорщиками, которые нанесли ему ударъ въ голову ручкой пистолета. Генераль, извѣстный своею трусостью, стремительно бросился въ маленькую пріемную и, не давъ тревоги, пробѣжалъ черезъ заднія комнаты, гдѣ жила прислуга, спустился на дворъ и бросился къ рѣшеткѣ. Но нѣсколько заговорщиковъ, которые были оставлены снаружи, чтобы обезопасить обратный путь своихъ соучастниковъ, быстро нагнали его и убили. Жандръ былъ очень похожъ на великаго князя ростомъ,

фигурою, и въ особенности головою, которая была лишена совѣтъ растительности. Заговорщики вообразили, что они убили великаго князя, и пошли во дворець, чтобы сообщить объ этомъ своимъ товарищамъ.

Между тѣмъ несчастный Любовицкій, оставшись одинъ, бросился въ коридоръ, о которомъ я говорилъ, и заперъ за собой дверь на ключъ, а лажей побѣжалъ будить великаго князя. Тотъ вскочилъ съ постели въ одной рубашкѣ и, пока Любовицкій держалъ дверь, успѣлъ спрятаться въ сосѣдней комнатѣ. Дверь скоро была выломана. Любовицкій получилъ четырнадцать ударовъ штыкомъ. Не найдя великаго князя, заговорщики, повѣривъ товарищамъ, увѣрившимъ, что они уже убили его, выскочили изъ Бельведера и разбѣжались черезъ садъ. Все это произошло одновременно съ нападеніемъ на казармы. Павелъ, бывшій тамъ при исполненіи своихъ обязанностей, вскочилъ на лошадь и во главѣ взвода, которымъ онъ командовалъ, бросился на помощь отцу, но прибылъ уже тогда, когда все было кончено.

Подрапорщики, потерпѣвъ неудачу въ поджогѣ, но довольные тѣмъ, что, благодаря всеобщей суматохѣ, удаляе ихъ замыселъ противъ великаго князя, хотѣли ворваться въ городъ. Но слѣдомъ за ними явились кирасиры, а передъ ними улапы, такъ что они считали себя уже погибшими. Построившись въ карре, они открыли огонь и пробились черезъ войска, которыя, не имѣя начальства и не получая приказаній, бездѣйствовали и облегчили отступление врагамъ, которые безъ единой царапины достигли города. Между тѣмъ число сбившихся съ пути истиннаго солдатъ увеличивалось съ каждой минутой: расчеты на грабежъ, водка, которою ихъ подпоили, отсутствіе всякой сдерживающей силы—все это увеличивало ихъ дерзость. Къ нимъ присоединилась городская чернь, всѣ бросились къ арсеналу, который оставался безъ всякой охраны, захватили хранившееся тамъ оружіе и роздали его толпѣ. А тамъ было сорокъ тысячъ новыхъ ружей и соотвѣтствующее число сабель и пистолетовъ.

Среди всей этой суматохи, причины которой рѣшительно никто не зналъ, нѣсколько генераловъ сдѣлали было попытку водворить порядокъ.

Но они могли дѣйствовать только убѣжденіемъ, которое, конечно, не могло оказать никакого дѣйствія на пьяныхъ и впавшихъ въ ярость солдатъ. Дивизионный командиръ генералъ Блюмеръ отъ своихъ же солдатъ получилъ восемнадцать пуль въ грудь. Военный министръ графъ Гаукъ былъ убитъ въ каретѣ вмѣстѣ съ полковникомъ Метшевскимъ. Дивизионный командиръ графъ Потоцкій былъ заколотъ. Генералъ Новицкій, спокойно возвращавшійся изъ театра, также былъ убитъ. Генералъ Семятковскій, отказавшійся стать во главѣ мятежниковъ, былъ зарѣзанъ ими. Генералъ Трем-

бицкій, начальникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, также отказавшійся отъ предложенія стать во главѣ возстанія, былъ весь исколотъ штыками. Слѣдуетъ замѣтить, что эти и другія жертвы высшаго ранга всѣ были изъ поляковъ. Нѣсколько другихъ генераловъ, которые не могли пробраться къ великому князю, были отведены въ кордегардію и заключены въ разныхъ мѣстахъ. Толпа бѣгала туда и сюда, убивая по произволу всякаго, кто попадался навстрѣчу, а иногда и другъ друга. Съ большимъ трудомъ удалось отстоять банкъ, на который она бросилась. Здѣсь погибло множество народу. Русскихъ погибло очень мало, такъ какъ они почти не показывались. Два гвардейскихъ пѣхотныхъ полка, командиры которыхъ попались мятежникамъ въ плѣнъ, вышли изъ казармъ только для того, чтобы мимо города ити къ Бельведеру.

Что же дѣлалъ въ это время великій князь?

Онъ построилъ передъ Бельведеромъ прибывшихъ къ нему уланъ и кирасиръ въ боевой порядокъ и самъ сталъ во главѣ ихъ. Онъ разспрашивалъ всѣхъ прибывавшихъ и ежеминутно посылалъ въ городъ узнать, что тамъ происходитъ. Отправленный имъ полковникъ Зассъ былъ убитъ, другіе возвращались израненными. Да и какія извѣстія могли они привезти? Только тѣ, что бунтъ, не встрѣчая никакого сопротивленія, все усиливался.

Напрасно нѣкоторые генералы, которымъ удалось собраться вокругъ него, умоляли его разрѣшить имъ дѣйствовать. Они совершенно вѣрно доказывали ему, что нѣсколькихъ эскадроновъ его многочисленной кавалеріи, которые проѣдутъ по улицамъ и саблями очистятъ путь, будетъ вполне достаточно, чтобы возстановить порядокъ, что арсеналь легко можно взять обратно и что, соединившись съ двумя пѣхотными полками, стоявшими въ городѣ, можно образовать силу, способную раздавить толпу мятежниковъ. Они приводили ему всякіе доводы, которые имъ подсказывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ здравый смыслъ, но не могли заставить его принять какое-нибудь рѣшеніе. Онъ только твердилъ безпрестанно: «вотъ свинство, вотъ свинство!» Такъ прошла цѣлая ночь, а революція между тѣмъ продолжала разгораться.

Поведеніе великаго князя было совершенно непонятно. Можетъ быть, ему не хотѣлось пролить нѣсколько капель крови. Но онъ долженъ былъ знать, что эти нѣсколько капель предохранили бы его отъ цѣлыхъ потоковъ крови, которые потекли позднѣе. Или онъ желалъ пощадить тѣхъ, которые только что хотѣли его зарѣзать и возмущились противъ его брата? Но вѣдь онъ постоянно твердилъ, что у него въ подобныхъ случаяхъ одно средство—пушка. Былъ ли то недостатокъ мужества? Не смѣю предполагать это. Была ли это слабость соображенія, свойственная человѣку, который въ минуту опасности теряетъ хладнокровіе, колеблется, не можетъ на что-либо рѣшиться и отдаетъ себя во власть событій? Это вѣроятнѣе всего.

Онъ отдалъ единственное распоряженіе какъ можно скорѣе прибыть двумъ гвардейскимъ батареямъ. Но одна стояла въ разстояніи восьми, а другая тридцати часовъ отъ Варшавы. Судите по этимъ распоряженіямъ сами о непредусмотрительности, благодаря которой возстаніе получило такую силу.

Утро 30 ноября открыло отвратительную картину революціи, предоставленной самой себѣ и не знающей мѣры въ своемъ безчинствѣ. Городскіе отбросы, женщины, дѣти, вооружившись, бѣгали по городу, разбивали кабаки, выламывали двери у лавокъ, валялись пьяные на землѣ, стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ куда попало, словомъ, показывали испуганному наблюдателю человѣческую природу съ самой отвратительной ея стороны. Разграбили русскую военную казну, которая находилась почти противъ моихъ оконъ, и почти разрушили домъ, гдѣ она помѣщалась. Той же участи подверглись и другія учрежденія правительственныя и частныя. Наконецъ толпа хватала своими окровавленными руками все, что возбуждало ея ярость или жадность, причемъ не разбирались ни національность, ни полъ. Благонамѣренныя польскіе патріоты, военные и штатскіе, домовладѣльцы, торговцы, словомъ, всѣ порядочные люди сокрушались о бѣдствіяхъ, уже наступившихъ, и тѣхъ, которыя они предвидѣли въ будущемъ. Всѣ обвиняли великаго князя въ непредусмотрительности и позорномъ бездѣйствіи, всѣ сваливали на него настоящія и будущія бѣды и всѣ единодушно бранили его и осыпали упреками, которые, увы! были вполнѣ справедливы.

Много штатскихъ, сначала боявшихся показаться, и немало военныхъ, видя, что революція разгорается и не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сопротивленія, стали выходить на улицы и присоединяться къ мятежникамъ. Съ этого момента, усилившись людьми съ нѣкоторымъ вѣсомъ, возстаніе стало забирать силу, и къ полудню великій князь не могъ уже подавить его.

Изъ всѣхъ польскихъ полковъ остался вѣрнымъ только полкъ гвардейскихъ конныхъ стрѣлковъ, но такъ какъ великій князь, по непонятнымъ соображеніямъ, отказался присоединить его къ своимъ войскамъ, то и онъ въ концѣ концовъ перешелъ на сторону мятежниковъ. Другіе полки собрались подъ командой тѣхъ изъ своихъ начальниковъ, которые стали за дѣло революціи и были выбраны на мѣсто прежнихъ, уже убитыхъ.

Такимъ-то образомъ революція, сначала неувѣренная и робкая, мало-по-малу пріобрѣла страшные размѣры. Войска повсемѣстно объявили себя за нее, а по отношенію къ великому князю, мало ихъ знавшему, выказали только одну ненависть.

Нужно было, однако, какъ-нибудь обуздать излишества, которыя стали угрожать всѣмъ безъ исключенія. Въ городской ратушѣ образовалось своего рода временное правительство, которое первымъ дѣломъ разослало приказъ войскамъ, стоявшимъ въ гарнизо-

нахъ, безотлагательно прибыть въ столицу. Но, не имѣя ни силы, ни поддержки, ни единодушія, что могло сдѣлать это правительство для возстановленія порядка въ такой моментъ, когда необходимо правительство сплотившееся и энергичное? Взоры всѣхъ обращались къ человѣку, который пользовался большою популярностью среди поляковъ и котораго называли вторымъ Костюшкой. Это былъ генераль Хлопицкій ¹⁾. Онъ отличился къ польскихъ войскахъ, когда они сражались подъ знаменами Наполеона, и, какъ говорили, съ военными талантами соединялъ въ себѣ и таланты административные. Когда была образована польская армія, великій князь не замедлилъ привлечь къ себѣ столь выдающагося офицера, далъ ему мѣсто, соотвѣтственное его чину, и осыпалъ его знаками благоволенія. Императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ св. Анны первой степени, и сдѣлалъ все, чтобы превратить его въ вѣрнаго подданнаго. Но нѣсколько грубоватая откровенность Хлопицкаго и его широкій взглядъ на вещи не могли ужиться съ солдатчиной великаго князя. На одномъ парадѣ великій князь сдѣлалъ ему замѣчаніе за то, что поляки прошли не совсѣмъ твердо. «Это оттого,—возразилъ генераль:—что они не видятъ передъ собою врага».

Оба эти характера не могли ужиться, и Хлопицкій вскорѣ подалъ въ отставку, питая отвращеніе къ полнѣйшему подчиненію даже въ мелочахъ, съ которымъ онъ не могъ примириться. Великій князь не принялъ ея. На слѣдующій годъ Хлопицкій вторично подалъ прошеніе объ отставкѣ, и великій князь опять упорно ее отклонилъ. Тогда генераль сказался больнымъ и, хотя былъ совершенно здоровъ, имѣлъ терпѣніе не выходить изъ дому почти два года.

Въ концѣ концовъ пришлось согласиться на его просьбу, и отставка была ему дана. Возвратившись въ частную жизнь, Хлопицкій велъ себя скромно и умно. Будучи горячимъ патріотомъ, онъ, однако, держался вдали отъ противниковъ правительства, ибо былъ слишкомъ проникателенъ и умѣлъ видѣть вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ.

Таковъ былъ человѣкъ, котораго общественное мнѣніе призывало стать во главѣ въ этотъ критическій и опасный моментъ. Но, не отличаясь честолюбіемъ и опасаясь не справиться въ обстоятельствами, Хлопицкій, предвидя эти предложенія, скрылся въ самомъ началѣ возстанія.

¹⁾ Иосифъ Хлопицкій (1772—1854). До 1799 г. состоялъ батальоннымъ командиромъ въ I польскомъ легіонѣ французской арміи. Служилъ затѣмъ въ польской арміи. Въ 1808 г. былъ посланъ въ Испанію, гдѣ между прочимъ участвовалъ въ осадѣ Сарагоссы. Подъ Бородинымъ сражался въ рядахъ наполеоновской арміи и былъ раненъ. Послѣ взятія Парижа былъ принятъ императоромъ Александромъ въ русскую службу съ чиномъ генераль-лейтенанта. Послѣ сраженія при Гроховѣ (14 февраля 1831 г.) Хлопицкій удалился въ Австрію, гдѣ жилъ въ уединеніи и въ 1854 г. умеръ въ Краковѣ. (Біогр. Слов. Рус. Ист. Об.).

Стали его искать. Друзья выдали его мѣстопробываніе и начали усиленно упрашивать принять бразды правленія. Чтобы заставить его согласиться, понадобилось немало просьбъ и указаній на общественную опасность. Онъ согласился, но съ условіемъ, чтобы его назначили диктаторомъ и предоставили ему всю огромную власть, которая полагается диктатору. Онъ понималъ, что эта власть ему необходима, и далъ обѣщаніе передать ее сейму, какъ только онъ соберется.

Когда узнали о его согласіи, всѣхъ охватило своего рода опьянѣніе. Диктаторъ стянулъ всѣ войска на Марсово поле и, явившись туда въ полной парадной формѣ и въ аннинской лентѣ, велѣлъ присягать ему на вѣрность и послушаніе. Послѣ этого онъ вступилъ въ должность и сталъ принимать мѣры къ возстановленію порядка.

Онъ приказалъ организовать національную гвардію, разослалъ по городу многочисленные патрули съ приказаніемъ отбирать у населенія оружіе и образовалъ при себѣ совѣтъ. Вечеромъ въ Варшавѣ была иллюминація, и беспорядки понемногу прекратились. Много оружія было возвращено въ арсеналъ и у грабителей отобрали всѣ деньги и имущество, какое только оказалось возможнымъ. На слѣдующій день открылись магазины, появилась многочисленная полиція, и уличное движеніе стало свободнымъ.

Все это было дѣломъ одного быстрого сообразительнаго ума — новое доказательство того, что людямъ нужно сильное и сплоченное правительство, какое бы названіе оно ни носило.

VIII.

Отступленіе великаго князя къ Бресту. — Конфискація оставленныхъ имъ въ Бельведерѣ бумагъ. — Графъ Курута и сыръ. — Его преступная безпечность. — Планы Хлопицкаго и отношенія его къ русскимъ офицерамъ. — Свиданіе его съ авторомъ. — Приготовленія поляковъ къ сопротивленію. — Сеймъ. — Отставка диктатора. — Отъѣздъ автора въ Бреславль. — Встрѣча съ Любовицкимъ. — Смерть великаго князя. — Его общія характеристика.

Великій князь со своей маленькой арміей, къ которой присоединились еще двѣ гвардейскія батареи, все еще оставался въ окрестностяхъ Бельведера, который былъ у него въ рукахъ. Если уже въ самый удобный моментъ онъ не предпринялъ ничего, то легко было понять, что теперь онъ и совсѣмъ не рискнетъ на борьбу, которая стала небезопасной. Въ теченіе трехъ дней онъ оставался въ томъ же положеніи, котораго никакъ нельзя было себѣ объяснить, и наконецъ сталъ отступать на Брестъ-Литовскъ, стоявшій на границѣ Польскаго королевства, Волыни и Литвы. Для этого необходимо было перейти Вислу, чего онъ не могъ сдѣлать здѣсь и переправился, только пройдя вдоль рѣчки до Пулавъ, откуда достигъ Бреста про-

селочными дорогами, которыя въ это время года были почти непроходимы.

Войска его очень страдали отъ этого труднаго перехода, во время котораго они каждую минуту рисковали быть отрѣзанными мятежниками и атакованными ихъ отрядами, которые, по общему мнѣнію, ихъ преслѣдовали. Такъ, конечно, и должно было бы случиться, если бы диктаторъ самъ не принялъ всѣхъ мѣръ, чтобы обезопасить отступленіе великаго князя.

Въ теченіе трехъ дней, пока Бельведеръ оставался еще во власти великаго князя, онъ, конечно, тотчасъ же долженъ былъ распорядиться, чтобы всѣ важныя бумаги были приготовлены къ отправкѣ или уничтожены. Оберъ-гофмаршалъ его двора графъ Курута во всякомъ случаѣ долженъ былъ предвидѣть это распоряженіе, хотя великій князь въ такія минуты общей суматохи и позабылъ его отдать. Но, по своей ничѣмъ не смущаемой беззаботности, онъ и не подумалъ объ этомъ: бумаги, драгоценныя вещи, обстановка, самая необходимая для великаго князя и княгини, все было оставлено въ Бельведерѣ, какъ будто бы люди были принуждены бѣжать какъ можно скорѣе.

Послѣ удаленія великаго князя диктаторъ велѣлъ вездѣ наложить печати, чтобы все осталось въ сохранности и чего-нибудь не пропало. Это показываетъ, какія чувства воодушевляли его. Только относительно бумагъ не сочли возможнымъ ограничиться этой мѣрой и поручили ихъ на храненіе вполне надежнымъ людямъ. Такимъ образомъ всѣ правительственныя тайны, переписка великаго князя съ братьями, полицейскіе списки, политическіе документы, словомъ, самыя секретныя бумаги, которыя могли скомпрометировать множество лицъ, перешли въ руки постороннихъ людей. Въ качествѣ свидѣтеля при наложеніи печати былъ призванъ одинъ изъ чиновниковъ канцеляріи великаго князя, состоявшій подъ начальствомъ полковника Филиппеуса, который завѣдывалъ зданіями и казначейской частью. Увидѣвъ, что письменный столъ великаго князя открытъ, онъ незамѣтно вытащилъ оттуда значительную сумму золота и драгоценныя брилльянтоваыя пуговицы императора Павла, положилъ все это въ карманъ и передалъ потомъ женѣ полковника Филиппеуса. Впослѣдствіи эти вещи, какъ и многое другое, исчезли.

Между тѣмъ безтолковый графъ Курута каждое утро приходилъ въ Бельведеръ завтракать и нерѣдко возвращался туда и среди дня. Полное ничтожество и самый отвратительный эгоизмъ довершали печальную репутацію этого человѣка и показывали, что великій князь чрезвычайно неудачно выбралъ объектомъ своей привязанности этого прирожденнаго покровителя всякихъ мошенниковъ и негодяевъ.

Для довершенія его характеристики приведемъ здѣсь одинъ забавный случай. Курута очень любилъ сыръ и всегда имѣлъ цѣ-

лѣй запасъ разныхъ его сортовъ. Посланные диктаторомъ комиссары, прибывъ въ Бельведеръ и зная вкусы графа, вздумали полакомиться сыромъ и послали за нимъ. Оказалось, однако, что драгоценные сыры были заботливо увезены и что оберъ-гофмаршалъ, не позаботившійся ни о бумагахъ, ни о золотѣ, ни о брилліантахъ, не забылъ, однако, о своихъ сырахъ.

Но ему можно сдѣлать второй упрекъ, гораздо болѣе сильный, а именно въ полномъ равнодушіи, которое онъ выказалъ наканунѣ революціи. Одинъ подпрапорщикъ изъ числа заговорщиковъ, раскаявшись въ своемъ преступномъ участіи, явился тайно къ полковнику Зассу, одному изъ главныхъ начальниковъ полиціи, признался ему въ своемъ преступномъ участіи въ заговорѣ, раскрылъ планъ заговорщиковъ и сообщилъ всѣ нужныя свѣдѣнія, чтобы помѣшать осуществленію этого плана. Свѣдѣнія были драгоценны, и полковникъ, чтобы не терять ни одной минуты, велѣлъ отвести этого человека къ Курутѣ для того, чтобы тотъ немедленно сообщилъ обо всемъ великому князю.

Когда подпрапорщика ввели къ Курутѣ, этотъ горе-генераль ложился уже спать, что онъ дѣлалъ нѣсколько разъ въ день. Присланный рассказалъ ему все и умолялъ сейчасъ же, не теряя ни одной минуты, провести его къ великому князю.

На это графъ Курута отвѣчалъ, что великому князю некогда его слушать, что онъ знаетъ обо всемъ, и что нѣтъ надобности еще разъ повторять ему то же самое. Генераль спокойно улегся спать, подпрапорщика отпустили, а вечеромъ вспыхнулъ мятежъ.

Благодаря твердости и усердію диктатора, въ Варшавѣ возсталъ полный порядокъ. Но если возстановленіе это радовало порядочныхъ людей, то оно было совсѣмъ не по сердцу подонкамъ населенія. Скоро завелись революціонные клубы, гдѣ дѣлались самыя зажигательныя предложенія. Нѣкоторые изъ нихъ были направлены уже и противъ диктатора. Узнавъ объ этомъ, онъ открыто явился въ клубъ и говорилъ съ такимъ жаромъ, что кровь бросилась ему въ голову и съ нимъ едва не сдѣлался ударъ. Ему сдѣлали кровоускаженіе. Клубъ былъ закрытъ по его распоряженію, но вмѣсто него открылись другіе. Такъ какъ власть его еще не окрѣпла, то онъ и не могъ бороться съ ними.

Русскіе генералы и офицеры, подвергшіеся аресту, были для безопасности перевезены въ королевскій замокъ, къ которому была приставлена многочисленная стража на случай нападенія на нихъ. Имъ отвели удобныя помѣщенія, давали хорошую пищу, словомъ, сдѣлали для этихъ несчастныхъ, которые были арестованы съ нарушеніемъ всякаго международнаго права, все, что можно было, для смягченія ихъ участи. Диктаторъ издалъ приказъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые скрываются, присоединились къ своимъ соотечественникамъ, и обѣщалъ имъ полную безопасность подъ охраной

національної гвардіи. Вслѣдствіе этой мѣры они всѣ явились въ замокъ. Распоряженіе диктатора касалось, впрочемъ, только военныхъ, такъ какъ чиновники были совершенно спокойны и показывались всюду безъ всякихъ опасеній.

Въ такомъ же положеніи находились и лица, бывшія при великомъ князѣ, и его многочисленная прислуга. Всѣ они остались или въ Брюлевскомъ дворцѣ, или же въ городѣ. Въ общемъ на первыхъ порахъ противъ русскихъ не было никакой враждебности.

Мнѣ никогда не приходилось лично быть въ сношеніяхъ съ диктаторомъ, съ которымъ я только нѣсколько разъ встрѣчался въ обществѣ, но я былъ въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ съ его другомъ генераломъ Шверинымъ, вслѣдствіе чего онъ и зналъ меня. Черезъ нѣсколько дней онъ далъ мнѣ понять черезъ Шверина, что онъ былъ бы очень радъ меня видѣть и что я навѣрно застаю его дома, когда вздумаю къ нему пріѣхать.

Я отправился къ Хлошицкому на другой же день и немедленно былъ принятъ. Выслушавъ мое поздравленіе по поводу оказаннаго ему народомъ довѣрія, возведшаго его на столь высокій постъ, диктаторъ сказалъ, что онъ оттого не хотѣлъ принять этотъ постъ, что не надѣется на возможность принести большую пользу, что хотя онъ и полякъ, но что вещи ему представляются совершенно иначе, чѣмъ его соотечественникамъ, что хотя народъ имѣетъ полное основаніе жаловаться на несправедливости, которыя онъ теперь старается исправить, но что при такомъ фанатизмѣ ему очень трудно управлять умами; что ему приходится лавировать между подводными камнями и что, рѣшившись пожертвовать даже своею жизнью, чтобы оправдать оказанное ему довѣріе, онъ знаетъ почву и увѣренъ въ успѣхѣ.

Кромѣ того, онъ добавилъ, что не понимаетъ препятствій къ отступленію, которыя великій князь создалъ самъ себѣ, ибо все было устроено такъ, чтобы войска, которыя могли встрѣтиться ему на пути, были отведены подъ разными предлогами въ сторону и шоссе до самаго Бреста было свободно. Были-де приняты всѣ мѣры, чтобы обезопасить все, что великій князь столь неожиданно оставилъ, бумаги его были переданы на храненіе для того, чтобы никого не скомпрометировать.

Диктаторъ говорилъ со мною очень откровенно. Изъ этой бесѣды я вынесъ впечатлѣніе, что это человѣкъ добраго характера и свѣтлаго ума, у котораго голова устроена отлично.

Но откуда у него явилось желаніе меня видѣть, откуда у него такая откровенность, въ особенности со мною, который былъ такъ преданъ великому князю, о чемъ, конечно, онъ прекрасно знаетъ? Объяснить это довольно не трудно: прежде всего онъ зналъ меня черезъ генерала Шверина и хотѣлъ заставить свидѣтелемъ своего благороднаго образа мыслей, своего несочувствія революціоннымъ

крайностямъ и своей преданности принципамъ порядка. Онъ далъ мнѣ понять, что его планъ заключается въ томъ, чтобы добиться гарантій противъ возможности повторенія въ Польшѣ злоупотребленій, на которыя жаловалась нація, и что все это устроится безъ особыхъ потрясеній, путемъ сближенія непосредственно съ императоромъ. Онъ добавилъ, однако, что нельзя еще говорить объ этихъ его тайныхъ мечтаніяхъ явно, такъ какъ это навлечетъ на него подозрѣнія, пока же нужно дѣйствовать очень ловко.

Беспорядки прекратились и оставались лишь слѣды ихъ. Диктаторъ безпрепятственно выдавалъ паспорта всѣмъ русскимъ (кромѣ военныхъ), которые хотѣли вернуться къ себѣ или выѣхать за границу. Втихомолку онъ выдалъ паспорта и нѣсколькимъ генераламъ и офицерамъ. Что касается женщинъ, то всѣмъ имъ разрѣшено было слѣдовать за ихъ мужьями, ушедшими съ великимъ княземъ, а тѣмъ, которыя оказались въ нуждѣ, выдали пособія. Многочисленная дворцовая прислуга, о которой генераль Курута и не вспомнилъ, получила часть жалованья. Тѣ изъ нихъ, которыхъ великій князь потребовалъ къ себѣ, были немедленно отправлены.

Мало-по-малу установилось своего рода сообщеніе между Варшавою и Брестомъ. Такимъ путемъ пересылались деньги, разныя вещи, узнавались новости. Графъ Курута воспользовался случаемъ, чтобы запастись табакомъ и вареньемъ, но дальше этого хлопоты его не шли.

Всѣ административныя учрежденія продолжали работать, какъ и до революціи, правосудіе отправлялось именемъ государя императора. Его имя значилось и на всѣхъ актахъ публичнаго характера, и подписи прежнихъ русскихъ должностныхъ лицъ продолжали сохранять свое значеніе. Такой благоразумный образъ дѣйствій вполне одобрялся умѣренной частью населенія, которая надѣялась избѣжать грозившихъ ей опасностей. Но участники и зачинщики революціи заявляли свое неудовольствіе, и клубы продолжали призывать къ беспорядкамъ и кровавой расправѣ. Диктаторъ возсталъ противъ нихъ со всею твердостью своего характера и нетерпѣливо дожидаясь открытія сейма, который долженъ былъ оформить закономъ его власть.

Однажды генераль Шверингъ сказалъ мнѣ, что если я хочу писать великому князю, то диктаторъ дастъ мнѣ къ этому возможность, ручаясь, что письмо дойдетъ въ полной исправности. Я послѣшилъ воспользоваться этимъ любезнымъ предложеніемъ и сообщилъ великому князю о всемъ, что произошло послѣ его отъѣзда, о настроеніи въ публикѣ и въ арміи. Нѣтъ надобности говорить, что я воздалъ должное генералу Хлопицкому, его распоряженіямъ и благородству его образа мыслей. Я согласился послать письмо только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы содержаніе его стало извѣстнымъ диктатору. Письмо, дѣйствительно, дошло до великаго князя, что я узналъ изъ его отвѣта, полученнаго своевременно.

Въ то же время поляки старались, однако, и показать свое твердое рѣшеніе противопоставить силу силѣ и поддерживать права, которыя до сихъ поръ попирались. Начали укрѣплять Прагу. Къ энтузіазму, какъ перѣдко бываетъ, примѣшивалось и смѣшное, и мы видѣли, какъ прекрасныя польки, закутанныя въ шали, дѣйствовали кирками и возили на себѣ тачки.

Маленькія дѣти также оказались патриотами. Ихъ посадили на лошадокъ и возили по городу въ формѣ, съ пистолетами такой же величины, какъ они сами, и саблями, которыя своею тяжестью пригибали ихъ къ землѣ. Школьники, бросившіе учиться, образовали курьезныя кадры кавалеріи и пѣхоты и своими упражненіями возбуждали смѣхъ зрителей. Молодые люди, облекшись въ военную одежду, ходили по улицамъ гоголемъ, а въ кофейняхъ чувствовали себя настоящими героями. Было замѣтно, какъ революціонный духъ и неповиновеніе постепенно овладѣваютъ массой. Повсюду формировались войска, составленныя изъ старыхъ солдатъ и людей, дѣйствительно способныхъ носить оружіе. Нѣсколько комиссаровъ работали безъ устали надъ сформированіемъ арміи и разныхъ связанныхъ съ нею частей. Спѣшили воспользоваться каждой минутой прежде, чѣмъ русскіе начнутъ дѣйствовать. Всѣ эти мѣры, природная храбрость поляковъ и фанатизмъ, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе разгоравшійся въ народѣ, дѣлали предстоящую борьбу весьма кровавой.

Сеймъ собрался быстро. Диктаторъ далъ объясненіе по поводу своего образа дѣйствій и высказалъ свой взглядъ на путь, котораго должно держаться правительство. Его идеи подверглись рѣзкой критикѣ, но онъ защищалъ ихъ съ такимъ жаромъ, что кровь бросилась ему въ голову, но на этотъ разъ дѣло было не такъ опасно, какъ первый разъ. Онъ подалъ въ отставку и не хотѣлъ взять ее обратно. Но такъ какъ онъ былъ нуженъ, то его стали умолять не покидать отечество въ опасности. Онъ согласился остаться диктаторомъ съ прежними полномочіями и безъ всякой личной отвѣтственности. Въ помощь ему при немъ былъ устроенъ совѣтъ, члены котораго были, однако, ему подчинены.

Хлопицкій былъ, однако, настолько уменъ, что предвидѣлъ уже всеобщее разрушеніе. Онъ самъ сознавался мнѣ въ этомъ, говоря, что недолго ему сохранять свою власть.

Мнѣ сильно хотѣлось поскорѣе уѣхать изъ Варшавы, настроеніе которой угнетало меня все болѣе и болѣе. Единственнымъ источникомъ средствъ являлась теперь для меня распродажа мебели, на которую единственнымъ покупателями были евреи.

Между тѣмъ Хлопицкій предупредилъ меня, что онъ не можетъ больше безъ всякой пользы оставаться на своемъ посту.

Распродавъ все свое имущество за четверть цѣны, я черезъ нѣсколько дней отправился къ нему и просилъ его дать мнѣ знать въ

случаѣ, если онъ выйдетъ въ отставку. Подъ величайшимъ секретомъ онъ сообщилъ, что послѣзавтра онъ окончательно откажется отъ власти и что онъ совѣтуетъ мнѣ уѣзжать. При этомъ онъ предупредилъ, что уже нѣсколько дней тому назадъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мнѣ выдали паспортъ.

Я отправился въ Бреславль, гдѣ уже давно задумалъ поселиться въ случаѣ моей отставки. Тяжесть спала съ меня, когда я переѣхалъ границу Польши. Варшава теперь стала совсѣмъ иной для меня. Мои утраты были неисчислимы. Возвращеніе туда великаго князя мнѣ представлялось невысказаннымъ. Нажитая имъ репутація, первѣнная и несправедливая во многихъ отношеніяхъ, послѣ разыгравшихся событій, стала еще болѣе непривлекательной. Въ Россіи его упрекали въ томъ, что онъ самъ вызвалъ эти событія и не умѣлъ ни предупредить ихъ, ни овладѣть ими. Въ Польшѣ къ нему предъявляли тѣ же обвиненія, и ни тутъ, ни тамъ не находилъ онъ защитниковъ. За границей общественное мнѣніе, уже повернувшееся противъ него, стало къ нему еще суровѣе. Тщетно искалъ я въ своемъ умѣ мѣсто, гдѣ бы онъ могъ укрыться отъ злобы и злословія.

Съ такими мыслями прибылъ я въ январѣ въ Бреславль, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько бѣглецовъ изъ Россіи, въ томъ числѣ Любовицкаго, чудомъ вырвавшагося изъ Варшавы и еще большимъ чудомъ выздоровѣвшаго отъ четырнадцати штыковыхъ ранъ, изъ которыхъ одна нанесена была въ легкія. Онъ-то мнѣ и рассказалъ о всѣхъ предшествовавшихъ нападенію на него событіяхъ. Онъ говорилъ, что уже за нѣсколько дней до этого онъ предупреждалъ великаго князя о грозившихъ ему опасностяхъ. Никто не могъ дать великому князю болѣе точныхъ свѣдѣній о настроеніи умовъ, чѣмъ онъ, въ качествѣ начальника полиціи, но тотъ не хотѣлъ ничему вѣрить. Когда великій князь спросилъ его о настроеніи общества, Любовицкій отвѣчалъ, что настроеніе жителей не внушаетъ опасеній, но что настроеніе арміи далеко не таково. При этомъ отвѣтъ великій князь страшно вспылилъ и не хотѣлъ уже ничего слушать. Говорить съ нимъ въ такія минуты было невозможно, и Любовицкій, зная его характеръ, замолчалъ и уже не возвращался къ этому предмету.

Больше всего удивило меня то, что великій князь бросилъ совершенно на произволь судьбы этого бѣднаго человѣка, которому онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни. Любовицкій писалъ ему нѣсколько разъ, но хотя почта дѣйствовала въ Польшѣ вполне исправно, отвѣта на его письма не было. Оставшись безъ средствъ къ жизни, безъ утѣшенія, не слыша даже слова участія, Любовицкій угасалъ въ нищетѣ. Къ счастью, императоръ загладилъ непростительную забывчивость своего брата и прислалъ ему тысячу дукатовъ, которые прилились какъ нельзя болѣе кстати и дали ему возможность докончить леченіе.

Нельзя было понять этой нечувствительности великаго князя къ тѣмъ, кто оказалъ ему услугу. Я видѣлъ, какъ за границей онъ совершенно равнодушно оставлялъ въ бѣдѣ самыхъ вѣрныхъ своихъ слугъ¹⁾. Какую ненависть возбуждалъ онъ въ своихъ хулителяхъ! Объ немъ говорили не иначе, какъ съ презрѣніемъ и ненавистью, но защищать его было невозможно.

Изъ Бреславля я отправилъ ему письмо и получилъ отвѣтъ на четырехъ страницахъ, исписанныхъ имъ собственноручно. Онъ старался оправдать свое поведеніе до и послѣ революціи. Всюду сквозило его болѣзненное состояніе и мучительное настроеніе, вызванное всеобщимъ его порицаніемъ. Но въ письмѣ не было и слѣда обычной его доброты; участливый тонъ смѣнился ѣдкой сухостью.

Я прожилъ зиму въ Бреславлѣ, а слѣдующимъ лѣтомъ отправился на воды въ Рейнеръ въ Силезію. Здѣсь меня неожиданно поразила вѣсть о смерти великаго князя, на близость которой не было никакихъ указаній. Вотъ подробности этого грустнаго событія, которыя мнѣ удалось узнать.

Угнетенный событіями войны, великій князь удалился въ Виттебскъ, въ сопровожденіи небольшой свиты. Хотя ему приходилось переживать очень грустные моменты, но по своему обыкновенію онъ старался казаться веселымъ, и его здоровье, какъ всегда, было превосходно. Въ окружающихъ также не было никакихъ признаковъ болѣзни, а его режимъ, необыкновенно простой и правильный, казалось, больше, чѣмъ кого-либо другого, охранялъ отъ холеры. Вечеръ наканунѣ своей смерти онъ провелъ на террасѣ своего дворца, пилъ тамъ чай, смѣялся и шутилъ съ приближенными и удалился къ себѣ вмѣстѣ съ княгинею.

Написавъ нѣсколько писемъ, онъ легъ спать, не замѣчая въ себѣ никакой переменѣ. Но вскорѣ онъ почувствовалъ сильныя приступы болѣзни и страшную боль въ кишкахъ и позвалъ дежурнаго лакея. Тотъ далъ лекарства, которыя великій князь назначилъ себѣ самъ. Онъ всегда возилъ съ собою походную аптеку и любилъ лечить самъ себя, не совѣтуясь съ докторами. Боли, однако, продолжались, и скоро весь дѣмъ былъ на ногахъ. Княгиня бросилась въ апартаменты своего супруга; тотчасъ же явился бывшій при великомъ князѣ докторъ-нѣмецъ. Несмотря на всѣ его средства, приступы становились все сильнѣе, боли были ужасны, и черезъ десять часовъ великаго князя не стало.

¹⁾ Герцогъ Моденскій, будучи въ Варшавѣ, былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая, рисующаго его безсердечное иной разъ отношеніе къ людямъ. Великій князь Константинъ Павловичъ, желая показать передъ нимъ желѣзную дисциплину своихъ войскъ, подозвалъ одного солдата и спросилъ его, умѣетъ ли онъ плавать. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ приказалъ ему броситься въ воду. Тотъ не смѣлъ ослушаться его приказанія и утонулъ. (Souvenirs du chevalier de Cussy. T. II. Paris. 1900).

Такъ кончилъ свою жизнь Константинъ Павловичъ, несмотря на то, что его атлетическое тѣлосложеніе и правильный образъ жизни сулили ему долгое существованіе.

Его внезапная и быстрая смерть породила множество догадокъ и подозрѣній. Но какой былъ смыслъ совершать бесполезное теперь преступленіе? Будемъ говорить прямо. Благородство и строгая честность императора Николая избавляютъ его отъ всякихъ подозрѣній, и тотъ, кто его знаетъ, долженъ содрогнуться отъ негодованія, слыша такую подлую и низкую клевету. Если бы тутъ дѣйствительно было преступленіе, то его слѣдовало бы приписать или какому-нибудь тайному врагу или же ослѣпленному фанатику.

Великій князь никогда не былъ опаснымъ политиканомъ. Преданный своему отечеству, покорный, какъ истинный вѣрноподданный, своему государю, онъ уже давно доказалъ, что онъ умеръ для политическаго честолюбія. У него отъ природы не было генія съ широкими планами, съ пламенными мечтами. Онъ очень любилъ власть, но понималъ самъ, что слишкомъ обширная власть раздавить его, и потому предъ чель дѣйствовать на маленькой сценѣ, которую ему отвели. Польская революція навсегда удалила его съ этой сцены и отняла у него всякое значеніе.

Противоположности, таившіяся въ характерѣ великаго князя, изумляли всѣхъ окружавшихъ его. Бурный и въ то же время кроткій, деспотичный и робкій, скупой и щедрый, склонный къ гнѣву и терпѣливый, суровый и слабый, жестокій и чувствительный, внушительно-страшный и обаятельно-любезный—онъ заключалъ въ себѣ множество самыхъ разнообразныхъ людей.

Его прекрасныя качества принадлежать его природѣ, составляютъ его основныя свойства. То, что ихъ уничтожало, очень часто было дѣломъ другихъ.

Великій князь получилъ плохое воспитаніе, а его горячій и бурный темпераментъ, который не встрѣчалъ сдержки вслѣдствіе его высокаго положенія, слишкомъ далеко увлекъ его въ его молодые годы. Окруженный испорченными людьми, встрѣчая опасное попустительство, онъ пріобрѣлъ склонность къ недостойному его обществу и сохранилъ этотъ вкусъ навсегда. Отсюда его отвращеніе ко всѣмъ, кто ему противорѣчилъ, его упрямство, не допускавшее никакихъ возраженій, довѣріе, которое онъ питалъ или къ ничтожнымъ льстецамъ, или къ вѣроломнымъ эгоистамъ.

У него не было настоящихъ друзей, которые могли бы, когда нужно, выдвинуть свое особое мнѣніе и такимъ образомъ мало-помалу пріобрѣсти на него благодѣтельное вліяніе. Но было гораздо выгоднѣе строить свою карьеру на подлыхъ поблажкахъ и интригахъ, при помощи которыхъ его всегда обманывали и которыя входили въ расчетъ округа шихъ его лицъ.

Однако годы, житейскій опытъ, который болѣе или менѣе исправляетъ и измѣняетъ человѣка, внесли большія измѣненія въ характерѣ великаго князя, поражавшія тѣхъ, кто знавалъ его въ молодости. Этому прежде всего способствовала госпожа Фредериксъ, съ которою онъ жилъ и которая при своемъ вспыльчивомъ характерѣ отличалась добротою сердца. Бурныя вспышки, которыхъ не могла сдержать никакая преграда, дали ей своего рода власть надъ великимъ княземъ, которою она и пользовалась для того, чтобы смятчить его природную вспыльчивость.

Его вторая жена ¹⁾, основавъ свою власть надъ нимъ на нѣжномъ чувствѣ, которое онъ къ ней питалъ, пускала въ ходъ убѣжденіе и такимъ образомъ дѣйствовала успокоительно на его бурныя вспышки. Это средство дало прекрасный результатъ, который особенно сказывался во всемъ, что не касалось его властолюбія и военныхъ упражненій.

Сколько разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ послѣ вспышки, неумѣстность которой онъ скоро сознавалъ, онъ извинялся передъ тѣми, кого считалъ оскорбленными. Сколько разъ, мучимый невольно совершенными несправедливостями, онъ спѣшилъ загладить ихъ и заставить ихъ забыть щедрымъ вознагражденіемъ. Сколько разъ оказывалъ онъ помощь нуждающимся, особенно бѣднымъ офицерамъ, которымъ не на что было экипироваться или нельзя было купить лошадей! Сколько денегъ тратилъ онъ на ихъ леченіе, отправляя ихъ то на воды, то на климатическія станціи. Сколько разъ навѣщалъ онъ больныхъ безъ различія положенія. Больницы были мѣстомъ его постоянныхъ посѣщеній, и его собственнымъ слугамъ перѣдко приходилось видѣть его у своего болѣзненнаго одра.

Въ теченіе тринадцати лѣтъ, которыя я провелъ у него на службѣ, я ни разу не видалъ, чтобы онъ устроилъ у себя обѣдъ и далъ бы балъ или вечеръ. Его столъ, за которымъ обыкновенно присутствовало человѣкъ шесть, отличался умѣренностью, граничившей со скудостью. Только въ пасхальную ночь и еще раза два въ теченіе года, когда онъ давалъ завтракъ гвардіи, нарушался обычный его образъ жизни. Во время такихъ многолюдныхъ собраній, чтобы не затягивать столъ и не доходить до злоупотребленій, всѣ должны были ѣсть стоя, за разными столами, что напоминало скорѣе какую-то трапезу монаховъ, чѣмъ военный праздникъ.

¹⁾ Великій князь Константинъ Павловичъ былъ женатъ первымъ бракомъ на принцессѣ Саксенъ-Кобургской Юліанѣ-Генріеттѣ-Ульриксѣ, принявшей православіе съ именемъ Анны Теодоровны. Семейная жизнь его несчастлива. Велѣдствіе вспыльчивости великаго князя между нимъ и женою постоянно происходили размолвки, кончившіяся тѣмъ, что въ 1801 г. великая княгиня Анна Теодоровна уѣхала за границу и болѣе къ мужу не возвращалась. Незадолго до вступленія во второй бракъ съ Іоанной Грудзинской бракъ великаго князя съ Анной Теодоровной синодомъ былъ расторгнутъ.

Его частные апартаменты были меблированы очень просто и напоминали комнаты зажиточнаго буржуа, а никакъ не великаго князя, отказавшагося отъ императорской короны. Въ нихъ-то и жилъ Константинъ Павловичъ, нося старенькій мундиръ или заштопаннй сюртукъ.

Онъ былъ выше средняго роста и прекраснаго сложенія: его атлетическій видъ свидѣтельствовалъ о его крѣпкомъ сложеніи и желѣзномъ темпераментѣ. Его лицо отличалось удивительной свѣжестью въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не былъ утомленъ разводами или путешествіями. Зубы онъ сохранилъ великолѣпно. Носъ былъ сильно вздернутъ, отчего ноздри были совершенно открыты и въ нихъ можно было видѣть до самой глубины. Огромныя бѣлыя брови, которыя можно сравнить со щетками, придавали его лицу дикое и даже свирѣпое выраженіе, особенно когда онъ горячился. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу совмѣщавшихся въ немъ противоположностей, то же самое лицо пріобрѣтало удивительно кроткое выраженіе, когда великій князь былъ спокоенъ и руководствовался своей природной добротой.

Таковъ былъ великій князь Константинъ Павловичъ.

ЗАПИСКИ МОСКВИЧА

(Картинки, встрѣчи, впечатлѣнія).

I.

«Сухаревка».

 О ПОСЛѢДНЕЙ злосчастной войны Россіи съ Японіей, когда нашъ курсъ былъ высокъ и кредитъ обезпеченъ, въ Москвѣ торговая жизнь положительно процвѣтала; многочисленные заводы и фабрики не успѣвали выполнять всей массы мѣстныхъ и провинціальныхъ заказовъ; магазины ломились отъ быстро смѣняющихся разнообразныхъ товаровъ; среди торговцевъ развелось множество ювелировъ, владѣльцевъ обширной продажи эстамповъ и предметовъ роскоши. «Мюръ и Мерилизъ», назвавъ свой торговый домъ «универсальнымъ магазиномъ», удивлялъ смѣшеніемъ всякаго товара: платья, бѣлья, обуви, тканей, полотна, сукна, шелка, мебели, ковровъ, бронзы, посуды, писчебумажныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей, наконецъ, мяса, дичи, зелени и даже овса и сѣна... На Кузнецкомъ мосту ювелиръ Бушеронъ изъ Парижа и московскій «король брильянтовъ» Фаберже соперничали витринами, выставляя иногда драгоцѣнностей на нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ одномъ окнѣ; въ пассажахъ магазины «Морэ» и «А ля Туалеть» и другія богатая фирмы щеголяли всѣмъ, что приготавливаютъ Парижъ и Вѣна по части удовлетворенія эстетической прихоти богатаго человѣка; художественные магазины Даціаро и Аванцо были маленькими

музеями картинъ, статуи и всякихъ objets d'arts; Морозовы, Сосипатръ Сидоровъ, Циндель, Коншинъ, Даниловская мануфактура, Прохоровская мануфактура, Третьяковъ и Мещеринъ и проч. сбывали въ розницу массы своихъ ситцевъ, матерій, скатертей и льняныхъ тканей, отличныхъ по качеству и педорогихъ по цѣнѣ; кромѣ этого, въ болѣе мелкихъ безчисленныхъ магазинахъ Москвы всякая торговля шла на славу и рѣдкая не была прибыльной; въ «городѣ» (такъ называется у насъ торговая мѣстность, гдѣ расположены Ильинка, Никольская, Варварка и выстроены Новые ряды) оптовики-купцы совершали колоссальныя торговыя сдѣлки, какихъ не знаетъ ни Варшава, ни Лодзь, ни Петербургъ, и громадными партіями всюду отправляли издѣлія нашихъ фабрикъ; бойко шли дѣла и въ Новыхъ рядахъ, что на Красной площади. Наконецъ, спокойно и сильно бился тогда нервъ финансовой жизни Москвы, наша биржа, и сообразно этому регулярно-здоровому движенію отлично чувствовали себя московскіе банки, особенно «Земельный», гдѣ царствовалъ г. Поляковъ. Правда, ужъ и тогда этотъ денежный князь являлся сильно задолженнымъ казнѣ, а теперь онъ должникъ неплатный; соединенные въ одинъ по его плану три банка съ уменьшеніемъ капитала уже не внушаютъ довѣрія, и акціонеры энергично требуютъ ревизіи... Я объ этомъ подробно писалъ въ «Новомъ Времени», печатавъ объясненія обѣихъ сторонъ и давая полную возможность высказаться и г. Михайловскому (акціонеру банка), и управляющему банкомъ. Думаю, что положеніе Соединеннаго банка не изъ надежныхъ. Что публика передала вѣрить Полякову, доказываетъ недавняя подписка на Паласъ-отель, давшая совсѣмъ ничтожные результаты. Дѣла банка, вообще плохи, и если бы не поддержка министерства финансовъ (въ 1909 г., напримѣръ, оно ссудило банку 6.000,000 р.), то г. Полякову пришелъ бы совершенный финансовый конецъ. Но раньше такихъ перспективъ никто себѣ не рисовалъ, и московскій обыватель, твердо увѣрившись въ пезыблемость русскаго экономическаго положенія, жилъ да поживалъ весьма весело и отчасти даже легкомысленно. Кутежи москвичей извѣстны повсюду. Они создали и обогатили «Яръ», «Стрѣльну», «Мавританію» и другіе пріюты разгула и дорогихъ пиршествъ. Купеческіе сыновья, одѣтые, какъ лондонскіе джентльмены, ѣздили у насъ на автомобиляхъ, давая народъ, имѣли обвѣшенныхъ драгоценностями кафе-шантапныхъ «дивъ», издавали дрянненькія газеты, декадентскіе журналы, устраивали дебоши, сорили деньгами, которыя ихъ отцы потомъ и кровью наживали всю свою трудовую жизнь, поили шампанскимъ даже лошадей, взявшихъ имъ на бѣгахъ и скачкахъ призъ, и наконецъ вылетали въ трубу вверхъ ногами; ихъ въ тотъ же часъ брали подъ опеку, хотя, собственно, опекать ужъ было почти нечего, а иные чудящіе купчики, послѣ разныхъ дикихъ затѣй, кончали жизнь даже самоубійствомъ, чему примѣромъ

можетъ служить «знаменитый» С. Т. Морозовъ, не столько директоръ фабрикъ, сколько «директоръ» московскаго Художественнаго театра и человѣкъ, немного «побаловавшійся въ революцію»; кто свернулъ и сбиль съ прямой дороги этого коленкороваго короля, я разбирать не буду, но скажу, что С. Т. Морозовъ заслуживалъ болѣе приличнаго конца; онъ изъ многочисленныхъ морозовскихъ «вѣтвей» считался наиболѣе добропорядочнымъ отросткомъ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ никто не ожидалъ подобныхъ купеческихъ финаловъ въ русской жизни и въ жизни ея яркихъ дѣятелей. Тогда, напротивъ, все, при деньгахъ, рисовалось въ розовомъ свѣтѣ. Лѣтъ 10—15 назадъ торговые обороты Москвы ежегодно простирались до *двухъ миллиардовъ* рублей, а годовой оборотъ московской промышленности—до *двухсотъ милліоновъ* рублей. Эти краснорѣчивыя цифры дѣлаютъ понятнымъ то обиліе заводовъ, фабрикъ, складовъ, магазиновъ, транспортныхъ конторъ, банковъ и рынковъ, какіе имѣются въ Москвѣ, а также то обиліе «веселыхъ убѣжищъ», гдѣ нажитое отцами бросалось на вѣтеръ ихъ безпардонными дѣтми...

Война съ Японіей, а затѣмъ революціонное движеніе, смѣшавшееся съ аграрными ужасами и наконецъ выродившееся въ экспропріаторскіе подвиги простыхъ грабителей, нанесли такой ударъ благосостоянію Россіи, какого не ждали самыя дальновидныя политики. Сердце Россіи, Москва, сразу «обмерло», по русскому выраженію, но въ очень дурномъ смыслѣ. Начались «кризисы», «колебанія фирмъ», экономическія драмы и трагедіи. Лопнула масса торговцевъ и предпринимателей, а также и фабрикантовъ, изъ нихъ, на примѣръ, неожиданно-негаданно рухнули недавно братья Б—ги, считавшіеся «въ большихъ милліонахъ»; одинъ изъ этихъ повалившихся богачей отличался изящнымъ вкусомъ, имѣлъ картинную галерею, милліонную коллекцію драгоценныхъ камней и проч. Но упалъ курсъ—и упали бывшіе милліонеры. Желѣзное дѣло, въ которое раньше неосмотрительно кипулись многіе капиталисты, сильно затрещало,—и сейчасъ же стономъ покрылась русская земля: заводы стали закрываться, фирмы лопаться, какъ дождевые пузыри, и это тѣмъ болѣе обидно, такъ какъ въ желѣзномъ дѣлѣ, по большей части, потеряли свои милліоны хорошіе, честные коммерсанты; на примѣръ, чаеоторговцы Б—ы убили громадныя суммы на поддержку своего желѣзнаго предпріятія; пошатнулся самъ Юзь въ своемъ громадномъ угольномъ и сталелитейномъ царствѣ; многіе иностранные предприниматели также съ убыткомъ прикончили свое живое дѣло... Помню, въ городѣ Т-гѣ былъ рельсопрокатный заводъ одного бельгійскаго общества, я его посѣтилъ въ 1889 году въ компаніи съ Ант. П. Чеховымъ и однимъ мѣстнымъ врачомъ; дѣла завода шли блестяще, а теперь отъ предпріятія не осталось и слѣда, заводъ закрытъ, бельгійцы разорились до тла.

Тяжелые годы, засѣявъ банкротствами наше отечество, не пощадил и богатую Москву. Люди со средствами, видя, какъ на ихъ глазахъ таютъ капиталы, сжали свои бюджеты до минимума; даже модныя дамы, эти равнодушныя ко всему, кромѣ нарядовъ, существа, сократили свои траты, и это отчасти сказалось на разныхъ магазинахъ; раньше дамская прихоть дала возможность процвѣтать разнымъ моднымъ заведеніямъ въ родѣ «Города Ліона» на Кузнецкомъ мосту и портнихамъ въ родѣ Л—вой. Но разразился экономическій кризисъ, и «Городъ Ліонъ» былъ немедленно закрытъ. Одновременно кончились разныя другія щегольскія предпріятія, закрылись и закрывается масса магазиновъ, особенно такихъ, которые только и возможны въ годы благосостоянія страны. Беру въ примѣръ большой и старинный московскій магазинъ предметовъ роскоши и заграничной галантереи, торговавшій подъ фирмою «Морэ» въ Солодовниковскомъ пассажѣ; недавно онъ объявлялъ дешевую распродажу «передъ окончаніемъ дѣла»; я зашелъ и спросилъ, почему такой солидный торговый домъ прекращаетъ свои операціи въ Москвѣ?

— Нельзя продолжать торговлю: *покупателей нѣтъ!*—откровенно отвѣчали мнѣ.

— Какъ нѣтъ? Въ городѣ, гдѣ почти полтора милліона жителей, вмѣстѣ съ пріѣзжающими иностранцами и провинціалами?

— Да, совсѣмъ не продается товаръ. А нашъ товаръ дорогой, модный, требующій сезонныхъ новостей. Нѣтъ никакого спроса. Вотъ и закрываемся...

— Что же этому причиной? Бывшая война?

— Война, а главное—безпорядки, разгромы, волненія; курсъ упалъ, всѣ разорились, потому что въ Россіи деньги держали въ бумагахъ, а бумаги свалились подъ гору. Теперь въ Москвѣ такое безденежье, какого не запомнить. Торговля стала плоха до невозможности. Вотъ мы, напримѣръ, совсѣмъ не торгуемъ. Рѣшили кончить дѣло. Часть товара пускаемъ въ дешевку, а на Оумшпой недѣлѣ устраиваемъ аукціонъ—и все оптомъ, по партіямъ, по дешевой цѣнѣ продадимъ сразу...

Это называется—*sic transit gloria*. Все пошло на смарку! И прежніе изиѣженные вкусы, и роскошные предметы прихоти. Москвичи повели себя скромно. Одни обанкротились, другіе изъ эпикурейцевъ превратились въ стоиковъ... поневолѣ, какъ былъ мольеровскій лекаръ поневолѣ послѣ того, какъ получилъ нѣсколько палочныхъ ударовъ. Въ русскомъ сокращеніи бюджета роль палки сыграло многое... За три года мы въ Москвѣ только и видѣли, что крахи, крахи и крахи. Упало золотое и серебряное дѣло. Художники почти не продаютъ картинъ. Эстампные магазины дышатъ на ладанъ. Даже газетныя и книжныя дѣла пришли въ упадокъ. Изъ органовъ московской періодической печати многіе приказали долго жить или

изъ ежедневныхъ солидныхъ превратились въ жиденькіе послѣ-праздничные, выходя отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю. Нѣтъ покупателей, мало и читателей!

Правда, теперь, въ концѣ 1909 года, русскія бумаги поднялись; урожай и нѣкоторое успокоеніе умовъ сыграли недурную роль, и жизнь чуть-чуть стала споснѣе. Но въ началѣ этого года и осенью 1908 года было тяжело.

Одновременно съ плохимъ состояніемъ торговли началась дороговизна предметовъ первой необходимости. Мясо, хлѣбъ, дичь, овощи и проч. вздорожали до крайней степени. Бѣднота принялась à la Paris за конину или вовсе не покупала мяса. На ряду съ этимъ московское городское общественное управленіе изъ рукъ вонъ плохо вело городское хозяйство и даже отъ такого выгоднаго въ теоріи предпріятія, какъ трамвай, получало на практикѣ до 400,000 р. убытка въ годъ (!). Правда, отчасти и здѣсь причину слѣдуетъ искать въ беспорядкахъ 1905—6 гг., во время которыхъ убыточно оборудовано было трамвайное дѣло, но жителямъ Москвы отъ этого не легче и не лучше; городская дума плохо изыскиваетъ средства облегченія тяжелой жизни, она использовала городскіе налоги до закономъ положенной нормы, а долги все растутъ да растутъ, на гг. гласныхъ съ боемъ идутъ... Что же будетъ дальше? Страшно загадывать, рискованно отвѣтить на такой вопросъ.

Впрочемъ, предметомъ моей настоящей статьи являются не финансовыя наши затрудненія и кризисы. Мнѣ хочется нарисовать картинку одного вида московской торговли, которая не пострадала отъ ужасовъ минувшихъ лѣтъ и, въ силу своей необходимости, осталась такъ же людна и обширна, какъ прежде, какъ всегда. Для богатыхъ и достаточныхъ людей эта торговля имѣетъ весьма ничтожное значеніе, для бѣдняка, наоборотъ, громадное. Я говорю о московскихъ рынкахъ, о главномъ изъ нихъ, самомъ большомъ и своеобразномъ,—о «Сухаревкѣ», собирающей по воскресеньямъ, съ 5 ч. утра и до 5 ч. вечера, необозримое количество покупателей и потребителей тѣхъ товаровъ, какіе тамъ въ изобиліи предлагаются. Собственно, всѣ московскіе рынки похожи другъ на друга, но Сухаревка—центръ и сосредоточіе всего, что есть на всѣхъ рынкахъ. Всѣ эти московскія торжища, замѣчу мимоходомъ, особенно характерны своимъ стародавнимъ неряшествомъ. Не взирая на опубликованныя нѣсколько лѣтъ назадъ статьи профессора Бунина, главы московскихъ городскихъ санитаровъ, и другихъ лицъ, писавшихъ о сверхъестественной грязи московскихъ рынковъ, до сихъ поръ эти рынки напоминаютъ первобытные азіатскіе базары, гдѣ грязь и зараза обязательны и неукоснительны, какъ луна на мечети. Въ Москвѣ попрежнему на молочные базары по утрамъ пріѣзжаютъ бабы-молочницы, у которыхъ кувшины заткнуты грязной соломой въ тряпицѣ, напоминающей онучу, а можетъ быть—и въ подлинной; до сихъ поръ на грязнѣйшихъ рыночныхъ лоткахъ продаются гнилыя яблоки, ис-

порченные апельсины, неудобоваримая какая-то требуха и кишки съ кашей, тут же лежат окрашенные ядовитыми красками пряники и конфеты, ржавыя сельди, орѣхи со свищомъ, рыба съ «душкомъ», фальсифицированное масло, а также много другихъ продуктовъ, которымъ слѣдуетъ пожелать не только остраго глаза санитаря, но даже хлорной извести и полного уничтоженія.

Рынковъ въ Москвѣ много; нѣкоторые общеизвѣстны и малоинтересны, какъ, напримѣръ, Нѣмецкій, Таганскій, Смоленскій, конные рынки, сѣнные и т. п. Знаменитый Охотный рядъ, находящійся въ центрѣ города, и Болотная площадь—рынки спеціальныя; въ Охотномъ продается весь лучшій съѣстной товаръ, тутъ центръ и мясоторговли, и рыборотговли, и фруктовъ, и овощныхъ товаровъ; на Болотѣ—царство ягодъ, куда хорошія хозяйки являюся въ 3—4 часа утра и очень дешево покупаютъ у подгородныхъ крестьянъ смородину, вишни, клубнику, малину, крыжовникъ и т. п.; туда же ордой идутъ скупщики и разносчики этого ходкаго въ лѣтнее время продукта. Наконецъ, есть еще одинъ довольно любопытный рынокъ—на Трубной площади, гдѣ продаютъ собакъ (по большей части краденыхъ), птицъ пѣвчихъ и домашнихъ, причемъ первыхъ въ Вербное воскресенье принято у насъ «выпускать для спасенія души»—обычай трогательный, но не достигающій цѣли, такъ какъ измученныхъ чижиговъ, синицъ и снѣгирей сейчасъ же обратно ловятъ торговцы и мальчишки, или птицъ поѣдаютъ кошки, очень распространенныя въ Москвѣ и—о, промахъ мудрой городской управы!—еще не обложенныя до сихъ поръ никакимъ налогомъ. На этомъ же рынкѣ торгуютъ цвѣтами, кустарниками и молодыми деревцами разныхъ породъ.

Однакожъ, какъ я уже сказалъ, всѣ рынки уступаютъ наиболѣе популярному Сухаревскому. «Сухаревка» функціонируетъ каждое воскресенье близъ Сухаревой башни, на площади того же названія. Пріѣзжіе, да и большинство москвичей, очутившись въ этой мѣстности, видятъ передъ собой большую башню, неуклюжую, сложенную изъ кирпичей и всегда (это ея характерная особенность) грязную. Это—Сухарева башня. Почему она такъ называется? Никто не дастъ вамъ отвѣта. Скорѣе расскажутъ юмористическій анекдотъ, какъ нѣмецъ, жившій у Сухаревой башни, выйдя изъ гостей, занималъ извозчика къ «Сахарной барышнѣ», и извозчикъ привезъ его наконецъ въ часть, а нѣмецъ сказалъ, указывая на каланчу: «Вотъ онъ!» Я спрашивалъ старыхъ сухаревскихъ лавочниковъ, откуда взялось названіе башни, и тоже никто не зналъ, лишь одинъ старичокъ, грамотный и торгующій старыми книгами, сообщилъ мнѣ, почему-то понизивъ голосъ, что въ этой башнѣ «живемъ заложенъ астрологъ Брюсъ (авторъ календаря) и всѣ его волшебныя сочиненія».

— Такъ почему же она не Брюсова, а Сухарева башня? Сухари, что ли, около нея пекли?

— Не могу вамъ сказать. Должно быть, какой-нибудь Сухаревъ ее построилъ... а можетъ, и сухари продавали!

Между тѣмъ, исторія башни слѣдующая. Во время стрѣleckаго бунта, при Петрѣ I, остался вѣрнымъ царю одинъ *Сухаревскій стрѣлецкій полкъ*; въ память этого полка и построена въ 1692—1695 гг. Сухарева башня. Не знаю, что «заложено» въ ея стѣнахъ, но знаю, что въ наше время тамъ, во второмъ этажѣ башни, былъ устроенъ резервуаръ для воды, проведенной изъ Мытищенскаго водопровода. Только и всего.

Возлѣ этой самой башни раскинулся рынокъ Сухаревка, великанъ передъ прочими московскими рынками. Она заняла всю огромную площадь, слегка забѣжала на Садовую улицу, втиснулась во дворъ Шереметевской богадѣльни и загородила проходъ на Срѣтенку. Здѣшній воскресный торгъ всегда шуменъ, люденъ и небезопасенъ для неосторожнаго посѣтителя: его могутъ больно толкнуть, или на него наскочить трамвай, или, наконецъ, мѣстные рыцари индустрии (по-московски—жулики) моментально выудятъ у него изъ кармана кошелекъ или срѣжутъ часы съ цѣпочкой. Словомъ, на Сухаревкѣ, или, какъ у насъ говорятъ, подъ Сухаревкой, полезно помнить одиннадцатую заповѣдь: «Не зѣвай!» Громадный рынокъ дѣлится на части, по сортамъ продающихся товаровъ: на мебельную, посудную, книжную и т. п. У самой башни и дальше, къ Садовой, гдѣ стоятъ мужики, привезшіе капусту, морковь, рѣпу, свеклу и картофель, тянутся палатки съ различной снѣдью; тутъ не худо пройтись чревоугоднику, лечащемуся отъ полноты, онъ сразу получитъ отвращеніе ко всякой ѣдѣ,—такъ здѣсь симпатично пахнеть, и предлагаются такого милого вида сѣстные припасы: на лоткахъ, почти возлѣ самыхъ уличныхъ лужъ, навалены отвратительнаго вида селедки, заплесневѣвшій черносливъ, бѣлуга съ несомнѣннымъ рыбнымъ ядомъ, бакалея третьяго года, вялые и забрызганные грязью кочны капусты, затхлая мука, крупа, масло, керосинъ, мясо, телятина, студень, икра, и все это сначала чувствуетъ носъ, а ужъ потомъ видитъ глазъ, и многое прочее. Кончается сѣдобрное отдѣленіе, начинается другого сорта продажа: на какихъ-то высокихъ рогулькахъ висятъ перчатки, шарфы, сапоги, кушаки, галстуки, фуфайки, «веселаго цвѣта» косынки и вязаные дѣтскіе костюмчики, возлѣ рогулекъ стоятъ рѣчистые торговцы и увѣряютъ, что весь рынокъ изойди—лучше вещи не отыщешь! Далѣе—палатки готоваго платья, шелковыхъ юбокъ, платьевъ, сшитыхъ «на всякую моду»; тутъ же платки, пледы, миткаль, коленкоръ, ситцы и матеріи, иногда съ такимъ «узорчикомъ», что, какъ говорятъ простолюдины, «быкъ забодаетъ»; тутъ же шапки, шляпы, сарафаны, кучерскія поддевки, игольный товаръ, мыло, одеколонъ, духи, помада, пуговицы, гребенки. И все это—бракъ, дешевка, товаръ съ изъяномъ. Бѣдный человѣкъ, имѣя «жизни строгій опытъ», знаетъ всему цѣну и зорко слѣдитъ, чтобы ему, по

московскому выраженію, «не вставили очковъ» и не «обмшнулили»; но того, кто неопытенъ и еще не вѣдаетъ, какъ рыночная Москва «бьетъ съ носка», тотъ послѣ покупокъ по возвращеніи домой совершаетъ досадныя открытія: купилъ человекъ 17 аршинъ матеріи въ «модную клѣтку», а въ ней оказывается всего 15 безъ четверти, да и на клѣткѣ, какъ она ни модна, открывается цѣлая Америка —сальное пятно, пожалуй, и не одно... Или надѣлъ покупатель новое пальто, попалъ подъ дождь и сталъ весь пестрый; пальто шито изъ разнокалибернаго старья и плохо покрашено...

Параллельно рынку «краснаго товара» идетъ подъ Сухаревкой рынокъ-толкучка, «площадной» торгъ, обыкновенно сдобриваемый словесностью того же названія. Здѣсь происходитъ оживленная «распродажа съ плеча»: вотъ парень носить партію брюкъ отъ полутора рубля и до «семи бумажекъ»; жидъ одѣтъ въ двѣ шубы и четыре дамскихъ ротонды; мальчишка тащитъ корзину съ картузами; убогая старика предлагаетъ «поплавочки въ лампадочку»; кто-то продаетъ бабью байковую юбку и сломанное ружье монте-кристо; малый съ угрястымъ лицомъ хочетъ спустить жилетку и рекомендуетъ, что онъ «только что изъ острога» и что ему «надоть опохмелиться», состарѣвшаяся публичная женщина съ ужасными слѣдами на сѣромъ лицѣ носитъ мокрые мандарины и пятнистыя антоновскія яблоки; тутъ же продаютъ «квасокъ и грушу варену», парниковые кривые огурцы, горячій сбитень, клюквенный квасъ, кисляца щи (напикокъ, состоящій въ родствѣ съ динамитомъ), «грѣшники» (изъ гречневой муки столбики), блинны съ лукомъ и прочей припекой, драчену, пышки и т. п.

Слышатся шумъ, брань, уговоры, препирательства.

— Пирожки горячіе! Съ рыбкой и съ рысью! Съ мясомъ и съ кислой капусткой! Пятачокъ за пару!

— Сказано тебѣ—четыре цѣлковыхъ, и больше не скули!

— Дѣдушка, не грѣши, милый! Себѣ пять съ четвертью. А ты вышмай двѣ зелененькія и сапоги носи. Носи да за меня Богу молись!

— Ступай ты къ лѣшему... полтинникъ, такъ и быть, прибавлю!

Какой-то кучеръ, попавшійся мнѣ на дорогѣ, примѣряетъ безрукавку и, будучи лихо пьянъ, ржетъ и брыкается, какъ ввѣренныя ему лошади, а его пріятели хохочутъ и кричатъ:

— Тебѣ, Пашка, послѣ такого представленія, не безрукавку, а хомутъ надѣтъ надоть!

Мастеровые со своими женами или пріятельницами валяютъ толпами и, ругаясь, приобрѣтаютъ обновки «пофасонистѣй». Въ общемъ, на всей Сухаревкѣ, кромѣ отдѣла книгъ, покупатель черный, невзыскательный и бывалый. Давка вездѣ отчаянная. Ссоры ежеминутныя, но быстро проходящія.

— Не при на ребенка, не толкай локтями, рыжая борода!—воцить женскій голосъ.

— И на ноги, каналья, не наступай! Эй, городской!

— Я не наступаю, а и вы, господинъ, не извольте выражаться... И городovýmъ не испужаешь! Кому городской—а намъ братецъ родной...

— Ѳедоръ Иванычъ, берегите карманы, тутъ, вѣдь... тово... живо облупятъ!

— Егорушка, стой, ангель! Стой же, дьяволъ, оглохъ, что ли, ты?

— Огрѣй его по затылку!

— Будьте здоровы, кушайте гвозди!

Долго прогуливаться въ этой свалкѣ не особенно удобно, атмосфера совсѣмъ не изъ пріятныхъ, да и ругань начинается сильно надоѣдать, хотя, сказать кстати, здѣсь бранятся не столько по злобѣ, сколько по обиходу, по привычкѣ, «за милую душу», какъ говорится; московскому простолюдину быть безъ ругани—что безъ хлѣба или... безъ водки. Миновавъ линію «площадного торгова и слова», пройдя всѣ ситцевыя палатки, лотки старьевщиковъ, желѣзниковъ, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, мы попадаемъ въ самый любопытный отдѣлъ Сухаревки—продажу «разныхъ вещей», русскій «брикъ-а-бракъ» и отдѣлъ всевозможныхъ книгъ, журналовъ, нотъ и брошюръ. Здѣшнія палатки бросаются издали въ глаза, потому что товаръ и положенъ, и высоко развѣшенъ. Особенно сухаревскіе «эстампные магазины» интересны, напоминая собою издали не то распродажу нѣсколькихъ палитръ, испачканныхъ красками, не то гигантскую сковороду, гдѣ размазана яичница съ лукомъ и ветчиной. «Картины», предлагаемыя публикѣ, очень разнообразны; тутъ и радужный вечеръ, похожій на сторублевую ассигнацію прежняго образца, и утренняя заря, заставляющая думать, что загорѣлся весь бѣлый свѣтъ; есть рѣчки, берущія начала изъ картинной рамы, а, можетъ быть, изъ лиловыхъ облаковъ, нарисованныхъ кистью прямого маляра; рощицы изъ деревьевъ невѣдомой породы, луга, похожіе на синія моря, и синія моря—Богъ знаетъ, на что похожія, и т. п. Спросите торговца, чѣй работы эти картины, онъ отвѣтитъ развязнымъ тономъ:

— Разныхъ извѣстныхъ художниковъ.

— А напимѣръ?

— Саврасова, Мещерскаго... эта вотъ 20 рублей, эта—15.

Если вы засмѣетесь, торговецъ важно замѣтитъ:

— Это копія, и цѣна имъ плевая. Неужели вы, милостивый государь, полагаете, что Саврасова можно купить за 15 рублей?! (Покупатель, обыкновенно, теряется отъ такого апломба).

Что же оказывается? Сидятъ у этихъ торгашей разные «мазилы» и рубля по 2, по 3, по 5 за экземпляръ копируютъ случайно попавшія къ торговцу-барышнику оригинальныя картины болѣе или менѣе извѣстныхъ художниковъ. Точно также сухаревскіе торговцы когда-то ловили и засаживали «рисовать подъ замкомъ» самого Саврасова, знаменитаго пейзажиста, человѣка колоссальнаго дарованія, но, увы, совершенно загубленнаго пристрастіемъ къ вину. Сухаревцы

запирали Саврасова на все время безъ водки, пока онъ былъ трезвъ и рисоваль своимъ «антрепренерамъ» наброски картинъ (въ это время онъ ужъ почти ничего не писалъ и не могъ серьезно работать, руки его тряслись, зрѣніе ослабѣло). Когда несчастный художникъ доканчивалъ свой заказъ, торговецъ отпиралъ замокъ, давалъ Саврасову 5—10 рублей, и великій мастеръ кисти шелъ въ ближайшій труппобный трактиръ и тамъ пропивалъ быстро все, что въ такомъ униженіи заработалъ. Говорять, съ Саврасова торгаши даже брали расписки «не пить до конца заказанной работы». Саврасовъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ и почти нищимъ во 2-й московской городской больницѣ 26 сентября 1897 года. У него была отличная картина «Возлѣ Сухаревой башни»—эту-то мѣстность онъ долженъ былъ хорошо знать!..

Про Сухаревку ходять въ Москвѣ легенды, будто тамъ иногда можно купить старинную картину хорошаго мастера и заплатить гроши. Можетъ быть, и бывали эти случаи, какъ и вездѣ. Мой знакомый, нѣкто Г-ровъ, въ желѣзной лавкѣ на Моросѣйкѣ купилъ головку дѣвушки за 6 рублей, а когда ее реставрировали, т.-е. вымыли и вычистили, оказалась головка Греза, цѣною свыше 1,000 рублей. Но подобные случаи рѣдки. Раньше, когда постлѣ «воли» распродалались съ молотка дворянскія усадьбы, на Сухаревку попадали вещички даже очень рѣдкія; съ теченіемъ времени онѣ распродались, а теперь сюда несутъ больше хламъ; можно цѣлый годъ ходить «подъ Сухаревочку», какъ нѣжно выражаются нѣкоторые московскіе любители покупать старье, и ничего путнаго не найти. Олеографіи, безобразныя картины, писанныя масляными красками,—этого добра сколько угодно, но оригиналовъ даже посредственныхъ художниковъ почти нѣтъ.

Теперь посмотримъ, что представляютъ собою лотки съ пищей для ума, т.-е. съ книжнымъ товаромъ? Книгъ на Сухаревкѣ очень много, есть и новыя, въ хорошихъ переплетахъ. Случайность товара, однако, видна сразу. Просмотрѣвъ весь сралашъ, замѣчаешь слѣдующія сочиненія: «Алгебра», «Ариѳметика», «Начатки», «Химія», «Спотолкователь», «Графъ Монте-Кристо», «Гоголь», «Пушкинъ», «Курсъ Марго», «Оллендорфъ», «Думы», «Сочиненія Мельникова», «Циррозы», приложенія къ «Нивѣ», «Нива», «Живописное Обзорѣніе», «Компендіумъ дѣтскихъ болѣзней», «Наши партіи и выборы въ государственную думу», «Охотники за черепами», «Мольеръ», «Фрегатъ Паллада», «Попенджой ли опъ?», «Замѣчательные процессы», «Русская исторія Иловайскаго», «Иванъ Выжигинъ», «На баррикадахъ», «Разбойникъ Чуркинъ», «Русская Мысль», «Стрелкоза», «Стихотворенія Мережковскаго», «Съ петлей на шеѣ», «Шерлокъ Холмсъ», а также—«Натъ Пинкертонъ» и «Никъ Картеръ»... Это—образецъ любого книжнаго сухаревскаго лотка. Цѣны книгамъ, конечно, недорогія, но и не особенно дешевыя. Что поповѣе,

то всегда въ цѣнѣ. Торговцы очень недурно освѣдомлены, какія книги рѣдки, и какія, наоборотъ, часто и обильно изданы. Перейдешь къ другому лотку,—та же исторія: французскіе томики, нѣмецкіе журналы и альманахи, собраніе романовъ Ахматовой, старая медицина; иногда авторы есть полностью, но чаще они «въ разбивку».

— Островскій есть?

— Только IV томъ.

— А Гончаровъ?

— Одинъ «Фрегатъ Паллада». Еще «Обломова» первая часть...

Тутъ продаются и гектографированныя лекціи разныхъ профессоровъ и старинныя книги. Около нихъ толпятся студенты и библіофилы. Изъ московскихъ коллекціонеровъ тутъ всеѣхъ чаще ходилъ покойный А. П. Бахрушинъ, человекъ толщины и скупости невѣроятной. Разъ я разсматривалъ витрину съ миниатюрами; мнѣ очень понравился митрополитъ Филаретъ, артистически нарисованный. Я спросилъ о цѣнѣ—25 рублей. Для меня это было нѣсколько дорого, и я положилъ вещичку обратно. Вдругъ я увидѣлъ круглую, какъ маленькій аэростатъ, фигуру А. П. Бахрушина, медленно шагающую въ нашу сторону.

— Вотъ,—сказалъ я торговцу,—вотъ кому предложите! У него музей рѣдкостей и масса миниатюръ...

— Это Бахрушину-то?—съ явнымъ пренебреженіемъ спросилъ, поглядѣвъ, торговецъ.—Я ему и показывать ничего не стану-съ.

— Почему же?

— Дѣло извѣстное. Ему надо на грошъ пятаковъ купить. Онъ у меня этого митрополита Филарета года два торгуетъ. Съ полтинника началъ и теперь до 10 рублей дошелъ. Да еще старается меня въ ловушку поймать: это, говоритъ, не настоящая миниатюра! А какая же, говорю, она бываетъ еще?—Подпиши нѣтъ!—Кто бы ни написалъ, если хорошо, то и стоитъ дорого, говорю я ему.—Нѣтъ, говоритъ, ты необразованный и не постигаешь... А самъ-то гдѣ онъ образовался? Ишь, переваливается!

И торговецъ на ключъ заперъ свою витрину.

Относительно московскихъ коллекціонеровъ я расскажу еще одинъ анекдотическій случай. Былъ у насъ нѣкто Мерлинъ, водившій дружбу съ бывшимъ генералъ-губернаторомъ Москвы княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, и дорого за эту дружбу заплатившій. У него былъ также музей и разныя коллекціи рѣдкихъ вещей и миниатюръ. Однажды къ нему является довольно извѣстный въ свое время московскій художникъ-миниатюристъ Л. Л. Б.—кинъ. Мерлинъ показываетъ ему миниатюру «Наполеонъ I» и спрашиваетъ:

— Какова работка, ъ

— Гдѣ достали?

— Въ Парижѣ купилъ, миниатюрка-то, батюшка, современница оригинала! Вамъ такъ не нарисовать, голубчикъ!

— Да пу-те!—улыбнулся художникъ и, подставивъ лупу, говорить Мерлину:—глядите, чей вензель?

На миниатюрѣ стояли слова и инициалы: «Л. Л. Б., Москва».

Оказывается, миниатюру писалъ Б-кинъ, потомъ ее продалъ, а Мерлинъ купилъ ее подъ Сухаревкой. Насчетъ же Парижа—просто похвасталъ, по обычаю всѣхъ московскихъ собирателей рѣдкостей.

На лоткахъ съ «разнымъ товаромъ» находятся, дѣйствительно, всевозможныя вещи: лампы, чернильницы, подсвѣчники, бинокли, альбомы, фарфоровыя чашки, китайскіе чайники, японскія пепельницы, бронза, статуэтки и т. п. Есть лотки съ издѣліями изъ корельской березы, съ игрушками, съ туалетными принадлежностями, потомъ снова идутъ книги, книги, еще книги, и вездѣ около витринъ и лотковъ толпа разсматривающихъ и покупающихъ.

Привлекаетъ, конечно, дешевка, возможность приобрести мало-поддержанное за полцѣны и менѣе. Небогатый людъ, желая купить по сходной цѣнѣ учебники и разныя книги, разумѣется, найдетъ, что ищетъ. Но нужно твердо знать правило—перелистывать книгу отъ начала до конца; иногда студентъ, купивъ лекціи, не досчитываясь нѣсколькихъ листовъ, несетъ обратно лекціи, но торговецъ назадъ проданнаго никогда не возьметъ. Вообще Сухаревка полезна для осторожнаго покупателя, но для простого народа, являющагося сюда купить «какую ни на есть книжицу для прочтенія», Сухаревка весьма вредна. Какъ магазинъ книгъ для народа, она никуда не годится. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ мужикъ купилъ «Потерянный и возвращенный рай», полагая, что приобрѣлъ «Молищенникъ». Прежде отъ Сухаревки въ этомъ отношеніи сильно страдалъ московскій фабричный и ремесленникъ, но теперь фабрика ужъ не та, рабочіе ушли впередъ. Они предпочитаютъ чтеніе серьезныхъ книгъ и сравнительно хорошо въ нихъ разбираются.

Рядомъ съ книгами—опять сухаревскій «брикъ-а-бракъ». Опять удивительное «разнообразіе»: бронзовыя фигурки, прессъ-папье, бра, лампы, фарфоровыя блюда и японскія вазы, куклы, бруски для точенья ножей, мельхиоровыя ложки, разныя львы безъ хвостовъ, пастушки, амуры, и тутъ же выскакиваетъ не къ мѣсту бархатный пиджакъ, до каковой одежды охочи наши Рафаэли и Рубенсы; на турецкой саблѣ повѣшена шелковая дамская юбка, на гвоздѣ—старая феска съ облѣзлой кисточкой. На одну изъ фигуръ—безобразнаго китайца на корточкахъ, служащаго курильницей,—обращаетъ вниманіе сиволалый мужичокъ; онъ раздвигаетъ ротъ до ушей и, тыча въ китайца перстомъ и даже поковырявъ ему фарфоровый носъ, спрашиваетъ:

— Это что же, змѣина мать, что-ли-ча?

— Полушубокъ, проходи, не загораживай!—кричитъ ему торговецъ.—Спину убери, мѣшаетъ...

— Не серчай, пройду!

— Отчаливай!

Стереотипная хлесткость фразы—особенность сухаревского торговца; кому онъ товаръ продалъ—покорнѣйше благодарствую, не купилъ покупатель его дрянъ—вдогонку вопросъ:

— Должно быть, въ карманѣ одинъ сирота-полтинникъ и есть?

Нѣкоторые лотки удивляютъ своей, казалось бы, полной ненужностью. Вотъ, напримѣръ, у «восточнаго человѣка» съ огромнымъ лиловымъ носомъ продается разная труха: ржавые ятаганы, кинжалы, какая-то истлѣвающая «персидская» одежда, цвѣтные камешки, самоварные краны, крышки, какіе-то винты, пробки, вытертыя щетки, бутылки, пузырьки... Кому это нужно? Но разъ торгуютъ—значить, есть и сбытъ. Не даромъ сказано: «всякъ злакъ на пользу!».

На другой сторонѣ рынка, возлѣ Шереметевской богадѣльни и противъ дома Подлужинной—торговля мебелью, кустарнымъ товаромъ, деревянной и фаянсовой посудой, кроватями, матрацами, бадьями, кадками, корытами, сундуками, желѣзнымъ товаромъ и всякими хозяйственными предметами. Тутъ все народъ дѣловой, покупатели явились не для «случайной» картинки или бронзы, купленной за пустяковую цѣну, а за насущными, такъ сказать, вещами. Отдѣлъ мебели очень великъ и разнообразенъ. Но дешева ли самая мебель? Какъ вамъ сказать. Подержанная—дешева, новая—дешева только по виду, т.-е. видъ-то у новой мебели «шикарный», да толку отъ этого немного. И подержанныя вещи нужно брать съ оглядкой, все ловко подклеено, покрашено, подмазано и «загримировано». Новая мебель «во всѣхъ стиляхъ» сдѣлана, какъ водится, изъ плохо высушеннаго дерева, и у васъ въ квартирѣ, постоявъ, она начинаетъ имитировать взрывы бомбъ, пугая днемъ и особенно ночью. Есть, впрочемъ, и вещи потверже, т.-е. получше сортомъ, зато имъ и цѣна «твердая». Въ общемъ, мебельное дѣло на Сухаревкѣ идетъ бойко, покупщики всегда есть, а цѣны ниже лавочныхъ и магазинныхъ. У того же торговца въ лавкѣ, который вывезъ товаръ подъ Сухаревку, придется за тѣ же облюбованные диваны, столы, стулья и т. п. заплатить дороже. Я самъ провѣрялъ это, и причина понятна. Торговцу неинтересно везти вещь съ рынка обратно, а въ лавкѣ, по его выраженію, «и ей тепло, и памъ (т.-е. торговцу) не дуеть!»

Рядомъ съ мебелью—посудная торговля. Тоже огромный выборъ и сходныя цѣны. Есть всевозможный товаръ, но большинство—бракъ, на который, однакожъ, спросъ весьма большой. Не только бѣдность, а и зажиточные люди покупаютъ бракованный товаръ охотнѣе, нежели безъ изъяновъ. Я знаю даже очень солидныхъ

богачей, бѣгающихъ по «дешевкамъ» и покупающихъ гниль... ради уступки «отъ 15 до 25^{0/0}». Московская ли это «черта»? Думаю, что «интернаціональная».

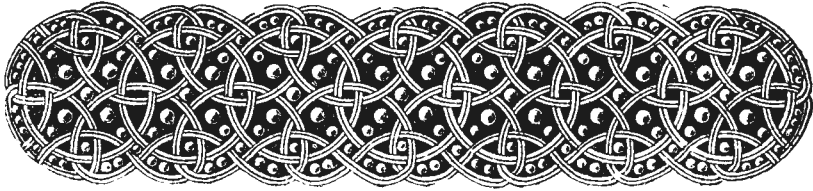
Деревенскіе кустари привозятъ на Сухаревку свой интересный и красивый товаръ: столы и стулья, покрытые рисунками узоровъ, пѣтуховъ и т. п. отлакированныхъ на славу; они же везутъ деревянныя яйца, ложки, кубари, обливную посуду и т. п. По тротуарамъ, гдѣ есть мѣсто, стоятъ растенія—фикусы, пальмы, рододендроны и т. п. Ихъ выносятъ даже въ концѣ февраля, не взирая на холодъ, а въ лѣтнее время на Сухаревкѣ бездна всякихъ цвѣтовъ, лѣтниковъ, луковичныхъ растеній, деревьевъ и садовыхъ принадлежностей.

У желѣзниковъ товаръ извѣстный—ведра, топоры, желѣзные лопаты, косы, гвозди, винты, мѣдные товары, скобки, приборы къ дверямъ и окнамъ и т. п. Есть подъ Сухаревкой еще много маленькихъ обособленныхъ «отдѣловъ», напримѣръ, самоварный, гдѣ есть три сорта этихъ утѣшителей человѣчества (московского въ особенности)—обыкновенной мѣди, красной и никелированные; и тутъ нужно держать ухо востро, потому что сухаревцы великолѣпно «подновляютъ» любой искалѣченный самоваръ, такъ что его не узнаетъ тотъ, кто продалъ его «въ ломъ». Отдѣлъ обуви—опять любопытная картина; подержанныхъ калошъ иногда выставляется столько, что не окинешь сразу взглядомъ; обувь «разнообразна»; есть сапоги чуть ли не изъ мамонтовой кожи, такъ они грубы и толсты, есть щегольскіе лаковые; теперь подгородная и даже дальняя деревня покупаетъ для своихъ парней обязательно лаковые сапоги; плотники, столяры, печники, шильщики, возвращаясь съ заработковъ на родину, неукоснительно являются подъ Сухаревку за обновками, изъ коихъ главная—лаковые сапоги.

Весь воскресный день трамвай и «конка» подвозятъ и отвозятъ публику сухаревского торга, который могъ бы составить двѣ или три ярмарки губернскихъ городовъ. Оборотъ торговаго дня съ точностью невозможно опредѣлить, но можно приблизительно сказать и не на много ошибиться, обозначивъ торговый оборотъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Со всѣхъ концовъ Москвы стекается небогатый людъ и пріобрѣтаетъ себѣ все, что нужно для его немудреного ежедневнаго обихода. Вотъ почему на дѣла Сухаревского рынка не повліяли ни забастовки, ни паденіе русскихъ бумагъ, ни военныя наши несчастія...

То будетъ жить всегда, что составляетъ нужду простаго народа. А то, что эфемерно и создано для прихоти, можетъ и быстро вознестись къ облакамъ, и еще быстрѣе рухнуть въ пропасть... Memento mori!

Н. Ежовъ.

СТРАШНАЯ НОЧЬ.

(Разсказъ стараго артиллериста).

I.

ВАКЪ извѣстно,—началь разсказчикъ, отхлебнувъ изъ стакана и закуривъ папиросу,—текинцы, настойчиво тѣснимые Скобелевымъ и со стороны Красноводска, отъ котораго до Кизиль-Арвата была уже проложена линия желѣзной дороги, и со стороны Чикишляра, откуда по рѣкамъ Атреку и Сумбару до самаго Бами вытянулась линия укрѣпленій, и наконецъ со стороны степей, считавшихся непроходимыми, откуда, однако, съ цѣлымъ отрядомъ туркестанскихъ стрѣлковъ явился полковникъ Куропаткинъ,—рѣшили остановиться у своей *испытанной твердыни*, въ центрѣ оазиса, укрѣпости Денгиль (Геокъ)-Тепе. Въ декабрѣ 1880 г. заперевшись въ этой глиняной громадѣ чуть не всѣмъ своимъ племенемъ, текинцы разсчитывали, что здѣсь, у этой твердыни, о которую не разъ уже разбивались «захватныя выступленія» не только персовъ, но и ненавистныхъ гяуровъ, всего только годъ назадъ съ позоромъ и большимъ урономъ едва убравшихся восвосяи съ четырьмя *большими* генералами,—имъ удастся съ такимъ же успѣхомъ посчитаться и съ самимъ «бѣлымъ генераломъ». А *твердыня*-то дѣйствительно оказалась покрѣпче *глинянаго горшка*, какъ нѣсколько преждевременно окрестили крѣпость достодоблестные генералы Ломакинъ, князь Долгорукій, князь Витгенштейнъ, графъ Борхъ и др. въ 1879 году, въ слѣпомъ соревнованіи другъ передъ другомъ

присвоить каждый себѣ честь и славу взятія крѣпости, не предусмотрѣвшіе, однако, результатовъ этого соревнованія, когда они уже всѣ вмѣстѣ улепетывали отъ *горшка* съ порядочно подбитыми о него лбами.

Скобелевъ видѣлъ, что передъ нами не *горшокъ*, который можно было бы *лбомъ разбить*, а довольно серьезное и сильно защищенное укрѣпленіе, и рѣшилъ взять его правильной осадой. Онъ придавалъ этой глиняной громадѣ, въ которой залерлось до 40 тысячъ защитниковъ, рѣшившихъ умереть, но не сдавать врагу послѣдняго своего оплота, большое значеніе. Онъ зналъ, что здѣсь, подъ стѣнами крѣпости должна получиться развязка экспедиціи и его выраженіе: «либо вдребезги, либо пополамъ» — служило лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ догадокъ, что дѣло предстоить нешуточное, что вопросъ «быть или не быть» поставленъ ребромъ. Но, чтобы отвѣтъ не получился отрицательный, чтобы развязка не походила на прошлогоднюю, чтобы обезпечить успѣхъ и, какъ всегда, остаться побѣдителемъ, Скобелевъ съ несвойственнымъ ему терпѣніемъ выжидалъ, пока подтянется къ Геокъ-Тепе какъ можно больше войскъ и особенно артилеріи, на которую онъ особенно полагался, ибо противъ 40 тысячъ защитниковъ крѣпости онъ могъ выставить не болѣе четырехъ тысячъ штыковъ. И только тогда, взявъ съ бою передовыя позиціи (нѣчто въ родѣ фортвовъ) въ 1½ верстѣ отъ крѣпости, онъ приступилъ къ фортификаціонной осадѣ ея.

Надо замѣтить, что, вслѣдствіе незначительности отряда, наша первая боевая позиція представляла собою укрѣпленный лагерь съ «главною квартирою», съ лазаретами, съ обозами, съ продовольственными и артиллерійскими запасами... Ясно, что въ случаѣ неудачи—отступленія не было. Все было поставлено на карту...

Какъ проводили мы первые дни на позиціи, въ виду непріятеля, къ которому многіе въ отрядѣ относились съ уваженіемъ, ибо въ нѣсколькихъ предшествовавшихъ стычкахъ съ нашими рекогносцировочными колоннами онъ успѣлъ себя зарекомендовать, — я не припомню; кажется, скучали—для артиллеріи дѣла еще не было: лишь изрѣдка пострѣливали по толпившимся на стѣнахъ крѣпости любопытнымъ текинцамъ да очередными залпами (побатарейно) посылали внутрь укрѣпленія чугунныхъ вѣстниковъ о наступленіи утренней или вечерней зари. Весь же трудъ осадныхъ работъ, тотъ адскій трудъ, о которомъ, господа, не будучи очевидцемъ, трудно даже имѣть какое-либо представленіе, несла на себѣ пѣхота безпрерывно и безсмѣнно въ теченіе 3—4 недѣль; а въ заключеніе эта же самая пѣхота полѣзла еще и на штурмъ!..

Скобелевская экспедиція 1880—1881 г. г. лишній разъ доказала, на какіе подвиги способенъ русскій солдатъ! Какая масса самоотверженія, силы и энергіи скрывается въ этомъ, на видъ невзрачномъ, существѣ, которое, однако, всегда выручало насъ въ критическіе моменты.

Немало, впрочемъ, было охотниковъ заполнять свои досуги ѣдой, выпивкой и картами, которыхъ, къ слову сказать, Скобелевъ крѣпко недолюбливалъ. Иногда же днемъ отправлялись въ траншеи посмотрѣть, что нарыли тамъ кроты-пѣхотинцы, а кстати и навѣстить товарищей, водворившихся уже съ своими пушками на приготовленныхъ батареяхъ. Такія прогулки занимали насъ еще и тѣмъ, что, приближаясь открытымъ полемъ къ траншеямъ, мы постепенно входили въ сферу непріятельскаго огня и играли въ *грабрыжъ*, рисуясь и лукавя другъ передъ другомъ, что жужжація кругомъ, точно пчелы и жуки, пули не страшатъ, а потѣшаютъ насъ. Къ нашему счастью, эти глупыя выходки были вскорѣ пресѣчены строгимъ приказомъ Скобелева *не мальчишничать* и ходить въ траншеи крытыми ходами.

На третій день Рождества мой командиръ, капитанъ Ростовцевъ, милѣйшій изъ когда-либо видѣнныхъ мною людей, сообщилъ, что къ утру слѣдующаго дня будетъ готова во второй параллели батарея для трехъ нашихъ мортиръ и потому начальство приказало «изготовиться» и ночью же перебраться на новую «квартиру». При этомъ деликатный командиръ предложилъ мнѣ на выборъ (во всей нашей батарее только и было офицеровъ—онъ да я)—итти въ траншею или остаться въ лагерь. Конечно, я выбралъ первое и, наскоро покончивъ съ приготовлениями, съ наступленіемъ сумерекъ выступилъ изъ лагеря. До первой параллели и мортирки, и ящики со снарядами, и всякую принадлежность мы везли безъ предосторожностей на особыхъ платформахъ лошадыми; а уже дальше пришлось все это нести на рукахъ, соблюдая возможную тишину: болѣе или менѣе значительный шумъ въ такой близости отъ непріятеля (не болѣе 150 сажень отъ стѣны крѣпости) всегда привлекалъ вниманіе не дремавшихъ защитниковъ, которые изловчились и въ темнотѣ разстрѣливать насъ.

Отправивъ платформы въ лагерь, мы подняли весь грузъ на руки и медленно, гуськомъ потянулись за проводникомъ-саперомъ по направленію къ крѣпости.

Темно—хоть глазъ выколи! Кругомъ ни звука. Нашъ собственный шумъ—шарканье ногъ по твердой глинистой почвѣ, сопѣнье и покашливанья въ руку тяжело нагруженныхъ солдатъ, а изрѣдка и шопотомъ произносимое фельдфебелемъ внушеніе: «тише, черти»,—казалось, дальше насъ не уходило, а тутъ же въ нашей движущейся кучкѣ замиралъ, терялся, нисколько не нарушая царившей во мракѣ ночи зловѣщей тишины. И уже отъ этой тишины и отъ этого мрака становилось какъ-то не по себѣ: дыханье замедлялось, а сердце, напротивъ, начинало биться тревожнѣе, быстрѣе; нервное напряженіе до крайности приподнятое... Пренепріятная вещь—ночное движеніе да еще такъ близко отъ бдительнаго непріятеля!..

Но вот показалась впереди какая-то масса, которая по мѣрѣ приближенія нашего и постепеннаго освѣщенія верхней ея части лучами поднимавшейся изъ-за горизонта луны, казалось, все росла и росла. Присматриваюсь и узнаю крѣпость. Высокія стѣны ея рѣзко вырисовывались на серебристо-сѣромъ фонѣ безоблачнаго неба и своею казавшеюся близостью приводили меня еще въ большее смущеніе. Къ тому же чуть не подъ самой стѣной замелькали огопытки потайныхъ фонарей и суетливо двигавшіеся силуэты какихъ-то людей. Ну, думаю, не ладно что-то! Неужели мы сблизь съ дороги и идемъ прямо къ текинцамъ!..

— Куда ты ведешь насъ?—испуганнымъ шопотомъ спрашиваю я спокойно шагавшаго рядомъ сапера.

— А вотъ, ваше благородіе, это самое мѣсто и есть, гдѣ свѣтъ показывается и люди ходятъ. Это апшеронцы копаютъ; сказывали, сюда вести; здѣсь и будетъ батарея № 5.

— Такъ это наши!—и всѣ страхи и волненія какъ рукой сняло.

Подойдя ближе, я дѣйствительно увидѣлъ въ линію разставленныхъ солдатъ, копающихся въ землѣ съ какою-то горячею поспѣшностью, но все же соблюдая возможную тишину. Между ними сновали офицеры, непрерывно и вполголоса повторявшіе: «Дружнѣй, дружнѣй, ребята! Не кончимъ до свѣта, зададутъ намъ жару халатники—на выборъ станутъ разстрѣливать! совсѣмъ вѣдь близко!»

А ужъ чего ближе! Стоило только на нѣсколько шаговъ отойти въ сторону отъ работающихъ, и безъ труда можно было слышать и даже разобрать галдѣніе и отдаленные выкрики осажденныхъ. По словамъ переводчика, текинцы обсуждали вопросъ: бѣжать ли изъ крѣпости, или защищать ее до послѣдней крайности?

«Ну, думаю себѣ, и подобрался же мы! Тутъ, значить, и головы нельзя будетъ высунуть изъ-за вала!» И дѣйствительно, на слѣдующій же день на моихъ глазахъ одинъ солдатикъ по неосторожности или изъ шалости слегка высунулся изъ-за вала траншеи и моментально безъ звука покатылся на дно траншеи съ прѣстрѣленной головой.

Эта близость къ непріятелю, который такъ умѣло пользовался ею при малѣйшей нашей неосторожности, подала поводъ къ забавамъ и шуткамъ никогда и нигдѣ не унывающему русскому солдату. Шутники снимали съ головы шапку и, надѣвъ на штыкъ, высовывали ее изъ-за вала настолько, чтобы не обнаружить обмана; веселый хохотъ и градъ остротъ и прибаутокъ, совсѣмъ не гармонировавшихъ обстановкѣ, встрѣчали удавшуюся шутку, когда въ эту фальшивую «пустую башку» какого-нибудь «Микитки» или «Хведорыча» влѣплялось нѣсколько непріятельскихъ пуль.

Характерная черта!

Къ разсвѣту «батарея № 5» уже скрыла насъ отъ глазъ текинцевъ, вѣроятно, немало смущенныхъ появленіемъ за ночь чуть

не подь самымъ ихъ носомъ цѣлой линіи новыхъ насыпей, за которыми—они хорошо это знали—скрывались ненавистные гяуры, которые завтра очутятся еще ближе, послѣзавтра еще и т. д., пока не подкопаются подь самую крѣпость!...

Разставивъ мортирки, столики, ящики со снарядами и пр. поудобнѣе, я велѣлъ сдѣлать въ скатахъ батареи выемки, по сторонамъ орудій—ровики, гдѣ бы люди могли безопасно и отдыхать, и дѣйствовать, а для себя приказалъ вырыть въ одной изъ стѣнокъ батареи пшшу, въ которой предполагалъ укрываться отъ ночного холода и устроить комфортабельную постель. Но не суждено мнѣ было даже испробовать удобства этого помѣщенія! Въ первую же ночь какъ самое жилище, такъ и вся его обстановка попали въ руки текинцев!..

Когда все было устроено и налажено, получилое приказаніе засвѣтло пристрѣляться такъ, чтобы снаряды ложились по обѣ стороны крѣпостной стѣны и возможно ближе къ ея основаніямъ. Задача наша была—поражать непріятели, укрывающагося отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ полевыхъ пушекъ въ ямахъ, въ землянкахъ, тотчасъ за стѣною и въ особенности въ глубокомъ наружномъ рву, который служилъ текинцамъ также и крытымъ ходомъ сообщенія съ выдвинутою *колою*—фортомъ. Настоящую же стрѣльбу-бомбардировку предполагалось открыть съ наступленіемъ ночи.

Сообщивъ въ лагерь товарищамъ о готовящейся «ночной стрѣльбѣ», я приглашалъ ихъ къ себѣ на новоселье—«на чашку чая съ фейерверкомъ». Къ счастью, никто изъ нихъ не принялъ этого приглашенія!.. Тѣмъ не менѣе новизна стрѣльбы изъ мортиръ привлекла ко мнѣ на батарею много гостей изъ числа *квартированныхъ* уже въ траншеяхъ офицеровъ. Тутъ былъ начальникъ артиллеріи праваго фланга траншей, всѣми любимый и уважаемый подполковникъ Дм. Мамацевъ, батальонный командиръ Апшеронскаго полка, большой чудакъ, но премилый человекъ, князь Магаловъ и еще нѣсколько офицеровъ того же полка, одна рота котораго составляла прикрытіе моей батареи и занимала прилегающую траншею; позже забѣгали саперные офицеры, которые съ ночи должны были начать новый ходъ...

Напившись чаю и приготовивъ все къ ночной стрѣльбѣ, я съ нетерпѣніемъ поджидалъ темноты, бесѣдуя съ гостями и, конечно, не подозревалъ, что это—последняя наша бесѣда и что черезъ часъ изъ всѣхъ насъ останусь въ живыхъ только одинъ я!

Дѣло было въ концѣ декабря, когда и тамъ, особенно ночью, весьма-таки холодно; а потому я и одѣлся какъ можно теплѣе: шелковая и полотняная рубахи, шведская кожаная куртка, овчинный полушубокъ и поверхъ всего драповое пальто покрывали въ ту ночь мое грѣшное тѣло. Такъ подробно останавливаюсь на бывшемъ на мнѣ одѣяннн потому, что только благодаря этому во року одежды изъ меня не вышла тогда рубленая котлета.

Какъ-то вдругъ наступившія густыя сумерки сразу охватили и насъ, и крѣпость, и всю окружающую мѣстность. Все погрузилось въ сѣрый полумракъ, превратившійся черезъ нѣсколько минутъ въ страшную, непроицаемую и совершенно насъ поглотившую темь южной ночи.

На батарейкѣ засвѣтились два фонаря, при тускломъ свѣтѣ которыхъ все-таки можно было кое-какъ ориентироваться и разсмотрѣть нетерпѣливо перемѣнявшихся съ ноги на ногу «пушкарей», уже раздувавшихъ фитили на палыникахъ.

Но вотъ раздалась моя негромкая, но отчетливая команда— «первое»... и черезъ мгновеніе, тотчасъ за короткимъ выкрикомъ наводчика—«или», рѣзкій съ металлическимъ звономъ звукъ выстрѣла огласилъ окрестность...

Полетъ снаряда изъ мортиры видише и интересше полета снаряда изъ полевого орудія, а ночью тѣмъ болѣе.

Уловить снарядъ тотчасъ за выстрѣломъ почти невозможно и днемъ; но по мѣрѣ поднятія его безъ труда замѣчается свѣтлая полоса дыма отъ горящей трубки, точно хвостъ кометы, голову которой представляетъ снарядъ. По достиженіи же своего зенита снарядъ какъ будто останавливается и въ это время видишется маленькою звѣздочкою—ночью и черною точкою—днемъ. Затѣмъ эта звѣздочка, разгораясь все свѣтше и свѣтше, начинаетъ сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе спускаться и наконецъ настоящимъ метеоромъ, оставляющимъ за собою свѣтящійся слѣдъ, падаетъ на землю; черезъ секунду-другую съ мѣста паденія его доносится взрывъ: трубка догорѣла, и снарядъ разорвался дребезги! И падѣласть же онъ бѣдъ! Вслѣдствіе чрезвычайной скученности текинцевъ, искавшихъ спасенія отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ полевыхъ пушекъ подъ самыми стѣнами крѣпости, каждая граната нашихъ мортирокъ производила у нихъ цѣлое опустошеніе, всюду проникая, всюду находя себѣ жертвы, одинаково поражая и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей, и животныхъ!.. Ужасная вещь—война!..

II.

Какъ я уже сказалъ, еще съ вечера изъ крѣпости доносился какой-то усиленный шумъ. Зная изъ словъ переводчика, что это «военный совѣтъ непріятеля» рѣшалъ вопросъ объ оставленіи крѣпости, мы были очень смущены, когда къ ночи въ крѣпости все стихло; мы почти не сомнѣвались, что благоразумная часть соборища взяла верхъ и текинцы поспѣшно перебрались къ сѣверному фасу, гдѣ у нихъ были выходы въ степи... Полнѣйшая тишина въ крѣпости и послѣ нѣсколькихъ нашихъ выстрѣловъ еще болѣе укрѣпила въ насъ досадную увѣренность, что непріятель бѣжалъ... О! какъ же мы ошиблись!.. Своимъ безошаднымъ огнемъ мы,

правда, ускорили рѣшимость защитниковъ и дѣйствительно отогнали ихъ отъ послѣдняго прикрытія, отъ крѣпостныхъ стѣнъ, но только не въ глубь крѣпости и не далѣе—въ степи, а прямо на себя...

— Бррр!..—первно передернулъ плечами рассказчикъ и потянулся за стаканомъ.—Много лѣтъ прошло, а и теперь дрожь пробираетъ, какъ вспомню ту ночь, тѣ нѣсколько минутъ, что привелось мнѣ пережить тогда!

Когда лучи луны окончательно пробились сквозь царившій кругомъ мракъ и освѣтили сначала грозно возвышавшіяся передъ нами стѣны крѣпости, а вскорѣ и всю разстилавшуюся впереди равнину... засверкали огоньки, раздался выстрѣлъ, другой, третій, потомъ нестройный, поспѣшный залпъ, и наконецъ перекатная, какъ барабанная дробь, ружейная стрѣльба затрещала со всѣхъ сторонъ.

Въ то же время надъ нашими головами засвистали и завизжали тысячи пуль: прямо же отъ крѣпости доносился все ближе и ближе какой-то неопредѣленный, зловѣщій шумъ, словно рокотъ отдаленнаго потока или ревъ приближающагося урагана. Черезъ нѣсколько мгновеній этотъ гулъ превратился въ явственный, оглушительный вой многотысячной толпы.

Не понимая, что случилось, я выскочилъ изъ батареи и... замеръ отъ ужаса! Прямо на насъ съ быстротою вихря неслась громадная волна, туча живыхъ существъ—какихъ-то исчадіи ада, съ дикимъ воплемъ «адла-ла-ла!» потрясавшихъ сверкавшимъ подъ лучами луны оружіемъ.

Припоминая впоследствии щемящее, тоскливое чувство, вѣрнѣе—ощущеніе безпомощности, полной безнадежности на спасеніе, вдругъ овладѣвшее мною при видѣ этой надвигающейся живой волны, которая неминуема должна была поглотить и меня, я невольно сравнивалъ его съ ощущеніемъ, испытаннымъ мною на морѣ, въ простой рыбацкой лодкѣ, при приближеніи бѣшенаго, всесокрушающаго шквала, когда даже опытные моряки, бывшіе со мною, сняли шапки и, крестясь, поручали себя на волю Всевышняго...

Выскочившій за мною фейерверкеръ безумнымъ крикомъ: «ваше благородіе, текницы!»—вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія. Я понялъ, что это дѣйствительно текницы, что надо, если не защищаться, то хоть не даромъ отдать имъ свою жизнь. Но какъ надо было драться, чѣмъ защищаться, что нужно было дѣлать?—я не могъ сразу отдать себѣ отчета,—такъ далека я былъ за минуту передъ тѣмъ отъ возможности рукопашной схватки! И только взглянувъ на свои мортирки, такъ недавно привлекавшія на себя всеобщее вниманіе, а теперь брошенныя, какъ совершенно бесполезныя, я вспомнилъ о другомъ оружіи, болѣе дѣйствительномъ, которымъ

такъ кстати предусмотрительное начальство вооружило всѣхъ нижнихъ чиновъ мортирной батареей, — о шашкахъ и револьверахъ.

— Ребята, выходи изъ батарей! приготовь револьверы! сабли вонь! — крикнулъ я растерянно столпившейся на днѣ батарей орудійной прислугѣ. Но отчаянный, хриплый голосъ мой, также какъ и безпрерывные командные выкрики въ траншеѣ и передѣ нею: «бѣглымъ огнемъ!», «слушать команду!», «рота, пли!», или «скорѣй, скорѣй, ребята, лупи ихъ», «ой, не стрѣляй, свои!», «сюда, за мной!» и т. д. — были покрыты ревомъ текинцевъ, которые очутились уже на валу траншеи и батарей.

Едва я успѣлъ скомандовать своимъ людямъ «стрѣляй!», и, точно слушаясь своей же команды, вытянуть руку и выстрѣлить въ толпу, какъ развѣвлющіеся халаты, высокія бараньи палахи пли голыя бритыя головы, искаженныя злобою, свирѣпыя лица текинцевъ, сыпавшихъ своими кривыми шашками ужасные удары направо и налево, окружили меня со всѣхъ сторонъ.

Только безумный могъ думать пайти спасеніе въ бѣгство, находясь въ подобномъ положеніи! И я, господа, былъ этимъ безумцемъ! Я обратился въ бѣгство, хотя лишь секундой раньше ясно сознавалъ, что бѣгство все равно не спасетъ! Паника охватила и меня!.. Но только рванулся я съ мѣста, какъ прямо предо мною выросла громадная фигура текинца. Этотъ великанъ, вѣроятно, такъ же, какъ и я, потерявшій рассудокъ, надрывая горло и легкія оглушительнымъ, печеловѣческимъ крикомъ: «а-а-а!» и потрясая въ воздухѣ своею ужасною шашкою, песся куда-то впередъ, не замѣчая въ своемъ безуміи на мгновеніе остановившагося передъ нимъ, оторопѣваго врага...

Инстинктивно пли машинально я опять поднялъ револьверъ, почти коснувшись имъ головы текинца и спустил курокъ... Великанъ точно споткнулся, какъ-то особенно вскинулъ руками и со всего размаха рухнулъ на землю.

Препятствіе исчезло!.. Но въ тотъ же моментъ я получилъ сильнѣйшій ударъ по спинѣ, который сбиль меня съ ногъ и я, какъ снопъ, повалился на землю, ничкомъ растянувшись почти рядомъ съ только что убитымъ текинцемъ. Вѣроятно, влѣдствіе сильнаго возбужденія я не чувствовалъ боли и былъ увѣренъ, что ударъ нанесенъ дубиной. Да и послѣ, когда меня рубнули еще нѣсколько разъ, уже несомнѣнно шашкой, я все-таки не ощущалъ тогда боли. Упавъ, я не пытался подняться, чтобы бѣжать; да это сдѣлалось уже и физически невозможнымъ: чуть не вся орда, высыпавшая изъ крѣпости, пронеслась надо мною, перескакивая, топча, спотыкаясь о мое тѣло, принятое, конечно, за трупъ. И инстинктъ подсказалъ мнѣ, что проявлять въ такомъ положеніи признаки жизни значило навѣрняка и притомъ совершенно напрасно потерять ее, а потому я продолжалъ лежать, какъ ужалъ, ничкомъ,

подобрать подъ себя руки и не забывъ, на всякій случай, удерживать въ одной изъ нихъ револьверъ.

Когда толпа порѣдѣла, я почувствовалъ, что кто-то сѣлъ или наступилъ мнѣ на ноги и, схвативъ лежавшую рядомъ мою шашку (которая такъ и покоилась въ погнахъ), сталъ сильно ее дергать, думая порвать портунею и поскорѣе унести дорогую добычу. Въ то же время надъ самой головой мелькнула и остановилась тѣнь другого текинца (вѣроятно, оба принадлежали къ числу алламанциковъ), который, чуть не сѣвъ мнѣ на голову, началъ оспаривать или помогать первому снять съ меня шашку.

Такъ же безотчетно, какъ и при встрѣчѣ съ текинцемъ-гигантомъ, я просунулъ впередъ руку съ револьверомъ и, направивъ его снизу вверхъ, потянулъ за собачку... Это былъ третій и послѣдній мой выстрѣлъ! Въ тотъ же мигъ надъ головою раздался отчаянный вопль. Сидѣвшій вскочилъ, вырвалъ изъ руки моей еще дымящійся револьверъ и съ страшной силой сталъ тянуть его къ себѣ, а затѣмъ, перерубивъ шнуръ, исчезъ въ темнотѣ. На слѣдующее утро, приблизительно около этого мѣста, моими же уцѣлѣвшими «пушкарями» былъ найденъ въ окоченѣвшей рукѣ одного изъ мертвыхъ текинцевъ револьверъ, который такъ съ обрѣзаннымъ шнуромъ и съ тремя оставшимися въ барабанѣ патронами и доставили мнѣ. Дорого и не надолго досталась бѣднягѣ добыча!...

Сидѣвшій на моихъ ногахъ, въ пылу возбужденія и охваченный желаніемъ во что бы то ни стало овладѣть шашкою, вѣроятно, не обратилъ вниманія на происходившее у моей головы (да и гдѣ было что-нибудь замѣтить и разобрать въ этомъ аду!) и продолжалъ рвать портунею, причеъ не разъ сдвигалъ меня съ мѣста, волоча по полю. Ахъ, какъ я боялся, чтобы онъ не перевернулъ меня лицомъ вверхъ!.. Потерявъ надежду порвать или снять портунею, онъ догадался перерубить ее у меня на спинѣ. Вотъ тутъ-то и сослужилъ мнѣ службу цѣлый ворохъ одежды. Каковы должны были быть удары шашкой, чтобы перерубить толстый сыромятный ремень на такой мягкой подкладкѣ, какъ живое тѣло, покрытое въ нѣсколько слоевъ мягкимъ платьемъ, можете судить сами!... А такихъ ударовъ я получилъ еще нѣсколько прежде, чѣмъ онъ успѣлъ разрубить ремень и, довольный добычей, скрыться... Одежда пострадала жестоко, на спинѣ же моей отъ этихъ ударовъ оказалось только два незначительныхъ порѣза.

До сихъ поръ я, очевидно, не сознавалъ той опасности, которой подвергался каждый моментъ; мною владѣла паника, состояніе безотчетное. Теперь же, когда на моей спинѣ испытывалась сила удара острой, какъ бритва, шашки, когда доносившійся до слуха моего свистъ разсѣваемого ею воздуха предупреждалъ меня о каждомъ новомъ ударѣ, я очнулся и вполне ясно и опредѣленно созналъ, что жизнь моя виситъ на волоскѣ, мало того, что она мнѣ

больше не принадлежит: еще одинъ, всего лишь одинъ взмахъ, и я могъ остаться безъ головы!..

Къ счастью или къ несчастью, этого не случилось. Видно, такъ судьбѣ было угодно! Но неизбежность, неминуемость смерти, дыханіе которой я уже чувствовалъ на себѣ, были для меня такъ очевидны, такъ несомнѣнны, что я покорился и... лежалъ, ждалъ конца!..

Вся «исторія» моего пораненія, отъ перваго полученнаго удара и паденія до освобожденія отъ насѣвшихъ на меня текинцевъ-алламанщиковъ, продолжалась какую-нибудь минуту-двѣ; а собственно сознательное, вполне реальное (если можно такъ выразиться) ожиданіе смерти, такъ сказать, момента, когда моя душа, мое я должны были оставить тѣло вмѣстѣ съ головою и отлетѣть куда-то,—могло продолжаться всего лишь нѣсколько секундъ! А сколько я пережилъ въ эти секунды!.. Сколько представлений, картинъ, образовъ, воспоминаній пронеслось въ моей головѣ! Вся жизнь моя, со всѣми мельчайшими подробностями и почти въ строго-хронологической послѣдовательности, предстала предо мною въ одной общей, безконечно быстро пронесшейся, но въ то же время поразительно живой, чуть не физически ощущаемой панорамѣ.

Удивительно отчетливо пронеслось предъ моими глазами мое дѣтство со множествомъ сопровождавшихъ его событій и крупныхъ и ничего не значащихъ, по, видно, крѣпко и надолго засѣвшихъ въ впечатлительномъ дѣтскомъ мозгу.

Точно живые, стояли предо мною всѣ члены нашей многочисленной семьи, изъ которыхъ особенно живо вырисовывалась мощная, нѣсколько согбенная годами фигура сѣдого, какъ лунь, старика-дѣда, участника войны двѣнадцатаго года. Вспомнились мнѣ тѣ безконечно длинные зимніе вечера, когда вся семья собиралась въ одной комнатѣ, разсаживалась—каждый со своей работой—вокругъ большого стола, слабо освѣщеннаго сальными свѣчами, а плохо видѣвшій отъ старости дѣдъ, держась за прикрѣпленную къ серединѣ потолка веревку, мѣрно шагаль по комнатѣ въ мягкихъ бархатныхъ сапогахъ и ровнымъ беззвучнымъ, старческимъ голосомъ разсказывалъ о старинѣ; или же, присаживаясь отдохнуть, приговаривалъ: «а ну-ка, внучки, почитайте-ка теперь вы что-нибудь про Рокамболя, что ли? а мы послушаемъ!»

Вспомнился слѣпой отецъ, потерявшій зрѣніе въ одной изъ стычекъ съ кавказскими горами, его живые, увлекательные разсказы о безчисленныхъ походахъ въ дебри дикаго Дагестана; вѣчно хлопочущая, трудящаяся не по силамъ мать, цѣлый пансіонъ сестеръ, толпа товарищей-дѣтей съ палками вмѣсто ружей, серьезно продѣлывающихъ разныя военныя упражненія.

Затѣмъ послѣдовательно шли воспоминанія о корпусѣ, объ училищѣ и опять-таки съ массою даже самыхъ мелкихъ пронесе-

ствій, о которыхъ въ обыкновенное время и при желаніи не вспомнилъ бы.

Какъ наяву я вновь переживалъ тѣ полные радости дни, которые слѣдовали за производствомъ въ офицеры!

Но яспѣ всего и, какъ мнѣ кажется, долѣе всего воображеніе занято было послѣдними годами жизни со всѣми ея радостями и огорченіями; а ихъ было немало! Я лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до похода женился!

И когда воспоминанія дошли постепенно до этихъ послѣднихъ событій и когда затѣмъ мелькнуло сознаніе настоящаго положенія, я почувствовалъ въ груди жгучую боль; тамъ точно что-то оторвалось! Мнѣ казалось, что эта боль была вѣстникомъ, признакомъ конца; что наступилъ моментъ сказать всему прошлому прости!..

Здѣсь рассказчикъ остановился, чтобы вздохнуть и оправиться. Подробныя воспоминанія о пережитыхъ впечатлѣніяхъ, видимо, взволновали его. Молчали и слушатели. Минуту спустя, онъ продолжалъ:

— У меня теперь еще леденѣетъ кровь, когда вспомню, какъ я мысленно прощался съ молодою женою, отъ которой за нѣсколько дней передъ тѣмъ получилъ радостную депешу о рожденіи нашего первенца, съ родными, съ друзьями, съ юною, только начатою жизнью...

Покончивъ и съ этимъ, я, какъ раскаявшійся грѣшникъ, обратился къ Богу! Бывъ прежде невѣрующимъ, теперь я вознесъ къ Нему горячія мольбы за оставляемыхъ на землѣ дорогихъ существъ! Я былъ увѣренъ, что этою послѣднею искреннею молитвою я заканчиваю всѣ расчеты съ своимъ земнымъ существованіемъ, съ своимъ бытіемъ. И странное дѣло! Съ послѣдними словами молитвы я ощутилъ особенный душевный покой, полное нравственное удовлетвореніе, довольство и уже безъ страха и смущенія ждалъ конца.

Воспоминанія объ этомъ ощущеніи всегда наводятъ меня на размышленіе, что смерть, но вѣрная, неминуемая смерть, право же, не такъ страшна, какъ мы привыкли думать. Мало того, какъ я уже сказалъ, послѣдніе моменты, предшествующіе переходу въ вѣчность, такъ сказать, уже облятія, первыя лобзанія смерти даже пріятны. Не потому ли мы такъ часто видимъ, что на лицахъ покойниковъ, только что умершихъ, разливается спокойствіе, а иногда застываетъ и улыбка?.. Не прибавлю, господа, если скажу, что когда сознаніе неизбежности смерти смѣнилось надеждой на жизнь, вѣрите ли, мною овладѣло, правда, на одинъ только мигъ, какое-то чувство досады.

Да-съ! такъ когда я убѣдился, что ожидаемый конецъ, ощущаемый призракъ смерти исчезъ, когда во мнѣ опять зажглась надежда жить, всѣ животныя инстинкты вновь проявились во всей своей силѣ, снова охватили все мое существо. Каждая жизни осп-

лила все другое, я снова сталъ человѣкомъ и, конечно, началъ думать о спасеніи, о сохраненіи жизни, этого великаго дара природы.

Рѣшивъ и небезосновательно, что пока меня окружаютъ текинцы, лучше оставаться мнимымъ убитымъ, я продолжалъ лежать въ томъ же положеніи. Когда же почувствовалъ, что орда разсѣялась, я приподнялъ голову и увидѣлъ, что лежу шагахъ въ 50-ти отъ своей батареи, въ которой, однако, еще копшились одиночные хищники, хозяйничая надъ трупами офицеровъ и солдатъ и возлѣ моихъ осиротѣвшихъ мортиръ. Кругомъ было пусто. Лишь изрѣдка виднѣлись тѣла убитыхъ и раненыхъ, нашихъ или текинцевъ,—разглядѣть было и некогда, и трудно. Эта пустота была едва ли не страшнѣе и опаснѣе толпы враговъ съ обнаженными палками и кинжалами!

При первыхъ же крикахъ и выстрѣлахъ, обнаружившихъ вылазку, поднялась тревога, и весь лагерь бросился къ траншеямъ. Вся пѣхота изъ первой параллели и изъ резервовъ и вся артиллерія изъ лагеря несомлаемыми залпами открыли стрѣльбу по тому направленію, гдѣ предполагался непріятель, а слѣдовательно и туда, гдѣ лежалъ я. Тучи пуль и снарядныхъ осколковъ, свистя и жужжа на всѣ тоны и лады, сыпались кругомъ, какъ горохъ, и, взрывая сухую землю, подняли страшную пыль. Видно, ангель-хранитель не покидалъ меня въ ту ночь! Вѣдь ни одна пуля, ни одинъ осколокъ даже не задѣли меня! А между подобранными потомъ тѣлами убитыхъ попадались пробитыя какъ рѣшетю!

Перѣшительность моя—лежать ли на мѣстѣ и ждать своихъ, или бѣжать изъ этого ада въ лагерь,—длилась не долго. Вновь охватившій меня паническій страхъ, отъ котораго подгибались колѣни и тряслись поджилки, рѣшилъ дѣло: я вскочилъ, схватилъ для чего-то подвернувшійся подъ руку эфесъ отъ сломанной текинской пашки и, много разъ спотыкаясь, поднимаясь, снова падая и векакивая, бросился бѣжать къ лагерю. Опомился я лишь тогда, когда, наткнувшись на одинъ изъ ходовъ въ траншеѣ и, не имѣя силъ перескочить черезъ ровъ, скатился съ насыпи на руки подхватившимъ меня солдатамъ какой-то пѣхотной части.

Вѣроятно, вслѣдствіе происшедшей во мнѣ реакціи, когда я узналъ своихъ и увидѣлъ себя внѣ всякой опасности, а, можетъ быть, и отъ потери крови, я потерялъ здѣсь сознание и очнулся уже на носилкахъ, пробужденный восклицаніемъ одного изъ носильщиковъ-санитаровъ: «Ну, братъ, и раскровянили же поручика! Ишь ты, кровь-то какъ бѣжитъ!» И въ самомъ дѣлѣ, я лежалъ въ лужѣ крови, которая, просачиваясь черезъ парусину носилокъ, тонкой струйкой стекала на дорогу. Опасаясь, что въ лежачемъ положеніи выйдетъ крови еще больше, а, можетъ быть, изъ желанія погеройствовать (вѣдь я былъ тогда такъ молодъ!), я велѣлъ остановиться и, чувствуя

достаточно силъ итти пѣшкомъ, отправилъ санитаровъ назадъ, не упустивъ случая порисоваться и передъ ними. «Ступайте, ребята, назадъ; спасибо вамъ. Тамъ вы нужнѣе будете, а я и самъ дойду!»— сказалъ я имъ, думая про себя: вотъ истинно геройскій поступокъ!..

Нечего и говорить, что своимъ неожиданнымъ появленіемъ, весь въ крови, въ грязи, безъ шапки, безъ оружія, съ болтавшимся на шеѣ обрывкомъ револьвернаго шнура, я навелъ на товарищей ужасъ. Тотчасъ явился докторъ, который не замедлилъ осмотрѣть и перевязать меня, и когда оказалось, что раны мои «сухой вздоръ», а въ то же время изъ траншей стали доноситься звуки побѣдоносныхъ маршей и надрывающіеся голоса пѣсенниковъ: «Мы дралися за Лабой, по горамъ твоимъ...» (для поднятія духа въ войскахъ Скобелевъ удачно пользовался музыкой и пѣснями!), озабоченныя и хмурыя лица окружающихъ просвѣтлѣли. Между вопросами, на которые я не успѣвалъ отвѣчать, прорывались и восклицанія: «Вотъ счастливецъ! Первое дѣло—и рану такую заполучилъ!» (т. е. такую неопасную).

А счастливцемъ-то я дѣйствительно себя считалъ теперь, только не потому, что получилъ *такую неопасную рану и въ первомъ же дѣлѣ*,—съ этой стороны, напротивъ, рана дала мнѣ лишь одинъ огорченія, лишивъ меня участія въ дальнѣйшихъ дѣлахъ, а слѣдовательно и лишннихъ военныхъ отличій, до которыхъ мы такіе охотники; пѣтъ, счастье мое, правда, очень эгоистичное, заключалось въ томъ, что изъ бывшихъ въ тотъ вечеръ у меня на батареѣ и въ ближайшихъ траншеяхъ офицеровъ *удѣлялъ только одинъ я!* Всѣ остальные были буквально изрублены въ куски и узнавались—иѣкоторые по платью (съ кого текицы не успѣли снять его), а иѣкоторые... по догадкамъ! Не только убитые, но многіе раненые, какъ мнѣ пришлось видѣть въ ту же ночь въ госпиталѣ, были страшно, до неузнаваемости изувѣчены! Боже, какія были раны!..

III

Дальнѣйшее мое повѣствованіе о злѣключеніяхъ моихъ въ ночь съ 28 по 29 декабря 1880 года, пожалуй, покажется вамъ, господа, если не фантастичными, то прикрашенными моею фантазіей. Нѣтъ, всѣ свои впечатлѣнія и ощущенія той памятной для меня ночи я передаю вамъ лишь въ связномъ разсказѣ такъ, какъ они были занесены мною по свѣжей памяти въ записную книжку.

Итакъ, продолжаю.

Когда меня, наскоро перевязаннаго въ батареѣ, привели въ нашъ отрядный лазаретъ, расположенный тутъ же въ лагерѣ, стрѣльба почти прекратилась, и вмѣсто оглашавшихъ степь пушечныхъ залповъ и трескотни винтовокъ изъ траншей неслись стройныя звуки

музыки и залихватскія пѣсни солдатъ, только что отбившихъ неожиданную и стремительную вылазку текинцевъ. Если неожиданность вылазки вызвала панику среди насъ, защитниковъ траншей, то можете себѣ представить, какого переполоха надѣлала она въ беззащитномъ лазаретѣ, въ палатки котораго, къ тому же, то и дѣло залетали шальные пули текинскихъ фальконетовъ.

Перепуганныя, растерявшіеся фигуры докторовъ, фельдшеровъ, сестеръ милосердія и всякихъ санитаровъ такъ и мелькали между палатками. Слабый свѣтъ луны, озарявшій эту живую картину, придавалъ ей фантастичный характеръ.

Бѣдные эскулапы, собиравшіеся было почить отъ дневныхъ трудовъ, полуодѣтые, съ блѣдными, искаженными страхомъ лицами, беспомощно металсь изъ палатки въ палатку, проклиная злую судьбу и самого «блага генерала», *безмысленно* поставившихъ и *ихъ* въ положеніе «пушечнаго мяса».

Особенно смѣшными и жалкими казались—высокая, сухая фигура съ подвязанною щекою и съ ермолкою или почнымъ колпакомъ на головѣ старшаго отряднаго врача Фейглингера и противная, упитанная, съ глазами навывкатъ, лоснящаяся рожа младшаго ординатора Хапаянца. Первый, забывъ свою кипчивость и заносчивость, напоминалъ теперь попавшаго въ чужую стаю собакъ пса, съ прижатымъ хвостомъ и опущенною головою, скаля лишь зубы, беспомощно кидющагося во все стороны, ища спасенья.

Второй, отбросивъ въ сторону свою напускную важность и солидность, съ которыми обыкновенно проповѣдывалъ «о высококомъ назначеніи врача-безсребренника, болѣе всякаго солдата обязаннаго жертвовать своею жизнью для блага человѣчества», не менѣе своего коллеги-пѣмца или жидка метался изъ стороны въ сторону, не упустивъ, однако, захватить изъ палатки «на всякій случай» кожаную сумку съ звенящими въ ней червонцами. Когда одинъ изъ товарищей, поддерживавшихъ меня, попытался остановить этого «друга человѣчества» и сказать ему: «Вотъ, докторъ, раненый офицеръ, примите его»,—тотъ вырвался и бросился на лету: «Какіе тутъ раненые! не до нихъ теперь, когда самъ не знаешь, куда укрыться отъ пуль. Это безобразіе, просто свинство—дѣлать и насъ, людей науки, готовыхъ всегда жертвовать собою,—пушечнымъ мясомъ, наравнѣ съ чумазымъ, животноподобнымъ солдатомъ». Звонкая оплеуха, приправленная крѣпкимъ русскимъ словомъ, была ему отвѣтомъ. Тѣмъ страшнѣе было видѣть здѣсь, среди царящей сумятицы, двухъ женщинъ съ красными крестами на груди и на рукахъ, успокаивавшихъ растерявшихся «мужей науки» и вмѣсто нихъ властно и толково распоряжавшихся приготовленіями къ приему «бѣдныхъ раненыхъ и убитыхъ, которыхъ, вѣроятно, немало нанесутъ сейчасъ». Это были двѣ сестры милосердія, пользовавшіяся особенною популярностью въ отрядѣ и пріобрѣвшія за время кам-

панія любовь и уваженіе офицеровъ и солдатъ,—Скорикова и графиня Милотина.

— Сестрица, а сестрица!—обратился къ первой изъ нихъ мой товарищъ, когда попытка его сдать меня доктору «съ звонкой наукой въ сумкѣ» не увѣнчалась успѣхомъ:—примите, пожалуйста, раненаго офицера. Батюшки, да что вы такая блѣдная! Неужто и вы такъ перетрусили? Это на васъ не похоже. Доктора-то наши все иностранцы, на словахъ храбры... одного-то, вонъ того черномазаго, я ловко смазалъ за его храбрость и человѣколюбіе, а васъ мы знаемъ еще по турецкой войнѣ.

— Ахъ, раненый!.. бѣдненькій! а у насъ-то и офицерскихъ палатокъ еще не приготовили!.. Да, я немножко испугалась, такъ какъ нашъ госпиталь съ тылу совершенно открытъ, и текинцы могли бы безпрепятственно ворваться къ намъ. И грудь побаливаетъ. Когда поднялась тревога, я выскочила изъ палатки и мнѣ показалось, что я грудью на что-то паткнулась; а это была шальная пуля, да такая большая; которая на излетѣ, должно быть; ударила мнѣ прямо въ этотъ крестъ и порядочно зашибла. Крестъ чуточку помялся. Пулю я нашла и спрягала на память. Однако, пойдемте, голубчикъ! Дѣлать нечего, вамъ придется эту ночь провести въ общей палаткѣ. Ивановъ,—окликнула она проходившаго санитаря:—помогите мнѣ уложить поручика. До свиданія, драгунъ,—прощаясь, сказала она товарищу моему:—спасибо, что проучили Хапаянца, ужъ очень онъ всѣмъ намъ опротивѣлъ своимъ нахальствомъ.

Поблагодаривъ товарищю, я ползлея при помощи Скориковой и фельдшера въ большой лазаретный наметъ, въ которомъ слѣбно устанавливали въ два ряда низенькія носилки-кровати. Оказалось, что лазаретъ только наканунѣ перевели въ общій лагерь изъ Самурскаго укрѣпленія.

На одну изъ этихъ кроватей и уложили меня, убѣдившись, что сдѣланная наскоро перевязка удовлетворительна и до утра продержится.

Чрезмѣрное напряженіе физическихъ и душевныхъ силъ за послѣдніе два дня, неожиданная вылазка непріятели, стремительное и ожесточенное нападеніе его на насъ, рукопашный бой и наконецъ очень кровоточивая рана—переполнили чашу моей выносливости. Наступила реакція. Полный упадокъ силъ при значительной потерѣ крови вызвалъ состояніе, похожее на обморокъ. Проглотивъ къ тому же изрядную порцію коньяку, насильно влитаго мнѣ въ ротъ заботливою сестрицею, я впалъ въ забытѣе.

Я смутно чувствовалъ, что вокругъ меня творится что-то ужасное, но что именно—отчета себѣ не отдавалъ. А между тѣмъ начали подносить изъ траншей раненыхъ. Окровавленные, искалѣченные, изуродованные до неузнаваемости тѣла съ разсѣченными лицами, съ отрубленными или изрубленными оконечностями, съ пропоро-

тыми животами ¹⁾, но всё хоть съ слабыми признаками жизни вносились и укладывались на койки. Безсвязный бредъ и хрипѣнныя умирающихъ, вздохи, стоны, мольбы и проклятія на всякіе голоса и лады несчастныхъ страдальцевъ наполняли шатерьъ, заглушая торопливыя и громкія распоряженія перевязывающихъ. Вотъ бы гдѣ взять сюжетъ для картины «пекла»!... Какіе нервы надо было имѣть, чтобы хладнокровно смотрѣть на эту картину!.. Неудивительно, что заглянувшій и сюда уже «по долгу службы» оберъ-эскулапъ Фейглингеръ, зажавъ уши и закрывъ глаза, съ крикомъ: «Ah, mein Got! Das ist entsetzlich! Das ist gar nicht zu ertragen»... выскочилъ вонъ изъ палатки...

Мною овладѣлъ кошмаръ и мнѣ представилось слѣдующее:

Идемъ мы съ батареей на турецкую границу. Въ числѣ офицеровъ былъ одинъ, только что передъ походомъ женившійся и красавица жена его, не захотѣвшая разстаться съ мужемъ, все время слѣдовала съ нами. Молодая, красивая, умная и веселая женщина внесла въ нашу однообразную, утомительную походную жизнь много отраднхъ минутъ. Зато мы чуть не носили ее на рукахъ! Все мы, не исключая и суроваго хохла-командира, души въ ней не чаяли. Она была нашимъ общимъ другомъ, сестрою и *ангеломъ-хранителемъ*, какъ называли ее даже солдатыки.

Два мѣсяца похода и выжидательнаго сидѣнья въ какомъ-то пограничномъ аулѣ-буйволятникѣ прошли для насъ праздникомъ. Сопутствовавшіе намъ офицеры пѣхотной части съ завистью смотрѣли на насъ, говоря: «Вотъ счастливыцы эти артиллеристы! Какую барыньку завели! И не замѣтно, что походъ вершаютъ,—все-то у нихъ пикники да веселье!» Но вотъ пришелъ приказъ, немедленно вызвавшій батарею въ дѣйствующій отрядъ. Командиръ положительно воспротивился дальнѣйшему слѣдованію съ батареею нашей общей любимицы и мнѣ, по болѣзни также временно оставленному на мѣстѣ, было поручено беречь ее пуще ока.

Тяжелы были первые дни нашего одиночества. Я тосковалъ по батарее и завидовалъ товарищамъ, уже участвовавшимъ въ «дѣлѣ», Муся (такъ звали мы жену товарища) рвалась къ мужу. Но дни проходили за днями, и мы, оставаясь постоянно съ глазу на глазъ, все сближались. Нѣжная, братская привязанность моя къ ней мало-по-малу перешла въ пламенное, всепожирающее чувство.

Въ темную зимнюю ночь, когда на дворѣ завывалъ вѣтеръ, по временамъ врываясь со свистомъ въ комнату черезъ трубу камина и въ щели оконъ, грозя разрѣшиться чудовищнымъ снѣжнымъ бураномъ, мы по обыкновенію сидѣли въ уютномъ «будуарчикѣ» и тихо бесѣдовали, развлекаясь игристымъ «Клико», къ которому, въ сво-

¹⁾ Большинство сильно израненныхъ шашками и при томъ въ верхнюю часть тѣла приносили изъ траншей, гдѣ текинцы наносили свои ужасные удары сверху.

ихъ заботахъ за красавицей, я успѣлъ ее пріохотить. Нѣсколько увеличенная «по случаю дьявольской погоды» доза любимаго вина скоро оказала на Мусѣ свое дѣйствіе.

На пухлыхъ щечкахъ ея заигралъ румянецъ, глаза засвѣтились игривымъ огонькомъ, а часто улыбавшійся ротикъ то и дѣло открывалъ рядъ чудныхъ жемчужныхъ зубовъ. Полулежа на подушкахъ тахты, кокетливо опираясь головой на одну руку, съ которой спалъ широкій рукавъ пеньюара, обнаживъ красиво очерченный локоть матовой бѣлизны, а въ другой держа рюмку съ виномъ, она представляла собою нѣчто сказочно-очаровательное, не плѣниться которымъ не могъ бы и самый деревянный человѣкъ. А я былъ такъ молодъ!.. Въ головѣ моей мелькнулъ и быстро созрѣлъ подлый планъ овладѣть этою чаровницею. Искусно маскируя порывы киѣвшейся во мнѣ страсти, я умышленно навелъ разговоръ на ея мужа, на товарищей, «которымъ, вѣроятно, далеко не такъ сладко приходится въ настоящую минуту».

Однако напоминанья о мужѣ, недосыпающемъ, недоѣдающемъ, мерзнувшемъ, да еще, пожалуй, и подвергающемся опасности быть убитымъ,—было довольно, чтобы веселое личико Муси затуманилось грустью. Оживленіе исчезло: глазки наполнились слезами... Но вино свое дѣло сдѣлало: воля, чуткость и ясное сознаніе ослабли; осталась только чувствительность къ виѣшности. На это-то я и рассчитывалъ. Связывавшее же насъ чувство дружбы, давшее мнѣ право иногда называть ее просто по имени, теперь должно было сыграть для меня роль вѣрнѣйшаго союзника...

— Ну, вотъ, вы опять закружились, дорогая Муся!—какъ можно ласковѣе проговорилъ я, пересѣвъ на тахту и осторожно взявъ за руку, приподнялъ и посадилъ ее рядомъ.

— О чемъ же тутъ грустить? Что «ему» временно плохо живется? Зато какая ждетъ его награда!.. Какъ радостна будетъ ваша встрѣча. И, привлекая ее къ себѣ все ближе и ближе, я почти шопотомъ началъ рисовать картину встрѣчи, наглядно показывая, какъ «онъ» возьметъ ее за руки, привлечетъ къ себѣ, обниметъ...

— Да, да, милый... Какой вы добрый!..—говоритъ она точно въ забытѣ, покорно склоняясь ко мнѣ на грудь, и, не переставая внимать моимъ льстивымъ, сатанинскимъ рѣчамъ, съ выраженіемъ полной довѣрчивости поворачиваетъ ко мнѣ свое раскраснѣвшееся, улыбающееся личико...

Отъ этой дѣтской покорности, наивности и довѣрія, ясно отражавшихся и въ глазахъ и въ прелестной улыбкѣ, у меня какъ будто защемило сердце, точно по нему скользнуло чувство жалости; но это ощущеніе продолжалось только одно мгновеніе... искушеніе было слишкомъ велико!.. Обнимая красавицу, мнѣ казалось, что прикосновеніе ея нѣжнаго упругаго тѣла наполняетъ все мое существо какою-то певѣдомою силою, управлять которою было уже

не въ моей волѣ. Близость восхитительнаго личика съ полуоткрытымъ ротикомъ, теплое дыханіе котораго я чувствовалъ на своемъ лицѣ, довершили дѣло...

Я не въ силахъ болѣе крѣпиться и съ жадностью вампира впился въ розовыя губки, закрывъ глаза и все сильнѣе и сильнѣе сжимая жертву въ своихъ объятіяхъ... Въ порывѣ страстнаго увлеченія мнѣ чудится, что и она прижимается ко мнѣ все крѣпче и крѣпче и, обвивъ руками мою шею, силится задушить меня такими же страстными и безконечно долгими объятіями, отъ которыхъ я начинаю задыхаться; вотъ-вотъ еще одно маленькое усиліе, и я задохнусь... Въ страхѣ открываю на мгновеніе глаза и съ леденящимъ ужасомъ вижу склонившееся надо мною, искаженное злобою и обезображенное ранами лицо мужа Муси!.. Ключомъ бьющая изъ раскрытыхъ ранъ кровь залѣпляетъ мнѣ глаза, ротъ... Цѣпкими, костлявыми, какъ у мертвеца, и окровавленными руками онъ обхватилъ мою шею и душилъ, яростно щелкая зубами и издавая хриплые, замогильные звуки... Съ неестественною силою я отталкиваю отъ себя это чудовище, вскрикиваю и... просыпаюсь!

Просыпаюсь и оцѣпенѣваю отъ настоящаго ужаса!..

Лежавшій на сосѣдней койкѣ раненный офицеръ былъ положенъ въ палаткѣ только для того, чтобы могъ умереть не на дворѣ. Это былъ не человѣкъ уже, а куски человѣческаго тѣла... На мѣсто лица зіяла одна сплошная рана: однимъ ударомъ шашки были спесены часть лба, носъ, губы и подбородокъ; на одной рукѣ отъ плеча до локтя лохмотьями висѣли куски отрубленнаго мяса вмѣстѣ съ клочками платя; кисть другой руки моталась въ воздухѣ, держась на одной лишь жилѣ... И этотъ несчастный еще жилъ. Въ изуродованномъ тѣлѣ его еще тлѣли признаки жизни, когда его подняли на мѣстѣ катастрофы и принесли въ лазаретъ. Наскоро подобравъ и пришивъ по мѣстамъ, что можно было, его положили «помирать» рядомъ со мною...

Занятые другими ранеными, «заслуживавшими большаго вниманія», доктора, фельдшера и прочій лазаретный персоналъ, конечно, не замѣтили, какъ это ужасное «пушечное мясо» въ предсмертной агоніи зашевелилось, заметалось, судорожно поднялось въ послѣдній разъ съ своего ложа и всею своею кровавою массою рухнуло на меня, пробудивъ меня отъ страшнаго кошмара къ еще болѣе ужасной дѣйствительности.

Каково было это пробужденіе, вы можете себѣ представить!.. Сначала я не вѣрилъ въ него; мнѣ казалось, что душившій меня кошмаръ все еще продолжается, принявъ только новую, болѣе тяжелую форму. Но слишкомъ реальное осязаніе тяжести, капающая на лицо, на грудь, на руки кровь—вывели меня изъ оцѣпенѣнія, и я, не будучи въ силахъ самъ освободиться изъ объятій мертвеца, начинавшаго уже застывать, неистово закричалъ и вновь потерялъ сознание.

Придя въ себя, я уже не видѣлъ «безпокойнаго сосѣда»; его вынесли и положили на землѣ въ общій рядъ вытянувшихся человѣческихъ фигуръ, съ головами прикрытыхъ шинелями. Возлѣ меня хлопотали докторъ и сестрица, обмывая кровь и заново перевязывая сбившуюся перевязку на ранѣ.

— Что, голубчикъ, крѣпко перепугались?—спросила сестра, замѣтивъ, что я открылъ глаза и боязливо озираюсь, точно не вѣря въ свое освобожденіе.—Да и мы порядкомъ перетрусили, услышавъ вашъ неистовый крикъ и увидѣвъ, въ какомъ положеніи вы находились. Ну, теперь все прошло благополучно и слава Богу!.. Рану свою вы тоже не особенно потревожили. Пока вы были въ обморокѣ, мы васъ заново перевязали, обмыли и даже бѣлье перемѣнили. Можете теперь покойно заснуть, никто васъ больше не обезпокоитъ; выпейте-ка еще коньяку, да и спите съ Богомъ! до утра еще часика два-три осталось.

—Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—вскричалъ я, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ страха, отъ котораго я не скоро освободился. Да и теперь нерѣдко въ холодный потъ бросаетъ меня, когда, просыпаясь ночью, вспомню объятія мертвеца.—Нѣтъ, сестрица, я не въ силахъ; я не могу болѣе оставаться здѣсь. Я пойду въ свою палатку, въ батарею. Лучше просидѣть совсѣмъ безъ сна, чѣмъ хоть минуту еще видѣть и слышать то, что здѣсь творится.

И, настоявъ на своемъ, при помощи санитаря я добрелъ до батареи, гдѣ невольно разбудилъ товарищей и своимъ неожиданнымъ, вторичнымъ появленіемъ, но уже въ больничномъ халатѣ, и новымъ разсказомъ о случившемся въ лазаретѣ порядочно смутилъ ихъ и въ конецъ разогналъ предразсвѣтный сонъ.

Да, надолго будетъ мнѣ памятна эта ночь на 28 декабря 1880 года!—закончилъ свой разсказъ почтенный капитанъ.

Вл. Прогульбицкій.

А. В. КОЛЬЦОВЪ И ЕГО ПОЭЗІЯ.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

I.

Дѣтство Кольцова —Грамота.—Въ училищѣ.—Пробужденіе умственной дѣятельности.—Пристрастіе къ книгамъ.—Въ степи.—Между баранами и чтеніемъ.—Потеря друга.—Стихотворенія Дмитріева.—Первый литературный опытъ.—Страсть къ стихотворству.—Первая любовь и ея значеніе для поэзіи Кольцова.—Знакомство съ Серебрянскимъ и Станкевичемъ.—Пріѣздъ Кольцова въ Москву и его первые печатныя произведенія.

АЛЕКСѢЙ Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ 2-го октября 1809 года въ семьѣ небогатаго мѣщанина, промышлявшаго стадами барановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. Изъ первыхъ годовъ жизни Кольцова извѣстно только то, что воспитаніе его было предоставлено ему самому. Пользуясь этимъ, маленькій Кольцовъ большую часть времени проводилъ внѣ дома. Синее небо, зеленые лѣса, широкія поля и степи, красочные цвѣты и привольныя рѣчки—вотъ что, главнымъ образомъ, окружало его съ ранняго дѣтства. Великая книга природы, такимъ образомъ, была первой учительницей будущаго поэта; она же спасла его отъ той грязи, которую онъ ежедневно видѣлъ въ домѣ своего отца. Домашнія дразни, торгашескія хитрости и продѣлки отца, ссоры, грубыя и непристойныя рѣчи—все это прошло безслѣдно для благодатной натуры Кольцова. Предоставленный самому себѣ, Кольцовъ два раза едва не сдѣлался

«истор. вѣстн.», октябрь, 1909 г., т. сxviii.

жертвой смерти. Въ первый разъ, будучи еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, онъ простудился, ходя босикомъ по лужамъ, и долго хворалъ, при чемъ едва не лишился на всю жизнь употребленія ногъ. Въ другой разъ, на семнадцатомъ году отъ рожденія, онъ на всемъ скаку упалъ съ лошади черезъ ея голову и такъ сильно ударился спиной и затылкомъ, что на всю жизнь остался сутуловатымъ. Въ общемъ же онъ былъ вполне здоровъ и крѣпокъ.

Деяти лѣтъ Кольцовъ сталъ учиться грамотѣ у одного воронежскаго семинариста. Грамота далась богато одаренному отъ природы Кольцову необычайно скоро, и потому его отдали въ воронежское уѣздное училище. Но затѣмъ, когда мальчикъ пробылъ въ немъ всего на всего четыре мѣсяца, отецъ его разсудилъ, что, разъ сынъ умѣетъ уже читать и писать, то можно считать его образованіе законченнымъ, и взялъ его изъ училища. Такимъ образомъ, школа ничего не дала Кольцову. Это всего яснѣе можно видѣть изъ того, что онъ до самой своей смерти не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ вовсе безъ орфографіи. Отсутствие твердыхъ знаній, закладываемыхъ первоначальной школой, было причиной того, что Кольцовъ, несмотря на свои удивительныя способности, всегда чувствовалъ, что его познаніямъ недостаетъ твердой почвы, и что поэтому ему очень часто достается съ трудомъ то, что легко усваивается людьми недалекими, но прошедшими первоначальное обученіе.

Однако, какъ ни какъ, училище дало толчокъ умственной дѣятельности Кольцова, а именно онъ пристрастился къ чтенію книгъ. Изрѣдка даваемая отцомъ и матерью деньги на игрушки и лакомства Кольцовъ неизмѣнно тратилъ на покупку книгъ. Первыми излюбленными книгами у него, какъ и у многихъ другихъ русскихъ писателей, были сказки «Бова королевичъ» и «Ерусланъ Лазаревичъ». Чтеніе сказокъ развило въ Кольцовѣ фантазію, и онъ захотѣлъ составить что-нибудь въ этомъ родѣ самъ, однако эти первыя авторскія попытки остались только въ мечтахъ.

Отецъ взялъ Кольцова изъ уѣзднаго училища затѣмъ, чтобы онъ помогалъ ему въ его прасольской промышленности. Такимъ образомъ на десятомъ году ему опять пришлось столкнуться съ грязной дѣйствительностью. Однако и здѣсь широкій просторъ степей спасъ будущаго поэта. Большую часть года—весну, лѣто и осень—Кольцовъ проводилъ въ степи, и онъ полюбилъ ее страстно и восторженно. Можетъ быть, въ это время степи зажгли въ Кольцовѣ любовь къ природѣ, которую онъ впослѣдствіи такъ мастерски изобразилъ въ своихъ произведеніяхъ. Чтобы не слышать и не видѣть грязной дѣйствительности, Кольцовъ уходилъ въ глубь степи и тамъ наблюдалъ за ея жизнью. Онъ любилъ вечерній огонь, въ которомъ варилась степная каша въ то время, когда небо было исперено румяными закатными облаками, любилъ степныя ночи съ ночлегами подъ открытымъ небомъ, усѣянными мириадами звѣздъ

и напоеннымъ запахомъ степныхъ цвѣтовъ и травъ, любилъ иногда цѣлые дни не слѣзая съ коня, перегоняя стадо съ одного мѣста на другое по высокой травѣ, представляющей собою роскошнѣйшій коверъ изъ цвѣтовъ самыхъ разнообразныхъ тоновъ и оттѣнковъ. Были, конечно, и неудобства. Такъ, напримѣръ, случалось ему цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи и слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защитой войлока или овчиннаго вонючаго тулупа. Зато приволье степи весной и лѣтомъ вполне заставляло забывать эти неудобства.

Возвращаясь въ городъ, Кольцовъ съ жадностью набрасывался на сказки. Кромѣ того, его ждали здѣсь товарищи. Симпатичная натура Кольцова очень рано открылась для любви и дружбы. Въ особенности онъ сдружился съ однимъ мальчикомъ, сыномъ богатого купца, ровесникомъ ему по лѣтамъ, который, какъ и Кольцовъ, былъ неравнодушенъ къ чтенію книгъ. У отца этого мальчика было много книгъ, и друзья стали читать ихъ вмѣстѣ. Это были романы Дюкредю-Менля, Августа Лафонтена и имъ подобныхъ, но тѣмъ не менѣе даже такія книги принесли Кольцову значительную пользу: они, подобно сказкамъ, развивали его фантазію, и ему опять захотѣлось что-нибудь сочинить. На этотъ разъ онъ хотѣлъ уже сочинить романъ, но это желаніе опять-таки осталось только въ проскѣ. Такъ между степью съ бараками и чтеніемъ книгъ Кольцовъ провелъ три года. Въ этотъ же періодъ онъ впервые познакомился съ горемъ: его пріятель, простудившись, захворалъ и умеръ. Горе молодого Кольцова было глубоко и сильно, но вскорѣ съ нимъ произошло такое событіе, которое произвело настоящей переворотъ въ его жизни и заставило забыть о смерти друга.

Случайно онъ купилъ сочиненія Дмитріева. До сихъ поръ онъ не имѣлъ никакого понятія о стихахъ. Замѣтивъ тотчасъ же сходство между стихами и пѣснями, онъ рѣшилъ, что стихи нужно пѣть, а не читать. Гармонія стиха и рифмы такъ понравилась Кольцову, что онъ рѣшилъ написать стихами что-нибудь самъ. Вскорѣ представился ему и матеріалъ. А именно одинъ изъ пріятелей его три ночи подъ рядъ видѣлъ одинъ и тотъ же непонятный сонъ. Танкетвенность сна произвела на Кольцова глубокое впечатлѣніе, и онъ рѣшилъ изобразить его въ стихахъ. Не имѣя никакого понятія ни о размѣрѣ стиха, ни о рифмованіи, онъ взялъ за образецъ одно изъ стихотвореній Дмитріева и сталъ подражать ему. Одинъ-другой десятокъ стиховъ далась ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь была готова, по его собственному выраженію, «пречудовищная» пьеса подъ названіемъ «Три видѣнія», которую онъ впоследствии истребилъ. Это былъ первый литературный опытъ Кольцова. Тогда ему было 16 лѣтъ.

Однако, какъ ни плохъ былъ первый литературный опытъ Кольцова, онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе его. Послѣ этого

стихотворенія онъ такъ пристрастился къ стихотворству, что совсѣмъ забросилъ чтеніе прозы. На деньги, изрѣдка даваемыя ему отцомъ, онъ купилъ вскорѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича и другихъ русскихъ стихотворцевъ и сталъ писать самъ стихи, стараясь подражать этимъ поэтамъ въ механизмѣ стиха. Не зная, кому показать свои опыты, онъ рѣшился обратиться за совѣтомъ къ одному воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книгахъ, и принесъ ему «Три видѣнія» и другія пьесы. Книгопродавецъ оказался человѣкомъ необразованнымъ, но неглупымъ и добрымъ. Онъ сказалъ Кольцову, что, хотя онъ и не знаетъ правилъ стихосложенія, однако его стихи ему кажутся дурными, но что, если онъ хочетъ правильно писать стихи, то ему въ этомъ можетъ помочь книжка «Русская Просодія, изданная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона». Инстинктомъ угадавъ, что передъ нимъ стоитъ не обыкновенный человѣкъ, книгопродавецъ подарилъ Кольцову «Русскую Просодію» и, кромѣ того, предложилъ ему бесплатно пользоваться книгами изъ своего магазина для чтенія. Въ чтеніи книгъ и попыткахъ на стихотворство прошло пять лѣтъ. Кольцову исполнилось семнадцать лѣтъ, и тогда съ нимъ случилось событіе, которое имѣло большое значеніе какъ для его жизни вообще, такъ и для поэзіи его въ частности: онъ полюбилъ молодую дѣвушку, вошедшую въ его семейство въ качествѣ служанки. Его чувство не осталось безъ отвѣта, но, къ сожалѣнію, эта любовь продолжалась не особенно долго, такъ какъ отецъ Кольцова, замѣтивъ возникающую между молодыми людьми любовь, постѣжился ихъ разлучить. Эта первая любовь имѣла большое значеніе для поэзіи Кольцова: она дала ей содержаніе, а, когда отецъ удалилъ любимую Кольцовымъ дѣвушку, Кольцовъ весь погрузился въ море поэзіи, читая и перечитывая любимыхъ поэтовъ и пробуя самъ извлекать изъ своей переполненной чувствомъ души поэтическіе звуки. Въ это время Кольцовъ сталъ уже не просто стихотворцемъ, одолаваемымъ охотою слагать размѣренные строчки, съ рифмами, безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, начинающимъ чутко откликаться на призывы жизни.

Приблизительно около этого же времени Кольцовъ приобрѣлъ два знакомства, имѣвшія значительное вліяніе на развитіе его таланта. Это были знакомства съ Серебрянскимъ и Станкевичемъ.

Серебрянскій былъ воронежскій семинаристъ, но, къ счастью, семинарская казупетическая схоластика того времени не коснулась этого замѣчательнаго человѣка, одареннаго отъ природы, по словамъ Гѣлнцскаго, счастливыми способностями и прекраснымъ сердцемъ. Въ Серебрянскомъ Кольцовъ нашелъ себѣ совѣтника и руководителя въ своемъ поэтическомъ призваніи, такъ что не имѣлъ уже надобности носить свои произведенія на судъ къ книгопродавцу.

Серебрянскому же принадлежитъ заслуга повышенія умственнаго уровня Кольцова и приведенія въ систему его разрозненныхъ знаній. Другой знакомый Кольцова—Станкевичъ—былъ сынъ воронежскаго помѣщика, обучался въ московскомъ университетѣ и ежегодно прѣзжалъ на каникулы въ свою деревню, а оттуда иногда и въ Воронежъ. Въ одинъ изъ такихъ прѣздовъ Станкевичъ, услыхавъ о са-

а. Кольцовъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

мордномъ талантѣ Кольцова, поспѣшили познакомиться съ нимъ, прочель его опыты и одобрили ихъ. Когда же въ 1831 году Кольцовъ, по дѣламъ своего отца, прѣхалъ въ Москву, Станкевичъ познакомилъ его съ нѣсколькими лицами, впоследствии очень пригодившимися ему; вѣроятно, при его же содѣйствіи двѣ или три пѣсни Кольцова были напечатаны въ одномъ маленькомъ московскомъ журналѣ. Для Кольцова это было большой нравственной поддерж-

кой. Спустя нѣкоторое время Станкевичъ предложилъ ему издать на свой счетъ его стихотворенія. Въ 1835 году это намѣреніе было исполнено. Изъ довольно увѣсистой тетради, представленной Кольцовымъ, Станкевичъ выбралъ 18 лучшихъ стихотвореній и издалъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, доставившей молодому поэту значительную извѣстность въ литературномъ мірѣ. Правда, въ данномъ случаѣ больше всего дѣйствовало то, что книжку написалъ «поэтъ-самоучка», «поэтъ-просоль», по справедливости требуетъ замѣтить, что и въ этихъ стихотвореніяхъ чувствовался уже значительный талантъ, обещающій въ будущемъ развиться въ большую литературную силу.

II.

Въ Москвѣ и Петербургѣ.—Тоска по столицамъ.—Кольцовъ въ семьѣ.—Жизнь въ Воронежѣ.—Окружающая среда.—Семейныя непріятности.—Послѣдняя поѣздка въ Москву и Петербургъ.—Волѣзнь.—Любовь.—Отношеніе окружающихъ къ больному.—Смерть.

1836 года составилъ эпоху въ жизни Кольцова. Въ этотъ годъ по дѣламъ отца онъ побывалъ въ обѣихъ столицахъ и въ каждой изъ нихъ пробылъ значительное время. Еще въ первый пріѣздъ свой въ Москву Кольцовъ познакомился съ однимъ молодымъ литераторомъ. Новый пріятель познакомилъ его съ другими литераторами. Однако нельзя сказать, чтобы Кольцовъ добивался этихъ знакомствъ или слишкомъ дорожилъ ими. Прежде всего, онъ былъ скромнѣе и робокъ, а затѣмъ—въ немъ было сильно чувство своего достоинства, и потому онъ не любилъ выставляться; кромѣ того, Кольцовъ хорошо видѣлъ, что большинство литераторовъ, съ которыми ему приходилось, въ силу обстоятельствъ, знакомиться, въ лучшемъ случаѣ смотрятъ на него, какъ на диковишку, а въ худшемъ—«спускаться съ высоты своего таланта» къ нему—«мужику». Одинъ даже литераторъ не нашелъ ничего поэтического въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова, а, напротивъ, увидѣлъ въ немъ очень положительнаго человѣка, изъ чего и замѣтилъ, что у него не должно быть таланта. Гораздо лучше было принять Кольцовъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, княземъ Одоевскимъ и княземъ Вяземскимъ. Особенно хорошее впечатлѣніе осталось у Кольцова отъ знакомства съ тѣмъ, кого онъ, какъ божество какое, готовился увидѣть съ трепетомъ,—съ Пушкинымъ. Въ 1838 году Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ Кольцовъ особенно долго жилъ въ Москвѣ, и до отъѣзда въ Петербургъ и по возвращеніи изъ него, и жизнь въ Москвѣ тогда особенно понравилась ему. Въ это время Кольцовъ написалъ лучшія свои произведенія, такъ что его пребываніе въ Москвѣ слѣдуетъ безспорно признать расцвѣтомъ его поэтической дѣятельности.

Пребываніе въ столицахъ показало Кольцову, что есть другой міръ, съ которымъ онъ болѣе связанъ и который ближе ему, чѣмъ воронежскій міръ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ къ одному изъ своихъ московскихъ знакомыхъ: «Въ Воронежѣ я пріѣхалъ хорошо, но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже: скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, а не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, неприятностей куча; что день—то горе, что шагъ—то папастъ. Но, слава Богу, какъ-то я всѣ ихъ переношу теперь терпѣливо, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь—все прекрасно, чудесно, очаровательно,—и я жизнью живу и тою своею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ нашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много!» Изъ этого отрывка видно, что глазамъ Кольцова открылся другой міръ, жизнь провинціального города съ его дрязгами и сплетнями сдѣлалась скучна его свѣтлой натурѣ; только прекрасная пора степного лѣта еще доставляла ему утѣшеніе. Кольцовъ продолжалъ еще любить степь, но уже не такъ, какъ прежде: теперь онъ понималъ, что она однообразна, что на ней весело быть на минуту и то не одному. Кольцовъ сталъ жить въ одиночествѣ. Его воронежскія знакомства, до московскихъ знакомствъ еще терпимыя поэтомъ, теперь сдѣлались невыносимы, и тѣ же люди явились ему въ другомъ свѣтѣ.

Только въ своемъ семействѣ Кольцовъ находилъ еще съ кѣмъ отвести душу. Особенно любилъ онъ свою младшую сестру, и между ними существовала самая тѣсная дружба. Онъ съ нею совѣтовался даже насчетъ своихъ стихотвореній и для нея дѣлалъ все, что только могъ. Такъ, различными хитростями онъ убѣдилъ своего отца купить ей фортеціано и нанять учителя французскаго языка и музыки. Горячо также любилъ Кольцовъ своего младшаго брата, но тотъ, къ сожалѣнію, очень рано умеръ. Что касается отца, то у Кольцова съ нимъ всегда были натянутыя отношенія. Причиной, конечно, было стремленіе сына къ наукѣ, которую отецъ не особенно уважалъ, исходя изъ того положенія, что «дѣды безъ нея обходились и въ люди выходили, и мы проживемъ». Впрочемъ, счастливое окончаніе нѣкоторыхъ важныхъ для семейнаго благосостоянія дѣлъ и лестное вниманіе къ Кольцову такого авторитета, какъ Жуковскій,—вниманіе, свидѣтелемъ которому былъ весь Воронежъ въ 1837 году,—были причиною того, что между отцомъ и сыномъ воцарился наружный миръ и согласіе. Этому же способствовало также и то обстоятельство, что на Кольцовѣ лежала участь всего дома, такъ какъ, благодаря его ловкости и умѣнью вести дѣла, онъ нѣсколько разъ спасалъ семью отъ краха.

Чтобы понять, почему Кольцовъ рвался въ то время въ Москву, нужно посмотреть его жизнь въ Воронежѣ и окружавшую его тамъ среду. Вотъ что писалъ самъ Кольцовъ о своей жизни одному изъ своихъ знакомыхъ петербуржцевъ: «Батенька два мѣсяца въ Москвѣ продаетъ быковъ, а дома я одинъ, дѣлъ много. Покупаю свиней, станоелю на винный заводъ, на барду; въ рошѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю на скорую руку; ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи». Такъ писалъ онъ въ 1836 году, а черезъ два года въ письмѣ къ одному изъ московскихъ знакомыхъ звучатъ уже другія нотки: «Писать къ вамъ хочется, а ничего нейдетъ изъ головы. Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла вовсе, и самъ не знаю отчего—не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другого; а тутъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ—вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кой о чемъ надобно подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ: право, боюсь, чтобы мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави!» Черезъ два мѣсяца тому же лицу Кольцовъ опять писалъ: «Хотѣлося бы писать къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь, но что же прикажете дѣлать, когда дѣла дьявольски работаютъ со мною. Бойка скота, стройка дома, туда, сюда—ажъ на душѣ тошнить, такъ хорошо мнѣ жить! Серебрянскій умеръ. Да, лишился я человѣка, котораго любилъ столько лѣтъ душою и котораго потерю горько оплакиваю. Много желаній не сбылося, много надеждъ не исполнилось. Проклятая болѣзнь!» Такъ прешель для Кольцова еще годъ. Положеніе дѣлъ ухудшилось. «Пророчески угадали вы мое положеніе,—писалъ онъ въ 1840 году въ Петербургъ къ пріятелю:—у меня у самого давно уже лежитъ на душѣ грустное сознаніе, что въ Воронежѣ мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тысячь мой кругъ, грязень мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденія. И если я не перемѣню себя, то скоро упаду: это цениуемо, какъ дважды два—четыре».

Незавидная жизнь Кольцова въ Воронежѣ стала еще менѣе привлекательной, когда у него начались семейныя непріятности. Причиною ихъ былъ отецъ. «Онъ человѣкъ простой,—говоритъ о немъ Кольцовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:—купецъ, спекулянтъ, вышелъ изъ ничего, вѣкъ рожь молотить на обухѣ. Такъ его грудь черства, что его на все достанешь для своей пользы и для своей торговли. Настоящій купецъ устраиваетъ одни свои дѣла, а есть ли польза отъ ихъ другимъ—ему и дѣла нѣтъ, и онъ что только съ рукъ сойдетъ, все дѣлать во всякую пору готовъ. Мнѣ отъ него и такъ достается довольно. Чуть мало-мальски что не такъ, ворчить

и сердится: вы, говорить, все по книжному да по печатному, народъ грамотный—ума палата».

Что касается окружавшей поэта среды, то о ней самое лучшее представлеіе можно составить изъ слѣдующаго отрывка изъ его письма: «Вы боитесь за меня, чтобъ я скоро не потерялся. Это правда, и такая правда, какая она лишь можетъ быть,—не только черезъ пять лѣтъ, даже и скорѣе, живя такъ и въ Воронежѣ. Но что же дѣлать? Буду жить, пока живется, работается. Сколько могу, столько и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую, сколько могу, буду биться до конца-края, приведу въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду—миѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и передъ самимъ собою я буду правъ. Другого дѣлать нечего. А что въ 1838 году написали такъ много порядочнаго—это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые меня каждый день настраивали, а, во-вторыхъ, я почти ничего не дѣлалъ и былъ празденъ. Тяготило меня до смерти одно дѣло, но только одно дѣло, не больше. И я все еще писалъ такъ мало. А здѣсь кругомъ меня другой народъ—татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ, а дѣлъ—беремя: стройка дома (которая кончилась съ мѣсяць назадъ), судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счета, расчеты, брани, ссоры. И какъ еще я пишу? И для чего пишу? Для васъ, для васъ однихъ; а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій подлець такъ на меня и лѣзетъ: дескать, писакѣ-то и крылья ошибитъ»...

Однако Кольцову все же еще разъ пришлось побывать въ столицахъ. Это было осенью 1840 года. По двумъ судебнымъ дѣламъ Кольцовъ прибылъ въ Петербургъ и въ послѣдній разъ свидѣлся съ людьми, родными ему по чувству и по мысли. Изъ Петербурга для веденія другого дѣла нужно было ѣхать въ Москву. Съ большою неохотой отправился поэтъ въ Москву, такъ какъ изъ нея ему нужно было ѣхать домой. Онъ ужъ колебался, не остаться ли ему совсѣмъ въ Петербургѣ: у Кольцова была смутная надежда, что отецъ дастъ ему тысячь десять денегъ на условіи отказаться отъ дома и всякаго другого наслѣдства, и что съ этимъ небольшимъ капиталомъ онъ найдетъ возможность пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ тихую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему онъ не могъ учиться въ свое время. Но отецъ его категорически отвѣтилъ: «Денегъ нѣтъ тебѣ ни копейки, а что дѣла кончились хорошо, миѣ все равно, хотя бы кончились и дурно. Миѣ 68 лѣтъ, и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ. Я даже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ—съ Богомъ, въ святой часъ! Благословеніе дамъ, а больше ничего». Пришлось ѣхать домой.

Вскорѣ послѣ возвращенія домой Кольцовъ простудился и сильно захворалъ, а на Страстной недѣлѣ его болѣзнь приняла такіе угрожающіе размѣры, что онъ едва не умеръ. Однако, благо-

даря сильной натурѣ Кольцова, закалившагося въ степи, и добросовѣстному отношенію врача, принявшаго живое участіе въ больномъ, онъ все же кое-какъ оправился.

Къ этому времени относится послѣдняя любовь Кольцова. Вотъ какъ говорить о ней В. Г. Бѣлинскій—одинъ изъ лучшихъ знакомыхъ поэта: «Что терпѣлъ Кольцовъ во время болѣзни отъ близкихъ и кровныхъ за исключеніемъ матери, принимавшей въ немъ искреннее участіе, о томъ страшно и подумать... Это усилило разстройство его здоровья. Но тутъ, какъ нарочно, судьба-предательница послала ему жизнь и радость, можно сказать, блаженство, за которое онъ дорого долженъ былъ расплатиться. Страстною любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Закрывъ глаза на все, полною чашей, съ безумной жадностью пилъ нашъ страдалецъ отравительные восторги. На бѣду его, эта женщина была совершенно по немъ—красавица, умна, образована, и ея организація вполне соответствовала его кипучей огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ». Вскорѣ открылась болѣзнь. Знакомый докторъ снова помогъ ему, но затѣмъ она усилилась съ большей силой. Появились ясно выраженные симптомы легочной чахотки, которая и свела поэта въ могилу, а именно: открылась боль въ груди, слабость во всемъ тѣлѣ, почные поты, разстройство желудка и страшный удушливый кашель. Докторъ совѣтовалъ ему пройти курсъ леченія купаньемъ на Дону. Купанья помогли Кольцову, но вслѣдъ за ними открылось у него воспаленіе въ почкахъ, послѣ котораго онъ опять все же поправился. Но эта поправка была только отсрочкою смерти. Чтобы поправиться, Кольцову нуженъ былъ абсолютный покой, а его-то какъ разъ у него и не было. Его ежедневно, ежеминутно оскорбляли, мучили, дразнили. Иногда ему не на что было купить лекарства, иногда у него не было ни чая, ни сахара, ни свѣчей. Мать украдкой отъ отца доставляла ему нужное. Чтобы пользоваться хотя относительнымъ покоемъ, Кольцовъ ушелъ въ мезонинъ, который цѣлую зиму не топился, и такъ какъ ему отказали было въ дровахъ, то онъ добывалъ ихъ по почамъ, какъ воръ. Отецъ узналъ объ этомъ и обѣщалъ его выгнать изъ дому по шеѣ. Пришлось идти внизъ, гдѣ покоя ему не было ни на минуту. Разъ къ его сестрѣ пришли подружки и затѣяли такую «шевишную» шутку: онѣ поставили посреди комнаты столъ, одна легла на него, а другія накрыли ее простыней и стали пѣть хоромъ «вѣчную память» рабу Божію Алексѣю. Нечего и говорить, какъ убійственно дѣйствовало такое отношеніе родныхъ къ больному. Вскорѣ послѣдовала свадьба сестры. «Все начало ходить и бѣгать черезъ мою комнату,—говоритъ Кольцовъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ:—полы моютъ то и дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки, благовопія курятъ каждый день; для

моихъ разстроенныхъ легкихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспаленіе, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ противу сердца, довольно опасное и мучительное. И здѣсь-то я струсилъ не на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ. Лекаръ мой, несмотря на то, что я ему очень мало платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день. А въ эту пору у насъ вечеринки каждый день—шумъ, крикъ, бѣготня, двери до полночи въ моей комнатѣ ни минуты не стоятъ на петляхъ. Прошу не курить,—курятъ больше; прошу не благовонить—больше; прошу не мыть половъ—моютъ». Только незадолго передъ смертью и то посредствомъ хитрости добился Кольцовъ желаемого покоя: онъ попросилъ у всѣхъ прощенія, и съ тѣхъ поръ его перестали травить. «Я теперь, слава Богу, живу покойно, смирно. Они меня не беспокоятъ. Въ комнатѣ—тишина; самъ больной—самъ старшой. Съ отцомъ вижуся рѣдко; онъ меня не оскорбляетъ больше пока, и я имъ доволенъ. Обѣды готовятъ порядочный. Чай есть, сахаръ тоже, а мнѣ пока больше ничего не нужно. Здоровье мое лучше. Началъ прохаживаться, и два раза былъ въ театрѣ. Лекаръ увѣряетъ, что я въ постѣ не умру, а весной меня вылечитъ». Большой сталъ съ новою силою мечтать о переѣздѣ въ Петербургъ, но болѣзнь не дремала: она шла съ угрожающей быстротой, и 19 октября 1842 года, въ три часа пополудни, Кольцова не стало. Онъ умеръ на тридцать четвертомъ году отъ рожденія, въ Воронежѣ, гдѣ и похороненъ.

III.

Поэзія Кольцова, какъ исключительное явленіе въ исторіи русской литературы.— Отношеніе Кольцова къ предшественникамъ и современникамъ.—Основной характеръ поэзіи Кольцова—ея народность.

Поэзія Кольцова представляетъ собою исключительное явленіе въ исторіи русской литературы. Въ ряду русскихъ творцовъ художественнаго слова онъ стоитъ одиноко, если не считать вліянія поэзіи Кольцова на поэзію Некрасова и Никитина, которые пошли по пути, открытому имъ. Но произведенія Некрасова и Никитина, несмотря на свои выдающіяся качества, по красотѣ и непосредственности значительно уступаютъ произведеніямъ Кольцова, которыя до сихъ поръ еще сохраняютъ свою особенную прелесть и къ которымъ какъ нельзя лучше подходитъ собственное же опредѣленіе поэта:

Рѣчь высокая,
Сила гордая...
Заливная пѣснь
Соловьиная...

По недостатку образованія Кольцовъ не могъ своими произведеніями попасть въ колею современнаго ему движенія общества и ли-

тературы. Но счастливый случай помогъ ему, и, когда онъ копировать другихъ поэтовъ, инстинктъ подсказалъ ему, что лучше дѣлать что-нибудь свое, чѣмъ передѣлывать чужое. Кольцова называютъ народнымъ поэтомъ, потому что только въ пѣсняхъ, написанныхъ имъ на манеръ русскихъ народныхъ пѣсенъ, талантъ его выразился во всей полнотѣ и силѣ. Кольцовъ еще во время первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ почувствовалъ безсознательное стремленіе выражать свои мысли складомъ русской пѣсни, которая такъ очаровала его въ устахъ простого народа, среди широкаго раздолья зеленыхъ степей; но его удерживала отъ осуществленія своего стремленія та мысль, что русская пѣсня—не поэзія, а что-то простонародное, грубое, вульгарное. Къ счастью, ему попалось въ руки собраніе сочиненій Дельвига, и каково же было его удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, когда здѣсь онъ увидѣлъ на ряду съ «настоящими» стихотвореніями и русскія пѣсни. Кольцовъ сейчасъ же разсудилъ, что, если барокко,—безъ сомнѣнія, ученый человѣкъ,—сочиняетъ русскія пѣсни, то, значитъ, русская пѣсня—не вздоръ, не глупость, а тоже—поэзія. Съ тѣхъ поръ онъ все больше и больше началъ склоняться къ этому роду поэзіи. Первые пѣсни, написанныя имъ какъ до знакомства съ пѣснями Дельвига, такъ и послѣ него (до 1835 года), были чѣмъ-то среднимъ между романсомъ и русской пѣсней. Но еще съ 1830 года ему уже удавалось иногда выражать въ русской пѣснѣ всю оригинальность своего таланта, и пѣсамъ: «Кольцо», «Удалецъ», «Крестыянская пирушка», «Размышленіе поселяннина» недостаетъ только зрѣлости мысли, чтобы быть образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями. Но съ пѣсней «Ты не пой, соловей» и «Не шуми ты, роща» начинается рядъ русскихъ пѣсенъ, какъ особаго рода, созданнаго Кольцовымъ и доставившаго ему широкую популярность и исключительное мѣсто въ ряду нашихъ творцовъ художественнаго слова.

Пѣсня, какъ особый видъ русской искусственной поэзіи, явилась еще въ XVIII вѣкѣ. Но сначала это была пѣсня, представлявшая только подражаніе французской ложпоклассической пѣсенкѣ, а народный бытъ появлялся съ этой поэзіи въ идилліяхъ и буколичкахъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка появилась въ русской литературѣ и народная пѣсня, правда, значительно подправленная и изукрашенная, не только въ пѣсенникахъ, но и въ комическихъ операхъ. Къ этому времени, напримѣръ, принадлежитъ пѣсня «Въ селѣ, селѣ Покровскомъ», сочиненная императрицей Елизаветой Петровной. Но эта и другія, ей подобныя пѣсньи пѣсни, явившіяся подъ вліяніемъ сентиментальнаго направленія въ русской литературѣ, не имѣли ничего общаго съ русской народной пѣсней и расцѣвались образованнымъ обществомъ наравнѣ съ романсами. Въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX является цѣлый рядъ авторовъ, пытающихся сблизить искусственную пѣсню съ русской народной.

Таковы: Нелединскій-Мелецкій («Выйду ль я на рѣченьку»), Мерзляковъ («Среди долины ровныя»), Дельвигъ («Пѣла, пѣла пташечка») и Цыгановъ («Борода ль моя, бородушка»). Но, хотя эти писатели отчасти и сблизили искусственную пѣсню съ простонародной, однако перевѣсъ остался на сторонѣ искусственной. Въ этихъ пѣсняхъ большею частью можно встрѣтить заимствованія изъ народныхъ пѣсней то отдѣльныхъ стиховъ, то сравненій, а у Цыганова встрѣчаются даже цѣликомъ народныя пѣсни, переправленные лишь въ языкъ и токъ. Кольцовъ первый вышелъ на дорогу самобытности и создалъ новый видъ пѣсни въ исторіи русской литературы. Но, какъ и всякій талантливый писатель, онъ бралъ пѣкоторые сюжеты изъ сочиненій предшественниковъ и современниковъ, причемъ неизмѣнно представлялъ ихъ въ лучшей формѣ и полномъ развитіи, такъ что искусственные мотивы у него всегда превращались въ часто народныя. Для примѣра возьмемъ отрывокъ изъ стихотворенія Дельвига «Хата»:

Мѣсяцъ свѣти—не свѣти, а дорогу навѣрно любовникъ
Къ робкой подругѣ найдетъ.
Скрой меня, бурная ночь! Заметай слѣды мои, вьюга,
Вѣтеръ холодный, бушуй верругъ хаты Лизеты прекрасной.

У Кольцова этотъ мотивъ, отзывающійся вѣкомъ фижмъ, бархатныхъ камзоловъ и пудренныхъ париковъ, былъ переработанъ такъ:

Мѣсяцъ будь, или не будь —
Кънѣ дорогу найдетъ;
Самъ лукавый впотьмахъ
Съ ней его не собьетъ.
И до ночи метель
Свѣгомъ путь весь закрой,
Безъ дороги, чутьемъ,
Сыщеть домикъ онъ твой...

Нѣкоторое отношеніе въ поэзій Кольцова можно найти также къ стихотвореніямъ русскихъ поэтовъ и самоучекъ. Изъ этихъ стихотвореній въ русской литературѣ 1830 и 1831 гг. пользовалась большою извѣстностью сельская поэма Стѣнушкина «Четыре времени года». Это поэма была написана по совѣту и указаніямъ образованныхъ друзей Стѣнушкина на манеръ «Четырехъ времени года» Томсона, Поппе и др., по содержанію ея заключается въ изображеніи трудовъ и удовольствій русскихъ крестьянъ. Несмотря на всѣ свои недостатки, поэма Стѣнушкина могла имѣть нѣкоторое значеніе въ выборѣ Кольцовымъ сюжетовъ «Урожай», «Косаря» и особенно «Крестьянской пирушки». Вотъ одна выдержка изъ «Четырехъ времени года»:

Гостей старинушка ведетъ,
 За столъ дубовый ихъ сажаетъ,
 Друзей по лавкамъ, на скамьѣ,
 И всѣхъ честить ихъ, угощаетъ,
 И сынъ привѣтливъ молодой
 Ихъ просить пивомъ жатвы новой;
 Вотъ старики заговорили:
 Кто сколько хлѣба съ поля снялъ,
 И много ль сѣна накосили.

Или въ другомъ мѣстѣ

Испѣли класы золотые.
 Осимый потучнѣлъ загонъ,
 И вотъ посѣвы яровые
 Отъ влаги зрѣютъ и растутъ,
 И земледѣльцы счастья ждуть.

Я думаю, нѣтъ нужды приводить параллельныя мѣста изъ кольцовской «Крестьянской пирушки» и его же «Урожай», ставшихъ въ силу ихъ красоты и распространенности давнымъ-давно уже классическими, чтобы понять, въ чемъ состоитъ у Кольцова «заимствованіе» изъ другихъ поэтовъ. Въ данномъ случаѣ превосходство, конечно, очевидно.

Поэзію Кольцова почему-то разсматриваютъ внѣ вліянія европейской иностранной литературы, но это не совсѣмъ правильно. Кольцовъ могъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія по журнальнымъ статьямъ 1829 и 1837 годовъ о личности и пѣсняхъ знаменитаго англійскаго народнаго поэта Роберта Борнса. Можно бы найти нѣсколько общихъ мотивовъ у Кольцова какъ съ Борисомъ, такъ и съ другимъ народнымъ поэтомъ, Беранже, хотя бы, на примѣръ, въ изображеніи бѣдняка, въ отношеніи къ земледѣльческому труду, къ полю, къ цвѣтамъ, къ животнымъ и т. д. Можно также присоединить сюда и нѣмецкаго поэта Гебеля, и если пѣсни Беранже, которыя долго были неизвѣстны въ русской литературѣ, могутъ быть только сопоставляемы съ пѣснями Кольцова, то пѣсни Борнса и стихотворенія Гебеля могли быть извѣстны Кольцову по переводамъ Козлова и Жуковскаго.

Но, заимствуя у другихъ поэтовъ сюжеты, Кольцовъ всегда выдерживалъ ихъ въ народномъ духѣ. Вообще народность составляетъ отличительную черту поэзіи Кольцова. Какъ я уже сказалъ выше, кромѣ пѣсней, созданныхъ самимъ народомъ и потому называющихся «народными», до Кольцова у насъ не было художественныхъ народныхъ пѣсней, хотя многіе русскіе поэты и пробовали свои силы въ этомъ родѣ. Искусственность, поддѣлка подъ народный складъ всегда ясно ощущались въ этихъ попыткахъ. Такъ, на примѣръ, въ пѣсняхъ Мерзлякова изрѣдка можно встрѣтить такія мѣста, къ которыхъ онъ очень удачно подражаетъ народнымъ мо-

тивамъ и въ этой области дѣлаетъ все, что можетъ сдѣлать талантъ. Но, несмотря на это, въ цѣломъ, его русскія пѣсни не что иное, какъ романсы, пропѣтые на русскій народный мотивъ. Въ нихъ виденъ баринъ, которому пришла охота попробовать сыграть роль крестьянина. Что же касается «русскихъ» пѣсенъ Дельвига, то это ужъ рѣшительно романсы, въ которыхъ русскаго—одни только слова. Это чистая поддѣлка, въ которой роль русскаго крестьянина игралъ даже и не совсѣмъ русскій баринъ. Мерзляковъ хоть перенесъ въ свои пѣсни характерныя черты русской народной пѣсни—русскую грусть-тоску, русское гореванье, отъ котораго щемитъ сердце и захватываетъ духъ. А у Дельвига въ его пѣсняхъ нѣтъ ничего, кромѣ сладенькаго пѣмецкаго любезничанья и сладенькой задумчивости, слѣдовательно, нѣтъ ничего русскаго.

Русскія пѣсни могъ создать только русскій человѣкъ, сынъ народа, вышедшій изъ его массы, какимъ былъ Кольцовъ и какими не могли быть всѣ остальные русскіе писатели его времени, вслѣдствіе рѣзкаго разрыва, произведеннаго реформою Петра Великаго между образованными классами русскаго общества и массою народа. «Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа въ полномъ значеніи этого слова. Быть, среди котораго онъ воспитывался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для красиваго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его пужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни,—зналъ ихъ не понаслышкѣ, не изъ книгъ, не черезъ изученіе, а потому, что самъ, и по своей натурѣ и по своему положенію, былъ вполне русскій человѣкъ. Онъ посиль въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности—страшную силу въ страданіи и наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселію, и вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ его лучшіе дни. Въ одной изъ своихъ пѣсенъ онъ жалуется, что у него нѣтъ волн:

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Предъ грозой роковой
Назадъ шагъ не дать;

И чтобъ съ горемъ, въ пиру,
 Быть съ веселымъ лицомъ;
 На погибель итти —
 Пѣсни пѣть соловьемъ.

«Нѣтъ, въ томъ не могло не быть воли, кто въ столь мощныхъ образахъ могъ выразить свою тоску по такой волѣ...

«Нельзя было тѣснѣ слить своей жизни съ жизнью народа, какъ эта само собою едѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая свѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣть онъ съ любовью крестьянина, который смотритъ на свое поле, орошенное его собственнымъ потомъ. Кольцовъ не былъ земледѣльцемъ, но урожай былъ для него свѣтымъ праздникомъ: прочтите его «Пѣсню пахаря» и «Урожай». Сколько сочувствія къ крестьянскому быту въ его «Крестьянской пирушкѣ» и въ пѣснѣ:

Что ты спишь, мужичокъ!
 Вѣдь ужъ лѣто прошло,
 Вѣдь ужъ осень на дворъ
 Черезъ прясло глядитъ;
 Велѣдъ за нею зима
 Въ теплой шубѣ идетъ;
 Путь снѣжкомъ порозить,
 Подъ санями хрустить.
 Всѣ сосѣди на нихъ
 Хлѣбъ везуть, продають,
 Собирають казну,
 Бражку ковшичкомъ пьютъ.

«Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашель онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ риторикѣ, не въ нитчикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазій своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностью содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и исключоченныя бороды, и старыя онучи — вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзій». (Вѣлинскій).

IV.

Три разряда стихотвореній Кольцова.—Пѣсни народныя и пѣсни Кольцова: форма и содержаніе.—Кольцовъ и народная лирика.—Сходство и различіе между пѣснями народными и пѣснями Кольцова.

Всѣ произведенія Кольцова слѣдуетъ раздѣлить на три разряда. Къ первому изъ нихъ относятся стихотворенія, писанныя правильнымъ размѣромъ (преимущественно ямбомъ и хоремъ). По большей части, это—первые поэтическіе опыты Кольцова, въ которыхъ онъ подражалъ наиболѣе правившимся ему поэтамъ. Таковы сти-

хотворенія: «Сирота», «Ровеснику», «Маленькому брату», «Ночлегъ чумаковъ», «Путникъ», «Красавицѣ», «Сестрѣ», «Приди ко мнѣ», «Разувѣреніе», «Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный», «Мщеніе», «Вздохъ на могилѣ Веневицкова», «Къ рѣкѣ Гайдарѣ», «Что значу я», «Утѣшеніе», «Я былъ у ней», «Первая любовь», «Наяда», «Къ N», «Къ ней же», «Соловей», «Къ другу», «Изступленіе», «Поэтъ и няня», «А. П. Серебрянскому». Правда, въ этихъ стихотвореніяхъ Кольцова проглядываетъ что-то похожее на талантъ и даже оригинальность, и пѣкоторыя изъ нихъ очень недурны, но правильный стихъ не былъ достояніемъ Кольцова, и какъ бы онъ ни выработывалъ его, все-таки онъ никогда бы не сравнился въ немъ съ нашими поэтами даже средней руки. Поэтому Кольцовъ не остановился на сомнительномъ успѣхѣ этихъ стихотвореній, и, движимый однимъ только инстинктомъ, вскорѣ нашелъ себѣ настоящую дорогу. Съ 1831 года онъ окончательно обратился къ русскимъ пѣснямъ, если не считать немногихъ стихотвореній, которыя онъ писалъ иногда правильнымъ размѣромъ въ силу привычки. Особенно онъ любилъ этимъ размѣромъ, чаще безъ римы, съ которою онъ плохо ладилъ, выражать ощущенія и мысли, имѣвшія непосредственное отношеніе къ его жизни. Эти стихотворенія составляютъ второй разрядъ стихотвореній и представляютъ собою переходъ отъ подражательныхъ опытовъ Кольцова къ его настоящему роду—русской пѣснѣ. Таковы: «Послѣдняя борьба», «Цвѣтокъ», «Бѣдный призракъ», «Товарищу», «Къ милой», «Примиреніе», «Міръ музыки», «Не разливай волшебныхъ звуковъ», «Къ ***», «Вопль страданія», «Звѣзда», «На новый 1842 годъ», а въ особенности: «Очи, очи голубыя», «Размолвка», «Люди добрые, скажите», «Теремъ», «По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ», «Совѣтъ старца», «Глаза», «Домикъ лѣсника» и «Женитьба Павла».

Въ русскихъ пѣсняхъ талантъ Кольцова выразился во всей полнотѣ и силѣ. Если бы Кольцовъ написалъ только такія пѣсы, какъ «Совѣтъ старца», «Крестьянская пирушка», «Размышленіе поселенина», «Два прощанія», «Размолвка», «Кольцо», «Пѣсня старика», «Не шуми ты, рожь», «Удалецъ», «Ты не пой, соловей», «Пѣсня пахаря», «Не на радость, не на счастье», «Всякому свой талантъ», «Пѣсня о Грозномъ», «Я люблю его», «Что онъ ходитъ за мной», «Ныче ночью къ себѣ»—и тогда въ его талантѣ нельзя было бы не признать чего-то необыкновеннаго. Такія же пѣсы, какъ «Урожай», «Молодая жница», «Косарь», «Раздумье селянина», «Горькая доля», «Пора любви», «Послѣдній поцѣлуй», «Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ», «Пѣсня разбойника», «Тоска по волѣ», «Говорилъ мнѣ другъ прощаючись», «Безъ ума, безъ разума», «Разлука», «Расчетъ съ жизнью», «Перепутъе», «Дуютъ вѣтры», «Грусть дѣвушки», «Доля бѣдняка», «Ты прости-прощай», «Разступитесь, лѣса темныя», «Какъ здоровъ да молодъ»—говорятъ сами за себя и обнаруживаютъ въ авторѣ

рѣдкой величины самобытный талантъ. Что же касается пьесъ: «Лѣсъ», «Двѣ пѣсни Лихача Кудрявича», «Ахъ, зачѣмъ меня», «Измѣна суженой», «Деревенская бѣда», «Бѣгство», «Путь», «Что ты спишь, мужичокъ», «Въ непогоду вѣтеръ», «Дума сокола», «Свѣтитъ солнышко», «Такъ и рвется душа», «Много есть у меня», «Не весна тогда», «Хуторокъ» и «Ночь»,—то онѣ принадлежать не только къ лучшимъ пьесамъ Кольцова, но и къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ русской поэзіи.

И форма и содержаніе кольцовскихъ пѣсень—глубоко народны. Кольцовъ ни въ одномъ своемъ произведеніи не проговаривается противъ народности ни въ чувствѣ, ни въ выраженіи. Чувство его всегда глубоко, сильно, мощно и никогда не впадаетъ въ сентиментальность, даже и тамъ, гдѣ оно становится нѣжнымъ и трогательнымъ. Въ выраженіи онъ также вѣренъ русскому духу. Правда, почти все пѣсни Кольцова написаны правильнымъ размѣромъ, но этого вдругъ не замѣтишь, а если замѣтишь, то не безъ удивленія. Дактилическое окончаніе ямбовъ и хореевъ и полуриема, вмѣсто риемы, а часто и совершенное отсутствіе риемы, какъ созвучія слова, но, взамѣнъ, всегда риема смысла или цѣлаго реченія, цѣлой соотвѣтственной фразы—все это приближаетъ размѣръ пѣсень Кольцова къ размѣру народныхъ пѣсень. Кольцовъ не имѣлъ яснаго понятія о версификаціи и руководствовался только своимъ слухомъ. И потому, безъ всякой преднамѣренной цѣли и даже совершенно бессознательно, умѣлъ онъ искусно замаскировывать правильный размѣръ своихъ пѣсень, такъ что его и не подозрѣваешь въ нихъ. При томъ онъ придалъ своему стиху такую оригинальность, что и самые ихъ размѣры кажутся совершенно оригинальными. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ другомъ, подражать Кольцову невозможно: легче сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, оригинальнымъ поэтомъ, нежели въ чемъ-нибудь поддѣлаться подъ него. Съ нимъ родилась его поэзія, съ нимъ и умерла ея тайна (Бѣлинскій). Особенный характеръ народности пѣснямъ Кольцова придаютъ чисто русскіе народныя обороты, отдѣльныя слова и цѣлыя выраженія. Даже въ слабыхъ его пѣсняхъ никогда не найдете фальшиваго русскаго выраженія; лучшія же его пѣсни представляютъ собою изумительное богатство самыхъ роскошныхъ, самыхъ оригинальныхъ образовъ въ высшей степени русской поэзіи. Въ этомъ отношеніи его языкъ столько же удивителенъ, сколько и неподражаемъ. У какого поэта, кромѣ Кольцова, найдете вы такіе обороты, выраженія и образы, какими, напримѣръ, усыпаны, если можно такъ выразиться, двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича? У кого, кромѣ его, можно встрѣтить такіе стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
 Что рѣченька глубокая —
 Песку со дна не выкинетъ.

Въ лицѣ огонь, въ глазахъ тумань...
Смеркаетъ степь, горитъ зоря...

Не держи жь, пусти, дай волюшку,
Дай опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана—гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится.

Мнѣ поля—не другъ,
Коса—мачеха,
Люди добрые—
Не сосѣди мнѣ...

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Такихъ примѣровъ изъ стихотвореній Кольцова можно привести сотни, но, я думаю, и приведенныхъ много достаточно для того, чтобы понять, въ чемъ заключается таинственная прелесть пѣсенъ Кольцова, въ которыхъ—«русскій духъ» и «Русью пахнетъ».

Глубоко народно и содержаніе кольцовскихъ пѣсенъ. Пѣсни Кольцова состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ какихъ сложились русскія народныя пѣсни. Даже темы кольцовскихъ пѣсенъ во многомъ сходны съ пѣснями народными: въ нихъ, напри- мѣръ, мы находимъ и горемычную любовь дѣвушки, и любовь-тоску добра молодца, и удалство съ его презрѣніемъ къ горькой долѣ и самую горькую долю. Но всѣ эти темы у него во многомъ измѣнены и развиты своеобразно: успокаивающій идеалъ мирнаго сельскаго труда и семейнаго довольства радостно рисуется вамъ среди зловѣщихъ образовъ народного разгула. Лиризмъ Кольцова кладетъ на все нѣжный покровъ утонченнаго чувства, тогда какъ въ народной лирикѣ вы чаще находите ту эпическую форму, кото- рая, представляя фактъ, мало касается его внутренняго мотива. Чтобы понять, въ чемъ заключается сходство и различіе между пѣс- нями народными и пѣснями Кольцова, слѣдуетъ сдѣлать между ними сравненіе. Для образца разсмотримъ пѣсни, относящіяся къ семейному быту.

Въ народныхъ пѣсняхъ, изображающихъ любовь дѣвушки, пре- обладаетъ грустный тонъ элегіи. Вотъ покинутая дѣвушка думаетъ слить себѣ крылышки и летѣть въ чужой городъ, чтобы кликать кличь: кто научить ее забыть милаго друга? Вотъ повѣряетъ она свое горе дубравѣ: ея судьбу пѣсня сравниваетъ съ судьбой горе- мычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтокъ. Иногда гадаетъ она, свивая вѣнокъ изъ грушицы, и бросаетъ его въ рѣку; но вѣнокъ тонетъ: знать, дружокъ нашель другую, повѣжливѣе да попривѣтливѣе. Здѣсь дѣвушка обращается къ другу съ трогательными словами:

Коли лучше меня найдешь—позабудешь,
Коли хуже меня найдешь—вспоманешь.

Въ этомъ и Кольцовъ вѣренъ народному духу, и у него дѣвушка обращается къ измѣнившему ей другу не съ укоризной, а съ кроткимъ словомъ на прощаньи:

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся...
Хоть и женишься—раскаешься...

Пѣсня «Разступитесь, лѣса темные» особенно замѣчательна по своему народному мотиву:

Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта, на край бѣлаго —
Искать стану друга милаго.

Этотъ образъ напоминаетъ слова народной пѣсни:

Я слила бы себѣ крылышки,
Полетѣла бъ на иной городъ,
Что искать себѣ друга милаго.

Одной изъ лучшихъ пѣсень Кольцова на тему несчастной любви дѣвушки, безъ сомнѣнiя, является «Кольцо». Въ ней поэтъ прекрасно воспользовался народнымъ обычаемъ гадать по кольцу, чтобы выразить задушевную тоску дѣвушки:

Я затеплю свѣчу
Воску яраго,
Растоплю кольцо
Друга милаго.

Соотвѣтственно этому въ народной пѣснѣ поется:

Я не жгла бы свѣчи воску яраго,
Не ждала бы я друга милаго,
Не топила бъ красно золото,
Не лила бы золота кольца...

Какъ извѣстно, значительная часть русскихъ народныхъ пѣсень посвящена горемычной долѣ женщины въ ея супружескомъ состоянiи, которое въ большинствѣ случаевъ было, да и теперь бываетъ, результатомъ насилiя со стороны родителей и родственниковъ невѣсты. Въ однѣхъ изъ этихъ пѣсень невѣста умоляетъ родителей не отдавать ея въ невѣдомый домъ, на чужую сторону, которая-де «горемъ вся изнасѣяна, слезами поливана, печалью огорожена»; въ другихъ—изображается незавидная жизнь жены въ чужой семьѣ: свекорь, свекровь, деверья, золовущки—все къ ней неласковы, угрюмы, перешептываютъ, пересмѣиваютъ; молвить ли слово—

начнутъ передразнивать, сядетъ ли за столъ—всѣ куски во рту сочтутъ, замолчитъ ли—зовутъ дурочкой; а какой радости ждать ей отъ мужа? Извѣстно, что припѣваетъ любимая народная пѣсня молодымъ молодкамъ про мужа:

Первый разъ ударить, такъ семь рубцовъ
 Другой разъ ударить, такъ четырнадцать,
 Третій разъ ударить, такъ двадцать одинь...

Между тѣмъ лихая свекровь—«кривошлыка не привѣтливая—каблукомъ сѣни проламываетъ», да учить сына своего, какъ невѣстущкѣ «съ головы до ногъ кожу спустить». Неудивительно поэтому, если основнымъ мотивомъ народныхъ пѣсенъ, описывающихъ замужнюю жизнь женщины, является жалоба. Тотъ же мотивъ звучитъ и у Кольцова во многихъ его пѣсняхъ. Напримѣръ, одна его пѣсня и начинается словами:

Ахъ, зачѣмъ меня
 Силой выдали
 За не милаго —
 Мужа стараго.

Часто въ народныхъ пѣсняхъ замужняя женщина ропщетъ на родителей и упрекаетъ ихъ за свое «выданье». То же самое мы видимъ и у Кольцова:

Небось, весело
 Теперь матушкѣ..
 Утирать мои
 Слезы горькыя...

Въ другомъ стихотвореніи Кольцова на ту же тему повторяется тотъ же упрекъ родителямъ, но уже болѣе общими словами. И здѣсь выраженіе: «Безъ ума, безъ разума меня замужъ выдали», соотвѣтствуетъ словамъ народной пѣсни: «Не собравшись съ разумомъ, меня замужъ отдали».

Такъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ Кольцовъ близокъ не только духомъ, но и самыми выраженіями къ народной лиричкѣ, и при всемъ томъ его произведенія не какой-нибудь наборъ простонародныхъ словъ, а живыя созданія, гдѣ природа, сохраняя всю свою первобытную простоту, преобразуется нерѣдко въ лучшіе типы. Однако, несмотря на значительное сходство между пѣснями народными и пѣснями Кольцова, между ними есть и существенная разница, которая показываетъ, какъ нельзя яснѣе, что Кольцовъ не былъ искуснымъ подражателемъ, перепѣвавшимъ народные мотивы на другой ладъ, но вполне оригинальнымъ поэтомъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ два его совершеннѣйшихъ стихотворенія: «Пора любви» и «Молодая жница», которыми Кольцовъ всего болѣе удаляется отъ характера народной лирики въ сторону само-

бытности, такъ какъ, хотя въ нихъ и есть народность, но она уже пропущена сквозь призму идеала самого поэта.

Изъ этихъ стихотвореній Кольцова видно, что главнѣйшая разница между пѣснями его и пѣснями народными состоитъ въ томъ, что Кольцовъ рисуетъ намъ внутреннюю психологическую сторону чувства, его таинственное рожденіе въ душѣ, между тѣмъ какъ народная лирика имѣетъ дѣло только съ событіемъ, изображаетъ, преимущественно, внѣшнюю сторону факта. Народъ не имѣетъ обычая долго вдумываться въ свою мысль, слѣдить за всѣми ея измѣненіями въ душѣ: для него, по словамъ поговорки, сказка—складка, а пѣсня—быль въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Въ своихъ пѣсняхъ онъ создаетъ, такъ сказать, вѣчный мемуаръ своей жизни, путевыя записки главныхъ этаповъ ея, на которыхъ виденъ свѣжій слѣдъ испытаннаго; но не ищите у него художественнаго анализа впечатлѣній. Онъ беретъ только факты, сами по себѣ, оставляя въ сторонѣ ихъ внутренніе мотивы, развитіе и взаимоотношенія. Пояснимъ примѣромъ. Описаніе чувства въ народныхъ пѣсняхъ ограничивается словами, въ родѣ слѣдующихъ: «У душечки, красной дѣвицы много въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки». Послѣ синонимическихъ распространеній той же мысли слѣдуетъ, на примѣръ, рассказъ о томъ, какъ дѣвица черпаетъ воду у ключа и вдругъ, поставивши ведерцы, призадумалась, да заплакала, что нѣтъ у нея ни роду-племени, ни друга. Изъ этого примѣра видно, что народъ не мастеръ изображать таинственныя тревоги, неслышно возникающія въ душѣ; ему нуженъ многозначительный фактъ: измѣна, смерть, муки ревности и т. д. Не то мы видимъ у Кольцова. Художественно изобразивъ въ своихъ пѣсняхъ «Пора любви» и «Молодая жница» психическую сторону любви, онъ сталъ на такую идеальную точку творчества, до которой народъ никогда не возвышался. Вотъ развитіе психической стороны любви у Кольцова. Душно дѣвицѣ на полѣ, «горитъ гормо лицо бѣлое», голова клонится на грудь, колосъ изъ рукъ валится, она глядитъ въ сторону, забывается...

Охъ, бодить у ней
Сердце бѣдное,
Зародилось въ немъ
Небывалое...

А когда молодецъ вздохнулъ, зашѣлъ пѣсню грустную,

Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Озвалась она
И запала въ ней.

Это только главнѣйшія черты этого прекраснаго образа. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ что-нибудь противорѣчило духу народности, но ихъ утонченный выборъ и чистая прелесть цѣлаго художествен-

наго развитія напоминаютъ уже изящное творчество Пушкина, а именно слѣдующее мѣсто изъ «Евгенія Онѣгина»:

Тоска любви Татьяну гонить,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонить,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухъ шумъ и блескъ въ очахъ.

У Кольцова нѣтъ такихъ словъ, какъ «недвижны очи», «ланиты»; вмѣсто «лѣнь ей ступить» находимъ черту, согласную съ положеніемъ деревенской дѣвушки: «Нѣтъ ей охоты жать колосистой ржи, колосья срѣзанный изъ рукъ валится»; вмѣсто «ланиты пламенемъ покрыты» читаемъ: «горитъ горю лицо бѣлое» и т. д. Бойкость и сила простонародныхъ выраженій, тонъ удалства, разлитый во всей пѣснѣ, принадлежатъ Кольцову, какъ поэту народному, но полнота и законченность рисунка и нѣжный колоритъ его, происходящій отъ гармоническаго соединенія красокъ, сближаетъ его съ Пушкинымъ. Еще болѣе удаляется Кольцовъ отъ народной лирики въ стихотвореніи «Пора любви». Мысль представить дѣйствіе весны на сердце человѣка уже сама по себѣ такъ утонченна, требуетъ такого глубокаго психологическаго анализа, что ея художественное возсозданіе доступно только вполне развитому чувству. Народъ живетъ въ тѣсномъ единеніи съ природой. Суевѣрная душа великоросса, живущаго въ непосредственной связи со всеми явленіями родной ему природы, не только обступающей его отовсюду, но и съ живымъ участіемъ относящейся къ каждой его радости, къ каждому горю, отразилась и въ народныхъ пѣсняхъ. Но, по привычкѣ самаго сближенія, народъ не привыкъ представлять природу, какъ что-то отдѣльное, независимое отъ нашей свободной воли, не привыкъ повѣрять психологически ея дѣйствія надъ собою. У Кольцова же въ сближеніи съ природой мы замѣчаемъ это раздвоеніе. Природа съ дѣйствіями представляется ему, сама по себѣ, какъ предметъ анализа.

Итакъ, вообще отличіе пѣсень Кольцова отъ пѣсень народныхъ состоитъ въ слѣдующемъ: а) въ полномъ художественномъ развитіи образа; б) въ изображеніи идеальной стороны чувства: поэтъ не довольствуется однимъ описаніемъ факта, но и представляетъ внутренніе его мотивы, и в) въ изображеніи природы, независимомъ отъ ея чувственнаго вліянія на человѣка. Кромѣ того, большинство кольцовскихъ стихотвореній отличаются сложною формою, соединяющею характеры стиха народнаго и стиха искусственнаго, развитаго литературой. Въ нихъ соблюдены точно всѣ правила стихосложенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ же утраченъ размѣръ и характеръ стиха народнаго. Это свойство придаетъ стиху Кольцова особенную прелесть и оригинальность.

V.

Жизненная правда поэзии Кольцова.— Жизнь русского крестьянина по пѣснямъ Кольцова.— Русская женщина въ поэзии Кольцова.— Природа въ произведеніяхъ Кольцова.— Естественность, вѣрность и живость въ изображеніи людей и природы у Кольцова.

Кольцовъ былъ натурой гениальной. Тѣмъ не менѣе, значеніемъ своей поэзіи онъ обязанъ тому обстоятельству, что онъ жилъ и писалъ подъ вліяніемъ поэзіи пушкинскаго періода. И какъ у Пушкина главнѣйшимъ и наиболѣе привлекательнымъ свойствомъ его поэзіи было въ высокой степени правдивое изображеніе челоѣческой души и жизни, современной ему, такъ и у Кольцова въ его стихотвореніяхъ сказалась простая правда духовной жизни простого русскаго народа. Въ этомъ смыслѣ онъ заслуживаетъ глубокаго изученія: въ немъ и только въ немъ можно найти народную поэзію и народный складъ мыслей и чувствъ во всей ихъ полнотѣ.

Послѣ Кольцова, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ обществѣ направленій, создались представленія о крестьянствѣ, какъ о забитомъ классѣ людей, несущихъ свою суровую судьбу только, такъ сказать, по привычкѣ и животной малосознательности. Поэтъ образцованныхъ, т. е. привилегированныхъ классовъ, Некрасовъ, а за нимъ Никитинъ, не находятъ ничего, кромѣ мрачныхъ красокъ, для изображенія тягостей народнаго труда и жизни. Такъ, некрасовскіе мужики «стоцуютъ по полямъ и дорогамъ» и даже «свѣту Божьяго солнца не рады». Описывая работу женщины въ страдное время, Некрасовъ восклицаетъ:

Доля ты, русская долюшка женская!
Врядъ ли трудяще сыскать!

Въ другомъ стихотвореніи на лицѣ крестьянки поэтъ видитъ печати «тупого терпѣнія и безмысленнаго вѣчнаго испуга». Сама природа, кажется, вооружается противъ народа въ его тяжелой работѣ:

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палить...
Бѣдная баба изъ силъ выбивается...
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую...

Въ общемъ великая русская страна представляется Некрасову страной «тупого терпѣнія» народнаго, страной,

Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидоваль житью послѣднихъ барскихъ псовъ...

У Рѣшетникова его герои, подлиповцы, въ преувеличенной безсознательности влачат жалкое существованіе, полное страданій и лишеній; они, взрослые, способны понимать окружающую ихъ жизнь не въ большей степени, чѣмъ смышленныя дѣти. Такъ говорятъ о народѣ писатели образованныхъ классовъ. Но Кольцовъ, самъ сынъ народа, жившій все свое дѣтство и всю молодость среди природы воронежскихъ степей и простого русскаго народа, и потому именно способный сказать большую правду о немъ, говоритъ нѣчто иное, исправляетъ это одностороннее воззрѣніе. Съ этой точки зрѣнія содержаніе поэзіи Кольцова получаетъ несравненный интересъ, не только какъ содержаніе поэзіи поэта-прасола и представителя русскаго простонародья, способнаго постигать тайны поэзіи, какъ понимаютъ ее образованнѣйшіе люди, но и свидѣтеля народной душевной жизни, учащаго, какъ на нее должно смотрѣть. Свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе и цѣннѣе, что поэзія Кольцова по своему содержанию и воззрѣніямъ совершенно сходна съ произведеніями непосредственнаго народнаго творчества, съ быльями, сказками, пѣснями.

Кольцовъ, конечно, очень хорошо, лучше другихъ русскихъ поэтовъ, зналъ тяжесть народнаго труда. Но, описывая самыя тяжелыя работы крестьянскія, онъ не впадаетъ въ уныніе и скорбь. «Весело на пашнѣ», «весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю», «весело гляжу я на гумно и скирды»—вотъ мысли и чувства, которыя онъ находитъ въ зрѣлищѣ народнаго труда. Съ трогательнымъ чувствомъ умиленія говоритъ Кольцовъ о перерывѣ полевыхъ работъ, о томъ, «какъ выйдеть въ полѣ травка—вырастетъ и колосъ», какъ станеть онъ «спѣть, рядиться въ золотыя ткани», какъ «заблеститъ серпъ и зазвенятъ косы». О самой страдѣ нѣтъ и помина, она подразумѣвается, какъ явленіе обычное, и о ней вы узнаете развѣ изъ словъ, что «сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ». Своимъ трудомъ народъ, по изображенію Кольцова, никогда не утомляется и не тяготится. Наоборотъ, недостатокъ трудолюбія служитъ причиной крестьянской бѣдности. («Что ты спишь, мужичокъ»). Природа, съ своей стороны, у Кольцова, сравнительно съ поэзіей писателей образованныхъ классовъ, также совершенно мѣняетъ характеръ, свое отношеніе къ работающимъ. Солнце у Кольцова уже не «пещадно палить», а только «глядитъ съ горы небесъ», а когда оно «видитъ—жатва кончена», то «холоднѣй оно пошло къ осени». Та ширь полей и луговъ, которая оставила въ поэтѣ образованныхъ классовъ печальное впечатлѣніе, у Кольцова является въ прелести поэзіи:

Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается,

Вѣтерокъ по ней
Плыветь, доснитса,
Золотой волной
Разбѣгается...

Поэзія Кольцова, безъ сомнѣнія, знаетъ и народное горе. Но, по свидѣтельству ея, народъ съ безграничной энергіей и силой относится къ нему. «Горе» кольцовой поэзіи—не простое горе, а такое горе, которое «горами качаетъ», но—говоритъ поэтъ—«родись терпѣливымъ и на все готовымъ». Однако эта терпѣливость не имѣетъ ничего общаго съ тупымъ терпѣніемъ и испугомъ; поэтъ, скорѣе, хочетъ, чтобы, какъ говорится, человѣкъ не былъ тряпкой, какъ это случилось у позднѣйшихъ поэтовъ. Идеальное отношеніе къ горю, по Кольцову, состоитъ въ томъ, чтобы

. . . съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибели ити—
Пѣсни пѣть соловьемъ...

Кольцовъ—представитель не бессильнаго терпѣнія, а разумныхъ и, въ большинствѣ случаевъ, необыкновенно смѣлыхъ исканій выхода изъ горя и невзгоды. Онъ готовъ «въ ночь, подъ бурей, безъ дороги въ путь отправиться—горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться», и онъ увѣренъ, что «безъ пути, безъ свѣта свою долю сыщеть». Правда, въ немъ живутъ сомнѣнія въ своей силѣ, но онъ глубоко сожалеетъ, что у него нѣтъ достаточно воли,

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть,
Чтобъ порой передъ бѣдой

За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать...

Здѣсь предъ читателемъ невольно встаетъ вопросъ: не представляетъ ли жизнерадостное и поэтическое воззрѣніе Кольцова на народъ и его жизнь нѣкоторой опасности, создавая мысль, что народъ счастливъ и не имѣетъ нужды въ улучшеніи быта. На это возможенъ только одинъ отвѣтъ. Если «горюющее» о народѣ направленіе литературы было полезно въ свое время, обращая вниманіе общества на темныя стороны народной трудовой жизни, то вообще оно не можетъ претендовать на долговѣчность. Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, утѣшительнѣе воззрѣніе Кольцова, то именно, что русскій народъ—не рой подавленныхъ рабовъ, а сознательный великій народъ, чрезъ вѣка испытаній и борьбы пронесшій идеалы честнаго труда, видящій донинѣ не одну тяжесть его, а и необходимость для жизни и потому смотрящій на него бодро, съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокій и поучительный смыслъ и важность въ исторіи русской поэзіи (Введенскій).

Проникнувъ въ сокровенные, темные углы крестьянской души и воплотивъ ихъ въ высокой степени художественныхъ образахъ,

Кольцовъ не оставилъ безъ вниманія и душевнаго склада русской женщины. Русская женщина такъ полно и вѣрно очерчена въ стихотвореніяхъ Кольцова, что, прочитавъ ихъ, чувствуешь, какъ будто прочиталъ цѣлую удивительно художественную поэмю. Правда, изображенія русскихъ женщинъ Кольцовымъ ничего не открываютъ новаго въ области анализа, но онѣ въ высшей степени замѣчательны, во-первыхъ, потому, что въ эстетическомъ отношеніи ихъ можно сравнить только съ изображеніемъ Татьяны; во-вторыхъ, потому, что въ русскихъ крестьянкахъ и мѣщанкахъ, которыя у него выводятся, чрезвычайно любопытно наблюдать прототипъ русскихъ барышень и барынь средняго и высшаго круга. Проведемъ параллель между Татьяной Лариной и крестьянками Кольцова. Между ею и ими—неизмѣримая бездна: дворянское происхожденіе, балъные уборы съ Кузнецкаго моста, французскіе романы, запесенные ходобщиками, романтическія идеи, почерпнутыя частью изъ этихъ романовъ, частью изъ произведеній отечественнаго стихотворства, и въ заключеніе всего «суровыхъ маменекъ уроки». А между тѣмъ, какъ это ни странно, выходитъ, что характеръ любви Татьяны и исторія ея страсти совершенно тѣ же, что и у крестьянокъ Кольцова. При бѣгломъ даже осмотрѣ исторіи любви той и другихъ бросается въ глаза удивительная аналогія у нихъ въ характерѣ самаго начала страсти. По законамъ психологіи, любовь, какъ ощущеніе гармоніи между двумя живыми существами, должна быть чувствомъ сладкимъ и живительнымъ, и зарожденіе ея въ сердцѣ должно придавать особенную энергію всѣмъ жизненнымъ силамъ существа. Между тѣмъ у обонхъ поэтовъ мы видимъ какъ разъ обратное: и Пушкинъ, и Кольцовъ съ какою-то особенною грустью приступаютъ къ описанію перваго періода любви своихъ героинь: имъ жаль ихъ. Пушкинъ прямо такъ и восклицаетъ: «Татьяна, милая Татьяна! Съ тобой теперь я слезы лью...», потому что первые симптомы любви русской женщины уже заключаютъ въ себѣ что-то зловѣщее:

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣвъ ей далѣ ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ и блескъ въ очахъ...

То же самое мы видимъ, въ свою очередь, у Кольцова: онъ не совѣтуетъ своей степной красавицѣ прислушиваться къ весеннимъ пѣснямъ птичекъ и заботливо предупреждаетъ ее отъ напасти:

Въ нихъ сила есть любовная..
Любовь—огонь, съ огня—пожаръ...

Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.

Любовь Кольцовъ называетъ прямо «Тоской»:

Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченка глубокая —
Песку со дна не выкинетъ,
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря.

Здѣсь является вопросъ, почему же русская женщина принимаетъ право на любовь съ какою-то болью, какъ печальную необходимость, какъ странное условіе вынужденнаго контракта? Это будетъ понятно, если мы вспомнимъ положеніе женщины въ семьѣ, искони вѣковъ подчиненное, поднадзорное, опекаемое. Каково же существо слабонервному, привыкшему съ пеленокъ къ механической подчиненности, вдругъ, безъ всякихъ переходовъ и приготовленій, почувствовать себя личностью, сознать свое до сихъ поръ никѣмъ не признаваемое «я», очутиться на совершенно незнакомомъ пути самодѣятельности? Нѣтъ ничего мудренаго, что первая любовь русской женщины всѣхъ состояній и сословій часто сопровождается потоками слезъ и нервными припадками. Зато какъ и глубока эта страсть, вскормленная «слезами и тоской!» Съ поразительной экспрессіей и художественной точностью сила страсти русской женщины выражена Кольцовымъ въ пѣснѣ:

Я любила его	Только съ нимъ лишь однимъ
Жарче дня и огня,	Я на свѣтѣ жила,
Какъ другимъ не любить	Ему душу свою,
Никогда, никогда;	Ему жизнь отдала...

Такова страсть русской женщины. Но вотъ что изумительно: какъ согласить эту страстность съ способностью жертвовать страстью. Трудно представить себѣ такую способность къ самоистязанію и такую терпимость, какими на каждомъ шагѣ поражаютъ насъ русскія женщины. Между тѣмъ это такъ, и въ этомъ отношеніи характеръ Татьяны справедливо признанъ типическимъ. Женщины Кольцова всѣ созданы изъ того же элемента. Это существа глубоко страстныя, глубоко нѣжныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ существа безъ малѣйшей претензіи на самостоятельность, суще-

ства страдательныя и даже отчасти гордящіяся своей страдательностью. Вотъ красную дѣвицу

Силой выдали
За не милаго,
Мужа стараго.

Она горько жалуется на судьбу, но оканчиваетъ свою жалобу словами разочарованія, вполне безвыходнаго:

Не расти травѣ	Не цвѣти цвѣтамъ
Послѣ осени;	Зимой по свѣгу!

Другой измѣняетъ «миль сердечный другъ». На коварныя слова его она съ трогательной кротостью и покорностью отвѣчаетъ:

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся..
Хоть и женишься—раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ быть, воротиться.

Ни отчаянія, ни борьбы! Одно уныніе и покорность, доходящія до бесплоднаго резонерства:

Безъ ума, безъ разума, Меня замужъ выдали, Золотой вѣкъ дѣвичій Силой укоротили. Для того ли молодость Соблюдали, нѣжили, За стекломъ отъ солнышка Красоту лелѣяли, Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ Горевала, плакала,	Безъ любви, безъ радости Сокрушалась, мучилась? Говорятъ родимые: «Поживется—слюбится; «И по сердцу выберешь, Да горчѣ придется!» Хорошо, состарившись, Разсуждать, совѣтовать И съ собою молодость Безъ расчета сравнивать!

Таковъ образъ русской женщины, созданный Кольцовымъ. Не смотря на видимую простоту и отсутствіе всякихъ поэтическихъ прикрасъ, въ этомъ образѣ Кольцова несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ изображеніи его многими другими писателями потому именно, что въ немъ болѣе правды и естественности.

Точно такъ же вполне вѣрны и естественны у Кольцова и описанія природы. Онъ не придумываетъ скалистыхъ береговъ, журчащихъ ручейковъ, прекрасныхъ лѣсовъ съ расчищенными дорожками и т. д. Онъ описываетъ именно то, что онъ видѣлъ и знаетъ: степь, ниву, лѣсъ, деревню, лѣтній зной, осеннія бури, зимнія вьюги, и представляетъ ихъ именно такъ, какъ они бываютъ въ природѣ. Такихъ картинъ природы у него чрезвычайно много разсыпано въ разныхъ его стихотвореніяхъ, особенно въ «Урожаѣ», «Пѣснѣ пахаря», «Что ты спишь, мужичокъ», «Свѣтитъ солнышко», «Лѣсъ», «Ночлегъ чумаковъ» и др. Въ этихъ стихотвореніяхъ мы

находимъ отраженіе природы широкаго и разнообразнаго пространства Россіи, извѣзженнаго поэтомъ во время его прасольскихъ занятій и поѣздокъ въ столицы: отъ Чернаго моря и предгорій Кавказа до Москвы и Петербурга, отъ береговъ нижняго Поволжья до Юго-Западнаго края. Какъ въ пѣснѣ, время поэта катилось по полямъ и лугамъ, по селамъ, городамъ; но особенно любилъ онъ останавливаться въ степи, особенно въ весеннюю пору. Въ этомъ отношеніи его «Ночлегъ чумаковъ» представляетъ значительный интересъ, какъ хранилище нѣсколькихъ штриховъ для характеристики поэта:

Живаль въ большихъ я городахъ,
 Бываль на вашихъ хуторахъ
 И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
 Что горемъ, что добромъ зовутъ,
 Съ какою цѣлю вѣкъ трудятся,
 Къ чему и тѣ и тѣ... стремятся.
 Узналъ, вздохнулъ... и для меня
 Приятно въ дождикъ обсушиться
 У васъ подъ буркой близъ огня,
 Подъ возомъ отъ грозы укрыться,
 Приятно кашу ѣсть сухую,
 Украины слушать рѣчь простую,
 Безвѣчно время проводить...
 Въ степяхъ я городъ забываю,
 Душой и сердцемъ отдыхаю.

Вѣроятно, не безъ вліянія пѣсень чумаковъ Кольцовъ задумался въ степи надъ одинокой могилой:

Чья эта могила тиха, одинока?
 Вѣтъ надъ могилой,
 Вѣтъ буйный вѣтеръ,
 Катитъ черезъ ниву
 Мимо той могилы
 Сухую былинку
 Перекати-поле...

Изъ степи же Кольцовъ вынесъ одно изъ любимыхъ своихъ сравненій: сохну, вяну я, «что трава въ степи передъ осенью», или какъ «трава подкошенная». Если при этомъ вспомнить всѣ стихотворенія, навѣянные на Кольцова степью («Косарь», «Пора любви» и др.), то станетъ ясно, что трудно найти въ русской литературѣ другого такого пѣвца родныхъ степей и вообще русской природы. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что одной изъ выдающихся особенностей поэтическаго таланта Кольцова является оживленіе природы человѣческой жизнью. Въ глухихъ широкихъ степяхъ поэтъ отыскиваетъ чумаковъ, косарей и чудную дѣвушку. На поляхъ, среди зеленыхъ садовъ, среди пашенъ и высокой ржи. по ко-

торой вѣтерокъ плыветь-лоснится, золотой волной разбѣгается, на гумнахъ,—поэтъ вездѣ отыскиваетъ сельскихъ людей, то пахаря, то молодую дѣвушку-жницу. Все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ Кольцова въ ряду нашихъ лучшихъ творцовъ художественнаго слова.

VI.

Личность Кольцова по его произведеніямъ.—Стремленіе къ жизни.—Бесплодность стремленій.—«Думы» Кольцова, доказательство бесплодности его стремленій.— Положительный взглядъ Кольцова на предметы.

Произведенія Кольцова могутъ служить превосходнымъ матеріаломъ для характеристики поэта: въ нихъ выразилась его душа, его жизнь, полная возвышенныхъ стремленій, тяжелыхъ испытаній и благородныхъ, чистыхъ чувствъ. Въ ней виденъ его свѣтлый взглядъ на предметы, умѣнье понимать жизнь и природу, въ пей, наконецъ, является живое, естественное представленіе вещей, безъ прикрасъ и безъ искаженій природы. Попытаемся представить существеннѣйшія черты личности Кольцова.

Читая произведенія Кольцова, нельзя не замѣтить, что какая-то громаднѣйшая задача занимала всю жизнь поэта, какое-то колоссальное богатырское стремленіе постоянно рвалось изъ его тревожной души, силллось пробиться сквозь огромныя препятствія, иногда и успѣвало на мигъ находить себѣ выходъ, но всегда должно было возвращаться внутрь себя, однако не для коснѣнія въ безвыходномъ страданіи, а для пріисканія новыхъ путей къ выходу на широкое поле свободной дѣятельности. Это могучее, ничѣмъ несокрушимое стремленіе не переставало бушевать въ душѣ поэта до самой его смерти и выразилось отчасти во всѣхъ его произведеніяхъ. Это стремленіе было стремленіемъ къ жизни, къ дѣятельности, соразмѣрной съ его огромными способностями, къ разнообразной и обильной пищѣ для души, переполненной черезъ край безконечно разнообразными и вопіющими потребностями—символами могучей жизненности. Прочтите его біографію: вы увидите, что вся жизнь его прошла въ борьбѣ съ дѣйствительностью, которая безжалостно дразнила его, указывая ему по временамъ тотъ обѣтованный край, къ которому онъ стремился, для того только, чтобы снова отбрасывать его къ началу пути. Больше всего на свѣтѣ Кольцовъ любилъ поэзію и науку, но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ онъ не имѣлъ возможности познакомиться такъ, какъ хотѣлъ. Всю жизнь онъ мечталъ о томъ, чтобы попасть въ кругъ людей мыслящихъ, но попалъ въ него не надолго, только для того, чтобы возвратиться къ людямъ, никогда его не понимавшимъ. Но дѣло въ томъ, что чѣмъ огромнѣе талантъ, тѣмъ онъ многостороннѣе, а разъ это такъ, то онъ выходитъ на свою дорогу, несмотря ни на какія препятствія, между тѣмъ какъ слабый спотыкается о первыя преграды и испа-

ряется, какъ летучій газъ изъ легко прорываемой оболочки. Поэтому любовь къ жизни со всѣми ея свойствами и во всѣхъ ея формахъ есть необходимый атрибутъ огромнаго, многообъемлющаго таланта, неизбѣжное условіе его способности пребывать въ силѣ и полнотѣ. Біографіи всѣхъ гениальныхъ людей подтверждаютъ эту психологическую истину: всѣ они одарены были отъ природы обиліемъ самыхъ разнообразныхъ потребностей и страстною любовью къ разнообразному наслажденію жизнью, — обстоятельство, которое помогало имъ выдерживать продолжительную борьбу съ препятствіями, отдалявшими ихъ отъ завѣтныхъ цѣлей. Таковъ былъ и Кольцовъ: любовь къ жизни и стремленіе къ ней составляли основу его жизни и цѣлкомъ выразились въ его поэзіи. Онъ очень рано почувствовалъ въ себѣ поэтическое призваніе и склонность къ умственной дѣятельности, сообразной съ этимъ призваніемъ, такъ какъ случайныя обстоятельства отчасти открыли ему этотъ свѣтлый путь. Но въ то же время необходимость удерживала его или въ степи, среди стада и гуртовщиковъ, или на сельскихъ и городскихъ базарахъ, гдѣ онъ тратилъ свои силы на борьбу съ торгашествами и надувательствомъ отца. Однако онъ не только не изнемогъ подъ бременемъ этой дѣйствительности, но еще отыскалъ въ ней источники упоенія и матеріаль для поэзіи. Тяжело было ему жить въ степи, потому что душа его рвалась въ свѣтскій міръ науки и поэзіи, но самая степь плѣняла его своей нерукотворной красотой; онъ любилъ ее, какъ художникъ... Еще тяжелѣе ему было сносить всѣ явленія окружавшаго его быта; но и въ этомъ быту художественный инстинктъ его отыскалъ искры челоѣчности, заслоненныя отъ глазъ обыкновеннаго челоѣка, и создалъ то, что мы называемъ поэзіей крестьянскаго быта. Наконецъ, самый родъ труда, которому онъ посвящалъ свои силы, казалось, долженъ бы былъ довести его до отчаянія: напротивъ, онъ не могъ не любить своихъ занятій, потому что онъ все-таки видѣлъ въ нихъ исходъ для дѣятельности, гимнастику способностей и, можетъ быть, забвеніе горькихъ думъ...

Что ты ходишь съ нуждой	Неудача, бѣда?	Та же сила тогда
По чужимъ по людямъ?	Съ грустью дома сиди;	Другой голосъ возьметъ,
Вѣруй силамъ души	А съ зарею опять	И чудно, и смѣшно,—
Да могучимъ плечамъ.	Къ новымъ нуждамъ иди.	Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.
На заботы жъ свои	И такъ бойся, пока	И тѣ жъ люди враги,
Чуть заря поднимись,	Случай счастье найдетъ	Что чуждались тебя,
И одинъ во весь день	И на славу твою	Богъ ужъ вѣдаетъ какъ
Что есть мочи трудись.	Жить съ тобою начнетъ.	Назовутся въ друзья.

Ты на нихъ не сердись!
 Но спокойно, въ тиши,
 Жизнь горою пируй,
 По желаньямъ души.

Иногда жизненность доходила у Кольцова до такой высоты страстного увлеченія, что онъ плѣнялся жизнью, представляя ее себѣ въ какомъ-то упоительномъ отвлеченіи, охватывая любовью все ея стороны разомъ, благословляя однимъ задушевнымъ гимномъ все ея содержаніе: и добро и зло, и радость и горе. Съ точки зрѣнія обыденной человѣческой логики такой взглядъ Кольцова кажется немислимымъ и прямо-таки не вѣрится, чтобы такая многообъемлющая идея, какова идея жизни, могла быть прочувствована человѣческимъ сердцемъ и изъ чистой мысли перейти въ ощущеніе. Но посмотрите и подивитесь, какъ легко совершался этотъ процессъ въ могучей натурѣ Кольцова:

Въ непогоду вѣтеръ
Воесть, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.
Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.
Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,—
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!

Доля тѣ, моя доля,
Гдѣ ты запропала?
До поры до время
Въ воду камень пала?
Поднимись, что силы,
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ на горами.
Если нѣтъ, у моря
Сядемъ, да дожждемся:
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся.

Послѣдніе два стиха составляютъ истинный пафосъ жизни и обнаруживаютъ въ поэтѣ силы исполина, обладающаго значительной волей,

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять;
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ въ ниру
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель итти —
Пѣсни пѣть соловьемъ.

А вотъ еще цѣлая пьеса, заключающая въ себѣ ту же тему, выраженную въ формѣ удалства:

Какъ здоровъ и молодъ —
Безъ веселья веселъ;
Безъ призыва счастье
И валить и ѣдетъ.
Въ непогоду вѣтеръ
Шапка на макушкѣ;
Проходи попь, баринъ,
Волоска не тронемъ.

Только думъ, заботы
У царя-головки —
Погулять по свѣту,
Пожить нараспашку;
Свою удал-силку
Попытать на людяхъ,
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!.

Точно такъ же нельзя пропустить безъ вниманія тѣхъ стихотвореній Кольцова, въ которыхъ жизненность его выразилась въ отрицаніи и стремленіи. Къ такимъ стихотвореніямъ принадлежать его пьесы, обнаруживающія его борьбу съ дѣйствительностью, его постоянное стремленіе въ свѣтлый міръ поэзіи и науки и доказывающія, вмѣстѣ съ тѣмъ, его способность понимать жизнь такъ, какъ она есть, а именно: «Удалецъ», «Тоска по волѣ», «Дума сокола», «Перепутье», «Много есть у меня» и др. Сколько могучаго горя и жажды воли слышится, напр., вотъ въ этомъ стихотвореніи:

Мнѣ ли, молодцу	Затоплять овинѣ,
Разудалому,	Молотить овесъ?
Зиму зимскую	Мнѣ поля—не другъ,
Жить за пашкою?	Коса—мачеха,
Мнѣ ль поля пахать,	Люди добрые —
Мнѣ ль траву косить,	Не сосѣди мнѣ...

Или слѣдующее:

Долго ль буду я	Иль у сокола
Сиднемъ дома сидѣть,	Крылья связаны,
Мою молодость	Иль пути ему
Ни на что губить?	Всѣ заказаны?
Долго ль буду я	Иль боится онъ
Подъ окномъ сидѣть,	Въ чужихъ людяхъ быть,
По дорогѣ вдоль	Съ судьбой-мачехой
День и ночь глядѣть?	Самъ собою жить?

Но вотъ что удивительно: нельзя найти поэта, котораго стремленія были бы въ одно время такъ же сильны и такъ же бесплодны, какъ стремленія Кольцова. Читая его стихотворенія, нельзя не вѣрнѣ въ неподдѣльность его стремленій, въ ихъ несомнѣнную реальность, но у него нѣтъ ни одной пьесы, гдѣ бы онъ высказалъ ярко и опредѣленно тотъ идеалъ жизни, къ которому онъ постоянно и неуклонно рвался. Видно, что онъ самъ никогда не могъ передать его точными и живописно вѣрными словами, такъ какъ онъ не могъ дать о немъ себѣ самому яснаго отчета. Поэтому, всегда и во всемъ точный и опредѣленный, Кольцовъ дѣлается всякій разъ загадочнымъ, какъ только доходитъ до предмета своего неуклоннаго стремленія, и вы напрасно бы стали искать въ его стихахъ изображенія того міра, который самому ему являлся полнымъ неувловимой тайны...

Много есть у меня	И знакомыхъ бояръ,
Теремовъ и садовъ,	И надежныхъ друзей.
И раздольныхъ полей,	Много есть у меня
И дремучихъ лѣсовъ.	Жемчуговъ и мѣховъ,
Много есть у меня	Драгоценныхъ одеждъ,
Деревень и людей,	Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ серебра,
Для бесѣдъ красныхъ словъ,
Для веселія вина!

Но я знаю, на что
Травъ волшебныхъ пишу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...

Стихотвореніе это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ Кольцовъ уклонялся отъ описанія того, что онъ только предчувствовалъ и предугадывалъ. Но спрашивается: гдѣ же причина этой неясности, или, лучше сказать, гдѣ причина того, что всѣ стремленія Кольцова такъ и остались только стремленіями и не перешли въ дѣйствительность? Разгадать это явленіе очень легко: стоитъ лишь познакомиться съ біографіей поэта. Кольцовъ всю жизнь свою былъ жертвою великой внутренней драмы, которая постоянно терзала его дѣятельную душу и поддерживалась въ своемъ характерѣ убійственной несоразмѣрностью великихъ потребностей и силъ, данныхъ природою, съ ничтожною суммою знаній, пріобрѣтаемыхъ ученіемъ (Майковъ). Этотъ недостатокъ знаній ярче всего выразился въ «Думахъ» Кольцова, которыя поэтому могутъ служить лучшимъ доказательствомъ бесплодности его стремленій.

«Думы» Кольцова—особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный имъ. Эти «Думы» далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ его пѣснями; нѣкоторыя изъ нихъ даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ онъ пытался выразить свои стремленія къ знанію и рѣшить вопросы, возникавшіе въ его умѣ. Поэтому въ его «думахъ» двѣ стороны: вопросъ и отвѣтъ. Въ первомъ отношеніи нѣкоторыя думы прекрасны, какъ, напримѣръ: «Великая тайна», «Неразгаданная истина», «Молитва», «Вопросъ». Что можетъ быть прекраснѣе, наир., вотъ этихъ стиховъ, проникнутыхъ глубокою мыслью, выраженной поэтически и страстно:

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Молитва темна!
Что слухъ мой замѣнить?

Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

Но какъ рѣшеніе вопросовъ—эти «Думы», конечно, не могутъ имѣть никакого значенія. Онѣ служатъ печальнымъ образчикомъ того, къ какимъ жалкимъ путямъ прибѣгаетъ человѣкъ, тревожимый великими вопросами и незнакомый съ тѣмъ, какъ рѣшало ихъ человѣчество и до чего дошло оно въ вѣчномъ процессѣ своей дѣятельной мысли. Въ нихъ сильный, но не развитый умъ, томимый великими вопросами и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, старается успокоить себя или какою-нибудь риторическою фразой о высшемъ мірѣ, или прощескою выходкой противъ слабости ума

человѣческаго, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это Кольцовъ въ думѣ «Неразгаданная истина», которая оканчивается такъ:

Подсѣку жь я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Проклянѣ усилю
Къ тайнамъ Провидѣнны.

Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу,
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Конечно, такой отвѣтъ былъ бы ниже критики, если бы онъ былъ сдѣланъ человѣкомъ, поставленнымъ въ возможность продолжать трудъ, понесенный вѣками. Но какъ произведенія уму, почти что изолированнаго отъ минувшей и современной мудрости, «Думы» въ высшей степени замѣчательны и много говорятъ въ пользу личности Кольцова. Онѣ доказываютъ, что онъ не могъ жить съ неразрѣшенными вопросами въ умѣ: онъ обманывалъ самого себя, чтобъ какъ-нибудь, во что бы то ни стало, добыть себѣ хоть призракъ отвѣта на задачи, отъ которыхъ онъ изнывалъ и таялъ. Направленіе «думъ» Кольцова—мистицизмъ, отчаянное отрицаніе разума. Но нельзя допустить, чтобы мистицизмъ былъ выраженіемъ его искреннихъ убѣжденій: нельзя повѣрить, чтобъ человѣкъ, переполненный любовью къ жизни до такой степени фанатизма, какъ Кольцовъ, былъ мистикомъ въ душѣ, чтобы онъ отрекся отъ разума, т. е. отъ того, что даетъ жизни смыслъ и значеніе. Нельзя повѣрить потому, что Кольцовъ былъ человѣкъ положительный.

Кольцовъ всегда отличался положительнымъ, практическимъ взглядомъ на вещи и чѣмъ болѣе пріобрѣталъ образованность, тѣмъ яснѣе становился въ немъ такой взглядъ. Онъ не былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ идеалистами и которые, будучи незнакомы съ нуждами и трудностями жизни, смотрятъ съ пренебреженіемъ на заботы о вещественномъ благосостояніи. Кольцовъ образовался и воспитался именно въ школѣ житейской нужды и лишеній. Поэтому онъ хорошо понималъ важность достатка въ жизни,—и въ его поэзіи ярко отразилось это.

Во всемъ у него видно живое, положительное направленіе. Такъ, напримѣръ, онъ любитъ степь и прекрасно изображаетъ ее, но онъ не забывается въ этомъ наслажденіи. Главная мысль его та, что въ степь эту приходитъ молодой косарь, которому нужно добыть денегъ, чтобы жениться на дочкѣ старосты. И вотъ какъ размышляетъ косарь, обращаясь къ степи:

Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косою вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хоть-дося...
Раззудись, плечо,
Размахнись, рука,

Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошенная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!

Вслѣдъ за этимъ чуднымъ изображеніемъ работы косаря является практическая цѣль, для которой все это дѣлается:

Нагребу копенъ,	Ворочусь въ село
Намѣчу стоговъ —	Прямо къ старостѣ:
Дастъ казачка мнѣ	Не разжалобилъ
Денегъ пригоршни.	Его бѣдностью,
Я зашью казну,	Такъ разжалоблю
Сберегу казну,	Золотой казной...

Эта забота о вещественныхъ средствахъ жизни вездѣ видна въ пѣсняхъ Кольцова. Пахарь его не восхищается только природою: нѣтъ, онъ думаетъ и о другомъ:

Заблеститъ нашъ серпъ,	На снопахъ тяжелыхъ.
Зазвенятъ здѣсь косы;	. . . Уроди мнѣ, Боже,
Сладокъ будетъ отдыхъ	Хлѣбъ—мое богатство.

Въ стихотвореніи «Урожай» послѣ превосходнаго описанія пробужденія сельской природы весной,—идетъ рѣчь о полевыхъ работахъ крестьянъ, и главная мысль обращается на то,

Что послалъ Господь
За труды людямъ.

Собираясь на пирушку, крестьяне опять—

Пьютъ и ѣдятъ,	Какъ-то Богъ и Господь
Рѣчи гуторятъ —	Хлѣбъ уродитъ намъ,
Про хлѣба, про покось,	Какъ-то сѣно въ степи
Про старинушку;	Будетъ зелено.

По осени мужички—

Хлѣбъ везуть, продають,
Собирають казну,
Бражку ковшичкомъ пьютъ.

Невѣстѣ своей поэтъ сулитъ не одну только любовь, а говоритъ:

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся,
Хоть парчею съ серебромъ.

Итакъ, во многихъ своихъ пьесахъ Кольцовъ высказываетъ свою положительность. Вотъ эта-то положительность и спасла Кольцова отъ мистицизма, въ который было онъ углубился въ своихъ «Думахъ». Подъ вліяніемъ ея онъ возвратился къ своему простому свѣтлому взгляду на предметы, безъ лишнихъ умствованій и мечтаній. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить два его стихотворенія. Одно написано еще въ 1830 году, когда Кольцовъ совершенно не былъ знакомъ съ высшими философскими вопросами:

Что значу я!
 Что, крошка мелкая, я значу?
 Живу заботливо, тружусь,
 Въ желаньи счастья время трачу
 И вѣчно, недовольный, плачу:
 Чего жь ищу? къ чему стремлюсь?
 Въ какой странѣ, на что гожусь?
 Есть люди: до смерти желаютъ
 Вопросы эти разгадать;
 Но что до нихъ? пусть какъ хотятъ,
 О всемъ серьезно разсуждаютъ.
 Я недоросль — я не мудрецъ,
 И мнѣ нужнѣ знать немного;
 Шероховатой дорогой
 Иду шагкомъ я, какъ слѣпецъ;
 Съ смѣшнымъ сойдуся ли—посмѣюсь;
 Съ прекраснымъ встрѣчусь—имъ плѣнюсь;
 Съ несчастнымъ отъ души поплачу
 И не стараюсь знать, что значу...

Здѣсь еще видна нѣкоторая уклончивость, тонъ этого стихотворенія напоминаетъ тонъ русскаго мужичка, когда онъ съ лукавымъ простодушіемъ говорить: «гдѣ намъ... мы люди темные». Кольцовъ въ этомъ стихотвореніи какъ будто бы хочетъ сказать, что онъ и знать не хочетъ вопросовъ, надъ которыми люди трудятся. Тутъ еще видно пренебреженіе вообще къ мышленію философскому. Другое стихотвореніе написано уже въ 1841 году, въ послѣднее время жизни Кольцова:

Не время ль намъ оставить Про высоты мечтать, Земную жизнь бесславить, Что есть иль нѣтъ—желать. Легко, конечно, строить Воздушные міры, И увѣрять и спорить, Какъ въ нихъ то важны мы. Не отъ души ль порою Въ насъ чувство говорить, Что жизнію земною	Нѣтъ нужды дорожить? Темна, страшна могила, За далью мракъ густой; Ни вѣсти, ни отъыва На вопль нашъ роковой! А тутъ дары земные: Дыханіе цвѣтовъ, Дни, ночи золотые, Разгульный шумъ лѣсовъ, И сердца жизнь живая И чувства огонь святой...

Здѣсь также поэтъ сознается, что бесполезно строить воздушные міры и мечтать про высоты но теперь мысль его высказана гораздо серьезнѣе; видно, что онъ возстаетъ не противъ мышленія, не противъ разума, которому такъ много былъ обязанъ, а только противъ злоупотребленія ума, когда онъ пускается въ мечтательныя теоріи и отдаляется отъ жизни.

Такимъ образомъ, «Думы» Кольцова, несмотря на отсутствіе въ нихъ безусловныхъ достоинствъ, должны ставить его высоко во мнѣніи человѣка безпристрастнаго. Онѣ доказываютъ, во-первыхъ, исполненное развитіе нравственныхъ потребностей въ натурѣ поэта,

во-вторыхъ, то, что его природный умъ, а главное, его любовь къ жизни не дали ему закоснѣть въ такомъ направленіи, въ какомъ погибли цѣлыя поколѣнія образованнѣйшихъ людей и въ которомъ до сихъ поръ еще гибнуть, если не поколѣнія, то, по крайней мѣрѣ, индивидуумы, просвѣщенные всякими науками. Но, какъ бы то ни было, все это говоритъ только въ пользу необыкновенной личности поэта, нисколько не опровергая того, что главнымъ источникомъ нравственныхъ страданій былъ недостатокъ образованія. Величіе его способностей даже должно увеличивать эти страданія. Въ то же время недостатокъ образованія объясняетъ намъ, почему та часть его поэзіи, въ которой онъ не касается крестьянскаго быта, выражаетъ собою одни могучіе порывы къ чему-то такому, чего онъ никогда не рѣшался раскрывать другимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить къ болѣе яркому отраженію его исполненной личности, отличительная черта которой заключается во всестороннемъ развитіи потребностей.

Н. А. Державинъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III И М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ.

В ЮНЬСКОМЪ номерѣ «Русскаго Архива» текущаго года, въ рубрикѣ «изъ записной книжки «Русскаго Архива» была напечатана краткая замѣтка, излагающая эпизодъ столкновения отца моего, Михаила Григорьевича Черняева, съ тогдашнимъ военнымъ министромъ, генераль-адъютантомъ Ваиновскимъ, его отрѣшеніе отъ должности туркестанскаго генераль-губернатора и бывшую въ это время аудіенцію у государя.

Къ сожалѣнію, глубокочтимый редакторъ «Русскаго Архива», писавшій по памяти со словъ моего отца, изложилъ свою замѣтку слишкомъ кратко, значительно видоизмѣнивъ факты въ своей передачѣ.

Отозваніе его изъ Туркестана въ 1883 году и зачисленіе въ военный совѣтъ было для него полной неожиданностью и произошло при обстоятельствахъ, къ описанію которыхъ и приступаемъ.

Назначенный въ Ташкентъ по личному выбору государя въ маѣ 1882 года, окрыленный его милостивымъ вниманіемъ, Михаилъ Григорьевичъ отправлялся на мѣсто своего служенія, намѣреваясь привести въ исполненіе высказанное ему при прощаніи державное предначертаніе, чтобы этотъ богатѣйшій «край» былъ бы не бременемъ для Россіи, а служилъ бы ей на пользу».

При твердо сложившейся въ умѣ его системѣ касательно внутренняго управленія краемъ и внѣшнихъ сношеній съ сосѣдями, то есть съ англичанами, онъ собирался ввести рядъ административныхъ реформъ въ нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ, такъ

неудачно въ теченіе пятнадцати лѣтъ управлявшихся его предшественникомъ, генералъ-адъютантомъ К. П. Кауфманомъ. Во время завоеванія Средней Азіи англійское правительство съ ревнивымъ недоброжелательствомъ слѣдило за успѣхами русскаго оружія.

Оцѣнивъ гористое, выгодное въ военномъ отношеніи положеніе Афганистана и считая его ключомъ къ Индіи, Англія подъ предлогомъ необходимости успокоенія взволнованнаго у себя общественнаго мнѣнія, предложила въ 1869 году черезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Кларендона, установить въ Азіи между владѣніями обоихъ государствъ нейтральную полосу, имѣя въ виду именно Афганистанъ.

Князь Горчаковъ, мнимыми дипломатическими талантами коего такъ долго у насъ восхищались и которые впервые были по достоинству оцѣнены княземъ Бисмаркомъ въ его перепискѣ¹⁾, успѣшилъ изъяснить плану англичанъ свое полное одобреніе.

«Со своей стороны, — писалъ нашъ канцлеръ, — мы не питаемъ никакого страха къ честолюбивымъ видамъ Англіи въ центрѣ Азіи и мы въ правѣ ожидать такого же довѣрія къ нашему здравому смыслу. Но что можетъ смутить разсудокъ, такъ это взаимное недовѣріе».

Послѣдствія показали, какъ было наивно это трогательное довѣріе по отношенію къ англичанамъ.

Въ заключеніе англійскому правительству черезъ барона Брунова подтверждалось «положительное увѣреніе, что его императорское величество считалъ Афганистанъ совершенно внѣ той сферы, въ которой Россія могла бы быть призвана оказывать свое вліяніе и что такое вмѣшательство, противное независимости этого государства, не входитъ въ его намѣренія».

Несмотря на то, что наша дипломатія всячески подтверждала передъ англійскимъ правительствомъ полную неприкосновенность Россіи къ Афганистану, лордъ Кларендонъ въ 1869 году, при свиданіи своемъ съ Горчаковымъ въ Гейдельбергѣ настаивалъ на необходимости признанія этого государства разграничительною полосой между владѣніями Россіи и Англіи.

Три года до этого дипломатическаго свиданія маленькая экспедиція подъ начальствомъ полковника Черняева, предназначавшаяся для соединенія линіи нашихъ передовыхъ укрѣпленій, выдвинутыхъ отъ Оренбурга, неожиданно завершилась покореніемъ среднеазіатской столицы, вопреки бывшему предписанію военнаго министра «не отваживаться на штурмъ въ виду недостаточности военныхъ силъ».

Но взятіе Ташкента было логическою необходимостью, упрочившей наше положеніе въ Средней Азіи «согласно силѣ и могу-

¹⁾ Напечатана была послѣ смерти кн. Бисмарка.

ществу Россіи», какъ доносилъ объ этомъ въ Петербургъ Михаилъ Григорьевичъ.

Эти военные успѣхи произвели громадное впечатлѣніе не только у насъ, но и въ Европѣ, сильно встревоживъ Англію. Поэтому-то даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ лордъ Кларендонъ въ Гейдельбергѣ при свиданіи съ Горчаковымъ не могъ воздержаться, очевидно, намекая на Ташкентъ, отъ критики нашихъ военачальниковъ въ отдаленныхъ краяхъ, обуреваемыхъ безмѣрнымъ честолюбіемъ.

Въ отвѣтъ на это Горчаковъ, осудивъ дѣйствія М. Г. Черняева, послѣшилъ успокоить представителей Англіи тѣмъ, что назначеніе Кауфмана генераль-губернаторомъ устраняетъ эти опасенія ¹⁾.

Дѣйствительно, къ концу пятнадцатилѣтія его управленія краемъ англичане поставили Афганистанъ въ полную вассальную отъ себя зависимость, а Герать обратили въ первоклассную крѣпостную твердыню противъ Россіи.

Вторичное появленіе Михаила Григорьевича въ 1882 году въ качествѣ генераль-губернатора по сосѣдству съ англичанами пришлось имъ крайне не по вкусу. Они пустили въ ходъ тайную интригу съ цѣлью его удаленія, воспользовавшись запуганностью нашей дипломатіи, со времени Горчакова находившейся въ постоянномъ опасеніи военнаго столкновенія съ Англіей въ Средней Азій.

Инцидентъ этотъ, занесенный когда-то на бумагу со словъ Михаила Григорьевича, разыгрался слѣдующимъ образомъ. Бухарскій эмиръ, нынѣ покойный, былъ постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ афганцами, которые вздумали даже занять небольшую область въ горахъ, хотя номинально, но числившуюся принадлежностью Бухары, по крайней мѣрѣ бухарскій эмиръ отъ себя назначалъ туда бековъ.

Во время этой размолвки съ афганцами эмиръ обратился къ правителю Туркестана за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Михаилъ Григорьевичъ рѣшилъ не вмѣшиваться непосредственно въ эту распрю, но воспользоваться ею въ интересахъ Россіи, оказавъ содѣйствіе бухарскому эмиру выдачею ружей его войскамъ и демонстративнымъ движеніемъ нашего отряда на границу его ханства, дабы показать этимъ лишь готовность поддержать Бухару, какъ сосѣднее и дружественное намъ государство, находившееся въ сферѣ нашего вліянія.

Но такъ какъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія изъ Петербурга было нельзя, то Михаилъ Григорьевичъ послалъ военному министру П. С. Ванновскому длинную телеграмму, стоившую около пятисотъ рублей.

Проходятъ двѣ недѣли, отвѣта изъ Петербурга все нѣтъ. Между тѣмъ бухарское посольство, присланное по этому дѣлу въ Ташкентъ,

¹⁾ Смотри «Императоръ Александръ II» Татищева.

томится въ ожиданіи. «Тогда,—повѣствуетъ Михаилъ Григорьевичъ,—я послалъ телеграмму генераль-адъютанту О. Б. Рихтеру, въ которой высказалъ сожалѣніе, что такъ долго не получаю отвѣта по столь важному моему запросу.

«На слѣдующій же день я получилъ отъ военнаго министра отвѣтъ, что государю императору благоугодно было одобрить всѣ мои предложенія, что онъ разрѣшаетъ мнѣ выдать нѣсколько сотъ ружей бухарцамъ и выдвинуть наблюдательный отрядъ. При такомъ отвѣтѣ я счелъ себя въ полной силѣ, какъ вдругъ спустя лишь нѣсколько дней я получаю отъ военнаго министра приглашеніе явиться въ Петербургъ для участія въ трудахъ комиссіи по преобразованію управленія Туркестанскимъ краемъ, при чемъ было даже указано, чтобы я взялъ съ собою нѣкоторыя бумаги, которыя я еще не успѣлъ отослать въ Петербургъ. Мысль о томъ, что этой телеграммою меня отзываютъ съ моего поста, не приходила мнѣ въ голову.

«Я быстро собрался и, не простившись какъ слѣдуетъ ни съ кѣмъ, взялъ изъ своихъ вещей только необходимое. Лишь въ Петербургѣ, на пути съ желѣзной дороги одно изъ встрѣтившихъ меня лицъ сообщило мнѣ извѣстіе, что меня смѣняютъ.

«Являюсь къ военному министру. «Я долженъ сообщить непріятную вамъ новость: вы назначаетесь членомъ военнаго совѣта», такъ встрѣтилъ меня Ванновскій. Кажется, при этомъ былъ расчетъ, что я вснылю, но, предупрежденный наканунѣ, я спокойно отвѣтилъ: «Если на то воля государя, то я безропотно ей покоряюсь».

Вскорѣ на высочайшемъ приѣмѣ Михаилъ Григорьевичъ былъ принятъ не въ обычный для этого день и полтора часа провелъ съ глазу на глазъ съ государемъ. Излагая смѣло свои взгляды, онъ говорилъ о финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи, о томъ, что принимаемыми мѣрами министръ финансовъ не выведетъ Россіи изъ переживаемаго ею кризиса. На это государь отвѣтствовалъ, что въ настоящее время вся Европа переживаетъ коммерческой кризисъ.

Возраженіе Михаила Григорьевича на слова государя императора состояло въ томъ, что производительныя средства Европы значительно истощены, тогда какъ въ Россіи многія богатства, которыми слѣдовало бы воспользоваться, лежатъ втуне.

Онъ говорилъ также государю о недовольствѣ войска своимъ матеріальнымъ положеніемъ. Со временъ императора Александра I всѣ государи начинали свое царствованіе тѣмъ, что увеличивали содержаніе офицеровъ арміи и гвардіи. Такъ какъ каждое царствованіе продолжается отъ двадцати до тридцати лѣтъ и болѣе, а въ такой періодъ времени дороговизна на все увеличивается, а деньги все падаютъ въ цѣнѣ, то является настоятельная необходимость увеличивать жалованье, тѣмъ болѣе, что при кратковременныхъ срокахъ службы для солдатъ, при перемѣнѣ въ личномъ составѣ

войска чуть ли не каждые три года, единственный кадръ арміи составляютъ офицеры, а потому привязать ихъ къ службѣ крайне необходимо.

На возраженіе государя о томъ, что имъ была дана прибавка во время коронаціи, Михаилъ Григорьевичъ говорилъ, что увеличенія жалованья на восемь рублей мало, особенно при различныхъ сдѣланныхъ въ офицерскомъ быту стѣсненіяхъ.

Убѣжденный монархистъ, онъ представилъ на видъ государю, что его самодержавная власть не есть власть дѣйствительная, которая въ сущности находится у министровъ, но и у нихъ часто спускается до столоначальниковъ. Въ подтвержденіе того, какими мелочами утруждаютъ государя императора, онъ привелъ изъ своей практики слѣдующій фактъ: двойныя прогонныя деньги по случаю его проѣзда изъ Ташкента черезъ Астрахань въ Москву на коронацію были ему выданы только съ высочайшаго разрѣшенія..

Въ первый пріѣздъ свой по назначеніи генераль-губернаторомъ изъ Ташкента въ Петербургъ, въ 1883 г., онъ докладывалъ государю свое мнѣніе о необходимости уравнивать туркестанскія войска по содержанію съ гражданскимъ вѣдомствомъ въ краѣ, на что государь изволилъ согласиться. Когда разговоръ по этому дѣлу произошелъ у Михаила Григорьевича съ Ванновскимъ, послѣдній возразилъ ему: «Да развѣ государь можетъ самъ рѣшать такія дѣла!»

Этотъ эпизодъ изъ своей служебной практики былъ также приведенъ Михаиломъ Григорьевичемъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о власти въ Россіи. Выслушавъ это, государь чрезвычайно поблѣднѣлъ и послѣ продолжительнаго молчанія сказалъ: «Вамъ отвѣтили такъ потому, что прежде доклада мнѣ дѣла этого рода обсуждаются въ комиссіяхъ и комитетахъ».

Послѣ пріема, длившагося часа полтора, государь, отпуская Михаила Григорьевича, сказалъ: «У васъ неладныя отношенія съ военнымъ министромъ и со штабомъ, подождите нѣкоторое время, я вамъ дамъ назначеніе, а теперь побудьте въ военномъ совѣтѣ».

На слова Михаила Григорьевича о томъ, что такое внезапное отозваніе его изъ Туркестана можетъ быть истолковано общественнымъ мнѣніемъ въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ, государь отвѣтствовалъ: «Этого вамъ бояться нечего, васъ знаетъ вся Россія».

Оставаться въ Петербургѣ и присутствовать на засѣданіяхъ военнаго совѣта, председательствуемаго военнымъ министромъ, при обостренныхъ съ нимъ отношеніяхъ, было для Михаила Григорьевича слишкомъ тяжело. Поэтому онъ обратился къ государю съ просьбой къ концу приведенной выше аудіенціи или отпустить его на жительство въ Москву, гдѣ въ то время находилось его семейство, или разрѣшить ему подать въ отставку.

— Нѣтъ, зачѣмъ же въ отставку, — возразилъ государь: — живите, гдѣ вамъ будетъ удобнѣе.

Для подтвержденія того, что отозваніе его не было слѣдствіемъ немилости, онъ былъ приглашаемъ на всѣ высочайшіе балы, пока не уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ пробылъ недолго, бездѣйствіе и тяжесть пережитыхъ событій угнетали его, такое состояніе духа требовало переменъ впечатлѣній.

Среднюю Европу онъ всю уже объѣздилъ, а послѣ сербской войны, когда ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ Россію, вплоть до объявленія русско-турецкой войны, онъ посѣтилъ также и Англію, Дальній Востокъ, Японію и Китай, роль которыхъ онъ предвидѣлъ въ будущемъ, очень интересовался ими и съ цѣлью изученія ихъ онъ отпросился въ заграничный отпускъ, всемилостивѣйше ему разрѣшенный.

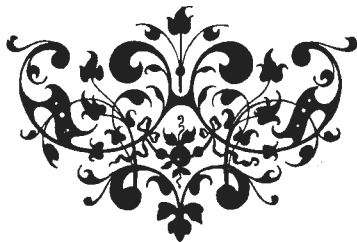
Осмотрѣвъ подробно Римъ, гдѣ древности классическія и христіанскія восхищали его, онъ отплылъ изъ Неаполя на океанскомъ пароходѣ общества *Messagerie maritime* черезъ Суэцкій каналъ въ Японію, гдѣ правительство принимало его, какъ почетнаго гостя, а микадо прислалъ звѣзду ордена Восходящаго Солнца. По дорогѣ посѣтивъ портовые города Индіи и Индокитая, онъ обратилъ въ Японіи особенное вниманіе на военное дѣло и предрекъ этому государству роль восточной Англіи.

Вернулся онъ обратно въ Москву черезъ Сибирь, проѣхавъ ее на лошадяхъ отъ Владивостока до Урала. Въ военномъ совѣтѣ онъ такъ и не былъ ни разу до самой своей смерти.

Въ заключеніе прибавилъ онъ, что по отозваніи его изъ Туркестана афганцы, подстрекавшіеся англичанами, тотчасъ же прекратили свои враждебныя дѣйствія противъ бухарцевъ.

Антонина Черняева.

3-го сентября.
Тубышки.

РУССКІЕ СКОПЦЫ ВЪ РУМЫНИИ.

РОТЪЗЖАЯ черезъ Бухарестъ, мнѣ случилось познакомиться съ нашими русскими скопцами, которые занимаются въ этомъ городѣ извозничьимъ промысломъ. Мѣстные жители, на мой вопросъ, гдѣ найти скопцовъ (по-здѣшнему: мускаль), указали на площадь противъ театра въ центрѣ города, какъ на обычное мѣсто ихъ стоянки. И дѣйствительно, на этой площади я увидѣлъ цѣлый рядъ нарочитыхъ извозчиковъ, отличавшихся, кромѣ безбородыхъ лицъ, роскошными, прекрасно содержимыми экипажами на резиновыхъ шинахъ и не менѣе роскошными рысаками вороной или сѣрой масти. Съ однимъ изъ нихъ я заговорилъ по-русски и получилъ радушный отвѣтъ также по-русски. Перекинувшись съ нимъ нѣсколькими фразами, я заявилъ желаніе повидать другихъ нашихъ земляковъ и побесѣдовать съ ними.

— Милости просимъ, — отвѣчать одинъ изъ рядомъ стоявшихъ извозчиковъ, молодой парень лѣтъ 25-ти. — Пожалуйте къ намъ завтра, въ 9 часовъ утра, на улицу Биржаръ. Тамъ мы съ вами чайку выпьемъ и потолкуемъ какъ слѣдуетъ.

На другой день я отправился въ указанную улицу, гдѣ встрѣтилъ много безбородыхъ мужчинъ и нѣсколько женщинъ въ черныхъ платьяхъ, съ бѣлыми платочками на головахъ. Улица Биржаръ оказалась довольно далеко отъ центра города, почти на самомъ концѣ его и нѣсколько отличалась своимъ вишнимъ видомъ отъ остальныхъ. Хотя дома были такіе же, какъ и во всемъ городѣ: небольшіе, каменные, въ одинъ, рѣдко въ два этажа, но здѣсь они

обязательно отдѣлялись другъ отъ друга дворами, отгороженными со стороны улицы деревяннымъ заборомъ. Во дворъ шли ворота русскаго образца, съ двускатнымъ навѣсомъ надъ ними и съ калитками. Кромѣ того, на улицѣ передъ каждымъ домомъ была деревянная скамеечка, на которой наши земляки любятъ посидѣть и потолковать съ сосѣдями въ хорошей весенней или лѣтней вечеръ.

Мой новый знакомый, Василій Ивановичъ Пашковъ, жилъ въ одномъ изъ этихъ одноэтажныхъ домиковъ. Когда я вошелъ на дворъ черезъ калитку, мнѣ попалась навстрѣчу старушка въ костюмѣ здѣшнихъ скопчихъ и посмотрѣла на меня вопросительно. Я отрекомендовался русскимъ, знакомымъ Василя Ивановича.

— Подождите здѣсь,—сказала она:—я сейчасъ позову.

Черезъ минуту она вышла вмѣстѣ съ Василемъ Ивановичемъ, который оказался ея среднимъ сыномъ.

— Маменька,—сказалъ онъ, обращаясь къ старушкѣ:—поскорѣе поставьте самоварчикъ, чтобы угостить чайкомъ нашего землячка. Пожалуйте въ горницы,—обратился онъ ко мнѣ.

Въ домикѣ, состоявшемъ изъ 3—4-хъ комнатъ, куда мы вошли черезъ прихожую, все оказалось повеькимъ, чистенькимъ, опрятнымъ и содержимымъ въ величайшемъ порядкѣ. Въ гостиной, куда привелъ меня хозяинъ, свѣтлой, высокой комнатѣ въ два окна, вся обстановка была чисто европейская. На полу ковры, мягкая мебель, цвѣты на окнахъ.

Мой землякъ оказался добродушнѣйшимъ великороссомъ.

— Ну, и хорошо же вы здѣсь устроились,—проговорилъ я, чтобы начать разговоръ.

— Да, слава Богу, домъ у насъ здѣсь полная чаша. Все есть, что нужно.

— А домикъ-то этотъ вы занимаете, или у васъ свой?

— Какъ можно занимать, свой собственный. У насъ вѣдь всѣ скопчики свои дома имѣютъ. Вся эта улица—наша собственность. Только мы еще недавно домъ-отъ ефтогъ построили, у насъ старенькой былъ, плохонькой, деревянной

— А вы давно ли сюда изъ Россіи пріѣхали?

— Давно, лѣтъ 15 будетъ. Еще съ паленькой покойнымъ пріѣхали. Онъ здѣсь и померъ, здѣсь его и хоронили.

— А братья у васъ есть?

— Есть двое. Я средній, а еще есть у меня старшій и младшій.

— А они гдѣ же?

— Здѣсь, всѣ здѣсь. Да вотъ они сейчасъ придутъ.

— Скажите, пожалуйста, а вы изъ какой губерніи?

— Мы-то? Изъ Орловской.

— А городской или деревенскій?

— Изъ деревни.

— Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

— Приѣхали потому, что мы—скопцы: скопцамъ въ Расаеѣ жить не полагается, выселяютъ въ Сибирь. Сибири мы боимся; говорятъ, тамъ больно холодно. Такъ вотъ сюда и выѣзжаемъ. У насъ нѣкоторые скопцы родныхъ имѣютъ въ Сибири, письма отъ тамошнихъ скопцовъ получаютъ. Одинъ даже приѣзжалъ къ намъ сюда оттуда, погостилъ у насъ. Да не понравилось ему, говорить: «у насъ въ Сибири лучше». И уѣхалъ. Извѣстно привычка,—дѣло большое.

— А вамъ-то здѣсь хорошо живется?

— Чего не хорошо? Слава Богу.

— А румыны васъ любятъ?

— Рамуны-то? Да какъ бы вамъ сказать. Они не то, чтобы любятъ, а только лучше насъ имъ извозчиковъ не найти. Это они хорошо понимаютъ. Первымъ дѣломъ мы честно себя ведемъ: что бы у насъ въ экипажѣ пассажиръ ни оставилъ, мы сейчасъ же передаемъ по принадлежности. Да и надо же намъ здѣсь хорошо себя вести, а иначе наше дѣло пропало. Враговъ у насъ много промежду рамунскими извозчиками, всякую небылицу на насъ взводятъ, потому что имъ никогда столько не заработать, какъ мы. Окромя того, рамуны-извозчики и табачище курятъ, и водку пьютъ, и тѣла своего не соблюдаютъ какъ слѣдуетъ. Воняетъ отъ него какъ отъ пса, прости Господи. А нашъ скопчикъ чисто себя содержитъ, ничѣмъ отъ него не пахнетъ, ну, господамъ и пріятнѣе съ нами ѣздить...

«Опять же и лошади у насъ лучше всѣхъ, все больше орловскіе рысаки, и холимъ-то мы ихъ не какъ другіе. И экипажи у насъ новенькіе, на резиновыхъ шинахъ, и одежда вся новенькая, съ иголочки. А лошадокъ мы страсть какъ любимъ, это вѣдь наши дѣтки, мы такъ ихъ и зовемъ. Мы вездѣ узнаемъ, гдѣ лошади хорошія есть, и денегъ на нихъ не жалѣемъ. Вотъ, господинъ, къ вамъ у меня просьба, не узнаете ли гдѣ въ вашихъ мѣстахъ про лошадей, какая будетъ, моль, порода, какія статьи, какія масти, какія цѣны, и напишите намъ. Вамъ вѣдь это ничего не стоитъ, а намъ вы большое одолженіе сдѣлаете... Ну, опять и потому насъ предпочитаютъ, что извозчикъ-рамунъ никогда не сумѣетъ такъ лихо подкатить сѣдока, какъ мы,—знаете, по-русски».

Въ это время работникъ-румынъ принесъ на столъ чистенькій, блестящій самоваръ, и мы принялись за чаепитіе. Къ чаю пришли и другіе два брата. Старшій, хотя тоже еще молодой человекъ, выглядѣлъ, благодаря своему безбородому лицу и солидности, какимъ-то чиновникомъ старыхъ временъ. А младшій, очень полный, начинавшій жирѣть, походилъ на купца. Всѣ трое были высокаго роста и хорошо сложены.

— Вотъ посмотрите, ваше благородіе,—отрекомендоваль ихъ Василій Ивановичъ: — молодецъ къ молодцу, настоящіе гвардейцы. Только я хуже всѣхъ выгляжу, потому что часто болѣю. Былъ боленъ горячкой и съ тѣхъ поръ не могу какъ слѣдуетъ поправиться.

Съ приходомъ братьевъ разговоръ сталъ еще оживленнѣе. Братья показали мнѣ весь свой домъ. Онъ оказался такимъ же чистенькимъ и опрятнымъ, какъ и гостиная. Между картинами и фотографіями, украшавшими стѣны дома, на первомъ планѣ висѣли олеографическіе портреты императоровъ Александра III и Николая II и большая фотографическая группа безбородыхъ и безусыхъ людей разныхъ возрастовъ.

— Это наши знакомые скопчики изъ Яссы прислали намъ, — пояснилъ старшій братъ. — У нихъ есть одинъ любитель-фотографъ, такъ онъ самъ и снималъ.

По этому поводу я предложилъ братьямъ снять ихъ на память бывшимъ при мнѣ аппаратомъ, на что они съ удовольствіемъ и согласились. Хотѣлъ было и снять вмѣстѣ съ ними и ихъ старушку-мать. Сыновья помогали мнѣ ее уговаривать, но она ни за что не согласилась, считая это и грѣховнымъ, и по ея лѣтамъ неприличнымъ. Вообще она совершенно иначе относилась ко мнѣ, чѣмъ ея сыновья: въ высшей степени сухо и недоувѣрчиво. Было ясно, что она чего-то боится.

Затѣмъ мы осмотрѣли дворъ и хозяйственныя постройки. Всѣ онѣ оказались очень солидными, а расположеніе и назначеніе каждой хорошо обдуманно. Особенно много заботъ было приложено къ устройству конюшни. Въ ней были такія удобства для лошадей, какія можно видѣть только у богатыхъ помѣщиковъ или коннозаводчиковъ. Осмотрѣли, конечно, и лошадей. Ихъ было три пары, все вороныя, съ большими гривами и съ густыми хвостами. Каждая изъ нихъ, какъ говорится, «чортомъ смотритъ».

Надо сказать, что здѣшніе скопцы всѣ «извозчики-аристократы», то, что у насъ принято называть въ Петербургѣ лихачами. Сами они только выѣзжаютъ на биржу, а за лошадьми у нихъ ухаживаютъ работники-румыны. Скопецъ не поѣдетъ, какъ простой извозчикъ, на вокзалъ и не будетъ приставать къ прохожимъ, чтобы его взяли. Большинство изъ нихъ имѣютъ постоянныхъ заказчиковъ, которые берутъ ихъ по недѣлямъ или по мѣсяцамъ. Заказы имъ присылаютъ заранѣе по городской почтѣ на открыткахъ, такъ какъ адреса ихъ извѣстны постояннымъ заказчикамъ. Поэтому скопцу нѣтъ надобности вставать въ 6 часовъ утра и плестись въ городъ, несмотря ни на какую погоду. Они встаютъ въ 8—9 часовъ утра, а изъ дому выѣзжаютъ кто съ 12, кто съ двухъ, кто съ трехъ по полудни, смотря по заказу. А если и случается кому выѣхать пораньше, то къ 6 часамъ вечера онъ уже возвращается домой. Младшему брату въ этотъ день случилось выѣхать раньше другихъ. Онъ одѣлся и вышелъ на дворъ, гдѣ уже къ тому времени работникомъ была приготовлена коляска, запряженная парой вороныхъ. Коляска была послѣднимъ словомъ экипажной науки. Блестѣла она такъ, что можно было смотрѣться въ ея стѣнки, какъ

въ зеркало. Сбруя новенькая и щегольская. О лошадяхъ уже и говорить нечего, ихъ шерсть отливала, какъ вороново крыло, и каждый волосокъ былъ прилаженъ къ волоску. Хозяинъ былъ одѣтъ въ обыкновенный русскій длиннополый кучерской армякъ изъ чернаго плиса перваго сорта, съ синеватымъ отливомъ. На головѣ изящный картузь чернаго сукна, на рукахъ бѣлыя перчатки. Армякъ подпоясанъ чернымъ креповымъ кушакомъ съ длинными, висящими внизъ концами и съ бахромой. Все новенькое и дорогое.

Замѣтивъ, что я особенно внимательно разсматриваю кушакъ, братья пояснили мнѣ, что кушакъ мѣняется у нихъ каждую недѣлю и носится обыкновенно той же формы, какъ и этотъ, но шелковый, цвѣтной.

— Моя барыня-заказчица,—пояснилъ младшій братъ,—вдова, у нея недавно умеръ мужъ и весь ея домъ въ траурѣ, а потому ужъ и мнѣ приходится трауръ соблюдать. А вотъ мой старшій братъ поѣдетъ сегодня на двѣ свадьбы: одна въ 6 часовъ, другая въ 9, такъ уже ему придется надѣть бѣлый или розовый кушакъ. По-трафлять приходится заказчикамъ,—пояснилъ онъ:—потому что намъ хорошо платятъ, по 15 франковъ получаемъ за два часа, а въ день меньше 25—30 франковъ не привозимъ.

Въ числѣ прочихъ построекъ у моихъ хозяевъ не была забыта и русская баня съ полкомъ и съ кранами холодной и горячей воды. Все было сдѣлано въ ней чисто и щеголевато. «У насъ,—пояснили скопцы,—у каждаго хозяина есть такая баня, мы каждую субботу моемся, намъ безъ этого нельзя».

За каретнымъ сараемъ былъ разведенъ маленькій садикъ, который наполненъ былъ теперь ароматомъ цвѣтущей бѣлой акаціи. По срединѣ его воздвигалась обширная бесѣдка, густо обвитая виноградомъ.

— Здѣсь,—указалъ Василій Ивановичъ,—мы любимъ въ хорошую погоду чайку попить. А если соберутся къ намъ сосѣди, такъ любимъ нашу Расеюшку вспомнить, затынемъ русскую хорошую пѣсенку. Вѣдь здѣсь рамуны-то не мастера пѣсни пѣть. Тутъ мы и газеты читаемъ, разныя новости изъ Расеюшки рассказываемъ. А иной разъ, какъ ужъ очень разойдемся, государю императору ура кричимъ.

— Ну, а газеты-то русскія вы получаете?

— Какъ же, и русскія газеты получаемъ и рамунскія, и журналы и книги читаемъ. Это мы очень любимъ.

— Какія же вы больше газеты любите?

— Разныя. Вотъ мы съ братьями «Сынъ Отечества» прежде выписывали, «Ниву»—также...

— А теперь?

— Въ этомъ году мы отъ другихъ беремъ, сами не выписываемъ, потому что, какъ строили новый домочекъ, такъ маленько поза-

должали, приходится деньги выплачивать, а то прежде всегда, бывало, выписывали.

— Ну, а признайтесь по совѣсти, все же вамъ нѣтъ-нѣтъ, да и взгрустнется? — спросилъ я.

— Что же намъ грустить, все у насъ есть, домъ полная чаша, деньги тоже есть. Чего же намъ горевать?

— Ну, да вотъ, напримѣръ, развѣ вы не думали когда-нибудь: для кого, молъ, мы деньги копи́мъ и все это устраиваемъ? Кому все это передадимъ, какъ придется помирать?

— Нѣтъ, мы еще молоды и объ этомъ не думаемъ. Будетъ еще времени объ этомъ думать. Вотъ первое дѣло сдѣлали: тятеньку похоронили, потомъ второе будетъ: маменьку похоронить, а ужъ потомъ и будемъ думать, кому передать наше имущество послѣ смерти. Только ужъ мы русскому передадимъ, а не ефтимъ проклятымъ рамунамъ, не поживятся они отъ насъ копеечкой.

Я сталъ собираться домой. Милый Василій Ивановичъ проводилъ меня до трамвая и звалъ заходить въ другой разъ. «Мы рады,— говорилъ онъ,— увидѣть родного человѣка изъ Расаеи, не часто это случается. Поговоришь съ вами, такъ будто дома въ Расаеюшкѣ побываешь».

На конку со мной рядомъ усѣлся господинъ среднихъ лѣтъ, съ порядочнымъ брюшкомъ, изящно одѣтый по-европейски, въ шлягѣ котелкомъ; но по его чистому отъ всякой растительности лицу, похожему, какъ выразился какой-то писатель, «на коровье вымя», можно было догадаться, что это тоже скопецъ. Я поспѣшилъ съ нимъ заговорить, пользуясь тѣмъ, что отъ улицы Биржаръ до центра города, куда мы направлялись, приходилось дѣлать порядочный курсъ. И дѣйствительно, я не ошибся: это былъ скопецъ, крупный хлѣбный торговецъ. По его словамъ, онъ занимался продажей овса и ячменя, и торговля шла у него недурно, онъ нажилъ себѣ два собственныхъ дома. Изъ его разговора видно было, что онъ очень недоволенъ своей судьбой. Отца своего крестьянина, который оскопиль его въ дѣтствѣ и привезъ сюда изъ Каменецъ-Подольска, онъ иначе и не называлъ, какъ дуракомъ и с.....мъ с...мъ.

— Чѣмъ же вы недовольны?—спросилъ я его, припоминая недавній разговоръ съ Пашковымъ:—домъ у васъ есть, деньги есть, торговля идетъ хорошо? Чего же вамъ еще нужно?

— Всего этого мало для человѣка,—возразилъ онъ.—Если бы я былъ дома, на родинѣ, я былъ бы богачомъ и была бы мнѣ честь. А здѣсь какая честь? Рамуны насъ въ душѣ ненавидятъ. Вотъ и чувствуешь, что здѣсь, несмотря на деньги и довольство, нѣтъ почвы подъ ногами. Работаетъ, работаетъ и не знаешь, для кого и для чего?

На другой день утромъ я снова пришелъ къ Василію Ивановичу подъ предлогомъ, что еще не снялъ на фотографію ихъ лошадокъ

и экипажа. По дорогѣ разговорился съ однимъ молодымъ скопцомъ, который упросилъ меня снять его въ экипажѣ съ лошадьми. Когда я рассказалъ объ этомъ Василю Ивановичу и передалъ ему фамилію снятаго скопца, онъ былъ очень недоволенъ и даже замахалъ руками.

— Охота вамъ снимать всякую дрянь, — сказалъ онъ. — Вѣдь это отчаянный пьяница, онъ срамить передъ рамунами всѣхъ насъ, скопцовъ.

Распространившись о томъ, какъ это гадко разумному человѣку пропивать свой умъ, онъ заключилъ: «Если бы я былъ царемъ, я бы всѣмъ пьяницамъ «чикъ» (указалъ онъ на горло) и готово».

Я попросилъ Пашкова познакомить меня съ другими скопцами, его сосѣдями, что онъ и исполнилъ съ большою готовностью.

Мы вышли на улицу и встрѣтили сидящими на скамеечкѣ двухъ скопцовъ пожилыхъ и одного молодого. Я началъ свое знакомство съ того, что снялъ ихъ троихъ группой такъ, какъ они сидѣли. Въ то время подошло еще нѣсколько скопцовъ и между ними одинъ русскій старичокъ съ сѣдой бородой, очевидно, не скопецъ, на видъ еще очень бодрый.

— А вы, — спросилъ я его, — тоже скопецъ?

— Никакъ нѣтъ, я старообрядецъ, а только со скопцами давно живу въ здѣшней слободкѣ и компанію вожу, потому что здѣсь другихъ русскихъ нѣтъ.

— Какой вы губерніи?

— Черниговской.

— А давно въ Румыніи?

— Охъ какъ давно! съ 48-го года, съ Венгерской кампаніи.

— Какъ же вы сюда попали?

— Я былъ солдатомъ, ходилъ въ Венгерскую кампанію, всю кампанію сдѣлалъ и уже домой возвращался, да какъ къ границѣ подошли, взялъ да и сбѣжалъ.

— Почему же это вы сбѣжали?

— Потому, что очень тяжка была прежняя николаевская служба. Вѣдь насъ брали въ солдаты на всю жизнь, а я молодъ былъ, жить хотѣлось, вотъ и сбѣжалъ. А теперь уже давно и вина-то моя прощена по манифесту и вернуться бы могъ въ Россію, да возвращаться-то мнѣ туда незачѣмъ. Домикъ у меня здѣсь есть, и жена, и дѣти, и даже два внука. Такъ куда же мнѣ ѣхать? Жить за границей сначала было очень трудно, какихъ только занятій я не прошелъ: коробейникомъ былъ и краспорядцемъ былъ, потомъ рыбой торговалъ и подъ конецъ извозчикомъ сдѣлался. Извозчикомъ я былъ 20 лѣтъ и домикъ себѣ нажилъ. Первая жена у меня была венгерка. Я ее передъ свадьбой въ свою вѣру окрестилъ, все какъ слѣдуетъ. А потомъ она умерла, я ее похоронилъ и женился на русской. Вѣры своей я держусь твердо до самаго послѣдняго времени, но вотъ

дѣти мои уже ея и не держатся, а внуки и подавно. Ничего съ ними не подѣлаешь.

У старика на груди висѣла какая-то медаль, на которую я невольно обратилъ вниманіе. Онъ получилъ ее отъ короля Карла за то, что въ качествѣ извозчика возилъ какую-то важную персону. Само собой разумѣется, что медалью этой онъ очень дорожить и не расстаётся съ ней ни на минутку. Въ настоящее время онъ уже не работаетъ и живетъ у своихъ сыновей, изъ которыхъ одинъ торгуетъ рыбой, а другой извозничаетъ.

При нашей бесѣдѣ присутствовало нѣсколько скопцовъ, которые во все время не вставили въ разговоръ ни одного слова. Но, когда старикъ ушелъ, всѣ обрадовались и назвали его «самохваломъ». Вообще «самохвалами» они называли всѣхъ старообрядцевъ, къ которымъ относились очень недружелюбно, и, наоборотъ, съ большой похвалой отзывались о молоканахъ, штундистахъ и другихъ сектантахъ раціоналистическихъ сектъ, ставя ихъ вѣры почти наравнѣ со своей и говоря, что все это лучшіе люди изъ народа.

Изъ моихъ новыхъ знакомыхъ скопцовъ меня заинтересовали болѣе другихъ два старика: одинъ хохоль Харьковской губерніи, а другой великороссъ—Орловской. Хохоль пригласилъ меня къ себѣ въ домъ и принялся угощать чаемъ, по случаю хорошей погоды—на дворѣ. Съ нами сидѣлъ и великороссъ. Оба они, повидимому, очень не прочь были поболтать со мной и рассказывали наперерывъ другъ передъ другомъ, отвѣчая на вопросы, которые я имъ предлагалъ. У хохла былъ нехорошій желтоватый цвѣтъ лица, жиденькая сѣдая борода и совсѣмъ слабая растительность на усахъ. Наружность великоросса была нѣсколько болѣе счастливая. Хотя и у него растительность на лицѣ была очень слаба, но онъ былъ полнѣе и цвѣтъ лица свѣжѣе, чѣмъ у малоросса. Хохоль рассказывалъ, что ему было 46 лѣтъ и у него было два сына, когда онъ вздумалъ принять скопчество и потомъ выѣхать изъ Россіи. Сначала онъ пріѣхалъ въ Галацъ и промышлялъ тамъ извозничествомъ, а потомъ перебрался сюда.

— Когда я уѣзжалъ изъ Россіи,—говорилъ старикъ:—то у меня было намѣреніе уйти куда-нибудь подальше отъ свѣта, отказаться отъ всѣхъ его соблазновъ и поселиться гдѣ-нибудь въ пустынѣ, но нечистый меня попуталъ, и я пріобрѣлъ все это,—указалъ онъ на свой дворъ и домъ.

— Ну, и съ тѣхъ поръ вы не бывали въ Россіи?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, бывалъ,—отвѣчалъ онъ,—и даже нѣсколько разъ, но на короткое время.

— Мы всѣ бываемъ въ Расаѣ,—перебилъ его великороссъ.— Намъ вѣдь безъ этого нельзя: мы тамъ покупаемъ своихъ лошадей.

— Но какъ же вы ухитряетесь туда проѣхать? Вѣдь если вы оттуда выѣхали, такъ, значить, вамъ нельзя тамъ жить?

— Да.—отвѣчалъ великороссъ:—намъ пельзя быть въ Россіи и ѣздить туда, какъ всѣ люди ѣздятъ, но мы все-таки ухитряемся. Мы вотъ какъ это дѣлаемъ...—началъ онъ пояснять.

Но въ это время малороссъ такъ зыкнулъ на него, что онъ прикусилъ языкъ, сконфузился, замолчалъ и векорѣ послѣ того ушелъ.

— Держи языкъ за зубами, этакъ ты все сейчасъ же и выложишь...—злбно проворчалъ хохоль.

Остались мы съ нимъ вдвоемъ и еще долго толковали, какъ о житѣ-бытѣ здѣшнихъ скопцовъ, такъ и объ ихъ религій.

Любимое занятіе старика—пчеловодство. Дома онъ не зналъ вовсе этого искусства и научился ему здѣсь, отчасти со словъ другихъ пчеловодовъ, отчасти изъ книгъ. Любопытно, что онъ совершенно безграмотный и если хочетъ что-нибудь прочитать, то приобрѣтаетъ себѣ книгу и обращается къ другимъ, чтобы ему прочитали. Такимъ образомъ онъ прекрасно усвоилъ и запомнилъ прочитанныя ему свѣдѣнія о пчелахъ. Точно такъ же онъ хорошо запомнилъ и разсказалъ мнѣ безъ записки житіе св. Георгія Побѣдоносца, выслушанное имъ три раза. Но, когда я сталъ соболѣзновать старику, что онъ не выучился въ свое время такому важному для него искусству, какъ чтеніе, то онъ не выразилъ ни малѣйшаго сожалѣнія, а, напротивъ, задалъ наивный вопросъ: «а на что мнѣ читать?»

— Откуда же вы узнали бы о пчелахъ, о вашей вѣрѣ, о Богѣ и о святыхъ,—спросилъ я его:—если бы не было книгъ?

— А другіе-то на что? Развѣ мало умѣющихъ читать?

Старикъ рѣдко выходитъ въ городъ, а потому, проживши въ Румыніи 20 лѣтъ, не только не выучился румынскому языку, но даже и по-русски-то говорить затруднялся.

— На кой прахъ мнѣ,—говоритъ онъ,—этотъ рамунскій языкъ? На кой прахъ мнѣ Бухарестъ? Пусть туда ѣздятъ мои сыновья, имъ нужно гроші заробить, а мнѣ и дома хорошо, я больше на пасѣкѣ съ пчелками.

— А хочется вамъ въ Россію?—спросилъ я его.

— Да ужъ такъ-то хочется, что, если бы пришелъ манифестъ, все бы побросалъ и голый бы побѣжалъ на родину. Педавно въ Россіи вышелъ манифестъ о разныхъ сектантахъ, такъ мои сыновья все увѣряли, что и намъ, скопцамъ, выйдетъ помилованіе. Читали мы этотъ манифестъ много разъ, читали и перечитывали, толковали и такъ и эдакъ, а все-таки для себя ничего подходящаго не нашли. А мы все-таки надежды на манифестъ не теряемъ. Денегъ у нашихъ скопцовъ много, и всѣ онѣ идутъ проклятымъ рамунамъ. А если бы мы вернулись домой, то все это пошло бы въ Расею.

— Ваши деньги,—возражалъ я,—для такой большой страны, какъ Россія, все равно, что капля въ морѣ. На ваши деньги не польстятся. А не пустятъ васъ въ Россію потому, что вы будете распространять тамъ свою вѣру.

— Мы-то?—спросилъ малороссъ:—да сохрани насъ, Господи. Мы только о себѣ думаемъ и о своемъ спасеніи. Что намъ другіе?

— Вы можете говорить, что угодно, но никто вамъ не повѣритъ. Чѣмъ вы докажете правительству, что будете жить смирно и вашей вѣры распространять не будете?

— Да мы бы всѣ наши деньги отдали, лишь бы намъ вернуться домой.

— Нѣтъ, вашихъ денегъ никому не нужно, а пустить васъ въ Россію это все равно, что пустить козла въ огородъ.

— Есть же наши скопцы «осужденные» въ Петербургѣ, которые мѣнялами служатъ, дастъ Богъ, когда-нибудь и до насъ очередь дойдетъ.

— Что же это за «осужденные»? Откуда они взялись?

— Это все отъ прежнихъ временъ осталось. Прежде, какъ изловить насъ цѣлую шайку, такъ одного за всѣхъ возьмутъ и осудятъ на ссылку въ Сибирь, а прочихъ освобождали. Вотъ откуда эти «осужденные». Живутъ они въ Петербургѣ на полной свободѣ и вреда никому не дѣлаютъ. Такъ же и мы стали бы жить тихо, мирно. А въ новыя времена не такъ стали думать: заберутъ всѣхъ и отправятъ въ Сибирь. Говорятъ, графъ Игнатьевъ, когда былъ въ Сибири, то побывалъ и у нашихъ скопцовъ. Увидѣлъ, что они хорошо и зажиточно живутъ, и очень хвалилъ ихъ. А потомъ увидѣлъ православныхъ. У нихъ хаты покосились, заборы и ворота свалились. «Почему же,—говоритъ,—скопцы здѣсь такъ хорошо устроились, а вы такіе-сякіе не можете жить по-человѣчески?»—«Это потому,—отвѣчаютъ:—что скопцы помогаютъ другъ другу».—«Нѣтъ,—говоритъ:—не потому, а потому, что вы пьяницы и лѣнтяи. Я бы васъ, подлецовъ, всѣхъ оскопилъ, чтобы вы жили какъ слѣдуетъ».

Пытался я заговорить съ моимъ собесѣдникомъ о вопросахъ религіозныхъ. Но взгляды его въ этомъ отношеніи были настолько туманны и сбивчивы, что уловить въ нихъ какую-нибудь систему или послѣдовательность не было ни малѣйшей возможности. Въ этой области старикъ руководился не мыслями, а цѣлымъ рядомъ заученныхъ мистическихъ фразъ. По его словамъ, скопцами всѣ люди не могутъ быть потому, что скопческая вѣра далеко не всѣмъ людямъ дается одинаково и не всякій можетъ ее вмѣстить. Развѣ изъ 1000 человѣкъ одинъ, а можетъ быть и того меньше, говоритъ онъ, можетъ постичь скопческую вѣру и принять на себя всѣ ея тяготы. Скоплятся люди для того, чтобы изгнать изъ своего сердца духа, такъ какъ послѣ борьбы Инсуса Христа съ «дьяболосомъ», въ которой участвовали и небесная артиллерія и кавалерія, для этого злого духа не оставалось другого мѣста на свѣтѣ, какъ только уйти въ сердце человѣческое, что онъ и сдѣлалъ. На другіе мои вопросы по части религіозныхъ вѣрованій скопцовъ старикъ или отвѣчалъ такими туманными и запутанными фразами, которыя и

самъ онъ врядь ли хорошо понималъ, или ссылался на русскій переводъ книгъ Джона Буньяна: «Путешествіе пилигрима» и «Духовная война». Эти книги онъ мнѣ показывалъ, говоря, что здѣсь все объяснено, но дать для прочтенія на домъ не согласился. По его мнѣнію, выше и мудрѣ этихъ книгъ нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Въ заключеніе нашей бесѣды старичокъ показалъ мнѣ свой домъ и хозяйство, гдѣ была такая же чистота и опрятность, какъ и у Василя Ивановича. Несмотря на то, что у малороссовъ вообще не въ обычаѣ дѣлать при домѣ паровыя бани,—баня у него была, подъ страннымъ названіемъ «лажница», какъ непремѣнная принадлежность скопческой вѣры, придающей большое значеніе не только душевной чистотѣ, но и тѣлесной.

Мы разстались со старикомъ большими пріятелями. Онъ счелъ своимъ долгомъ проводить меня до конки и на прощаніе пожелалъ всякаго счастья и благополучія въ пути. По дорогѣ мы посѣтили мастерскую одного изъ скопцовъ, который шилъ для извозчиковъ плисовые кафтаны. У него были хорошія швейныя машины и помощникъ изъ молодыхъ скопцовъ.

Около одного изъ домовъ русской улицы стояла подвода, на которую были нагружены улы и какія-то жерди. Вокругъ нея суетились три скопчихи въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ платочкахъ на головѣ:

— Это,—пояснилъ мнѣ хохоль,—онѣ на пасѣку собрались. Она у нихъ въ степи, верстахъ въ 15-ти отъ города, тамъ же, гдѣ и у меня. Вотъ и коровушку туда ведутъ,—указалъ онъ на привязанную къ возу корову.

На этомъ я было и намѣревался сначала покончить свое знакомство со скопцами. Но по разнымъ постороннимъ обстоятельствамъ мнѣ пришлось остаться въ Бухарестѣ еще на одинъ день, чѣмъ я и рѣшилъ воспользоваться, чтобы побывать у скопцовъ еще разъ.

— Если вы хотите съ нами побесѣдовать,—говорили мнѣ они:— то приходите въ колониальную лавку братьевъ Зубковыхъ. Тамъ мы ежедневно собираемся часовъ въ шесть вечеромъ, чтобы пови-
дать другъ друга, потолковать и чайку попить.

Такъ я и сдѣлалъ.

Лавка Зубковыхъ помѣщалась въ угловомъ домѣ на пересѣченіи улицы Биржаръ и Фанарилоръ, по которой проходитъ конка, т. е. на самомъ бойкомъ мѣстѣ русской слободки. Кромѣ надписи на румынскомъ языкѣ, на ея вывѣскѣ была и русская: «Колониальная торговля братьевъ Зубковыхъ». Я пришелъ немного ранѣе назначеннаго времени, а потому не нашелъ въ лавкѣ никого, кромѣ средняго изъ трехъ братьевъ, хозяевъ лавки, который скопцомъ не былъ. Это былъ красивый русскій мужичокъ, съ умнымъ, симпатичнымъ лицомъ и съ окладистой русой бородой. На видъ ему было не болѣе лѣтъ 42—43, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оказалось 50.

Остальныхъ братьевъ не было дома. Зная, что сюда по вечерамъ собираются скопцы попить чаю, и подыскивая предлогъ для знакомства съ хозяиномъ, я спросилъ у него, нельзя ли здѣсь получить стаканъ чаю.

— Нѣтъ-съ, господинъ,—отвѣчалъ онъ:—у насъ чай дѣйствительно продается въ лавкѣ на фунты, но заваривать и пить его здѣсь нельзя, у насъ не чайная.

— А какъ же мнѣ ваши скопцы сказывали, что они собираются здѣсь по вечерамъ попить чайку?

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ онъ довольно сухо:—это неправда. Вы сами изволите видѣть, что здѣсь не чайная и не трактиръ, а только колониальная лавка.

— Ну, хорошо,—сказалъ я:—чаю у васъ нѣтъ, но сегодня такая жара, ужасно пить хочется. Нѣтъ ли у васъ квасу, лимонаду или хоть содовой воды?

— Никакъ нѣтъ-съ, мы ничего питьяго не держимъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ дайте мнѣ хоть простой воды и позвольте у васъ присѣсть, отдохнуть. Я прошелъ нѣшкомъ весь Бухарестъ съ начала до конца и, признаться, немножко усталъ.

— Пожалуйте, садитесь,—сказалъ онъ и принесъ стаканъ воды.

Трудно было преодолѣть сухость этого человѣка, ясно было, что онъ трусилъ, подозрѣвая во мнѣ какого-то шпиона. Но я рѣшился какъ-нибудь протянуть время и остаться въ лавкѣ во что бы то ни стало до тѣхъ поръ, пока будутъ собираться скопцы. Къ моему счастью, мнѣ не пришлось много изворачиваться и изощряться въ придумываніи фразъ, которыя могли бы расшевелить моего хозяина: въ лавку сначала заходилъ цѣлый рядъ румынъ-покупателей, а потомъ пришелъ и одинъ изъ скопцовъ, который, очевидно, слыхалъ обо мнѣ отъ своихъ товарищей, а можетъ быть видалъ меня на улицѣ, когда я фотографировалъ другихъ скопцовъ. Онъ прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ по-русски: «Вы, баринъ, откуда будете?» Сообщивши вкратцѣ о себѣ и о цѣли моего путешествія, я, въ свою очередь, спросилъ его, откуда онъ.

— Моя родина недалеко отсюда,—отвѣчалъ онъ:—я изъ Бессарабіи.

— А давно ли вы здѣсь?

— Охъ, ужъ давно. Я еще во время турецкой войны извозничалъ здѣсь въ Бухарестѣ. Когда русскія войска сюда пришли, такъ насъ скопцовъ, какъ лучшихъ извозчиковъ, здѣшнее начальство наняло, чтобы мы возили царскую свиту и военное начальство. Меня назначили къ военному министру, генералу Милютину, и я ѣздилъ съ нимъ все время за покойнымъ государемъ Александромъ II съ самой первой минуты, какъ онъ сюда пріѣхалъ, и до выѣзда въ Россію. Были мы и подъ Русукомъ и подъ Шлевшой. Всю Болгарію

проѣхали до Тырнава, но за Балканами не были. Господинъ министръ очень доволенъ мной остался, да и вообще господа военные пасъ, сконцовъ, полюбили, расспрашивали, откуда мы, какъ живемъ и проч. Говорили, что, молъ, этакихъ лихихъ людей намъ и въ Россіи нужно бы было.

Разговоръ нашъ перешелъ на воспоминанія о войнѣ, о томъ, сколько мы тамъ крови пролили, и о томъ, какой черной неблагодарностью отплатила намъ Болгарія за наше самопожертваніе. Въ Константинополѣ мой собесѣдникъ во время войны не былъ, но онъ ѣздилъ туда недавно съ однимъ изъ своихъ товарищей въ качествѣ туриста, а потому рассказывалъ мнѣ и про этотъ городъ, куда я собирался ѣхать. Словомъ, за разговоромъ мы и не замѣтили, какъ стали собираться въ лавку и другіе скопцы и въ томъ числѣ два брата Зубковы. Изъ числа ихъ особенно выдѣлялся старшій. Съ первыхъ же словъ видно было, что этотъ человѣкъ одѣленъ большимъ природнымъ умомъ и сильной энергіей. Хотя ему было 52 года, но такъ какъ на головѣ его не было ни одного сѣдого волоска, онъ былъ безъ бороды и усовъ и имѣлъ, какъ всѣ скопцы, высокій голосъ, то при свѣтѣ только что зажженныхъ лампъ ему можно было дать лѣтъ около 30-ти. Я выразилъ удивленіе по поводу того, что онъ такъ хорошо сохранился.

— Это потому,—объяснилъ онъ:—что мы ведемъ правильную жизнь.

Дмитрій Михайлычъ оказался при всѣхъ своихъ прочихъ достоинствахъ большимъ балагуромъ и той жизнерадостной натурой, изъ которой, какъ говорится, жизнь ключомъ бьетъ. Не было никакого сомнѣнія, что онъ былъ душою своего общества и своею жизнерадостностью заражалъ всѣхъ своихъ сотоварищей. Какъ только онъ завладѣвалъ разговоромъ, всѣ замолкали, жадно ловя каждое его слово и награждая каждую его остроту искреннимъ раскатистымъ смѣхомъ. Такіе люди всегда пользуются любовью своего общества, они заставляютъ человѣка забыть свое горе, они вливаютъ во всѣхъ свою бодрость. Словомъ, въ ихъ обществѣ живешь полною жизнью.

— Вы тотъ самый господинъ М., пріѣхавшій изъ Россіи, о которомъ намъ говорилъ Пашковъ?

— Да, это я.

— Очень пріятно съ вами познакомиться. Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

Я передалъ о цѣли своего путешествія и добавилъ, что къ нимъ, сконцамъ, пришелъ для того, чтобы повидать ихъ, описать видѣнное, напечатать и тѣмъ заработать себѣ малую толчку на дорогу.

— Такъ вотъ и смотрите на пасъ,—отвѣчалъ Зубковъ:—видите, какіе мы чистенькіе да гладенькіе,—показалъ онъ на свои усы и бороду.

— На это-то я ужъ наглядѣлся достаточно,—продолжалъ я въ его же тонѣ:—а вотъ мнѣ интересно было бы посмотрѣть, такъ же ли чисто и гладко у васъ на душѣ, какъ на лицѣ?

— Что жъ, это дѣло хорошее. Смотрите и замѣчайте. Мы отъ васъ не таимся. Мы люди простые, у насъ что на душѣ, то и на языкѣ.

— Да полно, такъ ли?

— А вотъ увидите.

— Я произведу надъ вами форменное слѣдствіе,—шутить я.— А потомъ, если понадобится, то и привлеку васъ куда слѣдуетъ.

— Нѣтъ, руки коротки у русскаго, чтобы взять насъ, мы здѣсь въ Румыніи никого не боимся, кромѣ Бога.

— Можетъ быть, только вы одинъ не боитесь, а вотъ вашъ младшій братъ давеча не на шутку меня испугался и, если бы я не былъ такъ настойчивъ, онъ непременно бы меня сплавилъ отсюда.

— Это потому, что онъ не скопецъ, а намъ, скопцамъ, некого и нечего бояться. Вы, должно быть, немало наслышались о насъ въ Россіи всякой всячины?

— Да, конечно, наслышались, только я представлялъ васъ себѣ нѣсколько иначе.

— А какъ же вы насъ себѣ представляли?

— По рассказамъ и по тому, что я объ васъ читалъ, вы представлялись мнѣ людьми подозрительными, недовѣрчивыми, боязливыми и угрюмыми. А теперь я вижу, что во многомъ ошибался, и особенно относительно вашей угрюмости. Я вижу, что вы народъ очень веселый.

— Небось, вамъ наговорили, что мы всѣхъ и каждаго скопимъ?

— Да, что-то въ этомъ родѣ слыжалъ.

— И вы не боялись къ намъ прійти? Вы не боитесь съ нами сидѣть? Вѣдь насъ здѣсь много, а вы одинъ, мы вотъ схватимъ васъ, да и руки назадъ свяжемъ...

Всѣ громко расхохотались.

— Здѣсь большой городъ,—отвѣчалъ я:—я закричу, и сейчасъ же полиція придетъ ко мнѣ на помощь.

— Нѣтъ, здѣсь мѣсто глухое, полиціи мало, никто васъ не услышитъ.

И мы продолжали шутить въ томъ же родѣ.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ,—смѣялся Зубковъ:—неправду о насъ говорятъ, мы никого силкомъ не скопимъ. Намъ этого вовсе не нужно. По нашему закону всякое насиліе считается величайшимъ грѣхомъ. Да вотъ вамъ примѣръ нашъ средній братъ. Посмотрите на него, онъ съ усами и съ бородой, потому что не скопецъ. Онъ не желаетъ быть скопцомъ, и мы къ насилію не прибѣгаемъ, хотя легко могли бы это сдѣлать. Мы очень хорошо понимаемъ, что нашу вѣру не всякій можетъ вмѣстить, а только тотъ, кому это дано свыше. Такъ объ насъ и въ Евангеліи сказано.

— Э, полноте. Ну, что можетъ быть сказано объ васъ въ Евангеліи? Евангеліе вовсе и не интересуется вами, скопцами.

— А вы вѣрите въ Евангеліе хоть немножко?

— Почему вы это спрашиваете?

— Да потому, что теперь такое невѣріе пошло, что даже и въ Евангеліе многіе перестаютъ вѣрить.

— Ну, вѣрю, что жъ изъ этого?

— А вотъ, не хотите ли я вамъ прочту?

— Сдѣлайте одолженіе.

Зубковъ сейчасъ же досталъ Евангеліе и началъ читать съ большимъ чувствомъ:

«Говорятъ Ему ученики Его: если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться. Онъ же сказалъ имъ: «Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано: ибо есть скопцы, которые изъ чрева материннаго родились такъ; и есть скопцы, которые оскотлены отъ людей; и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для Царства Небеснаго. Кто можетъ вмѣстити, да вмѣститъ».

— А вотъ,—разошелся Зубковъ,—и еще одно мѣсто я вамъ покажу о насъ въ Откровеніи Іоанна Богослова:

«...и взглянулъ я, и вотъ Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ и съ Нимъ сто сорокъ четыре тысячи, у которыхъ имя Отца Его написано на челахъ».

— Вотъ, смотрите,—сказалъ онъ:—развѣ на нашихъ челахъ не написано? Да нашего скопчика хоть въ какой большой толпѣ различишь.

— Этотъ текстъ вы напрасно себѣ приписываете,—возразилъ я:—тутъ говорится о печати на челѣ, а не на усахъ и бородѣ.

— Это все равно. На челѣ падо понимать вообще на лицѣ.

— Такъ свободно тексты Священнаго Писанія нельзя толковать, а то, пожалуй, и тѣ, у которыхъ провалился носъ, также могутъ принять эти слова на свой счетъ.

— А вотъ послушайте, что дальше-то написано: «И услышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома; и услышалъ голосъ какъ бы гуслистовъ, играющихъ на гуслихъ своихъ: *они поютъ какъ бы новую пѣснь* предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами; и никто не могъ научиться сей пѣсни, кромѣ сихъ ста сорока четырехъ тысячъ, искупленныхъ отъ земли. Это тѣ, которые не осквернились съ женами, ибо они дѣвственники; это тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ, куда бы онъ ни пошелъ. Они искуплены изъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу, и въ устахъ ихъ пѣтъ лукавства; они непорочны предъ престоломъ Божіимъ».

— А вотъ эту пѣсню,—добавилъ онъ:—которую мы знаемъ и поемъ между собою, вы никогда не узнаете.

— Ну, не узнаю, такъ и не нужно,—сказалъ я:—а вотъ вы лучше объясните мнѣ, гдѣ же это васъ 144000?

— Это очень долго рассказывать.

— Можетъ быть, тоже нельзя?

— Нѣтъ, можно, въ этомъ секретѣ нѣтъ. Если хотите, такъ слушайте. Число 144 тысячи—это число павшихъ вмѣстѣ съ Вельзевуломъ ангеловъ. За возмущеніе противъ Бога, по слову Божію, всѣ возмущившіеся ангелы были обращены въ темныхъ духовъ, лица ихъ моментально обросли волосомъ и они были ввержены во тьму кромѣшную. Всесильный Богъ не уничтожилъ Сатаны потому, что это было бы для него слишкомъ легкимъ наказаніемъ. Богъ оставилъ его, чтобы онъ безконечно мучился во тьмѣ и терзалъ бы грѣшниковъ до дня суда Божія, и далъ ему власть управлять всѣми царствами міра. А потомъ онъ послалъ сына своего Иисуса Христа на землю и повелѣлъ ему набрать вмѣсто павшихъ ангеловъ 144 тысячи изъ міра такихъ, которые не осквернились съ женами, вотъ такихъ, какъ я вамъ только что читалъ. Это и есть мы—скопчики... Такъ вотъ вы и видите,—продолжалъ онъ:—что мы, исполняя слова Евангелія, никого силкомъ не скопимъ, а убѣждаемъ человѣка. Когда же онъ убѣдится, то самъ придетъ и будетъ просить. А тогда ужъ намъ приходится сдерживать его, чтобы онъ успѣлъ успокоиться, обдумать свое положеніе и все прочее. Приходится ему говорить, подожди, молъ, до осени, когда коновалы пріѣдутъ ¹⁾).

Тутъ посыпались со всѣхъ сторонъ остроты и веселыя шутки, и смѣхъ продолжалъ царить въ нашей компаніи.

— Жаль,—сказалъ я:—что не могу долго оставаться съ вами. Не зналъ я, что вы такой веселый народъ.

— Хорошо, что и не знали, а то, можетъ быть, и вамъ пришлось бы сказать: подождите до осени.

— Сомнѣваюсь, чтобы вы могли найти много охотниковъ принять вашу вѣру среди людей взрослыхъ. Насколько я вижу, вы больше уродуете дѣтей или подростковъ, когда они еще малы и ничего не понимаютъ.

— Вотъ намъ такихъ-то и нужно,—шутилъ Зубковъ:—намъ подавай людей свѣженькихъ, молоденькихъ, дѣвственниковъ, вотъ какъ этотъ парень,—указалъ онъ на одного изъ скопцовъ, дѣйствительно молодца съ виду, высокаго, стройнаго, красиваго.—А то состарѣется человѣкъ, истреплется, а потомъ и приходитъ къ намъ. Нѣтъ, намъ этой гадости не нужно.

— Ну, вотъ видите ли, значить васъ и нельзя пустить въ Россію, а то вы всю нашу молодежь перепортите. А еще нѣкоторые изъ васъ ждуть манифеста, говорятъ, что любятъ Россію, желаютъ ей блага. Развѣ это любовь къ роднѣмъ?

— А почему жъ бы и нѣтъ?

¹⁾ Коновалы изъ Россіи пріѣзжаютъ сюда каждую осень на заработки.

— Да вотъ хотя бы потому, что для Россіи нужно войско, чтобы никто ее не могъ побѣдить, а для этого нужны люди. Между тѣмъ вы будете портить молодежь и уменьшать народонаселеніе Россіи, а въ то же время въ другихъ государствахъ скопчества нѣтъ, они будутъ скорѣе размножаться, чѣмъ мы, и завоюютъ насъ.

— Ну, нѣтъ, въ Россіи народу много, и къ намъ не каждый поидетъ. Сказано въ писаніи, что не каждый можетъ вмѣстить сіе.

— Такъ вѣдь вы маленькихъ, неосмысленныхъ младенцевъ скопите.

— Это зачѣмъ же? Мы никого не скопимъ, кто не въ полномъ разумѣ. На насъ лгутъ, что мы все дѣлаемъ, какъ попало. Намъ этого не нужно. Вы спросите въ Румыніи, оскотили ли мы хоть одного человѣка, а вѣдь наши предки живутъ здѣсь не менѣе столѣтъ... На насъ кто только и не лгалъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ:—всѣ, кто писалъ о насъ, всѣ лгали. Вотъ послѣдній лгалъ господинъ Ревусскій, который написалъ книжку «Люди Божіи, скопцы». Онъ былъ у насъ здѣсь въ 70-хъ годахъ. Все ему было открыто, ничего отъ него не скрывали. А пріѣхавъ въ Россію и написалъ всякія небылицы. За то же Богъ его и покаралъ. Онъ послѣ былъ сосланъ въ Сибирь, да тамъ и умеръ. Вотъ и вы не напишите на насъ небылицъ, а то и васъ Богъ не помилуетъ.

— Налгу,—шутить я:—непремѣнно налгу, напишу, что вы всѣ негодяи и хуже васъ нѣтъ народа на свѣтѣ. Ну, а вотъ скажите вы мнѣ откровенно. Вѣдь тяжело вамъ здѣсь жить, хоть вы и бодритесь?

— Почему же тяжело? Конечно, мы спимъ и видимъ, какъ бы уѣхать въ Россію, а можетъ быть когда-нибудь и попадемъ туда. Вѣдь былъ же въ февралѣ циркуляръ о свободѣ вѣроисповѣданія. Подождемъ, можетъ быть, скоро еще что-нибудь будетъ. Но здѣсь намъ хорошо жить, всѣ насъ любятъ и худа никакого не дѣлаютъ. Посмотрѣть на наше житье-бытье пріѣзжаютъ изъ далекныхъ странъ разные именитые господа. Вотъ, напримѣръ, вы сами слышали, вѣрно, англійскаго лорда Розбернъ?

— Слыхалъ.

— Такъ вотъ онъ у насъ здѣсь, въ этой самой лавкѣ, сидѣлъ, разговаривалъ и чай съ нами пилъ.

— Какъ же онъ къ вамъ попалъ?

— А такъ же вотъ, какъ и вы: слыхалъ, что здѣсь живутъ скопцы, полюбопытствовалъ и пріѣхалъ. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ и привезъ его сюда.

— Ну, и что же онъ у васъ тутъ дѣлалъ?

— Да ничего, посидѣлъ, поразспросилъ обо всемъ черезъ переводчика, чаю попилъ, да и уѣхалъ.

— Кто же у васъ переводчикомъ былъ?

— Одинъ изъ нашихъ скопцовъ. У насъ есть такіе, что по-нѣмецки и по-французски говорить. Вѣдь вотъ вамъ, чай, тоже наго-

ворили, что мы неучи, ничего не знаемъ и не понимаемъ, круглые дураки-мужики. А того не знаютъ, что мы здѣсь учимъ другъ друга читать и писать и по-русски и по-румынски. Вѣдь насъ никто же не учитъ, а рѣдкій между нами не знаетъ грамоты.

— Кромѣ лорда Розбери, многіе сюда пріѣзжали на насъ посмотрѣть, вѣдь всякому это въ диковинку, нигдѣ больше скопцовъ нѣтъ. Даже американцы разъ заѣзжали, американскіе, значить, путешественники.

— Только, какъ вамъ здѣсь ни хорошо живется, по вашимъ словамъ, а все же вашей жизни никто не позавидуетъ. Жизнь человѣка коротка, неприятностей и горя въ ней немало, а вы сами себя лишаете половины человѣческихъ наслажденій. Вы лишаете себя сами и женскаго общества.

— А зачѣмъ намъ это общество? Вотъ наше общество,—указаль онъ на присутствующихъ.—Вотъ мы каждый день такъ собираемся потолковать и намъ весело и хорошо. А въ праздники насъ и больше собирается, человѣкъ 50, и засядемъ тогда за столики чайку попить и такъ-то хорошо да весело. Никакого другого общества намъ и не надо. А то затынемъ мы «Развеселенькій мальчишечка», и такъ-то люблю, что па-поди... А насчетъ женщинъ-то. Такъ будь онѣ нелады, мы на нихъ и смотрѣть-то не хотимъ. Мы ихъ какъ лягушекъ поганыхъ погами попираемъ. Всѣ несчастія человѣческія только отъ нихъ и черезъ нихъ

— А дѣти-то. Развѣ не пріятно имѣть дѣтей, такихъ певинныхъ существъ, какъ ангелы, кровь отъ крови и плоть отъ плоти вашей?

— Нѣтъ, насъ Господь миловать отъ этой радости. Тьфу...

— А все-таки безъ нихъ жизнь пуста, скучна и безцѣльна.

— Нѣтъ, мы не скучаемъ, живемъ весело. Утромъ каждый на работѣ, а вечеромъ соберемся, чайку попьемъ, почитаемъ, поговоримъ, и хорошо намъ и весело. Да вотъ развѣ сегодня вамъ скучно было у насъ сидѣть?

— Нѣтъ, не скучно.

— Такъ же у насъ и всегда бываетъ, и никакихъ женщинъ и дѣтей намъ не нужно.

На прощанье мы обмѣнялись со старшимъ Зубковымъ визитными карточками, и онъ обѣщаль мнѣ отвѣтить, если понадобится еще что-нибудь узнать о ихъ жизни.

— Угостилъ бы васъ чайкомъ,—шутить онъ:—да вы побонтесь, какъ бы я чего не подымалъ.

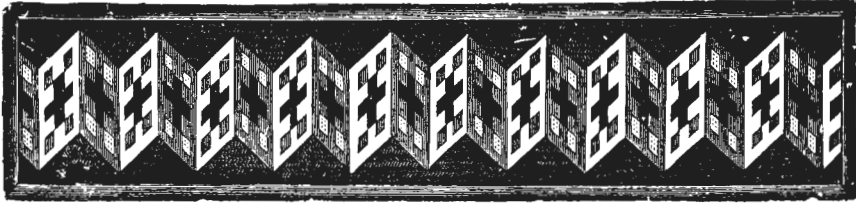
Въ концѣ моего путешествія я снова встрѣтилъ скопцовъ-извозчиковъ проѣздомъ черезъ Яссы. Мнѣ пришлось пробить здѣсь часа 3—4 въ ожиданіи поѣзда на Ургены. Но въ Яссахъ скопцамъ, повидному, не такъ хорошо живется, какъ въ Бухарестѣ. Извозчики здѣсь не парные, а одиночные. Одного изъ нихъ я встрѣтилъ на вокзалѣ. Онъ, какъ всѣ извозчики, унывался передъ пріѣзжими,

предлагая имъ проѣхать по городу и обѣщая показать ту или другую достопримѣчательность.

Другой такой же извозчикъ-скопецъ приставалъ ко мнѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ на главной площади города. Костюмы на этихъ извозчикахъ были такіе же, какъ въ Бухарестѣ, т. е. плисовые кафтаны и картузы, но все это было поплоче и постарѣе. Я не удержался, чтобы не замѣтить ясному извозчику, насколько имъ, повидимому, хуже живется, чѣмъ скопцамъ въ Бухарестѣ. Но онъ отвѣтилъ на это, что и здѣсь есть извозчики богачи и парные, но они еще не выѣхали, потому что выѣзжаютъ не раньше полудня. Но поѣздъ уходилъ рано, а потому мнѣ такъ и не удалось ихъ увидѣть.

В. Мошковъ.

ЖУРНАЛЬНОЕ СТРАТОТЕРПСТВО.

(Изъ воспоминаній о провинціальной цензурѣ).

Свѣжо преданіе...

ПОЛОЖЕНІИ многострадальной русской печати во время до 1905 г. писалось немало въ такъ называемые, медовые мѣсяцы русскаго освобожденія, но сказано далеко не все, что можно и должно...

Весьма неправдоподобными должны казаться всякому воспоминанія о нашей цензурѣ, особенно провинціальной не имѣвшему несчастью пройти черезъ нашу цензурную муштру.

Исторія нашей цензуры есть собраніе анекдотовъ,—подчасъ скверныхъ анекдотовъ,—курьезовъ и эпизодовъ трагикомическаго свойства.

Напримѣръ, цензоръ 60-хъ годовъ въ объявленіи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о сбѣжавшей собачкѣ подъ кличкой «Тиранъ» замѣнилъ «Тирана»—

«Грезоромъ».

Министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ заявилъ однажды, что онъ хочетъ, чтобы русская литература совсѣмъ прекратилась: тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что-нибудь опредѣленное; главное, онъ будетъ спать спокойно...

И цензура съ большимъ или меньшимъ рвеніемъ стремилась къ намѣченной ей Уваровымъ цѣли... Тягостно было положеніе столичной печати, но сугубо тяжелы были условія дѣятельности провинціальныхъ журналистовъ.

Провинціальные газеты выходили не подъ одною цензурою профессиональнаго цензора, а подъ цѣлою дюжиною цензуръ, соперни-

чавшихъ между собою въ своей строгости и свирѣпости. Поступавшій въ редакцію матеріаль приходилось, смотря по содержанию, направлять на предварительный просмотръ и въ канцелярію мѣстнаго градоначальника, и полицеймейстеру, и въ штабъ, и въ попечительство учебнаго округа, и духовнымъ властямъ, и военно-судебной магистратурѣ, и жившему въ губернскомъ городѣ губернатору.

Требовалась чрезвычайная предусмотрительность, чтобы не проморгать какой-либо изъ многочисленныхъ цензуръ.

Но редакторъ или завѣдующій отдѣломъ, будь они и семи пядей во лбу, все же могли иной разъ упустить изъ виду одну изъ «сверхцензуръ». И тогда профессиональный цензоръ напоминалъ вамъ поздно ночью о вашемъ несправимомъ промахѣ и задерживалъ требовавшую двойной цензуры замѣтку, или редакторъ заднимъ числомъ получалъ нахлобучку отъ обиженныхъ невниманіемъ вѣдомства, учрежденія или власти имущаго лица...

Съ провинціальными цензорами всѣхъ многочисленныхъ нашихъ вѣдомствъ мнѣ приходилось сталкиваться въ теченіе послѣднихъ десятковъ лѣтъ, и нѣкоторыми моими бѣглыми воспоминаніями о нихъ я и желаю подѣлиться здѣсь съ читателями.

Цензурное крещеніе я получилъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ въ Петербургѣ у цензора Смирнова. Это былъ ветхій старецъ. Онъ плохо видѣлъ и былъ нѣсколько туго на ухо. Однажды въ статьѣ по вопросу о ремесленномъ трудѣ я цитировалъ цѣлый рядъ старыхъ законовъ. Смирновъ задерживаетъ статью и требуетъ автора для объясненій. Я явился къ нему.

— Почему я знаю,—заявляетъ мнѣ цензоръ:—что вы вѣрно цитируете законы? Представьте мнѣ номера «Правительственнаго Вѣстника»...

Я объясняю, что пользовался при составленіи статьи «Полнымъ собраніемъ законовъ Россійской имперіи» въ Публичной библіотекѣ, и что я лишень возможности удовлетворить его требованіе: изъ библіотеки не выдадутъ на домъ «Полнаго собранія законовъ» даже цензору, а если бы и выдали, то пришлось бы нанять цѣлую платформу для доставки многочисленныхъ фоліантовъ...

— Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ честное слово, что вы не подведете меня, старика, дослуживающаго до пенсіи.

Къ моему честному слову апеллировалъ Смирновъ каждый разъ, когда статья казалась ему цензурной. При всемъ томъ это былъ добрый и удобный для сношеній цензоръ...

Менѣе удобныма оказался его преемникъ В. В. Юзь, который постоянно скрывался отъ многочисленныхъ кредиторовъ, и ему приходилось насильно навязывать цензорскіе оттиски для поднеси въ дворницкой, гдѣ онъ прятался.

Въ 1884 году я былъ приглашенъ, въ качествѣ такъ называемаго помощника редактора и выпускающаго, редакторомъ-издателемъ покой-

ныхъ «Новостей» О. К. Нотовичемъ. Это былъ тогда единственный либеральный органъ въ Петербургѣ, единственный, такъ сказать, пріютъ для всякой оппозиціонной мысли. «Новости» хотя и выходили безъ предварительной цензуры, но не безъ предварительной оглядки въ сторону главнаго управленія по дѣламъ печати. Приглашенія Нотовича въ главное управленіе для личныхъ объясненій и внушеній дѣйствовали на него устрашающимъ образомъ, и онъ порою соперничалъ съ самыми свирѣпыми цензорами. А звали Нотовича довольно часто и по всякимъ поводамъ—самымъ пустячнымъ.

Въ фельетонѣ-разсказѣ покойнаго В. О. Михневича (Коломенскаго Кацкида) о всесильномъ генералѣ, предъ которымъ все и вся дрожить, но который самъ оказывается безпомощнымъ въ борьбѣ съ назойливыми комарами, садившимися къ нему на лысину, усмотрѣна была злокозненная аллегорія.

Пришлось передѣлать конецъ фельетона. Генералъ вышелъ побѣдителемъ.

Часто звали въ цензуру, но еще чаще присылали циркуляры, изнимавшіе изъ обсужденія самыя невинныя темы и вопросы. Изъ этихъ циркуляровъ составлялись цѣлыя книги, которыя въ старыхъ редакціяхъ шутливо назывались «книгами живота».

Помню циркуляры, запрещавшіе писать о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ, о голодовкахъ, о холерѣ и другихъ эпидемическихкихъ заболѣваніяхъ, даже о санитарныхъ неурядицахъ въ частныхъ домахъ, объ академіи художествъ, о распоряженіяхъ дирекціи императорскихъ театровъ, о плохомъ репертуарѣ, о самоубійствахъ, о столкновеніяхъ съ военными и т. д.

Я добросовѣстно штудировалъ эти циркуляры и принималъ ихъ къ свѣдѣнію и исполненію, въ качествѣ выпускавшаго номера газеты.

Въ январѣ 1899 года я получилъ приглашеніе завѣдывать редакціей большой провинціальной газеты, выходящей и понынѣ подъ скромнымъ названіемъ «Одесскій Листокъ».

Не сразу я рѣшился перебраться въ подцензурное изданіе изъ столичной газеты, выходившей безъ предварительной цензуры. И моя нерѣшительность, какъ показать мнѣ горькій, многолѣтній опытъ, имѣла свои основанія. На мою бѣду, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Одессу, туда командированъ былъ изъ Петербурга цензоръ изъ отставныхъ фельдшеровъ, нѣкто Вороничъ, человѣкъ совершенно невѣжественный и ограбченный.

Уже первый пріемъ, оказанный Вороничемъ одесскимъ редакторамъ, которые явились къ нему въ гостиницу объясниться по поводу его безцеремоннаго обращенія съ доставленнымъ ему матеріаломъ и которымъ цензоръ угрожалъ полиціей, показалъ, съ кѣмъ придется имѣть дѣло.

Когда я черезъ нѣкоторое время отправился къ Вороничу съ цѣлью отвоевать безпощадно забракованный матеріалъ, онъ съ

мѣста въ карьерѣ потребоваль, чтобы я чуть ли не сталъ предъ нимъ на вытяжку, ибо онъ, дескать, «начальство».

Я пытался было возразить бывшему фельдшеру, попавшему въ начальство по милости всеильнаго графа П. А. Валуева, у котораго жена Воронича служила по хозяйству, экономкой или кастеляншей.

Вороничъ вспыхнулъ, я повернулся и ушелъ. Съ тѣхъ поръ я избѣгалъ являться къ свирѣлому цензору, зато ежедневно чувствовалъ его властную руку, и онъ не разъ пытался посѣять раздоръ между мною и издателемъ.

Какъ усердно работала властная рука цензора, можно судить по тому, что, когда многострадальный издатель газеты В. В. Навроцкій, выведенный изъ терпѣнія цензорскими погромами, отправился въ Петербургъ жаловаться на Воронича, то повезъ нѣсколько пудовъ оттисковъ забракованныхъ статей и замѣтокъ. Едва ли когда-либо цензурный комитетъ въ Одессѣ тратилъ такъ много на красныя чернила, какъ при Вороничѣ. Не у одного журналиста сердце обливалось кровью, когда цензоръ возвращалъ оттиски, испещренные ярко-красными кровавыми пятнами и помарками.

Вороничевскій гнетъ былъ тѣмъ чувствительнѣе для насъ, что его предшественникъ, С. Д. Ржевскій, нынѣшній симбирскій губернаторъ, относился къ печати весьма благожелательно.

Состоявъ однимъ изъ дѣятельныхъ директоровъ одесскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества, Ржевскій посвящалъ много времени музыкѣ и игрѣ на скрипкѣ. Этимъ музыкальнымъ наклоностямъ цензора одесская печать была обязана тѣмъ, что цензорскіе оттиски просматривала перѣдко жена Ржевскаго, весьма образованная женщина, которую журналисты должны были благодарить за ту относительную свободу, какою они пользовались.

Не безъ удовольствія вспоминали они другого цензора, нѣкоего Шредера, который, за недосугомъ, подписывалъ перѣдко авансомъ чистые листы бумаги, т.-е. будущіе цензорскіе оттиски. За довѣріе редакторы платили цензору Шредеру той же монетою, и на чистыхъ листахъ бумаги не оттискивали никакихъ неудобныхъ для печати статей или прокламацій...

Съ отъѣздомъ Ржевскаго изъ Одессы прошли для насъ «прекрасные дни Аранжуэца». Переходъ отъ него къ вороничевскому режиму былъ слишкомъ рѣзокъ.

Первыми жертвами гоненій со стороны Воронича сдѣлались приглашенные мною для участія въ «Одесскомъ Листкѣ» извѣстные писатели Г. К. Градовскій, профессоръ А. А. Исаевъ, В. О. Португаловъ, В. П. Острогорскій, Д. Л. Мордовцевъ, М. Л. Песковскій, В. О. Михневичъ и другіе.

— Столичные писатели,—заявлялъ не разъ Вороничъ,—должны печататься въ столицѣ.

Пришлось, послѣ долгой и тщетной борьбы, отказаться отъ участія перечисленныхъ выше писателей въ «Одесскомъ Листкѣ».

Вороничь не только зачеркивалъ казавшіяся ему неудобными статьи, но нерѣдко вставлялъ въ нихъ свои «отсебятины». Напримеръ, къ статьѣ сотрудника газеты о халатномъ веденіи городскихъ дѣлъ, вмѣсто заключенія автора о недостаткахъ системы самоуправления, была пристегнута фраза:

«Надо искренно желать, чтобы участію административной власти, служащей и теперь немалой острасткой для произвола нашего самоуправления, были бы предоставлены самыя широкія права, къ чему теперь уже идемъ и за что каждый разумный гражданинъ будетъ сугубо признателенъ правительству».

«Московскія Вѣдомости», не одобрявшія направленія «Одесскаго Листка», были восхищены приведенными строками и сопроводили ихъ такимъ редакціоннымъ замѣчаніемъ, послѣ котораго ни я, ни авторъ злосчастной статьи не знали, куда дѣваться... «Наконецъ-то, — воскликнули «Вѣдомости», — и «Одесскій Листокъ» взялся за умъ!»

Если статьи съ вороничевскими «отсебятинами» задерживались, цензоръ звалъ залуганнаго имъ издателя и, угрожая жалобою въ главное управленіе по дѣламъ печати, требовалъ помѣщенія въ ближайшихъ номерахъ задерживаемыхъ статей. Вороничь при этомъ увѣрялъ, что газета на дурномъ счету и что одного слова его достаточно, чтобы ее прихлопнули. Больше того: сами сотрудники въ большой опасности и будутъ высланы изъ города.

Дружескія отношенія Воронича съ градоначальникомъ-самоуромъ, покойнымъ Зеленымъ усугубляли страхъ много потерѣвашаго издателя.

Приходилось, скрѣпя сердце, оставлять цензорскія отсебятины во всей ихъ неприкосновенности.

Въ фельетонѣ о какомъ-то судебномъ процессѣ во Франціи Вороничь вставляетъ фразу, что у насъ-де такого растлѣнія нравовъ не наблюдается, поелику въ Россіи крѣпкій и здоровый государственный самодержавный сторѣй...

Замѣтка изъ французской газеты «О нищенствѣ» въ Парижѣ, какъ торговомъ предпріятіи, зачеркивается, и сбоку дѣлается приписка: «У насъ и безъ того немало мнимыхъ нищихъ» (?!).

Взятая изъ «Правительственнаго Вѣстника» замѣтка объ анализѣ молока и наблюденіяхъ надъ солнцемъ зачеркиваются, какъ колеблющія-де установившіяся понятія.

Когда при личномъ свиданіи я указывалъ Вороничу, что зачеркнутыя замѣтки взяты цѣликомъ изъ «Правительственнаго Вѣстника», то послѣдовалъ такой характерный отвѣтъ:

— «Правительственный Вѣстникъ» издается въ Петербургѣ, а въ Петербургѣ и власть имущихъ убиваютъ...

Иначе говоря, въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ—дядька...

Статья «О научномъ значеніи гипнотизма», также перепечатанная изъ «Правительственнаго Вѣстника», снабжается цензоромъ такою припискою:

«Прошу имѣть въ виду, что подобныя чисто медицинскіе трактаты не будутъ проходить и изъ «Правительственнаго Вѣстника».

Статья врача Абеля «О теоретической основѣ коховскаго леченія чахотки» была зачеркнута цѣликомъ, причемъ на поляхъ красовалась слѣдующая любопытная резолюція цензора:

«Это совершенно специальная статья, не соответствующая программѣ (?) изданія».

Статья о несовершенномъ устройствѣ платныхъ развлеченій для бѣдныхъ дѣтей въ дѣтскомъ саду не пропущена и снабжена припискою:

«Это похоже на то, какъ если бы, напримѣръ, человѣка, накормившаго голоднаго сытной пищей, упрекали въ томъ, что онъ не угостилъ его черепашинымъ супомъ и пирожнымъ».

Въ одной мѣстной газетѣ была забракована цензоромъ рецензія объ исполненіи «Гамлета», такъ какъ рецензентъ сурово-де отозвался о шекспировскомъ датскомъ принцѣ, назвавъ его тряпкой, мерехлюндіей, а датскій дворъ въ родствѣ съ другими коронованными особами, и могутъ-де возникнуть нежелательныя послѣдствія и дипломатическая переписка...

Вороничъ браковалъ не только статьи, но и совершенно безобидныя заглавія и названія рубрикъ.

Фельетонъ, озаглавленный «О чемъ говорятъ», Вороничъ сопровождаетъ замѣчаніемъ: «Заголовокъ «О чемъ говорятъ» требуетъ, думаю, чтобы была хоть какая-нибудь мысль! Тутъ ея нѣтъ и ясно понятно почему: ни о чемъ теперь не говорятъ. Нерѣдкая безсодержательность этихъ фельетоновъ обратила на себя вниманіе главнаго управленія».

Такимъ образомъ, главное управленіе, по увѣренію Воронича, слѣдило за тѣмъ, чтобы статьи въ газетахъ были не только цензурны и не потрясали основъ, но и отличались содержательностью...

При своей суровости Вороничъ отличался еще малограмотностью и тупостью.

Въ корреспонденціи изъ гор. Николаева разоблачался мѣстный врачъ, учинившій въ своемъ докладѣ плагіатъ. Въ плохую прокорректированномъ цензорскомъ оттискѣ, вмѣсто «плагіатъ», было набрано: «илагіатъ». Просвѣщенный и проищательный цензоръ зачеркиваетъ всюду это непонятное для него слово и требуетъ замѣны его «болѣе приличнымъ»...

Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ издалъ циркуляръ, въ которомъ «особливой внимательности цензуры» рекомендовалось стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію къ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или мѣстнаго!..

Порою и Ворониць задавался, повидимому, цѣлью не допускать излишняго патріотизма.

Изъ замѣтки о молебствіи въ кафедральномъ соборѣ въ какой-то табельный день Ворониць выбросилъ совершенно цензурныя, даже патріотическія фразы. Онъ запрещаетъ газетѣ печатать, впредь до появленія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», сообщенія о томъ, что такого-то числа въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ состоялось молебствіе о здравіи высочайшей особы. Тутъ ужъ не выдержалъ патріотически настроенный издатель и помчался въ Петербургъ съ жалобою на ополоумѣвшаго цензора.

Въ одно прекрасное утро была получена изъ Петербурга радостная вѣсть, что Ворониць устраненъ и что исполненіе его обязанностей временно возложено на старшаго цензора по иностранной цензурѣ.

Всѣ одесскіе журналисты вздохнули съ облегченными сердцами. При этомъ разыгралось маленькое *qui pro quo*, доставившее нѣкоторое удовлетвореніе изстрадавшимся писателямъ.

Ворониць, не предувѣдомленный объ устраненіи его и не получивъ своевременно цензурныхъ оттисковъ, сталъ вызывать по телефону управляющую типографіею «Одесскаго Листка». Та всячески уклонялась отъ бесѣды. Ея примѣру послѣдовали и другія причастныя къ газетѣ лица, а телефонъ продолжалъ неумолчно звонить.

Утромъ слѣдующаго дня Ворониць заявилъ жалобу инспектору типографіи и сослуживцамъ по цензурѣ на выпускъ номера газеты «Одесскій Листокъ» «безъ предварительной цензуры». Въ отвѣтъ на это заявленіе старшій цензоръ предъявилъ полученную имъ наканунѣ телеграмму изъ главнаго управленія объ устраненіи Воронища. Послѣдній позеленѣлъ весь и сталъ задыхаться отъ негодованія...

Послѣ ухода Воронища мнѣ приходилось имѣть дѣло съ разными цензорами. Были среди нихъ болѣе или менѣе требовательные, но Воронищу подобнаго одесская печать не знала.

Покойный цензоръ И. М. Литвиновъ, смѣнившій нынѣ уже покойнаго Воронища, буквально очаровалъ изстрадавшихся одесскихъ журналистовъ своимъ корректнымъ отношеніемъ и привѣтливостью. Къ краснымъ черниламъ онъ прибѣгалъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, можетъ быть, отчасти потому, что, пріученные Воронищемъ къ смиренію, журналисты не выходили изъ цензурныхъ границъ и строго соблюдали законы о печати. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Литвинова смущали какъ е-нибудь мѣсто или фраза въ статьѣ, онъ предлагалъ редакціи видоизмѣнить ихъ, но легко щель на уступки, когда его пытались убѣждать, что онъ заблуждается.

Когда Литвиновъ явился въ редакцію предъ отъѣздомъ своимъ, чтобы откланяться, я высказалъ ему, что считаю его однимъ изъ

лучшихъ цензоровъ среди тѣхъ, съ которыми меня сталкивала судьба.

— Можетъ быть, однимъ изъ худшихъ, пбо съ точки зрѣнія нынѣшняго цензурнаго начальства,—замѣтилъ шутя Литвиновъ,—хорошимъ цензоромъ является тотъ, на котораго поступаетъ много жалобъ, а вотъ вы на меня ни разу не жаловались... Между тѣмъ за частыя жалобы на нихъ иные цензора получали награды...

Литвинова смѣнилъ цензоръ Л-ть, достаточно строгій, но корректный.

Были затѣмъ цензора, которые интересовались не только произведеніями авторовъ, но и ихъ интимною, домашнею жизнью.

Такъ, цензоръ Федоровъ требовалъ у секретаря редакціи *circulum vitae* каждаго члена редакціи, интересовался, кому сколько лѣтъ, жепать ли онъ, ведетъ ли нравственную жизнь...

Ему не нравились, наиримѣрь, амурныя дѣла фельетониста газеты,—и онъ приказалъ издателю послать его корреспондентомъ за границу. А въ редакцію посадилъ своего пріятеля Мануйлова и заставилъ взять его на амшлуа корреспондента изъ Испаніи, по съ условіемъ, чтобы испанскій корреспондентъ писалъ свои испанскія письма въ стѣнахъ редакціи.

Особенно не взлюбилъ цензоръ Федоровъ извѣстнаго фельетониста В. М. Дорошевича и усиленно зачеркивалъ его статьи.

Федоровъ протектировалъ пріятелямъ, заставляя печатать ихъ произведенія, а одинъ изъ его преемниковъ Б. протектировалъ себѣ самому, присылая въ редакцію свои статьи, которыя неукоснительно печатались, причемъ на условіяхъ гонорара, о которомъ другіе мѣстные журналисты и думать не могли.

Цензоръ П. И. В-въ пытался подтянуть одесскую печать, но для журналистовъ, которые помнили еще времена Воронича, онъ былъ не страшенъ.

При своемъ появленіи въ Одессѣ В-въ объявилъ, что онъ членъ русскаго собранія и постарается привить одесскимъ газетамъ взгляды, проводимые членами этого собранія. Для усвоенія этихъ взглядовъ онъ рекомендовалъ читать внимательно «Свѣтъ».

Лично я пользовался довѣріемъ В-ва, какъ старый журналистъ, прошедшій суровую цензурную муштру. Онъ объявилъ мнѣ, что, за обиліемъ дѣлъ, разрѣшаетъ себѣ читать мои ежедневныя бесѣды ужъ по выходѣ помера.

Но однажды В-въ, явившесъ въ редакцію, пригрозилъ мнѣ, что начнетъ меня читать въ отгискахъ и будетъ безопаденъ ко мнѣ. Провицился я тѣмъ, что посвятилъ фельетонъ порнографическимъ брошюркамъ, въ родѣ знаменитой «Первой ночи», шибко продававшимся одесскими камло.

— Выходить, что я разрѣшаю печатать и выпускать порнографическія брошюры!—сердито заявилъ В-въ.

Я объяснил цензору, что рѣчь шла въ моемъ фельетонѣ о брошюркахъ леухинскаго издѣлія и что отвѣтственнымъ за продажу ихъ является не онъ, а скорѣе инспекторъ типографій и книжной торговли, или московская цензура. Но В-въ и слышать не хотѣлъ моихъ объясненій.

Съ теченіемъ времени между В-вымъ и журналистами установились такія сносныя отношенія, что предъ оставленіемъ имъ Одессы редакторы рѣшили чествовать его обѣдомъ, имѣя, впрочемъ, въ виду, главнымъ образомъ, задобрить его преемника.

Надо еще прибавить, что цензора не одинаково относились ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ. Часто цензоръ, преслѣдуя одно изданіе, мирволилъ почему-то другому, и даже оказывалъ явное покровительство, сообщая по телефону ночью контрабандно симпатичной ему газетѣ повости дня, о которыхъ узнавалъ изъ корректурныхъ оттисковъ ненавистнаго ему газетнаго конкурента.

Такія новости разрѣшалось печатать и безъ предварительнаго представленія ихъ въ цензуру.

Цензоръ Ф-въ симпатизировалъ, напримѣръ, «Одесскимъ Новостямъ», а Л., наоборотъ, покровительствовалъ «Одесскому Листку» и воевалъ съ издателемъ «Одесскихъ Новостей».

Съ другими вѣдомствами, опекавшими печать, также возникали часто недоразумѣнія.

Особенно терроризировалъ мѣстную печать бывший одесскій градоначальникъ П. А. Зеленой, человекъ нервно-большой, извѣстный своимъ самодурствомъ. Административная система Зеленого сводилась къ стремленію согнуть обывателя въ «бараній рогъ».

Забитая, загнанная, тѣсняемая суровою цензурою, печать подвергалась сугубой цензурѣ со стороны градоначальника. За малѣйшій промахъ, съ точки зрѣнія Зеленого, редакторъ и сотрудники вызывались для начальническихъ внушеній. Приходилось покорно выслушивать зеленинскіе окрики, или бѣжать изъ Одессы.

Въ концѣ іюня 1894 года въ Одессу пріѣхала кафешиантанная пѣвица Жиніори.

Хроникеръ «Одесскихъ Новостей» Ланидусъ помѣстилъ неодобрительную замѣтку о пѣвицѣ, не называя ее по имени.

Замѣтка была пропущена цензоромъ, но она возмутила пѣвнивашагося пѣвицей Зеленого и ухаживавшаго за ней ювелира, поставщика градоначальника. Онъ вызвалъ къ себѣ редактора Старкова и хроникера и бросился на послѣдняго чуть не съ кулаками.

— Ваше превосходительство, — началъ было тотъ, весь зеленѣя.

— Молчать! Пархатый жидъ! Какъ ты смѣлъ написать это! Я тебя въ двадцать четыре часа вонъ изъ города! А ты, такой-сякой! — накиннулся Зеленой на редактора...

Редакторъ повернулся и ушелъ.

— Стой, такой-сякой, я твою газету закрою. У тебя социаллисты тамъ шишутъ!..

Но редакторъ быть человѣкъ не робкій.

Когда исполнилось десятилѣтіе дѣятельности Зеленого, Старковъ прислалъ изъ Петербурга миѣ, какъ завѣдывавшему «Одесскими Новостями», для помѣщенія въ газетѣ довольно недвусмысленную замѣтку, гласившую буквально слѣдующее:

«Сегодня исполняется десятилѣтіе дѣятельности П. А. Зеленого на посту градоначальника. Личность и дѣятельность П. А. Зеленого такъ хорошо извѣстны веѣмъ одеситамъ, что распространяться о нихъ не приходится».

Я отправилъ замѣтку въ цензуру и ждалъ расправы со стороны градоначальника. Каково же было мое удивленіе, когда ко миѣ явился мѣстный приставъ, выразилъ признательность отъ имени градоначальника за предполагаемое «привѣтствіе» и передалъ его просьбу—никакихъ юбилейныхъ замѣтокъ не помѣщать въ газетахъ.

Другого рода привѣтствіе пришлось миѣ услышать отъ Зеленого, когда я, въ силу соглашенія между издателями, анонсировалъ, что, по случаю праздника, «слѣдующій номеръ не выйдетъ».

Не успѣлъ я утромъ подняться съ постели, какъ меня позвали къ телефону.

На вопросъ: кто у телефона?—послышался изъ аппарата залпъ ругательныхъ словъ: «жидовскіе расчеты, измѣнники» и т. п.

Оказалось, что газеты, конкурировавшія съ «Одесскими Новостями», розничная продажа которыхъ была воспрещена, предвидя хорошую розницу, въ виду ожидавшагося крупнаго событія (это было въ 1894 году), обратились къ градоначальнику съ жалобой, что «Одесскія Повости» твердо держатся соглашенія между издателями.

— Но, — запротестовалъ было я, — никакихъ коммерческихъ расчетовъ и ненаціотизма въ моемъ рѣшеніи нѣтъ, а напротивъ...

Зеленой продолжалъ сыграть ругательствами, пока трубка не была снята.

Въ другой разъ Зеленой, по жалобѣ антрепренера, подъ разными угрозами запретилъ печатать замѣтки о высокихъ цѣнахъ на концерты Мазнини, какъ волнующія умы и могущія вызвать скандалъ въ театрѣ.

Характеренъ слѣдующій случай.

Однажды у подъѣзда одного банка собралась толпа вкладчиковъ, привлеченная слухами, что въ банкѣ не все благополучно и это неблагополучіе вызвано выдачей огромной ссуды помѣщику, имѣніе котораго было оцѣнено выше его дѣйствительной стоимости.

Хроникеръ газеты добросовѣстно описалъ этотъ фактъ; пишущій эти строки, съ своей стороны, нѣсколько смягчилъ сообщеніе, чтобы отнять у него всякій сенсаціонный характеръ.

Достоверность замѣтки подтвердилъ управляющій отдѣленіемъ государственнаго банка, являющійся ex officio контролеромъ дѣя-

тельности мѣстныхъ банковъ. Словомъ, приняты были все предосторожности, чтобы «не волновать умовъ».

Но оказалось, что вкладчики, осаждавшие двери закрытаго банка, неожиданно, безъ предупрежденія, завидѣвъ издали гулявшаго по улицамъ градоправителя, поспѣшили убраться восвояси.

Ссылаясь на то, что онъ никакой толпы не видалъ у подъѣзда, Зеленой сдѣлать строгое внушеніе редактору, а хроникера Чертка выслать изъ Одессы.

Популярному фельетонисту В. М. Дорошевичу пришлось выѣхать изъ Одессы изъ-за Зеленого, послѣ перваго же своего дебюта въ «Одесскомъ Листкѣ». Въ его фельетонѣ не было никакой крамолы. Тамъ говорилось о мѣстномъ миллионерѣ-грекѣ Маразли, названномъ Перикломъ, объ его благотворительныхъ учрежденіяхъ, ложащихся бременемъ на городской бюджетъ. Въ тотъ же день градоначальникъ Зеленой вызвалъ къ себѣ редактора «Одесскаго Листка» Навроцкаго и автора фельетона. Зеленой кричалъ, грозилъ, и въ результатѣ Дорошевичъ на другой же день уѣхалъ изъ Одессы.

И надобно имѣть въ виду, что фельетонъ Дорошевича былъ пропущенъ суровымъ цензоромъ Ламкертомъ. Когда въ «Вѣстникѣ Европы» и другихъ изданіяхъ указывалось впослѣдствіи на незаконность высылки, Зеленой оправдывался тѣмъ, что распоряженія о ней онъ не сдѣлалъ, а лишь пригрозилъ-де выслать, что не одно и то же.

Въ типографіи ждали однажды корректуры отъ градоначальника, который требовалъ къ себѣ на просмотръ всю городскую хронику. Раздается звонокъ электрическаго аппарата.

— Кто у телефона?—спрашиваетъ метранныкъ.

Изъ аппарата, вмѣсто фамиліи, вылетаетъ нецензурное выраженіе.

— Какъ смѣли сдѣлать переносъ въ словѣ генераль-лейтенантъ! Какой я вамъ генераль-лей-тенантъ (слѣдуетъ ругань). Немедленно перебрать!

П. А. Зеленому послали корректуру официальнаго объявленія, въ которомъ въ титулѣ градоначальника былъ сдѣланъ переносъ лей-тенантъ. Зеленой принять, очевидно, *лей* за намекъ.

Мѣстная полиція такъ боялась своего грознаго начальника, что запрещала печатать объявленія объ улетавшихъ зеленыхъ попугаяхъ, такъ какъ, будто бы, здѣсь намеки на Зеленого.

На пздателя, гласнаго думы, Зеленой накиннулся на вокзалѣ, въ присутствіи поджидавшихъ бывшаго министра путей сообщенія Гюббенета, гласныхъ думы, чуть не съ кулаками:

— Я Зеленой, но и ты, такой-сякой, у меня позеленѣешь! Раззори!..

Зеленой все время находилъ, что печать «распущена».

И онъ придумывалъ все новыя и новыя мѣры для ея обузданія. Со стороны цензоровъ онъ встрѣчалъ въ этомъ отношеніи полное содѣйствіе.

Чтобы по возможности избѣжать недоразумѣній, градоначальнику посылался на просмотръ весь матеріалъ, который могъ его интересовать. Такою посылкою матеріала по всѣмъ вѣдомствамъ предупреждалось не одно недоразумѣніе, но не всегда это удавалось.

Однажды представитель высшей духовной власти высказалъ рѣшительное порицаніе газетѣ за помѣщеніе стихотворенія поэта Ратгауза, посвященнаго памяти скончавшагося лѣтъ 16 тому назадъ отъ холеры композитора П. П. Чайковскаго.

Потрясенный безвременною кончиною любимаго имъ композитора (Чайковскій переложилъ на музыку нѣкоторыя стихотворенія Ратгауза), поэтъ въ своемъ стихотвореніи проклиналъ смерть, отнявшую у Россіи одного изъ лучшихъ ея сыновъ...

Въ этомъ-то «проклятій смерти», шпосланной свыше, усмотрѣно было кощунство...

Я, разумѣется, не исчерпалъ всего того, что можно сказать объ одесской цензурѣ моего времени (съ 1889 по 1903 г.), но и сказаннаго, думаю, достаточно, чтобы получить представленіе о тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, при которыхъ приходилось въ столь еще недавнее время работать провинціальнымъ журналистамъ...

А. Евгенъевъ.

КЪ ИСТОРИИ НАСАЖДЕНІЯ ТРЕЗВОСТИ.

I.

ВЪ КОНЦѢ 1890-хъ годовъ подмосковное село Нахабино вдругъ стало популярнымъ не только въ границахъ Московской губерніи, но и далеко за ея предѣлами. Его уже знали въ Петербургѣ, знали на Волгѣ, слава о немъ дошла даже до Сибири, откуда пріѣзжали къ мѣстному священнику Сергѣю Павловичу Пермскому «лечиться отъ пьянства».

О. Сергѣй самый заурядный сельскій священникъ, но въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ къ своей дѣятельности онъ приковывалъ вниманіе огромной толпы народа и въ концѣ концовъ образовалъ восьмидесятитысячный кружокъ «нахабинцевъ».

И было время, когда въ Москвѣ перестали дѣлать людей на пьющихъ и не пьющихъ, а говорили: про первыхъ—«алкоголики», про вторыхъ—«нахабинцы».

Слава Нахабина росла не по днямъ, а по часамъ. Маленькое, глухое село, изъ котораго блеснулъ яркій лучъ свѣта и озарилъ клочокъ темнаго царства, было продолжительною злобою дня, и всѣ, кому доводилось о немъ что-либо слышать, проникались къ нему уваженіемъ...

Это обстоятельство и заставило меня въ 1900 году, на первой недѣлѣ Великаго поста, совершить поѣздку въ знаменитое тогда Нахабино, чтобы быть очевидцемъ того знаменательнаго момента, когда «жестокій алкоголикъ обращается въ смиреннаго трезвенника». Объ этихъ метаморфозахъ говорили въ Москвѣ съ благоговѣніемъ, такъ что трудно было удержаться отъ искушенія увидѣть это воочию.

II.

Теперь къ Нахабину можно подѣхать по Московско-Виндавской желѣзной дорогѣ, но въ то время былъ только одинъ путь—по почтовому тракту, пролегающему къ городу Волоколамску.

Весь тридцативерстный путь былъ очень оживленнымъ и бойкимъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ Нахабино сдѣлалось пунктомъ паломничества алкоголиковъ, между селомъ и Москвой установилось правильное линейное сообщеніе. По четыре раза въ день выѣзжали изъ Москвы «поѣзда линейекъ» въ опредѣленные часы, и всегда они были переполнены такъ, что содержателю линейнаго двора приходилось изо дня въ день пускать нѣсколько добавочныхъ поѣздовъ. Поѣздка обходилась дешево—1 р. 30 к. въ оба конца.

Нельзя не замѣтить, что всѣ пассажиры, отправлявшіеся въ Нахабино, поголовно были пьяны. «Для послѣдняго раза» они ухарски игнорировали предѣломъ и, теряя въ попутныхъ трактирахъ остатки человѣческаго подобія, къ мѣсту назначенія доставлялись въ большинствѣ трупами.

Прогостивъ въ Нахабинѣ два дня, мнѣ привелось присутствовать при встрѣчѣ десятка такихъ «пьяныхъ поѣздовъ», и обыватели села подтвердили, что въ иномъ видѣ къ нимъ почти никогда не приѣзжаютъ будущіе трезвенники.

Что дѣлать! Это исконная черта русской природы. Люди, сознательно идущіе навстрѣчу подвигу, предпринимаютъ сложное путешествіе къ мѣсту, гдѣ разсчитываютъ получить исцѣленіе отъ своей пагубной страсти,—въ это самое время пьютъ до потери сознанія «нарочно» для того, чтобы съ большею чувствительностью все это оборвать. Добровольная пытка эта, которую накладывали на себя алкоголики, конечно, сопровождалась мучительнымъ переломомъ, и нужно было удивляться, какъ ихъ хватало на такія жертвы.

III.

Оберегаясь отъ слишкомъ шумной компаніи алкоголиковъ, размѣщавшихся по шести человѣкъ на липейкѣ, я нанялъ для себя парныя сани и поѣхалъ отдѣльно позади «поѣзда».

Было хорошее зимнее утро. Лошади плелись возмутительно тихо.

На четвертой верстѣ, въ селѣ Всесвятскомъ, остановка. Ямщики стали поить лошадей.

— У насъ ужъ такая привычка,—сказалъ мой возница:—чтобы поить коней тутъ. А вотъ въ Тушинѣ я ихъ кормить буду.

Это на тридцативерстномъ разстояніи столько остановокъ!

— Можно подумать,—замѣтилъ я своему ямщику:—что вы своихъ лошадей только и кормить въ дорогѣ.

— Да оно такъ и есть,—признался онъ:—въ дорогѣ только и ѣдятъ. Вѣдь онѣ у насъ постоянно въ ходу, въ Москвѣ имъ не-

когда ѣсть, а въ Тушинѣ самъ хозяинъ живетъ,—ну, вотъ ему самому кормить-то и сподручнѣй... Какъ-никакъ, а хозяйскій глазъ не то, что приказчикій...

Однако, какъ лошади въ дорогѣ ни подкрѣплялись и питьемъ, и ѣдой, ничто на нихъ не дѣйствовало ободряюще.

Въ обѣденное время были въ Тушинѣ, гдѣ у еодержателя нахабинскихъ линеекъ свой трактиръ, и поэтому, ясно, остановка была продолжительная.

Я хотѣлъ-было воспользоваться временемъ и посмотрѣть на какіе-нибудь остатки старины, но таковыхъ не оказалось. Исторически-знаменитое село Тушино, гдѣ когда-то укрывался тушинскій воръ, теперь очень неприглядная деревня, безъ всякихъ признаковъ былого значенія. Даже и церкви-то не сохранилось.

Когда я освѣдомился у хозяина тушинскаго трактира, какъ у мѣстнаго старожила, что, дескать, не сохраняется ли какого-нибудь историческаго памятника, онъ категорически отвѣтилъ:

— Окромѣ нашего трактира, ничего замѣчательнаго не имѣется.

И, должно быть, дѣйствительно, кромѣ трактира, въ Тушинѣ нѣтъ ничего, потому что въ этомъ трактирѣ сосредоточена вся жизнь села.

Будущіе трезвенники сидѣли на черной половинѣ за водкой. Компанія шумная, неугомонная, все время о чемъ-то спорившая.

Меня хозяинъ провелъ на «благородную половину», стѣны которой были увѣшаны образами. Передъ многими изъ нихъ теплились лампадки. Тутъ я засталъ большую компанію, возвращающуюся съ богомолья изъ Новаго Іерусалима. Компанія въ противовѣсъ нахабинскимъ паломникамъ—степенная, солидная. Разговоръ поддерживался благоговѣйный. А рядомъ звучалъ бранчливый крикъ трезвенниковъ, усердно упивавшихся «напослѣдки».

Я спросилъ у трактирщика:

— Всегда у васъ такъ шумно?

— Когда туда ѣдутъ,—отвѣтилъ онъ, махнувъ рукой въ сторону Нахабина:—завсегда безпокойно, потому что люди отъ своей воли отказываются и завтра ихъ пьянству крышка.

— А когда возвращаются изъ Нахабина больше уже не пьютъ?

— Ни-ни! Окромѣ чаю да квасу, никакого баловства.

— Всѣ?

— До единаго... Впрочемъ, пѣтъ,—поправилъ себя хозяинъ:—бываетъ, что пьютъ и оттуда ѣдучи, по это только тѣ, которыхъ о. Сергѣй не принимаетъ.

— А развѣ онъ принимаетъ не всѣхъ?

— Конечно, ежели кто придетъ къ нему въ церковь не отрезвившись, тому онъ «зарока» брать не дозволяетъ... Только все же такихъ мало, потому что зря-то ѣздить за тридцать верстъ никому не лестно...

IV.

На черной половинѣ будущіе трезвенники вели принципиальные разговоры. Для меня они были интересны, потому что касались того именно предмета, ради котораго я ѣхалъ въ Нахабино.

Дебатировалъ какой-то мастеровой съ резонерствующимъ субъектомъ, выдѣлявшимся въ толпѣ крахмальной сорочкой подъ личнымъ пиджакомъ.

— Я очень хорошо понимаю, что пить негоже, — соглашался мастеровой; — но развѣ кому-нибудь до этого есть дѣло, разъ у меня нѣтъ семьи?

— Отъ вашего пьянства обществу вредно, — отозвался резонеръ. Его голова, франтовато выстриженная «подъ ежа», какъ-то неплотно сидѣла на плечахъ и все время покачивалась, какъ перезрѣлый подсолнухъ отъ вѣтра. Это одинъ изъ виѣшнихъ признаковъ упорнаго алкоголика.

— Какъ ты сказалъ? — переспросилъ его мастеровой.

— Я говорю, что отъ вашего пьянства, кромѣ вреда обществу, ничего хорошаго нѣтъ.

— Какому такому обществу?

— А такому, изъ котораго состоитъ, можно сказать, вся Москва.

— Какой же отъ меня вредъ?

— Растлѣніе.

Мастеровой на минуту призадумался, крикнулъ и сквозь зубы процѣдилъ:

— Очень просто!

Стриженный субъектъ чувствовалъ себя побѣдителемъ и, подчеркивая каждое слово, спросилъ собесѣдника:

— Ну-съ, что вы на это скажете?

Вѣруя въ неотразимость своихъ доказательствъ, резонеръ гордо повелъ бровями и уже съ ехидствомъ повторилъ вопросъ:

— Ну-съ, многоуважаемый, что вы на это скажете?

— Скажу, что вы дуракъ! — ни съ того, ни съ сего отрѣзалъ мастеровой.

Произошла нѣмая сцена.

Резонеръ растерялся отъ неожиданности и, выпучивъ свои ословѣные глаза, мрачно уставился на грубіяна. Послѣ очень большой паузы его уста наконецъ разверзлись:

— Вы это какъ? — обратился онъ конфиденціально къ собесѣднику. — Это ваше убѣжденіе или неумѣніе поддерживать разговоръ съ развитымъ человѣкомъ?

— Это просто я тебя выругалъ! — пояснилъ мастеровой, перековырнувъ въ себя стаканъ водки.

— Безо всякаго уваженія?

— Конечно!

— Благодарю васъ!

Черезъ минуточку резонеръ объяснялся уже съ другимъ, болѣзненно-тощимъ и пьянымъ субъектомъ.

— Вы кто?

— Печникъ.

— Это ничего не значить, что вы печникъ. Печникъ одновременно можетъ быть и человѣкомъ.

— Это точно.

— Вы за зарокѣмъ?

— Да.

— А почему вы ѣдете за зарокѣмъ? Понимаете ли вы это? Потому что вы единица общества.

— Такъ.

— Своимъ пьянствомъ вы роняете нравственность. Понимаете, общественную нравственность. Это ничего не значить, что вы пьете, а нехорошо то, что люди это видятъ. Понимаете?

— Очень хорошо даже. Значить, пить надо не на людяхъ?

— Не то-съ, требуется расчетъ. Надо пить такъ, чтобы не терять уваженіе къ постороннимъ. Пьяная личность въ состояніи нанести оскорбленіе какъ словомъ, такъ и дѣйствіемъ...

И при этомъ резонеръ выразительно подмигнулъ въ сторону мастерового.

— Это конечно,—согласился печникъ:—пьяный человѣкъ все можетъ. Однажды своего хозяина я такъ отполировалъ...

— Вотъ то-то и оно! Пить можно, но соблюдай общественную нравственность... Вотъ хоть бы про себя скажу: личность я образованная, двѣнадцатый годъ по перепискѣ въ конторѣ у нотариуса службу, а ѣду брать зарокъ. Зачѣмъ, скажите пожалуйста?

— Разныя причины бываютъ...

— Затѣмъ, что чувствую въ себѣ растлѣніе. Такъ какъ самъ остановиться не могу, то хочу на себя узду наложить при помощи Нахабина... Вотъ вы печникъ, образованіе у васъ лимонадное, но сердцемъ вы должны понимать, что общественная нравственность первое дѣло. Мой нотариусъ такъ пристыдилъ меня этой нравственностью, что я, какъ только разрѣшаю себѣ, по слабости природы, запой, сейчасъ же начинаю страдать за окружающее меня общество. Я пью, это ничего не значить, но за что гибнетъ изъ-за меня все общество? Вся Москва, можно сказать? А?

— Н-да....

— Вотъ вы печникъ,—одушевленно ораторствовалъ нотаріальный писецъ, глотая водку рюмка за рюмкой,—вы самый простой печникъ, но, сообщите, по какому праву заставляете изъ-за себя, изъ-за простого печника, страдать общество? Перестаньте пить—и общество найдетъ свою культуру. Понимаете? Изъ-за того, что вы пьете безъ мѣры, общество не можетъ возвыситься.

Въ концѣ концовъ печника онъ растрогалъ и завершилъ съ нимъ бесѣду поцѣлуями, но ввязался мастеровой, произошелъ жестокой обмѣвъ мыслями, и, вѣроятно, дѣло дошло бы до драки, если бы не явились во время ямщики и не растащили бы своихъ пассажировъ по линейкамъ. Нотаріальный писецъ по дорогѣ отъ Тушина до Нахабина велъ себя безпокойно: горланилъ пѣсни, бравировалъ опасностью, свѣшивая ноги до земли, и ужасно досаждалъ сосѣдямъ, такъ что ямщикъ остановился посреди дорогѣ и угрожалъ ему «высадкой».

V.

Подъѣзжая къ Нахабину, я спрашивалъ у возницы:

— А гдѣ я найду ночлегъ?

— Вездѣ,—отвѣчаль онъ спокойно:—въ любой избѣ...

— А гостиницы нѣтъ?

— Конечно...

— И постоялаго двора?

А на кой его чертъ!

Было уже совершенно темно, когда мы въѣхали въ Нахабино. Ямщики остановились у одной изъ избъ и постучалъ въ окно. Сейчасъ же рѣспахнулись ворота, и мы въѣхали во дворъ. Насъ встрѣтилъ хозяинъ и провелъ меня въ избу.

Она оказалась просторной, разгороженной на двѣ комнаты. Въ первой—я засталъ нѣсколько человекъ, расположившихся у огромнаго стола и усердно пившихъ водку. Это партія будущихъ трезвенниковъ, пріѣхавшая ранѣе. Во второй—помѣщались сами хозяева. Семейство большое: мужъ, жена, нянька и четверо ребятшекъ.

Оглядѣвшись, я замѣтилъ, что трудно мнѣ въ этой избѣ найти пріютъ, но хозяинъ успокоилъ:

— Отлично устроитесь. Лучшаго ночлега нигдѣ не найти, потому что другія избы еще тѣснѣе...

Хозяинъ умѣстилъ меня въ своей комнатѣ, уступивъ мнѣ скрипучую деревянную кровать, стоящую возлѣ накалиной русской печки и завѣшанную красной ситцевой занавѣской. Въ этой же комнатѣ размѣстились въ разныхъ углахъ и хозяева съ дѣтворой.

Устраняя себѣ ночлегъ, я раздумывалъ, какихъ бы отелей понастроили иностранцы, если бы у нихъ объявилось что-нибудь подобное Нахабину, куда вотъ уже семь лѣтъ ежедневное стеченіе народа насчитывается сотнями. А тутъ не додумались даже до постоялаго двора и ни за какія деньги нельзя найти никакого продовольствія. Кромѣ хлѣба и молока—ничего!

А въ сосѣднюю комнату ночлежниковъ пабиралось все больше и больше. До двѣнадцати часовъ ночи пріѣзжали алкоголики.

Печникъ попалъ на постой къ намъ. При немъ были деньгижки, и онъ сейчасъ же раздобылъ водки. Не знаю откуда, но, кажется, самъ хозяинъ занимался шинкарствомъ.

Разговоры все тѣ же: про зарокъ, про пьянство... Оказалось, что печнику срокъ зарокъ вышелъ дня за три передъ этимъ. Во время поѣхать въ Нахабино было некогда, думалъ, что и такъ удержится, но не совладалъ со своей слабой натурой и запилъ.

Таково нравственное воздѣйствіе зарокъ. Пока онъ былъ имъ связанъ—держался, но чуть вышелъ изъ-подъ вліянія клятвы—сейчасъ же и запилъ.

VI.

Съ самымъ послѣднимъ транспортомъ алкоголиковъ появился какой-то интеллигентъ, съ длинными, вьющимися волосами и въ весьма поношенной одеждѣ. Онъ былъ почти трезвъ. Подойдя ко мнѣ первому и протянувъ руку, онъ назвалъ свою фамилію и прибавилъ, принимая меня за пьяницу:

— Товарищъ по несчастію!

Очень быстро онъ ознакомился со всѣми присутствующими и завязалъ общій разговоръ о вредѣ пьянства. Замѣчательно, что большинство алкоголиковъ одержимо маніей убѣждать другихъ алкоголиковъ въ пагубности пристрастія къ водкѣ. Прямо-таки вдохновенные проповѣдники трезвости.

Интеллигентъ этотъ долгое время морализировалъ и въ концѣ концовъ присосѣдился къ бутылкѣ печника.

Аудиторія алкоголиковъ понимала его плохо, потому что говорилъ онъ «высокимъ слогомъ».

— Мой способъ мышленія чисто шопенгауэровскій,—заявилъ онъ слушателямъ,—и на этомъ основаніи я считаю себя существомъ конкретнымъ.

Коснувшись вопроса о зарокѣ, который предстоялъ всѣмъ на слѣдующій день, онъ сказалъ, то и дѣло прикладываясь къ водочному стакану:

— Что такое клятвенный зарокъ? Это форма безъ содержанія. Для меня лично онъ имѣетъ абстрактное значеніе, и отношусь я къ нему исключительно съ психологической точки зрѣнія. Но тѣмъ не менѣе не могу не согласиться, что онъ, въ основѣ своей заключающій религиозное убѣжденіе, несомнѣнно, имѣетъ огромное вліяніе на массу. А такъ какъ я одинъ изъ массы, то ясно, что вліяніе его распространяется и на меня. Зачѣмъ, скажите пожалуйста, мнѣ этотъ зарокъ, если я сознаю, что онъ заключаетъ въ себѣ только форму? Затѣмъ, конечно, что я подавленъ болѣзненною воли. У меня, какъ и у всѣхъ, бывающихъ здѣсь, ея нѣтъ. Будь у меня воля, характеръ, я бы себѣ сказалъ: довольно, больше пить не буду! И, конечно, не прикоснулся бы къ водкѣ, но вотъ въ томъ-то и штука,

что сколько угодно я буду давать себѣ слово о воздержаніи и все-таки его не сдержу. Это значить, что у меня нѣтъ воли, есть только о ней представленіе.

И вдругъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Не такъ ли?

Говорилъ онъ красиво, связно, и я ему замѣтилъ:

— Вы обладаете большимъ даромъ слова!

— Еще бы!—отвѣтилъ онъ самодовольно.— Готовился быть профессоромъ...—А затѣмъ опять къ толпѣ:—У меня нѣтъ воли и на этомъ основаніи я ищу воздѣйствія извнѣ, ищу чужой воли, которая преодолѣла бы мою безхарактерность... Впрочемъ, и этого мало: и чужая воля, если она не обусловлена моимъ къ ней довѣріемъ, не окажетъ надлежащей помощи. Надо отлить ее въ форму—закона, страха, наконецъ—внушенія. Вотъ именно внушенія!.. Я самъ себѣ не могу дать слова, потому что я считаю себя господиномъ своего слова и могу его взять обратно въ любую минуту, а вотъ когда я въ чемъ пообѣщаюсь другимъ—другое дѣло! Тогда я старательно удерживаюсь, чтобы не быть свищей самимъ передъ собой... И вы, и я, все мы ищемъ нравственнаго воздѣйствія со стороны. Оно прямо-таки чудеса дѣлаетъ... Я вѣрю въ гипнотизмъ и убѣжденъ, что болѣзненное отсутствіе воли можетъ быть съ успѣхомъ замѣнено внушеніемъ...

Однако его собесѣдованіе закончилось водевильнымъ образомъ. Охмелѣвъ, онъ вздумалъ дѣлать гипнотическіе опыты съ печникомъ.

— Я тебѣ,—говорилъ онъ ему,—сдѣлаю внушеніе. Моей воли для меня недостаточно, но для тебя хватитъ... Я тебѣ, братецъ, внушу отвращеніе къ водкѣ.

Печникъ оказался скептикомъ и не повѣрилъ:

— Не можетъ этого быть!

— А я тебѣ докажу! Давай сюда правую руку.

Печникъ протянулъ ему руку. Импровизированный гипнотизеръ взялъ его за пульсъ одной рукой, другую приложилъ къ его лбу.

Прошла минута, другая.

— Готово! Отнынѣ тебѣ водка будетъ противна!

— Нѣтъ!—рѣшительно заявилъ печникъ и потянулся къ наполненному стакану.

— Не выпьешь!

— Сколько угодно!—И мигомъ осушилъ стаканъ.

Гипнотизеръ смутился.

— Это ничего не значить!—сказалъ онъ.—Хоть ты и выпилъ, но тебя стошнитъ.

— Это мое дѣло!—процѣдилъ сквозь зубы печникъ, и общій смѣхъ былъ ему отвѣтомъ.

VII.

Ночлеги для алкоголиковъ устроены были на полу. Хозяинъ охапками таскалъ солому, и всѣ должны были спать вповалку, не раздѣваясь.

Я ушелъ на хозяйскую половину и долго слышалъ сдержанные разговоры отдѣльныхъ лицъ, доносившіеся изъ-за тонкой дощатой стѣны.

Наконецъ мало-по-малу стала наступать тишина. Задремаль было и я.

Только что забылся, какъ надъ самымъ моимъ ухомъ капризно заплакалъ ребенокъ. Я приподнялся. Усталая мать ребенка, спавшая неподалеку отъ меня на диванѣ, очевидно, не слышала этого плача и я, пожалѣвъ ей сонъ, протянулъ руку къ висячей люлькѣ, которая торчала возлѣ моего ложа, на скрипучемъ шестѣ, и принялся укачивать младенца. Онъ затихъ, я снова задремаль. Проходитъ сколько-то времени — и опять шикъ. Я, уже не дожидаясь помощи со стороны близкихъ этого безпокойнаго существа, энергично принимаюсь качать люльку и вновь мнѣ удается утормотить пискуня. Не успѣлъ я опять заснуть, какъ снова приходится тянуться къ скрипучей люлькѣ и дергать ее сверху внизъ. Это занятіе даже физически меня утомило. Наконецъ, уже подъ утро, меня избавили отъ несноснаго сосѣдства, и я смогъ спокойно проспать часа три.

Вотъ милыя условія нахабинскаго почлега, гдѣ за пользованіе отдѣльнымъ угломъ пришлось уплатить рубль и всю ночь нянчить блажнаго ребенка.

Трезвенники поднялись утромъ рано, пили чай и вели себя степенно. Всѣ, за исключеніемъ печника, были трезвы и имѣли достаточно бодрый видъ. Вчерашняго оратора, когда-то «готовившагося къ профессорской кафедрѣ», уже не было. Онъ поднялся раньше всѣхъ и ушелъ пить чай въ трактиръ. Но зато вмѣсто него присутствовалъ какой-то бородачъ, имѣвшій видъ мелкаго кушца. Онъ выѣхалъ на своей лошади въ ночь и пріѣхалъ въ Нахабино подъ утро. Бородачъ рассказывалъ, что, пропустивъ свой срокъ и не выправивъ во время зарока, онъ, послѣ годовой паузы, вдругъ сильно запьянствовалъ.

— И вотъ ужъ цѣлую недѣлю пью, — жаловался онъ. — Дернуло меня, не выправивъ зарока, пойти къ куму на именины. Сталъ онъ меня угощать. Спервоначалу я отказывался, потому что годъ не пить и никакой слабости къ вину уже не имѣлъ. А онъ все: «выпей да выпей!» Подумалъ это я: «зарока надо мной пѣтъ, одной рюмкой, пожалуйста, кума уважу». Ну, и уважилъ! Въ первый же день почевалъ въ участіе, а затѣмъ цѣлую недѣлю по Москвѣ чертилъ...

— Я вотъ тоже малодушень,— замѣтилъ въ тонъ одинъ изъ трезвенниковъ.— Мнѣ тоже никакъ нельзя срока пропустить: какъ заблаговременно зарокъ не выправлю— готово! Поминай, какъ звали.

— И теперь тоже пропустилъ срокъ?— поинтересовался купецъ.

— Нѣтъ, мнѣ выйдетъ срокъ еще только черезъ двѣ недѣли, а я, чтобы заблужденія не вышло, зараньше пріѣхалъ его брать.

— На много?

— Могу хоть на годъ. Я ужъ два года не вкушаю...

Но вотъ послышался церковный благовѣстъ. Всѣ стали собираться въ церковь.

VIII.

Большая каменная церковь во внутренней отдѣлкѣ своей блистала роскошью. Много свѣта, полъ мозаичный, своды расписные, масса позолоты, массивное папикадило, образа въ украшеніяхъ и ризахъ. Видны большіе и щедрые расходы.

Храмъ былъ переполненъ мѣстными аборигенами, а большинства трезвенниковъ толпилось въ оградѣ, пока шла обѣдня. Это все такіе, которые являются въ Нахабино уже «не впервые». Они ожидали молебна.

Когда окончилась обѣдня и мѣстные прихожане разошлись по домамъ, церковь наполнилась трезвенниками.

Отъ Сергѣй вышелъ изъ алтаря и обратился къ присутствующимъ съ напутственнымъ словомъ:

— Ранѣе, чѣмъ приступитъ къ молебну, считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, господа, что всякій, рѣшившійся вступить въ наше общество трезвости, обязанъ свято подчиниться его требованіямъ. Давая зарокъ воздержанія передъ святою иконою преподобнаго Сергія Радонежскаго, каждый долженъ хорошенько обдумать то, что предпринимаетъ. Нашъ зарокъ равносильенъ клятвѣ. Если кто изъ васъ не увѣренъ въ своей силѣ, кто не сумѣетъ совладать съ искушеніемъ, у кого не хватитъ характера для выполненія своего обѣщанія— тотъ лучше и не зарекайся. Бывали печальные примѣры. Мнѣ извѣстны случаи, что когда зарекавшіеся, по слабости воли, разрѣшали себѣ пить, то имъ приходилось испытывать жестокое наказаніе. Неправные въ своихъ обѣщаніяхъ передъ святою иконою— слѣбли, калѣчились и страдали отъ различныхъ болѣзней. Поэтому, господа, будьте осторожны и не берите на себя непосильной ноши. Тѣмъ, кто не въ состояніи за себя поручиться, я совѣтую не брать долгосрочнаго зарокъ. Пробуйте свои силы, не насылая природы своей. Не зарекайтесь на годъ или на полгода, а пообѣщайтесь хоть ненадолго отстать отъ пагубнаго вліянія вина. Возьмите зарокъ на мѣсяць, на двѣ недѣли даже, но непремѣнно его выдержите. Это будетъ серьезнымъ шагомъ къ исправленію.

Затѣмъ священникъ разсказалъ исторію возникновенія «Нахабинскаго общества трезвости». По его словамъ, какъ само Нахабино, такъ и окружающія его селенія създавна славились пьянствомъ и разбоємъ.

— Женщины изнывали въ нуждѣ, дѣти росли въ невѣжествѣ. Но вотъ явились сюда новые люди, которые начали устраивать тутъ заводы и фабрики. Имъ потребовались рабочія руки, а гдѣ ихъ было взять. Всѣ излѣнились, всѣхъ томилъ порокъ къ вину. Тогда фабриканты стали учреждать школы, народныя чтенія, основали общество трезвости—и въ короткій срокъ село Нахабино стало неузнаваемо. Теперь весь округъ, почти половина нашего Звенигородскаго уѣзда членствуетъ въ нашемъ обществѣ, и благосостояніе нашего района разомъ поднялось настолько, что нашъ приходъ сталъ называться зажиточнымъ.

Видно было, что «слово» о. Сергія произвело на алкоголиковъ надлежащее впечатлѣніе. Многіе склонились на колѣни, нѣкоторые утирали слезы. Группа немощнаго, слабаго, безвольнаго народа переживала нравственный кризисъ.

Черезъ минуту священникъ спустился съ амвона, подошелъ къ иконѣ преподобнаго Сергія Радонежскаго и отслужилъ молебенъ, послѣ котораго быстрымъ взглядомъ оглядѣлъ толпу и сразу замѣтилъ несчастнаго печника, припавшаго, убогаго, съ помутившимся взглядомъ и нетвердаго на ногахъ.

О. Сергіѣй подошелъ къ нему и рѣшительнымъ тономъ сказалъ:

— Уйди!

— Я, батюшка, ничего...

— Придешь завтра.

— Завтра мнѣ въ Москву надоть...

— Нетрезвому на такое дѣло являться нельзя.

— Да я въ полномъ умѣ.

— Уйди, уйди! Нехорошо! Я только отъ трезвыхъ зарокъ принимаю.

Печникъ понуро пошелъ къ выходу, процѣдивъ сквозь зубы:

— Судьба!

Наступило торжественное молчаніе. Выдержавъ рассчитанную на эффектъ паузу, о. Пермскій приказалъ трезвенникамъ:

— Повторяйте за мной!

И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, въ одинъ голосъ повторяли за священникомъ:

«Обѣщаюсь передъ Господомъ Богомъ и иконою преподобнаго Сергія въ томъ, что въ продолженіе избраннаго мною срока не буду пить вина и другихъ спиртныхъ напитковъ и на томъ цѣлую икону преподобнаго угодника».

Когда всѣ по очереди приложились къ иконѣ, о. Сергіѣй сказалъ:

— За билетами ко мнѣ!

IX.

Особнячокъ священника возлѣ церкви; окруженъ онъ съ одной стороны садомъ, съ другой—обширнымъ полемъ. Всѣ, взявшіе зарокъ, сейчасъ же потянулись къ этому особнячку, и такъ какъ толпа была человекъ въ полтора, а помѣщеніе у священника небольшое, то трезвенникамъ пришлось стать въ очередь у крыльца и входить въ миниатюрный кабинетъ о. Сергѣя по одиночкѣ.

О. Пермскій удержалъ меня на минуту въ церкви и спросилъ:

— Вы... вы, вѣроятно, изъ любопытства?

— Нѣтъ,—поправилъ я его:—изъ особаго интереса къ вашей дѣятельности, слухи о которой уже давно достигли Петербурга.

— Милости прошу ко мнѣ. Я скоро освобожусь...

Направился черезъ дорогу и я.

Возлѣ ограды стоялъ печникъ. Когда я съ нимъ поровнялся, онъ остановилъ меня вопросомъ:

— Слышали?

— Слышалъ.

— Что изъ этого выходитъ?

— Нужно постараться вытрезвиться къ завтрашнему дню и взять зарокъ завтра.

— А вы мой характеръ знаете?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ знайте, что у меня такой обидчивый характеръ, что ежели не потрафилъ ему нынче, такъ, значитъ, не потрафлю ни за что и завтра.

— Напрасно!

— Сейчасъ же пойду съ горя выпить.

И, пошатываясь, поплелся въ село.

Съ разрѣшенія о. Сергѣя я присутствовалъ при записи въ книгу членовъ-трезвенниковъ. Операція эта производилась единолично самимъ о. Сергѣемъ.

Въ разграфленную на много столбцовъ книгу заносились имя, фамилія, званіе, родъ занятій, семейное положеніе и, наконецъ, отмѣчалось, давно ли пьеть, а для старыхъ членовъ имѣлась еще графа, въ которую вносилось при возобновленіи зарока, былъ ли выдержанъ искусъ, а если нѣтъ—то по какой причинѣ.

Въ этой графѣ попадались такія отмѣтки: «соблазнили товарищи», «разрѣшено по болѣзни», «началъ пить самъ—съ горя, послѣ смерти жены», «былъ на свадьбѣ брата и не удержался» и т. д. въ этомъ же родѣ. Однако, этихъ не выдержавшихъ зарока въ общемъ не много, менѣе одной четверти всего числа членовъ, причемъ наиболѣе неисправными въ воздержаніи оказываются женщины. Изъ нихъ рѣдкія не нарушаютъ клятвы.

Почти съ каждымъ трезвенникомъ о. Пермскій обмѣнивался мыслями и нѣкоторыхъ отечески журилъ:

— Зачѣмъ же это ты разрѣшилъ себѣ пить?

— Да, батюшка, срокъ вышелъ.

— Такъ что жъ? Если ты могъ выдержать три мѣсяца, то почему же было не выдержать еще нѣсколько дней, до приѣзда ко мнѣ? Это, братецъ, не оправданіе. Мало, значить, въ тебѣ искренняго желанія отстать отъ проклятаго зелья.

Другому, покаявшемуся въ томъ, что, будучи на именинахъ у кума, «выпилъ за здоровье пріятеля», о. Сергѣй дѣлалъ внушеніе:

— Никакого зарока ты братъ не долженъ, если у тебя нѣтъ умѣнья сдерживаться. Сегодня на именинахъ у кума, завтра на родинахъ у брата, послѣзавтра на похоронахъ у свата—ты всегда найдешь предлогъ выпить, если въ тебѣ нѣтъ робости передъ Богомъ.

И каждый выходилъ изъ маленькаго кабинета сельскаго священника съ запасомъ убѣжденій, что нарушать зарокъ, данный въ церкви, есть величайшій грѣхъ.

Х.

Нахабинскій священникъ Сергѣй Павловичъ Пермскій, популярный въ Московской губерніи насадитель трезвости, по виѣшнему виду не производилъ впечатлѣнія человѣка, способнаго создать такое громадное дѣло, какъ его «общество трезвости». Маленькій, тщедушный, слегка пришепетывающій и очень робкій, семинаристъ по воспитанію и сынъ единовѣрческаго священника по происхожденію, онъ прямо со школьной скамьи въ срединѣ 80-хъ годовъ опредѣлился священникомъ въ Нахабино и съ первыхъ же шаговъ своей пастырской дѣятельности проявилъ очень большую энергію въ борьбѣ съ пьянствомъ, царившимъ въ его приходѣ. Началь онъ съ того, что ввелъ въ мѣстной народной школѣ образовательныя чтенія съ свѣтовыми картинами, а затѣмъ установилъ постоянныя бесѣды о вредѣ пьянства. И такимъ образомъ постепенно дошелъ до основанія «общества трезвости», которое открылс свои дѣйствія въ 1893 году и которое къ 1900 г. имѣло уже восемьдесятъ тысячъ членовъ.

На такую плодотворную дѣятельность нужно смотрѣть, какъ на несомнѣнную заслугу. Для того, чтобы изо дня въ день за тридцать версть тянулись толпы недужнаго народа, одного простого любопытства недостаточно. Вѣроятно, этой толпой руководили какія-нибудь основательныя побужденія, обоснованныя на неоспоримыхъ доказательствахъ.

Въ Нахабино шли больными, буйными, безшабашными, и возвращались обратно—спокойными, смиренными, умиротворенными. Откуда эта метаморфоза? Вѣдь невозможно, чтобы къ какому-то

самому обыкновенному сельскому священнику тянулся съ разныхъ концовъ народъ по одной только инерціи,—куда одинъ, туда и другой? Такое паломничество должно быть мотивировано чѣмъ-нибудь реально, доказательно?

И въ отвѣтъ на эти вопросы вотъ что я слышалъ въ Москвѣ отъ людей, имѣющихъ у себя рабочихъ:

— Благодаря Нахабину, теперь, слава Богу, можно кос-какъ ладить съ пародомъ. Самые завзятые пьяницы отрезвѣли. Съѣздить въ Нахабино, дадутъ зарокъ воздержанія—и рѣдко кто его нарушитъ.

И было такъ, что надъ трезвенностью «нахабинцевъ» пьющіе товарищи не смѣялись и не принуждали ихъ пить, стоило только взявшему зарокъ показать свой билетъ. Изъ этого видно, что дѣло борьбы съ пьянствомъ было поставлено прочно, хорошо, серьезно.

При выдачѣ билета на членство въ «обществѣ трезвости» о. Сергій Пермскій всегда предупреждалъ трезвенника:

— Храни его и имѣй на случай всегда при себѣ!

Онъ понималъ, что билетъ служилъ гарантіей отъ пріятельскихъ уговариваній и покушеній.

На билетѣ кратко обозначалось: «Членъ Сергіевъ-Нахабинско-Баньковского общества трезвости *такой-то*. Съ 1890 года марта 7-го дня по 1890 годъ мая 7-го. Учредитель свящ. Сергій Пермскій». Вотъ и весь аттестатъ трезвости съ гарантіей на два мѣсяца.

XI.

Пока о. Сергій заканчивалъ запись трезвенниковъ, я вышелъ на крыльцо взглянуть, много ли еще на очереди.

Церковный сторожъ, охранявшій входную дверь, не преминулъ вступитъ со мной въ разговоръ. Впослѣдствіи оказалось, что онъ принялъ меня за какое-то «начальство», потому что незадолго передъ этимъ уже «кто-то» пріѣзжалъ изъ Москвы съ полномочіями епархіальнаго вѣдомства для ознакомленія съ дѣятельностью нахабинскаго священника, о которомъ такъ много стали говорить всюду. Сogleдатои эти также присутствовали при записи—отсюда подозрѣнія сторожа и относительно меня.

— У насъ-то все хорошо, по-Божьему,—началъ сторожъ и, махнувъ рукой въ пространство, прибавилъ, попякая головой:—а вотъ куркинскій батъка, такъ тотъ поступаетъ не по закону.

О селѣ Куркинѣ и о вновь народившемся Никола-Куркинскомъ обществѣ трезвости мнѣ тоже довелось слышать въ Москвѣ. Священникъ мѣстной церкви о. Сергій Лебедевъ также началъ привлекать трезвенниковъ для «зарока». Такая же регистрація, такіе же членскіе билеты и къ нему тоже изо дня въ день тянулись массы. Находили даже, что къ нему удобнѣе сообщеніе: по Николаевской

желѣзной дорогѣ до первой станціи Химки, и оттуда по шоссе около четырехъ версть.

— Не по закону!—повторилъ сторожъ.—По чему такому онъ отбиваетъ отъ насъ публику?

Очевидно, нашествіе трезвенниковъ для сторожа дѣло выгодное и конкуренція стала его обезпокоивать. Онъ даже сталъ ябедничать:

— Во Всесвятскомъ онъ своихъ людей поставилъ, и тѣ всѣхъ трезвенниковъ, которые къ намъ ѣдутъ, заманиваютъ въ Куркино. Говорятъ, что будто тамошній зарокъ пользителнѣе. А это неправда. Нашъ пользителнѣе, потому что мы этимъ занимаемся семь годовъ, а у него дѣло молодое—всего по второму году.

И подчеркнулъ, продолжая подозрѣвать во мнѣ начальство:

— Вотъ за шимъ надо смотрѣть строже!

Затѣмъ онъ мнѣ повѣдалъ, что у нахабинскихъ крестьянъ, тоже опасующихся за сокращеніе доходности, созрѣваетъ планъ—учредить во Всесвятскомъ свое дежурство, чтобы избавиться отъ куркинскихъ зазывателей.

Послѣ бесѣды со сторожемъ какъ-то сразу обозначилось, что и въ такомъ благомъ дѣлѣ замѣшаны меркантильные расчеты...

ХІІ.

Меня интересовала прочность «зарока» съ бытовой стороны и, когда мы остались вдвоемъ съ о. Пермскимъ, я спросилъ:

— Многіе ли нарушаютъ обѣтъ воздержанія?

— Нѣтъ, немногіе, слава Богу,—отвѣтилъ мнѣ о. Сергѣй.— Я могу сказать съ опредѣленностью, что менѣе трети не выдерживаютъ срока, да и то только потому, что поддаются соблазну извнѣ, т. е. не по личному почину разрѣшаютъ себѣ пить, а по настоянію друзей и знакомыхъ.

— У васъ зарекаются исключительно православные?

— Нѣтъ; приходятъ и лютеране, и протестанты... бывали и раскольники... Одинхъ только католиковъ не запомню...

— Какимъ же образомъ они даютъ зарокъ?

— Такъ же присутствуютъ при молебнѣ, но только я не подвожу ихъ прикладываться къ иконѣ... Но вотъ однажды явился ко мнѣ еврей, и я не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Его пригласилъ съ собой русскій и сталъ ходатайствовать у меня за товарища, чтобы я непременно взялъ съ него зарокъ. Да и самъ онъ очень просился въ члены нашего общества. Нечего было дѣлать—пришлось зарегистрировать и его. Разъ онъ вѣрилъ мнѣ—я не имѣлъ права ему отказать. Онъ взялъ зарокъ на мѣсяцъ и, представьте мое удивленіе, черезъ мѣсяцъ онъ снова явился за зарокомъ. И опять съ

тѣмъ же товарищемъ, который, указывая на него, самодовольно мнѣ сказалъ: «И ему тоже помогло!»

Поинтересовался я, много ли бываетъ въ Нахабинѣ интеллигентныхъ паломниковъ.

О. Сергѣй пожалъ плечами.

— Нѣтъ... немного... Все больше народъ простой, рабочій. Эти люди болѣе чутки къ религіознымъ ощущеніямъ и съ меньшимъ разсужденіемъ подчиняютъ свою совѣсть страху Божію... Впрочемъ, недавно у меня брали зарокъ преподаватель духовной семинаріи и какой-то полковникъ... Да вотъ еще нѣсколько разъ пріѣзжала важная дама, только я ее пересталъ принимать.

— Почему?

— Странная она. Пріѣхала въ первый разъ съ умиленіемъ. «Я, говоритъ, такъ много наслышана... Говорятъ, помогаетъ очень... Дайте мнѣ зарокъ». Разглядѣлъ я барыню: молодая, красивая, одѣта богато. Удивляюсь, конечно, и спрашиваю: «Пьете?» Улыбнулась и отвѣтила: «Ужасно!».. Произнесла она въ церкви зарокъ и уѣхала. Дня черезъ три опять она у меня. «А знаете,—говоритъ,—ваше средство помогло: два дня почти съ отвращеніемъ глядѣла на вино, а вчера за ужинкомъ опять пила». Я ее пожурилъ, разумѣется. «Взяли,—говорю,—зарокъ всего на двѣ недѣли и не могли такой незначительный срокъ выдержать». Дама въ слезы. «Ахъ, я такая несчастная!» Ну, думаю, можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ человекъ безвольный, больной. Снова разрѣшаю ей взять зарокъ. Черезъ нѣсколько дней опять пріѣзжаетъ. «Опять не выдержали?» встрѣчаю ее вопросомъ.—«Ахъ, батюшка, лучше и не спрашивайте! Въ тотъ же вечеръ, какъ отъ васъ возвратилась, пила... Нѣтъ ли у васъ зарокъ послабше...»

Вспомнивая этотъ забавный случай, о. Сергѣй разсмѣялся и сказалъ:

— Впрочемъ, это не единственный курьезъ. Бывало ихъ много.

ХІІІ.

Года черезъ три послѣ этой прогулки въ Нахабино ѣздилъ я въ Волоколамскъ (Новый Іерусалимъ) по только что проложенной Московско-Виндавской желѣзной дорогѣ. На возвратномъ пути остановился на станціи Нахабино, которая устроена возлѣ самаго села, и навѣстилъ о. Пермскаго. Незадолго до этого я слышалъ, что выдача «зароконъ» ему запрещена, и очень удивился: кому это могло помѣшать?

О. Сергѣй меня не узналъ и, думая, что я одинъ изъ исправившихся, благодаря его зарокѣ, трезвенниковъ, взялъ со стола квинціонную книгу и спросилъ:

— Ваша фамилія?

Къ нему въ то время пріѣзжали его прежніе посѣтители для выраженія благодарности за принесшіе имъ пользу зарокѣ, и онъ съ любовью, по старой памяти, дѣлалъ въ своей книгѣ отмѣтки относительно ихъ поведенія. Это все, что осталось ему отъ той кипучей дѣятельности, которою онъ жилъ въ теченіе десяти лѣтъ.

— Наше общество трезвости существуетъ попрежнему,—сказалъ о. Сергій:—но зарокѣвъ уже нѣтъ...

Я спросилъ о причинѣ.

— Не знаю... должно быть, у меня это было неправильно, но только вотъ недавно пріѣзжалъ ко мнѣ баронъ N. и благодарилъ меня за тѣ тридцать копеекъ, которыми я снабдилъ его три года тому назадъ, когда онъ, оборванный, спившійся, приходилъ сюда пѣшкомъ изъ Москвы брать зарокѣ. Я его, разумѣется, не узналъ. Онъ разсказалъ мнѣ свою исторію. Страсть къ водкѣ довела его до того, что онъ не только лишился всего, что имѣлъ, но даже потерялъ покровительство близкихъ людей. Спился до ночлежнаго пріюта и Хитрова рынка. Но вотъ въ одинъ счастливый день присоединяется онъ отъ бездѣлья къ группѣ такихъ же оборванцевъ, какъ и самъ онъ, и идетъ съ ними въ Нахабино. Беретъ зарокѣ, спрашиваетъ у меня «мелочишки» на дорогу и, возвратясь въ Москву, совершенно отстаетъ отъ водки... Теперь онъ съ большими средствами. Родные его поддержали, и онъ хорошо устроился. Вы не можете себѣ представить, какое громадное нравственное удовлетвореніе получилъ я, увидѣвъ бывшаго хитровца исправившимся и вставшимъ на ноги...

И въ продолженіе всей нашей послѣдующей бесѣды въ голосѣ священника Пермскаго звучало его недоумѣвающее «не знаю»...

Припомнивъ ксати куркинскаго священника, поинтересовался я его судьбой:

— А у него берутъ зарокѣ?

— Тоже нѣтъ!

Уже вечерѣло, когда я собрался на станцію къ отходящему поѣзду. Нужно было пройти полевъ.

Проводить меня по тропинкѣ вызвался сторожъ, оказавшійся тоже старымъ знакомымъ.

— Теперь у насъ тихо, — говорилъ онъ по дорогѣ:—не ѣздятъ.. Теперь для этихъ самыхъ пьяницъ,—добавилъ онъ съ горечью,—другое средство наши—театры... Конечно, въ городахъ люди умные живутъ, больше насъ понимаютъ, только все-таки куда ужъ театру до церкви...

Мих Шевляковъ.

МОГИЛА ГАПОНА.

И обрѣлъ свое пристанище. Простите,
надежда и счастье! Ничего уже нѣтъ у
меня съ вами общаго. Обманывайте дру-
гихъ!

Греческая эпитафія.

ВЕСНОЮ текущаго года случилось мнѣ провожать одного покойника на городское Успенское кладбище по Финляндской желѣзной дорогѣ. Отъ станціи Парголово, чрезъ поля и болотистые дуга, проходитъ особая вѣтка до сосноваго лѣса, гдѣ собственно и расположилось не очень давно устроенное кладбище. У конечнаго пункта желѣзнодорожной вѣтки имѣется буфетъ, гдѣ по заказу устранивають поминки. Тутъ же нѣсколько деревянныхъ домовъ для клира здѣшней церкви.

Стояла дивная веселая погода. Снѣгъ давно сошелъ съ полей. Онъ остался еще кое-гдѣ въ лѣсныхъ ямахъ, но рядомъ уже пробивалась зеленая трава. Пахло сосной. На опушкѣ лѣса жаворонки своими любовными пѣснями заливались въ голубомъ небѣ.

Въ ожиданіи отпѣванія покойника я вышелъ изъ тѣсной деревянной церкви и направился прямо отъ нея на западъ по песчаной дорогѣ. Хотѣлось посмотрѣть на пробужденіе весны и въ живот-ныхъ, и въ растеніяхъ, и въ каждой былинкѣ.

Въ полтораэта шагахъ отъ церкви пересѣкаетъ главную аллею другая, поперечная. Кругомъ стоятъ простые деревянные кресты. Кладбище еще молодое, и могилы разбросаны свободно. Стройныя сосны своими вѣчно-зелеными кронами красиво оѣняютъ тихій

Панихида на могилі Георгія Гапона.

городъ мертвыхъ. Безшумно пролетѣла ярко-желтая бабочка. Всего нѣсколько минутъ тому назадъ шумный міръ терзалъ мои уши трескотней, свистомъ, визгомъ, грохотомъ и всевозможными звуками двигающихся вагоновъ, трамваевъ, экипажей. И вотъ послѣ столичнаго гула и гама невозмутимая тишина! Невольно впадаешь въ элегическое настроеніе и ищешь въ своихъ воспомина- нійхъ соответствующихъ звуковъ...

Я ищу свободы и покоя;
 Я бѣ хотѣлъ забыться и заснуть...
 Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,—
 Я бѣ желалъ навѣки такъ заснуть,
 Чтобъ, всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
 Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
 Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
 Темный дубъ склонялся и шумѣлъ...

На самомъ углу, въ перекресткѣ дорогъ, выдѣляется среди дру- гихъ могилъ небольшой металлическій памятникъ съ бѣлымъ кре- стомъ, окруженный деревянной, выкрашенной зеленой краской оградой. По сторонамъ памятника четыре футляра съ металличе- скими вѣнками. Взглянулъ на надписи:

«Гапонъ!»

Я такъ и замеръ. Среди глубокаго мира и успокоенія п вдругъ такое имя! Мною овладѣло сильное волненіе, какъ если бы я встрѣ- тилъ живымъ самого покойника во главѣ стремительнаго шествія рабочихъ... О, смерть! Мнѣ казалось въ это время, твое гробовое молчаніе громче ружейныхъ выстрѣловъ и ужасныхъ криковъ...

Какой контрастъ! Самое тихое изъ вѣхъ кладбищъ города Петербурга и одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ людей нашего бурнаго времени!

На передней восточной сторонѣ памятника черными буквами по бѣлому фону написано:

Представитель

С. Р. Ф. З. Р.

Г Е О Р Г І Й Г А П О Н Ъ

погибъ отъ руки убійцы

28 марта 1906 года

на дачѣ въ Озеркахъ.

Пять буквъ, С. Р. Ф. З. Р., вѣроятно, обозначаютъ: «Союза русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ».

На другой, на западной, стороне памятника такими же буквами:

Спокойно спи «убить»
 обманутый коварными
 друзьями, пройдутъ года
 тебя народъ пойметъ,
 оцѣнитъ и будетъ слава
 вѣчная твоя.

Выписываю буквально. Что означаютъ ковычки въ словѣ «убить»? Не имѣлось ли въ виду обозначить только, что онъ умеръ насильственной смертію, а не естественною?

«Горе умереть,—говоритъ русская пословица:—а за могилой дѣло не станетъ!» Нашлась, оказывается, не одна сотня людей, которые пришли на отпѣваніе коварно убитаго Георгія Гапона и съ большимъ вниманіемъ похоронили его.

Прошло три года съ тѣхъ поръ. Шелковые ленты на вѣнкахъ частью истлѣли, частью растрескались и пожелтѣли, но до сихъ поръ еще можно прочесть много говорящія надписи. На одномъ вѣнкѣ, напримѣръ:

Дорогому учителю и другу
 отъ Нарвскаго района.

На другомъ:

Вѣчная память вождю
 и учителю Гапону,
 въ день годовщины,
 отъ рабочихъ.

Остальные вѣнки съ подобными же надписями. Есть вѣнокъ отъ товарищей-рабочихъ Коломенскаго отдѣла. Въ нѣкоторыхъ коробкахъ заключены портреты Гапона. Въ одной вложена большая фотографія. Въ другой—два небольшихъ портрета во весь ростъ. Тутъ я впервые увидѣлъ бывшаго священника въ свѣтскомъ костюмѣ, съ вложенными руками въ карманы брюкъ.

Вся могила покрыта подписями посѣтителей. Чаще встрѣчаешь указанія на 9-е января 1905 года. Напримѣръ: «Истинному вождю всероссійской революціи 9-го января».

Среди карандашныхъ надписей обращаетъ вниманіе слѣдующее стихотвореніе на металлической коробкѣ вѣнка:

Мой другъ, сегодня много дней,
 Какъ ты покинулъ міръ нашъ тлѣнный.
 Быть можетъ, для души своей
 Ты приобрѣлъ тамъ рай священный.

Быть можетъ, самъ Іегова
Тебя пріялъ въ свои владѣнья;
И шепчешь ты теперь слова
Любви и счастья, наслажденья.
Мой другъ, молись ты за меня!

Около меня собралась группа также интересующихся могилою знаменитаго демагога. Одинъ изъ нихъ пророчески замѣтилъ:

— Нашъ народъ говоритъ: «Колѣ убитаго ужа повѣсить на осинѣ, то очнется и ужалитъ своего убійцу».

— Что это?—спрашиваю его:—намекъ? Аллегорія?

— Жизнь даетъ одинъ только Богъ, отнять же ее можетъ всякая гадина,—загадочно отвѣтилъ онъ.

Лично я съ Гапономъ встрѣтился всего одинъ разъ, лѣтъ семь тому назадъ. Онъ интересовался дѣломъ сестры Варвары въ Любани, о которой я напечаталъ тогда нѣсколько журнальныхъ статей. Мнѣ не пришлось съ нимъ говорить; но на блѣдное лицо его, обрамленное темными волосами, я обратилъ особенное вниманіе.

Приходилъ онъ по служебнымъ дѣламъ къ моимъ знакомымъ и иногда засиживался у нихъ. Однажды, послѣ горячей рѣчи, онъ ударилъ рукою по столу и увѣренно заявилъ:

— Погодите! Узнаютъ потомъ, кто такой Гапонъ!..

Дѣйствительно, черезъ три года узнали о немъ не только русскіе, но и всѣ народы, весь міръ.

Послѣ знаменательнаго 9-го января о Гапонѣ заговорили разно: и хвалили, и бранили его. Теперь, когда, по Шекспиру, «дурные поступки переживаютъ человѣка, а хорошіе ложатся въ гробъ вмѣстѣ съ нимъ», дѣлать характеристику его личности нѣсколько рано. Надо пройти немалому времени, чтобы люди могли издали взглянуть на оригинальнаго священника безпристрастными глазами. А сейчасъ de mortuis aut bene, aut nihil.

Ив. Ювачевъ.

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ.

(Историческіе очерки).

VI. Въ народъ!

I.

ИСЪМА Миртова-Лаврова объ обязанностяхъ интеллигенціи передъ народомъ, проповѣдь и воззванія Бакунина и Нечаева по адресу молодежи съ указаніемъ ей необходимости движенія въ народъ, опредѣленныя теченія научной и изящной литературы, гдѣ народъ, таинственный и плѣнительный народъ, рисовался какъ нѣчто сказочное и святое, передъ которымъ слѣдуетъ принести покаяніе,—все эти элементы нашей общественной жизни создали къ середнѣ семидесятыхъ годовъ совершенно особое настроеніе высшаго подъема альтруистическаго чувства, равное и однозначашее которому исторіи другихъ европейскихъ племенъ и народовъ не знали и не испытывали. Очерчивая эпоху семидесятыхъ годовъ въ ея литературныхъ проявленіяхъ, С. А. Венгеровъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской литературы» говоритъ ¹⁾: «Окраску эпохѣ даетъ теперь не грубоватый «разночинецъ», выступившій въ шестидесятыхъ годахъ съ *требованіями* равноправности для себя, напротивъ того, отказы-

¹⁾ Библіотека «Свѣточъ». С. А. Венгеровъ. «Очерки по исторіи русской литературы». 2-е изданіе.

вающійся отъ своихъ историческихъ правъ «кающійся дворянинъ», желающій искупить и загладить вину своего сословія передъ народомъ. Рядомъ съ идеаломъ усовершенствованія личности выдвигается принципъ общественнаго блага. Отсюда интересъ къ общественнымъ наукамъ и мистическое преклоненіе передъ народомъ. Изъ теоретиковъ П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій удовлетворяютъ стремленію къ ознакомленію съ общественными науками и потому становятся главарями движенія. Публицистика заполняется изслѣдованіями экономическаго быта народа; въ сферѣ художественнаго творчества «мужничья беллетристика» занимаетъ первенствующее мѣсто; молодежь въ разныхъ формахъ идетъ «въ народъ». Какъ особая фракція альтруистическо-демократическаго настроенія, возникаетъ прогрессивное «народничество», имѣющее то общее съ славянофильствомъ, что оно тоже провозглашаетъ принципъ «особенностей» русскаго народа, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что эти особенности исключительно усматриваютъ въ общинно-артельныхъ «устояхъ» русской народной жизни. Но всѣ фракціи радикальной мысли одинаково сливаются въ одномъ общемъ страстномъ стремленіи всецѣло отдать себя служенію народу, жертвуя для этого всѣми личными интересами. Ни одна эпоха русской исторіи не видѣла такого накопленія идеальныхъ стремленій. Самые отдаленные идеалы казались близко осуществимыми, твердая рѣшимость дѣйствительно положить душу свою за благо ближняго своего становится массовымъ свойствомъ. Сословный и личный эгоизмъ кажется прямо отвратительнымъ, и только полное подчиненіе единичныхъ интересовъ общественному благу удовлетворяетъ нравственно чуткаго человѣка».

Лавровъ своими «Историческими письмами» создалъ опредѣленный историческій моментъ въ русской жизни, создалъ себѣ громкое имя въ средѣ русской интеллигенціи, а затѣмъ съ переѣздомъ за рубежъ родной земли его роль, какъ властителя думъ современниковъ, кончается, и его мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Н. К. Михайловскій, публицистъ сначала «Недѣли», а потомъ «Отечественныхъ Записокъ», оказавшій на поколѣніе семидесятыхъ годовъ крупное идейное вліяніе. Идеиная генеалогія въ нашей литературѣ уже установлена; она формулируется такъ: Герценъ—Чернышевскій—Лавровъ—Михайловскій, причемъ послѣдній въ своихъ произведеніяхъ, какъ научныхъ, такъ и публицистическихъ, сумѣлъ съ выдающимся блескомъ соединить всѣ положительныя (въ боевомъ, революціонномъ смыслѣ) стороны философско-историческаго міровоззрѣнія названныхъ своихъ предшественниковъ. По опредѣленію г. Венгерова, «главная заслуга (Михайловскаго) въ томъ, что онъ созналъ опасность, заключавшуюся въ писаревской пропагандѣ утилитарнаго эгоизма и узко понятаго «мыслящаго реализма», которые въ своемъ логическомъ развитіи неизбежно приводили къ

игнорированію интересовъ общественныхъ. Молодой соціологъ и критикъ, какъ въ своихъ теоретическихъ, такъ еще больше въ литературныхъ статьяхъ своихъ, съ особенною силою выдвинулъ идеаль служенія обществу и самопожертвованія для блага общаго, а развивая лавровское ученіе о роли личности, давалъ бодрость начинать это служеніе *немедленно*.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ученіи Михайловскаго по существу вложенныхъ сюда положеній о прогрессѣ, о роли личности въ исторіи, о субъективномъ методѣ и т. д. ¹⁾, отмѣтимъ лишь, какъ глядѣли на него подготовлявшіеся къ революціонной дѣятельности представители молодежи, уже объявившіе крестовый походъ «въ народъ». Вотъ что говоритъ по сему предмету Н. С. Русановъ въ статьѣ «Политика» Н. К. Михайловскаго. Здѣсь онъ пишетъ ²⁾: «Мнѣ кажется, что назвать его революционеромъ въ специальномъ смыслѣ, т.-е. человѣкомъ, отдавшимъ себя практической революціонной дѣятельности, нельзя, не погрѣшая противъ истины и противъ пониманія самаго типа этой исключительно крупной личности. Михайловскій былъ гораздо обильнѣе одаренъ способностями теоретическаго мышленія и литературно-публицистическими талантами, чѣмъ свойствами собственно революціоннаго дѣятеля. Что не мѣшало ему, конечно, «революционизировать» сознаніе мыслящей части русскаго общества... Во всякомъ случаѣ, первымъ условіемъ для того, чтобы вѣрно понять и оцѣнить «политику» Н. К. Михайловскаго, является требованіе не видѣть въ знаменитомъ философѣ-публицистѣ непосредственнаго участника въ революціонномъ движеніи. Перѣдко у Михайловскаго и въ жизни, и въ письмахъ выпрыгивало признаніе: «Я лично не могу принимать въ этомъ участіе и потому прямо приглашать людей на опредѣленные революціонныя дѣйствія тоже не могу». Изъ чего опять-таки не слѣдуетъ, чтобы онъ не помогаль перомъ, совѣтомъ, указаніями, иногда даже практическими хлопотами уже сложившимся людямъ, тѣмъ героямъ русской революціи, которые завязали борьбу на жизнь и смерть со старою, официальной Россіей... Какъ бы то ни было, но рядомъ съ теоретической работой мысли у этого замѣчательнаго писателя былъ настолько развитъ интересъ къ общественной жизни, что онъ долженъ былъ отзываться на ея явленія и въ особенности на наиболѣе крупныя и знаменательныя изъ нихъ, т.-е. на нашу «политику», на нашу «революцію». Съ другой стороны, въ силу того, что онъ собственно никогда не былъ человѣкомъ партіи, а лишь могучимъ возбудителемъ революціи въ умахъ, и даже, въ рѣдкихъ узловыхъ

¹⁾ Интересующимся рекомендуемъ ознакомиться съ работою г. Иванова-Разумника «Исторія русской общественной мысли» и Евг. Соловьева «Очерки изъ исторіи русской литературы».

²⁾ «Былое» 1907 г., июль.

точкахъ своей писательской орбиты, сходясь вполнѣ въ своихъ выводахъ съ наиболѣе жизненнымъ теченіемъ, никогда не отождествлялся съ нимъ,—именно въ силу этого онъ, по большей части, не удовлетворялъ до конца наши различныя фракціи. Мнѣнія Михайловскаго революціонеры очень добивались; къ его взглядамъ они сильно прислушивались. Но «своимъ» въ узкомъ смыслѣ этого слова ни одной почти фракціи, за исключеніемъ развѣ «Народной воли», его назвать было невозможно.

«Укажу на нѣкоторые примѣры, всплывающіе на поверхность моихъ воспоминаній. Начало 70-хъ годовъ ознаменовалось въ Россіи выработкой перваго народническаго социализма съ приложеніемъ его на практикѣ въ видѣ «хожденія въ народъ». Какъ извѣстно, уже тогда обозначились два главныя теченія—пропагандистское и бунтарское и, нѣсколько позже, одно второстепенное—якобинское, довольно сильно, однако, тронувшее въ иныхъ мѣстахъ молодежь. Оба первыя теченія вели между собою ожесточенную полемику по вопросу о томъ, готовить ли революцію пропагандою, или теперь же начинать въ народѣ бунтъ, чтобы втянуть его такимъ путемъ въ революцію. Но оба они были анти-государственныя. Оба ставили своею цѣлью одновременное паденіе на весь современный политическій и экономическій строй съ тѣмъ, чтобы на развалинахъ стараго міра гнета и эксплуатаціи покрыть всю Россію федераціей общинъ трудящихся. Оба, наконецъ, были «аполитическими» въ томъ смыслѣ, что отрицали всякую чисто политическую революцію и объявляли жестокую войну либераламъ и парламентаристамъ, мечтавшимъ о конституціи.

«Спрашивается теперь, какую позицію занялъ въ этой распрѣ «лавривостъ» и «бунтарей» Михайловскій. Мы, которые или сами совершали крестовый походъ въ народъ въ «сумасшедшее», какъ его потомъ называли иные революціонеры, лѣтъ 1874 года, или же пробуждались непосредственно подъ вліяніемъ этого похода къ сознательной жизни, разумѣется, съ интересомъ вчитывались въ статьи Михайловскаго, ища въ нихъ подтвержденій той или другой точки зрѣнія, раздѣлявшей насъ на два враждебные лагеря. Но того, что мы искали, мы не находили. Въ этихъ статьяхъ было по большей части то, что у насъ, братьевъ-враговъ, было общаго, то, что соединяло насъ. Но въ нихъ не давалось замѣтнаго предпочтенія тѣмъ или другимъ воззрѣніямъ. Михайловскій говорилъ намъ о противоположности между «націей» и «народомъ», о стараніяхъ тогдашнихъ либераловъ обездолить трудящіяся массы, «отодравъ громаду народа отъ земли и орудій производства»; о томъ, что мы «доляшники народа» и что ради уплаты этого долга мы должны... отказаться даже отъ «политической свободы», несмотря на ея «сравнительность» для человѣка изъ интеллигенціи, «вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла». Это была,

конечно, и наша общая точка зрѣнія въ двухъ лагеряхъ. Но какъ, какъ,—спрашивали мы себя при чтеніи этихъ статей,—думаетъ все-таки разрѣшить эти великія задачи самъ публицистъ? Пропандой или бунтомъ? И этого-то мы въ статьяхъ Михайловскаго не открывали, а открывали порою нѣчто, шедшее за предѣлы нашего

Николаѣ Константиновичъ Михайловскій.

общаго, и лавристскаго и бунтарскаго, міровоззрѣнія въ видѣ гипотезы о преобладающемъ значеніи, которое могутъ приобрести у насъ «политическіе вопросы», или въ видѣ соображеній о цѣлесообразности «государственной помощи для сохранения въ народѣ имѣющихся уже у него орудій производства и приобретенія по-

выхъ», что, кстатн сказать, пахло для насъ уже положительной ересью въ направленіи государственности.

«Я знаю, что среди тѣхъ изъ насъ, которые были бунтарями... царило убѣжденіе, или, вѣрнѣе, подозрѣніе, что Михайловскій исполненъ тайной склонности къ лавризму. Но при этомъ мы руководствовались больше тѣмъ виѣшнимъ признакомъ, что статьи публициста были обыкновенно снабжены большимъ научнымъ аппаратомъ и цитатами изъ «книжекъ». Съ другой стороны, если лавристы и старались поддерживать эту выгодную для нихъ гипотезу объ идейномъ союзничествѣ Михайловскаго, то они не могли скрыть и того обстоятельства, что славный публицистъ отказался принимать участіе во «Впередѣ». Кстатн сказать, я со словъ П. Л. Лаврова узналъ впоследствіи, что этотъ отказъ былъ полученъ имъ (въ отвѣтъ на его просьбу о сотрудничествѣ) въ мотивированномъ посланномъ съ «оказіей» письмѣ Михайловскаго, который утверждалъ, что заграничный органъ можетъ быть лишь искусственнымъ, оторваннымъ отъ родной почвы продуктомъ, и что онъ, Михайловскій, предпочитаетъ вліять на русскую публику въ легальной, хотя бы даже и подневольной печати. Такъ же, впрочемъ, отвѣтила на предложеніе Лаврова и вся редакція «Отечественныхъ Записокъ».

Значеніе, реальное и практическое, Михайловскаго для развитія революціоннаго теченія опредѣляется лишь съ 1877—1878 гг., когда онъ, съ одной стороны, по нѣкоторымъ вопросамъ русской жизни болѣе откровенно высказывается (его полемика съ Юзовымъ-Каблицемъ, въ спорѣ съ «Недѣлей», съ Ткачевымъ) и, съ другой, когда онъ вступилъ на путь обращенія къ русскому обществу съ нелегальнымъ «Летучимъ Листкомъ», гдѣ уже громко ставилъ правительству требованіе «конституціи, земскаго собора», говоря, между прочимъ: «общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки. Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго правленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть *тайный комитетъ общественной безопасности*». Въ такомъ утвержденіи Михайловскій предвосхитилъ будущее возникновеніе «исполнительнаго комитета» партіи «Народной воли», подготовившей и создавшей кровавое событіе 1 марта 1881 года.

II.

Если со словъ г. Русанова мы видимъ, что активное участіе Михайловскаго въ революціонномъ движеніи оформилось только къ 1878 г., когда онъ выпускалъ свой «Летучій Листокъ», о чемъ еще рѣчь будетъ впереди, то къ серединѣ того же десятилѣтія онъ, работая очень интенсивно въ «Отечественныхъ Запискахъ», только

продолжалъ проповѣдь Лаврова объ обязанностяхъ интеллигенціи передъ народомъ, причѣмъ указывалъ въ жизни и бытѣ послѣдняго такія формы, какъ община и артели, которыя даютъ возможность естественнымъ путемъ осуществлять тѣ социалистическія тенденціи, которыя на Западѣ требуютъ мѣръ искусственныхъ и насильственныхъ. Активной программы, въ смыслѣ ученія Бакунина или Лаврова, онъ дѣйствительно не давалъ, но постоянная рѣчь на тему о долгѣ передъ народомъ, о необходимости покаянія со стороны дворянства проходила краснымъ звономъ во всѣхъ его научныхъ, публицистическихъ и даже полубеллетристическихъ работахъ. Вотъ почему, если народничество «Отечественныхъ Записокъ» (въ особенности въ произведеніяхъ Успенскаго, Златовратскаго, Засодимскаго, Наумова, Гр. З. Елисеева, Салтыкова, Некрасова и др.) сыграло въ движеніи молодежи той поры несомнѣнную роль, то въ этой роли именно Михайловскому выпадала львиная доля, почему мы сочли долгомъ отвѣсти мѣсто этому писателю въ настоящей части нашихъ «Очерковъ». Его искусно построенныя статьи давали въ легальной формѣ, передъ которою оказывалась безильною и тогдашняя цензура, тотъ жгучій матеріалъ для споровъ и разсужденій въ кружкахъ молодежи, къ которому ее тянуло уже съ давнихъ поръ и который въ конечномъ результатѣ неминуемо долженъ былъ ее поставить лицомъ къ лицу съ *самимъ* таинственнымъ народомъ, по видимости легко готовымъ осуществить социальный рай на землѣ при активномъ альтруистическомъ содѣйствіи именно ея—этой молодежи, если только она двинется въ народную гущу съ живымъ словомъ разоблаченія существующаго зла и поученія въ духѣ той подпольной литературы, которая къ тому времени народилась уже въ значительномъ количествѣ, отпечатанная какъ въ заграничныхъ революціонныхъ типографіяхъ и удачно транспортированная на родной берегъ, такъ и въ немногочисленныхъ домашнихъ. «Чайковцы» и «долгушинцы» явились тѣми авангардами, за которыми послѣдовали тысячи другихъ, изъ коихъ многимъ и суждено было впоследствии явиться передъ лицомъ русскаго общества по процессамъ 193-хъ и 50-ти. Образование этихъ кружковъ, ихъ характеръ, составъ представляетъ много любопытнаго, почему мы и остановимся на этой страницѣ русской революціонной дѣятельности довольно подробно.

О «кружкѣ чайковцевъ» Л. Шишко въ своей брошюрѣ «Сергій Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ» ¹⁾ даетъ слѣдующія свѣдѣнія. Кружокъ этотъ,—повѣствуетъ онъ,—«названный такъ по имени одного изъ его основателей, возникъ весною 1869 г. Первоначальнымъ организаторомъ этого кружка былъ, впрочемъ,

¹⁾ Л. Шишко «Сергій Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ. Изъ воспоминаній и замѣтокъ стараго народника».

не Н. В. Чайковскій, а двое очень извѣстныхъ въ свое время людей, бывшихъ студентами медицинской академіи. Одинъ изъ нихъ—уже умершій теперь В. Александровъ. Чайковскій вмѣстѣ съ Анатолиемъ Сердюковымъ были первыми изъ примкнувшихъ къ основателямъ этого кружка. Цѣль послѣдняго понималась его основателями такимъ образомъ: они хотѣли создать среди интеллигенціи и преимущественно среди лучшей части студенчества кадры революціонно-соціалистической или, какъ чаще выражались тогда, *истинно-народной* партіи въ Россіи. Съ этою цѣлью первоначальными основателями кружка рѣшено было вести систематическую пропаганду среди учащейся молодежи, устраивать кружки самообразованія, землячества и такъ называемыя коммуны, состоявшія уже изъ болѣе тѣсно связанныхъ между собою товарищей. Съ тою же цѣлью первоначальными организаторами кружка было начато такъ называемое «книжное дѣло», представлявшее собою, помимо непосредственно приносимой имъ пользы, одно изъ лучшихъ средствъ для сближенія съ молодежью на почвѣ чисто практическаго предпріятія и для быстраго расширенія связей. Въ созданіи этого «книжнаго дѣла» обнаружилась крупная организаторскія способности основателей кружка. Оно заключалось въ распространеніи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, хорошо подобранной тенденціозной легальной литературы съ присоединеніемъ къ ней, по возможности, запрещенныхъ или изъятыхъ сочиненій (преимущественно Чернышевскаго). Съ этою цѣлью кружокъ входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми изъ петербургскихъ издателей и бралъ у нихъ на комиссію съ извѣстной уступкой, конечно, значительное количество экземпляровъ нужныхъ ему изданій, а иногда и прямо покупалъ за полцѣны цѣлыя изданія, какъ, напр., у извѣстнаго въ то время либеральнаго издателя Н. Полякова. Затѣмъ все эти изданія распространялись кружкомъ въ Петербургѣ и провинціальныхъ городахъ черезъ посредство мѣстныхъ студенческихъ группъ, а также политическихъ ссыльныхъ. Книги эти распространялись по большей части въ кредитъ, причемъ кружокъ старался также о выработкѣ и принятіи всеми кружками самообразованія одинаковой въ общихъ чертахъ программы чтенія и занятій, подготавливая такимъ путемъ цѣлое поколѣніе для будущей революціонной дѣятельности.

Вотъ болѣе или менѣе полный списокъ наиболѣе распространяемыхъ тогда легальныхъ книгъ и изданій: сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и Некрасова; сочиненія Бокля, Костомарова, Щапова, Сергѣевича, Мордовцева, Хлѣбникова, Берне, Дж. Ст. Милля, Дарвина, Дрэнпера, Спенсера (какія имѣлись тогда въ переводѣ); «Историческія писъма» Лаврова; «Положеніе рабочаго класса» Флеровскаго; первый томъ сочиненій Лассаля; «Капиталь» Маркса; первый томъ «Исторіи великой французской революціи»

Л. Блана; «Комедія всемірної исторіи» Шерра; романы Шпильгагена, Швейцера («Эмма», «Люцинда»), Цмоке («Дѣлатели золота»); «Отщепенцы» Соколова; «Пролетаріатъ во Франціи» и «Объ ассоціаціяхъ» Шеллера-Михайлова, и др.

Кружокъ пытался также, съ тою же цѣлью, и самъ издавать нѣкоторыя книги: такъ, онъ участвовалъ въ новомъ изданіи сочиненій Добролюбова и напечаталъ два своихъ перевода: «Исторію 48-го года» Луи Блана и «Рабочій вопросъ» Лапге, а также издалъ на свой счетъ «Азбуку социальныхъ наукъ» Флеровскаго, «Исторію коммуны» Корьеза и Лапжолле, 2-е изданіе «Положенія рабочаго класса» Флеровскаго и 2-е изданіе «Историческихъ писемъ» Миртова; но шесть послѣднихъ книгъ были задержаны цензурой и сожжены, такъ же, какъ были сожжены тогда второй томъ сочиненій Лассаля.

Впослѣдствіи, когда кружокъ чайковцевъ перешелъ отъ «книжнаго дѣла» къ пропагандѣ среди фабрично-заводскихъ рабочихъ въ обѣихъ столицахъ и среди крестьянства, въ его распоряженіи были слѣдующія нелегальные и полунелегальные изданія: «Дѣдушка Егоръ» — исторія крестьянскаго ходока, снаряженнаго въ Питеръ и попавшаго въ острогъ; рассказы Наумова, изданные кружкомъ чайковцевъ подъ общимъ заглавіемъ: «Сила солону ломить», въ видѣ довольно большаго тома, но легко разбивавшагося на отдѣльные брошюры; лучшіе изъ этихъ рассказовъ представляли собой рѣзкій протестъ противъ кулачества, поддерживаемаго начальствомъ, и производили довольно сильное впечатлѣніе какъ на городскихъ рабочихъ, такъ и на крестьянъ; «Древняя Русь» Худякова, гдѣ, какъ извѣстно, подобраны наиболѣе яркія черты и событія вѣчковаго строя и Московской Руси; эта книжка служила большимъ подспорьемъ для антимонархической пропаганды. Слѣдуетъ еще упомянуть о нѣсколькихъ брошюрахъ естественно-историческаго содержанія («Разказы о небѣ и землѣ», «Бесѣды о природѣ» и пр.): эти брошюры неизбѣжно поднимали религиозные вопросы и почти всегда приводили къ полнѣйшему отрицанію церковной религіи и даже атеизму. Кромѣ того, изданы и распространяемы были: «Исторія одного французскаго крестьянина», передѣлка извѣстнаго историческаго романа Эркмана-Шатриана; въ ней было сконцентрировано все, что можно было извлечь изъ этой книги наиболѣе революціоннаго; «Стенька Разинъ», драматическая поэма Навроцкаго, напечатанная первоначально въ «Вѣстникѣ Европы» и представлявшая собою во многихъ мѣстахъ, даже безъ всякой передѣлки, сильно написанную революціонную поэму; «Сказка о четырехъ братьяхъ» Л. Тихомирова, гдѣ въ довольно яркихъ картинахъ изображена экономическая, политическая и религиозная эксплуатація народа, съ прямымъ призывомъ къ возстанію; «Что-то, братцы» — небольшая брошюра, въ видѣ прокламаціи, на тему о волкѣ-царѣ, попав-

шемъ въ правители овецъ помимо ихъ спроса и желанія; въ заключеніи настаивалось на необходимости созыва земскаго собора; «Исторія Пугачевского бунта», написанная Тихомировымъ, съ добавленіями Кропоткина; эта брошюра, по самой своей темѣ, очевидно, не могла носить мирнаго характера; сборникъ революціонныхъ пѣсень и стихотвореній, изъ которыхъ пользовались большимъ успѣхомъ стихотворенія «Барка» и «Просьба крестьянъ». Всѣ эти брошюры были написаны ранѣе 1874 г.; позднѣе появились сказки Кравчинскаго («Сказка о копейкѣ» и «Мудрица Наумовна»), «Хитрая механика», «Внушителя словили» и другія.

Часть этой агитаціонной литературы была напечатана въ Россіи, но съ 1873 года кружокъ чайковцевъ задумалъ перенести печатаніе брошюръ за границу. Въ этихъ видахъ Купреяновъ ѣздилъ въ Швейцарію и переправилъ черезъ границу печатный станокъ, который до того хранился въ лечебницѣ доктора Веймара, сосланнаго въ послѣдствіи на каторгу. Всѣмъ издательскимъ дѣломъ завѣдывала особая комиссія, въ которой, между прочимъ, принимала участіе и Софія Перовская, тогда 18-лѣтняя дѣвушка, будущая вдохновительница событія 1 марта. Изъ авторовъ перечисленныхъ брошюръ крупное имя писателей революціонной окраски составили себѣ Левъ Тихомировъ, бывшій редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», сыгравшій въ свое время въ исторіи русскаго революціоннаго движенія выдающуюся роль, кн. П. Кропоткинъ и покойный С. Кравчинскій-Степнякъ.

Наибольшее развитіе книжное дѣло имѣло въ кружкѣ къ 1871 г., когда вмѣстѣ съ тѣмъ у него завязываются и широкія связи въ разныхъ общественныхъ слояхъ, напр., среди учащейся молодежи, а главное — земскихъ дѣятелей. По поводу связей съ земцами г. Шишко говоритъ: «Извѣстно, что земства проявляли тогда довольно широкую инициативу въ дѣлѣ устройства народныхъ школъ и нѣкоторыхъ кооперативныхъ предпріятій, причемъ земская дѣятельность еще пользовалась въ то время кое-какой независимостью, а земства нѣкоторыхъ губерній отличались своимъ демократическимъ направленіемъ. Все это представляло извѣстныя положительныя стороны, и кружокъ хотѣлъ убѣдиться въ возможности или невозможности воспользоваться земскими учрежденіями и земскими начинаніями въ чисто-революціонныхъ цѣляхъ, т.-е. имѣя въ виду найти тамъ удобную почву для веденія социалистической пропаганды въ народѣ. Нѣкоторые изъ членовъ кружка специально изучали тогда земскую литературу и входили въ сношенія съ земскими дѣятелями, но скоро должны были прійти къ совершенно отрицательнымъ выводамъ. Единственнымъ полезнымъ результатомъ этой попытки сближенія съ земствами было то, что въ нѣсколькихъ школахъ мѣста школьныхъ учителей, фельдшеровъ и фельдшерницъ были заняты своими людьми».

III.

Слово «чайковцы» стало какъ бы нарицательнымъ именемъ, получившимъ право гражданства не только для Петербурга, но и для разныхъ провинціальныхъ центровъ. Возникавшіе здѣсь кружки по большей части крестились тѣмъ же именемъ «чайковцевъ», подъ каковымъ разумѣлось опредѣленное понятіе людей, стремившихся къ революціонной пропагандѣ въ народной массѣ. Вообще организація кружковщины въ началѣ 70-хъ годовъ была самымъ распространеннымъ явленіемъ среди интеллигентной молодежи, и она, эта кружковщина, была тою главою, которая открывала собою шумную, хотя и кратковременную эпопею, носящую названіе «движенія въ народѣ».

Какъ уже сказано, самымъ вліятельнымъ и авторитетнымъ былъ кружокъ «чайковцевъ» по имени Николая Васильевича Чайковскаго, хотя этотъ кружокъ по нѣкоторому праву могъ получить наименованіе и «натансоновскаго», по имени другого дѣятеля, Марка Андреевича Натансона, игравшаго въ жизни кружковщины роль не менѣе значительную. Выше было говорено о работѣ кружка въ области книжнаго дѣла и сближенія съ земскими элементами. Обладая значительными средствами, кружокъ имѣлъ возможность, кромѣ того, постоянно сноситься съ ссыльными изъ числа выдающихся «знаменитостей». Изъ денежныхъ фондовъ отсюда получили возможность побѣговъ Лавровъ и Ткачевъ. Описывая кружокъ, авторъ статьи «Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу 193»¹⁾, скрывшійся за псевдонимомъ «Старикъ», опредѣляетъ его составъ такъ: «Въ кружкѣ, въ числѣ другихъ, состояли двѣ женщины, Перовская и Ободовская, считавшіяся молодежью 70-хъ годовъ лучшими женщинами въ Россіи. Имъ не уступали по силѣ способностей и характера и нѣкоторыя другія, напримѣръ, А. И. Корнилова. Прочіе члены кружка, безъ различія половъ, представляли собою также болѣе или менѣе крупныя силы. Кромѣ Натансона и Чайковскаго, назову Петра Алексѣевича Кропоткина, Сергѣя Михайловича Кравчинскаго (Степняка), Дмитрія Александровича Клеменца, Леонида Эмануиловича Шишко, Сергѣя Силыча Снегуба, Василя Аполлоновича Стаховскаго, Ивана Ивановича Гауэнштейна, Михаила Васильевича Купріянова, сестеръ Корниловыхъ, Николая Аполлоновича Чарушина, Анну Дмитріевну Кувшинскую, Льва Тихомрова, Дрого и пр.».

Сначала, какъ мы отмѣтили, главное вниманіе членовъ кружка «чайковцевъ» сосредоточивалось на книжномъ дѣлѣ; затѣмъ программа его расширяется, и онъ воспринимаетъ анархическую про-

¹⁾ «Былое» 1906 г., октябрь—декабрь.

грамму, выставленную Бакуиннымъ и проводимую въ Петербургѣ о бокъ съ чайковцами другими дѣйствовавшими кружками, во главѣ которыхъ стояли Лермонтовъ и Коваликъ. Побывавъ за границею для свиданія съ Бакуиннымъ и установленія сообщенія съ нимъ единой программы дѣйствій, «рѣшено было не оглашать его прикосновенности къ русскому революціонному дѣлу, — говорить Старикъ. — Руководители русской анархической партіи должны были дѣйствовать отъ своего имени, а Бакуининъ — оставаться негласнымъ центромъ, подобно тому, какъ это было устроено въ Италіи и Испаніи. Кромѣ того, будущіе организаторы анархической партіи находили нужнымъ въ конспиративныхъ цѣляхъ не посвящать пока членовъ устраиваемыхъ ими кружковъ въ идею общей анархической организаціи и установить ее фактически путемъ взаимныхъ сношеній главъ кружковъ или наиболѣе авторитетныхъ лицъ. Этотъ способъ оправдывался также и настроеніемъ молодежи, стремившейся къ полной индивидуальной самостоятельности и унаслѣдовавшей отъ времени господства радикальскихъ кружковъ боязнь генеральства». Особенно эта боязнь распространилась со времени Нечаевской исторіи. Лермонтовъ и Коваликъ агитировали въ Петербургѣ, и къ нимъ примыкали: Рабиновичъ, Софья А. Лешеригъ-фонъ-Герцфельдъ (одна изъ старѣйшихъ русскихъ революціонерокъ), Ваховская, Судзиловская и Милоглазкинъ, братъ и сестра Блаудевичи, студенты Лемени-Македонъ, Фростъ, Грипцовъ, Атамоновъ. Изъ кружка же, примыкавшаго къ Ковалику, вышелъ и Каблицъ-Юзовъ, впоследствии получившій популярное имя писателя-народника. Каблицъ также составилъ кружокъ, къ которому примкнули—Ив. Чернышевъ, Стронскій, Рогачева, Цвиллиева, сестры Щуклины и др. Въ то время какъ названные лица агитировали въ Петербургѣ и противопоставляли мирной программѣ «чайковцевъ» свою боевую бакуинскую программу, единомышленно имъ дѣйствовали въ Кіевѣ Дебогорій-Мокріевичъ, изъ союзниковъ котораго немного спустя выдѣлился Як. Вас. Стефановичъ, организовавшій знаменитое въ своемъ родѣ «чигиринское дѣло» съ его золотыми царскими грамотами, о которомъ будетъ рѣчь далѣе.

По показаніямъ все того же автора, подъ вліяніемъ чайковцевъ и анархистовъ образовались новые кружки изъ учащейся молодежи, или же старые кружки землячествъ и самообразованія были направлены на революціонную дѣятельность. Особо здѣсь выдѣлился кружокъ артиллеристовъ, состоявшій изъ бывшихъ воспитанниковъ Михайловскаго артиллерійскаго училища. Еще въ 1872 году Кравчинскій, Шинко и Рогачевъ имѣли сношенія съ группою воспитанниковъ названнаго училища, первоначально преслѣдовавшей цѣли самообразованія. Сюда входили Антовъ, Н. Тепловъ, В. Усачевъ и М. Нефедовъ. Всѣ они вышли потомъ изъ училища и поступили въ высшія учебныя заведенія. Когда они стали скла-

чиваться въ кружокъ, къ нимъ присоединились Сидорацкій, Оминъ, А. Лукашевичъ и др. Для подготовки къ ремеслу артиллеристы подъ руководствомъ Шишко и другихъ чайковцевъ устроили первую въ Петербургѣ солидную мастерскую, въ которой интеллигентная молодежь обучалась слесарному дѣлу, а отчасти и революціон-

Николай Васильевичъ Чайковскій.

ному. Мастерская эта имѣла значеніе въ исторіи русской революціи и въ ней перебивало много народа, такъ что ей пришлось играть роль своего рода политическаго клуба, куда стекались лица разныхъ революціонныхъ организацій для конспиративныхъ совѣщаній и установленія общихъ программъ дѣйствій.

Многочисленные землячества (саратовское, самарское, пермское), кружки самообразования земляческого же происхождения тоже постепенно переформировались главнымъ образомъ подъ влѣдѣніемъ «бакунистовъ» въ революціонныя организаціи анархическаго типа. Такъ стояло дѣло въ Петербургѣ. Въ Москвѣ кружковщина формировалась, преимущественно концентрируясь около университета и Петровско-Разумовской академіи. «Къ концу 1873 г. мы застаемъ московскую молодежь вращающейся главнымъ образомъ около двухъ центровъ—университета и Петровской земледѣльческой академіи,—говоритъ авторъ статьи «Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу».—Первая изъ этихъ группъ состояла не изъ однихъ студентовъ университета и раньше стала принимать опредѣленную физіономію, соответствующую духу времени. Это была довольно обширная группа, въ которой можно было прослѣдить вліяніе прежняго радикализма. Въ ней перебивало нѣсколько видныхъ дѣятелей изъ чайковцевъ, болѣе всего Клеменсъ и Кравчинскій. Нѣкоторые изъ петровцевъ также принимали въ ней участіе, напримѣръ, Аносовъ и Фроленко, извѣстный впоследствии народоволецъ. Изъ этой группы, съ участіемъ нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, образовался революціонный кружокъ для пропаганды въ народѣ. Въ кружкѣ, между прочимъ, были братья Аркадакскіе, Николай Алексѣевичъ Саблинъ, застрѣлившійся въ мартѣ 1881 г., Николай Александровичъ Морозовъ, въ то время талантливый юноша, только что окончившій гимназію, впоследствии извѣстный шليسельбуржецъ, и Олимпиада Григорьевна Алексѣева. Подъ вліяніемъ пропаганды чайковцевъ кружокъ намѣтилъ себѣ первоначальную, довольно умѣренную программу, признавая главной цѣлью движенія въ народѣ ознакомленіе со средою и подготовку себя къ дальнѣйшей дѣятельности. Попытки анархистовъ толкнуть кружокъ къ болѣе активной дѣятельности потерпѣли полное фіаско. Изъ членовъ кружка Саблинъ, Морозовъ и Алексѣева проживали одно время въ Ярославской губерніи въ мастерской, устроенной въ деревнѣ Иранчинымъ-Писаревымъ. Здѣсь они вмѣстѣ съ докторомъ Добровольскимъ и Потоцкою занимались и революціонною пропагандою среди крестьянъ».

Мы видѣли, что уже Нечаевъ обращалъ вниманіе на Петровскую академію, какъ на учрежденіе, легко по составу своихъ слушателей могущее быть приспособленнымъ для революціонной пропаганды. Ко времени развитія революціонныхъ тенденцій въ группахъ обѣихъ столичъ академіи являлась заведеніемъ многолѣтне распропагандированнымъ, съ твердо установившеюся революціонною репутаціею. Агитаторы-чайковцы навѣдывались сюда зачастую, но наибольшаго успѣха достигали здѣсь все же анархисты. Изъ мѣстныхъ дѣятелей наиболѣе видными были Фроленко и Аносовъ. Первый проявлялъ всегда чрезвычайную активность и принималъ участіе не

только въ своемъ мѣстномъ кружкѣ, но и во всѣхъ почти прочихъ московскихъ однородныхъ организаціяхъ и въ особенности былъ близокъ съ кievскимъ кружкомъ Дебогорія-Мокріевича. Особое положеніе въ Москвѣ занималъ Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, герой «процесса 193», открывшій вмѣстѣ съ нѣкимъ Вильде конспиративную типографію на средства, данныя главнымъ образомъ помѣщикомъ-землемъ Войнаральскимъ. Здѣсь была отпечатана значительная часть той нелегалщины, которая потомъ двинута была въ пародъ, заглавія которой приведены нами выше. Въ типографіи работали преимущественно студенты и женщины.

Войнаральскій началъ свою политическую карьеру еще съ 1861 года, когда былъ исключенъ изъ московскаго университета за студенческіе беспорядки и сосланъ на сѣверъ. Будучи человекомъ съ хорошими средствами, онъ по возвращеніи изъ ссылки поселился у себя въ имѣніи Пензенской губерніи, гдѣ и былъ скоро избранъ мировымъ судьей. Но сенатъ этотъ выборъ не утвердилъ, и вотъ мы видимъ Войнаральскаго отдающимъ себя цѣлкомъ на послуги революціи, которой онъ и жертвуетъ почти все свое состояніе (до 40.000 рублей). Онъ не принадлежалъ собственно ни къ одному изъ кружковъ спеціально, но служилъ всѣмъ имъ и средствами и силами, поскольку это отъ него требовалось и приходилось ему по душѣ ¹⁾. О «долгушищахъ» будетъ говорено особо. Сказаннымъ исчерпывается главнѣйшее, что относится до состава революціонныхъ элементовъ въ обѣихъ столицахъ. Что касается провинціи, то она къ началу движенія «въ народъ» оказалась также распропагандированною, и въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ Кіевъ, Харьковъ, Одесса, къ 1873 году были установлены крупкіе оплоты агитаціи, изъ коихъ о нѣкоторыхъ стоитъ сказать особо. Но считаемъ долгомъ оговориться. Какъ читатели могутъ видѣть, передъ нами протекають нѣкоторыя событія не единичнаго порядка, какъ то имѣло мѣсто, когда шла рѣчь о Герценѣ, Бакунинѣ, Каракозовѣ, Печаевѣ, а порядка массоваго, гдѣ дѣйствуютъ часто въ однородномъ порядкѣ и направленіи множество лицъ. Поэтому и наше изложеніе можетъ касаться только *общаго*, главнѣйшаго, а детали, часто очень интересныя и въ бытовомъ и въ психологическомъ отношеніи, нами по необходимости опускаются. Интересующіеся этою стороною дѣла могутъ ихъ найти въ тѣхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ и монографіяхъ, на которыя нами постоянно дѣлаются ссылки.

¹⁾ О немъ и его жизни въ ссылкѣ и послѣ освобожденія помѣщены любопытныя свѣдѣнія въ книгѣ А. И. Фаресова «Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи».

IV.

Изъ провинціальныхъ учрежденій и организацій революціонной окраски на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена кіевская «коммуна», выдѣлившая изъ своихъ нѣдръ немало дѣятелей-пропагандистовъ. О ней имѣются обстоятельныя «Воспоминанія»¹⁾ ея главнаго дѣятеля Вл. Дебогорія-Мокріевича, о которомъ приходилось не разъ уже упоминать.

Побывавъ въ Швейцаріи и примкнувъ къ анархическому исповѣданію Бакунина, Дебогорій, уже находясь подъ наблюденіемъ полиціи, явился въ 1873 году въ Кіевъ, гдѣ нашель двѣ вполне установившіяся революціонныя группы. Первая являлась обычнымъ типомъ тогдашнихъ пропагандистскихъ организацій и въ шутку называлась «кружокъ кіевскихъ чайковскихъ чайковцевъ», занимавшаяся распространеніемъ среди молодежи социалистическихъ идей. Вторая кіевская группа представляла собою необыкновенно типичное, по словамъ Дебогорія, учрежденіе, носившее названіе «коммуны». Она не подходила подъ настоящее понятіе кружка или группы, она не обладала даже опредѣленнымъ составомъ членовъ; тамъ лица постоянно смѣнялись—одни уѣзжали, другіе прибывали. «По обвинительному акту «о дѣлѣ 193-хъ»,—говоритъ авторъ воспоминаній,—въ числѣ членовъ «кіевской коммуны» упоминаются: Брешковская, Стефановичъ, Фишеръ, Аксельродъ, братья Левентали и много другихъ лицъ. Но Брешковская прожила въ «коммунѣ» всего мѣсяца три-четыре, Фишеръ и того меньше, а Стефановича пребываніе въ «коммунѣ» измѣряется просто-таки днями, между тѣмъ какъ сама «коммуна» просуществовала болѣе года (1873—1874 гг.). Что же касается до Аксельрода, братьевъ Левенталей и Кеминеръ, то они входили въ составъ «кіевскихъ чайковцевъ»... Въ «коммунѣ» всѣ дѣлились другъ съ другомъ средствами, ѣли за однимъ столомъ, а на покупку продуктовъ, равно какъ и на расходы по квартирѣ, деньги давали тѣ, кто ихъ имѣлъ. Тамъ можно было поселиться и жить чуть не всякому: для этого достаточно было простое знакомство съ кѣмъ-либо изъ живущихъ. Рекомендацій ни отъ кого не требовалось. Благодаря такимъ условіямъ, въ «коммуну» проникли въ 1874 году сначала Ларіоновъ и Польгеймъ, а затѣмъ и Гориновичъ. Эти три человѣка жестоко отплатили впоследствии за то гостепрѣмство, которое было имъ оказано въ «коммунѣ». Будучи арестованы, они выдали всѣхъ, кого только тамъ встрѣчали, и дали немало показаній, компрометировавшихъ другихъ; но сверхъ всего этого своимъ предосудительнымъ поведеніемъ въ нравственномъ отношеніи, выяснившимся при дознаніи, дали оружіе въ руки

¹⁾ «Воспоминанія», Вл. Дебогорія-Мокріевича.

жандармамъ, стремившимся во что бы то ни стало бросить грязью въ «коммуну». «Коммуна» была наказана за свою неорганизованность.

Итакъ, кievская «коммуна» не представляла собою никакой организаціи. Всякій на нее смотрѣлъ, какъ на такое мѣсто, куда онъ могъ зайти передохнуть день-другой, а то и недѣлю, съ тѣмъ, чтобы потомъ опять «итти въ народъ» или куда ему нужно было. «Коммуна» исполняла назначеніе революціонной станціи, являлась мѣстомъ взаимныхъ встрѣчъ—не болѣе, и никто ничего другого не требовалъ отъ этого учрежденія. Но зато—кто только не перебывалъ тамъ? Не разъ у воротъ дома Леминскаго, гдѣ во флигелѣ помѣщалась «коммуна», останавливалась карета, и изъ нея выходила разодѣтая барыня; это пріѣзжала «либералка» для какихъ-то переговоровъ и пріѣзжала въ закрытой каретѣ, чтобы по дорогѣ никто не могъ ее узнать. Одновременно съ этимъ сюда же заходили плотники Гаврило и Анисимъ для того, чтобы послушать чтеніе революціонныхъ брошюръ. Тутъ можно было слышать длинныя рѣчи Каблиця, развивающаго народническіе принципы, такъ какъ къ тому времени онъ уже отказался отъ якобинскихъ воззрѣній и сдѣлался анархистомъ-народникомъ; тутъ раздавалось и энергичное искреннее слово Екатерины Брешковской, и умное замѣчаніе Сергѣя Ковалика.

«Вотъ въ одной комнатѣ сидитъ у окна В. и рѣжетъ на камнѣ съ помощью обыкновеннаго шила печать для подложнаго паспорта; онъ ее рѣжетъ съ большимъ искусствомъ, и всѣ это видятъ, онъ ни отъ кого не скрываетъ: видитъ и Каблицъ, и Гаврило, и Анисимъ. А въ углу той же комнаты подъ секретомъ и съ большими предосторожностями Г—чъ сообщаетъ мнѣ какіе-то пустяки. Г—чъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга и держитъ себя съ таинственной важностью, какъ, по его мнѣнію, подобаешь столичному конспиратору. Здѣсь можно было видѣть чахоточнаго слесаря Кокушкина, доживавшаго послѣднія минуты своей жизни,—одного изъ замѣчательно прекрасныхъ людей. Здѣсь же вы могли встрѣтить Марію Колѣвскую, сосланную внослѣдствіи въ каторжныя работы; Судзиловскаго и Чернышева, вынужденныхъ бѣжать за границу въ 1874 году; Николая Стронскаго, умершаго года черезъ полтора въ петербургской тюрьмѣ; Ивана Ходько, умершаго въ ссылкѣ,—и много-много другихъ лицъ, такъ или иначе пострадавшихъ и сдѣлавшихся жертвами правительственныхъ преслѣдованій.

«Если исключить Ларіонова, Польгеймъ и Гориновича, временное присутствіе которыхъ въ «коммунѣ» объясняется не чѣмъ инымъ, конечно, какъ ея неорганизованностью, то въ общемъ, несмотря на постоянную смѣну лицъ, несмотря даже на отсутствіе организаціи—духъ времени все-таки клалъ свою печать и придавалъ довольно опредѣленную фізіономію «коммунѣ».

«Коммуна» во многомъ представляла противоположность «кіевскимъ чайковцамъ». Для «чайковцевъ» наука составляла все. Забавно было видѣть, какъ иной разъ рѣшали они самый несложный, обыденный вопросъ и вкривь, и вкось только потому, что хотѣли рѣшить его непременно по наукѣ. Старанія эти походили на то, какъ если бы вздумалъ кто-нибудь для поднятія пшеничнаго зерна примѣнить сложную систему рычаговъ. «Коммуна» хохотала надъ этимъ цолопоклонствомъ. По ея мнѣнію, только жизнь могла научить чему-либо. Съ необычайной легкостью она разрѣшала самые сложные, запутанные вопросы, разрубая съ самоувѣренностью Александра Македонскаго тамъ, гдѣ не въ состояніи была развязать. Для «чайковцевъ» прежде, чѣмъ приступить къ практическому дѣлу, необходимо было всѣ вопросы рѣшить научно, и такъ какъ сама наука многихъ вопросовъ еще не рѣшила, то въ поискахъ за рѣшеніями предвидѣлось затратить многіе годы. «Коммуна» утверждала, что къ практическому дѣлу надо приступить немедленно. Всякое откладываніе или проволочка есть преступленіе, да, наконецъ, на сколько времени ни откладывай—все равно всѣхъ вопросовъ не рѣшишь. Поэтому учиться излишне—напрасная трата времени; а пѣкоторые договорились даже до того, что было бы недурно забыть и то, чему раньше выучились, такъ какъ интеллигентность только мѣшала омужиченію и полному сліянію съ народной массой.

«Въ вопросѣ организаціонномъ «чайковцы» были осмотрительны. Новопоступавшему приходилось выдержать искусь: они требовали отъ него извѣстнаго умственнаго и нравственнаго ценза. Въ «коммунѣ» держались, примѣрно, такого приѣма: «Согласенъ немедленно итти въ народъ?»—«Согласенъ».—«Значить, ты—нашъ». Но почему, зачѣмъ согласенъ, и что тамъ въ народѣ будешь дѣлать—даже такіе существенные вопросы считались уже лишними. «Въ частностяхъ-де столкнемся потомъ».

«Средній уровень развитія «кіевскихъ чайковцевъ» былъ выше. Попасть въ ихъ кружокъ круглому дураку было невозможно. Въ «коммунѣ» были люди очень умные, а рядомъ съ ними и довольно ограниченные люди, какъ, напримѣръ, Гориновичъ и Польгеймъ. Между «кіевскими чайковцами» не нашлось Ларионова, но зато, съ другой стороны, не было и Брешковской.

«Приѣхавши въ Кіевъ, я поселился въ «коммунѣ». «Коммуна» мнѣ понравилась, понятно почему: я самъ сильно походить въ то время на начиненную бомбу, готовую ежеминутно взорваться. Дѣйствительно, недѣли двѣ-три спустя, я жилъ уже на Подолѣ (такъ называется часть города Кіева, находящаяся возлѣ Днѣпра) въ грязной, вонючей комнатѣ, занимаемой артелью плотниковъ. Попасть я туда при помощи плотника Гаврилы, распропагандированнаго Аксельродомъ, членомъ кружка «кіевскихъ чайковцевъ». Я обладалъ порядочной физической силой; къ ручному труду у меня раньше

была приобрѣтена сноровка. Купленъ былъ топоръ, отострешъ какъ слѣдуетъ, и началъ я тесать «по шнуркѣ еловыя бревна».

Въ Одессѣ, по показаніямъ Старика ¹⁾, броженіе охватило широкіе круги молодежи, но оно не носило специально-революціоннаго характера—по крайней мѣрѣ въ началѣ—и приняло своеобразныя формы: на ряду съ проповѣдью революціи въ томъ видѣ, какъ это происходило во всѣхъ крупныхъ центрахъ, въ Одессѣ имѣла нѣкоторый успѣхъ пропаганда вегетаріанизма, которую велъ одинъ французъ-докторъ, полагая, что черезъ посредство пищи и всего режима человѣческой родъ долженъ обновиться и возродиться на новыхъ, лучшихъ началахъ.

Небольшая группа собиралась около Ковальскаго, казеннаго впоследствии за вооруженное сопротивленіе при обыскѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ являлся проповѣдникомъ религіознаго сектантства и лишь со временемъ перешелъ на путь непримиримаго революціонерства. Что касается специально-революціоннаго кружка въ Одессѣ, то послѣдній, по свидѣтельству Старика, имѣлъ также фізіономію, отличную отъ другихъ такихъ же кружковъ. Кружокъ мало интересовался анархическимъ ученіемъ, ведя мирную пропаганду среди рабочихъ. Для послѣднихъ были устроены небольшія школки, въ которыхъ члены кружка, со всею возможною въ то время конспиративностью, постепенно развивали рабочихъ, подготавливая ихъ къ революціи. Пропагандой среди интеллигенціи кружокъ не занимался, но умѣлъ улавливать выдающихся людей, которыхъ и принималъ въ свою среду. Такъ, сюда былъ принятъ въ 1873 году Желябовъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ народовольцевъ, сыгравшихъ рѣшительную роль въ событіи 1-го марта 1881 года. «Интересно было видѣть,—говоритъ авторъ:—съ какою скромностью и благоговѣніемъ слушалъ Желябовъ рѣчи Волховскаго и другихъ старшихъ по времени вступленія въ кружокъ членовъ его. Огенокъ, потухавшій въ Желябовѣ въ то время, когда онъ находился въ составѣ кружка, тотчасъ же вспыхивалъ за предѣлами. Хотя Желябовъ и былъ исключенъ изъ университета, но онъ продолжалъ принимать участіе въ студенческихъ дѣлахъ и на происходившихъ по поводу ихъ собраніяхъ рѣзко обрывалъ признанныхъ студенчествомъ авторитетовъ, если не раздѣляли ихъ взглядовъ. Скромнымъ и тихимъ человѣкомъ Желябовъ оставался и на большомъ процессѣ, представляя руководить товарищами другимъ лицамъ, съ которыми онъ никогда не вступалъ въ состязаніе. Такъ же скромно онъ около двухъ лѣтъ просидѣлъ въ деревнѣ и только, почувявъ въ себѣ силу, онъ, въскорѣ послѣ окончанія процесса, занялъ подобающее ему мѣсто въ партіи».

¹⁾ «Былое» 1906 г., ноябрь.

Въ одесскомъ революціонномъ кружкѣ, гдѣ центромъ былъ Феликсъ Владимировичъ Волховской, извѣстный въ радикальныхъ кружкахъ еще со времени нечаевскихъ конспирацій, принимали участие: Жолтановскій, Ольга Разумовская, Вильгельмъ Лангансъ, занявшій потомъ видное мѣсто въ партіи «Народной воли», Франжолли, Леонидъ Дическуло, П. Макаревичъ, Костюринъ, перешедшій потомъ въ кіевскій кружокъ, и Голиковъ. «По составу своему кружокъ Волховского былъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ кружковъ, — утверждаетъ авторъ «Движенія семидесятыхъ годовъ». — Члены въ него подбирались съ большою осторожностью и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія. Въ этомъ кружкѣ можно было наблюдать проявленіе партійной дисциплины, столь рѣдкой въ описываемое время. Необыкновенная конспиративность, съ которою велись всѣ дѣла кружка, казалось, надолго гарантировала его существованіе. Но волна движенія, охватившаго вмѣстѣ съ другими городами и Одессу, подымалась настолько высоко, что никакія искусственныя сооруженія, никакія плотины не могли устоять. Конспиративность кружка тоже кое-гдѣ порвалась, и свѣдѣнія о его дѣятельности проникали за стѣну, которою онъ себя окружалъ. Между прочимъ о кружкѣ кое-что извѣстно было нѣкому Георгію Трудницкому. Онъ выдалъ правительству все, что зналъ о революціонерахъ, не пощадивъ и кружокъ Волховского. Трудницкій скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ и въ порывѣ отчаянія лишилъ себя жизни. Кружокъ имѣлъ болѣе или менѣе близкія отношенія къ такъ называемымъ сень-жебунистамъ—группѣ, состоявшей изъ трехъ братьевъ Жебуневыхъ, сплотившихся еще въ Цюрихѣ. Сень-жебунисты долго отказывались слиться съ общимъ движеніемъ и вступить на чисто революціонный путь, но въ концѣ концовъ усвоили общую программу того времени. Эта-то группа и пришла въ свою среду названнаго выше Трудницкаго, который и выдалъ ее».

Значительно менѣе активнымъ оказался харьковскій кружокъ, организованный пріѣхавшимъ сюда съ спеціальною для того цѣлью Коваликомъ. Онъ оживилъ, экзальтировалъ мѣстную молодежь изъ студентовъ, семинаристовъ и ветеринаровъ, которые, наконецъ, и организовались въ революціонную группу, имѣя во главѣ извѣстнаго впоследствии въ качествѣ одного изъ главныхъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей», нынѣ покойнаго, Юрія Николаевича Говоруху-Отрока. Кромѣ него, свою дѣятельность, какъ народнико-пропагандисты, проявили болѣе осозанно—Н. Барковъ, Калужный, Серебряковъ, Сибснцевъ.

Болѣе дѣятельно велъ въ провинціи, по Поволжью, агитацію самарскій кружокъ, въ составъ котораго входило множество разнообразной молодежи, охотно согласившейся испробовать свои силы по пути пропагандированія среди крестьянства въ лѣто 1874 года и тѣмъ какъ бы подтвердить вѣчную вѣру русскихъ революціоне-

ровъ въ историческую оппозицію и бунтарство Поволжья. Революціонныя же группы были организованы спеціальными агитаторами изъ столицъ также въ Орлѣ, Херсонѣ, Вяткѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ, благодаря чему получилась возможность раскинуть къ серединѣ 70-хъ годовъ революціонную и пропагандистскую сѣть почти въ 30 губерніяхъ.

V.

Мы обозрѣли провинціальныя организаціи чайковцевъ съ указаніемъ ихъ главнаго состава наканунѣ движенія въ народъ, оставивъ на время первоначальное ядро ихъ въ Петербургѣ въ сторонѣ, когда еще не рѣшенъ былъ вопросъ, въ какую же форму должно вылиться намѣчаемое движеніе. Остановимся нѣсколько на жизни этого главнаго центра, откуда данъ былъ лозунгъ на всю Россію, и отмѣтимъ дѣятельность важнѣйшихъ его руководителей.

Особеннымъ оживленіемъ отмѣчена была зима 1873 года. Сходки слѣдовали за сходками, и муравейникъ молодежи, то, разбредясь по разнымъ угламъ столицы, собиралъ тамъ нужныя о рабочихъ нуждахъ данныя, то, сходясь къ вечеру и ночи на главныхъ конспиративныхъ квартирахъ, вела безконечныя дебаты по вопросу о народѣ, о социализмѣ, о формахъ общежитія, согласно ученіямъ Бакунина и другихъ европейскихъ представителей социалистической мысли. «Земледелецъ» въ книжкѣ П. Лаврова ¹⁾ «Народники-пропагандисты» говоритъ объ этихъ сходкахъ: «Сходки служили лабораторіями, въ которыхъ возбуждалось революціонное чувство молодежи и выработывались социалистическія убѣжденія. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, сходки служили необходимою средою, въ которой намѣчались подходящія революціонныя силы для *кружковой* организаціи и всякой другой революціонной дѣятельности. Социалистически-воспитательное значеніе сходокъ было громадно. Теперь рѣчь не шла уже о культурной дѣятельности—она отрицалась всѣмъ предшествующимъ опытомъ и настоящимъ умонастроеніемъ молодежи. Не могло быть также рѣчи и объ идеалахъ личнаго само-совершенствованія—они разрѣшались сами собой *фактически*: верховнымъ принципомъ общественной дѣятельности—пропагандою социалистическихъ идей, съ цѣлью вѣрнѣйшаго разрушенія современной общественно-экономической организаціи... Изъ наиболѣе важныхъ практическихъ вопросовъ того времени особенно жизненное для молодежи значеніе имѣлъ вопросъ: *въ какой формѣ надо идти въ народъ*. Что *надо* идти въ народъ, объ этомъ спора не могло быть, но вопросъ, какая форма наиболѣе цѣлесообразна для

¹⁾ П. Л. Лавровъ (П. Миртовъ) «Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ».

этого—окончательно еще не былъ рѣшенъ. Вотъ этотъ-то вопросъ и возбуждалъ самые страстные и горячіе споры. Громадное большинство молодежи рѣшило, что *положеніе рабочаго чловѣка безусловно самое подходящее. Только рабочий чловѣкъ можетъ надѣяться на дѣйствительный успѣхъ своей пропаганды; только своего чловѣка народъ будетъ охотно слушать, своему повѣрять и за своимъ поидеть.* Надо, стало быть, сбросить съ себя барскую интеллигентную шкуру и научиться работать. *Физическій трудъ признается необходимымъ условіемъ успѣшной социалистической пропаганды въ народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ становится средствомъ личнаго существованія.* И въ другомъ мѣстѣ: «Молодежь... стояла уже, такъ сказать, одною ногою на революціонномъ пути. Нуженъ былъ только толчокъ, обаятельная санкція и живое слово. И слово было. Лозунгъ «въ народъ» былъ именно той искрой, отъ которой загорѣлось у насъ революціонное движеніе. Немудрено было это слово, но много смысла и жизни вложила въ него молодежь. Со свойственной ей дѣлостностью, она вся беззавѣтно ухватилась за это слово. Въ этомъ словѣ она чужала именно *то*, что ей нужно было въ то время: живое дѣло, которому она могла бы отдаться *немедленно* же, со всей полнотою и страстностью молодости. «Въ народъ!»—это значило порвать всякія связи съ прошлымъ, оставить родныхъ, близкихъ, науку, общественное положеніе и отдаться служенію массѣ. Ее не страшитъ этотъ тяжелый, опасный путь, полный труда, лишеній и жертвъ. О, пѣть! Онъ ей казался легкимъ, даже заманчивымъ. «Каторга? Развѣ народъ, для котораго мы хотимъ теперь жить, не работалъ и не работаетъ теперь хуже всякаго каторжнаго, ради черстваго куска хлѣба? Капдалы? А народъ, развѣ онъ свободенъ? Онъ—рабъ нужды, какъ мы жалкіе рабы ничтожнѣйшей изъ тираній». Молодежь бодро смотрѣла впередъ. Пренней апатіи какъ не бывало. Она почувствовала въ себѣ приливъ новыхъ силъ. Ей нечего страшиться. Нѣтъ той жертвы, которой она не готова была принести для народа. Она любила народъ искренно, чистосердечно, почти павно. Сказать что-нибудь про народъ неблагопріятное—значило нажить себѣ врага въ ея лицѣ. Она боготворила его, поклонялась ему, молилась на него. Ити въ народъ, жить его жизнью, скорбѣть его скорбями, радоваться его радостями, показать ему, гдѣ корень современнаго зла; сорвать лицемѣрную маску съ современнаго прогресса и показать народу все его фарисейство и ехидство; вдохнуть въ него энергію и указать ему выходъ изъ тяжелаго его положенія—таковы были задушевные стремленія молодежи. Это были, конечно, «Трагиче» и «возвышающіе душу обманы». Но все это было тогда неизбежно».

Таково было общее настроеніе, и дѣйствительно, мы наблюдаемъ, что увлеченіе идей помощи народу охватываетъ широкіе круги молодежи и именно въ той формѣ, какъ указано «Землевольцемъ»

въ приведенныхъ цитатахъ, и притомъ настолькоъ сильно, что даже втягиваетъ сюда лицъ, которыя по своимъ связямъ, происхожденію и имущественному положенію, казалось бы, должны были быть далеки отъ этого сермяжнаго народа, которому идеалисты посвящали столько страстныхъ думъ и словъ. Особенно ярокъ примѣръ въ данномъ случаѣ на двухъ представителяхъ высшей аристократіи— Софьѣ Перовской и князѣ Кропоткинѣ.

Софія Перовская ¹⁾ происходила изъ высшей аристократіи. Перовскіе—младшая вѣтвь фамиліи извѣстнаго Разумовскаго, морганическаго мужа императрицы Елизаветы Петровны. Дѣдъ ея, Левъ Алексѣевичъ Перовскій, былъ министромъ просвѣщенія, отецъ долго занималъ постъ петербургскаго генераль-губернатора: родной дяля ея отца, знаменитый графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, завоевалъ императору Николаю нѣсколько провинцій въ Центральной Азіи.

Такова семья, откуда вышла женщина, посвятившая себя всецѣло дѣлу революціи.

«Софія родилась въ 1854 году, читаемъ мы въ ея біографіи.—Печально было ея дѣтство между отцомъ, деспотомъ и самодуромъ, какіе встрѣчаются еще только въ Россіи, и вѣчно унижаемой и оскорбляемой матерью, женщиной высокой нравственности, переносившей все, что только можетъ быть горькаго въ жизни жены русскаго самодура, лишь бы не оставить ему въ жертву беззащитныхъ дѣтей...

«Подобно всѣмъ женщинамъ своего поколѣнія, С. Перовская начала съ простаго желанія учиться. Когда ей минуло 15 лѣтъ, движеніе въ пользу эмансипаціи женщинъ находилось въ полномъ разгарѣ и увлекло даже ея старшую сестру, Марію. Она начинаетъ учиться, посѣщать курсы, читать. Но что даетъ ей литература того времени? Самую рѣзкую критику всего нашего общественнаго строя, указывая на социализмъ, какъ на конечную цѣль и единственное лекарство отъ всѣхъ общественныхъ недуговъ. Ея учителя—Чернышевскій и Добролюбовъ, на которыхъ воспитывалось и все современное молодое поколѣніе. При такихъ учителяхъ жажда знанія весьма скоро должна была превратиться у нея въ жажду дѣятельности соотвѣтственно идеямъ, почерпнутымъ въ этомъ чтеніи. Аналогичное стремленіе возникаетъ совершенно самостоятельно во многихъ другихъ дѣвушкахъ, находящихся въ такомъ же положеніи. Общность идей развиваетъ между ними чувство горячей дружбы, а сознаніе, что онѣ не одиноки, порождаетъ желаніе и надежду что-нибудь сдѣлать на пользу своихъ идеаловъ...

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствуются изъ отдѣльно изданной краткой біографіи Перовской изд. Рашипова. Портретъ Перовской будетъ данъ нами впоследствии.

«Бѣгство изъ родительскаго дома, къ которому вынудило Перовскую вмѣшательство въ ея жизнь ея отца, оторвавъ ее отъ семьи, заставило еще тѣснѣе сблизиться съ кружкомъ подругъ и товарищей. Она очень близко сошлась съ несчастнымъ семействомъ сестеръ Корниловыхъ, составлявшимъ зерно, изъ котораго два года спустя развился кружокъ чайковцевъ, имѣвшій такое важное значеніе въ первый періодъ движенія.

«Перовская вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми студентами, въ томъ числѣ Николаемъ Чайковскимъ, оставившимъ свое имя будущей организаціи, была однимъ изъ членовъ этого кружка, имѣвшаго, впрочемъ, вначалѣ скорѣй характеръ братства, чѣмъ политическаго общества...

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ числѣ вліяній, создавшихъ этотъ характеръ, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ кружку чайковцевъ. И дѣйствительно, всматриваясь въ нравственную фізіономію С. Перовской, мы легко замѣтимъ, что до конца жизни въ ней отражаются всѣ хорошія стороны этого кружка, хотя, благодаря своимъ личнымъ особенностямъ, она сумѣла отбросить его излишнюю семейственность и сантиментальность.

«Въ кружкѣ Перовская пользовалась большимъ уваженіемъ и вліяніемъ за свою стопческую строгость къ самой себѣ, за неутомимую эпергію и въ особенности за свой обширный умъ. Ясный и пронизательный, онъ обладалъ столь рѣдкой у женщинъ философской складкой, проявляющейся въ умѣніи не только прекрасно понять данный вопросъ, но и разобрать его всегда въ соотношеніи со всѣми изъ него проистекающими вопросами. Отсюда происходила у Перовской, съ одной стороны, рѣдкая твердость убѣжденій, которыхъ не могли поколебать ни софизмы, ни преходящія впечатлѣнія дня,—что, при лихорадочной быстротѣ нашей политической жизни, давало поводъ обвинять ее даже въ нѣкоторомъ консерватизмѣ,—съ другой, необыкновенное искусство въ спорахъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Трудно было встрѣтить болѣе стойкаго и искуснаго діалектика, чѣмъ Перовская. Разсматривая свой предметъ всегда со всѣхъ точекъ зрѣнія, она имѣла большое преимущество передъ своими противниками, потому что обыкновенно каждый разсматриваетъ его съ одной какой-нибудь стороны, указываемой личными склонностями и симпатіями.

«Другимъ проявленіемъ той же широты и разносторонности являлась чрезвычайная трезвость ея ума. Она видѣла всѣ вещи въ настоящемъ свѣтѣ и въ настоящую величину и своей логикой безъ пощады разбивала иллюзіи своихъ болѣе восторженныхъ товарищей. Черная въ чувствѣ долга ту твердость и постоянство, которыя людямъ болѣе слабымъ даются фиктивными надеждами, она никогда не преувеличивала ничего и не придавала дѣятельности своей или своихъ товарищей большаго значенія, чѣмъ она имѣла на самомъ

дѣлѣ. Поэтому она всегда стремилась расширить ее, отыскивая новые пути и способы дѣйствія, вслѣдствіе чего бывала всегда однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ *иниціаторовъ* во всѣхъ организаціяхъ, въ которыхъ состояла членомъ. Такъ, переходъ отъ пропаганды среди молодежи къ пропагандѣ среди рабочихъ, совершенный кружкомъ чайковцевъ въ 1871—72 годахъ, былъ въ значительной степени результатомъ ея настойчивости. Когда же этотъ переходъ былъ осу-

Князь Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ.

ществленъ, и дѣло пропаганды на столичныхъ фабрикахъ приняло необыкновенно широкіе для того времени размѣры и увлекло весь кружокъ, она была изъ первыхъ, настаивавшихъ на необходимости слѣдующаго шага—перехода изъ городовъ въ деревни, такъ какъ понимала, что въ Россіи можетъ имѣть будущность лишь такая партія, которая сумѣетъ сблизиться съ крестьянствомъ. И потомъ, будучи уже членомъ организаціи Народной воли, она всегда стояла за расширеніе революціонной пропаганды не только въ средѣ город-

скихъ рабочихъ, что въ значительной степени выполнялось организаціей, но и за распространіе ея и на деревенское населеніе».

Другимъ представителемъ аристократической среды въ обстановкѣ народниково-пропагандистовъ былъ князь Петръ Кропоткинъ. Имъ изданы обширныя автобіографическія записки, откуда почерпаются обстоятельныя свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности; ими мы уже пользовались и будемъ еще далѣе пользоваться, но вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, почерпаемая изъ книги Степняка-Кравчинскаго «Подпольная Россія»¹⁾.

«Кропоткинъ—одинъ изъ старѣйшихъ эмигрантовъ, такъ какъ онъ покинулъ Россію въ 1876 году и больше туда не возвращался.

«Но его участіе въ первыхъ пропагандистскихъ кружкахъ оставило сильный слѣдъ въ ихъ программахъ, и его личность всегда была одной изъ наиболѣе яркихъ и выдающихся въ нашей партіи.

«Онъ принадлежитъ къ высшей русской аристократіи: фамилія князей Кропоткиныхъ—одна изъ немногихъ, происходящихъ по прямой линіи отъ Рюриковичей...

«Воспитаніе свое Кропоткинъ получилъ въ пажескомъ корпусѣ, куда принимаются только дѣти придворной аристократіи. Въ 1861 г. онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ, но, движимый любовью къ наукѣ, не остался при дворѣ, а отправился въ Сибирь, съ цѣлью геологическихъ изслѣдованій. Тамъ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, принимая участіе въ разныхъ научныхъ экспедиціяхъ, гдѣ и приобрѣлъ тотъ обширный запасъ свѣдѣній, которыми потомъ воспользовался при своихъ работахъ въ сотрудничествѣ съ Элизе Реклю. Побывалъ онъ также въ Китаѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ избранъ членомъ, а потомъ—секретаремъ географическаго общества, написалъ нѣсколько сочиненій, высоко оцѣненныхъ людьми науки, и, наконецъ, началъ большую работу о финляндскихъ ледникахъ, которую, по ходатайству географическаго общества, ему позволено было окончить въ крѣпости. Не имѣя возможности совершенно избѣгнуть службы при дворѣ, онъ былъ зачисленъ камерпажемъ императрицы и получилъ нѣсколько орденовъ.

«Въ 1871 или началѣ 1872 года Кропоткинъ отправился за границу. Онъ посѣтилъ Бельгію и Швейцарію, гдѣ интернаціональ достигъ въ то время высшей степени своего могущества. Тутъ его міровоззрѣніе, бывшее всегда очень радикальнымъ, получило окончательную формулировку. Онъ примкнулъ къ интернаціоналу, принявши идеи его крайней, такъ называемой анархической фракціи, горячимъ защитникомъ которыхъ онъ остался навсегда.

«По возвращеніи на родину, Кропоткинъ вошелъ въ сношенія съ кружкомъ чайковцевъ, проникнутымъ тѣми же идеями, и въ 1872 году былъ предложенъ и принятъ единодушно въ его члены.

¹⁾ Изд. «Свѣточа» С. М. Степняка-Кравчинскій. Сочиненія, т. II.

Ему было поручено выработать программу партіи и планъ организаціи. Документы эти найдены были впоследствии между его бумагами. Зимой 1872 года онъ началъ читать, разумѣется, тайнымъ образомъ, лекціи по исторіи интернаціонала, бывшія просто развитіемъ принциповъ революціоннаго социализма на основаніи народныхъ движеній новѣйшаго времени... Рабочіе Александро-Невской части слушали ихъ съ величайшимъ интересомъ. Понятно, объ этихъ лекціяхъ пошли разговоры по сосѣднимъ мастерскимъ. Вскорѣ слухи о нихъ достигли и до полиціи, которая рѣшила во что бы то ни стало разыскать пресловутаго Бородина (подъ этой фамиліей Кропоткинъ былъ извѣстенъ своимъ слушателямъ). Однако долгое время всѣ ея старанія оказались тщетными. Лекціи были кончены, и Кропоткинъ вовсе не показывался въ домѣ, за которымъ слѣдили, готовясь отправляться «въ народъ», подъ видомъ странствующаго «богомаза», т.-е. иконошца.

«Жандармамъ удалось, однако, подкупить одного изъ рабочихъ, который сталъ шататься день за днемъ по всѣмъ главнымъ улицамъ Петербурга, надѣясь рано или поздно столкнуться гдѣ-нибудь съ Бородинымъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ повстрѣчалъ Кропоткина въ Гостиномъ дворѣ и указалъ на него полиціи. Кропоткинъ былъ арестованъ. Вначалѣ онъ отказывался сообщить свое настоящее имя, но долго скрывать его оказалось невозможнымъ. Черезъ нѣсколько времени хозяйка дома, въ которомъ онъ занималъ комнату, заявила полиціи, что одинъ изъ ея жильцовъ, князь Петръ Кропоткинъ, въ такой-то день исчезъ. На очной ставкѣ съ Бородинымъ она признала въ немъ своего жильца, и Кропоткину ничего не оставалось, какъ подтвердить ея показаніе.

«Великъ былъ переполохъ, произведенный при дворѣ извѣстіемъ объ арестѣ такой важной особы. Самъ царь долго не могъ забыть объ этомъ».

VI.

Мѣсто не позволяетъ намъ остановиться на характеристикахъ и біографіяхъ другихъ выдающихся членовъ кружка «чайковцевъ»; интересующихся отсылаемъ къ «Подпольной Россіи» Степняка и «Запискамъ революціонера» П. Кропоткина.

Описавъ начало практической дѣятельности чайковцевъ въ Петербургѣ, Л. Шишко ¹⁾ повѣствуетъ:

«Съ заводскими рабочими сношенія завязались главнымъ образомъ успіями Сердюкова, отчасти также черезъ посредство Ни-

¹⁾ Л. Шишко. «Сергій Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ. Изъ воспоминаній и замѣтокъ стараго народника».

зовкина, студента медицинской академіи. Это былъ, какъ оказалось потомъ, типъ демагога низшаго разряда; онъ сумѣлъ пріобрѣсти популярность среди заводскихъ рабочихъ и позднѣе сталъ настраивать ихъ противъ интеллигенціи; а въ концѣ концовъ, попавъ въ тюрьму, сдѣлался злостнымъ предателемъ. Съ фабричными рабочими первоначальныя знакомства завязывались при случайныхъ встрѣчахъ въ трактирахъ или на народныхъ гуляньяхъ.

«Вступивъ въ кружокъ чайковцевъ, Кравчинскій сталъ читать заводскимъ рабочимъ лекціи по русской исторіи и политической экономіи, причѣмъ излагалъ имъ въ популярной формѣ первый томъ Маркса. Заводскіе рабочіе тогда, какъ и теперь, были много развитѣе фабричныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ самостоятельно читали тогда Чернышевскаго и Лассаля. Кропоткинъ, по пріѣздѣ изъ-за границы, познакомилъ ихъ съ международнымъ рабочимъ движеніемъ и рассказывалъ имъ о парижской коммунѣ. Изъ нихъ выдѣлились потомъ такіе выдающіеся рабочіе, какъ Лавровъ (умершій въ тюрьмѣ), Обнорскій, Орловъ и другіе.

«Среди фабричныхъ рабочихъ пропаганда носила болѣе элементарный характеръ. Обыкновенно дѣло начиналось съ открытія чего-то въ родѣ вечерней школы въ квартирѣ кого-либо изъ членовъ кружка. Знакомые рабочіе приводили туда своихъ товарищей, желавшихъ «учиться у студентовъ». Ученье сопровождалось чтеніемъ и разговорами. Въ то время вниманіе III-го Отдѣленія еще не было направлено въ эту сторону; воспоминаніе о воскресныхъ школахъ начала 60-хъ годовъ успѣло изгладиться, и III-е Отдѣленіе гонялось тогда преимущественно за заграничными прокламаціями. Благодаря этому, въ теченіе почти двухъ лѣтъ (въ 72 и 73 гг.) революціонерамъ можно было вести первоначальную пропаганду среди рабочихъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Зимой 72 г. на Выборгской сторонѣ кружкомъ былъ нанятъ небольшой отдѣльный домикъ Байкова, куда набиралось по вечерамъ по нѣскольку десятковъ рабочихъ и куда приходилъ также Кропоткинъ для своихъ рассказовъ о заграничномъ рабочемъ движеніи. Даже осенью 1873 г. Синегубъ еще могъ собирать на своей квартирѣ за Невской заставой по 30 и 40 человекъ рабочихъ и вести съ ними до поздней ночи шумныя и оживленныя пренія. Къ Синегубу, впрочемъ, къ первому и нагрянула полиція въ ноябрѣ 1873 года.

«Съ весны 1873 г. члены петербургскаго кружка уже расселились по всѣмъ фабричнымъ центрамъ Петербурга и систематически расширяли свои связи съ рабочими. Иногда съ этой цѣлью они надѣвали полшубки и отправлялись прямо въ квартиры рабочихъ артелей, чтобы читать тамъ по вечерамъ книжки. Кравчинскій поселился въ это время съ другимъ членомъ кружка и съ однимъ изъ заводскихъ рабочихъ за Невской заставой, по сосѣдству съ заводомъ Семянникова (если не ошибаюсь), куда также перекинулась тогда

революціонная пропаганда. Скоро, какъ среди заводскихъ, такъ и среди фабричныхъ рабочихъ всѣхъ главныхъ петербургскихъ рабочихъ центровъ образовались небольшія группы сознательныхъ рабочихъ. Дальнѣйшей своей задачей кружокъ чайковцевъ ставилъ объединеніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ группъ съ цѣлью создать изъ нихъ самостоятельную рабочую организацію; но этому плану не удалось осуществиться вслѣдствіе начавшихся вскорѣ арестовъ. Заводскіе рабочіе, впрочемъ, и тогда уже составляли довольно хорошо организованную самостоятельную группу со своей собственной кассой и библіотекой, и притомъ державшуюся по отношенію къ революціонерамъ изъ интеллигенціи съ гораздо большей независимостью, чѣмъ группы фабричныхъ рабочихъ.

«Время отъ времени члены кружка чайковцевъ собирались на своей центральной квартирѣ. Здѣсь каждый изъ нихъ давалъ отчетъ о ходѣ пропаганды въ своемъ районѣ; здѣсь же обсуждались общіе планы и общія предпріятія.

«Что касается общаго характера той пропаганды, которая велась тогда среди петербургскихъ рабочихъ, то прежде всего это было стремленіе передать дѣло рабочихъ въ ихъ собственныя руки. Такова была одна изъ главныхъ руководящихъ идей того времени. Тогда среди русскихъ революціонеровъ господствовало сильное предубѣжденіе противъ политическаго якобинства, противъ революціонной диктатуры, противъ мысли о пересозданіи общественнаго строя путемъ декретовъ, при чемъ съ представленіемъ о революціонномъ якобинствѣ естественно связывалось также представленіе о болѣе или менѣе значительномъ участіи въ переворотѣ буржуазіи, въ отличіе отъ чисто народныхъ революціонныхъ движеній. Но это еще вовсе не значило, чтобы революціонеры 70-хъ годовъ считали возможнымъ примирить какимъ-то путемъ социалистическое движеніе съ самодержавіемъ и чтобы они понесли въ народъ *мирную* социалистическую пропаганду. Это значило только, что ихъ политическая программа заключалась въ прямомъ обращеніи къ народу, въ призывѣ къ революціонному возстанію самихъ рабочихъ массъ. Съ этою цѣлью они и двинулись въ народъ, оставляя пока въ сторонѣ непосредственную политическую борьбу съ правительствомъ и отказавшись принципиально отъ всякихъ союзовъ съ либералами. Въ сущности ихъ программа была тою же программой интернаціонала съ ея основной идеей о великой исторической роли рабочаго класса, но только перенесенная въ условія русской общественной жизни. А если принять въ соображеніе полную неподготовленность и полную неспособность русской буржуазіи 70-хъ годовъ къ какому бы то ни было революціонному движенію, то окажется, что революціонная программа 70-хъ годовъ, со всей ея кажущейся непрактичностью и ея идеализаціей народа, была единственно возможной тогда революціонной программой вплоть до того момента, когда центръ

тяжести борьбы былъ перенесенъ въ среду самой революціонной интеллигенціи.

«Поскольку можно было предвидѣть дальнѣйшее развитіе этого движенія,—говоритъ Л. Шинко:—оно рисовалось нашему кружку въ формѣ все болѣе и болѣе расширяющихся и объединяющихся между собою революціонныхъ группъ среди городскихъ рабочихъ, причемъ эти городскіе рабочіе служили бы проводниками революціонной агитаціи въ деревнѣ. На городскихъ рабочихъ возлагались тогда даже еще большія надежды; предполагалось, что они могутъ выдвинуть изъ своей среды боевую организацію для революціоннаго движенія въ самомъ Цетербургѣ. Достигнуть этого надѣялись, главнымъ образомъ, путемъ стачекъ, и, по словамъ Кропоткина, къ которому перешли сношенія съ нашими рабочими Выборгскаго района ко времени уже начавшихся большихъ арестовъ въ Петербургѣ, т. е. къ началу 1874 г.,—между ткачами Выборгской стороны уже шла тогда рѣчь о подготовленіи къ стачкѣ, при чемъ двое изъ рабочихъ, Яковъ Ивановичъ и Вилли Прейсманъ, настаивали даже на томъ, чтобы припасти кое-какое оружіе на случай, если бы во время стачки стали бить рабочихъ ¹⁾).

«Таковы были тогда планы нашего кружка. Но, несмотря на сравнительные успѣхи нашей революціонной пропаганды среди городскихъ рабочихъ и на очень приподнятое революціонное настроеніе тѣхъ рабочихъ, которые были затронуты этой пропагандой, мы съ первыхъ же шаговъ должны были убѣдиться въ томъ, что этой пропагандѣ трудно было удержаться тогда въ городскихъ центрахъ, среди городскихъ рабочихъ. Условія русской жизни того времени неминуемо должны были выдвинуть на первый планъ, въ революціонномъ движеніи, вопросъ о деревенскихъ народныхъ массахъ, и я хорошо помню, какъ началось это въ Петербургѣ, лѣтомъ 1873 года. Наиболѣе выдающимся изъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ былъ тогда Григорій Крыловъ, умершій въ 1876 г. въ тверской тюрьмѣ. Это былъ человѣкъ живого, пылкаго темперамента, горячо увѣровавшій въ революціонныя идеи. Онъ совершенно не былъ способенъ тогда оставаться въ бездѣйствіи и мечталъ о широкомъ революціонномъ движеніи; между тѣмъ въ окружавшей его фабричной средѣ онъ, видимо, не встрѣчалъ достаточно сочувствія къ своей пропагандѣ и потому скоро сталъ тяготиться этой средой. Тогда онъ началъ искать другихъ путей для своей революціонной дѣятельности и задумалъ, по примѣру эркманъ-шатриановскаго

¹⁾ Яковъ Ивановичъ — уже пожилой рабочій, затронутый пропагандой еще въ 60-хъ годахъ. Онъ встрѣтилъ насъ, какъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Вилли Прейсманъ, эстонецъ по происхожденію, выдающаяся личность, былъ вокакомъ огромной кренгольмской стачки, разыгравшейся, если не ошибаюсь, лѣтомъ 1873 г. Онъ былъ арестованъ въ 1874 г. и по выходѣ изъ тюрьмы сдѣлался мистикомъ.

Шовеля, продавать подь видомъ коробейника народныя книжки. Съ этой мыслью онъ бросилъ фабрику и сталъ продавать народныя книжки по окраинамъ Петербурга, а затѣмъ уѣхалъ въ свою деревню, въ Тверскую губернію. Этотъ уходъ съ фабрики сопровождался и мотивировался, конечно, со стороны Крылова и другихъ рабочихъ разговорами о необходимости поднять крестьянскій народъ, безъ котораго ничево нельзя сдѣлать. Такимъ образомъ, первый толчокъ къ движенію въ деревню былъ данъ въ Петербургѣ самими же рабочими, не находившими въ окружавшей ихъ фабричной средѣ достаточно подготовленной почвы для массоваго рабочаго движенія. То же самое происходило и среди заводскихъ рабочихъ; одинъ изъ нихъ, а именно Орловъ, очень способный юноша, переселившійся за Невскую заставу вмѣстѣ съ Кравчинскимъ, бросилъ тогда заводъ и сталъ готовиться въ народные учителя.

«Что касалось собственно насъ, членовъ кружка, то это рѣшеніе рабочихъ застало нѣкоторыхъ изъ насъ даже врасплохъ и вызвало въ нашей средѣ немалое разочарованіе, такъ какъ мы еще мечтали тогда о правильномъ и прогрессивномъ расширеніи нашей пропаганды въ Петербургѣ и о созданіи самостоятельной рабочей организациі. Но мало-по-малу и насъ стала охватывать и увлекать мысль о деревнѣ, какъ о главномъ центрѣ народной жизни, хотя нѣкоторые изъ насъ (и въ томъ числѣ Чайковскій) смотрѣли на это тогда, какъ на ересь, какъ на внесеніе дезорганизациі въ правильно поставленное въ Петербургѣ рабочее дѣло».

Первымъ изъ кружка, бросившимъ тогда организованную рабочую пропаганду въ Петербургѣ и ушедшимъ въ безпредѣльное и таинственно-заманчивое народное море, былъ Сергій Кравчинскій. Такое рѣшеніе было въ то время своего рода сожженіемъ кораблей, отреченіемъ отъ многого очень привычнаго и дорогого, переходомъ къ очень трудной и тяжелой роли. «Я помню,—говоритъ Л. Шишко:—какъ впервые уходилъ въ народъ Кравчинскій и какъ я провожалъ его на петербургскомъ вокзалѣ. Онъ былъ въ поскоинной рубахѣ и сѣрой поддевкѣ, съ узелкомъ подь мышкой; кромѣ меня, его провожала незнакомая мнѣ блѣдная женщина съ интеллигентнымъ лицомъ и заплаканными глазами. Кравчинскій былъ по обыкновенію очень оживленъ, много говорилъ и метался по вокзалу, не обращая никакого вниманія ни на свой костюмъ, ни на стоявшихъ подлѣ жандармовъ. Но вотъ зазвонилъ звонокъ, мы простились, и онъ уѣхалъ въ Тверскую губернію, къ одному знакомому мелкому помѣщику, къ которому поступилъ въ качествѣ чернорабочаго. Это было въ июль или августъ 1873 года».

Въ это лѣто многіе изъ членовъ кружка также разъѣхались въ разныя стороны съ различными порученіями. Чайковскій, пользовавшійся наибольшою извѣстностью, какъ представитель кружка, совершилъ тогда обширную поѣздку по всей Россіи для под-

держанія прежнихъ и установленія новыхъ связей; Кропоткинъ уѣхалъ продавать свое имѣніе, чтобы достать денегъ на устройство предполагавшейся типографіи и другія революціонныя предпріятія; Купреяновъ поѣхалъ въ Швейцарію за печатнымъ станкомъ, а также для свиданія съ Лавровымъ, предпринявшимъ тогда издачіе журнала «Впередь!».

«Я остался тогда въ Петербургѣ, чтобы продолжать дѣло съ рабочими на Выборгской сторонѣ, — продолжаетъ авторъ воспоминаній о чайковцахъ. — Мы съ Перовской папаяли на это лѣто небольшую квартиру на Саратовской улицѣ, вблизи ткацкихъ фабрикъ, расположенныхъ по Сампсоніевскому проспекту. Двѣ другія наши рабочія квартиры находились тогда за Невской и Московской заставами. За Невской заставой жилъ Синегубъ съ женою. Синегубъ завелъ тогда обширныя знакомства съ рабочими артелями на фабрикахъ Торнтона. Число приходившихъ къ нему рабочихъ такъ возросло, что онъ долженъ былъ пригласить къ себѣ на помощь сначала двухъ товарищей изъ вспомогательнаго кружка, а затѣмъ перетасилъ къ себѣ и Перовскую. Въ концѣ августа у него же на квартирѣ поселился Л. Тихомировъ, перебранный тогда изъ Москвы въ Петербургъ. Тихомировъ былъ пораженъ успѣхами пропаганды за Невской заставой и называлъ это мѣсто Сентъ-Антуанскимъ предмѣстьемъ.

«За Московской заставой велъ пропаганду Л. Поповъ съ другимъ товарищемъ. На Васильевскомъ островѣ существовалъ попрежнему довольно многочисленный кружокъ заводскихъ рабочихъ, болѣе самостоятельный и державшійся особнякомъ отъ фабричныхъ. Съ нимъ вели дѣло, главнымъ образомъ, Сердюковъ, Чайковский, Кропоткинъ, Кравчинскій и тотъ, кого Кропоткинъ называетъ въ своей автобіографіи Кельшницомъ».

Къ осени всѣ члены кружка снова съѣхались въ Петербургъ; вернулся туда также и Кравчинскій, чтобы принять участіе въ общихъ совѣщаніяхъ. Главнымъ дѣломъ все еще признавалась тогда пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ, которая значительно расширилась за лѣтнее время, особенно за Невской заставой. Помимо чисто практической постановки рабочей пропаганды, молодежь уже занималъ тогда вопросъ о выработкѣ общей революціонной программы кружка. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій по этому поводу Кропоткину было поручено набросать проектъ такой программы. Проектъ этотъ былъ написанъ имъ и принятъ кружкомъ. Когда начались аресты, повешіе за собою разгромъ почти всего кружка, выработанная программа уже переписывалась набѣло для сообщенія ея провинціальнымъ организаціямъ. Основной идеей этой программы было крестьянское возстаніе и отобраніе земли у помещиковъ. Общее направленіе мысли было попрежнему анти-парламентарское, прямое участіе народа въ политической жизни признавалось необходимой гарантіей, и русское крестьян-

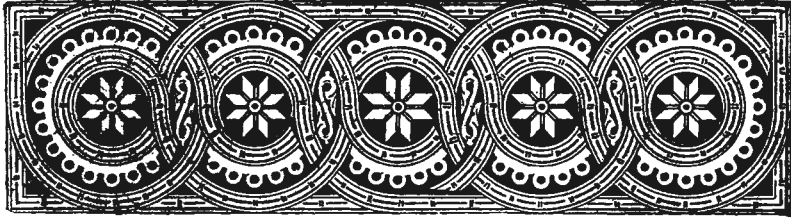
ство признавалось способнымъ создать такой строй жизни, послѣ переворота, на почвѣ общиннаго землевладѣнія. Первая книжка «Впередъ», появившаяся въ концѣ 1873 г., не вполне отвѣтила господствовавшему настроенію кружка; статья Лаврова, слишкомъ настаивавшая на научной подготовкѣ пропагандистовъ, вызвала даже возраженіе со стороны Чайковскаго.

«Въ связи со всеѣмъ этимъ возраставшимъ среди насъ революціоннымъ одушевленіемъ стала намѣчаться тогда же еще одна перемена въ способѣ нашей пропаганды,—свидѣтельствуетъ Шинко,—такъ какъ для сблизенія съ народными массами форма прежней студенческой пропаганды оказывалась уже неподходящей, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыми изъ вашихъ рабочихъ раньше еще указывалось на то, что какъ-никакъ, а все же мы, студенты, ведемъ барскій образъ жизни, то среди насъ все болѣе и болѣе стала укрѣпляться тогда мысль о необходимости для пропагандиста самому дѣлаться рабочимъ. Тогда именно поступилъ кочегаромъ на чугуно-литейный заводъ Дмитрій Рогачевъ, удивлявшій тамъ всеѣхъ своей необыкновенной физической силой и ворочавшій въ горнѣ, хотя безъ всякой сваровки, огромныя глыбы чугуна; тогда же стали устраиваться въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ особыя мастерскія, слесарныя, кузнечныя и сапожныя, для обученія ремеслу будущихъ пропагандистовъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что осенью и зимою этого года (1873) въ Петербургѣ уже началось сильное общесъ возбужденіе среди интеллигенціи, подготовившее революціонный походъ лѣта 1874 г. Въ Петербургѣ въ эту зиму проходили постоянныя и многолюдныя сходки, причѣмъ среди молодежи возникли многочисленныя новыя группы, ставившія своею задачей пропаганду въ народѣ. Кравчинскій, какъ мы уже видѣли, шелъ впередъ этого общаго движенія. Какъ только въ нашемъ кружкѣ были рѣшены все неотложныя организаціонныя вопросы, онъ снова ушелъ въ народъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Рогачевымъ. На этотъ разъ они преобразились въ пильщиковъ и уѣхали въ ту же Тверскую губернію, гдѣ стали странствовать по деревнямъ, занимаясь на работу и ведя революціонную пропаганду».

Такъ палаживалось дѣло у чайковцевъ въ Петербургѣ, а тѣмъ временемъ въ Москвѣ совершился первый разгромъ «народниковъ-пропагандистовъ», которые подъ именемъ «долгушинецовъ» и независимо отъ прочихъ пропагандистовъ открыли первый крестовый походъ «въ народъ» и пали первыми жертвами этого фантастическаго движенія.

Б. Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО ЗОНДСКИМЪ ОСТРОВАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ судьба забросила меня на далекіе Зондскіе острова, куда не часто попадаютъ русскіе люди, и мнѣ пришлось прожить тамъ четыре года, частью въ городахъ, но главнымъ образомъ въ глухомъ мѣстечкѣ около горъ. Палембанга.

Будучи въ значительной степени поглощенъ лежавшими на мнѣ обязанностями—постройкой и управленіемъ крупнаго нефтепереработнаго завода,—я не могъ посвящать много времени на изученіе края, но край былъ такъ интересенъ и новъ, что невозможно было мнѣ не увлечься, и въ свободное время я сталъ собирать матеріалъ—фотографировать, совершать экскурсіи, знакомиться съ мѣстными жителями и обычаями—и все это я заносилъ въ свой дневникъ и сберегалъ до возвращенія домой.

Вернувшись въ Россію, я обработалъ весь собранный матеріалъ и изложилъ видѣнное и пережитое мной въ этомъ чудномъ краю въ видѣ «Воспоминаній», которыя предлагаю на судъ читателей.

Считаю пріятнымъ долгомъ принести сердечную благодарность М. М. Бакунину, оказавшему мнѣ въ Батавіи содѣйствіе и гостепріимство.

I.

Путь изъ Европы до Явы.

27 октября н. с. 1898 года я сѣлся въ Генуѣ вмѣстѣ съ женою и шестимѣсячнымъ ребенкомъ на голландскій пароходъ съ тѣмъ, чтобы плыть на немъ, или, какъ говорятъ моряки, итти на немъ въ далекую Индію, на островъ Суматру, гдѣ мы должны были провести нѣсколько лѣтъ.

Хотя передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на это путешествіе, я собралъ свѣдѣнія объ условіяхъ жизни въ Нидерландской Индіи вообще, а также въ частности и о той мѣстности Суматры, гдѣ намъ главнымъ образомъ слѣдовало жить, и справки оказывались благопріятными, тѣмъ не менѣе, когда мы сѣли въ генуэзской бухтѣ на лодку, чтобы ѣхать къ стоящему на взморѣѣ пароходу, то сердце мое болѣзненно сжалось и невольно закралась въ голову мысль: не сдѣлалъ ли я все же непростительной неосторожности, рѣшившись ѣхать, да еще съ семьею, въ Индію? Помню, что былъ чудный безоблачный полдень. Солнце обливало теплыми потоками свѣта остающіеся позади насъ живописный берегъ Генуи, съ чудною перспективою амфитеатромъ расположенныхъ горъ, съ бѣлыми зданіями, сверкающими среди темной зелени садовъ, играло тысячами переливовъ въ гладкой, но все же двигавшейся кругомъ лодки водѣ, а впереди ожидавшій насъ колоссъ, «varoge ollandese», какъ его называлъ лавочникъ-итальянецъ, становился все больше и больше, и изъ трубы его вертикально струилась полоска голубоватаго дыма, напоминающаго намъ, что пары уже разведены и близокъ часъ безповоротнаго отъѣзда! Еще нѣсколько минутъ, и мы взбирались на бортъ его.

Я не намѣренъ заниматься здѣсь описаніемъ нашего парохода. Большинство видали пассажирскіе пароходы Чернаго моря. Скажу лишь, что пароходъ, на который мы сѣли, «Королева Вильгельмина», былъ значительно больше и красивѣе черноморскихъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ пароходовъ голландскаго мореходнаго общества, содержащаго правильное (два раза въ мѣсяцъ) почтово-пассажирское сообщеніе между Голландіей и Явой съ заходомъ въ Геную для тѣхъ пассажировъ, которые не желали сѣсть на пароходъ въ Амстердамъ и итти кругомъ Европы, а предпочитали достигнуть Генуи сухимъ путемъ, какъ сдѣлали и мы. На «Королевѣ Вильгельминѣ» все, начиная отъ каютъ, столовыхъ, купаленъ и кончая палубой съ ея покойными креслами всѣхъ возможныхъ формъ и величинъ, все было чрезвычайно удобно, просто, изящно и все блистало чистотой. Не даромъ голландцы издревле славятся искусствомъ въ кораблестроеніи!

Насъ было въ I классѣ около ста пассажировъ, въ томъ числѣ много дамъ и дѣтей, и по существующему на голландскихъ пароходахъ обычаю, мы всѣ въ самое короткое время перезнакомились другъ съ другомъ и старались скоротать время разговорами, темою которыхъ главнымъ образомъ служили: жизнь въ Индіи со всѣми ея особенностями, различныя происшествія и анекдоты, а также разные случаи во время морского переѣзда. Хотя я ѣхалъ въ Индію ради заработка, но желаніе увидать тропическую природу со всѣми ея заманчивыми красотоми, посмотрѣть на бытъ полудикихъ туземныхъ жителей и на то, какъ они цивилизуются подъ господствомъ голландцевъ, составляло для насъ также немалую приманку. Подъ вліяніемъ же разговоровъ съ пассажирами интересъ къ Индіи разгорался все сильнѣе и сильнѣе, а вмѣсто съ тѣмъ исчезали и послѣднія опасенія передъ нашей будущей жизнью. Вѣдь среди нашихъ спутниковъ многіе прожили уже долгіе годы въ Индіи и теперь возвращались въ нее послѣ кратковременнаго посѣщенія Европы, возвращались не скрѣпя сердце, а съ радостью, которая омрачалась развѣ только разлукою со старшими дѣтьми, которыхъ они должны были оставить въ Голландіи ради ихъ образованія. И всѣ говорили объ Индіи съ интересомъ и любовью, а нашлись и такіе, которые, даже живали въ томъ самомъ мѣстечкѣ (Палембангѣ), куда направлялись мы теперь, и которые снабдили насъ полезными совѣтами житейскаго свойства.

А свободная и безпечная жизнь на бортѣ парохода какъ нельзя болѣе располагаетъ къ общительности. Дѣлать-то въ сущности нечего! Время проходитъ попеременно въ ѣдѣ, купаньѣ, снаньѣ въ своей каютѣ или на палубѣ въ длинномъ покойномъ креслѣ и въ бесѣдахъ пассажировъ между собою, иногда разнообразныхъ игрою въ карты или шахматы.

Среди пассажировъ нашего парохода обращали на себя нѣкоторое вниманіе двѣ очень молоденькія дамы, жившія въ одной каютѣ, сидѣвшія рядомъ за столомъ и въ отношеніи которыхъ капитанъ и офицеры парохода были особенно любезны и внимательны. Какъ было видно по тому любопытству, съ которымъ онѣ относились ко всѣмъ особенностямъ пароходной жизни, ѣхали онѣ въ Индію впервые. Говоря про нихъ, пассажиры называли ихъ «перчаточками»; мы заинтересовались причиной такого прозвища, и вотъ что рассказалъ намъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ въ отвѣтъ на нашъ вопросъ.

Въ Нидерландской Индіи, какъ и вообще во всѣхъ колоніяхъ, число европейскихъ женщинъ значительно менѣе числа мужчинъ. Еще недалеко то время, когда вполнѣ европейская дама составляла рѣдкость. Теперь, правда, число ихъ ежегодно растетъ

Многіе чиновники индійскаго правительства, офицеры, военные врачи, инженеры и специалисты, завѣдующіе различными пре-

мысленными предпріятіями, если они женаты, отправляются въ Индію со своими женами и дѣтьми. Но большинство ѣдущихъ въ Индію начинать свою карьеру на томъ или иномъ поприщѣ молодыхъ людей около 25 лѣтъ—холосты и многіе изъ нихъ оставляютъ на родинѣ невѣсту или любимую дѣвушку, съ которой они намѣрены соединиться, какъ только ихъ служебное положеніе это позволитъ. Проходитъ годъ-другой, и если это становится возможнымъ, то приступаютъ къ исполненію завѣтной мечты. Но сдѣлать это не такъ просто. Женихъ не имѣетъ ни средствъ, ни возможности бросить свою службу и ѣхать въ Европу, хотя бы въ отпускъ; невѣста же одна также опасается рисковать пуститься въ далекое плаваніе, тѣмъ болѣе, что люди и смертны и измѣнчивы и мало ли что можетъ случиться за то время, пока она достигнетъ мѣста службы своего жениха, находящагося очень часто даже не въ городѣ, а въ какой-нибудь труппѣ, и обвиняется съ нимъ. Въ виду такихъ затруднительныхъ условій бракосочетанія голландцы изобрѣли слѣдующій обходъ. Невѣста, оставаясь дома, т. е. въ Голландіи, и запасшись всѣми необходимыми со стороны своей и жениха бумагами, вѣнчается съ подставнымъ лицомъ, которое держитъ *перчатку* настоящаго жениха, и по совершеніи обряда бракъ считается законнымъ, и молодая садится на пароходъ и ѣдетъ въ Индію къ своему мужу. Такія жены чиновниковъ казенной службы, а иногда и частной, пользуются, кромѣ того, правомъ бесплатнаго проѣзда до мѣста служенія своего мужа. Вотъ такія-то двѣ «перчаточки», т. е. молодые жены, и ѣхали съ нами на нашемъ пароходѣ.

Я не стану описывать нашу ежедневную жизнь. Это было бы слишкомъ однообразно, съ одной стороны, а съ другой—и черезчуръ скучно, ибо морскія путешествія съ морской болѣзью, заходящимъ въ морѣ солнцемъ и поэтическими бурями давнымъ-давно воспѣты въ стихахъ и прозѣ. Скажу зато нѣсколько словъ о нашемъ маршрутѣ. Намъ предстояло пересѣчь Средиземное море, пройти Суэцкимъ каналомъ, Красное море и Индѣйскій океанъ. Таковъ вообще путь всѣхъ пароходовъ различныхъ флаговъ, идущихъ въ Азію, съ тою, однако, разницею, что пароходы всѣхъ странъ идутъ обыкновенно черезъ Индѣйскій океанъ на Коломбо ¹⁾ и, огибая Суматру *съ сѣвера*, проходятъ Малакскимъ проливомъ и пристають къ Сингапуру. Оттуда большинство пароходовъ направляются далѣе на востокъ въ Китай и Японію. Голландскіе же пароходы пересѣкаютъ Индѣйскій океанъ нѣсколько южнѣе, въ Коломбо обыкновенно не заходятъ, а пристають въ Падангъ, лежащемъ на западномъ берегу Суматры, огибая Суматру *съ юга* и, пройдя Зондскимъ проливомъ, пристають въ Батавію.

¹⁾ На островѣ Цейлонѣ.

Суэцкій каналъ, раздѣляя материки Азіи и Африки, соединяетъ, какъ извѣстно, Средиземное море съ Краснымъ и образуетъ такимъ образомъ кратчайшее морское сообщеніе съ Индѣйскимъ океаномъ. До прорытія Суэцкаго канала путь въ Индію лежалъ кругомъ всей Африки мимо мыса Доброй Надежды и былъ длиннѣе теперешняго на двѣ недѣли плаванія. Общая длина канала достигаетъ 160 верстъ, ширина же его очень мала—всего нѣсколько сажень, такъ что при встрѣчѣ двухъ пароходовъ одному изъ нихъ приходится подтягиваться къ берегу, чтобы дать другому дорогу.

Проходя Суэцкимъ каналомъ, пароходъ идетъ все время тихимъ ходомъ, потому что отъ быстрого хода песокъ сталъ бы сильно обсыпаться съ береговъ и каналъ слишкомъ бы скоро сталъ мелѣть. Когда сидишь на палубѣ, обливаясь потомъ, ибо жара здѣсь стоитъ ужасная, то направо и налево глазъ только и видитъ безконечную песчаную гладь; лишь изрѣдка замѣтишь караванъ верблюдовъ, или пробѣжить стуча и гремя поѣздъ желѣзной дороги ¹⁾, рельсы которой идутъ частью вдоль самаго канала. Цѣлыхъ 18 часовъ продолжается это утомительное однообразное плаваніе. Когда стемнѣетъ, на носу парохода устанавливаютъ очень сильный электрическій фонарь съ рефлекторомъ, освѣщающимъ путь далеко впереди парохода.

Пролегая среди сыпучихъ песковъ Аравіи и Египта, Суэцкій каналъ, несмотря на всѣ предосторожности, все же непрерывно мелѣетъ и приходится постоянно его искусственно углублять при помощи землечерпательныхъ машинъ, одна изъ которыхъ видна на рисункѣ. Содержаніе ихъ и все управленіе окупается тою платою, которая взимается со всѣхъ проходящихъ судовъ соразмѣрно количеству провозимаго груза и числу пассажировъ. Нашъ пароходъ, напримѣръ, заплатилъ за одинъ рейсъ около 15.000 рублей.

При входѣ въ каналъ въ Портъ-Саидъ нынѣ красуется бюстъ Ф. Лессенса, которому мы обязаны сооруженіемъ Суэцкаго канала. Всѣ ѣдущіе мимо путешественники невольно вспоминаютъ, какое значительное сокращеніе пути составляетъ открытіе канала вмѣсто прежняго пути кругомъ Африки, и съ благоговѣніемъ относятся къ памяти великаго человѣка!

Съ переходомъ въ Красное море мы замѣтили огромную переѣзду въ костюмахъ нашихъ спутниковъ, дамъ и мужчинъ. Въ то время дня, когда по правиламъ пароходной жизни полагалось ходить запросто, т. е. до 11 часовъ утра и время послѣ завтрака до 5 часовъ вечера, пассажиры стали одинъ за другимъ появляться въ легкомъ неглиже, которое мы видѣли впервые и которое произвело на насъ

¹⁾ Рельсовый путь соединяетъ Суэцъ съ Измаиліей, лежащей по срединѣ канала. Въ Портъ-Саидѣ же желѣзной дороги еще не имѣется.

очень сильное впечатлѣніе. Мужчины носили брюки изъ тонкой бумажной полосатой матеріи причудливаго узора, тонкія бѣлыя кофты безъ пуговицъ на шнуркахъ и туфли на босу ногу. Дамѣ одѣвали, вмѣсто юбки, широкую бумажную же, раскрашенную яркими узорами матерію, которою онѣ просто были обмотаны и которая держалась на талии при помощи пояса. Сверху онѣ носили почти такую же, какъ и мужчины, бѣлую кофту, но только отдѣланную кружевами, а подъ кофтой бѣлый лифъ. Туфли на босу ногу дополняли этотъ упрощенный костюмъ. Вскорѣ мы узнали,

Суэцкій каналъ.

что этотъ костюмъ, мужской и женскій, носятъ не только на пароходѣ, но и повсемѣстно въ Индіи, гдѣ онъ составляетъ домашнее пеглиже. Мы узнали также, что кофты называются въ Индіи вездѣ—на малайскомъ нарѣчій—*кабайя*, а матерія, замѣняющая у дамъ юбку,—*саронга*. Впослѣдствіи въ Индіи мы дѣйствительно ежедневно видѣли такіе костюмы, носимые туземцами и европейцами, и глазъ нашъ совершенно съ ними освоился, но на первое время на пароходѣ впечатлѣніе получилось непріятное—точно всѣ въ баню собрались, и какъ жена моя, такъ и я, мы не могли никакъ рѣшиться облечься сами въ подобные же костюмы.

Зондскіе острова расположены у оконечности Малаккаго полуострова, самой южной точки Азіи, и состоятъ изъ 4-хъ большихъ и нѣсколькихъ десятковъ меньшихъ, а считая всѣ, даже самые малые, ихъ наберется нѣсколько тысячъ. Крупнѣйшіе изъ острововъ суть Борнео, Суматра, Целебесъ и Ява; первые три пересекаются экваторомъ, и только одна Ява расположена цѣликомъ въ южномъ полушаріи, но весь Зондскій архипелагъ лежитъ въ центрѣ тропической зоны, т. е. въ самой жаркой полосѣ земного шара. Величайшій изъ земного шара островъ

Борнео	занимаетъ площадь въ 650,000 кв. верстѣ.
Суматра.	» » » 370,000 » »
Целебесъ	» » » 116,000 » »
Ява вмѣстѣ съ остр. Мадурою	» » » 110,000 » »
Для сравненія упо- минаю, что Кав- казскій край. . .	» » » 416,000 » »

Отсюда слѣдуетъ, что одинъ Борнео въ $1\frac{1}{2}$ раза больше по площади Кавказскаго края. Площадь же всѣхъ Зондскихъ острововъ въ совокупности приблизительно въ 5 разъ болѣе поверхности Кавказа. Замѣчу тутъ же, что лишь треть острова Борнео находится во власти англичанъ, да восточная половина острова Тимора еще принадлежитъ португальцамъ, весь же остальной архипелагъ относится къ владѣніямъ голландцевъ, образуя такъ называемую *Нидерландскую Индію*. Все, что я буду описывать въ дальнѣйшемъ ходѣ моихъ воспоминаній о бытѣ туземцевъ и европейцевъ, ихъ взаимныхъ отношеній и существующихъ порядкахъ и обычаяхъ, касается исключительно именно Нидерландской Индіи.

Населеніе 4-хъ крупнѣйшихъ острововъ въ 1895 г. составляло:

Явы съ Мадурою . .	26.000,000, т.-е. около 224 душъ на 1 кв. в.
Целебеса	2.000,000 » » 17 » »
Суматры	3.200,000 » » 9 » »
Борнео.	1.400,000 » » 2 » »

Опять для сравненія приведу здѣсь, что:

Кавказскій край на- селяютъ	10.000,000, т.-е. около 22 душъ на 1 кв. в.

Такимъ образомъ, Ява въ 10 разъ гуще населена Кавказа, который, въ свою очередь, въ 10 разъ гуще населенъ, чѣмъ Борнео. Отсюда вытекаетъ, что Ява въ 100 разъ гуще населена, чѣмъ Борнео. Это объясняется тѣмъ, что Ява уже вся сплошь воздѣлана и обработана, тогда какъ на другихъ островахъ, въ особенности на Борнео и Суматрѣ, еще огромныя площади остаются совершенно дикими.

Изъ общаго числа 37 милліоновъ жителей Нидерландской Индіи около 34 милліоновъ составляютъ народы малайской расы, а именно: собственно малайцы, т. е. выходцы съ Малаккаго полуострова, яванцы, сунданезы, мадурезы, батаки, даяки и другіе. Путешественнику-европейцу, а въ особенности новичку, невозможно бываетъ безъ посторонней помощи отличать другъ отъ друга отдѣльныя народности. Только послѣ долгаго общенія съ туземцами глазъ привыкаетъ отличать ихъ по прическѣ и отчасти по типу и выговору. Съ европейцами же всё туземцы говорятъ на обще-малайскомъ діалектѣ—такъ называемомъ голландцами казармен-

Улица въ старой Батавіи.

номъ малайскомъ языкѣ, искусственномъ, составленномъ изъ древне-малайскихъ корней съ прибавленіемъ многихъ словъ европейскихъ, часто переименованныхъ и упрощенныхъ. На этомъ восточномъ волапюкѣ принято писать латинскими буквами, выговоръ его чрезвычайно простъ и благозвученъ, благодаря чему ему весьма быстро можно выучиться. Такъ, европейскія дѣти, выросшія въ Индіи, часто раньше начинаютъ говорить по-малайски, чѣмъ на своемъ родномъ нарѣчьи. Такъ именно случилось впослѣдствіи и съ нашимъ сыномъ.

Первое наше знакомство съ туземцами и съ малайскимъ языкомъ началось уже на борту «Королевы Вильгельмины». Дѣло въ

томъ, что вся мужская прислуга на голландскихъ пароходахъ—малайская. Одѣваются они въ бѣлую, отороченную краснымъ кантомъ жакетку и такія же брюки, обуви не носятъ вовсе, а голову повязываютъ цвѣтнымъ платкомъ, и, какъ мы узнали впоследствии, способовъ повязывать голову существуетъ много, и каждое племя гордится своей особенной прической. Наша прислуга состояла изъ мадурезовъ, т. е. уроженцевъ острова Мадурѣ, ближайшаго къ Явѣ и составляющаго съ нею этнографически и административно одно цѣлое ¹⁾).

Мадурезы невысокаго роста, худощавы, очень пропорціонально сложены; цвѣтъ кожи они имѣютъ темносѣрый, переходящій въ коричневый; выраженіе лица у нихъ лѣнливо-плутоватое, но отнюдь не злое и не тупое, такъ что въ общемъ получается довольно пріятное впечатлѣніе. Даже приплюснутый носъ съ широкими ноздрями, свойственный всѣмъ малайскимъ племенамъ, не очень ихъ безобразитъ.

Приведу здѣсь для примѣра нѣсколько словъ на обще-малайскомъ діалектѣ, а также и нѣсколько про стыхъ фразъ, изъ которыхъ будетъ видно, насколько проста и бѣдна грамматика этого языка.

Здравствуй или прощай—*табѣ*.

Слово «табе» означаетъ вообще привѣтствіе, безразлично въ началѣ или концѣ встрѣчи. Имъ же начинается и кончается всякій сколько-нибудь серьезный разговоръ туземецъ съ европейцемъ.

Господинъ — туанъ.

Госпожа — понья.

Барышня, дѣвочка — понъ.

Мальчикъ — *сильо* ²⁾).

Ребенокъ — анакъ.

Огонь — апи.

Вода — аяръ.

Экипажъ — карета ³⁾).

Судно — капаль.

Сливочное масло — мантегга⁴⁾).

Молотокъ — мартиль ⁴⁾).

Масло растительное, нефть — миньякъ.

Столъ — медья. ²⁾

Домъ — рума ⁵⁾).

Книга — китабъ ⁶⁾).

Часъ, время — джамъ ⁷⁾).

Часы — орлоджи ⁸⁾).

Большой — безаръ.

Кушать — маканъ.

¹⁾ Согласно официально признанной номенклатурѣ владѣнія Нидерландской Индіи раздѣляются на двѣ части: 1) *Ява и Мадурѣ*; 2) *Вининія владѣнія*, куда входятъ всѣ прочіе острова, т. е. Борнео, Суматра, Целебесъ и т. д.

²⁾ Это слово, равно какъ и два предыдущія, несомнѣнно, латинскаго (португальскаго) происхожденія, представляя собою различныя видоизмѣненія слова *signora*.

³⁾ Происхожденія европейскаго.

⁴⁾ Происхожденія португальскаго.

⁵⁾ Происхожденія англійскаго.

⁶⁾ Схоже съ персидскимъ.

⁷⁾ Схоже съ армянскимъ.

⁸⁾ Схоже съ *horloge*.

Аллея пальмъ въ ботаническомъ саду.

Пить — минумъ.

Спать — тидуръ.

Сосудъ, помѣщеніе — тампаты.

Лѣсъ — утаннъ.

Письмо — суратъ ¹⁾.

Чай — тэ.

Человѣкъ — орангъ.

Я — сая.

¹⁾ Схоже съ грузинскимъ.

Свинья — бѣби.	ты — кве.
Олень — рѹса.	онъ, она — дѣя.
Лошадь — кѹда.	

Составныя слова:

кареѣта-аши — желѣзная дорога,
 капаль-аши — пароходъ,
 капаль-миньякъ — наливной пароходъ для керосина,
 рума-маканъ — гостиница,
 аяръ-мишумъ — питьевая вода ¹⁾,
 тампачъ-тэ — чайшникъ,
 тампачъ-тидуръ — кровать,
 орангъ-утаннъ — лѣсной человѣкъ (обезьяна орангъ-утаннъ) ²⁾

Бѣби-рѹса — свинья-олень, по-русски тоже бабирѹса. ³⁾

Туанъ-безаръ — большой человѣкъ, пачальникъ. ⁴⁾

Оригинально составлено выраженіе для обозначенія благодарности.

Трима значить получить.

Касси » давать.

Трима-касси » благодарить, т. е. иными словами: получить, моль, и отдаю.

Вотъ для примѣра еще нѣсколько фразъ:

Юнгесъ ⁵⁾, *амбилъ* ⁶⁾ *аяръ мишумъ сама сая* — слуга, принеси питьевой воды для меня.

Бабу, дьянганъ нигги джау дерри сини — няня, не смѣй отходить далеко отсюда.

Анакъ минта маканъ — дитя просить кушать.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, какъ разнообразны корни современнаго малайскаго языка. Одни изъ нихъ, собственно малайскіе, суть остатки діалектовъ далекой сѣдой древности; изъ

¹⁾ Этотъ терминъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что въ Индіи далеко не всякую воду можно пить.

²⁾ Не слѣдуетъ выговаривать утангъ, а именно *утаннъ*, ибо слово *утаннъ* означаетъ лѣсъ, а слово *утанъ* значить *домъ*.

³⁾ Такъ называется малайцами особый видъ свиньи, водящейся на Зондскихъ островахъ, съ клыками, загнутыми наподобіе роговъ.

⁴⁾ Этимъ титуломъ называютъ въ Индіи *вообще* одного генераль-губернатора Индіи, живущаго въ Батавіи; но въ частности этому слову придаютъ различныя значенія. Такъ въ городѣ называютъ высшаго начальника, будь то губернаторъ или просто полицейскій чиновникъ; въ частномъ предпріятіи такъ же именуются главный управляющій или начальники отдѣльныхъ частей.

⁵⁾ Очевидно, происхожденія европейскаго.

⁶⁾ Амбилъ значить нести, тащить и слѣдуетъ съ русскимъ выраженіемъ амбаль — носильщикъ.

тѣхъ же корней могли образоваться слова персидскія, грузинскія, армянскія и пр. Другія слова—носятъ на себѣ, напротивъ, несомнѣнную печать позднѣйшаго, европейскаго происхожденія: англійскаго, голландскаго, португальскаго и пр. Прибавлю здѣсь, что грам-

Группа панданусовъ.

матики этотъ языкъ почти не имѣетъ и вообще достаточно бываетъ 2—3 мѣсяцевъ, чтобы выучиться объясняться съ туземцами на обще-малайскомъ нарѣчii. Такъ б. и съ нами вскорѣ по приѣздѣ на мѣсто жительства.

Когда пароходъ нашъ проходилъ Зондскимъ проливомъ, отдѣляющимъ Суматру отъ Явы, капитанъ указалъ намъ слѣва въ отдаленіи силуэтъ знаменитаго вулкана Кракатау, одиноко стоящаго среди пролива въ видѣ широкаго конуса, вершина котораго была закрыта облаками. Вотъ какъ описываетъ Э. Реклю изверженіе Кракатау 1883 года, не имѣющее себѣ подобнаго въ исторіи земли.

«Послѣднее изверженіе этого вулкана, извѣстное по преданіямъ, по давно забытое туземцами, было въ 1680 году. Въ маѣ мѣсяцѣ 1883 г. вулканъ вдругъ проснулся; на одномъ изъ его западныхъ скатовъ земля разверзлась, и оттуда показалось пламя, послышались взрывы и удары, сопровождаемые дождемъ пепла и дыма. Первое время это изверженіе никого не пугало, такъ какъ оно ничѣмъ не отличалось отъ вулканическихъ проявленій, столь обычныхъ на Явѣ. Жители Батавіи отправлялись въ видѣ приятной экскурсіи на необитаемый островъ Кракатау, чтобы полюбоваться вблизи интереснымъ зрѣлищемъ и даже подходили къ самому краю кратера. Но въ августѣ, т. е. послѣ трехъ мѣсяцевъ подземнаго гула, вдругъ послѣдовало ужасный взрывъ, и въ нѣсколько часовъ вся географія Зондскаго пролива измѣнилась. Залпы въ родѣ артиллерійскихъ были слышны во всемъ Малайскомъ архипелагѣ, въ Южномъ Китаѣ и въ Бенгальскомъ заливѣ, а въ Батавіи, отстоящей на 115 верстъ отъ мѣста изверженія, гулъ былъ ужасенъ, и отъ выкинутого вулканомъ пепла въ два часа дня наступила кромѣшная тьма. Пепель, выкинутый конусообразно, на 23 версты вверхъ и 35 верстъ въ ширину, спустился постепенно кругомъ острова и разнесся на огромныя разстоянія; такъ, въ средней Суматрѣ выпало этого пепла до 1½ вершка, а упавшій въ Индійскій океанъ былъ донесенъ до береговъ Мадагаскара.

«Общее количество веществъ, выброшенныхъ въ видѣ пепла и камней, исчислено въ 18 миллиардовъ куб. метровъ.

«Когда же воздухъ очистился и стало возможнымъ проинкнутъ въ Зондскій проливъ, то глазамъ представилась ужасная картина разрушенія. Города Андьеръ и Тваринги на яванскомъ берегу, Бенувангъ и Телохъ-Бетойгъ на Суматрѣ исчезли вовсе; многочисленные деревни, разсыпанныя по берегамъ пролива, пропали безслѣдно; множество лѣсовъ кокосовыхъ пальмъ были выравнены съ землей. Морская волна въ 17 сажень вышины ударила о берегъ, унося съ собой все препятствія и образуя новые бухты и заливы; болѣе 40.000 человѣкъ погибло въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, въ томъ числѣ погибъ безслѣдно проходившій какъ разъ въ это время Зондскимъ проливомъ пассажирскій пароходъ.

«Единственнымъ оставшимся въ живыхъ во всемъ проливѣ былъ сторожъ маяка, построеннаго на изолированной скалѣ всего въ 19 саженьяхъ отъ мѣста изверженія. Въ темнотѣ онъ не могъ даже замѣтить чудовищной волны.

■

Вѣрная пальма.

«Послѣ изверженія отъ острова Кракатау сохранился только южный вулканъ; вся же остальная часть, т. е. $\frac{2}{3}$ острова, занимавшая площадь около 18 кв. верстъ, была снесена, и на мѣстѣ ея образовалась морская бездна, въ которой лодъ на глубинѣ 985 ф. не могъ достать дна».

Вулканъ Кракатау далеко не единственный на Зондскихъ островахъ. Цѣпь вулканическихъ горъ тянется вдоль всей Суматры, ближе къ ея западному побережью. Цѣпь вулкановъ продолжается по всей длинѣ Явы, отдѣльные вулканы разбросаны также по Целебесу и другимъ островамъ.

На Явѣ имѣется не болѣе, не менѣе, какъ 46 частью потухшихъ, частью дѣйствующихъ вулкановъ. Высота ихъ, правда, не особенно

«истор. вѣстн.», октябрь, 1909 г., т. сѣвн.

17

значительна. Самый высокій изъ нихъ—Семеру—имѣетъ 12238 футовъ надъ уровнемъ океана. Геологическія изслѣдованія доказали, что въ весьма недавнюю эпоху Ява состояла изъ цѣлой сѣти отдѣльныхъ острововъ. Соединенію ихъ въ одинъ всего болѣе способствовали своими потоками и своими изверженіями вулканы; такимъ образомъ, изъ этой цѣпи острововъ образовался со временемъ островъ Ява, имѣющая въ длину 1000 верстъ при сравнительно малой ширинѣ въ 120—180 верстъ ¹⁾). Сѣверный склонъ Явы, омываемый Яванскимъ моремъ, отличается отъ южнаго преобладаніемъ наносныхъ наслоеній, образующихъ мѣстами широкія сырыя низины, частью уже разработанныя, частью еще представляющія собою дикія заросли—джунгли.

Средняя же Ява возвышенна почти по всей длинѣ острова. Здѣсь къ богатству тропической природы прибавляется еще предельная гористость мѣстности и нѣкоторая, сравнительная сухость и умѣренность зноя. Все это дѣлаетъ среднюю Яву однимъ изъ чудесныхъ уголковъ міра. Здѣсь главнымъ образомъ полоса чайныхъ и кофейныхъ плантацій, и здѣсь рѣдко можно встрѣтить невоздѣланный клочокъ земли. Южное побережье Явы довольно круто спускается къ глубокимъ водамъ Индѣйскаго океана. На южномъ берегу имѣется всего одинъ лишь значительный городъ Тълиятыанъ ²⁾), знаменитый своей убійственной лихорадкой.

На сѣверномъ же побережьи Явы лежатъ много городовъ и мѣстечекъ. Изъ нихъ три: *Батавія* ³⁾ на западѣ, *Семарангъ* ⁴⁾ въ серединѣ и *Сурабайя* ⁵⁾ на восточномъ концѣ суть вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя населенныя города Нидерландской Индіи.

II.

Батавія и Бейтензоргъ.

Когда подъѣзжаешь къ ней около Батавіи съ моря, Ява не производитъ на путешественника никакого впечатлѣнія. Горъ не видно, и въ туманной дали открывается только узкая, неприглядная береговая полоса.

Красивъ зато видъ на море кругомъ парохода! Тамъ и сямъ разбросаны маленькіе островки, круглые, продолговатые или кольцеобразные. Это коралловые островки «*архипелага тысячи острововъ*», расположеннаго всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ входа въ портъ Батавіи. Издали каждый островокъ кажется свѣтлымъ пятномъ

¹⁾ Кн. Щербатова «Въ странѣ вулкановъ».

²⁾ 10.800 жителей, въ томъ числѣ 250 европейцевъ.

³⁾ 180.000 > > > > 10.300 >

⁴⁾ 83.000 > > > > 3.600 >

⁵⁾ 125.000 > > > > 7.000 >

съ черными зубцами наверху; когда приближаешься, то зубцы превращаются въ рядъ стройныхъ кокосовыхъ пальмъ, а свѣтлое пятно— въ полосу ослѣпительно бѣлаго песка, на который тихо набѣгаютъ голубыя волны. И вѣтъ отсюда какою-то мирною идилліей—кругомъ все такъ свѣжо, нѣжно, чисто!

При входѣ въ самую гавань мы узнали, что собственно городъ Батавія удаленъ отъ гавани верстъ на 10 и это разстояніе приходится проѣзжать по желѣзной дорогѣ, соединяющей гавань съ городомъ, а самая гавань, именуемая Тандьонгъ Приокъ ¹⁾, построена на совершенно пустынномъ и, какъ мы вскорѣ замѣтили, низменномъ и болотистомъ мѣстѣ.

Несмотря на нѣкоторое разочарованіе отъ неказистаго вида гавани и отъ отдаленности долгожданной Батавіи, этой «жемчужины Востока», мы, утомленные 24-дневнымъ морскимъ переходомъ, съ наслажденіемъ вступили на твердую землю. Было около двухъ часовъ дня, и жара, умѣряемая до сихъ поръ двойными палубными тентами и вѣтеркомъ, образуемымъ отъ движенія парохода, здѣсь давала себя чувствовать. Благодаря, вѣроятно, отсутствію деревьевъ и огромнымъ каменнымъ пакгаузамъ, въ которые какъ разъ ударяли ослѣпительные лучи тропическаго солнца, жара стояла здѣсь по истинѣ невыносимая. Не знаю ужъ, право, сколько градусовъ показывалъ термометръ, разыскивать который было некогда, но ощущеніе гнетущаго душнаго зноя было подавляющее, и мы невольно подумали: «ой-ой-ой, а что будетъ далѣе?». Скажу тутъ же, что нигдѣ болѣе въ Индіи подобной жары намъ испытывать не пришлось, вѣроятно, опять-таки потому, что, въ противоположность Тандьонгъ-Приоку, вездѣ, даже въ городахъ, мы встрѣчали обиліе самой разнообразной растительности; собственно отъ жары мы, привыкшіе къ бакинскому лѣту, никогда въ Индіи не страдали, а если что насъ донимало, такъ это одна только ужасающая сырость.

На пристани между тѣмъ царило оживленіе, и мы съ великимъ трудомъ пробирались среди этой густой разнообразной толпы. Тутъ были наши европейскіе спутники, которые, вѣстаетъ сказать, съ вступленіемъ на твердую землю потеряли для насъ всякій интересъ; многихъ встрѣчали ихъ друзья и родственники—мужчины въ бѣлыхъ костюмахъ и въ бѣлыхъ же шлемахъ различныхъ фасоновъ, дамы тоже всѣ въ бѣломъ, безъ шляпъ, но подъ защитою свѣтлыхъ зонтиковъ; офицеры и таможенные чиновники въ бѣлыхъ мундирахъ. Среди нихъ рѣзко выдѣлялись туземцы, какъ по пвѣту кожи, такъ и по костюму и отсутствію обуви. Здѣсь же сповали и китайцы, которыхъ мы узнали по ихъ косамъ. Все это составляло одну шумящую и волнующуюся толпу, среди которой все намъ было странно, чуждо и интересно! Но разглядывать было некогда, ибо поѣздъ нашъ отходилъ тотчасъ же, и мы поспѣшили занять мѣста въ вагонѣ.

¹⁾ Слово *тандьонгъ* означаетъ по-малайски *мысль*.

Какъ только поѣздъ тронулся, мы стали съ любопытствомъ смотрѣть въ окно, торопясь насладиться тропическимъ пейзажемъ. Дорога шла лѣсомъ или, вѣрнѣе сказать, невзрачными, болотистыми зарослями, гдѣ группы пальмъ чередовались съ различными листовыми кустарниками и деревьями. Часто среди пальмъ мелькала туземная хижина на столбикахъ, съ лѣсенкой для входа, крытая черепицей или сухими пальмовыми вѣтвями. Напрасно среди этого сѣраго пейзажа ожидали мы увидѣть что-нибудь напоминающее окраину большого города. Скоро поѣздъ остановился передъ небольшимъ вокзалчикомъ, окруженнымъ кокосовыми пальмами, и спутники наши намъ объявили, что это и есть «Батавія» или, вѣрнѣе сказать, одинъ изъ трехъ ея вокзаловъ, и посоветовали намъ здѣсь слѣзть.

Кругомъ вокзала стояло десятка полтора двухколесныхъ крытыхъ таратаекъ, въ которыхъ сидѣть надо было спиной къ кучеру, было тѣсно и неудобно. Впослѣдствіи мы узнали, что экипажи эти именуются *садо*, что есть испорченное выраженіе *dos à dos*; садо эти были запряжены въ одну маленькую лошадку, а спереди сидѣлъ кучеръ-туземецъ, конечно, босой и съ платкомъ на головѣ.

Втиснувши себя и кое-какой ручной багажъ въ два такихъ милыхъ экипажа, мы съ грѣхомъ пополамъ объяснились съ кучеромъ и быстро помчались. Дѣйствительно, мы были въ самой Батавіи, ибо, миновавъ 2—3 бѣдныхъ переулка, мы скоро проѣхали нѣчто въ родѣ улицъ, съ домами и магазинами, переѣхали рельсы трамвая и очень скоро вкатили въ ворота огромнѣйшаго двора-сада, при входѣ котораго красовалась падшесъ «*Hôtel des Indes*».

Городъ Батавія со всѣми его предмѣстьями занимаетъ нынѣ пространство болѣе 18 верстъ въ длину и насчитываетъ 10,300 европейцевъ, 29,600 китайцевъ, 2,800 арабовъ и 138,000 туземцевъ, всего, стало быть, около 180,000 душъ. Замѣчу здѣсь кстати что по своему происхожденію слово *Батавія*—не туземное, а европейское. *Батавіей* называлась въ III вѣкѣ мѣстность между Рейномъ и Вааломъ, гдѣ обитали *батавы*, народецъ германо-римской имперіи, отъ котораго произошли позднѣе голландцы.

Батавія была основана въ 1619 году на самомъ берегу моря, на очень низменномъ мѣстѣ, но страшная малярія заставила европейскихъ жителей понемногу покинуть городъ и переселиться къ югу верстъ на 10, гдѣ прежде всего были прорыты широкіе каналы и устроено осушеніе мѣстности. Нынѣ городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, а именно: старой Батавіи, гдѣ сосредоточены всѣ конторы, банки, склады товаровъ, вообще вся дѣловая часть; Вельтефриденъ, что значитъ въ переводѣ на русскій языкъ «очень

доволенъ», гдѣ находится дворецъ генераль-губернатора, дома всѣхъ болѣе зажиточныхъ европейцевъ, европейскіе магазины и лучшія гостиницы; особаго квартала, гдѣ помѣщаются китайцы, и нѣ-

Водяныя растенія въ ботаническомъ саду.

сколькихъ кварталовъ, гдѣ ютятся туземцы, а также менѣе зажиточное населеніе изъ полу-европейцевъ.

Старая Батавія состоитъ изъ цѣлаго ряда тѣсныхъ двухъэтажныхъ домиковъ, пыльных, старыхъ, неудобныхъ. Внизу помѣ-

щаются обыкновенно лавочки, гдѣ китайцы продають фрукты, зелень, гвозди, мыло и проч. Въ верхнихъ этажахъ находятся конторы, гдѣ ежедневно отъ 9 утра до 5 дня работаютъ голландскіе купцы и ихъ конторскіе служащіе. И здѣсь все пыльно, неприглядно и тѣсно.

Зато Вельтефреденъ построенъ совершенно иначе. Здѣсь улицы широки и чисты; по срединѣ обыкновенно проложенъ широкій каналъ въ каменныхъ берегахъ, по обѣимъ сторонамъ котораго насажены высокія деревья, сходящіяся ¹⁾ часто своими вершинами и бросающія на улицу пріятную тѣнь. Каждый домъ стоитъ особнякомъ въ глубинѣ сада; на улицу выходятъ только ограды и ворота съ надписью фамиліи жильцовъ или съ вывѣскою, если домъ занятъ подь магазинъ. Такимъ образомъ, это не дома, а скорѣе дачи, и несомнѣнно, что такой способъ постройки имѣеть, кромѣ красоты, еще и огромное санитарное значеніе.

Кромѣ того, въ Батавіи, какъ и почти повсемѣстно въ Индіи, ни одинъ домъ не стоитъ непосредственно на землѣ, а всѣ дома покоятся или на каменныхъ столбахъ и аркахъ, или же на столбахъ деревянныхъ, но во всякомъ случаѣ подь домомъ находится пустое пространство, гдѣ свободно циркулируетъ воздухъ. Это условіе необходимо для ослабленія лихорадки. Замѣчательно, что тотъ же способъ постройки домовъ распространенъ и въ Закавказьи, въ сырыхъ мѣстахъ Имеретіи и Мингреліи.

По срединѣ двора-сада нашего отеля возвышался исполинъ уарингипъ съ характерными для него воздушными корнями, висѣвшими кругомъ его огромнаго ствола съ вѣтвей вплоть до земли; впоследствии намъ приходилось видѣть много уарингиновъ на Явѣ; преимущественно ихъ можно встрѣтить на большихъ площадяхъ, и деревья эти достигаютъ громаднхъ размѣровъ и составляютъ часто украшеніе для цѣлаго селенія. Подь тѣнью уарингина стояло двухъ-этажное зданіе нашей гостиницы, гдѣ помѣщались столовая и бильярдныя залы. Другіе, одноэтажныя корпуса обрамляли садъ съ трехъ сторонъ и состояли каждый изъ длиннаго ряда номеровъ въ одну или двѣ комнаты и общей передней открытой галереи; на галереѣ, собственно, и принято проводить весь день, а въ комнату уходятъ только для сна и туалета.

Первое, что насъ поразило въ отведенномъ намъ помѣщеніи, была сырость и какой-то сырой пряный запахъ, не проходившій ни днемъ, ни ночью. Тѣло покрылось испариной и, что особенно непріятно, испарина эта не проходила ни днемъ, ни ночью. На другой же день нашего пріѣзда въ Батавію мы замѣтили, что вся наша кожаная обувь покрылась слоемъ плѣсени.

¹⁾ Фигусы, канари, тамаринды и другія.

По стѣнамъ и потолку нашего помѣщенія то и дѣло безшумно шныряли небольшія желто-сѣрыя ящерицы; часто онѣ пробѣгали и по столамъ или падали съ потолка на полъ и, упавъ, искали спасенія въ бѣгствѣ. Туземцы называютъ ихъ «титьякъ», и, какъ мы вскорѣ узнали, титьяки составляютъ неизбѣжное украшеніе всякаго дома въ Индіи. Они питаются насѣкомыми, главнымъ образомъ комарами, и, будучи чисты и совершенно безвредны, завоевали себѣ право гражданства. Впослѣдствіи, когда мы жили собственнымъ хозяйствомъ въ Палембангѣ, въ домѣ нашемъ не только сами собой развелись титьяки, но часто приходилось находить ихъ яйца—бѣленькія, продолговатыя, величиной съ горошину.

Съ одного изъ деревьевъ сада мы часто слышали рѣзкій крикъ «токке токке», псходившій, какъ мы вскорѣ узнали отъ сосѣдей, отъ другой ящерицы, такъ и называемой *токке*, которая достигаетъ 5—6 вершковъ длины и, въ противоположность безобидному титьяку, сильно кусается, если ее схватить руками.

Опишу теперь нашу жизнь въ «Hôtel des Indes».

Съ ранняго утра, какъ только вы встанете и, по принятому обычаю, въ самомъ легкомъ костюмѣ усаживаетесь на галереѣ передъ вашей комнатою въ широкомъ креслѣ пить чай, который сейчасъ же приносить, завидя васъ, туземный слуга, вы становитесь предметомъ правильной осады со стороны китайцевъ-торговцевъ, торгующихъ въ разность всею, чѣмъ хотите. Китайцы, надо отдать имъ справедливость, очень изящны на видъ и для новичковъ представляютъ много интереснаго. Одѣты они бываютъ въ широкіе черные или голубые штаны и бѣлую широкую куртку безъ пояса, называемую кабайя, которую носятъ въ Индіи все: китайцы, туземцы и европейцы, у которыхъ она составляетъ принадлежность утренняго неглиже; на головѣ китайцы носятъ соломенную или пробковую широкополую шляпу, которую они очень часто и любезно снимаютъ, а сзади у нихъ болтается коса, оканчивающаяся обыкновенно вплетеннымъ шнуркомъ. На плечѣ у такого продавца положенъ длинный бамбукъ, къ обоимъ концамъ котораго подвѣшены корзинки съ товарами. И, Боже мой, чего только тутъ у нихъ нѣтъ! Мыла, духи, одеколонъ, пуговицы, иголки, чулки, платки, папирсы, фотографіи, подсвѣчники, ножницы, башмаки, вѣера, ящички, подстаканники изъ коры, бѣлье всевозможное, посуда, вакса, мѣлъ, щетки и т. д. Завидя издали европейца, торговецъ спѣшитъ поставить свои корзины на полъ, предупредительно снимаетъ шляпу и, привѣтливо улыбаясь своимъ безбородымъ и безусымъ лицомъ, начинаетъ по очереди извлекать и навязывать вамъ все содержимое. Само собой разумѣется, что цѣны назначаются ими самая фантастическія, въ особенности для ново-пріѣзжихъ, но при нѣкоторой настойчивости можно всегда купить у нихъ сродно. Въ 12 часовъ дня колоколь возвѣщаетъ, что пора идти на завтракъ въ столовую. Это

время такъ называемаго *рисоваго стола* ¹⁾); первые опыты наши на этомъ поприщѣ оставили весьма сильное впечатлѣніе, а потому я ихъ опишу здѣсь въ назиданіе будущимъ туристамъ. Замѣчу въ скобкахъ, что хотя рисовый столъ ѣдятъ на всемъ Востоку, но въ Голландской Индіи онъ готовится совершенно своеобразно, иначе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Сначала насъ обносили варенымъ рисомъ, совершенно сухимъ, лежащимъ въ большой чашкѣ; затѣмъ слѣдовали 2—3 жидковатыхъ соуса—желто-зеленыхъ, съ кореньями, и мы, по примѣру сосѣдей, облили ими рисъ на тарелкѣ, потомъ принесли огромное блюдо со многими отдѣленіями, гдѣ въ каждомъ лежала особая приправа—имя имъ легионъ; тутъ были и рыба сушеная, и рыба вареная, и мелко нарезанная курица, и коренья, и огурцы строганные, и мякоть кокосоваго орѣха, и много разныхъ специй, бурыхъ, желтыхъ, красныхъ. Всего этого понемногу прибавлялось на рисъ, все перемѣшивалось, и кушанье было готово къ ѣдѣ. Я не скажу, чтобы оно было не вкусно, о, нѣтъ, но дѣло въ томъ, что черезъ какія-нибудь 2—3 минуты я почувствовалъ, что ротъ у меня горитъ огнемъ и ледяная вода, которая, по счастью, была тутъ же на столѣ, уже не успѣваетъ охлаждать жара, завтракъ окончился неудачно—я долженъ былъ прекратить ѣду и удалиться въ свою комнату, гдѣ проглотилъ немовѣрное количество льда, пока не прошло это ощущение!

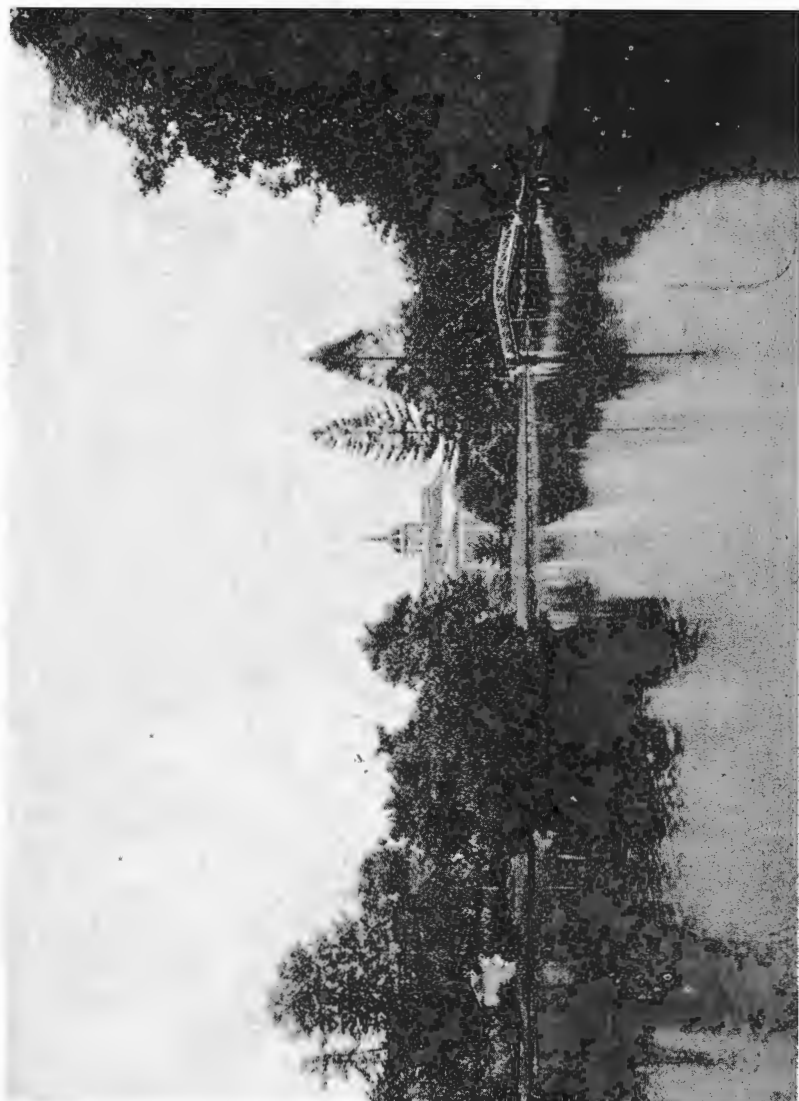
Прибавлю здѣсь же, что вскорѣ мы научились выбирать приправы менѣе ѣдкия и болѣе намъ по вкусу, а впоследствии, когда мы жили уже своимъ хозяйствомъ, то ежедневно въ 12 часовъ готовили рисовый столъ и находили его весьма вкуснымъ и, что особенно важно, никогда не приѣдающимся.

Часовъ около пяти мы обыкновенно брали два сада и ѣхали кататься по городу. Нашъ «*Hôtel des Indes*» оказался на бойкомъ центральномъ мѣстѣ у перекрестка двухъ каналовъ, вдоль которыхъ были расположены лучшіе магазины и частные домики, прятавшіеся, какъ я уже сказалъ, въ глубинѣ садовъ. Тутъ же наискось помѣщалось роскошное зданіе клуба «*Harmonie*» съ крытыми галереями, изящной бѣло-мраморной лѣстницей и просторными залами.

Нѣсколько далѣе слѣдовали другія улицы, проще, но все по тому же типу. Большинство улицъ было засажено двумя рядами деревьевъ, изъ которыхъ въ особенности бросалось въ глаза дерево «фламбойанъ», громадная широковетвистая крона котораго во время цвѣтенія была покрыта сплошь огненно-красными цвѣтами, отчего, вѣроятно, и заслужила свое названіе *пылающаго дерева*.

¹⁾ По-малайски «*маканъ нѣси*», т. е. рисовое кушанье. Рисъ обозначается по малайски тремя словами: *пѣди*—рисъ на корню, *брѣссъ*—рисъ въ зернѣ и *нѣси*—рисъ въ вареномъ видѣ, и смѣшивать эти выраженія отнюдь нельзя безъ грубаго искаженія смысла.

Мы посѣтили, конечно, и музей, гдѣ собраны со всей Нидерландской Индіи богатая этнографическія коллекціи, главнымъ образомъ: оружіе, костюмы, домашняя утварь, музыкальные инструменты,

Видъ на озеро въ ботаническомъ саду.

модели жилищъ и бытовыхъ сцены. Какъ ни разнообразно и полно это собраніе предметовъ, оно мало поучительно для туриста-новичка, которому даже при помощи опытнаго руководителя трудно бываетъ разобратъся и усвоить матеріаль, обнимающій быть всѣхъ много-

численныхъ народцевъ, входящихъ въ составъ архипелага. Зато, когда намъ пришлось посѣтить этотъ же музей послѣ 3-лѣтняго знакомства съ Индiей, мы вынесли изъ осмотра его весьма многое и могли вполне оцѣнить богатство его коллекцій.

Присматриваясь къ пассажирамъ на пароходѣ и къ публикѣ, обитающей въ гостиницѣ, мы не могли не замѣтить два рѣзко разграниченные типа: одни были чистые голландцы, отличавшіеся строго европейскимъ типомъ и бѣлымъ цвѣтомъ кожи; другіе имѣли цвѣтъ кожи разныхъ тоновъ, но все же значительно темнѣе бѣлаго, а иногда даже очень темнаго, близкаго къ цвѣту кожи туземцевъ, и въ самыхъ чертахъ лицъ замѣчалась неправильность и сходство съ типомъ малайцевъ. Это были метисы, такъ называемые въ Индiи «индѣйскіе люди», т.-е. произошедшіе отъ браковъ голландцевъ съ туземными женщинами. По костюмамъ и образу жизни они мало чѣмъ отличаются—на первый взглядъ—отъ чистокровныхъ голландцевъ; часто приходилось встрѣчать семейства, гдѣ отецъ чистый голландецъ, а мать смѣшанной крови, и дѣти ихъ представляютъ различныя степени окраски.

Индѣйское законодательство не дѣлаетъ юридическаго различія между чистыми голландцами и метисами. Тѣ и другіе равны передъ закономъ и числятся по статистикѣ въ рубрикѣ «европейцевъ». Такимъ образомъ, если въ Батавіи, на примѣръ, считается около 10,000 европейцевъ—это слѣдуетъ понимать такъ, что собственно европейцевъ не наберется и половины, а остальное количество составляютъ метисы. Такъ, во всей Нидерландской Индiи собственно чистыхъ европейцевъ насчитываютъ около 25,000, а метисовъ около 35,000.

Какъ я уже упоминалъ, въ Индiи мало европейскихъ женщинъ, но еще меньше молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ всякая семья старается отправить подрастающее поколѣніе въ Голландію, гдѣ оно получаетъ образованіе и воспитаніе. Такимъ образомъ, для холостыхъ мужчинъ чрезвычайно затрудненъ путь для выбора подруги жизни и вступленія въ бракъ. Послѣдствіемъ этого является то, что многіе голландцы въ Индiи женятся на туземныхъ женщинахъ или сожительствуютъ съ ними. Такимъ образомъ возникло и продолжаетъ существовать смѣшанное поколѣніе—метисы, число которыхъ ежегодно растетъ. Будучи приравнены въ правахъ къ европейцамъ, метисы стараются имъ не уступать и точно также отправляютъ въ Голландію свое молодое поколѣніе, даютъ имъ среднее, а часто и высшее образованіе, и изъ среды ихъ выходятъ точно также офицеры, чиновники, купцы, инженеры и разные специалисты, какъ и изъ числа чистыхъ голландцевъ.

Намъ пришлось познакомиться со многими семействами метисовъ, и мы встрѣчали среди нихъ лицъ съ очень хорошимъ развитіемъ

Яванецъ и яванка.

и вполне интеллигентныхъ. Несомнѣнно также и то, что, будучи болѣе сынами Индіи, чѣмъ чуждые тропикамъ голландцы, метисы несутъ въ себѣ гораздо большую способность сопротивленія вліянію климата и мѣстныхъ условій, а потому могутъ жить, не вырождаясь, тамъ, гдѣ чистокровные голландцы неминуемо вырождаются или гибнутъ. Замѣчательно, что даже дѣти чистыхъ европейцевъ, но родившіяся въ Индіи, или, какъ тамъ принято выражаться, — «прибывшія въ Индію безъ парохода», легче переносятъ индѣйскій климатъ, чѣмъ дѣти тѣхъ же семействъ, но родившіяся въ Европѣ.

Я не намѣреваюсь дѣлать здѣсь полную характеристику голландцевъ и метисовъ, но не могу обойти молчаніемъ весьма характерную между ними разницу. Голландцы, при всѣхъ своихъ симпатичныхъ чертахъ и многихъ достоинствахъ, обладаютъ изрядною долей сухости, черствости, эгоизма, выражающихся, папримѣръ, въ отсутствіи хлѣбосольтва и гостепріимства. Совершенно не таковы метисы. Они, вѣроятно, унаслѣдовали отъ туземцевъ свойственныя лишь дикимъ народамъ гостепріимство и хлѣбосольтво. Наблюдая отношенія метисовъ въ теченіе всей нашей жизни въ Индіи, мы удивлялись, находя столько радушія, столько искренняго желанія угостить и угодить гостю. Здѣсь сохранились еще обычаи, схожіе съ бытомъ русскихъ помѣщиковъ времянь крѣпостного права, когда ѣздили другъ къ другу въ гости цѣлыми домами съ чадами и домашними, и гостили по нѣскольку недѣль. И здѣсь, подъ экваторомъ, наблюдалось то же самое — та же патріархальность, безцеремонность и простота въ отношеніяхъ!

Всякій естественныиспытатель знаетъ, что Батавія знаменита своимъ ботаническимъ садомъ, на самомъ же дѣлѣ садъ этотъ помѣщается не въ самой Батавіи, а неподалеку, въ городкѣ, называемомъ *Бейтензоргъ*, что означаетъ по-голландски — «виѣ заботъ».

Курьерскій поѣздъ, выходящій изъ Батавіи въ 6 часовъ утра, въ 7 часовъ 15 минутъ приходитъ въ Бейтензоргъ, отстоящій на 50 верстъ къ югу отъ столицы Явы. Далѣе желѣзная дорога сворачиваетъ на востокъ и, придерживаясь все время этого направленія, пробѣгаетъ почти всю длину острова, оканчиваясь у второго по величинѣ города Явы — *Сурабайи*.

Когда ѣдешь изъ Батавіи въ Бейтензоргъ, то изъ оконъ вагона направо и налево видны затопленныя водой рисовыя поля, на туземномъ нарѣчій они называются «сава» и расположены неправильными кусочками, одинъ ниже другого, по отлогимъ холмистымъ возвышенностямъ. Цѣлая сложная сѣтъ водяныхъ канавъ, при помощи которыхъ затопляется поочередно тотъ или иной участокъ, составляетъ непремѣнное условіе культуры риса. Въ отдаленіи уже виднѣются горы.

Мѣстечко Бейтензоргъ расположено на высотѣ 872 футовъ выше уровня океана, у подножія двухъ вулкановъ Салакъ (7,200 фут.) и Геде (9,700 фут.). Салакъ бездѣйствуетъ уже болѣе 200 лѣтъ, между тѣмъ какъ Геде и теперь постоянно дымится и извергаетъ пары воды и сѣры.

Сунданецъ.

Отличительною чертою климата всѣхъ Зондскихъ острововъ является не столько жара, какъ сырость, которая выражается обиліемъ дождей. Бейтензоргъ же—одно изъ самыхъ сырыхъ мѣстъ Явы, здѣсь почти не бываетъ дня въ году безъ дождя, а часто дождь принимается итти 2 — 3 раза въ день. Въ Батавіи, напримѣръ, выпадаетъ въ годъ около 2 метровъ осадковъ, въ Бейтензоргѣ же—

460 см. Для сравненія приведу, что въ Баку высота ежегодныхъ осадковъ составляетъ 24 см., въ Тифлисѣ—50 см. и только въ Батумѣ достигаетъ 240 см. Такимъ образомъ, Бейтензоргъ еще вдвое сырѣе нашего Батума.

Ботаническій садъ расположенъ въ самомъ центрѣ Бейтензорга и занимаетъ площадь въ 46 десятинъ. Вступая въ главныя ворота, вы попадаете въ длинную и широкую аллею, обсаженную по бокамъ громадными деревьями—кавари. Здѣсь каждое дерево—исполинъ; а вершины ихъ сплетаются между собой, образуя одинъ непрерывный могучій сводъ. Проходя этою аллеей, вы замѣчаете, что на каждомъ стволѣ вьются и ютятся тысячи паразитовъ и эпифитовъ¹⁾, въ видѣ ли вьющихся стеблей, въ видѣ ли мховъ, или же въ видѣ цѣлыхъ пучковъ листьевъ ярко-зеленаго цвѣта и разнообразной формы. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія ботаника, каждое дерево является здѣсь огромной живой коллекціей сожительствающихъ растеній.

Далѣе вы выходите на поляну, гдѣ группами и по одиночкѣ расположены исключительно пальмы—это такъ и называется кварталъ пальмъ. При видѣ ихъ глаза разбѣгаются, и не знаешь, право, на что смотрѣть! Какихъ только видовъ пальмъ здѣсь не встрѣтите! Длиныя, тонкія, съ кропой, уходящей подъ небеса, широколиственные и развѣсистыя, собранныя въ щетинистый шаръ, кудрявыя, вьющіяся, темно-зеленыя, пенельно-сѣрыя, красностволья, онѣ поражаютъ своимъ безконечнымъ разнообразіемъ, своей могучей красотой!

Въ другомъ кварталѣ собраны растенія другого ботаническаго семейства, гдѣ преобладаютъ драцены, агавы и панданусы со своими характерными воздушными корнями. Въ этомъ отдѣлѣ было не менѣе разнообразія, какъ и въ кварталѣ пальмъ; замѣчу кстати, что въ Бейтензоргскомъ саду собраны растенія не однихъ только Зондскихъ острововъ, но со всего міра, т.-е. также тропической зоны Америки и Африки,—этимъ, конечно, объясняется чрезвычайное разнообразіе и обиліе видовъ.

Далѣе, среди своихъ сродичей красуется огромное вьющееся дерево съ очень толстымъ стволомъ, оно цѣпляется за другія сосѣднія деревья и виситъ на нихъ, какъ бы обезсилѣвъ отъ жары, что вовсе не гармонируетъ съ его почтеннымъ стволомъ.

Насъ поразили правильною красотой своихъ кронъ вѣрные пальмы, иначе называемыя деревомъ путешественниковъ. Растеніе это, родомъ изъ Мадагаскара, растетъ также въ тропической Африкѣ, было когда-то ввезено въ Индію, нынѣ распространилось повсе-

¹⁾ *Паразитомъ* называется въ ботаникѣ растеніе, питающееся соками того растенія, на которомъ оно растетъ; а *эпифитомъ* называется такое растеніе, которое только живетъ на другомъ растеніи, но питается самостоятельно.

Прим. автора.

мѣстно на Зондскихъ островахъ и составляетъ излюбленное украшеніе сѣдовъ Индіи. Среди зарослей вѣрная пальма часто теряетъ свою правильную форму, будучи стѣснена съ той или другой стороны, но если она растетъ одиноко на полянѣ, то вѣерообразная форма ея кроны получается математически точною, и я не знаю ничего красивѣе этой пальмы. Расширенная нижняя часть черешковъ ея листьевъ имѣетъ свойство подолгу сохранять въ себѣ дождевую воду. Если черешокъ снизу проколотъ остріемъ ножа, то вода вытечетъ и ея можно набрать весьма изрядное количество. Этому своему свойству она и обязана была въ Африкѣ своимъ прозваніемъ «дерева путешественниковъ». Говорятъ, что она не разъ спасала тамъ путешественниковъ, мучимыхъ жаждой и не находившихъ воды. Въ Индіи этого значенія *Ravenala* имѣть не можетъ уже потому, что обиліе повсемѣстно сырости и воды исключаетъ возможность мученій отъ жажды.

Продолжая обходъ сада, мы обратили вниманіе на то, что всѣ растенія собраны здѣсь въ порядкѣ ихъ ботаническаго родства и разсажены группами, соответствующимъ каждая извѣстному семейству или части его.

Особо помѣщалось, напримѣръ, и семейство орхидей и такъ какъ большинство изъ нихъ суть паразиты, то каждое растеніе было помѣщено на особое молодое деревцо, питающее его своими соками.

Значительное разнообразіе видовъ банановъ со своими длинными развѣсистыми листьями, разорванными отъ вѣтра, широкіе могучіе кусты бамбука, колоссальныя деревья дуріани, египетскій папирусъ, кавказскій гранатникъ, который, какъ оказывается, былъ сюда привезенъ и можетъ переносить тропическій климатъ; многочисленные виды джамбуса, разнообразныя деревья изъ породы апельсиновыхъ и лимоновъ, въ томъ числѣ знаменитый попелъмусъ съ его плодами величиной съ голову, огромныя хлѣбныя деревья съ ихъ красивыми вырѣзными листьями и крупными висящими плодами, также громадныя деревья манга, кустарники со съѣдобными плодами рамбутанъ и мангисъ, виды кактусовъ, хибискусовъ, хинное дерево, рисъ, чай, кофе, табакъ и много, много другихъ растеній промелькнуло передъ нами и оставило только в печатлѣніе полноты, богатства и разнообразія.

Посреди сада находится прудъ, въ которомъ собраны многочисленные представители водяной флоры— въ томъ числѣ кувшинки, египетскій лотосъ, нелюмбіумъ и царица водъ—*victoria regia*. Цвѣтовъ ея намъ не удалось видѣть, но мы любовались на ея огромные крупныя плавающіе листья, могучіе выдержать грузъ быстро проходящаго по нимъ человѣка. Этой устойчивостью на водѣ листья оѣзаны большому количеству газа (кислорода), находящагося подъ каждымъ листомъ между его ребристыми нервовъ. Сзади пруда красовались нѣсколько исполновъ фикусовъ, стволы которыхъ имѣли въ ширину нѣсколько обхватовъ.

Къ сожалѣнію, у меня не хватаетъ ни силъ, ни умѣнья описать достойно его, этотъ дивный садъ: богатство, разнообразіе и красота его превосходить всякое описаніе!

Горная рѣчка Ты Лидонгъ протекаетъ черезъ заднюю часть сада; черезъ нее живописно перекинутъ бамбуковый мостикъ. Около него расположены домики для туземныхъ рабочихъ ботаническаго сада, число которыхъ достигаетъ 200.

Въ Бейтензоргскомъ ботаническомъ саду не только собраны растенія тропическаго и субтропическаго климата со всего міра, собраны, изучены и приведены въ систему, но также существуютъ вспомогательныя научныя учрежденія: ботаническій музей, лабораторія ботаническая и фотографическая, гербаріи, библіотека (спеціально ботаническая) и питомники. Все это приспособлено для научнаго и практическаго изученія растений. Въ особыхъ отдѣленіяхъ сада воздѣлываются также полезныя растенія, напримѣръ, — хинное дерево, табакъ, ваниль, чай, кофе, кокаиновое дерево, перецъ, сахарный тростникъ и другія, и надъ ними производятся опыты съ цѣлью улучшенія ихъ полезныхъ свойствъ и борьбы съ болѣзнями. Такимъ образомъ, дѣло это поставлено здѣсь не кабинетно-научно, а практично-научно, такъ что можетъ приносить непосредственную, живую пользу. Къ чести голландцевъ слѣдуетъ прибавить еще и то, что всякому интересующемуся, безъ различія его національности, открытъ доступъ не только къ осмотру, но и къ работѣ въ этомъ чудномъ учрежденіи.

III.

Въ Центральной Явѣ.

Весь островъ Ява дѣлится въ административномъ отношеніи на 21 область. Одна изъ нихъ, называемая *Преангерскія регентства*, не только самая большая по величинѣ ¹⁾, но и безспорно самая красивая часть Явы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ земного шара. Слово «Преангеръ» означаетъ на туземномъ нарѣчій «долина боговъ». Область эта расположена въ западной части острова, нѣсколько восточнѣ Батавіи и занимаетъ собою южный склонъ и главнымъ образомъ среднюю, возвышенную часть острова.

¹⁾ Преангерскія регентства занимаютъ площадь въ 18.000 кв. вер. Слово «регентства» присвоено здѣсь потому, что эта область состоитъ подъ номинальнымъ управленіемъ туземнаго князя, именуемаго *регентомъ*, тогда какъ другія области управляются европейскими чиновниками-резидентами и называются резиденціями (губерніями).

Статуя Будды въ центральной Явѣ.

Линія желѣзной дороги, о которой я уже упоминалъ ранѣе, идущая вдоль всего острова, проходитъ вдоль всей области Преангеръ, гдѣ расположены города Сукабуми ¹⁾ и Бандонгъ ²⁾. Города

¹⁾ 11.000 жителей.

²⁾ 26.000 жителей.

«Истор. вѣстн.», октябрь, 1909 г., т. окѳи.

эти, равно какъ и многія другія мѣстности въ Преангерѣ, суть дачныя мѣста и климатическія станціи для европейцевъ, утомленныхъ продолжительнымъ пребываніемъ въ тропическомъ климатѣ; сюда же отправляются на поправку больные или раненые офицеры и солдаты изъ мѣстнаго войска, для чего въ нѣкоторыхъ пунктахъ имѣются специально устроенныя санаторіи и госпитали, какъ казенные, такъ и частные, доступные для частныхъ лицъ. Большинство этихъ мѣстечекъ лежитъ на высотѣ 2,300—2,500 футовъ надъ уровнемъ океана, и, благодаря этому возвышенному положенію, тропическій зной здѣсь значительно умѣряется; обычная здѣсь температура составляетъ днемъ 20°—22°, а ночью 16—18 по Реомюру.

Въ одномъ изъ такихъ мѣстечекъ—Гарутѣ—отдыхали и мы на третьемъ году нашей жизни подъ тропиками, и этотъ мѣсяць, проведенный среди мягкой, тропической, по все же горной и свѣжей природы, составляетъ едва ли не самое пріятное воспоминаніе изъ всего, пережитаго въ Индіи.

Начать съ того, что когда послѣ жаркаго, прянаго, гнетущаго воздуха Суматры или хоть той же Батавіи попадешь въ свѣжую, бодрящую атмосферу «долины боговъ», чувствуешь себя вдругъ лѣтъ на 10 помолодѣвшимъ, откуда-то являются бодрость и свѣжесть, энергія, желаніе двигаться, жить!

Линія желѣзной дороги, берущая свое начало въ Батавіи, какъ только минуетъ уже извѣстный намъ Бейтензоргъ, поворачиваетъ къ востоку и, проходя широкою долиною между вулкановъ Геде и Салакъ, вступаетъ въ область Преангеръ. Отъ самаго Бейтензорга уже начинается сильный подъемъ, и дорога сразу принимаетъ горный характеръ. Я вообще не могу себѣ представить ничего красивѣе горнаго ландшафта. Красивы горные виды Италіи и Швейцаріи, красивъ и нашъ Сурамскій переваль или Дагестанъ, но горный ландшафтъ въ тропической природѣ имѣетъ особую, чарующую прелесть. Намъ же, не видавшимъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ ничего, кромѣ толкнхъ зарослей юго-восточной Суматры, показались открывающіеся изъ оконъ вагона виды—чѣмъ-то феерическимъ.

Круглые повороты полотна то вправо, то влево, безпрестанные мостики, переброшенные черезъ шумящіе и пѣнящіеся горные потоки и длинные виадуки — черезъ овраги, частые тоннели, открывающіеся то съ одной, то съ другой стороны долины, на которыхъ пестрѣли рисовыя поля и то и дѣло мелькали яванскія деревушки, всегда тонущія въ лѣсу кокосовыхъ пальмъ,—вотъ что мы видѣли изъ оконъ вагона; а далѣе, на горизонтѣ, тамъ и сямъ возвышались отдѣльныя горы, изъ которыхъ многія, какъ мы знали, были не только вулканы, но и *дѣйствующіе* вулканы!

Въ области Преангеръ насчитываютъ на самомъ дѣлѣ около 20 вулкановъ. Отмѣчу изъ нихъ: *Гунтуръ*, что означаетъ громъ (7,350 фут. надъ ур. океана), *Галуингъ* (7,300 фут.), *Папандаянъ* (8,640 фут.), *Малабаръ* (7,500 фут.) и *Тыкорай* (9,200 фут.).

Боробудурь.

Часто полотно желѣзной дороги шло по отлогому склону въ полгоры, и тогда обыкновенно направо и налево видны были плантаціи чая съ ихъ безконечными правильными рядами круглыхъ, блестящихъ, аккуратныхъ кустиковъ или кофейныя плантаціи, гдѣ невысокія кофейныя деревья были правильно рассажены среди другихъ, болѣе высокихъ породъ, защищавшихъ ихъ своей тѣнью.

По сравненію съ Суматрою поражало насъ еще и то, что здѣсь совсѣмъ не замѣчалось неразработанныхъ мѣстъ. Рисовыя поля (сава) смѣнялись плантаціями, вездѣ мелькали отлично содержимыя шоссеиныя дороги, деревушки туземцевъ, окруженныя садами дачи европейцевъ, длинныя казенныя зданія казармъ или больницъ съ красными черепитчатыми крышами; иногда около деревни или просто среди поля попадалась роща изъ пальмъ или развѣсистыхъ бамбуковъ; все это было пышно и богато отъ природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ все было прибрано, воздѣлано, культурно: это былъ какой-то безконечный садъ.

Пораженные и ошеломленные стояли мы у оконъ вагона, стараясь не опоздать взглянуть то въ одну, то въ другую сторону, смотрѣли и не могли насмотрѣться!..

Мѣстечко Гаруть не лежитъ на главной линіи желѣзной дороги, а верстъ на 30 южнѣе ея и сообщается съ ней желѣзнодорожной вѣткой. Гаруть насчитываетъ до 13,000 жителей, изъ которыхъ, однако, европейцевъ не наберется и 200 человекъ, да еще столько же европейцевъ составляютъ тѣ пріѣзжіе, которые проживаютъ здѣсь временно, чтобы полечиться или просто отдохнуть отъ усталости тропической жизни.

Селеніе Гаруть расположено по берегамъ небольшой горной рѣчки Тыманукъ, по срединѣ очень широкой долины, лѣсистые и волнистые склоны которой заканчиваются на горизонтѣ нѣсколькими вулканами. Высота Гарута надъ уровнемъ океана 2,328 футовъ, а географическое положеніе $7^{\circ}12'$ юж. ш. и $107^{\circ}50'$ в. д. отъ Гринвича.

Самое селеніе съ его немногочисленными домами европейцевъ и съ весьма многочисленными домами и домиками туземцевъ, съ его тѣнистыми шоссеированными улицами, клубомъ, носящимъ поэтическое названіе «Intra montes»¹⁾, нѣсколькими гостиницами, 2—3 магазинами и огромнымъ базаромъ, все это утопаетъ въ зелени садовъ, прячется подъ или за деревья. Въ центрѣ Гарута, какъ и во многихъ селеніяхъ Явы, расположена огромная квадратная площадь, называемая *алунъ-алунъ*. Посреди ея красуются два гигантскихъ уарингина, тѣнью которыхъ закрыто почти все пространство пло-

¹⁾ Т. е. «между горъ».

щади. Съ четырехъ сторонъ алуи-алуи окруженъ лучшими зданіями; здѣсь помѣщаются дворецъ туземнаго регента ¹⁾, отпрыска одного изъ древнихъ туземныхъ владѣтелей, домъ голландскаго ассистентъ-резидента, т.-е. вице-губернатора ²⁾, который является дѣйствительнымъ административнымъ начальникомъ Гарута и его окрестностей (между тѣмъ какъ регентъ пользуется только извѣстнымъ почетомъ и доходами съ его владѣній, но активной власти не

Хижина туземца.

имѣть), школа для европейскихъ дѣтей, тюрьма, мечеть и пр. Въ бытность нашу въ Гарутѣ мы видѣли помѣщавшуюся на алуи-алуи выставку сельскихъ лошадей, ежегодно устраиваемую здѣсь ради поощренія коннозаводства. Въ то время какъ въ городахъ Индіи намъ приходилось видѣть почти исключительно усталыхъ, апатичныхъ лошадей, здѣсь онѣ были на подборъ—одна рѣзвѣе и красивѣе другой. Видно, не на людей однихъ дѣйствуетъ живительный воздухъ Преангерской области!

¹⁾ Во время нашего посѣщенія Гарута регентомъ его состоялъ Радевъ Адипати Ариа Уйра Тану Датаръ, личность и семейство котораго прекрасно описаны въ соч. кн. Щербатовой «Въ странѣ вулкановъ».

²⁾ Ассистентъ-резидентомъ состоялъ тогда г. фанъ-Каппенъ, которому мы обязаны многими интересными свѣдѣніями о Гарутѣ.

Въ первый же день нашего прїѣзда въ Гаруть, возвращаясь послѣ прогулки по городу черезъ алунъ-алунъ часовъ около шесть, т.-е. въ тотъ моментъ, когда свѣтъ падаетъ и наступаютъ короткія тропическія сумерки, мы замѣтили среди площади двухъ молодыхъ европейцевъ, стоявшихъ съ ружьями въ ожидательной позѣ подобно тому, какъ у насъ охотники стаповятся гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса «на тягу». Любопытство наше было возбуждено, и мы остановились посмотреть. Скоро показались очень высоко надъ нашими головами большія черныя птицы, медленно и плавно летѣвшія, широко распластавъ свои крылья. Ихъ было много. Раздались одинъ за другимъ два выстрѣла, и двѣ птицы тяжело рухнули на земь. Мы подошли посмотреть на добычу охотниковъ. Каково же было наше изумленіе, когда мы убѣдились, что это вовсе даже не были птицы, а были такъ называемыя летучія собаки, принадлежащія къ семейству летучихъ мышей, но туземному нарѣчію именуемая «калонгъ». Длинное коричневое тѣло ихъ и въ особенности острая морда дѣйствительно напоминали собаку. Одинъ экземпляръ этого животного, измѣренный нами, имѣлъ въ размахѣ крыльевъ 1½ аршина. Какъ извѣстно изъ зоологій, животныя эти совершенно безвредны и питаются исключительно дикими лѣсными плодами. Вечеромъ они просыпаются отъ сна и летѣли себѣ по направленію ближняго лѣса, когда ихъ встрѣтила выстрѣлъ охотника. Мы полюбопытствовали узнать цѣль охоты. — «Такъ, для пробы ружья!» былъ лаконическій отвѣтъ. Впослѣдствіи ¹⁾ въ окрестностяхъ Гарута мы видѣли стан летучихъ собакъ; когда ихъ спугивали съ деревьевъ, гдѣ онѣ отдыхали головою внизъ, онѣ поднимались тучами, и шумъ отъ ихъ крыльевъ напоминалъ хлопанье парусовъ на вѣтру и былъ слышенъ на далекое разстояніе!

Европейцы калонговъ не ѣдятъ, но туземцы не брезгаютъ употреблять ихъ въ пищу.

Улицы Гарута всегда полны народомъ. Такъ же, какъ и вездѣ въ Нидерландской Индіи, европейцевъ встрѣчается сравнительно мало, а подавляющее большинство составляютъ туземцы. Они-то и даютъ толщъ преобладающую окраску.

Сами жители Гарута съ ихъ чадами и домочадцами, безконечный штатъ прислуги обоюго пола гарутскаго регента, пришедшіе изъ соединенныхъ деревень съ цѣлью продажи на базарѣ разныхъ своихъ продуктовъ мужчины и женщины, а главнымъ образомъ дѣти всѣхъ возрастовъ, начиная съ грудныхъ, голыхъ, преравно возсѣдающихъ

¹⁾ Недалеко отъ Гарута по направленію къ станціи жел. дор. Лелесъ есть чрезвычайно живописно расположенное озеро *Тьянкувингъ*. По серединѣ озера лежатъ два пустынныхъ островка, обитаемыхъ исключительно летучими собаками.

на спинѣ у матери, и кончая великовозрастными, уже носящими вокругъ бедеръ широкій кусокъ бумажной матеріи—*sarongu*,—все это кишмя кишитъ на улицахъ съ утра до вечера, все это смѣется, свиститъ, торгуется, кричитъ, словомъ—живетъ!

Попробую теперь описать яванца и яванку въ ихъ народномъ костюмѣ, который они надѣваютъ по праздникамъ или когда, напримеръ, идутъ въ первый разъ къ европейцу и начинаютъ въ при-слуги.

У обоихъ нижняя часть туловища бываетъ одѣта въ *sarongu*—это бумажная разноцвѣтная матерія, которая или привозится изъ Европы въ раскрашенномъ видѣ, или ввозится изъ Европы не окрашенная, а раскрашивается на мѣстѣ самими яванцами. Въ послѣднемъ случаѣ она цѣнится значительно дороже. Раскрашивание саронгъ различными узорами, изображающими птицъ, звѣрей, цвѣты и пр., составляетъ въ Индіи особое ремесло, я опишу его въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа въ томъ видѣ, какъ мы сами видѣли его въ Гарутѣ. Сверху мужчина-яванецъ часто одѣтъ въ европейскую жакетку и даже носитъ крахмаленный воротничекъ: это уже слѣды цивилизаціи, и въ такомъ нарядѣ онъ, очевидно, желаетъ отличаться своимъ изящнымъ видомъ. Сбоку на поясѣ у него бываетъ всегда привѣшенъ *криссъ* (кинжалъ) мѣстной работы. Везъ крисса туземецъ шагу не сдѣлаетъ; онъ служитъ для всего житейскаго обихода или для защиты. Рукоятки криссовъ искусно вырѣзываются изъ дерева, рога, кости, золота или серебра и отличаются часто художественностью работы; въ зависяности отъ матеріала и отъ изящества работы и цѣна криссовъ колеблется отъ копеекъ до сотенъ рублей. Имѣть дорогой парадный криссъ—есть мечта каждаго молодого туземца. Голова мужчины всегда повязана платкомъ, и я уже имѣлъ случай упоминать, что способовъ повязывать голову существуетъ много и это составляетъ характерное отличіе племени, иногда даже небольшого округа. У женщины голова не бываетъ повязана, но на плечахъ бываетъ надѣта *баджу*—что-то въ родѣ кофточки, подъ которой, вмѣсто лифа, широкій платокъ закрываетъ верхнюю часть груди.

Подъ *яванцемъ* слѣдуетъ понимать не вообще туземца съ острова Явы, но собственно жителя восточной половины острова, тогда какъ обитатели западной части Явы, гдѣ расположены Преангерскія регентства и Бейтензоргъ, называются *сунданезами*. Существуютъ и два совершенно различныхъ языка—*яванскій* и *сунданезскій*; оба они отличны также отъ обще-малайскаго, такъ что мы, говорившіе свободно на этомъ послѣднемъ, на гарутскомъ базарѣ очутились совершенно безпомощными.

Слово «*сунданезы*» одного корня со словомъ «*зондскій*», и только въ русскомъ языкѣ получается это случайное разнозвучіе. У гол-

ландцевъ же (и французовъ)¹⁾ и архипелагъ, и проливъ, и народъ— все обозначается однимъ словомъ—*sunda* ²⁾.

Хотя несомнѣнно, что населеніе Явы въ настоящее время уже значительно смѣшалось и рѣзкихъ типовъ яванцевъ и сунданезовъ болѣе не сохранилось, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, на западной Явѣ, гдѣ преобладаютъ сунданезы, все же типъ нѣсколько отличенъ отъ чисто яванскаго.

Однажды встрѣтился намъ около Гарута типичный молодой сунданезъ, фотографію котораго я снялъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что онъ былъ и красивъ, и какъ-то особенно самоувѣренъ и доволенъ собой. Полагающуюся ему саронгу онъ замѣнилъ брюками изъ такой же полосатой разноцвѣтной матеріи. На груди у него была обыкновенная европейская фуфайка, и талія обтянута поясомъ, тоже, несомнѣнно, европейскаго происхожденія, съ огромной бляхой. Только головной уборъ, которымъ онъ, очевидно, гордился не менѣе, чѣмъ бляхой на поясѣ, выдавать въ немъ чистаго сунданеза, а для глазъ туземныхъ красавицъ уборъ этотъ говорилъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ намъ, указывая, вѣроятно, изъ какой именно области онъ происходить.

Во время нашихъ прогулокъ по улицамъ Гарута и въ его окрестностяхъ намъ приходилось встрѣчать также немало молодыхъ дѣвушекъ, работающихъ въ полѣ или у себя въ саду или отправляющихся на базаръ что-нибудь продать или купить въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, состоящемъ изъ одной только саронги и оставляющемъ совершенно непокрытымъ тѣло до талии. Несмотря на сѣро-желтый цвѣтъ лица и общую всею малайскимъ племенамъ нѣсколько непріятную ширину скулъ, нельзя было отказать ихъ фигурамъ въ дикой граціи, и ихъ свободная, непринужденная осанка заставляла любоваться ими, какъ милыми дѣтьми природы.

Въ Гарутѣ намъ удалось видѣть, какъ раскрашиваются саронги, которыя составляютъ главную, необходимѣйшую одежду всею туземныхъ племенъ всего архипелага и которыя носятъ также и европейскими дамами, о чемъ я уже упоминалъ при описаніи обычаевъ пассажирокъ нашего парохода.

Въ особомъ помѣщеніи, куда мы пришли въ сопровожденіи хозяина-туземца, были разставлены небольшія бамбуковыя рамки; на каждой изъ нихъ были натянуты кусокъ бѣлой бумажной матеріи, опредѣленной длины, предназначенный для окраски. Передъ каждой изъ рамъ на корточкахъ сидѣла туземка, одѣтая въ одну лишь саронгу, подвязанную подъ мышками и закрывавшую туловище до колѣнъ, и рисовала на полотнѣ узоръ отъ руки при помощи малень-

¹⁾ Archipel de la Sonde.

²⁾ Straat Sonda; *sundances*.

кой металлической масленки съ ручкою и длиннымъ, узкимъ наконечникомъ. Сосудикъ этотъ былъ наполненъ особымъ составомъ, куда входитъ воскъ, парафинъ и смолы, и пока онъ тепелъ, составъ

Лесная дорога на вулканъ Папандаанъ.

свободно выливался изъ отверстія наконечника. Мастерницы быстро и ловко сочиняли изъ головы узоръ изъ цвѣтовъ, птицъ и фантастическихъ животныхъ, и составъ тутъ же на нашихъ глазахъ высыхалъ на полотнѣ. Когда разрисовка одной штуки бывала окончена, ее по-

гружали въ сосудъ съ извѣстной краской; при этомъ закрытыя воскомъ мѣста оставались не покрашенными. Намъ объяснили хозяинъ дальнѣйшій ходъ работы. Выкрашенная матерія сушится тутъ же на солнцѣ на протянутой черезъ дворъ веревкѣ и составъ смывается при помощи бензина. Затѣмъ на томъ же кускѣ рисуютъ иной узоръ и снова погружаютъ матерію, но уже въ иную краску и т. д. Такимъ образомъ получаютъ саронги въ нѣсколько колеровъ. Дешевые сорта, стоимостью около 1—2 рублей за штуку, красятся въ 3—4 цвѣта, а дорогія саронги, цѣна которыхъ достигаетъ иногда 10—20 рублей, бывають окрашены въ большее число колеровъ.

Говоря о туземцахъ, я не могу обойти молчаніемъ весьма распространенный среди нихъ обычай держать постоянно во рту жвачку, которую они называютъ «сири». Обычай этотъ въ особенности распространенъ среди женщинъ, тогда какъ у мужчинъ онъ часто замѣняется куреніемъ.

Каждая почти туземка имѣетъ деревянный ларчикъ съ нѣсколькими отдѣленіями, который она постоянно держитъ около себя. Въ этомъ ящичкѣ помѣщаются листья сири, которые можно всегда найти въ продажѣ на базарѣ, извѣстковое тѣсто и еще кое-какія спеціи, тщательно разложенныя по разнымъ отдѣленіямъ ящичка. Беря нѣсколько листьевъ, малайка кладетъ въ середину немного извѣстки и другихъ снадобій и съ особеннымъ вкусомъ сосетъ эту жвачку, часто перепихивая ее пальцемъ съ одной щеки въ другую. Смотрѣть на это жеваніе весьма неприятно, но еще неприятнѣе наблюдать послѣдствія его. Известка, дѣйствуя химически на сокъ листьевъ, образуетъ какую-то ярко красную жидкость, окрашивающую ротъ и губы жующаго въ красный цвѣтъ и, кромѣ того, жующій долженъ то и дѣло сплевывать на сторону. Видя часто кругомъ дома, на землѣ, красныя пятна, мы въ первое время принимали ихъ за кровь, пока насъ не вывели изъ этого заблужденія. Разъ туземка взяла эту привычку, она уже не въ состояніи отъ нея отстать иначе, какъ замѣнивъ ее куреніемъ. Если же она просто броситъ жевать сири, то теряетъ аппетитъ и дѣлается сонливой. Очевидно, что въ составѣ сири имѣется какой-нибудь алкалоидъ, который дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на мозгъ. Послѣдствіемъ жеванія сири является также полное почернѣніе зубовъ, что тоже очень некрасиво, но во многихъ мѣстностяхъ имѣть бѣлые зубы считается почти неприличнымъ. Зато есть на Явѣ еще и такія мѣстности, гдѣ сири не привилось, и тамъ туземцы отличаются бѣлизною и цѣлостью своихъ зубовъ.

Религія жителей Явы не разъ подвергалась измѣненіямъ.

Одинъ изъ первыхъ религіозныхъ переворотовъ случился около III вѣка. Индусы, переселенцы изъ Передней Индіи, пройдя черезъ

Бирму и Сіамъ, пробрались на Яву и среди жителей Явы, бывшихъ тогда еще въ самомъ дикомъ состояніи, распространили *браминизмъ*. Въ V столѣтіи Яву посѣтилъ китайскій путешественникъ Фа-Хіанъ ¹⁾ и нашелъ браминскую религію распространившейся уже по всей Явѣ. Однако въ VII вѣкѣ, въ царствованіе на Явѣ сыновей короля Гуджерата ²⁾, браминская религія уступаетъ мѣсто буддизму, и въ VII и VIII вѣкахъ Ява покрывается многими буддійскими храмами и идолами Будды.

Тѣмъ не менѣе, въ X вѣкѣ опять начинаетъ преобладать браминская религія. Въ 924 году король Деуа Касума послалъ своихъ лѣтей снова въ Переднюю Индію обучаться браминской религіи,

Видъ на кратеръ Папандаяна издали.

и съ того времени на Явѣ утверждается что-то среднее между буддизмомъ и браминизмомъ.

Въ самомъ центрѣ Явы, въ резиденціи Кеду, называемой не даромъ «садомъ Явы», на холмѣ, одиноко лежащемъ посреди широкой цвѣтущей долины, обрамленной на горизонтѣ горами, расположены развалины знаменитаго буддійскаго храма *Боробудуръ*, выстроеннаго во второй половинѣ VII вѣка художниками, выходцами изъ Передней Индіи, и представляющаго памятникъ наибольшаго расцвѣта буддизма на Явѣ.

Когда къ нему подъѣзжаешь издали, Боробудуръ представляется скорѣе не храмомъ, а развалинами крѣпости съ высокими зубчатыми

¹⁾ Буддистъ.

²⁾ Выходцы изъ Передней Индіи.

стѣнами и башенками, подъ которыми, казалось бы, должны были скрываться пушки. Но, подходя ближе, вы замѣчаете, что храмъ имѣеть форму квадратной широкой и плоской каменной пирамиды, каждая сторона которой имѣеть 80 сажень въ длину, а общая высота достигаетъ 15 сажень, образуя 7 послѣдовательно суживающихся этажей. Общаго внутренняго помѣщенія здѣсь не имѣется вовсе, но на каждомъ этажѣ сдѣланъ ходъ кругомъ всего зданія, имѣющій по бокамъ десятки маленькихъ нишей, въ глубинѣ которыхъ, въ каждой, помѣщена статуя Будды, соотвѣтствующая величинѣ ниши.

Всѣ стѣны нишей и коридоровъ испещрены барельефами, изображающими миеологию Будды. Въ тысячахъ группъ и сценъ здѣсь представлена жизнь Сакія Муни ¹⁾ и исторія его отношеній къ властителямъ Индіи; далѣе въ барельефахъ видны изображенія обезьянъ, буйволовъ, змѣй и другихъ животныхъ, играющихъ роль въ миеологіи буддизма.

Три верхнія террасы состоятъ послѣдовательно изъ 32, 24 и 16 колоколообразныхъ капищъ, внутри которыхъ заключена опять-таки въ каждой статуя Будды. На самомъ верху зданія находится главнѣйшій куполь, подъ которымъ въ особомъ капищѣ помѣщается наибольшая каменная статуя Будды, двѣ сажени въ высоту.

Нечего и говорить,—оно должно быть понятно изъ предыдущаго описанія,—что съ высоты Боробудура открывается дивный видъ на всю окаймленную горами равнину, которую, какъ стражи, сторожатъ 4 вулкана: съ сѣверо-запада *Сумбингъ* ²⁾ и *Синдоро* ³⁾, а съ востока *Мербабу* ⁴⁾ и *Мерани* ⁵⁾. Послѣдній извергался въ 1894 году, но и теперь постоянно изъ него идетъ паръ, ежеминутно напоминая о не потушенной силѣ его огня.

Говоря о Боробудурѣ, я вспоминаю про интересную личность, которую мнѣ пришлось тамъ повстрѣчать. Дѣло въ томъ, что Боробудуръ часто посѣщается туристами, и потому правительство содержитъ тамъ маленькую гостиницу и сторожа. Во время моего посѣщенія ⁶⁾ сторожемъ тамъ былъ дряхлый старецъ, чистокровный европеецъ, живущій на Явѣ уже очень давно и сохранившій, несмотря на свой преклонный возрастъ, замѣтные слѣды военной выправки. Онъ говорилъ на многихъ европейскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и по-польски. Вѣроятно, это былъ какой-нибудь солдатъ,—можетъ быть, даже изъ русской Польши,—дезертиръ или просто коловратностью судьбы занесенный въ Центральную Яву!

¹⁾ Т. е. Будды.

²⁾ Сумбингъ значить «разсѣченная гора»; высота его 10.935 футовъ.

³⁾ Синдоро значить «величественный»; высота его 10.240 футовъ.

⁴⁾ Высота его 10.214 футовъ; означаетъ—«красная женщина».

⁵⁾ Означаетъ «красный огонь»; высота его 9375 футовъ.

⁶⁾ Въ 1901-мъ году.

Путешественники, посѣтившіе Боробудуръ въ слѣдующемъ году, уже не застали въ живыхъ этого интереснаго старика. Но вернемся къ религіямъ Явы.

Въ XIII столѣтіи пришельцы изъ Аравіи безуспѣшно старались обратить въ магометанство князей сундскихъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи прибыли новые арабскіе миссіонеры, и магометанская религія начала прививаться, а въ настоящее время почти все населеніе Зондскихъ острововъ (за исключеніемъ, конечно, племенъ на Борнео, Суматрѣ и др. островахъ, оставшихся совершенно еще дикими и за исключеніемъ *альфуровъ*, обитающихъ на сѣверѣ Целебеса и исповѣдующихъ христіанство), официально исповѣдуетъ магометанскую вѣру. Но это именно только официально, ибо въ сущности жители Явы еще и до сихъ поръ язычники; горячо преданные своимъ древнимъ учрежденіямъ, они хотя и не поклоняются идоламъ, но сохранили до сихъ поръ высокое почтеніе къ законамъ, обычаямъ и народнымъ обрядамъ, существовавшимъ до введенія магометанства. Такъ, вѣруя въ единаго Бога и въ Магомета, его пророка, придерживаясь нѣкоторыхъ наружныхъ формъ этой религіи, они одновременно поклоняются предкамъ и силамъ природы и приписываютъ духамъ всѣ событія своего существованія. Съ ученіемъ Магомета они мало знакомы, и хотя магометанскіе праздники ими соблюдаются, но наравнѣ съ этимъ они держатся еще многихъ индусскихъ вѣрованій. Въ общемъ можно сказать, что магометанство не укоренилось въ сердцахъ малайскихъ племенъ. Оно воспринято ими поверхностно, и большинство ихъ совершенно равнодушно относится къ вопросамъ религіи ¹⁾.

Всякій путешественникъ, посѣщающій Яву, непременно поражается степеню ея воздѣланности. Всюду проложены шоссейныя или проселочныя дороги, по обѣимъ сторонамъ которыхъ расположены плантаціи кофе, чая, хиннаго дерева, сахарнаго тростника, или же тянутся поля табака и риса. Деревни обыкновенно засажены бананами, кокосовыми пальмами, а также различными деревьями, дающими съѣдобные фрукты. Получается впечатлѣніе какого-то безконечнаго сада. Если же прибавить къ этому многія существующія на Явѣ удобства для путешественниковъ—казенные домики для ночлега, такъ называемые «пасаграханъ», которыми всякій путешественникъ имѣетъ право пользоваться, и возможность вездѣ получить пищу и лошадей, а главное—добродушіе и полную незлобивость туземцевъ, дѣлающія путешествіе по всей Явѣ вполне безопаснымъ, то на душѣ путника становится радостно, и такъ и манитъ всю исходить и осмотрѣть эту благословенную страну!

¹⁾ Кн. Щербатова «Въ странѣ вулкановъ».

Упомянувъ неоднократно о культурности острова Явы и о томъ чарующемъ впечатлѣніи, которое воздѣланный эта производитъ на туриста, я позволю себѣ дополнить это личное впечатлѣніе справкою, взятой изъ официальнаго статистическаго отчета нидерландскаго правительства. За 1900 годъ было вывезено съ острова Явы и Мадурѣ, площадь которыхъ равняется четверти Кавказскаго края, главныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ слѣдующихъ количествахъ:

Тростниковаго сахара	44.000,000	пудовъ.
Кофе	2.000,000	»
Чая	450,000	»
Индиго	60,000	»
Хинной коры	300,000	»
Копры	3.000,000	»
Рису	2.400,000	»
Табаку	2.000,000	»
Какао	60,000	»
Чернаго перца	270,000	»
Тапиоки въ видѣ муки ¹⁾	350,000	»
Капока ²⁾	100,000	»
Орѣховъ пинанговой пальмы	180,000	»
Роттангу ³⁾	150,000	»

Справедливость требуетъ отмѣтить здѣсь, что такой блестящій успѣхъ не есть случайно свалившееся съ неба благополучіе, но есть результатъ той системы, которой придерживаются голландцы въ управленіи своими колоніями. Основнымъ принципомъ голландскаго управленія является освѣдомленность голландцевъ о бытѣ, языкѣ, обычаяхъ и правахъ различныхъ племенъ, населяющихъ Зондскіе острова. Чиновникамъ вмѣняется въ обязанность знать туземные языки, безъ чего они не допускаются на службу. Ежегодно печатаются много книгъ и статей, описывающихъ различные обычаи и бытовые стороны туземцевъ. Изучая бытъ и нравы этихъ полудикихъ народовъ и внося имъ свѣтъ научныхъ знаній и культуры, голландцы стараются не нарушать по возможности существующаго обычнаго права, *адата*, и относятся къ нему съ уваженіемъ. Взимая подати и палогі съ туземцевъ и тѣмъ самымъ заставляя ихъ работать болѣе, чѣмъ они, можетъ быть, хотѣли бы, голландцы одновременно съ этимъ относятся къ туземцамъ гуманно,

¹⁾ Добываемое изъ клубней растенія кассавы.

²⁾ Туземная вата, добываемая съ дерева ранду.

³⁾ Вьющіеся стебли пальмъ изъ рода *Salamis*, которыхъ имѣется въ Индіи болѣе 100 различныхъ видовъ.

съ уваженіемъ къ ихъ личности, ограждая ихъ отъ возможности какого бы то ни было насилія или обиды со стороны бѣлыхъ. Этимъ голландцы достигаютъ того, что престижъ бѣлаго, котораго, кстати сказать, туземцы всегда считаютъ за голландца и величаютъ «орангъ блянда», стоитъ чрезвычайно высоко и въ результатѣ получаютъ терпимыя и добродушныя отношенія, составляющія наилучшій залогъ успѣшнаго развитія края.

Изъ дикихъ животныхъ, сохранившихся на Явѣ и представляющихъ все же нѣкоторую опасность для путника, остался лишь одинъ тигръ, но число тигровъ съ каждымъ годомъ уменьшается, и любителямъ тигровой охоты съ каждымъ годомъ приходится забираться все глубже и глубже въ дебри горъ, чтобы напасть на слѣдъ хищника.

Разскажу по этому поводу, какъ охотятся на тигра туземцы. Одинъ изъ такихъ способовъ называется охотою въ яму. Для этого гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ лѣса выкапывается глубокая яма съ расширеніемъ книзу для того, чтобы тигръ никоимъ образомъ не могъ изъ нея выскочить, и на дно ея спускаютъ собаку или козу въ видѣ приманки. Приманкѣ пить не даютъ, и она начинаетъ выть или жалобно кричать и подманиваетъ тигра, который спрыгиваетъ внизъ на свою добычу, но вылѣзть оттуда обыкновенно не можетъ, и подоспѣвшій охотникъ легко можетъ его пристрѣлить. Охота эта, однако, совсѣмъ не такъ безопасна, какъ она, можетъ быть, кажется. Трудно бываетъ опредѣлить съ увѣренностью, попался ли уже тигръ въ яму, или еще нѣтъ, и охотникъ ежеминутно рискуетъ встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу. Такъ и было на Суматрѣ съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ, европейцемъ. Онъ совершенно одинъ отправился посмотреть на тигровую яму, лежавшую всего въ полуверстѣ отъ его дома, и наткнулся на тигра, еще только шедшаго за добычей, въ разстояніи 10 шаговъ. Только благодаря своему огромному хладнокровію и хорошему ружью онъ послѣ двухъ выстрѣловъ почти въ упоръ убилъ звѣря. Кромѣ того, часто бываетъ, что хотя тигръ уже и попался въ яму, но идущій за нимъ охотникъ наталкивается на его товарища. Иногда яма осыпается и даетъ тигру возможность выскочить изъ нея.

Въ восточной Явѣ, въ резиденціи Кедири, туземцы нерѣдко устраиваютъ тигровые бои, которыхъ они большіе любители. Дѣлается это такъ. Посреди алунъ-алуна ставится клѣтка съ пойманымъ тигромъ, а кругомъ нея устанавливается тройное кольцо изъ вооруженныхъ туземцевъ. Внутреннее кольцо составлено изъ сидящихъ на корточкахъ и вооруженныхъ криссами (ножами). Второе кольцо, плотно примыкающее къ первому, составлено изъ стоящихъ туземцевъ, вооруженныхъ туземными саблями, а третье кольцо вооружено пиками, также туземнаго изготовленія. Такимъ обра-

зомъ, изнутри круга эти 3 кольца представляют собой сплошную стѣну острий. Когда все готово, тигра выталкиваютъ изъ клѣтки, клѣтку при помощи веревки удаляютъ изъ круга, и царь лѣсовъ остается на свободѣ посреди этого вооруженнаго кольца! При малѣйшемъ приближеніи къ людямъ онъ получаетъ отъ ближе стоящихъ удары копій и криссовъ и отскакиваетъ назадъ въ бѣшенствѣ, чтобы сейчасъ же вновь папастъ съ другой стороны... Обыкновенно послѣ 3—4 тщетныхъ попытокъ онъ входитъ въ ярость, бросается въ толпу напроломъ и падаетъ подъ ударами. Но случается иногда, что ему удастся прорваться сквозь цѣпь сражающихся, и тогда онъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Однажды тигръ, вырвавшійся изъ такого кольца, мчался по селенію и, обезумѣвъ, вскочилъ въ домъ мѣстнаго вице-губернатора, семейство котораго сидѣло по обыкновенію вечеромъ за обѣдомъ. Проскочивъ двѣ комнаты, тигръ ворвался въ спальню и забился подъ кровать, на которой мирнымъ сномъ спалъ ребенокъ... Можно представить себѣ душевное состояніе обитателей дома до той поры, пока гнавшіеся за нимъ охотники не пристрѣлили его подъ самой кроватью!..

Островъ Ява, какъ и всѣ Зондскіе острова вообще, славится разнообразіемъ и обиліемъ змѣй, въ числѣ которыхъ однѣхъ ядовитыхъ насчитываютъ болѣе 20 различныхъ видовъ. Въ общемъ про нихъ можно сказать, что чѣмъ змѣя больше величиной, тѣмъ она менѣе опасна.

Огромные питоны, длиной въ двѣ сажени и толщиной въ ногу человѣка, совершенно не кусаются и опасны только для некрупныхъ животныхъ (собакъ, свиней и др.), которыхъ онѣ душатъ въ своихъ стальныхъ объятіяхъ и затѣмъ пожираютъ. Большія змѣи-рисовыхъ полей бываютъ очень красивы на видъ и достигаютъ почтенныхъ размѣровъ, но совершенно безвредны. Одна изъ нихъ, напимѣръ, бархатно-чернаго цвѣта съ желтыми поперечными кольцами; другая—цвѣта свѣтло-сѣраго и съ очень красивыми черными и малиновыми пятнами. Онѣ достигаютъ сажени въ длину и въ руку ребенка въ толщину.

Змѣи меньшихъ размѣровъ имѣются всѣхъ рѣшительно величинъ и окрасокъ: сѣрая, желтая, ярко-зеленая, бурная, черная, палевая. Многія изъ нихъ водятся на деревьяхъ, бросаются оттуда внизъ на мимо идущаго и жалятъ его. Туземцы змѣй не боятся вовсе и преискусно ловятъ при помощи расщепленнаго бамбука, которымъ имъ удается схватить змѣю за шею и зацѣпить ее, послѣ чего она уже въ полной власти пойманнаго. Очковой змѣи, этого бича Британской Индіи, на Зондскихъ островахъ вовсе не водится, и вообще число укушеній европейцевъ змѣями ничтожно, а о смертныхъ случаяхъ почти не приходится слышать. Что касается ту-

земцевъ, то и среди нихъ смертные случаи отъ укушенія змѣй считаются рѣдкостью—обыкновенно же отдѣлываются временнымъ воспаленіемъ раны.

Одного знакомаго голландца, имѣющаго кофейныя плантаціи въ области Преангеръ и часто ихъ посѣщающаго, я спрашивалъ однажды, какъ онъ не боится ходить всюду пѣшкомъ пзъ-за змѣй.— «Очень просто,—отвѣчалъ онъ:—я всегда хожу безъ обуви: а если и случится иногда наступить на змѣю, то безъ сапога ей не больно и она уползаетъ отъ меня, не стараясь ужалить!».

Если селеніе Гаруть производитъ на всякаго, даже избалованнаго туриста, чарующее впечатлѣніе, то еще интереснѣе и красивѣе его окрестности. Здѣсь природа какъ бы нарочно собрала все, что есть у нея красиваго и занимательнаго: горныя озера, водопады, вулканы, смѣющіяся нѣжныя долины и рощицы, дикіе тропическіе лѣса, различныя плантаціи, разведенныя заботливой рукой человека ¹⁾.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я одну изъ прогулокъ, совершенныхъ нами по окрестностямъ Гарута на кратеръ вулкана Папацаяна, лежащій верстъ на 20 южнѣ Гарута.

Мы выѣхали, помню, изъ Гарута часа въ четыре ночи на таратайкѣ, запряженной парой лошадей, и по отличному шоссе докатили къ разсвѣту до селенія Тьсарупанъ ²⁾, лежащаго у самаго подножія Папацаяна. Селеніе это хотя и не велико, но чрезвычайно живописно. Его просторный алунъ-алунъ, на который выходили мечеть, школа и нѣсколько домиковъ, обсаженныхъ пальмами, затѣняли 5 гигантскихъ уарингиновъ, дикое величіе которыхъ было какъ-то особенно великолѣпно, можетъ быть, по контрасту съ небогатыми сельскими постройками.

Здѣсь мы сѣли на верховыхъ лошадей ³⁾ и, взявъ съ собою двухъ носильщиковъ для багажа, заключавашагося изъ фотографическаго

¹⁾ Около Гарута же лежитъ на высотѣ 5680 футовъ надъ уровнемъ моря на склонѣ горы Галунгунъ, среди дремучаго лѣса вулканическое озеро, *Telaga bodas*, прозванное «молочнымъ» вслѣдствіе цвѣта его воды. Дѣло въ томъ, что вулканическая сѣра, обильно выдѣляющаяся въ водѣ озера, придаетъ ей дѣйствительно видъ молока. Въ нѣсколькихъ верстахъ далѣе расположена знаменитая «*долина смерти*», гдѣ изъ земли струится углекислота и, скопляясь внизу въ углубленіи долинки, служитъ причиной смерти мелкихъ животныхъ, туда попадающихъ. По другую сторону Гарута у подножія живописной горы Гунтуръ находятся горячіе сѣрные ключи *Тьпанасг*.

²⁾ Частица «тъп» означаетъ по-сунданезски вода, подобно тому, какъ то же самое значитъ частица «су» въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Оттого въ области Преангеръ масса названій рѣкъ, селеній и даже горъ начинается съ частицы «тъп» (Тькорай, Тьманукъ и др.).

³⁾ Специально содержимыхъ здѣсь для путешествія на вулканъ.

«Истор. вѣсти.», октябрь, 1909 г., т. сѣмц.

аппарата и маленькой корзинки съ провизіей, и еще двухъ туземцевъ для лошадей, двинулись въ путь.

При выходѣ изъ селенія мы увидѣли одиноко стоящую туземную хижину, покрытую щитами изъ сухихъ пальмовыхъ листьевъ и выстроенную, какъ повсемѣстно строятъ въ Индіи, на столбахъ, которые были здѣсь закрыты высокой травой.

По обѣимъ сторонамъ дорожки были разсажены кусты ананаса, а на крыльцѣ сидѣть, вѣроятно, самъ хозяинъ со своими друзьями. Снявъ фотографію, мы двинулись въ путь. Дорога наша сначала подымалась очень отлого и шла, поворачивая зигзагами, около безконечныхъ плантацій кофе, затѣненныхъ часто другими, болѣе высокими деревьями. Это былъ лучший сортъ кофе—*Coffia arabica*, который вездѣ преобладаетъ на яванскихъ плантаціяхъ, тогда какъ другого сорта, низшаго—*Libegia*—разводятъ лишь незначительное количество. Намъ объясняли специалисты, что, несмотря на подходящую почву и отличныя климатическія условія, всякій хорошій плантаторъ старается поддерживать и улучшать свою плантацію тѣмъ, что ежегодно отбираетъ искусственно наилучшія и крупнѣйшія сѣмена, изъ которыхъ выращиваются молодые деревья для ежегодной посадки. Безъ этой предосторожности продуктивность плантаціи понижается ¹⁾.

Подымаясь выше, мы проѣхали мимо еще юныхъ плантацій хиннаго дерева, разведенныхъ среди лѣса на недавно еще вырубленномъ и очищенномъ пространствѣ. Хинное дерево довольно высокое и стройное, имѣетъ сѣрый стволъ и крупные, ярко-зеленые продолговатые листья. Оно родомъ изъ Перу (Америка), откуда сѣмена его были вывезены въ 1866 году англичаниномъ *Леджеромъ* и были пріобрѣтены голландскимъ правительствомъ для культуры въ своихъ колоніяхъ. На Явѣ извѣстны 3 разновидности хиннаго дерева, и путемъ ухода за ними и прививокъ доводятъ содержаніе сѣрно-

¹⁾ Сообщу здѣсь кстати нѣкоторые свѣдѣнія о разведеніи кофе, сообщенныя намъ W. Kessler, собственникомъ обширныхъ плантацій въ мѣстечкѣ *Тамрака Варна* около Гарута. Для начала дѣла требуется имѣть около 200 десятинъ годной для культуры кофе земли и 70.000 руб. оборотнаго капитала. Земель годныхъ подъ кофе на Явѣ немного, и онѣ всѣ давно разобраны. Первые 3—4 года новая плантація дохода не дастъ, и эти 70.000 руб. должны быть истрачены на воздѣлку земли, выращиваніе деревьевъ и инвентарь. Съ 5-го года начинается сборъ кофе, составляющій отъ 16 до 22 пуд. съ десятины; цѣна кофе на мѣстѣ колеблется отъ 12 до 16 р. за пудъ. Такимъ образомъ десятина плантаціи приноситъ отъ 200 до 350 р. ежегодно, между тѣмъ какъ ежегодный расходъ эксплоатаціи не превышаетъ 120 р. на десятину.

Какъ извѣстно, кофейныя зерна плотно сидятъ въ мясистой ягодѣ и вырывать ихъ оттуда стоило бы очень дорого, но для этого существуетъ очень простой и дешевый способъ. Собранные плоды складываются въ наполненные водою плоскія корыта; мякоть ягодъ тотчасъ же начинаетъ бродить и превращается въ полужидкую массу, изъ которой кофейныя зерна отдѣляются легко, безъ поврежденія и, конечно, сейчасъ же тщательно сушатся. Прим. автора.

кислаго хинина съ 2⁰/₀ у дикаго дерева—у культивированнаго дерева до 12⁰/₀¹). Хининъ содержится, какъ извѣстно, въ корѣ дерева. Первый сборъ съ новаго насажденія берется только съ вѣтвей его; въ слѣдующіе года кора снимается и со стволовъ. Черезъ 6 лѣтъ послѣ посадки часть плантаціи вырубается, и при этомъ уже кора собирается не только со ствола и вѣтвей, но и съ корней его. Сбранную кору высушиваютъ на солнцѣ, потомъ толкутъ и, уложенную въ ящики, отправляютъ въ Бандонгъ—главный городъ провинціи Преангеръ,—гдѣ недавно открытъ химическій заводъ для выдѣлки медицинскихъ солей хинина.

Едва мы миновали плантаціи, какъ дорога вступила въ глухой лѣсъ и, идя зигзагами по склону горы, становилась все круче и круче. И какъ же красивъ былъ этотъ дикій лѣсъ! Разобраться сразу въ этой массѣ зелени, сучьевъ, шишовъ, стволовъ было дѣломъ невозможнымъ. Только послѣ долгаго и упорнаго разматриванія удавалось отмѣтить глазомъ какой-нибудь гигантъ, не то кустъ, не то дерево, опутанное крѣпкими завитками вьющейся ротанговой пальмы и все обросшее мхомъ, среди котораго тамъ и сямъ возвышались крупныя яркія пучки эпифитовъ. Тамъ и сямъ круглился прямой и тонкій стволъ древовиднаго папоротника, который издали можно легко принять за пальму, но вблизи строеніе листа его выдаетъ. На самой землѣ тоже все было заполнено зеленью; безконечныя лишай, папоротники и мхи всевозможныхъ рисунковъ листа чередовались съ другими травянистыми видами, среди которыхъ мы замѣтили непентусы, державшіе открытыми для насѣкомыхъ свои зеленые кувшины-западни, и такъ напомнили намъ наши оранжерей.

Иногда громаднѣйшій колючій кустарникъ, очень напоминавшій строеніемъ листьевъ, цвѣтовъ и всѣмъ своимъ видомъ нашу малину, высывалъ на середину дороги богатырскую вѣтку, на которой зрѣла кисть красныхъ ягодъ, тоже очень похожихъ на малину. Я спросилъ у проводника, можно ли ихъ ѣсть, и онъ отвѣчалъ утвердительно; вкусъ оказался кислотатымъ, не ароматичнымъ и не схожимъ даже съ дикой малиной, хотя растеніе, несомнѣнно, было близкимъ родственникомъ малины²).

На одномъ изъ поворотовъ дороги намъ встрѣтилась шедшая навстрѣчу намъ группа туземцевъ, мужчинъ и женщинъ. Завидя насъ издали, они всѣ усѣлись на корточки на краю дороги и сохраняли это положеніе, пока мы ихъ не миновали. На этотъ разъ насъ это не такъ поразило, ибо мы уже привыкли на Явѣ къ этому обычаю. Здѣсь сидячее на корточкахъ положеніе есть самая почтительная

¹) Вывезенное изъ Америки дерево было названо въ честь г. Леджера *Chinchona Ledgeriana*; нынѣ на Явѣ разводять двѣ другія разновидности *Chinchona succirubra* и главнымъ образомъ *Chinchona eclisaya*, дающую лучшій результатъ.

Прим. автора.

²) По всей вѣроятности, даже принадлежало къ роду *Rubus*.

поза, которую туземцы могутъ принять по отношенію европейца. Стоять же передъ европейцемъ во весь ростъ считается уже нѣкоторой фамильярностью.

Лѣсъ между тѣмъ замѣтно рѣдѣлъ, дорога становилась еще круче, а грунтъ ея, вмѣсто землястаго, сталъ каменистымъ. Гѣдныя наши лошадки все же бодро шагали впередъ, ступая уже по голымъ камнямъ. Во многихъ мѣстахъ поперекъ дороги протекали ручьи то холодной, то горячей воды, въ воздухѣ все рѣзче и рѣзче чувствовался удушливый запахъ соединеній сѣры ¹⁾. Наконецъ лѣсъ исчезъ вовсе, смѣнившись жалкимъ полусухимъ кустарникомъ. Крутизна подъема достигла полныхъ 45°, и подъ ногами лошадей были теперь одиѣ кучи камней безъ всякихъ слѣдовъ дороги.

На одномъ поворотѣ мы увидали вдругъ впереди пасть и самый кратеръ; это была огромная впадина на сѣверномъ склонѣ горы, почти подъ самой вершиной ея; будучи еще отъ кратера на разстояніи болѣе полуверсты, мы явственно могли различить вырывающіеся оттуда клубы бѣлаго пара и слышали какое-то клокотаніе.

Оглянувшись назадъ, мы увидали далеко внизу подъ нашими ногами долину Тыманука съ нестрѣвшими на ней тамъ и сямъ сквозь облака полями, рощами и селеніями и съ сѣвера окаймленную на горизонтѣ вершиной горы Гуптуръ. Видъ былъ чудесный, и мы рѣшили его сфотографировать. Сказано—сдѣлано; но пока подошелъ носильщикъ и мы успѣли собрать аппаратъ, видъ на долину какъ по мановенію волшебства закрылся бѣлою непроницаемою пеленою облаковъ, окутавшихъ весь Пападаянъ ниже нашей стоянки. Осталось только снять ридъ на кратеръ, что мы и исполнили.

Слово Пападаянъ означаетъ на мѣстномъ нарѣчьи «кузница». Вулканъ этотъ считался въ былое время однимъ изъ обширныхъ вулкановъ Явы, но большая часть его была спесена въ 1772 году изверженіемъ, считавшимся однимъ изъ самыхъ сильныхъ въ послѣднемъ столѣтіи. Части горы и ближайшихъ его окрестностей, равняющіяся пространству въ 23 версты длины и 9 верстъ ширины, провалились въ нѣдра во время землетрясенія. Сорокъ деревень и около 3,000 жителей погибли, а большинство окрестныхъ плантацій и полей было уничтожено выкинутыми вулканическими веществами, которыя 6 недѣль послѣ изверженія были еще настолько горячи, что невозможно было подойти къ нимъ близко ²⁾.

Оставивъ лошадей подъ охраной двухъ проводниковъ, мы сами съ другими двумя туземцами взошли наконецъ въ самый кратеръ, окаймленный съ трехъ сторонъ почти отвѣсными скалами. Острый запахъ соединеній сѣры захватилъ на минуту дыханіе и заставилъ насъ даже зажмуриться. Потомъ, какъ только мы открыли глаза,

¹⁾ Т. е. сѣрнистой кислоты (SO_2) и сѣроводорода (H_2S),

²⁾ Кн. Щербатова, «Въ странѣ вулкановъ».

мы увидали въ 2—3 мѣстахъ около насъ мощную струю пара, съ шумомъ вырывающуюся изъ разсѣлинь скалы. Это была водяной паръ, но онъ же несетъ съ собою сѣрнистый газъ и сѣрководородъ ¹⁾. Кругомъ тамъ и сямъ въ разсѣлинахъ видѣлись золотисто-желтыя грозди свѣжихъ кристалловъ сѣры: такъ и манило взять ихъ съ собою на память, но—увы!—они были до того хрупки, что рассыпались подъ пальцами!

Обходя постепенно кратеръ отъ кучки къ кучкѣ, мы видѣли съ десятокъ мѣстъ, гдѣ вырывались пары сѣрнистыхъ соединений. Стояло вложить въ отверстие какой-нибудь предметъ, напримѣръ, палку или бумагу, и онъ моментально покрывался свѣжими золотистыми кристалликами сѣры. Въ иныхъ мѣстахъ, въ разсѣлинь, накопилось большое количество такихъ отложений сѣры, и они мѣстами сплавлись отъ жара исходящаго газа и приняли характерный для сплавленной сѣры красно-бурый цвѣтъ.

Чувствовалось, что все эти наружныя проявленія есть лишь слабая тѣнь гигантской внутренней силы, спящей въ нѣдрахъ вулкана, и что, если ему вздумается, онъ каждую минуту можетъ начать вновь свою опустошительную работу!

Впадина кратера лежитъ, какъ я уже упоминалъ, на сѣверномъ склонтѣ, на высотѣ около 8,000 футовъ надъ уровнемъ океана и примѣрно футовъ на 600 ниже самой вершины горы.

— А что тамъ наверху?—спросилъ я у проводника послѣ того, какъ мы вдоволь налюбовались кратеромъ и сняли фотографіи.

— Виса мать дауть, — былъ отвѣтъ, т.-е. «можно увидеть море» — пными словами оттуда былъ виденъ Индѣйскій океанъ. Оно и понятно, ибо, судя по картѣ, отъ вершины Палапаяна до берега океана не болѣе 30 верстъ, а что такое 30 верстъ для высоты въ 8 тысячъ футовъ?

Перспектива была чрезчуръ заманчива, и вотъ мы уже взбирались наверхъ, стараясь выбрать тропинку менѣе крутую. Трудъ нашъ увѣнчался успѣхомъ, и за нашу усталость мы были вознаграждены чуднымъ видомъ съ верху горы. За неширокой полосой холмистой долины мы увидали спокойную и блестящую поверхность Индѣйскаго океана, омывающаго островъ Яву съ юга, того океана, который мы недавно переплыли, но, однако, ту часть его, которую мы еще никогда не видали и которую больше навѣрное никогда не увидимъ!

Прямо къ югу Индѣйскій океанъ долженъ вѣдь непосредственно переходить въ Южный Ледовитый, за которымъ скрывается еще

¹⁾ При этомъ происходитъ химическая реакція, а именно: водородъ (изъ сѣрководорода) соединяется съ кислородомъ (сѣрнистаго газа), а сѣра изъ обоихъ становится свободной и выдѣляется въ видѣ мельчайшихъ кристалловъ: $2H_2S + SO_2 = 2H_2O + 3S$.
Прим. автора.

вполнѣ невѣдомая область южнаго полюса! А за нашей спиной къ сѣверу долженъ лежать материкъ Азии и меридіанъ, проходящій подъ нами, пересекаль Азію гдѣ-нибудь неподалеку отъ Байкальскаго озера!

Вотъ какія мысли насъ занимали, когда мы, очарованные, старались съ вершины Папандаяна разглядѣть таинственную даль Индѣйскаго океана!

А. В. Рагозинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Korbs. Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moscovitisch-russischen, österreichisch-kaiserlichen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen. Von Friedrich Dukmeyer. Erster Band. Berlin 1909. Verlag von Emil Ebering (Historische Studien, Heft LXX). VIII + 462 стр.

ВТОРЪ пастоящей книги справедливо указывать, что «Дневникъ» Корба извѣстенъ въ Россіи гораздо болѣе, чѣмъ въ Германіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ г-ну Дукмейеру удалось весьма существенно восполнить тотъ пробѣлъ, на который было обращено вниманіе въ предисловіи къ новому русскому переводу Корба, а именно отсутствіе специальной монографіи объ этомъ столь же интересномъ, какъ и важномъ историческомъ источникѣ. Авторъ исполнилъ свою задачу съ рѣдкой обстоятельностью и привлекъ для разъясненія значенія разбираемаго памятника нѣсколько весьма интересныхъ и новыхъ документовъ. Таково въ особенности богатое собраніе бумагъ окружнаго архива въ Амбергѣ (Kgl. Kreisarchiv Amberg) на 168 лл., содержащее наброски реляцій главы посольства, Гваріента, къ царю, графу Кауницу и другимъ лицамъ, а также нѣсколько другихъ любопытныхъ писемъ и замѣтокъ, большинство изъ которыхъ представляютъ автографъ Корба. Изъ этихъ бумагъ мы можемъ, между прочимъ, сдѣлать тотъ выводъ, что Корбъ велъ въ Москвѣ свой дневникъ по-нѣмецки, а не по-латыни. Кроме того, г. Дукмейеръ собралъ въ своей книгѣ соответственныя данныя берлинскаго архива и прочиталъ огромную массу рѣдкаго печатнаго матеріала изъ современной появленію «Дневника» литературы. Г. Дук-

мейеръ прекрасно владѣеть русскимъ языкомъ и весьма добросовѣстно изучилъ относящуюся къ его темѣ и нашу литературу. Къ повому русскому переводу Корба г. Дукмейеръ отнесся съ совершенно незаслуженнымъ переводчикомъ вниманіемъ. Именно г. Дукмейеръ сдѣлалъ себѣ огромный трудъ—сличить весь переводъ съ оригиналомъ и любезно отмѣтилъ ein kleines Missverständnis, а именно: на стр. 237 при переводѣ фразы Joannes Barclajus in icone animorum gentis mores fusius describit мною было высказано предположеніе, что ссылка на Берклея относится къ его роману «Argenis», тогда какъ Корбъ самъ указалъ, какое сочиненіе англійскаго автора онъ имѣетъ въ виду, а именно «Icon animorum». Затѣмъ на стр. 36 я недоумѣвалъ, что надо подразумѣвать подъ словами «драгоцѣннѣйшій корень той же страны» (т. е. Китая). Г. Дукмейеръ вполне устраиваетъ это недоумѣніе сообщеніемъ, что въ бумагахъ амбергскаго архива нашлась выписка изъ сочиненія извѣстнаго іезуита Кирхера «China illustrata» о драгоцѣнномъ китайскомъ корнѣ Ginseng. Здѣсь же пользуюсь случаемъ указать, что мое предположеніе о тождествѣ упоминаемаго на стр. 132 «Дневника» Коріона съ извѣстнымъ Каріономъ Истоминымъ, раздѣляемое и г. Дукмейеромъ, не вѣрно, какъ указалъ мнѣ въ частной бесѣдѣ академикъ А. И. Соболевскій. Въ изложеніи біографіи Корба г. Дукмейеръ, главнымъ образомъ, опирается на оставшуюся, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстной статью мюнхенскаго профессора К. Т. Гейгеля (K. Th. Heigel) Ein deutscher Bericht über den Hof Peters des Grossen, появившуюся сперва въ 1896 году въ «Beilage zur Allgemeinen Zeitung», а затѣмъ перепечатанную въ «Geschichtliche Bilder und Skizzen von Karl Theodor Heigel» (München, 1897, стр. 105—120). Въ этой статьѣ профессоръ Гейгель прежде всего устанавливаетъ, на основаніи архивныхъ документовъ, тотъ несомнѣнный фактъ, что авторомъ «Дневника» былъ Корбъ, а не какое-либо другое лицо, какъ это неоднократно предполагалось. Это, въ сущности, наиболѣе важный результатъ, добытый Гейгелемъ, затѣмъ ему удалось собрать довольно обстоятельныя свѣдѣнія о службѣ Корба на родинѣ въ Оберпфальцѣ по возвращеніи изъ Россіи. Но оба наиболѣе существенные для исторіи «Дневника» пункты, а именно: какъ Корбъ попалъ въ секретари къ Гваріенту и почему онъ покинулъ Вѣну послѣ возвращенія посольства, остаются совершенно не выясненными и послѣ тщательныхъ изысканій Гейгеля и Дукмейера. Правда, причину отъѣзда Корба изъ Вѣны не трудно, кажется, усмотрѣть въ томъ неудовольствіи, которое вызвалъ «Дневникъ» у московскаго правительства. Не удалось также г. Дукмейеру разъяснить окончательно вопросъ объ официалномъ запрещеніи распространенія «Дневника» или даже о конфискаціи его. Весь трудъ г. Дукмейера разсчитанъ на два тома. Вышедшій пока первый содержитъ двѣ части: специальную и общую. Въ первой выясняется въ общихъ чертахъ цѣль посольства Гваріента, излагается вышняя исторія «Дневника», даются библиографическія свѣдѣнія о злосчастной судьбѣ этой книги, ея русскихъ обработкахъ и переводахъ и бумагахъ амбергскаго архива и, наконецъ, приводятся біографическія данныя о Гваріентѣ и Корбѣ. Вторая часть распадается на слѣдующія 8 главъ: «Продолжающееся религиозное напряженіе и малая конфессіонная война» (выясненіе католико-полемическихъ тенденцій «Дневника» въ связи съ религиозными настроеніями современной ему эпохи), «Прибытіе и пребываніе Гваріента въ

Москвѣ. Царскіе министры. Карловицкій конгрессъ», «Слухи о соединеніи римской и русской церкви и свободный проѣздъ католическихъ миссіонеровъ черезъ Россію въ Китай», «Московскіе католики: Гордонъ, Карбонари и Шейеръ», «Лефорть, другъ царя и врагъ католиковъ; борьба кальвинистовъ и католиковъ вокругъ его сына», «Бранденбургско-прусскій посланникъ Марквардъ Людвигъ фонъ-Принценъ», «Удаленіе царицы Евдокии, предполагаемая поѣздка царевича Алексѣя за границу», «Первые постоянные бранденбургско-прусскіе резиденты и послы при дворѣ Петра Великаго, Кесельскій, Кайзерлингъ». Подробное изложеніе содержанія этой второй части считаю болѣе умѣстнымъ сдѣлать при появленіи второго тома, который, какъ писалъ мнѣ авторъ, выйдетъ въ свѣтъ еще въ теченіе нынѣшняго года.

А. Малейнъ.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1908 г. Тома XIII-го книжка 4-я. Спб. 1909. Стр. 420+XV. Цѣна 1 руб. 50 к.

Настоящая 4-я книжка XIII тома вышеназванныхъ «Извѣстій» является наиболѣе интересной и цѣнной по богатству и разнообразію своего содержанія. Въ ней каждая статья—ислѣдованіе съ обильными матеріалами, приковываетъ къ себѣ особое вниманіе всѣхъ болѣе или менѣе интересующихся вопросами историко-литературнаго, этнографическаго и историко-археологическаго характеровъ и уже безусловно въ громадномъ большинствѣ научныхъ выводовъ является рѣшающею. Къ сожалѣнію, стѣсненные мѣстомъ, мы должцы въ журнальной замѣткѣ ограничиться лишь нѣсколькими словами объ этихъ статьяхъ, да еще и не о всѣхъ.

Во главѣ, на первомъ мѣстѣ находимъ рѣчь теперь ужъ покойнаго академика П. И. Вейнберга—«Жемчужниковъ, какъ «поэтъ-гражданинъ». Рѣчь эта о «старѣйшемъ русскомъ поэтѣ, бывшемъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ «симпатичнѣйшихъ» поэтовъ, благороднымъ общественнымъ дѣятелемъ и вообще очень свѣтлою личностью», произнесенная на чествованіи памяти Жемчужникова разрядомъ изящной словесности 4 мая 1908 года, была лебединою пѣснью, но пѣснью сильной и содержательной нашего тоже «старѣйшаго» поэта-оратора. Содержаніе ея въ свое время было хорошо извѣстно, и это даетъ намъ право перейти изъ слѣдующей работѣ—В. М. Истрина «День рожденія Гоголя», въ которой авторъ положительно поколебаль мнѣніе прежнихъ изслѣдователей, что Н. В. Гоголь родился 19 мая, а не 20, какъ сказано въ метрическомъ свидѣтельствѣ, мнѣніе, которое, на нашъ взглядъ, безцѣльно взялся защищать и упорно отстаивать въ послѣдней майской книжкѣ «Русской Старины» г. Н. Лернеръ.

Далѣе, А. И. Яцимирскій въ статьѣ «Славяно-молдавская лѣтонпис монаха Азарія» дѣлаетъ обзоръ новооткрытой имъ въ рукописномъ отдѣленіи императорской публичной бібліотеки лѣтонписи Азарія, которую и приводитъ въ особомъ приложеніи, и которая еще болѣе подтверждаетъ раньше высказанное нашимъ изслѣдователемъ предположеніе, что «Азарій былъ скорѣе только

перечислителем или редакторомъ, чѣмъ составителемъ краткой славяно-молдавской лѣтописи отъ 1359 до начала XVI вѣка» (стр. 24).

Весьма немалый интересъ представляетъ чисто археологическая статья В. А. Городцова «Древнее населеніе Рязанской области». Появленіемъ своимъ она обязана статьѣ академика А. А. Шахматова: «О южныхъ поселеніяхъ вятичей», въ которой авторъ, на основаніи, главнымъ образомъ, изученія лѣтописныхъ извѣстій и другихъ письменныхъ источниковъ, пришелъ къ слѣдующимъ, между прочимъ выводамъ: 1) вятичи въ X ст. жили не на Окѣ, а гораздо южнѣе—въ бассейнѣ средняго или нижняго теченія Дона; 2) въ концѣ XI в. вятичи двинулись съ юга на сѣверъ и колонизовали Рязанскую область; и 3) вятичи не родственны ни радимичамъ, ни ляхамъ. Давно уже занимающійся производствомъ археологическихъ раскопокъ и преимущественно въ области Оки В. А. Городцовъ не можетъ согласиться съ вышеприведенными выводами. Онъ, основываясь преимущественно на археологическихъ и физико-географическихъ данныхъ, утверждаетъ, что вятичи въ X и XI вв. жили на Окѣ; замѣчу при этомъ, что онъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ А. А. Шахматова, не обращаетъ вовсе вниманія и на работу П. Е. Евсеѣва «Раскопки по верхнему теченію р. Оки» (1908 г.), который не нашелъ въ указанномъ мѣстѣ ни одного городища, относящагося ранѣе какъ въ XI в. Затѣмъ В. А. Городцовъ отвергаетъ и третье положеніе А. А. Шахматова; онъ вопреки послѣднему признаетъ радимичей и вятичей «родственными» и дѣлаетъ снисхожденіе только по отношенію къ ляхамъ, говоря, что вятичи «скорѣе всего пришли съ запада, отъ ляховъ» (стр. 149). Такимъ образомъ, любопытный вопросъ о колонизаціи вятичей съ юга на сѣверъ все еще остается вопросомъ спорнымъ.

Изъ слѣдующихъ статей разсматриваемой книжки «Извѣстій» укажемъ на довольно пространную и любопытную работу г. Л. Мсерянца — «Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока». Начинаетъ онъ ее слѣдующими словами: «Изъ русскихъ писателей XIX ст. наибольшій интересъ къ Востоку проявилъ А. С. Грибоѣдовъ. Этотъ интересъ выразился у автора «Горе отъ ума» не только въ литературномъ использованіи восточныхъ темъ и мотивовъ, но и въ изученіи языковъ, литературъ, исторіи и преданій нѣкоторыхъ народовъ ближняго, преимущественно мусульманскаго Востока. Объ этихъ «восточныхъ этюдахъ» Грибоѣдова мы можемъ составить себѣ достаточное представленіе, какъ на основаніи дошедшихъ до насъ его статей, замѣтокъ, служебныхъ донесеній и частной переписки, такъ и благодаря стороннимъ (частнымъ и официальнымъ) указаніямъ и свидѣтельствамъ. Въ качествѣ матеріала, дающаго намъ возможность судить объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока, можетъ служить также помѣщаемое ниже письмо его къ академику Хр. Френу, остававшееся до сихъ поръ неизданнымъ и хранящееся въ азіатскомъ музеѣ императорской академіи наукъ».

Послѣ этихъ словъ г. Л. Мсерянецъ приступаетъ къ обзору работъ А. С. Грибоѣдова по востоковѣдѣнію, приводитъ старыя и нѣкоторыя новыя свидѣтельства о нихъ и въ заключеніе останавливается на исторіи знакомства поэта съ знаменитымъ ориенталистомъ, основателемъ азіатскаго музея академіи наукъ Хр. Д. Френомъ и приводитъ открытое имъ новое письмо. Хотя по-

слѣднее безъ означенія мѣста и года, но г. Мсеріанцъ, по нѣкоторымъ словамъ письма, утверждаетъ, что оно написано до 6 іюня 1828 г. и что только 6 іюня 1828 г. могъ состояться отъѣздъ Грибоѣдова изъ Петербурга. Последнее обстоятельство совершенно отвергаетъ приводимое нѣкоторыми біографами свидѣтельство, что «6 іюня Грибоѣдовъ уже находился въ Москвѣ, гдѣ ему представлялись Мальцевъ и Аделунгъ».

Въ слѣдующей статьѣ—«Ганцъ Кюхельгартенъ» Гоголя и «Луиза» Фосса Н. К. Кульманъ, едва ли не первый, имѣвшій возможность ознакомиться съ идилліей Фосса, послѣ подробнаго разбора и сопоставленія вышеназванныхъ произведеній, приходитъ къ выводу, что на Гоголя «Луиза» Фосса не могла оказать даже малѣйшаго вліянія.

Академикъ А. П. Соболевскій въ статьѣ «Изъ церковно-славянской учительской литературы» говоритъ о выбранной имъ изъ многочисленныхъ древнихъ сборниковъ группѣ поученій или «словъ» поучительнаго характера, въ которыхъ поученіе болѣе или менѣе пространно, настойчиво и ярко». Слова эти—надо, по его убѣжденію, прибавить доселѣ почти никѣмъ не обследованныя, принадлежатъ къ числу лучшихъ «словъ» южно-славянской литературы. Всѣ они несомнѣнно древни; всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ же словарный матеріалъ; этотъ матеріалъ въ общемъ—тотъ самый, что и у Іоанна, экзарха болгарскаго. Изъ этого можно видѣть, что составителемъ «словъ» было лицо изъ литературнаго кружка царя Симеона, одинъ изъ сотрудниковъ Іоанна «экзарха». Далѣе онъ доказываетъ, что «лицо» это—не кто иной, какъ епископъ какого-то болгарскаго городка Григорій, жившій въ концѣ IX и началѣ X вѣковъ. Послѣ характеристики цѣлаго ряда поучительныхъ «словъ», въ которыхъ идетъ «учительная часть» послѣ текста и пространнаго толкованія послѣдняго, академикъ А. П. Соболевскій приводитъ и самый текстъ слѣдующихъ двухъ словъ: 1) объ апостолѣ Фомѣ, по русскимъ спискамъ XV вѣка, и 2) на Крещеніе, по сербскому списку собранія Хлудова XIV вѣка.

Наконецъ, упомянувъ лишь объ изслѣдованіи г. К. Истомина—«Къ вопросу о редакціяхъ толковой палеи» (собственно здѣсь рѣчь идетъ о такъ называемой «краткой редакціи» толковой палеи и отношеніи ея къ хронографическимъ спискамъ и къ спискамъ коломенскаго тина), я остановлю вниманіе читателя еще на одной весьма любопытной работѣ, носящей заглавіе: «О нѣкоторыхъ особенностяхъ стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв.», А. С. Орлова. Здѣсь «я намѣренъ,—говоритъ авторъ,—разобрать стиль лучшихъ произведеній указаннаго періода (т. е. второй половины XVI и начала XVII вв.), въ которыхъ историческое повѣствованіе украшено формулами боя, руководствуясь тѣмъ, что въ этой именно части повѣствовательнаго шаблона наиболѣе просто и отчетливо сказывается эволюція стиля». «Лучшими произведеніями» этого рода онъ называетъ исторію о Казанскомъ царствѣ, повѣсть о приходѣнн въ 1577 г. Стефана Баторія на Псковъ, иное сказаніе о смутномъ времени и повѣсть князя П. М. Катырева-Ростовскаго. Въ своемъ довольно подробномъ разборѣ этихъ «повѣстей» А. С. Орловъ между прочимъ говоритъ, что на исторію о Казанскомъ царствѣ преимущественное вліяніе имѣла «прекрасная повѣсть Искандера о взятіи Царяграда тур-

камнъ въ 1453 г.»; что «сложенная» исковскимъ инокомъ въ концѣ XVI или началѣ XVII вв. повѣсть о приходженіи въ 1577 г. Стефана Баторія на Исковъ—есть «плодъ высокопарныхъ церковныхъ твореній въ стилѣ Макарьевской эпохи; въ ней звучитъ и проповѣдь и похвальное слово, и благочестивое посланіе»; и что повѣсть - «поэма» князя П. М. Катырева - Ростовскаго, составленная въ 1529 году, есть «лучшее твореніе временъ смуты», на которомъ нашъ изслѣдователь болѣе всего и останавливается. **В. Рудаковъ.**

В. Н. Перетцъ. Новые труды о «жидовствующихъ» XV вѣка и ихъ литературѣ. Критико-библиографическій очеркъ. Съ приложеніемъ «Плача Іереміи» въ переводѣ съ еврейскаго языка по бѣлорусской рукописи конца XV в. Кіевъ. 1908. Стр. 42. Цѣна 50 коп.

Необыкновенно своеобразное и въ исторіи старо-русской культуры стоящее совершенно одиноко, «жидовствующее» теченіе, теченіе безусловно не только литературно-религіозное, но и социальное, остается загадочнымъ во многихъ своихъ проявленіяхъ и до сихъ поръ. Новыя открытія и изслѣдованія С. Долгова, М. Сперанскаго, С. Бѣлокурова, М. Соколова, И. Евсѣева и др. вносятъ долю свѣта въ пониманіе далеко еще не выясненнаго движенія, подавленнаго суровыми административными мѣрами скоро послѣ своего появленія. Поэтому проф. В. Перетцу, задавшемуся цѣлью подвести итоги всѣмъ новымъ открытіямъ, принадлежитъ почтенная заслуга. Благодаря его синтетической работѣ, неспециалистамъ теперь можно познакомиться съ послѣдними, не обращаясь къ подлиннымъ текстамъ и тяжеловѣснымъ комментаріямъ издателей.

В. Перетцъ напоминаетъ, что Д. И. Иловайскій уже давно отрицалъ еврейскій элементъ въ ереси жидовствующихъ и что то же мнѣніе поддерживаетъ акад. А. И. Соболевскій въ книгѣ о переводной литературѣ Московской Руси XIV—XVII вв. (Спб. 1903 г.), о которой въ свое время говорилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника». «Вопросъ о сущности ереси жидовствующихъ,—говоритъ онъ,—при скудости наличныхъ данныхъ долженъ считаться неразрѣшимымъ. Единственное, что можно утверждать, это то, что въ числѣ еретиковъ находились не только христіане по рожденію, но и крестившіеся евреи. Участіе послѣднихъ въ дѣятельности ереси, повидимому, очень значительное, подало поводъ православнымъ подозрѣвать, что еретическое ученіе имѣетъ еврейскую окраску, и превратило невинныя, повидимому, мнѣнія о чрезмѣрности почитанія у православныхъ Богородицы, святыхъ и иконъ (въ ущербъ почитанію Бога)—почти что въ отступничество отъ христіанства», отъ котораго еретики, по показаніямъ документовъ, не отступали, и за которое они крѣпко держались, по мнѣнію Іосифа Санина, лицемѣрно. «Одно не подлежитъ сомнѣнію: жидовствующіе какъ русскіе, такъ и евреи, были людьми для своего времени образованными, любившими науку и книги».

Подводя итоги, авторъ задаетъ вопросъ: «Кто же были эти «жидовствующіе»—безъ іудейства, эти любители науки и просвѣщенія, эти свободомыслящіе люди въ тѣхъ предѣлахъ, конечно, въ какихъ могло проявиться свободомысліе

Московской Руси къ XV в.?» И невольно мысль возвращается къ гипотезѣ В. Боцяновскаго, видѣвшаго въ жидовствующихъ—не іудеевъ, а лишь крайнихъ протестантовъ, типа чешскихъ тоборитовъ, съ замѣтной приверженностью ко всему ветхозавѣтному и съ отрицаніемъ исторически выработавшихся формъ и догматовъ католическаго (западнаго и восточнаго) христіанства Теодоръ и виленскіе переводчики не стоваривались, не условливались относительно созданія цикла переводовъ священныхъ книгъ по еврейскимъ, единственно казавшимся имъ истинными, оригиналамъ. Они пришли къ этой мысли подъ вліяніемъ общаго настроенія, общей хорошо сознаваемой въ интеллигентныхъ кругахъ Западной Руси и Москвы потребности имѣть священное писаніе не въ сомнительномъ традиціонномъ текстѣ, а въ текстѣ, могущемъ претендовать на большую достовѣрность. Путь былъ одинъ: онъ привелъ къ переводамъ съ еврейскаго, какъ и протестантскихъ нѣмецкихъ богослововъ-гуманистовъ. А отсюда не мудрено было прослѣдить въ Новгородъ и Москвѣ за «жидовствующихъ», тѣмъ болѣе, что безъ помощи евреевъ невозможно было обойтись въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ.

Самая идея повѣрки священнаго текста, традиціонно полученнаго отъ Византіи и древней Руси, отдавала непривычнымъ для московскаго консервативнаго уклада мысли—свободомысліемъ. Такое свободомысліе, возможно, не удовлетворялось внѣшнимъ, чисто формальнымъ богопочитаніемъ, пыталось осмыслить, рационализировать тайны вѣры и выбросить изъ круга догматовъ и обрядовъ то, что не отвѣчало на запросы скептически настроеннаго разума. И это въ свою очередь вело, къ ветхозавѣтному чистому монотеизму, къ отрицанію христіанской духовной іерархіи, поклоненія св. иконамъ и т. д. Но отъ всего этого было еще далеко до перехода въ іудейство, на что указываютъ строки «Просвѣтителя» о запрещеніи послѣдователямъ ереси «обрѣзываться».

Какъ полезны были бы подобныя обзоры и другихъ специальныхъ работъ, составляющихъ обыкновенно удѣлъ однихъ присяжныхъ ученыхъ, ихъ кабинетовъ и научныхъ библиотекъ. Сколько у насъ въ обществѣ держится научныхъ «ересей», а разсѣять ихъ могутъ одни учебники, въ свою очередь, поддерживающіе тѣ или иныя «ереси», такъ какъ составители учебниковъ не очень ужъ торопятся... Поэтому, повторяемъ, проф. В. Н. Перетцу выпала на долю благодарная задача—популяризовать то, что при обычныхъ условіяхъ надолго осталось бы недоступнымъ широкой публикѣ.

И. А.

А. А. Кизеветтеръ. Городовое положеніе Екатерины II 1785 г. Опытъ историческаго комментарія. Москва. 1909 г. Стр. X+473. 8^о. Цѣна 3 р. 50 к.

Настоящая книга является второю монографіею автора по исторіи русскаго *городскаго самоуправления* въ XVIII вѣкѣ. Проволкая свои занятія далѣе, послѣ изданія книги «Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія», А. А. Кизеветтеръ, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, встрѣтился съ необходимостью «предварительно подвергнуть критическому изученію тотъ законодательный актъ, который съ 1785 года ложится въ основу русскаго муниципальнаго устройства

и затѣмъ сохраняетъ силу вплоть до городской реформы 1870 года. «Разумѣется городское положеніе Екатерины II 1785 года. Въ итогѣ такого критическаго изученія этого памятника у А. А. Кизеветтера получилась «небольшая», какъ онъ говоритъ, монографія въ 500 почти страницъ 8°, изданная нынѣ «въ видѣ отдѣльной законченной работы».

Поставивъ себѣ цѣлью изученіе законодательнаго *памятника*, авторъ, естественно, прежде всего остановился на изслѣдованіи его происхожденія, т. е. самаго процесса его составленія; затѣмъ перешелъ къ отысканію его источниковъ и, наконецъ, къ вопросу о степени и характерѣ фактическаго примѣненія городского положенія въ царствованіе Екатерины II. Такимъ образомъ, разсматриваемая монографія распадается на три большихъ главы, которыя, въ свою очередь, дѣлятся на болѣе дробные отдѣлы (до 10 въ каждой главѣ) съ особыми заголовками.

Въ своей работѣ А. А. Кизеветтеръ почти не имѣетъ предшественниковъ, и ссылокъ на литературу у него почти нѣтъ. Зато вся книга его построена на данныхъ архивныхъ документовъ государственнаго архива, архива государственнаго совѣта и московскаго архива министерства юстиціи и вноситъ въ научный оборотъ немало цѣнныхъ свѣдѣній и выводовъ. Въ изложеніи первой главы авторъ вводитъ читателя какъ бы въ самый процессъ мышленія законодателя и документально показываетъ, насколько небрежно было составлено положеніе. Во второй главѣ обнаруживается мозаичность памятника и его зависимость отъ русскихъ и еще болѣе отъ иноземныхъ образцовъ. Но особенно интересно представляется третья глава, изъ которой видно, что городское положеніе 1785 года, заключавшее въ себѣ рядъ совершенно несогласуемыхъ законодательныхъ постановленій, не могло быть легко и повсемѣстно введено въ дѣйствіе и въ конечномъ результатѣ своемъ далеко не произвело той реформы въ городскомъ устройствѣ, на которую именно и было рассчитано. Вопреки намѣреніямъ императрицы во главѣ городского самоуправленія попрежнему остались представители купеческаго и ремесленнаго классовъ, и самоуправленіе сохранило свой прежній сословный характеръ, потому что всѣ три его органа: *Собраніе общества градекаго*, на существованіе коего по городскому положенію доселѣ очень мало обращалось вниманія изслѣдователями, *общая городская дума* и *шестигласная дума*—почти сплошь состояли изъ купечества и ремесленниковъ. Кромѣ того, неясность въ распредѣленіи компетенцій названныхъ органовъ, а также неопредѣленность отношеній думъ къ городскимъ магистратамъ и подчиненность ихъ правительственной губернской администраціи окончательно умалляли на практикѣ значеніе городского положенія. Отмѣченные выводы получились у автора, какъ сказано, при изученіи архивнаго матеріала, значеніе котораго для науки исторіи русскаго права выступаетъ здѣсь особенно ярко. Фактическая исторія установленій оказывается далеко не соответствующей исторіи права, какъ мы ее знаемъ по памятникамъ законодательства въ полномъ собраніи законовъ.

Однако въ отношеніи къ самому изданію можно сдѣлать автору два существенныхъ упрека. Во-первыхъ, у него нѣтъ указателей; а, во-вторыхъ, что особенно важно, не данъ въ приложеніи самый текстъ жалованной грамоты горо-

дамъ 1785 года. Последнее было безусловно необходимо, такъ какъ пользоваться книгою А. А. Кизеветтера, не имѣя подъ руками текста грамоты, невозможно: онъ постоянно ссылается на отдѣлы ея и статьи. А между тѣмъ, если не считать не вполне удовлетворительнаго изданія грамоты московскихъ женскихъ курсовъ (Москва, 1907), ее можно читать только въ полномъ собраніи законовъ. Но последнее имѣется только въ библиотекахъ, да и то въ очень немногихъ.

П. В. В.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Подъ удѣльною властью. Историческая повѣсть для юношества. Изд. магазина «Новаго Времени» (Суворина). Цѣна 1 руб. 75 коп.

Удѣльный періодъ русской исторіи до сихъ поръ очень мало использованъ вообще въ беллетристикѣ, а тѣмъ болѣе въ литературѣ для юношества.

Авторъ въ довольно сжатомъ разсказѣ рисуетъ вѣрную историческую картину состоянія Руси во времена князя Андрея Боголюбскаго. На фонѣ романческаго повѣствованія ярко выдѣляется интересная фигура этого достойнаго предшественника собирателя земли Русской—Іоанна III. Его своеобразный характеръ, съ беззавѣтною удалюю и въ то же время строго выдержанный, умѣющій обуздывать страстные порывы, проникновеніе въ будущее, заботы о силѣ и славѣ страны вѣрно и умѣло очерчены авторомъ. Во многихъ мѣстахъ повѣсти удержанъ старинный языкъ, оригинальныя выраженія, слова, придающія общій колоритъ. Читателя заинтересуютъ и интрига, введенная въ разсказъ съ цѣлью оживить пересказъ событій, и личности самого Андрея и близкихъ ему князей. Книга превосходно иллюстрирована художникомъ С. И. Пановымъ, его же работы и стильный рисунокъ на обложкѣ. Книга издана чрезвычайно изящно и не дорога.

Г.

Olga Kramareva—Alexandre Serguïevitch Griboïédov. Sa vie—ses oeuvres.—Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de l'Université de Paris. Paris. Bonvalot-Jouve. Pages 316.

Историко-литературная работа нашей соотечественницы, бывшей слушательницы педагогическихъ курсовъ патріотическаго института въ С.-Петербургѣ и студентки Сорбонны, О. П. Крамаревой, является полнымъ откровеніемъ для французовъ, которымъ имя Грибоѣдова даже въ литературныхъ кругахъ извѣстно лишь по наслышкѣ да по довольно плохимъ переводамъ «Горя отъ ума» (Легреля, Готи, Комба), вышедшимъ изъ продажи; она интересна и для насъ, русскихъ, хотя бы потому, что даетъ сводку всѣхъ мало-мальски выдающихся печатныхъ работъ по Грибоѣдову, появившихся почти за 80-лѣтіе со смерти его въ Тегеранѣ (1829 года), предлагая довольно цѣльную біографію писателя и исторію его литературнаго творчества. Указатель источниковъ, которыми пользовалась г-жа Крамарева для своего труда, содержитъ половину печатнаго листа,

переименовая труды извѣстнѣйшихъ изслѣдователей по изученію Грибоѣдова: П. А. Ефремова, А. Н. Веселовскаго, А. Н. Пыпина, И. Д. Гарусова, И. А. Шляпкина, А. С. Суворина, С. В. Васильева (Флерова), А. М. Скабичевскаго, А. Берже и др. Само собою, мы ожидали встрѣтить надлежащую оцѣнку и мало-численныхъ французскихъ работниковъ по Грибоѣдову. Къ нашему удивленію, однако, переводамъ Легреля (въ прозѣ) и Готи (въ стихахъ) удѣлено очень мало вниманія (въ главѣ 9), а о переводѣ Эрнеста Комба даже вовсе не упомянуто. Правда, переводы эти очень слабы, но говорить о Готи и его развязномъ своеволіи съ первокласснымъ русскимъ писателемъ и ни слова не сказать о Комбѣ нѣсколько странно. Повидимому, г-жа Крамарева и не подозрѣвала о существованіи такого переводчика Грибоѣдова, такъ какъ даже въ библиографической указатель онъ не попалъ и только въ пропускахъ и опечаткахъ послѣ текста внесено голое названіе его работы. Мы надѣялись встрѣтить и болѣе подробную, и полную французскую библиографію о Грибоѣдовѣ, но она содержитъ всего девять номеровъ болѣе или менѣе извѣстныхъ статей и замѣтокъ объ авторѣ «Горе отъ ума» на французскомъ языкѣ. Между тѣмъ розыски въ этомъ направленіи, несомнѣнно, могли бы дать г-жѣ Крамаревой не одно указаніе, которое бы могло пополнить совсѣмъ не разработанную французскую библиографію о Грибоѣдовѣ. Удалось же ей разыскать въ парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ совершенно неизвѣстное донесеніе французскаго путешественника Гамбы (1768—1833) о смерти Грибоѣдова, современное событію. И, конечно, это далеко не все, чѣмъ можетъ подѣлиться архивная или, вѣрнѣе, рукописная Франція о Грибоѣдовѣ. Въ томъ же архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ должны быть донесенія французскаго посла въ Россіи о трагической катастрофѣ 30 января 1829 года, такомъ необыкновенномъ событіи въ международной жизни. Мы не находимъ, однако, ни слова о нихъ въ трудѣ г-жи Крамаревой...—Биографическій очеркъ состоитъ изъ семи главъ, которыя охватываютъ всю кратковременную жизнь А. С. Грибоѣдова: 1) семья, ученіе и жизнь въ полку, 2) первое пребываніе въ Петербургѣ, 3) отъѣздъ въ Персію, 4) жизнь въ Тифлисѣ и въ Москвѣ, возвращеніе на Кавказъ, 5) арестъ и заключеніе, 6) возвращеніе на Кавказъ и служебная карьера, 7) трагическая смерть Грибоѣдова.—Каждая изъ этихъ главъ не лишена промаховъ и недостатковъ, которые неизбежны для біографа Грибоѣдова, ограничивающагося только печатнымъ матеріаломъ. Послѣдній разбросанъ по всевозможнымъ періодическимъ и инымъ изданіямъ, нѣрѣдко сдѣланнымъ библиографической рѣдкостью, случаенъ, плохо разработанъ и нуждается въ провѣркѣ, въ сводкѣ и въ самомъ энергичномъ пополненіи новыми архивными данными. Можно себѣ представить, съ какимъ трудомъ встрѣтился авторъ біографіи на чужбинѣ, гдѣ достать нѣкоторыя русскія изданія прямо невозможно. И тѣмъ не менѣе біографическій очеркъ составленъ безъ большихъ промаховъ, которые надѣлали въ біографіи Грибоѣдова даже такіе специалисты, какъ Алексѣй Веселовскій, В. Е. Якушкинъ, И. Шляпкинъ (послѣдній въ 1889 году при полномъ собраніи сочиненій Грибоѣдова даже не рѣшился написать біографію писателя, замѣнивъ ее хронологической канвой, въ которой надѣлалъ ошибокъ чуть не на каждой страницѣ) и мн. др. Это нельзя не поставить въ заслугу г-жѣ Крамаревой. Новый біографъ Грибоѣдова прочтеться не безъ пользы. Сла-

бьяего мѣста особенно чувствуются въ первыхъ двухъ главахъ первой части, благодаря скудости извѣстій о первой половинѣ жизни Грибоѣдова. Напримѣръ, исходный пунктъ для біографа—годъ рожденія автора «Горе отъ ума»—принять составительницей почему-то 1794-ый, какъ «наиболѣе вѣроятный» (стр. 7), а не общепринятый 1795-ый. Правда, метрика Грибоѣдова не разыскана и въ то же время документально извѣстно, что въ 1808 году (т. е. въ 13^{1/2} лѣтъ) онъ выдержалъ уже экзамень при московскомъ университетѣ на кандидата словесныхъ наукъ, но тѣмъ не менѣе 1794-ый годъ никто изъ біографовъ ничѣмъ подкрѣпить не можетъ, и почему онъ «наиболѣе вѣроятный»,—остается совершенно недоказаннымъ. Перечисляя профессоровъ-иностранцевъ, которыхъ слушалъ Грибоѣдовъ въ московскомъ университетѣ, г-жа Крамарева, между прочимъ, дважды (стр. 15 и 157, прим. 5) называетъ Шлоссера-сына. Это ошибка. Такого профессора въ Москвѣ никогда не было. Не точны свѣдѣнія о военной службѣ. Шаховской, авторъ многочисленныхъ комедій, оказывается служившимъ въ одномъ полку съ Грибоѣдовымъ, чего не было. Напрасно думать также, что Грибоѣдовъ не поступилъ въ формировавшійся въ 1812 году графомъ Салтыковымъ московскій гусарскій полкъ, такъ какъ онъ былъ вкорѣ распущенъ (стр. 19 и 171), и усматривать на этомъ основаніи, при разборѣ плана и сцены изъ драмы 1812 года, якобы личное недовольство Грибоѣдова Салтыковскимъ ополченіемъ. Грибоѣдовъ при самомъ сформированіи полка въ Москвѣ былъ принятъ на службу въ чинѣ корнета и потому въ концѣ 1812 года его нельзя искать въ Литвѣ (какъ дѣлаетъ это, впрочемъ, не одна г-жа Крамарева, а Алексѣй Веселовскій и мн. др.) На самомъ дѣлѣ онъ былъ въ это время при полку въ Казани, такъ какъ въ концѣ декабря полкъ только еще получилъ распоряженіе присоединиться къ разбитому Иркутскому драгунскому полку и принять наименованіе Иркутскаго гусарскаго. Весь декабрь 1812 года эскадроны Московскаго гусарскаго полка находились еще въ Казани и ея уѣздѣ... Въ этомъ же родѣ можно усмотрѣть нѣсколько неточностей и въ другихъ главахъ первой части труда О. П. Крамаревой.—Вторая его часть содержитъ изложеніе и анализъ произведеній Грибоѣдова перваго, подготовительнаго періода его литературной дѣятельности (гл. 8-я) и подробно трактуетъ о «Горе отъ ума» (гл. 9—11), заканчиваясь краткимъ обзоромъ взглядовъ нашей критики на безсмертную комедію (гл. 12). Эта часть не лишена промаховъ и упущеній. Такъ, утвержденіе автора, что «Своя семья или замужня невѣста»—комедія Шаховскаго и Хмельницкаго, написанная въ сотрудничествѣ съ Грибоѣдовымъ,—заимствована изъ французской комедіи того же названія (*La fiancée magiée*), кажется, ошибочно. Это комедія оригинальная, и немудрено, что г-жа Крамарева никакъ не могла найти во французской драматической литературѣ слѣдствъ подобной комедіи (стр. 165, примѣч.). Г-жа Крамарева осталась при предположеніи, что подобная пьеса была въ рукописи завезена французами въ Россію и не была напечатана... При изложеніи процесса творческой обработки «Горе отъ ума» (стр. 190 и сл.) совершенно односторонне и тускло освѣщена работа Грибоѣдова надъ петербургской редакціей комедіи (1824 года). Это была работа крупнаго художника и уже вполне опытнаго драматурга и знатока сцены и отмѣчать въ ней только измѣненія ради цензурныхъ соображеній, приводитъ выраженія, ослабляющія единичные стихи пьесы, да еще примѣшивать сюда же по-

правки автора, сдѣланныя для спеціального представленія «Горя» передъ военной публикой (въ Эривани, въ 1827 году), какъ это дѣлаетъ авторъ,—значить сбивать съ толку читателя, желающаго уяснить себѣ, къ какому же конечному тексту пришелъ самъ авторъ комедіи. Этого не уяснила себѣ, повидимому, и сама г-жа Крамарева. Она называетъ автографъ «Горе Уму» (принадлежащій «Музею имени Грибоѣдова») черновымъ наброскомъ комедіи сравнительно стараго происхожденія (стр. 197) и свидѣтельствуетъ «тѣмъ не менѣе» близость большинства его стиховъ къ конечной редакціи. Между тѣмъ это двѣ совсѣмъ рядомъ стоящія крупныя редакціи комедіи—московская (1823 года) и петербургская (1824 года), и является настоятельно необходимымъ указать на характеръ петербургскихъ поправокъ, которыя привели автора къ болѣе художественному пѣлому, къ вполне законченной редакціи комедіи, а не ограничиваться приведеніемъ поправокъ по цензурнымъ соображеніямъ, запрятывая въ подстрочное примѣчаніе (стр. 198) и упоминая вскользь о самыхъ важныхъ вариантахъ, сдѣланныхъ Грибоѣдовымъ въ петербургскій періодъ работы, находя почему-то, что они не могутъ представлять никакого интереса во французскомъ переводѣ... Упрекая, далѣе, г. Готи, перекрестившаго по-своему грибоѣдовскихъ героевъ, г-жа Крамарева сама передѣлала Горичева въ Степана Михайловича (стр. 194). Есть немало и другихъ промаховъ и недосмотровъ, останавливаться на которыхъ значило бы удлиннять и безъ того растянувшуюся рецензію. Нельзя, однако, не замѣтить, что прямой переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ «Исторіи русской словесности» П. Н. Полевого и біографіи Грибоѣдова А. Н. Веселовскаго («Русская Библіотека», т. V, Спб., 1875), замѣченный нами въ текстъ (стр. 6, 7, 8 и др.) и приведенный, какъ разсужденіе самого автора, можетъ подорвать довѣріе читателя къ самостоятельности научной работы г-жи Крамаревой, что было бы весьма жаль, такъ какъ, несмотря на всѣ указанные недочеты и упущенія, можно все же привѣтствовать работу нашей соотечественницы, какъ первый серьезный опытъ познакомить Францію съ подробной біографіей и довольно обстоятельнымъ анализомъ творчества великаго русскаго писателя, положившаго начало русскому художественному театру. Вѣдь, не касаясь политическаго значенія комедіи, только съ «Горе отъ ума» появилась возможность изучать на нашемъ театральномъ репертуарѣ черты дѣйствительно художественно отраженнаго русскаго быта (кстати сказать, такъ поверхностно знакомаго нашимъ французскимъ друзьямъ), такъ какъ все написанное для театра до «Горе отъ ума» страдало или полнымъ отсутствіемъ оригинальности, или отсутствіемъ художественной цѣльности изображаемой картины (Недоросль, Бригадиръ, Ябета, комедіи Шаховскаго и Хмельницкаго и т. п.).

Sc.

А. Вишняковъ. Императоръ Юліанъ Отступникъ и литературная полемика съ нимъ св. Кирилла, архіепископа александрійскаго. Симбирскъ. 1908.

Сочиненіе г. Вишнякова представляетъ собою диссертацию на степень магистра богословія. Предметъ его—не біографія и не правительственная дѣятельность знаменитаго императора, —о чемъ существуетъ обширная литература на Западѣ,—а его литературная борьба съ христіанствомъ, его сочиненіе

«Противъ христіанъ». — и полемика съ нимъ Кирилла Александрійскаго, что не было предметомъ спеціального изслѣдованія ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ. Эта полемика разсматривается г. Вишняковымъ въ связи съ исторіей предшествующей литературной борьбы между христіанами и язычниками.

Философскія ученія въ эпоху борьбы христіанства съ язычествомъ имѣли въ большей или меньшей степени религіозный характеръ и представляли соединеніе восточныхъ и греческихъ религіозныхъ воззрѣній на почвѣ философіи Платона. Основныя возраженія языческихъ писателей противъ христіанства въ значительной степени обусловливаются особенностями ихъ религіозно-философскихъ воззрѣній, какъ, напримѣръ, обвиненіе христіанства въ религіозномъ новшествѣ, критика ученія о твореніи міра, промыслѣ, искушеніи, воскресеніи, отчасти же представляютъ рационалистическую критику новой религіи библейскихъ разсказовъ, какъ не удовлетворяющихъ требованіямъ развитаго ума. Отвѣчая имъ, христіанскіе апологеты стремились представить свою религію, какъ единственно истинную, имѣющую высокую убѣдительность для ума и для нравственнаго чувства, въ противоположность язычеству, которое, будучи только въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ лучшихъ своихъ представителей сходно съ христіанствомъ, въ общемъ представляетъ собою зло и заблужденіе.

Юліанъ выступилъ противъ христіанства лучше вооруженный, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, благодаря полученному имъ христіанскому богословскому образованію, но отъ его сочиненія сохранились только отрывки, такъ что мы не можемъ имѣть о немъ полнаго представленія, какъ и о сочиненіи его противника, св. Кирилла. Оба эти сочиненія находятся въ большой зависимости отъ предшествующихъ произведеній того же рода: особенность произведенія Юліана въ томъ, что, нападая на христіанство, онъ выступаетъ въ то же время защитникомъ греческой религіи, которую хотѣлъ возстановить въ своей имперіи со всѣмъ ея культomъ; большимъ недостаткомъ христіанства онъ считаетъ сравнительную бѣдность культа и особенно оставленіе іудейскаго обрядоваго закона; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нападаетъ на ученіе объ Іисусѣ Христѣ, какъ сынѣ Божіемъ, обвиняя христіанъ въ невѣжествѣ и безнравственности. Кириллъ отвѣчаетъ ему по всѣмъ этимъ пунктамъ.

Г. Вишняковъ, изображая идейное столкновеніе двухъ религій, не проноситъ окончательнаго приговора по поводу этой полемики и не намѣчаетъ путей для современной апологіи. Такимъ образомъ, его диссертация имѣетъ чисто историческій характеръ и чужда полемическаго духа, чѣмъ рѣзко отличается отъ другихъ сочиненій этой категоріи. М. С.

В. Бузескулъ. Исторія афинской демократіи. Спб. 1909.

Стр. VII+466. Цѣна 2 р. 50 к.

Изъ всѣхъ политическихъ міровъ, входившихъ въ составъ древней Греціи, Афины представляются изслѣдователю наиболѣе интересными и яркими. Тутъ сильнѣе всего бился пульсъ не только культурной, но и политической жизни грековъ. Рядомъ съ великими мастерами искусства и литературы Афины вы-

двигаютъ и одного изъ величайшихъ политическихъ мыслителей древняго міра Платона, идеи котораго хватаютъ до нашего времени.

Изъ всѣхъ греческихъ государствъ Аѳины наиболѣе послѣдовательно и, такъ сказать, органически прошли всѣ этапы политическаго развитія отъ единоличной власти до господства «народа», т. е. демократіи. Изобразить исторію этой демократіи и вилъ на себя трудъ профессоръ харьковскаго университета Бузескуль. «Я старался,— говоритъ онъ въ предисловіи,— взглянуть на аѳинскую демократію объективно, изобразить ее такую, какою она была въ дѣйствительности».

Аѳинская демократія развивалась такъ органически, что можно дать весьма отчетливое изображеніе хода этого развитія. Къ сожалѣнію, въ книгѣ проф. Бузескула, которая назначена имъ не для спеціалистовъ, а для университетскихъ слушателей, лицъ, ищущихъ самообразованія, и вообще для любителей исторіи, мы этой стройности изложенія не находимъ. Произошло это, какъ намъ кажется, оттого, что лежащая передъ нами книга представляетъ работу мозаичную, склеенную изъ трехъ отдѣльныхъ составныхъ частей, неодинаково и съ разныхъ точекъ зрѣнія обработанныхъ. Въ основѣ книги лежитъ курсъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ харьковскомъ университетѣ, къ нему присоединена ранняя его диссертация, посвященная имъ вѣку Перикла. Эти разнородныя работы кое-гдѣ сшаты совершенно механически, и внимательный читатель замѣтитъ слѣды этой сшивки. Такъ, на стр. 15 профессоръ доказываетъ недостаточность схемы, дающей для характеристики развитія древне-греческаго хозяйства извѣстнымъ экономистомъ Родбертусомъ и принятой затѣмъ его послѣдователемъ Бюхеромъ. Указавъ на стр. 15 на односторонность этихъ двухъ ученыхъ, видящихъ въ хозяйственной жизни страны лишь «ойкосное», или натуральное, хозяйство, авторъ на стр. 419 опять возвращается къ разбору той же схемы Родбертуса и опять дословно повторяетъ свои соображенія, съ которыми читатель уже познакомился.

Отсутствіе органическаго роста книги сказывается и въ различныхъ рамкахъ, въ которыхъ движется изложеніе автора. Въ то время, какъ въ первой, весьма элементарной части его книги все его вниманіе устремлено на политическія формы, черезъ которыя суждено было пройти аѳинскому государству, въ среднѣй книгѣ поле зрѣнія автора расширяется, онъ привлекаетъ къ своему изложенію и литературу, цитируетъ не только Платона, Ксенофонта и другихъ политическихъ писателей, но и Сократа и Аристофана. Политическая исторія незамѣтно переходитъ въ бытовую, расширяется и пріобрѣтаетъ большій интересъ, чѣмъ перечисленіе должностныхъ лицъ и правительственныхъ мѣропріятій, которыми занято начало книги. Зато, конечно, проигрываетъ ясность и послѣдовательность въ изображеніи самаго процесса политическаго развитія аѳинской демократіи. Чтобы представить себѣ схему этого развитія, читателю приходится отбрасывать множество мелкихъ подробностей, собственныхъ именъ лицъ и мѣстъ, только загромождающихъ изложеніе и ненужныхъ въ книгѣ, назначенной не для ученаго спеціалиста.

Если бы авторъ нашелъ въ себѣ силы переработать свою книгу и твердо установилъ, хочетъ ли онъ написать исторію Аѳинъ вообще, или только исто-

рiю политическихъ формъ аинскаго народа, его работа могла бы сослужить нѣкоторую службу дѣлу нашего ознакомленiя съ древнимъ миромъ и дѣйствительно найти себѣ читателей среди всѣхъ трехъ категорiй, которыя напѣтилъ себѣ авторъ. И, наоборотъ, можно бояться, что кругъ этотъ сузится и ограничится одними университетскими слушателями, если она останется безъ такой обработки.

А. В.

О Толстомъ. Международный Толстовскiй альманахъ, составленный П. Сергѣенко. М. 1909. Стр. 6 нен. + 431. Ц. 2 руб.

Этотъ альманахъ—самый звучный и красивый отголосокъ прошлагодняго юбилея нашего великаго писателя. Въ выраженiяхъ любви къ Толстому и поклоненiя передъ нимъ соединились и шведы, и англичане, и японцы, и испанцы, и индусы, и французы... Слава Толстого, обаянiе его имени—наша лучшая, безкровная побѣда. «Стоя,—пишетъ Бьернсонъ,—головою выше русской современности, раздираемой дикой революцiей и грубой реакцiей, Толстой олицетворяетъ въ моихъ глазахъ окончательное будущее Россiи». Изъ далекой Японiи несется привѣтъ: «Долгой жизни Толстому! Долгой жизни доброму гению Россiи! Долгой жизни пророку человѣколюбiя!»—«Можно ли говорить о Толстомъ безъ глубокаго волненiя?» спрашиваетъ французскiй романистъ Поль Маргерить. «Душа эпохи»—мѣтко характеризуетъ Толстого испанецъ Луи Мороть. Но самый богатый и обильный вкладъ въ альманахъ дали русскiе писатели и поклонники Толстого. Особенно цѣнны рассказы о самомъ Толстомъ, о его писательской и личной жизни, записанные авторами слова Толстого, ихъ отрывочныя и мимолезя наблюдениа; всѣ эти черты многое прибавляютъ къ тому привлекательному образу великаго писателя и человѣка высокаго душевнаго строя, какимъ весь миръ давно знаетъ и любитъ Толстого. Каждая страница сборника обвѣяна духомъ Толстого. Отъ великой щедрости этого духа зачерпнули, каждый въ свою мѣру, и такой замѣчательный мыслитель, какъ В. В. Розановъ, и простой, «сѣрый» крестьянинъ. Толстовскiй альманахъ читается жадно, и отъ этого собранiя благородныхъ даней любви и поклоненiя великому уму и великому, вселюбящему сердцу, отходнишь, повторяя слова одного изъ участниковъ альманаха: «Какъ хорошо, что я живу, когда живетъ онъ, не раньше, не до него...». Н. Л.

В. В. Сиповскiй. Очерки изъ исторiи русскаго романа. Т. I, вып. 1-ый (XVIII вѣкъ). С.-Петербургъ. 1909. Стр. X + 715. Цѣна не обозначена.

Книга г. Сиповскаго заслуживаетъ наибольшаго вниманiя со стороны каждаго, интересующагося исторiей русской литературы. Въ предисловiи самъ авторъ называетъ свой трудъ «отвѣтственнымъ», объясняя, почему онъ такъ смотритъ на него. По словамъ г. Сиповскаго, его книга «представляетъ собою первую попытку разобраться въ полувѣковой жизни того жанра, который въ XIX в. нашелъ у насъ блестящее развитiе въ дѣятельности Пушкина, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Л. Толстого и многихъ другихъ».

Въ предыдущемъ трудѣ изслѣдователя «Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти» имъ были приведены въ извѣстность русскіе печатные романы съ 1730 по 1800 г., настоящая книга посвящается классификаціи этого матеріала. Разсматривая популярныя переводныя и оригинальныя русскіе романы XVIII в., г. Сиповскій сводитъ ихъ въ три группы: 1) романъ псевдо-классическій, 2) волшебнo-рыцарскій романъ и 3) англійскій психологическій семейный. Каждая изъ этихъ группъ раздѣляется, въ свою очередь, на подгруппы. Произведенія одной и той же группы или подгруппы объединены тождествомъ идейнаго содержанія и литературныхъ приѣмовъ; они какъ бы написаны по готовому шаблону, въ нихъ встрѣчаются «общія мѣста». Въ основу классификаціи авторъ беретъ внѣшніе признаки (построеніе романа, приѣмы творчества) и внутренніе (идейную сторону содержанія).

Особенно интересны въ книгѣ первыя три главы, дающія общіе выводы о романѣ XVIII вѣка. На основаніи мемуаровъ этого времени, текста самихъ романовъ, журнальной критики и публицистики XVIII в., а также статистическихъ данныхъ объ общемъ числѣ книгъ, вышедшихъ съ 1725 по 1800 г., и процентномъ отношеніи къ этому количеству числа романовъ, г. Сиповскій выясняетъ, какъ велико было историко-литературное и культурное значеніе романа въ Россіи XVIII вѣка. Цѣлыя поколѣнія русскаго общества воспитывались на тѣхъ или другихъ романахъ, многіе жили по «рецептамъ», извлеченымъ изъ чтенія. Наиболѣе любимыя книгами являются «Вертеръ», «Новая Элоиза», романы Юнга и романы Радклифъ. Врагами чтенія романовъ являлись люди, воспитанные на церковной литературѣ, писатели трагедій и комедій, напримѣръ, Сумароковъ, и критики-«реалисты», видѣвшіе въ романической идеализаціи вредную. Число выходящихъ романовъ, какъ это видно изъ статистической таблицы, составленной г. Сиповскимъ, возрастаетъ почти съ каждымъ годомъ. Изъ 8.952 сочиненій, появившихся въ Россіи съ 1725 по 1800 г., на долю беллетристики приходится 3.591 сочиненіе, изъ коихъ романовъ было 1.175.

Изъ предисловія романовъ выясняется, какія тенденціи руководили авторами и переводчиками ихъ: нѣкоторые изъ писателей хотѣли дать публикѣ «назидательное чтеніе», другіе считали свои произведенія «полезными къ исправленію нравовъ», многіе переводчики смотрятъ на свой трудъ, какъ на «услугу отечеству», и т. п. Въ своихъ философскихъ и политическихъ романахъ русскіе писатели болѣе всего подражали властителю думъ XVIII в., Вольтеру. Въ нихъ мы находимъ нападки на суевѣріе и фанатизмъ, пороки духовенства, злоупотребленія крѣпостничества; въ нѣкоторыхъ рисуются «царства утопіи съ хорошимъ царемъ». Романы даютъ также богатую картину бытовой стороны XVIII вѣка. Поляе всего представляется въ нихъ жизнь дворянства: рисуется столкновеніе старины съ новизной, воспитаніе юношества, служба молодыхъ дворянъ въ гвардіи, жизнь дворянства въ усадьбахъ и городахъ; попадаются также картины жизни купеческой: бичуются нравы приказныхъ, ихъ лихоимство и взяточничество.

Сдѣлавъ общіе выводы по исторіи русскаго романа, г. Сиповскій въ двухъ послѣднихъ главахъ книги даетъ характеристики каждой изъ группъ романовъ

по намѣченной имъ системѣ классификаціи. Каждая глава снабжена рядомъ примѣчаній и ссылокъ, указывающихъ, откуда авторъ заимствуетъ цитаты, приводимыя имъ для доказательства того или другого положенія. Число этихъ ссылокъ свыше 3,000, что одно уже показываетъ всю громадность труда, предпріятого авторомъ.

В. Т—й.

Валерій Брюсовъ. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя.
М. 1909. Стр. 33. Ц. 40 коп.

Памятенъ шумъ, который надѣлалъ въ Гоголевскіе юбилейные дни докладъ г. Брюсова, прочитанный въ торжественномъ засѣданіи общества любителей русской словесности. Публика во время чтенія доклада, возмущаясь непочтеніемъ г. Брюсова къ Гоголю, шикала, кричала: «довольно», а нѣкоторые демонстративно выходили изъ зала, еще демонстративнѣе опрокидывая стулья. Оказывается, что г. Брюсовъ (онъ напечаталъ свой докладъ «безъ всякихъ измѣненій, такъ, какъ произносилъ») вовсе не такой герой въ своемъ дерзновеніи, чтобы стоило изъ-за его рѣчи стулья ломать. Рѣчь очень недурна, вишне-красива и вполне вѣрно опредѣляетъ одну изъ главныхъ писательскихъ и личныхъ чертъ Гоголя—его гиперболизмъ, страсть къ преувеличенію. Самыя огромныя задачи, которыя были ему не по силамъ, въ озареніи этой страсти подчасъ казались ему легкими, и онъ не умѣлъ соразмѣрять своихъ силъ съ цѣлями. Онъ то «писалъ» исторію Малороссіи «въ шести малыхъ или четырехъ большихъ томахъ», то исторію среднихъ вѣковъ, которая «будетъ состоять томовъ изъ восьми, если не изъ девяти», то трехтомную «всеобщую географію». Можемъ прибавить, что Гоголь умѣлъ внушать вѣру въ эти обѣщанія и людямъ совершенно трезваго и нормальнаго склада. Такъ, въ дневникѣ Пушкина записано (1834 г.): «Гоголь по моему совѣту началъ исторію русской критики». Мысль о гиперболизмѣ Гоголя вполне вѣрна, но кое-гдѣ аргументація г. Брюсова натянута и несостоятельна. Такъ, онъ призналъ преувеличенными выраженія скорби о Пушкинѣ въ письмахъ Гоголя, потому что эти письма содержатъ въ себѣ и «посторонніе» предметы, на-примѣръ, просьбу о присылкѣ денегъ. вполне резонно возразилъ кто-то г. Брюсову, что какъ бы ни горевалъ Гоголь о Пушкинѣ, а вѣдь ему нужно было одѣваться и платить за квартиру. Писалъ же гениально-здоровымъ духомъ Пушкинъ (Плетневу) подъ впечатлѣніемъ смерти Дельвига: «никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига»... и тутъ же заключилъ: «нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ, быть такъ». Жалобы на разныя болѣзни, по словамъ г. Брюсова, «не мѣшали Гоголю любить хорошо поѣсть». Г. Брюсовъ съ Гоголемъ не обѣдалъ, и хорошо знававшій Гоголя Аппенковъ рассказываетъ («Гоголь въ Римѣ»), что самый аппетитъ Гоголя былъ патологическій; что онъ ѣлъ «съ необычайною жадностью», поглощая ложку за ложкою со страстью и быстротой, какими, говорятъ, отличаются за столомъ люди, расположенные къ ипохондріи». Но если выбросить изъ брошюры г. Брюсова эти безтактные, чисто-прокурорскіе выпады, благо ихъ совсѣмъ немного, останется очень вдумчивый и въ основѣ правильный анализъ выдающейся черты натуры Гоголя и его писательскаго «паѳоса».

Н. Лернеръ.

Долопчевъ, В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Варшава. 1909. Стр. 332 + VII. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ настоящій словарь вошли: 1) ошибки фонетическія, этимологическія, синтаксическія и стилистическія; 2) неправильности въ произношеніи и удареніи; 3) слова и выраженія областныя, замѣчаемыя въ разговорной рѣчи учащихся и людей болѣе или менѣе образованныхъ; 4) «неправильности, встрѣчающіяся даже у опытныхъ писателей и въ столичной печати». Кроме того, авторъ «счелъ полезнымъ включить въ него, кроме неправильностей, еще слѣдующій матеріалъ»: 1) нѣкоторыя областныя слова и выраженія, не понятныя большинству; 2) слова съ двоякими формами и удареніями; 3) слова иностранныя, употребляемыя безъ нужды или безъ разбора и 4) въ качествѣ приложения: «Замѣчанія о произношеніи въ Южной Россіи», гдѣ «учащіеся могутъ найти основанія русской орфоэпіи».

Прежде, чѣмъ приступить къ указанію достоинствъ и недостатковъ настоящаго словаря, замѣтимъ, что словарь г. Долопчевымъ, какъ видно изъ предисловія, предназначается не только въ помощь учащимся, но и вообще для людей, желающихъ избавиться отъ тѣхъ или другихъ неправильностей. Кроме того, какъ видно изъ предисловія же, 1-е изданіе словаря выдержало строгую критику покойнаго академика Я. К. Грота, который, «внимательно прочитавъ словарь», «не пропустилъ ни одного слова безъ своей отмѣтки и въ такомъ видѣ прислалъ» его автору, почему настоящій словарь во 2-мъ изданіи отличается «устойчивостью и правильностью многихъ своихъ положеній». Замѣтимъ, наконецъ, еще одно важное обстоятельство—на обложкѣ настоящаго труда напечатано: «Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія *одобренъ* ¹⁾ въ первомъ изданіи какъ учебное пособіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Несмотря, однако, на все это, словарь и во 2-мъ изданіи содержитъ много промаховъ, что объясняется вполне поговоркой: «за двумя зайцами погонишься». Прежде всего, въ виду того, что авторъ преслѣдуетъ въ своемъ словарѣ такъ много цѣлей, онъ, конечно, не могъ дать точныхъ указаній, какъ нужно пользоваться его словаремъ, почему читатель въ большинствѣ случаевъ остается по прочтеніи того или другаго слова въ недоумѣніи. Напримѣръ, если предположить, что слова, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, и есть тѣ «неправильности», которыхъ нужно избѣгать, то какъ тогда быть хотя бы съ такими словами: «абрикоса» (въ словарѣ напечатано: *абрикоса* ²⁾ ж.—абрикось м.), «абрикосный» (напечатано: *абрикосный*—абрикосовый), «ботинокъ» (напечатано: *ботинокъ* м.—ботинка ж. *Два ботинка* (двѣ ботинки). *Остался съ однимъ ботинкомъ* (одною ботинкою), «самъ-пять» (напечатано: *самъ пять*—самъ-пять) и т. д.

Затѣмъ врядъ ли правильно поставлено удареніе въ словѣ: брешу (напечатано: *брешу́*—брѣшу) и безусловно будетъ неправильно произносить: Бухара (вм. Бухарá), Хива (вм. Хивá).

¹⁾ На обложкѣ жирнымъ шрифтомъ.

²⁾ Въ словарѣ—жирнымъ шрифтомъ.

Далѣ, въ словарѣ встрѣчаются неправильныя объясненія словъ, какъ, напримѣръ, брюхатый—брюхастый, юшка—наваръ и проч.

«Не ополчаясь противъ иностранныхъ словъ, получившихъ право гражданства въ русскомъ языкѣ, я,—говорить г. Долопчевъ,—сдѣлалъ попытку «обрусенія» русскаго языка напоминаніемъ, что существуютъ русскія слова, которыми съ успѣхомъ можно замѣтить (очевидно, опечатка и надо читать: замѣнить) слова иностранныя, и потому предложилъ нѣкоторыя, взятая изъ чужихъ языковъ, слова совершенно изгнать изъ рѣчи»... Не касаясь непонятности выраженія—«попытку обрусенія русскаго языка» (какъ можно *обрусить* русскій языкъ, это, вѣроятно, можетъ понять только г. Долопчевъ), замѣтимъ, что авторъ предлагаетъ «изгнать изъ рѣчи» русской такія слова, какъ beau-frère, beau-père. Но, во-первыхъ, такія слова не нуждаются въ изгнаніи, такъ какъ употребляются лишь очень и очень маленькой группой людей сравнительно съ всею массою населенія нашей имперіи, а, во-вторыхъ, замѣну ихъ г. Долопчевымъ другими словами нельзя признать удачною, ибо слова: «зять» и «деверь» или «тестъ» и «свекоръ» не одно и то же (beau-frère—зять, деверь; beau-père—тестъ и пр.) обозначаютъ въ русскомъ языкѣ и оставлять ихъ безъ объясненія не слѣдуетъ, такъ какъ это вноситъ только путаницу (что довольно часто наблюдается на урокахъ французскаго языка у преподавателей, слабо знакомыхъ съ русскимъ языкомъ).

Такъ какъ, главнымъ образомъ, г. Долопчевъ все-таки имѣетъ въ виду учащихся, то такіе примѣры, какъ «хлюпнули по рюмкѣ водки», по меньшей мѣрѣ неумѣстны,—неумѣстны также и опечатки, а ихъ въ одномъ предисловіи наберется до 10.

Кромѣ того, авторъ ставитъ себѣ цѣлью избавить читателей и отъ ошибокъ стилистическихъ, а между тѣмъ самъ въ предисловіи пишетъ (очевидно, по недосмотру): «Преподаватели могутъ съ пользою для дѣла рекомендовать этотъ сборникъ учащимся: онъ облегчитъ ихъ трудную задачу въ особенности въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ сходятся дѣти различныхъ національностей и бѣднѣйшихъ классовъ общества».

Къ числу недосмотровъ относимъ начертаніе: *вполсытá*—*вполсытá* (ср. у Грота), *всего на всего*—*всего на все* (тѣмъ болѣе, что далѣе самъ же г. Долопчевъ приводитъ такой примѣръ: «У меня всего на всего рубль»).

Мы указали далеко не всѣ промахи настоящаго словаря, но и указаннаго, думается, достаточно, чтобъ судить о томъ, какъ велики достоинства настоящаго труда. Во всякомъ случаѣ словарь (332 + VII стр. in 8^om.) свою цѣну безусловно не оправдываетъ.

Я. Вирюковъ.

Н. Н. Платонова. Кохановская (Н. С. Соханская) 1823—1884 гг. Біографическій очеркъ (съ портретомъ). Спб. 1909. Стр. 234. Ц. 1 р. 50 к.

Кохановская принадлежитъ въ настоящее время къ числу забытыхъ писательницъ: даже въ специальныхъ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы ей посвящается только по нѣсколько строкъ, а въ нѣкоторыхъ и вовсе не упоминается ея имя.

Трудъ г-жи Платоновой является первой книгой, дающей намъ интересно написанную, полную яркихъ бытовыхъ подробностейъ біографію этой писательницы, о которой К. Аксаковъ писалъ: «Достоинство сочиненій Кохановской не преходящее. Внутренняя сила ихъ возьметъ свое и устарѣть не можетъ. Ее снова будутъ читать, когда многихъ изъ читаемыхъ забудутъ».

Составлена біографія, главнымъ образомъ, по даннымъ, еще не появившимся въ печати, а именно г-жа Платонова имѣла въ своемъ распоряженіи опись бумагъ Кохановской, составленную извѣстнымъ библиофиломъ С. П. Пономаревымъ, затѣмъ, благодаря содѣйствию К. Я. Грота, письма Кохановской къ Плетневой (числомъ 111) за 1849—1875 гг. и три письма писательницы къ А. В. Дружинину. Кроме того, въ бумагахъ покойной матери г-жи Платоновой, Надежды Дмитріевны Шамониной, пріятельницы и сестѣйки Кохановской по плѣнію, сохранилось 70 писемъ послѣдней за разные годы. Эти письма также цитируются авторомъ въ его работѣ.

Жизнь Кохановской съ вѣншей стороны бѣдна содержаніемъ. Дочь незначительнаго малороссійскаго помѣщика, умершаго въ 1826 г., она на одиннадцатомъ году была помѣщена въ харьковскій институтъ, который своею казарменностью и суровостью произвелъ на чуткую душу дѣвочки крайне тяжелое впечатлѣніе. «Идіотизмъ монастырски-заключеннаго, отрѣшеннаго отъ всякой жизнестности воспитанія еще не разсѣиваемымъ туманомъ стоялъ во мнѣ. Я боялась людей, какъ филинъ боится свѣта»,—такіе итоги институтской жизни выводитъ сама Кохановская. Только одинъ изъ институтскихъ учителей Ильенко благотворно повліялъ на дѣвушку, передавъ ей любовь къ поэзій и литературѣ. Въ 1840 г. она окончила институтъ и поселилась въ плѣніи матери Макаровѣ, Купянскаго уѣзда Харьковской губерніи, гдѣ въ очень скромной обстановкѣ и прошла вся ея жизнь до дня смерти въ 1884 г.; лишь на короткое время покидала писательница родное гнѣздо. Въ 1846 г. Кохановской удалось завести переписку съ Плетневымъ, который, прочитавъ присланныя ею повѣсти, указалъ ихъ недостатки и далъ ей рядъ цѣнныхъ совѣтовъ. Кохановская воспользовалась ими и въ дальѣйшихъ своихъ произведеніяхъ освободилась отъ вліянія произведеній во вкусѣ Марлинскаго. Повѣсти ея: «Послѣ обѣда въ гостяхъ» (1858 г.) и «Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова» (1861 г.) сразу завоевали ей мѣсто въ литературѣ. Въ повѣстяхъ Кохановской давалась яркая картина малороссійской природы и степи, рисовалась народная и провинціальная жизнь, «незатѣйливая, бѣдная содержаніемъ, но богатая силами»; много мѣста въ нихъ отводилось русской нѣснѣ, которая «зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за душу»: языкъ ихъ былъ своеобразенъ и богатъ; вотъ причины, по которымъ критики различныхъ направленій признали въ ней большой художественный талантъ. Въ это время у Кохановской ведется дѣятельная переписка по поводу ея произведеній со многими литераторами и редакторами, какъ, напримѣръ, А. В. Дружининымъ, К. Аксаковымъ, М. Н. Катковымъ, Краевскимъ и другими. Повѣсть ея «Кирилла Петровъ» обращаетъ на себя вниманіе императрицы Маріи Александровны, которая жалуетъ ей цѣнный подарокъ. Симиатин Кохановской были всегда на сторонѣ славянофиловъ, хотя она и была недостаточно знакома съ

ихъ ученіемъ. Она не поняла также и общественнаго движенія эпохи великихъ реформъ. Въ ея произведеніяхъ пѣтъ геросвъ современности, она сама называетъ себя «поэтомъ отживающаго быта». По словамъ Кохановской, ей хотѣлось бы написать романъ, который можно было бы назвать: «Канунъ 19 февраля помѣщичьяго быта». Но для этого, справедливо замѣчаетъ г-жа Платонова, «нужно было ясно представлять себѣ значеніе и смыслъ 19 февраля въ широкомъ смыслѣ слова, понять весь историческій ходъ движенія, приведшаго къ эпохѣ реформъ: а это оказалось не по силамъ Кохановской: погрузившись въ старину, она отвернулась отъ дѣйствительности, а когда захотѣла вернуться къ ней, оказалось, что жизнь далеко ушла впередъ и была для нея непонятна». Кромѣ повѣстей, пробовала Кохановская писать и пьесы, но онѣ успѣха не имѣли. Последнимъ ея произведеніемъ былъ «Отвѣтъ» на «Исповѣдь» графа Л. Н. Толстого, по поводу котораго возникла полемика между нею и «Новымъ Временемъ». Буренинъ такъ охарактеризовалъ ея отвѣтъ: «Она не возражаетъ на доводы гр. Толстого, а только ахаетъ, ужасается и осуждаетъ его грѣховную, по мнѣнію г-жи Кохановской, дерзость и его грѣховное безуміе; она въ сущности ровно ничего не поняла въ «Исповѣди»; она осуждаетъ эту «Исповѣдь» съ узкой точки зрѣнія книжничковъ и даже фарисеевъ».

Единственное изданіе повѣстей Кохановской (1863 г.) является въ настоящее время библиографической рѣдкостью (лучшія пзъ нихъ, однако, есть въ изданіи «Дешевой Библиотеки» А. С. Суворина). Чтеніе ихъ даже въ наше время, по мнѣнію г-жи Платоновой, можетъ доставить и большое художественное наслажденіе, и еще большее удовольствіе отъ той бодрой и кипучей силы, которою дышатъ ея новѣсти, и отъ горячей любви къ народу и глубокой вѣры въ его силы.

Книга г-жи Платоновой, дающая не только біографію писательницы, но въ связи съ нею и живую картину жизни литературныхъ и редакціонныхъ кружковъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, безъ сомнѣнія, представляетъ заслуживающій вниманія вкладъ въ исторію русской литературы.

В. Т—ій.

«Колосья». Литературный альманахъ. Изд. «Театръ и Искусство». Спб. 1909 г. 248 стр. Цѣна 1 руб. **«Прибой».** Литературно-художественные альманахи. Книга первая. Спб. 1909 г. Изд. «Прибой». 279 стр. Цѣна 1 руб. **«Альманахъ 17».** Изд. «Прогрессъ». Спб. 1909 г. 256 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп. **«Критическій альманахъ».** Книга первая. Изд. «Заря». Москва. 1909 г. 195 стр. Цѣна 1 руб. **«Вихрь».** Литературно-художественный альманахъ. Изд. книжн. скл. Д. Ефимова. Москва. 1909 г. Цѣна 1 руб.

Казалось, что короткій, но необыкновенно шумный вѣкъ всякаго рода альманаховъ сталъ уходить уже въ область преданій. Альманахъ былъ порождениемъ наступившей у насъ литературной распутицы. Онъ былъ тѣсно связанъ съ нахлынувшимъ въ нашу литературу жовгалерствомъ, просявленнымъ съ дом-

ских грѣховъ, а наче всего беззастѣнчивой саморекламой. Альманахъ объявилъ себя безпартійнымъ и объединялъ подъ своей нестройной обложкой Чirikова съ Сологубомъ, Серафимовича съ Брюсовымъ, Семена Юшкевича съ Александромъ Блокомъ и т. д. Ежемѣсячному толстому журналу, этому старому другу русской интеллигенціи, была объявлена безощадная смерть. Альманаху гордо приписывалась роль обновленія нашей отечественной литературы. За это обновленіе особенно ревностно взялись гг. Арцыбашевъ, Каменскій и другіе. Цѣломудріе и стыдливость русской литературы были жестоко нарушены. Культъ тѣла, вопросы пола, модернизированный индивидуализмъ заняли въ ней огромное мѣсто. Всѣ эти новыя вѣянія сопровождались, конечно, соответственнымъ шумомъ въ печати, и казалось, что должно пройти много времени, чтобы русская литература снова вернулась въ свое здоровое русло. Но въ дѣйствительности это произошло гораздо скорѣе, чѣмъ этого можно было ожидать. Литературная вакханалія вчерашняго дня какъ-то сразу прекратилась, отважные вдохновители ея отошли на задній планъ, стали постепенно ступенькаться. Но всѣмъ этимъ новоявленнымъ гениямъ, проснувшимся въ одинъ моментъ дѣльнички знаменитостями, повидимому, больно разставаться съ короткимъ вѣкомъ ихъ славы. Нехотя они уступаютъ свои позиціи. Отступая, они все еще пытаются прокричать что-то о себѣ. Такое впечатлѣніе производятъ на меня альманахи, посылавшіеся въ послѣднее время на нашъ книжный рынокъ какъ изъ рога изобилія. Въ періодъ расцвѣта альманаховъ, они при всѣхъ ихъ недостаткахъ подкунали своимъ дерзновеніемъ, новизною, сугубой оригинальностью. Въ данный моментъ они поражаютъ своей безцѣвностью, тусклостью и почти полнымъ отсутствіемъ талантливыхъ чертъ. Они и раньше отличались своей безсистемностью и отсутствіемъ какой-либо опредѣленной программы. Но форма, въ которую они выливаются въ настоящее время, поражающа по своей безпринципности и намѣренной случайности.

«Альманахъ задорно говоритъ: у меня Андрей Вѣлий рядомъ съ Семеномъ Юшкевичемъ, Валерій Брюсовъ съ Серафимовичемъ, Куришинъ съ Александромъ Бенуа. Я терпимъ, я не сектантъ, у меня нѣтъ фанатизма». Эта цитата взята изъ статьи Чуковского: «Натъ Пинкертонъ и современная русская литература». И не характерно ли, что статья эта помѣщена въ альманахѣ же, а именно въ альманахѣ «Колосья», гдѣ Чirikовъ рядомъ съ Дымовымъ, Шоломъ Ашъ съ Чуковскимъ, Измайловъ съ Рославлевымъ? Какъ тутъ не прийти къ заключенію, что всѣ перечисленные мною велѣды за заголовкомъ альманахи означаютъ собою начало конца!

Альманахъ «Колосья» изданъ журналомъ «Театръ и Искусство». Поэтому въ немъ больше всего мѣста удѣлено пьесамъ гг. Чirikова и Димова. Пьеса г. Чirikова «Царь природы» обошла въ теченіе минувшаго сезона почти всѣ провинціальныя театры, а пьеса г. Димова «Ню» ставилась въ Петербургѣ. Въ литературномъ отношеніи обѣ онѣ, написанныя между прочимъ въ диаметрально-противоположныхъ тонахъ, никакими особенными достоинствами не отличаются. Небольшая вещица Шолома Аша не характерна для этого писателя. По обыкновенію хороши народніи г. Измайлова, слабы стихи Рославлева и сказки А. Н. Толстого; недурень разсказъ П. Кожевникова. Что касается статьи Чу-

ковскаго, то для тѣхъ, кто знакомъ съ его не въ мѣру хлесткими фельетонами въ понедѣльничныхъ газетахъ, она ничего новаго не представляетъ, за исключеніемъ развѣ сугубой развязности и неприкрытаго шарлатанства, проявленныхъ имъ на сей разъ въ особенно сильной степени. Въ общемъ нужно признать, что альманахъ «Колосъ» выгодно отличается отъ всѣхъ другихъ появившихся одновременно съ нимъ, такъ какъ онъ все-таки довольно легко читается.

Окончательно безнадеженъ въ этомъ отношеніи альманахъ, на которомъ красуется многозначительная цифра «17», обозначающая число его участниковъ. Среди послѣднихъ имѣются Куиринъ и Андреевъ. Нужно отдать имъ справедливость, — они сдѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы стать въ уровень съ остальными участниками альманаха. Это воплнѣ удалось имъ, такъ какъ помѣщенные ими въ этомъ альманахѣ произведенія по своей тусклости и трафлетности удивительно гармонируютъ съ общимъ фономъ альманаха. Жадно щещь на всемъ протяженіи его 256 страницъ хотя бы одного живого образа, одного яркаго слова — и не находишь. Альманахъ для вящей оригинальности украшенъ портретами его участниковъ, но это не дѣлаетъ его интереснымъ.

Но если этотъ альманахъ только смѣшнѣе, то альманахъ «Прибой» къ тому еще дикъ и нелѣпъ. Въ недоумѣніе приводятъ такія имена его участниковъ, какъ Преміровъ, Нечуя, Кара, Яшинскій... Перу послѣдняго принадлежитъ огромная пятиактная пьеса: «Хозяева жизни», написанная по-дѣтски, неумѣло и грубо. Въ этюдѣ Дымова «Весталка» есть настроеніе, рассказъ Каменскаго «Женщина» написанъ прекраснымъ языкомъ и не лишенъ остроумія. Но это заставляетъ еще болѣе недоумѣвать читателя и спрашивать себя: какъ эти вещи могли очутиться рядомъ съ пьесой Яшинскаго, рассказами Нечуя и проч.?

Объ альманахѣ «Вихрь» достаточно сказать, что онъ сплошь состоитъ изъ перепечатокъ новогоднихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ рассказовъ различныхъ авторовъ. Это воплнѣ характеризуетъ его художественную цѣнность.

Составители «Критическаго альманаха» задались цѣлью познакомить читателя съ характерными чертами творчества тѣхъ современныхъ западноевропейскихъ писателей, которые въ послѣднее время пріобрѣли у насъ широкую извѣстность. Здѣсь представлены: Анатоль Франсъ, Станиславъ Пшибышевскій, Морисъ Метерлинкъ, Казимиръ Тетмайеръ, Кнутъ Гамсунъ, Жоржъ Роденбахъ, Шарль Бодлеръ, Артуръ Шницлеръ и другіе. Большинство характеристикъ принадлежитъ перу иностранныхъ критиковъ, и тутъ въ первую очередь нужно поставить, конечно, извѣстнаго датскаго критика, Георга Брандеса. Къ сожалѣнію, составители альманаха выбрали самыя слабыя статьи его. Изъ помѣщенныхъ въ альманахѣ статей русскихъ критиковъ объ иностранныхъ писателяхъ самыми лучшими являются статьи Ю. Айхенвальда. Онѣ написаны прекраснымъ языкомъ и проникнуты необыкновенно искренней любовью къ предмету изложенія. Цѣнны, но немного сухи статьи П. Когана. Слаба статья г. Абрамовича. Написанная необыкновенно-вычурнымъ языкомъ, она почти не даетъ никакого представленія о бельгійскомъ лирикѣ Ж. Роденбахѣ.

Оскаръ Норвежскій.

А. С Пругавинъ. Расколъ сверху. Очерки религіозныхъ исканій въ привилегированной средѣ. Спб. 1909. Стр. 266. Цѣна 1 руб.

Книга г. Пругавина составлена изъ очерковъ, которые въ 1882 г. были помѣщены авторомъ въ его первой отпечатанной, но не вышедшей книгѣ: «Расколъ внизу и расколъ сверху». Книга эта, изданная А. С. Суворинымъ, по распоряженію петербургскаго цензурнаго комитета была задержана въ типографіи, и всѣ экземпляры ея конфискованы; это постановленіе было утверждено главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, и тогда издатель перенесъ дѣло въ комитетъ министровъ. Въ этой инстанціи за отмѣну ареста книги высказались Н. Х. Бунге и М. Н. Островскій, но министръ внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстой и оберъ-прокуроръ св. синода К. П. Побѣдоносцевъ, признавая книгу вредной и опасной для православія, добились того, что комитетъ министровъ постановилъ изданіе уничтожить. Это рѣшеніе казенныхъ охранителей православія покажется въ наши дни смѣшнымъ и страннымъ для всякаго, прочитавшаго книгу г. Пругавина, такъ какъ очерки его чисто фельетоннаго характера едва ли могли поколебать какіе-либо устои. Только когда наступила русская «весна», г. Пругавинъ получилъ возможность издать въ 1903 г. подъ заглавіемъ «Религіозные отщепенцы» часть своихъ очерковъ, рисующихъ расколъ внизу. Въ выпущенной же теперь книгѣ авторъ касается религіознаго движенія, происходившаго и происходящаго въ привилегированной средѣ: онъ рассказываетъ о дворянахъ-раскольникахъ, аристократахъ-хлыстахъ, «бѣлыхъ голубяхъ», сектѣ Татариновой, апостольскихъ общинахъ, редетокристахъ и пашковцахъ. Интересенъ очеркъ, посвященный Елянскому, одному изъ распространителей скопчества. А. М. Елянскій, камергеръ короля Станислава Понятовскаго, перешедшій послѣ третьяго раздѣла Польши въ русскую службу, принялъ въ 1794 году православіе и былъ переименованъ въ статскіе совѣтники. Въ Петербургѣ онъ принялъ оскотненіе и, благодаря обладанію литературнымъ талантомъ, который онъ направилъ на теоретическое обоснованіе скопческаго ученія, занялъ видное положеніе среди скопцовъ. Въ концѣ царствованія Екатерины II Елянскій былъ сосланъ въ Соловки для покаянія, но императоръ Александръ I возвратилъ его изъ ссылки, помѣстивъ въ Александро-Невскую лавру и назначивъ ежегодную пенсію въ 500 руб. Въ 1804 г. Елянскій чрезъ Новосильцева представилъ императору проектъ введенія въ Россію скопческо-теократическаго правленія. «По этому проекту во всякій городъ, въ каждый полкъ и на всякій корабль слѣдовало назначить скопца-іеромонаха и скопца-пророка, но такъ, чтобы ни свѣтское, ни духовное начальство не знали, что они скопцы. Затѣмъ начальники городовъ, полковъ и кораблей не должны были предпринимать ничего, не посоветовавшись предварительно съ іеромонахомъ, который узнавалъ волю Божію чрезъ пророка и долженъ былъ направлять дѣятельность начальниковъ, согласно этому вышему указанію». Себѣ Елянскій предназначалъ мѣсто состоять при главной арміи, а «живому богу» скопцовъ—Кондратію Селиванову—при особѣ государя для секретнаго руководства высшими правительственными учрежденіями. За этотъ проектъ, по Высочайшему повелѣнію, Елянскій былъ сосланъ въ Суздаль-

скій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Заканчивается книга г. Пругавина очеркомъ «При конституціи», въ которомъ разсказывается о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ въ наше время общинами евангельскихъ христіанъ. Послѣ манифеста 17 апрѣля 1905 года въ разныхъ мѣстахъ Петербурга возникли молитвенные дома этихъ сектантовъ, ученіе которыхъ нашло себѣ много послѣдователей какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ петербургскаго населенія. Изъ лицъ аристократическаго круга къ этой сектѣ принадлежатъ княгиня Ливень, княгиня В. Ф. Гагарина, вдова ген.-адъютанта Черткова, А. И. Пашкова и многіе другіе. До 1908 года полиція не посѣщала этихъ собраний. Во дворцѣ кн. Ливень еженедѣльно по субботамъ и воскресеньямъ происходили многочисленныя собранія. 11-го и 12-го октября 1908 года на всѣ собранія евангельскихъ христіанъ явились чины полиціи, заявившіе, что съ этихъ поръ на собраніяхъ могутъ присутствовать лишь члены общины, а постороннія лица не будутъ на нихъ допускаться. Затѣмъ полиція потребовала именныя списки членовъ каждой общины, чтобы не допускать въ собраніе лицъ, не значащихся въ спискахъ. Сектанты отказались выполнить эти требованія, и полиція въ указанные дни не допустила ни одного собранія. Печать громко заговорила объ этомъ; въ дѣло вмѣшался предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, и, только благодаря его вліянію, евангельскимъ христіанамъ снова было дозволено безпрепятственно молиться Богу.

В. Троицкій.

Вольтеръ. Кандидъ или оптимизмъ. Переводъ Федора Сологуба. Спб. 1909.

Вольтеръ давно уже пересталъ появляться въ русскихъ переводахъ. Последнее, далеко не полное по цензурнымъ условіямъ, собраніе его повѣстей, вышедшее лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, теперь считается библиографической рѣдкостью. Нельзя поэтому не привѣтствовать мысль издательства «Пантеонъ» дать рядъ переводовъ изъ Вольтера. Для начала вышелъ «Кандидъ» въ переводѣ Ф. Сологуба, очень напоминающемъ знаменитыхъ молевровскихъ «Драгихъ Смѣяныхъ» («Précieuses ridicules») петровской эпохи. Языкъ Вольтера вообще нетруденъ, а отъ Сологуба можно было ожидать не такой работы. Переводъ невозможенъ. Есть прямыя ошибки. Такъ, въ 21-й главѣ аббатъ изъ Перигора на вопросъ Кандида, что такое насквилятъ, отвѣчаетъ: «c'est un faiseur de feuilles, un Fréron». Соль этого отвѣта въ томъ, что имя Фрерона, литературнаго врага Вольтера, сатирикъ сдѣлалъ нарицательнымъ именемъ, подходящимъ ко всякому насквилянту. Ф. Сологубъ перевелъ отвѣтъ аббата: «это бумагомарака, нѣкій Фреронъ». «Бумогомарака» далеко не передаетъ смысла «faiseur de feuilles», а «нѣкій Фреронъ» совершенно искажаетъ смыслъ язвительной выходки Вольтера, обращая нарицательное имя въ собственное, тогда какъ Вольтеръ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Есть мѣста прямо непонятныя. Напримѣръ (гл. 4): «До сегодняшняго дня (sic) эта болѣзнь имѣетъ для насъ особое свойство противоядія»... А въ подлинникѣ совсѣмъ не то: «jusqu' aujourd' hui, dans notre continent, cette maladie nous est particulière comme la controverse», говоритъ Панглоссъ. Вообще, вид-

но плохое знакомство съ языкомъ. «*Tue les deux singes*» переведено: «убиваетъ двухъ обезьянъ» (вмѣсто—обѣихъ). Переводъ небреженъ и мѣстами отзывается, въ излишней погонѣ за точностью, подстрочникомъ, наиримѣрь: «*encore plus poliment*» переведено: «еще болѣе вѣжливо» (не лучше ли было бы просто—«еще вѣжливѣе»?) Зато тамъ, гдѣ точность нужна, переводчикъ ея не соблюдалъ. Такъ, въ 26-й главѣ, гдѣ разсказывается о знакомствѣ Кандида въ Венеціи съ заштатными королями, «*roi des Polaques*» переведено: «польскій король» (*roi de Pologne*); между тѣмъ здѣсь слѣдовало бы сказать: «король поляковъ» или «поляцкій король», что сохранило бы пренебрежительный оттѣнокъ подлинника. Тамъ же вмѣсто: «да подастъ Богъ долгую жизнь», сказано: «Богъ дастъ долгую жизнь». «*Si Pangloss n'avait pas été pendu*» переведено: «если бы Панглоссъ не былъ сожженъ»... А жаль! П «Кандидъ», и репутація «Пантеона» требовали бы лучшаго перевода.

Н. Лернеръ.

Вечерніе общеобразовательные курсы въ г. Митавѣ. Отчетъ за 1907/8 учебный годъ. Митава 1908.

Проникнувшая за послѣдніе годы даже въ отдаленные медвѣжьи уголки нашей родины жажда образованія не миновала и нѣмецко-латышско-еврейской Митавы. «Грунная молодыхъ людей пизъ мѣстныхъ уроженцевъ, занятыхъ службою въ дневное время, настойчиво ощущала потребность въ такого рода коллективныхъ занятіяхъ и лекціяхъ, которыя происходили бы въ вечернее время и давали бы, сообразно съ ихъ возрастомъ, болѣе матеріала для саморазвитія, чѣмъ обыкновеннаго типа среднія учебныя заведенія» (Отчетъ, стр. 3). Эти-то лица, будущіе слушатели, и были настоящими инициаторами дѣла. Горячее участіе въ нарождающихся курсахъ приняли преподаватель митавскаго реального училища М. С. Мельниковъ (впослѣдствіи переведенный въ Петербургъ), Д. М. Левишинъ (въ то время—попечитель рижскаго учебнаго округа) и директоръ митавскаго реального училища В. В. Рудневъ. Этимъ тремъ лицамъ, главнымъ образомъ, и обязана Митава существованіемъ «вечернихъ общеобразовательныхъ курсовъ».

Курсы открылись 16 сентября 1907 г. при наличности 230 слушателей, въ зданіи реального училища, предоставленномъ безплатно. Лекторами были приглашены преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній за скромную плату въ 1 рубль за каждую фактически прочитанную лекцію. Въ слушатели принимались лица обоого пола, безъ различія вѣроисповѣданія, не моложе 16 лѣтъ, имѣющія по возможности подготовку въ размѣрѣ курса младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, за исключеніемъ древнихъ и новыхъ языковъ.

Занятія велись съ 17 сентября 1907 г. до 1 мая 1908 г. и всего было прочитано 849 лекцій, раздѣлявшихся на 7 группъ: 1) исторія древней русской литературы, теорія словесности, психологія, 2) нѣмецкій языкъ, 3) французскій языкъ, 4) исторія религій, древняя и русская исторія, законовѣдѣніе, 5) алгебра, геометрія, черченіе, 6) физиологія человѣка, ботаника, 7) физика, химія. Сверхъ того, были открыты занятія по англійскому и латинскому языкамъ, и велись практическія работы по ариѳметикѣ и русской грамматикѣ.

По національности наибольшее число слушателей приходилось на долю латышей (отъ 56 до 69%), затѣмъ слѣдовали евреи и русскіе и, наконецъ, въ очень ограниченномъ числѣ нѣмцы, литовцы, поляки и эсты.

Большинство слушателей было безъ опредѣленной профессіи и главнымъ образомъ имѣли въ виду подготовку къ экзаменамъ. Много было чиновниковъ, писцовъ изъ разныхъ учреждений, конторскихъ служащихъ, приказчиковъ и т. д. Возрастъ слушателей колебался отъ 16 до 53 лѣтъ. Наибольшее число слушателей было въ возрастѣ отъ 16 до 25 лѣтъ.

Плата за слушаніе лекцій была установлена въ размѣрѣ 40 рублей въ годъ за всѣ предметы, кромѣ дополнительныхъ. При записи на отдѣльныя группы предметовъ плата взималась по 2 р. въ годъ за недѣльную лекцію. Всего собрано было платы за слушаніе лекцій 3422 р. 50 к., что и составило основной фондъ курсовъ; кромѣ того, было пожертвовано 31 р. 20 к. и получено 122 р. 24 к. за чтеніе книгъ изъ бібліотеки курсовъ.

На устройство бібліотеки было обращено особенное вниманіе. Всего на бібліотеку истрчено 1111 р. 82 к. Книгъ въ бібліотекѣ числилось 741 томъ, кромѣ того, получались журналы на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Подписчиковъ состояло 68 человекъ, взято книгъ 1425.

Такова исторія перваго года этого митавскаго общобразовательнаго учрежденія, которое вызвано къ жизни требованіемъ самой жизни и которому, повидимому, предстоитъ прочное будущее. А. Э. Мальмгренъ.

Ванда Захеръ-Мазохъ. Исповѣдь моей жизни. Переводъ М. А. Потапенко. Спб. 1909. Стр. 444 Ц. 1 р. 25 к.

Въ текущемъ году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (№№ 3—5) была напечатана интересная повѣсть кн. М. В. Волконской «Семейный разладъ», гдѣ авторъ представилъ читателямъ борьбу женщины за ея женское «я», какъ человекъ и матери, съ психопатомъ-супругомъ, уже сумѣвшимъ исковеркать жизнь одной женщины и пытавшимся было приложить свои болѣзненные требованія къ жизни второй женщины. Какъ извѣстно, героиня кн. Волконской вышла изъ трудныхъ семейныхъ коллизій съ честью, отстаивъ свою независимость и создавъ для своихъ дѣтей такой семейный очагъ, передъ которымъ долженъ былъ склониться самодуръ-мужъ и куда онъ получалъ доступъ только какъ другъ, безъ права требованій и повелѣній. Совѣмъ иначе рисуетъ намъ Ванда Захеръ-Мазохъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ свою борьбу съ мужемъ-неврастеникомъ, человекомъ сексуально-болѣзненнымъ и извращеннымъ, передавшимъ даже исторіи медицины свое имя, какъ субъекта ненормальнаго, извращеннаго, превратившаго супружество въ нѣчто невозможное съ точки зрѣнія этическихъ требованій, гигиены и сексуальныхъ отношеній между супругами.

Извѣстно научное положеніе, что гений или даже талантъ и сумасшествіе явленія природы родственныя между собою, и г-жа Захеръ-Мазохъ, рисуя свою семейную жизнь, отъ первой встрѣчи съ знаменитымъ писателемъ и вплоть до окончательнаго разрыва съ нимъ, знакомитъ насъ, какъ навязчивыя идеи ея

мужа, идеи полового извращения, шли объ руку съ нарастаніемъ его литературнаго творчества, съ подъемами и паденіями послѣдняго. Въ данномъ случаѣ она подходит къ дѣлу не съ точки зрѣнія критическаго анализа, а просто констатируетъ опредѣленные факты, регистрируетъ ихъ на страницахъ своей жизни и тѣмъ даетъ возможность будущимъ біографамъ талантливаго писателя дѣлать опредѣленные выводы, устанавливать опредѣленные положенія. Если въ данномъ случаѣ мы получаемъ богатый матеріалъ для психо-физиологической литературной критики, то вмѣстѣ съ тѣмъ изъ признаній несчастной женщины мы почерпаемъ и опредѣленный критерій для выводовъ спеціально-физиологическаго порядка. Уступчивость жены писателя, хотя бы и притворная, не спасала ее отъ тирании больного и даже скорѣе распалила его на созданіе въ своемъ разстроенномъ воображеніи аномальныхъ жизненныхъ моментовъ, гдѣ онъ ставилъ свою жену въ самыя рискованныя и гнусныя положенія. Обратнo тому поступала героиня кн. Волконской. Эта нашла въ себѣ душевную силу, силу воли и характера дать отпоръ психопатическимъ требованіямъ мужа и тѣмъ самымъ сохранить свой семейный очагъ внѣ зависимости отъ больного. Правда, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ болѣзнью главнымъ образомъ физиологическаго порядка, а во второмъ—психологическаго: но грани физиологіи и психологіи настолько тонки, что въ точности расчленивъ ихъ порою бываетъ очень трудно и невозможно. Какъ бы то ни было, уступчивость въ одномъ случаѣ и неуступчивость въ другомъ имѣли разныя послѣдствія. Героиня кн. Волконской вышла побѣдительницей изъ борьбы, г-жа Захеръ-Мазохъ—если не вполне побѣжденною, то сильно помятою, съ густою пылью жизни на ней, съ разбитымъ сердцемъ, надеждами и съ разстроеннымъ семейнымъ гнѣздомъ. Больного она не вылечила, не спасла своего семейнаго счастья, покоя и благополучія своимъ дѣтямъ, но, спускаясь по ступенямъ уступокъ, заглядывала въ такія бездны паденія, отъ которыхъ страшно становится и голова идетъ кругомъ. Вотъ почему, если «Исповѣдь моей жизни» имѣетъ несомнѣнный интересъ для біографіи Мазоха, то она не менѣе интересна и какъ извѣстная руководящая нить для женщинъ-матерей и женъ въ ихъ семейномъ и общественномъ бытіи. Читательницы, сильныя умомъ и критикой, почерпнутъ изъ знакомства съ «Исповѣдью» надлежащія директивы, слабыя могутъ быть сбиты съ толку, вотъ почему, касаясь настоящей книжки, мы и рекомендуемъ при чтеніи ея имѣть въ видѣ параллели и противовѣса повѣсть г-жи Волконской. Больное какъ фактъ и слѣдствіе въ одномъ случаѣ получаетъ противовѣсъ и свою антитезу въ другомъ—здоровомъ и нормальномъ. Для интересующихся и занимающихся вопросами семейнаго порядка изъ такого сопоставленія литературныхъ произведеній богатая пища для выводовъ, сопоставленій и противопоставленій. В. Г.

Старинныя волости и станы въ Костромской сторонѣ. Матеріалы для историко-географическаго словаря Костромской губерніи. Съ предисловіемъ Ан. Титова. М. 1909.

Подобнаго рода изслѣдованія отечественной исторіи, а равно и географической жизни русскаго народа, по словамъ профессора Н. П. Барсова, оставались почти нетронутыми. Важность географическихъ началъ, направляю-

щее и регулирующее их влияние впервые были указаны, хотя, может быть, не доказаны и не проведены съ надлежащею силою наблюдательнымъ историкомъ Россіи, профессоромъ С. М. Соловьевымъ.

Въ отношеніи къ исторіи монастырей подобныя труды, какъ этотъ географическій и историческій словарь Костромскаго края, могутъ служить въ качествѣ справочниковъ, для опредѣленія, напримѣръ, границъ и размѣровъ вотчинъ. Вопросъ о распредѣленіи вотчинъ между монастырями далеко не разработанъ въ нашей литературѣ, несмотря на всю его важность. Въѣтъ съ тѣмъ каждый, кому приходилось сталкиваться съ этимъ вопросомъ, хорошо знаетъ всю трудность его. При разработкѣ этого вопроса постоянно приходится имѣть въ виду слишкомъ многое. Предѣлы епархій и перемѣщеніе ихъ границъ служили причиной перехода вотчинъ изъ одной епархіи въ другую, что и произошло въ Костромской епархіи.

Въ книгѣ, какъ въ предисловіи, такъ и въ текстѣ, очень большое мѣсто отведено старинной костромской волости Ликурѣ, бывшей въ XIV—XV вѣкахъ удѣльнымъ имѣніемъ князей галицкихъ и великихъ князей московскихъ. Въ этой же волости были вотчины и митрополитовъ московскихъ, перешедшія въ область патріарховъ и св. синода. Въ XIII вѣкѣ Ликура была во владѣніи Готовцевыхъ, которые и погребены при сельской Троицкой, что въ Ликурѣ, церкви. Изъ числа удѣльныхъ надгробныхъ памятниковъ есть одинъ съ надписью: «Лѣта 7218 году юнія въ 27 день убіенъ стольникъ Александръ Семеновичъ Готовцевъ подъ Полтавою, на большомъ бою, отъ иѣмцевъ Швецкой земли».

Со смертію этого стольника прекратился родъ Готовцевыхъ, и Ликура перешла въ родъ Парышкиныхъ.

А. К—ово.

**Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. №№ 42—43.
Подъ редакціей А. И. Маркевича. Симферополь. 1908—1909.
Стр. 110—193.**

Таврическая ученая архивная комиссія, одна изъ старѣйшихъ архивныхъ комиссій, въ нынѣшнемъ году вступая въ двадцать третій годъ своего существованія. Въ то же время она одна изъ дѣятельнѣйшихъ комиссій; въ 43 номерѣ ея «Извѣстій» помѣщено множество цѣннаго матеріала и изслѣдованій по исторіи Крыма, а также немало свѣдѣній и объ археологическихъ богатствахъ Таврической губерніи. Наиболѣе видными работниками на полѣ изысканія и разработки этихъ матеріаловъ были: О. О. Лашковъ, Г. К. Кирѣенко, X. И. Яцуржинскій, О. Ф. Ретовскій, А. X. Стевень, А. И. Сѣвцкій (послѣдніе двое долгое время работали надъ описаніемъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ) и особенно Арсеній Ив. Маркевичъ, которому, кромѣ цѣлаго ряда «сообщеній», замѣтокъ, изслѣдованій и матеріаловъ, принадлежитъ цѣнная работа: «Тапсіса Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще», и который давнѣе уже состоитъ редакторомъ «Извѣстій».

Точно также и въ разсматриваемыхъ нами №№ 42 и 43 «Извѣстій» немало цѣнныхъ и любопытныхъ сообщеній и матеріаловъ историко-археологическаго характера.

Въ № 42 находимъ любопытныя замѣтки В. В. Шборнила, составленныя на основаніи матеріаловъ архива керченскаго музея древностей и открывающія исторію археологическихъ находокъ и открытій въ 1850—60-хъ годахъ. (Начаты эти замѣтки еще въ № 40), а затѣмъ небезынтересную работу П. Ерошеева: «Крымъ въ малорусской народной поэзіи XVI—XVII в.в., преимущественно въ думахъ».

Въ этомъ же номерѣ помѣщены по рукъ исямъ академика П. П. Кеппена двѣ его работы, не бывшія еще въ печати, а именно: «О курганахъ» и «Списокъ кургановъ» (дополнительный къ напечатанному въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1837 г.), имѣющія теперь значеніе лишь археолого-литературное.

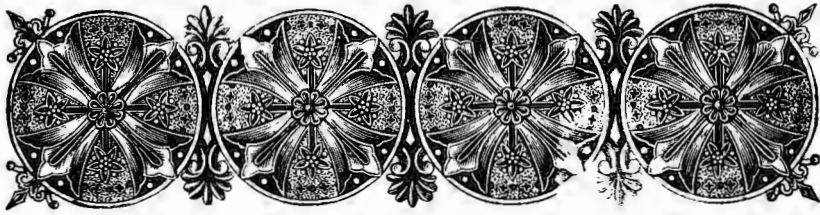
Второй номеръ (43) разсматриваемыхъ нами «Извѣстій» открывается переводомъ статьи Теодора Мундта: «Крымъ-Гирей, союзникъ Фридриха Великаго. Прологъ-столкновеній между Россіей и Турціей». Статья была написана на основаніи подлинныхъ донесеній прусскаго лейтенанта фонъ-деръ-Гольца и французскаго барона Тотта, еще въ 1855 г., но русскими историками, насколько намъ извѣстно, использована не была. Содержитъ много бытовыхъ подробностей и характеристическихъ замѣтокъ.

Изъ остальнаго содержанія слѣдуетъ обратить вниманіе на статьи: 1) А. П. Маркевича — «Островокъ въ Казачьей бухтѣ, какъ предполагаемое мѣсто кончины св. Климента, папы римскаго»; 2) Д. С. Спиридонова — «Къ вопросу о мученіи св. Климента, папы римскаго, въ Крыму», и 3) А. П. Колли — «Слѣды древней культуры на двѣ морскомъ». Современное положеніе вопроса о нахожденіи въ морѣ античныхъ памятниковъ . В. Р.—въ.

Jahrbuch für bildende Kunst im den Ostseeprovinzen. II годъ. Рига. 1908.

Объ искусствѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ писалось очень немного, а потому любители искусства и археологіи съ особымъ интересомъ встрѣтятъ это изданіе, богато украшенное рисунками и фотографическими снимками, знакомящими насъ съ современнымъ искусствомъ въ Балтикѣ и съ остатками ея старины, пощажеными безжалостнымъ временемъ и еще болѣе безжалостнымъ вандализмомъ революціоннаго удара.

Въ этотъ томъ вышли слѣдующія статьи: 1) П. Шиманъ. «Kunstkritische Aufgaben», 2) Г. Пирангъ, «Ueber das Stadtbild Mitau» (съ рисунками и фотографическими снимками), 3) В. Нейманъ. «Eduard von Gebhardt» (съ портретами и рисунками), 4) Р. Кордесъ. «Architekt August Reinberg», 5) Э. Кунферъ, «Die Villen-kolonie «Kaiserwald» bei Riga» (съ рисунками), 6) Э. Кунферъ, «Zum Wappen - Pokal der St. - Johannis - Gilde», 7) Г. Мельбартъ, «Der Pulverturm in Riga» (съ рисунками). Интересны также многочисленныя снимки съ произведеній новаго искусства: архитектуры, живописи, скульптуры и графическаго и прикладнаго искусствъ. А. Э. Мальмгрень.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ПОРНОЕ происхожденіе Наполеона ¹⁾.—Недавно былъ найденъ въ Греціи, въ окрестностяхъ Маніи, любопытный документъ, едва не введшій историковъ въ заблужденіе относительно происхожденія Наполеона. Это—мраморный столъ, находившійся въ 1418 году въ домѣ нѣкоего Каломероса, богатаго человѣка, происходившаго изъ почтенной семьи и сынъ котораго былъ послѣднимъ протогератомъ Маніи. Имя Каломероса встрѣчается на Корсикѣ въ Паоміи, и историки отыскиали его въ перечнѣ фамилій греческихъ семействъ, которые, во главѣ съ Константиномъ Стефанопулосомъ, нашли себѣ убѣжище въ Италіи. Большинство изъ этихъ эмигрантовъ попало на Корсику, но нѣкоторые изъ нихъ остались въ Тосканѣ и въ Генуэзской республикѣ. Естественно, первой заботой эмигрантовъ было итальянизировать свое имя, и, напримѣръ, грекъ Іатросъ, что означать «медикъ», превратился во Флоренціи въ Медичи.

Каломеросъ означалъ по итальянски *buona parte*, и будто бы онъ превратилъ свою фамилію въ Буонапарте. Такимъ образомъ въ этомъ усматривается, что Бонапарты—греческаго происхожденія и часть ихъ поселилась на Корсикѣ, а другая часть въ Тосканѣ. Во Флоренціи, въ Лаврентьевской библиотекѣ, существуетъ итальянская рукопись, озаглавленная: «Историческій сборникъ всего, что происходило изо дня въ день во время разграбленія Рима въ 1527 году, написанный находившимся при этомъ Джакобомъ Буонапарте, дворяниномъ Сант-Миніато». Когда Людовикъ Голландскій въ 1829 году удался во Флоренцію, гдѣ долженъ былъ умереть, онъ открылъ эту рукопись и напечаталъ переводъ, иллюстрировавъ его гравюрами. Въ предисловіи Людо-

¹⁾ Napoléon descendant des Grecs. «Hebdo-Débats». 13 Août 1909.

викъ представилъ Джакобо Буонапарте, какъ одного изъ своихъ отдаленныхъ предковъ, но не доходилъ до Кальмероса, послѣдняго протогерата Мани и предполагаемаго родоначальника всей семьи.

Прочитавъ объ этой находкѣ статейку въ «Hebdo Débats»¹⁾, на нее откликнулся въ томъ же журналѣ нѣкій Барейль, находящийся въ Константинополь: онъ говоритъ, что утверждать предположеніе о греческомъ происхожденіи Наполеона онъ не беретса, но что въ Греціи давно въ ходу это убѣжденіе и національный поэтъ Сутцо воспѣлъ «великаго корсиканца», родиной котораго былъ Тайгетъ, и легенда распространилась въ народѣ особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ Грецію пріѣхала принцесса Марія Бонапартъ. По этому случаю, греческіе ученые принялись искать документальныхъ доказательствъ подобнаго происхожденія Бонапартовъ, но пока это не болѣе, какъ легенда, приведенная герцогиней Абрантесъ въ ея мемуарахъ. Классическое, благородное происхожденіе Бонапартовъ такъ ей понравилось, что она стала рассказывать, будто бы, когда Константинъ Комнень высадился въ 1614 году на Корсикѣ, то съ нимъ находилось нѣсколько сыновей, изъ которыхъ одинъ назывался Коломеіосомъ. Однако она не могла доказать этого документально. Такая легенда, очевидно, была вызвана прибытіемъ во второй половинѣ XVII вѣка колоніи греческихъ магнатовъ. Однимъ изъ этихъ эмигрантовъ былъ Патрицій Стефанопулосъ, и одинъ изъ его потомковъ напечаталъ въ Парижѣ книгу объ этой эмиграціи, начавшейся съ 1663 года. По его словамъ, большинство переселенцевъ направилось въ Италію, и по ихъ слѣдамъ остальные магнаты рѣшили обратиться къ Генуэзской республикѣ. Они отплыли изъ Витоло въ количествѣ 800 человекъ на французскомъ кораблѣ и послѣ тяжелаго бурнаго двадцатидневнаго переѣзда и встрѣчь съ корсарами достигли, наконецъ, Ливорно, гдѣ ихъ ожидали другія испытанія.

Патрицій Стефанопулосъ навелъ тщательныя справки въ архивахъ Корсики, гдѣ поселились его земляки, и имени Коломеіоса нигдѣ не нашелъ. Между тѣмъ при отбытіи эмигрантовъ изъ Витоло находилось три имени, которыя играли большую роль въ нѣкоторыхъ семьяхъ колоніи, а именно: Ницефоръ, Комнень и Коломеіосъ, которыя не находятся ни въ одной изъ записей, извлеченныхъ изъ греческихъ государственныхъ архивовъ.

Такимъ образомъ, происхожденіе Бонапарта остается спорнымъ, но это не можетъ ничего ни убавить, ни прибавить къ имени гениальнаго Наполеона.

— Поэтическое сотрудничество Гёте и г-жи Вильмеръ²⁾. — Изучая подробно жизнь гениальныхъ творцовъ изъ всевозможныхъ областей: литературы, искусства и т. д., приходишь къ заключенію, что индивидуальнаго гениальнаго проявленія не существуетъ, и для него необходима побудительная сила. Эту же мысль Гете какъ-то выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «Что бы мы ни дѣлали,—сказалъ онъ,—всѣ мы коллективныя существа. То, что мы можемъ назвать дѣйствительно нашимъ, какая это ничтожная вещь. Въ насъ

¹⁾ L'origine des Bonaparte. Par B. Bareille. «Hebdo Débats» 3 Septembre 1909.

²⁾ Une collaboration poétique—Goethe et Suléika. Par Bosseret. «Revue Bleue». 4 Septembre 1909.

хорошаго только развѣ сила и вкусъ присваивать себѣ элементы ви́шняго міра и пользоваться ими для возвышенной цѣли». И, дѣйствительно, самъ Гёте, создавая свое сочиненіе, всегда имѣлъ передъ собою въ качествѣ руководителя какую-нибудь книгу или личность, служившую ему моделью, а иногда и то, и другое. Самая полная и лучшая часть его «Западно-Восточнаго Дивана» написана мало того, что съ помощью этихъ двухъ стимуловъ, но даже при непосредственномъ сотрудничествѣ самой модели. Конечно, не обошлось безъ главнаго рычага, всѣмъ двигающаго,—любви. Предметомъ этой любви и моделью ему служила Маріанна Вильмеръ, а руководителемъ—два тома персидской поэзіи «Дивана», Гафица, впервые переведенные съ персидскаго языка на нѣмецкій Гаммеромъ. и вотъ какъ рассказываетъ на страницахъ «Revue Bleue» Воссеръ исторію появленія этого произведенія. На Гёте, по его словамъ, это появленіе такъ сильно подѣйствовало, что онъ не могъ вынести его иначе, какъ лично переведа. Ви́шнія впечатлѣнія и личное творчество были для него двумя противоположными силами, которыя уравнивали другъ друга. Переводъ Гаммера былъ въ прозѣ; Гёте его пополнилъ своимъ богатымъ воображеніемъ съ помощью сочиненій Марко Поло, Пьетро делла Валле, Тавернье, Шардэна и принялся самъ за переводъ, глубоко вникая въ форму и особенно въ духъ персидской своеобразности. «Въ этой литературѣ,—говорилъ Гёте,—не можетъ быть вопроса о томъ, что мы называемъ вкусомъ; его качества зависятъ отъ его недостатковъ и вытекають одни изъ другихъ».

Въ 1815 году онъ писалъ Цельтеру, ожидавшему его стихи для переложенія нѣкоторыхъ изъ нихъ на музыку, что первая сотня почти готова и даже онъ предвидѣлъ моментъ, когда расположить ихъ по группамъ. Но группа, которая теперь самая полная и предназначалась составить книгу Зулейки, т.-е. картину счастливой любви, была едва набросана: поэту не хватало стимула для вдохновенія—женщины. Но вотъ онъ ее нашелъ въ лицѣ Маріанны Вильмеръ, до замужества Маріи-Анны Юнгъ, родившейся въ Линцѣ, въ Верхней Венгріи, 20-го ноября 1784 года, дочери фабриканта музыкальныхъ инструментовъ. Лишившись рано отца, она получила первое образованіе у пастора, заставлявшаго ее читать Клопштока и Гёте. Когда ей исполнилось 14 лѣтъ, ея мать задумала помѣстить ее въ оперную и балетную труппу, и съ этой цѣлью онѣ отправились во Франкфуртъ. Она была маленькаго роста, хорошо сложена, съ выразительнымъ личикомъ и граціозными движеніями, притомъ обладала красивымъ голосомъ. Въ театрѣ она оставалась два года. Въ 1800 году банкиръ Вильмеръ, вступивъ въ комитетъ дирекціи, нарушилъ ея контрактъ и взялъ ее къ себѣ въ домъ для совмѣстнаго воспитанія со своими дочерьми. Всю жизнь этотъ банкиръ, кромѣ своихъ коммерческихъ дѣлъ, занимался еще педагогическими и филантропическими вопросами, переписывался съ Песталоцци и даже довѣрилъ ему воспитаніе своего сына. Поэтому все заставляеть думать, что его поведеніе относительно Маріанны было основано на чисто великодушныхъ побужденіяхъ. Ему было въ это время сорокъ лѣтъ, и онъ уже второй разъ овдовѣлъ. Первая жена оставила ему трехъ дочерей, вторая, послѣ трехлѣтняго брака,—одного сына, за воспитаніемъ котораго слѣдилъ жившій у него ученикъ Песталоцци. Лѣтомъ вся семья жила на дачѣ на лѣвомъ берегу Майна, въ получасовомъ раз-

стояніи отъ Франкфурта, по той же дорогѣ, по которой Гёте такъ часто ѣздилъ въ Оффенбахъ для свиданія съ Лили Шенеманъ.

Когда Гёте въ 1814 году вернулся на родину, послѣ семнадцатилѣтняго отсутствія, двѣ младшія дочери Вильмера были замужемъ; старшая, Розина, уже овдовѣла и вернулась въ домъ отца. Въ томъ же году, 27-го сентября, Марія-Анна сдѣлалась женою Вильмера, но Гёте прислалъ карточку изъ Гейдельберга съ извиненіемъ, что не можетъ присутствовать на ихъ свадьбѣ. Черезъ десять мѣсяцевъ онъ вернулся во Франкфуртъ и на водахъ встрѣтилъ Вильмера съ молодой женой, а затѣмъ посѣщалъ ихъ на ихъ дачѣ «Gerbermühle». Здѣсь начался романъ между авторомъ «Дивана» и Маріанной. Гете, уѣзжая, оставилъ ей свой альбомъ, который она вернула, написавъ въ немъ стихи; между прочимъ, въ нихъ говорилось, что нельзя видѣть Гёте и не полюбить его. Съ этого момента Франкфуртъ и особенно дача Вильмера сдѣлались привилегированнымъ мѣстомъ, гдѣ начался расцвѣтъ поэзіи «Дивана». Въ слѣдующемъ году, 7-го августа, Гёте извѣщалъ изъ Висбадена Вильмера, что пріѣдетъ къ нему. Черезъ четыре дня, оставивъ своего спутника Буасерэ въ гостиницѣ, онъ прямо отправился къ Вильмерамъ, у которыхъ оставался до 8-го сентября. Днемъ они совершали прогулки, а вечера посвящали музыкѣ и поэзіи. 28-го августа, въ день шестидесятишестилѣтія Гёте, Вильмеры устроили торжественный восточный праздникъ и обѣдъ, на которомъ подавалось вино того года, когда родился поэтъ. 8-го сентября Гёте вернулся во Франкфуртъ и поселился въ домъ Вильмера. 12-го сентября онъ послалъ Маріаннѣ стихи, изъ которыхъ первые—подражаніе Гафицу и гдѣ говорится, что не случай дѣлаетъ вора: онъ самъ большой воръ, такъ какъ похитилъ у него остатокъ любви, которую онъ еще хранилъ въ глубинѣ сердца и вручилъ ее «тебѣ». Здѣсь Гёте самъ признается въ томъ, что много пожилъ и даетъ Маріаннѣ только остатокъ любви. Черезъ четыре дня онъ получилъ отвѣтъ Зулейки, въ которомъ она говоритъ, что если случай для него былъ воромъ, то какъ она благодарна ему за эту покражу. «Зачѣмъ говорить о покражѣ?—прибавляетъ она:—отдайся добровольно мнѣ. Мнѣ было бы сладко думать, что этотъ воръ—я!» и заканчивается: «Мое спокойствіе — сокровище моей жизни, я съ радостью вручаю его тебѣ,—прими его. Когда ты въ моихъ объятіяхъ—нѣтъ выше моего счастья!».

19-го сентября Гете отправился съ Буасерэ въ Гейдельбергъ и, находясь среди коллекцій картинъ и всякаго рода художественныхъ произведеній, все-таки не забывалъ вести поэтическую переписку съ Маріанной. 22-го сентября Вильмеръ съ семьей отправился къ Гёте въ Гейдельбергъ; они провели ночь въ Данцигѣ, и на утро Маріанна написала стихи, первые изъ которыхъ представляютъ подражаніе Гафицу. По возвращеніи во Франкфуртъ она прислала Гёте еще стихи въ томъ же родѣ. Трудно было повѣрить, что она обращается въ нихъ къ престарѣлому возлюбленному, настолько они дышатъ страстью. Между прочимъ, тамъ есть строфы, въ которыхъ она проситъ восточный вѣтерокъ отнести милому вѣсточку о томъ, какъ она страдаетъ въ разлукѣ съ нимъ, и прибавляетъ: «движеніе твоихъ крыльевъ пробуждаетъ въ моей груди тайное желаніе!» и оканчивается словами: «Ахъ! я зачала бы отъ горя, если бы не надѣялась увидѣть его! Итакъ, лети къ моему возлюбленному, скажи тихонько

его сердцу, но избѣгай его огорчать,—и скрой отъ него мои страданья. Скажи ему, но скажи осторожно, что его любовь—моя жизнь и его присутствіе дастъ мнѣ радостное чувство».

7-го октября Гёте покинулъ Гейдельбергъ и четыре дня спустя возвратился въ Веймаръ. Влюбленные болѣе не видѣлись, такъ какъ въ эту эпоху путешествія были долги и неудобны. Только разъ, въ 1816 году, Гёте рѣшился поѣхать во Франкфуртъ и пустился въ путь, но едва онъ выѣхалъ изъ Веймара, какъ его карета опрокинулась. Онъ принялъ это приключеніе за предостереженіе Неба и возвратился домой. Однако, они продолжали переписываться. Часто посылая письмо Вильмеру или Розинѣ, онъ вкладывалъ шифрованную записочку Маріаннѣ. Она также отвѣчала поэту, и эти отвѣты служили ему темой для разработки. Таково происхожденіе «Ночи полнолунія». Какъ у европейскихъ влюбленныхъ есть условный способъ переговариваться на разстояніи или вѣрнѣе понимать мысли другъ друга, смотря въ опредѣленный часъ на избранную ими звѣзду, лучи которой переносятъ мысли черезъ все небесное пространство, такъ восточнымъ народамъ для этой цѣли служить полная луна. Гафицъ далъ элементы—Маріанна ихъ собрала, а Гёте сгруппировалъ ихъ и далъ имъ жизнь. Тема ихъ такова. Между госпожой и служанкою идетъ бесѣда. «Госпожа,—говоритъ служанка:— что означаетъ этотъ шопоть, этотъ нѣжный трепеть твоихъ губъ? Ихъ полуоткрываетъ любезная мысль, какъ вино, которыми наслаждаются маленькими глоточками. Не хочешь ли ты на свои близнецы-губы привлечь двухъ другихъ сестеръ?»—«Я хочу поцѣлуевъ!»—отвѣчаетъ госпожа, и на всѣ вопросы даетъ одинъ отвѣтъ: «Я хочу поцѣлуевъ!»

Всѣ письма Маріанны къ Гёте дышатъ молодой нѣжностью, которую она старается сдерживать, но она прорывается противъ ея желанія. Она испытываетъ нѣмую, почти дочернюю нѣжность къ человѣку, который поднялъ ее до возвышенной жизни. Мысленно она всегда сидѣла у его ногъ, ожидая его взгляда, Письма Гёте, какъ старика, конечно, спокойнѣе. Онъ даже сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы «отказаться» отъ нея, какъ обыкновенно онъ выражался въ этихъ случаяхъ,—слово, которое резюмировало философію старости. Только еще разъ вспыхнула въ немъ искра прежняго пламени: Вильмеръ отправился по дѣламъ въ Берлинъ и проѣхалъ черезъ Веймаръ, а Маріанна осталась на водахъ въ Баденѣ. Она написала Гёте, что живетъ только воспоминаніями и ей нужно ободряющее слово. На это Гёте отвѣтилъ единственнымъ письмомъ, въ которомъ онъ говоритъ ей «ты». «Итъ, дорогая Маріанна, у тебя никогда не будетъ недостатка въ моемъ словѣ. Послѣ долгаго молчанія опять заговорили твои нѣжные уста. Надо ли говорить, что, видя моего друга, я видѣлъ возлѣ него тебя, и это внезапно пробудило во мнѣ желаніе, чтобы ты и я были бы другъ для друга. Ты говоришь со своей обычной любезностью, что ты думаешь обо мнѣ, что ты любишь думать обо мнѣ; будь же увѣрена, что каждое твое чувство находитъ откликъ въ моемъ сердцѣ. Зачѣмъ мы,—заканчиваетъ онъ письмо,—не соединены. Это было бы мое самое дорогое желаніе».

Когда въ 1819 году появился въ печати «Диванъ», то Маріанна увидѣла, что Гёте перемѣшалъ ее стихи со своими. Она написала поэту письмо, въ которомъ выразила свой восторгъ и закончила его слѣдующими словами: «Какое счастье

чувствовать на себѣ вліяніе высшаго существа, которое заставляетъ насъ открывать въ самихъ себѣ качества, о которыхъ мы и не подозрѣвали. И эти лучи, освѣщающіе наше существованіе, считаешь за милость Неба. Будьте снисходительны къ моимъ беспорядочнымъ идеямъ. Самое большое счастье—также самое непостижимое».

Переписка между ними продолжалась. Иногда письма Маріанны были въ стихахъ, и Гёте только подписывалъ ихъ или иногда прибавлялъ къ нимъ не всегда удачные варианты, а иногда она являлась только вдохновительницей. Долго она хранила въ тайнѣ свое сотрудничество, думая, что сердечные порывы не должны «покидать сѣни святилища, гдѣ они зародились». Она довольствовалась сознаниемъ, что ея стихи напечатаны рядомъ со стихами великаго поэта. Только въ 1849 году она призналась Герману Гримму, что нѣкоторые стихи изъ «Дивана» принадлежать ея перу. Гриммъ, въ свою очередь, обнаружилъ это только черезъ двадцать лѣтъ. Въ 1838 году Вильмеръ умеръ, и Маріанна покинула свою дачу, поселившись въ маленькой квартирѣ, гдѣ окружила себя воспоминаніями о Гёте: работами, посвященными ей, и его письмами. Она умерла 6-го декабря 1860 года, сохраняя до конца дней живой умъ и способность очаровывать собесѣдниковъ. По словамъ Гримма, можно было подумать, что видишь молодую дѣвушку, которая надѣла маску старости, чтобы заинтриговать своихъ друзей. Почему умалчивалъ объ этомъ сотрудничествѣ Гёте — непонятно, такъ какъ онъ зналъ, что все равно это откроется. Нѣмецкій критикъ обнаружилъ истину, и Марія Вильмеръ все-таки вступила въ литературную жизнь, хотя послѣ своей смерти.

— Лола Монтецъ ¹⁾.—До сихъ поръ танцовщица и извѣстная красавица, Лола Монтецъ слыла за испанку, и только недавно появившееся въ Лондонѣ ея жизнеописаніе Эдмунда д'Оверна обнаружило ея ирландское происхожденіе. Настоящее имя Лолы—Марія-Долоресъ-Элиза-Розанна Гильбертъ, и она родилась въ Лиммерихѣ въ 1818 году. Ея отецъ Эдуардъ Гильбертъ во время войны противъ Наполеона отличался отвагой и храбростью. Ея мать дѣйствительно была кастильскаго происхожденія и даже въ числѣ своихъ родственниковъ считала какую-то испанскую знаменитость. Какъ воспитательница, она была настолько легкомысленна, что Лолѣ удалось, едва выйдя изъ школы, обмануть ея бдительность и убѣжать съ плѣнительнымъ, но бѣднымъ, какъ Ювъ, поручикомъ Джемсомъ. Молодая парочка высадилась въ Индіи безъ всякихъ средствъ къ существованію и кое-какъ прожила тамъ нѣкоторое время. Вскорѣ между ними начались раздоры, и Лола выразила желаніе развестись съ мужемъ, противъ чего онъ совсѣмъ не протестовалъ. Разводъ состоялся въ Лондонѣ, и для Лолы началась новая жизнь, полная приключеній. Теперь свободная, но безъ матеріальныхъ средствъ, она естественно старалась использовать ниспосланные ей природою дары—свою красоту—и для того задумала попасть на сцену. Ея старанія выступить въ театрѣ въ качествѣ танцовщицы встрѣчали повсюду препятствія, такъ какъ, по выраженію Теофила Готье, «ея

¹⁾ Lola Montez or adventuress of the «forties». By Edmund B. d'Auvergne. London. 1909.

ноги были красивѣе, чѣмъ ея па», и потому она не могла найти ни одного театра, куда бы ее рѣшились пригласить. Кое-какъ она научилась танцовать у какого-то мелкаго испанскаго учителя танцевъ и попала въ лондонскій театр ея величества. Она дебютировала тамъ не подъ именемъ Бетти Джемсъ, а подъ псевдонимомъ Лолы Монтець. Но ей не повезло въ первый же вечеръ: во время ея выступленія, сначала довольно удачнаго, въ одной изъ ложъ справа громко раздались слова: «Но это Бетти Джемсъ». Въ этой ложѣ находился когда-то гордо ею отвергнутый лордъ Ранелагъ, который ее тотчасъ же узналъ и предупредилъ объ этомъ всѣхъ своихъ друзей. Рукоплесканія галереи вскорѣ были заглушены безопаздными свистками: друзья милорда, повинуясь его сигналу, вторили ему, а публика, не зная, въ чемъ дѣло, и думая, что танцовщица, вѣроятно, не умѣетъ танцовать, также начала свистать. Это продолжалось еще минутъ десять, и карьера Лолы, какъ танцовщицы, по крайней мѣрѣ въ Англіи, была погублена.

Принужденная покинуть родину, Монтець отправилась въ Брюссель, гдѣ была вынуждена пѣтъ по дворамъ, а затѣмъ попала въ Варшаву. Здѣсь, на ея несчастье, въ нее влюбился Паскевичъ, который и предложилъ ей брильянты взаменъ ея сердца. На это Лола отвѣчала, что ея сердце не продажное. Тогда въ Паскевичъ вспыхнула злоба, и онъ нанялъ людей, чтобы ее освистать. Однако Лола, не волнуясь, подошла къ рампѣ и объявила: «Эти свистки были приготовлены директоромъ театра, потому что я отказалась отъ подарковъ стараго князя, его начальника». Такая фраза произвела магическое дѣйствіе на польскихъ патріотовъ, и Лола достигла громаднаго успѣха: цѣлая толпа поляковъ сопровождала танцовщицу до самой квартиры. По городу пронесся революціонный шквалъ, и начальство приказало арестовать Лолу, какъ причину этого волненія.

Однако Лола, видѣвшая различные виды, не растерялась: она забаррикадировала входъ въ свое жилище, зарядила пистолеты и закричала черезъ дверь полицейскимъ, явившимся ее арестовать, что она убьетъ всякаго, кто осмѣлится поднять на нее руку. Такая смѣлость обезкуражила полицейскихъ, и они въ порядкѣ удалились. Нѣкоторое время спустя, Лола попадаетъ въ Петербургъ, и та самая женщина, что пѣла въ Брюсселѣ по дворамъ, появилась при русскомъ дворѣ и, мало того, по словамъ автора, бесѣдовала о политикѣ съ императоромъ и Бенкендорфомъ. Вскорѣ она выѣхала въ Вѣну, гдѣ въ нее безумно влюбился Францъ Листъ, но онъ любилъ ее не за одну ея красоту, но и за умъ. Музыкантъ, страдавшій до смерти отъ ученыхъ бесѣдъ и сентиментальнаго романтизма, восхищался ея «невообразимой живостью, почти мужской смѣлостью и ея откровенной, великолѣпной животной природой».

Потомъ Лола направилась въ Парижъ и здѣсь обрѣла себѣ славу, друзей на всю жизнь и любовь. Викторъ Гюго, Альфредъ Мюссэ, Бальзакъ, Ламартинъ, Теофиль Готье, Александръ Дюма и Мэри были ея близкими друзьями. Съ редакторомъ «Presse», Дюжарье, она находилась въ интимной связи, окончившейся, однако, дурно для послѣдняго: его убилъ на дуэли Боваллонъ. Хотя Александръ Дюма былъ очень друженъ съ Монтець, но все-таки, на другой день послѣ этой катастрофы, сказалъ: «У этой женщины дурной глазъ. Она причиняетъ гибель всѣмъ, кто хотя на минуту къ ней приближается».

Въ 1846 году Лола Монтець отправляется въ Мюнхенъ въ поискахъ за новыми приключенія. Въ это время ей было 27 лѣтъ. Какъ всѣ баварскіе короли, Людвигъ, которому въ это время былъ 61 годъ, имѣлъ при дворѣ театръ, и Лола задумала добиться приглашенія на придворную сцену, но директоръ ей отказалъ. Тогда она бросилась прямо во дворець. Когда адъютантъ доложилъ Людвигу объ ея желаніи говорить съ нимъ, то король воскликнулъ: «Развѣ я здѣсь для того, чтобы видѣть комедіантовъ!»—«Простите, государь, но эта заслуживаетъ, чтобы ее видѣли». Возбужденное любопытство заставило короля совершить неосторожность и согласиться принять поддѣльную испанку. Черезъ два дня король сказалъ одному изъ министровъ: «Не знаю, что со мною: я околдованъ». На него подѣйствовала «дурной глазъ» интриганки, которая ухитрилась измѣнить на время политическій строй Баваріи. Король просилъ Лолу Монтець давать ему уроки испанскаго языка, и хотя она была ирландка, но приняла его предложеніе. Король мало понималъ этотъ языкъ, но прекрасно познакомился съ уроками политики. Въ это время въ Баваріи хозяйничали клерикалы, и Лола задалась цѣлью освобожденія Баваріи отъ ихъ гнета. Подъ ея вліяніемъ Людвигъ избавился отъ реакціонныхъ министровъ и призвалъ къ дѣлу людей прогресса. Лола Монтець превратилась въ баронессу Розенталь и графиню Ландсфельдъ, повела широкую жизнь и окружила себя дворомъ. У нея находилось достаточно золота для своихъ либеральныхъ друзей и не менѣе желѣза для реакціонныхъ противниковъ. Съ клерикальными врагами она боролась смѣло, такъ что однажды подъ ея окнами появилась группа студентовъ и задала ей концертъ изъ свистковъ. Тогда она облила ихъ шампанскимъ, рискуя быть растерзанной разсвирѣпѣвшей молодежью. Дѣло приняло дурной для нея оборотъ, и король разстался съ нею. Это было какъ разъ во-время, иначе мятежъ 1848 года, конечно, окончился бы кровопролитіемъ, если бы Людвигъ не рѣшился разстаться со своей преподавательницей испанскаго языка. Однако послѣ ея изгнанія онъ затосковалъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отрекся отъ престола. Каковы были между ними отношенія—неизвѣстно, но очень возможно, что они были платоническія. Одно навѣрно извѣстно, что король обожалъ Лолу Монтець и его часто заставляли предъ ея портретомъ молча созерцающимъ черты любимицы.

Послѣдующія ея похожденія въ Нью-Йоркѣ, Калифорніи и Австраліи менѣе интересны. Ея бурная жизнь пресѣклась на 43 году и, какъ писалъ одинъ ея биографъ, 17-го января 1861 года Лола Монтець, графиня Ландсфельдъ, баронесса Розенталь, настоятельница ордена св. Терезы, эфемерная регентша Баваріи, умерла въ благоуханіи святости.

— Рашель и Дюма.—Въ послѣдней августовской книжкѣ «Hebdo Débats» находится интересный анекдотъ о Дюма и Рашели. Будущая великая актриса поступила во «Французскую Комедію» незадолго до того дня, когда тамъ давали «Mademoiselle de Belle Isle» Дюма-отца. Въ этой пьесѣ у нея не было никакой роли, но авторъ уже плѣнился ея красотой. «Ваши уста, приближенные къ моимъ, когда я у вашихъ ногъ, заставляютъ биться мое сердце до малѣйшей фибры». Но, однако, его ухаживаніе за Рашелью подвинулось недалеко, когда четыре года спустя, въ 1843 году, обѣдая въ Марсельѣ съ Рашелью

и ея покровителемъ, Валевскимъ, Дюма вообразилъ, что она удостоила его благосклоннымъ взглядомъ. Благодаря этому взгляду, Дюма уже сочинилъ цѣлый романъ изъ писемъ, которыя печатаетъ «Amateur d'autographes». Возвратясь домой, Дюма написалъ Рашели цѣлыхъ семь большихъ лирическихъ страницъ, въ которыхъ, между прочимъ, восклицаетъ: «Страшная вещь! Это было мнѣ предопредѣлено. Съ того дня, какъ я васъ увидѣлъ, говорилъ съ вами и т. д.». Но оказалось, что воображеніе Дюма унесло его слишкомъ высоко въ небеса и ему пришлось спуститься въ дѣйствительную жизнь: глаза Рашели ничего ему не обѣщали, по крайней мѣрѣ она это отрицала въ слѣдующихъ строкахъ: «Я знала, — отвѣчала Рашель: — что съ глупцами надо взвѣшивать каждое свое слово, но я не знала, что есть умные люди, съ которыми необходимы тѣ же предосторожности». — «Такъ какъ вы безусловно этого хотите, — возразилъ раздосадованный Дюма: — то останемся при этомъ; все же это будетъ часть пути, слѣдшаго для будущаго».

Рашель разсердилась и отвѣтила: «Возвращаю вамъ, сударь, двѣ строчки, съ которыми вы не побоялись ко мнѣ обратиться. Когда женщина рѣшилась не звать къ посторонней помощи, у нея нѣтъ другого средства отвѣчать на обиду». Послѣ этого Дюма написалъ Валевскому: «Графъ, я хотѣлъ произвести атаку одного города, которымъ вы управляете. Я потерѣлъ полное поражение. Примите мое поздравленіе. Я лучше хочу, чтобы вы узнали о вашей побѣдѣ отъ меня, чѣмъ отъ кого-нибудь другого. Такимъ образомъ, вы не имѣете права злорадоваться надъ моимъ пораженіемъ».

Валевскій, дѣйствительно, не злопамятовалъ и написалъ Дюма: «Личное ваше признаніе о понесенномъ пораженіи закрываетъ мнѣ ротъ. Увѣренный, что мѣсто хорошо укрѣплено, я присутствовалъ съ оружіемъ въ рукахъ при правильной осадѣ. Но, къ моему великому сожалѣнію, я буду принужденъ предпринять походъ, если послѣ снятія осады непріятель, измѣнивъ тактику, старался бы неожиданно проникнуть туда или пустилъ бы слухъ о капитуляціи».

— Письма Верди. — Въ журналѣ «*Marzocco*» помѣщены чрезвычайно интересныя два письма Верди, изъ которыхъ въ первомъ онъ жалуется на публику за ея равнодушіе къ горю артистовъ. Первое изъ нихъ написано издателю Рикорди 4-го февраля 1859 года, послѣ провала «*Simone Boccanegra*». «Ты меня удивляешь, — писалъ Верди: — когда возмущаешься неприличіями публики. Она всегда счастлива, когда можетъ произвести скандалъ. Въ двадцать пять лѣтъ у меня были иллюзіи, и я вѣрилъ въ ея учтивость. Я вскорѣ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Меня заставляютъ смѣяться, когда говорятъ, чѣмъ мы обязаны публикѣ. Правда, она рукоплескала въ «*Scala*» «*Nabuccu*» и «*Lombardi*», но и по музыкѣ, и по пѣвцамъ, и по обстановкѣ спектакль заслуживалъ рукоплесканій, а въ слѣдующемъ году та же публика презрительно отнеслась къ произведенію бѣднаго молодого человѣка, большого, сердце котораго еще страдало отъ ужасныхъ событій (Верди лишился жены и двоихъ дѣтей). Эти обстоятельства знали все, и ни у кого не было мысли быть учтивымъ. Я никогда не перематривалъ «*Giognò regno*». Безъ сомнѣнія, это ничтожное произведеніе, но какими не стоящими его произведеніями восторгалась публика. О, если бы публика, я не говорю — рукоплескала, но хотя только прослушала молча его,

какую бы благодарность я сохранилъ къ ней! Когда она хорошо приняла произведенія, обошедшія весь свѣтъ, мы съ нею сквитались. Я могу перенести ея холодность, ея свистки, но съ условіемъ ничѣмъ не обявываясь ей за ея рукоплесканія».

Другое письмо адресовано въ 1869 году Филиппи. критику «Perseveranza», который открылъ въ «Forza di destino» заимствованіе изъ Шуберта. На это Верди отвѣтилъ, что уже много лѣтъ онъ не слышалъ ни одной ноты Шуберта. «У меня дома почти нѣтъ музыкальныхъ произведеній; я никогда не входилъ ни въ одну музыкальную бібліотеку, ни къ одному издателю просмотрѣть музыкальныя произведенія. Я познакомился съ главными музыкальными трудами не для изученія ихъ, но слыша ихъ въ театрѣ. Изъ всѣхъ маэстро, бывшихъ и настоящихъ, я менѣе всѣхъ начитанный. Но поймите меня хорошенько: я говорю о начитанности, а не объ учености. Это-то и позволяетъ мнѣ обыкновенно осуществлять эффекты, создаваемые моимъ воображеніемъ. Если мнѣ случается написать что-нибудь неправильное, то потому, что узкія правила не даютъ мнѣ того, что я хочу, и еще потому, что не всѣ правила кажутся мнѣ хорошими».

— Прогрессируетъ ли человѣчество? ¹⁾—Въ сентябрьскомъ номерѣ «Nouvelle Revue» Жоржъ Бошалъ пессимистически разбираетъ вопросъ: прогрессируетъ ли человѣчество?—и апатично складываетъ оружіе борьбы въ пользу прогресса предъ неумолимой всеокрушающей силой уничтоженія. Оставивъ въ сторонѣ грубую лѣсть человѣческому гению за всѣ его новѣйшія открытія, авторъ задается мыслью изслѣдовать, хотя съ одной стороны, вопросъ о прогрессѣ человѣчества. Онъ выбираетъ самую ограниченную изъ нихъ, а именно прослѣдить, прогрессируетъ ли человѣчество въ данный моментъ, напримѣръ, согласно своему видоизмѣненію за этотъ вѣкъ, не занимаясь ни его отдаленнымъ прошедшимъ, ни будущимъ. Съ болѣе широкой точки зрѣнія, по его словамъ, можно найти, что въ настоящее время мы не только прогрессируемъ, но что настоящая эволюція является обезпеченнымъ залогомъ прогресса безграничнаго. Съ общей точки зрѣнія интересно изслѣдовать: проявляется ли человѣчскій прогрессъ въ силу «естественнаго закона постоянно и долженъ ли онъ безконечно производиться?

Въ положительномъ смыслѣ, идея прогресса является какъ преобразованіе идей справедливости и счастья во вторичной жизни, которыя характеризуютъ религію откровенія и сама принимаетъ почти религіозный характеръ. Такъ объясняется выраженіе религіи прогресса, которое иногда употреблялось. Напримѣръ, христіане, жившіе сообразно божественному закону, считали себя въ правѣ добиваться послѣ смерти вознагражденія за пережитыя несправедливости и наслажденія вѣчнымъ блаженствомъ. Впрочемъ, это убѣжденіе, утѣшающее перенесшихъ несправедливости, любезно и душамъ людей, причинявшихъ страданія другимъ; невѣрующе же, очевидно, не могутъ надѣяться добиться ни вознагражденія, ни примиренія. Но такъ какъ преобразованіе

¹⁾ Le Progrès de l'Humanité. Par Georges Audibert. «La Nouvelle Revue», 1 Septembre. 1909.

человѣчества идетъ слишкомъ медленно, чтобы слѣдовать непрестанно за измѣненіемъ своихъ доктринъ, то въ нихъ проявляется необходимость согласовать новыя идеи съ относительно неизмѣнной сущностью социальныхъ нуждъ и индивидуальныхъ инстинктовъ, и именно съ необходимостью, обыкновенно соединяющей вѣру и надежду: вотъ какимъ образомъ идея прогресса приняла свой философскій характеръ.

Дѣйствительно, чувства социальной солидарности не имѣли времени глубоко проникнуть въ сердца людей и часто находятся еще только на ихъ устахъ, мало-по-малу ведя человѣка къ тому, чтобы выйти изъ обособленности и жить обще-человѣческой жизнью. Соответственно этому и вѣра въ прогрессъ, кромѣ того, что льститъ человѣческому честолюбію, еще ведетъ болѣе или менѣе къ самоутѣшенію въ несправедливостяхъ и несчастіяхъ, благодаря мысли, что потомки понемногу его достигнутъ. Она удобна также для корыстолюбивыхъ апостоловъ, которымъ позволяетъ успокаивать нетерпѣливыя толпы отдаленными обѣщаніями и устраивать легкую выставку благородныхъ чувствъ. Въ общемъ ей удалось проникнуть до разнообразныхъ мыслителей и философовъ съ самымъ положительнымъ критическимъ умомъ.

Но не иллюзія ли прогрессъ, какъ и религіозная идея, которую она предполагаетъ замѣнить?—спрашиваетъ себя авторъ и отвѣчаетъ на это, что прогрессъ можетъ быть утверждёнъ лишь съ существеннымъ условіемъ, что будетъ доказана его безконечная необходимость. «Дѣйствительно,—говоритъ авторъ,—ничего нѣтъ неутѣшительнѣе, какъ удостовѣриться всѣми возможными средствами изслѣдованія, что человѣчество до этого дня все прогрессировало; надо еще имѣть возможность доказать болѣе того, а именно, что это должно всегда быть такъ. Впрочемъ, продолжительность прогресса включаетъ и вѣчную жизнь, кромѣ случаевъ наводненія, такъ какъ естественная смерть заключаетъ всегда прогрессивное паденіе. А всѣ простые или сложные организмы представляютъ періодъ роста, за которымъ слѣдуетъ уменьшеніе и исчезновеніе. Это относится не только къ индивидуумамъ и животнымъ, но и къ колоссальнымъ предпріятіямъ, націямъ и т. д.

Что же, человѣчество по сгнанной привилегіи представляетъ единственное исключеніе?—спрашиваетъ авторъ и затѣмъ находитъ нужнымъ сначала опредѣлить прогрессъ, т.-е. границу сравненія между различными положеніями прошедшаго и будущаго человѣчества.

Идетъ ли вопросъ о совокупности или индивидуальности?—спрашиваетъ авторъ.—Такъ какъ человѣкъ не вполне эгоистъ, ни тѣмъ болѣе альтруистъ, то невозможно дѣлать выборъ исключительно между этими двумя терминами. Напримѣръ, если въ достаточной мѣрѣ члены общества становятся болѣе многочисленны или ихъ энергія лучше комбинирована центральнымъ авторитетомъ—это общество прогрессируетъ, и наоборотъ.

Какъ опредѣлить прогрессъ совокупности человѣчества? По росту ли его совокупнаго могущества по отношенію вѣшняго міра? Безъ сомнѣнія, страны, именно Малая Азія и Сѣверная Африка, процвѣтали бы болѣе прежде, чѣмъ теперь, если бы горы были лѣсистѣе, долины плодоноснѣе, жители многочисленнѣе и прекраснѣе, то, конечно, былъ бы прогрессъ, если не постоянный,

то по крайней мѣрѣ окончательный относительно сбереженія земли для человѣка въ его пользу въ видѣ исполненныхъ работъ, собранныхъ предметовъ и приобретенныхъ познаній. Но человѣческая работа—хрупкая вещь,—говоритъ авторь:—уже не говоря о наводненіяхъ, которыя разомъ уничтожаютъ все, простой переменѣ температуры, какъ бывало въ доисторическія времена,— всего этого достаточно для уничтоженія социального организма и приведенія всего къ первобытному виду. Само человѣчество можетъ быть побѣждено микроскопическими животными, какъ, на примѣръ, микробами. Оно можетъ погаснуть также и отъ уменьшенія своей продуктивной силы. Уже теперь въ городахъ количество бесплодныхъ браковъ значительно. Наконецъ возвращеніе къ варварству авторь считаетъ вполне возможнымъ и, по его мнѣнію, позволительно утверждать, что могущество человѣка должно безконечно расти. Задавая вопросъ, состоитъ ли совокупный прогрессъ въ нарушеніи численности человѣчества, онъ говоритъ, что вовсе нежелательно, чтобы людей было больше, и нѣтъ необходимости господствовать надъ всею землею, въ виду того, что и теперь уже въ большихъ городахъ борьба за существованіе доводитъ до высшаго градуса деформированія и истощенія человѣческаго тѣла, также какъ и развращенности характера.

Съ точки зрѣнія индивидуальной—дѣло обстоитъ, по его мнѣнію, не лучше. Благодаря чрезмѣрнымъ наслажденіямъ въ большихъ городахъ, гдѣ люди лихорадочнѣе работаютъ и веселятся, видно пресыщеніе, и потому общая апатія. Слѣдовательно, нельзя утверждать, что человѣческое счастье увеличилось, и еще менѣе, что оно должно все увеличиваться. Со стороны физической, интеллектуальной и моральной—авторь приходитъ къ одинаковому выводу. Такъ какъ,—говоритъ онъ,—большинство теперешнихъ людей, безъ сомнѣнія, по уму ниже Платона и Архимеда, то можно сравнивать только средняго достоинства людей, а это тѣмъ болѣе трудно, что всего чаще умъ развивается насчетъ тѣла и моральныя цѣнности совѣмъ не мѣняются, несмотря на внѣшнее разнообразіе. Впрочемъ, увеличеніе частныхъ богатствъ и народныхъ, а также развитіе дурно понятой солидарности благоприятствуютъ развитію низменныхъ типовъ. Поэтому усовершенствованіе человѣка не положительно, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Въ общемъ, съ какой бы точки зрѣнія ни посмотрѣть, повидимому, невозможно утверждать, что въ человѣчествѣ совокупность или индивидуумъ находится на дорогѣ безконечнаго прогресса.

Прочитавъ такую безнадежную статью, можно только пожалѣть, что авторь слишкомъ узко взглянулъ на вопросъ, и прійти къ заключенію, что онъ совершенно пренебрегаетъ работами современныхъ ученыхъ изъ разныхъ областей науки, поставившихъ себѣ задачей постигнуть природу и приручить ее. Если въ далекія времена были Платонъ и Архимедъ, на которыхъ ссылается авторь, то въ наше время найдется немало ученыхъ физиковъ, химиковъ и проч., о которыхъ и не мечтали въ тѣ времена. А завоеваніе воздуха развѣ не поможетъ изучить высшіе слои атмосферы, что послужитъ для борьбы съ грозными проявленіями природы. Итакъ, Бошаль, сомнѣваясь въ существованіи прогресса, этимъ самымъ доказываетъ, что онъ существуетъ. Разрушая, природа воздвигаетъ на развалинахъ новыя зданія, преобразованныя и улучшенныя, снес-

сенный водою городъ люди замѣняютъ повымъ, еще лучшимъ. Правда, пока еще большинство людей умираетъ, не доживъ ста лѣтъ, но работы Менникова не останутся безрезультатными. Къ тому же гениальные люди не исчезаютъ безслѣдно и послѣ своей смерти оставляютъ идеи, которыя служатъ маякомъ прогресса.

— Бертелло какъ философъ и воспитатель ¹⁾.— Прекрасную біографію покойнаго Бертелло помѣстилъ въ «Revue Bleue» Жоржъ Лионъ. Онъ рисуетъ знаменитаго французскаго химика однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ ученыхъ, которые не зарылись въ одну только изслѣдуемую ими область, но ихъ умъ интересуется всякимъ проявленіемъ интеллектуальной дѣятельности и ничто не чуждо ихъ пылливому уму. Особенно они отличаются тѣмъ, что ихъ свѣтозарная теоретическая жизнь соединяется съ дѣятельной практической жизнью. Въ XVII вѣкѣ такимъ ученымъ былъ Лейбницъ, въ нашъ вѣкъ—Марсель Бертелло. Имѣя въ лицѣ своего отца, доктора, человѣка широкаго ума, замѣчательно руководившаго его воспитаніемъ, онъ блестяще окончилъ гуманитарные классы въ лицѣ Генриха IV. Разносторонне образованный, изучившій латинскій, греческій языки, исторію и философію, Бертелло всю жизнь оставался яркимъ сторонникомъ гуманизма. Былъ моментъ, именно во время его дружбы съ Ренаномъ, когда онъ колебался, не избрать ли ему предметомъ изученія филологію, и соблазнился еврейскою экзегетикой, однако экспериментальная наука, а именно химія, завоевала его на всю жизнь и приготовила ему будущее, полное открытій и славы. Почти съ первыхъ своихъ работъ Бертелло составилъ себѣ репутацию, но это не измѣнило его прежнихъ вкусовъ, и онъ продолжалъ на досугъ заниматься разборкой старыхъ рукописей алхимиковъ и набрасывать давнишнюю исторію этой смѣси наблюденій, вѣрныхъ и химерическихъ, реальныхъ и фиктивныхъ, изъ которыхъ произошла современная химія.

Любимымъ его умственнымъ «развлеченіемъ» отъ техническихъ работъ въ лабораторіи была философія или, по выраженію автора, его философская мысль составляла цѣлое какъ съ его научною мыслью, такъ и съ дѣятельною волею. Размысленіе о наукѣ было для него нераздѣльно отъ размысленія о вселенной и бытіи. Болѣе того, наука, философія и дѣятельность были въ его глазахъ, не только теоретически, но и фактически,—тремя неизмѣнными терминами. Это придавало интеллектуальной и моральной личности Бертелло, также какъ и его существованію мыслителя и дѣятельнаго человѣка, самую привлекательную оригинальность—единство. Вся философія, т.-е. вся систематическая концепція вещей, по мнѣнію Бертелло, бесплодна и не покоится на фактахъ, а ограничивается построеніемъ а priori посредствомъ замысловатыхъ, ловкихъ дедукцій вмѣсто того, чтобы продолжать науку, которой она, впрочемъ, можетъ быть лишь слабымъ толкованіемъ. Не философія диктовала наукѣ свои законы и пролагала ей путь, какъ предполагали безчисленные поколѣнія теоретиковъ, но, наоборотъ, предполагаемая чистая мысль проистекаетъ изъ распознаванія реальнаго, и въѣтъ науки нѣтъ настоящей философіи.

¹⁾ Berthelot philosophe et éducateur. Par George Lyon. «Revue Bleue». 12 Juin 1909.
«истор. вѣстн.», октябрь, 1909 г., т. сxviii.

Этой центральной доктринѣ, высказанной въ 1863 году въ знаменитомъ письмѣ къ Ренану, Бертелло никогда не измѣнялъ и тридцать лѣтъ спустя ея господствующія идеи онъ такъ же строго, такъ же крѣпко сохранилъ въ своихъ напечатанныхъ трудахъ. Она господствовала вся посредствомъ отличія между позитивной наукой и идеальной. Первая задаетъ себѣ цѣлью установить факты такъ же, какъ непосредственныя отношенія, соединяющія ихъ, и это съ помощью однихъ наблюденій и опытовъ. Эти отношенія, въ свою очередь, становятся терминами, которые могутъ соединить, и все подѣ контролемъ опыта, отношенія болѣе общія, чѣмъ связи, которыя завязываютъ другія связи. Итакъ, позитивная наука умножаетъ связи или законъ, который она охватываетъ; она не только идетъ въ ногу съ реальностью, но находится въ неизмѣнной сообразности съ нею. Что касается идеальной науки, то она существуетъ законно: право, котораго она требуетъ, задавать задачи, которыя заходятъ гораздо далѣе волнующихъ позитивную науку, какъ, напримѣръ, происхождение и кончина живыхъ существъ, не можетъ быть у нея оспариваемо, однако съ условіемъ не разрывать съ методомъ, отъ котораго мы должны приобрѣсть первостепенныя истины. Здѣсь еще, несмотря на важность вопроса, опираясь на факты, отношенія между фактами и понятіями наиболѣе общія, чѣмъ ихъ происхождение въ различныхъ отрасляхъ позитивныхъ познаній. Короче, подымаясь отъ одной науки къ другой, мы не переходимъ какъ изъ одного міра въ другой міръ, различный отъ перваго, мы не дѣлаемъ себѣ какъ бы новое пониманіе разума, новый путь изобрѣтенія, новый «organum». По мѣрѣ того, какъ идеальная наука прилагается къ болѣе обширному обобщенію, она теряетъ несомнѣнность и должна подчиняться болѣе или менѣе твердой вѣроятности. У нея не остается менѣе относительной прочности; она не менѣе сохраняетъ свою цѣну именно потому, что, какъ бы высоко ни позволяла она себѣ подниматься, она ни на минуту не теряетъ изъ виду отношеній между фактами, т.-е. самихъ фактовъ, т.-е. реальности. Никакой предметъ, какой бы онъ ни былъ, не избѣгаетъ ея контроля, отъ нея каждая истина получаетъ свое значеніе—внѣ ея все одна только иллюзія, фантазмагорія, мечта, мистицизмъ.

Бертелло не интересовался случайными доктринами, столь принятыми въ нѣкоторыхъ современныхъ философскихъ кружкахъ. Убѣжденный сторонникъ человѣческой свободы, онъ, однако, допускалъ въ насъ присущность той власти, отъ которой зависятъ моральныя и социальныя чувства ответственности; онъ допускалъ ее не въ силу какой-нибудь дедукціи а priori, но по праву, данному внутреннимъ наблюденіемъ и социальнымъ опытомъ. Свобода—это одинъ изъ тѣхъ величайшихъ главныхъ фактовъ, который идеальная наука отмѣчаетъ, а мораль, дѣйствительно ученая мораль, помѣщаетъ во главѣ своихъ отношеній. Поэтому, надо устранить притязанія этихъ двухъ такъ называемыхъ властичицъ знанія, знанія, добытаго ихъ собственнымъ путемъ, безъ всякаго прибѣганія къ нормамъ науки: метафизики и религіи; къ тому же, какъ та, такъ и другая—жертвы самыхъ наивныхъ иллюзій. То, что въ нихъ есть основательнаго, допустимаго, это безъ ихъ вѣдома, въ окружающей ихъ реальности, въ человѣческихъ вещахъ, въ жизни такой, кака она есть, или какой ее думаютъ видѣть, которую они черпаютъ, т.-е. въ безсознательномъ наблю-

деній, безконтрольномъ, искаженномъ, преувеличенномъ, преобразованномъ, здѣсь чрезъ чистое разсужденіе отвлеченной логики, тамъ чрезъ мечтанія и воображеніе, даже чрезъ ужасы окутывающіе ее, развѣ только не будетъ уклоненъ этотъ принципъ вдохновенія. Много разъ въ историческихъ эскизахъ Бертелло разъяснялъ этотъ непрерывный и невольный подлогъ метафизической или религіозной мысли, выдающей себя за родоначальницу даже того, что мы видимъ заимствованнымъ.

Не метафизика и не религія образуютъ мораль, а разумъ, опирающійся на опытъ. Другими словами—это идеальная наука. Далекая отъ того, чтобы основать моральныя истины, религія, особенно та, которую безпрестанно восхваляютъ за то, что она ихъ единственный источникъ, только принимаетъ ихъ отъ человѣческой мысли, которая ихъ сначала обрабатываетъ съ помощью размышленій о ней самой и о мірѣ.

Теоретическіе взгляды Бертелло на религію, разсматриваемые, какъ органъ знанія, не должны никого обманывать. Никто болѣе его не выказывалъ себя вѣрнымъ принципамъ самой широкой вѣротерпимости. Такимъ образомъ, до самаго конца, рискуя разойтись на этомъ пунктѣ со своими политическими друзьями, онъ оставался сторонникомъ свободы высшаго преподаванія. Справедливо прибавить, что еще и въ этомъ онъ основывался исключительно на интересахъ науки, которая, съ одной стороны, увеличивала численность центровъ изысканій, съ другой—оставляла рядомъ съ коллективными усиліями, покровительствуемыми государствомъ, возможность того же усилія, безусловно автономнаго.

Это вызывало неизбѣжныя долги и страстныя противорѣчія. Но они не волновали Бертелло. Самое большое, онъ терялъ терпѣніе, когда его нелояльные противники подхватывали нѣкоторыя изъ его выраженій и передавали въ искаженномъ смыслѣ. Особенно часто они приводили его фразу, какъ будто она сама собой составляла *reductio ad absurdum* теоріи. Онъ написалъ: «*Le monde est aujourd'hui sans mystère*» (Міръ въ настоящее время безъ тайнъ). А они, злорадствуя надъ гордостью ученаго, будто бы изгнавшаго изъ міра неизвѣстное и думавшаго, что онъ разгадалъ загадку, «*mystère*» превращали въ «*inconnu*». Между тѣмъ, никто болѣе Бертелло не считалъ, что положеніе ученаго должно быть очень скромно передъ необъятностью природы. Онъ любилъ говорить: «Вселенная, какъ лѣсъ, безпредѣльна. Наука то здѣсь, то тамъ съ трудомъ пробиваетъ себѣ тропинки... Только эти тропинки вѣрныя и мы ихъ довольно обѣгали, чтобы быть увѣренными, что нѣтъ ни одной части лѣса, населенной естественными породами, другой—гдѣ бы росли сверхъестественныя растенія, среди которыхъ движутся гномы, феи и пери. Да, міръ имѣетъ право и безъ тайнъ. То, чего мы не знаемъ и что безгранично, также то немногое, что мы знаемъ,—все одинаково рационально, объяснимо и поддается ученому анализу.

Это относится не только къ естественной философіи и морали, позитивной и идеальной наукѣ, но и къ наукѣ объ обществѣ и искусству управлять людьми. Среди социальных фактовъ, собранныхъ историкомъ-философомъ, есть одинъ, очевидность котораго не желаютъ знать только умышленно или по невѣжеству:

это, что фактъ человѣческаго прогресса всегда послѣдователенъ и даже идетъ впереди науки. Матеріальный прогрессъ дѣлаетъ человѣка все болѣе и болѣе хозяиномъ природы; экономическій—пытается улучшить въ общемъ жизнь; юридическій, моральный—также; однимъ словомъ, подъ дѣйствіемъ экспериментальной науки все шествуетъ непрестанно, подымаясь къ цивилизації.

Бертело зналъ, какую важную роль для социальнаго улучшенія играетъ воспитаніе, и потому внимательно слѣдилъ за его задачами. Рѣшить ихъ, по крайней мѣрѣ самыя важныя, ему счастливо удавалось въ виду его личнаго авторитета и занимаемыхъ имъ государственныхъ должностей. Главнымъ двигателемъ онъ ставилъ, конечно, науку—науку-воспитательницу, такъ какъ она учитъ не только укрощать природу, охранять отъ опасностей здоровье и жизнь, увеличивать сумму матеріальныхъ благъ, но также служить великой школой для ума совсѣхъ точекъ зрѣнія. Бертело принималъ дѣятельное, горячее участіе во всѣхъ вопросахъ, какъ первоначальнаго, такъ и высшаго воспитанія.

Естественно, признавая, что ученый имѣетъ правъ болѣе, чѣмъ кто-либо, работать въ пользу прогресса въ социальной жизни, Бертело горячо раздѣлялъ политическую дѣятельность. Съ молодыхъ лѣтъ онъ былъ сторонникомъ республиканскихъ идей и непрестанно стремился къ демократическимъ реформамъ. Во время имперіи онъ принадлежалъ къ группѣ дѣятелей, желавшихъ политической свободы; при осадѣ Парижа онъ предсѣдательствовалъ въ ученномъ комитетѣ защиты, и душа этого патріота неутѣшно страдала отъ расчлененія родины. Затѣмъ онъ былъ членомъ сената, позже министромъ народнаго просвѣщенія въ 1887 году и министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1895 году, а затѣмъ вступилъ въ государственный совѣтъ. Здѣсь онъ проявилъ себя тонкимъ ораторомъ, очаровывавшимъ слушателей, и просвѣщеннымъ государственнымъ человѣкомъ. Родина не осталась у него въ долгу и выразила, какъ только могла, свое уваженіе и сожалѣніе при извѣстіи объ его смерти. Правительство и палата устроили ему національныя похороны и его останки вмѣстѣ съ останками его жены хранятся въ Пантеонѣ.

— Военный, политическій и психологическій взглядъ на нѣмецкую армію.—Въ «National Review» появился переводъ труда, къ сожалѣнію, безъ обозначенія, гдѣ и когда онъ напечатанъ, генерала фонъ-Пелеть-Нарбонна, касающійся нѣмецкой арміи и служащій къ тому, чтобы «имбьюще уши да слушали». Начинаетъ авторъ съ того, что изъ различныхъ элементовъ, составляющихъ силу арміи, нѣкоторые поражаютъ взглядъ всѣхъ наблюдателей и извѣстны, какъ за границей, такъ и въ Германіи, напримѣръ, количество сражающихся и качество ихъ оружія. Другіе элементы труднѣе узнать точно, какъ степень подъема духа арміи, хотя большіе маневры позволяютъ иностраннымъ офицерамъ имѣть о нихъ нѣкоторое представленіе; одинаково извѣстно все, что относится до организаціи арміи въ мирное время, высшей команды, мобилизаціи арміи во время войны и т. д. Наконецъ, крайне трудно опредѣлить умственные и нравственные факторы. Все зависитъ отъ расположенія народа и его патріотизма, темперамента, болѣе или менѣе воинственнаго, его физической силы, степени умственнаго развитія и воспитанія, вліянія цивилизаціи, миролюбивыхъ и антивоенныхъ теорій. по его мнѣнію, всего, что един-

ственно зависит от внутренней политики и исторической эволюции страны. Порою бывают неожиданности,—говорит авторь:—напримѣрь, когда народъ внезапно пробужденъ отъ долгаго сна чрезмѣрнымъ его униженіемъ, какъ было съ Пруссіей, въ которой послѣ несчастія и стыда 1806 года встрепенулось чувство негодованія. Точно также, когда дисциплина начинаетъ падать въ арміи, всѣ ея элементы-силы могутъ оказаться парализованными: обозрѣватель долженъ поэтому воздержаться отъ приговора и ожидать всего.

Въ нѣмецкой имперіи насчитывается до 62 миллионъ жителей, а ежегодное увеличеніе народонаселенія превышаетъ 800,000 человекъ. На каждый бракъ надо считать среднимъ числомъ четырехъ дѣтей. Послѣдній классъ, призванный на военную службу, состоялъ изъ 511,000 человекъ (цифра соответствовала не теперешнему количеству народонаселенія, а 1886 г.—47 миллионамъ). Въ этой цифрѣ только 220,000 чел. несутъ военную службу (сюда же входитъ и морская). Къ нимъ надо прибавить 55,000 волонтеровъ, что даетъ 275,000 на 1906 г. Въ резервъ входятъ 84,500 чел., предназначенныхъ пополнять ряды, опустошенные войною, и 116,500 чел., изъ которыхъ большинство способно хорошо служить и предназначается въ ландштурмъ на нѣсколько мѣсяцевъ обученія, чтобы годиться для военной службы. 33,327 чел. объявлены неспособными къ военной службѣ и 921 исключены по разнымъ причинамъ. Изъ этого видно, что въ Германіи въ 1886 г. было солдатъ болѣе, чѣмъ требуется. По словамъ генерала, у нея неистощимый источникъ человѣческаго матеріала для пополненія отрядовъ въ военное время, хотя онъ сознаетъ, что немедленно ими пополнять ряды нельзя и необходимо нѣсколько мѣсяцевъ подготовки. Въ общемъ для военного времени онъ разсчитываетъ на 4 миллиона 330 тысячъ человекъ.

Что касается подъема духа нѣмецкой арміи, то, по его словамъ, каждый согласится, что онъ доведенъ до необходимыхъ границъ. «Что особенно обезпечиваетъ превосходное воспитаніе, — говоритъ генераль, — это личное руководство и наблюденіе нѣмецкаго императора, а также другихъ государей имперіи. Во время войны высшее командованіе будетъ находиться цѣликомъ и исключительно въ рукахъ императора. Въ мирное время три короля (баварскій, саксонскій и вюртембергскій) сохраняютъ нѣкоторыя привилегіи, какъ, напримѣрь, у нихъ есть свои военные министры, но императоръ имѣетъ право все провѣрять до мельчайшихъ подробностей, и военный министръ прусскаго государства фактически—всей имперіи.

«Существованіе единственнаго главы», который, занимаясь своей командой, не заботится о парламентѣ,—большая выгода для нѣмецкой арміи даже въ мирное время,—говоритъ генераль, но во время войны, когда императоръ руководитъ военными дѣйствіями, эта выгода еще увеличивается. Уже не говоря, какъ это дѣйствуетъ нравственно на солдата, когда онъ видитъ, что высшій глава страны раздѣляетъ съ нимъ всѣ испытанія и опасности войны, надо еще отмѣтить, что сражающіеся видятъ во главѣ арміи шефа, независимаго отъ парламентской критики, и сознаютъ, что такимъ образомъ они избѣгаютъ всѣхъ опасностей, какія причиняетъ парламентаризмъ странъ во время кризиса. Болѣе того, неоспоримый фактъ, что въ странѣ, руководимой столь высокимъ лицомъ,

фаворитизмъ не можетъ имѣть столь дурного вліянія, какъ въ странѣ, гдѣ парламентское большинство могущественно, гдѣ всякій представитель разсчитываетъ имѣть право распоряжаться, зная, что министръ во власти его голосованія и самъ зависитъ отъ своихъ выборщиковъ, а потому льстить ихъ страстямъ и старается дать доказательства своего вліянія. Очевидно, что въ арміи, которой командуетъ наследственный глава, можетъ встрѣтиться случай фаворитизма, но когда онъ и есть, то совсѣмъ иного рода.

Обязательная воинская повинность существуетъ въ Германіи вѣкъ. Пруссія къ этому привыкла и ранѣе другихъ странъ втянулась въ этотъ порядокъ; ея военный духъ давно проявился и лучше усвоенъ. «Короли,—говоритъ нѣмецкій генераль,—всегда были лучшими солдатами арміи; всѣ они были офицерами и всегда строго подчинялись всѣмъ профессиональнымъ обязанностямъ. Быть можетъ, это объясняетъ, почему такъ высоко уважаютъ въ Пруссіи и даже во всей Германіи офицеровъ. Надо прибавить, что офицеры принадлежатъ къ высшимъ классамъ общества, а это прибавляетъ имъ престижа въ глазахъ солдатъ». Нѣсколько индивидуальныхъ слабостей, по мнѣнію генерала, не могутъ понизить высокаго уваженія, какимъ пользуется корпорація офицеровъ». «Извѣстно,—говоритъ генераль:—что повсюду есть паршивыя овцы и что, впрочемъ, полковые «суды чести» беспощадно исключаютъ изъ арміи офицеровъ, нарушившихъ правила чести. Ни одинъ вновь поступившій офицеръ не допускается безъ строгихъ справокъ объ его повеленіи со стороны всѣхъ офицеровъ того полка».

Перейдя къ социализму среди военного элемента, авторъ говоритъ, что въ настоящее время во всѣхъ цивилизованныхъ націяхъ социалисты и миролюбцы стараются убить чувство патріотизма. Въ Германіи въ партіи «миръ во что бы то ни стало» насчитывается только нѣсколько воепачальниковъ, но не солдатъ. Напротивъ, среди солдатъ множество социалистовъ; однако нѣмецкіе социалисты своеобразны: ихъ главари заявили, что если когда-нибудь на Германію нападутъ, они будутъ готовы за нее сражаться. Однако генераль думаетъ, что это не совсѣмъ искренно. По его мнѣнію, такое заявленіе сдѣлано съ цѣлью пощадить патріотизмъ многочисленныхъ избирателей изъ «передовыхъ», которые подаютъ голосъ за кандидатовъ социаль-демократовъ, не соглашаясь съ ихъ доктриной. Правда, что молодые социалисты, разъ взяли въ руки ружье и надѣли фуражку съ козырькомъ, повидимому, совершенно забываютъ свои «утопіи» и обыкновенно дѣлаются хорошими солдатами.

По словамъ автора, нѣмецкій народъ—горячій патріотъ. Его любовь къ родинѣ переиживается съ любовью къ императору. «Даже самая передовая партія,—говоритъ онъ,—крайне лѣвыя, на самомъ дѣлѣ въ глубинѣ сердца привязаны къ семьѣ своего государя. Это чувство наблюдается даже въ рядахъ социалистовъ».

Относительно отваги нѣмцевъ авторъ говоритъ, что они всегда ею отличались; нѣмцы покрыли себя славой во всѣхъ послѣднихъ войнахъ. Но, конечно, Германія не болѣе другихъ странъ избѣжала расслабляющаго вліянія современныхъ «цивилизаций» и «прогресса». Народъ все болѣе и болѣе питаетъ страсть къ комфорту: ради матеріальнаго благоденствія онъ презираетъ старые идеалы и терять желаніе жертвовать самимъ собою. Насколько это повліяло на воин-

скія добродѣтели нѣмцевъ въ мирное время, по признацію автора, трудно опредѣлить. Однако онъ указываетъ на тотъ фактъ, что во время недавней войны въ Африкѣ нѣмцы дали множество доказательствъ отваги, подъема духа и выносливости. Но все эти солдаты были волонтеры. «Нѣмцы не только отважны, — говоритъ авторъ: — у нихъ много терпѣнія и стойкости; рѣдко ихъ деморализуетъ пораженіе. Даже послѣ ужасной Іенской катастрофы никогда не поднялся голосъ противъ офицеровъ, никогда не раздавалось: «Намъ измѣнили!»

Въ заключеніе нѣмецкій генералъ выражаетъ твердую надежду, что «если вспыхнетъ война, нѣмецкая армія покажетъ, что она вѣрна старымъ традиціямъ дисциплины и достойна довѣрія націи».

Такъ говоритъ о положеніи Германіи въ военномъ отношеніи нѣмецъ. Теперь приведемъ взглядъ француза, Мориса Лэра, помѣтившаго въ «Revue Bleue» статью о нѣмецкой финансовой состоятельности, на случай войны. Начинаетъ авторъ съ того, что война между большими державами представляетъ такой рискъ, который заставитъ попятиться даже самыхъ смѣлыхъ. И это не только со стратегической точки зрѣнія, но также экономической и финансовой. Современная экономія настолько развила за послѣдніе годы, что сдѣлалась чувствительна къ самымъ легкимъ колебаніямъ, а усовершенствованіе кредита еще болѣе усилило эту чувствительность. Съ финансовой точки зрѣнія—та же неувѣренность. Все великія державы, за исключеніемъ Россіи, достигли необычайнаго развитія, промышленнаго и торговаго. Русско-японская война велась при специальныхъ условіяхъ, а трансваальская доказала, что для веденія войны требуются деньги, деньги и еще деньги. Нѣмцы въ данный моментъ озабочены этимъ вопросомъ. Много зависитъ отъ того, какая будетъ война: на одинъ или на два фронта, т.-е. сухопутная или морская. Если вспыхнетъ конфликтъ съ Англіей, то для Германіи это выгода, чѣмъ вести войну съ Франціей. 303 дня франко-прусской войны обошлись Германіи въ 2.700.000.000 марокъ. Франціи она стоила 9.820.000,000. Англо-бурская война потребовала 4.307.000,000 марокъ, а русско-японская стоила русскимъ 2.873.000,000, а японцамъ 242.400,000.

Допуская, что Германія можетъ выставить 10.000,000 человекъ, авторъ говоритъ, что есть существенныя границы, которыя возстанутъ противъ такого громаднаго ополченія. Дѣйствительно, сколько было бы затрудненій экипировать, вооружить, доставить провіантъ такой массѣ войска при ограниченности линій желѣзныхъ дорогъ и средствъ передвиженія, наконецъ, за недостаткомъ военныхъ средствъ, невозможностью прокормить армію, командовать ею и маневрировать, уже не говоря объ ограниченности финансовъ, такъ какъ десять милліоновъ человекъ потребуютъ на мобилизацію 22 милліона марокъ. Генералъ фонъ-Либеръ ограничивается арміей въ 3 милліона, изъ которыхъ 2 предназначаются для военныхъ дѣйствій и 1 для пополнительныхъ отрядовъ и гарнизона. Театръ военныхъ дѣйствій не могъ бы вмѣстить большаго количества войска. Принявъ за точную цифру—6 марокъ въ день на человека, ежедневное содержаніе обойдется въ 15 милліоновъ марокъ, ежемѣсячное въ 540 милліоновъ, ежегодное, не считая косвенныхъ расходовъ, въ 6.570 милліоновъ.

Правда, что государственный долгъ Германіи не великъ въ сравненіи съ другими державами, хотя за послѣднія нѣсколько лѣтъ онъ возросъ и въ концѣ

1907 года дошелъ до 17 миллиардовъ марокъ, къ которымъ надо причислить около восьми миллиардовъ общественнаго долга. Въ концѣ 1905 года главныя державы состояли въ долгу въ слѣдующемъ порядкѣ: Италия—9.958 милліоновъ марокъ, Австро-Венгрія—12.054, Великобританія—15.157, Германія—15.448, Россія—15.542, Франція—24.368. На каждаго жителя приходилось въ Россіи 123 марки, въ Германіи—254, въ Австріи—265, въ Великобританіи—265, во Франціи—620. Половина долга Германіи, около 8 миллиардовъ, была помѣщена въ различныхъ предпріятіяхъ, преимущественно желѣзнодорожныхъ. Въ 1907 году Пруссія выручила съ желѣзныхъ дорогъ 536 милліоновъ и Баварія—112 милліоновъ. Въ томъ же году на обезпеченіе государственнаго долга потребовалось 682 милліона (проценты, администрація, погашеніе долговъ), или 753 милліона, если считать неутвержденный долгъ около 1.600 милліоновъ. Если этой цифрѣ сопоставить доходы съ государственныхъ недвижимостей и предпріятій, желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ, въ 1907 г.—1.015 милліоновъ, то доходы превышаютъ оплату долга на 260 милліоновъ. Въ 1906 г. налоги и контрибуціи достигли въ Германіи 2.073 милліоновъ марокъ, во Франціи—2.457, Великобританіи—2.462, Россіи—2.751, что приходится на каждаго жителя въ Россіи—22, Германіи—34, Англии—59, Франціи—62 марки. Военные расходы: Россіи въ 1908 году приходилось на человѣка 8 марокъ, въ Германіи—19, во Франціи—22, въ Англии—27. Общая сумма состоянія Германіи—220—230м илліардовъ марокъ, треть которыхъ помѣщена въ биржевыхъ цѣнностяхъ, въ процентныхъ бумагахъ, т.-е. государственный долгъ не представляетъ и 10% этого состоянія. Общій доходъ нѣмецкаго народа можетъ достигъ 24—25 миллиардовъ, изъ которыхъ около 5 миллиардовъ сбереженій. Такимъ образомъ, условія эти до сихъ поръ кажутся благоприятными, и потому возникаетъ вопросъ, почему нѣмецкое общество такъ мало это убѣждаетъ и его тревожить курсъ государственныхъ займовъ. Причину его паденія авторъ ищетъ отчасти въ чрезвычайныхъ требованіяхъ за послѣдніе годы капиталовъ для промышленности и особенно въ недостаткѣ равновѣсія государственныхъ финансовъ, что начинаетъ возбуждать въ публикѣ недовѣріе. Единственнымъ средствомъ онъ считаетъ серьезную финансовую реформу, которая установила бы гармонію между нуждами финансоваго порядка и средствами. Повидимому, настоящій проектъ не осуществить этой мечты, такъ какъ, несмотря на 500 милліоновъ предвидѣннаго прихода, черезъ пять лѣтъ бюджетъ представитъ новый дефицитъ.

Существующій въ Германіи Reichsbank, основанный въ 1875 году, теоретически автономный, оказываетъ и окажетъ еще немало услугъ Германіи. Его бумаги серьезно гарантированы и гораздо устойчивѣе государственныхъ, а потому онъ является для нея основательнымъ источникомъ. Нельзя того же сказать о нѣмецкихъ частныхъ банкахъ. Они привлекли деньги со всѣхъ сторонъ Германіи и въ случаѣ паники принуждены быть готовы вернуть ихъ вкладчикамъ. Но ихъ положеніе, повидимому, не очень устойчиво и всего вѣроятнѣе, что ихъ текущихъ запасныхъ суммъ или цѣнностей на иностранныхъ рынкахъ будетъ недостаточно что привычка допускать кредитъ долгосрочный и авансы, трудно реализуемые; могутъ еще болѣе увеличить эти затрудненія и даже легкая паника принудитъ нѣмецкіе банки прекратить платежи.

Положеніе биржи тоже не изъ блестящихъ: закономъ 1897 года, препятствующимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ запрещающимъ срочныя спекуляціи, ея функціи очень стѣснены. Эта мѣра надолго прекратила ея кліентуру и сдѣлала ее неспособной играть роль, которая досталась ей во время войны, т.-е. принять необходимые займы, неудовлетворенные, за невозможностью, нѣкоторыми крупными банками. Поэтому на третьемъ конгрессѣ нѣмецкихъ банкировъ Варбургъ, говоря о здоровой и сильной спекуляціи, прибавилъ: «Въ случаѣ войны она одна будетъ въ состояніи покушкою большого количества бумагъ помѣшать паникѣ на рынкѣ національныхъ процентныхъ бумагъ. Тѣмъ болѣе важна для нея эта роль, что въ случаѣ войны парижскій и лондонскій рынки для нея закроются и, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы попытки истощить нѣмецкое золото, чтобы поколебать положеніе нѣмецкихъ биржъ и кредитъ имперіи приказомъ ограничить продажу особенно государственныхъ бумагъ.

Въ случаѣ войны содержаніе арміи и флота въ первыя шесть недѣль обойдется самое меньше 1,200 милліоновъ марокъ, къ которымъ надо присоединить милліардъ на необходимые ресурсы промышленности, торговли, земледѣлства и для военныхъ запасовъ. Къ этому надо прибавить еще 250 милліоновъ на удовлетвореніе внезапныхъ требованій публики, при очень возможной, но, конечно, короткой паникѣ. Для покрытія всего этого Германія прибѣгнетъ къ знаменитой военной сокровищницѣ, запертой въ башнѣ Юліуса и заключающей въ себѣ 120 милліоновъ марокъ. Увеличеніе налоговъ можетъ снабдить страну крупными ресурсами. Въ этомъ отношеніи Германія находится не въ благопріятномъ положеніи, не имѣя прямыхъ налоговъ въ пользу имперіи. Но все мѣры, какія она приметъ для увеличенія суммъ, будутъ недостаточны и придется прибѣгнуть къ Reichsbank, имѣющему самый крупный источникъ, какой существуетъ въ имперіи. Но какъ бы основательно ни было его положеніе въ началѣ войны, оно сдѣлается труднымъ. Ему предстоитъ двойная роль: съ одной стороны, относительно имперіи, какъ военнаго банка, съ другой—относительно публики, какъ коммерческаго. Даже увеличеніе налоговъ съ государственныхъ земель будетъ недостаточно, тѣмъ болѣе, что на послѣдній государственный заемъ публика подписывалась неохотно даже въ мирное время, тѣмъ болѣе, что Германія испытываетъ большія затрудненія на внутреннемъ рынкѣ вслѣдствіе недостаточности наличности банковъ и недостаточности сильнаго средняго класса. Чтобы покрыть необходимый заемъ, нужна, какъ сказала Варбургъ, сильная и здоровая спекуляція. Заемъ придется сдѣлать у себя дома, такъ какъ ей окажетъ кредитъ лишь Нью-Йоркъ, Петербургъ же, Римъ или Вѣна ей не наполняютъ сундуковъ. Если Лондонъ и Парижъ прерветъ кредитъ нѣмецкимъ финансистамъ, то имъ скоро придется оказаться ни при чемъ. Къ этому присоединится страшный экономическій кризисъ. Продолжительная война будетъ смертью для германской промышленности, ея торговый флотъ исчезнетъ съ океана, а колоніи возвратятся къ Англіи, и, быть можетъ, ей придется страдать съ голоду. Континентальныя побѣды, заканчивающія свою статью Лэръ, не принесутъ ей облегченія, если побѣжденные упорно будутъ отказываться отъ военнаго вознагражденія. Вопросъ въ томъ: вибшнее благоденствіе Германіи есть ли симптомъ солиднаго богатства и ея экономиче-

ское превосходство обеспечивать ли ей серьезный успѣхъ въ борьбѣ за существованіе?

— Права женщинъ въ исламѣ.—Государственный переворотъ въ Турціи привлекъ на нее вниманіе всего свѣта и вызвалъ интересъ къ ея быту, а особенно къ положенію турецкихъ женщинъ, и потому появленіе статьи въ «Hébdó-Débat»¹⁾ по этому вопросу представляетъ много любопытнаго. Данныя для нея авторъ собралъ у одной высокопоставленной турецкой дамы, которая, по его словамъ, не будучи ни революціонеркой, ни вообще разочарованной, все-таки отстаиваетъ права турецкой женщины. Къ сожалѣнію, авторъ не называетъ имени этой личности. По ея словамъ, угнетенное положеніе турецкой женщины—явленіе ненормальное, продуктъ позднѣйшихъ временъ и совершенно противное Корану. Въ прежнія времена, вопреки увѣреніямъ на Западѣ и даже на Востокѣ, мусульмане, какъ женщины, такъ и мужчины безъ различія пола, учились въ одномъ и томъ же учебномъ учрежденіи и тѣмъ же самымъ наукамъ, которыми затѣмъ практически пользовались. Преподавали имъ учителя и учительницы—fikihs и fikiha. Законовѣды обоихъ половъ читали лекціи какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ, и лекціи первыхъ такъ же усердно посѣщались, какъ и лекціи вторыхъ. Впрочемъ, по словамъ автора, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ въ тѣ времена женщины получали одинаковое образованіе съ «улема», т. е. съ учеными докторами богословія и юриспруденціи мусульманской религіи. Многія изъ нихъ допускались до «фетвы» (юридическое рѣшеніе, даваемое муфти или шейхомъ-уль-исламъ въ общихъ выраженіяхъ, примѣнимыхъ во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ).

Авторъ говоритъ, что, согласно исламу, женщины добились всего, на что имѣютъ право, и, какъ бы высоко ни стояла цивилизація Европы и Америки, но ихъ женщины никогда не добились того, что получила восточная женщина. Поэтому высокопоставленная турчанка удивляется, что люди, не знающіе религіознаго закона турокъ и ихъ исторіи, пытаются рѣшать теперь вопросъ, каково должно быть положеніе турецкой женщины въ обществѣ. «Коранъ намъ указалъ,—говоритъ она:—пророкъ установилъ наше положеніе, и его слово относительно насъ было истолковано столькими великими людьми, что этотъ вопросъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ уже рѣшенный. Мусульманскій міръ, который знаетъ, какое высокое положеніе занимала когда-то мусульманская женщина, по повелѣнію законовъ религіи, долженъ дать себѣ отчетъ въ безусловной некомпетентности тѣхъ лицъ, которыя, зная только времена теперешняго упадка, присвояютъ себѣ право взвѣшивать за и противъ и отмѣривать количество свободы, какое теперь будетъ полезно предложить турецкой женщинѣ. Они не понимаютъ, на кого падаетъ ихъ обвиненіе. Прежняя мусульманская женщина завоевала ничуть не возвышенной борьбой то высокое положеніе, но ее возвысили права, полученныя ею отъ ислама. Если бы тѣ, кто увѣряетъ, что женщина не должна во время войны сражаться рядомъ съ мужчиной, только подозрѣвали, что въ эпоху пророка многія знатныя женщины участвовали въ битвѣ и получили за это его благословленіе, то осмѣлились ли бы они еще поднять голосъ. А тѣ,

¹⁾ Les droits de la femme dans l'Islam. «Hébdó-Débat». 6 août 1909.

кто хочет запретить женщинѣ вести торговлю, развѣ не знаютъ, что Хаула, одна изъ ученицъ пророка, имѣла лавку съ лекарственными снадобьями. И тѣ еще, которые утверждаютъ, что женщина не можетъ преподавать мужчинѣ, — что мы должны о нихъ думать, зная, сколько близкихъ къ пророку лицъ, по его указанію, прибѣгали къ помощи знаній просвѣщенной Анхи. Тотъ, кто обвиняетъ женщину въ неисполненіи предписаній ислама, потому что она выходитъ въ сопровожденіи мужчинъ и поднимаетъ вуаль, покрывающій ея лицо, какъ это случилось недавно, свидѣтельствуетъ о своемъ незнаніи законовъ Корана. Тѣ знаменитыя женщины, о которыхъ мы только что упоминали, получившія одобреніе пророка, закрывали ли онѣ вуалью свои лица? Не взялась ли за оружіе Сафія, тетка пророка, чтобы покровительствовать женщинамъ и дѣтямъ и вмѣстѣ съ Гиссанъ бинъ Сабитономъ защитить городъ отъ непріятеля. А такъ какъ женщина имѣла право быть свидѣтелемъ въ юридическихъ дѣлахъ, давать довѣренности и являться предъ судомъ, когда ея интересы страдали, то не долженъ ли былъ судья видѣть ея лицо? Если Богъ приказалъ женщинѣ закрывать глаза, которые видятъ, носъ, которымъ дышать, ротъ, которымъ говорятъ, то женщины, не поколебавшіяся пролить кровь за родину, не прятали чертъ своего лица. И если пророкъ не лишилъ ее права «біаты», т. е. признанія избраннаго принца, такъ какъ онъ допустилъ ее быть судьей, и потому что халифъ Омаръ пригласилъ ее присутствовать при судьбищѣ и богословскихъ и юридическихъ диспутахъ, то не хвастаетъ ли тотъ, кто такъ положительно утверждаетъ, что женщина должна держаться совершенно въ сторонѣ отъ мужского общества?»

Статья заканчивается словами: «Мы, мусульмане не ожидаемъ другого пророка послѣ нашего господина, Менсхамеда, мы не можемъ допустить, что можно истолковывать тексты Корана лучше, чѣмъ Халифъ, Абубекиръ, Омаръ, Османъ и Али. Употребленіе вуаля, какъ тогда понимали, не составляло помѣхи для образованія и прогресса женщины, и многимъ женщинамъ, не насилуя никакого закона, удалось тогда составить себѣ имя въ богословіи и правѣ».

При этомъ авторъ приводитъ имена наиболѣе извѣстныхъ турчанокъ, какъ: Умь Иссы, Хамды, Ситте и Фонкахи, Сейдаты и Хабій, Амры бинъ Абдулрахманы, Фатьмы бинъ Ахмедъ ели Саани, Фатьмы бинъ Абберсъ, Фатьмы эль Факиха, Меріемъ бинъ Ахмедъ, Змуруде, Окхтэель Мезени, умъ эль Вахады, Хадида и бинъ Ахмеды, Зулэйки, Зейнеддаръ, Вагихи. Умъ Исса была дочерью имама Ибрагима бинъ Исаака эль Габри; она издавала юридическія рѣшенія и умерла въ 328 году эгира. Хамда была дочерью Абубекира Ахмедъ бинъ Алли; она жила въ Багдадѣ, и самые знаменитые ученые ея времени присутствовали при ея проповѣдяхъ, а знаменитый Ибнъ Семани былъ однимъ изъ ея учениковъ. Ситтеель Феикаха бинъ Ирахимъ, умершая въ 726 году эгира, среди своихъ учениковъ считала такихъ замѣчательныхъ людей, какъ Гафаръ эль Гамдами, Ахмедъ бинъ эль Мазеэль Харани, Абдулрахманъ бинъ Сулейманъ, Абдуллатифъ бинъ эль Кабити, которые получили дипломы отъ нея. Саида Халба Шехда бинъ Омаръ училась у Фазиль Башгиры и получила свой богословскій дипломъ отъ Сабить бинъ Шерифа; въ городѣ Алеппо у нея много учениковъ, изъ которыхъ самый извѣстный Инъ эль Динъ, въ свою очередь бывший учителемъ Салаха и дине Сафди. Инъ эль Динъ, говоря о ней, такъ отзывался: «Шехда единственная

передала намъ «хадисы», (т. е. притчи) Шейкъ Хафиза Зійя эль дине, знаменитаго мухадиса (автора, трактовавшаго апоэегмы пророка). Фатъма бинтъ Аббасъ была дочерью Аббаса, бинтъ Абулфата эль Багдади; она была докторомъ каноническаго права и въ то же время начальницей религіозной общины; она произносила проповѣди и часто въ преніяхъ съ различными авторитетами своего времени одерживала верхъ. Она умерла въ Каирѣ въ 714 году эгира. Фатъма эль Факиха была дочерью знаменитаго автора Ала эль дине эль Казхани и его жены эль Кашани—двухъ знаменитостей среди богослововъ-законовѣдовъ. Эти три личности жили вмѣстѣ, и мужчины часто прибѣгали къ нимъ для разрѣшенія трудныхъ вопросовъ. Она издавала «фетвасы», подписанные отцомъ и мужемъ въ качествѣ простыхъ свидѣтелей, Земилдаръ Вашха, жена судьи въ Андалузїи, засѣдала въ судѣ въ то же время, какъ и ся мужъ.

И это еще не всѣ турецкія женщины: если поименованныя обладали необходимой компетенціей, чтобы издавать «фетвы», признаваемые богословами-законовѣдами годными, то, безъ сомнѣнія онѣ достигли высокой степени познаній. Одно то, что среди учениковъ Сеенти насчитывается сто женщинъ «мухадизъ», даетъ идею о большемъ количествѣ турчанокъ, предававшихся наукѣ. Поэтому и пророкъ, говоря: «Научныя изысканія—обязанность для каждаго мусульманина и для каждой мусульманки», считалъ женщину равноправной.

— Столѣтіе возстанія Тироля.—Недавно въ присутствіи императора Тиролю торжественно отпраздновалъ столѣтній юбилей возстанія во время наполеоновскихъ войнъ. Героємъ этого движенія былъ Андреасъ Гоферъ. Пресбургскимъ трактатомъ Тироль былъ присоединенъ къ Баварїи. Это присоединеніе состоялось ради стратегическихъ соображеній, построенныхъ на союзѣ Наполеона съ баварскимъ королемъ и на необходимости сохранить свободу сообщенія съ Италіей. Съ политической же точки зрѣнія это была большая ошибка, такъ какъ баварцы были наслѣдственные непріатели тирольцевъ, отчасти на религіозной почвѣ. Баварскій король Максимилианъ-Іосифъ принималъ слишкомъ суровыя мѣры относительно тирольскихъ монастырей и монаховъ, что очень оскорбляло тирольцевъ. Поэтому почва для возстанія была благопрїятна, и патеры, поддерживаемые Австріей, развивали планъ оторвать Наполеона отъ Италіи и тревожить его фланги и тылъ посредствомъ ловко сформированнаго возстанія. Исполненіе этого плана было тщательно обдуманно. Организацию сопротивленія поручили въ военномъ отношеніи прежнему австрійскому майору Тейнеру, въ моральномъ—капуцину Іоакиму Гаспингери, сильному дѣтинѣ, прозванному «Рыжебородымъ братомъ», котораго можно было видѣть повсюду раздававшимъ приказы. Въ каждой изъ долинъ былъ свой отдѣльный начальникъ, но главнаго надъ всѣми избрали Андреаса Гофера—человѣка высокаго роста, широкоплечаго, съ длинною черною бородою до пояса, похожаго на древняго патріарха. Онъ вышелъ изъ народной среды и былъ человѣкомъ матеріально обеспеченнымъ. Содержа трактиръ въ Сень-Леонардѣ въ долинѣ Пассъ и въ то же время торгующаго пшеницей, виномъ и скотомъ, Гоферъ нажилъ себѣ денегъ, хотя слытъ за честнаго человѣка. Отважный и очень религіозный, онъ обладалъ всѣми данными для народнаго главаря, вмѣстѣ съ тѣмъ отличался энергіей фанатика.

Зная свою страну до мельчайшихъ подробностейъ и раздѣляя съ нею всѣ переживаемыя невзгоды, онъ сознавалъ, особенно послѣ своей побѣдки въ Вѣну вмѣстѣ съ двумя начальниками, руководившими въ Брунекенѣ и Бриксенѣ, къ эрцгерцогу Іоанну, что въ силахъ быть главою. Іоаннъ сообщилъ ему планъ возстанія противъ Баваріи и французовъ и обдумалъ съ ними главные пункты. Андреасъ Гоферъ съ своимъ главнымъ штабомъ организовалъ возстаніе тирольцевъ долина за долиной. Какъ только поднялись крестьяне, два австрійскихъ отряда, одинъ подъ начальствомъ Јелачича черезъ долину рѣки Иннь, другой подъ начальствомъ Шастелера черезъ Пуцтергаль, должны были поддерживать движеніе тирольцевъ, тогда какъ эрцгерцогъ Іоаннъ, отправившійся изъ Виллаха, долженъ былъ тѣснить французовъ изъ Італіи, которые попытались бы взять Брейнерскую дорогу, пройдя черезъ Тироль.

Съ февраля мѣсяца уже всѣ подробности движенія были обдуманы; только женщины не посвящали въ это предпріятіе. «Онѣ разболтаютъ,—говорилъ Гоферъ:—такъ какъ у нихъ языкъ длиннѣе ихъ юбокъ». Всѣ мужчины вооружились, и 9 апрѣля, какъ въ ночь на Ивановъ день, всѣ вершины горъ всѣхъ долинъ послѣдовательно освѣтились огнями—это былъ сигналъ.

10 апрѣля были обнародованы двѣ прокламаціи: одна отъ имени эрцгерцога Іоанна, призывавшаго тирольцевъ, вторая—отъ имени Јелачича, приглашавшаго ихъ сражаться, чтобы вернуть «оторванныхъ братьевъ въ лоно нашего милостиваго повелителя отца. Съ нами Богъ!» «Съ нами Богъ!»—повторилъ Гоферъ, появляясь въ національномъ нарядѣ, и прибавилъ: «Дѣти Тироля! Мы сражаемся за вѣру отцовъ и ихъ кости; побѣдимъ или умремъ!» Моментально на всѣхъ дорогахъ навалили срубленные сосны, которыя воспрепятствовали передвиженію. Колонна французскихъ солдатъ, присоединившаяся къ дунайской арміи, подъ начальствомъ генерала Биссона, атакованная въ Вильтенѣ, близъ Иннсбрука, была принуждена сложить оружіе. Въ Иннсбрукѣ даже баварцы были разбиты, и ихъ начальникъ изрубленъ.

Въ нѣсколько дней вся страна была завоевана, и Андреасъ Гоферъ, какъ Савонаролла, торжественно вступилъ въ Иннсбрукъ. Подъ эскортомъ молодежи онъ былъ препровожденъ въ городскую ратушу. Тамъ съ подъзда онъ обратился къ толпѣ съ рѣчью, призывая ее къ добродѣтельной жизни, а женщинамъ предложилъ озаботиться объ одеждѣ воиновъ, чтобы прикрыть ихъ наготу. Затѣмъ онъ повелъ народъ въ церковь, и тамъ совершилась благодарственная служба, а затѣмъ по Иннсбруку прошла процессія со статуей Мадонны въ честь сердца Іисусова, которую постановили устраивать, какъ національный праздникъ Тироля.

Послѣ Экмюля Наполеонъ передалъ командованіе баварскимъ отрядомъ Лефевру съ цѣлью возстановить въ странѣ порядокъ и привести жителей къ повиновенію. Послѣ двухдѣльной жестокой мести баварцевъ, стоившей дорого командующему имъ отряду, Лефевръ снова захватилъ Иннсбрукъ и принудилъ австрійцевъ очистить Тироль. 20 мая онъ покинулъ Тироль, передавъ начальство Деруа.

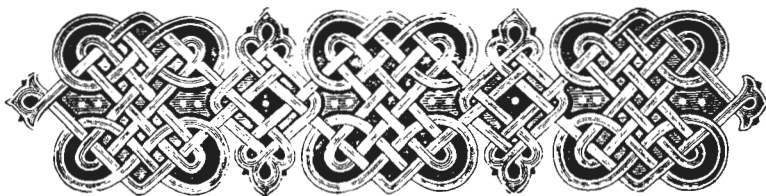
29-го Гоферъ снова вступилъ въ должность начальника и принудилъ Деруа эвакуировать Иннсбрукъ. Вторично онъ овладѣлъ всѣми долинами; дороги къ

Мюнхену были въ его распоряженіи, онъ поднялъ форарльбергцевъ, занялъ Брегенцъ и направился на Вюртембергъ. Теперь уже онъ угрожалъ не сообщенію съ Италіей, а грозилъ прервать пути изъ Франціи. 20-го Наполеонъ написалъ Лефевру: «Обезоружьте страну, возьмите большое количество заложниковъ и подайте примѣръ обузданія. Будьте суровы!»

Въ десять дней герцогъ Данцигскій очистилъ страну и еще разъ занялъ Иннсбрукъ, откуда поспѣшно удалился Гоферъ. Тогда онъ сталъ отстаивать итальянскіе пути; отъ Бреннера до Гардскаго озера вся страна была вооружена, и 5 августа въ Миттвальдѣ, въ узкомъ ущельѣ предъ Бриксеномъ, былъ совершенно уничтоженъ саксонскій отрядъ. Эта побѣда заставила Лефевра отступить, и 15 августа онъ покинулъ Иннсбрукъ и Тироль.

Послѣ вѣнскаго трактата (1809 г.) Наполеонъ послалъ армию подъ командой принца Евгенія, и семь дивизій наводнили Тироль: это былъ послѣдній актъ сопротивленія, и онъ былъ жаркій. Французскіе отряды приходили въ ужасъ отъ этой войны. «Я не узналъ своихъ солдатъ,—писалъ генераль Брюссель:—они опускаютъ глаза, какъ капуцины... Колокола, крестьяне, ихъ крики, ихъ карабины, ихъ ловкость, дурные примѣры, снѣгъ, недостатокъ довѣрія, безплодныя атаки, недостатокъ рѣшимости начальниковъ деморализовали этихъ неустрашимыхъ людей». Потребовалось три мѣсяца, чтобы подчинить область. Андреаса Гофера выдалъ одинъ измѣнникъ, и горячій патріотъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ разстрѣлянню. 20 февраля 1810 года его казнили. На этомъ мѣстѣ воздвигнуть памятникъ, а тѣло Гофера перевезено въ Иннсбрукъ и похоронено въ церкви францисканцевъ, въ княжескомъ склепѣ. Императоръ далъ приданое его дочери, а сына произвелъ въ дворяне. Статуя Андреаса Гофера воздвигнута на Изельбергѣ. Его хижина превращена въ госпиталь на шестнадцать бѣдняковъ. Во всемъ Тиролѣ чтутъ его память, какъ святого, и въ народныхъ представленіяхъ, которыя даются по деревнямъ, исторія трактирщика Санда представлена какъ бы божественной въ назиданіе потомству.

С М Ъ С Ъ.

ТОЛѢТІЕ покоренія Финляндіи. Русскія войска и русскіе жители праздновали столѣтіе присоединенія Финляндіи; туземцы уклонились; однако, какъ всегда и вездѣ, люди любятъ зрѣлища, и потому вся огромная базарная площадь была окружена во время молебна и парада густою цѣпью зрителей. Генераль-губернаторъ отбылъ ночью изъ офицерскаго собранія, послѣ сообщенія кап. Забѣлина, въ Гельсингфорсъ. Утромъ, въ одиннадцатомъ часу къ городской, она же и военная, церкви пришли военныя депутаціи и прибыли войсковыя части; собрались генералы и офицеры, прибылъ командующій округомъ ген. Газенкампфъ, генераль бар. фонъ-дёнъ-Вринкенъ, Лаймингъ, Ставровичъ, Мрозовскій, Лешъ; депутаты Яблочкинъ, Пономаревъ и другіе генералы и офицеры; была отслужена торжественная литургія, послѣ которой войска и депутаціи выстроились на базарной площади: депутаціи и моряки по сторонамъ Башни Мира, а изъ церкви торжественной процессіей вынесли сперва знамена къ своимъ частямъ, затѣмъ вышелъ крестный ходъ, сопровождаемый командующимъ округомъ, всѣми военными и полковыми дамами и русскими. Среди площади, передъ фронтомъ войскъ и толпой народа, совершенно благодарственное молебствіе, возглашено царское многолѣтіе; всѣ войска и русскіе стали на колѣни, когда возгласили вѣчную память императору Александру I и павшимъ воинамъ. Протоіерей окропиль реставрированную Башню Мира, и затѣмъ было возглашено многолѣтіе русскому побѣдоносному воинству, на башнѣ поднялся русскій флагъ, а эскадра миноносцевъ на рейдѣ открыла эффектный бѣглый огонь изъ орудій, продолжавшійся во все время многолѣтій. Генераль Газенкампфъ обошелъ линіи войскъ и депутаціи, поздравляя ихъ; затѣмъ генераль возгласилъ здравицу Государю. Звуки національнаго гимна и громкое ура разносились по

площади; такъ же принята здравица за Императрицу и Наслѣдника Цесаревича. Генераль пилъ за здоровье представителя царской власти въ Финляндіи ген. Бекмана, за прибывшихъ депутатовъ частей войскъ, покорившихъ Финляндію. Генераль Лаймингъ возгласилъ тостъ за ген. Газенкампфа; была прочитана телеграма августѣйшаго главнокомандующаго: «Въ день столѣтія присоединенія Финляндіи поручаю вамъ передать славнымъ войскамъ мое сердечное привѣтствіе и увѣренность, что доблести предковъ, завоевавшихъ Финляндію, всегда будутъ служить настоящему поколѣнію примѣромъ для укрѣпленія славы обожаемаго Монарха и дорогой намъ арміи и Россіи. Генераль-адъютантъ Николай». Долго гремѣло ура, затѣмъ послѣдоваль церемоніальный маршъ, причеиъ во главѣ роты Выборгскаго крѣпостного полка несли знамена новое и старое, бывшее во всѣхъ бояхъ во время финляндской войны. Второй разъ войска проходили ружья на руку, на флагахъ полуротъ депутацій шли прибывшіе генералы и офицеры; все время парада у Башни Мира стояли на часахъ часовые отъ л.-гв. Егерскаго и крѣпостного Выборгскаго полковъ въ формѣ эпохи Александра I. Послѣ парада въ башню былъ отнесенъ серебряный вѣнокъ славнымъ участникамъ покоренія Финляндіи; ген. Газенкампфъ осматривалъ башню, русскую школу, гдѣ дѣти пѣли «Боже, Царя храни»; затѣмъ въ офицерскомъ собраніи былъ большой обѣдъ съ царскими здравицами, тостами и рѣчами. Генераль Газенкампфъ огласилъ текстъ посылаемыхъ имъ всеподданѣйшей телеграмы и отвѣтній телеграммы великому князю. Послѣ обѣда на кадетскомъ плацу произведена была чешская гимнастика солдатами 6-го Финляндскаго стрѣлковаго полка съ атлетическими играми. Въ восемь часовъ вечера былъ данъ для солдатъ спектакль въ конномъ манежѣ, а вечеромъ балъ въ офицерскомъ собраніи. Депутации и гарнизонъ получили особый праздничный обѣдъ. Вечеромъ временно-командующій округомъ ген. Газенкампфъ отбылъ въ Петербургъ. Вечеромъ ратуша, русская школа и еще одинъ-два русскихъ дома были иллюминированы, а гавань и рейдъ представляли красивую картину. У пристани свеаборгскіе пароходы украшены рядомъ цвѣтныхъ электрическихъ огоньковъ, и дивизія миноносцевъ заливали рейдъ и городъ снопами лучей отъ электрическихъ солнцъ и пускала ракеты и фейерверки; на молу было устроено гулянье для матросовъ.

Полвѣка обновленныхъ Романовскихъ палатъ. 22-го августа нынѣшняго года исполнилось полвѣка со времени обновленія одного изъ лучшихъ старинныхъ памятниковъ русскаго зодчества—палатъ бояръ Романовыхъ въ Месквѣ, на Варьарской улицѣ. Древнія Романовскія палаты, въ которыхъ 12 іюля 1596 году родился Михайль Феодоровичъ Романовъ, родоначальникъ донныѣ царствующей фамиліи, со времени основанія при нихъ, въ 1631 году, Московскаго Знаменскаго монастыря, двѣсти двадцать пять лѣтъ находились въ собственности этой обители. Время и пожары наложили свою печать на эту историческое зданіе. Оно уже близилось къ разрушенію, когда, 25 февраля 1856 года, воспослѣдовало высочайшее повелѣніе государя императора Александра Николаевича «о передачѣ Романовскихъ палатъ въ дворцовое вѣдомство съ пожертвованіемъ за то въ Знаменскую обитель двадцати тысячъ рублей». Скоро по передачѣ зданія была образована особая коммисія, въ которую вошли: председателемъ —

князь М. А. Оболенскій, членами—А. Θ. Вельтманъ, Б. В. Кэнэ, Θ. Θ. Рихтеръ и И. М. Снегиревъ, а дѣлопроизводителемъ—А. А. Мартыновъ. Комиссія въ теченіе двухъ лѣтъ выработала «планъ обновленія Романовскихъ палатъ», удостоенный высочайшаго одобренія: по проекту предполагалось «освободить зданіе отъ позднѣйшихъ пристроекъ, возобновить его по точнымъ древнимъ чертежамъ и возстановить внутреннее убранство палатъ сообразно старинному быту». 31-го августа 1858 года, въ высочайшемъ присутствіи, происходила закладка возобновленнаго зданія, причемъ императоръ Александръ II выразилъ членамъ комисіи: «Желаю вамъ поспѣшно окончить это дѣло». Труды комисіи, дѣйствительно, шли «поспѣшно»: въ половинѣ августа 1859 года, когда императоръ, совершая путешествіе по Россіи, прибылъ въ Москву, уже были закончены всѣ «работы по возобновленію Романовскихъ палатъ». 22-го августа, въ высочайшемъ присутствіи, было торжественно освящено обновленное историческое зданіе. Митрополитъ Филаретъ благословилъ государя древнею иконою св. Михаила Маленина и слѣдовалъ съ крестомъ въ рукѣ, въ сопутствіи государя, во внутренность возобновленныхъ палатъ, которыя и окропилъ святой водой. Въ крестовой палатѣ министръ двора поднесъ его величеству хлѣбъ-соль на золотомъ блюдѣ съ серебряною солонкой патріарха Филарета и поздравилъ его съ окончаніемъ возобновленія прародительскихъ палатъ. При этомъ событіи митрополитъ Филаретъ произнесъ слѣдующую замѣчательную рѣчь: «Благочестивѣйшій государь! Осуществилась твоя знаменательная мысль о домѣ твоихъ предковъ. Онъ вызванъ изъ мрака забвенія, облеченъ древнимъ и древле-подражательнымъ узорочіемъ; окомъ прошедшихъ вѣковъ смотритъ на будущее и призываетъ насъ къ размышленіямъ. Вотъ скромный древній домъ, который можетъ считать своими потомками великолѣпные дворцы, и это потому, что въ немъ обитали благочестіе, правда и любовь къ отечеству. Вотъ невысокія храмины, изъ которыхъ вышли высокія души. Романовы доблестно дѣйствовали для отечества, великодушно страдали для отечества, и Всеправедный Отецъ, изъ Него же всяко отечество на небесахъ и на землѣ именуется, судьбами Своими устроилъ то, что родъ Романовыхъ привился къ древнему роду царей и произвелъ отцовъ отечества. Сіи воспоминанія встрѣчать будетъ каждый сынъ Россіи при возвращеніи на Романовскій домъ, и сердце его скажетъ ему: честь и слава царю, чтущему доблестныхъ предковъ! Научимся отъ него и мы чтить и хранить древнюю доблесть, которую можетъ украсить, но не замѣнить новый блескъ». Романовскія палаты, какъ памятникъ зодчества XVI вѣка, едва ли не единственныя, уцѣлѣвшія до нашего времени.

Тверская архивная комиссія. Празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея тверской ученой архивной комиссіи, открытой въ 1884 г., началось благодарственнымъ молебномъ, совершеннымъ преосвященнымъ Алипиемъ, викаріемъ тверской епархіи, въ кафедральномъ соборѣ, въ 12 часовъ дня 14 августа. Передъ началомъ молебна преосвященный сказалъ слово къ собравшимся членамъ комиссіи, между которыми находились многіе пріѣзжие изъ другихъ городовъ: графиня Уварова, князь Щербатовъ, академикъ Соболевскій и другіе. Послѣ молебна было публичное засѣданіе архивной комиссіи въ залѣ мужской гимназіи, посвященное исключительно чтенію привѣтствій отъ различныхъ

ученыхъ обществъ. Затѣмъ обѣдъ, тоже съ рѣчами. А въ восемь часовъ вечера—засѣданіе комиссіи, съ чтеніемъ различныхъ рефератовъ, въ томъ видѣ, какъ обыкновенно происходятъ ея засѣданія. Въ числѣ рефератовъ были прочитаны: Е. А. Виригинымъ о Новоторжскомъ Воскресенскомъ женскомъ монастырѣ; А. Н. Ивановымъ о недавно найденномъ тверскомъ кладѣ; священникомъ А. И. Судаковымъ о домашнемъ синодикѣ И. А. Одадунова, принадлежащемъ XVII в., и о церкви, теперь упраздненной, въ приходѣ с. Тутона въ Тверскомъ уѣздѣ; А. Н. Вершинскимъ о Микулинскомъ соборѣ XIV в. За чтеніемъ рефератовъ слѣдовало докладъ по текущимъ дѣламъ. Въ многихъ рѣчахъ на этихъ двухъ засѣданіяхъ архивной комиссіи упоминались съ признательностью имена перваго председателя ея А. К. Жизневскаго, скончавшагося 19-го марта 1896 г., потрудившагося много для успѣшнаго развитія ея ученой дѣятельности, и графа А. С. Уварова, находившагося въ постоянныхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ нимъ по поводу основанія въ Твери музея и горячо принимавшаго къ сердцу всѣ успѣхи и комиссіи, и музея, оказывая имъ полное свое содѣйствіе. Графъ А. С. Уваровъ помогъ А. К. Жизневскому составить и напечатать описаніе тверскаго музея въ 1888 г. Первый выпускъ этого описанія появился, при содѣйствіи графа, въ 1877 г. въ «Древностяхъ», издаваемыхъ московскимъ археологическимъ обществомъ. Тверская ученая архивная комиссія (одна изъ первыхъ такихъ комиссій) была открыта 22-го іюня 1884 года сенаторомъ и извѣстнымъ ученымъ Н. В. Калачевымъ. Въ первомъ засѣданіи ея, въ саду губернатора А. Н. Сомова, принимали участіе большею частью теперь уже умершіе члены. Изъ нихъ въ настоящее время живыми остались только четверо: В. И. Плетневъ, П. Ѳ. Симсонъ, В. И. Покровский и Н. Д. Квашинъ-Самаринъ, а на двадцатипятилѣтнемъ юбилейѣ присутствовали двое первыхъ. Заслуги тверской ученой архивной комиссіи давно извѣстны. Она сохранила многіе уцѣлѣвшіе памятники глубокой старины Тверского края, которые могли исчезнуть, если не отъ времени, то отъ невѣжества и равнодушія къ нимъ. Она собрала ихъ въ одно мѣсто и описала ихъ. Мѣстность, составляющая нынѣ Тверскую губернію, по участію своему въ событіяхъ русской исторіи представляетъ много интереснаго, начиная съ битвы на р. Сити и окончивая событіями 1812 и 1853 годовъ. Подвергаясь неоднократнымъ опустошеніямъ татаръ, литовцевъ и поляковъ, а также княжескихъ усобицамъ, сопровождавшимся грабежами и пожарами, она утратила много историческихъ памятниковъ, а заслуга тверской ученой архивной комиссіи въ томъ, что она разыскиваетъ уцѣлѣвшіе изъ нихъ.

Открытіе памятника офицерамъ генеральнаго штаба. 2-го сентября происходила торжество открытія памятника офицерамъ генеральнаго штаба, погибшимъ при исполненіи своего долга. На богослуженіи присутствовали: начальникъ академіи г.-м. Щербачевъ, профессора, обучающіеся офицеры, военный министръ ген. Сухомлиновъ и ми. др. Послѣ панихиды военный министръ, генералы Газенкампфъ и Щербачевъ положили къ подножію памятника серебряный вѣнокъ на черномъ бархатномъ щитѣ, съ надписью на черныхъ лентахъ. Другой вѣнокъ съ болгарскими лентами возложили офицеры-болгары. Памятникъ сдѣланъ изъ финляндскаго гранита съ фундаментомъ изъ краснаго песчаника. Наверху гранитнаго параллелограмма—академическій знакъ съ аксель-

баптами (сдѣланъ изъ бронзы), у подножія знака—вѣнокъ, на лицевой сторонѣ гранита надпись: «Питомцамъ, погибшимъ при исполненіи долга», въ серединѣ—бронзовый барельефъ съ изображеніемъ офицера генеральнаго штаба, падающаго отъ разорвавшейся шрапнели въ то время, когда онъ съ другимъ офицеромъ работаетъ надъ планомъ; сзади—драгунъ спѣшитъ поддержать. На задней сторонѣ—надпись: «Иждивеніемъ питомцевъ Николаевской академіи генеральнаго штаба». По бокамъ памятника—двѣ гранитныхъ тумбы съ вѣнками. На одной тумбѣ киверъ и вооруженіе 1832 г., а на другой—фуражка и сабля 1909 г. По окончаніи торжества начальникъ академіи въ малой аудиторіи, въ присутствіи массы офицеровъ, прочиталъ историческій очеркъ постановки памятника.

Памятникъ русскимъ композиторамъ. Въ 1901 году, когда придворная пѣвческая капелла чествовала столѣтиемъ со дня рожденія Бортиянскаго, былъ поднятъ вопросъ о постановкѣ ему памятника. Тогдашнимъ управляющимъ капеллой С. В. Смоленскимъ было даже будто намѣчено соответствующее этой цѣли мѣсто. Лѣтъ шесть спустя, вскорѣ послѣ чествованія памяти Турчанинова, даровитый духовный композиторъ М. А. Гольтисонъ обратилъ вниманіе на плохое состояніе могилъ Бортиянскаго—на Смоленскомъ кладбищѣ, Турчанинова—на Большой Охтѣ и Львова—въ имѣніи близъ гор. Ковпы, и имъ-то былъ снова поднятъ вопросъ о томъ, что «пора русскому народу поставить надгробные памятники своимъ первымъ тремъ духовнымъ композиторамъ: Бортиянскому, Турчанинову, Львову». 20-го марта прошлаго года состоялся первый, съ благословенія его преосвященства, посвященный сбору для означенной цѣли, концертъ соединеннаго хора въ гор. Уфѣ подъ управленіемъ Г. Ф. Арямова, 27-го марта второй вечеръ, данный соединеннымъ хоромъ въ городѣ Рыбинскѣ, подъ управленіемъ Л. А. Грибушина. Это обстоятельство послужило окончательнымъ поводомъ для немедленной организаціи того временнаго комитета, первое собраніе котораго состоялось 7-го апрѣля 1908 года подъ председательствомъ С. В. Смоленскаго и закончилось рѣшеніемъ: ходатайствовать о постановкѣ въ Петербургѣ общаго памятника Бортиянскому, Турчанинову, и Львову и просить министра внутреннихъ дѣлъ объ утвержденіи образованнаго, по инициативѣ г. Гольтисона, комитета. На поданное 10-го мая прошеніе получено 24-го іюня Высочайшее разрѣшеніе повсемѣстнаго въ имперіи сбора пожертвованій посредствомъ публикацій, устройства концертовъ, лекцій и проч. Съ просьбою о содѣйствіи комитетъ обратился къ оберъ-прокурору святѣйшаго правительствующаго синода, въ главную дирекцію императорскаго русскаго музыкальнаго общества, къ начальнику придворной пѣвческой капеллы и къ московскому синодальному училищу церковнаго пѣнія. Въмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ обратился въ городское управленіе съ ходатайствомъ объ уступкѣ участка земли мѣрою въ восемьдесятъ четыре квадратныхъ аршина въ концѣ Малой Конюшенной улицы противъ Казанскаго собора для постановки тамъ симъ композиторамъ памятника. Городская управа отнеслась къ просьбѣ сочувственно, такъ что окончательная реализація идеи зависитъ отъ поступленія денежныхъ средствъ. Временнымъ комитетомъ по увѣковѣченію памяти Бортиянскаго, Турчанинова и Львова издана въ пользу этой же цѣли

книга, посвященная характеристикѣ упомянутыхъ композиторовъ и исторіи осуществленія мысли г. Гольцисона.

Реставрація памятника Петру I въ Петербургѣ. Въ настоящее время приступлено къ реставраціи знаменитаго памятника Петру I работы Фальконе-та. Реставрація была вызвана замѣченными въ бронзовомъ памятникѣ трещинами и поручена бронзолитейному заводу Морана. Когда были сооружены вокругъ памятника лѣса и монументъ былъ тщательно осмотрѣнъ, то въ бронзовомъ конѣ и въ статуѣ императора оказалась масса трещинъ, особенно въ простертой впередъ рукѣ Петра, бронза которой мѣстами даже вздулась. Когда же вскрыли тѣло бронзоваго коня, то въ немъ оказалась вода, проникнувшая туда, очевидно, по трещинамъ. Стали откачивать эту воду, и оказалось ея до 150-ти ведеръ. Она проникала туда, несомнѣнно, постепенно, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Удивляются, какъ еще зимой, когда вода эта должна была замерзнуть, памятникъ не разорвало. Кромѣ воды, въ металлической утробѣ коня обнаружено еще порядочно земли. Вода проникала, повидимому, главнымъ образомъ черезъ трещины въ рукѣ. Теперь памятникъ очищенъ и большая часть трещинъ уже заделана, такъ что никакихъ слѣдовъ ихъ незамѣтно.

Выставка «Исторіи гравюры въ Россіи». Выставка откроется въ выставочныхъ залахъ императорской академіи художествъ въ декабрѣ, одновременно съ выставкой рисунковъ и эстамповъ. Выставочный комитетъ, въ составъ котораго вошли В. Е. Маковский, В. В. Матѣ, А. Н. Бенуа, П. А. Брюлловъ, Ѳ. Г. Бернштамъ и кандидатами къ нимъ П. П. Чистяковъ и С. С. Боткинъ, въ настоящее время работаетъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать эту первую по ширинѣ замысла выставку русской гравюры особенно интересной и ознакомить большую публику съ различными рѣдкими и цѣнными произведеніями прошлаго, хранящимися не столько въ общественныхъ, сколько въ частныхъ коллекціяхъ.

Возвращеніе Н. К. Козлова и его находки въ Центральной Азій. Въ Москву возвратился извѣстный путешественникъ, подполковникъ П. К. Козловъ, отправившійся, какъ извѣстно, въ концѣ 1907 года въ экспедицію отъ императорскаго русскаго географическаго общества для изслѣдованія Монголіи и Западнаго Китая. Экспедиція состояла, кромѣ П. К. Козлова, изъ геолога А. А. Чернова, натуралиста С. С. Четыркина, топографа П. Я. Наполкова, фельдфебеля Иванова и пяти нижнихъ чиновъ. Направившись изъ Урги къ низовьямъ рѣки Эдзинь-гола, затѣмъ къ гор. Дынь-юань-ину, экспедиція занялась изслѣдованіемъ горныхъ хребтовъ въ области верхняго теченія Желтой рѣки (Хуань-хэ), спустилась затѣмъ къ озеру Кукуноръ, поднялась отсюда на Амдоское нагорье, посѣтила знаменитые буддійскіе монастыри Гумбумъ и Лабранъ и предполагала пройти еще южнѣе, въ провинцію Сычуань, но, по предложенію географическаго общества, вернулась обратно, чтобы заняться обстоятельными раскопками въ древнемъ (давно покинутомъ) городѣ Хара-хото, открытомъ экспедиціей еще весной прошлаго года. Городъ этотъ, стоявшій нѣкогда на рѣкѣ Эдзинь-голь, отъ которой нынѣ здѣсь сохранились только слѣды русла, далъ такъ много письменныхъ памятниковъ, предметовъ буддійскаго культа и т. д., что дальнѣйшей задачей экспедиціи могла быть только доставка этихъ цѣнныхъ древностей въ Россію, что нынѣ и исполнено. Всего вывезено

экспедиціей до 250 пудовъ коллекцій (естественно-историческихъ и этнографическихъ), да, кромѣ того, одинъ Хара-хото далъ (съ ящиками) до 80 пудовъ древностей. Эти древности были находимы въ разныхъ мѣстахъ внутри четырехугольныхъ глинобитныхъ стѣнъ города, окружавшихъ квадратный пустырь, каждая сторона котораго имѣть около 170 сажень въ длину. Пустырь этотъ пресѣченъ многими рядами развалинъ построекъ, кучами мусора, часто съ черепками глиняной и фарфоровой посуды, а мѣстами на пустырьѣ возвышаются субурганы, соотвѣтствующіе индійскимъ «ступамъ» и представляющіе или надгробіе, или коммеморативныя религиозныя сооруженія. Подобныя же субурганы имѣются и за стѣнами города, въ томъ числѣ одинъ большой и нѣсколько малыхъ. Большой субурганъ оказался надгробіемъ, воздвигнутымъ, вѣроятно, надъ тѣломъ какого-нибудь святаго (гыгена-перерожденца). Когда субурганъ былъ освобожденъ отъ засыпаннаго его песка, то въ глиняной (саманной) стѣнѣ его открылся входъ во внутреннее помѣщеніе, сплошь засыпанное. Послѣ того, какъ песокъ и земля были удалены, внутри субургана оказалась комната около $2\frac{1}{2}$ сажень въ квадратѣ, устроенная на возвышеніи около аршина или немного болѣе высотой. На полу этой комнаты, у сѣверной ея стѣны, былъ погребень, повидимому, въ сидячемъ положеніи (въ позѣ Будды) гыгенъ, отъ котораго сохранился, впрочемъ, только неполный, косякъ съ черепомъ. Около него справа лежало 18 книжекъ, продолговатыхъ и узкихъ, въ синемъ переплетѣ, напечатанныхъ гіероглифами въ родѣ кигайскихъ, но особенныхъ, а рядомъ съ книжками стоялъ маленькій глиняный субурганъ, въ которомъ оказался бронзовый бурханъ (идолъ) въ стоячей позѣ, изящной работы. По обѣимъ сторонамъ гыгена, кругомъ всей комнаты стояли большіе, въ ростъ человѣка, глиняные стоячіе бурханы, штукъ до 20, и передъ каждымъ лежали высокія стопы большихъ бумажныхъ печатныхъ листовъ, очевидно, религіознаго содержанія. Тутъ же были найдены и другія книги, мелкіе бурханы и изображенія божествъ, въ томъ числѣ и красками (акварелью) и т. д. Найденныя письменныя памятники (болѣе тысячи книгъ и множество отдѣльныхъ листовъ) большею частью отлично сохранились (несмотря на то, что они относятся, какъ думаютъ, къ XI—XIII вѣкамъ), и дадутъ богатый матеріалъ для изслѣдованій. Они написаны отчасти по-китайски, по-монгольски, по-тибетски, но многіе—на неизвѣстномъ еще языкѣ (неизвѣстное письмо). Внутри города въ одномъ мѣстѣ найдены были памятники, написанные по-арабски (за стѣнами города имѣются развалины, повидимому, мечети). Въ числѣ изображеній красками нѣкоторыя представляютъ замѣчательныя образцы индо-персидской живописи. Найдены также металлическіе бурханы, женскія украшенія, сосуды и т. д. Всѣ коллекціи, вывезенныя экспедиціей, имѣютъ быть доставлены въ Петербургъ, гдѣ географическое общество предполагаетъ выставить ихъ въ новомъ своемъ (пока еще не оборудованномъ) домѣ. Къ началу зимы, вѣроятно, можно будетъ разобраться съ коллекціями, и тогда П. К. Козловъ сдѣлаетъ и докладъ о своей экспедиціи въ географическомъ обществѣ, съ иллюстраціей его многочисленными діапозитивами со своихъ фотографій.

Раскопки на городищѣ с. Бѣлгородки, древняго Бѣлгорода. Въ настоящее время хранителемъ археологическаго отдѣла при кievскомъ городскомъ

музеѣ В. В. Хвойкой, производятся раскопки громаднaго городища въ с. Бѣлгородкѣ: это, вѣроятно, — мѣстность, гдѣ былъ древнѣйшій пригородъ Бѣлгорода. Объ этомъ пригородѣ очень часто упоминается въ лѣтописяхъ; послѣднѣйшій разъ подъ 1331 г., когда великій князь литовскій Гедиминъ, объединяя Западную Русь, освободилъ ее отъ татарскаго ига; сраженіе произошло у пригорода Бѣлгорода, гдѣ онъ и разбилъ шатеръ. О большомъ значеніи этого города можно судить, принимая во вниманіе, что здѣсь уже въ концѣ X вѣка (съ 992 г.) была особая епископская каѳедра, просуществовавшая до нашествія Батяи, и, можетъ быть, и больше; поэтому наши археологи имѣли вѣское основаніе надѣяться найти въ развалинахъ Бѣлгорода памятники глубокой старины. Результаты раскопокъ В. В. Хвойки начинаютъ оправдывать эти надежды... Изслѣдовать эту мѣстность давно было пора, потому что крестьяне-владѣльцы еще въ прошломъ столѣтѣ начали остатками развалинъ мостить улицы и засыпать плотину. Несмотря на то, что В. В. Хвойка началъ свои изслѣдованія въ концѣ іюля, видно, что результаты таковыхъ превысятъ то, что было имъ открыто въ 1908 г. возлѣ Десятинной церкви: подъ толстымъ слоемъ щебня изъ алебастровой штукатурки уже обнаруженъ полъ зданія, покрытый разноцвѣтными изразцовыми плитами въ видѣ шахматной доски, а также чудныя древне-византійскаго стиля фрески, большими кусками, съ дивной свѣжести позолотой, позволяющія восстановить цѣлыя мотивы этой орнаментики. Открыто нѣсколько колоннъ до двухъ аршинъ въ діаметрѣ, сложенныхъ, какъ и стѣны, изъ типичныхъ кирпичей великокняжеской эпохи. Громадные куски угля, а также большія плиты свинца, которымъ все зданіе было прикрито, свидѣтельствуютъ, что катастрофа разрушенія произошла отъ пожара. Особенный интересъ ученыхъ возбуждаютъ оригинальной формы эмальированные изразцы, которыми, очевидно, были облицованы стѣны зданія. Они чешуевидной формы и все орнаментированы различно, иногда подъ мраморъ. Въ теперешней стадіи раскопокъ невозможно еще предрѣшить, былъ ли это дворецъ, либо храмъ Божій; хотя на послѣднее предположеніе указываютъ колонны, но до сихъ поръ еще не обнаружено ни на фрескахъ, ни на мозаикѣ слѣдовъ мотивовъ христіанской орнаментики и крестовъ, почему нельзя это зданіе считать за храмъ. Теперь уже видно, что результаты раскопокъ В. В. Хвойки въ Бѣлгородкѣ дадутъ намъ картину зодчества великокняжеской эпохи болѣе полную и болѣе интересную, нежели та, которой онъ достигъ въ развалинахъ построекъ при Десятинной церкви, въ садахъ г. Петровскаго, въ Кіевѣ въ 1908 году.

Юбилей М. М. Стасюлевича. Чествованіе М. М. Стасюлевича по случаю исполнившагося 25-лѣтія его дѣятельности на пользу народнаго образованія въ столицѣ, происходившее 8-го сентября въ городскомъ училищномъ домѣ имени императрицы Екатерины II, носило чрезвычайно торжественный характеръ. При входѣ въ вестибюль зданія училищнаго дома маститый юбиляръ былъ встрѣченъ предсѣдателемъ комиссіи по народному образованію П. А. Потѣхинымъ, его замѣстителемъ В. И. Домашевичемъ и дѣлопроизводителемъ комиссіи Ф. И. Медвѣдевымъ. Кромѣ того, здѣсь же были депутаціи: отъ 4-класснаго имени М. М. Стасюлевича женскаго училища, отъ начальнаго имени М. М. Стасюлевича училища и отъ состоящихъ и состоявшихъ подъ попечительствомъ М. М.

Стасюлевича народных училищъ. На площадкахъ этажей размѣстились депутации учащихся въ городскомъ училищномъ домѣ имени императрицы Екатерины II. Въ залѣ присутствовало свыше 300 человекъ. Кромѣ гласныхъ, во главѣ съ Н. А. Рѣзцовымъ, здѣсь, между прочимъ, были: членъ государственнаго совѣта профессоръ М. М. Ковалевскій, ректоръ с.-петербургскаго университета профессоръ И. И. Боргманъ, А. Ф. Кони, К. К. Арсеньевъ, графъ Н. Ф. Гейденъ, т. с. В. А. Ратьковъ-Рожновъ и др. Послѣ молебствія Н. А. Рѣзцовъ открылъ чествованіе, предложивъ секретарю городской думы И. Д. Зубареву прочитатъ постановленіе с.-петербургской городской думы объ избраніи М. М. Стасюлевича почетнымъ гражданиномъ города С.-Петербурга. Постановленіе это было покрыто шумными аплодисментами. Затѣмъ Н. А. Рѣзцовъ прочиталъ адресъ городской думы, который начинается: «С.-Петербургская городская дума гордится выпавшей на ея долю честью въ продолженіе многихъ лѣтъ видѣть въ своей средѣ васъ, просвѣщеннаго, убѣжденнаго и горячаго борца за лучшіе завѣты городского самоуправления». «Отнынѣ,—говорится въ заключеніе,—еще болѣе тѣсно и неразрывно связываемый со столь многимъ вамъ обязаннымъ населеніемъ столицы, вы, глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, становитесь и пожизненнымъ непремѣннымъ членомъ городской думы, въ составѣ которой вы такъ долго и такъ плодотворно уже работаете по неизмѣнному къ вамъ довѣрію столичныхъ избирателей. Будемъ искренно желать и надѣяться, что въ званіи непремѣннаго члена городской думы, какъ почетнаго гражданина города С.-Петербурга, вы еще много лѣтъ не лишите насъ вашего дорогаго для насъ сотрудничества». По окончаніи чтенія адреса Н. А. Рѣзцовъ огласилъ слѣдующую привѣтственную телеграмму министра народнаго просвѣщенія А. Н. Шварца: «Въ день торжественнаго чествованія двадцатипятилѣтія участія вашего въ комисіи по народному образованію, отмѣннаго глубокимъ знаніемъ дѣла и преданнаго горячей любовью къ городской начальной школѣ и ея маленькимъ питомцамъ и учительскому персоналу, мнѣ особенно пріятно привѣтствовать васъ, Михаилъ Матвѣевичъ, пожелать вамъ еще надолго крѣпости силъ и выразить увѣренность въ томъ, что ваши заслуги и неуспѣшные плодотворные труды останутся навсегда незабвенными въ исторіи просвѣщенія столицы нашего дорогаго отечества. Министръ народнаго просвѣщенія А. Н. Шварцъ». Предѣдатель комисіи по народному образованію П. А. Потѣхинъ читаетъ адресъ комисіи, въ которомъ отмѣчается, что все, что «есть блестящаго и достопамятнаго въ дѣятельности юбиляра, какъ талантливаго, стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ публициста, какъ честнаго, безкорыстнаго и неустаннаго ревностнаго гласнаго с.-петербургской городской думы и, въ особенности, какъ безмѣннаго члена комисіи по народному образованію,—все это было уже и ранѣе нынѣшняго дня не разъ засвидѣтельствовано и выражено Михаилу Матвѣевичу въ заслуженныхъ имъ приговорахъ и постановленіяхъ городской думы, въ адресахъ поздравительныхъ депутатій и въ рѣчахъ за юбилейными трапезами». Адресъ заканчивается словами: «Поздравляя васъ, дорогаго Михаилъ Матвѣевичъ, мы просимъ васъ благосклонно внять нашему единодушному клику: «Да здравствуетъ Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ на многіе годы!» П. А. Потѣхинъ поднесъ М. М. Стасюлевичу жетонъ

училищной комиссіи. Профессоръ И. И. Боргманъ произнесъ привѣтствіе, въ которомъ благодарилъ юбиляра за многолѣтніе труды на пользу начальной школы. Депутатъ отъ с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда привѣтствовалъ М. М. Стасюлевича, какъ своего сочлена. Затѣмъ были прочитаны привѣтственная телеграмма отъ оренбургскаго земства и рядъ адресовъ отъ слѣдующихъ депутацій: отъ учащихъ городскихъ начальныхъ училищъ, отъ учащихъ городскихъ четырехклассныхъ училищъ и отъ перваго мужского четырехкласснаго училища, отъ городскихъ бесплатныхъ читаленъ, отъ нѣсколькихъ профессиональныхъ школъ, отъ начальнаго училища при городскомъ училищномъ имени императрицы Екатерины II домѣ, отъ 8-го четырехкласснаго имени М. М. Стасюлевича училища и отъ канцеляріи комиссіи по народному образованию. Растроганный юбиляръ, благодаря за привѣтствія, сказалъ, между прочимъ, приблизительно слѣдующее: «У меня нѣтъ словъ, чтобы выразить все то, что я сегодня перечувствовалъ. Даже тотъ, кто болѣе меня въ сто, въ тысячу разъ сдѣлалъ для народнаго образованія, былъ бы смущенъ вашими привѣтствіями. Я считалъ себя уже давно награжденнымъ той честью, которую оказывало мнѣ населеніе, избирая меня въ гласные думы въ теченіе 25 лѣтъ. Я счастливъ, что, можетъ быть, въ будущемъ сумѣю восполнить то, что не успѣлъ сдѣлать до сихъ поръ. Но времени, къ сожалѣнію, остается мнѣ мало. «Радъ стараться!» вотъ все, что я могу сказать. Избраніемъ меня въ почетные граждане города С.-Петербурга дума хотѣла сказать, что за нею никакія услуги не пропадаютъ, но я былъ и раньше въ этомъ увѣренъ. Прошу впередъ снисхожденія къ моей будущей дѣятельности!» Чествованіе закончилось пѣніемъ кантаты въ честь М. М. Стасюлевича. Пѣли учащіеся начальныхъ и профессиональныхъ училищъ. Вечеромъ въ честь юбиляра состоялся у Дюна обѣдъ, устроенный тѣснымъ кружкомъ членовъ училищной комиссіи по народному образованію. За обѣдомъ было произнесено много рѣчей и задравныхъ тостовъ.

Чествованіе В. М. Скворцова. 3 сентября чествовалось 25-лѣтіе дѣятельности В. М. Скворцова, редактора и издателя газеты «Колоколъ», журналовъ «Миссіонерское Обзорѣніе» и «Голосъ Истины». На квартиру В. М. Скворцова собрались къ 4 часамъ всѣ его сотрудники и работающіе въ типографіяхъ и ему сочувствующіе. Прибыли высокопреосвященные архіепископы Платонъ с.-американскій и Сергій-финляндскій, оберъ-прокуроръ св. синода С. М. Лукьяновъ, товарищъ оберъ-прокурора св. синода сенаторъ Роговичъ, представители союза правой русской печати, товарищемъ предѣдателя котораго состоитъ юбиляръ, редакторы и представители изданій «Свѣтъ», «Окраины Россіи» и другихъ правыхъ органовъ, члены миссіонерскаго общества и др. Архіепископъ Платонъ совершилъ молебствіе. Пространный адресъ читался отъ сотрудниковъ изданій В. М.; многіе изъ нихъ говорили отдѣльныя привѣтствія. Метраннажъ и типографія поднесли хлѣбъ-соль, чернильницу и лампу, при этомъ была очень удачна и коротка рѣчь представителя типографіи: «Пусть капли чернилъ изъ этой чернильницы преодолѣютъ и покроютъ весь тотъ океанъ грязи, который выливаютъ на васъ лѣвыя газеты и враги родины». Архіепископы Платонъ и Сергій обратились къ юбиляру съ привѣтственными рѣчами. Были прочитаны телеграммы отъ высокопреосвященнаго митрополита Антонія, пре-

освященныхъ архіепископовъ: Дмитрія, Назарія, Тихона, Никодима, Симеона, Никандра, Александра, Митрофана, Серафима и другихъ, члена государственнаго совѣта Саблера, протоіерея Восторгова, Буткевича, отъ разныхъ провинціальныхъ газетъ и изданій праваго направленія было; сказано много рѣчей и душевныхъ пожеланій.

Цѣнный даръ музею императора Александра III. Княгиней М. К. Тенишевой принесены въ даръ Русскому музею императора Александра III коллекціи ея смоленскаго музея, который имѣлъ выдающійся успѣхъ на парижской выставкѣ въ залахъ Лувра. Въ настоящее время этотъ музей, состоящій изъ 7,000 нумеровъ, оцѣнивается въ полтора милліона рублей. Для разработкы новаго положенія объ этомъ музеѣ образована особая комиссія, въ составъ которой вошли: предсѣдателемъ гр. Д. И. Толстой и членами: Н. К. Рерихъ, П. И. Нерадовскій, Н. М. Могиланскій, а также представители отъ императорской академіи художествъ и кабинета Его Величества.

НЕКРОЛОГИ.

ЗАРЕМБА, А. В. Въ ночь на 17 августа послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни скончался одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» Антонъ Владиславовичъ Заремба. Онъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ умственныхъ силъ, всего 43 лѣтъ. Его публицистическая дѣятельность не была долгой. А. В. Заремба, математикъ по образованію, по окончаніи университета св. Владимира въ 1889 г. долгое время служилъ на постройкѣ желѣзной дороги. Съ 1901 г. А. В. сталъ принимать непосредственное участіе въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» въ качествѣ постоянного сотрудника. А. В. писалъ статьи по вопросамъ «внутреннимъ». Его, какъ поляка по рожденію, всегда особенно больно затрогивала политика по національному вопросу, и онъ особенно много удѣлялъ ей мѣста въ своей писательской работѣ. Помимо статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», имъ напечатанъ рядъ статей въ варшавской газетѣ «Prawda», «Кіевскихъ Вѣстяхъ», «Русскомъ Богатствѣ», «Московскомъ Еженедѣльникѣ», «Новомъ Словѣ», въ энциклопедіи Мейера и др. За послѣднее время въ публицистикѣ національный вопросъ принялъ боевой характеръ, и А. В. не могъ не откликнуться на него: онъ готовилъ большую статью по этому поводу въ одинъ сборникъ народническаго направленія. Смерть прервала его жизнь въ самый разгаръ этой работы. Статьи А. В. трактовали національный вопросъ всегда съ широкой демократической точки зрѣнія: въ нихъ не было узкаго націонализма. Посвятивъ себя литературной дѣятельности, А. В. тѣмъ не менѣ много времени удѣлялъ и практической работѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ польской колоніи, особенно въ качествѣ предсѣдателя просвѣтительной комиссіи по устройству лекцій для народа при обществѣ «Польскаго дома». При ближайшемъ участіи А. В. состоялся въ 1905 г. въ Москвѣ польско-русскій съѣздъ. Антонъ Владиславовичъ былъ на рѣдкость добрый и отзывчивый человекъ. Вѣчно онъ кого-нибудь устраивалъ, о комъ-нибудь хлопоталъ. И кто зналъ его, помнитъ, конечно, ту удивительную сердечность, которую проявлялъ по-

койный ко всѣмъ, у кого было горе и нужда. Эта сердечность, эта чуткость гармонировали со всей его натурой. Сынъ музыканта, А. В. былъ большой цѣнитель и знатокъ музыки. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 188).

† **Комаровскій, Н. Н., графъ.** 8 августа въ Виллахъ (Каринтія) скончался на 66 году жизни отъ послѣдствій операціи графъ Николай Егоровичъ Комаровскій. Почившій графъ Н. Е. по своему рожденію, по своимъ дружественнымъ и служебнымъ связямъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы сдѣлать блестящую служебную карьеру. Но онъ ее не сдѣлалъ, болѣе того—онъ не желалъ ее дѣлать. Матеріальныя блага никогда его не манили, а служебное честолюбіе у него отсутствовало. Притомъ же въ немъ была въ высшей степени развита благородная независимость: если онъ служилъ, то служилъ дѣлу, а не лицамъ, никогда не поддаживаясь къ мнѣнію и взглядамъ начальства и слѣдуя исключительно велѣніямъ совѣсти и долгу принятой имъ присяги. Его манило къ себѣ другое поприще—поприще публициста. Связанный узами близкаго родства съ семьями, носящими имена, записанныя въ лѣтописяхъ родной литературы—Веневитиновыми и Соллогубами, горячій поклонникъ личности и таланта М. Н. Каткова, графъ Н. Е. долгіе годы мечталъ о широкомъ журнальномъ поприщѣ, гдѣ ему представилась бы возможность развернуть свои силы и бороться съ перомъ въ рукѣ за свои завѣтные идеалы. Осуществить свои мечты въ полномъ объемѣ—ему по многимъ причинамъ не удалось... Но и то небольшое, что имъ было напечатано (рядъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Свѣтъ» и др. изданіяхъ, брошюра, посвященная памяти графа А. П. Игнатьева и др.), свидѣтельствоvalo объ его несомнѣнномъ дарованіи и горячемъ публицистическомъ темпераментѣ. Послѣ него остались воспоминанія, представляющія, по отзывамъ лицъ, слышавшихъ ихъ въ чтеніи покойнаго графа, немалый историческій и литературный интересъ. Къ сожалѣнію, эти воспоминанія остались не оконченными. Въ личной жизни покойный графъ былъ образцомъ внимательности и доброты. Въ немъ билось поистинѣ золотое сердце. Не умѣя и не желая хлопотать о себѣ и своихъ личныхъ интересахъ, онъ вѣчно хлопоталъ за другихъ, пуская въ ходъ всѣ свои связи. Помимо природной доброты, его побуждало къ этому твердое убѣжденіе, что всякая народность, всякая партія сильны взаимной поддержкой лицъ, въ нихъ входящихъ, и что эта простая истина давно уже усвоена всѣми, кромѣ русскихъ, которые до сихъ поръ, по выраженію Юрія Крижанича, «другъ друга ѣдятъ и тѣмъ сыты бываютъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1909 г., № 197).

† **Кусковъ, П. А.** Послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался Платонъ Александровичъ Кусковъ, сотрудникъ и товарищъ Ф. М. Достоевскаго, Н. Я. Данилевскаго и Н. Н. Страхова по журналамъ «Время» и «Эпоха» и видный чиновникъ и дѣятель нынѣ закрытаго выкупного учрежденія, заканчивавшаго счеты и отношенія, вытекшія изъ освобожденія крестьянъ. Нѣкоторыя изъ его воспоминаній дѣтства были помѣщены въ приложеніяхъ къ «Новому Времени», подъ заглавіемъ: «Моя жизнь въ домѣ бабушки». Отдѣльными книгами вышли: сборникъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Наша жизнь», и разсужденіе, написанное въ художественной формѣ, подъ заглавіемъ: «Наше мѣсто въ вѣчности». Въ «Русскомъ Обзорѣніи» былъ напечатанъ его полу-раз-

сказъ, полу-разсужденіе: «Разговоръ на пристани». Два послѣднія разсужденія съ прелестью формы соединяють необыкновенную оригинальность и глубину мысли, и имя Кускова не забудется въ небольшой толпѣ самобытныхъ русскихъ философовъ, ничего не взявшихъ отъ книгъ и людей, но давшихъ много матеріала тѣмъ и другимъ. Не будучи «систематикомъ»-славянофиломъ, «доктринеромъ» славянофильства, онъ былъ, какъ и Толстой, или какъ его любимый писатель Вл. Даль, поклонникомъ душевной глубины русскаго народа и изящества, красоты русскаго народнаго обличья. Онъ также собиралъ и запоминалъ, копилъ долго и накопилъ великое множество въ разныхъ случаяхъ услышанныхъ имъ народныхъ выраженій, но не грамматическаго интереса, а нравственнаго или философскаго интереса, и въ этомъ богатствѣ постоянно копался. Покойный Страховъ неоднократно говаривалъ, что Кусковъ есть настоящій «урожденный» философъ, съ оригинальнымъ и большимъ философскимъ свѣтомъ въ себѣ, съ полнымъ и гармоничнымъ міросозерцаемъ, и что въ совершенно объективномъ, такъ сказать, библиографическомъ смыслѣ, хотя онъ и не имѣетъ (при жизни Страхова) философскихъ трудовъ, тѣмъ не менѣе гораздо значительнѣе, интереснѣе и выше философовъ ex cathedra, что-то изъ свое, а искусственное преподающихъ въ университетъ подъ именемъ «философіи». Ссылаюсь на это мнѣніе компетентнаго человѣка. Изъ писателей любимѣйшимъ его былъ Шекспиръ. Онъ его постоянно изучалъ и изучалъ комментаріи къ нему. Плодомъ изученія былъ переводъ «Отелло», который онъ сопроводилъ интереснымъ комментаріемъ (изданъ въ «Дешевой Библиотекѣ»).

† **Охочинскій, П. В.** 10 іюля скоростижно скончался на 59-мъ году жизни управляющій государственной комиссіей погашенія долговъ Петръ Владиміровичъ Охочинскій. По окончаніи курса въ с.-петербургскомъ университетѣ, П. В. въ 1873 году началъ службу въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ капитальныхъ трудахъ комитета того времени и въ комиссіяхъ по разработкѣ матеріаловъ военно-конскихъ переписей. Въ должности старшаго редактора комитета П. В. состоялъ дѣлопроизводителемъ статистическаго совѣта и командировался по дѣламъ конской переписи въ западныя губерніи. За этотъ періодъ службы онъ написалъ нѣсколько научныхъ работъ, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣютъ: «Разборъ и провѣрка основныхъ расчетовъ проектируемаго перваго російскаго общества пожизненныхъ пенсій. Спб. 1889 г.» и «Опытъ примѣненія интерполированія къ нѣкоторымъ вопросамъ статистики движенія населенія. Спб. 1891 г.». Въ 1893 году П. В. перешелъ въ министерство финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій, а затѣмъ секретаремъ министра. Кромѣ служебныхъ обязанностей во время самой кипучей дѣятельности С. Ю. Витте, на П. В. возлагалось участіе и предѣлательствованіе въ различныхъ комиссіяхъ, а также замѣщеніе директора общей канцеляріи министра. Къ этому времени относится его видное участіе въ главной переписной комиссіи по первой всеобщей переписи населенія имперіи и назначеніе отъ министерства финансовъ въ правленіе товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства. Семь лѣтъ непрерывной нервной работы, требовавшей быстроты и точности исполненія, пошатнули здоровье П. В., и въ 1900 году ему былъ предоставленъ болѣе

спокойный, хотя и отвѣтственный постъ управляющаго государственной комиссией погашенія долговъ, на которомъ онъ и оставался до послѣдняго дня своей жизни. Любовь къ научнымъ занятіямъ привлекла П. В. въ 1875 году въ географическое общество, гдѣ онъ, особенно въ первые годы, принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ секретаря отдѣленія статистики, затѣмъ помощника предсѣдательствующаго въ отдѣленіи, затѣмъ члена совѣта общества. Подъ его редакціей въ обществѣ вышли нѣсколько изданій, и за полезную дѣятельность ему присуждена была одна изъ почетныхъ наградъ—золотая медаль. Тонкій цѣнителъ и любитель искусства, знатокъ голландской живописи, онъ собиралъ картинную галерею голландскихъ мастеровъ, небезызвѣстную между частными галереями въ Россіи и за границей, и среди этихъ художественныхъ сокровищъ въ семейномъ кругу П. В. проводилъ часы досуга. Широко образованный, тактичный, своимъ умомъ, чуткимъ и добрымъ сердцемъ, искреннимъ радушіемъ онъ удерживалъ около себя всѣхъ, кто хоть разъ имѣлъ случай войти съ нимъ въ общеніе. Друзья П. В. никогда не забудутъ его симпатичнаго облика, его чистой и свѣтлой души. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12022.)

† **Саловъ, В. В.** Въ Царскомъ Селѣ скончался 25 августа членъ государственнаго совѣта дѣйств. тайн. сов. Василій Васильевичъ Саловъ. Покойный принадлежалъ къ числу крупныхъ дѣятелей-новаторовъ министерства путей сообщенія, посвятивъ этому вѣдомству и развитію русской желѣзнодорожной сѣти всецѣло свои силы и знанія. Онъ родился въ 1839 году, окончилъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія «отличнѣйшимъ» и началъ свою службу въ 1857 г. участіемъ въ постройкѣ Петербургско-Варшавской желѣзной дороги. Черезъ два года перешелъ на изысканіе проектировавшейся Московско-Ѳеодосійской жел. дороги, но вскорѣ уѣхалъ въ заграничную командировку для осмотра гидро-техническихъ сооружений. По возвращеніи былъ приглашенъ въ 1862 г. занять въ институтѣ путей сообщенія вновь учрежденную кафедру портовыхъ сооружений и водоснабженій и съ этого времени до 1872 г. читалъ лекціи въ званіи сперва преподавателя, потомъ профессора. Одновременно читалъ строительное искусство и гражданскую архитектуру въ горномъ и въ бывшемъ земледѣльческомъ (нынѣ лѣсномъ) институтахъ и былъ неоднократно командированъ за границу для осмотра желѣзнодорожныхъ сооружений. Въ 1871 году В. В. былъ назначенъ членомъ совѣщательнаго комитета министерства путей сообщенія и съ этого времени прошелъ въ этомъ вѣдомствѣ цѣлый рядъ должностей: онъ былъ завѣдующимъ технической и инспекторскою частью желѣзныхъ дорогъ, директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ, предсѣдателемъ и начальникомъ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; членомъ совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, совѣта министерства и инженернаго совѣта, съ 1892 г. по 1909 г. предсѣдателемъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія. Періодъ его управленія желѣзными дорогами отмѣченъ рядомъ полезныхъ преобразованій. Въ то же время онъ работалъ во множествѣ самыхъ разнообразныхъ комиссій и руководилъ въ качествѣ предсѣдателя временнаго управленія сооруженіемъ петербургскаго морского канала. Покойный былъ не чуждъ литературѣ. Напечаталъ свою первую статью въ 1861 г.,

онъ съ того времени напечатавъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ желѣзнодорожной специальности. Въ прошломъ году чествовали полувѣковъ юбилей его дѣятельности. Въ день юбилея В. В. былъ удостоенъ высочайшаго рескрипта съ пожалованіемъ ордена св. Александра Невскаго съ брильянтами, учреждена премія его имени по желѣзнодорожному дѣлу, постановлено повѣсить его портреты въ залахъ инженернаго совѣта и института путей сообщенія и была поднесена ему золотая медаль (Некрологъ его: «Новое Время», 1909 г., № 12018).

† **Чюмина (Михайлова), О. Н.** 26 августа, въ 8 ч. утра скончалась даровитая писательница-поэтесса и переводчица Ольга Николаевна Чюмина (Михайлова). Покойная пользовалась крупной извѣстностью и популярностью, обративъ вниманіе на свой талантъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ. Она извѣстна преимущественно своими стихотвореніями. Въ послѣдніе годы писала преимущественно юмористическія стихотворенія на политическія темы. О. Н. родилась въ Новгородѣ 24 декабря 1862 года. Фамилія ея старинная, татарскаго происхожденія—отъ Джума. Почти все свое дѣтство и раннюю молодость она провела въ Финляндіи, гдѣ отецъ ея командовалъ батальономъ, и только лѣтомъ ѣздила въ Россію къ роднымъ матери. Росла очень болѣзненнымъ ребенкомъ и потому получила домашнее воспитаніе. Кромѣ отца и матери, самую близкою къ ней была няня, принадлежавшая къ типу старыхъ нянь прошлыхъ временъ. Отъ матери покойная унаслѣдовала вкусъ и любовь къ музыкѣ, что заставило ее готовиться въ консерваторію, но ее не пустили одну въ Петербургъ. Затѣмъ она мечтала о сценѣ. Писать стихи начала въ 1882 г. Третье ея стихотвореніе было помѣщено И. С. Аксаковымъ въ «Руси». Слѣдующія ея стихотворенія появились въ «Живописномъ Обзорѣніи», затѣмъ въ «Новомъ Времени», «Артистѣ» и др. Съ 1885 г. она стала чаще бывать въ Петербургѣ и между прочимъ познакомилась съ кружкомъ «Сѣвернаго Вѣстника» первой редакціи, гдѣ литературнымъ отдѣломъ завѣдывалъ А. Н. Плещевъ, оказавшій большое вліяніе на нее, такъ же какъ и на большинство молодыхъ поэтовъ того времени, начиная съ Надсона. Въ 1886 г. стихотворенія ея стали печататься въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Богатствѣ» редакціи Оболенскаго, «Новостяхъ». Въ этомъ же году она вышла замужъ за Г. И. Михайлова, офицера Выборгскаго полка. Въ 1888-году вышелъ первый томъ ея стиховъ, встрѣченный критикою весьма сочувственно. На Александринскомъ театрѣ была поставлена одноактная ея пьеска въ стихахъ «Искушеніе», на сюжетъ поэмы Коппе «La veillée». Затѣмъ въ разное время были поставлены: «Въ сѣтяхъ», «Угасшая искра», «Мечта». Ею былъ переведенъ также цѣлый рядъ произведеній Шиллера, Байрона, Шекспира (3 части «Генриха VI», «Антоній и Клеопатра») для «Библиотеки великихъ писателей» подъ редакцію С. А. Венгерова, «Потерянный и возвращенный рай» Мильтона, «Божественная комедія» Данте, «Королевскія идилліи» Теннисона (изданіе А. Каспари). Академія наукъ присудила ей за «Потерянный рай» половинную пушкинскую премію въ 1901 г., за Данте—половинную пушкинскую премію въ 1905 г., за «Идилліи» Теннисона—почетный отзывъ въ 1907 г. Второй томъ стихотвореній вышелъ въ 1899 г. Новыя стихотворенія также удостоены почетнаго отзыва. Съ 1905 г. О. Н. работала преимущественно

въ газетахъ: «Наша Жизнь», «Сынъ Отечества», затѣмъ въ «Товарищѣ», «Рѣчи», «Словѣ», «Современномъ Словѣ», «Русскомъ Словѣ» въ отдѣлѣ маленькаго фельетона на общественно-политическія темы, чаще подъ псевдонимомъ «Бой-Котъ». Изъ иностранныхъ поэтовъ переводила за послѣдніе годы Гуго ф.-Гофманстала: «Эдипъ и Сфинксъ», «Дары Жизни», «Смерть Тиціана», «Электра», «Свадьба Зобеиды». Послѣднія три были поставлены въ театрѣ Санина и Коммиссаржевской. Въ 1908 г. выпущенъ сборникъ ея стиховъ «Осенніе вихри». Покойная принимала дѣятельное участіе и въ политической прессѣ, подписывая свои сатирическіе стихотворные памфлеты на злобы дня псевдонимами—«Бой-Котъ» и «Оптимистъ». (Некрологъ ея: «Новое Время», 1909 г., № 12018).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Въ очеркѣ А. Дунина «Губернеры въ старину» («Историческій Вѣстникъ», т. СХVII) упоминается о контрактѣ орловскаго помѣщика Юрасовскаго съ французскимъ графомъ Генрихомъ де-Бланжія, заключенномъ въ 1775 г. Интересно вспомнить здѣсь, что Тургеневъ въ «Запискахъ Охотника» («Льговъ»), описывая сельское кладбище, упоминаетъ о четырехугольной урнѣ съ надписями: съ одной стороны памятника по-французски «*Ci-gît Théophile Henri, vicomte de Blangy*»—съ другой стороны по-русски: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло французскаго подданнаго графа Бланжія, родился 1737, умеръ 1799 года» и т. д.

На третьей сторонѣ «миръ его праху», а на четвертой стихотворная эпитафія:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ французскій эмигрантъ,
«Породу знатную имѣлъ онъ и талантъ,
«Супругу и семью оплакавъ избіяниу,
«Покинулъ родину, тиранами погранну:
«Россійскія страны достигнувъ береговъ,
«Обрѣлъ на старости гостепріимный кровъ,
«Училъ дѣтей, родителей покоилъ...
«Всевышній Судія его здѣсь успокоилъ».

Хотя контрактъ Юрасовскаго помѣченъ 1775 г. а въ эпитафіи Бланжія называется эмигрантомъ, покинувшимъ попрашу тиранами родину, слѣдовательно, уѣхавшимъ изъ Франціи во время революціи, но, если принять во вниманіе, что селеніе Льговъ находится именно въ Орловской губерніи, а также тождественность имени графа Бланжіи въ обоихъ случаяхъ, можно думать, что губернере дѣтей Юрасовскаго и лицо, погребенное на кладбищѣ селенія Льговъ, тождественны. Въ эпитафіи, вдобавокъ, еще указывается, что Бланжія «училъ дѣтей».

Должно думать, что графъ Бланжія, хотя и не принадлежалъ къ числу «мощенниковъ», «находившихся на родинѣ въ превеликой сеорѣ съ полиціей» (по

мѣткому выраженію писателей XVIII столѣтія, съ негодованіемъ смотрѣвшихъ на обычай приглашать къ дѣтямъ проходимцевъ изъ-за границы), но и не былъ изъ числа эмигрантовъ, наводнившихъ Россію при Павлѣ I, а, очевидно, онъ причисленъ былъ къ нимъ досужей фантазіей мѣстнаго пшты.

Настоящій случай заслуживаетъ быть отмѣченнымъ еще и потому, что лишній разъ показываетъ, какъ осторожно надо относиться къ такъ называемымъ свидѣтельствамъ современниковъ, надгробнымъ надписямъ и т. д.

М. Васильевъ.

II.

Въ живомъ очеркѣ г. Дунина «Гувернеры въ старину въ помѣщичьихъ семьяхъ», напечатанномъ въ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», обращаетъ на себя вниманіе интересный контрактъ, заключенный между орловскимъ помѣщикомъ Юрасовскимъ и французскимъ эмигрантомъ графомъ де-Бланакія. Любопытно, что дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ графѣ имѣются тамъ, гдѣ, можетъ быть, не всякому придетъ въ голову ихъ искать, а именно въ «Запискахъ Охотника» И. С. Тургенева. Въ разсказѣ «Льговъ» (т. I, стр. 82 по изданію А. Ф. Маркса) приведены прозаическая и поэтическая эпитафіи Thibophile-Henri vicomte de Blangu. Въ тождествѣ обѣихъ личностей, кромѣ сходства мѣстностей и имени, убѣждаютъ слѣдующія слова стихотворной эпитафіи: «Учили дѣтей»...

А. Маловинъ.

В. БУРЕНИНЪ

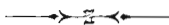
ПѢСНЬ ЛЮБВИ И СМЕРТИ

СКАЗКА-ДРАМА

ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

СЮЖЕТЪ ВЗЯТЬ

ИЗЪ ПОЭМЫ АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА „ELAINE“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ЛИЦА.

Король Артуръ.	Пѣвецъ.
Королева Дженевра.	Отшельникъ.
Ланчелотъ, рыцарь Озера.	Старый ловчій.
Астолатъ, старый рыцарь.	Овень, слуга Астолата.
Элена, его дочь.	Пажъ Элены.
Лавейнъ, ея братъ.	Пажъ въ замкѣ короля.
Тристанъ, рыцарь короля.	Оруженосецъ.
Вивіана, дама королевы.	Феи Озера.
Дагонетъ, шутъ.	Рыцари, оруженосцы, пажы, монахини.

I-е дѣйствіе на берегу озера Фей; II-е въ замкѣ Астолата; III-е на берегу озера Фей; IV-е въ замкѣ короля.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Берегъ озера. Направо невысокій утесъ. У края утеса просвѣтъ, образующій сквозной гротъ, подъ сводомъ котораго входъ въ пещеру. Нѣсколько ступеней, грубо высѣченныхъ въ камнѣ, ведутъ къ гроту. Надъ гротомъ развѣсистая сѣнь стараго дуба. Налѣво, на первомъ планѣ, группа деревьевъ. За деревьями скалы и дорога, ведущая въ ущелье. Въ глубинѣ сцены широкое, свѣтлое озеро. На противоположномъ берегу озера въ синеватомъ туманѣ горы. На одной изъ вершинъ силуэтъ башни и зубчатыхъ стѣнъ замка.—Вечерѣетъ. Закатъ свѣтлый и тихій.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дженевра, Ланчелотъ, Оруженосецъ.

Входятъ справа.

ДЖЕНЕВРА, оруженосцу.

Ты говоришь, король сюда проѣхалъ?

ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

Да, государыня. Изъ лѣса вепрь
Нежданно выбѣжалъ. Его завидѣвъ,
Король съ своимъ оруженосцемъ старымъ
За звѣремъ бросился.

ДЖЕНЕВРА, указывая за деревья.

Въ лѣсу я вижу
Какихъ-то всадниковъ?..

ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

Тамъ собрались
Оруженосцы рыцаря Тристана,
Ихъ господинъ и ловчіе.

— В. П. Буренинъ —

ДЖЕНЕВРА.

Иди

И рыцарю скажи, что я тревожусь
За короля. Пусть рыцарь разошлетъ
Своихъ людей на поиски въ ущелье...
Когда они отыщутъ короля —
Вѣсть принеси объ этомъ мнѣ... Ты понялъ?

ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

Все понялъ, государыня. Исполню.

Уходить.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Дженевра, Ланчелотъ.

Они садятся на ступени у грота.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

За вепремъ бросился въ порывѣ яромъ...
Какъ узнаю Артура въ этомъ я!
Хоть серебромъ блестятъ его сѣдины,
Но пылкостью души онъ превосходитъ
Насъ, молодыхъ. Завидую ему
И передъ нимъ невольно преклоняюсь.

ДЖЕНЕВРА.

Да, мой супругъ-король—онъ совершенство.
Какъ солнце яркое блистаетъ онъ,
Но можно ли смотрѣть на солнце въ небѣ?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Мы солнце можемъ чтить, какъ божество.

ДЖЕНЕВРА.

Но сколько бы ни чтили—все же солнце
Къ намъ, людямъ, равнодушно. Пусть Артуръ,
Какъ добродѣтель, чистъ и безупреченъ, —
За безупречность шлю ему упрекъ
Въ своей душѣ. Онъ въ небесахъ сіяетъ,
А тотъ, кого люблю я, долженъ быть
Земнымъ и на землѣ дышать со мною
Любовію земной. Вотъ почему
Люблю тебя я, и душой и тѣломъ

Я отдалась тебѣ, а съ королемъ
Я лишь обрядомъ связана.

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Дженевра,
Смотри: вонъ, видишь тамъ, у скалъ
Въ пещеру темный входъ. Она зовется
Пещерой Дѣвы Озера. Сюда —
Преданье говоритъ — былъ унесенъ я
Отъ матери волшебницею-феей,
Прекрасной королевой этихъ водъ.
Тамъ мнѣ она таинственныя пѣсни
Подъ ропотъ струй серебряныхъ пѣвала,
По озеру носила на рукахъ,
Лаская, говорила: «ты прекрасенъ,
Какъ царскій сынъ»... О, для чего тогда
Я въ волнахъ не погибъ!.. Промчались годы,
Я славенъ сталъ и признанъ первымъ я
Межъ рыцарями. Ланчелота имя
Считаютъ чести именемъ. И что жъ? —
Грѣхомъ обмана и постыдной ложью
Я честь свою пятнаю! Вѣрный рыцарь
Артура короля, я передъ нимъ,
Какъ низкій рабъ, таю въ душѣ измѣну:
Я лучшую жемчужину его
Краду, какъ воръ...

ДЖЕНЕВРА.

Такія рѣчи странно
Мнѣ слышать отъ тебя. Ты прежде такъ
Не говорилъ. Но что же измѣнилось? —
Моей любовью утомился ты?
Иль вѣрность королю Артуру цѣнишь
Дороже счастья моего?

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Нѣтъ, нѣтъ,
Не думай такъ. Вѣдь для меня — ты знаешь —
Твоя любовь святыня. Только съ жизнью
Угаснетъ въ этомъ сердцѣ пламень тотъ,
Что красотой и прелестью Дженевры
Зажженъ давно, еще въ тѣ дни, когда,
Какъ утро свѣтлое весны, сияла
Жизнь Ланчелота... Но, прости меня,
Я всякій разъ, какъ ложью и обманомъ

Артуру отвѣчаю на довѣрье,
 Терзаюсь совѣстью. Вотъ и теперь
 Я обманулъ. Король желалъ, чтобъ я
 Сражался на турнирѣ въ Камелотѣ,
 Но уклонился отъ турнира я,
 Съ тобою не желая разлучаться,
 И ложью свой обманъ прикрылъ...

ДЖЕНЕВРА.

Какъ принялъ

Онъ твой отказъ?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Его увѣрилъ я,
 Что не могу я биться на турнирѣ,
 Что рана старая мѣшаетъ мнѣ
 Владѣть рукой... Я лгалъ предъ тѣмъ, чье слово,
 Какъ слово Божье, вѣрно... и король,
 Довѣрчивый и добрый, какъ ребенокъ,
 Отвѣтилъ мнѣ: «жаль, рыцарь, очень жаль:
 Турниръ не озарится чуднымъ блескомъ
 Двухъ яркихъ звѣздъ: не будетъ королевы —
 Врачи ей запрещаютъ дальнѣйшій путь —
 И храбраго изъ храбрыхъ Ланчелота».
 Смутясь отъ этихъ словъ, я поблѣднѣлъ
 И самого себя возненавидѣлъ
 За ложь свою...

ДЖЕНЕВРА.

Что дѣлать, эта ложь —
 Печальная для насъ необходимость;
 Но ты тревожишься напрасно: вѣрь,
 Турниры и охота занимаютъ
 Живѣй Артура, чѣмъ жена его...
 За сценой отдаленный звукъ роговъ.
 Ты слышишь: рогъ трубить?..

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Тристанъ, быть можетъ,
 Даетъ сигналъ, что встрѣтилъ короля...

ДЖЕНЕВРА.

Пойдемъ и мы туда ему навстрѣчу...

Уходить.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Артуръ, Старый ловчій,

Они выходятъ изъ пещеры.

СТАРЫЙ ЛОВЧІЙ.

Сдается, государь, то былъ не звѣрь,
А духъ нечистый въ образѣ звѣриномъ.

АРТУРЪ.

Духъ или звѣрь, но только насъ съ тобой
Онъ обморочилъ: мы за нимъ гонялись,
Какъ два безумца старые. Сперва
Въ ущельѣ онъ метался межъ кустами,
Потомъ въ пещеру бросился, туда
Насъ заманивъ, и тамъ пропалъ безслѣдно,
Какъ будто тѣнь...

СТАРЫЙ ЛОВЧІЙ.

Обшарилъ всѣ углы
Я въ подземельѣ: даже узкой щели
Для выхода тамъ не нашель.

АРТУРЪ.

Однако

Онъ ускользнулъ.

СТАРЫЙ ЛОВЧІЙ.

Да развѣ, государь,
Для оборотня надобны лазейки?
Вѣдь онъ сквозь землю можетъ провалиться
Когда и гдѣ угодно.

АРТУРЪ.

Пусть и такъ:

Куда бы онъ ни провалился, все же
Ему теперь недолго рыскать: въ шею
Моей стрѣлой я звѣрю угодилъ,
Да и ударъ копыя былъ тоже добрый.

СТАРЫЙ ЛОВЧІЙ.

Само собою, государь: у васъ
Рука могучая. Да только вотъ что
Смекаю я: для оборотней этихъ
Копье и стрѣлы втуне...

АРТУРЪ.

Ну, старикъ
Болтать довольно. Я усталъ. Присяду
Здѣсь отдохнуть.

Садится на камень.

Недалеко отсюда
Мы, кажется, оставили коней:
Ступай, ихъ разыщи и приведи
Сюда скорѣе.

СТАРЫЙ ЛОВЧИЙ.

Живо, государь!

Уходитъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

АРТУРЪ, одинъ, задумчиво.

Да, какъ ни напрягай ослабшихъ силъ
Порывомъ необузданнымъ,—неволью
Напоминаетъ старость о себѣ
Внезапнымъ утомленьемъ... Вспыхнулъ пламень,
Мгновенъе ярко просіялъ... и вновь
Угасъ безсильно...

Изъ-за скаль выходитъ мѣсяць.

Какъ прекрасна ночь,
Какою тишиной полна. Уснули
И воды озера и темный дубъ, такой же
Старикъ, какъ я.. Усталая дрема
И мнѣ глаза смыкаеть... На коня бы
Скорѣе сѣсть и въ замокъ возвратиться
И успокоиться...

Слышится отдаленные звуки арфы.

Что это?.. Или я
Уже заснулъ и слышу въ грезахъ звуки?..
Какъ ласково баюкають они...
Звучите... не смолкая... не смолкая...

Засыпаетъ. Въ просвѣтѣ грота, ярко озаренномъ мѣсяцемъ, появляются Фен
Озера. Онѣ сходятъ веревницей по ступенямъ и окружають спящаго короля. Въ
рукѣ той, что впереди, золотая діадема, блестящая рубинами и алмазами.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Артуръ. Фей Озера.

Пѣсня Фей.

Мѣсяцъ выплылъ надъ скалами,
Озаряя берега,
Сыплеть въ дремлющія волны
Серебро и жемчуга.

Изъ кристальнаго чертога,
Въ свѣтломъ озерѣ, на днѣ,
Мы таинственно выходимъ
Въ полуночной тишинѣ.

Дремлютъ воды, дремлютъ скалы
И деревья и земля...
Задремалъ король... чаруйте
Пѣсней грезы короля.

Спи, Артуръ!.. Когда очнешься
Ты отъ сладкихъ сонныхъ чаръ,
Пусть твой свѣтлый взоръ увидитъ
Нашъ волшебный, чудный даръ.

Фей, держащая діадему, кладетъ ее на камень около спящаго Артура.

Тише... тише... онъ съ улыбкой
Пробуждается отъ сна...
Унесемъ... насъ сокроетъ
Водъ лазурныхъ глубина...
Удаляются въ гротъ и исчезаютъ.

АРТУРЪ просыпается.

Мнѣ кажется, я задремалъ... и сонъ
Привидѣлся мнѣ чудный... Какъ привѣтно
Звучала пѣсня дѣвъ, что предо мной
Въ сияньи мѣсяца лучей прозрачныхъ
Водили хороводъ...

Озирается, видитъ діадему, лежащую на камнѣ.

А! Это что?!

Беретъ діадему.

Иль вновь я грежу?.. Иль не пробудился?..
Нѣтъ, это навожденъ наяву...
Да гдѣ же я?..

За сценой голоса.

Тамъ голоса я слышу...

Идетъ въ сторону, откуда слышенъ говоръ.

Сюда! сюда! ко мнѣ!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Артуръ, Дженевра, Ланчелотъ, Вивіана, Тристанъ, Дагопетъ, Пѣвецъ, Рыцари, Дамы, Оруженосцы, Пажи.

ДЖЕНЕВРА.

Васъ, государь,
Мы тамъ, въ лѣсу, искали... Вы въ тревогѣ?
Что съ вами?..

АРТУРЪ.

Что со мною?—Чудеса,
Дженевра, чудеса!.. Постои, дай вспомнить,
Какъ все случилось... Да, погнался я
За вепремъ, что моей стрѣлой былъ раненъ..
Звѣрь убѣжалъ. Я, утомясь погоней,
Присѣлъ здѣсь отдохнуть... Казалось мнѣ,
Я задремалъ... Вдругъ въ отдаленнѣ пѣсня
Чудесная послышалась, какъ будто
Изъ волнъ уснувшихъ озера она
Звучала сладко... Хороводъ волшебницъ
Прекрасныхъ, съ синими глазами, пѣлъ
Ту сладостную пѣсню... Тихо, тихо
Онѣ приблизились ко мнѣ въ вѣнкахъ
Изъ лилій водяныхъ... Одна казалась
Прекраснѣй и свѣтлѣе всѣхъ... Склонясь
Передо мной, въ алмазахъ діадему
Она мнѣ подала...

ДЖЕНЕВРА.

Супругъ мой, что жъ
Вамъ кажется чудеснымъ тутъ? Все это
Пригрезилось во снѣ вамъ.

АРТУРЪ.

Да, во снѣ...
Но вотъ что я нашель, когда проснулся:
Въ моихъ рукахъ былъ драгоцѣнный даръ —
Та діадема!

Показываетъ діадему. Общее движеніе среди всѣхъ окружающихъ.

ДЖЕНЕВРА.

Ахъ, какое чудо!
Какой алмазъ! Онъ, какъ звѣзда, горитъ...
А дивные рубины эти...

Ланчелоту.

Рыцарь,
Взгляните, что за прелесть!

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Никогда
Я не видалъ прекраснѣе убора.

ГОЛОСА ДАМЪ И РЫЦАРЕЙ.

— По истинѣ волшебницы подарокъ!
— Сокровище безцѣнное!—Какъ искры
Блестятъ каменья, ослѣпляя взглядъ.

ВИВИАНА.

Смотрите, государыня, смотрите:
По золотому обручу узоръ
Какой-то надписи...

ДЖЕНЕВРА.

Да, да... Я вижу.
Прочтите, Вивіана, что же тутъ
Написано.

ВИВИАНА, читаетъ.

«Прекраснѣйшей».

ДЖЕНЕВРА.

А — дальше?

ВИВИАНА.

Здѣсь только это слово, и надъ нимъ
Двѣ лиліи, склонившія головки
Одна къ другой.

ДЖЕНЕВРА.

Загадка!

АРТУРЪ.

А по мнѣ,
Тутъ никакой загадки нѣтъ, Дженевра.
Волшебница дала мнѣ этотъ даръ
Загѣмъ, чтобъ блескомъ чудной діадемы
Украसился турниръ, что въ Камелотъ
Назначенъ мной. Подарокъ феи будетъ

Наградой рыцарю тому, который
 Всѣхъ побѣдитъ, а ту, кого сочтеть
 Прекраснѣйшей счастливый побѣдитель,
 Пусть самъ онъ увѣнчаетъ діадемой.
 Такъ я рѣшилъ.

Къ рыцарямъ.

Надѣюсь, по душѣ
 Вамъ, рыцари, рѣшеніе такое?..

Входитъ старый ловчій.

Ты что, старикъ?... А, да: коней нашелъ?

СТАРЫЙ ЛОВЧІЙ.

Коней нашелъ, да и еще другое
 Нашелъ я, государь: проклятый звѣрь,
 Что за собой погоней насъ измучилъ, —
 Онъ палъ отъ ранъ.

АРТУРЪ.

Ага! Я говорилъ:
 Рука моя отъ лѣтъ слаба, а все же
 Могучъ ударъ Артурова копья.
 Гдѣ жъ вепря видѣлъ ты?

СТАРЫЙ ЛОВЧІЙ.

Да возвращаясь,
 На звѣря натолкнулся я: лежитъ
 Вонъ тамъ онъ, — за скалой недалеко.

АРТУРЪ, окружающимъ.

Я приглашаю рыцарей и дамъ
 Взглянуть на королевскую добычу.
 Добыча славная — безъ хвастовства
 Могу сказать, хоть хвастаться удачей
 Мы, старые охотники, привыкли,
 Да, кажется, и молодые тоже...

Смѣется.

Идемъ! старикъ, веди насъ.

Уходятъ всѣ, кромѣ Дженеvры, которая отстаетъ отъ окружающихъ короля рыцарей и дамъ и останавливаетъ Ланчелота.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Дженевра, Ланчелотъ.

ДЖЕНЕВРА.

Ланчелотъ,
Я васъ прошу, какъ ваша королева
И дама: въ Камелотъ должны поѣхать
Вы на турниръ.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Дженевра, отказался
Вѣдь я по вашему желанью?..

ДЖЕНЕВРА.

Да,
Но я теперь хочу иного, рыцарь:
Ты на турниръ поѣдешь, побѣдишь
Ты всѣхъ соперниковъ, возьмешь награду —
Волшебный феи даръ — и діадемой
Твою Дженевру увѣнчаешь ты!

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Но какъ могу я на турниръ явиться,
Когда я отказался? Какъ могу
Я объяснить причину перемѣны
Нежданной королю?.. Вѣдь я сказалъ,
Что рана старая владѣть оружиемъ
Мѣшаетъ мнѣ.

ДЖЕНЕВРА.

Предлогъ легко найти
Для оправданья словъ твоихъ: ты скажешь,
Что на турниръ биться пожелалъ
Какъ неизвѣстный рыцарь подъ забраломъ.
Молва идетъ, что именемъ однимъ
Ты побѣждаешь часто. Всѣ страшатся
Прославленнаго твоего копья:
Такъ вотъ теперь ты втайнѣ захотѣлъ
Быть на турнирѣ. Твой обманъ, навѣрно,
Простить король: какъ малое дитя,
Онъ простодушенъ. И къ тому же слава
Его любимыхъ рыцарей ему
Всего дороже: онъ твоей побѣдой
Доволенъ будетъ, какъ своей.

— В. П. Буренинъ —

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Дженевра,
Я для тебя и для любви твоей
Все сдѣлаю, какъ хочешь ты... Но только
Боюсь въ душѣ я одного...

ДЖЕНЕВРА.

Боишься?
Чего жъ бояться можетъ Ланчелотъ —
Цвѣтъ рыцарей?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Боюсь я, что Небо
Насъ покараетъ за обманъ грѣховныѣ
Довѣрчиваго короля... и наши
Мечты о счастья горькимъ испытаньемъ
Окончатся...

ДЖЕНЕВРА.

Я вѣрю — побѣдишь
Ты на турнирѣ... и когда вернешься —
Какими ласками люби тебя,
Мой милый побѣдитель, здѣсь я встрѣчу!..
Страстно цѣлуетъ его.
Но—тише... возвращается король...

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Дженевра, Ланчелотъ, Артуръ и всѣ прочія лица.

АРТУРЪ.

Дженевра, отчего ты не хотѣла
Пойти туда...

ДЖЕНЕВРА.

Мой дорогой супругъ,
Почувствовала я внезапно слабость
И рыцаря просила я со мной
Остаться здѣсь.

АРТУРЪ.

Ты, вѣрно, утомилась
Охотою... Предъ возвращеньемъ въ замокъ
Не худо будетъ тутъ намъ отдохнуть,

Подъ пологомъ деревъ и при сяннѣ
Алмазныхъ звѣздъ и мѣсяца распить
Для бодрости изъ золотого кубка.
Немного попируемъ, а потомъ
И въ путь дорогу, на коней...

Пакамъ.

Скорѣе

Вина! вина! Сюда вотъ...

Пажи и оруженосцы разстилаютъ ковры на ступеняхъ у грота и на камняхъ,
что ближе къ авансценѣ.

ДЖЕНЕВРА.

Государь,

Вы веселы сегодня...

АРТУРЪ.

Весель, да.

Удачная охота оживила
Меня совсѣмъ. А этотъ чудный даръ
Отъ Дѣвы Озера—находка эта
Нежданная... Какимъ великолѣпьемъ
Заблещетъ въ Камелотѣ мой турниръ,
Когда герольды возвѣстятъ повсюду
О діадемѣ драгоцѣнной... Здѣсь
Присядемъ мы и будемъ веселиться,
Какъ будто бы за Круглымъ мы столомъ.

Садится. Всѣ располагаются въ живописныхъ группнахъ около короля. Пажи
разливаютъ изъ кубковъ вино въ чаши и подносятъ рыцарямъ и дамамъ.

Да, да, подъ старость надо мигъ веселья
Скорѣй ловить: того гляди, умчится...
Гдѣ мой дуракъ? Гдѣ Дагонетъ?

шутъ, подбѣгаетъ и садится у ногъ короля.

Меня

Здѣсь нѣту, государь.

АРТУРЪ.

Какъ нѣту, если
Ты откликаешься?

шутъ.

Да вотъ, когда

Шута король увидитъ, и другіе
Его существованье замѣчаютъ,
А не увидитъ — сгинулъ Дагонетъ:
Его совсѣмъ на свѣтѣ нѣтъ!

ТРИСТАНЪ.

Шути умно—такъ всё замѣтятъ шута.

ШУТЬ.

Вы правы, рыцарь. Потому-то
 Шуты почти всегда умны,
 Хоть и зовутся дураками.
 Вотъ рыцари... иначе созданы:
 Они... не сходны въ этомъ съ нами...
 Боюсь, однакоже, я молвилъ невпопадъ:
 Такъ грозенъ на меня вашъ взглядъ.

ТРИСТАНЪ.

Ошибся, шуть,—мой взглядъ иного рода.
 Смотрѣть могу я грозно на врага,
 А на тебя смотрю, какъ на... урода.

ШУТЬ.

Ага!

Я знаю, рыцарю не нравится... нога
 Моя кривая...
 Но развѣ лучше... голова пустая
 Кривой ноги?

ТРИСТАНЪ.

Твоя не лучше... Все жъ побереги
 Ты эту голову: за злыя рѣчи
 Ея горбатыя лишиться могутъ плечи.

ШУТЬ.

Конечно, до чужой разумной головы
 Не трудно вамъ добратъся, но едва ли
 Такую жъ на своихъ плечахъ найдете вы,
 Хотя бы цѣлый день искали...

Общій смѣхъ.

АРТУРЪ.

Ну, Дагонетъ, уйми языкъ свой злой.

ШУТЬ.

И радъ бы—не могу: онъ у меня съ иглой
 И колетъ, государь, невольно,
 Да такъ, что самому бываетъ даже больно,
 Коль языкомъ не поверчу.
 Вотъ почему съ тѣхъ поръ, какъ появился
 На этомъ свѣтѣ, шутки я шучу.

АРТУРЪ.

А кстати, Дагонетъ: гдѣ ты родился?

ШУТЬ.

Я въ нашемъ городѣ рожденъ.

АРТУРЪ.

Да городъ-то твой—гдѣ же онъ?

ШУТЬ.

Онъ при рѣкѣ.

АРТУРЪ.

А какъ же звать ту рѣку?

ШУТЬ.

Зачѣмъ же звать ее? Она течетъ и такъ
По волѣ собственной отъ вѣку.

АРТУРЪ, смѣется.

Я это зналъ и безъ тебя, дуракъ.

ШУТЬ.

А если знали, государь, тѣмъ хуже:
О томъ, что знаешь, спрашивать къ чему же?
Кто даромъ спрашиваетъ, тотъ
Напрасно разѣваетъ ротъ,
Который разѣвать не слѣдуетъ безъ цѣли,
Чтобъ галки невзначай туда не залетѣли...
Есть пѣсенка на этотъ счетъ:

посѣть.

У веселаго жонглера
Рыцарь покупалъ коня.
— Не надуй, жонглеръ, меня:
Вправду ль конь твой ходить скоро?
— «Рыцарь, мой отвѣтъ вамъ простъ:
Кто же этого не знаетъ —
Конь всегда опережаетъ
Головою свою хвостъ!»
— Конь не старъ? Не для показу
Нуженъ конь мнѣ—для ѣзды.
— «Молодъ такъ, что бороды
Онъ не брилъ еще ни разу!»

— Хорошо ль онъ ѣсть?—«Овса
Лишь засыпьте: въ три недѣли
Столько бѣ, рыцарь, вы не съѣли,
Сколько съѣсть онъ въ полчаса!»

— Конь не плохъ насчетъ здоровья?
У коня хорошъ языкъ?

— «Превосходный: не привыкъ
Ложь болтать и чуждѣ злословья».

— Вотъ я за ноги боюсь...

Хороши ли, знать желаю?

— «Ногъ не пробоваль, не знаю,
Каковы онѣ на вкусъ»...

Общій смѣхъ.

АРТУРЪ.

Спасибо, Дагонетъ, ты позабавилъ
Веселой этой пѣснью.. А скажи-ка:
Самъ пѣсню выдумаль?

ШУТЬ.

Нѣтъ, государь,
Въ народѣ перенялъ.

АРТУРЪ.

Я такъ и думаль...
Не правда ль, рыцарь Ланчелотъ, всегда
Прекрасны, веселы народа пѣсни?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Да, государь. Въ весельѣ и въ трудѣ
Народа пѣснь—невольный голосъ сердца,
А что отъ сердца, то всегда прекрасно.

АРТУРЪ.

Ты судишь вѣрно.

ДЖЕНЕВРА.

И къ тому жъ, Артуръ,
Свое сужденье вѣрное нашъ рыцарь
На дѣлѣ оправдалъ: вѣдь много пѣсенъ
Онъ самъ сложилъ...

АРТУРЪ.

Да, да, чудесныхъ!.. Ты,
Дженевра, любишь эти пѣсни, знаю...

И я люблю... Такъ пусть теперь споеть
Намъ пѣсню рыцаря пѣвецъ любимый,
Залетный соловей изъ дальнихъ странъ,
Гдѣ солнце юга блещеть.

Пѣвецъ выходитъ съ лютней.

ГОЛОСА РЫЦАРЕЙ.

Спой балладу

О славѣ короля Артура!—Да,
О славѣ короля и королевы.

ПѢВЕЦЪ ПОЕТЪ.

Въ часъ тихій ночи на скалѣ
Стоялъ Артуръ надъ моремъ.
Онъ о родной своей землѣ
Терзался тайнымъ горемъ.

Куда ни взглянешь—всюду врагъ
Сковалъ народъ въ оковы,
Убийство воздвигаетъ стягъ
И нивы жжетъ и кровы.

Слезой скорби за народъ
Артура тмятся очи...
Вдругъ кто-то—слышитъ онъ—зоветъ
Его во мракѣ ночи.

РЫЦАРИ ХОРОМЪ.

Вдругъ кто-то—слышитъ онъ—зоветъ
Его во мракѣ ночи.

ПѢВЕЦЪ.

Артуръ глядитъ на море, полнъ
Невольнаго смятенья,
И видитъ онъ изъ темныхъ волнъ
Выходятъ три видѣнья:

Волшебникъ съ бѣлой бородой,
Въ серебряныхъ сѣдинахъ;
Несетъ вѣнецъ онъ золотой
Въ алмазахъ и рубинахъ.

Съ нимъ рыцарь: держитъ мечъ въ рукахъ,—
Блескъ мужества во взорѣ,
И дѣва-фея, вся въ цвѣтахъ
И въ свадебномъ уборѣ.

РЫЦАРИ.

И дѣва-фея, вся въ цвѣтахъ
И въ свадебномъ уборѣ.

ПѢВЕЦЪ.

Старикъ въ полночной тишинѣ
Вѣнчалъ его короной:
«Будь королемъ въ родной странѣ,
Народа обороной!»

А рыцарь подалъ мечъ: «Артуръ,
Вотъ мечъ—онъ эльфомъ скованъ,
Его зовутъ Экскалибуръ,
Въ бояхъ онъ заколдованъ».

Сіяетъ ласкою лицо
И взоры феи-дѣвы:
«Вотъ обручальное кольцо
Дженевры королевы».

РЫЦАРИ.

Вотъ обручальное кольцо
Дженевры королевы.

ПѢВЕЦЪ.

Артуръ на тронѣ золотомъ,
Артуръ короновался.
Въ двѣнадцати бояхъ мечомъ
Съ врагами онъ сражался.

Гдѣ мечъ блеснетъ Экскалибуръ—
Тамъ врагъ трещетъ блѣдный...
Да здравствуетъ король Артуръ
И мечъ его побѣдный!

РЫЦАРИ.

Да здравствуетъ король Артуръ
И мечъ его побѣдный!

ПѢВЕЦЪ.

Дженевру взялъ супругой онъ,
Какъ предсказала Дѣва.
Да здравствуетъ краса всѣхъ женъ
Дженевра королева!

РЫЦАРИ.

Да здравствуетъ краса всѣхъ женъ
Дженевра королева!

З А Н А В Ъ С Ъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Комната въ замкѣ рыцаря Астолата. Въ задней стѣнѣ широкая арка; за ней терраса, ступени которой спускаются къ озеру. На далекомъ противоположномъ берегу озера сняты очертанія горъ. Въ лѣвой стѣнѣ столбы готической галереи, ведущей ко входу въ замокъ. Въ правой стѣнѣ массивный каминъ. На авансценѣ столикъ и табуреты около него.— Вечеръ. Вначалѣ сцена залита лучами заката; потомъ, къ концу, лунное освѣщеніе.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Элена, Лавейнъ, Астолатъ.

Они сидятъ у стола.

ЛАВЕЙНЪ.

Но почему жъ ты думаешь, сестра,
Что это невозможно? Завтра ѣду
Я на турниръ, возьму чудесный призъ
Артура короля и діадемой
Тебя я увѣнчаю, какъ царицу.

ЭЛЕНА.

Лавейнъ, хоть ты смѣешься надо мной,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ собой смѣешься.

ЛАВЕЙНЪ.

Смѣюся надъ собой, Элена?

ЭЛЕНА.

Да.

Конечно, на турниръ въ Камелотъ
Цвѣтъ рыцарей сберется...

— В. П. Буренинъ —

ЛАВЕЙНЪ.

Ну, такъ что жъ?

ЭЛЕНА.

И ты, безвѣстный юноша, мечтаешь
Всѣхъ побѣдить?

ЛАВЕЙНЪ.

Кто знаетъ...

ЭЛЕНА.

Перестань!..

Не забывай, что на турнирѣ этомъ
Артура первый рыцарь Ланчелотъ
Навѣрно выступитъ бойцомъ.

ЛАВЕЙНЪ.

Тѣмъ лучше:

Копье переломлю я съ Ланчелотомъ
И вышибу его я изъ сѣдла!..

Смѣется.

Ты, кажется, готова разсердиться?..
Ну, полно: я шучу... Вѣдь знаешь ты
Герой твоихъ причудливыхъ мечтаній —
И мой герой. Себя я почиталъ бы
Презрѣннымъ и нелѣпымъ хвастуномъ,
Когда бы съ нимъ посмѣлъ равняться...

АСТОЛАТЪ.

Дѣти,

Послушать васъ, вы судите о томъ,
Кто близокъ вамъ, какъ другъ или товарищъ,
А между тѣмъ вѣдь рыцарь Ланчелотъ
И для тебя, Лавейнъ, и для Элены
Звукъ имени великаго — не больше:
Не только что его вы не видали —
Не слышали вы даже звона шпоръ
Любимаго героя...

За сценой трубить рогъ.

Рогъ призывный

Я слышу?..

Входитъ Овень.

Что такое?

ОВЕНЪ.

Господинъ,

Приѣхалъ рыцарь незнакомый. Видѣтъ
Желаеть васъ онъ.

АСТОЛАТЬ.

Пригласи его,
Лавейнъ, сюда.

Лавейнъ и Овенъ уходятъ.

Элена, отчего ты
Такъ поблѣднѣла? Что съ тобой?

ЭЛЕНА.

Не знаю...

АСТОЛАТЬ.

Ты будто испугалась?

ЭЛЕНА.

Нѣтъ, но вдругъ
Забилось сердце у меня въ груди
Предчувствіемъ отраднымъ или печальнымъ —
Я не могу понять...

АСТОЛАТЬ.

Дитя мое,
Не нравится мнѣ это. Я боюсь
Тутъ дѣйствія недуга или чаръ
Таинственныхъ и злыхъ...

Входятъ Лавейнъ и Ланчелотъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Астолать, Элена, Лавейнъ, Ланчелотъ.

ЛАВЕЙНЪ.

Отецъ, вотъ рыцарь...

АСТОЛАТЬ.

Привѣтствую я рыцаря и радъ,
Что случай въ замокъ мой приводитъ гостя
Столь знатнаго.

Садится.

По вашему щиту
И по осанкѣ, вижу я, вы рыцарь
Дружины королевской... Ваше имя?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Изъ рыцарей я Круглаго стола.
Мое извѣстно имя. Но позвольте

Мнѣ скрыть его предъ вами. Въ Камелотъ
Я ѣду на турниръ и тамъ явлюсь я
Какъ неизвѣстный рыцарь. Почему —
Вы спросите, конечно?—Это тайна.

АСТОЛАТЬ.

Коль это ваша тайна—пусть она
И остается тайной... Заблудились
Вы на лѣсной дорогѣ нашей?

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Да,
И если бы сквозь тьму и чашу бора
Мнѣ не мелькнулъ вашъ замокъ на горѣ,
Пришлось бы ночь мнѣ ночевать въ лѣсу.
Чтобъ выбраться на вѣрную дорогу,
Рѣшился я подъ кровъ гостепріимный
Свернуть на краткій часъ.

АСТОЛАТЬ.

Зачѣмъ же такъ
Торопитесь вы, рыцарь? Если это
Не противъ вашего желанья,—здѣсь
Могли бы вы поотдохнуть съ дороги.

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Нѣтъ, долженъ я немедленно уѣхать...
И объ одной бы я просилъ услугѣ:
Не можете ли вы оруженосца
Мнѣ дать въ проводники. Его на утро
Я отпущу.. Но въ темнотѣ ночной
Боюсь въ лѣсу я снова заблудиться.

ЛАВЕЙНЪ.

Позволь отвѣтить за тебя, отецъ!
Вамъ будетъ проводникъ на всю дорогу—
Я въ Камелотъ поѣду съ вами.

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Вы?

ЛАВЕЙНЪ.

Я думалъ выѣхать туда съ разсвѣтомъ...
Не правда ли, отецъ: вѣдь все равно,
Коль соберусь сейчасъ я?

АСТОЛАТЬ.

Превосходно!
И рыцарю окажешь ты услугу
И въ немъ ты спутника себѣ найдешь
Надежнаго.

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Я буду радъ, конечно,
Услугой за услугу отплатить
Вамъ, добрый юноша... Такъ на турниръ вы
Сбирались? Діадему, призь чудесный
Артура короля, хотите взять?

АСТОЛАТЬ.

Вотъ за минуту только передъ вашимъ
Приходомъ обѣщаль онъ здѣсь сестрѣ
Добыть ту діадему и украсить
Ея головку, чтобъ она еще
Мечтательнѣе сдѣлалась, чѣмъ прежде.

Добродушно смѣется.

ЭЛЕНА.

Мой братъ шутилъ... Такой уборъ присталь
Не дѣвушка простоя, а королевѣ.

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Прекрасное прекраснаго достойно.
И если только королевскій санъ
Для обладанія прекраснымъ нуженъ—
Вы королевой красоты назваться
Могли бы смѣло... и достойны вы,
Конечно, лучшей діадемы въ мірѣ...

ЛАВЕЙНЪ.

Вы правы, рыцарь, и могло бы такъ
Все это выйти, если бъ не Лавейномъ
Я былъ...

ЛАНЧЕЛОТЬ.

А кѣмъ же, молодой мой другъ?

ЛАВЕЙНЪ, восторженно.

Непобѣдимымъ, славнымъ Ланчелотомъ!
Вотъ кто возьметъ волшебный, чудный даръ
Артура короля.

ЭЛЕНА.

И увѣнчаютъ

Убора драгоцѣннаго алмазы
Избранницу, которую почитать
Своей любовью Ланчелотъ прекрасный!

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Вы, юноша, и вы, кого назвать
Осмѣлюсь я лилеей Астолата—
О Ланчелотѣ говорите такъ
Восторженно, что, если бѣ онъ услышалъ,
Въ смущенье онъ пришелъ бы отъ похвалъ...
Случалось вамъ встрѣчать его?

АСТОЛАТЪ.

Мы, рыцарь,

Живемъ въ глуши, далеко отъ двора,
Такъ гдѣ же дѣти встрѣтиться могли бы
Съ героемъ славнымъ Круглаго стола

ЛАВЕЙНЪ.

Но къ намъ, однакоже, доходятъ вѣсти
О подвигахъ и славѣ Ланчелота.
Я преклоняюсь передъ нимъ и чту
Въ немъ честь и доблесть славнаго героя...
Что до сестры—она отъ дѣтскихъ лѣтъ
О Ланчелотѣ бредитъ, даже пѣсни
О немъ сама слагаетъ.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Ланчелотъ

Себя считать большимъ счастливецемъ долженъ:
Онъ возбуждаетъ въ юности отвагу
И вдохновенье въ дѣвахъ...

ЭЛЕНА.

Пѣсни тѣ

Не мною сложены...

ЛАВЕЙНЪ.

Прости, Элена,

Что рыцарю твою открою тайну:
Про Ланчелота чудныя баллады
Сестра подслушала у фей, когда
Онѣ на озерѣ, при лунномъ блескѣ,
Слетаются порой.

Смѣется.

ЭЛЕНА.

Зачѣмъ, Лавейнъ,
Ты передъ рыцаремъ меня приводишь
Въ смущеніе...

АСТОЛАТЬ.

Не удивляйтесь, рыцарь,
Тому, что про сестру свою сейчасъ
Болталъ насмѣшникъ этотъ. Дѣло просто:
Мечтанія о феяхъ ей внушилъ
Старикъ слуга. Когда еще ребенкомъ
Была Елена, про волшебныхъ дѣвъ,
Что въ озерѣ живутъ, онъ постоянно
Разсказывалъ... А пѣсенъ чудный даръ
Я передалъ ей: въ молодые годы
Я былъ пѣвцомъ не изъ послѣднихъ,—да!

ЛАНЧЕЛОТЬ, шутливо.

Я очень бы желалъ изъ устъ прекрасныхъ
Услышать, что поютъ о Ланчелотѣ
Волшебницы.

ЛАВЕЙНЪ.

Спой рыцарю балладу,
Какъ Ланчелотъ увидѣлъ въ первый разъ
Красавицу Женевру.

АСТОЛАТЬ.

Да, Елена,
Спой рыцарю. Чудесная баллада!
Ее люблю я слушать. Спой.

ЭЛЕНА.

Отецъ,
Для рыцаря моя простая пѣсня
Покажется, быть можетъ, неискусной...

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Лилея Астолата, въ простотѣ
Искусство высшее... И если только
Вамъ просьба не покажется моя
Нескромною настойчивостью,—просьбу
Я повторяю съ робкою надеждой,
Что склонитесь вы на нее.

ЛАВЕЙНЪ.

Ну, что жъ,
Элена, полно, перестань смущаться,
Спой рыцарю балладу.

ЭЛЕНА, поетъ.

Было то весною свѣтлой,
 Было въ день счастливый мая:
 Пѣли птицы, и деревья
 Зеленѣли, расцвѣтая...

Сталь король Артуръ задумчивъ,
 На душѣ любви забота...
 Онъ съ улыбкой подзываетъ
 Молодого Ланчелота.

«Сослужи мнѣ, рыцарь, службу:
 Поѣзжай къ моей невѣстѣ,
 Отнеси привѣтъ Дженеврѣ
 И вернися съ нею вмѣстѣ».

Въ дальній путь пустился рыцарь.
 Черезъ два дня, утромъ рано,
 Подъѣзжаетъ тихо къ замку
 Короля Леодограна.

Видитъ онъ: въ окнѣ на башнѣ,
 Разодвинувъ занавѣски,
 Вся въ цвѣтахъ стоитъ Дженевра,
 Съ свѣтлымъ утромъ споря въ блескѣ.

И ему рукой лилейной
 Шлетъ привѣтъ съ улыбкой ясной:
 «Добрый день, мой милый рыцарь,
 Короля посоль прекраснѣй!»..

Онъ коня поводья бросилъ
 И глядитъ въ нѣмомъ смущеньи:
 Красота предъ нимъ земная,
 Иль небесное видѣнье?..

А кругомъ щебечуть птицы,
 Солнце льетъ лучи, сіяя...
 Было то весною свѣтлой,
 Было въ день счастливый мая...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Прослушавъ эту пѣсню, я готовъ
 Повѣрить вамъ, лилея Астолата,
 Что феи Озера ее внушили:
 Такой гармоніей волшебной полны
 Ея слова и голосъ вашъ волшебнѣй...
 Сама прекрасная Дженевра—мнѣ

Случалось слышать пѣнье королевы—
Уступитъ вамъ, клянусь моей душой.

ЭЛЕНА.

Конечно, изъ учтивости придворной
Вы, рыцарь, превозносите меня...
Но Ланчелотъ, о комъ сейчасъ я пѣла,
Не могъ бы такъ подумать...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Отчего жъ?

ЭЛЕНА.

Молва идетъ, цвѣтъ рыцарей Дженеvру
Прекрасную считаетъ божествомъ,
А съ божествомъ нельзя ни въ чемъ сравняться...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Молва преувеличиваетъ часто
И чувства и дѣла людей... Но, впрочемъ,
Оставимъ мы о Ланчелотѣ рѣчь...
Что до меня—я искренно, отъ сердца
Хвалю вашъ даръ...

АСТОЛАТЪ.

Отъ вашей похвалы,
Боюсь, Элена слишкомъ возгордится,
Да съ ней, пожалуй, возгоржусь и я
На старости: вотъ у меня какая
Дочь возросла—всѣхъ совершенствъ звѣзда!

ЛАНЧЕЛОТЪ.

И гордость ваша будетъ справедлива,
Почтенный рыцарь... Какъ жалѣю я,
Что мнѣ приходится покинуть кровь,
Гдѣ встрѣченъ я такимъ очарованьемъ:
Ужъ вечеръ миновалъ, и ночь идетъ,
Надъ озеромъ засеребрился мѣсяцъ...
Благопріятный часъ: пора и въ путь:
Иначе на турниръ, пожалуй, поздно
Пріѣдемъ мы.

ЛАВЕЙНЪ.

Я буду въ мигъ готовъ,
Лишь о коняхъ распоряжусь.

Уходитъ.

ЛАНЧЕЛОТЬ, Астолату.

Къ вамъ, рыцарь,

Еще есть просьба у меня одна:
Я не могу явиться на турниръ
Съ своимъ щитомъ: девизъ его извѣстенъ
И выдастъ онъ меня. Мнѣ гладкій щитъ
Необходимъ.

АСТОЛАТЬ.

Ну, что жъ, мы это
Сейчасъ уладимъ: выберу я самъ
Вамъ лучшей щитъ.

Уходить.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Ланчелотъ, Елена.

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Прекрасная лилея Астолата,
Смотрю на васъ, и кажется вы мнѣ
Цвѣткомъ столь чистымъ, будто въ немъ сіяетъ
Свѣтъ утренней зарн... Невольно мнѣ
Мечтается: не сонъ ли это чудный —
И мѣсяцъ надъ волною изумрудной,
И старый замокъ, спящій въ тишинѣ,
И пѣсня фей, пропѣтая, быть можетъ,
Царицей ихъ...

ЭЛЕНА.

Назавтра сонъ пройдетъ...
Приѣдете вы, рыцарь, въ Камелотъ,
Мечтой иною душу вамъ встревожитъ
Турнира блескъ и шумъ, и красота
Придворныхъ дамъ... Скажите, чьи цвѣта
Вы носите?..

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Лилея Астолата,
Ничьи цвѣта я не ношу: таковъ
Обычай мой. Его храню я свято.

ЭЛЕНА.

Слыхала я, что славный Ланчелотъ
Обычай этотъ соблюдаетъ также?

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

Богословіе.

Толкованіе на книгу Бытія. Спб. 1909. Ц. 70 коп.

Философія, психологія, логика.

Линде-Северинъ. Непостижимая сила. Гипнотизмъ, личный и лечебный магнетизмъ и внушеніе. Спб. 1909. Ц. 1 р.

На каждый день. Ученіе о жизни, изложенное въ изреченіяхъ, выитыхъ у мыслителей разныхъ странъ и разныхъ вѣковъ. Составленъ Л. Н. Толстымъ. Понь. М. 1909. Ц. 6 к., 10 к. и 15 к.

Полуярославцевъ, П. Богъ. Философскій очеркъ, съ приложеніемъ доказательствъ бытія Божія по ученіямъ философовъ. Спб. 1909. Ц. 40 коп.

Рибо, Ш. Воля въ ея нормальномъ и болезненномъ состояніяхъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.
Штраусъ, Д. Вольтеръ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Китаревъ, Я. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. Горки. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Мсеріанцъ, Л. Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока. Спб. 1909. Ц. 40 коп.

Синюхаевъ, Г. Гоголь 1809—20 марта—1909. Спб. 1909. Ц. 10 к.

Хабаровъ, Ю. Арцыбашевъ какъ пѣвецъ личности. Опытъ литературной характеристики. Саратовъ. 1909. Ц. 30 к.

«Истор. вѣстн.», октябрь, 1909 г., т. СХVIII.

1224

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Аннунціо, Г. Джіоконда. Пескарскія новеллы. М. 1909. Ц. 1 р.
- Баранцевичъ, К. Сочиненія. Т. 6. Последняя воля. Повѣсти и рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Бѣлоусовъ, И. Стихотворенія. 1882—1909. М. Ц. 1 р.
- Вересаевъ, В. Рассказы. Томъ 5-й. М. 1909. Ц. 1 р.
- Вестникъ, Л. Чертово болото. Повѣсть. Ростовъ-на-Дону. 1909. Ц. 20 к.
- Войничъ, Е. Джекъ Реймондъ. Ростовъ-на-Дону. 1909. Ц. 30 к.
- Гаршинъ, В. Красный цѣтокъ. Рассказъ. Спб. 1909. Ц. 5 к.
- Сигналь. Рассказъ. Ц. 4 к.
- Грингмутъ, В. Блокнотъ профессора Барикадова. М. 1909. Ц. 1 р.
- Дмитріева, В. Повѣсти и рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Задонскъ, Е. Быль XIX столѣтія. (Дѣтямъ момъ). Т. 4-й. Харьковъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Лагерлефъ, С. Полное собраніе сочиненій. Т. 2. Теста Верлингъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Лебланъ, М. Пустая игла. Новыя приключенія Арсена Люпэна. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Левель, Морисъ. Ужасъ. Романъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 85.
- Манъ, Т. Фіоренца. М. 1909. Ц. 1 р.
- Саловъ, И. Полное собраніе сочиненій. Т. 6-й. Грачевскій крокодилъ и др. повѣсти и рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Тэрстонъ, К. Членъ парламента. Романъ. Ростовъ-на-Дону. 1909. Ц. 35 к.
- Треверсъ, Г. Студентка. Ростовъ-на-Дону. 1909. Ц. 60 к.
- Фонинъ, Н. Замѣтки охотника. Рассказы, встрѣчи и наблюденія. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Фордъ, П. Другъ народа. Ростовъ-на-Дону. 1909. Ц. 60 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Богатырь мысли и дѣла. Памяти Владимира Андреевича Грингмута. М. 1909. Ц. 1 р.
- Ермоловъ, А. А. П. Ермоловъ въ Персіи. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Назаревскій, В. Царствованіе Императора Павла I и походы Суворова въ Итали и Швейцаріи. М. 1909. Ц. 25 к.
- Нотовичъ, Н. Россія и Англія. Историко-политическій этюдъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Павловъ-Сильванскій, Н. Государевы служилые люди, люди кабальные и докладные. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Соловьевъ, В. Письма. Томъ 2-й. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Успенскій, В. и Целепи, В. Матеріалъ для исторіи религіозной и бытовой жизни Великаго Новгорода. Вып. 1-й. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- Бертгольдтъ, Г. Законъ и судебная практика. Коллизія вызова наследниковъ черезъ публикацію съ удостовѣреніемъ мирового судьи о нахожденіи всѣхъ наследниковъ налицо. М. 1909. Ц. 20 к.
- Вознесенскій, Н. Христіанская благотворительность въ условіяхъ нашего времени. X. 1909. Ц. 35 к.
- Вязигинъ, А. «Голодобовскій инцидентъ». (Страшная изъ исторіи политическихъ партій въ Россіи). X. 1909. Ц. 30 к.
- Гарцъ, В. Явленіе крупныхъ цѣвъ 30,000,000 руб. годовой прибыли. Экономическій этюдъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Демкинъ, И. Условное осужденіе и позиція карательнаго закона. Ревель. 1909. Ц. 30 к.
- Жеребцовъ. Практическое пособіе для начинающихъ судебныхъ слѣдователей и канцеляртовъ на судебныя должности. Саратовъ. 1909. Ц. 75 к.
- Змирловъ, К. Общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ изд. 1906 г. и обнародованія по іюнь 1909 г. въ измѣненіе, дополненіе и развитіе его узаконенія и правила, съ законодательными мотивами, на которыхъ основанъ уставъ, разъясненіями Правит. Се-
- ната и замѣчаніямъ составителя. Спб. 1909. Ц. 6 р., въ перепл. 6 р. 50 к.
- Зотовъ, А. Очерки землевладенія и земледѣлія въ современной Англіи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Коконовъ, А. Задачи межеванія и реформа учрежденій государственнаго земельнаго хозяйства. В. I. Саратовъ. 1909. Ц. 20 к.
- Нориуновъ, Н. Лекція по общей теоріи права. Изд. 9-е. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Пасхаловъ, К. Землеустроительное разореніе Россіи. М. 1909. Ц. 15 к.
- Изъ иной страны чудесной. М. 1909. Ц. 20 к.
- Роговинъ, Л. О паспортахъ заграничныхъ, пропускѣ черезъ границу и пограничныхъ сообщеніяхъ, раздѣлъ 2-й устава о паспортахъ. (Св. зак., т. 14-й, изд. 1903 г. и прод. 1906 г.). Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Фелицынъ, А. Военно-морской уставъ о казначаяхъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Чупровъ, А. Крестьянскій вопросъ. Статьи 1900—1903 годовъ. М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Мелкій кредитъ и кооперация. М. 1909. Ц. 1 р.

Искусство.

- Аппаксинъ, А. Сампсоновскій соборъ въ С.-Петербургѣ 1709 — 1909. Спб. 1909. Ц. 15 р.
- Протопоповъ, А. О художественномъ элементѣ въ православномъ церковномъ ивннн. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Естествознаніе и математика.

- Амоницій, Н. Физика въ примѣненіи къ обыденнымъ явленіямъ и вопросамъ жизни. М. 1909. Ц. 50 к.
- Борисовъ, Е. Основанія высшей математики. Томъ 1-й. Аналитическая геометрія. Введеніе въ анализъ. Дифференцированіе и интегрированіе функций. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Владиміровъ, Л. Новыя понятія о процессахъ замерзанія рѣкъ, объ образованіи рыхлаго доннаго озернаго льда и о зимнихъ заторахъ льда. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Гернетъ, В. Обь единствѣ вѣщества. Одесса. 1909. Ц. 25 к.
- Дарвинъ, Ч. Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Вигль». Спб. 1909. Ц. 1 р. 35 к.
- Земманъ, П. Происхожденіе цвѣтовъ спектра. Одесса. 1909. Ц. 30 к.
- Клоссовскій, А. Основы метеорологіи. Одесса. 1909. Ц. 4 р.
- Лебедевъ, Б. Выясненіе основъ счисленія безконечныхъ величинъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Лебединскій, В. Электричество и магнетизмъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Лебонъ, Г. Эволюція матеріи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Мензбиръ, М. Птицы. Вып. 6 и послѣдній. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Ньюномъ, С. Теорія движенія луны. Исторія и современное состояніе этого вопроса. Одесса. 1909. Ц. 20 к.
- Памяти Чарльзо Дарвина торжественное засѣданіе отдѣла естествовѣдѣнія 21 февраля 1909 г. Рѣчи: В. Вагнера, В. Половцова, Е. Елачича, В. Вагнера и В. Дубянского. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Рамзай, В. Новѣйшая химія. М. 1909. Ц. 2 р.
- Савенковъ, В. Обь изученіи кривыхъ высшихъ порядковъ методомъ синтетической проводящей Эвклидовой геометріи. Спб. 1909. Ц. 4 р.
- Синегубъ, С. Бабочки Россіи. Вып. 3. Ностигае-почницы или совки. М. 1909. Ц. 35 к.
- Фельзенмайеръ, В. Какъ появилось вещество и что оно такое? Кн. 1. 1909. Ц. 20 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- Поповъ, А. Вкладъ Н. В. Гоголя въ географическую науку. Одесса. 1909. Ц. 10 к.
- Ровинскій, П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. Исторія. Этнографія. Археологія. Т. 2. Ч. 4. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Богдановъ, С. Учебникъ агрономіи. 1. Земледѣліе. Спб. 1909. Ц. 2 р. 75 к.
- Бутновичъ, А. Какъ живутъ пчелы и какъ ихъ водить. Ч. 2-я. М. 1909. Ц. 50 к.
- Воейновъ, А. Происхожденіе сортовъ плодовыхъ деревьевъ и акклиматизація. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Вышинскій, Л. Продуктивное горшечное плодоводство въ новыхъ декоративныхъ формахъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Горбунова, Е. Какъ развести маленькій огородъ. М. 1909. Ц. 12 к.
- Какъ вести хозяйство на засушливыхъ земляхъ. М. 1909. Ц. 35 к.
- Кирилловъ, А. Пчелиный воскъ. Добываніе, обработка и производство изъ него искусственной вошны. В. 1. X. 1909. Ц. 30 к.
- Кипень, А. Прививка винограда. Одесса. 1909. Ц. 25 к.
- Николаева, Л. Сто вегетаріанскихъ блюдъ. М. 1909. Ц. 24 к.
- Спасская, Е. Запасы и заготовки въ домашнемъ хозяйствѣ. М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Ховренко, М. Общее винодѣліе. Факторы произвводства. Спиртовое броженіе. Классификація, составъ и оцѣнка винъ. Главнѣйшіе сорта винограда. Свѣдѣнія о винодѣліи въ Россіи. М. 1909. Ц. 3 р.
- Шавровъ, Н. Русскій апеласиновый районъ. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства.

Ремесла.

- Архангельскій, А. Какъ переплестать книги безъ особыхъ переплетныхъ инструментовъ. М. 1909. Ц. 10 к.
- Бауманъ, А. Расчетъ аэроплановъ. Спб. 1909. Ц. 70 к.
- Благовѣщенскій, В. Мыловареніе. Полное руководство для приготоленія всевозможнѣйшихъ сортовъ мылъ. Спб. 1909. Ц. 6 р.
- Гейнеръ, Ф. Системы распределенія тока и расчетъ электрическихъ стѣей, съ разрѣ-

меня автора перевелъ съ нѣмецкаго П. И. Сычевъ, подъ редакціей инж.-электриковъ А. И. Андреевскаго и П. А. Люста. Съ 271 фигурой въ текстѣ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1909. Цѣна въ перепл. 3 р. 80 к.

Долговъ, Н. О нормахъ Кестлина и несоответствіи этихъ нормъ результатамъ наблюденій надъ ливнями на Екатерининской желѣзной дорогѣ. Вып. 1. Екатеринославъ. 1908. Ц. 3 р.

Зейлигеръ, М. Область примѣненія судовыхъ двигателей Дизеля въ торговомъ и военномъ флотѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Коновцовъ, К. Горныя желѣзныя дороги Швейцаріи особыхъ системъ. Т. 1-й. Канатныя дороги. Спб. 1898. Ц. 2 р. Томъ 2-й. Зубчатая дорога. 1909. Ц. 5 р.

Кременчущій, С. Современный автомобиль. Справочная книга для владельцевъ, техниковъ, монтеровъ и шоферовъ. Одесса. 1909. Ц. 1 р.

Нѣсколько словъ о нашихъ желѣзныхъ

дорогахъ (Замѣтки не-техника). Спб. 1909. Ц. 1 р.

Пашкевичъ, И. Набѣвка чучель. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Пересвѣтъ-Солтанъ, В. Матеріалы и работы, камень, глина, извести, цементъ, бетонъ, желѣзо, краски, асфальтъ, дерево. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Разборная модель управляемаго аэростата по неподвижной системѣ графа Цеппелина. Состоящая изъ 36 частей съ краскахъ. Съ краткимъ текстомъ. Пособіе для самообученія и преподаванія въ техническихъ училищахъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Финисовъ, П. Проектъ желѣзнодорожнаго съѣзду по верху моста на 196 вер. Козлово-Ростовской ливніи отверстіемъ 13 метръ. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Яцковскій, А. Справочныя средства. Практическое руководство къ приготовленію колесныхъ, машинныхъ, часовыхъ и др. маселъ. Варшава. 1909. Ц. 30 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Кисель, А. Развитіе и воспитаніе дѣтей отъ года до 14 лѣтъ. Свѣдѣнія по гигиенѣ дѣтскаго возраста. М. 1909. Ц. 25 к.

Никольскій, А. Ранняя діагностика ле-

гочнаго туберкулеза. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Рахмановъ, В. Объ доступный лечебникъ. М. 1909. Ц. 90 к.

Савельевъ, М. По поводу холеры и оздоровленія столицъ и вообще городовъ въ Россіи. М. 1909. Ц. 75 к.

Военное и морское дѣло.

Бирюковъ, Н. Записки по военной педагогикѣ. Орель. 1909. Ц. 60 к.

Инженерныя и желѣзнодорожныя войска. Исправлено и дополнено подъ редакціей В. К. Шенкъ по 2-й мал. 1909. Ц. 2 р.

Квадри, в. Артиллерія. Спб. 1909. Ц. 3 р.
— Кавалерія (кромя гвардейскихъ и казачьихъ частей). Спб. 1909. Ц. 3 р.

— Гренадерскіе и пѣхотные полки. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Павловъ, В. Войсковыя школы для подготовки подпрапорщиковъ. Справочныя свѣдѣнія для наблюдающихъ за школами, заведывающихъ ими и для гр. ротныхъ и эскадронныхъ командировъ. Спб. 1909. Ц. 35 к.

Риттихъ, П. Система обученія молодыхъ солдатъ пѣхоты въ германской арміи. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Андреевъ, А. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ. Ч. 1. Алгебра. X. 1909. Ц. 80 к.

Бируковъ, Б. Критическій обзоръ пособій по географіи. Спб. 1909. Ц. 70 к.

Вале, Э. Руководство къ легкому обученію нѣмецкому языку по новѣйшему наглядному методу съ 380 картинками. Ч. 1. М. 1909. Ц. 1 р.

Виноградовъ, Н. Къ вопросу о значеніи и приѣмахъ отрицательнаго воспитанія. X. 1909. Ц. 25 к.

Войтинскій, С. Собраніе вопросовъ и задачъ прямолинейной тригонометріи для среднихъ учебныхъ заведеній и для лицъ,

готовящихся къ поступленію въ высшія техническія учебныя заведенія. В. 2-й. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Городенскій, И. Психологическая хрестоматія. Тифлисъ. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Демковъ, М. Краткая исторія педагогикъ. М. 1909. Ц. 75 к.

Динзе, В. Очерки по исторіи среднешкольнаго движенія. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Доброгаевъ, Н. Подробныя рѣшенія и объясненія 2—5-ю способами всѣхъ безъ исключенія алгебраическихъ задачъ первыхъ и вторыхъ нумеровъ Н. А. Шапошниковъ и Н. К. Вальцова. Ч. 2-я. Вып. 3. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р.

- То же. Ч. 1-я. Вып. 2. Ц. 1 р.
- Дудинъ, В., Стеблевъ, А. и Толстовъ, А. Русская исторія. Ч. 1-я. Учебникъ для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. М. 1909. Ц. 90 к.
- Естественный способъ обученія письму. Руководство къ преподаванію письма по американскому способу. Одесса. 1909. Ц. 20 к.
- Ефименно, А. Учебникъ русской исторіи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Заменгофъ, Л. Основы международнаго языка Эсперанто. М. 1909. Ц. 35 к.
- Наганъ, Ш. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ 295 стереометрическихъ задачъ Н. Рыбкина. Сумы. 1909. Ц. 50 к.
- Козловскій, С. Подробныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическихъ задачъ сборника А. Малинина и К. Вуренна. Ч. I. Сумы. 1909. Ц. 80 к.
- Полныя рѣшенія всѣхъ ариметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. 3-я. В. I. Ц. 1 р.
- Лай, В. Экспериментальная педагогика. М. 1909. Ц. 65 к.
- Майновъ, Б. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Подробный разборъ его главныхъ произведеній для учащихся. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Михайловъ, Д. Посobie къ наглядному изученію русскаго правописанія. Спб. 1909. Ц. 35 к.
- Никоновъ, Л. Ботаника. Учебникъ для средняго возраста. М. 1909. Ц. 2 р.
- Пановъ, В. и Соколовъ, Н. Хрестоматія для приготовительныхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. М. 1909. Ц. 70 к.
- Пенюжниковичъ, Н. Основанія анализа безконечно малыхъ. Курсъ 7-го класса реальныхъ училищъ. Сумы. 1909. Ц. 1 р.
- «Первоцвѣтъ». Хрестоматія для младшихъ классовъ средней школы. Составили: В. Страженъ и В. Спасскій. М. 1909. Ц. 1 р.
- Петровъ, Г. Школьный Законъ Божій. М. 1909. Ц. 15 к.
- Полный ключъ къ французской хрестоматіи. Р. Feuille, F. Martin. Ч. 2-я. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Посobie при обученіи письму по естественному способу. Одесса. 1909. Ц. 30 к.
- Снѣссаревъ, А. Военная географія Россіи. Часть общая. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Соколовъ, Г. Богословіе. Опытъ выисненія жизненнаго значенія истинъ христіанской православной вѣры. М. 1909. Ц. 75 к.
- Соловьевъ, А. Сборникъ образцовъ русской литературы для выразительнаго чтенія и заучиванія наизусть. Казань. 1909. Ц. 15 к.
- Томашевичъ, В. Учебникъ законовѣднія для военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Вып. 1-й. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Тростниковъ, М. Русская рѣчь, чтеніе, письмо и рисованіе. В. I. Изд. 4. Юрьевъ. 1909. Ц. въ папкѣ 30 к.
- 18 таблицъ стѣнныхъ для упражненій въ русской рѣчи. Цѣна наклеенныхъ на картонъ 2 р., безъ картона 1 р. 20 к.
- Методика русскаго литературнаго языка. Юрьевъ. 1909. Ц. 50 к.
- Харцѣвъ, В. Учебникъ русскаго языка. Ч. 1-я этимологія и синтаксисъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Чернышевъ, В. Сборникъ статей для изложенія. Книга для чтенія, разсказа, заучиванія наизусть и другихъ упражненій при изученіи русскаго языка. Изд. 2. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Чинновъ, Е. Западная Европа въ 45 урокахъ. Изд. 2. 1909. Ц. 60 к.
- Шмелевъ, В. Краткій повторительный курсъ древней исторіи. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- То же средней исторіи. Ц. 25 к.
- То же русской исторіи. Ц. 25 к.
- То же по всеобщей географіи. Ц. 25 к.
- Шмигельскій, Г. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ геометрическихъ задачъ сборника Н. Рыбкина. Ч. 1-я. Планиметрия. 1909. Ц. 80 к.
- Щелоновъ, А. Руководство къ составленію сочиненій по русскому языку. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Книги для дѣтей и юрощества.

- Гофманъ, Ф. Лазутчикъ. На возвышенности Карро. Изд. 2. Спб. 1909. Ц. 1 [р.]
- Мелочи жизни Наполеона I. Съ рисунками, портретами и автографами. М. 1909. Ц. 1 р.
- Пименова, Э. Миръ животныхъ въ очеркахъ и картинахъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Спортъ, охота и игры.

- Альбомъ всемірныхъ борцовъ съ ихъ портретами и биографіями подъ редакціей проф. атлет. И. В. Лебедева. Вып. I. Юрьевъ. 1909. Ц. 60 к.

Справочныя книги.

- Александровъ, А. Полный англо-русскій словарь. Изд. 5-е. 1909. Ц. 5 р. 50 к.
- Андросовъ, И. Руководство для владчиковъ государственныхъ сберегательныхъ каскъ въ дѣлѣ управленія и распоряженія ихъ капиталами. Бердянскъ. 1909. Ц. 40 к.
- Бунаковъ, А. Новый календарь для учителей на 1909—10 учебный годъ. Спб. 1909. Ц. въ перепл. 65 к.
- Вся Донская область и Сѣверный Кавказъ на 1909 годъ. Книга администраціи, промышленности и торговли. Ростовъ-на-Дону. Ц. 1 р. 50 к.

- Орловъ. Новѣйшія правила и программа мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства м-ва нар. просв. 1909. Ц. 20 к.
- Путеводитель по Московской окружной желѣзной дорогѣ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Свѣшниковъ, Н. Правила программы для специальныхъ испытаній на званіе учителя-цы начал. училищъ. К. 1909. Ц. 15 к.
- Словарь иностранныхъ языковъ. Настольная книга для народныхъ читателей и библиотекъ. М. 1909. Ц. 75 к.
- С.-Петербургскій студенческій календарь на 1909—10 уч. годъ. Ц. 30 к.

Разныя книги.

- Гартенбахъ. Искусство приобрести превосходную память. Изд. 3. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Мемуары американскаго милліардера Дж. Д. Рокфеллера. Какъ я нажилъ выше 500.000.000 долларовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Черенинъ, Н. Какъ открывать и вести книжную торговлю въ провинціи. М. 1909. Ц. 10 к.

Періодическія изданія.

- «Возрожденіе». №№ 7 и 8. 1909 г. Москва. Ц. кажд. № 30 к.
- «Всемирное Техническое Обзоріе». № 11. 1909 г. Спб. Ц. 1 р. 20 к.
- «Вѣстникъ Теософіи». №№ 7 и 8. 1909 г. Спб. Ц. кажд. № 50 к.
- «Городское Дѣло». № 16. 1909 г. Спб. Ц. кажд. № 50 к.
- «Журналъ Театра Литературно-Художественнаго общества». Сезонъ 1909—1910 гг. №№ 1 и 2. Спб. Ц. кажд. № 15 к.
- «Золотое Дѣтство». Журналъ для дѣтей. №№ 20 и 21. 1909 г. Спб. Ц. кажд. № 20 к.
- «Маякъ». Ежемѣсячный журналъ для дѣтей. №№ 5, 6 и 7. 1909 г. Москва. Ц. кажд. № 40 к.
- «Московскій Еженедѣльникъ». 1909 г. №№ 32, 33, 34. Москва. Ц. кажд. № 15 к.
- «Наша Охота». Ежемѣсячный журналъ. Июль и августъ 1909 г. Спб. Ц. кажд. № 60 к.
- «Окраины Россіи». №№ 33 и 34. 1909 г. Спб. Ц. кажд. № 15.
- «Оса». Юмористическій журналъ №№ 11, 12 и 13. 1909 г. Москва. Ц. кажд. № 10 к.
- «Свидѣтель». Личный органъ С. Ф. Шаранова. № 22. 1909. Москва. Ц. 30 к.
- «Свободное Воспитаніе». №№ 9, 10 и 11. 1909 г. Москва. Ц. кажд. № 25 к.
- «Театръ и Искусство». №№ 33, 34 и 35. 1909. Спб. Ц. кажд. № 20.
- «Экономистъ Россіи». № 27. 1909 г. Спб. Ц. 15 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ
И РОСТОВЪ НА ДОНУ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Пятое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 89 портретами и иллюстраціями.

Настоящее пятое изданіе историческихъ очерковъ и разсказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ четырехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году, третье въ 1893 г. и четвертое въ 1903 г.). Въ него включены десять новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 89; всѣ они воспроизведены, болѣею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 45 печатныхъ листовъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ и рисунковъ“.

Цѣна 4 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дефтортъ. — Петръ Великій въ Гаагъ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго дома. — Вѣщесный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ. — Княгиня Волковская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убийство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія Мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габріелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ Грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцовровъ повоеволь. — Дуэль Шереметева съ Заваловскимъ. — Дуэль Новосилцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВЪСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указатель статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

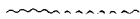
О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1910 году

(ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1910 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать лѣтъ (1880—1909).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
НОЯБРЬ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

НОЯБРЬ, 1909 г.

	СТРАН.
I. Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). Часть пятая и послѣдняя. LXXVII—LXXXVII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	369
II. Изъ далекаго прошлаго. (Тетушка Вѣра Николаевна Воейкова). Н. И. Мердеръ	400
III. Генеральша. Разсказъ. В. Г. Авсѣенко	421
IV. Отрывки изъ воспоминаній. I—VIII. Г. П. Миллера	448
V. Ходынская катастрофа 1896 года. В. И. фонъ-Штейна	473
VI. 14 мѣсяцевъ службы на Камчаткѣ. А. П. Сильницкаго	507
VII. Въ тылу у японцевъ во время боя при Шахѣ. Барона П. Н. Врангеля	542
VIII. Изъ воспоминаній о генералѣ А. М. Алихановѣ-Аварскомъ. Н. Ш.	569
IX. Еще о пушкинскихъ мѣстахъ. К—на	581
X. Моя статья о Чеховѣ. (Бесѣда съ читателями). Н. М. Ежова	595
XI. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). VI. Въ народъ! VII—XII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	608
Иллюстраціи: 1) Дмитрій Михайловичъ Рогачевъ.—2) Сергій Михайловичъ Кравчинскій.—3) Дмитрій Александровичъ Клеменсъ.—4) Порфирій Ивановичъ Войнаральскій.	
XII. Къ пятидесятилѣтію Литературнаго фонда. (1859—1909 г.). А. Е. Евгеньева	642
XIII. Академическій Кольцовъ. В. Е. Рудакова	645
XIV. По Зондскимъ островамъ. IV—V. (Продолженіе). А. В. Рагозина	660
Иллюстраціи: 1) Видъ на Бандѣрмасинъ съ рѣки.—2) Молодой даякъ.—3) Видъ Бандѣрмасина.—4) Главная улица Палембанга.—5) Переулокъ въ Палембангѣ во время отлива.—6) Группа дѣтей.—7) Садъ около нашего дома.—8) Дынное дерево (папайя).—9) Убитый крокодилъ.—10) Молодой тапиръ.—11) Группа малайцевъ.—12) Ватави.—13) Дикари съ острова Сиберуть.	
XV. Критика и библиографія	694
1) Афанасій, архіепископъ холмогорскій, его жизнь и труды въ связи съ исторіей холмогорской епархіи за первые 20 лѣтъ ея существованія и вообще русской церкви въ концѣ XVII вѣка. Церковно-историческій очеркъ В. Верюжскаго. Спб. 1908. С. Н. Введенскаго.—2) Иван Франко. Святій Климентъ у Корсуні. Причинокъ до исторіи старохристіанской легенды. Львовъ. Изъ «Записокъ Науковаго Товариства имени Шевченка». Тома 46, 48, 56, 59, 60, 66 и 68. И. Александрова.—3) Профессоръ Н. В. Покровскій. 1809—1909. Церковно-археологическій музей с.-петербургской духовной академіи. 1879—	
(См. слѣд. стран.).	

1909. Спб. 1909. з. — 4) Л. И. Софійскій. Высокопреосвященный Никонъ, архіепископъ карталинскій и кахетинскій, вѣзирхъ Грузіи (1861—1908). Біографическія данныя съ портретами и автографомъ іерарха, а также его рѣчи, слова и поученія. Спб. 1909. в. Р—ва.—5) В. В. Назаревскій. Императоръ Александръ I, 1812 годъ и другія войны этого царствованія. Съ 96 рисунками. Москва. 1909. а. п.—6) Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1908 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1909. в. Р—ва.—7) В. Ф. Трошанскій и Э. К. Пекарскій. Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ. Спб. 1909. А. Фаресова.—8) Русская политика въ Польшѣ. Очеркъ Эразма Пильца. Варшава. 1909. А. Ивановича.—9) В. Ф. Матвѣевъ. «Право публичныхъ собраній». Очеркъ развитія и современной постановки права публичныхъ собраній во Франціи, Германіи и Англіи. Спб. 1909. А. И.—10) А. И. Чупровъ. Малый кредитъ и кооперація. Москва. 1909. н. х.—11) В. Н. Перетцъ. Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи. Эпоха Петра Великаго и начала XVIII ст. V—VIII. Спб. 1909. и. А.—12) Н. Ф. Анненскій. Вторая книга отраженій. Спб. 1909. А. Б.—13) Письма А. П. Чехова. Собраны В. Н. Вочаревымъ. М. 1909. А. Фомина.—14) Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Томъ 61, вып. II. Спб. 1909. я. Бирюнова.—15) «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», подъ ред. барона Н. В. Дризена. Книга 1-я и 2-я за 1909 г.—«Журналъ театра Литературно-Художественнаго общества», сезонъ 1909 г.—«Театръ. Книга о новомъ театрѣ». Изд. «Шиповника». 1909.—«Кризисъ театра». Сборникъ статей. Книгоиздательство «Проблемы искусства». 1909.—Сергѣй Яблоновскій. «О театрѣ». Изд. Сытина. Москва. 1909. А. Измайлова.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 723

1) Переводъ апокрифа книги патріарха Еноха.—2) Фонтанъ Зобейды.—3) Казнь одного изъ роулистовъ въ 1814 году.—4) Воспоминанія кавалера Кюсси.—5) Воспоминанія виновницы смерти Лассала.—6) Оскаръ П.—7) Юбилей.—8) Смерть генерала Галиффа, Шаллена, Пинара, Гарримяна и Ломброзо.

XVII. Смѣсь. 755

1) Присужденіе премій митрополита Макарія.—2) Присужденіе премій графа Уварова.—3) Открытіе памятника первопечатнику Ивану Федорову.—4) Открытіе памятника Ф. П. Гаазу.—5) Открытіе Роголевскаго музея въ Нѣжинѣ.—6) Аксаковскій народный домъ въ Уфѣ.—7) Чествованіе А. В. Кольцова въ Воронежѣ.

XVIII. Некрологи. 767

1) Алышевскій, В. І.—2) Борисовъ, П. М.—3) Верещагинъ, В. П.—4) Дондукова-Корсакова, М. М., княжна.—5) Климентъ, епископъ.—6) Михайловскій, К. Я.—7) Половцовъ, А. А.—8) Сабинянъ, Е. Ф., проф.—9) Смирновъ, С. Д.—10) Фуксъ, Э. Я.

XIX. Замѣтки и поправки. 776

1) І. Б. Алексѣевскаго.—2) П. Поправка къ «Полтавскимъ торжествамъ»

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. М. Алиханова-Аварскаго.—2) Пѣснь любви и смерти. Сказка-драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ взятъ изъ поэмы Альфреда Теннисона «Elaïne». В. Буренина. (Окончаніе).

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великой.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Pour savoir ce,
qu'il est,
il faudrait
être lui même.

*Надпись на портретѣ
Калиostro.*

LXXVII.

Лягушечникъ.

В ОВОДЯ лѣтнее время обычно въ Царскомъ Селѣ, въ жаркіе дни Екатерина любила уединяться въ деревенскій домъ, построенный ею въ Баболовѣ.

Государыня называла это пріятное мѣстечко:
— Ma Grenouillère! Мой лягушечникъ!

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь было достаточно прохлады и воды; лягушки могли на привольи водиться въ бассейнахъ; съ шумомъ, брызгами и пѣной били здѣсь каскады по нагроможденнымъ камнямъ; затѣмъ прозрачная вода разстилалась прихотливо очерченными прудами.

Серебристыя ивы росли по берегамъ, и прекрасный садъ съ цвѣточными партерами, боскетами, куртинами разбитъ былъ вокругъ свѣтлаго, высокаго дома съ куполообразной крышей и огромными окнами, затянутыми изнутри шелковыми занавѣсами нѣжныхъ цвѣтовъ, соотвѣтственно внутреннему

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVIII, стр. 5.

убранству покоевъ. Снаружи устроены были бѣлоснѣжныя полотнища на золоченыхъ рамахъ, опускавшіяся въ наклонномъ положеніи изъ-подъ крыши, такъ что весь домъ превращался въ родъ палатки или гигантскаго зонтика.

Домъ и садъ съ покатою отлогато холма отражались въ прозрачныхъ зеркалахъ окружавшихъ его прудовъ со всѣхъ сторонъ.

Внутри домъ былъ раздѣленъ на двѣ половины.

Въ одной имѣлся грандіозный бассейнъ или ванна, изсѣченная изъ гранитнаго монолита и наполнявшаяся холодной и горячей водой, сообразно потребности. Нагрѣвалась вода въ подпольи.

Ванна столь была велика, что на край ея императрица поднималась по особой лѣстницѣ и по такой же сходила внутрь, погружаясь въ воду. Въ этой половинѣ «лягушечника» имѣлись, кромѣ того, всѣ приспособленія для туалета.

Въ другой половинѣ было три покоя—спальня, рабочій кабинетъ и будуаръ. Стѣны были здѣсь сплошь зеркальныя и вокругъ каждаго покоя шла колоннада. Потолки расписаны цвѣточными гирляндами.

Въ каждой комнатѣ были особые бордюры и цвѣтъ шелковыхъ занавѣсокъ и мягкой мебели.

Спальня отдѣлана была серебромъ и сиреневымъ; кабинетъ—золотомъ и голубымъ; будуаръ—серебромъ и розовымъ.

Все отличалось совершенствомъ вкуса и изящнѣйшей простотою.

Императрица въ ранніе утренніе часы, когда еще газоны блистали росой и ночная прохлада лишь смягчена была сіяніемъ поднимающагося солнца, отправлялась въ баболовскій «лягушечникъ» изъ дворца пѣшкомъ, въ широкомъ, лѣтнемъ, палевомъ капотѣ и кружевномъ чепцѣ, опираясь одной рукою на высокую тросточку, а другою—на руку фаворита Корсакова.

«Пирръ, царь эпирскій», какъ называла Корсакова самодержавная его подруга, несмотря на пасторальную цѣль ранней прогулки, все же отягчалъ свой модный туалетъ драгоценностями и выступалъ съ величіемъ истаго античнаго царя. Любитель и знатокъ музыки, Корсаковъ несъ въ футлярѣ серебряную флейту.

Государыню и Корсакова сопровождали собачки, а въ нѣкоторомъ разстояніи стартъ-дама Перекусихина. На случай утомленія прогулкой по боковой аллеѣ медленно ѣхалъ кабриолетъ.

Впрочемъ, государыня всегда благополучно совершала эту утреннюю прогулку. Она была замѣчательно вынослива на продолжительныя странствія пѣшкомъ, приученная къ тому огромными пространствами царскосельскихъ садовъ.

Дорогою она шутила, смѣялась, собирала цвѣты и травы, какъ бы совершенно забывая о величій возложеннаго на нее судьбою сана, о дѣлахъ правленія, о сложныхъ международныхъ политическихъ планахъ. Она какъ бы возвращалась къ раннимъ днямъ безпечной

юности и представляла полную противоположность проникнутому сознаниемъ своего положенія фавориту.

Прибывъ въ «лягушечникъ», государыня отправлялась въ монолитовую ванну для купанья.

Между тѣмъ въ рабочемъ кабинетѣ сервировался на небольшомъ столикѣ легкій завтракъ; непремѣнно имѣлась тутъ крынка молока, плато съ грудой серебристаго творога, сливочный сыръ съ тминомъ. Уроженецъ Литвы, Корсаковъ любилъ всѣ эти простые продукты. Послѣ прогулки и купанья государыня и фаворитъ кушали съ большой охотой.

Къ этому раннему завтраку въ сельскомъ уединеніи иногда являлся полковникъ Рибасъ вмѣстѣ съ воспитанникомъ своимъ, молодымъ графомъ Бобринскимъ. Послѣ же завтрака въ боскетахъ нерѣдко бывалъ концертъ.

Тамъ дожидались знаменитый импровизаторъ Corilla Olimpica и скрипачъ Надини—первые артисты Италіи, нарочито выписанные для Корсакова.

Когда государыня съ фаворитомъ и юнымъ графомъ Бобринскимъ являлись послѣ завтрака въ боскеты, дивные звуки кристальнаго голоса Кориллы и небеснаго смычка Надини оглашали садъ. Сама Екатерина мало понимала въ музыкѣ, но изъ угожденія вкусу любимца, послѣ приближенія его къ своей особѣ, стала музыкой интересоваться.

Пирръ, царь эпирскій, и самъ весьма изящно свисталъ на серебряной флейтѣ.

LXXVIII.

Мнѣніе Екатерины о магіи.

Государыня любила Рибаса за живой, чисто итальянскій умъ, ловкость, нестоимую любезность, веселость. Кромѣ того, Рибасъ называлъ себя послѣдователемъ «Эмиля» Жанъ-Жака Руссо, зналъ почти наизусть это великое произведеніе и цитировалъ изъ него педагогическія сентенціи. Онъ говорилъ, что дикое суевѣріе о первобытной преступности человѣка есть темное измышленіе жрецовъ. Изъ рукъ природы человѣкъ выходитъ прекраснымъ. Должно только предоставить свободу развитія тому мудрому плану, который скрытъ въ человѣкѣ, и воспитается прекрасный человѣкъ! Именно благодаря такимъ передовымъ взглядамъ Рибаса, онъ и снискалъ довѣріе императрицы, наконецъ поручившей ему даже и воспитаніе молодого графа Бобринскаго. Впрочемъ, Екатерина была вольтеріанка и Руссо называла сумасбродомъ. Но мысли женеваго мыслителя о воспитаніи находила все же имѣющими большую долю истины.

Осыпанный лучами лѣтняго солнца въ безоблачное утро, садъ вокругъ плѣнительнаго «лягушечника» благоухалъ безчисленными

цвѣтами роскошныхъ партеровъ. Фонтаны непрестанно увлажняли воздухъ, и легкое вѣяніе вѣтра относило радугу тончайшихъ брызгъ на листы и газоны, зажигая въ бисерныхъ капляхъ брильянтовые огни. Хоры пташекъ одушевленно щебетали. Гордо распускали великолѣпные хвосты павлины. Подъ пригоркомъ заглушенно, какъ низкіе ноты органа, гремѣли каскады, падая между нагроможденіями гранитныхъ обломковъ.

Голубоватый сумракъ лежалъ подъ опущенными вокругъ сельскаго баболовскаго дома полотнищами наружныхъ жалюзи, и золоченые прутья ихъ рамъ нестерпимо сверкали на солнцѣ.

Внутри дома, гдѣ всѣ окна были открыты, стояла пріятная, ароматная прохлада.

Государыня только что освѣжилась купаньемъ и, еще влажные, волосы ея были завязаны батистомъ.

Она сидѣла за легкой трапезой съ Корсаковымъ, веселымъ, ни на минуту не умолкавшимъ Рибасомъ и Бобринскимъ, котораго именовала «сынкомъ», онъ же равномѣрно государыню—«матушкой».

Голубые и золотые бордюры зеркальныхъ простѣнковъ радовали глазъ пріятнымъ сочетаніемъ. Тонкія колонны обступили воздушнымъ строемъ со всѣхъ сторонъ покой, гдѣ имѣлось рабочее бюро государыни и весьма немногія мебели, зато драгоценныхъ деревьевъ и художественнѣйшей работы. Сведенный куполомъ потолокъ расписанъ былъ наподобіе корзины, наполненной цвѣтами, въ которой играли и прятались прелестные амуры. Все это было исполнено столь живой кистью, что мнилось, вотъ съ потолка-корзины на государыню и ея сотрапезниковъ посыплется цвѣты и слетитъ хоръ крылатыхъ нагихъ божковъ...

За трапезой бесѣда, между прочимъ, зашла о сумасбродномъ духѣ кудесничества, который съ нѣкоторыхъ поръ объялъ почти всѣ столицы, общества и двory Европы.

— Я сему дурачеству никогда подвержена не была,—сказала государыня:—шарлатановъ терпѣть не могу, и магикамъ при дворѣ моемъ мѣста никогда не будетъ. Нѣмецкіе принцы окружены обаятелями. Орлеанскій выѣзжалъ въ полночь въ пустое поле къ перекрестку, и тамъ вѣдьмы ему пророчили. Людовикъ надѣвалъ фартукъ и былъ шесть мѣсяцевъ масономъ. Изъ королей я брата Георга за то уважаю, что хотя и толстъ, и глупъ, и пьяница, и нѣмецъ, но любитъ жирныхъ женщинъ и презираетъ духовызывателей и мистиковъ. Я сама—женщина полная,—улыбаясь прибавила государыня:—а фантастическіе туманы мнѣ очень не любезны. Я люблю голубое небо и ясное сіяніе солнечное. Къ чему мракъ и все непонятное служить? Къ шарлатанству, обману, интригамъ, подлымъ дѣламъ.

«Братцемъ Георгомъ» государыня называла англійскаго короля.

— Осмѣлюсь доложить, государыня, что мистическія тайны не всегда являются во мракѣ,—сказала Рибасъ:—хотя въ книгахъ Моисея и сказано, что Божество любитъ обитать во тьмѣ, но, въ свою очередь, апостолъ замѣчаетъ, что Богъ есть свѣтъ и въ немъ нѣтъ ни единой тьмы.

— Мы Господа Бога чтимъ со всеми подданными нелицемѣрно,—съ важностью замѣтила императрица,—по обрядамъ и уставамъ святой греко-россійской церкви. Но духовызыватели, магики и обаятели болѣе злого духа придерживаются. Исчадія тьмы суевѣрія и шарлатанствъ!

— Я къ тому осмѣлился привести изъ Писанія, что близъ Неаполя въ голубомъ гротѣ Капри имѣются свои таинства,—говорилъ Рибасъ.—Гротъ наполненъ дневнымъ сіяніемъ, прошедшимъ чрезъ воды залива, и голубыми прозрачными тѣнями. Въ игрѣ ихъ воображеніе ясновидящихъ открываетъ картины прошлаго и грядущаго. Изъ адептовъ, наставленныхъ въ таинствахъ сего грота, можно указать графа Калиостро.

— Калиостро? Ахъ, мнѣ говорили о немъ много. Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ появился въ Петербургѣ и скрывается въ погребѣхъ Ивана Перфильевича Елагина. Между прочимъ жаловался на сего цѣлителя лейбъ-медикъ Роджерсонъ. Пока я не трогаю. Пусть поживетъ.

— Графъ Калиостро снискалъ громкую извѣстность въ Европѣ,—замѣтилъ фаворитъ, кушавшій творогъ со сливками.

— Онъ исцѣлилъ подагрическую конечность Ивану Перфильевичу, матушка!—подхватилъ Бобринскій.

— Замѣчательно было отысканіе имъ столоваго серебра, пропавшаго у князя Потемкина!—дополнилъ Рибасъ.

— Итакъ, у себя за утреннимъ завтракомъ я нахожу цѣлый хоръ хвалителей сего Калиостро,—улыбаясь говорила Екатерина.—Съ нѣкоторыхъ поръ имя его постоянно въ ушахъ. Ловкій, видно, въ своемъ искусствѣ промышленникъ. Впрочемъ, если Калиостро уже представлялся ко двору цесаревича, то и мы могли бы его повидать. Цесаревичъ задалъ ему такую задачу, которую онъ не нашелся какъ выполнить.

Императрица весело разсмѣялась. Разсказъ о своеобразномъ приѣмѣ Калиостро въ Гатчинѣ и герметическомъ опытѣ съ треугольной шляпой цѣлую недѣлю занималъ дворъ.

Однако столь насмѣшливая аудіенція не уронила въ глазахъ опытныхъ придворныхъ Калиостро.

Обращеніе цесаревича Павла Петровича съ некромантомъ объяснили нежеланіемъ возбудить неудовольствіе монархини-матери; Павелъ Петровичъ скрылъ свои истинныя чувства до времени, принявъ великаго мужа вмѣстѣ съ дрессировщикомъ осла, мимоѣздомъ,

возвращаясь съ прогулки, и задалъ нарочно ему произвести опытъ съ содержимымъ треугольной шляпы.

Тонкіе интриганы съ хитрымъ видомъ намекали, что у Калиостро подлинно «дѣло въ шляпѣ».

Госпожа Ковалинская поддерживала сіе толкованіе удивительнаго приема «божественнаго» въ Гатчинѣ.

Такъ какъ на другой же день послѣ аудіенціи Калиостро пробрался въ заглохшій садъ при домѣ Бецкаго, черезъ калитку съ глухого переулка, и довѣрилъ извѣденной непогодами, безносою, безрукою, почернѣлою статуѣ, нѣкогда изображавшей Великоколѣпіе, письмо, затѣмъ благополучно и попавшее въ руки пріятеля его, Рубано, то не должно удивляться внутренней радости, съ которой полковникъ де-Рибасъ-и-Байотъ услышалъ изъ устъ самой государыни желаніе увидѣть Калиостро. Однако онъ ничѣмъ не выдалъ своихъ чувствъ. Но сталъ говорить, что Калиостро интересенъ не какъ магикъ и некромантъ, за какового его почитаютъ суевѣрцы, но какъ изумительный пресидижитаторъ. Такъ, посыпавъ столъ цвѣтными порошками, онъ прикрываетъ все скатертью, стираетъ руки и читаетъ заклинаніе. Открываютъ затѣмъ—и столъ убранъ живыми цвѣтами.

— Итакъ, Калиостро недурной фокусникъ,—сказала Екатерина.—Въ такомъ случаѣ вотъ какъ можно устроить. Ни въ Царскомъ, ни въ Зимнемъ нарочито давать аудіенцію сему герметическому графу невозможно. Но Левъ Александровичъ Нарышкинъ просилъ насъ на праздникъ на свою дачу по Петергофской дорогѣ. Тамъ, среди другихъ веселостей, можетъ быть показанъ и Калиостро. Сообщите это Льву Александровичу. Онъ весьма остроумный человекъ и сумѣетъ устроить изъ сего шутку болѣе, быть можетъ, тонкую, нежели гатчинская. Отъ той, признаться должно, нѣсколько конюшней отдастъ.

Все «гатчинское» не нравилось государынѣ, и она въ данномъ случаѣ осталась себѣ вѣрна. Но сограпезники ея, до тѣхъ поръ восхищавшіеся анекдотомъ съ Калиостро, дрессированнымъ ослонъ и треугольной шляпой,—не могли не согласиться съ замѣчаніемъ императрицы.

Гатчинская шутка цесаревича Павла Петровича была грубовата.

LXXIX.

Золотой путь.

Путь изъ Петербурга въ Петергофъ, по которому нѣкогда шествовала Екатерина во главѣ гвардейцевъ, добывая себѣ россійскую корону, былъ любимымъ дачнымъ мѣстомъ ея вельможъ. Но воздвигнутыя ими здѣсь «дачи» скорѣе достойны были наименованія загородныхъ дворцовъ, поражая изяществомъ архитектуры.

Эти дачи-дворцы съ усадьбами возвышались по обѣимъ сторонамъ широкой, гладко укатанной и посыпанной пескомъ дороги, по которой съ утра до ночи шли и ѣхали, сновали экипажи, съ шикомъ неслись четверки съ двумя лошадьми на-вылетъ и фореиторомъ, катились раззолоченныя восьмистекольныя кареты вельможъ, запряженныя конями бѣлаго цвѣта, какъ молокомъ облитыми, съ гривами и хвостами, которые падали до земли. Но ѣхали и болѣе скромныя петербургскіе обыватели; скакали верховые, курьеры, гонцы вельможъ; появлялись кавалькады всадниковъ и прекрасныхъ всадницъ; на высокихъ кабриолетахъ разѣзжали гвардейцы, имѣя рядомъ съ кучеромъ залитаго золотомъ гайдучка-гусара. Такъ какъ въ садахъ многихъ вельможъ ежедневно давались бесплатныя празднества, а на дачахъ за обѣденный столъ можно было попастьъ всякому офицеру и дворянину, то и пѣшеходами петергофская дорога никогда не оскудѣвала.

Мѣстность вокругъ петергофской дороги соединяла первобытныя красоты сѣверной природы съ ухищреніями садоводства и искусственныхъ древесныхъ насажденій.

Между отдѣльными барскими владѣніями широкія просѣки шли до самаго взморья: ихъ осѣняли старыя, вѣковыя, могучія деревья, сосны, ели, дубы, липы, клены. Между ними громоздились угрюмые, мшистые гранитные валуны. Но рядомъ извивались прихотливыя пруды съ каскадами, съ обсаженными цвѣтами склонами береговъ, разстилались изумрудныя луговины, живописныя березовыя рощицы перемежались съ цвѣтущими полянами. Далѣе являлись искусственныя возвышенія, холмы, увѣнчанныя бесѣдками, сельскими домиками, храмами аллегорическихъ божествъ. По обѣимъ сторонамъ «золотого пути» взорамъ являлись каменныя виллы, храмоподобныя, съ колоннадами и куполами дворцы, мызы съ черепичными острыми крышами, пріюты роскоши и нѣги во всевозможныхъ стиляхъ.

Эти прекрасныя зданія возникали, какъ чудесное видѣніе, и казалось, что попалъ въ какую-то невѣдомую страну, тѣмъ болѣе, что сады, парки, пейзажи то переносили въ Италію, то въ Голландію, то въ Санъ-Суси и Версаль, то въ Виндзоръ. Чудесное созданіе неизмѣримой власти и неисчерпаемыхъ богатствъ вельможнаго вѣка Сѣверной Астрей, гдѣ ты? Куда исчезло? Не осталось отъ тебя никакого слѣда.

Но въ свѣтлое августовское послѣполудня 1779 года, когда государыня съ фаворитомъ Корсаковымъ ѣхала по петергофской дорогѣ на дачу оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина, все цвѣло и красовалось вокругъ, какъ бы олицетворяя собою счастье великой монархини, по этому пути прослѣдовавшей нѣкогда къ трону.

Государыня всегда была въ особенно пріятномъ расположеніи духа, когда ѣхала по Петергофской дорогѣ. Улыбка не сходила съ

устъ ея, и голубыя очи съ какой-то сладкой задумчивостью любовались прелестными пейзажами пути.

Здѣсь у нѣкоторыхъ дачъ еще сохранились древнѣйшіе сады въ совершенномъ голландскомъ вкусѣ, нѣкогда при великомъ Петрѣ насажденные знаменитыми садовниками, оставившими секреты своего искусства русскимъ ученикамъ, затѣмъ переходившіе преемственно. Правильно разбитые, съ прямыми дорожками и аллеями, частью крытыми, съ зелеными стѣнами изъ различныхъ кустарниковъ, съ кропами деревьевъ, подстриженными въ самыхъ прихотливыхъ формахъ, съ небольшими прудами, каналами, съ насажденіями крупныхъ яркихъ цвѣтовъ, но безъ запаха,—эти сады могли доставить высокое наслажденіе гуляющему среди нихъ геометру.

Но болѣе прихотливый и свободный вкусъ предпочиталъ имъ новѣйшіе сады по англійскому расположенію, гдѣ дано было болѣе простора воображенію, прямыя линіи замѣнены пріятными излучинами, дорожки извивались въ лѣсахъ, между роцами, съ холма на холмъ, пруды и каналы изгибались, зеленѣли среди сверкающихъ водъ острова; тутъ можно было найти пріятное уединеніе, затеряться въ лабиринтѣ аллей и дорожекъ, замечаться съ томикомъ «Новой Элоизы» въ рукахъ. Свѣтлый геній свободы рѣялъ здѣсь, тогда какъ въ старо-голландскихъ садахъ, гдѣ все было искусство, правда, высокое искусство, только сковывающая симметрія преднамѣренности и порядка господствовала. Но пріятна была смѣна одного стіля садовъ—другими, въ новомъ вкусѣ. Переходъ же между ними составляли сады и парки въ стилѣ Ле-Ногра, по образцамъ Версаля. Тысячи крѣпостныхъ рукъ неумоимо и неуловимо поддерживали эти великолѣпныя произведенія садоваго искусства, превращая мѣстность по обѣимъ сторонамъ петергофскаго пути въ сплошной рай земной.

Около дачъ расположены были плодовые сады и огромныя оранжереи, сквозь стекла которыхъ глядѣли южныя и тропическія растенія.

«Золотой путь» открывался на границѣ города у такъ называемаго «выгоннаго рва», на зеленомъ берегу котораго всегда бродили гуси и овцы обывателей прилегавшей столичной окраины. Далѣе разстилался городской выгонъ съ частью обнесенныхъ изгородью заповѣдныхъ луговъ. По выгону паслись стада обывательскаго скота, и эта мирная картина сразу переносила въ сельскую идиллію. Дѣвушки и парни подгородныхъ слободокъ здѣсь, взявшись за бѣлыя руки, водили съ нѣснями плавные хороводы, и любители изъ мелкаго чиновничества съ самоварами пріѣзжали на сѣнокосъ. Сейчасъ же далѣе являлась великолѣпная усадьба графа Строганова съ англійскими садами. Далѣе, за дачей генерала Чичерина съ башнями, рвами, подъемными мостами, наподобіе мрачной средневѣковой крѣпости, находилась дача молодого вельможи и

богача, графа Скавронскаго, внучатнаго брата Петра III, мужа племянницы свѣтлѣйшаго Екатерины Васильевны Энгельгардтъ, фрейлины государыни. Съ высочайшаго разрѣшенія, фаворитъ Корсаковъ бывалъ въ домѣ Скавронскаго и златокудрой красавицы жены его. Ихъ соединяла страсть къ музыкѣ. Графъ Скавронскій проводилъ время на дачѣ своей въ обществѣ музыкантовъ и пѣвцовъ. Корсаковъ привозилъ сюда серебряную флейту, пѣвца Корилью и скрипача Надини. И музицировали лѣтнія ночи напролетъ, собирая сладостными звуками толпы слушателей и слушательницъ въ садахъ вельможи.

На седьмой верстѣ стоялъ извѣстный еще со временъ Петра Великаго «Красный кабачокъ», который славился вафлями, деревянными горами и картежной игрой съ прелестницами въ брильянтахъ, шелкахъ, кружевахъ, атласахъ и бархатахъ.

Государыня кивала благосклонно хозяину кабачка, съ низкими поклонами встрѣчавшаго и провожавшаго, стоя на крыльцѣ своего заведенія, императрицынъ экипажъ.

Въ семь кабачкѣ Екатерина отдыхала въ ночь съ 28 на 29-е іюня на походѣ къ Петергофу во главѣ гвардіи. Какъ миновали кабачокъ, то скоро и должна была показаться дача Льва Александровича Нарышкина «Левенталь» или «Га! га!»

Но прежде должно было миновать еще нѣкоторую мѣстную достопримѣчательность.

LXXX.

О тебѣ радуется!

На самую дорогу вдругъ выдвинулась деревянная усадьба, такъ что нужно было объѣзжать ея околицу и ровный, прямой, какъ стрѣла, «золотой путь», благодаря этой усадьбѣ, тутъ дѣлалъ колѣно. Усадьба была срублена изъ матерыхъ кряжей, видимо, еще старинными петровскими плотниками. Высокое крыльцо съ крытымъ переходомъ смотрѣло въ огражденный дрекольемъ палисадникъ. Самый домъ состоялъ изъ трехъ срубовъ, соединенныхъ сѣнями, чуланами, пристройками. Окна прорублены были маленькія и безъ соблюденія симметріи фасада, но украшены прихотливой рѣзьбой. Крыши, крытыя гонтомъ, сведены были кубомъ, съ балюсами, балконами, съ просторными жилыми чердаками. Главное строеніе окружали хозяйственныя постройки, огороды, фруктовый садъ,—но все отличалось простотой какого-нибудь захолустнаго угла дальней губерніи. Огромный «журавль» стоялъ надъ колодцемъ. Въ палисадникѣ передъ домомъ не было ни дорожекъ, ни клумбъ, не замѣчилось тамъ слѣдовъ руки садовника. Росла густая трава, цвѣли давно посаженные и безъ ухода растущіе простые цвѣты, круглились кусты сирени и бузины. Вся усадьба

посреди роскошныхъ загородныхъ дачъ-дворцовъ, парковъ, садовъ, на дорогѣ, гдѣ постоянно катились модные экипажи, казалась особенно старосвѣтской, какимъ-то пережиткомъ давнихъ лѣтъ. Всякій дивился, проходя и проѣзжая мимо, какъ это она сюда попала, да еще заставляетъ всѣхъ передъ нею сворачивать и объѣзжать ее!..

Государыня, едва завидѣла старинное жилье, размѣялась и приказала ѣхать потихоньку.

Быль уже седьмой часъ въ началѣ; и хотя солнце склонилось къ западу, но до заката было еще далеко. Тѣмъ не менѣе всѣ обитатели диковинной усадьбы ужинали въ палисадникѣ, обѣвъ большой деревянный столъ, покрытый домотканной скатертью. Въ глиняныхъ плошкахъ дымились суточные щи и горы каши; стояли кувшины съ квасомъ; передъ каждымъ—коврига рѣшетнаго хлѣба и деревянная ложка, которой въ очередь и черпаль, кто щи, а кто кашу, какъ обѣдаютъ добрые русскіе мужички въ артельной.

Всѣ сидѣли на простыхъ деревянныхъ лавкахъ, кромѣ хозяина, для котораго имѣлось кресло, весьма обстоятельно обитое рогожей.

Хозяинъ былъ маленькій, сухой старичокъ въ старинномъ елизаветинскомъ бригадирскомъ мундирѣ, съ черной повязкой на пронизанномъ вражьей пулей голомъ черепѣ, съ крючкомъ вмѣсто лѣвой руки. Передъ нимъ на блюдечкѣ стояла серебряная чарка съ водкой.

На другомъ концѣ стола сидѣла старушка, жена бригадира. Кругомъ размѣстились нѣсколько сыновей съ женами и дочерей съ мужьями, при нихъ были и внуки родоначальника; кромѣ того, трапезовали бѣдные родственники и родственницы, такъ что всего около щей и каши тѣснилось душъ тридцать.

Едва карета государыни поровнялась съ оградой изъ дреколя, старинный бригадиръ поднялся изъ рогожныхъ своихъ кресель, высоко воздвигъ серебряную чарку и такимъ точно голосомъ, какимъ кричатъ командиры на приступѣ непріятельской крѣпости, возгласилъ:

— Здоровье государыни императрицы и самодержицы всероссійскія Екатерины Вторыя, матери отечества премилосердныя! Вивать!

— Вивать! Вивать! Вивать!—поднявшись вслѣдъ за родоначальникомъ, столъ же одушевленно закричало все семейство.

Затѣмъ всѣ они разинули широко рты и самымъ дикимъ и нестройнымъ разногласіемъ, что было силъ, запѣли:

— О тебѣ ра-а-а-дуется, Бла-а-а-агодатная, всякая тва-а-а-рь!

Многочисленные четвероногія, тутъ же вертѣвшіяся въ ожиданіи подачки, присоединили свои задушевные собачьи голоса къ этому странному молитвословію. Едва пѣвцы дошли до словъ: «Изъ тебя младенецъ бысть»,—старый бригадиръ махнулъ рукой, и всѣ за

молкли. Послѣ неистоваго пѣнія тишина показалась особенно глубокой и отрадной.

Но бригадиръ вновь воздвигъ не допитую чару и провозгласилъ вторую здравицу:

— Здоровье наслѣдника цесаревича Павла Петровича, надежды отечества предрагоцѣнныя! Вивать!

— Вивать! Вивать! Вивать!—закричали члены семейства и вновь, разинувъ рты, затанули:

— О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь! Сла-ва Те-бѣ! Сла-а-ава Тебѣ! Сла-а-а-ава Теббб-ѣ-ѣ-ѣ!

Далеко по окрестности разносились звуки моленія бригадирова семейства.

Государыня, внимая чудакамъ, такъ расхохоталась, что принуждена была утереть платкомъ слезы, выступившія на глазахъ ея.

Она хорошо знала, что, прѣвѣвши и кашу послѣ моленія и зашивъ трапезу добрымъ квасомъ, все многочисленнѣйшее бригадирово поколѣніе отправится на сонъ грядущій въ свои срубы изъ столѣтнихъ кряжей, несмотря на то, что именно въ этотъ послѣдній часъ передъ закатомъ петергофская дорога особенно оживлялась, и на всѣхъ дачахъ начинала жизнь бить ключомъ. Чудаки спали въ усадьбѣ своей, закупоривъ всѣ окна ставнями, чтобы подняться въ три часа утра и приняться за разныя занятія, преимущественно состоявшія въ гоняніи длинными шестами голубей-турмановъ и въ разныхъ невинныхъ играхъ: въ горѣлки, палки, свайку и т. п.

«Пирръ, царь эфирскій», однако, выразилъ негодованіе, что столь щегольское дачное мѣсто портить, не на мѣстѣ и стоящая, безобразная усадьба съ орущими дикарями. Развѣ нельзя было бы предложить старику бригадиру куда-нибудь отсюда выселиться?

Но государыня не согласилась съ фаворитомъ.

— Эти безвредные чудачки съ усадьбой никому не мѣшаютъ и свѣта солнечнаго никому не заслоняютъ! А я то знаю, что хотя нестройно, но отъ чистаго сердца за меня здравицы возглашаютъ и молятся Царицѣ Небесной! Для чего же ихъ трогать и обижать? Живи и жить давай другимъ.

LXXXI.

Окольная дорожка.

Вдали показалась дача оберъ-штальмейстера Льва Александровича Нарышкина—«Левенталь».

Она отдѣлена была парками отъ петергофской дороги.

У фигурныхъ металлическихъ воротъ съ гранитными колоннами, на вершинѣ которыхъ львы держали фонари, стоялъ самъ хозяинъ въ сопровожденіи дворецкаго и толпы скороходовъ.

Государыня, въѣхавъ въ ворота, приказала остановиться. Она пожелала пройти пѣшкомъ боковыми дорожками къ дачѣ, какъ обычно любила, прѣзжая въ Левенталь. Послѣ дороги пріятно было пройтись и размять утомленные сидѣніемъ члены.

Левъ Александровичъ поспѣшилъ лично отворить дверцу кареты и помочь государынѣ выйти.

Екатерина ласково поздоровалась съ нимъ, подала ему ручку для поцѣлуя. Она любила его за неистощимую веселость и остроуміе. Вышелъ и Пирръ, царь эфирскій. Карета и за нею въѣхавшіе экипажи съ кортежемъ императрицы двинулись по главной, прямой аллеѣ къ дачѣ, предшествуемые и сопровождаемые скороходами въ крылатыхъ шапочкахъ и съ кадудеями въ рукахъ.

Екатерина затѣмъ изволила шествовать пѣшкомъ по вьющейся среди деревъ и кустовъ пріятной дорожкѣ. Тамъ по сторонамъ ея открывались лужки, холмики, мелькали бесѣдки, статуи, мостики на прихотливо извивающихся ручьяхъ. Потомъ начался болѣе глухой паркъ, и деревья стали тѣсниться къ дорожкѣ.

Въ пріятныхъ, острыхъ шуткахъ съ Львомъ Александровичемъ государыня незамѣтно углублялась въ чаши парка; казалось, дорожка все дальше отводила высокую гостью отъ дачи, гдѣ предстояло въ честь ея семейное торжество.

— Послушай, Левъ Александровичъ!—сказала Екатерина:— куда ты изволишь меня вести? Знаешь ли самъ расположеніе своихъ парковъ?

— Подлинно, государыня-матушка,—съ встревоженной миной отвѣчалъ Нарышкинъ:— не вышло ли грѣха? Можетъ быть, не въ ту сторону свернуть.

— Если такъ, то не возвратиться ли уже назадъ?—сказалъ Корсаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по сторонамъ дорожки высились теперь сѣдые кряжистые великаны, ели и сосны: между ними лежалъ неубранный валежникъ и буреломъ; на полянахъ—кочки и тростникъ свидѣтельствовали о болотѣ:

— Куда же это вы меня завели, почтеннѣйшій arlequin-né!--говорила Екатерина, не измѣняя, однако, царственному добродушію.

Послѣднее наименованіе государыня часто давала Льву Александровичу за неистощимые остроты и каламбуры, составлявшіе какъ бы главное его занятіе.

Вдругъ лѣсъ раздѣлился. Открылась живописная мѣстность. Прямо среди цвѣтниковъ видѣлся хорошенькій домикъ съ открытыми окнами и дверями. Въ немъ стояли столъ, кресла. На столѣ были фрукты въ серебряныхъ вазахъ, прохладительные напитки въ кувшинахъ.

«Прирожденный арлекинъ», Левъ Александровичъ остался вѣренъ жившему въ немъ демону всевозможныхъ выходовъ и остроумныхъ неожиданностей.

— Изволите вступить, государыня-матушка,—говорилъ онъ,—въ сей пріятный домикъ, отвѣдать фрукты и отдохнуть. Путь же, нами пройденный, есть символъ.

— Но чего?—улыбаясь милостиво, говорила Екатерина, вступая въ домикъ.

— Дикая его часть означаетъ въ томъ видѣ Россію, въ какомъ до золотыхъ дней правленія вашего она была. Сей же домикъ ничего не означаетъ, кромѣ того, что въ немъ пріятно отдохнуть можно.

— Вѣчныя чудачества! — говорила государыня. Отвѣдавъ фруктовъ и прохладительныхъ напитковъ, она пожелала ознакомиться и съ дальнѣйшими затѣями Левенталя. Теперь шли среди смѣющейся долины, гдѣ зеленые газоны пестрѣли разнообразными цвѣтами. Государыня вдругъ услышала пастушью свирѣль. Слѣдуя на гармоничные ея звуки, подошла къ холму, покрытому кустами, осыпанными розами. На верху холма стояла хижина, крытая соломой. По склону холма разсыпалось стадо, пастухи и пастушки рвали цвѣты; то были дѣвцы и молодые люди лучшихъ фамилій.

Двѣ пастушки—Филлида и Лиза,—въ соотвѣтствовавшихъ ихъ именамъ костюмахъ, съ посохами, увитыми цвѣтами, спѣшили сойти на доль и произнести привѣтствіе великой монархинѣ въ прекрасныхъ французскихъ стихахъ.

То были дочери хозяина—Наталья и Екатерина Нарышкины.

Государыня дала милостиво облобызать прелестнымъ пастушкамъ руку и сама поцѣловала ихъ въ уста, подобныя розовымъ почкамъ.

— Кончилось ли наше скитаніе, Левъ Александровичъ?—спросила затѣмъ Екатерина хозяина.

Онъ обратилъ вниманіе монархини, что въ просѣнъ между двумя березовыми рошицами видна его дача. Пройти осталось совсѣмъ немного. Но если ея величество еще не утомлены, можно было бы посѣтить пустыню въ китайскомъ вкусѣ, гдѣ обитаетъ нѣкій пустыножитель, магикъ и предсказатель.

LXXXII.

Царица и кудесникъ.

Государыня сказала, что хотя всегда сторонилась отъ магиковъ, но Льву Александровичу отказать не можетъ. Надо посмотрѣть все, что есть на дачѣ его примѣчательнаго. Итакъ, дорожкой, которая извивалась берегомъ быстрого ручейка пошли въ китайскую

пустыню. Она была устроена при самомъ взморьѣ. Ограда изъ тесанаго мрамора ослѣпительной бѣлизны окружала это мѣсто. Въ воротахъ лежали драконы съ разинутыми пастьми. Со стороны взморья въ оградѣ были продѣланы широкія амбразуры. Сквозь нихъ голубѣло водное лоно залива. Вьющіяся розы разныхъ оттѣнковъ обрамляли амбразуры. На огражденномъ пространствѣ китайской пустыни устроены были прихотливый садъ. Узкія дорожки, посыпанныя цвѣтными песками, разбѣгались между клумбами, то напоминавшими формою своей дельфина, то знаки зодіаки, то рыбъ, то чудовищъ. Подборъ цвѣтовъ, которыми засажены были клумбы, давалъ художественный рельефъ затѣйливымъ фигурамъ. Тамъ и сямъ насажены были плантаціи и рощицы карликовыхъ деревьевъ, прямо привезенныхъ изъ Китая, или раскидывала прихотливое кружево вѣтокъ китайская сосна. Посреди пустыни высилась легкая, изъ полированного дерева пагода; семь крышъ съ загнутыми краями, украшенными драконами, поднимались одна надъ другой. По карнизу крышъ повѣшены были колокольчики. При вѣяніи свѣжаго вѣтерка со взморья они мелодично перезванивали.

— Вотъ прекрасная выдумка!— сказала государыня.— Миѣ твоя китайская пустынька, Левъ Александровичъ, очень, очень нравится!

— Осчастливленъ удовольствіемъ вашимъ, царица-матушка!— отвѣчалъ Нарышкинъ.

Тутъ изъ пагоды вышелъ средняго роста толстенкій китаецъ. На головѣ его высилась остроконечная шапка со стеклянными шариками высокой степени. Тѣло облекалъ расшитый яркими шелками халатъ. Онъ прижималъ руки въ широкихъ рукавахъ къ груди и низко кланялся царицѣ.

— Это и есть твой кудесникъ?—спросила Екатерина.

— Онъ самый, государыня-матушка. Это презанимательный кудесникъ. Онъ лѣпитъ изъ глины шарики и превращаетъ ихъ въ перлы на вашихъ глазахъ. Онъ можетъ простую паклю передѣлывать въ шелкъ. Самъ я этого не видалъ. Но другіе рассказываютъ за досто-вѣрное.

— Терпѣть я шарлатановъ не могу, любезный мой Нарышкинъ,— сказала очень холодно Екатерина.— Но по нѣкоторымъ причинамъ государственной важности съ симъ рѣшила потолковать. Итакъ, пойду въ пагоду къ твоему китайцу. А ты съ господиномъ Корсаковымъ и милыми твоими красавицами-дочками, которыя лучшія въ садахъ твоихъ розы, вокругъ погуляйте.

Сказавъ эти исполненные милостивыхъ чувствъ и снисходительности слова, Екатерина вступила въ пагоду, на семи крышахъ которой отъ сильнаго порыва вѣтра всѣ колокольчики зазвонили причудливую симфонію.

Китаецъ поклонился еще разъ почти до земли могущественнѣйшей сѣверной монархинѣ. Екатерина съ легкой улыбкой, порхавшей

около усть ея, голубыми очами своими въ единое мгновеніе окинула его съ погъ до головы и, милостиво кивнувъ величавой головою, сказала:

— Вы—графъ Александръ де-Калиостро? Не правда ли? Полковникъ испанской службы?

Калиостро въ образѣ китайца устремилъ въ высокія области темныя итальянскіе глаза и отвѣчалъ на грубомъ южномъ французскомъ языкѣ своемъ:

— Ваше величество не ошибаетесь. Я подлинно тотъ, котораго называютъ Калиостро.

— Но вы извѣстны также и подъ именемъ графа Феникса?

— Иногда меня и такъ называютъ.

— Очень хорошо. Но докторъ Роджерсонъ жаловался, что вы, не имѣя ученаго диплома, занимались въ столицѣ пашей леченіемъ и тогда прозывались Фридрихомъ Гвальдо. Какое же имя ваше настоящее.

— Великая монархиня!—торжественно сказалъ магикъ.—Истинное имя мое одно—Человѣкъ. Въ семь званіи исшелъ я изъ рукъ Великаго Стронтеля вселенной. Изъ лучшаго небеснаго ээира образовалъ онъ формы сердца моего, отпечатлѣлъ въ немъ, какъ въ нѣкоей книгѣ, глаголы истины и послалъ вѣщать правду царямъ и пастухамъ.

— Очень хорошо, господинъ Человѣкъ!—склоняя долу голубыя очи, сказала императрица.—Но въ имперіи нашей лучшее есть наименованіе. Состоящіе въ подданствѣ нашемъ и въ повиновеніи у господъ именуются «души». Тѣмъ не менѣе въ имперіи всякій имѣть долженъ определенное собственное имя и на него особый документъ.

— Какъ, великая мыслительница, на благо своихъ народовъ начертавшая мудрый «Наказъ», требуетъ у меня документа на человѣческія права и званіе? Не образъ ли божества на мнѣ? Не дышу ли я тѣмъ же воздухомъ, что и ваше величество? Не женская ли утроба въ девять мѣсяцевъ образовала изъ земного праха и меня и васъ? Вы—монархиня седьмой части свѣта. Но и я—монархъ той свободной области духа, гдѣ нѣтъ ни заставъ, ни шлагбаумовъ, гдѣ духъ сообщается съ духомъ свободно, и узнаютъ они другъ друга безъ труда, и свободно переносятся съ одной планеты на другую. Подлинно величественна власть ваша, монархиня! Но въ области духа велика моя!

— А, такъ вы—монархъ области духовъ! Очень рада познакомиться съ вашимъ величествомъ.

Государыня при семь слегка присѣла.

«Монархъ области духовъ» самымъ величественнымъ поклономъ отвѣчалъ императрицѣ.

— Бѣдная я вдова!—продолжала Екатерина.—Не знала, что столь великая августѣйшая особа пребываетъ въ предѣлахъ моей имперіи, и не озаботилась воздать ей подобающія почести.

— О, государыня,—проникновенно сказала Калиостро.—Какія почести можно воздать человѣку или духу? Отъ самого Творца духовъ и всякой плоти почтенъ онъ и осыпанъ безчисленными дарами. Дана ему воля свободная и свободная совѣсть. Данъ разумъ и высокая способность рѣчи. Дано алканіе истины и безсмертная душа. Но ежели, о справедливая царица, желаете подлинно воздать должную почесть человѣку въ земляхъ вашихъ, уничтожьте тлетворное подчиненіе одного человѣка другому, во всемъ ему подобному, истребите рабовладѣніе!

— Я совѣтъ вашъ весьма къ сердцу принимаю,—отвѣчала императрица.—Впрочемъ, въ предѣлахъ имперіи уничтожила я званіе раба. Токмо въ попеченіи находятся крестьяне у господъ своихъ, и, повѣрьте, многіе живутъ не скудно. Но теперь не о томъ у насъ рѣчь. Вы наименовали себя монархомъ области духовъ. Такъ любопытна я знать, какова власть сихъ воздушныхъ монарховъ и на что она простирается?

— Какъ адептъ сокровеннѣйшихъ знаній, могу даже воскресить мертваго,—важно сказалъ Калиостро.

— Совершенно обратно намъ, земнымъ монархамъ. Мы воскресить умершаго не можемъ, но зато дана намъ власть живыхъ управлять въ царство мертвыхъ.

При сихъ словахъ лицо императрицы выразило столь грозное величіе, что магикъ на мгновеніе потерялся, поблѣднѣлъ и затрепеталъ.

Но онъ сейчасъ же овладѣлъ собой и нашелся.

— Всему свѣту, однако, извѣстно, что ваше величество всеми силами оберегаетесь часто пользоваться сею властью!—съ лъстивой улыбкой сказалъ онъ.

— Да, кромѣ немногихъ злодѣевъ, казнь въ имперіи нашей, благодареніе Бога, совершенно не примѣнялась въ наше царствованіе. Но скажите, почтенный монархъ духовъ, какими еще прерогативами надѣлены вы?

— Обладая тайной превращенія металловъ, могу простой свинецъ превратить въ высокопробное золото,—отвѣчала Калиостро.

— Свинецъ въ золото? Только-то? Но я, бѣдная російская императрица, могу простую бумагу въ золото превратить. Для сего только нужно изобразить мой портретъ. Подданные мои такъ меня любятъ, что охотно въ торгахъ берутъ такую бумагу въ означенной на ней цѣнѣ.

— Подлинно, въ семь власть вашего величества огромна! Но повелители духа часто самихъ земныхъ монарховъ на престолъ возводятъ. Вотъ, на примѣръ, графъ де-Сенъ-Жерменъ,—продолжалъ Калиостро, и глаза его, вынырнувъ изъ-подъ бровей, помышью забѣгали. —Я отъ него слышалъ о многихъ услугахъ, оказанныхъ имъ одной принцессѣ въ достиженіи трона. Сей перстень на рукѣ моей ручень мнѣ имъ.

Едва Калиостро произнесъ эти слова, лицо Екатерины поблѣднѣло и застыло, какъ гипсовая маска. Но сейчасъ же совершилось чудесное въ немъ преображеніе. Съ самой милостивой, оборотистой улыбкой государыня сказала магику:

— Весьма довольна знакомствомъ съ вами, графъ. Бесѣда съ вами столь же пріятна, сколь и поучительна. Но хозяинъ сей дачи меня ожидаетъ. Не имѣю времени съ вами еще оставаться. Но въ скорости пришлю вамъ моего хорошаго пріятели, Степана Ивановича. Черезъ него я о васъ буду полныя свѣдѣнія имѣть. Прощайте!—милостиво кивнувъ головою, императрица вышла изъ пагоды, между тѣмъ какъ несказанно обрадованный счастливымъ оборотомъ бесѣды итальянецъ, ошастливленный представившейся возможностью всегда чрезъ довѣренное, близкое къ російской императрицѣ лицо съ нею сноситься, провожалъ ее пренизкими реверансами.

LXXXIII.

Степанъ Ивановичъ.

Государыня вышла изъ пагоды улыбающаяся. Левъ Александровичъ видѣлъ, что магикъ имѣлъ счастье снискать благосклонность великой монархини.

Въ самомъ дѣлѣ, изволила государыня справляться, гдѣ живетъ графъ Калиостро.

Левъ Александровичъ сообщилъ, что свѣтлѣйшій князь Потемкинъ помѣстилъ магика и жену его въ одномъ изъ своихъ петербургскихъ домовъ, и что слухъ прошелъ, будто свѣтлѣйшій отъ прелестей Калиостерши сильно растрепанъ. Сіе весьма, видимо, заинтересовало императрицу.

Она продолжала спрашивать о всемъ, что только было извѣстно Нарышкину о приключеніяхъ Калиостро въ ея столицѣ, о различныхъ цѣленіяхъ и чудесахъ, имъ показанныхъ.

— Изъ интереса вашего, государыня-матушка, къ сему кудеснику,—замѣтилъ Нарышкинъ,—должно ли думать, что Калиостро предъ вашимъ величествомъ отличился?

— И весьма,—сказала государыня, и просила вести ее на дачу.

Когда императрица, Корсаковъ, Нарышкинъ и его дочери прослѣдовали живописной дорожкой между смѣющимися березовыми молодыми рощами къ храмоподобному лѣтнему дому съ колоннадами, портиками, свѣтлomu и веселому, соотвѣтственно живому и сверкающему юморомъ характеру обитавшаго въ немъ вельможи, Калиостро, совершенно довольный свиданіемъ съ монархиней и не сомнѣваясь въ благопріятномъ впечатлѣніи, на нее произведенномъ, самъ вышелъ изъ китайской пустыни и прошелъ въ сосѣдній съ нею павильонъ, чтобы тамъ снять китайское одѣяніе и облечься въ обыкновенное платье.

Войдя въ навильонъ, увидѣлъ онъ тамъ госпожу Ковалинскую.

Она бросилась къ нему въ крайнемъ возбужденіи и нетерпѣніи узнать, каково было свиданіе «божественнаго» съ премудрой сѣверной Семирамидой.

— Скажите скорѣе, очарована ли государыня?—умоляла она. Каліостро самодовольно улыбнулся.

— Долженъ признать,—сказалъ онъ:—что успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Бесѣда наша продолжалась добрыхъ полчаса; императрица говорила со мною, какъ съ равнымъ.

— О, эта великая душа сейчасъ же почувала другую великую душу!—восторженно вскричала Ковалинская.—Геній позналъ генія! Но о чемъ, скажите, вы говорили съ царицей?

— Я преподавалъ ей нѣкоторыя великія истины,—съ важностью отвѣчалъ магикъ.—Я открылъ ей величественныя тайны царства духовъ. Монархиня преклонилась предъ высшей властью адептовъ. Она постигла, что власть земныхъ царей не можетъ сравниться съ тою, которую даетъ адепту посвященіе въ божественныя откровенія магіи.

— Ужели государыня согласна быть посвященной въ магію?

— Нѣтъ, еще до сего предѣла наша бесѣда не достигла. Я только говорилъ ей о необходимости прекратить унижающее человѣческое достоинство въ Россіи рабовладѣніе.

— Божественный! Не напрасно ли вы съ этимъ поспѣшили?—сказала Ковалинская.—Пожалуй, государыня сообщитъ о семъ своимъ вельможамъ, и тѣ васъ возненавидятъ. Вѣдь «души»—главное основаніе ихъ богатствъ.

— Императрица выслушала меня благосклонно. Вельможи миѣ не страшны, разъ я снискалъ благоволеніе ихъ повелительницы.

— Они найдутъ тысячи способовъ вамъ повредить, разъ дѣло идетъ о главномъ интересѣ ихъ корыстолюбія. Но что еще говорили вы государынѣ?

— Весьма многое и многообразное. Довольно сказать, что еще двѣ или три такихъ бесѣды, и я не сомнѣваюсь, что императрица согласится принять званіе гротмейстерины великаго египетскаго масонства для странъ, ей подвластныхъ. Тогда можно будетъ подлинно сказать,—улыбаясь при воспоминаніи о приѣмѣ, оказанномъ ему въ Гатчинѣ, говорилъ магикъ,—тогда подлинно сказать будетъ можно, что наше дѣло въ шляпѣ... Но какая разница между принцемъ Полемъ и великою его матерью! Въ то время, какъ принцъ Поль принимаетъ меня вмѣстѣ съ какимъ-то ослинымъ дрессировщикомъ, подобно фокуснику или продавцу элексировъ, причѣмъ издѣвается надо мною, дѣлая непристойное предложеніе весьма грубовато и совсѣмъ неостроумно,—великая монархиня со мной бесѣдуетъ, какъ съ равнымъ, совершенно понимаетъ величіе духовнаго осѣненія, надо мною почившаго, и готова проникнуться моими

наставленіями! Любезнѣйшая сестра и духовная дщерь моя!—продолжалъ Калиостро, понижая голосъ.—Не доказываетъ ли пріемъ, оказанный мнѣ въ Гатчинѣ, справедливость слуховъ о неуравновѣшенности натуры принца Поля, о наклонности его къ странностямъ, о нѣкоторомъ разстройствѣ воображенія сего принца?

— Я уже говорила вамъ, отецъ мой и братъ души моей, что не должно судить по наружности. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ преданъ магіи, духовызыванію и тайнымъ знаніямъ. Итакъ, пріемъ, вамъ оказанный, можетъ быть, только тактическая хитрость въ отношеніи императрицы-матери. Цесаревичъ не зналъ, какъ посмотрѣть державная его родительница на сближеніе съ вами, и совершенно скрылъ истинное расположеніе къ вамъ чудаческой выходкой.

— Хотѣлъ бы въ это вѣрить! Хотѣлъ бы въ это вѣрить! Но теперь должно намъ усилить старанія. Необходимо подготовить все къ тому великому часу, когда повелительница милліоновъ, російская самодержица возложитъ на себя священные знаки посвященія.

— О, множество обоего пола знатныхъ особъ при дворѣ и свѣтѣ расположены вступить въ союзъ. И какъ только узнаютъ, что гротмейстериною сама императрица, послѣдуетъ наполнить новыя ложи. Конечно, тогда и малый дворъ присоединится къ намъ, и вы перемѣните невыгодное мнѣніе о цесаревичѣ, прекрасное сердце котораго, благородный характеръ, возвышенный умъ и широкія познанія лишь прикрыты темнымъ облакомъ меланхоліи, чудачества и нѣкоторыхъ странностей. Но скажите, *caro padre*, можетъ быть, государыня вамъ назначила часы пріема въ Царскомъ Селѣ?

— О, нѣтъ, свиданія наши будутъ обставлены нѣсколько иначе.

— Иначе? Такъ, вѣрно, государыня желаетъ васъ видѣть на «большихъ эрмитажахъ», какъ называются собранія у нея послѣ спектакля?

— Нѣтъ, о такихъ собраніяхъ не было рѣчи.

— О, такъ вы приглашены на «малые эрмитажи», въ тѣснѣйшій кружокъ близкихъ императрицѣ особъ?

— Нѣтъ, императрица сказала мнѣ, что въ скорости пришлетъ особое довѣренное лицо, добраго своего пріятели, какъ она выразилась. Черезъ это лицо, очевидно, и установятся наши общенія.

До сихъ поръ Ковалинская слушала Калиостро съ возрастающимъ восторгомъ. Но когда сказалъ онъ о довѣренномъ лицѣ, недоумѣніе и испугъ выразились въ черныхъ очахъ плѣнительной месмеріанки.

— Что вы говорите? О какомъ «доброемъ пріятелѣ» сказала вамъ государыня? Она назвала это лицо?

— Да, назвала. Какъ это? Такое трудное русское имя!..—вспоминалъ некромантъ.—Да! Да! Stepan... Stepan Ivanovitz!—выговорилъ наконецъ Калиостро.

— Степанъ Ивановичъ!—всплеснувъ руками и смертельно поблѣднѣвъ, вскричала Ковалинская.—Степанъ Ивановичъ! Императрица обѣщала прислать къ вамъ Степана Ивановича?

— Да!—отвѣчалъ Калиостро, самъ встревоженный и недоумѣвающий при видѣ испуга духовной дочери.—Императрица обѣщалась прислать ко мнѣ это довѣренное свое лицо съ тою цѣлью, конечно, чтобы установить способъ общенія между нами.

Ковалинская нѣкоторое время не могла, видимо, выговорить ни слова. Широко открытые глаза ея выражали стихійный ужасъ. Самыя губы совершенно поблѣзли.

Поблѣднѣлъ и магикъ. Онъ начиналъ понимать, что ошибся въ расположеніи къ себѣ императрицы и что лицо, которое она обѣщала прислать къ нему, совсѣмъ не изъ тѣхъ, появленіе которыхъ можетъ обрадовать.

Онъ ожидалъ, что Ковалинская разъяснитъ ему все. Но та, придя въ себя, со страхомъ оглядывалась, какъ бы съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться, что никто рѣшительно не видалъ ея бесѣды въ павильонѣ съ магикомъ. Затѣмъ быстрымъ движеніемъ закутавъ голову шалью, она проговорила дрожащимъ, смущеннымъ, прерывающимся голосомъ:

— Извините, господинъ Калиостро! Я должна спѣшить... Я не могу долѣе оставаться съ вами... И вообще наше знакомство должно прекратиться... совсѣмъ прекратиться... Безъ разрѣшенія властей собранія магическія происходятъ не могутъ... И вообще... Прощайте, господинъ Калиостро! Желаю вамъ счастливаго пути!

И госпожа Ковалинская скользнула мимо пораженнаго совершенно магика, выбѣжала изъ павильона и пропала въ ближайшей аллеѣ¹⁾.

LXXXIV.

Новые успѣхи.

Разошедшійся слухъ о томъ, что графъ Калиостро былъ удостоенъ высочайшей бесѣды *incognito* въ китайской пустышѣ на дачѣ оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина «Левенталь», вновь и на высочайшую степень возвелъ вниманіе двора и свѣта къ заграничному магику.

Если странный пріемъ въ Гатчинѣ тонкими политиками объясненъ былъ въ столь благопріятномъ смыслѣ для Калиостро, то свиданіе съ государыней не оставляло сомнѣнія въ успѣхѣхъ и случаѣ графа.

Когда бросились справляться къ Нарышкину, то онъ объяснилъ, что свиданіе съ государыней устроено было у него прежде всего

¹⁾ Степанъ Ивановичъ Шешковскій завѣдывалъ при Екатеринѣ секретными дѣлами и розысками «тайной». Одно имя его рождало смертный ужасъ.

потому, что сама изволила начертать такой порядокъ. А что за Калиостро хлопотали многіе предъ ея величествомъ; между прочимъ молодой графъ Бобринскій, присутствуя на завтракахъ въ баболовскомъ «Лягушечникѣ», благопріятствовалъ магику.

Что государыня осталась имъ довольна, не можетъ быть сомнѣнія. Она вышла изъ китайской пустыни съ улыбающимся лицомъ и хвалила остроуміе и ловкость Калиостро. Съ особенной благоклонностью отзывалась она объ одномъ opus'ѣ герметиста съ плоскимъ волшебнымъ кольцомъ. Впрочемъ, въ чемъ состояли дѣйствія съ симъ кольцомъ, не изъяснила. Молва, подхвативъ рассказъ Нарышкина, понесла его по городу изъ устъ въ уста, при чемъ онъ сталъ дополняться, унащаться подробностями, передѣлываться, и скоро уже въ точности сообщали, что говорила императрица и какъ отвѣчалъ магикъ и чѣмъ подтвердилъ свое искусство.

Что касается кольца, то рассказывали, будто бы государыня сняла съ руки брилліантовый перстень и забросила его въ воды залива, предложивъ магику достать.

Магикъ сталъ читать заклинанія, и вдругъ появился коршунъ; въ клювъ онъ держалъ рыбу, которую уронилъ къ ногамъ императрицы. Перстень оказался у рыбы подъ жаброй...

Рассказывали и многое другое. Передъ домомъ магика и супруги его ежедневно былъ съѣздъ каретъ. Особенно добивались свиданія съ Серафимой Калиостро дамы не первой юности, такъ какъ молва о продаваемой ею чудесной молодильной мази гремѣла по городу.

Супруга Калиостро принимала только по вечерамъ. Тайнственно покровенная переливчатымъ газомъ, она восхищала дамъ красотою, въ то же время утверждая, что ей болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, что она дочь египетскаго фараона Псаметиха и чарами магіи перевоплощается каждыя пятьдесятъ лѣтъ.

Вновь золотой дождь пролился на достойную чету. Лишь нѣкоторые замѣтили полное охлажденіе супруги правителя дѣль свѣтлѣйшаго Ковалинской къ графу Калиостро, котораго она раньше неустанно славилла, именуя «божественнымъ». Теперь госпожа Ковалинская болѣе не слѣдовала за графомъ неотступной тѣнью.

Она, правда, не говорила ничего дурного о Калиостро и не выражала разочарованія въ немъ. Но зато отзывалась теперь о магіи, духовызываніи, герметическомъ искусствѣ и тайнахъ оккультизма, какъ о богопротивномъ и непозволительномъ чародѣйствѣ. Она говорила, что это ей объяснилъ духовный наставникъ воспитанницъ римско-католическаго исповѣданія въ Смольномъ. Госпожа Ковалинская заявляла, что тайны христіанской религіи совершенно достаточны для жаждущей истины души, чтобы предаваться еще темной некромантикѣ. Госпожа Ковалинская постоянно ѣздилла теперь въ Смольный и въ помѣщеніи начальницы де-Лафонъ вшивала высокія наставленія аббата. Одновременно положительные

разошлись слухи, что «малый дворъ» отвернулся отъ Калиостро. Могло ли быть иначе, разъ Калиостро снискалъ благосклонность «большого двора»? Гатчинѣ свойственно было во всемъ поступать наоборотъ.

Если госпожа Ковалинская около Калиостро болѣе не появлялась, зато изъ приближенныхъ князя Потемкина его адъютантъ полковникъ Бауеръ и домашній докторъ постоянно являлись въ домъ, отведенный свѣтлѣйшимъ герметической четѣ. Бауеръ преимущественно находился при Серафимѣ. Домашній докторъ внималъ наставленіямъ самого Калиостро.

Новая молва прогремѣла. Болящій младенецъ князя Сергѣя Теодоровича Голицына и племянницы свѣтлѣйшаго Варвары Васильевны, прозываемой отъ дяди «Улыбочкой», отъ котораго отказались доктора «профанской» медицины, былъ чудесно излеченъ графомъ Калиостро.

Вскорѣ послѣ празднества на Елагиномъ островѣ Калиостро извѣстилъ Голицыныхъ, что они могутъ прибыть для свиданія съ выздоравливающимъ княжичемъ. Когда «Улыбочка» и князь Сергѣй Теодоровичъ прибыли, докторъ высокой герметической медицины сказалъ, что первое свиданіе должно длиться лишь три минуты, такъ какъ дитя до крайности слабо и долгое присутствіе хотя бы и рѣдителей, но пришедшихъ изъ міра, зараженнаго страстями и темными флюидами зла, можетъ открыть къ младенцу путь для втеченія враждебныхъ духовъ, съ такими трудами отогнанныхъ магикомъ.

Поэтому родители могли лишь издали въ сумрачной комнатѣ видѣть спящее дитя свое, очевидно, выздоравливающее, ибо на щекахъ его играла слабая краска, и оно во снѣ дышало ровно и покойно...

Убѣдясь, что княжичъ-первенецъ подлинно спасенъ и, можно сказать, вырванъ магикомъ изъ самыхъ челюстей смерти, князь и княгиня не помнили себя отъ восторга и не знали, какъ отблагодарить Калиостро.

— Любезный графъ,—сказалъ князь Сергѣй Теодоровичъ, выходя съ «Улыбочкой» вслѣдъ за Калиостро изъ спальни выздоравливающаго первенца своего:—какъ могу достойно васъ отблагодарить? Здѣсь тысяча имперіаловъ,—продолжалъ князь, указывая на шкатулку, которую держалъ обѣими руками за серебряные ушки прибывшій съ княземъ его секретарь.—Примите сей ничтожный, самъ по себѣ, даръ отъ искренняго почитателя вашего и, можно сказать, вами облагодѣтельствованнаго!

— Никогда, князь,—отвѣчалъ величественно Калиостро, отстраняя подносимую секретаремъ шкатулку,—никогда я не приму отъ васъ сихъ червонцевъ. Золото для меня то же, что уличная грязь. Я лечу безвозмездно, изъ одного только челоуѣколюбія. Итакъ,

возьмите съ собою сію шкатулку. Вѣрьте и не сомнѣвайтесь, что сынъ вашъ скоро будетъ совершенно здоровъ. Одно прошу—не ищите часто посѣщать ребенка. Всякій взглядъ, напитанный мірскимъ вожделѣніемъ, можетъ причинить ему вредъ и замедлить выздоровленіе, или, точнѣе, второе его, чрезъ меня и священную магію, рожденіе. Ибо подлинно можно сказать, что въ немъ ничего стараго не осталось, но все новое.

На этомъ Каліостро разстался съ Голицыными, которые сейчасъ же поѣхали по всему городу, прославляя дивное искусство и благородное безкорыстіе графа Каліостро. Вѣсть о новомъ чудесномъ исцѣленіи болящаго княжича разнеслась по Петербургу. Имя графа Феникса, подъ каковымъ онъ послѣднее время у всѣхъ былъ на языкѣ, потому что сама государыня его такъ въ бесѣдѣ съ испанскимъ посланникомъ Нормандецемъ назвала, выражая, что вотъ какой замѣчательный человекъ состоитъ полковникомъ въ войскахъ его величества, короля обѣихъ Кастилій, — имя графа Феникса гремѣло, и больные, изъ числа самыхъ знатныхъ и богатыхъ обывателей столицы, съ застарѣлыми подаграми, гемороями, ревматизмами, стекались въ пріемные часы Каліостро.

Если не полное исцѣленіе, то почти совершенное облегченіе получили многіе. По крайней мѣрѣ на пріемѣ видѣли почтенныхъ старичковъ съ костылькомъ, съ ногой въ бархатной ботинкѣ, по видимому, изъ купечества или средняго чиновнаго класса, которые съ жаромъ прославляли Каліостро и рассказывали о страшныхъ страданіяхъ, которыя облегчены безмезднымъ врачомъ, послѣ того, какъ «профанскіе» доктора истожили ихъ карманы и ничего не помогли. Безкорыстіе Каліостро всѣхъ поражало. Но какъ въ кабинетѣ его стоялъ родъ гроба на ножкахъ, внутри обитаго чернымъ бархатомъ, то стали опускать туда крупныя суммы въ пакетахъ съ надписью: «На благотвореніе». Тогда скоро къ лицамъ, опустившимъ эти суммы, стали являться съ выраженіемъ благодарности вдовы, инвалиды, сироты, различные несчастливцы, получившіе эти суммы изъ гробового ящика Каліостро. Такъ высокія нравственныя качества магика уяснялись для всѣхъ наглядно и несомнительно.

Нѣкоторое время Каліостро смущалъ разрывъ съ нимъ духовной его дочери госпожи Ковалинской. Всѣ попытки хотя бы къ свиданію и объясненію ни къ чему не вели. Каліостро писалъ письма. Отвѣта не было. Рѣшился онъ разспросить домашняго доктора Потемкина, теперь усердно отправлявшаго на пріемахъ больныхъ у магика роль его помощника, что за лицо назвала государыня въ заключеніе бесѣды съ нимъ. Докторъ совершенно отвергъ возможность, чтобы государыня наименовала Степана Ивановича.

Какъ иностранецъ, Каліостро не запомнилъ труднаго для него русскаго имени и отчества. Конечно, назвать былъ государыней

не Степанъ Ивановичъ, а Иванъ Степановичъ или Иванушка, племянникъ Перекусихиной, въ званіи оберъ-шута ея величества. Онъ, какъ и прочіе чины старыхъ штатовъ придворныхъ первыхъ и вторыхъ шотовъ, не отправлялъ своей должности и не носилъ костюмерин, ихъ званію присвоенной, такъ какъ Екатерина не любила этихъ старинныхъ забавниковъ двора Елизаветы и Анны. Они напоминали ей тяжелые дни, и ей непріятно было видѣть оскорбленіе чловѣческаго достоинства шотовствомъ. Но, какъ сказано, штаты и званія остались, и чрезъ сихъ лицъ, особенно чрезъ Ивана Степановича, можно многое было при дворѣ дѣлать. Конечно, выборъ Ивана Степановича въ качествѣ посредника былъ нѣсколько оскорбителенъ для высокаго герметическаго достоинства графа Калиостро и Великаго Кофты Запада и Востока. Но придворная жизнь и этикетъ ея имѣютъ свои предрасудки. Итакъ, не удивительно, если некромантъ-магикъ по правиламъ этикета приравнивается званію оберъ-шута.

Во всякомъ случаѣ Калиостро на сей счетъ совершенно успокоился и счелъ разрывъ съ нимъ госпожи Ковалинской несчастнымъ недоразумѣніемъ, а въ благосклонности къ нему російской императрицы болѣе не сомнѣвался и терпѣливо ждалъ посѣщенія «добраго пріятеля».

LXXXV.

Возвращенное дитя.

Исцѣленный княжичъ оставался у Калиостро еще болѣе мѣсяца.

Свиданія съ нимъ родителей становились все чаще и продолжительнѣе. Уже происходили они при яркомъ дневномъ свѣтѣ, а не въ сумрачномъ, занавѣшенномъ покоѣ, какъ сперва. Княжичъ, веселый и здоровый, игралъ въ кроваткѣ на глазахъ восхищенныхъ родителей. Часто тоже капризничалъ, плакалъ и кричалъ. Но магикъ говорилъ, что это признакъ выздоровленія. Наконецъ Калиостро дозволилъ имъ брать на руки ребенка. Въстѣ съ родителями допускались теперь няня и мамушка, на попеченіе которыхъ долженъ былъ перейти княжичъ по возвращеніи въ домъ родителей. Няня была новая. Но мамушка—одна изъ тѣхъ, что находились при немъ еще въ Озеркахъ. За это время князь Сергѣй Θεодоровичъ пытался еще разъ убѣдить Калиостро принять отъ него шкатулку съ имперіалами. Сумма теперь была повышена до трехъ тысячъ. Калиостро остался твердъ и непреклоненъ. Онъ не взялъ шкатулки.

Въ послѣднихъ числахъ сентября мѣсяца онъ объявилъ, что княжичъ совершенно здоровъ, родители могутъ его взять къ себѣ. Онъ назначилъ день переѣзда.

Едва ли была минута болѣе полного торжества магика за всѣ девять мѣсяцевъ пребыванія его въ російской столицѣ.

Въ свѣтлое раннее сентябрьское утро къ дому Калиостро прибыли три кареты съ гербами князя Потемкина и прислугой въ его голубой съ серебромъ ливреѣ. Князь со всѣмъ дворомъ своимъ къ этому времени уже переселился въ Петербургъ, въ занимаемый имъ дворецъ.

Въ одной изъ каретъ помѣщалась «Улыбочка» съ супругомъ, въ другой—мамушка и нянька съ подушками и гардеробомъ для княжича, въ третьей—домашній врачъ Потемкина и докторъ Массотъ. Они должны были осмотрѣть выздоровѣвшаго младенца и составить особый актъ о семъ истинно чудесномъ исцѣленіи средствами герметической медицины.

Разошедшіяся слухи и появленіе каретъ собрали многочисленныхъ любопытныхъ со всего околотка.

Отпуская исцѣленного княжича, Калиостро напутствовалъ торжественной рѣчью. Онъ совѣтовалъ родителямъ смотрѣть на него, какъ на орудіе въ рукахъ Промыслителя и Зиждителя вселенной и всѣхъ тварей, и Всевысочайшему Дивному Строителю жизни нести благодарность смиренныхъ сердець. Безъ воли Вышней не могло произойти сего исцѣленія или, точнѣе сказать, второго рожденія дитяти, коему предстоитъ славное поприще благодѣтеля челоувѣчества. Всевышній Строитель обновилъ всѣ ткани и составы младенца, такъ что, подлинно можно сказать, въ немъ ничего стараго не осталось, но все новое.

Торжественность минуты нѣсколько испортилъ самъ исцѣленный младенецъ, который вдругъ не пожелалъ итти на руки ни нянюшки, ни мамушки, ни родителей, кричалъ, брыкался, ревѣлъ, съ такою неистовою силой и злобой, словно протестовалъ противъ предполагаемой добродѣтельной роли въ жизни, какъ благодѣтеля челоувѣчества. Крикъ и плачь княжича продолжался все время, пока его несли въ карету, да не смолкъ и тамъ.

Впрочемъ, это обстоятельство только утвердило всѣхъ въ убѣжденіи, что силы княжичу совершенно возвратились.

— Здоровый младенецъ,—объяснялъ Калиостро,—рождаясь въ сію плачевную юдоль, всегда кричитъ и плачетъ! Я сказалъ, что отдалъ вамъ младенца новаго, дважды рожденнаго! Не удивляйтесь, что онъ кричитъ и плачетъ. Онъ оторванъ отъ райскаго порога, на которомъ уже стоялъ, и вновь возвращенъ въ прахъ земной! Онъ уже зрѣлъ свѣтоносные сады блаженныхъ, слухъ его внималъ дивнымъ пѣснямъ надзвѣздныхъ духовъ, уста вкушали чистѣйшій эфиръ, и вдругъ онъ вновь ниспалъ и очнулся въ плотскихъ узахъ! Какъ же ему не плакать?

Возвышенная рѣчь, видъ глубокаго безкорыстія и благотворенія, необычайность сзвершенія исцѣленія младенца, котораго при зналъ безнадежнымъ самъ лейбъ-медикъ Роджерсонъ, все исполнло князя и княгиню такимъ благоговѣніемъ къ магику, что онъ

поцѣловаль правую его руку, она же лѣвую. Великій герметистъ, Кофта и жрецъ совершеннаго египетскаго масонства благословили тогда склоненную передъ нимъ чету россійскихъ князей Гедиминовой крови обѣими, сверкавшими брильянтами перстней благостными дланями.

Кареты наконецъ отѣхали.

Но секретарь князя, уходя послѣ всѣхъ, незамѣтно для Калиостро оставилъ шкатулку съ пятью тысячами имперіаловъ. «Благодѣтелю для благодарній» значилось на приложенномъ листкѣ.

LXXXVI.

Мамкино сомнѣніе.

И въ домѣ родителей княжичъ проявлялъ тотъ же буйный, злой и капризный характеръ. Невозможно было бы, по правдѣ сказать, найти болѣе непріятнаго младенца. Что онъ совершенно здоровъ, очевидно было изъ упитанности его маленькаго тѣльца, превосходнаго аппетита и прочихъ отправленияхъ. Но очевидно, если принять толкованіе магика, онъ задался цѣлью протестовать противъ возвращенія съ порога обители блаженства въ темную и грѣховную земную юдоль. Мамушка и нянюшка не знали покоя съ нимъ ни днемъ, ни ночью. Сами родители скоро въ тайнѣ стали находить, что сынъ ихъ—самое неуживчивое существо. Такъ въ сказкѣ мужъ, отдавшій половину состоянія за излеченіе нѣмой жены, когда она заговорила, готовъ былъ отдать другую половину, лишь бы возвратить ее въ прежнее состояніе.

— А вѣдь какой былъ тихій да кроткій!—говаривала мамушка.

Княгиня возражала, что тихимъ и кроткимъ его дѣлала болѣзнь. Но чѣмъ дальше, тѣмъ мамушка все чаще вспоминала княжича, какимъ былъ онъ до пользованія чародѣемъ. При этомъ она качала головой съ страннымъ выраженіемъ.

Наконецъ однажды она сказала:

— Княгиня-мамушка, не прогнѣвайтесь на глупое мое разсужденіе, что я вамъ хочу сказать!

— Говори, мама, не бойся!—отвѣчала княгиня.

Онѣ сидѣли ночью въ дѣтской у постельки княжича, который только что кончилъ бѣсноваться и заснулъ.

— Изъ головы у меня нейдетъ, что колдунъ-то этотъ тальянскій говорилъ про княжича!

— Онъ не колдунъ, мама, но цѣлитель и безмездный врачъ!—возразила княгиня.

— Все такъ. Да вѣдь басурманъ и не нашей Христовой вѣры, а въ родѣ жида.

— Оставь объ этомъ, мама. Ты понять тутъ не можешь ничего.

— Матушка княгиня, слова его я отлично хорошо запомнила и поняла. Вѣдь онъ о княжичѣ сказалъ, что въ немъ ничего стараго не осталось, но все новое.

— Ну, что же изъ этого?—блѣднѣя, спросила княгиня.

— Подлинно ничего стараго въ княжичѣ нѣтъ, ни благородства, ни вѣжества, а другое дитя, какъ будто, простите, государыня, не княжескихъ кровей, а самыхъ простыхъ!

— Ну! ну!—взволнованно поощряла маму княгиня.

— Да, самыхъ простыхъ. А ужъ мы вашу породу отлично знаемъ. И скажу я вамъ, государыня-княгиня, хоть вы меня бейте, хоть вы убейте, хоть въ землю живую закопайте, а не то дитя у моихъ грудей лежало, пока въ руки къ проклятому тальянскому колдуну не попало. Не то! Видить Богъ, не то!

— Какъ же это, мама? Что ты хочешь сказать?

— Государыня, вамъ младенца подмѣнили. Это не княжичъ,—рѣшительно объявила мамка, указывая на спящее дитя.

— Ты съ ума сошла, глупая!—сказала княгиня, вся затрепетавъ.—Что ты плетешь? Какъ это можетъ быть? Ужели я свое дитя не узнаю?

— Какъ вамъ его узнать, государыня, коли вы его только родили, а не кормили, не целовали, по недѣлямъ и въ глаза не видали. Я знаю. Я кормила. Не то дитя, не то.

— Это все вздоръ и плетешь пустое. Это не можетъ быть. Молчи и не смѣй больше этого говорить,—приказала княгиня, разсерженная указаніемъ няньки на небрежное отношеніе ея къ материнскимъ обязанностямъ, общее въ томъ вѣкъ всѣмъ свѣтскимъ женщинамъ, обремененнымъ выѣздами и приѣмами.

— Какъ вашей княжеской милости будетъ угодно, а мы холопы ваши и что видимъ, должны доложить,—сказала мама упрямо и замолчала.

LXXXVII.

Родимыя примѣты.

Мамка замолчала. Но зерно сомнѣнія, заброшенное ею въ душу княгини, не могло остаться безъ ростка. Княгиня постоянно возвращалась къ вопросу: подлинно ли первенецъ ея лежитъ въ колыбели предъ нею, или чужое дитя, лишь схожее съ княжичемъ? Ужасная мысль! Теперь вдругъ подумала она о томъ, что, казалось бы, равьше должно было сообразить. Что Калиостро иностранецъ, совершенно неизвѣстный никому, даже имя его въ точности не извѣстно. Кто? Откуда? И сему-то неизвѣстному она съ княземъ на продолжительное время довѣрила совершенно свое дитя! Поздно

спохватилась княгиня, но тѣмъ острѣе были одолѣвавшія ее сомнѣнія. Если капризный ребенокъ въ колыбели не ея сынъ, то гдѣ же княжичъ? Тутъ въ златокудрой головкѣ прелестной «Улыбочки» завихрѣлось столько ужасныхъ мыслей, что она не нашла силъ сама съ ними справиться и отчаянно стала звать мужа:

— Князь! Князь Сергѣй Федоровичъ!

Перетревоженный ея воплями князь поспѣшно вошелъ на зовъ, вопросительно поднимая на лобъ брови.

Тутъ «Улыбочка» въ волненіи стала спрашивать: знаетъ ли онъ доподлинно, кто такое Калиостро? И честный ли онъ человѣкъ? И можно ли было ему довѣриться?

Эти вопросы удивили князя.

Весьма сбивчиво онъ отвѣчалъ княгинѣ, что графъ Калиостро, или Фениксъ, рекомендованъ высокими особами въ Европѣ; что сомнѣнія, возникавшія о немъ, всѣ разсѣялись; что государыня изволила съ нимъ бесѣдовать и осталась довольна; что наконецъ исцѣленіе ихъ первенца ясно доказываетъ... Тутъ княгиня еще болѣе безпорядочно, со слезами и криками выразила обуревавшія ея сердце сомнѣнія въ подлинности возвращеннаго имъ ребенка.

Князь растерялся еще болѣе, нежели княгиня, такъ что даже нѣкоторое время не могъ произнести слова.

— Какъ не нашъ? Чье же это дитя, если не наше? И возможно ли, чтобы графъ Калиостро, прославленный во всей Европѣ благотвореніями и здѣсь исцѣляющій ежедневно столь многихъ...

— Пусть онъ исцѣляетъ весь міръ, но гдѣ мое дитя? Гдѣ мой сынъ? Гдѣ мой первенецъ?—воскликнула княгиня.

— Но почему же, милая, ты полагаешь, что дитя, намъ возвращенное, не наше? И какъ бы осмѣлился Калиостро? И куда бы онъ дѣлъ наше сына? Это—невѣроятно. Это—сновидѣнію подобно.

— Невѣроятно! Подобно сновидѣнію! Но съ того времени, какъ этотъ ужасный Калиостро вмѣшался въ нашу жизнь, все стало похоже на бредъ, явь съ сновидѣніемъ перемѣшалась и невозможное стало возможнымъ! Онъ—чародѣй и жена его—чародѣйка. И такимъ людямъ мы довѣрили свое дитя! Я говорила, я всѣми силами этому противилась, но ты не послушалъ меня, князь, настоялъ, и наше дитя погибло! Да! да! Погибло!

«Улыбочка» растворилась въ слезахъ. Князь до того перепугался, что весь дрожалъ.

— Конечно, мы доподлинно не знаемъ...—бормоталъ онъ.—Но почему возникли у тебя сомнѣнія, что ребенокъ подмѣненъ?

— Почему? По всему. Развѣ это то милое, тихое, кроткое дитя? Это злой, капризный, упрямый, несносный бѣсенокъ! И развѣ это княжеское дитя? Гдѣ въ немъ порода и кровь? И мамка говорить, что подмѣненъ...

— А, мамка! Такъ это все мамка тебѣ наговорила, а ты и повѣрила?—сказаль князь, обрадованный выходу изъ затрудненія.—Слушай больше, она наскажеть еще и не того! А всѣ маленькія дѣти пренесносные крикуны.

— Нѣтъ, я и сама давно подозрѣвала,—вскричала княгиня.—Я первая замѣтила. Еще когда Калиостро сказаль, что возвращаетъ намъ дитя, въ которомъ нѣтъ ничего стараго, все новое, во мнѣ сомнѣніе зашевелилось! Я! Я первая замѣтила! Но и мамка. А она кормила княжича.

Тутъ и князя поразили приведенныя княгиною слова магика. Онъ въ первый разъ задумался надъ ихъ страннымъ, двойственнымъ смысломъ, и увѣренность его сразу поколебалась. Онъ вновь и окончательно перепугался и кинулся смотрѣть спящаго въ дѣтской младенца. Но видъ его не сказаль ему ровно ничего. Младенецъ былъ бѣлобрысъ, толстъ и похожъ на всѣхъ младенцевъ, еще являя собою примитивное, едва намѣченное въ расплывчивыхъ контурахъ созданіе. Такъ называемый «голосъ крови» тоже не сказаль ему ровно ничего.

Князь выманилъ мамку изъ спальни и поставилъ ее на допросъ.

Но, уже разъ оборванная за откровенность, самолюбивая мамка теперь стала говорить на двое и весьма неопредѣленно, только повторяя, что воля барская была отдать княжича тальянскому колдуну, а ея дѣло рабское и она доложить обязана, а, впрочемъ, знать доподлинно не можетъ.

— А если кто доподлинно можетъ знать, то ли дитя возвратилъ чародѣй, или не то, это двѣ старыя княжичевы няни, которыя въ Озеркахъ остались. Онѣ княжича перепеленывали, а ей только къ грудямъ подавали. Онѣ всѣ княжичевы родимые знаки доподлинно вѣдаютъ.

Князь несказанно обрадовался этому выходу изъ тьмы недоразумѣній. Въ самомъ дѣлѣ, по родимымъ примѣтамъ, няни въ точности могутъ опредѣлить, княжичъ или не княжичъ возвращенъ магиномъ?

— Но если не княжичъ?—спросила княгиня. И оба похолодѣли отъ ужаса.

Что если Калиостро—низкій шарлатанъ и промышленникъ? Что если ихъ дитя умерло, и Калиостро подмѣнилъ его какимъ-либо подходящимъ по складу тѣла, цвѣту волосъ и чертамъ лица? Ужасна эта мысль и невыносима!

— Скорѣе! Скорѣе! Люди!—закричалъ князь,—послать въ Озерки съ нарочнымъ за двумя княжевыми нянями! Привезти ихъ сюда единымъ духомъ!

Приказаніе князя было немедленно исполнено. Но часы ожиданія нянь протекли для родителей княжича въ непрестанныхъ тер-

заніяхъ. Сомнѣнія ихъ то совершенно обуревали, то смѣнялись надеждою. Они десять разъ осматривали ребенка, который на это отвѣчалъ злобнымъ ревомъ.

Наконецъ подъ вечеръ няни прибыли. Онѣ упали въ ноги князю и княгинѣ, причитая, что день и ночь плакали и молились о здравіи дорогого княжича и что не чаяли уже и увидѣть его, а вотъ привела Царица Небесная!

— Ахъ, радости! Ахъ, голубчикъ нашъ здоровехонекъ сталъ! Ахъ! Ахъ!—воскликали старухи, которыя были подлинно очень стары и нѣсколько потому придурковаты.

Князь и княгиня не открыли имъ сомнѣнія насчетъ подлинности младенца, но спросили сначала, вѣдаютъ ли и помнятъ ли онѣ родимые знаки на тѣлѣ княжича?

— А какъ же, князюшко, какъ же! Всѣ вѣдаемъ! Всѣ помнимъ!—въ одинъ голосъ отвѣчали нянюшки.

— А ну, скажите!—приказалъ князь.

— На груди быдто горошинка, на лѣвой ножкѣ луночка, на правомъ локоткѣ бородавочка!—сказала одна няня.

— И что ты, Устиновна!—возразила другая.—Развѣ жъ это княжичевы примѣты? Луночка на ножкѣ еще у дѣдушки княжича была. А горошинка на груди—у самого вонъ князя. Бородавочка на правомъ локоткѣ—подлинно есть, но главная примѣта—пятно между лопатокъ да пятно пониже спинки.

Разойдись столь положительно, старухи заспорили, но сколько ни перекорялись, толку вышло мало. Сами наконецъ залутались въ воспоминаніяхъ родимыхъ примѣтъ нѣсколькихъ поколѣній вынчанченныхъ ими князей Голицыныхъ.

Родители велѣли имъ осмотрѣть дитя. Но оказалось, что тѣло ребенка изобиловало столь многими и столь разнообразно помѣщенными родимыми пятнами, что подъ нихъ подходили примѣты, указанныя обѣими нянями, и примѣты ряда представителей фамиліи. И няни, и родители совершенно потерялись и не могли найти толку. Загадочное дитя какъ будто задалось цѣлью мучить ихъ сомнѣніями, не приводя ни къ какому опредѣленному рѣшенію.

Обезкураженные, князь и княгиня вышли изъ дѣтской и въ сентябрьскихъ сумеркахъ сидѣли въ гостиной, наполненной умиращающимися отсвѣтами заката и окнами выходившей на Неву. Такое теплое «бабье лѣто» стояло, что окно было открыто и съ Невы доносилось складное пѣніе гребцовъ. Князь и княгиня оба молчали, утомленные и опечаленные. Вдругъ вошелъ камердинеръ и почти-тельно доложилъ, что явился челоуѣкъ графа Каліостро.

— Челоуѣкъ графа Каліостро!—сказалъ обрадованный князь.—Веди его, веди сюда!

Камердинеръ удалился. А князь сказалъ:

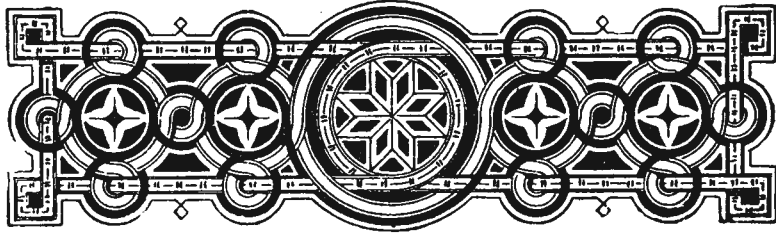
— Весьма кстати прислалъ Калиостро своего челоѡка. Я съ нимъ поговорю по сердцу и увѣренъ, что полажу. Если я отдалъ за исцѣленіе княжича пять тысячъ имперіаловъ магику, то не пожалѣю и десяти тысячъ, лишь бы узнать истину о возвращенномъ имъ младенцѣ и обличить сего злодѣя, если онъ подлинно таковъ!

Тутъ камердинеръ ввелъ въ гостиную слугу Калиостро и по знаку князя самъ удалился.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО ¹⁾.

(Тетушка Вѣра Николасвна Воейкова).

ВЪ ГОЛОВУ лѣзуть грустныя мысли, въ памяти воскресаютъ картины одна мрачнѣе и безотраднѣе другой, проходятъ вереницей сцены болѣзни и смерти маменьки, отчаянне отца, страхъ потерять и его, предчувствіе долгихъ дней печали и траура подъ гнетомъ чуждой воли, властной, требовательности безъ ласки и любви, подчиненія безъ уваженія и безъ увѣренности въ правѣ повелѣвать и строить нашу жизнь по-своему... Весь домъ ее ненавидитъ, эту «замѣстительницу» матери и хозяйки въ домѣ, папенька больше всѣхъ, люди терпѣть ее не могутъ, бабушка поссорилась съ папенькой изъ-за нея и больше у насъ не бываетъ. Насъ возятъ къ бабушкѣ по воскресеньямъ нослѣ обѣдни, на полчаса; она насъ демонстративно ласкаетъ съ глубокими вздохами, прикладывая платокъ къ глазамъ и флаконъ съ гофманскими каплями къ носу. Какъ при насъ ни сдерживаются, но мы присутствуемъ при тяжелой сценѣ язвительныхъ намековъ со стороны бабушки и притворнаго равнодушія папеньки... Мы чувствуемъ, что стоитъ намъ только выйти изъ гостиной, чтобы поднялась шумное объясненіе, со слезами, съ истерикой, послѣ котораго папенька нѣсколько дней мраченъ и мучительно озабоченъ. Онъ не любитъ бабушку, но она мать обо-

¹⁾ Настоящая рукопись была передана намъ лично покойной писательницей Н. П. Мердеръ еще при ея жизни, въ 1995 году. Случайныя обстоятельства задержали печатаніе этихъ воспоминаній до сего времени.

жаемой его жены, унесшей съ собою въ могилу счастье всей его жизни, и порывать отношеній съ ея родными онъ не хочетъ. Бабушка ненавидитъ нашу Анну Родіоновну и настойчиво требуетъ ея удаленія изъ дома, но у пашеньки были причины ей въ этомъ отказать... Эти причины я узнала только много лѣтъ спустя,—въ то время у родителей было не въ обычаѣ объяснять дѣтямъ причину своихъ дѣйствій,—и мы продолжали жить подъ ненавистнымъ гнетомъ, не зная: почему его съ насъ не снимутъ, когда, повидимому, это было такъ легко сдѣлать? Взять другую гувернантку, да и все тутъ... Это и весь городъ думалъ, не мы одни, и я читала этотъ вопросъ въ глазахъ всѣхъ навѣщавшихъ насъ дамъ и въ обидномъ состраданіи, просвѣчивавшемъ въ каждомъ ихъ словѣ сквозъ обычную привѣтливость и ласковые разспросы о нашемъ житьѣ-бытьѣ сиротами, безъ матери. Очень это было обидно и досадно.

Оторванный отъ среды, въ которой онъ росъ и воспитывался, отецъ мой къ саратовскому обществу, въ которое на цѣлыхъ двадцать семь лѣтъ закинула его судьба, не привился и, кромѣ нѣсколькихъ друзей изъ прежнихъ товарищей по военной службѣ, найденныхъ здѣсь случайно, старика Костіевского, Андрея Гавриловича, Граббе, Петра Христофоровича, полковника въ отставкѣ Энгельмана и еще трехъ-четырехъ изъ пріятелей, пріобрѣтенныхъ въ Петербургѣ и въ Варшавѣ, гдѣ революція 30-хъ годовъ застала его при штабѣ великаго князя, у него въ Саратовѣ близкихъ не было. Къ здѣшнему обществу онъ относился съ предубѣжденіемъ и недоувѣрчиво, какъ къ людямъ, не имѣвшимъ съ нимъ ничего общаго ни въ мысляхъ, ни въ чувствахъ.

Взявъ жену изъ этого общества, одной изъ представительницъ котораго являлась ея мать, Надежда Христіановна (по первому мужу Григоровичъ, а по второму Молчанова, саратовская помѣщица и мать шести дочерей, вышедшихъ замужъ за здѣшнихъ помѣщиковъ), онъ вскорѣ доказалъ своей тещѣ, что, сдѣлавшись мужемъ ея дочери, навсегда останется чужимъ для всей ея семьи. Маменька должна была покориться мужу въ полномъ смыслѣ этого слова и совсѣмъ оторваться отъ своей родни, къ которой она, впрочемъ, и не очень тяготѣла душой, а когда мужъ повезъ ее въ Петербургъ и познакомилъ со своими родственниками, она поняла, какъ нельзя лучше, его страстное желаніе перевоспитать ее на свой ладъ. Вернулась она въ Саратовъ восхищенная всѣмъ, что видѣла и слышала въ новой средѣ, и съ твердымъ желаніемъ сдѣлаться достойной ласковаго вниманія пашенькиныхъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, Львовыхъ, съ ихъ семьями; но особенно глубокое впечатлѣніе сдѣлала на нее Вѣра Николаевна Воейкова, къ которой мужъ возилъ ее въ деревню Тамбовской губерніи Ольшанку.

По расскажемъ маменьки, по тому, какъ любилъ и уважалъ ее пашенька, никогда не называвшій ее иначе, какъ сестрицей, я давно

была знакома съ Вѣрой Николаевной и, не взирая на застѣнчивость и понятный страхъ показаться такой важной дамѣ пеловкой провинціалкой, личное съ нею знакомство представлялось мнѣ большимъ счастьемъ, и я всей душой расположена была къ ней привязаться, но то, что я въ ней нашла, превзошло все мои ожиданія. Такой сердечной доброты, заботливости, ласковаго вниманія и простоты, при блестящемъ образованіи, широкомъ умѣ и благородствѣ чувствъ и мыслей, я даже и представить себѣ не могла. Не только аристократическаго чванства, но и сознанія своего превосходства надъ окружающимъ ее людомъ не было въ ней ни единой капли. Впослѣдствіи мнѣ случилось ее видѣть въ Москвѣ, принимающей важныхъ барынь, близкихъ ко двору, съ которыми она обходилась точно такъ же, какъ съ мелкопомѣстными сосѣдками въ Ольшанкѣ. Разговоры только были другіе.

Родныхъ со стороны дѣда, Василія Карповича Свѣчина, отца папеньки, мы не знали. Гвардейскимъ офицеромъ и богатымъ помѣщикомъ Тверской губерніи дѣдъ женился на Елизаветѣ Александровнѣ Львовой, сестрѣ близкаго ко двору талантливаго Николая Александровича.

Изъ семейныхъ преданій и изъ разсказовъ тетушки Вѣры Николаевны я знаю, что дѣдъ мой способствовалъ тайному браку Николая Александровича на дѣвицѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, родной сестрѣ Дарьи Алексѣевны, второй жены Гавриила Романовича Державина.

Этотъ тайный бракъ въ царствованіе Екатерины II сопровождался довольно оригинальными подробностями. Дьяковы не считали Львова выгоднымъ женихомъ, потому что онъ не былъ богатъ, а служебное его положеніе казалось имъ не довольно еще твердо установившимся. Между тѣмъ императрица къ нему благоволила и ему было обѣщано мѣсто при испанскомъ посольствѣ, благодаря которому онъ надѣялся быстро выдвинуться по службѣ. Но уѣзжать такъ далеко и такъ надолго, оставляя въ Россіи страстно любимую дѣвушку, ничѣмъ, кромѣ взаимной любви, съ нимъ не связанную, было такъ тяжело, что они рѣшили обвѣнчаться. Близкіе люди, въ томъ числѣ Свѣчинъ, женатый на сестрѣ жениха, согласились имъ помочь. Невѣста отпросилась въ гости къ сестрѣ своей Державиной, и во время пути въ карету ея вскочилъ Свѣчинъ, который приказалъ кучеру ѣхать къ той маленькой церкви, которая теперь уже не существуетъ и гдѣ ждали ихъ женихъ съ друзьями.

Отъ вѣнца невѣсту привезли домой и она не видѣла своего мужа до возвращенія его изъ Испаніи, нѣсколько лѣтъ спустя. Но она съ нимъ переписывалась, и переписку эту я читала, восхищаясь чистотою и благородствомъ чувствъ этихъ своеобразныхъ супруговъ. Тайна долго не открывалась, и не родители, а первая узнала ее императрица, которой Марья Алексѣевна должна была пови-

ниться, когда государыня стала допрашивать ее: почему она отказываетъ всѣмъ сватающимся за нее женихамъ?

Говорятъ, что признаніе замужней дѣвушки чрезвычайно заинтересовало императрицу и что она настойчиво допрашивала ее о подробностяхъ вѣнчанія и о томъ, что было послѣ...

Львовъ былъ вызванъ въ Петербургъ, за супруговъ ходатайствовала передъ родителями сама императрица, и романъ кончился благополучно во всѣхъ отношеніяхъ.

Дѣдушка Василій Карповичъ Свѣчинъ былъ человѣкъ нехозяйственный и нерасчетливый, большой хлѣбосоль, затѣйникъ дорогихъ развлеченій во вкусѣ тогдашняго времени и далеко не примѣрный мужъ. Бабушка была съ нимъ несчастна. Старики и старухи, которыхъ мы застали въ живыхъ въ родовомъ нашемъ имѣніи Торжковскаго уѣзда Смердовѣ (нѣкогда богатомъ селѣ въ нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ и такъ быстро растаявшемъ въ рукахъ дѣда, что отъ него остался только клочокъ земли съ флигелемъ да запущенный уголокъ нѣкогда роскошнаго парка), старики эти намъ рассказывали про горькую жизнь молодой барыни Елизаветы Александровны, какъ она забивалась на полати въ дѣтской, на антресоляхъ, чтобы не встрѣчаться съ веселымъ обществомъ мужа. Не довольствуясь кутежами съ такими же, какъ и самъ онъ, беззаботными пріятелями, пріѣзжавшими къ нему охотиться за дичью и за хорошенькими новоторжками издалека, онъ завелъ себѣ цѣлый гаремъ продажныхъ красавицъ, на которыхъ просаживалъ свое состояніе. Его несчастная жена, не перестававшая, ни на что не смотря, любить невѣрнаго мужа, не въ силахъ была выдержать нравственную муку, которой ее подвергали, и скончалась, когда третьему ея сыну, нашему отцу, было лѣтъ пять. Второму его брату, Егору, было лѣтъ шесть, а старшему, Василю,—семь. Вскорѣ за женой послѣдовалъ и мужъ. Дѣти остались круглыми сиротами и были призрѣны родственниками, Львовыми и Державинымъ, у котораго уже воспитывались другія сироты, дѣти родной сестры его жены, Дарьи Алексѣевны, Марьи Алексѣевны Львовой. Но въ то время, какъ дѣти Свѣчины, благодаря отцу ихъ, разорались, состояніе Львовыхъ, благодаря правильной жизни Николая Александровича и его хозяйственнымъ способностямъ, а, можетъ быть, также и помощи со стороны Дьяковыхъ, увеличивалось, такъ что большая часть земель нашего Смердова послужила къ округленію имѣнія Никольскаго, Николая Александровича Львова, тоже въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Круглые сироты и разоренные малолѣтніе Свѣчины, Егоръ, Василій и Иванъ, нашли пріютъ и родственное попеченіе у родственниковъ съ материнской стороны, Львовыхъ. Ни малѣйшаго слѣда участія къ нимъ не встрѣчаемъ мы со стороны родныхъ ихъ отца, Свѣчиныхъ. Въ чемъ искать причину этого явленія, въ духовномъ ли складѣ обѣихъ

семей, или въ другихъ какихъ-нибудь обстоятельствахъ,—сказать не могу, знаю только, что другихъ родныхъ, кромѣ Львовыхъ, нашъ отецъ не зналъ и растили насъ въ чувствахъ любви и благодарности въ Львовымъ, а въ особенности къ дѣтямъ брата нашей бабушки, Николая Александровича, женатаго на дочери Николая Семеновича Мордвинова: Леонида Николаевича, женатаго на Козляпиновой, Лизаветы Николаевны, замужемъ за Оедоромъ Петровичемъ Львовымъ, Вѣры Николаевны—за Воейковымъ, и Прасковьи Николаевны—за Бороздинымъ. На дочери этой послѣдней, Варварѣ Константиновнѣ, т.-е. на своей двоюродной сестрѣ, къ величайшему смущенію родныхъ и прискорбію матери, женился сынъ Вѣры Николаевны, Леонидъ Алексѣевичъ, и, вскорѣ овдовѣвъ, поселился съ маленькой дочерью Ольгой въ имѣніи матери Ольшанкѣ. Когда скончалась наша мать, онъ пріѣзжалъ навѣстить папеньку и прожилъ у насъ съ недѣлю, но я его очень мало видѣла, и единственное впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ него, была его наружность: очень красивая и благородная, но довольно-таки высокомерная и презрительно сдержанная. На меня онъ, разумѣется, никакого вниманія не обратилъ: дѣвочка тринадцати лѣтъ интересоваться его не могла.

Впослѣдствіи я узнала, что онъ привезъ папенькѣ предложеніе отъ матери взять меня на полное попеченіе. Тетушка предлагала заняться окончаніемъ моего воспитанія, возить меня съ собою въ Петербургъ и вообще замѣнить мнѣ мать. Отца очень тронуло это предложеніе, но согласиться на него вполне онъ не рѣшился и надумалъ воспользоваться имъ только на половину, а именно привозить меня на лѣто въ Ольшанку, гдѣ тетушка проводила большую часть года. Раньше она и по зимамъ не всегда ѣздила въ Петербургъ, но съ тѣхъ поръ, какъ семейство дочери ея, Марьи Алексѣевны Полѣиной, увеличилось и пріѣзжать для свиданія съ матерью въ деревню ей было ужъ не такъ удобно, какъ раньше, Вѣра Николаевна ѣздила къ ней на зиму, а въ Ольшанкѣ оставался Леонидъ Алексѣевичъ, изъ котораго началъ вырабатываться замѣчательно хорошій хозяинъ. У тетушки былъ еще сынъ, Алексѣй Алексѣевичъ, какъ и братъ, воспитывавшійся въ лицѣѣ, тогда еще царскосельскомъ. Леонидъ Алексѣевичъ вышелъ въ военную службу, а Алексѣй Алексѣевичъ, который вслѣдствіе несчастнаго случая въ дѣтствѣ остался на всю жизнь хромымъ, послуживъ короткое время, кажется, въ сенатѣ, вышелъ въ отставку и проживалъ за границей, къ величайшему огорченію своей матери. Страстная патріотка, она, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ рокового повѣтрія, совратившаго такое множество людей изъ ея общества въ католичество, съ особеннымъ страхомъ и отвращеніемъ относилась къ стремленію русскихъ искать удовлетворенія своихъ умственныхъ, душевныхъ и эстетическихъ потребностей только въ чужихъ краяхъ и въ чу-

жихъ людяхъ и особенно ревниво относилась къ охраненію православія и русской самобытности какъ въ семьѣ своей, такъ и въ средѣ многочисленнаго подвластнаго ей народа.

Въ домѣ ея я нашла истинно русскій барскій обиходъ; ей я обязана русскими духовными началами, которыя съ лѣтами не только не разсѣвались, но все крѣпче и сознательнѣе развивались въ моей душѣ. А было это въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, когда новыя вѣянія, охватившія въ настоящее время Россію, начинали уже весьма ощутительно проявляться въ сферахъ, правда, намъ еще недоступныхъ, благодаря строгому уединенію, въ которомъ насъ держали, но уже задѣвшихъ нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ намъ людей, отражаясь и въ рѣчахъ гимназическихъ учителей, приглашенныхъ давать уроки моимъ братьямъ, и въ распущенности дочерей и сыновей тѣхъ изъ чиновниковъ нашего отца, къ которымъ онъ питалъ особенное довѣріе и съ семьями которыхъ еще покойная наша мать поддерживала, хотя и отдаленныя, но тѣмъ не менѣе довольно регулярныя сношенія. Вотъ отъ этихъ-то дѣтей, иной съ нами среды, воспитывавшихся въ иныхъ понятіяхъ, въ большой свободѣ, при возможности прислушиваться ко всякимъ вольнымъ рѣчамъ, и слышали мы по временамъ такія слова, которымъ суждено было возымѣть самыя гибельныя послѣдствія на судьбу всей нашей семьи. Кажется, ни одному изъ насъ, кромѣ меня, не суждено было очнуться отъ напущеннаго тумана новыхъ идей, и исключеніе это я всецѣло приписываю вліянію тетушки Вѣры Николаевны.

Послѣ смерти матери жизнь наша дома проходила между тоскующимъ по женѣ и вѣчно занятымъ службой отцомъ и гувернанткой, старой дѣвой съ упорнымъ ограниченнымъ умомъ и узкимъ кругозоромъ. Самонадѣянно опираясь на извѣстныя правила воспитанія, заимствованныя ею (на наше несчастье) въ Остзейскомъ краѣ, гдѣ она начала свою педагогическую дѣятельность при условіяхъ, созданныхъ для нѣмецкихъ дѣтей, она ставила себѣ цѣлью жизни оставаться, во что бы то ни стало, вѣрной этимъ правиламъ, не поддаваясь ни жалости, ни размышленію о послѣдствіяхъ своей методы. Въ Лифляндіи находили эту методу отличной для дѣтей того барона, который привезъ ее въ свою семью прямо со скамьи Николаевскаго института, значить и для русскихъ дѣтей ничего лучшаго не надо. Развѣ нѣмцы не культурнѣе во много разъ русскихъ? Развѣ русскіе, если бы у нихъ была хоть капля здраваго смысла въ головѣ, не должны были бы во всемъ имъ слѣпо подражать, предавъ полному забвенію все родное, русское?

Она даже старалась одѣвать насъ и причисывать на нѣмецкій ладъ. Узко религіозная, соблюдая всѣ внѣшнія правила православія, она и въ религію вносила противный намъ католическій элементъ, несноснѣйшую педантичность въ исполненіи религіозныхъ обрядностей исключительно поверхностнаго свойства, убивающій

духъ вѣры и всякій порывъ къ живому Богу. Старшая въ семьѣ (мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда я подшала подъ ея иго), я одна во всемъ домѣ сопротивлялась ея стремленію убить во мнѣ волю, мысль и чувство. Не повиноваться ей я не осмѣливалась и на явный бунтъ противъ ея власти ни за что бы не рѣшилась, но она не могла не видѣть и не чувствовать, что нравственнаго авторитета надо мною она никогда не будетъ имѣть ужь потому, что нечѣмъ ей меня покорить, ни внутреннимъ духовнымъ содержаніемъ, весьма у нея скуднымъ, ни внѣшними преимуществами: кончила она, одна изъ первыхъ, курсъ въ институтѣ лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ, какъ къ намъ поступить, а учиться мнѣ было отъ нея нечему, я говорила по-французски лучше ея, знала больше ея изъ исторіи, изъ литературы французской и русской; знала безпорядочно и безъ системы, изъ прочитаннаго и слышаннаго, урывками отъ старшихъ, но именно то, о чемъ она не имѣла понятія, и, разумѣется, это приводило ее въ ярость. Выдержки, характера у нея было очень много, и, можетъ быть, сердце у нея было доброе, но все это атрофировалось страстью властвовать и всѣхъ гнуть подъ свой ноготь, систематически, терпѣливо и безжалостно. Она способна была и привязаться къ тѣмъ, кто ей покорялся, но могла также и жестоко преслѣдовать тѣхъ, кто ее отгадывалъ и при этомъ не въ состояніи былъ этого скрыть.

У нея былъ особенный талантъ спрашивать и заглядывать въ затаеннѣйшіе уголки души, но сама она никогда ни въ чемъ не высказывалась, и обращеніе ея было съ нами такъ корректно, что ненависть ея можно было только чувствовать, такъ ловко умѣла она воздерживаться отъ всякихъ такихъ проявленій, которыя дали бы орудіе противъ нея.

Все время, что она была съ нами, невыразимо страдая отъ ея гнета, я не могла понять: почему она такая, ни въ чемъ на насъ не похожая и почему именно и ей съ нами, и намъ съ нею такъ нестерпимо тяжело? Отвѣтъ на этотъ вопросъ явился много позже, когда я съ нею встрѣтилась въ жизни уже самостоятельнымъ и много пережившимъ человѣкомъ, и когда она мнѣ сама сказала, что мать ея была полька и что до поступленія въ институтъ она исповѣдывала католическую вѣру. Тутъ только все мнѣ стало ясно, а такъ какъ *tout comprendre c'est pardonner*, я не только ей все простила, но даже сблизилась съ нею настолько коротко, насколько было возможно сблизиться съ существомъ такого болѣзненнаго самолюбія и подозрительнаго недовѣрія къ ближнему, какимъ она оставалась всю свою жизнь.

Встрѣча моя съ нею, послѣ двадцатилѣтней разлуки, произошла въ такую тяжелую минуту моей жизни, что я не могу не приписать ея ко мнѣ ласковое вниманіе одному состраданію, но она была изъ тѣхъ, которые никогда не сознаются въ своихъ ошибкахъ, и даже за нѣсколько дней до смерти, приближеніе которой она сознавала

какъ нельзя лучше и къ которой готовилась, какъ истинная христіанка, я читала во взглядѣ ея, съ какою-то особенною пристальностью устремленномъ на меня, не раскаяніе, не мольбу о прощеніи, а твердое желаніе заставить меня понять, что она ни въ чемъ не считаетъ себя виноватой передо мною. До послѣдняго издыханія была она вѣрна самой себѣ, полькой и католичкой и только наружно и поневолѣ прожившей долгую жизнь—русской и православной...

Многое впоследствии припоминалось: симпатіи ея къ католическому населенію въ городѣ, дружба съ іезуиткой де-Вилларъ (тоже интересный типъ, къ которому я, можетъ быть, со временемъ вернусь), съ сосланными поляками, съ трудомъ скрываемое критическое отношеніе къ нашему законоучителю о. Матвѣю и глухая ненависть къ нашему отцу за его русскія мысли и чувства, за то, что, испытавъ на себѣ ужасы польскаго возстанія и послѣдствія нашей непредусмотрительности и поистинѣ преступной довѣрчивости, онъ судилъ поляковъ съ надлежащей точки зрѣнія здравогомыслящаго русскаго человѣка. Очень можетъ быть, что, если бы она не встрѣчала поддержки своимъ природнымъ инстинктамъ въ городѣ, инстинкты бы эти замерли въ ея сердцѣ или по крайней мѣрѣ не развились бы такъ успѣшно, какъ при данныхъ условіяхъ, но на нашу бѣду Саратовъ начиналъ уже эмансипировываться отъ такихъ понятій, какъ православіе, самодержавіе и народность, сѣмя космополитизма и жажды свободы во всѣхъ ея видахъ, заброшенное разными «пришельцами», начинало уже всходить и обѣщало роскошный расцвѣтъ. Не даромъ Чернышевскій, уроженецъ Саратова, пріѣзжалъ сюда изъ Петербурга и занимался здѣсь педагогіей. Мнѣ въ то время случалось его встрѣчать въ домѣ, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ репетитора и развивателя, но я была тогда такъ еще «не развита» въ этомъ направленіи, что если бы даже и услышала что-нибудь «передовое», то врядъ ли поняла бы изъ этого что-нибудь. Къ намъ приходила тогда и хорошенькая брюнетка Оленька Сократовна, дочь нашего домового доктора, Сократа Евгеньича Васильева, веселая, беззаботная хохотушка, съ такими оригинальными ухватками, что наединѣ съ нами ее разъ навсегда запрещено было оставлять. Она была забавная и симпатичная и можно себѣ представить, какъ заинтересовало насъ извѣстіе, облетѣвшее въ одинъ прекрасный день весь городъ, что Оленька Сократовна бѣжала изъ родительскаго дома съ сыномъ протоіерея Чернышевскаго! Событіе это передавалось въ домѣ шепоткомъ, съ большими предосторожностями, но таинственность эта только усиливала наше любопытство, и долгое время ваходились мы подъ впечатлѣніемъ этого интереснаго романа, героиня котораго была намъ знакома съ дѣтства. Какъ сейчасъ помню, какъ трудно намъ было скрывать наше волненіе при появленіи послѣ этого Сократа Евгеньича въ нашей дѣтской, какъ всегда въ одиннадцать часовъ

утра, передъ завтракомъ, послѣ перваго урока. Говорили, будто поступокъ дочери очень его огорчилъ и даже будто онъ предпринималъ мѣры вернуть бѣглецовъ, но видъ его опровергалъ всѣ эти слухи; какъ всегда, былъ онъ добродушно разсѣянъ, съ доброй усмѣшкой освѣдомлялся о нашемъ здоровьѣ и надѣлялъ маленькихъ братьевъ пропитанными табачнымъ запахомъ финниками и орѣхами изъ засаленнаго бокового кармана.

Замѣчательно добрый и феноменально безкорыстный человѣкъ и прекрасный докторъ, Сократъ Евгеньевичъ былъ большой оригиналь. Начиная съ его паружности, темно-коричневаго цвѣта кожи, маленькихъ блестящихъ глазъ и черныхъ, какъ смоль, курчавыхъ волосъ, все въ немъ было не такъ, какъ у другихъ. Рассказывали, что надо было почти силой заставлять его мѣнять бѣлье и что онъ разставался съ прочими принадлежностями своего костюма только тогда, когда онъ изнашивались до дыръ и невозможно было ихъ надѣть, и этому легко было повѣрить, глядя на его потертый и побѣдѣншій на швахъ скюртукъ, на съѣхавшій на сторону высокій галстукъ, безъ малѣйшаго признака бѣлыхъ воротничковъ, и на замасленную, какъ блинъ, форменную фуражку. Сколько мнѣ помнится, ни бакенбарды, ни усовъ онъ не носилъ, а въ высоко взбитомъ хохлѣ его курчавыхъ волосъ серебрилась сѣдина.

Не было, кажется, человѣка въ городѣ, который бы его не любилъ и не довѣрялъ ему. Я даже и представить себѣ не могу, чтобы у него были враги. Бодростью, беззаботностью и безконечной добротой вѣяло отъ всей его фигуры, карикатурной и симпатичной до чрезвычайности. Стоило только на него взглянуть, чтобы убѣдиться, что онъ ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы помочь человѣку, кто бы ни былъ этотъ человѣкъ и чего бы онъ отъ него ни потребовалъ. Про него ходили по городу и по окрестностямъ слухи о чудесахъ самоотверженія и присутствія духа во время эпидемій, при чемъ рассказы эти всегда приправлялись комическими подробностями, вызывавшими, вмѣстѣ съ умилешемъ, невольную улыбку. Такъ, на примѣръ, увѣрили, будто однажды его разбудили ночью, чтобы ѣхать къ больному холерой, и онъ такъ заспѣшилъ, что забылъ одѣться и, накинувъ прямо на сорочку первое попавшееся подъ руку платье, оказавшееся краснымъ халатомъ, проѣхалъ въ такомъ костюмѣ черезъ весь городъ. Всѣ этому вѣрили, а самъ онъ, когда у него спрашивали, правда ли это, только посмѣивался добродушнымъ смѣхомъ, вѣроятно, сознавая, что разсѣянность его не можетъ не подавать поводовъ къ сплетнямъ подобнаго рода.

У этого милаго чудака была эстетическая натура и глубокое пониманіе прекраснаго во всѣхъ его видахъ. Онъ былъ большой знатокъ въ живописи, домъ его былъ наполненъ прекрасными картинами и гравюрами, пріобрѣтенными большею частью по случаю, и я помню, что онъ первый познакомилъ меня съ Говардомъ, коллекцію гра-

вюръ котораго онъ однажды привезъ намъ показать. Съ какою любовью къ искусству и съ какимъ тонкимъ знаніемъ объяснялъ онъ намъ малѣйшія подробности этихъ произведеній! Какъ ревниво заботился о томъ, чтобы онѣ не ускользнули отъ нашего вниманія!

Какъ отнесся Сократъ Евгеньевичъ къ любовной эскападѣ своей дочери—не знаю. У насъ въ домѣ къ событію этому отнеслись очень строго и запрещено было про это даже и говорить. Однако это не помѣшало моимъ братьямъ, когда ихъ въ послѣдствіи отвезли въ училище правовѣднія, возобновить знакомство съ черноглазой проказницей Ольгой Сократовной и подпасть подъ вліяніе ея мужа.

Я забѣжала впередъ и далеко отстала отъ намѣченной цѣли: описать одну изъ послѣднихъ русскихъ барынь прошлаго вѣка, пока еще не поздно, пока еще существуютъ на свѣтѣ люди, которые знали такихъ женщинъ и могутъ засвидѣтельствовать, что въ разсказѣ моемъ нѣтъ ни пристрастія, ни искаженія истины.

Съ тѣхъ поръ, какъ воспоминанія мыслящихъ людей стали моимъ любимымъ чтеніемъ, нигдѣ не встрѣчала я столько знакомыхъ и дорогихъ именъ и близкихъ сердцу подробностей стараго быта, какъ въ «Запискахъ» графа Михаила Дмитріевича Бутурлина ¹⁾. Не говоря ужъ о домашней обстановкѣ тогдашняго времени, которую онъ такъ живо описываетъ, чтеніе этихъ «Записокъ» каждую минуту заставляло меня вспоминать про тетушку Вѣру Николаевну уже потому, что я встрѣчала въ нихъ знакомыя имена людей, про которыхъ я слышала въ Ольшанкѣ, а нѣкоторыхъ и видѣла тамъ; такъ, напримѣръ, Надежду Александровну Гаврюшенкову съ г-жой Кикиной, когда онѣ заѣхали на нѣсколько дней къ тетушкѣ Вѣрѣ Николаевнѣ, по возвращеніи изъ какого-то очень далекаго путешествія, кажется, въ Іерусалимъ. До сихъ поръ живо во мнѣ впечатлѣніе ихъ разсказовъ о далекихъ странахъ, о которыхъ я знала только по книгамъ. Съ ними, а также, безъ сомнѣнія, съ родственникомъ ихъ Тимофеевымъ, часто пріѣзжавшимъ изъ своего имѣнія въ Ольшанку, тетушка Вѣра Николаевна говорила про Бутурлиныхъ и про общихъ съ этими послѣдними знакомыхъ; безъ сомнѣнія, и графъ Михаилъ Дмитріевичъ зналъ ее, хотя бы по наслышкѣ, упоминаетъ же онъ про Олениныхъ, Львовыхъ и другихъ близкихъ къ ней людей. Мнѣ кажется, что если дорогое мнѣ имя не встрѣчается въ его «Запискахъ», то потому только, что встрѣчи его съ нею въ обществѣ не ознаменовались ничѣмъ такимъ, что оставило бы слѣдъ въ его жизни.

Впрочемъ, въслѣдствіе обстоятельствъ, описанныхъ покойнымъ Иваномъ Петровичемъ Хрущевымъ въ седьмой книгѣ «Старины и Новизны», Вѣра Николаевна удалилась отъ свѣта въ очень молодыхъ годахъ, тотчасъ послѣ своего замужества, и такъ увлеклась

¹⁾ Напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1897 и 1898 годахъ.

хозяйствомъ, что осталась въ деревнѣ и послѣ смерти мужа. А можетъ быть, удерживали ее здѣсь воспоминанія о навсегда утраченномъ счастьѣ.

Очень молоденькой дѣвушкой, красивая, богатая и обласканная царскою фамиліею, Вѣра Николаевна Львова вышла замужъ за избранника сердца и, не задумываясь, покинула блестящій свѣтъ, разсталась съ обожающими ее братьями и сестрами, съ многочисленными родственниками и знакомыми одного съ нею общества, воспитанія, привычекъ и вкусовъ, чтобъ слѣдовать за опальнымъ мужемъ въ глушь Тамбовской губерніи, гдѣ имъ пришлось, по часто слышанному мною отъ нея выраженію, «все устраивать сначала для жизни». Принялись знакомиться съ населеніемъ, съ его нуждами, строить домъ, разводить садъ, устраивать хозяйство на новыхъ, въ тогда еще почти дикомъ краѣ неизвѣстныхъ, началахъ. Оба были молоды, полны силъ и энергіи, блестяще образованы, одухотворены высшими идеалами любви къ Россіи, представлявшей имъ въ лицѣ русскаго народа. Народъ этотъ, по ихъ понятіямъ, надо было учить и воспитывать для Бога и для родины, и это была ихъ прямая обязанность, отъ которой грѣшно и стыдно отказываться. Девять блаженныхъ лѣтъ трудились молодые супруги надъ этой святой задачей и многого успѣли достигнуть, когда смерть сразила мужа во цвѣтѣ лѣтъ, не давъ ему дожить до реабилитаціи передъ царемъ и русскимъ обществомъ, остающимся до сихъ поръ въ недоумѣніи передъ таинственной опалой, постигшей такъ неожиданно одного изъ выдающихся героевъ Отечественной войны.

Естественно было ожидать, что молодая красавица, вдова Алексѣя Васильевича Воейкова, уступитъ просьбамъ родныхъ и вернется со своими тремя дѣтьми въ Петербургъ, гдѣ ей, можетъ быть, предстояла блестящая судьба, но она предпочла остаться въ Ольшанкѣ, среди народа, оплакивавшаго вмѣстѣ съ нею того, который былъ ей дороже жизни и мертвый—милѣе всѣхъ живыхъ людей на землѣ. Здѣсь не забвенія (забывать она и не желала), а нравственной силы на жизненную дѣятельность искала она въ неустанномъ продолженіи начатыхъ съ нимъ трудовъ; она докончила постройки, заложенные имъ, господскій домъ, больницу, школу для крестьянъ, заложила фундаментъ красивой, большой каменной церкви, не переставая при этомъ заботиться о благоустройствѣ и благолѣпіи церковнаго обихода въ старомъ, деревянномъ храмѣ, скромно прятавшемся за чуднымъ новымъ зданіемъ, для котораго дѣятельно готовились образа, вышивались ковры, воздухи и пелены въ продолженіе многихъ лѣтъ. Четыре лѣта сряду провела я въ Ольшанкѣ, но освященія новой ольшанской церкви не дождалась; торжество это произошло, когда я ужъ была замужемъ, и узнала я объ немъ изъ писемъ тетюшки Вѣры Николаевны и изъ рассказовъ ея при нашемъ свиданіи въ Москвѣ, въ 1859 году, въ домѣ покой-

наго брата ея, Александра Николаевича, на Арбатской площади, гдѣ она останавливалась проѣздомъ изъ Ольшанки въ Петербургъ.

Тетушка Вѣра Николаевна не снимала траура по мужѣ до самой смерти, но носила она его очень элегантно и производила, даже въ преклонныхъ лѣтахъ, впечатлѣніе замѣчательно добродушнаго и жизнерадостнаго существа, всѣмъ страстно интересующагося, съ въ высшей степени своеобразнымъ, можно сказать, рыцарскимъ взглядомъ на жизнь, на обязанности, которыя она никогда не отдѣляла отъ привилегій. Многого требовала она отъ людей высшаго сословія и неумолима была къ уступкамъ съ ихъ стороны въ томъ, что она считала неотъемлемыми правами дворянства: честь имени, безграничное самопожертвованіе на благо родины, преданность царю. Рѣзко отграничивала она то, что не дворянину—извинительно, а дворянину—непростительно. Никто лучше ея не понималъ отгѣнка между этими двумя словами «честь» и «совѣсть» и не судилъ такъ строго утратившихъ самую способность различать смыслъ подобныхъ понятій.

Въ деревнѣ, даже при самой дѣятельной жизни, времени на чтеніе и на ученіе всегда остается много, и она широко пользовалась этимъ, чтобы читать все, что появлялось новаго въ литературѣ, а въ особенности по части исторіи, но излюбленнымъ ея занятіемъ было перечитываніе всего, что касается Отечественной войны, и исторію 1812 года Михайловскаго-Данилевскаго она, безъ сомнѣнія, знала почти наизусть. Сколько, бывало, разъ, заставляя меня читать изъ этой книги какую-нибудь главу, съ описаніемъ событія, котораго А. В. Воейковъ былъ участникомъ или свидѣтелемъ, прерывала она меня, чтобъ объяснить, и всегда съ живостью, часто запальчиво, невѣрности, допущенныя историкомъ въ своемъ повѣствованіи. Въ увлеченіи своемъ она высказывала предположенія, возникавшія въ ея умѣ по мѣрѣ того, какъ воскресало въ ея памяти слышанное отъ мужа или отъ другихъ свидѣтелей описываемаго факта, на которыхъ она и строила свои гипотезы, безъ сомнѣнія, весьма драгоцѣннаго, для выясненія истины, свойства, къ сожалѣнію, утраченныя для потомства, такъ какъ ни ей самой, ни ея слушателямъ не приходило въ голову записывать ея слова.

Да она бы, можетъ быть, этого и не позволила. Русскія женщины ея времени мало оставили послѣ себя письменныхъ документовъ. Выставляться въ печати порядочной женщиной считалось неприличнымъ, и единственный документъ, оставленный Вѣрой Николаевной Воейковой, была записка о таинственной опалѣ, постигшей А. В. Воейкова, найденная мужемъ ея внучки, И. П. Хрущевымъ, въ Воейковско-Полѣновскомъ архивѣ. Какъ это на нее похоже! Какъ краснорѣчиво это доказываетъ ея страстное желаніе очистить память обожаемаго ею мужа отъ недоразумѣнія и клеветы! Надо ее знать такъ, какъ я ее знала, чтобъ понять, съ какимъ чувствомъ писала

она эту замѣтку, какъ страдала, переживая вторично давно всѣми, кромѣ ея, забытое! Какъ важно казалось ей то, что она нашла нужнымъ повѣдать русскимъ людямъ будущаго вѣка! И сколько трагизма найдутъ въ этомъ разсказѣ тѣ немногіе, способные угадывать душу прежнихъ людей по оставшимся послѣ нихъ письменнымъ документамъ, не взирая на сдержанность выражений и на полное отсутствіе какихъ бы то ни было бьющихъ на эффектъ словъ.

Одна жестокая и до сихъ поръ не разгаданная таинственность души царя Александра I способна поставить въ недоумѣніе историка и романиста своимъ роковымъ обаяніемъ. Люди, коротко его знавшіе и, какъ Воейковъ, безпричинно пострадавшіе отъ него, избѣгали всякихъ про него разговоровъ... изъ опасенія высказать о немъ свое личное мнѣніе, можетъ быть, и повергнуть этимъ людей въ еще большее умственное смятеніе? А, можетъ быть, у нихъ не находилось словъ, чтобъ выразить невыразимое противорѣчіе и непонятное сліяніе добра и зла, тьмы и свѣта въ этомъ человѣкѣ? Сколько горя причинилъ онъ Вѣрѣ Николаевнѣ, сколько слезъ заставилъ онъ ее пролить, а между тѣмъ трудно рѣшить: чего было у нея въ сердцѣ больше: ненависти или любви къ нему?

Когда меня представили тетущкѣ Вѣрѣ Николаевнѣ, это была женщина, которой на видъ казалось не болѣе сорока лѣтъ, полная, съ здоровымъ румянцемъ на свѣжемъ лицѣ, прекрасными карими глазами и поистинѣ очаровательной улыбкой. Быстрой, легкой походкой прохаживалась она по дорожкамъ роскошнаго цвѣтника, благоухающаго передъ широкой террасой небольшого, но замѣчательно помѣстительнаго и уютнаго дома, останавливаясь то тутъ, то тамъ, чтобъ подвязать, понюхать или сорвать цвѣтокъ. Она такъ ихъ любила, что разъ какъ-то, осенью, обходя со мною дальнія грядки и увидѣвъ пышно расцвѣтшую розу, она пришла въ такой восторгъ отъ этого прелестнаго сюрприза (розы уже давно отцвѣли во всемъ саду), что, пригнувшись къ цвѣтку, поцѣловала его.

Оранжереи у нея были богатѣйшія, а также и теплицы для рѣдкихъ фруктовъ; ея яблоневыя и грушевыя деревья были извѣстны по всей губерніи, и между садовниками, воспитанными въ Ольшанкѣ, подъ ея непосредственнымъ руководствомъ, были такіе же страстные любители садоводства, какъ и сама барыня. Къ этимъ своимъ сподвижникамъ по уходу за растеніями она особенно благоволила, и, слушая ея продолжительныя съ ними разговоры объ ихъ общихъ любимцахъ, трудно было себѣ представить, чтобъ рѣчь шла о неодушевленныхъ предметахъ, а не о живыхъ существахъ. Впрочемъ, тетущка Вѣра Николаевна была увѣрена, что у растеній есть душа.

Въ сравненіи съ оранжереями и теплицами, огромнымъ, прекрасно содержаннымъ садомъ съ большимъ, глубокимъ прудомъ и тѣсными аллеями, барскій домъ казался очень скромнымъ, но въ то время за роскошнымъ убранствомъ жилыхъ комнатъ не гонялись

и въ ольшанковскомъ домѣ можно было найти ту же мебель, что и во всѣхъ деревенскихъ домахъ тогдашнихъ баръ, тѣ же диваны, обитые доморощеннымъ тикомъ, съ вышитыми хозяйками и ихъ многочисленными воспитанницами подушками, тѣ же столы и стулья изъ ясеневаго и дубоваго дерева, довольно грубой и аляповатой работы своихъ столяровъ, тѣ же шпалеры изъ разрисованнаго домашними живописцами холста или раскрашенныя по трафарету незатѣйливыми узорами стѣны, тѣ же пейзажи работы дѣтей или племянниковъ и племянницъ на этихъ стѣнахъ, съ фамильными портретами надъ диванами. Въ Ольшанкѣ портретовъ было множество; разставаясь навсегда съ близкими сердцу, понятно, что Вѣра Николаевна захотѣла увезти съ собою ихъ изображенія, а такъ какъ Боровиковскій, Тропининъ и Левицкій были свои люди въ домѣ Державина, то портреты эти представляли собою настоящія произведенія искусства. Надъ первымъ диваномъ, стоявшимъ противъ двери на террасу, красовался знаменитый портретъ пѣвца Фелицы въ халатѣ, ночью колпакѣ, съ собачкой на рукахъ. Какъ въ сосѣдней залѣ, служившей также и столовой, со старенькимъ клавесиномъ, двумя дюжинами стульевъ и длиннымъ столомъ посреди, такъ и въ гостиной было темно отъ великаго множества растений, наставленныхъ передъ окнами, захватывая собою и простѣнки и углы. Высокія до потолка цвѣтушія деревья, не взирая на отворенныя окна, наполняли весь домъ благоуханіемъ. Въ гостиной ихъ было такое множество, что комната эта производила впечатлѣніе оранжеи. Тутъ, на диванѣ противъ двери въ залу, передъ большимъ столомъ, украшеннымъ искусными инкрустаціями изъ разноцвѣтнаго дерева, работы сына ея, Леонида Алексѣевича, который пристрастился къ этому искусству и достигъ въ немъ большого совершенства, составляя рисунки по живымъ цвѣтамъ и копируя даже и колера ихъ изъ разноцвѣтнаго дерева, она проводила ненастные вечера, когда дождь или буря мѣшала сидѣть на террасѣ или подъ деревьями недалеко отъ дома. И тутъ она заставляла насъ, меня и дочь ея покойной сестры Прасковьи Николаевны Бороздиной (круглой сироты, воспитавшейся у дочери ея, Марьи Алексѣевны Полѣновой), читать ей вслухъ избранныя главы изъ Михайловскаго-Данилевскаго или что-нибудь изъ французскихъ классиковъ,—последнее часто по инициативѣ ея сына, который занимался съ нами географіей, всеобщей исторіей, заставляя насъ рисовать историческія карты, съ сравнительными хронологическими таблицами, съ обозначеніемъ современныхъ правителей государствъ, великихъ людей и выдающихся событій во всемъ извѣстномъ мірѣ. За этими занятіями, а также за упражненіями на клавесинѣ и за выучиваніемъ наизусть сценъ изъ Расина и Корнеля, поэмъ Жуковскаго, стиховъ Державина, переводовъ съ русскаго на французскій языкъ и тому подобными занятіями, мы проводили утромъ часа три-четыре, въ то

время, какъ тетушка толковала со своими фельдшерами, старымъ и молодымъ, недавно окончившимъ курсъ въ какой-то школѣ, кажется, въ Москвѣ. Этотъ лечилъ въ аллопатической больницѣ, а старикъ—въ гомеопатической. Впрочемъ, можно сказать, что оба только слѣдили за ходомъ болѣзней, чтобъ доносить о немъ подробно тетушкѣ; назначала лекарства большею частью сама барыня, изучившая медицину такъ досконально, что приводила въ изумленіе своими познаніями не только своихъ фельдшеровъ изъ крѣпостныхъ, но и доктора, пріѣзжавшаго въ опредѣленные дни въ Ольшанку провѣрять дѣйствія врачебнаго персонала и поговорить съ тетушкой о вынесенномъ имъ впечатлѣніи отъ осмотра больницъ. Въ эти дни тетушка особенно волновалась, и спорамъ съ докторомъ о преимуществахъ гомеопатіи надъ аллопатіей не было конца. Аккуратно велись реестры болѣзней, вылеченныхъ тѣмъ и другимъ способомъ, и тетушка Вѣра Николаевна съ живостью семнадцатилѣтней дѣвочки летала изъ одной больницы въ другую въ сопровожденіи посѣтителя, чтобъ доказать преимущество системы Ганемана надъ аллопатіей. Подавался завтракъ, во время котораго она была разсѣяна и безпрестанно освѣдомлялась, пришли ли фельдшера, съ которыми наверху, въ ея комнатѣ предстояло совѣщаніе, которому тетушка придавала очень важное значеніе, какъ и всякому дѣлу, которымъ она занималась.

Въ данномъ случаѣ немалую роль играла глухая оппозиція между представителями двухъ системъ леченія, практикуемыхъ въ больницахъ, устроенныхъ Вѣрой Николаевной въ Ольшанкѣ, при чемъ она поддерживала старика-гомеопата, а докторъ—молодого, аллопата...

Отвѣчая на вопросы доктора, старикъ,—кажется, звали его Григоріемъ,—человѣкъ мрачнаго вида, котораго никто, кажется, не видывалъ смѣющимся, произносилъ слова медленно и обдуманно, съ подозрительною осторожностью, упершись глазами въ полъ и только изрѣдка, не безъ презрѣнія, взглядывая исподлобья на своего оппонента, коренастаго, краснощекаго и бѣлокураго малаго, который съ легкомысленною бойкостью сыпалъ аргументами, какъ горохомъ изъ мѣшка.

О, если бъ тетушки тутъ не было, какъ досталось бы методѣ Ганемана! Вся она, до послѣдней крупинки, была бы разбита тяжелыми ядрами научной артиллеріи.

Но на счастье Григорія, у него была сильная поддержка въ лицѣ барыни. Уступивъ доктору свое кресло передъ бюро изъ краснаго дерева съ мѣдными украшеніями, Вѣра Николаевна обыкновенно садилась поодаль, съ твердымъ намѣреніемъ не вмѣшиваться въ совѣщаніе, но долго выдерживать роль пассивной слушательницы она была не въ силахъ и запальчиво вмѣшивалась въ бесѣду, когда ей казалось, что истина черезчуръ искажается аллопатомъ и не представляется достаточно убѣдительно гомеопатомъ.

Мало-по-малу всеобщее оживленіе возрастало, порядокъ засѣданія нарушался, и бесѣда переходила съ почвы чистой науки на болѣе личную.

Тетушка жаловалась доктору на разсѣянность и небрежность своего молодого ассистента и превозносила аккуратность и ревность къ дѣлу старика, который, хотя нигдѣ, кромѣ какъ у нея, медицинѣ не учился, однако несравненно успѣшнѣе, чѣмъ аллопаты, вылечиваетъ людей крупинками, при строгой діетѣ.

Чтобъ фактами подтвердить справедливость своихъ словъ, она перелистывала лежащія на столѣ толстыя переплетенныя книги и указывала на сравнительный процентъ выздоровленій въ гомеопатической и въ аллопатической больницахъ.

Все это выслушивалось терпѣливо и безъ возраженій, но мы знали, что въ душѣ докторъ стоитъ за аллопата, и тетушка сама это понимала; послѣ его отъѣзда у нея былъ озабоченный видъ, и она улыбалась меньше обыкновеннаго. Страшное слово «рецидивъ», оброненное, какъ бы невзначай, ученымъ мужемъ, не давала ей покоя, и, ложась спать, она дольше обыкновеннаго совѣщалась со своей ближайшей помощницей по управленію дома, чопорной Федосьей Ивановной, и приказывала ей непремѣнно чуть свѣтъ сходить въ деревню, повидать тѣхъ женщинъ, которыя лечились этой зимой и весной въ гомеопатической больницѣ, и хорошенько спросить ихъ: не чувствуютъ ли онѣ признаковъ возвращавшагося недуга?

При этомъ она подробно обозначала признаки рецидива.

Ее такъ тревожила саркастическая усмѣшка, съ которой представитель новаго поколѣнія и современной науки выслушивалъ ея доказательства о преимуществахъ крупинокъ надъ латинской кухней, что она ужъ сама начинала сомнѣваться въ справедливости своихъ воззрѣній.

Съ какою живостью и волненіемъ спрашивала она на другой день у Федосьи Ивановны, когда эта послѣдняя появлялась на порогѣ спальни:

— Ну что, какъ ты ихъ нашла?

— Ничего-съ, Федосья Круглова даже и запомятовала, въ какомъ мѣстѣ у нея была опухоль, Сидорова невѣстка опять тяжела, а Пафнютія внучка еще до свѣта побѣжала съ козами въ лѣсъ, ухо со-всѣмъ не болитъ.

— Слава Богу, слава Богу!—произносила со вздохомъ облегченія барыня.

Послѣ завтрака и до обѣда тетушка ходила по саду, заглядывала въ оранжерею и въ теплицы, поднималась по узкой и крутой лѣстницѣ въ ковровую, гдѣ ткали ковры по узорамъ, ею составленнымъ, и ею изобрѣтеннымъ способомъ, которымъ она не могла не гордиться, потому что такихъ ковровъ въ то время нигдѣ не умѣли

дѣлать, кромѣ какъ въ Ольшанкѣ. Кажется, шерсть красили здѣсь же, потому что я помню, что тетушкѣ приносили образчики колеровъ, которые она сравнивала съ живыми цвѣтами прежде, чѣмъ рѣшить, удалась ли краска, или нѣтъ.

Про вышиванья, которыя у нея дѣлались, говорить не стоитъ: въ то время не было порядочнаго дома, гдѣ бы этимъ не занимались, но вообще не было работы, которая, подъ ея наблюденіемъ, не доводилась бы до совершенства.

Дѣятельности она была невообразимой, каждую минуту можно было ждать ея появленія въ школѣ, въ ковровой, въ ткацкой, въ аптекѣ, въ больницѣ, даже на птичнѣ и въ коровникѣ. Часто ѣздила она на хуторъ, гдѣ были овчарни, и въ дальнія поля, чтобъ обозрѣвать поля; засѣянные шпеницей, льномъ, овсомъ и проч. Занимали ее чрезвычайно и улы, которые она развела въ лѣсахъ, у береговъ живописной Вороны. Все ее занимало и восхищало, все ей здѣсь было близко къ сердцу, во всемъ видѣла она созданіе своего незабвеннаго друга, возрастающее и процвѣтающее по его планамъ и указаніямъ, какъ онъ желалъ, чтобъ было. Сколько разъ слышала я отъ нея, что она всемъ ему обязана, что взялъ онъ ее всемъ глупой, неопытной дѣвушкой, чтобъ сдѣлать изъ нея человѣка. «И вотъ онъ теперь отсюда видитъ, что вышло изъ Ольшанки!» прибавляла она къ этому со слезами восторженнаго умиленія на глазахъ.

Ту же страстную заботливость проявляла она и къ дѣтямъ своимъ, неустанно слѣдя за малѣйшими подробностями ихъ жизни, давно уже отдѣльной отъ нея, переписываясь съ дочерью каждый день и если не такъ часто съ меньшимъ сыномъ, Алексѣемъ, который жилъ въ то время за границей и, поддаваясь современнымъ теченіямъ, во многомъ начиналъ ужъ отъ нея отходить, то, разумѣется, по его же винѣ. Какъ она скорбѣла на краткость его писемъ, на то, что часто не знаетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Чувствуя нашу любовь, она передъ нами не скрывала ни мыслей своихъ, ни чувствъ. Старшій ея сынъ, Леонидъ, какъ сказано выше, переѣхалъ къ ней жить послѣ поразившаго его горя, смерти молодой жены, и она имѣла великое счастье воспитывать его дочку, Олю, которой было три-четыре, когда я въ первый разъ пріѣхала въ Ольшанку. Можно себѣ представить, какими попеченіями, какою любовью былъ окруженъ этотъ ребенокъ! Бабушка не скрывала своего счастья имѣть ее при себѣ. Впрочемъ, тетушка Вѣра Николаевна никогда не скрывала ни чувствъ своихъ, ни мыслей; болѣе чистой, откровенной натуры я не встрѣчала въ жизни. Душа ея осталась молодой всю ея долгую жизнь, и за нѣсколько дней до смерти она такъ же негодовала на подлость и зло и восхищалась прекраснымъ, какъ во дни своей ранней юности. Заставить ее повѣрить злу было трудно, во всемъ и во всѣхъ искала она хорошую сторону, но когда убѣждалась въ ошибкѣ, гнѣвъ свой она проявляла съ такой наивною запальчивостью, что,

слушая ея негодующую рѣчь, трудно было удержаться отъ улыбки. Старые друзья ея это знали и нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримеръ, Андрею Ивановичу Сабурову и Александру Александровичу Полторацкому, обладателю села Разказова, мужу Катерины Павловны, рожденной Бакуниной, это было извѣстно какъ нельзя лучше, когда они, прїѣзжая въ Ольшанку, доводили ея часто до слезъ разказами объ ужасахъ прогрессирующаго зла въ передовыхъ умахъ Европы.

Разумѣется, было зло и раньше, были въ Россіи вольнодумцы, франкмасоны, но то, что ей сообщали теперь, казалось ей такъ ужасно, что она отказывалась этому вѣрить.

О франкмасонахъ я въ первый разъ услышала именно изъ разговоровъ Полторацкаго съ тетушкой Вѣрой Николаевной, и я до сихъ поръ помню чувство, съ которымъ послѣ этого встрѣчалась я съ этимъ человѣкомъ, казавшимся мнѣ причастнымъ, не однимъ сочувствіемъ, къ этимъ ужасамъ.

И вдругъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, возвращаясь съ прогулки на террасу, гдѣ собралось общество, обѣдавшее въ этотъ день въ Ольшанкѣ, я услышала, что тетушка, указывая на меня, говоритъ:

— А вотъ отъ кого мы можемъ узнать о настоящемъ житьѣ-бытьѣ Часовникова и его семьи. Онъ служитъ помощникомъ у брата Ивана Васильевича Свѣчина въ Саратовѣ...

Полторацкій, маленькій, худенькій, очень живой человѣчекъ, съ умнымъ лицомъ и насмѣшливой улыбкой, обернулся, чтобъ внимательно посмотреѣть на личность, знавшую Николая Алексѣевича Часовникова.

— Ты вѣдь и семью его знаешь?—обратилась ко мнѣ тетушка.

Я отвѣчала утвердительно и передала все, что знала о барышняхъ Часовниковыхъ. Старшая, Марья Николаевна, была уже замужемъ, а меньшая, Лизанька, извѣстна была своимъ музыкальными способностями. Когда ея къ намъ привозили, маменька всегда заставляла ея играть на роялѣ, и всѣ восхищались легкостью, съ которой она предолѣваетъ трудности произведеній Листа и Шопена. Вели Часовниковы чрезвычайно замкнутую жизнь, барышни по гостямъ не ѣздили, не танцевали, и были какія-то странныя... Сойтись съ ними не было никакой возможности, онѣ ничѣмъ свѣтскимъ не интересовались и при нихъ даже неловко было говорить про то, что происходитъ въ городѣ. Машенька была хорошенькая и держала себя чрезвычайно сдержанно, а сестра ея слыла глупенькой, и, кромѣ какъ о музыкѣ, съ нею ни о чемъ нельзя было говорить. На меня она производила впечатлѣніе добраго, запуганнаго существа и мнѣ было жаль, что ея не оставляютъ со мною ни на минуту наединѣ. Я была увѣрена, что она все молчитъ, потому что боится, чтобъ сестра не нажаловалась на нее отцу. Чтобъ угодить ему, она изъ силъ выбивалась надъ труднѣйшими фортепьянными упражненіями и до-

стигла въ игрѣ виртуозности. Трудно было исполнять съ большимъ блескомъ, силой, бѣгlostью и отчетливостію произведенія Бетховена, Мендельсона, Шопена, которыя ей ничего не стоило дешифровать à livre ouvert, къ величайшему удовольствію саратовскихъ меломановъ, весьма немногочисленныхъ, правда, но страстно преданныхъ обожаемому ими искусству. Съ появленіемъ сыльныхъ поляковъ въ городѣ музыкальный кружокъ, собиравшійся по извѣстнымъ днямъ у Часовниковыхъ, увеличился, и не только лѣтомъ, но и зимой, не взирая на двойныя рамы, подъ окнами ихъ дома собирались любители послушать хорошую музыку...

— Такъ онъ съ поляками дружить?—спросилъ г. Полторацкій, заинтересованный моимъ разсказомъ.—Они у него бываютъ?

— Бываютъ. Лизанька беретъ уроки у Михайловскаго. Она беретъ уроки у всѣхъ артистовъ, которые пріѣзжаютъ въ Саратовъ.

А играла она, хотя и превосходно, но безъ души, и отецъ ея былъ слишкомъ большой знатокъ музыки, чтобы этого не замѣчать. Можетъ быть, поэтому и заставлялъ онъ ее заниматься съ исполнителями, часто стоявшими ниже ея по искусству, но обладавшими той священной искрой, которую, увы, никакимъ усердіемъ пріобрѣсти невозможно.

Какъ бы тамъ ни было, но музыка была единственнымъ свѣтымъ и отраднымъ лучомъ, пронизывавшимъ мрачный и таинственный гнетъ, тяготѣвшій надъ этой семьей. Стоило только пробить съ часъ въ ихъ домѣ, чтобы почувствовать разыгрывавшуюся тутъ молчаливую, интимную драму, отъ которой всѣ безнадежно страдали.

Тетушку Вѣру Николаевну интересовала жена Часовникова, но удовлетворить ея любопытство на этотъ счетъ я не могла и должна была сознаться, что мнѣ никогда не приходило въ голову освѣдомляться у барышень Часовниковыхъ про ихъ мать. Сами же онѣ тоже про нее не поминали.

Тетушка переглянулась съ Полторацкимъ, который на ея нѣмой вопросъ только пожалъ плечами.

Недоумѣніе ея онъ, безъ сомнѣнія, находилъ довольно наивнымъ: въ то время не рѣдкость было встрѣтить въ глухой провинціи и на самыхъ скромныхъ должностяхъ людей съ крупнымъ прошлымъ и глубокой учености, проводившихъ жизнь въ полнѣйшемъ одиночествѣ, за невозможностью найти единомышленниковъ, которые поняли бы ихъ внутренній міръ и не побоялись бы открыто ему сочувствовать. Теперь все сравнялось и всюду одна и та же пошлость.

— Вы не знаете,—спросилъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія Полторацкій, обращаясь къ тетушкѣ,—кто просилъ за Часовникова? Князь Петръ Михайловичъ или Левъ Алексѣевичъ?

— Кажется, князь, впрочемъ, и Левъ Алексѣевичъ каждый разъ спрашиваетъ у брата Ивана Васильевича про него —возразила тетушка.

На этомъ разговоръ кончился про Часовникова и, кажется, больше никогда не возобновлялся. Имъ обоимъ, безъ сомнѣнія, гораздо было больше извѣстно про эту загадочную личность, чѣмъ не только мнѣ, но и прочимъ обитателямъ города, въ которомъ прожилъ Николай Алексѣевичъ болѣе двадцати лѣтъ.

Скончался онъ вскорѣ послѣ описаннаго мною о немъ разговора въ Ольшанкѣ. Съ нимъ сдѣлался нервный ударъ у насъ въ домѣ и не помню, привезли ли его домой еще живымъ. Что случилось съ его семьей—не знаю; съ отъѣздомъ изъ Саратова послѣ моего замужества всѣ мои связи съ этимъ городомъ были навсегда порваны. Но я до сихъ поръ помню недоумѣніе, въ которое повергло меня любопытство тетушки Вѣры Николаевны относительно людей, не возбуждавшихъ во мнѣ раньше ни малѣйшаго интереса и мимо которыхъ я бы такъ и прошла на жизненномъ пути, не останавливаясь, если бы она не заставила меня попытаться внимательнѣе отнестись къ ихъ странностямъ и искать причину этихъ странностей тамъ, гдѣ никому не приходило въ голову ее искать. Впослѣдствіи, когда я стала вникать въ таинственныя проявленія пробужденія новаго духа въ Россіи (проявленія большею частью опасныя и уродливыя, коверкавшія и разумъ и сердце до полной неспособности понимать божественный законъ), въ воображеніи моемъ, между прочими представителями душевнаго извращенія, воскресалъ образъ и Николая Алексѣевича Часовникова, проводившаго жизнь за чтеніемъ мудреныхъ книгъ и за изученіемъ вопросовъ не имѣвшихъ ничего общаго съ тѣмъ, что «единое челоуѣку на потребу», съ евангельскимъ ученіемъ Спасителя міра.

Интересовалась также тетушка и жившимъ въ то время въ Саратовѣ ссыльнымъ прелатомъ Щитомъ, который бывалъ у насъ очень часто въ домѣ при жизни маменьки и даже отчасти принималъ участіе въ нашемъ воспитаніи черезъ гувернантокъ и гувернеровъ иноземцевъ, которымъ ввѣрялось наше воспитаніе до тѣхъ поръ, пока, по совѣту той же тетушки Вѣры Николаевны, англичанки, француженки и нѣмцы были замѣнены Анной Родіоновной, польское происхожденіе которой никому не было извѣстно.

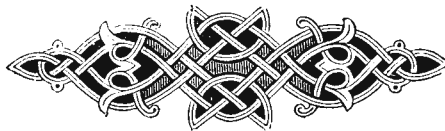
Ничего такъ не боялась Вѣра Николаевна, какъ вліянія католической пропаганды на русскихъ дѣтей. Только много лѣтъ спустя узнала я причину этого страха, когда судьба столкнула меня съ дѣтьми родителей, заразившихся тлетворною душевною эпидеміею, надѣлавшей такъ много бѣдъ въ Россіи въ концѣ XVIII столѣтія до воцаренія государя Николая Павловича. Тогда только поняла я, что, заставляя меня рассказывать про то, что она знала лучше меня, ей хотѣлось удостовѣриться, что врагамъ нашей святой вѣры не удалось на меня повліять ни въ нравственномъ, ни въ религіозномъ отношеніи. Всѣ четыре года, что я пріѣзжала къ ней, испытывала она мой образъ мыслей и, кажется, оставалась довольной ре-

зультатомъ экзамена. Русской я родилась и русской всегда оставалась. Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, ощущала я безотчетное и непреодолимое отвращеніе ко всякаго рода отклоненіямъ отъ православія и къ мистическимъ измышленіямъ иноземныхъ мечтателей, пытающихся пустыми призраками замѣнить утраченную вѣру въ живого Бога.

На мое великое счастье первое лѣто въ Ольшанкѣ я провела у тетушки Вѣры Николаевны одна. Приѣзжали гости издалека, но не часто; изъ ближайшихъ же сосѣдей бывали у насъ Кольчевы, ничего интереснаго собою не представлявшіе. Какъ со всѣми, тетушка была съ ними привѣтлива и добра, ласкала ихъ дѣтей, довольно-таки безобразныхъ и болѣзненныхъ, толковала съ ихъ родителями о хозяйствѣ и послѣ ихъ отъѣзда бранила меня за то, что я не принуждаю себя быть любезной и не помогаю ей занимать гостей. Она и на сына своего за это сердилась, но такъ какъ Леонидъ Алексѣевичъ исправленію не поддавался, то отъ выговоровъ ему она воздерживалась. Леонидъ Алексѣевичъ былъ характера неприятнаго и далеко не снисходительнаго къ чужимъ слабостямъ и недостаткамъ; въ этомъ отношеніи онъ представлялъ полнѣйшій контрастъ съ матерью и не только коротко сойтись, но даже и поддерживать знакомство было съ нимъ трудно. Выражался онъ рѣзко, ко всѣмъ относился свысока и поддерживалъ дружескія отношенія въ тотъ годъ только съ семействомъ Ивановыхъ, состоявшимъ изъ женщины среднихъ лѣтъ, прекрасно воспитанной и очень умной, и сестры ея, моложе ея на нѣсколько лѣтъ. Привозилъ онъ оттуда для меня книги Диккенса, Теккерея, Вальтеръ-Скотта, которыми я съ жадностью зачитывалась, а когда приѣзжала къ намъ г-жа Иванова, происходили на ольшанской террасѣ преинтересные разговоры, все больше политическаго свойства, о людяхъ и событіяхъ, очень близкихъ сердцу Вѣры Николаевны, каждое слово которой принималось слушателями, какъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію ея времени.

Н. И. Мердеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

А. М. АЛИХАНОВЪ-АВАРСКІЙ.

ГЕНЕРАЛЬША.

Разсказъ.

I.

ВЪ ДЛИННОМУ двухъэтажному дому на Большой Никитской, принадлежавшему извѣстной всей Москвѣ Лизаветѣ Петровнѣ Глѣбовой-Стрѣшневой, подѣхала огромная карета на круглыхъ рессорахъ, запряженная четвернею. Изъ кареты проворно выскочилъ молодой человѣкъ невысокаго роста, въ куньей шубѣ и собольей шапкѣ. Швейцарь, въ потертой ливреѣ съ басонами и гербами, раскрылъ передъ нимъ стеклянную дверь.

— Есть гости?—спросилъ молодой человѣкъ, сбрасывая шубу.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ швейцарь.—Монаховъ только пропустилъ изъ Симонова монастыря. А настоящихъ гостей нѣтъ.

И онъ какъ бы съ недоумѣніемъ оглянулъ посѣтителя, стараясь дать объясненіе и его прїѣзду, и парадной каретѣ четверней, и коричневому фраку съ точеными изъ черепахи пуговицами, и моднымъ высокимъ ботфортамъ съ кисточками. На лицѣ стараго слуги мелькнула и тотчасъ исчезла едва примѣтная усмѣшка.

«Почитай, что и этотъ свататься прїѣхалъ,—рѣшилъ онъ про себя:—по всему видно, что такъ. А то чего бы ему въ незванный день жаловать?»

Съ верхней площадки лѣстницы перевѣсилась невысокая фигура калмыка, въ казакинѣ военного покроя.

— А, его благородіе! Не произвели еще въ слѣдующій чинъ? Все еще въ подпрапорщикахъ состоишь?—крикнулъ, подымаясь по ступенькамъ, посѣтитель.

— Такъ точно-съ,—отвѣтилъ калмыкъ.

— Да неужто вправду ты офицеръ?—продолжалъ молодой человекъ.—И кто это могъ тебя произвести?

— По милостивому соизволенію вдовствующей императрицы, въ снисхожденіе къ личному ходатайству ея высокопревосходительства Елизаветы Петровны,—объяснилъ калмыкъ, скаля свои крупные бѣлые зубы.

— Диковинное дѣло!—произнесъ гость.—Кабы не въ этомъ домѣ, не повѣрилъ бы.

Его, москвича, удивлялъ такой случай. А подпрапорщикъ дѣйствительно былъ калмыкъ, подаренный Глѣбовой-Стрѣшневой княземъ Волконскимъ, бывшимъ генераль-губернаторомъ въ Сибири. Прозвали его Павловымъ. Онъ приобрѣлъ чрезвычайное довѣріе Елизаветы Петровны, и та, желая вознаграждать его завѣрную службу, выхлопотала ему у императрицы Маріи Ѳеодоровны первый офицерскій чинъ. Но, чтобъ онъ не прислуживалъ у нея въ домѣ въ военномъ мундирѣ, сейчасъ же взяла для него отставку.

— Прикажете доложить: Василій Андреевичъ Нечаевъ?—спросилъ калмыкъ, не увѣренный, что онъ твердо знаетъ имя гостя, всего только нѣсколько разъ появлявшагося въ домѣ.

— Постой, ты мнѣ скажи раньше: генеральша что дѣлаетъ? Монахи какіе-то сидятъ у нея? А барышня Наталья Петровна внизу?—спрашивалъ гость, идя по большой и холодноватой залѣ на шагъ впереди калмыка.

— Барышни обѣ наверху, а генеральша въ образной, духовную бесѣду ведутъ,—объяснилъ Павловъ.—Новый нагѣвъ пробуютъ.

— Какой новый нагѣвъ?

— Монастырскій. Я не знаю, мнѣ дворецкій говорилъ.

Нечаеву показалось, какъ будто въ самомъ дѣлѣ откуда-то доносились осталенные звуки церковнаго пѣнія.

«Кстати или нестати?» подумалъ онъ.

Онъ шелъ дальше черезъ рядъ комнатъ. Навстрѣчу ему то и дѣло попадались какія-то приживалки разнаго возраста, плохо одѣтые мужчины, слонявшіеся тутъ безъ всякаго дѣла, и множество прислуги, ходившей по стрункѣ и одѣтой въ старенькое дешевое платье. Населеніе дома, повидимому, было огромное, и на немъ лежалъ отпечатокъ той крайней строгости, какою отличалось управленіе Елизаветы Петровны Глѣбовой-Стрѣшневой, вдовы генераль-аншефа и представительницы стариннаго рода, изъ имени-тѣйшихъ когда-то на Москвѣ.

Въ большой угловой гостиной калмыкъ подвинулъ посѣтителю кресло и удалился, сказавъ, что доложить генеральшѣ.

Нечаевъ сѣлъ и оглянулся. Высокая, свѣтлая и холодная комната имѣла важный и непривѣтливый видъ. Напрасно улыбались со стѣнъ портреты напудренныхъ красавицъ изъ рода Стрѣшневыхъ, ихъ круглыя лица съ круглыми глазами и яркими губами не разсѣивали впечатлѣнія какого-то жуткаго, величаваго пустошества, вѣявшаго отъ скупого и важнаго убранства комнаты. Чувствовалось, что сухая, жесткая, бѣдная человѣческими радостями жизнь притаилась въ складкахъ штофныхъ драпировокъ и въ рѣзной позолотѣ мебели и зеркалъ.

И Нечаеву почти жуткимъ показалось сознавать себя здѣсь, въ этихъ суровыхъ стѣнахъ, подъ неподвижными взглядами напудренныхъ мужчинъ и женщинъ, словно насмѣшливо глядѣвшихъ на него изъ позолоченныхъ рамъ.

И зачѣмъ онъ здѣсь? Чтобъ свататься къ старшей внучкѣ, хорошенькой Наташѣ... Какая смѣлость!

Развѣ онъ не зналъ, что строгая бабушка, Лизвета Петровна, не хочетъ выдавать ихъ замужъ? Вся Москва рассказывала, какъ она грубо отваживала всякихъ искателей, чуть не приказывая лакеямъ гнать ихъ изъ дому. Еще недавно, когда ея старинный знакомый, всѣми уважаемый Волковъ, попытался присватать своего пріятеля, получившаго нѣсколько ранъ въ наполеоновскихъ войнахъ и замѣченнаго при дворѣ, Лизвета Петровна отвѣтила съ сухою надменностью:

— C'est à l'empereur, et pas à moi, a recompensez les invalides ¹⁾.

Эта Глѣбова-Стрѣшнева никого не считаетъ себѣ равнымъ. Въ ея роду была царица, супруга царя Михаила Феодоровича. Она свою невѣстку, покойную мать Наташи и Папи, рожденную княжну Друцкую, почти не признавала за родню, потому что Друцкіе, хотя и князья, казались ей недостаточно важными для Стрѣшневыхъ.

А онъ—только Нечаевъ, простой дворянинъ. Будеть прямо смѣшно, когда онъ станетъ говорить Лизветѣ Петровнѣ, что Наташа ему нравится, что онъ готовъ посвятить свою жизнь ея счастью.

Что ей счастье внучекъ? Она понимаетъ его по-своему.

И отъ этого раздумыванья на молодого человѣка нашла такая робость, что онъ готовъ былъ убѣжать и никогда больше не показываться въ этомъ угрюмомъ домѣ.

Но лакей распахнулъ обѣ половинки дверей, и на порогѣ гостиной показалась сама Лизвета Петровна, въ сопровожденіи трехъ любимыхъ, толстыхъ, отяжелѣвшихъ отъ старости мосекъ.

¹⁾ Это дѣло государя, а не мое, вознаграждать инвалидовъ.

II.

Немного повыше средняго роста, худая, съ землистымъ цвѣтомъ лица и сѣдыми волосами, бабушка казалась еще живою и бодрою. На ней было стараго покроя лиловое шелковое платье, и на груди портретъ государя въ медальонѣ и знакъ екатерининскаго ордена. Въ молодости она могла быть красивой, но теперь въ лицѣ ея не было добродушной ласки, которая красить сѣдину и морщины. Сухія черты и строгіе, взыскательные глаза ничего не выражали, кромѣ суровой непреклонности. Тонкія, поджатые губы съ опущенными книзу углами говорили о надменной властности характера.

Наружность выдавала женщину, выразившуюся однажды о своемъ мужѣ:

— Я пошла за него замужъ потому, что это былъ единственный мужчина, котораго я могла подчинить своей волѣ, не переставая уважать его.

Нечаевъ при входѣ Лизаветы Петровны поспѣшно всталъ и подошелъ къ рукѣ.

— Садитесь, сударь. Не отъ поздней ли заѣхали? Я сегодня согрѣшила, не поѣхала,—привѣтствовала старушка гостя.—А хорошо въ Симоновомъ. У нихъ свое пѣніе.

Нечаевъ, хотя не былъ у обѣдни, но догадался скрыть это, и извинился, что позволилъ себѣ пріѣхать не въ пріемный день.

— Посѣщеніе мое имѣетъ особую цѣль,—предупредилъ онъ.

Лизавета Петровна бросила на него косою взглядъ, но какъ бы пропустила его слова безъ вниманія.

— Какія по Москвѣ новости-то? Рассказывайте, сударь,—предложила она.

Нечаевъ, волнуясь, рѣшительно не зналъ, что на это отвѣтить.

— Признаюсь вамъ, что въ настоящее время мысль моя равнодушна къ тому, что совершается въ окружающемъ мірѣ,—произнесъ онъ наконецъ.—Все мои помысленія направлены къ одной цѣли...

На тонкихъ губахъ старушки появилась высокомерная усмѣшка.

— Чтой-то вы, сударь, издалека начинаете,—сказала она.—Ужъ не женихомъ ли къ намъ пожаловали?

— Дозволилъ себѣ такую смѣлость...—проговорилъ, теряясь, Нечаевъ.

— Къ Наташѣ свататься пріѣхали?

— Былъ бы счастливъ, удостоившись разрѣшенія...

Лизавета Петровна откинулась на спинку кресла и обвела гостя надменнымъ, властнымъ и уничтожающимъ взглядомъ. Объ этомъ взглядѣ ея управляющій выражался, что она можетъ имъ словно полѣномъ по спинѣ ударить.

— Такъ, такъ...—произнесла она, постукивая маленькой, сухой рукой по подлокотнику кресла и не сводя съ гостя насмѣхающагося взгляда.—Это какъ у Фонвизина въ его комедіи: «Хочешь, Митрофанушка, жениться?»—«Давно, дядюшка, охота беретъ». Вотъ и вамъ тоже впало въ голову. Внучка-то у Лизаветы Петровны—невѣста хоть куда. А только подумали ли вы, сударь, съ какой стороны вы моей внучкѣ пара? Мнѣ, вотъ, доложили о васъ: Нечаевъ. Ну, знаю, много въ Москвѣ Нечаевыхъ. А кто такіе? Матушка-то ваша кто была? И не слыхала никогда. А Наташа-то моя, слава Богу, никто другая, какъ Глѣбова-Стрѣшнева. Стрѣшневскую родословную всякій дворянинъ знаетъ. Въ нашемъ роду и царица была. Такъ вотъ что, сударь. Сказала вамъ прямо, потому что сами на то назвались. Невѣсть въ Москвѣ много, только у меня вамъ искать нечего. И если въ другой разъ моя прислуга откажетъ вамъ отъ дому, не взщите. А я всякимъ такимъ глупостямъ не потатчица.

Лизавета Петровна проговорила все это ровнымъ, властнымъ тономъ, не повышая голоса, и только синеватая жилка подъ лѣвымъ глазомъ у нея слегка вздрагивала, чѣмъ всегда обнаруживалось закипавшее гнѣвное волненіе.

Нечаевъ сидѣлъ блѣдный, подавленный. Онъ даже не испытывалъ желанія отвѣтить старухѣ какою-нибудь дерзостью: въ Москвѣ уже привыкли благоговѣнно принимать ея грубости, не оскорбляясь, а только уясняя себѣ разстояніе, отдѣлявшее простого дворянина отъ Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ.

Жирный мопсъ, забившійся подъ кресломъ старухи и нестерпимо согнвшій, вдругъ раскашлялся, визгливо захлебываясь, словно у него былъ коклюшъ. Боковыя двери быстро раскрылись, въ комнату вбѣжали, какъ ошалѣлыя, двѣ женщины, подхватили мопса на руки и унесли...

— Вы тутъ съ морозу, вотъ оттого и Джипинька раскашлялся,—съ неудовольствіемъ сказала Лизавета Петровна и встала.

— Простите...—промолвилъ окончательно растерявшійся Нечаевъ.

Онъ распаркивался, отступая къ выходу. Лизавета Петровна, не обращая на него вниманія, удалилась въ другія двери.

Въ большой залѣ Нечаевъ схватилъ себя обѣими руками за голову.

— Что жъ это такое! Вѣдь ошельмовала, въ полномъ смыслѣ ошельмовала человѣка!—подумалъ онъ съ тоской, но не чувствуя никакой злобы къ оскорбившей его женщинѣ. Напротивъ, онъ готовъ былъ самъ себя презирать за то, что позволилъ своимъ мечтамъ такъ высоко занестись.

Онъ примѣтилъ выглядывавшую изъ коридора бѣлокурую голову мальчика лѣтъ пятнадцати. То былъ братъ Наташи.

— А, Ѳедя!—поманилъ его Нечаевъ.—Какъ, братъ, поживаешь?

Федя потрясъ головой, давая знать, что безъ разрѣшенія бабушки не можетъ выйти въ залу къ постороннему человѣку.

— Да, братъ, бабушка у насъ—ой-ой!—сказаль внушительно Нечаевъ.—Такъ меня сейчасъ отчитала, что больше мы и не увидимся. Ты, братъ, держи ухо востро!

Онъ осторожно подошелъ къ двери и однимъ глазомъ заглянулъ въ коридоръ.

— Наташи нѣтъ?—спросиль онъ шопотомъ.

Федя взглянулъ на него словно съ испугомъ и тотчасъ отбѣжалъ.

Нечаевъ только теперъ замѣтилъ, что колѣнки у него дрожать. Онъ постоялъ, обвелъ глазами стѣны и вздохнулъ.

— Да, есть баре въ Москвѣ,—произнесъ онъ мысленно, и торопливо, какъ-то странно подпрыгивая, вышелъ на лѣстницу, спустился, молча кивнулъ калмыку и влѣзъ въ свою карету, такъ некстати заложенную парадной четверней.

III.

Федя прошмыгнулъ по коридору въ буфетную. Старый Филиппъ, въ ливрейномъ фракѣ, только что внесъ туда отъ Лизаветы Петровны огромный серебряный подносъ съ чашками и вазою печеній.

— Филиппушка, дай крендельковъ...—попросиль Федя.

— Что вы, сударь, какъ это возможно,—отказаль буфетчикъ.— Не приведи Богъ, бабушка узнаеть...

— Да я внизъ снесу.

— Нельзя, сударь. Сами знаете положеніе. Лучше не вводите насъ въ грѣхъ.

А Федѣ очень хотѣлось ѣсть. Всѣ дѣти въ этомъ домѣ всегда хотѣли ѣсть, потому что за завтракомъ и за обѣдомъ должны были спрашивать разрѣшенія бабушки, чтобы прикоснуться къ блюду. Это за всѣхъ дѣлала Наташа, какъ старшая. Но ей очень не нравилась такой порядокъ, и она предпочитала отказываться отъ половины кушаній. Давать же дѣтямъ что-нибудь въ неурочное время было строжайше запрещено.

Потоптавшись въ коридорѣ, Федя спустился по внутренней витой лѣстницѣ внизъ.

Тамъ были дѣтскія, классныя, комнаты гувернантокъ и нѣкоторыхъ приживалокъ и «барскихъ барынь», какъ называли главныхъ изъ нихъ.

Обѣ сестры стремительно бросились къ брату.

— Мы смотрѣли въ окно... ты вѣдь не скажешь бабушкѣ? Это Нечаевъ пріѣзжалъ. Въ каретѣ цугомъ. Не слышалъ наверху, зачѣмъ?—заговорили онѣ сразу.

Федя оглянулся и, наклонясь къ Наташѣ, выразительно моргнулъ бровями.

— Маремьяна Петровна сказала. Она подслушивала. Только не проговорись бабушкѣ,—шепнуть онъ.

— Сватался?—переспросила Наташа такъ тихо, что Оеда понялъ вопросъ только по движенію ея губъ.

Онъ утвердительно мотнулъ головой.

— Я его въ залѣ видѣлъ. Бабушка, говоритъ, такъ меня отчитала... И ужъ больше не прійдетъ къ намъ,—сообщилъ онъ.

Наташа ничего не сказала. Что-то пробѣжало по ея полудѣтскому лицу, словно она думала и недоумѣвала.

— Мнѣ онъ нравился; но я еще не могу понимать этихъ вещей,—произнесла она съ забавной серьезностью.—Если бабушка ему отказала, значитъ она знаетъ что-нибудь.

— Бабушка всѣмъ отказываетъ,—возразилъ Оеда.

— Потому что всѣ люди гадкіе, злые. Она сама столько разъ говорила объ этомъ,—напомнила Наташа.

— Вовсе не всѣ гадкіе. Нечаевъ совсѣмъ не гадкій. А я знаю, почему бабушка не хочетъ, чтобъ ты была невѣстой,—неожиданно сказалъ Оеда.

— Почему?

— Потому что невѣстѣ надо шить наряды. Невѣсту нельзя водить вотъ въ такихъ старыхъ платьяхъ и рваныхъ пуховыхъ платкахъ.

И мальчикъ съ брезгливой гримаской дернулъ за складки платка и провелъ пальцемъ по заштопанному лифчику сестры.

Наташа покраснѣла. Ее до боли смущало это затрепанное люстриновое платьице и этотъ протертый пуховый платокъ, въ которыхъ ее неизмѣнно водили въ будни и въ праздники и даже показывали гостямъ. Она знала, что всѣ бывавшіе въ домѣ смѣялись надъ этимъ нищенскимъ нарядомъ, и ея самолюбіе очень страдало. Но она не допускала сомнѣнія, что такъ почему-нибудь нужно.

— Бабушка говоритъ, что мы не должны пріучаться къ роскоши,—сказала она.—Знаютъ же всѣ, что она очень богата, и могла бы одѣвать насъ какъ принцессъ.

— Мы и безъ того принцессы. Стрѣшневъ еще больше, чѣмъ принцессы,—неожиданно вмѣшалась младшая сестра.

— А бабушка это дѣлаетъ изъ скупости,—убѣжденно рѣшилъ Оеда.

Наташа бросила на него укоризненный взглядъ, но сейчасъ же потянула его къ себѣ за руку и заговорила взволнованнымъ шопотомъ:

— Ты знаешь, что вчера Луша сдѣлала? Она слышала, какъ всѣ надъ нами смѣялись, и цѣлый часъ проплакала въ дѣвичьей, а потомъ вдругъ все рассказала бабушкѣ. Все, все: и какіе о насъ пересуды идутъ, и какъ людямъ обидно, что нашихъ барышень точно нищенокъ водятъ.

Горничная Луша, вошедшая въ эту минуту въ комнату и слышавшая послѣднія слова разговора, досадливо передернула плечомъ.

— Какъ есть, все и рассказала,—подтвердила она.—Потому что ужъ очень меня жалость взяла. Не побоялась. Только что же изъ всего того? Развѣ бабушка кого послушаетъ? Моргнула только такъ грозно бровями и приказала уйти вонъ.

— Ахъ, я, кажется, умерла бы отъ страха...—прошептала Наташа.

— Срамъ, одно слово срамъ. При такомъ-то богатствѣ, да въ такихъ платьишкахъ барышень водить — срамота! — продолжала Луша.—Прошрое-то лѣто, какъ въ Покровскомъ жили, помните что было?

— Это когда великая княгиня Елена Павловна къ намъ пріѣзжала?

— Вотъ то-то. Пріѣхала великая княгиня, да прямо въ садъ. А въ саду-то вы играете, а на васъ платица изъ полинялой холстинки, рванья, мятыя-перемьятыя—не глядѣть бы. Мы съ Марѳушей перепугались: какъ, думаемъ, барышень такими чумичками великой княгинѣ показать? Побѣжали мы скорѣе въ комнаты, схватили какія есть чистыя платица, вотъ которыя къ причастію вамъ шили, да и потащили ихъ въ садъ. Тамъ скоро-наскоро напялили ихъ на васъ поверхъ холстинковыхъ, подпоясали лентами, да въ такомъ видѣ и вывели васъ къ великой княгинѣ. А кабы мы не догадались, что сраму-то было бы! Шутка сказать—увидала бы великая княгиня, какъ Стрѣшневыхъ барышень въ затрапезномъ водять...

Наташѣ было и смѣшно, и обидно.

— Бабушка хочеть, чтобъ насъ держали просто,—сказала она.

— Да ужъ чего проще,—подхватила Луша.—А откуда эта простота у нея? Все отъ скупости да отъ большой собственной важности. Чтобъ все для нея, а другіе чтобъ и равняться съ нею не смѣли... Собственныя внучки чтобъ рядомъ съ нею послѣдними замарашками себя чувствовали.

— Ахъ, Луша, какая ты злая,—вступилась за бабушку Наташа.

— Ничего я не злая, а какъ понимаю, такъ и говорю. Жалость-то во мнѣ тоже есть.

За стѣной какъ будто скрипнула половица. И Луша, и обѣ сестры, и Федя стремительно бросились вразсыпную. Торопливо ворвалась въ комнату старая гувернантка, швейцарка Шомеръ, съ книгою въ рукѣ. Барышни присѣли къ окну и схватили лежавшее на подоконникѣ вязанье. Федя кинулся стремглавъ къ себѣ.

Появилась Лизавета Петровна. Она тихо подошла къ внучкамъ и осмотрѣла ихъ работу.

— Вотъ это хорошо, что m-lle Шомеръ не позволяетъ вамъ оставаться въ праздности,—сказала она по-французски.—Вы получаете строгое воспитаніе, которое сдѣлаетъ васъ счастливыми.

— Я во всемъ слѣдую вашимъ указаніямъ,—промолвила швейцарка, повторяя уже сдѣланный раньше почтительный реверансъ.

— Иначе я и не довѣрила бы вамъ воспитаніе моихъ внучекъ,—сказала Лизавета Петровна.—Я знаю, нѣкоторые находятъ, что я держу ихъ слишкомъ въ большой строгости. Но я имѣю на то свои основанія. Я испытала на себѣ самой, къ чему ведетъ баловство. Для моего отца я была божествомъ; онъ не отказывалъ самымъ глупымъ моимъ капризамъ. И что же случилось? Я сдѣлалась извергомъ. Да, да, я сама понимаю, что я—извергъ. Потому-то я и не хочу, чтобъ онѣ выросли похожими на меня.

— Oh, madame!—протестовала m-lle Шомеръ.

Лизавета Петровна еще разъ оглядѣла внучекъ и, ничего не сказавъ имъ, тихо и величественно вышла изъ комнаты.

IV.

Среди московскаго общества 20-хъ годовъ Лизавета Петровна Глѣбова-Стрѣшнева занимала исключительное положеніе. Не очень много выѣзжая и не часто принимая у себя, она была извѣстна всей Москвѣ, какъ самая знатная, вельможная и своенравная представительница минувшаго вѣка. Ее окружало не только всеобщее почтеніе, но и боязливое угодничество. Всѣ знали, что характера и рѣшимости у нея больше, чѣмъ у любого мужчины, и что она никогда не постѣснится высказать въ лицо каждому все, что ей захочется. Ея непозволительныя рѣзкости давали пищу московскимъ анекдотистамъ. Въ этомъ отношеніи съ нею могла поспорить только извѣстная Офросимова, отъ которой бѣгали за версту, чтобъ не попасться ей на языкъ.

Но Офросимова была груба по врожденной прямотѣ характера. Глѣбова-Стрѣшнева, напротивъ, имѣла утонченное воспитаніе, зачитывалась Шатобріаномъ, и всѣ ея рѣзкости происходили отъ сознанія, что передъ Стрѣшневыми всякіе остальные дворяне были такъ ничтожны, что не стоило съ ними считаться.

Это былъ любопытный примѣръ произвольнаго самовозвеличенія, вполне возможнаго среди общества, не обладавшаго ни политическимъ, ни гражданскимъ самосознаніемъ.

Старинный, но ничѣмъ не замѣчательный родъ Стрѣшневыхъ никогда не стоялъ въ первыхъ рядахъ русской знати. Помимо замужества одной изъ Стрѣшневыхъ за царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, никто въ этомъ роду не достигалъ высшихъ отличій, не собралъ несчетныхъ богатствъ и не выдвинулся заслугами и даро-

ваніями. Но Лизавета Петровна рѣшила, что Стрѣшневѣ не имѣютъ себя равныхъ, и заставила всю Москву раздѣлить это убѣжденіе.

Даже больше: она заставила и правительство смотрѣть такими же глазами на ея исключительное положеніе. Когда внукъ ея Федя поступалъ на службу и потребовались необходимыя въ такихъ случаяхъ документы, Лизавета Петровна не въ шутку разобидѣлась.

— Какъ, я должна представлять какія-то метрики да разныя тамъ бумажки, чтобъ доказать, что мой внукъ—столбовой дворянинъ? Подъячіе ваши не знаютъ, какой такой родъ Стрѣшневыхъ?—вскипятилась она.—Стану я выправлять какіе-то документы? Да никогда!

— Но это формальность, которая ото всѣхъ требуется,—убѣждали ее.

— Такъ и пускай ото всѣхъ требуютъ, а не отъ Стрѣшневыхъ,—уширалась старушка.—Пускай въ царскихъ грамотахъ прочитаютъ, или пусть ко мнѣ пожалуютъ, я имъ покажу, какіе у меня портреты предковъ въ гостиной висятъ.

— Однако... если законъ требуетъ...

— Можетъ быть, отъ кого и требуетъ, только не отъ Стрѣшневыхъ...

Сдвинуть Лизавету Петровну съ ея точки зрѣнія не было возможности. Пришлось доложить о такомъ анекдотѣ императору Николаю Павловичу. Государь разсмѣялся и приказалъ вытребовать документы отъ митрополита и предводителя, помимо спесивой представительницы рода Стрѣшневыхъ.

Когда внуки Лизаветы Петровны выходили замужъ, метрикъ у нихъ не оказалось. Пришлось добывать ихъ изъ консисторіи помимо бабушки.

Конечно, не одно высокомѣріе помогло Лизаветѣ Петровнѣ утвердить свое исключительное положеніе въ обществѣ. Всѣ знали ея необычайную силу воли, настойчивость и упорство. Разъ навсегда рѣшивъ, что для нея нѣтъ ничего невозможнаго, она много разъ съ успѣхомъ это доказывала.

Между прочимъ, въ Москвѣ знали такой случай. Тамъ проживалъ въ 20-хъ годахъ графъ Остерманъ, женатый на тетущкѣ Глѣбовой-Стрѣшневой, Марѣ Ивановнѣ. Несмотря на графское достоинство и свойство, Лизавета Петровна относилась къ нему очень пренебрежительно.

— Что жъ, что графъ, да происхожденіе-то у него какое?—отзывалась она о немъ.—Всякій знаетъ, откуда взялись Остерманы. Хоть и породнился съ Стрѣшневыми, а поравняться съ нами не можетъ. Равнаго съ Стрѣшневыми не было и нѣтъ.

Этотъ графъ Остерманъ жилъ широко, и зимою по четвергамъ давалъ роскошныя обѣды для всей московской знати. Неизмѣннымъ посѣтителемъ этихъ обѣдовъ бывалъ также и митрополитъ Пла-

тонь. Лизавета Петровна также любила ѣздить по четвергамъ къ дядюшкѣ, пренебрегая даже нездоровьемъ.

И вотъ въ одинъ изъ четверговъ Лизавета Петровна, находившаяся въ интересномъ положеніи, почувствовала съ утра близость развязки. Тѣмъ не менѣе приказала себя зашнуровать и одѣтъ какъ можно наряднѣе.

— Какъ, матушка, неужто вы все-таки поѣдете къ Остерманамъ?—изумился мужъ.

— А почему бы я не поѣхала?

— Но вѣдь вы, матушка, того и гляди...

— Пустое!—съ увѣренностью возразила Лизавета Петровна.— Это только простыя бабы зависятъ отъ природы; воспитанныя же дамы распоряжаются, какъ имъ удобнѣе.

Мужъ пожалъ плечами, но, зная, что противорѣчить бесполезно, велѣлъ подавать карету.

Лизавета Петровна, блѣдная, съ прикушенною губою, сѣла за столъ рядомъ съ митрополитомъ. Перемогая жестокия боли, она высидѣла до конца обѣда, но затѣмъ принуждена была тотчасъ уѣхать, сославшись на мигрень.

По дорогѣ мужъ позволилъ себѣ въ первый и единственный разъ высказать неодобреніе.

— Ну, матушка, не далеко до грѣха было. Вѣдь вы чуть не разрѣшились отъ бремени при самомъ митрополитѣ,—проворчалъ онъ.

Минуть черезъ десять по приѣздѣ домой семейное событіе благополучно совершилось. Лизавета Петровна, вспоминая впослѣдствіи тревогу мужа, спокойно говорила:

— Все зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашей воли.

Москва, знавшая не одинъ подобный случай въ жизни Глѣбовой-Стрѣшневой, не шутя ея побаивалась.

V.

Лизавета Петровна не заблуждалась, относя недостатки своего характера къ чрезмѣрному баловству, окружавшему ея дѣтство и молодость.

Дѣйствительно, это было совсѣмъ сказочное дѣтство.

Отецъ ея, генераль-аншефъ Петръ Ивановичъ Стрѣшневъ, бывшій нѣкоторое время генераль-губернаторомъ въ Кіевѣ, рано овдовѣлъ. На рукахъ у него осталась маленькая дочка Лиза, хорошенькій ребенокъ съ золотистыми волосами и серьезнымъ, важнымъ выраженіемъ дѣтскаго личика. На эту дѣвочку онъ перенесъ все обожаніе, къ какому была способна его мягкая и, повидимому, не богато одаренная натура. Лиза сдѣлалась его идоломъ, своенравнымъ, затѣйливымъ и безгранично самолюбивымъ. Окруженная

роскошью, дорогими игрушками, безтолковымъ и безобразнымъ угодничествомъ домашней челяди, она съ раннихъ лѣтъ догадалась, что нѣтъ такого желанія, которое не было бы исполнено отцомъ или окружающими.

Въ семейныхъ преданіяхъ Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ сохранилась память о ея дѣтскихъ капризахъ и о знаменитой куклѣ, являвшейся посмѣшищемъ для однихъ и тягостной доуккой для другихъ. Звали эту куклу Катериной Ивановной. Лиза сдѣлала изъ нея какого-то божка, и настаивала, чтобъ окружающіе оказывали ей знаки благоговѣйнаго почитанія. Въ пріемные дни кукла эта выносилась въ гостиную и усаживалась въ креслѣ на видномъ мѣстѣ. Всякій гость, если хотѣлъ сохранить добрыя отношенія съ Петромъ Ивановичемъ, долженъ былъ непременно почтительно расшаркиваться передъ нею, а дамы—дѣлать реверансы.

Можно представить себѣ, какія формы пріобрѣтало это идолопоклонство въ средѣ мелкихъ подчиненныхъ и крѣпостной прислуги.

Въ праздничные дни Катерина Ивановна любила выѣзжать.

— Какъ думаешь, не послать ли ее прокатиться?—спрашивалъ Лизу почтенный генераль-аншефъ и кіевскій генераль-губернаторъ.

— Да, да, непременно —подхватывала Лиза.

— И, пожалуй, въ парадной каретѣ?

— Конечно, въ парадной, съ гайдуками.

На удивленье собравшихся передъ домомъ ротозѣевъ, разряженную по послѣдней модѣ куклу выносили изъ подъѣзда, усаживали на бархатной подушкѣ въ огромную восьмистекольную карету съ позолотой и стрѣшневскими гербами, пара рослыхъ гайдуковъ вскакивала на запятки, четверня цугомъ трогалась съ мѣста, и необычайный поѣздъ направлялся по городскимъ улицамъ.

Можно было бы подумать, что сумасшедшіе разыгрываютъ какой-то мрачный фарсъ. А это только баловникъ-вельможа тѣшилъ свою любимую дочку. И никто сумасшедшимъ его не считалъ; напротивъ, публика видѣла въ фарсѣ невинную вельможную шутливость.

Въ такой обстановкѣ Лиза выросла до того возраста, когда можно было подумать о выдачѣ ея замужъ. Съ свойственною ей самостоятельностью, она безъ долгихъ размышленій объявила:

— Я пойду за Федора Ивановича Глѣбова.

Отецъ былъ пораженъ. Этому Глѣбову было уже подь-сорокъ; жена его, урожденная княжна Дашкова, умерла, оставивъ ему дочь. Служебная карьера его не обѣщала чего-нибудь особенно блестящаго: онъ не былъ достаточно дѣятеленъ, предприимчивъ и упоренъ. Да, кромѣ того, у него замѣчались нѣкоторыя сумасбродныя по годашнимъ понятіямъ идеи: онъ вѣрилъ въ воспримчивость русскаго мужика къ культурѣ, и въ своемъ тверскомъ имѣннѣ завелъ мастерскія, гдѣ крестьяне обучались ремесламъ и искусствамъ:

дѣлали стильную мебель, ткали дорогіе ковры, обрабатывали мраморъ и пр.

Въ глазахъ Петра Ивановича этотъ пожилой генераль пред- ставлялъ совсѣмъ не подходящую партію для Лизы. Въ первый разъ онъ рѣшился показать свою волю и заявилъ, что согласія на этотъ бракъ не дастъ.

Лиза покорилась,—можетъ быть, потому, что ей не хотѣлось дать поводъ говорить, будто она очень заинтересована Глѣбовымъ.

Но отецъ ея вскорѣ умеръ, и спустя годъ она все-таки настояла на своемъ и вышла за Глѣбова.

Какъ уже было упомянуто, она объясняла свой выборъ тѣмъ, что Глѣбовъ былъ единственный человѣкъ, котораго она могла покорить себѣ, не теряя уваженія къ нему. И дѣйствительно, она всегда относилась къ нему съ видимой почтительностью, и только одного не могла ему простить—образовательныхъ затѣй въ его тверскомъ имѣніи.

— А танцовальнаго учителя вы не нашли еще для своихъ крестьянъ? Ужъ надо было бы ихъ и менуэту выучить,—насмѣшливо говорила она ему, когда онъ показывалъ ей издѣлія своихъ крѣпостныхъ художниковъ.

Понятно, что пожилой мужъ перенесъ на молодую жену обожаніе ея отца. Для Лизаветы Петровны возобновились сказочныя условія ея избалованнаго существованія. Только теперь все было шире, пышнѣе, значительнѣе. Служа въ Петербургѣ въ близости ко двору, Глѣбовъ ввелъ жену въ высшій петербургскій свѣтъ, и она кружилась въ блескѣ, затоплявшемъ жизнь екатерининской знати. Въ этой средѣ Лизавета Петровна умѣла заставить оцѣнить преимущества и своей привлекательной наружности, и своего тщательнаго для тогдашняго времени образованія.

Въ три года разъ Глѣбовъ бралъ продолжительный отпускъ и уѣзжалъ съ семьей въ стрѣшневское имѣнье, с. Покровское. Тамъ была большая барская усадьба съ чудеснымъ садомъ и всѣми затѣями прихотливаго помѣщичьяго хозяйства. Переселялись туда всѣмъ домомъ, съ дѣтьми, гувернантками, приживалками и многочисленной, отлично вышколенной дворней.

Кругомъ—пріятное сосѣдство, на половину состоявшее изъ близкой и дальней родни.

Здѣсь Лизавета Петровна отдыхала отъ петербургской суеты и наслаждалась почтеніемъ, оказываемымъ мѣстнымъ дворянствомъ представительницѣ именитаго рода Стрѣшневыхъ.

Рядомъ съ Покровскимъ, по другую сторону парка, находилась небольшая деревенька, гдѣ почему-то выстроена была прекрасная баня. Лизавета Петровна любила пользоваться именно этой баней.

Разъ она сказала мужу:

— Вотъ, хорошо бы имѣть тутъ домъ, да и жить въ немъ.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1909, т. сxviii.

5

Федоръ Ивановичъ промолчалъ, но сохранилъ въ памяти слова жены.

Черезъ три года, когда Глѣбовы снова пріѣхали въ Покровское, Лизавета Петровна сейчасъ же распорядилась приготовить ей баню въ сосѣдней деревенькѣ и собралась туда ѣхать.

Нарядившись въ халатикъ и кисейный чепчикъ, она подошла къ окну, въ ожиданіи, пока подадутъ карету, и съ удивленіемъ увидѣла, что по дорогѣ мимо усадьбы ѣдутъ то одни сосѣди, то другіе.

— Почему же они къ намъ не заворачиваютъ? Развѣ вы еще никого не оповѣстили о нашемъ пріѣздѣ?—обратилась она къ мужу.

— Не успѣлъ, матушка, не успѣлъ еще,—отвѣтилъ Федоръ Ивановичъ.

Но вотъ показалась громадная карета графини Пушкиной, жены фельдмаршала, особенно близкой съ Глѣбовыми. И тоже проѣхала мимо.

Тутъ Лизавета Петровна разволновалась.

— Неужели вы и Пушкинымъ ничего не дали знать обо мнѣ? Это ни на что не похоже!—набросилась она на мужа.

— Ужъ извините, царица моя, не догадался. Да и дѣлъ много было,—оправдывался тотъ.

Крайне недовольная, Лизавета Петровна сѣла съ мужемъ въ карету, и во всю дорогу не проронила ни слова.

И вдругъ она видитъ, что карета остановилась у крыльца большого, прекрасно выстроеннаго дома, а на крыльцѣ стоитъ графиня Пушкина съ букетомъ розъ въ рукахъ, и за нею цѣлая толпа сосѣдей, а въ сѣняхъ дворовыя дѣвушки съ клѣтками любимыхъ птицъ и со всеми двадцатью любимыми мопсами изъ Покровскаго.

Очарованная и растроганная, Лизавета Петровна не знала, какъ выразить свой восторгъ.

— Впрямь, вы нынче волшебствами занимаетесь!—говорила она мужу.

Федоръ Ивановичъ прослезился.

— Для васъ, моя царица, и волшебствъ недостаточно...—умилялся онъ.

Пушкина подхватила Лизавету Петровну подъ руку и повела въ домъ. Тамъ она сняла съ нея чепчикъ, распустила ея прелестныя бѣлокурныя волосы и принарядила ее въ платье.

— Ну, баня отъ васъ не уйдетъ, а теперь извольте-ка праздновать съ нами новоселье,—распорядилась она.

И всей гурьбой потянулись въ столовую, гдѣ уже приготовленъ былъ роскошный завтракъ.

Деревенька, украшенная новой усадьбой, была названа въ честь избалованной владѣлицы—«Елизаветино».

VI.

Перемѣну въ жизни Глѣбовыхъ произвело новое царствованіе. Ѳедоръ Ивановичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не легко разставались съ привычками и преданіями екатерининской эпохи. Мягкая натура его не мирилась съ своенравными, крутыми и часто несправедливыми капризами императора Павла. Новый дворъ, новые петербургскіе порядки не по душѣ пришлись ни ему, ни Лизаветѣ Петровнѣ. Въ чинѣ генераль-аншефа Глѣбовъ попросился въ отставку и, получивъ ее, занялся хозяйствомъ въ своемъ имѣннн селѣ Знаменскомъ, въ Тверской губерніи. Онъ выстроилъ тамъ великолѣпный домъ-дворецъ, предполагая провести въ немъ остатокъ жизни. Но въ 1799 году онъ умеръ, шестидесяти пяти лѣтъ.

Въ живыхъ у Лизаветы Петровны оставались два сына. Старшаго, Петра, предназначили въ военную службу и чуть ли не отъ рожденія записали, по тогдашнему обычаю, въ гвардію. Двѣнадцати лѣтъ ему уже приходилось на смотрехъ командовать взводомъ. Это былъ очень красивый и милый мальчикъ, солдаты сердечно его любили, и такъ какъ службы онъ совсѣмъ не зналъ, то старые унтеры подсказывали ему на ученьи, что надо дѣлать.

Онъ рано женился и рано умеръ. Женитьба на княжнѣ Друцкой состоялась, повидимому, вопреки желаніямъ матери: Лизавета Петровна находила, что для Друцкихъ слишкомъ большая честь—породниться съ Стрѣшневыми. Но бывшая княжна смотрѣла на это иначе и, овдовѣвъ, вышла замужъ за дворянина Лесли, совсѣмъ не вельможнаго.

Такого посрамленія знаменитаго рода Лизавета Петровна уже не могла перенести. Помѣшать второму браку невѣстки было не въ ея силахъ, но она заставила выдать ей дѣтей отъ перваго мужа: дочерей Наташу и Пашу и сына Ѳедю. Всѣхъ троихъ она взяла къ себѣ на воспитаніе.

Въ новой семьѣ Лесли сохранялась, должно быть, не очень родственная память о Лизаветѣ Петровнѣ, потому что сынъ Лесли, гостя иногда у своего своднаго брата Ѳеди въ угрюмомъ домѣ на Большой Никитской, ночью не могъ заснуть отъ страха, зная, что наверху живетъ суровая бабушка.

И не мудрено, когда даже взрослая родня совершенно терялась въ присутствіи Лизаветы Петровны. Съ двоюродной племянницей ея, кн. Еленой Дмитріевной Щербатовой, былъ такой случай. Входя въ комнату къ тетущкѣ, она еще отъ порога начала почтительно присѣдать, повторяя при каждомъ реверансѣ:

— Bonjour, ma tante! Bonjour, ma tante!

Но смущеніе все болѣе овладѣвало ею, и, подходя къ тетущкѣ, она поскользнулась и упала.

Грозную тетушку приключеніе это не расположило къ снисходительности, и когда окончательно растерявшаяся племянница вышла отъ нея, она послала ей вслѣдъ очень явственное:

— Дура!

Очевидно, къ тому времени рѣзкій, крутой и самовластный нравъ Лизаветы Петровны выработался вполне.

Продолжать петербургскую жизнь по смерти мужа, при новыхъ порядкахъ, не представлялось ей привлекательнымъ. Москва и с. Покровское притягивали ее гораздо больше. Она сохраняла петербургскія связи, но все больше сближалась съ московскимъ обществомъ, вполне отвѣчавшимъ ея потребности надменно властвовать, выдаваться надъ всѣми, ни съ кѣмъ не стѣсняться, и отъ всѣхъ принимать знаки благоговѣйнаго почтенія.

Послѣ «разореннаго» года вновь обстроившаяся Москва могла уже считать Глѣбову-Стрѣшневу коренною обитательницею старой столицы, и ея домъ на Большой Никитской—однимъ изъ главныхъ центровъ высшаго московскаго общества.

Кстати же Лизавета Петровна выхлопотала разрѣшеніе присоединить къ фамиліи по мужу свою дѣвическую, ближе связанную съ московскою стариною. Глѣбова-Стрѣшнева—это лучше звучало въ стѣнахъ Кремля, вблизи древнихъ царскихъ палатъ, дававшихъ нѣкогда кровь одной изъ Стрѣшневыхъ.

И вотъ въ барскомъ особнякѣ на Большой Никитской водворилась своеобразная жизнь, полная угрюмой важности и одинаково отражавшая на себѣ избалованныя причуды властной старухи и московскій укладъ глухихъ двадцатыхъ годовъ.

Смыслъ этой жизни заключался въ безраздѣльномъ владычествѣ Лизаветы Петровны надъ всѣмъ, что росло и дышало въ домѣ. А владычествовала она какъ будто для того, чтобы не допустить ущерба чести и достоинству столбоваго дворянскаго рода Стрѣшневыхъ.

Преимущества этого рода Лизавета Петровна основывала не только на его знатности, но и на нравственной незапятнанности.

— Настоящее величіе состоитъ въ томъ, когда никто изъ предковъ ничѣмъ не замаралъ себя, не дѣлалъ никакихъ «басессовъ» (bassesse)—внушала она своей многочисленной роднѣ.

Кромѣ Глѣбовыхъ, кн. Друцкихъ, Лесли, которыхъ она считала только въ свойствѣ съ Стрѣшневыми, среди московской родни ея были князья Щербатовы, графы Вьельгорскіе, Остерманы, а среди друзей—князья Голицыны, графы Пушкины, Толстые—и все это жило роскошно и важно, владѣло тысячами крѣпостныхъ душъ и было связано не только личною жизнью, но и культомъ стародавнихъ обычаевъ, величавою охранительницею которыхъ неизмѣнно выступала Лизавета Петровна.

Привычка властвовать и сознать себя на недосыгаемой высотѣ среди окружающихъ до такой степеніи слилась съ ея природою, что

она не замѣчала въ своемъ домашнемъ укладѣ своеобразностей, надъ которыми исподтишка подсмѣивалась даже благоговѣвшая передъ нею Москва. Скупость не казалась ей скупостью, а только строгостью, соразмѣрной съ ничтожествомъ окружающихъ. Заставляя внучекъ трепать старенькія простенькія платица, она хотѣла предохранить ихъ отъ суетности и заносчивости. Можетъ быть, въ такихъ же видахъ, имъ, уже вышедшимъ изъ дѣтскаго возраста, продолжали подавать къ столу дѣтскіе приборы. Можетъ быть, и этою обидною мелочью подчеркивалось разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ бабушки...

Сидѣть дѣтямъ разрѣшалось только за обѣдомъ. За утреннимъ кофе они стояли, также какъ и дядя ихъ Дмитрій Ѳеодоровичъ, второй сынъ Лизаветы Петровны. Не смѣли сѣсть ни гувернантка m-ле Шомерь, ни воспитатель Ѳеда, ни управляющій, ни главный конторщикъ. Всѣ они молча и подобострастно стояли вокругъ стола, наблюдая, какъ три кофеенка старательно приготавливали ароматный напитокъ, и какъ потомъ Лизавета Петровна величественно прихлебывала его изъ фарфоровой чашки.

Многочисленныя «барскія барыни» не имѣли права даже присутствовать при этомъ священнодѣйствіи. Онѣ показывались только, когда генеральша проходила по комнатамъ, и при этомъ кланялись ей въ поясъ.

— Точно складные ножи,—острилъ Ѳеда.

Откушавъ кофе, бабушка приступала къ прозаическому занятію—терла для себя табакъ. Подобно многимъ старушкамъ екатерининскаго времени, она сохранила привычку держать всегда въ рукѣ изящную жалованную табакерку.

Все, что дѣлалось не въ присутствіи бабушки, дѣлалось потихоньку. Дѣти, приживалки, прислуга помогали другъ другу скрывать отъ строгаго глаза самыя невинныя нарушенія установленнаго порядка.

VII.

А между тѣмъ старшей внучкѣ, Наташѣ, шелъ уже восемнадцатый годъ. Это была хорошенькая дѣвушка, сохранившая дѣтскую свѣжесть души подъ властью суровой морали. Воспитаніе не забило ее и не ожесточило, а только приучило задумываться и искать въ самой себѣ разъясненія представлявшихся ея уму противорѣчій и загадокъ.

Она не роптала, но ощущала лежавшій на всемъ домѣ гнетъ. Воображеніе начинало дѣйствовать, развивая свойственную возрасту мечтательность. Лѣтомъ, въ Покровскомъ, дѣвушка чувствовала себя гораздо лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Тамъ громаднѣй, старѣй паркъ вносилъ въ жизнь какой-то призракъ свободы. И такъ какъ днемъ тамъ можно было гулять только подъ неусыпнымъ надзоромъ m-ле Шомерь, то Наташа, пользуясь преданностью горнич-

ной Луши, убѣгала туда потихоньку въ четыре часа утра и, забравшись въ какой-нибудь любимый уголокъ, зачитывалась тамъ стихами Ламартина или сентиментальнымъ сочиненіемъ Циммермана «Объ уединеніи».

Въ покровскомъ паркѣ Наташа набиралась свѣжести для угрюмыхъ, скучныхъ мѣсяцевъ въ особнякѣ на Большой Никитской.

Но вдругъ, въ срединѣ зимы, въ этомъ печальномъ домѣ произошло нѣчто необычайное.

Въ сумерки въ ворота вошли двѣ молодыя дѣвушки въ салончикахъ и шерстяныхъ платкахъ. Онѣ притащили огромную черную картонку, перевязанную ремешками.

По черной лѣстницѣ онѣ пробрались со своею ношею въ дѣвичью.

И черезъ минуту по всему дому разнеслась удивительная вѣсть:

— Изъ французскаго магазина принесли старшей барышнѣ балльный туалетъ! Барышню везутъ на балъ!

Дѣйствительно, въ тотъ день московскій генераль-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ давалъ большой балъ.

Среди мѣстной знати было принято вывозить дѣвицъ въ первый разъ въ свѣтъ именно на такіе полу-официальные балы.

И такъ какъ Наташѣ въ этомъ году исполнилось восемнадцать лѣтъ, то Лизавета Петровна рѣшила показать ее высшему московскому обществу.

М-ле Шомеръ бросилась наверхъ за приказаніями.

Въ комнатѣ барышень началась торжественная суета.

Явился парикмахеръ съ Кузнецкаго моста и завилъ Наташѣ локоны. Въ густые, шелковистые волосы ея вплели *poesud d'Apollon*, для котораго бабушка прислала нитку фамильныхъ жемчуговъ. Изъ картонки извлекли блѣдно-розовое газовое платье на бѣломъ атласномъ чехлѣ, убранное нѣжными блондами и цвѣтами. Мастерницы изъ магазина надѣли его на Наташу, обдернули, расправили складки.

Присутствовавшая тутъ же четырнадцатилѣтняя Паша съ изумленіемъ смотрѣла на сестру широко раскрытыми глазами.

— Знаешь, мнѣ кажется, что ты хороша собою!—воскликнула она наконецъ, восхищенная, но не вполне довѣряющая себѣ.

Наташа съ забавною внимательностью оглянула себя въ огромномъ, потускнѣвшемъ отъ времени зеркалѣ.

— Мнѣ тоже кажется, какъ будто я недурна,—согласилась она.

— Нѣтъ, въ этомъ нарядѣ ты прелесть какая хорошенькая,—все болѣе восхищалась Паша.

— Да ужъ лучше нашей барышни развѣ кто будетъ на балу!—убѣжденно выразилась горничная Луша.

Лицо Наташи стафовилось все серьезнѣе.

— Мы не должны довѣрять себѣ,—сказала она сестрѣ.—Помнишь, м-ле Шомеръ всегда говорить, что изъ самолюбія люди считаютъ себя красивѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

— Ну, m-ше Шомерь!—протестующимъ тономъ произнесла Паша, и покрутила по-дѣтски головой.

Старая швейцарка какъ разъ въ эту минуту вернулась въ комнату и оглядѣла со всѣхъ сторонъ свою воспитанницу.

— Сегодня знаменательный день въ вашей жизни, дитя мое,—сказала она по-французски.—Сегодня вамъ предстоитъ выставить свои добродѣтели, плодъ тщательнаго воспитанія, предъ судомъ многочелюднаго и блестящаго общества. Помните, что люди недоброжелательны и ихъ глазъ подмѣчаетъ самый ничтожный недостатокъ.

— Но тогда это очень страшно, m-ше Шомерь?—произнесла, все болѣе робѣя, Наташа.

— Пусть будутъ вашею защитою внушенныя вамъ высокія правила,—отвѣчала гувернантка.—И поищите въ нашемъ сердцѣ немножко признательности къ бабушкѣ, которая, изъ любви къ вамъ, снисходитъ до вашихъ невинныхъ удовольствій.

M-ше Шомерь оглянулась, вынула изъ запрятаннаго въ густыхъ складкахъ кармана табакерку и быстро послала себѣ въ носъ понюшку.

— А теперь сядьте на стулъ и сидите не шевелясь, чтобы не измять платья и не разстроить прическу,—приказала она.—Когда будетъ время, бабушка позоветъ васъ.

Наташа сѣла, сложивъ на колѣняхъ затянутыя въ длинныя перчатки руки. Съ ней осталась только Паша.

— Вотъ я нисколько не потерялась бы на балу,—произнесла она послѣ минутнаго созерцанія сестры.—Главное, надо твердо знать всѣ фигуры. Ты вѣдь и мазурку будешь танцовать?

— Конечно, буду.

— Вотъ мазурка—это страшно. Въ ней есть такія фигуры... А разговаривать я бы съ каждымъ могла.

— Мнѣ кажется, что разговоръ—это-то и есть самое страшное на балу. Такъ легко сказать что-нибудь неудачное.

— Лишь бы не мямлить, а рѣзать сразу. Тогда и не замѣтятъ.

Въ комнату осторожно заглянулъ Оеда. Видъ разряженной сестры, неподвижно сидѣвшей на стулѣ, поразилъ его.

— Совсѣмъ кукла!—вырвалось у него.—Это и на балѣ всѣ такъ сидятъ? Вотъ скука-то!

Онъ обошелъ вокругъ сестры и потрогалъ пальцемъ ея локоны.

— Отстань! убирайся!—прикрикнули на него сестры.

— Барышня, пожалуйте къ бабушкѣ!—объявила вбѣжавшая въ комнату Луша.

Наташа встала, быстро нѣсколько разъ перекрестилась и осторожно, держа руки такъ, чтобы не прикасаться къ платью, поднялась по витой лѣстницѣ наверхъ.

Лизавета Петровна, уже совсѣмъ принаряженная, сидѣла передъ туалетнымъ зеркаломъ и застегивала на худой, изсохшей шеѣ фа-

мильный фермуаръ. Наташа должна была нѣсколько разъ пройти передъ нею, показывая со всѣхъ сторонъ свой туалетъ.

— Очень мило,—одобрила бабушка.—Да и странно было бы, если бъ за такую цѣну не сдѣлали хорошенькаго платица. Ты рада?

— Да, бабушка.

Лизавета Петровна протянула руку для поцѣлуя.

— Надѣюсь, что ты сумѣешь держать себя,—продолжала она.— Помни, что всѣ люди злы и завистливы. Они будутъ рады поднять на зубокъ всякій промахъ внучки Глѣбовой-Стрѣшневой. Злословіе—обычное орудіе ничтожества. Но Стрѣшневые всегда стояли выше человѣческаго суда. Иди въ залу и жди меня.

«Но если люди такъ злы, то какое же удовольствіе раздѣлять ихъ общество?» думала, проходя полусвѣщенными комнатами, Наташа.

VIII.

Генераль-губернаторскій домъ сіялъ огнями. Свѣтился не только безконечный рядъ оконъ, но вся улица, уставленная пылавшими и чадившими плошками. Полиція разгоняла тѣснившуюся на панеляхъ толпу зѣвакъ, жандармы устанавливали въ рядъ подѣзжавшія кареты.

Лизавета Петровна была недовольна, что пришлось ждать.

— Меня-то могли бы впередъ пропустить,—ворчала она.—Кажется, другихъ Стрѣшневыхъ нѣтъ.

Рослый гайдукъ распахнулъ дверцу и почти на рукахъ вынесъ генеральшу на широкое крыльцо.

По затянутой ковромъ и уставленной растеніями лѣстницѣ подымались, между двумя рядами ливрейныхъ лакеевъ, разряженныя дамы и блистающіе мундирнымъ шитьемъ мужчины. Слышался сильный запахъ духовъ и ароматическаго курева. Сверху падали веселые звуки собственнаго голицынскаго оркестра.

Пробираясь за бабушкой, Наташа прошла въ аванзалу, гдѣ князь Голицынъ съ адъютантомъ Толстымъ встрѣчали гостей. Дочь князя, графиня Протасова, увидавъ Наташу, сейчасъ же взяла ее подъ руку и увела въ боковую комнату.

— Вы въ первый разъ выѣзжаете, вамъ надо оправиться,—предложила она.

Въ комнатѣ было уже много молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ знали Наташу, бывая на большихъ пріемахъ у Лизаветы Петровны. При видѣ чуть поблѣднѣвшаго, растеряннаго лица Наташи всѣмъ имъ хотѣлось обласкать и ободрить ее. Московское общество, даже не знавшее ее, уже сочувствовало ей, благодаря рассказамъ о необычайной строгости, въ какой воспитывала ее бабушка.

— Выпейте стаканъ флердоранжевой воды, это освѣжить васъ,— предлагала графиня Протасова.— Да какой на васъ хорошенькій туалетъ, и какъ вамъ къ лицу этотъ *poeud d'Apollon* въ волосахъ!

Элень Щербатова, та самая, которая упала, дѣлая реверансы передъ Лизаветой Петровной, чуть не со слезами бросилась цѣловать Наташу.

— Душка, да какая же ты прелесть!—воскликнула она.— Кто бы могъ подумать, видя тебя всегда въ дырявыхъ пуховыхъ косынкахъ, что ты будешь такъ хороша въ бальномъ туалетѣ!

— Постараемся, чтобы вамъ не было скучно на вашемъ первомъ балу,—говорили молодыя дамы, ласково и ободрительно заглядывая въ глаза Наташи, начинавшіе довѣрчиво поблескивать.

И всѣ, припоминая собственное смущеніе на своемъ первомъ выѣздѣ, хотѣли сказать что-нибудь хорошее, дружеское, этому славному полу-ребенку, знавшему такъ мало радостей у себя дома.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ Наташа почувствовала себя совсѣмъ легко и свободно. Застѣнчивое смущеніе разсѣялось, и, точно въ сказкѣ, жизнь сразу показалась ей совсѣмъ другой стороной своей.

«Почему мнѣ говорили, что люди злы, завистливы, насмѣшливы?—спрашивала она себя съ недоумѣніемъ.— Напротивъ, всѣ такіе хорошіе, добрые... и мнѣ такъ легко среди чужихъ...»

Убѣдившись, что Наташа совсѣмъ оправилась, графиня Протасова повела ее въ большую залу.

Тамъ было уже тѣсно, въ особенности около стѣнъ, гдѣ толпились не танцующіе. Между колоннами прохаживались барышни и суетились молодые люди, на обязанности которыхъ лежало составлять пары. Молодые князья Голицыны и Толстые выбивались изъ силъ, чтобы какъ можно удачнѣе наладить первый контрдансъ.

Въ углу передъ большой гостиной, далеко выдвинувшись въ залу, сидѣли самыя знатныя пожилыя особы, и впереди всѣхъ Лизавета Петровна. Выпрямившись на поданномъ ей высокомъ креслѣ, она съ строгимъ и нѣсколько презрительнымъ вниманіемъ лорнировала публику. Ее словно удивляло, что въ залѣ мелькали незнакомыя ей лица.

— Это еще что за птица?—поминутно спрашивала она сидѣвшую подлѣ нея кухню графиню Вьельгорскую, урожденную Матюшкину, указывая лорнетомъ на проходившаго невдалекѣ какого-нибудь молодого человѣка.

— Соколинскій,—отвѣчала Вьельгорская.

— Какъ? Соколинскій? Не слыхала. Кто жъ онъ такой?

— Служить у князя. Недавно, кажется, изъ Петербурга.

— Да кто его мать?

— Не знаю.

— Ну, матушка, если не знаютъ, кто его мать, то, стало быть, птица не важная. У насъ, у столовыхъ, всё въ роду извѣстны.

Офросимова, высокая, въ темнокрасномъ бархатномъ платьѣ стараго фасона, прохаживалась своей грузной походкой по всей залѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что контрдансъ уже начался. Она толкалась между парами, наступала на шлейфы и тутъ же дѣлала сердитыя замѣчанія не успѣвшимъ очистить ей дорогу. И всё почтительно разступались, отодвигали стулья и путали фигуры, чтобъ только уклониться отъ описываемыхъ ею по залѣ зигзаговъ.

Офросимова очень уважала Лизавету Петровну за ея рѣзкость. Поэтому, узнавъ, что ея внучка сегодня въ первый разъ на балѣ, хотѣла оказать ей покровительство. Она подозвала свою дочь, дѣвицу уже не первой молодости.

— Аленушка, смотри, чтобы Наташа не оставалась безъ кавалеровъ,—приказала она.—Пусть дѣвочка попрыгаетъ.

Во время вальса она натискомъ вошла въ кругъ и принялась густымъ басомъ окликать знакомыхъ и незнакомыхъ мужчинъ:

— Ты куда бѣжишь? Даму ищешь? Чего тебѣ еще искать, когда Наташа тутъ. Какую тебѣ еще даму нужно? Вотъ внучка Лизаветы Пётровны Глѣбовой, съ ней и вертись. Хотя въ наше время это верченье приличнымъ не считалось. При покойномъ государѣ Павлѣ Петровичѣ кавалеры не смѣли такъ обхватывать дамъ. На что, правда, похоже: облапить, словно простую дѣвку, да еще дышать на нее.

Дамы исподтишка хихикали, а мужчины принимали смиренный видъ.

IX.

Наташѣ было невыразимо весело. Чувство подавленности, съ которымъ она вступила сюда, совсѣмъ разсѣялось. Она уже не боялась ни человѣческой враждебности, ни злословія, ни насмѣшекъ,—кажется, не боялась даже самой бабушки. По ней скользили сотни дружескихъ взглядовъ, и такія добрыя лица улыбались ей ласково и поощрительно...

Она была замѣчена, ею интересовались. Самые блестящіе молодые люди хотѣли быть ей представленными. Голицыны, Толстые приглашали ее на всё танцы. Дамы уводили ее въ уборную, поправляли ей локоны, складки платья, учили освѣжать лицо пуховкой съ пудрой. И она почти съ удивленіемъ замѣчала, что разговаривать съ мало-знакомыми мужчинами вовсе не такъ трудно, какъ она думала. Даже на старомодныя шутки пожилыхъ людей у нея какъ-то сами собой находились удачныя отвѣты. Хозяинъ бала князь Голицынъ, какъ всегда любезный и ко всѣмъ внимательный, пого-

воривъ съ ней пять минутъ, съ значительнымъ видомъ подмигнулъ старому Обольянинову, явно желая сказать:

— А дѣвочка эта совсѣмъ не дура...

Повидимому, онъ сказалъ о ней что-то очень лестное бабушкѣ, потому что та съ довольнымъ видомъ покивала головой и подозвала внучку.

— Нравится тебѣ тутъ? веселишься?—спросила она ее.

— Да, бабушка.

— Я думаю!—съ чувствомъ достоинства промолвила Лизавета Петровна.—Не кто-нибудь, а Стрѣшнева.

Она откинулась на спинку своего высокаго кресла и помахала стариннымъ разрисованнымъ вѣеромъ.

— Говорять, тамъ какія-то новыя конфеты въ буфетѣ выставлены,—вспомнила она.—Голицынскій кондитеръ выдумалъ. Поди, принеси мнѣ взглянуть, что такое.

Счастливая, что можетъ услужить бабушкѣ, Наташа бросилась въ буфетную, уставленную фруктами, печеньями и прохладительными напитками.

На этотъ разъ здѣсь была новость: по стѣнкамъ громаднаго рѣз-ного буфета были развѣшаны на ленточкахъ фигурки изъ разноцвѣтнаго леденца, изображавшія мужичковъ, бабъ, собачекъ, коровъ и пр. Незатѣйливыя издѣлія крѣпостнаго кондитера, напоминавшія ярмарочный товаръ, вовсе не имѣли соблазнительнаго вида и мало обѣщали для вкуса; но это была новость, пускаемая въ ходъ генераль-губернаторомъ, и потому гости оказывали ей почтительное вниманіе.

Когда вошла Наташа, въ буфетной никого не было; только молодой, очень представительнаго вида генераль, стоя у стола съ тарелочкой въ рукѣ, прожевывалъ какое-то пирожное и запивалъ его морсомъ.

Это былъ генераль Сипягинъ, недавно пріѣхавшій изъ Петербурга.

Наташа, оглянувшись, поднялась на цыпочки и стала отвязывать висѣвшія на ленточкѣ фигурки изъ леденца. Генераль смотрѣлъ и улыбался ласковыми голубыми глазами. Ему нравилась эта хорошенькая дѣвушка, больше похожая на дѣвочку, такъ наивно занятая леденцами въ то время, какъ ея подруги кокетничали съ кавалерами.

— Вамъ хочется конфетъ, не правда ли? — обратился къ ней по-французски генераль, поглаживая усы и любуясь ея проворными и красивыми движеніями.

Наташа не смутилась, замѣтивъ, что она здѣсь одна съ незнакомымъ мужчиной. Развѣ всѣ они не были такъ добры къ ней?

— Oui, monsieur,—отвѣтила она съ достоинствомъ.

Генераль приближился къ ней, продолжая оглаживать пушистые, холёные усы. Наташа при этомъ замѣтила, что и рука у него тоже была холёная, небольшая и красивая.

— Вотъ этихъ собачекъ вамъ хочется набрать?—продолжалъ Сипягинъ и сорвалъ всю ленточку.—Помочь вамъ?

— S'il vous plait,—промолвила Наташа.

На столѣ лежали пустые бумажные картузы. Сипягинъ наполнилъ одинъ изъ нихъ доверху.

— Вижу, что вы любите собакъ; это признакъ добраго сердца,—сказалъ онъ, съ возрастающимъ восхищеніемъ разглядывая дѣвушку.

— Это я для бабушки,—объяснила Наташа.

— А ваша бабушка?..

— Глѣбова-Стрѣшшева.

— Я радъ пріятному случаю,—сказалъ Сипягинъ съ поклономъ, и назвалъ себя.

Косясь любующимися глазами на дѣвушку, онъ медленно и старательно завертывалъ пакетъ.

— Comment votre grand'maman vous laisse-t-elle ainsi toute seule dans la salle, si jeune et si inexpérimentée?—продолжалъ онъ.

Наташа слегка вспыхнула. Ей показалось обиднымъ, что этотъ моложавый, изящный генераль съ пушистыми усами и ласковыми голубыми глазами какъ будто принимаетъ ее за дѣвочку.

— Monsieur, j'ai dix-huit ans,—сказала она почти съ важностью.

— Vraiment?—удивился Сипягинъ, и подъ пушистыми усами его мелькнула веселая, милая улыбка.—J'en suis très étonné.

Онъ помолчалъ и подаль Наташѣ пакетъ.

— Très étonné,—повторилъ онъ.—Dans quelques années vous prendriez ma surprise pour un compliment...

Какъ это было хорошо сказано! Наташа готова была разсмѣяться—до того ей нравился этотъ коротенькій разговоръ, обнаружившій въ генералѣ утонченно-свѣтскаго человѣка.

И притомъ... притомъ она чувствовала всѣми инстинктами своей неопытности, что генераль потому такъ мило разговариваетъ съ ней, что чѣмъ-то она нравится ему, и что-то особенное говорить его скромно поблескивающіе, любующіеся голубые глаза...

Слегка покраснѣвшаяся, Наташа сдѣлала генералу великолѣпный реверансъ и побѣжала къ бабушкѣ.

— Зачѣмъ же ты такъ много наложила?—упрекнула Лизавета Петровна, раскрывая пакетъ.

— Это мнѣ генераль Сипягинъ наложилъ,—объяснила Наташа.

— Какой Сипягинъ?

Она озабоченно повернулась къ Вьельгорской.

— Ты не знаешь, какой такой Сипягинъ? Кто его мать?

Вьельгорская не знала.

А балъ продолжался. Наташа танцевала уже третій контрдансъ. Лизавета Петровна рѣшила, что ужинать они не останутся, и увезла внучку домой.

Раскрасѣвшаяся, возбужденная, вся подъ властью еще не отцвѣтшихъ впечатлѣній, Наташа вбѣжала въ свою комнату и предоставила Лушѣ снять съ себя бальное платье, корсетъ и собрать волосы въ толстую косу. Но въ слегка отяжелѣвшей головѣ она не чувствовала сна. Ей не хотѣлось даже лежать. Накинувъ на плечи старую пуховую косынку, она сѣла у зашпуннаго инеемъ окна и молча смотрѣла въ темную зимнюю ночь, нѣжась въ какомъ-то ласковомъ кругозорѣ только что пережитыхъ ощущеній. Ей припомнилось все ея дѣтство, утомительное и запуганное, и словно зажигающимъ блескомъ врывался въ эти тусклыя воспоминанія очаровавшей ее первый праздникъ дѣвчества.

А темное небо какъ-то странно яснѣло за невысокими крышами сосѣднихъ домовъ. Загоралась ли заря завтрашняго дня? Нѣтъ, до утра было еще далеко. И Наташа въ недоумѣннн слѣдила, какъ расплывался гдѣ-то надъ Тверской багровый отблескъ на сѣрыхъ облакахъ.

На улицѣ замѣчалось движеніе. Откуда-то взявшіеся прохожіе слѣзили по одному направленію, проскакалъ казакъ въ кожаномъ киверѣ, потомъ проскрипѣлъ на полозьяхъ пожарный обозъ.

Наташа бросилась въ коридоръ и столкнулась съ Лушей, только что прибѣжавшей съ улицы.

— Гдѣ пожаръ?—спросила Наташа.

— Да у князя, въ генераль-губернаторскомъ домѣ,—объяснила горничная.—Какъ только гости разъѣхались съ бала, сейчасъ и занялось. На улицѣ сказывали: такъ и горитъ, такъ и горитъ...

Наташа почувствовала непонятную грусть.

«Балъ сгорѣлъ!» прозвучало въ ея растерявшихся мысляхъ.

Но какъ только она легла въ постель, крѣпкій молодой сонъ охватилъ ее, и опять заиграли передъ нею огни въ хрустальныхъ люстрахъ и замелькали разряженные фигуры, любующіеся взгляды и поощрительныя улыбки...

Х.

Встрѣча съ Наташей застала Сипягина въ томъ періодѣ жизни, когда человѣкъ, устроившій свою карьеру и прискучившій одиночествомъ, начинаетъ мечтать о женитбѣ. И ему показалось, что онъ сразу нашелъ то, чего искалъ. Наружность Наташи, минутный разговоръ съ нею, произвели на него очень сильное впечатлѣніе.

«Сколько плѣнительной наивности, ласковости и довѣрчивости въ этомъ миломъ ребенкѣ!—думалъ онъ, вернувшись съ балу.—Среди московскихъ невѣстъ ни на комъ, кромѣ нея, не могу оста-

новить своего выбора. И конечно, она не откажетъ тому, кого одобритъ ея бабушка».

Но бабушка... вотъ въ ней и было затрудненіе. Сипягинъ не зналъ лично Лизаветы Петровны, но много слышалъ о ея надменности, рѣзкости и упрямствѣ, Еще недавно ему рассказывалъ Волковъ, какъ онъ попробовалъ сватать къ Наташѣ отличившагося на войнѣ полковника, и какъ та рѣзко отвѣтила ему, что за военныя заслуги приличествуетъ награждать государю, а не ей.

— Чего же она ждетъ для своей внучки?—спросилъ тогда Сипягинъ.

Волковъ на это развелъ руками и отвѣтилъ:

— Должно быть, Ивана-царевича, и при томъ непременно изъ рода Стрѣшневыхъ.

— А мнѣ кажется, что она немножко умнѣе, чѣмъ вы думаете,—возразилъ Сипягинъ.—Какъ ни разборчива, а все-таки понимаетъ, что надо выдать внучекъ замужъ.

Узнавъ, что Глѣбовы-Стрѣшневые бываютъ въ Симоновомъ монастырѣ, Сипягинъ поѣхалъ туда въ первый же большой праздникъ. Онъ дѣйствительно видѣлъ тамъ Лизавету Петровну съ внучками и внукомъ, но они только прошли мимо него, въ сопровожденіи двухъ ливрейныхъ лакеевъ, и скрылись въ одной изъ нишъ храма. Сипягинъ успѣлъ поклониться Наташѣ; та смущенно кивнула ему, а Лизавета Петровна оглянула его такимъ удивленнымъ и словно оскорбленнымъ взглядомъ, что молодой генераль, въ свою очередь, почувствовалъ нѣчто похожее на обиду.

Но мысль о сватовствѣ не покидала его. Ему казалось, что успѣхъ долженъ зависѣть отъ того, кто явится посредникомъ съ его стороны. И такъ какъ онъ былъ хорошо знакомъ съ женой фельдмаршала Каменскаго, то рѣшился обратиться къ ней съ просьбой переговорить о немъ съ Глѣбовой.

Каменская, узнавъ, въ чемъ дѣло, разволновалась.

— Это, чтобы я къ Лизаветѣ Петровнѣ свахой разлетѣлась? Да ни за что на свѣтѣ!—сразу отказалась она.—За родного сына не взялась бы слова замолвить. Развѣ не знаете, какъ она о женихахъ отзывается? Сейчасъ изъ Фонвизинской комедіи представленіе даетъ: «Хочешь, Митрофанушка, жениться?»—«Давно, дяденька, мнѣ хочется».—Нѣтъ, ужъ благодарю покорно, свахой къ Лизаветѣ Петровнѣ не поѣду.

— Но вѣдь не засушить же она внучекъ въ старыхъ дѣвахъ? Выдать же за кого-нибудь?—возразилъ Сипягинъ.

— А ужъ не знаю, что у нея на умѣ, только мѣшаться въ ея дѣла не стану,—рѣшительно отказалась старая фельдмаршальша.—И вамъ не совѣтую пытаться: такъ отрѣжетъ, что со сраму некуда будетъ дѣваться. Вотъ, недавно разлетѣлся къ ней Нечаевъ, прекрасный молодой человекъ, сосѣдъ нашъ по имѣнію. А она не только

что напрямки на дверь ему указала, да еще прибавила въ глаза: не взыщите, сударь, если впредь моимъ слугамъ не приказано будетъ васъ принимать.

— Однако!—произнесъ Сипягинъ, и подкрутилъ свои пушистые усы.—Но въ такомъ случаѣ эта бѣдная Наташа, этотъ прелестный ребенокъ—жертва семейнаго тиранства?

— Ужь тамъ судите, какъ хотите, а только напрашиваться на оскорбленія никому не лестно,—отвѣтила Каменская.

Сипягину все-таки не хотѣлось разстаться съ своей идеей.

— Хорошо, мы пока оставимъ бабушку въ сторонѣ,—сказала она.—Но, бывая тамъ въ домѣ, вы могли бы заговорить обо мнѣ съ Наташей и узнать, какъ взглянула бы она на мое предложеніе. Сообразуясь съ тѣмъ, и я могъ бы составить дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Каменская замахала руками.

— Ну, батюшка, видно, вы совсѣмъ не знаете Лизавету Петровну,—возразила она.—О женихѣ-то, потихоньку отъ нея, съ внучкой переговариваться? Да сохрани меня Богъ! Дѣвочка какъ-нибудь проговорится, а старуха съѣстъ меня живьемъ. Нѣтъ, бросьте вы лучше ваши помышленія.

Сипягинъ подумалъ, поскучалъ... и уѣхалъ въ Петербургъ.

Но Наташа все-таки вышла замужъ. Это случилось нѣсколько лѣтъ спустя. Счастливецемъ, нашедшимъ въ ней свое счастье, оказался молодой офицеръ Всеволодъ Ѳедоровичъ Бревернъ, впоследствии генераль-майоръ и коломенскій предводитель дворянства.

В. Авсе́нко.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

На государственную службу.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ годы прошлаго вѣка, между прочимъ, ознаменовались принятіемъ въ казну нѣсколькихъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ установился взглядъ, что выгоднѣе казнѣ самой хозяйничать, чѣмъ приплачивать ежегодно гарантію по акціямъ. Дѣло желѣзныхъ дорогъ въ казнѣ было дѣломъ для нея совершенно новымъ, а неподготовленность къ управленію такимъ дѣломъ чиновниковъ облегчила поступленію на службу желѣзныхъ дорогъ лицамъ съ извѣстнымъ опытомъ. Мнѣ пришлось служить въ бывшемъ Главномъ обществѣ и на Козлово-Воронежско-Ростовской ж. д. больше десяти лѣтъ, почему я считалъ себя въ числѣ имѣющихъ большой шансъ на поступленіе въ государственный контроль по желѣзнодорожной части. Подавъ докладную записку государственному контролеру Д. М. Сольскому (теперь графу) и заручившись его любезнымъ обѣщаніемъ, я былъ увѣренъ въ близкомъ назначеніи. Но проходило время; текли недѣли, мѣсяцы, а никакого увѣдомленія не получалось. Протекціи же у меня не было. На десятомъ мѣсяцѣ тщетныхъ ожиданій случай свелъ меня съ извѣстнымъ тогда дѣятелемъ по разнымъ ученымъ, quasi ученымъ и благотворительнымъ обществамъ М. Н. Паруновымъ. Дѣло было такъ. Дворянская опека назначила его попечителемъ къ моему брату и мнѣ пришлось давать ему нѣкоторыя необходимыя свѣдѣнія. Очень симпатичный, не-

глупый, всѣхъ и все знающій, онъ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе, такъ что я охотно принялъ его приглашеніе на воскресный пирогъ въ два часа дня. Жилъ онъ въ Кузнечномъ переулкѣ, близъ Владимирской. Въ назначенный часъ я прибылъ. Кромѣ обыкновеннаго швейцара, принимавшаго отъ съѣзжавшихся гостей верхнее платье, въ вестибюлѣ стоялъ особый швейцаръ въ какомъ-то опереточномъ костюмѣ и традиціонной трехуголкѣ и салютовалъ гостямъ булавой. Внизу, направо, особая дверь съ бронзовой доской, гласившей: «Канцелярія Пятигорскаго общества», состоявшаго подъ покровительствомъ врядъ ли не особы Государя. Налѣво другая дверь, бѣлая доска и надпись: «Г. Фирлей-Канарскій, секретарь Пятигорскаго общества».

Роскошная лѣстница, устланная ковромъ, сверху донизу убрана экзотическими растеніями; въ аванзалѣ хозяинъ встрѣчаетъ гостей. Одѣтъ онъ въ форменный виць-мундиръ какого-то вѣдомства. Шея и вся грудь съ обѣихъ сторонъ въ такой степени обильно усыпаны орденами и знаками различныхъ обществъ, что буквально не видно сукна. Невольное мое смущеніе, порожденное такимъ подавляющимъ количествомъ регалій, видимо, понравилось ихъ носителю. Радужно протянулъ онъ мнѣ руку.

— Спасибо, что не побрезгали моею скромной хатой,—сказалъ онъ.—Съ женой—незнакомы?

— Не имѣю чести.

— Пойдемте, я представлю. Нашъ секретарь,—мимоходомъ познакомилъ онъ меня съ какимъ-то необыкновенно юркимъ, накрахмаленнымъ господиномъ, тоже изукрашеннымъ орденами.

Пройдя двѣ-три комнаты, мы очутились въ голубой гостиной, гдѣ на диванѣ сидѣла очень полная, среднихъ лѣтъ, купеческой складки барыня, въ шелковомъ черномъ платьѣ. На груди ея красовались: знакъ Краснаго Креста, нѣсколько медалей на цвѣтныхъ ленточкахъ и какой-то необыкновеннаго вида жетонъ на голубомъ, плиссированномъ фонѣ.

— Вотъ моя жена. Позвольте васъ познакомить. Мой большой пріятель, г. Миллеръ!—отрекомендовалъ онъ меня.—Посидите съ дамами. Вы, молодой человекъ, вѣроятно, сумѣете съ ними поболтать, а я пойду принимать гостей.

— Очень рада познакомиться. Мнѣ мужъ говорилъ о васъ. А это все мои родственницы. Знакомить васъ отдѣльно съ каждой не буду, а познакомьтесь сами.

Пришлось сдѣлать общій поклонъ и усѣсться на указанное хозяйкой кресло.

Оглядѣвъ, насколько позволяло приличіе, моихъ будущихъ собесѣдницъ, я увидѣлъ, что онѣ почти такой же складки и возраста, какъ хозяйка дома; у каждой красовалось на груди большее или меньшее количество орденовъ-медалей. Общій разговоръ на тему,

повидимому, интересовавшую всѣхъ, именно, что Государь удостоилъ принять званіе почетнаго члена Пятигорскаго общества, и такой-то негоціантъ пожертвовалъ столько-то тысячъ, а другой столько-то, не успѣвъ еще изсякнуть, какъ хозяйка обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— А вы членъ нашего общества?

— Простите, какого именно?

— Да вотъ нашего, Пятигорскаго.

— Нѣтъ, не членъ. Да, простите мнѣ мое невѣдѣніе. Я не знаю, какія задачи преслѣдуетъ общество и какъ великъ взносъ.

— Наше общество никого не преслѣдуетъ. Напротивъ, оно помогаетъ военнымъ, которые больные, и ѣдутъ на Кавказъ лечиться.

«Котрые больные» — немного озадачило меня. Не подавъ, однако, виду изумленія, я продолжалъ:

— Прекрасная задача. Что же нужно сдѣлать, чтобы быть членомъ?

— А вотъ сейчасъ я это устрою.

На звонокъ ея предсталъ лакей.

— Попроси ко мнѣ сейчасъ же г. Фирлей-Канарскаго.

Этотъ, конечно, не замедлилъ явиться.

— Приготовьте дипломъ члена-корреспондента Георгію Петровичу Миллеру. Это намъ очень полезный человекъ, — отдала она приказаніе покорно склонившему голову Канарскому. — Вотъ и все. Взноса не надо, потому что корреспонденты не платятъ. А вы условьтесь съ мужемъ, онъ вамъ расскажетъ.

Моему удивленію не было границъ. Я недоумѣвалъ, чѣмъ я могъ быть полезенъ обществу: ни связей, ни денегъ у меня не было.

Нечего и говорить, что подъ видомъ пирога гостямъ былъ сервированъ роскошный обѣдъ. Контингентъ гостей главнѣйшимъ образомъ изъ купечества. Всѣ были въ черныхъ сюртукахъ съ неизбѣжными значками благотворительныхъ обществъ или незначительныхъ орденовъ; въ лучшемъ случаѣ петлица была украшена орденской бутоньеркой. Послѣ обѣда гости-мужчины усѣлись въ стуколку, дамы, видимо, тяготѣвшія къ тому же занятію, ушли въ гостиную, гдѣ тоже впоследствии составился столикъ; меня же и еще одного господина, не купческаго типа и не игравшаго въ карты, хозяинъ повелъ въ кабинетъ и предложилъ намъ по хорошей сигарѣ.

— Позвольте, по-дружески, спросить васъ, — обратился онъ ко мнѣ: — чѣмъ вы занимаетесь?

— Въ данное время ничѣмъ. Вотъ уже десятый мѣсяцъ, какъ я хлопочу въ государственный контроль по желѣзнодорожной части, которую я хорошо знаю, но все какъ-то неудачно.

— Отъ кого это зависитъ?

— Главнымъ образомъ отъ генераль-контролера Анатолія Павловича Иващенкова.

— Иващенкова? Анатолія Павловича!—радостно переспросилъ Паруновъ. — Ну, тогда дѣло ваше въ шляпѣ. Я сейчасъ напишу ему карточку. Увидите, онъ моментально исполнитъ. Что же именно вы хотите?..

— Я вполнѣ подготовленъ къ занятію должности контролера, т.-е. столоначальника.

— Ну, это пустяки, онъ, конечно, назначить.

Съ этою увѣренностью, снабженный карточкою М. Н. Парунова, я на другой же день предсталъ предъ Иващенковымъ.

— Я долженъ извиниться передъ вами,—встрѣтилъ онъ меня.— Но, повѣрьте, нѣтъ вакансій.

— Я, ваше превосходительство, къ вамъ сегодня съ порученіемъ. М. Н. Паруновъ просилъ меня передать вамъ его привѣтъ и вотъ эту карточку.

— А, Михаилъ Николаевичъ! Вы его знаете?

— Какъ же, ваше превосходительство, онъ опекунъ моего брата. Онъ сталъ читать надписи на карточкѣ.

— Михаилъ Николаевичъ такъ горячо васъ рекомендуетъ,—сказалъ Иващенковъ:—что я постараюсь поскорѣе устроить это дѣло. Да вотъ что,—прибавилъ онъ, подумавъ.—Сегодня черезъ часъ у меня докладъ государственному контролеру. Зайдите ко мнѣ часовъ въ пять. Вѣроятно, будетъ что-нибудь хорошее для васъ.

Конечно, въ назначенное время я уже ждалъ его въ числѣ нѣсколькихъ другихъ, тоже, какъ и я, чаявшихъ движенія воды.

— Поздравляю васъ,—обратился ко мнѣ первому Иващенковъ.—Государственный контролеръ, во вниманіе къ вашей опытности и знаніямъ, назначилъ васъ контролеромъ въ контроль Харьковско-Николаевской ж. д., въ Кременчугѣ. Тамъ люди нужны. Прошу васъ выѣхать туда какъ можно скорѣе. Свидѣтельство и прогоны получите завтра въ канцеляріи. До свиданія. Кланяйтесь Михаилу Николаевичу и скажите ему, что я съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю его желаніе.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство. Порученіе ваше исполню немедленно.

II.

Первые шаги.

Кременчугъ, куда я прибылъ, произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Расположенный на берегу Днѣпра, утопающій въ зелени фруктовыхъ садовъ, онъ походилъ скорѣе на большое село, чѣмъ на городъ. Три четверти населенія—евреи, въ рукахъ которыхъ и сосредоточена торговля.

Являюсь по начальству. Главный контролеръ Викторъ Николаевичъ Штрикъ, очень суровый на видъ, встрѣтилъ меня не особенно привѣтливо. Впослѣдствіи оказалось, что мой образовательный цензъ окончившаго курсъ въ Пажескомъ корпусѣ не внушалъ ему надеждъ на мою трудоспособность. Онъ полагалъ, что, попавъ на службу по протекціи, я буду злоупотреблять связями. Но связей у меня не было; къ работѣ я привыкъ на частной службѣ, гдѣ даромъ денегъ не платятъ.

Штрикъ поручилъ мнѣ фактическую ревизію станцій, т.-е. приходныхъ оборотовъ. Дѣло было организовано хорошо, особенныхъ трудностей не представляло и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я успѣшно кончилъ ревизію пятнадцати большихъ и двадцати маленькихъ станцій. Вхожу въ кабинетъ Штрика съ матеріаломъ для доклада. Но не успѣлъ я еще приступить къ дѣлу, какъ почтенный Викторъ Николаевичъ вскочилъ съ кресла.

— Что это значить, милостивый государь,—закричалъ онъ.— Наконецъ-то вы явились. Это чортъ знаетъ, что такое! Такъ нельзя служить!

— Что такое, ваше превосходительство?—недоумѣвалъ я.— Въ чемъ дѣло?

— Я васъ посылаю на ревизію станцій, а вы позволяете себѣ кутиѣ съ подотчетными агентами.

— Это неправда. Не знаю, кто сообщилъ вамъ подобную ложь.

— Ложь!? Но вотъ анонимное письмо. Вы были въ гостяхъ у начальника станціи Тростянецъ г. Д—ра.

— Былъ, ваше превосходительство. Но позвольте доложить, что Д—ръ мой товарищъ по корпусу. Я былъ шаферомъ у него на свадьбѣ и не видалъ его пятнадцать лѣтъ.

Штрикъ сѣлъ. Взявъ въ руки портсигаръ, онъ любезно протянулъ его мнѣ.

— Да. Ну, такъ это другое дѣло,—смягчился онъ.—Но отчего же вы мнѣ этого сразу не сказали?

— Не придавалъ этому никакого значенія. Да и некогда было. Ваше превосходительство изволили кричать; я не смѣлъ...

— Вы хорошо знаете, что меня зовутъ Викторъ Николаевичъ. Да, такъ старый товарищъ,—раздумчиво повторялъ онъ.—Ну-съ, извините великодушно. Меня просто засыпали анонимныя письма. Не слѣдуетъ даже читать ихъ. Что у васъ? Все благополучно?

Начался служебный докладъ. Вѣрныя его замѣчанія обличали въ немъ недюжиннаго знатока желѣзнодорожнаго дѣла, до мельчайшихъ подробностей.

— Благодарю васъ. Вижу, что не ошибся, поручивъ вамъ фактической контроль. Если свободны вечеромъ, прошу ко мнѣ съ женой.—ласково протянулъ онъ мнѣ руку.

Помощникомъ у Штрика въ то время былъ С. И. Жеромскій, теперь членъ совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, извѣстный знатокъ своего дѣла. Человѣкъ очень умный, способный, не формалистъ, онъ не даромъ пользуется и теперь репутаціей звѣзды первой величины въ государственномъ контролѣ.

Выслушавъ краткій отчетъ о моей поѣздкѣ, онъ выразилъ мнѣніе, что вообще ревизія, установленная теперь, непримѣнима въ виду того, что требованія правленій частныхъ обществъ почти діаметрально противоположны требованіямъ казны. Что частныя общества преслѣдовали одну цѣль: искусственное увеличеніе расхода для полученія съ казны приплатъ по гарантіи; что документальный кассовый отчетъ не оставляетъ сомнѣній, такъ что ревизія кассовыхъ данныхъ не можетъ имѣть значенія. Отношеніе къ дѣлу С. И. Жеромскаго и его манера придать служебному докладу характеръ наставительной бесѣды всегда приносили самыя лучшіе плоды. Изъ его кабинета выходилъ, бывало, обогащенный и опытомъ, и знаніями. Къ сожалѣнію, такіе люди не считаются десятками.

Два съ половиною года службы въ Кременчугѣ прошли очень быстро. Тутъ я получилъ отъ главнаго контролера по постройкѣ Закаспійской военной ж. д. предложеніе перейти къ нему и, соблазнившись лишнею тысячею рублей жалованья и суточными, что составило всего около двухъ тысячъ рублей увеличенія, я, не внявъ увѣщаніямъ С. И. Жеромскаго, въ чемъ каюсь до настоящаго времени, уѣхалъ въ Мервь.

III.

Въ Закаспійскій край.

Послѣ девятидневнаго пути, проѣхавъ отъ Одессы до Батума на пароходѣ «Пушкинъ», лучшемъ суднѣ Русскаго общества пароходства и торговли, и перерѣзавъ весь Кавказъ отъ Батума до Баку по Закавказской ж. д., я пересѣлъ на шхуну «Кавказъ и Меркурій» «Туркменъ» и послѣ суточного переѣзда по зеленымъ, пятнистымъ водамъ Каспія вступилъ въ Азію, въ портъ Узунъ-Ада. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ иные люди, иные нравы. Нѣтъ ни одного желѣзнодорожнаго носильщика. Персы, сарты, туркмены наперерывъ выхватываютъ другъ у друга вашъ багажъ и несутся съ нимъ, такъ что вы едва можете поспѣть за ними. Отъ порта до поѣзда больше версты; дорога—сыпучій песокъ; ноги вязнуть съ непривычки; жара тропическая. Бѣжишь за своимъ носильщикомъ, или, какъ ихъ называли, амбаломъ, высуня языкъ. Но вотъ и поѣздъ: три двухъярусныхъ вагона, буфетъ поѣздной и товарные вагоны, числомъ до тридцати. Никакихъ признаковъ станціи, вокзала. Небольшая землянка, служившая мѣстомъ отдыха путевой стражи.

Никакой продажи билетовъ, сдачи багажа и прочихъ необходимыхъ обрядностей, связанныхъ съ путешествіемъ по желѣзной дорогѣ. Дѣло было вечеромъ; освѣщенія никакого; темно—зги не видно. Съ большимъ трудомъ разыскавъ своего амбала, я услышалъ отъ него неутѣшительныя вещи. Мѣстъ въ поѣздѣ не было, и ему пришлось мои вещи погрузить въ буфетный вагонъ, гдѣ, повидимому, предстояло устроиться и мнѣ. Нестерпимо долго тянулось время; посѣтители буфета, въ большинствѣ случаевъ офицеры разныхъ родовъ оружія, смѣнялись. Одни, уже достаточно воспользовавшись благами, уходили, другіе являлись. Приходъ поѣзда съ буфетомъ составлялъ если не событіе, то во всякомъ случаѣ развлеченіе въ скучной жизни морского поселка. Наконецъ, почти уже къ ночи, буфетъ опустѣлъ, и поѣздъ медленно двинулся въ путь. Устроивъ изъ стульевъ что-то вродѣ кровати, я уснулъ, какъ убитый. Пробужденіе мое было не совсѣмъ обыкновенно. Было около девяти часовъ утра, когда поѣздъ остановился у станціи Кизиль-Арватъ. Въ буфетный вагонъ ворвалась компанія офицеровъ, изъ которыхъ одинъ, въ видѣ милой шутки, тащилъ изъ-подъ меня стулъ. Протестъ мой вызвалъ только смѣхъ его товарищей. Понятно, что я предпочелъ уступить имъ во избѣжаніе болѣе крупныхъ неприятностей. Во время стоянки поѣзда можно было перебраться изъ буфета въ пассажирскій вагонъ, чѣмъ я и воспользовался, и устроился въ маленькомъ отдѣленіи съ какимъ-то военнымъ врачомъ. Мой спутникъ оказался милѣйшимъ собесѣдникомъ, уже два года бывшимъ въ краѣ и знакомымъ съ нравами. Ъхалъ онъ, какъ и я, въ Мервь. Конечно, мы разговорились.

— Не удивляйтесь тому, что видите,—говорилъ онъ.—Дорога строится военнымъ вѣдомствомъ; желѣзнодорожные батальоны и строятъ дорогу и эксплуатируютъ ее. На большихъ станціяхъ начальники—офицеры, на маленькихъ—унтеръ-офицеры; путевая и поѣздная прислуга—солдаты. Поэтому они считаютъ желѣзную дорогу своей собственной и дѣлаютъ, что хотятъ. Ни суда, ни расправы на нихъ нѣтъ. Генералъ Анненковъ покровительствуетъ имъ и ищетъ въ нихъ опору какъ своему произволу, такъ равно и для поддержанія своей власти надъ туземцами. Позвольте спросить, вы съ какою цѣлью ѣдете въ Мервь?

Я удовлетворилъ его любопытство.

— А!—воскликнулъ онъ, оживившись.—Къ милѣйшему Карлу Константиновичу Шульцу! Большой оригиналъ! Онъ даже плохо говорить по-русски. Кажется, шведъ или финнъ, что ли? Какъ только онъ попалъ на такой серьезный и отвѣтственный постъ! Онъ буквально не имѣетъ понятія о дѣлѣ, которымъ руководить. Его ближайшіе помощники совсѣмъ осѣдлали его. Одинъ изъ нихъ, кажется, г. Желябужскій, перебрался въ Кизиль-Арватъ и открылъ тамъ какое-то отдѣленіе контроля совершенно самостоятельно. Да, впрочемъ, сами увидите.

Нельзя сказать, чтобы станціи мелькали одна за другой съ неимоверной быстротой. Напротивъ, поѣздъ тащился какъ черепаха, со скоростью 8—9 верстъ въ часъ. Стоянки у каждой землянки изнурительныя.

— Скажите,—обратился я на одной изъ такихъ стоянокъ къ унтеръ-офицеру, изображавшему оберъ-кондуктора:—отчего мы такъ тихо идемъ? Поѣздъ, что ли, тяжелый, или вагоны перегружены, или путь плохъ?

— Никакъ нѣтъ, поѣздъ порожній, груза ни въ одномъ вагонѣ нѣтъ. А что дѣйствительно путь неважный; строили на спѣшку; думали войско возить. Да вотъ война кончилась. Да и паровозы слабые. Такъ вотъ и ходимъ. Почти на каждой остановкѣ чинимся. Ёдемъ отъ станціи до станціи. Да вотъ извольте посмотрѣть, караванъ стоитъ, онъ весь съ грузомъ, а раньше насъ въ Мервъ придетъ.

— Быть не можетъ,—удивился я.

— Такъ точно. Завсегда раньше. Потому первое, что онъ степью пойдетъ; а второе, что остановокъ меньше и починокъ не будетъ.

— Чего же мы теперь стоимъ уже часъ у этой землянки?

— Это не землянка. Это постъ Балла-Ишемъ. Дымогарную трубку чинятъ гг. офицеры.

— Какіе офицеры?

— Желѣзнодорожнаго батальона.

— Да развѣ они знаютъ это дѣло.

— Никакъ нѣтъ. А все же пробуютъ. Ну, и нефть также беремъ. Только одно званіе, что нефть,—больше мазуть.

Зной становился нестерпимымъ. Кругомъ землянки ни деревца, ни кустика. Голая солончаковая степь на десятки верстъ, поросшая колючимъ саксауломъ, пропитанная нефтью, мѣстами выступавшею изъ почвы, образуя блестящія радужной синевою пятна. На горизонтѣ, къ персидской границѣ, виденъ горный хребетъ Топеть-Дага съ его снѣжными вершинами. Внутри раскаленнаго палящими лучами солнца вагона дышать нечѣмъ. Въ буфетѣ запасъ свѣжей воды истощенъ, и только у запасливыхъ пассажировъ-персовъ въ глиняныхъ долгоносыхъ кувшинахъ еще есть довольно холодная вода,—вотъ условія путешествія. Двое сутокъ такого путешествія останутся надолго въ памяти. На третьи сутки мы прибыли въ Мервъ. Станція изъ сырцоваго кирпича, некрашенная, съ плоской крышей, да нѣсколько построекъ казарменнаго вида,—вотъ и все. Но, видимо, европейская культура уже внесла свою лепту. Къ нашимъ услугамъ оказался прекрасный фаэтонъ, запряженный парюю приличныхъ лошадей, и мы съ докторомъ покатали въ единственное подобіе гостиницы «Имперіаль», гдѣ и заняли номеръ. Впрочемъ, не будетъ ли слишкомъ громко дать такое названіе продолговатой комнатѣ въ одно окно, безъ пола, вмѣсто котораго торчали тамъ и сямъ сырцовые кирпичи, усланные тростни-

ковой цыновкой, съ двумя кроватями, двумя табуретами и столомъ, сколоченнымъ изъ досокъ, и такою же цыновкою, замѣняющей собою двери. Разобрались и кое-какъ устроились.

IV.

Въ кабинетѣ главнаго контролера.

Главный контролеръ по постройкѣ Закаспійской военной ж. д. Карлъ Константиновичъ фонъ-Шульцъ встрѣтилъ меня очень пріятливо. Это былъ чистенькій, сѣдой, съ бѣгающими глазками не то шведъ, не то финнъ, плохо говорившій по-русски, бывший офицеръ финскихъ войскъ, назначенный на важный постъ на окраину по особенно сильной протекціи.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ!—пожимая мнѣ руку, говорилъ онъ,— вы и пріѣхали-то. Очень радъ, что вы приняли мое приглашеніе. А-то мы тутъ ничего не знаемъ. Вотъ ваши сослуживцы: г. Мировичъ и г. Деконскій,—познакомилъ онъ меня, не безъ удивленія слушавшаго его аттестацію.—Анненковъ дѣлаетъ, что хочетъ,—продолжалъ сѣтовать Шульцъ.—Онъ здѣсь какъ диктаторъ. Только ассигновки, ассигновки и кредитъ, кредитъ. Впрочемъ, вы специалистъ по доходу-то. Еще ни одна станція не была обревизована. Вы все это устройте. Поѣзжайте, посмотрите и насъ научите. Кстати, скажите, какъ вы будете ревизовать станцію?—заклучилъ онъ.

— Обревизовать станцію значить не только вывести денежную и грузовую ея наличность, но и прослѣдить за правильностью всѣхъ ея операций.

— Ну, да. Конечно. Я вѣдь всегда такъ и предполагалъ. Вы очень хорошо выразили мою идею,—обрадовался Шульцъ.

— Да вѣдь это, Карлъ Константиновичъ, изображено въ законѣ. Я не смѣю выдавать это опредѣленіе за свое.

— Ну, да, въ законѣ. Видите, какъ хорошо въ законѣ написано. Ну-съ, такъ какъ же вы сдѣлаете? Это любопытно, какъ вы будете приступать къ выполненію закона?

— Чтобы опредѣлить наличіе грузовъ и кассы, я долженъ взять у начальника станціи имѣющіеся у него документы и просить его провѣрить вмѣстѣ со мною грузы въ пакгаузѣ. Затѣмъ, если окажется, что грузъ налицо, а документовъ нѣтъ,—я отмѣчаю; если окажется, что есть документы, а нѣтъ груза,—тоже отмѣчаю.

— Превосходно-то. Ну, а если не окажется ни груза, ни документа,—глубокомысленно перебилъ меня Шульцъ.—Какъ вы тогда поступаете?

— Такой случай не предусмотрѣнъ,—вывернулся я.

— Ну, вотъ видите, какой промахъ! Мнѣ кажется, надо составить какой-нибудь актъ или протоколъ, что ничего нѣтъ: ни деньги, ни документы, ни грузы! Это просто скандалъ!—негодовалъ онъ.

— Но вѣдь, Карль Константиновичъ, нѣкоторыя станціи представляютъ собою лишь остановочные пункты, развѣзды и операций не производятъ. Развѣ только продажу билетовъ.

— А, да. Есть и такія. Объ этомъ надо будетъ завести особое дѣло съ департаментъ. Тамъ все разберутъ. Такъ вы ужъ приступайте поскорѣе къ работѣ. Я прикажу вамъ выдать открытый листъ; поѣзжайте, ревизуйте построже, а мы васъ тутъ поддержимъ. Или, впрочемъ, нѣтъ,—какъ бы спохватился онъ:—побывайте пока тутъ съ нами. Еще что скажетъ Алексѣй Алексѣичъ?

Это тотъ самый Желябужскій, о которомъ предупреждалъ меня докторъ.

— Развѣ ваши распоряженія подвергаются обсужденію въ общемъ присутствіи?—осторожно освѣдомился я.

— Нѣтъ, никто не обсуждаетъ, что я хочу,—горячо протестовалъ Шульцъ.—Но все-таки мнѣніе Алексѣй Алексѣичъ надо спросить. У него хорошее знакомство въ департаментъ.

Я понялъ, въ чемъ дѣло. У Желябужскаго былъ родной братъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ чиновниковъ центрального учрежденія; съ мнѣніемъ его считались, почему и къ брату его относились осторожно, а Шульцъ такъ прямо-таки раболѣпно. Оно и понятно было: не имѣя никакого представленія о ревизіонной дѣятельности контроля вообще, Шульцъ поневолѣ плясалъ по дудкѣ Алексѣя Алексѣича. Два старшихъ контролера, Миновичъ и Деконскій, почти не занимались дѣломъ. Первый только что передо мною прибылъ и не успѣлъ еще войти въ дѣло, да и, не принадлежа къ партіи Желябужскаго, стоялъ какъ бы въ оппозиціи; второй только что женился и былъ исключительно занятъ хорошенькой женой.

— А вы вотъ что,—продолжалъ Шульцъ:—пока познакомьтесь. Сдѣлайте визиты: Анькову (такъ произносилъ онъ фамилію генерала Михаила Николаевича Анненкова, извѣстнаго строителя желѣзныхъ дорогъ: Полѣвскихъ и Закаспійской). Онъ это любитъ, чтобы его брали за начальника; а онъ для насъ совсѣмъ-то не есть начальникъ. Потомъ князь Хилковъ, его помощникъ. Очень умный, ученый человекъ, который даже былъ машинистъ. Ну, потомъ полковникъ Линевицъ и майоръ Алихановъ. Это интересные военные-то люди.

— Благодарю васъ за совѣтъ; непременно исполню.

Меня вемного удивило, что главный контролеръ рекомендовалъ познакомиться съ лицами, а не съ дѣломъ. «Неужели,—думалъ я,—при ревизіи постройки такой серьезной и дорого стоящей дороги не возбуждалось никакихъ вопросовъ». Конечно, первые дни я посѣщалъ только контроль, гдѣ работало тогда человекъ тридцать-сорокъ чиновъ разныхъ наименованій, и убѣдился, что матеріала было болѣе чѣмъ достаточно даже и для двойного состава, при

добросовѣстномъ и умѣломъ отношеніи къ дѣлу. Но самое дѣло не было вовсе поставлено и сводилось къ пустякамъ и мелочамъ. Все, что было посерьезнѣе и давало практическіе результаты, находилось въ рукахъ Желябужскаго, жившаго въ 400 верстахъ отъ Мерва, въ Кизиль-Арватѣ, и оттуда безповоротно рѣшалось и принималось къ исполненію, какъ святыня, самимъ Шульцемъ. Словомъ, Шульцъ былъ у него вполнѣ въ рукахъ и боялся его какъ огня. Всю переписку съ центральнымъ учрежденіемъ велъ Желябужскій, по полной безграмотности Шульца. Иногда получались курьезнѣйшія комбинаціи. Шульцъ увлечется и что-нибудь прикажетъ. Только начнешь исполнять, какъ прибѣгаетъ онъ и говоритъ: «Ахъ, Боже мой, вы уже исполняете это; а вотъ бумаги-то; Алексѣй Алексѣичъ прикажетъ совсѣмъ иначе. Бросьте, пожалуйста, а то будутъ непріятности». Дѣйствительно, Желябужскій съ нимъ не церемонился; пріѣдетъ, бывало, изъ Кизиль-Арвата разнесетъ Шульца, а тотъ растерянный, виноватый стоитъ передъ нимъ.

— Ну, что же вы-то сердитесь, Алексѣй Алексѣичъ. Вѣдь я не зналъ, что вы не желаете!—оправдывался онъ.

V.

У генерала Анненкова.

— Пожалуйста, ваше высокоблагородіе, вотъ къ тому вагону. Генераль тамъ и живутъ,—указалъ мнѣ солдатикъ желѣзнодорожнаго батальона на отдѣльно стоявшій классный вагонъ.—Тамъ ординарецъ доложить.

Я пошелъ по указанному направленію. Навстрѣчу мнѣ выскочилъ изъ вагона расторопный, видимо, толковый унтеръ-офицеръ.

— Такъ точно, у себя. Принимаютъ. Какъ прикажете доложить?

Я сообщилъ. Не прошло и минуты, какъ онъ появился снова.

— Пожалуйста. Просяты. Только что они извиняются, что не вполнѣ одѣты.

Я вошелъ по сходню въ приспособленный для жилья вагонъ. Узенькая передняя, коридоръ съ дверцами въ купе вмѣсто спальни, и концевой салонъ съ стекляннымъ балкономъ, превращенный въ кабинетъ. Навстрѣчу мнѣ отъ письменнаго стола всталъ невысокаго роста плотный генераль въ тужуркѣ генеральнаго штаба. Коротко остриженная голова съ открытымъ лбомъ, быстрыми, умными, даже пронизательными глазами. Короткіе съ просѣдью усы, небольшой ротъ, закрытый тонкими губами, и правильный изящный профиль, вотъ что увидѣлъ я передъ собой.

— Честь имѣю представиться вашему превосходительству, контролеръ государственнаго контроля Миллеръ,—началъ я обычную въ такихъ случаяхъ тираду.

— Здравствуйте. Очень радъ познакомиться. Вы гдѣ учились?

— Имѣлъ честь кончить курсъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, камеръ-пажомъ по первому разряду, ваше превосходительство.

— А, очень радъ. Значить, мы съ вами однокашники. Но вы, конечно, гораздо моложе. Въ которомъ году?

— Въ семьдесятъ третьемъ.

— Ну, а я въ 1858 г. Скажите, какой чортъ понесъ васъ на службу въ эту трущобу? Да еще къ Шульцу? Вы его знаете?—забросалъ меня генералъ вопросами.

— По службѣ совершенно не знаю, и лично почти не знакомъ. Меня соблазнила новизна дѣла и нѣсколько усиленное содержаніе, — откровенно отвѣчалъ я.

— Ну-съ, такъ я васъ не поздравляю. Это кажущееся увеличеніе содержанія сокомъ выйдетъ-съ. Тутъ, кромѣ баранины, ничего нѣтъ. Фазаны—да ихъ никто не умѣетъ зажарить. Чай, сахаръ, все это дорого. Сахаръ—40 коп. Вино кавказское—мерзость. Квартиръ нѣтъ. Вы гдѣ помѣстились?

— Въ гостиницѣ «Имперіаль».

— Ну, и гостиница! Кабакъ! Не удивляйтесь, если когда-нибудь застанете на своей постели арфистку съ пьянымъ офицеромъ. Тутъ изъ-за этого была исторія. Лучше переѣзжайте въ кибитку. По крайней мѣрѣ будете дома. Я дамъ денщика.

— Покорно благодарю васъ, ваше превосходительство. Воспользуюсь вашимъ любезнымъ вниманіемъ.

— Какое тамъ вниманіе. Надо же человѣку иногда имѣть покой. А то во всѣхъ этихъ кабакахъ гвалтъ и пьянство день и ночь. Ну, а что Шульцъ? Прыгаетъ, дуритъ? Вотъ уже подлинно экземпляръ, фруктъ!

Я замѣтилъ, что генералъ любитъ энергично выражаться.

— Да-съ,—продолжалъ онъ характеристику Шульца.—Понятія не имѣетъ, а тоже лѣзетъ, суется и только мѣшаетъ и путаетъ. Ужъ я теперь принялъ систему. Если бумага не подписана Желябужскимъ, то бросаю ее въ сорную корзину. Посмотрите, что онъ напуталъ по дѣлу Листа и Лурье. Вѣдь этого годами не разберешь. Чортъ его знаетъ, что ему, малограмотному, отъ меня надо. Тутъ слѣшное дѣло, надо во что бы то ни стало кончить дорогу, укладываемъ по пяти верстѣ въ сутки, а онъ лѣзетъ съ разспросами: почему такому-то беку подарены отъ высочайшаго имени такіе, а не этакіе часы. Или спрашиваетъ: почему нельзя строить постоянного моста, а лишь временный въ такомъ-то мѣстѣ Мургаба? Да я виноватъ, что ли, что Мургабъ, какъ всякая степная рѣка, мѣняетъ русло, и постоянный мостъ дорого бы стоилъ, и оказался бы въ одно прекрасное утро на сухомъ мѣстѣ. Надоѣлъ хуже горькой рѣдьки. Вы изъ Петербурга? Не слышали, когда его уберутъ?

— Не слышалъ объ этомъ ничего, ваше превосходительство.

— Жаль, право, жаль. Ну, спасибо вамъ за вниманіе. Прошу сегодня ко мнѣ сюда обѣдать въ 5 часовъ. Я васъ познакомлю съ нѣкоторыми моими сотрудниками. Да, прошу васъ, позовите Мировича. Онъ, кажется, не изъ Шульцева гѣста.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство. Приду.

— До свиданія.

М. Н. Анненковъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Несмотря на нѣкоторую нервность и даже рѣзкость его манеры выражаться, въ немъ виденъ былъ умный, честный человѣкъ. Болѣе близкое съ нимъ знакомство показало въ немъ недюжиннаго, энергичнаго дѣятеля. Съ пяти часовъ утра онъ уже ежедневно былъ на конѣ, на укладкѣ пути. Это былъ поэтъ своего дѣла. Не щадя силъ въ работѣ, онъ требовалъ энергіи и дѣятельности отъ другихъ. Самъ очень способный, онъ физически не переваривалъ людей нерѣшительныхъ, многословныхъ, педантовъ и рутинеровъ. Находчивость его и умѣнье гворить со всякимъ были прямо сказочны. Надо сказать, что въ постройкѣ Закаспійской жел. дор., кромѣ солдатъ и офицеровъ, исполнявшихъ первыя роли десятниковъ, а вторыя—завѣдывающихъ участками работъ, принимали участіе въ качествѣ рабочихъ люди всякихъ національностей: текинцы, сарты, турьмены, персы, попадались даже китайцы. Расчетъ платы производился за извѣстный періодъ времени, причемъ въ это время продовольствіе забиралось у духанщиковъ-армянъ на засвидѣтельствоваанныя рабочія книжки. Нечего и говорить, что эти духанщички сильно злоупотребляли невѣжествомъ темной массы и безбожно преувеличивали счетъ. Если къ этому еще иногда случайно задерживалась уплата, то, понятно, вызывались ропотъ и беспорядки. Отъ одного изъ начальниковъ дистанціи была какъ-то получена телеграмма, увѣдомлявшая, что не рассчитанные рабочіе бунтуютъ. Тотчасъ же генераль собралъ совѣтъ. Предлагали послать на усмиреніе воинскую команду. Анненковъ только саркастически улыбался.

— Какъ великъ средній заработокъ рабочаго за это время?—спросилъ онъ главнаго бухгалтера, М. Д. Гарфильда.

— Трудно опредѣлить точно,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Я не спрашиваю, трудно или не трудно. Спрашиваю цифру.

У меня подъ рукой оказалась рабочая книжка. Я сообщилъ генералу интересовавшую его цифру.

— Ну, вотъ. А сколько тамъ примѣрно рабочихъ?

— Человѣкъ шестьсотъ,—отвѣчалъ Вяземскій.

— Кажется, у меня есть столько подотчетныхъ денегъ. Во всякомъ случаѣ телеграфируйте, что я сейчасъ выѣзжаю экстреннымъ поѣздомъ. Г. Сутягинъ, чтобы черезъ двадцать минутъ были деньги, по расчету, сколько надо для платежа семьямъ рабочимъ. Сна-

рядите поѣздъ,—приказаль онъ начальнику станціи.—Никакой военной команды не надо. Взять въ поѣздъ три бочки вина и чурковъ полвагона. Выѣзжаю черезъ полчаса. Ёдемъ,—пригласиль онъ въ числѣ другихъ и меня.—Посмотрите, какая будетъ шикарная мировая.

Все устроилось какъ по мановенію волшебнаго жезла. Пренебрегая явную опасность, мы мчались со скоростью семидесяти верстъ въ часъ и черезъ нѣсколько часовъ прибыли къ мѣсту назначенія. На площадкѣ встрѣтилъ генерала растерявшійся начальникъ дистанціи.

— Что у васъ такое, милостивый государь,—закричалъ генераль.—Такъ нельзя дѣло вести съ рабочими. Позвали бы и пугнули духанщиковъ, и дѣлу конецъ. А то разводите тревогу чуть не на весь край! Непростительная глупость! Чтобы я этого впередъ не слышалъ. Гдѣ рабочіе? Собрать ихъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ вокругъ генерала выросла толпа больше пятисотъ человекъ. Но толпа эта стояла спокойно.

— Переводчики, скажите имъ, что я привезъ имъ деньги, спасибо за работу и угощенье!

Надо было видѣть энтузіазмъ, съ которымъ, всякій по-своему, отвѣчалъ на привѣтствіе генерала. Черезъ четверть часа рабочіе были рассчитаны, качали генерала на ура и угощались, кто хотѣлъ, виномъ и чурками. Не было и тѣни какого-либо бунта. Всѣ прославляли мудрость царскаго генерала и кричали ему «ура», а черезъ часъ поѣздъ уже болѣе тихимъ ходомъ возвращался въ Мервь.

IV.

Князь Михаилъ Ивановичъ Хилковъ.

Недавно скончавшійся князь М. И. Хилковъ былъ въ Закаспійскомъ краѣ ближайшимъ сотрудникомъ и совѣтникомъ строителя Закаспійской ж. д. генерала Анненкова. Покойный князь былъ человекъ настолько незаурядный, что на немъ слѣдуетъ остановиться особенно подробно. Начиная съ того, что уже сама внѣшность его располагала въ его пользу съ перваго же на него взгляда, по мѣрѣ близкаго съ нимъ знакомства расположеніе это росло быстрыми шагами. Средняго роста, съ сильной просѣдью шатень, добродушно улыбавшійся собесѣднику взоромъ умныхъ глазъ, обаятельно любезный и внимательный, онъ положительно очаровываль имѣвшихъ къ нему дѣло. Никогда не ставившій своего я выше требованій дѣла, онъ былъ связующимъ звеномъ между управленіемъ постройки желѣзной дороги и государственнымъ контролемъ.

Если припомнить тѣ трудныя условія, при которыхъ производилось слѣбно это сооруженіе, роль князя, какъ примирителя, станетъ понятною.

Ровный, сдержанный, глубоко-образованный, знатокъ желѣзно-дорожнаго дѣла, онъ всегда умѣлъ найти и возбуждать интересъ къ дѣлу. Чуждый какой-либо мелочности, онъ заставлялъ себя слушать и подчинялъ себѣ своей неумолимой логикой. Единственнымъ признакомъ волненія при обсужденіи вопросовъ самыхъ острыхъ было поглаживаніе небольшой бородки-эспаньолки, но добродушная улыбка все-таки не покидала его милаго лица—зеркала его чистой, кристальной души. Баринъ по рожденію, баринъ въ душѣ, онъ всегда оставался вѣрнымъ себѣ. Многое можно было бы еще сказать о немъ, но это уже дѣло его будущаго біографа.

На Закаспійской дорогѣ онъ завѣдывалъ всѣмъ тѣмъ, что, главнымъ образомъ, касалось службы тяги, то-есть паровозовъ, вагоновъ, всякаго рода подвижнаго состава, депо, мастерскихъ и т. п. По этой части онъ былъ специалистомъ всякихъ знаній, начиная отъ ремесла слесаря и до руководителя мастерскихъ, и можно смѣло сказать, что подобнаго ему найти трудно. Онъ работалъ самъ, его рукамъ не чужды были напильники, зубила, клещи, зажимы... Никакая работа не была ему незнакома. Вотъ почему отъ него всегда исходила правильная и справедливая оцѣнка труда, а отсюда и громаднѣй, нравственный авторитетъ его у дѣтей тяжелаго труда—рабочихъ.

Еще до прибытія моего въ Закаспійскій край я уже много и не разъ слышалъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. А. П. Иващенко, самъ человѣкъ большой эрудиціи и труда, напутствуя меня въ эту командировку, говорилъ мнѣ о князѣ Хилковѣ съ большимъ одушевленіемъ и рекомендовалъ познакомиться съ нимъ. Изъ словъ Анатолія Павловича слѣдовало заключить, что къ мнѣнію покойнаго князя должно прислушиваться.

Къ сожалѣнію, князь жилъ въ Асхабадѣ, а дѣятельность наша сосредоточивалась въ Мервѣ, такъ что мнѣ пришлось лично видѣть князя только черезъ два мѣсяца послѣ прибытія въ Мерв. Тѣмъ не менѣе, о результатахъ его кипучей работы можно было судить и здѣсь, такъ какъ не было крупнаго дѣла, по которому не считались бы съ его взглядомъ.

Теперь понятно то нетерпѣніе, съ какимъ я ожидалъ свиданія съ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ. Въ первую же поѣздку въ Асхабадъ я наконецъ увидѣлъ князя въ обстановкѣ, которой никогда не забуду. Недалеко, приблизительно въ полуверстѣ, отъ станціи, въ домикѣ въ два окна, выстроенномъ изъ сырцоваго кирпича, съ небольшой пристройкой, выбѣленнымъ, какъ и всѣ прочія желѣзнодорожныя постройки, съ толевой крышей, помѣщался князь. На стукъ мой въ дверь,—звонка не было—она была отво-

рена самимъ хозяиномъ, одѣтымъ въ тужурку изъ верблюжьяго сукна и черныя, забранныя въ высокіе сапоги брюки. На представленіе мое послѣдовало радушное приглашеніе:

— Милости просимъ, очень радъ познакомиться.

Вслѣдъ за нимъ вступилъ я въ чистую, свѣтлую, площадью около четырехъ и высотой около полутора сажень, комнату. Никто никогда не дерзнулъ бы помыслить, что комната эта служитъ жилищемъ дѣятеля, располагающаго сотнями тысячъ казенныхъ рублей, такъ въ ней все было просто. Не было тутъ ковровъ, картинъ и бронзъ, обыкновенно украшающихъ апартаменты инженеровъ, строителей желѣзныхъ дорогъ. Не было тутъ и намека на роскошь и комфортъ. Здѣсь, наоборотъ, врядъ ли было и все самое необходимое.

На первомъ планѣ большой столъ, сколоченный изъ выстроганныхъ досокъ, на распоркахъ изъ брусевъ, въ видѣ римской цифры X, связанныхъ перекладиной. Очевидно, столъ этотъ исполнялъ обязанности письменнаго, о чемъ свидѣтельствовали помѣщавшаяся по срединѣ чернильница, нѣсколько ручекъ съ перьями, карандаши и другія принадлежности для письма и черченія.

Съ одного края образцы какихъ-то металлическихъ издѣлій, пробныя по излому куски разныхъ металловъ, кубъ съ ретортами и неизмѣнной спиртовой лампочкой; съ другой стороны стола чертежи и выкладки и возлѣ нихъ недопитый стаканъ чаю. Два деревянныхъ табурета, изъ которыхъ одинъ былъ предложенъ мнѣ, другой занятъ самимъ хозяиномъ. Простая, походная, желѣзная кровать, небольшой шкапъ, съ прибитой къ нему доской для складного зеркала и туалетныхъ принадлежностей, еще два табурета— вотъ и все убранство келіи этого схимника-строителя. Глиняный, неровный полъ сплошь устланъ тростниковой циновкой.

— Очень радъ познакомиться,—повторилъ князь, приглашая меня сѣсть на стоявшій возлѣ стола табуретъ.—Тѣмъ болѣе радъ, что, кажется, мы съ вами однокашники. Судя по значку, вы тоже бывшій пажъ?—спросилъ онъ.

— Да, пажъ выпуска 1873 года,—отвѣчалъ я.

— Вотъ какъ хорошо. Михаилъ Николаевичъ тоже пажъ. Но мы съ нимъ немного постарше васъ. Я выпуска 1853 г. Будемъ же всё дѣлать дружно государево дѣло. Мы съ нимъ будемъ строить и устраивать, а вы помогайте намъ въ расчетахъ. Глядите въ оба, чтобы насъ не обсчитывали и не обманывали, а то вѣдь намъ не успѣть; мы народъ чернорабочій, намъ надо безъ отдыха и устали трудиться, а вы ужъ охраняйте насъ отъ злыхъ людей и невѣрныхъ расчетовъ. Большое спасибо скажемъ вамъ за всякое полезное указаніе и всякое ваше разумное слово примемъ къ свѣдѣнію.

— Не по силамъ намъ, князь, дѣлать указанія такому испытанному руководителю, какъ вы,—возразилъ я.—Только впору учиться у васъ.

— Ну, вотъ. Руководитель, учиться...—перебилъ онъ меня.— Вижу, что вамъ уже успѣли наклеветать на меня. Просто толковый рабочій—вотъ мое мѣсто. Не скрою, что съ дѣломъ, которое дѣлаю, знакомъ близко, до деталей. Не даромъ натиралъ себѣ мозоли въ Америкѣ и въ Англии. Ну, да былъ молодцу не укорь,—пошутить онъ.—Учился я тамъ и многимъ обогатился. Очень радъ, что удалось свои труды и познанія примѣнить въ отечествѣ.

— Вы, князь, завѣдуете службой тяги и мастерскими? — спросилъ я.

— Прежде всего условимся обходиться безъ титуловъ и князей. Какіе тутъ на солончакѣ князья и графы. Меня зовутъ Михаилъ Ивановичъ,—отвѣчалъ онъ.—Какъ вамъ сказать? Дѣйствительно, ближе всего моему сердцу эта отрасль знаній. Но поручаютъ что другое, такъ я не отказываюсь ни отъ чего. Одна бѣда—не хватаетъ времени: все спѣшно и срочно. Да, впрочемъ, будь въ суткахъ и сорокъ восемь часовъ, хватило бы чѣмъ ихъ заполнить. Здѣсь у меня прекрасные сотрудники: Кубасовъ и Свинцовъ. Знаете ихъ?

— Кубасова знаю, а Свинцова еще не видѣлъ, но по наслышкѣ знаю.

— Хорошіе, хорошіе оба. Честнѣйшіе труженики.

— Вашей школы, Михаилъ Ивановичъ?

— Да, много работаемъ вмѣстѣ. А вы? Что же? Фактическимъ контролемъ или документальной ревизіей будете заниматься?

— Скорѣе фактическимъ.

— Прекрасно. Живое дѣло всегда поучительнѣе и больше говоритъ уму. У живого дѣла человѣкъ становится энергичнѣе и не тратитъ времени на пустяки. За живымъ дѣломъ человѣкъ творить, увлекается, а въ особенности, если ему не чужда художественная жилка. Вотъ этого не могутъ понять кабинетные дѣльцы и измѣряютъ художественное творчество грошами смѣтныхъ назначеній. Отсюда масса бесплоднѣйшихъ бумажныхъ пререканій, поѣдающихъ и силы и время. Да и некогда намъ, положительно некогда справляться съ различными бухгалтерскими и счетными уставами, когда государь возложилъ на насъ такую серьезную и отвѣтственную задачу, какъ наша строящаяся дорога: гроза Англии, будущій главный нервъ Средней Азии. Даю вамъ слово, что въ этой кипучей работѣ едва успѣваешь просмотрѣть журналы: «Graphic», «Pacific» и въ родѣ ихъ. А то вѣдь и совсѣмъ отстанешь отъ живого міра. О газетахъ и говорить нечего: давно и въ глаза не видалъ. Вотъ, если хотите, могу подѣлиться съ вами англійскими и американскими журналами. Много интереснаго. Вѣдь вы знаете языки?

— Знаю. Очень вамъ благодаренъ за любезное предложеніе и, если позволите, воспользуюсь имъ сегодня же.

— Я пришлю вамъ журналы въ вагонъ. Вы, конечно, въ вагонѣ?

— Да, въ кукушкѣ. Трясетъ немилосердно.

— Что дѣлать? Потерпите. Скажите спасибо, что удалось пере-дѣлать изъ стараго товарнаго вагона. Развѣ въ кибиткѣ лучше? Вѣдь не лучше. Тутъ по крайней мѣрѣ нѣтъ ни фалангъ, ни скор-пионовъ. Вы собственно зачѣмъ въ Асхабадъ?

— Надо посмотрѣть мастерскія, депо и кое-что изъ подвижнаго состава.

— Ну, это все я самъ вамъ покажу. Ручаюсь, что со мной вы вдвое меньше израсходуете времени и силъ. Сегодня уже поздно, а завтра съ утра—хотите?

— Не знаю, какъ и благодарить васъ. Не смѣлъ и думать без-покоить васъ лично. Предполагалъ, что дадите мнѣ кого-нибудь изъ помощниковъ вашихъ.

— Вотъ еще—помощниковъ! Всякій занятъ своимъ дѣломъ. Такъ завтра. Въ какомъ часу?

— Какъ найдете удобнымъ.

— Такъ часовъ съ пяти. Работы начинаются въ четыре и до одиннадцати. Потомъ уже жара.

Замѣтивъ отразившееся на лицѣ моемъ изумленіе, когда онъ назначилъ столь ранній часъ, онъ продолжалъ:

— Это вамъ, изнѣженнымъ городскимъ жителямъ, кажется рано, а вотъ Михаилъ Николаевичъ начинаетъ укладку пути въ три часа утра и всегда самъ съ утра на конѣ, какъ главнокоман-дующій, объѣзжаетъ свои позиціи. Надо удивляться энергіи и трудоспособности этого человѣка. Зато и успѣваетъ укладывать до шести верстъ въ день.

На утро, ровно въ пять часовъ, я, конечно, былъ въ условлен-номъ мѣстѣ, гдѣ уже засталъ князя оживленно бесѣдовавшимъ съ какимъ-то господиномъ на англійскомъ языкѣ.

— Какъ аккуратно,—любезно встрѣтилъ онъ меня.—Позвольте познакомить васъ: Mister Spiech,—назвалъ онъ своего собесѣд-ника.—Нашъ контролеръ,—представилъ онъ меня.

Мы можали другъ другу руки.

— Mister Spiech,—продолжалъ Михаилъ Ивановичъ,—пріѣхалъ изъ Ливерпуля помогать намъ строить опрѣснители. Вы имѣете понятіе объ этомъ сооруженіи? Вѣдь здѣсь почвенная вода невоз-можна: либо съ солончакомъ, либо съ нефтью. Родниковъ почти нѣтъ. Такъ вотъ мы и строимъ зданія, въ которыхъ помощью хими-ческаго процесса дѣлаемъ воду годною къ употребленію. Мы съ m-r Spiech старые пріятели. Вмѣстѣ работали въ Америкѣ, на Транс-атлантической дорогѣ, а потомъ на заводахъ Мурра въ Ливерпулѣ. Вотъ, батюшка, гдѣ поучиться дѣлу!.. Вотъ гдѣ ни одна минута не пропадаетъ для человѣка даромъ. Вы свободны?—обратился онъ къ англичанину.—Не хотите ли пойти съ нами въ мастерскія? Впрочемъ, послѣ того, что вы видѣли на своемъ вѣку, здѣшнее дѣло покажется вамъ игрошкой!

М-г Spiech выразилъ полную готовность соупутствовать намъ, и мы втроемъ тронулись въ путь.

Въ мастерскихъ работа уже кипѣла ключомъ. Михаилъ Ивановичъ останавливался у каждаго станка; замѣтно было, что ему хорошо извѣстно состояніе каждой работы. Всѣхъ рабочихъ, не говоря уже о старшихъ или мастерахъ, онъ зналъ если не по имени, то по фамиліи; всѣ они и не думали титуловать его, а звали его просто по имени-отчеству. Онъ тутъ скорѣе походилъ на старшаго мастера, а совсѣмъ не на начальника, такъ мало было въ немъ походяго на лицо, власть имѣющее.

То и дѣло тотъ или другой обращался къ нему за совѣтомъ или за объясненіемъ. Спокойно, терпѣливо, не спѣша, обстоятельно отвѣчалъ онъ на вопросы и не разъ, вооружась инструментомъ, показывалъ, какъ примѣнить слова на практикѣ. Едва-едва къ десяти часамъ кончили мы обходъ мастерскихъ и, взявъ тутъ же въ мастерской холодный душъ, отправились на станцію въ буфетъ завтракать.

Въ вопросахъ особой важности М. Н. Анненковъ непременно прибѣгалъ къ совѣту Михаила Ивановича, и его громадный опытъ всегда сослуживалъ большую пользу дѣлу. Такъ было и при постройкѣ знаменитаго тедженскаго моста, два раза проваливавшася, безъ всякихъ видимыхъ причинъ или техническихъ отступленій. Михаила Ивановича въ то время не было. Онъ пріѣхалъ вскорѣ послѣ второго провала. Я помню, какъ искренно скорбѣлъ онъ по поводу этого происшествія.

— Какой стыдъ,—говорилъ онъ.—Что будутъ теперь въ правѣ говорить о насъ тѣ же англичане, ради угрозы которымъ мы такъ спѣшно несемъ тутъ тяжкіе труды и затраты. Да что деньги! Деньги на послѣднемъ планѣ. Вѣдь какой минусъ нашему авторитету! Не умѣемъ построить прочнаго моста черезъ степную рѣчку!

Какъ разъ почти сейчасъ же получилъ онъ телеграмму отъ Анненкова съ просьбой осмотрѣть мѣсто катастрофы и сдѣлать, что можно. Черезъ часъ, взявъ паровозъ и вагонъ, мы уже мчались съ нимъ къ Теджену. Осмотрѣвъ разрушеніе, онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Вѣдь какъ просто. Мостъ выстроенъ прекрасно, но дѣло въ томъ, что ему не на чемъ держаться. Какъ у всѣхъ степныхъ рѣчекъ, берега слабы и измѣнчивы. Вся штука въ томъ, что надо укрѣпить берега и сдѣлать русло постояннымъ, но меньшей мѣрѣ на четверть версты въ обѣ стороны.

Построенный по его указаніямъ мостъ и укрѣпленные берега стоять и до сихъ поръ.

VII.

У полковника Н. П. Линевича.

— Очень пріятно познакомиться,—радушно привѣтствовали меня командиръ стрѣлковаго батальона и мѣстный военскій начальникъ полковникъ Николай Петровичъ Линевищ. Нельзя было провидѣть въ скромномъ, сѣденькомъ полковникѣ будущаго главнокомандующаго манчжурской арміей.—Прощу садиться. Чѣмъ позволите потчевать? Вѣнца, кофею, чаю?—предлагалъ онъ.—Я, думаю, вина стаканчикъ? У меня хорошее имеретинское! Поздравить новаго контролера съ прїѣздомъ.

— Благодарю васъ; охотно выпью стаканъ за здоровье общаго любимца, моего гостепрїимнаго хозяина.

— Ну, гдѣ тамъ любимецъ. Просто, слава Богу, со всѣми пока живу въ ладу. Да и часть моя такая, отдѣльная. Никого не касаюсь и ни у кого на дорогѣ бревномъ не лежу. А вотъ у васъ все война. Никакъ не можетъ Шульцъ столкнуться съ Анненковымъ. Казалось бы, это очень странно. Оба служатъ одному дѣлу. Оба честные, хорошіе люди.

— Какъ, полковникъ,—удивился я.—Вы сравниваете Шульца съ Анненковымъ?!

— Ну, вотъ еще. Кто сравниваетъ? И не думаю. Анненковъ—орель. Посмотрите, какая пропасть у этого человѣка дѣловой энергіи. Онъ съ пяти часовъ утра на конѣ! Не знаетъ покоя! И тутъ, и тамъ вездѣ онъ, и все почти въ одно время. Какъ только онъ поспѣваетъ. И вѣдь самъ по себѣ богатый,—стало быть, не изъ-за денегъ работаетъ: а любитъ самую работу. Вотъ это-то и цѣнно. Но вотъ хорошихъ сотрудниковъ ему какъ-то не удается подобрать себѣ. Въ настоящее время лучшіе люди: князь Хилковъ и Анатолій Ивановичъ Свинцовъ, начальникъ дистанціи въ Узунъ-Ада. Это такіе же работники, какъ онъ самъ. А какъ онъ умѣетъ ладить съ беками. Они слушаются его, какъ дѣти. А рабочіе—боготворятъ его.

— Въ этомъ я уже имѣлъ случай убѣдиться, полковникъ,—подтвердилъ я и рассказалъ случай, которому былъ очевидцемъ.

— Да, такіе случаи съ нимъ нерѣдки. Ну, конечно, Шульца нельзя сравнивать съ нимъ, а все же это честный чухонецъ. Жалко, что плохо говорить по-русски. Это ему во многомъ мѣшаетъ. Да и, кажется, осѣдлали его ближайшіе сотрудники; одного такъ онъ прямо боится. Ну, и вотъ нехорошо, что онъ размѣнялся на пустяки, а важное упускаетъ. У него сложилось странное предубѣжденіе о строителяхъ дороги. Онъ увѣренъ, что всѣ воры, а отсюда происходятъ личныя дурныя отношенія, вредящія дѣлу.

Въ это время вѣстовой, расторопный стрѣлокъ, подаль кувшинъ вина и два глиняныхъ стакана.

— Не бойтесь пить изъ такихъ стакановъ. Это изъ здѣшной проклятой глины,—добавилъ онъ, замѣтивъ мое смущеніе при видѣ столь непривычной глазу европейца посуды.—Вино лучше сохраняетъ свой букетъ въ такой посудѣ.

Вино, дѣйствительно, оказалось превосходнымъ.

— Вамъ, кажется, по вкусу вино. Позвольте вамъ прислать кувшинчикъ. Оно у васъ въ кувшинѣ сохранится и безъ ледника, въ комнатѣ,—пояснилъ онъ, когда я отозвался неимѣніемъ ледника.

— Вотъ гдѣ я пилъ вино еще лучше этого, прямо слеза по чистотѣ,—продолжалъ онъ:—во время экспедиціи въ Ферганскую область. Послѣ здѣшнихъ степей и саксауловъ это просто рай земной. Да, если рай дѣйствительно былъ между Тигромъ и Евфратомъ, то вѣдь не такъ и далеко. Это сплошной фруктовый садъ. Да вѣдь какіе фрукты: апельсины, лимоны, бананы, дыни. А какая дичь! Фазаны! Текинцы и сарты ихъ прямо палками бьютъ. Вы охотникъ? Нѣтъ. Жаль. Значить, не поймете восторга охотника при видѣ массы кабановъ, жирановъ, косуль и прочаго добра. А въ камышахъ тигры! Что угодно. Да, это благодатный край!—закончилъ онъ.

— Я готовъ васъ слушать до утра, полковникъ. Вы такъ искренни и такъ мастерски характеризуете и лицъ и мѣстности. Боюсь только, не отрываю ли я васъ отъ дѣла.

— Нѣтъ, дѣла особеннаго нѣтъ. Что тебѣ?—обратился онъ къ вошедшему вѣстовому.

— Такъ что подполковникъ Сполать-Богъ желаетъ васъ видѣть.

— Позвольте мнѣ принять его. Онъ бѣдный, больной. Вотъ увидите, какой жалкій. Проси,—приказалъ онъ вѣстовому.

Но приказаніе это почти запоздало. Не успѣлъ вѣстовой повернуться къ двери, какъ въ нее вошелъ блѣдный, какъ смерть, растрепанный, съ какой-то бумагой въ рукахъ, очень симпатичный полковникъ въ формѣ стрѣлковаго батальона.

— Николай Петровичъ, я къ вамъ съ жалобой. Это невозможно, такіе безпорядки, просто жить нельзя послѣ этого,—не то, что проговорилъ, а простоналъ онъ, пожимая протянутую ему Линевичемъ руку.

— Что такое? Успокойтесь. Садитесь и расскажите толкомъ,—успокаивалъ его хозяинъ.—Позвольте васъ познакомить,—отрекомендовалъ онъ насъ другъ другу.

— Да вотъ, представьте, приношу въ телеграфъ депешу. Это, видите, очень важная телеграмма государю императору. Я телеграфирую его величеству, что на персидской границѣ все спокойно, но что у афганцевъ все англичане инструкторы, и если дать имъ волю, конечно, ихъ вліяніе на здѣшній край будетъ пагубно. Уже и теперь много евреевъ, но евреи эти бухарскіе, а тогда будутъ индѣйскіе или китайскіе, что еще хуже. Кстати посылаю государю бѣлый коверъ и доношу объ этомъ начальнику главнаго штаба. Для

сокращенія въ той же депешѣ. Вдругъ телеграфистъ не принимаетъ. Увѣряетъ, что надо имѣть разрѣшеніе начальника области генерала Комарова, чтобы посылать телеграммы государю. Вѣдь это же неправда. Такъ ужъ вы, пожалуйте, прикажите.

— Ахъ, дѣйствительно, какой негодилъ телеграфистъ,—многозначительно посмотрѣвъ на меня, согласился Линевичь.—Оставьте телеграмму у меня,—обратился онъ къ больному:—я распоряжусь самъ, пошлю телеграмму за вашей подписью и потомъ пришлю вамъ квитанцію.

— Ну, спасибо. Большое спасибо. Вамъ я вѣрю,—успокоился Сполать-Богъ.—Вы давно пріѣхали въ Мервь?—вдругъ обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣсколько дней.

— Не повстрѣчали ли вы гдѣ-нибудь транспортъ верблюдовъ, который я послалъ въ Петербургъ. Вы, конечно, знаете, что по моему проекту скоро будутъ возить артиллерію на верблюдахъ. Они гораздо выносливѣе лошадей, а главное могутъ долго не пить. Это очень важно для кавалеріи. А? повстрѣчали?

— Какъ будто, помнится, повстрѣчалъ,—отвѣчалъ я. Линевичь одобрительно кивнулъ головой.

— Теперь уже, вѣроятно, скоро буду имѣть отвѣтъ. До свиданій, Николай Петровичъ. Спасибо вамъ. Большое спасибо. Мое почтеніе,—протянулъ онъ мнѣ руку, успокоенный вполне.

— Вотъ вамъ результатъ здѣшней жизни,—произнесъ Линевичь.—Если человѣкъ здоровѣемъ не совсѣмъ крѣпокъ, то ему очень трудно привыкнуть къ климату. Сильный солнечный припекъ дѣйствуетъ на мозгъ и нервы, а мелкая солончаковая пыль забирается въ глаза, носъ и уши, и часто отъ нея прямо-таки слѣпнуть. Отъ солнечнаго удара туземцы носятъ бараньи папахи, а отъ пыли во время вѣтра спасаются шелковой сѣткой. Кстати, вы гдѣ остановились?

— Въ «Имперіалѣ».

— Бросьте этотъ кабакъ. Перебирайтесь лучше въ кибитку. По крайней мѣрѣ вы будете дома. Я прикажу дать вамъ хорошую, обтянутую съ внутренней стороны сырцомъ, съ бараньей цыновкой отъ тарангуловъ и фалангъ. Вы ихъ не бойтесь; они сами не трогаютъ, только ихъ не троньте.

— Благодарю васъ. Мнѣ уже совѣтовалъ генералъ перебраться въ кибитку.

Вошедшій денщикъ доложилъ о прибытіи какой-то воинской команды, и я простился съ радушныхъ хозяиномъ. Последующія встрѣчи, къ сожалѣнію, не частыя и не оставили во мнѣ навсегда самое пріятное впечатлѣніе объ этомъ миломъ, добрѣйшемъ человѣкѣ, интересномъ, много видѣвшемъ на своемъ

вѣку собесѣдникѣ, отцѣ ввѣренныхъ ему солдатъ. Не даромъ же прозваніе «папаши», данное ему въ Закаспійскомъ краѣ обожавшими его солдатами, сохранилось за нимъ до мавчжурской арміи.

VIII.

Въ кибиткѣ.

Дома засталъ я своего сожителя очень не-въ духѣ. Сильно негодовалъ онъ на разныя служебныя невзгоды, недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ приспособленіяхъ при леченіи глазныхъ недуговъ, принявшихъ здѣсь просто эпидемическій характеръ.

— Не хватаетъ не только вещей, но врачей и даже сколько-нибудь опытныхъ фельдшеровъ. Возился цѣлый день; усталъ страшно. Думалъ отдохнуть до вашего прихода, однако нѣтъ. Послушайте-ка, рядомъ гвалтъ такой, что нѣтъ возможности вздремнуть. Кутятъ какіе-то офицеры въ полной обстановкѣ. Тутъ и арфянки, и пѣвички изъ хора, и просто какія-то жидовки. Хоть вотъ бѣги.

— Я васъ порадуя, докторъ. Хочу предложить вамъ перебраться со мною въ кибитку.

— Въ кибитку? Это еще что такое?

— Я и самъ не знаю. Но очень хвалятъ и генералъ Анненковъ и Линевицъ. Послѣдній даже уже предоставилъ въ мое распоряженіе кибитку на берегу арыка, новую. Идемъ посмотрѣть.

— Что вы шутите? Кибитку, на колесахъ? Да что мы, цыгане, что ли?

— Не упреждайте событій. Кибитка—это камышевый конусъ, въ родѣ самоѣдскаго чума. Чтобы песокъ не проникалъ, съ внутренней стороны онъ обтянутъ сырцовымъ шелкомъ, а снаружи верблюжьей шкуры. Въмѣсто пола баранья шкура, предохраняющія отъ мѣлыхъ фалангъ.

— Вотъ это хорошо. Спасибо, согласенъ. Да не будемъ откладывать въ долгій ящикъ,—отправимся теперь же.

Я не возражалъ. Сказано—сдѣлано, и черезъ часъ мы съ докторомъ уже устраивались въ просторномъ помѣщеніи, отведенномъ намъ любезностью генерала Анненкова и Линевица. Рядомъ съ нашей кибиткой такая же и для денщика. Вотъ что представляла собою устрашавшая насъ кибитка. Тростниковый конусъ съ основаніемъ въ три сажени діаметромъ, высотой приблизительно сажени въ двѣ, окоманный неглубокимъ ровикомъ. Конусъ этотъ, обтянутый снаружи верблюжьими и устланный бараньими шкурами, наверху конхъ положена кошма (родъ простого ковра), былъ обитъ съ внутренней стороны сырцовой шелковой матеріей. Изъ такой же матеріи, но болѣе плотной, устроены драпри, замѣнявшія входныя двери. Простой, некрашеный столъ, такой же деревянный

табуретъ и два сѣнника, покрытые коврами для спанья, вотъ и вся роскошь. Наши дорожные чемоданы дополняли незатѣйливое убранство нашей кибитки. Но жизнь въ ней, тишина, спокойствіе, все это намъ показалось раемъ послѣ шума и гама «Империала». Мы, дѣйствительно, чувствовали себя дома. Оставалось только привыкнуть къ температурѣ. Дѣло въ томъ, что днемъ, во время солнпека было дѣйствительно жарковато и душливо; но прекраснымъ средствомъ отъ такого неудобства являлась способность кибитки повертываться вокругъ неподвижно вбитаго посрединѣ ея отъ основанія до вершины тростниковаго кола. Съ солнечной стороны снаружи увеличивалось число верблюжьихъ шкуръ; дверь же или, вѣрнѣе, входное отверстіе перемѣщалось на противоположную сторону, давая такимъ образомъ притокъ свѣжему воздуху. Впрочемъ, въ особенно сильную жару и это мало помогало, потому что накаливалась самая почва.

Первымъ моимъ гостемъ, посѣтившимъ меня въ моемъ новомъ жилищѣ, былъ милѣйшій полковникъ Н. П. Линевицъ, принесшій на новоселье боченокъ чудеснаго вина и копченой аму-дарьинской лососины.

— Пришелъ посмотреть, какъ устроились въ непривычной обстановкѣ, — добродушно улыбаясь, говорилъ онъ.

— Да вотъ, какъ видите.

— Вы, кажется, вдвоемъ?

— Да, съ однимъ врачомъ. Насъ судьба свела съ нимъ въ вагонѣ по дорогѣ сюда.

— Ну, ужъ я вижу, чего вамъ не хватаетъ. Позвольте мнѣ дополнить ваше хозяйство. Вѣдь ночью бываетъ холодно?

— Да, иногда очень. Въ особенности послѣ сильной дневной жары.

— Пришлю вамъ маленькій калориферъ; у меня ихъ много. Очень полезная вещь: что-нибудь подогрѣть; долго держитъ тепло и запаха никакого, потому что спиртъ. А то ночью никакое одѣяло не согрѣетъ.

— Большое вамъ спасибо за ваши любезныя заботы.

— Не за что. Сейчасъ встрѣтилъ у большого арыка генерала. Какъ узналъ, что иду къ вамъ, сказалъ, что тоже собирается. Смотрите, какъ бы онъ на новоселье не преподнесъ вамъ коврика. Ему ихъ дѣвать некуда. Всякій бекъ ему дарить.

— Что это — бекъ?

— Это здѣшніе владѣтельные князьки, Они всѣ подъ началомъ у начальника уѣзда, подполковника Алиханова. Вы незнакомы? Познакомьтесь. Это очень интересный человѣкъ. Прекрасно управляется съ этими майорами.

— Какъ съ майорами?

— Ну, да. Надо было какъ-нибудь вознаградить ихъ за отчужденіе земель подъ желѣзную дорогу. Всѣ они приняли русское подданство и ихъ произвели въ майоры, потому что густые эпюлеты

всякаго изъ нихъ забавляютъ. Ну, вотъ, смотрите, не удивляйтесь, когда увидите туркмена въ халатѣ, громадной папахѣ и майорскихъ эполетахъ. Это—беки. Они никогда не снимаютъ эполетъ. Даже, кажется, ночью. Это оказалось лучшимъ средствомъ сдѣлать ихъ преданными слугами Бѣлаго Царя, какъ они называютъ государя. Это придумалъ Скобелевъ. Онъ отлично зналъ желанія этихъ полудикарей. Надо было видѣть, какъ они, эти дикари, боготворили Скобелева. Не было такой жертвы, которую они бы не принесли ради Бѣлаго генерала! Какъ онъ овладѣлъ ихъ самолюбіемъ. На этой стрункѣ онъ могъ дѣлать изъ нихъ что угодно. Вотъ Алихановъ унаслѣдовалъ отъ него все его сбаяніе.

— Кто же тутъ еще остался изъ скобелевскихъ сподвижниковъ, кромѣ васъ, Николай Петровичъ?

— Да кто? Куропаткинъ—его начальникъ штаба, Левашевъ, этотъ устроился у Комарова, начальника сѣласти. Казакъ Денисовъ, лихой малый. Да вообще-то очень немного. Какъ уѣхалъ Скобелевъ, такъ точно бѣгство отсюда началось. Да, вотъ еще, чуть не забылъ,—вспомнилъ онъ,—Вѣра Николаевна!

— Это что же за дама?

— Это бывшая маркитантка нашего отряда. Весь походъ съ нами слѣлала. Сколько разъ бывала подъ огнемъ. Молодець-баба. И любила же ее Скобелевъ. Теперь она здѣсь, въ Мервѣ, открыла магазинъ восточныхъ вещей; у нея можно достать хорошую бирюзу; ей персюки доставляютъ дешево въ память ея трудовъ и въ благодарность за доставленную имъ возможность заработать въ нашемъ отрядѣ. Увѣряютъ, что она была очень близка къ Скобелеву. Но, я думаю, это вздорная слетня. Она его боготворитъ—это такъ. Да его всѣ обожали. Куропаткина—этого не слишкомъ-то долюбливали; зато онъ самъ всякими способами искалъ популярности. Но—далеко кулику до Петрова дня. Какъ-то не сумѣлъ ни расположить къ себѣ, ни внушить довѣрія. Говорятъ, куда-то уходитъ. Богъ съ нимъ. Это не военная душа, а какой-то австрійскій гофъ-кригсъ-комиссаръ. Онъ только прекрасный исполнитель скобелевскихъ приказаній. Ну-съ, отрядныхъ-то офицеровъ еще много здѣсь. А такъ, болѣе или менѣе значительныхъ, никого нѣтъ. Однако я у васъ засидѣлся, а надо еще зайти въ караванъ-сарай. Посмотрѣть, нѣтъ ли чего хорошаго. На будущей недѣлѣ три дня рамазана, а потомъ праздникъ и большой базаръ. Вотъ, когда хотите, пойдемъ вмѣстѣ. Увидите здѣшніе нравы и товары, и игры. До свиданія. Милости прошу ко мнѣ, когда хотите,—всегда радъ буду.

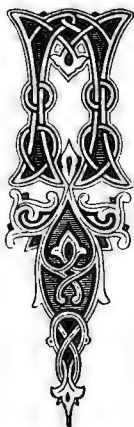
— Спасибо, Николай Петровичъ. Непремѣнно приду. До свиданія.

Георгій Миллеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ХОДЫНСКАЯ КАТАСТРОФА 1896 ГОДА.

ОСЛѢ всего того, что переживалось Россіею за послѣдшіе годы и находило себѣ большею частью истолкованіе въ безначаліи, позволявшемъ однимъ представителямъ власти дѣйствовать, нисколько не сообразуясь съ дѣйствіями другихъ органовъ управленія, и приводившемъ къ вопіющимъ неурядицамъ, событія даже сравнительно недавняго прошлаго блѣднѣютъ и утрачиваютъ остроту, которая въ моментъ народженія извѣстнаго прискорбнаго явленія вызывала всеобщія волненія и безконечныя пересуды.

Однимъ изъ такихъ событій была чудовищная катастрофа, разыгравшаяся во время коронаціонныхъ празднествъ въ Москвѣ 18 мая 1896 г., при народномъ гуляніи на Ходынскомъ полѣ, предъ началомъ котораго пострадало и погибло значительное количество лицъ изъ числа народа, привлеченнаго на гуляніе желаніемъ поживиться даровымъ угощеніемъ и коронаціонными подарками¹⁾.

Частью чтобы не омрачать торжества коронованія, а частью чтобы не вызывать въ обществѣ тревоги и негодованія, газеты въ то время опубликовывали о ходынской катастрофѣ свѣдѣнія до-

¹⁾ Ходынская катастрофа по своимъ размѣрамъ превысила всѣ подобнаго рода бѣдствія, какія происходили въ Европѣ въ теченіе прошлаго и настоящаго столѣтій. Вънцамъ она напомнила пожаръ въ Ring Theater, стоившій немало чловѣческихъ жертвъ. Французы вспоминали пожаръ, который произошелъ въ апрѣлѣ 1810 г. на балѣ, данномъ княземъ Шварценбергомъ по случаю бракосочетанія Наполеона I съ эрцгерцогинею Маріею-Луизою. Берлинцы, въ свою очередь, по поводу ходынской катастрофы вспоминали о двухъ такихъ же бѣдствіяхъ, впрочемъ, несравненно меньшихъ размѣрами, чѣмъ

вольно скудныя, и ужасающія его подробности передавались только стоустою молвою, въ видѣ смутныхъ и отрывочныхъ слуховъ.

Восполнить пробѣлы этой прискорбной картины, сохранившейся въ памяти каждаго въ весьма туманныхъ очертаніяхъ, мы и хотимъ, опираясь на пересказъ предварительнаго судебного слѣдствія, произведеннаго подъ непосредственнымъ наблюденіемъ тогдашняго министра юстиціи, статсъ-секретаря Н. В. Муравьева, въ подробности выясниваго какъ обстоятельства, сопровождавшія событіе 18 мая и причины, его вызвавшія, такъ и степень ствѣтственности, падавшей на должностныя лица за ихъ упущенія и противозаконныя дѣйствія.

I.

Съ высочайшаго соизволенія всѣ распоряженія по приготовленіямъ къ торжеству коронаванія были возложены на министра императорскаго двора и удѣловъ, генераль-адыютанта графа Воронцова-Дашкова, причемъ положено было, по бывшимъ примѣрамъ, учредить особую «коронаціонную комиссію», членомъ которой, въ числѣ другихъ лицъ, былъ назначенъ чиновникъ особыхъ порученій IV класса при министрѣ двора и удѣловъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Беръ. На Бера, занимавшаго видное положеніе въ департаментѣ удѣловъ, и было въ частности возложено устройство народныхъ увеселеній во время коронаціи, а для этого ему было придано на помощь особое временное дѣлопроизводство, получившее наименованіе «особаго установленія по устройству коронаціонныхъ народныхъ зрѣлищъ и празднествъ».

При сложности церемоніала и пріема иноземныхъ государей и ихъ представителей, какая всегда сопутствуетъ коронаціямъ и дворцовымъ торжествамъ, обязанности, упадающія въ этомъ случаѣ на министра двора, являются настолько отвѣтственными и поглощающими все его время, что онъ въ мелкія и спеціальныя привходящія детали торжествъ, конечно, самъ входитъ не можетъ. Поэтому являлось вполне естественнымъ и желательнымъ выдѣлить и поручить довѣренному лицу оборудованіе народныхъ зрѣлищъ и празднествъ. Въ составъ особаго установленія по устройству коронаціонныхъ народныхъ зрѣлищъ и празднествъ вошли, кромѣ дѣйствительнаго

московское. При вѣздѣ короля Фридриха-Вильгельма въ Берлинъ въ ноябрѣ 1823 года погибли отъ давки нѣсколько человекъ, а въ сентябрѣ 1872 г. во время зари съ церемоніею по случаю встрѣчи трехъ императоровъ раздавлено было 30 человекъ. Но больше всего погибло народа отъ давки 9 декабря 1863 г. въ Санкт-Уго, въ Чили, въ церкви La Compañia, во время торжественной службы; когда начался пожаръ, молившіеся бросились къ выходамъ, давая другъ друга, вскорѣ предо всѣми выходами образовались загражденія изъ раздавленныхъ, а когда пожаръ былъ наконецъ потушенъ, въ церкви было обнаружено 1800 обугленныхъ труповъ.

статскаго совѣтника Бера: начальникъ варшавскаго дворцоваго управленія полковникъ Ивановъ, чиновникъ особыхъ порученій при директорѣ императорскихъ театровъ титулярный совѣтникъ Петровъ, архитекторъ—гражданскій инженеръ коллежскій совѣтникъ Никола, электротехникъ Шведе и дѣлопроизводитель-бухгалтеръ Дьяконовъ съ двумя помощниками.

Предметы вѣдѣнія особаго установленія указаны были въ утвержденномъ министромъ императорскаго двора расписаніи, отъ 31 марта 1895 года, согласно коему къ обязанностямъ установленія приурочены были, между прочимъ, составленіе общаго плана и программы народныхъ увеселеній, строительныя работы, ими вызываемыя, опредѣленіе количества народа, угощаемаго во время народныхъ гуляній, а также обезпеченіе порядка и организациа санитарнаго надзора на гуляньѣ. Что касается самаго распредѣленія занятій между чинами, входившими въ составъ «особаго установленія», то оно предоставлялось всецѣло на усмотрѣніе предсѣдателя.

По порученію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бера архитекторъ Никола изготовилъ общій планъ народнаго гулянья на Ходынскомъ полѣ и чертежи построекъ на мѣстѣ гулянья, а къ разработкѣ деталей были привлечены и нѣкоторые изъ профессоровъ императорской академіи художествъ.

Этотъ планъ, вмѣстѣ съ чертежами, по разсмотрѣніи ихъ начальникомъ особаго установленія, былъ представленъ на одобреніе министра императорскаго двора и, согласно показанію Бера, былъ въ свое время утвержденъ временно управлявшимъ министерствомъ помощникомъ министра, генераль-адъютантомъ барономъ Фредериксомъ, хотя на подлинныхъ планахъ стѣпки объ ихъ утвержденіи не значится.

Для удобопонятности дальнѣйшихъ злключеній гулянья необходимо войти въ нѣсколько подробное изложеніе техническаго оборудованія мѣсторасположенія гулянья, какъ оно впослѣдствіи выяснилось изъ протокола осмотра.

По первоначальнымъ предположеніямъ, площадь народнаго гулянья на Ходынскомъ полѣ имѣла обнять, между прочимъ, и мѣсто расположенія бывшей всероссійской промышленной выставки; но при осмотрѣ Ходынскаго поля начальникомъ особаго установленія Беромъ, генераль-майоромъ Ивановымъ и архитекторомъ Никола оказалось, что мѣсто прежняго помѣщенія выставки изрыто ямами, образовавшимся при разборкѣ и сносѣ выставочныхъ строеній, а вслѣдствіе этого признано было за необходимое площадь, предназначавшуюся для отвода подъ праздникъ, сократить и отодвинуть предполагаемая къ возведенію постройки къ границѣ гулянья, какъ таковое было устроено во время коронаціонныхъ торжествъ 1883 года.

Такимъ образомъ, площадь, отведенная для народнаго гулянья въ 1896 году, составила прямоугольникъ площадью въ 1 кв. версту, примыкая къ Петербургскому шоссе противъ Петровскаго дворца и находясь въ предѣлахъ 3-го стана Московскаго уѣзда, въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ городской черты.

Постройки для театровъ и балагановъ, имѣвшихъ открыться для народнаго гулянья, были возведены въ теченіе зимы 1895—1896 гг. подрядчиками Коновымъ, Силуяновымъ и Кудрявцевымъ, подъ наблюденіемъ техниковъ Кодронцева и Алымова и десятника Егорова, а предложенное къ постройкѣ, по примѣру коронаціи 1883 года, число буфетовъ для раздачи угощеній (100 шт.) было, по распоряженію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бера, увеличено до 150, въ виду предвидѣвшагося уже и тогда значительнаго скопленія народнои массы на празднествѣ.

Буфеты были построены по образцамъ 1883 г., но съ тѣмъ отличіемъ, что имѣли видъ пятиугольниковъ, обращенныхъ острыми углами къ внѣшней сторонѣ гулянья, тогда какъ въ 1883 г. буфеты образовывали правильные шестиугольники.

Буфеты состояли изъ стоекъ, врытыхъ въ землю и обшитыхъ дюймовыми досками — снаружи наглухо, а съ внутренней стороны — съ промежутками между досками, составлявшими какъ бы рѣшетку, и съ прилавками для раздачи угощенія. Крыша буфетовъ состояла изъ теса, насланнаго на стропилахъ изъ жердей на высотѣ около $3\frac{1}{2}$ аршинъ отъ земли.

Оставленный между буфетами свободный проходъ равнялся 2 аршинамъ, а разстояніе между наружными и сходящими углами буфетовъ—9 аршинамъ 13 вершкамъ; такой же разрывъ былъ принятъ за норму при устройствѣ гулянья въ 1883 году.

При расположеніи буфетовъ архитекторъ Никола, по его объясненіямъ, вообще руководствовался планомъ народнаго гулянья 1883 года, но допустилъ существенныя противъ прежняго плана отступленія. Такъ, въ 1883 году буфеты для угощенія располагались по закругленной дугообразной линіи, а въ 1896 г. линія буфетовъ, построенныхъ вдоль Петербургскаго шоссе, по лѣвую сторону стѣ царскаго павильона и эстрады для публики, примыкала подъ прямымъ угломъ къ другой линіи буфетовъ, расположенныхъ по границѣ площади, обращенной къ городу Москвѣ.

Буфеты скучивались группами отъ 5 до 25 штукъ вмѣстѣ, а между отдѣльными группами буфетовъ оставлялось свободное пространство отъ 5 до 115 саженъ. Разрывы эти были ограждены барьерами изъ столбовъ, вышиною въ 2 аршина, соединенныхъ жердями, въ 5 рядовъ. Только въ одномъ, самомъ большемъ разрывѣ по линіи, обращенной къ городу, вмѣсто деревяннаго барьера было устроено загражденіе изъ двухъ пеньковыхъ канатовъ, натянутыхъ между столбами.

Изъ общаго числа 150 буфетовъ 10 было расположено по линіи площади со стороны с. Всесвятскаго, 20 вдоль Петербургскаго шоссе и 120 по границѣ, обращенной къ городу.

Кромѣ буфетовъ, предназначенныхъ для раздачи угощенья народу, на задней сторонѣ площади, по направленію къ Ваганьковскому кладбищу, было построено еще 20 тесовыхъ бараконъ—спеціально для раздачи пива и меда. Бараки эти имѣли въ длину по 32 аршина и были расположены въ разстояніи отъ 17 до 25 сажень одинъ отъ другаго; разрывы между ними были оставлены безъ загражденія.

Равнымъ образомъ не было устроено загражденій и со стороны Всесвятской роши.

Такимъ образомъ въ общемъ было допущено существенное ступленіе отъ образца народнаго гулянья 1883 г., когда вся площадь сплошь была обнесена заборомъ.

Самая мѣстность, примыкавшая къ площади гулянья со стороны города, представлялась естественно пересѣченною и, кромѣ того, недостаточно выравненною. На разстояніи 8—18 аршинъ отъ линіи буфетовъ тянулся глубокій оврагъ, шириною до 30 сажень, съ крутыми, отвѣсными краями. Оврагъ этотъ образовался при разборкѣ построенной для выставки 1882 г. и разобранной въ томъ же году желѣзной дороги и постепенно все болѣе увеличивался отъ размыва водою и выборки изъ оврага песку.

Вслѣдствіе этого дно оврага оказалось изрытымъ ямами, глубина которыхъ опускалась до 6 аршинъ ниже уровня Ходынскаго поля. Отъ линіи расположенія буфетовъ къ оврагу шли промоины глубиною отъ полъ-аршина до 2 аршинъ слишкомъ. Кромѣ того, передъ нѣкоторыми буфетами и въ проходахъ между ними оказались ямы, глубиною до аршина, образовавшіяся задолго до народнаго гулянья 18 мая 1896 года. За описаннымъ выше оврагомъ, по лѣвому его берегу тянулась канава глубиною до 3 аршинъ, отдѣляющая землю Ходынскаго лагеря отъ городской земли, а за канавою находилось мѣсто расположенія бывшей промышленной выставки, изрытое глубокими ямами, оставшимися послѣ разборки фундаментовъ выставочныхъ зданій. Мѣсто это ранѣе было обнесено высокимъ заборомъ, но этотъ послѣдній осенью 1895 г. былъ преданъ на сносъ и уничтоженъ до наступленія зимы. Кромѣ того, въ мѣстности, прилегавшей къ площади гулянья со стороны города, оказалось 7 заброшенныхъ колодцевъ; ближайшій изъ нихъ къ площади гулянья, глубиною въ 5 аршинъ, съ полусгнившимъ срубомъ, находился въ оврагѣ на разстояніи около 35 сажень отъ буфетовъ и служилъ прежде выгребною ямою при одномъ изъ выставочныхъ зданій; изъ остальныхъ колодцевъ въ двухъ оказалась вода, а два представляли собою ямы съ остатками срубовъ.

При ожидавшемся на гулянье наплывѣ народной массы самая элементарная предусмотрительность повелѣвала мѣстность, лежащую къ площади гулянья, сколько-нибудь привести въ порядокъ, но при затратѣ крупныхъ суммъ на народныя празднества никто не позаботился априори къ нимъ сдѣлать безопасными.

Согласно высочайше утвержденному распisanію коронаціонныхъ торжествъ, народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ былъ провозглашенъ на 18-ое число мая, а на основаніи напечатаннаго, съ согласія его императорскаго высочества, августѣйшаго московскаго генераль-губернатора, плаката, допущеніе народа на праздникъ чрезъ проходы у буфетовъ имѣло начаться съ 10 ч. утра, музыка—въ 11 часовъ, а представленія въ театрахъ назначались съ 12 часовъ пополудни.

Угощеніе, предназначавшееся для народа, заключалось въ сайкѣ и узелкѣ, къ который были завязаны колбаса, пряникъ, сласти, эмальированная кружка и программа увеселеній. Сайки и узелки заблаговременно были доставлены на площадь гулянья и распределены по буфетамъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждый приходилось стъ двухъ до трехъ тысячъ узелковъ.

По предложенію потомственнаго почетнаго гражданина Лепешкина, сосѣявшаго начальникомъ одного изъ отдѣловъ народной охраны, функционировавшей во время коронаціонныхъ празднествъ, раздача угощеній народу была поручена Чижевской артели, но по малочисленности ея состава староста артели Максимовъ привлекъ къ участию въ раздачѣ гостинцевъ постороннихъ лицъ, и общее число раздавателей угощенія опредѣлилось въ 800 человекъ. На каждый буфетъ, такимъ образомъ, для раздачи угощенія наряжалось отъ 5 до 7 человекъ артельщиковъ и добровольцевъ, въ числѣ коихъ оказались не только рабочіе и приказчики, но и представители интеллигентныхъ классовъ (какъ, напримѣръ, купецъ 1-й гильдіи Москвитинъ, членъ французскаго географическаго и этнографическаго общества Бокильонъ и др.).

Группы смежныхъ буфетовъ (отъ 4 до 6) объединялись подъ наблюденіемъ особыхъ распорядителей; кромѣ того, Максимовъ оставилъ еще при себѣ нѣсколькихъ помщниковъ для общаго руководительства раздачею угощеній. Лица, принимавшія участіе въ распорядительной частн, начали собираться на площади гулянья съ 9 час. вечера 17 мая и своевременно были размѣщены по буфетамъ.

Для поддержанія порядка на праздникѣ, по приказу московскаго оберъ-полицеймейстера, былъ назначенъ полицейскій нарядъ подъ начальствомъ помощника оберъ-полицеймейстера полковника Руднева *въ составъ около 1,800 человекъ*. Самая площадь гулянья была подраздѣлена на 5 райсповъ; изъ нихъ *первый* обнималъ мѣстность отъ Тверской заставы до Петровскаго дворца и нахо-

дился подъ начальствомъ полицеймейстера Ефимовича; *второй* районъ составляла мѣстность отъ Петровскаго дворца до императорскаго павильона, галлерей и трибуны для публики, а равно буфеты вдоль петербургскаго шоссе; онъ находился подъ общимъ наблюденіемъ полицеймейстера Свѣшникова; *третій* районъ составилъ изъ линіи буфетовъ со стороны города и былъ поставленъ подъ начальство полицеймейстера барона Будберга; въ *четвертый* районъ входили пивные сараи, находившіеся подъ наблюденіемъ чиновника оссбыхъ порученій при оберъ-полицеймейстерѣ Померанцева, а *пятый* районъ образовывала внутренняя площадь гулянья, гдѣ имѣлъ распоряжаться полиціею приставъ Ильченко. Временемъ для сбора полицейскаго наряда было назначено для 3-го и 4-го районовъ 5 час. утра 18-го числа, а для остальныхъ районовъ—9 час. утра. Кромѣ того, былъ назначенъ нарядъ 7 полицейскимъ врачамъ, и имъ предписано было явиться къ 10 ч. утра, а въ распоряженіе полицеймейстера Руднева, кромѣ городовыхъ, было предоставлено 4 сотни Донскаго казачьяго № 1 полка и 1,000 человекъ отъ войскъ, которые должны были собраться на площадь къ 9 час. утра.

Въ теченіе же 17 мая на площадь гулянья для охраны угощенія былъ отряженъ только караулъ отъ 7-го гренадерскаго Самогитскаго полка, въ составѣ 46 человекъ, подъ начальствомъ поручика Бѣляковича; караулъ этотъ былъ поставленъ въ вѣдѣніе коменданта Ходынскаго лагеря капитана Львовича, а въ распоряженіе послѣднему было дано 12 казаковъ и 2 урядника.

Съ казовой и формальной стороны, такимъ образомъ, полицейскій порядокъ и благочиніе были предусмотрѣны въ надлежащей мѣрѣ, и оставалось только рапортовать о благополучіи. Виѣ предвидѣнія былъ оставленъ сущій пустякъ: стихійный наплывъ народной толпы.

А между тѣмъ уже съ полудня 17 мая со стороны города началъ подходить народъ и именно къ наиболѣе опасной части Ходынскаго поля, которая, какъ описано выше, простиралась между городомъ и площадью гулянья; къ 9 часамъ вечера тамъ уже скопилась значительная толпа. Тѣмъ не менѣе движеніе на полѣ не было еще стѣснено; народъ располагался бивуаками и закигалъ костры; одни спали, другіе пили водку; многіе пѣли и плясали. Около 9 час. вечеромъ 17 мая уже на самую площадь гулянья стали проникать люди въ большомъ количествѣ, но по предложенію коменданта Ходынскаго лагеря, капитана Львовича, безпрекословно удалились съ площади гулянья обратно на поле. Въ 10 ч. вечера толпа народа, постоянно прибывая и придвигаясь понемногу къ площади гулянья, начала спускаться въ оврагъ, шедшій параллельно линіи буфетовъ; къ 11 часамъ все поле было уже настолько густо покрыто народомъ, что, по выраженію одного изъ очевидцевъ (старосты Чижевской

артели Максимова), «жутко было смотрѣть на толпу». Приливъ все новыхъ народныхъ волнъ набѣгалъ непрерывно. Даже въ отдаленныхъ отъ Ходынского поля частяхъ города вечеромъ 17 мая сказывалось настолько сильное скопленіе народа, двигавшагося по направленію къ завтрашнему гуляню, что мѣстами затруднялся даже проѣздъ экипажей. Въ полночь народъ, наполнивъ собою уже весь оврагъ, составлялъ компактную массу, при чемъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ линіи буфетовъ, мѣстами не превышало 15 шаговъ, а около часу ночи численность собравшейся передъ буфетами толпы опредѣлялась въ 400—500 тысячъ человѣкъ (показаніе полицеймейстера барона Будберга). Къ 3 ч. ночи народъ составлялъ сплошную стѣну, болѣе чѣмъ на полверсты въ глубину и въ ширь мѣстами вплотную придвинулся къ буфетамъ, на которые сталъ сильно напирать, причѣмъ изъ толпы неслись громкія жалобы на страшную тѣсноту (показанія Евсѣева и Лепешкина). По объясненію одного изъ свидѣтелей (Аксенова), жалобы эти походили на ревъ, но указывали онѣ не на беспорядочное поведеніе толпы, а на то, что въ ней, вслѣдствіе страшной давки, гибнутъ уже люди.

По мѣрѣ приближенія времени раздачи угощеній давка въ толпѣ все болѣе возрастала. Около 5 часовъ утра народъ занималъ всю видимую площадь передъ линіею буфетовъ по направленію къ Москвѣ, и первые ряды оказались тѣсно прижатыми къ буфетамъ, благодаря напиравшей съзади толпѣ, въ 500—600 тысячъ человѣкъ.

Надъ людскою массою стоялъ густымъ туманомъ паръ, мѣшавшій на близкомъ разстояніи различать отдѣльныя лица; находившіеся даже и въ первыхъ рядахъ обливались потомъ и имѣли измученный видъ; одни стояли съ широко раскрытыми, налитыми кровью глазами, а у другихъ лица были искажены, словно у мертвецовъ; изъ толпы немолчно неслись ужасные, какъ бы предсмертные крики и вопли, а атмосфера была настолько насыщена испареніями, что люди задыхались отъ недостатка воздуха и зловонія (показанія Симакова, Леонова, Бера, Руднева, Балахнина, Подъяпольскаго).

Количество собравшагося народа, впрочемъ, было далеко не одинаково въ разныхъ частяхъ поля. На линіи, обращенной къ оврагу и городу, оно было наиболѣе значительнымъ, особенно по мѣрѣ приближенія къ углу, образуемому пересѣченіемъ этой линіи съ Петербургскимъ шоссе. Наоборотъ, по направленію къ Ваганьковскому кладбищу толпа рѣдѣла, и въ этой части поля усиленной давки не наблюдалось.

Равнымъ образомъ количество народа, успѣвшее благополучно пробраться на площадь гулянья, оказывалось по сравненію съ прочею массою немногочисленнымъ и едва ли превышало 25 тыс. человѣкъ (показаніе Бокильона).

Наконецъ, противъ Всесвятской рощи у границы площади гулянья народа почти совсѣмъ не было.

Положеніе толпы, притиснутой къ линіи буфетовъ со стороны Москвы напиравшими сзади массами, становилось все болѣе критическимъ. Уже въ 11^{1/2} ч. вечера 17 мая рядовой 7-го гренадерскаго Самогитскаго полка Карецкій, стоявшій на караулѣ у буфетовъ, вытащилъ изъ толпы женщину, находившуюся въ безсознательномъ состояніи. Описанный случай былъ далеко не единственный и по мѣрѣ того, какъ усиливалась давка на полѣ, возрастало и число лицъ, лишившихся сознанія. По объясненію нижнихъ чиновъ и офицеровъ, стоявшихъ въ цѣпи по линіи буфетовъ, толпа «выдавливала» такихъ лицъ; они падали около буфетовъ, послѣ чего солдаты поднимали ихъ и приводили въ чувство. По временамъ изъ толпы обращались къ нижнимъ чинамъ съ просьбою вытащить умирающаго человѣка; солдаты проникали вглубь толпы на нѣсколько аршинъ и выносили оттуда ослабѣвшихъ людей. Кромѣ того, толпа поднимала на свои головы лицъ, впадавшихъ въ безсознательное состояніе; они перекатывались по головамъ до линіи буфетовъ, гдѣ ихъ принимали на руки солдаты. Этимъ же способомъ воспользовались нѣкоторые лица, не лишившіяся сознанія, а въ особенности очутившіяся въ толгѣ дѣти; взобравшись на плечи своимъ сосѣдямъ, они по головамъ толпы добивались до свободнаго пространства. Но, несмотря на принимавшіяся малочисленными военными чинами мѣры и несмотря на готовность самого народа приходить на помощь ослабѣвшимъ, значительное число лицъ было задавлено на смерть еще до начала раздачи угощенія. Нѣсколько умершихъ такимъ образомъ людей толпа передавала по головамъ, но многіе трупы, вслѣдствіе тѣсноты, продолжали стоять въ толпѣ, пока не удавалось ихъ вытащить. Народъ съ ужасомъ старался отодвинуться отъ покойниковъ, не это оказывалось невозможнымъ и только усиливало давку. Впослѣдствіи, когда началась раздача гостинцевъ и народъ хлынулъ чрезъ буфетные проходы, мертвецы, стиснутые толпою, двинулись вмѣстѣ съ нею и падали лишь на площади гулянья. Такихъ двигавшихся мертвецовъ иные изъ очевидцевъ насчитали до двадцати (показанія Бѣляковича, Симакова, Бурцева, Уборина, Петровскаго, Карецкаго, Евсѣева, Леонова, Степанова, Балабана, Коленвеприка).

Несмотря на описанное чрезвычайное скопленіе народа и истиннѣ бѣдственное его положеніе, настроеніе собравшейся праздничной толпы все время, предшествовавшее раздачѣ угощеній, было вполне покорное и мирное. Передніе ряды по возможности старались оттѣснять напоръ заднихъ рядовъ и безпрекословно въ предѣлахъ физической возможности исполняли требованія находившихся на гуляньѣ должностныхъ лицъ. Наблюдались, однако, и случаи нарушенія порядка. Такъ, нѣсколько человѣкъ забрались на пло-

щади народнаго праздника на карусель; нѣкоторыя лица пр лись звонить въ колокола на колокольнѣ, устроенной для ис ненія финала изъ оперы «Жизнь за Царя», но удалились первому же требованію чиновъ полиціи; толпа въ 100 чел. сдѣ неудачную попытку нападенія на одинъ изъ буфетовъ (пока: Бокинъоля); наконецъ изъ толпы бросали пивными бутылкам но всѣ эти случаи представлялись единичными, и самъ на останавливались буйновъ.

Поддержаніе порядка при огромномъ скопленіи народной м представлялось, конечно, чрезвычайно затруднительнымъ.

У многихъ лицъ, находившихся на площади, съ самага на явилось убѣжденіе въ неизбежности угрожающаго народу бѣдс Бывшіе на мѣстѣ начальники воинскихъ командъ принимали воз ния въ ихъ положеніи мѣры для предотвращенія катастрофы. питанъ Львовичъ вызвалъ изъ лагеря, отстоявшаго въ трехъ стахъ отъ мѣста гулянья, первоначально въ 10¹/₂ ч. веч. роту С гитскаго полка, въ составѣ 78 чел. подъ командою поручика С лова, а въ 2¹/₂ ч. ночи батальонъ 8-го гренадерскаго Московс полка, въ составѣ 270 чел., подъ командою подполковника По польскаго. Послѣ продолжительныхъ безуспѣшныхъ настояній требованію начальника караула поручика Бѣляковича, московск ъберъ-полицеймейстеромъ былъ командированъ на Ходынское въ первомъ часу ночи полицеймейстеръ баронъ Будбергъ съ 1-й рею 1-го Донскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ ес Долгова. Съ своей стороны, командиръ Донскаго полка пол никъ Иловайскій, узнавъ объ этомъ распоряженіи и предпола что въ виду чрезвычайнаго движенія народа по направленіи мѣсту гулянья полиція можетъ встрѣтить надобность въ больш количествѣ войска, по собственному почину, приказалъ 3-й и сотнямъ того же полка двинуться къ Ходынскому полю, куда ѣхалъ и самъ. Упавъ, однако, съ лошади оксело Петровскаго дв и причинивъ себѣ значительное поврежденіе, полковникъ Ило скій не могъ руководить дальнѣйшими дѣйствіями своихъ сот но части ихъ, по просьбѣ есаула Долгова, были предоставлен его распоряженіе и участвовали въ охраненіи порядка на площ гулянья. Изъ состава сосредоточенныхъ такимъ образомъ на щади гулянья военныхъ силъ была образована цѣль, кото расположившись передъ линіею буфетовъ, старалась удерж толпу отъ поступательнаго движенія по направленію къ буфет. Усилія военныхъ командъ оказались, однакоже, безуспѣшн и когда толпа вплотную приступила къ буфетамъ, нижніе ч пѣхоты вынуждены были отступить въ проходы, гдѣ и остановил между тѣмъ какъ казаки заняли мѣста на площади гулянья.

Затѣмъ около 5 часовъ утра на мѣсто прибылъ завѣдующій лицейскимъ нарядомъ помощникъ оберъ-полицеймейстера пол

никъ Рудневъ, и въ это же время начали понемногу собираться къ лѣвой эстрадѣ чины полиціи, назначенные въ третій и четвертый районы. Тѣмъ временемъ напоръ толпы на буфеты настолько усилился, что многіе артельщики заявили старостѣ Чижевской артели Максиму о невозможности оставаться на мѣстѣ, если не послѣдуетъ разрѣшеніе на раздачу народу угощенія. Вслѣдствіе этого и въ виду все возраставшей давки дѣйствительный статскій совѣтникъ Беръ, не выждавъ времени, назначеннаго въ объявленіи для раздачи подарковъ, и не предупредивъ объ этомъ даже полковника Руднева, въ исходѣ 6-го часа утра 18 мая разрѣшилъ приступить къ выдачѣ угощеній.

Когда артельщики начали выдачу и слышались крики «ура» и «раздаютъ», толпа, находившаяся у прохода между буфетами снаружи, съ ужасающею стремительностью кинулась въ проходы. Одновременно съ этимъ и толпа, находившаяся уже внутри, на площади гулянья, бросилась къ тѣмъ же проходамъ. Произошла невообразимая сумятица и давка: проникавшіе на площадь выскакивали изъ проходовъ оборванные, мокрые, съ дикими глазами; многіе изъ нихъ со стонами падали, другіе ложились на землю, клали подъ голову полученные узелки и умирали. Вслѣдствіе неровности почвы въ мѣстности, прилегавшей къ буфетамъ и у самихъ буфетовъ, многіе падали и вызвали паденіе шедшихъ позади; мѣстами образовывались груды тѣлъ, которыя топтала проходившая толпа. Одинъ изъ потерпѣвшихъ, оставшійся въ живыхъ, оказался лежащимъ на 15 трупахъ, а поверхъ его лежало еще 10 тѣлъ. Попытки солдатъ и немногихъ изъ находившихся въ то время около буфетовъ чиновъ полиціи оказать возможную помощь падавшимъ на землю оказывались въ большинствѣ случаевъ безуспѣшны, тѣмъ болѣе, что къ лицамъ, собравшимся на площади гулянья и также бросившимся къ буфетамъ, присоединялись и такія, которыя, получивъ ужъ одинъ узелокъ, желали завладѣть вторымъ, а равно люди, которымъ при проходѣ мимо буфетовъ на площадь гулянья не удалось заполучить подарка. Два противоположныхъ теченія, встрѣчаясь въ проходахъ, усугубляли и безъ того сильную давку и толчею, и многіе проходы, особенно у угловыхъ буфетовъ, оказались вскорѣ заваленными цѣлыми грудами труповъ. Въ нѣсколькихъ буфетахъ артельщики, не ограничиваясь передачею узелковъ изъ рукъ въ руки, бросали ихъ на нѣкоторое разстояніе, дабы предоставить возможность воспользоваться угощеніемъ не исключительно лицамъ, находившимся у самыхъ буфетовъ. Такой способъ раздачи въ данномъ случаѣ не могъ даже вызвать пагубныхъ послѣдствій: вслѣдствіе страшной тѣсноты узелки не падали вовсе на землю и подхватывались на лету лицами, стоявшими съ вытянутыми руками.

Описанныя событія, сопровождавшія раздачу угощениій, продолжались отъ получаса до одного часу—за этотъ короткій промежутокъ времени всѣ узелки оказались уже розданными.

По удостовѣренію полицеймейстера барона Будберга въ нѣсколькихъ буфетахъ на углу Петербургскаго шоссе и линіи, обращенной къ городу, часть узелковъ осталась налицо, и онъ, нѣкоторое время спустя послѣ первой раздачи, въ виду спокойнаго состоянія толпы, счелъ возможнымъ разрѣшить вновь раздачу изъ уцѣлѣвшихъ буфетовъ; тутъ народъ опять бросился къ гостинцамъ какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны; вновь произошла давка, и на мѣстѣ ея оказалось много труповъ (показаніе барона Будберга).

Общее число лицъ, получившихъ 18 мая поврежденія во время гулянья на Ходынскомъ полѣ, по собраннымъ при слѣдствіи свѣдѣніямъ, достигло 2,690 чел., изъ нихъ умершихъ оказалось 1,389 ч. (протоколъ осмотра). Значительное число труповъ обнаружено было не только въ проходахъ между буфетами и вдоль линій противъ города и Петербургскаго шоссе, но и въ оврагѣ.

Что касается разошедшейся молвы о томъ, будто изъ колодець находившихся въ сосѣдствѣ площади гулянья было извлечено много мертвыхъ тѣлъ, то слухъ этотъ при слѣдствіи не подтвердился,—впрочемъ было установлено, что во время движенія народа чрезъ оврагъ изъ толпы раздался крикъ: «батюшки, колодець провалился», и въ колодець въ оврагѣ упало два человѣка, о судьбѣ которыхъ дальнѣйшія свѣдѣнія отсутствовали. Кромѣ того, при второмъ изслѣдованіи колодца, утромъ 18 мая, въ немъ оказался человѣкъ, упавшій туда, повидимому, послѣ катастрофы.

Равнымъ образомъ не обнаружено пострадавшихъ ни у линіи буфетовъ противъ Всесвятской рощи, ни у пивныхъ сараевъ, хотя за отсутствіемъ воды на гуляньѣ и за неприбытіемъ артельщиковъ, назначенныхъ для раздачи пива, пивные сараи подверглись уже послѣ постигшаго народъ бѣдствія разграбленію и разрушенію со стороны толпы.

При врачебномъ освидѣтельствованіи жертвъ катастрофы на тѣлахъ умершихъ обнаруживались обширныя и многочисленныя раны, синяки и кровоподтеки; при ощупываніи груди слышался трескъ отъ сломанныхъ реберъ; у нѣкоторыхъ труповъ лица представляли безформенную массу, у другихъ были раздуты, темно-багроваго цвѣта, съ выступившими изъ орбитъ глазами и выпяченнымъ языкомъ. По заключенію врачей, смерть погибшихъ была вызвана удушеніемъ и задавленіемъ народною толпою.

Помощь пострадавшимъ не могла быть оказана своевременно за отсутствіемъ необходимыхъ перевязочныхъ средствъ и врачебнаго персонала.

На площади гулянья не оказалось вовсе воды.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствовали и фургоны для вывозки убитыхъ и пострадавшихъ, вслѣдствіе чего нельзя было приступить немедленно къ уборкѣ труповъ, и она окончилась только къ 9 час. вечера 18 мая.

II.

Переходя къ опредѣленію причинъ, обусловившихъ ходынскую катастрофу, слѣдствіе выяснило, что причины эти были вызваны дефектами въ самомъ устройствѣ праздника и недостаточностью мѣръ, принятыхъ къ обезпеченію порядка и безопасности на праздникѣ.

Причины бѣдствія, поскольку онѣ связаны съ самымъ устройствомъ гулянья, установлены на основаніи заключенія свѣдущихъ людей—профессора архитектуры Быковского и архитектора Гепенера (протоколъ экспертизы).

Прежде всего, по мнѣнію экспертовъ, нерационаленъ былъ выборъ мѣста расположенія буфетовъ по близости отъ неогороженнаго оврага, тѣмъ болѣе, что береговая линія оврага чрезвычайно извилиста и при движеніи толпы вдоль линіи буфетовъ могла создать для идущихъ неожиданную опасность паденія. При устройствѣ народнаго праздника въ 1883 г. эта опасность была предотвращена, такъ какъ, по показанію инженеръ-архитектора Бадера и по карандашнымъ отмѣткамъ на планахъ гулянья 1883 г., большая часть буфетовъ была расположена по Петербургскому шоссе, а буфетовъ, обращенныхъ лицевой стороною къ оврагу, не имѣлось вовсе. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, не могло быть установлено слѣдствіемъ съ достаточною опредѣленностью, такъ какъ показанія свидѣтелей оказались несогласными между собою.

Другую неправильность въ устройствѣ гулянья эксперты усмотрѣли въ томъ, что буфеты соединялись въ непрерывныя, слишкомъ длинныя цѣпи, отчего искусственно скоплялось большое количество народа на сравнительно незначительномъ пространствѣ.

Кромѣ того, и расположеніе двухъ линій буфетовъ подъ прямымъ угломъ признавалось экспертами противорѣчащимъ требованію безопасности. Такое расположеніе, при напорѣ толпы прямо на уголь, одновременно съ движеніемъ по перпендикуляру къ обѣимъ линіямъ буфетовъ, неминуемо должно было вызвать въ толпѣ особенно сильную давку. На это обстоятельство инженеръ-архитекторъ Бадеръ обращалъ вниманіе архитектора Николая, при встрѣчѣ съ нимъ 17 мая на площади гулянья, но получилъ отъ него отвѣтъ, что планъ утверждёнъ начальствомъ.

Наконецъ, къ числу неблагопріятныхъ условій эксперты относили отсутствіе забора вокругъ всей площади народнаго праздника, ибо такое огражденіе, устроенное надлежащимъ образомъ,

дало бы возможность предупредить преждевременное скопление народа на площади, и было бы предотвращено движеніе этой части народа навстрѣчу толпѣ, пропускаемой на площадь через проходы у буфетовъ.

По поводу указанныхъ неправильностей начальникъ особаго установленія по устройству коронаціонныхъ народныхъ зрѣлищъ и празднествъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Беръ и техникъ гражданскій инженеръ Николая представили объясненія лишь относительно мѣста, избраннаго для устройства гулянья. По показаніямъ ихъ, при выборѣ мѣста было обращено вниманіе на сосѣдство оврага, но онъ не возбудилъ опасеній, такъ какъ предполагалось, что оврагъ будетъ огражденъ достаточнымъ кордономъ изъ войскъ, какъ въ 1883 г. Кромѣ того, при осмотрѣ предполагаемаго мѣста гулянья осенью 1895 года берега оврага были отлогіе, а дно его представлялось ровнымъ и широкимъ и не было изрыто ямами, которыя образовались вслѣдствіе добыванія изъ нихъ песку весною 1896 года; послѣднія обстоятельства, однакоже, при слѣдствіи не подтвердились, а свидѣтельскія показанія установили, что добыча песку хотя и продолжалась въ 1896 г., но въ небольшихъ количествахъ и существенно не могла за послѣдніе мѣсяцы измѣнить ни очертаній оврага, ни числа находящихся въ немъ ямъ; о существованіи же колодцевъ въ мѣстности, непосредственно примыкающей къ площади гулянья, ни чины особаго установленія, ни чины полиціи, какъ оказалось, освѣдомлены не были, а, по объясненію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бера, онъ даже не считалъ себя обязаннымъ осматривать эту мѣстность.

Что касается вопроса о мѣропріятіяхъ, соображенныхъ особымъ установленіемъ и полиціею въ интересахъ обезпеченія безопасности народа на гуляньѣ, то, по объясненію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бера, генераль-майора Иванова и титулярнаго совѣтника Петрова, они задолго до гулянья обращались къ оберъ-полицеймейстеру Власовскому и предлагали ему совмѣстно обсудить мѣры, необходимыя для поддержанія порядка во время народнаго праздника: Въ іюль 1895 года титулярный совѣтникъ Петровъ впервые коснулся въ разговорѣ съ полковникомъ Власовскимъ вопроса о такихъ мѣрахъ, но получилъ отъ него отвѣтъ: «Предоставьте это мнѣ; это ужъ мое дѣло».

Въ февралѣ 1896 года генераль-майоръ Ивановъ, по порученію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бера, во время пребыванія въ Москвѣ предлагалъ полковнику Власовскому образовать смѣшанную комиссію изъ чпновъ полиціи и представителей особаго установленія для совмѣстнаго обсужденія вопроса о мѣрахъ поддержанія порядка во время народнаго гулянья. Но и тутъ Власовскій категорически отвергъ вмѣшательство особаго установленія въ этотъ вопросъ и высказался такъ:

— Это мое дѣло; ваше дѣло устройство увеселеній, заготовка подарковъ, а поддержаніе порядка—дѣло мое. Согласитесь сами: какое для меня обязательное значеніе можетъ имѣть рѣшеніе комиссіи? Комиссія рѣшитъ одно, а я все-таки сдѣлаю по-своему, какъ признаю болѣе нужнымъ.

Наконецъ, самъ начальникъ особаго установленія непосредственно возбудилъ вопросъ о необходимости составить комиссію при личномъ свиданіи съ полковникомъ Власовскимъ, но послѣдній стоялъ на своемъ:—это его дѣло, и никакихъ комиссій ему не нужно. При этомъ разговорѣ, происходившемъ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Беромъ 13 апрѣля 1896 г., послѣ завтрака у полковника Власовскаго, послѣдній опять заявилъ:

— Неужели вы думаете, что я, пріѣхавъ на мѣсто и убѣдившись, что нужно сдѣлать совсѣмъ не то, что постановлено комиссіею, стѣснюсь какимъ бы то ни было постановленіемъ ея? Конечно, нѣтъ. Я сдѣлаю то, что найду нужнымъ сдѣлать. Ответственность моя, оставьте же мнѣ и распоряженія! Незачѣмъ намъ тратить время на какія-то комиссіи, для дѣла не нужныя.

Всказываемыя полковникомъ Власовскимъ столь упорно и рѣшительно соображенія въ концѣ концовъ и дѣйствительному статскому совѣтнику Беру показали убѣдительными—онъ пересталъ касаться въ дальнѣйшихъ своихъ распоряженіяхъ вопроса объ охраненіи порядка и безопасности во время гулянья, относя эту заботу всецѣло къ обязанностямъ полиціи. Равнымъ образомъ начальникъ особаго установленія, вопреки возложенной на него обязанности, не принялъ мѣръ и къ установленію на гуляньѣ санитарнаго надзора, а вмѣстѣ съ тѣмъ не озаботился и снабженіемъ площади гулянья водою.

Съ другой стороны, слѣдствіе установило, что пресловутыя полицейскія усмотрѣнія не оказались на должной высотѣ положенія: московская полиція совсѣмъ не приняла энергичныхъ мѣръ къ охраненію порядка и безопасности на народномъ праздникѣ.

И. д. московскаго оберъ-полицеймейстера Власовскій показалъ, что онъ отъ особаго установленія будто бы не получилъ даже письменнаго увѣдомленія о днѣ, назначенномъ для народнаго праздника, и освѣдомился о немъ только изъ книжечки съ расписаніемъ коронаціонныхъ торжествъ, полученной имъ отъ кого-то частнымъ путемъ. Равнымъ образомъ, по утвержденію Власовскаго, ни Беръ, ни Ивановъ не обращались къ нему, Власовскому, съ предложеніемъ составить комиссію для совмѣстнаго обсужденія мѣръ, необходимыхъ для поддержанія порядка и безопасности во время народнаго праздника. Самъ полковникъ Власовскій мѣстности гулянья не осматривалъ и ея не зналъ, такъ какъ она въ его вѣдѣніи и не состояла вовсе, но находится въ предѣлахъ 3-го стана Московскаго уѣзда. Тѣмъ не менѣе за нѣсколько дней до гулянья

онъ, Власовскій, командировалъ на Ходынское поле, для ознакомленія съ мѣстностью и для составленія проекта полицейскаго наряда своего помощника, полковника Руднева, которому впоследствии и поручилъ завѣдываніе всѣмъ полицейскимъ нарядомъ на праздникѣ.

Представленныя полковникомъ Власовскимъ объясненія, не заключавшія существенныхъ указаній на наличіе обстоятельствъ, которыя бы дѣйствительно освобождали его, въ качествѣ начальника полиціи, отъ принятія вызываемыхъ народнымъ праздникомъ мѣръ къ обеспеченію порядка и безопасности, опровергались какъ вышеприведенными категорическими показаніями дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бера, генераль-майора Иванова и титулярнаго совѣтника Петрова, такъ и нижеслѣдующими данными, показавшими, что полковникъ Власовскій располагалъ официальными свѣдѣніями о днѣ, назначенномъ для народнаго праздника, и самъ же сдѣлалъ касательно праздника рядъ распоряженій.

Начать съ того, что высочайше утвержденное расписаніе коронаціонныхъ торжествъ и празднествъ, согласно коему, между прочимъ, и народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ назначался на 18-е мая, было опубликовано во всеобщее свѣдѣніе чрезъ № 90 «Вѣдомостей московской городской полиціи», отъ 9-го апрѣля 1896 года.

Постройки на площади гулянья, правда, были возведены распоряженіями особаго установленія помимо предварительнаго соглашенія съ управленіемъ оберъ-полицеймейстера, и самыя постройки эти, по возведеніи ихъ, полиціею не свидѣтельствовались, но когда подрядчики Кононовъ, Силуяновъ и Кудрявцевъ, съ разрѣшенія особаго установленія, устроили по обѣимъ сторонамъ царскаго павильона двѣ эстрады на 8 тысячъ человѣкъ, предполагая отдавать въ нихъ мѣста за плату, и особое установленіе 27-го марта отнеслось къ оберъ-полицеймейстеру съ просьбою разрѣшить напечатать билеты какъ на эти мѣста, такъ и для проѣзда къ нимъ публики, то полковникъ Власовскій, увѣдомляя особое установленіе о неимѣніи препятствій къ печатанію билетовъ, сообщилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что признаетъ необходимымъ произвести чрезъ особую комиссію осмотръ эстрадъ и удостовѣриться въ ихъ прочности; осмотръ этотъ состоялся 11-го мая, и командированный для участія въ немъ полицеймейстеръ Свѣшниковъ донесъ оберъ-полицеймейстеру, что комиссія признала трибуны для публики исполнѣ прочными. Независимо отъ этого, вслѣдствіе обращенной 16-го апрѣля 1896 года къ оберъ-полицеймейстеру просьбы особаго установленія объ огражденіи отъ расхищенія построекъ и другого имущества на мѣстѣ гулянья, полковникъ Власовскій 18-го апрѣля поручилъ приставу 2-го участка Сушевской части озаботиться принятіемъ надлежащихъ мѣръ, а получивъ отъ пристава донесеніе о томъ, что по-

стройки народного гулянья находятся въ 3-мъ станѣ Московскаго уѣзда, и что по ихъ обширности придется установить не менѣе трехъ постовъ, приказомъ отъ 1-го мая предписалъ командировать во 2-й участокъ Суцевской части 12 городскихъ изъ резерва.

На запросъ, послѣдовавшій со стороны начальника штаба петербургскаго военнаго округа о количествѣ войскъ, необходимыхъ для охраненія порядка въ дни коронаціонныхъ торжествъ, а въ томъ числѣ и въ день народнаго праздника, оберъ-полицеймейстеръ 6-го февраля 1896 года просилъ назначить въ помощь полиціи 1-й Донской казачій полкъ и 1,000 человекъ пѣхоты. Вслѣдствіе этого и на основаніи личныхъ сношеній между ихъ императорскими высочествами московскимъ генераль-губернаторомъ и главнокомандующимъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, московскій оберъ-полицеймейстеръ былъ извѣщенъ, что просимый имъ нарядъ отъ войскъ будетъ назначенъ, и что впредь по всемъ вопросамъ о нарядѣ войскъ ему слѣдуетъ сноситься непосредственно съ начальникомъ штаба коронаціоннаго отряда.

26-го апрѣля оберъ-полицеймейстеръ обращался къ начальнику особаго установленія съ просьбою, по примѣру народнаго гулянія 1883 года, отвести 5 помѣщеній для врачебно-полицейскихъ пунктовъ, на что 29-го апрѣля и былъ данъ отвѣтъ, что требуемыя помѣщенія отведены въ четырехъ театрахъ и циркѣ.

Далѣе, 3-го мая 1896 года оберъ-полицеймейстеръ циркулярно предписалъ участковымъ приставамъ распорядиться чрезъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, чтобы рабочіе, въ день народнаго праздника, съ каждой отдѣльной фабрики были туда отправляемы все вмѣстѣ или нѣсколькими партіями, съ соблюденіемъ надлежащаго порядка и въ сопровожденіи ихъ старостъ, причемъ указывалось, что для безпрепятственнаго пропуска каждой такой партіи на Ходынское поле будетъ командировано по одному городскому или полицейскому служителю. Въ дополненіе же къ этому приказу оберъ-полицеймейстеръ 17-го мая, въ 5 часовъ пополудни телеграммами извѣстилъ приставовъ, что «фабричные рабочіе должны быть отправляемы съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть на Ходынское поле не ранѣе 10 часовъ дня».

Наконецъ, за нѣсколько дней до праздника 18-го мая полковникъ Власовскій, какъ уже упоминалось выше, поручилъ помощнику своему, полковнику Рудневу, осмотрѣть мѣстность, предназначенную для гулянья. По поводу этого порученія, исполненнаго при участіи архитектора Николая, полковникъ Рудневъ объяснилъ, что распоряженіе оберъ-полицеймейстера касалось только разстановки столбовъ у царскаго павильона и указанія мѣста для дворянской охраны. Не имѣя въ эту поѣздку иныхъ служебныхъ порученій отъ оберъ-полицеймейстера, полковникъ Рудневъ не счелъ нужнымъ знакомиться съ мѣстностью, прилегающею къ площади гулянья, и только изъ любопытства осмотрѣлъ пивные сараи и буфеты

Что касается обстоятельствъ, сопровождавшихъ составленіе полицейскаго наряда на 18-е мая, то показаніе управляющаго канцеляріею оберъ-полицеймейстера коллежскаго совѣтника Бельгарда выяснило слѣдующее: полковникъ Рудневъ, 10-го или 11-го мая, говорилъ Бельгарду, что оберъ-полицеймейстеръ поручилъ ему дать канцеляріи указанія относительно составленія проекта наряда на народный праздникъ, войти въ соглашеніе съ особымъ установленіемъ, достать планъ гулянья и переговорить съ военнымъ начальствомъ.

Съ своей стороны, полковникъ Рудневъ при слѣдствіи заявилъ, что въ составленіи проекта полицейскаго наряда онъ участія не принималъ и о своемъ назначеніи завѣдующимъ этимъ нарядомъ (о чемъ, впрочемъ, ранѣе говорилъ съ коллежскимъ совѣтникомъ Бельгардомъ) узналъ только изъ приказа, полученнаго 17-го мая вечеромъ, а планъ гулянья онъ взялъ изъ особаго установленія по собственному почину.

Изъ показаній дѣлопроизводителя канцеляріи оберъ-полицеймейстера коллежскаго секретаря Грессера оказалось, что когда онъ, по порученію управляющаго канцеляріею оберъ-полицеймейстера приступилъ къ составленію проекта наряда полиціи на народный праздникъ, то онъ, Грессеръ, просилъ полковника Руднева о присылкѣ плана гулянья; Рудневъ прислалъ планъ въ тотъ же день, но оказалось, что это планъ гулянья 1883 года. Получивъ затѣмъ изъ особаго установленія непосредственно планъ гулянья 1896 года, Грессеръ и составилъ проектъ полицейскаго наряда.

По представленіи этого проекта управляющему канцеляріею, коллежскій совѣтникъ Бельгардъ, во исполненіе приказанія оберъ-полицеймейстера, поручилъ Грессеру увеличить по возможности численный составъ наряда и назначить сборъ части его къ 5 часамъ утра, а остальной—къ 9 часамъ утра; завѣдываніе же всѣмъ нарядомъ приказано было возложить на полковника Руднева. Послѣ соотвѣтственнаго измѣненія, проектъ наряда былъ утвержденъ полковникомъ Власовскимъ и включенъ въ приказъ на 18-е мая.

Согласно этому приказу, изъ общаго числа назначенныхъ въ нарядъ приблизительно 1,800 полицейскихъ чиновъ всего только 300 нижнихъ чиновъ при 67 полицейскихъ чиновникахъ предназначались для охраненія порядка у буфетовъ. При этомъ предполагалось, что полковникъ Рудневъ, завѣдуя нарядомъ, не станетъ стѣсняться распредѣленіемъ по районамъ наличныхъ полицейскихъ силъ впродъ до прибытія остальной части наряда, вызванной на 9 часовъ утра.

О командированіи наряда отъ войскъ оберъ-полицеймейстеръ просилъ начальника штаба коронаціоннаго отряда 16-го мая за № 5158, но, за неполученіемъ оттуда отвѣта 17-го мая, управляющій

канцелярію оберъ-полицеймейстера только въ 5 часовъ утра 18-го мая поручилъ дѣлопроизводителю Грессеру спѣшно съѣздить въ штабъ и во что бы ни стало добиться отвѣта, что и было исполнено Грессеромъ.

Назначенные приказомъ оберъ-полицеймейстера въ нарядъ на народный праздникъ чины полиціи были объ этомъ оповѣщены только въ ночь на 18-е мая, а полковникъ Рудневъ, на котораго возлагалось общее завѣдываніе нарядомъ, былъ объ этомъ поставленъ въ извѣстность только 17-го мая вечеромъ, когда уже, конечно, не имѣлъ возможности надлежащимъ образомъ ознакомиться ни съ площадью гулянья, ни съ прилегающею мѣстностью.

Въ составленіи проекта наряда на 18-е мая, кромѣ полковника Руднева, никто изъ высшихъ чиновъ полиціи не участвовалъ, а, благодаря этому, назначенные начальствовать въ отдѣльныхъ районахъ полицеймейстеры Ефимовичъ, Свѣшниковъ и баронъ Будбергъ, чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-полицеймейстерѣ Померанцевъ и приставъ Ильченко не получили соответствующихъ инструкцій отъ оберъ-полицеймейстера и оказались совершенно не освѣдомленными о томъ, что имъ предстоитъ дѣлать. Поэтому чины полицейскаго наряда, прибывая на мѣсто гулянья въ 6 часовъ утра 18-го мая, находились въ полномъ невѣдѣніи, куда имъ направиться, такъ какъ со стороны явившагося на Ходынское поле полковника Руднева никакихъ опредѣленныхъ указаній не дѣлалось, а назначенный для завѣдыванія полицейскимъ нарядомъ въ самомъ опасномъ 3-мъ районѣ полицеймейстеръ баронъ фонъ-Будбергъ къ опредѣленному для явки времени (въ 5 часовъ утра) на мѣстѣ сбора не оказался, такъ какъ, побывавъ ночью на Ходынскомъ полѣ, уѣхалъ домой переодѣвать мундиръ. Благодаря этому, назначенные въ 3-й районъ гулянія (по линіи буфетовъ въ сторону города) полицейскіе чины, собравшіеся, повидимому, на площади гулянья въ полномъ составѣ въ началѣ 6-го часа утра, за полнымъ отсутствіемъ руководенія со стороны начальствующихъ лицъ, оказались обреченными на бездѣйствіе именно въ то время, когда напоръ толпы принималъ угрожающіе размѣры и когда полицейскіе чины, при надлежащемъ направленіи ихъ силъ, могли бы если не предотвратить надвигающуюся катастрофу, то по крайней мѣрѣ уменьшить ея размѣры. Правда, нѣкоторые полицейскіе чины, не дождавшись распоряженій отъ начальства, приступили самочинно къ охраненію порядка, но такая не организованная дѣятельность въ одиночку не могла принести особенной пользы и при томъ распространялась только на немногіе буфеты, ближайшіе къ лѣвой эстрадѣ,—мѣсту сбора полицейскаго наряда.

Такимъ образомъ, по единогласному удостовѣренію опрошенныхъ свидѣтелей, во всю ночь на 18-е мая и до завершенія совершившагося по утру бѣдствія, полиція на площади гулянья почти отсут-

ствовала, показываясь лишь въ немногихъ мѣстахъ и въ немногочисленномъ составѣ. Соотвѣтственно этому и участіе ея въ водвореніи порядка было совершенно ничтожно. При этомъ нѣкоторыми свидѣтелями удостовѣрены отдѣльные случаи чисто формальнаго отношенія чиновъ полиціи къ своимъ обязанностямъ, а это доказываетъ, что полиціи не было преподано надлежащихъ указаній относительно предстоявшаго ей на народномъ гуляньи образа дѣйствій. Такъ, напримѣръ, два околоточныхъ надзирателя, встрѣченные капитаномъ Львовичемъ съ нарядомъ городскихъ, на предложеніе принять участіе въ охраненіи порядка у буфетовъ уклонились отъ исполненія этого требованія подъ тѣмъ предлогомъ, что они назначены въ другое мѣсто.

На обращеніе г.-м. Иванова къ одному изъ полицейскихъ приставовъ съ просьбою направить къ буфетамъ явившихся городскихъ, приставъ отвѣчалъ, что городовые назначены въ опредѣленные мѣста и онъ ихъ въ толпу посылать не станетъ. На обращенное дмитровскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ должности егермейстера Кристи, требованіе къ городovýmъ удалить народъ отъ царскаго павильона, послѣдовалъ отвѣтъ, что это-де не ихъ дѣло, такъ какъ они въ нарядѣ не находятся. Наконецъ, на просьбу потомственнаго почетнаго гражданина Постникова подать воды умывшемуся челоуѣку и вообще оказать ему помощь стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него городской заявилъ: «намъ ничего не приказано».

Наконецъ, нельзя не подчеркнуть особенно характернаго факта: въ теченіе 17-го мая, а равно въ ночь на 18-е мая въ управленіе оберъ-полицеймейстера былъ направленъ цѣлый рядъ настоятельныхъ указаній на неотложную необходимость принять энергичныя мѣры къ предотвращенію угрожающаго бѣдствія, но всѣ эти настоянія соотвѣтственныхъ серьезному положенію дѣла распоряженій не вызвали.

Такъ, комендантъ Ходынскаго лагеря капитанъ Львовичъ еще около полудня 17-го мая просилъ полковника Руднева сдѣлать распоряженіе о немедленной присылкѣ наряда изъ городскихъ для охраны буфетовъ, но Рудневъ объ этомъ ходатайствѣ довелъ до свѣдѣнія оберъ-полицеймейстера только въ первомъ часу ночи, причемъ не преминулъ доложить полковнику Власовскому голословно, что на Ходынскомъ полѣ все спокойно.

Того же 17-го мая, въ 4 часа 45 минутъ пополудни, капитанъ Львовичъ повторно обратился съ прежнимъ ходатайствомъ по телеграфу въ распорядительное отдѣленіе канцеляріи оберъ-полицеймейстера, но телеграмма эта была передана коллежскому совѣтнику Бельгарду только по возвращеніи его изъ театра съ параднаго спектакля, а по докладѣ ея оберъ-полицеймейстеру и тутъ была оставлена безъ послѣдствій. Около 9 часовъ вечера капитанъ Льво-

вичъ, въ виду значительнаго уже скопленія народа на Ходынскомъ полѣ, просилъ по телефону дежурнаго чиновника при оберъ-полицеймейстерѣ доложить послѣднему о настоятельности немедленной присылки усиленнаго полицейскаго наряда. Въ это же время и начальникъ караула на Ходынскомъ полѣ поручикъ Бѣляковичъ обращался къ полковнику Власовскому съ просьбою о командированіи полицейскаго наряда, за встрѣчаемою имъ самимъ невозможностью поддержать порядокъ наличными силами. Когда просьбы Львовича и Бѣляковича были, наконецъ, въ 11 часовъ вечера доложены полковнику Власовскому, находившемуся тоже на парадномъ спектаклѣ, онъ приказалъ барону Будбергу отправиться на Ходынское поле съ сотнею казаковъ. Признавая собранныя силы все же недостаточными для удержанія напора толпы, капитанъ Львовичъ *въ четвертый уже разъ* по телефону сообщилъ для передачи оберъ-полицеймейстеру о необходимости усилить полицейскій нарядъ, но опять безуспѣшно.

Независимо отъ капитана Львовича и поручика Бѣляковича, и чиновникъ особаго установленія, титулярный совѣтникъ Петровъ въ ночь на 18-е мая двукратно обращался по телефону въ дежурство оберъ-полицеймейстера съ просьбою о скорѣйшей присылкѣ полицейскаго наряда—въ 2 часа ночи для охраны буфетовъ, а въ 3 часа ночи—для охраны царскаго павильона. Только по второму сообщенію полковникъ Власовскій счелъ нужнымъ поручить приставу Гертику озабочиться принятіемъ нужныхъ мѣръ. Наконецъ уже самъ министръ императорскаго двора чрезъ полицеймейстера кремлевскихъ дворцовъ подполковника Солини по телефону около 12 часовъ ночи просилъ оберъ-полицеймейстера озабочиться охраненіемъ порядка на Ходынскомъ полѣ, гдѣ скопилось много народа, но въ отвѣтъ отъ Власовскаго послѣдовало успокоительное увѣдомленіе о посылкѣ барона Будберга и казаковъ на народное гуляніе.

Телефонныя сообщенія въ квартирѣ оберъ-полицеймейстера выслушивались дежурными чиновниками и докладывались по принадлежности чрезъ околоточнаго надзирателя Мокушенко, а когда полковникъ Власовскій легъ спать, чрезъ камердинера Лукашева.

Такимъ образомъ, въ общемъ помимо приказаній, отданныхъ въ послѣднюю минуту барону Будбергу и приставу Гертику, оберъ-полицеймейстеръ всѣ заботы объ охранѣ безопасности на народномъ гуляньѣ переложилъ на своего помощника полковника Руднева, поручивъ ему отправиться на Ходынское поле для завѣдыванія нарядомъ, самъ же туда не поѣхалъ, хотя по окончаніи параднаго спектакля и не былъ отвлекаемъ служебными занятіями. Только въ день народнаго праздника полковникъ Власовскій впервые прибылъ на мѣсто гулянья въ 9-мъ часу утра, послѣ того, какъ предсказывавшаяся ему въ теченіе 17-го мая и въ ночь на 18-е число

съ разныхъ сторонъ катастрофа уже оказалась совершившимся фактомъ, вызваннымъ исключительно нераспорядительностью начальника полиціи. Въмѣсто живого дѣла Власовскій сначала пререкался съ особымъ установленіемъ о предѣлахъ компетенціи, а когда ему отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бера была предоставлена *carte blanche* распоряжаться подъ его отвѣтственностью установленіемъ порядка и безопасности на гуляньи, Власовскій былъ отвлекаемъ отъ этой заботы другими обязанностями службы, въ родѣ посѣщенія параднаго спектакля, и за недосугомъ или за упрямствомъ заблаговременно не озаботился сдержаніемъ съ помощью военной и полицейской силы непрестаннаго наплыва народныхъ толпищъ на территорію гулянья въ томъ именно направленіи, которое представляло опасность для жизни массы людей, безтолково и стихійно напирившихъ другъ на друга.

По разсмотрѣніи актовъ слѣдствія статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ обращается къ оцѣнкѣ собраннаго предварительнымъ слѣдствіемъ матеріала; матеріаль этотъ, по его мнѣнію, съ достаточною полнотою выяснилъ допущенныя должностными лицами противозаконныя дѣйствія, поскольку ими была вызвана происшедшая 18-го мая на Ходынскомъ полѣ катастрофа, имѣвшая послѣдствіемъ причиненіе смерти, увѣчій и поврежденій здоровья 2,690 лицамъ. Поэтому министръ юстиціи, статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ признаетъ, что ходынское бѣдствіе, омрачившее свѣтлые дни коронаванія, обусловлено совокупностью неправильныхъ дѣйствій какъ должностныхъ лицъ, входившихъ въ составъ особаго установленія по устройству народныхъ зрѣлищъ и празднествъ, такъ равно и чиновъ московской полиціи.

Останавливаясь прежде всего на обсужденіи дѣйствій и распоряженій особаго установленія по исполненію возложенной на него задачи, статсъ-секретарь Муравьевъ высказываетъ слѣдующія соображенія:

«Избранная для народнаго праздника площадь, въ виду ожидавшагося движенія къ ней значительнаго числа людей, требовала особо заботливаго вниманія къ прилегавшей мѣстности и обязывала устроителей праздника къ принятію всѣхъ доступныхъ имъ, по мѣстнымъ условіямъ, мѣръ къ обезпеченію беспрепятственнаго передвиженія прибывавшаго на праздникъ народа. Между тѣмъ, та часть Ходынскаго поля, отъ Москвы до площади гулянія, которая должна была явиться мѣстомъ главнѣйшаго сосредоточенія народа въ силу естественнаго его притока со стороны Москвы и въ виду расположеннаго въ этой сторонѣ наибольшаго числа буфетовъ, представлялась наименѣе отвѣчающею требованіямъ безопасности.

«Пересѣкающій эту мѣстность въ близкомъ разстояніи отъ линіи буфетовъ извилистый и глубокій оврагъ, дно котораго было къ тому же взрыто ямами и колодцами, неровность почвы, а также промойны и ямы вблизи буфетовъ и въ проходахъ между ними—всѣ эти неблагопріятныя и даже опасныя при большомъ скопленіи народа условія должны были обратить на себя вниманіе лицъ, распоряжавшихся работами по устройству праздника, но не вызвали съ ихъ стороны никакихъ мѣропріятій: оврагъ остался не огражденнымъ и никакихъ работъ для уравнианія ближайшей къ буфетамъ мѣстности предпринято не было. Во время случившейся 18-го мая катастрофы послѣдствія бѣдствія сказались съ особою силою въ этихъ опасныхъ мѣстахъ и наибольшее число труповъ, задавленныхъ народомъ, оказалось въ оврагахъ и ямахъ.

«Кромѣ того, расположеніе линій буфетовъ подъ прямымъ угломъ и соединеніе въ одну непрерывную цѣпь большого числа буфетовъ въ значительной мѣрѣ способствовало затѣсненію (затору) стремившагося къ буфетамъ народа и увеличило количество жертвъ, особенно многочисленныхъ въ мѣстѣ соединенія двухъ линій буфетовъ.

«Самая площадь гулянья только мѣстами была отгорожена; отсутствіе же сплошного загражденія, открывая безпрепятственный доступъ на мѣсто праздника ранѣе назначеннаго времени, явилось одною изъ причинъ беспорядочнаго стѣсненія между буфетами народа, съ двухъ противоположныхъ сторонъ стремившагося проникнуть въ проходы, и имѣло своимъ послѣдствіемъ увеличеніе числа пострадавшихъ въ этихъ проходахъ.

«Отвѣтственность за изъясненныя неправильныя дѣйствія должна пасть не только на начальника особаго установленія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бера, пользовавшагося широкими полномочіями въ дѣлѣ устройства народнаго праздника, но и на архитектора особаго установленія Николая, который, независимо отъ составленія, по порученію своего начальника, общаго плана праздника, участвовалъ также въ осмотрѣ мѣстности для гулянья, причемъ, въ виду его спеціальнаго образованія и занятія имъ технической должности, отзывъ его о пригодности мѣста, необходимыхъ на ономъ работахъ и цѣлесообразности проектированнаго расположенія буфетовъ, долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе.

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ Беръ, въ виду возложенной на него предварительнымъ расписаніемъ обязанности, является отвѣтственнымъ и за непринятіе надлежащихъ мѣръ къ поддержанію порядка во время народнаго праздника.

«Если и признать доказаннымъ, что начальникъ особаго установленія лично и чрезъ своихъ подчиненныхъ обращался къ и. д. московскаго оберъ-полицеймейстера съ предложеніемъ образовать комиссію для обсужденія мѣръ, вызываемыхъ стеченіемъ на празд-

никъ массы народа въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ, то и самый отказъ полковника Власовскаго отъ совмѣстныхъ въ семь отношеніи дѣйствій не освобождаетъ отъ указанной отвѣтственности дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бера, который долженъ былъ исчерпать все находившіяся въ его распоряженіи средства для обезпеченія порядка на народномъ праздникѣ.

«Сложивъ съ себя послѣ упомянутыхъ переговоровъ съ полковникомъ Власовскимъ всякія по указанному предмету попеченія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Беръ прибылъ на мѣсто праздника въ день катастрофы лишь въ 5-мъ часу утра. Убѣдившись лично въ грозившей толпѣ опасности и въ недостаточности наличныхъ силъ полиціи и войска для водворенія порядка, начальникъ особаго установленія не принялъ съ своей стороны какихъ-либо въ этомъ отношеніи мѣръ.

«При этомъ, остановившись на рѣшеніи приступить къ раздачѣ подарковъ ранѣ назначеннаго въ расписаніи часа и ссылаясь на испрошенное предварительно у министра императорскаго двора полномочіе, дѣйствительный статскій совѣтникъ Беръ привелъ это рѣшеніе въ исполненіе, но безъ предупрежденія о томъ полиціи, хотя въ то время на площади гулянья уже находилась значительная часть полицейскаго наряда 3-го и 4-го районовъ, а также заведующій всемъ нарядомъ полковникъ Рудневъ, который имѣлъ бы еще возможность стянуть всехъ бывшихъ въ его распоряженіи чиновъ полиціи и войскъ къ линиямъ буфетовъ. Конечно, указанная мѣра не могла устранить давки, вызванной стремительнымъ напоромъ на буфеты со стороны толпы, скопившейся внѣ площади и гулянья, но умѣло разставленный на самой площади полицейскій нарядъ, при содѣйствіи находившихся налицо военныхъ силъ и надлежащемъ руководествѣ, могъ до известной степени воспрепятствовать собравшемуся на площади народу броситься на буфеты съ внутренней стороны. Между тѣмъ встрѣча въ буфетныхъ проходахъ двухъ направлявшихся съ противоположныхъ сторонъ народныхъ массъ была однимъ изъ обстоятельствъ, усугубившихъ число жертвъ въ проходахъ.

«Независимо отъ сего, къ винѣ начальника особаго установленія слѣдуетъ отнести невыполненіе возложенной на него расписаніемъ обязанности по организациі санитарнаго надзора, оказавшагося столь необходимымъ какъ до наступленія катастрофы въ теченіе вечера и ночи на 18-е мая, такъ и во время постигшаго народъ бѣдствія».

Переходя затѣмъ къ дѣйствіямъ чиновъ московской полиціи, статсъ-секретарь Муравьевъ находитъ:

«1) Изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія усматривается со стороны и. д. московскаго оберъ-полицеймейстера полковника Власовскаго полное бездѣйствіе въ исполненіи лежавшей на немъ обя-

занности по охраненію общественной безопасности на праздникѣ 18-го мая.

«Во время приготовительныхъ работъ по устройству народнаго гулянья полковникъ Власовскій ни лично, ни чрезъ своихъ подчиненныхъ не ознакомился съ избранною для гулянья площадью, съ прилегающею къ ней мѣстностью, предназначенной для собранія народа до начала праздника, а равно съ расположеніемъ воздвигнутыхъ для раздачи подарковъ строеній. Вслѣдствіе незнакомства начальника мѣстной полиціи со всѣми условіями устройства народнаго праздника, оврагъ остался неогражденнымъ и не приняты были мѣры къ уровненію пути слѣдованія народныхъ массъ.

«Непринятіе означенныхъ мѣръ, какъ было указано выше, усугубило число жертвъ и увеличило размѣръ наступившаго 18-го мая бѣдствія».

«При совершенномъ незнакомствѣ съ мѣстностью, избранною для гулянья, полковникъ Власовскій утвердилъ составленный въ его канцеляріи полицейскій нарядъ на 18-е мая, причемъ въ приказѣ этомъ линіи буфетовъ, требовавшія одновременной и согласной дѣятельности всѣхъ органовъ полицейской власти, были раздѣлены на два района, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего особаго начальника, и нарядъ для нихъ долженъ былъ явиться на мѣсто въ разное время (одинъ въ 5 часовъ, а другой въ 9 часовъ утра).

«Такое не отвѣчавшее мѣстнымъ условіямъ распредѣленіе наряда не могло не оказать вредныхъ послѣдствій.

«И дѣйствительно, когда утромъ 18-го мая признано было необходимымъ начать раздачу подарковъ вмѣсто 10 въ 6 часовъ утра, прибывшіе по расписанію въ 5 часовъ отряды полицейскихъ оказались, по своей численности, недостаточными даже для водворенія порядка на площади гулянья, гдѣ собралась значительная толпа, которая своимъ натискомъ съ внутренней стороны на проходы между буфетами усилила давку въ проходахъ и причинила увѣчья и смерть многимъ лицамъ.

«Составленный при вышеописанныхъ условіяхъ, безъ предварительнаго его обсужденія начальствующими въ районахъ должностными лицами, приказъ о полицейскомъ нарядѣ и о назначеніи полковника Руднева завѣдывающимъ всѣмъ нарядомъ, не сопровождался ближайшими указаніями или инструкціями со стороны оберъ-полицеймейстера и былъ сообщенъ полковнику Рудневу, а равно прочимъ полицейскимъ чинамъ въ столь поздній срокъ, что разумное и успѣшное выполненіе полицейскимъ нарядомъ порученной ему трудной задачи являлось неосуществимымъ.

«Въ день 17-го мая, имѣя достовѣрные свѣдѣнія о томъ, что народъ, толпами проходившій по улицамъ Москвы, въ значительномъ числѣ собирается передъ площадью гулянья, полковникъ Власовскій предоставилъ толпѣ, несмотря на ея многочисленность, распо-

лагаться по своему усмотрѣнію въ прилегающей къ гуляню мѣстности и тѣмъ допустилъ образованіе слишкомъ большихъ, компактныхъ массъ, представлявшихъ явную опасность для жизни и здоровья собравшагося народа. Уже ночью на 18-е мая обнаружались послѣдствія чрезмѣрнаго скопленія народа въ мѣстности, смежной съ линією буфетовъ, обращенной въ сторону Москвы.

«Въ толпѣ еще задолго до раздачи подарковъ многіе теряли сознание какъ отъ невыносимой давки, такъ и отъ недостатка воздуха, а къ разсвѣту оказались мертвые, и трупы ихъ, за невозможностью устранить ихъ изъ толпы, увлекались ею къ мѣсту раздачи угощенія. Число заболѣвшихъ и умершихъ въ толпѣ было значительно. Между тѣмъ, полковникъ Власовскій, располагая, помимо необходимаго въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ экстреннаго призыва войскъ, значительными полицейскими и военными силами, былъ поставленъ въ невозможность руководить движеніемъ толпы и распределить ее соотвѣтственно числу и расположенію буфетовъ.

«Затѣмъ, когда въ теченіе дня и вечера 17-го мая полковникъ Власовскій получилъ тревожныя извѣстія о чрезвычайномъ скопленіи народа на Ходынскомъ полѣ, вызывавшія неотложныя и энергичныя мѣры, и съ мѣста гулянья стали поступать настоятельныя требованія полицейской охраны, п. д. оберъ-полицеймейстера распорядился только посылкою на мѣсто полковника барона Будберга съ сотнею казаковъ, безо всякихъ при томъ указаній относительно цѣли его командировки, и, оставивъ безъ измѣненія свой приказъ о времени и порядкѣ сбора полицейскаго наряда, никакихъ иныхъ мѣръ не принялъ. Не признавъ даже нужнымъ лично провѣрить сообщаемыя ему съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія о грозящей народу опасности, полковникъ Власовскій прибылъ на мѣсто гулянья только утромъ 18-го мая, уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ происшедшей на Ходынскомъ полѣ катастрофы.

«Распоряженія п. д. оберъ-полицеймейстера, направленные къ обезпеченію врачебной помощи толпѣ народа, численностью около 600 тысячъ человекъ, ограничались назначеніемъ нѣсколькихъ врачей на мѣсто гулянья къ 9-ти часамъ утра 18-го мая, тогда какъ помянутая толпа собралась еще наканунѣ и все время до опредѣленнаго по наряду часа оставалась безо всякой медицинской помощи со стороны находившихся въ распоряженіи оберъ-полицеймейстера врачей.

«Отсутствіе на мѣстѣ медицинскаго персонала, а также всякихъ средствъ врачебной помощи въ то время, когда въ толпѣ заболѣвали и умирали люди, не могло не имѣть особенно губительныхъ послѣдствій.

«2) Изъ числа другихъ чиновъ московской полиціи, непосредственно распорядившихся на мѣстѣ народнаго праздника, полковники Рудневъ и баронъ Будбергъ, имѣя въ своемъ завѣдываніи поли-

цейскій и воинскій нарядъ, также не приняли зависящихъ отъ нихъ мѣръ къ охраненію порядка и безопасности на Ходынскомъ полѣ.

«Полковникъ Рудневъ хотя и находился на мѣстѣ, но ничѣмъ своей распорядительности не проявилъ; обязанный, въ качествѣ начальника мѣстной полицейской охраны, ознакомиться и вникнуть въ дѣйствительное положеніе ввѣренной ему части, онъ не оцѣнилъ въ должной мѣрѣ надвигавшейся опасности и, успокоенный мирнымъ настроеніемъ толпы, не только бездѣйствовалъ, но доложилъ оберъ-полицеймейстеру о полномъ порядкѣ на Ходынскомъ полѣ, тогда какъ въ дѣйствительности положеніе собравшихся тамъ людей, вслѣдствіе тѣсноты и давки, становилось опаснымъ и грозило неминуемымъ обѣдствіемъ отъ прибывавшаго на праздникъ народа.

«Полковникъ баронъ Будбергъ, командированный 17-го мая съ сотнею казаковъ на Ходыньское поле, по прибытіи на мѣсто въ первомъ часу ночи, въ три часа самовольно возвратился въ Москву и вновь явился на мѣсто народнаго гулянія только въ седьмомъ часу. Сверхъ того, полковникъ баронъ Будбергъ, по собственному его признанію, распорядился послѣ первой и главной свалки вторичною раздачею подарковъ изъ уцѣлѣвшихъ буфетовъ, не принявъ, уже при полной къ тому возможности, никакихъ мѣръ къ упорядоченію этой раздачи, чѣмъ и вызвана была новая давка, окончившаяся поврежденіемъ здоровья и смертью многихъ лицъ».

«По соображеніи всего вышензложеннаго министръ юстиціи полагаетъ, что на начальника особаго установленія по устройству коронаціонныхъ народныхъ зрѣлищъ и празднествъ д. ст. сов. Бера, архитектора сего установленія Николая, и. д. московскаго оберъ-полицеймейстера полковника Власовскаго, его помощника полковника Руднева и полицеймейстера московской полиціи барона Будберга упадаетъ обвиненіе въ томъ, что, будучи по службѣ обязаны при устройствѣ народнаго праздника на Ходынскомъ полѣ въ гор. Москвѣ 18-го мая 1896 г. принять всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ обезпеченію порядка и безопасности собравшагося на этотъ праздникъ народа, они означенныхъ мѣръ не приняли, при чемъ послѣдствіемъ такового ихъ бездѣйствія было причиненіе смерти и поврежденія здоровья 2,690 лицамъ».

По законамъ уголовнымъ въ описанныхъ упущеніяхъ должностныхъ лицъ заключаются признаки преступнаго бездѣйствія власти, предусмотрѣннаго ст. 339 и 341 ч. II. ул. о нак.

Официально гулянье на Ходынскомъ полѣ открылось только въ полдень при участіи народной волны до 500 тысячъ человекъ. Царская семья и дипломатическій корпусъ прибыли въ царскій павильонъ въ исходѣ второго часа и пробыли около получаса, смотря на веселящуюся толпу.

Съ Ходынки Государь, которому только тогда было доложено о происшедшемъ несчастіи, вмѣстѣ съ Императрицею и въ сопровожденіи августѣйшаго генераль-губернатора проѣхалъ сначала въ старую Екатерининскую, а затѣмъ Маріинскую больницы, куда было свезено значительное число пострадавшихъ въ ходынской катастрофѣ, обошелъ всѣ палаты и бараки, гдѣ помѣщались раненыя, и милостиво съ ними бесѣдовалъ, разспрашивая, какъ они были ушиблены.

26-го мая секретарь Государыни Императрицы препроводилъ къ московскому городскому головѣ 10 тысячъ рублей на устройство убѣжища, въ которомъ дѣти пострадавшихъ на Ходынскомъ полѣ нашли бы вѣрный пріютъ и воспитаніе; одновременно съ этимъ, на усиленіе средствъ пріюта Государю Императору благоугодно было присоединить и свое пожертвованіе, въ размѣрѣ 10 тысячъ рублей.

Независимо отъ сего, Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ оказать пособіе пострадавшимъ въ ходынской катастрофѣ, выдавъ по тысячѣ рублей на каждую осиротѣвшую семью, и расходы на похороны погибшихъ принять на его счетъ.

Въ манифестѣ, коимъ завершились коронаціонныя празднества, отъ 26-го мая свидѣтельствуется о народныхъ чувствахъ любви и безавѣтной преданности, выразившихся съ особенною силою въ день народнаго праздника 18-го мая, «послужившій Намъ трогательнымъ утѣшеніемъ въ опечалившемъ Насъ посреди свѣтлыхъ дней несчастія, постигшемъ многихъ изъ участниковъ праздника».

Что касается вопроса о возложеніи отвѣтственности на должностныхъ лицъ, проявившихъ преступную небрежность къ сохраненію безопасности при скопленіи народной массы, то онъ особенно осложнился тѣмъ, что августѣйшій генераль-губернаторъ, у котораго полковникъ Власовскій пользовался особымъ вѣсомъ и довѣріемъ, усиленно отстаивалъ оберъ-полицеймейстера, а съ другой стороны въ московскомъ обществѣ высказывалась глухая нареканія и на самого генераль-губернатора, которому поставлялось въ вину, что онъ не проявилъ надлежащей распорядительности и наблюденія за подчиненными ему органами управленія.

Для выясненія обстоятельствъ дѣла и провѣрки предварительнаго слѣдствія общая ревизія «ходынскаго дѣла» была негласно возложена на верховнаго коронаціоннаго маршала, бывшаго министра юстиціи, графа К. И. Палена.

Ревизія эта вполнѣ подтвердила результаты, добытые слѣдствіемъ, тѣмъ болѣе, что за это время выяснились и многія подробности катастрофы.

Такъ, предсѣдатель особаго установленія Н. П. Беръ далъ такое объясненіе:

«Легко спросить, кто виноватъ, но довольно трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Я поѣхалъ на Ходынское поле въ ночь на субботу, въ 4 часа, такъ какъ по телефону мнѣ ежеминутно сообщали оттуда, что народъ валить валомъ. Поѣхалъ я собственно потому, что не все еще было готово и я безпокоился, что не окончатъ во время. Когда я приѣхалъ къ 5 часамъ утра на Ходынку съ генераломъ Ивановымъ, тамъ уже стояла двухсотъ-тысячная толпа, на которую напирала постоянно подходившія толпы изъ города. Толпа все ближе и ближе придвигалась къ буфетамъ, гдѣ должна была происходить раздача, которая и началась безъ четверти въ 6 часовъ утра. Когда мы съ генераломъ Ивановымъ увидели эту несмѣтную толпу, скоро представившую собою въ полномъ смыслѣ слова икру человѣческихъ головъ, такъ какъ видны были только головы, тѣсно другъ къ другу прижатые, намъ стало страшно. Генераль Ивановъ сказалъ мнѣ, что будетъ бѣда, что все пропало, потому что нѣтъ уже никакой человѣческой возможности удержать всю эту массу въ порядкѣ и что если она прорвется дальше, то все пойдетъ вверхъ дномъ. Между тѣмъ ни на площади, ни у буфетовъ еще не было полиціи. Было только сотни полторы казаковъ передъ полумилліонною безпорядочною, сомкнутою въ компактную массу толпою, стремившеюся впередъ со стихійной силой!

«Ко мнѣ прискакали батальонный командиръ изъ лагеря и комендантъ лагеря, съ вопросами: что дѣлать? Что же я могъ отвѣтить? Мы взошли на одну эстраду. Въ это время толпа, получившая уже кружки, тянулась къ буфетамъ, и въ одно мгновеніе ихъ не стало. Повѣрите ли, мы пережили такіе часы, что не приведи Богъ! Люди посильнѣе, попавшіе въ толпу, выбивались локтями вверхъ и по головамъ остальныхъ, представлявшихъ густую сплоченную массу, бѣжали къ крышамъ буфетовъ, которыя векорѣ буквально почернѣли отъ счастливецевъ, которымъ удалось выбраться изъ смертельной толчей.

«Я помню прошлую коронацію. Тогда также полумилліонная толпа шла къ Ходынкѣ. Но тогда еще наканунѣ, съ 8 часовъ вечера, бывший московскій оберъ-полицеймейстеръ Козловъ и генераль Оржевскій верхами съ цѣлымъ отрядомъ полицейскихъ и чуть ли не съ дивизіею войскъ начали принимать мѣры къ охранѣ порядка. Войска выстроили по линіи буфетовъ и отъ нихъ рядами, образовавшими между собою четырехугольныя площади, на которыхъ былъ народъ, такимъ образомъ заключенный и отдѣленный отъ напиравшей сзади толпы войсками. Благодаря такому распоряженію, народъ частями по порядку пропускали къ буфетамъ и на площадь, и, когда она была наполнена, войска не позволяли остальной массѣ напирать. Теперь же ничего этого не было. Полковникъ Власовскій и полиція прибыли къ 9 часамъ утра, когда уже были сотни труповъ. Кто виноватъ? Я слышалъ, что обвиненія идутъ и противъ меня.

Но я тутъ при чемъ? Наша обязанность была устроить праздникъ. Мы его устроили. Здѣсь наша обязанность и задача кончались и обвинять насъ хотя въ чемъ-либо—все равно, что обвинять директора императорскихъ театровъ на тотъ случай, если бы во время спектакля, даннаго на площади, произошли давка и беспорядокъ среди массы каретъ и экипажей».

Одинъ изъ устроителей народныхъ увеселеній на Ходынскомъ полѣ, актеръ Форкати, подтвердилъ, что къ нему въ театръ еще ночью (наканунѣ катастрофы) приносили лицъ, лишившихся чувствъ вслѣдствіе тѣсноты и давки, и между прочимъ передавалъ:

«Полиція начала прибывать понемногу партиями только къ 9 часамъ утра, т. е. въ то время, когда бѣда уже случилась. Наконецъ еще одно обстоятельство способствовало усиленію несчастія -- на всемъ обширномъ полѣ не было воды. Правда, при театрѣ были баки, но небольшіе и съ однимъ краномъ, вмѣсто того, чтобы въ каждомъ ихъ было по десятку. Понятно, когда солнце припекло, народъ бросился къ нимъ, сломалъ заборы, открутилъ краны, и вода вся вытекла. Придавленныхъ и лежавшихъ безъ чувствъ нечѣмъ было даже вспрыснуть, не было ни глотка воды.

«Прошлую коронацію,—заявлялъ г. Форкати,—я былъ помощникомъ устоителя праздника М. В. Лентовскаго и помню, что поле наканунѣ начало охраняться генераломъ Оржевскимъ и оберъ-полицеймейстеромъ Козловымъ, всю ночь напролетъ слѣдившими за сохраненіемъ порядка, приведя съ собою на поле чуть ли не цѣлую дивизію солдатъ».

Одинъ изъ близкихъ свидѣтелей катастрофы Фишеръ пришелъ на Ходынское поле въ 2 часа ночи. Въ это время, по его словамъ, въ полѣ уже размѣстилась бивуакомъ безчисленная толпа, а новыя толпы все прибывали, хотя на окраинахъ еще не было особенной тѣсноты.

«Но чѣмъ дальше я шелъ,—показывалъ г. Фишеръ:—тѣмъ становилось тѣснѣе и наконецъ настала минута, когда продвинуться впередъ не было уже никакой возможности. Я остановился и оглянулся во всѣ стороны. При блѣдномъ свѣтѣ занимавшейся зари во всѣ стороны, куда ни бросишь взглядъ, виднѣлось цѣлое море человѣческихъ головъ. Мнѣ стало жутко, когда я увидѣлъ только двухъ казаковъ, гарцовавшихъ передъ передними рядами и требовавшихъ, чтобы они подались назадъ. Но какъ податься назадъ, когда задніе папирають впередъ, не зная, что дѣлается впереди? Прошло еще полчаса, и народъ уже стоялъ вплотную у самой ограды и будокъ, изъ которыхъ должны были раздаваться подарки при проходѣ между ними. Въ пять часовъ была такая тѣснота, что не только нельзя было и думать возвратиться и уйти, но нельзя было опущенной руки выдернуть. Горячій паръ поднимался надъ нашими головами, дышать было нечѣмъ... Казалось, мы стоимъ не подъ открытымъ не-

бомъ, а въ банѣ, гдѣ не хватаетъ воздуху. Въ придачу къ этому въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка. Я думаю, что уже тогда было много мертвыхъ. Съ нечеловѣческими усиліями и благодаря какой-то волнѣ, которая меня подхватила, я пробрался къ барьеру: давка была страшная,—я самъ слышалъ не разъ. какъ у болѣе слабаго сосѣда хрустѣла, ломаясь, грудная клѣтка.

«Несмотря на препятствія, я вылѣзъ на барьеръ и уговорилъ солдата пропустить меня. За мною пролѣзли еще двое. Я очутился за оградой!

«Вскорѣ насталъ ужасный моментъ, когда въ 6 часовъ народъ двинулся всею массою. Что тогда произошло, я не берусь описать. Отъ страшнаго напора трещали будки, и люди не шли, а ихъ буквально продавливали въ ходы межъ будокъ. Я стоялъ насупротивъ и видѣлъ, какъ подарки бросали, какъ къ нимъ протягивались руки, какъ падали, чтобы больше не встать. Тѣ, которые проходили, падали на землю, тяжело дыша».

Въ свою очередь, московская печать единогласно, на основаніи репортерскихъ показаній, свидѣтельствовала о томъ, что полицейскій нарядъ явился на Ходынское поле слишкомъ поздно, ибо не было предусмотрено, что толпа хлынетъ на гулянье за нѣсколько часовъ до назначеннаго официальнаго времени его открытія. Полицейскія власти не предусмотрѣли, что наплывъ публики будетъ гораздо болѣе, чѣмъ предполагалось, и полицейскій нарядъ окажется недостаточнымъ. Кромѣ того, не было никакого порядка при раздачѣ кружекъ; ихъ между прочимъ не раздавали, а разбрасывали, а чрезъ это беспорядокъ еще болѣе увеличивался; устройство проходовъ оказалось чрезчуръ узкимъ и не соответствующимъ наплыву массы народа въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ. Будки, къ которымъ стремились толпы народа, были расположены вблизи рва, куда и падала публика. Въ довершеніе ко всему неровности почвы при входѣ на гулянье не были сглажены, а колодцы не были прочно закрыты.

Число погибшихъ и изувѣченныхъ во время катастрофы на Ходынскомъ полѣ съ точностью опредѣлить не представляется возможнымъ. «Кромѣ официальныхъ данныхъ, т. е. числа подобранныхъ труповъ на Ходынскомъ полѣ и умершихъ въ больницахъ и пріемныхъ покояхъ, найдено много труповъ въ ближайшихъ мѣстностяхъ, примыкающихъ къ Ходынскому полю, въ Всесвятской роцѣ и далѣе. Сюда раненые доползали съ поля, чтобы укрыться отъ толпы и палящихъ лучей солнца, и тутъ же подъ кустами умирали. Нѣкоторые успѣли возвратиться домой, но вскорѣ съ ними дѣлалось дурно; изъ нихъ многихъ удалось спасти, а другіе безвѣстно отдали Богу душу. Были и такіе, которые съ испуга не чувствовали даже переломовъ костей и другихъ увѣчій, спѣшили домой и, только придя въ полное сознаніе, ощущали боль то въ томъ, то

въ другомъ мѣстѣ. Многихъ задавленныхъ и изувѣченныхъ увезли съ поля ихъ родные или знакомые» («Новое Время»).

По свидѣтельству г. Гиляровскаго, когда началась раздача подарковъ и толпа прихлынула къ буфетамъ, «страшные, душу раздражающіе стоны огласили воздухъ... Напертая сзади толпа обрушила тысячи людей въ ровъ, стоявшіе въ ямахъ были затоптаны... Нѣсколько десятковъ казаковъ и часовые, охранявшіе буфеты, были смяты и оттиснуты въ поле, а пробравшіеся ранѣе въ поле съ противоположной стороны лѣзли опять за узлами, не пропуская входившихъ снаружи, и напиравшая толпа прижимала людей къ буфетамъ и давила. Это продолжалось не болѣе десяти мучительнѣйшихъ минутъ... Затѣмъ толпа быстро отхлынула назадъ, а съ 6 часовъ большинство уже шло къ домамъ и отъ Ходынскаго поля прочь, запружая улицы Москвы; цѣлый день двигался народъ. На самомъ гуляньи не осталось и одной пятой доли того, что было утромъ. Многіе, впрочемъ, возвращались, чтобы разыскать погибшихъ родныхъ...

«По утру уже началась ужасная работа—отдѣленіе мертвыхъ отъ живыхъ пострадавшихъ. Стоны и причитанія родственниковъ, разыскивавшихъ своихъ, не поддавались описанію... Между прочимъ 28 тѣлъ нашли въ колодецѣ, который оказался во рву противъ среднихъ буфетовъ. Колодець этотъ глубокой, сдѣланный опрокинутою воронкою, обложенный внутри деревомъ, былъ закрытъ досками, которыя не выдержали напора толпы. Въ числѣ попавшихъ въ колодезь одинъ спасенъ былъ живымъ. Кромѣ этого, находили трупы и на полѣ довольно далеко отъ мѣста катастрофы. Эти раненые, успѣвшіе сторяча уйти, потомъ падали и умирали. Всю ночь на воскресенье свозили тѣла отвсюду на Ваганьковское кладбище. Болѣе тысячи лежало тамъ на лугу, въ VI разрядѣ кладбища. Навстрѣчу везли по шоссе бѣлые гроба съ покойниками—это были тѣла, отпущенныя родственникамъ для погребенія...

«Большинство погибшихъ—рабочаго класса, женщинъ, подростковъ, стариковъ, но въ числѣ ихъ немало и взрослыхъ, здоровыхъ мужчинъ, женщинъ въ шляпкахъ; есть гимназисты, мужчины въ цилиндрахъ, съ золотыми часами и т. д. Послѣ того, какъ схлынула толпа, на полѣ, кромѣ труповъ, оказалась масса шапокъ, шляпъ, частей одежды, зонтиковъ, тростей, башмаковъ и т. д. Нѣкоторые изъ спасшихся были въ лохмотьяхъ и полунагими, что объясняется тѣмъ, что за нихъ цѣплялись упавшіе и въ борьбѣ за жизнь обрывали ихъ платье и бѣлье».

Въ виду единодушнаго признанія несостоятельности мѣръ, принятыхъ для охраненія безопасности при громадномъ скопленіи народа на Ходынскомъ полѣ предъ открытіемъ еще гулянія, верховный коронаціонный маршалъ не могъ не высказаться неодобрительно о московской администраціи. Докладъ графа Палена по ходынскому дѣлу былъ представленъ Государю Императору по воз-

вращеніи его съ нижегородской всероссійской выставки, и въ результатѣ его воспослѣдовали два указа правительствующему сенату нижеслѣдующаго содержанія:

«Указомъ правительствующему сенату отъ 15-го іюля 1896 года объявлено:

«Глубоко скорбя о тяжкомъ несчастіи, происшедшемъ 18-го мая сего года въ Москвѣ, на Ходынскомъ полѣ, и о гибели многихъ близкихъ сердцу нашему подданныхъ, мы признали необходимымъ обезпечить по возможности участь оставшихся вдовъ и сиротъ, что и сдѣлано по нашему указанію. Горячо принимая къ сердцу все, что касается этого горестнаго событія; мы въ настоящей заботѣ о правдѣ признали необходимымъ лично разсмотрѣть произведенное по этому дѣлу предварительное слѣдствіе и нынѣ, тщательно сообразивъ обстоятельства, выясненныя этимъ слѣдствіемъ, мы признали за благо, не обращая дѣла къ судебному порядку, разрѣшить его нашею непосредственною властью. Убѣдившись затѣмъ, что причину несчастія слѣдуетъ искать въ томъ, что московскія власти, обязанныя охранять порядокъ и безопасность столицы, не приняли своевременно должныхъ мѣръ для направленія массы народа, стремившагося на Ходынское поле, и уволивъ въ виду сего вовсе отъ службы, безъ прошенія, и. д. московскаго оберъ-полицеймейстера полковника Власовскаго, — повелѣваемъ министрамъ императорскаго двора и внутреннихъ дѣлъ, по принадлежности, принять относительно другихъ должностныхъ лицъ, виновныхъ въ неисполненіи своего долга, инныя, указанныя нами мѣры взысканія, соотвѣтствующія обнаруженнымъ упущеніямъ».

Въ другомъ указѣ отъ того же 15-го іюля 1896 года было изображено:

«Разсмотрѣвъ лично предварительное слѣдствіе, произведенное по несчастному событію, происшедшему 18-го мая нынѣшняго года на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ, мы, къ крайнему нашему прискорбію, не могли не усмотрѣть, что желаніе второстепенныхъ исполнителей присвоить себѣ несоотвѣтствующее значеніе, вызвало между ними соперничество, послѣдствіемъ чего было отсутствіе взаимнаго содѣйствія.

«Желая положить предѣлъ подобнымъ явленіямъ, могущимъ имѣть самыя вредныя послѣдствія по всей Россіи, Мы повелѣваемъ: всѣмъ министрамъ, всѣмъ главноуправляющимъ отдѣльными частями, всѣмъ генераль-губернаторамъ, всѣмъ губернаторамъ и всѣмъ начальствующимъ лицамъ всѣхъ вѣдомствъ направлять свои дѣйствія и распоряженія къ единству и имѣть неослабное наблюденіе, дабы подчиненныя имъ учрежденія и лица, не допуская между собою соперничества, неуклонно оказывали другъ другу содѣйствіе для пользы службы».

Очевидно, этотъ послѣдній указъ заключалъ косвенно и въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ неодобреніе августѣйшему генералъ-губернатору за то, что онъ предоставилъ слишкомъ ужъ большую волю Власовскому, въ результатѣ чего и получились тѣ счеты между нимъ и представителемъ особаго установленія д. ст. сов. Беромъ, о которыхъ довольно ясно намекало предварительное слѣдствіе.

Во всякомъ случаѣ серьезной карѣ и, несомнѣнно, вполне заслуженно подвергся за ходынскую катастрофу только полковникъ Власовскій, тогда какъ остальные лица (Беръ, Никола, бар. Будбергъ) подверглись лишь незначительнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ.

Съ другой стороны, указъ 15 іюля 1896 г. интересенъ хронологически, какъ первое констатированіе свыше того бюрократическаго своеволія и безначалія, которыя въ полномъ уже блескѣ сказались въ эпоху японской войны.

Вл. фонъ-Штейнъ.

14 МѢСЯЦЕВЪ СЛУЖБЫ НА КАМЧАТКѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВЪ 1904 ГОДУ, въ бытность мою петропавловскимъ уѣзднымъ начальникомъ, со мною случилась на Камчаткѣ исторія, о которой много говорилось въ русской печати.

23 апрѣля, во время преній въ государственной думѣ по вопросу объ административномъ переустройствѣ Камчатки, амурскій депутатъ Чиликинъ повѣдалъ народному представительству о моихъ злоключеніяхъ въ странѣ, административное переустройство которой составляетъ теперь заботу правительства.

Глубоко признательный г. Чиликину за его доброе обо мнѣ слово, я считаю теперь умѣстнымъ и своевременнымъ разказать читающему русскому обществу свою камчатскую исторію, о которой до сихъ поръ я умалчивалъ, опасаясь, что шны примутъ ее скорѣе за сказку, чѣмъ за быль.

Но эта сказка, въ общихъ чертахъ, уже заслушана съ высоты думской трибуны и занесена на скрижали думскихъ журналовъ.

Въ своемъ изложеніи, по возможности эпическомъ, я передаю подробности того, о чемъ сказалъ уже депутатъ Чиликинъ, по собственной, добавлю, инициативѣ, безъ всякой моей о томъ просьбы, ибо я даже и не знакомъ съ г. Чиликинымъ и никогда ни съ чѣмъ къ нему не обращался.

Весь мой рассказъ отъ слова до слова подтверждается документами, имѣющимися въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ управленіи пріамурскаго генераль-губернатора и въ приморскомъ областномъ правленіи.

I.

Назначеніе на Камчатку.—Хакодате.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1903 года, будучи редакторомъ «Пріамурскихъ Вѣдомостей», органа пріамурскаго генераль-губернатора, я былъ назначенъ на должность петропавловскаго, на Камчаткѣ, уѣзднаго начальника.

Еще до этого назначенія я неоднократно бывалъ на Камчаткѣ, въ качествѣ чиновника, которому поручались генераль-губернаторомъ различныя дѣла.

17 мая на пароходѣ Китайской Восточной дороги «Сунгари» я вмѣстѣ съ семьей выѣхалъ изъ Владивостока. Нашъ путь лежалъ на Хакодате, гдѣ мы и остановились на сутки, чтобы взять уголь.

Когда «Сунгари» бросилъ якорь, на его борту появились японскія власти съ докторомъ, который быстро осмотрѣлъ всѣхъ пассажировъ, послѣ чего намъ было дано разрѣшеніе съѣхать на берегъ.

Хакодате—главный портъ, откуда идутъ въ охотско-камчатскія моря японскія рыболовныя суда, парусныя и паровыя.

На «Сунгари», кромѣ меня, петропавловскаго начальника, плылъ къ мѣсту своей службы и охотскій уѣздный начальникъ Поповъ.

Когда мы съ Поповымъ сошли на хакодатскій берегъ, къ намъ подошелъ какой-то японецъ, который на русскомъ языкѣ предложилъ намъ свои услуги сопровождать насъ по Хакодате и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть и нашимъ переводчикомъ. Мы охотно приняли любезное предложеніе, тѣмъ болѣе, что мы интересовались попутнымъ японскимъ городомъ и жизнью японцевъ вообще.

По знаку нашего новаго знакомца, къ намъ подкатили три рикши. Это маленькія японскія колясочки, напоминающія дѣтскія, везомыя человѣкомъ, «курумой», какъ его называютъ въ Японіи. Возница одѣтъ въ широкую, до колѣнъ, синюю куртку, на спинѣ которой нашиты какіе-то бѣлые іероглифы; на его головѣ коническая широкополая соломенная шляпа; на ногахъ деревянныя сандалии; штаны засучены до колѣнъ.

Мы сѣли въ поданныя намъ колясочки, и наши возницы, согнувшись въ три погибели, тронули рысью, не уступающей, пожалуй, мелкой рыси лошади.

Быстро проѣхали мы набережную и свернули на какую-то улицу, съ обѣихъ сторонъ которой были расположены магазины

съ разными товарами. Посреди улицы проложена конка. Ея вагонъ маленькій; люди, что сидятъ въ ней, маленькіе; лошади, что везутъ крошечный вагончикъ,—тоже маленькія. Страна карликовъ,—думали мы.

Мы подъѣхали къ гостиницѣ. Ея архитектура такая же, какъ и всѣхъ видѣнныхъ нами хакодатскихъ зданій, какъ и всѣхъ японскихъ городскихъ зданій, образцы которыхъ каждый видѣлъ на картинкахъ иллюстрированныхъ журналовъ.

Въ сѣняхъ гостиницы сидѣлъ, видимо, швейцаръ. Онъ сидѣлъ на корточкахъ передъ низенькимъ японскимъ столомъ, заваленнымъ какими-то книгами, вѣроятно, конторскими.

Появились двѣ молоденькія миловидныя японки. Онѣ пригласили насъ слѣдовать по лѣстницѣ вверхъ. Когда мы поднимались, намъ казалось, что гостиница развалится. Подъ нашими ногами она дрожала. Такъ легка ея постройка. Насъ ввели въ помещеніе, мягко устланное циновками, украшенное множествомъ японскихъ картинъ по стѣнамъ и цвѣтовъ на полу и на тумбахъ.

Посреди стоялъ европейскій столъ и около него полдюжина вѣнскихъ стульевъ. Мы попросили позавтракать, но по-японски.

Появились новыя дѣвушки, которыя живо устали столъ какими-то маленькими чашечками, соусниками, блюдами. Появилась металлическая фляжка, съ маленькими, съ наперстокъ, рюмочками. Подали и европейскія вилки, и японскія палочки. Но съ послѣдними мы такъ и не смогли обращаться, что очень веселило нашихъ прислужницъ, поминутно улыбавшихся намъ и присѣдавшихъ. Стали ѣсть. На столѣ было великое изобиліе яствъ: соленая рѣдька, маринованные баклажаны, разные бобы, капуста, морковь, картофель; затѣмъ стояла рыба подъ всевозможными приправами, между прочимъ съ изюмомъ, съ черносливомъ, просто съ сахаромъ. Хватишь иной кусокъ, но тутъ же смотришь, какъ бы это незамѣтнѣй выплюнуть его.

Тоже и мясо. Оно отдаетъ какимъ-то специфическимъ вкусомъ, который рѣшительно не приемлемъ русскимъ человѣкомъ. Взяли фляжку съ вышивкой; фляжка горяча, какъ огонь. Это, оказалось, намъ подали горячее японское sake, рисовую крѣпкую водку. Но и японская водка на охотника. Попросили смировки, а затѣмъ чего-нибудь по-европейски, ибо, признаться, ѣсть-то хотѣлось.

Подали «английскій бифштексъ», зажаренный тонкими ломтиками, твердый, какъ подошва, а къ тому же и отдававшій кунжутнымъ масломъ. За всѣ эти прелести съ насъ взяли недорого, всего 3 іены (около 3 рублей).

Расплатившись, отправились осматривать городъ. Удивительное однообразіе.

Одинъ домъ—точная копія другого. И люди, влѣдствіе полной однородности одѣяній, похожи другъ на друга. На насъ смотрѣли

съ любопытствомъ, но мальчишки за нами не бѣгали, и «толпы зѣвакъ» не останавливались. Иные, впрочемъ, встрѣчные японцы смотрѣли на насъ какъ-то злобно. И это понятно. Въ Японіи, вѣдь, готовились къ войнѣ, и по всей странѣ пѣлись пѣсни, впитывавшія въ народную массу смертельную ненависть къ русскимъ.

— Если зераете русски консуль—надо сюда!..

И нашъ чичероне указалъ намъ на зданіе, стоявшее на верху горы; надъ зданіемъ рѣять русскій флагъ. Тою же рысью стали мы подниматься въ гору, къ зданію русскаго консульства.

Консула мы застали дома. Онъ оказался мнѣ знакомымъ по Хабаровску, ибо, до службы консуломъ, онъ былъ правителемъ канцеляріи амурскаго губернатора и пріѣзжалъ въ Хабаровскъ. Его фамилія—Геденштромъ.

У консула мы застали, между прочимъ, извѣстнаго писателя Сѣрошевскаго, пріѣхавшаго въ Японію изучать племя айновъ.

Бесѣда наша съ Геденштромомъ открывала намъ новыя горизонты. Мы съ Поповымъ ѣхали «управлять» отдаленнѣйшими окраинами государства Россійскаго, на которыя, въ виду ихъ колоссальныхъ рыбныхъ богатствъ, обратили свое особое вниманіе японцы.

И Геденштромъ, уже прожившій въ Японіи свыше пяти лѣтъ, научившійся за это время говорить по-японски, составившій себѣ знакомства съ японцами, сталъ намъ излагать свои предположенія о неминуемости и близости войны Россіи съ Японіей, не предвѣщавшей намъ, по его словамъ, ничего хорошаго.

Я и Поповъ, слушая нессиметрическія рѣчи Геденштрома, были искренно убѣждены въ несокрушимости нашей мощи вообще, а на Дальнемъ Востокѣ въ особенности; залогъ этой мощи мы видѣли въ помпезномъ обѣздѣ, на нашихъ глазахъ, А. Н. Куропаткинымъ владивостокскихъ твердынь; вблизи Владивостока мы сами видѣли, какъ крейсируетъ могучая броненосная эскадра, встрѣченная нами въ кильватерномъ строѣ на высотѣ сѣверной оконечности Русскаго острова; мы не вѣрили Геденштрому и даже склонны были истолковывать шныя его похвалы по адресу японцевъ его антирусскимъ направленіемъ.

Но Геденштромъ и Сѣрошевскій стояли на своемъ...

Въ подтвержденіе своихъ словъ Геденштромъ принесъ начку своихъ донесеній въ Токио, относящихся до замысловъ Японіи на наши сѣверо-восточныя воды, уже частью осуществляемые организаціей патріотическаго сѣвернаго рыболовнаго общества, положившаго основаніе форта на о. Шумшу, въ первомъ Курильскомъ проливѣ, въ непосредственномъ, значить, сосѣдствѣ съ нашей Камчаткой.

Помню, какъ сейчасъ, слѣдующую фразу изъ донесеній Геденштрома:

«Согласитесь, ваше превосходительство,—писалъ Геденштромъ посланнику:—что отличительная вѣдь черта японцевъ, какъ и всякихъ азіатовъ, состоитъ въ томъ, что они склоняются передъ правомъ, опирающимся на силу. Вотъ почему я опасуюсь, что всѣ наши соглашенія съ японцами о рыбномъ промыслѣ въ нашихъ водахъ, охраняемыхъ всего однимъ нашимъ военнымъ судномъ, къ тому же тихоходнымъ, останутся мертвою буквою, исполнять которую японцы, конечно, не будутъ».

Какъ ни были мы, я и Поповъ, упоены сознаниемъ русской мощи, особенно послѣ объѣзда Приамурскаго края Куропаткинъ, такъ импонировавшимъ на воображеніе русскаго человѣка своимъ величественнымъ спокойствіемъ и иными прочими качествами представителя сильнаго народа, но все же пессимистическія рѣчи Геденштрома и Сѣрошевскаго заставляли насъ призадуматься.

А Геденштромъ рассказывалъ намъ удивительныя вещи и о дислокаціи японской арміи:

— Вотъ теперь въ Японіи ждуть Куропаткина. И изъ всѣхъ городовъ, которые будутъ посѣщены Алексѣемъ Николаевичемъ, выведены батареи, вооруженныя новѣйшими пушками, выведены войска, вооруженныя новѣйшими винтовками. Въ маршрутные города стягивается японская заваль, вооруженная чуть ли не фитильными орудіями и кремневыми ружьями. То же и въ военныхъ портахъ. Всѣ самоновѣйшіе крейсера и броненосцы ушли на восточный берегъ острововъ, причемъ во все время пребыванія Куропаткина въ Японіи они будутъ держаться вдали отъ ея береговъ, въ открытомъ морѣ.

— Нѣтъ ужъ,—возразилъ Поповъ, вспомнившій о блескѣ нашихъ красносельскихъ сухопутныхъ и ревельскихъ морскихъ парадовъ:—я рѣшительно не понимаю, зачѣмъ же тогда держать воинскую силу, если ее прятать отъ взоровъ вѣроятнаго врага. Вѣдь воинская сила, чѣмъ грознѣе, тѣмъ болѣе обезпечиваетъ миръ.

— Японцы,—сказалъ на это Геденштромъ,—готовятъ свои воинскія силы не къ парадамъ, а къ войнѣ.

И я, вспоминая теперь эту поучительную бесѣду, понимаю теперь русскихъ властей, которыя игнорировали донесенія иной нашей японской дипломатической мелкоты о той грозѣ, которая вотъ-вотъ нагрянетъ съ какихъ-то тамъ японскихъ острововъ.

Мы слушали Геденштрома въ самой Японіи. Но мы только что видѣли уличную мелюзгу. Видѣли маршировавшія по городу какія-то воинскія команды. Люди маленькіе, какіе-то заморыши... Ну, куда имъ съ нами?!!

Такъ, вѣроятно, думалъ и Куропаткинъ, когда ему показывали «смотровыя японскія войска». Гордо смотрѣлъ на нихъ Куропаткинъ и думалъ: «не посмѣютъ».

Насталъ вечеръ. Зажгли электричество. Въ гостиной появились два пожилыхъ японца, которые пришли затѣмъ, чтобы отъ имени рыболовнаго общества пригласить насъ, русскихъ чиновниковъ, къ гейшамъ.

Приглашеніе было принято, и вечеръ мы провели въ чайномъ домѣ, въ обществѣ гейшъ. Мы сидѣли въ огромномъ залѣ, освѣщенномъ электричествомъ, устланномъ циновками, сидѣли безъ сапогъ, такъ какъ таковые намъ предложили снять при входѣ въ залъ. Убранства въ залѣ никакого. Только стѣны обильно украшены различными панно изъ вышитыхъ шелками картинъ, изображавшихъ птицъ, пейзажи, цвѣты.

Къ каждому изъ насъ была приставлена гейша, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ и прислужницей, подававшей намъ угощенія. А угощали насъ различными японскими яствами, фруктами, сластями, шампанскимъ. Передъ нами другія гейши пѣли и плясали. Но ихъ пѣсни и пляски, такъ сказать, на охотника. Въ чайномъ домикѣ мы просидѣли до часу ночи, а затѣмъ отправились на «Сунгари», отходъ котораго былъ назначенъ въ четыре часа утра.

II.

Отъ Хакодате до Командорскихъ острововъ.

Когда стали сниматься съ якоря, на нашемъ пароходѣ оказалось много новыхъ пассажировъ: русскихъ, японцевъ, англичанъ, нѣмцевъ. Русскіе, сѣвшіе на «Сунгари» въ Хакодате, все «рыбопромышленники», якобы заключившіе съ японцами контракты по найму парусныхъ шхунъ для вывоза въ Японію промышленной рыбы, въ дѣйствительности же запродавшіе японцамъ рыболовные участки, снятые съ торговъ во Владивостокѣ. Нужно замѣтить, что тогда, какъ и теперь, иностранцамъ, въ томъ числѣ, конечно, и японцамъ, строжайше воспрещалось ловить рыбу самолично. Они могли только покупать ее у «мѣстныхъ жителей» и грузить на свои шхуны. Этотъ запретъ и создалъ цѣлый промыселъ, состоявшій въ томъ, что соискателями на рыболовные участки въ Охотско-Камчатскомъ краѣ являлись различные предприниматели, въ большинствѣ аферисты, которые, взявши съ торговъ тотъ или иной рыболовный участокъ, спекулировали имъ, отдавая его японцамъ, при чемъ всякій русскій промышленникъ, запродавшій японцу свой участокъ, доставлялъ на его шхуну и два-три человека «русскихъ рабочихъ», нанимая ихъ обыкновенно на владивостокскомъ Семеновскомъ покосѣ, своего рода Хитровомъ рынкѣ; ихъ во время промысла, на случай пріѣзда русскихъ властей, и демонстрировали въ качествѣ «русскихъ рабочихъ» данной рыбалки. Обязанность этихъ рыбаковъ состояла единственно въ томъ, чтобы цѣлыми днями валяться на береговыхъ пескахъ и пить sake.

Между японцами, сѣвшими на «Сунгари» въ Хакодате, были два интеллигентныхъ молодыхъ японца, ѣхавшихъ на Командорскіе острова для изученія русскаго языка.

Эти японцы были туда приглашены начальникомъ острововъ, покойнымъ Н. А. Гребницкимъ, проведеннымъ въ Японіи, въ 1903 г., нѣсколько мѣсяцевъ, въ качествѣ чиновника, командированнаго русскимъ правительствомъ на рыбопромышленную выставку.

Мы выходили съ хакодатскаго рейда при ясной солнечной погодѣ. И съ палубы парохода мы отчетливо видѣли цѣлый лѣсъ мачтъ парусныхъ судовъ, уже готовыхъ къ отплытію въ наши сѣверныя моря за рыбой. И когда мы, взявши курсъ на Командорскіе острова, повернули на сѣверъ, мы видѣли на горизонтѣ множество парусныхъ шхунъ, державшихъ путь тоже на сѣверъ. Началось обычное промысловое движеніе на сѣверъ съ солью, пеховыми, товарами.

А съ конца іюля въ этихъ же моряхъ уже встрѣчаются обратныя шхуны, нагруженные до послѣдней возможности рыбой.

Погода намъ благоприятствовала. Море было такъ тихо, что не было никакой качки. А потому всѣ чувствовали себя весело и пріятно.

По вечерамъ въ каютъ-компаніи устраивались концерты, пѣли, играли на піанино и даже танцевали.

На пятый день показались Командорскіе острова. Нашъ пароходъ былъ первымъ.

Мы везли всѣ новости, провизію. И насъ встрѣтили такъ, какъ обыкновенно встрѣчаютъ на сѣверѣ первый весенній пароходъ, не только съ радостью, но и съ нетерпѣніемъ, что выразилось въ томъ, что къ намъ навстрѣчу, пользуясь хорошей погодой, далеко въ море выѣхали шлюпки, на которыхъ розсѣдали чины командорской администраціи, командорскіе приказчики и прочіе «знатные».

Спустили трапъ. Убавили ходъ. И къ намъ, на ходу парохода, вошли командорцы. Они засыпали насъ вопросами. При общей сутолоцкѣ пароходъ вошелъ на рейдъ и отдалъ якорь.

Передъ нами раскинулось селеніе Никольское. Снѣгъ еще не весь сошелъ, а потому открывшійся намъ ландшафтъ въ одинаковой степени можно было назвать какъ зимнимъ, такъ и лѣтнимъ. Но зелени не было еще и въ поминѣ.

Лишь только пароходъ отдалъ якорь, какъ временный начальникъ Командорскихъ острововъ, г. Лехъ, пригласилъ насъ къ себѣ на берегъ. Мы сѣхали. Никольское, населеніе котораго состоитъ изъ алеутовъ, числомъ до 300 душъ обоого пола, имѣетъ очень оригинальный видъ. Оно состоитъ изъ группы домиковъ, частью привезенныхъ готовыми изъ Америки, выкрашенныхъ въ красную краску и напоминающихъ товарные вагоны, ибо домики, какъ и

вагоны, построены из узких досокъ. Посреди села церковь, маленькая, но красивая. У церкви памятникъ Берингу.

Жители одѣты пестро: одни въ котиковыхъ курткахъ, другіе въ американскихъ блузкахъ, разныхъ цвѣтовъ и покрововъ. Женщины всѣ одѣты «по-европейски», съ претензіей на моду. Многія въ шляпкахъ. Поражаетъ разнообразіе запаховъ: «то разить какою-то падалью, то ѣдимъ рыбнымъ запахомъ, то вдругъ вы чувствуете дыханіе весны...» Падалью пахнетъ потому, что китъ, выброшенный на берегъ недѣлю тому назадъ, которымъ продовольствовались вплоть до нашего прихода алеуты и ихъ собаки, сталъ гнить. Рыбой пахло потому, что у каждого проваливалась нѣ связка «красная рыба», только что появившаяся въ рѣчущкахъ съ моря. А весной пахивало потому, что всѣ алеутки вышли встрѣчать пароходъ, умастивши себя духами, помадами.

Алеуты, что живутъ на Командорскихъ островахъ, должны бы быть самымъ состоятельнымъ народцемъ Россіи, такъ какъ они являются монопольными промышленниками командорскихъ звѣрей: морскихъ котиковъ, бобровъ, голубыхъ песцовъ. Съ cadaго добытаго звѣря они, согласно контракту правительства съ обществомъ, эксплуатирующимъ котиковыя и бобровыя лежбища на островахъ, получаютъ крупную мзду.

Но на дѣлѣ алеуты—самый бѣдный народъ въ мірѣ, уже вымирающій. Причина та, что общество попросту обманываетъ алеутовъ, снабжая ихъ за добытыхъ звѣрей всякой дрянью, напримеръ: духами, граммофонами, лобрякушками, а затѣмъ спиртомъ, ромомъ, виски и проч. горячительными напитками, хотя ихъ ввозъ на острова и запрещенъ. Расплата за звѣрей товарами, таксирuemыми какъ Богъ на душу положить, а главное—спиваніе инородцевъ—вотъ корень ихъ бѣдности.

А къ тому же самое хозяйничанье общества на промысловыхъ лежбищахъ не можетъ быть названо иначе, какъ хищническимъ, что доказывается хотя бы тѣмъ, что промыселъ звѣрей ежегодно падаетъ. Десять лѣтъ тому назадъ на Командорскихъ островахъ добывалось до 100,000 котовъ, а теперь ихъ добыча спустилась до трехъ-четырехъ тысячъ.

Тоже и бобры. Раньше добывалось бобровъ до 500 штукъ въ годъ, тогда какъ теперь ихъ добывается уже не больше двухъ-трехъ десятковъ.

Общество, съ которымъ правительство заключило контрактъ на эксплуатацію Командорскихъ острововъ, по названію—русское, въ дѣйствительности же—американское. Всѣ, по крайней мѣрѣ, товары, которыми снабжаются Командорскіе острова, привозятся на морскихъ судахъ изъ Америки.

Хищническое хозяйство на Командорскихъ островахъ уже давно обращаетъ на себя вниманіе мѣстной печати, которая неоднократно

помѣщала объ этомъ статьи, не имѣвшія, однако, никакого практическаго значенія.

Правиль островами, въ теченіе почти тридцати лѣтъ, Н. А. Гребницкій, нынѣ покойный. Еще при его жизни мѣстная печать высказывала, что Гребницкій, въ виду его пассивнаго отношенія къ интересамъ инородцевъ и промысламъ, скорѣе можетъ быть почитаемъ агентомъ торговаго общества, чѣмъ агентомъ правительства.

Вѣрно ли это, или нѣтъ, но фактъ тотъ, что Командорскіе острова разорены въ конецъ, и о бывшихъ промысловыхъ богатствахъ нынѣ осталось одно воспоминаніе. А что касается алеутовъ, то ихъ положеніе, за оскудѣніемъ котовъ и бобровъ, съ каждымъ годомъ дѣлается безвыходнѣе. И для того, чтобы они не вымерли, правительству придется, пожалуй, въ близкомъ притомъ будущемъ, попросту кормить ихъ.

На командорскомъ рейдѣ мы простояли до вечера, а затѣмъ, при продолжающейся хорошей погодѣ, пошли въ Петропавловскъ, куда и пришли на вторыя сутки, въ три часа утра.

III.

Прибытіе въ Петропавловскъ. — Первые шаги.

Петропавловскъ, какъ и Командорскіе острова, былъ еще на зимнемъ положеніи.

Снѣгъ кое-гдѣ стаялъ, а на горахъ и въ лощинахъ онъ лежалъ еще цѣлыми толщами. Зелени не было.

Когда мы вошли въ Петропавловскую бухту, городъ еще спалъ. Но призывные свистки не замедлили разбудить петропавловцевъ, и на берегу началось движеніе.

Въ истекшую зиму въ Петропавловскѣ скончался уѣздный начальникъ Ошурковъ, замѣстителемъ котораго явился я. Правиль Камчаткой канцелярскій служитель Сотниковъ. Какъ и водится, ко времени моего пріѣзда, въ Петропавловскѣ накопилось множество вопросовъ. Сотникова не признавали за начальника, и каждый дѣлалъ, что хотѣлъ. И мнѣ сразу же пришлось окупиться въ разнаго рода недоразумѣнія, возникшія на почвѣ личныхъ счетовъ, причемъ петропавловское общество раздѣлилось на два лагеря: одни признавали Сотникова, тогда какъ другіе считали его «узурпаторомъ», ибо, по ихъ толкованію, въ отправленіе обязанностей окружнаго начальника долженъ былъ вступить уѣздный врачъ Тюшовъ.

Самое главное недоразумѣніе возникало изъ того, что, при описи имущества, оставшагося отъ покойнаго Ошуркова, въ его составѣ оказалась шкура морскаго бобра. Бобръ этотъ былъ добытъ на мысѣ Лопаткѣ, гдѣ ихъ лежище охраняется особой командой, ежегодно посылаемой туда распоряженіемъ камчатскаго начальника.

И бобрамъ, добытымъ охранной командой, ведется строгій счетъ. Они представляются казаками при рапортахъ, посылаются затѣмъ во Владивостокъ для продажи съ аукціона, а вырученныя деньги дѣлятся: половина идетъ въ казну, а половина въ пользу казаковъ-промышленниковъ. И такой случай, чтобы изъ партіи бобровъ ускользнулъ бобръ-другой,—не представлялся возможнымъ. Между тѣмъ, при разборѣ пререканій, я выяснилъ, что, кромѣ морского бобра, оставшагося въ вещахъ Ошуркова, въ Петропавловскѣ есть еще и другіе бобры, добытые все на той же Лопаткѣ. Бобры эти оказались частью у купцовъ, частью у казаковъ, частью у петропавловскихъ обывателей, частью во Владивостокѣ.

И мнѣ, волей-неволей, тотчасъ по прибытіи въ Петропавловскъ, пришлось заняться бобровымъ вопросомъ.

А тутъ въ мое «производство» поступило и второе скандальное дѣло—объ охранѣ имущества, оставшагося послѣ смерти петропавловскаго купца Русанова.

Наслѣдники жаловались на простое расхищеніе, обвиняя въ немъ помощника уѣзднаго начальника Павскаго, выѣхавшаго во Владивостокъ и ожидавшагося въ Петропавловскѣ.

На свое новое несчастіе, я столкнулся съ довольно-таки пикантными обстоятельствомъ, относящимися до сбора камчатскаго ясака.

Петропавловскіе торгующіе, не успѣвъ я пріѣхать, стали просить меня сдѣлать аукціонъ ясачныхъ соболей, оставшихся не проданными съ зимы. Оказалось, что аукціонъ ясачныхъ соболей-исконн вѣковъ производится въ тѣсной компаніи камчатскихъ торгующихъ, причемъ цѣны за соболей всегда держались въ предѣлахъ отъ 10 до 15 рублей шкурка. Выяснилось также, что далеко не вся пушнина, собранная въ ясакъ, предъявлялась въ аукціонъ. Иные звѣри продавались какъ-то такъ, что отъ нихъ не оставалось и слѣда.

Самый дорогой звѣрь на Камчаткѣ—черная лисица. Она водится главнымъ образомъ на островѣ Карагѣ, находящемся въ сѣверной части восточнаго берега Камчатки. Копаясь въ дѣлахъ и разнаго рода запискахъ, я выяснилъ, что инородцы не имѣли права продавать черныхъ лисицъ кому бы то ни было, ибо они особыми приказами моихъ предшественниковъ обязывались предъявлять черныхъ лисицъ непременно уѣздному начальнику. Выяснилъ я также, и при томъ документально, что годъ тому назадъ въ селеніи Карагинскомъ были взяты въ ясакъ три черныя лисицы. Но эти лисицы такъ и ускользнули изъ аукціонныхъ листовъ, какъ ускользнули изъ нихъ и высокіе экземпляры соболей.

И для меня стало ясно, что здѣсь, въ Петропавловскѣ, «рука руку моетъ»: начальство дѣлаетъ торгующимъ покровительственныя аукціоны, компенсируя себя кабинетными сдѣлками по продажѣ черныхъ лисицъ и высокіхъ соболей.

Но эти комбинаціи мнѣ не улыбались. По простотѣ своей, я думалъ, что пріѣхалъ затѣмъ, чтобы помочь забитымъ и загнаннымъ камчатскимъ инородцамъ, этимъ истиннымъ сынамъ матери природы.

Аукціонъ я сдѣлалъ, но сдѣлалъ тогда, когда было много пріѣзжихъ, русскихъ и иностранцевъ, влѣдствіе чего мои ясачные соболи пошли не по 10—15 рублей, какъ раньше, а по 75—125 рублей, о каковой цѣнѣ на Камчаткѣ и не слыхивали, хотя она и была истинной цѣной, такъ какъ камчатскіе соболи доходили въ Америкѣ до 200 рублей шкурка, а были и такія шкурки, что за нихъ американскія щеголихи платили и по 400 рублей.

Такимъ образомъ, первые мои шаги по службѣ, выразившіеся въ розыскѣ и конфискаціи хищническихъ морскихъ бобровъ, въ «недобросовѣстномъ отношеніи къ своимъ» на аукціонѣ ясачныхъ соболей, въ неумѣннѣ уладить дѣло по расхищенію наслѣдства Русапова, въ желаніи узнать истинную исторію карагинскихъ черныхъ лисицъ, возбудили противъ меня неудовольствіе петропавловской «интеллигенціи».

Недовольно осталось мною и областное начальство, которое я «засыпалъ» «кляузами», истолкованными какъ выраженіе моего желанія «очернить» память своихъ предшественниковъ, а самому «выслужиться». Областному начальству тѣмъ болѣе не понравились мои «кляузы», что въ одной изъ нихъ я просилъ отобрать двухъ хищническихъ морскихъ бобровъ, купленныхъ въ Петропавловскѣ, по дешевымъ, конечно, цѣнамъ, врачомъ инспекторомъ приморской области Блонскимъ, ревизовавшимъ, въ навигацію 1902 года, медицинскую часть Охотско-Камчатскаго края.

IV.

Питейное дѣло въ Петропавловскѣ.—Японскіе хищники.

На каждомъ шагѣ я встрѣчался съ явленіями, съ которыми трудно было мириться. Особенно доѣзжали меня многочисленные петропавловскіе кабаки. Самое ихъ существованіе было мнѣ рѣшительно непонятно. Камчатка, вѣдь, страна инородческая, куда ввозъ спирта категорически воспрещается закономъ. А въ самомъ Петропавловскѣ было пять кабаковъ, тогда какъ всего населенія было 350 душъ. Было ясно, что не для 350 душъ, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, содержится столько кабаковъ, и съ огромными притомъ запасами алкоголя въ разныхъ видахъ, ввозившагося къ тому же со сложениемъ акциза главнымъ образомъ изъ Америки. Выяснилось, что вся масса спиртныхъ напитковъ, за незначительнымъ сравнительно ихъ расходомъ въ Петропавловскѣ, вывозилась внутрь страны, для мѣнливой торговли съ инородцами.

Въ виду того, что процедура открытія кабаковъ и въ Петропавловскѣ обставлена разрѣшеніемъ городского общества, въ виду того, что патенты еще не были выбраны, я прежде, чѣмъ выдавать патенты, собралъ городской сходъ, на которомъ и было постановлено: разрѣшеній на кабаки не давать, вслѣдствіе чего и на основаніи соответствующаго приговора, къ которому, кстати сказать, «руку приложили» и сами виноторговцы, прикинувшіеся, что они де мало заинтересованы въ своихъ кабачкахъ, я кабаки закрылъ, о чемъ и донесъ начальству.

Это мое дѣйствіе, какъ я до сихъ поръ думаю, было правильно и съ формальной стороны, и по существу.

Но не такъ, однако, взглянула на это областная власть, уже предубѣжденная противъ меня прежними моими дѣйствіями, въ особенности по части ясака и морскихъ бобровъ.

Отъ губернатора я получилъ нахлобучку и предложеніе—кабаки немедленно открыть, хотя и до сихъ поръ я не уясняю, во имя чего, собственно, ратовалъ губернаторъ: на Камчаткѣ вѣдь нѣтъ акциза, а патентный сборъ такой пустякъ, о которомъ, со стороны фиска, не стоитъ и разговаривать.

Время шло. Насталъ іюль, а съ нимъ и массовый ходъ рыбы. Отъ жителей селеній я сталъ получать донесенія, что «пришли японскія шхуны, которыя стали въ устьѣ нашей рѣки, перегородили ее ставными неводами съ одного берега на другой и не пускаютъ къ намъ рыбу. И мы сами, и наши собаки,—писали инородцы,—помремъ съ голоду».

У меня же не было рѣшительно никакихъ средствъ помочь горю инородцевъ. Двоихъ своихъ рыбныхъ надзирателей я «раскомандировалъ» по обоимъ берегамъ, причемъ у каждаго былъ районъ въ полторы тысячи верстъ, безъ всякихъ при томъ перевозочныхъ средствъ.

На рейдѣ, правда, стояла канонерская лодка «Манджуръ», подъ начальствомъ капитана II ранга Кроуна, погребшаго впоследствии на «Петропавловскѣ» вмѣстѣ съ Макаровымъ. Но лодка имѣла массу «прямыхъ» порученій, заключающихся, между прочимъ, въ рейсахъ вокругъ Командорскихъ острововъ, въ рейсахъ за Беринговъ проливъ, а оттуда въ Номъ, на американскій берегъ. И «Манджуръ», при всемъ своемъ желаніи, не могъ угоняться за всѣми японцами, заплонившими наши рѣчки.

Но въ серединѣ іюля было получено донесеніе изъ Большерѣцка, выходившее изъ ряда. Донесли, что въ устьѣ рѣки Большой вошли двѣнадцать шхунъ, съ командой до 200 человекъ, которые такъ энергично ловятъ рыбу въ устьѣ этой рѣки, что всѣ расположенныя по ея теченію селенія неминуемо останутся безъ рыбы.

И Кроунъ, прочитавши донесеніе большерѣцкаго старосты, рѣшилъ «проучить япошекъ». Онъ немедленно вышелъ въ Большо-

рѣцкѣ, гдѣ и засталъ ту самую картину, о которой доносили староста. Ловъ рыбы производился японцами безъ всякаго намека на соблюденіе какихъ бы то ни было правилъ. И Кроунъ, образовавши судовую комиссію, составилъ соотвѣтствующіе протоколы, послѣ чего, на точномъ основаніи своей инструкціи, конфисковалъ 12 шхунъ, при чемъ ихъ командировъ и экипажъ взялъ на «Манджуръ» и привезъ въ Петропавловскъ, въ мое распоряженіе.

«Манджуръ» привезъ мнѣ около двухсотъ японцевъ; а я находился въ такомъ положеніи: я долженъ былъ принять эту ораву на берегъ, приставить къ пей, какъ къ арестованной, карауль, а затѣмъ озаботиться помѣщеніемъ, продовольствіемъ и прочимъ. Но у меня было въ распоряженіи только девять казаковъ, изъ коихъ два малолѣтнихъ и три старика, такъ что дѣеспособныхъ казаковъ у меня было всего 4 человѣка. Затѣмъ, приютить мнѣ японцевъ было некуда. Карцеръ, устроенный при управленіи, былъ достаточенъ развѣ для десяти человѣкъ, но ужъ, конечно, безъ всякихъ соотношеній «кубическаго содержанія воздуха въ числу людей».

А за всеѣмъ тѣмъ у меня рѣшительно не было никакихъ кредитовъ на прокормленіе такой массы арестованныхъ японцевъ. Положеніе мое было, поистинѣ, «трагическимъ». Но дѣваться было некуда. Досталъ я посуду. Устроилъ нѣчто вродѣ артели. Опредѣлилъ дачу риса и прочей провизіи и сталъ содержать «арестантовъ».

Нужно имъ отдать справедливость, что держали они себя отлично; среди нихъ не было ни дракъ, ни пьянства и ничего, что требовало бы моего вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла. А расположилъ ихъ я въ одномъ пустующемъ наклаузѣ Камчатскаго торгово-промышленнаго общества, съ его согласія, но все же общество потребовало отъ меня «соотвѣтствующую бумажку» объ отводѣ помѣщенія для арестованныхъ «Манджуромъ» японцевъ.

Черезъ два дня, 22-го іюля, около десяти часовъ вечера, въ Петропавловскъ пришелъ пароходъ Камчатскаго общества «Котикъ». Посоветовавшись съ Кроуномъ, я рѣшилъ предложить пароходу отвезти арестованныхъ японцевъ во Владивостокъ. Опять потребовали съ меня бумажку, но японцевъ все же повезли. И довели благополучно, но появленіе во Владивостокѣ «Котика», привезшаго съ Камчатки около двухсотъ японскихъ хищниковъ, произвело сенсацию. Стали разбираться, какъ и почему. А японскій консулъ опротестовалъ дѣйствія русскихъ властей. И протестъ консула, въ виду уже установившагося неудовольствія на меня областныхъ властей, возымѣлъ такое дѣйствіе, что судъ, куда было направлено дѣло о конфискаціи Кроуномъ 12 японскихъ шхунъ, нашелъ наши дѣйствія неправильными, о чемъ, въ назиданіе и поученіе, я и получилъ соотвѣтствующую бумажку.

Лично я не былъ на Большой. А тамъ дѣйствовало русское военное судно, имѣвшее, въ отношеніи надзора за промыслами, свои инструкціи и дѣйствовавшее согласно съ ихъ велѣніями.

Но тѣмъ не менѣе конфискація шхунъ, арестъ японцевъ, отводъ пакгауза и, главное, посылка во Владивостокъ особаго парохода были записаны мнѣ на новый минусъ, тѣмъ болѣе, что раньше, до меня, «на Камчаткѣ все было такъ тихо, спокойно, а вотъ теперь чортъ знаетъ, что дѣлается...»

«Котикъ» привезъ мнѣ «официальныя бумаги», а петропавловская знать получила письма, что мои «шансы въ мнѣніи губернатора» падаютъ и что меня, въ виду обнаруженнаго мною безпокойнаго характера, уберуть.

V.

Поѣздка по Камчаткѣ.—Сборъ мною ясака.

Я не боялся того, что меня «уберуть», и былъ бы радъ этому, такъ какъ выяснявшіяся условія службы на Камчаткѣ были рѣшительно не по плечу мнѣ. И меня не столько печалила несправедливость начальства въ отношеніи лично меня, сколько печалило меня полное его нежеланіе вдуматься въ камчатскія дѣла, осложнявшіяся, къ тому же, и фактическимъ захватомъ ея рыболовныхъ угодій, противъ чего русская власть была, въ сущности, безсильна, а когда вотъ она предъявила свои хозяйскія права на устьѣ рѣки Большой, то, какъ оказалось, сѣла въ калошу.

Мои мысли всецѣло раздѣлялъ и покойный Кроунъ, который говорилъ: «вотъ только доберусь до Владивостока»...

Кроуну настало время итти въ Беринговъ проливъ. И «Манджуръ» ушелъ. Отношенія ко мнѣ камчатской интеллигенціи, подъ вліяніемъ извѣстій изъ Владивостока, все ухудшались. Въ Петропавловскѣ оказалось множество обиженныхъ мною, и на меня сыпался потокъ жалобъ. Жаловались часто по такимъ поводамъ, о которыхъ я даже не догадывался и не зналъ.

И когда ушелъ Кроунъ, то я остался одинъ, безъ всякой поддержки. И вотъ, чтобы дать себѣ хоть нѣкоторый покой, ибо торговцы, въ иныхъ случаяхъ, придирались ко мнѣ только ради того, чтобы «извести», я рѣшилъ уѣхать во внутрь страны, чтобы кстати посмотрѣть житье-бытье инородцевъ.

Я уѣхалъ изъ Петропавловска 28-го іюля, оставивши дѣла своему замѣстителю, и возвратился въ серединѣ августа, объѣхавши всѣ селенія отъ Петропавловска до Усть-Камчатска. Изъ этой поѣздки я вынесъ, между прочимъ, такое впечатлѣніе, что торговцы буквально разоряютъ мѣстныхъ промышленниковъ: они берутъ у нихъ пушнину по неимовѣрно низкимъ цѣнамъ, а товары ставятъ имъ по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ.

Выше я сказалъ, что, продавши ясачныхъ соболей на аукціонѣ, въ которомъ приняла участіе пріѣзжіе, русскіе и иностранцы, я получилъ за нихъ цѣну, въ среднемъ въ шесть разъ большую, чѣмъ

стояла она на Камчаткѣ раньше. Отъ этой продажи у меня образовался капиталъ, свыше 17 тысячъ рублей, изъ которыхъ я отсчиталъ около семи тысячъ рублей на уплату ясачными плательщиками казенныхъ повинностей и долговъ, а остальные затѣмъ деньги, въ суммѣ свыше 10,000 рублей, я отправилъ губернатору, съ просьбою купить на нихъ товаровъ, согласно «прилагаемымъ при семъ приговорамъ инородческихъ обществъ», которыми я заручился во избѣжаніе обвиненія меня въ новомъ самовольствѣ.

Вѣсть о собираніи мною приговоровъ, о выпискѣ изъ Владивостока товаровъ распространилась въ Петропавловскѣ раньше, чѣмъ я возвратился изъ своей поѣздки. И нужно ли говорить, что меня встрѣтили съ еще большей враждебностью, и это потому, что въ Петропавловскѣ нѣтъ, кажется, ни одного человѣка, который бы не мечталъ «вымѣнять хорошаго соболька».

«Взвинутилъ цѣны на соболей, а теперь вотъ какіе-то товары выписываетъ. Раньше, — говорили петропавловцы, — начальники довольствовались маленькимъ, а этотъ все хочетъ подобрать къ своимъ рукамъ, а это ужъ подлю: живи самъ и другимъ давай жить...»

Приближалась осень. «Манджуръ» ушелъ во Владивостокъ. Пришелъ, уже въ концѣ октября, послѣдній почтовый пароходъ, привезшій мнѣ помощника, штабсъ-капитана Векентьева, офицера саперныхъ войскъ, командированнаго въ Петропавловскъ для ремонта казенныхъ зданій и, кстати, въ помощь мнѣ, по должности уѣзднаго начальника.

Съ послѣднихъ чиселъ октября стали выпадать снѣгъ. И Камчатка мало-по-малу переходила на зимнее положеніе, которое выражалось въ снаряженіи промышленниковъ въ лѣсъ, на промыселъ звѣря, а торгующіе собирались «въ округъ», собирать долги и «распускать товары». Собиралось въ округъ и духовенство, для «требования».

Въ Петропавловскѣ начался торговый сезонъ. И всѣ торговцы, въ виду отмѣны губернаторомъ моего распоряженія по части закрытія кабаковъ, думали, что я не въ правѣ помѣшать имъ вывозить спиртъ въ округъ. Но такъ какъ, въ этомъ случаѣ, даже губернаторъ не могъ мнѣ предписать «не стѣснять мѣстную торговлю», то я, на точномъ основаніи законовъ, сталъ осматривать всѣ выѣзжающія изъ Петропавловска нарты и отбирать погруженный на нихъ спиртъ, ромъ, виски и проч. А къ тому же, на основаніи закона о земскихъ повинностяхъ, я не сталъ давать приказовъ на взиманіе торгующими обывательскихъ подводъ, ибо подводная повинность, при тамошнихъ условіяхъ, въ высокой степени обременительна для населенія, тѣмъ болѣе, что за подводу, по установившемуся обычаю, уплачивались только «прогоны», безъ вниманія къ тому обстоятельству, что на подводную, собственно, нарту надо запрягать и нарту съ собачьимъ кормомъ, а затѣмъ хорошая погода—рѣдкое

явленіе на Камчаткѣ. Въ большинствѣ же случаевъ тамъ задувають нурги, случается, по недѣлѣ и болѣе. И вотъ нарта, выѣхавшая до сосѣдняго селенія, верстѣ за сорокъ-пятьдесятъ, зачастую возвращается черезъ десять дней, ибо въ дорогѣ она «отсиживалась» отъ нурги.

Раньше, когда между камчатскимъ начальникомъ, камчатскимъ духовенствомъ и камчатскими торгующими существовали «добро-сосѣдскія отношенія», приказы на взиманіе обывательскихъ под-водъ давались безпрепятственно. И если отъ этого стонало населеніе, то торгующіе были довольны...

И получилаcя на Камчаткѣ такая картина, что вопросъ о выѣздѣ въ округъ сдѣлался труднымъ; иные такъ и не могли выѣхать. Да и не стоило, потому что безъ спирта—какая же торговля?

А инородцы между тѣмъ «отводили душу». За прогонъ нарты они заламывали цѣны, что, какъ тогда говорили на Камчаткѣ, «голова шла кругомъ». Случалось, что за 35 верстѣ брали по 50 рублей наличными:

Всѣмъ стало худо. А инородцамъ «стало хорошо». И тѣ изъ нихъ, которымъ неотложно нѣжны были тѣ или иные товары, не дождавшись, въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, торгующихъ, сами пріѣзжали въ Петропавловскъ, гдѣ, прежде всего, приходили ко мнѣ, при чемъ ихъ со мною бесѣды заканчивались иногда тѣмъ, что они сдавали мнѣ «особо хорошаго соболя», для продажи его, затѣмъ, весною, съ аукціона, причемъ, въ этомъ случаѣ, я давалъ инородцу ссуду изъ инородческаго капитала, на что имѣлъ право, ибо въ моемъ распоряженіи было 9,000 рублей инородческаго капитала, выдача изъ котораго ссудѣ, изъ 6% годовыхъ, принадлежала моей компетенціи.

Образъ моихъ дѣйствій все болѣе и болѣе возбуждалъ противъ меня торгующихъ, но сдѣлать что-либо они пока не могли, такъ какъ расправа со мною губернатора могла быть только весною, съ открытіемъ навигаціи.

Но на Камчаткѣ можно расправиться, и не дожидая губернатора, какъ это и случилось со мной.

Въ концѣ января, по установившемуся изстари обычаю, я выѣхалъ въ округъ для сбора ясака. Никого изъ торгующихъ я съ собою не взялъ, чѣмъ нарушилъ установившіяся традиціи. Ибо до сего времени объездъ начальника по сбору ясака былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сезономъ аукціоновъ, производившихся въ каждомъ селеніи, въ тѣсной компаніи «спутниковъ».

Камчатскій народъ, повидимому, хорошо понялъ, какую ляню я веду, а потому насколько скверно относились ко мнѣ въ Петропавловскѣ, настолько хорошій пріемъ и, главное, довѣріе встрѣтилъ я во всѣхъ селеніяхъ Камчатки.

Съ объѣзда я возвратился въ началѣ марта мѣсяца, при чемъ въ моихъ партахъ очутилось до 1,000 соболей, являвшихся «головкой» всего промысла даннаго года. Эти соболя поступили въ ясакъ, а такъ какъ ихъ стоимость далеко превышала размѣръ повинностей, то, на случай продажи собранныхъ мною соболей по той же, напри- мѣръ, цѣнѣ, по какой пошли они у меня въ прошлую навигацію, у меня могъ образоваться капиталъ, свыше 80,000 рублей, который, согласно приговорамъ, я и могъ употребить на выписку товаровъ, и въ такомъ количествѣ, что ими безъ малаго удовлетворилась бы вся годовая потребность страны, населеніе которой въ общемъ не превышаетъ 7,000 душъ.

Вслѣдъ за мной въ Петропавловскѣ стали появляться прѣзжіе камчадалы, привезшіе соболей на продажу, но, увы, уже безъ «головки», ибо, повторяю, послѣдняя была у меня.

Чаша терпѣнія петропавловскихъ торговцевъ переполнилась, и они рѣшили «раздѣлаться» со мною. И раздѣлались.

VI.

Меня объявляютъ сумасшедшимъ.

Съ конца марта и въ началѣ апрѣля петропавловская публика стала о чемъ-то совѣщаться, при чемъ на совѣщанія приглашался и уѣздный врачъ Тюшовъ, который, кстати сказать, съ послѣднимъ осеннимъ рейсомъ получилъ изъ Владивостока письмо о томъ, что я «дѣлаю доносы» и на него, врача, хотя я никакихъ «доносовъ» не дѣлалъ, а что касается Тюшова, то о немъ я, кажется, и не заикался въ своихъ дѣловыхъ донесеніяхъ.

На этихъ засѣданіяхъ, какъ потомъ выяснилось, обсуждался вопросъ о моей душевной нормальности. Различные факты изъ моей дѣятельности приводили камчатскую «интеллигенцію» къ убѣжденію, что я ненормальный, вѣрнѣе, сумасшедшій человекъ. И эта мысль настолько понравилась петропавловцамъ, какъ средство отдѣлаться отъ меня однимъ взмахомъ пера, что 9-го апрѣля, въ 9 часовъ вечера, особыми «весьма секретными» записками приглашался въ зданіе городской больницы весь цвѣтъ петропавловскаго общества, не исключая и моего помощника Векентьева и начальника казачьей команды.

Когда приглашенные собрались, Тюшовъ открылъ засѣданіе, на которомъ, прежде всего, высказалъ, что къ нему, врачу, поступили многочисленныя заявленія о душевной болѣзни уѣзднаго начальника и что онъ, не будучи психіатромъ, затрудняется дать свое заключеніе, а потому и обращается къ собранію за повѣркой тѣхъ фактовъ, которые избличаютъ мой психозъ.

Взявъ г. Тюшовъ книгу Крафта-Эбинга и сталъ приводить различные примѣры, показующіе нарушенное душевное равновѣсіе.

Примѣры выбирались «подходящіе» подъ мои дѣйствія, вслѣдствіе чего собраніе, за исключеніемъ моего помощника и начальника казачьей команды, единогласно постановило, что я, дѣйствительно, сошелъ съ ума и что поэтому меня необходимо немедленно устраничь отъ занимаемой мною должности.

Засѣданіе закончилось около часу ночи. На другой день я зналъ уже всё его подробности.

Въ виду того, что для меня совершенно ясны были побужденія сдѣлать меня сумасшедшимъ, чему на Камчаткѣ и бывали примѣры въ ея прошломъ, я рѣшилъ постановленію почтеннаго собранія не подчиняться, тѣмъ болѣе, что поведеніе на немъ врача едва ли отвѣчало достоинству носимаго имъ званія.

Я пригласилъ врача въ управленіе. Объяснилъ ему тотъ порядокъ, который указанъ въ законѣ на случай душевной болѣзни чиновника, имѣющаго въ рукахъ отвѣтственные дѣла и казенное имущество, а затѣмъ попросилъ его не вмѣшиваться въ мои дѣла по управленію уѣздомъ, тѣмъ болѣе, что весна уже близко.

Но эти мои слова Тюшову, видимо, не понравились. И по Петропавловску стали распространять молву, что я впалъ въ буйное помѣшательство, которое угрожало-де жизни каждаго обывателя. Подъ вліяніемъ этихъ толковъ батюшки распорядились выносить сятыни, чтобы выѣхать вмѣстѣ съ ними на маякъ, за 25 верстъ отъ Петропавловска.

Если бы гг. камчатскіе психіатры выѣзжали одни, я ничего бы не имѣлъ, но вывозъ церковныхъ святыхъ, отъѣздъ духовенства на маякъ, приближавшаяся Пасха и большая религіозность населенія побудили меня принять мѣры, чтобы не допустить, по крайней мѣрѣ, вывоза на маякъ святыхъ, а съ ними и созданія интердикта на Петропавловскѣ.

Въ концѣ концовъ всё остались въ Петропавловскѣ, при чемъ я просилъ всѣхъ оставить дѣло такъ, какъ оно есть, до пріѣзда начальства, которое могло опредѣлить и мою психику, и оцѣнить дѣйствія.

VII.

Извѣстіе о войнѣ Россіи съ Японіей.—Принятія мною мѣры обороны Камчатки.

Такъ продолжалось дѣло до 22-го апрѣля. Но въ ночь съ 22 на 23-е апрѣля въ Петропавловскѣ пріѣхалъ казакъ, который привезъ «полетучку» о томъ, что Японія объявила Россіи войну.

Это извѣстіе не являлось для Камчатки особо неожиданнымъ, ибо о войнѣ поговаривали давно, особенно со словъ арестованныхъ на рѣкѣ Большой японцевъ.

Японія находится въ сосѣдствѣ съ Камчаткой. И на Камчаткѣ всё знали, что японская крѣпость, возникшая на южной сторонѣ

острова Шумшу, что въ первомъ Курильскомъ проливѣ, возникла не даромъ. Знали, что тамъ есть склады угля, соли, снастей; знали, что тамъ зимуютъ шхуны и знали, наконецъ, что тамъ есть солдаты.

Когда мы получили извѣстіе о войнѣ, то ни у кого не было сомнѣній въ томъ, что какъ только вскрыются морскіе забереги, на Камчатку, и именно на западный ея берегъ, придутъ японцы.

Вотъ почему, одновременно съ полученіемъ вѣсти о войнѣ, мнѣ пришлось рѣшать, какъ же намъ относиться къ японцамъ, которые, конечно, займутъ берега Камчатки, тѣмъ болѣе, что безъ камчатской рыбы имъ не обойтись.

Я долженъ былъ самолично принять то или иное рѣшеніе; ни на какія указанія свыше я рѣшительно не могъ разсчитывать, ибо всякое сообщеніе Камчатки съ Владивостокомъ было прервано войной.

Никакихъ вѣстей о ходѣ войны, кромѣ факта ея объявленія, мы не имѣли.

Мое положеніе осложнилось объявленіемъ меня сумасшедшимъ. И всякое мое распоряженіе могло вѣдь быть истолковываемо, какъ актъ моего безумія, тѣмъ болѣе, что предусмотрительные японцы, какъ мнѣ было извѣстно, заручились благорасположеніемъ нѣкоторыхъ моихъ теперешнихъ антагонистовъ, причемъ сѣверное японское рыболовное общество вело даже переговоры о томъ, чтобы, на случай войны, камчатскія рыбалки были «нейтральными». Такого рода переговоры велись съ начальникомъ Командорскихъ острововъ, ѣздившимъ, какъ было замѣчено выше, въ Японію на рыболовную выставку. А Гребницкій былъ крупною величиною не только на Командорскихъ островахъ, но его признавали и на Камчаткѣ: у Гребницкаго были связи въ Петербургѣ, были и крупные капиталы въ американскихъ и англійскихъ банкахъ, нажитые имъ за тридцатилѣтнее «управленіе» имъ командорскими промысловыми миллионными богатствами.

Когда я обдумывалъ создавшіяся, точно въ сказкѣ, обстоятельства, я не придумалъ ничего лучшаго, какъ немедленно собрать полный сходъ петропавловскихъ жителей, не исключая и своихъ противниковъ.

Сходъ собрался въ 8 часовъ утра, причемъ явились на него рѣшительно все, ибо вѣсть о войнѣ распространилась по Петропавловску съ быстротою молніи.

Сходу я объявилъ, что началась война и что, по моему мнѣнію, намъ надо ожидать высадки японцевъ на западномъ берегу. Съ моимъ мнѣніемъ согласились, причемъ многіе петропавловскіе старики, на памяти которыхъ происходила знаменитая побѣдопосная защита Петропавловска отъ соединенной англо-французской эскадры, выразили желаніе взяться за оружіе, чтобы прогнать тѣхъ японцевъ, которые высадятся на нашихъ берегахъ.

Мысль о возможности защиты Камчатки собственными силами не была утопичной, и вот почему.

Камчатка—страна дикая, бездорожная, гдѣ горная, гдѣ болотистая, гдѣ лѣсистая. И двигаться по ней воинскимъ отрядамъ нѣтъ возможности. А ужъ везти съ собою пушки и подавно. А население, между тѣмъ, сплошь, какъ одинъ человѣкъ, охотники, отлично знающіе всѣ тропы, а къ тому же и неподражаемые стрѣлки. И такихъ стрѣлковъ мы могли набрать не менѣе двухъ тысячъ, что, при мѣстныхъ условіяхъ, представляло довольно-таки внушительную силу, особенно при партизанскомъ способѣ веденія войны.

А вооружить население не представляло труда. У меня въ складѣ лежали четыре тысячи новенькихъ берданокъ, да было въ наличности 800,000 патроновъ къ нимъ.

И здѣсь, на совѣтѣ съ петропавловцами, было рѣшено бороться съ японцами, для чего и организовать дружины.

Съ удовольствіемъ могу отмѣтить, что къ этому рѣшенію примкнули и мои «враги», которые протянули мнѣ руки и сказали: «что было, то было, а теперь всѣ будемъ дѣлать одно дѣло».

Ударили въ колоколъ, и весь Петропавловскъ потянулся въ сборъ, гдѣ было отслужено молебствіе о ниспосланіи одолѣнія супостата.

А послѣ молебна началась организація обороны страны средствами самой Камчатки.

Прежде всего была сформирована дружина въ самомъ Петропавловскѣ; въ составъ ея вошло 89 человѣкъ, среди которыхъ были запасные нижніе чины, между ними и унтеръ-офицеры. Дружина была сформирована на началахъ, указанныхъ въ законѣ для дружинъ ратниковъ государственнаго ополченія. Домашними средствами были выбиты жестяные ополченскіе кресты, которые затѣмъ и были разосланы, вмѣстѣ съ инструкторами, по всей Камчаткѣ.

Начальникомъ камчатскихъ дружинъ я назначилъ штабсъ-капитана Векентьева, а въ помощь ему я назначилъ унтеръ-офицеровъ запаса. На другой день, т.е. 24-го апрѣля, изъ Петропавловска уже выѣхали инструкторы, которые повезли внутрь страны берданки и патроны къ нимъ. Раздача населенію оружія производилась очень быстро. Апрѣль—самое свободное время на Камчаткѣ, а къ тому же въ это время и самая лучшая дорога: стоитъ такъ называемый настъ, т.е. снѣгъ, слегка подмерзшій отъ утреннихъ заморозковъ.

Населеніе охотно становилось въ ряды дружинъ. Инструкторы проходили съ дружинами маленькій курсъ стрѣльбы, съ цѣлью ознакомить иныхъ съ берданкой, ибо у камчатскихъ охотниковъ были винчестеры, а патроновъ къ нимъ не было.

Въ началѣ мая почти на всѣхъ устьяхъ рѣчекъ нами были выставлены заставы, которые и установили связь съ селеніями.

VIII.

Прибытіе американскаго парохода.—Снаряженіе морскаго похода. —Бой камчатскихъ дружинъ съ японцами въ селеніи Явлинскомъ.

Японцевъ мы ожидали и приготовились ихъ встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ. Что касается меня, то я хотя и былъ подъ сомнѣніемъ въ отношеніи дружинъ, сформированныхъ мною по своему личному почину, но все же считалъ, что иначе я и не могъ поступить. Не имѣя никакихъ разрѣшеній и полномочій, я тѣмъ не менѣе производилъ расходы на содержаніе дружинъ, и немалые, причемъ расходамъ я велъ точную записъ, оправдываемую соответствующими документами. Я ставилъ себя въ положеніе отвѣтника за фактъ сформированія дружинъ, а что касается вопросовъ, вытекающихъ изъ этого факта, то здѣсь каждое свое дѣйствіе я согласовалъ съ закономъ. Дѣятельность по организациі дружинъ, кстати сказать, захватила всѣхъ петропавловцевъ, вслѣдствіе чего наши «мирные раздоры» какъ-то улеглись. И во внутренней жизни Петропавловска, въ виду общаго врага, воцарились миръ и согласіе.

Но вотъ 4-го мая въ Петропавловской бухтѣ показались огни парохода.

Нельзя вообразить себѣ того переполоха, который овладѣлъ жителями этого маленькаго городка при видѣ приближающихся огней какого-то неизвѣстнаго парохода, оказавшагося американскимъ, подъ названіемъ «Редондо», пришедшимъ изъ Санъ-Франциско, къ адресъ Камчатскаго торгово-промышленнаго общества, съ представителемъ этого общества, барономъ Брюггеномъ.

Понятно каждому то нетерпѣніе, съ какимъ я и Векентьевъ всходили на бортъ прибывшаго парохода. Война продолжалась, вѣдь, съ 27-го января, а мы между тѣмъ не имѣли о ней рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

Сообщенныя намъ г. Брюггеномъ вѣсти были до крайности печальны. Онъ сообщилъ, что война уже проиграна, ибо флотъ разбитъ на голову; что русскіе терпятъ пораженіе за пораженіемъ на сушѣ; что, когда онъ выходилъ изъ Санъ-Франциско, уже была рѣшена капитуляція Портъ-Артура, а за нею конференція державъ, которая, говорилъ Брюггенъ, произведетъ раздѣлъ русскихъ дальневосточныхъ владѣній, причемъ Камчатка отходитъ къ Америкѣ, правительство которой даетъ ему, Брюггену, концессию на всѣ ея богатства.

Нужно ли говорить о томъ впечатлѣніи, какое произвели на насъ съ Векентьевымъ эти рѣчи Брюггена. Мы вѣдь были воспитаны подъ обаяніемъ несокрушимости мощи Россіи. И слова Брюггена прямо обижали насъ, какъ русскихъ людей, заброшенныхъ на беззащитную далекую русскую окранныю.

Вотъ почему и приготовившись, какъ выше сказано, бороться съ японцами, я, по окончаніи Брюггеномъ его разсказа о ходѣ войны, обратился къ нему съ просьбой не распространять этихъ разсказовъ на берегу, такъ какъ они внесутъ только смуту въ умы населенія.

Но Брюггенъ не нашелъ нужнымъ снизойти къ моей просьбѣ. На утро изъ разныхъ источниковъ я сталъ получать заявленія о томъ, что Брюггенъ объявилъ уже Камчатку «подъ американцемъ», причемъ, одновременно съ этимъ объявленіемъ, онъ не преминулъ накинуть два рубля на кулекъ муки, чего онъ не могъ сдѣлать безъ моего вѣдома и согласія.

Мѣстные обстоятельства обязывали меня «обуздать» г. Брюггена, но въ моемъ распоряженіи не было дляэтого никакихъ средствъ. И Брюггенъ, уже освѣдомленный, что я не такъ давно былъ объявленъ сумасшедшимъ, сталъ вести себя вызывающе, вслѣдствіе чего я вынужденъ былъ пригласить его въ управленіе, гдѣ, въ присутствіи многочисленныхъ лицъ, и запротоколилъ его рѣчи, съ цѣлью привлеченія его къ отвѣтственности.

«Редондо» ушелъ изъ Петропавловска 9-го мая. Съ двадцатыхъ чиселъ мая я уже сталъ получать донесенія съ различныхъ пунктовъ Камчатки о вооруженныхъ столкновеніяхъ нашихъ дружинниковъ съ японцами. Въ концѣ мая у деревни Явина, на западномъ берегу Камчатки, высадился съ Шумшу отрядъ японцевъ, подъ начальствомъ лейтенанта Гундзи. Этотъ отрядъ, численностью до 150 человекъ, занялъ сказанную деревню, выбросилъ на крышу ея часовни японскій флагъ, а затѣмъ разослалъ по Камчаткѣ прокламацію слѣдующаго содержанія:

«Эта земля принадлежитъ японскому имперію. Кто этого не признаетъ, будетъ убитъ».

Пришлось подумать о томъ, какъ бы прогнать этотъ, какъ говорили камчадалы, «дестантъ».

Одновременно съ полученіемъ мною упомянутой прокламаціи я получилъ эстафету изъ Гижиги о томъ, что тамъ жители, вслѣдствіе недохода въ прошлую навигацію париходовъ, голодаютъ, причемъ были уже случаи голодной смерти.

Кромѣ того, я получилъ и предписаніе губернатора о томъ, чтобы, въ виду возможности нападенія на наши берега японцевъ, вывезти внутрь страны продовольственные запасы. А у меня, между тѣмъ, въ складѣ, построенномъ непосредственно на берегу Петропавловской бухты, было до 5,000 пудовъ муки, крупы, соли, кирпичнаго чая и проч.

На петропавловскомъ рейдѣ съ осени стояла конфискованная японская шхуна, потерпѣвшая во вторсѣмъ Курильскомъ проливѣ аварію.

Въ самомъ же Петропавловскѣ находился командиръ этой шхуны, прапорщикъ запаса Жаба.

Въ виду того, что въ моментъ полученія упомянутой эстафеты о голодовкѣ въ Гижигинскомъ краѣ я уже распорядился двинуть дружины селеній, расположенныхъ по долинѣ рѣки Камчатки, въ Явино, чтобы прогнать оттуда Гундзи, я нашель цѣлесообразнымъ дать подмогу камчатскимъ дружинамъ и изъ Петропавловска, тѣмъ болѣе цѣнную, что въ составѣ петропавловской дружины находилось много запасныхъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ нѣкоторые участвовали въ русско-китайской войнѣ. А затѣмъ я считалъ необходимымъ послать что-либо инородцамъ западнаго берега и изъ товаровъ, за счетъ денегъ, оставшихся отъ ихъ ясака и, какъ сказано выше, посланныхъ мною губернатору, причемъ, конечно, въ виду войны я уже не могъ рассчитывать получить изъ Владивостока товары. А послѣдніе въ Петропавловскѣ, во всякомъ случаѣ, были вдвое дешевле, чѣмъ на западномъ берегу Камчатки.

По этимъ соображеніямъ, я и рѣшился снарядить въ морской походъ шхуну изъ Петропавловска въ Явинское, оттуда въ Тигиль, изъ Тигиля въ Гижигу, а оттуда обратно въ Петропавловскъ.

Жаба приступилъ къ конопаткѣ шхуны, къ ея осмолкѣ, къ шитью разорванныхъ осеннею бурей парусовъ, къ исправленію руля и къ прочимъ ремонтнымъ работамъ. Все дѣлалось средствами, бывшими подъ руками. Работа спорилась. И охотниковъ плыть набралось «видимо не видимо», такъ что пришлось выбирать. Между прочимъ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось арестовать крестьянина селенія Паратунскіе Ключи, Егора Евойловскаго, убившаго по побужденіямъ ревности человѣка, и въ этомъ признававшегося. Дозволить ему гулять на свободѣ я не имѣлъ права; держать его подъ арестомъ я тоже не могъ, такъ какъ у меня не было людей для караульной службы. И вотъ я рѣшился посадить его на шхуну и даже вооружить. «Тебѣ придется драться съ японцами,—сказалъ я ему:—вотъ и искунай свою вину или умирай въ бою». И Евойловскій, какъ потомъ оказалось, велъ себя въ бою съ японскимъ отрядомъ, что засѣлъ въ Явиломъ, выше всякихъ похвалъ, за что, по моему ходатайству, онъ и былъ высочайше помилованъ за свое преступленіе.

Шхуна съ большимъ грузомъ казенныхъ припасовъ, направленныхъ мною въ Гижигу, съ запасомъ товаровъ, приобретенныхъ покупкою въ петропавловскихъ магазинахъ, и съ командою въ 32 человѣка вышла изъ Петропавловска 16-го іюня и направилась на западный берегъ Камчатки.

Ея плаваніе, могу сказать увѣренно, составляетъ одну изъ отрядныхъ страницъ исторіи нашей войны съ японцами. Утлое судно, кое-какъ скрѣпленное на петропавловскихъ «верфяхъ», отпра-

вилось въ плаваніе за тысячи версть, рискуя ежеминутно встрѣтиться съ японскимъ судномъ, а затѣмъ имѣя своей задачей высадить у селенія Явинскаго «дестантъ» для дѣйствія противъ высадившагося сильнаго врага. И шхуна блистательно исполнила свою задачу.

Она не только высадила въ указанномъ мѣстѣ посланныхъ мною дружинниковъ, но и высадила ихъ какъ разъ во время, когда наши дружины уже развѣдывали расположеніе японцевъ. Велѣдъ за соединеніемъ петропавловскихъ дружинниковъ, пришедшихъ моремъ, и дружинниковъ, пришедшихъ сухопутьемъ, наши напали на японскій лагерь.

Нападеніе было неожиданно. Японцы растерялись. Но все же они оказали отчаянное сопротивленіе. Въ этомъ столкновеніи нашихъ дружинъ съ японскимъ отрядомъ, высадившимся съ острова Шумшу, мы потеряли двухъ убитыми и четырехъ ранеными. Съ японской стороны убито и ранено 32 человѣка.

Такой результатъ боя, съ малыми для насъ потерями, объясняется тѣмъ, что наши дружинники напали на японскій отрядъ скрадомъ, ползкомъ на животахъ, причемъ первый залпъ по японцамъ они сдѣлали уже почти въ чертѣ самаго лагеря, поросшаго высокимъ камчатскимъ шаломайникомъ (папоротниковое растеніе).

Японскій начальникъ Гундзи былъ взятъ въ плѣнъ, японскій флагъ былъ сорванъ, и разбитые японцы бѣжали на свою шхуну, на которой, пользуясь вѣтромъ, и уплыли. Наши провожали шхуну огнемъ, покуда она была въ чертѣ досягаемости выстрѣловъ. Полагать надо, что и на шхунѣ были убитые. А одна шлюпка, на которой спасались японцы, была потоплена нашими выстрѣлами, причемъ погибли и плившіе на ней люди, числомъ до 12 человѣкъ. Всего же японцы потеряли до 44 человѣкъ.

Бой у селенія Явинскаго во всякомъ случаѣ показалъ, что сформированныя мною дружины не были «буффонадой», тѣмъ болѣе, что за лѣто 1904 года на обоихъ берегахъ Камчатки ими было убито до 200 человѣкъ японцевъ и сожжено десятка два хищническихъ шхунъ. Утвердительно могу сказать, что за весь рыболовный сезонъ 1904 года японцы не вывезли изъ Камчатки ни одной рыбы, ибо таковую охраняли наши дружинники.

Заслуга ли это, или нѣтъ—сказать не могу, хотя полагаю, что на Камчаткѣ честно исполнили долгъ и не допустили враговъ своего отечества пользоваться его рыбными богатствами.

Такъ, по крайней мѣрѣ, понималъ свой долгъ я, но не такъ понимали его другіе.

IX.

Пріѣздъ на Камчатку Гребницкаго.—Смѣщеніе меня съ должности и расформированіе дружинъ.

Въ то время, когда на Камчаткѣ происходили описанныя событія, американскій пароходъ «Редондо» успѣлъ дойти до Санъ-Франциско, гдѣ г. Брюггенъ и подалъ телеграмму въ Петербургъ предсѣдателю Камчатскаго общества (онъ же и предсѣдатель с.-петербургской биржи) д. с. с. Прозорову, о томъ, что «петропавловскій уѣздный начальникъ С..., по заключенію уѣзднаго врача сошелъ съ ума; производитъ насилія надъ жителями; терроризовалъ населеніе, вслѣдствіе чего Камчатское общество затрудняется выполнить свои задачи»... заключавшіяся, добавлю, въ томъ, чтобы на отпущенныя казною крупныя средства, до двухъ милліоновъ рублей, снабдить населеніе Охотско-Камчатскаго края необходимыми ему припасами.

Г. Прозоровъ предъявилъ эту телеграмму покойному министру внутреннихъ дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве, который и телеграфировалъ въ Санъ-Франциско находившемуся тамъ, въ качествѣ уполномоченнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ и намѣстникомъ Его Величества на Дальнемъ Востокѣ, Н. А. Гребницкому, слѣдующее:

«Камчатское общество заявило мнѣ то-то (приводится изложенное выше). Тщательно разслѣдуйте дѣло и, буде подтвердится, С... желательно вывезти». Нужно добавить, что уѣздный врачъ Тюшовъ, чтобы «крѣпче было», далъ «заключеніе» и о томъ, что и помощникъ мой, Векентьевъ, нервно разстроенъ, причемъ, долженъ сказать, первое разстройство Векентьева вытекало изъ солидарности со мною. И министръ Плеве предложилъ Гребницкому разслѣдовать и относительно Векентьева, котораго тоже, если «подтвердится», было предложено вывезти изъ Камчатки.

18-го іюля, въ разгаръ нашей борьбы съ японцами, въ Петропавловскъ прибылъ второй американскій пароходъ «Минеола», на борту котораго былъ и Гребницкій.

Въ моментъ прибытія парохода Векентьева въ Петропавловскъ не было, ибо онъ находился внутри страны, вѣдая дружинами.

Лишь только пароходъ бросилъ якорь, какъ я, по обязанностямъ уѣзднаго начальника, уже былъ на борту. Г. Гребницкій встрѣтилъ меня сурово и величественно, предупредивши, что онъ имѣетъ полномочія высшаго правительства разобрать «все камчатскія дѣла».

— Съѣзжайте на берегъ и соберите немедленно въ управленіе вотъ этихъ лицъ,—сказалъ онъ мнѣ, подавая списокъ.

Въ списокъ вошли аккуратъ тѣ, которые засѣдали 9-го апрѣля.

Порученіе Гребницкаго было мною исполнено. И онъ, придя, примѣрно, черезъ полчаса по отдачѣ якоря, въ управленіе, уже засталъ всѣхъ налицо; самъ онъ пришелъ со своимъ старымъ сподвижникомъ, нынѣ покойнымъ, Павскимъ, съ которымъ у меня уже было недоразумѣніе по случаю заявленія о расхищеніи имъ имущества Русанова.

Войдя въ управленіе, Гребницкій обратился къ собравшимся со слѣдующими словами:

— Министръ внутреннихъ дѣлъ телеграфируетъ мнѣ, что вашъ уѣздный начальникъ сошелъ съ ума. Это вы, г. С..., а потому, какъ сумасшедшаго, я съ сего момента устраняю васъ отъ должности уѣзднаго начальника и таковымъ,—обратился онъ къ присутствовавшимъ,—я назначаю васъ, г. Павскій.

Выслушавши этотъ приговоръ, я попросилъ у Гребницкаго соотвѣтствующій документъ и получилъ упомянутую телеграмму министра внутреннихъ дѣлъ. Для меня, по прочтеніи этой телеграммы, было ясно, что здѣсь происходитъ судъ волка въ овчарнѣ, почему я и счелъ излишними какія-нибудь объясненія съ Гребницкимъ, ибо таковыя не могли же достигать чего бы то ни было.

Я покорился своей участи и безпрекословно, попросивши Гребницкаго опечатать денежную кассу, соболей и бобровъ, ушелъ изъ управленія, причемъ, уходя, я слышалъ приказаніе Гребницкаго казакамъ:

— Вы, смотрите, не пускайте въ управленіе этого сумасшедшаго, а то, чего добраго, онъ его сожжетъ, а тамъ ищи съ него.

Когда я вернулся домой, тамъ были казаки, нѣкоторые мои дружинники, которые убѣждали мою жену повліять на меня, чтобы я не покорялся Гребницкому.

— Опъ, — говорили камчадалы, — не иначе, какъ подосланъ японцами...

Сила, во всякомъ случаѣ, была на моей сторонѣ. И исторія Камчатки знаетъ много кровавыхъ бунтовъ, происходившихъ именно на почвѣ борьбы за соболей и прочую камчатскую драгоценную пушнину. А Гребницкій хорошо былъ извѣстенъ населенію какъ самый крупный хищникъ, какъ самый безжалостный «кровопивецъ» алеутовъ.

И если бы я захотѣлъ, я могъ бы воспротивиться расправѣ Гребницкаго, допустившаго крупную передержку даже въ исполненіи даннаго ему порученія. Ему вѣдь поручалось «тщательно разслѣдовать», а затѣмъ уже «вывозить» меня и Венентьева.

Но я, сказать правду, усталъ уже отъ постоянного напряженія въ виду интриги насчетъ моей психики. И я самъ хотѣлъ поскорѣе выѣхать изъ Камчатки на свѣжій воздухъ, чтобы разобраться и со своей психикой, и со своими дѣлами.

Вотъ почему я безпрекословно подчинился Гребницкому и не посадилъ его въ карцеръ, какъ сажалъ я въ него нѣкоторыхъ петропавловцевъ.

Какъ только я ушелъ изъ управленія, Гребницкій немедленно распорядился расформировать всѣ камчатскія дружины, послать съ нихъ «бутафорскіе ополченскіе кресты» и сейчасъ же все «привести на мирное положеніе».

Кресты снимались, выставленные мною сторожевые посты упразднены, книги и всякія вообще дѣла по дружинамъ опечатывались, причемъ всѣмъ моимъ сотрудникамъ было объявлено привлеченіе ихъ къ суду за участіе въ разбояхъ въ отношеніи къ мирнымъ японцамъ, приходившимъ къ намъ «ловить рыбу».

Были забыты упомянутыя выше прокламаціи, причемъ Гребницкій, увидѣвши изъ бумагъ, что мною приняты нешуточныя мѣры въ отношеніи Гундзи, немедленно послалъ полетучки—остановить наши дружины и вернуть ихъ домой, снявши съ нихъ кресты, отобравши казенныя ружья и патроны къ нимъ.

Но это гуманное распоряженіе, увы, опоздало: еще наканунѣ произошелъ бой нашихъ дружинниковъ съ японцами, о которомъ сказано выше.

И Гребницкому пришлось признать совершившійся фактъ. Когда ему представлялся плѣнный Гундзи, Гребницкій извинился передъ нимъ на англійскомъ языкѣ за происшедшее недоразумѣніе, объясняемое единственно психическимъ разстройствомъ уѣзднаго начальника и нервнымъ разстройствомъ его помощника.

Но Гребницкому, такъ или иначе, все же пришлось подписаться подъ боемъ у сел. Явина, пришлось донести о плѣненіи Гундзи, о нашихъ потеряхъ и объ отличившихся въ этомъ бою, причемъ въ Петербургѣ оцѣнили этотъ фактъ патриотизма камчадаловъ такъ высоко, что Сотниковъ, на примѣръ, простой унтеръ-офицеръ, былъ произведенъ сразу въ подпоручики. Священникъ села Большерѣцкаго, Григорій Коллеговъ, напутствовавшій камчатскія дружины въ бой съ японскимъ отрядомъ, не имѣвшій рѣшительно никакихъ наградъ, сразу получилъ камилавку. Прочіе затѣмъ дружинники получили знаки отличія военнаго ордена, нѣкоторые сразу 3-й степени, помимо четвертой.

Донесши въ Петербургъ о боѣ, подтвердивши мое психическое и Венентьева нервное разстройство и объяснивши тѣмъ необходимость вывезти насъ изъ Камчатки, Гребницкій, какъ выяснилось впоследствии, ни словомъ не обмолвился о расформированіи имъ дружинъ...

Впоследствии выяснилось, что, еще до объявленія войны, въ Японіи формировалась особая экспедиція на Камчатку, подъ начальствомъ Гундзи, которая взялась занять страну мирнымъ путемъ. На расходы по снаряженію этой экспедиціи, отправленной

на Шумшу еще осенью 1903 года, было ассигновано японскимъ правительствомъ 250,000 іенъ и японскими патріотами 250,000 іенъ.

На Камчаткѣ говорили, что львиная доля этихъ іенъ была уплачена Гребницкому за созданіе на Камчаткѣ «мирнаго положенія». Японцы дорожили своими силами. И посылать ихъ на Камчатку они, видимо, не хотѣли, а потому и приняли упомянутыя «дипломатическія мѣры»...

Х.

Вывозъ меня и Векентьева изъ Петропавловска.—Гибель «Минеолы».

Раздѣлавшись по-свойски со мною, разоруживши страну, Гребницкій приступилъ къ своему «прямому дѣлу», къ снабженію края припасами. Но на «Минеолѣ» между тѣмъ не было привезено никакихъ припасовъ, что частью подтверждается тѣмъ, что въ Санъ-Франциско не было ихъ освидѣтельствованія консуломъ, что входило, однако, въ непремѣнную его обязанность. И причины этого важнаго упущенія объяснены Гребницкимъ въ его донесеніяхъ какъ-то сбивчиво, туманно. Донесенія эти и понынѣ имѣются, вѣроятно, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

30-го іюня мнѣ и Векентьеву было приказано садиться на пароходъ. И у меня, и у Векентьева была на рукахъ большая семья. Жены и маленькія дѣти. У меня трое, у Векентьева двое.

«Минеола», не сгрузивши въ Петропавловскѣ рѣшительно никакихъ запасовъ, пошла въ Охотскъ, куда и пришла 3-го августа. Тотчасъ по прибытіи на рейдъ стали снаряжать паровой катеръ, къ которому привязали на буксиръ шлюпку. На шлюпку посадили насъ, меня и Векентьева съ семьями, а на катеръ сѣли приказчики Камчатскаго общества. Сѣли они въ пробковыхъ поясахъ, каковая предосторожность была далеко не лишней, такъ какъ намъ предстояло переходить грозный охотскій баръ, а погода, между тѣмъ, стояла свѣжая.

Лоцманъ и другіе охотскіе казаки заявили Гребницкому, что плыть теперь черезъ баръ опасно, въ отвѣтъ на что они получили окрикъ Гребницкаго: «Не ваше дѣло».

Насъ повезли. Скажу одно, что я и до сихъ поръ не понимаю: почему, собственно, мы не потонули?..

На гребнѣ высокаго вала, въ самомъ водоворотѣ бара, «лопнулъ» буксиръ... Но мы, не зная ужъ какъ, выплыли изъ пучины невредимыми.

— Богъ не выдастъ,—говорили мы, выходя на берегъ,—свинья не съѣстъ!

Сошелъ я на берегъ съ мыслью, что первый этапъ моихъ приключеній кончился сравнительно благополучно.

«Минеола» простояла на Охотскомъ рейдѣ два дня, не отпустивши никому рѣшительно ни одного фунта груза. На это жаловались въ Петербургъ и охотскіе купцы, и охотскій уѣздный начальникъ Поповъ. И на это у «Минеолы», вѣрнѣе, у Гребницкаго, были «свои причины», заключавшіяся въ томъ, что на пароходѣ не было ничего, кромѣ самыхъ необходимыхъ запасовъ продовольствія для команды.

Изъ Охотска «Минеола» пошла на западный берегъ Камчатки. До сентября мѣсяца она «болталась» въ виду берега, не приставаая, однако, никуда, а затѣмъ, 9-го сентября, «Минеола» появилась у Тигиля, гдѣ наскочила на «необозначенный на картѣ камень» и погибла. Погибъ «казенный грузъ», погибли «морскіе командорскіе бобры и котики», которые, кстати сказать, были отправлены въ Америку на пароходѣ «Редондо». Говорили потомъ, что «Минеола», старая разбитая «бандура», была хорошо застрахована, и шла она на Камчатку только затѣмъ, чтобы безопаснѣй для людей «наскочить на необозначенный на картѣ камень».

Заслуживаетъ вниманія, что въ день крушенія «Минеолы» въ Тигилѣ появилось охранное англійское судно «Альджерейнъ», которое вообще никогда на западный берегъ Камчатки не ходитъ, ибо оно назначается исключительно для охраны командорскихъ бобровыхъ лежбищъ.

На «Альджерейнъ» пересѣли: Гребницкій, баронъ Брюггенъ и судовая команда погибшей «Минеолы». И вся эта компанія отправилась отъ «необозначеннаго на картѣ камня» во вражескую Японію, откуда прослѣдовала въ дружественную намъ Америку.

ХІ.

Изъ Охотска, черезъ Якутскъ, въ Хабаровскъ.

Когда съ «Минеолой» происходила вышеизложенная исторія, я былъ на пути изъ Охотска въ Якутскъ.

Якутскій трактъ—самый дикій и самый трудно-проходимый въ мірѣ, особенно при перевалѣ черезъ крутой, обрывистый Становой хребетъ. Я ѣхалъ въ компаніи съ якутами. Ёхалъ верхомъ, на смѣнныхъ лошадяхъ. Трудно передать въ настоящемъ моемъ разсказѣ всѣ тѣ затрудненія, какія я испытывалъ въ пути, тянушемся то дремучими, на десятки верстъ, лѣсами, то непроходимыми болотами, то горными кручами, при видѣ которыхъ захватывало духъ.

Весь путь 1,200 верстъ. Выѣхавши изъ Охотска 5-го августа, гдѣ, впредь до зимняго пути, я оставилъ свою семью, я добрался до Якутска лишь 22-го сентября.

У самаго Якутска мнѣ пришлось переправляться черезъ Лену, могучую сибирскую рѣку, когда по ней уже шла шуга. Сильны были мои ощущенія, когда я переплывалъ охотскій баръ, но не

менѣ сильны они были, когда я переплывалъ, во время ледохода, Лену, ширина которой у Якутска не менѣ, какъ я полагаю, двѣнадцати верстъ. Встрѣтили мы, почти на серединѣ рѣки, огромную льдину, которая однимъ своимъ прикосновеніемъ могла перековырнуть нашу лодку. Но льдина, къ счастью, пронеслась мимо.

На лѣвый берегъ Лены я вступилъ съ радостнымъ чувствомъ. Здѣсь уже былъ телеграфъ, по которому я и могъ начать свои объясненія.

Въ Якутскѣ, тотчасъ по приѣздѣ, я явился губернатору Булатову, который, выслушавши мое повѣствованіе, предложилъ мнѣ написать для «Якутскихъ Областныхъ Вѣдомостей» объ оборонѣ Камчатки отъ японцевъ, что я на другой день и исполнилъ. Эта моя статья прошла не только всѣ сибирскія газеты, но изъ Иркутска она была передана по телеграфу петербургскому агентству и обошла затѣмъ всю русскую печать.

Въ Якутскѣ я долженъ былъ остановиться до зимняго пути и выѣхалъ я на Иркутскъ уже въ серединѣ октября. Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю я теперь мое путешествіе по широкой привольной Ленѣ. Почтовый ленскій трактъ держать, за круговою другъ за друга порукою, приленскія селенія, а не одинъ какой-либо почтосодержатель, вслѣдствіе чего тамъ никогда нѣтъ задержки въ лошадахъ. Везутъ день и ночь. Очень хороши и чистеньки почтовые станціи. И никакого затрудненія въ провизіи. Всюду можно достать яйца, молоко, свѣжую и мороженую рыбу, дичь, мясо. Народъ по Ленѣ сытый, зажиточный.

Въ Иркутскѣ я приѣхалъ 9-го ноября. Здѣсь находился, въ должности правителя канцеляріи иркутскаго генераль-губернатора, мой старый знакомый, Л. Н. Гондатти, съ которымъ я познакомился на рѣкѣ Анадырь, когда онъ былъ тамъ окружнымъ начальникомъ, а я ѣздилъ туда въ качествѣ чиновника пріамурскаго генераль-губернатора, которому были поручены нѣкоторые дѣла по Анадырскому краю. Гондатти, нынѣ томскій губернаторъ, отнесся ко мнѣ въ высшей степени тепло. Онъ отлично понималъ всю мою исторію. И, имѣя связи въ Петербургѣ, онъ посылалъ меня изъ Иркутска туда, чтобы поскорѣе, безъ оттяжки, выяснить вопросъ. Для этого онъ далъ мнѣ даже нѣсколько писемъ къ своимъ петербургскимъ знакомымъ. Но въ Петербургъ мнѣ такъ и не удалось попасть.

Въ тотъ самый день, когда я собирался выѣхать изъ Иркутска въ Петербургъ, иркутскій губернаторъ Моллеріусъ получилъ изъ Никольска-Уссурійскаго отъ приморскаго губернатора Колюбакина слѣдующую телеграмму:

«Въ Иркутскѣ пребываетъ душевно-больной петропавловскій уѣздный начальникъ С... Онъ собирается выѣхать въ Петербургъ. Благоволите распоряженіемъ волворить его въ больницу для психически-больныхъ».

И меня, конечно, «водворили» бы, если бы не Гондатти. Въ тотъ же день, когда была получена въ Иркутскѣ цитированная телеграмма, я былъ освидѣтельствованъ, въ отношеніи своей психики, въ порядкѣ, какой указанъ для такихъ случаевъ въ законѣ. Эта процедура, тяжелая и унижительная, реабилитировала, однако, мою психику, и приморскому губернатору былъ посланъ отвѣтъ, что, въ виду такой-то его телеграммы такой-то С... освидѣтельствованъ въ порядкѣ такой-то статьи, причемъ онъ оказался совершенно здоровымъ.

Послѣ этого эксперимента, окончившагося для меня такъ благополучно, я не рискнулъ уже ѣхать въ Петербургъ, ибо у меня не было гарантій, что такую же телеграмму получить енисейскій или другой какой попутный губернаторъ.

А тамъ «доказывай, что ты заяцъ, а не верблюдъ»...

И вотъ изъ Иркутска я поѣхалъ въ Никольскъ-Уссурійскій, уже будучи формально и «въ установленномъ порядкѣ» реабилитированнымъ.

Въ Никольскъ я добрался безъ особыхъ приключеній, хотя и ѣхалъ въ самый разгаръ движенія нашихъ войскъ на театръ войны. Прибылъ я въ Никольскъ 1-го декабря, причемъ губернаторъ Колюбакинъ съ первыхъ же словъ извинился передо мною за свою телеграмму иркутскому губернатору:

— Мнѣ ее подсунули съ бумагами,—говорилъ онъ мнѣ.—А теперь дѣлъ такая масса, что гдѣ ужъ перечитать всякую бумажку...

Въ Никольскѣ я пробылъ недолго, такъ какъ была получена телеграмма генераль-губернатора Андреева о немедленномъ командированіи меня въ Хабаровскъ, куда я и прибылъ 17-го декабря. 18-го я былъ принятъ генераломъ Андреевымъ, который, послѣ продолжительной со мной бесѣды, предложилъ мнѣ занять мою старую должность, редактора официальныхъ «Пріамурскихъ Вѣдомостей».

Я согласился, и 1-го января 1905 года объ этомъ былъ отданъ приказъ генераль-губернатора.

Такимъ образомъ, вывезенный изъ Камчатки сумасшедшимъ, я тотчасъ по прибытіи въ резиденцію генераль-губернатора былъ назначенъ редакторомъ официальной газеты.

ХІІ.

Новая командировка на Камчатку.

Съ момента назначенія меня на сказанную должность я приступилъ къ дачѣ объясненій по всѣмъ своимъ дѣламъ на Камчаткѣ. Суть моихъ объясненій передавалась по телеграфу въ Петербургъ. Въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ, конечно, петербургскихъ покровителей Гребницкаго, въ Хабаровскѣ была получена бумага:

«Теперь, разумеется, С... психически здоровъ, но изъ этого вовсе же не слѣдуетъ, что онъ былъ здоровъ и на Камчаткѣ, гдѣ были такія тяжелыя условія, что немудрено было и помутиться разумомъ».

Въ отвѣтъ на это разныя мои бумаги и письма, писанныя на Камчаткѣ въ самый острый періодъ моего «помѣшательства», по моей о томъ просьбѣ, были подвергнуты экспертизѣ психіатровъ, которые дали заключеніе, что всѣ мои бумаги написаны «въ здоровомъ умѣ и въ твердой памяти».

Послѣ этой экспертизы уже не раздавалось голосовъ въ пользу моего безумія при отправленіи мною обязанностей петропавловскаго уѣзднаго начальника.

Иныя мои дѣйствія трактовались уже какъ просто незаконныя. Но я на каждое свое дѣйствіе представилъ объясненія, настолько удовлетворившія генераль-губернатора, которымъ былъ назначенъ тогда генераль Хрепятицкій, что въ концѣ концовъ я былъ представленъ, за службу на Камчаткѣ, къ Аннѣ на шеѣ, каковой орденъ я и получилъ.

Казалось бы, что послѣ всего изложеннаго слѣдовало бы привлечь къ отвѣтственности «уполномоченнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ и намѣстникомъ» Гребницкаго, о чемъ генераль-губернаторомъ и была послана въ Петербургъ соответствующая бумага. Но была война. Пережили Портъ-Артуръ, Мукденъ, переживали Цусиму.

И Петербургу было не до камчатскихъ дѣлъ и дразгъ.

Я редактировалъ «Пріамурскія Вѣдомости», посылалъ статьи въ столичныя газеты: въ «Новое Время», въ «Биржевыя Вѣдомости», въ «Русское Слово» и другія.

Семья къ этому времени благополучно добралась до Хабаровска, проѣхавши тотъ же путь, что проѣхалъ и я. Меня это путешествіе ввело въ неоплатные долги, что и принялъ во вниманіе генераль Хрепятицкій, который и приказалъ мнѣ выдать 3,574 рубля изъ денегъ, что были выручены отъ продажи, въ началѣ моей камчатской службы, хищническихъ морскихъ бобровъ, о которыхъ сказано выше. Эта получка болѣе или менѣе поправила мои дѣла, и я сталъ немного отдыхать отъ пережитыхъ передрагъ.

Но мой отдыхъ продолжался недолго.

Въ Портсмутѣ велись мирные переговоры. Во время заключеннаго перемирія японцы дали пропускъ на Камчатку нашему военному транспорту, на которомъ разрѣшалось отвезти туда запасы продовольствія.

И на этомъ суднѣ, по волѣ начальства, былъ посланъ я, между прочимъ, съ порученіемъ обревизовать дѣятельность камчатской и командорской администраціи.

Не преувеличивая, скажу, что громъ и молнія изъ безоблачнаго неба не произвели бы такого впечатлѣнія на камчатскихъ обывате-

лей, какъ мое появленіе на петропавловскомъ рейдѣ, на суднѣ подъ военнымъ флагомъ, въ качествѣ... ревизора...

Мое положеніе было очень щекотливымъ, тѣмъ болѣе, что я сразу же наткнулся на фактъ исчезновенія изъ петропавловскаго денежнаго сундука казенныхъ 40,000 рублей, совершившагося при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

30-го іюля 1905 года, въ 6 часовъ утра, на створѣ Авачинской губы показались два японскихъ военныхъ крейсера. Крейсера шли такимъ малымъ ходомъ, что они стали на якорь лишь около одиннадцати часовъ.

О появленіи крейсеровъ было немедленно дано знать уѣздному начальнику Леху, который, убѣдившись самолично въ томъ, что дѣйствительно идутъ японскіе крейсера, сталъ собираться въ бѣгство, а за нимъ стали бѣжать изъ Петропавловска и всѣ жители. Не бѣжали изъ него только Гребницкій и приказчики Камчатскаго общества.

Лехъ, покидая Петропавловскъ, нѣсколько разъ былъ въ управленіи, откуда, по его распоряженію, были вынесены нѣкоторыя дѣла, морскіе бобры, упромышленные въ этомъ году. Въ управленіи же стояла несгораемая желѣзная касса, въ которой находилось 40,000 рублей казенныхъ денегъ.

Вотъ эти-то деньги Лехъ и «забылъ» захватить.

Японцы же, ставши на якорь, стали стрѣлять изъ шестидюймовыхъ орудій.

Первый выстрѣлъ они произвели по зданію управленія. Снарядъ пронизалъ все это ветхое зданіе, не причинивши, однако, ему особаго разрушенія. Затѣмъ японцы выстрѣлили нѣсколько разъ въ гору. Затѣмъ они посадили на шлюпки команду, приблизительно въ 200 человекъ, которая, около часу дня, и съѣхала на берегъ. Здѣсь японцы окончательно убѣдились, что въ Петропавловскѣ имъ не будетъ никакого сопротивленія. И они приступили къ мирному занятію—къ охотѣ за пасшимися на городскихъ улицахъ коровами. Коровъ они стрѣляли изъ ружей. Здѣсь же, на улицѣ, они потрошили подстрѣленныхъ коровъ и свѣжевали ихъ мясо. Затѣмъ, въ сопровожденіи офицеровъ, они обходили дома, гдѣ, къ ихъ чести, рѣшительно ничего не тронули.

Зашли японцы и въ управленіе, гдѣ, видимо, стали читать дѣла. Но дѣла ихъ не заинтересовали, такъ какъ многія изъ нихъ очутились въ бухтѣ.

Когда японцы съѣхали обратно на крейсера, казенная касса, по донесенію Гребницкаго генераль-губернатору, оказалась взломанной. Затѣмъ, на другой день, японцы опять съѣзжали на берегъ, причемъ японскіе офицеры были приглашены Гребницкимъ на обѣдъ, на которомъ, по рассказамъ, было очень весело.

1-го августа крейсера вышли въ море, направившись на Командорскіе острова, гдѣ они тоже сходили на берегъ, были въ управленіи, причѣмъ нестораемая касса Командорскихъ острововъ осталась въ полнѣйшей неприкосновенности.

ХІІІ.

Возвращеніе во Владивостокъ.—Разгромъ Владивостока.

Обязанный, по буквѣ даннаго мнѣ порученія, разслѣдовать описанныя событія, особенно произошедшія въ Петропавловскѣ, гдѣ посѣщеніе японскихъ крейсеровъ сказалось въ исчезновеніи 40,000 рублей казенныхъ денегъ, я забралъ письменныя показанія очевидцевъ пребыванія японцевъ въ Петропавловскѣ, причѣмъ всѣ показанія дополняли недоумѣніе, почему собственно Лехъ «забылъ захватить 40,000 рублей» и почему Гребницкій въ своемъ донесеніи генералъ-губернатору, которое мнѣ было извѣстно еще въ Хабаровскѣ, доносилъ, что «маякъ разрушенъ, касса взломана, деньги цѣлы».

Маякъ оказался въ полнѣйшей цѣлости, касса, правда, взломанной, но деньги изъ нея исчезнувшими.

Я пробылъ въ Петропавловскѣ двѣ недѣли, до 20-го октября. 22-го мы были уже на Командорскихъ островахъ, гдѣ простояли сутки, а 24-го октября мы пошли обратно.

Во Владивостокъ мы пришли 1-го ноября, причѣмъ, изъ опасенія минъ, подходя къ городу уже вечеромъ, мы стали въ одной изъ бухтъ на якорь. Надъ Владивостокомъ стояло огромное огненное зарево. Штурманъ, посланный за прѣсной водой, возвратился съ извѣстіемъ, что во Владивостокѣ военный бунтъ, что весь городъ разграбленъ и разрушенъ. Въ чемъ было дѣло, мы не знали. Но дѣло немного разъяснилось, когда другой офицеръ, посланный также на берегъ, привезъ газету, гдѣ былъ напечатанъ манифестъ 17-го октября, и рассказалъ о происходившихъ въ городѣ митингахъ, о броженіи среди запасныхъ, требовавшихъ немедленнаго увольненія ихъ со службы.

Тутъ же, стоя въ бухтѣ, мы узнали о бунтѣ на транспортѣ «Тоболь», объ убійствѣ матросами командира.

2-го ноября на разсвѣтѣ мы тронулись во Владивостокъ. Когда намъ открылась панорама этого города, мы уже ясно видѣли дымящіяся остовы домовъ по Свѣтланской улицѣ, видѣли двигавшіяся по этой улицѣ войска.

Стали на якорь, и я съѣхалъ на берегъ. Тяжелую картину представлялъ Владивостокъ. Свѣтланская улица, главная артерія города, была сплошь усыпана всевозможными предметами: битымъ стекломъ, рваной бумагой, подгорѣвшими кусками матерій, мукой, крупной, сахарнымъ пескомъ. Всюду стояли войска подъ ружьемъ.

Гарцовали казачьи команды. Большинство зданій сгорѣло. А оставшіяся въ цѣлости, какъ, напр., почта, домъ Чурина, были закрыты. Всякая жизнь во Владивостокѣ прекратилась, такъ что, пробродивши въ городѣ часа четыре, я такъ и не могъ достать булку, напиться гдѣ-нибудь чаю.

Всѣ мои знакомые выѣхали. кто на Сѣданку, кто въ Никольскѣ, а кто и дальше.

Разгромъ города озвѣрѣвшими солдатами былъ полный и неслыханный.

Громили городъ дико, безумно. Грабили все, что попадалось подъ руку, и тутъ же портили свою добычу и бросали ее.

За тысячной толпою пьяныхъ громили шла шайка шакаловъ, которая подбирала награбленное золото, серебро, драгоценные камни.

5-го ноября я уже былъ въ Хабаровскѣ, а 6-го явился къ генераль-губернатору, подавленному владивостокскими событіями...

Само собою разумѣется, что онъ не сталъ интересоваться камчатскими дѣлами. Было не до того...

А. Сильницкій.

ВЪ ТЫЛУ У ЯПОНЦЕВЪ ВО ВРЕМЯ БОЯ ПРИ ШАХЪ.

I.

ВЪ СРЕДИНЪ сентябрю 1904 года рѣшенъ былъ переходъ нашей арміи въ наступленіе, къ этому времени численность нашихъ силъ достигла 181,400 штыковъ, 12—14 тысячъ пашекъ и до 600 орудій. Мы занимали фронтъ въ 50 верстъ отъ Импанъ до Пхудзыанъ, и армія по фронту дѣлилась на двѣ группы—западную (генераль Вильдерлингъ) и восточную (генераль баронъ Штакельбергъ). Общій резервъ составляли два корпуса подъ начальствомъ генерала барона Мейендорфа. Для охраны фланговъ назначались: правого—отрядъ генерала Коссаловскаго, лѣваго—генерала Ренненкампа. Силы японскихъ трехъ армій исчислялись нашей главной квартирой въ 170,000 штыковъ, 6¹/₂ тысячъ сабель и 648 орудій. Фронтъ непріятельскихъ армій тянулся на 60 верстъ отъ Далинскаго персвала до Чесантунъ.

Цѣлью наступленія ставилось разбить японцевъ въ районѣ между рр. Шахъ и Тайдзихъ и отрѣзать ихъ сообщенія на востокъ и югъ; во исполненіе означенной цѣли восточный отрядъ долженъ былъ отбѣснить правый флангъ противника у деревни Бензиху и, наступая долиной рѣки Тайдзихъ, дѣйствовать въ тылъ непріятельскихъ позицій у Янтая; западный же, двигаясь вдоль желѣзнодорожнаго пути и Мандаринской дороги, наступать на городъ Лаоянъ.

Къ означенному времени нашъ отрядъ генерала Ренненкампа, въ составѣ 13 батальоновъ, 26 орудій, 16 сотенъ, 4 конно-горныхъ

орудій и саперной роты, располагался въ районѣ деревень: Мадзядань—Убеньянуза — Сантунью. Послѣ памятныхъ дней Лаояна мы продолжительное время стояли въ бездѣйствіи, лишь изрѣдка предпринимая усиленныя рекогносцировки. Для насъ, казаковъ, испытавшихъ первый періодъ лихорадочной дѣятельности передового летучаго отряда генерала Ренненкампа, особенно монотонно и скучно тянулось время нашего продолжительнаго стоянія. Хотя и носились слухи о скоромъ переходѣ нашихъ въ наступленіе, но этимъ слухамъ не придавалось особаго значенія; наше непрерывное отступленіе, отходъ назадъ даже послѣ одержаннаго на всемъ фронтѣ при Лаоянѣ успѣхъ невольно зарождали сомнѣнія въ намѣреніи командующаго въ ближайшемъ будущемъ перейти къ активному образу дѣйствій.

21 сентября всѣ части отряда получили приказаніе къ 6 часамъ вечера строиться у выхода дер. Убеньянуза для присутствія на имѣющемъ быть отслуженнымъ молебствіи. Одновременно разнесся слухъ, что полученъ приказъ командующаго арміею о нашемъ предстоящемъ наступленіи; слухъ этотъ съ быстротою молніи облетѣлъ отрядъ, вызвавъ всеобщее ликованіе... То, о чемъ мечтали съ самаго начала войны каждый изъ насъ, то, чего ждалъ и что ежечасно призывалъ всѣмъ сердцемъ, наконецъ наступило, и возмездіе за все тяжелое и унижительное, пережитое нами за послѣдніе восемь мѣсяцевъ, казалось близкимъ. Несмотря на рядъ пережитыхъ невзгодъ и неудачъ, вѣра въ свои силы, вѣра въ непобѣдимость нашей арміи не была поколеблена, и каждый изъ насъ смѣло смотрѣлъ впередъ, твердо вѣря, что ему удастся отомстить за рядъ пережитыхъ униженій врагу. Собирались оживленныя группы, извѣстіе обсуждалось на всѣ лады, составлялись всевозможные планы и предположенія...

Къ назначенному времени части отряда построились въ долинѣ у выхода изъ деревни на скошенномъ галяновомъ полѣ. Длинный рядъ сѣрыхъ солдатскихъ рубахъ какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ сѣрымъ тономъ вспаханной земли, едва выдѣляясь на фонѣ сѣраго камня, тянувшагося вдоль скалистаго хребта. Заходящее солнце озаряло розовымъ свѣтомъ скалистые гребни горъ, игралъ послѣдними косыми лучами на оружіи, бляхахъ аммуниціи, на парчевомъ покровѣ поставленнаго среди поля аналая. Подъ одиноко видѣвшимся среди поля скорченнымъ дубомъ стоялъ генералъ Ренненкампа со штабомъ; его плотная крупная фигура въ красной шведской курткѣ, съ Георгіемъ на шеѣ и въ петлицѣ, съ серебряной кавказскою пашкой черезъ плечо, рѣзко выдѣлялась среди прочихъ лицъ штаба. Начальникъ штаба внятнымъ мягкимъ голосомъ читалъ приказъ:

«Болѣе семи мѣсяцевъ тому назадъ врагъ вѣроломно напалъ на насъ въ Портъ-Артурѣ ранѣе объявленія войны. Съ тѣхъ поръ много

подвиговъ содѣяно русскими войсками на сушѣ и на морѣ, которыми справедливо можетъ гордиться наша родина, но врагъ не только не поверженъ въ прахъ, но въ гордынѣ своей еще продолжаетъ помышлять о полной побѣдѣ надъ нами...» раздаются въ тихомъ вечернемъ воздухѣ начальныя слова приказа. Съ напряженными сосредоточенными лицами, стараясь не проронить ни одного слова, жадно ловя каждый звукъ, слушаютъ всѣ знаменательныя, отнынѣ историческія слова, слова, обращенныя къ великой арміи ея вождемъ. Замерли, затаивъ дыханіе, точно окаменѣвъ, тысячи однообразно-сѣрыхъ фигуръ, и лишь особый лихорадочный блескъ въ напряженныхъ взглядахъ выдаетъ копошащіяся въ глубинѣ душъ тысячи разнообразныхъ ощущеній...

Командующій упоминаетъ въ приказѣ о недостаточности до сего времени нашихъ силъ, о трудности сосредоточить въ малое время на театрѣ военныхъ дѣйствій значительную армію, отдаетъ должное геройской оборонѣ войскъ, образцовому порядку при отступленіяхъ... «Я приказалъ вамъ отступать съ горестью въ сердцѣ, но съ непоколебимою вѣрою, что отступление наше на подходящія подкрѣпленія было необходимо для одержанія надъ врагомъ, когда наступитъ для сего время, рѣшительной побѣды...» Да, это такъ. Отступая шагъ за шагомъ, отдавая съ болью въ сердцѣ каждую пядь обгащенной своей кровью земли, армія ни одной минуты не падала духомъ, твердо вѣря въ свою конечную побѣду, въ близкое возмездіе врагу... «Теперь настало уже желанное и давно ожидаемое всею арміею время итти самимъ впередъ навстрѣчу врагу. Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы манчжурской арміи нынѣ достаточны для перехода въ наступленіе...»

Свершилось. Точно электрическій токъ пробѣжалъ по рядамъ войскъ... Конецъ безконечнымъ отступленіямъ, когда, послѣ ужасныхъ, въ нѣсколько сутокъ, боевъ, гдѣ непріятель разбивался о стойкость и непоколебимое мужество нашихъ войскъ, мы отходили, оставляя врагу усѣянныя трупамъ нашихъ славныхъ товарищей позиціи, конецъ ужаснымъ томительнымъ переходамъ по непролазной глинистой грязи дорогъ съ болью въ сердцѣ, съ тяжелымъ кошмаромъ униженія въ душѣ... Близокъ часъ, когда врагъ сторицею расплатится за пережитыя униженія, когда воспаритъ вновь непобѣдимый доселѣ русскій орелъ...

«Державный Вождь Русской земли молится со всей Россіею за насъ и благословляетъ насъ на новые самоотверженные подвиги. Подкрѣпленные этой молитвой, съ глубокимъ сознаниемъ выпавшей на насъ задачи, мы должны итти впередъ безтрепетно, съ твердою рѣшимостью исполнить свой долгъ до конца, не щадя живота своего, и да будетъ надъ всѣми нами воля Господня» — раздаются заключительныя слова приказа.

— На молитву. Шапки долой..

Начинается молебен.

Солнце почти скрылось за скалистым гребнем хребта. Закат охвачен всеми цветами заката, начиная от огненно-красного и кончая бледно-розовым. Лиловые тѣни сползли в долину. В воздух потянуло ночью свѣжестью. Проникая в сердца, несутся тихие звуки церковного пѣнія. Синей дымкой тянется кверху ароматный дым ладана. Столь часто слышанныя, подчас машинально повторяемые, слова молитвы в эту минуту приобретают совсем новое, особенное значение, и в душѣ каждого из нас растет и охватывает все существо давно не испытанное чувство безконечного умиления...

Молебен кончился. Плавно пронеслись и растаяли в тихом вечернем воздухе послѣднія слова молитвы...

— Накройсь. Смирно.

Отрывистым, нѣсколько хриплым, но громким голосом генерал Ренненкампф говорит съ войсками. Онъ поздравляет ихъ съ давно жданным наступлениемъ, благодаритъ за усердную службу, выражаетъ увѣренность в дальнѣйшей доблести...

«Державному Вождю русской арміи Государю Императору громкое русское ура...», кончаетъ свою рѣчь генералъ.

«Ура! ура!..» неудержимо, стихійно, будя эхо в далекіх поляхъ и отпадкахъ горъ, несется по долинкамъ. и в этомъ общемъ крикѣ тысячи грудей сливаются воедино, неразрывно соединяются чувства и помышления всѣхъ насъ.

«Командующему арміей генералъ-адъютанту Куропаткину ура!» снова гремитъ голосъ генерала. И вновь, будя горное эхо и вспугивая укрывшихся на ночлегъ в расщелинахъ скаль птицъ, несется громкое могучее ура, и кажется, что передъ этимъ громкимъ русскимъ ура не устоитъ и обратится вспять коварный и ненавидный врагъ...

II.

22 сентября началось общее наступление частей восточнаго отряда. Отрядъ генерала Ренненкампфа началъ движеніе нѣсколькими колоннами правымъ берегомъ рѣки Тайдзихэ по направленію къ дер. Бенсиху. Для охраненія лѣваго фланга генерала Ренненкампфа былъ выдѣленъ отдѣльный конный отрядъ изъ трехъ аргускихъ, двухъ нерчинскихъ сотенъ, охотничьей команды Срѣтенскаго полка и взвода конно-горной артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Любавина. Генералъ Любавинъ долженъ былъ, переправившись черезъ р. Тайдзихэ у дер. Сандзядза, двинуться далѣе лѣвымъ берегомъ рѣки, согласуя свое движеніе съ наступлениемъ главныхъ силъ отряда генерала Ренненкампфа и наблюдая районъ къ югу и юго-востоку. Три сотни нашего 2-го

Аргунскаго казачьяго полка вошли въ составъ коннаго отряда генерала Любавина, а я назначенъ былъ къ генералу ординарцемъ.

Мы выступили въ 7 часовъ утра и, двигаясь давно знакомыми мѣстами, перешли въ этотъ день въ деревню Гаолиндзы, гдѣ и остановились на ночлегъ. Въ дер. Гаолиндзы мы стояли довольно долго еще лѣтомъ и отошли отсюда послѣ лаоянскихъ боевъ. Китайцы, особенно чуткіе къ переменѣнной форту и войны и неизмѣнно стоящіе на сторонѣ сильнѣйшаго, особенно подобострастно встрѣчали насъ, шумно выражая свои восторги и завѣряя въ своей непреложной дружбѣ. «Шанго капитана, та-таде капитана. Шибко знакома».

Переночевавъ въ дер. Гаолиндзы, мы на слѣдующій день достигли р. Тайдзихэ у дер. Сандзядза и здѣсь простояли до 25 сентября, давая подтянуться главнымъ силамъ отряда. 25-го, въ 8 часовъ утра мы переправились черезъ Тайдзихэ и, бросивъ на югъ и юго-востокъ серію развѣздовъ, двинулись лѣвымъ берегомъ рѣки, поддерживая связь съ лѣвой колонной отряда генерала Ренненкампа, наступавшей подъ начальствомъ генерала Петерева правымъ берегомъ рѣки изъ дер. Уяньшъ.

Мы двигались шагомъ, часто останавливаясь. Несмотря на то, что солнце уже давно встало, было сыро и холодно. Густой туманъ стоялъ надъ рѣкой, стлался бѣлой пеленой по горнымъ долинамъ. Въ десяти шагахъ уже трудно было различить что-либо, конныя фигуры впереди идущихъ казаковъ расплывались, точно таяли въ этой молочной мглѣ. Отъ высланныхъ впередъ развѣздовъ свѣдѣній о присутствіи непріятеля не поступало. Пройдя верстъ пять берегомъ рѣки, дорога нѣсколько сворачивала въ сторону, углубляясь въ долину, отдѣленную отъ рѣки тянущейся вдаль холмистой грядой. Къ одиннадцати часамъ туманъ постепенно разсѣялся, и теперь ясно были видны черныя конныя фигуры слѣдующихъ по сторонамъ колонны по гребню холмистой гряды нашихъ дозоровъ. По вьющейся змѣей горной дорогѣ справа по три вытянулся нашъ отрядъ; мелко переступая по каменистой дорогѣ, двигаются мохнатые разномастныя забайкалки, неуклюжія и маленькія подъ крупными сѣрыми фигурами казаковъ. Кое-гдѣ пестрѣютъ надъ колонной разноцвѣтные значки сотенныхъ командировъ. На правомъ берегу рѣки все тихо...

Но вотъ вдали рѣзко протрещали первые выстрѣлы, стукнувъ по нервамъ и заставивъ насторожиться каждаго человѣка... Перестрѣлка усиливается, отдѣльные выстрѣлы сливаются въ общую трескотню—видно, что тамъ, у генерала Петерева, завязывается дѣло. Мы ускоряемъ шагъ, дорога вновь поворачиваетъ къ рѣкѣ, и вскорѣ показываются быстро несущіяся сверкающія воды Тайдзихэ. Впереди трещать выстрѣлы... Нерчинская сотня графа Келлера, развернувъ лаву, переправляется вбродъ къ виднѣющейся вдали деревушкѣ, подъ выстрѣлами занявшихъ на противополож-

номъ берегу скалистый гребень японцевъ. Колонна останавливается. Переправившись, сотня слѣшивается и, занявъ деревушку, завязываетъ съ японцами оживленную перестрѣлку. Изрѣдка излетныя пули долетаютъ до насъ, жалобно поя въ воздухѣ, или гулко щелкаютъ въ мокрую глину размытаго откоса горы.

— Переправьтесь черезъ рѣку и отыщите на томъ берегу генерала Петерева. Доложите, что я здѣсь и занявъ переправу,—приказываетъ генераль Любавинъ.

Толкаю коня и вмѣстѣ съ вѣстовымъ переправляюсь на противоположный берегъ; быстро несутся скорыя, но неглубокія воды рѣки, едва доходя до брюха лошади. Рѣзко просвистали въ воздухѣ нѣсколько пуль и звонко плюхнулись въ воду, взметнувъ блестящія брызги. Мы на правомъ берегу рѣки...

Японцы, занявъ высокій скалистый гребень, обстрѣливаютъ окраину деревни Уяньиъ, занятую нашими пѣхотными цѣльями. У маленькой полуразвалившейся кумирни расположился генераль Петеревъ со штабомъ и въ бинокль слѣдитъ за ходомъ боя; я являюсь ему и передаю приказаніе.

— Поѣзжайте обратно,—приказываетъ мнѣ генераль,—и просите генерала Любавина поддержать меня артиллеріей; у японцевъ тамъ на гребнѣ окопы, и ихъ очень трудно выбить.

Поворачиваю лошадь и возвращаюсь къ генералу Любавину, который, выслушавъ мой докладъ, отдаетъ приказаніе орудіямъ открыть огонь. Быстро сворачиваютъ съ дороги орудія, выѣзжаютъ на скошенное гаоляновое поле и снимаются съ передковъ... «Первое», раздается команда. «Буухъ», гроыхаетъ орудіе, и черезъ нѣсколько секундъ надъ занятымъ японцами скалистымъ гребнемъ вспыхиваетъ бѣлый дымокъ шрапнельнаго разрыва.

— «Второе». — «Буухъ-буухъ», гремятъ выстрѣлы...

Генераль Любавинъ переправляется на правый берегъ рѣки и вмѣстѣ съ генераломъ Петеревымъ, стоя близъ кумирни, слѣдитъ за ходомъ боя. Наши пѣхотныя цѣли перебѣжками наступаютъ по гаоляновому полю. По дорогѣ мимо насъ тянутся раненыя. Вотъ четверо несутъ тяжело раненаго; загорѣлое молодое лицо его съ слившимися на лбу желтыми волосами какъ-то посѣрѣло, онъ хрипло стонетъ, мотааетъ головой и отплеивается кровью. Вотъ двое другихъ ведутъ, поддерживая, раненаго товарища; разутая, съ засученными выше колѣна шароварами, нога обмотана розовой марлей перевязочнаго пакетика. А вотъ легко раненый,—онъ идетъ одинъ, хромяя и опираясь на прикладъ ружья; поровнявшись съ нами, онъ останавливается и тяжело переводитъ духъ; ему неудержимо хочется подѣлиться съ кѣмъ бы то ни было только что пережитыми сильными и непривычно-разнообразными впечатлѣніями. «Ишь ты, какъ его жаритъ...—не обращаясь ни къ кому въ отдѣль-

ности, вслухъ произносить онъ:—да и больно неспособно по скошенному гаолян-то итти...»

— Что, братъ, куда раненъ?—спрашиваетъ кто-то изъ насъ.

— Вотъ туточки, ногу маленько попортило,—отвѣчаетъ раненый и, прихрамывая и опираясь на ружье плетется по дорогѣ далѣе на перевязочный пунктъ.

Японцы не выдержали нашего огня и очистили перевалъ, тотчасъ же занятый нашими стрѣлками. Мы вѣзжаемъ въ деревню Уянынъ. Китайцы въ самомъ началѣ дѣла бѣжали, захвативъ самое цѣнное изъ имущества, и повсюду видны слѣды поспѣшнаго бѣгства: настезь растворенныя ворота, брошенные среди дворовъ раскрытыя ящики, кадки, корзины... По дорогѣ намъ продолжаютъ попадаться раненыя. Вотъ подъ копьемъ казаковъ на казенной двуколкѣ везутъ двухъ раненыхъ японцевъ, оставленныхъ своими на перевалѣ; одинъ лежитъ неподвижно на днѣ двуколки, повидимому, при послѣднемъ издыханіи, другой, молодой, раненъ легко; этотъ сидитъ на краю двуколки, обхвативъ обѣими руками раненую ногу и, несмотря на сильную боль, видимо, крѣпится и силится улыбнуться, скаля бѣлые ровные зубы. На самомъ перевалѣ, у дороги, стоитъ, поджавъ перебитую пулей ногу и понуро опустивъ голову, раненая лошадь; сѣдло и оголовье унесены японцами... Оставленные только что непріятелемъ окопы усѣяны разстрѣянными гильзами и обоймами. Группы солдатъ окружаютъ нѣсколькихъ убитыхъ японцевъ, съ любопытствомъ разсматривая ихъ лица, аммуницію, одежду... Въ группахъ солдатъ оживленные разговоры.

— Ишь ты, маленькій, да черный какой...

— Тоже, поди, нашихъ немало перебилъ...

Оставивъ на перевалѣ двѣ роты, отрядъ располагается на ночлегъ въ деревнѣ Уянынъ. Настроение у всѣхъ возбужденное, приподнятое, радостное... Первый маленькій успѣхъ, первая удача поднимаютъ духъ, вселяютъ увѣренность въ свои силы, заставляютъ непреложно вѣрить въ наши дальнѣйшіе близкіе успѣхи.

III.

26-го съ разсвѣтомъ отрядъ генерала Решенкампа продолжалъ наступленіе по дорогѣ Уянынъ—Бенсиху, а нашъ конный отрядъ генерала Любавина, вповь переправившись черезъ рѣку Тайдзихэ и выславъ развѣзды, тронулся лѣвымъ берегомъ рѣки къ деревнѣ Бенсиху. Всѣ ожидали, что Бенсиху занято значительными силами японцевъ, всѣ ждали сегодня боя, а потому нервы у всѣхъ были взвинчены, чувствовалась, какъ это всегда бываетъ передъ дѣломъ, какая-то особенная, нѣсколько повышенная возбужденность. Возбужденность всадниковъ передавалась лошадямъ, и, подбадриваемые рѣзкою свѣжестью сентябрьскаго утра, кони шли пофыркивая, скорымъ широкимъ шагомъ.

У дер Даюйну шедшая въ головномъ отрядѣ перчинская сотня князя Джандіери была встрѣчена выстрѣлами; сотня спѣшилась и скоро выбила занимавшую эту деревню конную непріятельскую заставу. Мы продолжали движеніе. На правомъ берегу рѣки завязалась перестрѣлка. Скоро къ трескотнѣ ружей примѣшалось гулкое буханье орудій, ясно было, что тамъ начинается крупное дѣло. Вскорѣ и впереди насъ затрещали выстрѣлы; отъ князя Джандіери прискакали казакъ съ донесеніемъ, что высоты надъ деревней Даудиншань заняты ротою японцевъ. Высланныя на поддержку князя Джандіери двѣ сотни не могли выбить непріятели изъ занимаемыхъ имъ окоповъ. Генераль приказалъ орудіямъ открыть огонь. Громко прогудѣли первые выстрѣлы, отдаваясь эхомъ въ далекихъ горныхъ падахъ,—не выдержали японцы и послѣ десятка выстрѣловъ очистили позицію. Спѣшенныя сотни сѣли на коней и, развернувъ лаву, перешли широкую долину у деревни Даудиншань и поднялись на оставленный японцами гребень. Опередивъ спускавшуюся въ долину колонну, поднялся и генераль на высокую сопку холмистаго гребня. Представившаяся отсюда нашимъ взорамъ картина никогда не изгладится изъ моей памяти.

Мы стояли на высокомъ, холмистомъ, покрытомъ рѣдкимъ кустарникомъ хребтѣ, тянувшемся далеко на юго-востокъ. У ногъ нашихъ впереди лежала широкая долина, дебуширующая въ рѣку Тайдзихэ. По этой долинѣ тянулась съ юга большая дорога, служившая коммуникаціонной линіей японцамъ. У выхода изъ долины на рѣкѣ видѣлся построенный японцами на китайскихъ джонкахъ мостъ, служившій для сообщенія съ деревней Бенсиху, многочисленныя фанзы которой различались на правомъ берегу рѣки. Рѣка Тайдзихэ въ этомъ мѣстѣ образуетъ излучину и правый, составляющій внутреннюю дугу этой излучины берегъ представляетъ собою упирающійся въ рѣку почти неприступный скалистый горный хребетъ. Хребетъ тянется далеко на сѣверъ, и, доминируя надъ нимъ, высится острый шпигъ неприступной сопки Лаутхалаза. По западному, обращенному къ дер. Бенсиху, склону хребта змѣей вьется горная дорога, ведущая черезъ крутой скалистый переваль въ деревню Уянынъ, откуда наступаютъ наши войска. Весь гребень по обѣ стороны перевала изрытъ ясно видимыми отсюда занятыми японцами окопами. Такимъ образомъ мы, обогнувъ флангъ противника, оказались въ тылу непріятельскаго расположенія, на самой коммуникаціонной линіи японцевъ. Въ бинокль видны по ту сторону рѣки расположенныя за гребнемъ хребта близъ перевала два японскихъ орудія. Нѣсколько ниже на склонѣ горы, близъ ведущей на переваль дороги, стоятъ передки и зарядные ящики. По дорогѣ тутъ и тамъ мелькаютъ маленькія черныя фигурки; быстро, бѣгомъ поднимаются онѣ на переваль—это, вѣроятно, производится доставка въ передовыя цѣпи патроновъ изъ

дер. Бенсиху. Въ этой деревнѣ, надо думать, расположены резервы японцевъ. А вотъ въ двухъ мѣстахъ видны спускающіяся по дорогѣ съ перевала нѣсколько черныхъ фигуръ вмѣстѣ—то несутъ раненыхъ. По всему занятому японцами гребню трещать ружейные выстрѣлы, изрѣдка прерываемые буханьемъ орудій. То тутъ, то тамъ подъ гребнемъ вспыхиваютъ бѣлыя облачка—это рвутся посылаемыя генераломъ Петеревымъ японцамъ шрапнели...

Пытавшіяся было спуститься въ долину наши сотни встрѣчены сильнымъ огнемъ японцевъ, занявшихъ правый берегъ рѣки, по обѣ стороны моста, и высоты надъ дер. Бенсиху. Мы слѣшиваемъ сотни и открываемъ огонь, стараясь сбить прикрывающихъ переправу японцевъ. Артиллерія приказано обстрѣлять цѣпи противника и деревню Бенсиху, гдѣ предполагаются резервы японцевъ. Едва выгнано нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, какъ густой столбъ дыма подымается надъ Бенсиху...

— Смотрите, смотрите, пожаръ,—говоритъ кто-то изъ насъ:—это на самомъ краю деревни, гдѣ ханшинный заводъ, я эти мѣста хорошо помню...

— Тамъ, навѣрное, ихъ склады... Это японцы сами запалили, чтобы намъ не досталось...

— Господа, какъ придемъ въ Бенсиху, приходите ко мнѣ вареники ѣсть, я еще лѣтомъ, какъ мы отсюда уходили, кувшинъ муки въ потайшникъ запряталъ, японцы, навѣрное, не разыскали,—весело приглашаетъ офицеровъ хоружій Рышковъ.

— Ваше превосходительство, я вчера еще докладывалъ, снарядовъ у насъ мало,—подходить командиръ взвода:—сейчасъ только восемнадцать осталось...

— Экая обида. Видно, не успѣли доставить... Я два раза писалъ, требовалъ,—говоритъ генералъ. Онъ не можетъ скрыть свою досаду.—Чортъ побери. Теперь бы только стрѣлять—все тутъ разнести въ пухъ и прахъ можно... Ну, да что жъ дѣлать, жарьте послѣдніе восемнадцать...

Близокъ локоть, да не укусишь. До слезъ обидно видѣть свое безсиліе, оставаться здѣсь, не имѣя возможности воспользоваться всѣми выгодами своего исключительно благопріятнаго положенія. Послѣдніе восемнадцать снарядовъ выпущены, и артиллерія остается мертвымъ грузомъ, обузой, лишь стѣсняющей отрядъ. Генералъ приказываетъ орудіямъ подъ прикрытіемъ одной сотни отправляться назадъ въ деревню Уяишь, гдѣ и оставаться впредь до пополненія снарядами ¹⁾. Изъ оставшихся четырехъ сотенъ нашего отряда одна выслана для развѣдки на югъ и юго-востокъ, одна оставлена въ прикрытіе коноводамъ и, такимъ образомъ,

¹⁾ По причинамъ, оставшимся мнѣ неизвѣстными, орудія такъ и не вернулись къ намъ до конца боя.

боевая сила отряда, при условіи, что у насъ взводы 7—8-ряднаго состава, менѣе 150 винтовокъ. Конечно, какихъ-либо активныхъ дѣйствій мы при этихъ условіяхъ предпринимать не можемъ... Японцамъ не до насъ. Атакованные съ фронта генераломъ Ренненкампомъ, они напрягаютъ все усилія удержать за собою занятыя ими позиціи. Лѣвая колонна отряда генерала Ренненкампа подъ начальствомъ генерала Петерева у дер. Ходигоу завязала ожесточенный бой; на поддержку ей командиръ 3-го корпуса изъ дер. Каотайдзы выдвинулъ два батальона съ 6 горными орудіями. Отвлеченные въ эту сторону, японцы пока оставляютъ насъ въ покоѣ, и хотя наше присутствіе у нихъ въ тылу и должно ихъ беспокоить, ограничиваются тѣмъ, что выставляютъ противъ насъ заслонъ изъ двухъ ротъ, занявшихъ правый берегъ рѣки у переправы и завязавшихъ съ нами оживленную перестрѣлку. Такимъ образомъ, все значеніе нашего отряда сводится къ наблюдательной, чисто пассивной роли. Отъ нашихъ разъѣздовъ получены свѣдѣнія, что имъ удалось въ нѣсколькихъ пунктахъ порвать непріятельскій телеграфъ.

— Поѣзжайте въ Уянынь, разыщите генерала Ренненкампа и доложите о томъ, что происходитъ здѣсь,—приказываетъ мнѣ генералъ Любавинъ:—просите генерала прислать сюда хоть батальонъ съ двумя орудіями,—съ этими силами Бенсиху можно взять сегодня же... У меня же всего и полтора ста винтовокъ нѣтъ, съ этимъ и удержаться здѣсь будетъ трудно, если японцы вздумаютъ насъ прогнать...

Скорѣй, скорѣй... Не можетъ быть, чтобы генералъ не далъ подкрѣплений, а тогда Бенсиху наше... У японцевъ тамъ силы совсѣмъ незначительныя, иначе они не оставили бы насъ свободно сидѣть у себя въ тылу... Подкрѣпленія къ нимъ также подойдутъ не скоро—телеграфъ всюду порванъ...

Такія мысли быстро проносятся у меня въ головѣ, когда, пригнувшись къ шеѣ моего коня, широкимъ наметомъ по вьющейся у самой воды дорогѣ я скачу въ деревню Уянынь. Мнѣ надо пройти около 7 верстъ и, желая сберечь время и силы коня, я выбралъ кратчайшую дорогу по самому берегу рѣки... «Дззыть...» рѣзко разсѣкая воздухъ, просвистала пуля. «Дззыть-дззыть», еще и еще... Японцы съ противоположнаго берега увидали меня и, вѣроятно, рѣшивъ по крупной фигурѣ моего коня, что скачетъ офицеръ, можетъ быть, съ важнымъ порученіемъ, открыли по мнѣ одиночный огонь. «Убьютъ или еще хуже смертельно ранятъ, свалишься и останешься лежать здѣсь, и никому и въ голову не придетъ искать по этой дорогѣ... Да и донесеніе не дойдетъ...» мелькаютъ въ головѣ безпокойныя мысли. Но поворачивать на другую дорогу поздно, да и стыдно какъ-то передъ самимъ собою; толкаю коня и несусь далѣе, стараясь возможно скорѣе выйти изъ обстрѣливаемого пространства. Рѣже и рѣже свистутъ пули, и скорѣй я внѣ выстрѣловъ...

Не доѣзжая деревни Уянынъ, переправляюсь вбродъ и ѣду разыскивать генерала Ренненкампа. На правомъ берегу рѣки оживленное движеніе: по дорогѣ ѣдутъ ординарцы, несутъ раненыхъ. У подошвы хребта, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, на гаоляновомъ полѣ расположенъ какой-то батальонъ; ружья составлены въ козлы, люди отдыхаютъ, сидя или лежа на землѣ. У впадающаго въ Тайдзихэ горнаго ручья близъ группы изъ нѣсколькихъ скорченныхъ старыхъ дубовъ виднѣется значокъ Краснаго Креста—тамъ расположенъ перевязочный пунктъ. Впереди по всему хребту, не умолкая, слышится трескотня ружей, бухаютъ орудія, тутъ и тамъ вспыхиваютъ дымки шрапнельныхъ разрывовъ...

На вершинѣ отдѣльной сопки, подъ деревомъ сидитъ генераль Ренненкампа съ штабомъ, слѣдя за ходомъ боя. Выслушавъ мой докладъ и просьбу генерала Любавина о подкрѣпленіяхъ, генераль Ренненкампа грустно разводитъ руками:

— Ничего сдѣлать не могу... Ни одного человѣка отсюда на лѣвый берегъ Тайдзихэ безъ разрѣшенія переправить теперь не могу. Буду телеграфировать объ этомъ и просить разрѣшенія начальства. Пока пусть генераль Любавинъ держится до послѣдней крайности, охраняя нашъ флангъ и ведя развѣдку. Скажите генералу, что я прошу доносить возможно чаще о томъ, что дѣлается у японцевъ...

Сажусь на коня и ѣду обратно, на этотъ разъ уже выбирая болѣе дальнюю, безопасную дорогу. Къ чему теперь слѣзть? Я знаю, что меня тамъ ждуть съ вѣрою въ поддержку, что тамъ считаютъ минуты, когда могутъ подойти подкрѣпленія, я сознаю, что отвѣтъ, который я везу, будетъ для всѣхъ горькимъ неожиданнымъ разочарованіемъ, и я невольно оттягиваю тяжелую минуту.

Вотъ и деревня Даудиншань. Черезъ долину въ небольшомъ отпадкѣ стоятъ наши коноводы. Тутъ же близъ дороги расположенъ и перевязочный пунктъ; раненыхъ въ данную минуту нѣтъ... Фельдшеръ кипятитъ въ котелкѣ воду, докторъ отдыхаетъ, сидя съ пашироской въ зубахъ, поджавши ноги, на землѣ. У самой дороги лежитъ на спинѣ накрытый сѣрою шинелью трупъ убитаго казака; изъ-подъ шинели торчатъ лишь ноги въ стоптанныхъ порывѣлыхъ казачьихъ «ичикахъ».

— Удивительный случай,—обращается ко мнѣ докторъ:—первый разъ за всю мою практику... Излетная пуля ударила въ лѣвую половину груди, въ область сердца, и даже не разрушила наружные покровы—всего небольшой кровоподтекъ, а человѣкъ мертвъ...

Онъ откидываетъ съ убитаго шинель, отворачиваетъ рубаху и показываетъ мнѣ рану—маленькій, съ серебряный пяточокъ, кровоподтекъ подъ самымъ лѣвымъ соскомъ. Несчастный, посланный куда-то съ донесеніемъ, желая сократить разстояніе, сунулся, какъ и я сегодня, по злосчастной береговой дорогѣ и былъ убитъ

дальней излетной пулей. Я вглядываюсь въ него: смерть, повидимому, послѣдовала мгновенно, и молодое безусое лицо съ полуоткрытыми глазами не выражаетъ никакого страданія; оно спокойно, какъ у безмятежно заснувшаго человѣка, и лишь поблѣвшія губы да неподвижная окоченѣлость тѣла показываютъ, что здѣсь лежитъ бездыханный трупъ.

Генераль Любавинъ спокойно выслушиваетъ мой докладъ.

— Японцы пока насъ оставляютъ въ покоѣ, но на ночь намъ, вѣроятно, придется отойти,—говоритъ генераль:—позиція здѣсь плохая, люди и лошади съ утра не ѣли... Побѣжайте къ генералу Ренненкампфу и передайте, что я прошу разрѣшенія на ночь отойти на 5 верстъ назадъ, въ деревню Даюйну.

Поворачиваю коня и въ третій разъ сегодня возвращаюсь въ Уяньнъ. Солнце склонилось къ закату, въ воздухѣ потянуло вечерней свѣжестью. День близится къ концу, и бой продолжается, не давая намъ, повидимому, существеннаго успѣха. Издали прислушиваюсь къ непрерывной трескотнѣ ружей и глухимъ выстрѣламъ орудій, тщетно надѣясь догадаться по нимъ о томъ, что совершается тамъ, на правомъ берегу рѣки.

У вѣзда въ Уяньнъ встрѣчаю генерала Ренненкампфа; онъ верхомъ возвращается со штабомъ съ передовыхъ позицій. Генераль разрѣшаетъ отойти на ночь нашему отряду въ деревню Даюйну съ тѣмъ, чтобы до разсвѣта мы выдвинулись вновь на сегодняшнія мѣста.

Усталый конь мой идетъ лѣниво, мнѣ приходится его непрерывно подталкивать; я сиѣшу до полной темноты достигнуть генерала Любавина. Солнце скрылось за горы, закатъ быстро блѣднѣетъ и темныя тѣни ползутъ по небосклону. Одна за другою загораются далекія блѣдныя звѣзды. Густой туманъ подымается надъ рѣкой и стелется по долинамъ, охватывая васъ пронизывающей холодной сыростью. Перестрѣлка постепенно стихаетъ, орудійныхъ выстрѣловъ почти не слышно, и послѣднія шрапнели вспыхиваютъ на небѣ, какъ фейерверки, красными, яркими огоньками...

Въ полной темнотѣ нашъ конный отрядъ достигаетъ деревни Даюйну, гдѣ и располагается на ночлегъ.

Длившійся у генерала Ренненкампфа цѣлый день бой окончился безрезультатно, и въ рукахъ противниковъ остались всѣ перевалы и наиболѣе возвышенныя господствующія надъ мѣстностью сопки. Упорная оборона японцами занятыхъ ими позицій и нашъ неуспѣхъ 26 сентября заставляли насъ дѣйствовать особенно осмотрительно, а полное отсутствіе мало-мальски сносныхъ картъ не позволяло двигаться далѣе, не обрекогносцировавши впереди лежащую мѣстность. Въ силу этихъ соображеній начальникъ восточнаго отряда рѣшилъ 27-го числа отряду оставаться на занятыхъ мѣстахъ и этотъ день употребить на рекогносцировку непріятельскихъ передовыхъ позицій съ цѣлью выяснитъ подступы и обходные пути къ нимъ.

IV.

Задолго до разсвѣта поднялся 27 сентября нашъ конный отрядъ и двинулся для занятія вновь оставленных наканунѣ позицій. Ночью отъ нашихъ разъѣздовъ были получены свѣдѣнія, что къ непріятелю въ Бенсиху подошли значительныя подкрѣпленія ¹⁾, и являлось опасеніе, что сегодня непріятель постарается насъ отѣснить. Однако мы достигли безпрепятственно деревни Даудиншань и, никѣмъ не тревожимые, заняли оставленныя наканунѣ позиціи. Повидимому, подошедшія ночью къ непріятелю подкрѣпленія были еще не настоль значительны, чтобы позволить противнику, не ослабляя себя съ фронта, предпринять противъ насъ активныя дѣйствія и воспрепятствовать намъ угрожать его флангу и тылу. Вѣра въ успѣхъ еще не покидала насъ, и надежда въ подкрѣпленія все еще жила въ нашихъ сердцахъ...

Блѣдный разсвѣтъ медленно наступалъ. Рѣзкая предразсвѣтная свѣжесть пронизывала насквозь, зубъ не попадалъ на зубъ, мы продрогли до костей и съ нетерпѣніемъ ждали первыхъ лучей солнца. Вскорѣ наши передовыя цѣпи завязали съ охранявшими мостъ на Тайдзихэ японцами рѣдкую перестрѣлку. На той сторонѣ рѣки, у генерала Ренненкампа, тоже завязалось дѣло... Постепенно окончательно разсвѣло, потянулъ вѣтерокъ, и стоявшій надъ водою густой пеленою бѣлый туманъ медленно разсѣялся. Мы вновь увидели лежащую подъ нами широкую долину, мостъ на рѣкѣ, мелькавшія вдали крыши деревни Бенсиху, высокій скалистый, занятый японцами хребетъ... Въ расположеніи противника за ночь произошли кое-какія перемѣны: кромѣ замѣченныхъ нами наканунѣ двухъ орудій, японцы поставили сегодня еще четыре, нѣсколько сѣвернѣе Бенсиху, за хребтомъ близъ дороги на Хуанлинскій переваль; вскорѣ къ трескотнѣ ружей и рѣдкому буханью орудій примѣшалось, издали напоминающее шумъ швейной машинки, стуканье пулеметовъ — все показывало, что ночью противникъ значительно усилилъ оборону своихъ позицій.

О замѣченныхъ у непріятеля перемѣнахъ генераль Любавинъ тотчасъ же донесъ генералу Ренненкампу. Такъ какъ по видимымъ отсюда разрывамъ посылаемыхъ генераломъ Ренненкампомъ японцамъ шрапнелей видно было, что всѣ усилія его артиллеріи нащупать батареи противника оставались тщетными, генераль Любавинъ приказалъ миѣ панести кроки непріятельскихъ позицій, съ обозначеніемъ расположенія видимыхъ отсюда орудій, и доставить ихъ генералу Ренненкампу, дабы по нимъ могла ориентироваться его артиллерія.

¹⁾ Въ эту ночь въ Бенсиху прибыли 3 батальона и 1 горная батарея 12-й дивизіи Шаммуры.

Взявъ двухъ казаковъ, я поползъ на высокую, выдающуюся мысомъ въ рѣку, скалистую сопку, откуда особенно хорошо долженъ былъ быть виденъ противоположный, занятый японцами берегъ рѣки. Оставаясь второй дефъ въ тылу непріятеля, имъ совсѣмъ не тревожимые, мы настолько освоились съ этимъ положеніемъ, что подчасъ забывали всякую осторожность. Желая скорѣе достигнуть вершины сопки, мы шли по вьющейся по самому гребню края горной тропинкѣ, нисколько не скрываясь, совсѣмъ забывъ, что находимся на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ японцевъ. Наше нахальство не замедлило быть наказаннымъ; выпѣливъ насъ хорошенько, нѣсколько японцевъ даютъ залпъ... Я слышу близко, надъ самымъ ухомъ, зловѣщій свистъ, точно разсѣкли воздухъ бичомъ, и идущій со мною рядомъ казакъ, вскрикнувъ, хватается за щеку и сразу присѣдаетъ. Я также бросаюсь ничкомъ на землю.

— Что, братъ, раненъ?—освѣдомляюсь я.

Тотъ отымаешь отъ лица руку, крови нѣтъ, но черезъ всю щеку идетъ кровяно-красный рубецъ...

— Пустяки, контузило; дешево отдѣлался,—утѣшаю я и, наученные хорошимъ урокомъ, мы поднимаемся далѣе уже осторожно, скрываясь кустами, мѣстами ползкомъ.

Вотъ и вершина горы. Укрывшись въ кустахъ, лежа на землѣ, я смотрю въ бинокль. На ясной синевѣ неба рѣзко выдѣляется зубчатый гребень занятого японцами хребта; какъ на ладони видны на склонѣ непріятельскія орудія и ниже ихъ отѣхавшіе передки. У подошвы хребта, въ долину маленькой рѣчки, впадающей въ Тайдзихэ и протекающей черезъ деревню Бенсиху, видны расположенныя на берегу двѣ роты—это резервы. Я быстро заносу кроки. Одинъ изъ казаковъ проситъ у меня бинокль и, пока я рисую, наблюдаетъ за японцами.

— Ваше высокоблагородіе, глядите—вонъ тамъ на сонцѣ много ихъ видно,—указываетъ онъ на рѣзко выдѣляющуюся острую сопку Лаутхалаза, командующую надъ всею окружающею мѣстностью. Я беру бинокль и смотрю въ указанномъ направленіи: отъ остраго шпилья сопки потянулся на западъ пологій гребень съ вьющейся по нему дорогой, ведущей зигзагами на вершину горы. Черной змѣйкой вытянулась по дорогѣ, подымаясь въ гору, колонна японцевъ,—за дальностью разстоянія трудно опредѣлить, сколько ихъ здѣсь,—я думаю, не менѣ батальона...

Кроки окончено, мы спускаемся съ горы къ генералу Любавину, и я, сѣвъ на коня, везу кроки генералу Ренненкампу въ деревню Уяньнь.

Шестой ужъ разъ за эти два дня приходится мнѣ проѣзжать семь верстъ, раздѣляющія деревни Даудиншань и Уяньнь. Конь мой успѣлъ хорошо изучить эту дорогу и идетъ увѣренно широкой, размашистой рысью... Вотъ и деревня Уяньнь. У переправы, по

эту сторону рѣки, видны какіе-то люди. Подѣзжаю ближе и ясно различаю сѣрыя фигуры нашихъ стрѣлковъ.

«Неужели подкрѣпленія? Слава Богу. Наконецъ-то... Еще не поздно; успѣхъ еще можетъ быть на нашей сторонѣ...» Но меня ждетъ горькое разочарованіе. Стрѣлки оказываются изъ отряда полковника Дружинина, высланнаго наканунѣ вечеромъ на лѣвый берегъ Тайдзихэ... лишь для охраны переправы у Уянься...

Переправляюсь черезъ рѣку и ѣду отыскивать генерала Ренненкампа. Вскорѣ замѣчаю группу офицерскихъ лошадей; генераль Ренненкампа со штабомъ, оставивъ коней въ долинѣ, поднялся въ сопки на позицію. Слѣзая съ коня и, отославъ вѣстового съ лошадьми въ Уяньнь, поднимаюсь въ гору. Около часу приходится мнѣ лѣзть на сопку по едва видимой, мѣстами почти теряющейся, козьей тропѣ. Солнце поднялось высоко, лучи его съ яснаго безоблачнаго неба падаютъ почти отвѣсно и жгутъ, какъ въ іюлѣ. Я обрываюсь, скользжу, падаю и обливаюсь потомъ... Наконецъ и вершина горы. Генераль, окруженный офицерами штаба, лежа на травѣ, разсматриваетъ карту, слушая объясненія начальника 71-й пѣхотной дивизіи генерала Экка.

— Благодарю васъ,—выслушавъ меня, говоритъ генераль:— эти кроки очень пригодятся. Отнесите ихъ, пожалуйста, генералу хану Аліеву, начальнику артиллеріи. Вы найдете его тамъ, въ долинѣ, у батареи, къ сѣверу отъ деревни Уяньнь.

Едва переводя духъ, снова иду, скользя, срываясь и обливаясь потомъ, на этотъ разъ уже подъ гору. Въ долинѣ къ сѣверу отъ деревни Уяньнь, у подошвы высокой скалистой сопки, среди скошеннаго гаоляноваго поля, расположилась батарея; она прекрасно маскирована снопами гаоляна и ее издали совсѣмъ не видно. Въ сторонѣ отъ дороги, ведущей изъ деревни Уяньнь въ деревню Югоу, за группою изъ нѣсколькихъ фанзъ, стоятъ отѣхавшіе передки. Начальникъ артиллеріи генераль ханъ Аліевъ съ вершины скалистой сопки за батареей управляетъ посредствомъ телефона огнемъ артиллеріи. Японцы, обнаруживъ, повидимому, несмотря на прекрасную маскировку, наши орудія, жестоко обстрѣливаютъ ближайшую площадь долины артиллерійскимъ огнемъ; то и дѣло вокругъ батареи гудятъ и рвутся ихъ снаряды, визжитъ, разсѣкая воздухъ и взбивая пыль на гаоляновомъ полѣ, шрапнель.

Лихо работаютъ наши артиллеристы подъ огнемъ противника; безпрестанно бухаютъ наши орудія, посылая японцамъ шрапнель, разрывы которой ясно обозначаются вспыхивающими бѣлыми облачками дыма надъ занятымъ японцами хребтомъ...

Я передаю начальнику артиллеріи сдѣланныя мною кроки, и генераль, переговоривъ по телефону съ командиромъ батареи, приказываетъ мнѣ отнести эти кроки на батарею. Спускаюсь съ сопки и, выждавъ минуту, когда японскій огонь на мгновеніе ослабѣваетъ,

спѣшу перейти отдѣляющее меня отъ нашихъ орудій открытое пространство. Артиллерійскіе ровики хотя и прикрываютъ прислугу отъ губительнаго огня японцевъ, но все же за эти дни батарея понесла крупныя потери, и большая часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ выбыла изъ строя; раненый командиръ батареи, съ подвязанной рукой, встрѣчаетъ меня очень любезно.

— Ну, теперь мы зададимъ имъ перцу, а то жарятъ чортъ ихъ знаетъ откуда...—весело говорить онъ.

Я едва успѣваю передать ему кроки и сказать нѣсколько словъ, какъ японцы вновь усиливаютъ огонь. Рѣзко гудя, несется, приближаясь къ намъ, снарядъ.—«Попадетъ или нѣтъ?» быстро прорѣзываетъ мозгъ жуткая мысль. Съ сухимъ яснымъ звукомъ рвется снарядъ, и, разсѣвая воздухъ, визжитъ шрапнель, заставляя меня инстинктивно зажмуриться...—«Не попали... Слава Богу, всё цѣлы...»—вырывается облегченный вздохъ, но снова несется снарядъ, и снова тяжелое чувство ожиданія чего-то неизвѣстнаго и страшнаго заставляеть усиленно биться сердце... Японцы выпустили очередь.—«Первое», раздается команда, и, ярко сверкнувъ и заставивъ вздрогнуть тяжелое тѣло орудія, гремитъ выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько секундъ надъ занятымъ японцами хребтомъ вспыхиваетъ бѣлое круглое облачко.—«Второе».—И снова гремитъ выстрѣлъ, и несется снарядъ, внося смерть и страданіе тамъ, гдѣ, укрывшись въ высокихъ скалахъ, засѣлъ маленькій неприступный врагъ...

Мои кроки приносятъ пользу: наша артиллерія скоро нащупываетъ батарею противника. Не сладко приходится, повидимому, японцамъ, ихъ артиллерійскій огонь постепенно слабѣетъ, и наши орудія получаютъ возможность перенести огонь на сопку Лаутхалаза, которую въ это время атакуютъ со стороны деревни Каотайдзы сосѣдній 3-й корпусъ.

Я направляюсь пѣшкомъ въ Уянынъ, гдѣ ждетъ меня моя лошадь. Въ ожиданіи меня мой вѣстовой раздобылъ гдѣ-то кипятку и угощаетъ меня чаемъ съ сухарями. Я съ утра ничего не ѣлъ и съ удовольствіемъ выпиваю двѣ кружки ароматной влаги. По дорогѣ, со стороны деревни Каотайдзы ѣдетъ верхомъ стрѣлковый офицеръ съ двумя нижними чинами; онъ подѣзжаетъ ко мнѣ и представляется:

— Поручикъ фонъ-Лангъ, развѣдчикъ при третьемъ корпусѣ. Вы изъ отряда генерала Любавина? Ну, что у васъ тамъ дѣлается?

Я предлагаю поручику кружку чая и рассказываю то, что видѣлъ за послѣдніе дни.

— Вы не повѣрите, какъ это обидно...—говоритъ фонъ-Лангъ:—я сейчасъ изъ Каотайдзы, изъ третьяго корпуса,—мы атакуемъ сопку Лаутхалаза, ту самую сопку, къ которой вы видѣли подходящія японскія подкрѣпленія. Эта сопка, командующая надъ всею

мѣстностью, еще вчера была свободна отъ непріятеля; на нее поднимался офицеръ изъ нашего штаба съ двумя казаками. Несмотря на очевидное свое значеніе, солка не была занята нами, не была использована ни какъ опорный, ни какъ наблюдательный пунктъ. Японцы скоро спохватились—къ вечеру я наблюдалъ уже, какъ человѣкъ двадцать ихъ рыли тамъ окопы, о чемъ и донесъ командиру корпуса. Однако донесенію моему не придали значенія—Лаутхалаза нами не занималась, и мы продолжали спокойно стоять подъ нею бивакамъ, точь-въ-точь какъ на мирныхъ маневрахъ. Сегодня ночью наша охотничья команда выбила японцевъ и заняла сопку, но къ утру, никѣмъ не поддержанная и не имѣя патроновъ, должна была отойти... Теперь же для занятія Лаутхалазы и полка будетъ мало. И здѣсь опоздали...—грустно заканчиваетъ свой разсказъ фонъ-Лангъ.

Я прощаюсь съ нимъ и ѣду назадъ къ генералу Любавину. Жгучее чувство горечи, вызванное только что слышаннымъ разсказомъ очевидца, охватываетъ меня. Впервые за эти дни я чувствую въру въ наши силы поколебленной, я начинаю сомнѣваться въ нашемъ непреложномъ успѣхѣ. Второй день длится бой, не давая намъ успѣха, второй день мы, пренебрегая всеми преимуществами нашего исключительно благопріятнаго положенія, упорно пытаемся взять въ лобъ неприступныя позиціи противника. Минувшею ночью къ Бенсиху подошли подкрѣпленія японцевъ, сегодня ночью непріятель, несомнѣнно, усилился ещеи, можетъ быть, завтра роли переменятся. «И здѣсь опоздали», вспоминаются мнѣ только что слышанныя слова.

У генерала Любавина я нахожу все безъ переменъ. Отрядъ занимаетъ у деревни Даудиншанъ тѣ же позиціи, оставаясь попрежнему въ пассивной роли наблюдателя. Передовыя цѣпи вяло перестрѣливаются съ японцами, охраняющими мостъ на рѣкѣ. На ночь генераль Любавинъ собирается, какъ и вчера, отойти въ Даюйну съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ вновь занять позиціи у деревни Даудиншанъ. Мнѣ приказано опять отправляться въ Уянынь къ генералу Ренненкампфу доложить о дѣйствіяхъ на сегодняшній день нашего коннаго отряда; въ Уянынь я долженъ оставаться на ночь съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ доставить на позицію къ деревнѣ Даудиншанъ патроны, въ которыхъ начинаеть ощущаться недостатокъ.

Я пріѣзжаю въ Уянынь уже въ полную темноту и являюсь генералу Ренненкампфу, послѣдній предлагаетъ мнѣ переночевать въ занимаемой имъ и его штабомъ фанзѣ. Поужинавъ любезно предложенной мнѣ генераломъ холодной курицей и чаемъ съ сухарями, я располагаюсь на канѣ на ночлегъ. Большинство офицеровъ штаба уже спитъ, вытянувшись рядомъ на широкомъ канѣ, накрывшись кто буркой, кто офицерской шинелью. Не спитъ лишь генераль Ренненкампфъ и его начальникъ штаба: склонившись надъ разложенной

на столѣ картой, освѣщенной вставленнымъ въ бутылку огаркомъ, генераль диктуетъ какія-то приказанія. Долго еще сквозь сонъ доносится до меня его отрывистый характерный голосъ.

V.

Въ 5 часовъ мы уже на ногахъ; на 28-е приказано восточному отряду атаковать рядъ переваловъ, занятыхъ противникомъ, и генераль спѣшить на позиціи. Мы садимся пить чай, когда въ дверяхъ показывается широко улыбающаяся фигура вѣстового генерала, Якова.

— Ваше превосходительство, японца плѣннаго привели,— радостно докладываетъ Яковъ.

Мы выходимъ во дворъ. Два стрѣлка привели плѣннаго японца; маленькій, безусый, почти мальчикъ, японецъ кажется особенно тѣдешнымъ по сравненію съ крупными фигурами стрѣлковъ. Онъ безъ фуражки, въ аккуратномъ черномъ суконномъ мундирѣ, ноги обуты въ легкія гетры; вокругъ пояса обмотана тонкая бечевка, конецъ которой держитъ одинъ изъ стрѣлковъ: «чтобы не убѣжалъ», добродушно поясняетъ конвойный. Японецъ, видимо, робѣетъ, безпрестанно кланяется всѣмъ корпусомъ, держа руки вытянутыми вдоль тѣла, и бормочетъ что-то непонятное... Желая ободрить плѣннаго, генераль ласково похлопываетъ его по плечу и предлагаетъ рядъ вопросовъ черезъ китайца-переводчика. Японецъ по-китайски знаетъ лишь немногимъ больше нашего; намъ удается узнать, что почью, идя въ секретъ, онъ сорвался съ сопки и сильно разбился, пролежавъ безъ памяти до утра, когда былъ подобранъ нашими стрѣлками. О количествѣ и расположеніи своихъ войскъ онъ ничего не знаетъ.

Оставивъ японца подъ карауломъ и приказавъ накормить, генераль со штабомъ отправляется на позиціи, а я съ тремя казаками и двумя мулами подъ патронными вьюками ѣду къ генералу Любавину.

Генераль Любавиль занимаетъ старыя позиціи у деревни Даудиншань; я нахожу его близъ коноводовъ пьющимъ съ нѣсколькими офицерами чай. Въ маленькой глухой падькѣ, гдѣ укрылись коноводы, разложенъ костеръ изъ сухого гаоляна; въ большомъ металлическомъ чайникѣ, подвѣшенномъ надъ огнемъ, кипитъ вода. Вокругъ костра въ разнообразныхъ позахъ человекъ-пять офицеровъ пьютъ чай изъ эмальированныхъ металлическихъ кружекъ, закусывая черными сухарями. За ночь японцы, повидимому, еще укрѣпили свои позиціи. На высокой сопкѣ къ югу отъ Бенсиху съ нашего наблюдательнаго поста замѣчены работающіе люди,— вѣроятно, роются окопы, можетъ быть, устанавливаются орудія,

— Ну, сегодня японцы насъ здѣсь въ покоѣ не оставятъ,—основательно замѣчаетъ кто-то изъ офицеровъ.

На правомъ берегу рѣки слышна сильная орудійная канонада—это начинается артиллерійская подготовка назначенной къ 12 часамъ дня общей атаки восточнаго отряда. Въ 9 часовъ получается отъ генерала Ренненкампа извѣстіе, что на поддержку насъ направляется генераль Самсоновъ съ девятью сотнями сибирскихъ казаковъ и четырьмя орудіями. Какъ это ни кажется страннымъ, извѣстіе о подкрѣпленіяхъ встрѣчается всѣми безъ особой радости; то, что вчера еще вызвало бы всеобщее ликованіе, сегодня принимается довольно безразлично; всѣ знаютъ, что японцы за эти дни усилились, что отнынѣ Бенсиху не столь беззащитна, какъ два дня тому назадъ, когда мы пришли сюда впервые, всѣ чувствуютъ, что благопріятный моментъ уже упущенъ ¹⁾.

Вскорѣ отъ генерала Самсонова пріѣзжаетъ казакъ съ донесеніемъ; сообщая о своемъ подходѣ, генераль Самсоновъ проситъ выслать ему навстрѣчу офицера, хорошо знакомаго съ мѣстностью. Генераль Любавинъ назначаетъ меня. Бѣду по направленію деревни Уянынъ, откуда подходит генераль Самсоновъ, и въ долинѣ, у деревни Даюйну, встрѣчаю его отрядъ; спѣшенные сотни стоятъ близъ дороги; небольшая группа офицеровъ окружаетъ высокаго плотнаго есаула, безъ фуражки, съ обвязанной марлей головой. Оказывается, что назначенный въ проводники къ генералу Самсонову казакъ сбился съ пути и повелъ отрядъ береговой, обстрѣливаемой японцами, дорогой. Едва головная сотня вошла въ обстрѣливаемое пространство, какъ японцы съ противоположнаго берега открыли горячую стрѣльбу, и одинъ офицеръ, два казака и нѣсколько лошадей были ранены. Генераль Самсоновъ, свернувъ съ дороги и спѣшивъ отрядъ, самъ со штабомъ поднялся на высокую сопку, дабы осмотрѣть окружающую мѣстность. Я являюсь генералу, который подробно спрашиваетъ меня о положеніи отряда генерала Любавина и о свѣдѣніяхъ, имѣющихся у насъ о японцахъ. Красивая, спокойная фигура генерала и пріятный голосъ располагаютъ къ себѣ. Въ предлагаемыхъ генераломъ вопросахъ чувствуется спокойная обдуманность, видно желаніе всесторонне освѣтить каждый фактъ.

Пройдя вдоль хребта на переваль и убѣдившись въ невозможности для тяжелыхъ полевыхъ орудій двигаться далѣе, генераль рѣшаетъ: артиллеріи оставаться здѣсь, на перевалѣ, казакамъ же, кромѣ одной сотни, оставленной въ прикрытіе орудій, двигаться

¹⁾ Генераль Ренненкампа еще 26-го сентября просилъ генерала Иванова (командира 3-го корпуса) смѣнить часть своихъ силъ войсками 3-го корпуса, дабы самому поддержать генерала Любавина на лѣвомъ берегу р. Тайдзиха. Генераль Ивановъ не призналъ возможнымъ исполнить эту просьбу.

впередъ, на усиленіе отряда генерала Любавина. Выбранная артиллерійская позиція очень удобна; отсюда представляется рядъ видимыхъ цѣлей, является возможнымъ обстрѣливать на значительномъ протяженіи занятый японцами хребетъ, мость на Тайдзихэ и самую деревню Бенсиху, до которой около 6 верстъ. Начальникъ артиллеріи выражаетъ сомнѣніе въ возможности поднять орудія на переваль.

— Ничего, попробуемъ, только разрѣшите, ваше превосходительство,—проситъ есауль Егоровъ, молодой офицеръ, причисленный къ генеральному штабу и состоящій при генералѣ.

— Ну, братцы, постарайтесь. Ей, дубинушка, ухнемъ!—весело подбадриваетъ казаковъ Егоровъ, самъ впрягшись въ орудіе, и менѣе чѣмъ черезъ 10 минутъ орудія на веревкахъ втянуты на гору.

Подкрѣпленный подошедшими сибирцами, генералъ Любавинъ дѣлаетъ попытку продвинуться впередъ; онъ встрѣченъ бѣшенымъ огнемъ японцевъ, прикрывающихъ мость на рѣкѣ. Два японскихъ орудія, установленныхъ сегодня ночью на высотѣ къ югу отъ Бенсиху, поддерживаютъ свои передовыя части, осыпая казаковъ шрапнелью. Нѣсколько снарядовъ попадаютъ въ коноводовъ. Генералъ Любавинъ принужденъ отойти назадъ, занявъ хребетъ къ югу отъ деревни Дайдишань. Японцы, перейдя въ наступленіе, преслѣдуютъ его и, переправившись черезъ рѣку, занимаютъ оставленные казаками прежнія позиціи.

Я съ остальными офицерами штаба генерала Самсонова нахожусь при немъ на артиллерійской позиціи, откуда наши орудія ведутъ непрерывную стрѣльбу по занятымъ японцами высотамъ на правомъ берегу рѣки. Замѣтивъ переправляющуюся черезъ рѣку колонну японцевъ, артиллерія переноситъ свой огонь на мость. «Буухъ-буухъ» гремятъ орудія, и черезъ секунду почти одновременно вспыхиваютъ подъ мостомъ два бѣлыхъ круглыхъ облачка разорвавшихся шрапнелей... Быстро, бѣгомъ двигаются по мосту маленькія черныя фигурки,—точно муравьи бѣгутъ по стебельку травы, быстро перебѣгаютъ онѣ открытое пространство, спѣша скрыться за острымъ скалистымъ мысомъ. Вотъ одна шрапнель разорвалась надъ самымъ мостомъ, въ бинокль видно, какъ на мгновеніе маленькія черныя фигурки столкнулись и смѣшались, но тотчасъ же въ полномъ порядкѣ быстро побѣжали далѣе и одна за другой скрылись за уступомъ горы.

На правомъ берегу рѣки артиллерійская стрѣльба достигла своего апогея; орудія гремятъ непрерывно, грохотъ выстрѣловъ подчасъ сливается въ общій раскатъ—начинается атака японскихъ позицій. Прямо противъ насъ, на противоположномъ берегу рѣки, высится занятая японцами сопка. Въ бинокль ясно можно различить вѣнчающіе ея гребень непріятельскіе окопы. У подножія сопки видны наступающія перебѣжками наши пѣхотныя цѣпи.

Быстро карабкаются въ гору маленькія сѣрыя фигурки стрѣлковъ, осыпаясь сверху изъ занятыхъ японцами окоповъ градомъ пуль. Все выше и выше ползутъ онѣ, цѣпляясь за каждый кустъ, за каждый выступъ камня... Однѣ падаютъ и остаются лежать сѣрымъ пятномъ на желтомъ, песчанистомъ склонѣ горы, другія лѣзутъ дальше, скользятъ, обрываются и падаютъ, встаютъ и лѣзутъ вновь, все выше и выше, подъ градомъ несущихся имъ навстрѣчу пуль...

Быстро пристрѣлявшись, наши два орудія открываютъ бѣглый огонь по занятымъ японцами окопамъ. Одинъ за другимъ гремятъ выстрѣлы, и бѣлая облачка безпрестанно вспыхиваютъ надъ вершиной сопки; въ бинокль ясно видно, какъ шрапнель, осыпая окопы, взбиваетъ сѣро-желтую пыль. Одинъ за другимъ рвутся надъ сопкою наши снаряды, но, несмотря на жестокой огонь, японцы держатся отчаянно; крѣпко засѣвъ въ окопахъ, ни на мгновеніе не прекращая бѣшеный огонь.

Выше и выше ползутъ маленькія сѣрыя фигурки нашихъ молодцовъ,—теперь онѣ уже совѣмъ близко отъ вершины горы, настолько близко, что наша артиллерія должна, изъ опасенія поражать своихъ, прекратить огонь. Залегши за небольшой каменистой грядой, наши стрѣлки готовятся къ послѣднему удару; одинъ за другимъ подползаютъ отставшіе, накопляясь маленькими группами за разбросанными по склону горы камнями. Японцы, высунувшись по поясу изъ окоповъ, поражаютъ нашихъ почти отвѣснымъ огнемъ.

Забывъ весь окружающій міръ, съ захватывающимъ неизъяснимымъ чувствомъ, не имѣя силъ оторвать биноклей отъ глазъ, слѣдимъ мы за геройской борьбой на противоположномъ берегу рѣки. Всѣ взоры впились въ одну маленькую скалистую вершину, гдѣ горсть нашихъ храбрецовъ ведетъ послѣднюю ожесточенную борьбу, борьбу между жизнью и смертью. Всѣмъ существомъ въ эту минуту переносясь туда, до боли страдая въ безсиліи имъ помочь.

Оправившись и собравшись съ силами, стрѣлки бросаются, чтобы нанести послѣдній ударъ. Сперва изъ-за камня выскакиваетъ одна сѣрая фигурка—это офицеръ,—видно, какъ блещетъ обнаженная пашка, затѣмъ сразу цѣлая горсть фигуръ, слѣша и обгоняя другъ друга, бросается въ гору, быстро ползетъ на вершину сопки... Отъ волненія бинокль трясется въ рукахъ, въ глазахъ что-то мелькаетъ и рябитъ... Выстрѣлы японцевъ сливаются въ одинъ общій непрерывный трескъ... Но что это? Маленькія сѣрыя фигуры сразу остановились... Офицера впереди уже нѣтъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, виднѣется лишь маленькое неподвижное сѣрое пятнышко на желтомъ склонѣ горы... и вдругъ сразу сѣрыя фигурки повернули и быстро побѣжали внизъ, слѣша и обгоняя другъ друга. Одна, другая, третья падаютъ и остаются лежать неподвижно, и скоро по всему склону горы остаются неподвижныя сѣрыя пятнышки. Наша атака отбита...

Бой на правомъ берегу рѣки постепенно замираетъ. Сумерки медленно спускаются на землю, и на темнѣющемъ небосводѣ одна за другой загораются далекія звѣзды. Послѣднія шрапнели изрѣдка вспыхиваютъ яркими фейерверками на темномъ фонѣ неба. Космгдѣ еще слышна ружейная трескотня...

Мы оставляемъ съ генераломъ переваль и спускаемся къ деревнѣ Даюйну, чтобы поужинать и выспаться нѣсколько часовъ.

Несмотря на выдающуюся доблесть войскъ восточнаго отряда, атака 28-го сентября не увѣнчалась успѣхомъ; выбить японцевъ съ переваловъ не удалось. Генераль Штакельбергъ отдаетъ приказаніе въ 4 часа атаку возобновить ¹⁾.

VI.

Подкрѣпленные нѣсколькими часами сна, мы въ два часа ночи уже находимся на нашей артиллерійской позиціи. Насъ охватываетъ темнота холодной осенней ночи. Милліарды звѣздъ слабо мерцаютъ на темномъ далекомъ небосводѣ. Длившаяся всю ночь горячая перестрѣлка теперь смолкла, и все тихо по ту сторону рѣки. Изрѣдка стукнетъ вдали одиночный выстрѣлъ, и снова все погружится въ прежнюю глубокую тишину...

Но вотъ въ ночной мглѣ рѣзко грянулъ близкій ружейный вѣстрѣлъ. Еще и еще... И сразу безпокойно загремѣла ружейная трескотня, часто застучали пулеметы... Звукъ выстрѣловъ слился въ одинъ общій непрерывный трескъ... И вдругъ страшный, отчаянный крикъ пронесся въ темнотѣ и, постепенно растя и возвышаясь, наполнилъ собою тишину ночи.

— Атака,—вслухъ замѣчаетъ кто-то изъ насъ. Многіе снимаютъ фуражки и крестятся. Молча, напряженно вглядываясь въ ночную мглу, слушаемъ мы, стараясь догадаться о томъ, что происходитъ тамъ—впереди насъ. Тамъ трещать выстрѣлы, стучаютъ пулеметы, и, покрывая все, несется крикъ «ура», неудержимый, стихійный и страшный... И слышатся въ этомъ крикѣ и вопль отчаянія, и торжествующій кликъ побѣды, и предсмертный страдальческій стонъ...

И подобно тому, какъ родился и выросъ въ темнотѣ ночи этотъ стихійный, ужасный крикъ, такъ и умираетъ онъ, слабѣя и тая. Пронесется послѣдніе раскаты и отдаются эхомъ въ далекихъ долинахъ горъ... Умолкаетъ безпокойная стукотня пулеметовъ... Ру-

¹⁾ Позднѣе приказаніе это было отмѣнено. Тѣмъ не менѣе части отряда генерала Реннекампа атаковали въ ночь съ 28-го на 29-е рядъ переваловъ къ ю.-в. отъ деревни Ходигоу, гдѣ и имѣли частичный успѣхъ. У насъ говорили, что приказаніе объ отмѣнѣ назначенной въ 4 часа ночи атаки было сообщено ген. Реннекампу тогда, когда части его отряда были двинуты уже въ атаку. Не знаю, насколько эти слухи были справедливы.

жейная перестрѣлка слабѣетъ... Атака кончена. Чѣмъ завершилась она? Удалось ли намъ занять неприступные скалистые гребни, геройски обороняемые храбрымъ врагомъ, или, усѣявъ склоны горъ тѣлами нашихъ павшихъ храбрецовъ, мы отошли, разбитые и усталые, дабы собраться съ свѣжими силами для новой борьбы? Безмолвная ночная тишина не даетъ намъ отвѣта...

Въ 6 часовъ утра отъ генерала Рейненкампафъ получается донесеніе, что атака частей его отряда имѣла лишь частичный успѣхъ; удалось занять лишь нѣсколько сопокъ и между прочимъ ту, геройскую атаку которой нашими стрѣлками мы наблюдали вчера.

Блѣдный разсвѣтъ медленно наступаетъ. Потянуль легкій вѣтерокъ, и густой бѣлый туманъ, стоявшій надъ рѣкою, разсѣялся. На противоположномъ берегу рѣки, у подножія высокой сопки, виднѣются какія-то сомкнутыя пѣхотныя части. Вершина сопки занята сегодня ночью нами, и въ бинокль ясно видны роющіяся за гребнемъ сѣрыя фигуры нашихъ стрѣлковъ. Весь склонъ горы усѣянъ тѣлами раненыхъ и убитыхъ, павшихъ въ сегодняшнемъ ночномъ дѣлѣ. Одни лежатъ неподвижно, другіе, приподнявшись, въ разнообразныхъ позахъ, ожидаютъ помощи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ видны спускающіяся по склону группы людей—несутъ раненыхъ. А вотъ надъ распростертымъ тѣломъ наклонилась сѣрая фигурка съ едва видимой отсюда бѣленькой полоской на рукавѣ—это фельдшеръ перевязываетъ раненаго...

Впереди насъ, со стороны Бенсиху, гремитъ орудійный выстрѣлъ. Гудя, приближается къ намъ снарядъ. Ближе и ближе... Не долетѣвъ до нашихъ орудій, снарядъ ударяется въ землю, поднявъ столбъ чернаго густого дыма...

— Шимоза... Пристрѣливаются къ нашей батарее, — замѣчаетъ старшій адъютантъ штаба дивизіи подполковникъ Посоховъ. Опять впереди гремитъ выстрѣлъ, и перелетѣвшій снарядъ падаетъ за батареей, недалеко отъ стоящихъ подъ переваломъ передковъ. Японцы быстро пристрѣливаются и открываютъ стрѣльбу по нашимъ орудіямъ залпами. Одинъ за другимъ рвутся надъ переваломъ ихъ снаряды, пока еще не поражая нашихъ артиллеристовъ. Мы отвѣчаемъ, посылая шрапнель за шрапнелью...

Отъ высланныхъ на югъ нашихъ разъѣздовъ начинаютъ поступать одно за другимъ донесенія, что замѣчены значительныя подкрѣпленія, подходящія къ противнику со стороны Сихеяна *). Скоро выясняется и сила этихъ подкрѣпленій—около бригады. Генераль Любавицъ, тѣснимый съ фронта и угрожаемый съ фланга, медленно отходитъ. Японцы вскорѣ занимаютъ оставленный имъ гребень. Ихъ артиллерія, поддерживавшая наступленіе противъ

*) То подходила изъ Чаотао конная бригада японскаго принца Канина.

генерала Любавина и временно прекратившая обстрѣливаніе нашихъ орудій, вновь переноситъ свой огонь на нашу батарею... Сразу нѣсколько снарядовъ рвутся надъ переваломъ... Замѣтивъ отходъ генерала Любавина, рѣшаетъ отойти и генераль Самсоновъ. Быстро, но безъ суеты, подбѣгаютъ казаки къ орудіямъ и на веревкахъ начинаютъ спускать ихъ съ перевала. Нѣсколько облачковъ дыма вспыхиваютъ надъ батареей, рѣзко разсѣкая воздухъ и взбивая сухую землю, свиститъ шрапнель, но казаки, не торопясь, продолжаютъ свое дѣло. Стоя на перевалѣ, генераль Самсоновъ отдаетъ приказанія...

На правомъ берегу рѣки бой достигъ крайняго напряженія. Выстрѣлы гремятъ непрерывно, бѣлыя облачка шрапнельныхъ разрывовъ безпрестанно вспыхиваютъ надъ гребнемъ. Неоднократныя яростныя атаки отряда генерала Ренненкампа отбиты съ громадными потерями, лишь крайнему лѣвому флангу его удается сильно продвинуться берегомъ рѣки впередъ. Отходъ нашего коннаго отряда ставитъ атакующія части въ крайне тяжелое положеніе, давая возможность подошедшимъ японскимъ подкрѣпленіямъ поражать съ лѣваго берега р. Тайдзихэ войска генерала Ренненкампа не только съ фланга, но и съ тыла *). Генераль Ренненкампа долженъ оставить занятія съ боя позиціи и также отойти. Цѣпи, занимающія гребень высокой сопки на берегу рѣки, отходятъ, и въ бинокль ясно видно, какъ сразу склонъ сопки покрывается спускающимися фигурками; быстро, быстро сбѣгаютъ эти фигурки, оставляя за собою рядъ неподвижныхъ пятенъ—тѣлъ раненыхъ и убитыхъ товарищей. Японцы провожаютъ ихъ ожесточенной беспорядочной стрѣльбой...

Орудія спущены съ перевала, взяты на передки, и мы рысью отходимъ. Нѣсколько снарядовъ падаютъ позади насъ на дорогѣ, не причинивъ намъ вреда. Отойдя версты на 3 за деревню Сягоусяндзы, орудія снимаются съ передковъ и, расположившись среди галяноваго поля, открываютъ стрѣльбу, обстрѣливая гребень, откуда мы недавно отошли и гдѣ теперь видѣются пѣхотныя цѣпи противниковъ.

Со стороны деревни Уяшынъ подъѣзжаетъ группа всадниковъ. Впереди видѣется характерная плотная фигура генерала Ренненкампа на крупномъ гнѣдомъ конѣ; сзади слѣдуютъ офицеры его штаба. Подѣхавъ къ батарее, генераль Ренненкампа слѣшивается и, отойдя въ сторону съ генераломъ Самсоновымъ, съ нимъ

¹⁾ Насколько отходъ коннаго отряда вызывался обстановкой, рѣшить окончательно трудно. Могу лишь констатировать, что отрядъ отошелъ, понеся лишь самыя ничтожныя потери...

долго о чемъ-то совѣщается. Офицеры штаба ожидаютъ, расположившись поодаль. Мы молчимъ, мы боимся признаться въ ужасной истинѣ, но въ глубинѣ души каждый изъ насъ уже сознаетъ, что всѣ надежды разбиты, что это есть начало конца, что дѣло окончательно проиграно...

Японцы довольствуются тѣмъ, что заняли вновь потерянные ночью позиціи и, отгѣснивъ нашъ конный отрядъ, обезпечили свой флангъ и тылъ; они остаются противъ генерала Ренненкампа на занятыхъ ими высотахъ. Истощенные рядомъ предшествовавшихъ атакъ, мы отказываемся отъ наступательнаго образа дѣйствій и переходимъ къ оборонѣ. Оба противника остаются другъ противъ друга, ведя горячую орудійную и ружейную перестрѣлку. Въ 5 часовъ вечера генераль Самсоновъ рѣшаетъ отойти къ деревнѣ Улунсунь, гдѣ и оставаться для прикрытія переправы черезъ р. Тайдзихэ, противъ деревни Уянынь. Небо заволакивается тучами, начинается покрапывать мелкій дождь. Деревня Улунсунь, маленькая и бѣдная, всего изъ трехъ-четырехъ фанзъ, совсѣмъ разорена и покинута жителями. Я помѣщаюсь съ нѣкоторыми офицерами штаба генерала Самсонова въ ветхой полуразрушенной фанзушкѣ. Отказавшись отъ ужина, я устраиваюсь на канѣ, положивъ подъ голову сѣдельную подушку и накрывшись съ головой буркой. На душѣ тяжело и грустно, хочется забыться, уйти, хоть ненадолго, отъ тяжелой ужасной дѣйствительности. Но, несмотря на усталость, мнѣ не удается заснуть: въ фанзѣ холодно и сыро, вѣтеръ дуетъ сквозь многочисленныя дыры въ оклеивающей окна бумагѣ, безпрестанно входятъ и выходятъ съ приказаніями ординарцы. Въ два часа ночи насъ поднимаютъ. Выдвинутое положеніе восточнаго отряда внушаетъ опасенія, и намъ приказано на 30-е сентября отходить на одну высоту съ западнымъ отрядомъ, который долженъ держаться на рѣкѣ Шахэ. Генералу Самсонову приказано, двигаясь горной дорогой на деревни Югоу-Чанхуанзай, въ долину Сандзядза, прикрывать отступленіе лѣваго фланга восточнаго отряда.

VII.

Въ полной темнотѣ мы выходимъ на дворъ и, сѣвъ на коней, трогаемся по построенному черезъ Тайдзихэ отрядомъ полковника Дружинина мосту, къ деревнѣ Югоу. Небо заволокло черными тучами, сѣтъ мелкій осенній дождь, ни зги не видно. Темные конные силуэты казаковъ едва обрисовываются въ темнотѣ. Мы двигаемся молча, слышно лишь чавканье копытъ по глинистой грязи размокшей дороги. У маленькой кумирни близъ деревни Югоу мы останавливаемся и долго ждемъ чего-то, стоя на дорогѣ. Въ темнотѣ мимо насъ бредутъ какія-то тѣни...

— Какой части?—спрашиваетъ кто-то изъ насъ.

— Читинскаго полка... Раненые... Куда полкъ-то нашъ ушелъ?.. Отбились мы...—доносится изъ темноты, и тѣни исчезаютъ, расплываясь въ ночной мглѣ...

Наконецъ трогаемся далѣе. Блѣдный сѣрый разсвѣтъ медленно наступаетъ; дождь продолжаетъ моросить, и въ предразсвѣтной дождливой мглѣ всѣ окрестные предметы кажутся какими-то сѣрыми. По обѣ стороны дороги бредутъ отсталые и раненые... На скошенномъ гаоляновомъ полѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился перевязочный пунктъ, виднѣются какія-то сѣрыя фигуры. Ихъ много, нѣсколько сотъ, по обѣ стороны дороги. Накрытые намокшими сѣрыми шинелями лежатъ рядами на размокшей глинистой землѣ тяжело раненые; другіе, въ разнообразныхъ позахъ, сидятъ понуро на землѣ подъ мелкимъ, сѣющимъ, какъ сквозь сито, дождемъ. Всюду виднѣются изъ-подъ намокшихъ шинелей обмотанныя бѣлой марлей головы, забинтованныя руки, ноги... То тутъ, то тамъ раздаются тяжелые стоны, безсвязный страдальческій бредъ...

Къ генералу Самсонову подходитъ офицеръ въ сопровожденіи доктора.

— Ваше превосходительство. Здѣсь четыреста раненыхъ,—не могли вывезти... Прикажите казакамъ взять, иначе придется бросить...—обращается къ генералу дрожащимъ отъ волненія голосомъ офицеръ...

У самой дороги, на плоскомъ камнѣ сидитъ раненый молодой солдатъ. Блѣдное, изстрадавшееся лицо, безсильно опущенныя вдоль тѣла руки, вся поза выражаютъ полный упадокъ силъ; вытянутая нога съ засученными выше колѣна шароварами обмотана широкимъ марлевымъ бинтомъ. Раненый слышалъ просьбу офицера. Сколько безмолвной мольбы, сколько отчаянія во взглядѣ, которымъ онъ въ ожиданіи рокового отвѣта смотритъ на генерала. «Неужели откажетъ?.. Неужели бросятъ здѣсь—отдадутъ японцамъ?..» читаю я въ его широко открытыхъ, полныхъ страданія, мольбы и отчаянія глазахъ...

Генералъ останавливаетъ колонну и отдаетъ приказаніе не двигаться далѣе, пока всѣ раненые, до одного, не будутъ взяты. Мы спѣшиваемъ шесть сотенъ сибирцевъ; раненыхъ болѣе легко сажаютъ на коней, другихъ казаки несутъ. Далеко по дорогѣ вытягивается нашъ печальный кортежъ. Медленно, шагъ за шагомъ, подъ мелкимъ, часто сѣющимъ дождемъ трогаемся мы въ путь. Громко чавкая по глинистой грязи дороги, понуро идутъ кони подъ неуклюжими сѣрыми фигурами раненыхъ стрѣлковъ; подоткнувъ полы шинелей, бредутъ по грязи, неся тяжело-раненыхъ, казаки. Люди идутъ молча, слышатся лишь чавканье копытъ да тяжелые стоны раненыхъ...

Неизъяснимо-грустное чувство обиды охватываетъ насъ. Сердце сжимается болѣзненной горечью униженія, слезы навертываются на глаза, сдавливаютъ горло... Конецъ надеждамъ. Конецъ радужнымъ свѣтлымъ мечтамъ. Мы опять отступаемъ...

Дѣло подь Шахъ было проиграно. Блестяще задуманная операція не удалась. Мы потеряли до 44,000 человѣкъ, изъ коихъ на долю Восточнаго отряда пришлось 14,000. Кого винить въ постигшей насъ неудачѣ? Кто виноватъ въ томъ, что побѣда, столь близкая отъ насъ, ускользнула изъ нашихъ рукъ? На это дать правдивый отвѣтъ исторія...

Баронъ Петръ Врангель.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ГЕНЕРАЛѢ А. М. АЛИХАНОВѢ-АВАРСКОМЪ.

ОГИВШІЙ отъ бомбы, брошенной террористами, въ Александрополѣ въ 1907 году, въ ночь на 3-е іюля, г.-л. А. М. Алихановъ-Аварскій былъ, безспорно, замѣчательной личностью и принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ дѣятелей въ Средней Азии и на Кавказѣ. Мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ довольно близко послѣ возвращенія его на Кавказъ изъ Закаспійской области, гдѣ онъ управлялъ Мервскимъ округомъ, и особенно въ послѣдніе годы, когда онъ жилъ въ Гори и часто пріѣзжалъ въ Тифлисъ. Во время нашихъ частыхъ свиданій мнѣ не разъ пришлось слышать отъ него рассказы о различныхъ эпизодахъ его жизни, въ томъ числѣ о его раннемъ дѣтствѣ, которое прошло при совершенно исключительной обстановкѣ; о немъ я постараюсь передать насколько возможно точно.

Отецъ Алиханова—Алиханъ—былъ родомъ аварецъ и былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ послѣдняго дагестанскаго имама, знаменитаго Шамиля, у котораго считался наибомъ. Это былъ человѣкъ выдающейся храбрости и удали, желѣзной воли, сложеніемъ богатырь, рыжеволосый, какъ многіе аварцы, пользовавшійся славой одного изъ лучшихъ бойцовъ въ Дагестанѣ. Популярность его среди народа была громадна, и онъ пользовался у него большимъ вліяніемъ. Женатъ онъ былъ на сестрѣ втораго имама Дагестана, которую очень любилъ, и имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей—сына Максуда и дочь Бегі-Султанъ. Максудъ—будущій Алихановъ-Аварскій, родился около аула Хунзахъ въ 1846 году.

Первые проблески самосознанія ребенка застали его среди разгара борьбы Шамиля съ нашими войсками. Первые картины, которыя запечатлѣла его дѣтская память, были суровые величественные виды дагестанскихъ горъ, то окутанныхъ густою пеленою облаковъ или грозными тучами, то блестящихъ своими снѣжными вершинами на бирюзовой лазури неба или въ чарующихъ лучахъ яркой южной луны, и картины боевой и первобытной жизни народа, свободолюбиваго, безумно храбраго, привыкшаго многія сотни лѣтъ бороться за свою независимость. Первые звуки—были призывы муллы къ молитвѣ, звуки выстрѣловъ и лязгъ холоднаго оружія.

Среди этой самобытной суровой обстановки мальчику пришлось прожить около пяти лѣтъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ произошло событіе, совершенно измѣнившее дальнѣйшую судьбу всей семьи Алихана,—не произоиди оно, молодой Максудъ, по примѣру своихъ сверстниковъ, попустилъ бы въ какую-нибудь аварскую шайку и до плѣненія Шамиля, т.-е. 1859 года, успѣлъ бы совершить много подвиговъ и, вѣроятно, сложилъ бы свою буйную головушку подъ солдатской пулей или казацкой шашкой.

Но судьба распорядилась иначе. Могущественный имамъ былъ человѣкъ очень подозрительный и не терпѣвшій ни малѣйшихъ посягательствъ. Какъ онъ ни цѣнилъ Алихана, оказавшаго ему множество услугъ и не разъ жертвовавшего за него жизнью, но его огромная популярность и вліяніе среди народа показались Шамилю крайне опасными, и постепенно, подъ вліяніемъ подозрительности, у него укрѣпилась мысль о необходимости избавиться отъ него.

И вотъ, въ одну глухую ночь на порогѣ сакли Алихана вдругъ выросла рослая фигура черкеса, бывшаго у Шамиля на посылкахъ. «Тебѣ нашъ приказъ отъ имама», пояснилъ свое появленіе посланецъ, протягивая ему письмо. Распечатавъ письмо, Алиханъ прочиталъ въ немъ приказъ Шамиля другому наибу въ ту же ночь убить Алихана. Черкесъ, не зная содержанія приказа и привыкнувъ постоянно носить приказы Алихану, принесъ ему и роковой приказъ, предназначенный для другого наиба... У Алихана хватило силы воли не подать виду, что дѣло неладно.

«Передай великому имаму, что его приказаніе будетъ исполнено», сказалъ онъ черкесу и, когда тотъ скрылся, немедленно осѣдлалъ коня и ускакалъ по направленію къ нашимъ передовымъ линіямъ, не успѣвъ захватить съ собою семью.

Передовой линіей командовалъ тогда князь Аргутинскій-Долгорукій, которому храбрецъ Алиханъ былъ хорошо извѣстенъ, какъ и всему отряду. Онъ принялъ подданство Россіи и былъ принятъ на службу и послужилъ своему новому отечеству и царю вѣрой и правдой: за 11 лѣтъ боевой жизни подъ сѣнью русскаго орла Алиханъ былъ раненъ 11 разъ и всѣ чины, до чина полковника, и

всѣ боевые ордена, до Георгія и золотого оружія включительно, онъ добылъ въ бояхъ. Вскорѣ послѣ окончанія кавказской войны онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-майора и поселился доживать свой вѣкъ въ Аваріи. Онъ имѣлъ, какъ мусульманинъ, 22 жены и много дѣтей, но любимымъ сыномъ его всегда былъ его первенецъ Максудъ.

Когда на слѣдующее утро обнаружилось, что Алиханъ не убитъ, а бѣжалъ, то Шамиль догадался о происшедшей ошибкѣ и пришелъ въ неопредѣлимую ярость. Первою мыслью мстительнаго имама—было жестоко расправиться съ оставшеюся въ его власти семьей Алихана; жену его онъ объявилъ разведенной и отдалъ ее въ жены сопернику Алихана, дѣтей же хотѣлъ сбросить въ пропасть со скалы... Приближенные, опасаясь взрыва негодованія со стороны многочисленныхъ приверженцевъ Алихана, насилу успѣли отговорить его отъ этого ужаснаго намѣренія.

Такимъ образомъ дѣти Алихана очутились въ плѣну у Шамиля. Потребовались продолжительные и настойчивые переговоры съ нимъ начальника нашего отряда, пока онъ согласился обмѣнять ихъ на четверыхъ попавшихъ къ намъ въ плѣнъ набобовъ.

Переѣздъ изъ горъ къ нашимъ войскамъ врѣзался сильно въ память ребенка, которому тогда было уже 6 лѣтъ. Посланные отвезти дѣтей горцы посадили ихъ къ себѣ на лошадей верхомъ. Долго продолжалось это необычное путешествіе по крутымъ горнымъ тропамъ Дагестана. Максудъ припоминалъ потомъ, что везшій его горецъ былъ къ нему очень ласковъ и угощалъ его яблокомъ.

Но вотъ, наконецъ, и поляна, на одной сторонѣ которой стоитъ нашъ отрядъ съ плѣнными горцами, а на другой—дагестанцы съ нашими плѣнными. Началась процедура размѣна плѣнныхъ, за которою ребенокъ внимательно слѣдилъ, хорошенько не отдавая себѣ отчета, въ чемъ дѣло. Въ концѣ концовъ очередь дошла и до дѣтей, и они очутились передъ отцомъ, котораго сразу не узнали въ его новой формѣ. Радость отца была неопредѣлима.

Въ отрядѣ Максудъ пробылъ до 8 лѣтъ и былъ посланъ въ Тифлисъ, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ былъ принятъ въ дворянскую гимназію—нынѣ 1-ю классическую гимназію, почти не знавъ русскаго языка.

Способности у мальчика оказались отличныя, и къ 17 годамъ онъ благополучно окончилъ въ ней курсъ. Молодого горца, родившагося подъ свистъ пуль, не влекла мирная гражданская обстановка—его манило военное дѣло, и онъ мечталъ отправиться въ Петербургъ и поступить въ одно изъ военныхъ училищъ. Но у отца его были другіе планы, и онъ вызвалъ Максуда въ Дагестанъ и объявилъ ему, что онъ рѣшилъ его немедленно женить.

Это совершенно разстраивало всѣ планы Максуда, и онъ горячо взмолился и сталъ умолять отца отпустить его въ военную службу

въ Петербургъ. Послѣ долгихъ просьбъ отецъ согласился, но при условіи, чтобы Максудъ все-таки женился. Пришлось исполнить волю отца. Послѣ свадьбы Максудъ немедленно отправился въ Петербургъ и изъ Темиръ-Ханъ-Шуры прислалъ своей женѣ полный разводъ.

По прибытіи въ столицу юный Алихановъ сдалъ успѣшно экзамень въ Константиновское военное училище и былъ принятъ приходящимъ. Средства его были весьма ограничєнные, и онъ жилъ въ самой скромной обстановкѣ, панимая гдѣ-то какую-то кануру. Какъ ни крѣпокъ былъ организмъ молодого горца, но въ концѣ концовъ онъ не выдержалъ, и Алихановъ опасно заболѣлъ.

Когда въ училищѣ, гдѣ его всѣ очень полюбили, хватились его отсутствія, онъ лежалъ безъ памяти. Начальство училища вошло въ его положеніе и приняло его на казенный счетъ, что дало ему возможность окончить курсъ по 1-му разряду и выйти въ Сумскій гусарскій полкъ, квартировавшій въ Москвѣ.

Здѣсь онъ прослужилъ около 6 лѣтъ; пребываніе въ Москвѣ имѣло огромное вліяніе на Алиханова—онъ сошелся здѣсь съ Катковымъ, Аксаковымъ и другими выдающимися русскими дѣятелями, а также съ представителями московскаго купечества и сталъ заниматься литературой и живописью.

Въ 1871 году, уже штабсъ-ротмистромъ, Алихановъ былъ переведенъ въ Дагестанъ адъютантомъ къ начальнику области и съ этого времени вступилъ на наиболѣе соотвѣтствовавшій его вкусамъ путь.

Дальнѣйшій ходъ службы его болѣе или менѣе извѣстенъ, и потому я перечислю лишь вкратцѣ ея главнѣйшіе эпизоды.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Дагестанъ Алиханову пришлось принять участіе въ подавленіи возстанія, которое вспыхнуло въ Ункратлинскомъ обществѣ,—оно было усмирено въ три мѣсяца, и Алиханову представилось нѣсколько случаевъ выказать свои военныя дарованія.

Въ 1873 году онъ принялъ участіе въ Хивинскомъ походѣ въ составѣ Мангишлакскаго отряда. Онъ принималъ участіе во многихъ бояхъ и при штурмѣ Хивы былъ раненъ въ обѣ ноги.

Въ слѣдующемъ году онъ принялъ участіе въ Узбойской экспедиціи, имѣвшей цѣлью ознакомиться съ внутренностью нынѣшней Закаспійской области и направленіемъ Узбоя. Изъ этой экспедиціи онъ вернулся лѣтомъ 1875 г. и при проѣздѣ черезъ Баку имѣлъ столкновеніе со старшимъ по чину офицеромъ.

Этотъ случай отозвался тяжело на Алихановѣ—онъ былъ разжалованъ въ солдаты и зачисленъ въ Переяславскій драгунскій полкъ. Цѣлыхъ три года пришлось ему тянуть солдатскую лямку. Это несчастье, сломавшее, ему казалось, всю его карьеру, было перенесено имъ мужественно: твердость характера и сила воли

поддержали его въ эти тяжелые годы испытанія. Съ полкомъ онъ принялъ участіе въ Турецкой кампаніи и неоднократно отличался. Вернулся онъ унтеръ-офицеромъ; украшеннымъ знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени...

Въ 1879 году онъ принялъ участіе въ ахаль-текинской экспедиціи, окончившейся для насъ плачевно: генералы графъ Борхъ и князь Витгенштейнъ, которые начальствовали, вздумали въ сильнѣйшій зной, послѣ огромнаго перехода, не давъ отдохнуть войскамъ и не давъ имъ даже снять ранцевъ, двинутъ войска на штурмъ Геокъ-Тепе, гдѣ засѣлъ непріятель, во много разъ болѣе сильный. Измученные солдаты едва передвигали ноги и падали отъ усталости и, когда лавина свѣжихъ враговъ стремительно обрушилась на нихъ,—несмотря на геройское сопротивленіе, должны были отступить, почти до Красноводска.

За оказанные подвиги храбрости Алихановъ былъ произведенъ въ подпоручики; слѣдующіе два года онъ провелъ на Кавказѣ и только въ 1872 г. вернулся въ манившія его своей неизвѣстностью закаспійскія степи, по которымъ ему пришлось въ теченіе 1883—84 гг. совершить цѣлый рядъ походовъ и рекогносцировокъ.

Во время ихъ онъ близко ознакомился съ Мервскимъ оазисомъ и, завелъ куначество со многими мервскими старѣйшинами. Въ то же время онъ усиленно занимался литературою, сотрудничая въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и другихъ столичныхъ изданіяхъ, обнаруживъ недюжинный литературный талантъ, дававшій ему до 500 рублей заработка въ мѣсяць.

Близкое знакомство съ мервцами и связи его съ московскимъ купечествомъ зародили въ его головѣ мысль о мирномъ присоединеніи къ Россіи Мервскаго оазиса. Онъ побудилъ московскую фирму Кошкина снарядить караванъ съ товарами для продажи въ Мервѣ. Н. П. Кошкинъ послалъ одного изъ наиболѣе крѣпкихъ и предприимчивыхъ приказчиковъ—пермяка г. Косыхъ.

Товаръ былъ направленъ моремъ на Красноводскъ, а г. Косыхъ отправился черезъ Тифлисъ, гдѣ во время своего пребыванія неоднократно бывалъ у насъ. О томъ, что ему предстоитъ принять участіе въ присоединеніи Мерва, г. Косыхъ тогда не подозрѣвалъ, а полагалъ, что его миссія только отвезти и выгодно продать свою мануфактуру въ Мервѣ, куда его приглашалъ Алихановъ.

Ко времени прибытія товаровъ и г. Косыхъ Алихановъ вполне разработалъ свой планъ. И вотъ изъ Асхабада двинулся караванъ подъ управленіемъ «купца» Косыхъ и въ сопровожденіи переводчика текинца «Максудки». Пока шла распродажа товара, переводчикъ Максудъ велъ разные разговоры съ большой осторожностью и искусствомъ и въ концѣ концовъ, когда караванъ возвратился въ Асхабадъ, съ нимъ отправилась депутація мервскихъ старшинъ и почетныхъ гражданъ присягать Бѣлому Царю. Для извѣщенія

начальника области генерала Комарова былъ посланъ гонецъ. Генераль Комаровъ долго не хотѣлъ вѣрить гонцу, пока, наконецъ, депутація мервцевъ не подѣхала къ Асхабаду, — совершившемуся факту пришлось повѣрить.

За присоединеніе Мерва Н. П. Коншинъ получилъ дворянское достоинство, г. Косыхъ—медаль за усердіе, а Алиханову были возвращены майорскій чинъ и ордена и онъ былъ произведенъ въ подполковники съ назначеніемъ первымъ мервскимъ уѣзднымъ начальникомъ, въ должности котораго онъ оставался до возвращенія своего въ 1890 г. на Кавказъ. Присоединеніе Мерва неоднократно служило темой для описаній и рассказовъ и составляетъ большую заслугу Алиханова передъ Россіей, сумѣвшаго силой убѣжденія побудить воинственное свободолюбивое племя добровольно по собственному желанію присоединиться къ Россіи. Искусному управленію Алиханова слѣдуетъ приписать и то, что въ Мервскомъ уѣздѣ не только не было ни разу какой-либо попытки къ возстанію, но мервцы образовали прекрасную милицію, которая приняла вскорѣ блестящее участіе въ битвѣ при Кушкѣ, гдѣ наши войска прописали жестокой урокъ афганцамъ, предводительствуемымъ англійскими офицерами... Вчерашніе враги стали преданными и полезными слугами, кровью своего запечатлѣвшими вѣрность Россіи и русскому царю.

Когда началась китайская война, генераль Алихановъ поспѣшилъ въ ряды войскъ Дальняго Востока, но участвовать въ японской войнѣ ему не пришлось. Когда возникла мысль о сформированіи кавказской кавалерійской бригады изъ кавказскихъ горцевъ, генераль Алихановъ былъ назначенъ для командованія ею и главноначальствующій на Кавказѣ кн. Голицынъ представилъ его на эту должность,—но, совершенно неожиданно для всѣхъ, на эту должность былъ назначенъ другой...

Сколько ни хлопоталъ Алихановъ и даже дважды ѣздилъ въ Петербургъ—ничто не помогло; ему все обѣщали, онъ ждалъ, но обѣщанія не исполнялись, а затѣмъ позорный Портсмутскій договоръ прекратилъ военныя дѣйствія, и храбрый генераль такъ и не попалъ на войну. Ему потомъ объяснили, что берегли его жизнь для похода въ Индію, который предполагался по окончаніи японской войны...

Но вотъ настало на Кавказѣ смутное время, когда власть проявила безпримѣрную растерянность и поразительную нерѣшительность и колебаніе. Въ самыя опасныя мѣста стали посылать Алиханова—въ теченіе 1905 года его дважды посылали въ Гурію и въ Эриванскую губернію для подавленія беспорядковъ. Наконецъ, когда вооруженная революціонная орда захватила желѣзную дорогу и Тифлисъ и чуть не низложила намѣстника, генераль Алихановъ былъ назначенъ временнымъ тифлискимъ генераль-губернаторомъ, но въ этой должности онъ успѣлъ пробыть всего 5 дней.

За этотъ кратковременный періодъ мнѣ пришлось неоднократно обращаться къ нему по дѣламъ патріотическаго общества въ Тифлисѣ, на которое обрушилась вся ярость революціонеровъ, ежедневно безнаказанно разстрѣливавшихъ кого-либо изъ его членовъ. Администрація не находила въ себѣ достаточно силъ, чтобы предпринять что-либо рѣшительное, и боялась показать свою солидарность въ чемъ-либо съ этой единственной организаціей на Кавказѣ, стойко и открыто объявившей себя сторонникомъ правительства и законнаго порядка.

Когда на другой день послѣ назначенія генерала Алиханова я явился къ нему по порученію общества доложить ему объ ужасномъ положеніи вещей, онъ прежде всего попросилъ меня передать обществу его просьбу оказать ему высокую честь включить его въ число своихъ членовъ, такъ какъ всѣ вѣрные слуги царя должны быть въ его средѣ, а затѣмъ немедленно распорядился принять самыя энергичныя мѣры къ прекращенію бойни, устраиваемой революціонерами, и прежде всего арестовать и выслать въ сѣверныя губерніи наиболѣе извѣстныхъ подстрекателей, а подозрѣваемыхъ въ убійствахъ заключить въ тюрьму и немедленно произвести энергичное слѣдствіе.

Аналогичныя мѣры были приняты и по отношенію къ всему Тифлису вообще. Революціонное движеніе сразу притихло, и было восстановлено правильное движеніе на желѣзной дорогѣ. За генераломъ Алихановымъ установилась репутація чловѣка твердаго и непоколебимаго, который не остановится ни передъ чѣмъ для выполнения возложеннаго на него порученія. Это молва предшествовала ему и сразу водворяла успокоеніе въ мѣстностяхъ, куда онъ пріѣзжалъ.

Эти свойства его характера и полное безстрашіе и побудили администрацію поручить ему возвращеніе подъ законную власть Кутаисской губерніи, которая совершенно отложила отъ Россіи, управляемая своими революціонными организаціями. Отрядъ, посланный для «покоренія» Кутаисской губерніи, уже дошелъ до Сурамскаго перевала и, быстро перейдя его по старой дорогѣ, понесъ пораженіе отряду революціонеровъ, стоявшихъ противъ Сурамскаго туннеля ко времени прибытія къ нему генерала Алиханова. Революціонеры, видя, что дѣло плохо, бросились бѣжать въ Гурію, сжигая на пути своего бѣгства вдоль желѣзной дороги села. Такъ ими были сожжены Бѣлогоры, Квирилы и др. Сожженіе ихъ революціонеры приписывали генералу Алиханову, распуская самыя ужасныя слухи о его звѣрствахъ надъ мирнымъ населеніемъ, массовыхъ разстрѣлахъ и т. д.

На самомъ дѣлѣ тѣни подобья не было. Жители всюду встрѣчали генерала Алиханова съ хлѣбомъ-солью, иконами, портретами Государя, благодарили за избавленіе отъ революціонеровъ. Отправивъ арестованныхъ губернатора Старосельскаго и вице-губерна-

тора Кипшидзе въ Тифлисъ и прибывъ въ Кутаисъ, генераль Алихановъ сформировалъ особый комитетъ изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ для разбора виновности обвиняемыхъ въ революціонномъ движеніи, а самъ объѣхалъ всю губернію, увѣщевая населеніе возвратиться къ мирному труду, подчиниться правительству и выдать агитаторовъ. Генераль хорошо говорилъ по-грузински, и его твердое и ясное слово имѣло магическое дѣйствіе—никого онъ не повѣсилъ, никого не разгромилъ, но въ 2—3 мѣсяца совершенно успокоилъ губернію. Кутаисская революція пала и разсѣялась, какъ дымъ; присмирѣло и гнѣздо революціи, поставщица террористовъ и разбойниковъ—Гурія, на которую возлагалось столько надеждъ общероссійской революціонной организаціей.

Этого удара революціонеры простить генералу Алиханову не могли; все подполье шипѣло, шипѣли не только социаль-демократы и революціонеры, но шипѣли и автономисты, и автокефалисты, не могшіе простить генералу вмѣшательства въ дѣла «освобожденія Грузіи». Въ грузинскомъ обществѣ имя «лезгина Алиханова» произносилось съ невѣроятной злобой и нѣтъ мѣры тѣмъ клеветамъ и вымысламъ, которые распространяли о немъ даже представители грузинской интеллигенціи, оглашавшіе всѣ административныя учрежденія Тифлиса стенаніями объ ужасной судьбѣ «несчастной Гуріи, отданной на растерзаніе звѣрю Алиханову»...

Конечно, режимъ Алиханова рѣзко отличался отъ режима знаменитаго губернатора Старосельскаго, котораго грузинское общество старается облить совершенно. Войскамъ, бывшимъ въ Кутаисѣ, еще памяты тѣ характерныя слова, съ которыми этотъ авантюристъ, продуктъ удивительной политики графа Воронцова-Дашкова, обратился къ войскамъ послѣ пачала вооруженнаго возстанія, когда Кутаисская губернія вообразила себѣ со своимъ губернаторомъ во главѣ, что въ Россіи водворилась республика: «Я надѣюсь, братцы, что вы будете такъ же честно и благородно служить новому правительству, какъ раньше вы служили Государю Императору»...

И послѣ этого чувства силы и своеволія—нѣсколькихъ словъ генерала Алиханова, по твердыхъ и рѣшительныхъ, было достаточно, чтобы все зданіе кутаисской революціи, вся ея мощь рассыпалась въ прахъ...

Этого удара своему престижу руководители кавказской революціи не могли простить генералу Алиханову и, конечно, приговорили его къ смерти...

Но предпринять что-либо противъ него, пока онъ пользовался властью и держалъ нити управленія въ рукахъ, они рѣшиться не могли—слишкомъ уже страшными рисовались имъ послѣдствія въ случаѣ неудачнаго покушенія.

Но зато всѣ усилія революціи были направлены къ тому, чтобы поскорѣе вытѣснить его и добиться у намѣстника отозванія его. Для

такого рода дѣйствій у кавказскихъ аборигеновъ выработался превосходный и весьма простой пріемъ: изъ Гуріи въ особенности начинаютъ черезъ прессу и уста разныхъ благожелателей нестись стenanія о необыкновенныхъ жестокостяхъ и гнетѣ режима—намѣстникъ долженъ явить себя несолидарнымъ съ нимъ и потому немедленно отзывается генераль-губернатора. Такъ было и съ генераломъ Алихановымъ: ему дали только столько времени, сколько надо было для возстановленія власти правительства. Когда, по мнѣнію управленія намѣстника, это было достигнуто, онъ былъ вызванъ, а кутаисскимъ губернаторомъ съ правами генераль-губернатора былъ назначенъ г.-м. Изыковъ. Генералу Алиханову пообѣщали казачью дивизию, и онъ отправился въ Кутаисъ сдавать дѣла новому начальнику губерніи.

Не безъ тревоги провожали мы его въ Кутаисъ, зная хорошо тактику революціонеровъ и слыша зловѣщіе слухи, циркулировавшіе въ Тифлисѣ. Въ грузинскомъ обществѣ твердили въ одинъ голосъ одно: «Разгрома (?) многострадальной Гуріи мы злодѣю Алиханову не простимъ никогда. Пусть не думаетъ, что онъ спасся, если переведется изъ Кутаиса... его оттуда живымъ все равно не выпустятъ... что бы онъ ни дѣлалъ, онъ все равно будетъ убитъ»...

— Не безпокойтесь, господа,—утѣшалъ насъ генераль при прощаніи:—я послѣзавтра вернусь къ вамъ цѣлъ и невредимъ—вотъ увидите.

Но вышло иначе. Что на него организуется покушеніе, не могло не быть извѣстно въ Кутаисѣ—объ этомъ открыто говорили въ Тифлисѣ, и хотя Алихановъ и прощался съ нами со столь ободряющими словами, но самъ прекрасно зналъ, что его ожидаетъ въ Кутаисѣ страшная опасность, и, не моргнувъ бровью, съ веселымъ челомъ шель онъ навстрѣчу ей. Кутаисская же администрація отнеслась съ завидной покорностью судьбѣ: «убьютъ, такъ убьютъ, ничего не подѣлаешь—на то воля Божія!»—и ровно ничего не сдѣлала для охраны его и предупрежденія готовящагося преступленія: «Ну что за сумасшедшій генераль Алихановъ, —фарисействовали въ административномъ кругу въ Тифлисѣ:—зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Кутаисъ, когда его почти навѣрное тамъ убьютъ»—и тоже оставались спокойными зрителями грядущихъ событій...

Покончивъ съ дѣлами и визитами 16-го мая, генераль Алихановъ отправился къ новому генераль-губернатору. Когда онъ выходилъ изъ экипажа, какой-то туземецъ, сунувъ ему записку, быстро скрылся. Не читавшій по-грузински генераль передалъ записку для прочтенія переводчику генераль-губернатора, который, взглянувъ на записку, быстро сунулъ ее въ карманъ. Впослѣдствіи оказалось, что одинъ изъ доброжелательныхъ туземцевъ предупреждалъ Алиханова, что въ него будутъ брошены бомбы изъ дома Туркія. Если бы переводчикъ передалъ содержаніе записки, то катастрофа была бы

предотвращена. Когда Алихановъ, простившись съ г. Языковымъ, сѣлся въ экипажъ, ему начали совѣтовать впередъ пустить пустой фэтонъ съ казачьимъ конвоемъ: если бросятъ, молъ, бомбы, то пострадаетъ пустой фэтонъ. Алихановъ съ негодованіемъ отвергъ это трусливое предложеніе и замѣтилъ: «Удивляюсь, господа, какъ у васъ повернулся языкъ дать такой совѣтъ. Еще никогда генераль Алихановъ не посылалъ другихъ умирать вмѣсто себя и никогда и никто не могъ сказать, что генераль Алихановъ чего-нибудь болелъ»—и съ этими словами тронулся въ путь. Въ фэтонѣ рядомъ съ нимъ сѣлъ его адъютантъ поручикъ Темниковъ, а противъ него его братъ. Конвоируемый казачьимъ конвоемъ, ѣхалъ онъ на вокзалъ, откуда долженъ былъ выѣхать съ ближайшимъ поѣздомъ окончательно въ Тифлисъ. На пути ему была сдѣлана засада—революціонная грузинская организація водворилась во второмъ этажѣ частнаго дома, конечно, не безъ вѣдома хозяина, гдѣ былъ большой балконъ. Другіе революціонеры засѣли въ ближайшихъ домахъ напротивъ. Какъ только фэтонъ поровнялся съ балкономъ, съ него полетѣло 8 бомбъ страшной силы, спереди, сзади и по сторонамъ экипажа и въ конвой, и поднялась батальная стрѣльба изъ револьверовъ... Нѣсколько казаковъ и конвойныхъ были убиты и ранены, ранеными оказались и генераль Алихановъ и его братъ. Генерала поранило нѣсколько осколковъ, изъ которыхъ одинъ поразилъ его въ бокъ и проникъ въ легкое, образовавъ тяжелую рану.

Преступники исчезли безслѣдно, но долго не изглаждаются изъ памяти ужасные слѣды ихъ злодѣйскихъ дѣяній... Бросились за врачомъ въ больницу—врачъ Джапаридзе отказался ѣхать, а затѣмъ и другіе. Пришлось вызвать врача изъ Сурама. Послѣ первой перевязки и едва очнувшись отъ сотрясенія отъ взрывовъ бомбъ, генераль и остальные раненые были посажены въ тифлисскій поѣздъ и отправлены въ Тифлисъ, гдѣ еще не знали, что административное непротивленіе злу дало уже весьма осязательные плоды...

Раненый съ вокзала былъ доставленъ домой и, чтобы не обезпокоить своихъ домашнихъ, съ веселымъ видомъ поднялся по лѣстницѣ на второй этажъ въ свою квартиру, хотя это и стоило ему неимоверныхъ усилій и силы воли. Рана оказалась тяжелѣе, чѣмъ предполагалось, и ему пришлось поѣхать за границу долечиваться, такъ какъ осколокъ бомбы оказалось невозможнымъ вынуть изъ легкаго. Въ концѣ концовъ могучая природа взяла свое, и Алихановъ настолько поправился, что могъ вернуться на родину, гдѣ его ожидало назначеніе начальникомъ 2-й кавказской казачьей дивизіи, расквартированной въ юго-западномъ Закавказьи.

Близкіе его были очень встревожены этимъ назначеніемъ, тѣмъ болѣе, что отъ высшихъ чиновъ кавказской администраціи были получены дружественныя предупрежденія, что ему пріѣзжать на Кавказъ положительно небезопасно, какъ видно изъ многочислен-

ныхъ попавшихъ въ руки властей революціонныхъ документовъ, не оставляющихъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что на него будетъ произведено покушеніе, какъ только онъ пріѣдетъ на Кавказъ. Предлагали ему похлопотать о переводѣ въ другое мѣсто, но онъ категорически запретилъ предпринимать какіе-либо шаги въ этомъ направленіи. «Я не могу подать повода кому-либо сказать, что генераль Алихановъ струсилъ и уклонился отъ опасности», говорилъ онъ и поѣхалъ второй разъ твердо и весело навстрѣчу смерти, которая ему, по общему мнѣнію, угрожала...

Поразительна безпечность властей: всѣ знали объ угрожавшей ему опасности и никакихъ мѣръ къ предотвращенію ея не приняли, и прибывшіе въ Александрополь террористы могли свободно выслѣдить свою жертву и выработать наиболѣе для себя выгодный планъ. Моментъ былъ выбранъ тогда, когда генераль Алихановъ съ сыномъ-нажомъ и генеральшей Глѣбовой съ дочерью возвращался поздно ночью домой съ полкового праздника.

Грузины забросали экипажъ бомбами, осколками которыхъ были убиты наповаль генераль Алихановъ и г-жа Глѣбова и тяжело ранены оба молодые люди. Хотя всѣ говорили о неизбѣжности покушенія, но революціонеры дали пройти такому промежутку времени, что усыпили общее вниманіе и слухи о какомъ-либо готовящемся покушеніи совершенно замерли, такъ что въ моментъ, когда совершалось злодѣяніе, его меньше всего ожидали и слухъ о смерти Алиханова поразилъ всѣхъ какъ громомъ.

Эффектъ террористами былъ достигнуть полный; они еще разъ подтвердили, что при слабости власти на Кавказѣ всякая жертва, приговоренная кавказской революціей къ смерти, будетъ ими убита и ее не спасетъ ни время, ни мѣсто...

Пощаженный вражеской пулей въ нѣсколькихъ войнахъ, Александръ Михайловичъ сложилъ свою жизнь за вѣрность долгу, Россіи и русскому Царю, но погибъ совершенно преждевременно: благодаря своей могучей натурѣ, несмотря на свои 60 лѣтъ, онъ былъ совершенно бодръ, крѣпокъ, полонъ энергіи и молодежавъ.

Всю свою жизнь онъ обогащалъ себя знаніями и не было момента, когда его голова не была полна мыслей.

Этотъ родившійся въ глухомъ уголкѣ Дагестана на закатѣ его политической независимости лезгинъ силой своей воли сдѣлался просвѣщеннымъ гражданиномъ, талантливымъ писателемъ, живописцемъ и выдающимся образованнымъ военачальникомъ, сохраняя прирожденные ему свойства горца—безстрашіе, удаля, ловкость, выносливость, непоколебимую энергію, желѣзную волю и поразительное хладнокровіе. Въ груди его билось честное, вѣрное сердце, и Россія въ немъ потеряла вѣрнаго и полезнаго слугу, который бы служилъ ей полезно еще много-много лѣтъ вѣрой и правдой.

Онъ являлся также замѣчательнымъ примѣромъ той благородной формы обрусѣнія, которая изъ вчерашняго врага дѣлаетъ вѣрнаго друга: оставаясь добрымъ мусульманиномъ и природнымъ лезгиномъ, горячо любившимъ свой хмурый Дагестанъ съ его дикою народною поэзіею и полною геройскихъ подвиговъ исторіею, свой родной языкъ, Алихановъ въ то же время сталъ горячимъ русскимъ патриотомъ, превосходно усвоилъ себѣ русскій языкъ, которымъ владѣлъ лучше иныхъ природныхъ русскихъ, и русскую цивилизацію и свой жизненный путь совершилъ, ознаменовавъ его многими полезными для своего новаго отечества дѣлами...

Обаятельный обликъ этого интереснаго и хорошаго человѣка, представлявшаго собою вполне цѣльный и законченный типъ, неизгладимо сохранится въ памяти всѣхъ, знавшихъ его.

Н. Ш.

ЕЩЕ О ПУШКИНСКИХЪ МѢСТАХЪ.

ВЫНѢШНИМЪ лѣтомъ мнѣ пришлось посѣтить пушкинскія мѣста, находящіяся въ предѣлахъ Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи: Святыя Горы, Михайловское и Тригорское. Воспоминаніями этой поѣздки я хотѣлъ бы подѣлиться съ почитателями великаго поэта. Нужды нѣтъ, что эти мирные уголки, въ которыхъ, можно сказать, взошло и закатилось солнце русской поэзіи, были уже много разъ описаны путешественниками. Пушкинь—это такая тема, которую исчерпать невозможно. Кромѣ того, намъ кажется, что русскому обществу не мѣшаетъ отвѣдомляться изъ года въ годъ, въ какомъ положеніи находятся эти священные для него мѣста, и своевременно слѣдить за всѣми происходящими въ нихъ перемѣнами.

Наше маленькое общество пушкинскихъ паломниковъ отправилось съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Петербурга въ 12 ч. 15 м. ночи, и прибыло на ст. Островъ въ 9 ч. утра. Отсюда до самыхъ Святыхъ Горъ надо ѣхать на почтовыхъ, всего 58 верстъ, считая съ переѣздомъ отъ вокзала до почтовой станціи. Мы заранѣе распорядились, чтобы почтовые лошади были намъ поданы прямо къ вокзалу. Намъ дали очень хорошіе рессорные экипажи за весьма скромную плату: за каждый экипажъ, въ оба пути, съ двумя ночлегами въ Святыхъ Горахъ,—по 5 рублей. За лошадей, конечно, взимается особая плата, по почтовой таксѣ. Проѣхавъ 3 версты полями и пустырями, отдѣляющими желѣзнодорожную станцію отъ города, мы въѣхали наконецъ въ маленькій и, повидимому, довольно-таки скучный Островъ, имѣющій всего 7¹/₂ тысячъ жителей. Нынѣшній

Островъ, въ сущности, сравнительно новый городъ; древнѣй же псковскій *пригородъ* Островъ находится при выѣздѣ изъ города и дѣйствительно представляетъ собою небольшой островокъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Великая, встрѣтивъ на своемъ пути твердую известковую скалу, раздѣляется на два рукава, которые, обогнувъ скалу, снова сливаются въ одну рѣку, образуя вслѣдствіе этого возвышенный островокъ, длиною болѣе 100 и шириною въ самомъ широкомъ мѣстѣ около 50 сажень. Въ эпоху образованія Русскаго государства властители отдѣльныхъ областей строили на рубежахъ своихъ владѣній укрѣпленные пункты, въ родѣ нынѣшнихъ фортвъ, которые по отношенію къ главному городу назывались пригородами. Однимъ изъ такихъ пригородовъ Пскова и былъ Островъ, расположенный на самой опасной—западной границѣ древняго Псковскаго княжества, въ сосѣдствѣ съ полудикими финнами и литовцами, а впослѣдствіи—съ нѣмецкими рыцарями. Пригородъ былъ обнесенъ крѣпкими каменными стѣнами въ 3¹/₂ саж. высоты и 2 саж. толщины, съ 4 башнями по угламъ. Слѣды этихъ укрѣпленій сохранились донынѣ, но въ какомъ печальномъ видѣ! Это именно только слѣды, руины, но не стѣны и башни... Одной башни уже давно нѣтъ; другая, на лѣвой сторонѣ при выѣздѣ съ островка, повисла своимъ наружнымъ бокомъ въ воздухъ и, кажется, ждетъ только легкаго толчка, чтобы рухнуть въ Великую. А когда-то и эти стѣны имѣли свою кровавую исторію, отрывочные эпизоды которой попали въ псковскую лѣтопись. Остальное—«поросло травой забвенья...» Хуже всего, кажется, пришлось островичамъ въ 1501 году, когда нѣмцы совершенно разгромили пригородъ: «душъ 4,000 скончалось; овы сгорѣша, а иныя истопоша, овы мечю предаша, а иныя въ плѣнъ поведоша». Досталось Острову и въ 1581 году отъ Стефана Баторія, и въ 1611 году отъ пана Лисовскаго. На островкѣ находится древняя церковь св. Николая Чудотворца, выстроенная въ 1542 году. Издревле св. Николай считался такимъ же покровителемъ Острова, какимъ для псковичей была св. Троица. Поэтому лѣтописецъ, повѣствуя о побѣдѣ, одержанной въ 1341 году псковичами и островичами надъ нѣмцами и «лотыгорой» (латышами), прибавляетъ: «а ти (т.-е. непріатели) посрамлени побѣгоша прочь и трупіе повергше, помощію Святыя Троица и молитвами св. отца Николы».

Собщеніе съ островкомъ, нынѣ почти безлюднымъ, происходитъ по двумъ прочнымъ, великолѣпнымъ цѣпнымъ мостамъ, выстроеннымъ въ 1851—1854 годахъ. Одинъ изъ нихъ ведетъ изъ города на островокъ, а другой—съ островка на почтовую дорожку—шоссе, идущую въ гор. Опочку. По этой-то прекрасной, ровной и прямой дорогѣ покатали наши экипажи. Иные путешественники жалуются на однообразіе видовъ этого пути. Конечно, особой живописности здѣсь не найдете; это обычные русскіе виды: засѣянные

или отдыхающія поля, сѣнокосы, кое-гдѣ деревни и усадьбы, церковныя главки, синѣющіе вдали лѣса... Но зато какой дивный, живительный воздухъ! Вы дышите ароматомъ полевыхъ травъ, сосновыхъ лѣсовъ и березовыхъ рощъ... Это не воздухъ, а само здоровье, свободно льющееся въ вашу грудь при каждомъ вздохѣ! Лошади легко бѣгутъ по этой превосходной дорогѣ и безо всякихъ понуканій, ровной рысцою пробѣгаютъ 18-верстный путь часа въ полтора. Вотъ станція Крюкова. За нею, по той же самой ровной и прямой дорогѣ совсѣмъ незамѣтно проѣзжаемъ 15¹/₄ версты до станціи Новгородки. Передъ Новгородкой, съ лѣвой стороны дороги, поднимается вверхъ, на гору, чудная, густая аллея, а въ концѣ ея, сквозь яркую зеленую листву, красиво бѣлѣется барскій домъ. Это—имѣніе Горай, принадлежащее наслѣдникамъ барона Григ. Владим. Розена. Баронъ былъ попечителемъ села Михайловскаго и, можно сказать, вложилъ всю свою душу въ дѣло устройства литературной колоніи, о которой мы скажемъ ниже. Въ декабрѣ 1908 г. онъ неожиданно скончался, къ общему горю всѣхъ его знавшихъ. Нѣкогда Горай принадлежали Маріи Ивановнѣ Лореръ, урожденной Корсаковой, женѣ брата извѣстнаго декабриста Ник. Ив. Лорера.

Въ Новгородкѣ ѣдущіе въ Святые Горы сворачиваютъ почти подъ прямымъ угломъ налѣво, на новоржевскій почтовый трактъ, и ѣдутъ еще 22 версты до Святыхъ Горъ. Намъ пугали этимъ переѣздомъ, какъ крайне неудобнымъ. Надо думать, что пугавшіе не знали, какія бываютъ на Руси плохія дороги. На самомъ дѣлѣ, переѣздъ отъ Новгородки до Святыхъ Горъ вполне сносный. Правда, дорога не мощеная и глинистая, а потому въ сухое лѣтнее время довольно пыльная; но ни глубокихъ колеинъ, ни большихъ ухабовъ, ни какихъ бы то ни было опасныхъ мѣстъ на ней нѣтъ, и мы безъ всякихъ усилій проѣхали ее въ теченіе двухъ часовъ. Развѣ это называется плохой дорогой! Зато мѣстность тутъ идетъ болѣе волнистая и разнообразная, попадаются красивыя озерки и довольно большіе лѣса. И вотъ, наконецъ, впереди, на самомъ краю небосклона, изъ-за лѣса показался сперва шпичъ колокольни, а за нимъ зеленая церковная главка...

— Вотъ Святые Горы!—указаль туда ямщикъ.—Это Михайловскій монастырь.

Мы испытали то волненіе, которое знакомо всякому, долгіе годы стремившемуся къ завѣтной цѣли. Сколько разъ она уносила въ туманную даль, превращаясь въ нѣчто недостижимое, въ несбыточную мечту! И вотъ онъ, наконецъ, «предѣлъ желанный!» Цѣль достигнута. Мечта сбылась.

— А вы зачѣмъ туда ѣдете?—полюбопытствовалъ молодой нашъ возница.—Къ кому ѣдете?

— Къ Пушкину ѣдемъ. Слыхаль ты про Пушкина?

— Это вотъ что въ монастырѣ-то похороненъ?

— Онъ самый.

Царень застѣнчиво улыбнулся.

— Гдѣ жъ намъ... А только сказывали намъ тоже про него.

— Что же сказывали?

— Да вотъ десять лѣтъ тому назадъ тутъ большой съѣздъ былъ. Сказывали тогда, что Пушкинъ, дескать, источникъ всѣхъ дѣлъ.

Навстрѣчу намъ катился какой-то экипажъ съ двумя дамами: одна постарше, другая совѣмъ молоденькая.

— Это ѣдетъ Прасковья Александровна Осипова съ какой-нибудь своей дочкой,—сказалъ я, шутя.

И представьте!—оказалось дѣйствительно нѣчто подобное! Это ѣхало семейство мѣстнаго помѣщика г. Фока—прямое потомство Прасковьи Александровны Осиповой.

Святогорскій Михайловскій монастырь находится на окраинѣ слободы Тоболенца, и потому Тоболенецъ и Святыя Горы звучатъ въ устахъ мѣстнаго населенія какъ синонимы: ѣхать въ Святыя Горы значить ѣхать въ Тоболенецъ; жить въ Тоболенцѣ значить жить въ Святыхъ Горахъ. Въ монастырѣ нѣтъ никакой гостиницы, и пріютиться тамъ негдѣ. Въ Тоболенцѣ также нѣтъ гостиницы, но пріютиться здѣсь можно у кого-нибудь изъ слобожанъ, пускающихъ къ себѣ пріѣзжихъ за плату. Чуть ли не отъ самаго Острова ямщики совѣтуютъ ѣдущимъ въ Святыя Горы остановиться у того или другого слобожанина, выхваляя его до небесъ. Но къ этимъ совѣтамъ надо относиться съ величайшей осторожностью, такъ какъ они, кажется, не совѣмъ безкорыстны. Слѣдуя имъ, можно нарваться на большіе сюрпризы. Можно, напримѣръ, попасть къ пьяному, обнаглѣвшему мужику, который испортитъ вамъ всю поѣздку и отравитъ всѣ впечатлѣнія. Одинъ такой хозяинъ содралъ съ проѣзжаго за ночлегъ 25 рублей. «Вы-де со мной не рядились, такъ я-де могу теперь взять что угодно». Другого постояльца, за какую-то заявленную претензію, онъ согналъ съ квартиры среди ночи. По рекомендаціи мѣстнаго становаго пристава, любезнаго и энергичнаго Вас. Ив. Феликсова, мы остановились у тоболенскаго золотыхъ дѣлъ мастера Александра Николаевича Столярова. Намъ отвели двѣ большія, свѣтлыя и чистыя комнаты; въ одной изъ нихъ, на почетномъ мѣстѣ, висѣла прекрасная большая фототипія съ извѣстнаго портрета Пушкина, сдѣланнаго Кипренскимъ,—даръ благодарности гостепріимной семьѣ Столяровыхъ отъ путешественниковъ. И дѣйствительно, благодарить есть за что. Довольно сказать, что за обѣды съ насъ взяли только стоимость купленныхъ припасовъ, а за ночлегъ по 50 коп. съ человѣка.

На другой день рано утромъ мы отправились въ монастырь отслужить панихиду. Къ монастырской церкви ведетъ высокая каменная лѣстница. По этой-то самой лѣстницѣ въ раннее морозное утро 6 февраля 1837 года несли гробъ съ остатками величайшаго

русскаго поэта. Гробъ сопровождали Александръ Ивановичъ Тургеневъ, иѣкогда опредѣлившій Пушкина въ лицей, да убитая горемъ сосѣдка поэта, Прасковья Александровна Осипова. Ни отца, ни жены и никого изъ родныхъ усопшаго не было. О какихъ-нибудь торжественныхъ встрѣчахъ и проводахъ нечего было и думать— не такое было тогда время... Псковскому губернатору Пещурову сообщена была высочайшая воля, «чтобы при семъ случаѣ не было никакого особеннаго заявленія, никакой встрѣчи, словомъ, никакой церемоніи, кромѣ того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребеніи тѣла дворянъ». Съ погребеніемъ очень торопились и потому не сдѣлали даже могилы, такъ какъ мерзлую землю трудно было рыть; смоляной ящикъ съ тѣломъ просто зарыли въ снѣгъ, могилу же выкопали только весной... ¹⁾

Поднявшись наверхъ, мы повернули направо и... вотъ она, великая могила! Торжественное, благоговѣйное чувство охватило насъ всѣхъ, и громкій разговоръ мгновенно умолкъ, перейдя въ едва слышный шопотъ... Началась панихида, скромная, безъ пѣвчихъ, которые отсутствовали по случаю крестныхъ ходовъ съ мѣстными чудотворными иконами. Тѣмъ не менѣе, старичокъ-іеромонахъ, дьяконъ и причетникъ служили истово, благоговѣйно, слова произносили отчетливо, съ толкомъ и смысломъ. Наша панихида была не для парада и не для показу, а для удовлетворенія давнишняго сердечнаго желанія—помолиться за душу «болярина Александра» на его могилѣ. Природа какъ нельзя лучше отвѣчала нашему настроенію. Было тихое лѣтнее утро; тихо поднимался кадильный дымъ къ безоблачному синему небу; тихо шелестѣлъ листьями старый вязъ, осѣняющій своими зелеными вѣтвями мраморный памятникъ поэта. Фантазія невольно вызывала картины далекаго прошлаго. Сколько разъ, думалось мнѣ, приходили сюда милыя сосѣдки Пушкина, обитательницы поэтическаго Тригорскаго! Сколько разъ, въ глубокомъ безмолвномъ горѣ, склонялись онѣ предъ этою безвременной могилой, орошая ее слезами! Въ теченіе многихъ лѣтъ онѣ были едва ли не единственными посетительницами могилы Пушкина, забытой и заброшенной. Сбылись ли надъ этою могилой слова поэта:

На вѣтви сосны преклоненной,
 Бывало, ранній вѣтерокъ
 Надъ этой урною смиренной
 Качалъ таинственный вѣнокъ:
 Бывало, въ поздніе досуги
 Сюда ходили двѣ подруги
 И на могилѣ, при лунѣ,
 Обнявшись, плакали онѣ...

¹⁾ И. И. Василевъ. Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи. Сиб. 1899. Стр. 10.

Хочется вѣрить, что такъ именно это и было...

Надгробный памятникъ Пушкина хорошо извѣстенъ по рисункамъ, а потому описывать его мы не станемъ, но скажемъ нѣсколько словъ о его исторіи. Сначала на могилѣ стоялъ простой черный деревянный крестъ. Нынѣшній, очень хорошій мраморный памятникъ поставленъ только въ концѣ 40-хъ годовъ, но кѣмъ и на чьи средства—въ точности неизвѣстно. Исслѣдователь псковской старины И. И. Василевъ предполагаетъ, что онъ сооруженъ на сумму (15 т. р.), отпущенную государемъ Николаемъ Павловичемъ. Съ теченіемъ времени гора, на которой находится монастырское кладбище, стала постепенно разрушаться. Дождевыя воды, подмывая ея основаніе, угрожали цѣлости памятника. Велѣдствіе этого, ко дню столѣтія со дня рожденія Пушкина, вся площадка, на которой находится могила поэта и его предковъ, была покрыта деревяннымъ помостомъ. Но эта полумѣра не могла остановить разрушительнаго дѣйствія стихій: въ 1902 году гора разсѣлась, и сходя, сдѣланный надъ гробомъ Пушкина, треснулъ, причемъ обнаружился даже уголь гроба. Какъ разъ въ это время образовалась пушкинская комиссія, избранная псковскимъ дворянствомъ въ память Пушкина. Она-то и принялась за спасеніе дорогихъ для Россіи останковъ, взявъ это дѣло въ свои руки. Въ томъ же 1902 г. она укрѣпила гору гранитной стѣной, покрыла всю площадку бетономъ и окружила ее прочной мраморной балюстрадой. Получилось сооруженіе солидное и, повидимому, долговѣчное. Кромѣ того, комиссія распорядилась отшлифовать мраморный памятникъ поэта (обелискъ) заново, и за это нужно сказать ей великое спасибо, потому что шлифовкою уничтожены покрывавшія обелискъ безчисленныя надписи посѣтителей. Теперь обелискъ совершенно чистъ и блещетъ яркой бѣлизной. Не ограничиваясь этимъ, псковское дворянство просило мѣстнаго земскаго начальника, дѣятельнаго и заботливаго П. Ф. Карпова, устроить постоянный надзоръ за сохраненіемъ памятника и всѣхъ лицъ, замѣченныхъ въ порчѣ памятника или балюстрады, привлекать къ законной отвѣтственности. Имѣются и денежныя средства для осуществленія этого надзора и вообще для поддержанія памятника—это проценты съ 2 т. руб., спеціально для того назначенныхъ. Къ сожалѣнію, за пачкунами, какъ видно, услѣдить не легко, тѣмъ болѣе, что земскій начальникъ по своей должности часто бываетъ въ разъѣздахъ. При нашемъ посѣщеніи балюстрада была испрещена надписями (цензурными, спасибо хоть за это!). Полагаемъ, что ближайшее смотрѣніе за памятникомъ принадлежитъ монастырю. Стоило бы только не пускать посѣтителей къ пушкинской могилѣ безъ провожатаго, или, по крайней мѣрѣ, навѣщать ее хоть разъ въ день и стирать или смывать всѣ надписи. Еще лучше было бы изловить хоть одного такого «писателя» и заставить его прогуляться въ камеру земскаго

начальника. Смѣло можно сказать, что одинъ такой случай произвелъ бы сильное впечатлѣніе и надолго образумилъ бы подобныхъ господъ. Что касается самаго памятника, то онъ, повидимому, достаточно защищенъ отъ «писателей»: его окружаетъ массивная чугунная рѣшетка, чрезъ которую нельзя достать рукой до памятника. Необходимо только, чтобы эта рѣшетка была постоянно заперта на замокъ. При насъ же она почему-то была открыта. Нельзя не упомянуть и о томъ, что какъ памятникъ, такъ и вся площадка были при насъ сплошь усѣяны разнымъ древеснымъ мусоромъ, обильно падающимъ съ сосѣднихъ деревьевъ: сучьями, сухими листьями, остатками цвѣтенія и пр. Наши дамы пришли въ священный ужасъ при видѣ такого безпорядка, тутъ же нарвали вѣтокъ, сдѣлали изъ нихъ вѣники и сами, своими руками подмели всю площадку. Неужели въ монастырѣ нѣтъ какого-нибудь служки, который могъ бы разъ въ день исполнять эту пустую обязанность? Не мѣшаетъ замѣтить, что изъ собранныхъ всеобщю подпиской денегъ передана тысяча рублей на вѣчноопоминаніе А. С. Пушкина.

Послѣ панихиды мы поѣхали въ Михайловское и Тригорское. Михайловское находится отъ Святыхъ Горъ въ 4 верстахъ, Тригорское же отъ Михайловскаго въ 3 верстахъ. Лошадей для этой поѣздки можно всегда получить на почтовой станціи. Тоболенца за недорогую цѣну; за пару лошадей съ насъ взяли всего 2 рубля. Часть нашего общества поѣхала на лошади нашего хозяина Столярова, въ хорошемъ экипажѣ, и всего за рубль. Нашимъ проводникомъ былъ братъ хозяина, симпатичный молодой человекъ И. Н. Столяровъ, видимо, немало читавшій и хорошо знакомый со всѣмъ, что связано въ этой мѣстности съ памятью Пушкина.

Не будемъ описывать мѣстности Михайловскаго и Тригорскаго, уже столько разъ описанной. Считаемо, однако, не лишнимъ коснуться позднѣйшей, современной намъ исторіи Михайловскаго, а также пояснить читателямъ его нынѣшнее юридическое положеніе. Свѣдѣнія эти мы беремъ, главнымъ образомъ, изъ брошюры: «Краткая справка о Михайловскомъ и колоніи имени А. С. Пушкина. Псковъ. 1909 г.». Прежде всего замѣтимъ, что Михайловское и Тригорское не есть села въ общепринятомъ смыслѣ слова, а просто помѣщичьи усадьбы. До 1899 г. Михайловское принадлежало сыну поэта, Григорію Александровичу Пушкину, который и проживалъ тамъ временами. Въ 1899 году оно было куплено казною и передано въ вѣдѣніе государственнаго дворянскаго банка. вмѣстѣ съ тѣмъ, по высочайшему повелѣнію, было предоставлено псковскому дворянству устроить въ Михайловскомъ какое-нибудь благотворительное заведеніе имени Пушкина. Дворянство рѣшило устроить въ немъ колонію для неизлечимо больныхъ писателей, лишенныхъ возможности заниматься литературнымъ трудомъ, а также для сиротъ и вдовъ писателей. Нашлись для этого и нѣко-

торыя денежныя средства. Дѣло въ томъ, что съ 1898 г. производилась по всей Россіи подписка на устройство различныхъ учрежденій въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина. Къ 1902 году эта подписка достигла 104 т. р., изъ которыхъ 31 т. р. и были выданы псковскому дворянству для указанной цѣли. Найдя эту сумму недостаточной, дворянство стало хлопотать о передачѣ ему въ собственность самого села Михайловскаго, дабы доходами съ имѣнія увеличить полученный капиталъ. Долго хлопоты эти оставались безплодными и если, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ, то только благодаря особой настойчивости тогдашняго псковскаго губернскаго предводителя дворянства В. В. Философова, а также сочувствію этому дѣлу непремѣннаго секретаря академіи наукъ С. Ф. Ольденбурга и управляющаго дворянскимъ банкомъ г. Кривошеина, при могущественной поддержкѣ августѣйшаго президента академіи наукъ. Въ 1906 г. Михайловское, во всемъ его объемѣ, было передано псковскому дворянству. Въ настоящее время образованъ главный комитетъ, которому предоставлено главное управленіе Михайловскимъ и колонією (пока еще будущею); ближайшее же завѣдываніе ими ввѣрено особому попечителю, которымъ теперь состоитъ опочекій уѣздный предводитель дворянства Г. Г. Корсаковъ. Уставъ колоніи уже утвержденъ. Вотъ нѣкоторыя изъ его положеній: кромѣ писателей, ихъ сиротъ и вдовъ, проживать въ колоніи предоставляется большымъ и престарѣлымъ учителямъ и учительницамъ сельскихъ и городскихъ школъ (изъ этого видно, что первоначальная цѣль колоніи расширена); каждый жилецъ помѣщается, по возможности, въ отдѣльной комнатѣ; вдовы съ дѣтьми помѣщаются въ двухъ или трехъ комнатахъ и, по возможности, въ отдѣльныхъ домикахъ, по одной или двѣ семьи; всѣ проживающіе въ колоніи пользуются бесплатно полнымъ пансіономъ (слѣдовательно, не только жилищемъ, но столомъ, прислугой и пр.); для общаго пользованія въ колоніи имѣются библіотека, читальня, рабочая комната, пріемная-гостиная, столовая, лазаретъ, баня, кунальня, лодка, цвѣтникъ, паркъ для гулянья; колонія обезпечиваетъ удобное сообщеніе со Святыми Горами, гдѣ имѣются церкви, почта, телеграфъ, докторъ и проч. Кромѣ того, въ колоніи будетъ устроено помѣщеніе и платный пансіонъ для лицъ, пожелавшихъ посѣтить Михайловское.

Просимъ, однако, помнить, что все это пока существуетъ только въ уставѣ и есть дѣло будущаго, хотя и недалекаго. Для оборудованія колоніи въ распоряженіи главнаго комитета имѣется около 60 т. р., изъ чего видно, что первоначальный капиталъ въ 31 т. р. увеличился вдвое. Сперва предполагали выстроить большой каменный домъ для всѣхъ колонистовъ; въ немъ же должны были помѣститься и библіотека, и лазаретъ, и все прочее. Однакожъ смѣта на такое сооруженіе оказалась слишкомъ дорогою: 80 т. р.

Содержаніе такого зданія обошлось бы также не дешево; каменный домъ необходимо отапливать во всякомъ случаѣ, хотя бы въ немъ никто не жилъ или жилъ бы одинъ человекъ въ одной комнатѣ. Кромѣ того, всякому пріятнѣе жить въ маленькомъ особнячкѣ, нежели въ огромномъ общемъ зданіи, которое, какъ никакъ, все-таки будетъ напоминать не то казарму, не то богадѣльню. Не говоримъ уже о томъ, что каменная громада нарушила бы вѣковой характеръ этого тихаго, патриархальнаго уголка, обвѣяннаго тонкою поэзіей Пушкина. Поэтому, комитетъ остановился на мысли устроить нѣсколько маленькихъ деревянныхъ особнячковъ, на одну или двѣ семьи. Для перваго раза рѣшено приспособить для этого старинный деревянный птичникъ, еще пушкинскихъ временъ. Теперь онъ передѣланъ въ довольно изящный домикъ, вполне пригодный для небольшой семьи. Такъ какъ колонія еще не существуетъ, то этотъ домикъ отдается подъ дачу за 50 рублей въ лѣто. Несмотря на столь умѣренную цѣну, онъ пустуетъ. Причины понятны: желѣзнодорожная станція за 60 верстъ, припасы доставать трудно, кругомъ глушь, одиночество полное, да въ наше «освободительное» время и не без-опасно... Конечно, съ устройствомъ колоніи все эти неудобства устроятся или, по крайней мѣрѣ, будутъ не столь чувствительны. Одинъ изъ членовъ главнаго комитета говорилъ намъ, что если бы даже и сейчасъ кто-нибудь изъ лицъ, имѣющихъ право помѣститься въ колоніи, изъявилъ на то свое желаніе, то комитетъ охотно перевезъ бы его со всею семьей и имуществомъ, на своихъ лошадяхъ, бесплатно отъ самаго Острова до Михайловскаго. Но, повторяемъ, желающихъ до сихъ поръ не оказывается. Затѣмъ предложено перестроить старинный амбаръ на помѣщеніе для двухъ семействъ. Если этого окажется мало, то можно будетъ выстроить цѣлый рядъ маленькихъ домиковъ-особнячковъ; средствъ на это хватитъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на ст. 13 устава: «находящійся въ имѣніи барскій домъ (не считая новѣйшей постройки), принадлежавшій А. С. Пушкину, а также стоящій съ нимъ рядомъ небольшой флигель (баня), гдѣ поэтъ жилъ съ нянею въ первые годы ссылки,—сохраняются какъ святыня, и въ трехъ комнатахъ дома устраиваются гостиная, библіотека-читальня для проживающихъ въ колоніи и маленькій музей (въ кабинетѣ поэта)». Статья эта является теперь въ значительной своей части уже, такъ сказать, анахронизмомъ, ибо домъ, о которомъ она говоритъ,—увы!—сгорѣлъ осенью прошлаго года. Остался только флигель-баня. Причиною пожара были рабочіе, оставшіеся почевать въ домъ и заронившіе тамъ искру. Весьма важно было бы установить съ точностью: что это былъ за домъ и какое отношеніе имѣлъ онъ къ А. С. Пушкину? Уставъ, какъ мы видимъ, говоритъ вполне опредѣленно: домъ, не считая новѣйшей постройки, принадлежалъ А. С. Пуш-

кину, и въ немъ находился, между прочимъ, кабинетъ поэта; тутъ же уставъ добавляетъ, что въ первые годы ссылки Пушкинъ жилъ не въ домѣ, а въ маленькомъ флигелѣ-банѣ, который уцѣлѣлъ отъ пожара. Прежде всего не ясно, что нужно разумѣть подь «первыми годами ссылки». Пушкинъ былъ высланъ въ Михайловское изъ Одессы 30 іюля 1824 года и пробылъ тамъ по 5 сентября 1826 года, т.-е. немного болѣе 2 лѣтъ; слѣдовательно, «первые годы» ссылки были въ то же время и послѣдними. Позже Пушкинъ посѣщалъ Михайловское уже въ качествѣ свободнаго человѣка, а не ссылнаго. Итакъ, если рѣчь идетъ именно объ этихъ годахъ, то выходитъ, что Пушкинъ провелъ ихъ не въ своемъ барскомъ домѣ, а во флигелѣ-банѣ. Мы видѣли этотъ флигель. Это—крохотный домишко о двухъ маленькихъ комнаткахъ, раздѣленныхъ сѣнями. Пожалуй, онъ могъ быть и баней, хотя теперь никакихъ банныхъ приспособленій, въ родѣ полка или каменки, въ немъ нѣтъ. При видѣ этого домика сразу возникаетъ вопросъ: зачѣмъ бы Пушкину жить въ этой будкѣ, когда въ двухъ шагахъ отъ нея стоялъ цѣлый барскій домъ? Другъ дѣтства Пушкина, И. И. Пущинъ, навѣстившій его зимою 1824 года, говоритъ вполне точно, что Пушкинъ жилъ въ домѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ комнатъ. Въ 1888 году посѣтилъ Михайловское г. Анатолій Половцевъ и познакомился съ хозяиномъ—Григоріемъ Александровичемъ Пушкинымъ. По словамъ послѣдняго, Михайловское было въ полномъ запустѣніи долгіе годы. Когда Григорій Александровичъ пріѣхалъ туда въ началѣ 60-хъ годовъ, то домъ, въ которомъ жилъ поэтъ, совсѣмъ разваливался; его пришлось сломать и выстроить совсѣмъ новый¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что сгорѣвшій въ прошломъ году домъ не имѣлъ къ поэту никакого отношенія и былъ выстроенъ въ 60-хъ годахъ.

Но въ Святыхъ Горахъ намъ передавали слова, неоднократно сказанныя лицомъ, хорошо знавшимъ прошлое Михайловскаго, пожалуй, даже лучше самого Григ. Алекс. Пушкина. Весною этого года «сошла подь вѣчны своды» послѣдняя изъ современныхъ Пушкину обитательницъ тригорскаго дома—Екатерина Ивановна Фокъ, урожденная Осипова, самый младшій членъ семьи Прасковьи Александровны отъ второго брака. Пушкинъ въ своихъ письмахъ упоминаетъ о ней дважды: 1 августа 1825 г. онъ пишетъ изъ Михайловскаго Прасковьѣ Александровнѣ, находившейся тогда въ Ригѣ: «я сію минуту отъ васъ. Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно». Черезъ 10 дней онъ опять пишетъ ей же: «... еще сегодня былъ я въ Тригорскомъ. Малютка совершенно здорова и прехорошенькая». Эта малютка и была Екатерина Ивановна, послѣдняя дочь Осиповой. Такъ какъ Праск. Алекс. вышла замужъ за Осипова въ 1817 году, то, слѣдовательно, Екатерина Ивановна

¹⁾ «Московскіи Вѣдомости» 1899 г., № 146, статья А. Подовцева: «Поѣздка въ Михайловское въ августѣ 1889 года».

могла родиться около 1820 года ¹⁾). Въ 1825 году ей могло быть около 5 лѣтъ, а въ 1835 году, т.-е. въ послѣдній прїѣздъ Пушкина въ Михайловское—около 15 лѣтъ. Если такъ, то она должна была не только хорошо помнить Пушкина, но у нея даже могло сохраниться воспоминаніе и о нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, которая переѣхала въ Петербургъ въ 1828 году, когда Екатеринѣ Ивановнѣ было около 8 лѣтъ отъ роду ²⁾). Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни г-жа Фокъ жила въ Тоболенцѣ, въ домѣ нашихъ хозяевъ Столяровыхъ. Послѣдніе хорошо помнятъ, что она нѣсколько разъ съ особою настойчивостью повторяла: «Что это выдумали, будто тотъ маленькій домикъ (т.-е. флигель-баня) былъ баней? Никогда онъ не былъ баней! Всѣмъ, всѣмъ говорите, что это домикъ Пушкина, гдѣ онъ жилъ съ Ариной Родіоновной». Вообще же старушка уклонялась отъ разговоровъ одалекомъ прошломъ, хотя, по ея словамъ, хорошо помнила Пушкина.

Итакъ, вотъ странныя противорѣчія, которыя мы примирить не беремся, но приводимъ ихъ для лицъ, болѣе насъ свѣдущихъ въ этомъ вопросѣ.

При вѣздѣ въ Михайловское мы были прїятно удивлены царящими въ немъ чистотой и порядкомъ: дорожки выдолоты и подметены, огромная клумба посреди двора находится въ хорошемъ видѣ и вся покрыта душистыми цвѣтами—шиповникомъ и жасминомъ. На всемъ видна чья-то любящая, заботливая рука. И это тѣмъ страннѣе, что совсѣмъ не видишь людей: словно какая-то волшебная фея хозяйничаетъ въ этомъ поэтическомъ уголкѣ. На мѣстѣ сторѣвшаго дома строится новый, но рабочихъ, по случаю какого-то праздника, не было. Домъ строится по плану прежняго и предназначенъ для общаго зала, библіотеки, бильярдной и проч. Пока выведены только нижніе бревенчатые вѣнцы. Скоро, однако, появился и единственный жилецъ усадьбы, управляющій г. Богдановъ, встрѣтившій насъ въ высшей степени прївѣтливо. Онъ объяснилъ намъ, что пушкинскія вещи, о которыхъ упоминаютъ лица, ранѣе насъ посѣтившія Михайловское, а именно бильярдъ и кій, увезены въ Петербургъ, въ Александровскій лицей. Мы насладились роскошнымъ видомъ на два озера, сверкавшія подъ лучами лѣтняго солнца; погуляли по темнымъ аллеямъ парка, въ которомъ встрѣчаются деревья чуть не въ три обхвата, помнящія, навѣрно, не только Пушкина, но и его прадѣдовъ; вспомнили, что въ этомъ самомъ паркѣ Пушкинъ гулялъ когда-то съ красавицей Кернъ и спряталъ на память камень, о который споткнулась ея ножка; наконецъ мы отправились въ Тригорское, отстоящее отъ Михайловскаго всего въ 3 верстахъ, по той самой живописной дорогѣ, по которой чуть не ежедневно ѣзжалъ великій поэтъ къ своимъ тригорскимъ сосѣдкамъ. Въ одной верстѣ до Тригорскаго, вправо отъ

¹⁾ Отъ брака съ Осиповымъ Прасковья Александровна имѣла только двухъ дѣтей: Марію и Екатерину.

²⁾ Л. Павлицевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. М. 1890 г., стр. 13 и 41.

дороги, возвышается крутая гора съ бѣлѣющей наверху церковью во имя св. Георгія. Это—сельцо Вороницы, бывшее нѣкогда, подобно Острову, пригородомъ Пскова. Когда-то и оно оглашалось браннымъ кличемъ и видывало всякіе виды. Громили его и литовцы, и нѣмцы, и русскіе «воровскіе люди»; много разъ вороничанамъ «притужно было вельми», но маленькая крѣпостца честно стояла на стражѣ родной земли; «помолвившеса Богу и святому Георгію», вороничане смѣло вступали въ бой съ сильнымъ врагомъ, и врагъ уходилъ посрамленный. Въ Вороничахъ Пушкинъ писалъ своего «Бориса Годунова», и здѣсь же погребены нѣкоторые изъ его тригорскихъ друзей.

Тригорскій домъ—длинное деревянное зданіе съ двумя балконами: одинъ выходитъ во дворъ, а другой на рѣку Соротъ. Съ этого второго балкона открывается прелестный видъ. По яркой зелени луговъ, окаймленныхъ дальней синевою лѣсовъ, красиво извивается голубая Соротъ, «подруга зеркальныхъ озеръ». Такой видъ, подобно виду на море, никогда не надоѣстъ, сколько на него ни смотри. Несомнѣнно, что Пушкинъ, такъ живо чувствовавшій красоту природы, предпочиталъ сидѣть именно на этомъ балконѣ, нежели на другомъ, выходящемъ во дворъ. Къ сожалѣнію, балконъ давнымъ-давно заброшенъ и представляетъ печальное зрѣлище полнаго разрушенія: доски сгнили и мѣстами провалились, ступени патаются... Починить его, задѣлать щели рейками стоило бы гроши, тѣмъ болѣе, что лѣсъ вѣдь подъ руками, не купленный. Площадка передъ балкономъ вся заросла густою крапивой. Видно, что давно уже на нее махнули рукой, она осталась, такъ сказать, впѣ хозяйскаго глаза. Нельзя, однако, сказать, чтобы это мѣсто не посѣщалось. Слѣды посѣщеній отчетливо видны на деревянной скамьѣ, которая такъ и манитъ посидѣть на ней въ прохладной тѣни деревьевъ. Увы! эта скамья вся испещрена пакостными надписями, безъ которыхъ, кажется, не обходится на Руси ни одинъ заборъ, ни одна стѣна и, вообще, ни одинъ предметъ, мало-мальски доступный проходящимъ. Стесать эти мерзкія надписи можно было въ нѣсколько минутъ. Тригорское принадлежитъ теперь одной изъ баронессъ Вревскихъ, которая давно уже тамъ не живетъ и отдаетъ его въ аренду. Въ знаменитомъ домѣ живетъ семейство арендатора. Въ домѣ сохранилась мебель пушкинскихъ временъ и роялино Тишнера, по клавишамъ котораго бѣгали когда-то пальчики дочерей Прасковьи Александровны. Странное и почти жуткое впечатлѣніе производитъ звукъ этого роялино: пріятный, но очень слабый и какъ-то словно хватающій за сердце... Никогда бы я не рѣшился дотронуться до этого инструмента, какъ до святыни. При видѣ этихъ остатковъ минувшаго, бѣдныхъ количествомъ, но много горящихъ чувству, невольно думается: хорошо было бы собрать ихъ всѣхъ воедино и обставить ими одну какую-нибудь комнату дома. Это былъ бы уголокъ прошлаго, живо переносящій васъ въ двадцатые

годы XIX вѣка. Разставленные же, какъ теперь, по всѣмъ комнатамъ, всѣ эти предметы теряются, и впечатлѣніе, производимое ими, слабѣетъ.

Гуляя по густымъ паркамъ Тригорскаго, мы вспоминали его прежнихъ хозяевъ, общество которыхъ услаждало печальное одиночество опальнаго поэта. Какъ жаль, что мы имѣемъ такой скудный біографическій матеріалъ относительно тригорскихъ барышень! Высказывалось, напримѣръ, мнѣніе, что Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ послужили поэту прототипами Татьяны и Ольги и что онъ даже одно время думалъ о бракѣ съ Анной Николаевной¹⁾. Относительно Евпраксіи имѣется, дѣйствительно, нѣкоторый косвенный намекъ на какую-то связь ея съ романомъ «Евгеній Онѣгинъ»: это экземпляръ романа, подаренный ей Пушкинымъ, съ надписью: «твоя отъ твоихъ». Что же касается ея старшей сестры Анны, то ни въ письмахъ Пушкина, ни въ воспоминаніяхъ о немъ, собранныхъ Л. Майковымъ, ни въ книгѣ племянника Пушкина Л. Павлищева, хорошо знавшаго Анну Николаевну, нѣтъ ни малѣйшаго намека на какое-нибудь, хотя бы мимолетное увлеченіе ею поэта. Скорѣе наоборотъ: въ нѣкоторыхъ письмахъ его пробивается явно насмѣшливый и, пожалуй, даже пренебрежительный тонъ по отношенію къ Аннѣ Николаевнѣ. Напримѣръ, въ письмѣ къ брату, въ октябрѣ 1824 года, онъ пишетъ: «съ Анеткою бранюсь: падоѣла!» Въ ноябрѣ онъ пишетъ ему же: «Annette очень смѣшна». Едва ли такія выраженія совмѣстимы съ нѣжнымъ чувствомъ. Не смѣшиваютъ ли Анну Николаевну съ ея кузиной Анной Ивановной Вульфъ (Netty), дочерью родного дяди первой, Ивана Ивановича Вульфа? Между Анной Ивановной и Пушкинымъ дѣйствительно былъ какой-то, быть можетъ, самый невинный, романъ. Первое указаніе на это встрѣчаемъ въ письмѣ Пушкина къ брату, писанномъ изъ Тригорскаго 12-го марта 1825 года: «Анна Николаевна тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ, потому что я влюбился и миртильничую. Знаешь ея кузину А. И. В.? Ессе foemina!» Въ письмѣ къ нему же отъ 7-го апрѣля слышится намекъ на какую-то таинственную переписку съ Netty. Романъ съ Netty, должно быть, оборвался въ іюнѣ 1825 года, когда въ Тригорское пріѣхала красавица Кернъ и возбудила въ поэтѣ бурную страсть. Въ послѣдній разъ Пушкинъ упоминаетъ о Netty въ письмѣ къ Вульфъ отъ 16-го октября 1829 года, изъ Малицниковъ—имѣнія Ивана Ивановича Вульфа, въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, куда онъ заѣхалъ, возвращаясь изъ Эрзерума: «... Netty, нѣжная, томная, историческая, потолстѣвшая Netty здѣсь... Вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ... Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю...Симъ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., № 3, стр. 1044.
«истор. вѣстн.», ноябрь, 1909 г., т. XVIII.

позвольте заключить поучительное мое посланіе». Объ Аннѣ Ивановнѣ, если мы не ошибаемся, извѣстно только, что она вышла замужъ за нѣкоего Трувеллера.

При воспоминаніи объ этихъ двухъ годахъ, проведенныхъ Пушкинымъ въ «глуши печальной», невольно рождается вопросъ: что было бы, если бы поэтъ соединилъ свою судьбу съ одной изъ этихъ простыхъ, скромныхъ, но чистыхъ сердцемъ и искренно, безъ расчета любившихъ его деревенскихъ барышень? Если бы онъ не на словахъ, а на дѣлѣ .

...промѣнять порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей?..

Жизнь въ Михайловскомъ, если и могла ему иногда казаться несносной, то только потому, что она была вынужденной, была обставлена докучнымъ, мелочнымъ надзоромъ. Само же по себѣ сельское уединеніе далеко не противорѣчило его склонностямъ. Живя въ шумной и веселой Одессѣ, онъ писалъ:

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучѣе голосъ лирный,
Живѣе творческіе сны.

Могла ли бы какая-нибудь изъ его милыхъ, поэтическихъ сосѣдокъ дать ему душевный миръ и то тихое счастье семейнаго очага, которымъ судьба его такъ обдѣлила?

На этотъ вопросъ наши дамы единодушно отвѣтили: нѣтъ! великіе люди не созданы для семейнаго счастья...

Изъ Тригорскаго мы прямою дорогою отправились въ Святые Горы, и здѣсь наши дамы еще разъ посѣтили могилу поэта, чтобы возложить на нее букеты полевыхъ цвѣтовъ, собранныхъ въ его любимомъ Михайловскомъ. На утро мы тронулись въ обратный путь, унося съ собою глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія. Два дня, проведенные въ пушкинскихъ уголкахъ, казались намъ какимъ-то очаровательнымъ сновидѣніемъ. Выѣхавъ изъ Святыхъ Горъ, мы долго оглядывались назадъ, на виднѣвшуюся вдали главу монастыря, и посылали прощальные привѣты священному праху. Но вотъ церковь и колокольня становятся все меньше... меньше... Еще поворотъ дороги—и онѣ исчезли...

Мигъ одинъ — и нѣтъ волшебной сказки...

Въ заключеніе не можемъ не посовѣтовать всякому, располагающему небольшими средствами и лѣтнимъ свободнымъ временемъ, предпринять это интересное путешествіе. Оно, право, недорого. Отъ Петербурга, при ѣздѣ во второмъ классѣ, съ ночлегами, объѣдами, подачками ямщикамъ и проч., оно обойдется отъ 35—40 рублей на человѣка.

К—нѣ.

МОЯ СТАТЬЯ О ЧЕХОВѢ.

(Бесѣда съ читателями).

«Слова и иллюзиі гибнутъ—факты остаются».
Д. И. Писаревъ.

I.

ВЪПОМИНАЯ доброе старое литературное время, когда велась горячая полемика между журналистами, когда страсти разыгрывались съ такой же силой, какъ и въ наши дни,—вѣроятно, многіе читатели не безъ грусти должны видѣть, что характеръ современныхъ полемическихъ статей измѣнился къ худшему. Теперь литераторъ воюетъ по-японски, подползая къ противнику и ударяя его неожиданно, изъ-за угла. Всѣ старинные добросовѣстные приемы журнальной борьбы забываются и оставляются. Честное отношеніе къ рѣчамъ противника начинаетъ казаться смѣшной наивностью. Очень многіе писатели пускаютъ въ ходъ передержки, навязываютъ вамъ свои собственные идеи, клеветуютъ безъ зазрѣнія совѣсти о вашей дѣятельности и съ легкимъ сердцемъ пачкаютъ вашу чистую репутацію. Я ужъ не говорю о приличномъ тонѣ: онъ исчезъ, и взамѣнъ ему приглашены грубѣйшіе эпитеты, позорнѣйшія выраженія. Бѣда тому, кто осмѣлится пойти вразрѣзъ съ мнѣніемъ сплоченнаго большинства: онъ, какъ докторъ Штокманъ въ пьесѣ Ибсена, восприметъ на свою голову всѣ недостойныя выходки, всѣ камни изъ-за пазухи и грязные потоки многоразличныхъ обвиненій...

Къ счастью, есть оазисъ, гдѣ всегда найдется пріютъ оскорбленному писателю: это—кружокъ интеллигентныхъ читателей, когда-то маленькій, теперь обширный и окрѣпшій. Я говорю о читателѣ,

конечно, развитомъ, стоящемъ выше цѣлой головой много журнальнаго дѣятеля. Такихъ читателей въ наше время стало много. Движеніе 1905—1906 гг. пробудило Россію, провело глубокія борозды на заброшенной нивѣ жизни. Когда эту новь подняли, народились новые дѣятели, новыя оригинальныя мысли. Все измѣнилось, подросло, поумнѣло, а журналистика... осталась прежней, за весьма малыми исключеніями. Вотъ почему сошли и сходятъ съ арены многіе органы прессы, недавніе трибуны, которые неожиданно отстали отъ толпы. Казалось бы, теперь-то и процвѣтать глашатаямъ свободы слова и убѣжденій, но на практикѣ выходитъ другое. Только талантливое изданіе не умираетъ, только умный писатель остается цѣнимъ публикой, несмотря на то или иное его направленіе, лагерь и политическій ярлыкъ. Я думаю, что теперь ужъ не такъ часто встрѣтится тотъ щедринскій читатель, который почитываетъ, а когда съ писателемъ бѣда—скрывается въ подворотню. Нѣтъ, подобный типъ, слава Богу, исчезаетъ и, кажется, навсегда...

Я назвалъ настоящую замѣтку «бесѣдой съ читателями» потому, что статья о Чеховѣ произвела прежде всего впечатлѣніе на публику; я получилъ много писемъ раньше, чѣмъ поднялся шумъ въ газетахъ; всѣ читатели, сочувствующіе и не сочувствующіе моей статьѣ, писали свои письма мягко и деликатно; такимъ образомъ, образованная публика и въ этомъ отношеніи оказалась выше гг. журналистовъ, обрушившихся на меня, какъ говорится, съ пѣной у рта и безъ соблюденія самыхъ простыхъ правилъ приличія. Выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ я помѣщаю въ концѣ моей настоящей замѣтки, а теперь поговорю о газетныхъ статьяхъ, вызванныхъ моимъ первымъ очеркомъ о Чеховѣ.

II.

Читателямъ извѣстенъ этотъ «опытъ характеристики», который я напечаталъ въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Я сдѣлалъ сильную оцѣнку литературной дѣятельности покойнаго симпатичнаго писателя и сообщилъ кое-какіе факты изъ его жизни, рисующіе Чехова, какъ человѣка. Ни одинъ изъ этихъ фактовъ не былъ опровергнутъ, что легко было бы сдѣлать, въ случаѣ неправды или ошибки съ моей стороны.

Собирая матеріалы для біографіи незауряднаго дѣятеля,—Чеховъ же былъ дѣятель крупный и блестящій,—всякій долженъ отдать себѣ отчетъ: для кого онъ пишетъ, для друзей усоншаго дѣятеля или для широкаго круга публики? Для друзей и родныхъ пишутся напегирики, что особенно къ лицу дѣятелю сомнительному; а для правильнаго пониманія выдающагося писателя, артиста, художника и т. п. слѣдуетъ рисовать точный его портретъ. Помоему, начавъ писать біографію Чехова, ни одинъ біографъ не

имѣть права утаить яркіе факты жизни этого литератора, хотя бы самъ по себѣ иной фактъ показывалъ Чехова въ невыгодномъ освѣщеніи. Такъ поступилъ и я, собравъ о Чеховѣ все свѣтлое, украшающее, но точно также упомянулъ и о томъ, что не прибавляло Чехову въ его достоинствахъ. И я не злорадствовалъ, а скорбѣлъ, приводя примѣры паденія его таланта или уклоновъ въ сторону съ прямого пути. Этого, кажется, не понялъ ни одинъ критикъ, вступившій со мной въ полемику.

Веру первую статью сотрудника «Виржевыхъ Вѣдомостей» и «Русскаго Слова» г. А. Измайлова. Онъ писалъ и для Москвы, и для Петербурга, озаглавивъ первый фельетонъ—«Возвышающій обманъ и низкія истины», второй—«Развѣнчаанный Чеховъ». Эти статьи производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Правда, г. Измайловъ выдѣлился изъ общаго хора бранившихся по моему адресу литераторовъ и вполне сдержанно писалъ о моей статьѣ слѣдующее («Русское Слово»):

«Въ воспоминаніяхъ г. Ежова ничего нѣтъ, что было бы неудобнымъ, неприличнымъ въ литературномъ смыслѣ: ни залѣзанія въ личную семейную жизнь Чехова, ни при жизни всѣхъ ему близкихъ неудобныхъ разоблаченій, ни оскорбительнаго тона. Все—въ предѣлахъ строго-литературной статьи, съ неоднократными заявленіями о симпатичности общаго облика Чехова, объ авторскихъ добрыхъ чувствахъ къ нему. Можетъ быть, *совсѣмъ немного* (курсивъ мой) нужно было вычеркнуть, чтобы статья соответствовала своему подзаголовку «эпизодъ характеристики», какой стоитъ надъ нею».

Но далѣе г. Измайловъ, перечисливъ кое-какіе примѣры не въ пользу Чехова, вдругъ заявляетъ:

«Въ такомъ родѣ вся статья г. Ежова».

Я затрудняюсь понять эту фразу. Если вся моя статья такъ подобрана, что она вся, сплошь, неблагопріятна для Чехова, то какимъ образомъ я могъ бы «совсѣмъ немного» вычеркнуть, чтобы статья соответствовала идеалу г. Измайлова?

Но не въ этомъ главная странность фельетона названнаго журналиста. У него приводится много великихъ именъ, и авторъ, во имя тезиса «тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ», хочетъ вѣрить, что Пифагоръ слышалъ гармонию сферъ, Магометъ бесѣдовалъ съ ангелами, а Беатриче была сверхъестественно хороша собою. Далѣе, г. Измайловъ говоритъ, что Шекспиръ кралъ дичь, Вольтеръ имѣлъ вставные зубы, а лордъ Бэконъ бралъ взятки, не что у этихъ людей было «кое-что и повыше». Все это совершенно справедливо, но какое отношеніе имѣть къ моей статьѣ о Чеховѣ? Я писалъ о послѣднемъ и то, что въ немъ есть «повыше», и то, что «и пониже». Я старался быть объективнымъ, безпристрастнымъ. Я рисовалъ не карикатуру, а портретъ писа-

теля. Дѣло, впрочемъ, вотъ въ чемъ: я и г. Измайловъ совершенно по разному смотримъ на Чехова. Онъ видитъ въ немъ первокласснаго русскаго писателя и ставитъ его имя рядомъ съ именами Шекспира, Байрона, Пушкина. Я Чехова съ такими гѣпями не сопоставлю и называю писателемъ среднимъ, отчасти подражательнымъ. Но въ своей статьѣ я отнюдь не уподоблялся «толпѣ, жадно читающей записки о великихъ людяхъ, чтобы видѣть ихъ униженіе»,—храни меня Богъ отъ этого! Но вотъ когда чуть не въ хрестоматію начали вводить, какъ правило, что Чеховъ — «великій писатель земли русскою», что онъ «выше Тургенева» и «равенъ Толстому», да еще, вдобавокъ, едва ли не Христось по прекраснодушію, я позволилъ себѣ протестовать и пробовалъ опредѣлить истинные размѣры таланта и дѣятельности Чехова; я хотѣлъ дать нѣсколько вѣрныхъ и характерныхъ черточекъ, изъ которыхъ рисуется личность писателя, и сдѣлалъ это честно, не тайкомъ, не надѣвая маски псевдонима. Но вотъ выступаетъ деликатный г. Измайловъ и зоветъ мои факты «низкими истинами». Что же долженъ обозначать у г. Измайлова «возвышающій обманъ»? Вѣроятно, то, когда біографъ не только «немного» вычеркнетъ темныхъ случаевъ изъ жизни знаменитости, но даже преувеличитъ его солиднѣя добродѣтели? Такъ ли я долженъ понимать г. Измайлова? По-моему, если бы я вычеркнулъ изъ характеристики Чехова его поступки съ покойными Левитаномъ и Кувшинниковой и съ особой, послужившей моделью для искаженнаго Чеховымъ портрета «Ариадны», я бы представилъ вниманію интеллигентнаго читателя не «возвышающій», а, пусть извинитъ меня г. Измайловъ, прямо низкій обманъ. Моя совѣсть такъ мнѣ сдѣлать не позволила, но кто внимательно читалъ мою статью, тотъ вспомнитъ, что я, выразивъ глубокое сожалѣніе по поводу промаховъ Чехова, говорилъ слѣдующее:

«Но то были его ошибки, въ которыхъ онъ, вѣроятно, самъ раскаивался. Слишкомъ много въ Чеховѣ было хорошаго, чтобы онъ не сознавалъ дурного...» («Ист. Вѣстн.», августъ, стр. 508).

Вотъ почему и второй фельетонъ г. Измайлова (Бирж. Вѣдом.), озаглавленный «Развѣнчанный Чеховъ», названъ невѣрно и несправедливо. Одинъ изъ читателей это обстоятельство отмѣчаетъ и, находя мою характеристику вѣрной, пишетъ мнѣ, что критика напрасно говоритъ о «развѣнчиваніи», и что мою статью можно смѣло назвать «Настоящій Чеховъ», «Чеховъ безъ прикрасъ». Но г. Измайловъ, называя мою характеристику «однобокой», самъ «однобоко» меня понялъ и говоритъ, что я сдѣлалъ «подборъ отрицательныхъ фактовъ». Г. Измайлову я могу отвѣтить, положи руку на сердце, что никакихъ «подборовъ» я не производилъ, а писалъ свою статью безъ всякой предвзятой мысли, съ однимъ желаніемъ—быть правдивымъ. Мнѣ было тошно отъ той сусальной одежды, въ которую наря-

дили Чехова его чрезмѣрные поклонники (г. Измайловъ зоветъ такихъ господъ «безвкусниками»), и я своей статьей протестовалъ противъ «засахариванія» (выраженіе также г. Измайлова) Чехова, противъ пошлости тона воспоминателей, а главное—чего не увидаль ни одинъ критикъ—противъ оскорбленія и униженія свѣтлой памяти великихъ писателей: Тургенева, Гончарова и Достоевскаго, которыхъ разные учителя словесности ужъ поставили ниже Чехова, а разные «хмурые» бездарные писатели уподобили его Льву Толстому, этому свѣточу русской литературы, передъ которымъ Чеховъ—былинка, озаренная этими могучими и живительными лучами. Оскорбляясь на мою статью за Чехова, господа журналисты лучше бы оскорбились за классиковъ русской литературы...

III.

Полную противоположность представилъ вѣжливому и литературному г. Измайлову московскій преподаватель словесности и называемый даже «профессоромъ» г. П. Сакулинъ, напечатавшій въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» также обширный фельетонъ, направленный противъ моей статьи о Чеховѣ.

Тутъ ужъ о деликатности нѣтъ и помину. Г. П. Сакулинъ расправляется со мной и съ истиной съ полной безцеремонностью. Вопреки мнѣнію г. Измайлова, только что сказавшаго, что моя статья «строго литературна и не содержитъ обличеній», г. Сакулинъ увѣряетъ, что я то и дѣло «сбиваюсь на обличенія (какія и кого?)», что я неискренень, не имѣю добраго расположенія къ Чехову и только говорю, что восторгаюсь его талантомъ. При этомъ г. Сакулинъ употребляетъ не то чтобы совсѣмъ новые, но для «Русскихъ Вѣдомостей» не совсѣмъ удобные приемы: искажая смыслъ моихъ рѣчей, онъ передаетъ выдержки изъ моей статьи *своими словами*, и получается пѣчто грубое, нелѣпое. Читатели введены въ заблужденіе, и многіе могутъ думать, что это я такъ плохо и плоско наговорилъ про Чехова. А г. Сакулинъ, вообще, литераторъ блѣдный и неуклюжій, цитируя и исправляя меня на свой вкусъ, особенно щеголялъ вульгарнымъ языкомъ. Вотъ хоть эта фраза, будто бы мною написанная про Чехова:

«Захваленный и самообольщенный беллетристъ захотѣлъ быть наравнѣ съ Толстымъ, но такъ и не вышло изъ него не только Толстого, но и Тургенева, и Гончарова, и даже Лѣскова. Таланта не хватило».

Съ такой хлесткостью не совсѣмъ хорошаго тона г. Сакулинъ написалъ всю свою статью, но ни въ чемъ меня не опровергъ. Самъ онъ Чехова зналъ мало и ссылался на г. Бунина, который также о Чеховѣ могъ сказать немного. Чтобы поколебать читателя при оцѣнкѣ моей статьи, г. Сакулинъ сдѣлалъ еще одну неопрят-

ную выходку; онъ заявилъ, что я только потому хвалю чеховскіе рассказы въ «Новомъ Времени», что самъ до сихъ поръ состою постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Честное слово, отъ сотрудника «Русскихъ Вѣдомостей» я ждалъ пріемовъ нѣсколько благороднѣе! Пусть же читатели оцѣняютъ по достоинству уловки прогрессивнаго сотрудника изъ прогрессивной газеты...

Грубоватый и мало-литературный фельетонъ г. Сакулина, какъ я замѣтилъ, носить на себѣ слѣды раздраженія и признаки злорадства. Я знаю, откуда эти ручейки сердца г. Сакулина берутъ свое начало. Я вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на страницахъ «Новаго Времени» я нанесъ самолюбію г. Сакулина чувствительный ударъ. Тогда онъ не могъ напечатать отвѣтнаго фельетона, потому что былъ мною, маленькимъ журналистомъ-корреспондентомъ, онъ, профессоръ словесности и знатокъ литературы, уличенъ въ незнаніи русской литературы.

Я кратко расскажу эту смѣшную исторію. Въ Москвѣ былъ издатель, нѣкій г. Скимунтъ, затѣявшій изданіе «Галереи русскихъ писателей»; онъ пригласилъ гг. П. Сакулина, приватъ-доцента В. Шулятикова (писалъ критическіе фельетоны въ «Курьерѣ» время Фейгина) и врача И. Игнатова, состоящаго до сихъ дней литературно-театральнымъ критикомъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», для составленія и редактированія этой «Галереи». Названные литераторы-критики и знатоки изящной словесности, повозившись довольно долго, наконецъ выпустили въ свѣтъ свой «трудъ». И что же? «Галерея русскихъ писателей» поразила всѣхъ своей безграмотностью и даже, какъ это ни странно, очевиднымъ литературнымъ невѣжествомъ. Начать съ того, что характеристики писателей были составлены невѣрно и пристрастно. Крупные писатели тамъ игнорировались, мелюзга рекламировалась. Какому-то еле извѣстному Осиповичу редакторы нашли много любезныхъ словъ и похвалъ, а Достоевскому (какъ ретрограду, вѣроятно) удѣлили всего 30—40 строкъ (это Достоевскому-то!). Описанъ очень тепло Григорій Мачтетъ, расхваленъ Баранцевичъ, но зато все враждебное предано остракизму или снабжено сухими рецензіями съ воробьиный пось. Многихъ явно забыли, по явному незнанію русской литературы. «Галерея» у меня въ рукахъ, и я тамъ не нахожу слѣдующихъ русскихъ писателей: Ахшарумова, Бажина, князя Кутушева, В. Алмазова, князя Цертелева, графа Голенищева-Кутузова, К. Р., Павла Козлова (переводчика «Донъ-Жуана»), И. Ф. Василевскаго (сотрудника «Русскихъ Вѣдомостей», между прочимъ), Ѳ. Б. Миллера, Вл. О. Михневича, В. А. Тихонова (извѣстный драматургъ), А. Н. Бѣжецкаго (Маслова), С. Н. Сыромятникова (Сигму), А. С. Суворина, князя В. Барятинскаго, А. П. Лукина («Скромный Наблюдатель» изъ тѣхъ же «Русскихъ Вѣдомостей»), Татьяну Пассекъ. Панаеву-Головачеву, Д. Ленскаго (извѣстнаго

водевиллиста), Д. Н. Гирса, С. С. Шашкова, Л. И. Пальмина, Л. И. Трефолева, Л. Н. Граве, А. С. Лазарева-Грузинскаго, А. Голицынскаго, Головина-Орловскаго, князя Волконскаго, М. О. Меньшикова, Вс. С. Соловьева, Накрохина, А. Н. Будищева, Лебедева-Морского, А. Дьякова-Незлобина («Житель»), Захарьина-Якунина, О. Сологуба (Тетерникова, пьщшнюю знаменитость), Н. А. Потъхина, Д. И. Стахъева, Д. Михаловскаго, Губера, Гербеля, Андреевскаго, Петра Быкова, В. Величко, А. Коринфскаго, А. А. Оедотова (драматурга), А. П. Щапова, Кроткова (сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» 80-хъ годовъ), Навроцкаго (Н. А. Вроцкій), Погоръльскаго, Пл. А. Кускова, Ф. В. Черниговца, Дьяченко (прежній «ходовой» драматургъ), Конст. Леонтьева (разказы изъ жизни христіанъ въ Турціи и другіе очерки («Русскій Вѣстникъ» времянь Каткова), Вас. Маркова, Е. Дріанскаго («Тузь», «Записки мелкотравчатаго» и др.), Лѣткову, Лухманову, Блаватскую, (Радда-Бай), Софью Ковалевскую, Желиховскую, Дубровину, Генриетту Каргрэмъ, Викт. Александрова (извѣстный драматургъ), Н. Соловьева (авторъ «Женитьбы Бѣлугина», «На порогѣ къ дѣду», «Дикарки» и мн. др.), Н. Гарина (Михайловскаго), Воронова, Сѣрошевскаго, Тапа (Богоразъ), Соймонова, Лъдова, князя Э. Э. Ухтомскаго, Мина и мн. др.

Скажите, читатель, какъ вамъ правится подобная «Галерея русскихъ писателей», гдѣ нѣтъ столькихъ русскихъ писателей? Вѣдь, просто не вѣрится, что изданіе редактировалось тремя «знатоками». Но перейдемъ къ тексту. Предупреждаю, въ немъ курьезовъ бездна! Вотъ, на примѣръ, на стр. 499 говорится, что критикъ И. И. Ивановъ (изъ «Русскихъ Вѣдомостей») въ 1862 году родился, а съ 1873 года уже «читалъ лекціи въ московскомъ университетѣ». Итого—привать-доцентъ 11 лѣтъ отъ роду! Другой примѣръ: Благосвѣтловъ, по свѣдѣніямъ гг. Сакулина, Игнатова и Шулятикова, умеръ въ 1880 году, и тотъ же Благосвѣтловъ, по удостовѣренію тѣхъ же редакторовъ «Галереи», «имѣлъ въ 1885 году крушныя недоразумѣнія по службѣ» и даже потомъ «поѣхалъ путешествовать по Англійи и Франціи». Далѣе: «Авенаріусъ въ *семидесятигъ годахъ* началъ заниматься литературой *послѣ того*, какъ Фребелевское общество дало ему *въ 1879 и 1880 году* двѣ преміи за разказы». Недурно? На стр. 443 «Галереи» читаемъ, что въ 1877 году Вас. И. Немировичъ-Данченко отправился *горнымъ* корреспондентомъ. Что это такое—«горный корреспондентъ», этого редакторы не выяснили. Вообще, чѣмъ далѣе читатель заглянетъ въ нѣдра диковиннаго московскаго изданія, тѣмъ болѣе найдетъ редакторскихъ шалостей и... явнаго незнанія того предмета, за который они втроемъ храбро взялись. Такъ, И. Н. Потапенко, этотъ всеобщій сотрудникъ, печатающій свои романы и повѣсти во всехъ русскихъ изданіяхъ, названъ «извѣстнымъ сотрудникомъ *педагогическихъ* журналовъ»;

Н. Н. Каразинъ, послѣ *долгой* службы въ офицерскихъ чинахъ, вышущень г. Сакулинымъ и К^о. въ отставку всего 29 лѣтъ отъ роду. Писателю Эртелю приписывается несуществующій романъ «Гарденинъ» (хотя его романъ носить названіе «Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги»); у г. Гнѣдича редакторы отыскиали пьесу «На хуторахъ» («На хуторѣ»); романъ Ю. Жадовской «Въ сторонѣ отъ большого свѣта» г. П. Сакулинъ именуеть «Въ сторонѣ отъ бульшой *дороги*»: наконецъ, вотъ каковъ слогъ и какова грамотность текста «Галереи»:

«У Баранцевича есть и большія повѣсти, и романы: «Раба», гдѣ описывается женская преданность, «Чужакъ», изображающій моменты восторженнаго отношенія интеллигенціи къ народу, «Борцы» — длинная повѣсть, *пытающаяся олицетворить общественныя отношенія въ образъ борцовъ на садовой эстрадѣ и публики лѣтнихъ садовъ* (общественныя отношенія въ образѣ борцовъ и публики лѣтнихъ садовъ... неужели три редактора, профессоръ словесности, привать-доцентъ русской литературы и литературно-театральный критикъ серьезной газеты не видятъ, какая это галиматья!?)» (стр. 403).

Еще примѣръ красоты изложенія:

«Лушній рассказъ Михеева—«Черепъ Юрика»—вскрываетъ тѣ органическія причины, которыя способствовали зарожденію эстетическихъ, индивидуалистическихъ и мистическихъ настроеній» (стр. 546).

«Вскрывая» далѣе «Галерею русскихъ писателей», читатель можетъ наконецъ дойти до «гвоздя» курьезовъ и раритетовъ этого юмористическаго изданія. Гг. Сакулинъ, Игнатовъ и Шулятиковъ написали біографію новаго Некрасова, Николая *Александровича*. Всѣмъ, даже гимназистамъ младшихъ классовъ извѣстно, что популярнаго русскаго поэта Некрасова звали Николаемъ Алексѣвичемъ, но профессоръ Сакулинъ, привать-доцентъ Шулятиковъ и критикъ Игнатовъ, какъ въ оглавленіи книги, такъ и въ текстѣ біографіи (что прямо исключаетъ ошибку, опіску или опечатку, а констатируетъ только невѣжество составителей) продолжаютъ именовать его «Александровичемъ». Тогда въ какомъ-то юмористическомъ журналѣ спрашивали редакторовъ «Галереи»: скоро ли они выпустятъ біографіи Ивана Петровича Пушкина, Сергѣя Васильевича Лермонтова и Федора Никифоровича Гоголя? Разумѣется, я не промолчалъ о появленіи подобнаго курьеза и назвалъ въ одной изъ своихъ новременскихъ статей «трудъ» гг. Сакулина, Игнатовъ и Шулятикова безграмотной макулатурой и, при этомъ, подивился, что среди представителей науки и литературы находятся такъ мало освѣдомленные въ своихъ же специальностяхъ люди...

IV.

Говорить ли мнѣ о безобразно-ругательной статьѣ священника Григорія Петрова, который набросился на меня съ руганью, поднятыми кулаками и съ рѣчами, ничего общаго не имѣющими ни съ христіанской кротостью, ни просто съ литературной вѣжливостью, на которую и г. Петровъ, и я оба имѣемъ равное право? Нѣтъ, было бы ниже моего достоинства разбирать эту сплошную грязь. Замѣчу только, что статьи моей о Петровѣ явно не читалъ и ругается лишь во имя того, что надо же и ему подать голосъ при общемъ крикѣ. О. Гр. Петровъ при всякой сумятицѣ всегда спѣшитъ, ради популярности, на шумѣть и, если это удобно, наскандалить. Честнаго отношенія къ противнику отъ него нечего ждать, и остается только, зажавъ носъ и уши, переждать, пока проѣдетъ этотъ грохочущій нелитературный обозъ, и атмосфера очистится вѣтрчнымъ вѣтромъ... Мимо этой заразы!

Но я никакъ не могу оставить безъ отвѣта статью А. В. Амфитеатрова, журналиста-литератора, совмѣщающаго въ себѣ самыя разнородныя качества: то онъ глубоко-чувствующій, тонко разумѣющій душу человѣка писатель, то безцеремоннѣйшій хвастуны и допускающій ложь и клевету фельетонистъ; иная его статья, блестящая и проникновенная, умилить ваше сердце, заставить прійти въ восторгъ; а иногда онъ напишетъ такую гадость, что просто читать совѣстно... за автора.

По отношенію ко мнѣ г. Амфитеатровъ не ограничился только тѣмъ, чтобы не согласиться съ характеристикой Чехова и сказать, что мои наблюденія ошибочны, выводы невѣрны и характеристика не выдерживаетъ критики. Если бы г. Амфитеатровъ удовольствовался одними этими положеніями, мнѣ, можетъ быть, и возражать не пришлось бы, тѣмъ болѣе, что сильное перо г. Амфитеатрова могло самого меня убѣдить въ моихъ ошибкахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что у г. Амфитеатрова не нашлось фактическихъ данныхъ доказать мои ошибки, онъ не отыскалъ въ себѣ ни силы, ни красокъ нарисовать убѣдительную картину моей неправоты. И онъ, въ ущербъ самому себѣ, прибѣгнулъ ко лжи, да еще ко лжи самой беззастѣнчивой и бесполезной. Онъ въ своемъ фельетонѣ предсталъ передо мною Амфитеатровымъ № 2, типомъ, который приближаетъ его къ прозвищу—неподметенная комната русскаго литературнаго трактира. Слегка измѣнивъ эту тургеневскую фразу, я спѣшу замѣтить, что я не стану подобный эпитетъ прилагать къ Амфитеатрову № 1, т.-е. талантливому фельетонисту, прекрасному поэту и хорошему рассказчику. Пока Амфитеатровъ правдивъ, онъ пишетъ золотымъ перомъ, но когда злой духъ клеветы увлекаетъ этого человѣка на кривую дорогу, перо Амфитеатрова превращается

въ свищовое, и онъ падаетъ ниже, чѣмъ заслуживаетъ его разнообразный талантъ.

Пусть г. Амфитеатровъ глумится надъ моими словами, но я презрительно взгляну на его хихиканья, теперь же открыто спрашиваю моего противника въ спорѣ о Чеховѣ: для чего онъ допустилъ такую бездну лжи и несправедливости, онъ, большой человѣкъ, не нуждающійся, подобно ничтожнымъ Григоріямъ Петровымъ и Сакулинымъ, въ натяжкахъ и передержкахъ?

Г. Амфитеатровъ базируетъ свою статью, между прочимъ, на томъ, что я оказался неблагодарнымъ человѣкомъ передъ Чеховымъ и, забывъ его услуги, отплатилъ ему «пасквильной» статьей. По словамъ г. Амфитеатрова, Чеховъ доставилъ мнѣ «мѣсто» фельетониста въ «Новомъ Времени», а редакція, кромѣ того, приняла меня московскимъ корреспондентомъ «съ согласія его, Амфитеатрова».

Все это, повторяю, ложь отъ начала и до конца. Я ужъ напечаталъ недавно письмо въ «Новомъ Времени», гдѣ разъяснилъ, что своимъ приглашеніемъ я обязанъ исключительно самому себѣ. Мои случайные очерки понравились тогдашнему редактору «Новаго Времени» А. А. Суворину, и онъ пригласилъ меня писать фельетоны изъ Москвы. Мѣсяца черезъ три вернулся въ Петербургъ изъ Нижняго г. Амфитеатровъ и только тутъ узналъ, что «Не фельетонистъ» — мой псевдонимъ. Что же касается Чехова, то онъ точно также ровпо никакого отношенія къ этой исторіи не имѣлъ. Наконецъ, А. А. Суворинъ вообще не нуждается въ чужомъ мнѣніи, и мнѣ смѣшно читать высокопарныя фразы Амфитеатрова о томъ, будто бы редакція спрашивала у него: а что, г. Амфитеатровъ, вы позволите намъ пригласить г. Ежова? Нѣтъ, А. А. Суворинъ не изъ такихъ редакторовъ. Я его хорошо знаю, и если мнѣ кому остается быть глубоко благодарнымъ за приглашеніе на «хорошее мѣсто», такъ это одному А. А. Суворину, котораго я всегда глубоко любилъ и уважалъ за прямоту, справедливость и педожиный умъ. Никакимъ другимъ лицамъ при «опредѣленіи меня на мѣсто» московскаго фельетониста я ничѣмъ не обязанъ.

Теперь о названіи моей статьи «пасквилемъ». Суди Богъ и читатель г. Амфитеатрова, но я утверждаю, что онъ не смѣлъ назвать такъ мою характеристику Чехова. Она все, что хотите, но не пасквиль. Сочтите ее ошибкой, вздоромъ, но вы не докажете, что я злобно отнесся къ Чехову. И менѣе всѣхъ могъ такъ сказать г. Амфитеатровъ, знакомый съ моей дѣятельностью московскаго фельетониста. За 20 лѣтъ своей газетной работы я ни разу не поддавался духу лицепрїятія, никогда не кривилъ душой, не лгалъ ни на друга, ни на врага, не допускалъ снисхожденія во имя кумовства или нужнаго знакомства. Даже въ прессѣ другого лагеря не разъ отмѣчали, что я человѣкъ справедливый. Все это должно быть извѣстно г. Амфитеатрову, слѣдившему изъ Петербурга за моей

литературной дѣятельностью. И онъ глубоко оскорбилъ меня, назвавъ мою статью «пасквилемъ». Это тяжелое слово сказано необдуманно и не тѣмъ Амфитеатровымъ, по адресу котораго я теперь пишу, въ честный уголокъ души котораго стучусь. Настоящій Амфитеатровъ не задумается взять свои слова назадъ. Замѣчу еще, что г. Амфитеатровъ ужь потому не долженъ былъ торопиться съ своими эпитетами, такъ какъ онъ, по собственному признанію, статьи моей *не читалъ*, а знакомъ съ ней только по газетнымъ выдержкамъ. Какъ умный человѣкъ, г. Амфитеатровъ долженъ понять, прочитавъ мою статью цѣликомъ, что газетная шумиха поднята попусту, и что я отнюдь не умаляю достоинствъ Чехова.

Моя бесѣда съ читателями объ Амфитеатровѣ—дань уваженія таланту этого писателя. Если бы онъ вновь написалъ обо мнѣ вкривъ и вкось, какъ въ первый разъ, я ужь не оскорблюсь, и мнѣ будетъ понятно, что талантливый Амфитеатровъ № 1 умираетъ, а въ немъ устанавливается обыкновенный журнальный инсинуаторъ и даже, если хотите, недалекій человѣкъ, не сознающій своего паденія. Я никогда не зналъ въ такихъ случаяхъ ощущенія злорадства, и я пожалѣю о быломъ Амфитеатровѣ, пожалѣю искренно, потому что я искрененъ во всемъ и не боюсь вздорныхъ нападокъ тѣхъ, кто ложно толкуетъ мои рѣчи.

Къ сожалѣнію, я долженъ отмѣтить еще одну мелкую черточку, дурно рисующую прежняго Old Gentleman. Онъ дивится, какимъ образомъ въ журналѣ, гдѣ стоитъ подпись издателя Суворина, можетъ появиться статья противъ Чехова. Что же это, доносъ на меня г. Суворину? Напомню г. Амфитеатрову, что въ журналѣ, гдѣ напечатана моя статья, существуетъ редакторъ, имѣющій право выбора статей. Этотъ редакторъ не ограниченъ г. Суворинимъ узкими рамками, гдѣ было бы указано—это печатать, а вотъ этого не печатать. Говоря такъ, г. Амфитеатровъ оскорбляетъ редактора того изданія, гдѣ печаталъ я характеристику Чехова. Смѣю увѣрить бывшего сотрудника «Новаго Времени», что и здѣсь онъ далъ промахъ, выказавъ себя съ новой дурной стороны. Неужели и этого не чувствуетъ г. Амфитеатровъ?

V.

Я не могу напечатать всѣ письма читателей, писавшихъ мнѣ болѣе пріятные, чѣмъ непріятные, отзывы о характеристикѣ Чехова. Не буду дѣлать хвалебныхъ выдержекъ, но благодарю всѣхъ, кто сказалъ мнѣ доброе слово. Гораздо лучше привести примѣры не совсѣмъ согласныхъ со мною авторовъ писемъ. Вотъ хотя бы выдержка изъ письма г. N. N., который пишетъ, что настоящимъ именемъ онъ не подписывается, потому что оно «чуждо общественной дѣятельности» и поэтому не интересно ни мнѣ, ни публикѣ. О статьѣ моей онъ говорить такъ:

«Вы, какъ и всѣ современные журналисты, возитесь и топчетесь возлѣ такихъ фактовъ, которые мало интересны новой публикѣ, жадно читающей современные плохіе журналы и газеты. Очень мнѣ и другимъ нужно знать, какое у писателя Чехова было лицо, глаза, и кого онъ продернулъ въ своихъ разсказахъ, а кому воскуриль ойміамъ. Развѣ это характеристика писателя? Я, положимъ, не стану съ вами спорить и скажу, что, дѣйствительно, лишь глупые люди ставятъ Чехова, Короленка и дргихъ выше Тургенева или Достоевскаго. Но это не важно. Критика не должна быть слѣпа на главное. Она должна освѣтить писателя съ другой стороны, и тогда мы поймемъ, настоящій это писатель, или такъ, нувеллистъ, балагуръ о любви барышни къ молодому человѣку, и о томъ, какъ «онъ» «ей» измѣнилъ, и т. п. Вы, можетъ быть, намѣренно обошли молчаніемъ, понималъ ли Чеховъ ту эпоху, въ которой онъ самъ жилъ, чужалъ ли онъ назрѣваніе идей, охватившихъ массы, использовалъ ли эти явленія? Вы, какъ сотрудникъ «Новаго Времени», могли это выбросить умышленно; если же это вышло у васъ безсознательно, значитъ, вы совершили критическій промахъ, какъ и всѣ нынѣшніе критики, ходящіе по старымъ тропинкамъ литературныхъ садовъ.

«Я—не поклонникъ чистой беллетристики, напротивъ и, въ этомъ отношеніи для меня Чеховъ много ниже Горькаго или Короленка. Чуть не на другой день послѣ смерти Чехова совершилось великое движеніе, разыгралась революція, встала деревня, поднялась армія, произошли взрывы народнаго самосознанія, что пострашнѣе взрывовъ анархистскихъ бомбъ,—а что же Чеховъ? Онъ не видалъ, не почувалъ, не предугадалъ этой незримой подготовки обновленія. Онъ не обратилъ своего благосклоннаго вниманія на рабочихъ, онъ также все толковалъ про любовь да про измѣну, да писалъ смѣшныя разсказы да драмы, гдѣ дядюшка Ваня стрѣлялъ въ какого-то дурака-профессора, женатаго на пикантной барышнѣ. Нѣтъ, это не писатели! Возьмите вы Тургенева,—что ни романъ, то программа скорыхъ событій. Даже ретроградъ-Достоевскій—и тотъ чужалъ событій. Его «Бѣсы»—прямое откровеніе. А что у Чехова? «Дуэль»... опять подрались изъ-за барыни! «Чайка» и опять стрѣльба за барышню. Намъ, новымъ людямъ, такая литература ни къ чему. Народись теперь писатель-вѣщунъ, писатель-пророкъ,—вотъ его бы всѣ читали и носили на рукахъ. И такой писатель долженъ народиться. Ибо теперь, милостивый государь, прошелъ вѣкъ цвѣточковъ, нужно дѣло, нужна борьба, а не театры маріонетокъ».

Я не снабжаю комментаріями подобныя рѣчи. Это небезынтересное мнѣніе должны оцѣнить сами читатели.

Другой мой корреспондентъ заявляетъ:

«Знаете ли, чѣмъ, кромѣ матерьяльной выгоды, можно объяснить неудержимое стремленіе Чехова писать драмы? Повѣсти его, дѣйствительно, слабы, и онъ, потерпѣвъ на нихъ фіаско, рѣ-

шилиъ взяться за драму. Вы сами говорите, что онъ горѣлъ желаніемъ написать сильную вещь. Вотъ онъ и сдѣлался драматургомъ, пробуюя пройти въ храмъ славы разными средствами. Но до Толстого ему, конечно, далеко, и кто это проповѣдуетъ, тотъ, значить, плохо знакомъ и съ Толстымъ, и съ Чеховымъ».

Третій:

«Всѣ хвалили Чехова, вы—отводите ему второстепенное мѣсто въ литературѣ. Статья ваша интересна, но парадоксальна. Мелочи жизни Чехова, конечно, интересны для библіографа, но правда ли все то, что вы пишете? О ссорѣ съ Левитаномъ и я слышалъ, но тамъ, гдѣ замѣшана любовь (?), трудно разсудить, кто правъ».

Знакомые изъ Петербурга писали мнѣ:

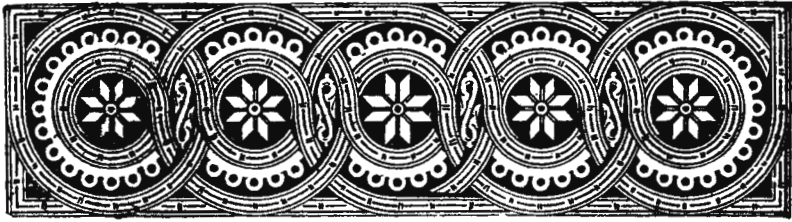
«Чтобы итти вразрѣзъ съ огромнымъ большинствомъ, надо имѣть большой запасъ мужества. Смотрите, вамъ достанется отъ ярыхъ чеховцевъ». Кромѣ того, Чеховъ состоялъ въ лагерѣ, гдѣ партійность исключаетъ всякую надежду на справедливую критику...» и т. д.

Я могъ бы привести много другихъ выдержекъ, но не довольно ли и этихъ? Право, вся шумиха поднята по недоразумѣнію. Заподозрѣли—и даже люди очень благоразумные—развѣнчиванье Чехова, чего на дѣлѣ вовсе не было.

Всѣмъ моимъ читателямъ, корреспондентамъ и критикамъ я заявляю одно: приступая къ характеристикѣ Чехова, я желалъ сказать о немъ правдивое слово, въ которомъ нѣтъ ни лести, ни недоброжелательства. Допускаю, что у меня есть ошибки, но и это заранѣе было оговорено въ моей статьѣ. Я просилъ меня поправить, если что не совсѣмъ вѣрно, а меня стали поносить и ругать, особенно тѣ, кто даже не прочиталъ мою статью. Да, трудно у насъ теперь говорить горькую правду. Но совѣсть моя спокойна, и я готовъ встрѣтить новыя нападки. На брань и гадкіе извѣты отвѣчать не буду, на дѣльный вопросъ всегда готовъ дать посильный отвѣтъ. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать...

Н. Ежовъ.

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

VI. Въ народъ!

VII.

ОКА чайковцы только приступали къ мобилизаціи революціонныхъ силъ и въ Петербургѣ только что отгремѣлъ процессъ «нечаевцевъ», бокъ-о-бокъ съ этими явленіями и достаточно независимо отъ нихъ открылъ свою практическую пропагандную дѣятельность въ 1872 г. Долгушинъ ²⁾, сначала въ Петербургѣ, откуда потомъ перенесъ ее въ Москву, гдѣ и былъ съ своими немногочисленными сообщниками и сотрудниками накрытъ полиціей. Само по себѣ дѣло Долгушина не сложно. Служа въ Петербургѣ въ мастерской Вережагина, онъ по вечерамъ собиралъ у себя учащуюся молодежь и на этихъ вечеринкахъ, какъ и на сотняхъ подобныхъ въ тѣ годы, шли сначала безконечныя бесѣды и диспуты на тему о правахъ и обязанностяхъ чело­вѣка, о социальномъ строѣ вообще и о современномъ положеніи Россіи. Отъ бесѣдъ отвлеченнаго порядка былъ недалеко переходъ къ вопросамъ пракческаго характера, и технологомъ Дмоховскимъ былъ поставленъ вопросъ о необходимости «итти въ народъ», о заведеніи своей типографіи и печатаніи въ ней прокламацій. Но въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVІІІ, стр. 211.

²⁾ Долгушинъ лично судился по «нечаевскому дѣлу».

Петербургѣ дѣло не наладилось, и вотъ мы видимъ небольшую группу лицъ—мужа и жену Долгушиныхъ, Дмоховскаго, Панина, Плотникова, Гамова и нѣкоторыхъ другихъ обосновывающимися въ Москвѣ, гдѣ въ мѣстечкѣ Саревѣ Долгушинъ пріобрѣтаетъ въ собственность дачный уголокъ, обращаемый имъ въ мѣстонахожденіе нелегальной типографіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ революціонная литературная здѣсь работа признана была неудобною, и дѣятельность типографіи была перенесена въ Москву. Въ общей сложности были отпечатаны три прокламаціи: «Русскому народу», «Къ интеллигентнымъ людямъ», «Какъ должно жить по закону природы и правды». Въ качествѣ образчика этой литературы приводимъ прокламацію «Къ интеллигентнымъ людямъ», въ которой развиты тѣ же главныя положенія, что и въ остальныхъ двухъ. Здѣсь мы читаемъ ¹⁾:

«Къ вамъ, интеллигентные люди, которые вполне поняли крайнюю ненормальность современнаго порядка вещей,—къ вамъ мы обращаемся и приглашаемъ васъ идти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства. Пусть, кто только можетъ, направляетъ всѣ свои силы на это дѣло народнаго освобожденія и не думаетъ, чтобы какая бы то ни было жертва была для него слишкомъ велика. И гдѣ можно болѣе принести пользы? ужъ не въ земствѣ ли, куда рвутся наши молодыя силы, обманутыя вѣдностью?! но земство безправно, оно — лживая форма, наполненная и постоянно исправляемая... Или хотите вы заниматься устройствомъ артелей? но вѣдь это значитъ вливать новое вино въ старые мѣхи, потому что артель предполагаетъ принципъ солидарности, а вы хотите втиснуть ее туда, гдѣ абсолютно господствуетъ грубый личный эгоизмъ. Подготовьте же сначала почву, если хотите, чтобы принялось новое растеніе. Вспомните Рочдальскую артель: вотъ вамъ хорошій примѣръ того, какъ вырождается новый принципъ, когда онъ окруженъ старыми несоотвѣтственными ему условіями. Благотворительность? но она не выдерживаетъ никакой критики... Что же еще? Ужъ не хотите ли вы быть примѣрными отцами семейства и заняться воспитаніемъ дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ людей съ новыми воззрѣніями? или будете вы добиваться такъ называемой личной независимости?.. но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вамъ придется цѣлую жизнь остаться эксплуататорами и паразитами... Неужели васъ не замучитъ эта гнетущая мысль?.. Да! нигдѣ, нигдѣ вы не будете такъ полезны, какъ въ роли народнаго пропагандиста новой лучшей жизни. Вспомните слова Прудона: «Воля и вѣра провозглашались во всѣ времена величайшими силами природы и человѣчества: въ немъ живетъ вѣра въ справедливость нашего дѣла, въ правду нашихъ принциповъ, въ вѣчность нашихъ догматовъ»,—намъ ли недостаетъ воли?

«Неужели мы не представимъ въ одинъ прекрасный день новое зрѣлище людей убѣжденныхъ и непреодолимыхъ въ ихъ вѣрованіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныхъ и постоянныхъ въ своемъ предпріятіи? Докажемъ, что мы искренни, что наша вѣра горяча,—и нашъ примѣръ нзмѣнитъ лицо земли. И не думайте, чтобъ русскій народъ не могъ по-

¹⁾ «За сто лѣтъ (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи». Составилъ Вл. Бурцевъ.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1909 г. т. сxviii.

нять васъ и грубо оттолкнулъ бы васъ отъ себя: если это говорятъ иногда, то говорятъ на основаніи фактовъ, которые всегда доказываютъ только неумѣніе дѣйствовать, а чаще всего отсутствіе искренней преданности дѣлу. Кто не знаетъ, какъ русскій человѣкъ любитъ сочувствіе и какъ онъ умѣетъ цѣнить того человѣка, который страдаетъ его страданіями, лишь только подмѣтитъ эту симпатію. Но если онъ видитъ, что съ нимъ только бобы разводять, онъ справедливо раздражается и даритъ презрѣніемъ. Такъ пусть же люди, которымъ дорога правда, для которыхъ проводить истину въ жизнь стало органическою потребностью, пусть эти люди идутъ въ народъ, не страшась ни гоненій, ни смерти.

Нашъ лозунгъ—равенство, свобода.
 Къ оружію, впередъ, друзья!
 И да погибаетъ врагъ народа
 ..., и бояре, и князья!.

Долгушинцы довольно скоро завязали сношенія съ фабричнымъ и вообще рабочимъ людомъ первопрестольной, нашли себѣ среди нихъ агентовъ для распространенія заготовленныхъ прокламацій и прочей революціонной и агитаціонной литературы, но въ общемъ, какъ то напр. наблюдается въ дѣятельности «чайковцевъ», широкаго размаха они не проявили и ихъ служеніе революціонному дѣлу имѣло минимумъ успѣха. Хотя въ тѣ 70-е года наша высшая администрація и, полиція явная и тайная, были довольно слабо освѣдомлены о движеніяхъ въ оппозиціонныхъ кругахъ общества, такъ какъ главнымъ ея вниманіемъ пользовались почти исключительно сношенія политической эмиграціи съ родиной и фабрикуемые за границей прокламаціи, тѣмъ не менѣе дѣятельность «долгушинцевъ» скоро сдѣлалась достояніемъ разслѣдованій жандармскаго управленія и прокурорскаго. Небольшой клубокъ московской преступной пропаганды оказалось легко распутать, и къ 1874 г., т.-е. къ тому времени, когда «чайковцы» осуществляли свой крестовый походъ въ народъ, въ сенатѣ уже было заслушано и ликвидировано ихъ дѣло «о составленіи, печатаніи и распространеніи воззваній преступнаго содержанія», причѣмъ сенатомъ было определено ¹⁾:

1) Дворянъ: Александра Долгушина, 25 лѣтъ, и Льва Дмоховскаго, 23 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о нак. опредѣленными; 2) дворянъ: Ивана Папина, 25 лѣтъ, Николая Плотникова, 23 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 5 лѣтъ съ тѣми же послѣдствіями; 3) дворянина Дмитрія Гамова, 26 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ; 4) крестьянина Ананія Васильева, 19 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и назначить къ ссылкѣ въ каторжныя

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

работы на заводахъ на 2 года и 8 мѣсяцевъ, но въ виду представляющихся по дѣлу особыхъ уваженій къ облегченію участи сего подсудимаго всеподданнѣйше ходатайствовать передъ его императорскимъ величествомъ, чрезъ министра юстиціи, о замѣнѣ этого наказанія для него, Васильева, 2-лѣтнимъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ безъ лишенія правъ; 5) мѣщанку Татьяну Сахарову и гражданина Эмилиа Циммермана, 24 лѣтъ, подвергнуть аресту: 1-ю на 1 мѣсяць, а послѣдняго на 2 недѣли; 6) дворянина Александра Чикова, 24 л., дворянина Василия Сидорацкаго, 20 лѣтъ, купеческую дочь Александру Ободовскую, 26 лѣтъ, и священническаго сына Ивана Авессаломова, 29 лѣтъ, подвергнуть аресту: Чикова на 2 мѣсяца, Сидорацкаго на 3 дня, Ободовскую на 7 дней и Авессаломова на 7 дней, и изъ нихъ Чикова отдать потомъ подъ надзоръ полиціи на 2 года; 7) судебныя по настоящему дѣлу издержки взыскать съ осужденныхъ лицъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ, принять на счетъ казны.

Такъ былъ исчерпанъ первый эпизодъ изъ дѣятельности пропагандистовъ; но прежде, чѣмъ коснуться дальнѣйшихъ моментовъ изъ той же области, составившихъ главное теченіе того движенія, которое носитъ общее наименованіе движенія «въ народъ», считаемъ нужнымъ отмѣтить одно побочное теченіе отечественной жизни, явившееся также результатомъ недовольства условіями отечественной дѣйствительности, теченіе, въ которомъ приняли участіе нѣкоторые изъ тѣхъ, которые на первыхъ порахъ выступили на жизненное поприще въ роли революціонеровъ-пропагандистовъ. Мы разумѣемъ здѣсь движеніе русскихъ въ Америку, въ цѣляхъ основанія тамъ коммунъ, хотя въ дѣйствительности это движеніе осуществилось и послѣ разгрома народниковъ-пропагандистовъ, т.-е. послѣ процессовъ 50-ти и 193-хъ.

Уже въ 60-хъ годахъ въ Россіи наблюдалось увлеченіе Америкой и всѣмъ американскимъ, гдѣ усматривали наличность истинной свободы и возможность осуществленія настоящаго коммунизма. Уже Герценъ, какъ намъ извѣстно, имѣлъ дѣло съ однимъ русскимъ, сжегшимъ отечественные корабли, отдавшимъ ему свое состояніе, изъ котораго образовался пресловутый «общій фондъ», и отправившимся за океанъ для основанія фантастической коммуны. Мысль о таковой земледѣльческой коммунѣ не покидала многихъ русскихъ фантазеровъ, и въ этомъ направленіи предпринимались нѣкоторыя дѣйствія, причемъ въ основаніе ихъ ложились различныя соображенія. По свидѣтельству Дебогорія-Мокріевича¹⁾, въ числѣ такихъ искателей былъ и одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, который на дѣлаемыя ему возраженія приводилъ слѣдующій аргументъ для подкрѣпленія своихъ мыслей: «... организація въ Аме-

¹⁾ «Воспоминанія» Вл. Дебогорія-Мокріевича.

рикѣ земледѣльческой коммуны далеко не исключаетъ возможность работать въ Россіи среди народа; напротивъ, это представить даже большія преимущества: поселившись въ Америкѣ и сдѣлавшись американскими гражданами, мы можемъ пріѣзжать въ Россію и пропагандировать наши идеи; американское гражданство защититъ насъ отъ насилія русскихъ властей; у американскаго гражданина онѣ не посмѣютъ дѣлать обысковъ и т. п. Коммуна наша въ Америкѣ должна была, такимъ образомъ, представлять изъ себя родъ сборнаго пункта или, вѣрнѣе, такого центрального учрежденія, изъ котораго мы, ея члены, будемъ черпать свои силы: въ ней мы получимъ нравственную опору (она спасетъ насъ отъ опошлѣнія и деморализаціи), она же будетъ насъ снабжать и матеріальными средствами, нужными для передвиженія и пропаганды нашихъ идей».

Такого рода программа въ полномъ объемѣ никогда осуществлена не была, но въ извѣстной ея части—да. Всѣ попытки по организаціи коммунъ потерпѣли фіаско, по зато Америка явилась со временемъ своего рода пріѣжищемъ для русскихъ революціонныхъ силъ, гдѣ они почерпали необходимыя матеріальныя средства для пропаганды своихъ идей и для своихъ агрессивныхъ дѣйствій противъ русскаго правительства. «Dran! nach Amerika» имѣлъ и иное, не активно-революціонное значеніе и обосновывался иными соображеніями, выразителемъ которыхъ являлся А. К. Маликовъ, «предшественникъ Л. Н. Толстого», по вѣрному опредѣленію А. И. Фаресова въ его книгѣ «Семидесятники» ¹⁾. Будучи сначала причастенъ караковозскому дѣлу, затѣмъ арестованный и по дѣлу 193-хъ, онъ, однако, послѣ бесѣды съ нимъ жандармскаго чина, которому онъ развилъ свое ученіе о бого-человѣчествѣ, былъ выпущенъ на свободу съ категорическимъ, однако, запрещеніемъ религіознаго проповѣдничества. Одно изъ главныхъ мѣстъ его ученія, согласно изложенію г. Фаресова, сводилось къ слѣдующему: «Всѣ мы миротворцы... И нищій, и капиталистъ, и судья, и подсудимый— всѣ богочеловѣки... Всѣ одинаково олицетворяютъ загадку и силу Творца. Кто возлюбитъ человѣчество, тому не трудно перенести отъ него обиду и простить его. Любите ближнихъ, и вы устраните вражду. Работать для нихъ—станетъ блаженствомъ, а не рабствомъ. Забудьте на своемъ языкѣ слова: врагъ, непріятель, война, подлость и прочія наименованія языческаго міра. Будьте въ этихъ случаяхъ какъ дѣти, и исчезнуть со свѣта непріятели. Останутся наши ближніе, которые, заботясь и любя другъ друга, «творяютъ волю посланшаго Небснаго Отца». Небеса со всѣми тайнами и Творцомъ вселенной останутся на томъ же величіи и недоступности, въ которой

¹⁾ А. П. Фаресовъ. «Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи».

пребываютъ до сихъ поръ для человѣка, но мы поймемъ свои обязанности здѣсь, на землѣ. Каждый сборщикъ податей—нашъ братъ, созданный по образу и подобию Бога. Всѣмъ намъ одинаково Онъ вдохнулъ свою душу и сдѣлалъ насъ богочеловѣками. Мы можемъ вразумлять другъ друга и указывать на грѣхи, не забывая наше божественное происхожденіе и родство со всѣми. Если у васъ бе-

Дмитрій Михайловичъ Рогачевъ.

рутъ послѣднюю корову на дурное дѣло—не молчите объ этомъ и не помогайте имъ дѣлать дурное дѣло; но не будьте врагомъ, если ваша мольба не тронула ихъ. Эта та же боль въ вашей собственной головѣ; если она не прошла по рецепту врача, то нельзя снять съ плечъ силой самую голову. Протестуйте пассивно и, какъ Христось, приказывайте вложить мечъ въ ножны».

Такая проповѣдь пассивнаго сопротивленія, проповѣдь активной любви къ ближнему и всеобщаго братства встрѣтила среди многихъ тогдашнихъ искателей истины горячій откликъ, и вокругъ Маликова образовался кружокъ, въ составѣ котораго оказался даже Николай Васильевичъ Чайковскій, со всей страстностью послѣдовавшій за новымъ проповѣдникомъ. Оба они и составили центръ того ядра, который и переселился коммуной въ Америку, сдѣлавъ неудачную попытку организовать свою жизнь на новыхъ началахъ. Разочарованіе наступило вскорѣ, и дальняя волна вновь прибила ихъ къ родному берегу, гдѣ участники былой коммуны и разбрелись въ разные концы. Интересующіеся этой страницей отечественной жизни найдутъ въ книгѣ г. Фаресова много любопытныхъ подробностей объ этомъ, но такъ какъ эта страница не имѣетъ прямого отношенія къ темѣ нашихъ очерковъ, то на этомъ и распростимся съ русскими американцами, отмѣтивъ только ихъ появленіе на поверхности русской взбаламученной жизни, какъ явленіе, свидѣтельствующее лишь о силѣ исканія въ тѣ годы выхода изъ тяжелаго душевнаго состоянія.

VIII.

Пока правительство расправлялось съ маленькой кучкой «долгушинцевъ», въ кругахъ петербургскихъ «чайковцевъ» окончательно созрѣло рѣшеніе массоваго движенія «въ народъ». Подготовительныя стадіи были пройдены: 1) періодъ чисто народническаго движенія, 2) постоянное революціонизированіе движенія и выработка программъ и 3) окончательная организація движенія и переходъ на путь практической дѣятельности.

Самое движеніе въ народъ состоитъ собственно изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ эпизодовъ, о которыхъ бывшіе пропагандисты оставили немало интересныхъ воспоминаній, но суммировать ихъ всѣ въ журнальной статьѣ съ тѣсными рамками изложенія не представляется фактически возможнымъ, вотъ почему въ интересахъ единства картины мы воспользуемся выдержкою изъ официальной записки тогдашняго министра юстиціи графа Палена, гдѣ *фактическая* сторона движенія «въ народъ» представлена достаточно вѣрно и полно. Она обнимаетъ собою именно «сумасшедшій» 1874 годъ, но у этого года были прологи, о которыхъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ и тѣмъ болѣе, что эти прологи были тою подготовительною школою, которая опредѣлила движеніе 1874 г.

Мы знаемъ уже, что первыми «одиночками», двинувшимися «въ народъ», т. е. переведшими дѣло пропаганды изъ столичныхъ заводскихъ и фабричныхъ центровъ въ гущу сельской жизни были Рогачевъ и Кравчинскій—оба бывшіе артиллеристы. Третьимъ по

своему значенію въ дѣлѣ разработки методовъ пропаганды въ народѣ былъ Клеменсъ. Небезполезно будетъ отмѣтить нѣкоторыя черты изъ ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи, какъ служащія живыми иллюстраціями къ тому, что будетъ сказано со словъ министра Палена. Поименованныя лица явились своего рода типами народниковъ-пропагандистовъ, по портретамъ которыхъ до извѣстной степени можно судить, съ какого рода сортомъ людей правительству пришлось стать лицомъ къ лицу.

Описывая Д. Рогачева, одинъ изъ видныхъ чайковцевъ, С. С. Синегубъ, говоритъ ¹⁾: «Рогачевъ не былъ членомъ кружка чайковцевъ, хотя во все время пребыванія въ Питерѣ вращался среди насъ. Не чувствуя въ то время себя способнымъ быть учителемъ пропагандистовъ, но вполне революціонно настроенный, Рогачевъ рѣшилъ вступить въ рабочую среду простымъ рабочимъ и въ 73 году онъ поступилъ на заводъ Путилова. Быть рабочимъ для Рогачева было легко, такъ какъ это былъ человекъ неимоверной физической силы, могшій безъ всякой натуги поднимать каждой рукой двухпудовую гирию и держать эту гирию, вытянувъ горизонтально руку. На Путиловскомъ заводѣ ему приходилось работать у плавильной печи, въ которой съ помощью огромной и тяжелой желѣзной кочерги онъ долженъ былъ ворочать и мѣшать чуть ли не чугунную расплавленную массу. Работа была тяжелая, и онъ зачастую приходилъ съ работы довольно-таки измученнымъ, несмотря на свою геркулесовскую силу, на свою словно изъ желѣза выкованную комплекцію и на свое, повидимому, совершенно не поддающееся распатыванію здоровье. Рогачевъ производилъ впечатлѣніе человека добродушнаго, хотя и сильнаго характеромъ—и въ то время, когда онъ жилъ за Невской заставой, въ немъ я не замѣчалъ ни малѣйшаго слѣда самолюбія или мелкаго самолюбія. Всегда скромный, молчаливый, не любящій споровъ, онъ держался по отношенію къ другимъ чайковцамъ, какъ ученикъ, и скорѣе смотрѣлъ тогда на нихъ снизу вверхъ.

«Дня за три-четыре до моего ареста Рогачевъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ отправились въ качествѣ простыхъ рабочихъ въ Тверскую губернію, Торжокскаго уѣзда, въ имѣніе Янцево. Эта ихъ экспедиція въ имѣніе Янцево была уже вторичной; передъ тѣмъ они лѣтомъ, во время сѣнокоса, были тамъ же косарями; познакомившись тамъ съ крестьянами, они намѣтили имѣніе Янцево какъ пунктъ пропаганды. Тутъ они во вторую свою экспедицію въ качествѣ пильщиковъ были арестованы, но при помощи сторожившихъ ихъ при волостной кутузкѣ они бѣжали и разъединились: Кравчинскій прибылъ въ Москву, и оттуда, когда начался разгромъ чайковцевъ въ 1874 году, бѣжалъ за границу; Рогачевъ же двинулся на юго-востокъ Россіи. Онъ бродилъ на Волгѣ бурлакомъ, запря-

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 9.

гался въ бурлацкую лямку и тащилъ баржи, поражая своей силой бурлацкія артели, въ которыхъ, какъ потомъ, долго спустя, онъ рассказывалъ мнѣ въ Петропавловской крѣпости, онъ только разъ наскочилъ на бурлака, превзошедшаго его силой... Съ Волги Рогачевъ побывалъ на Дону и въ Ростовѣ жилъ въ босяцкой «золотой ротѣ», о которой говорилъ мнѣ, какъ о необычайно стойко отстаивавшей другъ друга на рынкѣ труда... Послѣ того Рогачевъ очутился въ Самарѣ. Такъ какъ къ этому времени (1875) агитаціонное движеніе охватило всю Русь—отъ хладныхъ финскихъ береговъ до пламенной Колхиды и отъ Пинска до Екатеринбурга, то Рогачевъ впутался въ тамошній агитаторскій кружокъ и былъ тамъ арестованъ, чуть ли не вмѣстѣ съ Фаресовымъ и Рѣчицкимъ на одной квартирѣ; изъ-подъ ареста Рогачевъ бѣжалъ. Поблуждавъ немного по Волгѣ, онъ возвратился въ Москву, гдѣ при разгромѣ кружка москвичей, изъ которыхъ потомъ выкроили процессъ 50-ти..., Рогачевъ былъ захваченъ на одной изъ квартиръ, гдѣ производился обыскъ; но и на этотъ разъ онъ обманулъ бдительность обыскивавшихъ и изъ-подъ самаго ихъ носа скрылся. Въ послѣдній разъ онъ былъ захваченъ въ Питерѣ тоже на квартирѣ, куда пріѣхали съ обыскомъ, попытался было и тутъ бѣжать, но неудачно: во дворѣ его задержали сторожившіе у калитки городовые. Этимъ и кончилась его свободное существованіе.

Таково обозрѣніе странствованій «въ народъ» и портретъ одного изъ первыхъ пионеровъ движенія, своимъ примѣромъ въ сильной степени подготовившаго движеніе 1874 года. А вотъ образъ другого ходока въ народѣ, двинувшагося сюда также въ первую очередь—Сергѣя Михайловича Кравчинскаго, тоже бывшаго артиллерійскаго офицера. Этотъ уже принадлежалъ къ «чайковцамъ», перомъ принималъ участіе въ движеніи при составленіи революціонныхъ брошюръ, участвовалъ въ преніяхъ и спорахъ на собраніяхъ и вмѣстѣ съ Рогачевымъ двинулся для пропаганды въ деревню, сначала въ роли косяря, а потомъ пильщика. Кравчинскій, между прочимъ, для своихъ пропагандистскихъ цѣлей широко пользовался Евангеліемъ и, по свидѣтельству Крпоткина ¹⁾, «толковалъ его мужикамъ и доказывалъ стихами изъ него, что слѣдуетъ начать бунтъ. Иногда онъ толковалъ имъ отъ великихъ экономистовъ. Крестьяне слушали пропагандистовъ, какъ настоящихъ апостоловъ, водили ихъ изъ избы въ избу и отказывались брать деньги за харчи». Между прочимъ, благодаря своему знакомству съ библіей, Кравчинскій одно время осѣлъ даже среди сектантовъ-молоканъ, чуть было не сдѣлался ихъ начетчикомъ «съ революціонными цѣлями», но успѣха въ ихъ средѣ не имѣлъ, вслѣдствіе чего снова обратился къ велико-

¹⁾ П. Крпоткинъ. «Записки революціонера».

русскимъ губерніямъ, гдѣ наравнѣ съ Рогачевымъ прокладываль будущимъ пропагандистамъ будущіе этапы ихъ шествія въ народъ.

Въ нѣсколько иномъ видѣ рисуется намъ третій піонеръ хожденія въ народѣ—Клеменсъ. Покойный Степнякъ-Кравчинскій ха-

Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій.

актеризуетъ его такъ ¹⁾: «Въ немъ нѣтъ ничего конспираторскаго. Онъ — человекъ простой, душа нараспашку, веселый собесѣдникъ и неподобный рассказчикъ. Его вольная, богатая рѣчь, пересыпанная образами и сравненіями, блещетъ всѣми сокровищами русскаго народнаго языка, которымъ онъ владѣеть съ изумительнымъ, кры-

¹⁾ Степнякъ-Кравчинскій. «Собравіе сочиненій», ч. II. «Подпольная Россія».

ловскимъ мастерствомъ. Онъ едва ли не лучший изъ нашихъ народныхъ пропагандистовъ. Манера говорить и вести пропаганду у него своеобразная, совершенно неподражаемая. Это не страстная, вдохновенная проповѣдь Брешковской, не сократическій, неотразимый методъ Михаила Купріянова, гениальнаго юноши, умершаго въ тюрьмѣ 19 лѣтъ отъ роду. Клеменсъ ведетъ своего пропаганду всю въ шуткахъ. Онъ смѣется и заставляетъ хвататься за животы слушающихъ его мужиковъ, старыхъ и малыхъ, несмотря на всю ихъ обычную невозмутимость. Однако онъ всегда ухитрится вложить въ свою шутку какую-нибудь серьезную мысль, которая такъ и засядетъ гвоздемъ имъ въ головы. Рѣдко кому удавалось вербовать столько приверженцевъ изъ среды крестьянъ и городскихъ рабочихъ. Рѣчи, которыя ему случалось произносить иногда въ какомъ-нибудь кабачкѣ, выходили настоящими перлами искусства. Помню, какъ, отправляясь, бывало, съ нимъ въ походъ по деревнямъ, я часто по цѣлымъ часамъ не рѣшался вмѣшаться и прервать неисчерпаемый потокъ его блестящихъ импровизаций, и, забывъ про пропаганду, отдавался весь эстетическому наслажденію слушателя... Его мужество носить тотъ же оригинальный отпечатокъ, какъ и приемы пропаганды. Онъ любитъ опасность не какъ воинъ, находящій въ ней источникъ сильныхъ ощущений, но скорѣе какъ артистъ, который спокойно наслаждается ею, особенно смѣшными ея сторонами. Повидимому, природа одарила его сердцемъ физически неспособнымъ испытывать страха. Среди величайшей опасности Клеменсъ никогда не теряетъ самообладанія. Онъ остается совершенно хладнокровнымъ, смѣется и шутитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Этимъ объясняется его необычайное присутствіе духа. Изъ самыхъ трудныхъ положеній онъ выпутывается съ изумительной находчивостью и подчасъ съ такимъ юморомъ, который ясно показываетъ, что онъ все время нисколько не думалъ объ опасности, а только забавлялся нѣкоторыми смѣшными положеніями и моментами. Не разъ ему случалось совершать большія неосторожности не изъ тщеславія, котораго въ немъ нѣтъ и слѣда, а просто изъ любви къ шуткѣ».

Таковы портреты тѣхъ главныхъ ходяковъ «въ народъ», которые, возвращаясь изъ своихъ экскурсій въ деревни и села, привозили своимъ товарищамъ, еще спорившимъ о средствахъ и способахъ осчастливленія народа, живыхъ вѣсти отъ самого народа, о его житьѣ-бытьѣ, съ указаніемъ, какъ и куда слѣдуетъ направлять нарождавшееся движеніе. А эти товарищи, пока собирались и пока ограничивали сферу своего активнаго служенія Россіи пропагандою по столичнымъ заводскимъ и фабричнымъ районамъ, начали уже терпѣть уроны; ряды ихъ таяли подъ сильнымъ натискомъ полицейской власти, которая, оставаясь долго довольно бездѣятельною, какъ мы уже о томъ говорили, теперь, точно сдвинутая изъ

своего состоянія благодушнаго созерцательства, энергично принялась вырывать изъ рядовъ петербургскихъ чайковцевъ одного за другимъ пропагандиста, какъ въ средѣ интеллигенціи, такъ и въ распропагандированной рабочей средѣ.

«Не проходило мѣсяца,—вспоминаетъ Кропоткинъ¹⁾),—безъ того, чтобы мы не досчитывались кого-либо изъ насъ, или безъ того, чтобы не забрали какого-нибудь изъ членовъ провинціальныхъ группъ. Къ концу 1873 года аресты участились. Въ ноябрѣ полиція нагрянула на одну изъ нашихъ главныхъ квартиръ, за Нарвской заставой. Мы потеряли Перовскую и трехъ другихъ товарищей. Всѣ сношенія съ работниками въ этой части Петербурга пришлось прекратить, жандармы стали очень бдительны и сразу замѣчали появленіе студента въ рабочемъ кварталѣ. Мы основали новое поселеніе, еще дальше за городомъ, но и его скоро пришлось оставить. Среди рабочихъ шныряли шпіоны и зорко слѣдили за нами. Въ нашихъ полубухбахъ, съ нашимъ крестьянскимъ видомъ, Дмитрій²⁾), Сергѣй³⁾) и я пробирались незамѣченными. Мы продолжали посѣщать кварталы, кишѣвшіе жандармами и шпіонами. Но положеніе Дмитрія и Сергѣя было очень опасно. Полиція усиленно разыскивала ихъ, такъ какъ ихъ имена приобрѣли широкую извѣстность въ рабочихъ кварталахъ. Если бы К—а (Клеменса) или Кравчинскаго случайно нашли на квартирѣ знакомыхъ, куда полиція явилась бы съ обыскомъ, ихъ бы немедленно забрали. Бывали періоды, когда Дмитрію каждый день приходилось разыскивать квартиру, гдѣ онъ сравнительно спокойно могъ бы провести ночь.

— Могу я переночевать у васъ?—спрашивалъ онъ, являясь къ товарищу въ десятомъ часу.

— Совсѣмъ невозможно. За моей квартирой въ послѣднее время сильно слѣдятъ. Лучше ступайте къ N.

— Да я только что отъ него. Онъ говоритъ, что его домъ окруженъ шпіонами.

— Ну, ступайте къ M. Онъ мой большой пріятель и внѣ подозрѣній; но до него далеко. Возьмите извозчика. Вотъ деньги.

Но изъ принципа Клеменсъ денегъ не бралъ и плелся пѣшкомъ за ночлегомъ въ противоположный конецъ города, а то оставался у товарища, къ которому ежеминутно могли нагрянуть съ обыскомъ.

«Въ январѣ 1874 года полиція захватила нашу главную цитадель, служившую намъ для пропаганды среди ткачей. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ пропагандистовъ исчезли за таинственными воротами Третьяго отдѣленія. Нашъ кружокъ порѣдѣлъ. Собраться на общую сходку становилось все труднѣе. Мы напрягли всѣ уси-

¹⁾ «Записки революціонера».

²⁾ Дмитрій Клеменсъ.

³⁾ Сергѣй Кравчинскій.

лія, чтобы образовать новые кружки из молодежи, которые могли бы продолжать дѣло, когда насъ арестуютъ. Чайковскій былъ тогда на югѣ. Мы убѣдили или, попросту, заставили Сергѣя и Дмитрія уѣхать изъ Петербурга. Мы повелѣли имъ выѣхать. Намъ оставалось въ Петербургѣ не больше пяти-шести человѣкъ, чтобы продолжать дѣло нашего кружка. Я намѣревался, какъ только сдѣлаю докладъ географическому обществу, отправиться на югъ, чтобы тамъ создать родъ земельной лиги, нѣчто въ родѣ той организаціи, которая достигла такихъ грозныхъ размѣровъ въ Ирландіи въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Два мѣсяца прошло довольно спокойно; но вдругъ въ серединѣ марта мы узнали, что почти весь кружокъ заводскихъ арестованъ и вмѣстѣ съ ними бывшій студентъ Низовкинъ, къ несчастію, пользовавшійся ихъ довѣріемъ. Мы были увѣрены, что Низовкинъ, выгораживая себя, выдастъ все, что ему извѣстно. Кромѣ Дмитрія и Сергѣя, онъ зналъ основателя кружка Сердюкова и меня. Мы рассчитывали, что онъ навѣрное назоветъ наши настоящія имена на допросахъ. Черезъ нѣсколько дней забрали двухъ ткачей, крайне ненадежныхъ парней, замотавшихъ даже деньги своихъ товарищей. Они знали меня подъ именемъ Бородина. Эти, навѣрное, должны были направить полицію на слѣдъ Бородина, одѣтаго по-крестьянски и говорившаго на сходкахъ ткачей. Въ одну недѣлю забрали всѣхъ членовъ нашего кружка, кромѣ Сердюкова и меня».

Объ арестѣ Кропоткина было уже говорено. Такимъ образомъ, пока петербургскіе «чайковцы» еще собирались въ народный крестовый походъ, администрація успѣла переарестовать всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, кто къ началу 1874 года былъ налицо въ столицѣ. Благодаря этому движеніе вытекло весной того года не изъ Петербурга, какъ того слѣдовало ожидать, а изъ другихъ центровъ, въ ряду которыхъ Москвѣ выпала видная роль, ибо именно сюда разбитыя, но оставшіяся въ живыхъ силы пародниковъ-пропагандистовъ собрались и здѣсь образовали свою штабъ-квартиру. Несмотря на разгромъ «долгушинцевъ» въ Москвѣ, «чайковцевъ» въ Петербургѣ, а также многочисленныхъ къ тому времени уже произведенныхъ арестовъ въ провинціи, картина организаціи пропаганды къ веснѣ 1874 года получила внушительный характеръ и приобрѣла широкіе размѣры. Эту организацію къ тому моменту графъ Паленъ рисуетъ въ своей запискѣ «Успѣхъ революціонной пропаганды въ Россіи»¹⁾, составленной въ 1875 г., такъ²⁾:

¹⁾ «Былое» 1907 г., кн. 9.

²⁾ Въ выдержкѣ изъ записки повторяется кое-что изъ того, что нами было уже говорено, но въ интересахъ полноты картины приходится удержаться отъ сокращеній.

IX.

«Въ началѣ 1874 г. дѣятели революціонной пропаганды начинаютъ одновременно свою преступную дѣятельность въ разныхъ пунктахъ и сферахъ нашего общества—писалъ графъ Паленъ. Обладая достаточною энергіею и кое-какими матеріальными средствами,

Дмитрій Александровичъ Клеменсъ.

они не останавливаются ни передъ чѣмъ, не стѣсняются никакими условіями и препятствіями, организуютъ постоянныя между собою сношенія, при чемъ весьма искусно затемняютъ ихъ различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами; весьма быстро проникаютъ въ высшія, среднія и низшія учебныя заве-

денія, семинаріи, гимназіи и сельскія народныя школы; соврацають молодежь не только путемъ распространяемыхъ книгъ и устной пропаганды, но и путемъ близкихъ отношеній съ имѣющимися въ ихъ средѣ въ немаломъ количествѣ молодыми женщинами и дѣвушками и къ концу 1874 г. успѣваютъ покрыть какъ бы сѣтью революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ агентовъ большую половину Россіи. Дознаніями¹⁾ раскрыта пропаганда въ 37 губерніяхъ.

Выдающіяся черты дѣятельности пропагандистовъ въ этихъ губерніяхъ, по мнѣнію министра, выразились въ слѣдующемъ: 1) Въ Петербургѣ: а) значительное количество революціонныхъ кружковъ, дѣйствовавшихъ какъ на мѣстѣ, такъ и внутри Россіи, куда они посылали своихъ агентовъ; б) пропаганда въ заводскомъ и фабричномъ населеніи подъ видомъ обученія грамотѣ, причемъ были заведены школы для рабочихъ у студентовъ Стаховскаго, Синегуба, Клеменса и отставнаго артиллерійскаго поручика Кравчинскаго; в) столярныя и сапожныя мастерскія у Богомолова и кузницы въ разныхъ мѣстахъ, устроенныя съ цѣлью обученія ремеслу молодыхъ людей, готовящихся итти въ народъ. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ Петербургѣ былъ князь Кропоткинъ, у котораго найдена программа пропаганды. 2) Въ Москвѣ: а) устроенная съ тою же цѣлью, какъ и въ Петербургѣ, столярная мастерская студента Фроленко и Войнаральскаго, сапожная того же Войнаральскаго, казака Глушкова и дворянина Дубенскаго; в) типографія стенографа Мышкина, въ которой печатались брошюры, предназначенныя къ распространенію въ народѣ; г) агенты, сносившіеся съ провинціальными кружками, доставляя имъ необходимыя свѣдѣнія о ходѣ дѣла; денежныя средства и книги; д) пропаганда отдѣльныхъ лицъ въ средѣ рабочаго класса. 3) Новгородская губернія: сельская школа дочери генераль-майора Софіи Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. 4) Тверская губернія: кузница крестьянина Павла Григорьева, устроенная на средства пропагандистовъ одного изъ петербургскихъ кружковъ. 5) Ярославская губернія: а) обширная пропаганда, веденная въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ помѣщикомъ Иванчинъ-Писаревымъ и нѣкоторыми другими лицами и б) открытая ими столярная мастерская. 6) Тамбовская губернія: а) оружейная мастерская мѣщанина Арева, служившая агентурой для тамбовскихъ дѣятелей, и б) пропаганда въ разныхъ слояхъ общества. 7) Пензенская губернія: а) устройство отставнымъ поручикомъ Рогачевымъ, при содѣйствіи Войнаральскаго, особаго революціоннаго кружка изъ мѣстной учащейся молодежи, б) складъ напечатанныхъ въ типографіи противозаконныхъ брошюръ у акцизнаго надзирателя Жилинскаго; в) ме-

¹⁾ Когда составлялась записка, движеніе «въ народъ» въ полномъ его объемѣ было уже разгромлено и почти всѣ участники движенія арестованы.

Б. Г.

лочная лавочка, устроенная Войнаральскимъ въ селѣ Степановкѣ для ближайшаго общенія съ народомъ и г) столярная мастерская мѣщанина Ершова. 8) Саратовская губернія: а) преступная дѣятельность какъ мѣстныхъ, такъ и прибывшихъ изъ Москвы и Петербурга революціонныхъ дѣятелей; б) заведенная ими сапожная мастерская, гдѣ были и складъ запрещенныхъ изданій, и в) притоны для агитаторовъ у Цвѣтковой, Мейера и Софинскаго. 9) Самарская губернія: а) весьма дѣятельная пропаганда какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ агитаторовъ; б) два особыхъ мѣстныхъ кружка; в) притонъ на постояломъ дворѣ Фоминскаго и агентура писца Дегтерева и семинариста Пономарева; г) притонъ въ ригѣ у Кадьяна; д) пропаганда въ тюремномъ замкѣ. 10) Казанская губернія: а) агентура у студента Овчинникова; б) дѣятельность членовъ Голоушевскаго кружка. 11) и 12) Въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ дѣятельность, такъ называемаго, Голоушевскаго кружка, первоначально образовавшагося въ Петербургѣ. 13) Въ Нижегородской губерніи: а) пропаганда въ селѣ Павловѣ; б) притонъ у бывшихъ семинаристовъ Серебровскихъ; в) мѣстный кружокъ. 14) Въ Воронежской губерніи: а) пропаганда школьнаго учителя Цебенко въ Острогожскѣ. 15) Курская губернія: дѣятельная пропаганда разныхъ лицъ и въ томъ числѣ помѣщицы Субботиной. 16) Харьковская губернія: три отдѣльные кружка Ковалика, дѣвицы Андреевой и студентовъ ветеринарнаго института. 17) Екатеринославская губернія: а) бондарная мастерская, открытая на средства членовъ одесскаго кружка (Петръ Макаревичъ, Николай Жебуневъ), прусскаго подданнаго Ланганса, б) библіотека Павловскаго въ Таганрогѣ, изъ которой распространялись книги преступнаго содержанія. 18) Въ Полтавской губерніи: а) ферма на хуторѣ помѣщицы Колесниковой, въ которой работали члены кievскаго и харьковскаго кружковъ. 19) Въ городѣ Одессѣ: а) кузница Николая Жебунева и б) особый кружокъ Макаревича и Волховскаго, присоединившійся къ кружку Жебуневыхъ. 20) Въ Киевской губерніи: а) мѣстный кружокъ съ общимъ притономъ пропагандистовъ подъ названіемъ «Коммуна» и б) съѣздъ кружковъ Жебуневыхъ, на которомъ выработана ихъ программа. 21) Въ Черниговской губерніи: а) кружокъ Жебуневыхъ и б) школы сельскихъ учителей: Сергѣя Жебунева, Михаила Каца и Трезвинскаго. 22) Въ Ковенской губерніи: ферма помѣщицы Филипповой, устроенная членомъ кievскаго кружка Екатериной Брешковской. 23) Въ Каменецъ-Подольской губерніи: сельская школа учительницы Александры Охременко и учителя Топчаевскаго. Независимо отъ этого преступная революціонная дѣятельность какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и членовъ открытыхъ въ другихъ мѣстахъ кружковъ, обнаружена въ губерніяхъ: Херсонской, Орловской, Смоленской, Калужской, Тульской, Архангельской, Костромской, Владимирской, Вятской, Пермской, Томской, Могилевской, Тифлисской и землѣ войска Донскаго.

«Всѣхъ привлеченныхъ нынѣ въ качествѣ обвиняемыхъ къ дознанію, произведенному въ этихъ губерніяхъ,—770, изъ нихъ мужчинъ—612, женщинъ—158; подъ стражею—265, на свободѣ, съ пріятіемъ противъ нихъ другихъ мѣръ,—452; не разысканныхъ—53,—говорить министр.—Дознанія показали, что многія лица не молодая, отцы и матери семействъ, обеспеченныя и матеріальными средствами и болѣе или менѣе почетнымъ положеніемъ въ обществѣ, не только не противодѣйствовали, а, напротивъ, нерѣдко оказывали имъ видимое сочувствіе, помощь и поддержку, какъ бы не создавая въ слѣпомъ своемъ фанатизмѣ, что конечнымъ послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствія должна быть гибель всякаго общества и ихъ самихъ. Такъ, довольно богатый землевладелецъ и мировой судья Пензенской губерніи Эндуаровъ способствовалъ укрывательству одного изъ главныхъ и опасныхъ дѣятелей—Войнаральскаго, бывшаго прежде того мировымъ судьей въ Городищенскомъ уѣздѣ. Такъ, жена оренбургскаго губернскаго жандармскаго управленія полковника Голоушева не только не отклонила своего сына отъ участія въ дѣлѣ преступной пропаганды, а, напротивъ, помогала ему совѣтами и свѣдѣніями. Такъ, профессоръ ярославскаго лицея Духовскій не только принималъ къ себѣ агитатора Ковалика, но познакомилъ его и, такъ сказать, ввелъ во внутреннюю жизнь студентовъ-лицейстовъ. Такъ, весьма многіе изъ уроженцевъ Вятской губерніи, привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, оказались стипендіатами вятскаго земства, а предсѣдатель вятской губернской управы Колотовъ въ выборѣ лицъ на земскія должности совѣтовался со студентомъ казанскаго университета Овчинниковымъ (весьма сильно скомпрометированнымъ по дознанію) и безъ его рекомендаціи не давалъ мѣста. Такъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, земскій врачъ Португаловъ принималъ къ себѣ лицъ, завѣдомо скрывающихся отъ розысковъ правительственныхъ властей, и помогалъ имъ продолжать свою преступную дѣятельность. Такъ, весьма богатая и уже пожилая женщина, помѣщица Софья Субботина, не только лично и открыто вела революціонную пропаганду среди ближайшаго крестьянства, но склоняла къ тому же свою воспитанницу Шатилову, и дочерей, даже несовершеннолѣтнихъ, посылала доканчивать образованіе въ Цюрихѣ.

«Такъ, Плетневъ-отецъ (бывшій чембарскій казначей), прочитавъ найденную имъ у сына-гимназиста книгу революціоннаго содержанія, прямо заявилъ, что готовитъ сына «для народа». Но, къ его несчастію, правительство это преждевременно обнаружило. Такъ, дочери дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Наталья Армфельдъ, Варвара Батюшкова и Софія Перовская, дочь генералъ-майора Софія Лешервъ-фонъ-Герцфельдъ и многія другія шли въ народъ, занимались полевыми поденными работами, спали вмѣстѣ

съ мужчинами, товарищами по работѣ, и за всѣ эти поступки, повидимому, не только не встрѣчали порицанія со стороны нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а, напротивъ, сочувствіе и одобреніе. И такихъ примѣровъ много. Примѣры эти, безъ сомнѣнія, должны служить подтвержденіемъ того убѣжденія, что успѣхи пропагандистовъ зависятъ сколько отъ ихъ собственныхъ усилій и дѣятельности, столько отъ той легкости, съ которой ученія ихъ проникаютъ въ разные слои общества, и отъ того сочувствія, которое они встрѣчаютъ. Такъ, на примѣръ, трое изъ самыхъ ярыхъ вожаковъ крайней революціонной партіи: отставные артиллерійскіе поручики Рогачевъ и Кравчинскій и студентъ Клеменсъ проживали нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ семейныхъ домахъ города Москвы, отнюдь не скрываясь, а, напротивъ, пропагандируя свои ученія и направленія. И тотъ же вышеупомянутый Рогачевъ въ Пензенской губерніи познакомился съ бывшимъ мировымъ судьей Войнаральскимъ, который затѣмъ и обратился въ одного изъ самыхъ ревностныхъ его послѣдователей, пожертвовавъ почти всѣмъ состояніемъ до 40,000 р. на дѣло революціонной пропаганды. Въ виду возможно большаго и быстраго ея распространенія въ городахъ и селахъ устраивались школы, мастерскія, рабочія артели и т. п. Такъ, въ Петербургѣ и Москвѣ устроились мастерскія: сапожная, столярная, слесарная и кузнечная; въ Саратовѣ—сапожная, въ Одесѣ—кузнечная; въ Екатеринославѣ—бондарная, въ губерніяхъ Полтавской, Курской, Ковенской на фермахъ проживали пропагандисты и готовились къ пропагандѣ среди земледѣльческаго класса.

«Подготавливая себѣ среди рабочаго класса адептовъ и помощниковъ и, въ свою очередь, пропагандистовъ, вожаки этого дѣла распространяли свои мысли и взгляды путемъ устной пропаганды, а также посредствомъ огромнаго количества книгъ и брошюръ, написанныхъ въ формѣ общедоступныхъ народныхъ разсказовъ. Таковы «Дѣдушка Егоръ», «Митюха», «Степные очерки» Левитова, «Очерки фабричной жизни» Голицинскаго, «Сила солону ломить» и т. д. Во всѣхъ этихъ книжкахъ пропагандируется мысль о безвыходномъ положеніи рабочаго класса, объ эксплуатаціи его капиталомъ, о гибельныхъ послѣдствіяхъ кулачества, и, наконецъ, выставляются рѣзкіе примѣры успѣшнаго протеста со стороны задавленнаго крестьянства и вообще низшихъ классовъ. Къ подобнымъ книжкамъ, но уже съ болѣе опредѣленнымъ бунтовскимъ направленіемъ, относятся брошюры «О Стенькѣ Разинѣ», въ коихъ восхваляются и воспѣваются его дѣянія и казнь, какъ подвиги великаго гражданскаго мужества на защиту угнетеннаго народа. Далѣе слѣдуютъ книги: «Исторія французскаго крестьянина», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ», «Хитрая Механика», воззваніе, начинающееся словами: «Чтой-то, братцы». Эти послѣднія сочиненія уже ясно революціоннаго, вызывающаго къ открытому возстанію,

направленія. Такъ «Сказка о четырехъ братьяхъ» оканчивается слѣдующими словами: «Гой вы, братцы мои любезные, ужъ неужто мы станемъ въ Сибири сидѣть, на казну работать государеву!»

«Дѣйствуя такимъ образомъ, агитаторы все менѣе и менѣе стѣсняются въ выборѣ средствъ для своей преступной дѣятельности. Такъ, князь Кропоткинъ еще въ 1873 г. объяснялъ на лекціи въ устроенной въ С.-Петербургѣ школѣ рабочимъ о значеніи Интернаціональнаго общества на Западѣ и проповѣдывалъ революцію; устраивались сходки, бібліотеки, кассы; достаточно подготовленные фабричные мастеровые снабжались книгами, деньгами и отправлялись на родину, гдѣ должны были готовить народъ къ возстанію, донося объ успѣхахъ пропаганды своимъ учителямъ, организаторамъ, самое время для открытаго возстанія уже было ими намѣчено: предполагалось начать его тотчасъ по объявленіи ожидаемой войны съ Германіей, причемъ успѣхъ возстанія обезпечивался отвлеченіемъ военныхъ силъ къ границѣ. Пѣсня играла всюду немаловажную роль; многія пѣсни крайне возмутительнаго содержанія выучивались наизусть и даже, случалось, распѣвались на улицахъ. Всюду, гдѣ появлялись агитаторы, тотчасъ же образовывались или притоны для укрывательства, или оставлялись агенты для сообщенія о ходѣ движенія и извѣщенія на случай опасности; у этихъ же агитаторовъ хранились адреса единомышленниковъ въ другихъ городахъ и селахъ, ключи къ шифрамъ, деньги и книги; къ нимъ же обращался всякій вновь прибывшій агитаторъ и получалъ пособія и указанія, какъ и гдѣ дѣйствовать. Въ это же время изъ типографіи Мышкина въ Москвѣ разсылались повсюду въ огромномъ количествѣ книги и брошюры, и вмѣстѣ съ тѣмъ печаталось сочиненіе Лассаля, предназначенное для молодежи въ видахъ убѣжденія ея въ необходимости измѣненія существующаго экономическаго и соціальнаго строя и водворенія коммунистическихъ началъ. На случай опасности пропагандисты нерѣдко запасались револьверами, а въ кievскомъ революціонномъ кружкѣ выработанъ былъ планъ вооруженнаго сопротивленія властямъ при арестованіи и даже готовились яды съ тою же оборонительною цѣлью. Вообще агитаторы не отказывались и отъ общихъ преступленій и отъ близкихъ сношеній съ общими преступниками, если находили въ томъ свою выгоду. Такъ, въ Саратовѣ предполагалось для обогащенія революціонной кассы напасть съ оружіемъ въ рукахъ и ограбить одну богатую даму, пріѣздъ которой ожидался съ большими деньгами для покупки имѣнія. Въ письмѣ студента Паевского прямо говорится, что онъ вполне сочувственно относится къ возникающему сообществу, имѣющему цѣлью поддѣлку и распространеніе фальшивыхъ ассигнацій. Въ числѣ адресовъ, отобранныхъ отъ Войнаральскаго, Рѣчицкаго, Логинова, оказались адреса извѣстныхъ въ околоткѣ конокрадовъ, воровъ и мошенниковъ, какъ личностей

болѣе для ихъ цѣлей пригодныхъ, чѣмъ элементы чистые и спокойные. Въ городѣ Николаевскѣ, Самарской губерніи, присужденные къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы и на поселеніе арестанты были подговорены къ побѣгу, снабжены подпилками, фальшивыми печатями для паспортовъ и, наконецъ, ядовитыми порошками для отравленія конвоя,—все это для того, чтобъ обратить ихъ во враговъ правительства и въ такъ называемыхъ «друзей народа». На вопросъ одного изъ арестантовъ, зачѣмъ они, арестанты, имъ, пропагандистамъ, нужны, было получено въ отвѣтъ: «намъ нуженъ такой народъ, который готовъ рѣшиться на все, а народа этого легче набрать изъ арестантовъ, острожниковъ,—изъ свободнаго народа рѣшительныхъ подобрать труднѣе. Нужны же намъ рѣшительные люди для того, чтобъ порѣшить власть царя». Сыиъ дворянина Андрей Кулябо, 15 лѣтъ, увлеченный въ дѣло пропаганды Рогачевымъ и Войнаральскимъ, какъ можно полагать, по приказанію Рогачева, уговаривалъ своего брата, 17 лѣтъ мальчика, обокрасть дядю, который ихъ обоихъ содержалъ и воспиталъ, и затѣмъ бѣжать съ украденными деньгами. Въ кievскомъ кружкѣ предполагалось ограбить почту, для чего 18-тилѣтній отставной юнкеръ Гиреновичъ долженъ былъ поступить на службу въ мѣстный почтамтъ».

Такова фактическая сторона успѣховъ пропаганды къ 1874—1875 гг., нарисованная министромъ юстиціи и организованная, какъ мы то видимъ, въ широкихъ размѣрахъ, съ громаднѣйшей энергіей въ короткій относительно срокъ 3—4 лѣтъ.

X.

Послѣ разгрома петербургскихъ «чайковцевъ» остатки сообщества собрались весной 1874 г. въ Москвѣ, гдѣ они застали сильное революціонное броженіе среди мѣстныхъ силъ. По словамъ Л. Шишко¹⁾, «въ Москвѣ накопилось въ то время много хорошей молодежи, только что охваченной революціоннымъ настроеніемъ; среди нея особенно выдѣлялся своей талантливостью и своимъ юношескимъ одушевленіемъ Николай Морозовъ. Много нашлось также тогда серьезныхъ сторонниковъ движенія въ народъ и среди студентовъ Петровской академіи, гдѣ видную роль играли въ то время московскіе члены кружка чайковцевъ (Фроленко и др.). Кромѣ того, довольно многочисленный кружокъ группировался тогда въ Москвѣ около Мышкина, въ его типографіи, а также около Войнаральскаго, въ устроенной имъ весной на Плющихѣ сапожной мастерской. Тогда же примкнули къ движенію Саблинъ и Татьяна Лебедева.

«Такимъ образомъ, весной 1874 г. настроеніе въ Москвѣ было особенно оживленное. Для пріѣхавшихъ туда членовъ петербург-

¹⁾ Л. Шишко. «Сергій Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ».

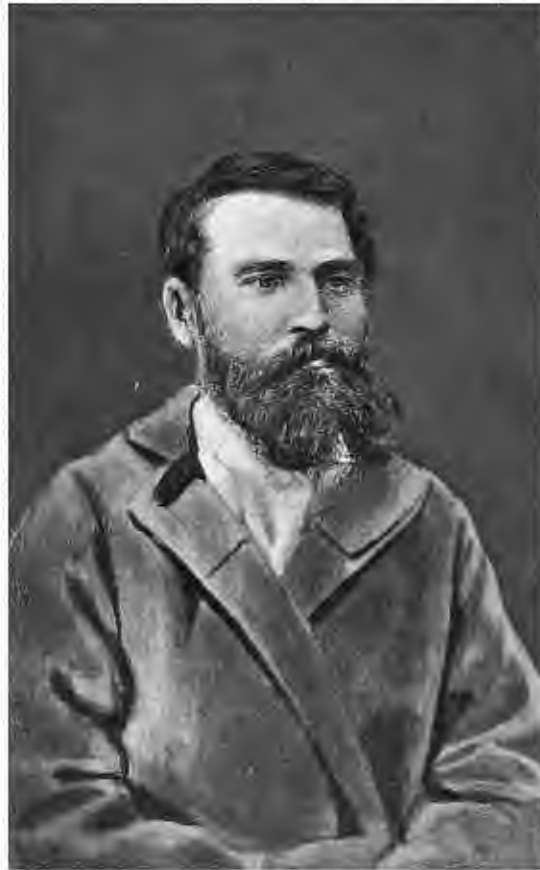
скаго кружка это было какъ бы продолженіемъ ихъ петербургской жизни и дѣятельности; вслѣдъ за полнымъ разгромомъ петербургской организаціи начиналось, хотя и плохо организованное, но зато болѣе широкое революціонное движеніе, увлекшее за собою и ихъ. Это обстоятельство помогло имъ не почувствовать сразу всей ихъ потери, всей тяжести нанесеннаго имъ въ Петербургѣ удара.

Здѣсь-то и получены были свѣдѣнія, что революціонная провинція готова всѣми своими силами двинуться въ народъ, какъ бы ожидая только откуда-нибудь мановенія, почина и директивы. Прибывшіе петербургскіе пропагандисты совмѣстно съ московскими единомышленниками и подали примѣръ. Авторъ уже цитированной неоднократно статьи «Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу»¹⁾ описываетъ это движеніе такъ: «Революціонеры двинулись одни на родину или мѣста, гдѣ у нихъ имѣлись какія-нибудь связи, другіе—большинство—на Волгу, гдѣ они ожидали найти наиболѣе благопріятную почву для революціонной дѣятельности, третьи—меньшая часть—направились на югъ, преимущественно въ Кіевъ, четвертые, наконецъ, считали нужнымъ предварительно заѣхать въ разные губернскіе города, гдѣ имѣлись революціонные кружки, съ которыми предполагалось установить связи, или представлялся какой-нибудь случай для пропаганды. Чайковцы въ большинствѣ избрали первый путь, кружки Ковалика и частью Лермонтова отправились въ Поволжье, причемъ часть членовъ заѣзжали въ Пензу, кружокъ Каблицы направился въ Кіевъ и т. д. Нѣсколько пропагандистовъ поѣхали въ отдаленный Оренбургскій край (голоушевцы), на мѣсто своей родины. Изъ Кіева и Одессы пропагандисты разбрелись по югу Россіи преимущественно по губерніямъ: Кіевской, Подольской, Екатеринославской и доходили даже до Крыма. Нѣкоторые направились въ Полтавскую и Черниговскую губерніи, гдѣ въ Конотопскомъ уѣздѣ основались братья Жебуневы. Муравскій звалъ голоушевцевъ даже въ Сибирь, предвѣщая имъ тамъ полный успѣхъ, но они не рѣшились забираться такъ далеко. На этотъ разъ, т.-е. въ 1874 г., Сибирь осталась внѣ вліянія пропагандистовъ. Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ уже тогда, когда она была наводнена ссылными.»

Описываемымъ лѣтомъ, такимъ образомъ, народники-пропагандисты рассыпались по всей Европейской Россіи, за исключеніемъ Сибири, Кавказа и самыхъ сѣверныхъ губерній, гдѣ дѣло пропаганды было признано преждевременнымъ. До ихъ арестовъ пребываніе революціонной интеллигенціи въ селахъ и деревняхъ, ихъ проповѣдь тамъ оставались обществу неизвѣстными и незамѣтными для глаза; они растворялись въ обширномъ морѣ народномъ, и только послѣдовавшіе крупныя аресты оповѣстили *orbi et urbi* о происшедшемъ.

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

Какъ же велась самая пропаганда, каковы были ея методы и ея стратегія? На эти вопросы опять-таки тотъ же авторъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ «Старикъ», даетъ на основаніи слѣдственаго матеріала обстоятельныя свѣдѣнія. По его указаніямъ: «первою заботою революціонеровъ, двинувшихся въ народъ, было при-

Порфирій Ивановичъ Войнаральскій.

исканіе такихъ пунктовъ въ районѣ будущей ихъ дѣятельности, въ которыхъ можно было бы поселиться (осѣдлые пропагандисты) или изъ которыхъ можно было совершать экскурсіи въ народъ (летучіе пропагандисты). Многіе сравнительно легко находили такіе пункты въ домахъ родныхъ или знакомыхъ, чаще всего въ помѣщичьихъ усадьбахъ, квартирахъ учителей и медицинскаго

персонала и т. п. Кто не могъ устроиться самъ, тому помогали другіе посредствомъ рекомендательныхъ писемъ и всякими вообще способами. Кружки устраивали съ этой цѣлью кузницы и другія мастерскія, или же пользовались квартирами распропагандированныхъ рабочихъ, переселившихся въ свои деревни для пропаганды. Такъ, напримѣръ, двое рабочихъ отправились, по настоянію Жербуновыхъ, на свою родину, въ Курскую губернію, одинъ рабочій, подъ вліяніемъ кружка Ковалика, въ Ярославскую губернію и т. д. Практическій умъ Войнаральскаго подсказалъ ему, что «пункты» имѣютъ большое значеніе для развитія въ народѣ революціонной дѣятельности. Онъ увлекался планомъ устройства такихъ пунктовъ по извѣстной системѣ на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи и приступилъ къ практическому осуществленію этого плана въ районѣ Поволжья. Владѣя сѣтью пунктовъ, революціонеры, по мнѣнію Войнаральскаго, имѣли бы возможность приступить къ устройству областной организаціи крестьянъ.

«Главнымъ пунктомъ въ Поволжьѣ Войнаральскій избралъ Саратовъ, гдѣ на его средства открыта была сапожная мастерская съ настоящимъ сапожникомъ (Пельконеномъ) во главѣ. Въ этой мастерской находился между прочимъ складъ изданій типографіи Мышкина и собраніе фальшивыхъ печатей и паспортовъ. Въ предполагаемую сѣть пунктовъ Войнаральскому удалось ввести нѣсколько постоянныхъ дворовъ и частныхъ домовъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Особенно удачна была въ этомъ отношеніи дѣятельность Войнаральскаго въ Самарской губерніи. На первое время пункты, устроенные Войнаральскимъ и другими дѣятелями, имѣли значеніе въ смыслѣ притоновъ, въ которыхъ могъ останавливаться каждый революціонеръ по пути въ народъ. Въ то же время они облегчали переписку и всякія вообще сношенія между революціонерами. Повышенное настроеніе, въ которомъ главнымъ образомъ черпали свои силы пионеры русской революціи, требовало общенія ихъ между собою и могло поддерживаться только общеніемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пропагандисты забирались въ глушь и временно были отрѣзаны отъ остального міра, дѣятельность ихъ замѣтно ослабѣвала и оживлялась послѣ свиданія съ лицами, вновь прибывшими изъ центровъ. Такъ было между прочимъ съ людьми, ужь не юными, поселившимися въ Николаевскѣ Самарской губерніи. Послѣ пріѣзда къ нимъ свѣжихъ людей началась усиленная съ ихъ стороны дѣятельность по пропагандѣ среди уголовныхъ арестантовъ и пр. Отсюда слѣдуетъ заключить, что «пункты» имѣли въ первое время работы въ народѣ немало-важное значеніе для революціонеровъ. Впослѣдствіи пункты облегчили поимку революціонеровъ, но эта вредная для нихъ сторона пунктовъ была сравнительно менѣе важна и нисколько не опровергаетъ сказаннаго выше.

«Какъ бы кто изъ революціонеровъ ни смотрѣлъ на значеніе пропаганды, всѣ они въ большей или меньшей степени ею занимались. Одни изъ пропагандистовъ предпочитали проходить изъ села въ село по избранному ими болѣе или менѣе обширному району, другіе дѣйствовали набѣгами изъ занятыхъ ими позицій, третьи старались занять какое-либо опредѣленное положеніе въ деревнѣ, или проживали у лицъ, занимающихъ такое положеніе, и кругъ своей дѣятельности ограничивали сравнительно небольшими предѣлами.

«Первые два способа пропаганды по существу мало отличались другъ отъ друга—это такъ называемая летучая пропаганда. Этотъ видъ пропаганды особенно привлекалъ молодежь своею относительною трудностью. Пропагандистъ все время находился въ напряженномъ состояніи: съ одной стороны, онъ все время, проводимое среди незнакомыхъ крестьянъ, долженъ былъ настолько хорошо разыгрывать свою роль, чтобъ въ немъ не заподозрѣли переодѣтаго барина, съ другой, ему приходилось проявлять большую находчивость, чтобы во всякомъ пустомъ разговорѣ найти подходящую почву для пропаганды. Для преодоленія всѣхъ этихъ трудностей необходимо было, независимо отъ большой увѣренности въ своихъ силахъ и способностяхъ, имѣть предварительное знакомство съ характеромъ и бытомъ народа. Этотъ способъ успѣшно практиковали Рогачевъ, Кравчинскій и Клеменсъ. Всѣ они, особенно Клеменсъ и Рогачевъ, проведеній въ народѣ около двухъ лѣтъ, считались знатоками народа. Къ этому же способу прибѣгали Войнаральскій, Брешковская, Стефановичъ, Коваликъ, Мокріевичъ и др.

«Летучая пропаганда, по самому существу своему, не могла имѣть задачей не только послѣдовательнаго просвѣщенія народа, но и систематическаго его революціонизированія—она стремилась внести революціонное броженіе въ широкіе слои населенія. Пропагандистъ не считалъ потеряннымъ времени, если ему удавалось возбудить въ своихъ случайныхъ собесѣдникахъ—крестьянахъ или рабочихъ, какую-нибудь отдѣльную революціонную мысль или даже только усилить существующее у нихъ недовольство своимъ положеніемъ. Съ этого положенія обыкновенно и начинались разговоры; отсюда легко было перейти къ эксплуатаціи крестьянъ помѣщиками, къ притѣсненіямъ купцовъ, къ злоупотребленіямъ чиновниковъ. Если всѣ эти стадіи бесѣды проходили удачно, то пропагандистъ переходилъ къ оцѣнкѣ верховной власти и доказывалъ, что она, въ лицѣ царя, является покровителемъ всѣхъ тѣхъ, кто угнетаетъ народъ. Въ результатъ собесѣдники призывались къ самостоятельности, къ борьбѣ всѣмъ міромъ съ кулаками, помѣщиками и чиновниками. Активные крестьяне, готовые стать въ ряды борцовъ, встрѣчались очень рѣдко. Чаще лица, съ которыми бесѣдовали пропагандисты, выражали свои пожеланія, болѣе или

менѣ отвѣчавшія тому, что проповѣдывали пропагандисты, но на призывъ къ активной борьбѣ подавали реплики, свидѣтельствующія, что они лишь поддержать тѣхъ, кто начнетъ борьбу, причемъ одни ожидали начала отъ царя, другіе отъ революціонеровъ. Пропагандистъ считалъ себя вполне удовлетвореннымъ, если ему говорили: «начинайте, мы поддержимъ».

«Осѣдлая пропаганда велась также въ большинствѣ случаевъ лицами, не имѣющими опредѣленныхъ занятій. Пропагандистъ поселялся обыкновенно въ домѣ своихъ родныхъ или сочувствующихъ ему знакомыхъ. Сравнительно немногіе изъ осѣдлыхъ пропагандистовъ имѣли опредѣленную профессію, занимая должности учителей и фельдшеровъ. Къ осѣдлымъ пропагандистамъ слѣдуетъ присоединить также небольшое число учителей, не вошедшихъ окончательно въ революціонную партію, но сочувствовавшихъ ей и распространявшихъ между крестьянами революціонныя книги.

«Осѣдлая пропаганда по существу своему должна была вестись болѣе осторожно и медленно, чѣмъ летучая. Пропагандистъ заводилъ знакомства среди ближайшихъ крестьянъ или рабочихъ, сперва какъ будто безъ опредѣленной цѣли, затѣмъ мало-по-малу начиналъ бесѣдовать съ ними на революціонныя темы и давать имъ для прочтенія или въ собственность разныя революціонныя книги. Эти послѣднія въ осѣдлой пропагандѣ играли гораздо большую роль, чѣмъ въ летучей. Кромѣ того, осѣдлые пропагандисты не отказывались также отъ пропаганды среди лицъ, принадлежавшихъ къ сельской интеллигенціи. Осѣдлые пропагандисты встрѣчались почти во всѣхъ кружкахъ. Особенно много встрѣчалось ихъ среди чайковцевъ-одесситовъ, въ московскихъ кружкахъ, въ пензенскомъ, самарскомъ (мѣстномъ) и оренбургскомъ. Общее число ихъ, по всей вѣроятности, было не меньше, чѣмъ летучихъ пропагандистовъ. Между пропагандистами осѣдлыми и летучими существовала взаимная связь, такъ что одни до нѣкоторой степени дополняли другихъ. Мѣста осѣдлости перваго рода пропагандистовъ служили иногда «пунктами» для летучихъ пропагандистовъ. Отъ осѣдлыхъ эти послѣдніе нерѣдко получали свѣдѣнія о болѣе интересныхъ для нихъ селеніяхъ и отдѣльныхъ крестьянахъ».

Такими путями и средствами шла и развертывалась пропаганда. Каковы же были ея результаты?

ХІ.

На поставленный вопросъ очень трудно, почти невозможно дать точный, опредѣленный отвѣтъ. Постараемся, однако, кое въ чемъ здѣсь разобраться, такъ какъ полученные выводы окажутся намъ полезными для послѣдующихъ соображеній.

Обвинительный актъ по «процессу 193-хъ», подводя итогъ дѣятельности «чайковцевъ» и прочихъ кружковъ 70-хъ годовъ, какъ въ ихъ подготовительныхъ дѣйствіяхъ, такъ и въ самомъ движеніи «въ народъ», утверждаетъ ¹⁾: «За періодъ всего своего существованія сообщество, съ его точки зрѣнія, достигло слѣдующаго результата: совращенія на всемъ пространствѣ Россіи, на которое распространилась дѣятельность всеѣхъ силъ сообщества, двухъ-трехъ десятковъ лицъ изъ простаго народа, усвоившихъ себѣ суть революціоннаго ученія и пришедшихъ къ убѣжденію, что лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая могла бы сему препятствовать, есть настоящая формула осуществленія если не всеобщаго, то ихъ личнаго блага на землѣ». Если въ этихъ словахъ можно что найти, то это развѣ простое брюзжаніе и довольно неудачную пронию, но, во всякомъ случаѣ, не разсужденіе дальновиднаго государственнаго порядка. Статистика, дающая въ результатѣ два-три десятка распропагандированныхъ простолюдиновъ, не есть нужный отвѣтъ. Забыта психологическая сторона дѣла и будущіе горизонты. Посмотримъ, что говоритъ по тому же вопросу заинтересованная сторона. Здѣсь мы встрѣчаемся съ пессимистами и оптимистами.

Наиболѣе пессимистиченъ былъ голосъ Ободовской (изъ московскаго кружка), которая писала въ одномъ, перехваченномъ жандармами, письмѣ ²⁾: «Тяжело то, другъ, что большинство личностей, несмотря на единичныя и серьезныя ошибки и провалы, несмотря на множество поучительныхъ для себя фактовъ, не становятся искренними, прямыми, безпристрастными аналитиками всего происшедшаго въ этотъ годъ, никто почти не сводитъ серьезно счетовъ съ собою и съ тѣмъ общимъ цѣлымъ въ его содержаніи и формахъ, которое успѣло достаточно выразиться и характеризоваться крайне грустно, даже мрачно... Не принимая сама непосредственнаго участія въ попыточной практикѣ, я тѣмъ не менѣе наблюдала и переживала цѣлое въ его частностяхъ, простыхъ и болѣе сложныхъ, которыми оно разрѣшалось отъ поры до времени; изъ нихъ я составила понятіе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперь народное дѣло, и вижу я—живого намъ дѣла теперь нѣтъ даже въ живомъ зародышѣ... Наши пропагандисты пропорхнули по Руси и нигдѣ не пристроились, потому лишь, что все имъ мѣстности попадались неблагодарныя; имъ приходилось отказаться отъ прежней сладкой надежды, что, ничего не дѣлая, живя на чужой счетъ, ведя праздную жизнь въ средѣ рабочаго люда, они могутъ дѣлать что-либо нужное... Вотъ и не выходили они себѣ ничего со своими особыми, несвоевременными требованіями... Тысячи истратили они на

¹⁾ «Процессъ 193-хъ», изд. В. М. Саблина.

²⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

свои демократо-туристскія странствованія, анархисты же, главнымъ образомъ, занялись организаціей провинціального юношества для немедленнаго поднятія революціи... Теперь же народъ не знаетъ и аргіогі рѣшаютъ: писать книжки нужно, а о чемъ— не знаютъ... они думаютъ отдуваться книжками, сочиняемыми ими, которыя болѣе мечтаютъ о народѣ, чѣмъ знаютъ его. Запасшись ими, набаловавшись мастерскими одинъ-два мѣсяца, они отправятся на дѣло. Опять начинается старая пѣсня. Всѣ страшные провалы, кои были до сихъ поръ, не научили, какъ видно, ничему товарищей нашихъ. Проваль прокламаціонистовъ, проваль съ рабочими фабричными и заводскими, проваль съ крестьянами въ Ярославской губерніи—ничего не указали».

Пессимизмомъ же вѣетъ отъ письма Аронсона къ Голоушеву, который усматриваетъ неудачу пропаганды въ томъ, что крестьяне слушаютъ, но сами не участвуютъ активно въ пропагандѣ. «Ты самъ, какъ видно изъ твоего письма къ Орлову, жалуешься на неплодотворность твоей дѣятельности. Я могу тебѣ сказать, что всѣ жалуются на это. Быха или Яй-Богу (Клеменсь), съ которымъ я видѣлся на пароходѣ и съ которымъ долго бесѣдовалъ, тоже жалуется на это самое. Онъ говорилъ, что слушаютъ-то слушаютъ, но сами слышанное не распространяютъ, разговоры остаются разговорами. Глубоко въ грудь они не западаютъ, въ одно ухо вошло, въ другое вышло. Главная причина неплодотворности нашего дѣла заключается въ отсутствіи развитія со стороны угнетенныхъ и въ нашемъ общественномъ шалонайствѣ. Для того, чтобы дѣятельность наша была плодотворна, нужно развивать отдѣльныхъ личностей и бросить шалонайство. Этого достигнемъ помощью извѣстнаго тебѣ плана—поселиться въ деревнѣ и устроить прочную организацію. Этотъ планъ обѣщаетъ намъ, что не сгинемъ даромъ и бесполезно, личную безопасность и возможность во всю нашу жизнь дѣйствовать (конечно, если не торопиться и не вести дѣло сбухту барахту, а разумно)».

Здѣсь, какъ видятъ читатели, помимо всего прочаго, проводится мысль о необходимости организаціи «интеллигентныхъ колоній», или «скитовъ», т.е. намѣчается то движеніе нашей интеллигенціи, которое, съ одной стороны, уже нашло себѣ нѣкоторое осуществленіе въ батищевскомъ предпріятіи Энгельгардта, а съ другой—увидѣло въ послѣдствіи свѣтъ во образѣ многихъ попытокъ организацій такого рода земледѣльческихъ обществъ, которыя всѣ безъ исключенія тоже потерпѣли крахъ и о которыхъ наша рѣчь будетъ еще впереди.

Рядомъ съ пессимизмомъ необходимо поставить и оптимизмъ, котораго, отмѣтимъ кстати, въ полной мѣрѣ ни у кого изъ серьезныхъ участниковъ движенія, впрочемъ, и не наблюдается.

Дебогорій Мокріевичъ ¹⁾, отмѣчая, что «для революціонной дѣятельности въ народѣ почвы было мало» и что «хождение въ народъ въ 73 и 74-хъ годахъ, въ общемъ, не принесло прямыхъ революціонныхъ слѣдствій», что «дѣятельность въ народѣ не привела ни къ какимъ результатамъ и движеніе 74-го года оказалось, такимъ образомъ, бесплоднымъ по отношенію къ той программѣ, которую оно себѣ ставило», сознавая такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ: «Движеніе принесло большую пользу тѣмъ, что расколыхало нашу интеллигентную среду. Идя въ народъ, мы, конечно, менѣ всего думали объ этомъ. Мы, интеллигенты, отказывались, такъ сказать, сами отъ себя, отряхали прахъ отъ ногъ своихъ и шли съ тѣмъ, чтобы безповоротно слиться съ народной массой. Это намъ не удалось. Но удалось намъ вызвать то, о чемъ мы совсѣмъ не заботились—сочувствіе среди мыслящихъ слоевъ русскаго общества. Открытый призывъ къ бунту, скажемъ, Войнаральскаго, разѣзжавшаго по деревнямъ, конечно, не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Крестьяне нигдѣ не возстали и какъ жили раньше, такъ и продолжали жить мирно, заботясь лишь о насущномъ хлѣбѣ. Сомнительно даже, вспомнилъ ли кто-нибудь изъ нихъ потомъ о Войнаральскомъ. Но вся мыслящая Россія, читая «обвинительный актъ», съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ нему за то, что онъ, не задумываясь, пожертвовалъ своимъ имуществомъ и въ концѣ концовъ и своей жизнью ради дѣла, которому вѣрилъ. Правительственныя преслѣдованія еще болѣе подняли социалистовъ въ глазахъ лучшей части нашего общества. Мало-по-малу завязывалась борьба русской интеллигенціи съ самодержавнымъ строемъ. Съ этой точки зрѣнія движеніе 74-го года имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ именно въ 74-мъ году затянулся тотъ узелъ, котораго и до сихъ поръ еще не развязали».

Съ послѣдними словами автора нельзя не согласиться и, пожалуй, до нѣкоторой степени такъ же посмотрѣлъ на дѣло въ своей «Запискѣ» министръ графъ Паленъ. Резюмируя фактическія данныя въ своей «Запискѣ», онъ, между прочимъ, говоритъ, что дознаніе по дѣлу сообществъ и пропаганды за 73 и 74 годы приводитъ къ выводу:

А) Въ Россіи существуютъ тайныя и противозаконныя сообщества, имѣющія цѣлью ниспроверженіе государственнаго устройства всего существующаго порядка и водвореніе полнѣйшей анархіи. Б) Сообщества эти состоятъ изъ множества мелкихъ, самостоятельно дѣйствующихъ отдѣльныхъ кружковъ и даже личностей, не связанныхъ между собою, какъ совершенною солидарностью цѣлей и способовъ дѣйствій, такъ и постоянными сношеніями. В) Сношенія между кружками, а равно организація новыхъ, производится уполномо-

¹⁾ «Воспоминанія».

ченными на то агентами. Г) Пропаганда производится какъ устно, такъ и прямымъ распространениемъ книгъ, брошюръ и вообще разнаго рода печатныхъ и рукописныхъ сочиненій. Д) Стремясь къ извѣстной, точно опредѣленной цѣли—къ ниспроверженію существующаго порядка, дѣятели революціи идутъ по строго послѣдовательно выполненному плану. Планъ этотъ, въ главныхъ чертахъ изложенный программой князя Кропоткина, представляетъ, между прочимъ, ту опасность, что, какъ бы ни были энергичны разслѣдованія и преслѣдованія виновныхъ, все же, несомнѣнно, останутся нераскрытыми нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ и личностей, *которые и будутъ неумолимо продолжать свою преступную дѣятельность*».

Самъ лѣтописецъ того года «Старикъ», на котораго мы часто ссылались, игравшій, къ слову сказать, въ движеніи крупную организаторскую роль, такъ исторически освѣщаетъ его. Онъ говоритъ: «... Движеніе создало партію, продолжающую, подъ разными наименованіями, существовать и донинѣ. Партія стремится все время связать свою судьбу съ судьбою народа вообще и рабочихъ въ частности, но первую брешь въ стѣнѣ, раздѣлявшей народъ отъ интеллигенціи, пробило, несомнѣнно, стремительное движеніе молодежи въ 1874 году въ народъ. До этого времени казалось невозможнымъ найти точки соприкосновенія между двумя столь различными средами. Молодежь сдѣлала отчаянное усиліе, перерядившись въ народные костюмы, сблизиться, чего бы это ей ни стоило, съ народомъ. Въ результатѣ ничего эффектнаго не произошло, но первая тропинка была проложена, по временамъ она могла болѣе или менѣе зарастать, но не окончательно заглухнуть. Подъ вліяніемъ броженія, сѣмя котораго было брошено въ народъ въ 1874 году, въ средѣ не только рабочихъ, но и крестьянства стали все чаще и чаще появляться лица, искавшія помощи интеллигенціи въ разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся ихъ жизни. Поэтому интеллигенту все рѣже и рѣже приходилось прибѣгать къ переодѣванію и, наконецъ, онъ сталъ появляться въ народъ въ европейскомъ костюмѣ. Въ этомъ направленіи, собственно говоря, дѣйствовали всѣ историческія условія жизни русскаго народа, но далеко не послѣднюю роль играло и самоотверженное, граничащее съ подвигомъ, вторженіе въ народную среду интеллигентной молодежи въ 1874 году. Силу и значеніе движенія нельзя измѣрять числомъ сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, воспитанныхъ имъ. Это число, ничтожное вначалѣ, растетъ чрезвычайно медленно и только чрезъ значительный промежутокъ времени достигаетъ такого размѣра, что удивленные современники задаютъ вопросъ: откуда взялись сознательные элементы? Многіе просматрѣли такимъ образомъ ростъ сознанія въ рабочей средѣ и готовы просматрѣть то же по отношенію къ крестьянамъ. Между тѣмъ со-

временное освободительное движеніе выдвинуло значительный контингент сознательныхъ крестьянъ. Откуда они взялись? Не слѣдуетъ ли въ этомъ признать виновнымъ, хотя отчасти, движеніе 70-хъ годовъ? Гдѣ нужно искать объясненія сильнаго аграрнаго движенія въ Саратовской и другихъ приволжскихъ губерніяхъ, въ традиціяхъ ли только Стеньки Разина, или хотя немножко и въ томъ обстоятельстве, что агитаторы въ 1874 году прежде всего бросились туда? Поставить означенные вопросы—значить разрѣшить ихъ. Заслуживаетъ ли движеніе 70-хъ годовъ одобренія или проклятія, во всякомъ случаѣ, оно оказало извѣстное и притомъ немалое вліяніе на современное положеніе дѣлъ въ крестьянствѣ и рабочей средѣ. Пусть кинематографъ жизни не записалъ результатовъ этого вліянія въ видѣ какихъ-нибудь выпуклыхъ явленій или крупныхъ фактовъ—онъ и не могъ этого сдѣлать, потому что внѣшнія формы, въ которыхъ складывается жизнь народа, не измѣнились по существу—перемѣна произошла только въ способахъ воздѣйствія на народъ и въ степени сознательности лучшихъ его представителей».

Резюмируя все сказанное по поводу движенія «въ народъ» и анализируя факты, сюда вошедшіе, мы приходимъ къ заключенію, что 1873—1874 гг. дали въ результатѣ: 1) отсутствіе какихъ-либо практическихъ положительныхъ данныхъ, связанныхъ непосредственно съ этимъ хожденіемъ; 2) образованіе и сплоченіе многочисленной революціонной партіи, которая выдвинула уже въ тѣ годы героическія личности, способныя на длительную и непримиримую борьбу съ бюрократически-самодержавнымъ правительствомъ; 3) интеллигенція отъ литературныхъ мечтаній о народѣ сблизилась съ нимъ и нашла доступъ въ его среду; 4) интеллигенція революціонизировалась и сомкнулась; 5) тогдашніе методы борьбы съ правительствомъ выяснились негодными, почему здѣсь произошла полная эволюція, которая революціонеровъ привела къ созданію «партіи народной воли» и провозглашенію «террора».

XII.

Обыски и аресты въ Петербургѣ въ концѣ 73-го и началѣ 74-го годовъ, хотя и давали указанія администраціи, что революціонерами подготавливается нѣчто крупное и знаменательное, однако, дознанія не предотвратили движенія «въ народъ» лѣтомъ 74-го года, и только событія на югѣ предоставили въ руки власти всѣ нити и данныя бурныхъ событій. Хватанія пропагандистовъ самими мужиками и представленія ихъ по начальству—такихъ фактовъ, о которыхъ любили въ свое время говорить нѣкоторые органы печати, на самомъ дѣлѣ не было. Пропагандистовъ сгубило ихъ собственное легкомысліе, дѣтская довѣрчивость, отсутствіе необходимой конспиративности и

осторожности и, наконец, и, что главное, фантастичность самой задачи хождения въ народъ и пропаганды здѣсь. Все было на-яву, у всѣхъ на виду—и переодѣвальные костюмы, и нелегальщина, и паспорта, и корреспонденція, все валялось кое-какъ въ сапожной мастерской Пельконена въ Саратовѣ—этой штабъ-квартирѣ народниковъ-пропагандистовъ. И какъ только полицейская власть заглянула въ этотъ клубъ революціонеровъ, то главныя нити и попали въ ея руки. Захвачены были на мѣстѣ сестры Прушакевичъ, братъ и сестра Бладзевичи, Лемени-Македонъ и Андрей Кулябко, а главное—найлены листы изъ типографіи Машкина, которые и указали, куда надлежитъ направить розыски. «Отобранные во время обысковъ записки и адреса, перехваченныя на почтѣ письма и откровенныя показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, а частью и самихъ обвиняемыхъ, дали возможность властямъ въ сравнительно короткое время раскрыть всѣ главнѣйшіе кружки—оставалось только перехватать членовъ ихъ, рассыпавшихся по широкому пространству Европейской Россіи,—такъ рисуется дѣло «Старикъ»¹⁾.—Собразивъ, что въ пропагандѣ замѣшано много лицъ, связанныхъ чѣмъ-то другъ съ другомъ, правительство въ самомъ началѣ сосредоточило все дознаніе о преступной дѣятельности революціонеровъ въ рукахъ начальника московскаго жандармскаго управленія генерала Слезкина и прокурора саратовской судебной палаты Жихарева. Въ ихъ распоряженіи не было Лекоковъ, но халатность и отсутствіе конспиративности у молодыхъ революціонеровъ вполне соответствовали патриархальному состоянію сыска того времени и давали возможность производителямъ дознанія,—разъ уже дѣло началось,—раскрыть очень много изъ революціонной дѣятельности. Большую помощь въ этомъ отношеніи оказали первобытные шифры, которыми малоопытные люди записывали въ свои памятные книжки адреса и вообще вели всякую переписку. Ключомъ къ шифру большею частью служилъ подборъ нѣсколькихъ такихъ словъ (иногда краткихъ стихотвореній), въ которыхъ заключались всѣ буквы алфавита. Каждая буква письма изображалась двумя цифрами, первая показывала померъ по порядку слова въ ключѣ, вторая—мѣсто данной буквы въ словѣ. Вслѣдствіе короткости ключа, буквы изображались почти всегда одною и тою же парю цифръ, что облегчало разборъ шифра даже въ случаѣ незнанія ключа. Такъ называемый гамбетовскій буквенный шифръ, нѣсколько болѣе обезпечивающій тайну переписки, еще не былъ тогда въ употребленіи. Но и несовершенный цифровой шифръ примѣнялся часто крайне неумѣло; то зашифровывались только отдѣльныя слова, то въ сплошь зашифрованномъ письмѣ разставлялись, по всѣмъ требованіямъ грамматики, знаки препинанія. Поэтому стоило только угадать

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

одно слово, и весь шифръ легко разбирался. Узнавъ такимъ образомъ ключъ, можно было свободно прочитывать всё перехваченныя потомъ письма, писанныя этимъ ключомъ».

Въ самый разгаръ арестовъ уцѣлѣвшіе агитаторы, преслѣдуемые по пятамъ, пытались возстановить разрушенныя организаціи, что имъ часто и удавалось на время. Въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе свирѣпствовали аресты—въ Саратовѣ и Самарѣ,—появлялись Войнаральскій, Рогачевъ, Коваликъ и Паевскій и пытались связать уцѣлѣвшихъ въ новыя организаціи. Такъ, вскорѣ послѣ саратовскаго погрома Паевскій писалъ Ковалику: «Лукашевичъ (нелегальная фамилія, которую носилъ Коваликъ)! Дѣла въ Саратовѣ очень хороши. Мѣстныя туземныя силы соединяются въ организацію. Семинаристы (признаться, народъ не болно серьезный), сельскіе учителя и гимназисты вошли въ одинъ кружокъ (разъѣхались) и оставили при агентурѣ своего представителя. Есть нѣсколько ночлеговъ и одинъ притонъ въ горахъ, на Большегорской улицѣ—далѣе сообщался адресъ.—Организація страдаетъ недостаткомъ денегъ и не имѣетъ вовсе сношеній съ рабочими». Рогачевъ писалъ о томъ же Войнаральскому, удостовѣряя и съ своей стороны, что дѣла идутъ хорошо, но при этомъ прибавлялъ, что заведены сношенія съ рабочими.

Въ другихъ центрахъ—Самарѣ, Кіевѣ и пр.—дѣлалось то же самое. Уцѣлѣвшій изъ самарскаго кружка Остеликинъ, при участіи Войнаральскаго и Ковалика, пытался возобновить дѣло, но скоро, должно быть, въ началѣ іюля, былъ арестованъ вмѣстѣ съ Коваликомъ. Войнаральскій незадолго до своего ареста, въ іюлѣ, писалъ изъ Самары: «обыски прошли благополучно, паники нѣтъ, дѣла идутъ хорошо (въ другомъ письмѣ «великолѣпно»), недостатокъ лишь въ деньгахъ, въ Сызранскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ (куда Войнаральскій ходилъ по указанію плотниковъ, которымъ ранѣе пропагандировалъ) я ходилъ, настроеніе отличное, завелъ у крестьянъ два нашихъ пункта... Въ книгахъ страшный недостатокъ, и отъ крестьянъ большой на нихъ спросъ». Во время своего путешествія вмѣстѣ съ Надеждою Юргенсонъ по Ставропольскому уѣзду Войнаральскій между прочимъ на одной городской квартирѣ велъ революціонныя бесѣды съ приходившими къ нему крестьянами. Узнавъ объ этомъ отъ крестьянъ, сельскій староста деревни Грязнухи заарестовалъ потомъ Войнаральскаго и Юргенсонъ, но приставленная стража бросила ихъ на произволъ судьбы, и они свободно ушли.

«Самособою разумѣется, что новыя организаціи проваливались еще скорѣе, чѣмъ старыя,—говоритъ «Старикъ».—Жандармерія уже имѣлъ въ своихъ рукахъ ключи къ шифрамъ, которыми продолжали перписываться революціонеры. Кромѣ того, нѣкоторые изъ лицъ, вшедшихъ въ новую организацію, были уже отмѣчены, какъ неблаг

надежныя. Очевидно, этотъ второй, меньшій клубокъ распутать было еще легче, чѣмъ первый. Правда, конспиративность въ этотъ арестный періодъ революціонной дѣятельности нѣсколько увеличилась, но уже не могла спасти новыя организаціи, скомпрометированныя раньше, чѣмъ онѣ выступили на сцену. Кромѣ того, сыскъ началъ также совершенствоваться—стали появляться «сознательные», если можно такъ выразиться, предатели. Саратовскую организацію предалъ рабочій Меркуловъ, кievскую—нѣкій Курицынъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но чаще всего спасала революціонеровъ не конспиративность и осторожность, а, напротивъ, подвижность и смѣлость, доходившая иногда до дерзости. Между прочимъ, благодаря этимъ послѣднимъ качествамъ, мало конспиративный кievскій кружокъ сохранился дольше, чѣмъ организованный по всѣмъ правиламъ искусства одесскій кружокъ».

Починка сѣти революціонной организаціи продолжалась до осени 1874 года. Къ этому приблизительно времени были переловлены не только большинство революціонеровъ перваго періода (1873—1874 г.), но и ихъ родственники и знакомые. Правительство торжествовало побѣду, хотя, впрочемъ, и не надолго. Вскорѣ пришлось ловить новыхъ дѣятелей, вошедшихъ въ составъ такъ называемаго процесса пятидесяти, а тамъ новый подъемъ настроенія въ 1876 году и т. д. вплоть до 80-хъ годовъ.

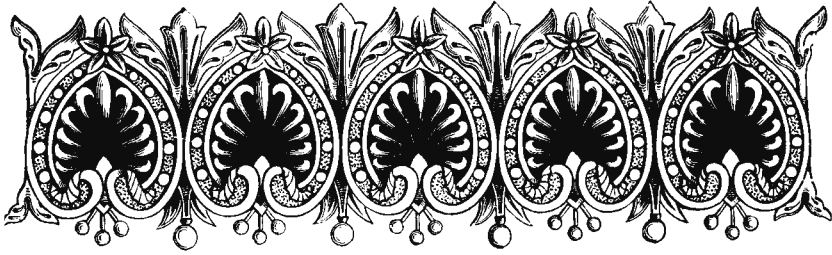
«Число арестованныхъ въ 1873 и 1874 годахъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ,—по словамъ «Старика».—Правительство допустило съ своей точки зрѣнія крупную ошибку, соединивъ всю преступную дѣятельность арестованныхъ въ одно дѣло. Комиссія, производившая дознаніе, повидимому, поняла нелѣпность слѣдствія и суда надъ тысячами людей и волей-неволей должна была большую часть ихъ освободить или выслать административнымъ порядкомъ на сѣверъ. Къ слѣдствію, производившемуся особо назначеннымъ сенаторомъ, оставлено было двѣсти съ лишнимъ человѣкъ, а суду предано 197 человѣкъ, изъ которыхъ четыре умерло до начала суда; осталось 193 человѣка. Изъ числа преданныхъ суду 179 человѣкъ обвинялись въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе государственнаго порядка (2-я часть 250 ст. улож. о наказ.). Большая часть этой категоріи и особо 12 человѣкъ обвинялись въ распространеніи сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту и неповиновенію верховной власти (251 ст.). Остальные, со включеніемъ и нѣкоторыхъ изъ предыдущихъ категорій, обвинялись въ разныхъ отдѣльныхъ преступленіяхъ, между ними Мышкинъ—въ покушеніи лишить жизни вилюйскихъ казаковъ, арестовавшихъ его при попыткѣ освободить Чернышевскаго, и Эндауровъ въ помощи изъ личныхъ видовъ Войнаральскому».

Такъ состоялся разгромъ «народниковъ-пропагандистовъ», который и далъ возможность создать «Большой процессъ», или «процессъ 193». Но пока слѣдственная власть собирала нити со всѣхъ концовъ русской земли о дѣятельности «народниковъ-пропагандистовъ»—«чайковцевъ» и ихъ единомышленниковъ, и послѣдніе сидѣли годами по тюрьмамъ и острогамъ, русское общество было оповѣщено о новомъ раскрытомъ заговорѣ, въ центрѣ котораго стояли женщины, бывшіе цюрихскія студентки, явившіяся на родину по зову правительства и принесяшія съ собою послѣднее слово русской эмиграціонной мысли. Если въ предыдущихъ «дѣлахъ» имена женщинъ вкрапывались какъ бы случайно и не очень энергично, то въ настоящемъ дѣлѣ картина перемѣнилась: женскіе образы въ сильной мѣрѣ заслонили собою мужскія фигуры и «процессъ 50-ти», явившійся предшественникомъ «процесса 193», сдѣлался какъ бы апофеозомъ женщины-революціонерки, бросившей судьямъ и всему правительству историческую фразу: «идеи на штыки не улавливаются».

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Б. Глинскій.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.

(1859—1909 г.).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ фондъ возникъ въ эпоху расцвѣта русской литературы, когда въ ней подвизались такіе корифеи, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ и нынѣ здравствующій Л. Н. Толстой.

Инициаторомъ фонда явился примыкавшій къ этой группѣ выдающихся писателей критикъ, беллетристъ и переводчикъ Шекспира А. В. Дружининъ.

По своимъ симпатіямъ Дружининъ былъ англоманомъ и исповѣдывалъ консервативные принципы. И. С. Тургеневъ въ своей рѣчи, посвященной памяти скончавшагося въ 1864 году Дружинина, совершенно вѣрно выразился, что въ Англии онъ занялъ бы мѣсто въ рядахъ консерваторовъ-тори.

Идею Литературнаго фонда Дружининъ, по словамъ В. П. Гаевского, заимствовалъ у англичанъ¹⁾.

Даже названіе взято цѣликомъ у нихъ—«Literary fund».

Литературный фондъ иначе называется у насъ еще «Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ».

Въ составленіи устава Литературнаго фонда, кромѣ самого инициатора его—Дружинина, Кавелина, Заблоцкаго-Десятовскаго, принималъ участіе и графъ Л. Н. Толстой, какъ видно изъ біографіи его, составленной г. Бирюковымъ.

¹⁾ См. Сборникъ «XXV-лѣтіе» (Литературнаго фонда).

Изъ 11 учредителей Литературнаго фонда (Дружинина, Тургенева, Кавелина, Анненкова, Чернышевскаго, Никитенко, Краевскаго, Дудышкина, Галахова, Заблоцкаго-Десятовскаго и Е. П. Ковалевскаго) и 66 писателей и ученыхъ, примкнувшихъ «на правахъ учредителей», остались теперь въ живыхъ только двое: М. М. Стасюлевичъ и В. И. Ламанскій.

Уставъ Литературнаго фонда утвержденъ былъ 7 августа 1859 г., а первое общее собраніе состоялось 8 ноября 1859 г. подъ предѣтельствомъ генераль-лейтенанта Е. П. Ковалевскаго, избраннаго и предѣвателемъ комитета фонда.

Е. П. Ковалевскій былъ директоромъ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ со славянофилами.

Въ составѣ первыхъ комитетовъ и среди дѣятелей Литературнаго фонда мы видимъ представителей различныхъ литературныхъ направленій. Умѣренно-консервативный Дружининъ уживался съ Чернышевскимъ и другими писателями, группировавшимися вокругъ «Современника» Некрасова и Панаева. Даже знаменитый крѣпостникъ Скарятинъ, редакторъ блаженной памяти «Вѣсти», принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ фонда и отстаивалъ на общихъ собраніяхъ интересы писателей и нужды студенчества, выступивъ съ проектомъ учрежденія особаго отдѣленія для оказанія помощи студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Отдѣленіе это закрыто было впоследствии распоряженіемъ администраціи, послѣ студенческихъ волненій.

По смыслу устава, который предоставлялъ комитету относительно широкія права, кромѣ вспоможенія нуждающимся осиротѣвшимъ семействамъ литераторовъ и ученыхъ и самимъ литераторамъ и ученымъ въ видѣ единовременныхъ и продолжительныхъ пособій и пенсій, — Литературный фондъ доставляетъ даровитымъ молодымъ людямъ способы къ окончанію ихъ образованія и приготовленія себя къ литературной и ученой дѣятельности. Онъ способствуетъ также изданію въ свѣтъ полезныхъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ.

Въ то сравнительно отдаленное время администрація не только не затрудняла дѣятельности симпатичнаго литературнаго учрежденія, но на практикѣ всячески поощряла дальнѣйшее развитіе его.

Министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ, въ вѣдѣніи котораго находился Литературный фондъ, обращался къ нему съ различными предложеніями, осуществленіе которыхъ должно было расширить рамки дѣятельности комитета. То онъ предлагаетъ издать за счетъ министерства народнаго просвѣщенія 20,000 экземпляровъ отчета Литературнаго фонда и разсылать эти отчеты для увеличенія доходовъ то проситъ присылать ему для изданія на

счетъ казны достойные ученые труды, или направлять въ архивы для хорошо оплачиваемой работы молодыхъ людей.

Литературному фонду предлагалось далѣе пользоваться *услугами губернаторовъ* для сношеній съ земствами, въ видахъ пропаганды дѣятельности фонда и распространенія его воззваній.

Сами губернаторы обращались въ Литературный фондъ съ ходатайствами о пособіяхъ опальнымъ писателямъ. Такъ, по письменной просьбѣ костромскаго губернатора, было выслано пособие сосланному въ Костромскую губернію профессору Павлову, пострадавшему за извѣстную рѣчь о тысячелѣтіи Россіи.

Бывшій петербургскій генераль-губернаторъ князь Суворовъ переслалъ по назначенію ассигнованное фондомъ пособие для отправленнаго на каторгу революціонера Серно-Соловьевича.

Директоръ воронежскаго кадетскаго корпуса генераль-майоръ Вагаци не только разрѣшаетъ кадетамъ устройство спектакля въ стѣнахъ корпуса на усиленіе средствъ литературнаго учрежденія, но самолично препровождаетъ собранную сумму въ 154 руб. въ комитетъ фонда.

Офицеры, чиновники, учителя отчисляютъ извѣстный процентъ изъ жалованья для оказанія помощи нуждающимся писателямъ.

Какой-то помѣщикъ предложилъ разыграть въ лотерею въ пользу Литературнаго фонда его село...

Врачи охотно предлагаютъ безвозмездную помощь писателямъ.

И неудивительно, что при такомъ всеобщемъ сочувствіи въ первый же годъ существованія Литературнаго фонда комитету удалось собрать весьма солидную по тому времени сумму въ 35,000 р., въ которую вошли, между прочимъ, назначенное императоромъ Александромъ II изъ суммъ кабинета ежегодное пособие въ 1,000 р., 700 р. отъ членовъ императорской фамиліи и 1,000 р. отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Едва литературный фондъ открылъ свои дѣйствія, 4 января 1860 г., министръ двора сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что государь императоръ, *желая способствовать полезной цѣли общества*, поручилъ просить объ увѣдомленіи, какую сумму слѣдовало бы назначить обществу отъ имени его величества

Равнымъ образомъ государыня императрица, великая княгиня Елена Павловна и великіе князья Константинъ и Михаилъ Николаевичи съ перваго же года существованія Литературнаго фонда стали дѣлать въ его кассу свои взносы.

Такъ относились въ болѣе отдаленную отъ насъ эпоху къ литераторамъ и къ Литературному фонду для оказанія имъ помощи высшія сферы, администрація, военное сословіе и другіе классы населенія.

Поощряемый такимъ благожелательнымъ отношеніемъ, первый комитетъ Литературнаго фонда не ограничивался однимъ сборомъ

денежныхъ средствъ и удовлетвореніемъ матеріальныхъ нуждъ семействъ писателей и ученыхъ. Онъ оказывалъ писателямъ и ихъ семьямъ всевозможныя и *не денежныя* услуги. Ему удалось, по инициативѣ И. С. Тургенева, добиться освобожденія отъ крѣпостной зависимости братьевъ и сестры автора «Кобзаря» Т. Г. Шевченка.

Комитетъ обратился къ ихъ помѣщику Фліарковскому съ просьбою отпустить ихъ на волю. Тотъ не только изъявилъ на это согласіе, но взялъ на себя уплату за братьевъ Шевченка бацковаго долга въ размѣрѣ 900 рублей.

Кромѣ того, комитетъ ассигновалъ необходимую сумму на покупку земли для освобожденныхъ на волю братьевъ и сестры украинскаго поэта.

Литераторы и ученые съ момента появленія комитета Литературнаго фонда признали въ немъ какъ бы посредника между писателями, издателями, администраціей и публикой.

Мировые судьи обращаются въ комитетъ съ просьбой присылать экспертовъ для расцѣнки произведеній, за которыя взыскивался гонораръ.

Одинъ литераторъ ходатайствовалъ даже, чтобы комитетъ заступился за него и выступилъ съ опроверженіемъ въ газетахъ порочащихъ его честь слуховъ.

Комитетъ, по возможности, принималъ на себя обязанности довѣреннаго лица русскихъ писателей и выступалъ за нихъ ходатаемъ. Не одному сосланному или арестованному писателю предоставлены были всякія облегченія и свобода передвиженія, по ходатайству комитета, а особенно П. И. Вейнберга, работавшаго въ Литературномъ фондѣ почти со дня его основанія и не разъ исполнявшаго обязанности предсѣдателя комитета.

Комитетъ не отказывался подыскивать мѣста и подходящій заработокъ для обращающихся къ его содѣйствію писателей и членовъ ихъ семействъ и отъ хлопотъ по опредѣленію въ учебныя заведенія ихъ дѣтей, по помѣщенію въ больницы и богадѣльни, по добыванію даровыхъ билетовъ на проѣздъ въ курорты писателей. Комитетъ не разъ принималъ на себя и исполненіе «последняго долга» предъ писателями и хоронилъ ихъ за счетъ Литературнаго фонда, а также заботился о постановкѣ имъ памятниковъ и сохраненіи послѣднихъ въ полномъ порядкѣ.

Комитетъ оказывалъ не разъ услуги писателямъ по помѣщенію ихъ произведеній въ повременныхъ изданіяхъ и улаживалъ недоразумѣнія между писателями и издателями.

Случаи обращенія въ комитетъ Литературнаго фонда съ самыми разнообразными и порою трудно выполнимыми просьбами заставили подумать объ установленіи границъ посредническихъ услугъ. Такія правила и были выработаны въ 1872 году.

При исполненіи своихъ посредническихъ услугъ комитету не разъ приходилось прибѣгать къ угрозамъ—обращаться къ суду общественнаго мнѣнія или даже къ коронному суду.

Въ 1899 г. былъ образованъ при Литературномъ фондѣ третейскій судъ, который дѣйствовалъ до 1901 года.

Вообще, въ дѣятельности Литературнаго фонда «не денежная помощь» является постоянной и неизмѣнной рубрикой.

Но центръ тяжести дѣятельности комитета Литературнаго фонда составляетъ, разумѣется, другая рубрика—«денежная». Краснорѣчиво объ этой сторонѣ дѣятельности комитета говоритъ накопленный имъ неприкосновенный капиталъ въ 700,000 рублей слишкомъ, дающій возможность расходовать на пенсіи и пособия 30,000 р. въ годъ, дорого стоящее недвижимое имущество и права на изданіе сочиненій, приносящихъ ежегодно значительный доходъ. Краснорѣчиво говорятъ объ этомъ и тѣ сотни тысячъ, которыя выдалъ комитетъ за 50 лѣтъ, въ видѣ пособій и ссудъ, срочныхъ и безсрочныхъ, и пенсій нѣсколькимъ писательскимъ поколѣніямъ...

Уже на второй годъ по своемъ возникновеніи комитетъ имѣлъ возможность, кромѣ единовременныхъ пособій многимъ писателямъ и ученымъ, назначить пенсію въ 600 руб. семьѣ В. Г. Бѣлинскаго. Вдова знаменитаго критика служила тогда кастеляншей въ московскомъ Александровскомъ училищѣ съ жалованьемъ въ 145 руб. въ годъ. Дочери Бѣлинскаго шель уже 14-й годъ. Скромныя средства М. В. Бѣлинской лишали ее возможности давать дочери приличное образованіе, и она съ готовностью приняла сдѣланное ей предложеніе. Въ 1865 г. М. В. просила сократить пенсію до 300 р. или совсѣмъ прекратить выдачу ея, если послѣдняя сопряжена съ отказомъ болѣе нуждающимся въ пособіи.

Средства Литературнаго фонда особенно уменьшались въ реакціонныя эпохи. Такъ было въ 1862 и 1863 гг., послѣ пріостановки «Современника» и «Русскаго Слова», заключенія въ крѣпость Чернышевскаго, когда даже Писемскій и П. А. Ефремовъ послѣшили отрѣшиться отъ всякой солидарности съ Литературнымъ фондомъ. Такъ было во время событій на Балканскомъ полуостровѣ въ 1876—78 гг. и послѣ катастрофы 1 марта.

И не разъ комитету приходилось считаться съ дефицитами, но онъ благополучно выходилъ изъ затруднительнаго положенія.

И въ обыкновенное время публика, проявившая такое горячее сочувствіе Литературному фонду при его возникновеніи, стала постепенно охлаждать къ нему. Не только число членовъ уменьшалось, но и числившіеся таковыми неаккуратно дѣлали свои взносы.

О равнодушіи русскаго общества къ Литературному фонду свидѣтельствуютъ размѣры «читательскаго рубля», т.-е. пожертвованій отъ тѣхъ лицъ, кто, сочувствуя литературѣ, не имѣетъ возможности сдѣлаться членомъ фонда: въ 1891 г. эта рубрика доходовъ

Литературнаго фонда была представлена 3 рублями, въ 1892 г.— 10 руб., въ 1894 г.—2 рублями.

Потериѣла неудачу и «Дружининская копейка»: по мысли Дружинина, писатели должны были вносить извѣстный процентъ со своего литературнаго гонорара, а издатели журналовъ и газетъ— по копейкѣ съ подписчика.

Издатель «Русскаго Слова» графъ Кушелевъ-Безбородко согласился платить по 25 коп. съ подписчика, Тургеневъ платилъ 5% съ гонорара своего, но постепенно «дружининская копейка» сошла на нѣтъ.

Если не привились «дружининская копейка» и «читательскій рубль», зато отдѣльныя лица въ разное время все же дѣлали крупныя пожертвованія въ пользу Литературнаго фонда. Самое крупное пожертвованіе было сдѣлано сравнительно недавно инженеромъ Голубевымъ, вносившимъ при жизни ежегодно по 6,000 руб. и завѣщавшимъ 150,000 руб. на общежитіе для литераторовъ.

Генераль фонъ-Дамичъ завѣщаль капиталъ, достигшій суммы свыше 40,000 руб., предназначенный на пособія авторамъ достойныхъ трудовъ и командировку ихъ за границу.

Извѣстный издатель Павленковъ завѣщаль 30,000 руб., педагогъ Бунаковъ—34,208 руб., а А. Н. Плещеевъ пожертвоваль при жизни 25,000 р., наслѣдники Ушинскаго—1,900 р., генераль-майоръ Мартыновъ завѣщаль фонду 6,100 р., И. М. Сибиряковъ пожертвоваль въ память своей сестры 10,000 руб., П. П. Боткинъ завѣщаль 5,000 р., И. Н. Палашковская завѣщала фонду имѣніе, за которое выручено 31,680 руб. Писатель В. О. Михневичъ (Коломенскій Кандидъ) оставилъ фонду $\frac{2}{3}$ своей обширной усадьбы послѣ смерти его жены. По соглашенію съ послѣдней, ей уплачено 30,000 р. изъ пожертвованія Голубева, а 60,000 р. останутся неприкосновеннымъ капиталомъ имени Михневича, и ей уплачиваются пожизненно проценты съ этого капитала въ суммѣ 2,500 руб. въ годъ. На остальную часть Голубевскаго капитала сооружено общежитіе на мѣстѣ усадьбы, вызвавшее немало нареканій на комитетъ.

Въ кассу Литературнаго фонда поступали значительныя суммы отъ спектаклей и вечеровъ, устраивавшихся комитетомъ и, главнымъ образомъ, членомъ его и предсѣдателемъ П. И. Вейнбергомъ. По инициативѣ этого послѣдняго, въ 1866 г. были устроены въ Петербургѣ два спектакля. Поставленъ былъ «Ревизоръ» съ участіемъ Достоевскаго (Шпекинъ), Писемскаго (Городничій), Тургенева, Григоровича, Майкова и Дружинина (въ роляхъ купцовъ) и Вейнберга (Хлестакова). Сборъ составилъ свыше 4,000 рублей.

Въ чтеніяхъ, устраивавшихся комитетомъ Литературнаго фонда, участвовали Островскій, Писемскій, которые были извѣстны какъ превосходные чтецы, затѣмъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Шевченко, Майковъ, Полонскій, Салтыковъ и другіе.

Огромный успѣхъ имѣла лекція «О современномъ значеніи фило-софіи» П. Л. Лаврова, развивавшая публично мысли, находившія затѣмъ отраженіе въ его «Историческихъ письмахъ» и другихъ трудахъ. Первое чтеніе было устроено Тургеневымъ, Кавелинымъ и Краевскимъ въ Пассаждѣ. Тургеневъ читалъ о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ и имѣлъ огромный успѣхъ, какъ и лекторы Костомаровъ и Спасовичъ.

Комитету Литературнаго фонда принадлежитъ починъ устрой-ства *перваго литературнаго чествованія* въ Россіи.

Въ 1864 г. задумано было чествованіе памяти Шекспира, по случаю исполнившагося тогда 300-лѣтія со дня его рожденія, въ одномъ изъ императорскихъ театровъ. Обратились къ тогдашнему министру двора графу Адлербергу, который письмомъ отъ 5 апрѣля увѣдомилъ, что по представленіи на высочайшее воззрѣніе ходатайства о дозволеніи праздновать юбилей Шекспира, — «государь императоръ изволилъ обратить вниманіе, что у насъ не было еще примѣровъ подобнаго празднества въ честь знаменитыхъ обще-ственныхъ дѣятелей, стяжавшихъ заслугами своими въ предше-ствовавшія столѣтія неоспоримое право на уваженіе и признатель-ность потомства и что засимъ неумѣстно было бы учреждать тор-жество въ память рожденія иностранца, хотя и великаго поэта, при непосредственномъ участіи и какъ бы по вызову правитель-ства». Въ предоставленіи императорскаго театра для устройства юбилея Шекспира было, такимъ образомъ, отказано, но комитету разрѣшено было все-таки отпраздновать день рожденія великаго писателя. И дѣло ограничилось устройствомъ чтенія отрывковъ изъ произведеній Шекспира.

Съ теченіемъ времени литературныя чествованія все болѣе и болѣе прививались у насъ.

Кромѣ чествованія памяти Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Тургенева и прочихъ корифеевъ русской литературы, чествова-лись у насъ Гёте, Мицкевичъ и другіе.

Большимъ источникомъ доходовъ для Литературнаго фонда являлось предоставленное ему право собственности на произве-денія писателей: на сочиненія Надсона, Гаршина, Карамзина, А. К. Толстого, Костомарова, Джаншіева и Вѣлоголоваго, письма Тургенева и др. Одни сочиненія Надсона и Гаршина принесли уже въ кассу фонда свыше 200,000 рублей.

Наканунѣ 50-лѣтія со дня кончины А. С. Пушкина, когда его сочиненія должны были сдѣлаться общимъ достояніемъ, комитетъ Литературнаго фонда задумалъ выпустить исправленное и допол-ненное, подъ редакціей профессора П. О. Морозова, изданіе вели-каго писателя.

На основаніи особаго соглашенія съ фирмой А. С. Суворина, изданіе было ей продано, причемъ въ кассу Литературнаго фонда поступило чистой прибыли 13,843 рубля.

Вообще, въ сферѣ издательства Литературному фонду везло.

Въ 1874 году извѣстный книгопродавецъ Лисенковъ сдѣлалъ фонду оригинальное предложеніе: издать особую «Лѣтопись», въ которой помѣщены были бы портреты жертвователей, покровителей и членовъ фонда и біографіи тѣхъ лицъ, пожертвованія которыхъ возрастуть до капитала, приносящаго 500 руб. въ годъ, или которыя внесутъ одновременно до 10,000 рублей.

Предложеніе это было отвергнуто, но это не расколодило Лисенкова. Черезъ нѣкоторое время онъ предложилъ пожертвовать фонду 5,000 р. по случаю столѣтія со дня рожденія императора Александра I съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала ежегодно издавался сборникъ подъ названіемъ «Петербургская литературная звѣзда сѣверныхъ цвѣтовъ русской литературы въ прозѣ и стихахъ», съ картинками, портретами и другими приложеніями, причемъ ежегодно на масляной недѣлѣ для участниковъ этого изданія долженъ былъ устраиваться особый обѣдъ, программа котораго была также детально разработана Лисенковымъ. Ни на какія уступки Лисенковъ не хотѣлъ итти, и это его оригинальное предложеніе пришлось отклонить.

Кромѣ доходовъ съ сочиненій и изданій, въ Литературный фондъ въ разное время поступали болѣе или менѣе значительные капиталы въ память почитаемыхъ писателей. Въ память Чернышевскаго составленъ капиталъ въ 20,000 руб., въ память Тургенева—14,478 р., Салтыкова—17,416 р., Н. К. Михайловскаго—8,973 р., Краевскаго—13,250 р., Гаевскаго—12,540 р. и т. д.

Въ 1875 г., въ виду отнятія у покойнаго В. Ф. Корша выходившихъ подъ его редакціей «Петербургскихъ Вѣдомостей», принадлежащихъ академіи наукъ, подписчики газеты выразили сочувствіе несправедливо обиженному въ оригинальной формѣ: они собрали небольшую сумму въ 2,130 руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него Литературный фондъ учредилъ стипендію имени Корша для студентовъ петербургскаго университета.

По странной ироніи судьбы, банкиръ Баймаковъ, къ которому перешла аренда «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», долженъ былъ явиться замѣстителемъ Корша и въ комитетъ Литературнаго фонда. Но, уступая протесту печати, Баймаковъ поспѣшилъ снять свою кандидатуру...

Всеъ приводившіеся до сихъ поръ факты и цифры какъ нельзя лучше доказываютъ, какъ широка и разнообразна была дѣятельность комитета, члены котораго окладовъ жалованья не получали и работали вполне безкорыстно. Разумѣется, дѣло не обходилось безъ ошибокъ, и иногда весьма серьезныхъ, и на комитетъ всегда сыпались обвиненія, часто преувеличенныя и отражавшіеся, по мнѣнію покойнаго П. И. Вейнберга, самымъ неблагоприятнымъ образомъ на притокъ пожертвованій.

Комитетъ Литературнаго фонда обвиняли, прежде всего, въ *партийности*, по пестрый составъ лицъ, получавшихъ въ разное время пособія, доказываетъ неосновательность этого упрека.

Получали ссуды и пособія отъ Литературнаго фонда Достоевскій, — и не одинъ разъ, — и такіе завѣдомые консерваторы, какъ Аванасьевъ-Чужбинскій, галицкій историкъ Зубрицкій, свящ. Беллюстинъ, знаменитая женщина-кавалеристъ Надежда Дурова (Александровъ), сестра Полевого, Авдѣева, болгарскій дѣятель Каравеловъ, баронъ Штейнгель, издатель альманаховъ Аладьинъ, М. А. Бестужевъ, редакторъ «Петербургскаго Листка» Стопановскій, которому выдали ссуду въ 1500 рублей, предназначенныхъ на покупку газеты, и др.

Изъ-за ссудъ Стопановскому и Достоевскому вышли большія недоразумѣнія. Противъ первой ссуды протестовалъ членъ комитета К. Д. Кавелинъ, а противъ ссуды Достоевскому, состоявшему въ то время членомъ комитета и секретаремъ, раздавались протесты въ общемъ собраніи.

Отказано было однажды въ ссудѣ писателю-радикалу Щапову. Когда комитетъ спохватился и назначилъ Щапову небольшую пенсію, то сообщеніе объ этомъ не застало его въ живыхъ.

Въ «Новомъ Времени» отъ 14 марта 1876 г. появилась замѣтка, возбудившая тогда большіе толки въ литературныхъ кружкахъ. Она гласила:

«Въ какомъ положеніи былъ покойный Щаповъ — видно изъ слѣдующаго. Въ № 12 «Сибири» въ числѣ объявленій напечатано: «Право на изданіе сочиненій А. П. Щапова передано имъ при жизни своему кредитору за незначительный долгъ въ 825 рублей. Наслѣдники покойнаго или желающіе могутъ произвести выкупъ этихъ правъ. Спросить чиновника въ контрольной палатѣ Лаврова».

«Далѣе слѣдуетъ: «За отъѣздомъ продаются по сходнымъ цѣнамъ: мебель, зеркала, шкапы. Спросить въ контрольной палатѣ того же Лаврова».

«Итакъ, — справедливо негодовало «Новое Время», — сочиненія извѣстнаго профессора продаются, скупленные по сходной цѣнѣ, паравнѣ съ мебелью и шкапами. Все это характеризуетъ, въ какомъ положеніи былъ ученый, какая участь постигла его замѣчательные труды для Россіи... Намъ кажется, что Литературный фондъ обязанъ немедленно, безъ всякихъ проволочекъ, снестись съ г. Лавровымъ и выкупить сочиненія Щапова... Если фондъ этого не сдѣлаетъ, если онъ скажетъ, что это не его дѣло, мы позволимъ себѣ обратиться къ редакціямъ повременныхъ изданій и хоть въ складчину выкупить сочиненія Щапова и изъять ихъ изъ рукъ антрепренеровъ»...

Замѣтка «Новаго Времени» была доложена комитету фонда; тѣмъ временемъ стало извѣстно, что у Щапова сестра-крестьянка, его правопреемница.

Комитетъ рѣшилъ выяснитъ это дѣло и взять на себя хлопоты по изданiю сочиненiй Щапова, если ... найдутся издатели...

Такимъ образомъ, обвиненiе комитета Литературнаго фонда въ «партийности» падаеть. Въ этомъ убѣждаетъ и то, что нареканiя на фондъ дѣлались одинаково и справа, и слѣва. Скарятинъ заявлялъ, что фондъ даетъ пособiя нигилистамъ, а Чернышевскiй по возвращенiи изъ ссылки сказалъ навѣстившему его Л. Ф. Пантелѣву, что Литературный фондъ субсидировалъ шпионовъ.

— Если бы у меня что-нибудь было, то никогда не завѣщаль бы фонду, да и вамъ не совѣтую...—закончилъ Чернышевскiй.

П. Л. Лавровъ, правда, предлагалъ принимать въ соображенiе образъ мыслей клиентовъ Литературнаго фонда, но Дружининъ рѣшительно запротестовалъ, язвительно и зло замѣтивъ, что авторъ этого предложенiя готовъ выдавать пособiя всякому, кто побѣтъ городского...

Злѣе умѣстно будетъ отмѣтить, что другой многолѣтнiй антагонистъ Литературнаго фонда Г. З. Елисеевъ, который и въ своихъ внутреннихъ обзорѣнiяхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», и въ общихъ собранiяхъ фонда рьяно нападалъ на комитетъ, въ послѣдствiи оставилъ все свое состоянiе тому же Литературному фонду.

Вмѣняли въ вину комитету негласность его дѣйствiй, но такая негласность прямо предписывалась уставомъ, чтобы не задѣвать самолюбiя получавшихъ пособiя и ссуды.

Болѣе справедливо, на первый взглядъ, обвиненiе въ минiатюрности выдававшихся пособiй, но это обуславливалось состоянiемъ кассы и стремленiемъ довести до возможнаго максимума капиталы, проценты съ которыхъ идутъ на выдачи пособiй, пенсiй и т. п.

Комитетъ руководствовался тѣмъ соображенiемъ, что съ годами число литературныхъ пролетарiевъ будетъ расти, что лишь съ накопленiемъ капиталовъ Литературнаго фонда можно будетъ надѣяться, что каждый нуждающiйся въ пособiи писатель или ученый, разъ онъ имѣетъ право на пособiе, будетъ получать его въ такомъ размѣрѣ, чтобы онъ могъ стать на ноги и не испытывать нужды.

Съ тѣхъ поръ, какъ Дружининъ заявилъ, что у насъ пока отсутствуютую «литературные пролетарii», прошло полвѣка, въ теченiе котораго армiя нуждающихся писателей достигла почтенной цифры.

Въ 1881 г. Г. К. Градовскiй выступилъ въ печати и въ общемъ собранiи Литературнаго фонда съ цѣлымъ рядомъ обвиненiй про-

тивъ комитета. Указавъ на все усиливающіяся затрудненія для писателей и журналистовъ, онъ обвинялъ комитетъ въ вялости, въ отсутствіи предприимчивости и заявилъ, что Литературный фондъ, несмотря на ухудшающееся положеніе работниковъ печати и на увеличивающуюся ихъ эксплуатацію редакціями и издателями газетъ и журналовъ, «ограничивается ролью самыхъ банальныхъ благотворительныхъ обществъ».

Реформы, предложенныя г. Градовскимъ, сводились: 1) къ отчисленію 5,000 руб., взамѣнъ несостоявшейся ссудо-сберегательной кассы, на образованіе ссуднаго капитала Литературнаго фонда для выдачи срочныхъ ссудъ литераторамъ и ученымъ; 2) къ учрежденію при обществѣ эмеритальной кассы; 3) къ учрежденію при обществѣ постоянной издательской комиссіи и организаціи матеріальной помощи періодическимъ изданіямъ, предпринимаемымъ на кооперативныхъ началахъ; 4) къ оказанію нравственнаго содѣйствія и посредничества литераторамъ и ученымъ въ ихъ сношеніяхъ съ цензурой и въ случаяхъ недоразумѣній съ редакціями и издателями, а также къ ходатайству передъ правительствомъ о дополненіи или измѣненіи относящихся къ литературѣ законовъ; 5) къ организаціи сношеній съ другими литературными обществами въ Россіи и за границей; 6) къ установленію обязанности комитета созывать чрезвычайныя собранія общества по требованію сочленовъ и 7) къ обсужденію въ комитетѣ и затѣмъ въ общемъ собраніи тѣхъ измѣненій, какія потребуются въ соотвѣтствіи съ вышеизложеннымъ въ уставѣ общества.

Общее собраніе признало, что не требуется никакихъ измѣненій въ дѣйствующемъ уставѣ, что значительная часть того, что предлагалъ Г. К. Градовскій, дѣлалось уже и ранѣе.

Реальнымъ результатомъ предложеній Градовскаго явилось признаніе необходимости образованія, параллельно съ Литературнымъ фондомъ, другого профессиональнаго учрежденія, основаннаго на началахъ самопомощи.

Инициаторомъ такого учрежденія и явился Г. К. Градовскій, основавшій кассу взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Касса открывалась съ «капиталами» въ 216 рублей, а у ея патрона—Литературнаго фонда—тогда было около 400 тысячъ рублей капитала. Теперь же въ послѣднемъ отчетномъ году фондъ выдалъ изъ своихъ средствъ на пенсіи и пособія литераторамъ и ученымъ 28 тысячъ рублей, а касса израсходовала свыше 41 тысячи (имѣвъ въ году прихода 48 тыс.), т.-е. на 13 тысячъ рублей болѣе Литературнаго фонда.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время оба учрежденія—Литературный фондъ и касса—работаютъ бокъ-о-бокъ.

Первый пустилъ глубокіе корни, а касса была въ большой опасности. Между тѣмъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, русскіе писатели и журналисты нуждаются въ вспомогательныхъ учрежденіяхъ.

Десять лѣтъ тому назадъ, когда Литературному фонду минуло 40 лѣтъ, бывшій его предсѣдатель П. И. Вейнбергъ въ изданной имъ тогда брошюрѣ писалъ:

«Тотъ, кто не былъ членомъ комитета Литературнаго фонда, не можетъ представить себѣ, до какой степени доходить нужда, нерѣдко даже нищета въ полномъ смыслѣ слова, какъ самихъ пишущихъ, такъ и—что бываетъ еще чаще—и ихъ семействъ. Житье въ чуланахъ, грязныхъ углахъ, рядомъ съ кучерами и дворниками, закладываніе всего—чуть не до послѣдней рубашки, голоданіе по цѣлымъ днямъ, бѣганіе по городу въ лѣтнемъ пальто въ суровую зимнюю стужу—вотъ явленія, съ которыми приходится сталкиваться совсѣмъ не въ видѣ исключеній».

За истекшее десятилѣтіе, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ покойнымъ Вейнбергомъ была нарисована эта неприглядная картина, положеніе пишущей братіи измѣнилось далеко не къ лучшему. Юбилей фонда совпалъ съ газетнымъ и журнальнымъ кризисомъ, и лучшимъ ознаменованіемъ этого юбилея было бы большее участіе читателей къ судьбѣ писателей.

А. В. Дружининъ, учреждая Литературный фондъ, полагалъ, что читатель не только будетъ почитать писателей, но будетъ считать своимъ *долгомъ* оказывать имъ нравственную и матеріальную поддержку.

Но покойный сатирикъ М. Е. Салтыковъ былъ тысячу разъ правъ, когда констатировалъ, что писатель пописываетъ, а читатель только почитываетъ.

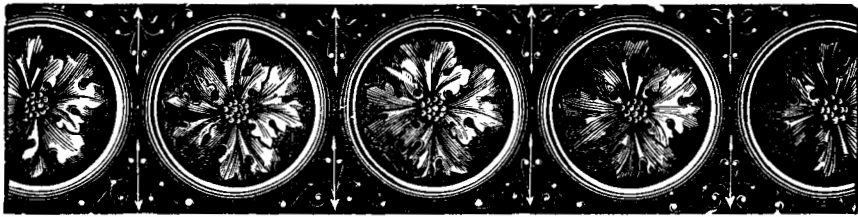
Такъ было, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. Читатель en masse, по выраженію того же сатирика, шмыгалъ въ попутныя подворотни при встрѣчѣ съ писателемъ...

Кромѣ читателей, Салтыковъ въ своихъ «Незаконченныхъ бесѣдахъ» указываетъ еще на двѣ категоріи лицъ, которыя болѣе другихъ обязаны приходиться на помощь Литературному фонду: писателей, вполне обезпеченныхъ, и книгопродавцевъ, «на костяхъ литературы создавшихъ свои болѣе или менѣе значительныя состоянія».

Лучшимъ ознаменованіемъ наступающаго юбилея Литературнаго фонда и была бы уплата всѣми этими должниками своихъ долговъ русскимъ писателямъ...

А. Евгеньевъ.

АКАДЕМИЧЕСКІЙ КОЛЬЦОВЪ.

ВЪ «ОТЧЕТЪ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ за 1907 г.», на стр. 5 и 6 читаемъ слѣдующее:

«Разрядъ изящной словесности посвятилъ также особое вниманіе дѣлу практическаго выполненія новой крупной задачи, предстоящей отдѣленію русской словесности въ поднятомъ имъ вопросѣ объ изданіи *Академической Библіотеки русскихъ писателей*. Дѣло это, начатое по инициативѣ молодого ученаго И. А. Кубасова и особой сформированной разрядомъ комиссіи, вызвало живыя симпатіи отдѣленія, признававшего идею библіотеки насущной задачей, вполне заслуживающей непосредственнаго ея осуществленія. Разрядъ изящной словесности призналъ, что задача изданія Библіотеки русскихъ писателей въ текстахъ, строго редактированныхъ и снабженныхъ необходимыми комментаріями и справками, а также фактическими біографіями, является не только достойной труда и вниманія академіи наукъ, но и нѣкоторою нравственною обязанностью передъ русскимъ обществомъ. Условія русскаго частнаго книгоиздательства и книжной торговли таковы, что за рѣдкими исключеніями, относящимися болѣе къ старымъ временамъ, чѣмъ къ современности, русское просвѣщеніе доселѣ остается совершенно неудовлетвореннымъ въ этой важнѣйшей своей потребности. Не можетъ быть, наконецъ, сомнѣнія и въ томъ, что эта задача—доставить русскому обществу достойное и вмѣстѣ съ тѣмъ общедоступное изданіе его писателей, не можетъ быть за-

дачею исключительно коммерческой, а потому должна явиться высокою цѣлью учрежденія, блюдущаго нужды русскаго просвѣщенія».

Столь благоприятный и симпатичный отзывъ нашего высшаго ученаго учрежденія о значеніи предложенной *Библиотеки*,—главная цѣль которой дать русскому обществу собраніе русскихъ писателей въ изящныхъ и общедоступныхъ по цѣнѣ изданіяхъ, отвѣчающихъ требованіямъ науки и школы,—можно только отъ души привѣтствовать... Дѣйствительно, изданіе такого рода «Библиотеки», уже давно многими желанной, «задача крупная...», «вызывающая живыя симпатіи...», «насушная...», «вполнѣ достойная не только труда и вниманія академіи наукъ», но и являющаяся ея «нравственною обязанностью передъ русскимъ обществомъ», и, какъ преслѣдующая высоко-просвѣтительныя цѣли, подъ крыломъ высшаго ученаго учрежденія, должна быть лишена коммерческихъ цѣлей.

Не удивительно, поэтому, что такой отзывъ могъ только окрылить и разрядъ изящной словесности, и особую комиссію, и многихъ «стороннихъ» лицъ. Немедленно образовался на первыхъ порахъ «скромный» денежный фондъ, благодаря цѣлому ряду пожертвованій, среди которыхъ «наиболѣе крупныя сдѣлали коммерціи совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Губинъ и одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ»; съ большою готовностью предложили свою матеріальную поддержку и содѣйствіе разныя учрежденія и фирмы, и съ рѣдкой энергіей и быстротою принялась за осуществленіе своей задачи особая комиссія, занятая предварительно выработкою общей программы, обусловливающей самый типъ изданія. Пользуясь тѣмъ, что за этими подготовительными работами слѣдовалъ столѣтній юбилей со дня рожденія нашего народнаго поэта-лирика, *Алексея Васильевича Кольцова*, разрядъ изящной словесности рѣшилъ начать свое еще небывалое на нашемъ книжномъ рынкѣ и по своимъ цѣлямъ, и по исполненію предпріятіе—изданіемъ полнаго собранія сочиненій названнаго поэта, пригласивъ въ качествѣ редактора А. И. Лященко, который еще въ 1892 г. редактировалъ «*Стихотворенія и письма А. В. Кольцова*», съ наибольшимъ предъ другими успѣхомъ ¹⁾. Несмотря на сравнительно короткій срокъ, энергичные—редакторъ и комиссія, подъ руководствомъ академика, неумоимаго А. А. Шахматова, еще за нѣсколько недѣль до юбилейнаго дня (2 октября) успѣли напечатать первый выпускъ «*Академической Библиотеки русскихъ писателей*», содержащей въ себѣ «*Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова*»,

¹⁾ А. И. Лященко впервые напечатать письма А. В. Кольцова и болѣе тщательно провѣрилъ рукописные и печатные тексты самыхъ «песнь», какъ называлъ свои пѣсни и думы поэтъ-самородокъ.

въ изящно изданномъ, объемистомъ, около 500 страницъ, томѣ, цѣною въ 60 коп., а по подпискѣ 50 копеекъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, наша періодическая печать встрѣтила это изданіе съ необычайнымъ, единодушнымъ восторгомъ, признавая его «удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ образцовыхъ популярныхъ изданій классическихъ писателей... прекраснымъ и достойнымъ памятникомъ на могилу великаго писателя изъ народа» («Правительственный Вѣстникъ»); «прекраснымъ, полнымъ и въ то же время общедоступнымъ изданіемъ» («Новое Время»); «составляющимъ крупное событіе въ исторіи нашей литературы» («Русскій Инвалидъ»); «прекраснымъ изданіемъ сочиненій русскаго самородка, первымъ достойнымъ стать рядомъ съ изданіемъ Пушкина Ефремовской или Венгеровской редакціи, съ Тихонравовскимъ Гоголемъ и Грозовскимъ Державинимъ» («Биржевыя Вѣдомости»); «чрезвычайно изящнымъ и могущимъ конкурировать съ самыми дорогими изданіями» («Современное Слово»); «первымъ совершеннымъ изданіемъ Кольцова, не оставляющимъ желать ничего лучшаго» («Русское Слово»); «просвѣтительнымъ и научнымъ предпріятіемъ, отличающимся жизненностью, идущимъ навстрѣчу потребностямъ общества и школы и потому заслуживающимъ широкаго сочувствія и всяческой поддержки» («Южный Край»); «блестяще выполненнымъ, съ безукоризненною внѣшностью и содержаніемъ, вполне отвѣчающимъ научнымъ нуждамъ читателя» («Варшавскій Дневникъ») и т. д.

Не прошло послѣ выхода въ свѣтъ этого изданія и трехнедѣльнаго срока, какъ отъ пятнадцати тысячъ томовъ его не осталось на складѣ въ академіи наукъ ни одного экземпляра, и нынѣ особая комиссія готовится къ выпуску вторыхъ пятнадцати тысячъ, хотя, по-моему, можно было бы отпечатать и значительно больше.

Въ виду высоко-гуманитарной цѣли самаго изданія «Академической Библиотеки русскихъ писателей» и необычайнаго успѣха ея перваго выпуска, я позволю себѣ подробнѣе остановиться на содержаніи послѣдняго.

Вслѣдъ за біографіей поэта, въ сжатой формѣ охватывающей почти всѣ факты изъ его жизни, слѣдуютъ «Стихотворенія», расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 1827 года, безъ всякаго своеобразнаго подраздѣленія ихъ на отдѣлы, какъ это, напримѣръ, наблюдается и во второмъ изданіи сочиненій А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Не испещрены текстъ стихотвореній ни цифрами, ни подстрочными примѣчаніями; послѣднія, весьма полныя и содержательныя, вносящія также рядъ поправокъ къ предыдущимъ изданіямъ, отнесены въ «Приложенія» особыми статьями и этимъ только увеличиваютъ впечатлѣніе цѣлостности ихъ. Въ основу стихотвореній, говоритъ редакторъ,

«положенъ текстъ, принятый въ первомъ посмертномъ изданіи «Стихотвореній Кольцова» (1846 г.), редакторомъ котораго былъ В. Г. Бѣлинскій. Произведенія, не вошедшія въ изданіе 1846 г., воспроизводятся по текстамъ, появившимся въ періодическихъ изданіяхъ, современныхъ Кольцову; если современныхъ поэту печатныхъ текстовъ нѣтъ, то устанавливается текстъ согласно рукописямъ»; при этомъ редакторъ вездѣ почти старается сохранить особенности правописанія, свойственныя поэту. Всѣхъ стихотвореній по 1842 г. внесено 158; изъ нихъ впервые печатается «Тоска о миломъ» (стр. 285).

За стихотвореніями слѣдуютъ «*Письма А. В. Кольцова*», числомъ 66, изъ которыхъ 30 писемъ адресовано В. Г. Бѣлинскому, 15—А. А. Краевскому, 4—князю В. Ѡ. Одоевскому (изъ нихъ одно впервые появляется въ печати), 3—князю П. А. Вяземскому, 2—В. А. Жуковскому и др. Эти письма занимаютъ болѣе 120 страницъ убористой печати и, несомнѣнно, представляютъ цѣнный біографическій матеріалъ.

Третью часть книги составляютъ «*Приложенія*», открывающіяся «*Юношескими произведеніями А. В. Кольцова*», которыхъ приведено всего 15; первое («Пѣснь утру») 1826 г., а остальные 14 1827 г. Въ вышеупомянутомъ изданіи редакціи Арс. И. Введенскаго этому отдѣлу, повидимому, должны соответствовать «Первоначальные опыты и наброски Кольцова», число которыхъ болѣе 20 и среди которыхъ попадаются стихотворенія 1829 г. и даже 1841 и 1842 гг. На цѣлыхъ 9 произведеній противъ А. І. Лященко увеличиваетъ Арс. И. Введенскій и другой отдѣлъ: «Стихотворенія, приписываемыя Кольцову». Подъ 2 и 3 номерами «Приложеній» впервые появляются въ печати: «*Русскія пословицы, поговорки, прирѣчья и присловья, собираемыя Алексѣемъ Кольцовымъ*» и «*Два народныя пѣсни, записанныя А. В. Кольцовымъ*».

Послѣ шести, тотчасъ за пѣснями приведенныхъ, «*стихотвореній, приписываемыхъ Кольцову*», идетъ цѣлый рядъ статей, принадлежащихъ самому редактору; во главѣ ихъ помѣщена пространныя статья: «*Рукописи Кольцова*». «Наиболѣе важными,—читаемъ на стр. 311,—являются рукописи, принадлежащія П. Я. Дашкову. Большинство ихъ перешло къ неутомимому собирателю съ бумагами Бѣлинскаго. Тутъ есть и чистовыя и черновыя тетради и листки», перефлетенные въ настоящее время въ два тома. А. І. Лященко сообщаетъ ихъ содержаніе, вмѣстѣ съ своими замѣчаніями. Далѣе значительное число рукописей находится въ Воронежѣ; двѣ тетради ихъ и нѣсколько листовъ въ императорской публичной бібліотекѣ, и, наконецъ, нѣсколько стихотвореній и писемъ Кольцова принадлежатъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

За статью о рукописяхъ находимъ «*Обзоръ изданій сочиненій А. В. Кольцова*», откуда узнаемъ, что съ 1835 по 1891 г., за 56 лѣтъ,

въ 20 изданіяхъ, было напечатано до 100,000 экземпляровъ, а съ 1892 по 1908 г., за 16 лѣтъ, въ 80 изданіяхъ, до 500,000 экземпляровъ,—и за «Обзоромъ» непосредственно «Примѣчанія» къ стихотвореніямъ, письмамъ и приложеніямъ (первымъ пяти номерамъ). «Примѣчаніямъ» этимъ, да простить намъ редакторъ, умѣстнѣе было бы въ цѣляхъ самаго пользованія ими, не говоря уже о томъ, что въ данномъ случаѣ они составляютъ неотъемлемую принадлежность текста, находиться непосредственно за отдѣломъ, къ которому они относятся, или, по крайней мѣрѣ, до статьи о «Рукописяхъ Кольцова».

Дальнѣйшія «Приложенія» составляютъ:

Во-первыхъ, «Обзоръ литературы о Кольцовѣ», весьма обстоятельная статья, которая подраздѣляется на четыре небольшихъ отдѣла: а) «Воспоминанія о Кольцовѣ и статьи о немъ, имѣющія характеръ первоисточниковъ», б) «Критическія и самостоятельныя біографическія статьи», в) «Популярныя біографіи и статьи о Кольцовѣ» и г) «Библиографическіе матеріалы о Кольцовѣ». Во-вторыхъ,—«Переводы Кольцова на иностранныя языки» (нѣмецкій, французскій, шведскій и славянскіе—болгарскій, сербскій и чешскій). Въ-третьихъ,—«Портреты Кольцова, иллюстраціи къ его біографіи и произведеніямъ». Первый, самый лучшій и самый распространенный портретъ Кольцова нарисованъ въ 1838 г. художникомъ К. А. Горбуновымъ и принадлежитъ нынѣ Третьяковской галереѣ въ Москвѣ. Автокопія этого портрета, рисованная красками, хранится въ императорской академіи наукъ; съ нея и сдѣланъ снимокъ, приложенный къ настоящему изданію. Въ-четвертыхъ,—«Пѣсни А. В. Кольцова въ музыкѣ». Писать музыку на тексты Кольцова начали русскіе композиторы еще при жизни поэта; самый первый изъ нихъ, Ю. Арнольдъ, написалъ музыку на слова пѣсни: «Не шуми ты, рожь, спѣлымъ колосомъ» (1840 г.). Въ настоящее время «можно насчитать до 90 произведеній Кольцова ¹⁾, положенныхъ на ноты, принадлежащія перу едва ли не такого же числа композиторовъ. Въ-пятыхъ, въ «Замѣткѣ о языкѣ Кольцова» сообщенъ и списокъ характерныхъ словъ и выраженій поэта, и, въ-шестыхъ, наконецъ, приведена «Хронологическая канва для біографіи Кольцова», гдѣ погодно сообщены всѣ, развѣ за самыми ничтожными исключеніями, факты изъ жизни и дѣятельности поэта, съ указаніемъ на источники и времени написанія отдѣльныхъ произведеній поэта. Для удобства пользованія книгой приложены въ концѣ: «Алфавитные списки стихотвореній» (1—по алфавиту заглавій и 2—по первому стиху) и «Указатель именъ».

Кромѣ указаннаго выше портрета Кольцова (1838 г.), изящество и роскошь настоящаго изданія увеличиваютъ еще помѣщен-

¹⁾ Списокъ ихъ приложенъ въ концѣ статьи.

ные въ текстѣ книги: портретъ Кольцова, съ фотографіи Ап. Н. Мокрицкаго; рисунки—литературный вечеръ у П. А. Плетнева, памятникъ на могилѣ Кольцова на Митрофаньевскомъ кладбищѣ въ Воронежѣ и памятникъ Кольцову въ Кольцовскомъ скверѣ въ Воронежѣ и четыре автографа Кольцова, отпечатанные на бумагѣ, пожертвованной великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ.

Что сказать теперь въ заключеніе послѣ всего вышеизложеннаго? Вѣдь тутъ, насколько только было возможно, исчерпанъ весь Кольцовъ, его поэтическая дѣятельность разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ ¹⁾, и все это исполнено «изящно», «научно» и въ формѣ, вполне доступной для школьника и для автодидакта, которые по каждому интересующему ихъ вопросу найдутъ *отдѣльную* статью. Остается, поэтому, лишь одно—отъ всей души благодарить разрядъ изящной словесности за истинно великое предпріятіе, принятое имъ на себя, а также многочисленныхъ жертвователей, земно кланяться безкорыстнымъ труженикамъ, вошедшимъ въ составъ особой комиссін, и пожелать, чтобы не ослабѣвали ихъ энергія и усердіе, чтобы число жертвователей и сотрудниковъ увеличивалось и чтобы ихъ трудами и средствами издаваемые дальнѣйшіе выпуски «Академической Библіотеки русскихъ писателей» дѣйствительно послужили на пользу просвѣщенія русскаго народа въ самыхъ широкихъ слояхъ общества и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ нашего обширнаго отечества.

В. Рудаковъ.

¹⁾ Недостаетъ, развѣ, двухъ-трехъ страницъ о размѣрахъ стиховъ, весьма своеобразныхъ у нашего поэта.

ПО ЗОНДСКИМЪ ОСТРОВАМЪ ¹⁾.

IV.

Прогулка на Борнео.

Прїѣздъ въ Бандермасинъ.—Бытъ даяковъ.—Охота за головами.—Восточное побережье Борнео.—Баликъ Папанъ.—Дельта рѣки Кутен.

СТРОВЪ Суматра несравненно крупнѣе Явы и менѣе ея воздѣланъ; многія области на Суматрѣ еще и понынѣ совершенно дики и не покорены. То же самое, но еще въ большей степени, слѣдуетъ сказать о Борнео, который есть самый большой и, вѣроятно, самый дикій изо всѣхъ острововъ земного шара.

Припомнимъ, что на Борнео приходится лишь двѣ души населенія на одну квадратную версту, *въ сто разъ менѣе*, чѣмъ на Явѣ. Приблизительно сѣверная треть Борнео принадлежит Англїи, а вся остальная территорія, болѣе $\frac{2}{3}$ всей площади, относится къ Нидерландской Индїи.

Внутренность Борнео весьма мало изслѣдована. Извѣстно, что тамъ находятся горы и гористыя возвышенности и что все южное побережье представляетъ собою мѣстность низменную и болотистую, схожую во многомъ съ южной Суматрой. Много крупныхъ и полноводныхъ рѣкъ съ цѣлою сѣтью многочисленныхъ притоковъ *прорѣзываютъ* внутренность Борнео ²⁾, придерживаясь

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVIII, стр. 244.

²⁾ Съ сѣверо-запада на юго-востокъ течетъ рѣка Махакамъ (или Кутен) и впадаетъ въ Макасарскій проливъ. Прямо на югъ текутъ: Барито, большая даякская рѣка, Капусъ Мурунгъ и многія другія, впадающія всѣ въ Яванское море. Съ сѣверо-востока на юго-западъ течетъ рѣка Капусъ, впадающая въ Кариматскій проливъ.

въ общемъ направленія съ сѣвера къ югу. Самая крупная изъ нихъ, рѣка *Банджермасинъ* ¹⁾, или называемая иначе *Барито*, имѣеть болѣе 800 верстъ въ длину и впадаетъ въ Яванское море, лежащее между югомъ Борнео и островомъ Явой.

На развѣтѣ 6-го іюля 1901 года голландскій пароходъ «Van der Zuy» вступалъ въ широкое устье рѣки Барито, благополучно миновавъ песчаную отмель, которая обыкновенно заграждаетъ устья здѣшнихъ рѣкъ. Низменные, джунглевые берега хотя и походили на Муси, но вдали очень отчетливо рисовались горы, напоминая намъ, что мы находимся не въ резиденціи Палембангъ.

Рѣка Барито, огромная, полноводная, мутная, достигаетъ въ нижнемъ теченіи своемъ полуторы версты въ ширину. Черезъ какой-нибудь часъ послѣ входа въ устье мы оставили главное русло Барито и вступили въ его лѣвый притокъ—Мартапуру. Здѣсь картина совершенно измѣнилась.

Мартапура рѣчка узенькая, но глубокая и извилистая, такъ что пароходъ нашъ то и дѣло поворачивалъ и описывалъ крутыя дуги направо и налево. Берега Мартапуры густо заросли красивымъ лѣсомъ, среди котораго тамъ и сямъ мелькали туземные домики. Вслѣдствіе узости русла и его извилистости капитанъ, опасаясь столкновенія со встрѣчнымъ пароходомъ, принялъ всѣ мѣры предосторожности, а именно: уменьшилъ ходъ, посадилъ на вершину мачты матроса, который долженъ былъ зорко смотрѣть впередъ и во время предупредить о встрѣчѣ парохода, и ежеминутно давалъ свистки. Часа черезъ два такого ежеминутнаго верченія и усиленнаго вниманія, мы благополучно подошли къ пристани Банджермасина, главнаго города всего южнаго Борнео.

Банджермасинъ, въ особенности послѣ долгаго житія около Палембанга, производитъ уютное, пріятное впечатлѣніе.

Рѣка здѣсь маленькая, извилистая, быстрая. Городъ небольшой, чистенькій и, сравнительно съ Палембангомъ, сухой. Конечно, дома, какъ и вездѣ, покоятся на столбахъ, но все же есть сухія, чистыя дороги, по которымъ можно съ удовольствіемъ прогуляться.

Одну изъ такихъ улицъ, на которую выходятъ садики со всѣхъ домовъ, мы успѣли снять вмѣстѣ со слугой-малайцемъ, нянчившимъ европейскаго ребенка.

Среди туземнаго населенія насъ поразило какое-то неумовимое отличіе отъ типа малайцевъ Суматры. Въ Банджермасинѣ туземное населеніе составляютъ *банджерезы*, малайскій народецъ, который образовался изъ смѣси коренныхъ жителей *дажковъ* съ пришлыми малайцами, и въ результатъ получилось что-то довольно гармоничное или, вѣрнѣе сказать, менѣе некрасивое, чѣмъ собственно малайцы.

¹⁾ Слово Банджермасинъ означаетъ по-малайски «соленый приливъ».

Другою особенностью, бросившеюся намъ въ глаза, были мѣстные лодки; мы привыкли ихъ видѣть вездѣ на Суматрѣ и на Явѣ одной обыкновенной формы. Здѣсь же на Борнео онѣ имѣютъ носъ и корму, поднятые кверху наподобіе австралійскихъ пироговъ.

Городъ Бандьермасинъ ¹⁾ очень древняго происхожденія. Въ XV столѣтіи это былъ уже крупный центръ и резиденція магометанскихъ султановъ. Въ 1787 году послѣдній царствующій султанъ уступилъ Бандьермасинъ во владѣніе голландцевъ. Теперь здѣсь находится мѣстопробываніе голландскаго резидента, имѣется гарнизонъ войскъ и крѣпость, правда, деревянная, производящая комическое впечатлѣніе какой-то археологической древности. Въ Бандьермасинѣ есть 2—3 гостиницы, 2—3 магазина, клубъ, почтовая контора, словомъ, обычныя удобства средняго индійскаго города.

Рѣки Барито и Мартапура судоходны на довольно большое протяженіе внутрь страны, и въ бассейнахъ ихъ расположены алмазные копи, каменный уголь, и въ послѣднее время голландцы стали разводить здѣсь табачныя плантаціи. Туземцы сюда привозятъ, кромѣ того, для продажи изнутри страны свои мѣстные продукты: гуттаперчу, роттангъ, камфору и другіе.

Внутренность Борнео еще почти совершенно не изслѣдована.

Туда дерзали проникать лишь очень немногіе путешественники. Послѣднимъ былъ голландскій врачъ докторъ Нивенхейсъ, прошедшій въ 1896 году поперекъ Борнео съ запада на востокъ и вывезшій богатая коллекціи изъ своего путешествія.

Во внутренности Борнео обитаютъ даяки—народъ полудикій, языческій и отчасти сохранившій обычай людоедства.

Даяки, тѣ изъ нихъ, которые появляются въ береговыхъ населенныхъ голландцами пунктахъ, конечно, ведутъ себя смиренненько и занимаются продажей своихъ произведеній мѣстнымъ скушникамъ. Но въ глубинѣ острова даяки чувствуютъ себя еще совершенно свободными, и положеніе путешественника тамъ весьма рискованное.

Говорятъ, что даяки по характеру своему честны и открыты. Тѣ немногіе, которыхъ мы видѣли на базарѣ Бандьермасина, поразили насъ выраженіемъ своихъ лицъ. Въ нихъ, несмотря на несомнѣнную принадлежность ихъ къ обще-малайскому типу, было что-то оригинальное, была замѣтна энергія, и рядомъ съ ними яванцы казались вялыми и апатичными.

Даяки живутъ селеніями, строятъ домики на столбахъ, и каждое селеніе имѣетъ своего выборнаго старшину. Обычное занятіе даяковъ—охота, рыбная ловля и отчасти воздѣлываніе риса для соб-

¹⁾ Насчитывается около 50.000 жителей, въ томъ числѣ 400 европейцевъ.

Видъ на Бандгермасингъ съ рѣки.

ственной потребности. Оружіе даяковъ, кромѣ сабель и криссовъ, составляетъ также знаменитый *сибетъ*, т. е. длинная бамбуковая трубка, изъ середины которой выдувается маленькая стрѣла.

Сибетъ имѣетъ въ длину сажень. Въ одинъ конецъ его вкладывается деревянная стрѣла, оканчивающаяся сзади кускомъ ваты, а спереди—отравленнымъ остриемъ. Простымъ дутьемъ въ трубу даякъ выталкиваетъ эту стрѣлу, и она летитъ на далекое разстояніе: горе тому врагу, котораго царапнетъ стрѣла изъ сибета,—ему грозитъ неминуемая смерть.

Разсматривая однажды у знакомаго въ Бандѣрмасинѣ коллекцію даяккаго оружія, мы видѣли и сибетъ съ пачками приготовленныхъ для него стрѣлъ, и предупредительный хозяинъ просилъ къ нимъ не прикасаться, ибо малѣйшая царапина ихъ уже смертельна!

Даякскія женщины не лишены нѣкоторой граціи. По существующимъ въ племени традиціямъ даячки любятъ отдавать свое сердце и руку храбрецамъ. Отсюда у даяковъ установился обычай, по которому каждый женихъ долженъ принести своей невѣстѣ наглядное доказательство своей храбрости—не болѣе, не менѣе, какъ отрубленную человѣческую голову. И вотъ молодой даякъ, вооружившись, отправляется на добычу и рыщетъ вездѣ по лѣсамъ и водамъ, пока случай не поможетъ ему удовлетворить этому обычаю. Голова малайца считается трофеемъ плохенькимъ, лучше уже голова китайца или араба, но наилучшій трофей есть, безспорно, голова бѣлаго—«орангъ пути», и возвратившійся съ такимъ трофеемъ въ родное селеніе герой можетъ смѣло разсчитывать, что первая красавица удостоитъ его своей руки!..

Къ юго-восточному углу Борнео примыкаетъ островъ Пулю Лаутъ¹⁾, отдѣленный отъ Борнео узкимъ, извилистымъ проливомъ.

Отсюда къ сѣверу вдоль всего восточнаго побережья Борнео характеръ мѣстности мѣняется и становится еще болѣе живописнымъ, чѣмъ южное побережье острова. Берега здѣсь большею частью скалистые, крутые и часто покрытые лѣсомъ. Говорятъ, здѣсь во многихъ мѣстахъ находятся залежи каменнаго угля. Однѣ изъ нихъ, на островѣ Пулю Лаутъ, недавно уже начаты разработкою.

На восточномъ побережьи Борнео, подъ 1°16' южной широты, расположена живописная бухта Баликъ Папанъ, глубокая, врызывающаяся въ нѣдра острова, вся окруженная крутыми лѣсистыми холмами.

Мѣстность эта, еще недавно совершенно дикая, оживилась въ послѣдніе годы возникновеніемъ здѣсь крупнаго нефтянаго предпріятія²⁾, и нынѣ здѣсь стоитъ на берегу бухты обширный нефтя-

¹⁾ Означаетъ по-малайски «морской островъ». Длина его 100 верстѣ.

²⁾ Англійское.

ной заводъ со всѣми своими зданіями, резервуарами и колоніей для европейцевъ и туземцевъ. Приближаясь къ Баликъ Папану, особенно красиво смотрѣть съ борта парохода на заводскія постройки, составляющія такой контрастъ съ красивой, но дикою окружающею ихъ природою. Бухта Баликъ Папанъ, служившая прежде только убѣжищемъ отъ бури для туземныхъ рыбацкихъ лодокъ, нынѣ уже посѣщается мѣстными пассажирскими пароходами, а также мно-

Молодой даякъ.

гими наливными шхунами, вывозящими отсюда нефтяные продукты.

Нѣсколько сѣвернѣе Баликъ Папана, почти уже подъ самымъ экваторомъ ¹⁾, береговая линія описываетъ полукруглый выгибъ къ востоку, наполненный дельтою рѣки Кутеи ²⁾. Многочисленные рукава и водяные протоки дельты омываютъ узкія полосы низменности, образуя такимъ образомъ рядъ острововъ, называемыхъ на картѣ Помаранскими (или Дондрскиными).

Проѣзжая здѣсь однажды на пароходикѣ, мы видѣли кругомъ себя, поскольку глазъ могъ захватить, одну воду и джунглевые затопленные берега, столь хорошо знакомые намъ по Палембангу.

¹⁾ Подъ 30° южной широты.

²⁾ Иначе называемой *Махакамъ*.

Но здѣсь они, казалось, были еще ниже, еще болѣе затоплены. У самой воды заросли состояли изъ одной только пальмы нипа, огромные, величиною съ голову, шишкообразные бурые плоды которой торчали тамъ и сямъ изъ воды, привлекая аппетиты туземцевъ, охотно лакомящихся мякотью, находящеюся внутри плода.

И эта дельта рѣки Кутеи, составленная какъ бы исключительно изъ воды и изъ зарослей пальмы нипа, занимаетъ огромную площадь болѣе 2,500 кв. верстъ.

V.

Около Палембанга.

Краткая географія Суматры.—Вѣздъ въ рѣку Муси.—Палембангъ.—Климатическія условія.—Наша колонія.—Вечерніе визиты.—Фабрики саго.—Жизнь туземцевъ въ лодкѣ.—Тропическіе фрукты.—Охота на крокодиловъ.—Обезьяны.—Характеристика малайцевъ.—Административное раздѣленіе Суматры.—Дикіе вродцы Суматры.

Островъ Суматра простирается въ длину болѣе чѣмъ на 1200 верстъ, имѣя въ сѣверной своей части около 200 верстъ, а въ южной—350 верстъ въ ширину.

Вдоль всего его западнаго берега проходитъ вулканическая цѣпь возвышенностей, среди которыхъ попадаются отдѣльные вулканы весьма значительной высоты ¹⁾. Къ западу цѣпь эта довольно круто спускается къ Индѣйскому океану, образуя лишь узкое низменное побережье. Получается картина, напоминающая наше черноморское побережье. На западномъ берегу Суматры, почти на пересѣченіи съ экваторомъ ²⁾, лежитъ гавань Эмма, служащая портомъ для города Падангъ—главнаго города для всего западнаго побережья Суматры. Эмма-гавань уже прямо-таки похожа своимъ общимъ видомъ на Батумъ, съ тою только разницею, что узкое низменное побережье и холмы разукрашены здѣсь щедрою тропическою растительностью, въ массѣ которой доминируютъ стройныя кокосовыя пальмы и развѣсистые бананы.

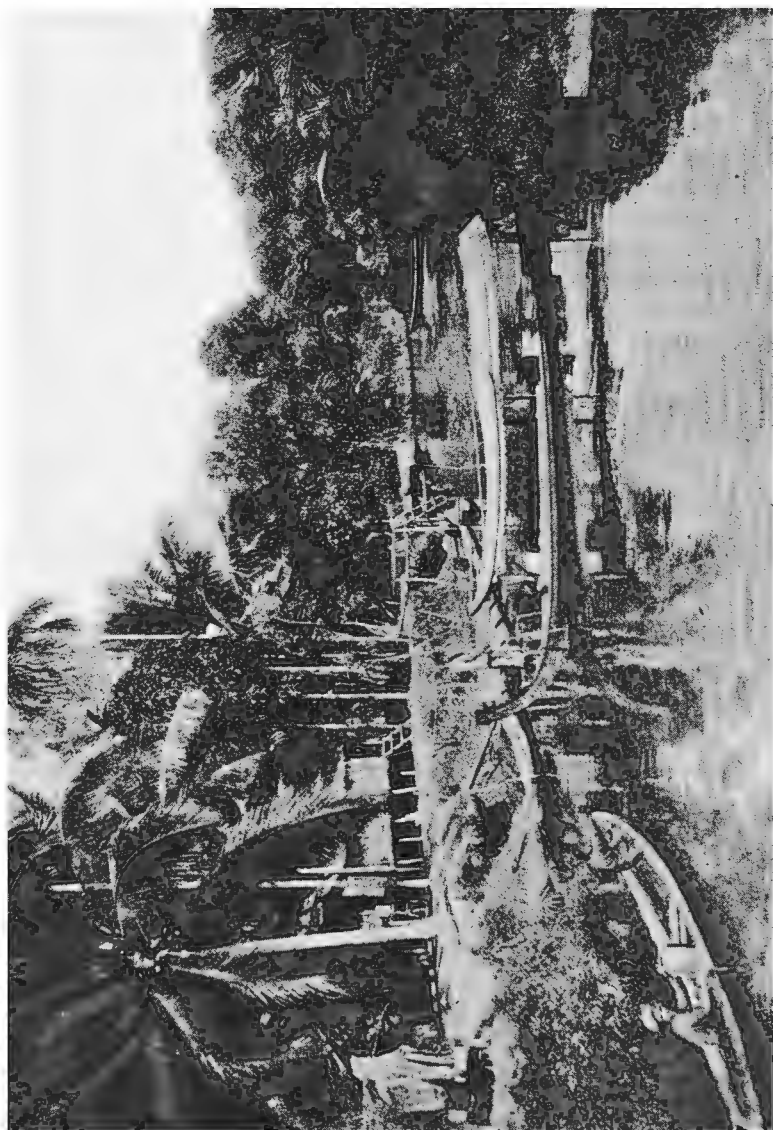
Нашъ пароходъ, на пути изъ Европы, останавливался въ Эмма-гавани на нѣсколько лишь часовъ ³⁾, и помню я, что мы, погулявъ по берегу и увидавъ впервые тропическій пейзажъ, еще сильнѣе возгорѣли желаніемъ познакомиться скорѣе съ природою Индіи.

Восточный склонъ главнаго хребта Суматры болѣе пологій. Здѣсь горы, понижаясь, переходятъ въ предгорья, предгорья—въ

¹⁾ Таковы, начиная съ сѣвера: Синдбонгъ, или Люса, (12.000 ф.), Офиръ (10.000 ф.), Мерапи (9.500 ф.), Индрапура, или Коринты, (12.100 ф.), Демпо (10.300 ф.), Беаги (7.200 ф.) и Танкамусъ (7.500 ф.), кромѣ многихъ другихъ, менѣе высокихъ.

²⁾ Подъ 1 градусомъ южной широты.

³⁾ Чтобы взять каменный уголь на топливо изъ мѣстныхъ копей.

Видъ Бандьермасина.

холмы, а холмы уже прямо въ широкія низменности, лежащія почти на уровнѣ моря и влѣдствіе обилія воды и жаркаго климата представляющія собою сплошной, непролазный лѣсъ—*джунгль*¹⁾. Отсюда понятно, почему многочисленныя рѣки Суматры²⁾ съ ихъ еще болѣе многочисленными притоками и притоками притоковъ, извиваясь въ различныхъ направленіяхъ, все же сохраняютъ въ общемъ направленіе съ запада на востокъ. Въ южной и средней Суматрѣ эта низменная часть шире, а потому и число рѣкъ и величина ихъ больше, чѣмъ въ сѣверной. Вся эта огромная сѣтъ водныхъ путей, изъ которыхъ главные доступны для большихъ морскихъ судовъ, второстепенные—для рѣчныхъ пароходовъ и баркасовъ, а меньшіе—лишь для туземныхъ лодокъ, представляетъ собою естественный путь сообщенія и культуры.

Городъ Палембангъ южной Суматры, вблизи котораго мы провели нѣсколько лѣтъ, расположенъ именно въ низменной, джунглевой полосѣ, составляющей, вмѣстѣ съ горною полосою провинціи Преангеръ, двѣ наиболѣе характерныя и противоположныя особенности тропическаго пейзажа.

Пассажирскій пароходъ, везшій насъ изъ Батавіи въ Палембангъ и совершающій этотъ переходъ въ двое сутокъ, ночью вступилъ въ Банковскій проливъ, а утромъ, когда мы вышли на палубу, пароходъ нашъ выходилъ изъ гавани Мунтока, главнаго города острова Банки, извѣстнаго своими оловянными рудами³⁾.

Видъ съ моря на Мунтокъ довольно живописенъ. Сверху виденъ красивый хребетъ горы, весь одѣтый лѣсомъ, а внизу разбросано небольшое селеніе, красныя черепитчатыя крыши котораго изящно выглядывали сквозь темную зелень садовъ. Надъ домомъ резидента⁴⁾ красиво развѣвался отъ вѣтра голландскій трехцвѣтный флагъ. Но насъ все это мало занимало; мы стремились увидать наконецъ нашу долгожданную Суматру, и взоры наши были неизмѣнно устремлены впередъ. Пароходъ нашъ долженъ былъ пересѣчь здѣсь Банковскій проливъ, ширина котораго не превышаетъ въ этомъ мѣстѣ 35 верстъ, и долженъ былъ войти въ устье полноводной рѣки Муси. Мы и ожидали увидѣть очертанія Суматры и что-нибудь, напоминающее берегъ, но напрасно!

Только часа черезъ полтора плаванія мы смогли различить на самомъ уровнѣ воды какую-то длинную, узкую и прерывающуюся

1) Джунгль слово англійское. Малайцы называютъ его—*рембу*.

2) Таковы, начиная съ сѣвера: Перлакъ, Симпангъ, Ассахамъ, Паней, Роканъ, Сіакъ, Кампаръ, Индрагири, Джамби (съ Харн и Тамбеси), Баньюасинъ (съ Лалангомъ) и Муси (съ Оганомъ и Лематангомъ), кромѣ многихъ другихъ, менѣе крупныхъ.

3) На Банкѣ добывается ежегодно болѣе милліона пудовъ олова. Сосѣдній островъ Вилитонъ и Сингапуръ также имѣютъ залежи оловянныхъ рудъ.

4) Г. е. губернатора.

полосу. Очевидно, что-то торчало изъ воды... Но что же это такое? Гдѣ же Суматра?

Наконецъ, мало-по-малу мы начали разбирать, что приближались къ полосѣ затопленнаго водою лѣса, и вскорѣ лѣсъ этотъ окружилъ насъ,—стало быть, пароходъ нашъ уже вошелъ въ устье рѣки и шель теперь вглубь острова. Направо и налево видѣлся все тотъ же низкій, густой лѣсъ-джунгль, мѣстами полузатопленный водою, мѣстами выступавшій изъ воды.

Главная улица Палембанга.

Одновременно со вступленіемъ изъ моря въ рѣку мы почувствовали, что сразу вдругъ стало жарко и въ особенности сыро и душно. Это и было первымъ вступленіемъ въ ту гнетущую атмосферу, среди которой намъ суждено было жить все время. Но переходъ въ эту баню непосредственно послѣ пріятной свѣжести моря былъ черезчуръ рѣзокъ, и помню я, что мы буквально обливались потомъ и не могли просохнуть.

Изрѣдка на берегу рѣки попадалось малайское поселеніе со своими небольшими хижинами, стоящими надъ водой, крытыми большею частью щитами изъ пальмовыхъ вѣтокъ, называемыми туземцами атап¹⁾, или рѣже черепицею и покоящимися на высокихъ

¹⁾ *Атапъ* видѣлываются туземцами изъ листьевъ преимущественно двухъ видовъ пальмъ: *Nira* и *Ageng*. Крыши, покрытыя атапомъ, для дождя непроницаемы, между тѣмъ какъ черепитчатая пропускаютъ воду уже при дождѣ средней силы, не говоря уже о ливняхъ.

столбахъ. Здѣсь это было еще необходимѣе, чѣмъ на Явѣ. Былъ какъ разъ приливъ, и вода достигала почти до верха столбовъ, въ то время какъ во время отлива уровень понижается на цѣлую сажень. Все свободное пространство среди и сзади домиковъ было засажено бананами и кокосовыми пальмами. Завидя нашъ приближающійся пароходъ, все молодое поколѣніе деревни, кстаги сказать, совершенно голое, съ крикомъ радости бросилось въ привязанныя тутъ же лодочки и старалось какъ можно ближе подплыть къ пароходу, чтобы, во-первыхъ, на него полюбоваться, а, во-вторыхъ, чтобы власть покачаться на волнахъ, образуемыхъ ходомъ парохода. Смѣшно и забавно было смотрѣть, какъ какой-нибудь голый карапузъ, лѣтъ 5 или 6, совершенно одинъ переважно возсѣдалъ на кормѣ малюсенькой лодчонки, наклонивъ ее вслѣдствіе своего груза назадъ, и отчаянно гребъ обѣими ручками своимъ трехугольнымъ весломъ (безъ упора), стараясь изо всѣхъ силъ не опоздать къ пароходу. Случалось нерѣдко, что онъ падалъ въ воду и тутъ же со смѣхомъ влѣзалъ обратно въ свою лодку, досадуя только на упущенное время.

Ширина рѣки достигаетъ версты; часто попадаются острова, которые пароходъ, смотря по направленію фарватера, долженъ огибать то справа, то слѣва, а самые острова и оба берега представляютъ собой все тѣ же заросли—топкія, густыя, непролазныя.

Цѣлые 8 часовъ поднимается пароходъ вверхъ по рѣкѣ Муси прежде, чѣмъ достигнуть города Палембанга. Рѣка все время плаванія сохраняетъ свой полноводный, а берега ея—свой низменный и дикій характеръ ¹⁾.

Самый городъ Палембангъ расположенъ по обѣимъ берегамъ Муси и его притока Огана и состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ деревянныхъ домовъ и домиковъ, стоящихъ на деревянныхъ же столбахъ не только у самой воды, но и прямо надъ водою какъ самаго Муси, такъ и многочисленныхъ каналовъ, сообщенныхъ съ рѣкою. Такимъ образомъ, Палембангъ есть въ нѣкоторомъ родѣ суматринская Венеція, гдѣ больше воды, чѣмъ суши, и больше водяного со-

¹⁾ Въ настоящее время туристъ, ѣдущій въ Палембангъ, увидитъ за полчаса до прибытія въ городъ на правомъ берегу Муси—двѣ цвѣтущія европейскія колоніи. Мѣстечки эти, носящія названія Муара Плядію и Бигусъ Кувингъ, суть поселенія при двухъ крупныхъ нефтяныхъ заводахъ, возникшихъ—первый въ 1899 г., а второй въ 1902 г. Еще издали видны заводскія постройки съ ихъ высокими дымовыми трубами, цѣлый рядъ большихъ резервуаровъ и чаниковъ, а рядомъ неподалеку, окруженные садиками, бѣлые блестящіе домики персонала. У пристаней почти постоянно можно теперь видѣть наливающіяся керосиномъ пароходы, кругомъ снуютъ паровые баркасы, а ночью все пространство поселеній залито электрическимъ свѣтомъ. Но въ 1898 году, когда мы подѣзжали къ Палембангу, второго поселенія не существовало вовсе, а подъ первое, въ Муара Плядію, было только что вырублено и очищено мѣсто среди дикаго лѣса.

общенія, чѣмъ сухопутнаго. Палембангъ насчитываетъ до 60 тысячъ жителей, изъ которыхъ, однако, собственно европейцевъ съ ихъ семьями не наберется болѣе 300 душъ, а все остальное населеніе составляютъ: малайцы, т. е. коренные туземные жители, и небольшое число яванцевъ, т. е. туземцевъ, пріѣхавшихъ съ Явы и считающихся здѣсь до нѣкоторой степени иностранцами. По крайней мѣрѣ мѣстные жители ихъ не считаютъ своими и говорятъ про нихъ: «это не наши, это *орангъ Джава*», т. е. люди съ Явы, и относятся къ

Переулочъ въ Палембангѣ во время отлива.

нимъ съ тою смѣсью почтенія и презрѣнія, съ какою, напримѣръ, какой-нибудь деревенскій хохоль относится къ хитрому москалю. Въ Палембангѣ живетъ также тысячъ 5 китайцевъ, занимающихся торговлей въ лавочкахъ или работающихъ въ качествѣ кули ¹⁾ на различныхъ предпріятіяхъ.

Несмотря на свою малочисленность, европейцы проживаютъ въ Палембангѣ съ нѣкоторымъ комфортомъ. На лучшемъ мѣстѣ посреди города помѣщается крѣпость, внутри которой проживаютъ офицеры и команда мѣстнаго гарнизона; рядомъ находится роскошный домъ мѣстнаго голландскаго резидента, административ-

¹⁾ Словомъ «кули» обозначаютъ на всемъ Востокѣ китайскихъ чернорабочихъ, занимающихся переноской тяжестей, выгрузкой и нагрузкой судовъ и прочими тяжелыми работами.

наго начальника надъ всей резиденціей Палембангъ. Кругомъ расположены лучшіе дома европейцевъ. Имѣется здѣсь 2—3 частныхъ врача и аптека, почтово-телеграфная контора, 2—3 банка, фабрика льда, 2—3 гостиницы, типографія, 2—3 магазина и клубъ, устроенный по обычному индо-голландскому типу и называемый *soos* ¹⁾; мы же, русскіе, называли его просто «соусъ», не безъ основанія прибавляя къ нему прилагательное «голландскій». Непосредственно рядомъ съ европейцами живутъ и туземцы въ безчисленномъ количествѣ своихъ маленькихъ домиковъ, лѣбящихся по берегу Муси и многочисленныхъ каналовъ. Для насъ, конечно, большій интересъ представлялъ именно быть туземцевъ.

На главной и единственно сухой улицѣ туземной части города помѣщаются китайскія и арабскія лавчонки со всякой хозяйственной утварью, саронгами, фесками, посудой и пр. Къ улицѣ этой примыкають многочисленные переулки. Что сразу поразило насъ въ Палембангѣ, такъ это патріархальная простота во всемъ бытѣ туземцевъ и обиліе дѣтей всѣхъ возрастовъ на улицахъ, около домовъ и главнымъ образомъ—въ водѣ. Чувствовалось, что дѣтей здѣсь ужасно много и что живетъ имъ весело и привольно. Вслѣдствіе изменности почвы морской приливъ и отливъ чувствуются въ Палембангѣ такъ же, какъ и у берега моря, несмотря на то, что городъ отъ моря лежитъ болѣе чѣмъ на 100 верстъ; уровень воды ежедневно колеблется въ Палембангѣ на цѣлую сажень. Когда вода спадаетъ, то въ каналахъ ея почти не остается, такъ что мѣстные лодки—по-малайски *прау*—съ трудомъ могутъ проходить вдоль переулковъ; но когда вода поднимается, она заливаєтъ почти всю длину лѣстницъ, ведущихъ къ крыльцамъ домиковъ, а въ самую высокую воду, что бываетъ 3—4 раза въ году во время ливней, она доходитъ и до самаго крыльца.

Существуетъ здѣсь еще и другой способъ строить дома—не на столбахъ, а на плоткахъ, прикрѣпленныхъ канатами къ берегу. Такія жилища удобны тѣмъ, что они всегда сами держатся на поверхности воды, опускаясь и поднимаясь вмѣстѣ съ приливомъ и нѣтъ надобности въ низкую воду лазить по весьма примитивной и неудобной лѣстницѣ.

Въ какой бы часъ дня вы ни проѣзжали на лодкѣ вдоль рѣки среди города, вы всегда увидите около берега массу купающихся дѣтей мальчиковъ и дѣвочекъ всѣхъ возрастовъ, а по утрамъ и вечерамъ, когда не такъ жарко, число ихъ бываетъ безконечно. Плаванье, барахтанье, нырянье; визгъ отъ нихъ стоитъ страшный, и даже крокодилы, которыхъ въ рѣкѣ водится много, боятся этого шума и обыкновенно не нападаютъ на купающуюся компанію.

¹⁾ Отъ французскаго слова *société*.

Група дѣтей.

На улицахъ, на базарѣ, въ особенности гдѣ продаютъ фрукты и разныя туземныя сласти, тоже все кишить дѣтьми; лѣтъ до 6 мальчишки и дѣвочки ходятъ совершенно голые; болѣе взрослые одѣваются вокругъ бедеръ пеструю саронгу, оставляя верхнюю часть туловища обнаженной. Болѣе состоятельные юноши надѣваютъ еще иногда курточку и феску. Взрослыя дѣвушки носятъ баджу, т. е. кофточку.

Изъ всѣхъ городовъ Нидерландской Индіи только одинъ Палембангъ ¹⁾ носитъ на себѣ этотъ характеръ города, построеннаго надъ водой. Отличительною чертою климата Палембанга является его огромная сырость ²⁾. Высота годовыхъ осадковъ составляетъ для Палембанга 272 см. Кругомъ города вообще сухихъ мѣстъ, по которымъ могутъ быть проложены сухопутныя дороги, мало; преобладаетъ все тотъ же джунгль, грязный, затопляемый водой во время прилива, по которому все же на лодочкахъ легче пробираться, чѣмъ пройти пѣшкомъ. Казалось бы, всѣ условія налицо для ужаснѣйшей маляріи, а маляріи здѣсь вовсе нѣтъ, да и лихорадкой-то страдаютъ одни туземцы и не такъ ужъ много. Вѣроятно, многоводная рѣка съ ея быстрымъ теченіемъ, направленіе котораго ежесуточно дважды мѣняется въ зависимости отъ морского прилива и отлива, служитъ даровой дезинфекціей мѣстности. Это соображеніе подтверждается еще и тѣмъ фактомъ, что въ самой резиденціи Палембангъ и недалеко отъ города многія мѣста, лежація въ глубинѣ джунгля, но не на берегу рѣки, весьма и весьма лихорадочны. Очевидно, что большая или меньшая лихорадочность мѣстности не зависитъ только отъ обилія сырости и присутствія москитовъ (которыхъ, кстати сказать, и въ Палембангѣ обиліе), но и еще отъ какихъ-то другихъ причинъ. Климатъ всей южной Суматры не только чрезвычайно сырой, но и въ высшей степени жаркій. Въ періодъ восточнаго муссона, т. е. съ мая по октябрь, дождь идетъ 3—4 раза въ недѣлю и температура колеблется въ тѣни между 25—27° Реомюра—это называется *сухое* время года; въ это время, если сидѣть, не двигаясь, можно иногда часа два остаться сухому, но при первомъ движеніи тѣло ваше покрывается испариной. За время же западнаго муссона, съ ноября по апрѣль, дожди (и какіе!) идутъ 2—3 раза въ день и хотя средняя температура стоитъ ниже—24—26° Реомюра, но вслѣдствіе огромной сырости воздуха ³⁾ вы чувствуете себя день и

¹⁾ Да еще городъ *Понтіанакъ*, лежащій подъ экваторомъ на западномъ берегу Борнео.

²⁾ Количество осадковъ распредѣляется по мѣсяцамъ слѣд. образомъ: январь и февраль по 28 см.; мартъ—32; апрѣль—29; май—19; июнь—13; июль и августъ по 11; сентябрь—13; октябрь—22; ноябрь—30 и декабрь—36 см.

³⁾ 85% — 95% влажности по гигрометру есть обычная влажность Палембанга.

ночь въ непрсыхаемой испаринѣ. Сырость эта не только поражаетъ всякаго вновь прїѣхавшаго, но она, несомнѣнно, понемногу утомляетъ организмъ и составляетъ, можетъ быть, единственную при-

Садъ около нашего дома.

чину утомленія и необходимости черезъ извѣстное время подышать свѣжимъ горнымъ воздухомъ.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Палембангъ мы поселились въ строящейся колоніи около нефтяного предпріятія ¹⁾, лежащей на берегу

¹⁾ Въ вышеупомянутомъ мѣстечкѣ Муара Плядію.

Муси, верстахъ въ шести ниже города. Просторный деревянный домъ съ прилегающими къ нему службами, отведенный въ наше распоряженіе, стоялъ на столбахъ на самомъ берегу рѣки и былъ окруженъ огороженнымъ мѣстомъ, на которомъ мы сами развели садъ.

Нанявъ нѣсколько кули, я велѣлъ имъ выкопать и принести изъ окружавшаго наше поселеніе съ трехъ сторонъ лѣса нѣсколько пинанговыхъ пальмъ да изъ города достать 5—6 различныхъ кустарниковъ, а по забору рассадилъ десятка четыре ананасовыхъ кустовъ. Впослѣдствіи мои сослуживцы, жившіе внутри острова ¹⁾, присылали мнѣ молодыя деревца различныхъ породъ. Посадивъ это, я предоставилъ остальное природѣ, заставляя только изрѣдка подметать сухіе листья и подрѣзать разрастающуюся траву. Въ Нидерландской Индіи существуетъ обычай садовыя растенія сажать не въ грунтъ, а въ деревянныя кадки; садъ по индійскому состоитъ, такимъ образомъ, изъ гладко убитаго пескомъ мѣста, на которомъ разставлены большія и малыя кадки съ различными растеніями. Дѣлается это главнымъ образомъ ради экономіи, ибо всѣ растенія въ кадкахъ и горшкахъ при всякомъ переѣздѣ или отѣздѣ—продаются за хорошую цѣну, тогда какъ растенія въ грунтѣ продавать не принято. Находя такой садъ весьма некрасивымъ, мы рѣшили не подчиняться, этому обычаю и сажали все въ грунтъ. Уже года черезъ два у насъ составилъ очень разнообразный и красивый садикъ ²⁾.

Жизнь нашу мы должны были устроить вполне по-индійски, приравливаясь къ климату и къ жизни окружающихъ лицъ. Быстро научившись объясняться по-малайски, мы могли взять малайскую кухарку и такую же няню ³⁾ для ребенка.

Кухарка варила намъ неизмѣнно каждый день къ 12 часамъ рисовый столъ, а вечеромъ какой-нибудь супъ и жаркое. Слуга пе-

¹⁾ На промыслахъ, отстоящихъ отъ Палембанга на 100 верстъ въглубь Суматры.

²⁾ Приведу краткій перечень наиболѣе интересныхъ растений нашего сада. Вѣрныя пальмы, посаженныя отводкомъ и достигшия въ 2½ года 5 аршинъ и полной правильной кроны; пинанговыя пальмы; ананасъ; кофейныя деревья; пальма съ трехугольными листьями, выращенная изъ горшка и достигшая 5 арш. высоты; хлѣбное дерево, по-малайски сукунъ; кассава, *Solanum Grandifolium*, огромный кустъ съ крупными голубыми цвѣтами, жасминъ (карликъ); кокосовыя пальмы, выращенныя изъ орѣховъ; рамбуттанъ; бензоа, дающій бензойную смолу; фикусъ; сиркайя; нѣсколько разновидностей апельсиновыхъ кустовъ, выращенныхъ изъ косточекъ и достигшихъ 2 арш. въ высоту; дынное дерево, выращенное изъ косточекъ, достигшее 3 арш. и снабжавшее насъ своими вкусными плодами. Посреди сада я посадилъ крупный круглый кустъ, купленный мной у китайца за 2 р. и называющійся въ Индіи повсемѣстно кембангъ сепату, т. е. цвѣтокъ-сапожки. При нѣкоторомъ уходѣ кустъ этотъ сохраняетъ совершенно правильную круглую форму, и длинныя тонкія висячія вѣтви съ мелкими листиками бывають покрыты ярко-красными цвѣтами, висящими внизъ наподобіе сережекъ.

³⁾ По-малайски «бабу».

Дынное дерево (папайя).

измѣнно старался какъ можно меньше мести и вычищать, удѣляя какъ можно больше времени сну и флирту. Въ пять часовъ обыкновенно оканчивалась дневная работа, и всѣ служащіе спѣшили по домамъ—купаться, а по мѣстному это значило обливаться съ головою водою изъ рѣки въ особо устроенныхъ для того закрытыхъ купальняхъ; это единственный способъ купанья, распространенный въ Индіи, и ему подвергаются не менѣе двухъ разъ въ день, а любители и чаще. Послѣ этого, надѣвъ легчайшій домашній неглиже, вы спѣшите домой пить чай и отдыхать въ домашнемъ кругу. Въ шесть часовъ уже темно, и дома освѣщаются. Семь часовъ вечера—это время вечернихъ визитовъ. По правиламъ общежитія желающій сдѣлать вамъ визитъ обязанъ извѣстить васъ о томъ письменно заблаговременно, чтобы вы могли успѣть ему отвѣтить, что вы «будете очень рады его видѣть и пр.» или, наоборотъ, что «вы сегодня, къ крайнему вашему сожалѣнію, не можете и пр.». Зная, что въ извѣстный день ожидается визитъ, хозяйка и хозяинъ дома спѣшаютъ къ семи часамъ пріодѣться. Дамы одѣваются въ приличное европейское платье, конечно, тонкое, а мужчины или въ чистый бѣлый пижамный костюмъ, какой повсемѣстно носятъ подъ тропиками, или даже въ черную пару. Пришедшихъ въ гости угощаютъ лимонадомъ со льдомъ или пивомъ, а дамъ также портвейномъ или мадерой. Часовъ въ 8 или не позднѣе 8^{1/2} вечера гости спѣшаютъ уходить домой; каждый идетъ къ себѣ обѣдать. Тамъ, гдѣ желаютъ соблюсти этикетъ, въ особенности въ большихъ городахъ среди высшихъ чиновниковъ и военныхъ, распространенъ обычай, что уходить съ визита долженъ старшій по чину, и это часто даетъ поводъ къ прекуръезнымъ недоразумѣніямъ. То общество, въ которомъ жили мы, было небольшое и замкнутое, а потому чиновочитаніе было совершенно устранено и при болѣе короткомъ знакомствѣ мы даже перестали извѣщать другъ друга письменно о желаніи прійти вечеромъ посидѣть вмѣстѣ.

По воскресеньямъ мы часто проводили послѣобѣденное время годъ нашимъ домомъ; тамъ было сравнительно прохладно ¹⁾. Туда приносились покойныя плетенныя кресла, и мы съ женою обыкновенно что-нибудь читали, а сынъ нашъ тутъ же игралъ на пескѣ со своей няней и ея дочкой.

Между нашимъ поселеніемъ и городомъ по берегу Муси находятся нѣсколько плавучихъ фабрикъ саго; но я долженъ оговориться, что слово фабрика можетъ быть употреблено здѣсь развѣ ради ироніи, ибо врядъ ли терминъ этотъ примѣнимъ къ четверугольному плоту, на которомъ на четырехъ столбикахъ укрѣплена крыша изъ атапа и подъ этимъ навѣсомъ разбросано нѣсколько пле-

¹⁾ Около 24° по Реомюру.

теньхъ матовъ, на которыхъ часто можно видѣть бѣлое сохнувшее саго.

Саго, какъ извѣстно, добывается изъ ствола нѣкоторыхъ дико-растущихъ на Суматрѣ пальмъ; выработка саго производится слѣдующимъ образомъ. Туземецъ отправляется, конечно, на своемъ прау¹⁾ въ лѣсъ, облюбовываетъ себѣ толстую саговую пальму, срубаетъ ее, обрубаютъ вѣтви, оставляя себѣ только среднюю часть ствола, и сплавляетъ ее въ такомъ видѣ на свою «фабрику». Здѣсь стволъ прежде всего распиливается вдоль пополамъ, и затѣмъ при помощи особой кирки, сдѣланной изъ сухого куска бамбука съ ручкой, выдалбливается изъ ствола его сердцевина, и получающаяся мягкая желтая рыхлая масса тщательно собирается на разложенныя циновки. Масса эта и содержитъ саго совместно съ значительнымъ количествомъ волоконъ. Вся эта масса размачивается въ водѣ и затѣмъ протирается ногами сквозъ сита на слѣдующій рядъ циновокъ. Протертая часть сушится и цвѣтъ ея выходитъ нѣсколько бѣлѣ первоначальной массы; операція протиранія и сушки повторяется нѣсколько разъ, и въ концѣ концовъ получается бѣлая мука. Въ такомъ видѣ саго это скупается китайскими купцами, которые его отправляютъ въ Сингапуръ²⁾, а оттуда оно экспортируется въ Европу, гдѣ уже подвергается очисткѣ и обработкѣ прежде, чѣмъ поступить въ продажу.

Мимо нашего дома вдоль рѣки часто проплывали туземныя лодки съ цѣлыми семействами, ѣдущими на рыбную ловлю или съ какой-нибудь иною цѣлью. Черезъ нѣкоторое время мы пріучились различать малайцевъ по роду ихъ занятій: просто ли рабочихъ, ѣдущихъ на заводъ, или ихъ родственниковъ изъ сосѣднихъ кампонговъ³⁾, или же рыбаковъ, торговцевъ фруктами или инымъ товаромъ,—у каждаго были свои отличія въ костюмѣ и обстановкѣ. Часто, напримѣръ, проплываетъ большое, тяжело нагруженное прау. Задняя часть его тщательно закрыта отъ дождя непроницаемой атаповой крышей. Изъ-подъ нея слышится пискъ дѣтей и часто выглядываетъ малайка, кормящая грудью ребенка. По серединѣ прау самъ хозяинъ и его старшій сынъ, стоя, молча, медленно, но методически гребутъ длинными веслами. На передней части навалены въ особой загородкѣ бананы или сложены цѣлыя правильныя пачки атапа, которыя изготовляются въ лѣсу всѣмъ семействомъ и отвозятся въ городъ на продажу. На самомъ носу престарѣлая бабушка или молодая дочь готовятъ обѣдъ въ котелкѣ, висѣщемъ

¹⁾ Лодочкѣ.

²⁾ Ежегодно изъ Нидерландской Индіи вывозится въ Европу до 700.000 п. саго.

³⁾ Деревень.

надъ глинянымъ кузовомъ, въ которомъ догорають почернѣвшія головешки. А на крышѣ лодки всегда торжественно возсѣдаетъ огромный красавецъ-пѣтухъ, общій любимецъ семьи. Весла себѣ скрипятъ, и лодка еле-еле, но все же мѣрно подвигается впередъ, и всѣ какъ будто дремлютъ. Какая мирная идиллія! Какой замкнутый міръ! Здѣсь на лодкѣ они рождаются, здѣсь проходитъ вся ихъ жизнь, здѣсь же они и умирають отъ естественной старости.

Въ виду присутствія почти повсюду въ Индіи огромнаго количества комаровъ, которыхъ тамъ величаютъ москитами, хотя по наружности это самые обыкновенные комары, всѣ постели снабжены кисейными пологами, по-малайски *клямбу*, которые на ночь тщательно подтыкаются. Самыя кровати же дѣлаются въ Индіи огромныхъ размѣровъ въ длину и ширину, такъ что, когда заберешься подъ клямбу, какъ будто въ особую комнату попалъ, и на постели можно и слѣдуетъ лежать растопыря ноги и руки, чтобы менѣе страдать отъ жары. И то душно дѣлается и, лежа безъ движенія, все же обливаешься потомъ и такъ и спишь себѣ въ расплавленномъ состояніи до утра!

Тропическіе фрукты часто служатъ темой для описанія со стороны путешественниковъ. Я ограничусь поэтому лишь тѣми, которые составляли нашъ ежедневный десертъ.

Ананасъ извѣстенъ всѣмъ; въ Индію онъ былъ привезенъ изъ Америки и садится повсемѣстно какъ овощъ въ садахъ и огородахъ. Онъ любитъ тѣнь и поэтому его обыкновенно сажаютъ въ тѣни пальмъ или подъ другими деревьями. Различаютъ два сорта. Одинъ простой, вѣроятно, дикій—кисловатъ, водянистъ и мало ароматиченъ; другой называется «анасъ богоръ», т. е. ананасъ изъ Бейтензорга¹⁾, и онъ сладокъ и ароматиченъ. Цѣна лучшаго сорта 6—7 копеекъ за штуку, а простого 2—3 копейки. Мы обсадили нашъ садъ вдоль забора отводками ананаса культивированнаго и черезъ годъ уже имѣли постоянно десертъ изъ собственнаго сада. Другой фруктъ, которымъ мы часто лакомились, это плоды дыннаго дерева (*Carica papaya*)—по-малайски «папайя».

Это невысокое дерево несетъ на верхней части ствола 30—40 плодовъ величипой съ дыню, созрѣвающихъ поочередно, такъ что почти каждый день можно снимать 1—2 плода.

Внутри папайи находится много мелкихъ, круглыхъ черныхъ косточекъ; если ихъ вычистить, то по бокамъ остается свѣже-оранжевое сладковатое мясо. Вкусъ мяса довольно пріятный, но особенно важно то, что плодъ содержитъ въ себѣ пепсинъ, благодаря чему имѣетъ чрезвычайно полезное вліяніе на пищевареніе.

¹⁾ Туземцы называютъ Бейтензоргъ—«*Богоръ*».

Есть еще два фрукта, сходные только по названію и несходные ни въ чемъ остальномъ: манга и мангисъ. Первый—плодь дерева, достигающаго огромныхъ размѣровъ.—*Mangifera indica*,—вырастающаго изъ продолговатой косточки вершковъ 2—3 въ длину. Кто

Убитый крокодилъ.

ходилъ на океанскихъ пароходахъ, тому часто случалось видѣть фокусъ выращиванія изъ сѣмени деревца, продѣлываемый индусами къ развлеченію пассажировъ, въ особенности новичковъ. Для этого берется именно косточка манга. Фруктъ же самый представляетъ

собою зеленое яблоко величиной съ большой кулакъ. Мясо его ярко-желтое, а внутри сидитъ одна косточка. Вырѣзать мясо очень трудно, ибо оно скользкое, но кому это удастся, будетъ вполне вознагражденъ его сладкимъ ароматнымъ вкусомъ. Въ кожѣ фрукта содержится, однако, скипидаръ и часто пренепрятно попадаетъ его немного въ ротъ.

Мангисъ—плодъ кустарника—*garcinia mangostina*; плоды его величиной съ небольшое яблоко темно-фіолетоваго цвѣта. Если его надавить, то сухая и толстая кожа его сама отваливается, и внутри остаются 4—6 косточекъ, окруженныхъ бѣлою кислотою съѣдобною массою. Мангисовъ можно съѣсть необычайно много, выплевывая, конечно, самыя косточки.

Вкуснымъ и питательнымъ кушаньемъ служили намъ бананы, по-малайски пизангъ. Это плоды банановаго дерева (*Musa sapientum*), родина котораго Зондскіе острова, но которое распространилось уже по всей тропической и субтропической зонѣ земли. На Зондскихъ островахъ банановыя деревья дикорастущія встрѣчаются повсюду въ лѣсахъ, но, кромѣ того, они культивируются и составляютъ, вмѣстѣ съ кокосовою пальмою, необходимую принадлежность всякаго поселенія.

Банановыя деревья съ ихъ длинными узкими развѣсистыми листьями не высоки. Когда отцвѣтаетъ банановый цвѣтокъ, темно-красный, величиной съ кулакъ, начинаютъ развиваться плоды и ко времени зрѣлости образуютъ кисть изъ 40—50 плодовъ, тѣсно сидящихъ одинъ около другого. Каждый бананъ представляетъ узкій зеленый цилиндрическій фруктъ длиной вершка 3—4; кожа его легко отдѣляется, и внутри остается блѣдно-желтое мучнистое сладковатое мясо безъ всякихъ косточекъ. Бананы съ дикорастущаго дерева не вкусны и служатъ пищею однимъ лишь обезьянамъ; культивированныхъ банановъ имѣется безконечное количество сортовъ, отличающихся величиною отъ вершка до полъаршина, цвѣтомъ мяса—отъ бѣлаго до оранжеваго и вкусомъ плода—отъ вяжущаго кислотоваго до сладкаго, тающаго во рту. Малайцы даютъ разнымъ сортамъ и разныя имена: молочныя, царскія, бѣлыя и пр. Бѣсть ихъ можно во всякое время ѣды, одни или съ сыромъ, или съ сахаромъ; нѣкоторые сорта очень вкусны жареные ломтиками въ маслѣ на сковородкѣ.

Бананы истребляются малайцами и европейцами въ огромныхъ количествахъ; особенно до нихъ лакомы дѣти, для которыхъ они составляютъ главную пищу. Нашъ ребенокъ очень скоро вошелъ во вкусъ банановъ и любилъ ихъ ужасно, предпочитая всякой другой пищѣ.

Но изъ всѣхъ фруктовъ Индіи самымъ оригинальнымъ, безспорно является дуріанъ, плодъ огромнаго дерева, которымъ лакомятся, однако почти исключительно обезьяны и туземцы. Огромные зеле-

ные плоды его величиною и формою съ мутаку падаютъ внизъ или во время срѣзаются счастливыми обладателями.

Когда ихъ взрѣзаютъ, то отъ нихъ распространяется ужасная, неопикуемая вонь. Внутреннее мясо плода пѣжно и вкусно, но вонь невыносима, и послѣ ѣды долго остается такая же отрыжка. Когда нанимаютъ прислугу, то обыкновенно ставятъ условіемъ, чтобы она не ѣла дуріану. Достаточно добавить, что когда мимо нашего дома проѣзжала по рѣкѣ лодка, нагруженная дуріанами, то въ домѣ приходилось носъ зажимать.

Въ общемъ относительно тропическихъ фруктовъ мы пришли къ заключенію, что какъ ни оригинальны и интересны они, сами по

Молодой тапирь.

себѣ, они все-таки значительно уступаютъ по вкусу и аромату культивированнымъ фруктамъ умѣренной зоны. Это и понятно, ибо фрукты Индіи еще мало культивированы, они еще почти дикіе, и не подлежатъ сомнѣнію, что путемъ упорной культуры и подбора можно значительно повысить ихъ полезныя и вкусовыя свойства.

Проѣзжая на прау или на баркасѣ по Муси, мы очень часто видѣли торчащую изъ воды голову крокодила или чешуйчатую спину его, еле рябющую гладкую поверхность рѣки и которую можетъ замѣтить издали одинъ лишь опытный глазъ туземца. Крокодиловъ туземцы не особенно боятся, и даже дѣти, какъ я уже упоминалъ, постоянно купаются въ рѣкѣ, и случаи несчастія съ ребен-

комъ, котораго бы унесъ крокодилъ, чрезвычайно рѣдки. Но все-таки слово «бувайя»¹⁾, вмѣстѣ съ другимъ, еще болѣе страшнымъ словомъ «матьянъ»²⁾, служить у малайцевъ устрашеніемъ, и малайскія «бабу»³⁾ охотно пугаютъ ими капризныхъ дѣтей.

Если европеецъ хочетъ поохотиться на крокодиловъ,—занятіе, кстати сказать, совершенно безцѣльное, такъ какъ пользы отъ такой охоты никакой не получается,—то обыкновенно двое охотниковъ (ибо ѣхать одному черезчуръ скучно), запасшись хорошими ружьями, нанимаютъ малайца съ длиннымъ туземнымъ прау и плывутъ вдоль берега Муси или его притоковъ, стараясь выискивать тихія, укромныя мѣста.

Здѣсь-то, около самаго уровня воды, въ особенности во время отлива, часто можно застать крокодиловъ, отдыхающихъ на песчкѣ, и удается подплыть къ нимъ шаговъ на 20. Какъ только раздается выстрѣлъ, крокодилъ, раненый, а иногда просто испуганный, потревоженный среди своихъ сладкихъ грезъ, подпрыгиваетъ и исчезаетъ въ водѣ. Этимъ удовольствіе и кончается, но если выстрѣлъ былъ мѣтокъ и рана смертельна, то тѣло убитаго чудовища вскорѣ всплываетъ на поверхность воды.

Малайцы рѣдко охотятся на крокодила; развѣ лишь тогда, когда они имѣютъ въ виду его утилизировать. Такъ, въ нашей заводской колоніи было насъ первое время немало, свѣже пріѣхавшихъ изъ Европы, и мы, понятно, интересовались всѣмъ, что носило на себѣ мѣстный отпечатокъ. Зная это, какой-то малаецъ привезъ намъ однажды живого крокодила, пойманнаго имъ при помощи петли изъ ротанга, которую онъ ловко накинулъ спящему чудовищу на носъ и, затянувъ ее, затѣмъ перевязалъ ему и лапы, несмотря на его сопротивленіе.

Привезенный экземпляръ имѣлъ 8 аршинъ въ длину. Мясо крокодиловъ даже малайцы не ѣдятъ, и только изъ какой-то части его тѣла готовится лекарство.

Когда вода въ рѣкѣ поднимается и заполняетъ прибрежные лѣса, крокодилы пробираются вмѣстѣ съ водою далеко вглубь джунгля и тамъ охотятся на обезьянъ, которыя составляютъ ихъ любимую пищу. Туземцы рассказываютъ, что обезьяны чувствуютъ передъ крокодиломъ паническій ужасъ и если только крокодилу удастся подползти поближе къ обезьянѣ, то отъ его взгляда обезьяна теряетъ самообладаніе, падаетъ съ дерева и становится его добычей. Въ лѣсахъ, окружающихъ Палембангъ, обезьянъ водится очень много, и намъ часто приходилось видѣть ихъ цѣлыми стаями.

¹⁾ Крокодилъ.

²⁾ Тигръ.

³⁾ Наяя.

Однажды мы поѣхали утромъ прокатиться въ маленькой лодочкѣ по одному изъ притоковъ Муси. Берега были густо заросши кустами, свѣшивающимися въ воду. И здѣсь-то мы встрѣтили много обезьянъ; онѣ, очевидно, въ это время дня шли пить къ водѣ и, будучи остановлены нашимъ приближеніемъ, преспокойно себѣ покачивались на кустахъ, выжидая, пока мы проѣдемъ.

Къ чести малайцевъ надо сказать, что они обезьянъ не убиваютъ, но зато иногда ловятъ ихъ и продаютъ любителямъ держать ихъ дома на цѣпочкѣ. Есть европейцы, которые держатъ ихъ по нѣскольку штукъ у себя дома, но я, признаюсь, никогда не могъ понять этого удовольствія. Интересно и поучительно наблюдать вся-

Группа малайцевъ.

кое животное на свободѣ, въ свойственной ему обстановкѣ, но въ неволѣ его и жалко, и жди отъ него только непріятности. Что касается обезьянъ въ частности, то имѣть ихъ въ семейномъ домѣ и небезопасно, ибо обезьяна иногда злится безъ видимой причины и въ моментъ злобы можетъ страшно искушать ребенка, съ которымъ она иногда дружески играла долгое время.

Проѣзжая на паровомъ баркасѣ по Муси неподалеку отъ Палембанга, намъ случилось разъ быть свидѣтелями оригинальнаго явленія природы. Дѣло было рано утромъ. Неподалеку отъ берега, среди густого, но низкорослаго кустарника возвышалось одиноко огромное густое дерево. Малайцы указывали намъ на него еще издали,

говоря, что навѣрно на немъ много обезьянъ, которыя здѣсь обыкновенно ночуютъ и теперь еще не успѣли отправиться въ лѣсъ на добычу. Въ густой листвѣ дерева различить обезьянъ было, однако, невозможно, и мы уже стали думать, что ихъ тамъ нѣтъ, но вдругъ нашъ баркасъ далъ свой рѣзкій свистокъ, и въ тотъ же моментъ съ дерева посыпался внизъ буквально цѣлый дождь изъ обезьянъ, въ испугѣ искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ!

Что касается различныхъ видовъ водившихся около насъ обезьянъ, то навѣрно ихъ было съ десятокъ ¹⁾, если не больше, потому что приходилось видѣть черныхъ, сѣрыхъ и бѣлыхъ, большихъ и маленькихъ, хвостатыхъ и почти безхвостыхъ. Со словъ мѣстныхъ европейцевъ, мы знаемъ, что на Суматрѣ встрѣчаются много разновидностей гиббоновъ ²⁾, черные безхвостые сіаманги ³⁾ и бѣлый «сампай» ⁴⁾.

Однажды принесли къ намъ продавать пойманнаго въ лѣсу молодого тапиренка ⁵⁾, которому было не болѣе двухъ мѣсяцевъ отъ роду. Его черное тѣло было покрыто сплошь бѣлыми пятнышками и не имѣло еще характернаго для индѣйскаго тапира бѣлаго сѣдла на спинѣ, которое появляется у него въ возрастѣ около 6 мѣсяцевъ.

Постараюсь теперь сдѣлать характеристику малайцевъ, какъ народа вообще, руководствуясь въ этомъ случаѣ личнымъ опытомъ, почерпнутымъ какъ на прислугѣ, такъ и на рабочихъ управляемаго мною завода. Малайцы называютъ себя «орангъ малайю», что означаетъ въ буквальномъ переводѣ «странствующій человекъ», и собственно подъ малайцами слѣдуетъ подразумѣвать выходцевъ съ Малаккскаго полуострова, которые уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ поселились во многихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ Суматры, Борнео, малыхъ острововъ и отчасти и Явы, отчасти отгѣснивъ коренныхъ жителей вглубь страны, отчасти смѣшавшись съ ними. Но на Явѣ, гдѣ коренное населеніе — яванцы, сунданезы — густо и сравнительно культурно, собственно малайцы не привились и вскорѣ ассимилировались съ мѣстнымъ туземнымъ населеніемъ; другое дѣло на Суматрѣ и Борнео. Здѣсь мѣстное населеніе было рѣдко и дико, менѣе культурно, чѣмъ малайцы, и поэтому малайцы упрочились и размножились, а дикіе народцы частью ассимилировались съ малайцами, частью ушли вглубь страны и живутъ

¹⁾ Въ глубинѣ Суматры водится и крупнѣшая изъ обезьянъ Азіи—*орангъ-утангъ*, но въ окрестностяхъ Палембанга ихъ уже нѣтъ и намъ пришлось видѣть только прирученные экземпляры.

²⁾ *Hylobates*.

³⁾ *Hylobates syndactylus*.

⁴⁾ Слово туземное.

⁵⁾ *Tapirus indicus*.

Батаки.

совершенно отдѣльной жизнью — таковы на Суматрѣ батаки, кубу и др., а на Борнео — даяки. Объ этихъ народцахъ я скажу нѣсколько словъ впоследствии. Теперь же вернусь къ собственно малайцамъ.

Главную характерной чертой малайца является, несомнѣнно, его непосредственность. Малаецъ, какъ дитя, цѣнитъ всего болѣе ближайшія, непосредственныя блага жизни и ими онъ не поступится ни за какую идею, ни ради достиженія какихъ-либо болѣе отдаленныхъ цѣлей. Вкусный обѣдъ, семейная жизнь, любовь къ дѣтямъ, въ крайнемъ случаѣ красивая саронга или пара блестящихъ колець — вотъ тотъ міръ стремленій и идеаловъ, въ которомъ живутъ эти люди! Хотя малайцы имѣютъ очень значительное количество школъ, гдѣ учителя изъ малайцевъ же учатъ ихъ родному языку, арабскому языку и нѣкоторымъ началамъ наукъ, но все это даетъ имъ весьма небольшое развитіе; даже голландскаго языка они, напримѣръ, въ школахъ не изучаютъ вовсе. Хотя въ Нидерландской Индіи существуетъ нѣсколько мужскихъ и женскихъ гимназій, но туда поступаютъ дѣти или европейцевъ, или смѣшанныхъ браковъ, т.-е. европейцевъ съ малайскими женщинами; дѣти эти пользуются въ Индіи всѣми правами европейцевъ и часто отправляются въ Европу, получаютъ тамъ высшее образованіе и послѣ этого занимаютъ высокое служебное положеніе. Но дѣти чисто малайцевъ высшаго да и средняго образованія почти не получаютъ и остаются поэтому на очень низкомъ уровнѣ культуры. Малаецъ часто бываетъ добродушенъ и незлобивъ, съ дѣтьми, даже чужими, они обходятся ласково, что показываетъ доброе сердце. Малаецъ любитъ похитрить въ обращеніи съ европейцемъ, если думаетъ, что онъ хитростью можетъ получить какія-нибудь льготы, но, выведенный на свѣжую воду, онъ самъ первый улыбнется, а то и разсмѣется своей хитрости. Въ отношеніи европейцевъ у малайцевъ воспитана невозможность отказывать или сопротивляться желанію европейца; посему, напримѣръ, если вашъ слуга хочетъ отъ васъ уйти, онъ никогда вамъ этого не скажетъ, а начнетъ разговоръ въ такомъ родѣ:

- Туанъ, позвольте мнѣ пойти?
- Куда? что случилось?
- У меня отецъ умеръ въ деревнѣ, надо его похоронить.
- И скоро ты вернешься?
- Да, ужъ, право, не знаю...

На первое время мы принимали это за чистую монету, но вскорѣ узнали, въ чемъ дѣло, въ особенности, когда у одного и того же отецъ умиралъ уже не первый разъ. Потомъ мы такъ научились понимать ихъ мысли, что бывало является субъектъ и начинаетъ мяться и жаться.

- Ну, что, — спросишь: — опять у тебя отецъ умеръ?

Дикари съ острова Сиберуть.

Малаецъ улыбается и, скрѣпя сердце, начнетъ излагать суть своей просьбы.

Малайцы очень *самолюбивы* и привязчивы. Доброе и гуманное къ себѣ отношеніе они ужасно цѣнятъ, привязываются къ такому человѣку и ему готовы оказать тысячу услугъ. Европейца, относящагося къ нимъ грубо и презрительно, они боятся и ненавидятъ. Къ чести голландцевъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что они относятся къ малайцамъ хорошо, гуманно—какъ къ дѣтямъ, которыхъ надо держать строго, но съ которыми нельзя и дурно обращаться. Индійское законодательство чрезвычайно строго наказуетъ всякую обиду, тѣлесную или иную, нанесенную европейцемъ туземцу, и благодаря этому туземцы, а въ частности и малайцы, чувствуютъ свои гражданскія права.

Нѣкоторая лживость, несомнѣнно, присуща малайской расѣ, но эта лживость есть средство слабого противъ сильнаго, и обыкновенно европеецъ видитъ ее насквозь. Что касается воровства, то оно развито чрезвычайно слабо. Такъ, въ теченіе почти 4-лѣтняго житья около Палембанга у насъ перебывало немало прислуги и никогда воровство не шло далѣе сахара и сливочнаго масла.

Случаи убійства и грабежа также чрезвычайно рѣдки. За время нашего житья въ Индіи былъ только одинъ случай, когда поранили европейца, и то это было не частное лицо, а полицейскій чиновникъ, посланный разслѣдовать и арестовать виновныхъ въ похищеніи ящика съ деньгами. Убійства между туземцами случаются нерѣдко, и почти всегда причиною служитъ любовь и ревность, вызванная ею. На этотъ счетъ малайцы чрезвычайно слабы, и драмы любви у нихъ столь же часты, какъ и въ любомъ городѣ Европы. Коварный богъ Амуръ не боится ни жары, ни сырости климата и преисправно пускаетъ и подъ тропиками свои опасныя стрѣлы.

Но какъ ни смиренъ и добродушенъ малаецъ по натурѣ своей, а и у него прорывается иногда, правда, очень рѣдко, какое-то дикое, неудержимое бѣшенство. Малаецъ способенъ долгое время терпѣть обиду, несправедливость, даже притѣсненія отъ своего ближняго или мучиться муками оскорбленной любви, но иногда онъ впадаетъ въ бѣшенство и тогда, схвативъ первое попавшееся подъ руку оружіе, онъ мчится по улицѣ и убиваетъ безъ разбора перваго встрѣчнаго, пока его самого не обезоружатъ. Явленіе такого дикаго бѣшенства называется на туземномъ нарѣчій «амокъ», и въ деревняхъ существуетъ обычай, въ силу котораго появленіе амока возбуждается тревогой, и тогда каждый имѣетъ право убить бѣшенаго безо всякой за то отвѣтственности.

Слѣдуетъ отмѣтить также чрезвычайную чистоплотность малайцевъ. Вода—ихъ вторая стихія.купаются они безконечное число разъ въ день, купаются, кстати сказать, всегда прилично одѣтые, и

послѣ купанья надѣваютъ сухія одежды. Несомнѣнно, что любовь къ водѣ врожденная и унаслѣдованная, и обычай часто купаться въ рѣкѣ или за отсутствіемъ мѣста для купанья—обливаться водою имѣетъ огромное гигиеническое значеніе для всего народа.

Въ заключеніе характеристики малайцевъ упомяну также о томъ, что малайцы стыдливы и благопристойны какъ въ костюмахъ своихъ, такъ и въ разговорѣ, а малайскія женщины опередили въ этомъ отношеніи яванокъ, соблюдая въ костюмѣ болѣе приличія и скромности.

Словомъ, благодаря добродушію и незлобивости туземцевъ, европеецъ чувствуетъ себя въ Нидерландской Индіи свободно и можетъ безопасно исходить всю Яву и многія области Суматры и другихъ острововъ, не подвергаясь какому бы то ни было риску. Исключеніе составляютъ, конечно, мѣстности, завѣдомо населенныя дикими народцами.

Самая сѣверная часть Суматры носить названіе Атье ¹⁾ (или Атчинъ ²⁾). Здѣсь только недавно окончилась упорная война, длившаяся около 30 лѣтъ, война индійскаго правительства съ храбрымъ горнымъ малайскимъ народцемъ—атчинцами, которые, подстрекаемые фанатизмомъ арабовъ, всеми способами противились распространенію голландскаго владычества на ихъ территорію. Только года два тому назадъ атчинцы усмирились и перешли на положеніе мирныхъ обывателей ³⁾.

Южнѣе Атье въ глубинѣ острова находится плоскогоріе, расположенное вокругъ озера Тоба. Эта область еще и понынѣ населена дикими батаками, людоедами. Въ 80-хъ годахъ ихъ посѣтилъ отважный австрійскій путешественникъ баронъ Бреннеръ, въ книгѣ котораго очень подробно описанъ бытъ батаковъ и полное опасностей путешествіе автора въ области озера Тоба. Въ 90-хъ годахъ землю батаковъ посѣтилъ русскій авантюристъ К., искавшій тамъ золота и драгоценныхъ камней. Навлекши на себя гнѣвъ туземцевъ грубостью своего обращенія, К. подвергался серьезной опасности быть съѣденнымъ; господа батаки весьма недвусмысленно скалили зубы на корпулентное тѣло К., и спасся онъ только благодаря изворотливости своего помощника и проводника, который отчасти подарками, отчасти угрозами мщенія со стороны индійскаго правительства, успѣлъ склонить на свою сторону вожда ба-

¹⁾ По голландскому наименованію.

²⁾ Согласно произношенію англійскому.

³⁾ Главный городъ Атье называется Кота-раджа, лежитъ на самой сѣверной оконечности острова и насчитываетъ до 5.000 жит., въ томъ числѣ 200 европейцевъ.

таковъ, и пока тотъ уговаривалъ своихъ сельчанъ, европейцы со своими носильщиками, побросавъ почти весь багажъ свой, успѣли бѣжать, предательски разрушивъ, по совѣту вождя, бамбуковый мостикъ черезъ бушевавшій потокъ и тѣмъ предупредивъ возможность быстрой погони за ними батаковъ.

Южнѣ Атье, вдоль восточнаго и западнаго побережья Суматры, расположены двѣ сравнительно культурныя области, именуемая: резиденція восточнаго побережья и резиденція западнаго побережья. Первая имѣетъ своимъ главнымъ городомъ Меданъ ¹⁾; черезъ него проходитъ желѣзная дорога, имѣющая около 100 верстъ въ длину. Здѣсь центръ табачныхъ плантацій и нефтяной промышленности сѣвера Суматры. Область эта, называемая иначе Дели, одна изъ самыхъ культурныхъ частей острова. Резиденція западнаго побережья тянется по берегу Индѣйскаго океана и имѣетъ своимъ главнымъ городомъ Падангъ ²⁾. Здѣсь беретъ свое начало горная желѣзная дорога, идущая вглубь страны на цѣлыя 200 верстъ и удивительно напоминающая по ландшафту нашъ Сурамскій переваль; тѣ же тоннели, тѣ же узкія ущелья, тѣ же мосты, перекинутые черезъ горныя рѣчки; и къ довершенію сходства и здѣсь тоже было наводненіе, разрушившее въ 1893 году путь на большое протяженіе и исковеркавшее мосты, считавшіеся несокрушимыми.

Около Паданга расположены богатые каменноугольныя копи Умбиліенъ, снабжающія топливомъ весь голландскій флотъ при его путешествіи изъ Индіи въ Европу. Къ югу отъ Паданга въ горахъ работаютъ нѣсколько золотопромышленныхъ предпріятій. Замѣчательно также, что туземное населеніе всѣхъ горныхъ мѣстностей, обладая общими характерными чертами, свойственными малайцамъ, отличается тѣмъ не менѣе большею энергіей и самостоятельностью, большею любовью къ независимости и меньшею покорностью, чѣмъ апатичные обитатели джунглевой полосы.

Южную, наиболѣе широкую часть Суматры занимаетъ резиденція Палембангъ, о которой здѣсь будетъ подробно изложено; самую же южную оконечность острова составляетъ резиденція Лампонгъ—одна изъ наименѣе промышленныхъ и воздѣланныхъ на всемъ островѣ. За послѣднія 10 лѣтъ въ Палембангѣ стала только развиваться нефтяная промышленность, да внутри острова стали понемногу заниматься разведеніемъ кофе, роттанга и другихъ растений.

Сѣвернѣе резиденціи Палембангъ лежитъ мало извѣстная и мало покоренная область Джамби. Мѣстный султанъ еще и сейчасъ ведетъ глухую борьбу съ индѣйскимъ правительствомъ, стараясь вслѣдствіе воспрепятствовать проникновенію европейцевъ и

¹⁾ 13.000 жителей, въ томъ числѣ 400 европейцевъ.

²⁾ 33.000 жителей, въ томъ числѣ 2.000 европейцевъ.

ихъ культуры въ предѣлы своей области. Правительство отчасти путемъ мирныхъ переговоровъ, отчасти путемъ военныхъ экспедицій упорно старается захватить въ свои руки всю эту обширную территорію, имѣющую площадь около 50,000 кв. верстъ. Кстати сказать, эти военныя экспедиціи не имѣютъ цѣлью убійство жителей или разореніе ихъ поселеній. Совсѣмъ напротивъ: посылаемые туда отряды заняты постройкой укрѣпленій, расчисткой дорогъ и изученіемъ мѣстности и только въ случаѣ нападенія со стороны дикихъ джамбійцевъ даютъ залпъ изъ ружей. Если вѣрять слухамъ, то Джамби чуть не самая богатая часть Суматры: нефть, многія руды, золото, камфарное дерево и другія сокровища въ изобилии находятся тамъ, по словамъ туземцевъ и тѣхъ немногихъ европейцевъ, которые отважились туда проникнуть, несмотря на враждебное отношеніе туземцевъ.

На границѣ султанства Джамби и резиденціи Палембангъ лежитъ небольшая область, обитаемая совершенно еще дикимъ народцемъ кубусами. Кубусы не воинственны, но пугливы; они прячутся даже отъ глазъ малайцевъ, которые имъ кажутся черезчуръ цивилизованными. Кубусы ходятъ голые, живутъ на деревьяхъ. Сношеніе ихъ съ внѣшнимъ міромъ ограничивается мѣною торговли, которую они производятъ слѣдующимъ образомъ. Принося свои мѣстныя произведенія, какъ-то: каучукъ, гуттаперчу, смолу бензоэ, фрукты и пр., они ставятъ ихъ на опредѣленное мѣсто и скрываются. Вслѣдъ за тѣмъ является покупатель въ лицѣ малайца или китайца и ставитъ на то же мѣсто предметы равноцѣнные по его оцѣнкѣ: мыло, бездѣлушки, браслеты, матеріи, и тоже уходитъ. Является кубусъ, и если онъ находитъ цѣну достаточною, то уноситъ эти предметы, оставляя свои продукты въ распоряженіи купившаго.

Съ запада Суматра окаймлена цѣлою цѣпью довольно крупныхъ острововъ, тянущихся верстахъ въ 100 отъ западнаго побережья. Таковы острова Баби, Ніасъ, Бату, группа острововъ Ментавей, группа острововъ Нассау, Энгано и другіе менѣе крупныя. Острова эти еще почти совершенно нетронуты культурою, и жители ихъ совершенно дики.

А. В. Рагозинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Анастасій, архієпископъ холмогорскій, его жизнь и труды въ связи съ исторіей холмогорской епархіи за первыя 20 лѣтъ ея существованія и вообще русской церкви въ концѣ XVII вѣка. Церковно-историческій очеркъ В. Верюжскаго. Спб. 1908. 8^о. Стр. I—VI+1—683. Цѣна 4 руб.

ОГДА скончался патріархъ Адрианъ, бояринъ Т. Н. Стрѣшневъ, начальникъ Разряда, писалъ Петру Великому: «Соборную церковь кому вѣдать изволишь?.. Прежде изволеніе твое было вѣдать Колмогорскому» (архієпископу Анастасію). Другой сподвижникъ Петра, извѣстный «прибыльщикъ» А. Курбатовъ, въ то же самое время давалъ царю совѣтъ повременить избраніемъ новаго патріарха, прибавляя, что «для временнаго въ духовныхъ управленія мнится многимъ добръ быти Холмогорскій». Матвѣевъ въ своихъ запискахъ называетъ Анастасія «мужемъ слова и разума зѣло довольнымъ», а иностранный путешественникъ Корн. Ле-Брюйишъ именуетъ его «человѣкомъ здраваго ума и любителемъ изящной литературы». Всѣ эти отзывы ясно говорятъ о томъ, какую выдающуюся личностью для своего времени былъ холмогорскій архієпископъ Анастасій. Но до сихъ поръ въ нашей литературѣ его біографія была посвящена только небольшая статья С. Постникова (въ «Странникѣ» 1866 года), и сочиненіе г. Верюжскаго уже по одному этому обстоятельству является весьма цѣннымъ трудомъ. Но новая и очень обширная біографія архієпископа Анастасія, которую авторъ скромно называетъ «очеркомъ», имѣетъ значеніе выдающейся церковно-исторической работы по обилію собраннаго въ ней матеріала изъ архивовъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ. Съ замѣчательной любовью къ изучаемой имъ личности и съ рѣдкою настойчивостью въ своихъ разысканіяхъ авторъ пересмотрѣлъ массу рукописнаго матеріала, разумѣется, не оставляя безъ вниманія и всего, уже извѣстнаго

ранѣ въ печати объ архіепископѣ Аѳанасіи. Результатомъ этихъ усилій и явилась громадная книга, которая займетъ видное мѣсто среди пособій при изученіи русской церковной жизни конца XVII вѣка, а для церковной исторіи Сѣвернаго края трудъ г. Верюжскаго надолго останется работой незамѣнимой.

Но, какъ показывается самое заглавіе книги, авторъ значительно осложнилъ свою основную задачу—дать біографію архіепископа Аѳанасія. Сообщивъ свѣдѣнія о первыхъ годахъ (1641—1682) жизни Аѳанасія (гл. I), г. Верюжскій далѣе описалъ церковно-административное и религіозное состояніе Двинскаго края до открытія холмогорской каѳедры (гл. II). Епархіальный же дѣятельности архіепископа Аѳанасія, въ связи съ состояніемъ приходо- и монастырей холмогорской епархіи, авторъ посвятилъ громадную III главу (стр. 62—486), которая своими размѣрами чрезчуръ нарушаетъ общую стройность сочиненія и содержитъ въ себѣ множество свѣдѣній, имѣющихъ къ личности Аѳанасія слишкомъ отдаленное отношеніе, хотя и довольно цѣнныхъ вообще для церковной исторіи Сѣвернаго края. Многія страницы этой главы напоминаютъ собою черновую тетрадь, и сырой матеріалъ въ нихъ явно преобладаетъ надъ изслѣдованіемъ. И для специалистовъ, и для людей, приступающихъ къ книгѣ съ общекультурными интересами, было бы гораздо пріятнѣе читать значительное количество документовъ въ видѣ особыхъ приложений къ книгѣ, чѣмъ упрощалась бы и самая цитация матеріаловъ. IV и V главы сочиненія, посвященныя общецерковной и государственной дѣятельности Аѳанасія, по части распредѣленія матеріала также не вездѣ отличаются строгою выдержанностью (въ отдѣлѣ общецерковной дѣятельности архіепископа Аѳанасія сообщается, напримѣръ, о такихъ его личныхъ и домашнихъ дѣлахъ, какъ снятіе портрета или безчинства домоваго ризничаго іеродіакона Ефрема). Глава VI, трактующая о книжно-литературныхъ интересахъ Аѳанасія, выиграла бы въ своихъ достоинствахъ, если бы въ ней объединенъ былъ весь матеріалъ, попавшій по частямъ въ другія главы. Невыгодныя стороны усвоенныхъ авторомъ приѣмовъ изслѣдованія, именнѣе недостатокъ методичности и частое отклоненіе въ сторону мелкихъ подробностей, особенно замѣтно сказались на самой интересной, заключительной главѣ книги, гдѣ г. Верюжскій даетъ общую характеристику личности Аѳанасія (гл. VII). Утомленная кропотливой работой надъ второстепенными деталями, мысль изслѣдователя не нашла красокъ для болѣе живого изображенія духовнаго облика изучаемаго дѣятеля, и общая характеристика Аѳанасія вышла у автора очень блѣдной, не говоря уже о чрезвычайной краткости этого отдѣла въ книгѣ г. Верюжскаго (675—680). Въ данномъ случаѣ авторъ не сдѣлалъ даже тѣхъ обобщеній, какія сами подсказываются его предыдущими изысканіями, и недостаточно рельефно обрисовалъ ту общую черту въ личности Аѳанасія, которую можно назвать «установностью» въ широкомъ смыслѣ этого слова. Рожденный въ глуши Сибири, въ незнатной, очень религіозной семьѣ, Аѳанасій въ ранніе годы жизни придерживался раскола, хотя уже и въ тѣ годы заявилъ себя выдающеюся книжностью. Сложившаяся въ такой обстановкѣ личность Аѳанасія впитала въ себя все лучшее и болѣе устойчивое, чѣмъ жила старая Русь. Но эти черты—религіозность, уваженіе къ отеческимъ преданіямъ, благоговѣніе предъ книгой, большая хозяйственная опытность и проч.,—всѣ эти черты въ личности Аѳана-

сія объединялись въ одномъ чувствѣ—выдающейся любви къ стройному укладу, порядку и «чину» во всѣхъ сторонахъ жизни. Съ наибольшею рельефностью эта черта духовнаго склада архіепископа Аѳанасія проявилась въ области интересовъ церковно-богослужебныхъ, которые въ древне-русской религіозной мысли и чувствахъ занимали такое выдающееся мѣсто. Въ этой сферѣ любовь Аѳанасія къ «чину» и «уставу» доходила до виртуозности, до стремленія всю область церковнаго обряда возвести на степень художественнаго стройнаго созданія. Стремленіе все «сотворить благохудожно», сказывавшееся и во всѣхъ подробностяхъ домашняго быта архіепископа Аѳанасія, естественно роднило его съ технической стороною западной культуры, располагало его цѣнить произведенія «высокаго заморскаго дѣла», какъ удовлетворявшія развитому эстетическому чувству холмогорскаго владыки. Но въ области мысли, религіозныхъ идей, Аѳанасій, несмотря на все его вниманіе къ Западу, остался всецѣло на почвѣ старой Руси, предостерегая въ своихъ сочиненіяхъ «чадь востока» отъ ученій, идущихъ съ «запада темномрачнаго». Вѣроятно, это послѣднее обстоятельство и побудило Петра Великаго, при избраніи мѣстооблостителя патріаршаго престола послѣ Адріана, предпочесть болѣе опытному въ церковныхъ дѣлахъ холмогорскому владыкѣ игумена Стефана Яворскаго, восходящее свѣтло кіевской учености...

Въ области мелкихъ подробностей можно бы указать на нѣкоторые пропуски, отъ которыхъ, конечно, не свободно даже самое исчерпывающее изслѣдованіе (напримѣръ, г. Верюжскимъ не отмѣченъ фактъ участія архіепископа Аѳанасія при торжественномъ освященіи (18 января 1685 года) церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ, начатой патріархомъ Никономъ и достроенной его почитательницей царевной Татьяной Михайловной; ср. *И. Шушерина*, извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона патріарха. Москва. 1871. Стр. 116). Но въ общемъ нельзя не повторить того, что книга г. Верюжскаго, какъ изслѣдованіе по преимуществу документальное, должна занять видное мѣсто въ нашей церковно-исторической литературѣ.

С. Н. Введенскій.

Иван Франко. Святій Климент у Корсуні. Причинок до исторіі старохристіянської легенди. Львовъ. Изъ «Записокъ Науковаго Товарищества имени Шевченка», томы 46, 48, 56, 59, 60, 66 и 68. Стр. XVII + 307.

Съ древнѣйшей письменностью связаны легенды о святомъ Климентѣ, о мощахъ его, перенесенныхъ изъ Корсуны въ Римъ Кирилломъ Словенскимъ и т. д. Интересный и почти неразработанный до сихъ поръ вопросъ этотъ получилъ новое освѣщеніе въ талантливомъ изслѣдованіи И. Франка. Къ сожалѣнію, напечатанное въ Галиціи по-украински, оно доступно сравнительно немногимъ, а между тѣмъ наблюденія, къ которымъ пришелъ авторъ, значительны. Прибавимъ еще, что въ отдѣльномъ изданіи многое измѣнено, прибавлено. Для того, чтобы судить о характерѣ этихъ измѣненій, достаточно сопоставить подзаголовки въ первоначальной и окончательной работахъ: «Къ исторіи древне-русской легенды» и «Къ исторіи древне-христіанской легенды», т. е. интересъ изслѣдователя направился, какъ видно, въ сторону сравнительнаго изученія, и въ этомъ заклю-

чается главное достоинство его работы, въ отдѣльномъ изданіи ея. Конечная цѣль изслѣдованія—выяснить историческую основу Климентовой легенды, особенно объ открытіи мощей Константиномъ Солунскимъ.

Въ предисловіи г. Франко очень осторожно говорить о результатахъ своего изслѣдованія и не безъ грусти замѣчаетъ, что «истина, полная истина, какъ и всякое Ding an sich, закрыта для насъ и никогда не откроетъ своей завѣсы... И если есть доля истины во взглядѣ одного изъ молодыхъ французскихъ философовъ, именно, что наука не исканіе истины, а исканіе ошибокъ, то смѣю сказать, что въ такомъ случаѣ мое разслѣдованіе, при всѣхъ ошибкахъ и заблужденіяхъ, не останется безъ пользы» (стр. I). Эта оговорка историка литературы и фольклориста сама уже по себѣ заставляетъ рецензента интересоваться и самимъ процессомъ работы, такъ же, какъ результатами. Кромѣ того, при обширности затронутыхъ вопросовъ, изслѣдованіе даетъ гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать, судя по заглавію, а потому всѣ «экскурсы» (напрасно г. Франко не выдѣлилъ ихъ или въ самой книгѣ, или же въ оглавленіи) оказываются иногда болѣе интересными и цѣнными, чѣмъ та загадочная «истина», которая для многихъ слишкомъ осторожныхъ (*чит.* просто ничего не печатающихъ, торгующихъ своими лекціями оптомъ и въ розницу) ученыхъ представляетъ схоластическое *conditio sine qua non*... Такъ, авторъ удачно опредѣляетъ сущность легенды въ отличіе отъ исторіи, приводитъ характерные примѣры изъ древнехристіанской агиографіи—«христіанизованныя» переработки языческихъ мотивовъ, и эта часть изслѣдованія («Вступленіе», стр. 1—8) можетъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ работамъ А. Н. Веселовскаго.

Пересмотръ всѣхъ старшихъ историческихъ свидѣтельствъ о Климентѣ приводитъ г. Франка къ мысли, что Климентъ Римскій—личность реальная, авторъ «Посланія къ коринѳянамъ», занимавшій видное мѣсто въ римской церкви; но первое извѣстіе о Климентѣ-епископѣ появляется не раньше 185 года (у Иринея) и исходитъ изъ устнаго преданія. Во второй главѣ рѣчь идетъ о тѣхъ отрывкахъ и наиболѣе полномъ (безъ окончанія) видѣ повѣсти псевдо-Климента, въ которой она дошла до нашего времени, причемъ оказывается, что славянскіе тексты имѣютъ меньшее значеніе и являются уже въ служебной, полемической (крещеніе Рима Петромъ) роли. Лучшія главы—IV и V: анализъ псевдо-климентовой повѣсти и отголоски «псевдо-климентинъ» въ позднѣйшей христіанской литературѣ. Это—легенда о Евстафій Плакидѣ, четыре повѣсти о терпѣливой женѣ: а) Вильгельмъ король англійскій, б) Берта-Геновева, в) Елена Константинопольская, г) святая Улита и др. О дѣятельности Климента, какъ папы, какъ извѣстно, нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній изъ II—IV вѣковъ, и только въ концѣ послѣдняго столѣтія начинается его культъ, придающій ему окраску, какъ «апостолу аристократіи». Поэтому всѣ псевдо-біографическія извѣстія оказываются отголоскомъ бродячихъ литературныхъ сюжетовъ. Только къ началу V вѣка относится и первыя упоминанія о мученичествѣ Климента, впоследствии разрастающіяся въ цѣлую легенду и обработанныя Метафрастомъ уже съ приуроченьемъ къ Херсонесу. съ описаніемъ четырехъ чудесъ. Это даетъ И. Франку поводъ пересмотрѣть и другія легенды о херсонесскихъ мученикахъ, недавно изслѣдованныя болѣе подробно В. В. Латышевымъ.

Особенный интерес представляют главы X, XI и XII, где исследователь подвергает критикѣ литературные памятники объ обрѣтеніи мощей Климента въ Херсонесѣ и перенесеніи ихъ въ Римъ Кирилломъ и Меѳодіемъ (обзоръ всѣхъ источниковъ для жизнеописанія славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія послѣдняго факта, но въ связи и съ другими вопросами), дѣлаетъ анализъ славянскихъ текстовъ «Слова на перенесеніе мощей св. Климента», наконецъ, изслѣдуетъ культъ Климента въ Моравіи, на Руси и на Западѣ. Какъ и въ остальныхъ своихъ научныхъ трудахъ, Иванъ Франко обнаружилъ и въ новомъ изслѣдованіи прекрасную эрудицію, удивительную начитанность, умѣніе бережно обращаться съ источниками, слишкомъ критическое отношеніе иногда къ такимъ свидѣтельствамъ, которыя на самомъ дѣлѣ не внушаютъ подозрѣній, безусловное умѣніе интересно полемизировать и все время владѣть вниманіемъ читателя. Было бы полезно сдѣлать подробный рефератъ обо всемъ изслѣдованіи.

И. Александровъ.

Профессоръ Н. В. Покровскій. 1809—1909. Церковно-археологическій музей с.-петербургской духовной академіи. 1879—1909. Спб. 1909. In 4°.

17 февраля текущаго года исполнилось столѣтіе существованія петербургской духовной академіи. Къ этому юбилейному торжеству профессоръ академіи Н. В. Покровскій, извѣстный церковный археологъ и знатокъ христіанскихъ древностей, издалъ, подъ указаннымъ заглавіемъ, весьма цѣнный свой трудъ, посвященный петербургской духовной академіи «въ столѣтнюю годовщину ея многоплодной учено-просвѣтительной дѣятельности въ духѣ православной церкви». Новое изданіе почтеннаго ученаго является по своему содержанію и исполненію вполне достойнымъ его *almae matris* и соответствующимъ юбилейному ея торжеству.

Ученый трудъ профессора Н. В. Покровскаго посвященъ описанію церковно-археологическаго музея петербургской духовной академіи, основанному въ 1879 году. Любопытна исторія этого музея, о которой разсказывается въ предисловіи къ разсматриваемому изданію (стр. I—XXIX). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ профессоръ Н. В. Покровскій, тогда еще приватъ-доцентъ академіи, былъ командированъ за границу съ цѣлью ознакомленія съ методами преподаванія церковной археологіи и литургіки въ западно-европейскихъ университетахъ и личнаго изученія памятниковъ христіанской старины, находящихся въ западно-европейскихъ музеяхъ, особенно въ Римѣ. Знакомство съ музеями христіанскихъ древностей въ Берлинѣ, Страсбургѣ и Римѣ привело русскаго ученаго къ мысли учредить подобный музей и при петербургской духовной академіи, о чемъ въ первый разъ и было имъ заявлено въ отчетѣ о научныхъ занятіяхъ за границей. По возвращеніи въ Россію изъ заграничной командировки профессоръ Н. В. Покровскій приступилъ къ осуществленію своей мысли о музеѣ, расположивъ къ этому дѣлу не только академическій совѣтъ, всегда чутко относящійся къ нуждамъ и требованіямъ академической науки, но и покойнаго митрополита Исидора, который вполне сочувственно отнесся къ

инициативъ молодого ученаго. 30 апрѣля 1879 года св. синодъ постановилъ свое рѣшеніе объ учрежденіи музея при академіи. Въ его основу были положены предметы церковной старины изъ новгородскаго земскаго музея, поступившіе во вновь организуемую при академіи коллекцію при просвѣщенномъ содѣйствіи митрополита Исидора, новгородскаго губернатора Э. В. Лерхе и ректора академіи, нынѣ протопресвитера І. Л. Янышева. Но душою всего предпріятія былъ профессоръ Н. В. Покровский, который входилъ въ сношенія съ губернаторомъ Лерхе, ѣздилъ въ Новгородъ для сортировки предметовъ земскаго музея, лучшіе изъ которыхъ и отобралъ для академическаго музея, былъ потомъ назначенъ для завѣдыванія этимъ музеемъ, по руководству особой инструкціи съ совѣта академіи. Новое учрежденіе встрѣтило сочувствіе любителей церковной старины и постепенно стало обогащаться цѣнными пріобрѣтеніями, которыя поступили—изъ иконнаго склада московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, отъ протопресвитера І. Л. Янышева, архимандрита Антонина (Капустина), настоятеля русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, отъ графа С. Г. Строганова, митрополитовъ Исидора и Палладія, профессоровъ и студентовъ академіи, настоятелей монастырей и особенно отъ петербургскаго митрополита Антонія. Нынѣ общее число всѣхъ предметовъ академическаго музея свыше 3.000. Наибольшей цѣльностью и полнотою отличается отдѣлъ литейныхъ произведеній (кресты, образки, складни); хорошъ также отдѣлъ иконописи, особенно для XVII вѣка. Вообще академическій музей представляетъ крупную величину и въ смыслѣ научномъ, и въ отношеніи матеріальномъ. Примѣчательно, что онъ достигъ значительнаго развитія почти безъ всякихъ матеріальныхъ затратъ.

Въ трудѣ Н. В. Покровскаго и описывается инвентарь академическаго музея, собранный за истекшее тридцатилѣтіе его существованія. Но почтенный авторъ ограничиваетъ свою задачу изданіемъ и описаніемъ лишь важнѣйшихъ предметовъ музея, рѣже другихъ встрѣчающихся въ Россіи. Это вполне понятно и естественно. Наибольшія группы предметовъ въ музеѣ составляютъ произведенія литейныя и иконописныя. Тѣ и другія появились въ Россіи вмѣстѣ съ христіанствомъ и получили широкое распространеніе въ православномъ мірѣ; однако первыя, какъ болѣе прочныя и портативныя, дошли до насъ отъ глубокой древности въ большемъ количествѣ, чѣмъ вторыя. Въ эпоху древнѣйшую снабжали Русь металлическими крестами и образками греки, ближайшимъ образомъ—херсонесскіе, отъ которыхъ шли къ намъ корсунскіе кресты. Но въ виду громаднаго на нихъ спроса греческія произведенія оказались недостаточными. Появились издѣлія русскія, изготовленныя по корсунскимъ образцамъ («на корсунское дѣло»). И очень рано русскіе кресты и образки стали единственными въ Россіи, при чемъ русскимъ мастерамъ предоставлена была свобода въ обработкѣ ихъ художественныхъ формъ и усовершенствованіи техники и украшеній. Широкое распространеніе въ народѣ металлическихъ крестовъ и образковъ объясняетъ и то любопытное явленіе, что во всѣхъ собраніяхъ русскихъ древностей они встрѣчаются въ значительномъ количествѣ, особенно отъ позднѣйшей эпохи ихъ происхожденія—XVI и XVII в. Что касается академическаго собранія этихъ древностей, то здѣсь повторяются тѣ же типы, которые встрѣ-

чаются и въ другихъ однородныхъ коллекціяхъ, но въ отношеніи деталей оно представляетъ немало отличій. Для изданія собраны тѣ изъ крестовъ и обра-
ковъ, которые заключаютъ сравнительно болѣе характерныхъ чертъ и имѣютъ
лучшую сохранность, причѣмъ предметы соединены въ группы, отчасти по одно-
родности ихъ типовъ, отчасти по хронологическимъ соображеніямъ. Кресты и
образки помѣщены на девяти таблицахъ автотипическихъ снимковъ.

Вторую большую группу предметовъ академическаго музея составляютъ
иконы, относящіяся къ XVI—XIX вѣкамъ. Общее ихъ число свыше трех-
сотъ. Для изданія избраны лишь древнѣйшія, наиболѣе типичныя и луч-
шей сохранности, причѣмъ ихъ группировка сдѣлана примѣнительно къ
иконографическимъ сюжетамъ: на первомъ мѣстѣ поставлена иконографія
Спасителя, затѣмъ слѣдуетъ иконографія Богоматери и святыхъ церкви вселен-
ской и въ частности русской. Русскимъ святымъ удѣлено болѣе двадцати таблицъ
снимковъ на томъ основаніи, что русская художественная самобытность съ осо-
бенной ясностью выступаетъ именно въ иконографіи русскихъ святыхъ, въ со-
зданіи ихъ типовъ и національной обстановки, а между тѣмъ русская ученая
литература до сей поры не ставила этого вопроса въ числѣ очередныхъ художе-
ственно-археологическихъ вопросовъ.

Новый трудъ профессора Н. В. Покровскаго снабженъ 97-ю таблицами
снимковъ, изъ коихъ первая часть (I—XXXIV) исполнена автотипіею, а вторая
(1—63) фотодинкографіею. Снимки сдѣланы съ разнородныхъ предметовъ ста-
рины, каковы: древне-христіанскія лампы катакомбнаго періода, кресты на-
престольные, наперсные, тѣльные и кіотные, энколпіоны, панакіи, панакіары,
змѣвики, эмальированные вѣнчики, цата, поставныя «свѣчи», подсвѣчники,
фонарь, хорось, паникадила, лампы, диски, брачныя вѣнцы, кадильницы,
дикирій и трикирій, било, потиры, антиминсы, иконы и прочее.

Снимки снабжены объяснительнымъ текстомъ (стр. 1—144), имѣющимъ
большое научное значеніе. Здѣсь не только дается описаніе предметовъ, но и
предложено сравненіе ихъ съ однородными предметами въ другихъ собраніяхъ,
разсматриваются техническія, художественно-историческія и иконографическія
ихъ стороны, отмѣчается ученая литература предмета, русская и иностранная,
и указываются ученія изданія тѣхъ или другихъ памятниковъ. Такъ какъ въ
числѣ изданныхъ профессоромъ Н. В. Покровскимъ предметовъ встрѣчаются
рѣдкіе и мало извѣстные, а также предметы, хотя извѣстные, но недостаточно
обслѣдованные въ наукѣ или односторонне объясненные, то ученый авторъ
призналъ необходимымъ предложить о нихъ болѣе обстоятельныя разъясненія.
Къ такимъ предметамъ относятся: новгородскія паникадилы, знамя съ изобра-
женіемъ св. князя Владимира, брата добраго человѣка, русскія наузы или
змѣвики, полотняныя иконы, Благое Молчаніе, Софія Премудрость Божія,
архистратигъ Михаилъ, св. Димитрій Солунскій и другіе. Всѣ такія объясненія,
исполненныя съ большимъ знаніемъ предмета, просто и ясно, а вмѣстѣ и согласно
съ послѣднимъ словомъ археологической науки, вводятъ и не посвященнаго въ
тайны археологіи читателя *in media res* вопроса и обстоятельно знакомятъ его
съ богатымъ инвентаремъ академическаго музея.

Изданіе снабжено рисункомъ зданія петербургской духовной академіи и
видомъ музея, находящагося въ ея стѣнахъ, а также указателемъ именъ и пред-

метовъ (стр. 145—151), отпечатано на прекрасной бумагѣ крупнымъ и четкимъ шрифтомъ и является по вѣдшему своему виду весьма изящнымъ.

Профессоръ Н. В. Покровский, создавшій церковно-археологическій музей при петербургской духовной академіи, въ теченіе тридцати лѣтъ завѣдывавшій имъ и нынѣ прекрасно его описавшій въ компактномъ изданіи, оказалъ громадую услугу и наукѣ церковной археологіи, и своей *almae matris* въ знаменательный день ея столѣтняго юбилея, и той части русскаго общества, которая интересуется наукою о древностяхъ. Почтенный ученый съ полнымъ правомъ и безусловно заслуженнымъ основаніемъ закончилъ предисловіе своего цѣннаго изданія словами: «*feci quod potui, faciant meliora potentes*. Этотъ трудъ профессора Н. В. Покровскаго является новымъ свидѣтельствомъ для автора, какъ перваго по эрудиціи русскаго церковнаго археолога. Σ.

Л. И. Софійскій. Высокопреосвященный Никонъ, архіепископъ карталинскій и кахетинскій, экзархъ Грузіи (1861—1908). Биографическія данныя съ портретами и автографомъ іерарха, а также его рѣчи, слова и поученія. Спб. 1909. Стр. 440. Ц. 2 р.

Высокопреосвященный Никонъ, экзархъ Грузіи, злодѣйски убитый въ Тифлисъ 28 мая 1908 года, наканунѣ дня своего отъѣзда въ Петербургъ, принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ іерарховъ. Человѣкъ глубоко-религіозный и просвѣщенный, рѣдкой честности и правдивости, строгій и стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, даровитый ораторъ и высокій администраторъ, онъ палъ жертвою въ борьбѣ за православное русское дѣло, сравнительно еще въ очень молодыхъ для епископа годахъ, не осуществивъ многого, чего справедливо ожидали отъ него. Костромичъ по происхоженію, воспитанникъ мѣстной семинаріи и по окончаніи послѣдней сельскій священникъ, Николай Андреевичъ Софійскій (такъ прозывался въ мірѣ архіепископъ Никонъ) уже на 23 году своей жизни овдовѣлъ и поступилъ въ петербургскую духовную академію, въ которой и принялъ постриженіе. Назначенный въ 1888 г., тотчасъ же по окончаніи академіи, инспекторомъ петербургской духовной семинаріи, онъ вскорѣ былъ переведенъ ректоромъ во владимирскую семинарію и съ 1898 г. въ теченіе восьми лѣтъ послѣдовательно занималъ четыре каѳедры: епископовъ—вольскаго, нарвскаго, вятскаго и архіепископа владимирскаго. Наконецъ въ 1906 г., несмотря на настоятельныя просьбы владимирцевъ предъ высшей властью и Государемъ, архіепископъ Никонъ долженъ былъ поѣхать въ Грузію, гдѣ на первыхъ же шагахъ былъ «бойкотированъ» грузинскимъ духовенствомъ, мечтавшимъ объ автокефаліи грузинской церкви и устроившимъ западню противнику послѣдней.

Несомнѣнно, что память объ этомъ архипастырѣ и мученикѣ за православное русское дѣло должна быть свѣжа и близка русскому человѣку; вотъ почему нужно съ особою благодарностью привѣтствовать вышепоименованный трудъ Л. И. Софійскаго, задавагося цѣлью собрать вседино изъ періодическихъ изданій всѣ биографическія данныя о покойномъ и всѣ его напечатанныя рѣчи, слова и поученія,—тѣмъ болѣе, что эта работа исполнена весьма тща-

тельно и съ вѣншей стороны даже роскошно, иллюстрированная рядомъ рисунковъ. Біографическія данныя распределены на 17 главъ, въ которыхъ описываются—дѣтскіе годы и время ученія, педагогическая дѣятельность, послѣдовательно дѣятельность какъ іерарха, занимавшаго вышеупомянутыя кафедры, и наконецъ отдѣльно по главамъ: «Злодѣйство въ Тифлисъ», «Скорбные дни въ Тифлисъ 28 мая—2 іюня», «Сочувствіе русской церкви къ великой ея скорби», «Перевезеніе честныхъ останковъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія», «Память о почившемъ іерархѣ, какъ вѣрномъ гражданинѣ отечества и истинномъ служителѣ церкви», «Молитвенное поминовеніе почившаго архипастыря 6 іюля, 17 и 28 ноября 1908 года» и «Памяти высокопреосвященнаго Никона».

Рѣчи, слова и поученія покойнаго архипастыря, въ количествѣ 58, собраны изъ разныхъ епархіальныхъ и губернскихъ органовъ, составляютъ только меньшую часть всего, что имъ было говорено, и обязаны своимъ появленіемъ въ печати или редакторамъ, или заинтересованнымъ лицамъ. Темати рѣчей по преимуществу служили: ученіе о Царствѣ Божіемъ, о значеніи для христіанъ православныхъ храма, о молитвѣ, о подражаніи жизни угодниковъ, о значеніи времени, толкованіе современныхъ событій гражданскаго и духовнаго характера и проч. Первое его «слово» было произнесено 18 декабря 1888 года, при освященіи церкви петербургской духовной семинаріи; лебединою же была «рѣчь», сказанная 25 марта 1908 года графу Ил. Ив. Воронцову-Дашкову, въ день 50-лѣтняго его служенія въ офицерскихъ чинахъ. Всѣ рѣчи архіепископа Никона отличались ясностью и простотой, и въ то же время были содержательны и назидательны.

В. Р—въ.

В. В. Назаревскій. Императоръ Александръ I, 1812 годъ и другія войны этого царствованія. Съ 96 рисунками. Москва. 1909
Стр. 154. Ц. 50 к.

Книжка г. Назаревскаго очень мало останавливается на личности и исторіи самого императора Александра, войны его царствованія касается лишь слегка и главное вниманіе удѣляетъ Отечественной войнѣ. Такой выборъ матеріала не представляетъ случайности, а сдѣланъ намѣренно. Дѣло въ томъ, что авторъ не столько старается просвѣтить читателя, сколько разогрѣть его патріотизмъ и дать ему почувствовать народный духъ, сказавшійся въ годину борьбы съ Наполеономъ. Противъ этого нельзя, конечно, ничего возразить, но лишь при томъ условіи, если историческая истина не приносится въ жертву цѣлямъ публицистическимъ. А въ этомъ-то какъ разъ и повиненъ г. Назаревскій. Для него, напримѣръ, душевное настроеніе императора Александра, овладѣвшее имъ послѣ 1812 года, не мрачное реакціонерство, а «свѣтлый прогрессъ», ибо съ этого времени онъ, по мнѣнію автора, сталъ выказывать большую любовь къ своему народу. Аракчеевъ представленъ безвреднымъ и безхитростнымъ исполнителемъ царевой воли. Сперанскій рисуется какимъ-то доктринеромъ съ революціоннымъ оттѣнкомъ, который «пугаль» своихъ противниковъ не русскими разсужденіями

въ родѣ того, что «никакое правительство, съ духомъ времени несообразное, противъ всемогущаго его дѣйствія устоять не можетъ». Вообще въ книжкѣ Назаревскаго декорации не вѣрны дѣйствительности, фигуры стоятъ не на своихъ мѣстахъ и освѣщеніе исторической сцены совершенно фальшивое. А. П.

Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1908 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1909. Стр. 146.

Московскій публичный и Румянцовскій музеи являются для Москвы наибольшей и лучшей публичной библіотекой, своего рода Эрмитажемъ и этнографическимъ музеемъ. Несмотря на то, что спеціальныхъ средствъ для обогащенія этихъ учрежденій было очень мало, чтобы не сказать никакихъ, и ростъ ихъ коллекцій съ каждымъ годомъ прогрессировалъ и прогрессируетъ, благодаря, главнымъ образомъ, пожертвованіямъ, дѣло дошло до того, что имѣвшіяся помѣщенія оказались переполненными, и ихъ необходимо было во что бы то ни стало расширить. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ администрація музеевъ зывала и къ обществу, и къ городскому управленію, и къ министерству народнаго просвѣщенія; но все было напрасно. Тогда принялась битъ въ набатъ печать, и послѣдней, кажется, удалось вызвать откликъ къ этимъ важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ учрежденіямъ какъ въ отцахъ города Москвы, такъ и въ просвѣщенной администраціи. Невозможнѣйшая тѣснота читальнаго зала, библіотеки и картинной галереи музеевъ заставила наконецъ московскую городскую думу сдѣлать въ засѣданіи 16 сентября 1908 г. слѣдующее постановленіе: «ассигновать въ распоряженіе московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ 2,500 р. на составленіе плана и смѣты для расширенія зданій музеевъ и возбудить передъ министромъ народнаго просвѣщенія ходатайство объ ассигнованіи для перестройки этихъ зданій необходимой суммы изъ средствъ казны». Хотя этимъ постановленіемъ дается очень немного, но администрація музеевъ уповаешь и уповаешь зѣло радужно. Дай-то Богъ! А все-таки намъ кажется, что въ виду обычнаго отношенія къ просвѣтительнымъ учрежденіямъ нашего министерства народнаго просвѣщенія, строго слѣдующаго указкѣ министерства финансовъ, врядъ ли мы еще скоро дождемся, когда въ музейской картинной галереѣ картины будутъ расположены, а не нагромождены, читатели въ читальномъ залѣ сидѣтъ не по двое и по-трое на одномъ мѣстѣ, и число ожидающихъ очереди за дверьми, входящее нынѣ до нѣсколькихъ сотъ и даже до тысячи, ниспадетъ до нуля.

А между тѣмъ до какой степени все болѣе и болѣе распространяется извѣстность музеевъ, увеличивается число ихъ посѣтителей и немощно возрастаетъ количество читателей, которые нигдѣ въ другой библіотекѣ Москвы не найдутъ столь много и столь разнообразныхъ книгъ, какъ въ музейскомъ, покажутъ намъ цифры, приводимыя въ отчетѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ музеи былъ открытъ доступъ въ праздничные дни, число посѣтителей особенно возрасло. Въ отчетномъ году количество платныхъ доходило до 9,669 и безплатныхъ до 65,745 человекъ. Большое увеличеніе противъ предыдущихъ годовъ

наблюдается въ количествѣ посѣтителей въ учебно-образовательныхъ экскурсіяхъ, всего 6,673 человека, тогда какъ въ 1906 г. было лишь 3,680 посѣтителей, а въ 1904 г. 3,365. Въ читальномъ залѣ музеевъ занималось въ 1908 г. 12,562 человека, сдѣлавшихъ въ общемъ 126,334 посѣщенія, болѣе противъ прошлаго года на 10,840 посѣщеній. «Переполненіе читальнаго зала,—читаемъ на стр. 53,—наблюдалось въ теченіе шести мѣсяцевъ: января, февраля, марта, сентября, октября и ноября. За это время пришлось не допустить въ залъ 10,901 посѣтителя и заставить ихъ дожидаться въ очереди освободившагося мѣста! Изъ нихъ ушли, не дождавшись, 2,420 человекъ. Въ наиболѣе посѣщаемый мѣсяць, ноябрь, количество посѣтителей поднялось до 17,711 человекъ, что въ среднемъ даетъ 708 человекъ на день, а мѣсть между тѣмъ всего 170. Затѣмъ больше всего было занимающихся въ рукописномъ отдѣленіи—137 человекъ, сдѣлавшихъ 1,119 посѣщеній, и въ гравюрномъ отдѣлѣ—168 человекъ, сдѣлавшихъ 810 посѣщеній. Общее количество посѣтителей музеевъ, являющихся изъ разныхъ краевъ обширной Россійской имперіи для обозрѣнія и занятій, было 93,170 человекъ, сдѣлавшихъ въ общемъ 212,020 посѣщеній.

Нужно ли послѣ этого говорить о важности и даже необходимости такого учрежденія, какъ музей? Не пора ли самому обществу откликнуться на вопіющія нужды музеевъ и тѣмъ самымъ поспособствовать поднятію умственнаго развитія своихъ же сочленовъ!

Въ отчетномъ году такъ же, какъ и въ предыдущемъ, пожертвованія рукописями, книгами и другими разными предметами поступали довольно обильно. Особеннаго вниманія, прежде всего, заслуживаютъ поступившіе въ отдѣленіе рукописей и старопечатныхъ книгъ: рукописные «Дневники артиллеріи капитана, ростовскаго помѣщика Петра Осиповича Яковлева»: 1) за вторую половину 1786 г., 2) за 1793 г. и 3) за 1794 г. (пожертвованы Екатериной Михайловной Губастовой помѣщицей усадьбы Зарѣчье Ростовскаго уѣзда Ярославской губ.). «По содержанію своему,—говоритъ составитель отчета,—«Дневники» являются драгоцѣннымъ памятникомъ домашняго быта великорусскихъ помѣщиковъ въ концѣ XVIII вѣка. Въ нихъ сохранены всѣ мелочи сельской жизни. Не упущены безъ вниманія и нѣкоторыя событія изъ боевой жизни автора дневниковъ, который воевалъ съ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ и даже участвовалъ въ славной битвѣ при Кагулѣ» (стр. 27). Другимъ цѣннымъ вкладомъ въ отдѣленіе является извѣстный уже по монументальному труду Н. П. Барсукова архивъ М. П. Погодина, который, собственно говоря, лишь вернулся въ Москву, въ болѣе устроенномъ и обработанномъ видѣ.

Общее число книжныхъ поступленій въ бібліотеку въ 1908 г.—24,538 т. Наиболѣе крупными пожертвованіями являются: 1) часть бібліотеки его высочества герцога Георгія Георгіевича Мекленбургскаго, въ которую вошли 163 сочиненія на русскомъ языкѣ и 365 на иностранныхъ языкахъ въ 1,033 томахъ, печатанныя болѣею частью въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., и 2) бібліотека Сергѣя Ѳедоровича Уварова, доктора философіи дерптскаго университета, заключающая въ себѣ 692 сочиненія русскихъ и иностранныхъ авторовъ, въ 1,242 томахъ.

Изъ остальныхъ отдѣленій музеевъ наибольшое приращеніе въ отчетномъ году вышло, какъ и слѣдовало ожидать, на долю дашковскаго этнографическаго музея и отдѣленія иностранной этнографіи. Наиболѣе цѣнныя пожертвованія поступили отъ генерала-отъ-инфантеріи Н. И. Гродекова; затѣмъ болѣе крупныя коллекціи предметовъ: отъ великой княгини Елизаветы Федоровны, В. Н. Харузиной, А. Н. Харузина и др.

Въ «Приложеніяхъ» къ «Отчету», кромѣ списка изданій музеевъ, находимъ «Инвентарный каталогъ восточныхъ и классическихъ древностей Румянцовскаго музея и художественныхъ предметовъ новаго времени», въ которомъ приведено до 441 разныхъ монетъ и предметовъ древности. В. Р.—въ.

В. Ф. Трощанскій и Э. К. Пекарскій. Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ. Спб. 1909. Стр. 32. Цѣна не обозначена.

По изслѣдованію якутскаго быта, религіи и языка имена гг. Трощанскаго и Пекарскаго весьма извѣстны. Предлагаемый этнографическій очеркъ Якутской области представляетъ собою извлеченіе изъ будущаго труда по тому же предмету; но, несмотря на краткость брошюры, она полна интересныхъ свѣдѣній о домашней обстановкѣ якутовъ, живущихъ «въ странѣ систематическаго голоданія». Первобытность ихъ жилища изумительная... Якутская юрта представляетъ собою холмъ съ небольшимъ отверстіемъ, нахнуцій амміакомъ.

Каждую осень, когда начинается и днемъ подмораживать, якутскія женщины набрасываютъ на стѣны юрты лопатами свѣжій коровій навозъ безъ всякой подмѣси, а затѣмъ разглаживаютъ его, и эта работа производится ежедневно недѣли двѣ, по мѣрѣ накопленія смазочнаго матеріала, вотъ почему весной эта глыба, постепенно оттаивая, благоухаетъ. Къ тому же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища вы можете увидѣть цѣлыя горы коровьяго навоза, накопившагося за зиму, а иногда и за много зимъ, потому что не всегда его лѣтомъ сжигаютъ; онъ также таетъ въ эту пору и также возвѣщаетъ своимъ благоуханіемъ о наступленіи весны—якутской весны съ глубокимъ снѣгомъ и отвратительнымъ смрадомъ. Судя по величинѣ этихъ горъ, вы можете составить себѣ понятіе о степени благосостоянія хозяина; это—едва ли не единственное вѣрное мѣрило. Не менѣе жалокъ и мелкій истощенный скотъ, съ уродливыми ногами и копытами, съ плотно присохшимъ на бокахъ и на заднихъ ногахъ толстымъ слоемъ навоза, который отвалится только къ серединѣ лѣта вмѣстѣ съ шерстью, съ такимъ же образомъ облѣпленнымъ хвостомъ, со взбитой, грязной шерстью, мѣстами вытертой, съ отвратительнымъ запахомъ, распространяющимся вокругъ этихъ скрючившихся коровъ и телятъ.

Постоянная голодовка якутовъ нарушается кратковременнымъ обжорствомъ. Когда какой-нибудь якутъ бьетъ скотину, то сосѣди его моментально слетаются, какъ вороны на падаля, ибо каждый гость не только поѣстъ мяса, но получитъ еще кусокъ и на домъ. Въ виду такого обычая, вытекающаго изъ родовыхъ отношеній, сосѣди бьютъ осенью скотъ по очереди, и счетъ съѣденнаго сосѣдами

мяса и данныхъ кусковъ ведется самымъ тщательнымъ образомъ, такъ какъ, накормивъ кого-нибудь и давъ ему мяса, якутъ пріобрѣтаетъ право воспользоваться у сосѣда тѣмъ же.

Умственное невѣжество и суевѣріе якутовъ равносильны бѣдности. Якутъ, бывшій въ отлучкѣ, входя въ юрту свою, ни съ кѣмъ не здоровается, но садится какъ будто незнакомый; жена сваритъ ему ѣсть и потчуетъ какъ гостя, а поѣвши уже хорошенько—онъ дѣлается хозяиномъ дома.

Якуты вѣрятъ колдунамъ своимъ и шаманамъ, которые отправляютъ скрытымъ образомъ суевѣрные обряды, ибо священники, узнавъ о томъ, представляютъ колдуновъ сихъ къ суду. Якуты, однако, и нынѣ вѣрятъ имъ и боятся ихъ. Иногда шаманъ, чрезъ годъ или нѣкоторое время по смерти какого-нибудь якута, приноситъ въ домъ его наряженную статую и сказываетъ, что это покойникъ, требующій корову или звѣриныхъ мѣховъ или тому подобное, который переѣстъ всѣхъ въ случаѣ отказа. Трусливые люди даютъ ему все требуемое, и шаманъ уноситъ оное вмѣстѣ съ статуею.

Богу огня приносятся жертвы въ зависимости отъ числа дѣтей.

Если спросить, какаѣ связи между количествомъ дѣтей и количествомъ жертвы, то вамъ отвѣтятъ, что такъ какъ огонь и никто другой насылаетъ на дѣтей разныя кожные болѣзни, то многосемейному приходится быть щедрѣе. Якуты вѣрятъ, что ребенокъ покроется струпьями, если въ огонь нечаянно попадетъ кусочекъ лучины, запачканной испражненіемъ ребенка. Такимъ образомъ, нужно тщательно остерегаться, чтобы не нанести какъ-нибудь оскорбленія богу огня, который, какъ видно, очень мстителенъ; въ огонь нельзя ни плевать, ни плескать воду, ни тыкать пожомъ или чѣмъ-либо острымъ, чтобы не поранить бога огня. Уяснить связь между огнемъ и струпьями дѣтей можно только слѣдующимъ образомъ: огонь, непосредственно обжигая тѣло, образуетъ струпья, не отличающіяся по наружному виду отъ всѣхъ другихъ струпьевъ; съ другой же стороны—дѣти чаще всего обжигаются, а потому якутъ видятъ, что огонь чаще всего мститъ на дѣтихъ и что они же чаще всего покрываются вообще струпьями, а, слѣдовательно, это тоже месть бога огня.

Самый чистый и священный огонь—молнія, а потому пожаръ отъ нея не тушится. Она очищаетъ все, на что упадетъ, и дерево, разбитое молніей, считается чистымъ, а зажженные лучины отъ такого дерева употребляются при обрядѣ очищенія.

Якуты всегда лукавятъ и съ своими богами, надѣясь провести и обмануть ихъ. Когда якуты увидятъ на дорогѣ медвѣдя, то снимаютъ шляпы, кланяются ему, величаютъ тоіономъ (начальникомъ), старикомъ, дѣдушкою и другими ласковыми именами. Просятъ препокорно, чтобы онъ ихъ пропустилъ; что они не думаютъ трогать его и даже слова худого про него никогда не говорили. Если медвѣдь, не убѣдившись сими просьбами, бросится на лошадей, то будто поневолю начинаютъ стрѣлять по немъ и, убивъ, съѣдаютъ всего съ великимъ торжествомъ. Между тѣмъ дѣлаютъ статуйку, изображающую Бозная (лѣснаго духа), и кланяются оной. Старшій якутъ становится за деревомъ и кривляется. Когда мясо сварится, то ѣдятъ оное, каркая, какъ вороны, и приговаривая: «не мы тебя ѣдимъ, но тунгусы (или русскіе): они и порошокъ дѣлали, и ружья про-

даютъ; а ты самъ знаешь, что мы ничего этого дѣлать не умѣемъ». Во все время разговариваютъ по-русски или по-тунгусски и ни одного сустава не ломаютъ. Когда же съѣдятъ медвѣдя, то собираютъ кости, завертываютъ вмѣстѣ съ статуею Бозная въ березовую кору или во что иное, вѣшаютъ на дерево и говорятъ: «дѣдушка! русскіе (или тунгусы) тебя съѣли, а мы нашли и кости твои прибрали». Изъ сего обряда можно заключить, сколько якуты опасаются мщенія медвѣдей или духа оныхъ, даже и по истребленіи.

Несмотря, однако, на бѣдность и религіозное убожество, якуты не принадлежатъ къ вымирающимъ инородцамъ и весьма склонны къ прогрессу тамъ, гдѣ русскіе дѣятели позаботились о нихъ.

А. Фаресовъ.

Русская политика въ Польшѣ. Очеркъ Эразма Пильца. Варшава. 1909. Стр. 143.

Можно не любить политики, старательно избѣгать ея всюду, систематически повертаться въ тоску отъ политической книги, рѣчи, статьи и т. д. Но, разрѣзавъ книгу г. Пильца, хотя бы съ цѣлью просмотрѣть ее, отыскать нѣсколько необходимыхъ цифръ и фактовъ,—отъ нея уже нельзя оторваться. Страница за страницей—и вниманіе растетъ, интересъ увеличивается, появляется нѣчто въ родѣ увлеченія, и ни разу не промелькнетъ того томительнаго чувства, которое раньше вызывали книги на специально политическія темы.

Отчего это?—Трудно, да и лишнее, объяснить такое необычное впечатлѣніе отъ «Русской политики въ Польшѣ». Быть можетъ, не послѣднюю роль играетъ здѣсь удивительная искренность автора, его прямота, простота, отсутствие столь обычныхъ въ политикѣ увертокъ и экивоковъ; во-вторыхъ, не менѣе удивительная освѣдомленность его во всемъ вопросѣ и къ каждой мелочи. Недаромъ въ теченіе многихъ лѣтъ Э. Пильцъ посвящалъ все силы, опытъ, время, знанія, спокойствіе, личное счастье, душу—изученію русской политики по отношенію къ Польшѣ. Еще въ 1881 году въ серіи статей «Обрусеніе или объединеніе», помѣщенныхъ въ «Голосѣ», онъ доказывалъ, что стремленіе правительства создать и упрочить «государственное единство и политическую равноправность» несомнѣнимо съ руссификаціей. Далѣе, черезъ годъ онъ основываетъ въ Петербургѣ «Край», программа котораго остается безъ рѣзкихъ отмѣнъ и въ наше время, издаетъ рядъ книгъ и брошюръ публицистическаго характера и въ 1899 году устраиваетъ чествованіе Пушкина—первый «великій праздникъ славянской взаимности»: раньше и при иномъ организаторѣ подобное чествованіе совершенно было немислимо. Словомъ, вся почтенная его дѣятельность основывается на убѣжденіи, что «урегулированіе на началахъ справедливости нашихъ отношеній къ Русскому государству лежитъ въ обоюдныхъ интересахъ и раньше или позже должно неминуемо наступить». Эти убѣжденія опредѣлялись платформой партіи «примирительной» («угодовцы»), самой, кажется, умѣренной изъ всѣхъ польскихъ партій и группъ—для правительства вполне желательной.

Кто слѣдилъ за ходомъ русской политики въ царствѣ Польскомъ и за всемъ, что вызывала она въ полякахъ, своими крайностями легко можетъ догадаться, насколько трудна и неблагоприятна была задача Э. Пильца, человека убѣжден-

наго, искренняго, прямолинейнаго и пользующагося теперь глубоким уваженіемъ даже со стороны своихъ идейныхъ противниковъ. Но сколько стоило послѣднее, — объ этомъ также можно догадаться, зная условія, среди которыхъ долженъ жить и работать публицистъ въ Россіи, да еще «инородецъ». И вотъ те- оперь, умудренный опытомъ, не потерявшій вѣры въ свой идеаль, легко и свѣтл оглядываясь на пройденный путь, — престарѣлый польскій публицистъ снова говорить на излюбленную тему. Авторъ убѣжденъ, что вообще возможно найти формулу, согласующую интересы государства съ интересами польскаго народа, разграничивающую сферу государственной дѣятельности отъ дѣятельности общественной, наконецъ, сферу языка государственнаго отъ мѣстнаго, въ томъ числѣ и въ дѣлѣ школьномъ. Но въ наше время, время продолжающихся репрессій и обрусенія, программа урегулированія польско-русскихъ отношеній еще невозможна. «Поэтому, — заключаетъ онъ, — пока въ русскомъ самосознаніи не произойдетъ переломъ и не укрѣпится убѣжденіе, что настроеніемъ польскаго общества не долженъ быть оправдываемъ гнетъ, ибо оно является въ значительной степени слѣдствіемъ этого гнета; что обрусеніе Польши является не- избыточной мечтой, а стремленіе къ нему даже вреднымъ для самаго государства, до тѣхъ поръ всѣ разсужденія на тему *modus vivendi* будутъ безплоднымъ и безцѣльнымъ дѣломъ. Вслѣдствіе этого я посвятилъ настоящій трудъ не теоретическимъ, программнымъ умозаключеніямъ, а историческому изслѣдованію причинъ, которыя вызвали нынѣшнее положеніе и привели польскій вопросъ въ Россіи къ той «мертвой точкѣ», на которой онъ остановился. Я стремился доказать, что лишь въ освѣщеніи историческихъ фактовъ, находящихся въ причинной связи другъ съ другомъ, можно понять сдѣланныя ошибки и найти путь къ вы- ходу».

Къ голосу Э. Пильца надо прислушаться. Онъ авторитетенъ. Освѣдомленность въ польско-русскихъ дѣлахъ, спокойный тонъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возмущеніе явилось бы кстати, умѣніе освѣтить каждую мелочь съ должной стороны и въ должной степени, искренность чловѣка, у котораго въ прошломъ все-таки больше, чѣмъ въ настоящемъ, — вотъ данныя, говорящія въ пользу автора. Его книга не агитаціонная брошюра. Поэтому смѣло рекомендуемъ ее и надѣмся, что голосъ благороднаго борца за права не однихъ поляковъ, а *двухъ востъдей-славянъ*, будетъ услышанъ и тѣми, къ кому больше всего обращается авторъ.

А. Ивановичъ.

В. Ө. Матвѣвъ. «Право публичныхъ собраній». Очеркъ развитія и современной постановки права публичныхъ собраній во Франціи, Германіи и Англии. Спб. 1909 г. Стр. VII+393. Ц. 2 р.

Вопросъ о правѣ публичныхъ собраній долженъ насъ живо интересовать не только съ той исторической точки зрѣнія, которую даетъ намъ авторъ «Права публичныхъ собраній» В. Ө. Матвѣвъ, но и съ чисто практической, т. к. разрѣшеніе этого вопроса въ Россіи еще ожидаетъ своего законодателя. Несмотря на то, что «манифестомъ 17 октября на обязанность объединеннаго правительства возложено было выполненіе непреклонной воли монарха даровать населенію

незыблемыя основы гражданской свободы, въ томъ числѣ свободу собраний», однако, «какъ бы ни расходились представители различныхъ теченій политической мысли въ пониманіи предѣловъ свободы собраний, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что допущеніе предварительнаго воспрепятствования собраний администраціей въ корнѣ отрицаетъ эту свободу» (стр. 385). Послѣ 17 октября у насъ были сдѣланы двѣ попытки регламентировать право собраний: одна, 4 марта 1906 года, по существу не отличавшаяся отъ правилъ 12 октября 1905 года. «При пересмотрѣ правилъ 12 октября совѣтъ министровъ въ своемъ представленіи въ государственный совѣтъ опредѣленно указывалъ, что осуществленіе свободы собраний во всей своей полнотѣ, допустимое при нормальномъ теченіи жизни государства, нынѣ еще не можетъ быть признано своевременнымъ въ виду существующаго среди населенія броженія» (стр. 386). Но такъ какъ правила 4 марта служили лишь временной мѣрой, то, въ цѣляхъ изданія постоянного закона, 30 мая 1906 года въ государственную думу перваго созыва былъ внесенъ по почину группы членовъ конституціонно-демократической партіи законопроектъ о собраніяхъ, являвшійся по своему существу сколкомъ съ французскаго закона 30 іюня 1881 года. Кратковременное существованіе первой думы не дало возможности выработать хоть какого-либо закона, и комиссія, въ которую законопроектъ былъ переданъ 20 іюня 1906 года, успѣла до роспуска обсудить и принять только первыя 4 статьи.

Нельзя не согласиться съ г. В. Матвѣевымъ, что «та или другая постановка права публичныхъ собраний находится въ тѣсной связи съ разрѣшеніемъ основныхъ принципиальныхъ вопросовъ, опредѣляющихъ политическій строй даннаго государства. Поэтому и регламентацію права публичныхъ собраний слѣдуетъ разсматривать не изолированно, а въ связи съ тѣми условіями, при которыхъ она создавалась и дѣйствовала» (стр. 1). Но такъ какъ регламентація права публичныхъ собраний «явилась плодомъ долгой, исторической эволюціи», то «желаніе понять и постигнуть настоящее требуетъ отъ насъ прежде всего внимательнаго изученія прошлаго» (стр. I и II). Прежде, чѣмъ дать историческій обзоръ развитія права публичныхъ собраний, г. В. Матвѣевъ устанавливаетъ свой взглядъ на это право. «Свобода и вольности, къ которымъ относится и право или свобода собраний, выдѣляются обыкновенно изъ общей категоріи публичныхъ правъ гражданъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и составляютъ особую группу, носящую названіе личныхъ правъ—*droits individuels* во французской литературѣ или основныхъ правъ—*Grundrechte* въ нѣмецкой литературѣ» (стр. 2). Несмотря на то, что самое понятіе основныхъ правъ не одинаково опредѣляется различными германскими государствовѣдами, тѣмъ не менѣе всѣ они сходятся въ признаніи за основными правами отрицательнаго характера, разсматриваютъ ихъ какъ отрицаніе государственнаго вмѣшательства въ сферу личной свободы. Но что касается права публичныхъ собраний, то нѣкоторые французскіе, германскіе и бельгійскіе государствовѣды усматриваютъ въ немъ дѣйственный характеръ.

«Дѣло въ томъ,—говоритъ Эсменъ (*Elements de droit constitutionnel*, 4 ed. Paris. 1906. Стр. 454),—что пользованіе нѣкоторыми изъ этихъ (личныхъ) правъ составляетъ настоящее политическое дѣйствіе и представляетъ собой кос-

венный элементъ участія въ государственной власти. Именно къ этой категоріи относится свобода печати, свобода союзовъ, свобода собраній и, наконецъ, свобода преподаванія, посредствомъ которой готовятъ будущихъ гражданъ». А разъ право публичныхъ собраній носить политическій характеръ, то эта его роль «создаетъ тѣсную зависимость самаго института права собраній отъ общихъ политическихъ условий и прежде всего, конечно, отъ установившейся формы правленія» (стр. 9). И дѣйствительно, во Франціи въ эпоху до революціи «вопросъ о признаніи за гражданами права на устройство публичныхъ собраній и на участіе въ нихъ по самому существу дѣла не могъ быть поставленъ законодательствомъ стараго порядка. Ревниво охраняя свои прерогативы, государственная власть не признавала за гражданами, за обывателями, прежде всего вообще права интересоваться какими бы то ни было вопросами, выходящими за узкій кругъ ихъ личныхъ интересовъ. Дѣла общественныя касаются одного государя, и обыкновенный смертный долженъ держаться въ сторонѣ отъ этой опасной и запретной области» (стр. 25). Въ эпоху до революціи правомъ собраній пользовались лишь только нѣкоторыя общины въ силу специальной привилегіи («chartes des communes»), собранія цеховъ и корпорацій и собранія вѣрующихъ, принадлежавшихъ къ одному приходу. Всѣ другія собранія запрещались подъ страхомъ смертной казни или пожизненной ссылки въ каторжныя работы. Но всѣ эти преслѣдованія прекращаются вмѣстѣ съ паденіемъ Бастиліи, 14-го іюля 1789 года. «Публичныя собранія гражданъ съ этого момента становятся, несомнѣнно, однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ политической эволюціи, факторомъ, вліяніе котораго на все дальнѣйшее теченіе событій, по истинѣ, неизмѣримо» (стр. 31). Долго было бы останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ, которыя претерпѣло право публичныхъ собраній во Франціи. Вмѣстѣ со смѣной двухъ монархій и трехъ республикъ мѣнялось и отношеніе законодательныхъ учрежденій къ праву собраній, пока, наконецъ, не былъ изданъ законъ 30-го іюня 1881 года, который дѣйствуетъ и понынѣ, претерпѣвъ со времени своего изданія два измѣненія: во-первыхъ, 1-го іюля 1901 года была отмѣнена ст. 7, устанавливавшая запрещеніе клубовъ, и, во-вторыхъ, 27-го марта 1907 года отмѣнялась необходимость предварительныхъ заявленій, съ чѣмъ связывался переходъ отъ «явочнаго» порядка къ системѣ «свободнаго устройства собраній». Что касается Германіи, то до изданія имперскаго закона 19 апрѣля 1908 года право публичныхъ собраній регулировалось мѣстнымъ законодательствомъ государствъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи. При этомъ, въ силу историческихъ условий, право публичныхъ собраній не обособляется отъ права союзовъ (стр. 175). Самый законъ 19 апрѣля 1908 года, несомнѣнно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ §§, видимо, облегчавшихъ устройство собраній, въ существенной своей части являлся стѣсненіемъ свободы. § 12 обуславливалъ необходимость вести пренія въ публичныхъ собраніяхъ на нѣмецкомъ языкѣ, а § 17, касающійся одинаково и собраній и союзовъ, устанавливалъ запрещеніе для лицъ, не достигшихъ 18-лѣтняго возраста, быть членами политическихъ союзовъ, посѣщать собранія такихъ союзовъ, если только они устраиваются не для развлеченія, и вообще присутствовать на публичныхъ собраніяхъ.

Переходя къ обзору законодательства о правѣ публичныхъ собраній въ Англіи, г. В. Матвѣевъ констатируетъ, что «было бы совершенно бесполезно искать въ англійскомъ законодательствѣ такого общаго закона о правѣ публичныхъ собраній, образцы котораго мы имѣли хотя бы французскомъ законѣ 30 іюня 1881 г., или въ германскомъ законѣ 19 апрѣля 1908 г. (стр. 291). «Нѣтъ никакого спеціальнаго закона,—говоритъ Дайси:—разрѣшающаго А, В и С сойтись гдѣ-нибудь на открытомъ воздухѣ или въ другомъ мѣстѣ съ законной цѣлью; на право А итти, куда ему вздумается, если онъ не совершаетъ этимъ правонарушенія, и говорить В все, что онъ захочетъ, если въ словахъ его не будетъ заключаться никакой клеветы и ничего мятежнаго, право В дѣлать то же самое по отношенію А и существованіе тѣхъ же правъ у С, D, E и F и г. д. до безконечности ведетъ къ тому результату, что А, В, С и D и тысяча или десять тысячъ другихъ лицъ могутъ (вообще говоря) сойтись въ какомъ-нибудь мѣстѣ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣетъ право быть съ законной цѣлью и законнымъ образомъ».

«Несомнѣнно,—говоритъ В. Матвѣевъ:—что историческое развитіе права собраній въ Англіи обладаетъ своими особенностями, отличающими его отъ отвѣтствующихъ явленій на континентѣ», но было бы ошибкой думать, что Англія не пережила своего періода, когда существовали законы о собраніяхъ. Только революція конца XVII вѣка, приведшая къ усилению авторитета народнаго представительства за счетъ короны, повела къ сокращенію и полномочій исполнительной власти и въ центрѣ и на мѣстахъ. Примѣръ Англіи и отчасти Франціи, стремящейся также къ уничтоженію спеціальнаго законодательства относительно права собраній, приводитъ насъ къ убѣжденію, что «постепенное отмираніе чисто ограничительнаго законодательства о правѣ собраній представляетъ собой явленіе вполнѣ естественное и неизбѣжное въ государствахъ, эволюционирующихъ въ сторону парламентаризма и демократіи» (стр. 295). «Разнообразныя ограниченія права собраній... имѣли своимъ источникомъ отчасти нескрываемый страхъ законодателя передъ возможностью возобновленія эксцессовъ, характеризующихъ революціонныя эпохи, передъ диктатурой клубовъ, передъ захватомъ власти уличными сборищами... Всевозможныя преграды, мѣшающія свободному политическому самоопредѣленію населенія, безъ сомнѣнія, противорѣчатъ правосознанію культурныхъ народовъ и неизбѣжно обречены на постепенное вымираніе».

А. И.

А. И. Чупровъ. Мелкій кредитъ и кооперація. Москва. 1909.

Въ своей публицистической дѣятельности покойный профессоръ А. И. Чупровъ оказывалъ преимущественное вниманіе интересамъ мало-зажиточнаго крестьянства, отдающаго свои силы неблагодарному сельско-хозяйственному труду. Вопросъ о подъемѣ производительности этого труда горячо интересовалъ московскаго ученаго, и всякая мѣра, обещающая увеличеніе доходности крестьянскаго двора, была привѣтствуема имъ съ чисто-юношескимъ одушевленіемъ. Не нужно доказывать, что въ числѣ такихъ мѣръ первое мѣсто занимаетъ организація въ селахъ дешеваго и доступнаго кредита, котораго такъ долго

лишена была наша страна. А. И. Чупровъ детально изучилъ этотъ вопросъ и въ данной области является специалистомъ, какихъ у насъ немного. Вновь вышедшій сборникъ, заглавіе котораго приведено выше, содержитъ въ себѣ рядъ статей, помѣщенныхъ разновременно въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ и освѣщающихъ все тотъ же наболѣвшій вопросъ о доставленіи народу правильнаго (т. е. не ростовщическаго) кредита.

Такъ какъ и въ Западной Европѣ, и у насъ организація мелкаго кредита основана на кооперативномъ принципѣ, то Чупровъ въ отдѣльной статьѣ останавливается на выясненіи «роли личности и общества въ современномъ кооперативномъ движеніи». Основная точка зрѣнія А. И. Чупрова состоитъ въ томъ, что «каждая не совсѣмъ заурядная личность находитъ въ средѣ этихъ (т. е. кооперативныхъ) организацій широкое поле для приложенія силъ и, трудясь, повидимому, надъ мелкимъ дѣломъ, можетъ иногда оказать на современниковъ болѣе могущественное вліяніе, нежели въ прежнія эпохи люди съ исключительными дарованіями, съ славными, на первый взглядъ, подвигами» (с. 54). Авторъ и въ послѣдующихъ статьяхъ касается вкось этого вопроса, выдвигая значеніе скромныхъ, незамѣтныхъ тружениковъ на поприщѣ коопераціи. О нихъ онъ говоритъ съ трогательнымъ уваженіемъ. Зато—въ противоположность этому—съ какимъ негодованіемъ говоритъ онъ о мертвящемъ отношеніи нашей бюрократіи къ этому важному дѣлу («Бюрократія и мелкій кредитъ»). «Ревнивая къ власти и подозрительная бюрократія всячески тормозитъ попытки органовъ самоуправленія и частныхъ лицъ, а сама между тѣмъ не хочетъ или не умѣетъ сдѣлать то, что нужно». Эта мысль повторяется во всѣхъ статьяхъ, гдѣ Чупрову приходилось касаться тѣхъ мытарствъ, какія претерпѣвалъ у насъ мелкій кредитъ. Въ статьѣ «Отношеніе общества и правительства къ мелкому кредиту» мы находимъ нѣсколько ѣдкихъ, но справедливыхъ словъ по адресу между прочимъ государственнаго банка, на который закономъ 1 іюня 1895 г. о мелкомъ кредитѣ возложена была особливая задача позаботиться о насажденіи сельскихъ кредитныхъ товариществъ. «Вмѣсто того,—говоритъ Чупровъ:—чтобы пріохотить къ устройству кредитныхъ товариществъ предоставленіемъ основныхъ капиталовъ на льготныхъ условіяхъ, государственный банкъ беретъ съ нихъ за эти капиталы дороже, нежели съ остальныхъ своихъ кліентовъ, именно 6% и—что еще тягостнѣе—тормозитъ ихъ устройство формальностями и проволочками. Вопросъ о ссудѣ въ какую-нибудь тысячу рублей въ основной капиталъ товарищества проходитъ столько инстанцій и тянется такъ долго, что у учредителей пропадаетъ охота хлопотать о ней» (с. 140). Своимъ разборомъ проекта земскихъ кассъ Чупровъ оказалъ даже практическую услугу дѣлу: при утвержденіи проекта были частью исключены, частью смягчены тѣ статьи, на стѣснительность которыхъ указывалъ профессоръ.

Красною нитью черезъ всю книгу проходитъ мысль, что нашъ крестьянинъ совершенно кредитоспособенъ, что ссуды даже такъ называемаго потребительнаго характера—не пропація въ крестьянскомъ хозяйствѣ: значеніе ихъ въ томъ, что «потребности совершенно неизбѣжныя покрываются наиболѣе экономнымъ образомъ». Нечего и говорить, что Чупровъ пламенно отстаиваетъ тѣ формы учрежденій мелкаго кредита, которыя основаны на принципѣ самодѣятельности

населенія и пессимистически смотритъ на типы учрежденій съ административной закваской (каковы волостныя кассы). Въ этомъ отношеніи Чупровъ былъ убѣжденнымъ, если можно такъ выразиться—кровнымъ кооператоромъ. Эта черта особенно должна быть отрадна для немногочисленной дружины нашихъ русскихъ кооператоровъ. Взглядъ Чупрова на кооперацію, на ея могущество и благотворную роль въ условіяхъ жизни нашей страны долженъ быть тѣмъ болѣе убѣдительно, что этотъ взглядъ не былъ ни скороспѣлымъ, ни поверхностнымъ; онъ основанъ на глубокомъ изученіи дѣла и провѣренъ обширными познаніями въ области народнаго хозяйства. Поэтому убѣжденная проповѣдь его должна пристыдить враговъ коопераціи и открылить друзей ея.

К. Х.

В. Н. Перетцъ. Очерки по исторіи поэтического стиля въ Россіи. Эпоха Петра Великаго и начало XVIII ст. V — VIII. Спб. 1909. Стр. 64.

Проф. В. Н. Перетцъ печатаетъ въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» продолженіе своихъ интересныхъ работъ по исторіи поэтического стиля. Первый выпускъ «Очерковъ» (1905 г.) былъ посвященъ изученію запаса формулъ или шаблоновъ, составлявшихъ особенности стиля художественной лирики спеціально Петровскаго времени. На основаніи изученія этого матеріала авторъ пришелъ къ заключенію, что особенности поэтического стиля возникаютъ сначала у крупныхъ поэтовъ, затѣмъ передаются поэтамъ меньшаго калибра. При этомъ нужно принять во вниманіе, что эти особенности «не ограничиваются родиной своего изобрѣтателя и узкими предѣлами національной литературы: въ международномъ литературномъ общеніи образы, отлившіеся въ опредѣленные формулы, ставшіе шаблонными, повторяются почти механически, какъ наиболѣе привычная форма, въ которую отливаются мысль, чувство, настроеніе поэта съ несильной творческой индивидуальностью». Эти второстепенные и третьестепенные писатели и представляютъ собой основу консервативности поэтического стиля, его кристаллизаціи въ безжизненныхъ, банальныхъ формахъ, которыя, если не теперь, то раньше, когда литературная эволюція шла медленно, черепашинымъ шагомъ (впрочемъ, какъ и всякая иная эволюція), жили цѣлыми вѣками. Могущественнымъ факторомъ, вызывавшимъ эту живучесть, было то, что Тэнъ называлъ «моментомъ», и подъ чѣмъ онъ разумѣлъ вліяніе писателей предшествующаго поколѣнія на писателей послѣдующихъ. Наоборотъ, факторомъ литературной эволюціи и въ частности эволюціи поэтического стиля являлись крупные таланты, обладавшіе ярко выраженной индивидуальностью. Они были какъ бы революціоннымъ ферментомъ литературной эволюціи. Это положеніе В. Перетцъ провѣряетъ въ области повѣсти и драмы Петровской эпохи, именно въ отношеніи ихъ стиля и мотивовъ.

Какъ извѣстно, повѣсти конца XVII и пачала XVIII в. въ большинствѣ своемъ представляютъ переводы и передѣлки западно-европейскихъ образцовъ. Послѣдніе шли къ намъ двумя путями: посредственно черезъ Польшу, являющуюся передатчицей ихъ малороссамъ, а отъ нихъ въ серединѣ XVII в. съ наплывомъ ихъ

въ Москву, и къ намъ; 2) непосредственно черезъ Нѣмецкую слободу въ Москвѣ. Замѣтимъ, что въ нашей ученой литературѣ вопросъ о литературномъ вліяніи Нѣмецкой слободы почти совершенно не затронутъ. Въ виду этого для изученія генезиса литературнаго стиля и мотивовъ русскихъ повѣстей конца XVII и половины XVIII вв. необходимо обратиться къ Западу. Проф. В. Перетцъ такъ и поступаетъ, дѣлая краткую характеристику художественнаго стиля и мотивовъ романовъ западно-европейскихъ, главнымъ образомъ французскихъ. Переходя затѣмъ къ анализу *style précis* русской беллетристики Петровской эпохи, авторъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе, что художественный стиль западно-европейскихъ произведеній, конечно, отразился въ русскихъ повѣстяхъ, романахъ и драмѣ, но не во всей своей полнотѣ и разнообразіи: «если кое-что и нашло себѣ отраженіе, то оно похоже на отраженіе въ кривомъ зеркалѣ». Но въ объясненіи этого явленія мы не можемъ вполне согласиться.

Повидимому, авторъ склоненъ объяснять это преимущественно внѣшнимъ обстоятельствомъ, именно тѣмъ, что «непосредственнымъ источникомъ для знакомства русскихъ подражателей съ романами выше характеризованнаго типа была не итальянская и не французская, а, пожалуй, не всегда и нѣмецкая литература; и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, гдѣ сказалось культурное воздѣйствіе Запада на Россію, должна была замѣтно сыграть неизбѣжную роль Польша и польская литература—первая изъ литературъ Восточной Европы, вступившая въ тѣсное общеніе съ Западомъ». Ставя на первый планъ эти чисто внѣшнія и потому случайныя обстоятельства, авторъ лишь вскользь указываетъ на другую, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе важную причину, на то, что «русскіе стихотворцы (и вообще писатели-беллетристы) далеко не могли угнаться за своими образцами, за ихъ легкостью и граціей». Почему—понятно само собой. Вѣдь на Западѣ, начиная съ эпохи Возрожденія, замѣчается крупный ростъ личности, ея индивидуализація, ея экономического, политическаго и духовнаго раскрытія. Сбросившая съ себя гнетъ личность сумѣла рельефно проявиться и въ области литературы. Вѣдь сентиментализмъ, первая форма проявленія личности въ литературѣ, возникъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. В. Перетцъ, еще въ эпоху Возрожденія. У насъ же въ Россіи въ болѣе или менѣе замѣтной формѣ личность со своими культурными запросами появилась лишь въ XVII в. Вотъ почему наши первые писатели, эти первые провозвѣстники индивидуализація личности, и «не могли угнаться за своими образцами». Вотъ почему, главнымъ образомъ, и нашъ стиль и мотивы повѣстей и драмъ Петровской эпохи, родившіяся на Западѣ, значительно уклонились на русской почвѣ, сдѣлались болѣе примитивными, грубыми: мы бы сказали «опрошенными». Личность русскаго человѣка того времени еще не настолько выросла духовно, чтобы понимать всѣ тонкости, всѣ нюансы, всю грацію и легкость стиля и мотивовъ западно-европейской беллетристики.

Что же касается анализа особенностей стиля и мотивовъ русскихъ повѣстей и драмъ Петровской эпохи, то онъ сдѣланъ проф. В. Перетцомъ превосходно. Авторъ не только подмѣчаетъ, но типизируетъ, указываетъ, какъ они чуть не съ первыхъ шаговъ своего появленія становились шаблонными, принимали уже оболочку традиціонныхъ формъ, въ своемъ родѣ обязательныхъ для каждаго

літературнаго произведенія. Матеріаломъ для такого изученія послужили рускія повѣсти и романы въ родѣ «Исторія о шляхтичѣ Долгоруиѣ», «Исторія о Василіи Коріотскомъ», «Исторія объ Александрѣ російскомъ дворянинѣ» и др., а также драмы въ родѣ «Сципіо Африканъ, вождь римскій, и погубленіе Софонизбы, королевы нумидійскія», «Честный измѣнникъ или Фредерико фонъ-Поплей и Алонція, супруга его, Дафнисъ, гоненіемъ любовнаго Аполлона въ древо лавровая превращенная» и др. Общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ, тотъ, что для народившихся новыхъ понятій и чувствъ необходимы были новыя литературныя формулы, и послѣднія, сложившіяся подъ вліяніемъ нѣмецкимъ и частью малорусскимъ, нашли себѣ мѣсто прежде всего въ лирикѣ. Беллетристика (повѣсть, романъ) и драма нѣсколько отстали въ этомъ отношеніи, но и ихъ объединяетъ съ лирикой рядъ общихъ формулъ, властно господствовавшихъ до періода французскаго вліянія.

Съ точки зрѣнія новыхъ для конца XVII вѣка литературныхъ формулъ тотъ же историкъ ведетъ и другія работы, изъ которыхъ назовемъ «Замѣтки о пѣсняхъ XVIII вѣка» по рукописямъ московскаго училища церковнаго пѣнія («Русскій Филол. Вѣстн.» 1907 г., I, 187—201), «Новыя данныя для исторіи старинной украинской лирики. I—IV» («Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ» 1907 г., кн. I, стр. 144—184) и кое-что, напечатанное въ украинскихъ изданіяхъ.

И. А.

**Н. Ѳ. Анненскій. Вторая книга отраженій. Спб. 1909. Стр. 135.
Цѣна 80 коп.**

Книжка г. Анненскаго представляетъ собою сборникъ изъ семи критическихъ статей, посвященныхъ Достоевскому, Тургеневу, Лермонтову, Леониду Андрееву, Гейне, Гамлету, Ибсеновскому Вранду. Авторъ принадлежитъ къ числу критиковъ-декадентовъ и, какъ всякій декадентъ, не богатъ крупными, а главное цѣльными мыслями, но зато преисполненъ обрывками мыслей, неясными мимолетными впечатлѣніями, которыя онъ и старается передать читателю. Впечатлѣнія эти иной разъ совершенно «генидны», по выраженію Вейнингера, и для того, чтобы вызвать ихъ въ душѣ другого, автору приходится выискивать словечки, нанизывать необыкновенныя ихъ сочетанія, т. е. заниматься дѣломъ чисто декадентскимъ. Отъ этого его разсужденія пахнутъ искусственностью, а иногда и просто невразумительны. Это, повидимому, чувствуетъ и самъ авторъ. Запутавшись въ своихъ разсужденіяхъ о Достоевскомъ, онъ считаетъ необходимымъ, чтобы уяснить читателю сущность своихъ мыслей, прибѣгнуть къ помощи чертежа съ извилистыми красными и черными линиями и съ объясненіями, какъ на географическихъ картахъ. Во всемъ этомъ много претенціозности, стремленія сказать больше, чѣмъ можешь, и расчета на то, что читатель, ничего не понимая, припишетъ это только убожеству собственной мысли.

А. В.

**Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревымъ. М. 1909.
Стр. 197. Ц. 1 руб.**

Письма—наиболѣе цѣнный матеріалъ для изученія біографіи писателя, его личности и міросозерцанія. Прежде всего, письма заключаютъ въ себѣ множество біографическихъ свѣдѣній. Затѣмъ, въ литературныхъ произведеніяхъ часто многія характерныя стороны личности и міросозерцанія писателя не образуются, въ письмахъ же, особенно, если мы имѣемъ ихъ большое количество и къ разнымъ лицамъ, писатель возстаегъ предъ нами не только, какъ писатель, но и какъ человекъ, во всей цѣльности и совокупности всѣхъ душевныхъ качествъ, со всѣми своими симпатіями и антипатіями. Въ виду этого изученіе писемъ, несомнѣнно, стоитъ на первомъ мѣстѣ при изученіи писателя. Наиболѣе яркимъ примѣромъ громадной цѣнности писемъ является переписка Пушкина: нигдѣ такъ полно не проявилась личность поэта, какъ въ его письмахъ, ничто не дасть такого яркаго о немъ представленія, какъ его переписка.

Конечно, цѣнность писемъ прямо пропорціональна ихъ искренности. Искренни или нѣтъ письма Чехова? Если бы они были не искренни, то неминуемо въ нихъ должны были бы обнаружиться противорѣчія, въ родѣ того, что въ одномъ письмѣ Чеховъ отзывался о комъ-нибудь одобрительно, въ другомъ отрицательно, въ одномъ письмѣ говоритъ объ одномъ и томъ же иное, чѣмъ въ другомъ,—въ зависимости отъ адресата, отъ отношеній съ нимъ. Никакого противорѣчія въ письмахъ Чехова нѣтъ, и это обстоятельство говоритъ за ихъ искренность.

Для біографіи, характеристики личности и міросозерцанія Чехова собранныя г. Бочкаревымъ письма даютъ много цѣннаго.

Прежде всего письма много даютъ для біографіи, есть даже два письма съ автобіографическими свѣдѣніями—къ Г. И. Россалимо и къ В. А. Тихонову. Особенно нужно отмѣтить въ біографической области слѣдующее. Одни біографы утверждаютъ, что отецъ Чехова былъ изъ крѣпостныхъ, отличался грубостью нрава, являлся совершенно необразованнымъ человекомъ, нѣкоторые же біографы утверждаютъ обратное, говорятъ, что отецъ Чехова не былъ изъ крѣпостныхъ, представлялъ собою довольно интеллигентнаго человека. То же противорѣчіе имѣетъ мѣсто и въ воззрѣніяхъ на дѣтство Чехова: если большинство утверждаетъ, что оно было мрачнымъ, тяжелымъ, то нѣкоторые отрицаютъ это. Въ письмахъ Чехова мы находимъ категорическое разрѣшеніе этихъ вопросовъ его біографіи. Въ письмахъ къ Эргелю онъ пишетъ: «Мой дѣдъ и отецъ были крѣпостными у Черткова, отца того самаго Черткова, который издаетъ книжки» (стр. 194). О своемъ дѣтствѣ Чеховъ говоритъ: «Когда я теперь вспомню о своемъ дѣтствѣ, то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ» (письмо къ Щеглову, стр. 185). «Спасибо за ласковое слово и теплое участіе,—пишетъ Чеховъ В. А. Тихонову.—Меня маленькаго такъ мало ласкали, что я теперь, будучи взрослымъ, принимаю ласки, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое» (стр. 142).

Что касается міросозерцанія Чехова, то интересно отмѣтить, что въ своихъ письмахъ онъ очень мало затрагиваетъ общественно-политическіе и философскіе вопросы. Цѣнно для обрисовки міросозерцанія Чехова указаніе на то, что онъ былъ проникнутъ атеизмомъ. «Религіи у меня нѣтъ», пишетъ онъ Щеглову (стр. 185). Важно для характеристики воззрѣній Чехова его отрицательное отношеніе къ русской интеллигенціи. «Я не вѣрю,—пишетъ Чеховъ И. И. Орлову,—въ нашу интеллигенцію, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лѣнивую, не вѣрю даже, когда она страдаетъ и жалуется, ибо ея притѣснители выходили изъ нея же нѣдръ. Я вѣрю въ отдѣльныхъ людей, я вижу спасеніе въ отдѣльныхъ личностяхъ, разбросанныхъ по всей Россіи тамъ и сямъ—интеллигенты онѣ, или мужики,—въ нихъ сила, хотя ихъ и мало» (стр. 54).

Для характеристики Чехова, какъ писателя въ узкомъ смыслѣ слова, цѣнно его указаніе на то, что надъ своими произведеніями онъ часто работалъ долго, много трудился надъ окончательною отдѣлкою. «Обыкновенно я пишу медленно, съ напряженіемъ», говоритъ онъ въ письмѣ Ѳ. Д. Батюшкову (стр. 2). Это разбиваетъ весьма распространенную легенду о томъ, что Чеховъ писалъ свои произведенія всегда съ невѣроятной скоростью, что творчество давалось ему безъ особенныхъ усилій и труда. Всего болѣе въ литературѣ Чеховъ цѣнили *простоту*; это не разъ обнаруживается въ его письмахъ. Для обрисовки литературныхъ симпатій Чехова интересно отмѣтить, что онъ изъ писателей выше всего ставилъ Толстого. Очень любилъ Чеховъ произведенія Короленка. «Это—мой любимый изъ современныхъ писателей», пишетъ Чеховъ А. Н. Плещееву.

Въ сборникѣ собраны лишь нѣкоторыя письма Чехова, но это не уменьшаетъ цѣнности сборника. Даже то сравнительно небольшое, что удалось собрать г. Бочкареву, даетъ интересный матеріалъ. Многія изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ писемъ уже были опубликованы ранѣе, но много писемъ является впервые. Собранныя всѣ вмѣстѣ, они много выигрываютъ. Мысль г. Бочкарева собрать письма Чехова заслуживаетъ большого одобренія и нужно пожелать, чтобы скорѣе появился обѣщанный составителемъ второй сборникъ писемъ Чехова.

А. Фомиинъ.

**Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Томъ 61, вып. II. Спб. 1909. Стр. III+117.
Цѣна 60 коп.**

Разсматриваемый 2-й выпускъ 61 тома «Сборника» цѣлкомъ посвященъ «Указателю къ Онежскимъ былинамъ Гильфердинга», составленному Н. В. Васильевымъ.

Въ настоящее время для всѣхъ ясно, какое большое значеніе имѣетъ подробное оглавленіе какого-либо труда, а тѣмъ болѣе указатель къ нему, говорить объ этомъ—все равно, что ломиться въ открытыя двери. Поэтому прямо приступимъ къ разсмотрѣнію настоящаго указателя, или, точнѣе, указателей, такъ какъ ихъ въ книгѣ два: одинъ—«Указатель именъ», другой—«Указатель предметовъ, дѣйствій и состояній».

Остановимся сначала на первом указателѣ. Въ немъ при именахъ собственныхъ, встрѣчающихся въ сборникѣ былинь, стоитъ и перечень касающихся этихъ именъ фактовъ, причѣмъ «при перечисленіи фактовъ, касающихся собственныхъ именъ, составитель не находилъ нужнымъ приближаться къ пересказу былины, какъ это сдѣлано, напр., П. Н. Шефферомъ по отношенію къ «Сборнику Кириши Данилова», и отмѣчалъ лишь страницы, гдѣ встрѣчается то или иное имя въ сборникѣ былинь, и затѣмъ указывалъ эпизоды, связанные съ этимъ именемъ.

Исключеніе изъ этого г. Васильевымъ сдѣлано лишь для Кіева, «который не отмѣчался, когда встрѣчался безъ эпитета».

Собственные имена обыкновенно приводятся составителемъ въ областной формѣ; но если въ былинахъ на ряду съ областной формой имя встрѣчается и въ литературной формѣ, то авторъ тогда приводитъ и ту и другую форму, съ взаимными ссылками.

Второй указатель, предметный, составленъ по слѣдующей программѣ: 1) религиозная жизнь человѣка—вѣрованія христіанскія и языческія, обрядовая сторона; 2) семейный бытъ—обозначеніе родства, отношеніе членовъ семьи другъ къ другу, отношенія половъ, не покрываемыя понятіемъ брака; 3) общественный бытъ—обозначеніе родства между собою; 4) житейская техника—жилище, домашняя обстановка, занятія и промыслы, ремесла, торговля; 5) искусство—музыка, пѣніе, пляска, игры; 6) военный бытъ; 7) природа одушевленная и неодушевленная. Кромѣ предметовъ, въ указатель внесены также дѣйствія и состоянія (напр., вспарываніе груди и т. п.) въ виду важности ихъ въ вопросѣ о мотивахъ—спеціально былинныхъ или обще-поэтическихъ. Что касается эпитетовъ, то они вездѣ помѣщены при словахъ, къ которымъ они «прикрѣпились».

Въ концѣ своего предисловія г. Васильевъ объясняетъ, почему ссылки въ настоящихъ указателяхъ обозначаются страницами тома. «Обозначеніе № былины и стиха, гдѣ встрѣчается данное мѣсто, разумѣется, представлялось бы,—говоритъ онъ,—болѣе точнымъ, а, съ другой стороны, дало бы возможность примѣнять указатель и къ 1-му изданію сборника. Но это изданіе вездѣ вытѣснено настоящимъ, по распродажѣ котораго (томъ I уже весь разошелся) новое изданіе можетъ строка въ строку соответствовать 2-му». Съ этимъ мнѣніемъ г. Васильева никакъ нельзя согласиться. Если первое изданіе давно распродано и уже отъ 1-го тома второго изданія на складѣ ничего не осталось, то это говоритъ лишь о томъ, что былинами интересуются, ихъ изучаютъ,—но это обстоятельство вовсе не говоритъ о томъ, что 1-е изданіе исчезло съ лица земли. Навѣрное добрая половина 1-го изданія на рукахъ, и по нему такъ же старательно изучаютъ былины, какъ и по новому, а потому было бы, конечно, раціональнѣе издать указатель къ былинамъ такъ, чтобы онъ годился и для того и для другого изданія. Н. В. Васильевъ, авторъ настоящаго указателя, говоритъ, что это безъ нужды увеличило бы объемъ указателя. Но бѣды особенной я тутъ не вижу. Указатель увеличился бы и цѣна его бы поднялась—вмѣсто 60 коп. онъ стоилъ бы 70—80 коп., и дѣло отъ этого только бы выиграло.

Я. Вирюковъ.

«Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», подъ ред. барона Н. В. Дризена. Книги 1-я и 2-я за 1909 г.—**«Журналъ театра Литературно-Художественнаго общества»**, сезонъ 1909 г.—**«Театръ. Книга о новомъ театрѣ»**. Изд. «Шиповника». 1909.—**«Кризисъ театра»**. Сборникъ статей. Книгоиздательство «Проблемы искусства». 1909.—Сергѣй Яблоновскій. **«О театрѣ»**. Изд. Сытина. Москва. 1909 г.

Въ области литературы о театрѣ—области вѣчнаго затишья—оживленіе книжнаго рынка сказалось въ выходѣ въ свѣтъ только что выписанныхъ изданій. Это все, что появилось сколько-нибудь замѣчательнаго за послѣднее полугодіе.

«Ежегодникъ Императорскихъ театровъ» реформированъ. Убийственная печать казенщины лежала на выпускахъ этого изданія послѣднихъ лѣтъ,—непреодолимая, очевидно, никакими усиліями того несомнѣннаго литератора, который стоялъ въ главѣ изданія. Надо думать, мертвенность предпріятія усмотрѣна самою дирекціей, рѣшившеюся пойти на реформы. «Ежегоднику» пора сдѣлаться не случайнымъ архивомъ случайныхъ статей, возстановляющихъ театральное прошлое безразлично прошлаго ли вѣка, 30-хъ ли годовъ, послѣдняго ли десятилѣтія. Съ этого года изданіе приближается къ типу ежемѣсячника (оно будетъ выходить восемь разъ въ годъ), и это, разумѣется, является залогомъ утѣшительныхъ возможностей. По первымъ книжкамъ можно угадывать вѣрно поставленную новымъ редакторомъ программу. Чувствуется здѣсь уже явная попытка помочь современному театру разобраться въ явленіяхъ современнаго русскаго и иностраннаго театра. Переписка покойнаго Ленскаго и нынѣ здравствующаго Сумбатова по вопросу объ апплодисментахъ въ театрѣ—матеріалъ, повидимому, довольно случайный, но онъ выдаетъ разумное желаніе редактора удѣлять въ своемъ изданіи мѣсто всякому живому голосу интересныхъ въ области сцены людей.

Страничками, рассказывающими о мытарствахъ Писемскаго при проведеніи «Горькой Судьбины» черезъ цензурную Сциллу и Харибду, уплачена дань историческимъ матеріаламъ. Режиссерскими уясненіями современныхъ постановокъ вродѣ «Мертваго города» и откликами на гастроли иностранныхъ знаменитостей вродѣ трагика Джіованни ди-Грассо читатель вводится въ сегодняшній театральный день. Нельзя не чувствовать, что специальная программа казеннаго изданія, устраняющая, напримѣръ, критику исполнителей императорскихъ театровъ,—значительно подѣвкаетъ широту редакторскаго размаха. Чувствуется также какъ бы неналаженность въ вопросѣ о «приложеніяхъ». Къ одной изъ вышедшихъ книжекъ, напримѣръ, приложена гоголевская «Женитьба». Приложеніе возбуждаетъ недоумѣнное чувство. Помилуйте, у кого же нѣтъ сочиненій Гоголя и, наконецъ, развѣ не существуютъ уже изданія этой комедіи стоимостью въ гривешики? А сколько интересныхъ пьесъ, казалось бы, ждутъ очереди? Изслѣдованіе текста приводитъ къ мысли, что «Ежегодникъ» даетъ исправленный и вывѣренный текстъ. Въ такомъ случаѣ, строчка редакціоннаго примѣчанія была бы дѣломъ прямой необходимости.

«Журналъ театра Литературно-Художественнаго общества» — въ идеѣ въ высокой степени симпатичное явленіе. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, и давать освѣщеніе театральныхъ явленій, какъ не театру, носящему имя «литературно-художественнаго» и группирующему около себя немало людей литературы, искусства и театра. Дѣло это молодое, и въ немъ также порою сильно чувствуется неувѣренность первыхъ шаговъ. Разумѣется, журналъ ближайшимъ образомъ интересуются «Малымъ театромъ». Явленія стороннія находятъ только случайное отраженіе на его страницахъ. Со временемъ, конечно, сама жизнь приведетъ руководителей журнала къ несравненно болѣе широкому захвату театральной жизни. Помимо программъ спектаклей Малаго театра, свода рецензій разныхъ газетъ о поставленныхъ въ немъ пьесахъ, характеристикъ актеровъ, сопровождаемыхъ прекрасно исполненными портретами ихъ, журналъ преслѣдуетъ и чисто литературныя цѣли. Здѣсь помѣщаются маленькія пьески, оригинальныя и переводныя, статьи, стихотворенія, карикатуры, автографы. Правда, ничего яркаго пока нельзя выдѣлить здѣсь изъ массы.

Истиннымъ украшеніемъ страницъ журнала являются статьи талантливаго В. В. Розанова. Среди другихъ именъ рѣшительно преобладаютъ имена молодежи и, если сдѣлать исключеніе для гг. Бѣляева и Безпятава,—по преимуществу молодежи модернистскаго оттѣнка. Здѣсь вы найдете имена Ремизова, Садовскаго, Волошина, Кузмина, Гумилева, Ал. Толстого № 2-й и т. д.

Дѣло дѣлается съ любовью. Театраль-любитель найдетъ здѣсь немало снимковъ и факсимиле съ совершенно рѣдкихъ портретовъ и рукописей. Нѣкоторые номера, посвященные бенефициантамъ и бенефицианткамъ, даютъ въ нѣкоторомъ родѣ ихъ триумфъ, часто слишкомъ повышенный. По литературной значительности, художественности исполненія и богатству рисунковъ выдѣляется юбилейный Суворинскій номеръ, гдѣ на ряду съ фотографіями юбиляра прекрасно воспроизведены рисунки извѣстнаго Павла Соколова къ «Горе отъ ума». Вообще будущность этого предпріятія несомнѣнна. Время, будемъ надѣяться, сгладитъ нѣсколько рекламный колоритъ нѣкоторыхъ страницъ журнала и устранимъ тотъ оттѣнокъ семейственности и домашнихъ услугъ, какой выступаетъ въ нѣкоторыхъ замѣткахъ, досадно внося въ литературное изданіе обыкновенія семейнаго или гимназическаго рукописнаго изданія.

«Книга о новомъ театрѣ» совмѣстила въ себѣ большія противоположности. Начать съ того, что съ именами такихъ мечтателей и фантастовъ, какъ Сологубъ или Мейерхольдъ, издательство ухитрилось совмѣстить имена такихъ трезвыхъ реалистовъ социаль-демократическаго оттѣнка, какъ А. Луначарскій или Ю. Аничковъ. Художественная неравноцѣнность статей ясна уже изъ одного сопоставленія именъ такихъ вдумчивыхъ и широко образованныхъ авторовъ, какъ В. Брюсовъ или А. Горнфельдъ и, съ другой стороны, такихъ любителей послушать себя, какъ Г. Чулковъ. «Шиповникъ» собралъ все это, рѣшительно не заботясь о какомъ-нибудь единствѣ мысли въ сборникѣ, воздержался отъ какого бы то ни было предисловія и предоставилъ каждому автору говорить за себя. Едва ли въ самыхъ отдаленныхъ помысленіяхъ руководители издательства могли предвидѣть то, что получилось. Колдунъ современнаго модернизма Сологубъ, трезвѣйшій Луначарскій, озаглавившій свою статью «Соціализмъ

и искусство» (!), фанатическій искатель сценической новизны Мейерхольдъ, туманный мистикъ Андрей Бѣлый—создаютъ въ цѣломъ такой невѣроятно пестрый концертъ, что свѣжій читатель уже къ серединѣ книги совершенно ошеломленъ и потрясенъ. Сейчасъ Луначарскій отстаиваетъ «варварскій театръ». Будущій театръ, по его мнѣнью, «выброситъ вонъ нюансы и детали... Онъ будетъ гремѣть, блестѣть, будетъ шуметь, быстролететь... Лучше пусть актеръ переиродитъ Ирода, чѣмъ недоиродитъ». Рядомъ Горнфельдъ даетъ характеристики Дузе, Станиславскаго, исходя изъ трезвыхъ понятій вѣчнаго художества, какъ раскрытiя индивидуальной актерской личности. Черезъ нѣсколько страницъ Мейерхольдъ страстно отстаиваетъ принципъ стилизации. Но еще нѣсколько страницъ, и передъ вами почти ошеломляющее чудачество Сологуба, который предлагаетъ современному зрителю не больше, не меньше, какъ самому заплясать въ театрѣ:

— Скоро и мы всѣ, какъ хлысты, хлынемъ на сцену и закружимся въ неистовомъ радѣннiи.

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

«Кризисъ театра» рожденъ только что разсмотрѣннымъ изданiемъ и въ значительной своей части представляетъ критику его. Здѣсь участвуютъ Стекловъ, Базаровъ, Шулятиковъ, Чарскій и Фриче—лица, небезызвѣстныя въ лагерѣ социаль-демократовъ. Многiя комическiя стороны «Книги о новомъ театрѣ» нашли здѣсь заслуженное осужденiе и насмѣшку, но справедливость требуетъ сказать, что иногда высоко-комическое впечатлѣнiе производятъ и сами критики, подходящiе къ суду театра съ точки зрѣнiя... ученiя социаль-демократовъ.

Одни начала статей и главъ способны иногда положительно вызвать улыбку у читателя, привычнаго вращаться въ теоретической литературѣ сцены и не зашибающаго никакими политическими доктринами. Въ самомъ дѣлѣ, политика есть политика, а театръ есть театръ. И какъ смѣшно было бы подходить къ размышленiямъ о положенiи пролетарiата съ точки зрѣнiя современныхъ пониманiй театра, такъ же точно нелѣпо соображать о настоящемъ и будущемъ театрѣ, исходя изъ ученiя Маркса или Каутскаго.

Вотъ какъ, напримѣръ, начинаются статьи Чарскаго или Фриче:

«Въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтiя Россiя быстро переходитъ къ крупно капиталистическому машинному производству...»

«Съ восьмидесятыхъ годовъ крупная городская буржуазiя начинаетъ играть первенствующую роль...»

«Театральное искусство переживаетъ серьезный кризисъ, вызванный цѣлымъ рядомъ социальнo-экономическихъ причинъ...» (!)

А вотъ какъ, напримѣръ, тѣ же Чарскій и Фриче въ заключительныхъ строкахъ своихъ статей формулируютъ свои мысли:

«Вырастая до значенiя крупнаго социальнаго фактора, театръ явился въ роли общественнаго глашатая и выразителя нуждъ демократiи» (!).

И еще:

«Въ социалистическомъ обществѣ сцена должна снова слиться съ публикой, и театральная зрѣлища съ ихъ раздѣленiемъ на зрителя и актеровъ усту-

пять мѣсто коллективнымъ празднествамъ, торжественнымъ процессіямъ, масовымъ хорамъ и т. д.».

Вотъ до какой юмористики можно договориться, начинивъ себя доктриной, которая имѣетъ меньше отношенія къ театру, чѣмъ Понтій Пилать къ символу вѣры! Скучные схоласты и доктринеры, умѣющие танцовать только отъ печки и сводящіе рѣчь къ пролетариату и машинному производству даже тогда, когда они берутъ на себя смѣлость приближаться къ великому и свѣтозарному царству искусства и красоты,—неизбѣжно вызываютъ въ памяти того гоголевскаго голову, которому разъ довелось ѣхать на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ и который съ тѣхъ поръ, о чемъ бы ни говорилъ, непременно сводилъ рѣчь на это воспоминаніе:

— А вотъ въ старое время, когда провожалъ я царицу по Переяславской дорогѣ...

«Книга о новомъ театрѣ» во всякомъ случаѣ имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ этой смѣшной, доктринерской книгой. Въ ней положительно интересны статьи Брюсова, Горифельда, Мейерхольда и Александра Венуа. Театральный московскій критикъ С. Яблоновскій собралъ въ отдѣльный томъ «О театрѣ» лучшее изъ того, что ему довелось на своемъ вѣку написать о театрѣ. Послѣ нелѣпаго мудрованія Сологубовъ, приглашающихъ васъ плясать въ театрѣ, напыщенныхъ вѣщаній Андреевъ Бѣлыхъ и социаль-демократической болтовни о сценическомъ искусствѣ разныхъ Фриче—положительно симпатичное впечатлѣніе производитъ эта книга, авторъ которой, не мудрствуя лукаво, передаетъ свои впечатлѣнія отъ того, что онъ видѣлъ въ театрѣ и думалъ о немъ. Значительная часть книги посвящена московскому Художественному театру. Авторъ страстный его поклонникъ и апологетъ. Такъ же безхитростны театральныя воспоминанія Яблоновскаго о Ермоловой, Коммиссаржевской или покойныхъ Стрепетовой, Богатыревѣ и т. д. У автора несомнѣнный литературный вкусъ, мѣткость глаза и слова, богатый театральный опытъ, ненаигранная любовь къ искусству въ вѣчномъ его пониманіи и,—что, можетъ быть, всего дороже,—полная искренность и совершенное отсутствіе тѣхъ претензій и ходульности, которыя портятъ статьи и книги такъ расплодившихся нынѣ литературныхъ гримасниковъ.

А. Измайловъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕРЕВОДЪ апокрифа книги патриарха Еноха¹⁾.—Въ Парижѣ только что вышелъ французскій переводъ съ эіопскаго текста книги Еноха, ветхозавѣтнаго патриарха, причемъ переводчикъ, аббатъ Мартень, профессоръ семитическихъ языковъ въ парижскомъ католическомъ институтѣ, сдѣлалъ къ этому труду свои комментаріи. Согласно старой традиціи, приведенной въ V «Исхода», патриархъ Енохъ, сынъ Іаредъ, отецъ Маусайла, за благочестіе и вѣру во Всевышняго былъ взятъ на небо живымъ, 365 лѣтъ отъ роду. Естественно, такое исключительное благоволеніе къ нему Бога привлекало къ этой личности вниманіе ученыхъ эпохи Асманеевъ, но для обезпеченія авторитета своихъ трудовъ они выдавали за авторовъ ихъ кого-нибудь изъ библейскихъ святыхъ людей. Въ то время не стѣснялись приписывать патриархамъ и пророкамъ разныя слова и исторіи, о которыхъ тѣ и не помышляли. Поэтому отъ третьяго до перваго вѣка до нашей эры появилось много сочиненій, яко бы принадлежавшихъ патриарху Еноху, въ которыхъ повѣствовалося о взятіи его на небо и видѣніяхъ, въ которыхъ предъ нимъ раскрывались тайны потусторонняго міра. Главныя изъ нихъ собраны и пристегнуты одинъ къ другому, не взирая на попадавшіяся мѣстами противорѣчія, но такъ какъ приводимое въ нихъ ученіе какъ нельзя болѣе отвѣчало предрасудкамъ того времени, то они сходили за подлинныя. Евреи ссылались на ихъ свидѣтельство, какъ на единственное, ославшееся отъ ихъ предковъ, по которому они научились вѣрно различать небесныя знаки и времена года, согласно порядку мѣсяцевъ, узнали о

¹⁾ Le Livre d'Hénoch traduit sur le texte éthiopien (forme le tome 1). Documents pour l'étude de la Bible publiés sous la direction de F. Martin. Paris. 1909.

паденіи ангеловъ, страшномъ судѣ и наказаніи міра, а также злобѣ человѣческихъ дѣтей. Народившееся христіанство не избѣжало вліянія ученія Еноха, и если его имя только разъ упомянуто въ Новомъ Завѣтѣ, то слѣды его ученія ясно замѣтны въ евангеліяхъ и Апокалипсисѣ. Первые отцы церкви также прибѣгали къ нему, и только святые Августинъ и Иеронимъ рѣшились причислить это сочиненіе къ апокрифамъ. Съ тѣхъ поръ о немъ понемногу забыли, и тысячу лѣтъ книга оставалась въ забвеніи. Только въ концѣ XVIII вѣка въ Западной Европѣ она появляется въ эіопскихъ версіяхъ, а въ концѣ XIX въ греческихъ и латинскихъ и заключается на двѣнадцать страницъ. Теперь, какъ мы уже говорили, Мартенъ перевелъ ее на французскій языкъ съ эіопскаго.

Послѣ довольно краткаго предисловія патріархъ говоритъ, что истины, которыя онъ узналъ отъ самихъ ангеловъ, онъ возвѣщаетъ не для настоящаго поколѣнія, а для тѣхъ, которыя появятся въ далекихъ будущихъ временахъ, и сообщаетъ о явленіи Господа Бога и страшномъ судѣ. Въ первой книгѣ говорится о началѣ міра; онъ рассказываетъ, какъ ангелы, которымъ поручено наблюдать за небесными свѣтилами и землею, соединясь съ женщинами, произведутъ расу великановъ вышиною въ три тысячи локтей; они пожрутъ всѣ плоды человѣческихъ трудовъ и когда будетъ нечего болѣе имъ ѣсть, то они обратятся противъ людей, чтобы пожрать ихъ. Но молитвѣ вѣрныхъ духовъ, Богъ истребитъ этихъ великановъ и низвергнетъ падшихъ ангеловъ въ тьму кромѣшную, гдѣ они будутъ ожидать возмездія. Затѣмъ, желая очистить землю отъ преступленій, онъ наведетъ на нее потопъ, предупредивъ Ноя, что онъ можетъ помочь спасти его потомство. Тогда чистые ангелы поручатъ Ною предупредить нечестивыхъ о судьбѣ, которая имъ предуготовлена. Онъ на это соглашается и во время двухъ послѣдовательныхъ посѣщеній областей потусторонняго міра онъ видитъ бездну, геенну, область непокорныхъ планетъ, гдѣ онъ будетъ до конца временъ, но также семь чудесныхъ холмовъ и древо жизни, которое будетъ питать праведныхъ и смиренныхъ послѣ воскресенія; ихъ кости проникнутся сладкимъ благоуханіемъ и они будутъ жить на землѣ такъ долго, какъ не жили патріархи, и ихъ не коснутся ни страданія, ни печали, ни мученія.

Во второй книгѣ повторяются почти тѣ же обѣщанія, но въ трехъ параболахъ. Прежде всего вихрь вѣтра оторвалъ пророка отъ земли и перенесъ его на небо, гдѣ святые показали ему избранныхъ праведниковъ и вѣрныхъ, живущихъ въ радости рядомъ съ Мессіей. Во второй параболѣ онъ увидѣлъ самого Бога. Главу дней, и съ нимъ другое лицо, Сына Человѣческаго, Мессію, который будетъ судьей всѣхъ и мстителемъ за добрыхъ; «предъ нимъ мудрость течетъ, какъ вода, и слава не престаетъ отъ вѣка до вѣка». Въ ожиданіи, когда пробѣетъ часъ, ангелы возмездія создаютъ орудія пытки для наказанія королей и гонителей-преслѣдователей. Слѣдующая парабола рисуетъ судьбу блаженныхъ въ вѣчномъ сіяніи и покоѣ. Въ третьей книгѣ приведено нѣчто въ родѣ мистически-астрономическаго трактата, гдѣ законы, которые управляютъ планетами, устанавливаются ангеломъ Уріеломъ. Четвертая заключаетъ въ себѣ повѣствованіе двухъ сновъ, изъ которыхъ одинъ предвѣщаетъ ужасы потопа, тогда какъ другой нѣчто въ родѣ философіи общей исторіи обычаевъ изральянъ: тамъ

говорится, что до скончания времен на развалинах храма Соломона воздвигнется новый Иерусалим, в котором будет пастись стадо изральтянъ правовѣрныхъ и обращенныхъ язычниковъ. Они будутъ поклоняться Богу и его Мессіи. Пятая книга заканчивается серію увѣщаніями и угрозами, предназначенными для подкрѣпленія добрыхъ въ вѣрѣ въ будущую жизнь и въ блестящее вознагражденіе за перенесенныя на этомъ свѣтѣ несправедливости; злые не избѣгутъ небеснаго возмездія и будутъ горѣть въ огненномъ пламени. Все это написано напыщеннымъ, рѣзкимъ языкомъ, порою не лишеннымъ величія. Концепція и языкъ заимствованы въ большинствѣ случаевъ изъ «Книги Премудрости» и у пророковъ, особенно у Езекииля, Исаи и Даниила. Но видно и чужеземное вліяніе, напимѣръ, относительно астрономіи—чувствуется вавилонское вліяніе, космогоніи—египетское; когда дѣло идетъ объ адѣ и мѣстопребываніи мертвыхъ, авторъ книги Еноха во многихъ мѣстахъ противорѣчитъ самъ себѣ, и переписчику не удалось это исправить. Напимѣръ, послѣ пребыванія въ шеолѣ до утра страшнаго суда души праведниковъ отдѣляются отъ нечестивыхъ, но при этомъ царство Божіе рисуется различно. Для однихъ оно безъ Мессіи—возрожденная Палестина, которую наслѣдуютъ избранные; язычники будутъ терпимы, смѣшаются съ евреями и увидятъ спокойное, ничѣмъ не возмутимое существованіе, и годы ихъ жизни умножатся. Они мирно заснутъ, какъ мирно жили, и неизвѣстно, что съ нимъ станетъ послѣ ихъ вторичной жизни: быть можетъ, они уничтожатся, какъ въ египетскомъ догматѣ. Напротивъ, согласно теоріи, приведенной въ параболахъ, ихъ царство будетъ вѣчно. Какъ только страшный судъ совершится, небо преобразуется въ благословеніе, засіяетъ благодатью, и на бесплодной землѣ разольется благодать. Праведники будутъ жить съ Сыномъ Человѣческимъ, а возлѣ нихъ еврейскіе грѣшники и язычники, которые раскаются, когда придетъ этому время; они не погибнутъ, но сдѣлаются какъ ангелы. Въ другомъ мѣстѣ въ V книгѣ—царства болѣе не будетъ на землѣ, а на небѣ; оно будетъ безконечно, и тѣ, которые въ него попадутъ, засіяютъ тамъ неугасимымъ блескомъ. Язычники будутъ исключены, но души евреевъ, умершихъ праведниками, возрадуются и возликують.

Понадаются неточности относительно судьбы праведниковъ, одинаково и нечестивцевъ: страданіямъ послѣднихъ не будетъ конца. По произнесеніи надъ ними приговора, сатана и его помощники ввергнутъ ихъ въ бездонную пропасть, пасть которой откроется въ ложицѣ Гиннома на юго-западѣ отъ долины Иосафата. Тамъ мракъ будетъ ихъ жилищемъ, черви ихъ ложемъ, и они никогда не будутъ имѣть надежды подняться съ своего ложа, потому что они не восхваляли имя Владыки Духовъ. Ихъ будутъ раздирать ударами кнутовъ и бросать въ неугасимое пламя. Даже ихъ кости сгорятъ, а они все будутъ просить палачей дать имъ нѣсколько минутъ передышки, чтобы имѣть возможность умолить Владыку Духовъ и добиться черезъ свое покаяніе отпущенія грѣховъ,—но всѣ ихъ молитвы будутъ тщетны; для нихъ не будетъ ни жалости, ни успокоенія. Между тѣмъ блаженные будутъ смотрѣть на мученія могущественныхъ людей, которые ихъ угнетали на этомъ свѣтѣ, и это зрѣлище наполнитъ ихъ радостью.

Изъ этихъ краткихъ выдержекъ видно, почему книга Еноха была такъ принята сначала евреями, а потомъ и христіанами. Она болѣе, чѣмъ Данииль, даетъ

точное выражение надежды Израиля на Мессію, объѣщаетъ паденіе націямъ-гонителямъ и воцареніе Сына Человѣческаго, который долженъ будетъ возстановитъ благоденствіе избранныхъ націй на костяхъ ихъ враговъ. Уносясь воображеніемъ въ будущія чудеса царства Божія и противопоставляя ему настоящее бѣдственное существованіе, они кончили тѣмъ, что убѣдили себя въ его приближеніи: когда Христосъ явится такъ ожидаемымъ Мессіей, маленькій народъ будетъ готовъ понять его миссію и принять его ученіе. Идея паденія ангеловъ и догматъ воскресенія мертвыхъ, который служилъ условіемъ даже апокалиптическихъ ученій, и убѣжденіе, что пришествіе Спасителя міра неизбѣжно, и вѣра въ мученія ада и блаженство рая,—все это было имъ близко. Аналогія между личностью Мессіи, которая все вырастала, и тѣмъ, что предсказывалъ пророкъ о Сынѣ Человѣческомъ, была столь сильна, что поражала даже тѣхъ изъ іудеевъ, которые враждебно относились къ новой вѣрѣ, и потому она произвела поворотъ въ ихъ сужденіи о книгѣ Еноха и они ее отбросили, какъ апокрифъ. Этого было достаточно, чтобы первые отцы церкви ее приняли. «Я хорошо знаю,—говорилъ Тертуліанъ:—что она не приведена въ Писаніи по той причинѣ, что не принята въ іудейскомъ арсеналѣ... Но ничего не надо отбрасывать, что насъ интересуетъ, и мы читаемъ, что всякое описаніе, способное насъ наставлять, внушено Богомъ».

Богословы и апологеты почти всѣ присоединились ко мнѣнію Тертуліана и долго пользовались книгою Еноха, пока около IV и V вѣковъ церкви, лучше провѣрившая ее, не отказалась ею пользоваться, но все-таки сохранила по крайней мѣрѣ часть, заимствованную изъ нея, напримѣръ, свѣдѣнія относительно іерархіи или должностей ангеловъ, а также нѣкоторыя черты при описаніи страшнаго суда, неба и ада.

— Фонтанъ Зобеиды.—Въ Меккѣ существуетъ знаменитый фонтанъ Зобеиды, пользующійся среди мусульманъ особымъ почетомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ распространилось извѣстіе, что этому фонтану грозитъ разрушеніе. Онъ существуетъ болѣе десяти вѣковъ со времени царствованія калифа Гарунъ-ель-Рашида, и, согласно традиціонному разсказу, его происхожденіе очень любопытно. Въ одну жаркую ночь въ Багдадѣ любимая жена султана, Зобеида, крѣпко уснула на террасѣ дворца; какъ вдругъ она видитъ во снѣ, что ее окружило множество мужчинъ. Ихъ настойчивость доходила до такой степени, и они такъ пылали страстью, что фаворитка, несмотря на свою привязанность къ калифу, не могла оттолкнуть отъ себя обольстителей, и ихъ толпа все нарастала. Когда Зобеида проснулась, ее охватилъ ужасъ: она застыдилась этого сна и почувствовала печаль и досаду, выказавъ во снѣ такую слабость къ мужчинамъ. Ея чело омрачилось, и отъ калифа, такъ нѣжно ее любившаго, что даже сложилась легенда, не укрылась печаль любимицы. Неотступные вопросы ея господина принудили ее разсказать ему досадный сонъ. Напрасно Гарунъ-ель-Рашидъ старался ее утѣшить,—все было тщетно. Тогда онъ прибѣгнулъ къ ученымъ улемасамъ и, собравъ ихъ, попросилъ объяснить сонъ Зобеиды. Последніе, помня свою обязанность избѣгать вызова гнѣва калифа и злопамятства фаворитки, дали ему такое объясненіе, что всѣ остались довольны. «О, эмиръ цравовѣрныхъ,—воскликнули они на большомъ собраніи,—сонъ султанши бу-

дегь для тебя и для нея благодатнымъ, и твое имя будетъ жить и восхвалять твое великодушіе во всё года и вѣка. Мекка, святилище Аллаха, лишена воды, и Всевышній этимъ сномъ, что тебя опечалилъ и который, напротивъ, долженъ возбудить въ тебѣ радость, приказываетъ тебѣ выполнить священное дѣло, которое заставило бы благословлять твое имя. Настойчивое искательство, которому подверглась султанша, — мольбы безчисленныхъ паломниковъ, ежегодно являющихся въ Мекку для выполнения самыхъ святыхъ обязанностей и умирающихъ тамъ отъ жажды. Что же касается любезности султанши, она означаетъ, что ея сострадательное сердце не отталкиваетъ просьбъ этихъ несчастныхъ. Пусть великодушная султанша, чистота которой не была даже тронута, подарить святому городу источникъ живой воды, у котораго человѣчество можетъ утолить жажду, и она исполнитъ божественную волю, которая проявилась въ формѣ ужаснаго кошмара, нарушившаго ея сонъ». Таково происхожденіе фонтана Зобеиды.

— Казнь одного изъ роялистовъ въ 1814 году. — Въ послѣдней сентябрьской книжкѣ «La Revue Hebdomadaire» ¹⁾ Эрнестомъ Додэ приведенъ одинъ эпизодъ изъ эпохи вступленія умиротворителей Франціи въ злосчастную въ то время страну. Самъ по себѣ онъ не представляетъ ничего новаго и интереснаго главнымъ образомъ лишь тѣмъ, что въ немъ играютъ роль императоръ Александръ и одинъ изъ его адъютантовъ, явившійся косвеннымъ виновникомъ разстрѣлянія одного изъ главарей партіи роялистовъ въ Труа — шевалье Гуо. Несчастный походъ Наполеона въ 1812 году, пошатнувшій, но еще не окончательно свалившій съ пьедестала этого колосса, вызвалъ въ роялистахъ надежды на возвращеніе Бурбоновъ, а вмѣшательство союзныхъ государей и покровительство Бурбонамъ со стороны Александра дали ихъ сторонникамъ лучшія надежды. Многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ шевалье Гуо, раньше времени вздумали отпраздновать свою побѣду и гибель Наполеона, все еще мужественно боровшагося съ обстоятельствами, и открыто выступали главарями королевскихъ партій. Однако, какъ этотъ колоссъ ни былъ пораженъ въ самое сердце, когда обыкновенные смертные покорно складываютъ свое оружіе, признавая себя побѣжденными, онъ все еще напрягалъ свои послѣднія силы, хотя бы для того, чтобы выговорить условія мира, какія хотѣлъ онъ, а не подчиниться продиктованному своими врагами. Но его армія послѣ двухлѣтнихъ кровавыхъ бѣдъ естественно пришла въ полное разстройство, и ему предстояла трудная задача составить новые легіоны. Для этой цѣли ему приходилось призывать уже прослужившихъ законный срокъ солдатъ и набирать рекрутовъ почти изъ дѣтей. Но нація была истощена относительно людей, денегъ, торговли, земледѣлія и проч., и эти мѣры, необходимыя въ виду приближенія къ границамъ непріятели, возбуждали недовольство и возмущеніе среди народа — источникъ патріотизма изсякъ, и даже приближеніе непріятели не давало ни одной его свѣжей струйки. Наполеонъ узналъ, что непріятель рассчитываетъ ворваться во Францію сразу съ нѣсколькихъ сторонъ, и подозрѣвалъ, что изъ-за сплннъ

¹⁾ Une drame à Troyes en 1814. Par Ernest Daudet. «La Revue Hebdomadaire». 18 septembre 1909.

союзниковъ появятся Бурбоны и во Франці снова водворится монархія. Въ концѣ декабря на западной границѣ появился первый непріятельскій отрядъ изъ австрійцевъ, пруссаковъ и русскихъ.

Не будемъ приводить упрековъ автора по адресу непріятелей, обѣщавшихъ въ прокламаціи Шварценберга хранить спокойствіе и цѣлость имущества французовъ и на другой же день нарушившихъ свои обѣщанія, благодаря поведенію своихъ солдатъ. Королевскіе агенты, конечно, старались использовать эти обѣщанія въ свою пользу и потому отговаривали жителей вооружаться, чтобы подбодрить враждебные отряды и парализовать массовый наборъ рекрутовъ, назначенный Наполеономъ. Агитація этихъ агентовъ, какъ нельзя болѣе отвѣчавшая народному желанію избѣгать сраженій, еще болѣе сдерживала вспышки патриотизма, ослабляла отвагу и такимъ образомъ открывала врагу всѣ дороги, такъ что черезъ нѣсколько дней онъ пробрался въ самое сердце страны.

Но чего не могли сдѣлать призывы Наполеона, то сдѣлали безчинства, грабежи и насилія непріятельскихъ солдатъ; французскій народъ воодушевился и сталъ защищать пядь за пядью свою родную землю, уже не изъ любви къ Наполеону, а изъ чувства самосохраненія. Наполеонъ все это время не покидалъ Парижа; онъ не хотѣлъ оттуда удалиться, пока его армія не будетъ готова двинуться противъ врага. Но для этого необходимы были люди, деньги, оружіе, особенно оружіе, провіантъ,—словомъ все, чего какъ разъ не было, когда онъ возвратился изъ Германіи, и что требовалось, во что бы то ни стало, пополнить. Въ ожиданіи онъ дѣлалъ все для спасенія имперіи, но приходилось довольствоваться для охраны Парижа лишь остатками арміи подъ начальствомъ нѣкоторыхъ маршаловъ. Въ то же время онъ послалъ въ департаменты значительныхъ лицъ въ качествѣ чрезвычайныхъ комиссаровъ для возбужденія въ жителяхъ храбрости и патриотизма, съ обѣщаніемъ скорой помощи, прибытія Наполеона и императорской гвардіи, скорого заключенія мира, а въ ожиданіи всего этого граждане должны были способствовать болѣе успѣшному сбору рекрутовъ и подготовить защиту родины.

25-го января Наполеонъ покинулъ Парижъ для командованія арміей и направился противъ непріятели, находившагося съ значительными силами между Марной и верховьемъ Сены,—пруссакъ подъ командою Блюхера—въ Вріеннѣ, австро-русскій отрядъ подъ командою Шварценберга—въ Барфѣ. Имѣя возможность съ разныхъ пунктовъ, чрезъ которые они вошли во Францію, достигъ этого мѣста, союзники не продолжали своего шествія далѣе въ ожиданіи извѣстій о Наполеонѣ, какъ внезапно онъ съ своими отрядами появился предъ Блюхеромъ. Завязалась битва, столь для него удачная, что Блюхеръ былъ отброшенъ къ австрійскимъ отрядамъ. Но послѣдніе, соединившись съ пруссаками, тотчасъ же бросились впередъ, встрѣтили Наполеона въ Роттерѣ и послѣ долгой кровавой битвы заставили его отступить въ Труа.

Появленіе Наполеона въ Труа не вызвало торжественной встрѣчи, какъ было девять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1805 году, когда онъ направлялся въ Миланъ для своего коронованія итальянской короной. На этотъ разъ встрѣча была

плачевная, или, вѣрнѣе, ея совѣтъ не устроили ни для него, ни для его арміи. Никто не вышелъ ему навстрѣчу, кромѣ официальныхъ лицъ, никто не привѣтствовалъ солдатъ, наканунѣ побѣжденныхъ, и Наполеонъ прослѣдовалъ въ домъ, предназначенный для его резиденціи, почти по пустымъ улицамъ. Тѣ же, кого онъ встрѣчалъ, не скрывали своего неудовольствія. Въ Труа, какъ и во всей Франціи, вѣра въ его геній исчезла. Когда онъ вошелъ въ Труа, онъ болѣе не рассчитывалъ на себя. Единственной и лучшей его надеждой была ошибка непріятели. Эту ошибку непріятель совершилъ: послѣ побѣды надъ Наполеономъ союзники рѣшили безотлагательно двинуться на Парижъ, но не массою и одной арміей, а двумя. Однако этого плана, ослабляющаго непріятели, Наполеонъ еще не зналъ, когда находился въ Труа, и думалъ, что его преслѣдуетъ вся непріятельская армія. Это обстоятельство принудило его покинуть Труа и предупредить ея появленіе предъ Парижемъ. Но насколько у него было мало надежды оружіемъ помѣшать непріятели вступить въ Парижъ, видно изъ того, что прежде, чѣмъ пуститься въ путь, онъ написалъ своему представителю на Шатильонскомъ конгрессѣ, чтобы онъ принялъ условія союзныхъ государей.

6-го февраля на разсвѣтѣ армія начала отступательное движеніе къ Ножану, а черезъ нѣсколько часовъ Наполеонъ покинулъ Труа, оставивъ въ городѣ для прикрытія отступления лишь почетную стражу да горсточку солдатъ. 7-го февраля утромъ туда вступили союзныя войска, а 8-го—союзные государи со свитами. Въ русской свитѣ находился великій князь Константинъ, а также французскіе эмигранты, входившіе въ составъ русскаго главнаго штаба—Рошешуаръ, Рапатель, Сень-При и т. д. Союзныхъ государей встрѣтили здѣсь холодно, и только роялисты вели себя иначе: ихъ было немного въ городѣ, но у нихъ были очень предприимчивые и дѣятельные главари, не скрывавшіе своего удовольствія отъ присутствія союзныхъ государей,—это были маркизь Витранжъ и шевалье де-Гуо, которые были настолько увѣрены въ окончательномъ паденіи Наполеона, что открыто и неосторожно выражали свою пріязнь къ Бурбонамъ. Гуо былъ женатъ на богатой женщинѣ, пользовавшейся въ Труа такимъ уваженіемъ, что предъ вторженіемъ врага онъ, по предложенію префекта Каффарелли, императорскимъ декретомъ назначался командиромъ одного изъ вновь сформированныхъ отрядовъ. Однако въ Парижѣ отнеслись подозрительно къ его преданности династіи Бонапарта и уничтожили этотъ декретъ. Онъ, какъ и Витранжъ, сначала сдерживался обнаруживать свои чувства къ Бурбонамъ, но когда его лишили командованія, то, вѣря въ скорое паденіе Наполеона, онъ только ждалъ случая выразить свои политическія убѣжденія. Этотъ случай ему предоставилъ Витранжъ: когда союзные государи вступили въ Труа, онъ вывѣсилъ на своемъ домѣ бѣлый флагъ и уговаривалъ мэра города украсить городскія стѣны такими же флагами, но послѣднія попытки были неудачны. Затѣмъ, надѣвъ орденъ св. Людовика и раздавая на улицахъ прокламаціи Людовика XVIII, онъ приблизился къ маленькой группѣ французскихъ эмигрантовъ при русскомъ главномъ штабѣ, которые знали его по имени и какъ преданнаго слугу Бурбоновъ. Такимъ образомъ между ними вскорѣ завязались дружескія отношенія. Отъ нихъ онъ услышалъ, что союзные госу-

дари хотѣли бы, чтобы французы высказались, какое имъ желательно будущее правительство. Тотчасъ же въ головѣ Витранжа созрѣлъ планъ заставить жителей Труа высказаться въ пользу Бурбоновъ, и будто бы и Вюртембергъ, Шварценбергъ и Меттернихъ одобрили его намѣреніе. Однако, его разговоръ съ Александромъ служить опроверженіемъ этого предположенія. Когда Витранжъ рѣшился на этотъ шагъ, то первая личность, о которой онъ подумалъ, чтобы составить роялистскія группы для содѣйствія въ его планѣ, былъ Гуо. Но эта попытка встрѣтила повсюду отказъ, начиная съ мэра города, такъ какъ Наполеонъ въ ихъ глазахъ еще не совсѣмъ погибъ и могъ опять поднять голову. Однако все же набралось нѣсколько роялистовъ, которые подписали адресъ союзнымъ государямъ, въ которомъ просили возвратить Франціи Бурбоновъ. Благодаря содѣйствію эмигрантовъ, въ томъ числѣ Рапателя, они добились пріема у Александра. Витранжъ ожидалъ, что царь поздравитъ его съ инициативой, но Александръ отъ имени союзныхъ государей объявилъ, что это преждевременно.

— Я не всемогущъ,—прибавилъ онъ:—да, впрочемъ, шансы войны не положительны. Мнѣ было бы досадно видѣть такихъ честныхъ людей, какъ вы, скомпрометированными или жертвами, какъ жители Гамбурга, которые просили избавить ихъ отъ ига Бонапарта и желаніе которыхъ мы исполнили. Судьба сраженій заставила его вернуться въ этотъ городъ, и наградою имъ были эшафоты. Мы не хотимъ, чтобы послѣ нашего прихода въ Труа остались кровавые слѣды. И затѣмъ мы пришли не для того, чтобы самимъ намъ давать Франціи короля. Мы только хотимъ знать ея намѣренія и ей надо ихъ выразить, но внѣ нашей военной линіи, такъ какъ важно, чтобы не думали, что на мнѣнія вліяло присутствіе арміи.

Подъ свойственной Александру учтивостью скрывалось скорѣе удивленіе, чѣмъ удовлетвореніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасеніе, чтобы высказанная просьба роялистовъ не была для нихъ роковою. Но Витранжъ его не понималъ и продолжалъ настаивать.

— Никогда Франція,—говорилъ онъ,—не посмѣетъ высказаться въ пользу своего законнаго короля, пока она находится подъ ножомъ. Никто его (Наполеона) не любитъ, но все его боятся, и Европа не успокоится, пока онъ не потеряетъ всего своего авторитета.

— Вотъ для этого-то и надъ его бить, бить и бить,—произнесъ императоръ съ живостью, заставившей его повторить три раза одно слово.—Подождите нѣсколько дней, господа: мы будемъ въ Парижѣ. Предоставьте высказаться столицѣ; вы послѣдуете ея примѣру, а ваши принцы узнаютъ, что со времени нашего вступленія на французскую территорію вашъ городъ первый пожелалъ возвращенія своего короля.

Въ заключеніе Александръ сказалъ депутаціи нѣсколько милостивыхъ словъ. Во все это время Гуо не произнесъ ни слова, а говорилъ только Витранжъ, который долженъ былъ бы явиться главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ, между тѣмъ какъ вся вина пала на Гуо. Витранжъ въ тотъ же день покинулъ Труа, другіе роялисты были наготовѣ бѣжать, если Наполеону вновь улыбнется удача. Что касается Гуо, то онъ энергично отказался слѣдовать ихъ примѣру и отвѣчалъ всемъ, уговаривавшимъ его бѣжать, что онъ не можетъ оставить

жены, тестя и дѣла, да къ тому же, по его мнѣнію, нечего было опасаться. Очевидно, Гуо не сознавалъ, насколько онъ виноватъ и насколько неостороженъ былъ его шагъ, и не давалъ себѣ отчета, какъ строго къ нему отнесутся сограждане. Онъ самъ себя отдавалъ въ руки смерти.

Геній Наполеона не измѣнилъ ему, и онъ въ нѣсколько дней, съ 9-го по 22-е февраля, одерживалъ побѣду за побѣдой, вполнѣ вѣря въ безконечный успѣхъ, который освободитъ Францію отъ непріятеля. 23-го февраля жители Труа узнали сразу и о побѣдѣ Монтеро и о скоромъ прибытіи Наполеона. При этомъ извѣстїи роялисты разбѣжались, исключая Гуо. Въ тотъ же день армія Наполеона сосредоточилась у городскихъ воротъ Труа, и онъ грозилъ взять приступомъ городъ, если ему не уступятъ мѣсто. Вреде, командовавшій непріятельскимъ отрядомъ, понялъ, что напрасны будутъ всѣ попытки сопротивленія, и обѣщаль очистить Труа ночью, но если Наполеонъ рѣшитъ войти раньше, то онъ сожжетъ городъ. И рано утромъ его арьергардъ двинулся изъ города, сопровождаемый проклятіями жителей. Едва послѣдній солдатъ вышелъ изъ города, какъ толпа направилась черезъ городъ навстрѣчу императорской гвардіи. На этотъ разъ императоръ и его армія встрѣтили восторженный прїемъ. Едва онъ сошелъ съ сѣдла и вошелъ въ домъ, какъ потребовалъ къ себѣ мэра и императорскаго прокурора. Когда они явились къ нему, то онъ спросилъ ихъ, правда ли, что во время пребыванія союзныхъ государей жители Труа, прежніе эмигранты, дружили съ ними, вывѣсили бѣлые флаги, носили ордена св. Людовика и хлопотали о возвращеніи Бурбоновъ. Доносчики назвали ему имена Витранжа и Гуо, и онъ справлялся о нихъ и объ ихъ соучастникахъ. Онъ съ гнѣвомъ говорилъ о нихъ и высказалъ, что если они въ этомъ виновны, то ихъ немедленно надо наказать. Мэръ и императорскій прокуроръ не могли отрицать этого факта, но все-таки старались ихъ защитить. Однако Наполеонъ былъ такъ раздраженъ, что всѣ ихъ доводы оказались бесполезными. Онъ объявилъ, что примѣръ необходимъ, такъ какъ союзные государи нашли слишкомъ много друзей среди роялистовъ: онъ это знаетъ и имѣетъ доказательства, и продиктовалъ декретъ, согласно которому французы, находившіеся на службѣ у союзныхъ государей и сопровождавшіе ихъ во Францію, а также носившіе ордена и знаки прежней династіи въ мѣстностяхъ, занятыхъ непріятелемъ, объявляются измѣнниками, подлежащими военному суду и смертной казни, а ихъ имущества—конфискаціи.

Вѣсть объ императорскомъ рѣшеніи живо облетѣла городъ, и, конечно, Гуо не могъ этого не знать, тѣмъ болѣе, что его все настоятельнѣе уговаривали бѣжать. Рассказываютъ, что полицейскій комиссаръ, которому предстояло его арестовать, предупредилъ его и совѣтовалъ ему поскорѣе исчезнуть. Но вмѣсто того, чтобы уступить этимъ просьбамъ, онъ продолжалъ отказываться и дѣлалъ неизбѣжнымъ исполненіе приказа Наполеона, который приказалъ арестовать также Витранжа, но тотъ уже былъ далеко. Свѣдѣнія объ арестѣ Гуо разнорѣчивы; одни говорили, что его арестовали на улицѣ; женѣ же сообщили объ этомъ вмѣстѣ съ извѣстїемъ объ его смерти. По другимъ источникамъ, Гуо въ послѣднюю минуту хотѣлъ спрятаться въ шкапу, гдѣ его отыскала полиція.

Судьи ничего не знали о дѣлѣ и только видѣли въ немъ измѣнника; обстоятельства же измѣны были имъ представлены въ послѣднюю минуту и то вкратцѣ.

Что касается Гуо, то онъ появился предъ судьями тотчасъ же, какъ пришелъ въ городскую ратушу, не получивъ законнаго увѣдомленія о судѣ надъ собою и какое тягостное обвиненіе лежитъ на немъ. Повидимому, онъ даже не думалъ протестовать противъ слишкомъ быстрого разбирательства дѣла и не требовалъ себѣ защитника. Разборъ дѣла длился нѣсколько минутъ, и Гуо откровенно отвѣчала на всѣ вопросы. Когда его спросилъ президентъ, носилъ ли онъ орденъ св. Людовика во время пребыванія союзныхъ государей онъ отвѣтилъ: «Да. Русскій императоръ выразилъ желаніе принять французовъ, эмигрировавшихъ въ его государство. Когда я ему представлялся, на мнѣ не было моего ордена. Одинъ изъ его адъютантовъ заставилъ меня его надѣть. Съ тѣхъ поръ я его болѣе не снималъ».

Онъ признался, что имѣлъ сношенія и бесѣдовалъ съ роялистами. Его не страшило исполненіе приговора: онъ уже рѣшился умереть. Когда онъ увидѣлъ, что судьи встали, чтобы совѣщаться, то отвѣтилъ: «Къ чему меня судить? Развѣ не достаточно приказа Бонапарта». Черезъ нѣсколько минутъ былъ вынесенъ приговоръ, по которому Гуо подвергался немедленно смертной казни черезъ разстрѣляніе. Гуо молча выслушалъ приговоръ и замѣтилъ только, что его смерть не спасетъ Наполеона. «Онъ не продержится и двухъ недѣль», прибавилъ онъ. Когда его спросили, гдѣ онъ хочетъ, чтобы его казнили, то онъ отвѣтилъ: «Всѣ мѣста хороши, чтобы умереть». Между тѣмъ его друзья и жена бросились къ Наполеону молить о помилованіи Гуо, но имъ отвѣтили, что императоръ спитъ, а входить въ его комнату, пока онъ не позоветъ, было запрещено. Гуо въ зеленомъ кафтанѣ, къ которому былъ привѣшенъ орденъ св. Людовика, и съ надписью крупными буквами на груди: «Измѣнникъ родинѣ», долженъ былъ пройти черезъ весь городъ къ церкви св. Іоанна, противъ которой его разстрѣляли. Онъ умеръ храбро; самъ по своему желанію скомандовалъ открыть огонь и всѣ слышали, какъ онъ воскликнулъ: «Да здравствуетъ король! Да здравствуютъ Бурбоны!».

Наполеонъ торопился наказать этого роялиста: онъ вступилъ въ Труа въ 7^{1/2} часовъ, а Гуо казнилъ въ 10^{1/2} ч.,—настолько его раздражало возвращеніе Бурбоновъ. По однимъ источникамъ, онъ будто бы сожалѣлъ, что его не разбудили, когда пришли просить о помилованіи Гуо, такъ какъ онъ сожалѣлся бы и простилъ его. По другимъ источникамъ, его адъютантъ явился слишкомъ поздно на мѣсто казни. Однако, этому противорѣчитъ письмо Наполеона къ маршалу Ожеро, въ которомъ онъ писалъ: «Я приказалъ разстрѣлять здѣсь нѣкоего Гуо, бывшаго эмигранта, который осмѣлился носить крестъ св. Людовика. Если въ Маконѣ или другой мѣстности есть личности, виновныя въ подобномъ же преступленіи и носившія бѣлую кокарду или другіе знаки возмущенія, то три часа спустя послѣ вашего пріѣзда они должны быть арестованы, подвергнуты военному суду и разстрѣяны. Ни подъ какимъ бы то ни было предлогомъ вы не должны промедлить и двадцать четыре часа съ этой операціею». Такимъ образомъ, совѣтъ адъютанта Александра одѣть орденъ св. Людовика послужилъ косвенной причиною казни Гуо.

— Воспоминанія кавалера Кюсси.—Появившіся недавно въ Парижѣ двухтомныя «воспоминанія» французскаго дипломата кавалера Кюсси ¹⁾ обнимаютъ эпоху 1795—1866 годовъ, и хотя авторъ мѣстами нѣсколько пристрастно критикуетъ русскихъ, но въ общемъ онъ мѣтко характеризуетъ русское общество того времени. Происходя изъ древняго рода бароновъ Корно, совершившихъ шестой крестовый походъ и послѣдовательно приобрѣтшихъ владѣнія Блиньи, Кюсси, Куассисъ и другія, а затѣмъ вступившихъ въ орденъ мальтійскихъ рыцарей, Кюсси началъ свою карьеру съ военной службы. Неудачи французской арміи въ Россіи заставили Наполеона собрать подъ свое знамя все, что оставалось во Франціи способнаго держать въ рукахъ оружіе, и въ почетной гвардіи находились совсѣмъ юные французы. Хотя Кюсси и для этого былъ слишкомъ молодъ, что радовало отца, мечтавшаго для него о другой карьерѣ, но онъ все-таки попалъ въ національную гвардію. Командовавшій дивизіей въ Гронше генераль Янсонъ взялъ его къ себѣ сначала въ качествѣ секретаря, а потомъ адъютанта.

Когда Людовикъ XVIII вступилъ въ Парижъ, произошли военныя преобразованія, и Кюсси остался не у дѣль, пока не устроился въ штабъ гвардейскаго корпуса. Будучи по традиціямъ монархистомъ, онъ все-таки питалъ слабость къ Наполеону и возмущался суровостью, какой его въ послѣдствіи подвергли. Когда судьба Наполеона была рѣшена и его отправляли на островъ св. Елены, то предложили Кюсси сопровождать императора, но онъ отказался, хотя герцогъ Ришелье указывалъ ему на всѣ выгоды отъ этой миссіи и на предстоящее упраздненіе гвардейскаго корпуса.

Вскорѣ послѣдовали военныя реформы, и Кюсси перешелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, числясь кандидатомъ на причисленіе къ посольству. Прибывшій изъ Копенгагена посланникъ Бонно назначался посланникомъ въ Берлинъ и по рекомендаціи кавалера Буфле принялъ Кюсси, гдѣ онъ оставался съ февраля 1816 года по май 1823 въ качествѣ attaché, а затѣмъ, благодаря Шатобриану, перешелъ секретаремъ французскаго посольства въ Дрезденъ. Во время своей службы въ Берлинѣ онъ познакомился со многими лицами русской колоніи, начиная съ великаго князя Николая Павловича, и даетъ о нихъ краткія характеристики, приводя немало любопытныхъ о нихъ анекдотовъ. Въ разрывѣ предполагавшагося брака великой княжны Анны Павловны съ герцогомъ Беррійскимъ онъ обвиняетъ Талейрана, совершившаго большую ошибку, и находитъ, что лучше бы было жениться герцогу на русской княжнѣ, чѣмъ на неаполитанской принцессѣ, такъ какъ Александръ тогда добился бы сохраненія Бельгій въ пользу Франціи. Относясь иногда пристрастно къ Россіи, Кюсси порой не щадитъ и своихъ соотечественниковъ, напримѣръ, онъ обвиняетъ ихъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ о королевѣ Луизѣ, будто бы слѣдовавшей за своимъ мужемъ амазонкой въ армію и игравшей роль въ данной Александромъ клятвѣ на могилѣ Фридриха Великаго, цѣною чего была ея интимная связь съ императоромъ Александромъ. По его словамъ, эта клевета основывалась на письмѣ, написанномъ рукою Александра къ королевѣ во время его пребыванія въ Бер-

¹⁾ Souvenirs du chevalier de Cussy. Par le c-те Marc de Germiny. Paris. 1909.

линь до войны 1806 года. Въ немъ государь съ изысканной галантностью увѣдомлялъ, что сдѣлаетъ все для одной личности, находившейся при русскомъ дворѣ, и онъ счастливъ, что можетъ имѣть случай сдѣлать что-нибудь пріятное для самой прекрасной королевы на свѣтѣ. Королева такъ мало придавала значенія этому письму, что держала его въ ящикѣ рабочаго стола съ намотаннымъ на него шелкомъ и бусами. По его словамъ, это письмо и породило клевету.

Съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, самымъ красивымъ мужчиной въ Россіи, онъ познакомился въ Берлигѣ, и тотъ особенно былъ съ нимъ любезенъ въ 1821 году; Александру Федоровну онъ находилъ очаровательной особой и совершенной красавицей. Въ ея свитѣ находилась молоденькая графиня Шувалова, вскружившая многимъ голову въ Берлигѣ. Среди женщинъ русской колоніи славилась красою жена русскаго посланника г-жа Алопеусъ, уроженка Ганновера, красавица, долго неувядаемая, плечами которой любовались всѣ, и Николай I. Самъ Алопеусъ, ловкій дипломатъ и воспитанный человѣкъ, пока держалъ въ рукахъ перо, по мнѣнію Кюсси, совсѣмъ не умѣлъ держать себя въ обществѣ. Вульгарный по наружности и манерамъ, онъ все еще думалъ зажигать страсть въ женщинахъ и вѣлъ двусмысленные, нахальные разговоры. Хотя его жена была одной изъ самыхъ красивыхъ женщинъ, все-таки его часто встрѣчали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно бываетъ молодежь. Образецъ его цинизма въ рѣчахъ Кюсси приводитъ въ слѣдующемъ разказѣ. Однажды вечеромъ Кюсси съ нѣмецкимъ генераломъ Натцеромъ, другомъ дѣтства сыновей прусскаго короля и любимцемъ Александра I, отправился на балъ-маскарадъ въ оперу. Разговаривая съ генераломъ, тоже одѣтымъ въ домино, онъ увидѣлъ двухъ дамъ въ костюмахъ русскихъ крестьянокъ. Одна изъ нихъ была очень речливая. Окруженная толпою грубыхъ мужчинъ, которые обращались съ ними слишкомъ безцеремонно, онъ испуганно бросился къ Кюсси и Натцеру. Оказалось, эти крестьянки были г-жа Алопеусъ и племянница ея мужа, Катинѣ Вутцева. Тогда они оба сняли свои маски, и генералъ предложилъ руку посланницѣ, а Кюсси—ея племянницѣ. Затѣмъ генералъ обратился къ мужчинамъ, преслѣдовавшимъ дамъ, и произнесъ: «Господа, мы беремъ этихъ дамъ подъ свое покровительство, и съ этихъ поръ всѣ оскорбленія будутъ относиться къ кавалеру Кюсси и генералу Натцеру».—«Въ первый разъ,—говоритъ Кюсси:— что я увидѣлъ Алопеуса послѣ этого инцидента, у него было столько циничнаго нахальства сказать мнѣ: «Пока Натцеръ и вы хранили мое сокровище, я занимался любовными интригами на другой сторонѣ».

Старшій братъ Алопеуса, бывший посланникъ, былъ серьезнѣе младшаго. Относительно его Кюсси передаетъ анекдотъ о томъ, какъ онъ вѣлъ переговоры по одному важному дѣлу съ лордомъ Каствльрѣ. Не зная англійскаго языка, онъ хотѣлъ говорить по-французски, но Каствльрѣ въ то время ни слова не говорилъ на этомъ языкѣ. Тогда они рѣшили прибѣгнуть къ латинскому, но у обоихъ былъ такой варварскій выговоръ и обороты рѣчи, что все равно они не понимали другъ друга.

Особенно сблизился Кюсси съ адъютантомъ Николая, полковникомъ Перовскимъ, и графомъ Моденомъ, гофмейстеромъ великаго князя, который его очень любилъ. Часто прихварывая, графъ не всегда обѣдалъ у прусскаго короля,

а два-три раза въ недѣлю у него собирались обѣдать Кюсси и Перовскій. Послѣ обѣда часто туда приходили Фридрихъ-Вильгельмъ и Николай и оставались тамъ часа по два, по три, поболтать и похохотать, такъ какъ «мы всѣ были большіе хохотуны», прибавляетъ Кюсси.

Съ однимъ изъ русскихъ офицеровъ, Нарышкинымъ, у Кюсси была дуэль, но не по его винѣ. Герцогъ Кумберлендскій, тоже благосклонно относившійся къ Кюсси, очень любилъ вышучивать и острить. Обладая рѣзкимъ голосомъ, онъ такъ громко говорилъ секреты, что они достигали слуха той личности, о которой шла рѣчь, и часто вызывали краску на щекахъ дамы, ставя слушателя въ неприятное положеніе. Какъ-то вечеромъ онъ подозвалъ къ себѣ Кюсси и, указывая на Нарышкина, началъ вышучивать его, въ то время какъ тотъ бесѣдовалъ съ королемъ: «Постарайтесь, любезный Кюсси, объяснить мнѣ, что хотѣлъ сказать этотъ офицеръ королю во время обѣда, и если вамъ не удастся, посмѣемся, вмѣстѣ». Представьте себѣ, король хотѣлъ что-нибудь ему сказать и потому спросилъ въ то время, какъ онъ бралъ себѣ икры: водятся ли осетры на Кавказѣ, гдѣ онъ родился? Вдругъ этотъ человекъ встаетъ и съ важностью отвѣчаетъ: «Государь, я имѣлъ честь имъ быть въ теченіе двухъ лѣтъ». Чортъ поberi, любезный кавалеръ, что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Король не осмѣлился вникать въ это». Раздавшійся звонкій хохотъ герцога заставилъ всѣхъ повернуть глаза въ ихъ сторону. Нарышкинъ, къ которому относился этотъ разговоръ, не разобравъ, въ чемъ дѣло, на другой день послалъ къ Кюсси секундантавъ. Состоялась дуэль: Нарышкинъ былъ раненъ въ грудь и прохворалъ двѣ недѣли. Затѣмъ Кюсси объяснилъ ему, какъ все случилось, и оба противника сдѣлались друзьями. Послѣ этой дуэли г-жа Алонеусъ, какъ русская подданная, не могла выносить герцога за то, что Нарышкинъ былъ раненъ изъ-за него и онъ ничего не предпринималъ, чтобы предотвратить дуэль.

Кюсси еще упоминаетъ о князѣ Долгорукомъ, бывшемъ посланникѣ императора Александра—большомъ болтунѣ, остроумномъ человекѣ и хорошемъ собесѣдникѣ. «Во время его посольства въ Неаполѣ у него произошла дуэль съ французскимъ посланникомъ Дюраномъ Марейлемъ изъ-за первенства во время представленія королю. Долгорукій рассказывалъ Кюсси много анекдотовъ о русскомъ дворѣ, но въ памяти его сохранились лишь два или три. Одинъ изъ нихъ касается Маріи Антоновны, по словамъ племянника ея мужа, Нарышкина, женщины «очень красивой, но гордой, повелительной, съ деспотическимъ характеромъ, нѣжно любимой Александромъ, котораго она часто обманывала и часто дѣлала несчастнымъ изъ-за своихъ капризовъ». Ея мужъ помѣстилъ надъ воротами дома свой гербъ, а надъ нимъ оленій рогъ, какъ атрибутъ, напоминающій должность, занимаемую имъ при дворѣ. По этому поводу его братъ, откровенно говорившій съ императоромъ, замѣтилъ ему, что оберъ-егермейстеръ избралъ «болтливый гербъ». По словамъ того же Нарышкина, насколько императоръ любилъ отъ нея дѣтей, настолько она относилась къ нимъ равнодушно. Одна изъ ея измѣнъ Александру окончилась для ея поклонника печально. Это было въ 1811 году; императоръ внезапно явился къ ней въ то время, когда передъ ней на колѣняхъ стоялъ красавецъ Пашертъ, бывший офицеръ, а затѣмъ находившійся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и съ которымъ она давно была въ близ-

кихъ отношеніяхъ. Прикинувшись, что не видитъ императора, Марія Антонова воскликнула, обращаясь къ Пашерту: «Слушайте, сударь, хотя я не люблю вмѣшиваться въ такія дѣла, но я попрошу у императора для васъ повышенія, чтобы вы могли жениться на г-жѣ Иваницкой, моей компаньонкѣ». Императоръ, съ неудовольствіемъ смотрѣвшій на частыя интимныя посѣщенія Пашерта, былъ радъ отъ него избавиться и назначилъ его консуломъ въ Эльзенеръ, выдавъ за него Иваницкую, которой назначилъ пенсію въ 5000 рублей. Бѣдный Пашертъ проклялъ свою судьбу, но долженъ былъ повиноваться. «И такимъ образомъ,— закончилъ Нарышкинъ,— любовникъ моей тетки, самый красивый изъ русскихъ, женился на самой некрасивой женщинѣ въ имперіи».

Разсказывая о праздникѣ, данномъ Алопеусомъ въ 1821 году во время пребыванія Николая и въ его честь, Кюсси приводитъ забавный инцидентъ. Это празднество началось въ саду въ 11 часовъ утра и продолжалось въ салонахъ до 8 часовъ утра слѣдующаго дня. Чего только на немъ не было: и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ, и балъ; гости приходили и уходили, туалеты смѣнялись по четыре раза и въ серединѣ его, и гостиныя все время были полны гостей. Вечеромъ фасадъ дома былъ иллюминированъ, и здѣсь-то произошелъ забавный случай. Надъ входными дверями былъ устроенъ вензель великаго князя Николая и его жены изъ двухъ латинскихъ буквъ *Nikolas, Charlotte*, но такъ какъ ножки буквы были слишкомъ толсты, а перекладина между ними ступсывалась, то вышло *ICI (ici)* и каждый спрашивалъ себя: что это означаетъ?

Великаго князя эта странность очень поразила, и, увидя это «*ici*», онъ замѣтилъ великому герцогу Карлу Мекленбургъ-Стрелицкому: «Гдѣ, чортъ возьми, Алопеусъ принимаетъ приглашенныхъ?»

Упомянувъ о княгинѣ Меншиковой, поселившейся въ Данцигъ, гдѣ, несмотря на преклонные годы, ея салонъ былъ очень пріятный, онъ говоритъ, что она секретно повѣнчалась съ французскимъ эмигрантомъ, кавалеромъ Виньеромъ. Этотъ господинъ игралъ въ домѣ роль хозяина и походилъ на парикмахера, разыгрывавшаго изъ себя дворянина. «Сколько подобныхъ людей и даже пройдохъ наводило Россію со времени французской эмиграціи!—говоритъ Кюсси.— Въ массѣ, безъ сомнѣнія, найдутся люди хорошаго происхожденія, настоящіе французскіе дворяне, но сколько французовъ съ подозрительнымъ прошедшимъ попали въ русскія семьи, какъ гувернеры, воспитатели, секретари, и всѣ выдавали себя за разоренныхъ революціей дворянъ».

Первый томъ заканчивается анекдотомъ о графѣ Панинѣ, внукѣ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, секретарѣ посольства, поглощавшемъ неизмѣрное количество шампанскаго. На его замѣчаніе, что во Франціи умѣютъ дѣлать великолѣпное вино, но пить его не умѣютъ, одинъ изъ присутствовавшихъ французовъ сказалъ: «Во Франціи мы отвѣдываемъ вино, а ваши соотечественники поспѣшно глотаютъ его».

Второй томъ «Воспоминаній» ¹⁾ начинается съ 1825 года, и почти три четверти книги, около 400 страницъ, посвящены Россіи. Онъ начинается со смерти

¹⁾ *Souvenirs du chevalier de Cussy (1795—1866). Publiés par le c-te Marc de Germiny. Paris. 1909.*

Александра. Какъ извѣстно, шли слухи объ отравленіи императора, но Кюсси имъ не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что самъ слышалъ до болѣзни Александра объ его неосторожномъ поведеніи въ Таганрогѣ. Дипломатъ обѣдалъ у генерала Ханькова, когда тотъ получилъ письмо изъ Таганрога, въ которомъ сообщалось, что государь въ восторгѣ отъ жаркой погоды и не носитъ теплаго пальто. Его здоровье было настолько хорошо, что онъ пересталъ надѣвать фланель и снялъ мушку, которую носилъ уже нѣсколько лѣтъ. Эти двѣ подробности опечалили генерала, и онъ объяснилъ, что Александръ подверженъ заболѣванію рожей, противъ которой онъ давно долженъ былъ принимать мѣры. «Если,— замѣчалъ генералъ,—какъ говорятъ, императоръ, часто предпринимающій прогулки по водѣ, схватить простуду, его прежняя болѣзнь вновь появится и, не найдя болѣе предосторожностей, которыя ее побѣждали, можетъ сдѣлаться очень опасной для его жизни». Поэтому Кюсси уже былъ подготовленъ къ катастрофѣ и считалъ всѣ рассказы объ отравленіи измышленіемъ. Къ тому же онъ встрѣтилъ въ Парижѣ одного француза-доктора, жившаго въ Таганрогѣ, который слѣдилъ шагъ за шагомъ за болѣзнью государя, и тотъ, по выраженію автора, чѣмъ угодно клялся, что императоръ Александръ умеръ естественной смертью отъ простуды, при чемъ онъ отказывался пустить кровь, когда еще было время. Онъ согласился на это лишь вслѣдствіе мольбы и слезъ императрицы,—но было уже поздно. Объ отношеніяхъ государя къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Кюсси говоритъ, что въ Таганрогѣ государь относился къ ней нѣжно. Влискую кончину свою, какъ передавалъ Нарышкинъ, Александръ предчувствовалъ заранѣе, съ того момента, когда передъ своимъ отъѣздомъ въ Таганрогъ онъ отправился помолиться на могилу своей дочери отъ Маріи Антоновны Нарышкиной и его шинель запуталась на рѣшеткѣ ограды. Государь очень плакалъ на могилѣ дочери и, повидимому, его мучили какія-то роковыя предчувствія. Напрасно священникъ пытался его утѣшить. Когда государь уходилъ, то его шинель запуталась въ рѣшеткѣ, окружающей памятникъ, и онъ сказалъ: «Видите, батюшка, моя дочь меня удерживаетъ и какъ бы зоветъ къ себѣ».

Переходя къ взяточничеству въ Россіи, дипломатъ приводитъ нѣкоторые факты. Однажды въ Калишѣ, лѣтомъ 1835 года, прусскій поставщикъ представилъ высокопоставленному лицу при русскомъ дворѣ счетъ. Въ отвѣтъ онъ услышалъ приказъ выдать квитанцію въ полученіи денегъ въ полтора раза больше суммы счета. Нѣмецъ отказался. Тогда ему заявили, что, если онъ не будетъ дѣйствовать согласно требованію высокопоставленнаго лица, его счетъ положить подъ сукно и уплатять по нему позже. Тогда поставщикъ обратился къ королевскому принцу, который подумалъ, что тутъ кроется просто недоразумѣніе, и отказался вѣрить, что однимъ росчеркомъ пера обезпечивается доходъ въ 50,000 экю высокопоставленному лицу за счетъ въ 100,000 и сказалъ объ этомъ императору Николаю, который сначала не хотѣлъ этому вѣрить, но потомъ убѣдился. «Говорятъ,—замѣчаетъ Кюсси:—что въ Россіи вездѣ такой грабежъ: при дворѣ, въ министерствѣ, въ арміи, и что императоръ, которому это извѣстно, не можетъ помѣшать такому постыдному злоупотребленію, несмотря на все свое могущество, такъ какъ понадобилось бы затронуть многихъ высокопоставленныхъ лицъ».

Другой анекдотъ заключается въ томъ, что Николай подарилъ прусскому полку, въ которомъ онъ числился почетнымъ шефомъ, духовые музыкальные инструменты изъ серебра. Когда онъ прѣхалъ черезъ два года въ Потсдамъ и присутствовалъ на учени, во время котораго оркестръ игралъ на подаренныхъ имъ инструментахъ, то, выслушавъ музыку, замѣтилъ, что онъ въ восторгѣ отъ всего слышаннаго, такъ какъ боялся, что серебряные инструменты не дадутъ столь удовлетворительныхъ звуковъ, теперь же онъ можетъ утверждать, что у тѣхъ и другихъ одинаковая звучность.—«Но, государь,—отвѣтилъ полковникъ,—эти инструмента изъ мѣди». —«Какъ такъ?—произнесъ императоръ.—И приказалъ «такому-то» доставить вамъ, любезный полковникъ, всѣ инструменты изъ серебра». — «Гѣ, что мы получили, государь, мѣдные», отвѣтилъ полковникъ. Эти два анекдота въ Пруссіи выдаются за безусловно вѣрные, самъ же Кюсси говорить, что не могъ ихъ провѣрить, но у него есть другіе факты, за которые онъ ручается. Одинъ изъ такихъ фактовъ слѣдующій. Въ 1841 году у гофмейстера Волконскаго во время его пребыванія въ Данцигѣ пропала серебряная бульотка, подарокъ государыни. Когда ее нашли и отправили исправить серебряныхъ дѣлъ мастеру, то оказалось, что она была изъ простаго металла и только покрыта серебромъ. Такое же мошенничество приводитъ Кюсси съ поставками хлѣба и контрабандой, которую переправляли регулярно и вѣрно съ помощью подкупа офицеровъ военнаго отряда, который былъ приставленъ къ таможенной администраціи. Контрабанда посылалась и въ заказанныхъ за границей пушкахъ, и въ ящикахъ съ бомбами и пулями. «Но,—говоритъ Кюсси,—я останавлиюсь на этомъ перечисленіи фактовъ, которые у насъ, во Франціи, показались бы чудовищными, а въ Россіи кажутся терпимыми».

Во время своего пребыванія въ 1843 году на водахъ въ Теплицѣ, Карлсбадѣ и проч., Кюсси встрѣчалъ много русскихъ и между прочимъ Чарторыйскаго, адъютанта Николая, племянника Адама Чарторыйскаго, сына его сестры и Людвигъ Вюртембергскаго. По словамъ Кюсси, это былъ высокаго роста мужчина съ превосходными манерами, но безнравственный. Его не любили поляки по тремъ причинамъ: 1) потому что онъ былъ очень преданъ царю и совершенно русскій душою, будучи сыномъ польки; 2) потому что въ 1831 году, командуя однимъ изъ отрядовъ, которые атаковали Варшаву, онъ, не колеблясь, обстрѣливалъ предмѣстье, гдѣ находился дворецъ его матери, въ которомъ она въ это время жила; 3) наконецъ, потому, что онъ, не колеблясь, принялъ отъ императора часть имѣній, конфискованныхъ у его дяди, князя Адама Чарторыйскаго. Принцъ Вюртембергскій передавалъ, что Николай отдаетъ должное ловкости и большому административному таланту короля Людовика-Филиппа; онъ даже его любилъ бы, если бы онъ получилъ тронъ по наслѣдству, теперь же не могъ любить; онъ былъ увѣренъ, что онъ не ограничился лишь тѣмъ, что воспользовался июльскими событіями, а что онъ подготовилъ ихъ заранѣе. Но, какъ увѣрялъ Вюртембергскій, онъ никогда ничего не говорилъ о немъ такого, что нельзя было бы повторить предъ французами, его сторонниками. Впрочемъ, дипломатъ этому не вѣрилъ и говорилъ, что Николай не всегда молчалъ и часто высказывалъ вслухъ свои враждебныя королю мысли. Людовикъ это зналъ и говорилъ: «Я очень доволенъ отношеніями съ прусскимъ королемъ. Я далеко

не могу сказать того же о моихъ отношеніяхъ съ императоромъ Николаемъ. Посольскія дѣла, даже правительственныя, идутъ, потому что онъ увлеченъ противъ своего желанія общимъ содѣйствіемъ Европы, но онъ меня не любитъ. Быть можетъ, онъ меня уважаетъ, я думаю это, я надѣюсь на это, и онъ терпитъ меня, какъ препятствіе, которое не долго продержится, но продолжая питать надежду, что въ одинъ прекрасный день онъ отслужитъ греческую обѣдню на площади «Согласія», какъ его братъ могъ это сдѣлать въ 1814 году. Онъ ошибается: Франція этого не позволитъ, и мой сынъ окончитъ мою работу». «Несчастный отецъ!—замѣчаетъ Кюсси:—шесть мѣсяцевъ спустя послѣ того разговора, во время котораго онъ столько разъ говорилъ о своемъ сынѣ, герцогъ Орлеанскомъ, этого принца болѣе не стало. Надо отдать справедливость императору Николаю. Получивъ извѣстіе о смерти герцога Орлеанскаго, онъ немедленно приказалъ отмѣнить танцевальный вечеръ у императрицы, хотя извѣстіе не носило еще официального характера. Болѣе того, у меня есть основаніе вѣрить, что царь хотѣлъ прекращенія холодности, существовавшей между нимъ и королемъ Луи-Филиппомъ, холодности, которую онъ первый установилъ, а затѣмъ поддерживалъ, но послѣ двѣнадцати-тринадцатилѣтнихъ недоброжелательныхъ демонстрацій, онъ не зналъ, какъ взяться, чтобы такое положеніе вещей окончилось, не компрометируя своего достоинства или по крайней мѣрѣ свое самолюбіе. Мнѣ положительно извѣстно, что, узнавъ о столь неожиданной, плачевной смерти герцога Орлеанскаго, саксонскій король воскликнулъ: «Если у императора Николая есть немного души, онъ захватится за эти роковыя обстоятельства, чтобы сблизиться съ королемъ Франціи, такъ какъ, въ сущности, онъ желаетъ это сдѣлать. Какъ добрый отецъ, обратясь къ родительскому сердцу короля Луи-Филиппа, такъ жестоко разрываемому, онъ заставилъ бы растаять ледъ между обоими государями».

Небезынтересны строки, гдѣ приведено откровенное мнѣніе русскаго генерала Храповицкаго, «виленскаго палача» (званіе, которымъ онъ гордился, говоря: «Да, я заслуживаю этотъ титулъ!»), критиковавшаго свое войско. «Соглашаясь съ Вюртембергскимъ,—говоритъ Кюсси,—генераль мнѣ сказалъ, что русская армія составлена изъ чудныхъ солдатъ, но ей совсѣмъ не хватаетъ офицеровъ. Откровенно сказать, военное ученіе въ Россіи дурно, экзаменовъ почти нѣтъ, настолько они легки, а офицеры обучены очень мало. И согласно тому, что мнѣ еще сказали эти два генерала, я склоненъ думать, что столь прославленная устойчивость русской арміи, быть можетъ, преувеличена». Генераль предложилъ Кюсси написать что-нибудь относительно императора въ журналѣ путешествія, который прочитывалъ государь. «Ну, хорошо,—отвѣтилъ Кюсси:—напишите, что кавалеръ Кюсси съ благодарностью вспоминаетъ всю доброту, которую когда-то оказывалъ ему великій князь Николай; что онъ любитъ русскаго императора и поэтому позволяеть себѣ сожалѣть о предубѣжденіи, которое онъ питаетъ противъ Луи-Филиппа. Я увѣренъ,—прибавляетъ Кюсси:—что если его величеству передадутъ эти слова, онъ не разсердится, такъ какъ его справедливый и прямой умъ признаетъ, что государи, какъ и другіе люди, могутъ ошибаться».

Недовольство высказываетъ Кюсси также по адресу русской полиціи, на которую жаловались всѣ иностранцы, побывавшіе въ Россіи. По ихъ словамъ,

необходимо было всегда имѣть въ рукахъ деньги, чтобы благодарить ее за малѣйшія услуги. Ту же полицію Кюсси обвиняетъ и въ скандалѣ, происшедшемъ съ Лолой Монтець въ Варшавѣ, и передаетъ всю исторію иначе, чѣмъ ея біографъ Эдмундъ д'Овернь, о статьѣ котораго мы упоминали въ отдѣлѣ «Мелочей и новостей» за прошедшій мѣсяцъ. Онъ говоритъ, что Монтець, выдававшая себя за дочь дона-Карлоса, несмотря на поддержку самого Паскевича, подверглась непріятностямъ со стороны полковника Абрамовича, начальника варшавскихъ жандармовъ. Эта красивая испанская танцовщица по дорогѣ въ Петербургъ остановилась въ Варшавѣ, чтобы дать представленіе. Абрамовичъ за его разрѣшеніе потребовалъ съ нея плату натурой. Лола Монтець не согласилась, и полковникъ началъ ее преслѣдовать. Тогда Монтець отправилась къ Паскевичу, рассказала ему обо всемъ и добилась его согласія. Онъ отдалъ приказъ разрѣшить представленіе, но самъ не могъ на немъ присутствовать, по случаю отъѣзда изъ Варшавы. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Абрамовичъ и устроилъ Лолѣ Монтець скандалъ. Тогда танцовщица, подойдя къ рампѣ, пальцемъ указала на Абрамовича, какъ на автора скандала. Ночью Лолу Монтець схватили и отправили съ жандармами до прусской границы. Возвратившійся въ Варшаву Паскевичъ, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался на Абрамовича, но было уже поздно. По словамъ Кюсси, красавица обладала рѣзкими и смѣлыми манерами и въ одинъ прекрасный день въ Берлинѣ ударила хлыстомъ по лицу жандарма за то, что тотъ схватилъ подъ уздцы ея лошадь.

Жалуясь, что за иностранцами все время слѣдитъ полиція, Кюсси рассказываетъ, что одного французскаго инженера, посѣтившаго Петербургъ и принятаго очень любезно, по пятамъ провожалъ русскій шпіонъ до границы.

О пребываніи императрицы въ Палермо онъ рассказываетъ, что городскія власти старались устроить въ городѣ все какъ можно кокетливѣе и самыя красивыя виллы были заняты русскимъ императорскимъ домомъ, но Голицынь, Нессельроде, графъ Шуваловъ и генераль Орловъ жаловались ему, что государынѣ приходится жить въ виллахъ, по тѣснотѣ своей недостойныхъ ея положенія. «По правдѣ сказать, они требовательны,—замѣчаетъ Кюсси:—вилла Бютара и Серра-ди-Фалко—два очаровательныхъ жилища съ двумя обширными и великолѣпными садами, смежными между собою. Но русскіе, которые желали видѣть у ногъ своей императрицы весь міръ, часто показывали видъ иностранцамъ, что находятъ лучше то, что оставили у себя дома».

О русской привычкѣ бранить все свое, находясь за границей, Кюсси говоритъ: «Я зналъ въ моей жизни много русскихъ и вообще находилъ, что тѣ изъ нихъ, которые много путешествуютъ, очень склонны говорить съ нѣкоторымъ легкомысліемъ и насмѣшкой о томъ въ своей странѣ, что они желали бы видѣть нѣсколько преобразованнымъ, но со времени напечатанія сочиненія Кюстина «La Russie en 1839» я усматриваю большую сдержанность въ разговорѣ русскихъ, изъ нихъ нѣкоторые признавались мнѣ, что съ тѣхъ поръ избѣгаютъ выказывать себя слишкомъ экспансивными съ иностранцами, опасаясь видѣть свои слова собранными и напечатанными, а свое имя скомпрометированнымъ. Я былъ очень удивленъ нѣкоторыми разговорами, которые передалъ мнѣ командиръ французскаго судна «Нарваль» на другой день ви-

зита корабля «Камчатки» (на котором прибыла императорская семья). На всѣ замѣчанія, которыя позволилъ себѣ дѣлать нашъ соотечественникъ относительно чрезмѣрнаго загроможденія палубы, что мѣшало маневрамъ, замѣчанія, которыя русскіе моряки признавали справедливыми, они неизмѣнно отвѣчали: «Что дѣлать! Такъ желаетъ императоръ... Тогда-то мы дѣлали иначе и было хорошо... Затѣмъ надо было перемѣнить... Что дѣлать! Императоръ желаетъ этого и, къ несчастію, съ нимъ часто случается, что на другой день онъ отмѣняетъ то, что приказалъ наканунѣ». Замѣтивъ надъ мостикомъ капитана другой мостикъ, французъ выразилъ свое удивленіе и въ отвѣтъ услышалъ: «Что подѣлаешь—это тоже созданіе императора. Привычный господствовать надъ всѣмъ, что его окружаетъ, онъ думаетъ, что не можетъ удовольствоваться капитанскимъ мостикомъ; надо было построить другой, выше, для его личнаго употребленія, несмотря на то, что онъ будетъ очень неудобенъ для маневровъ». Эта сдержанность удивляла Кюсси, такъ какъ тѣ изъ моряковъ, которые не держали языкъ за зубами въ бесѣдѣ съ французскими моряками, часто признавали у императора плачевныя неровности и непостоянство характера.

Русскія дамы высшаго общества также не миновали критики Кюсси: онъ находилъ, что на языкъ онѣ слишкомъ развязны. Для примѣра онъ рассказываетъ фактъ, случившійся на вечернемъ чаѣ у Нессельроде. Послѣдній, желая съ нимъ поговорить наединѣ, повелъ его въ будуаръ, гдѣ Кюсси увидѣлъ растянувшуюся на кушеткѣ въ позѣ отдыхающей львицы его дочь, г-жу Хрептовичъ—«маленькую женщину, некрасивую и живую, она подмигивала однимъ глазомъ и расшнуровывала свой корсетъ, говоря: «Ахъ, господа, какая жара! Я испытываю желаніе лечь здѣсь нагою, какъ принцесса Полина предъ Кановой...» Если сопоставить этотъ несдержанный разговоръ съ тѣмъ, какой въ ту же эпоху я слышалъ отъ княгини Салтыковой, графиня Тизенгаузенъ, мадемуазель Нелидовой и мадемуазель Столыпной, то я долженъ прийти къ заключенію, что дамы высшаго русскаго общества страшно разнуздапы на языкъ».

По прибытіи въ Палермо императрица, узнавъ, что Кюсси находится тамъ же, выразила желаніе видѣть его. За обѣдомъ она сказала императору: «Знаешь, Кюсси здѣсь. Разсчитываешь ты его видѣть?»—«*Si, signora, con multa piacere!*» (Да, сударыня, съ большимъ удовольствіемъ), весело отвѣчалъ императоръ. На другое утро Кюсси получилъ письмо отъ барона Мейендорфа съ извѣщеніемъ, что Нессельроде желаетъ говорить съ нимъ. Кюсси отправился къ нему и услышалъ, что государь приказалъ сказать ему, что прежній берлинскій знакомый желаетъ его видѣть, что этотъ прежній знакомый живетъ на виллѣ Бютара и что это совсѣмъ не русскій императоръ, такъ какъ его нѣтъ въ Палермо, а простой путешественникъ.

На другой день состоялось свиданіе «генерала Романова и кавалера Кюсси». Когда Кюсси явился на виллу, гдѣ проживала императорская семья, то государь попросилъ его обождать пять маленькихъ минутъ. Въ это время онъ только что получилъ изъ Петербурга и Парижа множество депешъ и читалъ императрицѣ письмо, въ которомъ ей сообщалось о здоровьѣ внука. Но пяти минутъ не прошло, какъ дипломатъ былъ приглашенъ въ комнату, гдѣ находились государыня и государь. Они оба напомнили Кюсси о времени, когда они такъ часто находи-

лись вмѣстѣ въ Берлинѣ, и о 1814—24 гг. Хотя, по словамъ Кюсси, царь Николай и сильно измѣнился «за двадцать одинъ годъ, что я его не видѣлъ, и сдѣлался совершенно лысымъ, но вполнѣ сберегъ здоровье». Императрица не сохранила и признака красоты прежней красавицы-принцессы, какою онъ ее зналъ. Ему показалось, что она очень похудѣла; ея голова и руки все время тряслись и на ея лицѣ лежалъ отпечатокъ долгихъ страданій. Послѣ бесѣды, длившейся съ четверть часа, государыня удалилась, произнося самыя благосклонныя слова, и хитрый Кюсси воспользовался случаемъ, чтобы помѣститься такъ, что лицо Николая оставалось освѣщено все время, пока они разговаривали.

— Я узналъ, любезный Кюсси,—сказалъ императоръ:—что вы покинули Данцигъ и пріѣхали въ Сицилію, но я думалъ, что вы явились сюда гораздо ранѣе... Такъ вы узнали о скоромъ пріѣздѣ императрицы сюда только въ Женевѣ? Да, правда, мой пріѣздъ былъ непредвидѣнъ; но когда я увидѣлъ, что буду разлученъ съ женою и Ольгой въ теченіе десяти мѣсяцевъ, у меня не хватило храбрости отразиться на такую долгую разлуку и я хотѣлъ ее сократить, пріѣхавъ сюда провести нѣсколько недѣль съ ними и самому узнать мѣсто, гдѣ онѣ будутъ жить. Но какъ бы ни было продолжительно это путешествіе, рѣшенное врачами, какъ бы ни продолжительно было ея отсутствіе, я не могъ раскаяться въ предпринятомъ рѣшеніи: здоровье моей жены дѣйствительное улучшилось, какъ только она очутилась по эту сторону Альпъ, и даже съ нѣкоторыхъ поръ сердцебіеніе совершенно прекратилось. Это правда, Мандъ вамъ сказала, что у нея за болѣзнь. Онъ всегда настаивалъ, что причиной этого сердцебіенія не была органическая болѣзнь, и я всегда раздѣлялъ его мнѣніе.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на смотръ войска, устроенный королемъ Сициліи.

— Русскій императоръ, кажется, присутствовалъ при военныхъ упражненіяхъ, которыми, думается, онъ остался доволенъ.

— Да, любезный Кюсси, король пожелалъ показать мнѣ часть своего войска, оставшагося въ Палермо. Выдержка хороша, но есть какая-то вялость, и Богъ знаетъ, не будетъ ли въ случаѣ надобности недостатка въ этомъ.

Произнося послѣднія слова, императоръ слегка ударилъ себя руками по груди.

— Государь, осмѣлюсь сказать, Марсово поле не достаточно, чтобы сформировать арміи. Только три государства Европы имѣютъ настоящую школу для солдатъ: Россія—на Кавказѣ, Великобританія—въ Индіи и Франція—въ Алжирѣ.

— Ахъ, Кюсси, говорите мнѣ о французской арміи. Я всегда былъ и есть ея большой поклонникъ. Мы не разъ учились цѣнить ее въ ущербъ себѣ. Какіе тамъ всегда солдаты! Какіе отряды дѣйствуютъ въ Алжирѣ! Французская армія сохранила прекрасныя традиціи; дисциплина—совершенство, выдержка—прекрасна, смѣлливость, понятливость, ловкость, а сколько «этого» у всѣхъ этихъ великолѣпныхъ солдатъ!

И на этотъ разъ, произнося послѣднюю фразу съ дѣйствительнымъ воодушевленіемъ, онъ ударилъ себя по сердцу съ силою и оживленіемъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ желѣзнымъ дорогамъ.

— На какомъ громадномъ разстояніи находишься здѣсь отъ дѣля,—сказалъ государь.—Въ Петербургѣ я часто получаю изъ Парижа депеши черезъ недѣлю,

а изъ Берлина черезъ четыре дня. Безъ сомнѣнiя, наши сѣверныя желѣзныя дороги облегчаютъ сообщенiе. Здѣсь не очень-то подвинулись въ этомъ отношенiи. Правы ли, или неправы здѣсь, что не торопятся съ этимъ. Устройство желѣзныхъ дорогъ сдѣлалось необходимостью эпохи. Надо же ихъ устраивать. Я самъ ихъ создалъ и еще создамъ, но въ нихъ есть существенное неудобство, которое со временемъ все болѣе и болѣе признаютъ и, безъ сомнѣнiя, различныя правительства примутъ мѣры,—какого рода, еще нельзя предвидѣть. Прежде низшiе классы общества не могли мѣнять мѣста жительства, но легкость переѣзда все смѣшала, и грязь, которая лежала спокойно на днѣ, поднялась на поверхность... Да, Кюсси, я уже это вижу по одному факту—пароходамъ и по той массѣ лицъ, которыхъ они привозятъ въ Россiю изъ Гавра и промежуточныхъ пунктовъ... Мнѣ хорошо извѣстно, что за границей на насъ смотрятъ, какъ на очень суровыхъ, очень придиричивыхъ у себя въ Россii относительно путешественниковъ; но какъ же, однако, не производить постоянного наблюденiя за этой массой лицъ, которыя по большей части прѣзжаютъ къ намъ наживать. Знаете ли, что въ Петербургѣ 10000 французовъ. И по правдѣ сказать, несмотря на манию русскихъ считать за хорошее то, за что очень дорого заплачено, я не могу понять, какъ такое большое количество модистокъ, портныхъ, людей всякихъ профессiй могутъ найти средства не только чѣмъ жить, но дѣлать довольно значительную экономiю, чтобы спокойно возвращаться въ свою страну... Правда, что въ числѣ ихъ попадаются капиталистки, изъ которыхъ есть очень много красивыхъ, а такъ какъ я не слыхалъ ни объ одномъ скандалѣ на ихъ счетъ, то не заботился узнавать, дѣйствительно ли онѣ живутъ своимъ доходомъ. Среди путешественниковъ попадаются такiе, которые прѣзжаютъ къ намъ, чтобы лучше заставить вѣрить истинѣ своихъ публикацiй, говоря: я самъ видѣлъ. Но вѣрите мнѣ, Кюсси, что они часто плохо видятъ или они нарочно худо говорятъ, зная, что критика и скандалъ, къ несчастью, имѣютъ для читателя болѣе привлекательности, чѣмъ одна истина.

Императоръ намекалъ на автора «La Russie en 1839» Кюстина, но ни разу не произнесъ его имени. Впослѣдствii Мейендорфъ сказалъ ему, что Николай испытывалъ къ этому автору отвращенiе вслѣдствiе переданныхъ ему слуховъ о безнравственности этого человѣка.

Потомъ Николай замѣтилъ:

— Оставимъ дѣла и политику и поговоримъ о прежнемъ счастливомъ времени въ Берлинѣ... Сколько тогда было красивыхъ женщинъ... Мы были молоды... Красавица г-жа Партана... она здѣсь, вы это знаете?... Я видѣлъ ее... Ахъ, бѣдная женщина! Надо было назвать ее мнѣ по имени. Сказать только, Кюсси, что это такъ теперь со всѣми красавицами, которыхъ мы знали когда-то. Г-жи Стиксъ и Зейдлеръ, также какъ и другiя, еще болѣе красивыя: г-жа фонъ-Берндорфъ, фонъ-Папенгеймъ, фонъ-Мальгизамъ, фонъ-Лоттумъ — всѣ онѣ стали старыя и отцвѣтшiя. Только г-жу Алопеусъ, быть можетъ, щадятъ годы. Она попрежнему прекрасна!

— Государь,—отвѣтилъ Кюсси:—это близко къ тому, что мнѣ сказалъ два года назадъ прусскiй король.

— Мой деверь! Дѣйствительно, это знатокъ... Какъ и вы, Кюсси.

Прощаясь, Николай протянул руку и произнесъ:

— Такъ какъ послѣ двадцати лѣтъ мы встрѣтились въ Палермо, то я надѣюсь, что мы еще встрѣтимся въ жизни. Прощайте!.. Или скорѣе—до свиданія!.. Разсчитывайте на мое расположеніе стараго друга, но запомните, прошу васъ, что русскій императоръ ничего не знаетъ изъ разговора, который имѣлъ генераль Романовъ.

Король обѣихъ Сицилій ежедневно посѣщалъ русскаго императора. Они бесѣдовали по-французски, но Николай часто вставлялъ въ разговоръ итальянски: «figlio mio» (сынъ мой). Больше Кюсси не видѣлъ Николая, покинушаго Палермо въ ночь на 5 декабря. Передъ своимъ отъѣздомъ императоръ предпринялъ съ своей «восхитительной дочкой» Ольгой паломничество по церквамъ Палермо. Ему было выдано разрѣшеніе папы для входа въ женскіе монастыри. Бѣдныя монахини пришли въ ужасъ, убѣжденные, что русскій императоръ овладѣетъ обѣими Сициліями и будетъ обращаться съ сицилійскими католиками, какъ съ польскими. Сначала ихъ провожалъ по монастырямъ кардиналъ Пиньятелли, палермскій архіепископъ, но затѣмъ онъ отказался, такъ какъ по незнацію французскаго языка не имѣлъ возможности отвѣчать на вопросы императора, который, какъ говорятъ, былъ ему очень непріятенъ.

Эпилогомъ бесѣды Кюсси съ Николаемъ былъ перстень съ императорскимъ шифромъ, присланный ему въ подарокъ за напечатанный трудъ «Recueil des traites de commerce et de navigation». Вице-адмиралъ Литке обрадовалъ Кюсси, что въ Россіи это считается особымъ отличіемъ и дается лишь особамъ по крайней мѣрѣ въ чинѣ генерала.

Русская императрица старалась понравиться палермитанцамъ; она щедро раздавала деньги на благотворительныя дѣла и часто устраивала приемы и великолѣпныя празднества. Мейендорфъ рассказывалъ Кюсси, что въ день именинъ государя, просматривая списокъ приглашенныхъ, она вычеркнула имена двухъ красавицъ—маркизу дель Валио и герцогиню Гвальtierи, которыми царь очень увлекался. Въ дѣло вмѣшался герцогъ Серра-ди-Фалко, прикомандированный королемъ къ императрицѣ, съ которымъ, однако, Пессельроде не очень церемонился. Онъ сказалъ, что двѣ пары прекрасныхъ глазъ проливаютъ слезы и что въ такой день надо дать мѣсто милосердію. Государыня уступила, но не преминула громко сказать на балу: «Красавица маркиза очень велика ростомъ, толста и ея руки слишкомъ мясисты... Красавица герцогиня напрасно слишкомъ сдавила себѣ грудь корсетомъ...» Государыня, любившая развлеченія и удовольствія, искала всякаго случая, чтобы пореселиться,—говоритъ Кюсси:—но, быть можетъ, ея здоровье розставало противъ того, чтобы она развила въ себѣ талантъ, требовавшій ежедневно нѣсколько часовъ усидчивости, и потому ея вкусы становились все скромнѣе, и я слышалъ отъ г-жи Хрептовичъ и г-жи Гейденъ, что она до такой степени любитъ гуалеть, что французъ-парикмахеръ, сопровождавшій ее въ путешествіи, долженъ ее причесывать четыре и пять разъ въ день. Она очень гордилась своими драгоценными украшеніямъ. Однажды она узнала, что на герцогинѣ Скорди было надѣто болѣе брилліантовъ, чѣмъ на ней. Черезъ нѣсколько дней она пригласила къ себѣ мѣстныхъ знатныхъ дамъ и показала имъ всѣ свои брилліанты.

20 января у прибывшаго на пароходъ «Ingermanland» великаго князя Константина состоялся завтракъ, на которомъ императрица объявила о помолвкѣ княжны Ольги съ принцемъ Вюртембергскимъ. Кюсси находилъ, что по красотѣ великая княжна была бы безупречна, если бы не слишкомъ высокій для женщины ростъ. Ей было 24 года—на одинъ годъ больше жениха.

Отъѣздъ императрицы на «Камчаткѣ» состоялся 16 марта 1846 г. Палермитанцы выражали свое горе тѣмъ, что закрыли всѣ лавки и сочиняли народныя пѣсни, въ которыхъ оплакивали отъѣздъ «благодѣтельница Сицилій». Горожане такъ выразительно проявляли свое горе еще съ цѣлью преподать урокъ королю обѣихъ Сицилій и его семьѣ. «Какъ я и предвидѣлъ,—замѣчаетъ Кюсси:—виллы, занятыя русскими, были приведены въ замѣчательно грязное состояніе. Мебель, ковры, обивка, казалось, служили въ теченіе пятнадцати лѣтъ». Несмотря на свои куртизанскія чувства и самую рабскую покорность и несмотря на свой «совершенно русскій» энтузіазмъ, который вызываетъ у него слезы на глазахъ, герцогъ Серра-ди-Фалко не скрывалъ отъ Кюсси, въ какой безпорядокъ и упадокъ пришли виллы.

Характеристику лицъ, сопровождавшихъ императрицу, Кюсси даетъ довольно краткую. По его мнѣнію, графъ Шуваловъ, гофмаршалъ двора, человѣкъ здраво-мыслящій и умный; генераль Апраксинъ—тоже. Но графъ Орловъ, адъютантъ государя и его другъ, не заслуживаетъ такого отзыва. «Это очень красивый мужчина,—говоритъ Кюсси:—важный съ виду и одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ людей, о которыхъ можно сказать: «прекрасная, но безмозглая голова». Нессельроде, маленькій старичокъ, веселый, учтивый, образованный и ловкій, также и Мейендорфъ, русскій посланникъ въ Берлинъ, который болѣе того—отличный геологъ. Первый врачъ императрицы образованный, но тщеславный ио тзываетъ шарлатаномъ. Онъ систематически и повсюду видитъ болѣзнь печени. Адмиралъ графъ Гейденъ—образованный человѣкъ, очень хорошій собесѣдникъ, также какъ и его жена. Изъ красивыхъ дамъ Кюсси отмѣчаетъ графиню Потоцкую съ дочерью, четырехъ фрейлинъ императрицы, особенно Столыпину и Нелидову. Последняя высокаго роста и удивительно красивая, хотя не первой молодости, слыла обыкновенно среди русскихъ за любимицу императора Николая. «Правда или нѣтъ,—говоритъ Кюсси:—я не могу рѣшить этого вопроса, но у мадемуазель Нелидовой, хотя императрица ее не долюбивала, видъ увѣренный и императрицы съ лѣвой руки, показывавшій, что она увѣрена въ своемъ положеніи». Этимъ заканчиваются воспоминанія Кюсси о русскихъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ Берлинѣ. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1866 году.

— Воспоминанія виновницы смерти Лассаля.—Въ Берлинѣ чрезвычайный интересъ возбуждаютъ недавно появившіяся воспоминанія когда-то бывшей замѣчательной красавицы, Елены фонъ Деннигесъ-Шевичъ, вышедшей замужъ за убійцу Лассаля—Раковица, а затѣмъ за Фридмана и наконецъ за Шевича. Эта легкомысленная красавица была дочерью протестанта, уполномоченнаго Баваріи при швейцарскомъ дворѣ, бывшаго прежде берлинскимъ профессоромъ, а затѣмъ призваннаго въ Мюнхень къ своему бывшему ученику, королю Максимилиану, въ качествѣ совѣтника. Ея мать была еврейка, дочь банкира. Преждевременная смерть Лассаля на дуэли сильно возбудила общество противъ

Елены Деннигесъ, вызвавшей своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ эту катастрофу; когда же она черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нея вышла замужъ за румынскаго помѣщика Янка Раковица, убившаго Лассалья, то враждебное отношеніе къ виновницѣ смерти вождя социаль-демократовъ еще болѣе усилилось. Желая чѣмъ-нибудь защититься, Елена написала «Мои отношенія съ Фердинандомъ Лассалемъ», гдѣ старалась себя облить, а Лассалья выставить въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ, причемъ ни словомъ не обмолвилась о своемъ страстномъ увлеченіи, зашедшемъ, повидимому, далеко, русскимъ морякомъ, Павломъ Крузенштейномъ.

Елена фонъ-Деннигесъ сама признается, что отличалась пылкой и страстной натурой и въ шестилѣтнемъ возрастѣ, когда ея подруги еще играли въ куклы, уже серьезно предавалась флирту съ ихъ старшими братьями. Вѣроятно, такое раннее проявленіе темперамента отчасти было причиной, что ея мать хотѣла насильно выдать ее замужъ двѣнадцати лѣтъ за болѣе чѣмъ сорокалѣтняго итальянца, сардинскаго офицера. Помимо этой причины г-жа Деннигесъ стремилась пораньше устроить судьбу дочерей въ виду того, что ея мужъ хотя и пользовался большимъ вліяніемъ въ Мюнхенѣ у короля, по денегъ это ему не приносило, а образъ жизни онъ велъ сообразный своему официальному положенію. Къ тому же сама г-жа Деннигесъ отличалась страстью къ мотовству, а большая семья требовала много расходовъ. Однако плану родителей не суждено было осуществиться: за Елену вступилась бабушка, и жениха выпроводили изъ дому.

О свѣтѣ воспитанія, полученномъ подъ руководствомъ родителей, она отзывалась не очень одобрительно. «Я воспитывалась,—говоритъ она,—въ средѣ во всѣхъ отношеніяхъ идеальной, что касается умственныхъ и эстетическихъ чувствъ, артистическихъ понятій и свѣтской культуры, но это мѣсто было безконечно мало благопріятно для развитія того, что называютъ нравственнымъ чувствомъ». По изгнаніи нежелаемаго жениха она впервые страстно влюбилась въ русскаго, Павла Крузенштейна, и вся была поглощена этой любовью. «Я всегда хранила о Павлѣ Крузенштейнѣ горячее и нѣжное воспоминаніе. Я часто защищала его противъ тѣхъ изъ моихъ подругъ, которыя называли моего большого, гениальнаго, сумасшедшаго Павла беззаботнымъ обольстителемъ. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, онъ не былъ такимъ. Никогда я не пожалѣю объ этомъ наивномъ и поэтическомъ часѣ, среди аромата цвѣтовъ, пѣнія соловья и легкаго шопота моря, волны котораго серебрила луна. Нѣжная, голубая лѣтняя ночь. Никогда эта старая луна не видѣла ничего прекраснѣе и жгучѣе. Еще разъ будь благословенна эта цвѣтущая ночь!»

Однако Крузенштейнъ не представлялъ для нея серьезной партіи, и ихъ идиллія на этомъ кончилась; родители отдѣлались отъ его посѣщеній, и неудачный влюбленный отправился съ горя въ полярную экспедицію, гдѣ едва не погибъ. Возвратясь въ Россію совершенно больнымъ, онъ вскорѣ умеръ отъ грудной болѣзни. Въ своей любви къ нему Елена во время близости съ Лассалемъ признавалась послѣднему, но онъ воскликнулъ: «Ради Бога, только безъ раскопокъ Помпеи. Не нужно ревности. Оставимъ это тѣмъ, кто предпочитаетъ прошлое настоящему и будущему». Знакомство ея съ Лассалемъ состоялось въ 1862 г., благодаря словамъ одного друга ея отца, который сказалъ ей: «Вы единственная

женщина, которую я могъ бы представить себѣ, какъ спутницу жизни Лассалья». Это такъ заинтриговало Елену, что она принялась допрашивать окружающихъ относительно личности Лассалья. Когда она обратилась съ этимъ вопросомъ къ бабушкѣ, то та, простеревъ руки къ небу, воскликнула: «Это ужасный человѣкъ. Онъ требуетъ, чтобы богатые дѣлили свои деньги съ бѣдными». Это скудное объясненіе той роли, какую игралъ Лассаль, немного сказало Еленѣ и не испугало ея. Съ этихъ поръ единственною ея цѣлью было познакомиться съ нимъ. Въ ожиданіи она принялась за чтеніе его сочиненій. Встрѣтились они въ берлинскомъ салонѣ одного общаго друга. Ему было въ это время 37 лѣтъ, а ей 19. Лассаль, этотъ энергичный вождь социаль-демократовъ, увлекавшій за собой толпу, слабъ былъ передъ женщинами, и съ этою слабостью не могъ справиться. Онъ увлекся бѣлокурой красавицей съ перваго раза, но для брака являлось много препятствій. Соціалистъ Лассаль былъ пугаломъ для родителей Елены, хранившихъ старинныя традиціи, а главное державшихся за служебное положеніе.

Здѣсь Елена играетъ двойственную роль. Родители хотѣли ея брака съ богатымъ румынскимъ помѣщикомъ Янкомъ Раковицемъ, малозначительной личностью, но по уши влюбленнымъ въ нее, и принимали его, какъ жениха. Елена же, давъ слово Лассалю, держала въ запасѣ и Раковица, не лишая его надежды.

Ея горячее сердце какъ нельзя болѣе поладило съ холоднымъ разсудкомъ. Лассаль былъ красивъ, знаменитъ и безумно честолюбивъ, но чѣмъ все это кончится между ними, она не знала, и осторожно не выпускала изъ рукъ Янка, уже обрученнаго съ нею.

Увлеченіе Лассалемъ дошло до того, что она отправляется въ Риги, гдѣ очутился и Лассаль. Не питая никакихъ иллюзій на согласіе родителей, Лассаль предлагаетъ Еленѣ ее похитить; она отказывается, но недостаточно энергично, не возмущаясь, слабо, очевидно, сознавая, что рано или поздно она сдастся. Ихъ встрѣча въ Риги пробудила въ Лассалѣ задремавшую любовь, и Елена, возвратясь въ Женеву къ родителямъ, объявила: «Можете дѣлать, что хотите, а я выйду замужъ за Лассалья!»—«Я скорѣе тебя убью!» отвѣтилъ отецъ. Она подробно описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ эту драматическую борьбу съ родителями. Елена бѣжала къ Лассалю въ гостиницу, но онъ поступилъ совсѣмъ неожиданно и не похоже на него: онъ отвезъ Елену къ родителямъ, рассчитывая, что они оцѣнятъ его корректный поступокъ, но вышло иначе. Желая положить конецъ этому роману, они вызвали въ Женеву жениха Елены Раковица. Когда Лассаль объ этомъ узналъ, его рѣшеніе жениться на Еленѣ во что бы то ни стало сдѣлалось еще упорнѣе. Думая, что она католичка, онъ упрашивалъ графиню Гарцфельдъ поѣхать къ майнцскому епископу Кеттелеру просить объ его содѣйствіи и объявить ему, что онъ готовъ перейти изъ іудейства въ католичество, если этого потребуетъ епископъ. Наконецъ Лассаль бросается къ начальнику отца Елены, баварскому министру иностранныхъ дѣлъ, тоже прося содѣйствія, и даже хотѣлъ обратиться къ королю. Короткое свиданіе съ матерью Елены разсѣяло всѣ его надежды: она обошлась съ нимъ самымъ заносчивымъ образомъ. Не успѣлъ онъ выйти отъ нихъ, какъ отецъ вернулся съ охотничьимъ ножомъ и угрожалъ убить дочь, если она сейчасъ не на-

пишетъ письма съ отказомъ этому недостойному жениху. Елена по слабости соглашается, и Лассаль получаетъ письмо, въ которомъ она извѣщаетъ, что примиряется съ Раковицею и отказываетъ ему. Лассаль старается черезъ друзей просить Елену устроить свиданіе, но она рѣзко ему отказываетъ. Тогда Лассаль посылаетъ Раковицу и ея отцу оскорбительныя письма, на которыя въ отвѣтъ слѣдуетъ вызовъ на дуэль. За старостью отца его замѣняетъ Раковицъ. Дуэль состоялась 28 августа. Раковицъ передъ дуэлью простился съ Еленой. «Я была увѣрена,—пишетъ она:—что больше съ нимъ не увижусь. Но случилось иначе: Раковицъ былъ плохой стрѣлокъ и убилъ Лассалья. Лассаль нечаянно былъ раненъ въ животъ и послѣ жестокихъ страданій скончался 31 августа 1864 г. Раковицъ торжественно явился къ ней послѣ дуэли и когда объявилъ ей, что Лассаль убитъ, то Елена воскликнула: «Ступай вонъ! Я тебя ненавижу!». Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и она сдѣлалась его женой—«изъ состраданія», такъ какъ Раковицъ былъ уже боленъ чахоткой. Бракъ ихъ длился только пять мѣсяцевъ. Всѣ расчеты родителей, за которые Лассаль заплатилъ цѣною жизни, оказались мыльнымъ пузыремъ: Раковицъ умеръ, не сдѣлавъ завѣщанія въ пользу жены, и всѣ его богатя помѣстья достались его родственникамъ.

Судьба Елены, какъ началась среди интригъ, такъ и продолжалась; за нею охотились и отцы іезуиты и желѣзный канцлеръ, каждый изъ нихъ рассчитывая воспользоваться ея обаяніемъ для своихъ политическихъ интригъ. Она вдовѣла недолго и въ 1868 г. вышла замужъ за артиста Фридмана, но черезъ пять лѣтъ съ нимъ разошлась и вышла за Шевича, съ которымъ и продолжаетъ жить.

— Оскаръ II.—Въ штутгартскомъ «Neue Musik Zeitung» находятся свѣдѣнія о наслѣдственномъ артистическомъ талантѣ въ семействѣ Бернадота. Одинъ изъ братьевъ теперешняго короля, принцъ Евгенийъ, очень проникновенный художникъ, самъ Оскаръ II самый краснорѣчивый ораторъ въ своемъ государствѣ и наслѣдовалъ музыкальный талантъ отъ предковъ. Уже его отецъ Оскаръ I окончилъ оперу «Руно», начатую и оставшуюся не оконченной композиторомъ Эрихомъ Брендлеромъ, родившимся въ Дрезденѣ въ 1800 и умершимъ въ Стокгольмѣ въ 1831 году. Кромѣ того, онъ сочинилъ военныя мелодіи и марши. Трое изъ его дѣтей выказали склонность къ музыкѣ. Густавъ, герцогъ Упландскій, умершій двадцати пяти лѣтъ, сочинилъ музыкальный эскизъ «Дронтиггольмская бѣлая дама», которую играли въ стокгольмской оперѣ, да, кромѣ того, въ его портфель нашли интересный похоронный маршъ. Единственная дочь Оскара I, Евгенія, не вышла замужъ, а занималась рисованіемъ, лѣпкой и музыкальными сочиненіями. Для Оскара I музыка была самой большою радостью въ жизни, и онъ отдавался ей, насколько позволяло ему высокое положеніе. Его преподавателями были Адольфъ-Фридрихъ Линдبلادъ (1801—1879), котораго называли сѣвернымъ Шубертомъ, и пѣвецъ Бергъ, профессоръ Джени Линдъ. Для него музыка была, какъ онъ выражался, «вѣрный истолкователь нерѣшенной сказки жизни». Въ то же время онъ былъ поэтъ, но на музыку перекладывалъ его поэзію не онъ самъ, а Иваръ Галльеостромъ и Юхасъ Бервальдъ. Въ 1864 году онъ принялъ званіе и обязанности президента музыкальной академіи въ Швеціи и хранилъ ихъ до 1872 года—до восшествія на престоль.

Сдѣлавшись королемъ, онъ не переставалъ покровительствовать музыкѣ и поощрять національныхъ артистовъ. Онъ оставилъ послѣ себя стихотворенія на Генделя, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Вебера, Россини, Мейербера, Обера, Гуно и Вагнера.

— Юбилеи.—Послѣдніе лѣтніе мѣсяцы и начало осени были богаты юбилеями какъ въ Старомъ свѣтѣ, такъ и въ Новомъ. Въ началѣ іюля Женева нѣсколько дней праздновала четырехсотлѣтіе со дня рожденія своего церковнаго реформатора, диктатора и основателя богословскаго факультета, Жана Кальвина, родившагося въ Пикардіи въ 1509 г. и умершаго въ Женевѣ въ 1564 году.

Окончивъ ученіе въ коллегіи Монтепо, восемнадцатилѣтній Кальвинъ уже получилъ мѣсто священника за краснорѣчіе и ученость, а въ 1531 г. онъ отправился въ Парихъ съ цѣлью продолжать ученіе, но былъ принужденъ бѣжать въ Базель за высказываемыя имъ евангельскія истины. Въ Женевѣ онъ появился въ 1536 г., гдѣ послѣ упорной борьбы его новое ученіе было введено по постановленію правительства. Ставя основою своего ученія св. Писаніе, какъ единственный источникъ христіанской мудрости, приобщеніе тѣла Иисуса—духовно, предопредѣленіе вѣрующихъ къ блаженству, а невѣрующихъ къ погибели и вѣчнымъ мукамъ, отмѣну всѣхъ обрядовъ, не указанныхъ прямо въ Писаніи, безкорыстный и энергичный Кальвинъ выказывалъ большую нетерпимость къ другимъ ученьямъ, нетерпимость, доходившую до жестокости.

Однако, несмотря на то, что многіе не могутъ простить ему этой нетерпимости, въ данный моментъ швейцарцы соединились единодушно, безъ различія взглядовъ и вѣрованій, чтобы выразить свою признательность человѣку, который способствовалъ возрожденію ихъ національной жизни. Все, что Кальвинъ своей непреклонной волей внесъ въ религіозную жизнь Женевы мрачнаго, теперь смягчилось: фанатизмъ исчезъ и далъ мѣсто терпимости и гуманности. Собственно юбилей Кальвина для Швейцаріи является юбилеемъ ея исторической роли.

Вмѣстѣ съ этимъ торжествомъ совпало празднованіе 350-й годовщины жевскаго университета

Недавно Соединенные Штаты съ большою помпою отпраздновали болѣе чѣмъ двухсотлѣтній юбилей появленія перваго парохода, созданнаго знаменитымъ Робертомъ Фультономъ, перевернувшимъ социальную жизнь народовъ всѣхъ странъ. Этотъ гениальный человѣкъ какъ нельзя лучше служитъ примѣромъ того, что если въ человѣкѣ есть желанія и воля, то никакія обстоятельства не задержатъ его умственнаго развитія, его порыва впередъ къ намѣченной цѣли. Родившись въ 1765 году въ скромной простой семьѣ въ Литль-Британѣ (Америкѣ) Фультонъ, можно сказать, почти совсѣмъ не получилъ первоначальнаго образованія, настолько оно было недостаточно и безпорядочно. Его отецъ умеръ рано, не оставивъ семьѣ никакихъ средствъ, и у юнаго Роберта оказались на рукахъ мать и четверо дѣтей. Едва умѣя читать, писать и считать, онъ изъ силъ выбивался, чтобы добыть средства для поддержанія семьи. И все-таки, несмотря на столь тяжелую обстановку, онъ посвящалъ вечера наукамъ, которыя болѣе всего его привлекали, и безъ помощи учителя достигъ своей цѣли. Сначала Робертъ поступилъ къ ювелиру; здѣсь онъ выучился рисовать,

живописи и механикѣ и тотчасъ же принялся дѣлать игрушки и различные хозяйственные инструменты, которые пролаваль на улицахъ. Это ему принесло такой доходъ, что онъ могъ купить для матери маленькую ферму, гдѣ она могла прожить въ матеріальномъ отношеніи сносно. Тогда Робертъ сталъ обдумывать собственное положеніе и, чувствуя склонность къ живописи, отправился въ Лондонъ, гдѣ поступилъ въ мастерскую къ живописцу Весту. Въ то время Фультону исполнилось двадцать одинъ годъ. Какъ по большей части случается, молодежь блуждаетъ прежде, чѣмъ она попадаетъ на близкую своему призванію тропу, такъ и Фультонъ не сразу попалъ на свою дорогу. Впрочемъ, онъ скорѣ самъ увидѣлъ, что ошибся дорогой, и опять вернулся къ механикѣ, изобрѣлъ летательную машину, изучилъ средства усовершенствовать мельницы, сдѣлалъ планъ усовершенствованныхъ мельницъ и каналовъ, но все это не дало блестящихъ результатовъ.

Тридцати лѣтъ Фультонъ попадаетъ въ Парижъ и здѣсь устраиваетъ панораму на Монмартрскомъ бульварѣ. Въ то время власти во Франціи были очень доступны, и Фультонъ безъ затрудненій представилъ Карно и изложилъ ему свои идеи о свободной торговлѣ. Но онъ не по вкусу пришлись Карно, и Фультону пришла мысль предложить ему подводныя лодки (которыя онъ называлъ торпедами), способныя, по его словамъ, взрывать корабли. Назначенная коммиссія настолько затянула изслѣдованіе дѣла, что Фультонъ такъ и не дождался результатовъ. Тогда онъ обратился къ Бонапарту, котораго это предложеніе заинтересовало, но при испытаніи лодки изъ Гавра въ Врестъ она потерпѣла неудачу. Вторичная проба была удачнѣе, и Фультонъ предложилъ устроить цѣлую флотилію противъ англійскаго флота. На его несчастіе, онъ опоздалъ. 21 іюля 1804 года Наполеонъ изъ Булонскаго лагеря писалъ: «Я только что прочиталъ предложеніе гражданина Фультона, съ которымъ вы обратились ко мнѣ слишкомъ поздно, чтобы измѣнить лицо свѣта».

Англичане, въ свою очередь, съ живымъ вниманіемъ слѣдили за испытаніями торпедъ и предложили Фультону привезти въ Лондонъ свои планы. Но онъ отказался: въ это время производилось испытаніе на Сенѣ парохода, и послѣ нѣсколькихъ неудачъ ему удалось достигнуть успѣха. Впрочемъ, скорѣ все-таки ему пришлось отправиться въ Англію въ виду отказа французскаго правительства въ субсидіяхъ по инициативѣ официальныхъ ученыхъ. Въ Англіи ему предложили продать планы за ежегодную ренту, но онъ опасался, что англичане заглушатъ дѣло изъ боязни его открытій, — и отказался, отправясь въ Америку такъ же безъ гроша денегъ, какъ пріѣхалъ оттуда въ Европу.

На родинѣ его сначала никто не хотѣлъ слушать или насмѣхались надъ нимъ. Только одинъ Ливингстонъ вникалъ въ идею Фультона и за свой счетъ приказалъ построить пароходъ «Clermont», который впервые отправился 17 августа 1807 года изъ Нью-Йорка. Это былъ день пытки для Фультона: народъ толпами бѣжалъ смотрѣть, какъ это пойдетъ судно безъ весель и парусовъ. Онъ смѣялся, насмѣхаясь надъ Фультономъ, и громко кричалъ: «сумасшедшій!» Но вдругъ смѣхъ стихъ; всѣ были поражены: судно поплыло по волнамъ безъ весель и парусовъ. Какъ изъ одной груди, у всѣхъ вырвался взрывъ восторга. Фультонъ такъ былъ взволнованъ, что заплакалъ.

«Clermont» не походилъ на теперешніе пароходы: это была какая-то адская машина, наводившая на всѣхъ страхъ. Онъ представлялъ собою колесный пароходъ, двигаемый паровой машиной въ 26 лошадиныхъ силъ. 50 метровъ длины, ширины $15\frac{1}{2}$, вмѣстимостью же 150 тоннъ. Онъ сдѣлалъ рейсъ въ 103 мили, выйдя утромъ 17 августа 1807 года и придя вечеромъ въ Клермонъ. На другой день «Clermont» продолжалъ рейсъ до Альбани 150 миль, а на слѣдующій день отправился въ Нью-Йоркъ. Такимъ образомъ, на путешествіе потребовалось 32 часа, и на возвращеніе 30 часовъ.

Еще до Фультона дѣлались попытки замѣнить парусныя и весельныя суда паровыми. Французъ Дени Папэнъ, изобрѣтатель парового котла, въ 1707 году спустил на Фульдѣ корабль, въ которомъ вода, поднимаемая «огненной машиной», при паденіи приводила въ движеніе колеса. Другой французъ, маркизъ Жоффруа д'Аббанъ, выстроилъ въ 1776—1785 году пароходы, плававшіе по Дубу и Саонѣ. Въ ту же эпоху спускали свои пароходы американцы Джонъ Фичъ на Делаварѣ, Вильямъ Симингтонъ на Клидѣ и полковникъ Стевенсъ въ Нью-Йоркѣ. Но все-таки честь изобрѣтенія перваго парохода и первой подводной лодки принадлежитъ Фультону: онъ первый окончательно установилъ паровую навигацію.

Только изобрѣтатели понимаютъ всю горечь неудачи и радость успѣха. Фультона положеніе было печальнѣе: горечь явилась къ нему послѣ радости. На него клеветали, крали его изобрѣтенія и дѣлали ему всевозможныя неприятности, подкосившія его силы, и онъ умеръ въ февралѣ 1815 года, не достигнувъ 50 лѣтъ. Это былъ настоящій, но запоздалый день его славы, котораго онъ уже не могъ видѣть: могила была для него дверью къ безсмертной славѣ. Газеты появились обрамленными черной рамкой, а палата отложила засѣданія въ знакъ траура.

Послѣдствіями изобрѣтенія Фультона были въ 1819 году большой океанскій пароходъ «La Savanach», а вскорѣ за нимъ военные корабли, коммерческіе и проч. Изобрѣтенія Фультона дѣйствительно измѣнили лицо земли: они оживили обмѣнъ мыслей, обогатили страны, развивъ торговлю, дали возможность сближаться между собою народамъ и т. д. Поэтому почти всѣ культурныя націи имѣли своихъ представителей на юбилейномъ празднествѣ, а нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, французы, выслали цѣлую эскадру.

Церемонія на водѣ вышла необычайно грандіозная и вообще такого блестящаго торжества въ Америкѣ еще не было.

17 октября новаго стиля всѣ сердца эльзась-лотарингцевъ соединились въ одно цѣлое, неразрывное чувство любви къ своей бывшей родинѣ—Франціи. Въ этотъ день маленькій городокъ Виссембургъ съ 6000 жителей справлялъ торжественное открытіе памятника въ честь воиновъ, умершихъ за родину во время войны 1870 года, которая дорого стоила Франціи и гдѣ было пролито столько французской крови.

Церемонія была торжественная и трогательная. Рано утромъ горожане были разбужены звуками музыки. Со всѣхъ сторонъ собирались музыкальныя, гимнастическія и проч. общества. Страсбургъ, Мюльхузь, Кольмаръ, Нагенау, Бишвилле, Лотербургъ, всѣ города и много крупныхъ эльзасскихъ мѣстечекъ

прислали своихъ представителей, которые шествовали подъ золочеными знаменами при звукахъ своихъ оркестровъ. Желѣзнодорожные поѣзда то и дѣло подвозили новыя группы. Толпы крестьянъ и крестьянокъ въ національныхъ одеждахъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Эльзаса собирались, воодушевленные однимъ чувствомъ. Франція прислала представителями военнаго общества изъ Парижа, Нанси, Лютевиля и Сень-Діе. На улицахъ Виссембурга появилось трехцвѣтное французское знамя, чего съ рокового 4 августа 1870 года не видѣли эльзасцы. Однако эта вольность разрѣшена была только обществамъ, прибывшимъ изъ-за границы, мѣстнымъ же было строго запрещено.

Вообще нѣмецкое правительство выказало необыкновенную терпимость и сговорчивость во все время переговоровъ, предшествовавшихъ открытію памятника, деликатно относясь къ національному чувству завоеваннаго ею народа. Эта терпимость дошла до того, что на самой вершинѣ памятника красуется галльскій пѣтухъ, повернувшій свой клювъ по направленію къ Палатинату. Въмѣстѣ съ тѣмъ правительство потребовало въ послѣднюю минуту уничтожить на памятникѣ символическіе знаки: солнце, напоминавшее эпоху Людовика XIV, лилію—Людовика XV, фригійскую шапочку, топоръ—воспоминаніе 1793 года, и орла—Наполеона. Кромѣ того, одному члену эльзасскаго комитета приказали снять медаль на трехцвѣтной лентѣ «общества французскихъ воспоминаній», хотя еще наканунѣ онъ щеголялъ съ нею. Особенно трогательно было видѣть, по описанію очевидца, Людовика Нодо, когда послѣ рѣчи президента комитета упало полотно и предъ стагудей Франціи въ фригійскомъ колпачкѣ, находящейся почти у подножія колонны, грянула марсельеза и раздались голоса старыхъ эльзасцевъ, сначала тихіе, а потомъ громкіе. Послѣ каждой рѣчи раздавался какой-нибудь изъ памятныхъ мотивовъ военныхъ маршей: «Sambre et Meuse», «La Retraite de Crimée», «Marche des chasseurs à pied» и т. д. Воодушевленіе росло и разразилось дружескимъ аккордомъ, когда появились трехцвѣтныя знамена французскихъ обществъ. Произошло невѣроятное волненіе: дамы махали шарфами и платками, мужчины шляпами, знаменщики съ трудомъ передвигались. Однако Нодо справедливо говорить, что положеніе, созданное войною 1870 года, можетъ быть измѣнено такимъ же событіемъ—иначе къ чему эти платоническія манифестаціи, которыя все-таки звучатъ меланхолично,—не лучше ли полное молчаніе? Будущее покажетъ что лучше...

— Смерть генерала Галиффэ, Шаплэна, Пинара, Гарримана и Ломброзо.—Франція лишилась видной и оригинальной личности въ лицѣ генерала Гастона-Александра Галиффэ, скончавшагося 8 іюля семидесяти девяти лѣтъ отъ роду. Это была одна изъ достопримѣчательностей Парижа, одна изъ тѣхъ личностей, которыя почти не встрѣчаются въ наше время и еще при жизни окружены легендами. Маркизь Гастонъ-Александръ-Огюсть Галиффэ родился въ Парижѣ 23 января 1830 года. Съ дѣтства чувствуя склонность къ военной службѣ, онъ хотѣлъ поступить въ Сень-Сиръ, но отцу было непріятно, чтобы сынъ служилъ Луи-Филиппу, и онъ воспрепятствовалъ этому. Однако съ паденіемъ іюльской монархіи онъ разрѣшилъ ему избрать военную карьеру. Молодой человѣкъ не замедлилъ вступить

въ 8-ой гусарскій полкъ и чрезъ пять лѣтъ былъ посланъ въ Крымъ, гдѣ выказалъ много отваги и храбрости. По окончаніи Крымской кампаніи онъ попалъ въ африканскую кавалерію, а въ 1860 во время экспедиціи въ страну кабилонъ былъ произведенъ въ поручики. На слѣдующій годъ онъ былъ прикомандированъ къ Наполеону, а затѣмъ по его просьбѣ отправленъ въ Мексику. Во время битвы при Пуэбло Галиффэ былъ раненъ, а по возвращеніи во Францію со знаменами, отнятыми у непріятеля, его назначили начальникомъ эскадрона и наградили орденомъ почетнаго легіона. Затѣмъ онъ снова отправился въ Африку. Въ 1868 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1870 году принялъ участіе въ битвѣ при Седанѣ и попалъ въ плѣнъ. По возвращеніи оттуда его назначили командиромъ кавалерійской бригады въ версальской арміи, и онъ принялъ дѣятельное участіе въ репрессивныхъ мѣрахъ по отношеніи коммуны, а затѣмъ его отправили въ Алжиръ. Послѣдовательно получая повышенія, онъ наконецъ сдѣлался членомъ высшаго военнаго совѣта и съ такимъ же жаромъ, что и на полѣ сраженія, принялся за преобразование арміи. Раньше всѣхъ встававшій, всегда свѣжій, подвитый, выбритый и тщательно одѣтый, онъ былъ образцомъ хорошей выправки и очень требовательнымъ генераломъ. Онъ обожалъ военную службу и когда въ 1895 году вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ онъ приужденъ былъ выйти въ отставку, то сильно опечалился. Поэтому, когда чрезъ четыре года Вальдекъ Руссо предложилъ ему портфель военнаго министра, то онъ съ радостью его принялъ. Чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ онъ, однако, вышелъ въ отставку и съ этихъ поръ считалъ себя совершенно отдалившимся отъ свѣта. Онъ умеръ отъ паралича.

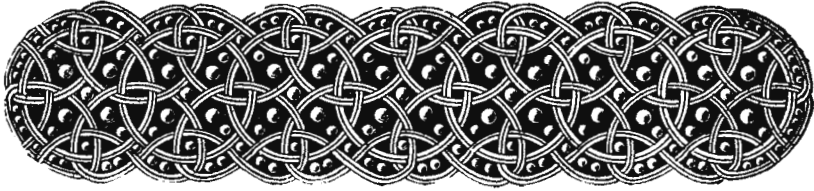
Въ концѣ іюля мѣсяца въ Парижѣ скончался талантливый, но скромный скульпторъ и граверь-медальеръ Жюль Клеманъ Шаплэнъ, по праву считавшійся своего рода новаторомъ. Онъ родился въ Мортанѣ въ 1839 году и обучался у Жюффруа и Удинэ. Въ 1863 году Шаплэнъ получилъ главную премію Рима, а въ 1881 году поступилъ въ академію изящныхъ искусствъ. Его скульптурныя работы отличаются красотой и серьезностью, но особенно оригинальны его медали. Между прочимъ, онъ увѣковѣчилъ главныя даты франко-русскаго союза, и теперешнія французскія золотыя монеты тоже его работы. Вся его жизнь протекала среди трудовъ и успѣха безъ трескучихъ овацій и безъ громкихъ фразъ. Онъ умеръ семидесяти лѣтъ.

12 сентября съ жизненной сцены сошелъ одинъ изъ вѣрныхъ слугъ имперіи Эрнестъ Пинаръ, бывшій главный прокуроръ имперіи, государственный совѣтникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. Съ его именемъ связана эпоха политической борьбы. Онъ родился въ Отенѣ и учился въ Парижѣ, гдѣ въ 1846 году получилъ званіе доктора правъ. Затѣмъ его судебная карьера протекаетъ блестяще, и наконецъ императоръ назначаетъ его министромъ. Но его карьера государственнаго человѣка совпадаетъ съ послѣдними годами имперіи. Недовольный парижанами, онъ подаетъ въ отставку, и когда императоръ предлагаетъ ему сенаторское кресло, онъ отказывается принять его. На выборахъ 1869 года отъ сѣвернаго департамента онъ удивилъ всѣхъ противниковъ, объявивъ себя сторонникомъ либеральной имперіи, поддерживалъ министра Оливье и вотировалъ объявленіе войны. Послѣ 4 сентября онъ уда-

лился на родину въ Отень, гдѣ слылъ за подозрительнаго и 5 января 1871 года былъ арестованъ и отправленъ въ Лионъ, гдѣ его заключили въ тюрьму. Черезъ нѣсколько дней его освободили, но политикой онъ уже болѣе не занимался, а жилъ, окруженный почетомъ. Онъ умеръ 87 лѣтъ.

Однимъ королемъ спекуляцій стало меньше. 9 сентября въ Нью-Йоркѣ скончался американскій желѣзнодорожный король Эдуардъ Гарриманъ, поставившій себѣ цѣлью развить промышленно-экономическую жизнь малокультурнаго Запада. Объ этой личности мы уже подробно говорили въ отдѣлѣ «Новостей и мелочей». Гарриманъ почти весь этотъ годъ хворалъ, поэтому на биржѣ съ тревогой ожидали финансовой катастрофы, и только вмѣшательство Моргана, заявившаго на собраніи банкировъ, что въ случаѣ смерти Гарримана онъ скупитъ на биржѣ желѣзнодорожныя цѣнности и спасетъ ихъ отъ дальнѣйшаго паденія, успокоило общество.

С М Ъ С Ъ.

ПРИСУЖДЕНИЕ премій митрополита Макарія. 19 сентября состоялось публичное засѣданіе императорской академіи наукъ, на которомъ акад. А. П. Карпинскимъ былъ прочтаны отчетъ о тринадцатомъ присужденіи премій митрополита Макарія. Согласно отчету, на соисканіе премій по историко-филологическому отдѣленію десять лицъ представили 19 сочиненій, которыя и были разсмотрѣны специальной комиссіею въ составѣ: академикомъ К. Г. Залемана, В. В. Латышева и А. С. Лаппо-Данилевскаго. подъ предѣлательствомъ акад. С. Ѳ. Ольденбурга. Полная премія въ 1500 руб. присуждена А. М. Дирру за его работы: «Грамматика удинскаго языка», «Грамматическій очеркъ табассаранскаго языка съ текстами и сборникомъ табассаранскихъ словъ», «Краткій грамматическій очеркъ аплійскаго языка съ текстами», «Агульскій языкъ», «О классахъ (родахъ) въ кавказскихъ языкахъ». Неполными пре-

мїями, въ 1,000 р. каждая, оказались увѣнчанными сочиненія: П. П. Ардашевъ «Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка и провинціальныя интенденты», А. П. Савина «Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ и англійская секуляризація». Кромѣ того, почетные отзывы присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ: Паренцова «Изъ прошлаго (воспоминанія офицера генеральнаго штаба)», Н. М. Бубнова «Ариѳметическая самостоятельность европейской культуры (Культурно-историческій очеркъ, изслѣдованіе по исторіи науки въ Европѣ; происхождение и исторія нашихъ цифръ. Палеографическая попытка; подлинное сочиненіе Губерта объ абакахъ или открытіе элементарной ариѳметики классической древности. Абаки и Бозцій. Лотаргинскій научный подлогъ XI в.)», графа ф. Г. дела Барта «Шатобрианъ и поэтика міровой скорби во Франціи въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX столѣтія»; В. А. Бордта «Матеріалы по исторіи русской каргогрѳіи».

Книги Дирра свидѣтельствуютъ о пылкости и трудолюбіи ихъ автора Труды Дирра, за которые онъ былъ удостоенъ мюнхенскимъ университетомъ степени доктора философіи, указываютъ на новое оживленіе въ истинно-научномъ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ; они впервые сдѣлали извѣстными въ научномъ мірѣ пять совершенно не изслѣдованныхъ до сихъ поръ языковъ, причемъ работа выполнена вполне методично, ибо каждый изслѣдователь имѣетъ право изложить свои открытія въ томъ систематическомъ видѣ, въ какомъ они отражаются въ его собственномъ умѣ... Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что д-ромъ Дирромъ собраны богатые матеріалы по цѣлому ряду другихъ кавказскихъ языковъ. Историческіе труды П. Н. Ардашева являются крупнымъ вкладомъ въ историческую науку. Они даютъ точное и удовлетворительное понятіе о роли администраціи въ послѣдніе годы стараго порядка во Франціи и безусловно становятся цѣннымъ пособіемъ для изученія и пониманія до-революціонной Франціи вообще. Богатство собранныхъ г. Ардашевымъ матеріаловъ чрезвычайно: онъ не пропустилъ ничего, что могло быть полезно для цѣлей его работы, использовавъ для этого множество источниковъ и пособій. Изслѣдованія А. Н. Савина обнаруживаютъ въ авторѣ качества первокласснаго изслѣдователя, а также неутомимое трудолюбіе, строго критическое отношеніе къ матеріалу, широту кругозора, умѣнье сводить кропотливыя изысканія къ научнымъ выводамъ; можно сказать смѣло, что болѣе документальной и научной обработки главныхъ вопросовъ соціальной исторіи Англии въ XVI в. нѣтъ ни въ одной литературѣ, не исключая и англійской. Нѣкоторыя главы появились уже въ передѣлкахъ въ иностранныхъ изданіяхъ и были отмѣчены критикой съ величайшимъ сочувствіемъ. Воспоминанія ген. Паренсова о русско-турецкой войнѣ даютъ разностороннее изслѣдованіе одного изъ самыхъ тяжелыхъ и интересныхъ эпизодовъ этой войны—августовскаго штурма Плевны. Авторъ использовалъ для своей работы всѣ вышедшіе уже въ свѣтъ печатные матеріалы и часть рукописныхъ источниковъ, одухотворивъ ихъ личными воспоминаніями, которыя имѣютъ особую цѣну. При этомъ ген. Паренсовъ не ограничивается только мастерскимъ изложеніемъ августовскаго штурма Плевны, а выводитъ, на основаніи бывшихъ фактовъ, цѣлую серію подтвержденій основныхъ, непоколебимыхъ законовъ войны, такъ хорошо извѣстныхъ изъ поученій великихъ мыслителей и практиковъ военнаго дѣла. Изслѣдованія эти, опирающіяся на факты, изложенные увлекательнымъ живымъ слогомъ, составятъ весьма интересное и поучительное чтеніе для широкихъ слоевъ не только военнаго общества, но и для всѣхъ, кто интересуется боевымъ прошлымъ нашей родины. Если прибавить къ этому замѣчательно рельефное, образное и ясное изложеніе событій, а также и то, что каждое слово автора исходитъ изъ глубины его сердца, что авторъ вложилъ въ свою работу не только умъ, но и пылкую, любящую родину душу, что трудъ его затрагиваетъ близкій русскому сердцу вопросъ и выпукло рисуетъ обликъ такого народнаго героя, каковымъ былъ ген. Скобелевъ,—то нельзя не признать сочененіе ген. Паренсова весьма цѣннымъ и поучительнымъ вкладомъ не только въ военную, но и въ общую литературу; оно должно быть хорошо знакомо каждому, готовящемуся вести въ бой себя подобныхъ.

Присужденіе премій графа Уварова. 25-го сентября, подъ предѣтельствомъ вице-президента А. Н. Никитина, состоялось публичное засѣданіе императорской академіи наукъ, на которомъ акад. А. П. Карпинскимъ былъ прочитанъ отчетъ о пятьдесятъ первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. На соисканіе наградъ представлено было въ академію 13 сочиненій восемью авторами. Рассмотрѣніе и оцѣнка представленныхъ сочиненій были поручены специальной комиссіи подъ предѣтельствомъ акад. С. Θ. Ольденбурга, въ составѣ: А. А. Шахматова, Ф. Θ. Фортунатова, Н. П. Кондакова, А. С. Лапшоданилевскаго, В. И. Ламанскаго, В. М. Истрина и М. А. Дьякопова. Комиссія признала заслуживающимъ большой награды въ 1500 руб. трудъ Н. Я. Новомбергскаго «Врачебное строеніе въ до-петровской Руси», малой награды въ 500 руб.—изслѣдованіе Н. В. Ястребова «Этюды о Петрѣ Хельчицкомъ и его времени» и почетнаго отзыва сочиненіе А. В. Вехтурова «Заговоры, заклинанія и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова». Изслѣдованіе г. Новомбергскаго,—говоритъ рецензентъ,—относится къ той научно-исторической системѣ, которая старается установить, что московскій періодъ и даже XVII вѣкъ не были временемъ русскаго строго-замкнутаго націонализма и что реформы Петра Великаго были въ той или иной мѣрѣ подготовлены его предшественниками. Національная сила и жизненность Московскаго государства выразились не въ одномъ внутреннемъ творческомъ созиданіи, не только въ неустанной борьбѣ съ Азіей,—они проявились также и въ тяготѣнн къ образованности, развившейся на Западѣ въ тяжкій періодъ нашей, вызываемой неблагоприятными обстоятельствами, невольной культурной задержки; полученіе и усвоеніе этого образованія представлялось у насъ необходимымъ. По изслѣдованію г. Новомбергскаго, дѣло врачебнаго строенія въ до-петровской Руси шло слѣдующимъ путемъ. Колыбелью народнаго врачебнаго знанія было вѣдовство, или знахарство, долгое время державшее въ своей власти населеніе Россіи. Первые ученые врачи явились только на царской службѣ и не были доступны населенію. Съ осложненіемъ сношеній съ Западомъ и при развитіи военнаго дѣла образовалась военно-полковая медицина и началось врачебное образованіе русскихъ людей; полковая медицина срослась съ военно-народными видами, и расчистилось поле для частной врачебной практики. Судебныя испытанія повели къ развитію экспертизы, врачебныхъ изслѣдованій и освидѣтельствваній; на почвѣ благотворительности возникли больницы, а благодаря суровымъ климатическимъ условіямъ и своеобразной бытовой обстановкѣ создался обширный санитарно-карантинный арсеналь. Такимъ образомъ, сложился неокрушимый фундаментъ русскаго врачебнаго дѣла, такъ что всѣ его стороны въ до-петровской Руси были уже ярко выражены, и XVIII вѣкъ лишь продолжалъ развитіе старой организаци, иногда, впрочемъ, ухудшая ее. Поэтому,—по мнѣнію автора,—нѣтъ основаній утверждать, что въ Россіи въ области медицинскон полициі всегда все складывалось по нѣмецкимъ образцамъ. Въ основу труда г. Новомбергскаго положены многолѣтнія добросовѣстныя изысканія въ области печатной литературы предмета и, главнымъ образомъ, архивныя изслѣдованія, произведенныя имъ въ московскихъ и петербургскихъ архивахъ. Настоящій трудъ далеко подвинулъ впередъ разработку и выясненіе предмета

въ цѣломъ и частяхъ. Поставивъ себѣ задачей возсозданіе всей врачебной организаціи въ до-петровской Руси, задавшись цѣлью изъ кирпичей архивнаго сырья возсоздать зданіе аптекарскаго приказа и пролить свѣтъ въ обширную врачебную организацію въ Россіи того періода, г. Новомбергскій успѣшно выполнилъ свою задачу: его изслѣдованіе выгодно отличается отъ новѣйшихъ сочиненій по исторіи русской медицины, при сравненіи съ которыми лучше и яснѣе выступаетъ его научная самостоятельность. Оно явится также прочнымъ фундаментомъ для многихъ будущихъ изслѣдователей различныхъ частныхъ вопросовъ, такъ какъ въ немъ тщательно исчерпаны и обследованы тѣ темы, которыя подлежатъ самостоятельнымъ изысканіямъ. Этюды о Петрѣ Хельцикомъ Н. В. Ястребова, представляющіе собою его магистерскую диссертацию, цѣнны тѣмъ, что посвящены изученію личности и дѣятельности этого крупнаго писателя. Изслѣдованіе Ястребова свидѣтельствуетъ объ его дарованіи, строго научномъ направленіи, внимательномъ и близкомъ изученіи какъ литературы предмета, такъ и рукописныхъ, неизданныхъ источниковъ, и потому можно съчесть вполне справедливымъ присужденіе ему уваровской преміи. Изслѣдованія А. В. Вехтурова о заговорахъ, заклинаніяхъ и другихъ видахъ народнаго врачеванія, основанныхъ на вѣрѣ въ силу слова, ставятъ своей задачей вскрыть тѣ основы, на которыхъ созидалась вѣра въ чудодѣйную силу заговора, подглядѣть иногда, какъ бьется или билась мысль народная, стараясь оградить себя отъ могучихъ стихійныхъ силъ. Такими основами являются внушеніе и самовнушеніе, важность которыхъ уже признается и медициной, и экспериментальной психологіей. Изслѣдованіе отдѣльныхъ заговоровъ составляетъ большую часть книги г. Вехтурова. Книга это доставила бы честь любой литературѣ европейскаго Запада, если бы не страдала нѣкоторой односторонностью. Поэтому ей присужденъ только почетный отзывъ. Кромѣ этихъ наградъ, академіей назначены установленныя для постороннихъ ученыхъ золотыя уваровскія медали профессорамъ Д. В. Цвѣтаеву и П. Н. Жуковичу.

Открытие памятника первопечатнику Ивану Федорову. Съ большою торжественностью совершенно 27 сентября открытіе памятника нашему первопечатнику Ивану Федорову. Торжество началось литургіей, совершенной въ древней церкви св. Троицы, что въ Поляхъ, преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ, въ сослуженіи протопресвитера Большаго Успенскаго собора В. С. Маркова и настоятеля храма Н. А. Соловьева, при синодальномъ хорѣ пѣвчихъ. Послѣ литургіи совершена была панихида по первопечатникѣ Иванѣ Федоровѣ. Передъ панихидой въ храмъ прибылъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора. По окончаніи богослуженія духовенство съ крестнымъ ходомъ и присутствующія въ храмѣ лица направились черезъ Проломныя ворота въ скверъ Китайскаго проѣзда, гдѣ сооруженъ памятникъ нашему первопечатнику. Скверъ былъ красиво убранъ флагами, а вся его площадь усыпана пескомъ. За рѣшеткой сквера помѣщалась масса публики, занявшей весь Китайскій проѣздъ, Третьяковскій проѣздъ и часть Рождественки. На балконахъ и у оконъ домовъ, выходящихъ на проѣздъ, находилось много зрителей. Противъ памятника на Китайскомъ проѣздѣ стояла огромная группа учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ въ количествѣ свыше 400 человекъ. По прибытіи

въ скверъ крестнаго хода началось молебствіе съ водоосвященіемъ. Въ концѣ молебствія преосвященный Анастасій произнесъ слово о значеніи настоящаго торжества. Синодальнымъ хоромъ исполнена была «вѣчная память». Затѣмъ, когда духовенство перешло къ памятнику, съ него спала завѣса, и взорамъ публики предстала фигура первопечатника, внимательно разсматривающаго первый оттиснутый листъ книги «Дѣяній апостоловъ». Площадь огласилась громкими криками «ура», слившимися со звуками народнаго гимна. Преосвященный Анастасій окропилъ монументъ св. водой. Къ памятнику приблизились графиня Уварова съ членами археологическаго общества и городской голова Н. И. Гучковъ съ членами городской управы. Графиня П. С. Уварова, вручая городскому головѣ актъ о передачѣ археологическимъ обществомъ сооруженнаго имъ памятника въ вѣдѣніе города, прочитала слѣдующій текстъ акта: «4-го января 1870 года по почину основателя и пожизненнаго предсѣдателя императорскаго московскаго археологическаго общества графа А. С. Уварова и при ближайшемъ дѣятельномъ участіи также покойныхъ инспектора московской синодальной типографіи В. Е. Румянцева и профессора-академика М. П. Погодина состоялось въ московской городской думѣ торжественное собраніе по случаю совершившагося 300-лѣтія со времени напечатанія въ первый разъ въ 1589 году въ Заблудовѣ московскими типографами Иваномъ Ѳедоровымъ Москвитинымъ и Петромъ Тимоѣевымъ Мстиславцемъ учительнаго евангелія. Въ этомъ собраніи графомъ было сообщено, что обществу съ высочайшаго соизволенія разрѣшено открыть подписку для сбора пожертвованій на сооруженіе памятника первопечатнику Ивану Ѳедорову. Подписка эта дала императорскому московскому археологическому обществу возможность воздвигнуть, по проекту художника С. М. Воллухина и при помощи литейщиковъ А. и Э. Робекки и строителя-архитектора И. П. Машкова, нынѣ открываемый памятникъ, который, какъ предсѣдатель общества, имѣю честь симъ передать въ лицѣ вашего, какъ городского головы, нашей первопрестольной Москвѣ». Актъ напечатанъ на пергаментѣ съ печатью общества и подписью графини П. С. Уваровой и, покрытый широкой муаровой лентой, вложенъ въ круглый бюваръ. Принимая этотъ актъ, Н. И. Гучковъ отвѣтилъ: «Московское городское общественное управленіе, призванное по закону и по волѣ Монаршей хранить древніе памятники, съ искренней благодарностью пріемлетъ этотъ новый памятникъ и низко кланяется археологическому обществу за его цѣнный даръ первопрестольной столицѣ и русскому народу». Затѣмъ началось возложеніе депутациями вѣнковъ къ подножію памятника. Первый вѣнокъ, лавровый съ пальмовыми вѣтвями, возложенъ былъ отъ города Москвы городскимъ головой съ членами управы. При этомъ городской голова произнесъ слѣдующія слова: «Древняя Москва, первопрестольная столица, земно кланяется великому свѣточу народнаго просвѣщенія родной земли Ивану Ѳедорову». Графиня П. С. Уварова съ В. К. Трутовскимъ и И. П. Машковымъ возложила вѣнокъ отъ императорскаго московскаго археологическаго общества. Далѣе возложены были вѣнки: отъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, отъ императорской академіи наукъ—Н. А. Котляревскимъ, отъ московской синодальной типографіи—А. И. Соловьевымъ, А. С. Орловымъ

и А. А. Покровскимъ, отъ московской синодальной конторы—архимандритомъ Димитріемъ и Н. П. Поповымъ, отъ московскаго университета—А. А. Мануиловымъ и М. К. Любавскимъ, отъ кievскаго университета св. Владимира и общества Нестора-лѣтописца—А. М. Лобода, отъ московской духовной академіи, отъ императорскаго историческаго музея, отъ московскихъ публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, отъ московской оружейной палаты, отъ московскаго отдѣленія архива министерства императорскаго двора, отъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, отъ архива министерства юстиціи, отъ общества любителей россійской словесности, отъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, отъ русскаго бібліографическаго общества, отъ московскаго общества грамотности, отъ московскаго общества народныхъ университетовъ, отъ воронежской ученой архивной комиссіи, отъ историко-родословнаго общества, общества любителей художествъ, московскаго архитектурнаго общества, общества любителей графическихъ искусствъ, общества дѣятелей періодической печати, отъ комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ Москвы, отъ тверской ученой архивной комиссіи, отъ смоленской архивной комиссіи, отъ Лазаревскаго института, отъ училища живописи, ваянія и зодчества, отъ московскаго археологическаго института, отъ императорскаго коммерческаго училища, отъ студенческаго кружка исторіи и литературы, отъ общества содѣйствія вѣтшкольному образованію, отъ московской губернской земской управы, отъ московской ремесленной управы, московскаго комитета по дѣламъ печати, московскаго общества типолитографовъ, отъ вспомогательной кассы типографовъ, отъ государственной типографіи, отъ типографіи московскаго университета, московской губернской типографіи, московской городской типографіи, единовѣрческой типографіи, типографіи общества распространенія полезныхъ книгъ, отъ «Русскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Слова», «Ранняго Утра» и журналовъ: «Вѣстникъ Воспитанія», «Юная Россія» и «Педагогическій Листокъ», отъ разныхъ московскихъ частныхъ типографій въ количествѣ 20-ти, отъ профессиональнаго общества рабочихъ печатнаго дѣла имени Ивана Федорова, отъ общества книгопродавцевъ, общества борьбы съ дѣтской смертностью, книгоиздательства «Польза», книгоиздательства «Студенческой Календарь», отъ комиссіи по приобрѣтенію средствъ для инвалиднаго дома типографовъ, отъ общества имени Данте-Алигери, два вѣнка отъ городскихъ начальныхъ училищъ: одинъ—отъ мужскихъ, а другой—отъ женскихъ. Большинство вѣнковъ лавровые; серебряныхъ вѣнковъ возложено около десяти, въ томъ числѣ отъ академіи наукъ, отъ университета св. Владимира, отъ общества типо-литографовъ съ изображеніемъ перваго листа книги «Дѣяній апостоловъ», напечатанной Иваномъ Федоровымъ въ 1564 году, и др. По возложеніи вѣнковъ началось дефилированіе вокругъ памятника учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Утромъ въ помѣщеніи 1-го общества торговыхъ служащихъ на Лубянкѣ состоялось торжественное засѣданіе профессиональнаго общества рабочихъ печатнаго производства имени Ивана Федорова. Просторное помѣщеніе общества не могло вмѣстить всѣхъ присутствующихъ, число которыхъ доходило до 600 человекъ, такъ что часть стояла въ дверяхъ и находилась въ другой смежной комнатѣ. По предложенію председателя присутствующіе почтили вставаніемъ память первопечатника Ивана

Федорова, а затѣмъ секретарь общества С. Любимовъ сдѣлалъ краткій очеркъ развитія книгопечатанія въ Россіи, упомянувъ и о современной ненормальной постановкѣ этого дѣла. Предсѣдатель правленія общества, г. Комковъ, познанилъ собраніе съ возникновеніемъ и развитіемъ общества рабочихъ печатнаго производства. Въ обществѣ насчитывается 1,237 дѣйствительныхъ членовъ и 194 ученика. По выслушаніи отчета о дѣятельности правленія общества, секретарь прочиталъ текстъ адреса, составленнаго по поводу открытія памятника первопечатнику Ивану Федорову. Въ адресѣ выражается пожеланіе о свободѣ печатнаго слова отъ опеки и зависимости капиталистовъ. Текстъ адреса присутствующими принятъ единогласно. Онъ затѣмъ былъ прочитанъ на засѣданіи археологическаго общества въ историческомъ музее. По закрытіи засѣданія присутствующіе въ полномъ составѣ отправились на открытіе памятника. Въ часъ дня въ воскресенье въ старой залѣ политехническаго музея А. А. Кизеветтеръ по приглашенію кассы взаимопомощи типографовъ прочелъ публичную лекцію объ Иванѣ Федоровѣ. Аудитория была переполнена учащимися и рабочими. Лекція иллюстрировалась свѣтовыми картинами. Аудитория наградила лектора продолжительными аплодисментами. Въ 3 ч. дня въ залѣ «Славянскаго Базара» на Никольской состоялось торжественное собраніе, созванное обществомъ типо-литографовъ Москвы. Всю залу и ея хоры заполнили типографы-хозяева и служащіе типо-литографій. Были и женщины. Впереди за предсѣдательскимъ столомъ въ эффектной рамѣ изъ зелени красовался портретъ во весь ростъ Ивана Федорова въ такомъ же изображеніи, какъ онъ представленъ на памятникѣ. Собраніе открылъ А. А. Левенсонъ краткимъ словомъ, въ которомъ высказалъ между прочимъ пожеланіе, чтобы нынѣ благополучно дѣйствующіе на Руси станки, тысячами замѣнившіе сожженный невѣжественной толпой станокъ перваго русскаго печатника, съ энергіей и честью выполняли ту славную работу, которой посвятилъ всю жизнь Иванъ Федоровъ. Затѣмъ А. А. Кизеветтеръ обратился съ рѣчью, познакомившей слушателей съ исторіей книгопечатанія. Рѣчь произвела большое впечатлѣніе и вызвала долго не смолкавшіе аплодисменты. Вечеромъ въ тотъ же день въ аудиториі историческаго музея состоялось торжественное соединенное собраніе императорскихъ обществъ московскаго археологическаго и исторіи и древностей русскіихъ. Открывая засѣданіе, гр. П. С. Уварова сообщила, что сегодня отъ археологическаго общества отправлена была Государю Императору телеграмма объ открытіи памятника съ выраженіемъ вѣрнопопданническихъ чувствъ, но раньше этого, въ 10 час. утра, получена была отъ Его Величества телеграмма слѣдующаго содержанія: «Освѣдомившись объ имѣющемъ состояться въ Москвѣ открытіи памятника московскому первопечатнику діакону Ивану Федорову, выражаю вамъ и императорскому московскому археологическому обществу Мою искреннюю благодарность за понесенные обществомъ труды по сооруженію сего историческаго памятника». Затѣмъ гр. П. С. Уварова доложила краткій отчетъ о построеніи памятника. Изложивъ исторію возникновенія и осуществленія мысли о сооруженіи памятника, графиня Уварова сообщила, что всего собрано было по подпискѣ на постановку монумента 29,038 р., изъ которыхъ выдано было 1,000 р. скульптору Антокольскому за его непринятую модель памятника, 1,117 р. стоилъ

конкурсъ. Художнику С. М. Волнухину уплачено 5 тыс. р., за отливку статуи— 8,200 р., за изготовленіе пьедестала—6,530 р. и пр., а всего израсходовано на памятникъ 24,778 р. и осталось 4,260 р., изъ коихъ имѣютъ быть произведены расходы по устройству торжества открытія памятника. Остатки же отъ собранныхъ суммъ рѣшено по составленіи болѣе подробнаго отчета передать въ фондъ на устройство инвалиднаго дома для труженниковъ печатнаго дѣла. Отъ имени археологическаго общества графиня выразила глубокую благодарность скульптору С. М. Волнухину, архитектору И. П. Машкову, отливавшему статую г. Робекки и устраивавшему пьедесталъ г. Орлову за ихъ труды по сооруженію памятника. Е. В. Барсовъ сдѣлалъ сообщеніе на тему «Творцы книгопечатнаго дѣла въ Москвѣ». А. Н. Соловьевъ сдѣлалъ сообщеніе о зарожденіи и развитіи идеи книгопечатанія до ея осуществленія Иваномъ Федоровымъ и о дальнѣйшемъ ходѣ книгопечатанія въ Россіи. Послѣ этихъ двухъ рѣчей слѣдовалъ длинный рядъ привѣтствій, принесенныхъ археологическому обществу по случаю открытія имъ памятника Ивану Федорову. Первое привѣтствіе сказано было попечителемъ московскаго учебнаго округа А. М. Ждановымъ, который привѣтствовалъ общество и его предсѣдателя отъ министерства народнаго просвѣщенія и лично отъ себя. Архимандритъ Димитрій сказалъ привѣтствіе отъ синодальной конторы, а проф. М. К. Любавскій—отъ императорскаго московскаго университета. Отъ университета св. Владимира и отъ общества лѣтописца Нестора привѣтствовали археологическое общество проф. А. М. Лобода. Затѣмъ слѣдовало подношеніе адресовъ почти отъ всѣхъ депутацій, которыя утромъ возложили вѣнки на памятникъ первопечатнику, Большая депутація отъ профессиональнаго общества рабочихъ печатнаго производства имени первопечатника Ивана Федорова поднесла адресъ, въ которомъ говорится, что какъ при Иванѣ Федоровѣ, такъ и послѣ него въ теченіе трехъ вѣковъ и въ настоящее время печатное слово продолжаетъ испытывать гоненія и притѣсненія вплоть до закрытія типографій, конфискаціи и сожженія книгъ, заключенія въ тюрьму тѣхъ, кто печатаетъ. «Для насъ, рабочихъ, память объ Иванѣ Федоровѣ гѣмъ болѣе дорога, что онъ былъ такимъ же рабочимъ на своемъ станкѣ, какъ и мы, такъ же трудился и такъ же велъ скитальческую, необезпеченную жизнь». Далѣе въ адресѣ упоминается, что въ настоящее время печатное дѣло находится въ рукахъ капиталистовъ, и выражается пожеланіе, чтобы въ будущемъ всѣ машины и другія орудія типографскаго производства принадлежали самимъ трудящимся. Адресъ кончается словами: «Иванъ Федоровъ ставилъ своей цѣлью разсѣвать духовныя сѣмена, и мы, продолжатели его дѣла, ставимъ одной изъ своихъ задачъ освободить отъ опеки печать, отъ гнета—живое слово. И мы твердо знаемъ, что наступитъ время, когда труды новаторовъ (въ печатномъ дѣлѣ) пойдутъ на пользу всѣхъ трудящихся, и только тогда проникнуть всюду духовныя сѣмена». Адресъ этотъ вызвалъ шумные аплодисменты. Графиня П. С. Уварова, объявляя за сѣданіе закрытымъ, выразила благодарность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, принесшимъ обществу свои привѣтствія, добавивъ, что «эти привѣтствія въ сущности представляютъ собой чествованіе памяти нашего первопечатника, и потому прошу позволенія провозгласить виновнику торжества Ивану Федорову «вѣчную память».

Открытие памятника О. П. Гаазу. Рѣдкой задумчивостью отличалось торжество открытія 1 октября въ Москвѣ памятника доктору О. П. Гаазу, собравшее представителей различныхъ общественныхъ группъ и словесъ столичнаго населенія, чтобы выразить чувства благоговѣнія и признательной благодарности къ памяти великаго гуманиста. Торжество началось въ 2 час. дня. Къ этому времени Казенный пер., въ которомъ находится Александровская больница, наполнился вереницей экипажей и массами простого народа. Дворъ больницы, красиво убранный флагами, занимали множество представителей различныхъ учреждений, благотворительныхъ и ученыхъ обществъ и приглашенныя на торжество лица. Часть двора заполнена была многочисленными депутаціями съ вѣнками, приготовленными для возложенія на памятникъ. Въ глубинѣ двора, въ центрѣ круглаго сквера, возвышался памятникъ, пока скрытый отъ взоровъ публики парусиновымъ покрываломъ. У входа въ скверъ построена была арка, убранная матеріями національныхъ цвѣтовъ и зеленью. На фронтѣ арки виднѣлась крупная надпись: «Спѣшите дѣлать добро». Надъ надписью укрѣпленъ былъ лавровый вѣнокъ. Вокругъ сквера развѣвались національные флаги. На торжество собрались московскій губернаторъ В. О. Джунковскій, московскій градоначальникъ А. А. Адриановъ, губернскій предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, городской голова, члены управы, гласные думы, представители земства, главнаго тюремнаго управленія, главные врачи городскихъ больницъ, земскіе, городскіе и тюремные врачи, представители судебныхъ учреждений, тюремныхъ благотворительныхъ комитетовъ, медицинскихъ обществъ, врачебнаго управленія и другихъ учреждений. Передъ открытіемъ памятника совершена была панихида по О. П. Гаазу. Панихиду служилъ законоучитель военнаго Александровскаго училища протоіерей Н. А. Добронравовъ съ больничнымъ священникомъ и священникомъ пересыльной тюрьмы, при стройномъ пѣніи трехъ хоровъ: воспитанниковъ Рукавишниковскаго пріюта, дѣтей изъ общины «Утоли моя печали» и хора тюремныхъ арестантовъ. При возглашеніи вѣчной памяти О. П. Гаазу присутствовавшіе опустили на колѣни. По окончаніи богослуженія В. О. Джунковскій сдернулъ покрывало съ памятника, и взорамъ присутствующихъ предсталъ бронзовый бюстъ врача-гуманиста со скорбнымъ, задумчивымъ лицомъ, покоящійся на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ съ надписью на лицевой его сторонѣ: «Федоръ Петровичъ Гаазъ. 1780—1853 г. Спѣшите дѣлать добро». Раздались звуки народнаго гимна, слившіеся съ криками «ура». Гимнъ повторенъ былъ три раза. Затѣмъ подъ звуки гимна «Коль славень» началось возложеніе депутаціями вѣнковъ на памятникъ. Первый вѣнокъ, изъ живыхъ цвѣтовъ, возложенъ былъ отъ ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Федоровны управляющимъ канторой двора ея высочества А. П. Корниловымъ. Слѣдующій вѣнокъ, лавровый, «отъ временнаго попечителя Александровской больницы» возложилъ В. О. Джунковскій. Городской голова съ членомъ управы В. О. Малининымъ и гласнымъ думы Н. И. Астровымъ возложилъ вѣнокъ отъ Москвы. Далѣе возложены были вѣнки депутаціями: отъ главнаго тюремнаго управленія (серебряный), отъ управленія московскаго генераль-губернатора, отъ окружнаго суда, состоящихъ при немъ судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора (серебряный), отъ столичнаго мирового съѣзда (серебряный).

отъ медицинскаго факультета московскаго университета, врачебнаго управленія, мужскаго и дамскаго тюремныхъ благотворительныхъ комитетовъ, отъ учрежденій Краснаго Креста, московскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета императорскаго Человѣколюбиваго общества, отъ городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ, городской общины «Утоли моя печали», Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта, особаго присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ, ольгинскаго благотворительнаго общества, комитета по благоустройству иновѣрческаго кладбища, благотворительнаго общества для пособія бѣднымъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, врачебнаго совѣта при городской управѣ, комиссій городскихъ санитарныхъ и амбулаторныхъ врачей, отъ больницы императора Александра III и отъ больницы: тюремной, Преображенской, императорской Екатерининской, бр. Бахрушиныхъ, всѣхъ городскихъ больницъ, страннопріимнаго дома гр. Шереметева, больницъ глазной, Софійской, Маріинской, Голицынской, Павловской, Александровскаго купеческаго общества, психіатрической клиники, военнаго госпиталя, отъ губернскаго земства, отъ семьи Самариныхъ въ память совмѣстнаго сотрудничества съ Ѳ. П. Гаазомъ Ѳ. В. Самарина, общества дѣятелей періодической печати, журнала «Вѣстникъ Воспитанія», общества русскихъ врачей, общества русскихъ хирурговъ, перваго женскаго клуба и студентовъ университета. По возложеніи вѣнковъ въ совѣтской залѣ больницы, декорированной тропическими растеніями и цвѣтами, состоялось торжественное засѣданіе, посвященное памяти Ѳ. П. Гааза. Собраніе происходило подъ предсѣдательствомъ временнаго попечителя Александровской больницы В. Ѳ. Джунковскаго. Прот. Н. А. Добронравовъ произнесъ горячую рѣчь въ память Ѳ. П. Гааза, въ которой очертилъ высоконравственный образъ покойнаго врача-гуманиста, отмѣтивъ, что Ѳ. П. не только приходилъ на помощь больнымъ и несчастнымъ, но и чувствовалъ всю силу ихъ физическихъ и моральныхъ страданій, какъ чувствовали они сами, и, на какой бы ступени нравственнаго паденія ни стоялъ человѣкъ, видѣлъ въ немъ брата Христа, т. е. умѣлъ подмѣтить въ немъ тѣ тлѣющія искры добра, которыя въ человѣкѣ никогда не погашаются, раздувалъ эти искры въ огонь, оживлялъ, воскрешалъ въ немъ человѣка. Затѣмъ деканъ католической церкви А. М. Василевскій, сказавъ рѣчь въ память Ѳ. П. Гааза, сообщилъ, что въ благотворительномъ римско-католическомъ обществѣ возникла мысль объ устройствѣ въ центральной московской пересыльной тюрьмѣ библиотеки его имени. По предложенію предсѣдателя собраніе почтило вставаніемъ память Ѳ. П. Гааза. Главный врачъ Александровской больницы С. В. Пучковъ представилъ очеркъ жизни и дѣятельности Ѳ. П. Гааза, сообщивъ при этомъ найденныя имъ новыя данныя о врачѣ-гуманистѣ. Затѣмъ слѣдовали привѣтствія. Городской голова Н. И. Гучковъ передалъ привѣтствіе отъ ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны, выражающей горячее сочувствіе настоящему торжеству и глубокое сожалѣніе, что не можетъ лично принять въ немъ участія. С. В. Пучковъ прочиталъ присланное на его имя отъ А. Ѳ. Кони привѣтствіе. Затѣмъ принесены были привѣтствія и прочитаны адреса депутаціями, возложившими вѣнки на памятникъ. При этомъ Н. И. Гучковъ сказалъ привѣтствіе отъ гор. Москвы, отмѣтивъ, что Гаазомъ было положено начало въ Москвѣ той врачебной,

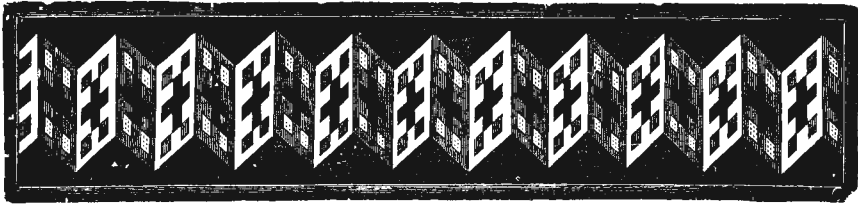
санитарной и благотворительной помощи населенію, которая теперь широко развита городскимъ общественнымъ управленіемъ. Предсѣдатель окружнаго суда Д. А. Нилусъ сказалъ привѣтствіе отъ судебныхъ учреждений, проф. Д. Н. Зерновъ—отъ медицинскаго факультета и др. Послѣ длиннаго ряда привѣтствій С. В. Пучковъ прочиталъ отчетъ о постройкѣ памятника Ѳ. П. Гаазу. Памятникъ сооруженъ по проекту Н. А. Андреева на пожертвованія, собранныя въ суммѣ 5,060 руб. Н. А. Андреевъ отказался отъ платы за свой трудъ. По предложенію С. В. Пучкова собраніе выразило благодарность Н. А. Андрееву, городскому общественному управленію, въ лицѣ Н. И. Гучкова, за содѣйствіе къ убранству памятника и залы настоящаго засѣданія. Однимъ изъ большихъ было прочитано очень трогательное стихотвореніе, посвященное памяти Ѳ. П. Гааза. Доложенъ цѣлый рядъ привѣтственныхъ телеграммъ по случаю настоящаго торжества: отъ бар. Будберга въ Петербургѣ, попечителя Александровской больницы бар. Кюпа, отъ управленія кавказскихъ минеральныхъ водъ, русскаго бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ, отъ вспомоgetельнаго общества «Санаторій» въ Эссенукахъ, гдѣ Гаазомъ открытъ источникъ, посвящій его имя, отъ клиники кожныхъ болѣзней, отъ медицинскаго общества въ Желѣзноводскѣ, отъ А. И. Гучкова и др. По предложенію В. Ѳ. Джунковскаго собраніемъ выражена глубокая благодарность С. В. Пучкову за возбужденіе мысли о постановкѣ памятника и ея осуществленіе. А. Ѳ. Кони послана собраніемъ телеграмма въ отвѣтъ на его привѣтствіе.

Открытие Гоголевскаго музея въ Нѣжинѣ. 14 сентября состоялось открытіе Гоголевскаго музея въ Нѣжинѣ. Въ этотъ день въ актовомъ залѣ мѣстнаго историко-филологическаго института происходило торжественное засѣданіе состоящаго при институтѣ историко-филологическаго общества; послѣ рѣчи одного изъ членовъ общества завѣдывающій Гоголевскимъ музеемъ объявилъ объ его открытіи, произнесъ при этомъ рѣчь о значеніи нѣжинскаго періода для Гоголя и Гоголя для Нѣжина; администрація института на этомъ засѣданіи отсутствовала; немного было и профессоровъ; зато студенты были почти въ полномъ составѣ; немало и гостей изъ горожанъ присутствовало при открытіи музея имени Н. В. Гоголя. Ко дню открытія музея крестникомъ Гоголя Н. А. Хомяковымъ былъ присланъ Рамазановскій бюстъ Гоголя. Отсутствие профессоровъ, отсутствие пожертвованій на это культурно-національное дѣло лучше словъ свидѣтельствуеетъ, какъ мы цѣнимъ своихъ великихъ людей.

Аксаковскій народный домъ въ Уфѣ. 14-го сентября 1909 года, послѣ торжественной литургіи и молебна въ кафедральномъ соборѣ, былъ совершенъ крестный ходъ на торговую площадь, гдѣ состоялась торжественная закладка зданія Аксаковскаго народнаго дома, воздвигаемаго по чертежамъ и рисункамъ предсѣдателя комитета А. С. Ключарева и члена комитета губернскаго инженера П. П. Рудавскаго. Составленный по означеннымъ чертежамъ и рисункамъ инженеромъ Рудавскимъ проектъ «Аксаковскаго дома» единогласно принятъ какъ строительной комиссіей, такъ и комитетомъ по увѣковѣченію памяти С. Т. Аксакова. По сему проекту Аксаковскій народный домъ будетъ имѣть два главныхъ парадныхъ фасада: одинъ по Центральной улицѣ въ стилѣ ренессансъ и второй—аудитории и музея по Пушкинской улицѣ въ вос-

точно-азиатскомъ стилѣ, приближающемся къ мавританскому. Такое сочетаніе двухъ стилей даетъ величественное зданіе, которое, безспорно, явится лучшимъ украшеніемъ города. По приблизительнымъ расчетамъ на сооруженіе означеннаго зданія потребуется болѣе 300 тысячъ руб. Нынѣ касса комитета располагаетъ денежными средствами и строительными матеріалами до 150 тысячъ рублей. Но это едва половина того, что нужно. Принимая во вниманіе горячее сочувствіе населенія, проявившееся съ самаго начала сего дѣла, комитетъ надѣется, что оно не ослабнетъ и въ будущемъ, благодаря тому просвѣтительному значенію, какое преслѣдуетъ Акаковскій народный домъ.

Чествованіе А. В. Кольцова въ Воронежѣ. Съ ранняго утра 3 октября по городу разносились по домамъ заранѣе присланные отъ академіи наукъ въ Воронежѣ экземпляры только что вышедшаго изъ печати академическаго изданія «Полнаго собранія сочиненій А. Кольцова». Экземпляры назначались учрежденіямъ и лицамъ, участвовавшимъ въ доставленіи матеріаловъ для этого изданія. Позднѣе городъ раздавалъ академическое изданіе на память учащимся въ городскихъ училищахъ. Пока изданіе получили только тѣ изъ учениковъ, которые въ качествѣ депутатовъ пришли на Кольцовскій праздникъ къ памятнику поэта, въ Кольцовскій скверъ, гдѣ происходило торжество. Всего къ юбилею городъ выписалъ для раздачи учащимся 1000 экземпляровъ. Около памятника рѣчь говорилъ нарочито по порученію министра народнаго просвѣщенія прибывшій 3 октября въ Воронежѣ попечитель харьковскаго учебнаго округа Соколовскій. «Мы, русскіе,—говорилъ попечитель,—торжественно празднуемъ сегодня столѣтній юбилей со дня рожденія поэта А. В. Кольцова. Отличительныя черты его поэзіи—простота, сердечность, искренность, любовь къ природѣ. Это такія качества, которыя особенно свойственны молодежи. Развивая и укрѣпляя въ себѣ эти качества, русская молодежь будетъ стоять на вѣрномъ пути». Рѣчь была покрыта аплодисментами. Телеграммы и привѣтствія читалъ городской голова Н. В. Елисѣевъ, сначала было уклонившійся отъ своей роли главнаго распорядителя торжества и предоставившій трибуну писательницѣ Дмитрівой; но она прочла только одно привѣтствіе. Изъ мѣстныхъ ораторовъ съ рѣчью у памятника выступалъ Н. Шукинъ, говорившій отъ семинарскаго кружка. «Къ мѣстной духовной семинаріи былъ нѣкогда близокъ А. В. Кольцовъ. Въ лицѣ А. П. Серебрянскаго семинарія воздѣйствовала на Кольцова. Семинаристы и нынѣ близки той народной средѣ, изъ которой вышелъ Кольцовъ». Публика жаждала услышать цѣльную рѣчь о Кольцовѣ, мѣткое слово о родномъ поэтѣ; но не нашлось ни одного воронежца, который бы удовлетворилъ жажду настоящаго юбилейнаго дня. Академическое изданіе какъ нельзя болѣе кстати появилось у насъ сегодня. Оно скрасило все празднество, сведенное устроителями къ торжественной процессіи съ вѣнками, къ возложенію вѣнковъ. «По окончаніи церемоніи,—сказано было въ программѣ,—депутатіи дифилируютъ передъ памятникомъ и расходятся».

НЕКРОЛОГИ.

АЛЫШЕВСКИЙ, В. I. 11-го сентября послѣ продолжительной болѣзни скончался лейбъ-медикъ двора Его Величества Владимиръ Яасновичъ Алышевскій. По окончаніи въ 1868 году курса медико-хирургической академіи, съ отличіемъ, В. I. былъ оставленъ при ней въ такъ называемомъ профессорскомъ институтѣ на 3 года и выбралъ для своихъ занятій клинику молодого еще тогда профессора С. П. Боткина. Ставъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Боткина, онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ этимъ знаменитымъ врачомъ до самой его кончины. Въ 1871 г. С. П. Боткинъ рекомендовалъ своего молодого ординатора на должность старшаго врача общины св. Георгія, которая только что созидалась трудами графини Е. Н. Гейденъ, Е. П. Карновой и С. П. Боткина. Въ общинѣ В. I. приходилось проводить дни и ночи; проявленная имъ энергія и его организаторскія способности въ значительной степени способствовали тому, что это небольшое по началу учрежденіе вскорѣ сдѣлалось однимъ изъ лучшихъ и популярнѣйшихъ заведеній. Ту же способность къ преобразованію и улучшенію врачебнаго дѣла В. I. внесъ въ Михайловское артиллерійское училище и въ Маріинскую больницу для бѣдныхъ, главнымъ докторомъ и директоромъ которой онъ былъ съ 1871 г. по 1896 годъ, получивъ это послѣднее мѣсто по волѣ императора Александра III, который лично зналъ В. I., какъ врача, пользовавшагося довѣріемъ и расположеніемъ къ нему покойной его матери императрицы Маріи Александровны и бывшего неотлучно при ея императорскомъ величествѣ до послѣднихъ дней ея жизни. Въ первое время по поступленіи на постъ главнаго доктора Маріинской больницы В. I. встрѣтилъ сильное противодѣйствіе всѣмъ своимъ начинаніямъ по преобразованію со стороны почетнаго опекуна, завѣдывавшаго больницей, и медицинскаго инспектора. Тогда всѣ мѣста главныхъ докторовъ городскихъ больницъ въ Петербургѣ занимали

врачи сплоченной нѣмецкой партіи. Дважды В. І. приходилось подавать въ отставку, и только когда эта отставка не была принята и на должность попечителя назначенъ былъ кн. Г. С. Голицынъ, ему удалось путемъ неустанной личной работы вывести Маріинскую больницу изъ числа запущенныхъ лечебныхъ заведеній стараго типа въ рядъ лучшихъ больницъ Россіи по устройству и уходу за призрѣваемыми. Составленный и проведенный имъ въ законодательномъ порядкѣ новый больничный уставъ улучшилъ положеніе всего персонала служащихъ и лечащихся въ ней и послужилъ образцомъ для всѣхъ передававшихся въ то время въ вѣдѣніе петербургскаго городского общественнаго управленія больницъ изъ бывшаго приказа общественного призрѣнія. Имъ же введенъ былъ институтъ врачей-интерновъ. Благодаря отвѣчавшей всѣмъ современнымъ требованіямъ постановкѣ научнаго и практическаго врачебнаго дѣла въ Маріинской больницѣ, многіе изъ молодыхъ врачей, поступившихъ при В. І., сдѣлались видными врачебными дѣятелями и получили въ послѣдствіи кафедры въ университетахъ или признаны были привать-доцентами военно-медицинской академіи. За время своей службы покойный много разъ сопровождалъ въ поѣздкахъ съ лечебными цѣлями особъ императорской фамиліи. При императрицѣ Маріи Александровнѣ онъ состоялъ до самой ея кончины, затѣмъ находился при великихъ князьяхъ Сергіи и Павлѣ Александровичахъ во время пребыванія ихъ въ Италіи и Палестинѣ. Наконецъ въ теченіе долгаго времени В. І. пользовалъ государя наслѣдника цесаревича и великаго князя Георгія Александровича, а также членовъ семьи принца П. Г. Ольденбургскаго. Создавъ себѣ видное положеніе, какъ врачъ-администраторъ и организаторъ, онъ однако неоднократно отклонялъ отъ себя предлагавшіяся ему назначенія на высшіе медицинскіе посты и избѣгалъ также доходной частной врачебной практики. Онъ говорилъ, что его время должно быть отдано бѣднымъ, призрѣваемымъ въ больницѣ. Всегда серьезный и нѣсколько даже суровый по внѣшности, В. І. обладалъ добрымъ и отзывчивымъ сердцемъ. Послѣднія 14 лѣтъ своей жизни В. І. состоялъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Его свѣтлый умъ, большія научныя и практическія знанія внесли въ дѣла комитета немало добраго и полезнаго. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., №№ 12035 и 12045).

† **Борисовъ, П. М.** 24-го сентября скончался въ Алупкѣ одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, докторъ медицины Петръ Михайловичъ Борисовъ. П. М. родился въ 1848 году; медицинское образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ, который и окончилъ въ срединѣ 70-хъ годовъ. Еще студентомъ его заинтересовала бальнеологія и смежныя съ ней области знанія, а въ послѣдствіи онъ неоднократно ѣздилъ за границу для пополненія своихъ знаній въ этихъ областяхъ. Въ лѣтнее время П. М. прилагалъ свой богатый теоретическій опытъ на дѣлѣ, въ качествѣ практикующаго врача на группахъ кавказскихъ минеральныхъ водъ (въ Ессентукахъ). Обращавшіеся къ нему больные быстро оцѣнили его опытъ, его отзывчивость къ страданіямъ другихъ, его безкорыстность. Вокругъ него группировались и лучшіе мѣстные дѣятели, и благодаря его энергіи возникло общество врачей, практикующихъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, въ настоящее время насчитывающее около 200 членовъ. Стоя во главѣ о-ва въ качествѣ его предсѣдателя съ самаго основанія и до проши-

лаго года, когда онъ сложилъ по болѣзни это званіе, П. М. достигъ того, что общество врачей приобрѣло теперь крупное значеніе для жизни водъ. П. М. принималъ также дѣятельное участіе въ пятигорскомъ русскомъ бальнеологическомъ обществѣ, въ которомъ онъ тоже состоялъ одно время предсѣдателемъ. Проводя зиму въ послѣдніе годы въ Крыму, П. М. и тамъ внесъ живительную струю своей энергіи и создалъ общество благоустройства Алупки, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе до самой смерти.

† **Верещагинъ, В. П.** Умеръ одинъ изъ послѣднихъ профессоровъ старой академіи художествъ Василій Петровичъ Верещагинъ. Яркій представитель школы того времени, много шумѣвшій какъ строгій рисовальщикъ, онъ состоялъ преподавателемъ академіи въ теченіе почти двадцати пяти лѣтъ. Родившись въ Перми въ 1835 году, онъ очень рано проявилъ склонность къ живописи, благодаря чему былъ отданъ въ науку къ мѣстному иконописцу. Въ 1856 г. онъ уже поступилъ въ академію въ число учениковъ знаменитаго въ свое время профессора А. Маркова. Насколько успѣшно молодой и подававшій надежды художникъ проходилъ школу, видно изъ того, что въ теченіе шести лѣтъ онъ успѣлъ получить всѣ академическія медали. Уже въ 1861 г. за программу «Олимпійскія игры» академія наградила его малой золотой медалью, а въ 1862 г. за картину «Великая княгиня Софья Витовтовна вырываетъ поясъ у князя Василя Косого на свадьбѣ Василя II Темнаго» — большую золотую медаль и право поѣздки за границу на шесть лѣтъ пансіонеромъ академіи художествъ. Въ то доброе время пансіонеры обезпечивались на нѣсколько лѣтъ и могли серьезно доканчивать свое образованіе за границей, изучать великихъ мастеровъ и только въ видѣ отчета представлять работы, по которымъ было бы видно, что пансіонеръ не теряетъ времени даромъ. В. П. какъ слѣдуетъ использовалъ свое время и по мѣрѣ своего таланта сдѣлалъ очень много. Такъ, напримеръ, онъ копировалъ въ Луврѣ Рубенса, Паоло Веронеза, Тиціана и др. и копировалъ такъ добросовѣстно, какъ это могли дѣлать только художники того времени, твердо вѣрившіе, что такимъ образомъ, изучая старыхъ мастеровъ, можно научиться писать. Свою первую картину «Св. Анна, мать пророка Самуила, молится о дарованіи ей сына», онъ написалъ въ Парижѣ и прислалъ ее на академическую выставку 1864 года. Переѣхавъ затѣмъ въ Римъ, въ которомъ онъ прожилъ безвыѣздно въ теченіе пяти лѣтъ, В. П. работалъ еще больше и къ концу своего пансіонерства въ 1869 г. въ видѣ отчета представилъ въ академію художествъ двѣ картины: «Свиданіе узника съ семействомъ» и «Св. Георгій Великій проклинаетъ монаха за любостыжаніе», за что главнымъ образомъ и получилъ званіе профессора исторической живописи. Обѣ картины надѣляли много шума. Верещагину было предложено мѣсто профессора въ академіи, еще на пять лѣтъ продолжено пансіонерское содержаніе и отдано много заказовъ отъ высокопоставленныхъ особъ, любившихъ тогда поощрять таланты и не останавливавшихся въ такихъ случаяхъ передъ тратами. Особеннаго таланта у В. П. не было и, вспоминая его работы, нельзя сказать, чтобы онъ далъ что-нибудь замѣчательное, но во всемъ, что исполнялъ онъ, всегда были видны знаніе и большая добросовѣстность. Лучшими его произведеніями все-таки считаются:

«Св. Георгій», находящийся теперь въ галереѣ академіи художествъ, стѣнная роспись въ столовой дворца великаго князя Владимира Александровича—рядъ сценъ изъ сказаній о русскихъ богатыряхъ—и нѣсколько картинъ для храма Христа Спасителя въ Москвѣ. В. П. много работалъ акварелью, исполнилъ много картинъ и почти всю свою жизнь былъ заваленъ заказами на исполненіе всякаго рода иконостасовъ, стѣнной живописи для многихъ храмовъ, а послѣ реформы академіи, т. е. съ 1893 года, когда весь составъ профессоровъ старой академіи художествъ былъ отставленъ, В. П. занимался этимъ специально. Большого вклада въ искусство онъ не сдѣлалъ, да и сдѣлать не могъ: на то у него не было данныхъ, но извѣстную пользу дѣлу принесъ, и многіе изъ его учениковъ считали его человѣкомъ полезнымъ. Его послѣдней крупной работой считается роспись Киево-Печерской лавры. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12063).

† **Дондукова-Корсакова, М. М., княжна.** 15-го сентября, въ 11 часовъ утра скончалась княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова на 82 году отъ роду, всю свою долготѣнную жизнь—съ самой ранней юности—посвятившая беззавѣтному служенію ближнимъ, помогая имъ словомъ и дѣломъ. Все свое состояніе покойная роздала на добрыя дѣла, лишая себя почти самаго необходимаго. На свои средства устроила она въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи общину сестеръ милосердія, обезпечивъ капиталомъ дальнѣйшее ея существованіе, и при общинѣ специальную больницу для женщинъ и дѣтей сифилитиковъ, такъ какъ признала эту болѣзнь страшнымъ бичомъ среди темнаго крестьянскаго люда. Сначала она и сама работала въ больницѣ, а затѣмъ въ Турецкую кампанію была сестрой милосердія въ дѣйствующей арміи. О себѣ она никогда не думала. Все, что она получала отъ родныхъ, также до единой копейки уходило на бѣдныхъ. Нерѣдко, выходя изъ дому тепло одѣтой, она возвращалась совсѣмъ налегкѣ, раздавъ по дорогѣ свою теплую одежду какимъ-нибудь встрѣтившимся ей несчастнымъ. Излюбленнымъ родомъ ея благотворительности съ давнихъ поръ были заключенные и больные въ тюрьмахъ. Вообще можно сказать, что для нея не существовало сомнительныхъ дверей, въ которыя она не отважилась бы войти, чтобы внести свое свѣтлое искреннее слово утѣшенія, раздѣлить молитву съ любимъ преступникомъ, принять участіе въ душевныхъ мукахъ другого всѣмъ своимъ чистымъ, всепрощающимъ сердцемъ. Она первая добилась права входа въ Шлиссельбургскую тюрьму и облегчила участь многихъ заключенныхъ тамъ, смягчивъ ихъ сердца проникновеннымъ словомъ Христова ученія. Четыре послѣдніе года ее свѣдалъ страшный недугъ—ракъ груди. Почувствовавъ, что силы ослабѣваютъ, она удвоила свою энергію, какъ бы опасаясь, что не успѣетъ сдѣлать всего намѣченнаго ею. Желаніе и радость помочь другому жили въ ней такъ сильно, что даже въ минуты страшной физической усталости и болѣзненныхъ приступовъ стоило узнать, что кто-либо нуждается въ общеніи съ нею, бесѣдѣ или помощи, какъ мгновенно въ ней пробуждались силы и энергія пойти навстрѣчу такому просителю и внести въ чужую душу просвѣтленіе и отраду. Въ началѣ іюля, почувствовавъ себя очень худо, Марія Михайловна пожелала побороться, и желаніе ея было исполнено: ее соборовалъ епископъ гдовскій Кириллъ. До послѣднихъ дней жизни,

еще за четыре дня до смерти, уже коснѣющимъ языкомъ диктовала она письма съ просьбами объ устройствѣ судьбы разныхъ бѣдныхъ. Послѣднія три недѣли ее ежедневно посѣщали или митрополитъ Антоній, или епискомъ Кириллъ. Бесѣдуя съ пастырями церкви, больная временно забывала о своихъ тяжкихъ страданіяхъ. Вообще терпѣніе и кротость, съ которыми она переносила мучительную длительную болѣзнь, поражали всѣхъ ее окружающихъ. Ни слова ропота, не взирая ни на какую боль, напротивъ, желаніе успокоить близкихъ. Наканунѣ смерти М. М., въ 8 час. вечера, къ ней пріѣхалъ митрополитъ Антоній. Покойная страшно ему обрадовалась, лицо ея просвѣтлѣло. Владыка пробылъ у нея цѣлый часъ, читая ей вслухъ любимыя ея мѣста изъ Евангелія и посланій. Единственныя слова, которыя она могла выговорить ему, были: «тяжко страдаю». Скончалась М. М., окруженная близкими, родными и друзьями. По ея желанію, тѣло ея перевезено въ село Бурики, Псковской губерніи, и похоронено въ оградѣ церкви при основанной ею общинѣ сестеръ милосердія. Всѣ панихиды и отпѣванія отнюдь не носили характера печальнаго погребенія. Торжественная архіерейская служба среди ярко освѣщеннаго храма и пробивавшихся лучей солнца и кроткій ликъ покойницы, утопавшей въ бѣлыхъ одеждахъ и бѣлыхъ цвѣтахъ, вызывали какое-то необычайное чувство благоговѣйнаго сознанія, что это необычная смерть, а настоящій переходъ въ лучшую жизнь истинно вѣрующей души, соединеніе съ Христомъ, которому покойная такъ радостно послужила всю жизнь. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1909 г., № 12062).

† **Климентъ, епископъ.** 19-го сентября въ Москвѣ въ частной лечебницѣ доктора Терьяна скончался епископъ Климентъ, въ мѣрѣ Константинъ Алексѣевичъ Верниковскій. Почившій—сынъ псаломщика села Погорѣлаго (Минской губ.), родился въ 1863 году, воспитывался въ минской семинаріи (1882—1886 гг.) и въ петербургской духовной академіи, гдѣ на третьемъ курсѣ былъ постриженъ въ монашество (16 сентября 1889 г.). Выпущенный изъ академіи со степенью кандидата богословія (1890 г.), онъ былъ назначенъ инспекторомъ холмской семинаріи (съ 8 августа 1890 г.), затѣмъ—ея ректоромъ въ санѣ архимандрита (съ 5 января 1892 г.) и скоро, съ 15 іюля того же года, переведенъ въ ректоры московской духовной семинаріи. Здѣсь ему пришлось пробыть пять лѣтъ—до 13 іюля 1897 года, когда покойный по болѣзненному состоянію оставилъ духовно-учебную службу и съ цѣлью поправленія здоровья былъ определенъ настоятелемъ церкви при императорскомъ російскомъ посольствѣ въ Римѣ. Послѣ того, хиротонисанный въ архіерейскій санъ (26 мая 1902 г.), онъ состоялъ епископомъ уфимскимъ (1902—1903 гг.) и подольскимъ (1903—1904 гг.), а затѣмъ уволенъ на покой, впредь до выздоровленія, съ оставленіемъ его присутствующимъ въ св. синодѣ и съ присвоеніемъ ему наименованія «епископомъ винницкимъ» (съ 1 декабря 1904 г.). Изъ трудовъ покойнаго можно указать: «Слово при открытіи Иверской общины» («Московскія Вѣдомости» 1904 г., № 337), «Слово при нареченіи во епископа» («Церковныя Вѣдомости» 1902 г.) и проповѣди въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 216).

† **Михайловскій, К. Я.** Скончался 9-го сентября сего года инженеръ путей сообщенія Константинъ Яковлевичъ Михайловскій, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и заслуженныхъ дѣятелей на почвѣ желѣзнодорожнаго строитель-

ства. Происходя изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, К. Я. родился 13 февраля 1834 года, получилъ воспитаніе въ 1 кадетскомъ корпусѣ и по окончаніи курса съ 1853 г. по 1858 г. служилъ въ артиллеріи, причемъ принималъ участіе въ Крымской кампаніи. Въ апрѣль 1858 года К. Я. поступаетъ въ Михайловскую артиллерійскую академію, курсъ наукъ которой оканчивается въ іюнѣ 1859 г., причемъ въ качествѣ вольнослушателя проходитъ также курсъ наукъ математическаго факультета при Петербургскомъ университетѣ, а съ ноября 1859 г. по іюнь 1860 г. состоитъ на должности репетитора по математикѣ въ Пажескомъ корпусѣ. Затѣмъ К. Я. выдерживаетъ выпускной экзаменъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія. На первыхъ порахъ своей инженерной дѣятельности онъ участвовалъ въ постройкѣ Маринской системы, Московско-Курской желѣзной дороги, Курско-Кіевской, а въ 1869 г. выходитъ въ отставку и при послѣдующихъ постройкахъ выступаетъ уже въ роли контрагента вплоть до 1885 г. Въ теченіе этого срока К. Я. участвуетъ въ постройкѣ Балтійской, Ландварово-Роменской, Рязанско-Козловской и Оренбургской желѣзныхъ дорогъ и Вильна-Ровенскаго участка Полѣвскихъ желѣзныхъ дорогъ, а затѣмъ уже въ качествѣ отвѣтственнаго строителя отъ концессионеровъ строить желѣзнодорожный мостъ императора Александра II черезъ Волгу у гор. Сызрани, который по своимъ размѣрамъ и по примѣненнымъ при его постройкѣ техническимъ приемамъ явился первымъ сооруженіемъ подобнаго рода въ Россіи. Въ 1885 г. К. Я. вновь опредѣляется на службу по вѣдомству путей сообщенія и въ теченіе 13 лѣтъ, вплоть до 1898 года въ качествѣ начальника работъ строить первое звено великой сибирской магистрали, начиная почти отъ Волги и кончая пересѣченіемъ р. Оби, на протяженіи слишкомъ 2,220 верстъ, съ вѣтвью Челябинскъ—Екатеринбургъ. По окончаніи постройки западнаго участка Сибирской желѣзной дороги К. Я. состоялъ въ личномъ распоряженіи министра путей сообщенія, а затѣмъ, съ образованіемъ при министерствѣ путей сообщенія управленія по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, которое имъ же организуется, назначается начальникомъ этого управленія. Занимая эту должность вплоть до конца сентября 1905 г., К. Я. руководитъ въ теченіе этого времени постройкою громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ (7,832 версты казенныхъ и 7,334 версты частныхъ), стоимостью до полумилліарда рублей. Въ концѣ 1904 г., оставаясь въ должности начальника управленія по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, К. Я., какъ лицо наиболѣе освѣдомленное и компетентное въ дѣлѣ сооруженія Сибирской желѣзной дороги, назначается по высочайшему повелѣнію председателемъ между-вѣдомственной комиссіи по разработкѣ детальныя вопроса о порядкѣ и стоимости сооруженія второго пути на всей сибирской магистрали отъ Челябинска до Манчжуріи, причемъ эта огромная задача, требовавшая много труда, широкаго опыта и необыкновеннаго знанія дѣла, заканчивается К. Я., несмотря на появившіяся уже признаки серьезнаго разстройства здоровья, къ іюлю того же года. Въ концѣ сентября 1905 года, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, надорваннаго напряженной дѣятельностью и трудомъ, и главное вслѣдствіе потери зрѣнія, К. Я. настаиваетъ на выходѣ въ отставку и проводить остальное время своей жизни въ кругу семьи, почти лишившись зрѣнія и едва передвигая ноги, но до конца дней своихъ живо интересуясь всѣми во-

просами постройки желѣзныхъ дорогъ и жизнью ставшаго ему роднымъ вѣдомства путей сообщенія. Изъ всей дѣятельности К. Я. по желѣзнодорожному строительству наиболѣе яркою страницей является сооруженіе имъ послѣдовательнаго ряда желѣзныхъ дорогъ: Самаро-Уфимской, Уфа-Златоустовской, Златоустъ-Челябинской, Западно-Сибирской и Челябинскъ-Екатеринбургской, изъ которыхъ первыя четыре образуютъ непрерывный, слишкомъ 2,000-верстный рельсовый путь отъ Волги до Оби, постройка котораго, при тщательности исполненія работъ, выдается по своей дешевизнѣ. Несмотря на весьма скромную предварительную расцѣнку работъ, невзирая на техническія трудности перехода Уральскаго хребта, на неизвѣстность условій работъ въ безлюдной пустынѣ Западной Сибири, постройка участковъ этого грандіознаго пути исполнена не только безъ перерасхода, но въ общемъ достигнуто еще весьма крупное сбереженіе. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ государственнаго контролера за 1898 годъ отмѣчено, что успѣхъ работъ по сооруженію Западно-Сибирской и Екатеринбургъ-Челябинской линій долженъ быть признанъ особенно выдающимся, и, какъ на главнѣйшую причину такого успѣха, государственнымъ контролеромъ указано на исключительную энергію начальника работъ и образцовую распорядительность его дѣйствій, вслѣдствіе чего дѣло постройки этихъ дорогъ было поставлено со всею осмотрительностью хорошаго хозяина. При столь успѣшномъ выполненіи сооруженийъ К. Я. сдѣлалъ по этимъ постройкамъ сбереженій для казны, противъ смѣтныхъ ассигнованій, болѣе, чѣмъ на 4 милліона рублей. Постройки, организованныя К. Я., были лучшей практической школой для начинающихъ инженеровъ, и изъ этой школы вышло множество молодыхъ работниковъ, прекрасно подготовленныхъ къ самостоятельной дѣятельности. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12057).

† **Половцовъ, А. А.** 24-го сентября въ своемъ имѣніи Рапти скончался членъ государственнаго совѣта А. А. Половцовъ. Покойный родился 31 мая 1832 года въ Петербургѣ и воспитывался въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. По окончаніи курса въ 1851 г. онъ поступилъ на службу въ первый департаментъ правительствующаго сената и съ 1858 г. былъ определенъ оберъ-секретаремъ 1-го отдѣленія въ третьемъ департаментѣ, а съ 1867 г., по производствѣ въ д. с. совѣтники, назначенъ оберъ-прокуроромъ перваго сенатскаго департамента. Въ этой должности А. А. состоялъ до 30 августа 1873 г., когда ему высочайше повелѣно присутствовать въ сенатѣ съ производствомъ въ тайные совѣтники. Съ этихъ поръ и открылась важная государственная дѣятельность покойнаго. Кромѣ текущихъ дѣлъ, въ 1880 г., по высочайшему повелѣнію, на него была возложена ревизія Кіевской и Черниговской губерній; затѣмъ онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ съ пожалованіемъ въ статсъ-секретари (съ 1 января 1883 г.) и членомъ комитета финансовъ съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Почти десять лѣтъ ему пришлось занимать выдающійся постъ государственнаго секретаря, до 1-го іюля 1892 г., когда, уже произведенный въ действительные тайные совѣтники (1885 г.), онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и въ этомъ званіи состоялъ до кончины. Вмѣстѣ съ такою государственною службою А. А. неразрывно соединялась въ теченіе

тридцати трех лѣтъ его плодотворная дѣятельность въ императорскомъ рускомъ историческомъ обществѣ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ учредителей этого общества (въ 1866 г.) и со дня основанія его состоялъ въ немъ секретаремъ, а съ 1878 г. до дня смерти занималъ должность председателя. Благодаря его энергіи и заботамъ, общество успѣло издать около 140 томовъ своего «Сборника», въ которыхъ помѣщено много архивныхъ документовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на нашу исторію XVIII и XIX столѣтій. Благодаря также его стараніямъ и живому участию, до послѣдней поры постепенно осуществлялась мысль въ Бозѣ почившаго императора Александра III—составленіе словаря русскихъ дѣятелей съ начала отечественной исторіи. До настоящаго времени вышло уже тринадцать томовъ этого грандіознаго и капитальнаго изданія, съ заглавіемъ «Русскій біографическій словарь» (Спб. 1896—1909 гг.), подъ личнымъ наблюдениемъ А. А. Изданіе это вполне оправдало его надежду, что «тѣ, коимъ дороги успѣхи отечественной исторіи, сердцу коихъ близка наша государственная и народная слава, оцѣнятъ искреннее трудолюбіе осуществителей пожеланія на пользу Россіи пламенно любившаго ее Царя»... (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 224).

† **Сабининъ, Е. Ѳ., проф.** 6-го октября въ Москвѣ скончался бывшій профессоръ новороссійскаго университета Егоръ Ѳеодоровичъ Сабининъ. Покойный родился въ 1833 году и высшее образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. По окончаніи полнаго курса (1856 г.) онъ былъ опредѣленъ учителемъ математики въ московскую 3-ю гимназію. Не ограничиваясь практической дѣятельностью учителя, Е. Ѳ. продолжалъ свои ученныя занятія: онъ выдержалъ въ московскомъ университетѣ испытаніе на степень магистра математики, защитилъ магистерскую диссертацию (1866 г.), а съ 1867 года былъ избранъ въ доценты по кафедрѣ чистой математики новороссійскаго университета, гдѣ скоро получилъ докторскую степень и состоялъ тамъ профессоромъ до 1892 года, когда по болѣзни вышелъ въ отставку и снова поселился въ Москвѣ. Къ ученымъ трудамъ покойнаго относятся: «Объ условіяхъ, служащихъ къ отысканію и различенію *maximit* и *minimit* двойныхъ интеграловъ» (М. 1866 г.), докторская диссертация «Ислѣдованіе наибольшихъ и наименьшихъ значеній опредѣленныхъ многократныхъ интеграловъ» (Одесса, 1868 г.), «Курсъ варіаціоннаго исчисленія» (М. 1893 г.) и многія спеціальныя статьи въ «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ», въ берлинскомъ журналѣ Крелля, «Математическомъ Сборникѣ» и др. изданіяхъ. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 230).

† **Смирновъ, С. Д.** 7-го сего октября, въ 2^{1/2} часа утра, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался инженеръ-технологъ Сергій Дмитріевичъ Смирновъ, многолѣтній сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей». Его просвѣтительная и общепользная дѣятельность въ гор. Иваново-Вознесенскѣ многимъ известна. Первые его шаги дѣятельности въ городѣ это—поступленіе учителемъ въ училище дѣтей мастеровыхъ и рабочихъ, въ которомъ онъ былъ съ 1870 г. по 1886 годъ, безвозмездно трудился съ 70-хъ годовъ по день смерти въ должности секретаря иваново-вознесенскаго отдѣленія императорскаго русскаго

техническаго общества; кромѣ того, онъ состоялъ непремѣннымъ членомъ-распорядителемъ иваново-вознесенской общественной публичной библиотеки и болѣе 30 лѣтъ состоялъ секретаремъ мѣстнаго комитета торговли и мануфактуръ и столько же времени въ качествѣ члена-дѣлопроизводителя мѣстнаго комитета общества Краснаго Креста. Кромѣ того, онъ много лѣтъ состоялъ членомъ владимирской губернской ученой архивной комиссіи и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Независимо отъ огромныхъ трудовъ по разнымъ должностямъ С. Д. былъ не чуждъ и литературнаго труда, напечатаннаго какъ отдѣльными брошюрами, такъ и въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 232).

† **Фуксъ, Э. Я.** 1-го октября скончался одинъ изъ дѣятелей судебной реформы самыхъ первыхъ лѣтъ ея введенія, членъ и прокуроръ новооткрытаго московскаго окружнаго суда, затѣмъ предсѣдатель такого же суда въ Харьковѣ, прокуроръ одесской и петербургской судебныхъ палатъ, потомъ въ теченіе двадцати лѣтъ сенаторъ и, наконецъ, членъ государственнаго совѣта, Эдуардъ Яковлевичъ Фуксъ, всей душой отдавшійся служенію правосудію въ судахъ и правовымъ началамъ дѣятельности перваго департамента сената. Трудолюбивый и строгій законникъ, онъ умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ прислушиваться къ голосужизни и присматриваться внимательно и отзывчиво къ ея потребностямъ; умѣлъ онъ также не замыкаться въ одной служебной работѣ, а отдавать свой рѣдкій досугъ, съ ущербомъ для необходимаго отдыха, общественной дѣятельности. Онъ былъ преемникомъ Стояновскаго по званію предсѣдателя юридическаго общества при петербургскомъ университетѣ и долгіе годы заботливо руководилъ его дѣятельностью, горячо принимая къ сердцу все, что могло упрочить или, наоборотъ, грозить его существованію. Въ каждомъ мало-мальски интересномъ въ юридическомъ или общественномъ отношеніи засѣданіи общества можно было видѣть его умное, выразительное лицо, причемъ если онъ не предсѣдательствовалъ въ засѣданіи, то все-таки присутствовалъ, какъ внимательный слушатель, жадный къ знанію, несмотря на свою посѣдѣвшую голову. Не менѣе цѣнною была его работа въ роли предсѣдателя суда въ Харьковѣ, гдѣ онъ умѣлъ поставить судъ на большую высоту и дать образецъ судьи, стоящаго выше сторонъ въ дѣлѣ не только по своему положенію, но и по высокому безпристрастію своихъ дѣйствій и сужденій. Людямъ того времени, оставшимся въ живыхъ, конечно, намятно то исполненное достоинства спокойствіе, съ которымъ онъ велъ засѣданія, и тѣ прекрасныя руководящія напутствія, которыми онъ не только помогалъ присяжнымъ въ справедливомъ рѣшеніи дѣла, но и воспитывалъ ихъ общественное правосознаніе. Въ рядѣ касационныхъ рѣшеній, написанныхъ имъ по важнымъ и сложнымъ вопросамъ права и процесса, онъ являлся широкимъ толкователемъ и упорнымъ глашатаемъ высокихъ началъ правосудія, завѣщанныхъ составителями судебныхъ уставовъ. Человѣкъ твердыхъ самостоятельныхъ взглядовъ, прямодушно несшій подчасъ тяжелое иго того, что онъ считалъ своимъ долгомъ, Э. Я. Фуксъ въ частной жизни былъ добрымъ, привѣтливымъ и разностороннимъ человѣкомъ, любителемъ и знатокомъ искусства. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12055).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» на стр. 367 въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки» М. Васильевъ и А. Маленинъ сообщили, ссылаясь на «Записки охотника» И. С. Тургенева, что упоминаемый въ очеркѣ А. Дунина «Гувернеры въ старину» французскій графъ Генрихъ де-Бланжія погребенъ на кладбищѣ с. Лъговъ.

Хотя дѣйствительно въ рассказъ «Лъговъ» приведены указываемыя на стр. 367 эпитафіи, но въ данномъ случаѣ со стороны И. С. Тургенева была только нѣкоторая историческая вольность, вполне допустимая въ художественномъ произведеніи. Въ дѣйствительности графъ Бланжія погребенъ въ родовомъ имѣніи Ивана Сергѣевича сельъ Спасскомъ-Лутовиновѣ, гдѣ на могилѣ его сохранился и памятникъ (описанный въ рассказѣ «Лъговъ»), снимокъ съ котораго и означенное надгробіе были помѣщены въ одномъ изъ номеровъ «Историческаго Вѣстника» нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Б. Алексѣевскій.

II.

«Поправка къ Полтавскимъ торжествамъ».

При описаніи юбилейныхъ дней Полтавской битвы, помѣщенномъ въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», вкрались нѣкоторыя недомолвки и неточности, которыя симъ и исправляются. На торжественномъ собраніи въ Москвѣ императорскаго военно-историческаго общества, на Ходынкѣ, въ лагерномъ офицерскомъ клубѣ, докладчиками были члены общества: 1) подполковникъ генеральнаго штаба С. П. Михѣевъ, читавшій о «Полтавской побѣдѣ (1709—1909)», по слѣдующей программѣ: Состояніе Россіи. Армія. Начало Сѣверной войны. Движеніе на Украйну. Лѣсная. Полтава. Выводы. Второе сообщеніе принадлежало И. С. Вѣляеву на тему: «Полтавская битва и Великій Преобразователь Россіи», которое и окончилось пожеланіемъ увѣковѣчить память въ Москвѣ великаго императора сооруженіемъ ему памятника въ Преображенскомъ, на площади у бывшаго собора Петра и Павла. На торжественномъ собраніи, кромѣ другихъ почетныхъ лицъ, присутствовали предѣдатель московскаго отдѣла военно-историческаго общества В. Г. Глазовъ. При исполненіи въ I отдѣленіи юнкерами «Славы» Петру Великому, на сценѣ у бюста государя стояли съ ружьями два высокихъ нижнихъ чина въ полной обмундировкѣ петровскаго времени, въ парикахъ и треуголкахъ. Наконецъ было прочитано стихотвореніе, написанное юнкеромъ Александровскаго военнаго училища Мих. Маховымъ подъ заглавіемъ: «Два вѣка назадъ».

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Да, кажется...

ЭЛЕНА.

Но вы вѣдь на турниръ
Желаете явиться неизвѣстнымъ:
Что, если бъ вы мои цвѣта надѣли?
Поможетъ это вамъ, чтобы никто
Васъ не узналъ...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Клянусь душой, вы правы!

ЭЛЕНА.

Мнѣ, рыцарь, хочется, чтобъ про меня
Вы на турниръ вспомнили... Надѣньте
Мои цвѣта, прошу васъ...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Хорошо.

Какіе же они?

ЭЛЕНА.

Рукавъ пурпурный,
Расшитый жемчугомъ.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Ни для кого
Я этого не дѣлалъ, но для васъ,
Дитя мое, я сдѣлаю. Давайте
Мнѣ вашъ залогъ на счастье и побѣду.

ЭЛЕНА.

О, какъ добры вы, рыцарь... Принесу
Его сейчасъ.

Уходить.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ланчелотъ, Лавейнъ, потомъ Елена.

ЛАВЕЙНЪ, входитъ.

Пуститесь въ путь-дорогу
Немедленно мы, рыцарь, можемъ: кони
Снаряжены.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Прекрасно, юный другъ.
Но прежде, чѣмъ мы выйдемъ, хочу я
Довѣрить тайну вамъ: я Ланчелотъ,
Я рыцарь Озера.

Элена въ это время показывается въ дверяхъ, слышитъ слова Ланчелота и
останавливается въ изумленіи.

ЛАВЕЙНЪ, восторженно.

Какъ! Неужели
Передо мною Ланчелотъ великій?
Возможно ль это: вижу я того,
О комъ въ народѣ слухъ идетъ чудесный,
Кто славою дивныхъ подвиговъ своихъ
Британію наполнилъ?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Тише, другъ мой...
Сестра подходитъ ваша... Я прошу
Ни ей, ни вашему отцу—ни слова
О томъ, что вы узнали...

ЭЛЕНА, подходитъ къ Ланчелоту и пода-
етъ ему рукавъ, шитый жемчугомъ.

Рыцарь, вотъ

Мои цвѣта.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Благодарю васъ: ими
Я шлемъ украшу. Если мнѣ судьба
Пошлетъ побѣду на турнирѣ, снова
Я буду здѣсь и вамъ ихъ возвращу.

Входятъ Астолать и оруженосецъ со щитомъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Тѣ же и Астолать.

АСТОЛАТЬ.

Я выбралъ, рыцарь, щитъ для васъ.
Оруженосецъ передаетъ щитъ Ланчелоту и уходитъ.

Хорошъ ли?

ЛАНЧЕЛОТЪ

Чудесный, крѣпкій щитъ. Еще въ бою,

Какъ видно, онъ не отражалъ удары
Мечей и копій, ну, такъ пусть теперь
Послужить мнѣ, какъ новый другъ, надежно...
А васъ, лилея Астолата, милость
Прошу мнѣ оказать: мой старый щитъ
Поберегите у себя, покуда
Не возвращусь я.

Передастъ ей свой щитъ.

ЭЛЕНА.

Рыцарь, мнѣ
Вы дѣлаете милость, поручая
Свидѣтеля побѣдъ...

ЛАВЕЙНЪ, смѣясь.

Ну, ну, сестра,
Смотри, ты изъ лилеи Астолата,
Пожалуй, въ розу обратишься, если
Краснѣть такъ будешь... Что же, въ путь пора?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Да, юноша, пора... Почтенный рыцарь,
И вамъ и вашей дочери прекрасной
Привѣтъ прощальный мой и благодарность...
Уходитъ, сопровождаемый Астолатомъ и Лавейномъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Элена. Фен Озера.

ЭЛЕНА, одна.

Такъ вотъ кто онъ!.. Прекрасный Ланчелотъ,
Напрасно скрыть желалъ ты имя: сердцемъ
Тебя я отгадала. Предо мною
Въ мечтахъ сіялъ твой образъ съ дѣтскихъ лѣтъ
И душу мнѣ ласкалъ, какъ солнца свѣтъ
Цвѣтокъ ласкаетъ утренней порою...
Таинственно-далекій призракъ сна,
Мелькавшій изъ волшебнаго тумана,
Я наяву увидѣла неожиданно,
Восторгомъ счастья новаго полна...

Подходить къ террасѣ, задумчиво смотреть вдаль, перебирая струны лютни.

Чуть колышется въ ночи
Свѣтлый озера хрусталь,

Дремлють волны въ тишинѣ...
 Мѣсяць съ неба льетъ лучи...
 Въ даль, невѣдомую даль,
 Ъдетъ рыцарь на конѣ.

А за нимъ, за нимъ вослѣдъ
 Дѣвы тайная любовь
 Быстрой птичкой летить:
 Не воротится онъ, нѣтъ,
 Свѣтлой лаской счастья вновь
 Сердце ей не озарить...

На озерѣ появляется группа Фей, освященная луной.

ФЕИ ОЗЕРА.

Дѣва, сердца не печаль:
 Намъ того не избѣжать,
 Что назначено судьбой!
 Рыцарь твой уѣхалъ въ даль,
 Съ нимъ ты встрѣтишься опять,
 Онъ увидится съ тобой.

Сцена затемняется безъ опусканія занавѣса.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Та же декорация.—Полдень. Озеро залито солнечнымъ свѣтомъ. Извнѣ доносится пѣніе и щебетаніе птицъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Элена, потомъ пажъ.

ЭЛЕНА, сидитъ, печальная и блѣдная, держа щитъ Ланчелота.

Вотъ щитъ его... Не разъ онъ ограждалъ
 Грудь рыцаря отъ гибельныхъ ударовъ.
 Турнировъ славныхъ и кровавыхъ битвъ
 Намѣчены здѣсь знаки, будто надпись
 О подвигахъ великихъ Ланчелота...
 Съ той ночи, какъ привѣтъ его прощальный
 Мнѣ прозвучалъ,—я больше сна не знаю,
 Хоть грезами полна и въ свѣтлый день
 Безумными и жду его возврата...
 Напрасно жду... Забылъ меня, забылъ!
 И что ему лилея Астолата?

Вокругъ него сверкають ярко розы
Красавицы Артурова двора—
И ярче всѣхъ Дженевра королева...
Такъ гдѣ жъ тутъ вспомнить Озера цвѣтокъ
Печальный, блѣдный...

Входитъ пажъ.

Что тебѣ, малютка?

ПАЖЪ.

Посоль отъ короля...

ЭЛЕНА.

Отъ короля?

Какой посоль?

ПАЖЪ.

Онъ рыцаремъ Тристаномъ
Назвалъ себя. И такъ какъ господинъ
Въ отъѣздѣ—съ вами видѣться желаетъ.

ЭЛЕНА.

Скажи, что я принять его готова.

Пажъ уходитъ.

Тристанъ?... Посоль отъ короля... Быть можетъ,
О Ланчелотѣ вѣсть?... О, тише, тише,
Не бейся, сердце...

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Элена, Тристанъ.

ТРИСТАНЪ, входитъ.

Я прошу прощенья,
Прекрасная дѣвица, что рѣшился
Обезпокоить васъ, но мнѣ сказали:
Родитель вашъ въ отсутствіи...

ЭЛЕНА.

Отецъ

Уѣхалъ въ монастырь на поклоненье
Святымъ мощамъ.

ТРИСТАНЪ.

Душевно сожалѣю,
Что мнѣ его увидѣть не придется:

Въ пути замедлилъ я, а между тѣмъ
Спѣшить мнѣ надо ко двору Артура...
Изъ Камелота я...

ЭЛЕНА.

Изъ Камелота?

Какія жъ вѣсти о турнирѣ? Кто
Взялъ призъ побѣдный?

ТРИСТАНЪ.

Неизвѣстный рыцарь.

Расшитый жемчугомъ рукавъ пурпурный
На шлемѣ онъ имѣлъ, но подъ забраломъ
Укрылъ лицо свое и не хотѣлъ
Себя назвать по имени. Побѣда
Ему досталась, но въ бою упорномъ
Былъ тяжело онъ раненъ.

ЭЛЕНА.

Раненъ?.. Боже...

Гдѣ жъ онъ теперь? Что съ нимъ?

ТРИСТАНЪ.

Когда герольды

Побѣду возвѣстили и король
Готовился вручить ему награду,
Онъ прошепталъ: «Не надо ничего мнѣ...
Я умоляю, ради Бога, дайте
Дохнуть мнѣ воздухомъ... Наградой будетъ
Мнѣ смерть теперь...» И, повернувъ коня,
Покинулъ онъ арену съ вашимъ братомъ,
Который помощь оказалъ ему.

ЭЛЕНА.

Съ Лавейномъ удалился онъ? Куда же?

ТРИСТАНЪ.

Не знаю... Но король мнѣ приказалъ
Найти того, чье имя неизвѣстнымъ
Осталось на турнирѣ, и ему
Доставить діадему. Исполняя
Велѣнье короля, я успѣшилъ
Пріѣхать въ замокъ вашъ. Предполагалъ я,
Что раненаго рыцаря сюда
Вашъ братъ привезъ...

ЭЛЕНА.

Лавейнъ не возвратился
Изъ Камелота.

ТРИСТАНЪ.

Вѣроятно, онъ
Приѣхать не замедлитъ и съ нимъ вмѣстѣ
Его товарищъ... Если мой вопросъ
Вамъ не покажется нескромнымъ: ваши
Цвѣта носилъ онъ на турнирѣ?

ЭЛЕНА.

Да:
Рукавъ пурпурный, жемчуремъ расшитый,
Былъ мой залогъ.

ТРИСТАНЪ.

Тогда могу ль узнать
Я имя побѣдителя?

ЭЛЕНА.

Ужели
Славнѣйшаго изъ рыцарей никто
Не отгадалъ по доблести и силѣ?

ТРИСТАНЪ.

Но кто же онъ?

ЭЛЕНА.

Великій Ланчелотъ!..
Вотъ щитъ—смотрите: онъ его оставилъ,
Когда уѣхалъ съ братомъ на турнирѣ.

ТРИСТАНЪ, осматривая щитъ.

Два льва лазурныхъ съ золотой короной
Надъ головами—это щитъ его..
Простите мнѣ, прекрасная дѣвица,
Что я отъ сердца выскажу теперь:
Коль вашъ залогъ носилъ онъ на турнирѣ,
Такъ, значитъ, измѣнилъ онъ той, кого
Назвать не смѣю...

ЭЛЕНА.

Если запрещаетъ
Вамъ это скромность, умоляю васъ
Не повторять молвы, быть можетъ, ложной
О славномъ Ланчелотѣ...

ТРИСТАНЪ.

Покорюсь
 Охотно въ этомъ... Но, клянусь я честью,
 По рыцарскимъ уставамъ и правамъ,
 Изъ вашихъ рукъ принять награду долженъ
 Вашъ рыцарь. Вамъ я смѣло отдаю
 Артура даръ. Увѣренъ я, похвалить
 Меня король за то, что такъ исполнилъ
 Я порученіе его.

Отдаетъ ей діадему.

Прощайте,
 Счастливейшая, можетъ быть, изъ всѣхъ
 Прелестныхъ дѣвъ Британіи. Прошу васъ
 Привѣтъ мой Ланчелоту передать,
 Когда его увидите. Надѣюсь
 Васъ скоро встрѣтить при дворѣ Артура
 Съ избранникомъ, чье доблестное сердце
 Вы покорили вашей красотой.

Уходитъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Элена, Лавейнъ.

ЭЛЕНА, одна.

Что онъ сказалъ, придворный этотъ рыцарь?
 Возможно ль мнѣ о счастіи мечтать,
 Когда въ борьбѣ, быть можетъ, съ близкой смертью
 Томится тотъ, къ кому моя душа
 Влечется въ мукѣ безнадежной...

Беретъ діадему.

Вотъ онъ

Волшебницъ Озера чудесный даръ—
 Награда славы и побѣды... Боже,
 Подумать страшно: эта діадема
 Цѣною крови куплена... Сверкаютъ
 Ея алмазы, будто звѣздъ лучи,
 Но пеленою слезъ моей печали
 Туманится ихъ чудный блескъ...

Входитъ Лавейнъ.

Лавейнъ!

Ахъ, наконецъ вернулся ты...

ЛАВЕЙНЪ.

Какъ видишь.

Ну, здравствуй.

Цѣлуешь ее.

ЭЛЕНА.

Ты—одинъ?

ЛАВЕЙНЪ.

Одинъ.

ЭЛЕНА.

А Ланчелотъ?

ЛАВЕЙНЪ.

Отъ рыцаря Тристана
Ты слышала, былъ раненъ Ланчелотъ...
Я встрѣтилъ рыцаря сейчасъ близъ замка,
И онъ сказалъ, что передалъ тебѣ
Про все, что приключилось на турнирѣ.

ЭЛЕНА.

Но гдѣ же раненый? Ужель его
Ты одного оставилъ?

ЛАВЕЙНЪ.

Успокойся:

Онъ самъ меня послалъ, чтобы скорѣй
Тебѣ я вѣсть принесъ о немъ: боялся
Великій рыцарь, что дойдетъ молва
Худая въ замокъ и тебя встревожить.

ЭЛЕНА.

Опасно раненъ Ланчелотъ?

ЛАВЕЙНЪ.

Коль ты

Перебивать не будешь, все въ порядкѣ
Я расскажу... Кольемъ онъ раненъ былъ,
И я привезъ его съ турнира прямо
Въ пещеру Дѣвы Озера: онъ самъ
Такъ приказалъ. Въ пещерѣ той отшельникъ
Насъ встрѣтилъ, врачъ искусный и мудрецъ.
Изъ раны вынулъ онъ конья обломокъ
И рыцаря отъ вѣрной смерти спасъ...

ЭЛЕНА.

Страдалъ онъ очень?

ЛАВЕЙНЪ.

Да, страдалъ. Но скоро
Утихла раны боль, благодаря
Цѣлительнымъ лекарствамъ, хоть ослабъ онъ
Такъ отъ потери крови, что лежитъ
Въ жестокой лихорадкѣ...

ЭЛЕНА.

Тамъ... въ пещерѣ?

ЛАВЕЙНЪ.

Ну, да.

ЭЛЕНА.

Скажи, Лавейнъ, пещера та
На дальнемъ берегу, гдѣ изъ ущелья
Стремится въ наше озеро ручей?

ЛАВЕЙНЪ.

Да, отъ ручья недалеко.

ЭЛЕНА.

На лодкѣ
Приплыть туда возможно въ ночь одну?

ЛАВЕЙНЪ.

Возможно, да.

ЭЛЕНА.

Такъ завтра же съ зарею
Увижу Ланчелота я!

ЛАВЕЙНЪ.

Сестра,
Что говоришь ты? Что ты хочешь сдѣлать?

ЭЛЕНА.

Что сердце мнѣ велитъ... Онъ тамъ одинъ
Въ страданіяхъ, а я спокойно буду
Здѣсь ожидать, умереть онъ, или нѣтъ.

ЛАВЕЙНЪ.

Ты обезумѣла... его ты любишь?

ЭЛЕНА.

Какъ я могу сказать? Что о любви
Я знаю, милый братъ? Вѣдь я слыхала
Лишь пѣсни о любви... Но, если то,
Чѣмъ мучаюсь теперь, его не видя,
Любовью называется, такъ вѣрно
Люблю я Ланчелота... Ты сказалъ:
Безумна я... Нѣтъ, милый братъ, когда ты
Не хочешь, чтобъ безумной я была,—
Мнѣ сдѣлать помощи, что я рѣшила...

ГОЛОСЪ за сценой, съ озера.

Плыви, моя ладья, плыви
Къ далекимъ берегамъ!
Иль смерть, иль счастье любви
Я смѣло встрѣчу тамъ...

ЭЛЕНА.

Ты слышишь?

ЛАВЕЙНЪ.

Это пѣснь поетъ рыбакъ,
Свой ветхій парусъ распустивъ по вѣтру.

ЭЛЕНА.

Я знаю эту пѣсню: въ ней звучитъ
Моей судьбы опредѣленье... Слушай!

ГОЛОСЪ.

Какъ день свѣтла, какъ ночь темна,
Судьба меня зоветъ...

Шуми, волна, сверкай, волна,
Плыви, ладья, впередъ...

Какъ неба пѣснь въ душѣ моей
Звучитъ призывъ любви.

Плыви, моя ладья, быстрѣй,
На тотъ призывъ плыви!..

ЭЛЕНА, въ мистическомъ экстазѣ.

Плыви, моя ладья, плыви
Къ далекимъ берегамъ.
Иль смерть, иль счастье любви
Я смѣло встрѣчу тамъ!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Декорация перваго дѣйствія.—Весеннее свѣтлое утро.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Отшельникъ, Ланчелотъ.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Твои хвалы и благодарность, рыцарь,
Я только въ половину заслужилъ.
Повѣрь, мое врачебное искусство
Едва ли воскресило бы тебя,
Когда бъ ему спасительную помощь
Не оказала та, кого зовешь
Ты чистою лилеей Астолата.
Ея заботамъ нѣжнымъ ты обязанъ,
Что всталъ ты съ ложа смерти.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Мой отецъ,
Я это знаю. Будто ангелъ свѣтлый,
Она пришла ко мнѣ въ тотъ мрачный часъ,
Какъ призракъ смерти ледяной рукою
Сжималъ мнѣ грудь. Небесною мольбой
Невинной дѣвы я спасенъ... И горько
Мнѣ думать, что ничѣмъ я не могу
Вознаградить ея прекрасный подвигъ...

ОТШЕЛЬНИКЪ.

За жизнь и за любовь вознаградить
Возможно только жизнью и любовью...
Въ бреду недуга ты другую звалъ,
Шепталъ безумно ты другое имя,
Преступной страсти вспоминая грѣхъ.

Но не Дженевра надъ тобой склонилась
Съ учащемъ и слезами — не она...
Не видишь ли ты въ этомъ указанье
Своей судьбы?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Отецъ мой, ради Бога
Не говори мнѣ такъ, не искушай
Мечтой безумною... Твой разумъ вѣщій
Мою проникнулъ тайну. Новый лучъ
Любви и счастья блеснулъ неожиданно
Въ грядущемъ для меня... Но не могу
Откликнуться я на призывы сердца
И своего и той лилеи чистой,
Что предо мной сіяетъ красотой
И юностью. Я скованъ цѣпью долга
И клятвъ съ женою властной короля,
Что отдала мнѣ душу беззавѣтно
И дѣлитъ наслажденье и позоръ
Грѣховной страсти.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Да, ты грѣхъ великій
Взялъ на душу. Но большій грѣхъ еще
Ты совершишь, когда цвѣтокъ весенній
Увянетъ по твоей винѣ отъ мукъ
Нераздѣленнаго порыва счастья.
Скрыть отъ тебя я не могу, что мнѣ
Внушаетъ знаніе врача: Елена
Изъ тѣхъ существъ, чья кроткая душа
Заключена въ больномъ и хрупкомъ тѣлѣ.
Тоска любви, не встрѣтившей отвѣта,
Ее убьетъ. Такъ будетъ, вѣрь мнѣ въ томъ...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Что будетъ—будетъ. Я въ себѣ не воленъ.
Я рабъ. Навѣкъ я отдалъ жизнь свою
Во власть Дженевры.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Все жъ, мой сынъ, размысли
О томъ, что я сказалъ... Теперь—прощай!
Ты къ жизни возвращенъ, тебѣ не нуженъ
Для тѣла врачъ... Да будетъ миръ съ тобой.

Они прощаются. Отшельникъ уходитъ въ лѣсъ. Ланчелотъ провожаетъ его.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ланчелотъ, Элена.

ЭЛЕНА, выходить изъ пещеры съ лютней.
Поеть.

Угасаль онъ, рыцарь мой:
Ангель смерти роковой
Въяль сумрачнымъ крыломъ...
Шель печально день за днемъ,
Я томилася тоской:
Угасаль онъ, рыцарь мой.

Но зажегся солнца лучъ —
Снова онъ возсталъ могучъ...
И въ полночной тишинѣ
Шепчетъ все о счастье мнѣ,
Въ золотомъ сіяньи дня
Все привѣтствуетъ меня.

Солнца даръ — весны цвѣты
Будять свѣтлыя мечты.
Волнь лазурныхъ хороводъ
Про любовь мнѣ пѣснь поеть,
И плывуть издалека
Улыбаясь облака...

Ланчелотъ выходить изъ лѣса при концѣ пѣсни.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Прекрасная лилея Астолата,
Какимъ весельемъ вапа пѣснь звучить,
Какою радостью! Кто научилъ васъ
Напѣвамъ счастья волшебнымъ?

ЭЛЕНА.

Сердце,

Что радостью и счастиемъ полно,
Весна, что вѣетъ сердцу тайной лаской.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Да, сердце молодое и весна
Дружатъ между собою и рождаютъ
Они улыбку счастья и пѣсню.

ЭЛЕНА.

А развѣ вы не радуетесь, рыцарь?
Привѣтливѣй, чѣмъ когда-нибудь, должны

Теперь вы встрѣтите жизни возрожденье:
Васъ смерть влекла въ могилу...

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Умереть,
Быть можетъ, было лучше бы, Элена.

ЭЛЕНА.

Что говорите вы? Что привело
Васъ къ горькому, ужасному желанью?

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Дитя мое, вамъ это не понять.
Вы такъ душою юны и невинны,
Что горькихъ чувствъ, желаній роковыхъ
Вамъ чужды муки. Заплатилъ бы я
Неблагодарностью, когда бы скорбью
Моихъ страданій тайныхъ возмутилъ
Безпечной вашей юности веселье.
Вѣдь вы спасли меня, вы день и ночь
Мнѣ расточали нѣжныя заботы,
Когда меня одолѣвалъ недугъ.

ЭЛЕНА.

Я исполняла долгъ свой. Вы носили
Мои цвѣта. За рыцаремъ въ болѣзни
Ухаживать та дѣвушка должна,
Цвѣта которой носить онъ.

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Напрасно
Умалить вы хотите предо мною
Прекрасный подвигъ нѣжнаго участья
И доброты.

ЭЛЕНА.

Нѣтъ, Ланчелоть, влекла
Меня не доброта, — скрывать не стану, —
А страхъ за то, что, если вы умрете,
И я на смерть обречена судьбой,
Затѣмъ, что жить тогда я не могла бы!

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Элена...

ЭЛЕНА, въ страстномъ порывѣ.

Слушайте... Вѣдь все равно
Должна же буду я сказать то слово,

Которое не разъ мои уста
 Шептали вамъ, когда вы сномъ тревожнымъ
 Порою забывались и, дрожа
 За вашу жизнь, склонялась я съ рыданьемъ
 У ложа смертнаго... Вернулась къ вамъ
 Души и тѣла крѣпость... И теперь я
 Открою вамъ мучительную тайну
 Безумья моего: я васъ люблю...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Елена, вашу тайну отгадалъ я
 Еще въ тотъ день, когда, очнувшись вдругъ
 Отъ забытья тяжелаго недуга,
 Я вмѣсто образовъ видѣній страшныхъ
 Увидѣлъ ликъ съ улыбкой серафима.
 Потухшими глазами я взглянулъ
 Въ сіявшія небеснымъ свѣтомъ очи
 И понялъ въ этотъ мигъ, что я любимъ,
 Что я спасенъ, что я воскресъ для жизни!

ЭЛЕНА.

Вы знали?... Знали... И зачѣмъ же вы
 Не отозвались на призывъ безмолвный
 Моей души?...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Я васъ считалъ сестрой
 И васъ любилъ, какъ братъ.

ЭЛЕНА.

Иной любовью
 Хочу я быть любима и молю
 Я васъ о ней...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Лилея Астолата,
 Когда бъ я могъ назвать своей женой
 Созданье чистое, какъ вы,—повѣрьте,
 Другую дѣвушку въ отцовскій замокъ
 Не ввелъ бы я... Но, волею судьбы,
 Мнѣ счастье такое недоступно
 И не возьму жены я никогда.

ЭЛЕНА.

Нѣтъ, нѣтъ, въ моихъ мечтаніяхъ безумныхъ
 Не смѣла я объ этомъ думать... нѣтъ!..

Но съ вами быть всегда, итти за вами,
Куда бы вы ни повлекли меня—
На жизнь и радость, иль на смерть и муки,—
Вотъ все, о чемъ прошу...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Дитя мое,
Объ этомъ можно грезить въ увлеченьи,
Но жизнь не греза. Судь людей жестокъ,
И онъ осудитъ васъ, молвою черной
Затмитъ сіянье чистое любви,
Порывъ ея онъ назоветъ позоромъ
Для васъ, для вашего отца и брата.
Я слишкомъ дурно отплатилъ бы имъ
За дружбу и участие, если бъ принялъ
Отъ васъ такую жертву... Мы должны
Разстаться, какъ ни горько мнѣ, Елена,
Сказать вамъ это слово...

ЭЛЕНА.

Жить безъ васъ,
Не видѣть васъ... О, горе... Миновали
Дни красные мои, и смерть одна
Осталась мнѣ...

Плачетъ.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Дитя мое, не надо
Такъ убиваться... Вы сама себя
Еще не знаете, не испытали
Вы страсти настоящей. Что теперь
Вы принимаете за жгучій пламень,—
То не любовь, но только первый лучъ
Любви, блеснувшій сердцу молодому.
Я это знаю по себѣ. Смѣяться
Вы сами будете потомъ, когда
Въ расцвѣтѣ красоты вы отдадите
Свою любовь избраннику другому,
Душой меня моложе и годами.

ЭЛЕНА.

Зачѣмъ, зачѣмъ вы говорите мнѣ
Слова пустыхъ, ненужныхъ утѣшеній?..
Все кончено теперь, чѣмъ я жила...

Погасъ души небесный свѣтъ, и вижу
Я предъ собою только мракъ могилы...

Съ тихимъ плачемъ уходитъ въ пещеру. Ланчелотъ слѣдуетъ за ней и останавливается у входа. Изъ лѣса выѣзжаетъ Дженевра на конѣ, котораго пажъ ведетъ подъ уздцы. Она не замѣчаетъ Ланчелота.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Дженевра, Ланчелотъ, Пажъ.

ДЖЕНЕВРА, сходить съ сѣдла.

Возьми коня и подожди въ лѣсу
Недалекѣ отсюда.

Пажъ уходитъ, уводя коня.

ЛАНЧЕЛОТЪ, порывисто бросается къ Дженеврѣ
Королева!

ДЖЕНЕВРА.

Да, королева!.. Ты не ожидалъ
Передъ собой увидѣть королеву,
Что, позабывъ и гордость и свой санъ,
Пришла къ рабу коварному, который
Ей низко измѣнилъ... Вотъ до чего
Довелъ меня тотъ рыцарь благородный,
Кого зовутъ великій Ланчелотъ!..
Доволенъ ты?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Дженевра...

Въ это время изъ пещеры выходитъ Елена и въ изумленіи останавливается
у входа.

ДЖЕНЕВРА.

Неужели

Ты думалъ утаиться здѣсь, куда
Съ турнира убѣжалъ, притворной раной
Свой объяснивъ побѣгъ, и гдѣ ты дни
И ночи съ новою твоею любовью
Проводишь, клятвы прежнія забывъ?
Нѣтъ, разсчиталъ невѣрно ты, измѣнникъ:
Молва про тайну низкую твою,
Про твой позоръ и мой съ тобою вмѣстѣ
Далеко разнеслась и до меня
Дошла она...

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Дженевра, подозрѣнья
Твои несправедливы, и меня
Напрасно обвиняешь ты...

ДЖЕНЕВРА.

Напрасно?..
Такъ гдѣ жъ ты былъ и что же дѣлалъ ты
Въ тѣ дни, когда тебя съ тоской ждала я?..
Вокругъ меня шептались во дворцѣ,
Сплетая съ именемъ твоимъ другое,
А я, насмѣшливый слышавъ шопотъ
И рыцарей и дамъ, какъ смерть блѣдна,
Блуждала, сердца подавляя муку...
Гдѣ былъ ты въ это время?

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Я страдалъ
Отъ раны... и не могъ къ тебѣ притти я...

ДЖЕНЕВРА.

Страдалъ... не могъ притти, не могъ... Не лги!
Ты наслаждался новою забавой,
А та, кого покинулъ низко ты,
Во тьмѣ ночной на одинокомъ ложѣ
Рыдала, волосы рвала и грудь
Царапала и билась головою
О камни стѣнъ безмолвныхъ и глухихъ
Къ ея безумнымъ жалобамъ и крикамъ:
Онъ измѣнилъ! Онъ измѣнилъ!

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Клянусь
Тебѣ, Дженевра, въ страшномъ заблужденьи
Твоя душа ревнивая...

ДЖЕНЕВРА.

Отъ клятвъ
Избавь меня: ты ими увеличишь
Позоръ обмана.

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Выслушай меня,
Дай оправдаться...

ДЖЕНЕВРА.

Въ чемъ? Что промѣнялъ ты
 Наскучившую короля жену
 На глупую, ничтожную дѣвчонку?..
 Иль въ томъ, что ты явился на турниръ,
 Свой шлемъ побѣдный гордо разукрасивъ
 Въ цвѣта твоей любовницы?.. Иль въ томъ,
 Что взялъ ты призъ Артура—діадему,
 Общанную женщинѣ любимой,
 И бросилъ этотъ королевскій даръ
 Къ ногамъ какой-то жалкой потаскушки,
 Съ которой ты, покинувъ дворъ, друзей,
 Живешь въ вертепѣ тайно?..

ЛАНЧЕЛОТЬ.

Умоляю
 Тебя, Дженевра, не бросай въ лицо
 Мнѣ грязь укоровъ и обидъ безумныхъ...
 Я не виновенъ въ томъ, за что меня
 Позоришь такъ жестоко...

ДЖЕНЕВРА.

Кто жъ виновенъ
 Въ твоемъ позорѣ и въ моемъ—скажи?
 Должно быть, я?... Быть можетъ, оправданье
 Твоей измѣны въ этомъ?... Ну, такъ знай:
 Не для того покинула я тайно
 Дворецъ Артура, по ущельямъ горъ
 И дебрямъ лѣса мчалась на конѣ я
 Не для того, чтобъ, отыскавъ тебя,
 Слова пустыя слушать... Нѣтъ, не нужны
 Мнѣ оправданья... Но запомни то,
 Что я скажу тебѣ, мой рыцарь: если
 Ко мнѣ ты не вернешься—королю
 Я все открою о моемъ позорѣ
 И о твоемъ обманѣ!.. Пусть меня
 Король и Небо судятъ за безумье
 Моей любви преступной, а тебѣ
 Отмстятъ за горькія мои страданья
 И черный грѣхъ измѣны... Будетъ такъ,
 Какъ я рѣшила!.. А теперь—довольно!
 Мою ты волю знаешь.

Порывисто уходитъ.

Пажъ, коня!

Ланчелотъ дѣлаетъ движеніе вслѣдъ за ней. Его останавливаютъ рыданія Элены.
 Ланчелотъ бросается къ ней.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ланчелотъ, Елена.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Ты здѣсь... ты слышала?...

ЭЛЕНА.

Зачѣмъ, зачѣмъ

Ты утаилъ?.. зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ?..

Убита, умерла моя душа...

Все поняла теперь я... Королева

И ты...

Рыданія прерываютъ ея слова, и она падаетъ у ногъ Ланчелота.
Сцена затемняется безъ опусканія занавѣса.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Та же декорация. Ночь. Полная луна блеститъ въ просвѣтѣ грота, ярко озаряя входъ въ пещеру, берегъ и озеро.

Элена блѣдная, изнеможенная на ступеняхъ пещеры; ее окружаютъ Феи Озера. Отдаленные печальные звуки арфы и лютней.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Элена, Феи Озера.

ФЕИ ОЗЕРА, поютъ.

Увядаешь ты, лилея Астолата,
Блѣдный, бурей сломленный цвѣтокъ.
Свѣтлой радостью твой взоръ блестѣлъ когда-то,
А теперь отъ горькихъ слезъ поблекъ.

Блещутъ звѣзды въ небѣ темносинемъ...
Въ тихій часъ полночи мы пришли,
Мы съ тобой, тебя мы не покинемъ,
Горе сердца съ нами раздѣли.

ЭЛЕНА.

Дѣвы озера, меня сестрой вы звали,
Вы меня любили съ дѣтскихъ лѣтъ,
Я ввѣряла вамъ свои печали,
Но теперь мнѣ утѣшенья нѣтъ!..

Все, чѣмъ сердце радостно такъ жило,
Все исчезло, какъ весенній сонъ:

Тотъ, кого я, бѣдная, любила,
 Навсегда меня покинулъ онъ.
 Умолила я сама его, рыдая,
 Чтобы онъ вернулся снова къ той,
 Что его, съ тоскою ожидая,
 Изстрадалась гордою душой.
 Счастья взять у ней я не желала,
 Муки горя я себѣ беру...
 Сестры, сестры, я страдать устала,
 Умереть хочу я... и умру!

ФЕИ ОЗЕРА.

Не круши себя тоской, слезами,
 О быломъ о прошломъ вспомани.
 Возвратись туда, гдѣ вмѣстѣ съ нами
 Знала счастья золотые дни.
 Возвратись подъ кровъ родной,
 Возвратись въ свой замокъ старый,
 Гдѣ все дышитъ тишиной,
 Вѣетъ грезъ волшебной чарой,
 Гдѣ узоромъ плющъ повисъ
 Надъ высокою оградой
 И шумитъ зеленый тисъ,
 Въ свой шатеръ маня прохладой.
 Тамъ, какъ ночь надъ гладью волнъ
 Ляжетъ синимъ покрываломъ,
 Ты направишь легкій челнъ
 Далеко, къ туманнымъ скаламъ.
 Подъ весломъ струя блеснетъ
 Серебромъ и бирюзою,
 И, сплетаясь въ хороводъ,
 Поплывемъ мы за тобою.
 Лилій бѣлые цвѣты
 Въ шелкъ волосъ твоихъ вилетая,
 Запоемъ мы пѣснь, мечты
 Золотыя навѣвая.
 Скорбь души твоей больной
 Мы развѣемъ пѣсни чарой...
 Возвратись подъ кровъ родной,
 Возвратись въ свой замокъ старый.

ЭЛЕНА.

Нѣтъ, мнѣ въ отчій домъ не возвратиться,
 Не увидѣть милый замокъ мой:

Сестры, скоро для меня затмится
Солнца свѣтъ печальной смерти тьмой.

Въ путь иной вы проводите, дѣвы,
Въ путь послѣдній бѣдную сестру:
Пусть въ далекомъ замкѣ королевы
Въ тихій часъ вечерній я умру...

Я скажу, скажу ей, умирая,
Что любила Ланчелота я.
Но безгрѣшнѣй серафимовъ рай
Кроткая была любовь моя...

ФЕИ ОЗЕРА.

Мы покорны твоему желанью:
Для тебя волшебный челнъ готовъ,
И на немъ серебряною тканью
Блещетъ ложе изъ гирляндъ цвѣтовъ.

Ты, дыша ихъ чистымъ ароматомъ,
Улыбаясь свѣтлымъ небесамъ,
Въ часъ моленья, въ часъ передъ закатомъ
Приплывешь къ зеленымъ берегамъ...

Здѣсь порывъ твоей мечты печаленъ,
Позабудешь ты вдали печаль...
Вотъ, смотри, твой челнъ къ скалѣ причаленъ,
Манятъ волны въ голубую даль...

Къ площадкѣ просвѣта въ гротѣ подплываетъ лодка, на которой ложе
въ родѣ носилокъ, убранное цвѣтами.

ЭЛЕНА, поетъ.

Дѣвы Озера, въ тотъ часъ,
Какъ боролся съ смертью милый,
Онъ съ улыбкою унылой
Тихо мнѣ промолвилъ разъ:
«Нась любовь красою манить,
Не любовь, а смерть зови:
Отъ любви душа устанетъ,
Смерть привѣтнѣе любви»...

Пусть любовь моя была
Будто свѣтъ небесъ прекрасна,
Я, томясь душой, напрасно
Чудныхъ ласкъ ея ждала...
Счастья горькую потерю
Я оплакала съ тоской,

Но теперь я вѣрю, вѣрю —
Смерть мнѣ сладкій дастъ покой.
Безъ страданій и безъ слезъ,
Сердце счастьемъ не тревожа,
Я усну на смертномъ ложѣ
Средь душистыхъ бѣлыхъ розъ...
И къ груди моей остылой
Съ тихимъ плачемъ припадетъ
Онъ, мой рыцарь, сердцу милый,
Мой любимый Ланчелотъ.
Онъ промолвитъ, какъ бывало:
«Не любовь, а смерть зови»,
И отвѣчу я устало:
«Милый, я теперь узнала —
Смерть ограднѣ любви»...

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Галерея въ королевскомъ замкѣ. Въ средней стѣнѣ широкій пролетъ, за которымъ площадка пристани, видъ на озеро. Съ правой стороны портикъ часовни; съ лѣвой, въ углубленіи, большое, обвитое виноградомъ, окно съ цвѣтными стеклами. Передъ окномъ возвышеніе въ нѣсколько ступенекъ. Ближе къ авансенѣ входъ во внутреннія комнаты.—Вечеръ. Небо, озеро, дальній берегъ, пристань, галерея—все озарено яркимъ блестящимъ заката.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дженевра, Вивіана, Тристанъ, рыцари, дамы королевы, пажы.

ВИВИАНА, Тристану.

Мнѣ кажется, восторги ваши, рыцарь,
Преувеличены. Быть можетъ, тамъ,
Въ глуши, въ далекомъ замкѣ Астолата
Дѣвица эта чудомъ красоты
Могла вамъ показаться...

ТРИСТАНЪ.

Вы забыли,
Прекраснѣйшая дама,—не одинъ
Сужу я такъ: вѣдь Ланчелотъ великій
Плѣнился ею. Впрочемъ, сами вы
Увидите Элену: я надѣюсь,
Цвѣтъ рыцарей явится не замедлитъ
Съ своей невѣстой...

ДЖЕНЕВРА.

Какъ! Онъ привезти
Сюда намѣренъ эту... эту... Рыцарь,
Вы ошибаетесь.

ТРИСТАНЪ.

Но слухъ такой
Есть, государыня...

ДЖЕНЕВРА.

Слухъ этотъ ложный,
Я думаю.

ВИВИАНА.

Конечно. Странныхъ толковъ
О Ланчелотѣ и его любви
Къ красавицѣ безумной мало ль ходитъ?
Вѣдь говорятъ же, будто у отца
Похитилъ онъ ее и тайно скрылъ
Въ какую-то пещеру...

ДЖЕНЕВРА.

Вивіана!

Твой золь языкъ и любишь повторять
Ты легкомысленно пустыя вѣсти...
Довольно. Право, надоѣло мнѣ
Всѣ эти сплетни слушать. Я устала...
Одна остаться я хочу...

Дѣлаетъ знакъ, чтобы окружающіе удалились. Всѣ уходятъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ДЖЕНЕВРА.

Одна!

Могу ли я хоть даже на мгновенье
Одною быть; со мной всегда, всегда,
Какъ темный призракъ, роковая дума
О томъ, кого люблю и къмъ живу...
Ужели онъ ко мнѣ не возвратится?
Не склонится, какъ въ дни былые, съ лаской
Къ моей груди...

Изъ раскрытыхъ дверей часовни доносятся звуки церковнаго органа и пѣніе гимна «Ave Maria». Дженевра вслушивается и падаетъ на колѣни.

Ave Maria! Въ часъ,
Когда смолкаетъ шумъ земныхъ волненій,
Тебѣ несу я скорбь моихъ моленій,
Къ тебѣ съ слезами припадаю я...
Измучена тоской душа моя:

Небеснымъ свѣтомъ кроткаго участья
Въ ней тьму отчаянья и горя просвѣти,
Дай снова мнѣ утраченное счастье,
Прости меня, за грѣхъ любви прости!..

Входитъ Вивіана.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Дженевра, Вивіана.

ВИВІАНА.

Прошу я извиненья, королева,
За то, что нарушаю вашъ приказъ,
Но рыцарь Ланчелотъ мнѣ поручилъ...

ДЖЕНЕВРА.

Что говоришь ты?.. Ланчелотъ... онъ здѣсь?

ВИВІАНА.

Да, государыня. Угодно будетъ
Вамъ рыцаря принять?

ДЖЕНЕВРА.

Я жду его.

Вивіана уходитъ. Дженевра удаляется въ углубленіе окна и въ волненіи обрываетъ листья винограда.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дженевра, Ланчелотъ.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Склоняюсь предъ моею королевой,
Владычицей моей души, и ей
Я приношу волшебницъ даръ чудесный,
Добытый мною!

Подаетъ діадему.

Пусть, какъ звѣздъ лучи,
Сверкаютъ эти чистые алмазы
Въ ея кудряхъ...

ДЖЕНЕВРА.

Постой... Красивыхъ словъ
Успѣлъ ты, вѣрно, приготовить много

Въ тѣ дни, когда далеко отъ меня
 Съ своей забавой новой наслаждался.
 Ты, можетъ быть, ей то же говорилъ,
 Что мнѣ теперь такъ живо повторяешь,
 Смотря въ мои печальные глаза
 Безстыдными глазами... Я ждала
 Не льстивыхъ словъ, не жалкаго притворства—
 Раскаянья въ безуміи твоёмъ,
 Мольбы прощенья за твою измѣну...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Дженевра, если бы въ измѣнѣ я
 Виновенъ былъ — раскаянія слезы
 Я искренно бы пролилъ предъ тобой.
 Но вѣрь мнѣ, вѣрь, тутъ не было измѣны,
 Какъ не было безумія...

ДЖЕНЕВРА.

Такъ что жъ

Тутъ было? Или для насмѣшки
 Надъ гордостью моей и женской честью
 Ты сдѣлалъ то, о чемъ сперва шептались,
 Теперь же громко стали говорить?..
 Здѣсь, во дворцѣ, вѣдь ждали, что съ невѣстой
 Приѣдешь ты...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Безумная молва!

Ужель, Дженевра, ты могла повѣрить
 Такому слуху?

ДЖЕНЕВРА.

Почему же нѣтъ?

Быть можетъ, ты нашель, что слишкомъ долго
 Позорила съ тобой я короля,
 И наша связь, что держится обманомъ,
 Наскучила тебѣ. Иной любви
 Ты пожелалъ: законнаго союза
 Съ дѣвчонкой, что моложе королевы?..
 Вѣдь всѣ вы таковы: словить легко
 На новую приманку васъ, лишь стоитъ
 Притворно выказать, что никого
 Нѣтъ выше васъ, что любятъ васъ святою
 И чистою любовью въ первый разъ...
 Не правда ль, рыцарь Ланчелотъ прекрасный,
 Великій рыцарь Ланчелотъ, попался,
 Какъ птенчикъ жалкій, въ эту западню?..

Нервно смѣется.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Твои укоры и твой гнѣвъ ревнивый
Мнѣ больно слышать, но не потому,
Что я ихъ заслужилъ: несправедливость
Ихъ тяжела, Дженевра, для меня
И той, надъ кѣмъ смѣешься ты жестоко...

ДЖЕНЕВРА.

А, ты ее жалѣешь — не меня!
Моя любовь полна грѣха позоромъ,
Ея — чиста, какъ ясная лазурь
Невинныхъ глазъ... у ней глаза, конечно,
Невинные... Однакоже къ тебѣ
Невинность эта чистая, святая,
Не постыдилась прибѣжать, отца
Покинувъ стараго...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Вѣдь ей сказали,
Что умираю я. Она пришла
За раненымъ ухаживать. Быть можетъ,
Мнѣ жизнь спасла она...

ДЖЕНЕВРА.

Такъ къ ней иди
И жизнь свою отдай ей въ благодарности!
Но для чего же, рыцарь, ты пришелъ
Опять ко мнѣ? Иль думаешь я тоже
Благодарить должна, что моего
Любовника она спасла отъ смерти,
Но только—для себя, не для меня!..
Будь прокляты коварныя заботы
Дѣвчонки этой хитрой!.. Лучше бѣ смертью
Ты отнять былъ: тогда вслѣдъ за тобой
Я умерла бы... А теперь... теперь...

Рыдаеть.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Дженевра, полно... Ложною мечтой
Ревнивой злобы мучаешь себя
Напрасно ты... Клянусь моею честью,
Тебя люблю, какъ прежде...

ДЖЕНЕВРА.

Лжешь, измѣнникъ!
Ты на турнирѣ жизни не жалѣлъ,

Чтобы прославить ту, кого ты любишь
 И чьи цвѣта надѣлъ... И вотъ теперь
 Добытую тобою діадему
 Ты мнѣ приносишь, какъ позорный выкупъ
 За низкую твою измѣну... Нѣтъ,
 Прекрасный Ланчелотъ, алмазы эти
 Тройную цѣну для меня бѣ имѣли,
 Когда бы вѣрнымъ ты остался мнѣ;
 Но если бы я ихъ теперь надѣла —
 Они бы обожгли мой лобъ. Вѣдь ты
 Ихъ блескомъ украшалъ, быть можетъ, кудри
 Ничтожества, любимаго тобою,
 Такъ имъ не опозорить красоту
 Обманутой, несчастной королевы!

Порывисто беретъ изъ его рукъ діадему и бросаетъ въ озеро.

Пусть даръ волшебницъ озера навѣкъ
 Сокроютъ волны: онъ несчастья даромъ
 Былъ для меня и гибелью любви.

Рыдаетъ. Раздаются протяжные удары колокола. Изъ дверей дворца выходить
 король, рыцари, дамы, пажы.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Дженевра, Ланчелотъ, Артуръ, Тристанъ, Вивіана, рыцари, дамы, пажы.

АРТУРЪ.

Я слышалъ колокола звонъ печальный...
 О чьей кончинѣ возвѣщаетъ намъ
 Могилы вѣстникъ?

Два пажа выбѣгаютъ съ площадки пристани.

ПАЖЪ.

Государь...

АРТУРЪ.

Ну, что же
 Замолкъ ты? Что случилось? Говори.

ПАЖЪ.

У пристани мы весело играли, —
 Вдругъ пѣнье раздалось издалека,
 И струны арфъ и лютней зазвенѣли,
 Откуда — неизвѣстно: музыкантовъ
 И хора мы не видѣли кругомъ.

Подъ голоса волшебные и звуки
Изъ-за тумана выплыла ладья
И безъ вѣтриль, безъ веселья приближалась,
Скользя по волнамъ медленно, а въ ней
Покойница лежала вся въ цвѣтахъ
И въ бѣломъ саванѣ... Да вотъ, глядите,
Глядите, государь: ладья теперь
У пристани... причалила она...

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Тъ же, Елена.

Къ пристани подплываетъ лодка волшебницъ. Елена лежитъ на убранномъ цвѣтами ложѣ въ бѣломъ одѣяніи. Глаза ея закрыты, руки скрещены на груди, какъ у мертвой, и держать лиліи.

Король, Дженевра, Ланчелотъ и всѣ остальные приближаются къ лодкѣ. Въ это время глухо и печально раздаются звуки арфы и лютней и пѣніе фей, какъ бы гдѣ-то подъ волнами.

Пѣсня невидимыхъ фей.

Астолата блѣдная лилея,
Конченъ путь твой, часъ насталъ прощальный...
Надъ тобой, крыломъ холоднымъ вѣя,
Призракъ смерти носится печальный.

Всѣ стоятъ въ молчаніи, пораженные изумленіемъ. Когда пѣсня смолкаетъ — общее движеніе и говоръ.

ГОЛОСА.

—Непостижимо!—Навожденье!—Будто
Изъ глубины, подъ волнами, и струны
И голоса несутся.—Это чары
Волшебницъ озера.—Но гдѣ жъ онѣ?
—Ихъ днемъ не видно.—Ночью лишь выходятъ
Онѣ изъ волнъ при мѣсячномъ сіяньи...

АРТУРЪ.

Кто эта дѣвушка? Она прекрасна,
Какъ ангелъ рая... Бѣдное дитя,
Откуда смерть тебя рукою темной
Къ намъ привела—кто скажетъ...

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Государь,

Я знаю, кто она: дочь Астолата
Предъ вами мертвая.

ДЖЕНЕВРА.

Дочь Астолата!..

Среди окружающихъ слышится шопоть: «Дочь Астолата! Дочь Астолата!» Королева и дамы тѣсняются къ лодкѣ съ тревожнымъ любопытствомъ.

АРТУРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, она не умерла—смотрите,
Она жива еще: заволновалась
Дыханьемъ грудь, и на устахъ улыбка
Печальная легла, изъ-подъ рѣсницъ
Закрытыхъ глазъ скатились двѣ слезинки,
Какъ двѣ жемчужины...

ГОЛОСА.

Она жива, жива.

АРТУРЪ.

Возьмите бережно, перенесите
Ее изъ лодки.

Нѣсколько рыцарей поднимаютъ ложе Элены и переносятъ ее на авансцену.
Всѣ окружаютъ ее.

ГОЛОСА.

—Какъ блѣдна!—Цвѣты
Въ рукѣ у ней: двѣ лиліи.—А руки
Сложила точно для молитвы.

АРТУРЪ, Ланчелоту

Рыцарь,

Ты говоришь: дочь это Астолата?
Ее ты зналъ?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Да, государь, я встрѣтилъ
Элену...

АРТУРЪ.

Тише... говоритъ она

ЭЛЕНА, тихо, будто во снѣ.

Меня онъ назвалъ... голосъ Ланчелота...

Открываетъ глаза, приподнимаетъ голову и осматривается въ изумленіи.

Гдѣ я?.. Я думала—я умерла...
И горько было мнѣ, что не увижу
Я добраго Артура короля
И королеву...

АРТУРЪ.

Ты отъ сна очнулась,
Прекрасное дитя. Передъ тобою
Король и королева—успокойся.

ЭЛЕНА.

А Рыцарь Озера—гдѣ онъ?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Элена...

ЭЛЕНА.

Вашъ голосъ, добрый рыцарь, разбудилъ
Меня отъ сна, что мнѣ казался смертью.
Прошу васъ, дайте руку—у меня
Нѣтъ силъ... Боюсь я, жизни лучъ послѣдній
Погаснетъ... и предсмертный долгъ святой
Я не исполню...

Ланчелотъ ее поддерживаетъ. Она приподнимается на ложѣ и говоритъ тихо,
ослабѣвающимъ и прерывающимся голосомъ.

Добрый государь... и вы,
Прекрасная изъ королевъ... и дамы,
И рыцари... и всѣ, предъ кѣмъ теперь
Я... бѣдная лилея Астолата,
Прощаюсь съ жизнью... исповѣдь мою
Прошу принять... и о моей душѣ
Прошу я помолиться...

Я любила...

И на любовь не встрѣтила отвѣта...
Тотъ рыцарь благородный, для кого
Я отдала бы душу, хотъ безгрѣшно
Его любила чистою любовью, —
Любилъ другую... и остался вѣренъ
Онъ чести рыцарской и дамѣ сердца...
Его съ слезами я сама просила
Вернуться къ той, кого онъ чтилъ душою,
Какъ божество... но безъ любви его
Жить не могла я больше въ этомъ мѣрѣ
И умираю... умираю я
Цвѣтущею весною... на разсвѣтѣ
Моихъ весеннихъ лѣтъ я умираю...

ДЖЕНЕВРА, сквозь слезы.

Какъ жалостна твоя судьба, дитя
Несчастья...

ЭЛЕНА.

Не жалѣйте, королева,
 Моей судьбы... окончена она...
 А съ нею муки и печали сердца.
 Въ могилѣ я найду покой желанный...
 Приди же, смерть... приди... въ твои объятія
 Холодныхъ я кротко отдаюсь...

Тихій плачь женщины. Елена продолжаетъ прерывающимся шопотомъ, какъ въ бреду.

Мой милый мнѣ печально говорилъ:
 Любовь—томленье... смерть любви отраднѣй...
 Я пѣла пѣсню грустную про это...
 Да, пѣла дѣвамъ Озера... я помню...
 И пѣсню эту... жалобно онѣ
 Мнѣ повторяли... какъ плыла я съ ними...
 Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось въ мигъ предсмертный
 Услышать эту пѣснь... любви и смерти...

За стеной отдаленные звуки арфы и тихое пѣніе. Она прислушивается. Лицо озаряется радостью.

Вотъ... феи добрыя услышали меня...
 Онѣ поютъ... вы слышите... поютъ.

ПѢСНЯ НЕВИДИМЫХЪ ФЕЙ.

Безъ страданій и безъ слезъ,
 Сердце мукой не тревожа,
 Я усну на смертномъ ложѣ
 Средь душистыхъ бѣлыхъ розъ...
 И къ груди моей остылой
 Съ тихимъ плачемъ припадетъ
 Онъ, мой рыцарь, сердцу милый,
 Мой любимый Ланчелотъ...
 Онъ промолвить, какъ бывало:
 «Не любовь, а смерть зови».
 И отвѣчу я устало:
 Милый, я теперь узнала—
 Смерть отраднѣе любви...

ЭЛЕНА, повторяетъ шопотомъ.

Милый... я теперь узнала...
 Смерть отраднѣе любви...

Падаетъ изъ объятій Ланчелота на ложе мертвая.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Артуръ, мой государь, и королева,
 И всѣ свидѣтели печальной смерти
 Прекрасной этой дѣвушки—предъ вами
 Она свою открыла тайну. Да,
 Она меня любила чистой, кроткой,
 Небесною любовью... Но, клянуся
 Я честью рыцаря и Богомъ: ничего
 Не сдѣлалъ я сознательно, чтобъ вызвать
 Ея любовь... И я разстался съ ней
 Затѣмъ, что я назвать своей женою
 Тогда бы только могъ, когда бъ любить,
 А я питалъ къ ней только чувство брата —
 Не болѣе... И если я виновенъ
 Въ ея страданіяхъ и смерти грустной —
 Не по моей то совершилось воля,
 По волю нами правящей судьбы!

АРТУРЪ.

Никто не можетъ обвинить тебя,
 Мой славный Ланчелотъ. Предъ этимъ тѣломъ
 Прекраснаго и кроткаго созданья
 Въ душѣ одно лишь чувствовать мы можемъ:
 Печаль о томъ, что красоты цвѣтокъ
 Безвременно рукою смерти сорванъ...
 Возьмите бѣдный прахъ и отнесите
 Его въ алтарь часовни... Мы почтимъ
 Несчастную достойнымъ погребеньемъ.

Удары похороннаго колокола. Рыцари поднимаютъ ложе и несутъ умершую въ часовню. Въ дверяхъ часовни тѣло встрѣчаютъ монахи пѣніемъ «De profundis» подъ звуки церковнаго органа.

З А Н А В Ъ С Ъ М Е Д Л Е Н Н О О П У С К А Е Т С Я .

Lago di Gardo.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ОКТЯБРЬ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 10-й.

Богословіе.

Аггеевъ, К. Христіанство и его отношеніе къ благоустроенію земной жизни. Опытъ критическаго изученія и богословской оцѣнки раскрытаго К. Н. Леонтьевымъ пониманія христіанства. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р.	Жилъвъ, І. Что говорятъ знаменитые люди о Вибліи. Юрьевъ. 1909. Ц. 35 к.
Айвазовъ, И. Обновленцы и староцерковники. М. 1909. Ц. 75 к.	Осиповъ, С. Статья объ именуемомъ старообрядчествѣ и по поводу именуемаго старообрядчества. М. 1909. Ц. 50 к.
	Ревиль, А. Исусъ Назарининъ. Т. 2-й. Сиб. 1909. Ц. 2 р.

Философія, психологія, логика.

Вундъ, В. Основы физиологической психологіи. Вып. 2-й. Спб. 1909. Ц. 1 р. 60 к. Вып. 3-й. Ц. 80 к.	Ч. 1-я. Философія теоретическаго знанія. Казань. 1909. Ц. 80 к.
Виндельбандъ, В. Платонъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.	Нирвана. Изъ области буддійской психологіи. (Обработано по д-ру Карусу Е. Якобъ-Гавриловой). Спб. 1909. Ц. 20 к.
— Философія въ нѣмецкой духовной жизни XIX столѣтія. М. 1909. Ц. 80 к.	Синорскій, И. Начатки психологіи. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р.
Дени, Л. Послѣ смерти. Научные и моральные выводы философіи. Спб. 1909. Ц. 1 р.	— Его же. Начатки психологіи. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 35 к.
Ивановскій, Вл. Введеніе въ философію.	Фишеръ, Куно. Воля и разумовъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1909 г., т. сxxviii.

1/226

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- Бразоль, Б. Критическія грани. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Житейскій, И. Гоголь проповѣдникъ и писатель. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Измайловъ, А. Помраченіе божковъ и новыя кумиры. Книга о новыхъ вѣяніяхъ въ литературѣ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. III. В. I. М. 1909. Ц. 1 р.
- Мозиминъ, Н. Диссертация Н. И. Надежина: «De poesi romantica». Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Мочульскій, В. Новиковскіе журналы XVIII вѣка «Трутень» и «Живописецъ». Варшава. 1909. Ц. 30 к.
- Овсяннико-Куликовскій, Д. Собраніе сочиненій. Т. 5-й. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій, Горькій. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Пильскій, П. О Леонидѣ Андреевѣ, Валеріи Брюсовѣ, Н. Мяскомѣ, Фед. Сологубѣ, К. Курпінѣ, М. Арцыбашевѣ и др. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Аксановъ, С. Записки ружейнаго охотника Оренбургской губернии. Изданіе подъ ред. проф. М. А. Мензбира. М. 1909. Ц. 5 р.
- Альманахъ «Смерть». Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Аннуцію, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. 4-й. Дѣвы скаль. М. 1909. Ц. 1 р.
- Башкинъ, В. Рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Берндъ, Г. Похожденіе грѣшницы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- *Вега. На вершинахъ знанія. Окултныи романъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Вербицкая, А. Ключи счастья. Книга 2-я. Современный романъ. М. 1909. Ц. 1 р. 30 к.
- Волновичъ, А. Бога ищутъ. Рассказъ изъ судебной хроники. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Гамсунъ, К. Собраніе сочиненій. Кн. 1-я. У вратъ царства. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Гаршинъ, В. Четыре дня. Рассказъ. Спб. 1909. Ц. 4 к.
- Гейерстамъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Томъ 3-й—Голова Медузы. Романъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Грибоѣдовъ, А. Горе отъ ума. Комедія въ 4 д., въ стихахъ. Изд. 18-е, А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 10 к.
- Даніэль, Эленъ. На черноморской Ривьерѣ. Сцены въ 4 д. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Даундэй, Е. О новой женщинѣ и ея любви. Книга для зрѣлыхъ умовъ. М. 1909. Ц. 60 к.
- Динкенсъ, Ч. Собраніе сочиненій. Т. 30-й. Тайна Эдвина Друда. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Джанобъ, В. и др. Веселые рассказы. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Дьяволъ подъ маской ангела и другіе рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Иерусалемъ, Э. Навозный жукъ. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Калмыковъ, Г. Царь Митридатъ. Драма въ 4 д. изъ исторіи древняго Понта. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Кольцовъ, А. В. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ примѣчаніями А. I. Лященка. Спб. 1909. Ц. 60 к., въ пер. 85 к.
- Литературные вечера. Художественный сборникъ избранныхъ произведеній извѣстныхъ русскихъ писателей для литературныхъ вечеровъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Лихачева, Е. Жизнь Эльзы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Лотти, П. Исторія одного ребенка. М. 1909. Ц. 1 р.
- Собраніе сочиненій. Т. 3-й. Матрость. М. 1909. Ц. 1 р.
- Маннъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Діана. М. 1909. Ц. 1 р.
- Прусь, Б. Дѣти. Романъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Свѣтловъ, В. Сочиненія. Томъ 1-й. Змѣя и Чаша. Рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Шницлеръ, А. Полное собраніе сочиненій. Т. 8-й. Графиня Мицци. Пьеро. М. 1909. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- Атрипетъ. Имаматъ. Страна поклонниковъ имамовъ. (Персидское духовенство). Историческое изслѣдованіе. Александрополь. 1909. Ц. 1 р.
- Валишевскій, К. Вокругъ трона. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Василичъ, Г. Восшествіе на престолъ Императора Николая I. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Виноградовъ, П. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Вып. 4-й (последній). М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Грабенскій, В. Исторія польскаго народа. Спб. 1909. Ц. 3 к.
- Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго Прибалтійской окраины. Т. 2-й. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Изъ записокъ князя П. В. Долгорукова. Время Императора Петра II и Императрицы Анны Іоанновны. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Итоги XVIII вѣка въ Россіи. Введеніе въ русскую исторію XIX вѣка. Очерки А. Лютца, В. Золмера и А. Липовскаго М. 1909. Ц. 2 р.
- Коварскій, Б. Н. К. Михайловскій и общественное движеніе 70-хъ годовъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.

- Манаренно, Н. Новленскій и Заколцскій могильники Владимірской губерніи и археологическая поѣздка по Владимірскому, Судогодскому, Муромскому и Меленковскому уѣздамъ. Владимір губ. 1908. Ц. 50 к.
- Назаревскій, В. Императоръ Александръ I. 1812 годъ и другія войны этого царствованія. М. 1909. Ц. 50 к.
- Обнинскій, В. Новый строй. Ч. 1-я. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Стекловъ, Ю. Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность (1828—1889). Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Титлиновъ, Б. Духовная школа въ Россіи въ XIX столѣтіи. Вып. 2-й. Вильна. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Харневичъ, Ф. Розыски на Суворовскомъ полѣ сраженія подъ Врестомъ. Кронштадтъ. 1909. Ц. 65 к.
- Шкиуца, Ф. Дневникъ солдата въ русско-японскую войну. Спб. 1909. Ц. 2 р. 25 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- Абамелекъ-Лазаревъ. Нужно ли вводить въ Россію горную свободу, отгнѣненную въ Германіи. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Арефа, Н. Законы гражданскіе Т. X. Ч. 1-я. Спб. 1909. Ц. 5 р.
- Б—ій, Б. Конспектъ церковнаго права. Составленъ по лекціямъ Н. Суворова. М. 1909. Ц. 1 р.
- Борьба съ злоупотребленіями въ интенданствѣ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Бруцнусъ, Б. Землеустройство и расселеніе за границей и въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Водный законъ Королевства Ваварскаго 23 марта 1907 г. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Высоновичъ, Э. Государственная Дума и сельское хозяйство. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Гартцъ, В. Новыя денежныя монеты. Проектъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Германскій законъ 30 мая 1908 г. о страховомъ договорѣ. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Горнь, В. Крестьянскія движенія за полтора вѣка. М. 1909. Ц. 50 к.
- Гудванъ, А. Въ царствѣ тѣмы и эксплуатаціи. (Къ вопросу о нормировкѣ труда приказчиковъ). Спб. 1909. Ц. 35 к.
- Демченко, Г. Изъ исторіи судоустройства въ древней Россіи. Варшава. 1908. Ц. 65 к.
- Езерскій, Ф. Что дѣлаетъ человѣка честнаго нечестнымъ, нечестнаго честнымъ. Условія, командующія человѣкомъ. Вып. 3-й. Яды внутри бюджета. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Кадомицевъ, Б. Профессиональный и социальный составъ Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 г. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Натновъ, В. Передача векселя по надписи. Одесса. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- Номаровъ, Г. По славянскимъ землямъ. Послѣ Пражскаго съѣзда. Поѣздка по Чехіи. По Галицкой Руси. Изд. 2. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Лянченковъ, М. Общій уставъ российскіхъ желѣзныхъ дорогъ Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Минувевъ, П. Англійскіе рабочіе союзы, какъ союзы взаимпомощи трудящагося люда. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Московскій сборникъ. Подъ редакціей протоіерея І. І. Восторгова и И. И. Айвазова. Книга 1-ая. М. 1909. Ц. 1 р.
- Parrafava, W. Судъ и адвокатура въ Турціи X. 1909. Ц. 70 к.
- Паскаловъ, К. Сборникъ статей, воззваній записокъ, рѣчей, писемъ и пр. Томъ 2-й. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Пахарнаевъ, А. Обзоръ дѣйствующаго свода законовъ Россійской Имперіи. Изд. 4-е. Спб. 1909. Ц. 70 к.
- Познышевъ, С. Бельгійскія тюрьмы, колоніи для нищихъ и бродягъ и государственныя исправительныя школы для несовершеннолѣтнихъ. Очерки ихъ современнаго состоянія. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Предсѣдатель Совѣта министровъ Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ. Составлено Е. В. по сообщеніямъ прессы за три года. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Просьбинъ, Э. Торгово-промышленный сборникъ. Сводъ дѣйствующихъ въ Имперіи узаконеній и правилъ о торговлѣ и промышленности. Спб. 1909. Ц. 5 р.
- Рейнне, И. Политическія и социальныя мысли Рузвельта. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Ротенбергъ, Л. Полный сводъ рѣшеній общаго собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Съ подробными предметнымъ алфавитнымъ и поштатейнымъ указателями. Томъ 1-й и 2-й. Екатеринославъ. 1909. Цѣна каждаго тома 5 р.
- Рутгерсъ, И. Улучшеніе человѣческой породы. Влюмъ, А. Этика и евгеника. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Смирнова, С. Покореніе сердець. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Тауберъ, Л. Жалоба потерѣвшаго при преступленіяхъ неофіціальныхъ. X. 1909. Ц. 3 р.
- Траустель, С. Средство упростить канцелярское дѣло въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Труды 1-го Всероссийскаго Женскаго съѣзда при русскомъ женскомъ обществѣ въ Спб. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- Чубинскій, М. Курсъ уголовной политики. Ярославль. 1909. Ц. 3 р.
- Шершеневичъ, И. Курсъ торговаго права. Т. 3-й. Вексельное право. Морское право. Спб. 1909. Ц. въ пер. 3 р.
- Шенъ, П. Объ авторскомъ правѣ на музыкальныя произведенія. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Искусство.

Варнене, Б. Гоголь и театр. Варшава. 1909. Ц. 25 к.

нонлэнъ. Искусство актера. М. 1909. Ц. 50 к.
Шемшуринъ, А. О. В. Гзовская. М. 1909. Ц. 1 р.

Естествознание и математика.

Бельше, В. Собрание сочинений. Т. 2-й. М. 1909. Ц. 1 р.

Воттгер, W. Качественный анализ въ изложении съ точки зрѣнія ученія о йонахъ. Кіевъ. 1909. Ц. 3 р.

— Егоже. Таблицы качественного анализа для употребленія въ лабораторіи. Кіевъ. 1909. Ц. 50 к.

Гернетъ, В. Обь единствѣ вещества. Одесса. 1909. Ц. 25 к.

Номаровъ, В. Практическій курсъ ботаники. Ч. 1-я. Строеніе растений. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Кремлевъ, А. Руководство для практическихъ занятій по химіи. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Лещенко, Д. Химія въ промышленности. Популярное изложеніе началъ химической технологии. Съ 34 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. въ пер. 2 р. 65 к.

Манаровъ, Ѳ. Физиологія и анатомія жи-

вотныхъ. Съ дополнителъной статьей по органической химіи. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Никольскій, А. Географія животныхъ. Харьковъ. 1909. Ц. 1 р. 70 к.

Рамзай, В. Введеніе въ изученіе физической химіи. Одесса. 1909. Ц. 40 к.

Сапонниковъ, А. Практическія занятія параллельнаго курсу неорганической химіи. Спб. 1909. Ц. 85 к.

Стратоновъ, В. Солнце. Астрономическая популярная монографія. В. 1 и 2. Ц. кажд. вып. 1 р. 20 к.

Талиевъ, В. Чарльзъ Дарвинъ. X. 1909. Ц. 15 к.

Фанъ-дерь-Флитъ, А., проф. Краткій курсъ аналитической геометріи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Филипповъ, В. Теорія и практика элементарныхъ приближенныхъ вычисленій. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

Богдановъ, Л. Персія въ географическомъ, религіозномъ, бытовомъ, торговпромышленномъ и административномъ отношеніи. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Самойловичъ, А. Загадки закаспійскихъ

туркменовъ въ русскомъ переводѣ. Спб. 1909. Ц. 35 к.

Троцанскій, В. и Пенарскій, Ѳ. Любовь и бракъ у якутовъ. Этнографическій очеркъ. II. Изъ якутской старины. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

Гинценбергъ, А. Плодоводство, упаковка плодовъ и плодоторговля въ нѣмецкомъ южномъ Тироли. Спб. 1909. Ц. 65 к.

Дзюбинъ, М. О плодоводствѣ въ Крыму. Историко-статистическій очеркъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Лешлингъ, I. Упаковка плодовъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Матисень, А. Бесѣды по полеводству съ

крестьянами черноземнаго юга Россіи. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Фридолинъ, С. и Юрмаліагъ, А. Спутникъ по молочному хозяйству и скотоводству. Спб. 1909. Ц. 1 р. 60 к.

Чернасовъ, М. Опыты, наблюденія и воспоминанія сельскаго хозяина. Одесса. 1909. Ц. 60 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

Всероссійскій сборникъ торговпромышленныхъ и банковыхъ свѣдѣній. Т. 1-й— фабрики и заводы. Одесса. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Лебедь - Юрчинъ, X. Сахарная промышленность въ Россіи. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство.**Ремесла.**

Альбертъ, Ф. Краткій курсъ геодезіи въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Астафьевъ, А. Сравнительный методъ расчета винтовыхъ пружинъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Ауэрбахъ, В. Матеріалы для изученія канатнаго подъема по вертикальнымъ шахтамъ. Статья 1. Парашюты. Спб. 1909. Ц. 3 р. 60 к.

Барботъ-де-Марни, Е. Драги на пріискахъ невьянскихъ заводовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Вайсбейнъ, М. Тепловые двигатели. Паровые машины, колосватныя машины, паровыя турбины, воздушныя машины и двигатели внутреннего сгорания. Спб. 1909. Ц. 2 р. 80 к.

Волосатовъ, И. Устройство и эксплуатация городскихъ электрическихъ трамваевъ. Спб. 1909. Ц. 4 р.

Вышинскій, П. Алябомъ шрифтовъ. Пропись для техниковъ и чертежниковъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Житковъ, С. и Герсвановъ, Н. Правила составленія сметъ, производства работъ и технической отчетности по вѣдомству путей сообщенія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Конушинъ, Н. Электрическій трамвай и

трехпроводная система освѣщенія. Саратовъ. 1909. Ц. 25 к.

Кузнецовъ, Н. Курсъ автомобилизма. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Lelasseux, L. et Marque, R. Аэропланъ для всехъ. Кіевъ. 1909. Ц. 80 к.

Макарьевъ, Т. Краткій обзоръ современнаго положенія паровыхъ турбинъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Рыбарскій, М. Руководство для судовыхъ машинистовъ, при экзаметѣ на судового механика. Изд. 3-е. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Его же. Что долженъ знать машинистъ. Катехизисъ 480 вопросовъ и отвѣтовъ. Севастополь. 1909. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 10к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

Альбрехтъ, д-ръ. Головныя боли, ихъ причины, распознаваніе и леченіе. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Видалъ, Ф., и Жаваль, А. Методъ леченія обезвоживаніемъ при Брайтовой болѣзни и при нѣкоторыхъ водяночныхъ болѣзняхъ. Одесса. 1909. Ц. 65 к.

Владыкинъ, А. Уходъ за новорожденнымъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Гамальей, Н. Лекція о патогенныхъ микробахъ. Одесса. 1909. Ц. 65 к.

Звърижовскій, Ф. Основы дентистрии. Руководство для врачей и студентовъ. Вып. 5-й. Частная хирургія полости рта. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Канель, В. Половая жизнь дѣтей. М. 1909. Ц. 25 к.

Лившинъ, С., Дорошъ, Г., и Ануловъ, А. Физиологическая химія съ приложеніемъ краткаго руководства для практическихъ работъ по качественному и количественному анализу молока. Одесса. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Масалитиновъ, А. О закономѣрныхъ явленіяхъ въ женскомъ организмѣ и о причинахъ

закономѣрности. X. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Мещерскій, Г. Основныя свѣдѣнія о кожныхъ и венерическихъ болѣзняхъ. М. 1909. Ц. 2 р. 40 к.

Michaelis, L. Краткій курсъ исторіи развитія челоука въ связи съ развитіемъ позвоночныхъ животныхъ. М. 1909. Ц. 1 р.

Нистромъ, А. Половая жизнь и ея законы. М. 1909. Ц. 90 к.

Слетовъ, Н. Курсъ врачебной косметики для врачей, массажистокъ и публлки. М. 1909. Ц. 2 р.

Сперанскій, Г. Физиологія ребенка и его болѣзни. М. 1909. Ц. 2 р. 80 к.

Тиховъ, П. Учебникъ общей частной хирургіи полости рта и окружающихъ его частей. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р.

Черевновъ, А. Руководство къ изученію нормальной физиологіи челоука Ч. 1-я и 2-я. Составлено для высшихъ учебныхъ заведеній. Харьковъ. 1908. Ц. за два тома 5 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

Ниленинъ, Н. Дивизія генерала Кондратенки на передовыхъ позиціяхъ Портъ-Артура. Ч. 1-я. Ковно. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Португаловъ, Н. Послѣ Цусимы. Сборникъ популярнѣхъ статей по морскимъ вопросамъ. Воронежъ. 1909. Ц. 2 р.

Нилусъ, А., и Яновлевъ, В. Современная полевая артиллерія. Опытъ анализа основаній устройства ея матеріальной части. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Арабажинъ, К. Публичныя лекціи о русскихъ писателяхъ. Народный университетъ. Книга 1-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Архангельскій, С. Указатель литературы по тѣлесному воспитанію, развитію и образованію. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Беннеръ, Р. Есть ли право предметъ об-

щачаго образованія? Историко-педагогическій этюдъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Бируновъ, В. Критическій обзоръ пособій по географіи. Спб. 1909. Ц. 70 к.

Бывальевичъ, В. Письмо въ школъ и дома и его гигиеническая постановка. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Вагнеръ, Ю. Учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

* Вопросы теории и психологіи творчества. Томъ 2. Вып. 2-й. Пособіе при изученіи теории словесности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Статьи гг. А. Г. Горюфельда, Д. Н. Овсянко-Куликовскаго, В. И. Харціева и Б. А. Лезина. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1910. Ц. 1 р.

Вульфусъ, А. Учебникъ средней исторіи. Спб. 1909. Ц. 70 к.

Донининъ, Н., и Новиковъ, А. А. К. Толстой. Биографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Долговъ, А. Начатки геометріи. М. 1909. Ц. 75 к.

Игнатъевъ, Е. Въ царствѣ смекалки или ариметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы. Опытъ математической хрестоматіи. Книга 2-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

— То же. Ч. 1-я. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Ипатовъ, В. Сборникъ алгебраическихъ задачъ. М. 1909. Ц. 60 к.

Китаевъ, И. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 3. М. 1909. Ц. 80 к..

Кеджори, Ф. Исторія элементарной математики съ указаніями на методы преподаванія. Одесса. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Лавровъ, А. Практический курсъ русской грамматикн. В. I. Этимологія. Кіевъ. 1909. Ц. 45 к. В. II. Синтаксисъ. Ц. 35 к.

Марануевъ, Н. Пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Задачи на вычисленіе. М. 1909. Ц. 2 р.

Мирлесъ, А. Темникъ-хрестоматія, важнѣйшія темы. Ч. 2-я. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Мироносицкій, П. Словечко. Учебникъ граммоты. Кн. I. Ц. 15 к.

— Его же. Книжка 2-я. Методика и учебникъ. Ц. 50 к.

Народный университетъ. Лекціи, читанныя профессорами и лекторами О-ва народныхъ университетовъ. Подъ редакціей К. И. Арабжина. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Незеленовъ, А. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 8-й (дополнительный) М. 1909. Ц. 1 р. 10 к.

Павловъ, Н. Методика начальной ариметики. Руководство для учащихся въ начальныхъ школахъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Петровский, С. Изложеніе истинъ православной христіанской вѣры, надежды и любви. Одесса. 1909. Ц. 85 к.

— Опытъ объясненія символа православной вѣры и десяти заповѣдей Закона Божія для простого народа. Одесса. 1909. Ц. 15 к.

— О преподаваніи священной исторіи Ветхаго и Новаго Завета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 20 к.

Португаловъ, А., и Корсуковъ, В. Ариметика для экстерновъ. Ч. 2-я. Дробнн. Кіевъ. 1900. Ц. 1 р. 20 к.

Сапѣнко, С. Наглядное пособіе къ изученію чиселъ 1 и 2 десятка. Спб. Ц. 35 к.

— Методическая программа первоначальнаго обученія. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р. 25 к.

Сиповскій, В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. 3. Вып. 4. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Соколовъ, Н., и Пановъ, В. Вторая книга послѣ букваря. М. 1909. Ц. 50 к.

Соколовъ, Н., и Сахаровъ, И. Новый ариметическій задачникъ. Ч. 2-я. Устья и письменныя задачи. М. 1909. Ц. 25 к.

Сосуновъ, Е., и Михѣевъ, И. Законъ Божій для дѣтей. Ч. 1-я. К. 1909. Ц. 15 к.

Струевъ, Ю. Книга для чтенія на урокахъ русскаго языка въ среднихъ классахъ. М. 1909. Ц. Ц. 1 р. 40 к.

Тулуповъ, Н., и Шестановъ, П. Вторая ступень въ литературу. Хрестоматія. М. 1909. Ц. 1 р.

Харціевъ, В. Учебникъ русскаго языка. Ч. 2-я Синтаксисъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.

* Юдинъ, А. Искусство въ семьѣ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1909. Ц. 2 р.

«Юный Строитель». Самостоятельное изготовленіе игрушекъ изъ картонажа. Серія 2-я и 3-я. Спб. Ц. по 30 к.

Книги для дѣтей и юрощества.

Лукашевичъ, К. Старыя и новыя русскія сказки. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Онѣгинъ, Н. Сказки въ стихахъ. Черная

башня. Въ правдѣ счастье. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Челнокъ, А. Устыдили. Спб. 1909. Ц. 6 к.

Спортъ, охота и игры.

Анохинъ, А. (В. Роосъ). Здоровье — сила. Новая система. Психофизиологическія движенія. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Бѣляевъ, И. Двадцатипятилѣтіе русскаго гимнастическаго общества въ Москвѣ. Историческій очеркъ. М. 1909. Ц. 25 к.

Справочныя книги.

Блатовъ, Н. Коммерческій словарь. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Календарь Крестный на 1910 г. Ц. 15 к.

Кларкъ, И. Адресъ-календарь и торгово-промышленный указатель Дальняго Востока и спутникъ по Сибири, Маньчжуріи, Амуру

и Уссурійскому краю. Владивостокъ. 1909. Ц. 2 р.

Свѣшниковъ, Н. Правила и программы для специальныхъ испытаній на знаніе учителя и учицы начальной училищъ. Казань. 1909. Ц. 15 к.

Періодическія изданія.

«Американское сельское хозяйство». Журналъ № 1. 1909 г. Ц. 30 к. «Городское Дѣло». №№ 17 и 18. 1909 г. Ц. кажд. № 50 к. «Европейская жизнь». Художественный журналъ. № 7. 1909 г. Ц. 20 к. «Журналъ Театра Литературно-Художественнаго Общества». №№ 3 и 4. Ц. кажд. № 15 к. «Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества». №№ 6—7. 1909 г. Ц. 2 р. «Московский Еменедѣльникъ». №№ 35, 36, 37 и 38. 1909 г. Ц. кажд. № 15 к.	«Очерки Россіи». №№ 35, 36, 37, 38 и 39. 1909 г. Ц. кажд. № 15. «Оса», юмористическій журналъ, №№ 14, 15, 16 и 17. 1909 г. Ц. кажд. № 10 к. «Театръ и Искусство». №№ 36, 37, 38 и 39. 1909 г. Ц. кажд. № 20. «Христианинъ». Ежемѣсячный журналъ. № 9. 1909 г. Ц. 25 к. «Хуторъ». Сельскохо-зяйственный журналъ. № 9. 1909 г. Ц. 30 к. «Экономистъ Россіи». №№ 30, 31, 32 и 33. 1909 г. Ц. кажд. № 15 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

продаются новыя книги:

**ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ**

Переводъ съ подлинника, изданнаго Императорскою Академіею Наукъ.
Съ 12 портретами и 5-ю автографами. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 4 р.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

Переводъ съ французскаго по издавію, слѣланному съ подлинной рукописи.
Съ приложеніемъ четырехъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ
и указателя.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина.

Изданіе А. С. Суворина. Ц. 2 р. 50 к.

**Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ**

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 450 иллюстраціями. 4 тома. Изданіе 2-е. Ц. 30 р., въ перепл. 36 р.

**Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.
ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ**

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 252 иллюстраціями. 2 тома. Ц. 25 р., въ перепл. 30 р.

Тшгографы А. С. Суворина. Сиб. Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ДЕКАБРЬ. 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕКАБРЬ, 1909 г.

СТРАВ.

I. Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). Часть пятая и послѣдняя. LXXXVIII—XCVIII. (Окончаніе). Н. А. Энгельгардта	779
II. Изъ далекаго прошлаго. (Тетушка Вѣра Николаевна Воейкова). (Окончаніе). Н. И. Мердеръ	819
III. Пять этажей. (Изъ галереи современныхъ типовъ). Исторія одного дня. В. В. Уманова-Кашлуновскаго	846
IV. Отрывки изъ воспоминаній. IX—XIV. (Окончаніе). Г. П. Миллера	887
V. Губернаторъ-революціонеръ. И. Подольскаго	907
VI. Воспоминанія о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. Н. Г. Вучетича	940
VII. Изъ деревенской жпзни. (Очерки). М. С—ъ	980
VIII. Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. (По поводу двадцатилѣтія съ дня его смерти. 1889—1909). Александра Лебедева	999
IX. Бельгійцы въ Россіи. В. Гайдукова	1005
X. Какъ одинъ мужичокъ отъ холеры коломъ отмахался. Чернывина	1021
XI. Памяти султана Чингисхана. А. Хака	1024
иллюстрація: Султанъ Чингисханъ.	
XII. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). VII. Разгромъ пропагандистовъ. (Окончаніе). Б. В. Глинскаго	1029
иллюстраціи: 1) Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ.—2) Софья Иларіоновна Вардина.—3) Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ.	
XIII. Изъ жизни археологическихъ учрежденій. А. А. Миронова	1063
XIV. По Зондскимъ островамъ. VI—VII. (Окончаніе). А. В. Рагозина	1072
иллюстраціи: 1) Пароходикъ «Муара-Энимъ».—2) Кампонгъ на Муси.—3) Камчонгъ на Лематангъ.—4) Капоковыя деревья.—5) Внутренній видъ моста.—6) Пангеранъ Лембака и его семейство.—7) Группа дѣтей въ Лембакѣ.—8) Сушка риса въ лѣсу.—9) Мостъ въ Сингапурѣ.—10) Индусскій храмъ въ Сингапурѣ.	
XV. Иностранцы о Россіи. (Первое пятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича). В. И. фонъ-Штейна	1099
XVI. Критика и бібліографія.	1133

1) Труды императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Документы и изложенеіе Полтавскаго періода Сѣверной войны. 1708—1709 гг. А. К. Ваіовъ и Н. Л. Юнаковъ. 4 тома. Спб. 1909. л. н.—2) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ V. Выпускъ III. Спб. 1909. С. ш.—3) С. В. Веселовскій. Семь сборовъ запросныхъ и пятиныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича. Москва. 1909. т.—4) Изъ записокъ князя П. В. Долгорукова. Время императора Петра II и императрицы Анны Іоанновны. Переводъ съ французскаго. М. 1909. с. ш.—5) Проф. П. Жуковичъ. Сеймовая борьба право-

(См. слѣд. страв.).

славнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). Четвертый выпускъ (1623—1625 гг.), Спб. 1908. и. а. — 6) Д. И. Троицкій. Русь въ Монгольскій періодъ. I. Изданіе училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1909. и. Александрова. — 7) Труды вятской ученой архивной комиссіи 1908 года. Выпускъ II. Вятка. 1909 г. в. Р—ва.—8) Труды третьяго областного историко-археологическаго съѣзда, бывшаго въ гор. Владимирѣ 20—26 іюня 1906 года. съ приложеніемъ 49 таблицъ рисунковъ. Изданіе владимирской ученой архивной комиссіи. Владимиръ. 1909. в. Р—ва.— 9) Викторъ Острогорскій и Д. Д. Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. Н. И. Пироговъ. К. Д. Ушинскій. Н. А. Корфъ. Съ портретами. Москва. 1909. В. Троицкаго.—10) Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля. Историческій очеркъ кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Составилъ редакторъ военно-истор. отд. подполк. С. Эсадзе. Тифлисъ. 1909. А. хаханова. — 11) М. Г. Поруженко. Святого Козмы пресвитера слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. Памятники общества любителей древней письменности и искусства № СLXVII. Спб. 1909. и. а.—12) В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы. (Отъ XI в. до конца XVII в.). Выпускъ второй. Спб. 1908. а. я. — 13) С. Н. Браиловскій. Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ. Историко-литературные материалы и изслѣдованія. I. Орестъ Михайловичъ Сомовъ. Варшава. 1909. л.— 14) Л. Я. Апостоловъ. Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ, великій философъ земли русской. Тифлисъ. 1909 г. А. Фаресова. — 15) Пушкинскій сборникъ. Вып. 8. Москва. 1909. А. Б. — 16) Ига, Житецкій. Гоголь—проповѣдникъ и писатель. Спб. 1909. л.—17) Литературный ежегодникъ на 1909 годъ. (Литературный календарь-альманахъ). Подъ ред. Оскара Норвежскаго. Спб. а. Фомина. — 18) Альманахъ-календарь для всѣхъ. 1909. 2-й годъ изданія. С.-Петербургъ. Э. А. Мальмгрена.—19) «Мой первый успѣхъ». Автобіографическій очеркъ Эдварда Грига. «Фіорды». Сборникъ 2. 1909. Спб. В. Баскина.— 20) Еврейская Энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ, подъ редакціей д-ра Л. Каценельсона и барона Д. Г. Гинцбурга. Т. 1 и 2. А.—Арабскій языкъ. Спб. 1908. —чч.—21) Запросы по финляндскому управленію. — Государственная дума; засѣданія: 1, 5, 12 февраля, 1, 12 и 13 мая 1908 года. С.-Петербургъ. 1909. п. м.—22) Юліанъ Кулаковскій. Римское государство и его армія. Спб. 1909. б. в. — 23) Aus baltischer Geistesarbeit. I—VII. 1908. а. Э. Мальмгрена.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1162

1) Предтеча Калостро.—2) Разговоръ Наполеона съ однимъ англичаниномъ на островѣ Эльбѣ. — 3) Отоскюлу. — 4) Статуи и юбилеи.—5) Смерть дона Карлоса, Чезаре Ломброзо и маркиза Ито.

XVIII. Смѣсь. 1187

1) Присужденіе пушкинскихъ премій въ академіи наукъ. — 2) Въ академіи наукъ.—3) Юбилей Литературнаго фонда.—4) Собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—5) Ростовскія торжества.—6) Пятисотлѣтіе Архангельскаго собора. — 7) Двадцатипятилѣтіе сибирскаго общества.—8) Юбилей Н. Д. Телешова.—9) Возникающій музей.—10) Раскопки въ Смоленскѣ на Смядини.—11) Памятникъ императору Александру II.

XIX. Некрологи. 1202

1) Введенскій, А. И.—2) Вольскій, Г. I.—3) Вольфъ, Е. М.—4) Всеволожской, И. А.—5) Кричагинъ, Н. А.—6) Никитинъ, А. Н.—7) Никитинъ, С. Н.

XX. Замѣтки и поправки. 1207

Фактическая поправка къ статьѣ г. Ежова. (Письмо въ редакцію). п. Сакулина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ М. Т. Лорисъ-Меликова.—2) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1909 г., и указатель гравюръ.

При этой книжкѣ разсылается объявленіе о подпискѣ на «Ниву» 1910 года и «Иллюстрированную бібліотеку Нивы» 1910 г.—«Большой Всемирный Настольный Атласъ Маркса» и о другихъ изданіяхъ Т—ва А. Ф. Марксъ въ Спб.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ВОСЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1909 года).

	СТРАН.
Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). Части четвертая и пятая. (Окончаніе). Н. А. Энгельгардта. 5, 369,	779
Изъ воспоминаній измайловца. Е. В. Сухонина.	22
Лоцмавъ. (Разсказъ «второго помощника»). Н. Д. Федорова	46
Записки графа Моріюлля. (Окончаніе)	60
Записки москвича. (Картинки, встрѣчи, впечатлѣнія). Н. М. Ежова.	80
Страшная ночь. (Разсказъ стараго артиллериста). Вл. Прогульбицкаго.	94
А. В. Кольцовъ и его поэзія. (Къ столѣтію со дня рожденія). Н. А. Державина.	113
иллюстрація: Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.	
Государь императоръ Александръ III и М. Г. Черняевъ. А. М. Черняевой.	152
Русскіе сконцы въ Румыніи. В. Мошкова.	158
Журнальное страстотерпство. (Изъ воспоминаній о провинціальной цензурѣ). А. Е. Евгеньева.	177
Къ исторіи насажденія трезвости. М. В. Шевлякова.	189
Могила Гапона. И. П. Ювачева.	206
иллюстрація: Панихида на могилѣ Георгія Гапона.	

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1909 г., т. XVIII.

1/2

Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). VI. Въ народъ! VII. Разгромъ пропагандистовъ. (Окончаніе). **Б. Б. Глинскаго.** 211, 608, 1029

Иллюстраціи: 1) Николай Константиновичъ Михайловскій.—2) Николай Васильевичъ Чайковскій. — 3) Князь Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ.—4) Дмитрий Михайловичъ Рогачевъ.—5) Сергій Михайловичъ Кравчинскій.—6) Дмитрий Александровичъ Клеменсъ.—7) Порфирій Ивановичъ Войнаральскій.—8) Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ.—9) Софья Иларіоновна Бардина.—10) Ипполитъ Нивитичъ Мышкинъ.

По Зондскимъ островамъ. **А. В. Рагозина** 244, 660, 1072

Иллюстраціи: 1) Суэцкій каналъ.—2) Улица въ старой Батавіи.—3) Аллея пальмъ въ ботаническомъ саду.—4) Группа панданусовъ.—5) Вѣрная пальма.—6) Водяныя растенія въ ботаническомъ саду.—7) Видъ на озеро въ ботаническомъ саду.—8) Яванецъ и яванка.—9) Сунданецъ.—10) Статуя Будды въ Центральной Явѣ.—11) Боробудуръ.—12) Хижина туземца.—13) Лѣсная дорога на вулканъ Пападанянь.—14) Видъ на кратеръ Пападаняна издали.—15) Видъ на Вандермасинъ съ рѣки. — 16) Молодой даякъ.—17) Видъ Вандермасина. — 18) Главная улица Палембанга. — 19) Переулочъ въ Палембангѣ во время отлива.—20) Группа дѣтей.—21) Садъ около нашего дома.—22) Дынное дерево (папайя).—23) Убитый крокодилъ.—24) Молодой тапиръ.—25) Группа малайцевъ.—26) Ватаки.—27) Дикари съ острова Сиберуть. — 28) Пароходикъ «Муара-Энимъ».—29) Кампонгъ на Муси.—30) Кампонгъ на Лематангѣ.—31) Капоковыя деревья. — 32) Внутренній видъ моста.—33) Пангеранъ Лембака и его семейство.—34) Группа дѣтей въ Лембакѣ.—35) Сушка риса въ лѣсу.—36) Мостъ въ Сингапурѣ.—37) Индусскій храмъ въ Сингапурѣ.

Изъ далекаго прошлаго. (Тетушка Вѣра Николаевна Всеикова). Н. И. Мердеръ.	400,	819
Генеральша. Разсказъ. В. Г. Авсѣенко.	421	
Отрывки изъ воспоминаній. Г. П. Миллера.	448,	887
Ходынская катастрофа 1896 года. В. И. фонъ-Штейна	473	
14 мѣсяцевъ службы на Камчаткѣ. А. П. Сильницкаго.	507	
Въ тылу у японцевъ во время боя при Шахэ. Барона П. Н. Врангеля.	542	
Изъ воспоминаній о генералѣ А. М. Алихановѣ-Аварскомъ. Н. Ш.	569	
Еще о Пушкинскихъ мѣстахъ. К—на.	581	
Моя статья о Чеховѣ. (Бесѣда съ читателями). Н. М. Ежова.	595	
Къ пятидесятилѣтію Литературнаго фонда. (1859—1909 г.). А. Е. Евгеньева.	642	
Академическій Кольцовъ. В. Е. Рудакова.	645	
Пять этажей. (Изъ галерей современныхъ типовъ). Исторія одного дня. В. В. Уманова-Каплуновскаго.	846	

Губернаторъ-революционеръ. И. Подольскаго	907
Воспоминанія о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. Н. Г. Вучетича	940
Изъ деревенской жизни. (Очерки). М. С—ъ	980
Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. (По поводу двадцатилѣтія со дня его смерти. 1889—1909). Александра Лебедева	999
Бельгійки въ Россіи. В. Гайдунова	1005
Какъ одинъ мужичокъ отъ холеры коломъ отмахался. Чернявина	1021
Памяти султана Чингисхана. А. Хана	1024
иллюстрація: Султанъ Чингисханъ.	
Изъ жизни археологическихъ учрежденій. А. А. Миронова	1063
Иностранцы о Россіи. (Первое пятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича). В. И. фонъ-Штейна	1099
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	295, 694, 1133

1) Korbs. Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moscovitisch-russischen, österreichisch-kaiserlichen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen. Von Friedrich Dukmeyer. Erster Band. Berlin. 1909. Verlag von Emil Ebering (Historische Studien, Heft LXX). **А. Маленина**.—2) Известія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1908 г. Тома XIII-го книжка 4-я. Спб. 1909. **В. Руданова**.—3) В. Н. Перетцъ. Новые труды о «жидовствующихъ XV вѣка и ихъ литературѣ». Критико-библіографическій очеркъ. Съ приложеніемъ «Плача Іереміи» въ переводѣ съ еврейскаго языка по блонрусской рукописи конца XV в. Кіевъ. 1908. **И. А.**—4) А. А. Кизеветтеръ. Городовое положеніе Екатерины II 1785 г. Опытъ историческаго комментарія. Москва. 1909 г. **п. в. в.**—5) Г. Т. Сѣверцевъ-Подоловъ. Подъ удѣльною властью. Историческая повѣсть для юношества. Изд. магазина «Новаго Временн». (Суворина). г.—6) Olga Kramareva. Alexandre Serguéevitch Gribiééov. Sa vie—ses œuvres.—Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de l'Université de Paris. Paris. Bonvalot-Jouve. 1909. **Sc.**—7) А. Вишняковъ. Императоръ Юліанъ Отступникъ и литературная полемика съ нимъ св. Кирилла, архіепископа александрійскаго. Симбирскъ. 1908. **М. с.**—8) В. Бузескудъ. Исторія аѳинской демократіи. Спб. 1909. **А. Б.**—9) О Толстомъ. Международный Толстовскій альманахъ, составленный П. Сергѣенко. М. 1909. **н. л.**—10) В. В. Сиповскій. Очерки изъ исторіи русскаго романа. Т. I., вып. 1-ый (XVIII вѣкъ). Спб. 1909. **В. Т—аго**.—11) Валерій Брюсовъ. Испеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. М. 1909. **н. Лернера**.—12) Долопчевъ. В. Опытъ словаря неуравновѣсностей въ русскои разговорной рѣчи. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Варшава. 1909. **я. Бирюнова**.—13) Н. Н. Платонова. Кохановская (Н. С. Соханская) 1823—1884 гг. Біографическій очеркъ (съ портретомъ). Спб. 1909. **В. Т—аго**.—14) «Колосъ». Литературный альманахъ. Изд. «Театръ и Искусство». Спб. 1909. «Прибой». Литературно-художественные альманахи. Книга первая. Спб. 1909 г. Изд. «Прибой». «Альманахъ 17». Изд. «Прогрессъ». Спб. 1909 г. «Критическій альманахъ». Книга первая. Изд. «Заря». Москва. 1909 г. «Вихрь». Литературно-художественный альманахъ. Изд. книжн. скл. Д. Ефимова. Москва. 1909 г. Оснара Норвежскаго.—15) А. С. Пругавинъ. Расколъ вверху. Очерки религиозныхъ исканій въ привилегирован-

ной средѣ. Спб. 1909. В. Троцяго. 16) Вольтеръ. Кандидъ или оптимизмъ. Переводъ Федора Сологуба. Спб. 1909. И. Лернера.—17) Вечерніе общеобразовательные курсы въ г. Митавѣ. Отчетъ за 1907/8 учебный годъ. Митава. 1908. А. Э. Мальмгрена.—18) Валда Захеръ-Мазохъ. Исповѣдь моей жизни. Переводъ М. А. Потапенко. Спб. 1909. Б. Г.—19) Старинные волосы и станы въ Костромской губерніи. Матеріалы для историко-географическаго словаря Костромской губерніи. Съ предисловіемъ Ан. Титова. М. 1909. А. н.—озо.—20) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи №№ 42—43. Подъ редакціей А. И. Маркевича. Симферополь. 1908—1909. В. Р—ва.—21) Jahrbuch für bildende Kunst im den Ostseeprovinzen. II годъ. Рига. 1908. А. Э. Мальмгрена.—22) Афанасій, архіепископъ холмогорскій, его жизнь и труды въ связи съ исторіей холмогорской епархіи за первые 20 лѣтъ ея существованія и вообще русской церкви въ концѣ XVII вѣка. Церковно-историческій очеркъ В. Верюжскаго. Спб. 1908. С. Н. Введенскаго.—23) Иван Франко. Святій Климентъ у Корсуви. Причинокъ до исторіи старохристіанскіихъ легендъ. Львовъ. Изъ «Записокъ Науковаго Товариства имени Шевченка». Томы 46, 48, 56, 59, 60, 66 и 68. И. Александрова.—24) Профессоръ Н. В. Покровскій. 1809—1909. Церковно-археологическій музей с.-петербургской духовной академіи. 1879—1909. Спб. 1909. г.—25) Л. Н. Софійскій. Высокопреосвященный Никонъ, архіепископъ карталинскій и кахетинскій, экзархъ Грузіи (1861—1908). Біографическія данныя съ портретами и автографомъ іерарха, а также его рѣчи, слова и поученія. Спб. 1909. В. Р—ва.—26) В. В. Назаревскій. Императоръ Александръ I, 1812 годъ и другія войны этого царствованія. Съ 96 рисунками. Москва. 1909. А. п.—27) Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1908 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1909. В. Р—ва.—28) В. Ф. Тропанскій и Э. К. Пекарскій. Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ. Спб. 1909. А. Фаресова.—29) Русская политика въ Польшѣ. Очеркъ Эразма Пильца. Варшава. 1909. А. Ивановича.—30) В. Ф. Матвѣевъ. «Право публичныхъ собраній». Очеркъ развитія и современной постановки права публичныхъ собраній во Франціи, Германіи и Англіи. Спб. 1909. А. и.—31) А. И. Чууровъ. Мелкій кредитъ и кооперація. Москва. 1909. к. х.—32) В. Н. Перетцъ. Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи. Эпоха Петра Великаго и начала XVIII ст. V—VIII. Спб. 1909. И. А.—33) П. Ф. Анненскій. Вторая книга отраженій. Спб. 1909. А. б.—34) Писма А. П. Чехова. Собраны В. Н. Вочкаревыми. М. 1909. А. Фомина.—35) Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Томъ 61, вып. II. Спб. 1909. Я. Бирюнова.—36) «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», подъ ред. барона Н. В. Дризена. Книга 1-я и 2-я за 1909 г.—«Журналъ театра Литературно-Художественнаго общества», сезонъ 1909 г.—«Театръ. Книга о новомъ театрѣ». Изд. «Шиповника». 1909.—«Кривязь театра». Сборникъ статей. Книгоиздательство «Проблемы искусства». 1909.—Сергій Яблоновскій. «О театрѣ». Изд. Сытина. Москва. 1909. А. Измайлова.—37) Труды императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Документы и изложеніе Полтавскаго періода Сѣверной войны. 1708—1709 гг. А. К. Ваювъ и Н. Л. Юнаковъ. Четыре тома. Спб. 1909. Л. и.—38) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ V. Выпускъ III. Спб. 1909. с. ш.—39) С. В. Веселовскій. Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича. Москва. 1909. т.—40) Изъ записокъ князя П. В. Долгорукова. Время императора Петра II и императрицы Анны Іоанновны. Переводъ съ французскаго. М. 1909. с. ш.—41) Проф. П. Жуковичъ. Сеймовалъ борба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унией (съ 1669 г.). Четвертый выпускъ (1623—1625 гг.). Спб. 1908. и. а.—42) Д. И. Троицкій. Русь въ Монгольскій періодъ. I. Изданіе училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1909. И. Александрова.—43) Труды вятской ученой архивной комиссіи 1908 года. Выпускъ II. Вятка. 1909 г. В. Р—ва.—44) Труды третьяго областного историко-археологическаго съѣзда, бывшаго въ гор. Владимирѣ 20—26 іюня 1906 года. Съ приложеніемъ 49 таблицъ рисунковъ. Изданіе владимирской ученой архивной комиссіи. Владимиръ. 1909. В. Р—ва.—45) Викторъ Острогорскій и Д. Д. Семеновъ. Русскіе педа-

гогическіе дѣятели. Н. И. Пироговъ. К. Д. Ушинскій. Н. А. Корфъ. Съ портретами. Москва. 1907. в. Троцкаго. — 46) Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля. Историческій очеркъ кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Составилъ редакторъ военно-истор. отд. подполк. С. Эсадзе. Тифлисъ. 1909. А. Хананова. — 47) М. Г. Попруженко. Святого Козмы пресвитера слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. Памятники общества любителей древней письменности и искусства № CLXVII. Спб. 1909. и. А. — 48) В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы. (Отъ XI в. до конца XVII в.). Выпускъ второй. Спб. 1908. А. Я. — 49) С. Н. Вранловскій. Къ вопросу о Пушкинскомъ плеядѣ. Историко-литературные матеріалы и изслѣдованія. I. Орестъ Михайловичъ Сомовъ. Варшава. 1909 л. — 50) Л. Я. Апостоловъ. Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ. великій философъ земли русской. Тифлисъ. 1909 г. А. Фаресова. — 51) Шукинскій сборникъ. Вып. 8. Москва. 1909. А. Б. — 52) Игн. Житецкій. Гоголь — проповѣдникъ и писатель. Спб. 1909. л. — 53) Литературный ежегодникъ на 1909 годъ. (Литературный календарь-альманахъ). Подъ ред. Оскара Норвежскаго. Спб. А. Фомина. — 54) Альманахъ-календарь для всѣхъ. 1909. 2-й годъ изданія. С.-Петербургъ. Э. А. Мальмгрена. — 55) «Мой первый услѣхъ». Автобиографическій очеркъ Эдварда Грига. «Фіорды». Сборникъ 2. 1909. Спб. в. Баснина. — 56) Еврейская энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ, подъ редакціей д-ра Л. Каценельсона и барона Д. Г. Гинцбурга. Т. 1 и 2. А. — Арабскій языкъ. Спб. 1908. — чъ. — 57) Запросы по финляндскому управленію. — Государственная дума; засѣданія: 1, 5, 12 февраля, 1, 12 и 13 мая 1908 года. Спб. 1909. п. м. — 58) Юліанъ Кулаковскій. Римское государство и его армія. Спб. 1909. Б. В. — 59) *Acta baltischer Geistesarbeit*. I—VII. 1908. А. Э. Мальмгрена.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ. 325, 723, 1162

1) Спорное происхожденіе Наполеона. — 2) Поэтическое сотрудничество Гете и г-жи Вильмеръ. — 3) Лола Монтець. — 4) Рашель и Дюма. — 5) Письма Верди. — 6) Прогрессируетъ ли человѣчество? — 7) Вертело какъ философъ и воспитатель. — 8) Военный, политическій и психологическій взглядъ на нѣмецкую армію. — 9) Права женщинъ въ Исламѣ. — 10) Столѣтіе возстанія Тироля. 11) Переводъ апокрифа книги патріарха Еноха. — 12) Фонтанъ Зобейды. — 13) Казнь одного изъ рыцарствъ въ 1814 году. — 14) Воспоминанія кавалера Юсси. — 15) Воспоминанія виновницы смерти Лассала. — 16) Оскаръ П. — 17) Юбилей. — 18) Смерть генерала Галиффа, Шаплена, Пинара, Гарримана и Ломброзо. — 19) Предтеча Калиостро. — 20) Разговоръ Наполеона съ однимъ англичаниномъ на островѣ Эльбѣ. — 21) Отовсюду. — 22) Статуи и юбилей. — 23) Смерть донъ Карлоса, Чезаре Ломброзо и маркиза Ито.

СМѢСЬ 351, 755, 1187

1) Столѣтіе покоренія Финляндіи. — 2) Польска обновленныхъ Романовскихъ палать. — 3) Тверская архивная коммиссія. — 4) Открытіе памятника офицерамъ генеральнаго штаба. — 5) Памятникъ русскимъ композиторамъ. — 6) Реставрація памятника Петру I въ Петербургѣ. — 7) Выставка «Исторія гравюры въ Россіи». — 8) Возвращеніе П. К. Козлова и его находки въ Центральной Азій. — 9) Раскопки на городищѣ с. Вѣлгородки, древняго Вѣлгорода. — 10) Юбилей М. М. Стасюлевича. — 11) Цѣнный даръ музею императора Александра III. — 12) Чествованіе В. М. Скворцова. — 13) Присужденіе премій митрополита Макарія. — 14) Присужденіе премій графа Уварова. — 15) Открытіе памятника первопечатнику Ивану Федорову. — 16) Открытіе памятника Ѳ. П. Гаазу. — 17) Открытіе Гоголевскаго музея въ Нѣжинѣ. — 18) Аксаковскій народный домъ въ Уфѣ. — 19) Чествованіе А. В. Кольцова въ Воронежѣ. — 20) Присужденіе пушкинскихъ премій въ академіи наукъ. — 21) Въ академіи наукъ. — 22) Юбилей Литературнаго фонда. — 23) Собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — 24) Ростовскія торжества. —

25) Пятисотлѣтіе Архангельскаго собора.—26) Двадцатипятилѣтіе сибирскаго общества.—27) Юбилей Н. Д. Телешова.—28) Возникающій музей.—29) Раскопки въ Смоленскѣ на Смядыни.—30) Памятникъ императору Александру II.

НЕКРОЛОГИ 362, 767, 1202

1) Заремба, А. В.—2) Комаровскій, Н. Н., графъ.—3) Кусковъ, П. А.—4) Охочинскій, П. В.—5) Саловъ, В. В.—6) Чюмина (Михайлова), О. Н.—7) Алышевскій, В. І.—8) Борисовъ, П. М.—9) Верещагинъ, В. П.—10) Дондукова-Корсакова, М. М., княжна.—11) Климентъ, епископъ.—12) Михайловскій, К. Я.—13) Половцовъ, А. А.—14) Сабининъ, Е. Ѳ., проф.—15) Смирновъ, С. Д.—16) Фуксъ, Э. Я.—17) Введенскій, А. И.—18) Вольскій, Г. І.—19) Вольфъ, Е. М.—20) Всеволожской, И. А.—21) Кричагинъ, Н. А.—22) Никитинъ, А. Н.—23) Никитинъ, С. Н.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 367, 776, 1207

1) Г. М. Васильева.—2) П. А. Малеина.—3) Г. Б. Алексѣевского.—4) П. Поправка къ «Полтавскимъ торжествамъ».—5) Фактическая поправка къ статьѣ г. Ежова. П. Сакулина.

Приложенія: 1) Портретъ Павла Константиновича Александрова.—2) Портретъ А. М. Алиханова-Аварскаго.—3) Портретъ М. Т. Лорисъ-Меликова.—4) Пѣснь любви и смерти. Сказка-драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ взятъ изъ поэмы Альфреда Теннисона «Elaïne». В. Буренина.—5) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1909 г. и указатель гравюръ.

ГРАФЪ М. Т. ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ
И РОСТОВЪ НА ДОНУ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Пятое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 89 портретами и иллюстраціями.

Настоящее пятое изданіе историческихъ очерковъ и разсказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ четырехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году, третье въ 1893 г. и четвертое въ 1903 г.). Въ него включены десять новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 89; всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 45 печатныхъ листовъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ и рисунковъ“.

Цѣна 4 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Деспфортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго дома. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ. — Книгиня Волковская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе сѣмьяны. — Дочь Бирона. — Убіеніе Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія Мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Потемкинскіе проеенты. — Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чужакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Швѣнца Габриэлли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ Грибовскихъ типовъ. — Общество танцовщиковъ поневолю. — Дуэль Череметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Зовицъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ ИЗВѢСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ И УЧЕНЫЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА **IV ГОДЪ ИЗДАНИЯ** на ежемѣсячн. иллюстр. журналъ для ВСѢХЪ.

4 Р. ГОДЪ **СВѢТОЧЪ**
И **ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ**

Программа обычная для ежем. журналовъ.

12 №№ иллюстр. журн. „СВѢТОЧЪ“ и какъ бесплатныя приложенія. 12 №№ иллюстрирован. журнала „Дневникъ Писателя“. 1 сборникъ разсказовъ — „Потревоженные“.	10 портретовъ русскихъ поэтовъ (съ биограф. и литерат. характеристикой) что составитъ: 1 литературно-художественный альбомъ, пригодный для каждой библиот. (общественной, семейной и школьной) 5 иллюстрированныхъ книжекъ „Дѣтской Библиотеки“.

Въ каждомъ № отдѣлъ „На помощь семьѣ и школѣ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годъ съ достав. и пер. по Имперіи **4 р. 1/2 г. 2 р. 3 мѣс. 1 р.**

Загран. цу только на годъ 6 р. 50 к. ♦ Разсрочка: 2 р. при подл., 2 р. въ 1-му марта.
Адресъ: Москва, Тверская, д. гр. Олсуфьевой, конт-ра и редакция „Свѣточа и „Дневника Писателя“.
Редакторъ-издатель **А. В. Кругловъ.**

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка поразстоянію.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1910 году

(ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1910 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать лѣтъ (1880—1909).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великой.

LXXXVIII.

Обличитель.

АЗИМИРЪ — это былъ онъ — низко поклонился князю и княгинѣ, приложивъ руку къ сердцу, и затѣмъ, расправивъ усь, постарался придать себѣ осанку вольнаго шляхтича литовскаго. Но это плохо ему удалось. Ветхость его одежды, явно истомленная голодовкой, болѣзнями и всевозможными ударами рока фигура, дрожащія отъ слабости руки и ноги и согбенный станъ, все являло самую печальную картину полного упадка.

— Ты—человѣкъ графа Калиостро?—спросилъ князь, дивясь, что слуга знаменитаго магика имѣеть столь печальную внѣшность.

— Точно такъ, ваше сіятельство!—отвѣчалъ глухимъ, болѣзненнымъ голосомъ полякъ.—То есть я собственно бывшій человѣкъ господина Калиостро, бывшій его человѣкъ!—пояснилъ онъ.

— А, такъ ты не отъ Калиостро явился, но самъ отъ себя?

— Самъ отъ себя, ваше сіятельство, самъ отъ себя собственно. Я пришелъ до вашей ясновельможности и припадаю къ ногамъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. сxviii, стр. 369.

вашимъ, моля заступленія отъ обманщика, безбожнаго злодѣя и чернокнижника, называемаго графа Калиостро!

И, говоря эти слова, Казимиръ палъ на одно колѣно и, схвативъ полу кафтана княжатаго, ее цѣловаль.

— Встань! Встань! Не унижай себя,—строго сказалъ взволнованный князь.—Ты образъ Божій на себѣ носишь. Я же, хотя и князь, но подобный во всемъ тебѣ человѣкъ. Объясни толкомъ, съ чѣмъ пришелъ.

— Княгинюшка,—прошепталъ онъ Улыбочкѣ, во все голубыя очи свои смотрѣвшей на страннаго, внезапно явившагося обличителя:—княгинюшка, кажется, Богъ памъ въ руки ключъ къ правдѣ посылаетъ. Но должно мнѣ сего человѣка расспросить глазъ на глазъ. Выйди.

Княгиня послушно встала и, взволнованная до глубины души, удалилась.

— Теперь, любезный, объясни толкомъ, съ чѣмъ пришелъ,—повторилъ князь Казимиру..

Бѣдный шляхтичъ хотѣлъ говорить, но чрезвычайное волненіе захватило ему дыханіе и, закрывъ лицо руками, онъ разрыдался, невнятно и сбивчиво произнося отдѣльныя восклицанія:

— Ахъ, ваше сіятельство... Ваша доброта... Ваше снисхожденіе... Нищета, ваше сіятельство... голодъ... преслѣдованія злодѣя... я прирожденный шляхтичъ литовскій... я не сдѣлалъ ничего дурного... за что же я долженъ погибать? За что?

— Любезный, успокойся. Отри слезы. Если ты обиженъ и несправедливо страдаешь, пайдешь защиту у меня,—сказалъ князь.

— Ваше сіятельство! будьте моимъ Провидѣніемъ!—вскричалъ Казимиръ, бросаясь цѣловать руку князя.

— Любезный, успокойся. Успокойся, любезный,—отнимая руку, настойчивѣе повторилъ князь.

Казимиръ наконецъ справился со своимъ волненіемъ и могъ болѣе связно изложить причину прихода.

Онъ разсказалъ, какъ былъ нанятъ въ услуженіе на площади у Синяго моста неизвѣстнымъ иностранцемъ, приказавшимъ ему явиться въ Итальянскія, при чемъ, оцупавъ черепъ ему, сказалъ все его прошлое; какъ затѣмъ, постигнутый крайностью, имѣя сестру съ двумя дѣтьми, явился онъ въ назначенный день въ Итальянскія; бѣдность помѣщенія, странныя рѣчи иностранца, занимавшагося врачеваніемъ и назвавшаго себя графомъ Калиостро, и уклончивый отвѣтъ касательно жалованья—расположили было уже Казимира отказаться отъ должности при графѣ, но явленіе ливрейнаго лакея князя Потемкина, а затѣмъ и генеральши госпожи Ковалинской, супруги правителя дѣлъ великаго того вельможи, все сомнѣнія его разсѣяли, и онъ поступилъ въ услуженіе къ Калиостро, самъ и маленькій Иммануиль, дитя его несчастной сестры.

— А, такъ этотъ бѣлокурый ребенокъ, который обыкновенно стоялъ за ширмами и давалъ отвѣты на вопросы Калиостро—дитя вашей сестры?—переспросилъ князь.

— Да, ваше сіятельство! Калиостро обѣщался вознаградить и его, равно какъ и меня, щедро, однако мы не увидѣли отъ него ни злѣта, и я отошелъ, не получивъ расчета.

— По какой же причинѣ отошелъ?

— Первый разъ по собственной глупости, пьянству и дерзости. Что же, я не буду того скрывать и расскажу всю правду. Въ первый разъ былъ я самъ виноватъ. Однако и тогда не получилъ же расчета, но какъ многіе господа щедро меня дарили, приѣзжая къ графу и графинѣ за совѣтами, то и безъ жалованья скопилъ я изрядную сумму.

— Ты сказалъ, что въ первый разъ отошелъ по собственной винѣ и пьянству. Значить, опять поступилъ къ Калиостро въ услуженіе?

— Ваше сіятельство, я всю правду долженъ сказать. Когда отошелъ я отъ Калиостро въ первый разъ, то имѣлъ пенендзы. Думалъ экипироваться и поступить въ хорошій домъ. Но поддался гибельному соблазну. Сбили меня пріятели, да и самъ насмотрѣлся на картежную игру и какъ единой картой приобрѣтаютъ фортуна. Короче сказать, попыталъ и я счастье. Дурость, глупство было то, самъ признаю. Сначала повезло, а потомъ весь проигрался. Не осталось ничего; даже часы и табакерку и галстучную булавку съ камнемъ—подарки мнѣ хорошихъ господъ, посѣщавшихъ Калиостро,—все карта-злѣдѣйка взяла.

Князь поморщился при сихъ признаніяхъ Казимира, но жалкій видъ поляка расположилъ его къ снисхожденію.

— Тутъ скоро ввергнуть былъ я въ пучину бѣдства,—продолжалъ Казимиръ съ ужасомъ на лицѣ—Предаль меня Калиостро проклятію и оповѣстилъ повсюду о дурной моей будто правственности. Отовсюду пошли на меня гоненія, посыпалися несчастія, всѣ двери затворились предо мною и мѣста никакого не могъ получить. Обновился совершенно, потому что лучшее платье продалъ. Пришли съ сестрою въ крайность. Оставалось мнѣ итти съ повинной къ Калиостро. Я такъ и сдѣлалъ.

— И что же, графъ опять тебя взять въ услуженіе?—спросилъ Голицынъ.

— Возьмь, охъ, возьмь! Но лучше бы не бралъ! Лучше бы я съ голоду подохъ! —вскричалъ Казимиръ, весь дрожа.—Ваше сіятельство! какъ смерти боюсь я сего злѣдѣя. Сюда къ вамъ шель—крался по переулкамъ, дрожалъ. Онъ все видитъ, все знаетъ, все слышитъ. У него вездѣ уши и вездѣ руки. Но между прочимъ онъ такой же графъ, какъ я—бискупъ. И жена его изъ простыхъ, изъ служанокъ. Калиостро столько именъ имѣеть, сколько святыхъ въ календарѣ.

И если бы сталъ я вашему сіятельству докладывать всѣ извѣстныя мнѣ пройдохства его и плутовства, то до утра бы не кончиль.

— Ты на господина своего свидѣтельствуешь,—съ сомнѣніемъ уже сказалъ князь:—но почему опять отошелъ отъ него?

— Онъ самъ меня изругалъ, избилъ и выгналъ, какъ собаку, едва я только заикнулся о полученіи условленной суммы, ваше сіятельство!

— Изругалъ! Избилъ! Выгналъ! Что-то странное рассказываешь ты, любезный, и всячески поносишь и порочишь бывшего своего господина! — строго сказалъ совершенно усомнившійся князь.— Подумай, любезный, о комъ ты все это говоришь? Графъ Калиостро во всей Европѣ прославленъ благотвореніемъ, безмезднымъ врачеваніемъ, безкорыстіемъ, высокой нравственностью. Кто же повѣрить тебѣ, по собственнымъ твоимъ рассказамъ, и картежнику, и пьяницѣ?..

— Благотвореніе? Ха! Безмездное врачеваніе? Ха-ха! Безкорыстіе! Ха-ха-ха!—съ нервнымъ смѣхомъ вскричала Казимиръ.

— Ты очень дерзокъ, любезный, и злоупотребляешь моимъ снисхожденіемъ,—уже сердясь, говорилъ князь.—Повторяю, вспомни, кого осмѣливаешься клеветать! Графъ Калиостро съ отличной стороны извѣстенъ самой государынѣ, изволившей удостоить его бесѣдой!

— Да сохранить въ здравіи и долгоденствіи всемогущій Богъ великую государыню!—вскричала Казимиръ.—Но ваше сіятельство ошибаетесь! Ей-ей, ошибаетесь! Если бы графъ Калиостро съ хорошей стороны былъ извѣстенъ государынѣ, то Степанъ Ивановичъ Шешковскій не призывалъ бы меня и не поручалъ обо всемъ, что у Калиостро съ супругою происходитъ, по тайности докладывать полицейскому офицеру господину фонъ-Фогелю!

— Степанъ Ивановичъ!—повторилъ въ совершенномъ ужасѣ князь и побѣлѣлъ, какъ бумага.—Тебя призывалъ Степанъ Ивановичъ! Ты... ты... отъ волненія голосъ князя пресѣкся.

Казимиръ самъ весь затрепеталъ и если раньше былъ блѣденъ, то теперь уподобился загробной тѣни.

— Ой, ваше сіятельство, потише... Ой, потише...—зашепталъ онъ бѣлыми сухими губами.—Я не долженъ былъ этого говорить... Я не смѣлъ этого говорить... Если кто-нибудь насъ слышалъ,—я погибъ... совсѣмъ погибъ... И вы никому не рассказывайте, никому...

— Любезнѣйшій, я не о двухъ головахъ, чтобы такое рассказывать!—приходя въ себя, сказалъ князь.—Если вѣрно то, что ты сказалъ мнѣ, то... то Калиостро подлинно не таковъ, какимъ до сей поры всѣмъ казался... Это важно, очень важно, что ты мнѣ сказалъ... Но если такъ, ты долженъ мнѣ все рассказать, что знаешь про Калиостро. И ты не выйдешь изъ моего дома. Ты помѣщенъ будешь на антресоляхъ, въ особой комнатѣ.

— Ваше сіятельство, пріютите и сестру мою съ Иммануиломъ,— сказалъ Казимиръ.— Она тоже пришла со мною и сидитъ теперь въ сторожкѣ у вашего садовника Францишка, который мнѣ землякъ.

— Да, да! Не безпокойся объ пей. Но кончи, что сталъ рассказывать. Ты говорилъ, что Калиостро тебя изругалъ, избилъ и выгналъ уже второй разъ, едва ты напомнилъ о полученіи условленной суммы?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Но за что сумма та была условлена? За услуженіе?

— Охъ, ваше сіятельство, за ребенка!

— За какого ребенка?

— За маленькаго сестры моей!

— На что же понадобился маленькій Калиостро?

— Ваше сіятельство!—опускаясь на колѣни, вскричалъ Казимиръ,—объявляю вамъ на Калиостро злодѣйство! Ребенкомъ сестры моей подмѣнилъ онъ сына вашего сіятельства! А что съ княжичемъ случилось, не знаю! Или онъ умеръ, или злодѣй его прикончилъ! Неизвѣстно, куда и трупики задѣвалъ!

Громкій вопль и шумъ паденія раздались въ сосѣднемъ покоѣ. Князь кинулся туда. На полу лежала безъ чувствъ княгиня Варвара Васильевна. Не въ силахъ будучи преодолѣть желаніе знать правду, удаленная мужемъ, она сѣла тихохонько въ сосѣдней комнатѣ и все слышала чрезъ неплотно притворенную дверь.

LXXXIX.

Чудесное перевоплощеніе.

— Женщины! Мамушка! Няня!—взывалъ растерянно князь надъ безчувственной княгиней. Изъ разныхъ дверей вбѣжали женщины и бросились оказывать помощь. Княгиня была поднята, уложена на диванъ, распустили ей шнуровку, давали нюхать соли и жженныя перья, намочили голову водою венгерскаго короля.

Она пришла въ себя и, лишь только увидѣла блѣдное, склоненное надъ нею лицо мужа, сказала:

— Гдѣ этотъ человѣкъ? Я хочу его видѣть! Я хочу сама спросить его!

— Но, милая княгинюшка, ты столь потрясена, и новое волненіе...

— Я хочу видѣть этого человѣка!—повторила княгиня, поднимаясь.

— Но можно ли вѣрить вранью прогнаннаго лакея самой дурной нравственности!—возражалъ князь.

— Князь, я васъ прошу исполнить мою просьбу,—сказала по-французски княгиня съ полнымъ спокойствіемъ и твердостью.—

Во что бы то ни стало, я должна наконецъ узнать правду. Прикажите женщинамъ удалиться. И пусть этотъ человѣкъ войдетъ сюда.

Князь увидѣлъ, что рѣшимость княгини неизмѣнна, и повиновался. Женщины были удалены. Казимиръ предсталъ.

— Повтори мнѣ то, что тобою было сказано князю,—сказала княгиня съ мужественнымъ спокойствіемъ.

— Ваше сіятельство, сжальтесь надъ человѣкомъ, несчастнымъ отъ рожденія!—вскричалъ Казимиръ, заливаясь слезами.—Не губите меня! Трепещу я того злодѣя! Онъ все можетъ сдѣлать надо мною.

— Не бойся ничего. Пока ты въ этомъ домѣ, никто не тронетъ тебя. Говори всю правду!—приказала княгиня.

— Ваше сіятельство, я въ крайности принужденъ быть согласиться, и сестра моя тоже, уступить ребенка злодѣю Калиостро. Онъ не сказывалъ намъ, на какой предметъ потребенъ ему ребенокъ. Полагали мы, что для волхвованій, и трепетали, что душу его погубить темный тотъ чародѣй и чернокнижникъ. Но крайность, нищета, преслѣдованія... Мы согласились. Мы знали, что у Калиостро сынокъ вашего сіятельства на излеченіи находится, но онъ въ отдаленномъ покоѣ помѣщался, мы его и не видали, даже голоса его не слышали. Калиостро чрезъ двѣ пустыя комнаты туда проходилъ, запирая за собою одну дверь за другой на ключъ. И хранилъ ключи у себя подъ рукою каждую минуту. А хотя и можно было бы подобрать ключи, но Калиостро уже не оставлялъ меня въ домѣ, когда выходилъ со двора, но или съ собою бралъ, или отсылалъ во флигель къ супругѣ.

— Боже мой! Боже мой! Мое несчастное дитя въ полной власти злодѣя! Одинокое!—закрывая лицо руками, простонала княгиня. Князь тоже въ горести всплеснулъ руками.

— Продолжай, любезный!—сейчасъ же овладѣвая собою, сказала княгиня.

Князь теперь дивился мужеству, читавшемуся въ чертахъ столь нѣжной и чувствительной дотолѣ Улыбочки.

— Калиостро сказалъ, что нашъ ребенокъ ему нуженъ для исцѣленія княжича; будетъ-де онъ съ нимъ вмѣстѣ спать въ одной колыбели и тѣмъ отгонять отъ княжича злыхъ духовъ. Онъ тутъ много толковалъ весьма учено. Мы мало изъ того поняли, но согласились. Послѣ того, какъ ребенокъ сестры моей былъ унесенъ въ покой, гдѣ и княжичъ находился, мы уже доступа къ нему не имѣли и ничего о немъ не знали. Только Калиостро намъ говорилъ, что отъ нашего ребенка польза явная княжичу, и самъ онъ здоровъ. Мы вѣрили. Что было намъ дѣлать?

— Говори! Говори все!—приказывала княгиня, нюхая соли и тяжело вздыхая.

Князь сталъ около несчастной матери и взялъ ея руку, чтобы поддержать ее сочувствіемъ.

Казимиръ, который и самъ, въ первомъ волненіи начавъ рассказывать, уже не могъ бы остановиться, блестя глазами, остекляненными ужасомъ, бѣлый, какъ бумага, пересохшими губами продолжалъ шептать, близко подступивъ и наклоняясь къ лицамъ внимавшихъ ему родителей.

— Вотъ однажды Калиостро насъ призываетъ, подаетъ сострѣ бѣлое покрывало, на голову золоченый вѣнецъ, въ руки слоновой кости палочку съ цвѣткомъ лиліи на вершинѣ. Потомъ водить ее между семи свѣчей въ высокихъ подсвѣчникахъ и окуриваетъ ладаномъ. Потомъ надѣваетъ на руку золотое кольцо и велитъ выпить изъ золотой чаши. Что она пила, неизвѣстно. Только сказала потомъ, что вкуса особаго не было никакого, просто чистая вода. Когда сестра выпила, Калиостро сталъ читать надъ нею: Ave, Maria, gratia plena, Dominus tecum; benedicta tu in mulieribus, et benedictus fructus ventris tui. А послѣднее слово—Jesus—не прибавилъ.

— Какое ужасное кощунство! Злодѣй! Злодѣй! —въ ужасѣ прошептали князь и княгиня.

— Да, ваши сіятельства, подлинно злодѣй!—повторилъ за ними и Казимиръ.

Въ покоѣ, гдѣ они теперь находились, совершенный сумракъ ступился, и лишь лица озарялись отблескомъ золотистаго сентябрьскаго заката.

— Подлинно, злодѣй, ваши сіятельства! Когда сестра выпила чашу, онъ поцѣловалъ ее въ уста и сказалъ: «Теперь пойдемъ смотрѣть княжича!» Мы прошли за нимъ пустыя комнаты. Калиостро шелъ впереди, улыбался очень весело, съ торжествомъ и говорилъ, что княжеское дитя совершенно выздоровѣло. Наконецъ мы вошли и въ дѣтскую. Но въ ней были опущены занавѣсы, такъ что не болѣе ясно было, чѣмъ теперь въ покоѣ вашихъ сіятельствъ. Видна была колыбелька, и въ ней спалъ младенецъ. Да къ тому же и повернулся къ стѣнѣ личикомъ. Тутъ Калиостро взялъ съ насъ обоихъ великую клятву никому не передавать тайну, которую намъ повѣритъ. Но мы обманули злодѣя. Мы клялись устами, но въ умѣ прибавили такія слова, что клятва стала ничтожной и недѣйствительной.

— Какую же тайну довѣрили вамъ злодѣй?—спросила трепещущая княгиня, ища опоры въ стоявшемъ рядомъ, не менѣе отъ ужаса обмирающемъ супругѣ.

— Онъ сказалъ намъ: это спящее дитя—душою княжичъ, а тѣломъ—ребенокъ сестры моей; душу же послѣдняго онъ въ чашѣ далъ испить сестрѣ, а поцѣлуемъ оплодотворилъ чрево ея, и она зачнетъ и родитъ сына, въ коемъ новымъ будетъ только тѣло, а душа ея прежняго ребенка. Мы усомнились тогда. Но скоро сестра удостоверяла, что подлинно отъ Калиострова поцѣлуя и чаши воды зачала и носить подъ сердцемъ.

— Можетъ ли это быть!—вскричала въ послѣдней степени изумленія и ужаса княгиня.

— Это странно и невѣроятно. Впрочемъ, я читала, что адепты высочайшихъ степеней подлинно могутъ оплодотворять женщинъ единымъ поцѣлуемъ. И что такъ Адамомъ былъ зачатъ Сифъ еще въ раю,—растерянно говорилъ князь.

— Нѣтъ, это ложь!—вскричала княгиня.—Это наглая ложь. Отъ поцѣлуя женщина зачать не можетъ. Ты лжешь, негодяй! И на этой лжи я тебя поймала! Князь! Прикажи связать этого лжеца, сейчасъ связать! —кричала въ послѣдней степени гнѣва княгиня.

— Зачѣмъ же меня вязать, если я весь тутъ предъ вашими сѣятельствами, а сестра моя у садовника вашего сидитъ,—столь кротко сказалъ Казимиръ, что княгиня въ самомъ дѣлѣ созиала, что вязать несчастнаго лакея не къ чему.

— Но ты все-таки лжешь!—крикнула она.

— Богъ, видящій сердце человѣческое, знаетъ, лгу я, или не лгу. Спросите сестру. Это ея дѣло. Она должна знать, какъ зачала. Но съ тѣхъ поръ, что попалъ я Калиостро въ руки, потерялъ я концы и начала, и подлинно разобрать не могу, гдѣ правда и въ чемъ ложь, что свѣтъ и что тьма, гдѣ сонъ и гдѣ явь, но совершенно Калиостро мнѣ голову перевернулъ.

— Это онъ правду говоритъ, княгинюшка,—съ глубокимъ вздохомъ сказалъ князь:—и если отъ Калиостро первые вельможи безъ ума оказались, и мы сами собственное дитя отдали сему бродягѣ, не зная толкомъ, кто онъ и откуда, то простому человѣку, будучи у него въ услуженіи, можно окончательно потерять и тотъ малый разсудокъ, который природою ему данъ.

— Если онъ не лжець, то сумасшедшій!—настаивала княгиня.

— Призовите сестру и спросите!—повторялъ Казимиръ.

— Мы спросимъ и твою сестру. Но ужели можно тому вѣрить, что тѣло возвращеннаго памъ сына отъ ребенка твоей сестры, а душа—моего княжича! Это—ужасъ! Это—бредъ! Это—полное безуміе!—воскликнула княгиня.

— Калиостро такъ говорилъ,—тупо уставя стеклянный взоръ въ полъ, повторялъ несчастный лакей. Съ окончаніемъ разсказа и обнаруженіемъ тайны, казалось, силы въ немъ изсякли совершенно.

— Но если такъ, то гдѣ тѣло моего сына!—ломаю руки, повторяла княгиня. И вдругъ заторопила князя:—Вели позвать сейчасъ сестру этого несчастнаго! Скорѣе! Пусть она скажетъ все, что знаетъ.

Князь дернулъ сонетку звонка. Явился камердинеръ, но прежде, чѣмъ князь что-либо успѣлъ ему приказать, самъ возвѣстилъ:

— Графъ Александръ де-Калиостро-и-Фениксъ.

XU.

Каменный человѣкъ.

Отъ князя было людямъ навсегда приказано просить и немедленно докладывать, когда бы ни пожаловалъ благодѣтель, исцѣлившій княжича.

Итакъ, двери распахнулись, и Калиостро вошелъ съ обычной важною и спокойствіемъ.

Внезапное появленіе магика въ такую минуту привело князя и княгиню въ полное смущеніе. Калиостро остановился среди сумрачнаго покоя, сложивъ на груди руки, озаренный отсвѣтомъ сентябрьскаго заката, пламенѣвшаго въ огромныхъ окнахъ и разгоравшагося надъ Невою. Весь въ черномъ, онъ лишь сверкалъ нѣсколькими украшавшими руки и кафтанъ его брилліантами. Лицо магика бѣлѣло, какъ маска, мрачно-неподвижное. Казалось, грозный судья предсталъ предъ виновными, готовый карать. Самоувѣренность Калиостро была настолько внушительна, что ни князь, ни княгиня не нашли словъ предъ нимъ и молчали, оставаясь на томъ мѣстѣ у окна, гдѣ разспрашивали Казимира.

Что касается послѣдняго, то едва было возвѣщено прибытіе его господина, какъ онъ сталъ весь дрожать мелкой дрожью, вытянувшись, прижавъ руки къ тощему своему туловищу и широко открытымъ взоромъ уставясь на дверь, въ которую тотъ долженъ былъ войти. Когда же Калиостро вошелъ, уже не сводилъ полного ужасомъ взора съ магика.

Постоявъ недвижно нѣсколько мгновеній, Калиостро низвелъ фосфорическій взглядъ изъ высшихъ областей и съ мышей своей манерой оглядѣлъ и лица, и покой, и всѣ предметы въ немъ мгновенно.

— Князь, благоволите приказать внести свѣтъ въ сей сумракъ,— сказалъ онъ затѣмъ:— мнѣ нужно хорошенько рассмотреть этого, этого...

Онъ нѣсколько разъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ, на которомъ сверкалъ брилліантъ перстца, въ сторону Казимира. Каждый разъ при этомъ несчастный весь скрючивался, точно его били въ грудь.

Князь молча дернулъ сонетку и приказалъ появившемуся слугѣ внести свѣтъ, самъ удивляясь власти и надъ собой магика, котораго еще за минуту до того почиталъ шарлатаномъ и даже злодѣемъ, а теперь ему повиновался.

Внесены были зажженные канделябры. Покой озарился пламенемъ восковыхъ свѣчей, съ которымъ странно мѣшался отсвѣтъ заката, всему давая лихорадочный, болѣзненный колоритъ окраски

и разлагая тѣни въ фантастическую радугу. Все окованные непостижимымъ оцѣпѣніемъ, князь и княгиня оставались безмолвны. Казимиръ попрежнему не спускалъ глазъ съ магика и все дрожало.

Тяжелой походкой Каліостро прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ такъ, что все время Казимиръ оставался въ полѣ его зрѣнія. Затѣмъ вдругъ сталъ медленно наступать на него. Съ каждымъ шагомъ Каліостро Казимиръ отступалъ назадъ на шагъ и такъ пятился, пока не уперся въ стѣну и тутъ замеръ, прижавшись и точно желая съ ней слиться.

Магикъ остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казимира, прижавшагося къ стѣнѣ, и началъ махать на него руками, дѣлая странные жесты пальцами; почти сейчасъ же вѣки Казимира сомкнулись, онъ сталъ совершенно неподвиженъ, какъ будто уснулъ стоя.

Магикъ спокойно улыбнулся. Потомъ подошелъ къ Казимиру и поднялъ одну его руку. Онъ такъ и стоялъ съ поднятой рукой. Потомъ оттянулъ ему нижнюю челюсть. Казимиръ такъ и оставался съ открытымъ ртомъ. Каліостро раздвинулъ ему вѣки праваго глаза. Незрѣчій зрачокъ тускло сверкнулъ, и несчастный оставался съ однимъ открытымъ, а другимъ закрытымъ глазомъ.

— Боже мой! что вы съ нимъ дѣлаете, графъ?—дрожащимъ голосомъ спросилъ князь Сергѣй Фодоровичъ.

Каліостро не отвѣчалъ. Онъ засучилъ рукавъ на поднятой рукѣ Казимира, вынулъ изъ борта кафтана длинную булавку, затѣмъ собралъ на тощей кости дряблую кожу и воткнулъ въ нее булавку на полвершка. Но Казимиръ казался деревяннымъ и не издалъ ни звука.

Негодование пробудило силы княгини Варвары Васильевны.

— Да перестанете ли вы мучить этого несчастнаго!—вскричала она.—Оставьте его и готовьтесь лучше дать отвѣтъ въ страшныхъ своихъ поступкахъ.

Тутъ и князь встрепенулся.

— Да, да, графъ, я просилъ бы васъ прекратить сіи... сіи упражненія. Намъ нужно весьма о многомъ съ вами побесѣдовать.

— Я къ услугамъ вашихъ сіятельствъ всегда,—съ низкимъ реверансомъ отвѣчалъ Каліостро:—но позвольте мнѣ прежде побесѣдовать съ этимъ, съ этимъ...

Онъ показалъ на прижавшуюся къ стѣнѣ тощую фигуру Казимира, съ открытымъ ртомъ и тусклымъ правымъ глазомъ, съ поднятой, засученной рукой, въ которую была воткнута булавка.

— Бога ради! Выньте! Выньте! Это ужасно!—вскричала княгиня.

Каліостро вынулъ булавку, отеръ ее кружевнымъ платкомъ и опять закололъ въ бортъ кафтана. Затѣмъ досталъ черную мушку

и залѣпилъ ею ранку на рукѣ. Наконецъ привелъ руку въ прежнее положеніе и закрылъ глазъ и ротъ несчастнаго.

— Теперъ я съ нимъ побесѣдную!—сказалъ онъ зловѣще.

И, протянувъ руку къ Казимиру, возгласилъ по-польски (языкъ этотъ понимали и Голицыны):

— Слышишь ли ты меня, своего господина?

Губы лакея расклеились, и онъ глухо проговорилъ:

— Слышу, графъ.

— Тогда отвѣчай. Ты тайный пьяница?

— Пьяница,—тѣмъ же однотоннымъ голосомъ повторилъ Казимиръ.

— И воръ?

— Воръ.

— Ты принималъ участіе въ Варшавѣ въ темныхъ дѣлахъ?

— Принималъ.

— Ты бѣжалъ отъ полиціи сюда?

— Бѣжалъ.

— И здѣсь ты попался въ плутовствахъ?

— Попался.

— Ты былъ наказанъ розгами при полиціи?

— Былъ.

— Ты хотѣлъ обокрасть меня, своего господина?

— Хотѣлъ.

— И я за это тебя прогналъ?

— Прогналъ.

— Тогда по злобѣ на меня явился ты сюда лжесвидѣтельствовать и клеветать?

— Лжесвидѣтельствовать и клеветать.

— Все, что здѣсь сказано, есть ложь?

— Есть ложь.

— Значить, ты низкій, презрѣнный мошенникъ?

— Мошенникъ.

— Довольно. Отлично, хорошо. Вотъ, ваши сіятельства,—обратился Калиостро къ Голицынымъ,—навѣтамъ какого человѣка вы внимали! Вотъ кому вы повѣрили! Выгнанный за воровство, грязный негодяй, подлый лакей явился къ вамъ клеветать на меня, и вы слушали его. Да, вы слушали его грязныя розказни и вѣрили имъ! Я нецѣлилъ дитя ваше, къ смерти профанскими медиками приговоренное. Я безмездно цѣлилъ сотни и тысячи несчастливцевъ. Я училъ высокимъ истинамъ. Жизнь моя была открыта предъ вами. Что худое отъ меня вышло? Не единое ли благо? Но вы усомнились, вы все забыли, и едва низкій проходимецъ предъ вами источилъ гной смрадной лжи и клеветы, вы ему совершенно повѣрили! О, родъ невѣрный и развращенный! Доколѣ буду съ вами! Доколѣ буду терпѣть васъ!

— Повѣрьте, графъ, что мы весьма смущены обнаружившимся...

— Ни слова, князь,—властно остановилъ Калиостро.—Я еще не кончилъ. Я побесѣдую съ вашими сіятельствами потомъ. Теперь же...

Калиостро не договорилъ и, взявъ кресло, поставилъ его въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казимира по стѣнѣ, къ которой тотъ прижимался. Потомъ взялъ еще кресло и поставилъ его по другую сторону. Затѣмъ схватилъ тощаго Казимира поперекъ туловища и ловко повалилъ его такъ, что голова его оказалась на одномъ креслѣ, а ступни ногъ—на другомъ. Но тѣло оставалось на вѣсу, какъ будто было изъ камня. Калиостро расправилъ полы кафтана и совершенно спокойно, съ важностью сѣлъ на эту странную скамейку изъ живого человѣка.

Князь и княгиня смотрѣли на всѣ эти дѣйствія магика съ благоговѣйнымъ ужасомъ, не смѣя ничего ему сказать.

— Теперь благоволите, ваше сіятельство,—сказалъ Калиостро,—позвать сюда ту женщину съ мальчикомъ, сестру этого презрѣннаго клеветника и доносителя, которая въ сію минуту находится у садовника вашего. Я и съ нею при васъ побесѣдую.

ХСІ.

Новый Соломонъ.

— Графъ, изъ состраданія прошу васъ освободить отъ магическихъ вашихъ чаръ несчастнаго!—сказалъ князь, распорядившись привести сестру Казимира, для чего онъ вышелъ въ сосѣдній покой, не желая, чтобы люди видѣли странное сидѣніе магика на живой скамейкѣ.

— Да! Да! Освободите его! Возвратите несчастному человѣческой образъ!—умоляла и княгиня, съ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣвшая на Калиостро.

— Я исполню просьбу вашу,—великодушно согласился магикъ и всталъ.

Потомъ онъ провелъ нѣсколько разъ вдоль вытянутаго тѣла Казимира, дунулъ ему въ лицо, и тотъ глубоко вздохнулъ, опустился съ кресель на полъ, открылъ глаза и сѣлъ на полу, озираясь безмысленнымъ взоромъ.

— Встань и опомнись!—сурово приказалъ ему магикъ.

Казимиръ поднялся, но запнулся и схватился за стѣну рукою, чтобы не упасть.

— Вотъ видишь, любезный, до чего доводятъ человѣка порочныя склонности!—наставительно сказалъ Калиостро и, поддерживая за плечо, повелъ въ отдаленную часть покоя, гдѣ и посадилъ на стулѣ, задвинувъ ширмой.

— Отдыхай!—приказаль онъ и, возвратившись къ князю и княгинѣ, съ ласковой благосклонностью взялъ ихъ за руки.

— Не тревожьтесь болѣе о семь презрѣнномъ. Онъ того недостойнъ и отъ испытаннаго оцѣпенѣнія нимало не пострадаетъ. Я сковаль его временно властью духовъ, миѣ подчиненныхъ, дабы принудить его къ полному признанію во всѣхъ плутовствахъ и негодяйствахъ.

— Графъ, мы признаемъ свою вину предъ вами, что слушали его и должно признаться, начинали вѣрять,—сказаль князь.— Но войдите въ разсужденіе нашихъ родительскихъ чувствъ. Сомнѣнія были столь невыносимы! Нашъ первенецъ...

— Первенецъ возвращенъ вамъ мною совершенно исцѣленнымъ. Вы имѣли съ нимъ многія свиданія въ послѣдній мѣсяцъ леченія. Можно ли допустить мысль, чтобы мать не знала собственнаго дитяти? Можетъ ли статья, чтобы взяла вмѣсто своего сына—чужого?

— Графъ, жена моя—женщина высшаго свѣта. Аристократія имѣетъ свои обычаи. Свѣтская женщина настолько занята многочисленными обязанностями при дворѣ и въ обществѣ, что не можетъ почти найти свободнаго мгновенія посѣтить дѣтскую. Дитя кормить мамка. За нимъ ухаживаютъ нянюшки. Слава Богу, мы имѣемъ для сего довольно подданныхъ! Въ кругу мѣщанскомъ—ипое. Но свѣтская женщина можетъ ошибиться въ примѣтахъ поворожденнаго,—объясняль князь.

— Если такъ, то не отказываются ли сами свѣтскія женщины вмѣстѣ съ материнскими обязанностями и отъ дѣтей своихъ? И если ихъ дѣти на рукахъ рабынь и самыя примѣты ихъ незнакомы симъ мірозапутаннымъ суетницамъ, то возможенъ обманъ со стороны самыхъ мамокъ и нянекъ! Кто поручится за то, что тайно иная изъ нихъ не обмѣняетъ рабскую, злосчастную судьбу собственнаго ребенка на княжескую?—возразиль Калиостро.

— Это невозможно! Наши люди намъ преданы! Этого и подумать нельзя!—возразиль князь.

— Но если вы довѣряете безправнымъ рабамъ и рабынямъ, какъ сможете предположить ужасающій обманъ, когда имѣете дѣло съ равнымъ себѣ, человѣкомъ изъ высшихъ обществъ Европы и графомъ?

Князь ничего не отвѣчалъ на это Калиостро. Калиостро подождать отвѣта и, не дождавшись, отвернулся.

Тутъ введена была сестра Казимира, нищенски почти одѣтая, простая, блѣдная, нехудалая, но миловидная женщина литовскаго типа. За руку вела она Иммануила. Мальчикъ съ голубыми прекрасными глазами и съ бѣлокурыми локонами по плечамъ и въ тѣхъ жалкихъ обноскахъ, которые были на немъ, казался маленькимъ принцемъ.

Увидѣвъ Калиостро, женщина поблѣднѣла, затрепетала и едва устояла на ногахъ. Калиостро подошелъ къ женщинѣ, положилъ руку ей на плечо и посмотрѣлъ пристально въ глаза.

— Констанція, почему ты дрожишь, видя меня?—сказаль онъ затѣмъ по-польски, отступая.—Совѣсть обличаетъ тебя, неблаго- дарное созданіе? За всѣ благодѣянія, оказанныя мною тебѣ, твоему брату и сему Иммануилу, сколь черной злобой вы отплатили мнѣ. Признайся, ты не ожидала меня здѣсь увидѣть? Ты шла помочь въ негодяйствѣ брату своему и лжесвидѣтельствовать на меня, да? Ну, такъ посмотри на него!—отходя въ глубину покоя, отодвигая ширмы и открывая сидящаго на стулѣ, какъ гробовая тѣнь, истощеннаго и блѣднаго Казимира, продолжалъ Калиостро.—Знай, что онъ здѣсь, связанный мною невидимыми узами, сказалъ о себѣ все, всю правду князю и княгинѣ. Итакъ, ничего новаго къ сему ты прибавить не можешь. Тебѣ я задамъ лишь одинъ вопросъ. Княгиня сомнѣвается, подлинно ли я возвратилъ ей исцѣ- леннымъ настоящее ея дитя? Не подмѣнилъ ли его твоимъ младен- цемъ? Отвѣтъ, Констанція, такъ ли это, или не такъ?

Констанція умирающимъ взоромъ смотрѣла на магика и не отвѣчала ни слова.

— Такъ ли это, или не такъ?—повторилъ настойчиво Калио- стро.

— Н-не з-знаю!—едва расклеивъ дрожашія губы, пробормо- тала Констанція.

— Не знаешь? Ну, такъ я сейчасъ узнаю. Княгиня, велите сейчасъ принести младенца и отдать этой женщинѣ. Пусть, если это ея дитя, она возьметъ его.

Слова Калиостро произвели разительное дѣйствіе равномерно какъ на Констанцію, такъ и на ея брата. Оцѣпенѣлое состояніе ихъ прошло мгновенно, и оба заговорили одновременно, перебивая другъ друга:

— Нѣтъ, графъ! Нѣтъ, ваши сіятельства... Куда же намъ!

— Я и съ Иммануиломъ не знаю, какъ пропитаться!

— Оставьте ужъ у себя, ваши сіятельства!..

— А, такова-то любовь сей матери къ ослариваемому мла- денцу!—съ торжествомъ сказалъ Калиостро.—Вы ясно изъ сего можете видѣть, что она не мать ему!

— Графъ, вы—новый Соломонъ!—сказаль, пожимая руку Ка- лиостро, князь Сергѣй Федоровичъ.—Я вами убѣжденъ совер- шенно. Прошу васъ дозволить отвести этихъ двухъ злосчастныхъ на мой поварин и... покормить ихъ тамъ.

— О, ничего не имѣю противъ сего, любезный князь!—велико- душно согласился графъ Фениксъ.

Когда тѣхъ увели, князь взялъ подъ руку некроманта и ска- залъ ему, понизивъ голосъ:

— Графъ, вы разсѣяли все мои сомнѣнія. Но вотъ о чемъ хочу спросить васъ: когда вы бесѣдовали съ государыней, то она, какъ это было передано мнѣ Строгановымъ, благоволила выразить желаніе споситься съ вами чрезъ добраго своего пріятеля. Скажите, какое именно лицо назвала государыня?

— О, это столь трудное русское двойное имя, что я сперва едва не сдѣлалъ самую смѣшную ошибку, запомнивъ Stepan Iwanovitz, когда нужно наоборотъ—Iwan Stepanovitz. Мнѣ объяснили, что это одно придворное лицо, незначительное по рангу, но пользующееся довѣріемъ монархини.

Князь не сказалъ ни слова. Калиостро, жалуясь на крайнее утомленіе и потрясеніе всеѣмъ происшедшимъ, откланялся, но на прощаніе по обычаю сказалъ наставительную предіку внимательно слушающимъ его князю и княгинѣ. Онъ представилъ, какой опасности подвергали они своими сомнѣніями жизнь ребенка, къ которому могла возвратиться вновь его болѣзнь, и онъ, Калиостро, не могъ бы уже вторично исцѣлить дитя. Счастье еще, что служащіе въ подчиненіи у него духи донесли ему о всемъ происходящемъ въ домѣ князя своевременно и онъ успѣлъ отворотить грозящую опасность. Въ заключеніе Калиостро заклиналъ родителей исцѣленнаго дитяти и въ малѣйшей степени не предаваться впредь гибельнымъ сомнѣніямъ. Князь и княгиня обѣщались, и магикъ удалился.

Они остались въ томъ же покоѣ и сидѣли недвижно, погруженные въ думы, которыя не рѣшались повѣдать другъ другу. Вдругъ вошелъ слуга съ конвертомъ на серебряномъ подносѣ и, подавая, доложилъ только:

— Отъ свѣтлѣйшаго!

Поспѣшно распечатавъ и прочитавъ вложенную въ конвертъ записку Потемкина на розовомъ золотообрѣзномъ листкѣ, князь ахнулъ и передалъ ее княгинѣ. Восклищеніе ужаса вырвалась и у ней.

Потомъ князь торопливо приказалъ слугѣ:

— Скорѣе бѣги, лети... Вели отъ моего имени дворецкому остановить этого... какъ его... Калиостро! Остановить! Воротить!

Слуга бросился исполнить приказаніе, но черезъ минуту дворецкій вошелъ съ докладомъ, что воротить графа Калиостро-и-Фениксъ было совершенно невозможно: карета его уже за ворота выѣхала, когда пришло приказаніе его сіятельства.

— Ну, Богъ съ нимъ! И безъ насъ съ нимъ распорядятся!— загадочно сказалъ князь. И когда дворецкій удалился, подошелъ къ стоявшей въ глубокомъ раздумьи и печали княгинѣ и заключилъ ее въ объятія. Ихъ слезы смѣшались, но, какъ будто покорные заключительному наставленію Калиостро, они не сказали ни слова другъ другу о томъ, что думали оба въ то мгновеніе, и никогда, до самой смерти ни другъ другу, ни кому-либо еще думъ той минуты не повѣдали.

XСII.

Калиостро грозитъ улетѣть по воздуху.

Казалось бы, Калиостро могъ чувствовать полное удовлетвореніе, отвративъ опасность отъ исцѣленнаго имъ младенца, уничтоживъ несчастнаго лакея, дерзнувшаго клеветать на него, и возстановивъ къ себѣ довѣріе княжеской четы. Однако въ каретѣ, которою былъ снабженъ Потемкинымъ при поселеніи въ отведенномъ ему свѣтлѣйшимъ домѣ, Калиостро погрузился въ думы самаго мрачнаго свойства. Темныя предчувствія терзали его.

Въ такомъ состояніи доѣхалъ онъ наконецъ и, когда карета подкатилась къ подъѣзду, съ неприятнымъ почему-то удивленіемъ замѣтилъ, что на дворѣ находится нѣсколько подводъ и при нихъ мужики, а на подъѣздѣ стоитъ высокаго роста человѣкъ съ обширнымъ чревомъ, въ кафтанѣ цвѣта соли съ перцемъ, въ парикѣ съ косою, съ чертами лица крупными и некрасивыми, отчасти попорченными оспой, съ оловянными глазами и бородавками на лбу. Въ красныхъ короткихъ пальцахъ держалъ онъ табакерку и пестрый шелковый платокъ.

Едва Калиостро вышелъ изъ кареты, господинъ въ кафтанѣ цвѣта соли съ перцемъ, стоя на верхней ступени подъѣзда, окинулъ его съ ногъ до головы мутнымъ взоромъ оловянныхъ глазъ своихъ и сказалъ скрипучимъ, какъ намазанное колесо, голосомъ по-французски:

— Кажется, вижу господина Калиостроса?

— Да, я—графъ Калиостро,—отвѣчалъ магикъ, бѣгая безпокойнымъ мышнымъ взглядомъ по ничего ровно не выражавшему, кромѣ сухости и черствости, лицу и фигурѣ незнакомца.

— Ага, государь мой, васъ-то мнѣ и надо!—точно каркнулъ тотъ по-вороньи, открывая неизобразимо злобнымъ подобіемъ улыбки желтые волчьи зубы пасти своей.

— А кто вы такой?—спросилъ Калиостро, стараясь сохранить важность, но почему-то снадая съ обычнаго тона на заносчиво-раздражительный.

— Кто я такой? Ужъ, конечно,—тутъ онъ еще шире раздвинулъ волчьей улыбкой ротъ свой и еще больше обнажилъ бестіальные рѣзцы и клыки, прокопченные сокомъ табака, который имѣлъ привычку не нюхать, но жевать,—ужъ, конечно, честный человѣкъ, а не плутъ.

Тутъ онъ отвернулся и прежде, чѣмъ Калиостро успѣлъ что-либо отвѣтить, крикнулъ по-русски кучеру, который привезъ Калиостро:

— Карету отложить. А для надобности господина Калиостроса съ мадамой его которую постарше заложить. Они сейчасъ ѣдутъ.

— Слушаемъ, ваше превосходительство!—весело гаркнулъ ку-черъ и отъѣхалъ.

Въ это время Калиостро уже поднялся по ступенямъ подъѣзда и стоялъ рядомъ съ распорядившимся его отъѣздомъ безцеремоннымъ господиномъ: и хотя они были совершенно равнаго роста, тотъ смотрѣлъ на него угломъ одного глаза и черезъ плечо, какъ на какую-то мокрицу, ползущую по полу.

— Государь мой,—волнуясь, краснѣя, блѣднѣя и задыхаясь, заговорилъ графъ Калиостро,—государь мой, объясните ваши со мною поступки и кто же вы такой?

— Поступки мои съ вами, господинъ Калиостросъ, вы поймете весьма скоро,—заскрипѣлъ тотъ:—а я есмь правитель дѣлъ князя Григорія Александровича Потемкина, да!

Онъ открылъ табакерку, помуслилъ толстымъ языкомъ толстый указательный палець, засунулъ его потомъ въ табакъ и съ видимымъ наслажденіемъ принялся пальцемъ съ налишимъ табакомъ какъ бы чистить себѣ зубы.

— А, такъ вы супругъ моей доброй пріятельницы, госпожи Ковалинской?—радостно вскричалъ графъ Калиостро, весь просіявъ любезнѣйшей улыбкой.

Правитель дѣлъ фукнулъ носомъ, поднимая плохо бритую толстую верхнюю губу.

— Тутъ супруги моей нѣтъ, и пріятельница ли она вамъ, или нѣтъ, сіе сюда не относится,—заскрипѣлъ Ковалинскій.—А я прибылъ сюда отъ князя съ приказаніемъ сію же минуту вамъ очистить помѣщеніе, которое князю экстренно понадобилось, и съѣхать со двора съ супругою и со всѣми пожитками. Для сего подводы и люди. Видите? А вамъ подадутъ сейчасъ каретку и лошадей, только нѣсколько попроще, нежели тѣ, коими вы до сихъ поръ пользовались. Да!

— Конечно, домъ принадлежитъ князю, и онъ въ немъ хозяинъ, но я удивленъ такою поспѣшностью,—говорилъ растерянно Калиостро:—мнѣ не даютъ никакого срока собрать свои пожитки, найти себѣ приличное помѣщеніе и...

— Помѣщеніе вы займете старое въ Итальянскихъ, въ домѣ соотечественника вашего Горгонзолло. Оно свободно, и вы, кстати, за пользование имъ, несмотря на многократныя хозяина напоминанія, еще не удосужились уплатить,—проскрежеталъ почти Ковалинскій.

— О, это такая пустая сумма! И у насъ свои съ нимъ счеты!—пробормоталъ блѣдный Калиостро.

— Мнѣ до сихъ счетовъ дѣла нѣтъ,—отрѣзалъ Ковалинскій.— Помѣщеніе извольте очистить. Потрудитесь показать свои пожитки.

Ковалинскій повернулся спиною къ магику.

— Гей, хлопцы! — гаркнулъ онъ мужикамъ у подводь. — Ходите грузить!

Мужики толпою устремились на подъѣздъ и за Ковалинскимъ вступили въ домъ, такъ что магикъ вошелъ за ними. Въ покояхъ онъ нашель Серафиму. Съ красными, заплаканными глазами она хлопотала, собирая пожитки, рухлядь, подушки, узлы. Она бросила злобный, презрительный взоръ магику, но не сказала ни слова.

Калиостро же прислонился къ стѣнѣ и такъ оставался, блѣдный, растерянный, уничтоженный, хотя, казалось бы, ничего особеннаго не произошло, кромѣ внезапнаго каприза вельможи, хорошо извѣстнаго переменчивостью своею. Мимо Калиостро таскали вещи, узлы, чемоданы съ магическимъ его реквизитомъ, пронесли шкаликъ съ изображеніемъ мертвой головы и надписью: «*Medicamenta occultissima*», причемъ дверца отскочила и можно было убѣдиться, что внутри ничего ровно нѣтъ; протащили саркофагъ на пожкахъ. Калиостро ко всему быть безучастенъ совершенно. Указывала вещи и хлопотала только сама графиня ди-Санта-Кроче.

Наконецъ все было нагружено и заняло три подводы, причемъ явившіяся на свѣтъ приспособленія, машины, банки, треножки, наваленные какъ попало и не спрятанные за сѣткою въ ящики, дѣлали отъѣздъ Калиостро вполне похожимъ на отбытіе какого-либо фокусника или ярмарочнаго фигляра.

Ковалинскій, выйдя на подъѣздъ, приказаль подводы прикрыть отъ взоровъ любопытныхъ рогожами. Затѣмъ онъ вернулся въ домъ, постояль сперва, патирая зубы табакомъ изъ табакерки, предъ Серафимой, которая, съ головою закутанная въ шаль, такъ что лишь огромные, черные глаза ея лихорадочно сверкали, сидѣла въ креслахъ; потомъ господинъ Ковалинскій, занимаясь тѣмъ же, постояль около недвижнаго, все стоявшаго, прислонясь къ стѣнѣ, Калиостро.

Спрятавъ табакерку, не снѣша утеревъ пальцы о пестрый платокъ и сплюнувъ табакъ на полъ безъ всякой церемоніи, господинъ Ковалинскій сдѣлалъ супругамъ выразительный жестъ, указывая на дверь.

Серафима сейчасъ же встала и молча, быстро, опустивъ голову, прошла мимо Ковалинскаго и, покинувъ домъ, сѣла въ старую, потертую карету, запряженную парой клячь съ грязноватымъ конюхомъ на козлахъ.

Калиостро остался глазъ на глазъ съ Ковалинскимъ. Глянувъ направо, налѣво, словно желая убѣдиться, что принадлежащія дому мебели все цѣлы, Ковалинскій вдругъ уперъ свой оловянный взоръ въ неподвижную фигуру Калиостро и, подобно тому, какъ всего часомъ раньше подъ взоромъ самого Калиостро жался къ стѣнѣ несчастный Казимиръ, теперь топтался у стѣны жалкій, помертвѣлый графъ Александръ де-Калиостро-и-Фениксъ, внезапно

потерявъ всё свои магическія силы, впавшій въ разслабленіе отъ рокового супруга собственной недавней пріятельницы, духовной дщери и сестры, едва не молившейся на «божественнаго» гросмейстера египетскаго масонства.

Ковалинскій между тѣмъ улыбался волчьей пастью, потиралъ руки, и олово глазъ его мало-по-малу растоплялось и засвѣтилось волчьимъ же свѣтомъ.

— Итакъ, любезный графъ, что скажете на прощанье?—наконецъ выговорилъ онъ.

Калиостро сдѣлалъ падъ собою нечеловѣческое усиліе и вырвался изъ оковавшихъ его чаръ. Глаза его, въ свою очередь, запылали неистовой злобой.

— Я скажу одно, что князь Потемкинъ дорого заплатитъ за оскорбленіе, мнѣ нанесенное!—крикнулъ онъ.—Желалъ бы отвратить мщеніе вышнихъ покровителей моихъ отъ главы князя, но не могу!

— Онъ еще грозитъ! съ презрѣніемъ сказалъ Ковалинскій.— Знайте, господинъ Калиостро, что всё ваши плутни раскрыты и вы никого болѣе не одурачите и не устршите. Будьте поскромнѣе, это лучше для васъ. Отправляйтесь въ Итальянскія и тамъ сидите и ждите, когда васъ съ супругой и пожитками вывезутъ изъ столицы и предѣловъ Россійской имперіи.

— Вывезутъ? Ха! Если я захочу, то сейчасъ же улечу въ нныя страны по воздуху!—крикнулъ Калиостро и затѣмъ, гордо поднявъ голову, прошелъ мимо Ковалинскаго садиться въ карету. Дикій, нечеловѣчскій хохотъ раздался за нимъ. Какъ будто гіена залаяла. Это смѣялся правитель дѣлъ князя Григорія Александровича Потемкина.

ХСІІІ.

Опять въ Итальянскихъ.

Въ комнатѣ съ полукруглымъ окномъ въ старой квартирѣ въ Итальянскихъ при слабомъ свѣтѣ нагорѣвшей маканой сальной свѣчи вечеромъ на 1 октября 1779 года пребывала чета Калиостро.

Комната казалась необитаемой, мрачной и полупустой, такъ какъ въ ней не было ни картинъ, ни занавѣсокъ и цвѣтовъ на окнахъ, и лишь немногія старыя мебели, поставленныя сюда хозяиномъ: простой столикъ, деревянная софа, ветхое кресло и нѣсколько табуретовъ.

Лишь самыя необходимыя вещи въ узлахъ и раскрытыхъ чемоданахъ небрежно валялись, разбросанныя на полу.

Все остальное соотечественникъ Калиостро и домовладѣлецъ сіеръ Горгонзолло при самомъ въѣздѣ подводъ на дворъ по праву должника препроводилъ въ сарай и заперъ, какъ обезпеченіе уплаты.

Немедленно же по переѣздѣ на старое пенелище четы Калиостро кредиторы герметическаго графа, какимъ-то непостижимымъ путемъ узнавъ о полномъ паденіи всяческаго его кредита, стали осаждать грязную дверь на темной и крутой лѣстницѣ, и тутъ ужъ не помогли ни задвижки, ни замки, ни сучковатое полѣно, сохранившееся въ углу и служившее запасной подпоркой. Кредиторы шумно вломились и требовали уплаты имъ должнаго. Кромѣ золотыхъ дѣлъ мастера, который, вытребовавъ всѣ данныя имъ на прокатъ магику и его супругѣ брильянты, въ обезпеченіе прокатной суммы отнялъ у бѣдной графини ди-Санта-Кроче маркизы Тиферетъ великолѣпные браслеты, полученные ею въ Озеркахъ, явились съ огромными счетами портные и портнихи, изготовлявшіе великолѣпный гардеробъ супруговъ, какъ специально для ритуаловъ египетскаго масонства, такъ и свѣтскій. Какъ ни убѣждалъ ихъ графъ Фениксъ подождать немного, сколько ни увѣрялъ, что капризъ Потемкина еще не обозначаетъ паденія его значенія, что онъ имѣетъ другихъ сильныхъ вельможъ-покровителей, что онъ еще просіаетъ, даже пробовалъ и угрожать мщеніемъ подвластныхъ ему духовъ, какъ-то Гаханніла, Сарафіила и др., всѣ эти суровые мастера портновскаго цеха остались тверды и несговорчивы, какъ выщѣбленныя каменные ступени лѣстницы дома сіера Горгонзолло. На всѣ увѣренія Калиостро они отвѣчали кривыми улыбками, движеніями усовъ и носовъ, пожиманіями плечъ и, наконецъ, вплотную приступивъ къ магику, взяли его за борты кафтана и не отпускали, пока онъ не покрылъ большей половины длиннѣйшихъ ихъ счетовъ звонкими имперіалами. Уже расчетъ съ сими почтенными ремесленниками, которые ушли, громко его ругая, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, опустошилъ замѣтно шелковые, до того туго набитые кошельки запасливаго графа. Но почти каждую минуту являлись самыя разнообразныя лица и требовали уплаты за самыя разнообразныя услуги; Калиостро принужденъ былъ отдѣлываться отъ назойливѣйшихъ ихъ приставацій, всовывая имъ въ грязныя и цѣпкія руки кому имперіаль, кому два и три, смотря по услугѣ. Къ величайшему сожалѣнію своему въ данную минуту, какъ истый герметическій графъ, Калиостро, кромѣ золотой монеты, при себѣ другой не держалъ, пренебрегалъ и бумажными денежными знаками, кромѣ кредитивовъ или денежныхъ писемъ на иностранныя банкирскія конторы, каковыхъ имѣлъ нѣсколько на довольно крупную сумму, тайно отъ самой графини зашитыхъ въ шерстяную красную вязаную рубашку, которую носилъ на тѣлѣ въ защиту отъ суровостей сѣвернаго климата и перемѣнъ петербургской погоды. Что касается размѣна золота на болѣе мелкую монету, то для этого надо было бы отлучиться со двора, а сіе представлялось невозможнымъ: по отправкѣ пустой кареты и подвоя и водвореніи герметической четы въ старои

ихъ квартирѣ, ворота были немедленно заперты и охранялись дюжими подмастерьями придворнаго костюмера Горгонзолло, имѣвшими приказъ: пропускать всѣхъ, кромѣ супруговъ Калиостро.

Только къ позднему вечеру кредиторы, наконецъ, оставили въ покоѣ измученнаго графа. Все это время графиня Серафима провела безучастно, лежа на деревянной софѣ, подложивъ подъ голову подушку, и перебирала струны старой своей подруги—гитары. Она начинала наигрывать ту или другую ариэту и обрывала; иногда пыталась пѣть, но голосъ ея срывался на страдальческой нотѣ.

Когда, наконецъ, покончивъ шумныя объясненія съ послѣднимъ изъ кредиторовъ, графъ Калиостро заперъ тщательно дверь на лѣстницу, подперъ ее полѣномъ и, войдя въ покой графини, сѣлъ посреди на подвернувшемся колченогомъ табуретѣ и, сложивъ руки на груди, поднявъ блѣдное лицо, сталъ бродить лунатическимъ взоромъ въ верхнихъ областяхъ, гдѣ, впрочемъ, кромѣ паутины, арабесковъ плѣсени и прихотливыхъ зигзаговъ на старой потолочной штукатуркѣ, не замѣчалось ровно ничего, графиня Серафима отложила гитару, оперла на локоть голову, въ черныхъ кудряхъ которой теперь змѣнились серебристыя пряди, и устремила на него глаза, обведенные роємъ тонкихъ морщинокъ, горѣвшіе ненавистью на поблекшемъ лицѣ, все еще хранившемъ слѣды замѣчательнѣйшей былой красоты.

— Ну, что, Бальзамо,—сказала она съ злой ироніей:—началось преображеніе міра?

— Не своди меня съ ума, Лоренца,—передернувъ плечами, какъ бы отъ удара, отвѣчалъ магикъ.—Пожалѣй меня. Я сталъ слабъ, какъ ребенокъ. Сила отошла отъ меня.

— Не то же ли было съ тобою при отъѣздѣ изъ Лондона и изъ Парижа, и изъ Страсбурга, отовсюду, гдѣ ты практиковалъ жалкое свое ремесло! Отовсюду мы уѣзжали, дрожа и оглядываясь... О, проклятая жизнь! О, проклять тотъ день и часъ, когда я связала свою судьбу съ твоею!

— Не оскорбляй мое искусство! Оно еще оправдываетъ себя,—возразилъ магикъ.—Я только ошибся, полагая, что начнется въ Россіи, въ этой странѣ рабовъ и дикихъ сатраповъ, гдѣ все нестройно, безмѣрно и непонятно. Здѣсь мое великое искусство, подлинно, смѣшно и бесполезно. Здѣсь могутъ усиѣвать одни лишь неаполитанцы, каковъ Рубано, мой товарищъ дѣтства, или римляне, я же изъ Палермо.

Онъ умолкъ. Тутъ вдругъ въ старомъ каминѣ стала подвывать метель. За окномъ въ сумеркахъ на крыши понеслись рои крутящихся снѣжинокъ.

— Въ этомъ ты правъ, Джузенше,—болѣе мягко сказала Лоренца:—это страна страшная! Посмотри, кажется, вся вселенная

посѣдѣтъ навѣки отъ этого снѣга. А теперь лишь начало октября. И я здѣсь посѣдѣла въ одинъ годъ!

Ужасная мысль о гибели молодости и отцвѣтаніи красоты опять разожгла злобу Лоренцы.

— Проклятіе! О, проклятіе!—заломивъ руки, вскричала она.— Я прибыла въ эту варварскую страну еще молодой и прекрасной, а уѣзжаю старухой, старухой! И такой же ничтожной подругой презрѣннаго шарлатана. О, мой князь! О, мой милый русскій князь! Я болѣе никогда тебя не увижу!—она отвернулась къ стѣнѣ.

Но Бальзамо не слышалъ уже ея. По мѣрѣ того, какъ усиливалось завываніе метели въ трубѣ камня, онъ начиналъ бормотать, размахивать руками, поднимать плечи и покрывалъ ладонями голову, въ то же время подкорчивая ноги подъ табуретъ; казалось, онъ испытывалъ невыразимыя терзанія, громко вздыхалъ, холодный потъ каплями текъ по мертвенно блѣдному лицу несчастнаго магика. Услыша его вздохи и бормотанія, Лоренца поднялась на софѣ и посмотрѣла пристальнымъ, долгимъ взглядомъ на своего злополучнаго сожителя. Но ни искры жалости къ нему не изобразилось въ черныхъ очахъ ея. Напротивъ, злобная торжествующая улыбка появилась на ея губахъ.

— Ага, началось!—сказала она и, отвернувшись опять къ стѣнѣ, легла и закрылась съ головою шалью.

— Началось?—услышалъ и вскрикнулъ визгливо магикъ.— Началось? Кто это сказалъ? Они здѣсь! Они пришли!—И онъ, не покидая табурета, корчась на немъ, принялся быстро креститься и читать латинскія молитвы.

XCIV.

Ночь видѣній.

Ранняя метель продолжала завывать, настилая санный перводутокъ графу Фениксу. Самъ же онъ въ полутемномъ покоѣ, гдѣ лишь краснымъ глазомъ теплилась маганая сальная свѣча подъ черной шапкою пагара, уже не принадлежалъ ни дѣйствительности, ни сну. Разумъ его померкъ, а разстроенное воображеніе блуждало въ фантастическихъ областяхъ.

Сперва полчища злыхъ духовъ осаждали печальное его убѣжище на взлобкѣ голой гранитной скалы, посреди развалинъ міра. Вмѣстѣ съ бурей, съ неистовыми вихрями, въ снѣжныхъ хлопьяхъ летѣли они изъ мрака, полнаго плача, скрежета и визга, на него. Онъ дѣлился за скалу, прижимался къ ней. Въ каждой снѣжинкѣ, которая одновременно морозила и жгла его, кривлялась надъ нимъ и передъ нимъ личина дьявола. Ниже, вокругъ скалы, между столпами обрушенныхъ храмовъ, развалинами городовъ,

въ трещинахъ великихъ безднъ клокотала растопленная первозданная матерія—то были глыбы льда и клубы огня, плававшіе въ крови. Магикъ читалъ литаніи, призывая на помощь святыхъ римской церкви. Но вотъ завыли, залаяли за нимъ псы Гекаты. И сама она—ужасающій образъ безносой вѣдьмы съ повисшими грудями—вознеслась на гнусномъ своемъ треножникѣ въ уровень со скалою, на которой сидѣлъ несчастный некромантъ. Неизмѣримыя мириады душъ проклятыхъ, зачатыхъ и рожденныхъ въ часъ проклятія, понеслись къ грудямъ матери мрака и ада; онѣ дрались, оттаскивали другъ друга, свивались клубами и обрушивались подъ собственною тяжестью и вновь лѣзли, цѣплялись, тянулись къ проклятымъ грудямъ проклятой властительницы заклеповъ зла, горечи, скорби и отчаянія.

Но Геката обѣими костяными дланями, едва обтянутыми кожей, съ когтистыми, крючковатыми пальцами, отстранила всѣхъ, жаждущихъ отвратительнаго молока ея, и съ ужаснымъ умиленіемъ, осклабивъ безносый ликъ свой, поднесла свои ветхія, падающія груди къ устамъ Калиостро, взывая: «Приди, желанное мое чадо! Упейся изъ источниковъ матери своей!» Тщетно отстранялъ онъ свои уста—огненное молоко волной хлынуло и залило его душу, и пьяный упалъ онъ ницъ, свѣсивъ голову со скалы...

... Въ это время Лоренца, сжалившись надъ свалившимся съ колченогаго табурета на грязный неметеный полъ сожителемъ своимъ, перетащила его на деревянную софѣ, сняла съ сальной свѣчки нагаръ, а сама сѣла у головы распростертаго магика. Онъ хрипѣлъ, бормоталъ, скрежеталъ порою зубами. Тогда она гладила его рукою по лицу и головѣ, и онъ успокаивался. Ночь проходила. Метель улеглась. Сонъ не смежалъ очей бѣдной женщины. Она сидѣла, задумывалась, терялась мыслию въ прошломъ, видѣла себя юной, въ первомъ расцвѣтѣ красоты и прелести. Вдругъ вспоминала настоящее, вздрагивала, словно отъ жгучей боли. Калиостро начиналъ скрежетать зубами. Она опять успокаивала несчастнаго...

... Духъ магика въ это время пребывалъ въ темныхъ и страшныхъ лабиринтахъ подземныхъ катакомбъ. Огромные столбы подпирали угрюмые своды. Капли сырости звонко падали на плиты пола.

Всюду у стѣнъ висѣли ржавыя цѣпи съ ошейниками и наручниками. Въ нишахъ бѣлѣлись кости погибшихъ узниковъ. Глухіе звуки, не то стоны, не то молитвы, бродили въ лабиринтахъ столбовъ. И откуда-то изъ глубины прокрадывался и разливался, борясь съ безобразными тѣнями, невѣрный, тусклый свѣтъ. Калиостро, дрожа и трепеща, крался отъ столба къ столбу. И видитъ, притаясь въ глубокой тѣни, ротонду съ каменнымъ возвышеніемъ о семи ступеняхъ. На возвышеніи тяжелый столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На немъ стоитъ многосвѣчникъ, и въ туманной, сырой

воздушности подземелья пламя свѣчей изсиня-красно и обведено кругами. Девять монаховъ въ черныхъ одеждахъ съ глухими кашпошонами, въ прорѣзы которыхъ сверкаютъ ихъ глаза, сидятъ вокругъ стола. Предъ каждымъ воткнуть кинжалъ и лежить человѣческой черепъ. Въ правой рукѣ держатъ они по пеньковой веревкѣ съ узлами вмѣсто четокъ. Распятіе отъ полу до свода у стѣны за ними. Умирающій Галилеянинъ леть ручьями кровь изъ пронзенныхъ рукъ и ногъ, прободеннаго бока, изъязвленнаго тернами чела. Между столбами ротонды видны крюки, колеса, жаровни, пилы, клещи, зажимы... И ужасный братъ, въ такомъ же кашпошнѣ, но съ передникомъ изъ кожи и съ засученными по локоть руками, стоитъ, ожидая работы.

— Великій Боже! Это—*Nostri*! Это—*Superi Incogniti*! Это—верховный трибуналъ святого братства Иисусова!—трепеща и холодѣя, думаетъ Калиостро.—Тайно быть на ихъ засѣданіи—уже преступленіе, караемое смертью...

И онъ хочетъ спастись, уйти въ лабиринтъ, но не можетъ пошевелиться, ноги его приросли къ полу, тѣло приклеилось къ столбу. Онъ долженъ остаться, долженъ все видѣть и слышать...

Предсѣдательствующій надѣваетъ широкую красную ленту съ золотымъ изображеніемъ св. Лаврентія, мучимаго на раскаленной рѣшеткѣ, выдергиваетъ изъ дубовой доски стола кинжалъ и, возвышая его остріе, возглашаетъ:

— Правосудіе!

И всѣ *Nostri* выдергиваютъ кинжалы и поднимаютъ острія ихъ вверхъ, восклицая:

— Правосудіе!

Затѣмъ предсѣдательствующій потрясаетъ веревкой и восклицаетъ:

— Измѣннику!

И братья повторяютъ то же.

Онъ затѣмъ низвергаетъ кинжалъ и вонзаетъ его вновь въ доску стола, восклицая:

— Мщеніе!

И всѣ братья повторяютъ:

— Мщеніе!

И всѣ вмѣстѣ единымъ голосомъ:

— *Ad majorem Dei gloriam et ecclesiae romanae!*

Истаиваетъ отъ ужаса сердце Калиостро. Хотѣлъ бы заткнуть уши, чтобы не слышать. Не повинуются руки. Хотѣлъ бы глаза зажмурить, чтобы не видѣть. Не закрываются вѣки.

— Обвинитель!—восклицаетъ предсѣдатель.

Обвинитель встаетъ. Онъ потрясаетъ веревкой и восклицаетъ:

— Обвиняю предателя Иосифа Бальзамо въ измѣнѣ святому ордену, въ предательствѣ, открытіи врагамъ повѣренныхъ ему

тайнъ, во многихъ клятвопреступленіяхъ, въ обманахъ, прелюбодѣйствахъ, ересяхъ, дьяволослуженіи! Горе измѣннику! Мщеніе!

— Мщеніе!—хоромъ подхватили *Nostri*.

— Представить предателя Бальзамо! — повелѣваетъ предсѣдатель.

Три брата встаютъ и идутъ къ тому столбу, гдѣ таится Калиостро. Онъ умираетъ отъ ужаса, пригвожденный къ сырому камню. Но они проходятъ мимо, такъ что черныя ихъ мантии обдають его вѣтромъ въ быстромъ движеніи. Долго слышенъ гулъ ихъ шаговъ. Тише... Тише... Вотъ слабый вопль... Опять приближаются шаги, и вотъ идутъ, ведутъ, тащатъ они нагого, скелетообразнаго чело-вѣка, лишь по чресламъ препоясаннаго власяницей; выводятъ къ свѣту и здѣсь оставляютъ. Онъ падаетъ на колѣни и простираетъ руки къ трибуналу, моля о помилованіи. Все тѣло его изсѣчено, изъязвлено, въ рубцахъ и кровоподтекахъ. Сѣдые клоки волосъ стоятъ надъ его черепомъ. Онъ говоритъ, говоритъ быстро и все крестится, все крестится... Вотъ онъ повернулся. Боже, это двойникъ Калиостро, это самъ Калиостро! Но какъ онъ ужасенъ! Безуміе въ искаженныхъ чертахъ и въ глазахъ, выходящихъ изъ орбитъ... Страшные слѣды невыразимыхъ мученій.

— Мщеніе!—поднимая кинжалы, гремитъ трибуналъ.—Смерть предателю!

И они низвергаютъ кинжалы.

Тогда ужасный братъ выступаетъ, расправляя могучія руки, и подъ ступенями помоста хватаетъ желѣзное кольцо, поднимаетъ круглую дверь.

Бездонный колодець открывается подъ ней. Палачъ беретъ со стола одинъ изъ череповъ и швыряетъ въ колодець. И долго слышенъ шумъ и скачки и удары о стѣны колодца сего символа смерти.

Тогда всѣ братья трибунала встаютъ и начинаютъ пѣть «*De profundis*». И двойникъ Калиостро поетъ дикимъ голосомъ вмѣстѣ съ ними. Пѣніе смолкло. Палачъ поднимаетъ на ноги преступника, выкручиваетъ ему назадъ руки, подводитъ къ краю колодца.

— *Moritur!*—возглашаетъ предсѣдатель, потрясая кинжаломъ и веревкой.

И палачъ безжалостно спихиваетъ жертву въ колодець. Несчастный мгновенно исчезаетъ въ ужасной его глубинѣ, издавъ короткій вопль. Слышенъ грохотъ паденія. Глуше... глуше... Молчаніе.

Тутъ Калиостро издаетъ слабый стонъ въ своемъ убожищѣ. Перенолохъ между братьями. Вскочили, бѣгутъ, находятъ, хватаютъ, тащатъ, толкаютъ, кричатъ:

— Онъ живъ, проклятый колдунъ! То былъ его двойникъ! Опять обманулъ, злодѣй! Истребляйте его! Истребляйте его!

Удары кинжаловъ сыплются на Калиостро, онъ борется, рвется, уклоняется и... пробуждается.

Съ трудомъ открывъ глаза, съ налитой свинцомъ головою, онъ видитъ ту же убогую полупустую комнату, еле озаренную сальной нагорѣвшей свѣчой. Онъ лежитъ на деревянной софѣ. Тутъ же, склонясь на него, спитъ сидя Лоренца. Сильные удары потрясаютъ входныя двери.

XCV.

Почему Калиостро не улетѣлъ по воздуху.

— Лоренца, проснись! Стучать!—сказалъ слабымъ голосомъ Бальзамо. И, пошевеливъ онѣмѣвшіе члены, пробудилъ склоненную на него подругу.

— А, ты очнулся, Джузеппе!—сказала, поднимаясь, Лоренца.— Что, еще ночь не прошла? Какъ темно горитъ свѣча! Что это? Стучать!..

— Стучать!—бесильнымъ шопотомъ отвѣтилъ Бальзамо.

Лоренца вышла въ переднюю и спросила у двери по-итальянски:

— Кто тамъ?

— Я! Это я, контесса Серафима!—отвѣчала ласковый голосъ Горгонзолло.—Я пришелъ, чтобы возвратить вамъ взятые вещи и помочь устроиться получше. Я получилъ свѣдѣнія, чрезвычайно благопріятныя для васъ!

— Ахъ, войдите скорѣе!—вскричала обрадованная Лоренца, отодвинула задвижку, отперла ключомъ дверь и только хотѣла отворить ее, какъ створу съ силой выдавили на нее. Нѣсколько гренадеръ въ киверахъ Потемкинскаго полка, съ примкнутыми къ ружьямъ штыками, вошли и сейчасъ же заняли всѣ углы въ передней. Велѣдъ за ними ввалился дюжій приставъ, съ нимъ былъ полицейскій офицеръ и писецъ въ партикулярномъ кафтанѣ. Горгонзолло и трое его подмастерьевъ вошли послѣдними, выражая на лицахъ полное равнодушіе и незнакомство съ перепуганной соотечественницей, которую приставъ взялъ крѣпко за обѣ руки и такъ ввелъ въ покой, погруженный въ полумракъ.

— Сидорчукъ, сочини со свѣчи!—сказалъ онъ басисто.

Огромный гренадеръ подошелъ и толстѣйшими пальцами, снабженными носорожьей кожей, снялъ нагаръ со свѣчи, заплывалъ, бросилъ на полъ, растеръ ногой и отошелъ въ сторону.

— Сюда, сюда! Ближе къ свѣту!—все держа Лоренцу за обѣ руки, говорилъ приставъ, подводя ее къ свѣчѣ.—Господинъ фонъ-Фогель,—обратился онъ къ полицейскому чиновнику:—эта ли особа называетъ себя графиней Серафимой ди-Санта-Кроче?

— Именно она, г. приставъ,—подтвердилъ фонъ-Фогель.

Между тѣмъ Калиостро, при появленіи гостей сперва зажмурившій глаза, теперь застоналъ, поднялся на жесткомъ ложѣ своемъ и съелъ, распершишь руками и качаясь отъ слабости.

— А, вотъ и главная персона!—сказаль приставъ и, взявъ свѣчу, подошелъ и освѣтилъ всклокоченнаго, мертвенно блѣднаго и растерзаннаго магика.

— Господинъ фонъ-Фогель, это ли называющій себя полковникомъ испанской службы Фридрихомъ Гвальдо, также маркизомъ Пелегрини, еще графомъ Александромъ де-Калиостро?—спросилъ приставъ.

— Именно онъ,—отозвался фонъ-Фогель.

— Онъ же графъ Фениксъ?

— Онъ и графъ Фениксъ.

Тутъ Калиостро постарался сложить въ подобіе улыбки свои помертвѣлыя, синія губы и, протягивая руку полицейскому офицеру, проговорилъ по-нѣмецки:

— Ахъ, господинъ фонъ-Фогель! Вѣдь мы съ вами хорошо знакомы. Какъ идутъ ваши занятія герметической медициной?

— Прошу забыть о знакомствѣ со мною. И герметическая медицина тутъ ни при чемъ,—сухо отвѣчалъ по-нѣмецки же фонъ-Фогель.—Тутъ нѣтъ никакого герметиста, а лишь полицейскій чиновникъ при исполненіи своихъ обязанностей.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ приставъ, не понимавшій ни слова по-нѣмецки.

— Напоминаетъ о нашемъ знакомствѣ, г. приставъ. Въ первые мѣсяцы проживанія сего проходима здѣсь подъ именемъ врача Гвальдо я имѣлъ глупость ему довѣрять, при уличныхъ встрѣчахъ бесѣдовалъ о медицинѣ, даже посѣтилъ его какъ-то на дому. Между прочимъ имѣлъ я неосторожность сообщить ему о извѣстномъ полиціи приключеніи съ домашнимъ докторомъ князя Потемкина. Сіе мое сообщеніе послужило ему для устрашенія сего доктора и приданія себѣ видимости пророка. Впрочемъ, о семъ мною уже особливое подано донесеніе.

— Тогда потрудитесь, господинъ фонъ-Фогель, объявить сему графу волю ея величества. Я по-нѣмецки не силенъ.

Онъ подалъ бумагу офицеру. Фонъ-Фогель сталъ переводить ее вслухъ помертвѣлому Калиостро.

Въ бумагѣ говорилось, что какъ по парочитому и подробнѣйшему изслѣдованію всѣхъ обстоятельствъ, касающихся проживанія, занятія врачеваніемъ и герметическими опытами господина графа Калиостроса и сожительницы его, называемой графини Серафимы дн Сапта-Кроче, она же римская мѣщанка Лаврентія Фелицева, оказалось, что оныя упражнялись токмо въ обманахъ, шарлатанствахъ и промышляли продажей вредныхъ экстрактовъ и мазей, подъ видомъ возвращающихъ молодость и красоту, чѣмъ многихъ, даже и знатнаго сана особъ обоего пола ввели въ убытки и повредили ихъ здоровью, и какъ въ то же время г. Нормандесъ, испанскій повѣренный въ дѣлахъ при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ,

увѣдомилъ, что иностранецъ, назвавшійся въ здѣшнихъ россійскихъ и нѣмецкихъ вѣдомостяхъ графомъ Калиостросомъ и полковникомъ въ службѣ его величества короля испанскаго, не извѣстенъ въ Испаніи ни подъ какимъ титуломъ и ни въ какомъ, не только полковничьемъ, ниже въ другомъ какомъ чинѣ, того для высочайше повелѣно оному Калиостросу съ супругой, учиня допросъ, предложить дать подписку въ слѣдующихъ пунктахъ, и затѣмъ изъ предѣловъ имперіи Россійскія вывезти, съ воспрепятствіемъ когда-либо переступать ея границы.

Казалось, объявленіе не произвело никакого особаго впечатлѣнія на магика. Онъ только сказалъ нѣсколько словъ по-итальянски Лоренцѣ, которая принялась сейчасъ же собирать немногія вещи, оставленныя ей соотечественникомъ Горгонзолло, упаковывать чемоданы и связывать узлы.

Фонъ-Фогель прочелъ далѣе пункты подписки. Ихъ было не много.

Отъ Калиостро требовали подписать, что въ опытахъ своихъ онъ не употреблялъ чернокнижія и мертвыхъ вызывать не умѣетъ, но въ обманахъ своихъ употреблялъ натуральную магію и ловкость рукъ; что далѣе, будучи преданъ тайному пьянству, потерялъ умъ и память, почему болталъ и слагалъ всякіе вздоры и дикости, и, наконецъ, сѣверный климатъ и осеннія холодныя и сырыя погоды россійской столицы столь разстроили его тѣлесные составы и отравили жидкости мозговыхъ его корокъ, что нынѣ онъ самъ себя признаетъ умалишеннымъ и требующимъ врачевой помощи.

Прочитавъ все сіе, фонъ-Фогель положилъ листъ на столъ подъ сальной свѣчой, а писецъ досталъ гусиное перо съ лохматою бородкой и пузырькъ съ чернилами.

Приставъ жестомъ предложилъ магику подойти и подписаться.

Шаткой походкой, но стараясь держать прямо станъ и высоко голову, графъ Александръ де-Калиостро-и-Фениксъ подписалъ пункты, не забывъ проставить вокругъ подписи различные таинственные знаки, цифры и буквы.

Писецъ досталъ деревянную тавлинку, открылъ и засыпалъ свѣжую подпись нюхательнымъ табакомъ.

— Имѣетъ ли г. Калиостросъ, а равно и половина его достаточно теплую одежду? Путь его не близокъ,—обратился приставъ къ Горгонзолло. Итальянецъ смутился и на смѣшномъ русскомъ языкѣ объяснилъ, что часть вещей отъѣзжающаго удержана имъ въ уплату за квартиру, такъ какъ денегъ тотъ никакъ не хотѣлъ отдавать и слался на словесный якобы договоръ, по коему больные, входя въ ворота, должны были въ пользу домохозяина вносить нѣкую плату, каковыхъ проходныхъ денегъ онъ, Горгонзолло, однако, никогда не взималъ.

— Онъ лжетъ,—вслушавшись, довольно правильно по-русски сказалъ Калиостро.—Брать, сколько можъ только взять.

— Во всякомъ случаѣ теплой одеждой я снабжу господъ Калиостро сейчасъ же!—поспѣшили сказать Горгонзолло и что-то шепнуть подмастерьямъ. Черезъ четверть часа они принесли довольно приличную и теплую верхнюю одежду супругамъ. Скоро они были совершенно готовы въ путь.

Тогда приставъ велѣлъ крикнуть со двора находившагося при кибиткѣ провожатаго.

Явился старый инвалидъ съ однимъ только глазомъ. Другой былъ выбитъ непріятельской пулею.

Приставъ вручилъ ему особый пакетъ и высылаемыхъ изъ предѣловъ Россійской имперіи итальянца съ итальянкой.

Подмастерья Горгонзолло обязательно потащили за четою Калиостро багажъ.

По темной лѣстницѣ вышли они на дворъ, устланый раннимъ снѣгомъ. Едва брезжило туманное октябрьское утро. Калиостро сѣли въ кибитку.

Вещи были имъ поданы, и они размѣстили ихъ, какъ могли. Закрыли дверь кибитки и зашили ее рогожею. Кривой инвалидъ сѣлъ рядомъ съ возницей. Драгуны вскочили на лошадей. Подмастерья Горгонзолло поспѣшили распахнуть ворота. И герметическій графъ съ графиней, не успѣвъ, какъ обѣщался, улетѣть за предѣлы Россійской имперіи по воздуху, былъ вывезенъ со двора соотечественника, и въ туманной полумглѣ по пустыннымъ улицамъ, при звонкомъ топотѣ конвоировавшихъ драгунъ, кибитка помчалась къ той заставѣ столицы, откуда лежалъ путь къ Митавѣ.

ХСVI.

Основы магіи.

Въ кабинетѣ его превосходительства Ивана Перфильевича Елагина собрались многія важныя особы: князя Голицынъ, Гагаринъ, Мещерскій, Куракинъ и другіе.

Присутствовалъ и секретарь Ивана Перфильевича, хранившій въ чертахъ слѣды перенесенныхъ глубокихъ душевныхъ потрясеній, князь Коріать.

Впрочемъ, и всѣ присутствующіе, казалось, въ различной степени перенесли болѣзни. Были блѣдны, разстроены и печальны.

— Вывезенъ этотъ шарлатанъ?—спросилъ вошедшій полковникъ Бауеръ.

Елагинъ молча протянулъ ему сѣрый листокъ прибавленія къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», гдѣ въ числѣ отъѣзжающихъ

изъ Россіи лицъ былъ объявленъ «г. графъ Калиостро, гишпанскій полковникъ».

— О семъ поведемъ и рѣчь,—сказалъ Иванъ Перфильевичъ и поникъ головою.

— Да, проводы невеселы,—замѣтилъ Куракинъ.

— Достопочтенные братья, не предостерегалъ ли я васъ и отъ нововымышленныхъ ученій и системъ, исполненныхъ тьмы и шарлатанствъ, и отъ являющихся къ намъ иностранцевъ, хотя бы и представляющихъ въ удостовѣреніе личности своей патенты и письма отъ высокихъ въ Европѣ особъ! Но полно о семъ. Мы все одинаково виноваты, оказавъ довѣріе наглому промышленнику и явному проходимцу. Дивное дѣло! Не видѣли ли мы много разъ слишкомъ ясно, что это только шарлатанъ, и не менѣе того вновь и вновь обаянію его подпадали,—разводя руками, говорилъ Иванъ Перфильевичъ.

— Все-таки должно признать, что сей... что сей нѣкоторыми силами высшей магіи владѣть!—замѣтилъ Мещерскій.

— А вотъ сейчасъ мы узнаемъ все основанія его магіи,—сказалъ Куракинъ.—Иванъ Аонасьевичъ!—обратился онъ къ Дмитревскому, тоже находившемуся въ кабинетѣ Елагина.—Потрудитесь ввести сюда того человѣка!

Иванъ Аонасьевичъ молча удалился. Черезъ минуту онъ ввелъ требуемаго къ допросу. То былъ Казимиръ. Но онъ уже успѣлъ оправиться, отѣяться, поздоровѣть на поварняхъ Голицына, былъ прилично пріодѣтъ и старался держаться съ нѣкоторымъ достоинствомъ.

Низко поклонясь сидѣвшимъ въ кабинетѣ вельможамъ, сталъ онъ, скромно опустивъ глаза.

— Ты ли лакей прозваннаго графа Калиостро, изъ поляковъ, именемъ Казимиръ?—спросилъ Куракинъ.

— Я, ваши свѣтлости,—вновь всемъ присутствующимъ пренизко кланаясь, отвѣчалъ Казимиръ.—И такъ что могу доложить, оный мошенникъ графъ...

— Оставь титулы, стой прямо и отвѣчай только на вопросы, —остановилъ его Куракинъ.—Ты былъ въ услуженіи у названнаго графа Калиостро и близко знаешь тѣ машины, кои онъ употреблялъ для производства своихъ чудотвореній. Вотъ объ этомъ я тебя и спрошу. И первѣе всего отвѣть, какимъ это способомъ Калиостро въ Озеркахъ на разстояніи стекло въ окнѣ разбилъ?

— Никакого тутъ способа не было, кромѣ обыкновеннаго гвоздя,—отвѣчалъ Казимиръ.

— Гвоздь? Но въ чьихъ же онъ былъ рукахъ?

— Въ моихъ. Калиостро велѣлъ мнѣ въ кусту подъ окномъ, которое въ первомъ было этажѣ, сидѣть. И какъ станеть онъ шпагой выпадать, гвоздемъ на стекло надавить такъ, чтобы оно сверху до низу треснуло. Оце искусство онъ самъ мнѣ показалъ. Оце весьма

не мудро. И если только мнѣ въ руки гвоздь, то я сейчасъ любое въ этой комнатѣ....

— Хорошо, любезный, показывать не надо!—остановилъ Куракинъ.—Вы видите, что здѣсь магія весьма проста. Открытіе серебряной посуды намъ уже изъяснилъ мастеръ ложи «Скромности» сіеръ Бабю. Значить, и говорить о томъ не стоитъ. Но вотъ какъ ночныя въ паркахъ чудеса были произведены и, между прочимъ, явленіе на башнѣ бѣлой дѣвы съ ребенкомъ на рукахъ?

— Да все я съ Иммануиломъ дѣйствовали. Въ паркѣ я одинъ бѣгалъ въ темнотѣ и шумѣлъ за сто дьябловъ. А на башню въ бѣлой простынѣ влѣзъ съ Иммануиломъ на рукахъ. Когда же докторъ, который серебро сторожилъ, перепугался и убѣжалъ, я живымъ манеромъ въ гротъ и все серебро въ башню перетаскалъ.

— Гдѣ же оно теперь?

— Этого я сказать не могу, потому что не знаю. Слышалъ отъ Калиостро, что серебро опять въ ложу Комуса взяли.

— Но какъ же докторъ видѣлъ, что бѣлая женщина съ ребенкомъ бросилась съ башни внизъ?

— Я только простыню съ себя сбросилъ, а самъ съ Иммануиломъ за барьеръ на корточки присѣлъ.

— Да, магія простая!—сказалъ со вздохомъ князь Мещерскій.

— Но вотъ что любопытно намъ узнать,—заговорилъ Елагинъ.—Какъ это Иммануиль столько вещей видѣлъ и такъ складно о нихъ рассказывалъ?

— Такъ что Калиостро на бумагѣ все красками рисовалъ. Иммануиль пальцемъ велъ отъ одной фигуры къ другой. Калиостро спросить: что видишь? Тотъ, что на бумагѣ нарисованное видѣлъ, все и рассказывалъ.

— И эта магія не хитра!—опять замѣтилъ князь Мещерскій.

— Кажется, кромѣ вбитія гвоздя въ землю на Елагиномъ островѣ на стрѣлкѣ, что уже для насъ и тогда явнымъ шарлатанствомъ показалось, нечего больше и вспомнить,—продолжалъ Куракинъ.

— Но чудеса, показанныя Калиостро въ кашитулѣ?—напомнилъ Елагинъ.

— Объ нихъ Казимиръ ничего не знаетъ. Кажется, однако, что тѣ произведены дурманнымъ куревомъ, отводомъ глазъ и прелестями Калиостерши.

— Я бы хотѣлъ выяснитъ одно обстоятельство.—покраснѣвъ при упоминаніи Калиостерши, сказалъ князь Коріатъ.

— Сдѣлайте одолженіе, князь.

— Почему, когда супруга Калиостро уѣзжала изъ Озерковъ и садилась въ карету, магикъ вывелъ ее подъ руку въ непроицаемомъ покрывалѣ, и казалось, то шла не молодая женщина. но сторбленная старуха, къ тому же кашлявшая?

— А потомъ на Ивановъ день мы ее прекрасной и юной видѣли!— подхватилъ князь Мещерскій.— Или это въ самомъ дѣлѣ было чародѣйство, и Калиостро намъ древнюю египетскую старуху выдавалъ за красавицу?

— Что касается отъѣзда изъ Озерковъ, то... подъ покрываломъ-то и въ юбкахъ вмѣсто Калиостровой жены я прошелъ,—ослабляясь, сказалъ Казимиръ.—А какъ ночью отъ сырости простудился и кашлялъ.

— Можетъ ли быть?—вскричалъ совершенно сраженный князь Коріать.—Но гдѣ же тогда была Серафима?

— Онѣ на антресоляхъ въ Озеркахъ нѣкоторое время тайно оставались ото всѣхъ, а послѣ сего перевезены были ночью, тоже тайно, въ столицу.

При этомъ сообщеніи всѣ потушили глаза. Князь Коріать быстро вышелъ изъ покоя.

Еще немного спрашивали Казимира. Потомъ и отпустили. Слишкомъ все было ясно и просто. Занялись подсчетомъ суммъ, заимобразно взятыхъ магикомъ на оборудованіе ритуаловъ египетскаго масонства изъ кассы капитула. Онѣ были значительны и по справкамъ не истрачены по назначенію, а обмѣнены магикомъ на денежныя письма на иностранныхъ банкировъ.

XCVII.

Rosa Mistica.

Унылое засѣданіе капитула VIII провинціи окончилось. Угнетенные, угрюмые, съ видомъ очнувшихся послѣ долгаго бреда людей и только что возвратившихся къ трезвой дѣйствительности достопочтенные и вельможные братья отбыли въ своихъ каретахъ изъ дома Ивана Перфильевича.

Добрый старикъ, потрясенный болѣе всѣхъ плачевнымъ ухищреніемъ знаменитыхъ особъ, такъ легко пошавшихъ впросакъ, обезножился внезапнымъ удаленіемъ своего секретаря. Онъ отлично понималъ душевное состояніе молодого человѣка, пережившаго первую сердечную бурю въ столь необыкновенныхъ формахъ. Крушеніе надеждъ на постиженіе нѣкихъ высшихъ тайнъ совершеннаго мастерства для юнаго князя Коріата совпало съ личнымъ переворотомъ въ жизни, съ профанаціей первыхъ дѣвственныхъ чувствъ его сердца. Та, что явилась ему въ мистическихъ видѣніяхъ, оказалась низкой куртизанкой, и таинство перевоплощенія и возрожденія ветхой древности въ вѣчной женственности оказалось самой пошлой гримировкой искательницы приключеній, иностранки-пнтриганки, желавшей сдѣлаться русской княгиней. Считалъ онъ состояніе свое потеряннмъ. Но о немъ жалѣлъ менѣе

всего. Что оно значило въ сравненіи съ тѣмъ внутреннимъ, духовнымъ сокровищемъ, которое разбито было нынѣ вдребезги и низвержено въ грязь.

Однако, написавъ о семь банкиру Сутерленду, въ конторѣ котораго помѣщалось его состояніе, къ удивленію, получилъ онъ отвѣтъ, что никто кредитивнаго письма за подписью князя ему не представлялъ, и вся сумма съ наросшими процентами находится въ цѣлости. Тогда и выдачу письма князь Коріатъ причислилъ къ своему бреду. Да и самое свиданіе съ Серафимой на островахъ въ тайномъ убѣжищѣ стало казаться ему фантазіей разстроеннаго воображенія. Что было и чего не было? Онъ теперь не могъ опредѣлить. Онъ сидѣлъ въ библиотекѣ, погруженный въ печальныя размышленія. Ряды фоліантовъ герметической мудрости чернѣли въ шкапахъ. Но одинъ видъ ослиной кожи, въ которую они были обернуты, возбуждалъ въ немъ глубочайшее отвращеніе. Все въ темной ихъ символикѣ являлось кощунственной ложью. Кумиры египетскихъ божествъ съ головами копчиковъ и кошекъ, раиѣ столь увлекавшіе его воображеніе, теперь отталкивали безобразіемъ и чудовищностью своихъ мистерій. Грудь его еще такъ недавно была свѣтлымъ, прекраснымъ, стройнымъ и соразмѣрнымъ храмомъ, полнымъ крылатыхъ духовъ. Но роковое колесо матеріальной природы прокатилось черезъ грудь его, и вся хрупкая постройка сокрушилась вдребезги. Сердце его было золотою чашей на сверкающемъ кубическомъ камнѣ сокровенной храмины духовнаго человѣка его. Чаша сія полна была чистѣйшимъ виномъ. Нынѣ она опрокинута, разлита, осквернена. Завѣса разорвана! Камень оскверненъ! Тайна обнаружена! Она оказалась тлѣнымъ и пустою. Мудрость мастеровъ—тщеславной недальновидностью. Обѣтованія мистерій—грязными махинаціями шарлатана. Любовь, первая любовь, слетѣвшая къ нему въ столь мистически-таинственныхъ и плѣнительно-ужасныхъ видѣніяхъ, оказалась такою пошлою прозой, которая окончилась справкою у банкира. И эта справка, писанная на конторскомъ, купеческомъ языкѣ, одна теперь казалась не обманчивой и—въ его пользу. Но юное, безкорыстное, презирающее расчеты сердце его симъ не радовалось. Напротивъ. Что-то циническое видѣлось ему въ сохраненіи за нимъ выброшеннаго, какъ искупленіе низменнаго наслажденія, состоянія. Свое паденіе онъ долженъ былъ оплатить не матеріально, но Прометеевыми мученіями.

Юноша глубоко задумался, преклонивъ голову на руку, и не замѣтилъ, какъ вошелъ въ библиотечку Иванъ Перфильевичъ. Съ безконечно добрымъ лицомъ старый мастеръ нѣкоторое время издали смотрѣлъ на печальную фигуру склоненнаго юноши. Потомъ тихо подошелъ и положилъ руку ему на плечо. Князь Коріатъ сильно вздрогнулъ и поднялъ на старика глаза.

:]*

— Не крушитесь и не задумывайтесь, юный другъ,—сказалъ ласково Елагинъ.—Испытаніе, чрезъ которое вы прошли, есть только мимолетная буря юности. Вы обманулись. Но юности свойственно обманываться. Она неопытна. Можно ли строго взыскивать съ нея? Опытная въ ухищреніяхъ притворствъ интриганка, красавица, искусная въ притираньяхъ, въ нарядахъ возбуждательныхъ и необычайныхъ, красота, подобная розѣ, когда она достигла высшаго цвѣтенія, аромата и всѣ лепестки ея развернулись,—они сейчасъ осыплются, оставя изсохшія части цвѣтка, никакого вида не имѣющія, по тѣмъ плѣнительнѣе пока,—дивно ли, что сія многоопытная Цирцея покорила власти своей столь юнаго, какъ вы, князь, и принудила его нарушить аскетическіе обѣты? Во имя чего обѣты, спрашивается? Во имя придуманнаго почтеннымъ нѣмцемъ Штаркомъ тамплиерства, котораго усохлый корень утверждень въ собственномъ наптанномъ книжной пыльной ученостію старческомъ его мозгу, а вершина теряется въ облакахъ табачныхъ, у камина, во время метафизическихъ разсужденій, столь же сухихъ, ученыхъ друзей-нѣмцевъ, изъ устъ сего почтеннаго петершувца извергаемыхъ!

— Какъ!—вскричалъ совершенно сраженный князь,—какъ! Развѣ сіе тамплиерство, обѣты коего я хранилъ, какъ священные, развѣ сіе тамплиерство не имѣетъ живой связи съ воителями и защитниками Гроба Господня и съ древними грифонами, варяжескими рыцарями византійскихъ императоровъ? И развѣ высочайшія степени сего тамплиерства не переходятъ въ розенкрейцеровскіе градусы, которые въ XVII вѣкѣ основалъ великій мистикъ Андреа?

Иванъ Перфильевичъ снисходительно улыбнулся.

— Милый юноша, повторяю, все сіе есть изобрѣтеніе геллертерской фантазіи почтеннаго Штарка, реальное бытіе имѣющее лишь въ облакахъ кнастера, устами его извергаемыхъ!

— Такъ и это ложь!—всплеснувъ руками, вскричалъ юноша.— И это! Во что я вѣрилъ! Что столь любилъ! Мой наставникъ, другъ покойнаго отца моего, обманулъ меня столь ужасно, столь жестоко!

— Да, но симъ хитрымъ нѣмецкаго ума измышленіемъ дѣвственныхъ силъ вашихъ, милый князь, до совершеннѣтія вашего цѣлыми сохранены, а теперь мы васъ женимъ на прекрасной и разумной каменщицѣ. Что касается Калиостерши, то былъ молодцу не укорь!

— Не хочу вашей каменщицы. Мнѣ ненавистны женщины. Мнѣ все противно. Я поднялъ покрывало Изиды. Я видѣлъ тайну ея ничтожества. Но зачѣмъ, зачѣмъ... О, золотые сны мои! О, невозвратныя крылатыя мечты! Вы опали, вы увяли навсегда!—воскликнулъ юноша въ отчаяніи.

— Все возродится, все возвратится вновь!—ласково говорилъ Елагинъ.

— Но пѣтъ, не все мечта. Не все бредъ и сумасшествіе,—вскричалъ, воспрянувъ духомъ, князь Коріать.—Было видѣніе! Было откровеніе иныхъ міровъ! И остался залогъ, таинственное удостовѣреніе! Онъ здѣсь, на груди моей,—ударяя себя въ грудь, говорилъ восторженно князь.

— Залогъ? Удостовѣреніе иныхъ міровъ? Что это такое?—недовѣрчиво сказалъ Иванъ Перфильевичъ.—Ой, не изъ Каліострова ли залогъ сей реквизиата? Обжегшись на молочкѣ, станешь дуть и на воду.

— Я покажу вамъ сейчасъ,—сказалъ князь. Онъ разстегнулъ камзолъ и досталъ изъ подшитаго полотнянаго кармана черную тафтяную розу.

— Это я получилъ отъ видѣнія Покрытой богини, явившейся мнѣ вотъ въ сей самой библіотекѣ!—сказалъ онъ.—Когда богиня Саиса исчезла, роза осталась на полу.

Иванъ Перфильевичъ взялъ черную тафтяную розу, повертѣлъ ее въ пальцахъ и вдругъ весь багрово покраснѣлъ.

— Милый юноша,—сказалъ онъ, низко опустивъ сѣдую голову:—эта роза не изъ иного міра; принесена она была сюда не Покрытой богиней Саиса, но земной,—увы, слишкомъ земной женщиной!—эта черная тафтяная роза одна изъ тѣхъ, что украшали корсажъ пѣвицы Габріэлли въ утро, когда у меня еще заболѣла послѣ фокусовъ того шарлатана нога! Габріэлли, будучи въ сильнѣйшей ажитациі, проходя черезъ библіотеку въ мой кабинетъ, видно, обронила эту мертвую имитацию царицы цвѣтовъ, и вотъ откуда сей таинственный залогъ!

— Габріэлли! Роза Габріэлли!—прошепталъ князь Коріать въ полномъ разочарованіи. Послѣдняя мечта его погибла.

Елагинъ сталъ говорить, что все сіи блужданія, миражи и обманы произошли отъ фантастическихъ, ложныхъ системъ, проникшихъ съ Запада въ Россію, въ которыхъ символы внутренняго дѣла строенія нравственнаго храма добродѣтели обращены во внѣшніе грубые обряды съ мантиями, коврами, гробами и еще не знаю съ чѣмъ. Сіи обряды воспаляютъ воображеніе, будятъ тщеславіе и губятъ все. Но онъ и другіе мастера, въ нарушеніе основнаго правила истиннаго масонства, ничего не предавать писъму, камню и дереву, что есть и Моисеево заповѣданіе не творить себѣ кумира и всякаго подобія, такъ что и самая скниія въ пустынѣ лишь духовный, невещественный образъ надеждъ Израіля имѣла,—онъ и другіе мастера уступили требованіямъ моды малодушно, за что и поплатились. Тѣмъ болѣе, что сіи новоизмышленныя внѣшнія системы еще тайную политическую цѣль въ себѣ скрываютъ. Такова оказалась и Каліострова система египетскаго масонства. Присланный отъ Сентъ-Жермена, бывшій іезуитъ, а нынѣ столь же ложный масонъ, Каліостро имѣлъ цѣлью нравственный союзъ добродѣ-

тельныхъ людей превратить въ заговоръ, противу священной особы монархини направленный. Но по одному слову сего Калиостро на аудіенціи, въ китайской пустыгѣ Нарышкиной дачи Левенталь премудрою царицею данной, она хитрость его проникла и поручила развѣдать Степану Ивановичу. Полковника Бауера показанія особливую цѣну имѣли. И вотъ, не дѣлая огласки, Калиостро съ Калиостершей, зашивъ въ кибитку, по первопутку черезъ Митаву, гдѣ теперь тоже всѣ его плутовства открылись совершенно, изъ предѣловъ россійскихъ отправили. Но сіе испытаніе послано Великимъ Архитекторомъ вселенной лишь съ тою цѣлю, чтобы истинное свободное каменничество, по слову Спасителя міра: «Кто есть строитель мудрый и совершенный?» далѣе уже не на пескѣ тщеславныхъ обрядовъ и ложной мистикѣ было основано, но на камнѣ краеугольномъ вѣры, надежды и любви, благотворенія, праведности, облегченія цѣней рабовъ, законовъ гражданства и общежитія, просвѣщенія...

Елагинъ долго и складно еще говорилъ. Но князь Коріатъ былъ не въ силахъ внять его словамъ. Посреди рѣчи памѣтнаго мастера онъ вскочилъ и убѣжалъ къ себѣ на антресоли, чтобы втайнѣ выплакать слезы юнаго, разбитаго своего сердца.

ХСVIII.

Вмѣсто эпилога.

На маломъ эрмитажѣ играли въ карты государыня, «брильянтовой» князь Куракинъ, великая княгиня Марія Ѳеодоровна и фаворитъ Зубовъ. Тутъ же наблюдалъ игру графъ Воронцовъ, только что пріѣхавшій изъ Лондона. Какъ всегда на маломъ эрмитажѣ, бесѣда въ высочайшемъ присутствіи шла самая непринужденная. Между двумя играми рѣчь зашла о великихъ событіяхъ, испровергшихъ тронъ Людовика XVI и превратившихъ Парижъ, когда-то убѣжище искусствъ и утонченныхъ модъ, въ котель, непрестанно кипящій кровавой смутой. Воронцовъ, однако, подавалъ надежды на скорое умротовереніе въ виду постигшей Робеспьера и послѣднихъ изъ «обѣшенныхъ» злой участи, во всемъ подобной, впрочемъ, участи ихъ предшественниковъ на политическомъ поприщѣ.

— А какія надежды подавалъ безоблачный разсвѣтъ царствования несчастнаго Людовика!—сказала, вздохнувъ, великая княгиня Марія Ѳеодоровна.

— Не меньшія надежды подавали и первые шаги революціи!—сказалъ Воронцовъ.—Лучшіе люди Франціи, желавшіе необходимѣйшихъ реформъ своему отечеству, никогда не предполагали, что стоятъ передъ бурей, которая свергнетъ ихъ въ бездну.

— Однако, были даже пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда все казалось прочнымъ и долговѣчнымъ въ Европѣ, — возразилъ «брильянтовый князь» Куракинъ, — были и тогда люди, которые предсказывали близкое преображеніе.

— Кто же это? — спросилъ фаворитъ Зубовъ.

— А хотя бы умершій въ нынѣшнемъ году въ крѣпости св. Ангела въ Римѣ Калиостро. Я живо помню герметическіе фокусы его въ 1779 году, когда онъ, должно сказать правду, девять мѣсяцевъ вмѣстѣ съ графиней Серафимой ди-Санта-Кроче морочилъ весь Петербургъ.

— Бальзамо и Лоренца, прелестная Лоренца Феличчани! — улыбаясь, подхватилъ Воронцовъ. — Подлинно, этотъ темный промышленникъ и шарлатанъ какъ бы многое предузнавалъ. Въ своемъ «Манифестѣ къ французской націи» онъ предсказалъ разрушеніе Бастиліи. Только подлинно ли онъ умеръ?

— Я на дняхъ получилъ точнѣйшія извѣстія, — замѣчая выраженіе интереса на сіяющемъ небесной улыбкой лицѣ престарѣлой монархини, заговорилъ «брильянтовый князь», весьма картинный въ серизовомъ своемъ кафтанѣ. — Калиостро, удаленный изъ предѣловъ Россійской имперіи въ октябрѣ 1779 года, продолжалъ свою карьеру въ разныхъ странахъ съ переменнымъ счастьемъ. Наконецъ оказался онъ въ Римѣ, и здѣсь-то давно сторожившіе Калиостро хранители юности его, отцы, поймали хитреца. Онъ былъ преданъ однимъ изъ адептовъ сочиненнаго имъ египетскаго масонства и заточенъ въ замокъ святаго Ангела 27 ноябрю 1789 г. Его судили и приговорили за предательство и разныя продѣлки къ смерти. Но папа помиловалъ его 7 апрѣля 1791 года. Пять лѣтъ провелъ Калиостро въ заточеніи и, наконецъ, умеръ отъ истощенія силъ.

— Такъ по вашимъ свѣдѣніямъ, — возразилъ Воронцовъ: — но мнѣ передавали, что Калиостро живъ и даже на свободѣ. Принеся полное раскаяніе и будто бы на смертномъ уже одрѣ лежа, пожелалъ онъ приобщиться. Но когда монахъ пришелъ къ нему, задумалъ пріятели и, нарядивъ въ свое платье, уложилъ въ кровать, самъ же въ монашескомъ одѣяніи вышелъ и скрылся.

— Довольно невѣроятное приключеніе, — сказала государыня. — Впрочемъ, сей графъ Фениксъ, дѣйствительно, безсмертенъ, какъ людская глупость и желаніе обманываться. Онъ до скончанія вѣка возрождается будетъ въ шарлатанахъ, магикахъ, духовызывателяхъ и пныхъ. Родъ людей самый для меня ненавистный! — замѣтила государыня.

— Калиостро былъ, кажется, масонъ? — спросила великая княгиня Марія Осодоровна.

— О, скорѣе тайный іезуитъ, посланный къ масонамъ для шпионской службы, но измѣнявшій и тѣмъ, и другимъ, ваше высочество! — завѣрилъ фаворитъ Зубовъ.

— Я имѣю при себѣ насчетъ Калиостро любопытный документъ.—сказалъ Куракинъ, доставъ свернутый, пожелтѣлый газетный листъ.—Мнѣ передалъ его одинъ россійскій путешественникъ, бывший въ Лондонѣ въ 1786 г., когда Калиостро напечаталъ въ «Morning Herald» шифрованное объявленіе. Изъ чего съ точностью можно усмотрѣть, былъ ли онъ масонъ, или іезуитъ?

И Куракинъ, развернувъ листокъ, подалъ его графу Воронцову, отчеркнувъ по темъ Калиострово объявленіе.

Приложивъ круглый золотой лорнетъ къ правому глазу и сощуривъ лѣвый, Воронцовъ пробѣжалъ про себя объявленіе и затѣмъ испросилъ разрѣшенія у государыни, положившей карты и внимавшей съ видимымъ интересомъ, прочесть вслухъ.

— Читайте, ежели коротко, графъ?—разрѣшила государыня.

Воронцовъ, какъ природный англичанинъ, прочелъ англійскій текстъ:

«To all true Masons. In the name of 9. 5. 8. 14. 21. 1. 8;—9. 5. 18. 20. 18.

«The Time is at hand when the Building of the New Temple, or New Jerusalem 3. 8. 20. 17. 8. must begin; this is to invite all true Masons in London, to join in the name of 9. 5. 18. 20. 18. (The only one, in whom is a divine 19. 17. 9. 13. 9. 19. 23). To meet to Morrow-Evening, the 3-d, instant 1786 (or 5790) at nine o' Clock, at Keilly' s, great Queen-Street: to lay a plan for the laying the first stone of the foundation of the True 3. 8. 20. 17. 8. in this visible world, being the material representative Temple of the spiritual 9. 5. 17. 20. 18. 1. 11. 5. 12.

«A Mason and Member of the New 3. 8. 20. 17. 8.».

— Это было бы коротко, ежели бы не было столь темно,—рѣшила государыня, когда чтеніе кончилось. —Вы можете истолковать сіи шарлатанскіе гіероглифы, князь?—обратилась государыня къ Куракину.

— Такъ точно, государыня, нѣсколько могу. Передавшій мнѣ сіе объявленіе истолковалъ его такъ:

«Всѣмъ истиннымъ каменщикамъ, во имя Іеговы! Настало время, когда должно начать созиданіе новаго храма іерусалимскаго. Сіе обращеніе имѣетъ цѣлью пригласить всѣхъ истинныхъ масоновъ Лондона собраться во имя Іеговы, единое въ коемъ почіетъ божественная Троица. и находится завтра вечеромъ, 3 числа настоящаго мѣсяца 1786, въ 9 часовъ въ тавернѣ Keilly, на Большой Королевинной улицѣ, чтобы тамъ выработать планъ и положить первый основной камень истиннаго храма духовнаго Іерусалима въ семь видимомъ мірѣ. Каменщику и члену новой церкви».

— Для всѣхъ, кто знаетъ масонскую символику храма Соломонова, полагаю, смыслъ сего объявленія ясенъ,—заключилъ истолкованіе Куракинъ.—Объявленіе масонское и для масоновъ. А какъ

оно вышло за три года до французской революціи, то ясно изъ онаго можно вывести подготовленіе грядущихъ событій, предпринятое въ лондонской тавернѣ.

— Вы такъ толкуете, князь,—сказаль фаворитъ Зубовъ:—когда-то вы съ масонами знали, такъ вамъ и книги въ руки. Я же иное истолкованіе сего объявленія знаю, изъ коего ясно слѣдуетъ, что писано оно езуитомъ и для езуитовъ.

— Какъ же вы сіе докажете, Платонъ Александровичъ?—спросилъ «брильянтовый князь».

— Вами данъ общій переводъ, князь. Но должно послѣдовательно истолковать цифры, коими сіе объявленіе уснащено.

И, взявъ англійскую газету, фаворитъ мѣлкомъ на сукнѣ ломбернаго стола принялся выводить цифры и буквенное ихъ значеніе.

— Прежде всего обратите вниманіе на двойное обозначеніе года 1786 или 5790. Масонская дата была бы 5786. Прибавлено зачѣмъ-то еще 4. Это градусы езуитовъ:

Temporalis.

Scholasticus.

Coadjutor Spiritualis.

Noster.

— Странное объясненіе, Платонъ Александровичъ!—замѣтилъ Воронцовъ.

— Объясните же сами, почему дата не 5786, а 5790?—возразилъ Зубовъ.

Воронцовъ пожалъ плечами.

— Далѣе, цифры такія,—принимаясь за мѣлокъ, продолжалъ Зубовъ,—съ соотвѣтственными латинскими буквами, считая, что каждая цифра означаетъ мѣсто буквы въ алфавитѣ:

9. 5. 8. 14. 21. 1. 8.

i. e. h. o. v. a. h.

9. 5. 18. 20. 18.

i. e. s. u. s.

3. 8. 20. 17. 8.

c. h. u. r. (c) h.

19. 17. 9. 13. 9. 19. 23.

t. r. y. n. i. t. y.

9. 5. 17. 20. 18. 1. 11. 5. 12.

i. e. r. u. s. a. l. e. m.

Все это—отъ езуитовъ. Созываются братья во имя не только леговы, но и Исуса. Тутъ начальныя буквы J. J.—то есть езуиты и Игнатій—Jesuites, Ignace. Далѣе, новый храмъ—Novum Templum—

N. T.—Nostrorum templum—храмъ «нашихъ», іезуитовъ четвертой степени. Новая церковь Іерусалима—собраніе нашихъ іезуитовъ. New Jerusalem Church—N. J. C.—Consilium Jesuitorum Nostrorum. Приглашаются далѣе во имя 9. 5. 18. 20. 18—Jesus всѣ masons. Но что это за masons?

М	12.
А	1.
С	18.
О	14.
Итого	45.

N—начальная буква совершеннаго градуса іезуитовъ Noster, который они получаютъ именно послѣ 45 лѣтъ. А все: maso NS—N. S.—Nostres. Итакъ, заключилъ фаворитъ,—сомнѣнія быть не можетъ, что Калиостро собиралъ въ лондонской тавернѣ братьевъ іезуитовъ въ 1786 году съ цѣлію противодѣйствовать революціи, которую отцы предвидѣли.

Никто не сталъ спорить. Помолчали.

— А что случилось съ прелестной и несчастной Лоренцой, отъ которой многіе были въ петербургскую побывку Калиостра растрепаны и между прочимъ, тогда юный, нынѣ уже статскій совѣтникъ, князь Коріать?—спросилъ Воронцовъ.

— Когда Калиостро посадили въ замокъ св. Ангела, то и прекрасная Лоренца была заперта въ исправительный монастырь для женщинъ. Она тамъ и по сей день пребываетъ,—отвѣчалъ брильянтовый князь».

Но государыня молча взяла карты, показывая, что судьба четы Калиостро ее болѣе не интересусть.

Н. А. Энгельгардтъ.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО ¹⁾.

(Тетушка Вѣра Николаевна Воейкова).

СТАЛАСЬ у меня въ памяти особенно живо одна изъ бесѣдъ съ тетужкой Вѣрой Николаевной.

Рѣчь зашла о графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Орловѣ-Чесменскомъ и о дочери его, Аннѣ Алексѣевнѣ, одной изъ любимѣйшихъ и ближайшихъ пріятельницъ тетужки.

Знакомство между ними было давнее; графиня была сердечно расположена всю свою жизнь къ Дарьѣ Алексѣевнѣ Державиной, которая ѣздила гостить къ ней въ Юрьевскій монастырь и говѣла тамъ съ графиней у знаменитаго Фотія. Ѣздила туда Великимъ постомъ и Вѣра Николаевна послѣ смерти своего мужа, изъ Ольшанки, и брала съ собой маленькую свою дочку, Марью Алексѣевну, впоследствии Полъбову. И то, что я слышала отъ нихъ объ ихъ преданности и безграничномъ довѣрїи графини Орловой къ Фотію, такъ расходится съ тѣмъ, что я впоследствии про это читала въ историческихъ сочиненіяхъ и въ воспоминаніяхъ современниковъ объ этихъ двухъ личностяхъ, что мнѣ кажется небезынтереснымъ подѣлиться этимъ съ читателями.

Какъ тетужка Вѣра Николаевна, такъ и дочь ея Марья Алексѣевна не только не осуждали графиню за ея чувства къ Фотію, но были вполне убѣждены, что иначе и не могло быть, если вспомнить

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. сѣмь, стр. 400.

тогдашнее общественное настроеніе и тяжелую душевную безпомощность, въ которой графиня очутилась послѣ смерти отца.

Круглая сирота, обладательница огромнаго состоянія, окруженная льстецами и завистниками, не могла она не искать помощи и поддержки свѣше, а въ усердныхъ пособникахъ къ этому недостатка не было. То было время влеченія къ надземному и таинственному, и указателей новыхъ путей туда, куда ведетъ одинъ только путь—ученіе Христово, съ каждымъ днемъ объявлялось все больше и больше.

Опутывали русскія души масоны, розенкрейцеры, янсенисты, но всѣхъ искуснѣе и уснѣшнѣе іезуиты.

Мало кто могъ сопротивляться этимъ волкамъ въ овечьей шкурѣ. Вокругъ графини Анны Алексѣевны почти всѣ знакомыя и родственныя ей женщины совращались. Каждый день узнавала она, что такая-то или такая-то графиня, княжна или княгиня перешла въ католичество. Со всѣхъ сторонъ совѣтовали ей обратиться за духовною помощью къ которому-нибудь изъ безчисленныхъ совратителей, наводнявшихъ Россію подъ разнообразнѣйшими личинами; въ рясахъ и во фракахъ, подъ звуки вальсовъ и контрдансовъ въ бальныхъ залахъ, подъ шелестъ листьевъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ при загородныхъ дворцахъ, въ раззолоченныхъ будуарахъ свѣтскихъ красавицъ и въ кабинетахъ государственныхъ дѣятелей, ихъ отцовъ и мужей, достигали они намѣченной цѣли, дѣйствуя съ сатанинской ловкостью и пронизательностью на нервы, на воображеніе, на чувственность избранныхъ ими жертвъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, ибо... цѣль оправдываетъ средства.

Можно себѣ представить, сколько такихъ совратителей пыталось уловить въ свои сѣти душу дочери князя Алексѣя Григорьевича Орлова!

Но имъ это не удалось.

Замѣчательно трагична судьба этой дѣвушки.

Личной жизни у нея никогда не было. Съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнила, въ вѣчномъ трепетѣ передъ боготворимымъ отцомъ, безповоротно повинуваясь его капризамъ и чудачествамъ, въ постоянной заботѣ ему угодить, у нея не было ни малѣйшей возможности не только наслаждаться окружавшей ее роскошью и богатствомъ, но даже и замѣчать эти преимущества, изъ-за которыхъ столько ей завидовали.

Она знала, что отецъ по-своему ее любитъ и не желаетъ даже и останавливаться на мысли о разлукѣ съ нею, и этого было достаточно, чтобъ самая мечта о замужествѣ, о личномъ, самостоятельномъ счастьѣ казалась ей грѣшной и недопустимой, даже въ воображеніи.

Не было у нея ни своихъ вкусовъ, ни симпатій, ни желаній; все, чѣмъ каждое юное существо живетъ, мыслить и чувствуетъ, она принесла въ жертву отцу.

И какъ бодро, какъ радостно совершала она свой подвигъ самоотверженія во имя того, что считала своимъ долгомъ! Неровности его нрава, самодурство, иногда доходившее до жестокости, припадки мрачной тоски, во время которыхъ никто, кромѣ ея, не смѣлъ къ нему подступиться, переходы отъ озлобленія къ добродушію, всё эти странности только усиливали ея къ нему привязанность и преданность, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что создана она Богомъ для отца и что помышлять ей о себѣ преступно.

Развѣ и онъ тоже не любитъ ее больше всѣхъ на свѣтѣ?

Мало людей на землѣ, которымъ судьба дала бы такъ много, какъ ему; но все ушло—сила, власть, значеніе, осталась только память объ утраченномъ блескѣ и величіи, деньги на забаву толпы, видящей въ немъ теперь ужъ не *настоящаго*, а *бывшаго* человѣка, да, можетъ быть, горькое сознаніе содѣянныхъ ошибокъ и преступленій...

И вотъ онъ умираетъ, въ страшныхъ мукахъ. Прекращается эта богатая разнообразными приключеніями жизнь.

Молодая графиня остается одна на свѣтѣ, одна въ полномъ смыслѣ этого слова. Отецъ унесъ съ собою въ могилу все, что составляло ея жизнь. Не о комъ заботиться, некого бояться, некого любить, не для кого жить.

Но она молода, полна жизни и силъ. Пржежней цѣли нѣтъ, надо найти другую. Божій міръ великъ и прекрасенъ, есть чѣмъ заняться, есть кого полюбить. Съ ея богатствомъ это должно быть легко, не даромъ же всѣ такъ ей завидуютъ и заискиваютъ въ ней. Близкіе начинаютъ ужъ намекать на жениховъ, осторожно называются имена молодыхъ красавцевъ, съ ума будто бы сходящихъ по ней, и воображеніе ея, помимо воли, начинаетъ работать въ желаемомъ направленіи... Мерещится счастье всякой дѣвушкѣ, самой бѣдной и невзрачной, доступное, но о которомъ ей до сихъ поръ некогда было задуматься, волшебный замокъ любовныхъ радостей съ милымъ сердцу и съ загражденнымъ для нея одной до сихъ поръ входомъ... но преграда рушилась, и никто не можетъ ей запретить туда войти и взять отъ жизни то, что всѣ берутъ...

Вотъ въ какомъ, можетъ быть, душевномъ настроеніи находилась графиня Орлова, когда открылась ей страшная тайна ея отца... убійство имъ императора Петра III. Какимъ образомъ? Черезъ кого? На вопросъ этотъ только она одна и могла бы отвѣтить, а такъ какъ въ душевныхъ изліяніяхъ съ посторонними врядъ ли можетъ ощущаться потребность, то тайну эту она и унесла въ могилу, ни съ кѣмъ ею не подѣлившись.

Много подробностей о послѣдующей ея жизни, подъ руководствомъ ревниваго духовника, хорошо извѣстны: какъ она была ему послушна, какъ радостно исполняла всѣ наложенныя имъ на нее эпитеміи, какъ она ѣздила хлопотать по его дѣламъ въ Петербургъ,

не останавливаясь ни передъ какими прештствіями, пренебрегая свѣтскими пересудами и сплетнями, не страшась даже гнѣва царя, презирая злостныя клеветы и язвительныя насмѣшки. И при жизни, и долго послѣ смерти слыла она сумасшедшей фанатичкой, и самую ея преданность церкви пачкали грязными подозрѣніями. До сихъ поръ и Фотій слыветь развратникомъ и лукавымъ эксплуататоромъ, извергомъ алчности и притворства. И долго ему еще, можетъ быть, придется ждать справедливой оцѣнки исторіи, долго будутъ называть изувѣрами одухотворенныхъ борцовъ за православную русскую вѣру, страстно выступающихъ на ея защиту въ минуту опасности. Если бѣ хулители Фотія ознакомились одновременно съ его дѣяніями также и съ дѣятельностью іезуитовъ въ Россіи, многое показалось бы имъ въ иномъ свѣтѣ. Когда идетъ борьба за то, что человеку дороже жизни, требовать отъ него умѣренности и соблюденія приличій невозможно. А тутъ шла именно такая борьба между православіемъ и католицизмомъ за преобладающее вліяніе въ Россіи. Въ какія-нибудь двадцать лѣтъ іезуиты такъ сумѣли втереться въ русское общество, такъ сбить съ толку нашихъ падкихъ до всякой новизны и наружнаго лоска барынь изъ высшаго общества, зараза, распространяемая ими, зашла такъ далеко, что было надъ чѣмъ призадуматься и чему возмущаться русскимъ людямъ.

Чѣмъ больше углубляешься въ роковой сумбуръ понятій, царившій тогда въ сердцахъ русскихъ «интеллигентовъ», ищущихъ успокоенія своей взбаламученной души въ религіи и неспособныхъ при этомъ даже прочесть главу изъ Евангелія на родномъ языкѣ, на которомъ не умѣли ни говорить, ни мыслить, тѣмъ понятнѣе становится ихъ увлеченіе иноземнымъ сектантствомъ и католичествомъ.

По словамъ Вѣры Николаевны, графиня Анна Алексѣевна знала въ совершенствѣ не только русскій языкъ, но также и исторію родной церкви и родной страны, и, сколько мнѣ помнится, уже потому всегда говорила съ отцомъ по-русски, что онъ французскаго языка не зналъ или зналъ плохо.

Если сопоставить это обстоятельство съ прочими особенностями ея воспитанія и отношеній къ отцу, то выборъ въ руководители совѣсти послѣ его смерти, вмѣсто изящнаго прелата француза или итальянца, грубаго аскета Фотія, говорившаго съ нею о Богѣ и вѣчной жизни на родномъ языкѣ, будетъ еще понятнѣе.

Грубостью и деспотизмомъ русскій монахъ не могъ ни удивить ее, ни оскорбить, она къ этому привыкла съ дѣтства. Какъ извѣстно, деликатностью обхожденія и утонченностью манеръ Орловы не отличались.

И это не мѣшало женщинамъ ихъ любить.

Если отъ ренегатства спасли графиню Анну Алексѣевну своеобразныя жизненныя условія, то Вѣру Николаевну, Воейкову,

сестерь ея и братьевъ спасла отъ заразы близость къ русскому, въ полномъ смыслѣ этого слова, поэту, Державину. Не зная русскаго языка и не любя его, воспитываясь у творца оды «Богъ», было невозможно. А на ея счастье и на счастье многихъ, обязанныхъ ей душевнымъ развитіемъ, она вышла замужъ за человѣка, тоже вполне русскаго, который могъ только укрѣпить въ ней родные устои.

При такихъ семейныхъ условіяхъ не опасно никакое иноземное вліяніе, и какъ Вѣра Николаевна оставалась всю свою жизнь вѣрной дочерью православной церкви, въ эпоху господства іезуитовъ въ томъ обществѣ, къ которому она принадлежала по своему рожденію и общественному положенію, такъ и дочь ея, Марья Алексѣевна Полѣнова, не взирая на эпидемію нигилизма, совратившую столько изъ ея современниковъ, до конца жизни не переставала укрѣпляться въ православной вѣрѣ, изучая писанія св. отцовъ нашей церкви.

Съ Маріей Алексѣвной Полѣновой я имѣла счастье прожить мѣсяца три лѣтомъ 1894 года въ деревнѣ, за годъ до ея смерти. Она мнѣ много рассказывала про графиню Анну Алексѣвну Орлову, которую помнила какъ нельзя лучше. Она помнила и Фотія и его служеніе въ Юрьевскомъ монастырѣ. Служба была очень длинная, и Фотій выговаривалъ каждое слово такъ внятно, что даже Марія Алексѣвна, тогда маленькая дѣвочка, не могла не запомнить эти слова. Наблюдалъ онъ строго за благочиніемъ во время богослуженія; когда Марія Алексѣвна уставала, графиня сажала ее на полъ позади себя такъ, чтобъ батюшка Фотій не увидѣлъ. Послѣ службы онъ иногда приходилъ къ чаю, и шла духовная бесѣда, къ которой благоговѣнно прислушивались домашніе изъ сосѣдней комнаты, а также странствующие монахи и монашенки, которыхъ всегда было множество въ домѣ графини. Изъ ея дома уходили на дальнія странствованія пѣшкомъ, съ котомкой за плечами (заручившись благословеніемъ о. Фотія и дарами всегда щедрой графинюшки) въ Кіевъ, въ Соловки, въ Іерусалимъ, на поклоненіе мощамъ Николая Чудотворца въ чужія земли, а тѣ, которымъ удавалось вернуться черезъ нѣсколько лѣтъ, сюда же являлись отслужить благодарственный молебень, благословиться у о. Фотія, поклониться въ ножки доброй графинюшкѣ за душевную отраду, которой имъ посчастливилось сподобиться, благодаря ея щедротамъ. И можно себѣ представить, какія тутъ лились обильныя и полныя животрепещущаго интереса рѣчи! Чего-чего только не перевидали, не перечувствовали и не слышали странники и странницы по святымъ мѣстамъ!

Страстное любопытство, съ которымъ сбѣгались издалека, чтобъ ихъ слушать, воодушевляло рассказчиковъ до паѳоса; исчезала мало-по-малу всякая грань между дѣйствительностью и представле-

ніями, вызванными воображеніемъ, и слушателямъ начинало казаться, что они сами видятъ то, что имъ такъ краснорѣчиво описывали

И вотъ на эти рассказы, всегда въ которой-нибудь изъ горницъ на антресоляхъ съ низкимъ потолкомъ, въ такъ называемыхъ дѣвичьихъ, и попадала иногда графиня Анна Алексѣвна, вернувшись изъ Петербурга, откуда она съ какого-нибудь блестящаго бала во дворцѣ или въ собственномъ домѣ мчалась въ дорожной каретѣ въ деревню, къ своему монастырю, къ Фотію, къ любимымъ занятіямъ. Ей докладывали, что такая-то или такой-то вернулся со странствованія и рассказываетъ о видѣнномъ и слышанномъ въ дѣвичьей. Вотъ и просирки, и лѣстовки, и образки, и святая ватка въ коробочкѣ, и святая водица въ пузырькахъ, бережно донесенныхъ изъ дальнихъ странъ для благодѣтельницы графинюшки...

Графиня кидается къ столу близъ кіота, на которомъ всѣ эти приношенія разложены, прикладывается къ образкамъ, разсматриваетъ четки, приказываетъ спрятать въ надежное мѣсто масло, воду и вату, торопливо переодѣвается изъ дорожнаго платья въ домашній шлафрокъ и весело бѣжитъ слушать чудные рассказы, отъ которыхъ, какъ воскъ передъ огнемъ, какъ тьма передъ свѣтомъ, таютъ и испаряются впечатлѣнія свѣтскихъ призрачныхъ утѣхъ, въ то время какъ душа постепенно очищается отъ всего мірскаго и тлетворнаго, чтобъ наполниться небеснымъ блаженствомъ.

Въ свѣтѣ никто не могъ упрекнуть ее въ притворствѣ и въ подражаніи кому бы то ни было или чему бы то ни было, царившей модѣ или оригинальностямъ выдающихся людей въ Россіи и въ Европѣ. Всюду отличалась она естественностью и простотой, но нигдѣ не была такъ вполне сама собой, какъ у себя дома, въ деревнѣ; нигдѣ не хохотала она такъ звонко и весело надъ каждымъ пустякомъ, нигдѣ не производила такого впечатлѣнія наивнаго, жизнерадостнаго существа, дѣтски-веселаго и беззаботнаго, какъ здѣсь, среди многочисленной дворни и великаго множества прирѣнныхъ ею сиротъ и несчастныхъ, составлявшихъ, по истинѣ, ея семью. Разговоры ея съ ними отличались такимъ знаніемъ русской народной души, что невольно заставляли забывать о ея состояніи и общественномъ положеніи, и не рѣдки бывали такія минуты, когда послѣдній изъ этихъ парій судьбы считалъ себя ей вполне равнымъ.

Да они и были ей равны во Христѣ, Котораго она исповѣдывала съ ними едиными устами и единымъ сердцемъ.

Веселая и душевная ясность этой духовной дочери одного изъ строжайшихъ аскетовъ и фанатиковъ нашей церкви оставила такое впечатлѣніе въ душѣ маленькой дочери Вѣры Николаевны Воейковой, что, какъ она мнѣ созналась, иначе, какъ смѣющейся и добродушно шутящей со своими друзьями и домашними, Марья Алексѣвна не могла себѣ представить графиню Анну Алексѣвну Орлову.

Не доказываетъ ли это, что душа ея обрѣла то, чего искала, тотъ душевный покой, къ которому тщетно стремилась до встрѣчи съ Фотиємъ?

Не менѣе тернистымъ путемъ достигла и Вѣра Николаевна мирной пристани среди земныхъ невзгодъ, обрушившихся на нее съ особенной силой и жестокостью въ очень юные годы, когда она еще только готовилась къ жизни, ничего, кромѣ радостей, ей не сулившей.

Племянницы Державина занимали со своей воспитательницей, французской эмигранткой хорошей фамиліи и прекрасно образованной, отдѣльное помѣщеніе въ домѣ дяди, гдѣ происходили тогда знаменитые литературные вечера, посѣщаемые выдающимися писателями и вліятельнѣйшими государственными дѣятелями столицы.

Для тогдашней образованной молодежи было большою честью получить приглашеніе на эти вечера, и надо было, чтобъ флигель-адъютантъ Воейковъ, правитель секретной военной канцеляріи Барклай-де-Толли, отличался выдающимися познаніями и умомъ, чтобъ на нихъ попасть.

Барышни Львовы, хотя въ то время ужъ невѣсты, присутствовали на этихъ литературныхъ вечерахъ съ хоръ большой залы, съ большимъ столомъ посреди, за которымъ сидѣли литераторы и почетные гости за чтеніемъ рукописей и за бесѣдой о прочитанномъ.

И вотъ на одномъ изъ этихъ вечеровъ Вѣра Николаевна, тогда семнадцатилѣтняя дѣвушка, увидѣла въ первый разъ молодого красавца Воейкова и полюбила его раньше, чѣмъ успѣла перемолвиться съ нимъ словомъ.

Если сверху не только слушали, но и смотрѣли на чтецовъ и ораторовъ, то и снизу многіе засматривались на хорошенькихъ слушательницъ, и, такъ какъ сердце сердцу вѣсть подаетъ, Воейковъ, любясь не спускавшей съ него глазъ красоткой, почувствовалъ, что только съ нею можетъ быть счастливъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ онъ и то, что препятствій къ осуществленію этой мечты немало: Гавріиль Романовичъ и Дарья Алексѣевна Державины имѣли полное право быть разборчивыми въ выборѣ жениховъ для своихъ пріемныхъ дочерей, а Воейковъ, хотя и хорошей русской фамиліи, ни знатностью, ни большимъ состояніемъ не обладалъ. Одна надежда оставалась на карьеру, блестяще начинавшуюся, благодаря довѣрію, оказываемому ему монархомъ. О довѣрїи этомъ уже говорили въ городѣ, и вѣрнѣйшій признакъ успѣха былъ налицо: у Воейкова уже стало появляться много враговъ и завистниковъ, о чемъ онъ, разумѣется, и не подозрѣвалъ, какъ всякій честный человѣкъ, судя другихъ по себѣ.

По дѣламъ службы ему приходилось часто имѣть сношенія съ всемогущимъ тогда царскимъ любимцемъ, Сперанскимъ, и работать съ сподвижникомъ и другомъ этого послѣдняго, Магницкимъ.

Оба эти государственные дѣятели, отличавшіеся выдающимся умомъ и талантливостью, оцѣнили молодого человѣка и не скрывали своего къ нему расположенія. Сперанскій говорилъ про него государю, какъ о человѣкѣ, подающимъ большія надежды, и пронесся слухъ, будто государь сказалъ однажды Аракчееву про Воейкова: «Это нашъ будущій военный министръ».

И слухъ этотъ уже потому нельзя считать лишеннымъ основанія, что онъ переданъ былъ Воейкову самимъ Сперанскимъ.

Вотъ въ какомъ положеніи былъ Воейковъ, когда рѣшился просить руки любимой дѣвушки.

Предложеніе было принято, и Вѣра Николаевна сдѣлалась невѣстой.

Вѣроятно, раньше, чѣмъ дать окончательное согласіе на этотъ бракъ, старшіе пытались представить ей и невыгодныя стороны ея выбора, да и самъ Воейковъ понималъ, что ему придется много потрудиться, чтобъ достигъ положенія, достойнаго дѣвушки, ввѣрявшей ему такъ довѣрчиво свою судьбу; но онъ былъ молодъ, влюбленъ до безумія, и фортуна такъ привѣтливо улыбалась ему до сихъ поръ, что сомнѣваться въ ея милости къ нему въ будущемъ было трудно.

Ихъ обручили, но вѣнчаніе было отложено на неопредѣленное время: война съ Наполеономъ надвигалась, все меньше и меньше представлялось надеждъ ея избѣжать, и военному человѣку, какимъ былъ до мозга костей Воейковъ, нечего было и думать о семейной жизни, пока отечество въ опасности. Оба они считали для себя великимъ счастьемъ быть уже связанными другъ съ другомъ обрученіемъ и они вполнѣ наслаждались этимъ счастьемъ, какъ вдругъ разразилась надъ ними гроза, по неожиданности своей превышающая все, что можно было себѣ представить.

Объ этомъ событіи я не разъ слышала отъ самой тетюшки Вѣры Николаевны и отъ моего отца, но такъ какъ Иванъ Петровичъ Хрущевъ въ своемъ, вышеупомянутомъ разказѣ, приводитъ выдержки изъ записки, написанной самой Вѣрой Николаевной, я позволяю себѣ привести это мѣсто цѣликомъ¹⁾:

«Въ мартѣ мѣсяцѣ женихъ мой, прощаясь вечеромъ съ дядей Гаврииломъ Романовичемъ, говорить ему, что онъ приглашенъ на слѣдующій день обѣдать къ Михаилу Леонтьевичу Магницкому, которому прислали дикую козу, и что на этотъ обѣдъ приглашенъ также и Сперанскій. «Но я не поѣду,—продолжалъ Воейковъ:—съ тѣхъ поръ, какъ я женихомъ, я всякій день обѣдаю у васъ съ моей невѣстой и мнѣ не хотѣлось бы этому измѣнять». На это Гаврииль Романовичъ сказалъ ему: «Зачѣмъ же оставлять своихъ друзей?» и уговорилъ его ѣхать на обѣдъ. Мы простились съ женихомъ моимъ

¹⁾ «Старина и Новизна». Книга VII, стр. 140.

до послѣзавтрашняго обѣда, такъ какъ Воейковъ, занятый по службѣ у Барклая до трехъ часовъ, къ намъ обыкновенно по утрамъ не прїѣзжалъ. Но на другой день, около часу пополудни, мы очень удивились, когда увидѣли изъ окна кабинета дядюшки, что карета Воейкова быстро подъѣхала къ нашему крыльцу и онъ вбѣжалъ въ комнату очень разстроенный и объявилъ намъ, что въ эту ночь Сперанскій и Магницкій оба увезены изъ Петербурга съ фельдъегерями неизвѣстно куда.

«Я это узналъ сейчасъ отъ Барклая,—продолжалъ Воейковъ,—и сказалъ ему, что теперь же поѣду къ женѣ Магницкаго. «Не совѣтую вамъ это дѣлать», прервалъ меня Барклай, но я ему возразилъ, что не могу поступить по его совѣту и оставить жену моего хорошаго знакомаго, не провѣдавъ ее въ такую тяжелую для нея минуту. Тотчасъ же я къ ней поѣхалъ. Она, увидя меня, вскрикнула отъ удивленія: «Какъ! вы здѣсь? А мнѣ мужъ сказалъ, что и васъ тоже увезли»...

«Отъ нея прямо я прїѣхалъ къ вамъ, но долженъ тотчасъ ѣхать къ Барклаю, чтобъ узнать, что значатъ слова, сказанныя мнѣ Магницкою; ими я столько же встревоженъ, сколько и удивленъ». Тогда мой женихъ простился со мною съ большою грустью, не зная, что ему предстоитъ, и поѣхалъ къ Барклаю. Барклай ѣхалъ съ докладомъ къ государю. Воейковъ просилъ его принять участіе въ этомъ дѣлѣ и узнать, что могло подать поводъ къ слуху о томъ, что и онъ, Воейковъ, сосланъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ и Магницкимъ? Дождавшись возвращенія Барклая отъ государя, Воейковъ узналъ отъ военнаго министра, что съ сохраненіемъ званія флигель-адъютанта онъ назначенъ командовать бригадой 27-й дивизіи, которая подъ начальствомъ Невѣровскаго находилась въ окрестностяхъ Москвы, и удаленъ отъ занимаемой имъ теперь должности. Оскорбленный этимъ удаленіемъ, Воейковъ спросилъ у Барклая: «Почему же такая ко мнѣ немилость отъ государя?» «Его величество,—сказалъ Барклай,—спросилъ у меня: доволенъ ли я вами по службѣ? Я отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ вы женихомъ, то стали меньше заниматься дѣлами». «Слѣдовательно,—сказалъ государь,—надо его удалить!» «А вы за меня не вступились?» спросилъ Воейковъ у Барклая. «Если бы я заступился за васъ,—отвѣчалъ Барклай:—то, можетъ быть, и я лишился бы своего мѣста.—Впрочемъ, продолжалъ Барклай,—никто изъ полковниковъ не командуетъ бригадой. Ваше назначеніе есть награда». «Я не просилъ этой награды,—сказалъ Воейковъ,—и вижу ясно въ удаленіи отъ занимаемой мною должности немилость и то, что я лишился довѣрія государя».

Можно себѣ представить, въ какомъ ужасномъ душевномъ смятеніи отправился женихъ Вѣры Николаевны къ мѣсту своего поваго служенія! А политическій горизонтъ все больше и больше заволакивался, набрасывая и на дѣло Магницкаго сгущающуюся съ каждымъ днемъ все мрачнѣе и мрачнѣе тѣнь. Клевета разраста-

лась, все громче и громче говорили объ его, будто бы доказанномъ, предательствѣ родины; предположенія превращались въ совершившіеся, якобы, факты; называли имена людей, черезъ которыхъ происходили его сношенія съ Бонапартомъ, день и часъ. этихъ преступныхъ переговоровъ; придуманныя подробности всѣми принимались на вѣру съ жадностью; взволнованные предчувствіемъ грядущихъ бѣдъ умы искали съ безуміемъ отчаянія козла отпущенія, на котораго можно было излить ярость. Всѣ были злы на Сперанскаго, даже и тѣ, которые не вѣрили его измѣнѣ; ему ставили въ вину, что, имѣя на то возможность, онъ не предупредилъ катастрофы. Вліяніе его на Александра преувеличивали во сто кратъ. Все, рѣшительно все ставили ему въ вину: и то, что онъ говорилъ, и то, что умалчивалъ, и проницательность его—зачѣмъ не все предвидѣлъ, и осторожность—зачѣмъ не дѣйствовалъ смѣлѣе, и самонадѣянность—зачѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтовался. Ставили ему въ вину и то, что у него много враговъ и что есть друзья...

Къ этимъ послѣднимъ, по всеобщему мнѣнію, принадлежалъ Воейковъ, и всѣ спрашивали съ изумленіемъ: почему Воейковъ до сихъ поръ не разстрѣлянъ? И умилялись передъ ангельскою добротою и великодушіемъ государя.

Каково было Вѣрѣ Николаевнѣ жить цѣлыхъ четыре года подъ градомъ клеветъ на любимаго человѣка, не имѣя возможности заступиться за него, громко объявить, что это ложь, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, что благороднѣе его нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Надо было молчать и притворяться, что не понимаешь тонкихъ намековъ, загадочныхъ улыбокъ, и, что, можетъ быть, было еще тяжелѣе, выслушивать соболѣзную вздохи и участливые совѣты отказаться отъ недостойнаго, забыть его, искать счастье съ другимъ.. Можно себя представить, какъ тяжело ей было показываться въ обществѣ, встрѣчаться съ людьми, не раздѣлявшими ея убѣжденія въ его невинности, не подавая виду о терзавшей ей сердце пыткой! Къ счастью, самые близкіе, Державины мужъ съ женой, братья ея и сестры и еще кое-кто изъ родственниковъ, поняли, что она изъ тѣхъ, которыя, отдавши сердце, назадъ его не берутъ, и къ тому же, убѣжденные въ томъ, что Воейковъ терпитъ напраслину, выказывали ей, насколько это было возможно, сочувствіе и по мѣрѣ силъ и возможности берегли ее отъ неприятныхъ встрѣчъ и нелѣпыхъ слуховъ, сокрушаясь въ глубинѣ души надъ печальной судьбой, ожидавшей ее съ человѣкомъ, имѣвшимъ несчастье утратить навсегда довѣріе царя. На него всѣ смотрѣли, какъ на конченнаго навѣки человѣка, которому ни за что не подняться, что бы онъ для этого ни дѣлалъ, какъ бы ни доказывалъ свою любовь къ родинѣ и преданность къ жестокому монарху.

Какъ были заживо похоронены Сперанскій и Магницкій, такъ и Воейковъ. Таинственная, до сихъ поръ не раскрытая интрига,

ловко выплетенная изъ искусно подобранныхъ фактовъ и пригнанной ко времени и къ мѣсту клеветы, такой густой, непроницаемой паутиной опутала ихъ, что никогда, кажется, не проникнуть въ нее ни единому лучу истины.

Женихъ съ невѣстой были въ перепискѣ и по временамъ видались, когда Воейкову представлялась возможность прїѣзжать въ Петербургъ, всегда, разумѣется, на самое короткое время, и всегда, безъ сомнѣнія, уѣзжалъ онъ обратно на тяжелую, опасную службу съ переполненнымъ горечью, печалью и недоумѣниемъ сердцемъ: не могъ онъ не видѣть, что пущенная на него клевета отъ времени не разсѣвается и что многіе изъ тѣхъ, которые раньше ей не вѣрили, начинаютъ мало-по-малу колебаться и поддаваться всеобщему мнѣнію, что есть же что-нибудь, если до сихъ поръ, невзирая на все его военные подвиги и на получаемыя награды, государь продолжаетъ отъ него отвергиваться и прежняго довѣрія ему не возвращаетъ.

Изъ всѣхъ претерпѣваемыхъ нравственныхъ мукъ послѣдняя была тяжелѣйшая и невыносимѣйшая.

Невинно пытаемый безжалостно человѣкъ продолжалъ попрежнему обожать своего мучителя и жить одною мыслью, однимъ желаніемъ—оправдаться передъ нимъ въ взведенной клеветѣ. Но время шло, а такъ страстно лелѣянная мечта отдалялась все дальше и дальше: къ сердцу государя для Воейкова доступна не открывалось; какъ и въ ужаснѣйшія минуты страха за родину, когда ручьями лилась за нее русская кровь, часто безъ надежды на успѣхъ, такъ и въ свѣтлые дни радостнаго торжества сердце царя оставалось для него холодно и полно таинственной непроницаемости.

Надо понимать чувства и міросозерцаніе тогдашнихъ людей, надо знать, что такое былъ для нихъ царь и что онъ собою олицетворялъ, чтобъ представить себѣ душевныя терзанія Воейкова. Только въ молитвѣ да въ любви къ невѣстѣ находилъ онъ утѣшеніе и силу нести посланный крестъ до конца. Страданія очищали ему душу, и онъ ужъ сдѣлался христіаниномъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, когда рѣшилъ не бороться больше съ судьбой, отказаться отъ надежды оправдаться передъ царемъ и, бросивъ любимую службу, уединиться въ деревню.

Та, которую онъ уже называлъ своею женою передъ Богомъ, разумѣется, не задумываясь, на все согласилась. И ея душа также окрѣпла и очистилась во время четырехлѣтняго испытанія; невинная, неопытная дѣвочка превратилась въ женщину съ сильной волей, съ опредѣленными воззрѣніями на долгъ и на совѣсть, съ яснымъ пониманіемъ того, чего Господь требуетъ отъ человѣка.

Можно себѣ представить, какъ испугались ея рѣшенія родные! Какъ отговаривали ее, какъ умоляли ждать, чтобъ положеніе ея жениха измѣнилось къ лучшему, въ какихъ черныхъ краскахъ

изображали передъ нею жизнь въ глуши, безъ общества, безъ развлеченій, безъ всего, къ чему она привыкла съ тѣхъ поръ, какъ стала себя понимать...

И надо знать, что была тогда Тамбовская губернія, чтобъ понимать эти страхи и опасенія. Но развѣ есть что-нибудь на свѣтѣ, что одолѣло бы истинную любовь? Пришлось уступить и, скрѣпя сердце, благословить ее на новую жизнь.

Къ жизни этой Воейковъ такъ стремился, что у входа въ Парижъ, когда торжествующій Александръ I, въ свитѣ котораго онъ находился, объявилъ во всеуслышаніе, что это счастливѣйшая минута въ его жизни, при чемъ глаза его, все съ тѣмъ же загадочнымъ выраженіемъ, съ которымъ онъ всегда смотрѣлъ на свою жертву, упорно остановились на Воейковѣ, какъ бы вызывая его на откровенность, этотъ послѣдній осмѣлился принять вызовъ и... просить позволенія вернуться въ Россію.

— Какъ? не увидавши Парижа?

— У меня въ Россіи невѣста, ваше величество,—отвѣчалъ Воейковъ.

— Поѣзжай,—отрывисто произнесъ государь и, пожавъ плечами, отвернулся отъ него.

Кто знаетъ! Ему было, можетъ быть, досадно, что жертва отъ него ускользаетъ. Загадочная была натура у Александра Перваго!

Сцену эту я не разъ слышала отъ самой Вѣры Николаевны, также какъ и описанное ею въ вышеупомянутой запискѣ свиданіе ея мужа со Сперанскимъ, первое и послѣднее послѣ катастрофы, исковеркавшей земную жизнь ихъ обоихъ... для того, можетъ быть, чтобъ приблизить ихъ къ Богу?

Отправляясь, послѣ вѣнчанія, въ дальній путь, Алексѣй Васильевичъ рѣшилъ остановиться въ Новгородѣ, чтобъ повидаться съ опальнымъ Сперанскимъ, сосланнымъ въ его имѣніе Новополе. Оставивъ молодую жену въ Новгородѣ, онъ поѣхалъ къ невольному виновнику его несчастья и пробылъ у него нѣсколько часовъ.

О чемъ они разговаривали все время, неизвѣстно. Очень можетъ быть, что не о политикѣ, а о предметахъ, въ то время гораздо больше занимавшихъ ихъ обоихъ и имѣвшихъ гораздо больше отношенія къ будущей вѣчной жизни, чѣмъ къ земной. Какъ бы тамъ ни было, но Алексѣй Васильевичъ врядъ ли узналъ въ Новопольѣ что-нибудь такое, что открыло бы ему хотя бы крошечный уголокъ окутавшей его непроницаемой тайны. Съ этой неразгаданной тайной онъ и скончался девять лѣтъ спустя. И кто знаетъ, не отняло ли у него послѣднюю надежду на ея раскрытіе то, что сказалъ ему Сперанскій, на его вопросъ: какъ могъ онъ удовлетвориться рескриптомъ государя, о которомъ въ то время съ недоумѣніемъ говорила вся Россія?

Въ рескриптѣ были такія слова: «по пересмотрѣ поступковъ Сперанскаго, къ подозрѣнію не найдено убѣдительныхъ причинъ,

но вмѣстѣ съ тѣмъ ему дается способъ усердною службою вполне очистить себя».

Этимъ рескриптомъ Сперанскій назначался пензенскимъ губернаторомъ ¹⁾.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, чувствуя себя вполне правымъ, спросилъ бы: въ чемъ же я виноватъ?—сказалъ Воейковъ.

— А я точно виноватъ передъ государемъ,—возразилъ Сперанскій.

И подробно разсказалъ ему событіе, къ которому государь придрался, чтобъ удалить его, при обстоятельствахъ столь же позорныхъ для его чести, какъ государственнаго дѣятеля, такъ и русскаго человѣка.

Въ концѣ 1811-го года Сперанскій узналъ черезъ Магницкаго, что Балашовъ съ Армфельдомъ желаютъ имѣть съ нимъ свиданіе и просятъ назначить имъ для этого день и часъ. На просьбу эту Сперанскій сначала отвѣчалъ отказомъ, но затѣмъ Магницкій, не понимая причины его нежеланія видѣть этихъ господъ, такъ настойчиво возвращался къ ихъ просьбѣ, что Сперанскій наконецъ уступилъ. Въ назначенный часъ оба явились и выразили ему слѣдующую просьбу: чтобъ Сперанскій дозволилъ имъ пріѣзжать къ нему на совѣщаніе передъ докладомъ государю о дѣлахъ, касающихся ввѣренныхъ ихъ управленію вѣдомствъ. Имъ, дескать, дѣла эти извѣстнѣе, чѣмъ ему, и было бы желательно, чтобъ докладъ о нихъ дѣлался послѣ совѣщанія съ ними...

Дерзость этого предложенія испугала Сперанскаго. Онъ слишкомъ хорошо зналъ государя, чтобъ не понять, какъ разгнѣваетъ его, что мысль о чемъ-либо похожемъ на стачку могла прійти въ голову людямъ, поставленнымъ имъ во главѣ разныхъ вѣдомствъ подъ непосредственнымъ контролемъ тогдашняго его любимца, Сперанскаго.

— Перестаньте! что вы говорите!—сказалъ Сперанскій Балашову.—Оставьте все это. Вы не знаете государя. Прошу васъ, чтобъ разговоръ этотъ канулъ въ воду навѣкъ, чтобъ не было о немъ помину ни отъ меня, ни отъ васъ. Ручаюсь съ своей стороны, что я забылъ все сказанное вами ²⁾.

Онъ сдержалъ свое слово, не смотря на совѣтъ Магницкаго тотчасъ же сообщить государю о сдѣланномъ ему предложеніи. И это погубило его, или, по крайней мѣрѣ, послужило поводомъ къ его гибели.

Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ продолжалъ онъ пользоваться милостивымъ вниманіемъ государя, который никогда еще не выказывалъ

¹⁾ Изъ записки Вѣры Николаевны Воейковой въ статьѣ Хрущева. «Старина и Новизна», книга VII, стр. 144.

²⁾ Слова Вѣры Николаевны изъ записки ея, приведенной Хрущевымъ. «Старина и Новизна», стр. 145.

ему столько доброты и довѣрія. И вдругъ въ половинѣ марта мѣсяца онъ спросилъ у него, по окончаніи доклада: «Скажи мнѣ, почему ты вздумалъ сдѣлать предложеніе Балашову и Армфельду прѣзжать къ тебѣ передъ каждымъ докладомъ и ужъ по обсужденіи доводить дѣло до моего свѣдѣнія?»¹⁾

Сперанскій, пораженный такою низостью и клеветой, объяснилъ, какъ было дѣло; но было ужъ поздно.

— Вѣрю,—сказалъ государь:—положимъ, что такъ и было; но какъ же въ то самое время ты меня не предупредилъ и не рассказалъ о ихъ намѣреніяхъ?

Сперанскій отвѣтилъ, что не сдѣлалъ этого, потому что считалъ это подлостью. Онъ ихъ прогналъ и сказалъ имъ, чтобъ объ этомъ никогда больше не было рѣчи.

Но государь стоялъ на своемъ.

— Ты все-таки долженъ былъ мнѣ про это сказать. Вѣдь это былъ бы триумвиратъ... И въ то самое время, когда я думаю ѣхать въ армію и оставляю дѣла на твое пощеченіе!

И къ этому онъ прибавилъ, что ждалъ откровенности Сперанскаго съ октября мѣсяца (что доказываетъ, съ какою поспѣшностью дѣйствовали враги Сперанскаго) и нарочно оставлялъ его подолгу послѣ доклада въ своемъ кабинетѣ, бесѣдуя о постороннихъ вопросахъ, чтобъ дать ему возможность высказаться и оправдаться. И опять повторилъ:

— Ты знаешь, какое я къ тебѣ имѣлъ довѣріе! Какъ я тебя любилъ! Никогда я отъ тебя этого не ожидалъ! Какъ могъ ты отъ меня скрыть такое важное обстоятельство?

Тронутый до глубины души, Сперанскій сознался, что онъ виноватъ.

— И виноватъ безъ оправданія,—продолжалъ государь.— Грустно мнѣ и тяжело, что я въ тебѣ ошибся. Теперь не могу больше имѣть къ тебѣ довѣрія.

— Безъ вашего довѣрія могу ли я продолжать служить?—спросилъ Сперанскій.

— Ты удаленъ,—отвѣчалъ государь.

И опять, обнявъ его со слезами, онъ сказалъ ему, что позаботится о судьбѣ его дочери, чтобъ онъ о ней не безпокоился. Провожая его, государь плакалъ и повторялъ, какъ ему тяжело, какъ грустно было въ немъ ошибиться.

— Я такъ тебя любилъ, я такъ тебѣ вѣрилъ!

Вернувшись домой, Сперанскій засталъ у себя Балашова, занятаго опечатываніемъ его бумагъ...

Каково имъ было смотрѣть другъ на друга въ эту минуту!

¹⁾ «Старина и Новизна», кн. VII, стр. 145.

Вотъ что разсказаль Сперанскій Воейкову при послѣднемъ съ нимъ свиданіи, вотъ какъ объяснилъ онъ причину постигшаго его несчастія. И сомнѣваться въ истинѣ его словъ нѣтъ основанія. Все это была сушая правда, но, какъ намъ кажется, не вся. Какъ ни ловко была подведена врагами Сперанскаго интрига противъ него, не Александру I было попасть въ ловушку и не Сперанскому повѣрить такому объясненію. Слишкомъ хорошо зналъ онъ своего царя!

Да и Воейковъ врядъ ли не сознавалъ, въ глубинѣ души, отгѣнка горькой ироніи въ словахъ Сперанскаго, когда онъ передавалъ ему свой послѣдній разговоръ съ государемъ.

Посѣщеніе невинно пострадавшаго за него человѣка не могло не тронуть Сперанскаго до глубины души, и онъ деликатно выразилъ ему свою благодарность, собственноручно нарвавъ малины для молодой женщины, уѣзжавшей, благодаря ему, въ дальнюю ссылку съ любимымъ мужемъ.

Вѣра Николаевна къ этому прибавляетъ, что ей было «очень пріятно видѣть откровенность и дружбу Сперанскаго къ ея мужу»...

Но и она, безъ сомнѣнія, понимала, что объясненіе Сперанскаго имѣло цѣлью только дать имъ хотя бы на чемъ-нибудь успокоиться относительно причинъ рокового событія, оставшагося, можетъ быть, и для него самого навсегда необъяснимымъ.

Тайна осталась тайной.

Прошло девять лѣтъ, и мракъ не разсѣвался. Если бъ Вѣра Николаевна вѣрила объясненію Сперанскаго, это какъ-нибудь выразилось бы въ ея разговорахъ съ близкими по этому предмету и она не повторяла бы вмѣстѣ со всѣми, что какъ ссылка Сперанскаго, такъ и опала ея мужа—неразгаданная тайна, которую Александръ I унесъ въ могилу.

Еще разъ повторяю, все, что она пишетъ въ своей запискѣ, чистая правда, все это именно такъ и было, какъ она передаетъ, все это способствовало косвенно ихъ несчастью, но все это: интрига Балашова и Армфельда относительно Сперанскаго, а также двуличность Барклая и коварство враговъ и завистниковъ Воейкова—не представляетъ собою главной и единственной причины удаленія Сперанскаго и преслѣдованія Воейкова.

Перваго хотѣли ласками вынудить на откровенность, а, можетъ быть, имѣли въ виду заставить второго высказаться посредствомъ нравственной, долгой пытки, которою не переставали терзать его даже и тогда, когда онъ удалился отъ свѣта и навсегда отказался отъ государственной дѣятельности.

Предположеніе это отчасти подтверждается слѣдующимъ фактомъ.

Въ 1824-мъ году между государемъ и Воейковымъ произошло свиданіе, при которомъ подтвердилось, что государь все еще продол-

жалъ питать къ нему злобное чувство, чего-то отъ него ждалъ и въ досадѣ за непониманіе его желанія не упустилъ случая больно его уязвить: проѣздомъ черезъ Тамбовъ, замѣтивъ въ толпѣ дворянъ, явившихся его привѣтствовать, Воейкова, государь, пристально и вызывающе на него взглянувъ, бросилъ ему такой вопросъ:

— А весело жить въ деревнѣ?

Эти жестокія слова были послѣдними, слышанными Воейковымъ отъ монарха. Государь прошелъ дальше, не оборачиваясь.

Въ слѣдующемъ 1825 году оба предстали передъ судомъ Высшняго. Въ іюнѣ этого года Алексѣй Васильевичъ Воейковъ скончался, проѣздомъ въ Ольшанку, въ селѣ Разказовѣ, у друзей своихъ Полторацкихъ, съ которыми онъ былъ въ свойствѣ, такъ какъ братъ его Александръ Васильевичъ былъ женатъ на сестрѣ Александра Александровича, Агафоклеѣ Александровнѣ.

Съ этой послѣдней я впоследствии познакомилась въ Москвѣ и по временамъ видалась съ нею, до ея смерти, послѣдовавшей въ восьмидесятыхъ годахъ. То, что она мнѣ рассказала про нашихъ общихъ съ нею родственниковъ, которыхъ она знала много раньше и лучше меня (скончалась она лѣтъ подъ девяносто, въ полной памяти), подтверждаетъ меня въ убѣжденіи, что Алексѣй Васильевичъ Воейковъ умеръ, не узнавъ тайны, безъ сомнѣнія, на много лѣтъ сократившей его жизнь; трудно бороться съ болѣзнію организму, хотя и молодому, но потрясенному такими нравственными муками, какъ тѣ, которыя онъ испытывалъ въ продолженіе цѣлыхъ тринадцати лѣтъ. И кто знаетъ, не были ли послѣднія слова, обращенныя къ нему обожаемымъ царемъ, каплей, переполнившей чашу его страданій.

Что же касается до сужденій современниковъ объ этихъ событіяхъ, то они возымѣли вліяніе и на исторію того времени, и мнѣ припоминаются по этому поводу запальчивые протесты тетушки Вѣры Николаевны на передачу и освѣщеніе фактовъ въ исторіи 1812-го года Михайловскаго-Данилевскаго. На каждой страницѣ прерывала она мое чтеніе восклицаніями:

— Ахъ, какая неправда! Ахъ, какой онъ подлянка! Вотъ какъ было дѣло, посмотри!

И она вынимала изъ портфеля пожелтѣвшіе планы, раскладывала ихъ на столѣ и старалась заставить меня понять, какъ отдалается отъ истины историкъ, утверждая, что такая-то дивизія стояла тамъ-то и сдѣлала то-то, когда она оставалась совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ и по такимъ-то и такимъ-то причинамъ.

Это были планы, набросанные ея мужемъ на полѣ сраженія и снабженные его замѣтками, начертанными тоже во время сраженія.

Очень огорчало ее и возмущало замалчиваніе, по ея убѣжденію, умышенное, подвиговъ ея покойнаго друга, и я увѣрена, что она и въ этомъ усматривала таинственную интригу противъ Сперанскаго,

запутавшую мимоходомъ каждаго, кто, какъ Воейковъ, имѣлъ несчастье, такъ или иначе, попасть въ орбиту этой кометы. Для стремящихся къ его низверженію всѣ средства были хороши и ничѣмъ не пренебрегали для достиженія цѣли. Не слѣдуетъ забывать, вспоминая то время, что съ 1772 года по 1820 іезуитское ученіе успѣло развиться и приносить плоды по всей Россіи.

Въ нашихъ саратовскихъ степяхъ іезуиты плохо уживались, и отъ ихъ пропаганды даже и въ самомъ Саратовѣ, гдѣ они, повидимому, свили себѣ прочное гнѣздо, гдѣ у нихъ была семинарія и множество духовныхъ дѣтей въ лицѣ сосланныхъ поляковъ и поселившихся навсегда французскихъ эмигрантовъ и плѣнныхъ послѣ войны 1812 года, совращенія изъ православія въ католичество являлись рѣдкими, единичными явленіями.

Можетъ быть, тому способствовала близость къ народу, у котораго ордену Лойолы искать было нечего.

Во всякомъ случаѣ, если наши аристократки и тяготѣли къ иноземцамъ и къ иновѣрцамъ, то дѣлалось это такъ секретно, что только благодаря выходящей изъ ряду вонъ случайности можно было объ этомъ догадаться.

Благодаря нашей Аннѣ Родіоновнѣ, мы нѣкоторыхъ изъ этихъ иновѣрцевъ коротко узнали. Выше я сказала, что, какъ полька по рожденію, она не могла не только избѣгать польскаго общества, но и не находить въ немъ несравненно больше удовольствія, чѣмъ въ русскомъ, гдѣ на нее смотрѣли, какъ на гувернанку, и часто довольно-таки безцеремонно давали понять, что принимаютъ ее только изъ-за меня, а что къ обществу, въ которое она являлась изрѣдка, когда паленька посылалъ меня съ визитомъ къ какой-нибудь почтенной дамѣ, она не принадлежитъ.

Въ томъ «культурномъ» кружкѣ изъ иноземцевъ къ ней относились иначе, считали за честь ее принимать, сажали на первое мѣсто и занимали ее, какъ почетную гостью. Такъ было у Малаховскихъ, гдѣ я въ первый разъ увидѣла м-ль де-Вилларъ, преинтересную личность, принадлежавшую къ іезуитскому ордену, разумѣется, тайно, такъ какъ іезуиты были ужъ тогда давно изгнаны изъ Россіи и если нѣкоторые изъ нихъ и продолжали у насъ жить, то подъ разными личинами и тщательно скрывая настоящее свое положеніе. Безъ сомнѣнія, у нихъ была цѣль продѣлывать комедіи притворства, заискиванія передъ высшими, подкупая низшихъ, подкупая всѣмъ, чѣмъ только можно соблазнить человѣка: услугами, любезностью, лестью, деньгами, наконецъ; все было пущено въ ходъ и такъ искусно и предусмотрительно, что, можетъ быть, еще много лѣтъ пройдетъ раньше, чѣмъ послѣдствія пребыванія іезуитовъ въ Саратовской губерніи будутъ оцѣнены по справедливости.

Вотъ что я помню изъ того времени, когда я еще мало способна была понимать и наблюдать, про типичнѣйшую представительницу ордена іезуитовъ, м-ль де-Вилларъ.

У Малаховскихъ наша Анна Родіоновна бывала довольно часто одна, но иногда брала и меня съ собою, особенно во время отсутствія папеньки, который часто ѣздилъ ревизовать удѣльные селенія, раскинутыя по всей губерніи. Самъ Малаховскій, добродушный, высокій и плотный сторикъ съ ласковыми манерами, былъ докторъ, и, какъ попалъ въ Саратовъ, сказать не могу. Жена его, тоже чрезвычайно любезная и гостепріимная, была, кажется, много его моложе и очень миловидная; дочка, годомъ или двумя меня старше, стройная, худощавая брюнетка, съ правильными чертами смуглаго лица и съ прекрасными черными глазами. Она была одна дочь у родителей, которые ее обожали и, въ полномъ смыслѣ этого слова, жили только для нея, не щадя ничего ни для ея здоровья, ни для ея образованія. И дѣвочка, звали ее Ольгой, росла прелестная, живая, умненькая, съ прекрасными манерами, говорила по-французски, какъ на родномъ польскомъ языкѣ, такъ и на русскомъ, по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобъ въ ея акцентѣ или выраженіяхъ было что-нибудь напоминающее говоръ ея родителей, не безъ труда объяснявшихся по-русски.

Ольга Малаховская была несравненно лучше меня воспитана, къ ней ходили лучшіе въ городѣ учителя и такую выдержанную дѣвочку мнѣ рѣдко и впоследствии приходилось видѣть. Малаховскіе жили въ маленькомъ домѣ съ очень большимъ садомъ, и у нихъ всегда можно было встрѣтить прелата Щита и разныхъ аббатовъ въ сутанахъ, а также ксендза саратовскаго католическаго костела, очень скромнаго старичка, совершенно подавляемаго своими важными коллегами изъ католической семинаріи.

Обыкновенно, когда мы пріѣзжали, все общество какъ-то незаметно стушевывалось: всѣ незаметно, одинъ за другимъ, за исключеніемъ прелата, расходились по сосѣднимъ комнатамъ, на террасу или въ садъ; а когда мы туда приходили, черныя сутаны ретировались еще дальше, подъ тѣнь густыхъ темныхъ деревьевъ, въглубь сада и въ разговоры съ нами, дѣтьми, никогда не вступали, но съ Анной Родіоновной весьма развязно бесѣдовали, когда насъ тутъ не было. Живая и болтливая Оленька никогда не проговаривалась ни единымъ словомъ насчетъ этихъ гостей и чрезвычайно искусно умѣла уклоняться отъ всякихъ нескромныхъ на ихъ счетъ вопросовъ. Впрочемъ, любопытничали только мои братья, я же и тогда уже чувствовала себя настолько чуждой въ этомъ обществѣ, что ни съ кѣмъ здѣсь настолько сблизиться не могла, чтобы высказывать то, что думаю и чувствую.

И вотъ въ одинъ прекрасный день выбѣжавшая къ намъ на встрѣчу въ прихожую г-жа Малаховская объявила Аннѣ Родіо-

новнѣ, что у нихъ м-ль де-Вилларъ. Видѣ у нея былъ взволнованный и торжествующій.

Извѣстіе это, произнесенное таинственнымъ шопотомъ, привело нашу воспитательницу въ смятеніе, и она нѣсколько мгновеній раздумывала, входить намъ, или вернуться назадъ. Но передъ дверью, растворенной въ небольшую залу съ фортепьянами, появилась добродушная фигура хозяина съ громкимъ привѣтствіемъ, и отступить оказалось уже поздно.

— Пожалуйте, пожалуйста, достопочтенная Анна Родіоновна! Мы только что говорили про васъ, м-ль де-Вилларъ давно желаетъ съ вами познакомиться! Здравствуйте, милая барышня, наша Олечка очень по васъ соскучилась,—прибавилъ онъ, какъ всегда цѣлуя руку, сначала у Анны Родіоновны, а потомъ у меня.

И у него тоже былъ какой-то праздничный видъ.

Мы вошли въ залу, въ которой слышался оживленный говоръ изъ гостиной, и тутъ намъ объяснили, что м-ль де-Вилларъ пріѣхала сюда изъ деревни, гдѣ она жила у какихъ-то помѣщиковъ.

И госпожа Малаховская, пригнувшись къ самому уху Анны Родіоновны, съ восхищеніемъ къ этому прибавила:

— Дѣло съ Фламмъ налаживается... она здѣсь останется!

Мадамъ Фламмъ, толстая и грубоватая пѣмка, содержала въ Саратовѣ женскій пансіонъ, въ которомъ давали уроки—нашъ учитель танцевъ, старичокъ Скоробогатовъ, и учитель русскаго языка, Лука Лукичъ Терещенко, разжалованный въ солдаты офицеръ, восторженная натура, со слезами на глазахъ рассказывавшій намъ про подвигъ Минина и Пожарскаго и дрожащимъ отъ волненія голосомъ декламировавшій стихи Жуковскаго. Мы его очень любили и усердно готовили для него уроки. Онъ занимался съ нами естественными науками настолько, насколько это въ то время считалось нужнымъ, и натаскивалъ въ карманѣ разные камни и раковины изъ своей коллекціи минераловъ, чтобы дать намъ наглядное понятіе о сокровищахъ, хранящихся въ пѣдрахъ русской земли; но что онъ особенно увлекательно преподавалъ, это географію, и этого урока мы съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали. Гдѣ научился онъ всѣмъ этимъ наукамъ, сказать не могу, во всякомъ случаѣ не въ корпусѣ. Не знаю также, какимъ образомъ попалъ онъ въ Саратовъ, гдѣ пробылъ немного лѣтъ и, если память не измѣняетъ, кончилъ жизнь свою трагически, кажется, самоубійствомъ. А разжалованъ онъ былъ въ солдаты и сосланъ на Кавказъ за оскорбленіе, нанесенное начальнику. Это мы узнали, разумѣется, случайно, и къ теплomu чувству, которое мы къ нему питали за его интересные уроки и за умѣнье заставлять насъ интересоваться родною землею и языкомъ, восхищаться хорошими русскими людьми и героями, примѣшивалась жалость къ его несчастному положенію.

Отъ этихъ учителей мы знали про пансіонъ Фламмъ, въ который отдавали своихъ дѣвочекъ тѣ изъ городскихъ жителей, которые не имѣли средствъ выписывать дорогихъ гувернантокъ или отдавать дочерей въ институты, при чемъ всѣ сѣтовали на то, что хорошимъ манерамъ дѣтямъ тамъ научиться было трудно, такъ какъ сама начальница смахивала больше на нѣмецкую кухарку, чѣмъ на воспитательницу дочерей благородныхъ семействъ.

И вотъ практичная Фламмъ стала искать особу, разумѣется, иностранку, съ хорошими манерами. Долго ей это не удавалось, наконецъ, сблизившись съ польскимъ обществомъ, а черезъ него съ черными сутанами, достигла желаемого. Должно быть, Малаховскіе гдѣ-то раньше знали м-ль де-Вилларъ, потому что переговоры съ нею велись черезъ нихъ и, когда она согласилась поступить къ мадамъ Фламмъ, то пріѣхала прямо къ нимъ.

Переговоры, предшествовавшіе ея пріѣзду, чрезвычайно волновали Малаховскихъ, а черезъ нихъ и тѣхъ въ Саратовѣ мамашъ, которыя озабочены были желаніемъ, чтобъ дочки ихъ вышли не хуже институтокъ, чего въ глухой провинціи очень было трудно достигъ безъ такихъ затратъ, которыя далеко не всѣмъ были по карману. Разговоры про то, пріѣдетъ ли сюда м-ль де-Вилларъ, или нѣтъ, мы слышали еще при жизни маменьки, которая также не совсѣмъ оставалась равнодушна къ этому вопросу. Толки объ этомъ шли съ годъ времени, а потому понятно, съ какимъ любопытствомъ воззрились мы на незнакомую личность, сидѣвшую на диванѣ передъ столомъ, накрытымъ вышитою салфеткою, съ традиціонною серебряною корзинкою, наполненной визитными карточками, и съ лампою на вязаномъ коврикѣ.

Но какъ ни было возбужденно настроено наше воображеніе, то, что мы увидѣли, превзошло всѣ наши ожиданія. Престрашное существо была эта м-ль де-Вилларъ! Худая, тощая, съ огромными черными глазами, необыкновенно живыми и выразительными, съ длиннымъ тонкимъ носомъ и узкими губами характернаго рта, еле замѣтной розовой полоской вырѣзывавшагося на блѣдно-восковомъ лицѣ, она была больше похожа на привидѣніе, чѣмъ на живого человѣка. Впечатлѣніе усиливалось ея страннымъ костюмомъ: гладкое бандо черныхъ, какъ смоль, волосъ узенькой, въ палецъ ширины полоской, обрамляло ея лицо, выступая изъ-подъ оригинальнаго фасона бѣлаго кружевного чепца, надѣтаго на бѣлую же батистовую повязку, плотно прикрывавшую уши и горло. Отъ чепца спускались сзади широкія кружевныя барбы, такъ что, кромѣ узкаго овала лица да тонкихъ блѣдныхъ пальцевъ, очень красивой формы, ничего не было видно. Длинное одѣяніе изъ темно-сѣрой шерстяной ткани, замѣчательно мягкой и легкой, съ широкими, низко падающими рукавами, изъ-подъ которыхъ выставлялись другіе, очень узкіе, спускавшіеся до самыхъ пальцевъ, укутывало широкими,

глубокими складками съ головы до ногъ тѣло, такое же щедушное и изможденное, какъ и лицо этой женщины, казавшейся въ одно и то же время молодой и старой, смотря по тому, останавливался ли взглядъ на ея сверкающихъ глазахъ, или на остальныхъ ея чертахъ, обтянутыхъ желтоватой кожей, какъ у мертвой.

Но вотъ она заговорила и ужъ ни старой, ни страшной больше не казалась; такъ свѣжъ, юнъ и выразителенъ былъ ея голосъ, что можно было съ наслажденіемъ къ нему прислушиваться, не замѣчая смысла произносимыхъ ею словъ, какъ къ музыкѣ.

Много разъ пришлось мнѣ послѣ этого съ нею встрѣчаться, и каждый разъ производила она на меня чарующее впечатлѣніе своимъ голосомъ. Впослѣдствіи я узнала, что въ томъ монастырѣ, въ которомъ она воспитывалась, какъ, впрочемъ, во всѣхъ іезуитскихъ монастыряхъ, на выработку голоса, на приданіе ему гибкости и выразительности обращается особенное вниманіе.

М-ль де-Вилларъ поступила къ мадамъ Фламмъ, какъ ея помощница по части нравственнаго воспитанія дѣтей. Уроковъ она, кажется, сама не давала, но выбирала учителей и классныхъ дамъ и заставляла ихъ преподавать и наблюдать за учениками по своему усмотрѣнію. Деликатности обращенія она была невообразимой, никогда и ничѣмъ нельзя было вывести ее изъ терпѣнія; всегда одинаково вѣжливая и невозмутимая, она обладала даромъ заставить себѣ повиноваться рѣшительно всѣхъ въ пансіонѣ, начиная отъ самой директриссы, очень скоро подпавшей подъ ея вліяніе, и кончая послѣднимъ русскимъ мужикомъ, истопникомъ. Возражать ей, а еще меньше спорить съ нею никому и въ голову не приходило; всѣ изъ кожи лѣзли, чтобъ ей угодить, а дѣти такъ преусиѣвали въ наукахъ и въ манерахъ, что родители нахвалиться не могли пансіономъ мадамъ Фламмъ.

Какъ ухитрялась она достигать такихъ блестящихъ результатовъ—на вопросъ этотъ никто не сумѣлъ бы отвѣтить, но во всякомъ случаѣ управляла она своимъ маленькимъ стадомъ не любовью и не страхомъ, а по истинѣ замѣчательною выдержкою характера и искусствомъ узнавать такія слабости людей, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло, о которыхъ они и сами не подозрѣвали. Ея терпѣніе и настойчивость не знали границъ, точно такъ же какъ осторожность во всемъ, въ рѣчи, въ манерѣ себя держать; никогда не выходила она изъ предѣла общихъ мѣстъ въ разговорахъ съ самыми близкими знакомыми, никогда никого и ничего не осуждала, умѣла слушать и отпускать болтливыхъ посѣтителей и посѣтительницъ въ самомъ прекрасномъ душевномъ настроеніи, въ полной увѣренности, что болтовня ихъ доставила величайшее удовольствіе ихъ слушательницъ. Если бъ у нихъ спросить: почему они это думаютъ? отвѣта на этотъ вопросъ у нихъ не нашлось бы, но такъ пріятно вѣрить тому, что льстить самолюбію, и такъ отрадно распространяться о себѣ, когда васъ терпѣливо выслушиваютъ.

Она прожила въ Саратовѣ нѣсколько лѣтъ, близко была знакома со многими, и никто, рѣшительно никто ничего про нее не зналъ, кромѣ того, что ей хотѣлось, чтобъ знали.

Оленька Малаховская вполне была ей довѣрена и замѣчательно скоро заимствовала отъ нея многія особенности, между прочимъ голосъ, который и раньше у нея былъ пріятенъ, но теперь сталъ такъ похожъ на голосъ м-ль де-Вилларъ, что изъ другой комнаты трудно было рѣшить, кто изъ нихъ говорить—воспитательница или воспитанница.

Оленька въ пансіонѣ не жила, ее привозили къ м-ль де-Вилларъ для какихъ-то уроковъ и вообще каждый разъ, когда мы пріѣзжали въ пансіонъ мадамъ Фламъ, мы всегда заставляли ее на половинѣ той, которая всѣмъ здѣсь руководила и управляла.

У м-ль де-Вилларъ было помѣщеніе съ отдѣльнымъ ходомъ, изъ трехъ комнатъ, выходившихъ окнами въ большой садъ, прихожая, гостиная и молельня со спальней. Все тутъ блестѣло и сверкало опрятностью и множествомъ украшеній. Стѣны скрывались за картинами божественнаго содержанія въ рамкахъ, украшенныхъ искусственными цвѣтами, за позолоченными и посеребренными кронштейнами съ статуэтками изъ бронзы, бисквита и дерева. Всякихъ тутъ красивыхъ и искусно сдѣланныхъ финтифлюшекъ было такъ много, что ихъ и въ недѣлю не пересмотрѣть. Мебель была покрыта вышивками работы ученицъ, драпировки и ковры, все это было подношеніе благоговѣющихъ передъ воспитательницей сердце.

Съ нашей Анной Родіоновной она такъ сблизилась, что благоволеніе ея къ ней простиралось и на меня, такъ что даже входъ въ ея молельню мнѣ не возбранялся. Здѣсь општукатуренныя стѣны были совсѣмъ голы, окно тщательно завѣшано бѣлой полотняной сторой, и другой мебели, кромѣ узкой деревянной кровати съ толщимъ тюфякомъ, скромно прижимавшейся къ задней стѣнѣ, ничего не было, но зато при этой пустотѣ еще эффектиѣ выдѣлялся алтарь, разукрашенный живыми, цвѣтущими растеніями, искусственными цвѣтами, красивыми перьями и фруктами изъ воска, среди которыхъ выступало бѣлое мраморное изваяніе Богородицы съ младенцемъ и большой чернѣй крестъ съ замѣчательно артистически сдѣланнымъ изображеніемъ распятаго Спасителя изъ слоновой кости, передъ которымъ всегда были какія-нибудь приношенія усердныхъ ученицъ м-ль де-Вилларъ, часто очень наивнаго свойства, какъ, на примѣръ, раннія ягоды или фрукты, конфеты въ красивыхъ бумажкахъ и тому подобныя жертвоприношенія православнаго вѣроисповѣданія русскихъ дѣвочекъ, желающихъ подслужиться наставницѣ и воспитательницѣ, передъ которой благоговѣли ихъ родители,

Да, сначала онѣ это дѣлали, чтобъ подслужиться и удостоиться милостивой улыбки, но потомъ украшать католическій алтарь и

молиться передъ нимъ входило у нихъ въ привычку, и онѣ уже не находили въ сердцѣ прежняго усердія къ родной, русской церкви, а съ оскудѣніемъ этого усердія охладѣвала и любовь къ родинѣ. Всѣ дѣйствія іезуитовъ всегда ведутъ къ желаемой для нихъ цѣли, и если имъ и не удавалось обращать въ католичество всѣ души, такъ или иначе поддавшія подъ ихъ вліяніе, то они поселяли въ нихъ охлажденіе къ православной вѣрѣ и, за невозможностью достигъ большаго, довольствовались и этимъ.

Въ пансіонѣ мадамъ Фламъ дѣти наперерывъ рвались къ тому, чтобъ хоть чѣмъ-нибудь способствовать украшенію молельни м-ль де-Вилларъ, и одна передъ другой изощрялись въ выдумкахъ для этого. Лучшей наградой за поведеніе и успѣхи въ наукахъ было дозволеніе стирать пыль съ предметовъ, украшавшихъ алтарь, и даже съ той скамеечки, на которой м-ль де-Вилларъ опускалась на колѣни, чтобъ молиться.

При этомъ она, разумѣется, съ ними бесѣдовала, рассказывала имъ про житіе святыхъ мучениковъ и мученицъ, изображенныхъ въ изваяніяхъ и на картинахъ, наполнявшихъ ея жилище, и само собою разумѣется, что ни слова не произносилось о нашихъ святыхъ, о нашей церкви, которую она считала схизматическою и проклятою святымъ отцомъ, слѣдовательно и Богомъ.

Оленька Малаховская сообщила намъ подъ видомъ великой тайны, что м-ль де-Вилларъ носитъ власяницу и передъ тѣмъ, какъ лечь спать, сн имаетъ съ кровати даже и тотъ положенный на голыя доски тощій тюфякъ, изъ котораго состояла ея постель. Никогда не нарушала она поста, наложеннаго на нее при тайномъ постригѣ, и, кромѣ сѣраго и бѣлаго цвѣта, ничего не носила. При самомъ рожденіи мать ея, французская аристократка, потерявшая во время революціи мужа, всѣхъ родныхъ и все состояніе, посвятила свою дочку бѣлому цвѣту и, кажется, другой жизни, кромѣ монашеской, м-ль де-Вилларъ не знала, по крайней мѣрѣ, ей очень хотѣлось, чтобъ всѣ такъ про нее думали, и я увѣрена, что ей удалось многихъ въ этомъ убѣдить. Но мы видѣли ее слишкомъ часто съ прелатомъ, чтобъ не замѣчать, что она питаетъ къ нему особенное чувство, и чтобъ не догадаться, что они давно знаютъ другъ друга и что пріѣхала она сюда для него. И какъ ни старалась это скрыть Анна Родіоновна, она тоже была въ этомъ убѣждена, въ чемъ и созналась мнѣ много лѣтъ спустя. Но въ то время я, разумѣется, даже и въ глубинѣ души не позволяла себѣ останавливаться на такомъ соблазнительномъ подозрѣніи, и романъ этотъ, какъ и многіе другіе романы, проходилъ передъ моими глазами, не оставляя въ умѣ моемъ никакого впечатлѣнія.

По временамъ и, сколько мнѣ помнится, всегда въ отсутствіе нашего отца, м-ль де-Вилларъ удостоивала насъ своимъ посѣщеніемъ. Она обыкновенно выбирала для этого послѣобѣденное время,

являлась въ четвертомъ часу (обѣдали мы въ то время въ два часа), привозила съ собою всегда ноты и большой ридикюль съ шелками, блестками, синелью и тому подобными принадлежностями работы, изъ которыхъ учила насъ дѣлать прехорошенькія вещицы, кошельки, закладки, саше, подушечки для булавокъ и проч. и проч. А когда темнѣло и подавали чай, являлся прелатъ, и начиналась музыка. Прелатъ садился передъ фортепьянами въ большой залѣ, освѣщенной однимъ только кенкетомъ да свѣчами на фортепьянахъ, и аккомпанировалъ пѣнію м-ль де-Вилларъ и нашей Анны Родіоновны. Настъ въ обычный часъ отсылали спать, и часто, проснувшись среди ночи, я слышала пѣніе изъ залы, не смолкавшее до зари.

Я помню, что прислуга наша относилась къ этимъ ночнымъ концертамъ очень неодобрительно и Танюша ворчала сквозь зубы угрозу довести этотъ непорядокъ до свѣдѣнія папеньки. Но угрозы оставались угрозами, постоянно выходило что-нибудь такое, что мѣшало привести ихъ въ исполненіе.

Иногда м-ль де-Вилларъ привозила къ намъ Оленьку Малаховскую, и тогда гости разъѣзжались раньше, и мнѣ дозволяли оставаться въ залѣ часовъ до одиннадцати. Мы забивались съ Оленькой въ бесѣдку, обвитую плющомъ, и болтали, или, лучше сказать, я слушала ея рассказы вѣчно про то же самое: про м-ль де-Вилларъ, про прелата, про особенности ордена, къ которому она принадлежала, про высокое положеніе, которое онъ занималъ въ римско-католической церкви, положеніе, которое ничѣмъ нельзя было умалять, ни ссылкой, ни тюремнымъ заключеніемъ, ничѣмъ. Съ восторженнымъ умиленіемъ сознавалась Оленька, что тогда только сознаетъ себя очищенной отъ грѣховъ, когда исповѣдывалась у прелата. Раньше она этого не понимала и ей было все равно, передъ кѣмъ бы ни каяться въ своихъ грѣхахъ, но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ м-ль де-Вилларъ ее просвѣтила, она ужъ больше не ходитъ съ матерью исповѣдываться у ксендза, а всѣ силы употребляетъ, чтобъ удостоиться очищенія души черезъ прелата. М-ль де-Вилларъ нарочно пріѣхала въ Россію изъ Италіи, чтобъ исповѣдываться и причащаться у прелата. Онъ ея *directeur de conscience*.

Меня это мало интересовало, и въ то время, какъ она повѣряла мнѣ завѣтнѣйшія свои мысли и чувства, я часто думала о другомъ; всѣ эти люди: прелатъ, м-ль де-Вилларъ, Малаховскіе и сама Оленька со своими религіозными заботами — были мнѣ совсѣмъ чужіе и ни въ чемъ, что волновало ихъ, я не могла заставить себя принимать участіе. Да и самъ нашъ домъ съ тѣхъ поръ, какъ мать наша умерла и водворилась въ немъ Анна Родіоновна со своими пріятелями и пріятельницами, сталъ мнѣ какъ чужой, и я гораздо больше жила впечатлѣніями, вынесенными изъ Ольшанки, да надеждой опять поѣхать къ тетущкѣ Вѣрѣ Николаевнѣ, чѣмъ тою жизнью, которая становилась со дня на день все безотраднѣе для моей души, раз-

вивавшейся въ такихъ мысляхъ и чувствахъ, которыя здѣсь были понятны одному только моему отцу, вѣчно занятому службой, разъѣздами и со дня на день становившемуся все угрюмѣе и несообщительнѣе.

Да и что могла я ему сказать, когда я сама не понимала: почему меня такъ неудержимо тянетъ вонъ изъ среды, въ которой я все больше и больше чувствую себя чужой?

Мало-по-малу порвались у меня почти совершенно всякія отношенія и съ Оленькой Малаховской. Убѣдилась ли она, что намъ никогда не сойтись сердцемъ, что я всегда останусь глуха и слѣпа къ тому, что приводитъ ее въ умиленіе и восхищеніе, и никогда ее ни въ чемъ не пойму, или потому, что для нея началась личная жизнь, полная упоеній любви, такъ или иначе, но по возвращеніи моемъ изъ Ольшанки въ третій разъ, мы ужъ такъ мало интересовались другъ другомъ, что прошло около двухъ недѣль прежде, чѣмъ я узнала, что она выходитъ замужъ.

Оставаться равнодушной къ такому извѣстію я не могла, разумѣется, и стала разспрашивать про героя романа моей бывшей пріятельницы.

Но никто мнѣ не могъ на это отвѣтить, никто въ городѣ его не зналъ. Какой-то пріѣзжій, красивъ собою, не первой молодости и, должно быть, богатый, потому что ея родители въ восхищеніи. И прелать съ м-ль де-Вилларъ одобряютъ Оленькинъ выборъ. Сама же Оленька безъ ума влюблена въ своего будущаго мужа и такъ мало это скрываетъ, что Анна Родіоновна находила неприличнымъ для меня продолжать съ нею знакомство, такъ что, когда она къ намъ пріѣхала съ визитомъ, меня съ нею не оставили ни минуты наединѣ. Очень это было досадно, но пришлось покориться, и однимъ развлеченіемъ въ моей однообразной жизни стало меньше.

Перестала къ намъ ѣздить и м-ль де-Вилларъ; а когда я спрашивала у Анны Родіоновны: почему мы къ ней не ѣздимъ по воскресеньямъ, какъ бывало прежде?—мнѣ сухо отвѣчали, что нѣтъ въ этомъ никакой надобности.

Въ эту зиму я много занималась музыкой, корреспонденціей съ новой моей пріятельницей, Еленой Константиновной Бороздиной, родной племянницей тетушки Вѣры Николаевны и моей троюродной сестрой, съ которой я провела лѣто въ Ольшанкѣ, у меня у самой завязалось нѣчто вродѣ въ высочайшей степени платоническаго романа съ человѣкомъ, годившимся мнѣ въ отцы и который очень бы удивился, если бъ ему кто-нибудь сказалъ, какое глубокое чувство онъ мнѣ внушалъ, однимъ словомъ, мнѣ было не до Оленьки Малаховской и я позже всѣхъ стала удивляться, что свадьба ея со дня на день откладывается и что прошелъ цѣлый годъ, а затѣмъ и еще годъ, а она все оставалась невѣстой.

А тѣмъ временемъ, не знаю, по какой причинѣ, но наша Анна Родіоновна окончательно разошлась съ своими бывшими друзьями и даже на fête Dieu не ѣздила въ католическую церковь и не затракала, какъ бывало раньше, у прелата ни въ этотъ день, ни въ другіе и приходила въ такую ярость, когда ей напоминали о прежней ея съ нимъ и съ м-ль де-Вилларъ дружбѣ, что мы избѣгали ей про это и намекать. Но съ Малаховскими она все-таки время отъ времени видѣлась, и случалось такъ, что сама г-жа Малаховская приходила къ ней черезъ заднее крыльцо, подолгу оставалась въ ея комнатѣ и выходила оттуда всегда съ заплаканными глазами.

Оленьку нигдѣ нельзя было встрѣтить. Она и на концерты не ѣздила. «Все сидитъ со своимъ женихомъ. Эдакое безстыдство! Надо же быть такой дурой, какъ ея мать, чтобъ это терпѣть!» все громче и громче ворчала наша свирѣбая воспитательница.

Интрига запутывалась, дошло до того, что я ужъ ничего не могла въ ней понять. Про Оленьку не иначе говорили, какъ понижая до шопота голосъ и съ тяжелыми вздохами покачивая головой. И вдругъ что-то случилось. Мадамъ Малаховская пріѣхала къ Аннѣ Родіоновнѣ поздно вечеромъ и такъ плакала и убивалась, что пришлось позвать на помощь Танюшу, великую мастерицу успокаивать расходившіеся барскіе нервы. Въ коридорѣ, отдѣлявшемъ мою комнату отъ комнаты Анны Родіоновны, запахло гофманскими каплями, и минутъ черезъ десять Анна Родіоновна въ капорѣ и въ салопѣ прошла со своей гостьей черезъ большую дѣвичью въ сѣни, изъ которыхъ спускалась лѣстница на дворъ, гдѣ дожидались сани Оленькиной матери.

Услышавъ у моей двери шаги возвращавшейся Танюши, я тихонько ее окликнула, и она ко мнѣ вошла.

— Чего вамъ, барышня? Что вы до сихъ поръ не поживаете?—спросила она сердито:

— Но я не въ силахъ была дольше сдерживать любопытство и спросила, для чего пріѣзжала г-жа Малаховская и чѣмъ она такъ разстроена.

— Будешь разстроенной, когда такая пакость случилась въ домѣ.

— Да что же именно?—продолжала я допытываться.—Съ женихомъ, вѣрно, Оленька разсорилась?

— Какой онъ ей женихъ! Прохвость, вотъ и все. Женихъ!—прибавила она тономъ глубочайшаго презрѣнія.—Нешто женатые женихи бываютъ?

— Женатый! Онъ женатъ? И жена его жива?—вскричала я, внѣ себя отъ изумленія.

— Кабы не была жива, такъ вдовцомъ бы значился, а не холостымъ. Очень ему бы хотѣлось вдовцомъ-то быть, да Господь смерти ей, горемычной, не посылаетъ, ничего, значить, и не подѣлаешь. Какъ ѣхалъ сюда, оставилъ ее совсѣмъ умирающей, доктора больше

мѣсяца жизни ей не предрекали, а она возьми, да и выздоровѣй! А онъ тѣмъ временемъ женихомъ объявился, вотъ вѣдь какой анаема, прости Господи!

— Давно, значить, они знаютъ, что Оленькѣ за него выйти замужъ нельзя?—спросила я, тщетно пытаюсь распутаться въ лабиринтѣ соображеній, въ безпорядкѣ закружившихся у меня въ головѣ.

— Вотъ то-то и есть, что онъ все это отъ нихъ скрылъ, отъ родителей-то ейныхъ, да и отъ нея самой; подѣ разными предлогами свадьбу оттягиваль: то въ доходахъ съ имѣнія у него задержка, то бумаги ему не высылають изъ того мѣста, откуда онъ родомъ; а на самомъ-то дѣлѣ, какъ прозналь, что на скорую смерть разлучницы разсчитывать нельзя, о разводѣ зачалъ черезъ прелата хлопотать у того, старика-то ихняго, что замѣсто Бога у нихъ гдѣ-то тамъ, въ тепломъ краѣ проживаетъ.

— Такъ, значить, прелать?!...

— И прелать, и та фокусница, Вилларша, все съ нимъ были въ стачкѣ.

— Да неужели же? Какъ же это можетъ быть?!

— Да такъ же-съ, очень просто-съ. Чего отъ нихъ ждать, одно слово—иезуиты. Господа Малаховскіе только сегодня и узнали про всю эту махинацію. Какой-то приѣзжій изъ города Варшавы весь этотъ секретъ имъ открылъ. Прошеніе-то его, объ разводѣ, назадъ въ Варшаву прислали, съ отказомъ, вотъ что. Не знаютъ теперь, какъ сказать барышнѣ. Сама-то приѣхала къ нашей Аннѣ Родіоновнѣ за совѣтомъ. Пріятельницы вѣдь,—прибавила она съ усмѣшкой.—Позвали меня, чтобъ расшнуровать ее, отъ истерики задыхаться стала, и все по-французски лопотали, да я все поняла, не даромъ же я сызмальства при господахъ...

Въ тотъ годъ меня раньше обыкновеннаго повезли въ Ольшанку, а когда глубокой осенью я вернулась, Оленьку я ужъ въ живыхъ не застала:она скончалась скоротечной чахоткой мѣсяца черезъ три послѣ описаннаго мною событія, о которомъ я узнала отъ Танюши. На слѣдующій годъ я вышла замужъ и никогда больше не встрѣчалась ни съ прелатомъ, ни съ м-ль де-Вилларъ. Долго ли они еще оставались въ Саратовѣ—не знаю: никогда больше судьба не закидывала меня въ этотъ городъ, гдѣ у меня не осталось никого близкаго.

Н. И. Мердеръ.

ПЯТЬ ЭТАЖЕЙ.

(Изъ галереи современныхъ типовъ).

Исторія одного дня.

Пошлость имѣть громадчюю силу: она всегда застаётъ свѣжаго человѣка врасплохъ, и въ то время, когда онъ удивляется и осматривается, она быстро опутываетъ его и забираетъ въ свои тиски». Щедрипъ.

I.

СѢРЫЙ пятиэтажный домъ, занимающій почти цѣлый кварталъ, еще мрачнѣй въ хмурый осенній день...

Ноябрьское свинцовое небо, сырая мгла, грязная улица—окаймляли его мертвенной рамкой.

Планъ этого громадчаго, унылаго зданія, вѣроятно, зародился въ головѣ архитектора въ минуты отчаянья или душевнаго недуга, а затѣмъ фундаментъ, должно быть, заложенъ былъ въ холодную пасмурную погоду, когда самая мысль о солнцѣ и теплѣ кажется несбыточной грезой.

Главный фасадъ и боковыя стѣны подавляли тяжестью и суровой прямолинейностью, и внутри была та же картина: какой-то наводящій тоску лабиринтъ безконечныхъ коридоровъ, соединяющихъ площадки одного и того же этажа. Площадокъ было немало, и на каждую выходило по нѣсколько квартиръ. Благодаря подобному строительному приспособленію, не представлялось особеннаго труда съ любой парад-

ной лѣстницы (а ихъ въ домѣ также было достаточно) пройти по всемъ этажамъ и разыскать какую угодно квартиру.

Получалось впечатлѣніе, что пятиэтажный домъ словно безслѣдно проглатывалъ въ свое бездонное чрево всякаго вошелшаго въ него человѣка...

Склепомъ отдавало отъ этого гигантскаго ящика-мавзолея, въ которомъ скрывалось столько разнообразныхъ жизней, оторванныхъ отъ природы и скованныхъ съ большимъ городомъ, какъ жертвы, ржавыми цѣпями рабскаго подчиненія.

Казалось, пятиэтажный угрюмый домъ находился внѣ времени и пространства, какъ случайный остатокъ чужой старины, и другіе дома робко тѣснились вокругъ, сконфуженные этимъ непривѣтливомъ величіемъ и отчужденностью.

Онъ никогда не былъ ни тюрьмой, ни больницей, ни мѣстомъ какого-нибудь страшнаго судилища или пытки, но, какъ и прочіе дома этой улицы, былъ выстроенъ въ послѣднее десятилѣтіе и, такъ какъ городъ переживалъ квартирный кризисъ, всѣ его многочисленныя квартиры были постоянно сданы внаймы за цѣну, выгодную для предприимчиваго владѣльца, Кирикова.

Приглядитесь, и кошмаръ, созданный впечатлительной мечтой, постепенно исчезаетъ: домъ—какъ домъ, даже, пожалуй, лучше другихъ...

— У насъ все солидный жилецъ, не то, что въ угловомъ домѣ!— не разъ говаривалъ швейцаръ Григорій, когда появлялся новый квартирантъ, и при этомъ всегда пренебрежительно поглядывалъ по направленію «углового дома».

Онъ и теперь стоялъ у дверей одного изъ подъѣздовъ и, не отрываясь, глядѣлъ на него съ выраженіемъ странной, злой усмѣшки.

Можетъ, онъ раньше служилъ тамъ и его оттуда убрали? Можетъ, была другая причина этой непонятной ненависти къ «угловому дому»—чистому, изящному особняку, выстроенному въ стилѣ «sécession», хотя бы, напримѣръ, невольная зависть, бывающая у людей необщительныхъ, когда они встрѣчаются съ игривыми и беззаботными лицами?..

Подѣхалъ лихачъ, осадилъ рысака, и швейцаръ вернулся къ дѣйствительности: онъ узналъ Экземплярскаго.

— Здравія желаю, ваше сіятельство. Съ прїѣздомъ! Да-авно не изволили заѣзжать! Забыли насъ. Баронесса второе воскресенье какъ уже принимаютъ. Видно, за границей были?—благодарно привѣтствовалъ его Григорій съ легкимъ оттѣнкомъ той почтительной фамиллярности, которая устанавливается въ отношеніяхъ слуги къ приглядѣвшемуся гостю, щедро дающему на «чай» и любящему съ веселымъ видомъ послушать иногда въ швейцарской сплетни о своихъ знакомыхъ.

Экземплярскаго, худощавый, высокій, одѣтый съ иголочки, что, однако, скорѣе дѣлало его похожимъ на актера исполняющаго

роль фата, чѣмъ на прирожденнаго свѣтскаго щеголя,—обладалъ удивительной способностью со всѣми перезнакомиться и вездѣ бывать, даже тамъ, куда его не приглашали. «Втереться» къ кому бы то ни было въ гостиную—его несомнѣнное призваніе.

День, проведенный безъ посѣщеній знакомыхъ, составлялъ рѣдкость въ житейскомъ обиходѣ Экземплярскаго.

Въ пятиэтажномъ домѣ по воскресеньямъ—пріемъ у баронессы Черпяковской, а такъ какъ не было этажа, гдѣ бы онъ, подчасъ съ легкомысленной самоувѣренностью, не считалъ себя чѣмъ-нибудь пріятелемъ,—онъ зачастую, если находилось время, навѣщалъ тутъ же мимоходомъ и другихъ жильцовъ (изъ полтораэта съ лишнимъ квартиръ пользоваться гостепрѣимствомъ въ пяти-шести—неудивительно для такого общительнаго человѣка, какимъ, въ сущности, былъ Экземплярскій).

Сегодня всѣ, кого онъ намѣтилъ, оказались дома (бываютъ такіе заколдованные дни для визитеровъ, обреченныхъ на добровольное бѣганье изъ квартиры въ квартиру!).

Еще довольно рано.

Экземплярскій раздѣлся внизу, аккуратно расчесалъ бѣлокурые волосы съ искуснымъ пробормомъ, идущимъ до самаго затылка, закрутилъ длинные усы, немного развѣсившіеся отъ сырой погоды, и, усѣвшись на лифтъ, велѣлъ поднять себя въ пятый этажъ.

— Начну съ верховъ.. Къ баронессѣ нужно попозже... Что это?.. Отчего твоя дѣтвора кричить? Больные, что ли?—машинально цѣдилъ онъ сквозь зубы, размышляя, очевидно, о совершенно постороннихъ вещахъ:—не заразные? а? Можетъ, горло болить?

— Никакъ нѣтъ-съ... Извѣстно, ребячье дѣло! Да и дѣваться-то некуда. Едва дышимъ въ клѣтушкѣ. Хозяинъ шестую зиму какъ общааетъ пристройку... да гдѣ ужъ!.. да куда ужъ!.. Максимъ, старшой, значить, изъ нашей братіи, держитъ сторону своихъ братьевъ и сватовъ, а я—чужакъ, за меня некому заступиться..

— А ты не унываешь? съ каждымъ годомъ размножаешься? А дочка (Глаша, кажется?)—тоже въ клѣтушкѣ?—спросилъ другъ Экземплярскій и лукаво прищурился, оскаливая широкіе, рѣдко поставленные зубы.

— А то что же!.. Поутру въ гимназію ходитъ, вечеромъ мнѣ помогаетъ.

— Въ гимназію ходитъ?.. помогаетъ?.. а? Она у тебя прехорошенькая... Ну, подымай, подымай!

Канаты слегка заскрипѣли.

Пока купе, освѣщенное электричествомъ, поднималось въ проходѣ лѣстницы, Экземплярскій глядѣлся въ зеркало, методически вытягивалъ и крутилъ усы, стараясь придать имъ безукоризненную форму, и подъ носъ мурлыкалъ:

«Лунною ночью въ компаніи тѣсной»...

II.

У Стойбищевыхъ, повидимому, недавно проснулись и никого не ожидали.

Внезапное появленіе Экземплярскаго произвело нѣкоторый переполохъ. Плохо одѣтая нянька бросила гостя въ передней, побѣжала въ «заль», какъ она называла комнату, предназначенную для приѣма родныхъ и знакомыхъ, и незамѣтно стала выносить подушки и пеленки.

Изъ коридора то и дѣло выглядывали и прятались дѣтскія головки и слышался топотъ ножекъ, смѣхъ шаловливыхъ голосовъ, перешептыванье, стукъ закрывающихся дверей.

Пахло чѣмъ-то кислымъ, невкуснымъ.

Экземплярскій не зналъ, куда дѣваться, и брезгливо поджалъ нижнюю губу.

Приемная не располагала къ уюту: скромность обстановки не портила бы, если бы не было безвкусицы. Мебель носила случайный характеръ. По стѣнамъ висѣли фотографическія группы и олеографіи. Бросалось въ глаза, что хозяева этой квартиры жили сами по себѣ, а мебель стояла сама по себѣ. Связующая нить отсутствовала.

Трудно было догадаться, кто здѣсь живетъ—купецъ, чиновникъ, ходатай по дѣламъ, земець, комиссіонеръ... во всякомъ случаѣ не артистъ

Это можно было рѣшить при первомъ же бѣгломъ взглядѣ. Какъ-то странно, напимѣрь, выдѣлялся въ углу среди рыночной пестроты неизвѣстно откуда и какъ попавшій сюда типичный образчикъ живописи старой нидерландской школы—икона, вдѣланная въ деревянный складень, съ картиной Страшнаго суда.

Складень стоялъ въ видѣ экрана.

«Не кисти ли это Ганса Мемлинга? — мысленно спрашивалъ себя Экземплярскій, осматривая икону со всѣхъ сторонъ: — еще нынче я видѣлъ подобную къ Кенигсбергъ... Откуда она тутъ? Я не видалъ ея раньше... а рядомъ олеографія... ужасъ»!..

Онъ самъ немного рисовалъ, какъ диллетантъ, и зналъ нѣкоторый толкъ съ живописи.

Экземплярскій не любилъ Стойбищева, но, какъ младшій сослуживецъ по министерству, считалъ полезнымъ хоть изрѣдка побывать у него и поспорить съ пріятной улыбкой о современности, о театрѣ, о политикѣ, о картахъ, что взбредеть на умъ.

Только что вернувшись изъ заграничнаго отпуска, даже не побывавъ еще на службѣ, онъ сегодня открывалъ визитный сезонъ.

Стойбищевъ никогда не звалъ къ себѣ Экземплярскаго и не удерживалъ, когда тотъ собирался уходить; а если удавалось его не

принять—высылалъ сказать, что никого пѣтъ дома, не отдавалъ ему и визитовъ.

Стойбищевъ, изъ вѣчныхъ столоначальниковъ случайно пробившійся въ ревизоры, не отличался ничѣмъ такимъ, что могло бы притянуть къ себѣ, напротивъ, скорѣе отталкивалъ: природа, создавшая его, была на этотъ разъ грубымъ кустаремъ, а не художникомъ. О подобныхъ людяхъ обыкновенно говорятъ, что они неладно скроены, да крѣпко сшиты.

Жена Стойбищева, бывшая прежде институтской классной дамой, походила на женщину, добровольно принесшую себя въ жертву.

Молчаливая и безцвѣтная при мужѣ, она расцвѣтала, едва онъ уходилъ, и въ эти минуты нравилась Экземплярскому своей непосредственностью и порывистостью.

Они иногда встрѣчались у какихъ-то давнишнихъ знакомыхъ, при иной обстановкѣ, и періодичность встрѣчъ создала между ними невольную общность интересовъ, въ которые, однако, не былъ посвященъ мужъ.

Супруги вмѣстѣ вышли къ Экземплярскому изъ внутреннихъ комнатъ, изображая двуглаваго орла.

Бѣлобрысый, съ плохой растительностью на мучнистомъ, тускломъ лицѣ съ припухшими синеватыми вѣками,—лицѣ, которое еще больше проигрывало отъ круглыхъ водянисто-зеленыхъ глазъ, мало выразительныхъ, постоянно глядящихъ съ какимъ-то застывшимъ удивленіемъ изъ-подъ очковъ, скользящихъ ежеминутно на кончикъ носа, Стойбищевъ приблизился путанной, неровной походкой, словно не отдавая отчета въ томъ, куда движутся его ноги и зачѣмъ. Не вынимая изо рта плохо скрученной, дымящейся папирсы, видимо, ради экономіи—самодѣльной, онъ старался улыбаться и протягивалъ гостю пухлую, мокрую руку ладонью вверхъ, съ вытянутыми холодными пальцами, остававшимися и при рукопожатіи такими же неподвижными, какіе бываютъ у заводныхъ куколъ.

— «Изъ дальнихъ странствій возвратясь»?.. Доброе у васъ начальство! Я скупъ на отпуска. Чиновникъ лѣнится отъ нихъ, пріучается бездѣйствовать. Не къ чему баловать. Жалованье и отпускъ слишкомъ жирно,—съ усмѣшкой пробурчалъ онъ, неохотно роняя слова, и слѣдилъ, какое произвелъ впечатлѣніе:—садитесь, батюшка. Я чувствовалъ, что вы нагрнете. Ежегодную повинность отбываете. Бываютъ физическіе налоги, а это вотъ—нравственный, ха-ха... Такъ-то, батюшка! Русскихъ денегъ много, должно быть, оставили за границей?

Голосъ какой-то шуршащій, недоброежелательный, липкій взглядъ, будто выслѣживающій,—пристанеть и не отдѣлаешься отъ него,—сразу возбудили негодованье Экземплярскаго, и онъ уже расканвался, что попалъ сюда.

«Нелегкая меня занесла!.. съ замѣчаніями... чинупа! Все тотъ же! — подумаль онъ: — изъ года въ годъ одни и тѣ же наставленья и, кажется, въ томъ же порядкѣ, по пунктамъ... какъ затверженный урокъ».

— Отпускъ освѣжаетъ, даетъ силы... Да онъ и по закону установленъ... а что ѣзжу за границу—такъ надо же куда-нибудь ѣздить! Неужели все слоняться по петербургскимъ дачамъ, изъ кислаго патриотизма, а?.. за границей вотъ смѣются надъ русскими медвѣдями, и вполне основательно. Не правда ли, Марья Егоровна, русскіе больше киснуть, чѣмъ пользуются жизнью?

— И портать жизнь другимъ,—поспѣшила она не безъ желчи вставить намѣренно ѣдкую фразу и отвернулась отъ мужа.

Тотъ съ непріятной гримасой продолжалъ сосать папиросу.

Что бы онъ ни дѣлалъ—все у него выходило поразительно незящно.

Одну тягостную минуту, казалось, не о чемъ было говорить и трудно было дышать въ спертomъ, сильно нагрѣтомъ комнатномъ воздухѣ.

Экземплярскаго бросало въ жаръ; кровь приливала къ темени, и онъ сидѣлъ съ напряженнымъ выраженіемъ, уставившись глазами въ какую-то точку на противоположной стѣнѣ.

Марья Егоровна нервно сдвинула брови и насмѣшливо посматривала на мужчинъ, наслаждаясь ихъ взаимной неловкостью.

— Э... э... говорятъ, въ этомъ сезонѣ театръ намъ дастъ много новинокъ,—запинаясь, началъ смущенный гость, теряясь въ выборѣ темы и робко намѣчая планъ дальнѣйшаго разговора:—хотя и вводится усиленная стилизація, по рядомъ съ «театромъ цсканій» вырастаетъ идея національнаго театра... Вонъ въ Берлинѣ ставятъ пьесы изъ жизни великихъ людей, чтобъ увѣковѣчить ихъ память...

Молчаніе хозяина угнетало оратора; краснорѣчіе изсягало.

— Русскіе новаторы,—съ усиленіемъ продолжалъ онъ сдавленнымъ голосомъ, стараясь побѣдить равнодушіе Стойбищева,—мечтають о томъ, какъ бы актеръ уступилъ мѣсто режиссеру, обезличился окончательно, сталъ нулемъ... Не правда ли, забавно, а?.. Презяютъ о сближеніи сцены и зрительнаго зала и забываютъ, что актеръ-то и есть это звено, а не режиссеръ... Хорошій артистъ заставляетъ думать зрителя даже послѣ того, какъ тотъ ушелъ изъ театра. Такъ вотъ-съ теперь додумываются до упраздненія рамы... Каково! Сливаются воедино героя и зрителя... Это, на ихъ языкѣ, «монодрама»... Да васъ, кажется, не интересуетъ театръ? Вы такъ зѣваете...

— Зѣвокъ—пустое дѣло, а по театрамъ некогда ходить, батюшка. Забылъ и дорогу къ нимъ. Мы и такъ играемъ постоянную комедію другъ передъ другомъ.

— Притворяетесь, Митрофанъ Митрофанъчъ, — пытался отшутиться гость:—я вижу у васъ хорошую картину... значить, эстетическія чувства не совсѣмъ угасли...

— Гм... за долгъ получилъ, батюшка... Съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ. Дрянъ порядочная. Какъ ни толкуйте, а въ сущности все сводится къ 20-му числу,—неожиданно буркнулъ Стойбищевъ и захлебнулся отъ смѣха.

Экземплярскій сперва было ослабилъ, затѣмъ, понявъ, что это не шутка, нахмурился и pokrutilъ усы.

— Неожиданный переходъ. Но это вы напрасно... Этакъ, если смотрѣть на жизнь, она опротивить. Надо разнообразить житейскую прозу, внося лучи поэзіи. Если не театр,—литература. Много свѣжихъ страницъ, яркихъ горизонтовъ... Открываются совсѣмъ инныя переживанья...

Маленькій, сдавленный смѣшокъ хозяина, словно осенній дождикъ,—мелкій, назойливый, остановилъ Экземплярскаго, не давъ ему высказаться.

— Нахватались вы по границамъ: «переживанья»!.. «лучи поэзіи»!..—«горизонты»!.. Гм... Я читаю. Когда ѣду въ конкѣ со службы, обязательно читаю похождения Ната Пинкертонъ и Ника Картера. Увлекательно и дешево, по пятачку... Впрочемъ, Картеръ стоитъ семь копеекъ. Такъ-то, батюшка! Несхожіе мы люди. У васъ разные полеты еще остались, а мы крѣпко сидимъ и воздухоплаваніями не занимаемся.

Минуты тянулись, и каждая не сближала, а разъединяла говорившихъ. Экземплярскій былъ близокъ къ отчаянью, напоминая пловца, теряющаго послѣднія надежды пристать къ берегу.

— О смерти графа Хаючаго, конечно, прочли сегодня въ газетахъ? Умеръ въ Италіи,—заговорилъ гость, опять воскресая духомъ при одной мысли, что добросовѣстно высидѣлъ съ четверть часа и, вдобавокъ, еще нашелъ матеріаль для новой бесѣды.

— А Христосъ съ нимъ! Былъ большой руки фокусникъ. Что ни подносили ему—все съѣдалъ подъ какимъ угодно соусомъ, а гошъ былъ, какъ стервятина. Когда, бывало, ни придешь къ нему—ѣсть сливочное масло, одно, безъ булки; но оно впрокъ не шло.

Стойбищевъ говорилъ и смѣялся; плечи поднимались; голова тряслась. Его одинокій, безотвѣтный смѣхъ производилъ впечатлѣніе жалкой маски, скрывающей завистливое самолюбіе.

Слушателямъ было не по себѣ.

«Смѣется, а самъ не понимаетъ, чего смѣется, и на каждомъ шагу—батюшка да батюшка... Противно!» размышлялъ гость, а хозяинъ продолжалъ себѣ ораторствовать; но Экземплярскій вдругъ воскликнулъ, даже привскочилъ и вытянулъ шею:

— Вотъ поразили, Митрофанъ Митрофанъчъ! Говоря съ вами, постоянно ожидаешь какого-нибудь сюрприза... Хаючій вывелъ

вась въ ревизоры... Вы сами неоднократно говорили, что въ восторгѣ отъ него...

— Ну, батюшка, мало ли что говорится зря!... Слово не воробей, ха-ха! Онъ много навредилъ дѣлу—вашъ графчикъ. Дурной былъ юристъ и ничего не стоящій человекъ. Противъ смертной казни какъ кричалъ! Модный вопросъ... Ну, и онъ сейчасъ же въ первыхъ рядахъ. Разрушалъ, а ничего не создавалъ... Выскочка!

— Неужели вы такой кровожадный?—удивлялся Экземплярскій.

— Эхъ, батюшка!.. Пускай ее отмѣняютъ, Христось съ нею, только назначьте меня начальникомъ каторги... Я бы взамѣнъ такую каторгу придумалъ, что преступники сами бы кончали самоубійствомъ... А, впрочемъ, что ужъ тутъ болтать сказки,—даже парижанинъ, добродушное дитя природы, не можетъ обойтись безъ человѣческой крови, намъ же, батюшка, и Богъ повелѣлъ... Мы—варвары, ха-ха...

Гостя передернуло. Онъ не нашелся, что отвѣчать, и соображалъ въ умѣ: «Дѣйствительно, Хаючій былъ дурной юристъ, если такой фруктъ возвелъ въ ревизоры! Можно сказать, совершилъ проступокъ по должности».

Стойбищевъ продолжалъ разносить бывшаго начальника:

— А какой ханжа былъ покойничекъ! По церквямъ лазилъ да по монастырямъ шнырялъ, нищимъ не подавалъ, лишь на построение храмовъ жертвовалъ по грошамъ...

Экземплярскій вскинулъ рѣсницами на Марью Егоровну, и они оба усмѣхнулись, очевидно, прекрасно понимая другъ друга.

— Еще въ прошломъ году ты то же продѣлывалъ, по средамъ и пятницамъ на постномъ маслѣ сидѣлъ да на капустѣ, хотѣлъ выслужиться...—начала Стойбищева, но мужъ не далъ ей возможности разговориться.

— Полно, матушка!.. И кому до этого какое дѣло?.. Вотъ и теперь, батюшка,—снова завелъ онъ рѣчь, стараясь переменить тему:—одинъ проектець смакую... остается лишь обмозговать и мотивировать этакъ, знаете, поглуше да потемнѣй... и нашимъ, и вашимъ... да обсосать маленько, чтобы кому не нужно и разобрать не смогъ, въ чемъ соль. Послѣ Хаючаго приходится его грѣхи исправлять,—тутъ же поясняетъ онъ:—хитро все это...

Говорить, а въ костяныхъ глазахъ постепенно разливается точно масло,—сиянье отъ довольства собой, даже расчувствовался.

— Ты бы, Машенька, кофейку изготовила, нежданнаго-негаданнаго гостя попить и чего-нибудь съѣстнаго, знаешь, поставила—закусить... Оно веселѣе какъ-то... А я тѣмъ временемъ проектець прочту объ урегулированіи отношеній...

Экземплярскій не дослушалъ, какихъ именно отношеній, перебилъ его и заторопился уходить, плохо скрывая страхъ, невольно вылившійся во взглядѣ и въ каждомъ движеніи.

— Нѣтъ, покорно благодарю. Я послѣ отпуска еще не вошелъ въ служебную колею... мнѣ надо спѣшить. Я забѣжалъ собственно на секунду, такъ сказать, выразить свое совершенное почтеніе, а заболтался на полчаса...

— Куда же вы?—разочарованно проговорила Марья Егоровна, и по лицу ея разлилась такая скука, что Экземплярскому стало жалко ея и, если бы не перспектива чтенія, онъ навѣрно остался бы.

— Какъ хотите, батюшка, не смѣю настаивать.

Стойбищевъ надулся и съ сердцемъ зажегъ спичку, чтобы вновь закурить папиросу. Его авторское самолюбіе было глубоко уязвлено невниманіемъ младшаго сослуживца къ труду, которому онъ самъ придавалъ громадное дипломатическое значеніе.

Для себя? Для другихъ?.. Это оставалось его тайной.

«И вотъ этакіе верхогляды наполняютъ канцеляріи! — разсуждалъ онъ въ душѣ, недоброжелательно провожая гостя до передней:—университетскіе!. Что проку въ университетскихъ!.. Я самъ только изъ гимназій. Попадись онъ мнѣ въ помощники,—я бы раздѣлалъ его подъ орѣхъ...»

— Гдѣ вы, батюшка, такой сюртучекъ заказывали?—спросилъ онъ съ гримасой, стараясь, впрочемъ, изобразить любезную улыбку, и съ раздраженіемъ поправилъ сползающія очки.

— А?.. Да вы, Митрофанъ Митрофанъчъ, все равно не закажете: для васъ дорого,—уже въ дверяхъ полуснисходительно, полунебрежно отвѣчалъ Экземплярскій:—и это не сюртукъ, а жакетъ.

Изъ коридора опять выглядывали дѣтскія головки, шушукались и смѣялись.

«Будущее поколѣніе рахитиковъ... Здоровыхъ дѣтей даже не могъ произвести на свѣтъ... Гнилушка!. А какой скряга!.. Комодъ ломится отъ процентныхъ бумагъ, и все-таки живетъ Плюшкинымъ. Другой бы на его мѣстѣ и служить-то не сталъ, не то что прислуживаться... Бюрократія падаетъ, если Стойбищевы попадаютъ въ ея ряды,—философствовалъ Экземплярскій, спускаясь съ площадки пятаго этажа:—никогда къ нему больше ни ногой... За десять лѣтъ нашего знакомства прямо Овидіева метаморфоза: постепенное превращеніе чловѣка въ свинью... И чего это Марья Егоровна не разведется съ нимъ! удивляюсь...»

Экземплярскій посмотрѣлъ на часы и, вспомнивъ, что въ четвертомъ этажѣ проживаетъ Вилкомірскій, дѣлецъ съ довольно неопредѣленной репутаціей, спустился по лѣстницѣ, прошелъ нѣсколько площадокъ и у дверей, гдѣ на мѣдной дощечкѣ безъ фамиліи выдѣлялась лаконическая надпись: «дома», медленно нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Долго не отпирали.

III.

Въ квартирѣ Вилкомірскаго (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ комнатахъ, куда допускались посторонніе) все было обставлено такъ, чтобы показать хозяина съ дѣловой стороны: большіе книжные шкапы, географическія и другія карты, модели, обиліе корреспонденціи; бросалось въ глаза бюро съ множествомъ ящиковъ, украшенныхъ ярлыками: «Уралъ», «Кавказъ», «Южный берегъ Крыма», «Дальній Востокъ», «Петербургъ», «Забайкалье» и т. п.

Низкаго роста, съ мелкими, но довольно правильными чертами лица, въ сѣдомъ парикѣ, незамѣтномъ на бѣглый взглядъ, Вилкомірскій въ каждаго, съ кѣмъ разговаривалъ, точно вшивался невидимыми щупальцами; его прозрачные сѣрые глазки, глубоко ввалившіеся, сверлили буравчиками; стереотипная мягкая улыбка казалась ширмой, прикрывающей пастойчивость, доходящую до дерзости, и жесткость характера, когда требовалось достиженіе извѣстной цѣли.

Медленно двигаясь, словно паукъ, распускающій тончайшія нити паутины, онъ первый кланялся тому, кто ему нуженъ, первый вступалъ съ нимъ въ заманчивый разговоръ и по строго обдуманному плану окружалъ его кольцомъ красивыхъ, но большею частью несбыточныхъ иллюзій.

Онъ имѣлъ весьма озабоченный видъ, когда вошелъ Экземплярскій, прищурился и старался показать, что не знаетъ посѣтителя, хотя хорошенькая горничная и доложила объ его приходѣ.

— Разбогатѣете! Слышу фамилію, гляжу и не узнаю. Назожденіе! У васъ стало совсѣмъ другое лицо. Вы положительно похорошѣли.

Любезность фразы смягчала первоначальную сухость взгляда. Гость былъ слабъ. Его легко ловили на комплименты, которые онъ принималъ за чистую монету.

Когда усѣлись на удобной оттоманкѣ, располагающей къ пріятной лѣни, хозяинъ принялъ печальный видъ и на мигу поникъ головой; но застывшая улыбка все-таки оставалась на тонкихъ губахъ. Какая-то окаменѣлость лунатика покрыла лицо Вилкомірскаго, глаза потухли. Словно онъ временно перенесся куда-то въ иной міръ. Экземплярскому даже стало неловко, но тотъ сдѣлалъ падъ собой замѣтное усиліе, страхнулъ этотъ нависшій гнетъ и уже опять оживился.

— Я вспомнилъ Хаючаго... Только что прочелъ о безвременной утратѣ. Видите ли, вы ко мнѣ вошли, и мысль заработала въ извѣстномъ направленіи.

— Развѣ вы знавали покойнаго, а?..

— Еще бы! О! вотъ кто былъ истинный дѣлецъ!.. Слышите ли, если открывалось серьезное предпріятіе съ широкими кругозорами, гдѣ требовался большой, орлиный размахъ, острый умъ, энергія—графъ былъ незамѣнимъ. Мы вмѣстѣ дѣйствовали. Я говорю, конечно, про частныя дѣла, а не про ваши канцелярскія... Но и тамъ, въ департаментѣ, онъ былъ, знаете ли, птицей высокаго полета. Конечно, онъ пренебрегалъ мелочами и тянулся только къ тому, что способно было увлечь мыслящаго человѣка, въ жилахъ котораго бурлитъ горячая кровь, а не течетъ кислое молоко. Хаючій это—дѣлая, видите ли, эра могучей работоспособности. силы поразительныхъ комбинацій, мощныхъ порывовъ къ освобожденію отъ всякихъ предразсудковъ, къ какой бы они области ни относились.

— А мнѣ сейчасъ его называли ханжой,—возразилъ Экземплярскій, совершенно сбитый съ толку такой неожиданной защитой умершаго сановника.

Вилкомірскій ловко провелъ рукой по волосамъ парика, точно это были настоящіе волосы.

— Если онъ ходилъ въ церковь, значить такъ было необходимо для какого-нибудь дѣла. Покойный графъ Хаючій—внѣ подозрѣній на этотъ счетъ. Вѣра—вѣрой, а ханжой такой человѣкъ не могъ быть и религиозной маляріей разумѣется, не страдалъ...

Онъ вдругъ оживился и лукаво прищурилъ глаза.

— Понимаете ли, когда у насъ возникла идея создать для многихъ эстетовъ клубъ «бѣлой гвоздики», отзывчивый Хаючій, не взирая на почтенный возрастъ, былъ душой нашего кружка... просуществовавшаго, правда, недолго...

Экземплярскій весь ушелъ въ созерцаніе говорящаго, не спускалъ съ него глазъ, внимательно ловилъ всякое его слово, точно въ каждомъ изъ нихъ таилось какое-нибудь откровеніе.

— Клубъ «бѣлой гвоздики»?.. Я что-то не слыхалъ,—перѣшительно перебилъ онъ, когда хозяинъ по привычкѣ остановился среди фразы, словно обдумывая дальнѣйшую нить мыслей или на минуту переносясь къ прошлому:—вѣроятно, какой-нибудь кружокъ цвѣтоводовъ, а?

Вилкомірскій беззвучно засмѣялся. Всѣ его движенія, слова отличались вкрадчивостью.

— Названье, знаете ли, не играетъ тутъ никакой роли. По случайности въ комнатѣ, гдѣ происходило наше «учредительное» собраніе, стоялъ пышный, благоухающій букетъ бѣлой гвоздики... Отсюда и поэтическое названіе... Цѣль общества тоже поэтическая---наслажденіе красотой... «Свобода и красота»--нашъ девизъ. Видите ли, извѣстный беллетристъ Пшибышевскій, самъ того не подозревая, является нѣкоторымъ образомъ духовнымъ отцомъ нашего кружка... «Ось, вокругъ которой вращается жизнь, это---

любовь и смерть»; «любовь и тоска любви это—единственная настоящая творческая сила»—такъ онъ говоритъ въ «Сынахъ земли», и мы строимъ на этомъ всю нашу житейскую философію. Между собой мы часто называемъ себя «пшибышевцами». Оброненныя имъ фразы: «красота существуетъ для тѣхъ, кто умѣетъ ее воспринимать», «любовь нужно брать, рвать къ себѣ гордо, сознательно», «свѣтъ создаетъ разстояніе», «бываютъ минуты, когда каждая женщина дѣлается прекрасной»—послужили намъ, единомышленникамъ, толчкомъ къ исканію личнаго счастья. Мы создали обстановку тихаго уюта въ мягкихъ полутонахъ, сближающихъ, а не разъединяющихъ людей... Мы, понимаете ли, старались улавливать тѣ именно моменты, которые, какъ утверждаетъ Пшибышевскій, дѣлаютъ женщину прекрасной, причемъ, конечно, «избранныя» женщины сами шли къ намъ навстрѣчу, вытѣсняя дерзновеніемъ избитыя легенды о дѣломудріи и пр. Развѣ въ культѣ физической любви есть что-либо позорное?.. Самъ Будда говорилъ, что потребность ея «острѣе крика, укрощающаго дикихъ слоновъ, горячѣ пламени, подобна стрѣлѣ, вонзающейся въ духъ человѣка», а онъ ли не былъ истиннымъ философомъ!

Вилкомирскій постепенно разгорячался: землистыя щеки его покрывались румянцемъ: поздри вздрагивали. Онъ весь преобразился, увлекаясь любимымъ сюжетомъ. Въ сквозныхъ глазахъ загорался и безпокойно мигалъ блуждающій огонекъ смутныхъ, еще какъ будто не вполне вылившихся желаній.

Экземплярскому почудилось, что изъ-за тяжелыхъ портьеръ, скрывающихъ входъ въ другія комнаты, пробивалась еле уловимая струйка душистыхъ бѣлыхъ гвоздикъ и постепенно заволакивала, какъ воздушнымъ кружевомъ, весь напускной, искусственный налетъ «ученаго кабинета».

— Конечно, въ нашемъ аристократическомъ кружкѣ (въ лучшемъ смыслѣ этого слова),—продолжалъ ораторъ съ настойчивой убѣдительною, точно находился передъ обвинительнымъ трибуналомъ:—не было ни первобытной грубости орловскихъ «огарковъ», ни пьяной дикости московскаго «союза пива и волн», ни непосредственной крайности минской «лиги свободной любви», ни инквизиторской таинственности кievской «дорефы» или пошлой удалы казанской «минуты»... У насъ эротизмъ, позволяю себѣ выразиться, мистическій. Поклоненіе красотѣ сливается съ служеніемъ ей. Арена любви въ то же время и храмъ любви... Сатурналии въ честь Эроса. Да... да... мы умѣемъ сознательно пользоваться жизнью! Пьемъ изъ полной чаши, не проливая нектара на землю. У насъ и обстановка была подходящей: изящныя гостиныя, художественно украшенныя гобеленами и штофной мебелью во французскомъ стилѣ, изысканные будуары съ пушистыми шкурами, прохладная столовая изъ клена... гдѣ нужно—великолѣпная

бронза, тончайшій хрусталь и севрскій фарфоръ ласкали глазъ и изоцряли воображеніе... И вездѣ были цвѣты... розы, орхидеи, бархатныя лакфіюли, лиліи,—словно дѣвушки на конфирмаціи, цинерарии... Когда мы ужинали,—столь обыкновенно былъ покрытъ зеленью тончайшихъ тепличныхъ папоротниковъ... Это, чувствуете ли, давало настроеніе и желаніе жить и наслаждаться... И, конечно, это все стоило недешево...

Вилкомірскій показаль дрожащимъ пальцемъ на бюро съ ярлыками: «Ураль», «Кавказъ» и пр.

— Вы думаете, для чего это? Для денегъ, мой милый, для однѣхъ денегъ! «Евангеліе золота» и «философія власти» (по удачному опредѣленію Оскара Уайльда)—далеко не чужды намъ. Они—орудіе достижений,—и вдругъ, придавъ лицу мрачное выраженіе, онъ произнесъ речитативомъ изъ аріи Мефистофеля:

«Люди гибнутъ за металлъ,
Са-тана тотъ пра-вить балъ»...

Было что-то циничное во всей маленькой фигуркѣ Вилкомірскаго, казавшейся еще меньше рядомъ съ высокой фигурой гостя.

— А почему же прекратился кружокъ?—полушопотомъ и нерѣшительно, какъ бы остерегаясь, спросилъ Экземплярскій, находившійся подъ впечатлѣніемъ странныхъ признаній этого «эротическаго энциклопедиста», какъ онъ въ душѣ назваль Вилкомірскаго.

Тотъ неопредѣленно махнулъ рукой.

— «Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече».. Но мы не умерли,—заснули... Еще проснемся... проснемся... да...

Порывъ прошелъ, и Вилкомірскій сразу какъ-то съежился, зябко повель плечомъ, точно испугался своей откровенности, оглянулся, не подслушиваетъ ли кто, и снова окаменѣлость лунатика, только въ большей степени, чѣмъ прежде, согнала съ поплѣднѣвшихъ губъ, съ застывшихъ глазъ, съ опустившихся щекъ недавнюю вспышку на мигъ проснувшейся молодости.

— Скверная пора,—устало заговорилъ онъ, будто языкъ плохо повиновался и слова дѣлались тяжелыми.

Безмолвно, пошатываясь, онъ удалился за портьеру, затѣмъ, спустя нѣкоторое время, вернулся, но уже имѣлъ бодрый, веселый видъ, и на губахъ играла улыбка довольства; голосъ окрѣлъ.

«Неужели морфинистъ? Кто бы могъ подумать!» мысленно задалъ себѣ вопросъ Экземплярскій и въ изумленіи полуоткрыль ротъ, показывая широкіе, рѣдкіе зубы.

— Что, бишь, я сказалъ?.. Да... Скверная пора... Хамъ надвигается,—«хамъ ликующій, торжествующій», а мы боязливо прячемся по угламъ. Выступаетъ толстосумъ; съ другого же конца

подбирается пролетарій. Возлѣ нихъ орудуетъ и справа, и слѣва хулиганъ. Намъ, видите ли, тѣсно отъ такого сосѣдства, нѣтъ простору. Мы лучше подождемъ пока. Вотъ хотя бы Кириаковъ, здѣшній домовладѣлецъ. Вы знакомы съ нимъ?.. Плутъ...

— Какъ же, бываю у него... Отъ васъ къ нему зайду.

— Это ничего. Я буду откровененъ. Служилъ онъ, знаете ли, управляющимъ дѣлами одной богатѣйшей фирмы. До этого носилъ панталоны съ бахромкой, а тутъ привалило счастье. Какъ-никакъ, а завѣдывать отпавкой пароходовъ, перевозящихъ нефть или что-то въ этомъ родѣ,—важная вещь. Съ каждаго—по проценту, въ результатѣ—разбогатѣлъ, женился на красавицѣ. Фирма, наконецъ, замѣтила, поклонилась ему въ ножки: «Чудесный вы человекъ, Константинъ Квинтиліановичъ... Только уходите отъ насъ. Мы и юбилей вашъ отпразднуемъ, и подношенія всякія устроимъ,— а все же уходите, ради самого Создателя». Ушелъ и, что же вы полагаете, сейчасъ домъ воздвигъ, въ милліонеры записался, а жить не умѣетъ, хамъ-хамомъ. Сладострастіе скупости это уже позоръ. Я на Кириакова съ презрѣніемъ смотрю, хотя у него въ домѣ и раздвижныя стѣны, какъ въ Портъ-Артурѣ, блаженной памяти, и мраморныя подоконники, и умывальники съ горячей водой отъ утра до ночи...

Вилкомірскій внезапно позвонилъ и, не глядя, вполоборота, отдалъ горничной отрывистое приказаніе:

— Штучка, угостите насъ.

Такое обращеніе удивило гостя, но онъ и бровью не повель. Горничная исчезла и скоро внесла подносъ съ чашками кофе, ликерами, коньякомъ, птифурами и фруктами.

— Отвѣдайте чего-нибудь.

— Вы что же собственно дѣлали въ кружкѣ?—съ обычной наивностью разспрашивалъ Экземплярскій, прикладываясь къ высокому рюмкѣ, по формѣ напоминающей цвѣтокъ лотоса, и вдругъ покраснѣлъ.

Но лицо Вилкомірскаго оставалось непроницаемымъ.

— Что дѣлали члены кружка?.. Pst... Съ нашей точки зрѣнія это, видите ли, было служеніемъ красотѣ и поклоненіемъ своему я. Женщины, дѣвушки, мужчины были равноправными. Не было мѣстничества и никакихъ запретовъ, суевѣрій и предразсудковъ. Условія для первыхъ, разумѣется, свѣжесть, для насъ—зрѣлость, для всѣхъ же вмѣстѣ—тайна собраній. Около зеленыхъ побѣговъ и мы молодѣли. У насъ бывали и собесѣдованія, и вечера искусства: музыка, декламация, пластическія позы, пѣніе, пляски—эта необходимая пантомима любви... костюмированные вечера во вкусѣ парижскихъ «bals des Quatre—z'arts»,—праздниковъ, въ честь красоты человѣческаго тѣла, но, естественно, болѣе интимные. Въ угоду «сегодняшняго» дня приносились въ жертву ненужныя за-

боты о «завтрашнемъ» и бесполезныя мечтанія о «вчерашнемъ» и, вѣрите ли, жилось легче и ярче, чѣмъ нынче живется. Это, если хотите, было настоящимъ эстетическимъ кабарэ, конечно, нелегализованнымъ. Приходилось замалчивать... Вѣдь ходили же слухи о томъ, что мы чуть ли не служимъ «черную мессу»... Мы пожимали плечами и удивлялись грубости общества. Ужели играть въ карты—единственная привилегія русскаго интеллигента! Пластикъ тоже надо удѣлять мѣсто. Линіи тѣла также имѣютъ право на существованіе. Въ нашемъ кружкѣ вѣяло Элладой...

Звонокъ и появленіе какой-то почтенной старушки, которую, очевидно, ожидалъ Вилкомірскій, прервали бесѣду.

Началось торопливое выдвиганіе ящичковъ, предупредительное показываніе геологическихъ картъ и прочее, что совсѣмъ не интересовало Экземплярскаго.

Ревностный членъ «бѣлой гвоздики» обдѣлывалъ, видимо, денежное дѣло и склонялъ старуху къ какому-нибудь рѣшительному шагу—такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось гостю.

Голосъ Вилкомірскаго получалъ теплые, душевные оттѣнки, переливался, звучалъ убѣдительною, ловко подстрекалъ, разжигая самыя затаенныя чувства, которыя, можетъ быть, уже давно были погребены въ старушечьемъ сердцѣ подъ толстымъ слоемъ скарденности и недовѣрія къ ближнему.

Экземплярскій допилъ розовыя капли прянаго ликера «Parfait amour», такъ хорошо подходящаго къ окружающей обстановкѣ, посмотрѣлъ на часы, произнесъ въ приподнятомъ тонѣ:—«О, мнѣ давно пора!» и крѣпко пожалъ сухую, нервную руку хозяина.

Тотъ не упрасивалъ остаться, занятый предстоящими комбинаціями, и взглядъ его разсѣянно скользилъ по сторонамъ.

— Заходите,—второпяхъ проронилъ онъ, скорѣе по привычкѣ свѣтскаго человѣка; чѣмъ по сердечному влеченію, и поспѣшно выдвинулъ ящикъ съ надписью: «Африка».

«Какихъ только людей не встрѣтишь на свѣтѣ!—думалъ въ передней Экземплярскій, незамѣтно опуская серебряную монету въ руку кокетливой горничной, и тутъ же усмѣхнулся:—настоящая штука!..»

ГҮ.

У Кириакова, владѣльца пятиэтажнаго дома, ежеминутные звонки и утроемъ, и вечеромъ.

На письменномъ столѣ—цѣлое сооруженіе для переговоровъ по телефону съ городомъ, со швейцарами, со старшимъ дворникомъ, съ квартирантами, съ монтеромъ, кучеромъ и т. д.

Сигнализациа точно у главнокомандующаго на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Большую часть дня, сидя въ кабинетѣ, Кириаковъ вызывалъ къ себѣ въ третій этажъ безъ видимой надобности всѣхъ, кого за-благоразсудится, изъ домашней администраціи.

Только надавливалъ пуговики безконечныхъ звонковъ и подносилъ телефонную трубку къ лѣвому уху. Это доставляло ему удовольствіе.

Ноги, изрядно поврежденныя подагрой (а можетъ и спишной мозгъ пошаливалъ), почти не повиновались ему, и онъ поэтому больше сидѣлъ, чѣмъ ходилъ, а если нужно было непременно пойти, опирался на палку съ золотымъ набалдашникомъ и дѣлалъ странныя движенія по кривой линіи, причѣмъ ноги, обутыя въ мягкіе сафьянные сапоги безъ каблучковъ, служили ему, какъ чужія.

Ступая пятками, Кириаковъ безпомощно шагаль, ежеминутно боясь потерять равновѣсіе, словно находился на колеблющейся палубѣ.

Сухошавый, рослый, раскосый, съ остроконечнымъ голымъ черепомъ, украшеннымъ единственнымъ рыжеватымъ кокомъ, онъ носилъ густые бѣлые усы, тупо обрѣзанные по краямъ, такъ что они совершенно скрывали губы. Видъ онъ имѣлъ человѣка лѣтъ подь 60, привыкшаго исполнять малѣйшія прихоти своего взбалмошнаго нрава.

Кириаковъ сегодня не въ духѣ и ко всѣмъ придирается, стучить по столу набалдашникомъ палки, кричить и дѣлаетъ страшные глаза.

Съ утра изъ полученнаго частнаго письма ему стало извѣстно, что городской налогъ дѣйствительно увеличивается съ новаго года въ виду перемощенія мостовыхъ, ушпиренія улицъ, замѣны конокъ трамваемъ и проч., и проч.; слѣдовательно, необходимо и съ своей стороны обложить квартирантовъ въ такой же, если не въ большей мѣрѣ, чтобы доходность дома не только не уменьшалась, но возросла на случай дальнѣйшихъ сюрпризовъ отъ «отцовъ города».

Пока что—онъ сорвалъ злобу на горничной Грунѣ.

— Почему ключъ отъ погреба не на мѣстѣ, вѣтрогонка?.. Тѣфу ты, пропасть!

— Осмѣлюсь доложить... барыня приказали...—безсвязно лепетала испуганная Груня, перебирая пальцами кружевную обшивку передника (у Кириаковыхъ она жила около полугода, но никакъ не могла привыкнуть къ вспыльчивому характеру барина):—винцо доставали...

Константинъ Квинтилиановичъ вскипѣлъ.

Отвѣтъ горничной еще болѣе разстроилъ его. Слово «винцо» по-дѣйствовало особенно сильно, точно красный цвѣтъ на разгоряченнаго быка.

— Тѣфу ты, пропасть! Съ вами съ ума спятишь... Да я, вѣдь, отдалъ разъ навсегда приказъ не брать вина безъ моего распоряженія. Я въ книгахъ долженъ отмѣтить число бутылокъ, дурацкая

твоя голова... Какое можно взять, а какого нельзя... Ослиное упрямяство! Потомъ пойдутъ недохватки...

— Вы изволили почивать...

— Изволилъ почивать... молчи!.. Вонъ!.. Вотъ и разсуждай съ нею! Я уже такую дуру прогналъ, и ты дождешься... Если пропадетъ бутылка сливянки 1842 года, кто станетъ отвѣчать?.. Это не казенное вино... Чего ротъ открыла? А если коньяку не хватить?..

Горничная, не дослушавъ, убѣжала.

За ней гнался Кириаконъ и что-то продолжалъ кричать, выводя обычные кренделя непослушными ногами. Высоко поднималъ ступни, думая, что ускоряетъ шагъ, но лишь болѣе путался и топтался на мѣстѣ, а тѣмъ временемъ по дорогѣ трезвонилъ во все попадавшіеся на пути звонки, срывая хоть на этомъ бессильную злобу.

Въ столовой, гдѣ мебель была изъ полированного дуба и въ особенности выдѣлялся буфетъ съ фарфоромъ и вдѣланными по бокамъ зеркалами (гордость хозяина), столкнулись лакей, экономка, совсѣмъ оторопѣвшая Груня и, наконецъ, Ксенія Михайловна, жена Кириаконъ, красивая, полная женщина, кровь съ молокомъ, въ нарядномъ пеньюарѣ, состоящемъ изъ душистой волны кружевъ, тончайшаго батиста и ленточекъ.

Никто ничего не понималъ первую минуту.

— Опять изъ-за вина?—весело вскричала барыня, догадавшись, въ чемъ дѣло, и внезапно залилась звонкимъ хохотомъ, разсыпая тѣ микробы смѣха, которые мгновенно распространяются, заражаютъ своей близостью, душатъ и пѣтъ власти избавиться отъ нихъ и не поддаться ихъ вліянію.

Лакей сдержанно хихикалъ, отвернувшись въ сторону, нервная Груня и смѣялась, и плакала, экономка притворно кашляла, стараясь сохранить степенность.

Появившійся Кириаконъ недоумѣвалъ, но въ присутствіи жены сразу притихъ и не размахивалъ палкой.

— Знаю, знаю,—поспѣшила заговорить Ксенія Михайловна:— вотъ ключъ отъ погреба и, ради Бога, успокойся, мой дружокъ. . Двѣ бутылки марсалы, только и всего... Изъ моихъ любимыхъ.

Ея пылающія губы, чувственный овалъ лица, отраженіе чего-то безстыднаго въ глазахъ и побѣждающая свѣжесть обезоруживали старика всякій разъ, когда онъ готовъ былъ разразиться градомъ упрековъ.

Казалось, ему было неловко дѣлать ей сцены, укорять, ссориться, и онъ опускалъ раскосые глаза, точно провинившійся.

Въ чемъ?

Его старость и ея молодость вѣчно питали скрытую вражду другъ къ другу, и тамъ, гдѣ первая стыдилась за свою немощь, вторая радовалась униженію врага и пользовалась этимъ явнымъ преимуществомъ предъ нимъ.

— Ты посуди, однако,—мягко возражалъ Кириаковъ голосомъ, въ которомъ не замѣчалось и слѣда пережитыхъ волненій, и въ то же время скользи спокойно-сластолюбивымъ взглядомъ по шелковому ажурному чулку Ксеніи Михайловны и лакированнымъ маленькимъ туфлямъ съ золотыми пряжками:—тамъ сливанка 42 года... а красный портвейнъ, что я назвалъ «рубиновымъ», развѣ забыла!.. а чудный штейнвейнъ! Ты развѣ отъ него откажешься? Тридцатилѣтнее кло-вужо!.. Это все—святыня; къ ней нужно подступать съ благоговѣніемъ... Кто-нибудь соблазнится,—ищи тогда съ него...

Погребъ вдохновлялъ старика. Въ немъ дѣйствительно хранились хорошіе сорта винъ.

Однако, когда среди поэтическихъ изліяній Константина Квинтиліановича доложили о приходѣ старшаго дворника, Максима, Кириаковъ вновь нахмурился и поспѣшилъ къ себѣ въ кабинетъ.

«Утромъ—дѣла, вечеромъ—вино, а деньги—и днемъ, и ночью»—была его привычная поговорка.

Сытый, принижено-льстивый въ присутствіи хозяевъ и самоувѣренно-дерзкій въ предѣлахъ своего двороваго «самодержавія», Максимъ стоялъ и ухмылялся, поблескивая черными, бѣгающими изъ угла въ уголъ зрачками.

Онъ былъ достаточно красивъ, и чистая вышитая рубашка, выглядывающая изъ-подъ жилета, съ костяными запонками на груди, на которыхъ было вырѣзано «bonjour» (подарокъ барыни), очень шла къ его вызывающей внѣшности русскаго лихача.

Максимъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Ксеніи Михайловны, произведшей его и въ старшіе дворники, а онъ, въ свою очередь, тутъ же пристроилъ всю родню швейцарами и младшими дворниками и, такимъ образомъ, охранялъ полученную власть отъ малѣйшихъ поползновеній съ чьей-либо стороны.

Кириаковъ, несмотря на житейскую пронизательность и пронырливость, походилъ на владѣтельнаго князька, спутаннаго по рукамъ и ногамъ ловкимъ министромъ.

Максимъ, какъ водится, строилъ собственный домъ и поэтому тяпулъ съ кириаковскаго дома все, что плохо лежало.

Сложная бухгалтерія, заведенная хозяиномъ (хозяинъ былъ мастеръ на всѣ руки: самъ дѣлалъ разныя настойки, производилъ химическіе опыты надъ керосиномъ, даже опредѣлилъ какую-то реакцію по своему способу, возплся съ бухгалтеріей и составлялъ эмалевыя краски по рецептамъ, извѣстнымъ ему одному), не спасала отъ надувательства, и Максимъ богатѣлъ по примѣру барина, а Кириаковъ какъ будто и не догадывался объ этомъ.

— Ну-съ,—нетерпѣливо обратился онъ къ Максиму, давая понять, что готовъ слушать установленный докладъ о проишествіяхъ минувшаго дня, и застылъ въ позѣ исповѣдника.

Максимъ пробуетъ почву, съ чего лучше начать, чтобы не испортить дѣла.

— Земскій начальникъ всю квартиру обтараганилъ. Сосѣди жалуются. Дворники смѣются. Говорятъ: «тараканій начальникъ»...

Хозяинъ молчитъ, точно это его совѣмъ не касается.

Правый глазъ какъ будто даже подсмѣивается, но лѣвый сохраняетъ строгое выраженіе.

Старшій дворникъ колеблется и переходитъ къ другому сюжету.

— Господинъ Стойбищевъ все не отстаютъ отъ швейцаровой дочки. Какъ возвращаются, обязательно заходятъ въ комнату къ Григорію или вызываютъ Глашу на площадку, пряниками угощаютъ... Григорій не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ нихъ,—съ усмѣшкой доноситъ Максимъ, и въ зрачкахъ его загорается злой огонекъ:— за квартиру неаккуратно платятъ... Ходишь-ходишь... а вотъ скандалятъ.

По лицу Кириакова опять трудно догадаться, какъ онъ относится къ пикантному происшествію, и Максимъ, не улавливая поощренія, вдругъ принимаетъ сосредоточенно-сдержанный видъ.

— Насчетъ Глафиры это пока не наша забота, а по поводу платы ты, смотри, не спускай, въ случаѣ чего—дрова попридержи, а то и плиту въ кухнѣ можно разломать, якобы нечаянно, смекаешь? Только чтобы не было самоуправства!.. самъ будешь отвѣчать... Я—ни при чемъ; моя хата—съ краю... не до того мнѣ,—и золотой набалдашникъ палки уже готовъ постукивать съ угрозой, такъ и прыгаетъ въ жилистой рукѣ съ костлявыми пальцами.

Максимъ дѣлается самоувѣреннымъ; къ нему возвращается чувство собственнаго достоинства. Онъ отлично видитъ, что нашелъ наконецъ настоящій тонъ.

— Да это мы понимаемъ всегда... А еще, баринъ, въ первомъ номерѣ у актеровъ опять кто-то потолокъ въ спальнѣ подмочилъ. Должно, баронесса ванну не доглядѣла.

— Пускай чинить!.. Никакихъ поблажекъ!.. Вообще я упраздняю съ новаго года всякій ремонтъ. Каждый жилецъ будетъ самъ ремонтировать квартиру. Я постепенно и дровъ лишу, и угля, и на квартиры набавлю, и буду требовать, какъ требуютъ отъ прислугъ, отъ всѣхъ новыхъ квартирантовъ аттестаты, удостоверяющіе платежеспособность и благонадежность. Понимаешь?

— Какъ не понять!

— Ну то-то!.. Да... Кто это у меня надъ головой прыгаетъ всякій вечеръ, какъ оглашенный? Тьфу ты, пропасть! Танцклассъ? Разузнай и доложи. Штукатурка съ потолка валится. Починка на ихъ счетъ. Если танцклассъ—надо выжить... Больше ничего нѣтъ? Да говори толкомъ! Нѣтъ? Ну, ступай. Пришли-ка сюда маляра и монтера.

Въ такихъ бесѣдахъ пролетаетъ большая часть утра, а тамъ и время завтракать.

Если подойдет кто-нибудь невзначай, Константинъ Квинтиліановичъ раздражается и подчасъ кажется невыносимымъ даже для Ксеніи Михайловны, вообще прекрасно умѣющей его укрощать словомъ и взглядомъ.

Нынче часа въ три онъ уже потягивалъ кофе съ коньякомъ (не обращая вниманія на подагру), то спорилъ съ гражданскимъ инженеромъ, то обрушивался на племянника-кадета, который по праздникамъ и воскресеньямъ иногда проводилъ часть отпуска у дяди (по необходимости, такъ какъ не было другихъ родственниковъ).

Всегда молчаливый и задумчивый, глядящій волчкомъ, онъ зачастую попадалъ подъ суровые выговоры «богача-дядюшки».

Орудіемъ защиты служило ему исключительно несокрушимое, каменное молчаніе.

— Отщепенецъ рода человѣческаго... Я-таки упрячу тебя за перадѣніе... Транжира!.. Трубакурь!.. Говорять, есть какія-то тамъ дисциплинарныя училища... Вотъ туда тебя! Тьфу ты, пропасть! Молчить, какъ повѣшенный,—выходилъ изъ тебя Кириаковъ, видя, что ничто не помогаетъ и что племянникъ попрежнему не открываетъ рта, слушаетъ, жадно глотаетъ печенье и смотритъ взглядомъ затравленнаго звѣрка.

Горничная объявила о приходѣ Экземплярскаго.

Гость поцѣловалъ руку хозяйки и направился къ Кириакову, а тотъ вдругъ протягиваетъ ему три пальца съ брилліантовымъ перстнемъ и щурится.

— Мы съ вами знакомы или незнакомы?—произноситъ онъ съ такимъ выраженіемъ, точно видитъ его впервые.

— Какъ же! Я весною у васъ былъ... Помилуйте! Забыли?—краснѣя, отвѣчаетъ Экземплярскій, бросая безпомощный взоръ въ сторону хозяйки.

Той тоже неловко. Она кусаетъ губу и первно улыбается.

— Да что ты, Костя! Не выпался, что ли?.. Съ тобою прямо неладно. М-сигъ Экземплярскій... Инженеръ Ждановъ-Бѣльскій... Нашъ племянникъ, Витя Березкинъ...—она тутъ же представила ихъ, чтобы поскорѣе замаять непріятную сцену.

— Вы, вѣроятно, насчетъ квартиры?—не унимается Кириаковъ:—все занято, голубчикъ... у меня, вѣдь, такъ сказать, американскій домъ, а не русскій. Не найдешь подобнаго. Замѣйте: нѣтъ помойной ямы; вмѣсто нея—особыя герметически закрываемыя ведра, какъ въ Берлинѣ; отбросы ежедневно вывозятся со двора... Затѣмъ далѣе—весьма сложныя вентиляціи съ цѣлой системой каналовъ и отдушнъ,—постоянный обмѣнъ воздуха... Теплая вода циркулируетъ по трубопроводу съ утра до ночи... Навѣдайтесь-ка черезъ мѣсяць. Вотъ если выселю неаккуратнаго жильца, да еще скандалиста, тогда—милости прошу въ мой домъ,—домъ удивительный!

Описаніе достопримѣчательностей дома такъ захватило Кирикова, что его съ трудомъ можно было перебить.

— Ты снова какую-то несообразность понесъ,—сердится Ксенія Михайловна, въ то же время игриво перемигиваясь съ инженеромъ:—m-eur Экземплярскій (съ трудомъ выговорила она) и не думаетъ нанимать у насъ...

Но гость, чувствуя себя окончательно сбитымъ съ толку и сконфуженнымъ, горячо протестуетъ, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія, завѣдомо лжетъ о своихъ намѣреніяхъ и усиленно разспрашиваетъ о квартирѣ.

«Влопался... И зачѣмъ попалъ къ этому чудаку!» думаетъ онъ, въ душѣ помышляя о бѣгствѣ.

Но разговоръ кое-какъ завязывается, и шероховатость встрѣчи постепенно сглаживается предложеніемъ выпить коньяку и разспросами относительно заграничной поѣздки.

— О смерти графа Хаючаго, конечно, читали?—робко задаетъ вопросъ Экземплярскій, все еще не оправившійся отъ приема, устроеннаго такъ неожиданно Кириковымъ.

— Еще бы! Всѣ газеты трезвонятъ. Тьфу ты, пропасть! Умеръ, вѣдь, въ моей виллѣ и ничего не заплатилъ. Таковъ гусь! Придется судиться съ наслѣдниками. Онъ когда-то былъ и здѣшнимъ моимъ жильцомъ. Жилъ въ этой самой квартирѣ года полтора и привелъ въ негодность... Тянулись судебныя непріятности.. Хаючій былъ не обидчивъ. Ему—грязной туфлей по лицу, а онъ облизывался, словно его какъ медомъ. Вы знаете Вилкомірскаго?.. Вотъ они дружили. Одного поля ягода. Оба, кажись, по части запретнаго плода,—и онъ захихикалъ, опираясь на золотой набалдашникъ палки.

Раскосые глаза сузились, ротъ расширился до ушей, лысина покраснѣла.

— Впрочемъ, Вилкомірскій—исправный плательщикъ... Я цѣню подобныхъ. Это—главное; все остальное—вопросъ совѣсти. Мало ли что толкуютъ! Иной джентльменъ скупаетъ втихомолку векселя, задаетъ шикарныя журфикусы, ведетъ дебаты объ изящныхъ искусствахъ, а его довѣренныя орудуютъ по судамъ, вручаютъ повѣстки, взыскиваютъ по исполнительнымъ листамъ. Я всякія дѣйствія одобряю. Надо умѣть расплачиваться. Въ этомъ—сила, молодой человекъ. Утромъ—дѣла, вечеромъ—вино, а деньги—и днемъ, и ночью. Однако я иду работать. Утромъ—дѣла! До свиданья Насчетъ квартиры навѣдывайтесь почаще. Онъ у меня не пустуютъ подолгу,—и, кивнувъ головой, но никому не подавая руки, домовладѣлецъ направился въ кабинетъ.

У Ксеніи Михайловны тянулась какая-то непонятная для Экземплярскаго сердечная канитель. Взглядъ Кириковой порхалъ, мечтательно уплывая вдаль, а Ждановъ-Бѣльскій, изрядно упи-

таннѣй мужчина, довольнѣй, привыкшій къ пріятному препровожденію времени, смотрѣлъ на нее, не отрываясь, порою наклонялся и что-то шепталъ, такъ что Экземплярскій почти не улавливалъ, о чемъ они секретничаютъ.

Присутствіе мальчика ихъ не смущало, да и тотъ, видимо, былъ на ихъ сторонѣ.

«Насолить бы чѣмъ-нибудь старому хрѣну...»—читалось въ его глазахъ.

Бываютъ минуты, когда, сидя въ гостяхъ, ощущаешь полное одиночество, отчужденность, упорно молчишь, словно испытываешь состояніе столбняка.

Экземплярскій впалъ въ такое же подавленное состояніе, но въ концѣ концовъ превозмогъ его и поспѣшилъ откланяться.

Его предупредительно отпустили, даже не просили заходить.

«Чортъ возьми, вотъ такъ пріемъ!» размышлялъ обезкураженный визитеръ, чувствуя, однако, что тяжелый гнетъ упалъ съ плечъ и легче дышится.

«Теперь давно пора къ баронессѣ. Стоило таскаться по Стойбищевымъ да Кириаковымъ! Впередъ наука—не соваться въ первую попавшуюся дверь. Лучше на лѣстницѣ постоять или по улицѣ шляться... Вилкомірскій хоть открываетъ что-то новое...»

Экземплярскій былъ все-таки нѣсколько разстроены.

Удары по мелкому самолюбію особенно чувствительно отражались на его нервахъ.

Остановившись у трюмо, которыми были украшены почти все главныя площадки кириаковского дома, онъ съ особенной заботливостью «навелъ красоту», обрызгался духами и ровной походкой, чтобы не запыхаться, спустился въ бельэтажъ и прошелъ три площадки.

Уже издали слышались звуки рояля и взрывы смѣха.

Двери настезь.

Приходили и уходили.

Экземплярскій вошелъ безъ звонка въ переднюю—cabinet diplomatique, отдѣланную, вмѣсто обоевъ, цыновками и планками изъ дуба Красиво и просто.

Неотступно вертѣлась мысль, жужжала, какъ муха: «Въ одномъ домѣ столько разнообразныхъ жизней... ужасъ! Столько людей и все непохожіе, а между тѣмъ все—рабы наживы, все погружены въ пошлость, все давятъ другъ друга... И это въ одномъ только домѣ, въ одной незначительной части города! А въ совокупности всехъ домовъ? А въ рядѣ городовъ?.. Въ какую же великую пошлость сольются все эти мелкія, ничтожныя пошлости?..»

И на минуту Экземплярскому вдругъ стало такъ стыдно за самого себя... и онъ чуть-чуть было не вернулся обратно на лѣстницу и не сбѣжалъ внизъ къ швейцару Григорію, чтобы поскорѣе одѣться и,

не оглядываясь, умчаться изъ этого пятиэтажнаго ящика, гдѣ всѣ чужіе между собою и странно близкіе своей оторванностью отъ природы, отъ земли и отъ солнца.

Но его назвали по имени, и онъ уже, отгоня тревожныя думы, отдался дѣйствительности и слился съ нею, забывая минутную скорбь на мигъ пробудившейся души.

V.

Баронесса Черняковская, стройная, граціозная, во вкусѣ женщинъ Ботичелли, съ богатою волной бѣлокурыхъ волосъ, выющихся въ непокорномъ безпорядкѣ и совершенно скрывающихъ уши (можетъ быть, это дѣлалось умышленно, чтобы устранить какой-либо физическій недостатокъ или чтобы лучше походить на Флору ботичеллевской «Весны»), въ строгомъ смыслѣ не была красавицей.

Слишкомъ высокія скулы, черезчуръ острый подбородокъ и полныя жизни узкіе глаза придавали ей жесткость; улыбка ея, открывавшая рядъ великолѣпно отдѣланныхъ зубовъ, всегда казалась неестественной, натянутой. Однако, въ общемъ, она обладала притягательной силой, и воздухъ, которымъ она дышала, былъ насыщенъ хмелемъ влюбленности.

Ея страсть—устраивать приемы.

Прежде всего это удовлетворяло ея тщеславіе, такъ какъ о «салонѣ» Таисіи Матвѣевны не только говорили, но и писали въ мѣстныхъ газетахъ подъ рубрикой: «Въ свѣтѣ».

Репертеры были приняты и обласканы.

Затѣмъ это способствовало привлеченію дѣльцовъ, полезныхъ для разнаго рода частныхъ предпріятій, въ которыхъ она съ охотой готова была участвовать. За покровительство «знатнымъ иностранцамъ», какъ она въ шутку называла подобныхъ дѣльцовъ, баронесса устанавливала для себя приличный куртажъ (дѣловитостью отличались всѣ ея шаги).

Далѣе, это, какъ нельзя болѣе, соответствовало ея характеру салонной богемы.

Наконецъ, это отвлекало постороннее любопытство, подчасъ слишкомъ назойливое, отъ интимныхъ сторонъ ея жизни. Среди пестрой толпы поклонниковъ, дѣльцовъ и праздношатающихся было труднѣе отмѣтить избранника Таисіи Матвѣевны.

О самомъ Черняковскомъ мало говорили. Онъ считался мужемъ баронессы и больше напоминалъ простого гостя, чѣмъ хозяина. Прозвище имѣлъ: «сфинксъ, потерявшій тайну»,—приставленное, къ его имени, вѣроятно, какимъ-нибудь паркетнымъ балагуромъ ради краснаго слова и пущенное въ обращеніе, какъ нѣчто остроумное и таящее въ себѣ какой-то смутный намекъ на что-то.

— Все, что вамъ кажется непонятнымъ, вы, стало-быть, считаете фокусомъ?—вполголоса допрашивалъ артистку Бакласъ баронъ Черняковскій, польщенный ея неожиданнымъ вниманіемъ (она съ полгода какъ прѣѣхала изъ провинціи и принадлежала къ совсѣмъ еще новымъ знакомымъ баронессы).

Ларисса Яковлевна не отходила отъ него, какъ только пришла, и настойчиво поддерживала разговоръ, незамѣтно бросая взоры въ конецъ громадной гостиной, раздѣленной аркой отъ другой комнаты, имѣющей то же назначеніе, гдѣ баронесса оживленно бесѣдовала съ полнымъ брюнетомъ въ адъютантской формѣ.

Въ наружности артистки, еще совсѣмъ молодой, но уже входящей въ славу, главную роль играли дивные глаза,—глубокіе, одухотворенные, показывавшіе натуру и страстно нѣжную, и раздражительную, всю сотканную изъ нервовъ. При взглядѣ на нихъ забывалось все остальное, хорошее и дурное: и чуткая впечатлительность подвижного лица, и больная блѣдность, и худоба, и привлекательность глухого голоса, подчеркнутая искусственность манеръ... Около ея гибкой, полуразвитой, какъ у дѣвочки, фигуры странно прилѣпился темный, корявый силуэтъ сморщенного барона, гладко выбритого, съ выпяченной нижней губой и черепаховымъ моноклемъ въ прищуренномъ глазу.

— Конечно,—отвѣчала Бакласъ:—всюду наталкиваешься на фокусы. Нужно только сумѣть ихъ разгадать, и обаяніе чуда исчезнетъ. Волшебное станетъ пошлымъ, красивое—уродливымъ, честное—продажнымъ. Вы, напримѣръ, Борисъ Осиповичъ, не старались никогда разобраться въ одномъ загадочномъ фокусѣ? Я, впрочемъ,—провинціалка и незнакома съ свѣтской ложью... Извините, если наговорю вамъ какого-нибудь вздора. Я тутъ среди васъ—чужая.

Ея глаза останавливались на баронѣ, словно пытаясь пронизать его душу, и онъ не могъ оторваться отъ нихъ, смотрѣлъ, какъ очарованный, и молчалъ.

Она продолжала менѣе увѣренно, съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ и зябло потирала руки, похолодѣвшія отъ волненія.

Была видна внутренняя борьба.

— Да... да... Я должна высказаться, хотя это, можетъ, и не принято въ вашемъ кругу.

— Voilà! Такое длинное предисловіе, что я невольно подумаю, не обо мнѣ ли рѣчь,—загадочно улыбувшись, протянулъ баронъ, поправляя стеклышко и двигаясь изъ стороны въ сторону, какъ на шалнерахъ.

Подъ игривые звуки рояля, въ которыхъ слышался то задорный мотивъ ки-ка-пу, то смѣющіяся ноты матчиша и отголосокъ другихъ модныхъ танцевъ, подъ веселые крики молодежи и шумный натискъ мелькающихъ гостей—лицо артистки становилось все грустнѣй и задумчивѣй.

— Мнѣ непонятенъ динь фокусъ: ваше... «непротивленіе злу»,— съ разстановкой произнесла она и съ вызовомъ поглядѣла на барона:— магическій сеансъ, въ которомъ не распознаешь, кто престижитаторъ—вы, баронесса или самѣшался тутъ рокъ древне-греческихъ трагедій...

Черняковскій закусылъ губу и усиленно заморгаль.

Оба помолчали съ минутою, не больше, но пауза показалась очень длинной.

— Прямота вашего вопроса тоже фокусъ, по нынѣшнимъ привычкамъ, если все сводится къ фокусамъ, какъ вы изволите формулировать. Я, такъ и быть, отвѣчу. Необыкновенный вопросъ заслуживаетъ, по справедливости, такого же и отвѣта. «Непротивленіе злу!»—это красиво и зло сказано, parole d'honneur... Но гдѣ же зло? Мы давно стоимъ по ту сторону зла.. Вы изумлены? Pardon, это я шучу. Буду серьезень. Мой отвѣтъ кратокъ: вы играете на подмосткахъ, а мы... мы играемъ въ жизни, и все тутъ... Какъ вы, такъ и мы ведемъ разученную роль, и больше ничего. Повѣрьте, будетъ хуже, если мы спутаемъ реплики и заговоримъ изъ чужихъ монологовъ, а пока все идетъ, какъ въ хорошемъ театрѣ... Сборъ полный, билеты распроданы, смотрите!—и онъ гордо показалъ головой на прибывающихъ посѣтителей.

Лакей и горничная нѣсколько разъ приходили съ подносами, уставленными прохладительными напитками, чашками чаю и проч.

Серьезный споръ велъ только пріѣзжій профессоръ. Радуюсь единственному внимательному слушателю, онъ съ паѳосомъ доказывалъ государственное значеніе социализма и противопоставлялъ ему анархизмъ, такъ какъ идеаль перваго—всемирное соединеніе—исключаетъ идеаль втораго—всемирное освобожденіе.

Подъ конецъ разгорячился и охарактеризовалъ современное настроеніе умовъ и состояніе душъ, какъ эпоху анархической свободы.

— Это—бичъ, страшный бичъ, уничтожающій всякую цѣнность, убивающій въ зародышѣ всякій проблескъ благоговѣнія, подрѣзывающій въ корнѣ мельчайшее проявленіе благородства.

Вышло что-то напоминающее лекцію для диллетантовъ.

Слушатель незамѣтно дѣлалъ отмѣтки карандашомъ въ записной книжкѣ и безпрестанно прикладывался то къ грушѣ, то къ винограду, то къ чаю.

Профессоръ ничего не замѣчалъ и пѣлъ, какъ соловей, съ закрытыми глазами, не подозрѣвая вовсе, что въ слѣдующемъ номерѣ «Мѣстныхъ Извѣстій» будетъ приведена «встрѣча съ нашимъ маститымъ философомъ, Богомягковымъ».

Баронесса, обыкновенно оживлявшая многочисленныя кружки своего салона душевной бесѣдой, упорно сидѣла съ адъютантомъ Боязировымъ, подтверждавшимъ и виѣшностью, и выговоромъ, и самой фамиліей восточное происхожденіе.

— И вы настаиваете?—смѣло, увѣренно роняла она слово за словомъ, но такъ тихо, что даже собесѣдникъ иногда наклонялъ ухо, чтобы не переспрашивать и не проронить ни звука:—говорите же! настаиваете?

Предварительно у нихъ былъ длинный дѣловой разговоръ.

— Да, я настаиваю,—отрѣзалъ онъ болѣе громко, чѣмъ она желала (по крайней мѣрѣ ея брови дрогнули и застыли, какъ бы насторожились):—вы отправитесь послѣзавтра въ департаментъ, надавите видимыя и невидимыя пружины, и министерскій механизмъ двинется обязательно туда, куда мы съ вами захотимъ, душа моя.

Блескъ оливковыхъ глазъ придавалъ лицу Боязирова побѣдоносный видъ, отражающій увѣренность въ успѣхѣ.

Расчетъ на предстоящія широкія выгоды задуманнаго предпріятія, однако, укрощалъ адъютанта, смягчая его грубоватую прямолинейность.

Такъ какъ баронесса не спѣшила отвѣтомъ, измышляя возраженія или дразня неговорчивостью, офицеръ въ одно и то же время и выходилъ изъ себя, и вспыхивалъ порохомъ, и сдерживался до послѣдней крайности, стараясь этого не показать.

— Анонимное общество рельсовыхъ путей превосходно заплачивать. Какой восхитительный барышъ будетъ, ой-ой-ой!—опять затараторилъ онъ, уже съ явнымъ безпокойствомъ вглядываясь въ холодные зрачки Таисіи Матвѣевны:—пошевелите муженька... и онъ пригодится на что-нибудь полезное. Общество не замедлитъ отблагодарить и выберетъ его членомъ правленія. Оклады поразительные.

— Вы знаете, графъ Хаючій умеръ... Такъ некстати... Вотъ была сильная рука! Какой былъ обаятельный человѣкъ!—и въ этихъ лирическихъ изліяніяхъ взгрустнувшей души чувствовалось уже согласіе баронессы.

— Да, покойникъ выкинулъ штуку, сплеховалъ! Вздумалъ когда умирать... Шайтанъ его возьми!.. Но вы согласны? Я спокоень,—при этомъ ослѣпительные зубы Боязирова сверкнули, обличивъ не то презрительную усмѣшку, не то досадную гримасу.

Про себя онъ, между тѣмъ, думалъ съ облегченіемъ въ сердцѣ:

«Будто кошка, свѣтитъ глазами. Зеленое пламя такъ и брызжетъ, а въ глубинѣ какой-то ледь... Хитра! Ой, какъ хитра, шайтанъ ее возьми! Чванится... кичится баронствомъ. Гербы на каждой тряпкѣ... Я самъ лучше графа... Изъ нашего рода цари были... А мнѣ на гербы въ высшей степени наплевать... Деньги, душа моя Боязирова,—деньги!»..

Молчалъ, смотрѣлъ и машинально перебиралъ аксельбанты, слушалъ, какъ кто-то пѣлъ подъ роаяль.

Баронесса что-то обдумывала и продолжала сидѣть, не трогаясь съ мѣста, застывъ въ позѣ сомнамбулы, точно забывъ о гостяхъ.

— Какъ поживаете, ваше высокопревосходительство?—подлетѣлъ къ престарѣлому сановнику Экземплярскій, изгибаясь довольно низко передъ сенаторскимъ взоромъ.

— А, вы уже вернулись! Благодарю, скверно, распростудился. Изъ Италіи? Скажите! Были на похоронахъ графа?.. Вы слышите, что она поеть? Куда же ей до божественной! Это изъ репертуара Патти! «Le ciel a visité la terre...» Послушайте, передайте-ка, чтобъ она потомъ спѣла «L'air des bijoux»...

Сановникъ болталъ безъ умолку, не останавливаясь ни на секунду, самъ перебивалъ себя, перескакивая съ предмета на предметъ, и брызгалъ слюной.

Увидѣвъ Любу, племянницу баронессы, миловидную смуглянку, двадцатилѣтнюю барышню, онъ забылъ объ Экземплярскомъ и о Патти и направился къ ней.

Онъ не ходилъ, а какъ-то удивительно потѣшно шмыгалъ, хватался за носъ и выкрикивалъ отдѣльныя слова, иногда не доканчивалъ фразъ.

Его считали чудакомъ, но умнымъ и, главное, полезнымъ.

Вокругъ его имени вращался цѣль забавныхъ анекдотовъ.

Баронесса погрозила сенатору пальцемъ, когда обратила вниманіе, что Люба уже гуляетъ съ нимъ подъ руку и краснѣетъ.

— Съ вами опасно, Максимъ Максимычъ, — сказала она, величественно приближаясь и ловко отгѣсня племянницу: — лучше помогите мнѣ въ одномъ незначительномъ дѣльцѣ. Уйдемте отсюда,—и она быстро увлекла его изъ гостиной куда-то подальше отъ постороннихъ наблюденій.

Сплетни, разумѣется, находили себѣ здѣсь удобный пріютъ, жалили втихомолку и перепрыгивали отъ одного къ другому. Никто не оставался цѣль. Всѣ были искусаны, только не замѣчали своихъ укусовъ, присматривались къ чужимъ и забывали о себѣ.

Преждевременно сторбившійся молодой человекъ (изъ правовѣдовъ) съ тревожнымъ взглядомъ близорукихъ глазъ, прищуренныхъ подъ пенснэ въ золотой оправѣ, сразу выдававшихъ скрытность и фальшь, подсѣлъ черезчуръ близко къ Любѣ, безцеремонно облокотился на спинку ея стула и фамиллярно скулилъ.

Говорили о намѣченныхъ балахъ, о новомъ дирижерѣ у княгини Вадимовой, о кинематографѣ, словомъ, о всякихъ пустякахъ по отличо знакомому шаблону, критиковали присутствующихъ, не проявляя при этомъ ни остроты ума, ни смѣлости мысли.

Два-три избитыхъ афоризма, пошлыхъ и достаточно неприличныхъ, которые онъ прокартавилъ по какому-то случаю, Люба выслушала съ живымъ любопытствомъ. Повидимому, это не оскорбляло ея, скорѣй развлекало.

— Когда же я увижу васъ одну, неужели только за танцами да въ этой скучной гостиной?—мимоходомъ, но по заранѣе обдуман-

ному намѣренію, насмѣшливо промямлилъ повѣса, какъ бы подчеркивая, что не придаетъ своему вопросу особенно важнаго значенія, даже если его просьба и не будетъ исполнена:—боятесь «танты»? Напрасно. Вздоръ! Ей не до васъ. У самой, поди, столько дѣлъ въ сердечной канцеляріи... Придумайте что-нибудь свое, сочините отговорку, покажите, что вы не ребенокъ. Будьте самостоятельной хоть разъ въ жизни. Вы хвастались изобрѣтательностью по этой части. Гдѣ же она? Я подпишусь подъ чѣмъ угодно. Черкните мнѣ открытку. Я приду. Честное слово, приду... Думаете нѣтъ? Ну, тамъ въ пассажъ или въ гостинный дворъ... Разумѣется, безъ вашей рыжей дуэньи. Или на улицѣ встрѣтимся... Идетъ?..

Артистка Бакласъ услышала вскользь конецъ этого объясненія и поскорѣе подошла къ нимъ, чтобъ разстроить бесѣду, показавшуюся ей довольно странной.

Вникать, впутываться, защищать—составляли свойство ея безпокойнаго характера, слишкомъ впечатлительнаго, отзывчиваго.

Ея лицо выражало теперь почти отчаянье, и громадныя глаза съ расширенными зрачками въ ужасѣ остановились на синихъ глазахъ Любы,—добрыхъ, наивныхъ, но уже какъ будто немного знакомыхъ съ тайнами жизни,—такой простой жизни и вмѣстѣ такой сложной, загадочной и неумолимой (смотря по тому, съ какой стороны смотрѣть на нее).

Любинъ кавалеръ пасушился, заложилъ руки за спину и отошелъ къ окну, гдѣ висѣлъ градусникъ. Можно было подумать, что онъ очень обезпокоенъ состояніемъ погоды.

«Постоянно привяжется какая-нибудь проныра... Эта что же, изъ арміи спасенія, что ли?» размышлялъ онъ сперва сердито, но сейчасъ же увидѣлъ подругу Любы, приблизился къ ней, началъ разспрашивать о гимназін и утѣшился, когда опять подошелъ къ излюбленной темѣ.

А Ларисса Яковлевна говорила съ Любой, стараясь не выдать, что намѣренно разъединила ее съ правовѣдомъ.

— Мы живемъ въ одномъ домѣ, а вы никогда не спуститесь ко мнѣ. Отчего бы вамъ не зайти?.. Вы думаете, что у насъ не можетъ быть ничего общаго? Вамъ весело у тетки?

— Не очень, но я не знаю тоски. Утромъ говорю по телефону съ подругами, потомъ гуляю, катаюсь, вечеромъ всегда гдѣ-нибудь въ театрѣ или въ гостяхъ... Я безумно люблю танцы... Мерсі за приглашеніе. Я къ вамъ зайду, если позволить тетя.

Бакласъ съ недоумѣніемъ продолжала ее разсматривать.

— Можно предпологать, что ваша тетя даетъ вамъ необыкновенно строгое воспитаніе, или же моя квартира—квартира артистки, не для молоденькихъ барышень,—насмѣшка, хотя и глубоко спрятанная, противъ воли вырвалась у Лариссы Яковлевны.

Люба почувствовала ее, насупилась, и попытка къ сближенію такъ же быстро потухла, какъ и зажглась.

Дѣвушка поджала губы, и лицо ея покрылось пятнами.

— Я спрошу у тети или у mademoiselle,—совсѣмъ чужимъ голосомъ сказала она и вскользь бросила на артистку недружелюбный взглядъ.

«Норовистая... Какая-то особенная, непонятная натура... Стилъ модернъ, должно быть. Я сюда больше не хожу. Не нравится. Не домъ, а справочная контора. Тутъ мнѣ нечего дѣлать».

Уходя, она столкнулась въ дверяхъ съ Экземплярскимъ, съ которымъ ей не пришлось сказать ни одного слова.

— Вы собираетесь во-свояси? Отлично. Идемте ко мнѣ обѣдать. У меня общество. Мы давно не видались. Съ вами и газеты не нужно. Что? безъ возраженій!—обратилась къ нему Бакласъ, и лицо ея засіяло той свѣтящейся улыбкой, предъ которой забываются тусклые осенніе дни съ ихъ невзгодами и тревоженіями.

Въ гостиной баронессы еще кишѣлъ муравейникъ, и пріятный теноръ Боязирова кому-то налѣвалъ вполголоса любимый романсъ џыганскаго Рубина, Дмитрія Шишкина: «Однозвучно гремитъ колокольчикъ», а недалеко отъ него словоохотливый профессоръ, не обращая вниманія на легкомысленную обстановку салона Таисіи Матвѣевны, продолжалъ награждать репортера разнообразными цитатами, выводами и цифрами изъ своего обширнаго запаса свѣдѣній:

— Запомните, милостивый государь, что приходъ средней крестьянской семьи съ отхожимъ промысломъ — 38 р. въ годъ, а для существованія (*conditio sine qua non!*) необходимо 49 р. Каково это? Если принять во вниманіе, что все земледѣльческое населеніе Россіи составляетъ почти 72 милліона...

Репортеръ съ лихорадочной поспѣшностью дѣлалъ отмѣтки у себя въ книжкѣ.

Изъ-за трельяжа съ декоративной зеленью выглянула баронесса, прислушалась и осталась въ восторгѣ, что такіе серьезные сюжеты обсуждаются на ея приемахъ.

«Молодецъ профессоръ! По временамъ не мѣшаетъ приглашать людей науки для поддержанія надлежащаго тона. Мой салонъ превращается въ настоящую аудиторію... Пускай себѣ критикуютъ злые языки! Все равно ко мнѣ льнутъ, какъ мухи. Нынче—профессоръ, въ слѣдующій приемъ—княгиня Вадимова... Когда она пріѣзжаетъ,—въ передней дожидается выѣздной казакъ... Это чего-нибудь да стоитъ...»

VI.

Ларисса Яковлевна квартировала въ первомъ этажѣ на равныхъ паяхъ съ двумя товарками по сценѣ — Колтуновской и Фунтиковой.

Онѣ были землячки, почти сверстницы и одновременно выступили на провинціальныхъ подмосткахъ гдѣ-то на югѣ.

Если Бакласъ далеко превзошла ихъ непосредственнымъ дарованіемъ, школой и нервнымъ подъемомъ игры, то Колтуновская и Фунтикова несколько не уступали ей умѣньемъ правиться публикѣ и хорошо одѣваться.

Первая шла впередъ, завоевывая позиціи силой творческаго образа, двѣ остальные побѣждали наружностью, молодостью и вліяньемъ своихъ поклонниковъ.

Такимъ образомъ онѣ постоянно не отставали одна отъ другой.

Удобная, вполнѣ артистическая квартира съ общей пріемной, гдѣ преобладалъ букъ съ ажурной металлической отлѣлкой, а стѣны были увѣшаны портретами съ автографами разныхъ знаменитостей, въ томъ числѣ и собственными изображеніями артистокъ въ наиболѣе выдающихся роляхъ изъ пьесъ Ибсена, Зудермана, Чехова, Гауптмана.

Здѣсь не переводились нарядные свѣжіе цвѣты, и аромать ихъ наполнялъ все комнаты, смѣшиваясь съ запахомъ духовъ, держался въ портьерахъ, въ мягкой мебели, въ коврахъ.

Было мало картинъ, но зато хорошія, и двѣ-три скульптуры — бисквитъ и мраморъ.

Вкусъ отмѣчалъ каждую мелочь.

Порядка не было, но безпорядокъ отличался художественной изысканностью.

«Пріютъ музъ» — говорили объ этомъ уголкѣ артистокъ.

Когда вошелъ Экземлярскій съ Лариссой Яковлевной, въ «пріютѣ музъ» находилось нѣсколько человекъ и обѣ артистки.

Все перезнакомилось: антрепренеръ съ Поволжья, драматургъ, врачъ, журналистъ и двое безъ опредѣленныхъ занятій — почитатели талантовъ.

Кто не зналъ Экземлярскаго, принялъ его за актера на роли фатовъ, усмѣваго за дѣто отпустить длинные усы.

Худоцавая, высокая фигура и подчеркнутая модность костюма, на этотъ разъ полосатаго темно-сѣраго сюртука, многихъ сбивали съ толку.

— Позвольте полюбопытствовать, коллега, какъ ваша фамилія по сценѣ? — спросилъ его антрепренеръ, слегка наклоняясь на бокъ и стараясь сказать возможно потише, но его густой, сочный басъ проплылъ бархатной октавой.

Многіе, въ томъ числѣ и Бакласъ, засмѣялись.

— Экземплярскій... я уже вамъ отрекомендовался. Я—художникъ-любитель, а не актеръ, хотя и обожаю театръ, и, кромѣ того, я служу въ департаментѣ,—поспѣшилъ онъ отвѣтить, все понижая голосъ, такъ что слово «департаментъ» было произнесено едва внятно.

— А-а!.. Скажите! Это другое дѣло... не изъ той оперы. Значить, обознался... бываетъ... Я ищу артиста съ вашей виѣшностью... Человѣкъ нынче измельчалъ. Однако того... Вы бы попробовали испытать себя? Можетъ, вы не угадали своего амплуа?... А то художникъ и департаментъ—ни два, ни полтора... Я хорошо заплачу, на совѣсть...

Экземплярскому сдѣлалось досадно, что званіе чиновника повредило ему во мнѣніи антрепренера.

«Не попробоватъ ли?.. Двось и выйдеть...»—на мигъ мелькнуло въ его головѣ.

— Онъ всѣхъ обращаетъ въ свою вѣру. Не слушайте его,—подтвердила Колтуновская, мечтательное, хрупкое созданье (типичная ingénue) съ глазами, полными поэзіи и жизненнаго трагизма, какъ будто настоящая прозаическая жизнь скользила мимо нея, но, конечно, это было только обманчивой маской, подъ которой скрывалась жажда утѣхъ и житейскихъ благъ:—Левушка—мой крестный... Если бѣ не онъ, я ни за что не поступила бы въ актрисы, вышла бы замужъ за офицера и умерла бы полковой дамой,—и она шутливо потрепала по плечу своего сценическаго воспреемника.

— Зиночка—моя любимица. Ручку, Зиночка, ручку!—и Левушка изгибался могучимъ мускулистымъ тѣломъ и потѣшно подпрыгивалъ:—поѣдемъ-ка со мной въ Саратовъ? Дамъ тебѣ четыре бенефиса. Кушцы брильянтами закидаютъ. Этакая Трильби!—и онъ чмокнулъ губами, точно цѣлуя невидимый предметъ:—другой нѣтъ такой, а она не вѣрить... дитя,—сущее дитя! Клянусь я первымъ днемъ творенья, она рождена для Трильби!

— Свенгалли, подальше-ка руки!

Приходъ портнихи прервалъ веселое настроеніе собравшихся.

Фунтикова, болѣе пикантная, чѣмъ красивая, болѣе манерная, чѣмъ граціозная, точно сошедшая со страницъ англійскаго журнала, какъ рисунокъ Джона Тенніэля изъ «Пенча», поднялась навстрѣчу и, вмѣсто рукопожатія, сдѣлала ей въ видѣ привѣтствія какое-то замысловатое пластическое движеніе.

— А, милая Урюпина! Какъ похвально, что вы зашли! Я жажду васъ, какъ солнечнаго луча въ ненастную погоду. Пожалуйста въ мою святую святыхъ, гдѣ, какъ увѣряетъ проникательный поэтъ:

«За мелькавьемъ волшебныхъ узоровъ
Я слѣжу въ заколдованной мглѣ,
И моихъ очарованныхъ взоровъ
Не прельщаетъ ничто на землѣ».

Я хочу, чтобы вы придумали платье для «вечера искусства», но такое платье, которое не было бы «сегодняшним» костюмом, вы догадываетесь? а было бы «завтрашним». Короче говоря, дорогая Урюпина,—вы должны опередить моду. О вашем шедевръ, разумеется, напишутъ въ газетахъ мои друзья.

Урюпина дѣлала загадочное лицо, словно это «завтрашнее» уже зарождалось въ ея изворотливомъ мозгу, развивалось и принимало опредѣленные очертанья.

— Вотъ женщина! Что бы ни придумала Вѣрочка,—она пойметъ и создастъ нѣчто выдающееся, даже если Вѣрочка сама не понимаетъ, что ей надо,—не безъ ироніи замѣтила Баклась, когда Фунтикова и Урюпина скрылись за дверью:—жаль, что онѣ задержать насъ съ обѣдомъ. Послѣ посѣщенія баронессы у меня разыгрался почему-то волчій аппетитъ. Вы, господа, не проголодались?

— О, пустяки!—отозвался одинъ изъ молчаливыхъ почитателей, который, однако, несмотря на крохотный ростъ и птичье лицо съ носомъ, похожимъ на клювъ, считалъ себя неотразимымъ и воображалъ, что всѣ женщины заинтересованы имъ.

— Помилуйте, вы насъ оскорбляете, будто мы ради обѣда,—пытался протестовать второй изъ нихъ и опять замолчалъ, скромно опуская рѣсницы.

— Да, но того... все же не грѣхъ, ежели по рюмочкѣ...—пробасилъ Левушка, встряхивая черной гривой вьющихся пушистыхъ волосъ, а журналистъ съ благодарностью посмотрѣлъ на него и ухмыльнулся.

Настала минута напряженнаго затишья, ожиданья. Всѣ сразу замолчали.

Въ это время выскрывающій взоръ Экземплярскаго упалъ на будуарный портретъ красиваго мужчины съ сѣдой окладистой бородой.

— Господи! графъ Хаючій? и у васъ?... а? Положительно вездѣ-сущій!

— Вотъ Левушка—мой крестный, а князь—Вѣрочкинъ. Если бъ не онъ, она тоже не увидѣла бы свѣта лампы. Ищите и обряцете,—объяснила Колтуновская, указывая то на антрепренера, то на портретъ:—графъ былъ тогда вице-губернаторомъ. Онъ любилъ искусство и поощрялъ его жрецовъ.

— Его жрицы,—перебилъ Левушка съ кислой усмѣшкой, словно вспомнилъ что-то непріятное—жрецы, напротивъ, страдали отъ этой любви къ искусству.

Заспорили о достоинствахъ и недостаткахъ покойнаго администратора.

Горячились.

Журналистъ, пользуясь благопріятной обстановкой, обратился къ Лариссѣ Яковлевнѣ:

— А кто же васъ нашелъ? Простите за настойчивый разспросъ. Я готовлю замѣтку къ вашему первому выходу въ осеннемъ сезонѣ и въ ней могъ бы немного распространиться... Читатель привыкъ знакомиться съ частной жизнью знаменитыхъ артистовъ. Это сближаетъ.

Немного угловатый, съ рѣзкими движеніями и хриповатымъ голосомъ, онъ смотрѣлъ на нее изъ-подъ темныхъ дымчатыхъ очковъ съ какой-то суровой сосредоточенностью, словно слѣдователь, допрашивающій преступника; но хорошо знавшіе его умѣли находить подъ этой мрачной личиной и душевную прямоту, и неподдѣльное увлеченіе театромъ, и снисходительность къ ошибкамъ.

— Я сама себя нашла,—коротко отвѣчала Бакласъ, не любившая сообщать никакихъ подробностей изъ своего прожитаго, и заговорила о чемъ-то совершенно постороннемъ, чуждомъ искусству, ничего не оставляющемъ въ сердцѣ.

«Цѣните меня такой, какова я въ театрѣ. Тогда я вся ваша безраздѣльно. Дурная—хулите, хорошая—восторгайтесь, а біографія тутъ ни при чемъ», много разъ заявляла она надоѣдливымъ интервьюерамъ и рецензентамъ, осаждавшимъ ее въ антрактахъ послѣ какой-нибудь удачной сцены, когда между публикой и артисткой какъ бы созидались невидимыя тончайшія струны, уничтожающія разстояніе, границы и дѣлающія всѣхъ на мигъ близкими другъ другу...

Исчезали подмостки, суфлерская будка, декораціи; кулисы и зрительный залъ сливались въ одно цѣлое; публика, артистка, а черезъ нее и авторъ становились вдругъ участниками одной великой жизни, одной общей идеи...

Въ эти рѣдкія вдохновенныя минуты, когда жалкое тряпье актеровъ и ихъ поддѣльныя краски пріобрѣтали значеніе священнаго символа,—такъ далеко были отъ нея пискливые голоса мелкаго тщеславнаго самолюбія Рыночная оцѣнка таланта не прельщала ея дешевыми лаврами, и артистка холодно встрѣчала театральныхъ критиковъ, не льстила имъ и не заискивала у нихъ... Она была увѣрена въ томъ, что будущее за нее, а настоящее—лишь періодъ попытокъ и страстной работы, пока наконецъ ясный умъ не отброситъ все ненужное, случайное, и зародившаяся мысль не блеснетъ пророческимъ видѣніемъ.

Артистка уклонялась отъ рекламы. Можетъ быть, поэтому въ отзывахъ критики зачастую невольнo проглядывали сухость и придирчивость; подчасъ замалчиванье шло рука объ руку съ затаеннымъ недоброжелательствомъ.

«Шестая великая держава» гнѣвалась...

— Ларисса Яковлевна слишкомъ скромна, черезчуръ!.. Это вредитъ ей,—съ какой-то болью вырвалось у врача, когда къ нему подошелъ Экземплярскій:—но это почему-то меня еще болѣе притягиваетъ къ ней. Я манкирую практикой, явно врежу себѣ, надуваю

больныхъ, попросту подличаю, забросилъ диссертацию... А мечты о кафедрѣ!.. Меня тянетъ сюда магнитомъ... Я теряю голову, возненавидѣлъ семью... Мы давно знакомы съ вами,—скажите, развѣ я похожъ на прежняго, какимъ былъ... ну, хоть въ минувшемъ году? Чѣмъ ее взять? Чѣмъ притянуть на свою сторону?... Я начинаю злиться даже на театръ, который отымаешь ее у меня... И въ то же время я чувствую, что смертельно подоѣлъ ей, что мной тяготеетъ. Вижу ея недоумѣвающій порою или презрительный взглядъ и все-таки не ухажу... Пусть ударитъ меня, затопчетъ,—я распластаюсь у ея ногъ и буду счастливъ порабоженіемъ. Выражаясь поэтическимъ языкомъ,—«обаянья мои какъ вериги»...

Щеки его лихорадочно горѣли. Онъ говорилъ съ Экземплярскимъ, но не спускалъ глазъ съ Лариссы Яковлевны. Та хмурила брови, но дѣлала видъ, что не замѣчаетъ.

— Вы—докторъ, а похожи на пациента,—послѣ небольшого перерыва отозвался Экземплярскій:—развѣ вы забыли средство отъ любви по рецепту Наполеона?.. бѣгство, а? Вы молчите. Исходя изъ философіи Захеръ-Мазоха, пожалуй, нельзя не согласиться, что кто позволяетъ себя хлестать, тотъ заслуживаетъ того, чтобъ его хлестали. Такъ и вы заслуживаете того, что получаете въ этомъ домѣ... Мнѣ жаль васъ. Я увезу васъ куда-нибудь.

Вблизи разговаривавшихъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, начинающій, но подающій надежды драматургъ. Онъ дожидался Фунтиковой и нетерпѣливо отбивалъ ногой тактъ какой-то музыкальной пьески.

Когда гостей пригласили къ столу, онъ помѣстился рядомъ съ Вѣрочкой, довольно удачно отвоевавъ стулъ отъ молчаливаго, влюбленнаго въ себя почитателя талантовъ.

Между ѣдой у нихъ завязалась оживленная бесѣда.

— Я давно приглядываюсь къ вашему свѣтлому дарованію, но только нынче, тутъ у васъ, понялъ ваше подлинное призваніе. Вы не догадываетесь? Блаженное состояніе! Ваши слова о платьѣ были настоящимъ откровеніемъ.

Она строила изумленные глаза, покрывалась румянцемъ и улыбалась, ровно ничего не соображая, а онъ, маленькій, бритый, съ умными, энергичными чертами лица, не смущаясь, продолжалъ развивать мысль спокойнымъ, вкрадчивымъ голосомъ, по пунктамъ, отчеканивая каждую букву, что придавало его рѣчи оттѣнокъ однообразности и дѣланности.

— Вы сказали: «придумайте такое платье, которое не было бы *сегодняшнимъ* костюмомъ, а было бы *завтрашнимъ*». Если это у васъ сорвалось безъ всякой цѣли, стало быть, устами младенцевъ глаголетъ истина... Но это—геніальная идея. Графъ Хаючій, открывшій васъ, былъ, очевидно, пророкомъ.

— И, ей-Богу, ничего не разберу. Вы загадочно выражаетесь, разжигала его Фунтикова, не забывая тутъ же подымать бокаль и чокаться то съ тѣмъ, то съ другимъ.

Левушка посмѣивался на ея счетъ и подмигивалъ.

Драматургъ машинально накладывалъ на тарелку цвѣтную капусту съ зеленымъ горошкомъ, а самъ усиленно свивалъ и развивалъ словесныя хитросплетенія, въ которыхъ считался большимъ мастеромъ.

— О платьѣ я, естественно, упомянулъ иносказательно... Зачѣмъ вы притворяетесь, что не понимаете!.. Моя мысль ясна: вы должны стремиться къ тому, чтобы въ области искусства тоже перестать руководствоваться сегодняшнимъ или вчерашнимъ днемъ; ваша цѣль—перешагнуть черезъ рутину, стать артисткой будущаго. И вотъ въ достиженіи этого я буду вамъ охотно помогать... какъ, впрочемъ, и вы мнѣ.

Онъ твердо посмотрѣлъ на нее и ждалъ отвѣта.

Фунтикова пришла въ волненіе, завертѣлась, скорчила лукавую гримасу, начала тереть лобъ розовыми ногтями и, наконецъ, комически протянула на мотивъ изъ «Севильскаго цирюльника»:

— «Non capisco, professore»...

— Тс... Не обращайтесь на насъ посторонняго вниманія... Чуть-точку терпѣнія!.. Я теперь нахожусь въ полосѣ исканій и близокъ къ достиженію. Я готовлю пьесу, непохожую на тѣ драмы и комедіи, которыми до сихъ поръ угощали зрителей нынѣшніе актеры и нынѣшніе авторы... И мнѣ нужна актриса такая, какъ вы, безъ гордости примадонны (при этомъ взглядъ его упалъ на Лариссу Яковлевну), и въ коллективномъ творчествѣ мы дѣйствительно достигнемъ желанныхъ высотъ. Театръ и сценическое искусство переживаютъ эволюцію... Повѣрьте, старое надоѣло. Вы не будете раскаиваться. Мы еще поговоримъ. Я заѣду...

Она кивнула въ знакъ одобренія.

— Я подумаю,— задумчиво произнесла она, и веселость ея быстро пропала, румянецъ щекъ потускнѣлъ, углы рта опустились, затуманились глаза.

— Эй вы, писатель!—крикнулъ черезъ столъ значительно подвыпившій Левушка и захохоталъ:—вы мнѣ испортите Вѣрочку. Хоть она и не дочка мнѣ, а все же остерегитесь, почтеннѣйшій! Была румяной, смѣялась, а теперь... того ...ни два, ни полтора...

Его кое-какъ отвлекли чѣмъ-то Экземплярскій и врачъ, а драматургъ тѣмъ временемъ настойчиво шепталъ Фунтиковой:

— Непремѣнно подумайте о моемъ предложеніи! Сарра Бернаръ, Дуза, Гадингъ, Алла Назимова,—сколько ихъ! Ихъ не превзойти и не затмить, если нѣтъ колоссальнаго таланта, граничащаго съ геніальностью, а въ области, мной указанной, для васъ широкое поле, и вы будете изъ первыхъ, если не единственной.

Также и я... Шекспиръ—Шекспиромъ, Ибсенъ—Ибсеномъ, по и у меня явится свой уголокъ...

Фунтикова серьезно задумалась, и ся безпечной игривости рѣз-ваго котенка какъ и не бывало.

Драматургъ Гизоновъ былъ настроенъ торжественно, точно выполнилъ великую миссію, и ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

Общество разбилось по группамъ.

Левушка Поликарповъ подбивалъ ѣхать кататься за городъ, а потомъ въ клубъ, гдѣ играютъ въ лото.

Духи, запахъ цвѣтовъ, вино и табакъ окружили «пріютъ музъ» тяжелой пеленой.

Колтуновская сѣла за піанино.

Врачъ угрюмо смотрѣлъ на Бакласъ и минутами болѣе походилъ на человѣка, задумавшаго убійство, чѣмъ на влюбленнаго.

VII.

— Мы люди сѣрые, и болѣсти у насъ сѣрыя; по сѣрому дѣлу для насъ и мазь сѣрая, колесная,—отъ всѣхъ болѣстей,—однообразно выводилъ жидкимъ, скрипучимъ голосомъ дежурный дворникъ Кирилль, кутаясь въ старую овчину съ поднятымъ высокимъ воротникомъ, ходилъ около подѣзда и постукивалъ сапогами.

Швейцаръ Григорій хихикалъ, глядѣлъ на него нѣсколько свысока и покуривалъ.

— Необразованность—первая вещь... Все хнычете по-пустому... А вторая вещь—пьянство... Вотъ, примѣрно, хотя бы и ты.. Братъ твой, Максимъ, баринъ-баринкомъ (одна ухватка чего стоитъ!), кирьязовскимъ домомъ заправляетъ, богатей; ну, а ты!.. Тьфу! Небось, ценьжищъ куры не клюютъ?—уже съ явной насмѣшкой процѣдилъ онъ сквозь зубы и сплюнулъ.

Кирилль замоталъ головой, и изъ горла его вырвался какой-то неопредѣленный хрипъ, похожій на сдавленный смѣхъ.

— Тоже придумалъ! Го-го-го!.. Семь гривенъ отложилъ на вино съ празднику, семь гривенъ на баню... Нѣтъ, ошибся,—не на баню, а опять на вино... Рубль-цѣлковый—долгъ прежнему хозяину, а ъ не выдаетъ пацпорта... за долгъ у себя оставилъ. Хорошо, Максимъ—братъ... Безъ пацпорта нигдѣ не берутъ. По сѣрому дѣлу, адолжалъ... Самъ, видишь, хотѣлъ хозяйничать... Ну, и нахозяничалъ.

— Хозяничать?! Куда тебя понесло! Сидѣлъ бы и не рипался... Юнче что хозяйинъ, то Каинъ. Мы горбомъ своимъ хлѣбъ добываемъ, а они живутъ себѣ припѣваючи да на наши денежки покупаютъ. Максимъ и тотъ по-барски: женатъ вѣдь, а кралю завель, а какою... Не житее ему, а малина!

И Григорій, напавъ на свой конекъ, пошелъ разглагольствовать на тему о господахъ и слугахъ, высказывая самыя крайнія убѣжденія, совершенно забывъ, что еще недавно подсаживалъ Экземплярскаго вмѣстѣ съ врачомъ въ пролетку, величая «сіятельствомъ», и униженно благодарилъ за подачку.

— Первая вещь—образованность, вторая вещь—тверезымъ быть, вотъ мы имъ и покажемъ!—закончилъ швейцаръ и, повернувшись къ дверямъ, сталъ грозить кулакомъ неизвѣстно кому, но вдругъ какъ-то сконфуженно пріостановился и умолкъ, словно его что-то ужалило.

Кирилль захохоталъ во все горло.

— А я давеча примѣтилъ, да молчалъ. Вишь, какъ тебя скрючло, го-го-го!..—не унимался дворникъ, обрадованный смущеніемъ Григорія, котораго не любилъ за его назойливые совѣты, насмѣшки и за то, что у него дочь—«барышня».

Кто-то у воротъ позвонилъ, и Кирилль побѣждалъ отворять, а Григорій неохотно, съ шумомъ распахнулъ дверь и громко кашлянулъ.

Стойбищевъ уже минутъ десять стоялъ у комнаты швейцара и разговаривалъ съ Глашей, не выпуская папиросы.

Очень бойкая, миловидная, съ кокетливымъ взглядомъ, она не спускала съ него плутовскихъ, еще полудѣтскихъ глазъ и непринужденно смѣялась, видимо, забавляясь его замѣшательствомъ и мѣшковатой внѣшностью.

Онъ какъ бы нечаянно надвигался, а она отступала, каждую минуту готовясь спрятаться къ себѣ въ комнату.

— Куда же ты?—съ недовольнымъ видомъ ворчалъ онъ и неуклюжимъ жестомъ поправлялъ сползающія очки:—неблагодарная! Я ей пряникъ вяземскій принесъ и новый выпускъ Пинкертона, а она церемоніи разводитъ, кочевряжится...

— Вотъ еще словцо придумали! Пустите, а то крикну... Пряника вашего не просила, а Пинкертона... такая фантазія!.. Я не люблю. Выдумки!.. Хорошей книжки не принесете... Мнѣ уроки нужно учить. Шли бы себѣ—куда шли. Будетъ вамъ отъ супруги, когда узнаетъ, гдѣ вы пропадаете.

— Доведи меня до клуба. Не хочешь? Ну, поцѣлуемся. Я, вѣдь, въ отцы тебѣ гожусь. Я видѣлъ, какъ ты съ гимназистомъ цѣловалась.

— Сочиняете. Какъ отъ васъ пивомъ пахнетъ! Эхъ, вы!.. а еще начальникъ отдѣленія!.. Ревизоръ!.. Спокойной ночи... Желаю вамъ выиграть въ лото,—со смѣхомъ прибавила она и хотѣла уйти, но онъ схватилъ ее за руку холодными, мокрыми пальцами и притянулъ къ себѣ, пытаясь обнять.

Въ мутныхъ зрачкахъ что-то зашевелилось. Онъ выплюнулъ папиросу и растеръ калошей.

— Цыцъ!.. развѣ можно желать выигрыша!.. Боже упаси...

— Пустите же, говорятъ вамъ!—закричала Груша, вырвалась и скрылась.

Въ эту минуту какъ разъ стукнула дверь; кашлянулъ Григорій.

Стойбищевъ надвинулъ жокейскую шапочку, завернулся въ плащъ и направился къ выходу, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Эхъ, баринъ!—не выдержалъ швейцаръ и вздернулъ плечами:—уже люди начинаютъ зря болтать, дворня смѣется...

— Ну, батюшка, это тебѣ показалось. Рыбы слова... За честь бы считалъ, что разговариваю...

Григорій будто окаменѣлъ.

Стойбищевъ самъ отворилъ дверь и тотчасъ же заботливо прикрылъ ее за собой.

— Скусь-то у него ладный,—громко самъ съ собой заговорилъ швейцаръ:—а насчетъ чести помолчалъ бы... Да ужъ дождешься, погоди!.. Тоже блудни завелъ,—охаверникъ, прости, Господи...

Кто-то спускался съ лѣстницы.

Слышался стукъ каблуконъ, смѣхъ и веселый говоръ.

Кто-то напѣвалъ.

Заиграли гдѣ-то на роялѣ.

Робко выглянула головка Груши и снова спряталась.

Григорій приготовился отворять двери.

Шаги приближались.

VIII.

Въ низкихъ залахъ игорнаго клуба, гдѣ главнымъ образомъ процвѣтало лото,—такъ многолюдно, что порою трудно дышалось.

Дымъ отъ папиронъ и сигаръ, дыханье сотенъ людей, пришедшихъ съ улицы, изъ театровъ и рестораноно, пыль отъ сапого, запахъ различныхъ притираний и духовъ смѣшивались въ какомъ-то головокружительномъ облакѣ, остро-удушливомъ, отъ котораго чувствовалась въ глазахъ рѣзь и першило въ горлѣ.

Но немногіе обращали на это вниманіе.

Азартъ сковывалъ жертвы невидимой паутиной привычки и страстью къ выигрышу... И не было силы встать и удалиться, такъ какъ казалось, что капризное счастье вотъ уже недалеко, почти рядомъ...

Правда, оно перескакиваетъ съ одного стола на другой, отъ одного конца залы въ другую комнату, но должно же, по увѣренію нѣкоторыхъ, прійти ко всякому, кто его упорно ждетъ, и многіе вѣрили въ свою звѣзду и проигрывали ставку за ставкой.

Жизнь походила на мелькающую ленту кинематографа.

Было утрачено терпѣніе—смѣло выступать попрежнему твердымъ, но медленнымъ шагомъ къ завѣтной цѣли, хотѣлось быстроты достиженія, мгновности впечатлѣній, неожиданности легкаго счастья.

Пошлость обстановки скрашивалась бурнымъ порывомъ побѣды, когда подъ учащенные удары взволнованнаго сердца и подъ завистливые взоры проигравшихъ дрожащая рука послѣшно прячетъ въ карманъ полученный наконецъ золотой кушъ. Стучать кубики; вертится колесо; выскакиваютъ на экранѣ свѣтящіеся номера; раздается протяжный, сонный голосъ стоящаго у колеса выкликателя, худого, мрачнаго, съ лицомъ изможденнаго Харона, перевозащаго тѣней въ царство Аида.

— Одинъ... семь... девяносто... восемнадцать... тридцать-три...

Эхомъ вторить ему въ концѣ залы пискливый мальчуганъ, шустрый, востроглазый, только и мечтающій попасть въ замѣстители Харона,—попросту Аеанасія Петровича. Звучать и загораются номера яркими огнями.

Къ кому-то приближается счастье.

Переодѣтые гимназисты, студенты, дамы всѣхъ положеній и возрастовъ, военные, чиновники, артисты, кушцы, адвокаты, художники, портные, доктора, словомъ, живущіе въ высокихъ и низкихъ этажахъ богатыхъ и бѣдныхъ домовъ—притихли, сидятъ не шелохнутся, точно дѣйствительно тѣни, купившія себѣ за оболь мѣсто въ челнокѣ подземнаго перевозчика мертвыхъ душъ.

— Довольно!—кричитъ обрадованный старикъ, ущемленный жизнью, одинъ изъ современныхъ образцовъ приспособленія.

Игорныя комнаты внезапно пробуждаются; поднимается базарная суতোлка; отбираютъ старыя карты и разносятъ новыя; суетѣрные пересаживаются на «счастливыя» стулья, если они освободились.

— Я говорилъ вамъ, что тридцать три выпадаетъ почти каждый разъ! Карта безъ этого номера сегодня не ко двору. Я вѣрю въ силу сопротивленій,—объясняется съ сосѣдомъ какой-то безъ опредѣленныхъ занятій обыватель-никчемникъ, стараясь незамѣтно вы брать карту себѣ по вкусу, но его останавливаютъ, и онъ теряется, потомъ хмурится и безнадежно машетъ рукой.

Почти вся компанія, бывшая въ «пріютѣ музъ», пріѣхала сюда. Недоставало лишь Бакласъ и журналиста.

Первая не признавала никакихъ азартныхъ развлеченій; второй—отговорился спѣшной газетной работой.

Экземплярскій ввелъ подъ руку врача, который, однако, не совсѣмъ охотно отправился съ нимъ въ клубъ и ежеминутно пытался ускользнуть, пока не очутился въ залѣ для играющихъ.

Тутъ онъ какъ-то окончательно потерялъ волю и сдѣлался безучастнымъ зрителемъ людскихъ слабостей и увлеченій; но едва замѣтилъ, что всѣ его друзья-пріятели, еще такъ недавно принимавшіе въ немъ искреннее участіе, позабыли о немъ и думать,—незамѣтно всталъ и усталой походкой поплелся къ выходу.

«Надо это окончить... Смѣшенъ и жалокъ даже самому себѣ... Пошлякъ! Только написать, что прошу въ смерти моей никого не

винить, и— *finita la comedia*... Новый сюжетъ для нашего драматурга».

Много лицъ подымалось по лѣстницѣ, а онъ спускался внизъ, точно въ склепъ, и свѣтъ отъ электрическихъ лампъ, ослѣпившій его при входѣ, теперь казался тусклымъ, словно подернутымъ траурной тканью...

— Меня утѣшаетъ чертовски, что у знаменитостей почти всегда бываютъ разные грѣшки,—весело болталъ Левушка, играя пополамъ съ Колтуновской и неизмѣнно теряя каждый кругъ по три рубля, что, впрочемъ, не портило ему расположенія духа, хотя артистка и надулась.

Потъ градомъ катился по его лоснящемуся лбу, и Левушка безпрестанно вытирался краснымъ шелковымъ платкомъ, распространявшимъ запахъ цвѣточного одеколона.

— Эй вы, гражданинъ земного шара! Не имѣю чести знать имени и отчества... Позвольте представиться: артистъ и директоръ поволжскаго театра Левъ Поликарповъ,—неожиданно вскричалъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему напротивъ невзрачному игроку, жадно подсчитывавшему выигрышъ:—вы, никакъ, дважды подцѣпили рыбку? Эге-ге... А я—чисть... то есть ни два, ни полтора...

— Я, батюшка, ни съ кѣмъ не знакомлюсь въ этомъ учрежденіи... и вамъ не совѣтую,—мрачно отозвался обиженнымъ тономъ сидѣвшій напротивъ и отвернулся.

Экземплярскій, бывший тутъ же недалеко, узналъ голосъ Стойбищева, и что-то неприятное будто проползло у него по тѣлу.

Онъ не могъ себѣ отказать въ удовольствіи посмѣяться надъ нимъ, всталъ изъ-за стола и подошелъ къ Митрофану Митрофановичу.

— За границей нельзя тратить денегъ, а здѣсь можно? Вотъ не ожидалъ встрѣтить достоуважаемаго?

Пухлая рука нервно запрыгала и поднялась, чтобы поправить соскользнувшія очки. Круглые глаза безжизненно остановились на Экземплярскомъ.

— То—заграница, баюшка, а это—Россія... Поощреніе русскимъ предпріятіямъ...

Онъ больше ничего не прибавилъ, видимо, недовольный, что ему помѣшали, всталъ и удалился.

Экземплярскій вспомнилъ о врачѣ, охватилъ взглядомъ столы, зашелъ въ другую залу. Его нигдѣ не было.

Въ буфетѣ тоже не отыскалъ его.

Тамъ пили шампанское Гизоновъ, Фунтикова и два ея безмолвныхъ почитателя, которые своимъ присутствіемъ изводили драматурга.

Въ полутемномъ гротѣ, замѣнявшемъ гостиную, гуляло и сидѣло нѣсколько проигравшихся парочекъ.

Голосъ выкликателя раздавался съ прежнимъ безстрастіемъ.

— Я буду гипнотизировать его... внушать ему... У меня кварто... Восемь... восемь... восемь,—твердила хорошенькая блондинка.

— Восемь...—произнесъ Аѳанасій Петровичъ.

— Довольно!.. Готово!.. Я выиграла!—какъ безумная, кричала блондинка и съ картой сама бросилась къ колесу, точно боясь за ея судьбу.

— Вѣрно,—сейчасъ послѣдоваль отвѣтъ.

Возбужденіе игроковъ достигло высшаго напряженія.

— Слѣбое счастье! Кажется, высчиталь, сообразиль, выбраль карту и—ничего!—волновался офицеръ.

Ставки удваивались.

Представленіе о времени было утеряно.

Бѣдкій табачный дымъ кололъ глаза.

У Экземплярскаго кружилась голова.

«Уйду...—подумаль онъ:—что за день!.. Бѣгаль изъ квартиры въ квартиру, въ ресторапъ заѣзжалъ, теперь въ игорномъ притонѣ очутился, а доктора потеряль; хотѣль помочь ему вылечиться отъ проклятой любви и—потеряль... Этакая гадость! Четвертый часъ... Однако какъ поздно!..»

Зѣвнулъ.

«Хорошій человекъ докторъ... Жаль его...»—еще разъ вспомнилъ о немъ и быстро одѣлся.

Кириаковскій домъ, мимо котораго промчался на извозчикѣ Экземплярскій, стояль, какъ глухая крѣпостная стѣна... Въ окнахъ—ни огонька.

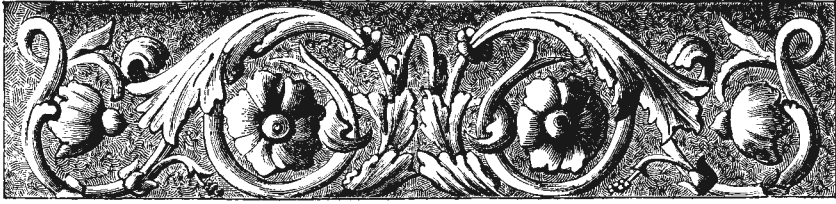
Дворникъ дремалъ у воротъ, закутавшійся въ шубу.

Ночная мгла еще не расплывалась въ предутреннемъ туманѣ, напротивъ, все больше и больше окутывала домъ и ворожила о чемъ-то.

Можеть быть, она уже проникалась тайной грядущаго дня?..

В. Умановъ-Каплуновскій.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

IX.

А. М. Алихановъ.

ВЧЕНЬ радъ познакомиться, — радушно встрѣтилъ меня средняго роста, плотный, коренастый подполковникъ. Рыжеватая борода и такіе же длинныя усы окаймляли симпатичное кавказское лицо. Правильный носъ и ротъ и блестящіе мыслью глаза, глубоко сидѣвшіе подъ большимъ открытымъ лбомъ, дополняли портретъ побѣдителя при Кушкѣ, браваго, безстрашнаго офицера, сподвижника Скобелева и Комарова.

— Мнѣ много говорилъ о васъ Николай Петровичъ, — продолжалъ онъ, пожимая мнѣ руку. — Вы очень ему понравились.

— Это совершенно взаимно, полковникъ, — отвѣчалъ я. — Николай Петровичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые съ перваго же взгляда приковываютъ къ себѣ.

— Да, это здѣсь всеобщій любимецъ. Вы, кажется, пріѣхали въ контроль. Такъ вотъ Линевичъ всегда улаживаетъ затрудненія между вашимъ Шульцемъ и генераломъ Анненковымъ, и затрудненія серьезныя. Анненковъ — орелъ, у него полетъ фантазіи, это сама энергія, самъ — трудъ; ну, а тотъ, вы извините, мало образованный, формалистъ, педантъ, укрывающій свое невѣжество подъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXVIII, стр. 448.

прочную защиту мелочныхъ, но законныхъ придинокъ. Эти придики задерживаютъ гигантскую работу, что, конечно, сердитъ Анненкова. Отсюда масса столкновений, бумагъ, на которыя некому отвѣчать, потому что у Анненкова всякій занятъ живымъ дѣломъ, а не канцелярщиной. Простите мнѣ мою солдатскую откровенность.

— Ничего, полковникъ, продолжайте. Мнѣ очень полезно выслушать ваше независимое, искреннее мнѣніе.

— Да, я хвалю Бога моего, что не состою ни въ какихъ служебныхъ отношеніяхъ къ Шульцу, а то дѣло бы, пожалуй, дошло и до нагаекъ. Конечно, я шучу,—спохватился онъ.—Но все-таки онъ выводитъ изъ терпѣнія.

Я старался, какъ могъ и умѣлъ, оправдать моего бѣднаго начальника.

— Да что вы говорите: служба такая. Какая тамъ служба! Вотъ еще недавно моимъ бекамъ пришли подарки: золотые часы съ орлами изъ кабинета его величества. Такъ вѣдь онъ сколько времени задерживалъ выдачу ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что номера не сличены. А беки-то какъ дѣти. Ждутъ, не дождутся царскихъ подарковъ.

— Да, полковникъ, вы, говорятъ, съ ними мастерски умѣете ладить. Въ такой степени, что они и фамилію-то вашу передѣляли на свой ладъ: ханъ-Али, т.-е. ханъ отъ Бога.

— Уже вамъ успѣли на меня насиплетничать. Ничего себѣ, ладимъ; вѣдь я имъ и судья, и военный начальникъ, и землемѣръ, и что угодно, только что не мулла. Да вотъ позвольте мнѣ при васъ разобраться въ одномъ дѣлѣ. Тутъ двое ждутъ.

— Пожалуйста, я охотно посижу ради изученія нравовъ.

Онъ что-то закричалъ на какомъ-то мѣстномъ нарѣчій. На крикъ этотъ вошли два довольно пожилыхъ туркмена, въ халатахъ изъ сырцовой шелковой матеріи, въ такихъ же шароварахъ, сафьянныхъ сапогахъ съ собранными голенищами, при шашкахъ и въ серебряныхъ майорскихъ эполетахъ. Это и были два повздорившіе бека, добровольно избравшіе судьей Алиханова. По приглашенію хозяина, они усѣлись на тахту, и старшій началъ излагать дѣло. Видимо, что иногда мѣткій вопросъ полковника заставлялъ его краснѣть. Однако, другой не смѣлъ его перебивать и, внимательно слушая, ждалъ своей очереди. Особенностью его рѣчи было полное спокойствіе, полное отсутствіе какой бы то ни было жестикуляціи. Проговоривъ, что имѣлъ сказать, онъ поклонился Алиханову, приложивъ руку къ головѣ и сердцу.

Другой, въ свою очередь, не менѣе ровно и однообразно изложилъ возраженіе, которое закончилъ, какъ и первый, коснувшись рукою головы и сердца. Алихановъ, казалось, задумался. Затѣмъ медленно, какъ бы произнося приговоръ, каждое слово котораго

было взвѣшено и продумано, онъ объявилъ свое рѣшеніе. Повидимому, тяжущіеся остались довольны, такъ какъ оба, примиренные, низко кланяясь судьбѣ, удалились.

— Вотъ и все,—сказалъ полковникъ.

— Да въ чемъ было дѣло?—полюбопытствовалъ я.

— Такихъ дѣлъ сколько угодно. Сынъ одного хотѣлъ жениться на дочери другого. Калымъ, т.-е. выкупъ за невѣсту, былъ установленъ. Но потомъ отецъ жениха пашель калымъ несоответственнымъ приданому и не разрѣшалъ сыну похитить невѣсту. Такимъ образомъ дѣвушка была скомпрометирована и уже здѣсь никогда бы не вышла замужъ, а была бы продана въ какое-нибудь чужое, дальнее семейство, гдѣ ее ожидала бы далеко не красная жизнь. Вотъ отецъ ея и пришелъ ко мнѣ искать спасенія чести дочери.

— Какъ же вы ихъ разсудили?

— Да они оба богатые. Отецъ невѣсты прибавилъ, отецъ жениха уступилъ. То-есть я имъ прямо назначилъ цѣну. Прочелъ имъ нотацию, устыдилъ: какой же это примѣръ другимъ, если слуги Бѣлаго царя будутъ ссориться и пререкаться изъ-за нѣсколькихъ барановъ или вообще изъ-за какой-нибудь корысти. Ну, конечно, пугнулъ, пообѣщавъ отнять эполеты, если не помирятся. Это имъ хуже всего. Помирились.

— А что они прикладывали руки ко лбу и сердцу?

— Это у нихъ въ родѣ нашей присяги, или, вѣрнѣе, клятвы. Они клянутся, что исполнять мой приговоръ. Это, такъ сказать, вѣжливость въ отношеніи меня. Эти двое еще стговорчивые люди. Иногда попадаются такіе, которыхъ не проймешь никакимъ словомъ. Ну, дѣлать нечего. Приходится прибѣгать къ помощи казакъ съ нагайкою, и только тогда они становятся шелковыми и прославляютъ мое правосудіе. Вотъ особенно трудно расправляться съ бухарскими евреями; это народъ во сто разъ хуже всякаго русскаго или польскаго жида. Пронырливый плуть, хитрый, онъ перессоритъ нѣсколькихъ туземцевъ и настоитъ на своемъ, причемъ надуетъ всѣхъ. Ну, тутъ ужъ я беспощаденъ. Вотъ они меня боятся. Пойдемте на базаръ. Кажется, кстати сегодня есть базаръ. Увидите сами.

— Съ большимъ удовольствіемъ; подъ вашимъ покровительствомъ охотно пойду.

— Эй, вѣстовой!—закричалъ Алихановъ.—Приготовься на базаръ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

X.

На базарѣ.

Кто никогда не бывалъ въ Средней Азіи и не знакомъ съ особенностями торговли произведеніями данной мѣстности, тому и въ голову не придетъ, что такое базарный торгъ въ Мервѣ, Асхабадѣ и тому подобныхъ большихъ центрахъ. Если между базаромъ въ городѣ европейскомъ и русскомъ неизмѣримая разница, то между такими въ русскомъ и среднеазиатскомъ городѣ почти нѣтъ общихъ чертъ. Не говоря уже о томъ, что построекъ, какъ бы первобытны онѣ ни были, не видно и признака, не ожидайте встрѣтиться съ какими-либо восточными шатрами,—этого вы не увидите; въ лучшемъ случаѣ родъ парусиннаго зонтика служить вамъ укрытіемъ отъ палящихъ лучей солнца. Необозримая степь, удѣлившая небольшой клочокъ, на которомъ толчется нѣсколько тысячъ самаго разноплеменнаго люда. Тутъ и текинecъ, и сартъ, и туркменъ, и іомудъ, и персъ, и армянинъ, и всякій въ своемъ національномъ костюмѣ. Время отъ времени попадетъ китаецъ или афганецъ. Но эти какъ-то всегда держатся въ сторонѣ. Главнымъ образомъ торговцы-перекупщики это бухарскіе евреи. За ними по торговымъ оборотамъ слѣдуютъ персы. У бухарскаго еврея можно достать рѣшительно все: отъ верблюда и фазана до полного костюма и головного убора. Персы—тѣ торгуютъ тонкими тканями, хорошими мѣхами, каракулями всевозможныхъ цвѣтовъ и драгоценными камнями, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ бирюза. У туркмена вы можете купить всякую глиняную посуду самыхъ прихотливыхъ фазоновъ. Вотъ іомудъ раскинулъ по степи и увѣсилъ своихъ верблюдовъ чудными бѣлыми коврами художественныхъ рисунковъ. Стрижка этихъ ковровъ прямо изумительна. Если припомнить, что въ аулахъ Средней Азіи нѣтъ многомилліонныхъ фабрикъ съ усовершенствованными машинами, а эти чудные ковры ручная работа текинскихъ и іомудскихъ женщинъ, то, право, не знаешь, чему отдать преимущество: культурѣ-фабрикѣ или труду почти первобытнаго, полудикаго человѣка. Конечно, особенно красивыхъ ковровъ мало, да они и дороги. Но болѣе простой ткани, такъ называемой кошмы, сколько хотите, и дешево. Базаръ также изобилуетъ шелкомъ-сырцомъ: платки, одѣяла, халаты, шаровары, словомъ, всякое шелковое одѣяніе въ большомъ количествѣ. Все это не скучено, а, напротивъ того, разложено такъ, что очень удобно осматривать, даже и не подходя близко. Папахи, высокія и низкія, бараньи, верблюжьи, каракулевыя—красивыми рядами ласкаютъ глазъ покупателя. Но что всего цѣннѣе, это полное отсутствіе какой-либо навязчивости или почти насильственнаго предложенія

своего товара. Съ сознаниёмъ своего достоинства, молча, величаво ходить купецъ въ своихъ рядахъ. Скажетъ цѣну—уступки никакой. Да и не можетъ быть, потому что товаръ хорошій и уступить—значило бы уронить достоинство своего слова. Подарить гостю или прѣвзжему человѣку это другое дѣло, и на такой поступокъ способенъ всякій туземецъ, кромѣ бухарскаго еврея и армянина. Или же, весь обложенный и увѣшанный бирюзой, яшмой, гранатами и другими самоцвѣтными камнями, гордо поглядывая вокругъ себя, сидитъ, поджавъ ноги, краснобородый, съ красными ногтями на рукахъ и жемчужными зубами, въ высокой, остроконечной каракулевой шапкѣ огнепоклонникъ-персѣ. Какая бы ни была жара, хотя бы палящія лучи солнца, казалось, заживо покушаются васъ поджарить, передъ нимъ все-таки небольшая жаровня съ вѣчно тлѣющими угольями—предметомъ его обожанія. Не слышно обычной нашимъ рынкамъ и базарамъ брани и ругани; тихо; только какой-то неопредѣленный гулъ обличаетъ присутствіе нѣсколькихъ тысячъ живыхъ существъ, да изрѣдка, раздраженный не вполне корректнымъ съ нимъ обращеніемъ, застонетъ верблюдъ. Но что это собралась толпа? Что за звуки понеслись съ той стороны? Это бродячіе музыканты, перебравшіеся сюда черезъ Каспій съ Кавказа, улаждаютъ слухъ нашъ игрой на зурнѣ, саазѣ и какомъ-то деревянномъ инструментѣ, названія котораго я теперь не припомню. Пѣвучіе звуки сааза изливаютъ мелодію, аккомпанируетъ зурна, и изрѣдка врываются въ пѣсню рѣзкіе отзвуки деревянныхъ клавишъ. Старый грузинъ, не то капельмейстеръ, не то первый пѣвецъ этого оригинальнаго оркестра, заунывно затянулъ какую-нибудь пѣсню; меланхолически подыгрываетъ ему саазъ. Бросили торгъ слушатели; тѣсною толпой обступили трубадура и внимаютъ его пѣснѣ, не понимая ея словъ, но, чувствуя въ ней что-то хорошее, доброе, сердечное, невольно, съ заискрившимися на глазахъ слезами, принимаютъ въ ней участіе...

Но замираютъ послѣдніе, рыдающіе звуки сааза; всякій по мѣрѣ средствъ старается вознаградить пѣвца за удовольствіе; тенги, краны и русское серебро наполняютъ его тарелку. Вкусныя, спѣлыя дыни и куски чурека и шашлыка утоляютъ его голодь, а длинногорлый глиняный кувшинъ утолитъ его жажду чистымъ винограднымъ сокомъ.

Между тѣмъ желающимъ готово уже другое развлеченіе. Вотъ въ сторонкѣ разостланъ на землѣ коверъ. На одномъ изъ его угловъ установлена изъ четырехъ кусковъ шелковой шали ширма; изъ нея несутся какіе-то дикіе звуки, служащіе призывомъ для охотниковъ до развлеченій. Когда зрителей набралось достаточное количество и они уже шумными возгласами выражаютъ свое нетерпѣніе, изъ-за этой ширмы появляется тощая, длинная фигура брамина-индуса. Поклонившись на всѣ стороны, онъ начинаетъ показы-

вать различные фокусы: пропускаетъ сквозь щеку иголку, вынимаетъ до извѣстныхъ предѣловъ глазъ изъ глазной впадины, садится на землю и, обхвативъ свои ноги руками, превращается въ катящійся по всѣмъ направленіямъ клубокъ; наконецъ выносить изъ-за ширмъ какіе-то причудливаго вида предметы и изъ нихъ строить верблюда, коня, текинца. Полудикіе посѣтители базара, которыхъ жизнь не баловала зрѣлищами болѣе совершеннаго вкуса,—въ восторгѣ.

Незамѣтно летитъ время; уже солнце пачинаетъ закатываться. Торговцы собираютъ свои товары, и нагруженные ими верблюды идутъ, мѣрно покачиваясь, на почлегъ въ каравансарай, гдѣ найдутъ укрытіе отъ могущаго быть почью вѣтра, поднимающаго тучи мелкаго солончака. Пустѣетъ обширная равнина, и только тамъ и сямъ по берегу Мургаба раскладываются костры. То торговцы фруктами и глиняной посудой, торгъ которыхъ не окупаетъ расходовъ по каравансараяу, остаются ночевать въ степи и зажгли огни въ защиту отъ мошкеры, фалангъ, скорпіоновъ и прочихъ ночныхъ властителей Средней Азіи. Описанными развлеченіями еще не исчерпываются удовольствія базара. Въ послѣдній день праздника обыкновенно бывають скачки, состязанія на кольцо, на козла, бой на копьяхъ верхомъ и другія упражненія въ ловкости. Изъ нихъ самое интересное и оригинальное—игра въ козла. Въ огражденный кольями участокъ степи, приблизительно полверсты въ квадратѣ, выпускается живой красивый козель съ вызолоченными рогами, весь изукрашенный лентами. Козель, повидимому, бывалый, потому что спокойно, не обращая вниманія на окружающую его тысячную толпу, разгуливаетъ по огороженной площадкѣ и то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ подходитъ къ публикѣ, выражая знаки своего расположенія. Минуть черезъ десять послѣ его выхода на сцену выѣзжаютъ пять лучшихъ мѣстныхъ наѣздниковъ. Пока они гарцуютъ по всѣмъ направленіямъ, козель тоже безвозбранно разгуливаетъ. Но раздается звукъ трубный. Козель спокойно идетъ на средину; онъ знаетъ свое дѣло и, равнодушно покачивая золотыми рогами, ждетъ своей участи. Онъ вполне увѣренъ, что вреда ему не будетъ; напротивъ, по окончаніи турнира его ждетъ вкусная закуска. Наѣздники кучей мчатся къ нему. Если ни одному не удалось занять перваго мѣста, такъ какъ другіе все время мѣшаютъ кандидату на первенство, то всѣ, не задѣвъ цѣли, проскакиваютъ мимо. Но вотъ вырвался изъ кучи удалецъ, опередилъ товарищей шаговъ на пятьдесятъ, подскакиваетъ къ козлу и на всемъ скаку хватаетъ его за шиворотъ, кладетъ себѣ на сѣдло и мчится съ нимъ далѣе. Его догоняютъ другіе, стараясь овладѣть его добычей. Нѣсколько разъ козель переходитъ изъ рукъ въ руки. Все дѣло въ томъ, что онъ долженъ быть безусловно невредимъ. Малѣйшее его пораненіе считается позорнымъ для

всѣхъ участниковъ состязанія. Борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока одному изъ наѣздниковъ удастся положить козла такъ, какъ дамы носятъ боа, то-есть, перекинувъ его за плечи, свѣсить его ноги на грудь. Крики,—нѣтъ, восторженный ревъ толпы привѣтствуетъ побѣдителя. Только съ наступленіемъ ночи картина рѣзко мѣняется. вмѣсто криковъ и шума наступаетъ мертвая тишина и только тамъ и сямъ тлѣющіе костры и замирающіе звуки сааза даютъ знать о присутствіи заночевавшихъ въ степи людей. Небо покрывается мириадами яркихъ, блестящихъ звѣздъ... Въ воздухѣ штиль... Вдали журчитъ Мургабъ...

ХІ.

Командировка.

— Вамъ придется ѣхать въ Кизиль-Арватъ.—обратился ко мнѣ Шульцъ, къ которому я явился по его приглашенію, сообщенному мнѣ курьеромъ.

— Слушаюсь; но позвольте узнать, съ какою цѣлью.

— Охъ, цѣль-то очень важная. Тамъ есть главный складъ всякихъ матеріаловъ-то. Ну, вотъ. Вы посмотрите, какіе-то верблюды куплены. Надо ихъ освидѣтельствовать и записать на приходъ. Но главное—актъ. Составляйте актъ непременно, какіе бы ни были верблюды.

— Очень хорошо. Но вѣдь я могу только удостовѣрить число. Качество—дѣло ветеринара.

— Ахъ, да. Ветеринарный докторъ. Я пошлю объ этомъ телеграмму.

— Особыхъ инструкцій не будетъ?—спросилъ я, зная слабость Шульца къ такимъ инструкціямъ.

— Ну, какъ же не будетъ?—удивился онъ.—Это дѣло серьезное. Тутъ полсотни верблюды по семьдесятъ пять рублей штука; это уже будетъ большая сумма-то. Но вы, то-есть мы, на это не должны смотрѣть. Намъ все равно, сколько за вещь заплачено, если только вещь стоитъ деньги. Для насъ очень важная роль, если правильно составленъ приѣмочный актъ, чтобы казна не терпѣла отъ убытковъ. Вы понимаете? Главная задача—убытки,—пояснилъ онъ.—Вамъ случалось бывать на приѣмкахъ; такъ вы и тутъ поступайте. Вы увидите верблюдовъ: сейчасъ его въ актъ и въ казну. Для ветеринарнаго отношенія тамъ будетъ докторъ, который ужъ посмотритъ, какъ его здоровье; это не наше дѣло. А ваше, то-есть наше, дѣло—цифра. Цифра вѣрно—ревизія вѣрно,—торжествующе заключилъ онъ.

Признаться, я мало понялъ изъ его словъ о задачахъ контроля; да и, насколько могъ заключить изъ его безсвязной рѣчи, инструк-

ція эта отнюдь не соотвѣтствовала вообще какому-нибудь путному дѣлу и развѣ только поэтому могла назваться особой. Но дѣло было мнѣ знакомо и, получивъ открытый листъ, я съ ближайшимъ поѣздомъ поѣхалъ въ Кизиль-Арватъ.

Почти трехдневный путь не утомилъ, потому что было не особенно жарко, и вагоны не накалились.

Кизиль-Арватъ представлялъ собою поселокъ съ нѣсколькими тысячами жителей-гуземцевъ; остальное населеніе составляли войска и служащіе на желѣзной дорогѣ и въ частныхъ страховыхъ контрактахъ. Тѣ же постройки изъ сырцоваго кирпича съ глиняными заборами; то же отсутствіе растительности. Первое, что бросается въ глаза,—два каменныхъ столба съ перекладиной, сильно напоминающіе виеѣлицу,—колодець. Архитектура станціи ни дать, ни взять—мѣсто одиночнаго заключенія. Недалеко отъ станціи дощатый заборъ окружалъ большой каменный сарай; какъ оказалось впоследствии, это и было цѣлью моего приѣзда—главный складъ. Въ полуверстѣ позади главнаго склада видѣлся довольно высокій, поросшій саксауломъ, наносный песчаный холмъ.

Повидимому, приѣздъ мой не составлялъ тайны, такъ какъ едва успѣлъ я выйти изъ вагона и въ нерѣшительности не зналъ еще, въ какую сторону итти, какъ ко мнѣ подошелъ солдатикъ, предупредительно взялъ изъ рукъ моихъ чемоданчикъ и доложилъ:

— Ваше высокоблагородіе, полковникъ просили васъ къ нимъ на квартиру.

— Какой полковникъ?

— Такъ точно. Полковникъ Султановъ. Они изволятъ управлять главнымъ складомъ. Вѣдь вы насчетъ верблюдовъ?—домекнулся онъ.

— Да, насчетъ верблюдовъ. Вотъ что, любезный, укажи мнѣ, гдѣ бы тутъ помыться и пообчиститься, а ужъ потомъ и къ полковнику.

Услужливый солдатикъ повелъ меня въ какое-то помѣщеніе, раздобылъ что-то въ родѣ умывательнаго прибора, и, въ полчаса освѣжившись и оправившись, отправился я къ полковнику.

Полковникъ встрѣтилъ меня чрезвычайно радушно.

— Да что за церемоніи,—пенялъ онъ.—Шли бы прямо ко мнѣ. У меня бы и помылись, и все такое. Вѣроятно, это все дуракъ денщикъ напуталъ. Эй, Коврига!—позвалъ онъ.—Сказано тебѣ было: тащи ревизора ко мнѣ.

— Такъ точно, я докладывалъ. Такъ что, ваше высокоблагородіе, они не пожелали.

— Не пожелали!—передразнилъ онъ вѣстоваго.

— Не беспокойтесь, полковникъ. Я къ вамъ по дѣламъ службы.

— Да что, дѣла службы никуда не уйдутъ. А съ дороги слѣдуетъ выпить и закусить. Мы сейчасъ позавтракаемъ—и за дѣло.

— Я предпочелъ бы сперва покончить дѣло, а тамъ уже на свободѣ,—не рѣшался я принять его приглашеніе, хотя, правду сказать, ѣсть очень хотѣлось.

— Экой какой вы несговорчивый,—сѣтовалъ полковникъ.— Ну, да ужъ Богъ съ вами. Вы, вѣроятно, по поводу верблюдовъ?

— Да, именно по поводу верблюдовъ.

— Ну, такъ это мы живо покончимъ. Тутъ со вчерашняго дня еще докторъ по этому же дѣлу.

— Отлично. Стало быть, можно ихъ сейчасъ осмотрѣть и составить актъ?

— Составить актъ вполнѣ возможно. А вотъ осмотрѣть ихъ трудненько.

— Какъ трудненько? Почему?—недоумѣвалъ я.

— Да, видите, съ ними вышелъ казусъ. Купилъ я ихъ на прошлой недѣлѣ въ четвергъ, честь честью уплатилъ деньги и взялъ съ этого ишака расписку въ полученіи денегъ. Вотъ она,—вынулъ онъ изъ бумажника какой-то клочокъ бумаги.—Ну-съ, вотъ стоятъ мои верблюды до утра субботы; гляжу на нихъ—сердце радуется. Сильные, молодые. Въ субботу заболѣваетъ одинъ, другой, третій, и къ вечеру вмѣсто верблюдовъ одна падаль: всѣ до одного сдохли. Не вѣрите? Ей-Богу, я и актикъ составилъ. Такъ вотъ къ вечеру, даже,—хочу быть точнымъ,—къ ночи, собралъ я ихъ въ кучу. Тотъ же Кербелай и помогалъ.

— Какой Кербелай?

— Да продавецъ. Гуртовщикъ-татаринъ. Тутъ ихъ много. Еще онъ скорбѣлъ. Не везетъ тебѣ, бачка, говоритъ. Собралъ я ихъ, думалъ утромъ шкуры содрать, если ветеринаръ позволить. Вѣдь на это тоже разрѣшеніе надо, то-есть, иначе сказать: подсунъ ветеринару. Только не пришлось. Ночью подулъ сильный вѣтеръ, и ихъ, голубчиковъ, занесло солончакомъ. Вотъ въ окно и холмикъ виденъ,—указалъ онъ мнѣ на видѣнный мною уже ранѣе холмъ, поросшій саксауломъ.

— Это, дѣйствительно, небывалый случай,—согласился я.— Что же вы, полковникъ, телеграфировали объ этомъ генералу?

— Не успѣлъ, потому что получилъ телеграмму о вашемъ прибытіи и о докторѣ. Вотъ онъ тоже не знаетъ, какъ поступить.

— Что же тутъ затруднительнаго? Сейчасъ же, со словъ вашихъ я составляю актъ; приложимъ къ нему расписку. Вы, будьте любезны, пригласите къ подписи акта почтенныхъ свидѣтелей всего происшествія. Отправимся къ холму; можетъ быть, выроемъ хоть одинъ трупъ.

Полковникъ понялъ насмѣшку.

— Ну, ужъ это аттанде!—воскликнулъ онъ.—У меня и рабочихъ нѣтъ раскапывать курганъ. Да что тутъ ссориться. Мы, господинъ ревизоръ, тутъ живемъ дружно. Другъ другу ямы не роемъ.

Свидѣтелей никакихъ я искать не стану. Кербелай уѣхалъ въ Баку. Откуда я вамъ возьму? Плюньте-ка на эту мелочь; пойдѣмъ, закусимъ, а актикъ потомъ составимъ, какой надо, общими силами. Въ убыткѣ не будете.

Пораженный, я не зналъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ откровеннымъ нахаломъ, или просто съ самымъ беззащитнымъ воромъ?

— Простите, полковникъ. Я на это согласиться не могу. Никакого акта составлять не буду, а прямо донесу объ этомъ происшествіи рапортомъ по начальству.

— Оно и лучше,—обрадовался онъ.—Дойдетъ дѣло до бумаги, а она, матушка, все терпитъ. Мы съ вами оба умремъ, пока дѣло кончится. Любезное дѣло. Такъ, стало быть, теперь можно закусить? Пожалуйте,—приглашалъ онъ.—Сейчасъ и докторъ подойдетъ.

Какъ ни противенъ былъ мнѣ этотъ господинъ, но крайность вынудила меня позавтракать у него, тѣмъ болѣе, что поѣздъ въ это время уже ушелъ и поѣсть было рѣшительно негдѣ. Завтракъ, конечно, былъ превосходный.

Опытный полковникъ оказался вполнѣ правымъ: я уѣхалъ изъ Закаспійскаго края въ Россію, а дѣло о верблюдахъ еще не было кончено.

ХII.

Печальное сказаніе о дуэли.

Единственнымъ развлеченіемъ для человѣка интеллигентнаго въ тѣ далекія времена въ Мервѣ было посѣщеніе изрѣдка военнаго собранія. Ни театра, ни другого общественнаго собранія, гдѣ бы можно было скоротать вечеръ, не было. Впрочемъ, виновать. Нѣсколько гостиницъ предоставляли человѣку съ неприхотливымъ вкусомъ возможность убить не только вечеръ, но даже и ночь; но существеннымъ условіемъ для этого являлась необходимость привести себя въ значительно повышенное настроеніе, когда, какъ говорится, по колѣно море. Прежде всего, начиналось развлеченіе поздно, часовъ въ десять-одиннадцать вечера; затѣмъ посѣщалось публикой почти исключительно военной, небольшихъ чиновъ. Въ качествѣ завоевателей края, такъ сказать, героевъ, эти господа не признавали и въ трезвомъ видѣ ни въ комъ, не посившемъ военнаго мундира, человѣка, а послѣ уничтоженія большого количества вина не знали никакихъ границъ разнузданности, въ такой степени, что встрѣчаться съ ними мирному гражданину было небезопасно, тѣмъ болѣе, что у всякаго имѣлся въ карманѣ заряженный револьверъ. Съ одиннадцати часовъ вечера начинался самый дикій разгулъ. Публика и артисты, исполнявшіе преимущественно цыганскіе романсы, двусмысленные куплеты и циническія пѣсни подъ аккомпаниментъ гитары и балалаекъ, къ этому времени были уже сильно

взвинчены. Нерѣдко увлеченный талантомъ пѣвицы слушатель тутъ же выражалъ ей поцѣлуемъ, и еще болѣе ярко, свое одобреніе. Если прибавить къ этому, что разборъ артистовъ былъ очень невысокъ, то станетъ понятнымъ, что въ такое заведеніе тянуло не особенно.

Чтобы попасть въ военное собраніе, не нужно было никакихъ особыхъ рекомендацій, потому что все пришлые обитатели Мерва были между собою болѣе или менѣе знакомы. Въ собраніи, помѣщавшемся въ довольно большомъ одноэтажномъ домѣ, иногда устраивались любительскіе спектакли, импровизированные концерты, безъ претензій, кто какъ можетъ и умѣетъ. Но въ дни, свободные отъ спектаклей и концертовъ, сцена превращалась въ столовую, и на ней накрывались столики для желавшихъ ужинать.

Къ семи часамъ вечера наша компанія сослуживцевъ по контролю собралась въ военное собраніе и скромно усѣлась винтить.

— Знаете, господа,—предложилъ я:—намъ надо заказать ужинъ теперь же, а то потомъ публика прибудеть, и можетъ не хватить провизіи. Предлагаю кабаньи котлеты съ каперсами. Ихъ здѣсь очень хорошо жарять на вертелѣ.

Мое меню было принято, и заказъ данъ.

Время отъ времени мы бросали карты и шли въ залъ послушать пѣніе мѣстныхъ Патти, женъ и дочерей завоевателей края. Незамѣтно прошелъ вечеръ, и около полуночи вѣстовой пришелъ доложить намъ, что кушать подано. Покончивъ съ картами, мы двинулись въ столовую. Къ удивленію нашему, за столомъ, указаннымъ намъ вѣстовымъ, какъ накрытый для насъ, уже сидѣла компанія офицеровъ съ дамами и не безъ аппетита кушала. Предположивъ ошибку, мы потребовали у солдатика объясненій.

— Никакъ нѣтъ, господа, не ошибся,—оправдывался онъ.— Я докладывалъ господамъ офицерамъ, что этотъ столъ накрытъ для васъ, но капитанъ Куриловъ сказали: «Наплевать. Мы забыли заказать ужинъ, а ѣсть хочется; такъ что же стѣсняться. Мы сѣдимъ и заплатимъ. Не все ли равно? Тѣмъ болѣе—собраніе наше, и мы, офицеры, тутъ хозяева».

Тогда я подошелъ къ сидѣвшимъ заужиномъ офицерамъ.

— Извините, господа,—обратился я къ нимъ.—Произошла ошибка. Этотъ ужинъ заказанъ нами.

— Никакой ошибки,—отвѣчала капитанъ Куриловъ.—Просто мы сѣли и сидимъ. Садитесь за другой столъ и кушайте на здоровье!

— Благодарю васъ за радушное разрѣшеніе. Но теперь уже поздно и, конечно, ничего достать нельзя,—пытался я урезонить безцеремоннаго Марса.

— Эка важность! Кушайте холодныя закуски и пейте водку. Вотъ и все!—не унимался Куриловъ.

— Куриловъ,—вмѣшался другой офицеръ.—Ты говоришь вздоръ. Ужь если ты вовлекъ насъ въ неприятную ошибку, увѣривъ, что ужинъ заказанъ тобою, то твоя прямая обязанность извиниться передъ ними за насъ.

— Извиниться? Ну, ладно. Что значить извиниться,—недоумѣвалъ Куриловъ.—Вѣдь не могу же я отдать кабаньихъ котлетъ?! Я ихъ съѣлъ. А въ такомъ видѣ,—пытался онъ острить, не стѣсняясь присутствіемъ дамъ,—врядъ ли?.. Хорошо. Извините,—обратился онъ ко мнѣ:—что мы съѣли ваши кабаньи котлеты...

— Не беспокойтесь, капитанъ,—прервалъ я его.—Вы, очевидно, стѣсняетесь. Васъ затрудняетъ форма извиненія. Но не въ формѣ дѣло. Ваше присутствіе намъ вполне замѣняетъ утраченное блюдо. Считаю вопросъ исчерпаннымъ.

— Такъ вы не сердитесь. Ну, прекрасно.

— Ни малѣйше!

Поклонившись дамамъ, мы ушли въ буфетъ. Дѣлать нечего; спросили себѣ холодной закуски, кахетинскаго вина и усѣлись пережевывать впечатлѣнія вечера.

Скромный нашъ ужинъ подходилъ къ концу, какъ изъ столовой идуть къ намъ два офицера: баронъ Т. и М.

Баронъ подошелъ ко мнѣ.

— Господинъ Миллеръ,—началь онъ.—Дамы объяснили Курилову, что вы сказали ему что-то оскорбительное. Поэтому капитанъ просить васъ взять свои слова назадъ.

— Если нужно было объяснять почтенному капитану значеніе моихъ словъ,—отвѣчалъ я:—то, согласитесь, баронъ, нѣтъ никакой надобности брать ихъ назадъ.

— Я совершенно согласенъ съ вами,—отвѣчалъ баронъ.—Куриловъ вполне заслужилъ вашу отвѣдь. Онъ велъ себя крайне некорректно. Да у насъ вообще считаютъ его за идіота. Но что дѣлать: онъ носитъ мундиръ, а дамы такъ его настроили, что онъ считаетъ себя оскорбленнымъ.

— Позвольте предложить вамъ, господа, стаканъ вина.

Офицеры усѣлись, выпили съ нами вина. Поболтавъ съ четверть часа о томъ и семъ, они встали.

— Мы постараемся убѣдить Курилова, что онъ не правъ. До свиданія.

Было уже около часа ночи, когда мы вышли въ переднюю. Одѣвая пальто, я почувствовалъ, что кто-то сильно толкнулъ меня въ спину. Предполагая неосторожнаго вѣстового, я сдѣлалъ соответствующее внушеніе.

— Нѣтъ-съ! Это не вѣстовой. Это я васъ нарочно толкнулъ,—обидѣлся Куриловъ, очутившійся тутъ.—Прошу не смѣшивать меня съ вѣстовымъ. Завтра приплю вамъ секундантовъ.

— Къ вашимъ услугамъ, капитанъ,—отвѣчалъ я.

Подивившись странному способу вызова на дуэль и не придавая этому инциденту никакого значенія, мы вышли на улицу. Чудная, тихая, теплая ночь. Небо усыяно мириадами звѣздъ. Откуда-то, вѣроятно, изъ мѣстнаго кафе-шантана «Империаль» или «Славянскаго Базара», доносятся звуки цыганскаго романса и зурны, подъ аккомпаниментъ которыхъ мы потихоньку добрались до дому.

На утро я уже совсѣмъ собрался итти на службу, какъ денщикъ доложилъ мнѣ, что два офицера желаютъ меня видѣть. Я приказалъ просить ихъ войти въ кибитку. Вошли два вчерашнихъ знаконца: баронъ и М.

— Очень радъ васъ видѣть, господа. Прошу садиться,—привѣтствовалъ я вошедшихъ.

— Представьте себѣ,—началъ баронъ:—что Куриловъ не унижается и послалъ насъ съ вызовомъ на дуэль.

— Что жъ? Дуэль—такъ дуэль; я къ услугамъ капитана.

— Но вѣдь штука въ томъ, что Куриловъ страшный трусъ, и, если бъ не дамы, ему и въ голову бы не пришло драться.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Я повторяю, что согласенъ драться на чемъ, когда и гдѣ угодно. Секундантами моими будутъ: Миновичъ и Чарнецкій. Условьтесь, господа, съ ними, и дѣлу конецъ.

— Куриловъ очень проситъ, чтобы вы взяли съ собой врача.

— Для душевно-больныхъ? Это потому. Да врядъ ли тутъ есть спеціалистъ.

Офицеры разсмѣялись.

— Хорошо, успокойте милѣйшаго капитана: будетъ врачъ. Не нужно ли и священника?

И вотъ черезъ два дня два парныхъ фэтона доставили дуэлистовъ въ Байрамъ-Али. На берегу широкаго арыка, недалеко отъ роскошныхъ хлопчатыхъ плантацій состоялась моя дуэль.

На предложеніе примириться я отвѣчалъ, что такъ какъ я съ капитаномъ Куриловымъ не ссорился, то не вижу надобности и мириться.

— Такъ вы не хотите ни за что мириться,—настаивалъ Куриловъ.—Странно?!

— Будьте любезны, капитанъ, вести переговоры черезъ секундантовъ.

— Примиреніе не состоялось,—возгласилъ баронъ.—Противники имѣютъ тянуть жребій.

— Отказываюсь отъ перваго выстрѣла,—заявилъ я.

— Я тоже отказываюсь,—воскликнулъ Куриловъ.

— Но, вѣдь, тогда дуэль не можетъ состояться,—вступился Миновичъ.

— Предлагаю одновременный выстрѣлъ по счету три,—рѣшилъ баронъ.

Дали намъ въ руки по пистолету, поставили на пятнадцати шагахъ.

— Разъ, два, три,—раздался голосъ барона, и вмѣстѣ съ нимъ послышался выстрѣлъ Курилова, пуля котораго задѣла мнѣ лѣвое бедро. Я, конечно, не стрѣлялъ. Зажавъ платкомъ рану, я пошелъ къ фэзтону, гдѣ ожидалъ докторъ. По дорогѣ, чтобы разрядить револьверъ, я выстрѣлилъ въ стаю галокъ.

— Это новое оскорбленіе,—кричалъ Куриловъ.—Вы не хотѣли стрѣлять въ меня, а убили галку. Вызываю еще разъ.

— Прошу предоставить мнѣ выборъ цѣли, капитанъ. Я не обязанъ драться съ вами пять разъ, и могу только пожалѣть, что наше знакомство такъ плачевно кончилось.

— Мы, какъ секунданты, заявляемъ, что г. Миллеръ ничѣмъ не нарушилъ правилъ поединковъ и не обязанъ больше драться. Куриловъ опустилъ голову.

— Такъ, по-вашему, можно мнѣ плевать въ морду?—спросилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ.

— Чего ты лѣзешь? Вѣдь до этого еще не дошло? Успокойся,—былъ отвѣтъ.

— Господа,—обратился я къ секундантамъ.—Надѣюсь, вы не забыли обѣщанія вашего быть у меня сегодня?

— Благодаримъ. Будемъ непремѣнно.

Мы разъѣхались.

ХІІІ.

Послѣдствія дуэли.

Какъ ни благополучно и мирно кончился мой поединокъ, все-таки онъ не остался безъ послѣдствій. Я былъ вызванъ въ Петербургъ и послѣ хорошей головомойки причисленъ къ государственному контролю временно, безъ содержанія. Очень трудно было существовать, не имѣя опредѣленнаго заработка. Въ это время я познакомился съ редакторомъ-издателемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Г. Авсеенко. Мои рассказы о порядкахъ въ Закаспійскомъ краѣ, о постройкѣ тамъ желѣзной дороги, о тамошнихъ нравахъ очень заинтересовали его, и онъ предложилъ мнѣ написать рядъ статей по поводу того, чему я только что былъ очевидцемъ. Статьи эти были напечатаны въ названной газетѣ подъ заглавіемъ: «Съ далекихъ окраинъ». За ними послѣдовалъ рядъ другихъ статей на тему: повѣсть о Закаспійской желѣзной дорогѣ, и наконецъ, когда печатались статьи на тему: желѣзныя дороги и контроль, въ одно прекрасное утро я былъ позванъ къ генералъ-контролеру А. П. Иващенко. За это время произошли большія перемѣны въ высшихъ чинахъ контроля. Ушелъ Д. М. Сольскій, и его мѣсто занялъ Т. П. Филипповъ, бывший до тѣхъ поръ его помощникомъ. Назначеніе Филиппова выдвинуло рядъ людей иного типа, и только во главѣ желѣзно-дорожнаго дѣла остался вызвавшій меня Иващенко. Въ назначен-

ный часъ не безъ трепета вошелъ я въ его кабинетъ. Первое, что я увидѣлъ, была пачка нумеровъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», прикрытыхъ какою-то толстою книгою. Я отчасти понялъ, въ чемъ дѣло, и предвкушалъ бесѣду.

— Здравствуйте,—привѣтствовалъ меня Анатолій Павловичъ, подавая мнѣ руку.

— Добраго здоровья вашему превосходительству. Что изволите приказать?—освѣдомился я.

— Вотъ что, батюшка. Статьи эти,—указалъ онъ на газеты,—вы пишете?

— Я.

— Зачѣмъ же вы пишете? Зачѣмъ вы выносите соръ изъ избы? Развѣ вы не могли подать обо всемъ этомъ записку или рапортъ, какъ полагается чиновнику? Вѣдь вы состоите на службѣ?—заброевалъ онъ меня вопросами.

— Прежде всего, ваше превосходительство, я не преслѣдовалъ той цѣли, на которую вы указываете: я не выносилъ сора изъ избы, потому что все, что я печаталъ, не соръ, а правда, на которую ничего нельзя возразить. Далѣе, пишу я въ газетахъ потому, что это даетъ мнѣ заработокъ для поддержки моего существованія, а за записку или рапортъ я не получилъ бы ни одной копейки, какъ это и продолжается вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, несмотря на то, что состою на службѣ, подъ вашимъ начальствомъ.

— Какъ ни копейки?—изумился онъ. —Сколько вы получаете жалованья?

— Имѣю честь доложить, что вотъ болѣе двухъ лѣтъ, какъ я исполняю возлагаемая на меня работы, не получая за это ничего?

— Да, ничего! Ну, это, конечно, не много,—пошутилъ онъ.—Нѣтъ, ужъ я попрошу васъ бросить писательство, то есть служебнаго характера. Я прикажу вамъ выдать пособіе и назначу жалованье. А то, можетъ быть, хотите въ провинцію? Это вполне возможно.

— Позвольте объ этомъ подумать.

— Ну, подумайте и приходите ко мнѣ съ отвѣтомъ. Пособіе получите.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

— До свиданія. Такъ я считаю вопросъ о статьяхъ конченнымъ!

Вскорѣ послѣ этого разговора я былъ назначенъ въ Тифлисъ, гдѣ прослужилъ два года, и былъ переведенъ въ Минскъ, въ контроль Либаво-Роменской желѣзной дороги. Здѣсь мнѣ въ послѣдній разъ пришлось столкнуться съ очень оригинальнымъ начальникомъ С. Л. Халютинымъ. Восемь лѣтъ службы подъ его начальствомъ еще разъ показали мнѣ всю неподготовленность казны руководить дѣломъ желѣзныхъ дорогъ. У этого генерала была какая-то несчастная слабость къ составленію актовъ, протоколовъ и къ писанію проектовъ.

Одинъ изъ многихъ такихъ актовъ рассказывался долгое время и служилъ пріятнымъ развлеченіемъ въ скучныя минуты. Дѣло въ томъ, что либавскія мастерскія какъ-то выпустили изъ большого ремонта паровозъ, о чемъ сообщили въ контроль. Халютинъ самъ поѣхалъ осматривать отремонтированный паровозъ. Болѣе получаса ходила вся комиссія кругомъ новой машины. Въ техническомъ отношеніи паровозъ и не могъ подлежать ревизіи контроля, за отсутствіемъ въ немъ техника. Слѣдовало признать паровозъ годнымъ. Но какъ же можно было обойтись безъ замѣчанія? Вотъ Халютинъ и нашель выходъ; онъ собственноручно записалъ въ актъ, что нашель паровозъ не покрытымъ брезентомъ, такъ что онъ легко могъ подвергнуться порчѣ отъ голубей. Каково было общее изумленіе, тѣмъ болѣе, что нигдѣ въ мірѣ паровозы не покрываются брезентомъ во избѣжаніе порчи лаковой краски, которою онъ выкрашенъ. Изъ его проектовъ мнѣ и до сихъ поръ памяты два. Одинъ гласилъ, что необходимо отмѣнить выдачу преміи за сбереженіе топлива и смазки паровозной прислугѣ, такъ какъ машинисты, ихъ помощники и кочегары получаютъ жалованье и поверстныя деньги и, слѣдовательно, обязаны по долгу службы бережно относиться къ расходному матеріалу. Никакіе доводы не могли подѣйствовать на настойчиваго автора проекта. Даже столь вѣскій аргументъ, какъ приобрѣтеніе казной за двухрублевою премію пуда матеріала, стоящаго восемь рублей, и это оказалось неубѣдительно. Но вѣнцомъ его проектовъ служило предложеніе объ уничтоженіи большихъ мастерскихъ на желѣзныхъ дорогахъ, такъ какъ всякій ремонтъ могъ-де производиться въ оборотныхъ депо, а постройку подвижного состава предлагалось отдавать за границу, гдѣ, молъ, всѣ техническія условія лучше (?)! Возражали ему на разные лады: доказывали, что слѣдуетъ развивать отечественную промышленность и производства; что всякій хорошій хозяинъ стремится сварить щи дома, а не бѣжать къ сосѣду,—ничего не помогало: онъ упорно стоялъ на своемъ. Нечего и говорить, что всѣ его проекты блистательно проваливались въ Петербургѣ. Иногда страсть къ проектамъ періодически замѣнялась страстью къ авторству, и вотъ на свѣтъ появились произведенія, свидѣтельствовавшія объ энциклопедической эрудиціи автора. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ книжный рынокъ былъ обогащенъ: «Иоганъ-Себастьянъ Вахъ и его значеніе въ музыкѣ» и «Письма французскаго офицера о Севастопольской кампаніи». Эти двѣ довольно объемистыя книги по отпечатаніи и раздачѣ знакомымъ долгое время лежали кучей въ кабинетѣ его превосходительства. О продажѣ ихъ что-то слышно не было, хотя онѣ и рекламировались въ витринахъ книжныхъ магазиновъ.

Нерѣдко можно было видѣть главнаго контролера, вымѣряющаго аршиномъ правильность показаній числа саженъ водосточныхъ

трубъ при ремонтѣ зданій, въ такой степени онъ размѣнялъ свою задачу на мелочи.

Вообще это былъ чиновникъ контроля стараго режима, педантичный до мелочей, почему отъ него ускользали вопросы серьезные. Теперь, благодаря новымъ вѣяніямъ, этотъ типъ является архаизмомъ, и, если существуетъ, то какъ пережитокъ, дослуживающій пенсію.

XIV.

У Т. И. Филиппова.

Во время службы моей въ Минскѣ меня постигло несчастье, вызвавшее настоятельную необходимость перевода въ Петербургъ. Взявъ отпускъ, я прибылъ въ столицу и въ первую же среду, въ десятомъ часу утра, ожидалъ своей очереди въ приѣмной государственнаго контролера Тертія Ивановича Филиппова, нынѣ уже покойнаго. Въ приѣмной этой, кромѣ секретаря его, князя Гагарина, и меня, не было ни одного чиновника нашего вѣдомства; преобладали дамы, желавшія получить мѣсто, нѣсколько черногорцевъ въ національныхъ костюмахъ и нѣсколько священниковъ. Но вотъ настала моя очередь; пройдя черезъ двойную дубовую дверь, предупредительно отворяемую почтеннымъ, увѣшаннымъ медалями курьеромъ, я проникъ во внушительный кабинетъ сановника. На первомъ планѣ громаднѣйшій письменный столъ съ письменнымъ же приборомъ слоновой кости, рѣзко выдѣлявшимся на синемъ фонѣ сукна. Массивные бронзовые подсвѣчники съ синимъ абажуромъ; на лѣвой сторонѣ стола серебряный бюваръ съ инициалами владѣльца и какими-то выгравированными датами.

За столомъ, по срединѣ котораго поставлена конторка, сидитъ въ креслахъ плотный сѣдой старикъ съ бородкой лопаточкой, полстриженной по-русски. Сквозь стекла золотыхъ очковъ видны добрые глаза, когда-то блестяшіе мыслью, теперь уже угасшею.

Подойдя къ столу, я отдалъ почтительный поклонъ.

— Чиновникъ государственнаго контроля?— послышался пріятный, хотя старческой баритонъ.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство. Помощникъ контролера Либаво-Роменскаго контроля Миллеръ.

— А, да. То-то вы въ вицъ-мундирѣ нашего вѣдомства,—догадался чиновникъ.—Прекрасно. Въ чемъ же дѣло? О чемъ именно вы просите?

— Тяжелая болѣзнь струшки-матери, у которой я одинъ сынъ, вынуждаетъ меня просить о переводѣ въ Петербургъ. Старушка ослѣпла, ваше высокопревосходительство, и не можетъ обойтись безъ присмотра моего или жены моей.

— Да, да. Теперь я припоминаю, что получилъ по этому поводу письмо отъ принцессы. Да, вотъ оно, — вынулъ онъ изъ бювара письмо. — Такъ вы хотите въ Петербургъ?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство, въ Петербургъ.

— Я думаю о вашемъ дѣлѣ, — произнесъ сановникъ и замолчалъ. Прошло минуты три-четыре.

— Скажите, — очнулся онъ. — Съ вами это давно? Вы, однако, обращались къ врачамъ? Вѣдь есть прекрасные профессора по этой части. А то гомеопатія!?

— Я возилъ матушку къ профессору Тихомирову; онъ нашелъ ея положеніе безнадежнымъ. Преклонный возрастъ...

— Да, впрочемъ, что же это я?! Вѣдь это ваша матушка ослѣпла, а не вы, — добродушно засмѣялся онъ: — а вы хотите, чтобы я перевелъ васъ сюда. Такъ, такъ. Это мой христіанскій долгъ. Нашъ великій Учитель сказалъ: «Блаженни милостивии, яко тии помиловани будутъ». Такъ вѣдь?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство.

— Но куда же? Вѣдь нѣтъ вакансій. Можетъ быть, вы знаете, гдѣ есть вакансія?

— Позвольте доложить, что вакансія есть въ балтійскомъ контролѣ.

— А! Въ балтійскомъ... Но вы мнѣ, пожалуйста, не указывайте, — неожиданно вспыхнулъ онъ.

— Я никогда не осмѣлился бы, если бъ ваше высокопревосходительство не извоили приказать доложить, гдѣ есть вакансія — оправдывался я.

— Да, да, вы правы. Я самъ спросилъ васъ. Ну, тогда вотъ что: идите теперь къ директору канцеляріи и скажите ему, то есть передайте ему сущность, одну сущность нашей бесѣды, и добавьте, что я согласенъ на переводъ вашъ. Только вы не позабудьте непременно добавить.

— Слушаю, ваше высокопревосходительство. Не позабуду. Но осмѣлюсь доложить: теперь десять часовъ утра; еще директора въ канцеляріи нѣтъ.

— Да, вы опять правы. Впрочемъ, въ чемъ это вы были правы? Да. Эти всѣ генералы очень поздно, въ два часа, ходятъ на службу. Это только мы съ вами, труженики, вотъ съ десяти часовъ... Какъ же быть-то? Я непременно забуду.

— Не будете ли милостивы, ваше высокопревосходительство, положить на этомъ письмѣ резолюцію. Я передалъ бы письмо директору канцеляріи.

— Какая мысль! Какая блестящая мысль! — восхищался сановникъ. Впрочемъ, нѣтъ. Письмо адресовано лично ко мнѣ?

— Лично къ вамъ, ваше высокопревосходительство.

— Ну, вотъ, видите. Неудобно. Многоуважаемый Тертій Ивановичъ, и вдругъ резолюція, канцелярія... Надо подумать о вашемъ дѣлѣ.

Послѣ нѣкотораго размышленія онъ продолжалъ:

— Лучше сдѣлаемъ такъ. Вы вѣдь черезъ приемную?

— Черезъ приемную.

— Ну, вотъ, пойдете назадъ, увидите тамъ старичка—князя Гагарина. То есть онъ не такъ еще старъ, но сѣдой. Вы ему скажите, чего вы хотите и чтобы онъ напомнилъ мнѣ послѣ приема. Кстати, чего же именно вы хотите?

— Я ходатайствую о переводѣ моемъ на службу въ Петербургъ...

— Нынче всѣ хотятъ въ Петербургъ, — перебилъ меня сановникъ.—Это какая-то манія... Но вѣдь у васъ есть же причина, такъ сказать, законный поводъ къ исполненію вашего желанія?

— Тяжелая болѣзнь матери, у которой я одинъ сынъ, ваше высокопревосходительство...

— Ну, вотъ, видите. Конечно, это вполне законно. Да. Это надо будетъ устроить.

— Благодарю васъ, ваше высокопревосходительство.

— Такъ, такъ, вотъ и письмо,—припомнилъ онъ.—Теперь все ясно. Но вотъ директора канцелярія нѣтъ. Надо составить журналъ—я подпишу. Пусть князь Гагаринъ... А что, въ приемной много просителей?

— Человѣкъ тридцать.

— Ой, какъ много! Повѣрите, это каждый приемъ: и все больше черногорцы, попы и женщины. Чиновниковъ мало. Тяжело, очень тяжело: владыка-митрополитъ всѣхъ своихъ поповъ мнѣ посылаетъ.

Сановникъ вздохнулъ.

Нѣсколько времени длилось молчаніе. Затѣмъ тихимъ, приятнымъ, старческимъ баритономъ сановникъ запѣлъ: «На рѣкахъ вавилонскихъ».

Признаюсь откровенно: я просто замеръ.

— До свиданія,—прервалъ онъ себя, подавая мнѣ руку.—Очень радъ. Когда устроитесь, зайдите, подѣлитесь. Дай же Богъ вамъ устроиться по сердцу: бракъ великое дѣло.

Я уже было взялся за ручку массивной дубовой двери, какъ онъ меня остановилъ:

— Послушайте, однакожъ! Какъ ваша фамилія? Вѣдь надо же знать!

— Миллеръ, ваше высокопревосходительство; вотъ обо мнѣ письмо; тутъ все изложено,—отвѣчалъ я.

— Дѣйствительно такъ. Вотъ и письмо. Мы сдѣлаемъ, что можно; надо эту просьбу уважить. Храни васъ Господь.

Въ приемной я передалъ князю Гагарину приказаніе Тертія Иванова.

— Это совершенно безнадежно,—отвѣчалъ онъ.—Лучше идите къ А. П. Иващенкоу, но не говорите ему, что были у патрона: обидится.

Удрученный, ушелъ я изъ пріемной.

Вскорѣ печальное извѣстіе о кончинѣ когда-то блестящаго знатока русской литературы, извѣстнаго стилиста, эпитропа гроба Господня Т. И. Филишова огорчило всѣхъ знавшихъ его.

Георгій Миллеръ.

ГУБЕРНАТОРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ.

МУТНАЯ эпоха, такъ неожиданно разразившаяся надъ нашимъ отечествомъ въ періодъ 1905—1907 гг., проявилась съ особой бурностью на Кавказѣ и сопровождалась цѣлымъ рядомъ совершенно исключительныхъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ явленій, которыя едва ли могли произойти гдѣ-либо, кромѣ Кавказа и внѣ періода управления краемъ графа Воронцова-Дашкова.

Объ одномъ изъ такихъ удивительныхъ эпизодовъ, наиболѣе невѣроятномъ по своимъ подробностямъ—объ эпизодѣ съ управленіемъ Кутаисской губерніей г. Старосельскимъ, лицомъ, принадлежавшимъ къ социаль-демократической революціонной партіи, я и хочу рассказать, пользуясь какъ личными воспоминаніями, такъ и матеріаломъ, почерпнутымъ изъ документовъ и показаній лицъ, принимавшихъ участіе въ подавленіи мятежа и ликвидаціи управления этого совершенно исключительнаго представителя русской власти на Кавказѣ.

Самому разсказу, однако, необходимо предпослать нѣсколько краткихъ данныхъ о положеніи дѣлъ въ Кутаисской губерніи къ началу смутной эпохи и о самомъ героѣ разсказа для того, чтобы читатель, незнакомый съ кавказскими обстоятельствами, могъ все же ориентироваться въ событіяхъ, о которыхъ придется говорить.

I.

Мѣстность, гдѣ разыгралась описываемая феерія, Кутаисская губернія, западной своей границей соприкасается съ Чернымъ моремъ, южной—съ Батумской областью, сѣверной—съ Сухумскимъ округомъ, а съ востока—съ Тифлисской губерніей. Она населена главнымъ образомъ четырьмя племенами картвельскаго происхожденія—гурійцами, мингрельцами, имеретинами и сванетами. Наибольше многочисленно племя имеретинское, населяющее уѣзды Кутаисскій, Шаропанскій и Рачинскій—его насчитывается около 576,500 душъ обоого пола; гурійцы населяютъ Озургетскій уѣздъ въ числѣ около 94,000 душъ обоого пола; мингрельцы—Зугдидскій и Сенакскій въ числѣ около 257,000 душъ обоого пола. Собственно эти народности представляютъ результатъ смѣси картвельскаго племени съ еврейскимъ въ большей или меньшей степени, а мингрельцы, кромѣ того, помѣшаны съ греками и другими народностями. Примѣсь очень значительнаго количества еврейской крови отражается на всемъ психическомъ обликѣ ихъ: имеретины, гурійцы и мингрельцы не любятъ тяжелаго физическаго труда и особенно привержены къ торговлѣ, гешефтамъ всякаго рода, ростовщичеству, отхожимъ промысламъ, проискамъ, сутяжничеству, обманамъ и дѣйствіямъ сплоченными массами какъ въ физической, такъ и экономической борьбѣ. Въ то же время присутствіе въ нихъ воинственной картвельской крови влечетъ ихъ на путь разбоя, грабежа и насилій всякаго рода. Съ древнѣйшихъ временъ мингрельцы славились конокрадствомъ и воровствомъ и были извѣстны какъ первоклассные мошенники. Гурійцы славились разбоемъ и торговлей женщинами, какъ своими, такъ и похищавшимися у сосѣдей, и плѣнниками. Имеретины поставляли до послѣдняго времени обильный контингентъ въ банды кавказскихъ разбойниковъ и воровъ. Въ массѣ все населеніе всегда было весьма безпокойное и неблагонамѣренное.

Населяя страну съ благодатными южными условіями, плодородную, дающую почти безъ труда всякія произведенія земли, и обуреваемые жаждой наживы при легкомъ трудѣ, они со времени водворенія мира устремились на разныя легкіе заработки, наводняя города Закавказья мужской прислугой, мелкими торговцами и ремесленниками, и составили главный контингентъ рабочихъ и служащихъ на Закавказской желѣзной дорогѣ и на керосино-разливочныхъ заводахъ Батума. Особенно выгодно было послѣднее занятіе. Здѣсь передъ возстаніемъ работало нѣсколько тысячъ гурійцевъ, зарабатывавшихъ около 2.000,000 рублей въ годъ, большая часть которыхъ, до 1.500,000 рублей, посылалась семьямъ въ Гурію. Въ такомъ же положеніи находится населеніе и остальныхъ

уѣздовъ—десятки тысячъ мужчинъ заняты доходными и легкими промыслами не только въ городахъ Кавказа, но и въ Средней Азіи, на югѣ Россіи и во многихъ мѣстностяхъ внутреннихъ губерній. Домой они возвращаются отдохнуть въ семьѣ, улучшить усадьбу, прикупить землицы и понѣжиться подъ тѣнью виноградной лозы и плодовыхъ деревьевъ. Земледѣліе отходитъ у нихъ на задній планъ, и имъ занимаются остающіеся, арендуя землю у уходящихъ за часть урожая. Каждый желаетъ имѣть усадьбу въ своемъ селѣ, хотя бы только со дворомъ и садикомъ, лишь бы имѣть здѣсь осѣдность. Отъ этого и происходитъ, что Кутаисская губернія изобилуетъ мелкими угодыми ¹⁾. Почему-то сложилось мнѣніе, сильно раздуваемое туземцами въ своихъ интересахъ, что население губерній бѣдно. Но въ сущности такой зажиточности, которую приходится наблюдать здѣсь, пожалуй, нигдѣ въ Россіи не встрѣтишь въ крестьянской средѣ: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на собраніе кутаисской деревни въ праздничный день, когда ея населеніе облекается въ чистое платье—крестьянки обуты въ щегольскія ботинки, разодрты въ шелковыя платья, корсеты, перчатки, увѣшаны золотыми и серебряными украшениями, напудрены и т. д. Мужчины щеголяютъ серебряными поясами и гозырями, золотыми часами, кольцами. Картина получается поразительная.

Естественно, что такая обеспеченность населенія, всегда склоннаго къ заговорамъ и проискамъ, создала почву и для разныхъ политическихъ бредней и стремленій національнаго характера и направленныхъ притомъ къ лучшему и болѣе обширному захвату источниковъ заработка, къ которымъ не хотѣли пускать иноплеменниковъ. Это стремленіе возникло давно, но особенно стало проявляться послѣ того, какъ пустившіеся на заработки въ Марсель гурійцы и мингрельцы ознакомились со всеми прелестями социалистическаго ученія и организациі стачекъ, а полуинтеллигентная молодежь въ учебныхъ заведеніяхъ и въ Швейцаріи пришла въ соприкосновеніе съ революціонной пропагандой; сѣмя пало на благодарную почву и дало пышный ростъ. Съ начала 80-хъ годовъ мы уже наблюдаемъ проявленіе стремленій въ захвату дѣла къ свои руки на Закавказской желѣзной дорогѣ, гдѣ туземцы, гурійцы, имеретины, и мингрельцы, понемногу вытѣсняють русскихъ и организують отъ времени до времени стачки и беспорядки. Инициатива принадлежитъ гурійцамъ, какъ наиболѣе смѣлымъ и предприимчивымъ, и постепенно штабъ-квартирой революціонно-националистическаго движенія становится Гурія, т.-е. Озургетскій уѣздъ. Кон-

¹⁾ Это обстоятельство превратно толкуется и приводится совершенно неправильно, какъ примѣръ малоземелья. Точно также неправильно основной причиной мятежа администрація указываетъ на аграрное движеніе, какъ результатъ малоземелья, — «аграрные беспорядки» тутъ совершенно ни при чемъ, а причина иная, какъ видятъ читатели ниже.

спирація и антигосударственная революціонная организація какъ нельзя больше пришлась по вкусу добрымъ кутаисцамъ, и къ началу нынѣшняго столѣтія она широко раскинулась по всей Кутаисской губерніи—въ Батумѣ, Поти, Озургетахъ, Кутаисѣ образовались революціонные соціаль-демократическіе комитеты. Во главѣ движенія въ концѣ 1904 г. сталъ центральный имеретинско-мингрельскій комитетъ, а вся губернія уже была подѣлена на районы, состояшіе въ вѣдѣніи районныхъ агентовъ комитета—рабочихъ и крестьянъ; населеніе деревень было разбито на десятки и сотни. Каждый десятокъ имѣлъ своего выборнаго, получившаго названіе «атистава», т.-е. главы десяти, десятника; атиставы избирали изъ своей среды «ассиставовъ», т.-е. начальниковъ сотни, сотниковъ; ассиставы избирали изъ своей среды тысяцкихъ, или «атассиставовъ». Изъ послѣднихъ составлялись районные крестьянскіе комитеты, имѣвшіе представителей въ центральныхъ. Для полученія матеріальныхъ средствъ населеніе было обложено особымъ сборомъ, который шелъ на покупку оружія, но главнымъ образомъ на веселую жизнь гг. тысяцкихъ и членовъ центрального комитета.

Не избѣгъ революціонной пропаганды такъ называемый «Саккарскій питомникъ американскихъ лозъ»¹⁾—совершенно не долженствовавшее имѣть ничего общаго съ политикой учрежденіе, предназначенное для борьбы съ филлоксерой путемъ распространенія американскихъ филлоксероустойчивыхъ лозъ. Но лицо, поставленное во главѣ его, агрономъ Старосельскій, слишкомъ легко увлекся политикой, а его дочь, прибывшая изъ Швейцаріи, оказалась принадлежащей къ какой-то революціонной организаціи. Присутствіе ея не могло не оказать вліянія на окружавшихъ ее молодыхъ людей, служившихъ въ Саккарскомъ питомникѣ. Здѣсь постоянно находили себѣ пріютъ «прогрессивные» элементы, попадавшіе на Кавказъ путемъ высылки изъ разныхъ учебныхъ заведеній сѣвера или просто не выдержавшіе ученія и бросившіе науку при первомъ же съ ней столкновеніи, занимая при питомникѣ различныя должности. Субстратомъ для широкаго развитія вліянія ихъ на населеніе явилась статистика: совершенно неизвѣстно для чего, г. Старосельскому понадобилось производить счетъ населенія Кутаисской губерніи, а лучшихъ работниковъ для этого, какъ «прогрессивные элементы», не находили нигдѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Пересчитывая число куръ и хозяевъ, прогрессивные элементы вели надлежащую пропаганду, и разбитое революціонными организаціями на десятки и сотни населеніе начало смотрѣть на

¹⁾ Саккарскій питомникъ американскихъ лозъ находится въ полуторѣ верстѣ отъ станціи Квириллы и отъ м. Квириллы—административнаго центра Шаропанскаго уѣзда. Это въ сущности опытная станція виноградарства и винодѣлія съ школой рабочихъ и обширными питомниками американскихъ лозъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи.

Саккарскій питомникъ и его личный составъ, какъ на своихъ. Единение съ революціонными организаціями и создало молву необыкновенной популярности Старосельскаго среди населенія Кутаисской губерніи. Знаменательно, что сіе учрежденіе г. Старосельскаго пользовалось особымъ благоволеніемъ департамента земледѣлія ¹⁾.

Такъ постепенно въ теченіе добрыхъ десятка лѣтъ происходила эволюція революціонной организаціи въ Кутаисской губерніи. Тѣмъ временемъ густыя тучи нависли надъ политическимъ горизонтомъ Россіи, и на Дальнемъ Востокѣ разразилась гроза... Во второй половинѣ 1904 года въ Парижѣ японскій агентъ Акаши и майоръ Окума собрали съѣздъ русскихъ революціонныхъ организацій. Наиболѣе почетныя мѣста заняли на немъ представители «Грузіи», какъ стали называть уже Кутаисскую губернію. Имъ дали денегъ, услужливый Израиль повезъ черезъ западную границу браунинги и весь завалывшійся въ Западной Европѣ револьверный хламъ и бомбы, а добрые швейцарцы воспользовались случаемъ избавиться отъ избытка устарѣлыхъ маузеровъ.

Тогда кутаисскія организаціи зашевелились. Первой выступила имеретинско-мингрельская организація, насчитывавшая въ своемъ районѣ 600 комитетовъ разныхъ ранговъ, декретировавшая слѣдующіе 4 пункта: 1) правительственныя учрежденія, чиновниковъ, духовенство бойкотировать; 2) бойкотировать порочныхъ членовъ (?) общества; 3) податей и сборовъ не платить; 4) повинностей помѣщикамъ, правительству и церкви также не платить. Въ декабрѣ для пробы была устроена съ успѣхомъ желѣзнодорожная забастовка.

Послѣ этого штабъ-квартира революціи перенесена была въ Гурію ²⁾, и сразу дѣла пошли ходко: въ январѣ въ деревняхъ Кутаисской губерніи наступила всеобщая забастовка—священникамъ запретили молиться за царствующій домъ, портреты Государя разрывались на части и разстрѣливались; правительственныя учрежденія бойкотировались, и спущенъ былъ съ цѣпи бѣшеный терроръ. Появились красныя тряпки, зазвучала всюду марсельеза... Въ Баку для практики устроили забастовку и зажгли Биби-Эйбатскіе промыслы. Въ Тифлисѣ начали выколачивать русскихъ рабо-

¹⁾ Изъ рѣчи одного изъ депутатовъ въ государственной думѣ при обсужденіи кавкасскаго запроса мы узнаемъ, что дѣло тамъ обстояло такъ неблагополучно, что уполномоченный министра земледѣлія т. с. Медвѣдевъ во время проѣзда высочайшихъ особъ черезъ Кутаисскую губернію предупреждалъ администрацію о необходимости имѣть неотступное наблюденіе за его личнымъ составомъ, ибо опъ ни за что поручиться не можетъ.

²⁾ Гурія представляетъ собою гористую, лѣсистую мѣстность, примыкающую къ обширной горной, не населенной, трудно доступной области, въ которой удобно скрываться и скрывать оружье. Гурійцы среди остальныхъ народностей Тифлисской и Кутаисской губерній пользуются славой необыкновенно смѣлаго, воинственнаго и искуснаго въ военномъ дѣлѣ народа.

чихъ, не примкнувшихъ къ революціи. Надъ Кавказомъ начали подниматься грозныя тучи и заниматься зарево пожара и крови... Понадобилась на мѣстѣ сильная, твердая, облеченная полнотою мощи власть, и... былъ назначенъ намѣстникомъ графъ Воронцовъ-Дашковъ...

II.

Въ это время, словно по щучьему велѣнью, въ Петербургѣ оказался агрономъ Старосельскій и былъ рекомендованъ своимъ начальствомъ вниманію графа, какъ знатокъ положенія дѣлъ въ Кутаисской губерніи и лицо, въ высшей степени популярное среди ея населенія и авторитетное. Лестную рекомендацію получилъ онъ и отъ тифлискаго губернскаго предводителя дворянства, женатаго на его двоюродной сестрѣ, и совершенно загипнотизировалъ графа самоувѣреннымъ тономъ, въ которомъ онъ ему расписывалъ ужасы, сотворенные въ Кутаисской губерніи администраціей, бѣдствія несчастнаго угнетеннаго населенія, стѣсненнаго администраціей въ открытомъ проявленіи террора и революціоннаго движенія, и ту величественную картину благополучія, которую онъ водворить въ губерніи, широко примѣняя социаль-демократическую платформу среди населенія, достигшаго апогея самосознанія. Приѣздъ Султанъ-Крымъ-Гирея, назначеннаго помощникомъ намѣстника по гражданской части, далъ Старосельскому новую точку опоры, и тогда воздѣйствіе его съ одной стороны, а грузинъ съ другой—окончательно побудили графа предложить Старосельскому постъ кутаисскаго губернатора, во исполненіе горячихъ желаній самого Старосельскаго и революціонной организаціи.

Здѣсь придется намъ удѣлить нѣсколько словъ герою нашего повѣствованія и остановиться на томъ, что онъ собственно представлялъ собою. В. А. Старосельскій, въ сущности, былъ не болѣе, какъ заурядный сельско-хозяйственный чиновникъ, но человѣкъ до крайности самообольщенный, съ невѣроятнымъ самомнѣніемъ и не стѣснявшійся никогда пользоваться въ самой широкой степени саморекламованіемъ. Это былъ карьеристъ въ самомъ обыденномъ смыслѣ этого слова и въ сущности вовсе не увлекавшійся какими-нибудь идейными стремленіями, а пользовавшійся всѣми способами для обезпеченія себѣ быстрѣйшаго достиженія благополучія. Устраивая у себя революціонный центръ въ питомникѣ и разливаясь въ превосходныхъ либеральныхъ фразахъ на съѣздахъ и собраніяхъ, онъ въ то же время усиленно занимался частными дѣлами—управлялъ имѣніями армянъ-богачей, устраивалъ съ сослуживцами и пріятелями собственное винодѣльческое хозяйство и т. д. Первымъ актомъ его по назначеніи губернаторомъ было пріобрѣсти великолѣпный выѣздъ и шикарную обстановку. Зани-

маясь усиленно созданиемъ матеріальнаго своего благополучія, онъ на всѣхъ собраніяхъ и въ обществѣ выступалъ съ либеральными заявленіями и порицаніями дѣйствій администраціи, высказывался сторонникомъ національныхъ революціонныхъ стремленій туземцевъ. Грузины всѣхъ партій считали его «своимъ», армяне видѣли въ немъ полезнаго своимъ стремленіямъ русскаго чиновника, кутаисская революціонная организація считала его «своимъ». Онъ игралъ на два фронта: обезпечивъ успѣхъ себѣ въ бюрократическихъ сферахъ, гдѣ лица, надъ нимъ поставленные, были соучастниками въ его коммерческихъ предпріятіяхъ, онъ извлекалъ отсюда разныя чиновничьи блага—изъ ряда вонъ выходящее денежное вознагражденіе и подачки разнаго рода, ордена и т. п. Лестя туземцамъ, онъ получалъ ихъ имѣнія въ управленіе, а, войдя въ революціонную организацію, онъ пріурочивалъ себѣ мѣсто одного изъ главныхъ генераловъ отъ революціи. Беззастѣнчивая самореклама и смѣлая рѣчь гипнотизировали и начальство, и общество, и сослуживцевъ, и населеніе; всѣ ждали отъ него чего-то необыкновеннаго. «Я или взлечу высоко, высоко,—говаривалъ онъ знакомымъ въ началѣ революціоннаго движенія,—или попаду въ Сибирь». Послѣднее говорилось только такъ себѣ, ибо увѣренность въ успѣхѣ революціи была полная. Попасть въ губернаторы Кутаисской губерніи, захватить власть въ то время, когда начнется революція, было первымъ шагомъ той блестящей карьеры, долженствовавшей привести его къ президентству въ Кутаисской, а можетъ быть и Кавказской республикѣ, которую рисовало ему его воображеніе.

И вотъ съ мечтаніями о блестящей карьерѣ строчилъ онъ толстую записку, пальца въ два толщиной, желая соблазнить графа Воронцова, а друзья его насѣдали на послѣдняго. Желаніе было исполнено. Вслѣдъ за назначеніемъ графа намѣстникомъ, и Старосельскій въ принципѣ былъ назначенъ кутаисскимъ губернаторомъ, а занимавшему эту должность генералу Смагину предложено оставить свой постъ.

Для характеристики этого удивительнаго шага приведемъ слова самого намѣстника изъ его всеподданнѣйшей записки 1906 г.: «Когда я пріѣхалъ въ Тифлисъ, то Кутаисская губернія уже состояла на военномъ положеніи. Результаты принятыхъ репрессивныхъ мѣръ были тѣ же, что и ранѣе принимаемыхъ. Въ селеніяхъ, гдѣ стояли войска, всѣ требованія властей исполнялись, агитаторы выдавались и выдворялись изъ края; какъ только войска мѣняли мѣстопробываніе, въ оставленныхъ ими селеніяхъ начинались прежніе беспорядки, туда снова проникали агитаторы, такъ какъ арестованные оказывались третьестепенными дѣятелями, пассивные же отказы обращенія за помощью къ властямъ, въ суды за жалобами, къ помѣщикамъ за арендованіемъ угодій повсюду продолжались. Ка-

залось, необходимо было принять мѣру, еще не испытанную¹⁾. Я рѣшился ходатайствовать о снятіи военнаго положенія съ Кутаисской губерніи и о назначеніи старшаго агронома, завѣдывающаго питомниками американскихъ лозъ на Кавказѣ, коллежскаго совѣтника Старосельскаго кутаисскимъ губернаторомъ, по бывшей многолѣтней своей дѣятельности близко соприкасававшегося съ волнующимся населеніемъ и хорошо знавшаго нужды его. Лица, рекомендовавшія мнѣ Старосельскаго, указывали на него, какъ на человѣка, пользующагося въ Кутаисской губерніи всеобщимъ уваженіемъ въ населеніи и имѣющимъ большое нравственное вліяніе на послѣднее. Старосельскій лично вполнѣ разсчитывалъ на свое вліяніе, и дѣйствительно въ первое время управленія его губерніей его бесѣды на сельскихъ сходахъ, казалось, имѣли отрезвляющее значеніе²⁾. Къ сожалѣнію, какъ показали дальнѣйшія обстоятельства, революціонное движеніе въ Кутаисской губерніи къ осени 1905 года, когда былъ назначенъ новый губернаторъ, охватило, подъ вліяніемъ общеимперскихъ революціонныхъ событій, настолько сильно умы населенія, что врядъ ли послѣднее, безъ воздѣйствія со стороны, было бы въ состояніи спокойно принимать мѣры по улучшенію быта его, если бы даже удалось провести таковыя. Дѣйствующіе среди населенія агитаторы, вѣроятно, сумѣли бы исползовать все предпринимаемое для населенія въ интересахъ увеличенія собственнаго вліянія, объясняя всякую принятую мѣру лишь своими требованіями, которымъ власть принуждена уступить. Самъ Старосельскій, какъ обнаружило впоследствии произведенное о его дѣйствіяхъ нынѣшнимъ помощникомъ моимъ по гражданской части сенаторомъ Мицкевичемъ разслѣдованіе, оказался вовсе не обладающимъ служебнымъ тактомъ(?!), подпавшій незамѣтно для себя подъ вліяніе лицъ крайнихъ убѣжденій, причемъ онъ являлся вліятельнымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это было выгодно для революціонныхъ организацій, былъ настолько довѣрчивъ, что при насильственномъ массовомъ отобраніи революціонными шайками оружія у лицъ, имѣющихъ его по обязанностямъ службы, не замѣчалъ явнаго приготовленія къ вооруженному возстанію на случай предвидимой революціонерами побѣды пролетаріата во внутренней Россіи и всѣми своими дѣйствіями, вѣрнѣе, бездѣй-

¹⁾ Если бы самъ намѣстникъ этого не подписалъ, то невозможно было бы повѣрить, чтобы власти въ то время, какъ происходило все имъ указанное, явно доказывавшее наличность организованнаго революціоннаго движенія, не нашли другого способа подавить его, какъ снять военное положеніе и губернаторомъ назначить революціонера. Только вѣдь у гомеопатовъ—*similia similibus curantur!*

²⁾ Очевидно, это свѣдѣніе исходило отъ самого Старосельскаго, и графъ былъ введенъ въ заблужденіе: на сходахъ никакихъ отрезвляющихъ бесѣдъ онъ не велъ, да и не всегда ему разрѣшали говорить: какъ губернатора—его не пускали, а какъ «Старосельскому»—часто позволяли только присутствовать.

ствіемъ, только возмущилъ противъ себя всю мирную часть общества, причислившаго, наконецъ, въ своихъ мнѣніяхъ его самого къ революціонерамъ ¹⁾. Подъ вліяніемъ общей почтово-телеграфной и желѣзнодорожной забастовки, Кутаисская губернія оказалась совершенно отрѣзанной отъ Тифлиса; всѣ желѣзнодорожныя станціи въ предѣлахъ ея были захвачены вооруженными революціонерами. Сурамскій туннель былъ забитъ двумя пущенными въ него навстрѣчу другъ другу паровозами, съ цѣлью задержать движеніе войскъ изъ Тифлиса. При такихъ обстоятельствахъ я снова объявилъ названную губернію на военномъ положеніи и отозвалъ Старосельскаго, котораго Вашему Императорскому Величеству благоудно было велѣть затѣмъ уволить отъ службы безъ прошенія, что явилось для него, какъ показало разслѣдованіе, вполне справедливой карой за обнаруженное бездѣйствіе власти, только отчасти оправдываемое чрезвычайными обстоятельствами».

Назначеніе Старосельскаго, однако, нѣсколько затянулось: министерство внутреннихъ дѣлъ, имѣя свѣдѣнія о четырехъ обыскахъ, у него произведенныхъ, и о его близкомъ участіи въ организаціи революціоннаго движенія, попробовало было возразить противъ назначенія революціонера на постъ представителя власти Государя Императора, не находя прецедентовъ къ такому «еще не испытанному раньше» назначенію, но вліяніе графа и усиленныя хлопоты петербургскихъ пособниковъ кавказской революціи превозмогли—всѣ препятствія были устранены, и въ Тифлисѣ въ первыхъ числахъ іюня стало извѣстно, что назначеніе состоялось. Новый губернаторъ не замедлилъ облечься въ эффектную форму, сей должности присвоенную, демонстрируя себя усиленно на улицахъ и въ учрежденіяхъ.

III.

Въ одинъ изъ знойныхъ дней іюня 1905 года въ модномъ тогда ресторанѣ «Аннона» группа сослуживцевъ и единомышленниковъ провожала новоназначеннаго губернатора, только что прибывшаго изъ дворца, гдѣ онъ имѣлъ напутственную аудіенцію у намѣстника. Много говорилось разной разности и горячихъ словъ. Наконецъ заговорилъ и самъ виновникъ торжества, повѣдавшій собравшимся о томъ, что только что произошло во дворцѣ.

— Мнѣ тѣмъ легче приняться за новое дѣло,—вѣщала онъ:— что всѣ мои предположенія не только одобрены графомъ, но и утвер-

¹⁾ Если сопоставить это заключеніе съ приведенной раньше характеристикой Старосельскаго намѣстникомъ, то нельзя просто не развести руками! Какъ увидимъ ниже, ссылка на «бездѣйствіе» власти неправильна: вина его не въ бездѣйствіи власти, а въ злоупотребленіи ею и его дѣйствіяхъ, о которыхъ говорится далѣе.

ждены. На моей запискѣ-программѣ имъ слѣлана собственноручная надпись. Мнѣ удалось убѣдить графа, что революціонное движеніе въ Кутаисской губерніи обусловливается исключительно малоземельемъ, экономическими и правовыми неустройствами и произволомъ администраціи. Вы хорошо знаете Кутаисскую губернію, ея просвѣщенное и сознательное населеніе и вполне можете опѣнить всю вздорность обвиненія его генераломъ Ширинкинымъ и т. п. въ сепаратизмъ и подготовленіи къ вооруженному возстанію. Я себѣ полагаю задачей использовать общій подъемъ сознанія интеллигентнаго общества и народныхъ массъ для переустройства всего ея соціального строя. Прежде всего должна быть удовлетворена земельная нужда—всѣ казенныя, помѣщичьи, удѣльныя, монастырскія и кабинетскія земли должны быть распределены между трудящимся людомъ. Мнѣ удалось убѣдить графа въ день моего пріѣзда въ Кутаисъ снять военное положеніе и отмѣнить всякія охраны. Въ этотъ день всѣ тюрьмы будутъ открыты, и узники администраціи выпущены на свободу. Въ этотъ день населеніе моей губерніи должно вздохнуть полной грудью. Агенты администраціи, проявившіе усердіе въ репрессіяхъ свободныхъ порывовъ народа, будутъ немедленно уволены. Административные аресты, высылки и всякаго рода репрессіи по отношенію къ политическому движенію прекращаются. Всѣ выбранныя народомъ судебныя и административныя организаціи возобновляютъ свою дѣятельность безпрепятственно и замѣняютъ собою правительственныя. Свобода сходовъ, митинговъ, демонстрацій, стачекъ будетъ полная. Дѣйствія жандармской полиціи должны быть строго согласованы съ дѣйствіями губернатора. Я немедленно принимаюсь за осуществленіе самаго широкаго земскаго самоуправленія. Свобода языка и національнаго самоопредѣленія полная... Особенно легко мнѣ приниматься за работу послѣ слѣдующихъ словъ графа, которыми онъ закончилъ мою прощальную аудіенцію: «Поѣзжайте же въ вашу губернію, не бойтесь никого и принимайтесь немедленно за осуществленіе нашихъ предположеній. Помните, что ваше дѣло—мое дѣло; вашъ успѣхъ—мой успѣхъ; я буду внимательно слѣдить за вашей работой и все, что вами будетъ осуществлено успѣшно изъ нашихъ предположеній, будетъ преподано къ исполненію всѣмъ остальнымъ губернаторамъ».

Рѣчь въ единомышленникахъ вызвала бурный восторгъ, остальныхъ же слова графа ввергли въ полное недоумѣніе, и, расходясь по домамъ, они немало обсуждали ихъ парадоксальность. Всѣ они сходились на томъ заключеніи, что будущее при такихъ условіяхъ будетъ великую смуту въ Кутаисской губерніи.

Въ управленіе губерніей Старосельскій вступилъ 1 августа. Того эффекта, который долженъ былъ сопровождать этотъ радостный для Кутаисской губерніи день, однако не получилось. Военнымъ удалось было отговорить намѣстника отъ снятія военнаго положе-

нія, но Старосельскій и окружающіе намѣстника заставили все же его сдѣлать это, 11 августа оно было снято, и населенію дана та свобода, которая должна была такъ благотворно повліять на установленіе тишины и спокойствія въ губерніи. Собственно съ этого дня началось управленіе губерніей Старосельскаго.

Оно проявлялось весьма своеобразно: губернаторъ ѣздилъ по всей губерніи и устраивалъ или присутствовалъ на митингахъ, гдѣ ораторы вели революціонную пропаганду и внушали населенію необходимость сплотиться и силой вырвать политическую свободу. Представитель власти благосклонно выслушивалъ «народные» вопли о необходимости покончить съ правительствомъ и установить республиканскій строй. Администраціи указывалось идти навстрѣчу «желаніямъ народа». Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ получилъ предложеніе немедленно подать въ отставку за то, что онъ не сумѣлъ сойтись съ соціалъ-демократической революціонной организаціей и вызвалъ ея неудовольствіе. Пользуясь всѣмъ этимъ, населеніе начало усиленно вооружаться, формировать боевую организацію, въ Гуріи подъ руководствомъ бѣглыхъ солдатъ и бывшихъ офицеровъ формировались дружины—«цителі расми», т. е. красныя дружины, строились траншеи и готовились къ вооруженному возстанію. Уѣздный начальникъ молилъ о присылкѣ войскъ. Старосельскій требовалъ его удаленія. Скоро начались и вооруженныя выступленія: въ Кутаисѣ былъ убитъ батальонный командиръ Ходецкій, а затѣмъ произведено нападеніе и обстрѣлъ лагеря Потійскаго и Куринскаго полковъ. По настоянію Старосельскаго оба полка были выведены изъ Кутаисской губерніи. Въ Петербургѣ хватились, что въ Кутаисской губерніи творится что-то неладное, и туда неожиданно для намѣстника были переведены части 33-й дивизіи и 33-й артиллерійской бригады. Части эти въ числѣ 6 батальоновъ были размѣщены въ Батумѣ, Кутаисѣ и по линіи. Такъ прошли августъ и сентябрь, и наступили октябрьскіе дни. 15-го октября началась всеобщая забастовка, и во всей губерніи разгорѣлся пожаръ—все населеніе съ оружіемъ поднялось, захватило и испортило желѣзную дорогу и телеграфъ. Гурійскія дружины начали гулять по всей губерніи, въ Гуріи началась бойня войскъ и полиціи и подготовлено было провозглашеніе республики...

Цѣлую недѣлю безумствовала губернія—губернаторъ и вице-губернаторъ ревностно слѣдили, чтобы подвѣдомственные имъ чины не мѣшали «народу» и чтобы всѣ строго соблюдали забастовку. Въ эти дни губернаторъ издалъ актъ, подлившій масло въ огонь: 19 октября имъ была распубликована телеграмма слѣдующаго содержания: «Опубликованъ телеграфомъ манифестъ, дарующій населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, печати, собраній и союзовъ, привлеченіе въ думу классовъ, лишен

ныхъ ранѣе избирательныхъ правъ, законодательную власть думы и отвѣтственность министровъ, общее избирательное право». Черезъ 2—3 дня затѣмъ былъ распубликованъ весь текстъ манифеста 17 октября, имѣвшійся у Старосельскаго уже 19-го; агитаторы, сопоставляя оба документа, указывали населенію, что власть сперва даетъ, а потомъ отнимаетъ, и въ результатѣ мятежъ сталъ разгораться съ удвоенной силой, а Гурія совершенно отложила, и управление ею перешло въ руки революціоннаго комитета. Всюду на пути, откуда могли ожидать войска, желѣзная дорога была испорчена.

Тогда рѣшено было отликвидировать гурійскую автономію, и туда посланъ былъ отрядъ изъ Эриванскаго и Грузинскаго гренадерскихъ полковъ, артиллеріи и казаковъ. Ужасъ объялъ всѣхъ грузинскихъ революціонеровъ, и Старосельскій полетѣлъ, по настоянію ихъ, въ Гурію, гдѣ на границѣ былъ встрѣченъ революціонной организаціей, потребовавшей, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Тифлисъ добиться возвращенія отряда. Особый делегатскій поѣздъ помчалъ состоявшаго для особыхъ порученій при революціи губернатора въ Тифлисъ. Не надѣясь на успѣхъ, население Гуріи собралось встрѣтить войска покорностью и хлѣбомъ-солью и выдать агитаторовъ. Мятежу грозилъ ударъ подъ самый корень...

IV.

Но опасность миновала. Прилетѣвшій въ Тифлисъ Старосельскій, со всѣми своими пособниками, убѣдилъ 1 ноября намѣстника остановить движеніе войскъ. Головные эшелоны отряда были остановлены въ Самтредіи и расположены лагеремъ, къ полному недоумѣнію солдатъ. Революціонныя организаціи доказали населенію свою силу, и оно имъ безповоротно подчинилось. Въ войскахъ пошелъ глухой ропотъ.

Тяжело тянулись эти дни для пассажировъ, остановленныхъ забастовкой въ Квириллахъ. Особенно тяготила неизвѣстность. Революціонныя организаціи свободно переговаривались по телефону и по телеграфу, но на всякіе вопросы пожимали плечами. Днемъ на станціи собирався цѣлый митингъ—приходили окрестные жители, сотрудники Старосельскаго по Саккарскому питомнику, учителя, духовенство; ораторы изощрялись въ краснорѣчіи, пѣли марсельезу... Но вотъ свистокъ паровоза—подходитъ воинскій поѣздъ,—станція пустѣетъ, и водворяется тишина. Поѣздъ проходитъ дальше—снова начинается митингъ. Ъсть на станціи нечего; спать приходится въ вагонахъ, воды и свѣта нѣтъ. Тянутся дни за днями...

Вечеромъ 3 ноября за столомъ при тускломъ свѣтѣ лампы сидятъ невольные узники. Сегодня дѣло нѣсколько лучше: разрѣшено дать имъ чай и горячую пищу. На одномъ концѣ военный врачъ, портъ-артурецъ съ боевыми орденами, ораторствуетъ, доказывая

полную необходимость до тѣхъ поръ народу не класть оружія, пока у правительства не будетъ вырвана автономія. Окружившая оратора группа туземцевъ всѣхъ ранговъ, съ горящими глазами и раскраснѣвшими отъ волненія, громко вторитъ рѣчи; грозные возгласы призываютъ гибель на голову русскаго правительства. Недалеко группа грузинскихъ священниковъ доказываетъ нѣсколькимъ сѣверянамъ неоспоримыя права грузинской церкви на автокефалію. Далѣе другъ противъ друга сидятъ пожилой инженеръ путей сообщенія и лидеръ социаль-демократовъ—красивой наружности мастеровой, подобритый, съ лихо закрученными усами, въ бархатномъ пиджакѣ—настоящій покоритель женскихъ сердецъ—и методично излагаетъ основы социаль-демократическихъ бредней, которыя инженеръ выслушиваетъ, подобострастно кивая головою. На концѣ стола сидятъ саперный офицеръ и чиновникъ министерства земледѣлія. Въ углу перешептывается группа молодежи, показывая другъ другу раздобытые револьверы. «Не потрудитесь ли, г. докторъ, прекратить вашу возмутительную рѣчь», раздается голосъ земледѣльческаго чиновника. Вырвавшіяся слова производятъ ошеломляющее дѣйствіе. Революціонные разговоры смолкаютъ, пропагандистъ исчезаетъ, понемногу расходится и остальная публика, разговаривая вполголоса, и въ залѣ устанавливается тишина. Одного твердаго возгласа достаточно для вразумленія цѣлой революціонной толпы ¹⁾).

Около полуночи начинается звонить телефонъ, и въ революціонномъ отдѣленіи поднимается суетня—дѣлаются какія-то распоряженія, станцію начинаютъ освѣщать, и перронъ ея быстро заполняется толпой народа. Всюду громкій разговоръ, гоготъ, кто-то насвистываетъ марсельезу. Появляются нѣсколько гурійскихъ дружинниковъ—ихъ туземная одежда малиноваго цвѣта, обшитая галуномъ, обращаетъ вниманіе. Выходятъ на перронъ и пассажиры. Въ ночной тиши вдали слышится пыхтѣніе паровоза. Толпа густѣетъ еще больше. Выпуская клубы пара и снопы искръ, медленно подходит поѣздъ къ перрону.

Локомотивъ роскошно убранъ зеленью и красными флагами. Спереди онъ задрапированъ красной матеріей, и кругомъ бѣлыми буквами выдѣляется надпись: «Долой самодержавіе, да здравствуетъ революція!» Убранъ красными флагами и вагонъ губернатора. На площадкѣ стоитъ толстая фигура устроителя забастовокъ Садовникова, а въ окнѣ появляется долговязая фигура губернатора съ оттопыренными ушами, увѣнчанная форменной фуражкой. «Товарищи!—гремитъ голосъ Садовникова.—Поздравляю! Гурія спасена! Нашему Старосельскому удалось выхлопотать не только ото-

¹⁾ Подобное воздѣйствіе эвергіи на революціонный пылъ было совершенно привычнымъ явленіемъ.

звание войскъ, но и снятіе военнаго положенія. Да здравствуетъ Гурія, да здравствуетъ революція, да здравствуетъ Старосельскій, который, когда потребовалъ народъ, не взирая на усталость и даже не пообѣдавъ, поспѣшилъ въ Тифлисъ и одержалъ столь блестящую побѣду надъ бюрократіей! Прокричите, товарищи, «ура» нашему Старосельскому». Пламенные слова не производятъ, однако, достодолжнаго дѣйствія и на нихъ отвѣчаютъ жиденькимъ «ура»!—они сказаны по-русски. Вслѣдъ за тѣмъ высовывается изъ окна фигура губернатора. Онъ снимаетъ фуражку и обращается къ народу. «Товарищи, наша прекрасная Гурія спасена—казаковъ и войска, учиняющія погромы, приказано удалить. Снова померкнувшее было солнце свободы начинаетъ свѣтить. Отнынѣ войска не болѣе какъ наши кратковременные гости. Дадимъ имъ уйти поскорѣе и для этого постараемся ихъ не затрогивать. Да здравствуетъ наша прогрессивная Гурія, идущая во главѣ освободительнаго движенія! Прощайте! я спѣшу въ Гурію съ этой радостной вѣстью». Привѣтствія раздаются дружиѣ. Но вотъ тѣ же слова какой-то туземецъ говоритъ по-грузински—толпа начинаетъ реветъ восторженно и затягиваетъ кто въ лѣсъ, кто по дрова, революціонную марсельезу, и подъ ея звуки «делегатскій» поѣздъ съ представителемъ царской власти мчится далѣе...

«Поздравляю васъ, господа, — говоритъ ревизоръ движенія пассажирамъ:—забастовка кончена. Завтра утромъ поѣзда идутъ въ Тифлисъ».—«Ну, слава Богу,—радостно откликаются пассажиры:—наконецъ-то мы можемъ вырваться изъ этой отвратительной дыры». А тѣмъ временемъ на каждой станціи революціонный поѣздъ съ губернаторомъ встрѣчается мятежниками «ура» и провожается марсельезой и къ утру привозитъ его въ Самтреди, гдѣ онъ передаетъ войскамъ приказъ намѣстника немедленно вернуться въ Тифлисъ.

А въ Тифлисъ произошло слѣдующее. Какъ только стало извѣстнымъ, что въ Гурію посылается отрядъ, революціонный комитетъ немедленно потребовалъ его отозванія, пославъ къ намѣстнику депутацію. Въ официальномъ «Кавказѣ» объ этомъ сообщалось такъ: «Въ особомъ совѣщаніи представителей разныхъ учреждений и общественныхъ дѣятелей, подъ предсѣдательствомъ и. о. губернскаго предводителя дворянства, избрана особая депутація для представленія намѣстнику записки объ отозваніи изъ Гуріи войскъ и о предоставленіи грузинскому обществу успокоенія гурійцевъ». Въ нее вошли высшіе представители грузинскаго дворянства и епископъ Георгій... 30 октября эта депутація, какъ мы читаемъ тамъ же, была любезно принята намѣстникомъ и доложила ему, что свѣдѣнія его о Гуріи не точны, что репрессивныхъ мѣръ принимать не слѣдуетъ и что слѣдуетъ предоставить имъ избрать особыхъ уполномоченныхъ для посылки въ Гурію, совмѣстно съ представителями власти;

въ двѣ недѣли они успокоятъ Гурію и убѣдятъ населеніе не уклоняться отъ повинности; но добиться выдачи дезертировъ трудно ¹⁾. «Намѣстникъ, согласившись съ мнѣшіемъ депутаціи, назначилъ уполномоченными съ своей стороны—г.-л. Маламу и д. с. с. Вейденбаума и обѣщаль пріостановить дѣйствія войскъ». Грузинское же дворянство выбрало въ примирительную комиссію вождей революціоннаго движенія—Готуа, Демидова и Токайшвили. «1 ноября въ Тифлисъ прибылъ кутаисскій губернаторъ В. А. Старосельскій, ѣздившій изъ Кутаиса въ Гурію, и сдѣлаль подробный докладъ намѣстнику о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Гуріи». Результатомъ этого явился слѣдующій приказъ 2 ноября: «Въ виду выясненія послѣ объѣзда Озургетскаго уѣзда исправляющимъ должность кутаисскаго губернатора дѣйствительнаго положенія вещей въ Гуріи, со времени послѣднихъ забастовокъ остающейся отрѣзанной со всѣхъ сторонъ, вслѣдствіе порчи путей сообщенія и телеграфа, а также выясненія состоянія и остальныхъ уѣздовъ Кутаисской губерніи, я призналъ возможнымъ отмѣнить введенное въ этой губерніи военное положеніе съ упраздненіемъ учрежденнаго въ ней временнаго генераль-губернаторства и отозвать сформированный и отпавленный въ Гурію отрядъ войскъ, о чемъ мной и сдѣланы надлежащія распоряженія».

Намѣстникъ, обманутый Старосельскимъ, исполнилъ требованія революціонной организаціи—власть уступила, показала свое безсиліе. Второй подготовительный актъ революціи къ вооруженному возстанію окончился... и начался третій. Въ теченіе слѣдующаго мѣсяца продолжалась въ прежнемъ направленіи дѣятельность Старосельскаго, и жизнь въ губерніи шла, какъ и въ предыдущемъ, подготовительномъ періодѣ: губернаторъ всѣми силами сдерживаль администрацію отъ проявленія какой-либо дѣятельности, которая бы мѣшала развитію революціоннаго движенія, а руководители его продолжали поборы и организацію его. Но теперь уже планъ выработался болѣе опредѣленный: рѣшено было вооруженное возстаніе армянъ и грузинъ для устройства автономной кавказской федераціи. Армяне должны были привести къ покорности татаръ, а грузины—вести войну съ правительствомъ, уничтожить русскую власть на Кавказѣ и обезпечить созывъ общаго учредительнаго собранія. Главную роль должна была играть Гурія, на вооруженныя дружины которой возлагалась вся надежда революціи: онѣ должны были, покончивъ съ войсками въ Кутаисской губерніи и захвативъ Батумъ, итти на Тифлисъ и здѣсь поднять знамя автономной свободы. Пока все это подготовлялось, губернаторъ доносилъ, что мирная жизнь входитъ въ свою колею и что

¹⁾ Конечно, они составляли кадры боевыхъ дружинъ и лишаться столь важнаго контингента революціонерамъ было нежелательно.

только присутствіе войскъ и наличность военнаго положенія мѣшаетъ населенію успокоиться, особенно присутствіе казаковъ, которые крайне - де раздражаютъ населеніе. Если принять во вниманіе, что во всѣхъ частяхъ войскъ революціонерамъ удалось ввести пропаганду, а въ казачьихъ войскахъ этого сдѣлать никоимъ образомъ не удавалось, то раздраженіе революціонеровъ противъ казаковъ и «недовѣріе» ихъ къ нимъ стануть совершенно понятны.

Спокойствіе продолжалось не особенно долго: уже 8-го ноября произошло столкновеніе татаръ съ армянами въ Елисаветполѣ, слѣдомъ затѣмъ начались митинги революціонныхъ организацій въ Тифлисѣ и, словно по этому сигналу, зашевелилось все и въ Кутаисской губерніи. Но пока дѣло этимъ и ограничилось. Затѣмъ, однако, 21-го ноября началась провокаторская стрѣльба армянъ въ татаръ и произошли знаменитые татарско-армянскіе беспорядки, всколыхнувшіе все революціонное подполье... Усиленнымъ темпомъ пошли митинги, забастовки учебныхъ заведеній, извозчиковъ, рабочихъ и т. д., смѣняя одна другую. То тамъ, то сямъ производились разстрѣлы полиціи и небастующихъ. Военныя власти и жандармскія отдѣленія пытались противодѣйствовать «проявленіямъ народной свободы»: Старосельскій немедленно летѣлъ въ Тифлисъ жаловаться намѣстнику и выхлопывалъ внушенія—laisser faire, laissez passer. Назрѣвали тѣ дни, когда революція въ Россіи въ видѣ вооруженнаго возстанія готовилась дать рѣшительный бой государственному строю, приближались свеаборгскіе, финляндскіе, московскіе дни... приближались и дни вооруженнаго возстанія на Кавказѣ. Въ Тифлисѣ появились гурійскія дружины въ красивой богатой формѣ и отличномъ вооруженіи, которыя демонстрировались на митингахъ и улицахъ для показанія полной боевой готовности гурійскаго народа. Наконецъ наступилъ и самый моментъ развязки, возвѣщенный населенію Тифлиса зловѣщими гудками желѣзнодорожныхъ мастерскихъ—13 декабря 1905 г. наступила желѣзнодорожная забастовка, а въ Кутаисской губерніи и Батумѣ началось вооруженное возстаніе.

. V.

Къ этому времени руководимыя губернаторомъ власти сдали управленіе губерніей революціоннымъ организаціямъ, а остальные г. г. чиновники великолѣпно дружно забастовали и попрятались по своимъ конурамъ, посѣщая лишь митинги. Активными остались: городовые, стражники и жандармы,—зато они и сдѣлались объектомъ разстрѣла со стороны революціонеровъ. Вскорѣ жандармы были сняты съ линіи и перевезены въ Тифлисъ. Войска въ губерніи были ввѣрены общему начальству генерала Шешковскаго. Подражая Старосельскому, онъ парализовалъ всякое дѣй-

ствіе войскъ и тоже сталъ лишь исполнителемъ требованій революціонеровъ. Всѣхъ войскъ, бывшихъ въ Кутаисской губерніи, было совершенно достаточно не только для удержанія народа въ повиновеніи, но и для водворенія порядка во всемъ краѣ, если бы только хватило рѣшимости воспользоваться ими или по крайней мѣрѣ не мѣшать дѣйствовать второстепеннымъ начальникамъ. Но роль начальниковъ была сведена не къ проявленію власти, а къ сдерживанію проявленія всякаго импульса, всякой власти. Одни, совершенно загнипнотизированные революціей и до полной протраціи деморализованные, дѣлали это безъ злого умысла, другіе же, въ томъ числѣ и Старосельскій, сознательно служили революціи, надѣясь отъ нея зѣло выиграть. Въ этомъ отношеніи на администраціи отразилось то состояніе, въ которомъ находилось управленіе намѣстника кавказскаго въ Тифлисѣ. Только этимъ и можно объяснить, что заслуженные генералы прямо спасовали передъ призракомъ и при наличности вооруженной силы, рвавшейся на революціонную орду, сдали цѣлую губернію въ руки революціонныхъ комитетовъ, сдѣлавъ войска пассивными зрителями совершавшагося.

Къ счастью, революція раздѣлилась на три группы—автономистовъ, социаль-революціонеровъ и социаль-демократовъ, и въ средѣ нея не оказалось лица, которое могло бы объединить эти организаціи и направить въ одно общее русло и по одному общему плану ихъ активныя дѣйствія. Поэтому каждый комитетъ руководилъ своей организаціей и дѣйствовалъ самостоятельно въ своемъ районѣ, лишь до извѣстной степени координируя свои дѣйствія съ остальными. Въ данный моментъ закладывалось начало тремъ будущимъ автономіямъ: гурійской республикѣ съ портовымъ городомъ Батумомъ, мингрельской—съ портовымъ городомъ Потіи и имеретинской со столицей Кутаисомъ. Идеалы социаль-демократовъ и революціонеровъ сходились, но автономисты хотѣли объединенія всѣхъ грузинъ въ одно царство. Принадлежа къ интеллигенціи и буржуазіи, они для остальныхъ были элементомъ враждебнымъ, но ихъ было меньшинство и они *volens-volens* плелись въ хвостъ революціи, надѣясь впоследствии, когда получится полное освобожденіе отъ правительственной власти, захватить бразды правленія въ свои руки. Въ концѣ концовъ, однако, превозмогла социаль-демократическая организація и объединила дѣйствія мятежниковъ. Тогда дѣйствія организаціи были объединены и каждой отдѣльной будущей автономіи даны были свои объекты дѣйствій, и ихъ работа проявлялась въ нѣсколько отличной одна отъ другой формѣ.

Гурія должна была захватить Батумъ и не пускать войска отсюда—для этого путь былъ испорченъ и занято было все побережье отъ Супсы, границы гурійской автономіи, до Батума, а Батумомъ рѣшено было овладѣть силой, распропагандировавъ солдатъ.. Нѣсколько разъ пробовали мятежники овладѣть укрѣпленіями и за-

хватить городъ, но были отбиты. Основной помѣхой мятежники считали наличность пластунской и казачьей сотни. Эта горсточка людей считалась настолько опасной, что въ началѣ движенія, по порученію «городского общества», депутація изъ городского головы и двухъ офицеровъ ѣздила на делегатскомъ поѣздѣ въ Тифлисъ просить намѣстника объ отозваніи изъ Батума казаковъ. Намѣстникъ обѣщалъ, но не успѣлъ выполнить обѣщанія, такъ какъ положеніе крѣпости стало настолько опаснымъ, что, по настоянію гарнизона, комендантъ объявилъ ее въ осадномъ положеніи. Это спасло крѣпость и привело въ повиновеніе жителей, но кругомъ бѣсновалась вакханалія, и она была отрѣзана отъ остального міра. Двое офицеровъ на миноносцѣ рѣшились поѣхать въ Севастополь дать знать о критическомъ положеніи дѣла.

Поти сразу попалъ въ управленіе революціи, и здѣсь сосредоточилось до 10,000 революціонеровъ, поджидавшихъ привоза оружія—англійскій пароходъ уже шелъ вдоль побережья съ сѣвера и развозилъ маузеровскія ружья со штыками ¹⁾ и боевыми патронами, купленными на японскія деньги. Отсюда должно было воспослѣдовать вооруженіе «народа». Дѣйствительно, нѣсколько тысячъ ружей успѣли выгрузить, а остальные были захвачены пластунами. Неудержимый терроръ сражалъ одну жертву за другой. Интеллигенція бѣсновалась и устраивала митинги, разжигая страсти. Потійскія дамы превратились въ какихъ-то амазонокъ—въ короткихъ платьяхъ, съ маузерами за плечами и красныхъ бантахъ выступали онѣ на собраніяхъ, воодушевляя мужчинъ, образовавшихъ особую «красную дружину», вооруженную маузерами и получившую нѣкоторую выправку. Поразительно, что при наличности такого вооруженія и такого большого числа вооруженныхъ вся эта масса удерживалась въ респектѣ горсточкой пластуновъ—43 человекъ при хорунжемъ. Революціонеры черезъ представителей города настаивали на разоруженіи казаковъ, находя ихъ чрезвычайно опасными (?!) для мирнаго населенія, хотя казаки не проявляли рѣшительно никакихъ агрессивныхъ дѣйствій и только умѣли постоять за себя. «Товарищи» попробовали ихъ терроризировать и учинили стрѣльбу по уряднику, пробивъ ему папаху и черкеску. Домъ, изъ котораго стрѣляли революціонеры, былъ занятъ отдѣленіемъ «комитета». Казаки его сожгли со всѣми тамъ бывшими за стрѣльбу. Паническій страхъ передъ пластунами усилился—ихъ не смѣли трогать, но тѣмъ болѣе хотѣли ихъ разоружить. Тогда была командирована депутація, потребовавшая приѣзда для этой цѣли генерала Шешковского въ Поті. Генераль поспѣ-

¹⁾ Первый пароходъ привезъ 10.000 ружей и 2.000.000 патроновъ; ожидалось же еще нѣсколько пароходовъ изъ Англій, на которыхъ были погружены 100.000 ружей съ соответствующимъ числомъ патроновъ.

шилъ исполнить желаніе революціи, и въ Поти развернулось невиданное зрѣлище: на площадкѣ передъ вокзаломъ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ революціонной дружины. Его превосходительство обошелъ фронтъ, здоровался: «здорово, молодцы!»—«Здравія желаемъ, ваше превосходительство!» дружно по военному отвѣчали расмисты. Зрѣлище было умилительное! Но еще болѣе умилительна была картина поѣздки генерала въ городъ—для «охраны» расмисты облѣпили фаэтонъ и такъ и возили генерала по городу. Вызвавъ къ себѣ хорунжаго, генераль приказалъ казакамъ разоружиться и выходить на улицу безъ какого-либо оружія, чтобы не раздражать туземцевъ. Когда хорунжій передалъ приказаніе генерала, то казаки нашли, что какъ же быть казаку безъ кинжала—и преспокойно продолжали носить оружіе. И эта горсточка людей, окруженная добрымъ десяткомъ тысячъ потерявшихъ разумъ, вооруженныхъ мятежниковъ продолжала дѣлать свое дѣло и держала всю эту публику въ страхѣ и почтеніи, сохраняя городъ Поти во власти государства.

Наиболѣе активная роль выпала на долю вооруженнаго народа будущей имеретинской республики. По своему географическому положенію этотъ районъ долженъ былъ охранять губернію отъ вторженія войскъ изъ Тифлисской губерніи и локализовать дѣйствія войскъ, расположенныхъ въ Кутаисѣ. Дѣйствія базировались на двухъ пунктахъ—Кутаисѣ, гдѣ предстояло удерживать войска и уничтожить ихъ, и Квириллахѣ, избранныхъ для штабъ-квартиры дѣйствующихъ силъ противъ вторженія въ губернію со стороны Тифлиса.

Какъ только началась 11 декабря общая забастовка, такъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, стали получаться письма «революціонныхъ солдатъ» къ «товарищамъ» и «сознательныхъ офицеровъ», читавшіяся вслухъ на всѣхъ перекресткахъ, въ которыхъ заявлялась полная солидарность войскъ съ революціонерами и сообщалось, что число «хулигановъ» постоянно уменьшается и что войска всецѣло на сторонѣ революціонеровъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело письмо одного стражника, извѣстнаго своей вѣрностью правительству, къ своимъ сослуживцамъ, въ которомъ онъ ихъ уговаривалъ перейти на сторону революціонеровъ для блага родины.

Этимъ письмамъ вѣрили, не справляясь объ ихъ достовѣрности, но на самомъ дѣлѣ всѣ эти письма были сфабрикованы тутъ же. Желѣзная дорога была захвачена социаль-демократами, которые не допускали до нея даже и другія революціонныя партіи. Движеніе производилось; но билеты продавалъ въ свою пользу «комитетъ». Единственно кому подавались немедленно поѣзда—это Старосельскому, который ѣздилъ наблюдать, чтобы подвѣдомственные ему чины и чиновники соблюдали забастовку и не проявляли дѣятельности. Характерный случай произошелъ въ Кутаисѣ. Три

вождя революціонеровъ, въ томъ числѣ будущій членъ государственной думы Джапаридзе, въ городскомъ саду вздумали раздавать прокламаціи и митинговать. Полицейскіе стражники ихъ арестовали. Соціалъ-демократы бросились къ «своему» губернатору, и тотъ выпустилъ арестованныхъ и арестовалъ стражниковъ. Послѣ этого случая полиціи стало совершенно ясно, на чьей сторонѣ ея начальникъ, и она старалась тщательно не проявляться.

Этими письмами и митингами, которые собирались всюду, терроромъ и «народнымъ судомъ» руководители подняли все населеніе и приступили къ организаціи вооруженныхъ силъ. Прежде всего надо было удалить казаковъ, стоявшихъ на вокзалѣ. Обратились къ Старосельскому, и тотъ настоялъ, чтобы казаки были, отозваны, да кстати охрану квирильскаго казначейства передалъ заботамъ «комитета». Само собой разумѣется, что «комитетъ» немедленно же очистилъ казначейство. Послѣ ухода казаковъ осталась только рота Тенгинскаго полка въ числѣ 50 нижнихъ чиновъ разныхъ національностей при двухъ офицерахъ, которая расположена была въ отдѣльной казармѣ. Тогда вокзалъ былъ обращенъ подъ штабъ-квартиру «вооруженнаго народа», и сюда онъ перенесъ свою «совѣщательную комнату». Отовсюду стекались въ Квириллы вооруженные «дружинники» соціалъ-демократической партіи, и вскорѣ сформировалась дружина человекъ въ 600, которая расквартирована была въ зданіи мѣстнаго нормальнаго училища и въ квартирахъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Что дѣлала эта дружина, не поддается описанію. Вскорѣ подошелъ отрядъ чхаруевъ, т. е. жителей селенія Чхари, одѣтый въ фантастическую гурійскую форму съ красной лентой черезъ плечо, во главѣ котораго шелъ священникъ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ... Дружина была встрѣчена восторженно и съ ликоваціемъ. Но воодушевленіе достигло наивысшаго предѣла, когда въ одинъ прекрасный день въ Квириллы пришла гурійская дружина въ 1000 человекъ, стройно шедшая, какъ настоящая воинская часть. На это зрѣлище собрано было населеніе всей окрестности. Передъ многочисленными зрителями дружина парадировала, продѣлывала всякія военныя упражненія, хвасталась своимъ оружіемъ. Люди, бравшіе въ руки эти ружья, утверждаютъ, что на нихъ были англійскія клейма. Эти ружья и до сихъ поръ остались въ Гуріи. Продѣлавъ достаточно эволюцій, дружина пошла къ Кутаису для воодушевленія тамошняго населенія. Послѣ ея прихода никто не сомнѣвался въ лагерѣ «вооруженнаго народа» въ полномъ успѣхѣ революціи и побѣдѣ надъ войсками «хулиганскаго» правительства, тѣмъ болѣе, что были увѣрены, что при столкновеніи они всецѣло перейдутъ на сторону «народа».

Дружинники, собравшіеся въ Квириллахъ, преимущественно юнцы 16—18 лѣтъ, ревностно обучались военнымъ пріемамъ. Инструкторами были запасные нижніе чины и дезертиры, которые

формировали и гурійскія дружины. Если принять во вниманіе это обстоятельство, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему господа грузинскіе дворяне заявили намѣстнику, что добиться выдачи дезертировъ будетъ затруднительно. Естественно, что вооруженныя дружины заимствовали строй и приемы нашихъ войскъ и, подражая имъ, съ маневровъ домой возвращались съ пѣснями, но, разумѣется, революціонными. Пока дружинники обучались, протехнический отдѣлъ вооруженнаго народа занялся приготовленіемъ бомбъ, въ чемъ дѣятельное участіе приняли нѣкоторые служащіе Саккарскаго питомника. Главный складъ былъ устроенъ въ общественномъ банкѣ.

Съ 20-го декабря «вооруженный народъ» приступилъ къ разоруженію стражниковъ и войскъ. Со стражниками дѣло обошлось просто: въ воскресный день, когда большинство ушло на базаръ, окружили ихъ казарму, гдѣ оставалось нѣсколько человекъ, и, угрожая бомбами, потребовали оружіе. Сопротивленіе было бесполезно, и все оружіе и патроны были забраны. Одновременно былъ арестованъ уѣздный начальникъ и уничтожены все дѣла въ канцеляріи. Такимъ образомъ, правительственная власть была уничтожена, и управленіе было взято окончательно комитетомъ. Постепенно передовые посты были продвинуты на Сурамъ, въ Бѣлогоры, Марелисы и т. д., а также и къ Ріону для наблюденія за кутаисскими войсками. Около Ріона и Бѣлогоръ даже были устроены позиціи, окопанныя траншеями. Въ Квириллахъ, въ квартирѣ помощника начальника участка былъ устроенъ центральный перевязочный пунктъ, прикрытый флагомъ Краснаго Креста. Послѣ такихъ подготовленій приступлено было къ разоруженію роты тенгинцевъ. 30-го декабря, съ утра обыватели Квириллы были заинтересованы какими-то необычайными приготовленіями: по линіи передвигались вагоны съ бревнами, мѣшками и разнымъ грузомъ, и дружина проявляла большое оживленіе: все пути и дороги были заняты вооруженными людьми, и изъ бревень и мѣшковъ вокругъ казармы тенгинцевъ строились баррикады. Надо было удалить офицеровъ. Это было сдѣлано ловко: сперва одного вызвали по телефону на сосѣднюю станцію Бѣлогоры, а послѣ этого другого—на станцію къ телефону и тутъ же сзади напали на него и захватили въ плѣнъ.

Совершивъ сей подвигъ, революціонеры съ баррикадъ подняли батальный огонь по казармѣ и объявили солдатамъ, что забросаютъ ихъ бомбами, если они не сдадутся. Послѣ часовой пальбы брошенные на произволъ судьбы солдаты сдались, и все оружіе ихъ было захвачено. Ликованіе было великое. Отбирая оружіе, «товарищи» кстали разгромили и все солдатскіе сундуки, забравъ все, что можно было взять. Это обстоятельство произрело на солдатъ страшное впечатлѣніе, и горькое раскаяніе овладѣло ими за то, что они дали себя разоружить. Съ понуренными головами ходили сол-

даты славнаго Тенгинскаго полка, никогда не выдавшаго позора сдачи даже непріятелю. Плѣнныхъ солдатъ и офицеровъ отправили въ Чіатуры, гдѣ было многочисленное гнѣздо революціонеровъ. Здѣсь придумали устроить въ театрѣ поразительный спектакль и со сцены показать народу плѣнныхъ. Билеты по повышеннымъ цѣнамъ распространялись комитетомъ. Но нѣкоторымъ изъ проживавшихъ тамъ иностранцевъ удалось уговорить комитетъ не дѣлать этого.

Разоруженіе роты и вообще войскъ входило въ планъ дѣйствій революціи, но предполагалось сдѣлать это только послѣ взятія Тифлиса. Военное начальство въ Кутаисѣ желало сосредоточить разбросанныя отдѣльныя части по линіи дороги въ Кутаисѣ, дабы располагать большей силой, хотѣло вызвать роты, расположенныя въ Квириллахъ и Бѣлогорахъ, въ Кутаисѣ, но Старосельскій уговорилъ этого не дѣлать, ругаясь своимъ честнымъ словомъ, что имъ не угрожаетъ рѣшительно никакой опасности. Поэтому, когда неожиданно для него комитетъ поторопился разоружить роту, онъ попалъ въ пренепріятное положеніе. Гарнизонъ приступилъ къ нему грозно, видя въ его дѣйствіяхъ вѣроломство. Чтобы какъ-нибудь спасти шкуру, онъ взялся съѣздить въ Квириллы и уговорить комитетъ освободить солдатъ и возвратитъ оружіе, и полетѣлъ въ Квириллы. Здѣсь онъ горько упрекалъ комитетъ за сдѣланное, но революціонеры настолько почувствовали свою силу, что его увѣщанія были встрѣчены смѣхомъ и ему пришлось вернуться совершенно безуспѣшно.

Услышавъ о нападеніи на квирильскую роту, рота, стоявшая въ Бѣлогорахъ, бросилась на выручку, но попала въ засаду: ей пришлось идти глубокой узкой выемкой; когда она вся втянулась—со всѣхъ сторонъ мятежники подняли батальный огонь. Ротный командиръ капитанъ Тарасовъ и одинъ солдатикъ были убиты, а остальные, т. е. тоже десятка три-четыре солдатъ, очутились въ плѣну и были присоединены къ ротѣ, которую шли выручать...

Наконецъ, 31-го декабря, въ 12 часовъ дня получено было давно ожидаемое радостное извѣстіе: «народъ» взялъ Тифлисъ, и теперь знамя свободы широко развивается надъ дворцомъ намѣстника». Телеграммы гласили: «Ура! Тифлисъ нашъ». ¹⁾ Ликованіе было въ революціонномъ лагерѣ полное, подъемъ духа необычайный, Населеніе бросилось на телеграфъ, желая соединиться съ Тифлисомъ, но узнало, что телеграфъ не дѣйствуетъ, такъ какъ его испортили хулиганы...

Это произвело потрясающее впечатлѣніе, и, такъ какъ, кромѣ того, пошли слухи, что къ Михайлову подошли войска, то все мир-

¹⁾ И это была правда: социаль-демократы овладѣли желѣзными дорогами, вокзаломъ и городомъ.

ное населеніе начало укладываться и уѣзжать въ горы. Комитетъ тщетно удерживалъ отъѣзжающихъ, доказывая, что войска никакимъ образомъ пройти не могутъ, что мѣры всѣ приняты и что никакой опасности нѣтъ. Какъ это ни невѣроятно, но несомѣнно, что увѣренность въ невозможности войскамъ пройти въ Кутаисскую губернію у революціонеровъ была полная. Она основывалась на томъ, что они забили Сурамскій туннель пущенными другъ противъ друга паровозами и вообразили себѣ, что сообщеніе прервано окончательно. Они настолько были ослѣплены, что передвиженіе войскъ допускали только поѣздами и забыли, что войска могутъ пройти прямо по дорогѣ черезъ Сурамскій переваль пѣшкомъ. Увѣренность была такъ велика, что когда нѣсколько казаковъ показались у выхода изъ туннеля, то революціонеры были поражены какъ громомъ.

Но возвратимся нѣсколько назадъ и посмотримъ, что происходило въ это время въ Кутаисѣ. Конечно, и здѣсь правленіе перешло въ руки комитета, но такъ какъ губернаторъ былъ тутъ же, то могъ активнѣе проявлять свое содѣйствіе революціи. Дѣйствительно, руководители революціи постоянно околачивались у него и предъявляли постоянныя требованія принять репрессивныя и предупредительныя мѣры противъ войскъ, становившіяся все наглѣе и наглѣе и перешедшія, наконецъ, въ требованіе, чтобы солдаты не показывались на улицѣ вооруженными, а казаки были бы прямо заперты въ казармахъ. Войскамъ чинились всякія стѣсненія, а когда пришла батарея 33-й артиллерійской бригады, то ей губернаторъ никакъ не могъ найти помѣщенія, и несчастнымъ солдатамъ и офицерамъ пришлось жить нѣсколько мѣсяцевъ въ палаткахъ въ слякоти и холодѣ. Для того, чтобы разжечь въ народѣ ненависть къ казакамъ, революціонеры прибѣгали неоднократно къ гнусному провокаторскому приему—свои экспроприаціи производили, переодѣвшись въ казачью форму. Вполнѣ понятны чувства, которыя должны были укорениться въ войскахъ къ Старосельскому, который все время былъ на сторонѣ революціонеровъ и невѣроятно докучалъ войскамъ нелѣпыми требованіями.

Впрочемъ, его роль этимъ не ограничилась. Помимо постоянныхъ совѣщаній съ представителями общества и народа объ организаціи народной милиціи, о мѣрахъ противъ казаковъ и т. д., онъ принималъ благосклонное участіе въ устройствѣ баррикадъ, сооружавшихся на пути войскъ, и на память о безсмертныхъ дняхъ кутаисской революціи снялся на одной изъ нихъ съ группой революціонеровъ. Безспорно, рѣдкій случай въ практикѣ губернаторской службы въ Россійской имперіи!

Такимъ образомъ, къ концу 1905 года Кутаисская губернія была совершенно во власти революціонныхъ организацій и отрѣзана отъ остальной Россіи. О положеніи дѣлъ и своихъ успѣхахъ

революціонеры распускали самые удивительные слухи, какіе только может создать восточное воображеніе. Благодаря имъ, весьма скверное положеніе губерніи казалось еще ужаснѣе, и о подвигахъ кутаисскихъ революціонеровъ молва раскатилась до самой Москвы—блочнокаменной, гдѣ въ то время догорало вооруженное возстаніе, сраженное семеновцами.

VI.

Въ бурные московскіе дни въ борьбѣ съ мятежомъ обращалъ на себя вниманіе капитанъ въ адъютантской формѣ. На груди у него красовались офицерскій Георгій, 4 знака отличія военнаго ордена и три боевыхъ ордена, а на боку красовалось достояніе храбрыхъ—золотое оружіе. Его распорядительность и храбрость снискали ему вниманіе начальства. Не остались безучастны къ его доблестямъ и женскія сердца, и одно изъ нихъ, принадлежащее богатой московской вдовушкѣ, было окончательно плѣнено имъ. Да и самъ капитанъ былъ плѣненъ и дѣлилъ свое время между Марсомъ и Амуромъ. Но вотъ кончились декабрьскіе дни, и къ общему удивленію капитанъ исчезъ изъ Москвы безслѣдно и такъ же неожиданно, какъ и явился.

3-го января заслуженнымъ капитаномъ любовались пассажиры поѣзда на станціи Грозный, гдѣ онъ сошелся съ офицерами, ѣхавшими на Кавказъ. Комфортабельно развалился въ купе перваго класса, капитанъ—совершенно молодой человекъ съ едва пробивавшимися усиками, сухощаваго тѣлосложенія, роста немного выше средняго, шатень, отрекомендовавшійся княземъ Волконскимъ, краснорѣчиво описывалъ свое участіе въ усмиреніи московскаго возстанія вмѣстѣ съ полковникомъ Миномъ. Слушатели вскорѣ узнали, что князь Волконскій командированъ по высочайшему повелѣнію въ распоряженіе намѣстника, по окончаніи своей миссіи въ Москвѣ. Любезность и блестящій разговоръ очаровали спутниковъ. По пріѣздѣ въ Тифлисъ князь Волконскій остановился въ гостиницѣ «Оріантъ», лучшей и рядомъ съ комендантскимъ управленіемъ. Тифлисъ только что пережилъ свои декабрьскіе дни, и здѣсь снаряжался отрядъ подъ начальствомъ генерала Алиханова для приведенія въ повиновеніе Кутаисской губерніи. Уже первый эшелонъ Эриванскаго полка и пластуновъ прибылъ на станцію Михайлово и моментально отликвидировалъ революцію. Ко времени отхода поѣзда со 2-мъ эшелономъ къ вокзалу подкатилъ фаэтонъ, изъ котораго быстро вышелъ незнакомый, увѣщенный Георгіями капитанъ и отправился на перронъ, гдѣ оканчивалась посадка эшелона въ вагоны. Подойдя самоувѣренно къ начальнику эшелона, онъ отрекомендовался капитаномъ Выгорскимъ, состоящимъ при намѣстникѣ и командированнымъ имъ для участія въ подавленіи возстанія въ Кутаисской губер-

ніи. Капитанъ былъ встрѣченъ офицерами съ полнымъ вниманіемъ, какого заслуживали его боевыя заслуги. Въ Михайловѣ эшелонъ нагналъ первый и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, остановился на дневку. Пользуясь свободнымъ временемъ, офицеры отряда задали обѣдъ своему новому боевому товарищу, стяжавшему столько боевыхъ наградъ.

Виновникъ торжества картинно и весьма подробно описывалъ пережитые имъ манчжурскіе дни и увлекательно рассказывалъ о своихъ подвигахъ, особенно подъ Вафангоу, гдѣ онъ особенно отличился. На утро начались военныя дѣйствія—нѣсколько пластуновъ и саперъ были посланы осмотрѣть туннель. Славная революціонная дружина въ это время, вполне увѣренная въ невозможности для войскъ пройти черезъ туннель, весело пировала и балагурила. Внезапное появленіе пластуновъ вызвало такой переполохъ, что, не найдись нѣсколько смѣльчаковъ, которые подняли стрѣльбу по вышедшимъ изъ туннеля людямъ, вѣроятно, ноги унесли бы весь отрядъ помимо его воли къ самому берегу Понта Евксинскаго. Стрѣльба оказалась небезрезультатной: трое казаковъ были ранены. Развѣдчики вернулись и сообщили, что путь занять довольно многочисленнымъ отрядомъ мятежниковъ. Тогда отрядъ выступилъ весь и отъ станціи Варварино поднялся пѣшкомъ на живописный Сурамскій переваль и сталъ спускаться внизъ, имѣя пластуновъ впереди.

«Вооруженный народъ» въ это время сосредоточилъ всѣ свои силы передъ Сурамскимъ туннелемъ, откуда ожидалъ прибытія отряда, который долженъ былъ быть безошадно истребленъ по мѣрѣ выхода изъ туннеля.

И вдругъ! нѣсколько залповъ изъ кустовъ, слѣданныхъ тихо подошедшими пластунами. Паника, овладѣвшая революціонерами, не поддается описанію. Вся храбрая двухтысячная дружина бѣжала частью въ Квириллы, частью въ Чіатуры, зажегши лежавшія по пути Бѣлогоры и Марелисы, а потомъ и Квириллы. Пока отрядъ подходилъ, на первой же станціи были приведены въ порядокъ паровозы, и саперы и пластуны командированы на развѣдки. Съ однимъ изъ такихъ паровозовъ, прихвативъ взводъ казаковъ Ейскаго полка, отправился капитанъ Выгорскій освобождать плѣненную роту тенгинцевъ. Революціонеры не стали ждать появленія паровоза въ Квириллахъ и отступили въ горы. Эшелонъ Выгорскаго прослѣдовалъ дальше и 7-го января вечеромъ остановился на станціи Ріонъ.

Еще только недавно бывшая мирной страна представляла собой настоящую картину театра военныхъ дѣйствій. Вокругъ станціи царилъ жуткая тишина, и только со стороны Гуріи и вдали лежащихъ селеній раздавались то одиночные выстрѣлы, то цѣлыя залпы. Вдали на горизонтѣ со стороны Поти поднималось и заволакивало значительную часть небосклона яркое зарево, красноватымъ пвѣ-

томъ окрашивавшее окрестность. На станціи—полный разгромъ, словно послѣ боя, а тутъ же немного въ сторонѣ костры, вокругъ которыхъ расположился только что прибывшій небольшой отрядъ, варившій себѣ ужинъ послѣ голоднаго дня. Надъ этой картиной боевой жизни безмятежно разстилался безконечно глубокой черно-синій небосклонъ, на которомъ ярко блестѣли небесныя свѣтила и серебрился серпъ молодой луны, лившій ласкающій свѣтъ на объятую безуміемъ Кутаисскую губернію. Вотъ ночную тишину прорѣзали красивые, мелодичные звуки кавалерійской зори... Иллюзія была полная—была настоящая война.

Въ пассажирскомъ залѣ только что занятой станціи засѣдалъ военный совѣтъ изъ казачьяго есаула, сапернаго офицера и капитана Выгорскаго. По полученнымъ отъ станціонныхъ жителей свѣдѣніямъ, оказывалось, что путь на Кутаисъ испорченъ, а недалеко лежавшее къ югу большое село Багдади занято сильнымъ отрядомъ «вооруженнаго народа», намѣреннаго итти на Тифлисъ черезъ Зекарскій переваль. Рѣшеніе принято было быстро—на слѣдующій день казачій отрядъ идетъ въ Багдади и бьетъ мятежниковъ, а саперы восстанавливаютъ путь на Кутаисъ.

Начало января въ Кутаисской губерніи есть начало весны—въ это время стоятъ теплые дни и пробудившаяся отъ кратковременнаго зимняго покоя природа покрываетъ землю зеленой травкой и цѣлыми полями красивой розовой дріаквы (*Syclamen europaeum*) и душистой фіалки и начинаетъ наливать бутоны желтой азалии.

Занявшаяся заря 8-го января застала отрядъ на ногахъ, и когда животворящее дневное свѣтило, поднявшись надъ голубой цѣпью горъ Малаго Кавказа, расписало въ самые яркіе колера небосклонъ и верхушки горъ и залило долину Ріона сносами своихъ теплыхъ лучей,—отрядъ уже успѣлъ переправиться черезъ Ріонъ и рѣзвой рысью шель по направленію къ сел. Багдади.

«Вооруженный народъ» не ожидалъ, конечно, появленія казаковъ. Проведя весь день въ упоеніи митинговыхъ рѣчей и въ области фантазіи необузданнаго восточнаго воображенія и поразвлекши себя въ теченіе дня упражненіемъ въ «народномъ правосудіи», а вечеромъ—усиленной пальбой въ пространство, доблестные расмисты еще спали богатырскимъ сномъ. И вдругъ ужасная вѣсть всколыхнула селеніе:—казаки у вѣзда въ него! Переполохъ произошелъ достаточный, но въ виду обилія расмистовъ и малаго числа казаковъ рѣшено было проучить дерзкихъ пришельцевъ хорошенько, обновивъ на нихъ только что полученные отъ друзей-японцевъ маузеры. По истинѣ несчастная мысль, какъ показали послѣдствія.

Но рѣшеніе принято. Отрядъ подвигается шагомъ по улицѣ села. Не успѣлъ онъ поровняться съ первымъ домомъ, какъ изъ оконъ, дверей и чердака на него посыпались пули. Пока есаулъ съ частью отряда подвигается далѣе, капитанъ Выгорскій со своими казаками,

несмотря на батальный огонь, окружает саклю (домъ), и через нѣсколько минутъ она объята со всѣхъ сторонъ пламенемъ и горитъ со всѣми стрѣлками, изъ которыхъ ни одинъ не выпущенъ живымъ.

Этотъ методъ воздѣйствія на залпы до чрезвычайности не понравился революціонерамъ. Въ паническомъ ужасѣ очищаютъ они селеніе и бѣгутъ, куда только уносятъ ноги,—преимущественно въ благословенную Гурію, разнося съ собой ужасную вѣсть о появленіи казаковъ.

Очистивъ сел. Багдади, возстановивъ въ немъ установленный образъ правленія и сдѣлавъ надлежащее внушеніе старшинѣ, крошечный отрядецъ въ 15—20 человекъ, уничтожившій скопище въ нѣсколько сотъ человекъ, возвратился къ вечеру на станцію Ріонъ, гдѣ въ оживленной бесѣдѣ провели вечеръ и офицеры и нижніе чины.

Утро 9-го января застаётъ храбраго капитана въ Кутаисѣ, гдѣ начинается его кипучая дѣятельность. На площади передъ вокзаломъ толпятся отъ нечего дѣлать солдаты разоруженныхъ ротъ Тенгинскаго полка, совершенно деморализованные. «Неужели это солдаты славнаго Тенгинскаго полка?» грозно спрашиваетъ Выгорскій у стоящаго жандармскаго вахмистра. «Неужели эти бабы смѣютъ носить мундиръ этого доблестнаго полка? Во фронтъ, жалкіе трусы! Гдѣ ваши стыдъ и совѣсть? Какъ вы, солдаты русскаго царя, осмѣлились сдать оружіе какой-то ордѣ? Какъ я доложу Государю, который послалъ меня благодарить славныхъ кавказскія войска за молодецкую службу, что въ Его Тенгинскомъ полку не орлы, а трусливыя бабы? Идите и добудьте сами свое оружіе, которое вы потеряли! Маршъ!»

Послушно пошли въ ногу тенгинцы, но это уже были разъяренные воины, готовые растерзать Старосельскаго за его измѣннической образъ дѣйствія.

Отъ одной части къ другой затѣмъ переходитъ капитанъ и благодаритъ отъ имени Царя за молодецкую службу. Воодушевленіе охватываетъ войска необыкновенное. «Слава Богу,—говорятъ солдатики:—наконецъ настоящій начальникъ пріѣхалъ. Ишь ты, какъ паша баба подтянулась,—указывали они на генерала Шешковскаго, слѣзавшаго къ неожиданно появившемуся грозному посланцу, который въ рѣзкой формѣ выразилъ ему порицаніе за безпримѣрное проявленіе имъ бездѣйствія власти. Командиръ казачьяго полка пригласилъ его и все офицерство на завтракъ, и здѣсь офицеры дали волю вылиться наболѣвшему чувству..

Вѣсть о необыкновенномъ гостѣ быстро облетѣла Кутаисъ и достигла губернатора, который переполошился не на шутку. Немедленно созваны были гражданскія власти и представители населенія.

— Господа,—открылъ засѣданіе Старосельскій.—Я васъ пригласилъ сюда по слѣдующему поводу. Мнѣ стало достовѣрно извѣстно, что къ намъ прибылъ инкогнито съ секретнымъ порученіемъ....

Рѣчь губернатора такъ и осталась не оконченной, такъ какъ въ это время появился на порогѣ самъ инкогнито въ сопровожденіи сапернаго офицера.

— Измѣнникъ Старосельскій,—гремѣлъ, метая молніи, капитанъ,—пожалуйте сюда.

И Старосельскій послушно, блѣдный, трясаясь, подошелъ къ нему.

— Что это вы здѣсь такое натворили, г. губернаторъ?—кричалъ онъ на него.—Сдали губернію мятежникамъ? Отдали роту имъ? А? Такъ вотъ что скажу я вамъ: чтобы революціи вашей не было и чтобы завтра къ часу дня ружья были возвращены тенгинцамъ и 143 революціонера, вамъ извѣстные и находящіеся вотъ въ этомъ спискѣ,—ткнулъ онъ ему въ носъ бумагу,—были приведены сюда. Если завтра къ часу это не будетъ выполнено, то въ половинѣ второго я васъ прикажу повѣсить здѣсь,—показывалъ онъ въ окно на улицу передъ домомъ.—А если немедленно ваши забастовки не кончатся и кто-либо изъ вашихъ революціонеровъ пошевелится, я разнесу и сожгу вашъ мятежный городъ. Поняли? А?—кричалъ онъ.

Ни живъ, ни мертвъ стоялъ Старосельскій передъ Выгорскимъ, а пока онъ его разносилъ, собравшіеся прокуроръ и другіе участники совѣщанія поторопились уйти разными ходами изъ губернаторскаго дома, разнося по городу вѣсть о прибытіи грознаго посла.

Эффектъ получился невѣроятный: мигомъ кончилась забастовка, магазины открылись, баррикады были разнесены, и городъ зажилъ. Революціи словно не бывало. Выпущенные изъ казармъ солдаты ликовали...

Отъ Старосельскаго капитанъ вернулся на обѣдъ. Долго еще пирило офицерство, рассказывая наперерывъ о всѣхъ безобразіяхъ, которыя творились въ городѣ и губерніи, и о подвигахъ Старосельскаго и томъ положеніи, въ которое были поставлены имъ войска...

— И вы все это терпѣли, ваше превосходительство, и допускали такое надругательство какого-то отребья надъ войсками!—укорялъ капитанъ Шешковскаго.—Будьте спокойны, господа. Теперь ничего подобнаго не случится. На основаніи имѣющихся полномочій моихъ, я разгромлю весь городъ, если хоть одинъ революціонеръ покажетъ здѣсь свой носъ,

«Въ Кутаисъ прибылъ капитанъ, — телеграфировалъ намѣстнику генералъ Шешковскій 10-го января послѣ этого обѣда, — слѣдующій съ отрядомъ, прокладывающимъ сообщеніе; на словахъ онъ высказывается о своихъ широкихъ полномочіяхъ, дающихъ ему право въ случаѣ надобности разгромить городъ Кутаисъ. Прошу указаній, дѣйствительно ли такое уполномочіе. Населеніе въ городѣ спокойно».

Послѣдняя фраза безподобна: «въ городѣ спокойно». Но генералъ не прибавилъ, что спокойствіе наступило послѣ того, какъ «капитанъ» объявилъ Старосельскому, что его повѣсить.

Въ Тифлисѣ телеграмма надѣлала невѣроятный переполохъ. Никто не понималъ, что это за таинственный капитанъ. Ужъ не впрямь ли ревизоръ, присланный прослѣдить за дѣйствіями власти. Старосельскій же совершенно ошалѣлъ, а все подполье принялось добывать ружья, отобранныя у тенгинцевъ. Всѣ же сколько-нибудь скомпрометированные въ возстаніи, какъ зайцы, улепетывали во всѣ стороны.

Едва очнувшись къ утру и зная, что не только 140, но и одного революціонера въ Кутаисѣ и за деньги теперь не достанешь, Старосельскій послалъ за нѣкоторыми военными, а самъ отправилъ шифрованную телеграмму намѣстнику, спутавъ числа:

«Сейчасъ меня посѣтили офицеръ пластунскаго отряда саперъ, завѣдывающій дорогой гвардеецъ и командиръ пластунской сотни и оба заявили въ дерзкой формѣ требованіе отряда немедленно выѣхать. Сто сорокъ участниковъ движенія присуждены ими къ смертной казни, угрожая въ противномъ случаѣ завтра вечеромъ разрушить городъ и убить 1 400, въ томъ числѣ и меня. Дѣятельность отряда на пути ознаменовалась многочисленными убійствами и пожарами. По заявленію офицера, они жгутъ села, мѣстечки на разстояніи 5 верстъ по обѣ стороны дороги. Сомнѣваться въ исполненіи угрозъ нельзя. Результатъ работы умиротворенія губерніи, достигнутый за послѣдніе дни, гибнетъ. Населеніе въ отчаяніи. Умоляю провѣрить поступившія донесенія о состояніи губерніи безпристрастнымъ лицомъ, запретить насиліе, спасти край отъ полнаго разоренія. Прошу также защиты семьѣ и моему званію губернатора».

Эта телеграмма повергла тифлисскія власти въ еще большее недоумѣніе. «Пришлите мнѣ на подпись телеграмму Алиханову. Я не вѣрю всѣмъ ужасамъ, о которыхъ заявляетъ Старосельскій, но требую строгой дисциплины въ войскахъ», писалъ на телеграммѣ Старосельскаго намѣстникъ. Не трудно себѣ представить, каково было удивленіе генерала Алиханова, конечно, совершенно не подозревавшаго того, что происходило въ Кутаисѣ, когда онъ, выѣзжая изъ Михайлова, получилъ телеграмму намѣстника съ запросомъ о таинственномъ гвардейцѣ.

Къ назначенному часу у полумертваго отъ страха Старосельскаго собрались командиръ Бессарабскаго полка съ командой отъ полка, жандармскій полковникъ, командиръ казачьяго полка и вице-губернаторъ Кипшидзе, приглашенные имъ для защиты. Ровно въ часъ подкатилъ въ фазтонѣ капитанъ Выгорскій, конвоируемый казаками, и вошелъ въ залъ, гдѣ ожидалъ его Старосельскій. Слѣдомъ подошла разоруженная рота тенгинцевъ.

— Ну-съ, г. Старосельскій, готово у васъ?—грозно обратился къ нему капитанъ.

Старосельскій началъ довольно безсвязно лепетать, что, молъ, часть оружія роты доставлена, а остальное найти не могли, а революціонеры бѣжали...

— Такъ. Ну, такъ вотъ что, милѣйшій, извольте-ка собираться, да и вы, г. Кишцидзе. Даю вамъ 20 минутъ на сборы, а затѣмъ маршъ въ Квириллы, гдѣ васъ обоихъ я и вздерну на мѣстѣ вашего предательства.

— Помилуйте, — завопилъ Старосельскій: — какое вы имѣете права? Покажите ваши полномочія.

— Мои полномочія? — грозно крикнулъ капитанъ. — Мои полномочія? Они вотъ здѣсь! — театрално хлопнулъ онъ себя по боковому карману. — Г. полковникъ, — обратился онъ къ жандармскому офицеру, — сдаю вамъ арестованныхъ, наблюдайте, чтобы они не бѣжали, и доставьте ихъ на вокзаль.

— Можетъ быть, вы позволите дать вамъ въ конвой роту моего полка? — любезно предлагалъ полковой командиръ.

— Нѣтъ, благодарю! Съ меня довольно этихъ молодцовъ, — указалъ капитанъ рукой на казаковъ, усаживаясь въ фэтонъ со Старосельскимъ въ то время, пока жандармскій полковникъ садился въ другой съ Кишцидзе.

На вокзаль ихъ ожидалъ уже поѣздъ, въ которомъ были водворены арестованные губернаторъ и вице-губернаторъ подъ охраной казаковъ. Довольно-таки скверно чувствовали себя губернскіе саповники, когда поѣздъ отходилъ изъ Кутаиса и шелъ въ Квириллы. Но здѣсь счастье улыбнулось имъ: въ Квириллы только что прибылъ Алихановъ, и капитанъ своего намѣренія «вздернуть» выполнить не могъ. Немедленно по прибытіи на вокзаль капитанъ явился къ генералу Алиханову и сжато, но подробно доложилъ о всемъ, что было въ Кутаисѣ, о растерянности Шешковского, о преступности Старосельскаго, о быстромъ подавленіи имъ революціи, объ арестѣ имъ преступниковъ, «которыхъ я привезъ сюда къ вашему превосходительству», — заключилъ онъ свой докладъ. Алихановъ залюбовался молодцеватымъ офицеромъ; благодарилъ и отпустилъ. «Не понимаю, какъ могъ Шешковскій растеряться, — говорилъ нѣсколько спустя Алихановъ своему адъютанту: — когда у него былъ такой молодецъ?»

А «молодецъ» тѣмъ временемъ слеталъ въ Кутаисъ и привезъ оттуда на станцію Ріонъ шампанскаго и закусокъ, учинилъ съ паличными офицерами кутежъ, а затѣмъ взялъ паровозъ и укатилъ въ Поті.

Послѣ ареста Старосельскаго телеграфъ между Кутаисомъ, Тифлисомъ и Петербургомъ усиленно заработалъ, и въ концѣ концовъ оказалось, что никакого капитана съ полномочіями на Кавказъ не посылали и Алиханову предлагалось выяснить, что это за таинственный капитанъ. Но когда его хватились, то его и слѣдъ простылъ. Вскорѣ, однако, выяснилось, что онъ укатилъ въ Поті. Тогда за нимъ были посланы тѣ два офицера, которые упоминались въ телеграммѣ. Они застали его въ Поті, арестовали и привезли къ Алиханову.

Здѣсь обнаружилась истина: чистосердечно разсказаль онъ генералу, что онъ вольноопредѣляющійся, заурядъ-прапорщикъ 139-го пѣхотнаго Моршанскаго полка Александръ Ващукъ, участвовалъ въ войнѣ во многихъ сраженіяхъ, раненъ въ голову, имѣеть знаки отличія военнаго ордена 3 и 4 степени и участвовалъ въ подавленіи возстанія въ Москвѣ. Послѣ подавленія его узналъ, что на Кавказѣ война,—поспѣшилъ туда. Одѣлся въ форму и назвался чужимъ именемъ онъ просто по наитію, когда его одолѣлъ зудъ власти, что съ нимъ иногда бываетъ послѣ пораненія. Но сдѣлалъ онъ это только для пользы отечества. Развѣичанный капитанъ былъ отправленъ въ госпиталь на Навтлугъ.

Отсюда, однако, онъ вскорѣ исчезъ и въ іюлѣ уже орудовалъ въ Ялтѣ съ Думбадзе и тоже какъ командированный по высочайшему повелѣнію. Послѣ этого подвига онъ очутился въ севастопольской крѣпости. Дальше слѣдъ его пропалъ для исторіи...

VII.

Тѣмъ временемъ рѣшилась судьба гг. Старосельскаго и Кипшидзе. Наконецъ губернскіе сановники были потребованы къ генералу Алиханову, который объявилъ имъ, что они арестованные отправляются въ Тифлисъ и тамъ будутъ ожидать рѣшенія своей участи. Отъѣздъ Старосельскаго въ Тифлисъ произошелъ подъ звуки похороннаго марша. Случилось это такъ. Къ поѣзду былъ прицѣпленъ вагонъ съ убитыми въ Бѣлогорахъ офицеромъ и солдатомъ, которыхъ провожали похороннымъ маршемъ. Старосельскій же и публика думали, что его играютъ потому, что его везутъ на казнь.

Полная драматизма минута!

Но что знаменательно, такъ это то озлобленіе, которое овладѣло населеніемъ Кутаисской губерніи къ Старосельскому. «Онъ насъ погубилъ! Зачѣмъ онъ насъ обманулъ! Зачѣмъ говорилъ, что правительства нѣтъ!» сѣтовали кругомъ озлобленные крестьяне и готовы были его растерзать. Приходилось вагонъ охранять усиленнымъ карауломъ.

По прибытіи въ Тифлисъ оба арестованные были помѣщены въ гостиницѣ «Оріантъ» и отданы подъ охрану жандармскому ротмистру Мартынову. Гарнизонъ требовалъ, преданія ихъ военно-полевому суду и отставки Султанъ-Крымъ-Гирея. Послѣдній былъ назначенъ сенаторомъ, а Кипшидзе и Старосельскій уволены безъ прошенія въ отставку.

Такъ трагически кончилась эпопея съ управленіемъ Старосельскаго Кутаисской губерніей. Началась она 1 августа 1905 года, а кончилась 11 января 1906 года, черезъ 5 мѣсяцевъ 10 дней, едва не

окончившись потерей губерніи и стоимъ сотенъ жизней и многихъ милліоновъ рублей потери ¹⁾...

Во время пребыванія Старосельскаго въ «Оріантъ» сюда же прибыла вдова, полюбившая въ Москвѣ князя Волконскаго и пріѣхавшая искать его на Кавказъ, куда онъ уѣхалъ, какъ ей было извѣстно. Въ гостиницѣ ей могли только сказать, что онъ дѣйствительно былъ, вышелъ и больше не возвращался.

— Вѣроятно, его убили, — пояснили бѣдной женщинѣ: — многихъ за это время убили, такъ они и исчезли.

Могла ли она подозрѣвать, что тотъ бравый офицеръ, котораго она такъ полюбила подъ именемъ князя Волконскаго, тутъ же въ Тифлисѣ содержится въ Навтлугскомъ госпиталѣ подъ именемъ Александра Ващука?

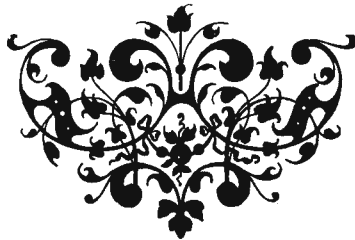
Оглядываясь назадъ на прошедшіе кровавые дни вооруженнаго возстанія въ Кутаисской губерніи, нельзя не отмѣтить, что только непредвидѣнныя обстоятельства не дали мятежу окончиться такъ, какъ желали мятежники: съ одной стороны, запоздало прибытіе 100.000 ружей, погруженныхъ на пароходы въ Англию, а съ другой стороны — помѣшала не вполне солидарная дѣятельность революціонныхъ партій. Главное же неблагопріятное обстоятельство, которое мятежники не учли, — это вѣрность долгу и твердость нѣкоторой части русскихъ людей, которые не потеряли головы и инициативы, несмотря на то, что лица, стоявшія у власти гражданской — Старосельскій — и военной — Шешковскій — дѣлали все, чтобы парализовать всякое сопротивленіе мятежу. Благодаря этому, гарнизонъ заставилъ коменданта объявить Батумъ на военномъ положеніи, два офицера дали знать въ Петербургъ о положеніи дѣлъ на Кавказѣ. Горсточка пластуновъ удержала во власти государства Поти и т. д. Въ общемъ вся эта эпопея въ сущности положительно невѣроятна: власть, имѣя силу, которою въ мгновеніе ока можно было снести всякую попытку къ мятежу, сама себя повязала непонятнымъ малодушіемъ, терроризировавъ себя призракомъ, созданнымъ собственнымъ воображеніемъ, а управление губерніей вручила въ періодъ мятежа лицу, принадлежащему къ той революціонной партіи, которая была главной его руководительницей. Но эта кутаисская легендарная эпопея была бы неполна безъ послѣдней странички — появленія самозванца, нѣсколько психически разстроенаго, который энергичнымъ выступленіемъ на сцену сразу кончилъ ре-

¹⁾ Старосельскому суждено было снова занять собой вниманіе Россіи: въ февралѣ 1908 г. онъ былъ арестованъ на революціонной сходкѣ въ Екатеринодарѣ, гдѣ председательствовалъ, послѣ чего, какъ говорятъ, бѣжалъ за границу.

волюцію и изыялъ губернатора на виду у всѣхъ властей. Приходится констатировать и на этомъ примѣрѣ хорошо извѣстную истину, что инициатива и рѣшимость являются самыми жизненными качествами каждаго дѣятеля, выраженную народной пословицей: «смѣлость города беретъ». Эти качества тщательно вытравились изъ своей среды нашей гражданской и военной бюрократіей въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ. Послѣ горькаго опыта послѣдней войны и смуты пора признать за ними то значеніе, которое они имѣютъ, и требовать отъ каждаго дѣятеля, маленькаго и большого, на какомъ бы поприщѣ онъ ни трудился, прежде всего инициативы и рѣшимости. Тогда только въ безжизненную писчебумажную массу, заполнившую всѣ наши учрежденія сверху донизу, будетъ вдохнуто дыханіе жизни. Закипитъ жизнь и творчество по всему лицу земли русской, и русскій народный геній, освобожденный отъ сковывающихъ его оковъ, развернувшись во всю свою необъятную ширь, быстро выдвинетъ русскій народъ снова на первое мѣсто среди остальныхъ народовъ міра.

Никто не страшень русскому народу—ни внѣшніе враги, ни разная мелочь—евреи, армяне и проч. и проч. Страшна лишь та дремота, тотъ гипнозъ, въ которые погрузился было русскій богатырь. Въ тотъ моментъ, какъ онъ съ себя ихъ стряхнетъ и станетъ во весь ростъ, полный жизненной силы,—кто рѣшится стать на его пути?

И. Подольскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ М. Т. ЛОРИСЬ-МЕЛИКОВѢ.

I.

ВЪ ПЕРВЫЙ разъ я увидѣлъ и узналъ немного графа Михаила Таріеловича Лорись-Меликова въ дни моей юности, въ 1861 году. Онъ былъ тогда въ чинѣ генераль-майора и состоялъ начальникомъ южнаго Дагестана, къ которому относился, да, кажется, и теперь еще относится Самурскій округъ, окружнымъ начальникомъ котораго былъ въ то время отецъ мой—Гавріиль Ивановичъ Вучетичъ.

Въ одинъ изъ названныхъ выше годовъ пріѣхалъ я на каникулы домой, въ аулъ Ахты (при укрѣпленіи того же имени, прославленномъ въ 1848 г. знаменитымъ штурмомъ Шамиля, геройски отбитымъ ахтинскимъ гарнизономъ), составляющій центральный пунктъ административнаго управленія Самурскаго округа и резиденцію его начальника.

Въ концѣ того лѣта Лорись-Меликовъ объѣзжалъ подвѣдомые ему округа и въ первый разъ еще ожидался у насъ моимъ отцомъ, готовившимъ ему встрѣчу.

Отецъ мой, большой любитель Востока и азіатовъ, которыхъ онъ отлично зналъ и разными племенами которыхъ много лѣтъ управлялъ на Кавказѣ и за Кавказомъ ¹⁾, очень любилъ и свой Самурскій округъ и его народъ. Онъ гордился его довѣріемъ и преданностью и при случаѣ не прочь былъ щегольнуть всѣмъ тѣмъ,

¹⁾ Въ Ставропольской кочующими тамъ джембулуконцами, кара-нагайцами и туркменами, а въ Самурскомъ округѣ—населяющими его лезгинами.

что было въ его распоряженіи, что составляло предметъ его заботъ, трудовъ, инициативы, или же являлось характернымъ, интереснымъ, замѣчательнымъ въ его округѣ.

Зная Лорисъ-Меликова довольно хорошо и раньше, онъ много рассказывалъ мнѣ о его умѣ, простотѣ, остроуміи, веселости. Всѣ эти качества его, вмѣстѣ съ свойственными ему находчивостью, живостью, подвижностью и энергіей, такъ и били въ немъ ключомъ, быстро перемѣшиваясь, какъ въ калейдоскопѣ, въ пестрой смѣнѣ дѣловитаго, серьезнаго съ шутливымъ, комичнымъ, юмористическимъ.

Задумавъ встрѣтить своего начальника, ѣхавшаго изъ Дербента, на границѣ округа, отецъ мой взялъ съ собою весь свой конвой, состоявшій въ то время изъ 70 молодцовъ-нукеровъ ¹⁾, считавшихся на службѣ и получавшихъ, кстати сказать, по 120 р. въ годъ жалованья.

Начальникомъ этихъ нукеровъ, или башчи, былъ тогда Измаиль-бекъ, отважный джигитъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, человекъ легендарный по своимъ воинскимъ подвигамъ и безпримѣрной храбрости. Грудь его увѣшена была медалями и четырьмя георгиевскими крестами, изъ которыхъ два были золотые съ бантами.

При всей дѣловитости и серьезности отца моего, онъ также былъ большой шутникъ и любилъ подчасъ подтрунить надъ кѣмъ-нибудь, побалагурить, пошутиться. Подмѣтивъ ту же слабость и въ Лорисѣ, онъ приготовилъ ему для встрѣчи курьезный сюрпризъ, будучи вполнѣ, конечно, увѣренъ, что умный генераль пойметъ шутку и приметъ ее должнымъ образомъ...

Что же это, однако, была за шутка при встрѣчѣ подчиненнымъ своего начальника?.. Попробую отвѣтить на этотъ вопросъ словами самого отца, такъ какъ я и до сихъ поръ помню рассказъ его отъ слова до слова...

II.

«Пріѣхали мы на границу округа еще наканунѣ встрѣчи,—рассказывалъ онъ въ семьѣ.—Вотъ сидимъ мы въ аулѣ съ Измаиломъ за чаемъ и думаемъ, чѣмъ бы это скрасить нашъ длинный и однообразный путь, чѣмъ бы развлечь и повеселить намъ Лориса отъ границы до Ахты? Дорога вѣдь все время прескучная,—по долинѣ Самура... Голые камни да камни... Только въ одномъ мѣстѣ тянется слѣва небольшой лѣсокъ... Мѣстами долина ровна, какъ скатерть... Невесело, думаю, ѣхать подъ припекомъ солнца нѣсколько часовъ... Хорошо, какъ Лорисъ будетъ разговорчивъ, а какъ нѣтъ!.. Что тогда дѣлать?.. Всю дорогу молчать и, молча, глотать пыль... Вотъ

¹⁾ Нукеръ—конвойный, проводникъ.

и придумалъ я штуку. Велѣлъ Измаилу отобрать изъ нукеровъ человѣкъ тридцать лучшихъ наѣздниковъ и отправить ихъ чуть свѣтъ впередъ, по нашей дорогѣ, верстъ за двадцать или даже больше,—какъ разъ въ ту мѣстность, гдѣ есть лѣсокъ. Измаиль-башчи, не понимая, разумѣется, въ чемъ дѣло, какъ-то странно посматривалъ на меня... Когда же я посвятилъ его въ тайну моей выдумки, старикъ, хоть и суровый человѣкъ, не могъ удержаться отъ смѣха и только и повторялъ:

«— Чокъ якши! начальникъ! ¹⁾».

«Вотъ встрѣтили мы на другой день, какъ подобаетъ, Лориса... Все сошло хорошо. Осмотрѣлъ онъ мою свиту изъ нукеровъ, очень остался доволенъ ея блестящимъ видомъ, но вовсе не замѣтилъ, что она была слишкомъ невелика, сравнительно съ полнымъ, хорошо ему извѣстнымъ комплектомъ ея... Я такъ и думалъ, вотъ-вотъ спросить: «Что это ихъ у васъ такъ мало?» Неловко было бы тогда признаться мнѣ въ своей неостроумной затѣѣ... Вышло бы, пожалуй, и дерзко, и глупо... Да и Богъ знаетъ еще, какъ бы Лорисъ посмотрѣлъ на все это! Но онъ, какъ видно, ничего не замѣтилъ, или сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ... Прекрасно!

«Бдемъ мы всѣ верхомъ. Лорисъ рядомъ со мною... и бесѣдуемъ... все больше о дѣлахъ округа. Стали уже приближаться къ засадѣ нашихъ молодцовъ... Потянулся вдаль, слѣва отъ дороги, лѣсокъ, въ которомъ скрывались наши джигиты. Мнѣ становилось неловко. Я начиналъ сожалѣть въ душѣ о всей этой задуманной мною глупости, не предвидя въ эти минуты, что она сойдеть удачно, боясь, что при неудачѣ придется сильно сконфузиться.

«Вдругъ мой догадливый Измаиль въ мгновеніе ока взвился на своемъ золотистомъ скакунѣ и, выскочивъ впередъ изъ нашей кавалькады, лихо понесся по гладкой дорогѣ... Тотчасъ же, какъ по командѣ, понеслись за нимъ вразсыпную и всѣ нукеры... «Джигитовка», подумалъ, вѣроятно, Лорисъ и, улыбувшись, сталъ любоваться нашими молодцами, стремительно скакавшими во всѣ стороны и поднявшими палъбу изъ винтовокъ и пистолетовъ. Въ это самое время сбоку насъ, въ лѣску, раздается дружное гиканье, и черезъ секунду изъ чащи деревьевъ вылетаютъ нѣсколько десятковъ какихъ-то странныхъ, непонятныхъ всадниковъ: у всѣхъ у нихъ вмѣсто головъ въ папахъ торчало кверху что-то остроконечное... Они скакали, стоя на головахъ, вытянувъ ноги вертикально въ небеса, и стрѣляя при этомъ то туда, то сюда...

«Все это произошло такъ внезапно, что въ первое мгновеніе видъ непонятныхъ всадниковъ заставилъ Лориса опѣшить. Онъ даже пріостановилъ коня и сталъ всматриваться, что это за штуки такія совершаются на его глазахъ... Сообразивъ скоро, въ чемъ дѣло, онъ

¹⁾ Чокъ—очень, якши—хорошо.

расхохотался и спросилъ меня, чья это вѣдумка. Признаться было неловко, и я, не долго думая, свалилъ все на Измаила, сказавъ, что заслуженный старикъ—легендарный герой. Онъ хотѣлъ щегольнуть передъ его превосходительствомъ своими отважными наѣздниками... Лорисъ былъ въ восторгѣ отъ ловкости и удали самурскихъ джигитовъ. Онъ расточалъ имъ похвалы и самому Измаилу-башчи, ничего въ эти минуты не подозревавшему, что моя выдумка была приписана ему, благо сошла она такъ удачно. На похвалы Лориса бравый старикъ только приподнималъ свою роскошную косматую папаху и слегка улыбался, лукаво поглядывая на меня, но вовсе не догадываясь, въ чемъ дѣло...

«Скачка эта плѣнила Лориса больше всего тѣмъ, что была, по его мнѣнію, выше всякой цирковой скачки. Въ циркахъ эквилибристы и наѣздники продѣлываютъ такія штуки, стоя головою на плоскихъ, хорошо приспособленныхъ сѣдлахъ, скача галопомъ на дрессированныхъ лошадяхъ вокругъ арены, усыпанной пескомъ и опилками; наши же отчаянные джигиты скакали во весь карьеръ по каменистой дорогѣ, стоя внизъ головами на обыкновенныхъ азіатскихъ сѣдлахъ».

III.

Все это рассказывалъ намъ мой отецъ, но самъ я ни при оригинальной скачкѣ, ни при встрѣчѣ на границѣ округа не присутствовалъ. Я находился въ этотъ день въ ожиданіи приѣзда Лорисъ-Меликова во дворѣ нашего дома.

По положенію того времени, можетъ быть, теперь уже и отмѣненному, при начальникѣ округа всегда находился военный караулъ съ офицеромъ, помѣщавшійся на гауптвахтѣ противъ самыхъ нашихъ оконъ. На этотъ же разъ во дворѣ ожидали еще: почетный караулъ, ординарцы, всѣ свободные отъ службы офицеры и самъ командиръ кавказскаго линейнаго № 18 батальона, занимавшаго въ то время укрѣпленіе Ахты, находящееся въ двухъ верстахъ отъ аула, въ которомъ жили мы.

Помню очень хорошо, что ожиданія наши длились нѣсколько часовъ, что точное время приѣзда ожидаемаго начальника было неизвѣстно и что командиръ и офицеры не знали, что имъ дѣлать отъ скуки.

Они сновали по двору, переминались съ ноги на ногу, безпрестанно курили и, наконецъ, по предложенію командира, стали репетировать и муштровать ординарцевъ.

Одинъ изъ нихъ, бывалый унтеръ-офицеръ, считался самымъ образцовымъ службистомъ во всемъ батальонѣ. Его ротный командиръ, желая блеснуть этимъ молодцомъ передъ своимъ начальникомъ, попросилъ у него позволенія показать искусство унтеръ-офицера въ ружейныхъ прѣмахъ.

Рослый, грудастый, атлетически сложенный, стоялъ передъ нами на вытяжку этотъ старый служака, съ выразительнымъ бравымъ лицомъ кавказскаго солдата былыхъ временъ...

И вдругъ, по приказу, сталъ онъ выдѣлывать ружьемъ такіе непостижимыя артикулы, что мы, посторонніе, просто рты разинули. Ружье, какъ перышко, какъ игрушка, такъ и вертѣлось, такъ и летало въ его умѣлыхъ рукахъ, перскакивая съ изумительною ловкостью и граціей съ плеча на плечо, съ руки на руку и т. д.

Всѣ эти эволюціи производились такъ быстро, чисто и отчетливо, что нельзя было не залюбоваться искусствомъ артиста-служаки. Изъ страсти къ службѣ онъ довелъ до совершенства не только всѣ требуемые ею приемы, но и изобрѣлъ всевозможныя произвольныя эволюціи, которыя составляли одну лишь забаву этого художника своего дѣла, любившаго его, какъ завзятый спортсменъ любить свой спортъ.

Такихъ типовъ теперь, пожалуй, не найдется больше во всей арміи. Сокращенные сроки службы и многія другія причины совершеннаго измѣнили условія солдатскаго быта, весь строй солдатской службы и самого солдата.

Послѣ эффектно показаннаго въ лучшихъ своихъ представителяхъ строевого дѣла вздумалось командиру батальона позкэменовывать ихъ въ «словесномъ ученіи» и... о, ужасъ! что оказалось!..

Всѣ они обозвали Лорисъ-Меликова «корпуснымъ командиромъ», а по имени, вмѣсто Михайль Таріеловичъ, величали «Михайль Тарелковичъ»...

Такой афронтъ не прошелъ, конечно, даромъ, и въ конецъ испортилъ общее настроеніе ожидавшихъ офицеровъ и самого командира.

IV.

Но вотъ во дворъ прискакалъ передовой нукеръ съ извѣстіемъ, что начальникъ Дагестана подъѣзжаетъ къ аулу и сейчасъ будетъ здѣсь.

Все моментально ожило, засуетилось. Солдаты стали наскоро оправляться, сморкаться, откашливаться... Офицеры расположились подобающимъ образомъ, неподалеку отъ почетнаго караула, который, оправившись, началъ быстро равняться. Когда все было кончено, раздалась команда:

— Смирно!.. Глаза на-пра-во!..

Карауль замеръ на мѣстѣ.

— На кра-уль!

Дружно, какъ одно, чикнули ружья, солдаты взяли на карауль, и вслѣдъ за тѣмъ въ воротахъ замелькали всадники, заблестѣло оружіе, заржали борзые кони, и во главѣ всего этого пестраго кор-

тежа, вслѣдъ за знаменщикомъ и зурною¹⁾), вѣхалъ во дворъ генералъ на небольшой гнѣденькой лошаdkѣ.

Черномазый, худощавый, небольшого роста, въ простомъ общеармейскомъ генеральскомъ сюртукѣ, съ азиатскою пашкою черезъ плечо, онъ не производилъ никакого впечатлѣнія. Надвинутое на лобъ кепи въ бѣломъ чехлѣ сползло почти до самаго носа,—большого носа, армянскаго типа. Загорѣлое, запыленное лицо желтооливковаго цвѣта обрамлено было широкими черными бакенбардами, рѣзко отгнѣнявшими худощавость генерала, его впалыя щеки, съ обозначившимися на нихъ отъ худобы скулами. Изъ-подъ кепи зорко глядѣли черные выразительные глаза, а крупныя губы и большой ротъ прикрывались широкими черными усами.

Генералъ сошелъ съ коня, поздоровался съ солдатами и, припавъ почетный караулъ и ординарцевъ, подошелъ къ группѣ офицеровъ, въ которой начались разныя формальности.

Продѣлавъ всю эту неизбѣжную процедуру, Лорисъ-Меликовъ вошелъ въ отведенное ему въ нашемъ домѣ помѣщеніе. Послѣ нѣкотораго туалета сервированъ былъ для него завтракъ на его половницѣ, такъ какъ генералъ чувствовалъ себя съ дороги усталымъ, да и не пожелалъ тотчасъ по приѣздѣ безпокоить наше семейство.

Приѣздъ послѣдовалъ около часа дня, а часовъ въ шесть вечера приготовленъ былъ для гостя въ нашей залѣ большой изысканный обѣдъ, на который приглашены были: командиръ батальона подполковникъ И. К. Мищенко, помощникъ моего отца по управленію округомъ майоръ В. Л. фонъ-Клугенъ, адъютантъ капитанъ Войновъ и штабъ-докторъ К. О. Савичъ.

Вотъ тутъ, за обѣдомъ, который я не стану подробно описывать, и совсѣмъ уже близко ознакомился съ Михаиломъ Таріеловичемъ.

V.

Когда всѣ были въ сборѣ, въ залу вошелъ Лорисъ-Меликовъ и, сопровождаемый моимъ отцомъ, прошелъ въ гостиную, гдѣ познакомился съ моею матерью и увидѣлъ меня и брата моего—въ то время гимназистовъ тифлисской губернской (по старому титулу) гимназій.

Когда отецъ мой представилъ насъ нашему гостю, онъ улыбнулся, подаль намъ руку и сказалъ:

— Какіе молодцы,—оба въ папашу!.. А вотъ этотъ (указывая на брата) совсѣмъ кавказецъ,—черный, пречерный... (братъ мой былъ гораздо смуглѣе меня, что не ускользнуло отъ зоркаго генерала).

¹⁾ Конвой окружнаго начальника, состоявшій изъ нукеровъ-тѣлохранителей, имѣлъ свою національную музыку—«зурну», состоящую обыкновенно изъ нѣсколькихъ раздирающихъ уши дудокъ и барабановъ.

Послѣ обычныхъ свѣтскихъ любезностей, которыми генераль обмѣнялся съ хозяйкою дома, и нѣсколькихъ минутъ бесѣды о совершенномъ генераломъ путешествіи, о нашей резиденціи, о нашемъ житьѣ-бытьѣ и проч., онъ былъ приглашенъ къ закускѣ, а затѣмъ и къ столу.

Михаилу Таріеловичу отведено было почетное мѣсто—по правую сторону прибора хозяйки, и когда онъ началъ усаживаться, мы съ братомъ, стоявшіе изъ скромности поодаль, попались ему на глаза. Тогда онъ, привѣтливо улыбнувшись, обратился къ моей матушкѣ и сказалъ:

— Вы позволите вашимъ молодцамъ помѣститься возлѣ меня? Я очень люблю молодежь... А вотъ этотъ красавчикъ особенно приглянулся мнѣ...

И, взявъ брата моего за руку, онъ притянулъ его къ столу и усадилъ рядомъ съ собою, а меня—рядомъ съ братомъ. Остальные приглашенные размѣстились, вѣроятно, въ соотвѣтствующемъ ихъ рангу порядкѣ, что, конечно, нисколько не занимало тогда меня. Все мое вниманіе сосредоточено было на Лорисъ-Меликовѣ, оказавшемъ намъ, гимназистамъ всего-то 4-го и 5-го классовъ, такую любезность.

За столомъ Михаилъ Таріеловичъ былъ разговорчивъ, шутливъ, веселъ. Держалъ онъ себя до крайности просто, непринужденно,—совершенно по-армейски, или, вѣрнѣе сказать,—по-кавказски.

Въ тѣ времена «генеральства» и генеральскаго чванства вовсе не было на Кавказѣ. Благодаря служебному положенію моего отца, я видѣлъ въ нашемъ домѣ не одного генерала, и всѣ они въ обращеніи своемъ были очень просты, милы и любезны. Помню и теперь еще, до какой степени поразила меня однажды простота и утонченная вѣжливость генерала Оклобжію. Живя въ Тифлисѣ въ одинъ изъ тѣхъ годовъ; когда мой отецъ служилъ вѣдѣ Тифлиса, но уже не въ Самурскомъ округѣ, а на персидской границѣ, Оклобжію, будучи его начальникомъ, какъ инспекторъ кавказскихъ линейныхъ батальоновъ, и его компатріотомъ, какъ черноморецъ или сербъ по происхожденію, вздумалъ какъ-то провѣдать насъ, меня и брата, гимназистовъ, жившихъ тогда самостоятельно на своей квартирѣ. Я, какъ старшій, сумѣлъ принять генерала весьма любезно. Помню отлично, что, желая до конца выдержать свою роль и доказать генералу, что я цѣню его вниманіе, я, прощаясь съ нимъ, провожалъ его по лѣстницѣ до самаго подъѣзда. Генераль, выйдя изъ передней, надѣлъ было свое кепи, но, увидѣвъ, что я безъ фуражки, тотчасъ обнажилъ свою лысую голову и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ нашей бесѣды простоялъ передо мною безъ кепи на улицѣ.

Такая деликатность генерала не только произвела на меня большое впечатлѣніе, но имѣла даже воспитательное значеніе: я сдѣлалъ изъ нея свои выводы, приголившіеся мнѣ потомъ въ жизни...

VI.

То же было и съ Лорисомъ. Его любезность и простота во время обѣда дошли до того, что, желая позабавить насъ съ братомъ, онъ разсказаль намъ изъ своей лагерной жизни курьезный эпизодъ, относившійся къ его молодости, когда онъ служилъ въ кавалеріи.

— Видите ли, братцы,—обратился онъ къ намъ:—бесѣдуя здѣсь о вашихъ удалыхъ нукерахъ, скакавшихъ сегодня даже стоя на головахъ, долженъ сказать безъ лести, что они лихіе наѣздники и что далеко до нихъ нашимъ солдатикамъ-кавалеристамъ. Тѣ неуклюжи, тяжелы на подъемъ, неповоротливы... Особенно малороссы. А на югѣ Россіи, гдѣ служилъ я, въ кавалеріи почти все малороссы... Вотъ живо помню я такой случай. Служили въ нашемъ полку два хохла: рядовой Скрипка и унтеръ-офицеръ Дудка (въ эту минуту мы съ братомъ, чисто по-ребячески, не выдержавъ, разсмѣялись). Да, да! не смѣйтесь: такъ-таки и прозывались—«Скрипка и Дудка». Наѣздники они были неважные. Вотъ на одномъ большомъ смотру, во время скачки черезъ препятствія... вы понимаете, милые,—обратился онъ опять къ намъ:—черезъ разныя загражденія: плетни, рвы, кусты, фашинникъ... Такія скачки необходимы для практики. На войнѣ все можетъ случиться. Мало ли какъ и черезъ что приходится скакать!.. Такъ вотъ. Началась скачка. А передъ смотромъ, какъ на зло, дождичекъ поморосилъ, земля-то и размякла, стало скользко лошадямъ. Надо бы скачку отмѣнить, да почему-то не отмѣнили. И что же? Большой бѣды не случилось никакой, а безъ приключеній не обошлось. Все шло сначала благополучно, какъ вдругъ скандалъ!.. И Дудка, и Скрипка умудрились одинъ за другимъ (они и въ строю, и вездѣ были неразлучны) поскользнуться у самого рва; черезъ который надо было перескочить. . Поскользнулись—и рухнулись вмѣстѣ съ лошадьми: Скрипка возлѣ рва (онъ скакалъ сзади), а Дудка въ самый ровъ ввалился, да такъ грузно, что лошадь его совсѣмъ увязла въ немъ и никакъ нельзя было поднять ее на ноги... Быстро освободивъ ноги изъ стремянъ, Дудка успѣлъ во-время соскочить съ коня. Все это произошло на глазахъ начальства, и черезъ нѣсколько минутъ къ мѣсту происшествія прискакалъ адъютантъ узнать подробности случившагося. Суетится онъ, спрашиваетъ, а лошадь Дудки все лежитъ въ канавѣ... Дергають ее туда и сюда, стараются, чтобы она какъ-нибудь вылѣзла. Не тутъ-то было! Адъютантъ былъ совсѣмъ юнецъ и, по молодости, очень пряткій. Хотѣлось, разумѣется, показать передъ начальствомъ свою расторопность. Недолго думая, соскакиваетъ онъ съ своего коня и—къ канавѣ...—«Да ты ее за хвостъ тяни, за хвостъ!»—кричитъ онъ Дудкѣ.—Вотъ такъ!» И хочетъ при этомъ наглядно показать, какъ надо взять лошадь за хвостъ. Въ

одно мгновеніе подлетаетъ Дудка къ адъютанту и испуганно докладываетъ: «Ваше благородіе, не трожьте: она у меня здорово лягается!» Такъ и не допустилъ никого до хвоста своей лошади. Что же вы думаете оказалось?.. Хвостъ-то былъ привязной, фальшивый, состряпанный самимъ Дудкой для красоты! Не хвостъ, а дѣлая труба!.. Но какъ же узнали эту продѣлку? Да пріятель выдалъ... Насколько Дудка былъ хитрый хохоль, настолько Скрипка—совсѣмъ простофиля... Въ самую горячую минуту подъема коня изъ рва, когда того и гляди кто-нибудь въ азартѣ дѣйствительно за хвостъ его схватить, Скрипка, вспомнивъ, вѣроятно, про подвязной хвостъ, но забывъ совсѣмъ про тайну своего пріятеля, какъ зареветь во все горло: «Не замай, братцы!.. Хвоста не трожь, бо винъ подвязный,—оторвется!..»

VII.

Выслушавъ этотъ разказъ, мы съ братомъ расхохотались, а съ нами вмѣстѣ размѣялись и всѣ присутствовавшіе за столомъ.

Въ разказанномъ эпизодѣ, какъ видите, мало смѣшного, но Лорисъ-Меликовъ сумѣлъ придать ему въ своей передачѣ столько юмора, что въ самомъ дѣлѣ становилось смѣшно.

Вспоминая иногда этотъ немудреный разказъ Михаила Таріеловича, мнѣ просто не вѣрится: неужели въ самомъ дѣлѣ такой взлоръ разказывалъ Лорисъ-Меликовъ, тотъ самый М. Т. Лорисъ-Меликовъ, котораго узнала потомъ вся Россія въ его трудной отвѣтственной роли ея охранителя, реформатора ¹⁾ и спасителя...

Какъ и чѣмъ закончилась его непродолжительная государственная дѣятельность, это всѣмъ извѣстно, и въ мою голову вовсе не входитъ критиковать, осуждать или оправдывать графа. Я пишу о немъ, не мудрствуя лукаво, сообщая здѣсь только то, что непосредственно наблюдалъ и переживалъ самъ вблизи Михаила Таріеловича, или же то, что было передаваемо мнѣ моимъ отцомъ, человѣкомъ рѣдкой правдивости, не любившимъ никакихъ прикрасъ и преувеличеній.

Въ день пріѣзда Лориса къ намъ въ Ахты вечерній чай поданъ былъ, по его желанію, въ его кабинетъ, гдѣ онъ оставался наединѣ съ отцомъ моимъ до поздней ночи, бесѣдуя о дѣлахъ округа.

На другой день съ утра Михаилъ Таріеловичъ занимался ревизіей и всякою канцелярщиной, знакомился съ дѣлопроизводствомъ дѣйствовавшего тогда гласнаго суда—«деванъ-ханэ», гдѣ всѣ уголовныя и гражданскія дѣла разрѣшались, а проступки и преступленія карались не по русскійскимъ законамъ, а по шаріату и адату—двумъ кодексамъ мусульманскаго народнаго суда.

¹⁾ Онъ затѣвалъ, какъ извѣстно, много разныхъ реформъ въ административномъ строѣ государства, былъ предсѣдателемъ верховной комиссіи и проч.

Это смѣшанное законодательство исходитъ изъ двухъ противоположныхъ началъ. Шаріатъ составляетъ сводъ правилъ Корана, основанныхъ на общихъ положеніяхъ религіи и нравственности. Онъ строгъ и безпощаденъ, а потому нигдѣ и никогда не имѣлъ большого значенія и примѣненія среди свободолюбивыхъ горцевъ. Адабъ состоитъ изъ общепринятыхъ правилъ, установленныхъ обычаемъ и освященныхъ временемъ. Вытекая естественнымъ путемъ, подъ вліяніемъ природы, изъ сложившихся условій жизни полудикаго народа, онъ гораздо болѣе популяренъ и гораздо чаще примѣняется у всѣхъ магометанскихъ племенъ Кавказа.

Послѣ ревизіи Лорисъ-Меликовъ осмотрѣлъ самое помѣщеніе деванъ-ханэ, которое находилось тутъ же, рядомъ съ канцеляріей начальника округа. Тамъ представлены были ему члены суда, состоявшаго изъ почтенныхъ и почетныхъ бековъ и кадіевъ. Предсѣдателемъ суда по тогдашнему времени былъ самъ начальникъ округа.

Въ дѣлахъ ревизіи, насколько помню, Михаилъ Таріеловичъ провелъ дня два, но прожилъ у насъ дня четыре. Въ послѣдній день своего пребыванія ему вздумалось осматривать горячіе дѣлебные (сѣрные и др.) источники, находящіеся въ 6 или 7 верстахъ отъ аула Ахты, по дорогѣ къ аулу Сумугуль.

Въ этой интересной поѣздкѣ добрый и любезный Лорисъ-Меликовъ не забылъ про насъ—меня и брата, успѣвшихъ, въ силу его вниманія къ намъ, привязаться къ нему со всѣмъ пыломъ нашихъ юношескихъ чувствъ.

Мы были не плохіе паѣздки (какъ почти всѣ на Кавказѣ), и Михаилъ Таріеловичъ всю дорогу шутилъ и балагурилъ съ нами, пускался въ скачку и хвалилъ нашу посадку и смѣлую ѣзду.

— Не даромъ папа вашъ кавалеристъ: научилъ и васъ хорошо ѣздить,—сказалъ онъ намъ послѣ одной такой скачки.

Такъ какъ съ нами были на всякій случай охотничьи ружья, то удалось въ пути и поохотиться на горныхъ куропатокъ, которыхъ на Кавказѣ въ то время было изобиліе. Михаилъ Таріеловичъ не принималъ самъ участія въ этой охотѣ, а подстрекалъ и подзадоривалъ къ ней насъ.

Поѣздка на воды такъ сблизила насъ съ Лорисъ-Меликовымъ, что онъ пожелалъ, чтобы мы провожали его въ день отъѣзда вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ.

Любезность генерала очень льстила намъ, и мой братъ, приглянувшійся ему, почти безотлучно находился при немъ въ свободные отъ дѣлъ часы. Лорисъ постоянно таскалъ его съ собою, угощалъ сластями и говорилъ: про него:

— Это мой компаніотъ! Посмотрите, какой черный!.. И глаза-то у него черные... Настоящій армянинъ!..

Провожала Михаила Таріеловича громадная кавалькада, состоявшая изъ 400—500 всадниковъ. Въ ней участвовали: весь на-

личный персоналъ администраціи: начальникъ округа, его помощникъ, адъютантъ, окружный врачъ, затѣмъ батальонный командиръ съ адъютантомъ, всѣ члены деванъ-ханэ, всѣ наибы, ханы и беки,—какъ собственно ахтинскіе, такъ и съѣхавшіеся изъ другихъ ауловъ округа,—весь конвой, въ числѣ 70 нукеровъ, съ своимъ національнымъ оркестромъ—зурною—и съ своимъ начальникомъ Измаиломъ-башчи во главѣ, и въ заключеніе всего—масса добровольныхъ джигитовъ, жителей Ахты и сосѣднихъ ауловъ, явившихся провожатыми какъ ради почета, такъ и изъ любопытства... Кто не знаетъ, какъ падохъ восточный людъ и особенно горды до всѣхъ такихъ почетныхъ встрѣчъ и проводовъ, а тѣмъ болѣе въ подобныхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось ихъ главнаго начальника.

VIII.

Проводы предполагались только до сосѣдняго аула Мескенджи, отстоящаго отъ аула Ахты на 12 верстъ, но лежащаго нѣсколько въ сторонѣ.

Весь путь этотъ усѣянъ невѣроятнымъ количествомъ камней, непонятно откуда набравшихся здѣсь, такъ какъ близъ лежащихъ горъ въ этой мѣстности вовсе нѣтъ, а тянется широкая долина р. Самура, въ который, кстати сказать, впадаетъ близъ самаго укрѣпленія Ахты другая горная рѣка—Ахты-чай ¹⁾.

Заинтересованному этимъ Лорисъ-Меликову отецъ мой разказалъ народную легенду, такъ объясняющую это явленіе.

Почти всѣ аулы Самурскаго округа населены лезгинами, исповѣдующими сунну, мескенджинцы же, по странной случайности, происхождение которой неизвѣстно, всѣ шіиты. Вѣчно враждующія между собой религіозныя секты эти враждовали долго и тутъ въ лицѣ жителей этихъ двухъ сосѣднихъ ауловъ...

Въ одинъ прекрасный день при какомъ-то серьезномъ столкновеніи изъ-за земли или пастбищъ дѣло дошло до такихъ горячихъ, безконечныхъ споровъ и пререканій, что обѣими сторонами въ виду безысходности этихъ споровъ рѣшено было покончить ихъ битвой. Кто побѣдитъ, за тѣмъ и большія права на то, чего домогались заинтересованныя стороны.

Сраженіе началось сначала изъ-за стѣнъ и заваловъ, наскоро сложенныхъ враждующими сторонами изъ натасканныхъ отовсюду на мѣсто битвы камней. Когда же такая перестрѣлка, длившаяся нѣсколько дней, оказалась безплодной, враги перешли въ откры-

¹⁾ Чай—по-татарски рѣка. Частица эта обыкновенно прибавляется почти ко всѣмъ рѣкамъ съ татарскими названіями; такъ, напр., Арпа-чай, Капланъ-чай, Самуръ-чай и т. д.

тый бой. Несмотря, однако, на отчаянную схватку, продолжавшуюся день и ночь, дѣлныя сутки, отъ зари до зари, ни побѣды, ни пораженія не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Обѣ онѣ оказались одинаково сильны въ бою и одинаково истомлены и обезсилены послѣ боя. А поле усыяно было все трупами. Столько жертвъ, столько храбрыхъ воиновъ пало напрасно! Ясно было, что самъ Аллахъ не хотѣлъ ничьей побѣды, ясно было, что святыя пророки, какъ покровители шитовъ, такъ и защитники суннитовъ, не выдали своихъ вѣрныхъ сыновъ... И теперь, на вторыя сутки, взошедшее солнце смотритъ на обезсиленныхъ враговъ глазами Самого Аллаха, скорбящаго о напрасно пролитой крови, о бесплодно погибшихъ жертвахъ...

Явились съ обѣихъ сторонъ на поле битвы, усыянное трупами, муллы, муэдзины, проповѣдники и стали взывать къ благоразумію своихъ сектантовъ. Тронутые убѣдительными рѣчами своихъ духовныхъ отцовъ и тяжелой скорбью о падшей братіи, о вѣрныхъ народу сынахъ и защитникахъ его правъ, враги рѣшили прійти въ своемъ спорѣ и своихъ претензіяхъ къ обоюднымъ уступкамъ и тутъ же примирились между собою, поклявшись при своихъ муллахъ, по своимъ религіознымъ обрядамъ, не враждовать больше никогда.

И съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, хотя эти два сосѣдніе аула — Мескенджи и Ахты, въ лицѣ ихъ жителей, принадлежащихъ къ двумъ враждебнымъ сектамъ, и не питаютъ взаимныхъ симпатій, но по настоящее время живутъ мирно, не измѣняя клятвы предковъ своихъ, передаваемой изъ рода въ родъ, отъ дѣдовъ къ внукамъ, отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Раскиданные же послѣ сраженія камни заваловъ и стѣны оставлены были на полѣ битвы нарочито, дабы постоянно напоминать дальнѣйшимъ поколѣніямъ враждовавшихъ ауловъ, что столкновение, происшедшее въ незапамятныя времена, было такъ бесплодно и такъ ужасно своими потерями, что завершилось вѣчнымъ миромъ...

Кстати сказать, мнѣ понравилась тогда эта легенда, и я записалъ ее приблизительно такъ, какъ она рассказана была моимъ отцомъ и передана здѣсь.

Михаилъ Таріеловичъ, какъ сообщилъ мнѣ потомъ отецъ, вовсе не думалъ заѣзжать въ аулъ Мескенджи, лежащій нѣсколько въ сторонѣ, но, прослушавъ легенду и узнавъ только теперь, что мескенджинцы шиты, слѣдовательно, совершенно обособлены отъ остальныхъ жителей округа, выразилъ желаніе посѣтить этотъ аулъ.

Какъ только объ этомъ стало извѣстно, въ Мескенджи вихремъ понесся нарочный предупредить кого слѣдовало — юзбаша (старшину) и другихъ властей, что къ нимъ въ аулъ ѣдетъ начальникъ Дагестана. Но такое предупрежденіе оказалось скоро излишнимъ:

изъ аула ѣхали навстрѣчу намъ и юзбашъ, и беки, и разныя почетныя лица съ приглашеніемъ къ Лорисъ-Меликову почтить своимъ посѣщеніемъ Мескенджи, жители котораго хотятъ-де видѣть своего главнаго начальника и ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ... и любопытствомъ, добавлю я отъ себя, ибо нѣтъ въ мірѣ народа любопытнѣе кавказскихъ горцевъ...

IX.

Оказалось, что гостепріимный юзбашъ не ударилъ лицомъ въ грязь и на всякій случай съ утра ранняго распорядился готовить къ полудню обѣдъ, достойный высокаго гостя.

Лорисъ-Меликовъ, вовсе не предполагавшій быть въ Мескенджи, былъ очень удивленъ, когда мескенджинскій юзбашъ, встрѣтивъ его во главѣ своего народа, поднесъ ему хлѣбъ-соль ¹⁾ на мѣдномъ вылуженномъ блюдѣ, а затѣмъ просилъ принять скромную трапезу въ его домѣ.

Отказаться было, разумѣется, неудобно, дабы не обидѣть въ лицѣ хозяина всѣхъ жителей Мескенджи, и Лорисъ-Меликовъ, пошутивъ съ отцомъ моимъ и окружающими насчетъ вѣчныхъ и повсемѣстныхъ кормежекъ гостепріимныхъ кавказцевъ, вынужденъ былъ слѣзть съ коня и войти въ домъ старшины.

Тамъ на подобающей кунацкой ¹⁾, устланной коврами и обложенной по стѣнамъ мягкими подушками въ канаусовыхъ чехлахъ, гдѣ всѣ разсаживались прямо на полу, по восточному, тотчасъ поданъ былъ обѣдъ, состоявшій изъ всевозможныхъ восточныхъ блюдъ, среди которыхъ первое мѣсто, и по значенію своему, и по самому виду, занималъ, конечно, пилавъ. Онъ, какъ всегда у азіатовъ, поданъ былъ подъ особымъ шлемообразнымъ металлическимъ колакомъ, хорошо вылуженнымъ и еще лучше вычищеннымъ.

Накормленный передъ выѣздомъ своимъ въ нашемъ домѣ завтракомъ, М. Т. только изъ приличія, дабы не обидѣть хозяина, отвѣдалъ пилава, аппетитно возвышавшагося передъ нимъ на блюдѣ цѣлою пирамидой...

Побесѣдовавъ затѣмъ на татарскомъ языкѣ, которымъ свободно владѣлъ, съ хозяиномъ и окружающими его беками и наибами на соотвѣтствующія случаю темы, онъ довольно скоро распрощался съ юзбашемъ, благодаря его за гостепріимство.

Толпы народа, удивленнаго, повидимому, такимъ скорымъ отъѣздомъ высокаго гостя, котораго онѣ и разсмотрѣтъ-то хорошенько не успѣли, съ любопытствомъ озирали его со всѣхъ сторонъ, когда

¹⁾ Обычай, всюду практикуемый на Кавказѣ съ давняго времени и заимствованный, конечно, отъ русскихъ, въ угоду начальству.

²⁾ Кунацкая—пріятельская, приемная комната.

онъ ѣхалъ верхомъ по узкимъ и тѣснымъ улочкамъ аула, запруженнымъ этими толпами.

Когда всѣ мы свернули на большую дорогу, Лорисъ-Меликовъ, направляясь прямо въ Дербентъ и не желая утруждать болѣе ни моего отца, ни провожавшихъ его дальнѣйшими проводами, распрощался со всѣми нами, пожимая отцу руку и выражая всѣмъ свою признательность за полный порядокъ и радушный приѣмъ.

До Дербента тѣмъ не менѣе все же сопровождали Михаила Тариеловича: его адъютантъ и половинный комплектъ нашихъ нукеровъ во главѣ съ Измаиломъ-башчи. Такъ приказано было заранѣе начальникомъ округа въ знакъ почета, оказываемаго нашему офиціальному гостю.

Хорошо зная, какъ кавказецъ, непоколебимость такого восточнаго этикета, Лорисъ-Меликовъ не упорствовалъ въ выполненіи его и, еще разъ распрощавшись съ отцомъ и нами, любезно сказала, обращаясь ко мнѣ и брату:

— Ну, до свиданія, друзья мои милые! Богъ дастъ, увидимся опять,—и, наклонившись съ сѣдла, поцѣловалъ при этомъ любившагося ему брата... Приподнявъ затѣмъ передъ всѣми свое кепи, онъ пришпорилъ коня и отдѣлился со своею свитою отъ насъ.

Нукеры съ Измаиломъ-пашою должны были проводить генерала до половины дороги—яремь-юль, какъ говорятъ татары.

X.

На слѣдующій годъ лѣтомъ повторилось то же самое. Лорисъ-Меликовъ опять объѣзжалъ подвѣдомые ему округа и побывалъ у насъ. Мы съ братомъ опять были у родныхъ на каникулахъ, съ тою только разницею, что не одни, а въ обществѣ приглашенныхъ къ намъ погостить—старшаго учителя словесности нашей гимназіи М. С. Денисенко и его брата, воспитанника 7-го класса. Пребываніе ихъ у насъ ознаменовалось открытіемъ въ аулѣ первой русской школы, о чемъ рѣчь впереди.

На этотъ разъ Михаилъ Тариеловичъ ѣхалъ къ намъ другимъ путемъ, черезъ такъ называемый Горный магаль, о чемъ отецъ мой заранѣе безъ оповѣщенія, такъ какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ прежде всего надо заблаговременно позаботиться объ исправности пути слѣдованія ѣдущаго... А кому изъ кавказцевъ не извѣстно, что горные верховые пути состоятъ изъ вьющихся по страшнымъ стремнинамъ тропинокъ, безпрестанно осыпающихся или размываемыхъ дождями, производящими въ горахъ сущій хаосъ своими разрушительными дѣйствіями.

Вотъ почему сколько-нибудь сносное содержаніе такихъ горныхъ путей очень хлопотливо и обременительно для мѣстныхъ ауловъ, обязанныхъ содержать ихъ въ исправности своими средствами,

а въ случаѣ надобности и вновь возстановлять ихъ въ обѣ стороны, до половины пути (яремъ-юль) въ сосѣдніе аулы, которые обязаны съ своей стороны дѣлать то же самое и въ такихъ же опредѣленныхъ предѣлахъ.

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ аулами этихъ повинностей и отвѣтственность за неисполненіе ихъ возлагались въ мое время на старшинъ ауловъ—юзбашей.

Не вездѣ довѣряя, однако, этимъ юзбашамъ, энергичный и заботливый отецъ мой рѣшилъ лично осмотрѣть весь путь, что имѣло большое значеніе въ отношеніи Горнаго магала, по которому верховые пути проложены на такой высотѣ, куда залетаютъ лишь одни орлы, да забѣгаютъ туры, эти отважные, безстрашные скитальцы пустынныхъ горныхъ кряжей.

Невѣроятная высота проложенныхъ въ горахъ путей объясняется двумя причинами: чѣмъ выше путь (всегда мало устойчивый, какъ вьющійся по бокамъ и откосамъ горъ), тѣмъ меньше засыпается онъ камнями и гравіемъ, постоянно сползающимъ съ висящихъ надъ нимъ кручь, и тѣмъ меньше размывается онъ дождями и образующимися отъ нихъ потоками и каскадами.

Осмотрѣть дорогу Горнаго магала было необходимо еще и по другой причинѣ. Магалъ (участокъ) этотъ состоялъ въ мое время, насколько помню, изъ 15 ауловъ, очень тревожныхъ и непокорныхъ. Всѣ эти аулы послѣ возстанія въ 1830 году были разрушены и разгромлены нашими войсками подъ начальствомъ барона А. Е. Врангеля, съ выселеніемъ оставшихся въ живыхъ жителей въ Нухинскій и Шемахинскій уѣзды, гдѣ большинство ихъ погибло отъ дурного лихорадочнаго климата, совершенно не переносимаго горами, привыкшими жить на высотахъ, недоступныхъ ни маляріи, ни другимъ инфекціоннымъ болѣзнямъ.

Послѣ многихъ лѣтъ оставшіеся въ живыхъ сосланные жители Горнаго магала были возвращены въ 1861 году въ свои родныя мѣста съ правомъ вновь обстраивать и заселять ихъ, а самъ Горный магалъ былъ присоединенъ къ Самурскому округу и незадолго передъ тѣмъ попалъ подъ управленіе отца моего. Хотя принятіе магала было произведено очень умѣло, съ большою помпой (столь важной въ глазахъ полудикихъ, некультурныхъ народовъ), съ приведеніемъ всего населенія къ присягѣ на коранѣ и съ выраженіемъ ему начальникомъ округа увѣренности въ его благоразуміи послѣ испытанныхъ имъ лишеній и кары, но все это, безъ сомнѣнія, не могло гарантировать ни дѣйствительной преданности этого хотя и потерпѣвшаго, но попрежнему свободомыслящаго населенія, ни полной исправности его въ отбываніи различныхъ повинностей, среди которыхъ обязательное содержаніе въ надлежащемъ видѣ путей сообщенія всегда было слишкомъ обременительнымъ для народа, а потому и не всегда добросовѣстно исполнялось имъ.

XI.

При посѣщеніи моимъ отцомъ Горнаго магала съ цѣлью осмотра его горныхъ путей пришла ему въ голову мысль устроить Лорисъ-Меликову оригинальный обѣдъ на одной изъ подходящихъ для этого вершинъ магала, на страшной высотѣ, съ которой открывались живописные виды на панораму окрестныхъ горъ, ущелій и глетчеровъ...

Эта странная, на первый взглядъ фантастическая затѣя была къ тому же и слишкомъ рискованной: быстрое измѣненіе въ горахъ погоды и совсѣмъ неожиданный дождь могли въ нѣсколько минутъ не только разрушить до основанія это эфемерное предпріятіе, но и поставить въ весьма неловкое положеніе его инициатора.

Но чего не дѣлаютъ энергія и смѣлость!..

Обѣдъ на поднебесной высотѣ, подъ открытымъ небомъ, какъ увидятъ читатели, состоялся и очень удался. Онъ вызванъ былъ еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что съ Михаиломъ Таріеловичемъ ѣхали случайно два англійскіе туриста, какіе-то лорды, попавшіе подъ его просвѣщенное покровительство.

Находчивый отецъ мой сразу смекнулъ, что щегольнуть передъ иностранцами, да еще англичанами, нашимъ русскимъ гостепріимствомъ, нашими барекими затѣями, характеризующими широкую русскую натуру, показать гостямъ, представителямъ завистливой націи, отличающейся большимъ аппетитомъ къ лакомымъ кускамъ, наши богатые кавказскія владѣнія, входило, по всѣмъ вѣроятіямъ, и въ расчеты самого Лорисъ-Меликова.

Какъ бы то ни было, но вопросъ объ оригинальной встрѣчѣ былъ рѣшенъ отцомъ безъ колебаній, при чемъ и самый пунктъ для этого обѣда также былъ окончательно избранъ.

Я въ тотъ годъ не участвовалъ въ встрѣчѣ Лорисъ-Меликова внѣ аула Ахты, какъ и въ предыдущей годъ, но мѣстность сказочнаго обѣда видѣлъ своими глазами, когда отецъ провожалъ меня съ братомъ послѣ нашихъ каникулъ домой, избравъ путь черезъ тотъ же Горный магаль, куда онъ считалъ нужнымъ заглядывать почаще.

Тогда-то мнѣ показали все то, что я здѣсь опишу, какъ бы съ натуры,—до того сильно запечатлѣлось оно въ головѣ моей на всю жизнь. Живописная мѣстность, избранная для обѣда, дѣйствительно, не могла не восхищать. Она лежала на высотѣ не менѣе десяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, среди горъ, изобилующихъ не одними только голыми камнями, скалами и базальтовыми вершинами, но и роскошною альпійскою растительностью, покрывающею склоны ихъ то хвойнымъ лѣсомъ, то сочною бархатистою травою, то всевозможными цвѣтами богатѣйшей кавказской флоры.

Здѣсь-то, среди этой природы, на одной изъ ровныхъ, какъ плато, лужаекъ и былъ установленъ столъ, сдѣланный изъ утрамбованной насыпи и покрытый плотнымъ дерномъ, хорошо на ней уложеннымъ. Сидѣнья за этимъ столомъ составляли длинныя вокругъ него скамьи, тоже, конечно, изъ земли и глины, обшитыя, какъ и всѣ стороны самаго стола, такимъ же дерномъ. Сверхъ дерна какъ на столъ, такъ и на скамьи разостланы были сначала полсти, а затѣмъ паласы ¹⁾, сверхъ которыхъ столъ покрывался уже скатертями.

Эти столы и скамьи я и видѣлъ самолично, какъ и остатки импровизованной кухни и ледника, устроенныхъ въ вырытыхъ неподалеку землянкахъ. Ледъ для мороженого, пломбировъ и другихъ надобностей привозился съ лежащаго тутъ же въ горахъ глетчера...

Пологіе склоны, непосредственно примыкающіе къ мѣсту этой сказочной русской трапезы, ласкали глазъ изумрудною зеленью свѣжей, сочной, горной травы, привольно возросшей подъ лучами южнаго солнца и обильною влагою нерѣдко странствующихъ и почивающихъ здѣсь облаковъ, грозовыхъ тучъ и тумановъ.

За ними, за склонами этими, ближе къ обрывамъ и стремнинамъ, срывавшимся отвѣсными стѣнами въ глубокія, бездонныя пропасти и ущелья, торчали тамъ и сямъ черныя великаны гранитныхъ скалъ. Они причудливо рисовались на голубомъ фонѣ отдаленныхъ горъ, напоминая своими фантастическими очертаніями сказочныхъ богатырей, которые, казалось, зорко сторожили эту живописную, но пустынную мѣстность, охраняя ее отъ джиновъ ²⁾, творящихъ людямъ разныя бѣды, что такъ хорошо извѣстно всѣмъ неосторожнымъ всадникамъ, пускающимся въ путь по ночамъ: сбивая ихъ съ дороги и заводя нерѣдко въ глухія тущобы и пустынныя скалы, джины сбрасываютъ ихъ съ горныхъ стремнинъ въ овраги и пропасти... Да и пастухи, вѣчно бродящіе по этимъ значнымъ горамъ съ отарами овецъ, тоже видѣли немало всякаго зла и несчастій, причиненныхъ джинами какъ имъ самимъ, такъ и овцамъ ихъ.

Всѣ эти легендарныя бредни и народные миѳы невольно приходили мнѣ въ голову, когда я обзрѣвалъ эту чудную мѣстность. Красоты ея дополняли затѣйливыя перспективы горныхъ хребтовъ и твердынь, которые тянулись въ даль по ущелью, постепенно туснуясь и дѣлаясь все болѣе и болѣе воздушными, голубыми, прозрачными. На самомъ отдаленномъ плаиѣ ущелья розовѣли снѣговыя вершины, озаренныя заходящимъ солнцемъ; а надъ нами, какъ будто совсѣмъ близко, но на самомъ дѣлѣ въ двухъ-трехъ

¹⁾ Родъ ковровъ, болѣе простыхъ, болѣе жесткихъ, чѣмъ обыкновенные персидскіе ковры.

²⁾ Джины—горные злые духи. Понятія и повѣрія о нихъ у всѣхъ почти кавказскихъ племенъ одни и тѣ же, съ очень незначительными вариантами.

верстахъ отъ насъ, залежали маститыми кряжами вѣчные ледники и глетчеры, оползшіе въ отдаленныя времена съ сосѣднихъ снѣговыхъ вершинъ и залегише здѣсь навсегда. А самыя вершины эти терялись теперь въ носившихся по нимъ облакахъ...

XII.

Вся провизія для затѣйливаго обѣда въ горахъ привезена была изъ Дербента и Кубы, за исключеніемъ, конечно, мяса и дичи, въ изобиліи водившейся въ нашихъ горахъ. Готовился обѣдъ двумя искусными поварами изъ солдатъ. Повара эти, бывши крѣпостными графа Шереметева, князя Голицына, или кого-то другого изъ нашихъ родовитыхъ баръ, сданы были своими помѣщиками въ рекруты за пьянство, что такъ нерѣдко практиковалось въ старину. Отецъ мой рассказывалъ мнѣ, что обѣдъ удался на славу. И Лорисъ-Меликовъ и спутники его, англійскіе лорды, ничего, разумѣется, не знаяшіе о предстоящемъ для нихъ сюрпризѣ, просто рты разинули, когда увидѣли всю эту сказочную затѣю на высотѣ 10.000 футовъ надъ уровнемъ моря и когда вкусили различныхъ европейскихкихъ и азіатскихъ яствъ, представлявшихъ собою чудо гастрономическаго и кулинарнаго искусства не только на такой, поднебесной высотѣ со всею ея обстановкой, но и въ обыденной жизни, при всевозможныхъ удобствахъ. Сервировка стола была безупречная и поражала своею изысканностью, а блюда—эффектомъ. Дикія козы, джейраны, молодые ягнята, горныя индѣйки и куропатки, фазаны, перепела, вкусная рыба «самуръ-балыкъ»,—все это и многое другое пущено было въ дѣло и превратилось въ искусныхъ рукахъ артистовъ поваровъ въ ихъ походной кухнѣ въ различныя заливныя, жаркія, соусы и паштеты... Незабыты были и всевозможные пудинги, дабы доказать наше вниманіе чопорнымъ сынамъ туманнаго Альбіона, являющимся въ нашу любопытную глушь въ качествѣ не менѣе любопытныхъ и любознательныхъ туристовъ.

Туристы эти, съ несвойственною ихъ паціи растерянностью, озирали все, что представляла собою эта сказочная русская трапеза и окружавшая ее сказочная природа. Они пришли отъ всего этого въ такое восхищеніе, что говорили даже стихи, расточая въ ихъ похвалы и комплименты творцу и затѣйнику всей этой горной фантазмагоріи... Нечего и говорить, что обставлена она была чрезвычайно картинно.

Нѣсколько поодаль отъ «барскаго» стола сервированъ былъ по восточному, прямо на травѣ, другой обширный столъ для туземной свиты и нукеровъ, не привыкшихъ сидѣть и ѣсть за столомъ по европейски. Здѣсь за этой восточной трапезой долго не засиживались: все блюда и цѣлыя горы вкуснаго пилава быстро поглощены

были проголодавшимися джигитами, аппетитъ которыхъ былъ положительно баснословенъ.

Послѣ обѣда нукеры затѣяли на луту свои національные танцы подъ раздрающіе уши звуки зурны. Дихая азіатская пляска, съ оружіемъ въ рукахъ, съ гиканьемъ, дикими возгласами, хлопаньемъ въ ладоши и выстрѣлами изъ пистолетовъ еще больше поразила и восхитила англичанъ.

Лорисъ-Меликовъ, замѣтя это, въ угоду гостямъ, попросилъ ихъ подойти поближе къ танцующимъ... Расположившись съ англичанами на разостланныхъ тутъ же коврахъ и подушкахъ, онъ довольно долго созерцалъ съ ними танцы, поясняя многое непонятное для иностранцевъ.

По приѣздѣ Лорисъ-Меликова въ Ахты, на другой день послѣ обѣда въ горахъ и ночевки въ какомъ-то аулѣ, сопровождавшіе его туристы, осмотрѣвъ нашъ аулъ и укрѣпленіе и боясь, вѣроятно, стѣснить нашу семью своимъ долгимъ пребываніемъ, поспѣшно прослѣдовали дальше одни, въ сопровожденіи проводника и конвоя. Самъ же Михаилъ Таріеловичъ остался у насъ по дѣламъ округа на нѣсколько дней.

Въ этотъ приѣздъ однимъ изъ любопытныхъ эпизодовъ былъ осмотръ Лорисомъ первой русской для лезгинъ школы, учрежденной моимъ отцомъ чуть ли не на собственныя средства, но во всякомъ случаѣ безъ всякаго участія въ этомъ кого бы то ни было.

Въ тѣ времена все это, при желаніи, совершалось просто, безъ всякихъ стѣсненій и формальностей, особенно въ такихъ дѣбряхъ, какія представляютъ собою въ сущности всѣ эти захолустные уголки Дагестана.

Устройство ахтинской школы облегчалось на первыхъ порахъ уже тѣмъ, что преподавателями явились гостившіе тогда у насъ на каникулахъ старшій учитель русской словесности тифлисской губернской (по тогдашнему) гимназіи М. С. Денисенко, братъ его, гимназистъ 7-го класса Г. С. Денисенко, и я—въ то время ученикъ 6-го класса той же гимназіи. Обученіе русской грамотѣ велось нами по звуковой методѣ Золотова, черезъ переводчика, такъ какъ въ первое время ученики наши, въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ, ни слова не знали по-русски.

Впрочемъ, ко времени приѣзда Лорисъ-Меликова, т. е. приблизительно мѣсяца черезъ полтора отъ начала занятій нашихъ, ученики объяснялись уже немного по-русски и встрѣтили Михаила Таріеловича, при его посѣщеніи школы, привѣтствіемъ на русскомъ языкѣ, на военный ладъ: «Здравія желаемъ, ваше превосходительство!»

Число учениковъ школы въ то время, насколько помню, доходило до пятидесяти. Всѣ они попали въ школу не совсѣмъ-то добровольно: въ самый день открытія ея въ ней не оказалось ни души,

несмотря на подготовку народа черезъ бековъ, членовъ суда и вліятельныхъ лицъ вообще. Такой неприятный сюрпризъ явился результатомъ распущенныхъ кѣмъ-то въ народѣ слуховъ, что цѣль обученія русской грамотѣ единственная: забирать всѣхъ обучившихся лезгинъ въ рекруты. Только послѣ разъясненія всей нелѣпости такого слуха черезъ бековъ и вліяніемъ отца моего на самихъ бековъ, они первые стали посылать, для примѣра, дѣтей своихъ въ школу. Затѣмъ мало-по-малу народъ освоился съ нею; его стала уже занимать эта «выдумка»—и дѣти всѣхъ возрастовъ хлынули къ намъ потокомъ. Но увеличить аудиторію нашу было невозможно, такъ какъ обучать черезъ переводчика маленькихъ дикарей было все же очень не легко.

Лорисъ-Меликовъ чрезвычайно заинтересовался школой, которая впослѣдствіи пользовалась его покровительствомъ, упрочившимъ ея существованіе. При осмотрѣ школы онъ былъ пораженъ, что школьники наши болтали уже по-русски и держали себя съ нимъ и другимъ начальствомъ весьма свободно.

По выходѣ Михаила Таріеловича изъ школы, цѣлая орава лезгинякъ бросилась провожать его, толкаясь и тѣсясь у него подъ ногами. Генералъ, какъ видно, не только занималъ ихъ, но и сразу расположилъ къ себѣ своимъ ласковымъ, добродушнымъ и простымъ обхожденіемъ. Разговаривая съ ними по-татарски, онъ не только ввернулъ въ свою бесѣду кое-что о пользѣ школы, но, по свойственной ему живости и веселости, шутилъ и болталъ всю дорогу. Очень понятно, что мальчики довольно фамиллярно относились къ генералу, что, видимо, занимало его.

Въ отвѣтъ на шутки Лориса они угощали его, по наивности, такими, напримѣръ, фразами на русскомъ языкѣ: «Будь здорова! До свиданья! Прощай!» и т. п.

Въ этотъ же пріѣздъ свой Михаилъ Таріеловичъ осмотрѣлъ учрежденный отцомъ моимъ въ аулѣ Ахты базаръ, съ установленіемъ базарныхъ дней для привоза продуктовъ изъ другихъ ауловъ, таксы на продукты первой необходимости и проч. На другой день Лорисъ-Меликовъ ѣздилъ въ окрестности аула, по дорогѣ къ Мескенджи, на ту возвышенность, на которую, по проекту отца моего и его стараніями, проведена была изъ рѣки Самура вода и съ которой она, низвергаясь десятками канавъ, орошала огромную, до того времени бесплодную за отсутствіемъ влаги, мѣстность... Со времени проведенія сюда воды жители Ахты стали воздѣлывать на большомъ пространствѣ недурную, въ сущности, почву, обрабатывая ее своими примитивными способами главнымъ образомъ подъ просо, составляющее, въ видѣ пшена, самую употребительную пищу горцевъ.

Всѣмъ этимъ Михаилъ Таріеловичъ живо интересовался, во все это входилъ до мельчайшихъ подробностей, выражая отцу моему

то и дѣло благодарность за его заботы и попеченія о ввѣренномъ ему народѣ.

Вотъ, насколько мнѣ помнится, все то, что удержала моя память о М. Т. Лорисъ-Меликовѣ въ бытность его на Кавказѣ. Но судьба столкнула меня съ нимъ еще разъ—черезъ 17 лѣтъ въ Астрахани въ 1879 году.

ХІІІ.

Во время надѣлавшей большого шума эпидеміи ветлянской чумы, а именно въ концѣ 1878 года, я во второй разъ находился на службѣ въ Астрахани. Такъ какъ эпидемія эта грозила не только всей Россіи, но и Европѣ, то по высочайшему повелѣнію М. Т. Лорисъ-Меликовъ, бывший тогда уже графомъ, командированъ былъ, въ качествѣ временнаго генераль-губернатора Астраханской, Саратовской и Самарской губерній, въ Астраханскую губернію для прекращенія «остро-заразной болѣзни» и оздоровленія всего Прикаспійскаго края и особенно зараженныхъ эпидеміей пунктовъ и рыбныхъ промысловъ, гдѣ можно было ожидать обширнаго развитія загадочной еще въ то время болѣзни.

Въ распоряженіе графа, облеченнаго широкими правами и властью, ассигновано было на это дѣло полмилліона.

Свирѣпствовавшая въ станицѣ Ветлянкѣ и нѣсколькихъ соседнихъ съ нею пунктахъ эпидемія, унесшая 365 жертвъ, при чемъ смертность составляла 100⁰%, собственно говоря, довольно скоро и успѣшно прекращена была еще задолго до пріѣзда Лорисъ-Меликова стараніями астраханскаго губернатора Н. Н. Биппена и правителя его канцеляріи Д. В. Чичинадзе. Надо отдать имъ полную справедливость въ ихъ неусыпныхъ и разумныхъ трудахъ по этому дѣлу.

Честный службистъ, всегда очень заботливый, дѣятельный и энергичный, Биппенъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне остороженъ, робокъ и мнителенъ; его всегда смущало опасеніе: какъ посмотрятъ на то или другое его дѣйствіе въ Петербургѣ? Въ этомъ отношеніи правитель его канцеляріи былъ гораздо рѣшительнѣе и смѣлѣе. При его умѣннн и тактѣ ему удавалось вліять на Биппена и дѣлать многое почти самостоятельно, подъ ловко обставляемымъ прикрытіемъ своего начальника, который, ослѣпляясь рѣшительностью и увѣренностью своего ближайшаго «помощника», мало-по-малу все больше и больше довѣрялся ему, не имѣя почти поводовъ пенять на него за весьма возможные промахи. Чичинадзе, при весьма ограниченномъ образованіи, былъ очень умный и способный человекъ и, впрочемъ въ то время всею губерніей, какъ ему вздумается, онъ тоже, въ свою очередь, былъ чрезвычайно осмотрителенъ и остороженъ. Въ управленіи губерніею, весьма сложномъ во всѣхъ отноше-

ніяхъ, онъ не только тщательно оберегалъ своего начальника, отъ котораго все же зависѣлъ, но и самого себя, всегда чутко прислушиваясь ко всему окружающему и особенно къ «тенденціямъ» своего министерства и вообще Петербурга. Такимъ образомъ, и начальникъ, въ лицѣ Н. Н. Биппена, и его ближайшій помощникъ Д. В. Чичинадзе составляли дружный служебный аккордъ, что, разумѣется, имѣло свои хорошія послѣдствія и въ тяжелое время ветлянской чумы и въ періодъ оздоровленія Лорисъ-Меликовымъ Астраханской губерніи.

При такихъ условіяхъ не удивителенъ былъ блестящій результатъ прекращенія эпидеміи, длившейся болѣе двухъ мѣсяцевъ только лишь по винѣ атамана астраханскаго казачьяго войска, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда Ветлянка, какъ казачья станица,—не допускавшаго вмѣшательства губернатора въ свои войсковыя владѣнія ¹⁾.

Вовсе не опредѣленная, строго говоря, до пріѣзда иностранныхъ делегатовъ, ни по формѣ, ни по своему происхожденію, эпидемія эта ввела въ заблужденіе 120 врачей нашихъ, перебывавшихъ за два мѣсяца въ Ветлянкѣ и сосѣднихъ съ нею станицахъ и селахъ, а среди врачей этихъ было нѣсколько профессоровъ медицины съ громкими авторитетными именами (Эйхвальдъ, Красовскій, Доброславинъ, Минъ и др.).

Всѣ эти господа, въ сущности, не понимали «ветлянской болѣзни» ²⁾ и обзывали ее научно гадательными прозвищами: тифомъ неопредѣленной формы, остро-заразнымъ тифомъ, гангренознымъ тифомъ, тифозной пневмоніей и другими болѣе или менѣе странными, измышленными кличками.

Лорисъ-Меликову было бы очень трудно разобраться въ этомъ хаосѣ показаній, мнѣній и терминовъ, тѣмъ болѣе, что больныхъ уже не было около пяти недѣль до его пріѣзда (всѣ заболѣвшіе умерли, въ томъ числѣ три врача-фанатика, нѣсколько фельдшеровъ), но случай рѣшилъ иначе... Объ этомъ рѣчь впереди.

Очень хорошо помню, что графъ пріѣхалъ въ Астрахань 18 февраля на пароходѣ, благодаря слишкомъ раннему вскрытію Волги, и не заѣзжая по пути въ Ветлянку, гдѣ ему потомъ пришлось бы отсиживать въ карантинѣ и этимъ совершенно связать себя; помню, что я былъ при встрѣчѣ у подѣзда губернаторскаго дома, когда Лорисъ-Меликовъ прямо съ парохода подѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ губернаторомъ...

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. статью мою: «Воспоминанія о графѣ Н. А. Протасовѣ-Бахметевѣ».—«Истор. Вѣст.», февраль 1908 г.

²⁾ Что для того времени вовсе не удивительно. Не мѣшаетъ вспомнить, что даже компетентность самого С. П. Боткина осѣклась на Наумѣ Прокофьевѣ.

По общему виду графъ былъ все тотъ же, что и на Кавказѣ, за 17 лѣтъ передъ тѣмъ: простой генераль безъ всякаго чванства и свойственной большинству генераловъ дѣланной чопорности. Онъ былъ (соотвѣтственно стоявшей тогда теплой, весенней погодѣ) безъ пальто, въ простомъ длиннополомъ драповомъ сюртукѣ, съ георгиевскимъ крестомъ въ петлицѣ и съ черкесскою (по-кавказски) шапкою черезъ плечо.

Наружность его тоже мало измѣнилась; только вмѣсто бакенбардъ онъ носилъ уже бороду. Выйдя изъ коляски, онъ поспѣшно и опять-таки очень просто, безъ всякой помпы, подошелъ къ стоявшему тутъ же почетному караулу и, наскоро поздоровавшись съ нимъ, принялъ рапортъ и вошелъ въ губернаторскій домъ, гдѣ отведено было для него помѣщеніе на все время пребыванія его въ Астрахани.

Мой отецъ въ чинѣ полковника служилъ тогда въ Астрахани и въ день пріѣзда графа былъ на пристани въ числѣ встрѣчавшихъ его лицъ. За завтракомъ у губернатора Михаилъ Таріеловичъ просилъ начальника губерніи откомандировать въ его распоряженіе, въ качествѣ личнаго при немъ дѣлопроизводителя, молодого чиновника, достаточно знакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ губерніи, такъ какъ состоявшій при графѣ и пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ Скальковскій имѣлъ на своихъ плечахъ слишкомъ много работъ и заботъ въ это острое, тревожное время. Желая имѣть при себѣ еще одного работника, графъ при этомъ оказалъ губернатору Н. Н. Бишпену:

— Я желалъ бы имѣть молодого, энергичнаго, съ университетскимъ образованіемъ, бойко пишущаго и неподкупно честнаго.

Бишпень, близко зная меня по службѣ при немъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ должности помощника правителя его канцеляріи, тотчасъ же назвалъ меня ¹⁾.

Переспросивъ фамилію мою, графъ удивленно спросилъ: не кавказецъ ли я, какъ меня зовутъ? и проч. Узнавъ по этимъ даннымъ, что я сынъ бывшаго начальника Самурскаго округа, спросилъ у губернатора о моемъ отцѣ. Губернаторъ отвѣтилъ, что онъ въ Астрахани и что былъ среди встрѣчавшихъ графа на пристани.

— Ахъ, какая досада! Оказывается, что это я его видѣлъ на пристани, но не узналъ. Мы съ нимъ старые сослуживцы по Кавказу. Мнѣ теперь очень передъ нимъ неловко,—сказалъ Лорисъ озабоченно и, помявшись немного, добавилъ, обращаясь къ присутствовавшей за завтракомъ супругѣ губернатора и вмѣстѣ съ тѣмъ и къ нему самому:

— Вы помогли бы мнѣ загладить мою неловкость, если бы позволили сейчасъ же послать за нимъ отъ моего имени...

¹⁾ Обо всемъ послѣдующемъ рассказывалъ моему отцу самъ Бишпень.

Губернаторъ отвѣтилъ, что ему это тѣмъ болѣе пріятно, что и самъ онъ находится въ лучшихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ.

Я упоминаю объ этомъ, лично насъ съ отцомъ касающемся фактѣ, какъ для того, чтобы отмѣтить симпатичную черту графа—не забывать людей и прежнихъ отношеній, не возноситься въ гордынѣ власти своей и своего высокаго положенія до неузнаваемости,—такъ и для того, чтобы сдѣлать понятными наши дальнѣйшія отношенія къ графу и его къ намъ вниманіе.

Встрѣча графа съ отцомъ моимъ была самая задушевная. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Михаилъ Таріеловичъ объявилъ отцу моему, что по рекомендаціи губернатора избираетъ меня въ помощь своему дѣлопроизводителю. Обратившись затѣмъ къ Биппену, онъ добавилъ:

— Представьте мнѣ его завтра же!...

XIV

Черезъ часъ послѣ того я получилъ отъ губернатора собственноручную записку, спѣшно написанную его красивымъ, но неразборчивымъ почеркомъ на оторванномъ клочкѣ блокнота:

«По распоряженію графа М. Т. Лорисъ-Меликова, вы временно откомандировываетесь отъ вашей должности въ распоряженіе его сіятельства для занятій дѣлами ветлянской эпидеміи. Завтра, въ 11 часовъ утра, прошу явиться въ мою пріемную для представленія графу».

«Н. Биппень».

На другой день къ назначенному часу я явился во фракъ въ пріемную губернаторскаго дома, гдѣ засталъ уже ожидавшихъ пріема: нѣсколькихъ врачей и двухъ сестеръ милосердія.

Около полудня изъ кабинета губернатора отворилась дверь, и въ ней появился, въ сопровожденіи Биппена, Лорисъ-Меликовъ. Заложивъ руку за бортъ своего долгополага сюртука, на которомъ красовался орденъ св. Георгія, Михаилъ Таріеловичъ оглянулъ все собраніе и, уставившись вдругъ на меня своими красивыми, выразительными глазами, подошелъ прежде всего ко мнѣ и, обращаясь къ губернатору, а затѣмъ смотря на меня, спросилъ полутвердительно:

— Вѣдь это онъ, не правда ли?

Биппень хотѣлъ было представить меня, но Лорисъ-Меликовъ шутливо отвелъ его руку и, подойдя еще ближе ко мнѣ, сказалъ:

— Не трудитесь... Я сейчасъ же узналъ его по фамильному сходству съ отцомъ... Могу вамъ представить его, какъ хорошаго наѣздника и охотника... Мы вмѣстѣ и ѣздили и охотились на Кавказѣ... Помните?—обратился онъ ко мнѣ и, не ожидая отвѣта

моего, любезно подаль мнѣ руку и сказалъ:—Ну, а теперь работать будемъ вмѣстѣ... Вы, конечно, знаете, что я избралъ васъ въ помощь моему дѣлопроизводителю?

Я поблагодарилъ за сдѣланную мнѣ честь, а Лорисъ-Меликовъ, перемѣнивъ тонъ на серьезный, добавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Намъ предстоитъ, какъ вы знаете, очень серьезное, ответственное дѣло... На насъ смотреть вся Европа... На дняхъ мы ждемъ въ Ветлянку иностранныхъ делегатовъ... Придется работать, не покладая рукъ... Я увѣренъ, что вы оправдаете мое довѣріе. Итакъ, въ добрый часъ!

И, кивнувъ мнѣ слегка головой, графъ сталъ обходить ожидавшихъ представленія лицъ.

Положеніе мое было не изъ завидныхъ: мнѣ не только приходилось оправдать возложенное на меня довѣріе, но и ознакомиться въ два-три дня съ дѣломъ, которымъ я вовсе не занимался. А тутъ еще, одно къ одному, черезъ нѣсколько дней, какъ объявилъ самъ графъ, ожидалось въ Ветлянку европейскіе делегаты медицинскаго міра, что, безъ сомнѣнія, вызывало еще большія хлопоты, осложненія и разныя неурядицы.

Въ настоящее время всѣ уже приглядѣлись къ чумѣ и освоились съ нею; теперь умѣютъ уже довольно успѣшно, если не лечить, то локализовать распространеніе этой страшной болѣзни, но въ то отдаленное время, въ эпоху ветлянской эпидеміи, ни въ Европѣ, ни въ Россіи вовсе ничего не знали и не думали о чумѣ съ 1837 г.

Вотъ почему неудивительно было, что, явившись какимъ-то «загадочнымъ» путемъ въ Россію и почему-то прямо въ Ветлянку, находящуюся вовсе не на границѣ съ Персією или Турцією, а на Волгѣ, въ 140 верстахъ отъ Астрахани, чума сначала долгое время вовсе не была принята за чуму. Въ самомъ дѣлѣ, откуда она взялась у насъ, когда въ то время и въ сосѣдней Персіи и въ Турціи было вполнѣ благополучно въ этомъ отношеніи. Никто рѣшительно, даже изъ врачей, не хотѣлъ и думать, что это чума. Только гораздо позднѣе, послѣ пререканій между собой двухъ административныхъ властей,—наказнаго атамана астраханскаго казачьяго войска и астраханскаго губернатора,—когда уже эпидемія обострилась и развилась, забили вдругъ тревогу и у насъ въ Россіи и во всей Европѣ.

Вотъ эта-то тревога, а потомъ и паника, вызванныя крайне острой формой «ветлянской болѣзни» и смертностью отъ нея, дошедшею до 100%, заставили иностранныя государства послать къ намъ своихъ делегатовъ въ лицѣ наиболѣе видныхъ специалистовъ-врачей и ученыхъ, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый вѣнскій эпидемиологъ профессоръ Гиршъ.

Боясь распространяться здѣсь подробно объ этой интересной загадочной эпидеміи, я долженъ оговориться, что буду касаться

ея настолько, насколько это неизбежно для обрисовки дѣятельности самого графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова.

Въ ожиданіи пріѣзда въ Ветлянку европейскихъ ученыхъ, графъ больше всего былъ озабоченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что прошелъ уже цѣлый мѣсяць со дня послѣдняго чумнаго заболѣванія, бывшаго въ Ветлянкѣ, насколько мнѣ помнится, 21 января 1879 г., и что делегаты не будутъ имѣть для своихъ наблюденій и заключеній ни одного чумнаго больного. Вырывать же трупы умершихъ отъ эпидеміи изъ глубокихъ засыпанныхъ и залитыхъ известью могилъ никто не могъ и подумать, до того это было въ то время рискованнымъ и безумнымъ дѣломъ.

При такомъ затрудненіи совершенно неожиданно выручилъ всѣхъ насъ «счастливый» въ данный моментъ случай, о которомъ никакъ нельзя не упомянуть, тѣмъ болѣе, что имъ, такъ сказать, завершилось дальнѣйшее распространеніе эпидеміи и констатированъ самый фактъ чумы, а не какой-либо другой болѣзни.

XV.

За два или за три дня до пріѣзда въ Ветлянку делегатовъ я былъ потревоженъ въ своей квартирѣ часовъ въ семь утра присланнымъ за мною изъ канцеляріи по спѣшному дѣлу курьеромъ.

Тотчасъ являсь туда, я засталъ тамъ крайне озабоченнаго Чичинадзе съ телеграммой въ рукахъ. Передавая ее мнѣ, онъ сказалъ: — Полюбуйтесь!.. Еще недѣля, полторы, и мы могли бы снять карантины, а теперь вотъ... точно нарочно для делегатовъ!..

Въ телеграммѣ изъ Ветлянки, подписанной кѣмъ-то изъ врачей, значилось:

«Неожиданный рецидивъ. Заболѣла Анна Обойденова, двѣца шестнадцати лѣтъ».

Черезъ минуту графъ Лорисъ-Меликовъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Я вошелъ. Онъ былъ очень взволнованъ, озабоченъ, нервенъ и нетерпѣливъ...

— Читали телеграмму изъ Ветлянки? Такъ вотъ что, милый: скажите сію минуту къ начальнику телеграфной станціи и скажите ему (графъ посмотрѣлъ на свои часы), чтобы ровно черезъ 45 минутъ вотъ здѣсь, въ этомъ кабинетѣ или лучше въ сосѣдней— вотъ той комнатѣ, дѣйствовалъ телеграфный аппаратъ для моихъ личныхъ переговоровъ съ Ветлянкой.

Я заикнулся было сказать, что такъ скоро невозможно это сдѣлать, но торопыга графъ нетерпѣливо и рѣшительно оборвалъ меня:

— Никакихъ возраженій! Чтобъ было такъ, какъ я сказалъ!..

Послѣ такого сюрприза я, какъ угорѣлый, вылетѣлъ изъ дома губернатора и черезъ минуту летѣлъ уже на лихачѣ къ начальнику

телеграфной станціи, помѣщавшейся вмѣстѣ съ квартирой его на той же губернаторской площади.

Начальникомъ станціи былъ тогда Пузыревскій, человѣкъ огромной энергіи, лично прошедшій всѣ ступени службы — отъ «служителя» телеграфнаго дѣла, простого монтера, до начальника станціи. Этотъ опытный, добросовѣстный служака любилъ свою спеціальность и отдавался ей беззавѣтно и страстно.

Выслушавъ приказаніе Лорисъ-Меликова, онъ сначала схватился обѣими руками за голову, а затѣмъ, сообразивъ что-то, въ одно мгновеніе въ чемъ былъ (въ простомъ домашнемъ пиджакѣ) бросился въ мастерскія, оставивъ меня у своихъ дверей...

Вернувшись въ канцелярію, я увидѣлъ черезъ десять минутъ противъ оконъ ея на телеграфномъ столбѣ самого Пузыревскаго, приколачивавшаго къ столбу изоляторъ, а внизу нѣсколькихъ рабочихъ съ проволокой и другими принадлежностями въ рукахъ. Работа кипѣла. Я видѣлъ ясно, что успѣть сдѣлать въ 45 минутъ все то, чего желалъ графъ, можно только такимъ путемъ. Пузыревскій не могъ, конечно, никому довѣриться, зная, что изъ этого ничего не выйдетъ, и, не рискуя ничѣмъ, самъ превратился въ рабочаго.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ, предназначенной для телеграфа, установленъ уже былъ аппаратъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ сдѣлана была проба, и за пять минутъ до назначеннаго графомъ срока Пузыревскій, весь въ грязи и въ пыли, влетѣлъ впопыхахъ въ нашу канцелярію и заикаясь (онъ былъ заика) объявилъ мнѣ:

— До-о-л-л-о-жите графу, что ап-па-па-ратъ дѣйствуетъ!

И, взглянувъ при этомъ на часы свои, онъ многозначительно указалъ мнѣ пальцемъ на стрѣлку.

Когда я доложилъ объ этомъ графу, онъ въ первую минуту до того былъ удивленъ, что, судя по выраженію его лица, просто не вѣрилъ ушамъ своимъ, а затѣмъ радостно воскликнулъ:

— Неужели? Все готово? А Пузыревскій здѣсь?!—И послѣ моихъ отвѣтовъ графъ весело вскочилъ съ кресла и, быстро выйдя въ канцелярію, наткнулся тамъ на грязнаго, потнаго начальника станціи и сказалъ ему:

— Большое спасибо вамъ.. И вамъ, мой дорогой,—обращаясь ко мнѣ...

Извинившись за свою неряшливую внѣшность, Пузыревскій проводилъ графа къ телеграфному аппарату и показалъ, что онъ дѣйствуетъ исправно.

— Вотъ спасибо, вотъ спасибо!—повторялъ Михаилъ Таріеловичъ про себя, но по адресу Пузыревскаго.—Теперь я могу непосредственно разговаривать и съ Ветлянкой и съ делегатами...

Очень довольный такимъ успѣхомъ, графъ любезно кивнулъ намъ головою и скрылся въ свой кабинетъ...

При аппаратѣ дежурили посмѣнно телеграфисты...

XVI.

О рецидивисткѣ Аннѣ Обойденовой мы получали по нѣскольку телеграммъ въ день.

Въ результатѣ оказалось, что она представляла собою единственный случай заболѣванія, окончившагося впослѣдствіи выздоровленіемъ ¹⁾. Но зато къ самому приѣзду въ Ветлянку иностранныхъ делегатовъ болѣзнь Обойденовой, какъ нарочно, вполне развилась, давъ, такимъ образомъ, необходимый матеріалъ для изслѣдованія.

Большинство ветлянскихъ заболѣваній по формѣ своей относились къ такъ называемой легочной чумѣ, т. е. чумѣ, представляющей собою родъ бронхопневмоніи, протекавшей обыкновенно бурно, длившейся отъ 3 до 5 дней и оканчивавшейся смертью. Анна Обойденова заболѣла чумою бубонною и вотъ ее-то подвергли иностранные ученые строгому научному изслѣдованію. Образовавшіеся у нея бубоны были вскрыты чуть ли не самимъ Гиршемъ, и происшедшее затѣмъ въ Ветлянкѣ совѣщаніе врачей длилось до поздней ночи.

Лорисъ-Меликовъ въ эти часы почти не отходилъ отъ телеграфнаго аппарата, и въ часъ ночи самъ Гиршъ телеграфировалъ ему окончательный результатъ ихъ изслѣдованія. Въ ветлянкой болѣзни была признана настоящая азіатская чума. *Pestis orientalis siderans*, т. е. такъ называемая апоплектическая, молніеносная чума. Къ слову сказать, такая скоротечность чумы въ Ветлянкѣ сказалась, кажется, только однимъ случаемъ съ казакомъ Петровымъ, умершимъ черезъ нѣсколько часовъ съ момента заболѣванія.

Какъ бы то ни было, но паличность въ Ветлянкѣ рецидива и категорическое авторитетное опредѣленіе самой болѣзни очень озабочивали Лорисъ-Меликова. Онъ опасался, чтобы локализованная уже и прекратившаяся было до него эпидемія не вспыхнула съ новой силой.

Иностранные делегаты не заживались долго въ Ветлянкѣ. Они достигли своей цѣли и черезъ нѣсколько дней, послѣ кратковременнаго карантинна на мѣстѣ и радикальной дезинфекціи разъѣхались...

А у насъ тутъ-то и началась работа по оздоровленію какъ всей губерніи, такъ особенно ея рыбныхъ промысловъ (ватагъ) съ ихъ ларями для храненія соленой рыбы и прочимъ.

Немалыхъ трудовъ стоило приведеніе самой Астрахани въ лучшія санитарныя условія.

Графъ часто работалъ въ своемъ кабинетѣ съ 7—8 ч. утра до часа ночи, а съ нимъ одновременно работали, разумѣется, и мы всѣ за своимъ спѣшнымъ, отвѣтственнымъ дѣломъ.

¹⁾ Въ этотъ расчетъ не входятъ, конечно, первыя заболѣванія (прачекъ и др.), окончившіяся всѣ выздоровленіемъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ въ кабинетѣ графа что-то вдругъ загремѣло, свалилось на полъ... Поднялась суматоха... Оказалось, что заработавшійся за своимъ столомъ до поздней ночи Михаилъ Таріеловичъ почувствовалъ себя дурно и, вставъ съ мѣста, упалъ въ обморокъ, прямо на полъ головою...

Мягкіе ковры, устилавшіе весь полъ кабинета, предохранили графа отъ сильнаго ушиба, и все обошлось благополучно. Все же эта ночная тревога среди тишины нашихъ занятій оставила во всѣхъ тяжелое впечатлѣніе.

На другой день графъ и вида не подавалъ, что съ нимъ случилось. Онъ былъ только блѣднѣе обыкновеннаго, но все же работалъ, начавъ на этотъ разъ занятія свои часа на два, на три позднѣе и закончивъ ихъ къ обѣду—часамъ къ шести вечера.

Вообще Лорисъ-Меликовъ, при всей его подвижности и энергіи, вовсе не отличался прочнымъ здоровьемъ и былъ очень нервозенъ, а потому тревожная работа его по ветлянской чумѣ не могла не разстроить въ значительной степени его здоровья...

XVII.

Одной изъ основныхъ чертъ характера Лорисъ-Меликова, доказывающихъ его энергію, находчивость и умѣніе пользоваться предоставленнымъ ему исключительнымъ положеніемъ, является повсюду его неудержимая рѣшимость. Она не измѣнила ему и во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ его задачей и требующихъ для своего разрѣшенія санкціи городского самоуправления. Въ случаяхъ какихъ бы то ни было со стороны послѣдняго несогласій, помѣхъ или проволочекъ, графъ дѣйствовалъ, какъ диктаторъ, отлично зная и ни на минуту не забывая нашу всероссійскую халатность, совершенно не терпимую въ острые періоды общественной и государственной жизни.

Сдѣлавъ нѣсколько экстренныхъ засѣданій астраханской городской думы, для большаго удобства и престижа своей власти, у себя подъ рукою въ залѣ губернаторскаго дома, т. е. какъ бы въ своей канцеляріи, онъ тутъ же на мѣстѣ вершилъ всѣ дѣла такъ, какъ считалъ нужнымъ. Во многихъ случаяхъ онъ добивался, а то и просто, встрѣчая упорство, требовалъ исполнѣ опредѣленныхъ постановленій думы въ томъ именно смыслѣ, въ той редакціи и въ тѣхъ со стороны города обязательствахъ, какихъ требовали обстоятельства, не терпяція никакихъ отлагательствъ. Такія мѣры насилія графъ находилъ тѣмъ болѣе необходимыми, что онѣ были вовсе не обременительны для богатаго торгово-промысловаго города Астрахани, у котораго всегда могли найтись необходимыя средства.

Такимъ путемъ Лорисъ-Меликовъ добился для города многого и между прочимъ замощенія его главнѣйшихъ улицъ, насколько помню, въ трехлѣтній срокъ.

Вообще ветлянская чума, закончившаяся рецидивомъ, о которомъ я упомянулъ выше, и надѣлавшая большой тревоги, хотя и стоила значительныхъ затратъ и жертвъ, но все же принесла немало пользы. И городъ Астрахань и вся губернія сильно подтянулись и почистились, что быстро отразилось на ихъ санитарномъ благополучи.

Для оздоровленія Астраханскаго края графу ассигновано было четыре милліона, изъ которыхъ онъ умудрился израсходовать всего лишь 308 тысячъ.

Значительная часть общихъ расходовъ относилась къ вознагражденію, по оцѣнкѣ особою комиссіею, всѣхъ тѣхъ ветлянскихъ и другихъ станичныхъ домовладѣльцевъ, зачумленные дома которыхъ, въ числѣ 83, по постановленію санитарной комиссіи, были сожжены до тла.

Здѣсь тоже Лорисъ-Меликовъ, несмотря на его разумную экономію въ расходованіи отпущенныхъ ему суммъ, проявилъ въ отношеніи пострадавшихъ домовладѣльцевъ большую гуманность. Онъ все время слѣдилъ за оцѣнками подлежащихъ къ сожженію имуществъ, настаивая на возможно болѣе справедливомъ возмѣщеніи убытковъ потерпѣвшихъ. Хорошо при этомъ помню, что вслѣдствіе этого нигдѣ въ населеніи не проявлялось ни малѣйшихъ неудовольствій, и все обошлось вполне мирно и благополучно.

Очень озабочивали также Михаила Таріеловича разные санитарные недочеты на многочисленныхъ и обширныхъ рыбныхъ промыслахъ какъ въ самой Ветлянкѣ, такъ въ особенности въ устьяхъ рѣки Волги и на Каспійскомъ морѣ. Огромное скопленіе на нихъ всякаго пришлаго рабочаго люда со всей Россіи и самое производство на рыбныхъ ватагахъ посола и храненія рыбы въ ларяхъ, особенно еще при тепломъ климатѣ губерніи, доставляли всегда очень много данныхъ для всевозможныхъ дефектовъ, упущеній и нерадѣній въ этомъ громадномъ, сложномъ и доходномъ промыслѣ.

Рыбные рассолы, или такъ называемые по мѣстному тузлуки, образуемые въ ларяхъ при храненіи соленой рыбы, застаиваясь и портясь, не разъ вызывали при отравленіяхъ соленою рыбою подозрѣніе въ ихъ отравляющихъ свойствахъ. Во время же ветлянской эпидеміи, особенно въ первое время ея появленія, тузлуки эти возбуждали большое подозрѣніе (совершенно, какъ оказалось потомъ, напрасное въ отношеніи чумы). А станица Ветлянка, какъ рыболовная по преимуществу, изобилуя ларями и тузлуками, далеко не безупречными по ихъ качеству, первая вызвала это подозрѣніе во вредности тузлуковъ.

Повторяю еще разъ, что здѣсь, въ этихъ воспоминаніяхъ о покойномъ графѣ, не мѣсто распространяться объ этомъ интересномъ

предметъ, и если я говорю о немъ, то только потому, что онъ занималъ любознательнаго и дѣятельнаго Лориса. Не имѣя возможности быть самолично въ Ветлянкѣ, находившейся въ карантинномъ оцѣпленіи, онъ побывалъ на главнѣйшихъ рыбныхъ ватагахъ въ устьяхъ Волги и на берегахъ Каспія.

При разработкѣ всевозможныхъ санитарныхъ вопросовъ масса докладовъ составлялась для графа по оздоровленію рыбныхъ промысловъ и полицейско-санитарному надзору за ними. Помню хорошо, какъ однажды, въ ожиданіи засѣданія какой-то комиссіи, онъ поручилъ мнѣ экстренно написать въ какихъ-нибудь полчаса одинъ изъ такихъ докладовъ по тѣмъ даннымъ, которыя онъ тоже, конечно, спѣшно, нервно, одними намеками сообщилъ мнѣ, повторяя только вслѣдъ за каждымъ своимъ тезисомъ:

— Понимаете? Понимаете?.. А дальше развейте сами: то-то, моля, и то... Понимаете?.. Ну-съ, я жду черезъ полчаса совѣсьмъ готоваго доклада¹⁾.

Положеніе мое было не изъ завидныхъ. Помню, что въ засѣданіи комиссіи участвовали не только врачи мѣстные, но и много пріѣзжихъ, среди которыхъ находились и профессора. По всему этому докладъ надо было написать осмотрительно, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, а тутъ: спѣшность, сложность темы, моя нервность, самолюбіе, опасеніе, что, можетъ быть, я не такъ понялъ графа и не то совѣсьмъ пишу, чего онъ хочетъ... Вотъ тѣ мысли и настроенія, которыя волновали меня и не могли не волновать при данныхъ условіяхъ моей спѣшной работы...

Какъ бы то ни было, а докладъ былъ написанъ, и, когда онъ переписывался подъ мою диктовку, въ кабинетъ мой вошелъ нетерпѣливый Лорисъ.

— Ну, что, готово?.. А ну-ка, прочитайте!

Я началъ читать по своей черновой и, конечно, вслѣдствіе спѣшности, невольно волнуясь. Замѣтивъ это и какъ бы желая успокоить меня, Михаилъ Таріеловичъ схватилъ меня за руку, державшую рукопись, и, заглядывая въ нее, все повторялъ: «Такъ, такъ, ладно, хорошо!.. А вотъ тутъ надо бы развить это мѣсто...» И онъ началъ наскоро пояснять, что, по его мнѣнію, нужно было добавить къ его докладу...

Пока поправки и дополненія дѣлались мною, Лорисъ-Меликовъ ходилъ въ нетерпѣннн по кабинету, а когда писарь сталъ продолжать переписку, графъ въ первыя минуты не оставлялъ и его въ покоѣ. Стоя у него подъ рукою и заглядывая въ «бѣловой» докладъ,

¹⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній долженъ пояснить, что подобнымъ докладамъ всегда въ подобныхъ случаяхъ придавалась такая форма, какъ будто они исходили отъ лица самого графа. Графъ докладывалъ комиссіямъ о положеніи дѣла, выражалъ свое мнѣніе, предлагалъ его къ обсужденію, но, расходясь въ чемъ-нибудь съ большинствомъ, поступалъ всегда по-своему, по-диктаторски.

онъ до того смущалъ писца, что тотъ началъ на каждомъ словѣ ошибаться и, волнуясь, почти не могъ писать.

Замѣтивъ это, Михаилъ Таріеловичъ снисходительно улыбнулся, какъ-то лукаво взглянулъ на меня и, направляясь къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ мнѣ:

— Я жду...

Вообще, насколько мнѣ удалось замѣтить, Лорисъ-Меликовъ хотя и былъ всегда, какъ сангвиникъ и южанинъ, нетерпѣливъ и нервень, но никогда не проявлялъ къ своимъ подчиненнымъ и ихъ работамъ ни мнительности, ни недовѣрія, а потому работать съ нимъ было пріятно и легко. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ совершенный контрастъ съ астраханскимъ губернаторомъ Н. Ц. Биппеномъ, который, въ силу упомянутыхъ выше присущихъ ему свойствъ, былъ человѣкъ очень безпокойный, мнительный, нерѣшительный, часто даже мелочной и по всему этому довольно-таки тяжелый въ служебномъ отношеніи.

XVIII.

Закончивъ свое дѣло, дождавшись снятія карантинныхъ и пробывъ въ Астрахани около двухъ мѣсяцевъ, гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, покидая ее и разставаясь со всѣми нами, сказалъ мнѣ въ своемъ кабинетѣ въ присутствіи губернатора Биппена:

— Ну, теперь къ вамъ, милый, моя послѣдняя просьба: не въ службу, а въ дружбу... Составьте мнѣ краткій, но обстоятельный историческій очеркъ бывшей ветлянской эпидеміи отъ самаго начала ея вплоть до снятія карантинныхъ и объявленія губерніи благополучной по чумѣ. Очеркъ этотъ (обращаясь къ Биппену), ваше превосходительство, не откажите прислать мнѣ, а сего друга милаго (указывая на меня) не откомандировывайте къ его должности до полного окончанія имъ порученной мною работы...

Такимъ образомъ, мнѣ пришлось проработать «по чумѣ» еще около двухъ мѣсяцевъ, дѣлая выборки изъ громаднаго чумнаго дѣла, разросшагося до двадцати двухъ томовъ, такихъ толстѣйшихъ по объему, что я долженъ былъ дѣлать разнаго рода приспособленія и устранять у своего письменнаго стола подходящія подставки, чтобы укладывать на нихъ эти толстѣйшіе и потому высочайшіе томы и достигать такимъ путемъ уровня ихъ съ моимъ столомъ. Иначе верхняя обложка дѣла, при нахожденіи его на столѣ, была выше головы моей. Очень естественно, что работать при такихъ условіяхъ было бы невозможно.

Говорю объ этомъ вскользь, какъ о явленіи характерномъ, наглядно подтверждающемъ, что даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ наша канцелярщина и бумагоманія всегда находили и находятъ мѣсто въ нашемъ бюрократическомъ мірѣ.

По окончаніи работы моей составленная мною историческая записка «О бывшихъ въ 1878—79 гг. въ Астраханской губерніи остро-заразныхъ эпидемическихъ заболѣванійхъ, оказавшихся восточною чумою» отослана была Лорисъ-Меликову въ Харьковъ, гдѣ онъ находился въ это время, будучи временнымъ генераль-губернаторомъ пяти смежныхъ губерній.

Я не знаю объ участи моей записки, но не могу не сказать, что она заключала въ себѣ очень интересный и цѣнный матеріалъ для исторіи ветлянской чумы. Думаю, что любознательный Лорисъ-Меликовъ только потому и заставилъ меня составить ему эту записку, что исторія ветлянской чумы представляетъ собою массу любопытнаго матеріала. Да не посѣтуетъ на меня мой снисходительный читатель за отступленіе отъ главной темы моего очерка, но я не могу не сказать объ истинной причинѣ, о настоящемъ источникѣ ветлянской чумной эпидеміи, какъ бы ни показался анекдотиченъ приводимый здѣсь мною эпизодъ, за достовѣрность котораго я ручаюсь.

Выше, упоминая о ветлянской эпидеміи, я не даромъ дважды подчеркнул эпитетъ: «загадочной» эпидеміи. Она дѣйствительно была загадочной для нашей бюрократіи, всегда способной запутывать, осложнять и затемнять всякое дѣло, всякое изслѣдованіе, лишь бы по возможности умалить фактъ бѣдствія въ личныхъ интересахъ.

Надъ ветлянской чумой ломали головы 120 врачей, купно съ докторами медицины и профессорами, и никто изъ нихъ не зналъ и навѣрно не знаетъ и по сіе время, откуда взялась эта чума? Тайну эту знали только трое лицъ: губернаторъ Бишпепъ, правитель его канцеляріи Чичинадзе да я. Оба названные лица уже скончались и на моей совѣсти осталось то, что я считаю своимъ долгомъ повѣдать міру во имя всеобщающей истины.

Астраханскіе рыбопромышленники, страшно, конечно, стѣсненные, въ силу обстоятельствъ, тройнымъ карантиннымъ оцѣпленіемъ, безусловнымъ запрещеніемъ вывоза рыбы и всякаго рыбнаго товара куда бы то ни было и строжайшимъ санитарнымъ надзоромъ на самыхъ промыслахъ (ватагахъ), теряя матеріально, злились, негодовали и громко кричали, что никакой чумы нѣтъ, что чуму придумали для «наградъ» и наживы чиновниковъ и докторовъ. Но все эти вздорные и обычные при массовыхъ повальныхъ эпидеміяхъ толки невѣжественныхъ или узко-эгоистичныхъ людей нисколько ни могли поколебать наличность самаго факта существованія въ Ветлянкѣ и другихъ пунктахъ Астраханской губерніи (вплоть до селенія Селитряннаго, находящагося въ 70 верстахъ отъ Астрахани) если не чумы, то какой-то странной, подозрительной, остро-заразной эпидемической болѣзни, безусловно смертельной. Откуда же взялась и какъ проникла въ Ветлянку эта болѣзнь?

За два, за три года передъ тѣмъ (да и ранѣе, насколько помнится) въ гор. Рештѣ (Персія) возникали иногда весною болѣе или менѣе

незначительныя эпидеміи чумы, что въ Персіи явленіе довольно нерѣдкое.

Каждый разъ наши агенты извѣщали о такихъ эпидеміяхъ астраханскаго губернатора, который съ своей стороны всегда принималъ кое-какія охранительныя мѣры учрежденіемъ санитарнаго надзора въ устьяхъ р. Волги и на «Девяти футахъ» въ Каспійскомъ морѣ. Обыкновенно мѣсяца черезъ полтора или два чума въ Рештѣ, подъ вліяніемъ какихъ-то неблагопріятныхъ для ея развитія обстоятельствъ (можетъ быть, рано наступающей въ Персіи жары и связанной съ нею засухи) прекращалась, о чемъ тотчасъ же давали оттуда знать въ Астрахань, и всѣ наши мѣропріятія по охранѣ губерніи отъ эпидеміи тоже немедленно прекращались.

Въ тотъ же годъ, когда въ Ветлянкѣ вспыхнула эпидемія чумы (1878 г.), произошло нѣчто другое. Въ мартѣ или апрѣлѣ опять появилась въ Рештѣ чума. Опять губернаторъ былъ извѣщенъ объ этомъ. Я служилъ тогда въ управленіи рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ и хорошо помню, что управляющій этимъ учрежденіемъ очень былъ недоволенъ, что губернаторъ Н. Н. Биппенъ просилъ его отрядить почти всю нашу «рыбную полицію»¹⁾, и всѣ наши пароходы, суда и лодки для разѣздовъ по Каспійскому побережью и по рукавамъ Волги—въ ея обширной вѣтвистой дельтѣ,—съ цѣлью постоянного карантиннаго наблюденія за подозрительными парусными и другими судами, прибывающими изъ Персіи.

Помню отлично, что въ ту раннюю весну у насъ было много работы по нашему рыбному дѣлу и что все это приходилось отложить и поневолѣ взяться за организацію санитарнаго надзора, за установленіе цѣлага ряда подходящихъ мѣръ, сочиненіе «обстоятельныхъ», экстренныхъ предписаній, циркуляровъ и т. д.

Дѣло, конечно, было спѣшное и серьезное, такъ какъ съ чумою вообще, а въ то время въ особенности, шутить и медлить нельзя было. Черезъ три-четыре дня все съ нашей стороны было сдѣлано, и наша «рыбная полиція» больше чѣмъ на половину превратилась въ карантинную стражу.

Прошло при такихъ условіяхъ какихъ-нибудь недѣли двѣ, не больше, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, получаемъ мы отъ губернатора бумагу, извѣщающую насъ, что чума въ Рештѣ прекратилась совершенно, вслѣдствіе чего всѣ наши охранительныя мѣропріятія также должны быть прекращены, съ возвращеніемъ оторваннаго отъ своего спеціальнаго дѣла служебнаго персонала къ его прямымъ обязанностямъ. Управляющій торжествовалъ, а я, какъ неисправимый пессимистъ, недоумѣвалъ: «Что такъ скоро?..».

¹⁾ Досмотрщиковъ, стражниковъ, смотрителей и такъ называемыхъ «общественныхъ надзирателей», составляющихъ цѣлый персоналъ, учрежденный для правительственнаго надзора за правильностью рыболовства.

Прошло еще съ мѣсяць, не больше, какъ въ самой Астрахани и въ ея окрестностяхъ (на Казачьемъ Бугрѣ и проч.) стали появляться какія-то странныя заболѣванія людей лихорадкою, но съ опухолями въ пахахъ. Я самъ видѣлъ подобныхъ больныхъ на Казачьемъ Бугрѣ, въ сосѣдствѣ съ дачею моихъ родственниковъ, у которыхъ я часто гостилъ.

Всѣ такія заболѣванія оканчивались выздоровленіемъ, и о смертныхъ случаяхъ ничего не было слышно. Много лѣтъ практиковавшій въ Астрахани опытный врачъ А. И. Длужневскій, специалистъ по леченію и распознаванію лихорадокъ, говорилъ, что случаи лихорадокъ съ опухолями лимфатическихъ желѣзъ бывали въ его практикѣ, но весьма рѣдко; въ томъ же году они почему-то очень участились, что онъ относитъ просто къ эпидемичности лихорадокъ этой именно формы.

Слушая эти доводы компетентнаго врача, я, хотя самъ и не врачъ, но бывшій студентъ медицины, не лишенный любознательности и привычки наблюдать, дѣлалъ о бубонныхъ лихорадкахъ совсѣмъ иное заключеніе.

Понаблюдавъ еще нѣсколько случаевъ подозрительной болѣзни на томъ же Казачьемъ Бугрѣ, я увлекся моими наблюденіями и выводами и помѣстилъ въ мѣстномъ листкѣ замѣтку о подозрительности названныхъ выше лихорадочныхъ заболѣваній, имѣвшихъ характеръ чумы, хотя и въ самой легкой формѣ.

Статейку мою цензуръ какъ-то проглядѣлъ, но осторожный и трусливый Н. Н. Бишпень не пропустилъ ее и потребовалъ меня къ себѣ для объясненій. Въ результатѣ цензору былъ сдѣланъ выговоръ, а мнѣ строго запрещено толковать публично о такомъ щекотливомъ предметѣ, въ которомъ я, по мнѣнію губернатора, былъ совсѣмъ не компетентенъ.

Въ заключеніе Бишпень, знавшій меня за человѣка мнительнаго, улыбнулся и сказалъ:

— Бросьте вы эту чумную литературу, навѣянную на васъ, конечно, страхомъ передъ чумою, а то вѣдь я вышлю васъ изъ губерніи!..

XIX.

Писать больше при такихъ обстоятельствахъ я уже, разумѣется, не могъ, но говорить о моихъ подозрѣніяхъ и предположеніяхъ не переставалъ. Астраханскіе врачи, слушая меня, только улыбались, а нѣкоторые изъ нихъ убѣдительно говорили мнѣ:

— Полно вамъ увлекаться! Никто изъ насъ, врачей, не знаетъ чумы, а вы вотъ узнали ее!..

Въ жаркое и, по обыкновенію, крайне сухое лѣто того года о лихорадкахъ съ бубонами ничего не было слышно; о нихъ совсѣмъ

перестали говорить... Но вотъ настала осень и на этотъ разъ, какъ исключеніе, весьма ненастная, хотя и очень теплая. Въ концѣ октября, насколько помню, стали вдругъ поговаривать, что въ Ветлянкѣ появилась какая-то странная лихорадка, въ родѣ тифа, съ опухолями въ пахахъ, а иногда и подъ мышками...

Я сейчасъ же въ силу своихъ воззрѣній на это дѣло, спохватился и сталъ дѣятельно разузнавать и слѣдить, насколько это было возможно, черезъ двухъ-трехъ близкихъ со мною врачей астраханскаго казачьяго войска (въ вѣдѣніи котораго находилась тогда станица Ветлянка) о ходѣ загадочной эпидеміи. Кстати сказать, врачи эти были очень молоды и неопытны. Они и слушать не хотѣли моихъ «фантазій» и только трубили одно по всему городу:

— Какая тамъ чума! Кто это выдумалъ!

Что же случилось потомъ? Такое легкомысліе этихъ несчастныхъ молодыхъ врачей стоило имъ обоимъ жизни. Командированные одинъ за другимъ атаманомъ астраханскаго казачьяго войска Ф—ъ въ Ветлянку, они и тамъ не признали въ больныхъ странную болѣзнь—чумныхъ... Дабы успокоить населеніе, прекратить наступавшую въ немъ панику и разные толки о «чумѣ», они нисколько не береглись заразы, находясь не только въ тѣсномъ общеніи съ чумными, которыхъ они по наивности вовсе не признавали за чумныхъ, но даже, въ видахъ большей убѣдительности, тѣсно соприкасались и обнимались съ ними...

Всѣ эти безразсудные, рискованные эксперименты окончились тѣмъ, что оба молодые, честные, но легковѣрные труженики заболѣли одинъ за другимъ легочною чумою и умерли—на 3-й и 5-й день съ момента заболѣванія. Фамиліи ихъ М. Л. Морозовъ и Григорьевъ.

Словомъ, чумная эпидемія, какъ видно было выше, развилась и стала несомнѣнна для всѣхъ. Откуда же взялась она и почему проявилась въ Ветлянкѣ, а не въ другомъ пунктѣ?

Отвѣчу сначала на вторую часть вопроса. Она проявилась въ Ветлянкѣ точно такъ же, какъ проявлялась въ Астрахани, гдѣ не получила развитія вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ для нея условій и оставалась до своего исчезновенія въ очень легкой, совсѣмъ незаразительной формѣ.

Въ Ветлянкѣ на первыхъ порахъ болѣзнь тоже была въ легкой формѣ (сначала бубонной чумы, а затѣмъ уже легочной) и давала нѣкоторое время 100% выздоровленій. Зато, когда болѣзнь развилась и обострилась, что было въ ноябрѣ и декабрѣ, она стала уже давать 100% смертности. Развилась же чума въ Ветлянкѣ вслѣдствіе какихъ-то весьма для того благопріятныхъ условій: антисанитарнаго состоянія станицы, теплой, дождливой и очень сырой осени и проч.

Отвѣчая на первую часть поставленнаго мною выше вопроса, напомнимъ читателю моему о спѣшномъ и слишкомъ раннемъ въ томъ

году упраздненіи всѣхъ санитарныхъ и карантинныхъ мѣропріятій, вызванномъ совершенно неожиданнымъ, будто бы, прекращеніемъ въ Рештѣ чумы. На самомъ же дѣлѣ о прекращеніи тамъ этой эпидеміи не имѣлось у астраханской администраціи ровно никакихъ данныхъ, а случилась нѣчто совсѣмъ, повидимому, невѣроятное, у насъ же въ Россіи вполне возможное, ибо чего только у насъ не бываетъ (вспомнимъ хотя бы провалившіеся потолоки 1-ой государственной думы).

Стараніями заботливаго Н. Н. Биппена ему открытъ былъ, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, кредитъ въ 20,000 руб. на разныя, въ случаѣ надобности, санитарныя мѣропріятія противъ занесенія къ намъ изъ Персіи чумы.

Съ этою цѣлью главнѣйшею съ его стороны санитарною мѣрою было учрежденіе на Девяти футахъ въ Каспійскомъ морѣ карантинной агентуры 3-го класса, для обсерваціи всѣхъ судовъ, приходящихъ въ устья Волги изъ персидскихъ портовъ. Обсервація эта заключалась не только въ тщательномъ медицинскомъ осмотрѣ всѣхъ прибывающихъ и рациональной дезинфекціи, но и въ выдержаніи карантина разныхъ степеней, отъ 5 до 21 дня, смотря по тому, откуда именно пришло къ намъ «сомнительное» судно. Наибольшій карантинный терминъ назначался въ тѣ годы, о которыхъ я говорю, для судовъ, приходящихъ непосредственно изъ Решта, гдѣ чума, какъ было уже сказано, появлялась почти ежегодно.

Весною 1878 года, въ самый періодъ только что устроеннаго передъ тѣмъ на Девяти футахъ карантиннаго загражденія, случилось пріѣхать изъ Решта двумъ высокопоставленнымъ особамъ, путешествовавшимъ по Персіи и имѣвшимъ, какъ это скоро оказалось, крупныя связи въ Петербургѣ. Особамъ этимъ, на ряду со всѣми другими прибывшими, предложено было выдержать 21-дневный карантинъ.

Возмущившись такимъ стѣсненіемъ и вовсе не желая вкушать столь долгое время сладости карантиннаго ареста, именитые туристы послали Биппену телеграмму съ ходатайствомъ о пропускѣ ихъ безъ выдержанія карантина.

Въ удовлетвореніи такой нелѣпой просьбы было, разумѣется, отказано. Возбѣщенные этимъ вліятельныя особы закатали шифрованные и всякія другія депеши кому слѣдуетъ въ Петербургъ... Въ депешахъ этихъ они, безъ сомнѣнія, жаловались на ненужныя яко-бы карантинныя стѣсненія торговли и промышленности, раздутыя безъ всякой нужды мѣстною администраціей.

Депешъ этихъ, разумѣется, никто не видѣлъ, но позднѣе въ дѣлахъ канцеляріи губернатора я нашель переписку и телеграфныя распоряженія изъ Петербурга, относящіяся къ тому именно времени. Изъ содержанія ихъ ясно было, что повліяло на такое

неожиданно-быстрое прекращеніе весною 1878 г. всѣхъ охранительныхъ мѣропріятій.

Бѣжавшіе изъ Решта черезъ Девять футовъ «особы» имѣли, какъ видно было, такія связи, что Биппенъ и не подумалъ протестовать или возражать Петербургу, разъ тамъ нашли нужнымъ признать, что въ Рештѣ чума совершенно прекратилась. На самомъ же дѣлѣ она тамъ въ то время существовала, а потому и была завезена къ намъ, хотя и въ легкой формѣ, сначала въ Астрахань, гдѣ, какъ сказано выше, не получила развитія, а затѣмъ и въ Ветлянку, гдѣ постепенно развилась въ эпидемію, обострившуюся въ апогеѣ до самыхъ острыхъ, скоротечныхъ формъ такъ называемой апоплектической чумы—*pestis siderans orientalis*.

Вотъ фактъ, достойный полнаго вниманія. Онъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствуетъ о многомъ... Послѣ этого и говорить не стоитъ, какъ нелѣпо придумано было нашими врачами объясненіе заноса въ Ветлянку чумы изъ Турціи прослѣдовавшими черезъ Девять футовъ послѣ турецкой войны войсками и особенно самими же казаками астраханскаго казачьяго войска. Объясненіе это ровно ни на чемъ не основано и вполне фантастично.

Всѣ хорошо знаютъ и помнятъ, что въ турецкую кампанію свирѣпствовалъ въ войскахъ тифъ разныхъ формъ, но нигдѣ, рѣшительно нигдѣ не было слышно о чумѣ—ни въ самой Турціи, ни тѣмъ болѣе въ нашихъ войскахъ.

Фактъ заноса чумы въ Ветлянку прямо изъ Персіи несомнѣнъ, и я, пользуясь случаемъ, считаю долгомъ заявить здѣсь объ этомъ для исторіи чумныхъ эпидемій въ Россіи. Заявлять объ этомъ фактѣ ранѣе я находилъ неудобнымъ: и Н. Н. Биппенъ и Д. В. Чичинадзе были еще живы и могли бы не только протестовать противъ такого заявленія и оспаривать его изъ особыхъ соображеній, но и возымѣть на меня неудовольствіе за неосторожное оглашеніе хотя и несомнѣннаго, но все же слишкомъ щекотливаго факта.

Кажущуюся анекдотичность рассказаннаго мною эпизода я не хочу вовсе ни передъ кѣмъ оспаривать черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, но не могу не указать, что этотъ грустный эпизодъ нашей всероссійской сеобоярщины, нашего барскаго эгоизма стоилъ многимъ жизни, огромныхъ расходовъ, убытковъ и массы тревогъ и риска для всего населенія.

И чего бы еще могъ онъ стоить, если бы не счастливый исходъ эпидеміи, которому въ огромной мѣрѣ и государство и общество должны быть обязаны Н. Н. Биппену и Д. В. Чичинадзе, первымъ и главнѣйшимъ дѣятелямъ по обнаруженію, локализаціи и прекращенію ветлянской чумы.

Винить же ихъ въ проникновеніи эпидеміи въ наши предѣлы, послѣ рассказаннаго мною выше, никому, разумѣется, и въ голову не придетъ...

XX.

Отъѣздъ Лорисъ-Меликова изъ Астрахани не прекратилъ его сношеній съ отцомъ моимъ. Ожидая высшаго назначенія (на постъ министра внутреннихъ дѣлъ), графъ не скрылъ этого отъ своего кавказскаго сослуживца и на просьбу его предоставить ему подъ старость какую-либо болѣе обезпечивающую и болѣе спокойную должность обѣщаль это сдѣлать всенепремѣнно.

Изъ бесѣдъ отца моего съ графомъ, передаваемыхъ мнѣ, я помню очень хорошо, что Лориса занимали тогда обширныя преобразованія въ государственномъ строѣ имперіи и что въ его восточной горячей головѣ кишмя-кишѣли проекты, предположенія и реформы, осуществить которые, увы! не удалось.

Во всякомъ случаѣ Лорисъ-Меликовъ былъ такъ добросовѣстенъ въ своихъ обѣщаніяхъ отцу моему, что, во избѣжаніе, вѣроятно, какихъ-либо сомнѣній, вызвалъ его осенью 1880 г. въ Петербургъ для личнаго свиданія.

Несмотря на свое высокое въ то время положеніе (министра внутреннихъ дѣлъ)¹⁾, графъ встрѣтилъ и принялъ отца съ прежнимъ, чисто кавказскимъ радушіемъ, пригласилъ его къ обѣду и въ продолжительной аудіенціи повѣдалъ ему свои сложные государственные планы. Въ бесѣдѣ этой, раскрывая, такъ сказать, передъ старымъ пріятелемъ свои карты, Лорисъ вполне обнадежилъ отца полученіемъ такого служебнаго положенія, которое могло бы обезпечить старому кавказцу воспитаніе остальныхъ его дѣтей и солидную, болѣе или менѣе спокойную дѣятельность, не выходя въ отставку, которой отецъ мой всегда боялся, какъ всякаго мертваго покоя, невыносимаго для его подвижной, живой натуры.

— Поработаемъ, поработаемъ еще съ тобою, Гавріиль Ивановичъ,—сказалъ Лорисъ на прощаніе моему отцу, обнимая его у себя въ кабинетѣ по-товарищески, какъ кавказецъ кавказца.

Въ періодъ ожиданій тѣхъ административныхъ реформъ, которыя, по мнѣнію Лорисъ-Меликова, должны были осуществиться черезъ годъ или полтора, онъ не забылъ и про меня—его скромнаго сотрудника во время ветлянской эпидеміи.

Когда астраханскій губернаторъ Н. Н. Вишневъ получилъ постъ сенатора и на его мѣсто назначенъ былъ графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ, Лорисъ-Меликовъ рекомендовалъ ему меня въ правители канцеляріи, какъ человѣка, лично и хорошо ему извѣстнаго. Рекомендаціей этой я однако не воспользовался, предпочитая кан-

¹⁾ А незадолго передъ тѣмъ онъ былъ главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи, учрежденной 12 февраля 1880 г.

целярской карьерѣ литературно-педагогическую дѣятельность, къ которой всегда чувствовалъ призваніе.

Упоминаю объ этомъ, лично меня касающемся фактѣ, дабы еще разъ указать на свойственную Лорисъ-Меликову благородную черту: не забывать и цѣнить тѣхъ, кого онъ удостоилъ своимъ до-вѣріемъ, въ комъ не имѣлъ повода разочароваться.

Слѣдующій за этимъ примѣръ съ отцомъ моимъ еще больше подтверждаетъ эту присущую графу черту.

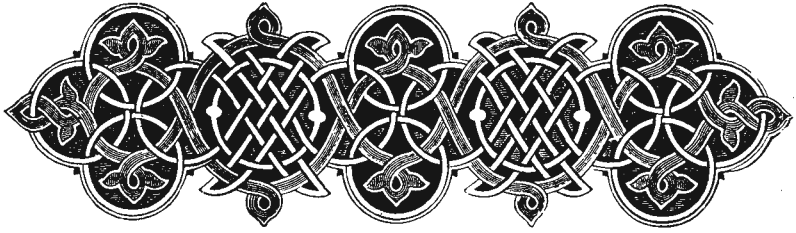
Когда роковое 1 марта 1881 г., а за нимъ не менѣе роковое для Лорисъ-Меликова 8 марта ¹⁾ закончили его карьеру, и онъ рѣшилъ выйти въ отставку, то и въ эти тяжелые скорбные для него дни онъ передъ самымъ уходомъ своимъ вспомнилъ о томъ, кому давалъ обѣщанія. Такъ какъ проектированныя графомъ реформы рухнули сами собой вмѣстѣ съ нимъ, то ему ничего не оставалось больше, какъ предоставить моему отцу хоть то, что было возможно. И вотъ, недолго, вѣроятно, раздумывая, онъ назначаетъ его на должность начальника нижегородскаго жандармскаго управленія...

Но этотъ крайне въ то время отвѣтственный постъ вовсе не отвѣчалъ желаніямъ отца моего и вовсе не могъ доставить ему сколько-нибудь спокойную служебную дѣятельность. Лорисъ-Меликову не до того, конечно, было, чтобы спрашивать отца о согласи занять названную выше должность: предоставляя ее, онъ хотѣлъ лишь сдержать слово и доказать этимъ свое вниманіе и свою признательность за все прошлое...

Н. Вучетичъ.

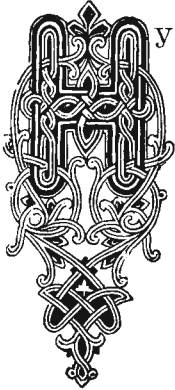
¹⁾ Знаменательное совѣщаніе 8 марта 1881 г. рѣшило не только участь проекта Лорисъ-Меликова о конституціи, но и его собственную участь, такъ какъ побѣда осталась, какъ извѣстно, за К. П. Побѣдовосцевымъ, а Мих. Гар. вмѣстѣ съ графомъ Д. А. Милютинымъ, горячимъ сторонникомъ идеи народнаго представительства, смѣло высказавшимся въ защиту проекта «диктатора», вышли въ отставку—почти одновременно. Авт.

ИЗ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Очерки).

I.

У ЧТО, ДѢДЪ Степанъ, сдалъ казну?—поинтересовался я узнать отъ довольно уже старенькаго мужика Степана Дробы, сосѣда по усадьбѣ моей, вчера только возвратившагося изъ губернскаго города П., въ казначейство котораго отвозилъ онъ собранныя имъ подати отъ односельчанъ своей небольшой деревушки Осиновки, у вѣзда въ которую на длинномъ шестѣ прибита была дощечка, гдѣ большими бѣлыми буквами по черному фону значилась надпись: «мужеска пола 73 души, а женска 68». Дощечка эта была очень давняго происхожденія, судя по облѣзшимъ отъ времени и буквамъ и цифрамъ, такъ что нужно предположить, что въ моментъ описываемаго мною событія душъ обоого пола было далеко больше, чѣмъ значилось на ней. Со временемъ эта «признака», какъ говорили мужики, была кѣмъ-то изъ озорниковъ унесена вмѣстѣ со всѣмъ ея содержимымъ и больше, по крайней мѣрѣ въ мое время, она не появлялась, а вмѣсто нея, чуть не на томъ же самомъ мѣстѣ, по приказу новаго администратора, появилась другая, такого же типа, но уже гласящая такъ: «дорога на село такое-то».

— Сдалъ, — какъ-то уныло, безнадежно отвѣтилъ онъ мнѣ. — Штобъ его больше никогда не доводилось такъ сдавать, — повторилъ

онъ.—Сдать-то я сдать, да не въ казначейство, а прямо въ руки халамиднику (хулигану).

— Какъ же это случилось?—спросилъ я его.

— Да вот садитесь да и послушайте.—При этомъ собесѣдникъ мой любезно подставилъ мнѣ мельничную съ тремя кривыми ногами табуретку, работы мѣстныхъ мастеровъ. Разговоръ нашъ происходилъ на площадкѣ моего вѣтряка, куда я иногда призывалъ старика въ качествѣ мельника. Подъ шумъ вертящихся мельничныхъ крыльевъ и скрипъ вращающагося около оси своей мельничнаго вала дѣдъ началъ:

— Собралъ я со своихъ мужиковъ податей пятьдесятъ пять рублей и съ ними отправился въ городъ, чтобы сдать ихъ въ казначейство. Часовъ я не знаю и поэтому пришелъ туда рано. Казначейство было еще закрыто, и въ ожиданіи его открытія я и усѣлся на ступенькахъ лѣстницы. Сижку и подремливаю себѣ. Смотрю, подходит ко мнѣ какой-то молодой парень, одѣтый попросту, по-нашему, по-мужичьему. Парень ласково со мною поздоровался и усѣлся тутъ же рядомъ со мною. Завелъ онъ со мною разговоръ—кто я, да откуда, да по какому дѣлу пришелъ я сюда... Все я ему объяснилъ какъ слѣдуетъ, по порядку.

«— А вы?—спрашиваю я его.

«— Я,—говоритъ онъ мнѣ,—тоже сборщикъ изъ села П. и пришелъ, говорить, по тому же дѣлу—взнести подати.

«Ну, подумалъ я, значить, товарищъ, и охотнѣе сталъ съ нимъ разговаривать. Парень мнѣ очень понравился; съ понятіемъ и развитіемъ, не то, что я, старый, да еще и при часахъ.

«— Дѣдушка. Еще только восемь часовъ,—вынимая изъ кармана часы свои, сказалъ онъ мнѣ.—Паны (чиновники) раньше, какъ къ десяти часамъ, не сойдутся. Намъ, говорить, еще и погулять можно. А я ему на это и отвѣтилъ: тутъ, говорю, не такъ погулять, какъ кваску хочется испить. Селедки поѣлъ и пить хочется до смерти. Парень и тутъ оказался не дуракъ. Я, говорить, знаю тутъ одну квасную будочку, гдѣ продаютъ очень хорошій квасъ. Пойдемъ, говорить, дѣдушка. Пошли мы съ нимъ. Приходимъ къ будкѣ. Парень потребовалъ двѣ бутылки квасу. Одну самъ выпилъ, а другою меня угостилъ. Ну, теперь, говорить онъ, пойдёмъ вотъ туда, подальше, тамъ мы посидимъ да покуримъ. Идемъ. Смотрю, товарищъ мой скоро, скоро нагнулся къ землѣ и что-то поднялъ. Показываетъ мнѣ какой-то кожаный мѣшокъ (бумажникъ), а въ немъ денегъ четыре сотни, да все такія новеньки, катеринки (сотни). Парень мой ажъ подскочилъ отъ радости. Кладъ, говорить, дѣдушка нашли. По двѣ сотни на человѣка. Меня отъ радости ажъ за сердце взяло. Вотъ, думаю, привезу домой сколько денегъ... Послалъ и мнѣ, подумалъ я тогда, на старости лѣтъ Господь счастье... Сидимъ себѣ да покуриваемъ и отъ радости такой я даже и разговаривать

не могъ. Смотрю, идетъ прямо на насъ, да такъ скоро, скоро, какой-то баринъ, такой разодѣтый—въ шляпѣ и при перчаткахъ. Товарищъ и говоритъ мнѣ: цыть же, дѣдь, никому не говори, что мы нашли, а то будетъ намъ. Баринъ прямо до насъ. Я только что, говоритъ онъ, проходя вотъ въ этомъ мѣстѣ, выронилъ бумажникъ, а въ немъ было четыре сотни денегъ. Это вы, молодцы, должно подобрали, такъ какъ, кромѣ васъ, тутъ никого другого не было.

«Мы давай клясться Христомъ Богомъ, что не поднимали никакого бумажника. Баринъ такъ строго велѣлъ намъ показать все, что есть у насъ въ карманахъ. Къ первому ко мнѣ онъ обратился. Вынулъ я изъ кармана гаманецъ (кошелекъ) свой, да и показываю барину. Баринъ посчиталъ, сколько тамъ было денегъ, и, возвращая мнѣ обратно кошелекъ, сказалъ: нѣтъ, это деньги не мои.

«— А ну, ты показывай,—обратился онъ къ товарищу. Тотъ было заспорилъ, но баринъ силою полѣзъ къ нему за пазуху и вынулъ оттуда свой бумажникъ.

«— Такъ вотъ вы какіе молодцы,—говоритъ онъ намъ.—Ограбить меня, мерзавцы, захотѣли... Нѣтъ, я уже, говоритъ, этого дѣла такъ не оставляю,—да какъ крикнетъ: городской! городской!—и схватилъ насъ за руки и давай тащить насъ въ полицію. На смерть испугался я. До старости дожилъ я и никогда не былъ ни въ полиціи, ни подъ судомъ какимъ, а тутъ засадятъ меня еще въ тюрьму... Упалъ я на колѣнки и давай просить у барина помилованія.—Ваше высокоблагородіе! господинъ баринъ! я не виноватъ. Это онъ поднялъ, сказалъ я, указавъ на парня. Хорошо,—говоритъ баринъ.—Я тебѣ, старикъ, вѣрю, а его ни за что не помилюю и потащилъ парня въ полицію, а меня освободилъ. Хотѣлъ сатана попутать меня, а Господь милосердный оглянулся на меня, старика, и не допустилъ меня до гибели... Такъ думалъ я, идя обратно въ казначейство.

«Прихожу. Казначейство уже открыто. Я прямо къ столику до чиновника. Отакъ и такъ, говорю, деньги принесъ съ общества. Чиновникъ велѣлъ подать мнѣ деньги. Вынулъ я свой кошелекъ, раскрылъ его, а тамъ, вмѣсто денегъ, старыя пуговицы да рваныя бумажки. Я какъ закричу. Спасайте!—кричу:—меня баринъ ограбилъ!; Посмѣялись чиновники съ меня, стараго дурака, а кто-то посовѣтовалъ мнѣ обратиться въ полицію. Побоялся я итти въ полицію. Какъ бы, думалъ я, меня еще и въ тюрьму не засадили. Никто, вѣдь, не видѣлъ, какъ халамидники обокрали меня, и подумаютъ еще, что я самъ укралъ общественныя деньги, да и самъ придумалъ такое дѣло. Заплакалъ я, да и пошелъ себѣ домой. Видно, горю этому никто уже не поможетъ. Разказалъ я все обществу, сталъ просить помилованія у общества. Общество меня помиловало, а денегъ все-таки потребовало. Отпросился я у общества до первой ярмарки. Продамъ я тамъ свою шкапу (лошадь), да и расплачусь съ обществомъ.

— Отака сторія случилась со мною, старымъ дуракомъ,—закончилъ онъ, печально опустивъ свою голову.

Проработавши у меня день-другой, дѣдъ ушелъ домой. Слыхалъ я потомъ, что старикъ, проболѣвъ что-то немного времени, умеръ.

— Ужъ очень задосадовалъ дѣдъ,—говорили мнѣ потомъ мужики. — Пришлось продавать послѣднюю шкапу свою, чтобы уплатить долгъ обществу.—Вотъ съ досады, должно, и померъ дѣдъ Степанъ...

II.

Какъ-то сообщаютъ мнѣ,—дѣло было подъ весну,—что сосѣдъ мой, дѣдъ Антонъ, при смерти. Врядъ ли и до ночи прожить...

Дѣдъ Антонъ представлялъ собою человѣка стараго закала, съ присущими типу этихъ людей тѣми хорошими сторонами нравственнаго уклада, которыя въ настоящее время рѣдко можно встрѣтить въ простолюдинѣ. Доброй души, человѣкъ этотъ былъ и религіозенъ и честенъ до щепетильности, а ужъ хлопотунъ, трудолюбивъ былъ до крайности. Имѣя большую семью, состоящую изъ жены его, старухи такого же типа, какъ и онъ самъ, сына, невѣстки и пяти или шести внучатъ, онъ всячески старался быть полезнымъ семьѣ своей, не быть ей въ тягость, не быть тѣмъ «лишнимъ ртомъ», которымъ такъ тяготея въ семьѣ простаго человѣка, будь то бѣдная семья, или семья съ извѣстнымъ достаткомъ, и поэтому свои слабыя старческія силы онъ старался всячески использовать, пока еще носили его ноги. Бывало, въ зимнее время, далеко еще до свѣта, когда семья его еще спитъ, старикъ успѣвалъ и двухъ лошадокъ своихъ прибрать и корму подложить имъ и коровѣ, и напоить послѣднюю, чтобы побольше молока припустила ко времени дойва, и поросятъ накормить, заглянуть и туда и сюда по хозяйству, а весною и лѣтомъ только и видишь этого «патріарха» съ большою сѣдою бородою ѣдущимъ еще далеко до восхода солнца верхомъ на одномъ конѣ и держащимъ на поводу другого, куда-нибудь на межникъ, и пока начнутся работы, у него уже лошади и напашены и напоены.

— Готово,—скажетъ тогда дѣдъ сыну:—можешь запрягать.

Старикъ былъ и умный и толковый человѣкъ. Семью свою онъ очень любилъ, но былъ и строгъ и требователенъ къ ней. Лишняго говорить не любилъ и говорилъ только все къ дѣлу. Сплетенъ какихъ, перемѣшанныхъ со всякою небылицею, онъ не могъ выносить. Врагъ всякихъ плохихъ сосѣдскихъ отношеній, онъ не разъ говаривалъ: «Съ сосѣдомъ нужно жить по доброму, да по хорошему». Такого правила держался онъ всегда и не измѣнялъ ему даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сосѣдскія свинья или птица сдѣлаютъ какой

вредъ его огородинѣ. Пошлетъ, бывало, кого изъ внуковъ выгнать изъ огорода назойливое чужое животное, а чтобы какую ругань поднятъ, ссору, какъ водится между мужиками, или старосту звать да понятыхъ и требовать съ сосѣда плату за потраву—ни за что.

Старикъ былъ и неусыпный хозяинъ. Благодаря его энергій, труду, хозяйство велось у него въ большомъ порядкѣ. Водились у него, какъ говорили, и деньжонки. Кромѣ семьи сына, живущей при немъ, былъ у него и еще сынъ, старшій, проживающій гдѣ-то въ Закаспійскомъ краѣ, была и дочь, замужемъ въ Ялтѣ.

Старшій братъ не въ ладахъ былъ съ младшимъ. Все, какъ говорили, изъ зависти, что младшій братъ живетъ безъ нужды при старикѣ, тогда какъ ему, старшему, приходилось службою добывать пропитаніе для себя и семьи своей. Вотъ изъ этихъ элементовъ состояла семья, главою которой былъ умирающій, какъ сказали мнѣ, дѣдъ Антонъ. Я его очень любилъ и, услыхавши о его болѣзни, я сейчасъ же и отправился навѣстить его и, если возможно, то и подать ему посильную помощь.

Живя долгое время въ деревнѣ, вдали отъ медицинской помощи, я всегда держалъ въ домѣ аптечку съ перевязочными средствами и со всякими медикаментами. Народъ это зналъ и охотно приходилъ ко мнѣ за помощью и почему-то крѣпко вѣрилъ въ цѣлебныя свойства моихъ лекарствъ. «Что фершалъ, наболтаешь тамъ какого-то лекарства, али подмѣшаетъ до хины крейды (мѣлу), да и сунетъ тебѣ, а лихорадка все трясеть, да и трясеть, а ваши порошки дѣйствуютъ «уразъ» (сразу),—убѣжденно говорили мои случайные пациенты, словно и дѣйствительно то была правда.

Захожу я къ старику въ избу и вижу такую картину. На полу (доски вдоль стѣнъ, замѣняющія въ избахъ кровать), головою къ образамъ лежитъ дѣдъ, скрестивши на груди руки и держа въ нихъ восковую свѣчу. Приподнятая его голова покоится на двухъ подушкахъ съ только что, видно, надѣтыми на нихъ чистенькими наволочками. На старикѣ надѣта чистая сорочка, и тѣло его до половины было покрыто чистенькимъ же рядномъ (вмѣсто одѣяла). Вся эта обстановка показывала, что человекъ приготовили уже къ смерти, къ тому же въ одномъ углу рыдала, заливаясь горькими слезами, невѣстка старика, а у ногъ его сидѣла на табуреткѣ старуха его, склонивъ свою сѣдую голову къ ногамъ умирающаго. Тутъ же стояли его внучата, глядя какъ-то испуганно на своего умирающаго дѣда. У печи стояла какая-то баба, которая усердно старалась выть на всю хату, причитая какія-то ужъ очень жалостливыя слова.

Вслѣдъ за мною вошелъ въ хату сынъ старика; онъ какъ-то понотомъ, вполголоса сообщилъ мнѣ, что «батько» помираетъ и что помощь ему почти что бесполезна.

— А вотъ увидимъ,—отвѣтилъ я ему и со словами этими подхожу къ изголовью умирающаго.

Когда я взялъ его за руку, чтобы прощупать его пульсъ, старикъ открылъ глаза и, всмотрѣвшись въ лицо мое, слабымъ, едва слышнымъ голосомъ произнесъ:

— Это вы...

— Да, это я, милый ты мой дѣдъ, пришелъ навѣстить и помочь тебѣ.

Добрая, хорошая улыбка озарила лицо старика, и онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы приподняться, сѣсть, но силы его уже оставили, и, поворочавши головою изъ стороны въ сторону, онъ могъ только издать какой-то тяжелый, безнадежный вздохъ.

— Зачѣмъ... Свое я уже прожилъ... Дѣтей своихъ Господь помогъ мнѣ до ума довести... Будетъ съ меня... Пусть теперь уже и сами поживутъ... Не хлопчите за мною... Пора... пора...—какъ бы въ забытіи произнесъ старикъ.

Въ отвѣтъ на эти слова старика послышалось всхлипываніе (прерывистый плачъ) его семьи... Наступила какаля-то жуткая, зловѣщая тишина въ хатѣ. Словно все ждали, что за этими словами послѣдуетъ послѣдній вздохъ умирающаго...

— Ну, что ты, дѣдъ,—прерывая эту зловѣщую тишину, обратился я къ умирающему:—неужели ты и взаправду умирать собрался? А я думаю, что мы съ тобою еще и верхомъ поѣздимъ, а умереть еще успѣемъ, належимся еще тамъ, а теперь нужно выздоравливать тебѣ. Вотъ давай-ка я тебя приподниму, да расскажи мнѣ, въ чемъ дѣло.

Старикъ по-дѣтски радостно взглянулъ на меня. И во взглядѣ этомъ сколько и вѣры и надежды было... Умирать, очевидно, не хотѣлось старику, и лучъ надежды осѣнилъ его умные, хорошіе глаза.

Я предложилъ окружающимъ взять свѣчу изъ рукъ старика и самъ при помощи невѣстки приподнял его и, обложивъ его подушками, усадилъ на койкѣ.

— А теперь расскажи, что и гдѣ у тебя болитъ?

Больной провелъ рукою по животу, приговаривая слабымъ голосомъ: «Отутъ, отутъ болитъ у меня... Такъ болитъ, что и дышать мнѣ трудно». Я прощупалъ его кишечникъ, нашелъ болѣзненное мѣсто, но признаковъ, какъ казалось мнѣ, чего-то серьезнаго, смертельнаго, я не находилъ, а изъ разспросовъ больного узналъ я, что онъ часто страдалъ невареніемъ желудка и вотъ теперь болѣе недѣли онъ не имѣлъ стула. Ясно было, что тутъ имѣло мѣсто засореніе желудка, принимая къ тому же во вниманіе грубую пищу простолюдиновъ вообще и въ частности малороссовъ съ ихъ традиціонною «галушкою». Вслѣдствіе такого долговременнаго засоренія желудка у старика было общее недомоганіе съ позывомъ на рвоту, съ отсутствіемъ всякаго аппетита. Все это заставило семью старика думать, что пришелъ конецъ дѣду, и поэтому приготовили его къ смерти, кажется, причастивъ его уже наканунѣ.

Какое чувство руководило членами семьи этого старика: полное ли равнодушіе къ его смерти, или увѣренность, что уже никто и ничто не поможетъ старику подняться на ноги,—но никто изъ нихъ не попробоваль оказать старику какую помощь, предоставивъ ему умирать такъ зря, здорово живешь. Любя этого человѣка, я былъ очень возмущенъ такимъ равнодушнымъ отношеніемъ къ нему семьи его, что тутъ же и высказаль. На это сынъ его, стоявшій все время безучастно у порога избы, произнесъ: «Два вѣка, вѣдь, не жить, все равно умирать когда-нибудь нужно»...—Равнодушіе такое къ смерти своего отца со стороны сына и тотъ тонъ голоса его, какимъ онъ произнесъ эти свои слова, показались мнѣ ужасно странными, если не сказать больше. Не видя пока, насколько я могъ понять, ничего угрожающаго жизни старика, я съ полнымъ убѣжденіемъ сказалъ, что онъ будетъ живъ.

— Сейчасъ я вернусь къ тебѣ, дѣдушка, съ лекарствами,—уходя, произнесъ я.

Старикъ набожно перекрестился, словно онъ творилъ какую-то молитву, всѣ присутствующіе здѣсь послѣдовали его примѣру, кромѣ сына, который продолжалъ стоять неподвижно на мѣстѣ, какъ вкопанный, какъ-то недобро глядя исподлобья и на меня и на всѣхъ присутствующихъ.

Вернулся я обратно съ кружкою Эсмарха, касторкою и согрѣвающимъ компрессомъ. Всѣ эти манипуляціи продѣлаль я со старикомъ, а къ утру посланный мой сообщилъ мнѣ, что дѣдъ уже и по хатѣ прохаживается... Благодаря уходу за старикомъ и той легкой питательной пищѣ, которая посылалась отъ насъ ему, силы его скоро стали восстанавливаться, и уже черезъ недѣлю я видѣль старика сидящимъ на призьбѣ (завалинкѣ) своей хаты, окруженнымъ своими внучатами, одна изъ которыхъ, дѣвочка лѣтъ 4—5, очень, видно, любила своего дѣда, и, когда я подходилъ къ нему, она со своими распростертыми ручонками подбѣжала ко мнѣ, радостно извѣщая меня, что дѣдъ имъ уже и сказки рассказываетъ; а прошло еще нѣкоторое время, и я видѣль старика ѣдущимъ верхомъ на попасѣ лошадей.

— Ну, что, дѣдъ, не правъ я былъ, когда сказалъ тебѣ, что еще и верхомъ поѣдемъ съ тобой?

— Давай Богъ вамъ здоровья, что обратовали (спасли) меня и дали еще на свѣтѣ пожить. А жить хорошо и какъ хорошо, да еще и весною, когда всякая Божья птичка славить Господа... Успѣемъ еще умереть,—повторилъ онъ слова мои.

— Успѣемъ, успѣемъ, дѣдъ!—крикнулъ я ему вослѣдъ.

Я безконечно былъ радъ «воскресенію» старика. Какое-то хорошее, умилительное чувство охватило меня при видѣ этого «патріарха» опять ѣдущимъ верхомъ на конѣ. Вѣдь вотъ, ни за что, ни про что хотѣли уже похоронить этого чуднаго человѣка и столь

полезнаго труженика для семьи своей. Я сказалъ «хотѣли», и частью былъ правъ. У дѣда, какъ упомянуть я выше, и деньжонки водились, и всякая утварь хозяйственная была у него въ избыткѣ. Много уже лѣтъ, какъ отсутствовали изъ дому другой сынъ его и дочь замужняя. За это время много накопилъ старикъ всякаго добра, до денегъ включительно. Отсутствующія дѣти не знали, конечно, объ этомъ. Зналъ только сынъ, живущій при старикѣ. Получаемыя издалека письма отъ брата о его намѣреніи возвратиться домой страшно смущали Омелька (Емельяна). Умри отецъ до возвращенія домой брата, все это добро достанется исключительно ему одному, а успѣетъ братъ вернуться—пойдутъ споры, нелады и, главное, дѣлежъ послѣ смерти отца всего этого добра... Думы эти неотвязно мучили его, какъ я потомъ узналъ, и были причиною его полного равнодушія къ болѣзни старика и къ самой смерти, если бы таковая и послѣдовала. Странное, бездушное его поведеніе тогда, при «умираніи» отца, и грубое его отношеніе къ отцу послѣ выздоровленія его производили непріятное впечатлѣніе. Встрѣчаясь со мною послѣ выздоровленія старика, онъ старался замѣтно избѣгать меня; и раньше онъ не былъ особенно привѣтливъ, ну, а теперь уже пересталъ и здороваться со мною, словно я ему какую тяжкую обиду нанесъ.

Прошло около года. Какъ-то—была уже глубокая осень,—пошелъ я въ поле къ плугамъ своимъ. Пошелъ я кратчайшей дорогою мимо деревенскаго общественнаго кладбища. Вижу, мужики роютъ для кого-то могилу. Я поинтересовался узнать, кого будутъ хоронить:

— Дѣда Антона,—отвѣчали они мнѣ.

Я былъ прямо пораженъ такимъ печальнымъ для меня извѣстіемъ. Нѣсколько дней тому назадъ, не больше недѣли, я еще видѣлъ старика сидящимъ въ кожухѣ (полушубкѣ) на призьбѣ своей хаты, и вдругъ—его уже будутъ хоронить. Я сейчасъ же вернулся обратно въ хату старика.

Бѣдный мой дѣдъ лежалъ уже на столѣ. Голова его покоилась на тѣхъ же чистенькихъ подушкахъ, какъ и тогда. На скрещенныхъ рукахъ его лежалъ небольшой образокъ; чистая сорочка, надѣтая на немъ, и чистое рядно, покрывавшее его тѣло, завершали одѣяніе его. Все было, казалось, такъ же, какъ и тогда... но желтое лицо съ опустившимися мертвенно-желтыми вѣками его глазъ, отсутствіе пульса въ рукѣ показывали, что старикъ на этотъ разъ дѣйствительно умеръ.

Поклонился я праху этого честнаго труженика и вышелъ изъ хаты его подъ впечатлѣніемъ хотя и не преждевременной (старикъ было уже за 70 лѣтъ), но все-таки тяжелой утраты. Слыхалъ я потомъ, что старикъ проболѣлъ тою же болѣзнию, что и тогда, но, оставленный, быть можетъ, и преднамѣренно, безъ всякой помощи,

онъ, провалявшись съ недѣлю, умеръ. Возможно, что на этотъ разъ тоже можно было «обратовать» его, но... два вѣка, вѣдь, не жить,— припомнилъ я слова сына.

Возвращаясь отъ дѣда Антона обратно въ поле, я опять проходилъ мимо тѣхъ же «могильщиковъ». Мужики энергично, весело выбрасывали лопатами землю изъ ямы, рассказывая другъ другу что-то ужъ очень веселое, такъ какъ всѣ дружно смѣялись.

— Ну, что, баринъ, у дѣда Антона были?—отозвался одинъ изъ нихъ, когда я поровнялся съ могилой.

— Да, заходилъ...

— Ну, что же,—крышка?

— Да, жалъ старика,—отвѣчалъ я.

— Да что жалѣть. Пора и ему на покой,—отозвался другой.— Свое прожилъ. Нужно и Омелькѣ дать пожить.

— Да развѣ онъ мѣшалъ кому жить?—замѣтилъ я.

— Мѣшать-то не мѣшалъ, да все же Омелько не былъ хозяиномъ при старикѣ.

— Все отписалъ Омелькѣ,—отозвался второй.—А добра у дѣда всякаго было немало, и вернись во время домой Грицько (другой сынъ), то Омелькѣ всего хозяйства и не досталось бы.

— А почему же только одному Омелькѣ?—поинтересовался узнать я.

— А кто же, какъ не онъ одинъ, доглядалъ дѣда до самой смерти его.

Какой ироніей звучали слова эти: доглядалъ... Всѣ эти рассказы людей, копающихъ такъ весело могилу для старика въ надеждѣ получить изрядную выпивку за свою работу, были неприятны мнѣ, и я молча отошелъ отъ нихъ, чтобы продолжать свой путь.

III.

Мы еще сидѣли за утреннимъ чаемъ, какъ входитъ прислуга-хохлушка и, обращаясь ко мнѣ, заявляетъ, что «Карпівъ батько чегось-то прійшовъ до васъ».

Карпо Кононенко—крестьянинъ нашей же деревни. Болѣзненный, слабоздоровный, онъ женатъ былъ почти на слѣпой женщинѣ съ бѣлымъ на одномъ глазу и съ какимъ-то недостаткомъ въ другомъ глазѣ, которымъ она могла видѣть только очертанія предметовъ, но не самые предметы. Отъ женщины этой онъ имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, между которыми были и подростки, годные для занятій «подпасычей» и погоничей при лугахъ. Карпо человѣкъ былъ и не безъ талантовъ: умѣлъ плести соломенные шляпы (малороссійскіе брили) съ длиннѣйшими полями изъ только что выкинувшей колосья ржи и умѣлъ хорошо, по слуху, конечно, играть на скрипкѣ. Музыкантъ въ душѣ, игралъ онъ всегда съ большимъ

чувствомъ. Исполнялъ онъ хорошо и пѣсни съ грустными мотивами, и «весильныя», до свадебныхъ включительно, но особенную слабость имѣлъ онъ къ пѣснѣ «Якъ у лузі калина росла». Пѣснь эту онъ импровизировалъ по-своему, вливая въ нее всю свою душу, и послѣдній аккордъ этой грустной пѣсенки онъ проводилъ смычкомъ по струнамъ съ такимъ чувствомъ, что даже иногда и слезу уронить на свою старенькую уже, во многихъ мѣстахъ склеенную, скрипку, доставшуюся ему когда-то въ наслѣдство отъ умершаго слѣпого нищаго-музыканта. Со скрипкой своей онъ, кажется, никогда не разставался. Пасъ ли онъ ночью воловъ въ полѣ—скрипка при немъ; ложился ли онъ спать—скрипку свою клалъ онъ подъ голову (чтобы кто не укралъ ее). Нѣсколько лѣтнихъ сроковъ (сезоновъ) онъ служилъ у меня воловикомъ. Днемъ обыкновенно волю были въ работѣ и приходилось ему всегда пасти ихъ ночью. Темная, мрачная осенняя ночь, ни зги не видно, а онъ идетъ себѣ по полямъ впереди воловъ, играя на скрипкѣ, и животныя эти такъ привыкли къ звукамъ этой «его» скрипки, что шагъ за шагомъ слѣдовали за своимъ пастухомъ, не отставая отъ него и не разбредаясь по сторонамъ. Съ цѣлью провѣрки его мнѣ не разъ приходилось ходить въ поле и въ чудныя звѣздныя украинскія лѣтнія ночи, и въ мрачныя, дождливыя осеннія, и по отдаленнымъ звукамъ скрипки находилъ я его.

Изъ мужиковъ нашей деревни Кононенко былъ самый бѣдный. Надѣльной земли у него не было, такъ какъ отецъ его былъ изъ «дворовыхъ» людей; «воля» застала его еще на военной службѣ, гдѣ онъ отбывалъ свою солдатчину, будучи взятъ на службу въ царствованіе императора Николая I, прослуживши на ней болѣе двадцати лѣтъ. Вернувшись со службы, женился, имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остался только упомянутый мной Карпо. Уже немало лѣтъ было старику, когда онъ женилъ своего сына на какой-то, по ироніи судьбы, полуслѣпой дѣвушкѣ. Семья эта, во главѣ съ николаевскимъ солдатомъ, не имѣла, что называется, ни кола, ни двора и поэтому вѣчно скиталась на батрачнѣмъ положеніи, служба то тамъ, то сямъ, то вмѣстѣ со старикомъ, то порознь, пока, наконецъ, не переѣхала въ свою родную деревню. Сперва семья эта ютилась въ полуразвалившейся избѣ одного изъ «отхожихъ» мужиковъ, которому платила она въ годъ четыре рубля, а затѣмъ старикъ выпросилъ у общества въ аренду нѣсколько сажень выгонной земли для постройки на ней своей избы. Собралось общество и на сходѣ своемъ постановило отвести старику нѣсколько сажень земли съ платою ежегодной аренды по два рубля въ годъ. Заручившись такимъ согласіемъ общества, старикъ на сколоченныя имъ долгимъ трудомъ деньги купилъ гдѣ-то на сносъ старенькую, ветхую избенку за 18 рублей и при помощи всеильной въ деревнѣ водки перевезъ ее на свою усадьбу. Одинъ изъ сердобольныхъ плотниковъ согласился за восемь рублей возстановить

избу, а бабы за «могарычъ» обмазать ее, и на зиму семья эта переѣхала уже въ свою собственную избу. Сколько радости, веселья принесла семья избушка эта «на курьихъ ножкахъ». Въѣздъ въ «свой уголъ» этихъ бѣдняковъ былъ торжественный; въ складчину купили водки, всякаго угощенія; собрались и пожилыя бабы, и молодницы, и подъ звуки Карповой скрипки пошли танцы и пѣсни.

«Грай, грай, коли граешь, коли чорни брови маешь», въ перемежку съ «Оцѣ жъ тобѣ журавля, цибастаго, цибастаго...»—раздавалось далеко за полночь хорошей украинской осенней ночи.

На другой день, по обычаю, съ хлѣбомъ и солью я отправился къ «музыканту» своему посмотреть его собственное жилье. Любезные хозяева-супруги встрѣтили меня на порогѣ избы и предложили входить въ нее осторожно, чтобы не стукнуться головою объ «одвирокъ», такъ какъ дверь была далеко ниже роста средняго человѣка. Внутри избы встрѣтилъ меня очень старенькій, небольшого роста человѣкъ, въ такой же очень старенькой николаевской шинели съ нѣсколькими орденами на ней. Человѣкъ этотъ опустилъ руки по швамъ и на привѣтствіе мое отвѣтилъ хотя и старческимъ, но довольно еще зычнымъ голосомъ:

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе,—и хотя передъ нимъ стоялъ человѣкъ не въ военной формѣ, но старый служака не оставлялъ правила, выработаннаго въ немъ долгой, суровой службою николаевскихъ временъ. Я тутъ впервые познакомился съ этимъ «Карповымъ батькомъ». Этотъ типъ постепенно уже вымирающихъ старыхъ солдатъ показался мнѣ трогательно симпатичнымъ.

Когда я разговорился съ нимъ о его старой службѣ, его старческіе глаза засвѣтились какимъ-то хорошимъ огонькомъ. Его уже ослабѣвшая память начала припоминать всѣ тѣ многочисленные эпизоды изъ его долгодѣтней службы, изъ военныхъ событій, въ походахъ которыхъ и противъ «турка поганого», и въ покореніи Кавказа протекли всѣ лучшіе годы его жизни. При воспоминаніяхъ былой славы своего полка онъ еще больше выпрямлялся, словно вырасти старался, и, все болѣе оживляясь, весь какъ-то преобразался.

— Что нонче солдатъ,—говорилъ старикъ.—Ему бы только на печи съ бабою лежать. Служба его и легкая и короткая. А, ну, поди, какъ мы... Приѣхаль къ намъ смотрѣ дѣлать главнокомандующій «янераль Ярмола» (Ермоловъ). «Братцы,—говоритъ онъ намъ,—не посрамите свою полка». Мы какъ грянемъ, какъ одинъ человѣкъ: «Рады стараться, ваше высокопревосходительство...»—И старались, не по-нынѣшнему...—И пошелъ, и пошелъ старикъ припоминать разныя событія, по своей, уже старческой памяти, перемѣшивая и ихъ и имена одни съ другими.—А какъ взяли мы въ плѣнъ,—продолжалъ старикъ,—ихъ самага главнаго командира Шавельку-

пашу (Шамиль?)...—но тутъ бесѣда его была прервана прибѣжавшей со двора моего дѣвушкой.

— Шось до васъ прихало,—сообщила она мнѣ, и я ушелъ, поблагодаривъ старика за бесѣду его, обѣщавъ ему дослушать прерванный разговоръ въ другой разъ.

Вотъ этотъ самый «Карпівъ батько» чего-то и пришелъ ко мнѣ, какъ сказалъ я въ началѣ этого очерка. Со дня моего знакомства съ нимъ прошла уже вся зима, въ теченіе которой мнѣ иногда приходилось видѣть его издалека, но продолжать прерванную тогда бесѣду съ нимъ какъ-то не приходилось.

— Ну, что скажешь, дѣдушка?—спросилъ я его.

Онъ такъ же, какъ и при первомъ моемъ знакомствѣ съ нимъ, вытянувшись и выпрямившись во весь свой небольшой ростъ, слабымъ, едва слышнымъ голосомъ произнесъ:

— Плохо-съ мнѣ... нездоровъ-съ... Если ваша милость, то пособіе мнѣ какое изволите дать?

— А чѣмъ же ты боленъ, дѣдушка?—переспросилъ я его.

— До вѣтру-съ не хожу вотъ уже двѣ недѣльки.

Я посовѣтовалъ старику отправиться къ нашему земскому врачу, такъ какъ возможно, что у него сдѣлалось что-нибудь серьезное, въ виду такого долгаго времени неработы желудка, когда уже однѣми слабительными не можешь, и посовѣтовалъ ему не ѣсть тяжелой пици. Въмѣсто лекарства я предложилъ старику чай, сахаръ, булку и денегъ для поѣздки къ врачу, такъ какъ дойти до врача, по слабости своей, онъ не могъ. Старикъ поблагодарилъ меня и ушелъ.

Прошло нѣкоторое время, когда я, проходя черезъ дворъ, зашелъ въ рабочую кухню. Вижу, старикъ сидитъ у стола и доѣдаетъ уже послѣдній кусокъ булки, запивая ее водою. Доѣдалъ онъ ее какъ-то жадно, спѣшно, все озираясь по сторонамъ, словно боясь, чтобы кто-нибудь не отнялъ ее у него. Я вышелъ изъ кухни незамѣченный старикомъ, а на другой день еще съ утра послалъ узнать о здоровьи его и ѣздилъ ли онъ къ доктору. Посланный мой принесъ отвѣтъ отъ старика, что къ доктору онъ не ѣздилъ, такъ какъ, слава Богу, онъ уже поправился. Булка моя, какъ оказалась, была цѣлебнымъ средствомъ для него, а дѣло было въ томъ, какъ обнаружилось впоследствии, что злая, полуслѣпая невѣстка положительно морила голодомъ своего свекра, отнимая отъ него всякій кусокъ хлѣба. Отъ вѣчнаго недоѣданія старикъ отошаль; желудокъ его отказывался уже и работать, и въ этомъ и состояла болѣзнь его, пособить которой онъ и просилъ меня. Зная хорошо, что и этотъ кусокъ хлѣба отнять отъ него дома, онъ и успѣшилъ съѣсть его въ моей кухнѣ. Старикъ получалъ и пенсію въ размѣрѣ трехъ рублей въ мѣсяць, но невѣстка отнимала у него ихъ, какъ только приносили ихъ домой. Семья эта, въ лѣтніе мѣсяцы, когда и отецъ

семьи могъ служить, и подростки-дѣти могли заработать кое-что въ качествѣ подпасычей и погоничей при плугахъ, и сама «слѣбая» вчастую приглашалась мною на всякія полевыя работы, жила безъ нужды, но уже къ 15 ноября всякіе источники доходовъ прекращались. Отецъ семьи этой, хилый, болѣзненный человѣкъ, не могъ выносить никакихъ работъ въ зимнюю стужу и залегалъ до весны, питаясь со своею семьею тѣми запасами, которые припасены у нихъ были за время рабочихъ мѣсяцевъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ запасы все больше истощались, и уже къ концу зимы семья эта голодала. Голодовка эта отражалась наисильнѣе на старикѣ, который въ общиналою крестьянской семьѣ представлялъ собою уже «лишній ротъ», но гордаго стараго воина никто никогда не видѣлъ побирающимся именемъ Христа. Нужду свою онъ терпѣлъ молча, безропотно, о ней я узналъ только послѣ его смерти.

Прошло уже около года. Въ началѣ марта, когда обыкновенно мнѣ приходилось нанимать рабочихъ на лѣтніе сроки, является ко мнѣ договариваться все тотъ же «музыкантъ» Карпо. По слабости своего здоровья, какъ упомянулъ я раньше, онъ не годенъ былъ ни для какихъ работъ въ зимнее время, а поэтому всю зиму пролеживалъ на печи, поѣдая послѣднія крохи хлѣба. Онъ словно замиралъ на зиму, пробуждаясь съ появленіемъ теплыхъ весеннихъ лучей.

На немъ была надѣта сѣренькая, старенькая солдатская шинелька. Я поинтересовался узнать, откуда досталъ онъ эту шинельку.

— А це жъ батькивська,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, а какъ же батько обходится безъ нея?

— А вони померли ще передъ Риздвомъ,—сказалъ онъ.

Изъ разспросовъ я узналъ, что недѣли за три до Рождества старикъ занемогъ. Зима та была суровая, съ большими морозами, доходившими до 25°, избенка же ихъ была и сырая и холодная. Единственнымъ прибѣжищемъ отъ стужи было мѣсто на печи, но оно нужно было для невѣстки съ дѣтьми, и старикъ уступилъ его, пріютившись самъ въ промерзломъ, сыромъ углу избы, на полкѣ вдоль стѣны, замѣняющей кровать; здѣсь ему пришлось и умереть, укрывшись все тою же шинелькою, которая служила для него единственною верхнею одеждою.

— Вони які-то чудны були,—досказывалъ мнѣ сынъ про «батька» своего.—Якъ уже дуже (очень) хворы стали, то въ ту нічъ, якъ померли, начепили (надѣли) на свою шинель медали свои солдатски, а потімъ того наділи шинель, та і легли спаты... Прокинувся (проснулся) я у ночі, та и чую (слышу), шо вони шось про яку-то солдатску муштру балакають (разговариваютъ); тількі и розибравъ я: «такъ тошно, ваше високоблагородіе...» а въ ранці (утромъ) пидхожу я до нихъ, а вони уже і мертвы...

Такъ закончилъ свое земное существованіе этотъ маленькій герой большихъ походовъ и умеръ такимъ же маленькимъ незамѣтнымъ человѣкомъ. Въ послѣднія минуты своей жизни, когда онъ уже находился въ агоніи, передъ нимъ, вѣроятно, явился призракъ одного изъ его старыхъ начальниковъ. Этотъ загробный, съ того свѣта голосъ что-то произнесъ своему солдату.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе,—отвѣтилъ старый ветеранъ и съ этими словами и замеръ.

IV.

По селу нашему распространился слухъ, обошедшій его изъ конца въ конецъ, достигшій и меня, что общество села Ф., сбоку котораго находилась и усадьба моя, наняло въ писаря при сельской сборнѣ небывалаго и невиданнаго дотолѣ въ такой должности человѣка, «большого пана», какъ говорили мои сосѣдніе мужики-малороссы.

Въ администраціи какой-то губерніи «панъ» этотъ, какъ говорили, занималъ какую-то видную должность, но за что-то былъ уволенъ со службы, и вотъ его-то и наняло общество въ писаря къ себѣ за семьдесятъ рублей годового жалованья, а прежде, какъ говорилъ тотъ же слухъ, получалъ онъ тысячи. Въ правдивости слуховъ пришлось мнѣ скоро и самому убѣдиться.

Нанялъ я въ услуженіе къ себѣ одного мальчика, жителя того же села Ф. Договоръ о наймѣ долженъ былъ быть засвидѣтельствованъ мѣстнымъ сельскимъ старостою. Обыкновенно дѣлается это такъ: староста прикладываетъ свою должностную печать, а сбоку ея подписывается сельскій писарь. Такъ оно было и на этотъ разъ: безграмотный староста вверхъ ногами, по обыкновенію, приложилъ свою законченную сальной свѣчою печатку, а на этотъ разъ подъ нею подписался «писарь села Ф. надворный совѣтникъ Четыркинъ».

Я ужасно заинтересовался личностью этого надворнаго совѣтника и въ одно изъ посѣщеній меня сельскимъ старостою началъ спрашивать его, какъ произошло это.

— Было дѣло,—началъ свой рассказъ староста,—подъ Рождество. Собралъ я общество, чтобы поговорить, гдѣ намъ найти себѣ сельскаго писаря, кого намѣтить на эту должность. Кто совѣтовалъ Петра Гарькаваго, кто Ивана Сивошпаку, а кто того, а кто иного... Петро Гарькавый—человѣкъ и молодой, и хорошо грамотный, и съ начальствомъ умѣетъ обойтись, такъ какъ служилъ когда-то въ волости, да ужъ очень слабъ насчетъ водки... Иванъ Сивошпака—парень и разумный и смысленный, такъ очень ужъ охочъ до дѣвчачь: какъ стемнѣло, онъ уже и на улицѣ, а зимою день малый, только и работы, что вечеромъ при огнѣ, а его нѣтъ... Долго мы разговаривали, совѣтовались, да никакъ дѣла не разберемъ—кого

и что... А тутъ—смотримъ, идетъ до насъ какой-то человѣкъ, да такъ скоро, скоро... Сапоги порваны, свитка на немъ ободрана, козырекъ съ картуза виситъ на бокъ, въ рукѣ палка, а за плечами маленькая котомочка... Подходить къ опчеству, а самъ весь трясется... видно, и смерзъ и голодный... Снялъ онъ картузъ свой да и повелъ такую рѣчь до «опчества»:

«— Здравствуйте, говорить, люди добрые! Отъ меня, говорить, путника вѣчнаго, странника безпріютнаго, привѣтъ вамъ, люди умные, хорошіе! Гонимый, говорить, и вѣтромъ буйнымъ въ полѣ, и звѣремъ лютымъ въ лѣсу, и людскою злобою и неправдою, я вѣчный скиталець на землѣ Божьей, покуда не приметъ она меня, мать сыра-земля... Привѣтъ вамъ, люди добрые, сердечные...— сказалъ да и упалъ на землю, да какъ заплачетъ, да какъ застонеть...

«Умолкло все опчество, затихли разговоры, всѣ повернулись къ нему: жаль стало намъ человѣка, да такъ жаль, будто за сердце что схватило...

«Видѣли мы всякихъ людей; какого только народа не шляется по селу, и краю и конца ему нѣтъ; а этотъ показался намъ не такимъ, какъ прочіе, что ходятъ ежедневно подъ окнами, куска хлѣба просяючи. Мы къ нему. «Встань, говоримъ ему, человѣкъ ты Божій, иди, обогрѣйся въ хатѣ, да расскажешь намъ, кто ты такой, какого роду, званія, откуда Богъ несетъ тебя, какая тоска носить тебя по бѣлу свѣту...» Всталъ, а слезы изъ очей его капаютъ, какъ весенній снѣгъ съ крыши.

«Повели мы его въ сборню, посадили за столъ; кто принесъ ему хлѣба, кто борщу, а кто и водкою давай его угощать. Обогрѣлся онъ, отдохнулъ, бѣдняга, силы набрался, да и обратился къ намъ съ такою рѣчью:

«— Хожу я, люди добрые, по свѣту тоску свою разсѣять. Какъ змѣя, она обернулась вокругъ сердца моего и кровь теплую сосетъ съ него. Тоска моя велика и конца ей не видно...

«— Довольно тебѣ,—говоримъ ему,—съ тоскою своею... Гдѣ ея только нѣтъ... есть она и у богатаго, есть и у убогаго, есть и у великаго, есть и у малаго... Довольно тебѣ... Расскажи лучше, кто ты такой... Можетъ, ты убилъ кого, да и спрячешься отъ суда, а того и не знаешь, что гнѣвъ Божій найдетъ тебя, гдѣ бы ты ни укрылся... Можетъ быть, ты ограбилъ кого, сиротъ по міру пустилъ... Расскажи намъ всю правду, какъ она есть.

«Повѣдалъ онъ намъ все. Какого званія онъ, какого рода, гдѣ служилъ онъ, и все прочее. Увидѣли мы, что человѣкъ онъ дѣльный, разумный и хорошій, да нѣтъ счастья ему... и шатается по бѣлу свѣту, гдѣ бы голову свою приклонить... Безталанный, бѣдняга, горькая доля его, нѣтъ ему счастья... Жалко намъ стало его и наняли мы его себѣ въ писаря. Положили мы ему жалованья семь-

десять рублей въ годъ; «а какъ будешь хорошо вести себя,—сказали мы ему,—то на другой годъ и еще что-нибудь прибавимъ».

— Ну, что жъ,—спросилъ я старосту,—общество довольно имъ?

— Еще бы! Человѣкъ онъ и разумный и въ письменномъ дѣлѣ очень исправенъ... только замѣтно, что ужъ очень охочъ до водки. Если бы не это, то прямо золотой человѣкъ... Ну, нельзя сказать, что онъ какой пьяница. При дѣлѣ онъ всегда при своемъ разумѣ. Мы имъ очень довольны, и онъ насъ почитаетъ и старается, какъ бы все лучше для общества выходило... Такого писаря у насъ и отъ роду не было.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ. Сообщаютъ мнѣ, что сельскій писарь пришелъ ко мнѣ по какому-то дѣлу.

На порогѣ передней стоялъ небольшого роста, плотнаго сложения человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ. Испитое, обрюзгшее лицо съ помутнѣвшими глазами, смотрѣвшими куда-то въ сторону; свѣтлые, но уже съ большой просѣдью на головѣ волосы, рѣдкою прядью висѣвшіе на лбу и вискахъ; умный, выразительный лобъ... Старенькій, съ продырявленными локтями пиджакъ, брюки съ заплатами на колѣняхъ... Такого вида стоялъ передо мною человѣкъ, представлявшій собою сельскаго писаря большого села Ф. Онъ молча подаль мнѣ адресованную на мое имя повѣстку, протянулъ какъ-то нерѣшительно, боязливо свою желто-пухлую руку.

— Вы, конечно, Четыркинъ?—спросилъ я его.

— Да, онъ самый,—отвѣтилъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ.

— Вы такъ умно, толково пишете бумаги дѣловыя и статьи законовъ вы знаете кстати подводить. Общество вами очень довольно, только...

Четыркинъ не далъ закончить мнѣ фразы, догадавшись, очевидно, о чемъ будетъ рѣчь, и началъ:

— Да... только... а знаютъ ли люди, что въ этомъ «только» все и горе и радости моей жизни .. да... только... а могутъ ли люди понять изстрадавшуюся, изнывшую душу погибающаго человѣка... могутъ ли они, люди эти, увидѣть, ощутить наболѣвшее, израненное сердце... долгимъ страданіемъ .. Люди эти съ зачерствѣлымъ сердцемъ—камень вмѣсто хлѣба подносятъ бѣдняку...

Голосъ его оборвался, въ глазахъ блеснули слезы.

— Присядьте, Четыркинъ, успокойтесь и давайте-ка поговоримъ мы съ вами. Можетъ быть, во мнѣ вы найдете человѣка, понимающаго вашу душу. Вы, видно, такъ разочарованы и въ людяхъ и въ жизни... Садитесь-ка, да побесѣдуемъ съ вами,—сказалъ я, подвигая ему стулъ.

Четыркинъ рукавомъ своего пиджака вытеръ слезы и, усаживаясь на стулъ, тяжело, глубоко вздохнулъ. Предложилъ я ему закутить и рюмку водки. Онъ схватилъ ее дрожащею рукою и съ жадностью, залпомъ выпилъ ее.

— Этимъ я утоляю свое горе, жизнь беспросвѣтную... Она, влага эта, заставляетъ меня забытья на время, забыть свое горе, свои думы тяжелыя... Теперь вотъ я служу; служба эта отвлекаетъ меня отъ мыслей моихъ, и я благодарю Бога, что Онъ внушилъ обществу вашему нанять меня... писаремъ... Большаго я, видно, уже недостойнъ... Въ дѣлѣ я забываюсь, отвлекаюсь отъ своего повседневнаго тяжелаго... и здѣсь чувствую я себя хорошо, пока занятъ; а потомъ снова тоска безысходная...

Разговоръ завязался, и Четыркинъ сообщилъ мнѣ грустную повѣсть своей жизни.

— Родъ нашъ,—началь онъ,—происхожденія не знатнаго. Дѣдъ мой былъ псаломщикомъ приходской деревенской церкви. Отецъ мой воспитывался въ семинаріи города К.; по выходѣ изъ нея поступилъ онъ на гражданскую службу. До выслуги лѣтъ служилъ онъ въ мѣстномъ казначействѣ. Насъ, дѣтей его, было четверо, а въ живыхъ остался только я одинъ. Матери своей я не помню: умерла она, когда исполнилось мнѣ только два года. Отецъ женился вторично; отъ брака этого у него было нѣсколько дѣтей, а меня онъ не взлюбилъ за непочтительное обращеніе съ женою его. Не взлюбила меня и мачеха моя. Удары, пинки, ругательства только видѣлъ я отъ нея... Прошло такъ все мое раннее дѣтство до десятилѣтняго возраста, когда я отданъ былъ въ мѣстное духовное училище... 18 лѣтъ я кончилъ его, и отецъ опредѣлилъ меня на службу туда, гдѣ онъ и самъ служилъ. Кажется, службу свою я несъ исправно, но начальство почему-то не взлюбило меня, и отецъ перевелъ меня въ губернское правленіе. Служилъ я тамъ много уже лѣтъ, пока новый начальникъ, человекъ крутой, требовательный, придирчивый, не нашелъ въ столѣ моемъ какого-то упущенія и предложилъ было подать мнѣ въ отставку, но пожалѣлъ, видно, семью мою,—тогда я имѣлъ уже троихъ дѣтей,—и откомандировалъ меня къ исполненію должности стапового пристава въ одномъ изъ уѣздовъ. Былъ я и на этой должности хорошимъ, исполнительнымъ чиновникомъ. Исправникъ очень дорожилъ мною, дѣлалъ обо мнѣ хорошіе отзывы, и я уже черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ должность помощника исправника. Къ тому времени оставалось у насъ только двое дѣтей, а третій умеръ раньше. Они продолжали оставаться въ нашемъ губернскомъ городѣ, гдѣ учились въ гимназій и были такіе добрые, послушные и учились хорошо... Мы не могли нарадоваться на нихъ. Полному нашему счастью мѣшала только эта временная разлука съ дѣтьми, но мнѣ обѣщали уже сдѣлать переводъ въ губернской городъ, гдѣ могли бы мы жить совмѣстно съ дѣтьми нашими, и такъ все это было хорошо—и служба и семейная жизнь моя, но счастье, видно, недолговѣчно... Отъ страшной болѣзни поумирали дѣти наши одинъ за другимъ... Жена не смогла перенести этого горя.. Она съ ума сошла... безнадежно, вѣчно, неизлечимо... И семья моя,

которую я такъ глубоко, беззавѣтно любилъ, для которой я работалъ и часы досуга отдавалъ, эта святыня для меня... взяла съ собою въ могилу все мое существо... Жизнь тогда для меня потеряла свой смыслъ... Я затосковалъ, сталъ службою манкировать, сталъ нервень, раздражителень, а люди, по злобѣ своей, не поняли страданій моихъ и... изгнали со службы за одно упущеніе по ней. Изгнали меня, не давъ мнѣ и той малой пенсіи, которую заслужилъ я своимъ долгимъ трудомъ. Изгнанный, опороченный, я еще больше затосковалъ и сталъ заглушать горе свое вотъ этимъ виномъ. А теперь, какъ вѣчный жидъ, какъ бродяга какой, я слоняюсь изъ одного мѣста до другого, изъ одной деревни въ другую, гдѣ за написанное мною кому прошеніе даютъ мнѣ и пріютъ, и хлѣба кусокъ. Потерявши уже образъ и подобіе порядочнаго человѣка, я, какъ бы гонимый, брожу по бѣлу свѣту, пока не приметъ меня земля. Пьянаго гонять отовсюду, а трезваго въ рубищахъ да заплахахъ не принимаютъ. Судьба ужасно, безжалостно поступила со мною: возвела меня на высоту, съ которой открывался передо мною такой ясный, безоблачный горизонтъ, а потомъ стремглавъ сбросила меня внизъ, въ бездну, откуда не подняться уже мнѣ, горемычному. Люди безсердечны, имъ не понять души страдальца...

Голосъ его вздрогнулъ, глаза стали влажны... Онъ поникъ головою, но какъ-то нервно вскочилъ со стула, сдѣлалъ движеніе къ выходу.

— Спасибо вамъ, что вы и пьяницей не побрезгали... Вѣдь и онъ человѣкъ, и тоже душа въ немъ есть,—закончилъ Четыркинъ, уходя отъ меня.

Я потомъ нѣсколько разъ встрѣчалъ его, проѣзжая улицею мимо общественной сборни. Видѣлъ я его по утрамъ трезваго, а по вечерамъ совершенно пьянаго, но, несмотря на такую его слабость, пристрастіе къ водкѣ, общество держало его у себя въ услуженіи и, кажется, было имъ очень довольцо за его умъ, знанія и исправность въ дѣлахъ, да и самолюбію ихъ льстило то, что такой большой «панъ» служить у нихъ, простыхъ мужиковъ.

— Не все жъ мужику служить пану, хай лишь ще и панъ послужить мужику,—сострилъ какъ-то одинъ изъ знакомыхъ мнѣ мужиковъ. Словомъ сказать, надворный совѣтникъ пришелся, какъ говорится, нашему обществу ко двору.

— Ну, какъ дѣла ваши, Четыркинъ? довольны ли службою у общества?—спросилъ я какъ-то его трезваго, идущаго въ сборню съ какимъ-то сверткомъ подъ рукою.

— Благодарю Создателя! Совершенно доволенъ,—отвѣтилъ онъ.—Вѣдь большаго я уже не заслуживаю, а и этого малаго вполне достаточно съ меня. Мужики относятся ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ и сердечно. Спасибо имъ! добрые люди... Готовъ я до конца своей жизни и имъ, этимъ простымъ людямъ, служить

такъ же вѣрою и правдою, какъ служилъ я когда-то и раньше. Судьба на склонѣ жизни моей, кажется, смиловилась надо мною и не дастъ умереть мнѣ гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Благодарю Создателя!—повторилъ онъ, удаляясь отъ меня.

Но несчастному горемыкѣ вскорѣ пришлось разочароваться въ милости судьбы его къ нему. Она еще разъ и, быть можетъ, въ послѣдній, жестоко посмѣялась надъ нимъ.

Быль введенъ институтъ земскихъ начальниковъ. Участка нашего начальникомъ былъ назначенъ князь К. Человѣку гордому, самолюбивому, съ извѣстною претенціозностью, крайне не понравилась подпись общественнаго писаря, званіе его, которое онъ всегда подписывалъ (особенно четкими буквами). Земскій призвалъ къ себѣ нашего старосту и велѣлъ ему немедленно удалить со службы надворнаго совѣтника.

— Я этого переносить не могу,—передавалъ мнѣ потомъ его слова нашъ староста:—чтобы какой-то сельскій писарь именовался такимъ званіемъ... Что же, по-вашему, я долженъ говорить ему ваше высокоблагородіе, писарю-то вашему? Вѣдь онъ двумя чинами выше меня... Удалить его немедленно.

Послѣ приказа этого ѣхалъ я по одному дѣлу въ ближайшее мѣстечко О. Проѣзжая дорогой, я увидѣлъ человѣка, сидѣвшаго на гребнѣ канавы. Человѣкъ сидѣлъ съ поникнутою головою, непрерывно обтирая рукавомъ глаза. Я узналъ въ немъ надворнаго совѣтника.

— Что съ вами, Четыркинъ?—участливо спросилъ я его.

— Выгнали... со службы выгнали,—сквозь слезы отвѣтилъ онъ мнѣ.—Земскому начальнику не понравилось званіе мое... Вѣдь не украсть я его, а службою честно заслужилъ... Злые, злые люди... за что такъ жестоки они ко мнѣ... Я че... честно служилъ... за что такъ жестоки ко мнѣ... горемычному... Все, все отнято у меня и еще и... это... Званіе мое... мѣшаетъ имъ... Охъ... охъ... какъ тяжело...

— Бѣдный вы, Четыркинъ... Куда же вы теперь идете?

— Туда... туда... гдѣ оскор... бленному... чувству... най... деться... най... деться... уго... локъ...—произнесъ онъ, заливаясь неутѣшными слезами.

Бѣдный горемыка такъ и исчезъ съ нашего горизонта. Мужики долго еще никакъ не могли позабыть своего писаря.

— Да, нѣтъ, такого писаря у насъ и не было никогда, да и не будетъ и по вѣкъ,—говорили мужики съ какою-то грустью въ голосъ, вспоминая своего «пана» писаря.

М. С—ъ.

КЪ БЮГРАФІИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

(По поводу двадцатилѣтія со дня его смерти 1889—1909).

ЛІА БЮГРАФІИ такихъ лицъ, какимъ былъ покойный писатель, слава Саратовскаго края, Н. Г. Чернышевскій, имѣеть значеніе каждая мелочь, каждое отдѣльное упоминаніе. Мы не думаемъ, чтобы о разныхъ знаменитыхъ людяхъ можно было говорить только то, что рисуеть извѣстное лицо исключительно съ хорошей стороны, какъ думаютъ иногда авторы воспоминаній; по нашему мнѣнію, разъ объ извѣстномъ лицѣ есть какія-либо новыя свѣдѣнія,—они должны быть обнаружены.

Въ этомъ отношеніи Чернышевскому особенно по-счастливилось: теперь о немъ, несмотря на недавно сравнительно полученную возможность писать и говорить открыто о Николаѣ Гавриловичѣ, создалась громадная литература (болѣе 600 книгъ и статей), появилась масса воспоминаній, замѣтокъ и т. д. Часть этой литературы указана въ новомъ изданіи сочиненій Николая Гавриловича, но самая полная библиографія (и бюграфія), пока еще не изданная, составлена однимъ изъ членовъ саратовской ученой архивной комиссіи (въ видѣ отдѣльной части «Словаря писателей и ученыхъ, родившихся въ Саратовскомъ краѣ») ¹⁾. Но, несмотря на солидный (особенно въ

¹⁾ Не знаемъ, выйдеть ли въ свѣтъ эта въ высшей степени полезная работа небезынтересная и для большой публики, такъ какъ здѣсь говорится о такихъ дѣятеляхъ, какъ Пынинъ, Благосвѣтловъ, имѣвшій близкія отношенія съ Д. И. Писаревымъ и эксплуатировавшій его, Чернышевскій, Введенскій, извѣстный идеалистъ, переводчикъ Диккенса.

количественномъ отношеніи) объемъ литературы, въ біографіи Чернышевскаго есть еще много недостаточно выясненнаго, недостаточно вѣрно понятаго и т. д.

Руководствуясь такими соображеніями, мы и рѣшили напечатать слышанный нами рассказъ о жизни Чернышевскаго въ Астрахани, гдѣ Николай Гавриловичъ, какъ извѣстно, жилъ нѣкоторое время послѣ ссылки.

Объ астраханской жизни Николая Гавриловича въ литературѣ существуютъ 2—3 статьи, которыя, понятное дѣло, не могутъ представить жизни астраханскаго ссылкинаго съ исчерпывающей полнотой; поэтому, думаемъ, и наши немногія строки не будутъ излишними, такъ какъ въ нихъ особенно хорошо вырисовывается честный и добрый характеръ покойнаго писателя. Интересъ увеличится еще болѣе, если скажемъ, что получили его мы изъ первыхъ рукъ, отъ участницы описываемаго эпизода.

Въ видѣ отдѣльныхъ штриховъ къ біографіи Николая Гавриловича даемъ и тѣ маленькія подробности, которыя мы собрали въ Саратовѣ и которыя еще не были достояніемъ печати.

Николай Гавриловичъ родился въ домѣ на Большой Сергіевской улицѣ; интересно отмѣтить, что теперь этотъ домъ почти заброшенъ. Какъ-то въ покойномъ журналѣ «Минувшіе Годы» было упоминаніе, что Чернышевскій родился въ *домикъ*, но на самомъ дѣлѣ это большой *домъ*, а не *домикъ*.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Николая Гавриловича этотъ домъ подвергся нашествію мышей, и жить тамъ было не совсѣмъ удобно. Были тамъ въ одной изъ комнатъ замѣтны и слѣды архива отца Николая Гавриловича—Гавриила Ивановича.

По словамъ архіепископа Никанора (Бровковича, бывшаго ректоромъ саратовской семинаріи во времена Чернышевскаго)¹⁾, Гавриилъ Ивановичъ былъ одинъ изъ самыхъ религіозныхъ людей, какихъ онъ только зналъ. Такой же добрый отзывъ о Гавриилѣ Ивановичѣ мы встрѣчаемъ въ рукописи саратовской семинаріи «Книга, именуемая неизбѣжный путь пастырей, нералящихъ о овцахъ стада Христова», Г. Старобурасовскаго, Боговидова тожъ. Интересно сопоставить эти отзывы съ такимъ фактомъ. Когда саратовскій архіерей Іаковъ примкнулъ къ «обществу благочестивыхъ», носившему, какъ тогда думали, сектантскій характеръ,—Гавриилъ Ивановичъ сдѣлалъ доносъ на Іакова въ синодъ; теперь спрашивается: возможенъ ли этотъ доносъ, былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? Въ литературѣ существуетъ два мнѣнія по этому вопросу: извѣстный П. И. Мельниковъ *признаетъ* фактъ доноса²⁾, а саратовскій

¹⁾ О значеніи семинарскаго образованія. «Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости», 1890, 16.

²⁾ «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1873, I. Въ сочиненія Мельникова, изд. Вольфа, не вошло.

изслѣдователь раскола Н. С. Соколовъ ¹⁾ всѣми силами старается отстоять невинность Чернышевскаго, но не представляетъ основательныхъ соображеній. Принимая же во вниманіе то обстоятельство, что вскорѣ послѣ предполагаемаго доноса Гавриилъ Ивановичъ былъ смѣщенъ изъ благочинныхъ, между тѣмъ какъ ранѣе это былъ самый близкій человѣкъ къ Іакову,—мы должны сказать, что больше данныхъ за доносъ, чѣмъ противъ него, тѣмъ болѣе, что конспиративный характеръ общества благочестивыхъ вводилъ многихъ въ заблужденіе, и участіе Іакова въ засѣданіяхъ общества могло послужить прекраснымъ поводомъ къ доносу ²⁾.

Когда Николай Гавриловичъ учился въ саратовской семинаріи, то онъ пользовался исключительно богатой библіотекой своего отца; что же касается хорошей въ общемъ семинарской библіотеки, то Николай Гавриловичъ *совсѣмъ* ею не пользовался. Мы внимательно просматривали черновыя записныя книги семинарской библіотеки, относящіяся къ временамъ Чернышевскаго, и оказалось, что тамъ нѣтъ ни одной книги, записанной за Николаемъ Гавриловичемъ. Попадается много книгъ, записанныхъ за Іаковомъ (Вечерковымъ), саратовскимъ архіереемъ, занимающимъ самое видное мѣсто среди дѣятелей по части просвѣщенія въ Саратовскомъ краѣ первой половины XIX ст., Благосвѣтловымъ и др. ³⁾.

Во времена Чернышевскаго семинарія, кромѣ библіотеки, имѣла хорошій музей; въ описи его, сохранившейся до нашего времени, упоминаются: окаменѣлости, зубъ мамонта, рога оленя и кости другихъ животныхъ, монеты римскія, греческія, Золотой орды, персидскія, турецкія, грузинскія, русскія, польскія, молдавскія, австрійскія, французскія, англійскія, шведскія, датскія, саксонскія, испанскія, еврейскія, китайскія, мраморная плита (изъ Сарая), карнизы лѣпной работы, обломки лѣпной работы съ золотыми украшеніями, глиняныя урны, глиняныя водопроводныя трубы, обломки мраморныхъ пилястръ, монгольское зеркало, наконечники стрѣлъ, калмыцкій бурханъ, кувшинчикъ (изъ Сарая) и др. Этотъ музей Іаковъ съ особенною любовью и гордостью показывалъ пріѣзжавшимъ въ Саратовъ разнымъ чиновнымъ лицамъ и посѣтителямъ семинаріи. Значитъ, семинарія, выпустившая Чернышевскаго, выдавалась среди другихъ семинарій, въ которыхъ о подобныхъ музеяхъ, хотя бы даже и микроскопическихъ размѣровъ, не было и слышно. Интересно отмѣтить, что теперь отъ этого музейчика, заведеннаго преосвященнымъ Іаковомъ въ 30-хъ годахъ XIX ст., остались только монеты; все же остальное было расте-

¹⁾ Расколъ въ Саратовскомъ краѣ. 1888, т. 1.

²⁾ При разборѣ архива саратовской архивной комиссіи недавно было открыто статистическое описаніе саратовской епархіи, составленное Г. И. Чернышевскомъ.

³⁾ Эти записи имѣютъ большое значеніе для выясненія судьбы іаковской коллекціи рукописей.

ряно и расхищено. Изъ археографическаго отдѣла сохранилось много рукописей ¹⁾.

Лучшія сочиненія семинаристовъ рѣшено было печатать, для чего Іаковъ положилъ въ приказъ общественнаго призрѣнія 300 р. ²⁾, но печатаніе почему-то не состоялось. Эти сочиненія, приготовленныя къ печати, хранятся въ саратовской семинаріи ³⁾. Предполагають, что среди нихъ должны были бы находиться и сочиненія Николая Гавриловича, но теперь ихъ нѣтъ, какъ мы убѣдились при работахъ надъ разборомъ всѣхъ семинарскихъ рукописей ⁴⁾.

Семинарія находилась тогда на Пѣшемъ Базарѣ, или, какъ его обычно называютъ, «Пѣшкѣ», на Малой Сергіевской улицѣ, минутахъ въ 10—15 ходьбы отъ дома, гдѣ жилъ Чернышевскій. Въ этомъ зданіи семинарія существовала до осени 1886 года, когда семинарію перевели въ новое (лучшее), специально для этого выстроенное зданіе, на углу Александровской и М.-Сергіевской (Панкратьевской) улицъ. Зданіе старой семинаріи—довольно-таки темное, со сводами, но имѣетъ необыкновенно красивый и изящный видъ со стороны подъезда; особенно хороши колонны. Внутри зданія была стѣнная роспись; до сихъ поръ сохранилась одна комната со стѣнной живописью мифологическаго характера. При зданіи—громадный дворъ съ прекраснымъ видомъ на Волгу. Ходили вполнѣ опредѣленные слухи о подземномъ ходѣ, существующемъ при семинаріи, ведущемъ будто бы къ Волгѣ и къ Старому собору (церкви, расположенной недалеко отъ семинаріи) и т. д. Но самое внимательное разысканіе никакого подземнаго хода не обнаружило; существуетъ только весьма большой подвалъ, подъ частью двора и частью службъ; въ настоящее время онъ уже не обслуживаетъ нужды семинаріи, такъ какъ семинарія, какъ мы уже сказали, отсюда переведена въ другое зданіе. Правда, здѣсь (на Пѣшемъ) до самаго послѣдняго времени (до 1908 г.) еще жила часть семинаристовъ (главнымъ образомъ своекоштныхъ), но въ послѣднее время и эти остатки переведены въ новую семинарію (теперь на «Пѣшкѣ» помѣщаются: столовая братства Св. Креста, миссіонерская и церковно-пѣвческая школы). Но все-таки подвалъ сыгралъ свою роль въ жизни семинаріи: здѣсь, благодаря тому, что подвалъ находился давно уже въ забросѣ, семинаристы упражнялись въ стрѣльбѣ изъ револьверовъ, а одинъ разъ произошла даже форменная дуэль; здѣсь, по-

¹⁾ См. нашу статью: «Рукописныя собранія въ Саратовѣ», «Труды саратовской ученой архивной комисиіи», в. XXV и отд. 1909.

²⁾ Архим. Макарій. Пресвященнѣйшій Іаковъ, архіепископъ нижегородскій и арзамасскій. М. 1853.

³⁾ Два изъ нихъ мы издали, см. наши «Матеріалы для исторіи саратовской епархіи», вып. II, Саратовъ. 1907.

⁴⁾ Ихъ описаніе скоро выйдетъ въ свѣтъ.

мнится, застрѣлился одинъ воспитанникъ, получившій неудовлетворительную отмѣтку по литературѣ ¹⁾).

Н. Г. Чернышевскій находился въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ родственникомъ, знаменитымъ впоследствии историкомъ русской литературы, А. Н. Пыпинымъ; послѣдній учился въ саратовской гимназій, гдѣ обращалъ на себя вниманіе своимъ маленькимъ ростомъ; товарищи часто носили его по классу на рукахъ и называли «Пыпочкой» ²⁾).

Къ жизни Чернышевскаго въ Астрахани относится слѣдующій эпизодъ.

Здѣсь жила одна супружеская чета. Онъ—офицеръ, записывалъ, да притомъ очень основательно. Понятное дѣло, дома была не жизнь, а каторга. Дѣло доходило до того, что ѣсть было нечего. Въ такихъ обстоятельствахъ жена офицера пишетъ письмо въ редакцію одной изъ астраханскихъ газетъ о своемъ безпомощномъ состояніи и проситъ дать ей какой-либо заработокъ. Письмо было напечатано. Въ большинствѣ случаевъ подобныя письма остаются безъ отвѣта, но на этотъ разъ нашелся добрый человекъ. Вскорѣ по напечатаніи письма у дверей квартиры бѣдной четы останавливается роскошная, по словамъ рассказчицы, коляска, выходитъ какой-то господинъ и, послѣ предварительнаго разговора, предлагаетъ свою помощь.

Это былъ Н. Г. Чернышевскій.

Въ виду того, что въ офицерской квартирѣ буквально ѣсть было нечего, Чернышевскій пригласилъ жену офицера къ себѣ въ домъ на обѣдъ, обѣщавъ найти мѣсто, а до принсканія его пригласилъ ее ежедневно обѣдать у себя. Та, конечно, согласилась.

Что же касается мужа, то Николай Гавриловичъ всячески усвоившалъ офицера, и даже, по словамъ рассказчицы, говорилъ о немъ командиру того полка, въ которомъ служилъ этотъ офицеръ. Нѣсколько разъ офицерская жена пользовалась гостепримствомъ Николая Гавриловича, потомъ, замѣтивъ нѣкоторое недовольство его жены, Ольги Сократовны, должна была отказаться отъ такъ любезно предложенной помощи и постаралась сдѣлать свое мѣсто-пробываніе неизвѣстнымъ для Чернышевскаго.

Этотъ маленький случай всего лучше говоритъ о сердечной добротѣ знаменитаго писателя, тогда уже больного, которому самому необходимъ былъ тщательный уходъ.

Послѣ жизни въ Астрахани Чернышевскій переѣхалъ въ Саратовъ. Здѣсь, какъ извѣстно, онъ занимался, главнымъ образомъ, переводомъ на русскій языкъ многотомной исторіи Вебера; сохра-

¹⁾ Подземный ходъ, какъ оказывается, существуетъ въ сосѣднемъ съ семинаріей домѣ. «Труды саратовской архивной комиссіи», XXV, 69 (II счета).

²⁾ Черняевъ, П. «Матеріалы для исторіи саратовской I-й гимназій», «Труды», в. XXV, р. 187. Теперь портретъ Пыпина украшаетъ гимназическій залъ.

нилось большое соломенное раскладное кресло, сидя или лежа на которомъ, Николай Гавриловичъ диктовалъ свой переводъ. Теперь это кресло поступило въ музей саратовской ученой архивной комиссіи (1909 г.); оно устроено такъ, что въ немъ можно лежать.

Чернышевскій куриль; мундштукъ его поступилъ сюда же. Недавно этотъ музей обогатился и автографомъ Николая Гавриловича, на маленькомъ клочкѣ (пока еще неизданнымъ).

Умеръ Чернышевскій въ домѣ противъ городского бульвара. Въ настоящее время домъ этотъ сломали, и здѣсь устроены конюшни. Вообще Саратовъ *умѣетъ* относиться къ памятникамъ пребыванія замѣчательныхъ лицъ: такъ, напримѣръ, когда-то въ Саратовѣ въ ссылкѣ жилъ Н. И. Костомаровъ; теперь этотъ домъ сломанъ, выстроенъ новый, и тамъ, гдѣ творились безсмертныя работы знаменитаго украинофила, теперь устроены: пивная, парикмахерская, сапожная мастерская и подобныя заведенія.

И нигдѣ-то нѣтъ хотя бы самой простой доски съ обозначеніемъ, что здѣсь жилъ великій русскій ученый, какимъ былъ Н. И. Костомаровъ, или родился хорошо извѣстный и за границей Н. Г. Чернышевскій. Все, по возможности, ломается и уничтожается.

Только на Воскресенскомъ (Пичугиномъ) кладбищѣ, гдѣ покоится Николай Гавриловичъ, жива теплая забота о прахѣ незабвеннаго саратовца: чья-то добрая рука всегда заботится о цвѣтахъ, украшающихъ могилу великаго русскаго критика и социолога.

Александръ Лебедевъ.

БЕЛЬГИЙЦЫ ВЪ РОССИИ.

ТАНЦІЯ Бритово... Поѣздъ стоитъ десять минутъ...
Буфеть!..

Надѣваемъ шубы и выходимъ изъ вагона на скудно освѣщенную платформу. Раннее зимнее морозное утро. Еще не разсвѣтало. Толпа ямщиковъ, гадля и толкаясь на подъѣздѣ станціи, осаждаютъ предложеніями своихъ услугъ. Со всѣхъ сторонъ слышится: «Со мной пожа-луйте!» «Куда прикажете?» «Вамъ куда?»

— На бельгійскій заводъ вдвоемъ.

Спутникъ мой, степенный старый купецъ Семень Аверьяновичъ, начинаетъ упорно торговаться съ ямщиками. Наконецъ, дѣло слаживается. Усаживаемся въ повозку, лошади трогаютъ, и мы спускаемся съ горы на рѣчку. Ямщикъ сначала ходко пускаетъ тройку по гладкой и жесткой отъ мороза дорогѣ, два колокольчика весело заливаются подъ дугой, но скоро пыль чахлахъ клячъ остываетъ, и онѣ, понурившись, начинаютъ чуть трусить мелкой собачьей рысцой. Вся упряжка наша имѣетъ видъ необычайно жалкій. Старая кибитка, обитая потемнѣвшей отъ времени рогожей, оборвана и избита. Лошади худы такъ, что ребра можно пересчитать. Самый возница, сгорбленная спина котораго съ большой заплатой изъ новой овчины на старомъ тулупѣ уныло торчитъ передъ нами, выглядитъ крайне печально.

Часа черезъ два ѣзды мы вѣзжаемъ въ громадное съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ село. Долго ѣдемъ по его длиннымъ улицамъ, наконецъ на базарной площади вѣзжаемъ въ ворота

каменнаго двухэтажнаго, съ трактиромъ наверху постоялаго двора. Тутъ насъ должны сдать другому ямщику. Вылѣзаемъ изъ кибитки и по деревянной скрипучей лѣстницѣ отправляемъ наверхъ въ трактиръ, гдѣ, усѣвшись въ закоптѣломъ и залепанномъ залѣ за покрытый грязною, мокрою скатертью столъ, заказываемъ себѣ чай. Къ спутнику моему отъ сосѣдняго столика подходитъ румяный и пухлый молодецъ купеческой складки. Быстрые каріе глаза его смѣло и бойко смотрятъ на свѣтъ Божій. Изъ-подъ русыхъ усовъ блестятъ частые мелкіе зубы. На широкой груди по драповому теплому пиджаку изъ кармана въ карманъ развѣшана тяжелая золотая цѣпь отъ часовъ, съ большимъ медальономъ по срединѣ.

— Семень Аверьянычу!

— Степану Никитичу! Чайку съ нами!

— Да я ужъ, признаться, никакъ раза съ три пилъ. Куда Богъ несетъ?

— Къ бельгіяцамъ пробираемся.

— Такъ-съ, къ бельгіяцамъ—дѣло хорошее! Я самъ авчешашній день отъ нихъ.

— Ну, какъ дѣла тамъ?

— Что, Семень Аверьянычъ, дѣло, прямо будемъ говорить, раздувають агроматное. Такую пѣнку дуютъ—бѣда! Сроду того у насъ не бывало. Миліона четыре, какъ не пять, денегъ въ заводъ-то всадили!

— Когда же работать начнутъ?

— Въ маѣ думаютъ пустить заводъ безпремѣнно.

— И великъ заводъ?

— Вотъ какъ великъ—страсть! Двѣ съ половиной десятины мѣста крышей-то покрыто!

— Ну, это что-то уже больно много!

— Я вамъ говорю правильно. Заводъ весь какъ есть подъ одной крышей собранъ. Тутъ у нихъ и печи, тутъ и отливка, шлифовка, наводка,—тутъ все!

— Ну, дѣла! Да ладно ли такъ-то будетъ?!

— Чего ладно?

— Этакую-то махину въ разъ пустить. Оно по-нашему, по старинкѣ-то, лучше бы было.

— Отошла она нонѣ, старина-то! Не выходитъ теперь по старинѣ дѣло-то дѣлать. Вы, чай, сами по своимъ дѣламъ знаете, что прежде, по старинѣ-то, съ извозами да провозами въ три мѣсяца дѣлали, теперь съ желѣзными дорогами, телеграфами да телефонами въ три дня поворачиваютъ. Хоть бы бельгіяцевъ къ примѣру взять. Что же имъ попрежнему, какъ на барскихъ заводахъ было,— во снѣ онучу жевали,—дѣло-то дѣлать?! Въ одномъ мѣстѣ, бывало, у баръ стекло льютъ, въ другое—его за шестьдесятъ верстъ шлифовать возятъ. Цѣльному полномѣрному стеклу полтора ста рублей

цѣна, а какъ разобьютъ его въ дорогѣ или сварятъ съ пузырями да съ цапинами и придется его на верешочки рѣзать, то и пятнадцати не выручали, да глядишь и въ верешочкѣ-то, грѣшнымъ дѣломъ, рожа косякомъ выходитъ. У бельгийцевъ не такъ. Все въ одномъ мѣстѣ—отливка, закалка, шлифовка, наводка. Товаръ съ завода идетъ совсѣмъ готовый.

— Что же, что же, давай Богъ хорошаго успѣха! Намъ же возлѣ нихъ лучше будетъ, какъ дѣло раздуютъ. Малый! Киняточку! А промежду прочимъ намъ бы и лошадокъ!..

Въ залъ вваливается нѣсколько человѣкъ ямщиковъ и начинаютъ жестоко галдѣть и ругаться между собою, перебивая другъ у друга работу. Наконецъ рѣшаютъ кончить дѣло жребіемъ и «конаются» на кнутѣ. Очередь везти насъ достается дядѣ Прохору—человѣку могучаго сложенія, съ красной опухшей рожей, наглымъ взглядомъ безстыжихъ оловянныхъ глазъ и цѣлой копной изсѣда рыжихъ взлохмаченныхъ волосъ на нечесаной отъ вѣка головѣ. Дядя Прохоръ, поспѣшно сунувъ въ задатокъ Семену Аверьянычу двугривенный, быстро удаляется, чтобы подать лошадей.

Неистовый звонъ двухъ поддужныхъ колокольчиковъ, густой ревъ глухарей и громыханье бубенчиковъ возвѣщаютъ, что дядя Прохоръ подалъ лошадей. Расплачиваемся за чай и выходимъ садиться. У кибитки, снявъ шапку, стоитъ старый ямщикъ и проситъ на чаекъ. Усаживаемся на посланное въ кибиткѣ крупное сѣно. Дядя Прохоръ съ необыкновенномъ звономъ и трескомъ вылетаетъ изъ воротъ постоялаго двора и несется по улицѣ, молодецки свистя и гикая на лошадей. Лошаденки его еще хуже, чѣмъ бритовскаго ямщика, коренная хромаетъ, но самъ дядя Прохоръ, несмотря на то, что, судя по его ямскому обзаведенію, врядъ ли лучше своего предшественника способенъ свести въ своемъ дѣлѣ «баланцію», имѣетъ видъ весьма самоувѣренный и храбрый, сидя бокомъ на облучкѣ въ пѣгомъ отъ заплата тулупѣ и ямской четырехугольной шапкѣ, надѣтой на бекрень. Повидимому, онъ нѣсколько выпивши. На равной сбруѣ Прохоровой тройки нашиты кое-гдѣ клочья краснаго и желтаго ситца, отъ колокольцевъ, бубенцовъ и глухарей идетъ оглушающій шумъ. За селомъ прыть поджарыхъ клячъ стихаетъ, и мы еле тащимся.

— Ой, смотри, рыжій, довезешь ли? Не стань середь дороги,—обращается къ Прохору мой спутникъ.

— Помилуйте-съ, батюшка Семень Аверьянычъ! Не извольте сумлѣваться, да я вашу милость не токмо что на лошадахъ, на одномъ звонѣ куда хошь предоставлю!..

— Ну, ну, бреши, рыжій песъ!..

Въ сторонѣ мелькнула богатая барская каменная усадьба съ конюшнями, оранжереями и другими затѣями стараго барства, принадлежащая владѣльцу лѣсовъ, среди которыхъ возникалъ боль-

гійскій заводъ. Проѣхали еще версты двѣ, миновавъ большую деревню, и впереди затемнѣла густая грива сосноваго бора. У опушки лѣса, съ краю дороги показался большой двухъэтажный, щегольски изъ свѣжаго лѣса выстроенный въ швейцарскомъ вкусѣ домъ, въ которомъ помѣщались контора и квартира директора-распорядителя. Далѣе на очищенной отъ лѣса широкой площади виднѣлось громадное зданіе зеркальнаго завода. Дядя Прохоръ остановилъ своихъ одровъ у подъѣзда конторы. Покинувъ расхлябанную рваную рогожную кибитку дяди Прохора, мы, войдя въ контору, казалось, оставили за собой тѣ условія сторорусской жизни, въ которыхъ до сихъ поръ находились, и вступили въ новый міръ, ничего общаго не имѣющей со всѣмъ тѣмъ, что до сихъ поръ встрѣчалось на нашемъ пути: какъ бы внезапно переѣхали изъ окостенѣвшей въ косной неподвижности Россіи въ полную кипучей дѣятельности Бельгію.

Въ конторѣ шла оживленная работа; мелькали не русскія лица, слышалась бойкая французская рѣчь. За большими столами сидѣли люди, которые писали, считали, составляли планы. Тутъ же, кромѣ чертежниковъ и конторщиковъ, находились лица изъ высшаго персонала заводскихъ служащихъ—инженеры, завѣдующіе отдѣльными отраслями производства, техники. Особенность постановки заводскаго конторскаго дѣла заключалась въ томъ, что одновременно съ исполненіемъ текущихъ дѣлъ происходилъ и контроль всего совершавшагося. Ни одна хотя бы самомалѣйшая выдача денегъ не могла пройти безъ предварительной провѣрки контрольнаго отдѣленія, находившагося въ качествѣ обособленнаго и независимаго учрежденія при конторѣ.

Спутнику моему, Семену Аверьянычу, по его большимъ и разнообразнымъ торговымъ дѣламъ и оборотамъ, надо было видѣть директора-распорядителя, въ кабинетъ котораго насъ пригласили. Намъ навстрѣчу поднялся съ кресла предъ письменнымъ столомъ среднихъ лѣтъ худошавый стройный блондинъ съ длинною свѣлорусою расчесанною и выхоленной бородою, одѣтый безукоризненно изящно въ платьѣ отъ дорогаго французскаго портного. Весь внѣшній обликъ этого человѣка, вся фигура его, какъ бы выкованная изъ стали, серьезное дѣловое выраженіе его красиваго характернаго лица съ тонкими правильными чертами, блѣдноглубокими зоркими глазами, въ которыхъ свѣтились умъ, твердая воля и непреклонная энергія, — все выражало въ немъ истаго представителя Бельгіи, страны, гдѣ въ трудной борьбѣ за существованіе, вслѣдствіе достигшей крайняго напряженія всесвѣтной конкуренціи, населеніе при свойственномъ ему упорномъ трудолюбіи достигло наивысшаго проявленія творческихъ способностей человѣка въ области заводской промышленности. Послѣ дѣловаго разговора, переводчикомъ котораго для Семена Аверьяныча пришлось мнѣ

быть, директоръ-распорядитель любезно предложилъ намъ сначала осмотрѣть заводъ, а потомъ приходитъ къ нему обѣдать. Сопровождаютъ насъ и даютъ намъ объясненія онъ поручилъ одному изъ находившихся въ конторѣ молодыхъ русскихъ техниковъ.

Новый заводъ былъ почти готовъ. Шли послѣднія подготовительныя работы по полному его оборудованію. Все зеркальное производство отъ начала до конца помѣщалось подъ одной желѣзной крышей, покрывавшей собою громадное пространство. Стѣны зданія построены были изъ дерева—матеріала весьма недорогого въ окружающей заводъ лѣсистой мѣстности. Въ этомъ сказалось примѣненіе новаго принципа въ заводскомъ дѣлѣ —затрачивать наименьшее количество денегъ на стѣны заводскихъ зданій, чтобы имѣть возможность взамѣнъ этой непроизводительной траты покупать болѣе дорогія машины и приспособленія. По мѣрѣ же развитія производства, когда оно уже оправдываетъ часть предварительныхъ затратъ, предполагено было замѣнять бревенчатыя стѣны постепенно кирпичными. Въ этомъ поражавшемъ своею обширностью зданіи, крыша котораго поддерживалась рядами чугунныхъ колоннъ и балокъ, образовавшихъ какъ бы его желѣзный скелетъ, помѣщались не только три варочныя и двадцать шесть печей закальныхъ, шлифовальное и наводное отдѣленія, но и всѣ вспомогательныя при производствѣ мастерскія, какъ-то: кузница, слесарная, модельная, чѣмъ достигалась возможность сдѣлать наиболѣе производительнымъ и успѣшнымъ трудъ рабочихъ, избавивъ ихъ такимъ образомъ отъ траты времени на переходы и переносы фабрикатовъ изъ одной отдѣльной мастерской въ другую. На старыхъ русскихъ барскихъ зеркальныхъ фабрикахъ, какъ, на примѣръ, на Смольяниновской въ Рязанской губерніи, отдѣльныя части производства были разъединены между собою настолько, что зеркальныя стекла отливались на заводѣ Карловка Сапожковскаго уѣзда, шлифовались же на заводѣ Кирицы Спасскаго уѣзда, отстоявшемъ отъ Карловки въ шестидесяти верстахъ. Легко можно представить, какимъ обремененіемъ для производства была эта перевозка неотдѣланныхъ стеколъ на шестидесятиверстномъ разстояніи! По предположенію строителей, продуктивность новаго завода сравнительно со старыми фабриками должна была быть въ восемнадцать разъ больше. То есть, если прежде на варку и выработку зеркальнаго стекла изъ подлежащихъ обработкѣ матеріаловъ требовалось три дня, на бельгійскомъ заводѣ потребуется лишь четыре часа времени. Все количество предполагавшагося быть вырабатываемымъ на строившемся заводѣ зеркальнаго стекла должно было равняться приблизительно семидесяти тысячамъ квадратныхъ метровъ, но на этихъ размѣрахъ производства устроители новаго предпріятія остановиться не думали, а предполагали, пустивъ заводъ въ ходъ, въ случаѣ бойкаго сбыта издѣлій приступить въ непродолжи-

тельномъ времени къ новымъ постройкамъ въ видахъ расширенія дѣла. Къ особенностямъ строившагося завода надо отнести то, что въ примѣненіи послѣдняго слова современной техники зеркальнаго производства къ дѣлу его постройки и оборудованія онъ далеко оставлялъ за собой существовавшіе въ то время зеркальные заводы въ Бельгіи, такъ какъ всѣ они были выстроены ранѣе по методѣ болѣе или менѣе устарѣлой. Что же касается стоявшей съ новымъ заводомъ рядомъ старой барской фабрики, владѣлецъ которой, продавъ ее бельгійцамъ, сдѣлался однимъ изъ крупныхъ акціонеровъ новаго предпріятія, то эта закоптѣлая фабрика по своимъ размѣрамъ и устарѣвшимъ никуда не годнымъ способамъ производства представлялась до смѣшного ничтожной въ сравненіи съ выроставшимъ рядомъ съ ней заводомъ-гигантомъ.

Во время нашего обхода дѣло на заводѣ кипѣло. Повсюду была видна напряженная, сознательная, разумная работа. Бельгійскіе рабочіе, ловкіе, проворные, по большей части худощавые, мускулистые люди съ суровыми энергичными лицами, безъ всякихъ понуканій и надзора стойко и осмысленно дѣлали свое дѣло. Сразу было видно, что человекъ работаетъ не изъ-подъ палки, а всего себя отдаетъ дѣлу, которое понимаетъ въ совершенствѣ. Ни малѣйшаго отѣнка подобострастія не замѣчалось съ ихъ стороны по отношенію къ сопровождавшему насъ инженеру, бывшему ихъ начальникомъ. Держали они себя съ нимъ, какъ вполне равноправные товарищи по работѣ. Короткіе разговоры касались только необходимѣйшаго дѣла. На русскій взглядъ, странно было видѣть, что при всякой работѣ бельгійцы курили. Даже столяры, работавшіе среди вороховъ стружекъ, кружевомъ летѣвшихъ изъ-подъ ихъ рубанковъ, не выпускали трубки изо рта, хотя казалось бы, что каждая искра могла служить причиной страшнаго пожара. Даже такое опасное въ пожарномъ отношеніи учрежденіе, какъ кузница, и та помѣщалась въ томъ же громаднѣйшемъ съ деревянными стѣнами зданіи, гдѣ находились варочныя и закальныя печи. Все это вмѣстѣ взятое указывало, что на закаленную выдержанность, полное самообладаніе, точность, размѣренность и правильность приемовъ въ работѣ бельгійскихъ рабочихъ можно было вполне положиться.

Сопровождавшій насъ молодой русскій инженеръ, окончившій одно изъ высшихъ инженерныхъ училищъ въ Германіи, оказался весьма любезнымъ и разговорчивымъ. Показывая намъ заводъ, онъ съ увлеченіемъ рисовалъ широкія картины будущаго грандіознаго развитія дѣла. Слушая его, казалось, что зеркальными стеклами, сработанными на этомъ заводѣ, онъ предполагаетъ заполнить весь міръ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе и болѣе увлекался и планы его пріобрѣтали безпредѣльные размѣры, на сумрачномъ, заросшемъ окладистою сѣдою бородою лицъ упорно

молчавшаго Семена Аверьяныча стала мелькать чуть замѣтная усмѣшка, хотя смѣялись только его умные живые глаза, своимъ молодымъ блескомъ казавшіеся странными на его изрытомъ трудовыми морщинами суровомъ старомъ лицѣ. Ни малѣйшая улыбка не кривила его губы. Окончивъ осмотръ завода, мы въ ожиданіи обѣда были приглашены въ свѣтлую чистую комнату для пріѣзжихъ. Здѣсь все было свѣжо, удобно и изящно. Красивая мебель, двѣ превосходныя металлическія кровати съ пружинными тюфяками, щегольской заграничный умывальникъ напоминали дорогой номеръ хорошей европейской гостиницы. Очевидно, что большая часть вещей была выписана изъ-за границы и вся обстановка приспособлена по вкусу хозяевъ-бельгійцевъ. Послѣ небольшого отдыха, освѣжившись и умывшись, мы отправились на половину директора-распорядителя обѣдать.

Встрѣтившій насъ директоръ-распорядитель былъ по истинѣ великолѣпнень. Щегольской свой смокингъ, въ которомъ поутру былъ въ конторѣ, смѣнилъ онъ на превосходно спитый черный сюртукъ, какъ бы обливавшій его стройную фигуру своими мягкими, съ матовымъ отблескомъ складками. Бѣлье его сверкало необычайной бѣлизной. Въ дорогой атласный галстукъ была воткнута булавка съ крупнымъ брилльянтомъ. Всѣ эти украшенія очень шли къ нему, не дѣлая изъ него фатоватаго франта, а лишь подчеркивая врожденное изящество всего его облика. Съ трудомъ сказавъ нѣсколько словъ по-русски, онъ тотчасъ же перешелъ на французскій языкъ. Звучныя, красивыя фразы у него лились необыкновенно свободно и плавно. Казалось, если бы стенографировать его рѣчь, ее можно бы было отпечатать сразу безо всякихъ поправокъ.

Неторопливо и степенно за изящнымъ бельгійцемъ двинулся въ столовую Семенъ Аверьянычъ въ своей засаленной долгополой сибиркѣ. Войдя, онъ долго искалъ образа, чтобы перекреститься; но образа не оказалось.

Директоръ-распорядитель жилъ на холостую ногу, но, несмотря на отсутствіе женщины, въ его богатой, роскошно убранной и освѣщенной электричествомъ квартирѣ царствовалъ необыкновенный порядокъ. Тонкій французскій обѣдъ, превосходно приготовленный, былъ изящно сервированъ на кругломъ столѣ подлѣ пылающаго камина. Кромѣ хозяина и сопровождавшаго насъ при осмотрѣ завода инженера, обѣдалъ и владѣлецъ прежней зеркальной фабрики, продавшій ее бельгійцамъ и сдѣлавшійся теперь крупнымъ акціонеромъ новаго предпріятія, низенькій, сѣденькій, невзрачный старичокъ съ кривымъ носомъ и хищными бѣгающими глазками. Камергеръ и богатый помѣщикъ, онъ былъ лицо весьма замѣтное въ той мѣстности. Представитель стариннаго, но обѣднѣвшаго русскаго дворянскаго рода, кончивъ царскосельскій лицей, въ ранней молодости онъ служилъ въ Петербургѣ по министерству внутрен-

нихъ дѣль и напрягаль всевозможныя усилія, чтобы вращаться среди той знати, къ которой принадлежалъ по рожденію и по воспитанію. Долги заставили его покинуть Петербургъ и поступить на службу чиновникомъ особыхъ порученій къ знаменитому генералъ-губернатору Восточной Сибири Николаю Николаевичу Муравьеву, заселявшему въ то время Амуръ. Дѣло происходило въ самый разгаръ кипучей и самовластной дѣятельности Муравьева. Находясь при немъ, новый чиновникъ никакими особыми служебными подвидами себя не заявилъ, но на совѣсть его легла весьма темная исторія дуэли, на которой онъ убилъ товарища своего по службѣ при Муравьевѣ. Нехорошіе слухи ходили тогда объ этой дуэли, но слухи эти такъ слухами и остались. Возвратившись изъ Сибири, амурскій піонеръ необыкновенно выгодно женился на единственной дочери богатѣйшаго помѣщика, человѣка извѣстнаго на всю Россію, глубоко и всесторонне образованнаго, умнаго, дѣльнаго, публициста, славянофила, вращавшагося постоянно въ кружкѣ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова. Все, что было хорошаго и талантливаго въ этомъ человѣкѣ, съ необыкновеннымъ умѣніемъ выставлялось имъ напоказъ людямъ. Въ широкихъ общественныхъ кругахъ, въ столицахъ, въ средѣ передовыхъ людей, писателей, мыслителей, поэтовъ онъ былъ хотя и не особенно замѣтнымъ, но все-таки своимъ человѣкомъ. Дома у себя въ своихъ помѣстьяхъ среди безправнаго, кругомъ отъ него зависѣвшаго обездоленнаго люда, онъ былъ крѣпостникъ, деспотъ, ростовщикъ и скряга. Всероссийскую извѣстность заработалъ онъ между прочимъ и тѣмъ, что, состоя членомъ комитета по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ незадолго до 19-го февраля 1861 года самъ отпустилъ своихъ крестьянъ на волю, давъ имъ только усадебную землю и нищенскій четвертной надѣлъ и оставивъ за собой поля, луга и лѣса. Такимъ образомъ, воспользовавшись знаніемъ обстоятельствъ, въ лицѣ бывшихъ своихъ крѣпостныхъ мужиковъ онъ при новыхъ порядкахъ приобрѣлъ для себя дешевыхъ батраковъ, готовыхъ работать въ его имѣніяхъ, на его винокуренныхъ, крахмальныхъ, паточныхъ заводахъ за что придется, лишь бы не умереть съ голоду. Подъ конецъ жизни онъ былъ либеральный земскій дѣтель-ораторъ на земскихъ собраніяхъ, острякъ и говорунъ, умѣвшій не только хорошо говорить, но и умно сберегать земскую копейку такъ, какъ привыкъ беречь свою собственную. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, изъ которыхъ главными были непреодолимое стремленіе къ увеличенію всѣми способами своего громаднаго состоянія, крайняя сухость и черствость сердца, самомнѣніе и самодурство,— старикъ среди обычныхъ для провинціи дѣтелей былъ все-таки, хотя бы по трезвому, острому, холодному уму своему и силѣ характера, крупною, незаурядною личностью; зятекъ же оказался полпѣйшимъ ничтожествомъ, присосавшимся къ чужому, крѣпост-

нымъ трудамъ составленному состоянію. Какъ сына своего, пустѣйшаго и глупаго малаго, отчаяннаго мота и кутилу, такъ и любезнѣйшаго зятка старикъ, скупой, рѣзкій и властный въ обхожденіи, держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и хода, пока былъ живъ, имъ не давалъ, но лишь только умеръ, какъ оба они поспѣшили вознаграждать себя за долгое воздержаніе. Сынъ въ такое короткое время и съ такимъ необычайнымъ грохотомъ и трескомъ вылетѣлъ въ трубу, что даже ближайшіе къ нему люди, знавшіе огромные размѣры его состоянія, приходили въ рѣшительное недоумѣніе и понять не могли, куда такъ быстро могъ онъ спустить богатѣйшія черноземныя имѣнія, лѣса, винокуренные, крахмальные заводы и большія деньги, оставленныя старикомъ.

«Ну, положимъ,—говорили свѣдущіе люди,—француженки, цыганки, карты, кутежи—да вѣдь и при этомъ вѣкъ бы ему всего не прожить, а онъ чрезъ шесть лѣтъ по полученіи наслѣдства оказался безъ гроша и въ неоплатныхъ долгахъ». Спустивъ состояніе, сынъ во время умеръ, не испытавъ бѣдности. Зять оказался счастливецъ. Вдоволь пожуировавъ и насладившись жизнью, онъ хотя и разстроилъ состояніе, но все-таки на долю его осталось много. Главное имѣніе его жены въ десятокъ тысячъ десятинъ земли съ лѣсами, лугами по берегамъ судоходной рѣки осталось цѣло. Имѣніе это въ свое время было приобрѣтено его тестемъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Старикъ былъ тонкій и прозорливый финансистъ и, скупая облигаціи и акціи желѣзныхъ дорогъ въ самомъ началѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи, предвидѣлъ, что стоимость этихъ акцій и облигацій возрастетъ во много разъ. Акціи эти онъ давалъ займамъ нуждавшимся въ деньгахъ крупнымъ дѣльцамъ съ непремѣннымъ условіемъ возратить по прошествіи условленнаго срока долгъ тѣми же акціями. Давъ на нѣсколько сотъ тысячъ желѣзнодорожныхъ акцій одному богатѣйшему, но разорявшемуся на крупныхъ спекуляціяхъ большому барину, старикъ лѣтъ чрезъ шесть взаменъ этихъ акцій, успѣвшихъ за это время вчетверо подняться въ цѣнѣ, взялъ съ барина-спекулянта имѣніе стоимостью въ нѣсколько милліоновъ, которое хотя на бумагѣ и отдалъ въ приданое за дочь, но, пока былъ живъ, изъ своихъ рукъ не выпускалъ.

За обѣдомъ ораторствовалъ главнымъ образомъ камергеръ, то по-французски, то по-русски, то мѣшая оба языка вмѣстѣ. Все время хвастался онъ своимъ умомъ, состояніемъ, предприимчивостью. Все сдѣланное на заводѣ приписывалъ себѣ и обѣщалъ въ ближайшемъ будущемъ показать еще не такія чудеса. Слушать его разсужденія для директора-распорядителя, очевидно, было мученіемъ. Но онъ сдерживалъ себя въ предѣлахъ самой сухой и холодной вѣжливости; лишь по тому ожесточенію, съ которымъ нервно крутилъ онъ свою великолѣпную, на диво расчесанную, выхолен-

ную и раздушенную бороду, и какъ темнѣли отъ сдержаннаго гнѣва его голубые глаза, можно было судить о его смутномъ душевномъ настроеніи. Зато сидѣвшій рядомъ съ нимъ другой крупный дѣлецъ Семень Аверьянычъ чувствовалъ себя прекрасно. Кушанья въ родѣ ростбифа съ кровью и артишоковъ онъ не ѣлъ. Отъ мадеры, рейнвейна, краснаго вина онъ упорно отказывался, но граненый хрустальный графинчикъ съ водкой отъ закуски къ себѣ придвинулъ, а также, минуя разные деликатесы въ родѣ страсбургскаго пирога, гусиныхъ печенокъ, омаровъ, разыскалъ случайно оказавшуюся среди дорогихъ выписанныхъ заграничныхъ закусокъ тарелочку съ бѣлыми грибами въ уксусѣ, попросилъ себѣ подать не оказавшагося на столѣ чернаго хлѣба и подъ шумокъ рюмочекъ съ пять-шесть водочки, закусывая грибами съ хлѣбцемъ, пропустилъ. Глаза его такъ же смѣялись, какъ и при разговорѣ инженера во время обхода завода, но онъ посиживалъ, помалкивалъ и, видимо, раскумекивая, въ чемъ тутъ дѣло, подумывалъ что-то свое. Ему, изучившему до послѣднихъ предѣловъ тонкости только одну науку—драть четыре шкуры съ мужика, пребывая въ нерушимой увѣренности, что мужикъ обрстетъ пятой, какъ высшія соображенія не въ мѣру завравагося стараго барина, такъ и заграничная, основанная на научныхъ данныхъ дѣловитость бельгійца представлялись въ сущности дѣломъ одинаково пустымъ. Правда, и ему, Семену Аверьянычу, приходилось покупать дорогія и сложныя машины для своихъ заводовъ, «пущать электричество» на своихъ пароходахъ, но все это вмѣстѣ взятое не мѣшало коренному его убѣжденію, что суть дѣла не въ «электричествѣ», а въ мужикѣ. «Обойдешься кругъ его какъ слѣдствуетъ, чередкомъ будетъ у тебя и электричество и всякая штука, а дашь маху, не поспѣешь его обратить,—никакая механика не пособитъ», рассуждалъ Семень Аверьянычъ. Единственный разъ пришлось ему нарушить молчаніе, когда все время хвалившій себя камергеръ вдругъ началъ удивляться уму и сметкѣ Семена Аверьяныча, изъ бурлака и водолива въ молодости сумѣвшаго подъ старость превратиться въ богатѣйшаго купца, пароходчика, землевладѣльца, винокуреннаго и крахмальнаго заводчика и крупнаго хлѣбнаго торговца.

— Вы вѣдь, кажется, родомъ неподалеку отсюда изъ села?—спросилъ его камергеръ.

— Гдѣ уже намъ, ваше превосходительство, изъ села?! Далекое намъ до села! Изъ деревнюшки тутъ—Немишкино прозывается; да и деревнюшка-то такъ, признаться, пустая: дворовъ съ десятковъ!—скромно отвѣтилъ старый купецъ.

Хуже всѣхъ за обѣдомъ приходилось молодому инженеру, которому старый баринъ самымъ высококомѣрнымъ тономъ то и дѣло давалъ разныя лакейскія порученія и посылалъ его нѣсколько разъ изъ-за стола то распорядиться подогрѣть красное вино, то посмо-

трѣтъ, чтобы какъ можно крѣпче сварили кофе. Бѣдный молодой человекъ, часа два назадъ рассказывавшій намъ, какое могучее предпріятіе неслыханныхъ до него размѣровъ создать онъ среди пустынныхъ лѣсовъ, очутившись въ жалкой роли прислѣшника стараго враля, желавшаго подчеркнуть зависимое положеніе человека, за свои труды и знанія получающаго жалованье, не зналъ, куда ему дѣваться. Онъ то блѣднѣлъ, то лицо его покрывалось красными пятнами. Наконецъ онъ не выдержалъ, и въ послѣдній разъ, когда камергеръ велѣлъ ему итти распорядиться, чтобы готовили къ отѣзду лошадей, несмотря на то, что подававшій кушанье лакей былъ тутъ же, вышелъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ сказалъ, что ему рѣшительно некогда и онъ долженъ итти доканчивать спѣшное дѣло.

Камергеръ остался, видимо, очень доволенъ, что поспилъ спеси съ инженершкки, разстегнулъ пуговицы жилета, закурилъ дорогую сигару и сталъ наливать въ маленькую рюмочку бенедиктинъ. Острые мышинные глазки его еще болѣе сузились, покрылись масломъ и хитро поблескивали, принявъ побѣдоносное выраженіе. Кривой носъ съѣхалъ, казалось, еще болѣе куда-то въ сторону. Вранье его приняло еще болѣе наглый и циничный оттѣнокъ.

Прошло года два съ небольшимъ. Мнѣ пришлось ѣхать или, говоря по мѣстному, «бѣжать» на пароходѣ, принадлежавшемъ давнему знакомому моему Семену Аверьянычу, по рѣкѣ до пристани, отъ которой далѣе путь мой лежалъ на лошадяхъ.

Пассажировъ на пароходѣ было мало. Народъ кругомъ все былъ неинтересный, и я короталъ время, бесѣдуя съ капитаномъ парохода, служившимъ у Семена Аверьяныча уже лѣтъ двадцать. Капитанъ этотъ, Ѳома Иванычъ, толковый, смѣтливый, ловкій и расторопный человекъ изъ типа русскихъ американцевъ, несмотря на то, что ни малѣйшей теоретической подготовки къ рѣчному плаванію ни въ какомъ специальномъ училищѣ не получилъ и плохо разумѣлъ русскую грамоту, составляя посланія своему принципалу, понимавшему эту премудрость еще менѣе его, въ такомъ приблизительно родѣ: «пешку вашу получилъ и содержаніе онной къ сведенію принялъ по грошъ моей жизни временно обязанный крестьянинъ рапъ вашъ Ѳома Ивановъ», превосходно зналъ и велъ свое дѣло и пользовался большою любовью публики, ѣздившей на его пароходѣ.

Исторія капитана была очень несложна. Бойкій, шустрый мальчуганъ Ѳомка, сынъ волостного старшины, содержавшаго въ то же время въ своемъ селѣ пунктъ земскихъ лошадей, съ двѣнадцати лѣтъ уже сидѣлъ на козлахъ и лихо возилъ пріѣзжихъ, дававшихъ на чаекъ. Когда отецъ его, выгнанный изъ старшинъ за пьянство и

взятки, разорился и лошадей не стало, Оомка былъ отданъ въ мальчишки въ бакалейную лавку въ своемъ уѣздномъ городѣ. Главный методъ обученія своихъ питомцевъ торговому дѣлу со стороны хозяина этой лавки состоялъ въ томъ, что онъ билъ ихъ походя чѣмъ ни попало и таскалъ по полу за волосы. Пройдя курсъ торговой науки въ лавкѣ, молодымъ человѣкомъ поступилъ Оома Иванычъ помощникомъ капитана на пароходъ и на этомъ дѣлѣ остался на всю свою жизнь. Такимъ образомъ, право его именоваться капитанскимъ чиномъ никакого официальнаго признанія со стороны предрержащихъ властей не имѣло, что и дало разъ поводъ одному старому отставному капитану знаменитаго Нижегородскаго драгунскаго полка, ѣхавшему на командуемомъ имъ пароходѣ и учинившему буйство, въ отвѣтъ на призывъ къ порядку, къ которому тщетно призывалъ его Оома Иванычъ, подкрѣпляя доводы свои тѣмъ, что онъ капитанъ, а капитана на пароходѣ необходимо слушать, сказать ему:

— Щенокъ, какой ты капитанъ! Ты только до заморозковъ капитанъ, а я своему царю и въ крещенскіе морозы капитанъ!..— При этомъ старый израненный воинъ величественнымъ жестомъ указалъ на свою богатырскую грудь, на которой бѣлѣлся георгіевскій крестъ, заслуженный имъ еще въ тѣ далекіе дни, когда юнкеромъ подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, влетѣвъ во главѣ эскадрона на конѣ вслѣдъ за майоромъ Петровымъ въ карре штуцерныхъ турецкихъ батальоновъ, рубился онъ, выручая своего командира, лошадь котораго уже поднята была на штыки.

Милѣйшій собесѣдникъ, Оома Иванычъ, какъ и всѣ сотрудники Семена Аверьяныча по его многочисленнымъ предпріятіямъ, изучилъ свое дѣло, какъ выражался его не любившій ученыхъ хозяинъ, на «практикѣ», и эта-то «практика» давала Оомѣ Иванычу истинно вѣрный взглядъ на все происходившее кругомъ него. Обсуждая за чайкомъ мѣстныхъ дѣла, въ которыхъ Оома Иванычъ оказывался всестороннимъ знатокомъ, договорились мы и до бельгійцевъ.

— Ну что, какъ бельгійцы съ своимъ заводомъ?

— Экъ, хватились, бельгійцы! Да тутъ и духу-то ихняго не осталось!

— Какъ не осталось?

— Что же имъ тутъ дѣлать, когда заводъ закрыли.

— Когда же?

— Да больше года уже.

— Сколько же времени онъ шелъ?

— Мѣсяцевъ съ десять шелъ.

— Неужто?

— Ла вотъ поѣдете, вѣдь вамъ мимо ѣхать, сами увидите.

— Что же за причина этому, скажите, Оома Иванычъ

— Причинъ много, а какая главная, пожалуй, и не разберешь.

Положимъ. и говорить нечего, хорошо бельгійцы заводъ устроили—

на это они мастера и деньги у нихъ вольныя, а въ сбытѣ товара ошиблись: простой штуки не разочли: много ли у насъ богатыхъ людей зеркала-то ихнія покупать? По нашему вотъ, скажемъ, мѣсту лаптями способнѣе торговать, ничѣмъ зеркалами, потому кому зеркало-то требуется?—богатому человѣку. Поди, сыщи его, а безъ лаптей и самый что ни на есть бѣднѣющій мужичонко не проживетъ! Опять же въ глуши заводъ поставили: далеко отъ Москвы—провозъ одолѣваетъ. Ну, и баринъ, у кого они старую-то фабрику купили, тоже имъ бочину въ лучшемъ видѣ наскиндарилъ.

— Какимъ же образомъ?

— Да самымъ, будемъ говорить, простымъ! Взялъ съ нихъ деньги уйму, а спрашивается за что? За пустое мѣсто! Продалъ онъ имъ, положимъ, свою старую фабрику и фирму свою съ ней. Какая же это была фабрика, такъ, званіе одно, что фабрика. Другая кузница въ городѣ больше ея! Великъ ли былъ сбытъ товаровъ у него? Торговали на двѣ коклюшки съ половиной въ годъ. Продалъ онъ бельгийцамъ, если правильно говорить, песчаный бугоръ середь своего лѣса десятинъ въ пятнадцать, ну, скажемъ, стоитъ каждая десятинка въ вѣчность десять рублей—всей музыки отъ силы на полторы сотни, а они съ большого ума да съ ученія давай на этомъ бугрѣ заводъ ставить да миллионы въ него всаживать, а лѣсу и торфу изъ своего имѣнія,—тутъ же лѣсъ-то кругомъ завода,—онъ имъ сразу не продалъ, а цѣну обозначилъ, когда они уже капиталъ убили—заводъ выстроили. Они къ нему за лѣсомъ. Такъ, молъ, и такъ—мы заводъ выстроили, намъ безъ дровъ никакъ невозможно, а онъ имъ на это:—нужно? такъ плати денежки! Да и завернулъ имъ цѣну такую, что въ носъ шибануло! Ему что?! Акціи, которыя онъ съ нихъ получилъ, онъ тутъ же ихнимъ бельгийцамъ за границей продалъ. Денежки въ карманъ—спокоенъ! Они копайся тутъ какъ знаешь, а какъ чуть къ нему въ лѣсъ,—отецъ дяконъ, деньги на конь! Безъ никакихъ—не балуйся! Деньги въ руки—миѣ муки! Ну, они побились, побились—видятъ: дѣло ихъ выходитъ—рыхлякъ! Потому, когда они еще за свои товары деньги-то выручать, а тутъ ихъ чистятъ, тутъ ихъ гладятъ—не роди ты, мать, на свѣтъ! Опять же народъ. Народа нашего они не знаютъ. По понѣшнему времени народишко, прямо надо говорить, образовался мошенникъ! На ворѣ шить и мошенникомъ подбить. Думали деньгами мужичонковъ удивить. Получи за все чистыя денежки и ступай! Анъ по ихнему-то и не вышло! И поколпачивали же ихъ эсти самыя мужичонки—сичасъ умереть! Вотъ какъ грѣли ихъ, ученыхъ! Не сойти съ эстаго мѣста какъ нашаривали! Даромъ, что съ пенька спилены, а воръ на ворѣ народъ. Скажемъ, дрова хоть къ примѣру изъ лѣса вывозить. Сичасъ мужичонко утромъ заявляется къ ихнему какому тамъ Карлѣ Карлычу примѣромъ или Альфонсу Августычу и лепортуетъ: такъ, молъ, и такъ, пожалуйста дрова принимать на

площадь!—«Карашо! Мой одинъ минють будетъ приходить!..» Карла Карлычъ,—грубочка этта у него такая фарфоровая омнаковенно въ зубахъ, пальтецо на емъ коротенькое, на заграничный манеръ картузикъ,—береть рулетку, идетъ дрова обмѣрять и выдаетъ мужичонкѣ квитокъ, что, моль, вывезено на площадь два сажня дровъ, а того умная голова не понимаетъ, что не двѣ сажени вывезъ мужичонку, а одну!

— Какъ же такъ?..

— А очинно даже просто! Авчерашній, скажемъ, день мужичонко, вѣрно, двѣ сажени привезъ и квитокъ на нихъ получилъ, а съ полночи дрововозъ заводскій къ дровамъ этимъ подъѣхаль и верхнюю сажень въ гуту свезъ. У дрововоза по этому дѣлу съ мужичонкой союзъ: они спюхались заранѣ. Къ утру Карла Карлычъ еще спитъ съ Альфонсиной Францовной съ своей, а мужичонко не будь плохъ, ужъ изъ лѣса одну сажень дровъ приволокъ и поверхъ оставшейся сажени ее поклалъ, на то, значить, мѣсто, съ котораго ночью дрововозъ дрова-то свезъ. У мужичонки опять два сажня въшло, а подъ низомъ-то лежитъ у него сажень вчерашняя, за которую онъ уже и деньги получилъ: въ квитокъ она ему была записана. Квитокъ онъ въ контору какъ предъявить, контора давай по счетамъ съ Карлой вывѣрять. По счетамъ выйдетъ вѣрно—ему и деньги отдадутъ. Онъ опять также поверхъ оставшейся сажени выложить другую и заявляется къ Карлѣ—пожалуйте дрова принимать! Карашо! Карла разлопоушится—опять ему квитокъ на два сажня пишетъ. Потому хоть, сказать, Карла и собака по своему дѣлу, ну, округъ мужичка понимать онъ не могѣтъ, потому башка у него не съ того боку затесана, да и порядковъ-то нашихъ—главная причина—онъ не знаетъ. А мужичонкѣ то и найдено! Что у волка въ зубахъ—то Егорій далъ! Съ денежками въ шинокъ, да еще который порасторопнѣй грѣшнымъ дѣломъ и къ бабамъ зачешется. Въ карты еще идолы заразились. Такая пошла тутъ у нихъ промежъ себя штурма! Что народу покалѣчили! Которыхъ до смерти убили, потому народъ охреянъ, не самостоятельный народъ! Налыются и давай кольями другъ друга отесывать по чему нѣ попало! И такъ во всемъ, не въ однихъ дровахъ. Пока догадаются, анжинеры свѣрятся по конторѣ, куда, на что и сколько вышло, а ужъ въ кармапѣ-то у нихъ дыра!..

— Ну, что же, пошли народу бельгійскія деньги въ прокъ?

— Которымъ пошли, которые допрежде покрѣпше жили, а шантрапа эта самая, рвань, значить, коричневая, какъ была, такъ и осталась. Небось, попытали бы такъ у дѣдушки у нашего! (Дѣдушкой всѣ въ округѣ звали Семена Аверьяныча).

— Ну, что дѣдушка, какъ поживаетъ?

— Что ему дѣлается! Дѣдушка у насъ отѣлся, какъ сазанъ, гладкій сталъ! И лють старый учить обормотовъ эстихъ самыхъ—

злую роту! Капиталь, можно сказать, себѣ отъ нихъ, отъ шельмовъ приобрѣлъ—потому, можетъ, сколько годовъ задаромъ они на него ворочали. Волость наша большая, народищу сила,—дѣвать некуда! Земля песокъ вертячій. Хлѣба своего на квась не хватаетъ. Изъ старины такъ и повелось, народъ на заработки идетъ. Болѣ въ Питеръ утолченъ. Въ ломовыхъ тамъ живутъ, въ дворникахъ. Которы посамостоятельнѣ ребята, въ старшихъ дворникахъ жимши, хорошую копейку загнали, дома свои въ Питерѣ имѣютъ. Ну, много отъ настоящаго народу и обору остается—самой эстой, сказать, злой роты. Прошется который въ Питерѣ али сбондитъ тамъ что,—его, милака, по этапу домой. Пашпорта въ волости ему не даютъ. Дома жрать нечего. Самъ разуть, раздѣтъ. Куда дѣваться, окромя что къ дѣдушкѣ? Такъ, молъ, и такъ, батюшка Семень Аверьянычъ, къ милости вашей, какъ вы, значить, вопче для насъ отецъ. Ну, дѣдушка посмотритъ, померекаетъ, да его, обормота, къ дѣлу и опредѣлитъ. Землю пахать, за быками ходить, на винномъ заводѣ работать, на трахмальномъ. Придѣлится-то его, хоть, скажемъ, и придѣлится—ну, что касаето денегъ, не вотъ-то скоро ему въ руки дастъ. Тепломать какой драный или опорки тамъ какіе—это велитъ выдать. Цѣлый чуланъ у него на заводѣ рвани разной доверху набить. Что дастъ—вычтетъ потомъ изъ жалованья. Вотъ ужъ тутъ-то дѣдушка и возьмется за питерщика путемъ и давай его клюжить—учить, какъ на свѣтѣ жить. Съ зари до зари питерщикъ-то у него рабствуеетъ—ворочаетъ, какъ меринъ. Ну, какъ маленько погода дуръ съ него схлынетъ, почувствуется, взойдетъ въ настоящее понятіе, дѣдушка ему, пожалуй, и жалованьишко кой-какое положить. Другой разъ изъ обормотовъ-то съ дѣдушкиной учбы и дѣльные ребята выходятъ. Такія головы—бѣда!.. Въ приказчикахъ у дѣдушки живутъ, а пришли наги и босы. Потому провидливъ старикъ! Въ разъ видитъ, къ какому дѣлу человѣка придѣлится. Ну, и чуденъ дѣдушка! Намеднисъ ребята сказывали, что счудилъ. Приказчикъ у него есть—годовъ съ двадцать малый-то живетъ, и малый съ понятіемъ. Въ городъ его послали онамеднисъ валуховъ, которые на бардѣ стояли, продать на мясо. Купилъ въ городѣ быковъ этихъ мясникъ для лавки для своей. Сошелся, почему за голову, даль задатокъ и взойди ему въ башку, что дорого очень за нихъ даль. Сталъ сумлѣваться и говорить нашему малому-то: «Похоже, цѣной я прошибся—лишняго даль». Малый ему на это: «Хочешь, говорить, куши на живой вѣсъ—почемъ за пудъ, чай, знаешь, какъ цѣны-то у насъ. Взвѣшаемъ, и конецъ дѣлу». Мясникъ радъ—потому видитъ, какая же тутъ будетъ ошибка. «Ладно, говорить мясникъ-то, давай за живой вѣсъ торговаться». Сторговались. Задатокъ у нашего малаго остался. «Ну, теперь ты иди къ вѣсамъ, говорить нашъ-то мясникъ, скажи вѣсовщику, чтобы вѣсы готовилъ быковъ вѣшать, а я тѣмъ временемъ ихъ соберу да къ вѣсамъ подгоню». Мясникъ ушелъ, а нашъ

малый-то не будь плохъ, да въ лавку: лавка тутъ же при постояломъ дворѣ; ухватилъ кулъ соли, рассыпалъ соль въ колоду да и давай въ колоду изъ колодца воды накачивать. Быки соленому-то рады, потому съ дороги-то у нихъ жажда. Въ разъ навалились на соленую воду и давай ее очесывать. Ведра по три, по четыре каждый въ себя влилъ. Какъ напоилъ ихъ малый-то, и погналъ къ вѣсамъ. Взвѣшали. Тяжелы быки оказались. Кряхтитъ мясникъ, а надо денежки отдавать. Дороже быки-то приходятъ, почему раньше ихъ чохомъ купилъ, и спятиться никакъ нельзя—задатокъ пропадетъ. Тяжелы потому, братецъ ты мой, кормны!—малый-то нашъ говоритъ. Такъ и продалъ мяснику воду за говядину да за сало! Ну, хорошо, жилъ малый и жилъ, какъ по простотѣ по-русски—бѣсъ его и догадай сопить себѣ лаковы сапоги да въ нихъ дѣдушкѣ отъявиться. Дѣдушка ничего, какъ омнаковенно, ласковый такой. Пойдемъ, говорить, быковъ посмотримъ, какъ они у насъ тамъ. Быки у него на бардѣ при винокуренномъ заводѣ постоянно стоятъ. Навозищу округъ нихъ, покуда его въ поле не вывезли,—сила! Дѣдушка въ бахилахъ-то своихъ и давай по навозу шатать. Малый за имъ долженъ поспѣвать. Съ тѣхъ поръ какъ бабушка отходила—шабашъ себѣ лаковы сапоги шить! Округъ нашего-то самого, что говорить, отряся ножку, надо ходить—потому старикъ умственный, скрозь кажнаго чело-вѣка провидить!!!

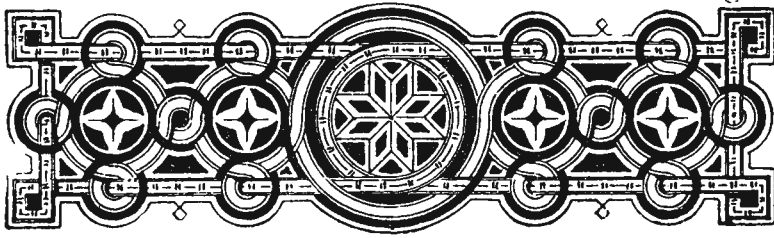
Разказалъ я Ѳомѣ Иванычу, какъ смѣялись глаза старика, когда мы были съ нимъ на бельгійскомъ заводѣ.

— Ну вотъ, вотъ,—оживился мой собесѣдникъ,—всю штуку эту дѣдушка впередъ провидѣлъ: потому дотошень до всѣхъ дѣловъ. Одно слово—оберъ!.. Чего уже тутъ, самъ бурлакомъ былъ—на воровъ семь лѣтъ кашу варилъ!..

Въ рубкѣ, гдѣ мы сидѣли, стало душно. Я отворилъ окно. Въ него повѣяло свѣжестью сырой августовской ночи. На рѣкѣ было темно и мрачно, только свѣтъ электрическихъ фонарей парохода отражался, дробясь въ холодныхъ волнахъ рѣки. Очертанія невысокаго лугового берега терялись въ темнотѣ. По небу низко шли тяжелыя тучи, ронявшія мелкій холодный дождь.

В. Гайдуковъ.

КАКЪ ОДИНЪ МУЖИЧОКЪ ОТЪ ХОЛЕРЫ КОЛОМЪ ОТМАХАЛСЯ.

ВОРЬБА съ холерою средствами медицинскими и въ особенности санитарными всегда вызывала въ невѣжественной массѣ множество толковъ, неблагоприятныхъ представителямъ науки, создавала легенды и нерѣдко порождала въ мѣстностяхъ, охваченныхъ эпидеміей, безпорядки, «бунты», которые прежде всего грозили безопасности докторовъ и фельдшеровъ, приглашенныхъ органами мѣстнаго самоуправления и администраціей на борьбу съ грознымъ бѣдствіемъ. Даже въ текущемъ году въ одной изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Рижскому побережью, чуть было не вспыхнулъ своего рода бунтъ, въ которомъ жизни доктора и фельдшера грозила серьезная опасность. Поводами къ этимъ безпорядкамъ всегда являются именно невѣдомо кѣмъ пускаемые слухи, легенды, одна изъ которыхъ и воспроизводится здѣсь, какъ образецъ народнаго невѣжества и того творчества, гдѣ трагическое и комическое тѣсно переплетаются между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ создаютъ не лишнюю интереса бытовую картинку отечественной жизни.

Бхали осенесь ¹⁾ нашихъ три деревенскихъ мужичка на пароходѣ по Ладожскому озеру. До дому добирались, съ работъ изъ Питера. Сильная поднялась буря, и качка началась такая, что ихъ

¹⁾ Осенесь—осенью; такъ же, какъ лѣтось—лѣтомъ.

всѣхъ, ну и прочихъ, крѣпко тошнить стало. Тутъ Артюха не вытерпѣлъ, пошелъ въ буфетъ и выпилъ, гораздо выпилъ, чтобы тошноту унять, ослабъ, кое-какъ до своей лавки добрался, подъ лавку свалился и захрапѣлъ. А Семка да Иванъ Головановъ все крѣпились, на лавку прилегли да тихо Богу молиться стали, чтобы благополучно бурю пронесло. На послѣдней, значить, пристани, какъ извѣстно въ холерное время,—два сотскихъ, два десятскихъ, урядникъ, фельдшеръ и докторъ—пассажировъ встрѣчаютъ, осматриваютъ. (Многозначительно, полушопотомъ). А докторъ-то еще полякъ былъ! Бѣда! Приступили къ нашимъ мужичкамъ, что тошнило ихъ, и волокутъ на пунктъ. Артюху, подъ лавкой, какъ успятками ни награждали—онъ и не шелохнулся; его взяли на носилки и понесли. Приступили къ Сѣмкѣ. Сѣмка мужикъ смиренный такой былъ, тихій,—сробѣлъ, да и дался имъ въ руки. «Болишь у тебя, говорятъ, животъ?»—«Волишь». Ну, и давай его лечить! А Иванъ Головановъ говоритъ: «Я не боленъ, я въ вашу больницу не пойду; меня отъ качки тошнило!» Малый здоровый такой, сильный, никакъ одолѣть его не могли. Вырвался у нихъ изъ рукъ да бѣгомъ къ изгороди, выхватилъ колъ, и ну махать на всѣ стороны. «Прочь, окайнные, душегубцы! Уморить меня хотите! Убью!» Докторъ кричитъ: «Взять его! Вязать его!» а самъ близко не подходитъ, все фельдшеровъ впередъ посылаетъ; ну, вѣстимо дѣло, остальнымъ кому нужда, кому жизнь наскучила—такъ отъ Ваньки и отступились; онъ, съ Богомъ, и побрелъ домой. (Со вздохомъ). А Сѣмку карболовкой лечить начали,—наильно въ ротъ влили; да гробъ смолѣвый приказали принести. «Вижу я, говоритъ, что вы со мною дѣлаете, какого лекарства даете! Смерть моя пришла!» Хотѣлъ начальству заявить; а ему еще въ ротъ карболовки влили—онъ Богу душу и отдалъ! (Немного помолчавъ, въ раздумьи). Потому народу много стало—поубавить надо; приказъ такой вышелъ—такъ и лечить начали... Много въ ту пору народу переморили!.. Принесли и Артюху пьянаго въ больницу; лежитъ, что бревно! Хотѣли ему лекарство въ ротъ влить—не могли: зубы стиснуты; такъ ему трубой—въ задъ трубу вставили. На другой день утромъ пришелъ Артюха въ себя—проспался... открылъ глаза, посмотреть—не узнаетъ, куда попалъ! Какъ разглядѣлъ, какъ увидалъ... Батюшки свѣты! Адъ кромѣшный! Одного дугой ведетъ, а другого уже за ноги волокомъ въ покойницкую тащатъ! Какъ заблажить мой Артюха, какъ соскочить съ постели, да и пустился бѣжать, а голубчики-то фельдшера да доктора за нимъ! Поймали! Артюха вопить: «Если вы меня не выпустите—больницу спалю! Свою голову потеряю—а спалю! Я не боленъ, я пьянъ былъ!» Поговорили это они промежь себя, посовѣтовались, да и плюнули—отпустили Артюху, побоялись, что взаправду больницу спалить.

Съ тѣхъ поръ Артюха все поясницей жалуется. Трубой-то ему животъ напружили. Часто хворать сталъ. А докторъ-то тотъ, полякъ, скоро послѣ Иванова кола совсѣмъ уѣхалъ, смекнулъ, что ему за Сёмкину смерть тутъ не сдобровать! (Съ большой увѣренностью). Ну, будь Сёмка хоть на грошъ посмѣлѣе, да не дайся имъ въ руки—посейчасъ бы живъ былъ! (Съ восторгомъ). А Иванъ Головановъ живъ-живёхонекъ-здоровёхонекъ—такъ отъ холеры коломъ и отмахался!

Чернявинъ.

ПАМЯТИ СУЛТАНА ЧИНГИСХАНА.

ЕВРАЛЯ 28-го сего года скончался генераль-отъ-кавалеріи султанъ Чингисханъ.

Покойный былъ сыномъ владѣтельнаго хана киргизской Букеевской орды—хана Джангера, который вмѣстѣ съ подвластными ему киргизскими племенами, населявшими наши юго-восточныя окраины, принялъ присягу въ вѣрноподданствѣ императору Николаю Павловичу.

Султанъ Чингисханъ родился въ 1840 году и былъ младшимъ изъ четырехъ сыновей хана Джангера, изъ которыхъ въ настоящее время только одинъ старшій, князь Ахметъ, остался въ живыхъ. Воспитывался онъ въ пажескомъ корпусѣ, окончивъ который въ 1856 году, былъ записанъ въ золотую книгу и произведенъ изъ камеръ-пажей въ корнеты лейбъ-гвардіи Казачьяго (нынѣ Его Величества) полка.

По примѣру старшихъ его братьевъ, высочайше повелѣно было въ 1857 году командировать его въ Оренбургъ, въ распоряженіе главнаго начальника края, для ознакомленія съ дѣлами по управленію кочующими ордами киргизъ. Въ 1866 году султанъ Чингисханъ, въ чинѣ ротмистра того же Казачьяго полка, былъ назначенъ въ распоряженіе войскового наказнаго атамана войска Донского, а въ 1868 году, уже въ чинѣ полковника, переведенъ на службу въ Сѣверо-Западный край. Въ 1871 году былъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Въ 1874 году султанъ Чингисханъ, по высочайшей волѣ, былъ призванъ къ занятіямъ въ телеграфномъ департаментѣ, а въ 1876 г. высочайше повелѣно ему заниматься, независимо телеграфнаго дѣла, дѣлами по киргизской отрасли въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Во время войны съ турками (въ 1877—1878 году) Чингисханъ былъ назначенъ начальникомъ движенія телеграфной корреспонден-

Султанъ Чингисханъ.

денціи въ дѣйствующей арміи и въ 1878 году произведенъ за отличіе по службѣ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ въ свиту его величества. Затѣмъ, по распоряженію главнокомандующаго арміею, назначенъ исполнять обязанности помощника начальника полевого инженернаго управленія, по завѣдыванію телеграфами, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ томъ же году назначенъ

членомъ кассационнаго присутствія дѣйствующей арміи съ оставленіемъ въ прежней должности. За храбрость и личную отвагу во время военныхъ дѣйствій подъ Плевной и за радостную вѣсть, сообщенную лично государю императору, о взятіи нашими войсками Гривицкаго редута пожалованъ собственноручно государемъ золотой шапкой съ надписью «за храбрость».

Приведемъ выдержки изъ дневника султана Чингисхана, гдѣ онъ описываетъ это событіе:

«Цѣлый день 30-го августа, день именинъ государя, всѣ посланные адъютанты и ординарцы приносили извѣстія: *отбиты... или хотя взяли, но опять отдали...* я же одинъ, самимъ государемъ неожиданно посланный, привезъ ему радость. Ахъ, какъ я былъ счастливъ въ минуту свиданія съ обожаемымъ монархомъ. Такое событіе бываетъ у человѣка только разъ въ жизни. Государь наградилъ меня слѣдующими незабвенными словами: «Я тебя послалъ въ минуту труднаго моего душевнаго настроенія. Ты принесъ мнѣ хорошую вѣсть, благодарю тебя за это». Далъ руку. Я поцѣловалъ и отвѣтилъ: «Счастливъ, ваше величество, что для вашихъ именинъ привезъ радостную вѣсточку вамъ, государь, а еще болѣе счастливъ тѣмъ, что вы сами изволили меня послать за этой пріятной для васъ вѣстью». Онъ мнѣ второй разъ далъ руку, поблагодарилъ, поцѣловать меня изволилъ и отпустилъ. На другой день государь наградилъ меня золотой саблей за храбрость. Какъ онъ добръ и великъ въ своемъ вниманіи.

«Послѣ того его императорское величество не разъ вспоминалъ въ разговорахъ: «Чингисъ одинъ меня порадовалъ въ мои именины. Ты никогда не забудешь этого дня?» спрашивалъ онъ меня. «Никогда, ваше величество», отвѣчалъ я. Да и трудно забыть все то, что я видѣлъ и слышалъ. Царь нашъ—истинный отецъ нашъ. Намъ надо беречь его и неустанно молиться о здравіи и благополучіи Александра II».

Кромѣ золотого оружія, Чингисханъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до Анны I степени включительно и много иностранныхъ.

По окончаніи военныхъ дѣйствій Чингисханъ былъ назначенъ состоять при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для занятія киргизскими дѣлами, на правахъ помощника управляющаго земскимъ отдѣломъ. Въ это же самое время онъ принималъ также участіе въ разработкѣ проекта объ устройствѣ управленія въ Туркестанскомъ краѣ и предсѣдательствовалъ въ высочайше утвержденной особой комиссіи о вакуфахъ въ Крыму, получивъ за всѣ эти труды высочайшую благодарность.

Въ 1888 году онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, съ оставленіемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и съ зачисленіемъ въ запасъ армейской кавалеріи. Въ 1894 году произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи съ увольненіемъ отъ службы.

Такимъ образомъ покойный состоялъ 38 лѣтъ на службѣ, занимая по преимуществу административныя должности, главнымъ образомъ по дѣламъ нашей восточной окраины, населенной разноплеменными кочующими инородцами. Но независимо отъ этого, на него возлагался, по высочайшему повелѣнію, цѣлый рядъ серьезныхъ порученій, исполнявшихся имъ всегда добросовѣстно и съ успѣхомъ.

Императоръ Александръ II отличалъ султана Чингисхана съ первыхъ же шаговъ его службы особымъ монаршимъ вниманіемъ, и Чингисханъ, въ свою очередь, боготворилъ царя. Преданность его монарху была безгранична.

Выдающаяся дѣятельность покойнаго снискала ему всеобщее уваженіе, и онъ нѣсколько разъ былъ избираемъ почетнымъ мировымъ судьей Новоузенскаго уѣзда Самарской губерніи.

Въ частной жизни это былъ рѣдкій по своимъ качествамъ человекъ: честный, правдивый, отзывчивый на все доброе и горячій патриотъ¹⁾. Онъ любилъ Россію, болѣлъ душой за всѣ ея неудачи и былъ дѣйствительно вѣрнымъ подданнымъ государя.

Отзывчивость и доброе сердце его были извѣстны всѣмъ, кто къ нему обращался когда-либо. Не говоря о безчисленномъ множествѣ соплеменниковъ, которые пользовались его поддержкой и покровительствомъ, на его счетъ воспитывались въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ сироты, или дѣти бѣдныхъ родителей, которыхъ онъ даже совершенно не зналъ. Вообще, онъ старался дѣлать добро вездѣ, гдѣ представлялась возможность, дѣлалъ это совершенно просто, не рисуясь, и входилъ въ нужды каждаго, кто бы онъ ни былъ. Такъ, будучи завѣдующимъ полевымъ телеграфомъ во время войны, онъ постоянно посылалъ на свой счетъ телеграммы солдатамъ, которые не имѣли средствъ дать о себѣ вѣсточку на родину.

Въ ту же войну, заболѣвъ серьезно брюшнымъ тифомъ, онъ въ письмахъ своихъ къ роднымъ все время твердилъ о томъ, что обязанъ своимъ выздоровленіемъ и остался живъ исключительно благодаря уходу за нимъ сестры милосердія Цвѣтковицъ и заботамъ друга своего П. Г. Ермолова. Узнавъ по выздоровленіи своемъ о трудномъ семейномъ положеніи Цвѣтковицъ и о томъ, что она хотѣла бы устроить своего брата на службу, онъ, не говоря ей ни слова, сталъ хлопотать за него. Къ Ермолову за его попеченія о немъ во время болѣзни онъ сохранилъ до конца дней своихъ, а также ко всей семьѣ его самое теплое дружеское отношеніе.

Нельзя не упомянуть о томъ, что Чингисханъ былъ очень религіознымъ человекомъ²⁾ и, оставаясь магометаниномъ, исполнялъ

¹⁾ Какъ на отличительную черту патриотизма его, можно указать на то, что онъ за всю свою жизнь, съ окончанія курса, не пропустилъ ни одного представленія «Жизни за Царя» въ Маринскомъ театрѣ.

²⁾ Въ 1873 году совершилъ паломничество въ Мекку.

свято всѣ обряды своей религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ относился съ большимъ уваженіемъ къ православію и русскому духовенству. Однажды ему пришлось быть свидѣтелемъ въ поѣздѣ желѣзной дороги, какъ кондукторъ грубо обошелся съ православнымъ священникомъ и высаживалъ его изъ вагона за то, что тотъ потерялъ билетъ. Чингисханъ подошелъ къ священнику, далъ ему денегъ на билетъ и на вопросъ священника, какъ переслать ему свой долгъ, просилъ только молиться за близкаго ему человѣка, назвавъ имя.

Незадолго до своей смерти, будучи уже совершенно больнымъ, Чингисханъ зашелъ какъ-то въ почтовое отдѣленіе, гдѣ всегда отправлялъ свою корреспонденцію, и случайно увидѣлъ, что на мѣстѣ прежней телеграфистки сидитъ другая; онъ поинтересовался, куда дѣлась прежняя, и, узнавъ, что она серьезно больная лежитъ въ больницѣ, тотчасъ же отправился навѣстить ее и, видя ея бѣдственное положеніе, предложилъ матеріальную помощь.

Много можно бы было привести образчиковъ его добраго сердца, но всего не перечесть. Онъ былъ также прекраснымъ семьяниномъ; былъ женатъ, но потомства не оставилъ.

Сохранивъ самое лучшее воспоминаніе о мѣстѣ своего воспитанія, куда онъ былъ опредѣленъ мальчикомъ 10 лѣтъ, Чингисханъ не прерывалъ сношеній съ пажами. Онъ ежегодно ѣздилъ на собранія общества взаимопомощи пажей, какъ одинъ изъ участниковъ его, а на обѣдахъ бывшихъ воспитанниковъ корпуса, передъ молитвами до и послѣ обѣда, барабанилъ, какъ это дѣлалъ въ пажемскомъ корпусѣ, во время нахожденія его тамъ.

Признательные товарищи его, бывшіе пажи, поднесли ему нѣсколько лѣтъ тому назадъ серебряный барабанъ, хранящійся нынѣ въ музеѣ корпуса. Покойный былъ такимъ виртуозомъ на этомъ инструментѣ, что въ любительскомъ оркестрѣ, собиравшемся у императора Александра III, въ бытность его наслѣдникомъ, на барабанѣ постоянно игралъ Чингисъ.

Скончался онъ на 69-мъ году въ Ялтѣ, куда уѣхалъ изъ Петербурга для поправленія разстроеннаго здоровья. Но судьба судила иначе. Хроническая болѣзнь, развившаяся послѣднее время, подточила могучій организмъ. По удивительному совпаденію, тѣло его предано землѣ 1-го марта, въ день кончины обожаемаго имъ монарха. Похороненъ онъ въ мѣстечкѣ Дерикой, близъ Ялты, на магометанскомъ кладбищѣ.

Кончина его печалила не только близкихъ и друзей его, но и всѣхъ знавшихъ этого вполне достойнаго, хорошаго человѣка.

А. Хакъ.

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

VII. Разгромъ пропагандистовъ.

I.

ВРЕЖДЕ, чѣмъ дать краткое обозрѣніе главнѣйшихъ моментовъ обоихъ большихъ процессовъ, процесса 50-ти и 193-хъ, стоявшихъ въ отношеніи другъ къ другу въ тѣснѣйшей идейной связи, остановимся нѣсколько на томъ ядрѣ, изъ котораго вышли дѣятели перваго процесса и изъ котораго, какъ мы то уже отмѣтили, вышли нѣкоторые дѣятели русскаго революціоннаго движенія, оказавшія на это движеніе сильное вліяніе. Объ этомъ ядрѣ мы мелькомъ упоминали, когда шла рѣчь о пребываніи нашей учащейся молодежи въ Швейцаріи и о вызовѣ, брошенномъ ей со стороны правительства. Что касается именно перехода «московокъ», или «фричъ», какъ назывались учащаяся дѣвушки въ Цюрихѣ, отъ ученія въ революціонной практикѣ, мы имѣемъ интересныя воспоминанія И. С. Джабадари ²⁾, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ «процесса 50-ти», которыми и воспользуемся для обрисовки дѣла пропаганды на московскихъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ именно «московки» и приложили свои силы.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVIII, стр. 641.

²⁾ «Былое» 1907 г., в. н. 8—10.

И. С. Джабадари, кавказецъ по происхожденію, попалъ въ Цюрихъ, нашелъ здѣсь обширную колонію земляковъ, по преимуществу грузинъ, которые, совершенно проникшись мѣстными социалистическими и революціонными вѣяніями, вели между собою страстные споры на тему: «слѣдуетъ ли кавказцамъ примкнуть къ революціонному движенію въ Россіи, задачи котораго сходны по дѣли съ социальнo-революціоннымъ движеніемъ въ Западной Европѣ, и, работая рука объ руку съ русскими революціонерами, стремиться къ ниспроверженію существующаго политическаго и экономическаго гнета во всемъ русскомъ государствѣ», или идти самостоятельнымъ путемъ, внѣ зависимости отъ теченій русской жизни, стремиться къ осуществленію федераціи кавказскихъ республикъ? По настоящему предмету былъ даже созванъ конгрессъ въ Женевѣ, на которомъ присутствовали, между прочимъ, на считая самого Джабадари и его единомышленника Чекоидзе, грузины—Георгій Церетелли, А. Сараджевъ, Инаковъ, Джапаридзе, П. Меликовъ, князь Рев. Челокаевъ, князь А. Циціановъ, кн. Гурамова, Е. Меликова, двѣ сестры Николадзе, Эліазовъ, С. и К. Месхи и многіе другіе.

Объ этомъ конгрессѣ авторъ воспоминаій даетъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія, которые обрисовываютъ намъ нарастаніе въ Россіи сепаратистическихъ вѣяній, особенно остро начавшихъ обнаруживаться съ эпохи 60-хъ годовъ. «Конгрессъ былъ объявленъ публичнымъ,—говоритъ г. Джабадари:—думали было вести пренія на французскомъ языкѣ, но скоро оказалось, что огромное большинство не владѣетъ имъ; рѣшили затѣмъ вести пренія на грузинскомъ языкѣ, но и это оказалось неудобнымъ, во-первыхъ, потому, что многіе изъ грузинъ, воспитывавшіеся въ русскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, не могли и двухъ словъ сказать на родномъ языкѣ, и, во-вторыхъ, на конгрессѣ присутствовалъ дагестанецъ, армянинъ, русскіе, изъ уваженія къ которымъ надо было остановиться на языкѣ, доступномъ всѣмъ; остановились на языкѣ русскомъ. Помѣщеніе для конгресса было нанято гдѣ-то совѣмъ за городомъ; домъ стоялъ особнякомъ, въ немъ былъ свѣтлый, довольно вмѣстительный залъ; сюда въ первые дни заглядывали и русскіе эмигранты Ткачевъ, Гольденбергъ, Эллидинъ, Жуковский, французскіе коммунары—Ле-Франсэ, Монтельсъ, Бабики и другіе, наконецъ, нѣкоторыя русскія женщины, среди которыхъ особенно выдѣлялась своей внѣшностью Гребницкая, сестра Д. П. Писарева, которая являлась на конгрессъ въ мужскомъ костюмѣ...» Съ самаго начала были поставлены оба взаимноисключающіе вопросы объ отношеніи кавказцевъ къ русской революціи. «Ничтожное меньшинство,—по словамъ Джабадари—въ лицѣ Домгата, Циціанова, Челокаева, Эліазова, Чекоидзе и меня, высказалось за то, что ни о какой федеративной республикѣ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ между отдѣльными національностями не существуетъ ни взаим-

ныхъ симпатій, завѣщанныхъ прошлой исторической жизнью, ни общихъ интересовъ, ни общности культуры; что для созданія этой общности потребуетъ гигантская, мирная работа цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, а за это время при теперешнихъ общегосударственныхъ условіяхъ отъ кавказскихъ народностей можетъ, пожалуй, остаться одно лишь печальное воспоминаніе. Всеобщая же дружная работа всѣхъ безъ различія народностей, составляющихъ русское государство, во имя освобожденія всего русскаго народа отъ деспотизма, гнета и власти капитала скорѣе приведетъ къ торжеству свободы и лучшаго соціального строя—этой конечной цѣли чело-вѣчества; что стремленіе къ объединенію Кавказа въ форму кавказской республики сведетъ великую соціально-революціонную борьбу къ узкой національной задачѣ, которая вызоветъ опасный антагонизмъ между русскимъ народомъ, съ одной стороны, и кавказскими народами, съ другой, а также вызоветъ раздраженіе и между самими кавказскими, не равными по силѣ народностями; такой неосторожный политическій шагъ, при маломъ политическомъ развитіи кавказскихъ народовъ и самого народа русскаго, можетъ привести къ тѣмъ же печальнымъ событіямъ, театромъ которыхъ еще такъ недавно была Польша; эти чаянія завершатся не свободой, а полнымъ разгромомъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній меньшинство конгресса высказалось за присоединеніе кавказской интеллигенціи къ всероссійской соціально-революціонной организаціи въ цѣляхъ завоеванія политической и экономической свободы всѣхъ безъ различія народовъ русскаго государства подъ общимъ русскимъ, соціально-революціоннымъ знаменемъ.

«Услыхавъ это наше мнѣніе, громадное большинство членовъ конгресса стало клеймить насъ измѣнниками отечеству, которые во имя какихъ-то туманныхъ соціалистическихъ идеаловъ хотятъ принести въ жертву родную землю, родной народъ и его языкъ, литературу, нравы и обычаи, хотя ни на что подобное мы покушаться и не думали... Большинство конгресса не хотѣло понять насъ потому, что по убѣжденію и направленію своему они въ массѣ не были ни революціонерами, ни соціалистами; они попросту тѣшили себя дѣтскими надеждами о возстановленіи Грузіи со всей ея мишурой, средневѣковой помпой, ради которой пришлось бы принести народъ въ жертву интересамъ кучки своекорыстныхъ честолюбивцевъ, мечтавшихъ разыгрывать изъ себя меценатовъ въ будущей республикѣ... Всѣ члены большинства конгресса вернулись въ Россію и въ то время, какъ почти всѣ лица, примкнувшія къ меньшинству конгресса, бросились со всѣмъ пыломъ молодости работать на пользу обще-русскаго революціоннаго движенія, не забывая и Кавказа, куда впоследствии были посланы нѣкоторые члены революціонной организаціи, всѣ эти узкіе націоналисты поступили въ чиновники, а нѣкоторые изъ нихъ дослужились и до казенной пенсіи»...

Приведенная страничка изъ жизни кавказцевъ въ Швейцаріи заслуживаетъ вниманія, какъ указаніе на исторію революціонизированія Кавказа вообще и Грузіи въ частности, на развитіе здѣсь сепаратистическихъ тенденцій и стремленіе стать въ оппозицію правительству во имя обще-революціонной доктрины, съ одной стороны, и съ другой—во имя политическаго обособленія. Это стремленіе къ инородческому обособленію, начавшееся еще въ XVIII вѣкѣ въ Польшѣ и въ теченіе XIX вѣка выразившееся здѣсь двумя возстаніями, просочилось со временемъ во всѣ окраинныя области, не исключая даже и Сибири, а на Кавказѣ быстро распѣло, благодаря воспримчивости тамошней интеллигенціи, слабо связанной съ началами русской государственности. Съ теченіемъ времени кавказскій или, правильнѣе, грузинскій сепаратизмъ получилъ широкое развитіе и въ дни отечественныхъ свободъ заявилъ о себѣ не менѣе громко и шумно, нежели сепаратизмъ обывателей страны за Сестрою рѣкою, т. е. финляндцевъ. Такимъ образомъ показанія И. С. Джабадари даютъ намъ возможность зарегистрировать въ нашемъ обзорѣніи политическихъ теченій отечественной жизни любопытный моментъ изъ жизни кавказской интеллигенціи, вводящій въ исторію русской революціи новый довольно бурный потокъ, выбросившій съ теченіемъ времени и до нашихъ послѣднихъ дней включительно немалое количество жертвъ въ тюрьмы и рудники Сибири.

Меньшинство конгресса, оставшееся на территоріи Швейцаріи, начало искать сближенія съ русской эмиграціей и русской колоніей вообще, и вотъ тутъ-то на пути этого сближенія этому меньшинству и пришлось познакомиться и войти въ ближайшее соприкосновеніе съ кружкомъ русскихъ дѣвушекъ. О нихъ г. Джабадари даетъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ небольшой тѣсной комнатѣ мы застали Софію Бардину, Варвару Александрову, Евгенію Субботину, Вѣру Любатовичъ, Лидію Фигнеръ, Бетю Каминскую, Александру Хоржевскую и, кажется, еще кого-то; однимъ словомъ, цѣлое женское общество. Когда мы выразили наше удивленіе при видѣ такой многочисленной дамской компаніи, одна изъ присутствующихъ замѣтила: тутъ далеко не всѣ мы; Ольга Любатовичъ недавно уѣхала съ Маріей Субботиной по дѣламъ въ Сербію, а въ Бернѣ осталась Вѣра Филиппова (Фигнеръ), Дора Аптекманъ и А. Топоркова. Всѣ были такія юныя, очень просто, но изящно одѣты, такъ что невольно привлекали взоръ; нѣкоторыя изъ нихъ были такъ застѣнчивы, что потупляли глаза при обращеніи къ нимъ. Отъ нихъ вѣяло деревней, можетъ быть, глушью провинціи; во всякомъ случаѣ добрая половина этихъ дѣвушекъ, очевидно, не успѣла еще переступить порога такъ называемаго свѣта; въ нихъ не было ни спокойной развязности свѣтской женщины, ни безшабашнаго внѣшняго удалства моихъ петербургскихъ знакомокъ съ ихъ старыми, безъ нужды надѣтыми сапо-

гами и стриженными волосами. Глядя на этихъ дѣвушекъ, можно было думать, что это семья; и въ самомъ дѣлѣ это была очень тѣсная, но товарищеская семья, а не кровная. Среди нихъ болѣе всѣхъ выдѣлялась бойкостью Софія Бардина, которую всѣ ея подруги называли «теткой», хотя всѣ онѣ были почти ровесницы ей. Это была дѣвушка съ оригинальной большой головой, некрасивымъ, но очень умнымъ лицомъ, выдающимся высокимъ лбомъ, изъ-подъ котораго блестѣла пара небольшихъ черныхъ, искрившихся юморомъ глазъ; эта женская голова почему-то съ перваго взгляда напоминала голову Вольтера; Бардина была одѣта вся въ черномъ и сидѣла на диванѣ передъ большимъ круглымъ столомъ...

«Какія могутъ быть дѣла у этихъ дѣвушекъ, подумалъ я, вспоминая о только что сообщенной намъ поѣздкѣ двухъ изъ нихъ въ Сербію?»

«Когда неловкость первой встрѣчи прошла, мы заговорили о Россіи; я сообщилъ послѣднія новости о погромахъ; дѣвушки забыли свою застѣнчивость; онѣ придвинулись къ намъ, слушая нашъ рассказъ съ широко открытыми глазами; посыпались вопросы за вопросами: не арестованъ ли такой-то? не замѣшана ли такая-то? и, слыша какое-нибудь знакомое имя, восклицали: «Боже, только что выпустили и опять въ тюрьму!» У насъ оказались общіе знакомые; но что меня больше всего удивляло, это то, что въ эту минуту у нихъ и на умѣ, и на сердцѣ было то же, что и у меня: бросить за границу, оставить университетъ и ѣхать въ Россію.

«Возникъ тутъ же вопросъ: если ѣхать, то зачѣмъ? т. е. какой способъ революціонной дѣятельности признать наиболѣе плодотворнымъ; порицали борьбу вразсыпную, признавали необходимымъ объединить дѣятельность, но не допускали централизаціи, боясь «генеральства», о которомъ тогда какъ здѣсь, за границей, такъ и въ Петербургѣ никто и слышать не могъ; послѣ нечаевского процесса это отрицательное отношеніе къ руководству сверху доходило въ молодежи до такой степени, что нерѣдко каждый маломальски выдающійся своей организаторской дѣятельностью или инициативой обвинялся въ генеральствѣ, въ желаніи захватить въ руки все. Нечаевъ у всѣхъ былъ на памяти, всѣхъ возмущалъ и отталкивалъ его образъ дѣйствій, и это, какъ мнѣ кажется, и было главной причиной привычки обвинять чуть ли не каждого въ генеральствѣ. Конечно, не безъ вліянія остались для насъ и господствовавшія тогда анархическія теоріи, отрицавшія всякую власть въ семьѣ, церкви, обществѣ и государствѣ. Но, несмотря на такое отрицательное отношеніе къ единственной извѣстной въ то время организаціи—нечаевской, мы въ тотъ же вечеръ пришли все-таки къ выводу, что если члены организаціи явятся носителями нравственныхъ началъ истинной свободы, то въ такой организаціи не будетъ мѣста для лицъ, желающихъ генеральствовать.

«Мнѣ было чрезвычайно пріятно встрѣчаться съ этими дѣвушками, которыя только на видъ казались очень юными, въ дѣйствительности же онѣ были самыми развитыми, самыми подготовленными для революціонной дѣятельности, какихъ я только встрѣчалъ не только среди женской, но и мужской молодежи; школьнаго знанія у нихъ было слишкомъ достаточно, такъ какъ, окончивъ курсъ въ гимназіяхъ или институтахъ, онѣ еще года 2—3 учились въ цюрихскомъ университетѣ; помимо общей начитанности, онѣ прекрасно знали всю западно-европейскую и русскую революціонную литературу, что рѣдко встрѣчалось даже въ петербургской молодежи; правда, онѣ мало интересовались тогдашней русской публицистикой, съ которой считалась молодежь русскихъ университетовъ, но въ ней имъ и не было нужды, такъ какъ онѣ были хорошо знакомы по первоисточникамъ съ вопросами, трактуемыми ими; онѣ изучали исторію всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ революціонныхъ движеній, прекрасно знали французскихъ социалистовъ, а также Герцена, Бакунина, Лассалю, Маркса и пользовались также рѣдкимъ счастьемъ слышать живое слово такихъ гигантовъ русской мысли и революціоннаго дѣла, какъ Бакунинъ и Лавровъ; я не говорю уже, что онѣ присутствовали на международныхъ конгрессахъ Интернаціонала, происходившихъ въ Швейцаріи—въ Сентъ-Имье и Женевѣ. Словомъ, я убѣдился, что женщины петербургскихъ революціонныхъ кружковъ, которыхъ я встрѣчалъ въ Россіи, не выдерживали никакого сравненія съ этимъ новымъ для меня міромъ русскихъ женщинъ-революціонерокъ».

II.

Знакомство съ «московками», или «фричами», какъ называли вышеупомянутыхъ дѣвушекъ въ Швейцаріи, обратилось, по прибытіи въ 1874 г. и ихъ самихъ и кавказцевъ въ Россію, въ тѣсное политическое сближеніе, оформившееся образованіемъ социально-революціонной организаціи, о которой все тотъ же г. Джабадари даетъ обстоятельныя свѣдѣнія. Но прежде, чѣмъ это оформленіе состоялось, всѣ члены, вошедшіе въ кружокъ, какъ мужчины, такъ и женщины, успѣли пройти уже извѣстный этапъ пропаганды по московскимъ фабрикамъ и заводамъ, привлечь отсюда себѣ единомышленниковъ и заявить о себѣ въ качествѣ дѣятельныхъ адептовъ революціонной доктрины, причемъ, по словамъ г. Джабадари, «двухмѣсячный опытъ пропаганды среди московскихъ фабричныхъ рабочихъ далъ блестящіе результаты: «мы охватили до 20 фабрикъ: Тимашева, Моисѣева, Носова, Лазарева, Альберта, Гюбнера, Тютчева, Шибаева, Горячева, Соколова, Рошфоръ и др., а также мелкія мастерскія—столярныя, слесарныя, кузнечныя и мастер-

скія Курско-Харьковской желѣзной дороги. Во всѣхъ этихъ фабрикахъ и мастерскихъ у насъ были небольшія группы рабочихъ изъ 4—5 человекъ, дѣлавшихъ свое дѣло по намѣченной нашей организаціей программѣ».

Всѣ пропагандисты-кавказцы и ихъ цюрихскія знакомыя, съѣхавшіеся въ Москву въ цѣляхъ пропаганды социальпо-революціонныхъ идей среди рабочаго населенія города Москвы, его окрестностей, а затѣмъ и другихъ городовъ и губерній Россійской имперіи, уже съ конца 1874 года были связаны между собою словесными условіями работать вмѣстѣ, но эти свои отношенія не успѣли еще оформить уставомъ; первые мѣсяцы совмѣстной работы они посвятили прежде всего постановкѣ практическаго дѣла пропаганды и лишь въ первыхъ числахъ февраля 1875 года смогли приступить къ окончательной выработкѣ устава, долженствовавшаго скрѣпить ихъ отношенія формальной организаціонной связью. Согласно желанію большинства членовъ вышеназваннаго московскаго кружка, въ первыхъ числахъ февраля приступлено было къ выработкѣ устава организаціи. Автору цитированныхъ воспоминаній было поручено написать проектъ устава и программы этой организаціи сообразно съ данными условіями революціонной дѣятельности и согласно со взглядами, въ общемъ уже извѣстными, членовъ кружка. Для ближайшаго же ознакомленія со взглядами женской половины формирующейся организаціи ему переданъ былъ набросокъ программы и устава, составленный кружкомъ «фричей» на съѣздѣ ихъ лѣтомъ 1874 года въ Невшателѣ и сформулированный тогда Ольгой Любатовичъ. Этотъ набросокъ представлялъ краткую формулировку отрицательныхъ сторонъ современнаго русскаго политическаго и экономическаго строя, какъ нравственное основаніе борьбы съ нимъ въ цѣляхъ осуществленія свободы и социальной правды въ политическихъ и экономическихъ формахъ жизни Россіи. Это вступленіе завершалось краткимъ уставомъ, связывавшимъ членовъ даннаго революціоннаго общества на основахъ полнаго равенства, но въ немъ очень немного говорилось о способахъ борьбы для достиженія поставленнаго имъ идеала; а для нихъ на практикѣ это было главное; идея нравственнаго начала въ борьбѣ проходила красной нитью, какъ основа этого кружка.

Когда проектъ новаго устава былъ написанъ, для обсужденія его собрались тѣ изъ членовъ кружка, которые смогли освободиться въ этотъ день отъ своихъ работъ. Присутствовали: Софья Бардина, Бети Каминская, Лидія Фигнеръ, Ольга и Вѣра Любатовичъ, Варвара Александрова, Евгенія Субботина и Александра Хоржевская; изъ мужчинъ присутствовали: Михайлъ Чекоидзе, Иванъ Жуковъ, Александръ Лукашевичъ, Василій Грязновъ, Петръ Алексѣевъ, Филать Егоровъ, Николай Васильевъ, Иванъ Бариновъ и Джабадари. Изъ женщинъ, заочно примыкавшихъ къ

организаціи, отсутствовали: Марія Субботина и Анна Топоркова; изъ мужчинъ—Александръ Циціановъ и Георгій Здановичъ.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительные члены организаціи вошли 17 человекъ—9 мужчинъ и 8 женщинъ—и 4 человека условно, т.-е. когда они подписали бы вырабатываемый уставъ; оставшіеся два бывшихъ члена фричей за границей—Вѣра Фигнеръ и Дора Аптеманъ—могли бы примкнуть къ этой сформировавшейся въ Москвѣ организаціи, если бы пріѣхали въ то время работать въ Россію. Что же касается Циціанова и Здановича, то первый еще въ январѣ уѣхалъ на Кавказъ по дѣламъ кружка, а Здановичъ тоже съ января былъ въ отъѣздѣ по устройству пути для перевозки нелегальныхъ изданій изъ-за границы, а потому Здановичу былъ предъявленъ уставъ уже въ Одессѣ Ольгой Любатовичъ лишь въ іюль мѣсяцѣ 1875 года, въ копіи, писанной рукой Вѣры Любатовичъ, а Циціанову уставъ совсѣмъ и не предъявлялся, хотя фактически онъ исполнялъ такія функціи, для исполненія которыхъ требовалось быть дѣйствительнымъ членомъ организаціи.

Первый день засѣданія былъ посвященъ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вырабатывать детали формы будущаго строя, или ограничиться выработкой устава организаціи и способовъ революціонной дѣятельности.

Вопросъ этотъ былъ поставленъ, но Джабадари, Бардина и другіе энергично возстали противъ этого. Въ самомъ дѣлѣ какой былъ смыслъ вырабатывать форму будущаго строя, когда цѣлые десятки лѣтъ придется посвятить одной лишь разрушительной работѣ? Достаточно было и того, что всѣ были приверженцами ученія социализма, хотя и разныхъ толковъ; были между собравшимися коммунисты, коллективисты и даже катедеръ-соціалисты, какъ, напримеръ, Жуковъ. Въ политическомъ же отношеніи требованія сводились къ свободѣ слова, собраній, равенства всѣхъ передъ закономъ безъ различія пола и національности и проч. «Выработку деталей будущаго экономическаго и политическаго строя мы предоставляли тѣмъ, кому посчастливится присутствовать при ликвидаціи стараго порядка, на развалинахъ котораго придется осуществлять новыя политическія и экономическія формы, сообразно условіямъ времени и свободнаго желанія народа,—говорить И. С. Джабадари.—Мы всѣ хорошо сознавали и то, что прежде, чѣмъ удастся восторжествовать социалистическому строю, неизбежно будутъ переходныя экономическія и политическія формы жизни, которыя, вопреки нашимъ теоретическимъ построеніямъ, будутъ приняты народомъ въ силу необходимости. Поэтому мы рѣшили никому не показывать детальной программы. Организаціи наша преслѣдовала объединеніе всѣхъ русскихъ социалистическихъ кружковъ; намъ не было, слѣдовательно, никакого расчета выдвигать еще свою новую программу и тѣмъ еще болѣе разъединять силы.

Напротивъ, мы стремились отмѣчать общія намъ всѣмъ стороны нашего идеала и сближать, по возможности, всѣхъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. А нашимъ врагомъ было все то, что поддерживало политическій и экономическій гнетъ, все то многоголовое самодержавіе полицейско-чиновническаго уклада страны,—поддерживаемаго капиталомъ и крупнымъ землевладѣніемъ,—которое давило все и вся вокругъ».

Въ первое засѣданіе кружка на обсужденіе товарищей былъ представленъ проектъ устава организаціи, которой дали названіе: «всероссійской соціально-революціонной». Нѣкоторые пункты проекта вызвали горячія пренія, а потому для переработки его была назначена комиссія изъ трехъ лицъ: Ив. Жукова, Лукашевича и Бардиной, въ то время уже оставившихъ фабрику, которые вмѣстѣ со мною и выработали тотъ уставъ, который фигурируетъ въ обвинительномъ актѣ по процессу 50-ти и который былъ отобраянъ у Здановича.

Редакціонная комиссія засѣдала въ номерахъ Руднева, на Тверской ул., гдѣ жила Евг. Субботина; въ общемъ проектъ остался безъ измѣненія, но, благодаря настоянію Лукашевича и Жукова, былъ введенъ такой пунктъ, который повлекъ за собою большія неудобства, немало способствовавшія провалу организаціи; пунктъ этотъ гласитъ: «Членъ долженъ быть въ положеніи простого работника, объ исключеніяхъ рѣшаетъ община».

Организація была построена на принципѣ безусловнаго равенства всѣхъ членовъ и отсутствія всякой власти въ рукахъ центрального бюро организаціи—такъ называемой «администраціи» или «управленія», которая даже не выбиралась, а назначалась по очереди изъ состава членовъ черезъ опредѣленный промежутокъ времени; единственнымъ связующимъ началомъ, объединяющимъ членовъ организаціи, было начало нравственнаго долга. Никакого принужденія организація не признавала; вступая въ нее, человѣкъ добровольно отказывался ото всего, что связывало его съ остальнымъ окружающимъ его міромъ, и весь отдавался революціонному дѣлу—отдавалъ ему все свое имущество, свою свободу и жизнь. Порукой тому, что онъ будетъ вполне товарищемъ, было одно добровольно данное слово. Но, обособляя себя для борьбы и выдѣляя себя изъ круга согражданъ, членъ этой организаціи не освобождалъ себя отъ нравственнаго долга къ нимъ и къ человѣку вообще; онъ не смотрѣлъ на міръ, какъ на безразличный матеріалъ для своей дѣятельности, такъ какъ, только послѣ свободно даннаго слова кого-либо, организація допускала за собою право располагать имуществомъ, свободою и жизнью человѣка, но тогда онъ становился уже ея сочленомъ. Возмущаясь правительствомъ, какъ организованнмъ насиліемъ, организація не допускала ни нравственнаго, ни физическаго насилія надъ народомъ, надъ согражданами

ни въ подготовительный періодъ, ни даже въ разгаръ революціи, а сосредоточивала всю свою борьбу исключительно на правительствѣ. Поэтому члены организаціи, какъ враги всякаго организованнаго и легализованнаго насилія, естественно были также горячими противниками якобинизма и не стремились къ захвату власти въ свои руки. Уважая право народа самому свободно устраивать свою жизнь и не допуская съ чьей бы то ни было стороны насилія надъ нимъ, они въ отношеніи къ правительству допускали въ борьбѣ его же средство, т.-е. не только борьбу оружіемъ, если понадобится, но и косвенную конфискацію правительственныхъ фондовъ, напимѣръ, въ видѣ фальшивыхъ денегъ; но, допуская это въ предположеніи, организація фактически этого не осуществляла, во-первыхъ, потому, что организація при скромныхъ условіяхъ быта своихъ членовъ обладала въ лицѣ ихъ же очень крупными денежными средствами и въ деньгахъ не нуждалась, а, во-вторыхъ, присущая ей инстинктивная брезгливость къ такимъ средствамъ принудила бы ее обратиться къ другимъ, болѣе подходящимъ для этого дѣла людямъ.

«Обращаясь къ отношенію нашей организаціи къ вопросу о бунтахъ, возстаніяхъ и другихъ формахъ движенія въ народѣ, а также къ вопросу о способахъ дезорганизаціи и устрашенія правительства. — утверждаетъ г. Джабадари, — необходимо замѣтить, что организація допускала брать на себя инициативу возбужденія къ бунту и возстанію только для поддержки уже возникшаго естественнымъ путемъ возстанія или бунта, а не позволяла себѣ вызывать ихъ искусственно, такъ какъ она бережно относилась къ силамъ народнымъ и была чужда идеи какого бы то ни было правительственнаго давленія. Что же касается дезорганизаціи и устрашенія правительства, то это допускалось только въ самыхъ крупныхъ и необходимыхъ случаяхъ, не размѣниваясь на мелочи, которыя могли бы лишить этотъ способъ дѣятельности всякой нравственной опоры.

«Переходя къ денежной сторонѣ организаціи, нужно прежде всего отмѣтить, что въ 70-хъ годахъ едва ли была болѣе богатая организація, чѣмъ наша. Нѣкоторыя изъ нашихъ женщинъ располагали большими денежными средствами; правда, большая часть этихъ средствъ заключалась въ недвижимомъ имуществѣ (имѣнія сестеръ Субботиныхъ), или находилась еще въ рукахъ родителей (Хоржевской, Люботовичъ и друг.), но большую часть ихъ можно было во всякое время реализовать, что и было бы сдѣлано, если бы не преждевременный арестъ шести членовъ организаціи 4 апрѣля 1875 года. Изъ членовъ мужчинъ никто, кромѣ князя Циціанова, не располагалъ серьезными личными средствами. Циціановъ, прибывъ изъ Москвы въ Тифлисъ въ февралѣ 1875 года для организаціи кавказской общины, приступилъ также къ реализаціи своего недви-

жимаго имущества въ наличныя деньги; но ему помѣшало то обстоятельство, что послѣ моего ареста его сейчасъ же выписали въ Москву, гдѣ онъ и оставался вплоть до своего ареста. Его чрезвычайно волновало въ тюрьмѣ, что онъ не успѣлъ перевести своего имущества въ революціонный фондъ; но все же онъ это сдѣлалъ, кажется, за день до своего осужденія, но сдѣлалъ это очень неудачно, такъ какъ унаслѣдовавшіе намъ революціонеры смогли выручить изъ его огромнаго имѣнія, кажется, всего только нѣсколько тысячъ рублей, а между тѣмъ оно стоило не менѣе сотни тысячъ рублей, по крайней мѣрѣ теперешній обладатель имущества князя А. Циціанова оцѣниваетъ его въ 200,000 руб.».

Когда уставъ, нѣсколько переработанный вышеназванной комиссіей, былъ окончательно принятъ всѣми членами, то вмѣсто того, чтобы подписывать его, рѣшено было, чтобы каждый членъ написалъ собственноручно часть текста устава; подлинный уставъ былъ, такимъ образомъ, написанъ всѣми присутствовавшими членами-основателями организаціи, за исключеніемъ Николая Васильева, который за безграмотствомъ начертилъ въ концѣ какой-то загадочный іероглифъ, причемъ не преминулъ выругаться по адресу дворянъ, купцовъ и поповъ, благодаря которымъ, по его мнѣнію, онъ остался безграмотнымъ до сѣдыхъ волосъ.

III.

Пока организація московскихъ пропагандистовъ устанавливалась, вырабатывался ея уставъ, а члены ея вели дѣятельную пропаганду на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, причемъ женщины поступали туда на мѣста простыхъ чернорабочихъ и подвергали себя всѣмъ ужасамъ тогдашней фабрично-заводской жизни; пока они открывали свои отдѣленія въ провинціи—Иваново-Вознесенскѣ, Серпуховѣ, Тулѣ, Шуѣ и делегировали сюда своихъ представителей; пока такимъ образомъ жизнь молодого политическаго сообщества закипала и начинала расцвѣтать,—правительство, услѣвшее уже къ тому времени сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ нити пропаганды чайковцевъ и присныхъ имъ, оказалось уже на слѣду и всего того, что замышляла и дѣлала новая московская организація. Доносъ одного изъ фабричныхъ рабочихъ, указавшихъ, отъ кого и какимъ способомъ ему была вручена «челлегальщина», былъ концомъ той нити, который помогъ прокурорскому надзору и чинамъ жандармской власти распутать довольно большой нарощій къ тому времени клубокъ. Результатомъ дознаній были многочисленные аресты, послѣ филтраціи которыхъ на скамьѣ подсудимыхъ очутились 50 человекъ, которые и предстали въ 1877 г. передъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената по обвиненію ихъ въ государственномъ преступленіи. Такимъ образомъ, въ теченіе

двухъ лѣтъ правительство успѣло ликвидировать полностью это дѣло въ то время, какъ на «дѣло 193-хъ», начавшееся въ 1874 г., потребовалось четыре года и только въ слѣдующемъ, 1878 году, оно получило свое окончательное завершеніе.

Останавливаться на каждомъ изъ этихъ процессовъ мы не будемъ и по недостатку мѣста и по нѣкоторой ихъ однообразности. Главная суть нами была изложена въ повѣствовательныхъ частяхъ, почему интересующихся деталями отсылаемъ къ изданіямъ В. Саблина «Процессъ 193-хъ» и «Процессъ 50-ти». Характеризуя оба эти процесса, а также и подсудимыхъ, С. М. Степнякъ-Кравчинскій такъ говоритъ ¹⁾.

«Процессы пропагандистовъ, имѣвшіе мѣсто въ 1877 и 1878 годахъ, знаменуютъ конецъ этого перваго періода революціоннаго движенія въ Россіи, являясь въ то же время его апофеозомъ.

«Русское правительство, желая итти по стопамъ французской Второй имперіи, умѣвшей такъ хорошо играть краснымъ призракомъ, рѣшило, чтобы разборъ перваго большого дѣла, такъ называемаго процесса «50-ти», проходилъ публично: оно надѣялось, что утрашенные привилегированные классы тѣснѣе сомкнутся вокругъ трона и оставить всякія завиральныя идеи. Но расчетъ оказался ошибочнымъ. Даже тѣ, которые враждебно относились къ революціонерамъ, были поражены ихъ изумительной готовностью къ самопожертвованію.

«Да это святые!» восклицали всѣ, кому удалось присутствовать на этомъ памятномъ судѣ.

«Въ слѣдующемъ году громадный процессъ «193-хъ» только усилилъ это впечатлѣніе...

«Восторженно преданные своей великой идеѣ, они хотѣли принести въ жертву не только свою жизнь, будущность, положеніе, но и самую душу свою. Они хотѣли освободиться отъ всякихъ другихъ помысловъ, отъ всякихъ личныхъ привязанностей, чтобы отдаться своему дѣлу всецѣло, беззавѣтно. Ригоризмъ былъ возведенъ въ догматъ, и былъ даже періодъ, когда молодые люди обоюго пола придерживались въ своихъ отношеніяхъ самаго строгаго аскетизма.

«Пропагандисты ничего не хотѣли для себя. Они были чистѣйшимъ олицетвореніемъ самоотверженности. Не это были люди слишкомъ неподходящіе для предстоявшей страшной борьбы. Типъ пропагандиста семидесятыхъ годовъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые выдвигаются скорѣе религиозными, чѣмъ революціонными движеніями. Соціализмъ былъ его вѣрой, народъ—его божествомъ. Не взирая на всю очевидность противнаго, онъ твердо вѣрилъ, что не сегодня-завтра произойдетъ революція, подобно тому, какъ въ

¹⁾ «Подпольная Россія».

средніе вѣка люди иногда вѣрили въ приближеніе Страшнаго суда. Неумолимая дѣйствительность нанесла жестокой ударъ этой восторженной вѣрѣ, показавши ему его бога, каковъ онъ есть, а не какимъ онъ рисовался его воображенію. Попрежнему онъ готовъ былъ на жертвы; но ему не доставало уже ни прежняго неудержимаго пыла, ни прежней жажды борьбы. Послѣ перваго разочарованія онъ потерялъ всякую надежду на побѣду, и, если еще желалъ вѣнца, то это былъ вѣнецъ изъ терніевъ, а не изъ лавровъ...

«Таковъ пропагандистъ 1872—1875 годовъ. Въ немъ было слишкомъ много идеализма, чтобы онъ могъ устоять въ предстоящей трудной и жестокой борьбѣ. Онъ долженъ былъ измѣниться—или исчезнуть.

«И уже началъ выработываться иной типъ революціонера, готовый занять его мѣсто. На горизонтѣ обрисовывалась сумрачная фигура, озаренная точно адскимъ пламенемъ, которая съ гордо поднятымъ челомъ и взоромъ, дышавшимъ вызовомъ и местию, стала пролагать свой путь среди уstraшенной толпы, чтобы вступить твердымъ шагомъ на арену исторіи.

«То былъ террористъ».

Появленіе женщины-революціонерки на скамьѣ подсудимыхъ, раскрывшаяся передъ слушателями исповѣдь ея души, печальныя послѣдствія ея юнаго порыва, имѣвшаго цѣлью благо народное, вдохновили представителей нашей изящной словесности, изъ коихъ И. С. Тургенева воплотилъ въ образѣ Маріанны изъ «Нови» типъ народницы-пропагандистки, а революціонеркѣ вообще посвятилъ одно изъ своихъ стихотвореній въ прозѣ «Порогъ». Воспроизводимъ послѣдній полностью:

«Я вижу громадное зданье. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь. За дверью—угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка, русская дѣвушка. Морозомъ дышитъ та непроглядная тьма, и вмѣстѣ съ ледящей струей, выносятся изъ глубины зданія медлительный голосъ:

— О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?

— Знаю, отвѣчала дѣвушка.

— Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшка, презрѣніе, обиды, тюрьма, болѣзнь, сама смерть?

— Знаю. Я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

— Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей...

— Да, и отъ нихъ.

— Хорошо, ты готова на жертву. Ты погибнешь, и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

— Готова ли ты на преступленіе?

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова.

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

— Знаешь ли ты,—заговорилъ онъ наконецъ:—что ты можешь разудиться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась даромъ погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это.

— Войди!

Дѣвушка перешагнула порогъ, и тяжелая завѣса упала за нею.

— Дура!—проскрежеталь кто-то.

— Святая!—пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

Той же революціонеркѣ посвятилъ свое стихотвореніе «Что мнѣ за!» Я. Полонскій ¹⁾.

Что мнѣ она!—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь,
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Ходить за мной день и ночь?
Словно зоветъ меня, въ злѣ виновнаго,
Въ судъ отвѣчать за нсе—
Словно страдаемъ ея заколдовано
Бѣдное сердце мое.
Вотъ и теперь мнѣ какъ будто мерещится
Жесткая койка тюрьмы,
Двери съ засовами, окна подъ сводами
Мертвая тишь полутьмы;
Изъ полутьмы этой смотреть два знойные
Глаза безъ мысли и слезъ,
Не шевелятся ни губы, ни смятыя
Космы тяжелыхъ волосъ,
Не шевелится ни локоть, ни тощія
Руки на тощей груди,
Слабо прижаты къ сердцу, безъ трепета
И безъ надеждъ впереди,—
Сколько же лѣтъ ей? Семнадцать неужели?
Правда ли,—мнѣ говорить,—
Что эта дѣвушка, въ счастья не жившая,
Что ей не вѣрять и мстять,—
Мстять ей за бѣдность ея безъ смиренія,
Мстять за свободу рѣчей,
Мстять ей за страстный порывъ нетерпѣнія,
Мстять за любовь безъ цѣпей.
Можетъ ли быть? Мнѣ какъ будто не вѣрится,
Что такъ тяжелъ приговоръ
Свѣта, въ которомъ вишать лицемѣрные
Плуты—развратникъ иль воръ.
Скоро ли жъ будетъ бѣдняжка оправдана,
Снова любить и желать?
Или ужъ скоро ли въ саванъ вынесутъ
Тѣло ея отпѣвать?
О, что-нибудь! или жизни придавленной
Дайте вдохнуть и расцвѣсть,
Иль до суда поспѣшите добить ее,
Чтобъ утолить вашу месть.

¹⁾ Приводимъ это стихотвореніе въ первоначальной (1877 г.) его редакціи ечатаиной въ журналѣ «Былое» за 1906 г., январь.

IV.

Вопросъ о томъ, предавать ли «пропагандистовъ», а также лицъ, арестованныхъ внѣ ближайшей связи съ указанными процессами, какъ-то: участниковъ манифестаціи на Казанской площади (21 подсудимый) и южно-русскихъ союзныхъ рабочихъ (24 подсудимыхъ), предавать ли ихъ гласному суду, или рѣшить ихъ участь въ административномъ порядкѣ, обсуждался въ комитетѣ министровъ, который высказался въ пользу гласнаго суда по слѣдующимъ соображеніямъ ¹⁾: «Комитетъ, — сказано въ высочайше утвержденномъ журналѣ 18 и 26 марта 1875 года, — остановился на соображеніи, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ удостовѣреннаго пынѣ прискорбнаго равнодушія благонамѣренныхъ общественныхъ элементовъ къ распространяющейсѣ пропагандѣ разрушительныхъ началъ представляется всеобщая до сего времени неизвѣстность не только для большинства публики, но и для чиновъ высшаго государственнаго управленія, въ томъ числѣ и для большинства членовъ комитета министровъ, обнаруженныхъ произведепнымъ въ послѣднее время дознаніемъ размѣровъ пропаганды. По мнѣнію комитета, при такой неизвѣстности нельзя ставить прямымъ укоромъ обществу отсутствіе серьезнаго отпора лжеученіямъ; нельзя ожидать, чтобы лица, не вѣдающія той опасности, которой лжеученія сіи грозятъ общественному порядку, могли столь же энергично и рѣшительно порицать дѣятельность революціонныхъ агитаторовъ, какъ въ томъ случаѣ, когда опасность эта была бы для нихъ ясна и имъ были бы извѣстны тѣ пути, коими приверженцы революціи, называющіе себя друзьями народа, хотѣтъ прійти къ нему на помощь. Такое незнаніе обусловливаетъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ легкомысленные упреки правительству за принимаемыя мѣры преслѣдованія злоумышленниковъ и ихъ аресты, приписываемые часто одному лишь произволу администраціи и возбуждающіе обыкновенно состраданіе къ арестуемымъ и разыскиваемымъ лицамъ. Между тѣмъ, по глубокому убѣжденію комитета, едва ли изложенная въ представленной генераль-адъютантомъ Потаповымъ запискѣ одного изъ передовыхъ дѣятелей агитаціи картина будущности, которую революціонные пропагандисты готовятъ настоящему поколѣнію, могла бы возбудить какое-либо сочувствіе не только въ благонадежныхъ общественныхъ сферахъ, но даже въ натурахъ неразвитыхъ и склонныхъ къ экзальтаціи. Сами составители записки и программы это чувствуютъ и постоянно указываютъ на необходимость для успѣха дѣла скрывать его конечныя цѣли. Они съ неимовѣрнымъ цинизмомъ обсуждаютъ всѣ страшныя послѣдствія желаемаго ими возстанія и указываютъ на необходимость гибели настоящаго

¹⁾ «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе . С. С. Гатищевъ, т. II.

молодого поколѣнія въ потокахъ крови, въ видахъ доставленія благоденствія грядущимъ поколѣніямъ, по заранѣ опредѣленнымъ ими законамъ общежитія. Они прямо высказываютъ, что для достиженія ихъ идеаловъ необходимы ручки, рѣки, наводненія крови. Комитетъ глубоко убѣжденъ, что подобный бредъ фанатическаго воображенія не можетъ возбудить къ себѣ сочувствія; но для того, чтобы общественное мнѣніе отвратилось отъ провозвѣстниковъ такого ученія, начала этого ученія не должны оставаться во мракѣ. Признавая, такимъ образомъ, полезнымъ и настоятельно необходимымъ не только продолжить систему гласности, принятую по тѣмъ тремъ дѣламъ, которыя производились въ судебныхъ учрежденіяхъ въ послѣднее время ¹⁾, но допустить гласность въ еще большихъ размѣрахъ, для полнаго разъясненія въ обществѣ нашемъ возмутительнаго ученія агитаторовъ, комитетъ находитъ, что естественнымъ и самымъ прямымъ путемъ для такой благотворной гласности представляется судъ, въ которомъ при судебномъ слѣдствіи можетъ быть разоблачена вся тлетворность изъясненныхъ ученій и степень угрожающей отъ нихъ опасности».

Эти разъясненія, ради которыхъ допущена была гласность, дѣйствительно были на судебныхъ разбирательствахъ даны, и, минуя защитительныя рѣчи представителей адвокатуры, которые въ лицѣ своихъ знаменитостей промелькнули передъ судомъ и публикой, минуя эти рѣчи, приведемъ здѣсь три наиболѣе типичныя изъ нихъ, обнявшія собою въ наибольшей полнотѣ тѣ стремленія пропагандистовъ, которымъ приписывались комитетомъ такіе угрожающіе элементы, какъ стремленіе утопить въ морѣ крови цѣлое молодое поколѣніе ²⁾. Рѣчи эти—рабочаго Петра Алексѣева, Бардиной (процессъ 50-ти) и Мышкина (процессъ 193-хъ). Эти три рѣчи, обнявшія собою единое идейное содержаніе, съ разными оттѣнками и въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ разными углами зрѣнія, могутъ быть разсматриваемы, какъ коллективный голосъ всего политическаго общества, двинувшагося «въ народъ» во имя пропаганды и ради указанія народу тѣхъ социаль-экономическихъ путей обновленія жизни, въ каковыя пути молодые энтузіасты сами горячо вѣрили.

Рѣчь крестьянина Петра Алексѣева.

...Тѣ люди, которые такого мнѣнія о рабочемъ народѣ, что онъ не чувствителенъ и ничего не понимаетъ, глубоко ошибаются. Рабочій же народъ, хотя и остается въ первобытномъ положеніи и до настоящаго времени не получаетъ никакого образованія, смотритъ на это, какъ на временное зло, какъ и на самую правительственную власть, временно за-

¹⁾ Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о процессѣ Каракозова, нечаевцевъ и долгушинцевъ.

²⁾ Заимствуемъ эти рѣчи изъ сборника Бурцева «За сто лѣтъ».

хваченную силою, и только для одного разнообразія ворочающую все съ лица да на изнанку. Да больше и ждать отъ нея нечего! Мы, рабочіе, желали и ждали отъ правительства, что оно не будетъ дѣлать тягостныхъ для насъ нововведеній, не станетъ поддерживать рутины (закоренѣлой старины) и обезпечить матеріально крестьянина, выведетъ насъ

Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ.

изъ первобытнаго положенія и поидетъ скорыми шагами впередъ. Но, увы! Если оглянемся назадъ, то получаемъ полное разочарованіе, и если при этомъ вспомнимъ незабвенный, предполагаемый день для русскаго народа, день, въ который онъ, съ распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обезпечить свою будущую судьбу, благодарилъ царя

и правительство, — 19 февраля. И что же? И это для насъ было только одной мечтой и сномъ!.. Эта крестьянская реформа 19 февраля 1861 года, реформа «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самимъ народомъ, не обезпечиваетъ самыя необходимыя потребности крестьянина. Мы попрежнему остались безъ куска хлѣба съ клочками никуда не годной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту. Именно, если свидѣтель, приказчикъ фабрики Носовыхъ, говоритъ, что у него за исключеніемъ праздничнаго дня всѣ рабочіе подъ строгимъ надзоромъ, и не явившійся въ назначенный срокъ на работу не остается безнаказаннымъ, а окружающія ихнюю сотни подобныхъ же фабрикъ набиты крестьянскимъ народомъ, живущимъ при такихъ же условіяхъ,—значить *они есть крепостные!* Если мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ вынуждены просить повышения пониженной самимъ капиталистомъ заработной платы, насъ обвиняютъ въ стачкѣ и ссылаютъ въ Сибирь,—значить, *мы крепостные!* Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вслѣдствіе перемѣны доброты матеріала и притѣсненія отъ разныхъ штрафовъ, насъ обвиняютъ въ составленіи бунта и прикладомъ солдатскаго ружья приневоливаютъ продолжать у него работу, а нѣкоторыхъ, какъ зачинщиковъ, ссылаютъ въ дальніе края,—значить, *мы крепостные!* Если изъ насъ каждый отдѣльно не можетъ подавать жалобу на капиталиста и первый же встрѣчный квартальный бьетъ насъ въ зубы кулакомъ и пинками гонитъ вонъ,—значить *мы крепостные!*

Изъ всего мною выше сказаннаго видно, что русскому рабочему народу остается только надѣяться самимъ на себя и не отъ кого ожидать помощи, кроме отъ одной интеллигентной молодежи...

Предсѣдатель вскакиваетъ и кричитъ: «Молчите! Замолчите!»

Петръ Алексѣевъ (возвысивъ голосъ, продолжаетъ). Она одна братски протянула къ намъ свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны Россійской имперіи. Она одна до глубины души почувствовала, что значить и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула къ намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь. Она одна, не опуская руки, ведетъ насъ, раскрывая всѣ отрасли для выхода всѣхъ нашихъ собратьевъ изъ этой лукаво построенной ловушки, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ насъ самостоятельными проводниками къ общему благу народа. *И она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока (говоритъ, поднявъ руку) подыметъ мускулистая рука миллионъ рабочаго люда...*

Предсѣдатель волнуется и, вскочивъ, кричитъ: «молчать! молчать!»

Петръ Алексѣевъ (возвышая голосъ)... *И ярмъ деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!..*

Рѣчь С. И. Бардиной.

Я съ своей точки зрѣнія ни въ чемъ не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь. Конечно, меня такъ же, какъ и другихъ подсудимыхъ, обвиняютъ въ стремленіи разрушить священныя основы собственности, семьи, религіи, государства, въ возбужденіи къ бунту и стремленіи водворить анархію въ обществѣ. Все это было бы

весьма ужасно, если бы было справедливо. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти обвиненія основаны на одномъ только недоразумѣннн, которое я и постараюсь теперь объяснить, если судъ меня выслушаетъ.

Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человекъ имѣетъ право на собственность, обеспеченную его личнымъ произво-

Софья Иларіоновна Бардина.

дительнымъ трудомъ, и что каждый человекъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего труда и его продукта. И скажите послѣ этого,—я ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть его рабочего дня, двѣ трети беретъ даромъ? Или тотъ спекулягоръ, который, играя на биржѣ, разоряетъ тысячи семействъ, обогащаясь на ихъ счетъ и самъ не производя ничего? Коммунизма, какъ нѣчто обязательное, ни я, ни кто другой

изъ пропагандистовъ также не проповѣдуетъ. Мы только выставлемъ на первый планъ *право рабочаго на полный продуктъ его труда*. Затѣмъ, какъ онъ распорядится съ этимъ продуктомъ,—обратить ли его въ общую или частную собственность,—это ужъ его дѣло. Мы этихъ вопросовъ предрѣшать теперь не беремся и не можемъ предрѣшать, принимая во вниманіе, что такой строй можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ и что подобныя детали могутъ быть выработаны только практикой.

Относительно семьи я также не знаю: подрываетъ ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать свою семью и итти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо возвращаются и она, и ея дѣти; тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ;—или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи?

Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ Основателемъ христіанства...

...Въ подрываніи государства я столь же мало виновата. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государство не могутъ...

...Меня обвиняють въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичныхъ личностей. Рѣзня сама по себѣ для меня, конечно, не желательна. Я вовсе не имѣю тѣхъ кровожадныхъ и свирѣпыхъ наклонностей, которыя всякое обвиненіе такъ охотно приписываетъ всѣмъ пропагандистамъ. Если бы тотъ идеальный общественный строй, о которомъ мы мечтаемъ, могъ бы быть осуществленъ безъ всякаго насильственнаго переворота, то, конечно, мы всѣ были бы рады этому отъ души. Я полагаю только, что насильственная революція, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, есть неизбежное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всякихъ усилій отдѣльныхъ лицъ или группъ...

...Я, господа, принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ—внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно: указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ; но когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко.

Обвиненіе говорить, что мы желаемъ уничтожить классы, и понимаетъ это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ вырѣзать поголовно всѣхъ помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять-таки недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обуславливающія дѣленіе людей на классы,—на имущихъ и немущихъ, но не самыя личности, составляющія эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у насъ и оказались такія свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ гакже основать какое-то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое, въ свою очередь, стало бы угнетать другія сословія, какъ то пред-

полагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству постольку, поскольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей, отъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но во всякомъ случаѣ ужъ кровожаднаго-то и безнравственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно, и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество, — можетъ быть, потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобные вопросы гласнымъ образомъ, публично...

Обвиненіе называетъ насъ политическими революціонерами: но если бы мы стремились произвести политическій *coup d'état*, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно готовить и развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе но дѣло-то именно въ томъ, что мы къ такому *coup d'état* вовсе не стремимся.

Обвиненіе говоритъ еще, что мы хотимъ водворить анархію въ обществѣ. Да, мы дѣйствительно стремимся къ анархическому устройству общества, но дѣло въ томъ, что это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ современная литература и я лично, вовсе не означаетъ безпорядка и произвола. Анархія, напротивъ, стремится водворить гармонию и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Она не есть произволь личностей, ибо она признаетъ, что свобода одного лица кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другого. Она есть только отрицаніе той утѣсняющей власти, которая подавляетъ всякое свободное развитіе общества...

...Наше движеніе можетъ быть, пожалуй, подавлено на нѣкоторое время, но тѣмъ съ большей силой оно возродится снова, какъ это всегда бываетъ послѣ всякой реакціи подобнаго рода, — и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наши идеи не восторжествуютъ.

Я убѣждена еще и въ томъ, что наступитъ день, когда даже и наше сонное и лѣнивое общество проснется, и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель... Преслѣдуйте насъ, — за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи—увы! на штыки не улавливаются!..

Рѣчь Н. Мышкина.

Я не могу признать себя членомъ тайнаго сообщества, потому что я и товарищи мои, товарищи не только по заключенію, но и по убѣжденіямъ, не представляемъ нѣчто обособленно-цѣлое, связанное единствомъ внѣшней, общей для всѣхъ организаціи. Мы составляемъ лишь частицу многочисленной въ настоящее время на Руси социальна-революціонной партіи, донимая подъ этимъ словомъ всю массу лицъ одинаковыхъ съ нами убѣжденій,—одинаковыхъ, конечно только вообще, а не въ частности,—лицъ, между которыми существуетъ хотя преимущественно только внутренняя связь, однако связь достаточно реальная, обусловливаемая единствомъ цѣлей и большимъ или меньшимъ однообразиемъ средствъ практической дѣятельности. Основная задача социальна-революціонной партіи—установить на развалинахъ теперешняго государственно-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требо-

ваніямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ крупныхъ и мелкихъ движеніяхъ народныхъ и повсемѣстно присущи народному сознанию, — составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи. Строй этотъ—земля, состоящая изъ союза независимыхъ производительныхъ общинъ. Осуществленъ онъ можетъ быть только путемъ соціальной революціи, потому что государственная власть преграждаетъ всѣ мирные пути для достиженія этой цѣли и добровольно никогда не откажется отъ насильственно присвоенныхъ ею себѣ правъ. Въ этомъ намъ ручается весь ходъ исторіи. Возможно ли мечтать о мирномъ пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочетъ даже и выслушать этого голоса и за всякое стремленіе, несогласное съ видами ея, награждаетъ тюрьмой и каторгой? Возможно ли мирное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ соотвѣтственно народнымъ потребностямъ, когда народъ, не только для осуществленія своихъ желаній, но даже и для выраженія ихъ, не имѣетъ другого средства, кромѣ бунта—этого единственнаго органа народной гласности...

...Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не въ томъ, чтобы вызвать, создать революцію, а въ томъ, чтобы только гарантировать успѣшный исходъ ея, потому что не нужно быть пророкомъ чтобы, при нынѣшнемъ отчаянно-бѣдственномъ положеніи народа, предвидѣть, какъ неизбежный результатъ этого положенія,—всеобщее народное возстаніе. Въ виду неизбежности этого возстанія, нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно болѣе продуктивно для народа и, главное, предостеречь его отъ всѣхъ фокусовъ, которыми западно-европейская буржуазія обманывала тамошнюю народную массу и одна извлекала для себя выгоды изъ народной крови, пролитой на баррикадахъ. Ради этой цѣли наша практическая дѣятельность должна состоять въ сплоченіи, въ объединеніи революціонныхъ силъ, революціонныхъ стремленій, въ сліянніи двухъ главныхъ революціонныхъ потоковъ: одного недавно возникшаго и проявившаго уже порядочную силу въ средѣ интеллигенціи, и другого, болѣе широкаго, болѣе глубокаго, никогда не изсякавшаго потока—народно-революціоннаго. Въ этомъ объединеніи революціонныхъ элементовъ путемъ окончательнаго сформированія соціально-революціонной партіи и заключалась вся задача движенія 1874—1875 гг. Задача эта, если не вполне, то въ значительной степени выполнена, и зная соціальной революціи водружено во всѣхъ концахъ русской земли. Прибавлю къ этому, что въ только что сказанныхъ мною словахъ я указалъ лишь на центръ нашей дѣятельности, и что въ массѣ участвовавшихъ въ послѣднемъ движеніи были лица, стояція на различныхъ ступеняхъ революціоннаго развитія, начиная съ тѣхъ, кто дѣлалъ первые шаги по пути уясненія причинъ народныхъ страданій, и кончая отдѣльными личностями, дѣлавшими попытки организаціи силъ нашей арміи. При всемъ различіи взглядовъ по другимъ вопросамъ приверженцы соціальной революціи сходятся въ одномъ: что революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ, при сознаніи имъ, во имя чего она совершается; другими словами: настоящій государственный строй долженъ быть ниспровергнутъ только тогда, когда пожелаетъ этого самъ народъ. Слѣдовательно, если правительство солидарно съ народомъ, оно не можетъ считать насъ злоумышленниками. Можно ли указывать, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говоритъ: «Мы будемъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельныхъ нуждъ страны, нуждъ, сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого свою посильную помощь и—да будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ». Въдѣ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ни тюремъ, ни военныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ предпріятій, зака-

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ.

баляющихъ тысячи рабочаго люда. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ насиловать народную волю въ пользу излюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣжденіемъ. Всѣ средства насилія находятся въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками.

Если же, несмотря на крайне неблагоприятныя для насъ условія, правительство все-таки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то, значить, мы не ошибаемся, считывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ; но въ такомъ случаѣ

мы не преступники, не злоумышленники а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ.

...Послѣ всѣхъ многочисленныхъ перерывовъ, которыхъ я удостоился со стороны первоприсутствующаго, мнѣ остается сдѣлать одно, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія молчъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, того мнѣнія, что, несмотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснитъ истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимають ротъ подсудимому. Теперь я могу, я имѣю полное право сказать, что это не судъ, а пустая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное...

(При словахъ Мышкина: «пустая комедія», предсѣдатель суда Петерсъ закричалъ: «уведите его!» Жандармскій офицеръ бросился на Мышкина, но подсудимый Рабиновичъ, загородивъ собою дорогу и придерживая дверцу, ведущую на «голгоѳу», не пускалъ офицера; послѣдній послѣ нѣсколькихъ усилій оттолкнулъ Рабиновича и другого подсудимаго, Стопане, старавшагося также остановить его, и, обхвативши одною рукою самого Мышкина, чтобы вывести его, другою сталъ зажимать ему ротъ.—Послѣднее, однакожь, не удалось: Мышкинъ продолжалъ все громче и громче вначатую имъ фразу).

...Болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболее дорогого для человѣчества».

V.

Особое присутствіе сената, рассмотрѣвъ оба процесса и находясь до извѣстной степени подъ давленіемъ тревожныхъ тогдашнихъ политическихъ событій, развернувшихся къ тому времени, когда пришлось сказать заключительное рѣшеніе о судьбѣ каждаго изъ подсудимыхъ, отнеслось къ обвиняемымъ достаточно сурово и вынесло имъ въ окончательной формѣ слѣдующія резолюціи. По процессу 50-ти:

1) Князя Александра Константинова Циціанова, крестьянина Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, д. Новинской Петра Алексѣева, технического мастера 1-го разряда Григорія Александра Александрова, сына штабсъ-капитана Георгія Феликсова Здановича и сына ст. сов. Владимира Петрова Александрова—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ: князя Циціанова и Петра Алексѣева—на десять лѣтъ; Григорія Александрова—на десять лѣтъ; Георгія Здановича—на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, и Владимира Александрова—на шесть лѣтъ, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными.

2) Дворянку Софью Иларіоновну Бардину, дочерей коллежскаго асессора Ольгу Спиридонову и Вѣру Спиридонову Люботовичъ, дворянина Ивана Спиридонова Джабадари, дворянина Анти-

моса Евдова Гамкрелидзе, отставного коллежскаго регистратора Степана Мартынова Кардашева, дворянку Лидію Николаеву Фигнеръ, дочь потомственнаго почетнаго гражданина Варвару Иванову Александрову, дочь коллежскаго секретаря Александрю Сергѣеву Хоржевскую, именовавшую себя княгиню Циціановою, и московскаго мѣщанина Семена Иванова Агапова—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ: Софью Бардину и Ольгу Любатовичъ—на девять лѣтъ, Вѣру Любатовичъ—на шесть лѣтъ, Ивана Джабадари, Антимоса Гамкрелидзе, Степана Кардашева, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александрю Хоржевскую—на пять лѣтъ, и Семена Агапова—на три года и четыре мѣсяца, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными.

3) Дворянина Михаила Николаева Чекоидзе и австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

4) Московскую цеховую Анну Григорьеву Топоркову и мозырскую мѣщанку Гесю Мионову Гельфманъ—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключить въ рабочій домъ: Топоркову—на четыре года, а Гельфманъ—на два года.

5) Крестьянина Рязанской губ., Пронскаго уѣзда, Ивана Семенова Фетисова и крестьянина Владимирской губ., Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Ивана Иванова Едукова—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на одинъ годъ и три мѣсяца cadaго.

6) Сына коллежскаго ассессора Ивана Андреева Злобина, дворянина Николая Ѳедорова Цвиленева, сыновей священниковъ Василія Григорьева Георгіевскаго и Михаила Павлова Овчинникова, дочерей штабсъ-капитана Евгенію Дмитріеву, Марію Дмитріеву и Надежду Дмитріеву Субботиныхъ, дворянина Мартына Александровича Млодецкаго, сына дьякона Алексѣя Иванова Нуромскаго, отставнаго подпоручика Михаила Ѳедорова Воронкова и дочь титулярнаго совѣтника Елену Петрову Медвѣдеву—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье: Ивана Злобина, Николая Цвиленева и Евгенію Субботину въ Иркутскую губернію; Василія Георгіевскаго и Михаила Овчинникова—въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ всѣмъ имъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе четырехъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе двѣнадцати лѣтъ; Мартына Млодецкаго и Надежду Субботину—въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе двухъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе шести лѣтъ; Алексѣя Нуромскаго—въ Тобольскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе одного

года и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе четырехъ лѣтъ; Михаила Воронкова и Марью Субботину—въ Томскую губернію и Елену Медвѣдеву—въ Тобольскую губернію.

7) Крестьянина Владимирской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Николая Иванова Едукова—заключить въ рабочій домъ на три мѣсяца.

8) Дворянина Григорія Петрова Сидорацкаго заключить въ смирительномъ домѣ на шесть недѣль.

9) Дочь священника Надежду Григорьеву Георгіевскую и жену дворянина Екатерину Борисову Гамкрелидзе—выдержать въ тюрьмѣ: первую—два мѣсяца, а вторую—шесть недѣль.

10) Тульскаго мѣщанина Ивана Александрова Куракова, дочь священника Екатерину Александрову Введенскую и сына священника Александра Егорова Трубецкого—подвергнуть аресту: Куракова—на три недѣли, а Введенскую и Трубецкого—на двѣ недѣли.

11) Дворянку Варвару Николаеву Батюшкову, отставного штабъ-капитана Льва Андреева Иванова, крестьянъ: Николая Васильева, Ивана Барина, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), священническаго сына Александра Петрова Бѣляевскаго и солдатскаго сына Василя Ковалева—признать подлежащими лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Батюшкову—на заводахъ, на 9 лѣтъ; Иванова, Васильева, Барина, Николаева и Егорова—въ крѣпостяхъ, на тотъ же срокъ; Бѣляевскаго и Ковалева—на заводахъ, на три года и четыре мѣсяца. Но, принимая въ уваженіе: во-первыхъ, что участіе подсудимыхъ: Батюшковой, Иванова и Бѣляевскаго въ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія не имѣло по своимъ послѣдствіямъ того особеннаго значенія, въ какомъ представляется участіе подсудимыхъ, оказывающихся по настоящему дѣлу болѣе виновными дѣятелями; во-вторыхъ, что подсудимые: Васильевъ, Баринъ, Николаевъ и Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) являются въ настоящемъ случаѣ участниками въ такомъ преступленіи, важность и значеніе котораго, по принадлежности ихъ къ крестьянскому сословію, не могли быть ими вполне сознаваемы, и потому участіе ихъ въ ономъ представляется послѣдствіемъ вовлеченія ихъ въ преступную дѣятельность другими лицами, стремившимися для своихъ собственныхъ цѣлей совращать низшія сословія съ пути закона и вѣрноподданническаго долга; и, въ-третьихъ, что подсудимый Ковалевъ, самъ собою являясь съ повинною, чистосердечнымъ признаніемъ своимъ способствовалъ къ обнаруженію числа участниковъ въ преступленіи, составляющемъ предметъ настоящаго дѣла,—повергнуть участь поименованныхъ восьмерыхъ подсудимыхъ на всемілостивѣйшее воззрѣніе государя императора, ходатайствуя передъ его императорскимъ величествомъ объ освобожденіи ихъ отъ каторжныхъ работъ, съ тѣмъ,

чтобы Варвара Батюшкова, Александръ Бѣляевскій, Левъ Ивановъ, Николай Васильевъ, Иванъ Бариновъ, Пафнутій Николаевъ и Филать Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) были сосланы на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а Василия Ковалева сослать на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

12) Сына дьячка Ивана Рождественскаго, крестьянина Петра Острова и потомственнаго почетнаго гражданина Григорія Сбро-ірскаго—оправдать.

13) Настоящій приговоръ, прежде исполненія, въ отношеніи подсудимыхъ: Джабадари, Чекоидзе, Здановича, Кардашева, Бардиной, Фигнеръ, Хоржевской, Ольги и Вѣры Любатовичъ, Владимира Александрова, Злобина, Воронкова, Млодецкаго, Антимоса Гамкрелидзе, князя Циціанова, Цвиленева, Надежды, Маріи и Евгениі Субботинныхъ и Медвѣдовой—представить, на основаніи 945 ст. уст. угол. суд., на высочайшее благоусмотрѣніе.

По процессу 193-хъ:

1) Солдатскаго сына Ишполита Николаева Мышкина, 30 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными; 2) дворянъ Феликса Вадимова Волховскаго, 32 лѣтъ, Сергѣя Александрова Жебунева, 28 лѣтъ, почетнаго гражданина Петра Ѳедорова Ларіонова, 25 лѣтъ, и дворянина Виктора Ѳедорова Костюрина, 24 лѣтъ, сослать на житье въ Тобольскую губернію: первыхъ трехъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а Костюрина—безъ сего лишенія; 3) дворянина Николая Иванова Эндаурова, 39 лѣтъ, считать отрѣшеннымъ отъ должности по суду и взыскать съ него вдвое казенные проценты съ той суммы денегъ, которая была у него на рукахъ и не была своевременно записана на приходъ, а именно проценты въ количествѣ тридцати пяти рублей пятидесяти копеекъ; 4) участь нижепоименованныхъ подсудимыхъ, во вниманіе къ указаннымъ выше обстоятельствамъ, повергнуть на монаршее милосердіе съ ходатайствомъ о смягченіи слѣдующаго имъ по закону наказанія съ представленіемъ: не благоугодно ли будетъ его императорскому величеству всемилостивѣйше повелѣть: а) мѣщанина Порфирія Иванова Войнаральскаго, 33 лѣтъ, дворянъ Сергѣя Филиппова Ковалика, 31 года, и Дмитрія Михайлова Рогачева, 26 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; б) лишеннаго уже всѣхъ правъ состоянія Митрофана Данилова Муравскаго, 40 лѣтъ, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; в) дворянина Сергѣя Силова Синегуба, 26 лѣтъ, и сына священника Василия Аполлонова Стаховскаго, 26 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ мѣстахъ Сибири не столь отдаленныхъ; г) мѣщанина

Моисея Абрамова Рабиновича, 20 лѣтъ, лишитъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и сослать на житье въ Иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ назначеннаго ему мѣста жительства въ продолженіе двухъ лѣтъ и выѣзда, потомъ въ другія губерніи или области Сибири, въ теченіе восьми лѣтъ; д) дворянъ: Ивана Иванова Добровольскаго, 27 лѣтъ, Тимофея Александрова Квятковскаго, 25 лѣтъ, Виктора Александра Осташкина, 23 лѣтъ, Николая Аполлонова Чарушина, 25 лѣтъ, Леонида Эммануилова Шишко, 25 лѣтъ, Петра Маркелова Макаревича, 25 лѣтъ, дворянокъ: Елену Иванову Аверкіеву, 27 лѣтъ, и Екатерину Константиновну Брешковскую, 33 лѣтъ, сыновей священниковъ: Александра Иванова Ливанова, 27 лѣтъ, и Наѳанаила Ионовъ Скворцова, 26 лѣтъ, сына коллежскаго совѣтника Ивана Николаева Черныяскаго, 27 лѣтъ, сына купца Соломона Лейзерова Чудновскаго, 27 лѣтъ, мѣщанина Сергѣя Антопова Стопане, 21 года, крестьянъ: Тверской губ., Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степана Петрова Зарубаева, 30 лѣтъ, Московской губ., Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шелковой, Ивана Осипова Союзова, 29 лѣтъ, и Самарской губ. и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Федоровки, Никифора Иванова Емельянова, 25 лѣтъ, лишитъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Тобольскую губ.; е) дворянина Михаила Васильева Купріянова, 24 лѣтъ, дворянку Ефрузину Викентьеву Супинскую, 25 лѣтъ, дворянку Софью Александрову Лешеригъ-фонъ-Герцфельдъ, 37 лѣтъ, оберъ-офицерскаго сына Владимира Яковлева Мейера, 26 лѣтъ, сына купца Михаила Петрова Сажина, 29 лѣтъ, и крестьянина Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зубовской волости, деревни Мишино, Теофана Никандрова Лермонтова, 29 лѣтъ, лишитъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ; ж) приговоренныхъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, по другимъ дѣламъ, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь: австрійскаго подданныаго Александра Осипова Лукашевича, 22 лѣтъ, и дочь майора Софью Андрееву Иванову, 21 года, взаменъ означеннаго наказанія, слѣдующаго имъ по совокупности обвиненій, лишитъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье: Лукашевича—въ Тобольскую, а Иванову—въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ; з) вмѣнить въ наказаніе предварительный арестъ слѣдующимъ подсудимымъ: Давиду Антову, Николаю Аносову, Соломону Аранзону, Александру Артамонову, Николаю Баркову, Ивану Бладзевичу, Клеопатрѣ Бладзевичъ, Гавриилу Божко-Божин-

скому, Варварѣ Ваховской, Сергѣю Виноградову, Ивану Гауенштейну, Михаилу Гвоздеву, Николаю Глушкову, Аркадію Головину, Сергѣю Голоушеву, Юрію Говорухѣ-Отроку, Льву Городецкому, Михаилу Грачевскому, Михаилу Гриценкову, Виктору Данилову, Ивану Доброву, Алексѣю Дробышъ-Дробышевскому, Елизаветѣ Ермолаевой, Алексѣю Знаменскому, Эдуарду Каменьскому, Михаилу Кацу, Іосифу Кириллову, Ивану Козачку, Александрѣ Корниловой, Аннѣ Кувшинской, Татьянѣ Лебедевой, Петру Ломоносову, Всеволоду Лопатину, Ѳедору Любавскому, Николаю Махаеву, Ивану Медвѣдеву, Кириаку Милоглазкину, Степану Мокиевскому-Зубку, Николаю Морозову, Николаю Никифорову, Михаилу Орлову, Владимиру Осипову, Исааку Павловскому, Иннокентію Пьянкову, Николаю Саблину, Дмитрію Соколову, Михаилу Спѣсивцеву, Софѣѣ Субботиной, Глѣбу Терновскому, Льву Тихомірову, Ивану Трезвинскому, Анатолію Фаресову, Ольгѣ Фетисовой, Василию Фишеру, Андрею Франжоли, Григорію Щеглову, Владимиру Щепкину, Леониду Щиголеву, Мовшѣ Эдельштейну, Надеждѣ Юргенсонъ и Александру Ярцеву; и) подсудимыхъ: дворянина Александра Васильева Низовкина, 27 лѣтъ, и почетнаго гражданина Николая Елисеѣва Гориновича, 32 лѣтъ, во вниманіе къ ихъ полному, съ раскаяніемъ, чистосердечному сознанию и указанію на многихъ ихъ сообщниковъ въ настоящемъ дѣлѣ, а въ отношеніи Гориновича и въ силу того обстоятельства, что онъ за это именно раскаяніе и указаніе подвергся жестокому истязанію отъ руки злоумышленниковъ, — отъ всякаго наказанія освободить: б) оправдать нижепоименованныхъ подсудимыхъ: Павла Александра, Алексѣя Александровскаго, Олимпіаду Алексѣеву, Анну Андрееву, Ивана Ареопагитскаго, Василія Бенецкаго, Николая Биткина, Романа Бодяжина, Дмитрія Бородулина, Николая Введенскаго, Марію Веревочкину, Александра Виддинова, Надежду Войнаральскую, Александра Волкенштейна, Петра Воскресенскаго, Марію Гейшторъ, Ивана Глушкова, Леонида Голикова, Вѣру Городецкую, Николая Граціанова, Степана Дегтярева, Леонида Дическуло, Михаила Духовскаго, Егора Емельянова, Владимира Жербуева, Андрея Желябова, Ольгу Жилинскую, Евгенію Завадскую, Ларису Зарудневу, Александра Кадыяна, Павла Князевскаго, Алексѣя Комова, Семена Корабельникова, Петра Курдюмова, Егора Лазарева, Вильгельма Ланганса, Арсенія Леоптьева, Николая Литошенко, Николая Личадѣва, Павла Максимова, Александра Малиновскаго, Мина Милоголовкина, Петра Нёволина, Михаила Нефедова, Марфу Никитину, Ивана Никольскаго, Александру Сидорацкую, Евгенія Овчинникова, Павла Орлова, Александра Палимпсестова, Вѣру Панютину, Софью Петровскую, Николая Петропавловскаго, Идалию Польгеймъ, Александра Пономарева, Николая Попова, Марію Потоцкую, Апол-

лона Прозоровскаго, Гавріила Прокопьева, Эйдели Пумпянскую, Павла Покровскаго, Андрея Пыпина, Вѣру Рогачеву, Леонида Румянцева, Ольгу Сахарову, Ѳедора Семенова, Владимира Серебровскаго, Михаила Серебрякова, Михаила Соловцовскаго, Тимоея Соловьева, Григорія Софинскаго, Ивана Спѣсивцева, Евгенію Судзиловскую, Дмитрія Сѣрышева, Николая Теплова, Леонида Траубенберга, Павла Троицкаго, Анну Тушинскую, Владимира Усачева, Дмитрія Федоровича, Ѳедора Фетисова, Василя Филadelphова, Ѳедора Ѳомина, Анатолія Чарыкова, Марію Шавердову, Вѣру Шатилову, Ольгу Шевыреву, Феликса Юркевича, Анну Якимову и Александра Янова.

VI.

Такъ совершился разгромъ народниковъ-пропагандистовъ, понесшихъ за свое увлеченіе политикой очень суровую кару. Въ тотъ же періодъ правительство ликвидировало и другое политическое дѣло, по коему на скамьѣ подсудимыхъ оказалось 15 лицъ. Дѣло это—о «южнорусскомъ рабочемъ союзѣ», о коемъ П. Л. Лавровъ на основаніи статей изъ изданія «Впередъ» даетъ въ книгѣ «Народники-пропагандисты 1873—1878 годовъ» слѣдующія свѣдѣнія.

Съ 23 по 28 мая 1877 года въ особомъ присутствіи сената слушалось дѣло о 15 лицахъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ образовавшемуся на югѣ Россіи обществу «южно-россійскаго рабочаго союза». Въ ряду другихъ социалистическихъ процессовъ, которыми такъ богатъ былъ 1877 годъ, этотъ процессъ занимаетъ особенно выдающееся положеніе и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, какъ потому, что почти всѣ обвиняемые, за исключеніемъ лишь Заславскаго и Рыбickaго, столь противоположныхъ другъ другу по ихъ роли въ процессѣ,—принадлежать къ средѣ рабочихъ, такъ еще болѣе потому, что процессъ этотъ касается попытки самостоятельной организаци для революціонныхъ цѣлей рабочихъ силъ на югѣ Россіи, организаци, естественно и исторически выросшей на почвѣ мѣстныхъ интересовъ рабочаго класса».

«Въ теченіе послѣднихъ годовъ въ Одессѣ образовался кружокъ рабочихъ, группировавшихся около Евгенія Заславскаго, содержавшаго типографію, дававшую ему естественный предлогъ для сближенія съ рабочими. Въ началѣ этотъ кружокъ развѣ только по одному своему составу отличался отъ многихъ другихъ тогдашнихъ кружковъ «самообразованія», которыхъ было такъ много среди русской молодой интеллигенціи. Онъ не шель далѣе образованія кассы «вспомоществованія», кружковой библіотеки, популярныхъ лекцій и проч. Но мало-по-малу, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и духа времени, этотъ кружокъ принималъ все болѣе и болѣе радикальный оттѣнокъ и превратился, наконецъ, въ чисто револю-

ціонную організацію, расширивъ свою дѣятельность далеко за предѣлы прежняго тѣснаго кружка».

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ кружка было учрежденіе ссудо-сберегательной кассы для рабочихъ. Однимъ изъ членовъ кружка, итальянскимъ подданнымъ Сквери, былъ составленъ этотъ уставъ. При слѣдствіи Сквери показалъ:

«Заславскій нашель, что этотъ уставъ не годится, и передѣлалъ его сначала въ «уставъ братской кассы одесскихъ рабочихъ», въ которомъ говорилось о борьбѣ рабочихъ съ привилегированными классами и съ жизненными обстоятельствами, а затѣмъ окончательно въ «уставъ южно-россійскаго союза рабочихъ»...

По показанію другого свидѣтеля, Заславскій говорилъ, что «необходимо учредить общество, которое дѣйствовало бы противъ правительства, а ссудо-сберегательную кассу обратить въ кассу этого общества, причемъ кто-то замѣтилъ, что того, кто измѣнить обществу, можно будетъ убить».

По словамъ обвинительнаго акта,

«въ этомъ «уставѣ южно-россійскаго союза рабочихъ» говорится, между прочимъ, что рабочіе, сознавая, что установившійся нынѣ относительно рабочихъ порядокъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ справедливости; что рабочіе могутъ достигнуть признанія своихъ правъ только путемъ насильственнаго переворота, который уничтожитъ всякія привилегіи и преимущества,—рабочіе южно-русскаго края соединятся въ одинъ союзъ, поставляя себѣ цѣлю: а) пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъ-подъ гнета капитала и привилегированныхъ классовъ; е) объединеніе рабочихъ южно-россійскаго края, и в) для будущей борьбы съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ. О кассѣ союза говорится, что суммы ея предназначаются для пропаганды идеи освобожденія рабочихъ, впослѣдствіи же и для борьбы за эту идею. Въ 4-мъ пунктѣ излагается правило союза: «одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного»; по 5-му пункту членъ союза, проговорившійся о существованіи послѣдняго постороннему лицу или не исполнившій въ точности своихъ обязанностей, считается измѣнникомъ; 6-й пунктъ требуетъ отъ каждаго члена готовности на всякую жертву, какая окажется необходимою для спасенія союза. Остальные затѣмъ пункты заключаютъ въ себѣ правила относительно взносовъ, порядка расходованія суммъ, о кассирѣ, кружкахъ и депутатахъ. Въ уставѣ говорится еще, что союзъ раздѣляется на общества, которыхъ теперъ два: одесское и ростовское».

Послѣднія слова показываютъ, что организація рабочихъ не ограничивалась Одессой; и, дѣйствительно, она распространилась на цѣлый рядъ южныхъ городовъ. Во «Впередь!» далѣе сказано:

«Дѣятельность «союза» шла успѣшно до тѣхъ поръ, пока въ средѣ его господствовали тактичность и осторожность, которою

особенно отличался Заславскій. Къ сожалѣнiю, многіе изъ членовъ союза были болѣе его нетерпѣливы; эти горячія головы стремились ускорить дѣло, расширить поскорѣе организацію, стали дѣйствовать опрострачиво и неосторожно; къ организаціи приблизили людей мало знакомыхъ и вполнѣ недостойныхъ. Результатомъ этого было то, что одесская жандармерія нашла на слѣдъ и успѣла застать уликами противъ многихъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ организаціи. Въ концѣ 1875 года и началѣ 1876 года было арестовано въ Одессѣ и другихъ южно-русскихъ городахъ болѣе 70 человекъ, почти исключительно принадлежавшихъ къ рабочему классу. Многіе изъ арестованныхъ были выпущены на свободу за неимѣніемъ противъ нихъ никакихъ уликъ. Другіе купили себѣ свободу измѣною товарищамъ и «чистосердечнымъ раскаяніемъ». Къ числу этихъ послѣднихъ нужно причислить Тавлѣва, который... за измѣну товарищамъ въ ночь на 6 сентября 1876 года былъ неизвѣстно кѣмъ убитъ на одномъ изъ загородныхъ гуляній въ Одессѣ. Курланскій, другой измѣнникъ товарищамъ, не былъ пощаженъ сенатомъ даже за свое «раскаяніе» и вмѣсто обѣщанной щедрыми на посулы жандармами «кровавой платы» за погубленныхъ товарищей былъ осужденъ наравнѣ съ другими. Изъ числа всѣхъ заподозрѣнныхъ одесскими жандармами лицъ только 15 были преданы суду послѣ 17-мѣсячнаго предварительнаго заключенія. Утверждали, что Евгенийъ Заславскій подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій тюремнаго заключенія сдѣлался душевно-больнымъ. Но, вѣроятно, врачи больницы св. Николая въ Петербургѣ, куда былъ помѣщенъ на нѣкоторое время Заславскій, не нашли возможнымъ дать о его здоровьи такое заключеніе, которое избавило бы Заславскаго отъ осужденія и дальнѣйшаго продолженія его мученій.

«Приговоромъ 28 мая были осуждены: Заславскій, Рыбицкій и Кравченко за основаніе тайнаго общества, за принадлежность къ нему и за противоправительственную пропаганду къ каторгѣ: Заславскій на десять лѣтъ, а Рыбицкій и Кравченко на пять лѣтъ; Наумовъ, Силенко, Ляховичъ, Скверн и Мрачковскій за принадлежность къ тайному обществу и пропаганду—къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; Луценко, Короленко и Курганскій, признанные виновными только въ принадлежности къ тайному обществу, приговорены къ заключенію въ арестантскія роты: первый на два года, а послѣдній на одинъ годъ. Наконецъ, Тараненко, Соколовъ, Наддачинъ и Волощукъ приговорены къ трехмѣсячному тюремному заключенію, первые три—за «имѣніе» у себя недозволенныхъ сочиненій, а послѣдній—за «недонесеніе».

Къ тому же періоду относится и судебная ликвидація другихъ болѣе мелкихъ политическихъ дѣлъ, какъ, напримѣръ, дѣла Дьякова и Сѣрякова, Донецкаго, Бутавель и др. Рядомъ съ такой судебной ликвидаціей шла и административная расправа со всѣми,

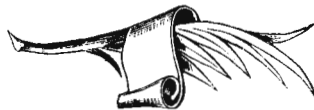
такъ или иначе прикосновенными къ дѣлу пропаганды въ народѣ и оказывавшими пропагандистамъ тѣ или инныя услуги. Административныя высылки въ глухія сѣверныя губерніи слѣдовали другъ за другомъ непрерывно и такимъ образомъ какъ Сибирь, такъ и сѣверные районы Россіи, въ теченіе второй половины семидесятыхъ годовъ густо заполняются политическими ссыльными, изъ которыхъ нѣкоторымъ удается бѣжать или за границу, или на родину съ переходомъ въ состояніе нелегальное. Оставшіеся ссыльные продолжаютъ среди обывателей дѣло пропаганды, готовятъ будущимъ новымъ невольнымъ пришельцамъ благопріятную въ идейномъ отношеніи обстановку—съ одной стороны и, съ другой, воспитываютъ мѣстное молодое поколѣніе въ идеѣ обязательной борьбы съ полицейско-бюрократическимъ строемъ. Такимъ образомъ, если дѣло политической пропаганды въ началѣ 70-хъ годовъ для Сибири и сѣвера Россіи было признано преждевременнымъ, то въ исходѣ этихъ годовъ оно становится какъ бы готовымъ слѣдствіемъ изъ того положенія, которое пропагандистамъ было создано правительствомъ, благодаря чему самая пропаганда растекается по новымъ районамъ и включаетъ ихъ въ сферу своей интенсивной работы.

Пока судебная и административная ликвидація пропаганды совершала свой естественный кругъ и передъ русскимъ обществомъ проходили ряды молодежи, отдавшей свои силы на борьбу съ правительствомъ, но на первое время въ мирной постановкѣ дѣла этой борьбы, до него стали доходить слухи и официальные сообщенія, что мирному теченію уже близокъ конецъ и что революціонная борьба вступаетъ въ новую шумную и кровавую фазу. Стефановичъ создаетъ на югѣ въ 1878 году громкое «чигиринское дѣло» съ его фантастическими золотыми царскими грамотами, возвращающими насъ ко временамъ агитаціи Разина и Пугачева; кучка молодежи производитъ (1876 г.) въ Казанскомъ соборѣ и на Казанской площади манифестацію, выкидываетъ красное знамя съ надписью «Земля и воля» и вступаетъ съ полиціей въ рукопашную борьбу на глазахъ властей; среди бѣлаго дня изъ Николаевскаго военнаго госпиталя бѣжить одинъ изъ главнѣйшихъ пропагандистовъ князь Кропоткинъ и благополучно скрывается за границу; вслѣдъ за вынесенной сенатомъ резолюціей по дѣлу 193-хъ раздается выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, направленный на градоначальника Ф. Ф. Трепова и тяжело его ранившій; въ томъ же году падаетъ мертвымъ отъ кинжалнаго удара, направленнаго рукою Кравчинскаго, шефъ жандармовъ Мезенцовъ, оказавшій на высочайшую конфирмацію по дѣлу 193-хъ неблагопріятное для обвиняемыхъ давленіе; изъ провинціи доходятъ до столицы тревожныя вѣсти: въ Одессѣ оказано социалистами при обыскѣ вооруженное сопротивленіе жандармамъ, въ Кіевѣ раздаются по направленію товарища прокурора Котляревскаго выстрѣлы, въ Ростовѣ-на-Дону падаетъ мертвымъ рабо-

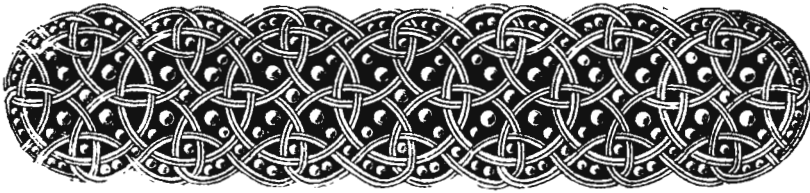
цій, заподозрѣнный въ предательствѣ и доносѣ на революціонеровъ... И столицу, и провинцію понемногу охватываетъ тревога: революціонеры изъ мирной стадіи своей работы явно перешли въ боевую и наступательную. По словамъ Лаврова ¹⁾, «народничество съ того времени измѣняетъ характеръ, становится уже не столько вызовомъ народа къ самостоятельной революціонной дѣятельности, въ которой интеллигенція являлась лишь пособницею, возбуждающимъ и уясняющимъ элементомъ, сколько борьбою интеллигенціи за народъ противъ правительства, какъ основного препятствія плодотворному развитію въ Россіи усвоенныхъ уже передовою интеллигенцію соціалистическихъ принциповъ».

Террористъ и на фонѣ столичной жизни и жизни провинціальной обрисовался, и въ первое время своего появленія онъ направляетъ свою борьбу противъ власти исполнительной, вскорѣ однако расширяетъ рамки этой борьбы и кладетъ какъ конечную ея цѣль—цареубійство. Открывается рядъ покушеній на царя-Освободителя, кровь котораго партія террора надѣется сдѣлать основаніемъ новаго періода отечественной жизни, перестроенной по принципамъ соціалистическихъ доктринъ. Терроризація исполнительной власти признается недостаточной, и на лицецкомъ съѣздѣ народолюбцевъ произносится безповоротное и грозное рѣшеніе: смерть императору Александру II! Къ приведенію этого приговора въ исполненіе прилагаются самыя энергичныя мѣры, преслѣдованіе царя ведется съ страшной настойчивостью, противъ которой администрація мѣрами полицейскаго порядка оказывается не въ состояніи бороться, и въ результатѣ въ скрижали отечественной исторіи вписывается трагическая страница, заголовокъ которой: «цареубійство 1-го марта 1881 года». Этой-то страницѣ мы и посвятимъ наши историческіе очерки въ слѣдующемъ году, начавъ изложеніе ихъ съ изображенія черелома въ дѣйствіяхъ революціонеровъ, приведшихъ ихъ отъ мирной пропаганды въ народѣ къ террору съ его кровавымъ эпилогомъ 1881 года на набережной Екатерининскаго канала въ С.-Петербургѣ.

Б. Глинскій.

¹⁾ «Народники-пропагандисты».

ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Памяти члена-сотрудника императорскаго археологическаго института Ю. Г. Гендуне.—Къ 35-лѣтію ученой дѣятельности директора института проф. Н. В. Покровскаго.—Русскіе ученые на международномъ конгрессѣ классической археологій въ Каирѣ.—Дѣятельность московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ въ Москвѣ.

ИНУВШАЯ осень унесла у археологовъ крупную жертву. Трагически погибла, въ расцвѣтѣ силъ, Юлія Густавовна Гендуне, дѣятельная труженица на нивѣ родной археологій, одна изъ первыхъ женщинъ, окончившихъ курсъ въ императорскомъ слб. археологическомъ институтѣ, членъ калужской и тверской губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

Всегда сдержанная, методично-спокойная, Ю. Г., несомнѣнно, переживала, втайнѣ отъ близкихъ и окружающихъ ее лицъ, глубокую душевную драму, приведшую ее къ роковому концу. Жизнь прервана была въ періодъ расцвѣта научно-археологической дѣятельности, въ то именно время, когда 10-лѣтніе неутомимые труды Ю. Г. на пользу археологій начали выдвигать ея имя въ ученой литературѣ. Скромная, застѣпчивая, Ю. Г. никогда не рѣшалась выступить съ собственными докладами. Результаты своихъ работъ: археологическія находки, отчеты съ точными цифровыми данными тщательно сдѣланныхъ измѣреній — она передавала въ императорскую археологическую комиссію или въ музей ученыхъ архивныхъ комиссій, членомъ которыхъ она состояла.

Отправляясь каждое лѣто на раскопки все за новымъ и новымъ археологическомъ матеріаломъ, Ю. Г. свыкла съ курганами и

городищами. Она жила прошлымъ, далекимъ прошлымъ, окутанымъ густою, едва проникаемою дымкою времени. Находила наслажденіе въ безмолвныхъ бесѣдахъ съ нѣмыми свидѣтелями этого прошлаго, открывавшими изъ нѣдръ земли его тайны.

Послѣдніе три года Ю. Г. особенно дѣятельно трудилась надъ раскопками и изслѣдованіемъ городища «Топорокъ» на Волгѣ, близъ с. Сучки въ Тверской губерніи. На время раскопокъ она снимала помѣщеніе въ домѣ, построенномъ при ея помощи однимъ крестьянскимъ семействомъ. Цѣлые дни проводила на городищѣ на противоположномъ берегу Волги, гдѣ для нея разбивалась палатка, и только послѣ долгаго трудового дня возвращалась въ домикъ въ селеніи.

Ю. Г. собственноручно слѣпленъ былъ точный снимокъ «Топорка», пожертвованный ею въ музей тверской ученой архивной комиссіи. Туда же передана часть сдѣланныхъ ею находокъ.

Въ концѣ юня Ю. Г. принимала горячее и дѣятельное участіе въ работахъ IV областного археологическаго съѣзда въ Костромѣ, руководила раскопками городища, участвовала, вмѣстѣ съ археологами А. А. Спицынымъ и Сизовымъ въ изслѣдованіи побережья Волги въ археологическомъ отношеніи на протяженіи болѣе 20 верстъ. Труды Ю. Г. Гендуне въ области родной археологіи были отмѣчены съѣздомъ. Имя ея положительно пестрѣло въ докладѣ объ успѣхахъ русской археологіи за послѣднія 6 лѣтъ, сдѣланномъ А. А. Спицынымъ. Ученымъ комитетомъ съѣзда Ю. Г. избрана была почетнымъ предсѣдателемъ секціи первобытной археологіи.

Въ августѣ предполагались юбилейныя торжества въ Твери, по случаю 25-лѣтія ученой дѣятельности губернской архивной комиссіи. Отзывчивая, какъ всегда, Ю. Г. охотно дала свое согласіе на организацію раскопокъ, устраиваемыхъ комиссіею для гостей-экскурсантовъ. Согласіе это изложено было въ послѣднемъ написанномъ Ю. Г. письмѣ въ с. Сучкахъ незадолго до смерти.

Ю. Г. застрѣлилась въ домикѣ, гдѣ она жила обычно во время раскопокъ, недалеко отъ своего любимаго городища. Предсѣдатель тверской ученой архивной комиссіи, захватившій за Ю. Г., чтобы отвести ее въ Тверь на юбилейное засѣданіе, не засталъ уже ее въ живыхъ.

Какъ бы предчувствуя свою роковую и близкую кончину, Ю. Г. устроила себѣ склепъ, здѣсь же на берегу Волги, вблизи селенія, приняла православіе.

Съ могилы ея открывается чудный видъ на Волгу, на другую сторону рѣки, гдѣ, въ зелени густаго сосноваго бора, высится ея любимое городище.

Въ лицѣ Ю. Г. Гендуне сошелъ въ могилу одинъ изъ тѣхъ скромныхъ провинціальныхъ дѣятелей, имена которыхъ остаются малоизвѣстны въ широкихъ кругахъ русскаго образованнаго общества.

Охваченные искреннею самоотверженною любовью къ наукѣ и родинѣ, исполняя неблагодарную подготовительную работу, эти незамѣтные труженики кладутъ, однако, мало-по-малу основаніе, твердый фундаментъ для дальнѣйшихъ научныхъ выводовъ и обобщеній, для будущаго стройнаго зданія еще юной русской археологіи.

Миръ ея праху.

Истекшій сентябрь ознаменованъ былъ юбилеемъ 35-лѣтія ученой дѣятельности маститаго профессора и мягкаго, отзывчиваго челоуѣка Николая Васильевича Покровскаго.

Н. В. представляетъ весьма рѣдкій типъ ученаго, прошедшаго долгую трудовую жизнь не разбрасываясь, по твердо-избранному, разъ намѣченному пути. Любовь къ родинѣ и горячая вѣра въ культурную мощь русскаго народа, въ его духовныя силы, такъ ярко проявившіяся въ блестящую эпоху возрожденія русскаго искусства въ XVI—XVII столѣтіяхъ, сквозятъ во всѣхъ рѣчахъ, во всѣхъ трудахъ почтеннаго юбиляра. И эти чувства, которыми одухотворяется его научная дѣятельность, онъ, какъ талантливый лекторъ. умѣетъ невольно затрагивать въ своихъ многочисленныхъ ученикахъ-слушателяхъ. Сухая, по общераспространенному мнѣнію, специальная наука говоритъ въ его изложеніи живыми художественными образами. Христіанская археологія, избранная Н. В. предметомъ преподаванія, окончательно систематизирована имъ впервые; въ этой области онъ явился весьма удачнымъ и талантливымъ пионеромъ. Какъ директоръ императорскаго спб. археологическаго института, онъ продолжаетъ дѣло основателя института, сенатора Н. В. Калачова, поддерживая въ институтѣ духъ теплаго и сердечнаго отношенія профессоровъ и преподавателей къ членамъ и слушателямъ института.

Ученая дѣятельность Н. В. началась въ 1874 г., когда, по окончаніи курса въ спб. духовной академіи, онъ назначенъ былъ приватъ-доцентомъ академіи по кафедрѣ христіанской археологіи. Въ 1876 г. молодой ученый, полный энергіи, силъ и любви къ наукѣ, командированъ былъ за границу. Онъ посѣтилъ главнѣйшіе европейскіе центры: Дрезденъ, Берлинъ, Парижъ, Женеву, Флоренцію, Неаполь и Римъ, слушалъ лекціи въ Страсбургѣ у Краусовъ—по христіанской археологіи, эпиграфикѣ, исторіи средневѣковаго искусства и по литургикѣ; у проф. Якобсталя—по исторіи церковнаго пѣнія; въ Вѣнѣ у проф. Риккера— по литургикѣ, у Сиберини и Отто—по церковной исторіи. Въ Римѣ учителемъ Н. В. былъ знаменитый де-Росси. По возвращеніи изъ-за границы Н. В. (талъ читаетъ свои лекціи, кромѣ духовной академіи, и въ спб. археологическомъ институтѣ, со дня открытія института 15-го января 1878 г.

Первымъ печатнымъ трудомъ Н. В. былъ «Происхожденіе древнехристіанской базилики». (Спб. 1880 г.), давшее ему степень магистра

богословія. Знакомство съ Буслаевымъ обратило вниманіе Н. В. на отношенія между искусствомъ русскимъ и византійскимъ. Плодомъ работъ въ этомъ направленіи явились труды: «Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства» (Одесса, 1887 г.) и «Миніатюры Евангелія Гелатскаго монастыря XII вѣка» (Спб. 1887 г.). Въ 1888 году Н. В. вторично совершилъ заграничное путешествіе: сначала на Востокъ: въ Константинополь, Аѳонъ, Солунь и Аѳины, а затѣмъ снова въ Римъ, Флоренцію и Парижъ. Въ эту поѣздку онъ занятъ былъ исключительно изученіемъ памятниковъ, созданныхъ на христіанскомъ Востокѣ. Капитальныя изслѣдованія: «Стѣнные росписи въ храмахъ греческихъ и русскихъ». (Москва, 1892 г.) и «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ». (Спб. 1892 г.), явившіяся въ результатъ поѣздки, награждены были присужденіемъ Н. В. степени доктора церковной исторіи. Въ этихъ трудахъ Н. В. замѣтно двинулъ впередъ разработку византійскихъ и русскихъ церковныхъ древностей, по словамъ западныхъ ученыхъ (проф. Добертъ, Краусъ), далеко оставивъ позади себя западную науку.

Изъ другихъ ученыхъ работъ Н. В. извѣстны: «Очерки памятниковъ иконографіи и искусства», «Лицевой иконописный подлинникъ Антоніева Сійскаго монастыря» и др. Труды Н. В. неоднократно удостоивались макарьевской преміи спб. духовной академіи и награждены двумя медалями императорскаго русскаго археологическаго общества.

Н. В. не принадлежитъ къ числу ученыхъ, замкнувшихся въ своемъ кабинетѣ, онъ принимаетъ самое широкое общественное участіе во всероссійскихъ археологическихъ сѣздахъ, является однимъ изъ убѣжденнѣйшихъ сторонниковъ, инициаторовъ и душою недавно возникшихъ областныхъ археологическихъ сѣздовъ. На послѣднихъ областныхъ археологическихъ сѣздахъ Н. В. единодушно избираемъ былъ въ предсѣдатели сѣзда. Н. В. участвуетъ въ совѣщаніяхъ императорской археологической комиссіи по вопросамъ реставраціи храмовъ состоялъ членомъ комиссіи по устройству мозаикъ во вновь открытомъ храмѣ Воскресенія и въ комиссіи по сооруженію православнаго собора въ Варшавѣ.

Въ 1898 году по инициативѣ Н. В. въ помѣщеніи археологическаго института устроена была первая въ столицѣ археологическая выставка древне-русскаго искусства и памятниковъ иконографіи. Громадный личный трудъ затраченъ Н. В. на созданіи при петербургской духовной академіи музея церковно-археологическихъ древностей.

Горячее участіе принимаетъ Н. В. въ судьбѣ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, являясь ихъ убѣжденнымъ сторонникомъ и заступникомъ.

Н. В. состоитъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, представителемъ министерства народнаго про-

свѣщенія въ состоящей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи по выработкѣ мѣръ къ охранѣ отечественныхъ древностей.

По случаю 35-лѣтія его ученой дѣятельности на пользу русской археологіи русское отдѣленіе императорскаго археологическаго общества представляетъ ходатайство объ избраніи Н. В. въ почетные члены общества.

Юбилей Н. В. прошелъ молчаливо. Н. В. не было въ С.-Петербургѣ. Онъ скромно уклонился отъ какихъ бы то ни было чествованій, указывая на нездоровье (последніе годы Н. В. часто страдаетъ отъ невралгіи).

1909 годъ въ археологическомъ мірѣ отмѣченъ крупнымъ событіемъ. Состоялся международный конгрессъ классической археологіи, мѣстомъ котораго былъ Каиръ, центръ величайшей и интереснѣйшей культуры древняго міра. Здѣсь, у колыбели могущественнѣйшей культуры, въ виду пирамидъ и загадочныхъ сфинксовъ, нѣмыхъ свидѣтелей пронесшихся тысячелѣтій, такъ легко создавалось желанное для археолога настроеніе; прошлое, давно угасшее, давно исчезнувшее съ лица земли и возрождавшееся здѣсь силой человѣческой мысли, должно было казаться такимъ яркимъ, знакомымъ и близкимъ.

Конгрессъ сопровождался блестящимъ успѣхомъ, въ составъ его входило до 700 членовъ, собравшихся сюда со всѣхъ концовъ культурнаго міра. Русскіе археологи явились на конгрессъ въ числѣ 29-ти. Среди нихъ находились: В. С. Голенищевъ, Губастовъ, Линниченко, Данненбергъ, Бертье де-ла-Гардь, Ѳ. И. Успенскій, Павловскій, Фармаковскій, Придикъ, Л. М. Савеловъ, князя и княжна Щербатовы, проф. В. А. Тураевъ, Штернъ и др. Въ ученomъ комитетѣ по избранію конгресса состоялъ въ качествѣ предсѣдателя V секціи—византійскихъ древностей—директоръ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ академикъ Ѳ. И. Успенскій. Въ числѣ русскихъ членовъ конгресса находились представители слѣдующихъ ученыхъ учреждений и обществъ Россіи: императорской археологической комиссіи, императорскаго Эрмитажа, московскаго историческаго и Румянцовскаго музеевъ въ Москвѣ, университетовъ: с.-петербургскаго, московскаго, кіевскаго, новороссійскаго и харьковскаго, русскаго въ С.-Петербургѣ и московскаго археологическихъ обществъ. Продолжался конгрессъ съ 25-го марта по 2-е апрѣля; засѣданія происходили сначала въ Александріи, гдѣ, кромѣ докладовъ подготовительнаго характера, члены конгресса производили осмотръ великолѣпныхъ музеевъ и частныхъ собраній, совершая экскурсіи въ окрестности города. Александрія, какъ крупный нѣкогда центръ эллинистической культуры Египта, дала богатый и разнообразный матеріалъ для членовъ конгресса. Офиціальное открытіе, обставленное весьма торжественно, въ зданіи оперы, въ присутствіи хедива, представителей

дипломатическаго корпуса и высшей мѣстной администраціи, происходило въ Каирѣ. Докладовъ представлено было свыше 80, распределенныхъ между 6-ю секціями: до-классической археологіи, классической археологіи и эпиграфики, исторіи религіи, византійской археологіи и нумизматики и географіи. Въ секціи классической археологіи, на которой господствовало наибольшее оживленіе, наши ученые Б. А. Тураевъ и Е. М. Придикъ выступили съ докладами, ознакомившими конгрессъ съ археологическими богатствами императорскаго Эрмитажа и вновь прибрѣтеннымъ въ собственность правительства собраніемъ древностей В. С. Голеницева, въ частности съ греческими надписями изъ Египта и египетской надгробной надписью быка римской эпохи. При обсужденіи вопроса о сношеніяхъ Египта съ странами по берегамъ Средиземнаго моря въ историческую эпоху Б. А. Тураевъ выступилъ съ сообщеніемъ о слѣдахъ сношеній Египта съ нашимъ югомъ, гдѣ находятся предметы какъ несомнѣнно египетскіе, такъ и мѣстныя имъ подражанія. Одесскій профессоръ фонъ-Штернь обнаружилъ слѣды сношеній съ Египтомъ въ VI вѣкѣ до Р. Х. въ раскопанномъ имъ по порученію императорской археологической комиссіи іонійскомъ поселеніи на островѣ Березани. Членъ императорской археологической комиссіи Б. В. Фармаковскій сообщилъ о своихъ грандіозныхъ раскопкахъ, по порученію комиссіи, открывающихъ мало-по-малу нашу южно-русскую Помпею—древнюю Ольвію. Здѣсь въ памятникахъ искусства докладчикъ нашелъ ясно выраженные черты особаго александрійскаго стиля, который установилъ на конгрессѣ лейпцигскій профессоръ Шрейберъ и характерными особенностями котораго являются поэзія пространства, тонкость знанія матеріала и жизненность изображеній. Въ секціи византійской археологіи академикъ Ѳ. И. Успенскій ознакомилъ съ вновь открытыми мозаиками въ Солуни, въ церкви Св. Дмитрія.

Греческій ученый Ламброса выступилъ съ интереснымъ докладомъ о первоначальномъ происхожденіи нашего и византійскаго герба—двуглаваго орла. По его мнѣнію, это древне-вавилонскій знакъ, извѣстный уже въ глубокой древности.

По окончаніи работъ конгресса и закрытіи его хедивомъ, членами конгресса совершена была большая научная экскурсія въ Верхній Египетъ. По отзывамъ лицъ, участвовавшихъ на конгрессѣ, конгрессъ былъ организованъ прекрасно, пріемъ былъ теплый и сердечный. Хедивъ трижды принималъ у себя членовъ конгресса, городскія управленія Александріи и Каира также наперерывъ старались удовлетворить нуждамъ своихъ ученыхъ гостей.

Уѣзжая изъ Египта, члены конгресса могли прибрѣсти тамъ сравнительно за недорогою цѣну интересные памятники египетскихъ древностей, торговля которыми шла весьма оживленно. Такъ, Б. А. Тураевъ и Б. В. Фармаковскій демонстрировали въ одномъ

изъ послѣднихъ засѣданій русскаго археологическаго общества свои любопытныя пріобрѣтенія: плиты и стѣллы съ надписями различныхъ эпохъ, вѣсовую гирию, доску съ египетскими изображеніями, подголовникъ-талисманъ, папирусы, художественную головку эпохи новаго царства, глиняную художественно выполненную лампочку и другія.

Говоря о блестящемъ состояніи музеевъ Каира и Александріи, считаемъ умѣстнымъ отмѣтить кстати и скромную, но плодотворную дѣятельность двухъ обширныхъ отечественныхъ музеевъ въ Москвѣ, отчетъ которыхъ за 1908 годъ лежитъ передъ нами.

Москва—сердце Россіи. Сюда лучами сходятся желѣзнодорожныя артеріи, ежедневно выбрасывающія въ городъ массы пріѣзжихъ всѣхъ классовъ и состояній, со всѣхъ концовъ Россіи и ея окраинъ. Вся эта пестрая масса стремится сюда: за покупками, по дѣламъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и, частью, состоитъ изъ туристовъ. Но какими бы цѣлями ни руководствовались пріѣзжіе, большинство изъ нихъ считаетъ долгомъ своимъ ознакомиться съ достопримѣчательностями Москвы, съ ея историческими реликвіями, памятниками старины, которыми такъ гордится наша древняя столица, собирательница русской земли. Поэтому общеобразовательное значеніе ея музеевъ въ дѣлѣ воспитанія въ народныхъ массахъ уваженія къ памятникамъ старины и пробужденія національной гордости и національнаго самосознанія такъ огромно и важно. Видную роль среди этихъ учреждений играютъ музеи: Румянцовскій и публичный. Изъ отчета музеевъ о дѣятельности ихъ въ 1908 году видно, что труды музеевъ и значеніе ихъ въ общеобразовательномъ смыслѣ увеличиваются съ каждымъ годомъ и заслуживаютъ того, чтобы остановить на нихъ нѣсколько общественное вниманіе.

Въ 1908 году музеи посѣтилъ великій князь Николай Михайловичъ и принцесса Алиса греческая, 9669 платныхъ и 65745 безплатныхъ посѣтителей. Значительно увеличилось, противъ предыдущихъ лѣтъ, число лицъ, посѣтившихъ музеи въ общеобразовательныхъ экскурсіяхъ. Особенно замѣтенъ ростъ посѣщеній музеевъ московскою среднею школою, они болѣе чѣмъ удвоились, по сравненію съ 1905—1906 гг. Въ общеобразовательныхъ экскурсіяхъ музеи посѣтили всего 6673 лица. Участились за послѣдніе годы экскурсіи народныхъ учителей и воинскихъ частей. Общее количество всѣхъ лицъ, явившихся какъ для осмотра музеевъ, такъ и для занятій, составило въ 1908 году крупную цифру въ 93170 человекъ, сдѣлавшихъ 212020 посѣщеній. Читальный заль имѣлъ 126334 посѣщенія 12562 лицами.

Среди занимавшихся въ отдѣлѣ рукописей замѣтенъ былъ усиленный наплывъ старообрядцевъ. Постройка Сибирской дороги во многомъ способствовала тому, что далекія окраины прислали въ

Москву немало ревнителей древняго благочестія. Кромѣ того, жажда точнаго знанія вѣры отцовъ, запечатлѣвшейся въ прокопченныхъ и обветшалыхъ пергаментяхъ рукописнаго отдѣленія, привлекла туда многихъ старообрядческихъ начетчиковъ, съѣхавшихся въ Москву на происходившіе тамъ рогожскій и преображенскій старообрядческіе съѣзды.

Въ музеи въ 1908 году поступилъ рядъ крупныхъ пожертвованій, среди которыхъ выдѣляются: огромное полотно Свѣдомскаго «Les Jacques», которымъ начата фактическая передача И. П. Свѣшниковымъ цѣлой картинной галереи въ вѣдѣніе музеевъ, пожертвованія въ Дашковскій этнографическій музей и библіотеку—генерала Гродекова, герцога Г. Г. Мекленбургъ-Шверинскаго и великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Отдѣлъ рукописей обогатился многими интересными экземплярами XVI—XIX столѣтій. Между ними поступило слѣдующее письмо Тарновскаго къ Сперанскому, передающее впечатлѣнія очевидца погребенія Гоголя: «Въ университетской церкви 24 февраля было погребеніе. Здѣсь была вся московская знать; все въ мундирахъ, лентахъ и звѣздахъ собралась около гроба Гоголя, знаменитаго писателя «Мертвыхъ душъ» и проч. Умершій былъ украшенъ цвѣтами на гробу, лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; а когда стали прощаться—все это было расхвачено по листочку и лепесточку, на память». Въ картинной галереѣ работали 88 художниковъ и любителей, занимавшихся копировкой картинъ. Отдѣлъ гравюръ обогатился крупной коллекціею академика гравюры Н. С. Мосолова. Въ нумизматическомъ отдѣлѣ работалъ надъ изданіемъ «Полнаго корпуса монетъ юга Россіи» хранитель императорскаго Эрмитажа и преподаватель императорскаго спб. археологическаго института А. К. Марковъ. Въ отдѣлѣ классическихъ древностей извѣстный петербургскій ученый профессоръ Б. А. Тураевъ сдѣлалъ разборъ іероглифовъ на египетскихъ древностяхъ отдѣла и проредактировалъ для печати инвентарную опись этихъ древностей. Въ отдѣлѣ доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей В. П. Гурьяновымъ реставрированы древнія иконы русскаго и византійскаго письма, приходившія въ ветхость и безъ реставраціи обреченныя на постепенное уничтоженіе. По Дашковскому этнографическому музею продолжались работы по охранѣ и расположенію коллекцій. Предупреждена опасность, грозившая коллекціи типовъ народностей въ манекенахъ, сдѣланныхъ по наброскамъ съ натуры лучшими московскими художниками, съ тщательнымъ соблюденіемъ антропологическихъ особенностей. Въ расположеніи фигуръ коллекцій музея принята и постепенно вводится система нагляднаго представленія народной жизни въ различныхъ проявленіяхъ ея въ области матеріальной и духовной культуры. Система эта осуществлена уже отчасти нашимъ этнографическимъ музеемъ при императорской академіи наукъ въ С. Петербургѣ.

Предметы собираются въ правдоподобныя живыя сцены быта соотвѣтствующей народности въ типичной характерной его обстановкѣ. Въ 1908 году по этнографическому музею изданъ на французскомъ языкѣ специальныйъ путеводитель для иностранцевъ.

Но расширившаяся дѣятельность музеевъ и значительный притокъ новыхъ коллекцій указали на тѣсноту помѣщеній. На помощь музеямъ идетъ московская городская дума, ассигновавшая 2500 р. на устройство конкурса по представленію проекта перестройки зданій музеевъ. Особенно страдаетъ недостаткомъ помѣщенія читальный залъ библіотеки музеевъ. Жажущимъ попасть туда приходится нерѣдко ждать очереди. Зарегистровано въ теченіе года свыше 2000 человѣкъ, такъ и ушедшихъ, не дождавшись входа въ библіотеку. Въ ноябрѣ, на примѣръ, число посѣтителей въ среднемъ достигало 708; передъ администраціей музеевъ лежала нелегкая задача размѣстить ихъ на 170 имѣющихся мѣстахъ библіотеки.

А. Мироновъ.

ПО ЗОНДСКИМЪ ОСТРОВАМЪ ¹⁾.

VI.

Внутри Суматры.

Путешествіе внутри острова.—Кокосовая пальма и ея значеніе.—Лигуаны.—Кампонги, залитые водой.—Туземное ватное дерево.—Селеніе Муара-Энимъ. Игра малайцевъ въ рѣкѣ.—Фауна.—Стадо дикихъ слоновъ.—Посѣщеніе Лембака.—Заблудились въ лѣсу.—Спасеніе.

ВЕЗИДЕНЦІЯ Палембангъ, будучи расположена въ южной, самой широкой части Суматры, тянется отъ Банкскаго пролива далеко къ западу вглубь страны и доходитъ до возвышенностей, составляющихъ предгоріе той вулканической цѣпи, которая образуетъ остовъ острова. Вся область резиденціи лежитъ въ бассейпѣ Муси ²⁾, принимающемъ въ себя съ правой стороны два крупныхъ притока, Оганъ и Лематангъ, и, кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ значительное количество притоковъ меньшей величины. Городъ Палембангъ расположенъ, какъ я уже упоминалъ, при впаденіи Огана въ Муси, и большіе морскіе пароходы могутъ безпрепятственно итти вверхъ по Муси до Палембанга. Далѣе вверхъ эти пароходы, осадка которыхъ достигаетъ 18—20 футовъ, итти не могутъ, но меньшіе пароходы и паровые баркасы, принадлежащіе китайцамъ-подрядчикамъ по перевозкѣ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVIII, стр. 660.

²⁾ Муси имѣетъ въ длину около 600 верстъ.

и различнымъ нефтенпромышленнымъ обществамъ, бѣгаютъ вверхъ по Муси, Огану и Лематангу на значительное разстояніе и перевозятъ внутрь страны почту, пассажировъ и тяжести.

Уже нѣсколько верстъ выше Палембанга Муси значительно суживается, имѣя въ ширину лишь около 200 сажень, но лѣсистые низменные берега ея остаются все тѣ же и, кромѣ того, чѣмъ далѣе подвигаешься вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ быстрее и извилистѣе становится ея теченіе. Пароходнику приходится то и дѣло поворачивать, огибать песчаную отмель и снова бѣжать къ противоположному берегу, выбирая постоянно болѣе глубокой фарватеръ. Для рулевыхъ, стоящихъ у штурвала, это тяжелая работа; здѣсь требуются хорошее знаніе русла, вѣрный глазъ и сильная рука.

Отъ времени до времени пароходикъ пристаетъ къ берегу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ предусмотрительные туземцы держатъ наготовѣ запасъ продажныхъ напиленныхъ дровъ, которыми наполняютъ все остающееся свободное мѣсто. Очень часто то по одну, то по другую сторону рѣки попадаются туземныя селенія, близость которыхъ можно еще издали замѣтить по обилію кокосовыхъ пальмъ. Дѣло въ томъ, что кокосовыя пальмы въ этой области дико не растутъ, но малайцы постоянно сажаютъ ихъ, вмѣстѣ съ банановыми деревьями, въ своихъ кампонгахъ, гдѣ всегда можно видѣть кокосовыя деревья всѣхъ возрастовъ, начиная отъ только что проросшихъ орѣховъ вплоть до экземпляровъ, достигающихъ значительной высоты.

Какъ это ни покажется, можетъ быть, страннымъ, но въ резиденціи Палембангъ чувствуется большой недостатокъ въ кокосовыхъ орѣхахъ, и они для Палембанга составляютъ до сихъ поръ предметъ ввоза съ Явы. Цѣна имъ на базарѣ доходитъ до 5—7 копеекъ за штуку, что, конечно, очень дорого, принимая во вниманіе огромную продуктивность дерева, съ одной стороны, и съ другой—то обстоятельство, что кокосовый орѣхъ вмѣсто съ бананами и рисомъ составляетъ необходимую пищу каждаго малайца.

Кокосовая пальма разводится исключительно сажаніемъ проросшихъ орѣховъ и растетъ очень медленно; лишь на 7—8-мъ году она начинаетъ давать плоды, и зрѣлое, хорошо содержимое дерево даетъ до 200 орѣховъ въ годъ. Изъ различныхъ частей кокосоваго орѣха туземцы изготовляютъ многіе предметы домашняго обихода и кухни. Такъ, напримѣръ, изъ его наружной толстой кожи дѣлаютъ щетки для скобленія пола, посуды и пр.; изъ внутренней скорлупы, которая тонка и весьма тверда, дѣлаютъ посуду. Свѣже сорванный орѣхъ заключаетъ въ себѣ стакановъ 5—6 мутнаго сока, называемаго иногда молокомъ. Сокъ этотъ содержитъ въ растворѣ соли, немного сахара и альбумина. Очень часто, гуляя долгое время по лѣсамъ и почувствовавъ жажду, мы заходили въ какой-нибудь кампонгъ и покупали пару свѣжихъ орѣховъ, чтобы утолить жажду ихъ сокомъ. Орѣхи тутъ же малаецъ надрубалъ острымъ ножомъ и проты-

каль въ его еще неокрѣпшей, мягкой скорлупѣ дыру, изъ которой мы могли пить сокъ. При этихъ условіяхъ и обстановкѣ солоновато-сладковатое питье это кажется вкуснымъ, но, сидя у себя дома, всякій предпочтетъ стаканъ чистой воды.

Самая мякоть кокосоваго орѣха, облекающая внутреннюю поверхность скорлупы его, охотно употребляется туземцами и даже европейцами въ пищу. Ее жарятъ, варятъ, кладутъ въ супы и въ особенности въ различныя приправы, которыми такъ богатъ индійскій рисовый столъ. Но самое цѣнное, что даетъ кокосовый орѣхъ, это—его масло. Если свѣжую мякоть орѣха нагрѣвать, а еще лучше—кипятить въ водѣ, то сверху вываривается кокосовое масло, имѣющее такое же огромное промышленное и хозяйственное значеніе для Индіи, какъ, на примѣръ, оливковое масло для Италіи и южной Франціи. Не только всѣ туземцы, но и значительная доля европейцевъ готовятъ кушанье исключительно на кокосовомъ маслѣ. Только люди очень богатые, или свѣже пріѣхавшіе въ Индію европейцы употребляютъ на кухнѣ масло коровье, привозимое изъ Европы или Австраліи въ запаенныхъ жестянкахъ и стоящее дорого. Такъ дѣлали и мы въ первое время, но очень скоро по совѣту опытныхъ хозяекъ перешли на кокосовое масло и были очень довольны. Свѣжее кокосовое масло никакого непріятнаго запаха ни вкуса не имѣетъ; правда, оно скоро портится, горкнетъ—а потому задача всякой хозяйки наблюдать, чтобы въ пищу не попадало несвѣжее масло, на что кухарки-малайки сами по себѣ весьма неразборчивы.

Сушеная мякоть кокосоваго орѣха именуется копра и составляетъ важный предметъ экспорта съ Явы, Сингапура и другихъ острововъ Индіи въ Европу, гдѣ она идетъ на мыловаренные заводы. Такъ, на примѣръ, въ 1900 году изъ Нидерландской Индіи было вывезено въ Европу копры 6 милліоновъ пудовъ¹⁾.

Кокосовая пальма имѣетъ много разновидностей, отличающихся другъ отъ друга формой и величиной плода и самымъ видомъ дерева. Особенно характерна разновидность, именуемая «кляпперъ-бали»²⁾, вѣроятно, происходящая съ островка Бали, лежащаго на востокъ отъ Явы. Низкій ростъ дерева, его болѣе толстый стволъ, длинные мохнатыя листья и весьма мелкіе орѣхи составляютъ такіе характерные признаки, которые отличить даже глазъ новичка. Въ одномъ изъ путешествій внутрь Суматры мы видѣли въ малайскомъ селеніи дорогу, обсаженную этими пальмами бали, пышная красота которыхъ привела насъ въ неописуемый восторгъ.

Лѣса бассейна Муси, которые видны съ парохода, когда ѣдешь по рѣкѣ, не особенно живописны. Это даже и не лѣса въ строгомъ

¹⁾ Въ томъ числѣ 3 мил. пудовъ съ Явы.

²⁾ Слово *кляпперъ* означаетъ по-голландски кокосъ и перешло цѣликомъ въ малайскій языкъ.

Пароходигъ «Муара-Энимгъ».

смыслѣ слова — это джунгль, безконечныя заросли невысокихъ лиственныхъ деревьевъ, опутанныя гибкими завитками вьющейся ротанговой пальмы ¹⁾; тамъ и сямъ попадаются кусты бамбука, аренговья и пинанговья пальмы или одиноко царить надъ окружающимъ джунглемъ какое-нибудь лиственное дерево-гигантъ съ шарообразною или шагрообразною массивною кроною плотныхъ ярко-зеленыхъ листьевъ.

Плывя однажды на пароходикѣ «Муара-Энимъ» вверхъ по Лемантангу, мы замѣтили двухъ огромныхъ ящерицъ, переплывавшихъ рѣку поперекъ. Это были лигуаны, достигающіе двухъ аршинъ въ длину, отчасти схожіе съ молодыми крокодилами, но, въ противоположность послѣднимъ, совершенно безобидныя и безвредныя существа.

На песчаныхъ отмеляхъ рѣки часто попадались намъ стаи бѣлыхъ цапель, спугиваемыхъ шумомъ приближающагося парохода. У самой воды въ грязи иногда мы замѣчали дремавшаго крокодила. Этого послѣдняго всегда угощали ружейнымъ выстрѣломъ, послѣ чего онъ шлепался въ воду и исчезалъ въ ней, а мы продолжали путь далѣе, утѣшаемые надеждой, что, вѣроятно, мы не дали промаха и крокодилъ «поплылъ умирать».

Морской приливъ оказываетъ свое вліяніе далеко вглубь рѣкъ, и здѣсь, на болѣе чѣмъ 200 верстъ отъ моря, уровень рѣки тоже постоянно падаетъ и поднимается. Часто вода поднимается выше ея нормальнаго предѣла и заливаетъ какой-нибудь кампонгъ, вступая далеко въ окружающій его джунгль. Это, впрочемъ, нисколько не смущаетъ малайцевъ, этихъ амфибій между людьми, которые на своихъ плотахъ, лодкахъ и лодочкахъ продолжаютъ сообщаться по такимъ мѣстамъ, гдѣ ранѣе ходили цѣшкомъ, хладнокровно разбѣзжаютъ посреди затопленнаго кампонга, заглядываютъ, когда полагается, въ свою мечеть, красующуюся обыкновенно посреди деревни, и терпѣливо выжидаютъ, когда вода спадетъ.

Когда плывешь по рѣкѣ, навстрѣчу то и дѣло попадаютъ лодочки съ сидящими въ нихъ туземцами, иногда пробѣгаетъ пароходикъ, везущій почту и пассажировъ, или баркасъ, буксирующій позади себя лодки, тяжело нагруженныя машинами и инструментами какого-нибудь нефтянаго предпріятія. Изрѣдка внизъ по рѣкѣ проплываютъ цѣлые плавучіе дома, — вѣрнѣе, клѣтки изъ бамбука, покоящіяся на плотахъ, въ которыхъ туземцы съ чадами и домочадцами сплавляютъ внизъ по теченію различныя свои продукты.

¹⁾ Изъ рода *Calamus*. Вывозъ стеблей ротанга изъ Нидерл. Индіи составляетъ около 2 мил. пуд. въ годъ, причемъ почти все это количество вывозится изъ трущобъ Суматры и Борнео.

Къ такимъ легкимъ на вѣсъ предметамъ принадлежитъ, напримеръ, туземная вата «капокъ» ¹⁾. По берегамъ рѣчки можно часто видѣть ряды деревьевъ съ характерными для нихъ растопыренными, вполнѣ горизонтальными вѣтвями. Это и есть индійское ватное дерево ранду, плоды котораго растрескиваются при зрѣлости и даютъ полную, величиной съ кулакъ, коробочку ваты.

Капоковыя деревья садятся туземцами съ промышленной цѣлью, и вата тщательно собирается, нѣсколько очищается отъ сора, вѣтокъ и пленокъ и въ такомъ видѣ сплавляется внизъ по рѣкамъ до

Кампонгъ на Муси.

Палембанга, гдѣ ее скупаютъ мелкіе торговцы для отправки въ Сингапуръ. Капокъ находитъ себѣ примѣненіе для набивки матрацовъ и подушекъ на мѣстѣ, и въ послѣднее время его стали въ значительныхъ количествахъ ²⁾ вывозить въ Европу.

Далеко въ глубинѣ Суматры, при впаденіи рѣчки Энимъ въ рѣку Лематангъ, которая въ свою очередь впадаетъ въ Муси, расположено селеніе Муара-Энимъ ³⁾. Домики этого селенія кра-

¹⁾ Добывается изъ дерева ранду.

²⁾ До 200.000 пуд. въ годъ изъ всей Нидерландской Индіи.

³⁾ Слово *Муара* означаетъ по-малайски «устье». Посему названіе селенія слѣдуетъ перевести *Устье Энима*.

сиво раскинуты по обоимъ крутымъ берегамъ Энима, который здѣсь не шире 50 сажень и черезъ который переброшенъ широкій деревянный мостъ для пѣшеходовъ и повозокъ, представляющій собою изящный контрастъ, признакъ культуры, среди лѣса пальмъ и дикой природы мѣстечка.

Забравшись однажды вдвоемъ съ товарищемъ въ это живописное мѣстечко, мы были поражены его прелестью. Характеръ мѣстности здѣсь уже чуть-чуть холмистый, берега возвышенны, а не топки, вода Энима не представляетъ собою, какъ въ Муси, какого-то мутнаго супа, но чистая и свѣжая, какъ горная. Здѣсь въ первый разъ въ Индіи мы съ наслажденіемъ искупались и поплавали въ быстрой и чистой рѣкѣ.

Здѣсь же мы были свидѣтелями оригинальной игры туземцевъ въ рѣкѣ. Въ длинную и узкую туземную лодку садилось человѣкъ 15 юношей-малайцевъ, до пояса голыхъ. У каждаго было въ рукахъ обыкновенное короткое малайское весло съ трехугольною лопастью. Всѣ они сразу принимались усиленно грести, такъ что только брызги кругомъ летѣли. Немалое количество брызгъ попадало и на нихъ самихъ и въ лодку. Понемногу вода въ лодкѣ прибывала, и лодка замѣтно садилась все глубже и глубже. Вдругъ лодка переполнилась и пошла ко дну. Мигомъ соскочили съ нея юноши, поплыли въ водѣ, не бросая каждый своего весла, съ крикомъ и смѣхомъ поймали они всплывшую лодку, вычерпали изъ нея воду, всѣ до одного опять въ нее залѣзли и вновь весело полетѣли стрѣлою впередъ. Игра эта не замысловатая, но въ ней было столько дикой прелести, столько силы и умѣнья, что мы невольно заглядѣлись и долго любовались на ихъ простодушное веселье.

Одинъ изъ насъ пробовалъ съ моста увѣковѣчить эту веселую игру при помощи фотографическаго аппарата, въ то время какъ другой снялъ внутренность самаго моста съ проходившими по ней туземцами, со стороны которыхъ мы сами были предметомъ живого любопытства.

Въ селеніи Муара-Энимъ, расположенномъ при 3°35' южн. шир. и при 103°50' в. д. отъ Гринвича, имѣется, между прочимъ, и почтовая контора, и мы не преминули послать отсюда открытыя письма друзьямъ въ далекую родину, гдѣ въ это время года стояла масленница и наши друзья, вѣроятно, катались на конькахъ.

Окрестности селенія также чрезвычайно живописны. Лѣса носить здѣсь уже иной характеръ, чѣмъ обыкновенный джунгль, который мы въ изобиліи видѣли до сихъ поръ. Мѣстность здѣсь значительно суше, всюду есть хорошія дороги или удобныя утопанныя тропинки. Самые лѣса могучи, тѣнисты, прекрасны. Мы съ особымъ удовольствіемъ провели нѣсколько дней, блуждая по окрестностямъ Муара-Энимъ по лѣснымъ тропамъ, заходя въ различные кампонги,

бесѣдуя съ малайцами и катаясь на маленькихъ лодочкахъ по быстрымъ водамъ Энима и Лематанга. Очень часто приходилось намъ слышать характерные крики обезьянъ—черныхъ сіаманговъ, а иногда мы видѣли ихъ цѣлыми стаями сидящими на деревьяхъ или рѣзвющимися гдѣ-нибудь на лѣсной полянкѣ. Въ лѣсахъ здѣсь часто встрѣчается аренговая пальма, рѣзко выдѣляющаяся изъ общей зелени благодаря своему сѣрому оттѣнку и оригинальной структурѣ ствола. Изъ ея плотныхъ листьевъ туземцы изготовляютъ атапъ для крышъ. Плоды этой пальмы, величиной съ крупный грецкій орѣхъ, европейцы приготовляютъ въ видѣ варенья, а изъ сока ея туземцы броженіемъ дѣлаютъ пальмовое вино. Послѣднее,

Кампонгъ на Лематангѣ

по-моему, не вкусно. Оно кисло-сладкое, съ какимъ-го особымъ привкусомъ. Спирта оно содержитъ мало и потому легко портится. Здѣсь же мы встрѣтили другое интересное тропическое растеніе—кустарникъ со свѣтлыми блестящими листьями. Изъ ствола его вытекаетъ сокъ, дающій, затвердѣвая, пахучую бензойную смолу¹⁾. Она составляетъ предметъ экспорта въ Европу и цѣнится дорого.

Кромѣ большого количества обезьянъ различныхъ видовъ, въ томъ числѣ и орангъ-утанна, на Суматрѣ водятся слѣдующія крупныя млекопитающія: носорогъ, тапиръ, кабанъ, олень, королев-

¹⁾ Вывозъ ея достигаетъ 100.000 пуд. въ годъ.

скій тигръ, черная пантера и слонъ, а именно особенный видъ его, такъ и называемый—слонъ суматринскій. Во время нашихъ странствовій по лѣсамъ часто приходилось мелькомъ видѣть оленя, граціозно промелькнувшаго въ чащѣ, а иногда слышать неподалеку отъ насъ тяжелый бѣгъ кабана въ джунгли. Носороги въ послѣднее время стали рѣдки и водятся преимущественно въ лѣсахъ предгорій, далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ намъ довелось бывать. Но именно въ области Муара-Энимъ слоны встрѣчаются довольно часто, и мнѣ какъ разъ посчастливилось видѣть тамъ этого гиганта въ дикомъ видѣ на свободѣ.

Разскажу, какъ это случилось.

Мы гостили на промыслахъ, расположенныхъ верстахъ въ 15 отъ селенія Муара-Энимъ, когда однажды вечеромъ прибѣжалъ сторожъ Али, охранявшій линію нефтепровода, и сообщилъ, что верстахъ въ трехъ отъ нашего домика онъ видѣлъ цѣлое стадо «гадья»¹⁾! Можете себѣ представить нашу радость и наше нетерпѣніе увидать поскорѣе дикихъ слоновъ! Какъ разъ уже стемнѣло и шелъ дождикъ. Итти при такихъ условіяхъ нельзя было и думать уже потому, что увидать что-либо не представлялось возможности. Надо было или ждать до утра, или попытаться итти ночью, если дождь перестанетъ и взойдетъ луна. При этомъ мы опасались еще и того, что за это время или слоны уйдутъ, или же, что всего вѣроятнѣе, ихъ спугнетъ кто-нибудь изъ сторожей и они убѣгутъ. Дѣло въ томъ, что туземцы слоновъ вообще не боятся и преспокойно разгуливаютъ посреди стада, выбирая свою жертву. Выборъ ихъ останавливается или на самцѣ съ хорошими клыками, или на самкѣ, если при ней есть дѣтенышъ. Выбравъ одного слона, они его убиваютъ изъ ружья, при этомъ отъ шума выстрѣловъ остальные слоны бросаются въ бѣгство, причемъ они никогда не выбираютъ дороги, а прутъ прямо по лѣсу, обходя только самыя крупныя деревья и разламывая и растапывая все, что не столь велико. Плохо также приходится и тѣмъ людямъ, которые попадаютъ на пути: ихъ растапываютъ въ лепешку; но туземцы умѣютъ очень искусно прятаться за стволы толстыхъ лѣсныхъ деревьевъ. Если случится убить самку и она падаетъ замертво, то ея дѣтенышъ всегда остается около ея трупа и становится живой добычей туземцевъ. А это для нихъ цѣлая находка, ибо молодого слоненка всегда можно выгодно продать рублей за 200—250. Въ самомъ Палембангѣ живетъ какая-то богатая малайка, которая скупаетъ всякихъ рѣдкихъ животныхъ и отправляетъ ихъ на продажу въ Сингапуръ, откуда они высылаются въ зоологическіе сады Европы. Намъ случилось видѣть однажды на пароходѣ, идущемъ въ Сингапуръ, такого молодого слоненка (мѣсяцевъ 4). Ростомъ онъ былъ не болѣе двухъ аршинъ и тонень-

¹⁾ Т. е. слоновъ.

Капоковыя дрэвыя.

кій хоботь его на концѣ былъ свѣтло-розоваго цвѣта. Онъ сидѣлъ въ бамбуковой клѣткѣ, кушалъ бананы и всю дорогу до Сингапура велъ себя спокойно и добродушно.

Но вернемся къ разсказу.

Сторожу было приказано вернуться къ своему посту, продолжать наблюдение за слонами и передать своимъ товарищамъ, чтобы отнюдь ни подъ какимъ видомъ не смѣли они слоновъ пугать. Мы же стали снаряжаться въ путь, намѣреваясь выступить при первомъ появленіи луны.

Бѣлые, обычные костюмы европейцевъ въ Индіи были замѣнены темными, желто-бурого цвѣта, незамѣтными въ лѣсу. Насъ было трое, и каждый взялъ по ружью—на всякій случай, хотя мы дали другъ другу слово въ слоновъ ни подъ какимъ видомъ не стрѣлять. Высокихъ сапоговъ въ Индіи не носятъ, а потому мы ограничились тѣмъ, что плотно завязали нижнюю часть брюкъ, чтобъ предупредить заползаніе на ноги пѣваокъ—вещь очень неприятная по своимъ послѣдствіямъ.

Мы ждали...

Судьба сжалилась надъ нами. Часамъ къ 10 вечера дождь пересталъ, и тучи стали расходиться... Вотъ и луна показалась... Впередъ, скорѣе въ путь! Мы наконецъ выступили. Впереди пошелъ проводникъ, хорошо знавшій всѣ тропинки кругомъ, за нимъ мы трое другъ за другомъ, а сзади еще одинъ туземецъ—слуга, несшій плащи отъ дождя.

Мѣстность здѣсь холмистая и лѣсистая; мы шли сначала по широкой, освѣщенной луной дорогѣ, но вскорѣ перешли на еле замѣтную тропинку среди густого, мрачнаго лѣса.

Итти было трудно; отъ дождя по глинистому грунту скользили ноги; часто приходилось перелѣзать черезъ огромные стволы упавшихъ деревьевъ... Вдругъ мы услышали впереди насъ разговоръ по-малайски, и тутъ же подошелъ къ намъ Али.

— Ну что слоны?—былъ нашъ вопросъ.

— Здѣсь, туанъ¹⁾, только будьте осторожны: они чѣмъ-то уже встревожены.

— Можетъ быть, тигры кругомъ?

— Тигровъ здѣсь не можетъ быть, туанъ.

— Какъ не можетъ быть? Я знаю прекрасно, что тигровъ здѣсь много и часто видѣлъ ихъ свѣжіе слѣды...

— Такъ, туанъ. Только тигры сами слоновъ боятся, и теперь ихъ за 5 миль кругомъ не сыщите...

— Гдѣ же слоны?

Не дальше полуверсты отсюда, туанъ.

¹⁾ Т. е. господи...!

Еще тише прежняго двинулись мы впередъ и вскорѣ подошли къ группѣ изъ нѣсколькихъ крупныхъ дуріановыхъ деревьевъ, позади которыхъ росъ только низкій частый кустарникъ, доходившій намъ до пояса. Обогнувъ деревья, мы внезапно попали въ полосу луннаго свѣта и остановились, какъ вкопанные, прижавшись къ стволу: впереди насъ на освѣщенной луною поросли шагахъ въ 200—спокойно паслись слоны. Ихъ было головъ около 70. Большинство были самки—безъ клыковъ, но штукъ 10 имѣли клыки. У двухъ самокъ мы замѣтили и дѣтенышей. Слоны были, по замѣчанію сторожа Али, чѣмъ-то встревожены. Вѣроятно, они чуяли близость

Внутренній видъ моста.

людей. Дѣло въ томъ, что насколько зрѣніе слоновъ слабо, настолько чутко ихъ слухъ, и очень можетъ быть, что они уже успѣли услышать наше приближеніе. Нѣкоторые, правда, еще мирно пощипывали листья, срывая ихъ хоботомъ, но многіе уже бросили это занятіе и толпились кучками по 5—6. Мы, затаивъ дыханіе, ждали, что будетъ.

— Туанъ,—прошепталъ сторожъ:—позвольте мнѣ подстрѣлить одного.

— Нельзя ни подь какимъ видомъ—иначе ты немедленно получишь расчесть!

Молча вздохнулъ Али и ничего не сказалъ.

Порывъ вѣтра вдругъ пробѣжалъ по полянѣ, заигралъ и зашумѣлъ вѣтвями, бѣлая тучка слегка закрыла мѣсяць. Слоны задвигались все далѣе и далѣе отъ насъ,—очевидно, они уходили; слышно было, какъ трещали сучья и вѣтви, на которые они наступали...

А мы все стояли и хотѣли еще хоть немного полюбоваться на уходившее стадо лѣсныхъ гигантовъ, сознавая, что вотъ мы все же видѣли, ихъ дикими и свободными на ихъ родинѣ!

— Туанъ, пойдемте домой—пора,—приглашалъ насъ мой слуга.

— А что такое? Куда торопиться?..—хотѣлъ было я сказать, но, взглянувъ еще разъ на небо, промолчалъ: луны уже не было видно, и вѣтеръ нагонялъ тучи одну темнѣе другой.

— Пойдемте въ самомъ дѣлѣ домой,—сказалъ кто-то изъ насъ...

Въ этотъ самый моментъ яркая молнія освѣтила поляну, и велѣдъ за ней страшный ударъ грома потрясъ воздухъ. Мы такъ и присѣли. Еще не успѣли мы завернуться въ наши плащи, какъ тропическій ливень ударилъ намъ прямо въ лицо и забарабанилъ по лѣсу.

Мы пошли домой, молча стараясь держаться ближе другъ къ другу, и предоставивъ нести наши ружья туземцамъ.

Часа черезъ два, мокрые до послѣдней нитки, продрогшіе и усталые, но все же счастливые и удовлетворенные видѣннымъ зрѣлищемъ, доплелись мы до дому.

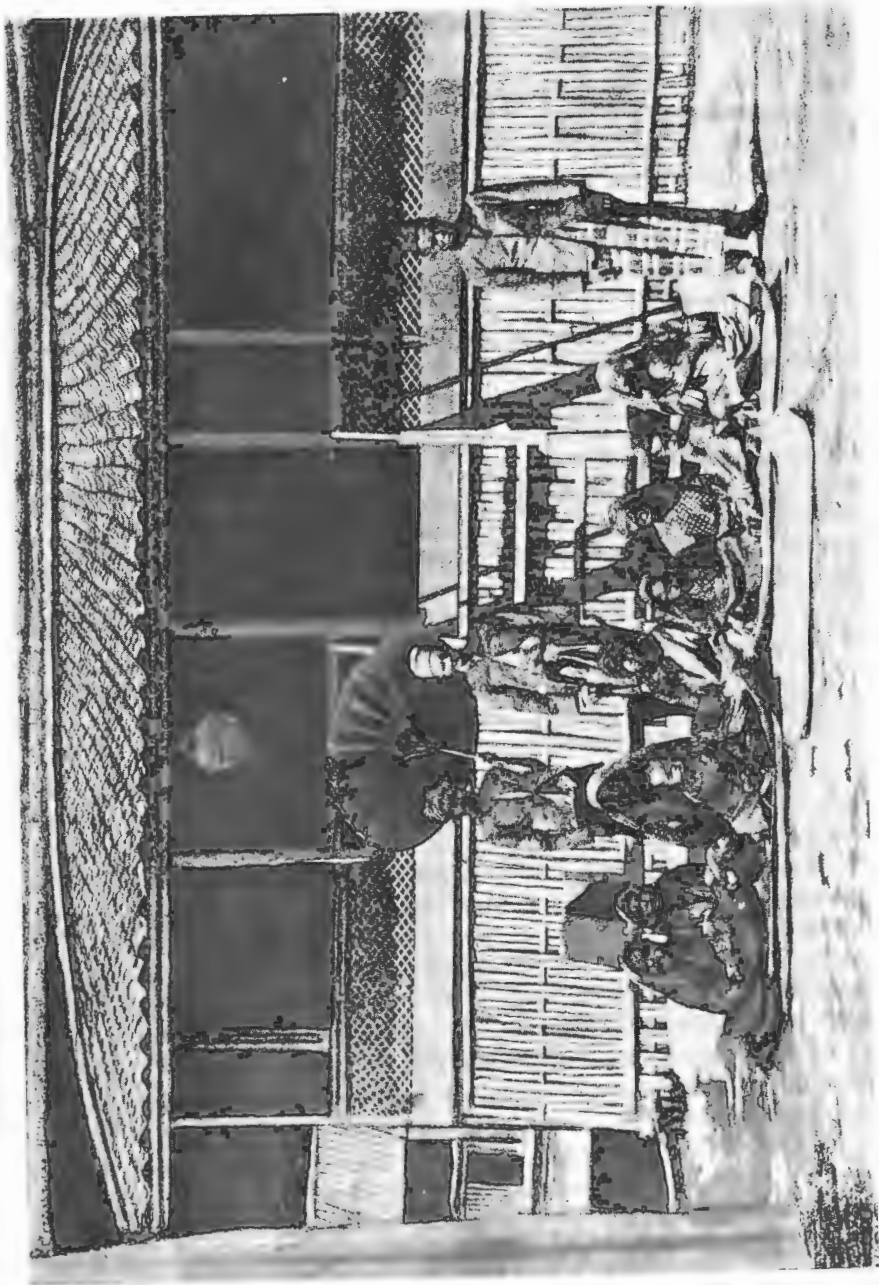
На возвратномъ пути въ Палембангъ съ одной изъ моихъ экскурсій попалъ я однажды вдвоемъ съ пріятелемъ съ селеніе Лембакъ, лежащее на полпути отъ Муара-Энимъ къ дому.

Лембакъ, какъ и большинство кампонговъ этой области, расположенъ среди густого лѣса и засаженъ бананами и кокосовыми пальмами, подъ которыми прячутся стоящіе на столбахъ домики малайцевъ.

Здѣсь мнѣ предстояло осмотрѣть нефтепроводную станцію, лежащую неподалеку отъ самаго селенія, и мы прогостили здѣсь дня три и успѣли за это время познакомиться со многими мѣстными жителями, у которыхъ мы покупали рисъ, куръ и кокосовые орѣхи. Замѣчу здѣсь кстати, что во время экскурсій внутрь страны намъ приходилось постоянно брать съ собой провизію въ видѣ жестянокъ съ консервами: молока, овощей и мясного блюда; въ туземныхъ же кампонгахъ большею частью ничего достать нельзя. Вообще жители кампонговъ неохотно продавали свои продукты даже за хорошую цѣну. Въ Лембакѣ же мы пользовались особымъ расположеніемъ населенія, благодаря близости нефтепроводной станціи и постоянной работѣ населенія на постройкѣ ея. И мы, съ своей стороны, гоже всячески старались поддерживать дружескія отношенія.

Старшина Лембака, пангеранъ Сарали ¹⁾, выразилъ желаніе быть сфотографированнымъ передъ крыльцомъ своего дома вмѣстѣ

¹⁾ Слово «пангеранъ» означаетъ старшина.

Цангеранг Лембана и его семейство.

со своимъ семействомъ, что и было мною исполнено съ особою готовностью.

Самъ пантеранъ былъ изображенъ стоящимъ во весь ростъ. На немъ была надѣта шитая золотомъ феска, полагающаяся ему по чину, а сзади слуга долженъ былъ держать паюнь ¹⁾—тоже знакъ его достоинства. Внизу у его ногъ на цыновкахъ расположилсь жены и дѣти его.

Посреди деревни постоянно бѣгаетъ и шныряетъ множество дѣтей, голыхъ и почти голыхъ. Однажды мы задумали ихъ снять. Пока я устанавливалъ и налаживалъ аппаратъ, другъ мой Чарльзъ, обладавшій особой способностью интересоваться дѣтей и уже успѣвшій снискать себѣ популярность среди молодого поколѣнія Лембака, завлекалъ дѣтей разговорами и обѣщаніями дать лакомства. Такимъ образомъ удалось мнѣ ихъ снять вмѣстѣ съ Чарльзомъ на площади въ центрѣ самаго селенія.

Изъ Лембака намъ надлежало пересѣчь глухой лѣсъ съ тѣмъ, чтобы выйти къ опредѣленному мѣсту на рѣкѣ Лематангъ, гдѣ насъ долженъ былъ дожидаться присланный за нами пароходикъ, тотъ самый, на которомъ мы начинали нашу экскурсію. Намъ слѣдовало пройти всего какихъ-нибудь верстъ 20, но этотъ переходъ былъ обилень приключеніями и надолго останется у меня въ памяти.

Мы двинулись изъ Лембака часовъ въ 10 утра по проселочной, но очень сносной лѣсной дорогѣ.

Насъ было только двое европейцевъ—Чарльзъ и я, мой слуга Исанъ (яванецъ) и человекъ пять рабочихъ, несшихъ нашъ несложный багажъ. Сначала все шло прекрасно. Дорога была красивая; часто попадались тамъ и сямъ лѣсныя полянки, на которыхъ туземныя женщины заняты были въ то время просушиваніемъ риса, разложеннаго на цыновкахъ.

Мы успѣли снять одну изъ такихъ полянокъ вмѣстѣ съ Исаномъ, героемъ настоящаго приключенія. Туземцы сѣютъ здѣсь рисъ на лѣсныхъ полянкахъ и то въ весьма ограниченномъ количествѣ, едва достаточномъ для собственнаго прокормленія. Вообще, въ противоположность Явѣ, Суматра мало производитъ риса, и въ резиденціи Палембангъ онъ даже составляетъ предметъ ввоза съ Явы.

Часамъ къ 12 дня мы благополучно добрались до селенія Аллянъ, лежащаго въ глухомъ лѣсу на полпути до рѣки, и на радости загусили и немного отдохнули.

Далѣе путь нашъ шелъ непрежнему лѣсомъ, но настоящей дороги уже не было, а вмѣсто нея извивалась какая-то еле замѣтная тропа. Вскорѣ оказалось, и это было для насъ сюрпризомъ, что рабочіе, несшіе багажъ, были тоже яванцы, недавно только пріѣхали въ эту мѣстность и дороги вовсе не знали. Они не только не

¹⁾ Т. е. зонтъ.

могли указывать намъ путь, но во всемъ положились на насъ и преспокойно шли себѣ сзади, болтая между собою. Слуга же мой Исанъ прошелъ здѣсь всего одинъ разъ съ недѣлю тому назадъ. Все это оказалось, когда мы были уже среди глухого лѣса.

Здѣсь мы познакомились, и весьма непріятнымъ для насъ образомъ, съ сухопутными пійвками ¹⁾, животными, которыя, по выраженію друга моего Чарльза, стоятъ тигровъ и змѣй, вмѣстѣ взятыхъ; это съ виду маленькіе и преневинные темносѣрые червячки едва съ вершокъ длиною и не толще обыкновеннаго каравдана. Тѣло ихъ ровное, чуть заостренное на концахъ и по наружному виду нельзя даже отличить голову отъ хвоста. Прицѣпившись однимъ концомъ къ листу какого-нибудь кустарника, онѣ свободнымъ концомъ помахиываютъ по воздуху до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся прилѣпиться къ мимо проходящему животному или человѣку. Тогда онѣ ползутъ и ищутъ доступа на голое тѣло. Когда вы идете лѣсомъ и отъ ходьбы тѣло ваше находится въ постоянной испаринѣ, нѣтъ никакой возможности замѣтить или почувствовать ползаніе пійвки до тѣхъ поръ, пока ей не угодно будетъ облюбовать себѣ то мѣсто вашего тѣла, гдѣ она прокусываетъ кожу и сосетъ кровь. Боль отъ укуса не столь велика, но открытіе полдюжины такихъ гостей противно до нельзя и, что хуже всего, это то, что ранки отъ пійвокъ долгое время не заживаютъ. Зналъ я людей, мучившихся цѣлыми мѣсяцами отъ подобныхъ ранъ на ногахъ, при чемъ никакой обуви они за это время носить не могли.

Иногда—и это самое противное—пійвка залѣзаетъ на дерево повыше и оттуда очень ловко падаетъ вамъ на шею, чего вы опять-таки сразу не можете замѣтить, а лишь послѣ укуса, когда ее отдрать—цѣлая скучная и болѣзненная возня.

Въ этой части лѣса особенно часто попадались овраги и лощинки, дно которыхъ постоянно залито стоячею водою. Лѣзть въ такой оврагъ и вылѣзть изъ него—скучная исторія, не говоря уже о томъ, что залѣзть по поясъ или глубже въ грязную воду, густо населенную насѣкомыми и пресмыкающимися различныхъ видовъ, вовсе не тянетъ. Но черезъ такіе овраги бываетъ перекинуть обыкновенно круглый стволъ дерева, по которому босые и ловкіе малайцы идутъ какъ по паркету, но намъ въ обуви, которая поминутно скользила по круглому, обросшему мокрымъ мохомъ стволу, приходилось плохо, и много разъ я долженъ былъ переправляться по такому стволу не иначе, какъ сидя и ползя на немъ верхомъ, но не рискуя стать на ноги. Все это очень замедляло наше шествіе.

Было уже часа три пополудни; мы все продолжали бодро идти впередъ, но тропинка наша какъ-то весьма подозрительно обросла травой, такъ что ее и за тропинку-то еле можно было считать.

¹⁾ По-малайски *патьяль*.

Между Исаномъ и носильщиками багажа произошелъ тогда слѣдующій діалогъ.

— А что, здѣсь у васъ тигры есть?—спрашивалъ Исанъ.

— И даже очень много,—былъ отвѣтъ.

Тутъ мы дѣйствительно вспомнили, что и старшина Лембака рассказывалъ намъ про обиліе тигровъ въ этой мѣстности. Мы переглянулись съ Чарльзомъ и, молча, улыгнулись. Затѣмъ было рѣшено спѣть пѣсню, и вотъ, какъ бы протестуя противъ мрачности окружающей обстановки, мы запѣли:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!

Можно было сказать съ увѣренностью, что этотъ дикій лѣсъ впервые оглашался звуками студенческой пѣсни. Но пѣніе не клеилось и вскорѣ прекратилось. На группѣ развѣсистыхъ деревьевъ мы замѣтили пѣлую компанію обезьянъ, безпокойно сновавшихъ туда и сюда по вѣтвямъ. Насъ, европейцевъ, это нисколько не поразило, но опытный глазъ туземца отнесся къ этому иначе.

— Туанъ,—говорилъ мой Исанъ:—а вѣдь обезьяны-то не спятъ!

— Ну что же, пусть себѣ не спятъ,—отвѣчали мы.

— Но теперь время послѣобѣденное, и лучше пусть бы онѣ спали...

— Почему? Развѣ тебѣ не все равно?

— Если онѣ не спятъ, значитъ онѣ чувуютъ близость тигра и боятся.

Такъ разсуждалъ опытный яванецъ.

Мы узнали отсюда, во-первыхъ, что обезьяны, какъ и мы, грѣшныя, тоже любятъ поспать послѣ обѣда, а, во-вторыхъ, что онѣ, по всей вѣроятности, чуяли близость тигра.

Теперь мы пошли уже близко одинъ за другимъ, и Чарльзъ осмотрѣлъ свою магазинку—единственное бывшее съ нами серьезное оружіе, такъ какъ имѣвшійся со мной револьверъ обороною отъ тигра уже никакъ служить не могъ... Но вотъ то, что мы называли тропинкой, рѣзко повернуло вправо. Обойдя за уголъ, шедшій впереди Исанъ насъ остановилъ.

— Туанъ! Здѣсь былъ недавно матіанъ ¹⁾. Видите, здѣсь трава примята, вотъ и слѣдъ его!

Дѣйствительно, въ кускѣ полужидкой грязи ясно отпечатлѣлась могучая лапа съ когтями.

Мы начали совѣтоваться, что намъ дѣлать, и рѣшили продолжать идти впередъ, хотя бы наугадъ. Все равно вернуться до ночи въ Алляи не успѣемъ, авось намъ посчастливится выйти на рѣку,

¹⁾ Тигръ.

Група дѣтей въ Лембакѣ.

а тамъ уже найдемъ и пароходъ нашъ. Такъ разсуждали мы и продолжали идти впередъ.

Наши носильщики теперь робко жалась поближе къ намъ и шептались между собою; до слуха нашего доносилось только: «Матіанъ... Аллахъ...». Количество свѣта въ лѣсу стало какъ-то убавляться. Часы показывали уже половину пятого. Мы знали отлично, что черезъ какой-нибудь часъ въ лѣсу будетъ совершенно темно и идти дальше—невозможно.

Тропинки вообще никакой уже не было; вѣрнѣе сказать—ихъ было очень много—направо, налево, всюду промежутки между деревьями мы могли бы съ такимъ же правомъ считать за тропинки, какъ и то мѣсто, гдѣ мы стояли... Началь накрапывать дождь...

Мы остановились.

Что дѣлать?

Положеніе наше было не изъ веселыхъ.

Какой-то маленькій пустой шалашикъ на четырехъ ножкахъ съ косою крышей изъ атала торчалъ невдалекѣ.

Чарльзъ предложилъ засѣсть въ этотъ шалаши и ждать до слѣдующаго утра. Тутъ мы были по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой, хотя и весьма сомнительной, защитѣ отъ дождя. Я согласился, ибо свѣтъ продолжалъ убывать и идти далѣе мы сочли бесполезнымъ. Отъ селенія Алляи мы вѣдь прошли уже много болѣе 10 верстъ, и, если бы мы шли по вѣрному направленію, рѣка должна была бы быть тутъ. А ея не было. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что мы окончательно заблудились!..

Предстояла перспектива ночевать въ лѣсу, почти подъ дождемъ, съ пустымъ желудкомъ, безъ воды и въ ближайшемъ сосѣдствѣ тигровъ, съ нѣкоторою надеждою завтра сидѣть впроголодь и искать дороги—все это было неутѣшительно.

— Хорошо еще, если одинъ только тигръ насъ посѣтитъ,—философски замѣтилъ Чарльзъ:—но, можетъ быть, они вздумаютъ охотиться на насъ цѣлою компаніей?

Въ это время Исанъ обратился ко мнѣ:

— Туанъ, я попытаюсь найти выходъ?

— Какимъ образомъ?

— А вотъ видите невдалекѣ это большое дерево. Отъ него влево свѣту нѣсколько болѣе—тутъ, вѣроятно, должна быть поляна, а если это та поляна, которую я помню, то въ концѣ ея начинается справа рядъ пальмъ, идущихъ до самой рѣки. Позвольте мнѣ пойти на поиски?

— А тигровъ ты не боишься?—спросилъ я.

— Эхъ, ничего!

— Иди, если хочешь,—былъ нашъ отвѣтъ.

Исанъ мгновенно исчезъ въ чащѣ.

Дождь усиливался, свѣтъ слабѣлъ...

Сушка риса в ъ лѣсу.

Мы хранили глубокое молчаніе. Не знаю, о чемъ думалъ въ это время Чарльзъ, но въ моей головѣ быстро смѣнялись однѣ мысли за другими. Сначала я подумалъ, что въ магазинкѣ у Чарльза всего 8 пуль, и старался съ нѣкоторою вѣроятностью сосчитать, отъ сколькихъ именно тигровъ онѣ могутъ насъ избавить... Потомъ мнѣ вспомнилось время студенчества и лѣтнія прогулки по Альпамъ. Тамъ горныя и лѣсныя тропинки были повсюду отмѣчены отъ времени до времени цвѣтными полосками на деревьяхъ, чтобы предупредить возможность сбиться съ пути, и я подумалъ, что существуй этотъ похвальный обычай на Суматрѣ, и мы бы не заблудились. Затѣмъ у меня мелькнула мысль, что славно бы теперь сидѣть дома въ своей семьѣ и рассказывать о своихъ благополучно окончившихся приключеніяхъ.

Прошла четверть часа, показавшаяся намъ очень длинною.

Вдругъ мы услышали приближающійся шумъ, и изъ сумерекъ передъ нами вынырнулъ Исанъ.

— Здѣсь дорога! Слѣдуйте за мною,—прошептала онъ, запыхавшись.

— Гдѣ же дорога? Далеко ли намъ еще до рѣки?..

— Я нашелъ ту самую полянку, о которой говорилъ. Рѣка должна быть близко!..

Мы не пошли, а ринулись за Исаномъ, позабывъ и про тигровъ. Въ самомъ дѣлѣ вскорѣ мы выбрались на поляну. Здѣсь было еще немного свѣтлѣе и можно было кое-какъ еще разобрать опушку лѣса, вдоль которой мы продолжали бѣжать. Вдругъ Исанъ быстрымъ движеніемъ остановилъ насъ.

— Осторожнѣе, туанъ!

Мы остановились и тутъ только замѣтили, что стояли на самомъ берегу крутого обрыва: впереди насъ спокойно и безшумно текли плавныя воды Лематанга, а прямо подъ нашими ногами стоялъ ожидавшій насъ пароходикъ, туземная команда котораго отъ нечего дѣлать спокойно дремала, покуривая свои папироски!

VII.

Сингапуръ.

Географическое положеніе города.—Гавань.—Дивилизація.—Толпа въ Сингапурѣ.—Джиприкши.—Кофейня при Hôtel d'Europe.—Отъѣздъ.

Городъ Сингапуръ расположенъ на самой южной оконечности Азіи. Точнѣе сказать, онъ лежитъ уже не на оконечности Малаккского полуострова, а на маленькомъ островкѣ ¹⁾, составляющемъ

¹⁾ Тоже носящемъ названіе «Сингапуръ». Слово это означаетъ «Львиный городъ», указывая на то, что когда-то, вѣроятно, очень давно, водился здѣсь царь звѣрей.

какъ бы продолженіе полуострова. Достаточно бѣгло взглянуть на карту, чтобы понять всю выгодность географическаго положенія Сингапура.

Съ одной стороны, онъ лежитъ на прямомъ морскомъ пути изъ Европы на Дальній Востокъ (въ Китай, Японію, Сибирь), такъ что ни одинъ пароходъ, идущій на Востокъ, не можетъ его миновать. Съ другой стороны, Сингапуръ расположенъ географически по срединѣ богатаго Зондскаго архипелага и на ближайшемъ пути въ Австралію. Наконецъ, примыкая къ южной оконечности богатаго, хотя и мало разработаннаго Малаккскаго полуострова, Сингапуръ

Мостъ въ Сингапурѣ.

имѣть и со стороны материка шансы на развитіе. Уже строится желѣзная дорога отъ Сингапура до мѣстечка Югора, лежащаго собственно на Малаккскомъ полуостровѣ, верстахъ въ 30 къ сѣверу отъ Сингапура. Не подлежитъ сомнѣнію, что со временемъ дорога эта будетъ продолжена далѣе къ сѣверу и соединится съ рельсовыми путями Британской Индіи и Южнаго Китая.

Такимъ образомъ, по своему положенію Сингапуръ является узловымъ центромъ торговли и мѣстомъ остановки для большого числа пароходовъ.

Островъ Сингапуръ, вмѣстѣ съ прилежащей къ нему цѣпью маленькихъ островковъ, былъ приобрѣтенъ у югорскаго султана

въ 1819 году за небольшую сумму денегъ англійскимъ губернаторомъ сэромъ Стемфордомъ Раффлесомъ, который, замѣтивъ огромную выгодность географическаго положенія, немедленно утвердился въ Сингапурѣ, основавъ здѣсь англійскую колонію. Съ того времени Сингапуръ началъ быстро развиваться, а въ настоящее время городъ насчитываетъ уже болѣе 200,000 жителей¹⁾, изъ которыхъ 3,000 европейцевъ, являясь, такимъ образомъ, населеннѣе самыхъ крупныхъ городовъ Нидерландской Индіи—Батавіи и Сурабайи.

Говорятъ, что на пассажировъ, ѣдущихъ прямо изъ Европы, Сингапуръ не производитъ сильнаго впечатлѣнія, но на насъ, прибывшихъ сюда послѣ долгаго житія въ Палембангѣ, впечатлѣніе было огромное, чарующее.

Помню, мы подъѣзжали къ Сингапuru утромъ, при яркомъ солнечномъ блескѣ. Маленькій нашъ пароходикъ, шедшій прямо изъ Палембанга, все время держалъ курсъ на сѣверъ, пробираясь среди множества гористыхъ островковъ, большихъ и малыхъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ Сингапuru, тѣмъ чаще сгрудились островки. Наконецъ мы миновали ихъ и вошли въ широкую и открытую бухту Сингапура, защищенную отъ моря цѣлымъ кольцомъ острововъ. Насъ сразу поразила масса стоявшихъ здѣсь судовъ. Это были пароходы всѣхъ величинъ и національностей, начиная отъ громадныхъ военныхъ судовъ, крупныхъ грузовиковъ съ углемъ и колониальными товарами, наливныхъ пароходовъ съ керосиномъ изъ Суматры и Борнео, пассажирскихъ пароходовъ французскихъ²⁾, англійскихъ, нѣмецкихъ³⁾, русскихъ⁴⁾, австрійскихъ⁵⁾, японскихъ и другихъ, менѣе крупныхъ пароходовъ, голландскихъ и китайскихъ, каботажнаго плаванія, ходящихъ по портамъ Нидерландской Индіи, въ Сіамъ и Сайгонъ⁶⁾, и кончая баркасами всѣхъ флаговъ и величинъ, снующихъ туда и сюда по гавани и привозящихъ грузы и пассажировъ къ тому или иному морскому великану.

Какъ только мы бросили якорь на рейдѣ, но очень близко отъ берега, такъ что мы свободно могли любоваться на красивыя зданія и садики Сингапура, насъ обступила цѣлая ватага китайскихъ лодочниковъ, наперерывъ спѣшившихъ заманить насъ каждый въ свою трехугольную лодочку для доставленія насъ на берегъ.

Самый городъ произвелъ на насъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ его прелестная гавань. Мы очутились здѣсь среди пра-

¹⁾ Въ томъ числѣ 170,000 китайцевъ, 30,000 малайцевъ, 10,000 индусовъ и тамилловъ и болѣе 3,000 европейцевъ.

²⁾ О-ва Messageries Maritimes.

³⁾ О-ва Norddeutsche Loyd.

⁴⁾ Добровольнаго флота.

⁵⁾ Австрійскаго лойда.

⁶⁾ Французская колонія въ Индо-Китаѣ.

Индусскій храмъ въ Сингапурѣ.

вильно, европейски устроённыхъ улицъ, увидѣли европейскіе дома, конторы, магазины, банки, гостиницы, словомъ, все то, что вполнѣ напоминало намъ цивилизованныя страны. На улицахъ царилъ непрестанное оживленіе: экипажи, пѣшеходы, даже велосипедисты мелькали направо и налево. Поразило насъ также значительное количество всевозможныхъ складовъ, агентуръ, представительствъ

торговыхъ домовъ, страховыхъ и пароходныхъ агентствъ и пр.—чувствовалось, что именно торговля и дѣла составляютъ здѣсь преобладающее занятіе населенія.

И на самомъ дѣлѣ Сингапуръ дѣлаетъ огромные торговые обороты и живетъ исключительно торговлею: ввозомъ изъ Европы европейскихъ товаровъ въ порта Индіи, провозомъ товаровъ въ Австралію, Китай и Японію и вывозомъ продуктовъ колониальныхъ съ острововъ Зондскихъ, Молукскихъ и Филиппинскихъ въ Европу. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что самъ Сингапуръ лежитъ почти подъ экваторомъ ¹⁾ и обладаетъ вполне тропическимъ и влажнымъ климатомъ, благодаря чему растительность развѣтывается здѣсь со своею обычною тропическою роскошью. На многихъ улицахъ города, а также въ садахъ, окружающихъ нѣкоторыя виллы, преобладали различныя пальмы, кусты бамбука, гигантскія вѣрныя пальмы, хлѣбныя деревья, огромныя развѣсистыя тамаринды и другіе представители тропической флоры.

Но всѣ эти прелести Сингапура—его бойкая, бьющая ключомъ торговая жизнь, его почти европейское благоустройство и цивилизованность и его влажная тропическая природа, все это ничто по сравненію съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на путешественника живая, бѣгущая толпа, наполняющая улицы его. Вотъ уже именно здѣсь у мѣста были бы слова поэта:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!

Нашъ, уже свыкшіяся съ туземными лицами и костюмами глазъ различалъ среди этой пестрой толпы: малайцевъ съ ихъ приплюснутыми носами и хорошо знакомыми намъ костюмами; арабовъ, разгуливающихъ обыкновенно въ бѣлыхъ широкихъ одеждахъ, съ высокими тюрбанами на головѣ и съ черными энергичными глазами; китайцевъ, безусыхъ и безбородыхъ, въ черныхъ шароварахъ и кабайяхъ, съ висящими сзади косами, въ которыя бываетъ обыкновенно влетѣтъ цвѣтной шелковый шнурокъ; японцевъ и японокъ въ ихъ характерныхъ костюмахъ и съ ихъ характерными косыми глазами; бенгалезовъ, клингалезовъ и тамилловъ, т.-е. уроженцевъ различныхъ частей британской Индіи, огромнаго роста, красныхъ, нѣкоторыхъ съ почти бѣлымъ, другихъ съ темнымъ цвѣтомъ лица, черными волосами и прямымъ тонкимъ носомъ; сіамезовъ ²⁾ и аннамитовъ ³⁾, темнокожихъ, во многомъ сходныхъ съ малай-

¹⁾ Подъ 1°30' сѣверной широты.

²⁾ Туземцы изъ Сіама.

³⁾ Туземцы изъ французской колоніи Аннамъ съ глав. городомъ Сайгонъ.

цами. Среди всей этой толпы ходили, а больше разбѣзжали въ экипажахъ настоящіе европейцы (главнымъ образомъ нѣмцы и англичане) ¹⁾ въ своихъ бѣлыхъ накрахмаленныхъ костюмахъ съ бѣлыми же тропическими шляпами на головахъ и европейскія дамы въ совершенно европейскихъ свѣтлыхъ туалетахъ. Въ отличіе отъ Батавіи и вообще отъ Нидерландской Индіи въ Сингапурѣ, какъ и во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ, дамы одѣваются вполне по-европейски.

Но что всего болѣе насъ поразило среди этой интересной толпы, такъ это экипажи, везомые людьми—китайцами, такъ называемые джиприкши или просто рикши. Рикша это маленькая двухколесная колясочка, въ оглобли которой запряженъ китаецъ, исполняющій одновременно роль кучера и лошади. Костюмъ китайца-возницы состоитъ только изъ короткихъ синихъ брюкъ и... соломенной остроконечной шляпы. Такихъ рикшъ въ Китаѣ, Японіи и городахъ британскихъ колоній работаютъ сотни тысячъ. Въ одномъ Сингапурѣ число рикшъ превышаетъ 10 тысячъ. Ѣздить на нихъ по городу необычайно дешево и удобно, но когда смотришь на голое тѣло своего возницы, обливающегося потомъ, становится его жалко, а когда узнаешь, что большинство рикшъ кончаютъ свою жизнь чахоткою, то становится прямо-таки совѣстно пользоваться этимъ способомъ передвиженія, и къ чести Нидерландской Индіи надо отнести полное отсутствіе тамъ этого тяжелого труда. Какъ бы то ни было, но въ Сингапурѣ тысячи рикшъ снуютъ туда и сюда по городу и окрестностямъ, составляя любимый способъ передвиженія всѣхъ туземцевъ и даже многихъ полубѣлыхъ и бѣлыхъ.

Въ прекрасной гостиницѣ «Hôtel d'Europe», гдѣ мы прожили болѣе недѣли, есть кофейня съ открытымъ балкономъ, выходящимъ на лучшую улицу города. Часто просиживали мы тутъ цѣлыми часами, любуясь на пеструю уличную толпу съ ея снующими рикшами, изящными экипажами богатыхъ европейцевъ въ англійской упряжи, съ безчисленными пѣшеходами всѣхъ типовъ и оттѣнковъ Востока, съ шныряющими полуголыми продавцами раковинъ, коралловъ, почтовыхъ марокъ, вѣровъ и т. д.

Особенно оживлялась картина ежедневно съ 5 ч. дня, когда европейское мужское населеніе запирало всѣ свои магазины, склады и конторы и спѣшило на просторную лужайку ²⁾, расположенную какъ разъ противъ нашей кофейни, гдѣ, переодѣвшись въ легкіе спортивные костюмы, англичане съ увлеченіемъ и азартомъ преда-

¹⁾ Хотя въ Сингапурѣ находятся уроженцы рѣшительно всѣхъ европейскихъ странъ, что тоже увеличиваетъ разнообразіе и разноязычіе толпы.

²⁾ Называемая esplanade.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1909 г., т. сxviii.

вались игрѣ въ футболъ и лаунъ-теннисъ. Въ послѣдней игрѣ иногда принимали участіе и дамы. Кругомъ стояла и любовалась на нихъ уличная толпа зѣвакъ, а рядомъ по аллеямъ тихо двигалась блестящая вереница экипажей съ разряженными дамами и дѣтьми!..

Но не долго длилось это развлеченіе.

Ежедневно ровно въ шесть часовъ блестящее солнце, вѣрное традиціямъ тропической жизни, плавно скрывало свой ликъ въ море; вслѣдъ за этимъ быстро наступала тьма, и спортсмены спѣшили въ свои экипажи и разѣзжались по своимъ виламъ, гдѣ подавался обѣдъ и начиналась жизнь внутренняя, семейная. А улицы между тѣмъ быстро пустѣли, и городъ замиралъ...

Какъ ни пріятно и интересно было намъ провести нѣсколько дней въ Сингапурѣ, но все же мы ощущали настойчивую потребность пуститься въ дальнѣйшій путь на далекую родину.

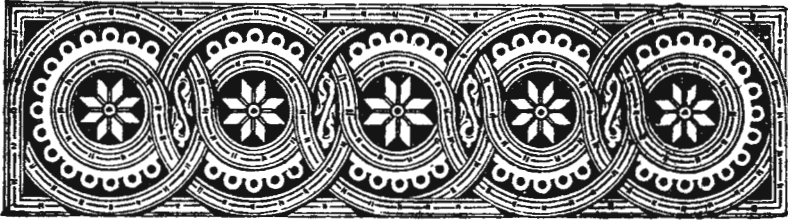
Посреди самага Сингапура на холмѣ помѣщается высокая мачта, на которой опусканіемъ и поднятіемъ флаговъ и значковъ морская администрація оповѣщаетъ жителей о приближеніи и отходѣ каждаго парохода.

Въ одно прекрасное утро со стороны востока мы увидали развѣвающійся на этой мачтѣ русскій флагъ. Это означало, что русскій пароходъ, на которомъ мы должны были итти въ Одессу, приближался къ Сингапуру со стороны востока.

Еще нѣсколько лихорадочно проведенныхъ часовъ, пока мы успѣли уложить чемоданы, распроститься съ нашей гостиницей и доѣхать до пристани, и вотъ уже пароходъ Добровольнаго флота «Казань» съ его симпатичными капитаномъ и офицерами и милыми намъ русскими лицами матросовъ принялъ насъ, отъ нетерпѣнія трепещущихъ, въ свои гостепріимныя нѣдра! Съ этого момента мы уже считали себя дома.

А. В. Рагозинъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Первое пятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича.

I.

ВЪ ДЕКАБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1905 годъ мы посвятили особую статью ввѣдному тому къ обширному труду о царствованіи императора Николая Павловича, надъ которымъ берлинскій профессоръ Шиманъ работаетъ уже десять лѣтъ.

При обстоятельномъ знакомствѣ съ русскою спеціальною литературою, почтенный нѣмецкій историкъ использовалъ матеріалы берлинскаго, дрезденскаго, вѣнскаго и парижскаго архивовъ. Такъ какъ извлеченія изъ наиболее любопытныхъ документовъ авторомъ передаются *in extenso* въ приложеніи къ его капитальному труду, то это придаетъ послѣднему документальную цѣнность.

Первый томъ исторіи Россіи въ царствованіе императора Николая I очерчиваетъ обстоятельства и обстановку, при которыхъ развивался великій князь, и объясняетъ, насколько тяжело было наслѣдіе, перешедшее къ нему отъ императора Александра Павловича, благодаря многочисленнымъ злоупотребленіямъ и политическимъ ошибкамъ, допущеннымъ въ предшествовавшее царствованіе.

Второй томъ царствованія Николая обнимаетъ эпоху отъ смерти Александра Благословеннаго до іюльской революціи. Что крат-

кій пятилѣтній періодъ времени далъ автору въ изобиліи матеріалъ для цѣлаго тома убористой печати свыше чѣмъ въ 500 страницъ—вполнѣ понятно: это были именно тѣ годы, когда окончательно слагался характеръ Николая, который приведенъ былъ на царственное поприще сдѣлленіемъ неожиданныхъ случайностей и далеко не былъ подготовленъ къ занятію престола. Въ эту именно эпоху молодой самодержецъ окончателно выковалъ для своего обихода броню принциповъ, которые настолько опредѣлили дальнѣйшіе его поступки и дѣянія, что по всѣмъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики позволяли безошибочно предугадывать, какіе и когда онъ избересть пути.

Объ этомъ многознаменательномъ времени, однакоже, друзья и враги, почитатели и хулители царствованія нагромоздили рядъ легендъ, которыя совершенно затемняютъ историческую дѣйствительность. Поэтому профессору Шиману представлялось необходимымъ возсоздать заново весь обзоръ тогдашнихъ событій. Какъ прославленная борьба великодушія между царственными братьями Константиномъ и Николаемъ, такъ развитіе и оцѣнка трагедіи, связываемой съ именемъ декабристовъ, а равно рожденіе польскаго и восточнаго вопросовъ, требовали на каждомъ шагѣ провѣрки, многочисленныхъ исправленій и отчетливаго сопоставленія политическихъ и военныхъ фактовъ, которые обосновали весь строй «николаевщины».

Равнымъ образомъ, Шиманъ считаетъ интереснымъ съ особенною подробностью останавливаться на событіяхъ внутренней жизни Россіи за разсматриваемую эпоху, насколько то позволили свѣдѣнія, тѣмъ болѣе скудныя, что политической русской литературы, которая бы проливала свѣтъ на тогдашнія событія и внутреннюю политику царствованія, въ данную эпоху почти не существовало, и публицистическіе таланты, въ родѣ Чаадаева, Надеждина или Полевого, пытавшіеся пробиться наружу, погибали подъ гнетомъ цензуры, столь же беспощадной, какъ и безсмысленной.

Били въ глаза преимущественно внѣшніе успѣхи, слухи, принципы и обожествленіе политики, непоколебимой въ своей послѣдовательности. Князь Бисмаркъ, въ своей рѣчи 22-го апрѣля 1887 года, сдѣлалъ мѣткую оговорку: «Послѣдовательность для политическаго и государственнаго дѣятеля тѣмъ легче, чѣмъ меньше онъ вообще имѣетъ политическихъ мыслей. Разъ онъ поситяся съ какою-нибудь единственною мыслью, то проведеніе ея становится уже дѣтскою игрою, но, съ другой стороны, постоянно возвращаясь все къ одной и той же мысли, такой дѣятель и поступать можетъ болѣе послѣдовательно».

Это изреченіе можно бы поставить эпитафіемъ къ исторіи царствованія Николая I.

Послѣдовательнымъ государь Николай Павловичъ оставался неизмѣнно, но эта послѣдовательность и послужила къ обостренію зла, которымъ Россія болѣетъ понынѣ, задавивъ зародыши здороваго развитія, расцвѣтъ котораго составилъ бы для русскаго народа истинное счастье.

То, чего императоръ стремился достигнуть внутреннею политикою «порядка», онъ не добился. То же, чего онъ достигъ, сводилось къ видимости внѣшняго благополучія. Во внѣшней политикѣ провозглашалось стремленіе къ охраненію договоровъ, въ дѣйствительности же политика Николая приводила только къ застою, а образованію формъ политической жизни, какихъ требовала тогдашняя современность, ставились безпощадно искусственныя преграды.

Но въ обоихъ направленіяхъ Николай до самой кончины сумѣлъ остаться послѣдовательнѣйшимъ изъ неограниченныхъ деспотовъ.

Когда Николай I вступалъ на престолъ, были еще живы идеи, съ которыми увлекавшійся возвышенными замыслами братъ его носился почти вплоть до 1820 года; не вымерло еще и честолюбіе, какое императрица Екатерина II умѣла влить въ души своимъ политическимъ и военнымъ сподвижникамъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе прятались блестящія способности, уступая мѣсто болѣе удобнымъ покладливымъ посредственностямъ, и надъ всѣмъ брала преобладаніе мертвящая рутина. По истеченіи первыхъ же пяти лѣтъ царствованія Николая этотъ процессъ умственного оцѣпенѣнія или омертвѣнія уже охватилъ большую часть русскаго общества. Всеобщій упадокъ умственной жизни и крушеніе идеалистическихъ стремленій рѣзко отличаетъ николаевскую эпоху. Подъемъ мистически-религіозныхъ порывовъ, составлявшій характерную особенность заката жизни Александра, падаетъ почти безслѣдно и въ «общество» начинаетъ проникать практическій матеріализмъ. Общество, т.-е. дворъ, гвардія и бюрократія, какъ и прежде, не прочь было покритиковать правительство, но никогда не дерзало противорѣчить государю. Его особа являлась всему средоточіемъ, и исходившія отъ него внушенія были настолько непреодолимы, что даже и мало дисциплинированныя натуры, въ родѣ Пушкина, въ концѣ концовъ подпадали имъ безвольно. Единственная личность, которая до взрыва польскаго возстанія еще сохраняла самостоятельность на ряду съ всевластнымъ императоромъ,—впрочемъ, далеко не на благо государству,—былъ его братъ Константинъ; всѣ остальные дѣятели являлись нѣмотствующими и послушными орудіями самодержавной воли и власть свою дерзали проявлять только книзу, гдѣ оказывался свободный просторъ для ихъ почти безграничнаго произвола.

Какъ ни пригнеталось общественное мнѣніе, все же для исторіи Николая огромный, но разрозненный фактическій сырой матеріалъ разсѣянъ въ повременной русской печати. Что касается

цѣльнаго изложенія біографіи Николая, то тутъ особеннаго вниманія заслуживаетъ трудъ генерала Шильдера, къ сожалѣнію, не оконченный; основанъ этотъ трудъ на чрезвычайно добросовѣстномъ изученіи русскихъ архивовъ и русской литературы; въ отношеніи хронологіи и точности передачи фактовъ онъ безупреченъ, но, благодаря недостаточно широкой научно-академической подготовкѣ, Шильдеръ—по профессіи военный инженеръ—занимался исторіею по-дилетантски и далеко не всегда принималъ въ соображеніе правильныя перспективы и политическую связь между событіями, но, во всякомъ случаѣ, начинанія Шильдера чрезвычайно цѣнны; онъ трудолюбиво перекопалъ всю почву, и каждый послѣдующій на ней сѣятель помянетъ историка-инженера добромъ.

I.

Предпринимая послѣднюю свою поѣздку на югъ, императоръ Александръ Павловичъ управление государствомъ ввѣрилъ попеченію комитета министровъ, какъ это практиковалось съ 1805 года, но этому высшему правительственному учрежденію въ 1825 году на самомъ дѣлѣ поручалась только кажущаяся власть, всѣ же важныя дѣла пересылались на усмотрѣніе къ графу Аракчееву въ Грузино—онъ самостоятельно клалъ по всѣмъ текущимъ дѣламъ резолюціи, которыми комитетъ министровъ обязательно и руководствовался. Единственно дѣла внѣшней политики, которыми до конца своихъ дней руководилъ государь самолично, были изъяты изъ этого распорядка. Но не прошло и двухъ недѣль послѣ отъѣзда государя, какъ въ Грузинѣ была убита любовница Аракчеева Минкина, и всесильный фаворитъ впалъ въ такое безутѣшное горе и озлобленіе, что прекратилъ всякую дѣятельность, а распоряженіе дѣлами бросилъ на произволъ людей, которые не имѣли ни авторитета, ни мужества принять навалившуюся на нихъ отвѣтственность. Государственная машина продолжала механически работать, но всѣ важнѣйшія дѣла пріостановились, такъ какъ управлявшій канцеляріею гражданскихъ дѣлъ, находившихся въ вѣдѣніи Аракчеева, статсъ-секретарь Вас. Наз. Муравьевъ не дерзалъ по текущимъ дѣламъ дѣлать Аракчееву ни письменныхъ представленій, ни личныхъ докладовъ. Предсѣдательствованіе въ комитетѣ министровъ принадлежало князю П. В. Лопухину, но онъ былъ 72-лѣтній, глухой старикъ, котораго бремя лѣтъ и житейскій опытъ лишили всякой живости почина. Изъ министровъ крупныя дарованія и бодрость проявляли только 51-лѣтній Канкринъ, но онъ и Нессельроде были самыя младшіе и не пользовались вліяніемъ въ почтенномъ собраніи усталыхъ старцевъ. Татищеву, достигшему, благодаря интригамъ Аракчеева, положенія военнаго министра, было 62 года; морской министръ маркизь Траверсе, перешедшій въ 1791 году въ русскую

службу изъ французскаго флота, въ чинѣ контръ-адмирала, какъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, являли собою полное ничтожество; начальнику морскаго штаба Моллеру было 61 годъ отъ рожденія, министру юстиціи князю Д. И. Лобанову-Ростовскому 73 года, министру народнаго просвѣщенія Шишкову 71 годъ; предсѣдательствовавшій въ департаментахъ государственнаго совѣта Я. И. Лобановъ-Ростовскій, 65 лѣтъ, замѣщавшій Лопухина въ его отсутствіе, и князь А. Б. Куракинъ, 63 лѣтъ, тоже не представляли собою ничего выдающагося. Всѣ они, временно отдѣлавшись отъ аракеевскаго гнета, чувствовали себя словно школьники, отдѣлавшіеся отъ ферулы строгаго наставника.

Изъ членовъ императорской фамиліи никто участія въ управленіи государствомъ не принималъ: цесаревичъ Константинъ, только что вернувшійся изъ продолжительнаго путешествія за границу, думалъ только о дѣлахъ излюбленной имъ Польши и Литвы; императрица-мать управляла воспитательными женскими заведеніями, интересовалась исключительно внѣшнею стороною своего высокаго положенія и посвящала всѣ свои досуги изумительно обширной перепискѣ; ни у кого она особеннымъ расположеніемъ не пользовалась, народу была почти неизвѣстна и, конечно, не имѣла никакого соприкосновенія къ тогдашнимъ умственнымъ и политическимъ вѣяніямъ въ Россіи. Несмотря на крупное содержаніе, получаемое изъ казны, императрица-мать вѣчно нуждалась въ деньгахъ и привыкла къ тому, что ея нужды безпрекословно удовлетворялись Александромъ Павловичемъ. Вліяніемъ, въ широкомъ смыслѣ, ни у кого изъ близкихъ ей Марія Феодоровна не пользовалась. Несмотря на показную почительность, съ какою къ императрицѣ-матери относились въ кругу семьи и которой она требовала, ея наивный эгоизмъ и равнодушіе ко всему вселяли даже въ сыновей смущеніе и недоумѣніе. Въ критическія минуты она неизмѣнно утрачивала самообладаніе, что лишало ее всякой возможности когда-либо сыграть рѣшающую роль. Точно также нерѣдко удручала она окружающихъ отсутствіемъ мѣры, съ которымъ отдавалась во власть минутныхъ впечатлѣній, а тамъ, гдѣ дѣло доходило до проявленія искренняго чувства, она оказывалась безсильною подавить прирожденную и широко развившуюся, подъ вліяніемъ сложныхъ обстоятельствъ ея жизни, склонность къ показной театральности.

Еще ничтожнѣе было вліяніе великихъ князей Николая и Михаила—оба они любили только военное дѣло и исключительно ему только и отдавались. Великій князь Николай командовалъ второю гвардейскою пѣхотною дивизіею, въ составѣ Измайловскаго, Павловскаго, Лейбъ-Егерскаго и Финляндскаго полковъ и гвардейскаго сапернаго батальона, и не только не пользовался у подчиненныхъ ему полковъ любовью, но былъ почти ненавидимъ за мелочной и придирчивый формализмъ и нетерпимость.

Къ этимъ недостаткамъ брата императоръ Александръ относился скорѣе снисходительно, чѣмъ неодобрительно. Государь вообще не любилъ, когда начальствующіе пользовались популярностью у подчиненныхъ, не допускалъ въ этомъ отношеніи исключенія и для братьевъ, а тѣ, въ свою очередь, всегда старались потакать слабостямъ Александра—въ этомъ отношеніи среди тогдашнихъ членовъ императорской фамиліи царила образцовая выдержка. Не извѣстно случая, чтобы Александръ когда-либо натолкнулся на сопротивленіе у своихъ братьевъ. Даже своевольный, остроумный и проникнутый самодовольствомъ Константинъ неизмѣнно и безпрекословно подчинялся старшему брату.

Великій князь Николай, если бы у него и явилось желаніе самовольничать, не могъ бы принять дѣятельнаго участія въ занятіяхъ государственными дѣлами по той причинѣ, что не зналъ Россіи и вовсе не былъ ознакомленъ съ крупными политическими интересами. Даже о функціяхъ и кругѣ вѣдомства высшихъ государственныхъ установленій и взаимномъ ихъ соотношеніи Николай Павловичъ имѣлъ далеко не неточныя и отрывочныя представленія, и, хотя впослѣдствіи проявлялъ стремленіе къ справедливости, ему остались чуждыми всѣ правовыя понятія.

Мысль о чемъ-либо правѣ у Николая не вязалась съ представленіями о неограниченномъ царскомъ самодержавіи, а такъ какъ императоръ Александръ, отъѣзжая въ Таганрогъ, не поставилъ ему никакихъ иныхъ заданій, кромѣ обычнаго выполненія службы, то Николаю и въ мысль не могло прійти за отсутствіемъ брата разгравать политическую роль.

То же, но въ еще сильнѣйшей степени, можно было сказать и о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ съ тою лишь прибавкою, что военный педантизмъ у него умѣрялся юморомъ и порывами добродушной любезности. Идеаломъ для Михаила былъ братъ Константинъ, къ которому онъ питалъ какое-то восторженное почтеніе. На время отъѣзда государя великій князь Михаилъ испросилъ разрѣшеніе съѣздить въ Варшаву для свиданія съ Константиномъ Павловичемъ, и въ критическую недѣлю, предшествовавшую кончинѣ Александра, отсутствовалъ изъ Петербурга.

Такимъ образомъ, съ того момента, какъ личное горе удалило Аракчеева съ политической сцены, на ряду съ княземъ Лопухинымъ, представлявшимъ интересы комитета министровъ, въ Петербургѣ оказались всего три лица, въ чьихъ рукахъ сосредоточивалась вся власть,—то были: военный генераль-губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ, начальникъ гвардейскаго корпуса генераль А. Л. Воиновъ и дежурный генераль Л. Н. Потаповъ ¹⁾.

¹⁾ На дежурномъ генералѣ лежало завѣдываніе всю инспекторскою частью въ военномъ министерствѣ и отдача приказовъ.

Воиновъ (котораго Николай въ письмѣ къ Константину квалифицировалъ *le triste mais bon diable*) и Потаповъ были слишкомъ незначительны, чтобы за предѣлами прямого служебнаго положенія играть руководящую роль; фактически они были подчинены графу Милорадовичу, и можно утверждать, что рѣшающую роль во всей декабрьской трагедіи сыгралъ только этотъ послѣдній. Милорадовичъ въ значительной степени запуталъ вопросъ о престолонаслѣдіи, и на него же падаетъ отвѣтственность, если вообще разыгралась вся вспышка 14 декабря.

М. А. Милорадовичъ принадлежалъ къ поколѣнію, которое рѣшающія всю жизнь впечатлѣнія вынесло изъ блестящаго царствованія Екатерины.

Ему было уже 25 лѣтъ, когда скончалась Екатерина. Свѣтское воспитаніе Милорадовичъ получилъ въ петербургскихъ салонахъ, а далеко не поверхностныя научныя знанія вынесъ изъ кѣнигсбергскаго и гёттингенскаго университетовъ, спеціальныя же познанія въ военномъ дѣлѣ почерпнулъ въ Страсбургѣ и Мецѣ. Красавецъ, одаренный незаурядными талантами, могучій, здоровый, большой прожигатель жизни, Милорадовичъ переходилъ отъ успѣха къ успѣху. Онъ былъ участникомъ суворовскихъ походовъ въ Италіи и Швейцаріи, командуя Апшеронскимъ мушкатерскимъ полкомъ; въ царствованіе Александра воевалъ въ Турціи, неизмѣнно сопровождаемый счастьемъ и удачею, и 38 лѣтъ отъ роду состоялъ уже въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи. Его беззавѣтная отвага не признавала никакой опасности, а легкомысліе никогда не могло удержать отъ самыхъ рискованныхъ приключеній. Славу и популярность Милорадовичъ окончательно снискалъ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Состоя кіевскимъ генералъ-губернаторомъ во время вступленія французской арміи въ Россію, онъ съ большою быстротою успѣлъ сформировать резервныя войска. Послѣ Бородинскаго боя Милорадовичъ попеременно командовалъ то авангардомъ, то аріергардомъ русской арміи. Самые блестящіе его подвиги разыгрались во время военныхъ дѣйствій въ Германіи въ 1813 г. и во Франціи въ 1814 г. Сраженіе при Лейпцигѣ доставило Милорадовичу орденъ Андрея Первозваннаго, а заключеніе мира графскій титулъ. По возвращеніи въ Россію, Милорадовичъ былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго корпуса, а затѣмъ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Въ отношеніи старшинства онъ занималъ мѣсто непосредственно за главнокомандующими сѣверной и южной арміи, Сакеномъ и Витгенштейномъ, да еще Аракчеевымъ. Несомнѣнно, положеніе графа Милорадовича было изъ очень пріятныхъ и вполне отвѣчало его наклонностямъ. Онъ властвовалъ надъ столицею и всѣми расположенными въ ней войсками, и не было такой отрасли городского управленія, которая бы непосредственно или косвенно не пахотилась въ зависимости отъ него. Облеченный огромною

властью. Милорадовичъ далеко не пользовался ею широко—для этого онъ былъ слишкомъ безпеченъ и даже въ пору старости слишкомъ любилъ услады жизни. Честолюбіе не влекло его вовсе къ напряженной дѣятельности, за проявленіе своей власти онъ не цѣплялся и удовлетворялся теоретическимъ на нее правомъ и видимостью. Его добродушіе и личная предупредительность исключали всякую энергическую и безпощадную притязательность, а въ довершеніе всего онъ былъ далеко не сердцеѣдцемъ. Искатели приключеній и остроумныя ничтожества легко находили доступъ къ Милорадовичу, да и самъ «русскій Баярдъ», какъ его прозвали почитатели, имѣлъ отчасти наклонность къ фанфаронству. Онъ любилъ поражать громкими словами, сорилъ деньгами, постоянно находился въ денежныхъ затрудненіяхъ и наивно удивлялся, какъ можно жить, не дѣлая долговъ. Государь Александръ Павловичъ не разъ выплачивалъ за Милорадовича долги и никогда не могъ долго на него гнѣваться, зная его беззавѣтную преданность своей особѣ. Императоръ спускалъ Милорадовичу многое, чего не потерпѣлъ бы въ другихъ. Въ похвалу Милорадовичу нельзя не отмѣтить, что онъ никогда и нисколько не подлаживался къ мистическимъ и реакціоннымъ слабостямъ Александра въ концѣ его царствованія и не скрывалъ ни своего либерализма, ни свободомыслія¹⁾. Отважный воинъ, популярный весельчакъ, не признававшій никакихъ заботъ и обязанностей, которыя бы могли мѣшать ему наслаждаться жизнью, какъ то ему нравилось, ужъ, конечно, графъ Милорадовичъ явился далеко не подходящею личностью для замѣны того стѣнбитнаго орудія, какимъ обладалъ Александръ въ особѣ Аракчеева. Когда политическая воля грузинскаго тирана внезапно изсякла и необходимость момента фактически перемѣстила въ руки Милорадовича рѣшающее значеніе, можно было предугадать, что вліянія онъ сумѣетъ достигнуть большого, но будетъ оказываться несостоятельнымъ вездѣ, гдѣ предпосылкою успѣха служить добросовѣстный трудъ и надежное знаніе людей. Если Милорадовичъ неизмѣнно готовъ былъ рисковать своею особою, что и повело къ его трагической кончинѣ, то, разумѣется, не могъ онъ пожертвовать большимъ, чѣмъ содержала личная его индивидуальность, а этого въ роковой моментъ декабрьской вспышки оказалось слишкомъ недостаточно.

Такимъ образомъ, когда Россія безвременно лишилась государя, политическія роли оказались распредѣленными столь неблагопріятно, какъ только возможно, и въ виду наличности взрывчатого

¹⁾ Въ 18 9 г. Милорадовичъ рѣшился даже выступить предъ государемъ съ запискою съ обличеніями злоупотребленій, сопровождавшихъ продажу крестьянъ на сводь. Онъ доказывалъ, что вѣрностныхъ крестьянъ слѣдуетъ продавать не иначе, какъ вмѣстѣ съ землею, къ которой они прикрѣплены. Такъ же откровенно высказывался Милорадовичъ и противъ польской политики Александра.

элемента было бы удивительно, если бы переходъ къ новому строю и новой системѣ управленія совершился безъ потрясеній.

Первое извѣстіе о нездоровьи императора отъ 5 (17) ноября дошло до императрицы-матери 17 (29) ноября въ видѣ письма отъ самого Александра, жаловавшагося на недомоганіе. 22 ноября въ Петербургъ пришло подробное донесеніе отъ лейбъ-медика Вилье, описывавшаго ходъ болѣзни государя съ 4 по 12 ноября. Желудочно-желчная лихорадка сопровождалась, по мнѣнію Вилье, осложненіями, внушавшими ему опасенія. Хотя эта вѣсть и встревожила Марію Теодоровну, вообще, какъ мы уже говорили, легко впадавшую въ волненія, великій князь Николай особенно не смущался. Дворъ переживалъ инныя заботы, и, когда принцъ Евгений Вюртембергскій прибылъ въ ночь на 21 ноября въ столицу, графъ Милорадовичъ встрѣтилъ его фразою: «Allons, Monseigneur, Constantinople vous attend»: всѣ злободневныя интересы сосредоточивались около предположеній о новой войнѣ съ Турціею. 25 ноября пришли, однакоже, вѣсти, подтвердившія опасенія Вилье, отъ князя Волконскаго и отъ барона Дибича, сопровождавшаго государя въ качествѣ начальника генеральнаго штаба: силы Александра видимо падали, онъ уже пріобшился Святыхъ Тайнъ, и надежды на выздоровленіе почти не оставалось.

Одно изъ писемъ Дибича на имя генераль-губернатора, полученное Милорадовичемъ въ присутствіи Воинова, Потапова и генерала Нейдгарта, вызвало оживленный обмѣнъ мыслей, къ которому былъ привлеченъ и князь Лошухинъ; послѣ совѣщанія этого рѣшено было тревожную вѣсть пока въ публикѣ не объявлять. Затѣмъ Милорадовичъ отправился въ 6 час. вечера въ Аничковскій дворецъ къ великому князю Николаю Павловичу съ письмами Дибича и Волконскаго. Предъ великимъ княземъ предсталъ тутъ же вопросъ, какъ поступить въ вѣроятномъ случаѣ прибытія слѣдующаго курьера съ вѣстью о кончинѣ императора. Повидимому, вопросъ о престолонаслѣдіи еще не затрогивался, но заботы сосредоточились на подготовленіи императрицы-матери къ роковому удару. Часа три спустя, уже въ Зимнемъ дворцѣ, когда Марію Теодоровну подготовили къ кончинѣ императора Александра и всѣ нѣсколько успокоились, былъ поднятъ вопросъ о состоявшемся отреченіи Константина отъ престола и завѣщаніи Александра, передававшимъ права на престолъ Николаю. Съ одобренія императрицы-матери великій князь Николай Павловичъ заговорилъ о распоряженіяхъ, какія надлежитъ предпринять по случаю предстоящаго его вступленія на престолъ.

Въ началѣ великому князю Николаю Павловичу его положеніе представлялось совершенно яснымъ.

Въ воспоминаніяхъ генерала графа фонъ-Толля о декабрьскомъ возмущеніи, напечатанныхъ на правахъ рукописи, передается, со словъ

великаго князя Михаила Павловича, совершенно категорически, что когда императоръ Александръ освѣдомилъ Николая Павловича о подписаніи цесаревичемъ Константиномъ манифеста объ отреченіи отъ престола и составленномъ по этому же поводу Александромъ завѣщаніи, то «его высочество настоятельно просилъ уничтожить это духовное завѣщаніе, такъ какъ по естественному праву право на корону можетъ принадлежать только его брату Константину; императоръ на эти слова не обратилъ никакого вниманія и выразилъ свою волю немедленно же опубликовать манифестъ и провозгласить Николая наслѣдникомъ престола. Только вслѣдствіе настоятельныхъ и неоднократныхъ просьбъ Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны согласился государь измѣнить свою волю въ томъ смыслѣ, чтобы манифестъ былъ приведенъ въ исполненіе только по его смерти».

При такихъ условіяхъ Николаю Павловичу казалось, что вопросъ о престолонаслѣдіи выясненъ и давно уже порѣшенъ вполне. Но тутъ Милорадовичъ выступилъ съ необъяснимымъ и непрошенымъ вмѣшательствомъ. Онъ на рѣшеніе великаго князя Николая представилъ рядъ возраженій. Онъ указалъ великому князю на существующіе законы, установленные императоромъ Павломъ относительно порядка престолонаслѣдія, они-де никакого иного преемства власти помимо цесаревича Константина не допускаютъ. Завѣщаніе Александра никогда огласки не получало и знали о немъ лишь немногіе, а, кромѣ того, выраженіе завѣщательной воли Александромъ по существу не можетъ отмѣнить существующаго основного закона. Почему Милорадовичъ опорочивалъ завѣщаніе Александра и умалчивалъ о торжественномъ отреченіи отъ престола, закрѣпленномъ великимъ княземъ Константиномъ на письмѣ, когда именно въ этомъ документѣ и заключалась вся юридическая сила отреченія,—совершенно непонятно.

Съ другой стороны, Милорадовичъ обратилъ вниманіе великаго князя и на то обстоятельство, что среди гвардіи онъ расположенъ далеко не пользуется—ни армія, ни народъ не поймутъ будто бы заглазнаго отреченія Константина и заподозрять, пожалуй, великаго князя въ насильственномъ переворотѣ въ отсутствіе изъ столицы государя и законнаго по немъ преемника престола. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію Милорадовича, возможно было опасаться, что гвардія откажется отъ принесенія присяги Николаю и если не произойдетъ возстанія, то возникнутъ безпорядки. Поэтому Милорадовичъ высказывался въ такомъ смыслѣ, что разъ придетъ вѣсть о кончинѣ Александра, то Константинъ, въ качествѣ законнаго наслѣдника престола, и долженъ быть провозглашенъ императоромъ и ему же должна быть принесена присяга, а ужъ потомъ, когда императоръ Константинъ по доброй волѣ и публично откажется отъ короны, имѣетъ состояться вполне законно вступленіе на пре-

столь Николая безъ опасенія какихъ-либо дальнѣйшихъ осложненій и потрясеній. На великаго князя Николая Павловича доводы Милорадовича произвели глубокое впечатлѣніе, такъ какъ въ сущности соотвѣтствовали и его желаніямъ. Онъ прекрасно сознавалъ, что войска его недолюбливаютъ, а съ гвардіею нельзя было не считаться. Разъ Константинъ былъ бы провозглашенъ императоромъ и прибылъ бы въ столицу самолично, чтобы торжественно отречься отъ короны въ пользу его, Николая, конечно, всѣ затрудненія устранились бы сами собою. Поэтому, отнюдь не настаивая на первоначальномъ своемъ предположеніи, великій князь Николай объявилъ, что онъ первый принесетъ присягу Константину, и приказалъ, по полученіи извѣстія о кончинѣ Александра, привести къ такой же присягѣ и войска.

26 ноября изъ Таганрога пришли болѣе успокоительныя извѣстія, такъ что были отслужены даже благодарственныя молебствія, и хотя 26-го вечеромъ, т.-е. въ тотъ же день, было получено донесеніе отъ Виле отъ 16 ноября, извѣщавшее, что 16-го государь близился къ агоніи, значенія этому не придали, такъ какъ раньше дошли извѣстія отъ 17 ноября, будто въ состояніи августѣйшаго больного наступилъ переломъ къ лучшему. Только 27 ноября, утромъ, въ 7 часовъ, пришла вѣсть о кончинѣ императора; Милорадовичъ тотчасъ же распорядился заготовленіемъ присяжныхъ листовъ и рассылкою соотвѣтствующихъ повѣстоковъ въ сенатъ, государственный совѣтъ и всему генералитету. Въ 11 час. 50 мин. утра роковыя извѣстія, полученныя отъ императрицы Елизаветы, Волконскаго и Дибича, были уже переданы великому князю Николаю Павловичу.

По разсказу принца Евгенія Вюртембергскаго, Марія Феодоровна, великій князь Николай съ супругой и самъ принцъ въ это время собрались въ дворцовой церкви для присутствованія на благодарственнымъ молебствіи, но когда у стеклянныхъ дверей появился Милорадовичъ и сдѣлалъ знакъ принцу, тотъ притронулся къ Николаю Павловичу, послѣдній обернулся и, увидавъ Милорадовича, потихоньку вышелъ въ кабинетъ императрицы. За нимъ послѣдовалъ и принцъ. Въ кабинетѣ принцъ Евгенийъ засталъ, кромѣ великаго князя, Милорадовича и фельдъегеря, еще лейбъ-медика Рюля и секретаря императрицы-матери Вилламова. Николай Павловичъ сначала растерялся, но быстро оправился и пошелъ вслѣдъ за Рюлемъ, которому поручилъ подготовить императрицу къ роковому извѣстію. По знаку, поданному великимъ княземъ, начавшееся молебствіе было пріостановлено, императрица-мать тотчасъ же поняла, въ чемъ дѣло, увидавъ великаго князя съ разстроеннымъ лицомъ. Она тутъ же упала въ обморокъ, а когда начала приходитъ въ себя, ее увели во внутренніе апартаменты. Великій князь, вмѣстѣ съ принцемъ Евгениемъ и всѣми присутствовавшими, перешелъ

на другую половину дворца и въ другой церкви послѣ отслуженной панихиды первый присягнулъ Константину и вписалъ свое имя на присяжномъ листѣ; велѣдъ за нимъ подписался принцъ Евгений и всѣ присутствовавшіе. Къ ротѣ преображенцевъ, занимавшей внутренніе караулы, великій князь обратился самолично и, объявивъ о кончинѣ императора, приказалъ принести присягу императору Константину, что тутъ же было исполнено безпрекословно. Затѣмъ великій князь приказалъ Потапову привести къ присягѣ прочіе дворцовые караулы, генералу же Нейдарту ѣхать въ Александроневскую лавру, гдѣ было назначено генералитету съѣзжаться на молебствіе, и чрезъ генерала Воинова распорядиться привести къ присягѣ гвардейскіе полки. Такое же распоряженіе было отдано по всѣмъ армейскимъ частямъ, и въ 3^{1/2} часа всѣ уже войска присягнули императору Константину.

Такимъ образомъ, фактически съ чрезмѣрною и совершенно излишнею поспѣшностью было приведено въ исполненіе рѣшеніе о престолонаслѣдіи, которое и повлекло за собою всѣ дальнѣйшія осложненія. Въ сущности ни Милорадовичъ, ни великій князь юридически не имѣли права отдавать приказаній о приведеніи войскъ къ присягѣ Константину. Починъ въ этомъ дѣлѣ всецѣло принадлежалъ лишь высшимъ государственнымъ установленіямъ: государственному совѣту, сенату и синоду—въ ихъ архивахъ хранились копии съ завѣщанія Александра I и отреченія Константина съ собственноручною помѣтою императора, гласившей, что при извѣстіи о его кончинѣ прежде, чѣмъ приступать къ инымъ дѣйствіямъ, надлежитъ произвести вскрытіе пакетовъ. Но ни министр юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій, ни оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода князь Мещерскій не рѣшились выполнить то, къ чему ихъ обязывалъ служебный долгъ.

Весьма характерно и то, что когда государственный совѣтъ, собравшись въ Зимнемъ дворцѣ въ 12 ч. 55 м., по предложенію государственнаго секретаря Оленина, намѣревался вскрыть пакетъ съ завѣщаніемъ Александра I, министр юстиціи сталъ убѣждать высокое собраніе оставить пакетъ безъ вниманія, —«все это сущій вздоръ», находилъ высшій представитель юстиціи, разъ великій князь Николай Павловичъ соизволилъ уже присягнуть императору Константину.

По настояніямъ Лопухина, князя А. Н. Голицына и Оленина, государственный совѣтъ все-таки рѣшилъ вскрыть пакетъ, но иначе, почему-то, какъ въ присутствіи графа Милорадовича; тотъ, войдя въ залъ, повторилъ приблизительно то же, что и Лобановъ-Ростовскій убѣждая членовъ государственнаго совѣта послѣдовать примъ у Николая Павловича въ отношеніи принесенія присяги. Государственный совѣтъ, въ свою очередь, попросилъ черезъ графа Милорадовича великаго князя пожаловать въ засѣданіе со-

вѣта, желая непосредственно изъ его устъ услышать, что Николай дѣйствительно рѣшилъ не принимать короны. Великій князь на это приглашеніе заявилъ, что не считаетъ себя въ правѣ принять участіе въ засѣданіи высокаго собранія, но тутъ же выразилъ готовность принять членовъ государственнаго совѣта *in cogrore*.

На аудіенціи, данной государственному совѣту, великій князь заявилъ непоколебимую волю выполнить то, что, по его словамъ, почиталъ за священный долгъ по отношенію къ старшему брату, а затѣмъ, хотя ранѣе не считалъ себя въ правѣ принять участіе въ засѣданіи государственнаго совѣта, однако въ протоколъ о засѣданіи совѣта включилъ собственноручно свои произвольныя поправки. Такимъ образомъ, произвольно отрицая свое безспорное, законно пріобрѣтенное право на престолъ, Николай такъ же произвольно узурпировалъ полномочія, ему уже не принадлежавшія, и безъ всякаго права, самовольно провозгласивъ Константина императоромъ, принеся ему присягу на вѣрность, собственною властью распорядился приводомъ войскъ къ присягѣ и самопроизвольно вынудилъ къ присягѣ и государственный совѣтъ.

Несравненно правильнѣе поступилъ въ этомъ случаѣ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, хотя, быть можетъ, и не безъ примѣси донъ-кихотства, которое вообще было свойственно его поступкамъ.

По полученіи извѣстія о смерти Александра, достигшаго его въ 7 ч. вечера 25 ноября, Константинъ собралъ близкихъ къ нему генерала Куруту, адъютанта Колзакова и Новосильцева, не столько для совмѣстнаго обсужденія положенія, сколько для отдачи распоряженій. На титулованіе его величествомъ Константинъ реагируетъ гнѣвными выходками до отсылки Колзакова на гауптвахту подъ арестъ. Отдавъ приказаніе не разглашать о кончинѣ Александра, онъ немедленно же пишетъ императрицѣ-матери, которой, по его мнѣнію, въ Петербургѣ слѣдовало формально руководить передачею власти Николаю. Ссылаясь на рескриптъ Александра отъ 2 февраля 1822 г., который освободилъ цесаревича отъ правопреемства престола, Константинъ подчеркиваетъ и повторяетъ, что всѣ свои права передаетъ великому князю Николаю съ его потомствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ мать это его письмо сообщить, куда слѣдуетъ, т. е. государственному совѣту, и настоять на немедленномъ приведеніи его въ исполненіе.

Письмо Константина, однакоже, мало удовлетворило Николая, который настойчиво добивался пріѣзда брата въ Петербургъ для формальной передачи ему правъ престолонаслѣдія.

Нерѣшительность, съ которою Николай принимался за бразды правленія, имѣетъ объясненіе вполнѣ логическое. Что Николай являлся далеко не желаннымъ преемникомъ Александра, о томъ имѣется немало свидѣтельствъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ въ теченіе всего междуцарствія питалъ горячую, хотя и не высказы-

ваемую надежду, что Константинъ перемѣнитъ первоначальное рѣшеніе и примирится съ бременемъ царствованія; князь Лобановъ-Ростовскій и Потаповъ рѣшительно высказывались за Константина, Вилламовъ тоже признавалъ временное воцареніе Константина желательнымъ хотя бы ради того, чтобъ Николай успѣлъ умственно созрѣть, а графъ Милорадовичъ еще 10 декабря въ разговорѣ съ принцемъ Вюртембергскимъ высказывалъ болѣе откровенно опасеніе за гвардію, не любившую Николая; на возраженія принца, что не дѣло гвардіи рѣшать вопросъ о престолонаслѣдіи, Милорадовичъ оговорился: «Совершенно справедливо, гвардіи до этого не слѣдовало бы имѣть дѣла, но тѣмъ не менѣе она вмѣшивалась въ это дѣло при воцареніи и Александра I и Екатерины II. У преторіанцевъ никогда не упадетъ отъ этого охота». Что въ петербургскомъ обществѣ, даже и въ широкихъ кругахъ, восшествіе на престолъ не Николая, но Константина представлялось желаннымъ, о томъ имѣется свидѣтельство хотя бы Пушкина въ письмѣ къ Кантемиру, отъ 4 декабря 1825 г. «Въ качествѣ истиннаго вѣрноподданнаго, — писалъ онъ, — я, конечно, долженъ оплакивать смерть государя, но въ качествѣ поэта радуюсь восшествію на престолъ Константина I — въ немъ таится немало романтики, его бурная молодость, походъ съ Суворовымъ, вражда къ нѣмцу Барклаю-де-Толли, все это напоминаетъ Генриха IV. Словомъ сказать, я ожидаю отъ Константина много хорошаго». О совершенно противоположныхъ вѣяніяхъ даетъ представленіе письмо графини Нессельроде къ ея брату, графу Николаю Гурьеву. Графиня принадлежала къ партіи противниковъ Константина и отъ 6 декабря жаловалась: «Совершенно непонятно, что все это чрезвычайно серьезное дѣло обсуждается единственно въ кругу царской семьи и никто не привлекается къ совѣту, хотя, казалось бы, дѣло заслуживаетъ этого труда. Единственный, кому оказывается довѣріе, — хотя стыдно въ томъ даже признаться, — это Милорадовичъ! Его вліяніе, очевидно, объясняется тѣмъ, что высочайшія особы считаютъ себя передъ нимъ обязанными за царящее нынѣ спокойствіе. Но за это надо благодарить всѣхъ въ отдѣльности, а никакъ не этого безсовѣстнаго полишинеля. Вѣроятно, онъ на верхахъ старается увѣрить, будто всѣ желаютъ владычества Константина, и, пожалуй, отъ же всѣхъ запугиваетъ опасностями принесенія новой присяги, если Константинъ останется при своемъ первоначальномъ намѣреніи отказаться отъ царствованія. На это имѣются нѣкоторые намеки великаго князя Николая, достоверно узнаныя во дворцѣ. И вотъ такимъ образомъ императорская фамилія и общественное мнѣніе призываютъ того великаго князя, котораго императоръ Александръ въ своей мудрости исключилъ изъ престолонаслѣдія. Спрашивается, изъ-за чего же съ нимъ носятся? Я утверждаю, что просто такъ, зря. Цѣлыхъ 12 лѣтъ Константинъ жилъ вдали отъ двора, а теперь жаждаютъ его возвращенія, потому что увѣ-

ряютъ, будто онъ измѣнился къ лучшему. Я же твердо увѣрена, что онъ остался прежнимъ, и трепещу передъ мыслью, что онъ не устоитъ предъ сладкимъ искушеніемъ взойти на престоль. Не говоря уже о томъ, что вся личность цесаревича сулитъ огромныя затрудненія, достаточно вспомнить только о княгинѣ Ловичъ и ея безпутномъ антуражѣ. Именно тѣ люди, которые жаждутъ воцаренія цесаревича, будутъ потомъ проливать изъ-за него кровавыя слезы. Въ первый мѣсяцъ его, конечно, не раскусятъ, но не пройдетъ и года, какъ въ его призывѣ будутъ горько раскаиваться и оплакивать кончину государя еще болѣе горячими слезами, чѣмъ теперь; вѣдь царствованіе Константина явило бы господство недовѣрія, шпіонства и тысячи мелкихъ, ожесточающихъ мучительствъ. Очень печально, что великій князь Николай прежде такъ безразсудно себя держалъ. Дѣйствительно, войска его ненавидятъ, такъ какъ онъ рѣзокъ, строгъ, мстительнъ и скупъ. Высказываются, въ случаѣ вступленія его на престоль, опасенія за его неопытность, воинственность и стремленіе составить себѣ громкое имя... Но ему вѣдь всего 29 лѣтъ; весьма вѣроятно, въ положеніи государя онъ отказался бы отъ военной мелочности, отличился бы въ качествѣ правителя и прислушивался бы къ совѣтамъ опытныхъ людей. Я утверждаю, что въ его царствованіе всѣмъ дышалось бы свободнѣе и каждый сознавалъ бы себя болѣе своимъ господиномъ, чѣмъ при вступленіи на престоль цесаревича, котораго можно сравнить съ ураганомъ деспотства».

Другіе высказывали опасеніе относительно предпочтенія, оказываемаго Константиномъ полякамъ; третьи боялись, что если Николай и вступитъ на престоль, то послѣдствіемъ этого окажется самостоятельность Польши, подъ королевскою властью Константина. Такимъ образомъ, мнѣнія колебались во всѣ стороны.

Пока между братьями шла игра въ великодушіе и велась усиленная переписка, разрѣшившаяся лишь 13 декабря полученіемъ новаго торжественнаго отреченія Константина и новаго отъ него манифеста, 12 декабря, въ 7 ч. утра великому князю Николаю Павловичу доложили, что изъ Таганрога прибылъ комендантъ, полковникъ Измайловскаго полка Фредериксъ, съ чрезвычайно сгѣшными депешами отъ барона Дибича, Въ пакетѣ оказалось разслѣдованіе по доносу унтеръ-офицера 3-го Бугскаго уланскаго полка Шервуда, подкрѣпленное доносомъ капитана Вятскаго пѣхотнаго полка Майбороды.

Въ общей совокупности извѣстія эти рисовали тревожную картину опасностей, угрожавшихъ государству и императорской фамиліи.

По донесеніямъ Дибича выяснилось, кто являлся коноводами заговора. Если бы Милорадовичъ и великій князь проявили тогда же рѣшительность, то въ виду имѣвшихся свѣдѣній о роли Пестеля, Рылѣева, Сергѣя Муравьева, Бестужева-Рюмина и Михаила Орлова

въ заговорѣ, совершенно возможно было захватить гнѣздо петербургскихъ заговорщиковъ еще до вспышки и въ зародышѣ погасить попытку возмущенія и всякую дѣйствительную или воображаемую опасность. Но Милорадовичъ не предпринялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, хотя лично былъ знакомъ съ Рылѣевымъ и могъ бы у него на дому накрыть почти всѣхъ ежедневно тамъ сходящихся заговорщиковъ.

Тогда какъ прежде Милорадовичъ усиленно предостерегалъ Николая противъ враждебности гвардіи, теперь онъ, наоборотъ, старался увѣрить великаго князя голословно совершенно въ полной безопасности положенія.

«Я считаю своимъ долгомъ,—писалъ Николай барону Дибичу,—къ чести нашей гвардіи выразить увѣренность, что здѣсь или крайне мало, или вовсе не имѣется участниковъ злодѣйскаго замысла. Это неоспоримо доказывается образцовымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ порядкомъ, какой здѣсь вездѣ царитъ послѣ рокового 27 ноября. Можно даже утверждать, что и при жизни покойнаго государя никогда здѣсь не наблюдалось такого спокойствія».

Это странное самоослѣпление тѣмъ разительнѣе, что ближайшій другъ Николая, графъ Бенкендорфъ, привлеченный имъ же къ со-вѣщанію 12 декабря, былъ авторомъ памятной записки, еще въ 1821 г. представленной государю Александру Павловичу, гдѣ исторія заговора была прослѣжена со всѣмъ подробностями, и въ качествѣ особенно подозрительныхъ указывались отчасти тѣ же лица, какія перечислялись и Дибичемъ.

Вечеромъ того же 12 декабря адъютантъ генерала Бистрома, подпоручикъ Я. И. Ростовцевъ, обратился къ великому князю Николаю сначала письменно, а затѣмъ, при личномъ свиданіи, и на словахъ сообщилъ, что при объявленіи о новой присягѣ имѣеть вспыхнуть возмущеніе, которымъ воспользуются Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша и, можетъ быть, Литва, чтобы отложиться отъ Россіи. Не желая быть доносчикомъ, Ростовцевъ не назвалъ ни одного имени, но его показанія объ угрожающемъ Петербургу возстаніи были совершенно опредѣлительны и исключали всякую возможность сомнѣнія.

Вмѣсто энергичныхъ воздѣйствій противъ заговорщиковъ Николай, по полученіи отъ Константина отреченія и манифеста, счелъ возможнымъ ограничиться созывомъ государственнаго совѣта вечеромъ 13 декабря для объявленія ему воли императора Константина, а на воскресенье 14 декабря было назначено въ 7 часовъ утра принесеніе императору Николаю присяги отъ лица сената, синода, войскъ и гражданскихъ чиновъ—все имѣли присягнуть при своихъ частяхъ и вѣдомствахъ; въ 12 часовъ назначенъ былъ парадъ предъ Зимнимъ дворцомъ, а въ два часа принесеніе поздравленій ихъ величествамъ.

Хотя еще 13 декабря военный министр Татищевъ, которому Николай Павловичъ сообщилъ объ открытіи заговора, просилъ разрѣшенія арестовать всѣхъ подозрительныхъ личностей, великій князь рѣшительно противъ этого не возсталъ.

— Я не хочу,—сказалъ онъ:—чтобы принесенію присяги предшествовали аресты. Это на всѣхъ произведетъ дурное впечатлѣніе. Если дойдетъ дѣло до безпорядковъ, тогда наступитъ и настоящій моментъ для арестовъ и никто тогда меня не станетъ укорять въ несправедливости и произволѣ.

Выступленіе противъ поваго государя при помощи военного мятежа отнюдь не являлось необходимымъ и естественнымъ послѣдствіемъ дѣятельности тайныхъ обществъ. Только убѣжденіе въ невозможности повліять на Александра и измѣнить реакціонную политику послѣднихъ годовъ его царствованія вызвали къ жизни тайныя общества, ставившія себѣ цѣлью борьбу съ системою аракеевского произвола. Начи императоръ Николай свое царствованіе съ гласнаго удаленія Аракчеева и упраздненія ненавистныхъ военныхъ поселеній, весьма вѣроятно, этого одного оказалось бы достаточно для привлеченія къ нему сердецъ подданныхъ съ такимъ же энтузіазмомъ, какой проявился за 25 лѣтъ передъ тѣмъ, при воцареніи Александра. Точно также возможно, что, не произои тогда же вспышка 14 декабря, вся организація тайныхъ обществъ въ короткое время исчезла бы безслѣдно.

Въ дѣйствительности, когда Рылѣевъ въ началѣ 1825 года сталъ во главѣ петербургскихъ заговорщиковъ незадолго передъ отъѣздомъ князя Трубецкого, на котораго возлагалось установить болѣе тѣсную связь съ группами Южнаго союза, заговорщики оказались совсѣмъ не подготовленными къ активнымъ выступленіямъ. Было рѣшено, какъ показалъ А. Бестужевъ въ слѣдственной комиссіи, движеніе отсрочить, по крайней мѣрѣ, года на два. Когда же до заговорщиковъ чрезъ Николая Бестужева дошла вѣсть о кончинѣ государя, первымъ движеніемъ Рылѣева было сознаться предъ товарищами, что не выработано еще вовсе никакихъ плановъ относительно политическаго дѣйствія, которое могло бы обезпечить измѣненіе государственнаго устройства.

Удивляться этому нѣтъ основанія, ибо въ сущности за исключеніемъ нѣсколькихъ пылкихъ головорѣзовъ большинство участниковъ заговора представляло собою отнюдь не закаленныхъ людей дѣла, но энтузіастовъ, пьянившихъ себя громкими словами и величіемъ отвлеченныхъ цѣлей, которыя имъ рисовались въ туманной дали. Натуры по преимуществу пассивныя, преклонявшіяся предъ возвышенными идеалами и отчасти одаренныя поэтическими талантами, декабристы въ своей средѣ не имѣли ни единого политика, готоваго посчитаться съ реальностью.

28 ноябрю послѣ продолжительныхъ безплодныхъ совѣщаній между Рылѣвымъ, братьями Бестужевыми, Батенковымъ и Торсономъ, первые трое, оставшись въ концѣ вечера одни, надумали предпринять попытку военного мятежа, выставивъ за предлогъ — сокращеніе завѣщанія императора Александра, обеспечивавшаго, яко бы, солдатамъ сокращеніе службы до 10 лѣтъ, а крестьянамъ свободу.

Агитированію въ войскахъ заговорщики въ теченіе двухъ дней предали съ большою энергіею и не безъ успѣха. На послѣднихъ собраніяхъ заговорщиковъ, происходившихъ 12 декабря у князя Оболенскаго и Рылѣва, рѣшено было во главѣ военного мятежа поставить Михаила Федоровича Орлова, котораго и пригласили эстафетою спѣшно пріѣхать изъ Москвы. На случай, если бы онъ не явился, руководство мятежомъ возлагалось на Трубецкого; послѣдній предполагалъ овладѣть при помощи Лейбъ-Гренадерскаго полка арсеналомъ, а при помощи Финляндскаго полка крѣпостью. Рылѣвъ въ то же время поручилъ барону Штейнгелю составить манифестъ или воззваніе къ населенію, но окончательно редактировано оно было только 14 декабря поутру, когда уже печатать его было поздно, а потому подлинникъ воззванія и былъ сожженъ Штейнгелемъ.

Въ воззваніи этомъ, которое порѣшили выпустить, если бы побѣда оказалась за мятежомъ, предполагалось объявить престолъ вакантнымъ, а избраніе временнаго правительства, въ составѣ пяти лицъ, возложить на государственный совѣтъ и сенатъ; путемъ давленія на высшія государственныя установленія предполагалось вѣроятнымъ обезпечить избраніе адмирала графа Мордвинова, Сперанскаго, генерала Ермолова и Пестеля. Затѣмъ, въ трехмѣсячный срокъ по каждой губерціи должны были состояться выборы по два представителя отъ каждаго сословія, которые и имѣли составить учредительное собраніе для рѣшенія дальнѣйшей участи Россіи.

Нельзя не отмѣтить, что, пускаясь въ болѣе чѣмъ рискованное приключеніе, повидимому, даже сами заговорщики сознавали почти полную безнадежность своего предпріятія, но князь Оболенскій и полковникъ Булатовъ утѣшали товарищей тѣмъ соображеніемъ, что при подобныхъ выступленіяхъ нельзя предварительно предѣлать генеральной репетиціи; Рылѣвъ не скрывалъ отъ болѣе близкихъ товарищей, что самъ въ успѣхъ затѣяннаго дѣла не вѣритъ, а Трубецкой съ самаго начала впалъ въ колебанія, но не нашелъ мужества своевременно сознаться предъ товарищами, что не рѣшится взять на себя руковоженіе мятежомъ.

Вооруженное столкновеніе на Сенатской площади между заговорщиками и войсками, оставшимися вѣрными правительству, и не замедлило обнаружить растерянность съ обѣихъ сторонъ. На-

Чальство надъ мятежниками принялъ поручикъ князь Оболенскій, но растерялся и ничѣмъ не распоряжался, мятежники топтались на одномъ мѣстѣ и, страдая отъ стужи, подкрѣплялись водкою; на нападеніе они сами не рѣшались и стрѣляли по конницѣ, не цѣлясь, такъ что выстрѣлы не попадали ни въ лошадей, ни во всадниковъ. Восемь ротъ Лейбъ-Гренадерскаго полка, шедшія подъ начальствомъ поручиковъ Сутгофа и Панова съ Петербургской стороны на соединеніе съ мятежниками, безпрепятственно прошли чрезъ Петропавловскую крѣпость, но и не подумали ее занять; роты эти подступили двумя колоннами къ Зимнему дворцу, который тоже не могъ бы представить серьезнаго сопротивленія захвату съ ихъ стороны; но, увидавъ приближавшійся батальонъ гвардейскихъ саперъ, въ мятежѣ не участвовавшій, оторопѣли и не знали, на что рѣшиться. Имъ закричали: «Ваши товарищи дальше, на Сенатской площади», и лейбъ-гренадеры безпрекословно двинулись по Адмиралтейской набережной.

Въ дѣйствіяхъ правительственныхъ войскъ обнаруживалась не меньшая беспорядочность. При 8-градусномъ морозѣ и гололедицѣ лошади конницы оказались не подкованными на шипы, скользили и падали; конница придвинулась къ мятежникамъ вплотную, и въ атаку броситься не могла; при артиллерійскихъ орудіяхъ не оказалось снарядовъ; планъ окружить мятежниковъ и обойти ихъ съ тылу замедлялся; генералы Толль и Васильчиковъ долго и тщетно убѣждали Николая Павловича пустить въ ходъ артиллерійскія орудія, государь долго колебался, не желая, по его словамъ, въ первый же день царствованія пролить кровь своихъ подданныхъ ¹⁾.

Точно также отклонено было предложеніе воздержаться отъ военныхъ дѣйствій и ограничиться выжиданіемъ, такъ какъ легко было предвидѣть, что съ наступленіемъ сумерекъ и усиленіемъ холода изголодавшіеся и продрогшіе мятежники безславно разбредутся по своимъ казармамъ.

Въ началѣ скопленія мятежниковъ на площади Милорадовичъ былъ посланъ поторопить выступленіе Конногвардейскаго полка и отрѣзать Московскому полку присоединеніе къ главнымъ мятежнымъ силамъ, но въ конногвардейскихъ казармахъ князь Одоевскій уговаривалъ солдатъ лошадей не сѣдлатъ, такъ какъ это будто бы ложная тревога. Милорадовичъ, не дождавшійся конногвардейцевъ, вскочилъ на лошадь и отправился самолично уговаривать московцевъ, увѣряя, что все это пустая «*polissonerie*» и онъ самъ съ ними

¹⁾ По воспоминаніямъ самого Николая, на настойчивыя убѣжденія генерала Васильчикова сѣдлатъ залпъ изъ орудій по мятежникамъ государь спросилъ его: «*Vous voulez, que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon règne?*» — На это Васильчиковъ лаконически отвѣчалъ: «*Pour sauver votre empire.*»

справится,—на приказаніе графа положить оружіе въ него выстрѣлили, и онъ свалился съ лошади на руки къ своему адъютанту Башуцкому. Умирающаго его унесли въ конногвардейскія казармы и уложили на солдатскія нары. Посланный государемъ освѣдомиться о состояніи здоровья Милорадовича принцъ Евгеній Вюртембергскій даетъ въ своихъ запискахъ потрясающую картину послѣднихъ минутъ русскаго Баярда. Михайловскій-Данилевскій съ возмущеніемъ рассказываетъ, что когда умирающаго Милорадовича пронесли на носилкахъ около выстроившагося, наконецъ, Конногвардейскаго полка, никто изъ собравшихся около полка генераловъ и офицеровъ не подошелъ даже къ раненому, хотя многіе недавно еще называли себя его друзьями.

Митрополитъ Серафимъ, посланный для увѣщеванія мятежниковъ положить оружіе, поспѣшилъ вернуться назадъ. По свидѣтельству одного очевидца (эскадроннаго командира ф. Грюнвальда), выступленіе митрополита обнаружило нерѣшительность и отсутствіе отваги, что въ іерархѣ, несшемъ въ рукахъ распятіе, не могло не произвести на окружающихъ удручающаго впечатлѣнія¹⁾. Великій князь Михаилъ Павловичъ, отважно бросившійся, было, уговаривать мятежниковъ, былъ встрѣченъ выстрѣлами (по одной версіи въ него изъ пистолета стрѣлялъ Кюхельбекеръ, а по другой—Петръ Вестужевъ, по словамъ же государя—три матроса).

Послѣ неоднократныхъ уговариваній мятежниковъ, государь послалъ къ нимъ начальника артиллеріи Сухозанета съ предупрежденіемъ, что въ нихъ начнутъ стрѣлять. Сухозанета встрѣтили ругательствами и кликами: «Ура, Константинъ!» На это генеральъ вскричалъ: «Ну, такъ узнаете же вы теперь Николая!» И отдалъ приказаніе батареѣ стрѣлять. По третьему же выстрѣлу площадь опустѣла, но убитыхъ и раненыхъ оказалось всего 57 человекъ и между ними ни единого офицера. Въ 7 часовъ вечера былъ уже отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю подавленія возстанія.

Слѣдственная коммиссія, на которую было возложено выяснить нити заговора, проработала около пяти мѣсяцевъ, проявивъ въ своихъ дѣйствіяхъ много произвола и юридическаго невѣжества; особенно единодушны были нареканія декабристовъ на генерала Чернышева, державшаго себя возмутительно. Судьба главныхъ руководителей заговора въ общихъ чертахъ была предрѣшена императоромъ. По крайней мѣрѣ напечатанное недавно въ журналѣ «Бы-

¹⁾ По свидѣтельству плацъ-адъютанта фонъ-Тунцельмана, митрополитъ при первомъ же залпѣ выстрѣловъ, струсивъ, пустился назадъ, не дойдя до мятежниковъ. Тогда государь строго приказалъ Серафиму выполнить отданное ему приказаніе, Серафимъ усѣлся въ свою карету и въ ней уже добрался до Сенатской площади.

лое» письмо Дибича къ кн. Лопухину, отъ 10-го іюля 1826 г., не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что государь предуказалъ казнить Пестеля, Рылѣева, Сергѣя Муравьева, Бестужева-Рюмина и Каховскаго. Хотя труды слѣдственной комиссіи были переданы для провѣрки новой комиссіи—это было только пустою формальностью, такъ какъ весь просмотръ сложнаго слѣдственнаго дѣла занялъ не болѣе двухъ дней. Предложеніе графа Мордвинова понизить преступникамъ всѣ назначенныя имъ наказанія было отклонено. Что же касается самаго распределенія обвиняемыхъ на разныя категоріи, то во многихъ случаяхъ оно отличалось произволомъ и пристрастіемъ, обусловленными извѣстными членамъ комиссіи предвзятыми сужденіями самого государя и дворскими вліяніями; этимъ только и можно объяснить, что къ повѣщенію, напр., не были приговорены князья Трубецкой и Оболенскій...

II.

Среди серьезныхъ дѣлъ, занимавшихъ умъ государя при воцареніи, первое мѣсто занимали приготовленія къ предстоящей коронаціи въ Москвѣ. Ради ускоренія коронаціи государь и настаивалъ на возможномъ посрѣщеніи съ окончательнымъ приговоромъ надъ декабристами. 13 іюля состоялась казнь пяти приговоренныхъ къ повѣщенію, а 16 іюля государь уже выѣхалъ изъ Петербурга и 21-го іюля поселился въ подмосковномъ Петровскомъ дворцѣ. 25-го іюля совершился торжественный въѣздъ въ первопрестольную столицу съ большою пышностью и военнымъ блескомъ. Въ свою очередь, и иностранныя державы сдѣлали все возможное, чтобы при этомъ случаѣ показать повелителю Россіи, какое значеніе Европа приписываетъ установленію добрыхъ къ нему отношеній. Франція для этого назначила маршала Мармона, герцога Рагузскаго, Австрія—принца Филиппа Гессенъ-Гомбургскаго, Пруссія—брата императрицы принца Карла, Англія—герцога Девонширскаго. Среди представителей малыхъ дворовъ государь особенное вниманіе оказывалъ шведскому послу барону Штедингку. Папа Левъ XII прислалъ на коронацію своимъ представителемъ кардинала мопсиньора Бернулли, который, не стѣсняясь, принималъ участіе во всѣхъ духовныхъ церемоніяхъ по обрядамъ православной восточной церкви, входившихъ въ программу празднествъ.

Населеніе Москвы по началу проявляло большую сдержанность ко всѣмъ празднествамъ. Поэтому легкое нездоровье императрицы послужило удобнымъ предлогомъ для оставленія Кремлевскаго дворца и переселенія царской четы въ Нескучное—живописную и роскошную лѣтнюю резиденцію княгини Анны Орловой-Чесменской, извѣстной почитательницы архимандрита Фотія.

Здѣсь состоялось свиданіе между Николаемъ Павловичемъ и графомъ Вл. Гр. Орловымъ, тестемъ графа Ник. Петр. Панина, принимавшаго нѣкогда дѣятельное, но закулисное участіе въ подготовленіи заговора, жертвою котораго палъ императоръ Павелъ. Престарѣлый 83-лѣтній Орловъ бросился предъ императоромъ на колѣни и умолялъ о помилованіи зятя, который окончательно впалъ въ немилость 19-го февраля 1805 г. и, отрѣшенный императоромъ Александромъ отъ всѣхъ должностей, лишенъ былъ даже права на вѣздъ въ столицы. Мольбы графа Орлова носили настолько бурный и страстный характеръ, что императоръ сначала даже испугался, а затѣмъ растрогался, но въ концѣ концовъ отказался помиловать Панина, такъ какъ единственное обѣщаніе, вырванное у него Маріей Ѳеодоровною при вступленіи его на престолъ, было не прощать Панина, котораго императрица-мать возненавидѣла, приписывая ему руководящую роль въ низверженіи Павла. Такъ же неумолимо отнесся императоръ и къ многочисленнымъ ходатайствамъ московской знати за ея родственниковъ - декабристовъ. Безпощадность Николая диктовалась ему его принципами, а непоколебимость въ слѣдованіи разъ принятымъ рѣшеніямъ онъ всегда вмѣнялъ себѣ въ заслугу. Вообще, несмотря на празднества и торжества, государь и въ Москвѣ щеголялъ неукоснительнымъ выполненіемъ обычныхъ своихъ занятій. Первые недѣли пребыванія въ Москвѣ по причинѣ поста и нездоровья государыни прошли, впрочемъ, тихо. Затѣмъ начались безконечные смотры и военныя упражненія, которыя страшно утомляли и московскія войска и гвардейскіе полки, прибывшіе изъ Петербурга на коронацію. Эта напряженная дѣятельность имѣла сокровенною цѣлью держать всѣхъ на чеку, такъ какъ государь все еще не довѣрялъ настроенію войскъ, за которыми велось неусыпное наблюденіе. О толкахъ и пересудахъ, происходившихъ среди командъ, государю ежедневно дѣлались особые доклады. Большое безпокойство и нетерпѣніе въ государѣ вызывало упорное нежеланіе цесаревича Константина Павловича покинуть Варшаву, такъ какъ отсутствіе его при коронаціи могло дать новую пищу къ превратнымъ толкамъ, но упорство старшаго брата, неохотно отступавшаго отъ разъ принятыхъ рѣшеній, императору слишкомъ хорошо было извѣстно, и онъ почти отчаялся въ надеждѣ увидѣть Константина. Тотъ, однакоже, совершенно неожиданно пріѣхалъ въ Москву 14 августа, поздно вечеромъ, такъ какъ настоятельнымъ уговариваніямъ княгини Ловичъ удалось превозмочь рѣшительное отвращеніе цесаревича отъ поѣздки на коронацію. Съ пріѣздомъ цесаревича народное настроеніе въ Москвѣ круто перемѣнилось. Государя, почти не разлучавшагося съ цесаревичемъ, теперь встрѣчали восторженно, но, повидимому, проявленія любви направлялись скорѣе въ сторону цесаревича, чѣмъ государя. Такъ же внезапно, какъ пріѣхалъ Константинъ въ первопрестольную, онъ

ее и покинулъ 22-го августа, отбывъ важнѣйшіе моменты коронаціонныхъ торжествъ. Хотя императоръ показывалъ цесаревичу всяческіе знаки вниманія, Константинъ все время находился въ саркастическомъ настроеніи и неоднократно цесаревичъ заявлялъ, что скоро совсѣмъ подастъ въ отставку и станетъ проситься, чтобы его назначили плацъ-майоромъ въ Майнцъ или русскимъ уполномоченнымъ при германскомъ сеймѣ. Кто зналъ Константина ближе, оцѣнивалъ его московскія чудачества иначе: то, что его московское населеніе принимало болѣе восторженно, чѣмъ государя, грызло Константина, подъ насмѣшками и будадами онъ старался скрыть шевелившіяся въ немъ сомнѣнія, не умнѣ ли бы онъ поступилъ, если бы принялъ престолъ, который такъ легко давался ему.

По крайней мѣрѣ, вернувшись въ Варшаву, онъ не безъ меланхоличіи кинулъ своему приближенному, Опочиншну, замѣчаніе: «Ну, вотъ теперь по мнѣ уже и поминки отелужены».

Возвращаясь къ коронаціоннымъ торжествамъ, слѣдуетъ отмѣтить, что коронаваніе состоялось 22-го августа послѣ военныхъ маневровъ, занявшихъ дни 17-го и 18-го августа. Всѣ присутствовавшіе соглашались съ тѣмъ, что церемонія производила весьма внушительное и торжественное впечатлѣніе.

Послѣ возложенія уже коронованнымъ императоромъ вѣнца на главу супругѣ, рассказываетъ Филиппъ Гессенскій, императрица Марія Теодоровна неожиданно разыграла со свойственною ей театральностью эффектную сцену, которая, однакоже, произвела на всѣхъ большое впечатлѣніе. Императрица-мать, подозвавъ къ себѣ малолѣтняго великаго князя Александра Николаевича, взяла его за ручку и, подойдя къ вѣнценосной парѣ, вмѣстѣ со внукомъ склонилась передъ нею. Въ свою очередь, растроганный императоръ опустился на колѣни передъ матерью и попросилъ ее благословить его вмѣстѣ съ супругою, что Марія Теодоровна исполнила «съ большимъ чувствомъ и достоинствомъ», а затѣмъ тутъ же благословила и великихъ князей Константина и Михаила.

По случаю коронаціи воспослѣдовали по обычаю разныя милости: Сакенъ и Витгенштейнъ были возведены въ званіе фельдмаршаловъ, Дибичъ получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи, особенно близкая царской фамиліи престарѣлая графиня Шарлотта Ливенъ пожалована вмѣстѣ съ нисходящимъ потомствомъ княжескимъ титуломъ, Татищевъ, Чернышевъ, другъ и любимецъ великаго князя Константина Курута, Строгановъ и Поццо-ди-Борго едѣланы графами, графъ Нессельроде получилъ прекрасное помѣстье, князь П. М. Волконскій—денежный подарокъ въ 50 тысячъ рублей, а генералъ Клейнмихель—званіе генералъ-адъютанта.

Одновременно съ коронаваніемъ императоръ выполнилъ давнишнее свое намѣреніе и учредилъ министерство императорскаго двора, поставивъ во главѣ его князя П. М. Волконскаго. Благо-

даря тому, что новое министерство не подчинялось ни контролю сената, ни власти комитета министровъ и безконтрольно располагало значительными удѣльными капиталами и вотчинами, оно сдѣлалось могущественнымъ и удобнымъ орудіемъ абсолютизма.

Празднества, сопровождавшія коронацію, продлились до 4-го октября, въ видѣ баловъ, фейерверковъ и всевозможныхъ военныхъ представлений.

Празднества, заданныя въ честь вѣнценосной пары княземъ Юсуповымъ и графинею Анною Орловою-Чесменскою, напоминали лучшія преданія екатерининскихъ и александровскихъ дней и, по выраженію принца Гессенскаго, «были подобны волшебнымъ сказкамъ»; то же подтверждаетъ графъ Бенкендорфъ въ письмѣ къ Воронцову: «Праздникъ у князя Юсупова былъ превосходенъ и затмилъ всѣ приемы у французскаго и англійскаго пословъ; праздникъ же Орловой своимъ великолѣпиемъ и изяществомъ вкуса уничтожилъ впечатлѣніе всѣхъ остальныхъ вечеровъ. Ничего великолѣпнѣе я не видывалъ. Праздникъ превосходилъ границы, вообще доступныя частному лицу, а самое помѣщеніе и роскошь его убранства были бы въ пору только пышной коронованной особѣ».

Посламъ иностранныхъ державъ нечего было и думать конкурировать въ блескѣ, тароватости, радушіи и хлѣбосольствѣ съ русскими вельможами. Такая расточительность могла возрасти единственно на почвѣ крѣпостного права.

Большинство почетныхъ гостей разъѣхалось изъ Москвы уже 5-го октября, а государь остался въ первопрестольной до 12-го октября и за это время успѣлъ побывать въ Троице-Сергіевой лаврѣ для поклоненія мощамъ угодниковъ, а три дня провелъ въ Тулѣ для подробнаго ознакомленія съ мѣстнымъ оружейнымъ заводомъ.

Существенное и серьезное значеніе дѣятельность декабристовъ возымѣла въ одномъ только смыслѣ. Многочисленныя записки, составленныя участниками возмущенія во время слѣдствія, и подробныя ихъ показанія доставили матеріаломъ, изъ котораго государь Николай Павловичъ повелѣлъ тайному совѣтнику Боровкову составить обстоятельную сводку недочетовъ царствованія Александра I и тѣхъ преобразованій, которыя считались декабристами неотложными. Это своеобразное политическое завѣщаніе «моихъ друзей 14 декабря», какъ насмѣшливо называлъ декабристовъ Николай, лежало у него постоянно въ кабинетѣ и въ особыхъ спискахъ было сообщено къ свѣдѣнію великаго князя Константина и предсѣдателя государственнаго совѣта князя Кочубея.

Записка Боровкова существенно помогла Николаю Павловичу ознакомиться съ тогдашнимъ положеніемъ Россіи и сознательно отнестись къ системѣ управленія Александра I, къ которой онъ дотолѣ относился безо всякой критики, благоговѣя предъ дѣянiami старшаго брата. Но и только! На самомъ дѣлѣ сущность записки

Боровкова оказалась не осуществленною программю благихъ начинаній и суровымъ осужденіемъ всѣхъ дальнѣйшихъ допущенныхъ Николаемъ государственно-правовыхъ промаховъ.

Записка Боровкова подчеркиваетъ отсутствіе ясности въ законодательствѣ, недостатки судопроизводства, устарѣлость мѣснаго губернскаго управленія, несовершенство въ устройствѣ министерствъ, органически не связывавшихся съ мѣстнымъ управленіемъ, подавленіе значенія сената и, наконецъ, созданіе комитета министровъ, который затѣмъ только и былъ придуманъ, чтобы затушевывать полную и непоправимую безурядицу и переложить отвѣтственность министерскихъ чиновниковъ на государя. Въмѣсто отвѣтственности отдѣльныхъ органовъ управленія устанавливалась чрезъ комитетъ министровъ призрачная совокупная отвѣтственность всѣхъ министровъ, въ дѣйствительности же канцелярія комитета министровъ дѣлала, что хотѣла, и укрывала произволь своихъ дѣйствій чрезъ утвержденіе своихъ журналовъ государемъ. Установившійся распорядокъ имѣлъ своими послѣдствіями вознесеніе чрезъ комитетъ министровъ массы пустячныхъ дѣлъ на утвержденіе государя, предоставленіе директорамъ департаментовъ безнаказаннаго способа сваливать отвѣтственность за свои промахи и злоупотребленія на комитетъ министровъ и обезцѣненіе силы и значенія высочайшихъ указовъ.

Далѣе записка Боровкова указывала на неуравнительность и произвольность податнаго обложенія, особенно земельного, тягостность натуральныхъ повинностей и на безопасность выколачиванія недоимокъ; несовершенство финансовой системы усугублялось еще тѣмъ, что сборъ податей всецѣло поручался мѣстнымъ властямъ, свободнымъ ото всякаго контроля и плодившимъ злоупотребленія. Съ другой стороны, такъ какъ центръ тяжести государственныхъ финансовъ лежалъ въ системѣ монополій винной и соляной, то первая разоряла помѣщиковъ, способствовала спаванію народа и развращала чиновничество, соляная же монополія, искусственно повышая цѣну на соль, отзывалась пагубно на здоровьи народа и скотоводствѣ.

Что касается торговли, то записка Боровкова указывала на вредъ, причиняемый гильдейскимъ устройствомъ, и разореніе купечества, вызванное катастрофою 1812 года и послѣдующими потрясеніями денежнаго рынка; Боровковъ подчеркивалъ, что казна никогда не оказываетъ поддержки честнымъ торговцамъ, дѣла коихъ запутываются виѣ ихъ воли, по причинамъ политическимъ, тогда какъ крупные богатые купцы пользуются всевозможными поблажками и привилегіями, уравнивающими ихъ съ крупнымъ помѣстнымъ дворянствомъ.

Подводя итогъ подѣ существующими недочетами управленія и экономического положенія страны, записка Боровкова признавала

неотложнымъ «опубликованіе ясныхъ и опредѣлительныхъ законовъ, насажденіе скорого и справедливаго правосудія, поднятіе образованія для духовенства, усиленіе дворянства, разореннаго задолженностью въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, оживленіе промышленности и торговли чрезъ введеніе новыхъ таможенныхъ тарифовъ, упорядоченіе народнаго образованія въ соотвѣтствіи съ потребностями отдѣльныхъ сословій, улучшеніе положенія сельскаго хозяйства, отмѣну недостойной продажи людей по крѣпостнымъ актамъ, возобновленіе флота и устраненіе безчисленныхъ злоупотребленій и непорядковъ».

Весьма показателенъ для характеристики эпохи тотъ фактъ, что тайна, въ какой держалась «записка» Боровкова, распространилась и на занятія особой комиссіи, въ составѣ князя В. П. Кочубея, генерала-отъ-инфантеріи П. А. Толстого, генераль-адъютанта И. В. Васильчикова, князя Г. А. Голицына, барона Дибича и М. М. Сперанскаго, которой поручено было разобрать значительное количество проектовъ и записокъ, найденныхъ въ кабинетѣ покойнаго государя, и намѣтить преобразованія по различнымъ частямъ управленія. Весьма знаменательно и то, что отъ этой облеченной царскимъ довѣріемъ комиссіи былъ тщательно утаенъ разработанный Новосильцевымъ въ концѣ царствованія Александра I планъ конституціоннаго преобразованія Россіи ¹⁾.

При учрежденіи 6 декабря 1826 года вышеозначенной комиссіи государь поставлялъ ей въ нарочитую обязанность, пересмотрѣвъ бумаги, оказавшіяся въ кабинетѣ государя, сообразить, какія намѣчались преобразованія, какія приведены въ исполненіе и какія подлежать осуществленію; комиссіи предугазывалось выяснить, что въ современномъ строѣ хорошо, и что, устарѣвъ, подлежитъ замѣнѣ. Государь выражалъ желаніе еженедѣльно «при нашихъ собраніяхъ» быть освѣдомляемымъ о ходѣ занятій комиссіи. «Я сочту это,—сказалъ онъ,—однимъ изъ важнѣйшихъ моихъ занятій и обязанностей. Успѣхъ въ трудахъ комиссіи будетъ лучшею для нея самой наградою и успокоеніемъ для моей души».

Комиссія принялась за дѣло рьяно.

Прежде всего было обращено вниманіе на преобразование устройства высшихъ государственныхъ установленій: государственнаго совѣта, сената и комитета министровъ, а въ связи съ ними предполагалась и реорганизація губернскихъ правительственныхъ мѣстъ. Путемъ изученія исторіи и практики было выяснено, что дѣла управленія и суда недостаточно раздѣлены и въ то время, какъ инныя судебныя дѣла разрѣшаются въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ, административныя дѣла восходятъ на разсмотрѣніе

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ». Т. СII, декабрь, 1905 г., «Императоръ Александръ I и проекты конституцій».

сената. Особенно вредно, по мнѣнію комиссіи, отражалась на дѣятельности сената компетенція комитета министровъ, который первоначально былъ задуманъ только для объединенія дѣятельности отдѣльныхъ министерствъ по дѣламъ общегосударственнаго интереса. Для устраненія происходившей безурядицы и упрощенія круга вѣдомства всѣхъ установленій предлагалось сенатъ преобразовать въ высшую судебную инстанцію, а дѣла административныя, попадавшія случайно въ I департаментъ сената, въ точности опредѣлить и направлять неукоснительно въ особый «правительствующій сенатъ», въ составъ котораго имѣли войти директора отдѣльныхъ департаментовъ разныхъ министерствъ и лица, особо для того назначаемыя по выбору государя.

Эти и многія еще другія предположенія комиссіи, закрѣпленныя въ протоколахъ, удостоились высочайшаго одобренія, а затѣмъ, по ближайшей разработкѣ и предварительнымъ соглашеніямъ съ надлежащими министрами, получили форму законченныхъ законопроектовъ, но такъ и остались только «цѣннымъ матеріаломъ», который Николай Павловичъ не считъ удобнымъ даже направить для разсмотрѣнія въ государственный совѣтъ: вспышка польской революціи заставила государя признать вообще введеніе какихъ-либо преобразованій несвоевременнымъ, польскій мятежъ повлекъ за собою окончательное прекращеніе и разработки проектовъ преобразованій. Комиссія 1826 года хотя и провѣла существованіе еще нѣсколько лѣтъ, такъ какъ формально никогда упраздняема не была, но была просто-напросто предана забвенію.

Весьма интересно прослѣдить законодательныя мѣропріятія первыхъ лѣтъ царствованія Николая, потому что въ ту пору Государь находился еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ записки Боровкова. Не подлежитъ сомнѣнію, что Николай Павловичъ искренно былъ озабоченъ устраненіемъ злоупотребленій въ системѣ государственнаго управленія своего предшественника и признавалъ ихъ за дѣйствительное зло. Прирожденная Николаю и привитая воспитаніемъ любовь къ порядку также, несомнѣнно, должна была благотворно отразиться на государственности. Равнымъ образомъ нельзя упрекать императора Николая и въ томъ, чтобы онъ былъ обдѣленъ прилежаніемъ и добросовѣстностью; онъ всегда честно старался вышолнить то, что почиталъ за свой долгъ, и въ этомъ отношеніи государь стоялъ несравненно выше огромнаго большинства тѣхъ сотрудниковъ, съ которыми ему приходилось считаться, но уже при подавленіи декабрьскаго мятежа обнаружилъ и недостатки новаго государя—недостаточное умѣніе давать явленіямъ истинную оцѣнку и медлительность въ припятіи надлежащихъ рѣшеній ¹⁾.

¹⁾ Прибывшій въ Петербургъ въ 1826 году для соглашенія по греческому вопросу лордъ Веллингтонъ, очень набалованный своимъ положеніемъ и ореоломъ славы, окружавшимъ его съ эпохи окончательнаго наполеоновскаго пора-

Вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ и на всемъ сказывались прискорбные пробѣлы въ образованіи государя—въ этомъ отношеніи достаточно сослаться хотя бы на тотъ знаменательный примѣръ, что въ области русскаго государственнаго права изученіе въ молодости у Николая не пошло далѣе эпохи Петра Великаго, и поэтому относительно исторіи всего новѣйшаго законодательства государь нерѣдко впадалъ въ удивительнѣйшіе промахи и заблужденія.

По внутреннимъ дѣламъ Николай почти исключительно интересовался только слѣдствіемъ и судомъ надъ декабристами, — вплоть до весны 1826 г. это поглощало большую часть его времени; не меньшее значеніе придавалось раскрытію и всѣхъ дальнѣйшихъ развѣтвленій петербургскаго заговора.

Далѣе, особенное вниманіе государь дарилъ внѣшности, которой придавалъ огромное значеніе. Поэтому вопросъ объ обмундированіи гражданскихъ чиновниковъ, студентовъ и профессоровъ, гимназистовъ и учителей выступилъ на первый планъ—оно имѣло цѣлью облегчить возможность узнавать по обличію, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Поэтому мундиры, петлички и выпушки трактовались, какъ предметъ первостепенной важности. Съ понятіемъ мундирнаго униформированія, впрочемъ, государь соединялъ и подчиненіе служащихъ военной дисциплинѣ и выправкѣ, отъ которыхъ ожидалъ спасительнѣйшихъ послѣдствій. Что государь началъ карать гражданскихъ чиновниковъ за мелкіе проступки сажаніемъ на гауптвахту для отбыванія тамъ болѣе или менѣе продолжительнаго ареста, было однимъ изъ проявленій своеобразнаго «николаевскаго» духа, который опредѣлилъ всю внѣшность русскою государственною жизни и проникъ ее насквозь. Измѣненій во внутреннее міросозерпаніе и въ складъ убѣжденій чиновничества такія внѣшнія средства воздѣйствія внести, конечно, не могли, но страхъ къ новому государю дѣйствительно народился, и служащіе принялись очень старательно проявлять и наводить внѣшній порядокъ и рвеніе, что имъ вмѣнялось въ обязанность. Но подъ мундирнымъ облаченіемъ рутинна продолжала процвѣтать попрежнему. Въ очень короткое время чиновничество приспособилось къ той любви къ порядку, которая руководила дѣйствіями самого государя, хотя въ переводѣ на чиновничье разумѣніе все свелось къ изощреніямъ бумажнаго дѣлопроизводства и внѣшней аккуратности, тогда какъ сущность злоупотребленій практиковалась подъ внѣшними благообразными прикрываніями не хуже прежняго.

женія, при представленіи Николаю Павловичу, хотя и вѣинтимной бесѣдѣ, позволилъ себѣ по меньшей мѣрѣ безтактный вопросъ: «Quels étaient les sentiments de Votre Majesté pendant la journée du 14 décembre?» освѣдомился герцогъ. Государь на это нашелъ очень удачный и ѣдкій отвѣтъ:—«Ceux que je Vous suppose avoir eus à Waterloo avant l'arrivée du maréchal Blücher».

Словомъ сказать, въ ходъ были пущены потемкинскія декораціи, замѣнявшія не существующіе города, но разставлялись онѣ настолько умѣло, что тщательно прикрывали неказистую дѣйствительность со всеѣми ея недостатками и прорухами.

Хотя при Николаѣ ханжество и религіозное изувѣрство утратили кредитъ, и для архимандрита Фотія, баронессы Крюденеръ и др. прошли красные дни, а Магницкій вмѣстѣ съ Руничемъ оказались въ полной опалѣ и сошли со сцены, все же въ области народнаго образованія Шишковъ продолжалъ хозяйничать попрежнему, сумѣлъ использовать слабость Николая къ порядку и въ видахъ установленія должнаго единообразія учебныхъ заведеній предложилъ пересмотръ всеѣхъ учебныхъ уставовъ и плановъ и введеніе однообразныхъ методовъ преподаванія и учебниковъ. Однообразіе, дѣйствительно, по этой части было достигнуто образцовое и выродилось въ такую поверхностную и недостаточную учебную и научную подготовку, что молодежи потомъ приходилось пробѣлы образованія годами пополнять автодидактически, со всеѣми невыгодными послѣдствіями этого метода.

Въ области цензуры, подчиненной тому же министерству народнаго просвѣщенія, Шишковъ сумѣлъ похозяйничать достаточно умопомрачительно, благодаря введенію составленнаго княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ «железнаго цензурнаго устава» 10 іюня 1826 г. По счастью, Шишковъ остался у власти только до 1828 г. Съ назначеніемъ на его мѣсто бывшаго попечителя дерптскаго учебнаго округа генерала-отъ-инфантеріи князя Ливена наступили лучшія времена. Князь Ливенъ былъ хотя и не ученый, но справедливый и вдумчивый человекъ и умѣлъ глубокую религіозность примирять съ широкою терпимостью. Шишковскій цензурный уставъ былъ отмѣненъ, и, по почину кн. Ливена, создано главное цензурное управленіе съ подчиненіемъ ему мѣстныхъ цензоровъ. Въ обязанность цензоровъ вмѣнялось въ критику и исправленіе авторовъ не пускаться, но устанавливать сужденіе только о томъ, вредна ли данная книга или статья, или же нѣтъ, — только въ первомъ случаѣ и допускалось цензурное вмѣшательство. Обладая незаурядною широтою кругозора, князь Ливенъ считалъ возможнымъ предоставлять умственной жизни достаточный просторъ для поступательнаго развитія, и за періодъ времени съ 1828 по 1830 г. русская цензура могла назваться даже либеральною, особенно по сравненію съ австрійскою, но іюльская революція и тутъ вызвала поворотъ въ сторону реакціи. Цензура сразу воплотилась въ тѣ неумолимыя формы, которыя въ теченіе всего николаевскаго царствованія приводили въ отчаяніе весь русскій литературный міръ и навлекали преслѣдованія на всеѣхъ отъ Булгарина и Греча до Бѣлинскаго и Тургенева.

Почтенное исключеніе изъ безплодности занятій многочисленныхъ комиссій, призванныхъ къ жизни Николаемъ и затѣмъ обращенныхъ

въ «пустоцвѣтъ» — изъ-за страха передъ революціею, которою Меттернихъ пугалъ всѣхъ европейскихъ государей, — составили комиссія о преобразованіи флота, сдѣлавшая немало для поднятія спеціальнаго морского образованія и возрожденія русскаго военнаго флота, пришедшаго въ полное разстройство за царствованіе Александра I, и комиссія о составленіи законовъ. Послѣдняя была поставлена подъ начальство Сперанскаго, и такъ какъ Николай I, по любви къ порядку, очень заинтересовался кодификаціею, то эта огромная работа была выполнена въ удивительно короткій срокъ (1826—1830 гг.).

Къ весьма знаменательнымъ противорѣчіямъ русской государственной жизни николаевской эпохи принадлежалъ особенно любопытный курьезъ: въ то время, какъ законодательныя начинанія покрывались тайною, прятались подъ спудъ и всемірно скрывались отъ русскаго общества, съ большимъ шумомъ и широкоувѣщательными восхваленіями вводилось новое устройство тайной полиціи.

По уничтоженіи министерства полиціи, облеченнаго Александромъ при Балашевѣ чрезвычайными полномочіями и возбуждавшего своими вмѣшательствами въ дѣла всѣхъ вѣдомствъ всеобщее негодованіе въ теченіе всего его существованія, съ 1811 по 1819 г., центральное завѣдываніе всѣми функціями и органами полицейской власти было передано въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Единства въ руководствѣ полиціею въ Россіи, несмотря на попытки слѣдовать французскимъ образцамъ, заповѣданнымъ Фуше, достигнуто не было; къ сожалѣнію, въ числѣ излюбленныхъ затѣй императора Александра I было возведеніе въ сложную систему шпіонства и контръ-шпіонства, — съ помощью ихъ чинился бдительный надзоръ за ближайшими совѣтчиками государя, наружно пользовавшимися благоволеніемъ и довѣріемъ государя, — внѣ надзора оставался, кажется, единственно Аракчеевъ. Что же касается собственно тайной полиціи (въ смыслѣ политическаго *cabinet noir*), то она оставалась въ непосредственномъ вѣдѣніи государя и отправлялась чрезъ особыхъ, искусившихся въ этомъ дѣлѣ довѣренныхъ агентовъ. Слѣдственная комиссія надъ декабристами непрерываемо выяснила, что, несмотря на все хитроуміе Александра и грубую безпощадность Аракчеева, широко развѣтвленная дѣятельность Сѣвернаго и Южнаго союзовъ, Соединенныхъ Славянъ и польскаго совершенно ускользнула отъ полицейскаго бдѣнія и дозора. Тотъ фактъ, что и по осужденіи 121 участника заговора, привлеченныхъ къ суду, множество дѣйствительныхъ пособниковъ декабристовъ и заподозрѣнныхъ остались на свободѣ, навело императора Николая на злосчастную мысль установить бдительный надзоръ за неблагонадежными личностями. Такое вѣяніе, впрочемъ, отнюдь нельзя разсматривать за специфическую черту недовѣрія русскаго правительства къ своимъ подданнымъ, такъ какъ и во всей Западной Европѣ, по возстановленіи на престолахъ законныхъ государей,

въ эпоху реставраціи и реакціи всѣ помыслы высшей общей политики Меттерниха направлялись на искорененіе крамолы и тѣхъ происковъ, въ которыхъ подозрѣвались либералы, бонапартисты, карбонаріи и члены всевозможныхъ тайныхъ организацій. Государь Николай Павловичъ поручилъ графу Бенкендорфу, который еще въ 1821 г. представлялъ императору Александру I записку о заговорѣ и его цѣляхъ, разработку основаній для образцоваго устройства тайной полиціи. Въ январѣ 1826 г. Бенкендорфъ представилъ докладъ, гдѣ объяснялъ, что негласный надзоръ за обществомъ можетъ быть попрежнему оставленъ за почтовымъ вѣдомствомъ въ формѣ перлюстраціи писемъ, что должно быть поручаемо специальнымъ чиновникамъ, которые и имѣютъ находиться въ составѣ важнѣйшихъ почтовыхъ учрежденій въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Тобольскѣ.

Высшая же полиція безопасности должна распространяться на всю страну и имѣть явный центръ, который бы внушалъ страхъ и почтеніе. Политическая полиція должна была получить особое обмундированіе, хорошо оплачиваться и поощряться почетными наградами, въ цѣляхъ привлеченія къ этому вѣдомству почтенныхъ дѣятелей. Особенныя надежды возлагались на то, чтобы придать полиціи возможно высокій нравственный вѣсъ, такъ какъ отъ выбора самой личности министра полиціи и организаціи министерства будетъ зависѣть и тотъ толчокъ къ дѣятельности, какой получить сама полиція, да и самое уваженіе, которое ей предстоитъ снискать въ публикѣ. Записка Бенкендорфа государемъ была передана для разсмотрѣнія члену государственнаго совѣта генералу-отъ-пифантеріи графу П. А. Толстому, но этотъ послѣдній, повидимому, представилъ возраженія только противъ облеченія начальника полиціи не столько функціями, сколько министерскимъ званіемъ. 3 іюля 1826 г. уже состоялся высочайшій указъ объ учрежденіи Третьяго Отдѣленія канцеляріи его величества. Начальникомъ Третьяго Отдѣленія естественно былъ назначенъ его инициаторъ графъ О. Бенкендорфъ, а въ помощники ему былъ приланъ генералъ М. М. фонъ-Фокъ, который и исполнялъ всю тяжелую черную работу.

Бенкендорфъ считалъ, будто организаціею высшей полиціи онъ совершилъ дѣло величайшей государственной мудрости; съ этимъ своимъ дѣтвищемъ онъ особенно носился и постарался придать широкую огласку весьма напвной по существу инструкціи, преподанной жандармскому начальнику въ Москвѣ, полковнику Бибикову, въ ребяческомъ предположеніи, что чрезъ огласку инструкціи Третье Отдѣленіе получитъ широкую популярность.

«Благородныя чувства и начала, вамъ присущія,—писалъ Бенкендорфъ Бибикову,—должны, видъ всякаго сомнѣнія, обезпечить

за вами уваженіе всѣхъ сословій, а чрезъ общее довѣріе ваша должность достигнетъ истинной своей цѣли и окажетъ государству дѣйствительную пользу. Въ васъ всѣ будутъ провидѣть должностное лицо, которое чрезъ мое посредничество станетъ возносить къ престолу голосъ страждущаго человѣчества и поставитъ безпомощныхъ и безгласныхъ гражданъ подъ высочайшую охрану государя императора. Сколь многія противозаконныя и безконечныя домогательства могутъ быть устранены и разрѣшены вашимъ вмѣшательствомъ! Сколь многимъ злымъ людямъ вы сможете воспрепятствовать учинять безстыдныя присвоенія чужой собственности, разъ они будутъ знать, что неповиннымъ жертвамъ ихъ алчности открытъ непосредственно кратчайшій путь для снисканія покровительства у самого государя. На этомъ поприщѣ вы въ скорости найдете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій отечество и справедливость и жаждущій повсемѣтнаго воцаренія тишины и спокойствія, сочтетъ за честь поддерживать каждый вашъ шагъ и способствовать вашему успѣху полезными совѣтами и такимъ образомъ явится вамъ сотрудникомъ при осуществленіи благородныхъ намѣреній государя. Вы, несомнѣнно, по побужденіямъ вашего сердца постараетесь узнавать о бѣдственной долѣ тѣхъ незащитныхъ чиновниковъ, которые въ своемъ безкорыстїи скромно и безпорочно несутъ службу, хотя одно только содержаніе, ими получаемое, далеко не достаточно для обезпеченія имъ существованія. О такихъ почтенныхъ личностяхъ вы должны мнѣ неукоснительно сообщать съ полною подробностью, дабы имъ возможно было оказать помощь и чрезъ то выполнить священную волю его императорскаго величества, которому благоугодно отличать вѣрноподданныхъ скромныхъ своихъ слугъ».

Патетика и искусственность этого посланія, однакоже, вовсе не произвели ожидаемаго эффекта, такъ какъ всѣ отлично понимали, что Бенкендорфу не найти безкорыстныхъ сотрудниковъ. Зато всѣ прекрасно сознавали и подчасъ на собственномъ опытѣ познавали, насколько гнетущъ и невыносимъ постоянный полицейскій надзоръ, а такъ какъ выгоды, открываемыя новымъ полицейскимъ поприщемъ, привлекли туда именно двусмысленный элементъ, который въ принадлежности къ жандармскому вѣдомству и въ связяхъ съ Третьимъ Отдѣленіемъ, вскорѣ достигшимъ всевластія, чаялъ найти себѣ великія и богатыя милости и почетъ, то результатъ получился какъ разъ обратный тому, на что рассчитывала бенкендорфская инструкція. Третье Отдѣленіе ни любви, ни уваженія не снискало, но его боялись, и именно Третье Отдѣленіе болѣе всего остального способствовало тому, что правленіе императора Николая I приняло характеръ суроваго и непреклоннаго деспотизма. Третье Отдѣленіе превратилось въ политическій инквизиціонный трибуналъ, упразднявшій всѣ нормы положительнаго права и вторгавшійся всюду со своимъ произволомъ и насиліями...

Зная властную натуру Николая Павловича, вполнѣ естественно слѣдовало ожидать, что послѣ побѣдоносныхъ войнъ 1828 и 1839 г. съ Турціей самосознаніе государя еще болѣе возрастетъ, а склонность къ властолюбію станетъ выступать рѣзче и рельефнѣе, чѣмъ прежде..

Дѣйствительно, такъ и случилось: произволъ внезапныхъ и непреложныхъ рѣшеній Николая Павловича сдѣлался послѣ турецкой войны особенно ошутителемъ для ближайшихъ его сотрудниковъ и держалъ ихъ въ постоянной тревогѣ, какъ бы угодить государю и не проштрафиться. Гражданскіе чиновники все чаще подвергались аресту на гауптвахтѣ изъ-за сущихъ пустяковъ и въ смущеніи раздумывали о томъ, какія неумовимыя и затѣйливыя формы принимаютъ тотъ «порядокъ», на осуществленіи котораго грозно наставлялъ верховный раздаятель милостей и каръ.

Точно также за фронтовые и служебныя провинности государь и офицерамъ, несколько не обинуясь, назначалъ наказанія, переносить которыя, по свидѣтельству Дивова, впору было только солдатамъ. Министры удостоивались приглашенія на совѣщанія крайне рѣдко, и только въ видѣ исключенія спрашивалось иногда мнѣніе у Кочубея и князя Голицына, которые сумѣли, благодаря своей осторожности и дальновидности, сохранить нѣкоторую авторитетность. Даже графъ Бенкендорфъ, стоявшій, въ силу отношеній, завязанныхъ еще съ дѣтства, къ царю ближе всѣхъ, подчасъ подвергался рѣзкимъ обрываніямъ тамъ, гдѣ едва замѣтно переступалъ границы придворнаго этикета и сдержанности, къ соблюденію которыхъ государь отнеслся съ мнительною чуткостью. Даже самый гибкій и лукавый изъ царедворцевъ, графъ Нессельроде, едва не подвергся полной опалѣ и паденію только изъ за-того, что не успѣлъ доложить государю дипломатической депеши, опереженной событіями. Особенно удручающее впечатлѣніе на общество произвелъ дѣйствительно характерный казусъ. На балу у прусскаго посланника, генерала фонъ-Шёлера, государь получилъ спѣшное письменное донесеніе отъ московской тайной полиціи о шумной демонстраціи, учиненной московскими повѣсами во французскомъ театрѣ. Государь тотчасъ же подозвалъ къ себѣ находившагося тогда въ Петербургѣ московскаго генераль-губернатора, князя Голицына, и приказалъ ему немедленно же распорядиться и посадить буяновъ въ смирительный домъ. На почтительное замѣчаніе князя Голицына, что ему извѣстна эта исторія, которая сводилась къ довольно безобидному повѣсничеству, и что для участвовавшихъ въ немъ двухъ юныхъ представителей московской знати, графовъ Потемкинскихъ, заключеніе въ смирительный домъ по русскимъ законамъ равносильно было бы лишенію правъ и чести, государь на это нетерпѣливо отмахнулся рукою и коротко приказалъ: «Немедленно исполнить мое приказаніе». Впечатлѣніе, произведенное на москвичей суровымъ пар-

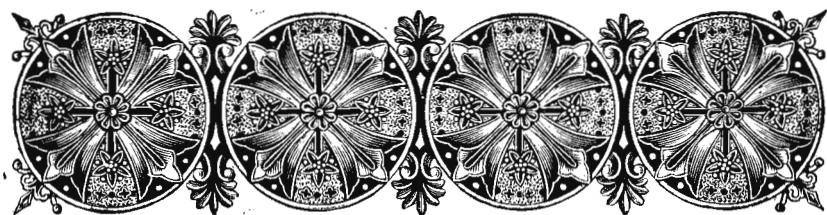
скимъ рѣшеніемъ, было неописуемо. Вся знать, желая выразить сочувствіе несправедливо потерпѣвшимъ, произвела демонстрацію, несравненно болѣе громкую, чѣмъ повѣсничество Потемкиныхъ: цѣлыми вереницами подѣвжали кареты ежедневно къ тюрьмѣ для выраженія арестованнымъ соболѣзнованія, а когда старшина дворянскаго благороднаго собранія, почтенный, по робкій сенаторъ, вздумалъ заикнуться, что, по уставу, Потемкины, какъ приговоренные къ позорному наказанію, надлежатъ исключенію изъ клуба, онъ былъ освистанъ и подвергся еще болѣе грубымъ оскорбленіямъ. Все московское общество единодушно согласилось устроить заключеннымъ, вскорѣ выпущеннымъ изъ-подъ ареста, обѣдъ, что и было выполнено съ большою торжественностью.

Повидимому, впрочемъ, и самъ государь внутренно сознавалъ, что въ данномъ случаѣ поступилъ съ опрометчивою внезапностью и захотѣлъ—что рѣдко съ нимъ случалось—исправить дурное впечатлѣніе, произведенное на москвичей. 3 марта 1830 г. Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ принцемъ Альбертомъ Прусскимъ для обозрѣнія повгородскихъ военныхъ поселеній. Произведя обстоятельный осмотръ поселеній, государь пустился обратно, но, къ всеобщему недоумѣнію, приказалъ оберъ-вагенмейстеру Соломкѣ держать путь на Москву. 7 марта, въ два часа ночи онъ уже прибылъ въ первопрестольную, провелъ тамъ шесть дней и, между прочимъ, задалъ балъ въ томъ же дворянскомъ собраніи, гдѣ недавно чествовались Потемкины. Никогда не проявлялъ государь болѣе чарующей любезности и обходительности, какъ въ этотъ именно пріѣздъ, и вскорѣ Москва позабыла думать о недавней фронтѣ.

Такъ легко смѣнялись настроенія на этой зыбкой почвѣ!

В. И. фонъ-Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Труды императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Документы и изложеніе Полтавскаго періода Сѣверной войны. 1708—1709 гг. А. К. Баіовъ и Н. Л. Юнаковъ. Четыре тома in 4°. 290+258+339+308=1175 стр. Спб. 1909.

ЕДАВНО образовавшееся русское военно-историческое общество, получившее наименованіе императорскаго съ пріятіемъ на себя государемъ императоромъ званія его почетнаго предсѣдателя, только что выпустило въ свѣтъ, къ двухсотлѣтней годовщинѣ Полтавскаго боя, четыре объемистыхъ тома своихъ «трудовъ». Эти четыре тома in 4°, составляющіе въ общемъ до 1200 страницъ текста, съ обильными приложениями, планами и схемами, заключаютъ въ себѣ изслѣдованіе Полтавскаго періода Сѣверной войны 1708—1709 гг., причемъ, по общему плану работъ, за каждымъ томомъ напечатанныхъ документовъ (I и III томы) слѣдуетъ историческое по нимъ изложеніе (II и IV томы). Работы по напечатанію документовъ исполнены подъ общимъ руководствомъ члена общества А. К. Баіова и редактированы также членомъ общества Н. Л. Юнаковымъ, при содѣйствіи 18 дѣйствительныхъ членовъ, разбиравшихъ архивы, и 19 офицеровъ слушателей императорской военной академіи, взявшихъ на себя переводъ документовъ съ иностранныхъ языковъ.

Молодое общество, какъ только получило возможность осуществить свою практическую дѣятельность, рѣшило приступить къ постепенному изданію богатыхъ матеріаловъ, хранящихся въ нашихъ архивахъ и относящихся къ нашей военной исторіи. Эта дѣятельность общества тѣмъ болѣе должна быть признана цѣлесообразною, что многія эпохи нашей военной исторіи или совсѣмъ

не изслѣдованы по архивнымъ источникамъ, или изслѣдованы недостаточно и неполно, въ то время какъ наши архивы, какъ общіе, такъ и спеціальныя, хранятъ въ своихъ шкапахъ массу документовъ, остающихся по сей день не использованными и никому неизвѣстными. Наступавшее въ текущемъ году знаменитое двухсотлѣтіе славной «Полтавской баталіи», естественно, привело общество къ мысли заняться въ первую голову розыскомъ документовъ по Великой Сѣверной войнѣ, причѣмъ было рѣшено произвести такой розыскъ во всѣхъ нашихъ архивахъ, а также и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ и предназначить для напечатанія только тѣ изъ нихъ, которые доселѣ нигдѣ напечатаны не были. Результатомъ этого розыска въ 18-ми архивахъ (въ томъ числѣ: собственная Его Величества бібліотека и эрмитажная Петровская, архивы Вѣны, Полтавы, Кіева и др.) и были два тома изданныхъ нынѣ документовъ, снабженныхъ примѣчаніями и приложениями, краткой ихъ оцѣнкой и характеристикой, а также указателями хронологическимъ, систематическимъ и алфавитнымъ, что весьма облегчаетъ справки и работу изслѣдователя по документамъ. Вообще, изданіе выполнено тщательно и умѣло, какъ подобаетъ серьезному научному труду.

Въ заключеніе своего предисловія къ 1-му тому руководитель изданія между прочимъ говоритъ о личности Петра и о значеніи напечатанныхъ документовъ слѣдующее: «Ознакомленіе съ разсматриваемыми документами заставляетъ поражаться могучею личностью великаго Петра. Можно только удивляться его гениальнымъ соображеніямъ, его умѣнью распознавать обстановку за нѣсколько сотъ верстъ, правильно оцѣнивать ее и принимать простыя, но чрезвычайно мудрыя рѣшенія. На ряду съ этимъ обрисовывается громадная, гигантская неустанная работа гениальнаго царя. Всѣ обращаются къ нему съ массой вопросовъ, и важныхъ, по части оперативной, и мелкихъ, по части хозяйственной, и великаго Петра на все хватаетъ».

«...Изслѣдованіе новыхъ печатаемыхъ документовъ по данной эпохѣ врядъ ли заставитъ измѣнить принципиально, идейно нынѣшнее представленіе о ходѣ, характерѣ и значеніи операций на лѣвомъ берегу Днѣпра съ 3-го іюля по 1-е ноября 1708 г. Но эти документы, устанавливая еще неизвѣстныя до сихъ поръ подробности этихъ операций, даютъ богатѣйшій матеріалъ добросовѣстному изслѣдователю для того, чтобы онъ, пользуясь своими прозорливостью и историческимъ чутьемъ, сдѣлалъ выводы и заключенія, которые твердо установятъ взглядъ на состояніе нашего военнаго искусства въ это время и ту роль и значеніе, которое должно отвести цѣлому ряду дѣятелей той эпохи, когда выковывалось мечомъ могущество Россійской имперіи, и особенно положительно титанической личности великаго безсмертнаго царя Петра».

Что касается двухъ другихъ томовъ, II и IV, то въ нихъ заключается описаніе Сѣверной войны 1708—1709 г.г., составленное г. Юнаковымъ, главнымъ образомъ, на основаніи напечатанныхъ въ I и III томахъ документовъ. Прежде всего авторъ даетъ перечень матеріаловъ, послужившихъ для составленія описанія, какъ первоисточниковъ, такъ и историческихъ трудовъ въ обработанномъ видѣ, всѣмъ имъ даетъ характеристику и критическую оцѣнку, причѣмъ наиболѣе останавливается на оцѣнкѣ извѣстнаго «Дневника военныхъ дѣйствій», составленіе котораго онъ приписываетъ полтавскому коменданту полковнику Келену.

Изложение автора, в общих чертах согласованное с достаточно обработанною исторіею Сѣверной войны и заключительнаго ея эпизода, Полтавской битвы, тѣмъ не менѣе прибавляетъ немало неизвѣстныхъ доселѣ деталей, цифровыхъ поправокъ и даетъ иное освѣщеніе нѣкоторымъ эпизодамъ войны.

Въ заключеніе къ послѣднему тому авторъ даетъ характеристику Петра Великаго и Карла XII, какъ полководцевъ; выясняетъ значеніе кампаній 1708—1709 г. г. съ точки зрѣнія стратегіи, тактики и исторіи военнаго искусства; даетъ выводы относительно состоянія военнаго искусства въ періодъ Сѣверной войны: комплектованіе и устройство вооруженныхъ силъ; управленіе арміей, снабженіе продовольствіемъ; стратегическое и тактическое искусство; полевое военно-инженерное дѣло. При этомъ позволимъ себѣ привести нѣсколько словъ изъ даваемой авторомъ характеристики двухъ полководцевъ, одинаково выдающихся по своимъ способностямъ, но совершенно несхожихъ по характеру и образу дѣйствій. Карлъ XII, «одаренный желѣзнымъ тѣлосложеніемъ, съ дѣтства пристрастившійся къ военнымъ упражненіямъ и спорту, привыкшій вести спартанскій образъ жизни, видѣлъ въ войнѣ не борьбу народовъ или государствъ, а исключительно борьбу государей, считалъ ее благороднымъ турниромъ на жизнь и смерть, въ которомъ одинъ изъ противниковъ долженъ быть непременно низложенъ. На ряду съ этимъ, обладая сильнымъ характеромъ, проявившимся, впрочемъ, чаще всего въ видѣ упрямства, громаднымъ самолюбіемъ и личною неустрашимостью, шведскій король любилъ войну, такъ какъ она удовлетворяла его страсть къ опаснымъ походамъ и окружала его въ глазахъ арміи ореоломъ героя. Будучи самъ проникнутъ энергіей, отвагой и дерзостью и смотря на сопряженныя съ войной лишенія и на пренебреженіе къ жизни, какъ на поэзію военнаго быта, Карлъ XII предполагалъ такое же отношеніе къ войнѣ и во всей своей арміи, а потому, не отличаясь ни суровостью, ни жестокостью, онъ былъ способенъ поставить своихъ солдатъ въ самое тяжелое и опасное положеніе и совершенно хладнокровно смотрѣть на то, какъ они мерзли, голодали и гибли десятками и сотнями на его глазахъ»... Первые успѣхи, данные Карлу превосходно подготовленной еще со времени Густава-Адольфа арміей, развили въ немъ необычайную увѣренность и пренебреженіе къ противнику, словомъ, выработали изъ него типъ полководца-партизана, отвергавшаго всякую осторожность и основывавшаго все свои военныя предпріятія на рѣшительности, отважности и внезапности. Стратегія не была его удѣломъ, и все его предпріятія представляли собою игру, гдѣ каждый разъ все ставилось на карту.

Не таковъ былъ противникъ Карла—Петръ Великій. «Энергичный по натурѣ, богато одаренный умомъ и волею, увлекавшійся съ дѣтства военнымъ дѣломъ и основательно его изучившій, русскій даръ въ душѣ былъ также сторонникомъ рѣшительныхъ дѣйствій. Но испытанная Петромъ съ самымъ началъ его полководческой дѣятельности тяжелая неудача (Нарва), едва не отразившаяся самымъ ужаснымъ образомъ на судьбѣ государства, заставила его круто свернуть въ сторону осторожности, что вполне соответствовало обстановкѣ первыхъ лѣтъ Сѣверной войны». Впослѣдствіи, по пріобрѣтеніи увѣренности въ своихъ силахъ, дѣйствія Петра Великаго представляли собою то рѣдкое сочетаніе рѣши-

тельности съ осторожностью, которое составляет удѣлъ великихъ мастеровъ военнаго искусства. «Необыкновенное развитіе творческой стороны ума и, какъ послѣдствіе этого, всесторонность; рѣдкая проницательность въ разгадываніи обстановки и способность быстрого принятія вполнѣ сообразныхъ съ обстановкою рѣшеній; безпредѣльная вѣра въ самого себя и умѣнье не теряться отъ всякаго рода неожиданностей; глубокое пониманіе основныхъ законовъ военнаго искусства и находчивость въ изобрѣтеніи средствъ для проведенія ихъ въ жизнь; способность къ продолжительному настойчивому стремленію къ достиженію разъ поставленной цѣли; наконецъ, вѣрная оцѣнка боя, какъ средства рѣшительнаго, необходимаго, но въ то же время какъ средства крайняго. «зѣло опаснаго», а потому требующаго всесторонней подготовки, — вотъ рядъ штриховъ, характеризующихъ полководческую дѣятельность Петра Великаго».

Вообще, нельзя не привѣтствовать добраго почина дѣятельности русскаго военно-историческаго общества, выразившейся въ изданіи, въ весьма короткій срокъ, при дружномъ содѣйствіи членовъ общества, четырехъ томовъ «трудовъ», научно обработанныхъ, тщательно редактированныхъ и снабженныхъ пособиями, облегчающими пользованіе ими. Изданные «труды» представляютъ цѣнный вкладъ въ русскую военно-историческую науку, которая ожидаетъ дальнѣйшей обработки по другимъ славнымъ отдѣламъ нашей военной жизни.

Л. Н.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ V. Выпускъ III. Спб. 1909.

Каждый новый выпускъ этого роскошнаго изданія составляетъ новый богатый вкладъ въ нашу иконографію. Въ третьемъ выпускѣ пятаго тома заключается 62 портрета. Большая часть ихъ воспроизведена съ оригиналовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и потому неизвѣстныхъ и недоступныхъ для обозрѣнія. Здѣсь дана галерея семейныхъ портретовъ бароновъ и графовъ Строгановыхъ, Демидовыхъ, князей Гагариныхъ, графовъ Паниныхъ и др. Все это замѣчательныя работы знаменитыхъ живописцевъ того времени, представляющія иногда не одни портреты, но и цѣлыя жанровыя картины. Изъ остальныхъ портретовъ любопытны воспроизведенныя въ первый разъ изображенія: князя Г. А. Потемкина-Таврическаго (съ портрета, принадлежащаго его любимой племянницѣ графинѣ Браницкой), графа А. К. Разумовскаго, Мелиссино, фаворитки императора Николая I Е. И. Нелидовой, графа Нессельроде, А. О. Львова (въ молодости), графини Скавронской, П. И. Гурьевой, Е. А. Новосильцевой, графовъ Браницкихъ, князей Любомирскихъ и др. Считаемо излишнимъ говорить о безукоризненномъ исполненіи фототипическихъ копій экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. По обыкновенію, каждый портретъ сопровождается краткой, но обстоятельной біографіей, гдѣ приводится немало совершенно новыхъ и любопытныхъ данныхъ.

С. Ш.

С. Б. Веселовскій. Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича. Москва. 1909. Стр. 233. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга г. Веселовскаго представляетъ собою начало предпринятаго авторомъ изслѣдованія по исторіи финансовъ Московскаго государства XVII вѣка въ связи съ исторіей народнаго хозяйства. Въ это время разоренное предшествовающею смутою населеніе должно было нести тяжелое налоговое бремя, возраставшее быстро и въ сильной степени. Для покрытія государственныхъ потребностей правительства смутнаго времени прибѣгали къ займамъ, порчѣ монеты и раздачѣ дворцовыхъ и черныхъ земель. Новое начало въ займы внесло нижегородское ополченіе, которому потомъ слѣдовало и правительство Михаила Ѳеодоровича. Нижегородцы уполномочили Минина собирать «третью деньгу» съ животовъ и промысловъ. Этотъ сборъ былъ отчасти добровольнымъ пожертвованіемъ, отчасти имѣлъ видъ принудительнаго займа. Принудительность и долевоѣ характеръ, т. е. установленіе извѣстной части податнаго объекта, а также и размѣра налога съ этой части — вотъ два новые принципа налоговой системы въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Впервые къ долевому налогу правительство прибѣгло въ 1614 г., когда былъ назначенъ сборъ «пятой деньги». Пятина не всегда была налогомъ, для нѣкоторыхъ она являлась принудительнымъ займомъ, для другихъ зачитывалась въ недоимки по старымъ налогамъ или въ будущіе платежи. Затѣмъ происходитъ эволюція во взиманіи пятинны: уже третья пятина 1616 г. принимаетъ характеръ репартиціоннаго налога, т. е. правительство заранѣе опредѣляетъ сумму, которую должно было ему дать населеніе той или другой мѣстности, а послѣднее само между собою производитъ раскладку требуемой суммы. Во многихъ документахъ пятинныя деньги часто называются «запросными». Но слово «запросъ» имѣло и другое значеніе, а именно просьбы добровольнаго пожертвованія, либо съ обѣщаніемъ вернуть долгъ, или зачесть его въ налоги, либо безъ всякаго обѣщанія.

Въ четырехъ главахъ своего труда г. Веселовскій даетъ картину того, какъ производились все семь сборовъ пятинныхъ денегъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какую борьбу на почвѣ раскладки пятинны вызывали эти сборы среди лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей, и какъ они повліяли на народное хозяйство. Въ приложеніи, занимающемъ большую часть книги, помѣщены 76 документовъ, положенныхъ авторомъ въ основу его работы, а также указатели личный и географическій.

Т.

Изъ записокъ князя П. В. Долгорукова. Время императора Петра II и императрицы Анны Іоанновны. Переводъ съ французскаго. М. 1909. Стр. 183. Цѣна 1 р. 75 к.

Записки князя П. В. Долгорукова, изданныя по-французски, хорошо извѣстны всемъ занимающимся русской исторіей первой половины XVIII столѣтія и могутъ служить полезнымъ источникомъ при изученіи того времени.

Профессоръ Д. А. Корсаковъ (въ своей диссертациі «Воцареніе императрицы Анны Ивановны») удостовѣряетъ, что при сличеніи записокъ съ архивными документами и изданными источниками и монографіями онъ пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что князь Долгоруковъ пользовался какъ тѣми, такъ и другими весьма добросовѣстно съ фактической стороны. Недостатки книги заключаются лишь въ томъ, что авторъ позволяетъ себѣ иногда высказывать рѣзкія и не всегда основательныя сужденія. На запискахъ князя Долгорукова до сихъ поръ лежалъ цензурный запретъ, но теперь этого запрета уже не существуетъ, и онѣ свободно могли бы быть переведены и напечатаны безъ всякихъ сокращеній. Между тѣмъ, неизвѣстный редакторъ настоящаго изданія выбралъ для перевода только тѣ страницы, гдѣ повѣствуется объ императорѣ Петрѣ II и императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, и, кромѣ того, для разсказа о смерти императрицы «воспользовался вмѣсто текста мемуаровъ изложеніемъ въ новѣйшей сводной работѣ, посвященной этой эпохѣ, а именно соответствующими страницами изъ книги Валишевскаго «Наслѣдіе Петра Великаго». Но этого мало. По словамъ редактора, изъ записокъ нѣкоторыя мѣста имъ выкинуты совсѣмъ, смягчены нѣкоторыя неудобныя мѣста, опущены лишнія, общеизвѣстныя подробности, внесены нѣкоторыя поправки тамъ, гдѣ авторъ, по мнѣнію редактора перевода, допустилъ явныя ошибки или недосмотры». При этомъ редакторъ сознается, что «поправки эти не вездѣ оговорены». Такимъ образомъ, лица, желающія пользоваться настоящей книгой, остаются въ полномъ невѣдѣніи, что именно принадлежитъ въ ней князю Долгорукову, что Валишевскому и что редактору перевода. Приходится обращаться къ подлиннымъ мемуарамъ, оставляя въ сторонѣ сокращенный, измѣненный и дополненный изъ другихъ сочиненій ихъ переводъ. Конечно, публика не будетъ разбираться въ этихъ мелочахъ, но для занимающихся исторіей настоящее изданіе лишено всякаго значенія. Издатели (московская фирма «Образованіе») украсили книгу нѣсколькими портретами, взятыми, очевидно, случайно, безъ соображенія съ содержаніемъ книги. Напримѣръ, приложены портреты И. И. Шувалова и графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго (подъ портретомъ котораго сдѣлана подпись «графъ Кириллъ Петровичъ Разумовскій), появившихся при дворѣ лишь въ царствованіе Елизаветы Петровны; для чего-то дана копія съ картины «Императрица Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ». Портреты же главнѣйшихъ дѣятелей царствованій Петра II и Анны Ивановны, какъ Меньшиковъ, Долгоруковъ, Биронъ, Минихъ, Остерманъ, Вольтеръ и др., отсутствуютъ. Нѣтъ даже портрета Петра II, а императрица Анна Ивановна изображена молодой княжной, тогда какъ она вступила на престолъ, имѣя 37 лѣтъ отъ роду.

С. Ш.

Проф. П. Жуковичъ. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). Четвертый выпускъ (1623—1625 гг.). Спб. 1908. Стр. V + 173 + 31.

Широко поставленные вопросы, освѣщеніе ихъ съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія, умѣніе автора пользоваться свѣжимъ матеріаломъ и въ то же время предлагать его читателю въ переработанномъ видѣ, наконецъ, глубокий интересъ самаго вопроса, драматичность отдѣльныхъ его эпизодовъ, духовная красота

его дѣятелей—вотъ данныя, благодаря которымъ каждый новый выпускъ «Сеймовой борьбы» П. Н. Жуковича встрѣчается съ интересомъ. При этомъ не надо забывать объективность изслѣдователя и произвольную передачу той же объективности читателю. Четвертый выпускъ составилъ изъ четырехъ статей и обзора библиографическаго характера: «Новые матеріалы для начальной исторіи сеймовой борьбы съ церковной уніей»; матеріалы эти дополняютъ нѣкоторыя главы второго отдѣла изслѣдованія П. Н. Жуковича. Первая по мѣсту въ выпускѣ статья—«Первое вмѣшательство западно-русскихъ казаковъ въ сеймовую борьбу съ церковною уніей». Какъ видно изъ актовъ и другихъ свидѣтельствъ, это именно вмѣшательство православнаго запорожскаго казачества и повело за собой нѣкоторый успѣхъ въ долгой борьбѣ на сеймахъ начала 20 годовъ XVII вѣка. И если бы руководители православной партіи не упустили удобнаго момента, и если бы къ этому же времени Польша не закончила съ такимъ успѣхомъ войны съ Турціей, то успѣхъ былъ бы, по мнѣнію профессора П. Жуковича, много значительнѣе. И замѣчательно также, что съ этого приблизительно времени мечтой сеймоваго шляхетскаго правительства становится уничтоженіе Запорожья съ его традиціоннымъ казачествомъ. Далѣе идетъ статья «Убіеніе Іоасафата Кунцевича», полоцкаго униатскаго архіепископа. Статья читается съ захватывающимъ вниманіемъ, а матеріаломъ для нея послужили отчасти и нѣкоторые неизвѣстные раньше документы; остальные провѣрены изслѣдователемъ. Непосредственно съ нею связанъ и слѣдующій очеркъ—«Первый польскій сеймъ послѣ убійства Іоасафата Кунцевича». Какъ видно, послѣднее обстоятельство не имѣло, впрочемъ, вліянія на дальнѣйшій ходъ борьбы. Послѣдній очеркъ—«Передъ казацкимъ разгромомъ. Варшавскій сеймъ 1625 года».

Отмѣтимъ еще одно достоинство изслѣдованія П. Н. Жуковича, которое особенно бросается въ глаза при чтеніи только что названнаго очерка. Именно, авторъ разсматриваетъ перипетіи сеймовой борьбы западно-русскаго дворянства съ церковной уніей, какъ одно изъ теченій въ общей картинѣ тѣхъ экзорбитанцій, которыя предъявлялись королю Сигизмунду III посольской избой сейма въ началѣ 20 годовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ эту эпоху, эпоху острыхъ столкновеній власти короля съ шляхетскимъ представительствомъ, всякаго рода экзорбитанціи терѣли полное пораженіе. Въ числѣ ихъ были и вопросъ о греческой вѣрѣ. Такимъ образомъ, автору удалось найти поставленному имъ вопросу опредѣленное мѣсто въ общемъ политическомъ процессѣ, и отъ этого выигрываетъ каждое изъ его заключеній, какъ мало оно ни было бы.

И. А.

Д. И. Троицкій. Русь въ Монгольскій періодъ. I. Изданіе училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1909. Стр. 192. Ц. 50 коп.

Историческія книги обыкновенно или черезчуръ ужъ спеціальны, недоступны широкимъ слоямъ общества и по своей цѣнѣ, и по изложенію, или же охватываютъ слишкомъ большой промежутокъ времени и носятъ конспективный характеръ. Поэтому такія книги, какъ «Русь въ монгольскій періодъ» Д. Троицкаго, могутъ оказать большую услугу среднему читателю.

Авторъ живо описываетъ тяжелый періодъ русской жизни, эпоху татарскихъ насилій, княжескихъ неурядиць, безвыходное положеніе крестьянина, придавленнаго бременемъ непосильныхъ налоговъ, истомленнаго вѣчной борьбой съ врагами. Проникшись уваженіемъ къ славнымъ дѣятелямъ нашего прошлаго, авторъ относится къ ихъ образамъ настолько бережно, что заставляетъ и читателя вѣрить въ нихъ... Кратко охарактеризовавъ событія, вызвавшія стихійное переселеніе народовъ изъ глубины Азіи, нравы и обычаи татаръ, Д. И. Троицкій знакомитъ читателей съ причинами нашихъ разгромовъ и съ исторической панорамой завоеванія всей Руси. Много вниманія посвящено созидательной дѣятельности Александра Невскаго, его борьбѣ со шведами и ливонскими рыцарями, затѣмъ—постепенному усилению Москвы. Въ отдѣльной главѣ собраны довольно подробныя свѣдѣнія о Галицкой землѣ, какъ извѣстно, даже въ смутное время татарщины сохранившей свою самостоятельность и поддерживавшей связь съ Европой въ борьбѣ съ Венгріей и Литвою на западномъ фронтѣ.

Жаль, что авторъ предпочитаетъ говорить преимущественно о дѣятельности отдѣльныхъ князей и иногда ненужными подробностями ихъ жизни затемняетъ общій ходъ событій. Во-вторыхъ, слѣдовало бы опустить нѣкоторыя легендарныя извѣстія, правда, заимствованныя изъ лѣтописныхъ сводовъ, но мало провѣренныя. Далѣе, нельзя не замѣтить маленькой путаницы въ княжескихъ ссорахъ, чрезмѣрнаго пристрастія автора къ беллетристическому изложенію, преувеличенія жестокости татаръ (стр. 19, 30), почему Чингисхань, этотъ азіатскій Наполеонъ, является какимъ-то «варваромъ» и т. д., все же общій тонъ этой грустной эпохи схваченъ вѣрно. Авторъ умѣетъ держать вниманіе читателя драматизмомъ изложенія.

Книга написана ясно, живо, мѣстами иллюстрирована рисунками; кстати приводятся и отрывки изъ стихотвореній различныхъ поэтовъ.

Низкая цѣна дѣлаетъ книгу общедоступной. И. Александровъ.

Труды вятской ученой архивной комиссіи 1908 года. Выпускъ II. Вятка. 1909 г. 19+78+72. Ц. 1 р.

Настоящій выпускъ «Трудовъ» вятской архивной комиссіи, посвященный исторіи первыхъ годовъ существованія самостоятельной вятской епархіи, возникшей 250 лѣтъ тому назадъ, составляетъ посмертную работу основателя вятской архивной комиссіи и редактора ея «Трудовъ», А. С. Верещагина. Центральное мѣсто въ ней занимаетъ обширная біографія перваго вятскаго епископа Александра. Авторъ ея, воспользовавшійся почти всѣми печатными источниками, въ основу своего изложенія положилъ вновь изданные имъ же архивные матеріалы, благодаря которымъ онъ могъ ввести многія подробности, открывающія новыя данныя и освѣщающія дѣло въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Извѣстно, что въ печатной литературѣ по поводу перваго вятскаго епископа высказывались самыя противорѣчивыя мнѣнія. Такъ, по однимъ, онъ «незабвенный іерархъ», а по другимъ—«бездомовый самоволь, совѣтъ негодный архіерей». Есть еще мнѣніе, что онъ «расколочитель». Последнее

основывалось на томъ, что преосвященный Александръ, поставленный патриархомъ Никономъ «въ епископа коломенскаго», позволилъ себѣ не согласиться съ нѣкоторыми поправками, которыя допустилъ Никонъ и его свиращики въ новонапечатанныхъ богослужебныхъ книгахъ. Тогда Никонъ, пользовавшійся еще «государскимъ» полномасштабомъ, рѣшилъ присоединить къ своей патриаршей области близкую и богатую коломенскую епархію, а для коломенскаго архіерея открылъ новую отдаленную вятскую епархію. Свое рѣшеніе онъ подкрѣпилъ, съ соизволенія государя, соборнымъ опредѣленіемъ, которое состоялось въ концѣ 1657 года, а въ началѣ 1658 году уже прибылъ въ свой новый «стольный градъ Хлыновъ», гдѣ не было для епископа и его свиты «ни кола, ни двора», коломенскій епископъ Александръ. О «мытарствахъ», о нуждахъ и крайнемъ «оскудѣніи», которыя претерпѣвали вновь прибывшій епископъ и его свита, объ его пребываніи въ Москвѣ и борьбѣ съ Никономъ, о церковномъ судѣ надъ тѣмъ и другимъ, окончившемся весьма благополучно для епископа Александра, и наконецъ о пребываніи его послѣ суда на Вяткѣ епископомъ въ теченіе двухъ лѣтъ,—нашъ авторъ говоритъ съ большими подробностями, и потому его біографія перваго вятскаго епископа должна считаться навболѣе полной и объективной.

Помимо этой біографіи, значительное мѣсто занимаютъ въ разсматриваемомъ выпускѣ довольно цѣнные историческіе матеріалы, относящіеся къ первымъ годамъ существованія вятской епархіи, а именно: во-первыхъ, двѣ отказныя книги въ вятскій архіерейскій домъ,—одна на Предтеченскій монастырь въ Котельничѣ, 1658 года, а другая—на Вобинскій оброчный столъ, того же 1658 года: во-вторыхъ, «Акты по дѣлу о присоединеніи къ вятской епархіи Усть-Вымской десятины» (до девяти документовъ—челобитенъ, памятей и др.), и, въ-третьихъ, обширная «грамота вятскому воеводѣ Венидикту Змѣеву, объ утвержденіи за вятской епископскою каедрою приписанныхъ къ ней земель и крестьянъ», 1670 года.

В. Р.—въ.

Труды третьяго областного историко-археологическаго съѣзда, бывшаго въ гор. Владимирѣ 20—26 іюня 1906 года. Съ приложеніемъ 49 таблицъ рисунковъ. Изданіе владимирской ученой архивной комиссіи. Владимиръ. 1909. Стр. 107+580. Цѣна 3 р.

О бывшемъ три года тому историко-археологическомъ съѣздѣ во Владимирѣ на Клязьмѣ писали въ свое время немало; на страницахъ «Историческаго Вѣстника» ему была посвящена особая статья (1906 г., № 8), въ которой названы и цитированы были всѣ наиболѣе крупныя рефераты. Въ настоящее время владимирская архивная комиссія выпустила въ свѣтъ весьма объемистый томъ «Трудовъ» этого съѣзда. Въ первомъ его отдѣлѣ помѣщена, такъ сказать, «официальная» часть: «подготовительныя работы и протоколы засѣданій съѣзда». Тамъ же и перечень не доложенныхъ рефератовъ, о поѣздѣ членовъ съѣзда въ Суздаль и Боголюбовъ и списокъ всѣхъ членовъ, бывшихъ во Владимирѣ (160 членовъ). По поводу нѣкоторыхъ «не доложенныхъ» рефератовъ, авторы которыхъ не явились на съѣздъ, или же не пожелали своевременно выразить своего

желанія объ ихъ напечатаніи въ «Трудахъ», можно только пожалѣть; таковы напр.: «О нѣкоторыхъ скульптурныхъ изображеніяхъ Владимірскаго собора» Д. В. Айналова; «Архивъ Суздальскаго Покровскаго монастыря» В. Т. Георгіевскаго; «Архивные порядки (объ условіяхъ архивной работы)», Н. М. Спильоти; «О документахъ владимірскихъ четей, хранящихся въ архивѣ общества истории и древностей російскихъ», С. А. Вѣлокурова; «Надгробныя надписи, какъ историческій матеріалъ», А. С. Смирнова; «Слово о погибели русской земли», какъ историческій и литературный памятникъ сѣверо-восточной Руси XIII вѣка», С. Н. Введенскаго (впрочемъ, послѣдній рефератъ былъ доложенъ на IV областномъ сѣздѣ въ городѣ Костромѣ и, вѣроятно, войдетъ въ «Труды» этого послѣдняго), и др.

По поводу второго отдѣла разсматриваемыхъ «Трудовъ» сѣзда, гдѣ напечатаны «доклады», числомъ 28, читанные на засѣданіяхъ дѣликомъ или въ извлеченіяхъ, распространяться здѣсь также нѣтъ надобности, въ виду того, что читатели «Историческаго Вѣстника» своевременно были уже ознакомлены съ содержаніемъ многихъ докладовъ; достаточно только назвать болѣе крупныя изъ нихъ. Таковы: «Кто насыпалъ ярославскіе курганы», И. А. Тихомирова (здѣсь напечатана 2-я часть этой большой работы неутомимаго ярославскаго археолога и почти единственнаго дѣятеля ярославской архивной комиссіи; первая же часть вошла въ «Труды» 2-го областного историко-археологическаго сѣзда въ городѣ Твери); «О нѣкоторыхъ ярославскихъ гербахъ», его же; «Великорусскія весенія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи», М. Е. Соколова; «Архивъ департамента герольдіи правительствующаго сената», В. Е. Рудакова; «Страничка изъ истории народно-бытовой медицины», В. А. Андроникова; «Поиски мѣста крещенія св. князя Владиміра въ Херсонесѣ», В. Д. Емельянова; «О древнѣйшемъ населеніи приокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи» (съ 13 таблицами рисунковъ), А. В. Селиванова; «О древней Владимірской лѣтописи», проф. М. Н. Березжкова; «О колонизаціи въ Суздальскомъ краѣ съ точки зрѣнія археологіи», Н. Н. Овсянникова; «Копчина и погребеніе стародубскаго князя Феодора Ивановича Благовѣрнаго», г. А. Рязскаго; «Слѣды существованія особой Муромской лѣтописи», С. Н. Введенскаго; «Помѣщики Владимірскаго края, князя Пожарскіе», Л. М. Савелова, и нѣкоторые другіе.

В. Р-въ.

Викторъ Острогорскій и Д. Д. Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. Н. И. Пироговъ. К. Д. Ушинскій. Н. А. Корфъ. Съ портретами. Москва. 1909. 2-е изд. Стр. 97. Ц. 30 к.

По поводу пятидесятилѣтняго юбилея Н. И. Пирогова въ 1881 году одна изъ газетъ писала: «Обществу, среди котораго такъ перенутались понятія о правдѣ, что ея приходится искать, полезно имѣть предъ собою живыя указанія и живыхъ поборниковъ правды. Это во многомъ облегчаетъ трудъ къ ея разысканію». Главное достоинство книги гг. Острогорскаго и Семенова и заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что она напоминаетъ о такихъ поборникахъ правды въ дѣлѣ педагогіи, какими были три названные дѣятеля

шестидесятих годовъ. Послѣ нихъ русская школа не выдвинула ни одного имени, которое могло бы быть поставлено наравнѣ съ ними; завѣты и взгляды ихъ должны быть руководящими и для каждаго учителя нашего времени. Біографіи первыхъ двухъ лицъ принадлежатъ перу В. Острогорскаго, а послѣдняя написана г. Семеновымъ. Біографическій очеркъ Пирогова составленъ, главнымъ образомъ, по «Запискамъ» знаменитаго хирурга. Авторъ подробно описываетъ жизнь Пирогова только до 1870 года, далѣе же очеркъ страдаетъ краткостью. Дѣятельность Пирогова, по мнѣнію автора, сводится къ тому, что «онъ первый прямо и ясно поставилъ у насъ въ литературѣ воспитаніе мужчины и женщины настоятельнѣйшимъ вопросомъ жизни», своими статьями способствовалъ движенію педагогическаго міра; какъ попечитель округа, поднималъ впервые цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся нижней и средней школы и университета.

К. Д. Ушинскаго г. Острогорскій считаетъ единственнымъ русскимъ философомъ-педагогомъ; его педагогическая антропология «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» должна быть поставлена въ основу образованія учителя. Въ яркихъ краскахъ рисуетъ авторъ и практическую дѣятельность Ушинскаго, въ качествѣ инспектора гатчинскаго сиротскаго института, а особенно въ должности инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института. Ушинскій сумѣлъ сгруппировать вокругъ себя выдающихся молодыхъ педагоговъ (В. И. Водовозовъ, А. Н. Модзалевскій, Д. Д. Семеновъ, О. Ѳ. Миллеръ и др.), съ которыми онъ разработалъ цѣлый рядъ учебныхъ программъ, уравнивалъ курсъ такъ называвшихся благородной и неблагородной половинъ, ввелъ въ младшихъ классахъ наглядное обученіе и родной языкъ, замѣнилъ риторикъ и піитику классными разборами произведеній литературы. По мысли его съ 1860 года начали отпускать институтокъ домой на праздники и каникулы, что уничтожило прежнюю оторванность дѣтей отъ семьи. Въ это же время была составлена Ушинскимъ его хрестоматія «Дѣтскій Міръ». Борьба съ затхлой атмосферой институтской жизни, съ ея рутинной возстановили противъ К. Д. весь женскій педагогическій персоналъ Смольнаго, кромѣ инспектриссъ Обручевой и Сентъ-Илеръ. На него посылались доносы, и онъ, несмотря на свою полнѣйшую невинность въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ и заступничество императрицы Маріи Александровны, въ 1862 г. долженъ былъ оставить инспекторство. Послѣ этого Ушинскій сразу носѣдѣлъ и сталъ харкать кровью. Во время службы въ Смольномъ К. Д. была составлена хрестоматія «Дѣтскій Міръ», а въ 1864 году было вынуждено его «Родное Слово», разошедшееся въ милліонахъ экземпляровъ и сдѣлавшее его имя народнымъ. Послѣдніе годы жизни Ушинскій посвятилъ составленію своей антропологии.

Такой же идеально-свѣтлою личностью является и баронъ Корфъ. Аристократъ-остзеецъ по происхожденію, лишенъ по воспитанію, онъ 17 лѣтъ энергично работаетъ на пользу просвѣщенія русскаго народа: покрываетъ цѣлые уѣзды Екатеринославской губерніи сѣтью школъ, руководитъ учительскими сѣздами, ведетъ переписку съ сотнями народныхъ учителей и выступаетъ часто самъ въ роли простаго учителя.

Чѣмъ-то вѣчно-юнымъ, идеальнымъ, но, къ несчастію, забытымъ въ наше безвременье вѣетъ отъ біографій педагоговъ-шестидесятниковъ. Написаны онѣ интересно, и книгѣ, содержащей ихъ, можно пожелать самаго широкаго распространія.

В. Троицкій.

Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля. Историческій очеркъ кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Составилъ редакторъ военно-истор. отд. подполк. С. Эсадзе. Тифлисъ. 1909.

Настоящій очеркъ составленъ въ виду празднованія 50-лѣтняго юбилея покоренія Восточнаго Кавказа и по порученію начальника штаба кавказскаго военного округа. Авторъ очерка извѣстенъ двухтомнымъ трудомъ по исторіи управленія Кавказомъ и стоитъ въ первыхъ рядахъ знатоковъ тифлискихъ архивныхъ матеріаловъ. Работа «Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля» также основана на непосредственномъ изученіи тѣхъ матеріаловъ, которые доступны лишь военно-историческому отдѣлу.

Книга г. Эсадзе заключаетъ въ себѣ семь главъ. Въ первой онъ разсматриваетъ поступательное движеніе Россіи къ Кавказу съ XVI в. и заканчиваетъ обзоромъ исторіи присоединенія Грузіи къ Россіи. Дальнѣйшія главы посвящены изложенію перипетій борьбы русскихъ съ горцами со временъ Ермолова до паденія Гуниба 25 августа 1859 г. Главное вниманіе автора обращено на военныя операціи съ точнымъ перечисленіемъ частей полковъ и батарей, принимавшихъ участіе въ походѣ. Жаль, что внутренняя организація и бытъ горцевъ слишкомъ блѣдно охарактеризованы и не уяснены факторы кавказско-горской войны. Очевидно, авторъ былъ стѣсненъ въ свободной разработкѣ возложенной задачи: книга его предназначена для безплатной разсылки по ротамъ и эскадронамъ. Къ книгѣ приложены военно-историческая карта Восточнаго Кавказа и планъ осады Гуниба въ 1859 году. А. Хахановъ.

М. Г. Попруженко. Святого Козмы пресвитера слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. Памятники общества любителей древней письменности и искусства. № CLXVII. Спб. 1909. Стр. XVI+86. Цѣна 60 коп.

Извѣстное по нѣсколькимъ спискамъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ быть названъ вполне надежнымъ, вполне близкимъ къ тому виду, въ какомъ это произведеніе вышло изъ-подъ пера автора, — «Слово святого Козмы пресвитера, на еретики препрѣніе и поученіе отъ божественныхъ книгъ» давно заслуживало научнаго изданія его по всѣмъ существующимъ спискамъ или же наиболѣе авторитетнымъ съ точки зрѣнія устойчивости текста. Теперь мы имѣемъ такое изданіе «Слова», принадлежащаго видному поборнику православія среди древнихъ болгаръ, — по сборнику XVII вѣка Публичной бібліотеки, съ разночтеніями изъ рукописи собр. В. М. Ундольскаго XV—XVI вѣка и др., изданныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1864 годъ, и «Arkiv» Кукулевича-Саксинскаго (кн. IV) по копіи съ рукописи XVI вѣка московской духовной академіи.

Въ предисловіи проф. М. Попруженко перечисляетъ извѣстные ему 8 списковъ «Слова» Козмы пресвитера, приводитъ описаніе сборника Ундольскаго, указываетъ позднѣйшія литературныя произведенія, въ которыя входило «Слово» частями,—и затѣмъ переходитъ къ обзорѣню историческаго фона, на которомъ возникъ полемическій трудъ болгарскаго книжника, направленный противъ богомилства. Эта часть предисловія очень интересна. Отмѣчая отсутствие всякихъ біографическихъ свѣдѣній о Козмѣ, авторъ говоритъ: «Время жизни его опредѣляется лишь дѣлаемымъ имъ указаніемъ, что живы еще тѣ, которые помнятъ Іоанна ексарха, принадлежащаго къ числу писателей вѣка царя Симеона, т.-е. къ X вѣку. Слѣдовательно, Козму пресвитера безъ особенныхъ погрѣшностей можно отнести также къ X вѣку, именно, какъ предполагаютъ, ко времени правленія царя Самуила (977—1014 гг.). Такимъ образомъ, произведеніе Козмы пріобрѣтаетъ особое историко-литературное значеніе, такъ какъ онъ въ виду сказаннаго долженъ быть отнесенъ къ числу писателей самой цвѣтущей поры болгарской литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ признанъ почти единственнымъ славянскимъ писателемъ, давшимъ въ качествѣ очевидца рядъ весьма цѣнныхъ свѣдѣній о богомилствѣ въ связи въ общимъ состояніемъ болгарскаго духовенства и нравственности болгарскаго народа того времени. Козма пресвитеръ обнаружилъ большое знаніе сущности богомилской ереси; онъ ею возмущается, указывая самыя детальныя стороны ученія еретиковъ и съ большимъ діалектическимъ искусствомъ подемизируя съ ними. Вмѣстѣ съ этимъ, однако, Козма не оставляетъ безъ обличенія цѣлаго ряда темныхъ сторонъ въ жизни болгарскаго общества. Онъ даетъ наставленія духовнымъ лицамъ («епископомъ и попомъ»), требуя отъ нихъ примѣра для другихъ и доказывая, что ересь происходитъ отъ небреженія и лѣности пастуховъ словеснаго стада; отъ желающихъ итти въ иноки Козма требуетъ чистоты духовной и тѣлесной и т. д.

Одновременно съ такого рода наставленіями духовенству Козма рисуетъ также весьма характерныя картины быта болгаръ, упрекая ихъ въ пристрастіи къ различнымъ играмъ и зрѣлищамъ, которыя вмѣстѣ съ пьянствомъ и вѣрою «всякому ученью сотонину» не даютъ права называться имъ христіанами. Причиной такого не соответствующаго образа жизни Козма считаетъ «непочитаніе книжное» и неуваженіе къ церкви. Для подкрѣпленія своихъ мыслей, для приданія имъ большей убѣдительности Козма въ большомъ количествѣ приводитъ цитаты изъ священнаго писанія (книги ветхозавѣтныя и новозавѣтныя); этотъ матеріалъ любопытенъ въ литературномъ отношеніи, такъ какъ онъ, свидѣтельствуя о степени начитанности автора, можетъ дать указанія на различнаго рода разночтенія библейскихъ текстовъ.

Что касается недавно высказаннаго проф. софійскаго университета В. Н. Златарскимъ мнѣнія о позднемъ раздѣленіи всего труда пресвитера Козмы на «Слова» или «Бесѣды», о раздѣленіи, принадлежащемъ во всякомъ случаѣ не автору («Сколько бесѣдъ написалъ Козма пресвитеръ». Харьковъ. 1904 г.), то М. Г. Попруженко относится къ этому мнѣнію осторожно, называя его еще «подлежащимъ пересмотру». Конечно, въ наукахъ неточныхъ нельзя назвать окончательнымъ почти ни одно такъ называемое «положеніе»,—и каждое новое

поколѣніе разрушаетъ немало того, что созидалось старшими и считалось неизблемымъ. Но мнѣніе проф. В. Златарскаго представляется намъ въ достаточной степени основательнымъ.

И. А.

В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы (отъ XI в. до конца XVII в.). Выпускъ второй. Спб. 1908. Стр. XVI + 329. Цѣна 1 руб.

О работахъ г. Келтуялы мы писали не разъ—и по поводу подробнаго его «Курса», сравнивая его съ извѣстными намъ университетскими лекціями, и по поводу перваго выпуска «Краткаго курса», предназначеннаго въ видѣ учебной книги. Отзывы наши были благопріятны, какъ и отзывы другихъ рецензентовъ; книга уже пользуется заслуженнымъ успѣхомъ, и авторъ съ удвоенной ревностью работаетъ надъ дальнѣйшими частями и выпусками. Передъ нами выпускъ второй, доводящій обзоръ до Петровской эпохи.

Прежде, чѣмъ говорить о достоинствахъ и дефектахъ разсматриваемаго выпуска, припомнимъ кое-что изъ общихъ наблюденій автора. Если эти наблюденія мало-по-малу проникаютъ въ аналогичныя книги по русской исторіи, то они впервые примѣняются къ исторіи русской литературы. Характеризуя древній періодъ русской литературы, В. Келтуяла справедливо говоритъ, напримѣръ, что прежде всего «необходимо отрѣшиться отъ обычнаго противопоставленія древней Руси современной Россіи. Упорно толкуется, что древнерусская жизнь была демократична, общенародна, съ преобладаніемъ вліянія простонародія, что древнерусская жизнь проникнута была строгою религіозностью (хотя бы и обрядовою), аскетизмомъ, стремленіемъ къ личному совершенствованію, которое-де охватывало всѣхъ, начиная съ послѣдняго мужика и кончая великими князьями. Ничего подобнаго, съ исторической точки зрѣнія, не было. Руководящая роль въ экономической, общественно-политической и культурной жизни принадлежала крошечной части русскаго народа—его аристократіи; ей же принадлежали инициатива и главная роль въ идейно-литературномъ творествѣ, въ ея средѣ совершался процессъ усвоенія византійско-болгарскаго міровоззрѣнія и византійско-болгарскихъ формъ жизни. Остальная масса населенія, чуть ли не до нашихъ временъ, пребывала въ язычествѣ, живя въ значительной степени тѣми формами жизни, которыя сложились еще въ до-государственную эпоху. Только въ небольшой части простонародія, соприкасавшейся ближе съ аристократіей, происходилъ процессъ подражанія аристократіи, усвоенія ея міровоззрѣнія и ея новыхъ формъ жизни, причѣмъ эта часть простонародія вносила въ нихъ демократическій духъ.

«Религіозности, аскетизма и стремленія къ совершенствованію въ древней Руси было очень мало; но эти явленія зародились въ древней Руси и до настоящаго времени послѣдовательно развивались: религіозные люди (въ византійско-болгарскомъ смыслѣ), аскеты и отшельники насчитывались въ XI в. десятками и сотнями, въ XVI в. тысячами, въ XVII в. десятками тысячъ, а въ настоящее время насчитываются десятками милліоновъ. Между современной Россіей

и древней Русью нѣтъ противоположности: древняя Русь—начало современной Россіи, современная Россія—продолженіе древней Руси. Въ древней Руси, какъ и въ нынѣшней Россіи, дѣлились на классы и сословія, боролись за существованіе съ природой и другъ съ другомъ, одерживали побѣды, терпѣли пораженія, любили, страдали, восхищались, ненавидѣли... Различіе между древней Русью и современной Россіей—не качественное, а количественное: древнерусская жизнь была проще, бѣднѣе содержаніемъ и формами; современная жизнь—сложнѣе, глубже и богаче содержаніемъ и формами». Не менѣе справедливы его мысли о непригодности термина «народная» поэзія въ смыслѣ творчества «простонароднаго» и т. д.

Не надо забывать еще, что для древнѣйшаго періода русской литературы (до XIII вѣка включительно) существуетъ немало подготовительныхъ работъ. Иначе обстоитъ дѣло при разработкѣ слѣдующихъ четырехъ столѣтій. Вотъ почему на трудъ г. Келтуялы можно и необходимо даже смотрѣть, какъ на самостоятельный трудъ, и, конечно, дать должное списхожденіе, особенно—въ общихъ линіяхъ новаго зданія. Авторъ удачно построилъ его въ связи въ характеромъ всей удѣльной Руси. Главныхъ отдѣловъ для второго принятаго имъ періода два: «Новгородско-псковская литература» и «Окско-волжская литература». Первый изъ нихъ не возбуждаетъ сомнѣній: дѣйствительно, на всѣхъ памятникахъ, рассмотрѣнныхъ здѣсь, лежитъ въ той или иной степени отпечатокъ вольныхъ господъ-городовъ. Это касается и устнаго творчества, и письменности. Но относительно второго отдѣла могутъ явиться нѣкоторыя сомнѣнія. Здѣсь различаются специально «владимирская», «ростово-суздальская», «тверская», «муромо-рязанская» и «московская» литературы. Въ послѣдней, на примѣръ, находимъ всего Пахомія Логофета, въ то время какъ на него имѣетъ право и Повгородъ; встрѣчаемъ «Сказаніе о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ», въ то время какъ, если оно и не простой переводъ съ нѣмецкаго, какъ думаетъ А. Соболевскій («Переводная литература Московской Руси». Спб., 1903 г., стр. 41 и 233), то во всякомъ случаѣ не связано специально съ Москвою, и древнѣйшій текстъ «Сказанія»—западно-русскаго происхожденія. Далѣе, изъ памятниковъ творчества устнаго у г. Келтуялы удостоилась одна «тверская» литература (старіина о Щелканѣ Дудентьевичѣ), и изъ этого можно сдѣлать выводъ, будто остальные литературы прекратили устное творчество и т. д. «Хожденіе» Аванасія Никитина связано съ Тверью, какъ извѣстно, только случайно (авторъ—тверитянинъ), и ужъ никакъ не можетъ быть пристегнуто къ «идейно-литературному тверскому творчеству». Отдѣлъ третій—«Церковное творчество» въ удѣльную эпоху. Здѣсь мы могли бы встрѣтить нѣчто о Григоріи Цамблакѣ, но, кромѣ главы о митрополитическихъ лѣтописныхъ сводахъ и обширнаго обзора духовныхъ стиховъ, ничего здѣсь не находимъ. Подобныхъ замѣчаній можно сдѣлать много. Остальные періоды построены лучше: «Эпоха московской культуры», «Южно-русское просвѣщеніе» и «Эпоха южно-русскаго вліянія на Москву».

Очевидно, для XIV—XV вв. у насъ мало подготовительныхъ работъ общаго характера, и тѣ періоды, которыхъ подобныя работы касаются ближе, оказались удачнѣе и въ книгѣ В. Келтуялы. Такимъ образомъ, часть вины снимается съ него; но основная его мысль—связать каждое проявленіе литературнаго твор-

чества съ мѣстными интересами, съ характеромъ экономическихъ и социальныхъ условий опредѣленнаго края и т. д.—настолько сама по себѣ правдоподобна и привлекательна, что рядъ недоразумѣній читателя и перепониманій автора въ концѣ концовъ тонетъ въ общей стройной и стильной картинѣ. Поэтому, повторяемъ, разбираемую книгу все-таки можно назвать первымъ по времени и пока единственнымъ опытомъ *историческаго обзора* русской литературы XIII—XVII вв.

А. Я.

С. Н. Браиловскій. Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ. Историко-литературные матеріалы и изслѣдованія. I. Орестъ Михайловичъ Сомовъ. Варшава. 1909. Стр. 2 нен. + 151.

Свои изслѣдованія о пушкинской плеядѣ авторъ начинаетъ съ Ореста Сомова, котораго, какъ ни расширяя понятіе о плеядѣ, приходится считать «звѣздой» самой ничтожной величины. Но авторъ предупреждаетъ читателя, что его «трудъ послужитъ къ вѣщему уразумѣнію и геніальнаго поэта»—Пушкина. Это предупрежденіе невольно вызываетъ вниманіе къ книгѣ. Тутъ читателя постигаетъ горькое разочарованіе. Потративъ много труда на разысканіе біографическихъ матеріаловъ и библиографическихъ справокъ о ничтожномъ литераторѣ Пушкинской эпохи, г. Браиловскій своей компиляціей, однако, ничего въ сущности не прибавилъ къ тому, что извѣстно о Сомовѣ, и ничего не измѣнилъ въ давно сложившемся представленіи объ этой бездѣльной личности. Нельзя, впрочемъ, сказать, что г. Браиловскій вполне знакомъ даже съ библиографіей своего скромнаго «предмета». Такъ, біографу Сомова неизвѣстно, что вызвавшая недовольство Пушкина сатира, гдѣ Сомовъ, нигдѣ не служившій, одинъ изъ первыхъ въ русской журналистикѣ литературныхъ пролетаріевъ, презрительно названъ «безmundирнымъ», написана Баратынскимъ (Посланіе къ Гнѣдичу—см. «Вѣсы» 1908 г., май, стр. 53—58, и Отчетъ императорской публичной бібліотеки за 1875 г., стр. 101—103). Весьма вѣроятно, что приписываемая Сомову эпитаграмма на Баратынскаго, гдѣ о поэтѣ-аристократѣ сказано: «онъ унтеръ-офицеръ, но отъ побой дворянской грамотой избавленъ»,—написана дѣйствительно Сомовымъ въ отвѣтъ на безтактную выходку Баратынскаго. Литература о Сомовѣ такъ невелика, что автору никакъ не слѣдовало игнорировать нѣсколькихъ упоминаній о немъ въ письмахъ Пушкина; можно было обстоятельнѣе рассказать о судьбѣ «Литературной Газеты» въ рукахъ Сомова послѣ смерти Дельвига (объ этомъ кое-что можно найти также въ статьяхъ Гаевского о Дельвигѣ). Трудно, конечно, предвидѣть, какъ поведетъ авторъ дальше свои изслѣдованія Пушкинской плеяды. Самаго вопроса о ней, возбуждаемаго, впрочемъ, не впервые, авторъ тоже покуда не рѣшилъ, но по крайней мѣрѣ высказалъ нѣсколько небезынтересныхъ, хотя и общихъ, замѣчаній.

Л.

Л. Я. Апостоловъ. Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ, великій философъ земли русской. Тифлисъ. 1909 г. Стр. 53. Цѣна не обозначена.

Авторъ брошюры знакомитъ читателя не столько съ многочисленными заслугами В. С. Соловьева въ наукѣ и публицистикѣ, сколько съ его религіозно-православнымъ настроеніемъ, очень приближающимъ его къ міросозерцанію массъ. Соловьевъ самъ говоритъ о себѣ въ т. IV, стр. 214: «Оправдать вѣру отцовъ нашихъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія, показать, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго и народнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчною и вселенскою истиною, вотъ задача моего труда». Брошюра г. Апостолова, рисуя В. С. Соловьева представителемъ «вѣры отцовъ», очень мало пригодна для всесторонняго знакомства съ оригинальной и сложной личностью Соловьева. Послѣдній быть не только религіознымъ мистикомъ, но и свѣтлой, энциклопедически образованной личностью.

Между тѣмъ г. Апостоловъ предполагаетъ, что «центральный мотивомъ» во всѣхъ трудахъ В. С. Соловьева было ученіе о воскресеніи мертвыхъ и ихъ жизни вѣчною въ слияніи съ Богомъ. Исходя изъ этого ученія, В. С. Соловьевъ легко примирялъ имъ внутреннюю свободу человѣка, его сознаніе себя центромъ всего міра, съ общей участью самаго малаго червяка на землѣ... Оспаривая рационализмъ и Д. Н. Толстого, онъ утверждалъ, что если человѣкъ лишень безсмертія въ загробномъ царствѣ и представляетъ собою только фактъ, только условное и ограниченное явленіе, которое сегодня есть, а завтра можетъ и не быть, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ навѣрное не будетъ, — то въ такомъ случаѣ человѣкъ можетъ не стремиться къ истинѣ и добру. Если изъ борьбы за существованіе рационалисты хотятъ вывести всеобщую солидарность и братство, то впадаютъ въ очевидѣйшую логическую несообразность, подтверждаемую ежедневнымъ опытомъ злобы и человѣконенавистничества. Когда же, въ виду этой очевидности, они отодвигаютъ наступленіе золотого вѣка до отдаленнаго будущаго, то, во-первыхъ, вышеуказанное противорѣчіе нисколько этимъ не устраняется, а, во-вторыхъ, если допустить дѣйствительное наступленіе золотого вѣка, въ которомъ будетъ все-таки существовать смерть, то вопіющая неправда только увеличится, потому что если при настоящей юдоли плача и страданій умирать никому не хочется, то умирать во время золотого вѣка будетъ безмѣрно тяжело. Между тѣмъ для В. С. Соловьева всѣ эти противорѣчія исчезаютъ, если допустить, что вездѣущій Богъ не можетъ самоудовольно пребывать въ одиночествѣ и что отъ всякаго разумнаго существа зависитъ быть вѣчно въ единеніи съ Богомъ, испытывать рай и вѣчную жизнь, или быть вѣчно въ противленіи съ Богомъ, испытывать адъ и вѣчныя страданія. Богъ вездѣущій и если онъ все наполняетъ собою, то естественно, по Соловьеву, что всѣ люди стремятся къ внутреннему единству съ Богомъ и при жизни и послѣ смерти... Этимъ переворотомъ въ воззрѣніи Соловьева, устраняется видимое противорѣчіе между небеснымъ и земнымъ жребіемъ человѣка.

Соловьевъ въ этомъ туманномъ разсужденіи упускаетъ изъ виду то, что и рационалисты утѣшаютъ себя перевоплощеніемъ человѣка въ лучшій типъ и осуществленіемъ жизни вѣчной не на небѣ, а здѣсь, на землѣ; что это утѣшеніе также сильно и благотворно побуждаетъ людей къ нравственной дисциплинѣ и благородству. Въ каждой окружающей насъ мелочи; начиная съ жилища и кончая воздушнымъ кораблемъ, чувствуются благородные и трудные пути прошлаго, которыми человѣкъ достигъ настоящаго благополучія; тѣмъ болѣе это чувствуется въ нравственныхъ приобрѣтеніяхъ человѣка по сравненію съ его первобытнымъ безправіемъ...

Культъ безконечнаго совершенствованія и жизни вѣчной на землѣ имѣетъ за собою не менѣ славныхъ подвижниковъ, чѣмъ и соловьевская идеализація православной ортодоксін.

Такимъ образомъ, брошюра г. Апостолова до нѣкоторой степени пригодна исключительно для характеристики религіознаго облика В. С. Соловьева. Не будучи, однако, «великимъ философомъ земли русской» и уступая по ясности мысли Герцену, Чернышевскому и Л. Н. Толстому, Соловьевъ былъ достаточно крупнымъ мыслителемъ и въ научныхъ, и социальныхъ вопросахъ. Кромѣ богословской юридици, онъ былъ силенъ и въ защитѣ гуманныхъ и общественныхъ началъ политическаго строя. Его защита государственности («Идеалы и идолы») въ тѣхъ случаяхъ, когда правительства становятся на путь реформъ, какъ это было въ 60-хъ годахъ въ Россіи, сильно подрываетъ ученіе Л. Н. Толстого объ исключительномъ совершенствованіи личности евангельскимъ путемъ и всегдашнемъ вредѣ принудительнаго законодательства. Даже въ богословской сферѣ В. С. Соловьевъ придерживался мудрыхъ государственныхъ началъ, заявляя въ т. VIII, на стр. 455 о томъ, что «остающееся у насъ ограниченіе религіозной свободы—одна изъ самыхъ большихъ для меня сердечныхъ болѣей, потому что я вижу и чувствую, насколько эти внѣшнія стѣсненія вредны и тягостны не только для тѣхъ, кто имъ подвергается, но главнымъ образомъ для христіанскаго дѣла въ Россіи, а слѣдовательно для русскаго народа, а слѣдовательно и для Русскаго государства». Соловьевъ казался не только схоластикомъ и мистикомъ въ духѣ г. Апостолова, но также, несомнѣнно, онъ владелъ яснымъ умомъ крупнаго ученаго и государственнаго мужа.

А. Фаресовъ.

Щукинскій сборникъ. Вып. 8. Москва. 1909. Стр. 461.

Самое интересное изъ всѣхъ матеріаловъ, вошедшихъ въ настоящій выпускъ, это письма И. С. Тургенева къ его сосѣду по имѣнію И. П. Борисову, относящіяся къ срединѣ 60-хъ годовъ и писанныя изъ Баденъ-Бадена. Тургеневъ пользовался, повидимому, хозяйственными совѣтами Борисова и, сидя за границей, давалъ ему иногда довольно неприятныя порученія имущественнаго характера. Такъ, часть писемъ посвящена ликвидаціи имущественныхъ отношеній И. С. къ его дядѣ, «завѣдывавшему его имѣніями». «А дядя Н. Н. ловко со мной расправился,—пишетъ Тургеневъ 16 іюня 1867 года.—Продолжая называть себя зполполучнымъ старцемъ и страдальцемъ, онъ наложилъ запрещеніе на все мое

имѣніе, основываясь на безденежныхъ векселяхъ, которые я ему далъ на случай моей смерти. Мнѣ остается одно—откупиться отъ страдальца, предложивъ ему одно изъ моихъ имѣній».

И. П. Борисовъ быть, очевидно, большимъ поклонникомъ Тургенева и любителемъ литературы. Поэтому въ письмахъ къ нему И. С. разбросалъ множество вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній о Л. Толстомъ, печатавшемъ въ эти годы свой романъ «Война и миръ», о Гончаровѣ съ его «Обрывомъ», Островскомъ, Фетѣ. «Воевода» Островского меня привелъ въ удивленіе,—пишетъ И. С. 16 марта 1865 г.—Этакимъ славнымъ, чистымъ русскимъ языкомъ никто не писалъ до него. Ахъ, мастеръ, мастеръ этотъ бородачъ!» Зато «Война и миръ» и «Преступленіе и наказаніе» произвели на И. С. самое непріятное впечатлѣніе. «Достоевскаго я отказался читать,—пишетъ онъ:—это что-то въ родѣ продолжительной колики—въ хслерное время помилуй Богъ!»

Любопытны нѣсколько писемъ И. С. къ Фету, писанныя разновременно съ 1858 по 1873 года, обнаруживающія въ Тургеневѣ удивительное чутье поэтической красоты. Рискую навлечь на себя гнѣвъ А. А., Тургеневъ неумолимо указываетъ въ его стихахъ погрѣшности противъ языка и красоты образовъ.

Отмѣтимъ дальше письма Н. И. Греча къ нѣкому Александру Васильевичу. Въ одномъ изъ нихъ (отъ 1 февраля 1857) онъ рассказываетъ о «трагикомическомъ поединкѣ», бывшемъ въ домѣ московскаго предводителя дворянства А. Д. Черткова. «У него было собраніе членовъ археологическаго общества. Рѣчь зашла о подлой рѣчи Роберта Пиля на митингѣ. Профессоръ Шевыревъ бранилъ ее нещадно. Графъ Вас. Алек. Бобринскій замѣтилъ, что въ ней была и правда. Слово за слово, и Шевыревъ далъ графу пощечину. Графъ пришелъ въ изступленіе, сбиль съ ногъ профессора, началъ колотить его и топтать ногами. Избилъ немилосердно, такъ что его понесли домой, и онъ слегъ?» Недурная картинка нравовъ!

Въ запискахъ Иваницкаго находимъ нѣсколько подробностей относительно Пушкина. Вологодскій уроженецъ, Иваницкій въ началѣ тридцатыхъ годовъ состоялъ студентомъ петербургскаго университета, только что переведеннаго на Васильевскій островъ, былъ затѣмъ учителемъ русской словесности въ Псковѣ и въ Петербургѣ и одно время сотрудничалъ въ «Современникѣ». Вращаясь въ литературныхъ кружкахъ, онъ тщательно запоминалъ анекдоты и интересные эпизоды, которые потомъ и заносилъ на страницы своего дневника. Рассказывая о причинахъ дуэли Пушкина, Иваницкій между прочимъ сообщаетъ одинъ экспромптъ, сказанный поэтомъ его женѣ.

«На одномъ балѣ у Пушкиной поклонниковъ было больше обыкновеннаго. Пушкинъ видѣлъ это и хмурился. Жена подходитъ къ нему и говоритъ: «Что ты такъ задумчивъ, мой поэтъ?» А онъ отвѣчалъ:

Мой другъ, для твоего поэта
Уже настала великій постъ,
Люблю тебя, мой комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ.

«Это мнѣ рассказывалъ Крамеръ, который самъ былъ при этомъ», прибавляетъ Иваницкій.

«Вот кстати анекдотъ про Крылова,—пишетъ онъ далѣе.—Незадолго до смерти онъ былъ гдѣ-то на обѣдѣ. Разговоръ зашелъ о стерлядяхъ. Одинъ какой-то господинъ, сидя напротивъ Крылова, рассказывалъ, что въ ихъ сторонахъ стерляди необыкновенно велики.—А какъ, напримѣръ?—спросилъ Крыловъ.—А вотъ, какъ отъ васъ до меня. Крыловъ немного отодвинулся со стуломъ и спросилъ:—Не мѣшаю ли я вамъ?»

Изъ мелкихъ матеріаловъ отмѣтимъ письма генерала Соймонова съ театра военныхъ дѣйствій въ 1854 году, памятные записки Алтуфьева, въ которыхъ попадаются кое-какія подробности о пашествіи 1812 года и, наконецъ, въ качествѣ курьеза, счетъ, поданный графу Пл. Ал. Зубову императорской академіи наукъ механикомъ и титулярнымъ сорѣтникомъ Осипомъ Шишоринимъ за сдѣланный имъ искусственный носъ. Носъ этотъ понадобился какому-то находившемуся при свитѣ персидскаго хана чиповнику и стоилъ довольно дорого—450 рублей.

Ознакомивъ читателей съ наиболѣе, на нашъ взглядъ, интересными матеріалами сборника, мы вынуждены закончить нашу рецензію указаніемъ на отсутствіе какихъ-либо примѣчаній и указателей въ этихъ дорого стоящихъ фолиантахъ. Переходъ изданія отъ г. Шуккина къ русскому историческому музею въ Москвѣ не внесъ въ него необходимыхъ улучшеній и читателю попрежнему предоставляется самому разбираться въ томъ, что уже было и что еще не было напечатано, и наводитъ необходимыя для разумнѣйшихъ матеріаловъ справки, что далеко не всѣмъ возможно.

А. Б.

**Игн. Житецкій. Гоголь — проповѣдникъ и писатель. Спб. 1909.
Стр. 93. Цѣна 75 коп.**

Рѣшающаго, «новаго слова» брошюра г. Житецкаго, озаглавленная такъ интригующе и заманчиво, не говорить, а суммируетъ давно сказанныя «старыя слова» о моральномъ характерѣ гоголевскаго творчества. Къ этому сводится почти вся работа автора, который вторую часть своей задачи («Гоголь-писатель»), если только заголовокъ статьи есть условіе, заданіе и заключаетъ въ себѣ обязательство критика передъ читателемъ, совсѣмъ «смазать». Еще самъ Гоголь говорилъ, что писатель, «творя твореніе свое, исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы, и, исполняя его, онъ служить въ то же самое время государству своему, какъ бы онъ дѣйствительно находился на государственной службѣ». Великій писатель оставилъ намъ рядъ важныхъ показаній о себѣ самомъ. Онъ писалъ Плетневу: «Даже въ самыхъ раннихъ помысленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся съ нимъ я почти печально. Нѣкоторые мои наблюденія надъ нѣкоторыми сторонами жизни, мнѣ нужными для дѣла душевнаго, издавна меня занимавшего, были вишой того, что я взялся за перо и вздумалъ преждевременно подѣлиться съ читателями тѣмъ, чѣмъ мнѣ слѣдовало подѣлиться уже потомъ, по совершеніи моего собственнаго воспитанія...» Это «дѣло душевное» было назиданіемъ и исправленіемъ людей. Путь къ исправленію

человѣчества Гоголь видѣлъ не въ политическихъ перемѣнахъ, не въ расширеніи виѣшней культуры, но во внутренней работѣ каждаго «въ себѣ», работѣ, совершаемой въ духѣ христіанской правдивости: «общество тогда только поправится, когда всякій честный человѣкъ займется собою и будетъ жить какъ христіанинъ... Все придетъ тогда въ порядокъ, сами собою установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣляя предѣлы законныя всему. И человѣчество двинется впередъ». Въ числѣ функций, опредѣлившихъ такое моральное устремленіе души Гоголя, г. Житецкій вѣрно (и въ этомъ его несомнѣнная заслуга) указалъ украинскую почву, на которой писатель выросъ, почву, еще ранѣе Гоголя породившую Г. С. Сковороду, лучшаго выразителя и завершителя своеобразнаго національнаго типа странствующаго учителя-мудреца-моралиста. Технически-писательскихъ сторонъ гоголевскаго творчества г. Житецкій едва коснулся, лишь постольку, поскольку ими выразились дидактизмъ и вражда къ пошлости, что, конечно, еще далеко не объясняетъ всего писателя. Сведя гоголевскую внутреннюю сущность къ одному только дидактизму, г. Житецкій далъ лишь часть Гоголя, безпощадно ограничилъ его, намѣренно игнорировавъ имъ же самимъ признаваемыя «загадочныя отраженія и тѣни». Лишь мимоходомъ, словно случайно, обмолвился авторъ этимъ словомъ «загадочныя»,—а въ этой-то «загадочности» и вся суть, и въ основу разгадыванія ея гоголевское проповѣдничество войдетъ, конечно, не какъ единственная функция, а какъ одна изъ нѣсколькихъ и, быть можетъ, не самая значительная,—хотя бы это и противорѣчило тому, что упорно говорилъ о себѣ самъ Гоголь. Для пониманія столь сложной натуры нужно не вычитаніе, а скорѣе умноженіе, не упрощительный пріемъ, а усложнительный. Въ этомъ послѣднемъ книжка г. Житецкаго будетъ имѣть свое способствующее значеніе.

Л.

Литературный ежегодникъ на 1909 годъ. (Литературный календарь-альманахъ). Подъ ред. Оскара Норвежскаго. Стр. 231. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

Г. Оскаръ Норвежскій поставилъ своею цѣлью составить литературный справочникъ-календарь. Мысль, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ одобренія, потребность въ такомъ справочникѣ ощущается у насъ сильно, онъ, несомнѣнно, весьма полезная и нужная книга. Къ сожалѣнію, исполненіе работы нельзя назвать удачнымъ. Прежде всего, въ книгѣ нѣтъ такихъ нужныхъ свѣдѣній, какъ, напримѣръ, списокъ книжныхъ магазиновъ. Если же и есть полезныя и нужныя свѣдѣнія, то они составлены крайне небрежно и неполно. При спискѣ издательствъ нѣтъ ни подробнаго адреса, ни отмѣтки, какаго рода книги они выпускаютъ—беллетристическія, техническія, медицинскія и т. п. Пропущено такое крупное издательство, какъ московское «Міръ». Въ перечнѣ періодическихъ изданій, уже не говори о томъ, что не указано ни адреса, ни редактора, сдѣланы большіе пропуски, бросающіеся въ глаза мало-мальски литературному человѣку. Такъ пропущены: «Московскій Еженедѣльникъ», «Право», «Голосъ Москвы», «Московскія Вѣдомости» (указаны лишь «Московскія Губернскія

Вѣдомости», которыя приняты, очевидно, за «Московскія Вѣдомости»), «Бодрое Слово», «Въ Мирѣ Искусствъ», «Для народнаго учителя», «Женскій Вѣстникъ», «Игрушечка», «Критическое Обзорѣніе», «Народный Учитель», «Нева», «Познаніе Россіи», «Русская Школа», «Русскій Архивъ», «Русскій Филологическій Вѣстникъ», «Сѣверное Сіяніе», «Странникъ», «Педагогическій Листокъ», «Свободное Воспитаніе», «Солнышко», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Журналъ Министерства Юстиціи», и др.

Но еще болѣе небрежно составленъ такой важный отдѣлъ справочника, какъ «Современные русскіе писатели», который самъ составитель считаетъ «центральнымъ отдѣломъ». Здѣсь мы встрѣчаемъ прежде всего невѣроятную неполноту. Отмѣчены нѣкоторые мелкіе писатели, а пропущено много крупныхъ и извѣстныхъ, о менѣе же извѣстныхъ и говорить нечего, ихъ пропущено громадное количество. Такъ, напримѣръ, не отмѣчены такіе извѣстные писатели, какъ Плехановъ, Ивановъ-Разумникъ, Гершензонъ, Воронцовъ (В. В.) и т. п. Свѣдѣнія о писателяхъ случайны и неполны, обнаруживаютъ малую литературную освѣдомленность г. Оскара Норвежскаго. О многихъ писателяхъ нѣтъ никакихъ, даже краткихъ свѣдѣній, а между тѣмъ дать эти свѣдѣнія для человека со сколько-нибудь литературной освѣдомленностью не представляетъ труда. Составитель не потрудился даже надъ тѣмъ, чтобы указать имя и отчество писателей, иногда указано одно лишь имя, иногда же нѣтъ и этого. Указывая имя и отчество только нѣкоторыхъ писателей, г. Оскаръ Норвежскій и тутъ не избѣгаетъ ошибокъ. Напримѣръ, Вѣтринскій-Чешихинъ—не Владиміръ Евграфовичъ, а Василій Евграфовичъ, Овсяннико-Куликовскій—не Николай Александровичъ, а Дмитрій Николаевичъ, Щеголевъ—не Павелъ Евгеньевичъ, а Павелъ Елисеевичъ. Попадаютъ въ списокъ даже курьезы въ родѣ того, что среди современныхъ писателей упомянута извѣстная писательница Ел. Ал. Дьяконова, умершая лѣтъ семь назадъ. Но верховъ курьезности является помѣщеніе въ списокъ современныхъ писателей знаменитаго педагога Ушинскаго! Это нельзя иначе назвать, какъ настоящимъ невѣжествомъ. Особенно непростительны дефекты списка потому, что мы имѣемъ дѣло главнымъ образомъ съ небрежнымъ отношеніемъ составителя къ работѣ. Если бы онъ потрудился заглянуть хотя бы въ «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза-Ефрона, «Весь Петербургъ» и «Всю Москву», то его списокъ былъ бы полнѣе, точнѣе и обстоятельнѣе, но составитель, считая этотъ отдѣлъ «центральнымъ», не использовалъ даже такіа элементарныя пособія.

Кромѣ справочныхъ свѣдѣній, въ ежегодникѣ помѣщены нѣсколько статей объ авторскомъ правѣ и международной литературной конвенціи. Заслуживаетъ вниманія интересная статья г. Лемке—«Къ урегулированію положенія и условій труда журналистовъ». Кромѣ статей, въ ежегодникѣ помѣщены нѣсколько некрологовъ писателей, умершихъ въ 1908 году. По поводу этихъ некрологовъ мы не можемъ не отмѣтить, что составитель, взявъ статьи о Жемчужниковѣ и Чупровѣ изъ «Историческаго Вѣстника», не указалъ источника.

Будемъ надѣяться, что г. Оскаръ Норвежскій внимательнѣе отнесется къ своей задачѣ при составленіи ежегодника на будущій 1910 годъ.

А. Фоминь.

**Альманахъ - календарь для всѣхъ. 1909. 2-ой годъ изданія.
С.-Петербургъ.**

Интересъ этого альманаха заключается не въ общекалендарныхъ и справочныхъ свѣдѣнiяхъ, а въ литературной его части, и прежде всего въ обширномъ отдѣлѣ «Чтенiе на каждый мѣсяць», состоящемъ изъ статей, стихотворенiй и т. д. Почему та или другая статья отнесена къ тому или другому мѣсяцу, это для читателя останется неизвѣстнымъ и сдѣлано, безъ сомнѣнiя, случайно, но, конечно, нельзя назвать случайнымъ подборъ статей и ихъ нижеслѣдующую группировку.

Январь: 1) Вѣры разныя—Богъ одинъ; 2) Индiйскiй мудрецъ Будда (съ рисунками); 3) Китайскiй мудрецъ Конфуцiй (съ рисунками); 4) Китайская мудрость; 5) Китайскiя пословицы.

Февраль: 6) Моисей, освободитель и великiй законодатель еврейскаго народа (2 съ рисунками); 7) Иисусъ Христосъ (съ рисунками); 8) Магометъ (по В. Соловьеву, съ рисунками).

Мартъ: 9) Греческiй мудрецъ Сократъ (съ рисунками); 10) Пророчество Исаи, стихотворенiе Фруга; 11) Еврейскiй мудрецъ Гиллель; 12) Еврейская мудрость (по Талмуду).

Апрѣль: 13) Мученикъ науки Галлео Галилей (по Е. Предтеченскому, съ рисунками); 14) Свободное слово, стихотворенiе А. Аксакова; 15) Народный заступникъ и святой мученикъ, святитель Филиппъ, митрополитъ московскiй (съ рисунками).

Май: 16) Маккавей, еврейскiй народный герой; 17) Мученикъ за вѣру Янъ Гуссъ (по М. Филипову, съ рисунками).

Июнь: 18) Братья Гракхи, народные заступники (по Звягинцеву, съ рисунками); 19) Гай-Муцiй Сцевола; 20) Муцiй Сцевола, стихотворенiе С. Иванова-Райкова; 21) Римская мудрость.

Июль: 22) Спартакъ, или возстанiе рабовъ въ древнемъ Римѣ (по Ц. Самойловой, съ рисунками); 23) Умиращiй гладиаторъ, стихотворенiе Лермонтова.

Августъ: 24) Джузеппе Гарибальди, освободитель Италiи (по С. Русовой, съ рисунками); 25) Негры-невольники въ Америкѣ (съ рисунками); 26) Аукционная продажа живого товара (изъ «Хижины дяди Тома» Бичеръ (тоу); 27) Сонъ невольника, стихотворенiе Лонгфелло.

Сентябрь: 28) Мать и семеро сыновей (сцена изъ драмы «Маккавей» Лонгфелло); 29) Плачь еврея, стихотворенiе Байрона; 30) Какъ язычники мучили христiанъ (по Н. Русевой); 31) Христiанскiе мученики (съ 3 рисунками).

Октябрь: 32) Преслѣдованiя язычниковъ за вѣру; 33) Первые ереси (по Н. Русевой, съ 2 рисунками).

Ноябрь: 34) Ужасы инквизицiи (по Н. Русевой, съ рисунками); 35) О правахъ евреевъ (изъ книги С. Дубнова); 36) Мысли нѣмецкихъ мудрецовъ.

Декабрь: 37) Борьба съ расколomъ (съ рисунками); 38) Изъ поученiя Владимира Мономаха сыновьямъ; 39) О евреяхъ, профессора Б. Чичерина;

40) Еврейская дума, стихотвореніе Байрона; 41) Пзъ «Слова» епископа Антонія вольнскаго по поводу еврейскаго погрома въ Кишиневѣ въ апрѣлѣ 1903 г.; 42) Л. Толстой, мысли о братствѣ.

Всѣ статьи легко и съ интересомъ читаются и проникнуты идеями вѣротерпимости, братства, любви къ свободѣ, къ человѣчеству, къ угнетеннымъ и въ частности къ евреямъ. Вообще, статьи, посвященныя евреямъ и еврейскому вопросу, занимаютъ видное мѣсто, и изъ 42 номеровъ такъ или иначе касаются евреевъ 13. Изъ другихъ отдѣловъ представляютъ интересъ еще статья о Дарвинѣ и отдѣлъ «Русская жизнь», гдѣ, кромѣ юбилейныхъ статей о Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ, имѣется еще обзоръ «дѣятельности политическихъ партій» и главнымъ образомъ дѣятельности правыхъ партій, къ которымъ альманахъ относится съ явной враждебностью и съ злорадствомъ отмѣчаетъ про союзъ русскаго народа, что за короткій срокъ эта только годъ тому назадъ казавшаяся могущественной партія обнаружила повсемѣстно явные признаки разложенія и сошла всецѣло на нѣтъ. Если мы прибавимъ еще, что во «Временникѣ» историческихъ событій тщательно отмѣнены дни еврейскихъ погромовъ, основанія «всеобщаго еврейскаго рабочаго союза», начала и конца политическихъ забастовокъ, казней революціонеровъ, террористическихъ актовъ и т. п., то фizioномія этого «альманаха-календаря для всѣхъ» выяснится достаточно полно.

Э. А. Мальмгрѣнъ.

«Мой первый успѣхъ». Автобіографическій очеркъ Эдварда Грига. «Фюрды». Сборникъ 2. Спб. 1909. Цѣна 1 р.

Извѣстный норвежскій композиторъ Эдуардъ Григъ написалъ по просьбѣ друзей автобіографическую статью подъ выше приведеннымъ заглавіемъ, которая появилась теперь въ упомянутомъ «Сборникѣ датскихъ, норвежскихъ и шведскихъ писателей въ переводѣ А. и П. Ганзенъ»; статья эта представляетъ большой интересъ для читающей публики по основной точкѣ, изъ которой исходитъ авторъ, вспоминая факты изъ своей жизни, имѣвшіе отрицательный характеръ въ данную минуту, но послужившіе базисомъ къ созданію его будущаго благополучія; другими словами, онъ описываетъ свои фіаско.

«Мое спасеніе, мой успѣхъ заключались въ томъ,—заканчиваетъ авторъ свою исповѣдь, полную живого интереса:—что мнѣ была дана сила сбросить съ себя съ теченіемъ времени то ярмо, тотъ лишній балластъ, которые подавляли мое природное «я» въ силу условій столь же неправильнаго, сколь тяжелаго и односторонняго воспитательнаго режима и дома, и за границей (по совѣту знаменитаго скрипача Оле-Буль онъ поступилъ въ лейпцигскую консерваторію, откуда, по его словамъ, онъ вышелъ «такимъ же невѣждой, какииъ и поступилъ вслѣдствіе особенностей моего духовнаго склада: я былъ мечтателемъ, безъ всякой склонности къ соревнованію; былъ тяжелъ на подъемъ, необщителенъ... Но я нашелъ себя самого и тогда мнѣ было чрезвычайно легко преодолѣть всѣ затрудненія, казавшіяся мнѣ въ Лейпцигѣ непреодолимыми»). И когда я созналъ въ себѣ эту силу, позналъ себя самого, тогда-то я и испыталъ то, что назову своимъ первымъ, главнымъ и единственнымъ успѣхомъ, ибо въ

рѣшилъ всю мою судьбу. И всѣ горести и радости, разочарованія и триумфы дѣтства и первыхъ ученическихъ лѣтъ содѣйствовали этому единственному крупному успѣху».

А разочарованій было у него дѣйствительно много, начиная съ школьной скамьи, на которой ему пришлось за лѣтъ познакомиться «съ ударными инструментами», и кончая консерваторіей, которая, несмотря на блистательное окончаніе (громадный успѣхъ въ общепринятомъ смыслѣ въ Gewandhaus за исполненіе его собственныхъ сочиненій), его совершенно не удовлетворяла, хотя онъ пользовался вниманіемъ и доброжелательствомъ такихъ профессоровъ, какъ знаменитые Мошелесъ и Рейнке; впрочемъ, истиннымъ триумфомъ онъ считалъ одобреніе Листа, съ которымъ онъ лично познакомился въ Римѣ послѣ блестящаго его письменнаго отзыва о его сочиненіяхъ; вотъ что онъ писалъ между прочимъ своимъ родителямъ по этому поводу: «Эти послѣднія слова (Листъ ему сказалъ на прощанье: «Продолжайте, говорю вамъ,—у васъ есть данныя для этого, и главное: не робѣйте») имѣютъ для меня безконечно важное значеніе. Это пѣчто такое, что я назвалъ бы благословеніемъ. И не разъ въ минуты разочарованій и горечи буду я повторять себѣ его слова; и увѣренъ, что воспоминаніе объ этомъ часѣ будетъ поддерживать меня волшебной силой въ дни испытаній» (письмо это относится къ 1870 г., когда композитору было всего 27 лѣтъ).

Едва ли предстоить надобность подробно говорить о дѣятельности Грига, создавшаго себѣ громкое имя не только въ Старомъ Свѣтѣ, но и въ Новомъ: рѣдкая оркестровая симфоническая программа обходится безъ произведеній этого норвежскаго поэта въ звукахъ; интереснѣе гораздо будетъ привести его скромное мнѣніе о своихъ трудахъ и отзывъ о немъ нашего Чайковскаго, музы которыхъ имѣли много родственнаго. «Такіе художники, какъ Бахъ и Бетховень,—сказалъ однажды Григъ,—создавали на высотахъ церкви и храмовъ; я же хотѣлъ бы, какъ выразился въ одной изъ послѣднихъ своихъ драмъ Ибсенъ строить уютныя жилища для людей, въ которыхъ они чувствовали бы себя счастливыми; другими словами, я записалъ народную музыку моей родины». Если самъ Григъ ограничилъ арену своей дѣятельности лишь норвежской народностью, умалчивая о роли этой музыки для всѣхъ, то это сдѣлалъ за него Чайковскій въ своемъ «Дневникѣ», куда онъ занесъ между прочимъ слѣдующія строки, подъ которыми подписались бы многіе, если не всѣ, музыканты:

«Слушая Грига, мы инстинктивно сознаемъ, что музыку эту писалъ человѣкъ, движимый неотразимымъ влеченіемъ посредствомъ звуковъ излить наплывъ ощущеній и настроеній глубоко поэтической натуры, повинующейся не теоріи, не принципу, не знамени, взятому себѣ на плечи вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, а напору живого, искренняго художественнаго чувства. Совершенства формы, строгости и безупречной логичности не будемъ искать у знаменитаго норвежца; но зато что за прелесть, что за непринужденность и богатство музыкальнаго изобрѣтенія! Сколько теплоты и страстности въ его пѣвучихъ фразахъ, сколько ключомъ бьющей жизни въ его гармоніяхъ, сколько оригинальности и очаровательнаго своеобразія въ его остроумныхъ пикантныхъ модуляціяхъ и въ ритмѣ, какъ и все остальное, всегда интересномъ, повомъ и самобыномъ!» Отзывъ такого знатока, какъ Чайковскій, по-

жалуй, стоит блестящей рѣчи Бьернсона надъ могилой Грига и является «послѣднимъ успѣхомъ» творца музыки къ «Перь-Гюнту» и множества другихъ сочиненій, вокальныхъ и инструментальныхъ.

В. Васинъ.

Еврейская Энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ, подъ редакціей д-ра Л. Каценельсона и барона Д. Г. Гинцбурга. Т. 1 и 2. А.—Арабскій языкъ. Спб. 1908. Ц. за 16 томовъ 60 р.

Задача «Еврейской Энциклопедіи» — дать возможно полное, соответствующее современному состоянію науки представленіе объ еврействѣ, его историческихъ судьбахъ, его многовѣковомъ культурномъ творествѣ и о его современномъ состояніи во всѣхъ странахъ. Содержаніе «Энциклопедіи» довольно неопредѣленное. Наибольшее число статей, если вычестъ такія, что составляютъ обычное содержаніе библейскихъ «энциклопедій», падаетъ на еврейскихъ ученыхъ, причемъ въ «Энциклопедію» попали не только ученые, что-либо написавшіе или чѣмъ-либо прославившіеся, но и просто кѣмъ-нибудь упоминающіеся. Затѣмъ много мѣста удѣляется географическимъ названіямъ мѣстъ, гдѣ когда-либо жили евреи, еврейскимъ молитвамъ, снабженнымъ нотами для пѣнія, историческимъ дѣятелямъ, имѣвшимъ дѣло съ евреями, и т. д. Статьи большей частью переведены изъ «Jewish Encyclopedia», изданной въ 1901—1906 гг. на англійскомъ языкѣ въ Нью-Йоркѣ въ 12 томахъ. Имѣются иллюстраціи: портреты, карты, диаграммы, снимки съ картинъ, а во второмъ томѣ — даже двѣ хромолитографіи и одна гелиографюра. Изложеніе — ученое, во многихъ случаяхъ не совсѣмъ понятное. Насколько можно судить по содержанію статей, первый томъ составлялся тщательнѣе второго; по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе мы получили изъ разсмотрѣнія ряда статей въ обоихъ томахъ. Въ первомъ томѣ мы не нашли такихъ промаховъ, какъ упорное причисленіе къ апокрифическимъ книгамъ «Книги Эсфирь» (въ статьѣ «Амонъ») или «Сусанны», «Сна Мардохея», «Молитвы Манассе» (и это въ статьѣ, какъ разъ трактующей объ «Апокрифахъ»!), не нашли такихъ удивительныхъ евангельскихъ цитатъ, какъ въ статьѣ «Амонъ», гдѣ изъ Дѣяній апостольскихъ (съ указаніемъ даже мѣста, II, 23) приводится дальнѣйшій «мидрашитскій отрывокъ, заимствованный, повидимому, изъ какого-то утеряннаго еврейскаго апокрифа», такого содержанія: «Нѣтъ грѣха болѣе тяжкаго, чѣмъ идолопоклонство, такъ какъ оно есть измѣна самому Богу. Но и этотъ грѣхъ прощается въ случаѣ искренняго раскаянія. Кто же грѣшитъ просто изъ духа противорѣчія» и т. д. Какъ бы догадываясь, что никто не повѣритъ существованію такого мѣста въ Дѣяніяхъ, авторъ прибавляетъ: «Этотъ дѣйствительно мидрашитскій отрывокъ весьма освѣщаетъ слѣдующія слова Мишны: «Кто скажетъ: «стану грѣшитъ, а затѣмъ каяться» — у того не будетъ времени для покаянія». Для чего все это надо было г-ну «Красному» (подъ такимъ псевдонимомъ почему-то скрылся редакторъ библейскаго отдѣла), совершенно непонятно. Вообще читать «Еврейскую Энциклопедію» крайне трудно въ виду массы еврейскихъ словъ съ русскими окончаніями,

употребляющихся походя, а также въ виду страннаго и не всюду выдержаннаго правописанія именъ собственныхъ и названій книгъ (библейскихъ): Абигаиль (вм. Авигея), Абисай (имя встрѣчается въ статьѣ «Амаса», но на мѣстѣ отсутствуетъ; повидимому—Авесса), Иоабъ (Иоавъ), Абнеръ (Авенпръ), Гибеонъ (Гаваонъ), Сениахерибъ, Вплеамъ, Вашти и т. д. Приходится постоянно справляться, о комъ собственно идетъ рѣчь, а на мѣстѣ очень часто искомаго имени и не оказывается. То же должно сказать относительно наименованія библейскихъ книгъ: I и II кн. Хроники, Когелегъ, Ширъ, I Цар., I Эзр., II Эзр. и т. д. Составители не останавливаются и предъ измѣненіемъ евангельскихъ именъ даже въ евангельскихъ цитатахъ. Языкъ «Энциклопедіи» отдастъ переводомъ довольно плохого свойства: «Если кто спроситъ тебя, почему Богъ вывелъ Израиля изъ Египта, коль скоро Ему извѣстно было, что впоследствии онъ согрѣшитъ предъ золотымъ тельцомъ (sic), то скажи ему въ отвѣтъ: извѣстно, что, по взглядамъ талмудистовъ, вселенная создана ради Израиля; слѣдовательно, съ такимъ же правомъ можно спросить: почему Богъ создалъ міръ для Израиля? Отвѣтъ одинъ» и т. д. Это изъ разсужденій «Ангела бенъ Хапма». Курьезенъ полемическій тонъ «Энциклопедіи»: она не просто излагаетъ выводы науки, а говоритъ: «такой-то ошибается, полагая то-то», «мнѣніе такого-то неправильно, надо думать такъ»,— а доводовъ никакихъ. Одинъ разъ даже сама «редакція» полемизируетъ съ авторомъ статьи, объясненіе котораго она находитъ недостаточно обоснованнымъ, и полемизируетъ неудачно (ст. «Апокрифы»).

Глазъ отдыхаетъ нѣсколько на крупныхъ статьяхъ, специально написанныхъ для «Энциклопедіи», какъ «Америка», «Анатомія въ Талмудѣ», «Анаѳема», «Англія», «Антисемитизмъ», «Антокольскій», но объ этихъ предметахъ имѣются серьезные труды и безъ «Энциклопедіи». Странное впечатлѣніе оставляютъ иллюстраціи, приложенныя къ книгѣ. Вообще понятны такія иллюстраціи, какъ еврейскія улицы въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ, уголокъ кладбища, синагоги, читальня въ еврейскомъ кварталѣ Лондона, обѣдъ въ благотворительной столовой, типы иммигрантовъ; менѣе понятны «Еврейскій купеческій клубъ въ Филадельфіи», «Еврейскій сиротскій домъ въ Кливлендѣ или «Большой театръ въ Нью-Йоркѣ»—обыкновенныя постройки, характеризующія развѣ что богатство тамошнихъ евреевъ; но какой смыслъ имѣютъ «Авессаломъ, повисшій на деревѣ», или «Бой Агура-Мазды съ Ангро-Майньюсомъ», или «Общій видъ Іерусалима» (въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія) или «Мамврійскій дубъ» («Авраамовъ дубъ») въ видѣ широколиственнаго дерева, какимъ онъ былъ, можетъ быть, сто лѣтъ тому назадъ? Такимъ образомъ, положительнаго «Энциклопедія» даетъ очень мало. «Православная Богословская Энциклопедія» издается нашими профессорами с.-петербургской духовной академіи съ большимъ знаніемъ дѣла; библейскій же отдѣлъ «Еврейской Энциклопедіи» въ полнотѣ и достоверности сильно уступаетъ «Библейской Энциклопедіи» архимандрита Никифора, вышедшей около 20 лѣтъ тому назадъ.

— чѣ.

Запросы по финляндскому управленію.—Государственная дума; засѣданія: 1, 5, 12 февраля, 1, 12 и 13 мая 1908 года. Спб. 1909. Стр. 305.

Въ минувшемъ 1908 году въ государственную думу были внесены три заявленія о запросахъ предсѣдателю совѣта министровъ по дѣламъ финляндскаго управленія, а именно: первый — по поводу неисполненія финляндскимъ генераль-губернаторомъ и министромъ статсъ-секретаремъ требованія высочайшаго указа 19 октября въ отношеніи порядка всенодданнѣйшихъ докладовъ; второй и третій — по поводу мѣръ для побужденія финляндскаго генераль-губернатора и мѣстныхъ властей къ огражденію государства отъ подготовлявшихся въ Финляндіи посягательствъ на государственный порядокъ и безопасность, а также къ пресѣченію въ краѣ дѣятельности общества «Войма».

Первый изъ этихъ запросовъ былъ взятъ его авторами обратно послѣ объясненій, сдѣланныхъ въ государственной думѣ предсѣдателемъ совѣта министровъ П. А. Столыпинымъ. По остальнымъ же двумъ происходили продолжительныя пренія въ самой государственной думѣ, были произнесены очень любопытныя и обширныя рѣчи (какъ, напримѣръ, графомъ Беннигеномъ, Ветчиннымъ, Замысловскимъ, Марковымъ 2, Милюковымъ и т. д.), и оба запроса были отклонены государственною думою въ засѣданіи 13 мая. Этотъ эпизодъ представляетъ собою важный моментъ развитія во внутренней русской политикѣ. Поэтому, бывшій предсѣдатель комиссіи по финляндскимъ законамъ Н. Д. Сергѣевскій (нынѣ уже умершій) нашелъ полезнымъ для удобнѣйшаго пользованія всѣхъ интересующихся финляндскими дѣлами издать въ видѣ особой книжки точное воспроизведеніе всѣхъ стенографическихъ отчетовъ о засѣданіяхъ, въ которыхъ происходили пренія по вышеуказаннымъ вопросамъ, безъ всякихъ измѣненій, замѣчаній, одобреній или исправленій и сдѣлать ее доступной читателямъ, пустивъ въ продажу по дешевой цѣнѣ. Обращая вниманіе читателей на это новое изданіе комиссіи для систематизаціи финляндскихъ законовъ, нельзя не пожелать, чтобы и другія правительственныя учрежденія послѣдовали этому благому примѣру и также издавали бы въ такомъ же порядкѣ, въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ, стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ государственной думы, въ которыхъ происходятъ пренія по наиболѣе важнымъ законопроектамъ, имѣющимъ общій интересъ для большинства читателей, какъ, напримѣръ, о земельномъ устройствѣ крестьянъ и общинномъ владѣніи, о литературной собственности, авторскомъ правѣ, реформахъ по народному образованію и обязательномъ первоначальномъ обученіи и т. д. Такого рода изданія значительно облегчили бы не только возможность ознакомиться въ подробностяхъ съ мотивами новыхъ законопроектовъ, но и уразумѣть истинное ихъ значеніе и содержаніе.

П. М.

**Юліанъ Кулаковскій. Римское государство и его армія.
Спб. 1909.**

Профессоръ кіевскаго университета Ю. А. Кулаковскій уже давно трудится надъ изученіемъ исторіи военнаго дѣла въ Римской и Византійской имперіи, посвятивъ цѣлый рядъ монографій отдѣльнымъ вопросамъ этой весьма сложной, но чрезвычайно любопытной области. Нынѣ въ работѣ, заглавіе которой приведено выше, онъ объединилъ результаты своихъ предыдущихъ изысканій, и въ сжатой, но весьма содержательной брошюрѣ представилъ общій ходъ развитія римской арміи, оказавшаго такое громадное вліяніе на весь ходъ политической жизни древняго Рима. Свое изложеніе почтенный ученый начинаетъ съ первыхъ страницъ римской исторіи, гдѣ уже достаточно ярко обнаружилась военная основа римской государственной власти; доведенъ очеркъ въ послѣдовательномъ изложеніи роста римской арміи, а затѣмъ ея разложенія въ эпоху поздней имперіи до коронованія франкскаго царя Карла Великаго въ 800 г. Особенное вниманіе авторъ обращаетъ въ своемъ изложеніи на выясненіе того значенія, какое армія имѣла въ общемъ ходѣ государственной жизни, поэтому работа эта представляетъ существенный интересъ не для однихъ только военныхъ историковъ. По строгой обоснованности своего изложенія и яркому освѣщенію описываемыхъ явленій брошюра эта должна быть признана образцомъ популярнаго, въ лучшемъ значеніи этого слова, изложенія историческихъ вопросовъ, почему и нельзя не привѣтствовать рѣшенія кіевскаго отдѣла императорскаго военно-историческаго общества, издавшаго эту весьма поучительную и полезную работу своего сочлена. И военный историкъ и историкъ Рима прочтутъ ее съ одинаковымъ интересомъ и удовольствіемъ. **Б. В.**

Aus baltischer Geistesarbeit. I—VII. 1908.

Съ цѣлью возобновить въ памяти полузабытыя имена старыхъ балтійскихъ писателей (первой половины XIX вѣка) и ихъ произведенія нѣмецкій союзъ въ Лифляндіи предпринялъ изданіе ряда брошюръ научнаго содержанія подъ общимъ заглавіемъ «Aus baltischer Geistesarbeit», которыя сдѣлались бы настольною книгою каждаго нѣмецкаго прибалтійца. По плану секціи литературы и искусства этого союза предложено выустить 12 книжекъ по 30—50 к. за каждую и до сего времени вышло 7 такихъ книжекъ: I. Ю. Экардтъ, «Hamilkar von Fölkersahn» и «Livländisches Stilleben».—II. В. Генъ. «Ueber die Physiognomie der italienischen Landschaft» и «Der Humanismus».—III. Графъ А. Кефзерлингъ, «Gedächtnisrede auf Karl Ernst von Baer» (съ портретомъ К. Бера) и К. Э. фонъ-Беръ, «Welche Auffassung der lebenden Natur ist die richtige?»—IV. К. Ширренъ, «Walter von Plettenberg» и «Frau von Krüdener».—V. Е. ф. д. Брюггенъ, «Dynamit» и «Erdbeben».—IV. Г. ф.-Самсонъ, «Gregor von Helmersen» и Г. ф.-Глазенайтъ, «Hermann von Samson-Himmelstjerna als Schriftsteller».—VII. М. ф. Энгельгардтъ, «Johann Calvin und seine Reformation» и А. ф.-Эттингенъ, «Bildung und Sittlichkeit».

Книжки снабжены біографіями авторовъ.

А. Э. Мальмгрень.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВРЕДТЕЧА Каліостро.—Въ ноябрьскомъ номерѣ «Revue hebdomadaire» помѣщено извлеченіе изъ воспоминаній о дворѣ Людовика XIV Прими Висконти, предтечи Каліостро, напечатанное барономъ Марикуромъ. Къ этимъ воспоминаніямъ прибавлены поясненія и введеніе на основаніи различныхъ семейныхъ документовъ жены Прими Висконти, по первому браку Эрбэнъ, дочери Фредерика Леонарда, очень богатаго человѣка, лучшаго книгопродавца и перваго печатника короля. Дѣвица Эрбэнъ обладала милліоннымъ состояніемъ и черезъ свою семью имѣла связи съ янсенистами и конвульсіонерами. Эта очень красивая особа увлекалась мистицизмомъ и вслѣдствіе болѣзненного темперамента обращала свою слабость въ суевѣріе; при этомъ она страдала всевозможными недомоганіями, которыя въ наше время относятся къ неврастенію. Впрочемъ, физическіе недочеты не мѣшали ей заниматься изящной литературой, и двадцати трехъ лѣтъ она перевела съ итальянскаго языка одно сочиненіе, самостоятельно написавъ къ нему предисловіе. Это занятіе служило ей развлеченіемъ въ скучной, однообразной жизни съ неинтереснымъ, угрюмымъ мужемъ, къ тому же слабаго здоровья и поэтому вѣчно печальнымъ. Когда здоровье мужа сдѣлалось хуже, и по всѣмъ признакамъ приближалась роковая развязка, г-жа Эрбэнъ обратилась къ Прими, любопытствуя узнать свое будущее, и онъ предсказалъ ей, что чрезъ полгода она овдовѣетъ и выйдетъ вторично замужъ за человѣка княжескаго происхожденія.

¹⁾ Un précurseur de Cagliostro. Primi Visconti. Par baron de Maricourt. «La Revue hebdomadaire». 13 Novembre 1909.

Этот авантюристъ и былъ предтечей Каліостро, сначала онъ занимался предсказаніями будущаго, а затѣмъ все поднимался выше и выше, пока не достигъ милостей самого короля Людовика XIV. Предсказавъ будущее г-жѣ Эрбэнъ, онъ уѣхалъ въ Италію, не предвидя, что именно съ нею у него завяжется романъ.

Жанъ-Батистъ Примы Фелисьенъ Висконти-Фассола де-Расса, кавалеръ, итальянскій дворянинъ изъ прихода Новаръ, родился 22 сентября 1648 г. въ Варрало. Его отецъ, потомокъ очень старинной фамиліи, велъ оптовую торговлю хлѣбнымъ зерномъ, стараясь, но тщетно, поправить свое состояніе. Этимъ обстоятельствомъ пользовались враги предсказателя будущаго и говорили, что онъ сынъ торговца и вышелъ изъ народа.

Рано потерявъ отца, молодой Примы Висконти посвятилъ себя духовной карьерѣ и, окончивъ ученіе, былъ назначенъ каноникомъ коллегіи Варрало, но скоро отказался отъ этой должности. Въ то время, какъ его братья жили въ положеніи, близкомъ къ нищенскому, онъ ничуть не сомнѣвался въ своемъ будущемъ. Будущій авантюристъ обладалъ качествомъ болѣе могущественнымъ, чѣмъ капиталъ: онъ былъ необыкновенно способный, въ совершенствѣ велъ интриги, владелъ непомѣрнымъ дипломомъ, обладалъ тонкимъ, гибкимъ умомъ и восхитительнымъ лицомъ. Двадцати пяти лѣтъ онъ уже напечаталъ романъ и два историческія сочиненія, выказавъ знаніе человѣческаго сердца и широкіе взгляды, рѣдкіе для деревенскаго жителя. Но литературные успѣхи его не удовлетворяли, онъ задыхался въ Варрало, его манило знакомство съ Франціей, и особенно съ Парижемъ, и въ 1672 г. онъ предпринимаетъ поѣздку во Францію безъ всякой опредѣленной цѣли, не подозрѣвая, что поселится тамъ почти навсегда. Съ этого времени Примы начинаетъ вести свои воспоминанія, изъ которыхъ извлечены настоящія свѣдѣнія. Пріѣхавъ въ Парижъ безъ гроша въ карманѣ подъ именемъ Примы, онъ скоро сталъ извѣстенъ, какъ «человѣкъ очень способный, но безъ всякихъ средствъ». Жизнь онъ повелъ совмѣстную съ нѣкимъ аббатомъ Каретто, человѣкомъ далеко не возвышенныхъ взглядовъ.

Какимъ-то способомъ Примы вскорѣ удалось добиться благорасположенія графини Суассонъ, маркиза Данжо и аббата Шуази, главнаго исповѣдника герцога Ваудомскаго, который вскорѣ отвелъ для него помѣщеніе въ своемъ замкѣ. Но близость съ этими лицами его не удовлетворяла: его господствующей мыслью являлось желаніе попасть ко двору. Въ ту эпоху, когда воображеніе высшаго общества пресытилось отъ излишнихъ удовольствій и требовало чего-нибудь возбуждающаго, страсть къ чудесному, загадочному овладѣла умами. Ловкій авантюристъ воспользовался этимъ настроеніемъ и выбрался на желанный путь прямо во дворецъ. Онъ превратился въ составителя гороскоповъ, предсказателя будущаго, графолога и физиономиста. Особенно послѣдняя роль ему удалась. Цѣль была достигнута: Людовикъ XIV заинтересовался имъ и пожелалъ его видѣть. При свиданіи король спросилъ его: серьезно ли онъ относится къ своему искусству? Примы, какъ ловкій интриганъ, подъ строгимъ секретомъ признался королю, какъ бы выражая этимъ свое къ нему довѣріе и льсти ему, что занимается разгадываніемъ и предсказаніями ради развлечения. Король не

допытывался, каковы его замыслы, и удовольствовался только улыбкой, а затѣмъ тотчасъ же сказалъ придворнымъ, что «сьеръ Прими—великій ученый». Авантюристъ сразу утвердился при дворѣ, потому что, по его словамъ, стоило королю однажды обнять какого-то аббата, похожаго на жабу, на котораго ранѣе никто не обращалъ вниманія, какъ послѣ этого придворные едва не задушили его въ своихъ объятіяхъ. Почти то же случилось и съ сьеромъ Примы послѣ бесѣды съ королемъ и отзыва послѣдняго. Разница только та, что аббатъ былъ уродъ, а Прими, вѣроятно, отличался красотою, если г-жа Севиньи, жаждавшая услышать отъ него комплиментъ, однажды сказала ему, что онъ «красивъ, какъ герцогиня Мазарини».

Не только при дворѣ, но и по городу распространилась о немъ слава. Королева потребовала его къ себѣ, и Прими предсказалъ ей, что у нея родится мальчикъ. Это ее такъ обрадовало, что она пообѣщала ему въ такомъ случаѣ аббатство. Тюрену онъ предсказалъ побѣду. Этимъ онъ такъ ему польстилъ, что вкрался къ нему въ довѣріе, и Тюрень признался, что король всѣ побѣды хочетъ приписывать себѣ, умаляя этимъ значеніе своихъ генераловъ. Напротивъ, не питавшему къ нему большого довѣрія кавалеру Рогану онъ предсказалъ насильственную смерть, что дѣйствительно случилось черезъ нѣсколько лѣтъ.

Старшая сестра короля тоже пожелала увидѣться съ Примы и встрѣтилась съ нимъ у нѣкой г-жи Раннь. Когда Прими сказалъ ей о Лозенѣ, то она принялась то плакать, то смѣяться и наконецъ упала въ истерику на китайскій столикъ, увлекая за собою Примы и разбивъ на двѣсти пистолей фарфоровыхъ вещей.

Новое положеніе Примы требовало новой декораціи, и онъ сталъ пользоваться своимъ полнымъ титуломъ графа Сень-Майоля. Его кредитъ настолько поднялся, что Вандомскій замокъ съ утра до вечера осаждали посѣтители, экипажи, пажы, служанки, посланные къ нему съ письмами. Даже въ церкви ему не давали спокойно слушать службу; въ Тюльери, куда его приглашали, дамы повсюду его преслѣдовали, показывали на него пальцемъ, дергали за руку и одежду. «У меня не хватало голоса. Моя голова разрывалась», замѣчаетъ Прими. Придворныя дамы покровительствовали Примы и всѣ въ него были влюблены, а одна изъ нихъ, графиня Гоноръ, для возбужденія въ немъ любви прибѣгала даже къ колдовству. Но въ то время, когда она вонзала серебряную иглу въ сердце изображавшей его восковой куклы, онъ до того увлекался графиней Сень-Жеранъ, что похудѣлъ и сдѣбался, по его выраженію, «мѣшкомъ съ костями».

Ловкій Прими понялъ, что расхваливать королевскія дѣянія лучшее средство, чѣмъ оккультизмъ, для ухаживанія за королемъ, и написалъ «Histoire générale de Hollande». Однако вышло наоборотъ, и онъ едва не испортилъ всей своей карьеры, позволилъ себѣ нескромное разоблаченіе поѣздки Madame въ Дувръ въ 1670 г. Его арестовали, и это надѣлало много шума при дворѣ. Но еще болѣе нашумѣла милость къ нему короля и крупная пенсія. Въ 1683 году Прими сдѣбался важной особой и вернулся на родину. Повидимому, онъ теперь превратился въ тайнаго агента французскаго правительства. На родинѣ его приняли съ восторгомъ. Деревни, расположенныя

въ долинѣ, уже въ теченіе многихъ лѣтъ страдали отъ бѣдности, поэтому жители обратились къ нему съ просьбой взять на себя управленіе всей долиной. Сначала онъ колебался, но потомъ согласился съ условіемъ пользоваться полной властью, почти безусловной. Этотъ авантюристъ въ новой роли оказался прекраснымъ управителемъ и первокласснымъ негодяемъ, но въ результатѣ получилось преслѣдованіе испанскихъ властей. Его вліяніе на жителей долины напугало испанское правительство, и оно назначило награду за его голову. По долинѣ разослали войска, чтобы его захватить, и началась настоящая охота на человѣка. Онъ возвращался изъ замковъ, принадлежавшихъ прежде его родителямъ; солдаты принялись ихъ грабить и жечь. Со слезами на глазахъ онъ отказался отъ управленія долиной къ огорченію жителей. Но Примми все-таки продолжалъ съ достоинствомъ разыгрывать свою роль, и, когда испанцы его окружили, онъ принялъ такой увѣренный видъ, что даже офицеръ переложилъ пистолеть изъ одной руки въ другую для салютованія ему. Другой отрядъ, присланный для подкрѣпленія перваго, не осмѣлился близко подойти къ Примми, опасаясь, что народъ вооружится, такъ какъ толпы бѣжали на помощь графуправителю, предлагая ему свои услуги. Примми отослалъ ихъ по домамъ и удалился изъ города только со свитой своихъ слугъ. Это было во-время: едва онъ вышелъ, какъ городъ переполнился солдатами, искавшими его. Примми скрылся въ долинѣ Андорія, которую оберегать испанское правительство нашло излишнимъ, вѣдѣнтіе защищавшихъ ее скалъ и снѣговъ. Примми считалъ себя уже спасеннымъ, но ошибся: другой отрядъ ожидалъ его при выходѣ изъ долины, въ деревнѣ Дона. Онъ укрылся въ церкви, уговорилъ жителей стрѣлять въ испанцевъ и тѣмъ временемъ достигъ рѣки Дуары. Здѣсь онъ вошелъ въ рыбацкую лодку и, рискнувъ разъ сто своей жизнью, достигъ Турна, а затѣмъ Франціи, гдѣ умолялъ короля не отказать ему въ гостепримствѣ.

Въ Парижѣ Примми очутился съ пустымъ кошелькомъ, и здѣсь начинается его романъ съ г-жою Эрбонъ, которой онъ предсказалъ смерть мужа, дѣйствительно вскорѣ скончавшагося. Дѣтей послѣ него не осталось, и его родственники, рассчитывавшіе получить наследство, донесли, что г-жа Эрбонъ отравила мужа. Послѣдовалъ судебный процессъ, который она выиграла и поселилась у отца, подъ именемъ г-жи Нефбургъ, занимаясь попрежнему беллетристикой. Здѣсь она принимала литераторовъ, и въ этомъ обществѣ нашелъ ее Примми. Ему было не трудно добиться ея руки: онъ сказалъ ей, что часть гороскопа сбылась, остается вторая половина—ея бракъ съ титулованнымъ, и онъ какъ разъ былъ графъ. Въ Лалѣ состоялась ихъ свадьба; г-жа Эрбонъ обѣщала ему въ контрактѣ отдать все свое состояніе. Тогда ее отецъ возбудилъ судебный процессъ, и ее заключили сначала въ Портъ-Рояль, а затѣмъ передали отцу, который поселилъ ее въ третьемъ этажѣ за рѣшетками въ маленькой комнаткѣ, охраняемой тремя стражниками. Она тайно переписывалась съ Примми, и въ концѣ концовъ 13-го января 1688 года дѣло окончилось свадьбой.

Теперь Примми графъ Сент-Майоль осуществилъ всѣ свои мечты. Его жизнь совершенно потеряла для читателей интересъ. Онъ сдѣлался политическимъ писателемъ, предложилъ королю совершенно новую систему союзовъ и сдѣлался другомъ и совѣтникомъ братьевъ Вандомскихъ. Онъ совершенно пре-

образился, изъ авантюриста превратился въ серьезнаго человѣка съ вѣсомъ, приличнаго мужа, благотворителя и дѣлилъ свое время между Парижемъ и своимъ замкомъ Нефбургъ близъ Эври. Въ 1713 году умерла его жена, и вскорѣ, 4-го декабря 1713 года, онъ послѣдовалъ за нею.

— Разговоръ Наполеона съ однимъ англичаниномъ на островѣ Эльбѣ.—Недавно въ Лондонѣ появились воспоминанія въ видѣ дневника лорда Бругтона, одного изъ друзей лорда Байрона и болѣе извѣстнаго въ англійской литературѣ подъ именемъ Хубхауза. Эту книгу издала его дочь, лэди Дорчестеръ, а предисловіе составилъ лордъ Розберри. Между прочимъ авторъ передаетъ, какъ въ 1815 году одинъ его другъ англичанинъ отправился на островъ Эльбу съ цѣлью увидѣть Наполеона. Однажды, когда тотъ прогуливался верхомъ въ сопровожденіи Бертрана, этотъ англичанинъ постарался занять такое мѣсто на пути, по которому слѣдовалъ Наполеонъ, что тотъ не могъ его миновать. Когда англичанинъ поклонился ему съ такимъ выраженіемъ, какъ будто у него имѣется кое-что сообщить Наполеону, то послѣдній спросилъ его: «Кто вы такой?»—«Англичанинъ», отвѣтилъ тотъ. — «Зачѣмъ вы здѣсь?» — «Только для того, чтобы видѣть васъ». — «Есть у васъ извѣстія изъ Парижа?»—«Не очень много. Арестовали около тридцати лицъ и удвоили охрану...» — «Слышите, Бертранъ!»—воскликнулъ Наполеонъ и прибавилъ:—«Вы побѣдете со мною. Пусть дадутъ ему лошадей».

Несмотря на замѣчанія Бертрана, Наполеонъ направился по дорогѣ въ Санъ-Мартино, служившій ему дачей. — «Что вы думаете о положеніи Франціи?»—«Государь,—отвѣтилъ англичанинъ:—ночью была буря; днемъ нѣтъ вѣтра, но море взволновано». — «Хорошо», отвѣтилъ Наполеонъ. Приѣхавъ въ Санъ-Мартино, онъ повелъ англичанина въ маленькую комнату, гдѣ, затворивъ двери, остался наединѣ съ нимъ. — «Теперь, когда мы одни,—сказалъ онъ:—вы можете меня спрашивать, что хотите. Я вамъ отвѣчу». — «Зачѣмъ вы оставались такъ долго въ Москвѣ?»—«Я справлялся съ метеорологической картой за тридцать лѣтъ. Зима же 1812 года стала на пять недѣль ранѣе другихъ годовъ. Я не могъ этого предвидѣть. Я сдѣлалъ ошибку, какъ дѣлалъ ихъ много въ теченіе моей долгой жизни общественнаго человѣка и солдата, быть можетъ, въ день до десяти». — «Какъ, десять въ день?» спросилъ съ удивленіемъ англичанинъ. — «Да, десять въ день. Такъ, я совершилъ ошибку, попробовалъ завоевать Англію. Англичане—храбрая нація. Я всегда говорилъ, что существуютъ только двѣ націи—англійская и французская. Я создалъ французскую націю. Что бы стали дѣлать англичане, если бы я высадился въ Англію?»—«Мы поднялись бы всѣ до послѣдняго человѣка. Я самъ, несмотря на то, что восторгаюсь вами, отравилъ бы васъ. Я послалъ бы вамъ дюжину бутылокъ отравленнаго вина; я бы что-нибудь сдѣлалъ для избавленія Англіи отъ васъ». — «Вы были бы правы,—отвѣтилъ Наполеонъ.—Такъ вы думаете, что Англія не вынесла бы моего управленія страной?»—«Нѣтъ». — «Нѣтъ? Почему?»—«Она восторгается вашими способностями, но вы совершили два или три дѣла, которыя она не можетъ вамъ простить». — «Какія?»—«Вамъ не понравится, если я скажу о нихъ». — «Нѣтъ, говорите». — «Ну, хорошо! смерть герцога Энгіенскаго». — «Ва! это пустяки!»—«Какъ пустяки,—возразилъ англичанинъ:—убить человѣка такимъ образомъ?»—

«Да! Зачѣмъ онъ затѣялъ заговоръ съ Жоржемъ и Пишегрю въ пяти миляхъ отъ французской границы? Зачѣмъ онъ не былъ въ другомъ мѣстѣ? Его осудилъ и приговорилъ военный совѣтъ. Его не ночью разстрѣляли, а утромъ. Миѣ сказали, что я долженъ приговорить его къ смерти». — «Очень радъ, — отвѣтилъ англичанинъ: — что вы оправдываетесь въ этомъ». — «Ну! а что же еще?» — «Отравленіе вашихъ больныхъ». — «Это неправда. Было шестнадцать или четырнадцать больныхъ чумою. Я созвалъ медицинскій совѣтъ, и миѣ сказали, что больные умрутъ черезъ двадцать четыре часа. Я рѣшилъ лучше подождать это время, чѣмъ оставить ихъ въ рукахъ турокъ, которые отрѣзали бы имъ носъ и уши. Въ этотъ срокъ осталось въ живыхъ не болѣе одного или двухъ больныхъ, и тѣ умерли, когда моя армія двинулась въ путь. Нѣтъ, это обвиненіе неосновательно». — «А зарѣзанные 2000 турокъ въ Яффѣ?» — спросилъ англичанинъ. — «Ихъ было три тысячи, — отвѣтилъ Наполеонъ. — Я имѣлъ на это право. Они были моими плѣнными; я ихъ отпустилъ. Я зналъ, что они въ Яффѣ. Я послалъ къ нимъ поручика съ парламентскимъ флагомъ, чтобы посовѣтовать имъ оставить городъ, пока его не взяли, предупреждая ихъ, что если его возьмутъ, то я буду принужденъ ихъ казнить. Они убили моего посланнаго, отрубивъ ему голову и посадивъ ее на пикъ. Городъ былъ взятъ приступомъ, и ихъ приговорили къ смерти. Я имѣлъ на это право. Робертъ Вильсонъ и Сидней Смитъ, порицавшіе меня, сдѣлали бы то же самое. Волѣ того, не хватило бы достаточно провизіи для французовъ и турокъ. Тѣ или другіе должны были быть разстрѣляны. Я не колебался въ выборѣ».

Послѣ обмена незначительными замѣчаніями англичанинъ возобновилъ свой допросъ.

«Въ Англіи въ ходу глупая исторія относительно васъ». — «Какая?» спросилъ Наполеонъ. — «Вы разсердитесь». — «Нѣтъ. Какая?» — «Говорятъ, что однажды въ Египтѣ, когда вы заснули, проснувшись вы нашли одного изъ вашихъ мамелюковъ съ какой-то принадлежавшей вамъ бумагой въ рукѣ, вы взяли пистолетъ и уложили мамелюка на мѣстѣ». — «Нѣтъ, я никогда этого не дѣлалъ. Моя рука такъ же неповинна въ этой крови, какъ и ваша. Впрочемъ, это вздоръ. Мой мамелюкъ никогда не спалъ въ одной со мною комнатѣ. У него отдѣльная комната». — «А правда ли, что въ Фонтенблѣ одинъ изъ вашихъ мамелюковъ предложилъ вамъ отрубить голову и что были оставлены пистолеты, чтобы вы могли ими воспользоваться?»

Наполеонъ отъ чистаго сердца расхохотался на эту исторію и произнесъ: «Нѣтъ, это вздоръ. Какъ! себя убитъ... Развѣ я ничего не могъ сдѣлать лучше этого? Убить себя, какъ несчастный банкротъ, который, потерявъ состояніе, рѣшается потерять также и свою жизнь. Нѣтъ. Наполеонъ всегда Наполеонъ и онъ всегда сумѣетъ принять рѣшеніе и перенести всякую судьбу. Надо согласиться, что я въ лучшемъ положеніи теперь, чѣмъ былъ артиллерійскимъ поручикомъ, но моя роль окончена». И онъ прибавилъ, что пишетъ свою исторію. «Тогда, — замѣтилъ англичанинъ, — исторія будетъ имѣть триумвиратъ великихъ людей: Александра, Цезаря и Наполеона». Наполеонъ пристально на него взглянулъ, и въ это время, какъ показалось англичанину, его глаза стали влажны. Затѣмъ онъ сказалъ: «Вы были бы правы, если бы пули поразила меня

въ сраженіи при Москвѣ, но послѣднія превратности судьбы ступевали всю славу моихъ первыхъ лѣтъ».

Произнеся эти слова, Наполеонъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ глубину комнаты и оставался тамъ нѣкоторое время въ молчаніи.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на дѣла Франціи. Наполеонъ сказалъ, что Людовикъ XVIII былъ «отважный человекъ и слишкомъ добръ для французовъ». — «Я тоже былъ слишкомъ добръ». — «Какъ? Слишкомъ добры?» спросилъ англичанинъ. — «Да, слишкомъ добръ, меня окончательно обманули».

И онъ объяснилъ свое пораженіе измѣной Мармона, о которомъ не могъ говорить безъ краски въ лицѣ. — «Что касается всѣхъ маршаловъ Франціи, — сказалъ онъ: — они не стоили этого», — и онъ прищелкнулъ пальцами.

Одинъ онъ могъ заставить французскую армію перенести и предпринять, что угодно. Веллингтонъ тоже былъ отважный человекъ. Онъ скорѣе ему довѣрилъ бы сто тысячъ человекъ, чѣмъ кому-нибудь изъ своихъ генераловъ, даже Сульту. Но онъ считалъ ошибкой, что его послали къ французскому двору, чтобы наводиться лицомъ къ лицу съ тѣми, кого онъ унижалъ.

Затѣмъ англичанинъ спросилъ его безъ обиняковъ: «Любила ли васъ Марія Луиза?» — «Ахъ, бѣдная женщина, если бы она меня любила». — «Какое мальчикъ римскій императоръ? Онъ красивый ребенокъ?» спросилъ англичанинъ. — «Право, я его очень мало видѣлъ. Я всегда былъ на войнѣ. Я почти ничего не знаю». — «Правда ли, что вы сказали, будто русскій императоръ — скотина, самъ того не зная, а что прусскій король ученый скотина?» — «Нѣтъ, это неправда. Русскій императоръ человекъ, но прусскій король — самая большая скотина, какую я только видѣлъ во всю мою жизнь. Онъ меня держалъ полчаса, говоря мнѣ о моемъ мундирѣ и пуговицахъ и держа меня за рединготъ, такъ что наконецъ я сказалъ ему: «Вы должны бы спросить объ этомъ у моего портного». — «Правда ли, что въ совѣтѣ вы имѣли обыкновеніе чертить перочиннымъ ножомъ стулья и даже собственный тронъ». — «Нѣтъ. Это глупости. Вы думаете, что у меня не было другого дѣла, какъ подобные пустяки».

Наполеонъ снова задалъ нѣсколько вопросовъ англичанину относительно Парижа и, узнавъ, что его гербъ и орлы стерты на памятникахъ, сказалъ: «Это вздоръ. Быть можетъ, не надо было мнѣ ставить мою букву N на публичныхъ зданіяхъ».

Англичанинъ опять его спросилъ: «Правда ли, что вы помѣстили деньги въ иностранные фонды?»

Наполеонъ былъ недоволенъ этимъ вопросомъ и быстро возразилъ: «Нѣтъ, никогда. Какъ могли вы этому повѣрить. Я дѣлалъ все, чтобы разорить ваши фонды. Талейранъ могъ ихъ купить. Я — никогда. Я не далъ бы ни одного пенни».

Затѣмъ Наполеонъ, замѣтивъ, что англичанинъ нѣсколько разъ протираетъ себѣ глаза, спросилъ его, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. — «Это потому, — отвѣтилъ онъ: — что я не вѣрю своимъ глазамъ, что нахожусь съ вами наединѣ».

Это, повидимому, понравилось Наполеону, и онъ замѣтилъ: «Увѣряю васъ, что мнѣ доставило столько же удовольствія поболтать съ вами, сколько вамъ со мною. Посторонній человекъ — большое для меня развлеченіе».

Потомъ, когда англичанина проводилъ Бертранъ, то онъ сказалъ послѣд-
нему: «Императоръ, какъ мнѣ кажется, весьма снисходителенъ. Онъ, должно
быть, человекъ съ хорошимъ настроеніемъ духа и никогда не пре-
дается гнѣву.—Я его знаю немножко лучше вашего», отвѣтилъ, улыбаясь,
Бертранъ.

— Отовсюду. Въ послѣднемъ номерѣ «Revue historique» Эдуардъ Дрю
разсказываетъ, какъ Наполеонъ добился, чтобы депутація имперіи исполнила
его желаніе по вопросу о германскомъ вознагражденіи 1803 г. Пруссія, понявъ,
что франко-русское соглашеніе для нея выгоднѣе австро-русскаго, взяла на
себя посредничество сблизить петербургскій и парижскій кабинеты. Наполеонъ
обѣщалъ Александру поддерживать его родственниковъ, нѣмецкихъ принцевъ,
и такимъ образомъ склонилъ его принять главный проектъ вознагражденія,
составленный Талейраномъ и Марковымъ. Когда этотъ проектъ былъ подверг-
нутъ обсужденію депутацій имперіи, Пруссія, Баварія и Вюртембергъ уже
подписали съ Франціей отдѣльныя конвенціи, и представители посредничавшихъ
державъ дали повѣсть въ Ратисбонъ, гдѣ засѣдали депутаціи, что предложен-
ный планъ послужить базой для споровъ и можетъ быть поправленъ только
слегка. Депутація имперіи приняла этотъ франко-русскій проектъ въ его суще-
ственныхъ чертахъ, сеймъ—врученное заключеніе, и нѣсколько недѣль спустя
императоръ послалъ свое одобреніе. Такимъ образомъ, германскій долгъ 1803 г.
обеспечивалъ Франціи на нѣкоторое время гегемонію въ Европѣ.

О русско-шведскомъ сближеніи 1811 г. находятся любопытныя свѣдѣнія
въ «Revue d'histoire diplomatique», гдѣ М. П. Кокэль помѣстилъ статью о неудач-
номъ французскомъ посланникѣ въ Стокгольмѣ — Алкѣе. Этотъ неловкій пред-
ставитель Франціи совокушно съ колеблющейся политикой Наполеона совер-
шенно оторвали Швецію отъ сближенія съ Франціей и толкнули ее въ объятія
Россіи. Вынужденная объявить войну Англій во вредъ своимъ торговымъ инте-
ресамъ, Швеція охотно бы заключила союзъ съ Франціей противъ Россіи. Сдѣ-
лавъ сначала авансъ въ этомъ смыслѣ, Наполеонъ внезапно пошелъ вѣпяъ,
размысливъ, что опасность нападенія Россіи была устранена по крайней мѣрѣ
на время (20 іюля 1811 г.). Наконецъ, нѣсколько недѣль спустя, на одномъ изъ
придворныхъ баловъ, когда въ присутствіи шведскаго короля всѣ оставались
стоять, какъ и онъ самъ, Алкѣе продолжалъ сидѣть. Это окончательно по-
дорвало добрыя отношенія обѣихъ державъ, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ удо-
вольствовался лишь тѣмъ, что перевелъ Алкѣе въ Копенгагенъ, не объяснивъ,
что онъ не уполномочивалъ своего посланника такъ дѣйствовать. Покидая
свой постъ, Алкѣе совершилъ еще неучтивость по отношенію Швеціи: онъ ни
съ кѣмъ не простился. Осенью 1811 г. Наполеонъ окончательно отказался отъ
шведскаго союза, предпочитая скорѣе видѣть эту державу впавшей въ англо-рус-
скую политику, чѣмъ подписать трактатъ съ своимъ бывшимъ поручикомъ.

¹⁾ Bonaparte et le recès germanique de 1803. Par Edouard Driault. «Revue his-
torique».

²⁾ La mission d'Alquier à Stocholme 1810—11. Par M. P. Coquelle. «La Revue
d'histoire diplomatique».

Въ томъ же журналѣ Маркъ Бризакъ касается отношеній французовъ къ полякамъ въ эпоху польскаго возстанія. По его словамъ, когда во Франціи узнали объ этомъ возстаніи, общественное мнѣніе взволновалось, и со всѣхъ сторонъ посыпались выраженія симпатіи къ дружественной націи—«вся Франція, по выраженію Лафайета, сдѣлалась польскою». Прежде всего, защищая польское дѣло, республиканцы нашли случай развить свои политическія идеи; но движеніе длилось недолго, благодаря анти-правительственному характеру. Вскорѣ на сцену выступила либеральная буржуазія и устроила польскій базаръ, товары на который жертвовались натурой или закупились на деньги, собранныя по подпискѣ, и продавались въ пользу повстанцевъ. Пока поляки боролись съ успѣхомъ, различныя партіи оставались объединенными для общей цѣли; когда же они были окончательно побѣждены и началось бѣгство во Францію, передовые элементы мало-по-малу взялись руководить движеніемъ и устроили такъ, что благотворительная организація параллельно съ матеріальной помощью вела дѣятельную пропаганду въ пользу ихъ идей.

О громадномъ вліяніи Бисмарка на политику во время Крымской кампаніи и его желаніи во что бы то ни стало помѣшать окончательному пораженію Россіи передаетъ въ томъ же журналѣ, за іюль мѣсяцъ М. Ж. Ольно. Бисмаркъ во время войны сильно вліялъ на прусскую политику во франкфуртскомъ сеймѣ и все время, пока длился восточный кризисъ, онъ не переставилъ давать совѣты министру, барону Мантейфелю, и королю, съ которымъ онъ велъ непосредственно переписку. Онъ прилагалъ всѣ усилія для парализованія дѣятельности либераловъ, находившихся у власти, и уже ставилъ вѣхи для своей будущей политики. Прежде всего, какъ пруссакъ, онъ добивался преобладающаго положенія Пруссіи въ Германіи и возставалъ противъ соединительныхъ притязаній конфедерации. Желая во что бы то ни стало помѣшать окончательному пораженію Россіи, онъ добился не только того, чтобы Пруссія оставалась нейтральной, но еще довелъ Австрію до полной неподвижности и помѣшалъ ей присоединиться къ Франціи и Англіи. Когда прусское правительство трактатомъ отъ 26-го ноября 1854 г., казалось, отступало отъ политики, поддерживаемой Бисмаркомъ во Франкфуртѣ, онъ исправилъ впечатлѣніе, произведенное этой новой конвенціей, вмѣшавъ сеймъ, чтобы затормозить дѣйствія Австріи. На сеймѣ онъ достигъ того, что доказалъ необходимость принять военныя мѣры не противъ Россіи, а противъ Франціи. Благодаря ему, 30-го января 1855 г. сеймъ и прусское правительство категорически отказали требованіямъ вѣнскаго кабинета мобилизоваться; но прусскіе и нѣмецкіе отряды должны были расположиться въ прирейнскихъ провинціяхъ и въ федеральныхъ мѣстностяхъ, мѣшая такимъ образомъ Наполеону III послать чрезъ Германію армію, чтобы напасть на самое сердце Россіи. Какъ и желалъ Бисмаркъ, настоящимъ побѣжденнымъ во время Восточной войны былъ вѣнскій кабинетъ: въ то время, какъ онъ своимъ колеблющимся поведеніемъ смущалъ державы, Пруссія не возстановила противъ себя ни одной изъ нихъ, и ея союза домогалась вся Европа.

Въ XVII пѣснѣ своего «Ада» Данте, описывая, какимъ мученіямъ подвергаются ростовщики, и среди этой толпы ростовщиковъ выдвинулъ на видное мѣсто троихъ. Личности двоихъ уже давно были установлены тол-

кователями «Божественной Комедіи»: одинъ изъ ростовщиковъ оказался Ринальдо Скровеньи изъ Падуи, сынъ котораго построилъ часовню въ честь Аренской Мадонны, чтобы замолилъ грѣхи отца; другой—Лино Эбриака, изъ Флоренціи. Третій же оставался неизвѣстнымъ, и только ведавио М. Луизо добился выясненія имени этой личности и подробности объ этомъ помѣстилъ въ «Archivio storico italiano», воспользовавшись многими документами современнаго флорентійскаго историка Давидсона. Этотъ ростовщикъ былъ мессиръ Кателло ди Россо Джіанфильяци, одинъ изъ покровительствуемыхъ Карломъ Анжуйскимъ. Въсѣтъ съ тѣмъ въ этой статьѣ находятся любопытныя подробности относительно финансовыхъ операций флорентійскихъ банкировъ и особенно Джіанфильяци въ Провансѣ, Дофинѣ и Авиньонѣ.

Въ «Rassegna nazionale» помѣщена любопытная статья¹⁾ извѣстной итальянской писательницы Маріи Бертини о мнѣніи моралистовъ эпохи возрожденія относительно роли женщины въ обществѣ и поведенія дѣвушки, женщины и вдовы. По ея словамъ, Боккаччіо въ своемъ «Декамеронѣ» объявилъ женщину независимой относительно мужчины. Леопъ Баттиста Альберти настаивалъ на томъ, насколько важно для общества, чтобы женщина получала надлежащее воспитаніе. Кастильоне въ своемъ «Cortegiano» требовалъ, чтобы въ женщинѣ развивали чувства деликатности и изящества, свойственныя женщинамъ. При этомъ г-жа Бертини приводитъ споры, часто очень горячіе, между панегиристами женщинъ и женоненавистниками и даетъ библиографію авторовъ, писавшихъ о женщинахъ. Мимоходомъ она упоминаетъ о нѣкоторыхъ женщинахъ XVI вѣка, среди общей порочности выдѣлявшихся своими добродѣтелями, высокой правдивостью или выдающимся умомъ, какова, напримѣръ, была Витторія Колонна, проведшая годы вдовства въ монастырѣ, предаваясь поэзіи.

Уничтоженная стихійными бѣдствіями Мессина представляетъ теперь забытыя всѣми развалины. Новая Мессина, замѣнившая ее, воздвигнута на другомъ мѣстѣ, впереди прежней и ничѣмъ не напоминаетъ ее. Вотъ какъ Джуджи Варцини описываетъ ее въ «Cortiera della Sera». Если бы гиды, которыми руководятся туристы, не опаздывали немного относительно даннаго момента, то современный Ведекеръ долженъ былъ бы выразиться о новой Мессинѣ такъ: «Мессина, сицилійскій городъ при проливѣ того же названія, съ народонаселеніемъ неопредѣленнаго происхожденія, говорящимъ на всевозможныхъ діалектахъ, не считая мѣстнаго. Дома Мессины всѣ одинаковые, отъ трехъ до пяти метровъ вышины, выстроенные по одной параллельной линіи и всѣ изъ сосноваго дерева; они походятъ на большія игрушки. Главное занятіе жителей состоитъ въ постройкѣ ихъ, подъ руководствомъ начальниковъ, которые, неизвѣстно почему, называются гражданскими инженерами. Нравы и обычаи въ Мессинѣ очень оригинальны. Мессинцы, не занимающіеся постройкой домовъ, отдають свое время работамъ въ конторахъ на уравниеніе цифръ. Послѣдніе жители составляютъ треть всего населенія. Говорятъ, что мессинцы когда-то строили прекрасныя каменные дома, которые

¹⁾ La donna secondo alcuni trattatisti del cinquecento. Per Maria Bertini.

должны представлять величественное зрѣлище. Но эта традиція теперь въ упадкѣ. Однако по сосѣдству находятся грандіозныя развалины, которыя служатъ историческимъ основаніемъ для этой легенды. Никто болѣе не думаетъ объ этихъ развалинахъ, кромѣ одной японской мисси, которая изучаетъ ихъ, чтобы сдѣлать докладъ своему правительству. Онѣ составляютъ чрезвычайно живописный фонъ позади новаго города и особенно красивы съ моря. По словамъ Барцини, новая Мессина представляетъ экстравагантный молодой городъ, ничѣмъ не похожій ни на какой другой. Это что-то пестрое, обширное, полное дѣятельности, импровизованное и эфемерное, вродѣ лагеря или театральной декорации. Надо надѣяться, впрочемъ, что это лишь временная, переходная пора и вскорѣ на старыхъ развалинахъ воздвигнется новый, еще лучше, чѣмъ прежній, молодой городъ.

Совсѣмъ инымъ является новый Санъ-Франциско. Прошло не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ со времени случившагося тамъ землетрясенія, а на его развалинахъ уже болѣе чѣмъ на сумму 1,200 милліоновъ франковъ воздвигнуто новыхъ построекъ. По большей части это очень высокіе, роскошные дома, и въ дѣловыхъ кварталахъ уже до 800 конторъ и бюро. Но все-таки эти постройки представляютъ пока только треть прежнихъ построекъ, которыхъ было на три милліарда франковъ. Однако для жителей Санъ-Франциско не представитъ затрудненій достигнуть этой цифры чрезъ нѣсколько лѣтъ, и Санъ-Франциско снова явится во всемъ блескѣ и роскоши. Послѣ катастрофы народонаселеніе, конечно, уменьшилось, но теперь со дня на день оно увеличивается: прежніе жители понемногу возвращаются въ него, привлекаемые чудеснымъ мѣстоположеніемъ, великолѣпными окрестностями и отличной гаванью, хорошо защищенной со стороны моря. Буржуазные дома чрезвычайно комфортабельны и со всѣми удобствами, въ каждомъ домѣ жилецъ находитъ изобиліе шкаповъ и библіотекъ, такъ какъ въ Санъ-Франциско столыры «ничего не стоятъ». Всѣ постройки обходятся тамъ дешево, благодаря низкой цѣнѣ на матеріалы, хотя каменщикамъ платятъ семь съ половиной долларовъ за восьмичасовой трудъ. Тамъ есть дома для цѣлой семьи, стоящіе не болѣе семи съ половиной тысячъ долларовъ съ землею, которая сама по себѣ оцѣнивается около двухъ тысячъ долларовъ. Для избѣжанія катастрофы при возможности новаго землетрясенія каждый новый домъ воздвигается на желѣзномъ островѣ. На случай пожара вездѣ находятся обширные резервуары съ водою.

Въ копенгагенскомъ журналѣ «Politiken» печатаются нѣкоторые неизданные отрывки Ибсена. Одинъ изъ нихъ представляетъ первый набросокъ «Норы» или «Кукольнаго дома». Этотъ набросокъ написанъ былъ Ибсеномъ въ Римѣ въ 1878 г., и въ немъ уже находились существенныя идеи пьесы. «Есть два сорта нравственной морали,—говоритъ Ибсенъ,—два сорта сознанія: одинъ для мужчинъ, другой, совершенно иной, для жепщинъ. Оба пола не могутъ понимать другъ друга: жепщинъ въ практической жизни судятъ по закону мужчины, какъ будто бы она была мужчина, а не жепщина. Съ начала до конца всей пьесы Нора не можетъ окончательно опредѣлить, что хорошо, что худо. Съ одной стороны, ея природныя чувства, а съ другой—ея вѣра въ мужской авторитетъ совершенно ее сбиваютъ. Жепщина не можетъ быть «сама собою» въ современ-

номъ обществѣ, которое исключительно мужское, съ законами, написанными мужчинами, съ ихъ прокурорами и судьями, которые рассматриваютъ ея поведеніе съ мужской точки зрѣнія. Нора учинила обманъ, и она гордится имъ, потому что дѣйствовала ради любви и чтобы спасти жизнь своего мужа. Но послѣдній, подчиняясь идеѣ условной чести, узко распределенной на почвѣ закона, смотритъ на вещи глазами мужчины. Поэтому слѣдуетъ душевная драма. Обремененная и сбита съ толку вѣрою въ мужской авторитетъ, Нора теряетъ вѣру въ свою мораль, она не считаетъ себя болѣе въ состояніи воспитывать своихъ дѣтей. Въ ней появляется горечь. Мать въ современномъ обществѣ является однимъ изъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыя исчезаютъ и умираютъ послѣ того, какъ онѣ исполнили свой долгъ продолжательницы человѣческаго рода. А любовь къ жизни, любовь къ очагу, къ мужу, къ дѣтямъ, къ семьѣ? Нора своимъ женскимъ сердцемъ старается оторваться отъ всѣхъ этихъ чувствъ; но вдругъ появляются тоска, ужасъ. Послѣ перваго колебанія и новой борьбы она покидаетъ домъ... Другая рукопись Ибсена, тоже относящаяся къ 1878 г., содержитъ всю сцену втораго акта между Гельмеромъ, Норой и докторомъ Ранкомъ. Она очень интересна, такъ какъ, несмотря на нѣкоторыя, неудачныя подробности, въ ней уже видна та увѣренность и сила, которой отличается стиль «Норы».

Въ послѣднемъ октябрьскомъ «Hebdo Débats» приведенъ довольно пикантный анекдотъ изъ писемъ Алкье, французскаго посланника въ Мадридѣ въ 1800 г., къ первому консулу, рисующій картину испанскаго двора въ началѣ XIX вѣка. Король Карль IV былъ человѣкъ бѣдный, имѣвшій сходство съ Карломъ V лишь одинаковымъ вкусомъ собирать коллекціи часовъ. У него были десятки стѣнныхъ часовъ, сотни—карманныхъ, которые ему приходилось провѣрять, а потому не имѣлось времени урегулировать поведеніе своей жены, королевы Маріи-Луизы, не стѣснявшейся заводить любовныя похождения. Главнымъ фаворитомъ при ней состоялъ Годой, князь мира, которому особенно довѣрялъ король и до того къ нему привыкъ, что не могъ безъ него обходиться, такъ что однажды въ Байонѣ на завтракъ у Наполеона онъ спросилъ: «А гдѣ Эммануиль?» и Наполеону пришлось распорядиться поставить для любимца своего гостя приборъ и пригласить Годоя на завтракъ. Въ одномъ изъ писемъ Алкье доносить: «Королева, которой было за пятьдесятъ лѣтъ, сохранила необыкновенную чувственность. Около 1801 г. она влюбилась въ нѣкоего Мало. Однажды король спросилъ, откуда берутся у Мало роскошныя лошади и кареты. «Государь,—отвѣтилъ Годой въ присутствіи королевы,—у Мало ничего нѣтъ, но его содержитъ некрасивая женщина, обкрадывающая мужа, чтобы правиться своему любовнику». Добрякъ-король расхохотался и, обращаясь къ королевы, произнесъ: «Что ты объ этомъ думаешь, Луиза?»—«Э! Шарль,—возразила королева:—развѣ ты не знаешь, какой забавный Мануэль». Но Мало не всегда былъ забавенъ: онъ безъ стѣсненія билъ Марію-Луизу изъ-за гвардейцевъ. Какъ-то разъ во время его расправы на шумъ появился король, и кое-какъ удалось уладить дѣло.

— Статуи и юбилеи. Болѣе половины втораго полугодія въ Европѣ, особенно въ самомъ центрѣ культурнаго міра, Франціи, не прекращались раз-

личные торжества. Началомъ этой серіи во Франціи послужили столѣтіе со дня смерти маршала Ланна, столѣтіе Ваграма и пятидесятилѣтіе Сольферино— послѣднее торжество, конечно, справлялось главнымъ образомъ въ Италіи, и за нимъ осталось названіе франко-итальянскаго. Столѣтіе со дня смерти Ланна пробудило въ памяти французовъ многія воспоминанія и, какъ въ панорамахъ, ожила блестящая военная эпопея—Монтебелло, Аркола, пирамиды, Абукиръ, Маренго и Аустерлицъ. То было время, когда пигмеи превращались въ великановъ, какъ выразился Наполеонъ, говоря о Ланнѣ: «я взялъ его пигмеемъ, а потерялъ великаномъ». Дѣйствительно, кто бы могъ предположить, что этого сына конюха и ученика красильщика судьба сдѣлаетъ главнымъ сподвижникомъ Наполеона, маршаломъ Франціи, герцогомъ де-Монтебелло и княземъ Съверъ. Вся карьера Ланна складывалась безпрепятственно и быстро. Уроженецъ города Лектура, гдѣ блестяще справили столѣтнюю годовщину со дня его смерти, онъ въ двадцать лѣтъ умѣлъ читать, писать и немного считать. «Ты, быть можетъ, сдѣлаешься офицеромъ,—говорилъ ему одинъ ихъ земляковъ:—ради чего ты останешься красильщикомъ: это ремесло не прокормитъ своего хозяина». Ланнъ послушался его совѣта и поступилъ въ волонтеры Жерса. Но отважный герой не скрывалъ, что крещеніе огнемъ не прошло для него незамѣтно. «Меня охватилъ страхъ,—разсказывалъ онъ впоследствии своимъ:—но я его схватилъ за горло, повалилъ и попралъ ногами. Кто говоритъ, что никогда не зналъ страха,—лгунъ. Но долгъ приказываетъ побороть страхъ и недостаточно сдѣлать прыжокъ впередъ, чтобы отъ него отдѣлаться». Наканунѣ Эслинга, уже покрытый славой, онъ все еще повторялъ, что знаетъ страхъ, и въ разговорѣ съ докторомъ Лафранкомъ замѣтилъ: «Я боюсь войны; это я говорилъ и императору. При первомъ шумѣ меня беретъ дрожь, но едва я сдѣлаю первый шагъ, я уже думаю только о своемъ ремеслѣ. Въ сраженіяхъ офицеры на глазахъ солдатъ должны казаться, какъ будто они на свадьбѣ».

Военная карьера Ланна быстро подвигалась впередъ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже былъ фельдфебелемъ, потомъ въ 1793 г. поручикомъ, затѣмъ въ концѣ того же года капитаномъ гренадеръ. Въ битвѣ при Баньюлѣ 23-го декабря того же года онъ во главѣ авангарда отнялъ у непріятеля крѣпость Вильлонгъ и девятнадцать пушекъ. По предложенію генерала Даву, Ланнъ былъ назначенъ начальникомъ бригады въ дивизіи Ожеро. Наконецъ, 23-го ноября въ своемъ докладѣ о битвѣ въ Лоано Ожеро писалъ, что генераль Баю раненъ и передалъ командованіе Ланну «который вель себя такъ же умно, какъ и храбро, заслуживаетъ похвалъ и національной благодарности. Тѣмъ не менѣе, когда въ томъ же году 105 бригада слилась въ одну съ 51, то Ланнъ, какъ самый молодой, остался не у дѣль. Но это не измѣнило его рѣшенія продолжать военную карьеру, на которую онъ считалъ себя способнымъ. Онъ устроилъ, что его представили генералу Бонапарту и добился, чтобы его приняли простымъ волонтеромъ въ итальянскую армію. Здѣсь его замѣтилъ Наполеонъ послѣ битвы при Милессимо и произвелъ въ начальники бригады. Ланнъ выказалъ храбрость и находчивость; первый шелъ навстрѣчу врагу, какъ, напримѣръ, въ Дего, Каданьо и при взятіи Павіи. Назначенный бригаднымъ генераломъ, онъ захватилъ предмѣстье Мантуи, былъ раненъ въ Говернало, получилъ двѣ раны

въ Арколѣ, но на другой же день, узнавъ, что битва продолжается, вскочилъ на коня и поскакалъ на Аркольскій мостъ, увлекая за собою солдатъ. Но здѣсь онъ опять былъ раненъ и лишился сознанія. 18 плювіоза VI года законодательное собраніе прислало Бонапарту знамя въ память объ Арколѣ, но онъ передалъ его Ланну, говоря, что это почетное знамя, покрывающее славою гренадеръ, находившихся подъ его командой, надлежитъ вручить ему. Съ тѣхъ поръ Ланнъ старался находиться всегда возлѣ Наполеона. Когда 5-го мая 1800 г. Бонапартъ покинулъ Парижъ, чтобы принять командованіе арміей и попытаться помочь Массенѣ, запертому въ Генуѣ, Ланнъ первый во главѣ авангарда былъ на дорогѣ къ Сень-Бернару. Онъ перешелъ Альпы, отгѣснилъ австрійскій аванпостъ, выломалъ ворота Ирви, перешелъ По, вошелъ въ Ка-стеджіо и, благодаря своему невообразимому героизму, съ горсточкой солдатъ одержалъ въ Монтебелло побѣду надъ непріятелемъ въ три раза болѣе многочисленнымъ. Въ битвѣ при Маренго онъ отличился не менѣе и заслужилъ почетную шпагу.

На слѣдующій годъ его послали въ качествѣ посланника въ Португалію, но онъ совсѣмъ не обладалъ дипломатическими способностями и потому вскорѣ оставилъ этотъ постъ. Въ 1804 году его сдѣлали маршаломъ имперіи и въ кампанію 1805 года онъ былъ однимъ изъ главныхъ помощниковъ Наполеона. Нѣсколько позже Ланнъ сражался въ Іенѣ, Пултускѣ, Данцигѣ, былъ сдѣланъ графомъ Монтебелло и сопровождалъ Наполеона въ Испанію, гдѣ послѣ Тюдельской побѣды славно привелъ къ концу осаду Сарагоссы. Въ 1809 году Ланнъ отправился въ Германію и покрылъ себя славою въ битвахъ при Экмюлѣ, Ратисбонѣ и Амстердамѣ; наконецъ, 22-го мая, во время Хелингскаго сраженія его смертельно сразила пуля у Асперна.

Своимъ искреннимъ плебейскимъ сердцемъ онъ чистосердечно былъ привязанъ къ Наполеону, и это заставляло его не разъ забывать дисциплину ради охраненія императора. Когда онъ увидѣлъ Наполеона бросающимся впередъ на непріятеля, то отталкивалъ его и неизмѣнно восклицалъ: «Здѣсь тебѣ не мѣсто!» Такъ было во время Аркольскаго сраженія, когда Наполеонъ со знаменемъ въ рукѣ увлекалъ впередъ горсточку изнеможенныхъ гренадеръ, отгѣсняемыхъ болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Въ это время Ланнъ, получившій двѣ раны, лежалъ въ госпиталѣ, но, узнавъ о дѣйствіяхъ Наполеона, вскочилъ на коня, догналъ его, спрыгнулъ съ сѣдла, вырвалъ знамя у Наполеона и, оттолкнувъ его въ болото, бросился на непріятеля со словами: «Здѣсь тебѣ не мѣсто!» Такъ было и девять лѣтъ спустя, во время Ульмскаго сраженія. Наполеонъ цѣнилъ это сердце, и когда Ланнъ лежалъ съ ампутированной ногой, то онъ, стоя передъ нимъ на колѣняхъ и заливаясь слезами, обнималъ его, говоря: «Вы будете живы, мой другъ, вы будете жить!» И въ отвѣтъ на это умирающій Ланнъ отвѣчалъ ему: «Я желалъ бы этого, если бы я могъ быть полезенъ Франціи и императору!».

Пятидесятилѣтіе Сольферино и своей независимости молодая Италія отпраздновала торжественно. Въ Миланѣ, Туринѣ и Римѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ блестящихъ празднествъ, но сама годовщина рѣшительной побѣды праздновалась на бывшемъ полѣ сраженія въ присутствіи короля. Французскихъ де-

легатовъ особенно радушно принялъ Миланъ, гдѣ Наполеонъ III, побѣдитель Мадженты, освободитель Ломбардіи, оставилъ неизгладимыя воспоминанія. Однако вопросъ о памятникѣ Наполеону такъ и остался неразрѣшеннымъ. Послѣ его смерти либеральная ломбардская аристократія сдѣлала подписку на памятникъ, но итальянская демократія запротестовала, видя въ этомъ манифестацію въ пользу Бурбоновъ противъ республиканской Франціи. Въ отвѣтъ она воздвигла памятникъ пострадавшимъ при Ментанѣ, и на его открытіи присутствовало много французскихъ республиканцевъ, такъ какъ итальянская демократія никогда не дѣлала отвѣтственной за Ментану республиканскую Францію. Теперь, когда муниципалитетъ Милана въ рукахъ консерваторовъ, то сольферинскими празднествами разсчитывали воспользоваться и воздвигнуть на одной изъ площадей статую Наполеона. Однако пришлось отказаться отъ этого плана въ виду угрозъ со стороны итальянской демократіи взорвать этотъ памятникъ.

Затѣмъ предполагалось этотъ злополучный памятникъ помѣстить на полѣ сраженія, но умѣренные ничего не хотѣли слышать. Тогда было предложено перенести статую Наполеона въ Кастелло. Народъ почти согласился, но умѣренные требовали, чтобы это перенесеніе состоялось 24 іюня, въ годовщину сраженія при Сольферино; народъ же ни за что не хотѣлъ въ этотъ день присоединиться къ апофеозу Наполеона III. Такимъ образомъ, несчастная статуя Наполеона, отлитая изъ бронзы, настоящій шедевръ искусства, такъ и осталась въ подвалахъ Брернскаго дворца, гдѣ ею любуются туристы. Ракени въ своей статьѣ «Пятидесятилѣтіе Сольферино» говоритъ, что для нѣкоторыхъ умѣренныхъ итальянцевъ Сольферино сдѣлалъ Наполеонъ III, а Ментану—Франція. «Надо ли имъ напоминать,—говоритъ онъ:—что походъ 1859 года во Франціи былъ популяренъ и онъ заставилъ забыть 2-е декабря. Республиканскія партіи во Франціи всегда сочувствовали независимости Италіи. Это не значить, что Наполеонъ III, несмотря на всѣ свои ошибки и противорѣчія, не заслуживаетъ статуи въ Италіи, если разсматривать вопросъ исключительно съ итальянской точки зрѣнія. Наполеона упрекають, что онъ не довелъ до конца предпринятой задачи и не реализировалъ всей своей программы: «Свободная Италія отъ Альпъ до Адриатики». Ментана не можетъ вычеркнуть изъ исторіи Сольферино, которое, по выраженію извѣстнаго историка Ферреро, создало современную Италію. И Гарибальди забылъ о Ментанѣ, принося свою шпагу республиканской Франціи. Теперь исторически доказано, что Виллафранкскій миръ, раздражавшій итальянцевъ, былъ предписанъ Наполеону Пруссіей, угрожавшей помочь Австріи. Въ настоящее время итальянцы сознають, что Франція сдѣлала все отъ нея зависящее». Такимъ образомъ, вопросъ о памятникѣ остался попрежнему нерѣшеннымъ, а пока патріотическое общество Санъ-Мартино и Сольферино рѣшило возложить на могилу Наполеона III богатую бронзовую гирлянду.

Славная дата для итальянцевъ и французовъ была отпразднована 6-го іюня; официальный же миръ справлялъ ее 8-го іюня. Въ Миланѣ состоялось блестящее торжество въ память вступленія Наполеона III и Виктора-Эммануила во главѣ союзныхъ войскъ четыре дня спустя послѣ Мадженты. Предполагалось

это празднество устроить еще блестяще, но катастрофа в Мессинѣ измѣнила весь планъ и изъ предназначенныхъ на этотъ случай суммъ часть была отправлена на нужды пострадавшимъ. По всей Италіи въ эти дни раздавались возгласы: «Viva Italia irredenta!» и «Vive la France!». 20-го іюня франко-итальянское общество устроило въ театрѣ «Argentina» торжественный праздникъ въ присутствіи короля и королевы. Въ тотъ же вечеръ въ Капитоліи былъ обѣдъ для французскихъ делегацій, а вечеромъ его музей былъ блестяще иллюминированъ. Профессора римскаго университета отправили французскому президенту Фальеру альбомъ съ своими надписями.

23-го іюня было назначено парадное торжество на полѣ сраженія въ Сольферино. Король съ королевой пріѣхали изъ Ракониджи и на стациіи San Martino della Bataglia ихъ ожидала французская военная депутація во главѣ съ генераломъ Мишелемъ. Король обратился къ нему со слѣдующими словами: «Я въ восторгѣ, генераль, видѣть васъ здѣсь и прошу васъ передать французскому правительству, насколько я радъ, что оно прислало васъ и сопровождающихъ васъ французскихъ офицеровъ. Я не могъ лично быть 4-го іюня въ Маджентѣ, но всѣмъ сердцемъ былъ тамъ. По крайней мѣрѣ сегодня я съ королевой хотѣли быть здѣсь, потому что это день знаменитой даты великихъ событій, которыя съ волненіемъ справляетъ вся Италія». Король въ автомобиль вмѣстѣ съ королевой отправились на поле сраженія и первымъ долгомъ посѣтили костникъ, гдѣ покоятся кости убитыхъ воиновъ. Здѣсь была отслужена панихида, на которой королева, преклонивъ колѣно, молилась. Король же все время разговаривалъ съ адъютантомъ и держался въ сторонѣ, какъ бы подчеркивая, что онъ не принимаетъ участія въ богослуженіи, и говорить, что онъ именно желалъ, чтобы это было замѣтно. Послѣ службы король, королева и всѣ присутствующіе вошли въ костникъ. Внутренность памятника, представляющаго амфитеатръ, сверху донизу уставленный черепами и костями, производитъ страшное впечатлѣніе. Всѣ кости, чистыя и бѣлыя, какъ мраморъ, распределены удивительно искусно. Король съ королевой быстро прошли, не останавливаясь, черезъ костникъ, затѣмъ обошли башню и посѣтили музей. Затѣмъ они отправились на самый кровавый пунктъ военныхъ дѣйствій, гдѣ построена церковь Madonna della Scoperta, на подорогѣ между Сольферино и Санъ-Мартино. На церковномъ дворѣ короля ожидали знаменщики съ пятью знаменами. Церемонія окончилась въ Санъ-Мартино, гдѣ 24-го іюня было окончательное сраженіе и окончательная побѣда итальянцевъ. Здѣсь состоялось главное празднество, начавшееся также съ богослуженія, вслѣдъ за которымъ всѣ отправились въ костникъ и башню. По дорогѣ группировались различныя военныя делегаціи, и одна изъ группъ при приближеніи короля съ французскими делегаціями громогласно привѣтствовала. Это были гарибальдийцы, все съдобородые старцы въ красныхъ рубашкахъ и съ блестящими глазами. При видѣ французовъ они кричали по-французски: «Vive les libérateurs de notre patrie!». Посѣтивъ башню, королевская чета отправилась на стацию. Французская делегація, позавтракавъ, опять побѣжала на поле сраженія, гдѣ ихъ принималъ муниципалитетъ и состоялся банкетъ и иллюминація.

Во Франціи Сольферино праздновали также торжественно въ Сорбоннѣ, пріемомъ въ городской ратушѣ и различными банкетами. Наканунѣ поѣзда изъ Италіи были переполнены чинами муниципалитетовъ большихъ городовъ, ветеранами, журналистами и пр. 26-го вечеромъ въ Латинскомъ кварталѣ было устроено факельное шествіе съ военной музыкой, направившееся по улицамъ Суффлю, бульвару Сень-Мишель, Школьнымъ улицамъ, улицѣ Клюни и бульвару Сень-Жермень. Многія улицы были иллюминированы, и повсюду раздавались итальянскій гимнъ и марсельеза. Въ Сорбоннѣ 27-го іюня состоялось блестящее торжество, и чествованіе памяти героевъ Мадженты, Мелиньяно и Сольферино было самое восторженное. Съ утра весь кварталъ и прилегающія къ нему улицы переполнились толпами народа. Утромъ 30-го іюня итальянскіе и французскіе ветераны съ мэрами и муниципальными делегатами, секретаремъ франко-итальянской лиги возложили пальмовыя вѣтви у подножія монумента Гарибальди. Единственный оставшійся въ живыхъ изъ офицеровъ Палестро генераль Ланшъ произнесъ рѣчь. Отъ имени франко-итальянской лиги ея секретарь Буэ вручилъ въ знакъ памяти о такомъ событіи медали съ изображеніемъ памятника Гарибальди мэрамъ Италіи и присутствовавшимъ гарибальдійцамъ. Послѣ этой церемоніи всѣ отправились къ памятнику Данте, гдѣ ихъ принялъ герцогъ Мели д'Ериль, президентъ общества Данте Алигьери. Официальный праздникъ окончился завтракомъ.

9-го мая въ Амьенѣ состоялось открытіе бюста Жюль Верна, пророка грядущаго прогресса науки, всесвѣтнаго любимца и друга какъ дѣтей и юношей, такъ и людей зрѣлыхъ и даже стариковъ. Заслуга Жюль Верна предъ своими современниками и потомствомъ въ «вульгаризаціи» науки, но въ возвышенномъ смыслѣ слова, въ томъ, что онъ «чуялъ», по выраженію Берже, автора статьи въ «Figaro», новыя истины, непрестанный прогрессъ и не только ихъ «чуялъ», но заранѣе любилъ и заставлялъ другихъ ихъ полюбить. Онъ не претендовалъ на преподаваніе науки, но возбуждалъ желаніе познать ее не только въ юношахъ, но и въ людяхъ зрѣлыхъ, и во многихъ вызвалъ призваніе къ научной дѣятельности. Въ его сочиненіяхъ находится не только популяризація точныхъ и экспериментальныхъ наукъ, но, кромѣ того, эволюція соціальной жизни, вызванная прогрессомъ машинъ, предсказывалась имъ и описывалась съ удивительной точностью, одинаково какъ характеръ англо-саксовъ, въ одно и то же время традиционалистовъ и прогрессистовъ. Для оживленія своихъ разсказовъ Жюль Верну приходилось вводить персонажи, и потому онъ еще создалъ «типы»: нѣкоторые изъ нихъ останутся безсмертны, какъ, напримѣръ, капитанъ Гаттерасъ, профессоръ Лиденброкъ, капитанъ Немо и т. д. Франція можетъ гордиться двумя своими популяризаторами, очень похожими другъ на друга, но каждый въ своей области—это Жюлемъ Верномъ и Александромъ Дюма. Тотъ и другой—«вульгаризаторы»: первый—географіи и наукъ, а второй—исторіи. Оба они не претендуютъ на строгую точность, но въ романахъ второго находится основаніе исторической истины, какъ и въ романахъ первого—научной истины. Цѣною самыхъ этихъ неточностей, необходимыхъ для «дѣйствія», они оживляютъ одну исторію, другой науку и этимъ заставляютъ изучить ихъ подробно и точно. Читая произведенія Жюль Верна, иногда и чувствуется: «это что-то не такъ», но именно это и возбуждаетъ нетерпѣніе узнать,

что в его рассказах точно и что предположительно,—таким образом невольно дѣлается шагъ впередъ въ познаніи науки. Типы обоихъ писателей настолько оживляютъ ихъ романы, что они вопреки времени всегда останутся живыми.

Однако и гениальный Жюль Вернь не избѣжалъ упрековъ, если не прямо въ плагиатѣ, то въ пользованіи чужими идеями. Такъ, Анри Потезъ въ своей статьѣ перечисляетъ всѣ произведенія этого гениальнаго популяризатора, которыя были написаны подъ наитіемъ твореній Эдгара Поэ. «Когда Жюль Вернь создалъ свою серію географо-научныхъ романовъ,—говоритъ Потезъ,—онъ уже надѣлалъ извѣстное количество литературныхъ ошибокъ и сдѣлался благо-разумнымъ. «Эдгаръ Поэ, сказалъ онъ себѣ, не годится французамъ, такимъ, какъ онъ есть, но немножко принаряженнымъ онъ можетъ добиться громаднаго успѣха. Выбросимъ и ослабимъ его ужасы, оставимъ ему чуть-чуть таинственности и необычайности, какъ кладутъ для вкуса въ щи чуточку лавроваго листа; прибавимъ туда обычныхъ Дюма-отцу приправъ, сильную дозу настроенія къ отважнымъ приключеніямъ, смѣлымъ подвигамъ и веселости. Затѣмъ подадимъ горячимъ». Сказано—сдѣлано. Бодлэръ назвалъ свой переводъ произведенія Поэ: «Необыкновенная исторія»; Жюль Вернь напечаталъ: «Необыкновенное происшествіе». Затѣмъ Потезъ изслѣдуетъ сходство произведеній американскаго писателя и Жюля Верна. Но какъ бы то ни было, а Жюль Вернь, какъ мѣтко его охарактеризовалъ въ своей торжественной рѣчи Кларетти, все-таки «былъ наиболѣе ученый изъ повѣствователей и лучшій повѣствователь изъ ученыхъ».

Вскорѣ послѣ празднованія памяти Жюля Верна послѣдовало открытіе памятника поэту Мистралу въ Арлѣ, бывшей столицѣ Прованса, по случаю пятидесятилѣтія появленія его знаменитой и самой популярной поэмы «Мирейль»—одного изъ шедевровъ провансальской французской литературы. Рѣдкій случай, когда виновникъ такого рода торжества присутствовалъ лично на немъ. Когда Мистраль окончилъ свое образованіе, получивъ званіе кандидата правъ, и «гордый, какъ молодой пѣтухъ, нашедшій земляного червяка», вернулся въ Мелланъ къ своему отцу, простому крестьянину, то послѣдній сказалъ ему: «Теперь твое дѣло выбрать подходящий тебѣ путь: я тебѣ предоставляю свободу».—«Большое спасибо!» отвѣтилъ юный Мистраль и тотчасъ же покинулъ отчій домъ. Первой его задачей было вызвать къ жизни расовое чувство въ провансальцахъ, понемногу уничтоженное ложнымъ и противосъестественнымъ школьнымъ воспитаніемъ. Второй задачей было произвести это возвращеніе къ жизни возстановленіемъ естественнаго историческаго языка страны, которому школа объявила войну на смерть. Третьей задачей—вдохнуть въ провансальцевъ съ помощью божественнаго поэтическаго пламени подъемъ духа, самосознаніе своего генія и прославить провансальскую поэзію. Для этого въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ воспѣлъ легенды страны, ея традиціи и пейзажи. Но школьные учителя и политики помѣшали осуществленію первой задачи, также какъ и второй; школа продолжала внушать дѣтямъ презрѣніе къ материнскому языку, и только его третья задача осуществилась: слава поэта облетѣла весь свѣтъ. Если маленькія арлезіанки и жителыницы Авиньона, говоритъ Андрэ Алло въ своей статьѣ въ «Hebdo Debats», не знаютъ

языка «Mireille» и «Calendal», то люди со вкусом во всей вселенной принялись за изучение провансальского языка, чтобы лучше насладиться красотой «Calendal» и «Mireille». Мистраль неподражаемый живописец пейзажей, описывает ли онъ въ «Mireille» Провансъ съ его душистыми холмами и долинами, залитыми солнцемъ, или въ «Calendal» Провансъ морской: бухточки и горы, или въ «Поэмѣ Роны» берега большой рѣки—его описанія какъ бы отпечатываются въ памяти съ такой силой, что уже невозможно отдѣлить ихъ отъ дѣйствительности. Еще чудеснѣе его даръ рассказывать, но его поэтическій гений всего ярче выступаетъ въ «Calendal». Самые же важные элементы его поэтического творчества: красота языка и рѣзмы.

Мистраль, несмотря на преклонный возрастъ, какъ истинный поэтъ, не знаетъ минутъ отчаянія; слушая шумныя выраженія восторга его произведеніями, онъ не отдѣляетъ ихъ отъ своей родины и вѣрить, что его слава подготовляетъ возстановленіе дорогого ему Прованса.

12 іюня по почину синдиката артистической прессы на кладбищѣ Пантэнъ воздвигнуть памятникъ чрезвычайно странной личности и крупному художественному таланту, Константину Гюи, которому Бодлэръ посвятилъ великолѣпныя страницы, гдѣ назвалъ его «живописцемъ современной жизни». Вопреки обычному приему біографовъ, о Гюи нельзя ничего сказать; откуда онъ родомъ, какъ прошло его дѣтство—никому неизвѣстно. Одно лишь парижане знаютъ, что послѣ скитаній по Англіи, Італіи, Испаніи, Крыму и Востоку, гдѣ онъ удовлетворялъ свою артистическую любознательность, Гюи наконецъ установилъ осѣдлый образъ жизни въ Парижѣ. Въ это время ему исполнилось шестьдесятъ лѣтъ. Когда именно этому оригинальному таланту пришла мысль начертать свои первые наброски на бѣломъ листѣ бумаги чернилами и красками—тоже ничего неизвѣстно. По предположенію Бодлэра, Гюи было въ то время за сорокъ лѣтъ. «Я видѣлъ, говоритъ Бодлэръ, большую часть этой первобытной мазни и признаюсь, что большинство людей, понимающихъ или претендующихъ, что понимаютъ въ этомъ толкъ, не обезчестя себя, могли бы не угадать скрытаго гения, обитавшаго въ этихъ наброскахъ. Это былъ настоящій самородокъ, который самостоятельно, безъ всякихъ постороннихъ совѣтовъ, руководясь лишь собственнымъ художественнымъ чутьемъ, добился всѣхъ тонкостей техники. Сдѣлавшись, по словамъ Бодлэра, могучимъ мастеромъ въ своемъ родѣ, онъ сохранилъ отъ своей наивности лишь ту неожиданную приправу, какую именно требовалось прибавить къ его богатымъ способностямъ.

Его произведенія, какъ и самъ онъ, были сами по себѣ странны, но еще болѣе по исключительной оригинальности ихъ толкованія и по выбору сюжетовъ, банальныхъ и въ то же время разнообразныхъ, начиная съ типовъ солдатъ и уличныхъ женщинъ и кончая элегантными свѣтскими львицами и дэнди. Гюи страстно любилъ женщину. Онъ любилъ ее красивой, изящной, нарядной, всегда готовой господствовать надъ мужскою чувственностью со всѣми возбуждающими нервы искусственными украшениями туалета, которыя служатъ атрибутами и пьедесталомъ ея божественности. Но еще болѣе онъ любилъ съ какой-то болѣзненной лихорадочностью зрѣлица человѣческихъ пороковъ самыхъ грубыхъ, отвратительно-жалкихъ. У Гюи не было предшественниковъ, какъ и у Бодлэра,

родственнаго ему по душѣ. Жизнь онъ кончилъ печально: восьмидесяти лѣтъ, во время карнавала онъ попалъ подъ проѣзжавшій фіакръ и былъ раздавленъ колесами. Его подняли окровавленнаго и отправили въ госпиталь Дюбуа, гдѣ цѣлыхъ семь лѣтъ въ страшныхъ мученіяхъ онъ провелъ неподвижно прикованнымъ къ постели. Во время этой продолжительной агоніи его изрѣдка посѣщали друзья и удивлялись твердости его души, юношеской живости его ума, попрежнему оригинальнаго, и стойкости, съ какою онъ переносилъ страданія. Наконецъ несчастный «живописецъ современной жизни» умеръ послѣ семилѣтнихъ страданій и былъ отвезенъ на кладбище въ колесницѣ для бѣдняковъ.

Въ концѣ сентября парижане торжественно праздновали цѣлую педѣлю пятидесятилѣтній юбилей «Легенды вѣковъ» Виктора Гюго и вмѣстѣ съ тѣмъ ему была воздвигнута статуя работы Родэна въ саду Палэ-Рояля, но не по подпискѣ, какъ была сооружена статуя на площади Виктора Гюго, а на деньги государства. Сначала предполагалось поставить ее въ Пантеонѣ, но когда она была окончена, то Родэнъ предложилъ помѣстить ее въ саду Палэ-Рояля, а не въ усыпальницѣ. Такимъ образомъ церемонія совершалась не въ Пантеонѣ, а въ Палэ-Роялѣ. Викторъ Гюго представленъ въ очень эффектной позѣ совершенно обнаженнымъ. Послѣ произнесенія рѣчей, дѣти возложили у подножія статуи цвѣты, а затѣмъ грянула музыка республиканской гвардіи. Вечеромъ комитетъ празднествъ Латинскаго квартала добился согласія отъ общества Виктора Гюго, чтобы большой народный праздникъ состоялся въ Латинскомъ кварталѣ. Громадное историческое шествіе изъ восьмисотъ костюмированныхъ пѣшихъ и конныхъ въ сопровожденіи музыки двинулось въ девятомъ часу отъ люксембургскихъ оранжерей, и весь вечеръ раздавались звуки музыки.

Недѣля Виктора Гюго состояла изъ литературныхъ утръ и вечеровъ, спектаклей, банкетовъ съ участіемъ лучшихъ артистовъ. На интимномъ банкетѣ въ галереѣ Елисейскихъ полей Дюжарденъ Бомецъ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ, что Викторъ Гюго умѣлъ передать длинную гамму человѣческихъ чувствъ и воздвигъ «Легенду вѣковъ» — чудесный памятникъ дивной красоты, свидѣтельствующій о французскомъ гени! «Господа, такія торжества, какія мы справляемъ совмѣстно, вспоминая разомъ о дѣйствіяхъ и произведеніяхъ Гюго, указываютъ на необходимость вдохновляться его благородными страстями и ежедневно все болѣе и болѣе проводить въ нравы и законы его великодушныя идеи. Проникаясь идеаломъ, великолѣпіе котораго онъ намъ открылъ, мы покажемъ себя достойными понимать его и восторгаться имъ. Изгнанный, въ чужой странѣ, откуда его глаза едва могли различать берега Франціи, онъ казался подобенъ тѣмъ древнимъ изгнанникамъ, которые съ собою брали въ изгнаніе боговъ своей родины, въ чужой странѣ онъ былъ отмѣченъ судьбою охранять неприкосновенной священную сокровищницу завоеванной свободы. Тогда-то съ спокойствіемъ души, очищенной страданіями, и со всей силой генія, выращеннаго ею, онъ далъ міру эту «Легенду вѣковъ», дивную эпопею, гдѣ поочередно проходятъ исторія, легенда, религія, — всѣ движенія человѣческаго ума: преступленія, благородные поступки, величіе слабыхъ, пороки сильныхъ міра, героизмъ, гдѣ поочередно превозносились заставляшіе торжествовать право посредствомъ силы и тѣ сердца которыхъ

истерзаны отъ долгихъ страданій и которые выиграли свое дѣло, благодаря жалости. Это — чудесное собраніе несравненной красоты, памятникъ, воздвигнутый во славу всего человѣчества, чудесное свидѣтельство французскаго гѣнія. Но нѣтъ болѣе словъ; прославляя Гюго, мы возносимъ Францію. Соединимъ наши сердца въ одной и той же любви къ искусству и родинѣ». Въ вечеръ приняли участіе лучшіе артисты съ г-жой Сегонь Веберъ во главѣ, послѣ чего послѣдовалъ банкетъ. Благодаря отъ своего имени всѣхъ за принятое участіе въ чествованіи, Дюжарденъ Бомецъ прибавилъ: «и отъ имени Виктора Гюго, душа котораго, вы это прекрасно чувствуете, витаеть надъ нами». На другой день состоялось парадное утро во «Французской Комедіи».

10 октября въ саду маріи въ Марли-Ле-Руа былъ воздвигнутъ бюстъ Викторьену Сарду, бывшему съ 1864 года муниципальнымъ совѣтникомъ этого маленькаго городка. Церемонія открытія бюста была самая скромная, однако на ней присутствовали представители всего артистическаго міра и было произнесено много рѣчей.

24 октября въ Булони-на-морѣ патриотичные аргентинцы воздвигли статую въ честь своего освободителя генерала Мартэна, одного изъ главныхъ дѣятелей по освобожденію испанской Америки. Онъ родился въ 1778 году въ аргентинской семьѣ, а образованіе получилъ въ Испаніи, какъ это было принято въ колониальномъ обществѣ. Имѣя призваніе къ военной службѣ, Мартэнъ поступилъ въ мадридское военное училище, а затѣмъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона и вскорѣ дослужился до чина полковника. Ему исполнилось 32 года, когда въ Буэносъ-Айресѣ (въ 1810 году) вспыхнула революція и правительство послало его усмирять мятежниковъ. Однако идея свободы захватила и Мартэна, и, побужденный ею, онъ перешелъ на сторону мятежниковъ. Сформировавъ армію на помощь чилийскимъ инсургентамъ, сражавшимся подъ начальствомъ Хиггинса, онъ черезъ двадцать два дня перешелъ Анды и нагрянулъ на побѣдоносные отряды вице-короля Перу, которые и разбилъ. Чилийцы предложили ему диктатуру, но Мартэнъ отказался, считая, что его военная задача еще не окончена. Одинъ англійскій адмиралъ, лордъ Кокранъ, доставилъ ему корабли для перевезенія чилийскихъ воиновъ въ Перу. 28 июля 1821 года Мартэнъ съ ихъ помощью овладѣлъ Лима. На этотъ разъ онъ принялъ предложенное ему званіе протектора и тотчасъ же занялся преобразованіемъ прежнихъ испанскихъ вице-королевствъ, призвавъ креоловъ въ правительственный совѣтъ. Онъ задумалъ исполнить ту же задачу, какую Боливаръ рѣшилъ въ Сѣверной Америкѣ на территоріи, превратившейся затѣмъ въ Колумбію, Венесуэлу и Эквадоръ. Онъ уже мечталъ о большой южно-американской федераціи и для этого былъ готовъ даже подчиниться авторитету Боливара, только бы сломить упорство испанскаго правительства. Но Боливаръ не понялъ его самоотреченія и послѣ знаменитаго свиданія этихъ двухъ генераловъ въ Гьякилѣ между ними послѣдовалъ разрывъ, и Сень-Мартэнъ, отказавшись отъ власти, удалился сначала въ Англію, затѣмъ во Францію, гдѣ прожилъ въ Булони-на-морѣ послѣднія двадцать пять лѣтъ своей жизни. Онъ умеръ въ 1850 году 72 лѣтъ.

Французское правительство также приняло участіе въ этомъ проявленіи аргентинскаго патриотизма; хотя Сень-Мартэнъ все-таки сражался съ французами, но зато въ послѣдствіи онъ привязался къ Франціи.

— Смерть дона Карлоса, Чезаре Ломброзо и маркиза Ито. — Въ Варезѣ близъ Милана скончался на шестьдесятъ второмъ году жизни претендентъ на испанскій престолъ донъ Карлосъ. Онъ родился въ мартѣ 1848 года и былъ внукомъ Карла, брата Фердинанда VI, который, по предположенію карлистовъ, долженъ былъ въ 1833 году уступить тронъ не Изабеллѣ, дочери Фердинанда, а дону Карлосу. Его мать была Марія Беатриса австрійская. Едва ему исполнилось 19 лѣтъ (въ 1868), какъ онъ женился на принцессѣ Маргаритѣ Бурбонской-Пермской. Послѣ ея смерти онъ женился вторично въ Прагѣ на принцессѣ Маріи Роганъ.

Дону Карлосу было 20 лѣтъ, когда его отецъ отрекся отъ своихъ правъ въ его пользу. Четыре года спустя, въ 1872 году онъ замыслилъ перевозъ возстаніе и поднялъ сѣверныя провинціи противъ Амедея изъ Савойскаго дома, котораго послѣ бѣгства Изабеллы II объявили королемъ. Но Моріонъ нанесъ ему пораженіе въ Ороксетѣ, и донъ Карлосъ отправился во Францію. Въ іюлѣ 1873 года онъ произвелъ наступательное движеніе и добился частичнаго успѣха, но съ осады Вильбао отъ карлистовъ отвернулось счастье. Послѣ четырехлѣтней жестокой борьбы донъ Карлосъ покинулъ Испанію (1876 г.) и переехалъ во Францію, однако въ 1878 году его удалили изъ Франціи. Между прочимъ онъ также участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ. Смерть этого претендента, скончавшагося, потерявъ всякую надежду добиться престола, не произвела большого впечатлѣнія на публику: сторонниковъ же у него осталось очень мало, и они не имѣютъ большого значенія.

Нѣкоторые лица его осуждали, что онъ бросилъ борьбу за свои права, но онъ объяснял это рыцарскою честью, не допускавшій его поднять оружіе противъ малолѣтняго дона Альфонса и его матери, вдовы. Затѣмъ, когда вспыхнула война съ иностранцами, онъ не хотѣлъ начинать гражданской войны вслѣдствіе патріотизма, не допускавшаго его разорять Испанію ради его личнаго дѣла. «Теперь я отказываюсь отъ войны,—говорилъ онъ въ заключеніе:—чтобы во время мира Испанія могла оправиться. Я думаю, благороднѣе помочь испанскому возрожденію, пожертвовавъ собою, чѣмъ прервать ходъ ея благоденствія войною, отъ которой мнѣ будетъ выгода, но страна, быть можетъ, пострадаетъ». Донъ Карлосъ набиралъ себѣ сторонниковъ особенно въ сѣверной Испаніи, благодаря тому, что предоставлялъ имъ областныя свободы, тогда какъ мадридское правительство стремилось къ централизаци; кромѣ того, непримиримые католики также доставляли карлистамъ горячихъ сторонниковъ. Наслѣдникъ претендента, его сынъ донъ Хаимъ Бурбонскій, не такого миролюбиваго характера, какъ его отецъ. Ему тридцать девять лѣтъ, и онъ находится въ Россіи на военной службѣ. Онъ также участвовалъ въ усмиреніи боксеровъ и въ русско-японской войнѣ.

16 октября новаго стиля скоропостижно скончался послѣ пятидесяти четырехлѣтнихъ научныхъ трудовъ, семидесяти трехъ лѣтъ отъ роду, гениальный криминалистъ-психіатръ и крупная историческая личность Чезаре Ломброзо. Онъ родился въ 1836 году въ Венеціи въ еврейской семьѣ и прежде, чѣмъ сдѣлаться психіатромъ-криминалистомъ, испробовалъ свои силы въ области трагедіи, поэзіи, археологіи и военной медицины. Первые его работы по пси-

психіатріи появились въ 1855 году и поразили Вирхова, а чрезъ семь лѣтъ онъ уже получилъ кѣедру психіатріи въ павійскомъ университетѣ и въ то же время былъ директоромъ дома умалишенныхъ въ Пейзарѣ. Затѣмъ ему предложили кѣедру психіатріи въ туринскомъ университетѣ, и слава о немъ стала быстро распространяться, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ все болѣе расширялъ свой методъ и увеличилъ количество предметовъ своихъ изслѣдованій. Особенно онъ прославился своей теоріей невротичности гениальныхъ людей, на которой смѣло основалъ параллель между гениальностью, съ одной стороны, и безсознательнымъ состояніемъ—съ другой, вызвавъ во многихъ протестъ. Въ 1872 году онъ напечаталъ свою «Антропометрію четырехсотъ венеціанскихъ злоумышленниковъ» и въ томъ же году «Преступное сумасшествіе въ Италіи». Изслѣдовавъ сотни мозговъ, череповъ и нервныхъ аппаратовъ, онъ убѣдился, что ненормальные субъекты бываютъ двухъ сортовъ—преступники отъ рожденія и «криминалоиды». Съ первыми уже ничего нельзя сдѣлать; вторыхъ же надо не наказывать, а лучше лечить. Такимъ образомъ, соединились въ опасную и упорную трицу психологія, медицина и соціологія. Психологія устанавливаетъ, медицина пробуетъ лечить, а общество имѣетъ свою властную и настоятельную волю. Для врожденныхъ преступниковъ нѣтъ спасенія, кромѣ смерти. Относительно «криминалоидовъ» возникаетъ безконечная проблема отвѣтственности, и поэтому въ этотъ вопросъ вмѣшивается еще философія и недалеко отъ метафизики. Кромѣ того, состояніе «криминалоидовъ» опредѣляется не съ категорической точностью, а допускаются различныя отгѣнки, которые присоединяютъ ихъ отчасти къ неизлечимымъ больнымъ, отчасти къ нормальнымъ людямъ. Въ случаѣ незначительной отвѣтственности достаточно вмѣняемости; въ случаѣ полной отвѣтственности законы имѣютъ свои неоспоримые тарифы. Поэтому относительно смертной казни Ломброзо сознавался, что не смѣетъ болѣе приходиться къ какому-либо рѣшительному заключенію; онъ выразился такъ: «Въ этомъ вопросѣ, право, я раздвоенная личность». И это неудивительно, если взять во вниманіе, что въ его умѣ невольны возникали изображенія двухъ открытыхъ череповъ—одинъ страшнаго, ужаснаго человѣка-звѣря, отъ котораго обществу необходимо избавиться, другой—несчастнаго больного, требующаго заботливаго леченія. Поэтому, естественно, онъ не могъ дать категорическаго отвѣта на вопросъ о смертной казни. Въ одномъ случаѣ долженъ быть неумолимый приговоръ, въ другомъ—нѣтъ, и Ломброзо отвѣтилъ, что онъ больше ничего не знаетъ.

Ломброзо былъ философъ-матеріалистъ. Изучая душу онъ обращался за мотивами, причинами, аргументами и комментаріями къ физиологіи, предоставляя метафизикамъ рѣшать: мозгъ ли производитъ мысль, или самъ мозгъ есть только идея души. Многихъ спиритуалистовъ Ломброзо раздражалъ, и даже нашъ Левъ Николаевичъ Толстой на предложеніе познакомиться съ Ломброзо будто бы съ неудовольствіемъ отвѣтилъ: «Никогда въ жизни; чтобы и меня онъ причислилъ къ микроцефаламъ!...» Въ сущности, Ломброзо нельзя считать совершеннымъ философомъ-матеріалистомъ въ виду того, что отъ физической патологіи онъ поднялся до самыхъ возвышенныхъ идей, самыхъ возвышенныхъ отвлеченныхъ индивидуальныхъ обязанностей, соціальнаго долга и отвѣтственности.

Страстно, лихорадочно предаваясь умственным трудамъ въ своей любимой области науки, Ломброзо никакъ не могъ отречься отъ нихъ хотя бы ненадолго. Поэтому онъ страшно страдалъ въ послѣднее время, что впервые въ жизни работа не доставляетъ ему удовольствія. Онъ не могъ сидѣть на мѣстѣ и безпрестанно мѣнялъ свое мѣстопробываніе, рассчитывая то въ сѣверной Италіи, то въ Швейцаріи наконецъ найти спокойствіе, гдѣ его геній возродился бы и къ нему вернулось бы прежнее дѣтски-веселое настроеніе. Но его надежды не сбылись: перебираясь изъ одного города въ другой, онъ еще болѣе терялъ надежду и наконецъ рѣшилъ вернуться въ Туринъ, гдѣ имъ основанъ антрополого-криминалистическій музей. Наука потеряла въ немъ крупную величину, а общество, по словамъ людей, близко знавшихъ его, свѣтлую, благородную и гуманную личность, спасающую отъ смерти немало несчастныхъ, благодаря созданной имъ антропометріи и психическимъ изслѣдованіямъ.

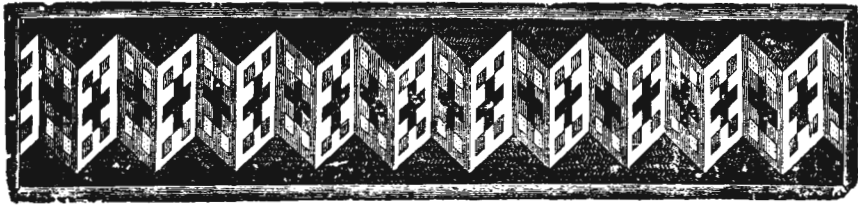
13 октября, въ 9 часовъ утра въ Харбинѣ былъ убитъ крупный государственный дѣятель Японіи, министръ двора князь Ито, въ то время, какъ онъ, выйдя изъ вагона, мирно бесѣдуя, шелъ рядомъ съ русскимъ министромъ финансовъ Коковцовымъ. Князь Ито былъ въ Японіи такимъ же сильнымъ дипломатомъ, какъ Бисмаркъ въ Германіи. Такія значительныя личности, какъ князь Ито, считаются рѣдкими явленіями, поэтому въ его лицѣ Японія лишилась сильной дипломатической опоры. Его смѣло можно считать создателемъ современной Японіи, хотя, конечно, онъ не обошелся безъ помощниковъ, каковыми были Ямагата, Инуйе, Комура и многіе другіе. Но это были только помощники, и весь центръ тяжести этой колоссальной работы держался на князѣ Ито.

Этотъ государственный человѣкъ меиджи (т. е. эры просвѣщенія, считающейся съ 25 января 1868 года, съ восстановленія власти микадо) родился въ 1841 году и принадлежалъ къ самураямъ изъ клана бывшего дайміо Чо-Су, энергично старавшагося съ Сацумиемъ привить въ Японіи западно-европейскую науку и добытыя ею орудія матеріальнаго прогресса. Ему было 29 лѣтъ, когда онъ задумалъ ознакомиться съ европейской культурой, но строгій японскій законъ воспрещалъ японцамъ выѣзжать за границу, и Ито пришлось устроить себѣ бѣгство въ Лондонъ. Какъ неоднократно Японія доказала, дѣло не въ количествѣ потраченнаго на развитіе времени, а въ способѣ усвоенія; она и на этотъ разъ одержала верхъ: достаточно было одного года, чтобы Ито постигъ способъ западнаго управленія, и еще одинъ годъ, проведенный въ Голландіи, сдѣлалъ изъ него вполне основательнаго государственнаго человѣка. По возвращеніи на родину онъ энергично принялся за государственный переворотъ, послѣ котораго былъ назначенъ сперва директоромъ департамента иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ губернаторомъ Хіото. Въ 1869 году онъ назначенъ былъ на постъ младшаго товарища министра общественныхъ работъ и черезъ годъ отправился въ Америку и Европу для ознакомленія съ банковыми дѣлами съ цѣлью правильно поставить это дѣло у себя на родинѣ. Съ этихъ поръ и въ Японіи появился первый уставъ государственнаго банка. Въ 1871 году его повысили изъ младшаго въ старшіе товарищи министра, а черезъ годъ онъ опять посѣтилъ Европу и Америку. По возвращеніи онъ уже былъ сдѣланъ министромъ. Въ 1882 году Ито изучилъ въ обѣихъ вышеупомянутыхъ странахъ конституціи и по возвра-

щеніи въ Японію былъ сдѣланъ министромъ двора, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему пожаловали графскій титулъ. Черезъ три года его послали въ Пекинъ для разрѣшенія корейскаго вопроса. Возвратясь въ Японію, онъ занялъ постъ перваго министра, а черезъ три года вышелъ въ отставку и былъ назначенъ предсѣдателемъ тайнаго совѣта. Въ томъ же году онъ составилъ японскую конституцію, и чрезъ два года въ Японіи водворился парламентъ. Ито былъ назначенъ предсѣдателемъ верхней палаты, а затѣмъ вторично первымъ министромъ. Въ 1895 году ему пожаловали титулъ маркиза за Симоносекскій мирный договоръ и черезъ годъ онъ вышелъ въ отставку; въ 1898 году въ третій разъ его назначили первымъ министромъ, но черезъ три мѣсяца онъ опять вышелъ въ отставку. Въ слѣдующемъ году онъ составилъ самую значительную партію въ Японіи—риккентъ-сейюкай и снова семь мѣсяцевъ былъ министромъ, а затѣмъ вышелъ въ отставку. Въ 1903 году онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ тайнаго совѣта, а черезъ три года отправился въ Корею въ качествѣ чрезвычайнаго посла, но въ слѣдующемъ году онъ былъ уже генеральнымъ резидентомъ, почти вице-королемъ. Въ 1907 году императоръ пожаловалъ ему княжескій титулъ, а черезъ два года онъ опять былъ назначенъ предсѣдателемъ тайнаго совѣта.

Князь Ито являлся одинаково сильнымъ администраторомъ, какъ и дипломатомъ, и для Россіи эта потеря замѣтна, такъ какъ на его мѣсто назначенъ ея противникъ. Если бы не презрительное отношеніе русскихъ къ японцамъ, то, конечно, не было бы войны, пока князь Ито стоялъ во главѣ дипломатіи. Сторонникъ Россіи, онъ дѣлалъ все, чтобы избѣжать столкновенія, но не имѣлъ успѣха. Убійца князя Ито—кореецъ, мстившій за убійство, будто бы по распоряженію князя Ито, несговорчивой корейской королевы Минъ, сильно вліявшей на мужа и придерживавшейся консервативныхъ воззрѣній. Князь Ито скончался 68 лѣтъ отъ роду.

С М Ъ С Ъ.

РИСУЖДЕНИЕ пушкинских премій въ академіи наукъ. Въ публичномъ засѣданіи императорской академіи наукъ въ маломъ конференцъ-залѣ академіи 19 октября состоялось присужденіе премій имени А. С. Пушкина. На этотъ разъ въ разрядъ изящной словесности академіи было представлено 52 сочиненія, принадлежащихъ перу 36 авторовъ. Подлежали разсмотрѣнію 20 сборниковъ стихотвореній, историческій романъ, 3 эпическихъ поэмы, 20 повѣстей и разсказовъ, романъ, комедія въ стихахъ, трагедія, 6 переводныхъ трагедій и поэмъ и историко-литературныя монографіи. Изъ числа 52 сочиненій на конкурсѣ, однако, могли быть приняты только 33, изъ коихъ относительно 23 были даны отрицательные отзывы рецензентовъ. Между остальными 10 сочиненіями, принадлежавшими перу 8 авторовъ, академія наукъ и распредѣлила награды. Двѣ половинныя преміи, по 500 р. каждая, присуждены академіей наукъ А. И. Куприну и И. А. Бунину. А. И. Купринъ представилъ три тома своихъ разсказовъ. «А. И. Купринъ, — даетъ свой отзывъ почетный академикъ К. К. Арсеньевъ, — безусловно, одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ беллетристовъ. Свободный, — по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя въ настоящее время подлежатъ разбору, — отъ крайностей, въ которыя впадаютъ многіе изъ его сверстниковъ, онъ остается вѣрнѣе лучшихъ традиціямъ нашей литературы. Не переступая за грань здороваго реализма, хотя и не останавливаясь передъ самыми темными сторонами дѣйствительности, онъ бережетъ, согласно завѣтамъ Тургенева, русскій языкъ и пишетъ съ изящной простотою, исключая дѣланность содержанія и вымученность, манерность формы. Онъ беретъ свои сюжеты изъ самыхъ различныхъ сферъ, составлявшихъ, очевидно, предметъ его непосредственнаго пристального наблюденія. Всего чаще онъ касается военнаго быта, какъ офицерскаго, такъ и солдатскаго, причѣмъ

береть армейскій бытъ въ мирное время, когда ничто не скрашиваетъ его томительнаго однообразія. Къ типу романа по объему и замыслу приближаются два: «Молохъ» и «Поединокъ». И. А. Бунинъ представилъ два тома своихъ стихотвореній и переводы Теннисона, Лонгфелло и Вайропа. Почетный академикъ *К. Р.* даетъ такой отзывъ объ авторѣ: «Г-нъ Бунинъ хорошо владѣетъ стихомъ, который у него безукоризненъ съ вѣшной стороны. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ дѣло не съ начинающимъ писателемъ, а со стихотворцемъ, побѣдившимъ черный трудъ изложенія поэтической мысли столь же поэтической рѣчью. Онъ умѣетъ придать обыкновенному предмету поэтическую прелесть. Вѣрный глазъ и наблюдательность автора проявляются въ точности его описаній, и поэтъ уподобляется живописцу и описываетъ онъ не словами, а красками... Первый почетный отзывъ имени А. С. Пушкина академія наукъ присудила Вѣрѣ Рудичъ за ея стихотворенія. «Языкъ В. Рудичъ, — даетъ свой отзывъ почетный академикъ *К. Р.*, — простъ, ясенъ, выразителенъ и всегда поэтиченъ. Одной изъ главнымъ ея особенностей и достоинствъ надо признать своеобразность, самобытность. Необыкновенная въ наши дни скромность, полное смиреніе и совершенное отсутствіе горделивыхъ вождедѣній сильно подкупаютъ въ пользу нашего автора. Г-жа Рудичъ полна сочувствія къ трудящимся, ей близки людскія горести, она принимаетъ къ сердцу скорби слабыхъ, униженныхъ, обездоленныхъ, сострадаетъ грѣшникамъ и умѣетъ, по завѣту Пушкина, «милость къ падшимъ призывать». Наконецъ, слѣдующіе авторы удостоены академіей почетныхъ пушкинскихъ отзывовъ. Ю. И. Айхенвальдъ—«Силуэты русскихъ писателей», которые, по отзыву Н. П. Кондакова, обратили на себя вниманіе многими блестящими сторонами. Печатавшіеся въ журналахъ «Научное Слово» и «Русская Мысль» очерки эстетической критики главнѣйшихъ представителей русской литературы явились живыми, увлекательными въ чтеніи, несомнѣнно, искренними и принадлежавшими перу писателя образованнаго и утонченнаго цѣнителя литературы. А. Н. Волковичъ представила цѣлый рядъ очерковъ и рассказовъ. Почетный академикъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій пишетъ въ своей рецензіи, что рассказы и очерки писательницы производятъ весьма выгодное впечатлѣніе вдумчивостью, серьезностью замысла, простотой изложенія, отсутствіемъ манерности и вычурности. Авторъ—художникъ-моралистъ, отчасти даже и публицистъ. Его вниманіе художника направлено на темныя стороны души человѣческой, на отрицательныя явленія жизни... Его глубоко интересуетъ психологія таинственнаго явленія, называемаго совѣстью. Въ общемъ, въ немъ есть, несомнѣнно, художественная одаренность, но болѣе яркому обнаруженію этой одаренности мѣшаетъ соблазнъ болѣе легкаго, беллетристическаго, чисто литературнаго рѣшенія моральныхъ задачъ. Г. Т. Полиловъ-Сѣверцевъ—«Наши дѣды-купцы. Бытовыя картины начала XIX столѣтія». Книга это, — по отзыву почетнаго академика А. Ѳ. Кони, —заслуживаетъ вниманія, какъ по содержанію, такъ и по обработкѣ заключающагося въ ней матеріала. Это—кусочекъ бытовой исторіи нашего торговаго сословія въ Петербургѣ и Рыбинскѣ, выхваченный прямо изъ жизни, богатый фактическими данными и яркими красками и облеченный въ свободную, легкую литературную форму. Вся книга написана прекраснымъ рус-

кимъ языкомъ, чуждымъ модныхъ кривляній и бездарной изобрѣтательности. Она проникнута благороднымъ ластроеніемъ и тихой грустью передъ хорошими сторонами прошлаго, безъ слѣпнаго поклоненія ему даже въ его недостаткахъ— и производитъ впечатлѣніе серьезнаго и выполненнаго съ любовью труда. О. Н. Чюмина—переводы въ стихахъ «Эринніи» Леконта-де-Лилля, «Осенніе вихри», стихи. «Врядъ ли,—пишетъ проф. Батюшковъ,—представляется надобность подвергать подробному анализу стихи О. Н. Чюминой, качества переводовъ которой были неоднократно оцѣнены академіей наукъ. Владѣя изящнымъ стихомъ и правильной конструкціей фразы, съ большой легкостью подбирая рѣшмы и сообщая стиху звучность и плавность музыкальной рѣчи, г-жа Чюмина довольно близко придерживается и текста оригинала, передавая, въ общемъ, вполнѣ правильно его смыслъ. А. В. Шуфъ—«Въ край иной». Сборникъ сонетовъ. «Въ наше время,—пишетъ почетный академикъ К. Р.,—когда истинная поэзія большая рѣдкость, нельзя не радоваться появленію хорошихъ стихотвореній, а такими слѣдуетъ назвать, по крайней мѣрѣ, 50 сонетовъ книги «Въ край иной». Рецензентамъ академія наукъ постановила выдать установленныя пушкинскія золотыя медали. Слѣдующее присужденіе премій имени А. С. Пушкина состоится въ 1911 году.

Въ академіи наукъ. 1 ноября состоялось публичное засѣданіе разряда изящной словесности академіи наукъ, посвященное памяти А. В. Кольцова. Въ этотъ же день открылась, по постановленію разряда изящной словесности, въ маломъ конференцъ-залѣ Кольцовская выставка, устроенная Ф. А. Витбергъ, А. І. Лященко и Б. І. Модзалевскимъ. Въ составъ ея вошли собранія академіи наукъ, императорской публичной библіотеки, библіотеки главнаго управленія по дѣламъ печати, историческаго музея въ Москвѣ, воронежской публичной библіотеки, воронежскаго губернскаго музея, російскаго библиологическаго общества, бесплатной читальни въ память Кольцова въ Петербургѣ, редакціи «Воронежскаго Телеграфа» и собранія нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Внимательное и серьезное изученіе этой выставки потребовало бы нѣсколькихъ дней. Выставка состоитъ изъ 17 слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Портреты Кольцова; 2) портреты родителей Кольцова; 3) виды Воронежа, типы жителей Воронежской губерніи, иллюстраціи къ біографіи Кольцова, могила Кольцова и памятникъ ему въ Воронежѣ; 4) рукописи Кольцова и снимки съ нихъ; 5) альманахи и журналы, въ которыхъ помѣщались произведенія Кольцова; 6) изданія сочиненій Кольцова; 7) портреты знакомыхъ современниковъ Кольцова; 8) портреты изслѣдователей и переводчиковъ сочиненій Кольцова; 9) портреты композиторовъ и художниковъ, иллюстрировавшихъ произведенія Кольцова; 10) иллюстраціи къ произведеніямъ Кольцова; 11) лубочныя картины; 12) Кольцовъ въ музыкѣ; 13) переводы стихотвореній Кольцова на иностранныя языки; 14) литература о Кольцовѣ; 15) юбилейная литература 1909 года о Кольцовѣ; 16) отзывы объ академическомъ изданіи сочиненій Кольцова и 17) смѣсь. Въ 2 часа дня въ большомъ конференцъ-залѣ открылось публичное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ акад. А. А. Шахматова, по сторонамъ котораго помѣстились академики Ф. Ф. Фортунатовъ и Н. А. Котляревскій. Въ мѣстахъ для публики находились вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, академики М. А. Ры-

качевъ, А. Н. Карпинскій, членъ-корреспондентъ Н. П. Некрасовъ и др. Въ публикѣ преобладала учащаяся молодежь и особенно много было дамъ. Засѣданіе было открыто рѣчью почетнаго академика А. Н. Веселовскаго, который началъ съ указанія, что 67 лѣтъ тому назадъ, въ этотъ самый день, въ Воронежѣ происходили похороны А. В. Кольцова. За гробомъ шли его родные и знакомые, но особаго горя ни въ комъ изъ нихъ не было замѣтно. Да его и не могло быть, такъ какъ все родное жестоко относилось къ покойному, какъ къ странному и притязательному чудачу, стремившемуся въ какую-то непонятную для окружающихъ область. Въ его смерти чувствовалось даже какое-то своего рода удовлетвореніе. Достаточно вспомнить; какъ незадолго до его смерти его родные играли въ сосѣдней съ болѣзненнымъ одромъ поэта комнатѣ злую комедію. Они накрыли покрываломъ какую-то дѣвушку и принялись отпѣвать ее, поминая въ своемъ панихидномъ пѣніи раба Божія Алексѣя... Потомъ уже, спустя нѣкоторое время, для этихъ родныхъ все какъ будто бы прояснилось и они начали смутно понимать, что они должны были бы гордиться вышедшимъ изъ ихъ среды поэтомъ земледѣлія, природы и народнаго труда. Далѣе ораторъ нарисовалъ картину, какъ отнесся къ извѣстію о смерти Кольцова Бѣлинскій и московскій кружокъ Бѣлинскаго. Въ этомъ кружкѣ и въ другихъ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ долго не вѣрили тому, что поэтъ уже умеръ, и ждали чуда, что всѣ вѣсти о его смерти разлетятся и что онъ окажется живъ. Заговоривъ о томъ, что насъ отъ Кольцова отдѣляетъ уже большой промежутокъ времени, въ теченіе котораго пережито было много новыхъ вѣяній и направленій, А. Н. Веселовскій задался вопросомъ: почему и до сихъ поръ этотъ феноменальный самородокъ продолжаетъ еще владѣть нами? Почтенный лекторъ подробно и занимательно прослѣдилъ всю творческую жизнь поэта, его психологію, современные ему и позднѣйшіе кружки литераторовъ и, — какъ сообщаетъ «Новое Время», — пришелъ къ заключенію, что Кольцовъ былъ не только великимъ мастеромъ живописать натуру и бытъ крестьянства, но носителемъ и выразителемъ идей своей современности. Кольцова можно сравнить только съ шотландскимъ поэтомъ Бернсомъ, который тоже пѣлъ крестьянскія пѣсни. Но разница между обоими поэтами огромная. Бернсъ пользовался въ своей странѣ еще при жизни любовью народа, и народъ пѣлъ сочиненныя имъ пѣсни еще при его жизни. У Бернса была семья и родня, которая его любила. Кольцовъ же терпѣлъ одинъ лишь неудачи, лишенія и жестокое отношеніе къ себѣ своей семьи. Въ своей поэзіи Кольцовъ далъ самого себя и высказывалъ стремленіе къ волѣ. Онъ былъ одинокій самородокъ, представлявшій собою великую надежду русской литературы и составлявшій и составляющій своей поэзіей великое ея украшеніе. А. Н. Веселовскаго наградили дружными рукоплесканіями. Его мѣсто на кафедрѣ занялъ акад. Н. П. Кондаковъ, который провелъ въ своей рѣчи ту мысль, что пѣсни Кольцова не укладывались въ рамки современной ему литературы и что какъ въ поэзіи, такъ и въ языкѣ онъ представляетъ собою поэтическую неожиданность въ литературѣ XIX столѣтія.

Юбилей Литературнаго фонда. 8 ноября Литературный фондъ отпраздновалъ юбилей своей полувѣковой дѣятельности очень торжественнымъ и въ то же время задумчивымъ образомъ. Въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ часовъ про-

износились рѣчи и читались привѣтствія, и большинство ихъ покрывалось шумными аплодисментами. Было даже нѣсколько бурныхъ овацій, одна изъ которыхъ между прочимъ была вызвана чтеніемъ собственноручнаго поздравленія, присланнаго изъ Ясной Поляны. Поздравленіе это гласитъ: «Вспоминаю основателей и привѣтствую сотоварищей Литературнаго фонда. Сочувствую его доброй пятидесятилѣтней дѣятельности. Радъ буду внести свою лепту въ предполагаемый сборникъ. Левъ Толстой. 5—XI—909». Празднованіе юбилей происходило въ Александровскомъ залѣ петербургской думы. Эстрада была превращена въ рошу зелени, среди которой въ живописномъ беспорядкѣ были размѣщены портреты уже сошедшихъ со сцены дѣятелей фонда: Тургенева, Достоевскаго, Дружинина, Манассина, Вейнберга, Н. К. Михайловскаго и Е. П. Ковалевскаго. Надъ всей этой зеленью стѣной выдѣлялся огромный вѣнокъ изъ зелени со сплетенною изъ бѣлыхъ иммерталей латинскою цифрою. Съ лѣвой стороны у почетнаго стола, за которымъ засѣдалъ комитетъ фонда, во все время торжественнаго и шумнаго засѣданія скромно сидѣлъ здравствующій и понынѣ патріархъ и основатель фонда М. М. Стасюлевичъ. Другой изъ оставшихся въ живыхъ основатель, Е. И. Ламанскій, не присутствовалъ по болѣзни. Огромный думскій залъ былъ полонъ. На юбилей собралась многочисленная и пестрая семья писателей и писательницъ. Въ ней смѣшались и тѣ, кто помогаетъ фонду своими средствами, и тѣ, кому негласно помогаетъ фондъ. Молодежи обоюго пола—и особенно учащейся молодежи—было немало. Вся она разбилась на группы, и каждая группа явилась съ привѣтственнымъ адресомъ. Около половины второго председатель комитета фонда Н. И. Карѣевъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой привѣтствовалъ гостей, членовъ фонда и любителей литературы, которые прибыли на юбилей, и затѣмъ помянулъ и старину и настоящее. «Со дня основанія фонда протекло уже 50 лѣтъ,—сказалъ онъ, и мы уже успѣли превратиться въ нѣкое учрежденіе, члены котораго разбросаны по всеѣмъ концамъ Россіи. За это время капиталъ фонда выросъ до 700.000 рублей слишкомъ, недвижимая собственность оцѣнивается свыше 150 тысячъ рублей и ежегодная благотворительная дѣятельность по оказанію помощи писателямъ и ученымъ уже выходитъ за предѣлы 30—35 тысячъ рублей. Но при этомъ число всеѣхъ членовъ фонда лишь немногимъ превышаетъ 300, а число кліентовъ давно уже перевалило за двѣ съ половиною тысячи душъ. Пользуюсь настоящимъ торжественнымъ собраніемъ для того, чтобы напомнить обществу о существованіи фонда. Очень желательна нравственная и матеріальная поддержка». Затѣмъ ораторъ, помянувъ добромъ всеѣхъ лицъ, потрудившихся на пользу фонда, привѣтствовалъ и М. М. Стасюлевича. Публика слѣдала маститому учредителю долгую и прочувствованную овацію. Затѣмъ Н. И. Карѣевъ посвятилъ очень теплое слово памяти покойнаго дѣятеля фонда, В. А. Манассина, припомнилъ его деликатность, гуманность, скромность, безкорыстіе, твердость въ принципахъ, неутомимость и тѣсную связь съ Литературнымъ фондомъ. Секретарь комитета В. Д. Набоковъ прочелъ историческій очеркъ жизни и дѣятельности фонда за все истекшее полу столѣтіе и закончилъ тѣмъ, что фондъ слѣдалъ все, что могъ, работая неуклонно и настойчиво. Особенно была подчеркнута та мысль, что помощь была оказываема иск-

телямъ безъ всякаго отношенія къ ихъ взглядамъ и направленіямъ. Принадлежность кліента къ той или другой литературной или политической партіи не играла и не играетъ никакой роли. Затѣмъ шла длинная серія поминокъ почившихъ дѣятелей фонда. С. А. Венгеровъ прочелъ рѣчь, посвященную памяти одного изъ основателей общества для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, А. В. Дружинина, который, обладая добрымъ и благороднымъ сердцемъ, явился первымъ пионеромъ, положившимъ начало благородному дѣлу взаимопомощи литераторовъ. Л. Ф. Пантелѣевъ познакомилъ присутствовавшихъ съ жизнью и дѣятельностью на пользу фонда Е. П. Ковалевскаго. Ему фондъ обязанъ утвержденіемъ своего устава и постоянными хлопотами о пополненіи средствъ и расширеніи своей дѣятельности. Ф. Ф. Воропановъ очертилъ въ живомъ очеркѣ личность покойнаго В. П. Гаевского, который, по словамъ оратора, клалъ свою душу въ Литературный фондъ. Представленіе о Гаевскомъ и о фондѣ такъ тѣсно связано между собою, что ихъ нельзя представить себѣ раздѣльно другъ отъ друга. Литературный фондъ тѣмъ, что онъ существуетъ до сихъ поръ, всецѣло обязанъ не кому иному, какъ Гаевскому, который своимъ заступничествомъ, связями и хлопотами спасъ это учрежденіе во времена Д. А. Толстого, который, будучи министромъ, совсѣмъ было рѣшилъ закрыть его и его капиталы передать въ инвалидный капиталъ. Очень теплыя задушевыя рѣчи произнесли Н. О. Анненскій о Н. К. Михайловскомъ и Н. А. Котляревскій о П. И. Вейнбергѣ. Оба оратора были приняты публикою очень сочувственно. Вслѣдъ за этимъ потянулся длинный и чуть ли не безконечный рядъ депутацій, читавшихъ адреса и привѣтствія. Первою привѣтствовала депутація отъ петербургской городской думы, состоявшая изъ городского головы Н. А. Рѣзцова и гласныхъ В. С. Кривенко и Н. А. Потѣхина. Отъ императорскаго театральнаго общества покрытую долгими аплодисментами рѣчь произнесъ В. П. Далматовъ. Поднесли адреса: касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, петербургское литературное общество, кружокъ Полонскаго, домъ писателей и многія другія, близкія по своей дѣятельности къ фонду учрежденія. Г. Стаховичъ сказалъ слово отъ имени Толстовскаго общества и огласилъ привѣтствіе графа Л. Н. Толстого, вызвавшее продолжительную овацію. Точно также долго не смолкали аплодисменты, когда на кафедрѣ взошелъ В. Г. Короленко съ привѣтствіемъ отъ «Русскаго Богатства». Ему не давали возможности начать рѣчь по крайней мѣрѣ минуты три. Изъ числа періодическихъ изданій поднесли адреса и поздравленія: «Вѣстникъ Европы», «Историческій Вѣстникъ», «Русская Мысль», «Рѣчь», «Міръ», «Южный Край» и др. изданія. Много было привѣтствій отъ высшихъ учебныхъ заведеній и причастныхъ къ нимъ кружковъ и учреждений.

Собраніе членовъ кассы литераторовъ. Состоявшееся 1-го ноября подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Бородина общее годовое собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ носило бурный характеръ. Въ самомъ началѣ засѣданія завязался споръ между бывшимъ предсѣдателемъ правленія Я. Н. Колубовскимъ, предложившимъ снять съ очереди вопросъ о пересмотрѣ постановленія объ освобожденіи отъ платежей лицъ, пробывшихъ въ кассѣ 15 лѣтъ, и ревизіонной комиссіей, протестовавшей противъ этого предложенія.

Общее собраніе присоединилось къ мнѣнію членовъ ревизіонной комиссіи. Я. П. Колубовскій въ рѣчи, продолжавшейся полтора часа, доказывалъ, что ревизіонная комиссія въ своемъ докладѣ проявила и придирчивость и мелочность и пропустила все важное, что есть въ дѣятельности кассы. Г. Колубовскій, переходя къ вопросу о недоимщикахъ, говоритъ, что не слѣдовало исключать 80 человѣкъ за неплатежи, такъ какъ ихъ долги можно впослѣдствіи покрыть изъ суммъ, которыя должны будутъ получать ихъ наслѣдники изъ кассы. Если, по мнѣнію ревизіонной комиссіи, нуждающіеся неаккуратные плательщики заслуживаютъ нѣкоторыхъ льготъ,—заканчиваетъ г. Колубовскій,—то аккуратные въ теченіе 15 лѣтъ плательщики тоже заслуживаютъ льготы. Г. Колубовскій отвергаетъ всѣ предложенія ревизіонной комиссіи объ упорядоченіи дѣлопроизводства, о пересмотрѣ правилъ объ освобожденіи отъ платежей, о перечисленіи въ запасной капиталъ вступныхъ взносовъ и др. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ правленію напоминать редакціямъ, что онѣ должны платить за перепечатки, что прежде дѣлалось. За отсутствіемъ предсѣдателя ревизіонной комиссіи, отвѣчалъ г. Колубовскому членъ комиссіи В. А. Апушкинъ, который разобралъ доводы предыдущаго оратора. Онъ указываетъ, что ревизіонная комиссія, въ виду тяжелаго момента, пережитаго кассой, вслѣдствіе внимательства въ ея дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ, была крайне сдержана въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ, но нынѣ вынуждена заявить, что дѣлопроизводство кассы за рядъ лѣтъ находится въ хаотическомъ состояніи, что переводъ вступныхъ взносовъ въ расходный капиталъ—непозволительная операція, что освобожденіе массы членовъ отъ платежей незаконно и причиняетъ громадный ущербъ интересамъ кассы, что финансовое положеніе кассы подорвано, что пришлось отказать въ пенсіи, вполнѣ заслуженной, нуждающимся писателямъ и т. д. Ревизіонная комиссія поэтому настаиваетъ, въ общихъ интересахъ, на внесенныхъ ею предложеніяхъ. Предсѣдатель правленія В. Д. Кузьминъ-Караваевъ подтвердилъ слова В. А. Апушкина и добавилъ, что непоминаніе редакціямъ о взносѣ платежей за перепечатки допускается нынѣшнимъ правленіемъ совершенно сознательно по той простой причинѣ, что совѣстно брать деньги, часть которыхъ идетъ на покрытие платежей освобожденных отъ обязательныхъ взносовъ учредителей кассы. Въдѣ среди этихъ освобожденныхъ есть и директоръ банка, и членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и др., тайные совѣтники и т. п. Развѣ они нуждаются въ благотворительности? Правленіе не сопровождало на этотъ разъ докладъ ревизіонной комиссіи своими замѣчаніями именно потому, что совершенно согласно съ ея выводами. Необходимо отменить постановленіе 1905 года объ освобожденіи отъ платежей и упорядочить дѣлопроизводство. Недоимка достигаетъ 12 тысячъ рублей, выходя же изъ состава кассы 80 лицъ понизилъ значительно поразрядныя выдачи. Если мы по прежнему будемъ вести наше дѣло, то доведемъ его до банкротства,—заканчиваетъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Д. А. Липевъ напоминаетъ, что постановленіе объ освобожденіи отъ платежей въ 1905 году прошло по настоянію правленія при самомъ незначительномъ большинствѣ, причѣмъ не были запрошены провинціальныя отдѣленія. Явившійся въ среднѣ засѣданія предсѣдатель ревизіонной комиссіи, Ѡ. Чернышевъ, сдѣлалъ математическія вычисленія,

изъ которыхъ видно, что при прежнихъ ничтожныхъ взносахъ за 15 лѣтъ не могъ накопиться такой капиталъ, который далъ бы право прекращать дальнѣйшіе платежи. Собраніе за позднимъ временемъ лишено было возможности окончательно обсудить предложеніе ревизіонной комиссіи. Всѣ ея предложенія, а также другіе вопросы, значившіеся на повѣсткѣ, перенесены въ слѣдующее собраніе. Передъ закрытіемъ засѣданія В. Д. Кузьминъ-Караваявъ предложилъ принять участіе въ полулѣтовомъ юбилеѣ литературнаго фонда. Для этой цѣли избрана депутація въ составѣ академика Ѳ. Чернышева, Д. Н. Бородина и В. А. Апушкина, которые совмѣстно съ правленіемъ кассы будутъ привѣтствовать фондъ.

Ростовскія торжества. Въ день празднованія кончины св. Дмитрія Ростовскаго, 28 октября, въ кафедральномъ соборѣ раннюю Божественную литургію совершалъ высокопреосвященный архіепископъ ростовскій Тихонъ съ братією собора. По окончаніи литургіи изъ собора двинулся крестный ходъ къ Яковлевскому монастырю. Въ крестномъ ходѣ приняли участіе: до 100 хоругвей (кафедральнаго собора, крестовыхъ и приходскихъ церквей), несомыхъ хоругвеносцами въ парадныхъ кафтанахъ, псаломщики, діаконы, болѣе 40 священниковъ, за которыми слѣдовалъ высокопреосвященный Тихонъ. У монастырскихъ вратъ обители крестный ходъ былъ встрѣченъ митрополитомъ московскимъ, высокопреосвященнымъ Владимиромъ съ преосвященными: Назаріемъ нижегородскимъ, Павломъ чигиринскимъ, Іосифомъ угличскимъ и Евсевіемъ рыбинскимъ, архимандритами: спасо-андроньевскимъ, ростовскими: богоявленскимъ, борисоглѣбскимъ, ризничимъ патріаршаго дома, игуменами и братією обители. По входѣ въ Димитріевскій (Шереметевскій) соборъ началась Божественная литургія, совершенная митрополитомъ московскимъ, съ архіепископомъ нижегородскимъ и епископомъ угличскимъ, 4 архимандритами, 2 игуменами и 4 іеромонахами. Въ концѣ литургіи прот. Восторговъ въ своемъ словѣ, посвященномъ врагамъ церкви, громилъ социалистовъ, толстовцевъ и призывалъ православныхъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать православную церковь. Св. мощи святителя были поставлены среди величественнаго храма передъ архіерейскимъ амвономъ, подъ величественнымъ краснымъ балдахиномъ. По окончаніи литургіи св. мощи были подняты священнослужителями и съ крестнымъ ходомъ, въ предшествіи хоругвей, всего духовенства города и 6 іерарховъ были обнесены вокругъ стѣнъ монастыря. При благопріятной осенней погодѣ крестный ходъ продолжался съ различными остановками около двухъ часовъ. Были случаи исцѣленій... Въ прочихъ двухъ храмахъ обители литургіи были совершены епископами: чигиринскимъ и рыбинскимъ. Въ два часа дня приглашенные гости (въ числѣ которыхъ были: члены Г. Совѣта кн. Лобановъ-Ростовскій, бывшій ярославскій гуоернаторъ Штюмеръ, губернаторы: московскій—Джунковскій, ярославскій—гр. Татищевъ, костромской—Веретенниковъ, попечитель московскаго учебнаго округа Ждановъ, губернской предводитель дворянства князь Куракинъ, Н. Н. Кацауровъ и др.), въ числѣ 60—70 лицъ, собрались въ палаты архимандрита обители, гдѣ былъ сорвированъ столъ. Тутъ были, кромѣ 6 іерарховъ и вышеназванныхъ архимандритовъ, архимандриты: Донскаго монастыря Іаковъ, представитель Сергіевой лавры Досіеѣй, привезшій прекрасную, боль-

шую икону преп. Сергія Радонежскаго отъ имени лавры, Спасо-Яковлевской обители, Троицкаго монастыря, при коломенскомъ архіерейскомъ домѣ, Варнава всѣ настоятели ростовскихъ монастырей, кафедральные протоіерей Ростовъ и Ярославля и др. Во время обѣда митрополитъ московскій провозгласилъ тосты за государя императора, государынь императрицъ и августѣйшій домъ; протоіакопъ возгласилъ многолѣтіе владыкамъ; было пропѣто архіерейскими пѣвчими «Боже, Царя храни». Обѣдъ окончился около 4-хъ часовъ. Въ 6 часовъ вечера приглашенные на праздникъ собрались въ Бѣлую Палату для ея осмотра, гдѣ почтенный археологъ П. А. Шляковъ давалъ объясненія; осматривали и крестовыя церкви, ктиторомъ которыхъ состоитъ А. А. Титовъ и въ которыхъ пѣлъ поетъ прекрасный хоръ пѣвчихъ изъ 60 человекъ. Въ 8 часовъ вечера почтенныя гости собрались въ митрополитчій домъ, въ которомъ почилъ святитель. Въ не особенно большой залѣ происходило юбилейное засѣданіе въ честь свят. Дмитрія. Передъ засѣданіемъ, открытымъ митрополитомъ московскимъ, пѣвчіе архіерейскіе пропѣли тропарь свят. Дмитрія, въ переложеніи регента синодальнаго хора Д. Кастальскаго; затѣмъ началось чтеніе телеграммъ и писемъ, полученныхъ отъ многихъ преосвященныхъ, ученыхъ учреждений и частныхъ лицъ, что продолжалось болѣе часа; далѣе слѣдовала рѣчь священника императорскаго Демидовскаго лицея С. Соколова о святителѣ Дмитріи: какъ онъ прибылъ въ Ростовъ, объ его дѣятельности и проч. Послѣ рѣчи бывшаго ярославскаго губернатора Штюмера хоръ пропѣлъ кантъ свитителя «Ты мой Богъ, Иисусе, Ты моя радость»; далѣе слѣдовалъ концертъ архіерейскаго хора, послѣ рѣчи преподавателя духовнаго училища св. Дмитрія И. Богословскаго и «рѣчь до святѣйшаго митрополита (Дмитрія), единому молодому паничови написанная», прочелъ одинъ изъ воспитанниковъ училища. Послѣ этого слѣдовало прекрасное пѣніе кантовъ св. Дмитрія: «Похвалу принесу сладкому Христу»... и «Христе, мой Боже»... Прекрасно пропѣта была составленная слава (гимнъ) въ честь св. Дмитрія, ростовскаго святителя, и древняго Ростова Великаго. Въ заключеніе пѣвчіе пропѣли народный гимнъ. Засѣданіе окончилось въ первомъ часу ночи, послѣ чего почтенныя гости, въ числѣ 30 человекъ, отправились въ домъ извѣстнаго ростовскаго археолога и историка А. А. Титова, который со свойственнымъ ему радушіемъ принялъ ихъ, приготовивъ для нихъ дорожную вечернюю трапезу.

Пятисотлѣтіе Архангельскаго собора. 8 ноября исполнилось 500 лѣтъ со дня освященія Архангельскаго собора въ Кремлѣ. Въ настоящемъ своемъ видѣ онъ выстроенъ по повелѣнію Ивана III фрязиномъ Алевизомъ. Раньше на его мѣстѣ, представлявшемъ тогда край обрыва кремлевскаго (Боровскаго) холма, стояла церковь во имя св. Архангела Михаила, сначала деревянная, построенная однимъ изъ первыхъ московскихъ князей Михаиломъ Хорообритомъ и упоминаемая въ лѣтописяхъ подъ 1247 г., а потомъ каменная, выстроенная Иваномъ Калитой въ 1333 году. Съ самаго основанія она была усыпальницей московскихъ князей. Здѣсь были отпѣты и погребены племянникъ Хорообрита, св. князь Даниилъ Александровичъ, и его сынъ Юрій, впоследствии перенесенные: первый—въ Даниловъ монастырь, а второй—въ Успенскій соборъ. Иванъ Калита и его потомство погребались тоже «у Архангела». Вы-

строенный Калитой храмъ былъ тѣснѣе и черезъ 172 года по основаніи наполнился могилами, притомъ же и обветшала. Его перестройка съ расширеніемъ почти вчетверо начата въ 1505 году, причемъ каменные гробницы съ останками князей были временно перенесены въ церковь св. Іоанна Лѣтвичника, что подъ колоколами, бывшую на мѣстѣ Ивановской колокольни. Во вновь отстроенный Архангельскій соборъ они возвращены въ 1508 году и расположены на настоящихъ своихъ мѣстахъ. Въ началѣ постройки, 27 октября 1505 года, скончался строитель храма Иванъ III и погребенъ внутри строившагося храма у южныхъ алтарныхъ дверей. Здѣсь же нашли мѣсто вѣчнаго упокоенія всѣ московскіе государи, кончая братомъ Петра I, царемъ Иваномъ Алексѣевичемъ. Изъ императоровъ всероссійскихъ погребенъ здѣсь Петръ II, скончавшійся въ Москвѣ. Почтеніе къ памяти предковъ дѣлало Архангельскій соборъ предметомъ особаго попеченія представителей династіи. Еще въ старинныхъ великокняжескихъ завѣщаніяхъ встрѣчаемъ отказы въ пользу собора, «чтобы память по родителямъ нашимъ и наша не преставада и свѣча бы не угасала». Въ поминальные дни государи совершали сюда выходы на панихиды; существовали обычаи, что на гробницы клались челобитныя, которыя брали сами цари послѣ богослуженія; при соборѣ были свои нищенцы, которымъ была раздача въ дни царскихъ поминокъ, а одно время и особый архіерей для служенія панихидъ. Послѣ коронаціи и до сихъ поръ государи въ порфирѣ и коронѣ идутъ въ Архангельскій соборъ поклониться предкамъ. Со времени постройки наружный видъ собора нѣсколько измѣнился. Именно, съ восточной стороны въ концѣ XVI или началѣ XVII в. пристроены придѣлы предтеченскій и уаровскій, въ который часто приносятъ больныхъ дѣтей. Въ концѣ XVI в. съ западной стороны пристроена паперть, на хорахъ которой прежде помѣщались придѣлы Воскресенія Христова, Андрея Критскаго, Симеона Столпника и апостола Акилы, упраздненные въ половинѣ XVIII в. Съ сѣверной стороны въ это время архитекторомъ Казаковымъ устроенъ портикъ. Къ южной стѣнѣ въ 1770 г. пристроены контрфорсы, для подпора, такъ какъ соборъ стоялъ на самомъ откосѣ со стороны Москвы-рѣки, около него была только пѣшеходная дорожка. Въ концѣ XVIII в. мѣстность здѣсь была спланирована и здѣсь проложена улица. Внутри собора за пятистолѣтнее существованіе уничтожены хоры за иконостасомъ, подобныя тѣмъ, которые сохранились въ Успенскомъ соборѣ, и разнесены палаты, бывшія съ западной стороны; слѣды ихъ сохранились въ гнѣздахъ для балокъ у заднихъ столбовъ. Иконопись появлялась не разъ и въ послѣдній—въ концѣ прошлаго столѣтія. Недавно каменные гробницы съ останками государей и надгробія надъ погребенными въ землѣ обложены металлическими футлярами. Раньше, въ дни поминовенія, онѣ покрывались древними покровами, устроенными еще ближайшимъ потомствомъ погребенныхъ. Теперь покровы эти хранятся въ синодальной ризницѣ, вмѣстѣ съ древней утварью Архангельскаго собора. Нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ драгоцѣнностью украшеній и изяществомъ работы.

Двадцатипятилѣтіе сибирскаго общества. Въ октябрѣ исполнилось 25-лѣтіе со дня открытія общества для пособія нуждающимся сибирякамъ и сибирячкамъ, учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Общество было открыто 1-го

октября, по первое общее собраніе состоялось 26-го октября. Этотъ день сибиряками считается съ 1882 г., со дня 300-лѣтія Сибири, сибирскимъ праздникомъ, и сибирскія общества Москвы, Петербурга и сибирскихъ городовъ къ этому дню обыкновенно приурочиваютъ свои торжественныя засѣданія и концерты. Въ нынѣшнемъ году московское общество 25-го октября устроило торжественное засѣданіе, а 26-го октября состоялся концертъ и балъ въ пользу учащихся сибиряковъ. За 25 лѣтъ своего существованія общество для пособія нуждающимся сибирякамъ и сибирячкамъ, учащимся въ Москвѣ, оказало громадныя услуги сибирской молодежи. За это время въ кассу общества поступило: членскихъ взносов—49,390 р., пожертвованій—199,985 р. 88 к., дохода съ концертовъ и спектаклей—33,127 р. 28 к., процентовъ съ капитала—32,522 р. 21 к., и возвращено ссудъ 4,422 р. 53 к., т. е. весь доходъ общества выразился крупной цифрой 323,070 р. 70 к. Изъ этихъ суммъ за 25 лѣтъ было выдано: пособій—81,000 р., внесено платы за ученіе 94,000 р., выдано стипендій 59,000 р., платы за обѣды 24,000 р., на бібліотеку и разные расходы (концерты, типографію и пр.)—15,820 р. На 738 засѣданіяхъ комитета за 25 лѣтъ было разсмотрѣно 13,520 прошеній учащихся и удовлетворено изъ нихъ 12,858. Общество пособія учащимся сибирякамъ въ Москвѣ оказывало не одну матеріальную помощь, но и большую нравственную поддержку, благодаря тому, что между комитетомъ и учащимися (землячествами) существовала постоянно тѣсная связь. Въ помѣщеніи комитета, на М. Бронной, два раза въ мѣсяцъ по понедѣльникамъ происходятъ засѣданія членовъ правленія, а рядомъ въ комнаткѣ постоянно толпятся студенты и студентки. Здѣсь же въ комнатѣ получались почти все сибирскія газеты. Въ дѣлахъ комитета дѣятельное участіе принимали и принимаютъ выдающіеся сибиряки, между которыми мы должны отмѣтить Ю. И. Базанову, покойнаго д-ра Н. А. Вѣлоголова, Носкова и др. Собранія комитета не разъ посѣщали П. М. Ядринцевъ и Г. Н. Потанинъ. Все сибиряки и «наказные люди», вольные и невольные, относились къ обществу съ большими симпатіями. Комитетъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сибирскими городами, и многія городскія думы и даже крестьянскія общества посылали ему ежегодныя субсидіи. Сибирскіе вечера, устраиваемые обществомъ, пользовались большими симпатіями москвичей, и только послѣ 1905 г. интересъ къ нимъ какъ бы упалъ; но съ нынѣшняго года комитетъ старается опять возбудить интересъ къ дѣламъ общества.

Юбилей Н. Д. Телешова. 27 октября происходило чествованіе Н. Д. Телешова по случаю 25-лѣтія его литературной дѣятельности. Къ часу дня въ квартирѣ юбиляра собрались представители литературы и искусства, періодической печати, книгоиздательства и нѣкоторыхъ благотворительныхъ и общественныхъ учрежденій. Первое привѣтствіе сказано было юбиляру отъ общества любителей руссійской словесности А. Е. Грузинскимъ. «Въ лицѣ Н. Д. Телешова общество привѣтствуетъ «истиннаго литератора, честно и искренно отдавашаго свой талантъ на служеніе родной литературѣ и достойно работавшаго въ томъ самомъ благородномъ, гуманномъ духѣ, въ которомъ создана и держится свѣтлая и высокая репутація русскаго художественнаго слова». Отъ литературнаго кружка «Середа» сказалъ привѣтствіе Н. А. Вуничъ, поднесшій вмѣстѣ съ тѣмъ альбомъ съ фотографіями членовъ кружка. Денуація отъ московскаго отдѣленія кассы

взаимопомощи въ составѣ И. А. Данилина и Ѳ. В. Головина поднесла адресъ, въ которомъ отмѣчалось, что юбиляръ, какъ предсѣдатель отдѣленія, всегда влагалъ въ дѣло кассы живую, отзывчивую душу, любящее сердце, соединяя слова любви съ дѣлами любви. Отъ общества дѣятелей періодической печати и литературы поднесенъ былъ адресъ депутаціей въ лицѣ предсѣдателя совѣта Ю. А. Бунина, предсѣдателя правленія И. И. Попова и секретаря совѣта Н. А. Скворцова. Отъ литературно-художественнаго кружка сказалъ привѣтствіе В. Я. Брюсовъ. Д-ръ Леоненко прочиталъ адресъ отъ красковской гимназіи. А. А. Кизеветтеръ сказалъ привѣтствіе отъ редакціи «Русской Мысли». Затѣмъ принесены были привѣтствія отъ редакцій «Русскаго Слова», «Юной Россіи», «Вѣстника Воспитанія»—Н. Ѳ. Михайловъ; далѣе отъ представителей сибирской печати, отъ студенческаго кружка имени А. П. Чехова и отъ комиссіи по изысканію средствъ для устройства инвалиднаго дома имени первопечатника Ивана Ѳедорова; И. И. Горбуновъ-Посадовъ поднесъ адресъ отъ издательства «Посредникъ», украшенный портретомъ графа Л. Н. Толстого съ собственноручной его надписью. Членъ московской уѣздной земской управы кн. В. В. Оболенскій отъ лица уѣзднаго земства привѣтствовалъ юбиляра, какъ попечителя красковской гимназіи. Затѣмъ принесены были личныя привѣтствія юбиляру отъ П. Д. Боборыкина, Ѳ. Э. Матерна, С. Д. Телешева, И. Д. Сытина, Маныкина-Невструева и друг. Графу Л. Н. Толстому послана привѣтственная телеграмма въ отвѣтъ за вниманіе, оказанное юбиляру, съ пожеланіемъ: «Да звучитъ вашъ мощный голосъ на долгіе годы во имя истины, добра, счастья и свободы человѣчества». Въ 11 час. вечера въ литературно-художественномъ кружкѣ въ честь юбиляра состоялась подписной ужинъ, сопровождавшійся многочисленными тостами и рѣчами. За ужиномъ прочитаны были привѣтственныя телеграммы отъ В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевского, учительницъ и ученицъ красковской школы, художника Переплетчикова, Л. Н. Андреева и многихъ другихъ.

Возникающій музей. Еще въ 1905 году предсѣдатель уѣздной земской управы въ Сарапулѣ, Вятской губерніи, М. С. Тюнинъ вошелъ съ представленіемъ въ уѣздное земское собраніе 39 очередной сессіи, въ которомъ указываетъ, что «сарапульское земство въ стремленіи къ развитію народнаго образованія въ уѣздѣ не должно оставить безъ вниманія недостатковъ въ образовательномъ учрежденіи, которое отсутствуетъ не только въ здѣшнемъ городѣ, но и въ большинствѣ городовъ губерніи; именно—въ музеѣ, гдѣ могли бы храниться коллекціи разнаго рода предметовъ: по археологіи, этнографіи, по разнаго рода прикладнымъ знаніямъ и т. п. Г. Тюнинъ указываетъ, что въ настоящее время много цѣннаго матеріала, преимущественно по археологіи, теряется безвозвратно, такъ какъ нѣтъ учрежденія, объединяющаго и сохраняющаго памятники нашей старины; далѣе докладъ обращаетъ вниманіе собранія на пользу въ общеобразовательномъ отношеніи, которую можетъ принести музей городу и уѣзду при существованіи въ нихъ нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Земское собраніе отнеслось къ докладу съ полнымъ сочувствіемъ и на первый разъ ассигновало на обстановку музея 100 рублей. Однако, по разнымъ независимымъ отъ г. Тюнина обстоятельствамъ, къ осуществленію своей мысли и постановленія собранія онъ могъ приступить только съ апрѣля текущаго года. Для помѣщенія

собираемыхъ коллекцій попечительный совѣтъ мѣстной женской гимназій уступилъ большую комнату въ нижнемъ этажѣ гимназическаго зданія, которая теперь быстро заполняется различными поступающими въ музей предметами. Доисторическая археологія представлена большимъ количествомъ обломковъ глиняной посуды, найденныхъ въ курганахъ у д. Юшковой и с. Нечкина Сарапульскаго уѣзда гг. Беркутовыми, иногда украшенныхъ такъ называемымъ веревочнымъ орнаментомъ. Кромѣ черепковъ, вмѣстѣ съ ними, у д. Юшковой были найдены три грубыя глиняныя фигурки, повидимому, изображающія людскія фигуры. Священникъ В. Сапожниковъ передалъ, въ числѣ другихъ предметовъ, очень изящно отдѣланную стрѣлу изъ минерала голубого цвѣта, здѣсь не встрѣчающагося, найденную у с. Ершовки Осинскаго уѣзда (напротивъ Сарапула), на лѣвой сторонѣ Камы. Г. Тюнинъ приобрѣлъ нѣсколько предметовъ, выкопанныхъ крестьянами изъ окрестностей извѣстнаго Ананьинскаго могильника близъ Елабуги. Въ археологическомъ отдѣлѣ стоитъ обратить вниманіе на шкатулку, украшенную художественною рѣзбою по берестѣ, работы мѣстнаго мастера Гулева 1841 года, коллекцію трубокъ разныхъ временъ отъ П. Круликовскаго, вышивку по холсту начала XIX вѣка отъ А. Вершининой, старинное огнестрѣльное оружіе отъ разныхъ лицъ (въ томъ числѣ пушка временъ Пугачева отъ городской управы) и старинную картину, изображающую Моисея со скрижалями завета, отъ Б. В. Баранова. Этнографическій отдѣлъ украшаетъ коллекція вышивокъ и тканей различныхъ народностей Сарапульскаго уѣзда, собранная В. Н. Тюниной и бывшая, въ свое время, экспонированною на выставкѣ въ Чикаго. Немногія фотографіи и предметы быта только указываютъ на то, какъ много еще предстоитъ работы администраціи музея въ этомъ направленіи. Какъ курьезъ, упомяну еще, что въ музей отъ Н. П. Беркутова поступилъ рѣзной деревянный ковшикъ, фигурировавшій въ извѣстномъ процессѣ о принесеніи вотяками челоуѣческой жертвы въ с. Мултанѣ Малмыжскаго уѣзда. Старинный національный костюмъ вотячки, теперь, пожалуй, уже не встрѣчающійся, художественно воспроизведенъ на картинѣ масляными красками,—отъ А. Г. Кирѣева. Коллекція монетъ, медалей и жетоновъ состоитъ уже почти изъ двухсотъ экземпляровъ, но особыхъ рѣдкостей не заключаетъ, кромѣ развѣ четырехугольнаго серебрянаго жетона въ память основанія академіи наукъ отъ Н. О. Соколова. Есть и коллекція почтовыхъ и гербовыхъ марокъ приблизительно изъ 1500 экземпляровъ. Коллекція по церковной археологіи еще очень бѣдна. Ее украшаетъ старинная, грубо вырѣзанная изъ дерева статуя Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, пожертвованная, съ благословенія его преосвященства епископа сарапульскаго Меодія, вознесенскимъ городскимъ соборомъ. Очень бѣденъ еще отдѣлъ естественно-историческій, почти не заключающій предметовъ, заслуживающихъ упоминанія. Изъ палеонтологическихъ предметовъ накопилось уже нѣсколько отдѣльныхъ костей мамонта и три черепа посорога (одинъ замѣчательной сохранности), собранныхъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ. Коллекціи по ботаникѣ и минералогіи еще въ зародышѣ. При музеѣ предполагается имѣть специальную бібліотеку, задачей которой будетъ 1) собрать книги для работъ въ музеѣ по специальностямъ и 2) собрать коллекцію печатныхъ произведеній, изданныхъ въ Вятской губерніи. Въ настоящее время въ бібліотекѣ около

200 названій. Первымъ откликнулось на призывъ нарождающагося новаго научнаго учрежденія уральское общество любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ, приславшее рядъ своихъ изданій. Музей пока малъ, бѣденъ, не имѣетъ ни опредѣленнаго помѣщенія, ни средствъ, но мы надѣемся, что въ богатомъ и промышленномъ Сарапулѣ найдутся отзывчивые люди, которые придутъ къ нему на помощь. Минувшимъ лѣтомъ проездомъ музей посѣтилъ ученый, уроженецъ Вятскаго края, Д. К. Зеленинъ и благословилъ его инициаторовъ на дальнѣйшую дружную работу на пользу науки и родного края. Надѣемся, что его пожеланія сбудутся...

Раскопки въ Смоленскѣ на Смядыни. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ смоленская ученая архивная коммиссія на средства, любезно предоставленныя княгиней М. К. Тенишевой, произвела раскопки въ Смоленскѣ на Смядыни, результатомъ коихъ являются развалины цѣлаго храма, которой по своей архитектурѣ и матеріалу—кирпичныя плиты съ разнообразными клеймами на ребрахъ и на поверхности,—долженъ быть отнесенъ къ XII вѣку. Особенности храма—это его обширная, въ три абсида алтарная часть, занимающая болѣе трети всего зданія, и отсутствіе фундамента, который замѣняли деревянныя плахи, такъ какъ перетлѣвшіе остатки ихъ найдены подъ стѣною алтарнаго абсида. Снаружи храмовыя стѣны украшены полукруглыми пилонами, а притворъ отъ середины храма отдѣлялся двумя очень толстыми квадратными колоннами. Лучше всего сохранились внутреннія алтарныя стѣны, особенно южная, которая достигаетъ 3¹/₂ аршинъ вышины, но отъ бывшихъ сводовъ и арокъ нѣтъ слѣда, а также и наружныя стѣны, особенно сѣверная, подверглись сильному разрушенію и представляютъ только груды кирпичнаго мусора, перемѣшаннаго съ кусками хорошо сохранившей окраску фресковой штукатурки, каковой была, повидимому, покрыта вся внутренность храма. Остатки фресковаго орнамента удалось открыть сохранными только въ алтарѣ, въ діаконикѣ и во внутренней сторонѣ южной стѣны храма. Оригинальная орнаментовка въ видѣ сердецъ, покрывавшая горнее мѣсто, осыпалась тотчасъ, какъ только была открыта. Кромѣ панельнаго орнамента, не сохранилось никакихъ изображеній и въ мусорѣ удалось найти только нѣсколько славянскихъ буквъ. Въ разныхъ частяхъ храма и на различной глубинѣ обнаружено до 17-ти погребеній, по положенію своему, видимо, потревоженныхъ ранѣе и ограбленныхъ, такъ какъ при нихъ не нашлось рѣшительно никакихъ вещей, да и вообще при раскопкахъ найдено всего па всего: одна каменная и половина глиняной бусы, два кадилныхъ бубенчика, часть дверной личинки, осколокъ глинянаго подсвѣчника и нѣсколько гвоздей съ остатками кровельнаго свища. Полъ храма кирпично-плиточный, поливы нигдѣ не замѣчено. Жертвенникъ почти совсѣмъ разрушенъ, престолъ, сложенный также изъ кирпичныхъ плитъ, сохранился хорошо. Откопанный храмъ, представлявшій ранѣе довольно высокій курганъ, покрытый травой и даже кустарникомъ, расположенъ саженьяхъ въ 70-ти отъ большаго граева, открытаго священникомъ о. Павломъ Троицкимъ два года назадъ, и находится среди капустнаго огорода на краю древней дѣпровской излучины, у самаго устья пересѣкшей рѣчки Смядыни, гдѣ, по преданію, убитъ былъ св. князь Глѣбъ.

Памятникъ императору Александру II. Высочайше учрежденный комитетъ по сооруженію въ С.-Петербургѣ памятника императору Александру II

объявляет конкурс на составленіе проекта этого памятника на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Памятникъ императору Александру II, сооружаемый на средства, пожертвованныя спб. дворянствомъ и спб. городскимъ общественнымъ управленіемъ, а также иными учрежденіями и лицами, будетъ поставленъ въ Михайловскомъ кругломъ скверѣ, что на Михайловской площади въ С.-Петербурѣ. 2) Участвующія въ конкурсѣ лица, исключительно русскіе подданные, имѣютъ исполнить модель памятника, т. е. статуи императора Александра II, и постаменты или вообще той архитектурной обстановки, которою авторъ, по своему усмотрѣнію, признаетъ подходящимъ снабдить статую, которая должна быть бронзовая, стоячая, на каменномъ постаментѣ безъ аллегорическихъ фигуръ. 3) Величина статуи въ модели должна быть не болѣе 12 и не менѣе 10 вершковъ. 4) Расходы на памятникъ, не считая стоимости мѣди, необходимой для отливки фигуры, не должны превосходить 300.000 рублей, причемъ статуя должна быть около шести аршинъ. 5) Модели памятника должны быть представлены въ законченномъ видѣ 20-го марта 1910 года, до 3 часовъ дня, въ С.-Петербурѣ, въ манежѣ Мраморнаго дворца. Въ полученіи моделей будетъ выдана расписка, причемъ не удостоенныя преміи модели авторы обязуются взять обратно въ теченіе недѣли по объявленіи преміи; не взятые къ сроку уничтожаются комиссіею. 6) При проектѣ должны быть приложены пояснительная записка и смѣта, а также, въ запечатанныхъ конвертахъ, имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства авторовъ, а на этихъ конвертахъ, равно какъ на пояснительныхъ запискахъ и смѣтахъ, долженъ быть обозначенъ девизъ или знакъ, подъ какимъ будетъ представленъ проектъ. 7) Оцѣнка присланныхъ проектовъ производится въ высочайше учрежденномъ комитетѣ по сооруженію памятника, причемъ запрашивается заключеніе императорской академіи художествъ. 8) За три признанные комитетомъ лучшими проекта будутъ выданы преміи: въ 2,000 рублей, 1,500 рублей и 1,000 рублей, причемъ проекты эти поступаютъ въ собственность комитета. Руководствуясь относительнымъ достоинствомъ избранныхъ проектовъ, комитетъ имѣетъ право придать тѣмъ преміямъ размѣры: 1,750 рублей, 1,750 рублей и 1,000 рублей. 9) Въ случаѣ, если какой-либо изъ проектовъ, не удостоенныхъ преміи, будетъ комитетомъ признанъ заслуживающимъ особаго вниманія, то комитетъ можетъ его приобрести въ собственность, съ выдачею составителю его вознагражденія въ размѣрѣ 500 рублей. 10) По присужденіи премій проекты имѣютъ быть представлены августѣйшимъ предсѣдателемъ комитета на высочайшее государя императора благовоззрѣніе. 11) Въ случаѣ одобренія его императорскимъ величествомъ одного изъ проектовъ, исполненіе памятника поручается автору проекта, причемъ авторъ проекта принимаетъ участіе въ заступаніяхъ комитета на правахъ члена его, по вопросамъ, связаннымъ съ исполненіемъ памятника. 12) За дополнительными справками, а также за полученіемъ особенныхъ плановъ сквера и фотографій прилегающей мѣстности и за данными по изслѣдованію почвы подъ мѣстомъ памятника желающіе участвовать въ конкурсѣ имѣютъ обращаться въ департаментъ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, площадь Александринскаго театра, къ дѣлопроизводителю комитета.

НЕКРОЛОГИ.

ВЕДЕНСКИЙ, А. И. Скончался известный критикъ и библиографъ Арсеній Ивановичъ Введенскій. Родился онъ въ 1844 г. въ большой семьѣ дьякона одного изъ бѣднѣйшихъ сельъ Тверскаго уѣзда, рано началъ учиться у отца, на 9-мъ году поступилъ въ тверское духовное училище и оттуда въ семинарію; въ числѣ первыхъ онъ изъ класса реторики перешелъ въ философскій классъ, но въ половинѣ курса, черезъ годъ, былъ исключенъ. Приходилось итти въ университетъ, но для этого необходимо было сдать полный гимназическій экзаменъ. Два года онъ приготавливался къ этому экзамену; одновременно занимаясь полевыми работами въ сельѣ, а затѣмъ уроками въ Ржевѣ. Въ 1865 г. А. И. въ августѣ пріѣхалъ въ Петербургъ, но уже не успѣлъ сдать экзаменъ и поступилъ вольнослушателемъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. Черезъ годъ А. И. сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и зачислился уже студентомъ на математическое отдѣленіе. Черезъ два года, совершенно разстроивъ за это время здоровье, А. И. уѣхалъ на уроки въ Волынскую губернію. Здѣсь онъ пробылъ около четырехъ лѣтъ въ просвѣщенной семьѣ одного изъ помѣщиковъ, освоился съ нѣмецкимъ и французскимъ языками и одновременно готовился къ экзамену на кандидата правъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ А. И. прекратилъ, однако, занятія юридическими науками и подалъ прошеніе на филологическій факультетъ. Въ виду, однако, разныхъ недоразумѣній съ паспортомъ, одновременно А. И. зачислился на службу въ сенатъ. Университетъ вскорѣ пришлось совсѣмъ бросить и, числясь въ сенатѣ, А. И. главнымъ образомъ жилъ уроками. Съ 1876 г. покойный отдается литературной дѣятельности и только въ началѣ 1894 г. поступилъ

на службу въ государственный контроль. Множество критических фельетоновъ и статей покойнаго были напечатаны въ журналахъ «Знаніе», «Слово», «Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Сѣверный Вѣстникъ», «Трудъ», «Историческій Вѣстникъ», въ газетахъ «Сѣверный Вѣстникъ» редакціи Корша, «Странѣ», «Молва», «Порядокъ», «Голосъ», «Русскій Вѣдомости», «Новое Время». Очень много въ позднѣйшіе уже годы покойный работалъ въ «Нивѣ» и между прочимъ редактировалъ изданное «Нивой» полное собраніе сочиненій Лермонтова, одно изъ лучшихъ по тщательной провѣркѣ текста. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12069).

† **Вольскій, Г. I.** 5-го октября послѣ непродолжительной болѣзни скончался на 50-мъ году въ Тифлисъ грузинскій писатель и общественный дѣятель Григорій Иосифовичъ Вольскій. Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ уроженцевъ Кутаисской губерніи, русскихъ по происхожденію, которые съ дѣтства въ совершенствѣ овладѣвають и русскимъ и грузинскимъ языкомъ. Воспитаникъ кутаисской гимназіи и московскаго университета, врачъ по специальности, Г. I. очень рано сталъ принимать участіе въ русской и грузинской прессѣ; между прочимъ еще въ студенческіе годы помѣщалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» переводы и извлеченія этнографическихъ работъ на грузинскомъ языкѣ. Въ то же время онъ писалъ по-грузински проникнутыя глубокимъ лиризмомъ и теплою задушевностью стихотворенія, изъ которыхъ одни переложены на музыку для пѣнія, другія переведены на русскій языкъ. Начавъ свою поэтическую дѣятельность подъ скромнымъ псевдонимомъ Умципарадизе (Незрѣловъ), онъ сразу обратилъ на себя вниманіе знатоковъ грузинской литературы и занялъ подобающее мѣсто среди современныхъ поэтовъ. Еще большую извѣстность онъ приобрѣлъ своими переводами съ грузинскаго на русскій языкъ повѣстей такихъ выдающихся писателей, каковы кп. И. Чавчавадзе, А. Казбекъ, Ш. Арагвипирели. Какъ общественный дѣятель, Г. I. въ особенноти сыгралъ роль въ Батумѣ, сначала какъ безкорыстный, отзывчивый врачъ, а затѣмъ серьезный муниципальный работникъ, въ качествѣ гласнаго и члена управы батумской городской думы. Въ 1907 г. онъ переехалъ въ Тифлисъ и занялъ мѣсто преподавателя грузинской словесности въ дворянской гимназіи. Тонкій знатокъ языка, талантливый поэтъ-патріотъ и пѣвецъ природы, покойный сталъ другомъ-педагогомъ молодежи въ моментъ ея тяжелыхъ переживаній. Состоя членомъ почти всѣхъ грузинскихъ общественныхъ организацій, покойный вездѣ оставлялъ свѣтлое воспоминаніе. Городъ Батумъ почтилъ Г. I. особымъ выраженіемъ признательности и перевезъ прахъ его для преданія землѣ тамъ, гдѣ благородный его образъ остался незабвеннымъ въ памяти благодарныхъ горожанъ (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 242).

† **Вольфъ, Е. М.** 4 ноября въ Швейцаріи скончался Евгений Маврикіевичъ Вольфъ, одинъ изъ директоровъ книгоиздательства М. О. Вольфъ. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу одинъ изъ выдающихся дѣятелей русскаго книжнаго дѣла, посвятившій всю свою жизнь книгамъ Е. М. еще въ дѣтствѣ рѣшилъ пойти по стопамъ своего отца, извѣстнаго издателя-книгопродавца, и уже на шестнадцатомъ году жизни отправился въ Лейпнигъ, считающійся главнымъ книжнымъ рынкомъ, съ цѣлью изученія на практикѣ книжнаго и издательскаго дѣла. Поступивъ въ первоклассную лейпцигскую фирму, онъ началъ обученіе съ азбукъ, съ

труда простого наборщика, потомъ перешель на копторскую работу, оттуда въ экспедицію и закончилъ, уже работая въ управленіи издательствомъ. Изучивъ такимъ образомъ издательское дѣло до самыхъ основъ, Е. М. посѣтилъ еще издательскія фирмы Лондона и Парижа и тогда только вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ сразу взялъ на себя управленіе книжнымъ магазиномъ своей фирмы и велъ его съ тѣхъ поръ въ теченіе 17 лѣтъ, работая почти безъ отдыха съ ранняго утра до вечера. Будучи большимъ знатокомъ и любителемъ книгъ и обладая обширными практическими и теоретическими познаніями въ книжномъ дѣлѣ, покойный былъ нецѣнимъ въ этомъ отношеніи. Его совѣтами и указаніями неоднократно пользовались многіе писатели и ученые. Увлеченіе работой сильно пошатнуло здоровье Е. М. и свело его въ могилу еще совѣмъ молодымъ, полнымъ силъ, на сороковомъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время 1909 г., № 12090).

† **Всеволожской, И. А.** 28 октября скончался директоръ императорскаго Эрмитажа Иванъ Александровичъ Всеволожской, имя котораго въ теченіе почти двадцати лѣтъ (съ 1881 г.) было тѣсно связано съ нашей императорскою сценой. Покойный въ этотъ періодъ былъ директоромъ казенныхъ петербургскихъ и московскихъ театровъ и дѣятельно заботился о поднятіи русской сцены и о поддержаніи ея на высотѣ образцовой. Отъ него зависѣло окончательное утвержденіе репертуара, выборъ пьесъ, приглашеніе артистовъ, и онъ къ этому дѣлу всегда относился заботливо. Его отношеніе къ артистамъ отличалось доброжелательствомъ, и со стороны артистическихъ силъ И. А. пользовался общимъ расположеніемъ. При немъ множество новыхъ пьесъ увидѣло впервые свѣтъ ramпы, былъ учрежденъ при дирекціи театровъ театральнo-литературный комитетъ по рассмотрѣнію пьесъ, и въ этотъ комитетъ были приглашены Д. В. Григоровичъ, А. А. Потѣхинъ, П. И. Вейнбергъ и П. П. Гнѣдичъ. Къ завѣдыванію режиссерскою и репертуарною частью были приглашены видные драматурги того времени: А. А. Потѣхинъ, Викторъ Крыловъ и др. Затѣмъ была учреждена театральная школа драматическаго искусства, въ собственность дирекціи императорскихъ театровъ перешель «Ежегодникъ театровъ»—журналъ, основанный П. П. Гнѣдичемъ. При немъ императорская опера, балетъ и драма по артистическому составу достигли замѣчательнаго развитія и сдѣлались, можно сказать, образцовыми. И. А. обладалъ даромъ замѣчательнаго рисовальщика и карикатуриста. Известенъ альбомъ его карикатуръ. По его рисункамъ были поставлены нѣсколько балетовъ. Покойный родился 21 марта 1835 г. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ онъ началъ свою службу въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Послѣ недолгаго секретарства при нашемъ посольствѣ въ Гаагѣ онъ въ 1864 г. былъ чиновникомъ особыхъ порученій при известномъ кн. Горчаковѣ, затѣмъ управлялъ литографіей и былъ первымъ секретаремъ министерства. Въ 1876 г. отправился въ Парижъ въ качествѣ причисленнаго къ нашему посольству и съ 1881 г. сдѣлался директоромъ императорскихъ с.-петербургскихъ и московскихъ театровъ. Одновременно съ 1860 г. велась его придворная служба. Начавъ ее камеръ-юнкеромъ, онъ имѣлъ съ 1896 г. званіе оберъ-гофмейстера высочайшаго двора. Умеръ И. А.

на 75 году жизни, оставивъ по себѣ крупный слѣдъ въ дѣлошняхъ рускаго театра. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12081).

† **Кричагинъ, Н. А.** 2 ноября вечеромъ скончался, 64 лѣтъ отъ роду, заслуженный преподаватель с.-петербургскаго 1-го реального училища Николай Александровичъ Кричагинъ. Въ лицѣ его русская средняя школа потеряла одного изъ выдающихся преподавателей естествовѣдѣнія. По окончаніи въ 1871 г. курса въ петербургскомъ университетѣ, Н. А. сначала около четырехъ лѣтъ былъ хранителемъ зоологическаго кабинета въ университетѣ св. Владимира и въ этой должности былъ дважды командированъ совѣтомъ университета на Кавказъ для зоологическихъ изслѣдованій въ области мѣстной, преимущественно приморской фауны. Въ 1876 г. покойный переѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ и посвятилъ себя педагогической дѣятельности: сначала былъ преподавателемъ географіи въ учительскомъ институтѣ и лаборантомъ 1-го реального училища, затѣмъ болѣе двадцати пяти лѣтъ, до своей кончины, преподавателемъ естественной исторіи въ этомъ училищѣ; кромѣ этого, въ разное время преподавалъ физику и естественную исторію въ женской гимназіи при Покровской общинѣ сестеръ милосердія, на медицинскихъ курсахъ общины, въ патристическомъ институтѣ, земской учительской школѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ преподаватель, Н. А. отличался глубокимъ знаніемъ своего предмета и живымъ интересомъ къ нему; самъ съ увлеченіемъ отдаваясь своему дѣлу и строгій къ себѣ въ исполненіи своего долга, онъ въ развитіи любви къ труду и чувства долга полагалъ основу воспитательнаго воздѣйствія учителя на своихъ учениковъ. Стараніями и трудами покойнаго въ 1-мъ реальномъ училищѣ въ сравнительно короткое время образовался естественно-историческій кабинетъ, располагающій въ настоящую пору замѣчательными и весьма интересными и цѣнными въ научномъ отношеніи предметами, устроены были учебная оранжерея и цвѣтникъ для практическихъ занятій учащихся; изъ рисунковъ учениковъ, исполненныхъ подъ руководствомъ Н. А., который и самъ хорошо рисовалъ, образовалась постепенно цѣлая коллекція большихъ стѣнныхъ картинъ, какъ полезное классное пособие въ преподаваніи естествовѣдѣнія. Кромѣ классныхъ занятій съ учащимися, Н. А. написалъ рядъ учебныхъ руководствъ по своему предмету для среднихъ учебныхъ заведеній, выдержавшихъ немало изданій: «Учебникъ минералогіи и физической геологіи», «Учебникъ ботаники», «Учебникъ зоологіи», готовилъ передъ смертью къ печати «Учебникъ анатоміи и физиологіи человека»; книги покойнаго написаны съ большимъ знаніемъ предмета и прекраснымъ живымъ языкомъ. Кромѣ учебниковъ, Н. А. напечатано было нѣсколько журнальныхъ работъ по своей специальности: «О значеніи реального образованія», «Постановка естествовѣдѣнія въ заграничныхъ среднихъ школахъ», «Загородное учебное заведеніе» и мн. др. Н. А. въ области своей специальности отличался философскимъ пониманіемъ предмета и художественнымъ чувствомъ природы и ея жизни. Въ личныхъ отношеніяхъ это былъ рѣдко скромный, застѣнчиво-деликатный человекъ, доброжелательный товарищъ. И умеръ онъ на своемъ посту: всего за часъ еще до кончины занимался въ постели срочнымъ дѣломъ по реальному училищу. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12089).

† **Никитинъ, А. Н.** 13 октября скончался гласный думы Александръ Николаевичъ Никитинъ. Наканунъ вечеромъ онъ почувствовалъ себя не совсемъ здоровымъ, въ воскресенье опредѣлилась легкая инфлуэнца, въ понедѣльникъ—температура рѣзко поднялась до 40 градусовъ, во вторникъ утромъ онъ еще говорилъ о предстоящемъ посѣщеніи думскаго засѣданія въ среду, и въ тотъ же день, въ пятомъ часу дня, его не стало. Онъ умеръ тихо, безмятежно, на рукахъ жены и Н. А. Рѣзцова, случайно за 10 минутъ передъ его смертью захватившаго навѣстить больного. А. Н., всегда отличавшійся прекраснымъ здоровьемъ и огромной выдержкой, захворалъ года 2¹/₂ тому назадъ склерозомъ кровеносныхъ сосудовъ: болѣзнь стоила ему ноги, которую пришлось ему ампутировать, и этимъ спасли жизнь. Но сердце ослабѣло, и маленькое недомоганіе свело его въ могилу. А. Н. родился въ 1849 г. въ семьѣ, далеко стоявшей отъ общественной жизни, но давшей двухъ видныхъ людей: только что скончавшагося А. Н. и профессора В. Н. Никитина, извѣстнаго врача. А. Н.—юристъ по образованію, воспитанникъ спб. университета, который онъ окончилъ по юридическому факультету. Сперва чиновникъ министерства финансовъ, затѣмъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго, онъ и здѣсь и тамъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ. Въ 1877 году, 28 лѣтъ отъ роду, онъ избирается гласнымъ думы, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе 32 лѣтъ, уже не покидаетъ думскихъ скамей, каждый разъ встрѣчая на выборахъ полный успѣхъ. Два года онъ работаетъ въ качествѣ рядового гласнаго, въ 1879 г. онъ уже кандидатъ въ члены управы, а въ 1881 г. ему отводятъ мѣсто на управской трибунѣ, гдѣ онъ занималъ свое кресло въ теченіе 18 лѣтъ. Въ послѣдніе годы А. Н. занялъ въ думѣ совершенно независимое отъ партійныхъ группировокъ гласныхъ положеніе. Занятый дѣлами спб. общества взаимнаго кредита, директоромъ правленія котораго онъ состоялъ съ 1889 г., А. Н., впрочемъ, уклонялся отъ непосредственнаго руководства какою-либо отраслью городского хозяйства, но на засѣданія думы всегда появлялся съ примѣрною аккуратностью. Цѣлый рядъ статей А. Н. по различнымъ вопросамъ городского хозяйства былъ помѣщенъ въ «Вѣстникъ Европы», въ «Новомъ Времени», въ «Городскомъ Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и др. изданіяхъ. (Некрологъ его: «Спб: Вѣдомости» 1909 г., № 230).

† **Никитинъ, С. Н.** Въ ночь на 6 ноября въ Петербургѣ скончался С. Н. Никитинъ, выдающійся ученый-геологъ и географъ. С. Н. родился въ 1850 году въ Москвѣ; тамъ же онъ получилъ и образованіе, сначала въ пятой гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ, на естественномъ отдѣленіи. Здѣсь онъ увлекся изученіемъ ботаники и геологіи. На Западѣ стали вырабатываться особенно точные методы геологическаго изслѣдованія. С. Н. не могъ не реагировать на новыя теченія въ любимой наукѣ и однимъ изъ первыхъ сталъ примѣнять новые принципы къ изслѣдованію земныхъ напластованій. Начавъ съ окрестностей Москвы, С. Н. въ теченіе немногихъ лѣтъ изслѣдовалъ центральныя губерніи и обширный районъ Юго-Восточной Россіи, а въ послѣдніе годы перенесъ свою дѣятельность въ Тургайскую и Уральскую области. Покойный ученый, обладавшій несокрушимой энергіей, громадной эрудиціей въ области естественныхъ наукъ и геологін, былъ однимъ изъ первыхъ въ небольшой семьѣ геологовъ, создавшихъ въ сравнительно короткій срокъ стройную картину геологическаго строенія Россіи.

Въ первые годы своей научной дѣятельности С. П. защитилъ съ успѣхомъ магистерскую диссертацию, состоя въ то же время старшимъ геологомъ въ основанномъ въ 1882 году геологическомъ комитетѣ. Этому учрежденію С. П. отдалъ большую часть своихъ силъ, поэтому и тяжесть потери С. П. особенно ощутительна для комитета. Долго было бы перечислять всю массу научныхъ сочиненій почившаго ученаго. Въ организованной въ 90 годахъ при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ подъ начальствомъ ген. Тилло экспедиціи по изслѣдованію главнѣйшихъ рѣкъ Россіи С. П. былъ порученъ наиболѣе отвѣтственный ея отдѣлъ—гидрогеологическій. Покойный быстро ориентировался въ этомъ, тогда еще новомъ для Россіи дѣлѣ изслѣдованія водныхъ запасовъ на обширныхъ площадяхъ. вмѣстѣ съ своими сотрудниками покойнымъ былъ данъ рядъ научныхъ трудовъ большой цѣнности. Кроме того, онъ же далъ толчокъ къ разрѣшенію практическихъ вопросовъ, вызванныхъ нераціональнымъ пользованіемъ водными запасами, неумѣлыми приемами полевого и лѣсного хозяйства, съ указаніемъ причинъ роста овраговъ и другихъ «недуговъ» нашей страны. Остановившись на этой сторонѣ дѣятельности С. П., нельзя не указать на участіе его въ рядѣ другихъ аналогичныхъ научныхъ изслѣдованій, попутно разрѣшавшихъ и вопросы прикладного характера (такова организованная имъ экспедиція на Усть-Урть, участіе въ экспедиціи ген. Анненкова по обводненію Юга Россіи, въ изысканіяхъ источниковъ питьевой воды подъ Москвой, завершившихся устройствомъ Мытищенскаго водопровода, и цѣлаго ряда другихъ); при этомъ большое вниманіе С. П. удѣлялъ всегда гидрогеологическимъ изслѣдованіямъ. Когда въ 1907 г. при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ реорганизованъ былъ гидрологическій комитетъ, С. П. былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета. Немало сдѣлано С. П. для развитія географическихъ наній въ Россіи, путемъ популяризаціи ихъ и вообще свѣдѣній по естественной исторіи: съ этой стороны онъ извѣстенъ и широкой публикѣ по постоянному участію въ изданіяхъ товарищества «Просвѣщеніе», гдѣ онъ по смерти проф. Петри замѣнилъ послѣдняго въ качествѣ редактора. Своими многочисленными учеными трудами, по которымъ долго будутъ учиться слѣдующія за нимъ поколѣнія, С. П. возвелъ себя памятникъ, который достается въ удѣлъ немногимъ (Пекрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12090).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Фактическая поправка къ статьѣ г. Ежова.

(Письмо въ редакцію).

Въ статьѣ, напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» подъ заглавіемъ: «Моя статья о Чеховѣ», г. Ежовъ между прочимъ касается моей замѣтки (въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ») по поводу его первой статьи о Чеховѣ.

Отвѣтъ г. Ежова распадается на двѣ неравныя части. Одна печатная страница занята оцѣнкой моей замѣтки, а слѣдующія три представляютъ разборъ «Галереи русскихъ писателей», вышедшей дѣтъ *десять* тому назадъ.

О первой части я ничего не буду говорить. Я принципиально воздерживаюсь от полемики и предоставляю г. Ежову быть обо мнѣ какого угодно мнѣнія. Если я теперь позволяю себѣ затруднять редакцію «Историческаго Вѣстника» просьбой о напечатаніи настоящаго письма, то единственно потому, что г. Ежовъ уже во второй разъ допускаетъ одни и тѣ же невѣрные факты.

Рѣчь идетъ о «Галереѣ русскихъ писателей».

Г. Ежовъ съ увѣренностью, какъ человѣкъ, владѣющій точнымъ знаніемъ фактовъ, рассказываетъ «смѣшную исторію» о томъ, какъ московскій издатель г. Скимунтъ пригласилъ меня и еще двухъ лицъ «для составленія и редактированія этой «Галереи», какъ мы, «повозившись довольно долго, наконецъ выпустили въ свѣтъ свой «трудъ». Меня г. Ежовъ настойчиво дѣлаетъ не только однимъ изъ редакторовъ названнаго изданія, но и прямо главнымъ редакторомъ (въ перечнѣ редакторовъ мое имя всегда ставится первымъ, говорится: «г. Сакулинъ и К^о» и т. п.). «Галерея русскихъ писателей» совершенно не удовлетворила критика: въ его глазахъ она не что иное, какъ «безграмотная макулатура». И онъ уже въ третій разъ подвергаетъ ее беспощадному осужденію. Въ данномъ случаѣ этотъ разборъ нуженъ г. Ежову для того, чтобы возложить на меня отвѣтственность за всѣ дѣйствительные или мнимые недостатки изданія, чтобы иллюстрировать передъ читателемъ «невѣжество», обнаруженное мною въ качествѣ редактора и автора. Цитируя длинный рядъ статей изъ «Галереи», г. Ежовъ нѣкоторыя изъ нихъ безъ всякихъ колебаній приписываетъ мнѣ. Иначе какъ бы могъ онъ написать, напр., фразу (стр. 602): «романъ Ю. Жадовской «Въ сторонѣ отъ большого свѣта» г. П. Сакулинъ именуетъ «Въ сторонѣ отъ большой дороги».

Не касаясь вопроса по существу, я категорически утверждаю, что все, о чемъ г. Ежовъ говоритъ на протяженіи трехъ печатныхъ страницъ, не имѣетъ ко мнѣ ни малѣйшаго отношенія. *Никакихъ* переговоровъ со мной г. Скимунтъ *никогда* не велъ, *никакого* участія въ редактированіи «Галереи» я не принималъ, и *ни одна* статья изъ названныхъ г. Ежовымъ мнѣ не принадлежитъ. «Галерея у меня въ рукахъ», сообщаетъ онъ на стр. 600. Въ такомъ случаѣ не трудно было бы на заглавномъ листѣ прочесть отчетливо напечатанное имя дѣйствительнаго редактора, въ одномъ же изъ примѣчаній предисловія увидѣть перечень статей, дѣйствительно написанныхъ мною для «Галереи». Только изъ этого примѣчанія и могъ г. Ежовъ узнать о моемъ участіи въ критикуемомъ изданіи.

Послѣ этихъ разъясненій излишне говорить, насколько основательны выводы, сдѣланные изъ ложныхъ фактовъ по отношенію ко мнѣ, и насколько справедливо утвержденіе г. Ежова, будто своимъ отзывомъ о «Галереѣ» на страницахъ «Новаго Времени» онъ когда-то уязвилъ мое самолюбіе, будто въ свое время я ничего не возражалъ ему потому, что мнѣ нечего было сказать въ защиту «Галереи», и только теперь, воспользовавшись подходящимъ поводомъ, я написалъ статью противъ него, г. Ежова, которая «носитъ на себѣ слѣды раздраженія и признаки злорадства» (стр. 600).

П. Сакулинъ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1909 г. ¹⁾

А

А. Рецензія его: «Древности. Труды славянской комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества. Т. IV, вып. I. Издавъ подъ редакціей А. С. Орлова. М. 1907», CXV, январь, 355—356.

А—овъ. Рецензія его: «С. В. Амираджиби. Сборникъ стихотвореній грузинскихъ поэтовъ въ русскомъ переводѣ. М. 1909», CXVII, сентябрь, 1086.

А. В. Рецензія его: 1) «Th. Pantenius. Geschichte Russlands. Leipzig. 1908», CXV, февраль, 783—785. 2) «Записки Сергія Алексѣевича Тучкова. Подъ редакціей и со вступительной статьей К. А. Военскаго. Спб. 1908», CXV, февраль, 789—790. 3) «И. Корниловъ. Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Изданіе второе. Вып. I. Спб. 1908», CXV, февраль, 799. 4) «Записки о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея. Переводъ съ англійскаго Н. А. Бѣлозерской. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909». CXVI, апрѣль, 319—321. 5) «Князь Александръ Щербатовъ. Обновленная Россія. М. 1908», CXVI, апрѣль, 331—332. 6) «Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Изда- ніе отдѣленія русскаго языка и сло-

весности императорской академіи наукъ. Т. 3. Спб. 1908», CXVI, апрѣль, 333—334. 7) «Н. Минскій. На общественныя темы. Спб. 1909», CXVI, май, 702—703. 8) «Герцогъ Аргайльскій. Отвѣтственность Англіи въ восточномъ вопросѣ. Переводъ М. К. Бряничаниновой. Предисловіе Ф. Ф. Мартенса. Спб. 1908», CXVI, май, 708—709. 9) «Л. Слонимскій. Наполеонъ и самодержавіе. Историческій этюдъ. Спб. 1908», CXVI, май, 719. 10) «К. Waliszewski. Les origines de la Russie moderne. Le berceau d'une dynastie. Les premiers Romanow 1613—1682. Paris 1909», CXVII, июль, 299—300. 11) «В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Томъ второй. Книги: первая и вторая. Кіевъ. 1909», CXVII, сентябрь, 1080—1081. 12) «Груды В. Г. Васильевскаго. Т. I. Изданіе импер. академіи наукъ. Спб. 1908», CXVII, сентябрь, 1085—1086. 13) «Н. О. Анненскій. Вторая книга отраженій. Спб. 1909», CXVIII, ноябрь, 715. 14) «Цу- уинскій сборникъ. Выпускъ VIII. М. 1909», CXVIII, декабрь, 1150—1152.

А. В.—овъ. Рецензія его: «Протоіерей П. Ѳоминый. Святитель Юсафъ Горяенко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій.

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемая въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложенияхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницу.

Харьковъ. 1909», СХVI, июнь, 1079—1080.

А. Б—ловъ. *Рецензія его:* «К. Ничъ. Исторія римской республики. (Курсъ лекцій, изданный д-ромъ филологомъ Георгіемъ Тура. Переводъ подъ редакціей Д. П. Кончаловскаго. М. 1908», СХVI, апрѣль, 346—348.

А. И. *Рецензія его:* «В. О. Матвѣевъ, «Право публичныхъ собраній». Очеркъ развитія и современной постановки права публичныхъ собраній въ Франціи, Германіи и Англій. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 708—711.

А. И—въ. *Рецензія его:* «Пережитое». Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. Спб. 1909», СХVII, июль, 322—324.

А. Ивановичъ. *Рецензія его:* «Русская политика въ Варшавѣ. Очеркъ Оразма Пильца. Варшава. 1909», СХVIII, ноябрь, 707—708.

А. К—во. *Рецензія его:* 1) «Ан. А. Титовъ. Житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской по синодальной рукописи XVII вѣка. М. 1909», СХVI, май, 690. 2) «А. А. Титовъ. Тихонъ Малышко, епископъ ростовскій, XVI вѣка. М. 1908», СХVI, июнь, 1072—1073. 3) «А. А. Титовъ. Колясанковскій синодикъ. Сергіевъ посадъ. 1909», СХVII, августъ, 679—631. 4) «А. А. Титовъ. Упраздненные монастыри Костромской епархіи», СХVII, августъ, 682—683. 5) «Ан. Титовъ. Лѣтопись Костромскаго Богоявленскаго монастыря, написанная послѣ разгрому 7117 года мая 6 числа. М. 1909», СХVII, сентябрь, 1078—1079. 6) «Старинные волости и станы въ Костромской сторонѣ. Съ предисловіемъ Ан. Титова. М. 1909», СХVIII, октябрь, 323—323.

А. М. *Рецензія его:* 1) «Профессоръ А. С. Вязигинъ. Въ туманѣ смутныхъ дней. Харьковъ. 1908», СХV, январь, 233—336. 2) «Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга 13. Спб. 1909», СХVI, май, 691—692. 3) «М. Ростовцевъ. Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1071—1072. 4) «Н. Н. Фирсовъ. Пугачевщина. Опытъ социолого-психологической характеристики. Спб. 1909», СХVII, июль, 306—307.

А. П. *Рецензія его:* «А. И. Фаресовъ. Забытая писательница и ея заслуги. Спб. 1909», СХV, февраль, 799—800.

А. П. *Рецензія его:* «В. В. Назаревскій. Императоръ Александръ I, 1812 г. и другія войны этого царствованія. Съ 96 рис. М. 1909», СХVIII, ноябрь, 702—703.

А. Ф. и А. Ф—нъ. *Рецензія его:* 1) «Г. Ганжулевичъ. «Записки охотника» П. С. Тургенева. Спб. 1908». — Ив. Смирновъ. «Заступники народные». И. С. Тургеневъ. Н. А. Некрасовъ. М. 1908», СХVI, апрѣль, 332—333. 2) «Е. Реформатская. Люди мысли и правды. Очеркъ изъ прошлаго русскаго общества. Для самообразованія. М. 1909», СХVII, июль, 315. 3) «С. Т. Аксаковъ. Избранныя сочиненія. Подъ ред. Ч. Вѣтринскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1909», СХVII, августъ, 689. 4) «П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. I. ч. I. М. 1909», СХVII, сентябрь, 1084—1085.

А. Х. *Рецензія его:* 1) «Древности восточныя. Труды восточной комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей д. ч. М. В. Никольскаго. Томъ III, вып. II. М. Спб. 1908», СХV, мартъ, 1183. 2) «Н. Адонцъ. Армения въ эпоху Юстиніана. Политическое состояніе на основѣ нахарарскаго строя. Спб. 1908», СХVII, августъ, 692.

А. Хах—овъ. *Рецензія его:* «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXIX. Изданіе кавказскаго учебнаго округа, подъ ред. Л. Г. Лопатинскаго. 1908», СХVI, июнь, 1080—1081.

А. Х—къ. *Рецензія:* «Дѣла тайнаго приказа. Книга 2-я. Изданіе императорской археологической комиссіи подъ редакціей И. Я. Гурлянда. Спб. 1908», СХV, январь, 321—322.

А. Ш—овъ. *Его статья:* «Домскій музей въ Ригѣ», СХVI, май, 630—640.

А. Я. *Рецензія его:* 1) «Старые годы. Ежемесячникъ для любителей искусства и старины. 1907. Январь—октябрь», СХV, январь, 329—331. 2) «Константинъ Кузьминскій. О сборникѣ молитвъ, извѣстномъ подъ названіемъ «Абагаръ». М. 1908.» и «Очеркъ развитія новой болгарской литературы. М. 1907», СХV, февраль, 797—798. 3) «Иконописный сборникъ. Выпускъ II. Съ 23 рис. въ текстѣ. Спб. 1908», СХVII, сентябрь, 1081—1083. 4) «В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы (отъ XI в. до конца XVII в.). Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1146—1148.

- Аббасъ-Мирза**, персидскій принцъ, другъ А. С. Грибоѣдова, СХV, мартъ, 1043.
- Аверкиевъ**, Д. В., писатель, СХVI, май, 440, 445, 447, 449—450.
- Авіе**, В. А. *Статья его*: «Поѣздка въ Казбекъ», СХVI, апрѣль, 252—274.
- Авѣенко**, В. Г., писатель. *Его*: 1) «Подъ чужимъ небомъ. (Историческій рассказъ)», СХV, январь, 76—111. 2) «Кружокъ. (Рассказъ по личнымъ воспоминаніямъ)», СХV, май, 438—451. 3) «Генеральша. Рассказъ», СХVIII, ноябрь, 421—447.
- Агреньевъ-Славянскій**, Д. А., СХVII, августъ, 407—410.
- Адлербергъ**, Владимиръ Федоровичъ, графъ, министръ двора, СХVI, апрѣль, 112.
- Адонцъ**, Н. *Рецензія А. Х. о книгѣ его*: «Арменія въ эпоху Юстиніана. Политическое состояніе на основѣ нахарарскаго строя. Спб. 1908», СХVII, августъ, 692.
- Аксакова**, Ольга Григорьевна, внучка С. Т. Аксакова, СХVI, июнь, 1025—1026.
- Аксаковы**:
— Иванъ Сергѣевичъ, СХV, январь, 242, 246, 249—251; СХVI, апрѣль, 99; май, 558.
— Ник. Петр., докторъ философій. *Некрологъ его*: СХVI, май, 768.
— Сергѣй Тимофеевичъ. *О немъ въ статьѣ З*: «Аксаковскіе дни» въ городѣ Уфѣ». СХVI, июнь, 1020—1026.— *Замѣтка о немъ*: «Память Аксакова», ib., 1124—1125.— *О немъ въ замѣткѣ*: «Народный домъ имени С. Т. Аксакова», СХVII, июль, 373.— *Рецензія А. Ф.—на*: «С. Т. Аксаковъ. Избранныя сочиненія. Подъ ред. Ч. Цѣтринскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1909», СХVII, августъ, 689.
- Александра Юсифовна**, великая княгиня, СХVI, июнь, 876—879.
- Александренко**, Вас. Никиф., профессоръ Варшавскаго ун. *Некрологъ его*: СХVII, сентябрь, 1115.
- Александровскій**, Г. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Выпускъ II. Кіевъ. 1907», СХV, мартъ, 1203—1204.
- Александровъ**, Ал-дръ Иван., профессоръ Казанскаго ун., СХVI, июнь, 1125—1126 (по поводу 25-лѣтія его учено-педагогической дѣятельности).
- Александровъ**, П. *Рецензія его*: «Иванъ Франко. Святій Климент у Корсуви. Причинокъ до исторіи старохристіанської легенди. Львовъ», СХVIII, ноябрь, 696—698. 2) «Д. И. Троицкія. Русь въ Монгольскій періодъ. Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1139—1140.
- Александровъ**, Павелъ Константиновичъ, незаконный сынъ великаго князя Константина Павловича. *О немъ въ «Запискахъ графа Мориолля*, СХVII, июль, 72—104; августъ, 448—475; сентябрь, 832—854; СХVIII, октябрь, 60—79.
- Александръ I Павловичъ**, императоръ, СХV, январь, 262—263.— *О немъ въ статьѣ А. Танкова*: «Посмертная милость императора Александра I», СХVI, май, 534—538; июнь, 1037—1040, 1042.— *О немъ въ книгѣ Г. Василіча*: «Императоръ Александръ I и старецъ Федоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. М. 1909», рецензированной В. Троцкимъ, СХVI, июнь, 1047—1051.— *О немъ въ «запискахъ графа Мориолля*, СХVII, июль, 84—86, 91, 98—102; августъ, 451—453, 467, 472—475; сентябрь, 832—846.— *О немъ въ перепискѣ графа Лафферрона*, СХVII, июль, 334—339.— *О немъ въ замѣткѣ*: «Генералъ Моро и его сношенія съ Александромъ I», СХVII, августъ, 694—707.— *О немъ книжка В. В. Назаревскаго*: «Императоръ Александръ I, 1812 годъ и другія войны его царствованія. Спб. 1909», рецензированной А. П., СХVIII, ноябрь, 702—703.— *О немъ въ статьѣ Вл. И. Штейна*: «Первое пятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича», СХVIII, декабрь, 1099—1129.— *Упомянется*. СХVII, июль, 274—275; августъ, 708—711; СХVIII, ноябрь, 727—730, 733—737.
- Александръ II Николаевичъ**, императоръ, СХV, январь, 50—51; 134, 136; 228—232, 236—240; февраль, 700, 704, 708, 713—720, 724; мартъ, 920—925, 928—929, 938—941; 1133, 1144—1145, 1161; СХVI, апрѣль, 59—60; 92—93, 96, 126—127, 128—130; 212; 227—231; июнь, 828, 832, 835, 837—840; 875; 926; СХVII, июль, 142—143, 153—155; августъ, 659, 661, 663, 663, 665; сентябрь, 1096—1100; СХVIII, декабрь, 1200—1201 (по поводу сооруженія памятника императору Александру II въ С.-Петербургѣ).
- Александръ III Александровичъ**, императоръ. *О немъ въ «Воспоминаніяхъ Н. Н. Фурсова*, СХV, январь, 65—75; 201, 204.— *О немъ статья Н. К. Полевита*: «Императоръ Александръ III въ Бѣловѣжѣ», СХV, февраль, 476—494.— *О немъ въ статьѣ Ант. Черняевой*: «Государь императоръ Александръ III и М. Г. Черняевъ», СХVIII, октябрь, 152—157.— *Упомянется*: СХV,

февраль, 668; CXVI, апрѣль, 230; июнь, 864; CXVII, июль, 361—364; сентябрь, 1041—1042; CXVIII, октябрь, 141.

Алексѣвскій, Б. *Замѣтка* ею на замѣтки М. Васильева и А. Маленца, сдѣланныя по поводу очерка А. Дунина: «Губернеры въ старину», CXVIII, ноябрь, 776.

Алексѣвъ, М. С., черниговскій дворянинъ, CXV, мартъ, 1052—1053.

Алексѣвъ, Петръ Алексѣвичъ, рабочій, пропагандистъ, CXVIII, декабрь, 1041—1046 (его рѣчь на судѣ); 1052.

Алихановъ-Аварскій, Александръ Михайловичъ, CXVIII, ноябрь, 569—580 (въ статьѣ Н. Ш. «Изъ воспоминаній о генералѣ А. М. Алихановѣ-Аварскомъ»); декабрь, 887—889 (въ воспоминаніяхъ Г. П. Миллера).

Алферовъ, А. *Рецензія А. Фомина о составленной имъ совместно съ А. Грузинскимъ книгѣ: «Русская литература XVIII вѣка. М. 1907»*, CXV, февраль, 792—793.

Алышевскій, Влад. Іасоновичъ, лейбъ-медикъ. *Некрологъ* ею: CXVIII, ноябрь, 767—768.

Альмедингенъ, Алексѣй Николаевичъ, генераль-майоръ, редакторъ «Родника». *Некрологъ* ею: CXV, январь, 418.

Амираджиби, С. В. *Рецензія А—ова о книгѣ* ею: «Сборникъ стихотвореній грузинскихъ поэтовъ въ рускомъ переводѣ. М. 1909», CXVII, сентябрь, 1086.

Амфитеатовъ, А. В., писатель, CXVIII, ноябрь, 603—604.

Андреевскіе:

— Е. К. *Статьи* ею: 1) «Новый памятникъ въ Царскомъ Селѣ», CXV, январь, 259—263. 2) «Изъ воспоминаній о генераль-адъютантѣ П. С. Ванновскомъ», CXVI, июнь, 863—890.

— Н. К., братъ предыдущаго, CXVI, июнь, 868—873, 876—889.

Андреевъ, Леонидъ Николаевичъ, современный беллетристъ. *О немъ въ книгѣ Иванова-Разумника: «О смыслѣ жизни. Феодоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ. Спб. 1908»*, рецензированной Н. Л., CXVI, май, 695—693. *Упоминается*: CXVII, июль, 23.

Андреевъ, Малѣй, безпоповскій «іерей», CXV, февраль, 787—789 (по поводу сборника о немъ В. Г. Дружина).

Андреевъ, Н. А., скульпторъ, авторъ новаго памятника Гоголю въ Москвѣ, CXVI, 1008, 1001.

Анна Кашинская, благовѣрная княгиня. «Житіе» ея, издаиное Андр. А. Титовымъ и рецензированное А. К-вымъ,

CXVI май, 690.—*О ней въ статьѣ Н. Н. Лейдера: «Шѣздка въ Кашинъ»*, CXVII, августъ, 542—560.

Анна Федоровна, великая княгиня, первая супруга великаго князя Константина Павловича, CXVIII, октябрь, 78.

Анненковъ, Мих. Никол., генераль-адъютантъ, строитель Закаспійской желѣзной дороги, CXVIII, ноябрь, 459—467, 470 (въ воспоминаніяхъ Г. П. Миллера).

Анненскій, Н. О. *Рецензія А. Б. о книгѣ* ею: «Вторая книга отраженій. Спб. 1909», CXVIII, ноябрь, 715.

Антоновичъ, М. А., писатель, CXVI, апрѣль, 233.

Антоновскій, Ю. М. *Рецензія Н. Л. о переведенной подъ его редакціей книгѣ Людвигъ Фейербаха: «Сущность христіанства»*, CXVIII, июль, 328—329.

Апостоловъ, Л. Я. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ* ею: «Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ, великій философъ земли русской. Тифлисъ. 1909», CXVIII, декабрь, 1149—1150.

Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ, графъ, CXVIII, декабрь, 1102—1104, 1106, 1115.

Аракчиевъ, Д. Н. *Рецензія А. Хачанова о книгѣ* ею: «Музыкально-этнографическіе очерки грузинской народной музыки. Народная пѣсня Западной Грузии. М. 1908», CXVI, май, 705—706.

Аргайльскій, герцогъ. *Рецензія А. Б. о книгѣ* ею: «Отвѣтственность Англіи въ восточномъ вопросѣ. Переводъ М. А. Брянчаниновой. Спб. 1908», CXVI, май, 708—709.

Аренбергъ, Луи, князь, дипломатъ, CXVII, августъ, 658—661.

Арецо, Томазо кардиналъ, CXVII, сентябрь, 1091—1093 (по поводу его мемуаровъ).

Арсеньевы:

— Кон. Кон., публицистъ, CXV, февраль, 697—698.

— Ю. В. *Рецензія Мил. Соколовскаго о книгѣ* ею: «Геральдика. Лекціи, чит. въ московскомъ археологическомъ институтѣ въ 1907—8 г.», CXV, январь, 323.

Афанасьевъ, унтеръ-офицеръ Имайловскаго полка, сложившій пѣсню въ честь императора Николая Павловича, CXVIII, октябрь, 31—32.

Афанасьевъ, Н. И. *Рецензія С. Н. о книгѣ* ею: «Современники». Альбомъ біографій. Томъ I. Спб. 1909», CXV, мартъ, 1205—1206.

Ашкерцъ, Антонъ, словенскій поэтъ, CXV, февраль, 605—607; CXVII, июль, 112—113.

Афанасій, архієпископ холмогорскій (XVII вѣкъ). *О немъ книга В. Верюжскаго*: «Афанасій, архієпископ холмогорскій, его жизнь и труды въ связи съ исторіей холмогорской епархіи за первые 20 лѣтъ ея существованія и вообще русской церкви въ концѣ XVII в. Церковно-историческій очеркъ. Спб. 1908», рецензировавшая С. Н. Введенскимъ, CXVIII, ноябрь, 691—696.

В

В. В. *Рецензія* его: «Юліанъ Кулаковский. Римское государство и его армія. Спб. 1909», CXVIII, декабрь, 1161.

Ваювъ, А. К. *Рецензія Л. Н. о составленномъ имъ совместно съ Н. Л. Юнаковымъ трудѣ*: «Труды императорскаго военно-историческаго общества. Документы и изложіеніе Полтавскаго періода Сѣверной войны. 1708—1709 гг. Четыре тома», CXVIII, декабрь, 1133—1136.

Вакуничъ, Михаилъ Александровичъ (1814—1876), извѣстный русскій социалистъ, CXVI, апрѣль, 235, 243, 249; май, 596—600, 604—620; CXVII, июль 209, 220—223; августъ, 688—689; сентябрь, 977, 997, 1002, 1005.

Варановъ, Эдуардъ Трофимовичъ, графъ, членъ Государственнаго Совѣта, CXVI, апрѣль, 107, 113, 121.

Варанцевичъ, К. С., извѣстный беллетристъ, CXV, февраль, 850 (по поводу 35-лѣтія его литературной дѣятельности).

Вардина, Софья Платоновна, русская пропагандистка, CXVIII, декабрь, 1032—1036, 1044; 1046—1049 (рѣчь ея на судѣ), 1052, 1055.

Варинъ, Арвель, французская историческая писательница, CXV, январь, 342—383 (по поводу ея смерти).

Варло, Джоэль, американскій поэтъ и дипломатъ, CXV, январь, 359—360.

Варнеъ, епископъ англійскій, CXV, февраль, 810—811.

Варретъ, Р. Д., путеш. по Россіи въ 1907 г. *О немъ въ статьѣ Вл. П. фонъ-Штейна*: «Новая эра въ Россіи», CXVII, сентябрь, 1062—1068.

Варръ, Андра. *Рецензія А. Сиротинина о книгѣ* его: «Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. М. 1903», CXV, мартъ, 1209—1212.

Варгело, Марселенъ, французскій химикъ, CXVIII, октябрь, 337—340 (по поводу біографіи его, составленной Жоржомъ Лиономъ)

Варышниковъ, Н. П., писатель, CXVII, августъ, 421—422.

Васкинъ, В. *Рецензія* его: 1) «Мой первый успѣхъ». Автобіографическій очеркъ Эдварда Грига. «Фюрдъ». Сборникъ 2. Спб., CXVIII, декабрь 1156—1158. 2) «П. А. Римскій-Корсаковъ. «Изъ тописъ моей музыкальной жизни». (1844—1906). Подъ редакціей Н. Н. Римской-Корсаковой. Спб. 1909», CXVII, июль, 311—312.

Ватюшковъ, Дм. Ник. гродненскій губернаторъ, потомъ почетный опекунъ, CXV, февраль, 481—489.—*Некрологъ* его: CXVII, июль, 374—375.

Вахметевъ, Н. Н., журналистъ. *Некрологъ* его: CXVI, май, 769—770.

Вахрушинъ, А. П., московскій лекціонеръ, CXVIII, октябрь, 90.

Везбородко, Александръ Андреевичъ (1747—1799), свѣдѣйшій князь, государственный капцлеръ, CXV, мартъ, 1170; CXVI, апрѣль, 298—299, 303.

Везбородко, Илья Андреевичъ, графъ, братъ предыдущаго, CXV, мартъ, 1170.

Везобразовъ, П. В. *Статья* его: «Потомки Базарова», CXVI, июнь, 988—1003.

Вей-оглу. *Статья* его: «Брусса и ея памятники», CXVII, августъ, 620—644.

Вейсъ, графъ, австрійскій капцлеръ, CXVI, май, 548.

Веллярминовъ, Л. Г., профессоръ, лѣвь-окулистъ, CXV, февраль, 849—850 (по поводу 25-лѣтія его профессорской дѣятельности).

Венкердорфъ, Александръ Христофоровичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, первый шефъ корпуса жандармовъ, CXVIII, декабрь, 1114, 1129—1131.

Вергъ, Ф. Н., писатель, CXVI, май, 442—444, 450—451.—*Некрологъ* его: CXVI, май, 770—771.

Вергъ, О. О., графъ, фельдмаршалъ, CXVI, апрѣль, 93—96, 120, 124.

Верезовскій, полякъ, стрѣлявшій 27 мая 1867 г. въ Парижѣ въ императора Александра II, CXVI, апрѣль, 227—228.

Верендтъ, Э. Н. *Рецензія П. М. о книгѣ* его: «Краткій очеркъ бюджетнаго права Финляндіи. Спб. 1909». CXVI, июнь, 1056—1058.

Вернгардъ, Вильгельмъ Рудольфовичъ, профессоръ. *Некрологъ* его: CXVII, июль, 375.

Верхъ, А. М. инженеръ-генералъ. *Некрологъ* его: CXVI, май, 771—772.

Вестужевъ (Марцинскій), Аلدръ Алдровичъ, поэтъ, декабристъ, CXVI, апрѣль, 148—149; CXVIII, декабрь, 1115—1116.

Ветховенъ, Людвигъ (1770—1827), гениальный нѣмецкій композиторъ, CXV, февраль, 812—816. (По поводу его трехъ

писемъ къ «возлюбленной», г-жѣ Терезѣ Брауншвейгъ).

Вибиговъ, СХVI, апрѣль, 293.

Викерманъ, I. M. *Рецензія П. Б. о редактированномъ имъ «Турецкомъ сборникѣ*, Спб. 1909», СХVII, июль, 318—319.

Вишневъ, Н. Н., астраханскій губернаторъ, СХVIII, декабрь, 973—978.

Вирюковъ, Я. *Рецензія его*: 1) Васенко, П. Г. Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ «Временника» (къ исторіи перелома въ развитіи древне-русской исторической мысли). Спб. 1908», СХV, январь, 346—347. 2) «Памятники древней письменности и искусства. СЛXX. Отчеты о засѣданіяхъ императорскаго общества любителей древней письменности въ 1905—1907 гг. Спб. 1908», СХV, мартъ, 1195—1196. 3) «Покровский, В. И. Фѣдоръ Михайловичъ Достоевскій, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Ч. I. М. 1908», СХVI, апрѣль 340. 4) «Мендельсоъ, Н. М. Очерки по исторіи русской литературы. Съ 29 рисунками и картинками въ текстѣ. М. 1608», СХVI, май, 702. 5) «Россия и Великобританія въ Центральной Азии. Переводъ А. Рихтера. Ташкентъ. 1908», СХVII, августъ, 691—692. 6) «Долопчевъ В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи. Изданіе 2-е. Варшава. 1909», СХVIII, октябрь, 312—313. 7) «Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской Академіи Наукъ. Томъ 61, вып. II. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 717—718.

Висмаркъ, Шенгаузенъ, Отто-Леопольдъ-Эдуардъ, князь, знаменитый германскій дипломатъ, «жѣлѣзный канцлеръ», СХV, январь, 200—205; СХVI, май, 546, 557; СХVIII, декабрь, 1170.

Виттнеръ, В. В. *Рецензія Ѹ. о редактированномъ имъ переводѣ Н. В. Гурскина книги проф. К. Рота: «Исторія Византійской имперіи*. Спб. 1909», СХVI, май, 706—708.

Влаватская, Елена, СХVI, май, 552.

Влаговѣщенскій, П. М., ректоръ Варшавскаго унив., СХV, мартъ, 1110, 1114.

Влажжіа (де), Генрихъ, французъ, гувернеръ, СХVII, июль, 186—187.

Влизъ, Вильямъ, англійскій консулъ въ Римѣ, ученый писатель, СХVI, май, 754—755.

Влокъ, Иванъ Львовичъ, гродненскій губернаторъ, СХVI, май, 500—505, 512.

Влудова, Антонина Дмитриевна, графиня, камеръ-фрейлина, писательница и благотворительница, СХV, январь, 228—232, 240.

Вобринскій, Алексѣй, сынъ императрицы Екатерины II и Григорія Орлова, СХVI, апрѣль, 300—302.

Вобринскій, В. А. графъ. *Рецензія Андрея Сиротинина о книгѣ его: «Пражскій съѣздъ*. Чехія и Прикарпатская Русь. Спб. 1909», СХVI, май, 709—710.

Вобровъ, Влад. Ал-дровичъ, педагогъ, писатель. *Рецензія проф. М. Красножена о книгѣ его: «Русскія народныя сказки о животныхъ*. Изслѣдованіе. Варшава. 1909», СХV, январь, 328—*Некрологъ его*: СХV, февраль, 853—854.

Вогдановичъ, Е. В., генералъ-лейтенантъ, общественный дѣятель и писатель, СХVI, апрѣль, 386—387 (по поводу 80-лѣтіяго его юбилея).

Вогумиль, А. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его: «Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ*. Кіевъ. 1908», СХV, февраль, 795—796.

Воде:

— Мари, баронесса (урожд. Коннерслей). *О ней статья Вл. И. Фомъ-Штейна: «Баронесса Воде и ея переписка съ англійской родней»*, СХVII, июль, 270—272.

— Карлъ-Августъ-Людвигъ-Фридрихъ, баронъ, супругъ предыдущей, СХVII, июль, 270—271.

— Клементъ, старшій сынъ предыдущихъ, СХVII, июль, 278—279, 287—289, 291—292.

— Карлъ, второй сынъ предыдущихъ, СХVII, июль, 239, 291—292.

— Людвигъ, младшій сынъ предыдущихъ, СХVII, июль, 292.

Водянскій, Ос. Мих. СХVI, июнь, 916.

Ворисовъ, Петръ Мих., докторъ медицины, общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХVIII, ноябрь, 768—769.

Воровковъ, Александръ Дмитріевичъ, тайный совѣтникъ, писатель, СХVIII, декабрь, 1122—1126.

Вородкинъ, Мих. Мих. *Рецензія П. Майкова о книгѣ его: «Исторія Финляндіи*. Время императора Александра I. Съ портретами, иллюстраціями и картой. 1909 г. Къ столѣтію покоренія Финляндіи», СХV, февраль, 777—780.

Воткинъ, Сергій Петровичъ, знаменитый русскій клиницистъ, СХV, мартъ, 938—939.

Вочкаревъ, Б. Н. *Рецензія А. Фомина о собран. имъ: «Письмахъ А. П. Чехова»* (М. 1909), СХVIII, ноябрь, 716—717.

Врайловскій, С. Н. *Рецензія Л. о книгѣхъ его: «Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ*. Историко-литературные матеріалы и изслѣдованія Г. Орестъ Михай-

лович Сомовъ. Варшава. 1909», СХVIII, декабрь, 1148.

Враушвейгъ, Тереза (графиня Брунсвикъ) «возлюбленная» Бетховена, СХV, февраль, 812—816.

Врешковская, Ек. Конст., извѣстная дѣятельница русской революціи, СХV, февраль, 701—713; СХVI, апрѣль, 220; СХVIII, декабрь, 1056.

Вродовскій, А. Р., СХV, январь, 412—413 (объ его музеѣ въ Вильнѣ).

Вруновъ, Филиппъ Ивановичъ, графъ, русскій посолъ въ Лондонѣ въ 1860-хъ и 1870-хъ годахъ, СХVI, май, 549—550.

Врюггенъ, баронъ, представитель Камчатскаго торгово-промышленнаго общества, СХVIII, ноябрь, 527—528.

Врюсовъ, Валерій Яковлевичъ, поэтъ. *Рецензія Н. Лернера о брошюрѣ его: «Испепеленный. Къ характеристикѣ Голя. М. 1909»*, СХVIII, октябрь, 311.

Врянчанинова, М. К. *Рецензія А. Б. о переведенной ею книгѣ герцога Аррайльскаго: «Отвѣтственность Англіи въ восточномъ вопросѣ. Спб. 1908»*, СХVI, май, 708—709.

Вудловичъ, Антонъ Сем., профессоръ. *Некрологъ его*: СХV, январь, 418—420.—*О немъ статья К. Я. Грота: «Памяти Антона Семеновича Вудловича»*, СХV, мартъ, 1097—1122.—*Упоминается*: СХV, февраль, 599.

Вузескулъ, В. П., профъ. *Рецензія Р. о книгѣ его: «Исторія афинской демократіи. Спб. 1909»*, СХVI, апрѣль, 342—343.

Вулгаковскій, Д. Г. *Рецензія Б. Г. о книгѣ его: «Въ сторонѣ отъ жизни. Повѣсть изъ жизни современнаго духовенства, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1909»*, СХVI, июнь, 1066—1068.

Вудлаковъ, П. А., тамбовскій губернаторъ, СХVII, августъ, 407—408.

Вулгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, писатель, СХV, мартъ, 1047, 1049, 1052, 1054—1056, 1059; СХVI, апрѣль, 139, 150.

Вуренинъ, Викторъ Петр., писатель. *Его «Исконъ любови смерти»* (въ приложени), СХVIII; окт. и нояб.—*Упоминается*: СХVI, май, 451; СХVII, авг., 503—504.

Вурлаковъ, В. *Исправка его къ статьѣ М. Г. К. «Военная вспышка»*, СХV, мартъ, 1264.

Вухананъ, Эндрыю, англійскій посолъ въ Петербургѣ, въ 1860—70-хъ годахъ, СХVII, августъ, 647—652.

Вухаревъ, Іоаннъ Ник., протоіерей. *Некрологъ его*: СХVII, августъ, 729.

Вѣгичевы:

— Дмитрій Никитичъ СХV, мартъ, 1039—1040.

— Степ. Никитичъ, СХV, мартъ, 1032—1033, 1035—1045, 1047—1055, 1059—1060; СХVI, апрѣль, 137, 141, 149, 151—159, 160.

Вѣлинскій, Висс. Григ., знаменитый русскій критикъ, СХVI, апрѣль, 353; СХVIII, октябрь, 122.

Вѣлкинъ, А. С., приватъ-доцентъ Московскаго ун. по кафедрѣ философіи. *Некрологъ его*: СХVII, сентябрь, 1116.

Вѣлкинъ, Мих. Ѳед., контръ-адмиралъ. *Некрологъ его*: СХVI, апрѣль, 389.

Вѣловъ, А. М. *Статья его: «Зарубежная публицистика»*, СХVI, май, 546—568.—*Рецензія Г. о переведенной имъ книгѣ Отто Вейнингера: «Поль и характеръ. Теоретическое изслѣдованіе. Спб. 1909»*, СХVI, май, 704—705.

Вѣлогодовый, Н. А. докторъ, авторъ «Воспомнаній», СХVI, апрѣль, 236—238, 249—250.

Вѣлозерская, Н. А. *Рецензія А. Б. о переведенныхъ ею: «Запискахъ о Московіи XVI вѣка Джерома Горсея. Спб. 1909»*, СХVI, апрѣль, 319—321.

Вѣлоусовъ, Ив. Мих., педагогъ, учитель, СХVII, июль, 25—26, 29.

В

В. Рецензіи его: 1) «Проф. Ю. А. Кулаковскій. Амміанъ Марцеллинъ. Исторія. Переводъ съ латинскаго. Выпускъ III. Кіевъ. 1908», СХV, январь, 345.

2) «А. Оветтъ. Исторія итальянской литературы. Переводъ потъ ред. В. Шинмарева. Спб. 190.»», СХVI, янв., 703—704

3) «Проф. Р. Винперъ. Очерки исторіи Римской имперіи. М. 1908», СХVI, июнь, 1071.

В. В—чь. Рецензія его: «Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть I (до Петра Великаго). Спб. 1909», СХVII, августъ, 675—677.

В. Г. Статья его: «Освободительное движеніе въ Ижевскомъ заводѣ Вятской губерніи», СХVI, апрѣль, 176—183.—*Рецензіи его*: 1) «Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.) В. Н. Латкина. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1055.

2) «Курсъ семейнаго права. Заслуженнаго ординарнаго профессора А. И. Загоровскаго. Изданіе 2-е. Одесса. 1909», СХVII, июль, 315—317.

3) «Опытъ методики законовѣдѣнія, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. А. П. Гольмстена, заслуженнаго профессора. Спб. 1909». СХVII, августъ, 691.

В. Т. Рецензіи его: 1) «Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица

Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Т. I, съ 29 рисунками. Спб. 1908», СХV, январь, 312—317.—«Тоже. Томъ второй. Спб. 1909», СХVII, июль, 293—298. 2) «Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Т. XV. Трактаты съ Франціей. 1822—1906». Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 314—319.

В. Т—й, *Рецензія его*: 1) «В. Г. Дружининъ. «Священно-іерей» Матвій Андреевъ, его бесѣды съ безпоповцами и посланія къ нимъ. Спб. 1908», СХV, февраль, 787—789. 2) «Гѣвопись занята императорской археографической комиссіи за 1907 годъ. Выпускъ двадцатый. Подъ редакцію правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1908», СХV, мартъ, 1192—1193. 3) «Русская историческая бібліотека. Т. VI. Памятники древнерусскаго каноническаго права. Часть I. Памятникомъ XI—XV в. Изданіе второе. Спб. 1908», СХV, мартъ, 1194—1195. 4) «Проф. П. С. Смирновъ. Изъ исторіи раскола первой половины XVIII вѣка. По неизданнымъ памятникамъ. Спб. 1908», СХVI, апрѣль, 344—345. 5) «Схимонахиня Нектарія. Книгиня Наталія Бор. Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева. I. Р. С. III. М. 1909», СХVII, сентябрь, 1079—1080. 6) В. В. Сиповскій. Очерки по исторіи русскаго раскола. Т. I, вып. I (XVIII в.). Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 309—311. 7) «Н. Н. Платонова. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823—1884 гг. Биографическій очеркъ. Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 313—315.

В. Ф—ко. *Рецензія его*: «Герье, В. Францискъ, апостольный нищеты и любви. М. 1908», СХVII, июль, 320.

Вааль, Ж., докторъ медицины, профессоръ, СХV, мартъ, 939—941.

Вазовъ, Иванъ, болгарскій поэтъ, СХV, февраль, 604.

Валонъ, Аполлонія, графиня (урожд. маркиза Ларошамбера). *О ней въ книгѣ Клемена-Симона*: «Графиня Валонъ, воспоминанія объ ея жизни, семействѣ, друзьяхъ и ея перепискѣ» (Paris. 1909), СХV, февраль, 816—819.

Валуевъ, П. А., министръ внутреннихъ дѣлъ, СХV, январь, 232—236, 239—240, 246; февраль, 698—699; СХVI, апрѣль, 115, 118; 225—227, 230, 232.

Вакареско, Елена, любимая фрейлина румынской королевы Елизаветы, СХVII, июль, 351—354 (по поводу ея воспоминаній о королевѣ).

Валишевскій, К. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Les origines de la Russie moderne. Le berceau d'une dynastie. Les premiers Romanow 1613—1682. Paris, 1909», СХVII, июль, 299—300.

Вандомскіе. О родѣ ихъ обширная статья Н. Н. Кашкина въ «Старинѣ и Новизнѣ», рецензированная А. М., СХVI, май, 691—692.

Ванифатьевъ, Н. Г., бѣлозерскій помѣщикъ, СХV, январь, 48, 57—58.

Ванновскій, Петръ Семеновичъ, генераль-адъютантъ. *О немъ «Воспоминанія» Е. К. Андреевскаго*, СХVI, июнь, 863—889. — *Упомянутъ*: СХVIII, октябрь, 152—156.

Варпаховскій, Николай Аркадъ, извѣстный ихтіологъ. *Некрологъ его*: СХVI, апрѣль, 390—391.

Васенко, П. Г. *Рецензія Л. Бирюкова о книгѣ его*: «Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ «Временника». Спб. 1908», СХV, январь, 346—347.

Василевъ, Ив. Ив., изслѣдователь псковской старины, СХVIII, ноябрь, 585—586.

Василичъ, Г. *Рецензія В. Троицкаго о книгѣ его*: «Императоръ Александръ I и старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. М. 1909», СХVI, июнь, 1047—1051.

Васильева, М. Е. *Ея*: «Князь Григорій. (Воспоминанія его крѣпостной)», СХVII, июль, 46—72; августъ, 424—447.

Васильевскій, Вас. Григ., академикъ. *Рецензія А. Б. о первомъ томѣ его «Трудовъ»*, изд. императорской академіей наукъ. Спб. 1908», СХVII, сентябрь, 1085—1086.

Васильевы:

— М. Замѣтка его къ очерку А. Дунина: «Гувернеры въ старину», СХVIII, октябрь, 367—368.

— Сократъ Евгеньевичъ, докторъ, СХVIII, ноябрь, 407—408.

— Ѳеодосій, основатель Ѳеодосѣвскаго согласия, СХV, февраль 788.

Васильчиковъ, А. П., князь, СХV, январь, 56—57.

Васильчиковъ, Ю. В. *Его поправка*, СХV, февраль, 864.

Васюковъ, Сем. Иванъ, писатель, СХVII, июль, 40—42.

Вахрамѣевъ, Ив. Александръ, общественный дѣятель и издатель. *Некрологъ его*: СХV, февраль, 854.

Введенскій, Арс. Ив., писатель. *Некрологъ его*: СХVIII, декабрь, 1202—1203.

Введенскій, С. Н. *Рецензія его о книгѣ В. Верюжскаго: «Анастасій, архіепископъ холмогорскій, его жизнь и труды въ связи съ исторіей Холмогорской епархіи за первые 20 лѣтъ ея существованія и вообще русской жизни въ концѣ XVII вѣка. Сиб. 1908»*, СХVIII, ноябрь, 694—696.

Ведровъ, Сергій Влад., профессоръ. *Некрологъ его*: СХVII, сентябрь, 1116.

Вейнингеръ, Отто, еврейскій писатель. *Рецензія Г. о книгѣ его: «Поль и характеръ. Теоретическое изслѣдованіе. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Бѣлога. Спб. 1909»*, СХVI, май, 704—705.

Вейсъ, Жозефина (по мужу Фредериксъ), СХVII, июль, 89—91; августъ, 458, 462; СХVIII, октябрь, 78.

Великій, Семенъ, сынъ императора Павла Петровича, СХVI, апрѣль, 282.

Венгеровъ, С. А., писатель, СХV, январь, 248.

Венкстернъ, Алексѣй Алексѣевичъ, членъ московскаго комитета по дѣламъ печати, писатель. *Некрологъ его*: СХVI, апрѣль, 391—392.

Вербицкій, Николай Андр., педагогъ, поэтъ, СХVII, июль, 27—29.

Верди, Джузеппе (1813 — 1901), итальянскій композиторъ, СХVIII, октябрь, 333—334 (объ его письмахъ).

Верецагины:

— Ал-дръ Вас., отставной генералъ-майоръ. *Некрологъ его*: СХV, мартъ, 1256—1257.

— Ал-дръ Степ., мѣстный историкъ. *Некрологъ его*: СХV, мартъ, 1257—1259.

— Вас. Петр., профессоръ академіи художествъ. *Некрологъ его*: СХVIII, ноябрь, 769—770.

Вернъ, Жюль (1828—1904), французскій писатель, СХVIII, декабрь, 1178—1179.

Верховскій, П. В. *Рецензія его: 1) «Ал. Котовичъ. Духовная цензура въ Россіи (1799—1755 гг.)*. Спб. 1909, СХV, мартъ, 1169—1200. 2) «Д. Самокузовъ. Могила русской земли. М. 1908». Съ предложеніями. М. 1908.—Съверянская земля и съверяне по городищамъ и могиламъ. М. 1908. Съ картою, СХVI, июль, 1045—1047.—*Рецензія Андрея Титова о книгѣ его: «Наемныя недвижимыя имѣнія св. епископа, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра В. Коллегія экономіи и канцелярія епископальнаго экономическаго управленія. (1726—1763)*. Спб. 1909», СХVI, май, 684—687.

Верюжскій, В. *Рецензія С. Н. Введенскаго о книгѣ его: «Анастасій, архіепископъ холмогорскій, его жизнь и труды въ связи съ исторіей Холмогорской епархіи за первые 20 лѣтъ ея существованія и вообще русской церкви въ концѣ XVII ст. Церковно-историческій очеркъ. Спб. 1908»*, СХVIII, ноябрь, 694—696.

Веселовскій, Ал-дръ Николаевичъ, академикъ. *Рецензія А. Б. о третьемъ томѣ «Собранія сочиненій» его, предпріятаго императорскою академіей наукъ* (Спб. 1908), СХVI, апрѣль 333—334.

Веселовскій, С. Б. *Рецензія Т. о книгѣ его: «Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича. М. 1909»*, СХVIII, декабрь, 1137.

Весель-Жосескій, Иванъ, католическій священникъ, переводчикъ Пушкина на словенскій языкъ, СХV, февраль, 604—606.

Виггинсъ, капитанъ, открывшій въ 1874 г. морской путь въ Сибирь, СХVI, май, 567.

Викторъ-Эммануиль III, итальянскій король, СХVI, апрѣль, 370—372.

Вильгельмъ I, императоръ германскій, СХV, мартъ, 919—920.

Вильгельмъ II, императоръ германскій. *О немъ статья К. К. Трюбна: «Императоръ Вильгельмъ въ Выштыницѣ»*, СХV, январь, 190—194.

Вильденбрухъ, Эрнстъ, германскій поэтъ и драматургъ, СХV, февраль, 837 (по поводу его смерти).

Вильмеръ, Марианна. *О ней въ замѣткѣ: «Поэтическое сотрудничество Гете и г-жи Вильмеръ»*. СХVIII, октябрь, 326—330.

Вилье, Яковъ Васил., лейбъ-медикъ, СХVI, сентябрь, 841—842; СХVIII, декабрь, 1107, 1109.

Вильеръ, Чарльзъ, англійскій общественный дѣятель, СХVI, май, 549, 559.

Винчи, Леонардо-да (1452 — 1519), знаменитый итальянскій живописецъ, СХV, мартъ, 1215—1219; СХVI, июнь, 1091—1094 (біографическія данныя).

Випперъ, Роб. Юрлевичъ, проф. *Рецензія В. о книгѣ его: «Очеркъ исторіи Римской имперіи. М. 1908»*, СХVI, июнь, 1071.

Висконти-Фассола де Расса, Жанъ Баттистъ Прими, предтеча Калюстро, СХVIII, декабрь, 1162—1166.

Виссаріонъ, (въ мѣрѣ Вислій Печавъ), епископъ костромской, СХVII, августъ, 414—416.

- Витбергъ**, Фед. Ал., педагогъ, писатель, СХVII, сентябрь, 1111—1112 (по поводу его 25-лѣтняго юбилея).
- Вятмеръ**, А. Н. *Статья его*: «Изъ польскаго возстанія 1863 года», СХVII, сентябрь, 855—881.
- Вишняковъ**, А. *Рецензія М. С. о книгѣ его*: «Императоръ Юліанъ Отступникъ и литературная полемика съ нимъ св. Кирилла, архіепископа александрійскаго. Симбирскъ, 1908», СХVIII, октябрь, 306—307.
- Владимиръ Александровичъ**, великій князь. *Некрологъ его*: СХV, мартъ, 1—8.
- Власовскій**, Александръ Александровичъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ, СХVIII, ноябрь, 486—501, 505—506.
- Власовъ**, П. М., министр-резидентъ въ Черногоріи (1902 г.), СХVII, августъ, 405—406.
- Внуковскій**, Аполлинарій, могилевскій архіепископъ и митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россійской имперіи. *Некрологъ его*: СХVII, июль, 375—376.
- Воейкова**, Вѣра Николаевна (урожд. Львѣва). *О ней въ статьѣ Н. И. Мердери*: «Изъ далекаго прошлаго», СХVIII, ноябрь, 400—420; декабрь, 819—845.
- Военскій**, К. А. *Рецензія А. Б. о редактированныхъ имъ*: «Запискахъ Сергѣя Алексѣевича Тучкова» (Спб. 1908), СХV, февраль, 789—790.—*Рецензія Г. Л. И. о редактированномъ имъ*: «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества». Т. СХXVIII. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г., собранные и изданные по порученію вел. кн. Михаила Александровича. Томъ I. Литва и западныя губерніи. Спб. 1909», СХVII, августъ, 668—674.—*Рецензія А. Э. Мальмрена о книгѣ его*: «Петръ I въ Карлсбадѣ въ 1711—1712 гг. Спб. 1908», СХVII, октябрь, 1069—1072.
- Войнаральскій**, Порфирій Ивановичъ, мѣщанинъ, пропагандистъ-революціонеръ, СХVIII, ноябрь, 622—627, 630—632, 639; декабрь, 1055.
- Войновъ**, Александръ Львовичъ, генералъ-отъ-кавалеріи, СХVIII, декабрь, 1104—1105, 1107.
- Волковъ**, Ник. Ник., общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХV, январь, 420.
- Волконская**, М. В., княгиня. *Ея*: «Семейный разладъ. (Повѣсть)», СХV, мартъ, 948—986; СХVI, апрѣль, 62—90; май, 452—482; июнь, 841—862.
- Волконскій**, П. М. князь, СХVI, май, 537.
- Волховской**, Феликсъ Владимировичъ, народникъ-пропагандистъ, СХVI, май, 620—627; СХVII, августъ, 598; СХVIII, октябрь, 230.
- Волынскій**, А. Л. *Рецензія Б. Г. о редактированной имъ книгѣ Н. Г. Молоствовъ и П. А. Сергѣенко*: «Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Вып. I. Спб. 1909», СХVI, май, 696—698.
- Волынскій**, Н. П. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его*: «Жертвы войны. Трилогія изъ русско-японской войны 1904—1905 гг. Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 330—331.
- Вольскій**, Григорій Іосифъ, грузинскій писатель. *Некрологъ его*: СХVIII, декабрь, 1203.
- Вольфъ**, Евгеній Мих., издатель книгъ. *Некрологъ его*: СХVIII, декабрь, 1203—1204.
- Вороничъ**, цензоръ (въ Одессѣ), СХVIII, октябрь, 179—183.
- Воронцова**, Елизавета Романовна, любовница императора Петра III, впоследствии жена ст. сов. Александра Ивановича Полянскаго, СХVI, апрѣль, 278.
- Воронцовъ-Дашковъ**, Иларіонъ Ивановичъ, графъ, СХVII, августъ, 658 (въ воспоминаніяхъ дипломата Румбольда).
- Врангель**, П. Н. баронъ. *Его статья*: «Въ тылу у японцевъ во время боя при Шахѣ», СХVIII, ноябрь, 542—568.
- Врхлицкій**, Ярославъ, чешскій поэтъ, СХV, февраль, 600—602.
- Всеволожскій**, Ал-дръ Всеволодъ, СХV, мартъ, 1057—1058.
- Всеволожской**, Пв. Александръ, директоръ императорскихъ театровъ, оберъ-гофмаршалъ, скончавшійся 28 октября 1909 г., СХV, февраль, 534; СХVII, августъ, 658 (въ Воспоминаніяхъ дипломата Румбольда).—*Некрологъ его*: СХVIII, декабрь, 1204—1205.
- Вучетичъ**, Н. Г. *Его*: «Воспоминанія о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ», СХVIII, декабрь, 940—979.
- Вышеградскій**, педагогъ, СХVI, апрѣль, 52—53.
- Вязигинъ**, А. С., проф. *Рецензія А. М. о книгѣ его*: «Въ туманѣ смутныхъ дней. Харьковъ. 1908», СХV, январь, 333—336.

Г.

Г. С. Ш. *Рецензія В. Т.—ій о книгѣ его*: «Схимонахиня Нектарія. Княгиня Наталія Борисовна Долгорукова, дочь

фельдмаршала Шереметева. I. М. 1909», СХVII, сентябрь, 1079—1080.

Р. Х. Статья его: «Къ бывшему Павловска», СХVI, июнь, 1037—1044.

Гаазъ, Ф. П., докторъ, известный тюремный филантропъ, СХVIII, ноябрь, 763—765 (по поводу открытия ему въ Москвѣ памятника).

Гагаринъ, Пав. Пав., князь, СХV, мартъ, 1136—1139, 1144—1153, 1157—1162.

Гайдъ, Иосифъ, знаменитый нѣмецкій композиторъ, СХVII, июль, 355—356 (по поводу столѣтня со дня его смерти).

Гайдуковъ, В. Статья его: «Бельгійцы въ Россіи», СХVIII, декабрь, 1005—1020.

Галиффъ, Гастонъ-Александръ, французскій генералъ, СХVIII, ноябрь, 752—753 (по поводу его смерти).

Гамильтонъ, А. Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Афганистанъ». Спб. 1908», СХV, январь, 324—326.

Ганжулевичъ, Т. Рецензія А. Ф. о книгѣ ея: «Записки охотника»—И. С. Тургенева. Спб. 1908», СХVI, апрѣль, 332—333.

Гапонъ, Георгій, священникъ Петербургской пересыльной тюрьмы, сыгравшій видную роль въ исторіи русскаго освободительнаго движенія. *О немъ въ статьѣ Ив. П. Ювачева:* «Могила Гапона», СХVIII, октябрь, 206—210.

Гарнакъ, Адольфъ. Рецензія Пантарея о книгѣ его: «Монашество, его идеалы и исторія. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія Н. М. Никольскаго. Спб. 1908», СХV, февраль, 785—787.

Гарничъ-Гарничій, Федоръ Миничъ, проф. *Некрологъ его:* СХV, январь, 420—421.

Гаскойнъ, Карлъ, директоръ Олопецкихъ горныхъ заводовъ, СХVII, июль, 290.

Гафаръ, Магомедъ (профессоръ Шабаца), индостанскій писатель, СХV, февраль, 836 (по поводу его смерти).

Ге, Н. Н., историческій живописецъ и портретистъ, СХVI, июнь, 964.

Геделундъ, Л. Н. Рецензія Е. о книгѣ его: «Исторія Даніи», переведенной съ датскаго графомъ Н. Протасовымъ-Бахметевымъ. (Спб. 1908), СХV, февраль, 798—799.

Гендуе, Юлія Густавовна, любительница археологіи, СХVIII, декабрь, 1063—1065 (по поводу ея самоубійства).

Генулякъ, аббатъ, СХVI, май, 723—727 (по поводу его новаго труда о Месопотаміи).

Генрихъ, прусскій принцъ, герой Семилѣтней войны, СХVI, апрѣль, 284—285.

Георгій Александровичъ, великій князь, СХV, февраль, 491—492.

Герасимовъ, Ник. Ник., педагогъ. *Некрологъ его:* СХVII, июль, 376—377.

Герасимовскій, А. М. Статья его: «Древности Хивы и Аму-Дарьинскаго отдѣла», СХVII, сентябрь, 968—975.

Гербель, Н. В., переводчикъ, издатель, СХV, мартъ, 1168.

Герценъ, Александръ Ивановичъ (Искандеръ), СХV, январь, 241, 246, 252; февраль, 721—724; мартъ, 1133—1136, 1139, 1146; СХVI, апрѣль, 223, 227—228, 235—251; май, 599, 608, 615, 626; СХVII, сентябрь, 977, 980, 988, 995.

Герценъ, Наталья Алексѣевна, супруга предыдущаго, СХVI, апрѣль, 248—250.

Герье, Влад. Ив., профессоръ московскаго университета, СХVI, февраль, 847—849 (по поводу 50-лѣтня его научной дѣятельности). — *Рецензія В. Ф.—по о книгѣ его:* «Францискъ, апостолъ нищеты и любви. М. 1908», СХVII, июль, 320.

Гете, Вольфгангъ, великій нѣмецкій поэтъ и писатель. *О немъ въ книгѣ В. А. Боброва:* «Пушкинъ и Гете. Кіевъ. 1908», рецензированной М. Б., СХV, январь, 328—329. — *О немъ въ замѣткѣ:* «Поэтическое сотрудничество Гете и г-жи Вильмеръ, СХVIII, октябрь, 326—330.

Гильомъ, Джемъ, авторъ биографическаго очерка о М. А. Бакунинѣ, СХVI, май, 609—610.

Гилъровъ, Н. Н., журналистъ. *Некрологъ его:* СХV, февраль, 854—855.

Гладстонъ, Вильямъ (1809—1898), англійскій государственный дѣятель, XVI, май, 550, 555—557, 560—561, 565; СХVII, августъ, 522, 535—536.

Глинка, Мих. Ив., известный русскій композиторъ, СХV, мартъ, 1040.

Глинскій, Бор. Бор., писатель. *Статя его:* 1) «Крамола, реакція и терроръ, (Историческіе очерки), СХV, январь: 222—252; февраль, 692—724; мартъ, 1132—1165; СХVI, апрѣль, 220—251-май, 596—629; СХVII, июль, 209—235; августъ, 586—619; сентябрь, 976—1012; СХVIII, октябрь, 211—243; ноябрь, 608—641; декабрь, 1029—1062. 2) «Первый женскій всероссійскій съѣздъ», СХV, январь, 384—407. 3) «Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. 1829—1909 г. (Некрологъ)», СХV, февраль, 656—669.

— *Рецензія* его (подъ полнымъ именемъ и подъ инициалами. Б. Г., Г. Л. П., Г. Б., В. Г.—скій): 1) «П. Засодимскій. «Изъ воспоминаній, М. 1908», СХVI, январь, 337—338. 2) «В. А. Крыловъ. (В. Александровъ). Прозаическія сочиненія въ 2 томахъ. Съ 4 портретами автора, біографіей, критическимъ очеркомъ и 10 рисунками. Спб. 1908», СХVI, апрѣль, 340—341. 3) «Л. П. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908). Критико-біографическое изслѣдованіе Н. Г. Молодцова и П. А. Сергѣенко, подъ ред. А. Л. Водыскаго. Вып. I. Спб. 1909», СХVI, май, 696—698. 4) «Всякіе. Очерки современной жизни А. С. Суворина. Изданіе второе. Спб. 1909», СХVI, май, 700—701. 5) «Отто Вейнингъ. Поль и характеръ. Теоретическое изслѣдованіе. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Вѣлова. Спб. 1909», СХVI, май, 704—705. 6) «Въ сторонѣ отъ жизни. Повѣсть изъ жизни современнаго духовенства, въ двухъ частяхъ, Д. Г. Будгаковского. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1066—1068. 7) «В. Е. Рудаковъ. Полтавская битва. Двухсотлѣтнія ея годовщина. 1709—27 июнь 1909. Съ рисунками. Спб. 1909», СХVII, июль, 305—306. 8) «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. СХXVIII. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г., собранные и наданные по порученію вел. кн. Михаила Александровича, подъ ред. К. Военскаго. Т. I. Литва и Западныя губервіи. Спб. 1909», СХVII, августъ, 668—674. 9) «Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго прибалтійской окраины (1885—1894 гг.). Т. I. Спб. 1909», СХVII, августъ, 686—687. 10) «А. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1861). Историческій очеркъ. М. 1909», СХVII, сентябрь, 1072—1075. 11) «Г. Т. Свѣрцевъ-Полиловъ. Подъ удѣльною властью. Историческая повѣсть для юношества», СХVIII, октябрь, 303. 12) «Ванда Захеръ-Мазохъ. Исповѣдь моей жизни. Переводъ М. А. Потапенко. Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 321—322.

Глѣбова-Стрѣшчева, Елизавета Петровна. *О ней въ разсказѣ В. Г. Асвенко: «Генеральша»*, СХVIII, ноябрь, 421—447.

Глѣбовъ, Леонидъ, малорусскій баснописецъ, СХV, мартъ, 1168.

Глѣзскъ, лордъ (первоначально называвшійся Альджерономъ Борвикомъ, сыномъ Нитера Бургиника, англійскій журналистъ, СХV, январь, 381—382 (по поводу его смерти).

Гнѣвушевъ, А. М. *Рецензія В. Р-ва о напечатанномъ имъ «Отрывкѣ писцовою кнѣги Воеской пятинны второй половины 1504—1505 года, содержащемъ въ себѣ описъ части дворцовыхъ земель этой пятинны. Кіевъ. 1908»*, СХVI, июнь, 1081.

Гнѣдичъ, П. П. *Его: «Паденіе искусства.» (Листки изъ записной книжки)*, СХV, январь, 112—141, февраль, 528—549.

Гоголь, Николай Васильевичъ, поэтъ. *О немъ замѣтки М. Григоревскаго: 1) «Къ вопросу о днѣ рожденія Н. В. Гоголя»*, СХV, январь, 197—198, и 2) «Къ вопросу о предкахъ Н. В. Гоголя», СХV, мартъ, 1123—1126.—*О немъ въ статьѣ В. В. Данилова: «Нѣжинъ. (Къ столѣтію рожденія Н. В. Гоголя)»*, СХV, мартъ, 1166—1175.—*О немъ въ статьѣ «Гоголевскіе дни»*, СХVI, май, 669—592.—*О немъ въ статьѣ кн. В. А. Щетинина: «Гоголевскія торжества въ Москвѣ»*, СХVI, июнь, 1004—1019.—*О немъ книга Д. П. Овсянко-Куликовскаго: «Гоголь въ его произведеніяхъ. Къ столѣтію рожденія великаго писателя. М. 1909»*, СХVI, июнь, 1954—1066.—*О немъ книга Ив. Щеллова: «Подвижники слова. Новые матеріалы, о Н. В. Гоголѣ. Спб. 1909»*, СХVI, июль, 307—308.—*О немъ въ книгѣ: «Каталогъ Гоголевской выставки, устроенной въ женскомъ училищѣ г. Пресе въ Митавѣ 14 мая 1909 г., въ память 200-лѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя. Матеріалы для Гоголевской иконографіи Митавы. 1909»*, рецензир. А. Э. Мальмгреномъ, СХVII, июль, 333.—*О немъ въ «Словарѣ литературныхъ типовъ. Выпускъ IV. Спб. 1909»*, рецензир. А. Фоминимъ, СХVII, августъ, 688—689.—*О немъ въ замѣткѣ: «Дун. Леже о Гоголевскомъ юбилеѣ»*, СХVII, августъ, 713—716.—*О немъ въ брошюрѣ Валерія Брюсова: «Неопеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. М. 1909»*, рецензир. Н. Лернеромъ, СХVIII, октябрь, 311.—*О немъ въ брошюрѣ Ивн. Литвскаго: «Гоголь—проповѣдникъ и писатель. Спб. 1909»*, СХVIII, декабрь, 1152—1153.—*Упоминается: СХVI, апрѣль, 333—384 (по поводу «Гоголевскаго торжества въ русской читальнѣ въ Римѣ»)*.

Годлевскій, С. Ф., писатель, СХVII, сентябрь, 929, 931.

Годри, Альбертъ, французскій ученый, основатель современной палеонтологіи, СХV, февраль, 835 (по поводу его смерти).

Гойская, Анна Тихоновна, урожденная Козинская, волынская помѣщица,

жившая въ XVI вѣкѣ и благотворившая Почаевской лаврѣ, CXVII, сентябрь, 1014—1046.

Голицына, Анна Андреевна, княгиня (супруга князя Михаила Голицына, урожд. графиня Шувалова), CXVII, июль, 278—280, 286.

Голицынъ, Ю. Н., князь, пѣвецъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, CXVII, августъ, 407—409.

Головачевъ, А. А., извѣстный экономистъ, писатель, CXV, январь, 223—228, 240.

Головкинъ, Федоръ Гавриловичъ, графъ, полномочный министръ въ Неаполь, авторъ «Мемуаровъ», CXVI, апрѣль, 276, 304—305.

Головинъ, А. В., министръ народного просвѣщенія, CXV, январь, 234—236, 245—246; февраль, 697, 718—719; CXVI, апрѣль, 232.

Голубиновъ, С. П. *Рецензія Л. Н. о переведенной имъ книгѣ Л. Гамальтона: «Афганистанъ». Спб. 1908», CXV, январь, 324—326.*

Гольденбергъ, Гр., русскій революціонеръ, CXVII, июль, 213; CXVIII, декабрь, 1030.

Гольмстенъ, А. X., заслуженный профессоръ. *Рецензія В. Г. о книжкѣ его: «Опытъ методики законовѣдѣнія, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. Спб. 909», CXVII, августъ, 691.*

Гомиліусъ, Луи Федоровичъ, профессоръ консерваторіи. *Некрологъ его: CXV, февраль, 855—856.*

Горбуновъ, Иванъ Федоровичъ, CXVII, июль, 35—36.

Городцовъ, В. А. *Рецензія М. Солодовскаго о книгѣ его: «Первобытная археология. Курсъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ археологическомъ институтѣ», CXV, январь, 323.*

Горсей, Джеромъ. *Рецензія А. Б. объ его: «Запискахъ о Московіи XVI вѣка, переведенныхъ съ англійскаго Н. А. Вѣлзерской. Спб. 1909», CXVI, апрѣль, 319—321.*

Горскинъ, Н. В. *Рецензія Э о переведенной имъ книгѣ проф. К. Рота: «Исторія Византійской имперіи. Спб. 1909», CXVI, май, 706—708.*

Горчаковъ, Александръ Михайловичъ, князь, канцлеръ, CXV, январь, 236—237; CXVI, май, 558; CXVII, августъ, 646, 699, 652—655, 658, 664, 667; сентябрь, 1099—1100.

Горшечниковъ, Ник. Пв., педагогъ. CXVII, июль, 26—27.

Готшалъ, Рудольфъ, нѣмецкій поэтъ и драматургъ, CXVI, июнь, 1119 (по поводу его смерти).

Гоферъ, Андреасъ, глава возставшихъ тирольцевъ во время наполеоновскихъ войнъ, CXVIII, октябрь, 348—350.

Грачевъ, В. И. *Рецензія Е. Клеминовой о книгѣ его: «Иллюстрированный путеводитель по гор. Смоленску. Смоленскъ. 1908», CXVII, сентябрь, 1087.*

Гребенка, Евг. Павл., писатель, CXV, мартъ, 1168.

Гребницкій Н. А., CXVIII, ноябрь, 513, 515, 531—535, 537—540.

Гревеницъ, капитанъ 2-го ранга морского генеральнаго штаба. *Рецензія Л. Н. о переведенной имъ книгѣ: «Персиваль Хисламъ. Господство на Атлантическомъ океанѣ. Спб. 1908», CXV, январь, 348—350.*

Грегориичъ, Симеонъ, словинскій поэтъ. *О немъ въ статьѣ В. В. Уманова-Каплуновскаго: «Словинцы и Симеонъ Грегориичъ», CXVII, июль, 109—118.*

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ, авторъ комедій «Горе отъ ума». *О немъ въ статьѣ Д. А. Смирнова: «Къ біографіи А. С. Грибоѣдова. (Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова)», CXV, мартъ, 1031—1061; CXVI, апрѣль, 132—163.—О немъ князя Олиги Крамаревой: «Alexandre Serguievitch Gribouedov. Sa vie—ses oeuvres. Paris», рецензировавшая Sc., CXVIII, октябрь, 303—306.*

Григоревскій, М. *Его: «Къ вопросу о днѣ рожденія Н. В. Гоголя», CXV, январь, 197—198, и «Къ вопросу о предкахъ Н. В. Гоголя», CXV, мартъ, 1123—1126.*

Григоровичъ, Дм. Вас., писатель, CXVII, июль, 39.

Гриммъ, О. А., ихтиологъ, CXVII, июль, 266—267.

Гриценковъ, Алдръ Влад., директоръ Орловской гимназіи, CXVII, июль, 23—24, 29.

Гриуа, французскій генералъ, CXVII, сентябрь, 1101—1106 (по поводу его воспоминаній о походѣ 1812 года).

Гротъ, К. Я., проф. *Статья его: «Намяти Антона Семеновича Вудилевича», CXV, мартъ, 1097—1122.*

Грудзинскій, Антонъ, графъ, CXVII, июль, 33; сентябрь, 852.

Грузинскій, А. *Рецензія А. Фомина о составленной имъ соавтествомъ съ А. Алферовымъ книгѣ: «Русская литература XVIII вѣка. М. 1907», CXV, февраль, 792—793.*

Грулевъ, *Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азійи. Спб. 1909» и «Очеркъ возстаній пограничныхъ племенъ Индіи за послѣднія 10 лѣтъ. Спб. 1909», CXV, январь, 324—326.—Рецензія Л. Н. о*

редактированной имъ книгъ: «Русско-Японская война. Офіціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами Переводъ съ англійскаго. Спб. 1909», СХV, февраль, 801—802.

Груссэ, Паскаль, французскій политическій дѣятель, СХVІІ, июль, 359—360 (по поводу его смерти).

Грязновъ, В. В., художникъ. *Некрологъ* его: СХVІІ, августъ, 729—731.

Губастовъ, Конст. Аркад., дипломатъ. *Его поправка*: Къ статьѣ «У великихъ могилъ», СХVІ, июнь, 1134—1135—*Упоминается*: СХVІІ, августъ, 412.

Гуо, шевалье, роляистъ, СХVІІІ, ноябрь, 727—732.

Гурко, Юсифъ Владимировичъ (1828—1902), генералъ-адъютантъ, СХV, мартъ, 927, 930—934, 936; СХVІ, июнь, 873—874, 885—887.

Гурляндъ, И. Я. *Рецензія А. Х-ка о редактированной имъ книгъ*: «Дѣла тайнаго приказа. Книга 2-я. Изданіе императорской археографической комиссіи. Спб. 1908», СХV, январь, 321—322.—*Упоминается*: СХVІ, июль, 31, 40.

Гусевъ, Сергѣй Сергѣевичъ (Слово Глаголь). *Его статья*: «Мое знакомство съ Н. С. Лѣсковымъ», СХVІ, сентябрь, 933—938.

Гюго, Викторъ (1802—1885), извѣстный французскій поэтъ-романтикъ, СХVІІІ, декабрь, 1181—1182.

Д

Д. З. *Рецензія* его: «А. Спицынъ. Археологическія развѣдки. Спб. 1908», СХV, мартъ, 1188—1189.

Д. Н. М. *Рецензія* его: «Николай Махровъ, діаконъ церкви російско-императорскаго посольства въ Константинополѣ. Дечанская лѣтопись, съ предисловіемъ и примѣчаніями къ ней. Съ приложеніемъ этнографической карты Старой Сербіи. Спб. 1908», СХVІ, май, 693.

Дакенъ, Жюли (и Дженни), «незнакомка» Проспера Мериме, СХV, мартъ, 1226—1230.

Данилевскіе:

— Гр. Петр., писатель, СХVІ, май, 440, 443, 450; июнь, 922.

— Н. Я., авторъ извѣстнаго труда «Россія и Европа», СХVІ, май 442—443, 449.

Даниловъ, В. В. *Статьи* его: 1) «Одесскій музей», СХV, январь, 264—267. 2) «Нѣжинъ. (Къ столѣтію рожденія Н. В. Гоголя)», СХV, мартъ, 1166—1175.

Дарвинъ, Чарльсъ (1809—1882), великій англійскій біологъ, СХVІ, май,

749—750 (по поводу столѣтія со дня его рожденія).

Дебогорій-Мокрѣевичъ, Вл., революціонеръ, авторъ «воспоминаній», СХVІІ, августъ, 599—600, ХVІІІ, октябрь, 225—229; ноябрь, 631, 635.

Девизъ, М. И. (Охотина). *Ея*: «Изъ дневника сестры милосердія», СХV, мартъ, 1004—1030.

Де-Ларейнберъ, парижскій откупщикъ, СХVІ, апрѣль, 292.

Деляновъ, Иванъ Давыдовичъ, графъ, министръ народнаго просвѣщенія. *О немъ «Воспоминанія» В. Семенова*, СХVІ, май, 483—493.—*Упоминается*: СХVІІ, июль, 23—24, 29; 210—211.

Дементьева, А. Д., революціонерка, 591, 597, 601.

Деннигесъ-Шевичъ, Елена, виновница смерти Лассала, СХVІІІ, апрѣль, 745—748 (по поводу ея воспоминаній).

Державинъ, Н. А. *Статьи* его: 1) «На забытыхъ могилахъ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній)», СХVІ, июнь, 969—987. 2) «А. В. Кольцовъ и его поэзія. (Къ столѣтію со дня рожденія)», СХVІІІ, октябрь, 113—151.

Державины:

— Гавриилъ Романовичъ, извѣстный поэтъ, СХVІІІ, декабрь, 825—826.

— Дарья Алексѣевна, супруга предыдущаго, СХVІІІ, декабрь, 825—826.

Джабадари, Иванъ Спиридоновичъ, русскій пропагандистъ, авторъ воспоминаній, СХVІІІ, декабрь, 1029—1038, 1052, 1055.

Джѳусти, Джузеппе, итальянскій поэтъ, СХVІІ, июль, 354—355.

Дзѳедушицкій, Войцѣхъ, графъ, австропольскій политикъ, писатель, СХVІІ, июль, 357—358 (по поводу его смерти).

Дино, Доротея, герцогиня курляндская, внучка Бирона, СХV, мартъ, 1220—1226 (по поводу ея воспоминаній).

Дитрихштейнъ, Францъ, графъ, СХVІІ, июль, 286—287.

Дическуль, Пав. Викт., членъ Государственнаго Совѣта. *Некрологъ* его: СХVІ, май, 772.

Діонисій (Балабанъ), кіевскій митрополитъ (XVI в.), СХVІІ, сентябрь, 1048.

Дмитріевскій, А. А. *Рецензія П. Б. о книгѣ* его: «Графъ Н. П. Игнатѣвъ, какъ церковно-политическій дѣятель на православномъ Востокѣ. Спб. 1909», СХVІІ, августъ, 677—679.

Дювскій, Романъ. *Рецензія П. Б. о книгѣ* его: «Германія, Россія и польскій

вопросъ. Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 324—327.

Добрянскій, Адольфъ Ивановичъ, славистъ, СХV, мартъ, 1100—1101, 1119.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф.— *Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его: «Исслѣдованія и статьи. Томъ I. Этнографія и социологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность. Изданіе А. П. Сапунова. Кіевъ. 1909», СХVII, августъ, 681—682.— Упоминается: СХV, янв., 354.*

Долгорукиѣ (и Долгоруковы), князья:
— Александръ Сергѣевичъ, СХVII, августъ, 667.

— Николай Сергѣевичъ, *ib.*

— Екатерина Михайловна, морганатическая супруга императора Александра II, *ib.*

— Марія Сергѣевна, *ib.*

— Екатерина Васильевна, вышедшая замужъ за князя С. Н. Салтыкова, *ib.*

— Маргарита Сергѣевна, замужемъ за графомъ В. А. Стембогъ-Ферморъ, *ib.*

Долгорукова, Наталья Борисовна, княгиня. *О ней книги Г. С. Ш. «Схиномахія Нектарія. Книгиня Наталія Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева. I. М. 1909», реценз. В. Т.—ій, СХVII, сентябрь, 1079—1080.*

Долгоруковы, князья:

— Василій Андреевичъ, генералъ-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ (род. 1804 г.; ум. въ 1868 г.), СХV, январь, 239—238; февраль, 719; СХVI, апрѣль, 230.

— Влад. Андреевичъ, виленскій генералъ-губернаторъ, СХVI, апрѣль, 212—213.

— П. В. *Рецензія С. Ш. о книгѣ его: «Изъ записокъ князя П. В. Долгорукова. Время импер. Петра II и импер. Анны Иоанновны. Переводъ съ французскаго. М. 1909», СХVIII, декабрь, 1137—1138.*

Долгушинъ, Александръ, студентъ с.-петербургскаго технологическаго института, революціонеръ, СХVII, августъ, 596, 600; СХVIII, ноябрь, 608—610.

Долопчевъ, В. Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его: «Опять словари неправильностей въ русской разговорной рѣчи. Изданіе 2-е. Варшава. 1909», СХVIII, октябрь, 312—313.

Дондукова-Корсакова, Марія Михайловна, княжна, известная благотворительница. *Некроль ея: СХVIII, ноябрь, 770—771.*

Дорошевичъ, В. М., известный фельетонистъ, СХVIII, октябрь, 184, 187.

Достоевскій, Фед. Мих., знаменитый писатель-романистъ. *Его «формулярный списокъ», СХVI, апрѣль, 217—219.— О немъ книга В. П. Покровскаго: «Федоръ Михайловичъ Достоевскій, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Ч. I. М. 1908», СХVI, апрѣль, 340.— Его письмо къ Аядрѣ Карловнѣ Коломійцевой, СХVI, май, 593—595.— Упоминается: СХVII, сентябрь, 925—926.*

Драгомировъ, Мих. Иван., генералъ-адъютантъ, военный писатель, СХVI, июнь, 870.

Дрентельнъ, Александръ Романовичъ, генералъ-адъютантъ, СХVII, сентябрь, 871.

Дружининъ, В. Г. Рецензія В. Т.—го о книгѣ его: «Священно-іерей» Матвѣй Андреевъ, его бесѣды съ безповоками и посланія къ нимъ. Спб. 1908», СХV, февраль, 787—789.— *Рецензія В. Т.—го о редактированной имъ «Лѣтописи занятій императорской археографической комиссіи за 1907 годъ. Выпускъ двадцатый. Спб. 1908», СХV, мартъ, 1192—1193.*

Друммондъ, В. А., дипломатъ, СХVII, августъ, 648.

Дукмейеръ, Фридрихъ. Рецензія А. Маленина о книгѣ его: «Korbs. Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moscovitisch-russischen, österrreichisch-kaisrlichen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen. Erster Band. Berlin. 1909», СХVIII, октябрь, 295—297.

Думикъ, Ренз, французскій писатель, биографъ Жоржъ-Зандъ, СХVI, апрѣль, 353—358.

Дунинъ, А. А. Его очерки: «Губернаторы въ старину въ помѣщичьихъ семьяхъ», СХVII, июль, 185—194.— *Замѣтки къ очерку: 1) М. Васильева и 2) А. Маленина, СХVIII, октябрь, 367—368.*

Е

Е. Рецензія его: «Геделундъ, Э. П. История Даніи. Переведъ съ датскаго графъ Н. Протасовъ-Бахметевъ. Съ 84 рисунками и 2 картинками. Спб. 1908», СХV, февраль, 798—799.

Евгеній Максимилиановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, СХVI, июнь, 838—840.

Евгеньевъ (Кауфманъ), А. Е. Статьи его: 1) «Журнальное страстотерпство. (Изъ воспоминаній о провинціальной

цензурѣ», СХVIII, октябрь, 177—188, 2) «Къ пятидесятилѣтію литературнаго фонда. (1859—1909 г.)», СХVIII, ноябрь, 642—653.

Евецкій, Оед. Орест., докторъ медицины, профессоръ. *Некрологъ его*: СХVI, июнь, 1128—1129.

Еврениновъ, Конст. Мих., отставной полковникъ артиллеріи, участникъ Севастопольской обороны. *Некрологъ его*: СХVI, июнь, 1129.

Ежовъ, Н. М. *Статьи его*: 1) «Антонъ Павловичъ Чеховъ. (Опытъ характеристикъ)», СХVII, августъ, 499—519. 2) «Записки москвича. (Картинки, встрѣчи, впечатлѣнія)», СХVIII, октябрь, 80—93. 3) «Моя статья о Чеховѣ. (Беседа съ читателями)», СХVIII, ноябрь, 595—607.—*Къ ней замѣтка П. Сакулина*: «Фактическая поправка къ статьѣ г. Ежова», СХVIII, декабрь, 1207.

Екатерина II Алексѣевна, императрица, СХV, январь, 7—12; СХVI, апрѣль, 276—282, 285—303, 308—312; СХVII, июль, 272—282; августъ, 455.

Елена, итальянская королева, супруга Виктора Эммануила III, СХVI, апрѣль, 37—372.

Елена Павловна, великая княгиня, СХV, мартъ, 925; СХVI, апрѣль, 128; СХVII, июль, 352—353.

Елизавета, королева румынская, супруга короля Карла, урожденная принцесса фонъ-Видъ, известная писательница - поэтесса, подъ псевдонимомъ «Карменъ Сильва», СХVII, июль, 351—354.

Елизавета Алексѣевна, императрица, супруга императора Александра I. *О ней трудъ великаго князя Николая Михайловича*: «Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ I, съ 29 рисунками. Спб. 1908», рецензировавший В. Т., СХV, январь, 312—317.—Тоже. Томъ II. Спб. 1909, рецензир. В. Т., СХVII, июль, 293—298.—*Упомянется*: СХVI, июль, 1042—1043.

Елизавета Петровна, императрица, СХVI, апрѣль, 276—277.

Елизавета Федоровна, великая княгиня, СХVII, августъ, 559—560.

Елпатъевскій, Сергѣй Яковл. *Рецензія Л. Фомина о книгѣ его*: «Влизкія тѣни. Спб. 1909», СХVII, сентябрь, 1083—1084.

Енишерловъ, революціонеръ, СХVII, июль, 215—216, 218.

Енохъ, вѣтхозавѣтный патріархъ, СХVIII, ноябрь, 723—726 (по поводу новаго французскаго перевода проф.

аббата Мартена съ эвопскаго текста книги Еноха).

Ермоловъ, революціонеръ, СХV, мартъ, 1150, 1157—1158, 1162.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, покоритель Кавказа, членъ Государственнаго Совѣта, авторъ «Записокъ» (1776—1861), СХV, мартъ, 1037—1038, 1042, 1051, 1056; СХVI, апрѣль, 149; СХVII, августъ, 416—417 (въ «Силуэтахъ» Россіева).

Есиновичъ, Яков. Григ., сенаторъ, писатель, СХV, мартъ, 1149—1155, 1159, 1161.

Есиновъ, Н. А., докторъ медицины. *Некрологъ его*: СХVII, июль, 377—378.

Ж

Жандры:

— Андрей Андр., сенаторъ, СХV, мартъ, 1032, 1038, 1041, 1048—1061; СХVI, апрѣль, 132—156.

— Параскева Петровна, супруга предъдущаго, СХV, мартъ, 1061.

Жанна д'Аркъ, Орлеанская дѣва, СХVI, апрѣль, 350—353; июль 1112—1114 (о новыхъ брошюрахъ по поводу признанія ея святой).

Жасановъ, Пв. *Его статейка*: «Забытый поэтъ» (рѣчь идетъ о рязанцѣ Влад. Стародубскомъ), СХVI, май, 539—541.

Желябовъ, Андрей Ив., революціонеръ, «первомартовецъ», СХVI, май, 628; СХVII, августъ, 591, 617; СХVIII, октябрь, 229; декабрь, 1057.

Жиркевичъ, А. В. *Поправка его* «По поводу музея Бродовскаго въ Вильнѣ», СХVI, май, 782—784.—*Сообщилъ некрологи*: 1) В. В. Грязнова, СХVII, августъ, 729—731 и 2) Н. И. Орловскаго, СХVII, сентябрь, 1116—1118.

Житецкій, Игн. Павл. *Рецензія Л. о брошюрѣ его*: «Гоголь—проповѣдникъ и писатель. Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1152—1153.

Жоржъ-Зандъ, псевдонимъ известной французской писательницы-романистки — Авроры Дюдеванъ (урожд. Дюпенъ). (1804—1870). СХVI, апрѣль, 353—358; июль, 1101—1105 (объ ея любовныхъ похожденияхъ въ замѣткѣ «Золотые годы Жоржъ-Зандъ»).—*О ней въ статейкѣ*: «Политико-гуманитарная роль Жоржъ-Зандъ и ея старость», СХVII, июль, 344—346.

Жуковичъ, П. Н., проф. *Рецензія П. А. о книгѣ его*: «Сѣвмоя борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унией (съ 1609 г.). Четвертый выпускъ (1623—1625 гг.).

Спб. 1908», СХVIII, декабрь, 1138—1139.

Жуковъ, В. В., писатель-поэтъ. *Некрологъ его*: СХV, февраль, 856.

В

Заболотскій, П. А. *Рецензія Андрея Сироткина о книгѣ его*: «Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. I Русская струя въ литературѣ сербскаго возрожденія. Варшава. 1909», СХVI, апрѣль, 327—330.

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, историкъ и археологъ. *Некрологъ его, составленный М. Ключковимъ*, СХV, февраль, 670—680.—*Объ его духовномъ завѣщаніи*, СХV, мартъ, 1254—1256.

Завадовскій, А. П., графъ, камеръ-юнкеръ, СХV, мартъ, 1044—1046; СХVI, апрѣль, 143—147.

Завалинъ, Д. П., СХV, мартъ, 1055; СХVI, апрѣль, 149.

Загоровскій, А. П., ордин. проф. *Рецензія В. Г. о книгѣ его*: «Курсъ семейнаго права. Паданіе 2-е. Одесса. 1909», СХVII, июль, 315—316.

Загоскинъ, М. Н., писатель, СХVI, апрѣль, 134—135, 161.

Загряжская, Наталья Кирилловна (урожд. Разумовская), СХVII, июль, 278—279, 286, 288.

Зайцевъ, В. А., писатель, СХVI, май, 613—614.

Замятинъ, Дм. Ник., министръ юстиціи, СХV, мартъ, 1149, 1159, 1161; СХVI, апрѣль, 231.

Зандеръ, Ю. Ю., устроитель колоніи для прокаженныхъ на островѣ Эзелѣ, СХV, январь, 289—296, 300, 302, 304—305, 310.

Заремба, Антоны Владис., публицистъ. *Некрологъ его*: СХVIII, октябрь, 362—363.

Заславскій, Евгений, русскій революціонеръ, СХVIII, декабрь, 1058—1060.

Засодимскій, Пав. Влад., писатель-народникъ. *Рецензія В. Г. о книгѣ его*: «Изъ воспоминаній». М. 1908, СХV, январь, 337—338.

Засуличъ, Вѣра Пв., русская революціонерка, СХVII, июль, 220; СХVIII, декабрь, 1061.

Затворницкій, Н. М. *Рецензія М. Соколовскаго о книгѣ его*: «Историческій очеркъ дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта. Спб. 1909», СХVI, июль, 1051—1053.

Захаржевскій, Яковъ Васильевичъ, генералъ-отъ-артиллеріи, главноуправляющій дворцовыми правленіями и г.

Царскимъ Селомъ (съ 1820 г.); ум. въ 1865 году, СХV, январь, 263.

Захеръ-Мазохъ, Ванда. *Рецензія В. Г. о переведенной г-жей Потанинко книжки ея*: «Иповѣдь моей жизни». (Спб. 1909), СХVIII, октябрь, 321—322.

Здѣховскій, Маріанъ, польскій писатель, СХV, февраль, 609—610

Зедделеръ, Лог. Лог., баронъ. «Отрывки изъ воспоминаній» его: СХV, мартъ, 918—941.

Зеестъ, Вас. Андр. *Некрологъ его*: СХV, январь, 421.

Зеленинъ, Д. К. *Рецензія его*: «Д. Святскій. Историческій очеркъ городовъ Съвска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орель. 1908», СХV, январь, 344.

Зеленой, Пав. Ал., одесскій градоначальникъ, потомъ почетный опекунъ. СХVIII, октябрь, 181, 185—188.—*Некрологъ его*: СХV, февраль, 856.

Зелинскій, В. *Рецензія С. Н. о книгѣ его*: «Подробный орографическій словарь для учащихся и вообще для самообразованія и справокъ при письменныхъ и корректурныхъ работахъ. М. 1909», СХVI, июль, 1066.

Зноско-Боровскій, А. Э. *Статья его*: «Аудако, колонія прокаженныхъ на островѣ Эзелѣ», СХV, январь, 289—311.

— *Его же замѣтка о губернаторѣ М. А. Пашковѣ*, СХVI, май, 781—782.

Зоричъ, Семенъ Гавриловичъ, шкловскій авантюристъ, СХVII, июль, 282—284.

Зубовъ, Платонъ Александровичъ, князь, фаворитъ императрицы Екатерины II, СХVI, апрѣль, 295, 298, 308; СХVIII, июль, 275, 281—282; августъ, 454—455.

Зѣлинскій, О. Ф., профессоръ, СХV, мартъ, 1251—1253 (по поводу 25-лѣтія его ученой дѣятельности).

И

И. А. *Рецензія его*: 1) «Списокъ книгъ, приобретенныхъ бібліотекою императорскаго С.-Петербургскаго университета съ 1 июля 1904 по 31 декабря 1906 года. Спб. 1907», СХV, январь, 354—355.

2) «В. Н. Перетцъ. Новые труды о «живодствующихъ XV вѣка и ихъ литературѣ. Критико-бібліографическій очеркъ. Кіевъ. 1908», СХVIII, октябрь, 300—301. 3) В. Н. Перетцъ. Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи. Эпоха Петра Великаго и начало XVIII ст. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 713—715.

4) «Проф. П. Жуковичъ. Сеймовая борьба православнаго Западно-русскаго дворянства съ церковной унией. IV вы-

пуксъ (1623—1625 г.), Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1138—1139. 5) «М. Р. Попруженко. Святого Козмы пресвитера слово на еретики и поучение отъ божественныхъ книгъ. Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1144—1146.

Ивановичъ, Степанъ Лукичъ, публицистъ. *Некрологъ его*: СХVII, июль, 378.

Ивановскій, Ник. Ив., проф., СХV, февраль, 730.

Ивановы:

Аполлонъ Викторовичъ, членъ Государственнаго Совѣта. *Некрологъ его*: СХVI, апрѣль, 392—393.

— Иванъ, студентъ Петровской земледѣльческой академіи, русскій революціонеръ, убитый С. Г. Нечаевымъ и его сообщниками. СХVII, августъ, 588—590, 592—597, 605—607.

— О. К., редакторъ «Московского Листка», СХVI, февраль, 688, 690.

Ивановъ-Разумникъ. *Рецензія Н. Л. о книгѣ его*: «О смыслѣ жизни. Федоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ. Спб. 1908», СХVI, май, 695—696.

Игнатьевъ, Р. С. *Статья его*: «Пашковцы-баптисты въ Петербургѣ», СХVI, апрѣль, 184—192.

Извольскій, А. П., министръ иностранныхъ дѣлъ, СХV, январь, 200.

Измайловъ, А. А. (Смоленскій). *Его*: «Романистъ «на покоѣ». (Изъ воспоминаній о графѣ Е. А. Саліасѣ - Турнемирѣ)», СХV, февраль, 630 — 656.— *Рецензія его*: «Ежегодникъ императорскихъ театровъ», подъ ред. бар. Н. В. Дризена. Книги 1 и 2 за 1909 г.— «Журналъ театра литературно-художественнаго общества», сезонъ 1909 г.— «Театръ. Книга о новомъ театрѣ. Изд. «Пиповника». 1909 г.— «Кривая театра». Сборникъ статей. 1909.—Сергѣй Яблоновскій. О театрѣ. Изд. Сытина. М. 1909», СХVIII, ноябрь, 719—722.— *Упоминается*: СХVIII, ноябрь, 597—599.

Иконниковъ, Вас. Степ., профессоръ. *Рецензія М. К. о трудѣ его*: «Опытъ русской исторіографіи. Томъ II, книга I и 2. Кіевъ. 1909», СХVI, июнь, 1053—1054.

Илинскій, графъ, СХVII, августъ, 460—461.

Иловайскій, Д. П., историкъ, СХV, январь, 410—411 (по поводу 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности).

Ильинъ, Робертъ Федоровичъ, публицистъ. *Некрологъ его*: СХVI, май, 772—773.

Ифантьевъ, П. П. *Статья его*: «Жоппитба Пакангура. (Изъ жизни камчадаловъ)», СХVII, июль, 195—208.

Истомина, Авдотья Ильинична, артистка, СХV, мартъ, 1044—1047; СХVI, апрѣль, 144—145.

Истринъ, Вас. Мих., академикъ. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка. Спб. 1907», СХV, январь, 326—327.

Ито, князь, государственный дѣятель Японіи, СХVIII, декабрь, 1185—1186 (по поводу его смерти).

Ишугинъ, Н. А., русскій революціонеръ, СХV, февраль, 701—703; мартъ, 1150—1153, 1155—1158, 1162; СХVI, апрѣль, 220—221.

И.

Иаковъ (Вечорковъ), извѣстный саратовскій епископъ, СХVIII, декабрь, 1001—1002.

Иоаннъ (Кратировъ), епископъ саратовскій. *Некрологъ его*: СХVI, апрѣль, 392.

Иоасафъ (Горленко), епископъ бѣлгородскій и обоянскій. *О немъ книжка протоіеря П. Фомина*: «Святитель Иоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій. Харьковъ. 1909», рецензировавалъ А. Б.—вымъ, СХVI, июнь, 1079—1080.

Иоасафъ, старобрядческій іеромонахъ, СХVII, сентябрь, 952, 959.

Иовъ (преподобный) настоятель Почаевской лавры (XVI в.), СХVII, сентябрь, 1046, 1048, 1059.

Ионъ, Богданъ Иван., докторъ правъ, воспитатель Грѣбобдова, СХV, мартъ, 1032, 1036—1037, 1043—1044; СХVI, апрѣль, 146—147.

Иосифъ II, императоръ германскій, СХVI, апрѣль, 287—290, 294.

К

К—нъ. *Статья его*: «Еще о пушкинскихъ мѣстахъ», СХVIII, ноябрь, 581—594.

К. Х. *Рецензія его*: о книгѣ А. И. Чупрова: «Мелкій кредитъ и кооперація. М. 1909», СХVIII, ноябрь, 711—713.

Кавенаги, Луиджи, итальянскій художникъ, СХV, мартъ, 1215—1216.

Каверинъ, бывшій адъютантъ у Бенгсена, по прозванію «красный гусаръ», СХVI, апрѣль, 146—147.

Казариновъ, Н. О., СХV, мартъ, 1193—1194 (по поводу составленнаго имъ «Путеводителя по музею Псковскаго археологическаго общества»).

Кальвинъ, Жанъ (1509—1564), СХVІІІ, ноябрь, 749 (по поводу 400-лѣтія со дня его рожденія).

Камневъ, М. *Его поправка*, СХV, февраль, 863—864.

Капнистъ, Вас. Вас., авторъ известной комедіи «Ибеда», СХVІ, июнь, 928.

Каподистрія, Иванъ Антоновичъ, графъ, министр иностранныхъ дѣлъ, пользовавшійся довѣріемъ императора Александра I, СХVІІ, июль, 99—100.

Каприви, Георгъ-Лео, графъ, германскій политическій дѣятель, СХV, январь, 202—205.

Каразинъ, Николай Николаевичъ, художникъ, писатель. *Некрологъ его*: СХV, январь, 422—423.

Каракозовъ, Дм. Влад., стрѣлявшій 4 апрѣля 1866 г. въ императора Александра II, СХV, февраль, 700—713, 718; мартъ, 1135—1139, 1145—1162; СХVІ, апрѣль, 220—222; СХVІІ, сентябрь, 759.

Каратыгины:

— Андрей Вас., отецъ послѣдующихъ, драматическій актеръ, авторъ «Записокъ», СХV, мартъ 1058.

— Вас. Андр. знаменитый трагикъ, писатель, СХVІ, апрѣль, 136, 138, 158.

— Петръ Андреевичъ, знаменитый комикъ, писатель, СХV, мартъ, 1058; СХVІ, апрѣль, 142.

Карвовскій, О. П. *Рецензія Андрея Сиротинина о брошюрѣ его: «Къ польскому вопросу. Четверть вѣка назадъ. М. 1909»*, СХVІ, июль, 1069—1070.

Карль II, англійскій король, СХV, февраль, 810—811.

Карѣвъ, Н. И., профессоръ, СХVІ, май, 600—602, 607—608, 615.—*Рецензія Р. С. о книгѣхъ его: «Идеалы общаго образованія. Спб. 1909»*, СХVІ, июнь, 1068—1069.—*Рецензія Р. С. о книгѣхъ его: «Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI. Часть I. (1867—1880). Спб 1909»*, СХVІІ, июль, 316—318.

Катакази, Гаврилъ Антоновичъ, князь, «клеветръ» канцлера князя Горчакова, СХVІІ, августъ, 654.

Каталей, Вас. Вас., генераль-лейтенантъ, СХV, мартъ, 938.

Катенинъ, Пав. Ад-дровичъ, полковникъ, СХVІ, апрѣль, 136—138.

Катковъ, Мих. Пикф., известный публицистъ, СХV, январь, 233—236, 240—247; мартъ, 1135—1136, 1145; СХVІ, апрѣль, 235.

Кауфманы:

— А. А. *Рецензія М. Ключкова о книгѣхъ его: «Русская община въ про-*

цессѣ ея зарожденія и роста. М. 1908», СХV, январь, 317—319.

— Г. Ф. *Рецензія П. Б. о книгѣхъ его: «Политическая исторія Германіи въ XIX вѣкѣ. Спб. 1909»*, СХVІ, апрѣль, 348—349.

— Константинъ Петровичъ (род. 1834 г.; ум. 1882 г.), инженеръ-генералъ, генераль-губернаторъ виленскій и туркестанскій. *О немъ въ статьѣ Е. М. Толбухова: «Въ борьбѣ за русское дѣло. (Эпизодъ изъ государственной дѣятельности К. П. фонъ Кауфмана)»*, СХVІ, апрѣль, 91—131.

Качаловы:

— Н. А., архангельскій губернаторъ, СХV, январь, 58, 70—71.

— Ник. Никол., бывшій директоръ электротехническаго института. *Некрологъ его*: СХVІ, июнь, 1129—1130.

Кашпиревы:

— В. В., редакторъ - издатель журнала «Заря», СХVІ, май, 439—451.

— С. В. (урожд. кн. Урусова), супруга предыдущаго, СХVІ, май, 440—448.

Квитко-Основьяненко, Григорій Фед., малороссійскій беллетристъ и драматургъ, СХVІ, июнь, 909—912.

Кейзерлингъ, Ал-дръ, графъ, попечитель Дерптскаго учебнаго округа, СХVІ, май, 545—546, 551.

Келтуяла, В. А., *Рецензія А. Я. о книгѣхъ его: «Краткій курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы (отъ XI в. до конца XVII в.). Выпускъ II. Спб. 1908»*, СХVІІІ, декабрь, 1146—1148.

Кизеветтеръ, А. А. *Рецензія П. В. В. о книгѣхъ его: «Городовое положеніе Екатерины II 1785 г. Опытъ историческаго комментарія. М. 1909»*, СХVІІІ, октябрь, 301—303.

Кинглэкъ, англійскій писатель, авторъ «Исторіи Крымской войны», СХVІ, май, 550, 553—555, 566—567.

Кириллъ, бывшій митрополитъ, СХVІІ, сентябрь, 952—955.

Кирѣвы:

— Александръ Алексѣевичъ, генераль-адъютантъ, СХVІ, май, 543—544.

— Алексѣй Пикол., отецъ предыдущаго и послѣдующаго. *ib.* 543—544.

— Николаѣй Алексѣевичъ, — *ib.*, 544.

— Александра Васильевна (урожд. Дяльбена), жена Алексѣя Николаевича, *ib.* 544.

— Ольга Алексѣевна (по мужу Навикова)—см. это слово.

Китнеръ, I. С., академикъ архитектуры, СХVII, июль, 371—372 (по поводу 50-лѣтія его дѣятельности).

Кларендонъ, лордъ, СХVI, май, 549.

Клейнмихель, П. А., графъ, главноуправляющій путями сообщения и публичными зданіями, СХV, январь, 45, 48.

Клеменсъ, Дмитрій Александровичъ, революціонеръ, СХVIII, октябрь, 221; ноябрь, 617—621, 631.

Клетнова, Е. Рецензія ея о книгѣ В. И. Грачева: «Иллюстрированный путеводитель по городу Смоленску. Смоленскъ. 1908», СХVII, сентябрь, 1087.

Климентъ (въ мѣрѣ Константинъ Алексѣевичъ Верниковскій), епископъ «винницкій». *Некрологъ ево*: СХVIII, ноябрь, 771.

Клочковъ, М. В. Статья ево: «И. Е. Забѣлинъ (Некрологъ)», СХV, февраль, 670—680.—*Рецензія ево*: 1) А. А. Кауфманъ. Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста, М. 1908», СХV, январь, 317—319.—2) «Писаревскій, Г. Изъ исторіи иностранной колонизаціи, въ Россіи въ XVIII вѣкѣ (по неизданнымъ архивнымъ документамъ). М. 1909», СХV, февраль, 781—783.

Ключевскій, Вас. Осип., профессоръ Московскаго унив., историкъ, СХVI, апрѣль, 171.

Кобозевъ, Н. С., городской голова въ Бердянскѣ, СХV, январь, 62—63.

Ковалевскіе:

— Вас. Ив., бывшій товарищъ министра финансовъ, СХVII, июль, 215—217.

— Пав. Ив., проф., СХVI, апрѣль, 353.

Коганъ, П. Рецензія А. Ф.—на о книгѣ ево: «Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ». Т. I. Ч. I. М. 1909», СХVII, сентябрь, 1084—1085.

Козловъ, П. А., адъютантъ Е. И. В. великаго князя Александра Александровича, СХV, январь, 70—71.

Козловъ, П. К. подполковникъ, СХVIII, октябрь, 356—357 (объ его походкахъ въ Центральной Азій).

Коклены, братья: Венуа-Констанъ и Эрнестъ, замѣчательные французскіе актеры, СХV, мартъ, 1239—1240 (по поводу ихъ смерти).

Кокошкинъ, Сергій Александровичъ, послѣдній малороссійскій генералъ-губернаторъ, сенаторъ, СХVI, июнь, 931.

Колмачевскій, Л. З., проф., СХV, январь, 328.

Колоколовъ, Георгій Евгр., профессоръ московскаго университета. *Некрологъ ево*: СХV, мартъ, 1259.

Коломійцева, Александра Карловна, СХVI, май, 593—595. (Письмо къ ней О. М. Достоевскаго).

Коломійцевъ, Андрей. *Сообщилъ «Письмо Ѳ. М. Достоевскаго»*, СХVI, май, 593—595.

Колосова, А. М., артистка, СХVI, апрѣль, 138, 158.

Колпакчи, И. М., докторъ медицины. *Некрологъ ево*: СХVI, июнь, 1130.

Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ, поэтъ. *О немъ статья Н. А. Державина: «А. В. Кольцовъ и его поэзія. (Къ столѣтію со дня рожденія)»*, СХVIII, октябрь, 113—151.—*О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова: «Академическій Кольцовъ»*, СХVIII, октябрь, 654—659.—*О немъ въ замѣткѣ: «Чествованіе Кольцова въ Воронежѣ»*, СХVIII, ноябрь, 766.

Комаровскій, Николай Егоровичъ, графъ. *Некрологъ ево*: СХVIII, октябрь, 363.

Комиссаровъ - Костромской, Осипъ Ивановичъ, СХV, февраль, 714, 718; мартъ, 1134, 1165.

Кондаковъ, Никод. Павл., академикъ. *Рецензія П. В. о книгѣ ево: «Македонія. Спб. 1909»*, СХVI, май, 714—715.

Кони, Анатолій Осодоровичъ, извѣстный юристъ, писатель, СХVII, сентябрь, 786.

Коноваловъ, Д. Г. Рецензія В. Троицкаго о книгѣ ево: «Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ. Ч. I. Вып. I. Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ посадъ. 1908», СХV, мартъ, 1201—1203.—*Рецензія В. Троицкаго о рѣчи ево предъ защитой магистерской диссертации: «Психологія сектантскаго экстаза. Сергіевъ посадъ. 1909»*, СХVII, июль, 331—332.

Кононовичъ, отставной офицеръ, начальникъ значительной польской банды въ 1863 г., СХVII, сентябрь, 863—876.

Конради, Е. И., публицистъ, СХVII, сентябрь, 978.

Константинь Николаевичъ, великій князь, СХV, январь, 232; мартъ, 1147, 1153—1154, 1157—1158.

Константинь Павловичъ, великій князь. *О немъ въ «Запискахъ графа Морюлля»*, СХVII, июль, 73—104; августъ, 448—475; сентябрь, 832—854; СХVIII, октябрь, 60—79.—*О немъ въ статьѣ Вл. И. Штейна: «Первое пятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича»*, СХVIII, декабрь, 1100—1120.

Кончаловскій, Д. П. Рецензія А. Б.—лова о переведенной имъ «Исторіи римской республики» проф. К. Нича (М. 1908), СХVI, апрѣль, 346—348.

Корбъ, Іоаннъ Георгъ, секретарь царскаго посольства, отправленнаго въ Московію императоромъ Леопольдомъ. *О немъ книга Фридриха Дукмейера: «Korbs. Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Berlin. 1909», реценз. А. Маленинымъ, СХVIII, октябрь, 295—297.*

Корево, Н. Н. *Рецензія П. Майкова о составленномъ имъ «Алфавитномъ указателѣ къ постановленіямъ, относящимся до великаго Княжества Финляндскаго. Томъ третій, буквы Р—Я. Спб. 1908», СХV, мартъ, 1196—1198.*

Кореневскій, П. И. *Статья его: «Кальварія», СХV, январь, 268—288.*

Корниловы:

— А. А. *Рецензія В. Г—скаго о книгѣ его: «Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1861). Историческій очеркъ. М. 1909», СХVII, сентябрь, 1072—1075.*

— И. П. *Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Изданіе второе. Вып. I. Спб. 1908», февраль, 799.*

Короленко, Влад. Галакт., писатель, СХVI, июнь, 914, 916—917, 919.

Корфъ, Мод. Андр., баронъ, директоръ Публичной Библиотеки, СХVI, апрѣль, 154.

Корфъ, Н. А., бар. *О немъ въ книгѣ В. П. Острогорскаго и Д. Д. Семенова: «Русские педагогическіе дѣятели: П. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій. Н. А. Корфъ. Съ портретами. 2-е изд. М., 1909», рецензировавшей В. Троцкимъ, СХVIII, декабрь, 1142—1144.*

Косачъ, П. А. *Некрологъ его: СХVI, май, 773—774.*

Коста-де Ворегаръ, маркизь, французскій академикъ, СХV, мартъ, 1241 (по поводу его смерти).

Костомаровъ, Николай Ивановичъ, извѣстный историкъ, СХV, январь, 59.

Костюшко, Фаддей (1746 — 1817), польскій генералъ и патриотъ, СХVI, апрѣль, 309.

Котляревскій, Иванъ Петровичъ, (1769—1838), малорусскій писатель, поэтъ, СХVI, июнь, 916—921.

Котовичъ, Ал. *Рецензія П. Версовскаго о книгѣ его: «Духовная цензура въ Россіи (1799—1855 гг.). Спб. 1909», СХV, мартъ, 1199—1200.*

Кочубен:

— Василій Леонтьевичъ, генеральный судья малороссійскаго войска, казненный въ 1709 г., СХVI, июнь, 905—906, 910, 914.

— Матрена Васильевна, дочь предыдущаго, СХVI, июль, 906.

Кравчинскій, Сергѣй Михайловичъ (псевдонимъ «Степнякъ»), писатель и революціонеръ, СХVIII, октябрь, 217—221, 236, 241—242; ноябрь, 614—617 619.

Кракау, А. А., проф. *Некрологъ его: СХVI, май, 774.*

Крамарева, О. Н. *Рецензія Sc. о книгѣ ея: «Alexandre Serguieévitch Griboïédov. Sa vie—ses oeuvres. Paris», СХVIII, октябрь, 303—306.*

Красножентъ, Мих. Егоръ, проф. *Рецензія его: «Владимиръ Бобровъ. «Русскія народныя сказки о животныхъ». Изслѣдованіе. Варшава. 1909», СХV, январь, 328.*

Краузольдъ, В. Э., адвокатъ, СХV, мартъ, 1157.

Крейсбергъ, Ал.—дръ Ром., библиотечаръ С.-Петербургскаго университета. *Некрологъ его: СХV, мартъ, 1259—1260.*

Крестовскій, В. В., писатель-романистъ, СХVI, май, 446—448, 450.

Кридеръ, баронъ, военный генералъ, СХVII, сентябрь, 855—857.

Криндичъ, Егоръ Ив., общественный дѣятель. *Некрологъ его: СХVI, апрѣль, 393.*

Бричагинъ, Николай Александр., педагогъ. *Некрологъ его: СХVIII, декабрь, 1206.*

Броюткины и (Крапоткины):

— Александръ Алексѣевичъ, князь, братъ послѣдующаго, революціонеръ, СХVII, сентябрь, 1005.

— Петръ Алексѣевъ, князь, революціонеръ, авторъ «Записокъ», СХVI, апрѣль, 221—224, 229; СХVII, сентябрь, 1005, 1012; СХVIII, октябрь, 220—224, 235—238, 242; ноябрь, 619—620.

Крофордъ, Маріанъ, американскій романистъ, СХVII, июль, 358 (по поводу его смерти).

Крузе, Н. Ф., цензоръ, СХVI, апрѣль, 225.

Крушеванъ, П. А., публицистъ. *Некрологъ его: СХVII, июль, 378—379.*

Крыжановскій, Николай Андреевичъ, генералъ-адъютантъ, бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ, СХV, январь, 49—51.

Крыловъ, В. А. (псевдонимъ: В. Александровъ). *Рецензія Б. Г. объ его: «Прозаическихъ сочиненіяхъ въ 2 томахъ. Съ 4 портретами автора, біографіей, критическимъ очеркомъ и 10 рисунками. Спб. 1908», СХVI, апрѣль, 310—341,*

Брыловъ, Никита Иванъ, проф. Московскаго университета, СХV, февраль, 686—687.

Брючковъ, Ксенофонть, свящ., синодальный миссіонеръ. *Некрологъ его*: СХVI, июнь, 1130—1131.

Кузьминскій, Константинъ. *Рецензія А. Я. о брошюрахъ его*: «О сборникъ молитвъ, извѣстныхъ, подъ названіемъ «Абагаръ». М. 1908» и «Очеркъ развитія новой болгарской литературы. М. 1907», СХV, февраль, 797—798.

Булаковскій, Ю. А., проф. *Рецензія В. о книгѣ его*: «Амміанъ Марцеллинъ. Исторія. Переводъ съ латинскаго. Выпускъ III. Кіевъ. 1908», СХV, январь, 345.—*Рецензія Б. В. о книгѣ его*: «Римское государство и его армія. Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1161.

Буракинъ, А. В., князь, малороссійскій генераль-губернаторъ, СХVI, июнь, 927—930, 935; СХVII, июль, 287.

Буропаткинъ, А. Н., генераль-адъютантъ, главнокомандующій въ русско-японскую войну, СХV, февраль, 825—827 (по поводу его статей о русско-японской войнѣ).—*Упомянется*: СХVIII, ноябрь, 510—511.

Бурута, Дмитр. Дмитр., графъ, СХVII, июль, 87—88, 93—94; августъ, 449, 474; СХVIII, октябрь, 70—73.

Бусковъ, Платонъ Ал-дровичъ, журналистъ. *Некрологъ его*: СХVIII, октябрь, 363—364.

Бутайсовъ, Иванъ Павловичъ, графъ, оберъ-гофмейстеръ императора Павла I, СХVI, апрѣль, 307—308; СХVII, июль, 286.

Кушелева - Безбородко, графиня СХVII, августъ, 649, 650, 655.

Кушелевъ, Сергѣй Егоровичъ, генераль-майоръ, СХVIII, октябрь, 34—38, 41—44.

Кюсси, французскій дипломатъ. *Его «Воспоминанія»*, СХVIII, ноябрь, 733—745.

Кюхельбекеръ, Карлъ Иванъ, директоръ Павловска, СХVI, апрѣль, 296.

Л

Л. Рецензіи: 1) «Донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ. Т. III. 1819—1820. Спб. 1908. (Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. 127-й)», СХV, январь, 319—321. 2) «С. Н. Брайловскій. Къ вопросу о Пушкинской плядѣ. Историко-литературные матеріалы и изслѣдованія. I.

Орестъ Мих. Сомовъ. Ввршава. 1909», СХVIII, декабрь, 1148. 3) «Игн. Житецкій. Гоголь—проповѣдникъ и писатель. Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1152—1153.

Л. Н. Рецензіи его: 1) «М. Грулевъ. Соперничество Россіи и Англій въ Средней Азій. Спб. 1909».—«М. Грулевъ. Очеркъ возстаній пограничныхъ племенъ Падди за послѣднія 10 лѣтъ. Спб. 1909».—«А. Гамильтонъ. Афганистанъ. Переводъ съ англійскаго С. П. Голубинова. Спб. 1908», СХV, январь, 324—326. 2) «Персиваль Хисламъ. Господство на Атлантическомъ океанѣ. Переводъ съ англійскаго морского генеральнаго штаба капитана 2-го ранга барона Гревеница. Спб. 1908», СХV, январь, 348—350. 3) «Г.-л. Реннен-пампф. Мукденское сраженіе. Двадцатидневный бой моего отряда. Спб. 1909».—«Ф. Лигницъ (генер. - отъ-инфантеріи германской службы). Японо-русская война. Извлечение изъ I части. Спб. 1909».—«Русско-японская война. Офиціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами. Собраны и опубликованы въ Кіото Г. М. Кинай. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей М. Грулева. Спб. 1909», СХV, февраль, 801—802. 4) «Н. П. Волынский. Жертвы войны. Трилогія изъ русско-японской войны 1904—1905 гг. Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 330—331. 5) «Родина. А. Пилипенко. Альманахъ для нижнихъ чиновъ на 1909 годъ. Одесса. 1909», СХVI, апрѣль, 341—342. 6) «В. Ф. Новицкій. На пути къ усовершенствованію государственной обороны. Спб. 1909, СХVI, май, 715—718. 7) «Л. И. Медвѣдевъ. Персія. Военно-статистическое обозрѣніе. Съ рисунками. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1082—1082. 8) «Труды императорскаго военно-историческаго общества. Документы и изложеніе Полтавскаго періода Сѣверной войны. 1708—1709 гг. А. К. Ваювъ и П. Л. Юнаковъ. Четыре тома», СХVIII, декабрь, 1133—1136.

Лабенскій, польскій повстанецъ въ 1863 г., СХVII, сентябрь, 870—875, 881.

Лавровскіе:

— Николай Алексѣевичъ, директоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института, ректоръ варшавскаго унив., и попечитель Рижскаго учебнаго округа, СХV, мартъ, 1102—1111, 1114—1119.

— Петръ Ал., братъ предыдущаго, профессоръ - славистъ. СХV, мартъ, 1103, 1109.

Лавровы:

— В. Н., генераль-майор, СХV, мартъ. 927—928, 933.

— Петръ Лавровицъ (1823—1900), писатель и революционеръ, СХVI, апрѣль, 233—235; СХVII, сентябрь, 977—1012; СХVIII, октябрь, 211—212, 216—217, 221, 231, 243; декабрь, 1058, 1062.

Лагарпъ, Фредерикъ-Цезарь, воспитатель Императора Александра I, СХVII, июль, 78—80 и сентябрь, 863 (въ «Запискахъ графа Морюодля»).

Ламбинъ, Вл. П., библиотекарь Публичной Библиотеки, СХV, январь, 411—412 (по поводу 25-ти лѣтня его дѣятельности въ Публичной Библиотецѣ).—

Некрологъ его: СХV, февраль, 856—857.

Ланцъ, французскій маршалъ, СХVIII, декабрь, 1174—1175 (по поводу столѣтня со дня его смерти).

Ланчичскій, Н. Д., инженеръ. *Некрологъ его*: СХV, февраль, 857.

Ларра, Хосе, испанскій поэтъ и сатирикъ, СХVI, июнь, 1117.

Лассаль, Фердинандъ (1825—1864), извѣстный основатель социаль-демократической партіи, СХVIII, ноябрь, 745—748 (въ воспоминаніяхъ Елены Деннигесъ Шевичъ, виновницы его смерти).

Латкинъ, Вас. Никол., проф. *Рецензія В. Г. о книгѣ его*: «Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.)». Спб. 1909», СХVI, июнь, 1055.—*Рецензія М. К-ва о книгѣ его*: «Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.)». Изданіе 2-е. Спб. 1909. СХVII, августъ, 674—675.

Латынинъ, Е. Лю: «Отрывочныя воспоминанія», СХVI, июнь, 825—840.

Лафатеръ, филозофъ-мистикъ, СХVI, апрѣль, 303—304.

Лаферрона, графъ (Шьеръ Ферронъ). *Статья о немъ*: «Графъ Лаферрона въ Петербургѣ и его переписка съ графомъ Нессельроде». СХVII, июль, 334—339.

Лациаретти, Давидъ (1834—1878), проповѣдникъ «новой вѣры», СХVI, июнь, 1110—1112.

Лебедевы:

— Ал. Петр., профессоръ, докторъ богословія, СХVII, августъ, 419—421.

— Василій Александровичъ, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго унив., изслѣдователь финансоваго права. *Некрологъ его*: СХVI, июнь, 1131—1132.

— Георгій Глѣбовичъ, профессоръ Горнаго института. *Некрологъ его*: СХVII, августъ, 731—732.

— Евгений Иван., докторъ медицины. *Некрологъ его*: СХVI, июнь, 1132.

— С. *Статья его*: «В. К. Певе въ Троице-Сергіевой лаврѣ. (Воспоминанія студента духовной академіи 1902 г.)», СХVI, апрѣль, 164—175.

Лебединцевъ, П. Г., СХVI, июнь, 912, 914.

Лебрень, Вилже, художница, СХVII, июль, 272, 275.

Левашовъ, Николай Вас., графъ, орловскій губернаторъ, СХVII, августъ, 417.

Левитанъ, И. П., художникъ-пейзажистъ, СХVII, августъ, 507.

Левицкій, О. В., артистъ. *О немъ въ статьѣ В. В. Уманова-Калужовскаго*: О. В. Левицкій. (Къ 20-лѣтню артистической дѣятельности, 1889—1908 гг.), СХV, мартъ, 1127—1131.

Лежъ, Луи, извѣстный славистъ. *Его сужденіе о Гоголевскомъ юбилей*: СХVII, августъ, 713—716.

Лезинъ, Б. А. *Рецензія П. Б. о редактированной имъ книгѣ*: «Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ II. Вып. I. Спб. 1903», СХVII, июль, 309.

Лейкинъ, Н. А., писатель-юмористъ, СХVII, июль, 36—37.

Лендеръ, Н. Н. (Путникъ). *Его статьи*: 1) «Николай Валерьяновичъ Муравьевъ. (Некрологъ)», СХV, январь, 253—258, 2) «По сѣверу и югу (Картинки Россіи)», СХV, февраль, 725—773, 3) «Позвѣдка въ Кашинъ (Впечатлѣнія)», СХVII, августъ, 542—560.

— *Рецензія его*: «С. П. Фармаковский. «Возрожденіе Урала». Очерки. Спб. 1908», СХV, январь, 336—337.

Ленскій, Ал-дръ Павловичъ, артистъ. *О немъ статья Н. П. Шубинскаго*: «Памяти А. П. Ленскаго», СХVII, июль, 156—164.

Леонидъ (въ мѣрѣ Левъ Васильевичъ Красношвиевъ), vicарный епископъ московской епархіи (род. въ 1817 г.; ум. въ 1876 г.), СХVI, апрѣль, 54—57 (въ «Воспоминаніяхъ» Н. К. Полевого).

Леопольдъ II, бельгійскій король. *О немъ въ статьѣ Г. Т. Сьерцова-Поллова*: «Царственный купецъ», СХV, февраль, 574—589.

Лермонтовъ, Мих. Юрьевичъ, извѣстный поэтъ. *О немъ въ «Словарѣ литературныхъ типовъ. Выпускъ III. Спб. 1909»*, реценз. А. Фоминымъ, СХVII, августъ, 688—689.

Лернеръ, Н. О. *Рецензія его*: 1) «Валерій Брюсовъ. Непонеденій. Къ характеристикѣ Гоголя М. 1909». СХVIII, октябрь, 311. 2) «Вольтеръ. Кандидъ или оптимизмъ. Переводъ Фодора Со-

логуба. Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 319—320.

Леру, Пьеръ, другъ писательницы Жюльетт-Зандъ, СХVII, июль, 344—345.

Лессаръ, дипломатъ, СХVI, май, 564, 566.

Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Софья Александровна, русская пропагандистка-революционерка, СХVIII, октябрь, 222; декабрь, 1056.

Ливенъ, Шарлотта Карловна, свѣтлѣйшая княгиня, СХV, январь, 372—380 (по поводу ея переписки съ Меттернихомъ въ 1818—1819 году); мартъ, 1221—1225 (въ воспоминаніяхъ герцогини Дино).

Лигницъ, Ф. (генераль-отъ-инфантеріи германской службы). *Рецензія Л. Н. о книжкѣ его*: «Японско-русская война. Извлеченіе изъ I части. Спб. 1909», СХV, февраль, 801—802.

Линевичъ, Николай Петровичъ, генераль-адъютантъ, главнокомандующій манджурской арміей въ Русско-Японскую войну, СХVIII, ноябрь 467—472 (въ воспоминаніяхъ Г. П. Миллера).

Линевъ, Ал. Лог., революционеръ, СХVII, сентябрь, 1011—1012.

Линкольнъ, Авраамъ (1809—1865), президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, извѣстный освободитель Негровъ, СХVI, май, 749—752 (по поводу столѣтія со дня его рожденія).

Линиченко, П. А., проф., СХV, мартъ, 1179, 1185.

Липинскій, полякъ, СХVI май, 597—598.

Липранди, А. П. (Волынецъ). *Рецензія П. Майкова о брошюрѣ его*: «Финляндскій вопросъ. Къ столѣтію присоединенія Финляндіи къ Россіи. Спб. 1909», СХVII, июль, 302—304.

Литвиновъ, И. М., цензоръ, СХVIII, октябрь, 183—184.

Лобанова-Ростовская, Надежда Алексѣевна, княгиня, замужемъ за Вильмомъ Румбольдомъ, СХVII, августъ, 646, 650, 655, 659.

Лобановъ-Ростовскій, Алексѣй Борисовичъ, князь, министръ иностранныхъ дѣлъ, СХVII, августъ, 655—656.

Ловичъ, Иоанна, княгиня, супруга великаго князя Константина Павловича, дочь графа Антоны Грудзинскаго, СХVII, июль, 77, 84—90, 92—93, 97—98; августъ, 451, 453—466, 470—475; сентябрь, 853; СХVIII, октябрь, 76—78.

Ловягинъ, Евграфъ Ивановичъ, профессоръ Спб. духовной академіи. *Некрологъ его*: СХVI, май, 774—775.

Логиновъ, Георгій Мих., докторъ медицины. *Некрологъ его*: СХV, январь, 423.

Ломброзо, Чезаре, извѣстный итальянскій антропологъ-криминалистъ, СХV, февраль, 820—825 (о немъ «миѣніе Ферреро, какъ современномъ пророкѣ, великомъ пессимистѣ и писателѣ»).—*Его сужденіе о мессинской катастрофѣ*: СХV, февраль, 827—830; СХVIII, декабрь, 1183—1185 (по поводу его смерти).

Лопатинскій, Л. Г. *Рецензія А. Халова о редактированномъ имъ*: «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXIX. 1908», СХVI, июнь, 1080—1081.

Лопатинъ, Германъ Александр., русскій революционеръ, СХVII, октябрь, 980—981, 1005—1006, 1008.

Лопухина, Екатерина Николаевна, свѣтлѣйшая княгиня, статсъ-дама, фаворитка императора Павла I, СХVI, апрѣль, 308.

Лопухинъ, Петр. Вас., князь, предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ (1741—1827), СХVIII, декабрь, 1102, 1107, 1110.

Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Таріеловичъ, графъ. *О немъ* «Воспоминанія» Н. Г. Вучетича, СХVIII, декабрь, 940—979.

Лукашевичъ, Александръ Осиповичъ, австрійскій подданный, русскій пропагандистъ, СХVIII, декабрь, 1037, 1053, 1056.

Луначарскій. *О немъ въ статьѣ П. В. Безобразова*: «Потомки Базарова», СХVI июнь, 990—1002.

Лѣсковъ, Николай Семен., писатель, СХV, январь, 291.—*О немъ въ статьѣ С. Гусева*: «Мое знакомство съ Н. С. Лѣсковымъ», СХVII, сентябрь, 933—938.

Любавинъ, Гавр. Павл., генераль-майоръ, СХVIII, ноябрь, 547—561.

Любецкій, князь, СХVI, июнь, 1098—1101 (его бесѣда съ императоромъ Николаемъ I наканунѣ польскаго возстанія 1830 года).

Любовицкій, президентъ г. Варшавы, СХVIII, октябрь, 64—65, 75.

Люшеръ, Ашнль, французскій историкъ, СХV, январь, 382 (по поводу его смерти).

Лялина, М. А. *Рецензія Н-ки о книгѣ ея*: «Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшаго періода до начала XX столѣтія. Изданіе Березовскаго. Спб. 1908», СХV, февраль, 804.

Лялинь, Василій Серг., публицистъ. *Некрологъ его*: СХVI, май, 775.

М

М. В. *Рецензія его*: «В. А. Розовъ, Пушкинъ и Гете. Кіевъ. 1908», СХV, январь, 328—329.

М. И. Ю. *Его статья:* «Восная вспышка. (Отрывокъ изъ воспоминаній о смутномъ времени въ Харьковѣ)», СХV, февраль, 612—629. — *Поправка къ этой статьѣ* М. Бурликова, СХV, мартъ, 1264.

М. К. *Рецензія его:* «Иконниковъ, В. С. Опытъ русской исторіографіи. Т. II. Книга 1 и 2. Кіевъ. 1909», СХVI, июнь, 1053—1054.

М. К.—въ. *Рецензія его:* «В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи (русскаго права періода имперіи СХVIII и XIX ст.). Изданіе 2-е. Спб. 1909», СХVII, августъ, 674—675.

М. С. *Рецензія его:* «А. Вишняковъ. Императоръ Юліанъ Отступникъ и литературная политика съ нимъ св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго. Симбирскъ. 1908», СХVIII, октябрь, 306—307.

М. С.—ъ. *Его очеркъ:* «Изъ деревенской жизни», СХVIII, ноябрь, 930—998.

Магдесіанцъ, Эман. Яковл., художникъ: *Некрологъ его:* СХV, январь, 424.

Магницкій, Мих. Леонт. СХVIII, декабрь, 825—828, 831.

Мазепа, Иванъ Степановичъ, малороссійскій гетманъ, СХVI, июнь, 901—912, 922, 924, 927, 961—965.

Майковы:

— Аполлонъ Алдровичъ, СХVI, апрѣль, 135—136.

— Аполлонъ Николаевичъ, поэтъ, внукъ предыдущаго, СХVI, апрѣль, 222; май, 448—450.

— П. М. *Рецензія его:* 1) «М. Бородкинъ. Исторія Финляндіи. Время императора Александра I. Съ портретами, иллюстраціями и картами. 1909 г. Къ столѣтню покоренія Финляндіи», СХV, февраль, 778—780. 2) «Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до великаго княжества Финляндскаго. Томъ третій, буквы Р—Я. Съ приложеніемъ списка заглавныхъ буквъ. Составилъ П. П. Корево. Спб. 1909», СХV, мартъ, 1196—1198. 3) «Списокъ членовъ императорской академіи наукъ съ 1725 по 1907 г. Составилъ Б. Л. Модзалевскій. Спб. 1908», СХV, мартъ, 1206—1207. 4) «Программы финляндскихъ партій. Спб. 1909», СХVI, май, 712—714. 5) «Финляндскій вопросъ. Къ столѣтню присоединенія Финляндіи къ Россіи. А. П. Лишраиди. Спб. 1909», СХVII, июль, 302—304.

Макарія (въ мірѣ Евдокія Короткина), настоятельница Черногорскаго монастыря, Рязанской губ., СХVII, августъ, 122.

Макарій (въ мірѣ Михаилъ Андреевичъ Невскій), архіепископъ томскій и алтайскій, миссіонеръ, СХV, мартъ, 1253—1254 (по поводу 25-лѣтія его служенія въ епископскомъ санѣ).

Макарій (Токаревскій), игуменъ Каневскаго монастыря, СХVI, июнь, 956, 961.

Максимовичъ, М. А., историкъ Малороссіи, СХV, мартъ, 1167.

Максимовъ, К. А. *Статья его:* «Поэтъ Н. А. Паповъ», СХVII, сентябрь, 927—932.

Макутовоъ, П. П., князь, скончавшійся въ 1882 г. въ адмиральскомъ чинѣ, СХV, январь, 62—65.

Макушевъ, В. В., профессоръ, славиствъ, СХV, мартъ, 1111—1113.

Маленнъ, А. I. *Рецензія его:* «Korbs. Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moscovitisch-russischen, östereichisch-kaiserlichen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen. Von Friedrich Dukmeyer. Erster Band. Berlin. 1909», СХVIII, октябрь, 295—297. — *Замѣтка его къ очерку* А. Дулина: Губернеры въ старину», СХVIII, октябрь, 368.

Малиновскій, О. В., артиллерійскій капитанъ, СХV, январь, 74—75.

Мальмгрень, А. Э., *Рецензія его:* 1) «Baltischer historisch-geographischer Kalender. 1908. Изданіе Платеса. Рига». СХV, февраль, 803. 2) «Arnold Feuerreisen. Livländische Geschichtslitteratur. 1) 1903, 2) 1904, 3) 1905. Рига. 1905, 1907, 1908», СХVI, май, 719—720. 3) «Статистическій сборникъ рижскаго городского управленія. Часть I. Рига. 1909». СХVII, июль, 327—328. 4) «Каталогъ Гоголевской выставки, устроенной въ женскомъ училищѣ г. Преде въ Митавѣ 14 мая 1909 г. въ память столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя. Матеріалы для Гоголевской иконографіи. Митава. 1909», СХVII, июль, 333. 5) «Baltische Revolutions Chronik. 2 тома. I. Bis zum October 1905. Рига. 1907. II. October bis December 1905. Рига. 1908», СХVII, августъ, 693. 6) «К. Военскій, Петръ I въ Карлсбадѣ въ 1711—1712 годахъ. Спб. 1908». — «Д. Нагуевскій, Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711—1712 годахъ. Рига. 1909», СХVII, сентябрь, 1069—1072. 7) «Вечерніе общедобразовательные курсы въ г. Митавѣ. Отчетъ за 1907 8 учебный годъ. Митава. 1908», СХVII, октябрь, 320—321. 8) «Jahrbuch für bildende Kunst im den Ostseeprovinzen. II годъ. Рига. 1908», СХVIII, октябрь, 324. 9) «Альманахъ-календарь для всѣхъ. 1909. 2-ой годъ изданія. Спб.».

СХVIII, декабрь, 1155—1156. 10) «Aus baltischer Geistesarbeit. I — VII. 1903», СХVIII, декабрь, 1161.

Мальцева, Анастасія Николаевна (урожд. княжна Урусова), приближенная императрицы Маріи Александровны, СХVI, январь, 232.

Мальвинскій, Аркадій Павл., издатель газеты «Народъ», СХVII, июль, 37—38.

Мансветовъ, Вас. Петр., коммерсантъ. *Некрологъ его*: СХVI, июнь, 1132—1133.

Мануйловъ, А. А., проф., ректоръ Московскаго университета, СХVI, июнь, 1012.

Марія, принцесса, супруга принца Вольдемара Датскаго, СХVI, май, 740—743.

Марія Александровна, императрица, супруга императора Александра II, СХV, январь, 66, 73—74; 231; мартъ, 924—925; СХVI, июнь, 831—832, 837—838.

Марія Павловна, великая княгиня, СХV, мартъ, 940.

Марія Федоровна, императрица, вторая супруга императора Павла I, СХV, апрѣль, 285—295, 302, 304 — 307, 312; СХVI, июнь, 1038—1041; СХVII, июль, 285—287, 290; СХVIII, декабрь, 1107—1110, 1121.

Марія Федоровна, императрица, супруга императора Александра III, СХV, январь, 71—72; СХVI, апрѣль, 265.

Марія-Антуанетта, супруга французскаго короля Людовика XVI, СХVI, апрѣль, 291.

Марксъ, Карлъ (1818—1882), знаменитый нѣмецкій экономистъ, основатель научнаго социализма, СХVI, май, 600—603, 614; июнь, 1109—1110.

Мартенсъ, Ф. Ф., проф. *Рецензія В. Т. о трудѣ его*: «Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Томъ XV. Трактаты съ Франціей. 1822—1906. Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 314—319. *Некрологъ его*: СХVII, июль, 379—380.

Мартенъ, аббатъ, проф. парижскаго унив., СХVIII, ноябрь, 723—726 (по поводу его французскаго перевода съ эіопскаго текста книги патріарха Еноха).

Марцеллинъ, Амміанъ. *Рецензія В. обь его «Исторіи», переведенной проф. Ю. А. Кулаковскимъ* (вып. III. Кіевъ. 1908), СХV, январь, 345.

Масперо, французскій египтологъ, СХV, мартъ, 1213—1215 (по поводу его статьи о муміяхъ фараоновъ).

Матвѣевъ, В. О. *Рецензія А. И. о книгѣ его*: «Право публичныхъ собраній». Очеркъ развитія и современной поста-

новки права публичныхъ собраній во Франціи, Германіи и Англии. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 708—711.

Махровъ, Николай. *Рецензія Д. Н. М. обь изданной имъ «Дечанской лѣтописи, съ предисловіемъ и комментаріями къ ней. Съ приложеніемъ этнографической карты Старой Сербіи. Изданіе обители св. Іоанна Златоустаго на Афонѣ*. Спб. 1908», СХVI, май, 693.

Маццини, итальянскій революціонеръ, СХVI, май, 597—598, 602—611.

Медвѣдова, Н. М., артистка, СХVII, июль, 159—160.

Медвѣдевы:

— А. И. *Рецензія Л. И. о книгѣ его*: «Персія. Военно-статистическое обзоръніе. Съ рисунками. Изданіе Березовскаго. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1082—1083.
— Петръ Мих., СХVII, июль, 32.

Межевичъ, Вас. Степ., писатель, СХV, мартъ, 1047.

Мейнандеръ, Отто Иванъ, генерал-майоръ, директоръ Павловскаго кадетскаго корпуса (съ 1851 г.), СХVI, июнь, 826—827.

Митчель, Томасъ (Тома Ивановичъ), дипломатъ, СХVII, августъ, 648.

Мельниковъ, Пав. Ив. (Печерскій), извѣстный писатель, расколывѣдъ, СХV, февраль, 726.

Мельхиседекъ, іеродиаконъ бѣлокриницкаго митрополита Кирилла, СХVII, сентябрь, 952—961, 966.

Мендельсонъ, Н. М. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его*: «Очерки по исторіи русской литературы. Съ 29 рисунками и портретами въ текстѣ. М. 1908», СХVI, май, 702.

Мендельсонъ-Бартольди, извѣстный композиторъ. СХVI, май, 748—749 (по поводу столѣтія со дня его рожденія).

Мендесъ, Катюль, французскій писатель, СХV, мартъ, 1240—1241 (по поводу его смерти).

Мердеръ, Н. И. *Ея*: «Изъ далекаго прошлаго», СХVIII, ноябрь, 400—420; декабрь, 819—845.

Меридатъ, Джоржъ, англійскій писатель, СХVII, июль, 360 (по поводу его смерти).

Мериме, Просперъ (1803—1870), французскій поэтъ, драматургъ и историкъ, СХV, мартъ, 1226—1230.

Меттернихъ, Клеменсъ, знаменитый дипломатъ (род. въ 1773 г.; умеръ въ 1859 г.), СХV, январь, 372—381 (по поводу его писемъ къ княгинѣ Ливенъ въ 1818 и 1819 годахъ).

Мещеринъ, Григ. Вас., генералъ-адъютантъ, СХVII, июль, 129—131.

Мещерский, В. П., князь, писатель, СХV, январь, 228—239; февраль, 717—722; мартъ, 1145; СХVI, апрѣль, 288—231.

Миклашевичева, Варвара Семеновна, СХVI, апрѣль, 139—142, 152.

Миклашевскій, Ник. Ник., общественный дѣятель, членъ первой Государственной Думы. *Некрологъ* *ею*: СХVII, июль, 380.

Миленко М. Вукичевичъ. *Рецензія А. Яцимирскаго о книгахъ* *ею*: «Исторія сербскаго народа для среднихъ школъ. Книга первая и вторая. Бѣлградъ. 1907», и «Карагеоргій. Книга первая. 1752—1804. Съ двумя историческими картами и видомъ Бѣлграда 1788. Бѣлградъ. 1907», СХVI, апрѣль, 345—346.

Миллеръ, Р. П. *Ею*: «Отрывки изъ воспоминаній», СХVIII, ноябрь, 448—472; декабрь, 887—906.

Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, графъ, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, СХV, мартъ, 1059; апрѣль, 135; СХVIII, декабрь, 1104—1118.

Мильтонъ, Джонъ (1608—1674), великій англійскій поэтъ, СХV, февраль, 833 (по поводу 300-лѣтія со дня его рожденія).

Милютины:

— **Дмитрій Алексѣевичъ**, графъ, б. военный министръ, СХV, мартъ, 921, 923, 925—926, 938—939; СХVI, апрѣль, 95, 98—99.

— **Николай Алексѣевичъ**, братъ предыдущаго, СХVI, апрѣль, 92, 94, 98, 120, 123—126.

Минаевы:

— **Дмитрій Дмитриевичъ**, извѣстный поэтъ, СХVI, июнь, 969, 974, 977—986; СХVII, сентябрь, 915—916, 925—926.

— **Дмитрій Ивановичъ**, отецъ предыдущаго, СХVI, июнь, 974, 977, 981.

Мининъ, Анат. Виктор., докторъ медицины. *Некрологъ* *ею*: СХVI, май, 775—776.

Минихъ, Бурхардъ - Христофоръ, (1683—1767), фельдмаршалъ, авторъ «Записокъ», СХV, мартъ, 1178.

Минскій, Н. *Рецензія А. Б. о книгѣ* *ею*: «На общественныя темы. Спб. 1909». СХVI, май, 702—203.

Минхъ, Ал-дръ Никол. мѣстный изслѣдователь. *Рецензія В. Р.—ви о книгѣ* *ею*: «Городъ Аткарескъ. Матеріалы для историко-географическаго описанія Саратовской губерніи. Аткарескъ. 1908», СХV, февраль, 806.

Мироновъ, А. А. *Двѣ статьи* *ею*: «Изъ жизни археологическихъ учреждений», СХVI, июнь, 1027—1036 и СХVIII, декабрь, 1063—1071. — *Рецензія* *ею*: 1) «Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемыя подъ ред. барона В. Р. Розена. Т. XVIII. Вып. II и III. Спб. 1908», СХVI, апрѣль, 334—335. 2) «Записки классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ V. Спб. 1908», СХVI, июнь, 1076—1078.

Михайловскіе:

— **Конст. Яковл.** инженеръ, извѣстный желѣзнодорожный строитель. *Некрологъ* *ею*: СХVIII, ноябрь, 771—773.

— **Н. К.**, публицистъ, СХVII, сентябрь, 978; СХVIII, октябрь, 212—217.

Михайловъ, Мих. Илар., поэтъ-переводчикъ, СХVI, августъ, 423.

Михаилъ, с.-петербургскій, эстляндскій и финляндскій митрополитъ (при имп. Александрѣ I), СХV, январь, 262—263.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, СХVI, июнь, 840.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, СХVI, июнь, 825, 833; СХVII, июль, 93, 99, 101; 153—154, августъ, 451, 454, 457, 466—469; СХVIII, декабрь, 1103—1104, 1107—1108, 1111—1112.

Михеевъ, Вас. Мих., писатель, СХVII, июль, 30—34.

Мицкевичъ, Адамъ, великій польскій поэтъ, СХV, февраль, 596, 608—611.

Моджеская, Елена, извѣстная актриса, СХVI, июнь, 1119—1120 (по поводу ея смерти).

Модзалевскіе:

— **Бор. Льв.** *Рецензія П. Майкова о составленномъ имъ*: «Спискѣ членовъ императорской академіи наукъ съ 1725 по 1907 годъ. Спб. 1908», СХV, мартъ, 1206—1207. — *Рецензія В. Е. Рудакова о книгѣ* *ею*: «Архивъ Раевскихъ. Т. I. Изданіе П. М. Раевского. Спб. 1908» и «Родъ Раевскихъ герба Лебедь. Спб. 1908», СХVI, май, 687—690.

— **Вадимъ Львовичъ.** *Рецензія В. Рудакова о книгѣ* *ею*: «Малороссійскій Родословникъ. Томъ первый. А.—Д. Съ портретомъ. Кіевъ. 1908», СХVI, апрѣль, 321—324.

Моисеенко, Ал-дръ Никол., писатель. *Некрологъ* *ею*: СХVII, августъ, 732.

Молоствовъ, Н. Г. *Рецензія Б. Г. о составленной имъ совместно съ П. А. Сергеевико, подъ ред. А. А. Волынского,*

книжки: «Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Вып. I. Спб. 1909», СХVI, май, 696—698.

Монтеццъ, Тола, танцовщица, СХVIII, октябрь, 330—333.

Моранъ, Пьеръ, французскій историкъ, СХVI, апрѣль, 276, 300, 302, 304.

Мордвиновъ, Н. В. *Его*: «Шъ записокъ военно-судебнаго дѣятеля», СХVII, июль, 118—141.

Морелли, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ социализма, СХVI, июнь, 1105—1106.

Моренгеймъ, баронъ, дипломатъ, СХV, январь, 203—204.

Мориюль, Александръ-Николай-Леонъ Карль, графъ, французскій эмигрантъ, воспитатель незаконнаго сына великаго князя Константина Павловича—Павла Александра. *Его* «Записки (1821—1831)», СХVII, июль, 73—104, августъ, 448—475; сентябрь, 832—854; СХVIII, октябрь, 60—79.

Морни, герцогъ. *О немъ въ замѣткѣ*: «Герцогъ Морни и русское общество въ Парижѣ во время второй имперіи», СХVII, июль, 346—351.—*О немъ въ замѣткѣ*: «Дипломатическая миссія Морни въ Россіи», СХVII, сентябрь, 1093—1100.

Морни, герцогиня, супруга предыдущаго (Софья Андреевна, княжна Грубецкая), СХVII, июль, 348—351.

Моро, французскій генераль. *О немъ*: «Генераль Моро и его сношенія съ Александромъ I», СХVII, августъ, 694—707.

Морозовъ, Николай Александровичъ, извѣстный «шлессельбуржецъ», СХVIII, октябрь, 224; ноябрь, 627.

Мошковъ, В. *Статья его*: «Русскіе скопцы въ Румыніи», СХVIII, октябрь, 158—176.

Мулень, Ренэ, французскій писатель, описавшій «Баку—королеву керосина», СХVI, апрѣль, 375—378.

Муравьевы:

— А. Н. паломникъ, писатель, СХVII, сентябрь, 1060. Василий Назаръ, статс-секретарь, СХVIII, декабрь, 1102. Никита Михайловичъ, декабристъ, СХVI, апрѣль, 136—137; 149. Николай Валерьяновичъ, министръ юстиціи, потомъ російскій посолъ при римскомъ дворѣ. *О немъ некрологъ Н. Н. Лендера*: «Николай Валерьяновичъ Муравьевъ», СХV, январь, 253—258.—*Упоминается*: СХVII, сентябрь, 785—786; СХVIII, ноябрь, 494—499.

Муравьевъ-Апостоль, Сергій Иванъ, декабристъ, СХVI, апрѣль, 148—149.

Муравьевъ-Виденскій, Михаилъ Николаевичъ, графъ, СХV, январь, 231—

239; февраль, 718—721, 724; мартъ, 1132—1148, 1152, 1156, 1158; СХVI, апрѣль, 92, 95, 96, 99, 101, 105—106, 113—116, 118—122; 234; июнь, 836—839.

Муромцова, Над. Алдровна, пианистка. *Некрологъ ея*: СХVI, май, 776.

Муррей, Джонъ, лондонскій книгопродавецъ и издатель, СХVI, май, 748.

Мурри, Ромулъ, аббатъ, СХVI, июнь, 1114—1115.

Мушниковъ, Алдръ Алдровичъ, профессоръ военно-юридической академіи. *Некрологъ его*: СХVII, августъ, 732—733.

Мышкинъ, Ипполитъ Никитичъ, революціонеръ, СХVIII, октябрь, 225; ноябрь, 630; декабрь, 1044; 1049—1052 (его рѣчь на судѣ): 1055.

Мышцынъ, Б. Н., профессоръ московской духовной академіи, СХVI, апрѣль, 165.

Мюссэ, Альфредъ, любовникъ писательницы Жоржъ-Зандъ, СХVI, июнь, 1101—1103.

Н

—и— *Рецензія*: «Адресъ - календарь Курляндской губерніи, подъ ред. Я. Н. Лудмера и А. Э. Мальмгрена. XXX изданіе курл. губернскаго статистическаго комитета. Митава, 1908», СХV, февраль, 804.

Н—къ. *Рецензія*: «М. А. Ляпина. Очеркъ исторіи Финляндіи отъ древнѣйшаго періода до начала XX столѣтія. Изданіе Березовскаго. Спб. 1908», СХV, февраль, 804.

Н. А. *Рецензія его*: «Вѣстникъ общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ. № 1—3. Спб. 1908», СХV, январь, 338—341.

Н. Л. *Рецензія его*: 1) «Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Томъ I. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб. 1908», СХV, январь, 331—333. 2) «Г. Синохаевъ. Послѣ Гоголя. Пособіе и хрестоматія для старшихъ классовъ средней школы и для самообразованія. Ч. I. Спб. 1908», СХV, февраль, 794—795. 3) «Н. Н. Столпянскій. Городъ Оренбургъ. Матеріалы по исторіи и топографіи города. Оренбургъ. 1908», СХVI, апрѣль, 349. 4) «Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни. Фѣдоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ. Спб. 1909». СХVI, май, 695—696. 5) «Россійскіе армія и флотъ. Устроительство, бытъ и служба войскъ. Съ рисунками. Составилъ Дм. Дубенскій. Спб. 1908». СХVI, май, 718—719. 6) «Литературный распадъ. Книга вторая. Издательство «Евс».

Спб. 1909», СХVI, июнь, 1061—1063; 7) «Людвиг Фейербахъ. Сущность христіанства. Полный переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1908». СХVII, июль, 328—329; 8) «П. Е. Щеголевъ. А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828 гг. Спб. 1909», СХVII, августъ, 690; 9) «О Толстомъ. Международный толстовскій альманахъ, составленный Н. Сергѣенко. М. 1909», СХVIII, октябрь, 309.

Н. Ш. Статья его: «Изъ воспоминаній о генералѣ А. М. Алихановѣ-Аварскомъ», СХVIII, ноябрь, 569—580.

Нагуевскій, Д., проф. *Рецензія А. Э. Мальмира о книгѣ его:* «Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711—1712 гг. Рига 1909», СХVII, сентябрь, 1069—1072.

Назаревскій, В. В. *Рецензія А. П. о книгѣ его:* «Императоръ Александръ I, 1812 годъ и другія войны его царствования. Съ 96 рисунками. М. 1909», СХVIII, ноябрь, 702—703.

Наполеонъ I императоръ Франціи. *О немъ въ книгѣ Л. Слобимскаго:* «Наполеонъ и самодержавіе. Историческій этюдъ. Спб. 1908», рецензировавший А. В., СХVI, май, 719.—*О немъ въ «запискахъ» графа Морюлля,* СХVII, июль, 81—84; 100—101, 103.—*О немъ въ заметкѣ:* «Генералъ Моро и его сношенія съ Александромъ I», СХVII, августъ, 694—707.—*О немъ въ заметкѣ:* «Спорное происхождение Наполеона», СХVIII, октябрь, 325—326.—*О немъ въ заметкѣ:* «Разговоръ Наполеона съ однимъ англичаниномъ на о. Эльбъ», СХVIII, декабрь, 1166—1169.—*Упоминается:* СХVII, сентябрь, 1091—1093; СХVIII, октябрь, 348—350; ноябрь, 727—732; декабрь, 1169.

Наполеонъ III, императоръ Франціи, СХV, мартъ, 922; СХVI, апрѣль, 223; СХVII, сентябрь, 1094—1100; СХVIII, декабрь, 1176—1177.

Наталья Алексѣевна, великая княгиня, первая супруга Павла Петровича, СХVI, апрѣль, 282—284, 305.

Натансонъ, Маркъ Андреевичъ, революціонеръ, СХVIII, октябрь, 221.

Невѣжинъ, Петръ Михайловичъ. *Его:* «Сдаточный. (Разказъ)», СХVII, сентябрь, 790—831.—*Рецензія А. М. Печавой о книгѣ его:* «Въ бою. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1074—1075.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ, извѣстный поэтъ, СХV, мартъ, 1133—1135.

Нелидова, Екат. Ив., фаворитка императора Павла Петровича, СХVI, апрѣль, 305—308.

Неофитъ, цареградекій митрополитъ XVI в., СХVII, сентябрь, 1044.

Неронъ, Люцій-Доміцій (37—68), римскій императоръ, извѣстный своею жестокостію. СХVI, июнь, 1087—1088.

Нессельроде, Карлъ Васил., графъ, русскій дипломатъ и канцлеръ, СХVII, июль, 334—339 (по поводу его переписки съ графомъ Лаферрономъ).—*Его* «Архивъ отъ 1819 до 1836 г.» СХVII, августъ, 707—713.

Нефедовъ, Ф. Д., беллетристъ-народникъ, СХV, февраль, 700—701.

Нечаева, А. М.—*Статья ея:* «Челбиискія впечатлѣнія», СХVII, июль, 236—269.—*Рецензія ея:* «П. М. Невѣжинъ. Въ бою. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1074—1075.

Нечаевъ, Сергій Геннадіевичъ, извѣстный русскій революціонеръ, СХV, февраль, 701; СХVI, апрѣль, 249—251; май, 608—609, 614, 620, 627—628; СХVII, июль, 209, 214, 219—235, августъ, 588—594, 601—619; сентябрь, 976, 997, 1008; СХVIII, декабрь, 1033.

Никитенко, Александръ Васильевичъ, профессоръ, цензоръ, авторъ извѣстнаго «Дневника», СХVI, апрѣль, 225—227.

Никитины:

— Ал-дръ Никол., популярный гласный петербургской думы. *Искрологъ его:* СХVIII, декабрь, 1206.

— В. Д., СХV, февраль, 661.

— Сергій Николаевичъ, геологъ. *Искрологъ его:* СХVIII, декабрь, 1206—1207.

Никитскій, А. П., проф., СХV, мартъ, 1114—1115.

Николаевъ, П. О., революціонеръ, СХV, мартъ, 1157.

Николай I Павловичъ, императоръ, СХV, мартъ, 1042; СХVI, апрѣль, 52—53, 137, 139, 154, 156; 210; 316—319; май, 537—538; 543—544; 607; июнь, 827—828, 830—831, 840; 889—890; 931, 938, 941; 1098—1101 (его разговоръ съ княземъ Любецкимъ наканунѣ польскаго возстанія 1830 года); СХVII, июль, 334, 337—339; августъ 468—469, 472; 497—498; сентябрь, 833, 849—853; 1052, 1054; СХVIII, октябрь, 21—32, 34—36; 77—78; ноябрь, 733—734, 738—744 (воспоминанія кавалера Бюссен).—*О немъ статья Вл. П. Штейна:* «Первое пятилѣтіе царствования императора Николая Павловича», СХVIII, декабрь, 1099—1132.

Николай Александровичъ, великій князь, цесаревичъ. *О немъ «Воспоминанія» П. П. Фирсова,* СХV, январь, 44—75.—*О немъ въ «Отрывочныхъ вос-*

поминанияхъ» *Е. Латынина*, СХVI, июнь, 828—829; 838.

Николай Михайловичъ, великій князь. *Рецензія В. Т. о книгахъ его*: «Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Томъ I, съ 29 рисунками. Спб. 1908», СХV, январь, 312—317.—Тоже. Томъ второй. Спб. 1909», СХVII, июль, 293—298.—*Рецензія С. III. о книгахъ его*: «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, вып. I. Спб. 1909», СХVI, май, 692—693.—Тоже. Томъ V, вып. II. Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1136.

Николай Николаевичъ (старшій), великій князь, СХV, мартъ, 925, 927; СХVI, июнь, 833, 864—866.

Никольскій, Н. М. *Рецензія Пантара о переведенной имъ книгѣ Адольфа Гармака*: «Монашество, его идеалы и его исторія. Спб. 1908», СХV, февраль, 785—787.

Никонъ, архіепископъ карталинскій и кахетинскій, экзархъ Грузіи (1861—1908). *О немъ составленныя Л. И. Софійскимъ*: «Биографическія данныя съ портретами и автографомъ іерарха, а также его рѣчи, слова и поученія. Спб. 1909», рецензир. В. Р.—выгъ, СХVIII, ноябрь, 701—702.

Ницше, Фридрихъ, нѣмецкій философъ (род. 1844 г.; ум. въ 1900 г.), СХV, январь, 365—372 (по поводу напечатанныхъ во второй сентябрьской книжкѣ «La Revue» его «Писемъ»).

Ничъ, К., проф. *Рецензія А. Бллова о книгѣ его*: «Исторія римской республики. (Курсъ лекцій). Переводъ подъ ред. Д. П. Кончаловскаго. М. 1908», СХVI, апрѣль, 346—348.

Ноайль, Эмануель, французскій дипломатъ и историкъ, СХVI, май, 753 (по поводу его смерти).

Новикова, Ольга Алексеевна (урожд. Кирѣва), писательница и политическая дѣятельница. *О ней въ статьѣ Л. М. Бллова*: «Зарубежная публицистика», СХVI, май, 546—568.

Новицкій, В. О. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его*: «На пути къ усовершенствованію государственной обороны. Спб. 1909», СХVI, май, 705—718.

Новосильцевы:

— Влад. Дмитр., СХVI, апрѣль, 155—156.

— Николай Иван., казанскій губернаторъ, СХVI, июнь, 1135—1136.

Новолигинъ, Г. С. *Рецензія Р. Семетовскаго о книгѣ его*: «Порнографическій

элементъ въ русской литературѣ. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1060—1061.

Норвежскій, Оскаръ. *Рецензія его*: «Колосья». Литературный альманахъ. Изд. «Театръ и Искусство». Спб. 1909».

— «Прибой». Литературно-художественный альманахъ. Кн. I. Спб. 1909». — «Альманахъ 17. Изд. «Прогрессъ». Спб. 1909». — «Критическій альманахъ». Кн. I. Изд. «Заря». М. 1909». — «Вихрь». Литературно-художественный альманахъ. М. 1909», СХVIII, октябрь, 315—317. — *Рецензія А. Фомина о редактированномъ имъ*: «Литературномъ Ежегодникѣ на 1909 годъ», СХVIII, декабрь, 1153—1154.

О.

О-ль. *Рецензія его*: «Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XIII. Юрьевъ. 1908», СХV, январь, 350—351.

Ободовская, революционерка, СХVIII, октябрь, 221; ноябрь, 633.

Оболенская, Елизавета, супруга послѣдующаго, СХVII, сентябрь, 759, 762.

Оболенскій, Л. Е., философъ-публицистъ, скончавшійся въ 1907 году, СХVII, сентябрь, 762.

Оветтъ, А. (проф. унив. въ Греноблѣ). *Рецензія В. о книгѣ его*: «Исторія итальянской литературы. Переводъ подъ редакціей В. Шинмарева. Спб. 1909», СХVI, май, 703—704.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н., академикъ, СХV, февраль, 841 (по поводу его рѣчи о Л. Н. Толстомъ). — *Рецензія А. Фомина о книгахъ его*: 1) Исторія русской литературы XIX вѣка. Вып. I—VII. М. 1908—1909», СХVI, июнь, 1058—1059 и 2) «Гоголь въ его произведеніяхъ. Къ столѣтню рожденія великаго писателя. М. 1909», ib., стр. 1064—1066.

Огаревъ, Ник. Плат. (1813—1877), поэтъ, другъ А. И. Герцена, СХVI, апрѣль, 239, 243—244, 247—249; май, 591, 609, 614.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статьи его*: 1) «Затишье. (Изъ провинціальныхъ настроеній)», СХV, мартъ, 1062—1096. 2) «Прудовскіе раритеты. (Изъ «Ветлужскихъ очерковъ»)», СХVII, августъ, 476—493.

Огородниковъ, Ст. Фед., историкъ. *Некрологъ его*: СХVII, августъ, 733—734.

Огрызко, Исафатъ, польскій революціонеръ, СХV, февраль, 693.

Одоевскій, Ал-дръъ Ив., князь, поэтъ, СХVI, апрѣль, 138—139, 142, 154.

Окуличъ-Казаринъ, П. Поправка его къ рецензи А. А. Титова о «Путеводителѣ по музею Псковскаго археологическаго общества», СХVI, июнь, 1135—1136.

Оливъ, Сергѣй Вильгельмовичъ, генераль-отъ-кавалеріи. *Некрологъ его*: СХV, мартъ, 1260.

Ольденбургскій, Петръ Георгіевичъ, принцъ, СХV, мартъ, 1158—1159.

Онуфрій, старообрядческій епископъ браиловскій, СХVII, сентябрь, 952—955, 958, 963, 966.

Ореусъ, Ив. Ив., отставной генераль-отъ-инфантеріи, военный историкъ. *Некрологъ его*: СХVII, июль, 381.

Орлова-Смеменская, Анна Алексѣевна, графиня, СХVII, сентябрь, 1059—1060; СХVII, декабрь, 819—824; 1122.

Орловскій, Ив. Ив., смоленскій мѣстный историкъ. *Некрологъ его*, сообщенный А. Жирневичемъ: СХVII, сентябрь, 1116—1118.

Орловы, графы:

— Вл. Гр., СХVIII, декабрь, 1120.

— Григорій Григорьевичъ, фаворитъ императрицы Екатерины II, СХVI, апрѣль, 300—302.

Орфановъ (Мышла), Михайлъ Пв., писатель, СХVII, августъ, 403.

Оскаръ II, король шведскій, СХVIII, ноябрь, 748—749.

Островскій, Д. П. *Статья его*: «У великихъ могилахъ. (Поѣздка по восточному бассейну Средиземнаго моря)», СХVI, май, 641—683. *Поправка къ ней К. Губастова*: «Къ статьѣ «У великихъ могилахъ», СХVI, июнь, 1134—1135.

Острогорскій, В. П. *Рецензія В. Троцкого о книгѣ его, изданной совместно съ Д. Д. Семеновымъ*: «Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. П. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ. Съ портретами. 2-е изд. М. 1909», СХVIII, декабрь, 1142—1144.

Оуэнь, Робертъ (1771—1858), англійскій великій представитель утопическаго социализма, СХVI, июнь, 1108—1109.

Офросимова, Настасья Дмитриевна, СХVIII, ноябрь, 429, 442.

Охочинскій, Петръ Влад., управляющій государственной комиссіей погашенія долговъ. *Некрологъ его*: СХVIII, октябрь, 364—365.

II.

П. В. Рецензія его: 1) «Романъ Дмовскій. Германія, Россія и польскій вопросъ. Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 324—

327. 2) «Г. Кауфманъ. Политическая исторія Германіи въ XIX вѣкѣ. Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 348—349. 3) «Н. Кондаковъ. Македонія. Спб. 1909», СХVI, май, 714—715. 3) «Вл. Череванскій. Последній вздохъ Византіи. Спб., 1909», СХVI, июнь, 1083—1084. 4) «Вопросы теории и психологіи творчества подъ редакціей В. А. Лезина. Томъ II. Вып. I. Спб. 1909», СХVII, июль, 309. 5) «Гурецкій сборникъ. Подъ редакціей І. М. Бикермана. Спб. 1909», СХVII, июль, 318—319. 6) «Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Спб. 1909», СХVII, июль 321—322. 7) «А. А. Дмитриевскій. Графъ Н. П. Игнатьевъ, какъ церковно-политическій дѣятель на православномъ Востокѣ. Спб. 1909», СХVII, августъ, 677—679.

П. В. В. Рецензія его: «Н. Серебрянскій. Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-библиографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества. М. 1908», СХVI, май, 691.

П. В. В. Рецензія его: 1) «А. Прѣсняковъ. Княжеское право въ древней Руси. Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909», СХVII, сентябрь, 1076—1077.

2) «А. А. Кизветтеръ. Городовое положеніе Екатерины II 1785 г. Опытъ историческаго комментарія. М. 1909», СХVIII, октябрь, 301—303.

П. М. Рецензія его: 1) «Краткій очеркъ бюджетнаго права Финляндіи. Э. Н. Берендтсъ. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1056—1058. 2) «Запросы по финляндскому управленію.—Государственная Дума; засѣданія: 1, 5, 12 февраля, 1, 12 и 13 мая 1908 года. Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1160.

Павель I Петровичъ, императоръ. *О немъ: статья Вл. П. Штейна*: «Цесаревичъ Павель Петровичъ до востанія на престолѣ», СХVI, апрѣль, 275—313. *Упомянется*: СХVII, июль, 80—81; августъ, 655—656.

Павловская, Лидія Ефимовна, писательница. *Некрологъ ея*: СХV, январь, 424.

Павловскій, Пв. Франц., мѣстный историкъ, СХVI, июнь, 919, 922, 924, 930—931.

Палень, Константинъ Ивановичъ, графъ, СХVIII, ноябрь, 621—627, 635—636.

Палласъ, Петръ Симоновичъ, знаменитый натуралистъ и путешественникъ, СХVII, июль, 284.

Пальгремъ, Ал-дръ Оедор., СХVII, июль, 143—148, 150—154.

Пане (урожд. Павлищева), Надежда Николаевна, художница. *Некрологъ ея*: СХV, мартъ, 1260—1261.

Панинъ, Никита Петровичъ, графъ, СХVI, апрѣль, 281, 283, 287, 294.

Пановъ, Николай Андреевичъ, поэтъ изъ народа. *О немъ статья К. Максимова*: «Поэтъ Н. А. Пановъ», СХVII, сентябрь, 927—932.

Пантарей, *Рецензія ево*: «Адольфъ Гарнакъ. Монашество, его идеалы и его исторія. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія Н. М. Никольскаго. Пятая книга серіи «Религія и церковь въ свѣтъ научной мысли и свободной критики». Спб. 1908», СХV, февраль, 785—787.

Pantenius, Th. (Пантеніусъ). *Рецензія А. Б. о книгѣ ево*: «Geschichte Russlands. Leipzig. 1908», СХV, февраль, 783—785.

Паруновъ, М. Н. СХVIII, ноябрь, 448—451.

Пархоменко, Вл. А. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ ево*: «Очеркъ исторіи переяславско-бориспольской епархіи (1733—1785), въ связи съ общимъ ходомъ малороссійской жизни того времени. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Изданіе полтавскаго церковно-археологическаго комитета. Полтава. 1908», 345—346.

Паскевичи-Эриванскіе:

— Ив. Оед., свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, СХV, мартъ, 1042—1044.

— Оедоръ Ивановичъ, свѣтл. князь, супругъ послѣдующей, СХVII, августъ, 658—661.

— Ирина Ивановна, свѣтлѣйшая княгиня (урожд. графиня Воронцова-Дашкова), СХVII, августъ, 657—661.

Пассекъ, Т. П., писательница, СХVI, апрѣль, 246—249.

Пастуховъ, Н. Н., издатель «Московского Листка», СХV, февраль, 684—686, 689.

Паттерсонъ, Джорджъ, писатель, СХV, февраль, 811—812.

Патти, Аделина, знаменитая пѣвица, СХV, февраль, 819—820 (по поводу ея воспоминаній).

Пафнуцій, старобридическій епископъ коломенскій, СХVII, сентябрь, 952—955, 958, 963, 966.

Пашковы:

— Вас. Ал-дровичъ. *О немъ съ статьи Р. С. Пинатьева*: «Пашковцы-

баптисты въ Петербургѣ», СХVI, апрѣль, 184—192.

— Мих. Алексѣевичъ, генералъ-лейтенантъ, эстляндскій губернаторъ, СХV, январь, 311; СХVI, май, 781—782.

Пазиелло, извѣстный композиторъ, бывшій при дворѣ великаго князя Павла Петровича, СХVI, апрѣль, 295.

Пекарскій, Э. К. *Рецензія А. Фаресова о книжкѣ ево, составленной совместно съ В. Ф. Троцанскимъ*: «Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 705—707.

Перетцъ, Вл. Ник., проф. *Рецензія И. А. о книжкѣ ево*: «Новые труды о «жидовствующихъ» XV вѣка и ихъ литературѣ. Критико-библиографическій очеркъ. Киевъ 1908», СХVIII, октябрь, 300—301.—*Рецензія И. А. о книжкѣ ево*: «Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи. Эпоха Петра Великаго и начало XVIII ст. Ст. V—VIII. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 713—715.

Перовская, Софья Львовна, революціонерка, СХVIII, октябрь 221, 233—234.

Перовскій, Василій Алексѣевичъ, писатель (Погорѣльскій—его псевдонимъ), СХV, январь, 134.

Петровскій, Ник. Оед. генеральнй консулъ, писатель и археологъ. *Некрологъ ево*: СХV, январь, 424—425.

Петровъ, Н. И., профессоръ Кіевской духовной академіи, археологъ, СХV, мартъ, 1181.

Петръ I Алексѣевичъ Великій, императоръ, СХV, мартъ, 1178; СХVI, апрѣль, 276—277; июнь, 924, 926—930; 934—936, 940, 961—963; 966—967; СХVII, августъ, 561—585 (въ статьѣ: «Юбилейные дни Подтавской битвы»).—*О немъ книжки: К. Военскою*—«Петръ I въ Карлсбадѣ въ 1711—1712 гг. Спб. 1908», и *Д. Нагуевскою*: «Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711—1712 гг. Рига. 1909», рецензирванный А. Э. Мальмгренемъ, СХVII, сентябрь, 1069—1071.

Петръ III Оедоровичъ, императоръ, СХVI, апрѣль, 276—278; 311—312.

Петръ Карагеоргіевичъ, король Сербскій СХVII, августъ, 411—414.

Петръ II Нѣгошъ, черногорскій князь, поэтъ, СХV, февраль, 602.

Пилипенко, А. *Рецензія Л. Н. о книгѣ ево*: «Родина. Альманахъ для нижнихъ чиновъ на 1909 годъ. Одесса. 1909», СХVI, апрѣль, 341—342.

Пильцъ, Эразмъ. *Рецензія А. Ивановичи о книгѣ ево*: «Русская подитика въ Польшѣ. Варшава. 1909», СХVIII, ноябрь, 707—708.

Пироговъ, Н. И. *О немъ въ книгѣ В. П. Острогорскаго и Д. Д. Семенова: «Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ. Съ портретами. 2-е изд. М. 1909», рецензированной В. Троцкимъ, СХVIII, декабрь, 1142—1144.*

Писаревскій, Г. *Рецензія М. Ключкова о книгѣ его: «Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. (по неизданнымъ архивнымъ документамъ). М. 1909», СХV, февраль, 781—783.*

Писемскій, А. Ѳ. писатель, СХVI, май, 441, 444—446, 448, 451.

Питтъ, Вильямъ старшій, графъ Чатамъ (1708—1778), англійскій государственный дѣятель, СХV, февраль, 833 (по поводу 200-лѣтія со дня его рожденія).

Пичъ, нѣмецкій художникъ, другъ И. С. Тургенева, СХV, мартъ, 1230—1234 и СХVI, апрѣль, 358—370.

Пиншель, Рихардъ, нѣмецкій профессоръ, санскритологъ, СХV, февраль, 836—837 (по поводу его смерти).

Пищатовскій, С. Л., польскій журналистъ. *Некрологъ его:* СХVII, августъ, 734.

Платеръ, Степанъ Юрьевичъ, графъ, казенный въ 1864 году, СХVI, июнь, 837.

Платонова, Н. Н. *Рецензія В. Т-ий о книгѣ ея: «Кохановская (Н. С. Соханская) 1823—1884 г. Биографическій очеркъ (съ портретомъ). Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 313—315.*

Платоновъ, С. Ѳ. профессоръ. *Рецензія В. В.—ча о книгѣ его: «Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть I (до Петра Великаго). Спб. 1909», СХVII, августъ, 675—677.*

Плевако, Ѳед. Никифоръ, членъ государственной думы, извѣстный адвокатъ. *О немъ въ статьѣ П. А. Россіева: «Памяти Ѳ. Н. Плевако», СХV, февраль, 681—691.—Упомянется: СХVII, сентябрь, 785.*

Плеве, Вяч. Конст., министръ внутреннихъ дѣлъ, убитый въ 1904 году. *О немъ въ статьѣ С. Лебедова: «В. К. Плеве въ Троице-Сергіевой лаврѣ. (Воспоминанія студента духовной академіи 1902 г.)», СХVI, апрѣль, 164—175; СХVII, июль, 211—212, 218.*

Плещеевъ, Сергій Ивановичъ, Д. Т. с., любимецъ Павла Петровича, СХVI, апрѣль, 307.

Плещеевъ, А. Н. поэтъ, СХVII, июль, 35—36.

Плохинскій, М. М., СХV, февраль, 805—806 (по поводу рецензіи Вит. Эй-

горна объ его изслѣдованіи: «Иностранцы въ старой Малороссіи»).

По, Эдгаръ, извѣстный американскій поэтъ и беллетристъ, СХVI, май, 746—748 (по поводу столѣтія со дня его рожденія).

Побѣдоносцевъ, Конст. Петр., оберъ-прокуроръ св. синода (извѣстный государственный дѣятель, умершій 10 марта 1907 года, СХV, февраль, 666—667; СХVI, май, 546—547.

Погодинъ, Мих. Петр., историкъ, СХVI, апрѣль, 250.

Подвысоцкій, В. В., проф., СХVII, июль, 370 (по поводу 25-лѣтія его научной дѣятельности).

Подолнскій, С., революціонеръ, СХVII, сентябрь, 986—988.

Подольскій, И. *Статья его: «Губернаторъ - революціонеръ», СХVIII, декабрь, 907—939.*

Позень, Леон. Влад., скульпторъ. СХVI, июнь, 920.

Покровскіе:

— В. П. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его: «Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Ч. I. М. 1908», СХVI, апрѣль, 340.*

— Николай Вас., проф. *Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его: «Памятники церковной старины въ городѣ Костромѣ. Съ 32 таблицами фототипій. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1078—1079.—Рецензія С. о книгѣ его: «1809—1909. Церковно-археологическій музей с.-петербургской духовной академіи. 1879—1909. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 698—701.—Упомянется: СХVIII, декабрь, 1065—1067.*

Полевой, Н. К. *Статьи его: 1) «Императоръ Александръ III въ Бѣловѣжѣ», СХV, февраль, 476—494. 2) «Отрывки изъ воспоминаній», СХVI, апрѣль, 52—61. 3) «Нѣсколько эпизодовъ изъ освободительнаго движенія въ Гродненской губерніи», СХVI, май, 494—513.*

Поливанова, Е. Я. *Ея: «Гѣны прошлаго. (Записки подруги)», СХVII, сентябрь, 755—789.*

Поливановъ, Мих. Мат., СХV, мартъ, 1054; СХVI, апрѣль, 136—137, 148—149.

Половцевъ, Ал-дръ Ал-дровичъ, статья-секретаръ, СХVII, августъ, 650.—*Некрологъ его:* СХVIII, ноябрь, 773—774.

Половскій, Яковъ Петровичъ, поэтъ, СХV, январь, 195—196 (по поводу найденнаго С. П. Уманцомъ новаго его стихотворенія, которое тутъ же и на-

печатано); СХVIII, декабрь, 1042 (приводится посвященное революционеркѣ его стихотвореніе: «Что мнѣ она?»).

Поповы:

— Гавріиль Иван, докторъ медицины. *Некрологъ его*: СХVI, май, 776—777.

— Мих. Род., русскій революціонеръ, авторъ цѣлаго ряда «очерковъ-воспоминаній». *Некрологъ его*: СХV, февраль, 857—858.

— Павелъ, яскскій житель, помогавшій старообрядцамъ перевезти въ Москву бѣлокриницкій архивъ и часть его похитившій, СХVII, сентябрь, 956—962.

Попруженко, М. Г. *Рецензія П. А. о книгѣ его*: «Святого Козмы пресвитера слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1144—1146.

Порошинъ, Семенъ Андреевичъ, воспитатель Павла Петровича, СХVI, апрѣль, 281.

Португаловъ, Ю. В. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Къ психологін русскихъ литературныхъ теченій эпохи 1860—1890 годовъ. Оренбургъ. 1908», СХVII, июль, 310—311.

Порѣцкій, Ал-дръ Устинъ, писатель, СХVI, май, 592—595.

Поссе, В. А. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «По Европѣ и Россіи». Спб. 1909», СХVII, июль, 329—331.

Потапенко, М. А. *Рецензія Б. Г. о переселенной ею*: «Исповѣди моей жизни» Ванды Захерт-Мазохъ. (Спб. 1909), СХVIII, октябрь, 321—322.

Потаповъ, А. Л., шефъ жандармовъ, потомъ генераль-губернаторъ сѣверо-западнаго края, СХVI, апрѣль, 115, 121—122, 124; СХVII, августъ, 609; СХVIII, декабрь, 1104—1105, 1107.

Потемкинъ - Таврическій, Григорій Александровичъ, свѣтлѣйшій князь, СХVI, апрѣль, 283, 285; 289—290, 293, 295.

Потоцкій, Николай Стефановичъ, графъ, СХVII, сентябрь, 1050—1052, 1058.

Поццо-ди-Ворго, Карлъ Ивановичъ, дипломатъ, СХVI, апрѣль, 315—317.

Преображенскій, П. А. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «Проклятая быль. Спб. 1909», СХVI, май, 720—722.

Пржевальскій, Ник. Мих., извѣстный путешественникъ. *О немъ въ статьѣ Н. Сазонова*: «На могилѣ Н. М. Пржевальскаго. (Изъ путевыхъ записокъ)», СХVII, июль, 165—169.

Пригоровскій, Алексѣй Алексѣевичъ, полковникъ Богодуховскаго полка, СХV, февраль, 618—620, 624, 627—629.

Приселковъ, Вас. Ив., СХVI, июнь, 871—872.

Прогульбицкій, Вл. *Его статья*: «Страшная ночь. (Разсказъ стараго артиллериста)», СХVIII октябрь, 94—112.

Протасовъ-Вахметевъ, Н. А., графъ. *Рецензія Е. о переведенной имъ книгѣ Л. Н. Геделунда*: «Исторія Даніи. Спб. 1908», СХV, февраль, 798—799.

Прыжовъ, Иванъ Григорьевичъ, историкъ, соучастникъ С. Г. Нечаева, СХVII, августъ. 589—598.

Пругавинъ, А. С. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «Въ казматахъ. Спб. 1909», СХV, мартъ, 1207—1209.—*Рецензія В. Троицкаго о книгѣ его*: «Расколъ вверху. Очерки религиозныхъ исканій въ привилегированной средѣ. Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 318—319.

Прудонъ, Пьеръ-Жозефъ (1809—1865), французскій публицистъ и экономистъ, СХVI, май, 745—746 (по поводу столѣтія со дня его рожденія).

Прѣсняковъ, А. Е. *Рецензія П. В. В. о книгѣ его*: «Княжое право въ древней Руси. Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909», СХVII, сентябрь, 1076—1077.

Прянишниковъ, Иванъ Петровичъ, художникъ. *Некрологъ его*: СХVI, июнь, 1133.

Пуарэ, Э. Я. (Карандашъ), извѣстный карикатуристъ. *Некрологъ его*: СХV, мартъ, 1261—1262.

Пуцьковичъ, В. Ф. *Статья его*: «Раздѣленіе Европы на два лагеря. (По дипломатическимъ и другимъ источникамъ)», СХV, январь, 199—205.—*Его отвѣтъ на полученное имъ частное письмо по поводу вышеназванной статьи, озаглавленной*: «Винovníки раздѣленія Европы на два лагеря», СХVI, апрѣль, 399—400.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ. *О немъ въ книгѣ В. А. Розова*: «Пушкинъ и Гете. Кіевъ. 1908», рецензированной М. Б., СХV, январь, 328—329.—*О немъ въ статьѣ А. П. Сиротинина*: «Пушкинъ и славяне», СХV, февраль, 590—611.—*О немъ въ книжкѣ П. Е. Щеголева*: «А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1828—1829 гг. Спб. 1909», рецен. Н. Л., СХVII, августъ, 690.—*О немъ въ статьѣ К—нъ*: «Еще о пушкинскихъ мѣстахъ», СХVIII, ноябрь, 581—594.—*Упомянутся*: СХV,

январь, 415—416 и СХVI, апрѣль, 388 (по поводу памятника ему въ Петербургѣ).

Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, академикъ, СХVIII, декабрь, 1003.

Пѣвнятъ, П. И., публицистъ, СХVII, сентябрь, 930—931.

Пѣвцовъ, Василій Герасимовичъ, протоерей, заслуженный профессоръ. *Некрологъ* его: СХV, январь, 425.

Р.

Р. *Рецензія* его: «В. Бузескуль. Исторія афинской демократіи. Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 342—343.

Р. С. *Рецензіи* его: 1) «Д. В. Философовъ. Слова и жизнь. Литературные споры новѣйшаго времени (1901—1909). Спб. 1909», СХVI, июнь, 1063—1064. 2) «Н. Карѣевъ. Идеалы общаго образованія. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1068—1069. 3) «Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI. Часть I. (1867—1886). Спб. 1909», СХVII, июль, 316—318.

Рагозинъ, А. В. *Статья* его: «По Зондскимъ островамъ», СХVIII, октябрь, 244—294; ноябрь, 660—693; декабрь, 1073—1098.

Радецкая, Людмила Николаевна. *О ней въ статьѣ* Е. Я. Попова: «Тѣни прошлаго. (Записки подруги)», СХVII, сентябрь, 754—789.

Радецкій, Фед. Фед., генераль-лейтенантъ, СХVI, июнь, 869—871.

Радловъ, Вас. Вас., академикъ, СХVII, июль, 370—371 (по поводу 50-лѣтія его ученой дѣятельности).

Радловъ, Э. Л. *Рецензія* К. Л. о редактированныхъ имъ: «Письмахъ Владимира Сергѣевича Соловьева (т. I. Спб. 1908)», СХV, январь, 331—333.

Раевскіе. О родѣ ихъ и объ архивѣ два труда В. Л. Мидзалеваго, рецензированные В. Е. Гудаковымъ, СХVI, май, 687—690.

Разумовскій, Андрей Кирилловичъ, графъ, СХVI, апрѣль, 282—284, 290.

Ралли, З., русскій анархистъ, СХVII, июль, 212—214, 207, 209.

Раунахъ, проф. Дерптскаго (Юрьевскаго) университета, СХVI, апрѣль, 493.

Рачинскій, Константинъ Александровичъ, профессоръ. *Некрологъ* его: СХVII, августъ, 734—735.

Резекъ, чешскій ученый, СХVI, май, 753—754 (по поводу его смерти).

Рейссъ, Генрихъ VII, князь, дипломатъ, СХVII, августъ, 662—663.

Рейзъ, Эрнестъ, французскій композиторъ, СХV, февраль, 835—836 (по поводу его смерти).

Рейненкампфъ (фонъ), Павелъ-Георгъ Карловичъ, генераль-лейтенантъ. *Рецензія* Л. Н. о книгѣ его: «Мукденское сраженіе. Двадцатидневный бой моего отряда. Спб. 1909», СХVI, февраль, 801—802.—*Упоминается*: СХVIII, ноябрь, 542—545, 552—558, 560, 563—566.

Репнинъ, Николай Васил., князь, генераль-фельдмаршалъ СХVI, апрѣль, 287, 289.

Решинъ-Волконскій, Николай Григор., князь, малороссійскій генераль-губернаторъ, СХVI, июнь, 918, 926, 928.

Реформатская, Е. *Рецензія* А. Ф. о книжкѣ ея: «Люди мысли и правды. Очерки изъ прошлаго русскаго общества. Для самообразованія. М. 1909», СХVII, июль, 315.

Ржевскій, С. Д., симбирскій губернаторъ, бывшій цензоръ въ Одессѣ, СХVIII, октябрь, 180.

Рикардо, Давидъ, знаменитый экономистъ, СХVI, июнь, 1109.

Риманъ, Ал-дръ Фед., капитанъ, СХVI, июнь, 826—827.

Римскій-Корсаковъ, Н. А. *Рецензія* В. Баскина о книгѣ его: «Лѣтопись моеи музыкальной жизни» (1844—1906). Подъ редакціей Н. Н. Римской-Корсаковой. Спб. 1909», СХVII, июль, 311—312.

Риттихъ, П. А. *Рецензія* Андрея Сидоровича о книгѣ его: «По Балканамъ. Путевыя впечатлѣнія военнаго туриста. Спб. 1909», СХVII, май, 710—712.

Рихтеръ, А. *Рецензія* Я. Бирюкова о переведенной имъ книгѣ: «Россия и Великобританія въ центральной Азій. Изданіе штаба Туркестанскаго военнаго округа. Ташкентъ. 1908», СХVII, августъ, 691—692.

Ровинскій, Пав. Ап., СХVII, августъ, 403—406.

Рогачевъ, Дмитрій Михайловичъ, отставной поручикъ, революціонеръ, СХVIII, октябрь, 222, 243; ноябрь, 614—616, 622, 625—627, 633, 639; декабрь, 1055.

Рогожинъ, Влад. Никол., библиографъ и архологъ. *Некрологъ* его: СХVI, май, 777—778.

Рождественскій, Зиновій Петровичъ вице-адмиралъ, начальникъ второй Тихоокеанской эскадры на Дальнемъ Востокѣ. *Некрологъ* его: СХV, февраль, 853—859.

Розановъ, В. В., писатель, СХV, февраль, 662—664.

Розенбахи:

— Н. А., генералъ-маіоръ, СХV, мартъ, 934, 937—941.

— О. И., супруга предыдущаго, СХV, мартъ, 940—941.

Розень, В. Р., баронъ. Рецензія А. Миронова о редактированныхъ имъ: «Запискахъ восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ XVIII. Вып. II и III. Спб. 1908», СХVI, апрѣль, 331—335.

Розовъ, В. А. Рецензія М. Б. о книгѣ его: «Пушкинъ и Гёте. Кіевъ. 1908», СХV, январь, 328—329.

Россель - Биллогъ, Генри, графъ, путешественникъ, писатель, СХVI, май, 754 (по поводу его смерти).

Россіевъ, П. А. Статьи его: 1) «Памяти Ф. Н. Плевака», СХVI, февраль, 681—691. 2) «На Украинѣ. (Къ 200-лѣтію Полтавской битвы)», СХVI, июнь, 901—965. 3) «Силуаты. (Листки изъ записной книжки)», СХVII, июль, 23—45; августъ, 403—423.

Ростовцевы:

— Мих. Ив., проф. Рецензія А. М. о книгѣ его: «Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1071—1072.

— Яковъ Ивановичъ, извѣстный государственный дѣятель (1803—1860), СХVIII, декабрь, 1114.

Росточинъ, Фед. Оед., графъ, СХVI, апрѣль, 297.

Ротъ, К., проф. Рецензія Σ о книгѣ его: «Исторія Византійской имперіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. В. Горскина, подъ ред. В. В. Витнера. Спб. 1909», СХVI, май, 706—708.

Рошфоръ, графъ, архитекторъ, СХV, февраль, 477—478.

Рубинштейнъ, Н. Г., композиторъ, СХV, февраль, 707.

Рудаковъ, Вас. Егор., писатель. Статьи его: 1) «Историко-археологическій слѣдъ въ Костромѣ», СХVII, сентябрь, 1013—1036. 2) «Академическій Кольцовъ», СХVIII, ноябрь, 654—659. 3) «Хартуларн, К. Ф.» (въ отдѣлѣ некрологовъ), СХV, январь, 429—431. 4) «Верещагинъ, А. С.» (въ отдѣлѣ некрологовъ), СХV, мартъ, 1257—1259. 5) «Гераковъ, Н. Н.» (въ отдѣлѣ некрологовъ), СХVII, июль, 376—377.—6) «Ореусъ, И. И.» (въ отдѣлѣ некрологовъ), СХVII, июль, 381.—7) «Соколовъ, Ф. О.» (въ отдѣлѣ некрологовъ), СХVII, июль, 382—383.—Рецензія его: 1) «Очеркъ исторіи переяславско-бориспольской епархіи (1733—1786), въ связи съ общимъ

ходомъ малороссійской жизни того времени. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія Владимира Пархоменко. Изданіе Полтавскаго-археологическаго комитета. Полтава. 1908», СХV, январь, 345—346.—2) «Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1908 годъ. Книга вторая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1908», СХV, январь, 347—348. 3) «Акты Угличской провинціальной канцеляріи (1719—1726 г.г.), изданные председателемъ ярославской ученой архивной комиссіи, подъ ред. товарища председателя комиссіи проф. Ф. В. Тарановскаго. Т. I. М. 1908», СХV, февраль, 790—792. 4) «Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ пятый. Полтава. 1908», ib., 804—805. 5) «Городъ Аткарскъ. Матеріалы для историко-географическаго описанія Саратовской губерніи по рукописямъ и изслѣдованіямъ члена И. Р. Географическаго Общества. Ал. Ник. Минха. Аткарскъ. 1908», ib., 806. 6) «Сборникъ черниговскаго епархіальнаго древлехраннща. I. Черниговъ. 1908», СХV, мартъ, 1186—1187. 7) «Труды черниговской губернской архивной комиссіи, Выпускъ седьмой. Черниговъ. 1908», СХV, мартъ, 1189—1190. 8) «В. Л. Модзалевскій, Малороссійскій родословникъ. Томъ первый. А—Д. Съ портретами. Кіевъ, 1908», СХVI, апрѣль, 321—324. 9) «Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга IX. Владимиръ. 1908», СХVI, апрѣль, 336—337. 10) «Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XIX. Оренбургъ. 1908», СХVI, апрѣль, 339. 11) «Труды саратовской ученой архивной комиссіи. 1908 годъ. Вып. XXIV, СХVI, апрѣль, 344—344. 12) «Архивъ Раевскихъ. Томъ I. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1908.—Родъ Раевскихъ герба Лебедь. Составилъ В. Л. Модзалевскій. Спб. 1908», СХVI, май, 687—690. 13) «Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга пятнадцатая. М. 1908», СХVI, май, 694. 14) «Проф. Н. В. Покровскій. Памятники церковной старины въ г. Костромѣ. Съ 32 таблицами фототипій. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1078—1079. 15) «Труды вятской ученой архивной комиссіи 1908 года. Выпускъ I. Вятка. 1908», СХVI, июнь, 1080. 16) «А. М. Гнѣвушевъ. Отрывокъ писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504—1505 г., содер-

жащій въ себѣ описъ части дворцовыхъ земель этой пятины. Киевъ. 1908», СХVI, июнь, 1081. 17) «Вѣстникъ археологій и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XVIII. Спб. 1909, СХVII, июль, 300—302. 18) «Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томъ V, вып. I. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ ред. и съ примѣч. П. Н. Шеффера. Спб. 1909», СХVII, июль, 304—305. 19) «М. В. Довнаръ-Запольскій. Исслѣдованія и статьи. Т. I. Этнографія и социологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность. Изданіе А. П. Сапунова. Киевъ. 1909», СХVII, августъ, 681—682. 20) «Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ XXXI, съ портретомъ и 244 рисунками. Спб. 1909». — «Вѣстникъ археологій и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Съ 32 рис. Выпускъ XIX. Спб. 1909», *ib.*, 684—685. 21) «Труды вятской ученой комиссіи 1907 года. Выпускъ IV. Вятка. 1908», *ib.*, 693. 22) «Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1908 г. Тома XIII-го книжка 4-я. Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 297—300. 23) «Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. №№ 42—43. Симферополь. 1908—1909», СХVIII, октябрь, 323—324. 24) «Л. И. Софійскій. Высокопресвященный Никонъ, архіепископъ, карталинскій и кахетинскій, экзархъ Грузіи (1861—1908). Биографическія данныя съ портретами и автографомъ іерарха, а также его рѣчи, слова и поученія. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 701—702. 25) «Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1908 годъ. М. 1909», СХVIII, ноябрь, 703—705. 26) «Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1908 года. Выпускъ II. Вятка. 1909», СХVIII, декабрь, 1140—1141. 27) «Труды третьяго областного историко-археологическаго съѣзда, бывшаго въ г. Владимирѣ, 20—26 июня 1906 г. Съ приложеніемъ 49 таблицъ рисунковъ. Изданіе Владимирской ученой архивной комиссіи. Владимиръ. 1909», СХVIII, декабрь, 1141—1142.

Рецензія Б. Г. о книгѣ его: «Полтавская битва. Двухсотлѣтняя ея годовщина. 1709—27 июня—1909. Съ рисунками. Спб. 1909», СХVII, июль, 305—306.

Рудый, А. Его статья: «Июльское возстаніе въ Ташкентѣ», СХVI, июль, 891—900.

Ружбольдъ, Горацій, баронетъ, секретарь англійскаго посольства въ Петербургѣ. Его воспоминанія: СХVII, августъ, 645—667.

Русановъ, Н. С., СХVIII, октябрь, 213—217.

Рылѣвъ, Кондратій Ѳеодоровичъ, поэтъ, декабристъ, СХVI, апрѣль, 148—149; СХVIII, декабрь, 1113—1119.

Радстокъ, лордъ, СХVI, апрѣль, 189.

С

С. К. Статья его: «Удивительная исторія архива старообрядческой Бѣлкриницкой митрополіи», СХVII, сентябрь, 950—967.

Sc. Рецензія его: «Olga Kramareva. Alexandre Serguëievitch Griboïedov. Sa vie—ses oeuvres. Paris», СХVIII, октябрь, 303—306.

С. Н. Рецензіи его: 1) «Современники. Альбомъ биографій составилъ Н. И. Афанасьевъ. Томъ I. Спб. 1909», СХV, мартъ, 1205—1206. 2) «Подробной орографической словарь для учащихся и вообще для самообразованія и справокъ при письменныхъ и корректурныхъ работахъ. Составилъ В. Зелинскій. М. 1909», СХVI, июнь, 1066.

С. III. Рецензіи его: 1) «Справочникъ о русскихъ книгахъ гражданской печати, изданныхъ въ свѣтъ съ 1703 по 1855 годъ. Составилъ И. Серяпутовскій. Выпускъ I. А.—Алзъръ. Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 338. 2) «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе вел. князя Николая Михайловича. Томъ пятый, выпускъ первый. Спб. 1909». СХVI, май, 692—693. 3) «Русскій биографическій словарь. Смѣловскій—Суворина. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1054. 4) «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ V, вып. II. Спб. 1909», СХVIII, декабрь, 1136. 5) «Изъ записокъ князя П. В. Долгорукова. Время имп. Петра II. и импер. Анны Іоанновны. Переводъ съ французскаго. М. 1909», СХVIII, декабрь, 1137—1138.

С-евъ. Рецензія его: «Грузинскій поэтъ князь Акакій Церетели. Избранныя стихотворенія въ переводѣ русскихъ повтовъ. Съ предисловіемъ А. С. Хаханова. М. 1908», СХVI, май, 75.

С. Рецензіи его: 1) «Проф. К. Ротъ. Исторія Византійской имперіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. В. Горскина, подъ ред. В. В. Битнера. Спб. 1909», СХVI, май, 706—708.—2) «Проф. Н. В.

Покровский. 1809—1909. Церковно-археологический музей С.-петербургской духовной академии. 1879—1909. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 698—701.

Сабашниковъ, Сергій Вас., общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХVI, май, 778.

Сабининъ, Егоръ Федоровичъ, профессоръ Новороссійскаго ун. *Некрологъ его*: СХVIII, ноябрь, 774.

Саблинъ, Н. А., революціонеръ, СХVIII, октябрь, 224; ноябрь, 627.

Саблуковъ, Николай Александровичъ, авторъ «Записокъ», СХVI, апрѣль, 305.

Савеловъ, Л. М. *Рецензія М. Соколовскаго объ его*: «Лекціяхъ по русской генеалогіи, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ. Первое полугодіе», СХV, январь, 323.

Савенко, А. И. *Статья его*: «Древнѣйшій кievскій «городъ» и остатки дворцовъ великокняжеской эпохи», СХV, мартъ, 1176—1185.

Садовскій, польскій повстанецъ въ 1863 г., бывшій офицеръ русской службы, СХVII, сентябрь, 870, 873, 875—876.

Сажинъ, Михаилъ Петровичъ, студентъ Технологическаго института, революціонеръ, СХVII, сентябрь, 1005, 1009; СХVIII, декабрь, 1056.

Сазоновы:

— В. И. *Статья его*: «Ночь въ Новомъ Суддунѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ)», СХVII, сентябрь, 939—949.

— Н. Ею: «На могилѣ Н. М. Пржевальскаго. (Изъ путевыхъ записокъ)», СХVII, июль 165—169.

Сакулинъ, П., писатель, СХVIII, ноябрь, 599—602.—*Его письмо въ редакцію*: «Фактическая поправка къ статьѣ г. Ежова», СХVIII, декабрь, 1207.

Салиасъ-де-Турнемиръ, Евгений Андреевичъ, графъ, извѣстный романистъ. *Некрологъ его*: СХV, январь, 425—427.—*О немъ въ воспоминаніяхъ А. А. Шамайлова*: «Романистъ на покой», СХV, февраль, 630—655.

Салонъ, Вас. Вас., членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его*: СХVIII, октябрь, 365—366.

Салтыкова, графиня (урожд. графиня Чернышева), СХVII, июль, 278—279.

Сальвини, Томазо, извѣстный итальянскій артистъ, СХV, февраль, 834—835 (по поводу его 80-лѣтняго юбилея).

Сальвиновъ, Ал—дръ Никол., журналистъ. *Некрологъ его*: СХVI, май, 778—779.

Самокасовъ, Дм. Як. *Рецензія П. Верховскаго о книгѣ его*: «Могила русской земли. М. 1908 г.» и «Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ. М. 1908», СХVI, июнь, 1045—1047.

Сафоновичъ, В. И., орловскій губернаторъ, СХVII, августъ, 416—417.

Свиборнъ, Ольджернонъ, англійскій поэтъ, СХVII, июль, 358—359 (по поводу его смерти).

Свѣчины:

— Василій Карповичъ, СХVIII, ноябрь, 402—403.

— Иванъ Васильевичъ, сынъ предыдущаго, СХVIII, ноябрь, 417.

Святополкъ-Мирскій, Николай Ивановичъ, князь, генералъ-адъютантъ, СХVI, июнь, 869.

Святскій, Д. *Рецензія Д. Зеленина о книгѣ его*: «Историческіе очерки городовъ Съвска, Дмитровска и Комарницкой волости. Орель, 1908», СХV, январь, 344.

Семеновы:

— В. Ею: «Воспоминанія о графѣ П. Д. Деляновѣ», СХVI, май, 483—493.

— Д. Д. *Рецензія В. Троицкаго объ изданной имъ соавтествомъ съ В. П. Острогорскимъ книгѣ*: «Русскіе педагогическіе дѣятели: П. И. Пироговъ. К. Д. Ушинскій. Н. А. Корфъ. Съ портретами. 2-е изд. М. 1909», СХVIII, декабрь, 1142—1144.

Сементковскій, Р. И., писатель. Ею: 1) «Страна неожиданностей. (Изъ замѣтокъ японца)», СХV, январь, 142—189; февраль, 495—527. 2) «Азербейджанъ. (Изъ замѣтокъ японца)», СХVI, май, 514—533.—*Рецензія его*: 1) «Вѣхн. Сборникъ статей о русской интеллигенціи Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, В. А. Кистяковского, П. В. Струве, С. Л. Франка. М. 1909», СХVI, май, 698—700. 2) «Г. С. Новалипинъ. Пориографическій элементъ въ русской литературѣ. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1060—1061.

Сенъ-Мартенъ, философъ-мистикъ, СХVI, апрѣль, 303—304.

Сенъ-Симонъ, Клодъ Анри, графъ, одинъ изъ основателей утопическаго социализма, СХVI, июль, 1106—1107.

Сенявинъ, сынъ адмирала, капитанъ гвардіи. СХV, мартъ, 1053.

Сергіевъ, Іоаннъ Ильичъ, извѣстный протоіерей кронштадтскій. *Некрологъ его*: СХV, февраль, 656—669.

Сергій, старообрядческій епископъ тульскій, СХVII, сентябрь, 952—956, 966.

Сергѣенко, П. А. *Рецензія Б. Г. о составленной имъ совместно съ И. Г. Молоствовымъ, подъ ред. А. Л. Волынского, книжкѣ: «И. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Вып. I. Спб. 1909»*, СХVI, май, 696—698.—*Рецензія Н. Л. о книгѣ его: «О Толстомъ: Международный Толстовскій альманахъ. М. 1909»*, СХVIII, октябрь, 309.

Серебрянскій, Н. *Рецензія П. В. В. о книгѣ его: «Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-библиографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества. М. 1908»*, СХVI, май, 691.

Сержпутовскій: Н. О. *Рецензія С. Ш. о книжкѣ его: «Справочникъ о русскихъ книгахъ гражданской печати, издаваемыхъ въ свѣтъ съ 1708 по 1855 годъ. Выпускъ I. А.—Аллеръ. Спб. 1909»*, СХVI, апрѣль, 338.

Сеславинскій, В. А., врачъ. *Некрологъ его: СХVII, июль, 381—382.*

Сильвестръ (въ мѣрѣ Стефанъ Васильевичъ Малеванскій), епископъ каневскій. *Некрологъ его: СХV, январь, 427—428.*

Сильницкій, А. П. *Статья его: «14 мѣсяцевъ службы на Камчаткѣ»*, СХVIII, ноябрь, 507—541.

Симеонъ, епископъ орловскій, а потомъ минскій, СХVII, августъ, 418—419.

Синельниковъ, Николай Петровичъ, сибирскій генералъ-губернаторъ, СХVII, сентябрь, 879.

Сняухаевъ, Г. *Рецензія Н. Л. о книгѣ его: «Послѣ Гоголя. Пособіе и хрестоматія для старшихъ классовъ средней школы и для самообразованія. Ч. I. Спб. 1903»*, СХV, февраль, 794—795.

Сиповскій, В. В. *Рецензія В. Т.—ій о книгѣ его: «Очеркъ изъ исторіи русскаго романа. Томъ I, вып. I. (XVIII вѣкъ). Спб. 1909»*, СХVIII, октябрь, 309—311.

Сиротининъ, А. Н. *Его статья: «Пушкинъ и славяне»*, СХV, февраль, 590—611. — *Рецензія его: 1) «Андрѣ Барръ. Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. М. 1909»*, СХV, мартъ, 1209—1212. 2) «И. А. Заболотскій. Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. I. Русская струя въ литературѣ сербскаго возрожденія. Варшава. 1909», СХVI, апрѣль, 327—330. 2) «Графъ В.

А. Бобринскій. Пражскій съѣздъ. Чехія и Прикарпатская Русь. Спб. 1909», СХVI, май, 709—710. 4) «П. А. Риттихъ. По Балканамъ. Путевыя впечатлѣнія военнаго туриста. Спб. 1909», СХVI, май, 710—712. 5) «О. П. Карвовскій. Къ польскому вопросу. Четверть вѣка назадъ. М. 1909», СХVI, июнь, 1069—1070. 6) «Людевитъ Штуръ. Славянство и мѣръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная, съ примѣчаніями В. И. Ламанскаго. Спб. 1909», СХVII, июль, 324—327.

Скалонъ, Д. А. *Рецензія М. Соколовскаго о редактированной имъ книгѣ: «Исторія Государевой свиты. Т. III. Царствованіе императора Николая I»*, СХV, февраль, 774—778.—*О немъ въ замѣткѣ: «Юбилей Д. А. Скалона»*, СХVII, июль, 368—370.

Скарга Петръ (Повенскій), знаменитый аббатъ., іезуитъ, жившій въ XVI вѣкѣ, СХVI, июнь, 1094—1097 (біографическія данныя о немъ, сообщенныя французскимъ славистомъ Луи Лежэ).

Скворцовъ, В. М., СХVIII, октябрь, 360—361 (по поводу 25-лѣтія его литературной дѣятельности).

Склифасовскій, Николай Васильевичъ, профессоръ, хирургъ, СХVI, июнь, 876—879; 934.

Скобелевъ, Михаилъ Дмитріевичъ (1848—1882), извѣстный русскій генералъ, СХVI, июнь, 871—872, 874, 890; СХVIII, октябрь, 95—96, 106.

Слезкинскій, Александръ Григ., писатель. *Некрологъ его: СХVI, май, 779—780.*—*Записки имъ: «Изъ воспоминаній измайловца»* (Е. В. Сухонина), СХVIII, октябрь, 22—45.

Словацкій, Юлій, польскій поэтъ. СХV, февраль, 608—609.

Слонимскій, Л. *Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Наполеонъ и самодержавіе. Историческій этюдъ. Спб. 1903»*, СХVI, май, 719.

Смарагдъ (Брыжановскій), епископъ рязанскій, СХVII, августъ, 416.

Смирновы:

— цензоръ, СХVIII, октябрь, 178.

— Вал. Ник., революціонеръ, СХVII, сентябрь, 1011—1012.

— Д. А. По матеріаламъ его статьи Н. В. Шаломытова: «Къ біографіи А. С. Грибовѣдова. (Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова)» СХV, мартъ, 1031—1061, СХVI, апрѣль, 132—163.

— Ив. *Рецензія А. Ф. о книгѣ его: «Заступники народные»*. И. С. Тургеневъ. Н. А. Некрасовъ. М. 1908», СХVI, апрѣль, 332—338.

— П. С., проф. *Рецензія В. Т-ій о книгѣ его*: «Изъ исторіи раскола первой половины XVIII вѣка. По неизданнымъ памятникамъ». Спб. 1908», СХVI, апрѣль, 344—345.

— Сергѣй Дмитр., инженеръ-технологъ. *Некрологъ его*: СХVIII, ноябрь, 774—775.

Совѣтовъ, Ив. Гавр., журналистъ. *Некрологъ его*: СХV, мартъ, 1262.

Соколовскій, Мих. К. *Рецензія его*: 1) «Ю. В. Арсеньевъ. Геральдика. Лекціи, читанныя въ московскомъ археологическомъ институтѣ въ 1907—8 г.».— «Л. М. Савеловъ. Лекціи по русской генеалогіи, читанныя въ московскомъ археологическомъ институтѣ. Первое полугодіе».— «В. А. Городцевъ. Первобытная археологія. Курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ», СХV, январь, 323.— 2) «Исторія государственной свиты. Т. III. Царствованіе императора Николая I. Главный редакторъ Д. А. Скалонъ, составители В. В. Квадри и В. К. Шенкъ, помощники: Г. С. Габаевъ, Н. Н. Мерлинъ и М. К. Соколовскій», СХV, февраль, 774—778. 3) «Матеріалы военно-учебнаго архива генеральнаго штаба. Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ I. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. Томъ X. Подготовка къ войнѣ въ 1812 году (мартъ мѣсяць). Изданіе главнаго управленія генеральнаго штаба», СХV, мартъ, 1191. 4) «И. Тенеромо. Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ», СХV, мартъ, 1204—1205. 5) «Историческій очеркъ дѣятельности канцеляріи военного министерства и военнаго совѣта. Главный редакторъ Д. А. Скалонъ. Редакторъ Н. А. Даниловъ. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1051—1053. *Замѣтка его*: СХV, январь, 432.

Соколовы:

— Ник. Матв., цензоръ, поэтъ. *Некрологъ его*: СХV, январь, 428—429.

— Фед. Фед., профессоръ. *Некрологъ его*: СХVII, июль, 382—383.

Солдатенковъ, К. Т., СХVII, июль, 44—45.

Соловьевъ, Влад. Серг., философъ. *Рецензія Н. Л. объ его «Письмахъ» (т. I)*, редактированныхъ Э. Л. Радловымъ, СХV, январь, 331—333.— *О немъ книжка Л. Я. Аношкова*: «Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ, великій философъ земли русской. Тифлисъ, 1909», рецензированная А. Фаресовымъ, СХVIII, декабрь, 1149—1150.

Соллогубъ, В. А. графъ, писатель, СХV, январь, 12—13.

Сологубъ, Ф. (псевдонимъ беллетриста Фёдора Кузьмича Тетерникова). *О немъ въ книгѣ Иванова-Разумника*: «О смыслѣ жизни. Фёдоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ». Спб. 1908», рецензированной Н. Л., СХVI, май, 695—696.— *Рецензія Н. Тернера о переведенной имъ книгѣ*: «Вольтеръ. Кандитъ или оптимизмъ. Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 319—320.— *Упомянется*: СХVI, июнь, 998—999, 1001.

Сомовъ, Андрей Ив., хранитель Эрмитажа, писатель по искусству. *Некрологъ его*: СХVII, июль, 383.

Сомовъ, Орестъ Мих. *О немъ въ книгѣ С. Н. Брайловскаго*: «Къ вопросу о Пушкинской плейдѣ. Историко-литературные матеріалы и изслѣдованія. I. О. М. Сомовъ. Варшава, 1909», СХVII, декабрь, 1143.

Сорокинъ, Николай Вас., профессоръ по кафедрѣ ботаники въ Казанскомъ унив. *Некрологъ его*: СХVI, июнь, 1133.

Сосницкій, Ив. Ив. (1794—1877), известный артистъ, СХV, мартъ, 1032, 1035, 1038; СХVI, апрѣль, 143, 156—163.

Софійскій, Л. И. *Рецензія В. Р-ва о книгѣ его*: «Высокопреосвященный Никонъ, архіепископъ карталинскій и кастинскій, ексархъ Грузіи (1861—1908). Біографическія данныя съ портретомъ и автографомъ іерарха, а также его рѣчи, слова и поученія. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 701—702.

Соханская, Н. С. (Кохановская). *О ней книга Н. Н. Платоновой*: «Кохановская (Н. С. Соханская) 1823—1884 г. Біографическій очеркъ (съ портретомъ)». Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 313—315.

Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ, графъ, СХVIII, декабрь, 825—833.

Ставровскій, Конст. Никол., подполковникъ, (н. генераль-отъ-кавалеріи), СХV, мартъ, 933—936.

Станиславъ Понятовскій, король польскій, СХVI, апрѣль, 309.

Стародубскій, Влад., поэтъ. *О немъ статейка Ив. Жасанова*: «Забытый поэтъ», СХVI, май, 539—541.

Старосельскіе:

— В. А. кутанскій губернаторъ. *О немъ статья Н. Подольскаго*: «Губернаторъ-революціонеръ», СХVIII, декабрь, 907—939.

— Дм. Сем., сенаторъ, писатель, СХVI, июнь, 930.

Стасовы:

— Влад. Вас., художественный критикъ, СХV, январь, 138—141.

- Дм. Вас., извѣстный адвокат, СХV, февраль, 706; мартъ, 1155—1159.
- Стасюлевичъ**, Мих. Матв., бывший редакторъ-издатель «Вѣстанка Европы», СХV, январь, 247; СХVII, сентябрь, 1112—1114 (по поводу избранія его почетнымъ гражданномъ Петербурга).— «Юбилей М. М. Стасюлевича»: СХVIII, октябрь, 358—360.
- Стаховичъ**, М. А., членъ Государственнаго Совѣта, СХVI, июнь, 1005.
- Стеблинъ-Каменскій**, Павелъ Степ., СХVI, июнь, 918—919.
- Стелла**, Марія. *О ней статья*: «Легенда о Маріи Стеллѣ», СХVII, июль, 339—343.
- Стемпковский**, Адамъ, полякъ, эмигрантъ, выдавшій С. Г. Нечасва швейцарскимъ полицейскимъ властямъ, СХVII, августъ, 602—605.
- Степнякъ-Кравчинскій**, С. М., авторъ «Подпольной Россіи», СХVI, май, 604—605; СХVII, сентябрь, 1008; СХVIII, декабрь, 1040—1041, 1061. (См. также «Кравчинскій»).
- Стечкинъ**, Николай Яковл., публицистъ, СХVII, июль, 38—41.
- Столянский**, П. Н. *Рецензія П. Л. о книгѣ его*: «Городъ Оренбургъ. Материалы по исторіи и топографіи города. Оренбургъ. 1908». СХVI, апрѣль, 349.
- Страховъ**, Н. Н., философъ, СХVI, май, 442—444, 447, 449—451.
- Строгановъ**, Гр. А., графъ, генералъ-адъютантъ, археологъ, СХV, январь, 47—49, 52—53, 55, 58, 60—65.
- Стрѣшневъ**, Петръ Ивановичъ, генералъ-аншефъ, СХVIII, ноябрь, 431—433.
- Стэдъ**, Вильямъ, англійскій журналистъ, авторъ обширнаго труда, посвященнаго политической и литературной дѣятельности Ольги Алексѣевны Новиковой, *По этому труду составлена Л. М. Бьловымъ статья*: «Зарубежная публицистка», СХVI, май, 546—568.
- Субботинъ**, Н. И., проф., расколовѣдъ, СХVII, сентябрь, 951, 959—967.
- Суворинъ**, Алексѣй Сергѣевичъ. *О немъ статья*: «Пятидесятилѣтній юбилей Алексѣя Сергѣевича Суворина», СХVI, апрѣль, 193—208. — *Рецензія Г. Л. Н. о книгѣ его*: «Всякіе. Изданіе второе. Спб. 1909», СХVI, май, 700—701. — *Упомянутся*: СХVII, августъ, 503—505.
- Суворовъ-Рымвикскій**, А. А., свѣтлѣйшій князь, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, СХV, январь, 231—232, 237—238; февраль, 720—721; СХVI, июнь, 837.
- Судіенко**, Іосифъ Степан., СХVI, июль, 985.
- Супоневъ**, Авдій Никол., владимирскій губернаторъ, СХVI, апрѣль, 336—337.
- Суриковъ**, Вас. Ів., СХVII, июль, 31.
- Сусановъ**, Илья Иван., общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХVI, май, 780—781.
- Суханова**, Ольга Евгеніевна, СХVII, сентябрь, 779—780.
- Сухановъ**, Николай Евгеніевичъ, морякъ, революціонеръ, СХVII, сентябрь, 773, 779—780.
- Сухово-Кобылинъ**, Александръ Васильевичъ, извѣстный драматургъ, СХV, февраль, 643.
- Сухонинъ**, Е. В. *Статья его*: «Изъ воспоминаній измайловца», СХVIII, октябрь, 22—45.
- Сѣверцовъ**, Г. Т. (Полиловъ). *Его статьи*: 1) «Царственный купецъ», СХV, февраль, 574—589. — *Рецензія Г. о книгѣ его*: «Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. Подъ удѣльною властью. Историческая повесть для юношества», СХVIII, октябрь, 303.

Т

- Т. Рецензія его**: «С. Б. Веселовскій. Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича. М. 1909», СХVIII, декабрь, 1137.
- Табулевицъ**, Л. А. *Его*: «Мулла». (Путевой очеркъ), СХVII, июль, 105—108.
- Талейранъ**, Перигоръ, Шарль-Морисъ (1754—1838), знаменитый французскій дипломатъ, епископъ, СХV, мартъ, 1220, 1224—1225 (въ воспоминаніяхъ герцогини Динно).
- Танковъ**, А. А. *Его*: «Посмертная милость императора Александра I. (Историческая старинка)», СХVI, май, 534—538.
- Тарановскій**, О. В., проф. *Рецензія В. Рудакова о редактированныхъ имъ «Актахъ Угличской провинціальной канцеляріи (1709—1726 гг.)»*. Т. I. М. 1908». СХV, февраль, 790—792.
- Тарасовъ**, Н. Т., проф., СХV, февраль, 694—696.
- Тарле**, Е. В. *Рецензія П. Б. о книгѣ его*: «Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Спб. 1909», СХVII, июль, 321—322.
- Тарновскій**, Ст. *Рецензія А. Яцимирскаго о книгѣ его*: «*Historia literatury polskiej*. T. VI. Część druga. Wiek XIX. 1863—1900. Краковъ. 1907», СХV, январь, 341—344.
- Тафтъ**, Вильямъ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, СХVI, апрѣль, 372—375.

Телешева, Екатерина, танцовщица, СХV, мартъ, 1059—1060.

Телешовъ, Н. Д., СХVІІІ, декабрь, 1197—1193 (по поводу 25-лѣтія его литературной дѣятельности).

Тенеромо, И. Рецензія М. Соколовскаго о книжкѣ его: «Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ», СХV, мартъ, 1204—1205.

Тесельскій, Георгій Савичъ, священникъ. *Некрологъ его:* СХVІ, апрѣль, 393—394.

Тимашевъ, А. Е., министр внутренних дѣлъ, СХVІ, апрѣль, 230.

Тимофеевъ, Иванъ, дьякъ, авторъ «Временника». *О немъ книга П. Г. Васенко:* «Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ «Временника», (Къ исторіи перелома древне-русской исторической мысли). Спб. 1908», рецензированная Я. Бирюковымъ, СХV, январь, 346—347.

Тиндаль, Джонъ (182)—1893), знаменитый англійскій физикъ, СХVІ, май, 550. 555.

Тятовъ, А. А. Статейка его: «Сампониѣвская церковь, что на Выборгской сторонѣ, по рисунку 1710 года», СХVІ, июнь, 966—968.—*Рецензія его:* 1) «Путеводитель по музею Псковскаго археологическаго общества съ четырьмя портретами и видами Поганкиныхъ палатъ. Псковъ. 1908», СХV, мартъ, 1193—1194. *Поправка къ ней Н. Окулича-Казарина*, СХVІ, июнь, 1135—1136. 2) «П. В. Верховскій. Населенная недвижимыя имѣнія св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Коллегія экономичи и канцелярія синодальнаго экономическаго управления (15 июля 1726—12 мая 1763). Спб. 1909», СХVІ, май, 684—687. 3) «П. С. Троицкій. Костромской край. Историко-археологическій очеркъ. Кострома. 1909», СХVІ, июнь, 1055—1056.—*Рецензія А. К.—ва о книгѣ его:* «Житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской по синодальной рукописи XVII вѣка. М. 1909», СХVІ, май, 690.—*Рецензія А. К.—ва о брошюрѣ его:* «Тихонъ Малышко, ростовскій епископъ XVI вѣка. М. 1908», СХVІ, июнь, 1072—1073.—*Рецензія А. К.—ва о книжкѣ его:* «Коплясниковскій синодикъ. Сергіевъ посадъ. 1909», СХVІІ, августъ, 679—680.—*Рецензія А. К.—ва о книжкѣ его:* «Упраздненные монастыри Костромской епархіи», СХVІІ, августъ, 682—683.—*Рецензія А. К.—ва о книгѣ его:* «Іѣтописъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря, написанная послѣ разгрому 7117 году майя 6 числа. М. 1909», СХVІІ, сентябрь, 1078—1079.—*Рецензія*

А. К.—во о книгѣ его: «Старинныя волости и станы въ Костромской сторонѣ. М. 1909», СХVІІІ, октябрь, 322—323.

Тихомировъ, Левъ Александровичъ, нынѣшній редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», СХVІІІ, октябрь, 220—221, 242.

Ткачевъ, Петръ Никитичъ, кандидатъ правъ, революціонеръ, СХVІІ, августъ, 598; сентябрь, 997—1004, 1009, 1011; СХVІІІ, октябрь, 221—223.

Толбуховъ, В. М. Статья его: «Въ борьбѣ за русское дѣло. (Эпизодъ изъ государственной дѣятельности К. П. фонъ-Кауфмана», СХVІ, апрѣль, 91—131.

Толстые, графы:

— Алексѣй Константиновичъ, поэтъ, СХV, январь, 134—137.

— Дмитрій Андреевичъ, министр народнаго просвѣщенія и потомъ министр внутренних дѣлъ, СХVІ, апрѣль, 226; май, 620, СХVІІ, июль, 23—24; іюль, 210—211; сентябрь, 960—962.

— Левъ Никол., великій русскій писатель. *О немъ книжка И. Тенеромо:* «Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ», рецензированная М. Соколовскимъ, СХV, мартъ, 1204—1205.—*О немъ книжка Н. Г. Молоствови и П. А. Сергѣенко:* «Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Вып. I. Спб. 1908», рецензированная Б. Г., СХVІ, май, 696—697.—*О немъ книга П. Сергѣенко:* «О Толстомъ. Международный Толстовскій альманахъ. М. 190», рецензированная Н. Л., СХVІІІ, октябрь, 309.—*О немъ въ замѣткѣ:* «Толстовская выставка», СХVІ, май, 758—760.—*Упомянется:* СХVІІ, октябрь, 786—787.

Тотлебенъ, Эдуардъ Ивановичъ, графъ, генералъ, военный инженеръ, навѣстный обороной Севастополя, СХVІ, май, 553—554; СХVІІ, сентябрь, 1114 (по поводу открытія ему памятника въ Севастополѣ).

Третьковъ, Фед. Оед., петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, СХV, февраль, 721; СХVІ, апрѣль, 229; СХVІІІ, декабрь, 1061.

Трионовъ, К. К. Его статейка: «Императоръ Вильгельмъ въ Выштындѣ», СХV, январь, 190—194.

Троицкіе:

— Д. П. *Рецензія П. Александрова о книгѣ его:* «Русь въ Монгольской періодъ. Спб. 1909», СХVІІІ, декабрь, 1139—1140.

— П. С. *Рецензія Андрея Ал. Титова о книжкѣ его*: «Костромской край. Историко-археологическій очеркъ. Кострома, 1909», СХVI, июнь, 1055—1056.

Трофимовъ, А. И., петербургскій мировой судья. *О немъ статья М. В. Шевлякова*: «Мировой судья А. И. Трофимовъ», СХVII, сентябрь, 915—926.

Троцкий, В. В. *Рецензія его*: 1) Религиозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Изслѣдованіе Д. Г. Коновалова. Ч. I. Выпускъ I. Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ посадъ. 1908», СХV, мартъ, 1201—1203. 2) «Профессоръ П. А. Шлякинъ. Возрасты человѣческой жизни. Изъ литературной исторіи человѣческихъ понятій. Съ рисунками. Спб. 1909», СХVI, апрѣль, 337—338. 3) «Г. Василъчъ. Императоръ Александръ I и старецъ Федоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. М. 1909», СХVI, июнь, 1047—1051. 4) «Д. Г. Коноваловъ. Психологія сектантскаго экстаза. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі. Сергіевъ посадъ. 1909», СХVII, июль, 331—332. 5) «А. С. Пругавицъ. Раксколь вверху. Очерки религиозныхъ исканій въ привилегированной средѣ. Спб. 1909», СХVIII, октябрь, 318—319. 6) «Викторъ Острогорскій и Д. Д. Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ. Съ портретами. 2-е изданіе. М. 1909», СХVIII, декабрь, 1142—1144.

Троцяцкскій, В. Ф. *Рецензія А. Фарессова о книжкѣ его, составленной совместно съ Э. К. Некарскимъ*: «Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 705—707.

Трубецкая, Елизавета княгиня, СХVII, августъ, 651, 654—657.

Трубецкая, Надежда Борисовна, княгиня, статья-дама, благотворительница. *О ней въ статьѣ князя Б. А. Щетинина*: «Памяти княгини Н. Б. Трубецкой», СХVI, апрѣль, 209—216.—*Некрологъ ея*: СХVI, апрѣль, 394—395.

Трубецкая, Софья Сергѣевна, княгиня, въ замужествѣ за герцогомъ Морни, СХVII, июль, 348—351.

Тургеневъ, Ив. Серг. (1818—1883), известный русскій писатель. СХV, мартъ, 1230—1235 и СХVI, апрѣль, 358—376 (по поводу его писемъ къ нѣмецкому художнику Пичу и др.); СХVI, май, 728—737 (по поводу его писемъ къ Шиндгу и Фридендеру).—*Упомянутъ*: СХVI, апрѣль, 240—242. 384—386 (по поводу «отарытія Турге-

невской выставкѣ» въ Академіи Наукъ); СХVIII, декабрь, 1041.

Туринскій, М. *Статья его*: «Какъ мы издавали газету. (Для будущаго историка провинціальной печати)», СХV, январь, 206—221.

Туръ, Евгения (Елизавета), известная писательница, СХVI, февраль, 630. 639—641.

Тучковъ, Сергѣй Семеновичъ. *Рецензія А. Б. объ его*: «Запискахъ», редактированныхъ К. А. Военскимъ.—(Спб 1908), СХV, февраль, 789—790.

Тютчева, Анна Федоровна, СХV, январь, 231—232, 240.

У

Уитвортъ, Чарльзъ, чрезвычайный посолъ и полномочный министръ Великобританіи въ Петербургѣ, СХVII, июль, 272, 276—277, 279—280, 289.

Уманецъ, С. П. *Его*: «Нежданное стихотвореніе Я. П. Полонскаго», СХV, январь, 195—196.

Умановъ-Калдуновскій, В. В. *Статьи его*: 1) «С. В. Левинскій. (Къ 20-лѣтію артистической дѣятельности, 1889—1908 гг.)», СХV, мартъ, 1127—1131. 2) «Словянцы и Симеонъ Григоричъ. (Очеркъ)», СХVII, июль, 109—118. 3) «Пять этажей. (Изъ галерей современныхъ типовъ)», СХVIII, ноябрь, 846—886.

Уягеръ-Штернбергъ, баронъ, супругъ Маріи Стеллы, СХVII, июль, 341—342.

Урусовъ, А. И., князь, известный адвокатъ, СХV, февраль, 690.

Утинъ, Николай, студентъ Сибургскаго университета, СХVI, май, 614, 623; СХVII, сентябрь, 1009.

Ушинскій, К. Д. *О немъ въ книгѣ В. П. Острогорскаго и Д. Д. Семенова*. «Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій. П. А. Корфъ. Съ портретами. 2-е изд. М. 1909», рецензированной В. Троцкимъ, СХVIII, декабрь, 1142—1144.

Ф

Фавицкій, СХVII, июль, 77—78, 84—97; августъ, 449, 460—461, 463—465.

Фавръ, Жюль, известный французскій общественный и политическій дѣятель, СХVI, июнь, 1117—1118.

Фаресовъ, Ан. Ив., писатель.—*Рецензія его*: 1) «А. С. Пругавицъ. Въ казематахъ. Спб. 1909», СХV, мартъ, 1207—1209. 2) «Н. А. Преображенскій. Проклятая быль. Спб. 1909», СХVI, май,

- 720—722. 3) «В. А. Поссе. По Европѣ и Россіи. Спб. 1909», СХVII, июль, 329—331. 3) «В. Ф. Троцанскій и Э. К. Пекарскій. Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ. Спб. 1909», СХVIII, ноябрь, 705—707. 4) «Л. Я. Апостоловъ. Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ, великій философъ земли русской. Тифлисъ. 1909», СХVIII, декабрь, 1149—1150. — *Рецензія А. Н. о книгѣ его:* «Забытая писательница и ея заслуги. Спб. 1909», СХV, февраль, 799—800.
- Фарлей**, секретарь Комитета Краснаго Креста, СХVII, августъ, 527, 530—534.
- Фармаковскій**, С. П. *Рецензія Н. Ледера о книгѣ его:* «Возрожденіе Урала». Очерки. Спб. 1908», СХV, январь, 336—337.
- Федоровичъ**, Лев. Вас., профессоръ. *Некрологъ его:* СХV, январь, 429.
- Фейербахъ**, Людвигъ. *Рецензія Н. Л. о книгѣ его:* «Сущность христіанства. Полный переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1908», СХVII, июль, 328—329.
- Феншъ**, полковникъ, адвокатъ великаго князя Константина Павловича, СХVII, августъ, 465.
- Ферреро**, Гульельмо, итальянскій историкъ и публицистъ. *Его «мнѣніе о Ломброзо, какъ современномъ пророкѣ, великомъ пессимистѣ и писателѣ»*, СХV, февраль, 820—825. — *Его историческіе жары:* СХVI, июнь, 1085—1091.
- Фигнеръ**, Вѣра Николаевна, по мужу Филиппова, извѣстная революціонерка, СХVII, сентябрь, 1005.
- Филаретъ**, старообрядческій архидіаконъ бѣлокриницкаго митрополита Кирилла и хранитель бѣлокриницкаго архива, СХVII, сентябрь, 952—955, 963.
- Филаретъ** (Дроздовъ), митрополитъ московскій, знаменитый проповѣдникъ, СХVI, апрѣль, 54, 56—58 (въ воспоминаніяхъ Н. К. Полевого).
- Филипповъ**, Тертіи Ивановичъ, государственный контролеръ, СХVIII, декабрь, 900—906 (въ воспоминаніяхъ Г. П. Миллера).
- Философовъ**, Д. В. *Рецензія Р. С. о книгѣ его:* «Слова и жизнь. Литературные споры повѣйнаго времени (1901—1908). Спб. 1909», СХVI, июнь, 1063—1064.
- Фиппсъ**, Константинъ, дипломатъ, СХVII, августъ, 648.
- Фирлей**, Андрей, СХVII, сентябрь, 1046, 1048.
- Фирсовъ**, А. И. *Статья его:* «Почаевская лавра», СХVII, сентябрь, 1037—1061.
- Фирсовъ**, Н. Н. (Л. Рускинъ), *Его:* 1) «Воспоминанія о цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ и императорѣ Александрѣ III въ юности», СХV, январь, 44—75. 2) «Трагическій конецъ благоначинанія. (Изъ матеріаловъ шестидесятихъ годовъ)», СХVII, июль, 142—155. 3) «Англо-русскія симпатіи передъ Берлинскимъ конгрессомъ», СХVII, августъ, 520—541. — *Рецензія А. М. о книгѣ его:* «Пугачевщина. Опытъ социолого-психологической характеристики. Спб. 1909», СХVII, июль, 306—307.
- Фицджеральдъ**, Эдгаръ, англійскій поэтъ-эксцентрикъ, СХVI, июнь, 1117.
- Флеровъ**, С. В., писатель, СХVII, июль, 24.
- Фоминъ**, А. Г. *Рецензія его:* 1) «Акад. Истривъ. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка. Спб. 1907», СХV, январь, 326—327. 2) «А. Адферовъ и А. Грузинскій. Русская литература XVIII в. М. 1907», СХV, февраль, 792—793. 3) «А. Богумилъ. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. Кіевъ. 1908», ib., 795—706. 4) «Г. Александровскій. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. II. Кіевъ. 1907», СХV, мартъ, 1203—1204. 5) «Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. I—VI. М. 1908—1909», СХVI, июнь, 1058—1059. 6) «Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Гоголь въ его произведеніяхъ. Къ столѣтію рожденія великаго писателя. М. 1909», СХVI, июнь, 1064—1066. 7) «Ив. Щегловъ. Подвижникъ слова. Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ. Спб. 1909», СХVII, июль, 307—308. 8) «Ю. В. Португаловъ. Къ психологій русскіихъ литературныхъ теченій эпохи 1860—1890 годовъ. Оренбургъ. 1908», СХVII, июль, 310—311. 9) «Словарь литературныхъ типовъ. Выпускъ III. Лермонтовъ. Вып. IV. Гоголь. Спб. 1909», СХVII, августъ, 688—689. 10) «С. Елплатевскій. Вліянія тѣни. Спб. 1909», СХVII, сентябрь, 1083—1084. 11) «Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревымъ. М. 1909», СХVIII, ноябрь, 716—717. 12) «Литературный ежегодникъ на 1909 годъ». Подъ ред. Оскара Норвежскаго. Спб., СХVIII, декабрь, 1153—1154.
- Франко**, Иванъ. *Рецензія П. Александрова о книгѣ его:* «Святій Климентъ у Корсуні. Причинокъ до исторіи старо-

христіанської легенди. Львовъ», СХVІІІ, ноябрь, 696—698.

Францискъ Ассизскій, середньвковий проповѣдникъ. *О немъ книга В. Герве*: «Францискъ, апостолъ нищеты и любви. М. 1908». рецензированная В. Ф.—ко, СХVІІІ, июль, 320.

Фридрихъ II Великій, прусскій король, СХVІ, апрѣль, 283—285, 287—289, 293—294, 296.

Фридрихъ-Вильгельмъ, прусскій король, СХVІ, апрѣль, 285, 288, 294, 299—300, 304, 309.

Фроловъ. Ал—дръ Никитичъ, художникъ. *Некрологъ его*: СХVІ, апрѣль, 395—396.

Фуксъ, Эдуардъ Яковлевичъ, членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его*: СХVІІІ, ноябрь, 775.

Фультонь, Робертъ, великій изобрѣтатель пароходовъ, СХV, январь, 359—360; СХVІІІ, ноябрь, 749—751.

Фурье, Шарль (1772—1837), знаменитый французскій социалистъ-утопистъ, СХVІ, июнь, 1107—1108.

Х

Хакъ, А. *Статья его*: «Памяти султана Чингисхана», СХVІІІ, декабрь, 1024—1028.

Хартулари, Конст. Оед., юристъ, общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХV, январь, 429—431.

Хатовъ, Иванъ Ильичъ, генералъ-лейтенантъ, директоръ Александровскаго малолѣтняго корпуса, СХVІІ, июль, 144—146, 154.

Хахановъ, А. С. *Рецензія его*: 1) «Д. П. Аракліевъ. Музыкально-этнографическіе очерки грузинской народной музыки. Народная пѣсня Западной Грузии. М. 1908», СХVІ, май, 705—706. 2) «Газавать. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повѣсть Л. А. Чарской. Изданіе 2-е. М. 1909», СХVІ, июнь, 1075—1076. 3) «Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля. Историческій очеркъ кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагеставѣ. Составилъ подполк. С. Эсадзе. Тифлисъ. 1909», СХVІІІ, декабрь, 1144.

Хвойка, В. В. археологъ, СХVІ, мартъ, 1176—1182 (по поводу его раскопокъ близъ Десятинной церкви въ Кіевѣ).

Хилковъ, Михаилъ Ивановичъ, князь, статсъ-секретарь, министръ путей сообщенія. *Некрологъ его*: СХVІ, апрѣль, 396—397. — *Упоминается*: СХVІІІ, ноябрь, 461—466 (въ воспоминаніяхъ Г. П. Миллера).

Хисламъ, Персиваль. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его*: «Господство на Атлантическомъ океанѣ», переведенной капитаномъ 2-го ранга Гревеницемъ. (Спб. 1908), СХV, январь, 348—350.

Хлопицкій, Іосифъ (1772—1854), польскій генералъ, СХVІІІ, октябрь, 68—69, 71—74.

Хлоповъ, П. А. писатель и драматургъ. *Некрологъ его*: СХVІІ, августъ, 735—736.

Хмѣльницкій, Н. И. артистъ, СХVІ, апрѣль, 157—158.

Хотекъ, Богуславъ, графъ, дипломатъ, СХVІІ, августъ, 665—666.

Хохрякова-Симонова, Людмила Христофоровна, писательница. *О ней книжка А. И. Фаресова*: «Забытая писательница и ея заслуги. Спб. 1909», рецензированная Л. Н., СХV, февраль, 799—800.

Худяковъ, И. А., писатель и революціонеръ, СХV, февраль, 707—709, 713, мартъ, 1148, 1161—1162, 1167, 1168.

Ц

Цвѣтковы:

— И. Е., коллекціонеръ художественныхъ произведеній, подарившій свою богатую коллекцію картинъ и рисунковъ Москвѣ, СХVІ, июнь, 1126—1127.

— Як. Яковл., профессоръ физики и метеорологін въ Петровско-Разумовской академіи, СХVІІ, июль, 41—42.

Церетели, Алакій Р., князь. *Рецензія С.ева объ его* «Избранныхъ стихотвореніяхъ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Съ предисловіемъ А. С. Хаханова. М. 1908», СХVІ, май, 705.

Цзы-су, китайская императрица, СХV, февраль, 831—833.

Циціановъ, Александръ Константиновичъ, князь, русскій пропагандистъ, СХVІІІ, декабрь, 1036, 1038—1039, 1052.

Ч

Чагинъ, Ник. Мих., академикъ архитектуры. *Некрологъ его*: СХVІІ, июль, 383—384.

Чайковскій, Николай Васильевичъ, одинъ изъ основателей кружка «чайковцевъ», СХVІІІ, октябрь, 217—223, 234, 241—243; ноябрь, 614.

Чарская, Л. А. *Рецензія Л. Хаханова о книгѣ ея*: «Газавать. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повѣсть. Изданіе 2-е. М. 1909», СХVІ, июнь, 1075—1076.

Челяковский, Ф. Л. чешский поэт, СХУ, февраль, 594.

Череванский, Вл. Рецензия П. Б. о книге его: «Последний вздох Византии. Спб. 1909», СХVI, июнь, 1083—1084.

Черенковъ, Г. Статья его: «Лишенные всѣхъ правъ человѣческихъ (Изъ личныхъ воспоминаній о штрафныхъ батальонахъ)», СХV, февраль, 550—573; мартъ, 987—1003.

Черновъ, Константинъ, офицеръ Семеновскаго полка, СХVI, апрѣль, 155—156.

Чернышевскіе:

— Гаврилъ Ивановичъ, отецъ послѣдующаго, СХVIII, декабрь, 1000—1001.

— Николай Гавриловичъ, писатель, СХУ, январь, 239, 240, 248, 252; мартъ, 1133, 1135, 1140—1141; СХVI, апрѣль, 222—223, 233—234; СХVII, сентябрь, 777.—*О немъ въ статьѣ А. Лебедева:* «Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. (По поводу двадцатилѣтія со дня его смерти)», СХVIII, декабрь, 999—1004.

Чернявинъ, Статейка его: «Какъ одинъ мужичекъ отъ холеры коломъ отмахался», СХVIII, декабрь, 1021—1023.

Черняева, Антонина Мих. Ея статья «Государь императоръ Александръ III и М. Г. Чернышевъ», СХVIII, октябрь, 152—157.

Черняевъ, Мих. Григ., генералъ, СХVII, августъ, 653; СХVIII, октябрь, 152—157.

Черчили:

— лэди, СХV, январь, 361—365.

— Рендольфъ, мужъ предыдущей, СХV, январь, 361—364.

— Винсторъ Спенсеръ, ихъ старшій сынъ, СХV, январь, 364.

Чеховъ, Антонъ Павловичъ, писатель, СХV, январь, 117—120. Статья о немъ Н. М. Ежова: «Антонъ Павловичъ Чеховъ. (Опытъ характеристики)», СХVII, августъ, 499—519.—*О немъ въ статьѣ Н. М. Ежова:* «Моя статья о Чеховѣ (бесѣда съ читателями)», СХVIII, ноябрь, 595—607.—*О немъ въ книгѣ Б. Л. Бочкарска:* «Письма А. П. Чехова. М. 1909», рецензированной А. Фоминнымъ, СХVIII, ноябрь, 716—717.

Чеховъ (Сѣдой), Александръ Павловичъ. Статья его: «Дѣдъ, проданный съ аукціона. (Изъ жизни финляндской деревни)», СХVIII, сентябрь, 882—914.

Чижиковъ, Ник. Ал., генералъ-лейтенантъ. Некрологъ его: СХV, февраль, 859—860.

Чингисханъ, султанъ, генералъ-отъ-кавалеріи. О немъ въ статьѣ А. Хака:

«Памяти султана Чингисхана», СХVIII, декабрь, 1024—1028.

Чистяковъ, Мих. Вас., товарищъ министра финансовъ. Некрологъ его: СХVI, апрѣль, 397—398.

Чудиновъ, Александръ Николаевичъ, педагогъ, писатель. Некрологъ его: СХV, февраль, 862—861.

Чудновскій, С. Л. СХVII, июль, 212—215.

Чулицкій, М. Ф. Его: «Сюрпризъ. (Изъ семейныхъ преданій)», СХVII, августъ, 494—498.

Чунихинъ, Вас. Андр., начальникъ государственной типографіи. Некрологъ его: СХVI, июнь, 1133—1134.

Чунъ, принцъ, китайскій регентъ, СХVI, май, 743—744 (по поводу новаго біографическаго очерка о немъ Исаака Гедланда).

Чупровъ, А. И. Рецензия К. Х. о книгѣ его: «Мелкій кредитъ и кооперація. М. 1909», СХVIII, ноябрь, 711—713.

Чюмина (Михайлова), Ольга Николаевна, писательница-поэтесса и переводчица. Некрологъ ея: СХVIII, октябрь, 366—367.

Ч—ъ. Редакція: «Еврейская энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ, подъ редакцію д-ра М. Каценельсона и барона Д. Г. Гинзбурга. Т. I и II. А.—Арабскій языкъ. Спб. 1908», СХVIII, декабрь, 1158—1159.

III

Шабельская, Е. А., СХVII, июль, 39—40.

Шабрильянъ, графиня, урожд. Селеста Могодоръ, СХVI, май, 753.

Шаломытовъ, Н. В. Его статья: «Къ біографіи А. С. Григоровича (Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова)», СХV, мартъ, 1031—1061; СХVI, апрѣль, 132—163.

Шаховской, Александръ Александровичъ, князь, писатель, СХVI, апрѣль, 134—135, 143—146, 157, 160—161.

Шаховской, С. В., князь. Изъ его архива: «Материалы для исторіи недавняго прошлаго прибалтійской окранны (1885—1894 гг.). Т. I. Спб. 1909», рецензированные В. Г-скимъ, СХVII, августъ, 686—687.

Шебуевъ, Василій Кузьмичъ, ректоръ академіи художествъ, СХVI, июнь, 825, 830—831.

Шевляковъ, Мих. Викт. Его: 1) «Крымская Азія. (Бахчисарайскія впечатлѣ-

нія», СХVII, июль, 173—184. 2) «Мировой судья А. И. Трофимовъ», СХVII, сентябрь, 915—926. 3) «Къ исторіи насажденія тревости», СХVIII, октябрь, 189—205.

Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ, малороссійскій поэтъ (1814—1861), СХVI, июнь, 920, 930, 951—952.

Шепелевичъ (Лазаревичъ), Левъ Юліановичъ, профессоръ Харьковскаго унив., историкъ литературы. *Некрологъ его*: СХV, мартъ, 1262—1263.

Шереметевъ, В. В., СХV, мартъ, 1044—1046; СХVI, апрѣль, 143—147.

Шестовъ, Левъ (псевдонимъ современнаго беллетриста Льва Исааковича Шварцмана). *О немъ въ книгѣ Иванова-Разумника: «О смыслѣ жизни. Федоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ. Спб. 1908»*, рецензированной Н. Л., СХVI, май, 695—696.

Шефферъ, П. Н., *Рецензія В. Р.—ва о редактированной имъ книгѣ: «Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томъ V, вып. I. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1909»*, СХVII, июль, 304—305.

Шидловскій, А. Р., орловскій губернаторъ, СХVII, августъ, 417—418.

Шимановскій, Н. В., СХV, мартъ, 1038.

Шиманъ, Теодоръ, профессоръ, СХVIII, декабрь, 1099—1100.

Ширяевъ, Сергѣй Осиповичъ, журналистъ. *Некрологъ его*: СХV, февраль, 861.

Шинковъ, Леонъ Николаевичъ, профессоръ, докторъ химіи. *Некрологъ его*: СХV, февраль, 861—862.

Шинмаревъ, В. *Рецензія В. о переведенной подъ его редакціей книгѣ А. Оветта. «Исторія итальянской литературы. Сиб. 1909»*, СХVI, май, 703—704.

Шликевичъ, Ал-дръ Поликарповичъ, земскій статистикъ. *Некрологъ его*: СХVI, апрѣль, 398.

Шлякинъ, П. А., проф. *Рецензія В. Троицкаго о брошюрѣ его: «Возрасты человеческой жизни. Изъ литературной исторіи человѣческихъ понятій. Съ рисунками. Спб. 1909»*, СХVI, апрѣль, 337—338.

Шмаковъ, А. С., московскій адвокатъ-националистъ, СХV, февраль, 690.

Шмидтъ, Фридрихъ Богдановичъ, академикъ. *Некрологъ его*: СХV, январь, 431—432.

Шнейдеръ, В. В., проф., СХV, мартъ, 1037.

Шопенъ, Франсуа (1809—1849), зна-

менитый композиторъ и пианистъ, СХVI, июнь, 1104—1105; 1115—1117.

Шталь, Александръ Петровичъ, драматургъ. *Некрологъ его*: СХVII, августъ, 736.

Штейнъ (фонъ), Вл. П. *Его статьи*: 1) «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ до восшествія на престолъ» (по сочин. Пьера Морана «Paul I de Russie avant l'avènement»), СХVI, апрѣль, 275—313. 2) «Баронесса Бодѣ въ Россіи и ея переписка съ англійской родней», СХVII, июль, 270—292. 3) «Воспоминанія дипломата Румбольда», СХVII, августъ, 645—667. 4) «Новая эра въ Россіи», СХVII, сентябрь, 1062—1068. 5) «Ходынская катастрофа 1896 года, СХVIII, ноябрь, 473—506. 6) «Первое пятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича», СХVIII, декабрь, 1099—1132.

Штернь, Э. Р., профессоръ Новороссійскаго университета, СХV, январь, 264—266 (по поводу основаннаго имъ Одесскаго музея).

Штуръ, Людвигъ, чешскій поэтъ, СХV, февраль, 597—599, 608.—*Рецензія Андрея Сироткина о книгѣ его: «Славянство и мѣръ будущаго. Посланіе къ славянамъ съ береговъ Дуная, съ примѣчаніями В. И. Ламанскаго. Спб. 1900»*, СХVII, июль, 324—327.

Шуазель, графъ, СХVII, июль, 280.

Шуѣинскій, Н. П. *Его статья: «Памяти А. П. Ленскаго»*, СХVII, июль, 156—164.

Шувалова, Екатерина Петровна, графиня (урожд. графиня Салтыкова), СХVII, июль, 277—278, 286—287, 290.

Шуваловы, графы:

— Андрей Петровичъ, СХV, январь, 231—239.

— Павелъ Андреевичъ, дипломатъ, СХV, январь, 201—204.

— Петръ Андреевичъ, генералъ-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ, СХV, январь, 231—232, 239; февраль, 719—721; мартъ, 927—928. 941; СХVI, апрѣль, 120, 125—129; 226—231; июнь, 834.

— П. П., устроитель Лысьвенскаго завода, СХV, февраль, 741, 746, 748.

Шульце, Фридрихъ, нѣмецкій философъ, СХV, январь, 353 (по поводу его смерти).

Шульцъ (фонъ), Карлъ Констант., СХVIII, ноябрь, 454—459; декабрь, 893.

Шуфъ, В. А., писатель, поэтъ, СХV, февраль, 850—851 (по поводу 25-лѣтія его литературной дѣятельности).

Щ

Щегловъ, Ив. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его: «Подвижникъ слова. Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ. (Спб. 1909)», СХVII, июль, 307—308.*

Щеголевъ, П. Е. *Рецензія Н. Л. о книжкѣ его: «А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828 гг. (Спб. 1909)», СХVII, августъ, 690.*

Щепкинъ, Мих. Сем., извѣстный артистъ, СХV, мартъ, 1032—1035; СХVI, апрѣль, 159, 163.

Щерба, В. А., земскій дѣятель, писатель. *Некрологъ его: СХVII, июль, 384.*

Щербатовъ, Ал-дръ, князь. *Рецензія А. Б. о книжкѣ его: «Обновленная Россія. М. 1908», СХVI, апрѣль, 331—332.*

Щетининъ, Б. А., князь. *Его статьи: 1) Памяти княгини Н. Б. Трубецкой», СХVI, апрѣль, 209—216. 2) «Гоголевскія торжества въ Москвѣ» (памятникъ Гоголю), СХVI, июнь, 1004—1019.*

Э

Эджертонъ, Эдвинъ, сэръ, дипломатъ, СVII, августъ, 648.

Эйнгорнъ, Виталий Осиповичъ. *Рецензія А. Хах-ова о книжкѣ его: «Къ исторіи иноземцевъ въ старой Малоросіи. М. 1908», СХV, февраль, 805—806.*

Эллидинъ (и Эльпидинъ), Михайлъ, студентъ Казанскаго университета, революціонеръ, эмигрантъ, СХVII, сентябрь, 777—778; 1009.

Энгельгардты:

А. П., товарищъ министра земледѣлія и государственнхъ имуществъ, умершій въ 1903 г., СХVII, июль, 34—35.

— **Н. А.** *Его: «Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великой)», СХV, январь, 7—43; февраль, 435—475; мартъ, 865—917; СХVI, апрѣль, 5—51; май, 401—437; июнь, 785—824; СХVII, июль, 5—22; августъ, 385—402; сентябрь, 737—754; СХVIII, октябрь, 5—21; ноябрь, 369—399; декабрь, 779—818.*

Эсадзе, С. *Рецензія А. Хаманова о книгѣ его: «Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля. Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Тифлисъ. 1909», СХVIII, декабрь, 1144.*

Ю

Ювачевъ, Ив. П., *Его статьи: 1) «Миніатюрная церковь. (Къ предстоящему археологическому съѣзду въ Ко-*

стромѣ)», СХVII, июль, 170—172. 2) «Могилы Гапона», СХVIII, октябрь, 206—210.

Юзъ, В. В., цензоръ, СХVIII, октябрь, 178,

Юліанъ Отступникъ, римскій императоръ (361—363). *О немъ книга А. Вишнякова: «Императоръ Юліанъ Отступникъ и литературная полемика съ нимъ св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго», Симбирскъ. 1908», рецензирванная М. С., СХVIII, октябрь, 305—307.*

Юнаковъ, Н. Л. *Рецензія Л. Н. о составленномъ имъ соавѣстнo съ А. К. Байовымъ трудѣ: «Труды императорскаго рускаго военно-историческаго общества. Документы и изложеніе Полтавскаго періода Сѣверной войны. 1708—1709 гг. Четыре тома», СХVIII, декабрь, 1133—1136.*

Юницкая, Н. А., преподавательница. *Некрологъ ея: СХV, мартъ, 1263.*

Юрасовскій, Денисъ Вас., помѣщикъ, СХVII, июль, 186—187.

Я

Ядринцевъ, Ник. Мих., СХVII, июль, 262.

Языковы:

— **Дм. I.,** протоіерей, писатель. *Некрологъ его: СХV, февраль, 862—863.*

— **Петръ Ал-дровичъ,** († 1850 г.) генераль-маіоръ, директоръ Павловскаго кадетскаго корпуса, СХVI, июнь, 826.

Якубовичъ, Ал-дръ Иван., капитанъ драгунскаго полка, декабристъ, СХV, мартъ, 1044—1046; СХVI, апрѣль, 136, 144—147.

Яновскій, Вас. Ив., военный генераль, СХVII, октябрь, 857—858.

Яновскій, Фед. Ив., академикъ живописи, СХVII, июль, 43—45.

Яцимарскій А. И. докторъ славянскій филологіи. *Рецензія его: 1) «St. Tarnowski. Nystorya literatury polskiej. Tom VI. Część druga. Wiek XIX, 1863—1900. Краковъ. 1907», СХV, январь, 341—344. 2) «Миленко М. Вукичевичъ. Исторія сербскаго народа для среднихъ школъ. Книга первая и вторая. Бѣлградъ. 1907», и «Его же. Карагеоргій Книга первая. 1752—1804. Съ двумя историческими картами и видомъ Бѣлграда 1788. Бѣлградъ. 1907», СХVI, апрѣль, 345—346.*

Федоровы:

— Вас. Мих., драматургъ, СХVI, апрѣль, 158.

— Иванъ, русскій первопечатникъ, СХVII, ноябрь, 758—762 (по поводу открытія ему въ Москвѣ памятника).

— Н. Д. *Его*: «Лоцманъ. (Разсказъ «второго помощника»), СХVII, октябрь, 46—59.

Федотовъ, Александръ Ад-дровичъ, артистъ. *Некрологъ его*: СХV, мартъ, 1263—1264.

Фоминъ, П. протоіерей. *Рецензія А. Б-ва о книгѣ его*: «Святитель Іссафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій. Харьковъ. 1909», СХVI, іюнь, 1079—1080.

З. *Статья его*: «Аксаковскіе дни» въ городѣ Уфѣ», СХVI, іюнь, 1020—1026.

УКАЗАТЕЛЬ

РИСУНКОВЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1909 г.

I. Портреты:

- Александровъ, Павелъ Александровичъ. СХVIII, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Алексѣевъ, Петръ Алексѣевичъ. СХVIII, декабрь, 1045.
Алихановъ-Аварскій, А. М. СХVIII, ноябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Вакунинъ, Михаилъ Александровичъ. СХVI, май, 601.
Вардина, Софья Иларіоновна. СХVIII, декабрь, 1047.
Будиловичъ, Антошъ Семеновичъ. СХV, мартъ, 1105.
Владимиръ Александровичъ, великій князь. СХV, мартъ, 3.
Войнаральскій, Порфирій Ивановичъ. СХVIII, ноябрь, 629.
Герценъ на смертномъ одрѣ. СХVI, апрѣль, 241.
Десяновъ, Иванъ Давыдовичъ, графъ. СХVI, май. На отдѣльномъ листѣ.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ. СХVI, февраль, 673.
О. Іоаннъ Кронштадтскій, СХV, февраль, 657.
О. Іоаннъ Кронштадтскій, въ облаченіи. СХV, февраль, 665.
Каракозовъ, Дмитрій Владимировичъ. СХV, февраль, 705.
Кауфманъ, Константинъ Петровичъ. СХVI, апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.
Клеменсъ, Дмитрій Александровичъ. СХVIII, ноябрь, 621.
Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ. СХVIII, октябрь, 117.
Константинъ Павловичъ, великій князь. СХVII, июль. На отдѣльномъ листѣ.
Кочубей, Василій Леонтьевичъ. СХVI, июнь, 903.
Кравчинскій, Сергѣй Михайловичъ. СХVIII, ноябрь, 617.
Кропоткинъ, Петръ Алексѣевичъ, князь. СХVIII, октябрь, 235.
Лавровъ, Петръ Лавровичъ. СХVII, сентябрь, 985.
Ленскій, Алексѣй Павловичъ. СХVII, июль, 161.
Ловичъ, княгиня. СХVII, августъ. На отдѣльномъ листѣ.
Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Таріеловичъ, графъ. СХVIII, декабрь. На отдѣльномъ листѣ.
Мазепа, Иванъ Степановичъ. СХVI, июнь, 903.
Михайловскій, Николай Константиновичъ. СХVIII, октябрь, 215.
Муравьевъ, Михаилъ Николаевичъ. СХV, мартъ, 1137.

Муравьевъ, Николай Валерьяновичъ. СХV, январь, 255.
Мышкинъ, Ипполитъ Никитичъ. СХVІІІ, декабрь, 1051.
Нечаевъ, Сергѣй Геннадіевичъ. СХVІ, май, 625.
Николай Александровичъ, цесаревичъ. СХV, январь. На отдѣльномъ листѣ.
Рогачевъ, Дмитрій Михайловичъ. СХVІІІ, ноябрь, 613.
Саліасъ, Евгенийъ Александровичъ, графъ. СХV, февраль. На отдѣльномъ листѣ.
Смирновъ, Дмитрій Александровичъ. СХV, мартъ. На отдѣльномъ листѣ.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ (1909 г.). СХVІ, апрѣль, 195.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. СХVІ, апр., 205.
Ткачевъ, Петръ Никитичъ. СХVІІ, сентябрь, 1003.
Фридрихсъ-Вейсъ, Жозефина. СХVІІ, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Чайковский, Николай Васильевичъ. СХVІІІ, октябрь, 223.
Чингисханъ, султанъ. СХVІІІ, декабрь, 1025.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ.

Аудако:

— Главный флигель въ Аудако. СХV, январь, 293.
 — Часть столовой для церковныхъ службъ. СХV, январь, 295.
 — Два домика для прокаженныхъ мужчинъ. СХV, январь, 297.
 — Одинъ изъ домиковъ для прокаженныхъ женщинъ. СХV, январь, 301.
 — Группа прокаженныхъ съ устроителемъ колоніи Зандеромъ и фельдшеромъ Керге. СХV, январь, 303.

Аѳины. Акрополь и храмъ Зевса Олимпійскаго въ Аѳинахъ. СХVІ, май, 677,
 — Партеионъ. СХVІ, май, 681.

Бандъермасянъ. Видъ на него съ рѣки. СХVІІІ, ноябрь, 663.
 — Видъ Бандъермасина. СХVІІІ, ноябрь, 667.

Батавія. Улица въ старой Батавіи. СХVІІІ, октябрь, 251.

Вашня царицы Тамары на р. Терекъ. СХVІ, апрѣль, 259.

Воробудуръ. СХVІІІ, октябрь, 275.

Братская могила, въ которой найденъ за престольный крестъ древней Десятинной церкви, и этотъ крестъ (лицевая и обратная сторона). СХV, мартъ, 1183.

Брусса:

— Панорама Бруссы. СХVІІ, августъ, 625.
 — Ворота Іеръ-Канусу на Брусской цитадели. СХVІІ, августъ, 629.
 — Гробница Османа и Урхана въ Бруссѣ. СХVІІ, августъ, 633.
 — Гробница султана Османа. СХVІІ, августъ, 635.
 — Зеленая мечеть въ Бруссѣ. СХVІІ, августъ, 637.
 — Мечеть Улу-Джами въ Бруссѣ. СХVІІ, августъ, 639 и 641.
 — Одна изъ улицъ въ Бруссѣ. СХVІІ, августъ, 643.
Виолеемъ. Мѣсто рожденія Иисуса Христа въ Виолеемѣ. СХVІ, май, 671.

Военно-грузинская дорога:

— Видъ съ «Реданта» на горы. СХVІ, апрѣль, 253.
 — Скала «Пронеси Господи». СХV, апрѣль, 255.
 — Чортовъ мостъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ на Военно-грузинской дорогѣ. СХVІ, апрѣль, 261.

Выходъ изъ Золотого Рога въ Мраморное море. СХVІІ, августъ, 621.

Дамаскъ. Общій видъ города. СХVІ, май, 653.

Дворъ храма гроба Господня. СХVІ, май, 655.

Диканька. Улица въ селѣ Диканькѣ. СХVІ, июнь, 953.

Дорога по карнизу Терекскаго ущелья. СХVІ, апрѣль, 263.

Древне-языческое капище. СХV, мартъ, 1177.

Екатеринбургъ:

- Видъ города Екатеринбурга. СХV, февраль, 747.
- Главная улица въ Екатеринбургѣ, СХV, февраль, 749.

Златоустъ, городъ. СХVI, февраль, 757.**Ипатьевскій монастырь.** СХVII, сентябрь, 1022.

- Келья, въ которой жилъ царь Михаилъ Осодоровичъ. СХVII, сентябрь, 1025.

- Палаты бояръ Ромаловыхъ. СХVII, сентябрь, 1027.

Иерусалимъ. Дворъ мечети Омара въ Иерусалимѣ. СХVI, май, 669.**Казбекъ, гора.** СХVI, апрѣль, 265.**Казбекъ, станція.** СХVI, апрѣль, 267.**Каневъ.** Могила Шевченко въ окрестностяхъ Канева. СХVI, июнь, 957.**Кашинъ:**

- Общій видъ г. Кашина Тверской губ. СХVII, августъ, 545.
- Главная святыни г. Кашина: Воскресенскій соборъ, въ которомъ почиваютъ мощи св. Анны, и Успенскій соборъ. СХVII, августъ, 551.
- Главная улица (Московская) въ г. Кашинѣ. СХVII, августъ, 553.
- Клобуковскій монастырь въ г. Кашинѣ. СХVII, августъ, 557.

Костель св. Креста, СХV, январь, 287.**Кострома:**

- Успенскій кафедральный соборъ въ Костромѣ. СХVII, сентябрь, 1017.
- Памятникъ Ивану Сусанину. СХVII, сентябрь, 1019.

Кременчугъ. СХVI, июнь, 955.**Крестовоздвиженскій монастырь** близъ Полтавы. СХVI, июнь, 941.**Букувлиа** надъ святымъ гробомъ. СХVI, май, 661.**Мостъ** черезъ Нилъ въ Каирѣ. СХVI, май, 643.**Муданія,** портъ г. Брюссель. СХVII, августъ, 623.**Нѣжинъ:**

- Набережная. СХV, мартъ, 1169.
- Соборъ XVII вѣка. СХV, мартъ, 1171.
- Институтъ князя Безбородко. СХV, мартъ, 1173.
- Памятникъ Гоголю. СХV, мартъ, 1175.

Одесскій музей, СХV, январь, 265.**Остатки** фундаментовъ и цементнаго пола великокняжескаго дворца. СХV, мартъ, 1181.**Павловскъ:**

- Александра дача въ 1908 году. СХVI, июнь, 1038.
- Храмъ Розы безъ шиповъ въ 1908 году. СХVI, июнь, 1039.
- Павильонъ въ Александровой дачѣ въ 1906 году. СХVI, июнь, 1041.
- Павильонъ въ Александровой дачѣ въ 1908 году. СХVI, июнь, 1043.

Палембангъ. Главная его улица. СХVIII, ноябрь, 669.

- Переулочъ въ Палембангѣ во время отлива. СХVIII, ноябрь, 671.
- Группа дѣтей въ Палембангѣ. СХVIII, ноябрь, 673.

Памятникъ Николаю Васильевичу Гоголю въ Москвѣ. СХVI, июнь, 1009.**Папандаянъ:**

- Лѣсная дорога на вулканъ Папандаянъ. СХVIII, октябрь, 281
- Видъ на кратеръ Папандаяна издали. СХVIII, октябрь, 283.

Пирамида Хеопса, Сфинксы и храмъ Сфинкса. СХVI, май, 647.**Подъемъ на Сионскія высоты и первая брама Иерусалима,** СХV, январь, 279.**Полтава:**

- Александровская улица въ Полтавѣ. СХVI, июнь, 925.
- Памятникъ Петру Великому и Спасская церковь въ Полтавѣ. СХVI, июнь, 929.

Полтава:

— Памятник Петру Великому въ память Полтавской битвы. СХVI, июнь, 933.

— Кадетскій корпусъ въ Полтавѣ. СХVI, июнь, 937.

— Воскресенская церковь въ Полтавѣ. СХVI, июнь, 945.

— Городская бібліотека и музей въ Полтавѣ. СХVI, июнь, 949.

Памятникъ Котляревскому. СХVI, июнь, 915.

Памятникъ на могилѣ Котляревскаго. СХVI, июнь, 917.

— Школа имени Котляревскаго. СХVI, июнь, 921.

— Обновленный домъ, гдѣ жилъ Котляревскій на Подолѣ въ Полтавѣ. СХVI, июнь, 923.

Почаевская лавра. СХVII, сентябрь, 1039.

— Внутренность соборнаго храма Успенія Божіей Матери. Ів., 1041.

— Стопа Божіей Матери съ изображеніемъ явленія Богоматери на горѣ Почаевской. Ів., 1043.

— Чудотворный образъ Почаевской Божіей Матери. Ів., 1045.

— Галерея у соборнаго Успенскаго храма. Ів., 1047.

— Внутренность пещерной церкви преподобнаго Іова. Ів., 1049.

— Серебряная рака преп. Іова. Ів., 1051.

— Коридоръ со статуями въ подпещерную церковь пр. Антонія и Θεодосія. Ів., 1053.

— Внутренность Аптоніе-Θеодосіевской церкви. Ів., 1055.

Самаро-Златоустовская жел. дорога;

— На Самаро-Златоустовской жел. дор. (Усть-Катавъ). СХV, февраль, 755.

— Видъ у Юрезанскаго моста, СХV, февраль, 761.

— Утесы Урала на Самаро-Златоустовской жел. дор. Утесъ «Красный камень». СХV, февраль, 763.

Святая Софія. СХVI, май, 673.

Сингапуръ:

— Мостъ въ Сингапурѣ. СХVIII, ноябрь, 1093.

— Индусскій храмъ въ Сингапурѣ. СХVIII, ноябрь, 1095.

Статуя Вудды въ центральной Явѣ. СХVIII, октябрь, 273.

Суэцкій каналъ. СХVIII, октябрь, 249.

Сфинксъ и пирамиды. СХVI, май, 649.

Терекъ, рѣка. СХVI, апрѣль, 257.

Ураль:

— Вершины Урала. СХV, февраль, 737.

— Лысьвенскій заводъ на Уралѣ. СХV, февраль, 739.

— Церковь и памятникъ графу П. П. Шувалову на Лысьвенскомъ заводѣ. СХV, февраль, 741.

— Лысьвенскій городокъ на Уралѣ. СХV, февраль, 743.

— Въ долинахъ Урала (Средній Таганай). СХV, февраль, 745.

— Вершина горы Большой Таганай на Уралѣ. СХV, февраль, 751.

— Утесы «Первая бечева» и горная рѣчка Симъ на Уралѣ. СХV, февраль, 759.

Фонтанъ у станціи Казбекъ. СХVI, апрѣль, 269.

Храмъ гроба Господня. СХVI, май, 657.

Царское Село:

— Гранитный ящикъ въ закрытомъ видѣ, СХV, январь, 260.

— Гранитный ящикъ открытъ, на немъ поставленъ вынутый изъ него мраморный ящикъ, СХV, январь, 260.

— Памятникъ, открытый въ 1907 году въ Царскомъ Селѣ (Софія) въ районѣ расположенія л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка, СХV, январь, 261.

Челябинскъ:

- Челябинскъ, городъ. СХV, февраль, 753.
- Мостъ на рѣкѣ Мѣсѣ. СХVII, июль, 241.
- Симеоновская улица. СХVII, июль, 245.
- Большая улица. СХVII, июль, 247.
- Соборъ на Сибирской улицѣ. СХVII, июль, 249.
- Екатеринбургская улица. СХVII, июль, 253.
- Татарская мечеть. СХVII, июль, 257.
- Таможня. СХVII, июль, 261.
- Женская гимназія. СХVII, июль, 263.

Шведская могила. СХVI, июнь, 939.

III. Разные рисунки:

- Аллея пальмъ въ ботаническомъ саду (въ Батавіи).** СХVIII, октябрь, 253.
- Археологическія находки въ Лифляндіи.** СХVI, май, 633.
- Ватаки.** СХVIII, ноябрь, 687.
- Влюдо короля Оттона.** СХVI, май, 635.
- Вечорникъ,** СХV, январь, 271.
- Видъ на озеро въ ботаническомъ саду.** СХVIII, октябрь, 265.
- Внутренній видъ моста.** СХVIII, ноябрь, 1083.
- Водяныя растенія въ ботаническомъ саду.** СХVIII, октябрь, 261.
- Въ Огройцу,** СХV, январь, 272.
- Вѣрная пальма.** СХVIII, октябрь, 257.
- Группа дѣтей въ Лембакѣ.** СХVIII, ноябрь, 1089.
- Группа малайцевъ.** СХVIII, ноябрь, 685.
- Группа панданусовъ.** СХVIII, октябрь, 255.
- Дикари съ острова Сиберуть.** СХVIII, ноябрь, 689.
- Дынное дерево.** СХVIII, ноябрь, 677.
- Кампонгъ на Муси.** СХVIII, ноябрь, 1077.
- Кампонгъ на Лематангѣ.** СХVIII, ноябрь, 1079.
- Капоковыя деревья,** СХVIII, ноябрь, 1081.
- «Компанія»,** СХV, январь, 277.
- Курень и бахча.** СХVI, июнь, 911.
- Еъ Пилату,** СХV, январь, 281.
- Малорусская хата.** СХVI, июнь, 909.
- Малорусское село (Бѣлики).** СХVI, июнь, 907.
- Молодой даякъ.** СХVIII, ноябрь, 665.
- Молодой тапиръ.** СХVIII, ноябрь, 683.
- «Муара-Энимъ», пароходикъ.** СХVIII, ноябрь, 1075.
- Пангеранъ (старшина) Лембака и его семейство.** СХVIII, ноябрь, 1085.
- Панихида на могилѣ Георгія Гапова.** СХVIII, октябрь, 207.
- Печать города Висби.** СХVI, май, 637.
- Подъ тяжестью креста,** СХV, январь, 285.
- Полтавское сраженіе.** Картина проф. Коцебу, гравюра Панемакера въ Парижѣ. СХVI, июнь. На отдельномъ листѣ.
- Садъ около нашего дома.** СХVIII, ноябрь, 675.
- Скорбный путь.** СХVI, май, 664.
- Старый охотникъ.** СХVI, апрѣль, 271.
- Сунданецъ.** СХVIII, октябрь, 269.
- Сушка риса въ лѣсу.** СХVIII, ноябрь, 1091.
- Убитый крокодилъ.** СХVIII, ноябрь, 681.
- Хижина туземца.** СХVIII, октябрь, 277.
- Яванецъ и яванка.** СХVIII, октябрь, 266.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРЬ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

Богословіе.

Николаи, П. Можетъ ли современный, образованный, мыслящій человекъ вѣрить въ Божество Иисуса Христа. Спб. 1909. Ц. 15 к. | Пфлейдереръ, О. Возникновеніе христіанства. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Философія, психологія, логика.

Гуссерль, Э. Логическія изслѣдованія. Ч. I. Прологомены въ чистой логикѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к. | Основы Упанишадъ. Сборникъ выдержекъ афоризмовъ, изреченій, текстовъ изъ «Упанишадъ», священныхъ индусскихъ книгъ. Спб. 1909. Ц. 85 к.
Джемсъ, В. Прогнанизмъ. Новое изданіе для нѣкоторыхъ старыхъ методовъ мышленія. Популярныя лекціи по философіи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к. | Оствальдъ, В. Очеркъ ватуръ-философіи. Спб. 1909. Ц. 70 к.
Ивановскій, В. Ассоціационизмъ психологическій и гносеологическій. Историко-критическое изслѣдованіе. Ч. I-я. Казань. 1909. Ц. 2 р. | Почему Толстой не понимаетъ Христа. Сергеевъ посадъ. 1909. Ц. 10 к.
Ницше, Ф. Полное собраніе сочиненій. Т. 2. Несовременныя размышленія. М. 1909. Ц. 3 р. | Толстой, Л. На каждый день ученіе о жизни, изложенное въ изреченіяхъ, взятыхъ у мыслителей разныхъ странъ и разныхъ вѣковъ. Августъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
Фалькенбергъ, Р. Исторія новой философіи. Москва. 1909. Ц. 3 р. 75 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- Буховъ, А. Критическіе штрихи. Казань. 1909. Ц. 10 к.
 Ивановъ-Разумникъ. Литература и общественность. Сборникъ статей. Ч. I. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 — Обь интеллигенціи. Что такое махаевщина. Спб. 1909. Ц. 80 к.
 Ксимиловъ, Г. Обзоръ исторіи современной японской литературы 1868—1906. Хабаровскъ. 1909. Ц. 1 р.
 Кульманъ, Н. «Ганцъ Кюхельгартенъ» Гоголя и Луиза Фосса. Спб. 1909. Ц. 15 к.
 — Душевная драма Гоголя. Ц. 5 к.
 Липовскій, А. Итоги русской литературы XVIII вѣка. М. 1909. Ц. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Альманахи издательства «Шиповникъ». Книга XI. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Алферовъ, С. Слѣпой мастеръ. Разсказъ изъ жизни слѣпыхъ. Спб. 1909. Ц. 3 к.
 — Божье дѣло. Ц. 5 к.
 — Въ училищѣ. Ц. 5 к.
 Андреевъ, Л. Анатѣма. Трагедія. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Виванти, А. Марионъ. Кафепантанная пѣвица. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Гамсунъ, К. Собраніе сочиненій. Т. 4 и 8. Спб. 1909. Ц. по 1 р. 25 к.
 Гнѣдичъ, П. Песни мухи. Изъ записокъ моего соседа Скалопендрова. Томъ 2. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Грубинскій, В. Ночь. Драма въ двухъ картинахъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
 Желъзнякъ, С. Разсказы. Саратовъ. 1909. Ц. 1 р.
 Зачиняевъ, А. Апокрифы. Духовные стихи. Легенды. Спб. 1909. Ц. 45 к.
 Караскевичъ, С. Повѣсти и разсказы. Т. 2. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Кольцовъ, А. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ примѣчаніями А. Г. Лященко. Изданіе Императорской Академіи наукъ. Изд. 2. Спб. 1909. Ц. 60 к., въ пер. 85 к.
 Косаткинъ-Ростовскій, Ф. Пьесы. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Лазари-де, Н. Любовь человека. Разсказы. Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Лендеръ, Н. Разсказы путника. Изд. 2-е. А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Манъ, Г. Голосъ крови. Романъ. М. 1909. Ц. 30 к.
 — Полное собраніе сочиненій. Т. 2. Милевра. М. 1909. Ц. 1 р.
 Маргеритъ, В. Местъ. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Монтекальво, герцогиня. Чары Востока. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Мопассанъ, Гюи. Полное собраніе сочиненій. Т. 7-й. Мадемуазель Фифи и другіе разсказы. Спб. 1909. Ц. 20 к.
 Нивинъ. Поэтическая фантазія и стихотворенія. Одесса. 1909. Ц. 75 к.
 Нѣмовскій, А. Собраніе сочиненій. Т. 1. Легенды. М. 1909. Ц. 1 р.
 Олигеръ, Н. Разсказы. Томъ 3. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Пржевалинскій, В. Красный звѣрь. Разсказы. Кн. 2. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Шишобшевскій, С. Полное собраніе сочиненій. Т. 9-й. День судный. М. 1909. Ц. 2 р.
 Родіоновъ, И. Наше преступленіе. Не бредъ, а быль. Изъ современной народной жизни. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
 Семья Беренжовыхъ. Драма въ 4 д. 5 картинахъ, перел. Ф. Е. Захаровымъ изъ романа «Обрывъ» И. А. Гончарова. Кишиневъ. 1909. Ц. 75 к.
 Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Та и другая. Романъ изъ жизни современныхъ дѣльцовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Швоб., М. Книга монеллы. Спб. 1909. Ц. 80 к.
 Шоу, Б. Полное собраніе сочиненій Т. 1-й. Справочникъ разрушителя. Цезарь и Клеопатра. М. 1909. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- Ардашевъ, П. Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи. Проф. М. Н. Петрова. Т. 5. Ч. I. Спб. 1909. Ц. 1 р. 40 к. Т. 5. Ч. 2. 1 р. 60 к.
 — Разборъ книги А. Ону. Выборы 1789 года во Франціи и наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соответствія истинному настроенію страны. Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Исторія Римской республики по Моммсену. Вып. 1-й. М. 1909. Ц. 2 р.
 Кораблевъ, В. Изъ культурной исторіи Албаніи. Спб. 1909. Ц. 25 к.
 Красноженъ, М. Профессоръ Алексѣй Степановичъ Павловъ. Его біографія и ученостературная дѣятельность. Юрьевъ. 1909. Ц. 30 к.
 Кулаковскій, Ю. Римское государство и его армія въ ихъ взаимоотношеніи и историческомъ развитіи. Спб. 1909. Ц. 30 к.
 Назаревскій, В. Русская исторія. Т. 4. М. 1909. Ц. 75 к.
 Нелидовъ, Ф. Западники 40-хъ годовъ: Н. В. Станкевичъ, В. Г. Вѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и др. Вып. 2. М. 1909. Ц. 1 р.
 Павловъ-Сильванскій, Н. Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

- Плехановъ, Г. Н. Г.** Чернышевскій. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Рыбкинъ, Х.** Евреи въ Смоленскѣ. Очеркъ по исторіи еврейскихъ поселеній въ Смоленскѣ съ древнѣйшихъ временъ, въ связи съ общимъ положеніемъ евреевъ въ древней Руси. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Шурцъ, Г.** Исторія первобытной культуры. Спб. 1909. Цѣна въ переплетѣ 3 р. 60 к.
- Сборникъ въ память А. А. Кочубинскаго,** изданный Историко-Филологическимъ Обществомъ при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Одесса. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Труды Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Т. I. Документы Сѣверной войны. Полтавскій періодъ.** Спб. 1909. Ц. 3 р.
- 2-й Сѣверная война. Кампанія 1708—1709 г. Ц. 3 р.
- Томъ 3-й. Ц. 3 р. Томъ 4-й. Ц. 3 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

- Аксановъ, Н. и Шараловъ, С.** Германія и Славянство. М. 1909. Ц. 20 к.
- Александровскій, Ю.** Положеніе о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ. Законодательныя мотивы и постатейныя разъясненія. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Аничковъ, Е.** Реализмъ и новыя вѣянія. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Базаровъ, В.** На два фронта. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Баръ, Ф.** Коренное преобразованіе крестьянскаго хозяйства и общиннаго землевладѣнія. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Бруцкусъ, Б.** Землеустройство и расселеніе за границей и въ Россіи.
- Витчевскій, В.** Торговая, таможенная и промышленная политика Россіи современъ Петра Великаго до нашихъ дней. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Гензель, П.** Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ. М. 1909. Ц. 2 р.
- Георгіевскій, П., проф.** Вопросы дня. Выпускъ I. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Гессенъ, В.** Подданство, его установленіе и превращеніе. Томъ 1-й. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Довнаръ-Запольскій, М.** Исслѣдованія и статьи. Томъ 1-й. Кіевъ. 1909. Ц. 3 р.
- Исаевъ, А.** Мировое хозяйство. Спб. 1909. Ц. 3 руб.
- Наменскій, П.** Вѣроисповѣдныя и церковныя вопросы въ Государственной Думѣ третьяго созыва и отношеніе къ нимъ «Союзъ 17 октября». М. 1909. Ц. 50 к.
- Врачеваніе бѣдности. Ч. I. М. 1909. Ц. 50 к.
- Значеніе торгово-промышленныхъ протестовъ на Западѣ у насъ. М. 1909. Ц. 40 к.
- Науфманъ, А.** Теорія статистики. М. 1909. Ц. 2 р.
- Коронованный узникъ. Изъ тайнъ Ильдизъ-Кіоска. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Новалевскій, М.** Соціологія. Т. I-й. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Кореневскій, П.** Крестьянскій «Генрихъ Влокъ». Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Красноженъ, М.** Исторія образованія ваническаго кодекса Греческой церкви отъ начала его возникновенія до эпохи введенія на Русь христіанства. Юрьевъ. 1901. Ц. 30 к.
- Новѣйшее законодательство по дѣламъ православной Русской церкви. Юрьевъ. 1909. Ц. 60 к.
- Липранди, А.** Инородскій вопросъ и наши окраины. Харьковъ. 1909. Ц. 40 к.
- Мачинскій, В.** О чедовѣческой культурѣ. Эскизъ соціологіи. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Пальгуновъ, Н. и Булатовъ, П.** Сборникъ законоположеній о пенсіонныхъ правахъ лицъ гражданскаго медицинскаго вѣдомства. Спб. 1909. П. 1 р. 50 к.
- Пильцъ, Э.** Русская политика въ Польнѣ. Варшава. 1909. Ц. 75 к.
- Плевако, Ѳ.** Рѣчи. Т. I. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Португаловъ, О.** Мужичья преступность. Саратовъ. 1907. Ц. 15 к.
- Пругавинъ, А.** Расколъ вверху. Очерки религиозныхъ исканій въ привилегированной средѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Рейснеръ, М.** Духовная политика въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Рогойскій, В.** Наибольше назрѣвшія и необходимыя поведлы по гражданскому праву. Спб. 1909. Ц. 45 к.
- Ротенбергъ, Л.** Полный сводъ рѣшеній Общаго Собранія Перваго и Кассационнаго департаментовъ и Кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Съ подробными предметнымъ, алфавитнымъ и постатейнымъ указателями за 1886—1896 гг. Томъ 3-й. Екатеринбургъ. 1909. Ц. 5 р.
- Саловъ, В.** Земледѣліе—главная основа благосостоянія Россіи. Сравнительный очеркъ состоянія земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и въ Россіи по новѣйшимъ даннымъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Сементковскій, Р.** Современная Россія. Записки Японца. Спб. Ц. 75 к.
- Снигиревъ, Н. О.** смыслѣ. Опытъ изслѣдованія приемовъ, способовъ и средствъ къ раскрытію истины происшествій. Касимовъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Созоновъ, Л.** Обжалованіе приговоровъ военныхъ судовъ въ кассационномъ порядкѣ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Тютрюмовъ, И.** Уставъ гражданскаго судопроизводства. Изд. 2-е, допол. Спб. 1909. Ц. 7 р. 50 к.
- Хлѣбородъ, Ф.** Объединеніе славянъ—за логъ всесвѣтнаго мира. Х. 1909. Ц. 1 р.

Искусство.

- Вагнеръ, Р. Эскиз драмы-мистеріи «Парсифаль» въ переводѣ и съ предисловіемъ Вистора Коломійцова. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ. Сезонъ 1907—08 гг. Ц. 4 р.
- Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ. Выпускъ 3. 1909. П. 1 р.
- Императорская Академія Художествъ. Галлерей графа Н. А. Кушелева-Безбородко. Текстъ М. М. Далькевича. Выпускъ 3-й. Спб. 1909. Ц. 20 р.
- Маювскій, С. Страница художественной критики. Книга первая. Художественное творчество современнаго Запада. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Московская Городская Художественная Галлерей П. и С. Третьяковыхъ. Редакція и пояснительный текстъ И. С. Остроумова. Выпуски 37 и 38. М. 1909. Ц. 4 р.
- Русскіе мужики. Картины художника П. Орлова, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Естествознаніе и математика.

- Бельше, В. Монизмъ. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Гюнтеръ, З. Исторія естествознанія въ древности и средніе вѣка. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Дарзанъ, Ж. Начатки химіи. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Еленкинъ, А. Флора мховъ Средней Россіи. 1-я общая часть. Юрьевъ. Спб. Ц. 3 р.
- Келлеръ, К. Естественная исторія домашнихъ животныхъ. М. 1909. Ц. 2 р.
- Лассаръ-Монъ. Химія въ обыденной жизни. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Махъ, Э. Популярно-научные очерки. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Мережковский, К. Конспективный курсъ споровыхъ растений. Ч. 1 и 2. Казань. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Половцевъ, В. Практическія занятія по ботаникѣ. М. 1909. Ц. 35 к.
- Страсбургеръ, Э. Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. М. 1909. Ц. 4 р.
- Фанъ-деръ-Флитъ, А. Краткій курсъ дифференціального и интегрального исчисленій. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Фогель, Р. Курсъ сферической астрономіи. Кіевъ. 1909. Ц. 4 р.
- Шарвинъ, В. Использование азота воздуха. М. 1909. Ц. 15 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- Войновъ, А. Людность селеній Европейской Россіи и Западной Сибири. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Человѣкъ и вода: способы пользованія водою и ихъ географическое распредѣленіе. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Географическій словарь Россіи. Подъ редакціей Д. И. Рихтера. Выпускъ 2. Бабица—Вольшія соли Спб. 1909. Ц. 35 к.
- Звягинъ, К. Абиссинія. М. 1900. Ц. 10 к.
- Кукъ, Ф. и Пири, Р. Открытіе таинственнаго полюса. М. 1909. Ц. 1 р.
- Львовъ, В. Новая земля, ея природа, животный міръ, промыслы и населеніе. М. 1909. Ц. 30 к.
- Филатовъ, П. Письма изъ Персіи. Одесса. 1909. Ц. 75 к.

Языковѣдніе.

- Пенарскій, Э. Словарь якутскаго языка. Вып. 2-ой. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Бутневичъ, В. Современное положеніе вопроса объ использовании азота атмосферы въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ. М. 1909. Ц. 50 к.
- Веберъ, К. Правильная постановка молочнаго скотоводства. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Вегетарианна. «Нѣчто о вегетарианствѣ». Спб. Ц. 60 к.
- Голубицкій, С. Промысловое мясо—пуховое кролиководство. М. 1909. Ц. 25 к.
- Его же. Промысловое мясо—мѣховое кролиководство. М. 1909. Ц. 25 к.
- Колосовъ, С. Въ погонѣ за сельско-хозяйственными знаніями. (Изъ воспоминаній народнаго учителя 70—80 годовъ). Гжатскъ. 1909. Ц. 25 к.
- Орлова, О. Естественный и искусственный выводъ штенцовъ. Боровенка. 1909. Ц. 30 к.
- Пашневичъ, В. Обзоръ плодовъ IV очередной выставки-ярмарки плододовства въ Спб. въ 1908 году. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Широкихъ, И. Очерки міроваго производства пшеницы. Спб. 1909. Ц. 35 к.

Торговля и промышленность.

- Вейцманъ, Р. Курсъ счетоводства. Двойная бухгалтерія въ ея примѣненіи къ различнымъ видамъ хозяйства. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Первый Всероссийскій Съездъ бухгалтеровъ. Институтъ бухгалтеровъ въ Россіи. Соціальная секція. Открытіе и закрытіе съезда. М. 1909. Ц. 1 р.
- Поповъ, В. «Ухта» въ нефтяныхъ ея богатствахъ на сѣверѣ Россіи. Вологда. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Руммель, Ю. Докладъ о морской перевозкѣ донецкаго каменнаго угля въ порты Балтійскаго моря. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Фертнеръ, Ф. Нуженъ ли донецкой угольной промышленности синдикатъ? Харьковъ. 1909. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

- Балдинъ, С. Воздухоплавательные двигатели. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Бачмановъ, С. Поликатный ремонтъ пути. Вильна. 1909. Ц. 75 к.
- Критскій, М. Телефонное дѣло. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Къ вопросу объ этажномъ отопленіи теплою водою. Харьковъ. 1909. Ц. 25 к.
- Леласе, Л. и Маркъ, Р. Проблема воздухоплавания. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Описание пассажирскаго полутанкового паровоза 0³/₄ осей сист. 4-хъ цилиндровой компаундъ съ перегрѣвателемъ въ дымогарныхъ трубахъ сист. Шмидта, Х. 1909. Ц. 30 к.
- Очеркъ проектовъ желѣзнодорожнаго строительства въ Сибири. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Орловскіе, Н. А. и П. А. Практическое руководство къ обращенію съ двухколесными моторами новѣйшаго типа. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Разборная модель двигателя Дизеля и 60 разъемныхъ частей, въ краскахъ Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Румплеръ, Е. Въ царствѣ воздуха. Аэропланы. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Рюминъ, В. Кустарное окрашивание кожи въ различные свѣтлые и темные цвѣта Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Селивановъ, Б. и Смирновъ, С. Конспективный курсъ термодинамики и собраніе задачъ съ приложеніемъ подробныхъ рѣшеній. Спб. 1909. Ц. 1 р. 40 к.
- Стабинскій, П. Школа молодого электротехника. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Стори, В. 75 проектовъ домовъ, дачъ, садовыхъ бесѣдокъ, оградъ, палисадниковъ, купаленъ и др. служебныхъ построекъ съ указаніями, справочными таблицами и смѣтами. Изд. 2. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Труфонова, Т. Самоучитель кройки дамскаго и дѣтскаго платья по методу Ворта. Харьковъ. 1909. Цѣна съ альбомомъ выкроекъ 1 р. 75 к.
- Филипповъ, Д. О примѣненіи двигателей внутреннего сгорания въ торговомъ и военномъ флотѣ Россіи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Фроловъ, А. Сооруженіе Астраханской линіи въ легучихъ барханыхъ пескахъ и мѣры борьбы съ ними. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Чемпиовскій, А. Домашній парфюмеръ Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Шминне, Н. Домашнее пивовареніе. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Шнаусъ, Г. Художественная отдѣлка фотографій. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Вестермаркъ, Э. Половые вопросы. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Жунъ, В. Свѣтъ-цѣлитель (свѣтолеченіе). Ч. 1-я. Одесса. 1909. Ц. 1 р. 60 к.
- Кобертъ, Р. Учебникъ фармакотерапіи. 1 полутомъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Ковалевскій, П., проф. Психологія пола. Половое безсиліе и другія половыя извращенія и ихъ леченіе. Изд. 3-е, допол. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Конспектъ по фармакологіи. М. 1909. Ц. 75 к.
- Кульчицкій, Н. Ученіе о микроскопѣ и техника микроскопическаго изслѣдованія. Харьковъ. 1909. Ц. 2 р.
- Самборскій, С. Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

- Бѣломоръ, А. Изъ Русско-Японской войны. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Калнинъ, Э. Генеральный штабъ и его специальность. Одесса. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Яковлевъ, В. Мысли артиллериста о современныхъ полевыхъ орудіяхъ. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Альмедингенъ, А. Начальный курсъ химіи. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 — Товаровѣдніе. Учебникъ для торговыхъ школъ. Часть 2-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Бэтсъ, Д. Постановка голоса у дѣтей. Спб. 1909. Ц. 50 к.
 Богдановъ-Березовскій, М. Какъ жилъ, работалъ и умеръ другъ глухонемыхъ Иванъ Карловичъ Мердеръ. Спб. 1909. Ц. 20 к.
 — Неговорящія и плохо говорящія дѣти въ интеллектуальномъ и рѣчевомъ отношеніи. Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Вопросы и нужды учителя. Третій сборникъ статей и справокъ. Ред. Е. А. Звягинцевъ. М. 1909. Ц. 10 к.
 Георгіевскій, П. О реформѣ университетовъ въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 30 к.
 Изъ родной литературы. Младшій возрастъ. Часть 2-я. М. 1909. Ц. 90 к.
 Кочергинъ, И. Пособіе къ грамматическому разбору. Казань. 1909. Ц. 5 к.
 Красноженъ, М. Университетскій вопросъ. Юрьевъ. 1909. Ц. 40 к.
 Ловягинъ, А. Очерки отечественнаго и сравнительной географіи. Вып. 2. Спб. 1909. Ц. 75 к.
 Любченко, Д. Народное образованіе и школьскія общества у чеховъ. М. 1909. Ц. 1 р.
 Мироновъ, Н. Родникъ. Книга для чтенія въ классѣ и дома. М. 1909. Ц. 1 р. 30 к.
 Новый приемъ усвоенія корней съ буквою Ъ. Казань. 1909. Ц. 15 к.
 {Premières notions de français à l'usage de russes par X. T. Cours préparatoire. Спб. 1909. Ц. 70 сор.
 Райковъ, Б. Практическія занятія по зоологіи для начинающихъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 30 к.
 Роу, С. Геометрическія упражненія съ кускомъ бумаги. Одесса. 1909. Ц. 90 к.
 Сахаровъ А. Арметика, опытъ методическаго изложенія предмета. Изд. 2. Спб. 1909. Ц. 70 к.
 Томашевичъ, В. Учебникъ законовѣднія для военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Вып. 2-ой. Курсъ старшаго возраста. Спб. 1909. Ц. 2 р.
 Федоровъ, А. Высшее коммерческое образованіе. Одесса. 1909. Ц. 20 к.
 Федотьевъ, П. Учебникъ товаровѣднія. Спб. 1909. Ц. 2 р.
 Чемолосовъ, С. Прямолинейная тригонометрія. Изд. 3. Кіевъ. 1909. Ц. 90 к.
 Шельцель К. Русская азбука. Учебникъ, примѣненный къ обученію русскому языку въ инородческихъ школахъ. Одесса. 1909. Ц. 25 к.
 Шереметевскій В. Статьи по методикѣ начальнаго преподаванія русскаго языка. М. 1909. Ц. 70 к.
 Шидловскій, В. Курсъ прямолинейной тригонометріи, приспособленный къ первоначальному ознакомленію съ этимъ предметомъ; съ краткимъ историческимъ очеркомъ тригонометріи. Спб. 1909. Ц. 90 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- Аверьянова, Е. Книги Пустъ. Маленькое чудовище. Разказы для дѣтей средняго возраста. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 — Иринкино счастье. Повѣсть для дѣтей. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Ниплингъ, Р. Отъ моря до моря. Путевые очерки по Индіи, Вирмѣ, Китаю, Японіи и Америкѣ. М. 1909. Ц. 60 к.
 Немировичъ-Данченко, В. Царица Тамара, романъ изъ кавказской войны. Для старшаго возраста. М. 1909. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

Спортъ, охота и игры.

- Ганнокъ, И. Дзю-Джитсу. Японская наука о здоровомъ человѣкѣ. Методическое укрѣпленіе тѣла и атлетическіе приемы Японцевъ. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Кохъ, Я. Самоучитель французской борьбы. Полное руководство французской или греко-римской борьбы и атлетики. Спб. 1909. Ц. 75 к.
 Таушевъ, А. Физическое развитіе. Руководство къ атлетическимъ упражненіямъ. Спб. 1909. Ц. 35 к.
 Штольцъ, А. Силачъ. Самоучитель къ развитію силы и мускуловъ. Упраженія съ гириями и приборами. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Справочныя книги.

- Юдно, О. Иллюстрированный путеводитель. Справочная и записная книжка гор. Спб. и его окрестностей съ приложеніемъ плана Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Кирюшинъ, Е. Умноженіе и дѣленіе при помощи особыхъ таблицъ. Простой способъ быстраго вычисленія на счетахъ и на бумагѣ. М. 1909. Ц. 50 к.

Образцы дѣловыхъ бумагъ Серія I-я. Объявленія и прочія бумаги, совершаемыя при выдачахъ ссудъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, по специальнымъ текущимъ счетамъ, обезпеченнымъ залогомъ зерновыхъ товаровъ. Таганрогъ. 1909. Ц. 50 к.

Сельскій и деревенскій календарь Н. Горбунова-Посадова на 1910 годъ. Ц. 20 к.
Спутникъ по Красной Полянѣ Черногорской губерніи и ея окрестностямъ съ картою. Владикавказъ. 1909. Ц. 50 к.
Спутникъ по Россіи. Изданіе Н. Киммеля Зимній 1909—10. Ц. 60 к.

Разныя книги.

Какъ причисляться? какъ ухаживать за своими волосами? какъ сохранить свои волосы? Сиб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Мое будущее занятіе! Практическое руководство къ выбору занятій. Журналистъ и редакторъ. Саратовъ. 1909. Ц. 15 к.

Періодическія изданія.

«Воздухоплаватель». № 9. 1909 г. Ц. 50 к.
«Вѣстникъ Теософіи». № 10. 1909 г. Ц. 50 к.
«Городское Дѣло». №№ 19 и 20. 1909 г. Ц. кажд. № 50 к.
«Журналъ театра Литературно-Художественнаго Общества» № 6. 1909 г. Ц. 15 к.
«Золотое Дѣтство». Журналъ для дѣтей. №№ 23 и 24. 1909 г. Ц. кажд. № 20 к.
«Маякъ». Журналъ № 8. Ц. 40 к.
«Московскій Еженедѣльникъ». №№ 39, 40 и 41. 1909 г. Ц. кажд. № 15 к.
«Наша охота». Журналъ. Сентябрь. 1909 г. Ц. 60 к.
«Окраины Россіи». №№ 40, 41 и 42. 1909 г. Ц. кажд. № 10 к.

«Оса». Юмористическій журналъ. №№ 18, 19 и 20. 1909 г. Ц. кажд. № 10 к.
«Свободное Воспитаніе». № 12. 1909 г. Ц. 25 к.
«Свѣтлый Лучъ». Журналъ. № 9. 1909 г. Ц. 1 р.
«Театръ и Искусство». №№ 40, 41 и 42. 1909 г. Ц. кажд. № 20
«Хуторъ». Ежемѣсячный сельско-хозяйственный журналъ. № 10. 1909 г. Ц. 30 к.
«Экономистъ Россіи» №№ 34, 35 и 36. 1909 г. Ц. кажд. № 15 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА
ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ
(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за **четыре большихъ тома** съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей.** Въ переплетѣ **36** рублей. Пересылка по разстоянію.

Продолжается подписка на 1910 г.

на издающійся въ Петербургѣ, Стремянная, 6,

литературно-научный, общественный, толстый журналъ

ОДОБРЕННЫЙ для библиотекъ военно-учебныхъ заведеній

„СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ“

3-й годъ изданія.

Цѣна за 12 книгъ, объемомъ отъ 15 до 25 печатныхъ листовъ, въ годъ—6 р., $\frac{1}{2}$ года 3 р., три мѣсяца—1 р., 50 к. за границу въ годъ—8 р., $\frac{1}{2}$ года—5 р. съ доставкой и пересылкой. Подписной годъ съ 1-го января. Подписка принимается въ конторѣ журнала: СПБ. Стремянная 6, кв. 9 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При подпискѣ служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ на 10 экземпляровъ журнала одиннадцатый высылается бесплатно и допускается, за подписью гг. казначеевъ, разсрочка платежа на 12 мѣсяцевъ, т. е. по 5 р. въ мѣсяць.

Интересная и разнообразная программа „СВѢТЛАГО ЛУЧА“, которую предполагается расширить въ ближайшемъ будущемъ, обнимаетъ собою всѣ движенія русской общественной жизни: литературное, политическое, церковное, школьное, научное и т. д.

Всѣмъ сочувствующимъ хорошему русскому дѣлу изданіямъ предлагаемъ обмѣнъ объявленіями и изданіями; всѣмъ же лицамъ, раздѣляющимъ наши взгляды на печатное слово, къ какимъ бы партіямъ они ни принадлежали, предлагаемъ сотрудничество въ „СВѢТЛОМЪ ЛУЧѢ“.

СПБ. Стремянная, 6.

Редакторъ-Издательница Е. УМАНЕЦЪ.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1910 г.
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА

XXVI ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОД-
ПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

50 №№ ЖУРНАЛА содержащихъ интересный и увлекательный материалъ для чтенія, всегда обильно иллюстрированы. Множество различныхъ отдѣловъ. Въ теченіе года — рядъ конкурсныхъ задачъ на дѣтныя книжныя преміи.
Основные отдѣлы журнала:
ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ, ЭТНОГРАФІЯ, ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

14 КНИГЪ ВЕЛИКОЛѢПНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ современнаго итальянскаго писателя, талантливаго послѣдователя школы Жюль Верна
ЭМИЛІО САЛЬГАРИ.

СОДЕРЖАНІЕ: ВЛАДЫКА МОРЕЙ. Картины жизни Индійскаго океана. — ЧЕЛО-ВѢКЪ ОГНЯ. Исторія появленія первыхъ европейцевъ въ Брази-лію и ихъ столкновенія съ туземцами. — СОКРОВИЩЕ ГОЛУБЫХЪ ГОРЪ. Мор-ская жизнь и экзотическая природа. — ВЪ ДЕБРЯХЪ АТЛАСА. Охота, приключенія и природа невѣдомаго уголка Сѣверной Африки. — НА ДАЛЬНЕМЪ ЗАПАДѢ. Борьба бѣлыхъ съ краснокожими въ Сѣверной Америкѣ. КАПИТАНЪ УРАНАТЪ. Историче-скій романъ эпохи борьбы Венеціи съ турками. — ОХОТНИЦА ЗА СКАЛЬПАМИ. Природа, охота и приключенія среди индейцевъ.

10 КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ современнаго амери-канскаго писателя, единственнаго въ своемъ родѣ художника-бытописателя животнаго міра, создавшаго цѣлый рядъ послѣдователей и подражателей
ЭРНЕСТА ТОМПСОНА-СЭТОНА.

обильно и прекрасно иллюстрированныхъ самимъ авторомъ.
СОДЕРЖАНІЕ: ЮНЫЕ ДИКАРИ. Жизнь двухъ подростковъ въ дѣсу. — МОИ ДИКІЕ ЗНАКОМЫЕ. Разказы. — БІОГРАФІЯ СЕРЕБРИСТОЙ ЛИСИЦЫ. — ЖИВОТНЫЯ-ГЕРОИ. Разказы. — БІОГРАФІЯ ГРИЗЛИ. — ПО СЛѢ-ДАМЪ ОЛЕНЯ. — МОНАРХЪ — большой талакейскій медвѣдь. — ИЗЪ ЖИЗНИ ГОНИ-МЫХЪ. Разказы. И т. д.

ОСОБОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ 1910 г.

Полный практическій и общедоступный самоучитель и хрестоматія вспомогательнаго **ЭСПЕРАНТО,** ЯЗЫКА изучить который можно въ 2—4 недѣли, и зна-ніе котораго можетъ замѣнить для людей, не влавающихъ иностранными язы-ками, всѣ языки міра, открывая возможность широкаго общенія съ огромной арміей эсперантистовъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

Кромѣ того, съ прилаганіемъ одного рубля подписчики получаютъ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ

12 выпусковъ ОБЩЕДОСТУПНОЙ ЗООЛОГИИ и известнаго англійскаго натуралиста Чарльса Корниша:
МІРЪ ЖИВОТНЫХЪ
ВЪ ФОТОГРАФІЯХЪ СЪ НАТУРЫ (птицы, рыбы, насекомыя и всѣ низшія), содержащей текстъ и нѣсколько сотъ фотографій. Это въ высшей степени содержательное сочиненіе необходимо для каждой семьи и школы, для каждаго любителя природы.

Цѣна на годъ съ пересыл-
кой и доставкой

4 рубля
безъ альбома
„Міръ живот-
ныхъ въ фот. съ
натуръ“.

Допускается разсрочка:
цѣна подпискѣ 2 р.,
1 апрѣля 2 р., 1 июля 1 р.
Адресъ конторы журнала
„Вокругъ Свѣта“.
Москва, Тверская улица, домъ
Т-ва И. Д. Сытина.
Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна на годъ съ пересыл-
кой и доставкой

5 рублей
съ альбомомъ
„Міръ живот-
ныхъ въ фот.
съ натуръ“.

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложений, под-
писчики получаютъ по одной книгѣ, всего въ годъ 52 книги.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1910 ГОДЪ
(41-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстриро-
ванный

ЖУРНАЛЪ
со многими приложениями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1910 года:

52 №№ еженедѣльнаго худо-
жественно-литературнаго журнала
„НИВА“: романы, повѣсти и рассказы;
снимки съ картинъ, рисунки, фото-
студы и иллюстраціи современныхъ событий.

52 книги, отпечатанныя убо-
ристымъ четкимъ
шрифтомъ, въ со-
ставъ которыхъ войдетъ:

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“:
романы, повѣсти, рассказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ
съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и игръ.

ПОЛНОГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫЯ

18 книгъ **А. В. ПИСЕМСКАГО.**

Всѣхъ явленій русской жизни, всѣхъ классовъ общества коснулся Писемскій своимъ
живымъ, мощнымъ перомъ. Восемьсотъ лицъ (по счету самого Писемскаго), выведенныхъ
имъ въ романахъ и повѣстяхъ, представляютъ все, что было и что есть яркаго и самобытнаго
во всѣхъ слояхъ русской жизни. Въ каждомъ его правдивомъ словѣ чувствуется
неопровержимый здравый смыслъ и крѣпкое, непоколебимое національное чувство.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ въ

4 кни-
гахъ **ВСЕВ. М. ГАРШИНА.**

Гаршинъ впиталъ въ себя и съ глубокой страстностью выразилъ въ своихъ произве-
деніяхъ весь культъ лучшей части того поколѣнія, съ которымъ онъ выросъ. Герои Гар-
шина—дѣйствительно герои: у нихъ огромные духовные запросы, они презираютъ личное
счастье, ищутъ жертвъ. Въ произведеніяхъ его преобладаютъ картины, чувства, идеи, сим-
волы, поэмы въ прозѣ. Самъ Гаршинъ—стихотвореніе въ прозѣ русской литературы.

Большой мастеръ слова, онъ достигаетъ поразительныхъ эффектовъ однимъ тонкимъ
штрихомъ, одной характерной подробностью. Но на ряду съ этой простотой техники, у Гар-
шина есть рѣдкая способность комбинировать положенія, полная потрясающаго внутренняго
трагизма.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ въ

18 кни-
гахъ **КНУТА ГАМСУНА.**

Мы остановили свой выборъ на К. Гамсунѣ потому, что имя его теперь на устахъ всего
читающаго мира. Пришелъ онъ съ далекаго сѣвера, откуда льется теперь столько душевнаго
тепла и свѣта на весь мѣръ,—пришелъ къ намъ могучій, полный чарующихъ образовъ, мис-
терій, весенняго бреда, страстныхъ легендъ; онъ чутко подслушалъ голоса жизни, загля-
нулъ въ сокровенныя глубины человѣческой души, раскрылъ намъ великую книгу любви...

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“. До
23) столбцовъ текста и 300 модныхъ
гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для
отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300)
для рукодѣльи, и выпилъи, работу и
выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ
въ натуральн. величину.

1 „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1910 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:

въ С.-Пе-) безъ доставки . . . 6 р. 50 к.
тербургѣ:) съ доставкой . . . 7 р. 50 к.

Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печков-
ской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз.
„Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣста **8** р.
Россіи.
За границу—12 р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока. ■
Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовые и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

